

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1882

Годъ тринадцатый.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 1

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА съ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Январь 2 Января 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. пис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 25 к. съ перес. 30 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое издание „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „НИВЫ“ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, домъ Петровскихъ Торгъ в. линіи	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	6 р.
--------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 3 руб., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб. На четверть года безъ доставки 1 руб., съ доставкою 1 руб. 50 коп., съ пересылкою иногороднымъ 1 руб. 50 коп.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльное приложение съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 23 узора для малороссійскихъ костюмовъ, печатанныхъ двумя красками.

При этомъ № прилагается календарь на 1882 годъ, печатанный двумя красками.

Сторонись дѣдушка!.. Новый годъ ѣдетъ!.. Оригин. рисун. П. Каразина, грав. Библицтена "Руниверс"

На новый годъ.

(Рисунки на стр. 1 и 9).

Новый годъ! Сколько тревогъ, ожиданій, сколько раздумья передъ грядущимъ! Бьетъ полночь, поднимаются бокалы, въ ярко освѣщенныхъ, наполненныхъ гостями залахъ—начинаются пожеланія счастья, добра другъ другу! Какъ говоритъ нашъ поэтъ:

Что новый годъ — то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ, и невѣждъ—
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ,
Надежды въ сердцѣ не таятъ...
Давно ли ликовалъ народъ
И радовался мѣръ,
И начинался новый годъ
При звукахъ флейтъ и лиръ...

И вотъ уже наѣзжаетъ новый. „Берегись, сторонись дѣдушка—Новый Годъ ѣдетъ!“ кричить возница старому, уходящему

Году, уходящему со всѣми своими невзгодами, ужасами, горемъ и всѣми потрясающими событіями и да пошлетъ Господь намъ лучшей, чѣмъ этотъ, сбитый нами, годъ! Мчителъ новый годъ въ Невскую столицу, какъ его изобразилъ нашъ художникъ—на горячемъ конькѣ съ удалымъ возницей, ѣдетъ быстро, конь и безъ того несется такъ, что сѣдѣтъ кружится и носится какъ въ вихрѣ вокругъ—а конька все гонять...

Каждый по своему представляетъ себѣ явленіе новаго года, сообразно своему характеру, своему настроенію. Вотъ у другаго художника Новый годъ нисходитъ на землю такимъ милымъ, чуднымъ видѣніемъ, окруженнымъ веселыми, рѣзвыми, маленькими духами и приноситъ съ собою счастье, исполненіе желаній, конецъ горестямъ. Непременно радость приноситъ это несомѣнно благотворное видѣніе. Такое милое, чудное лицо, полное выраженія всеобъемлющей любви и кротости, не принесетъ съ собою зла, горя и страданій...

Да будетъ же такъ! Пожелаемъ же всѣмъ въ довольствѣ и радости встрѣтить наступающій Годъ!..

Подъ землею.

повѣсть.

Н. К. Лебедева (Н. Морского).

I.

Нечистый.

Надъ небольшимъ губернскимъ городомъ N, расположенномъ на правомъ, нагорномъ берегу Волги, распростерлась морозная лунная почъ. На улицахъ, застроенныхъ небольшими деревянными домиками, изрѣдка каменными, никакъ не выше двухъ этажей, не было замѣтно ни малѣйшаго движенія: нѣшходовъ почти не встрѣчалось, равно какъ и ѣздоковъ; только у обширнаго и мрачнаго зданія, именуемаго городскимъ театромъ, стояло нѣсколько извозчиковъ и помѣстительный, предназначенный вѣроятно для доставки въ театръ обширнаго семейства, возокъ, да тутъ-же, на подъѣздѣ—бесѣдовали другъ съ другомъ жандармъ и двое полицейскихъ. По мѣрѣ удаленія отъ этаго центрального мѣста—движеніе совершенно прекращалось: открывались пустынные улицы, обставленные домами съ наглухо запертыми ставнями, черезъ щели которыхъ пробивались лучи свѣта. слышались смягченные двойными рамами звуки фортепьяно и топотъ танцующихъ. Время было праздничное: только что окончилось Рождество и наступили святки.

По одной изъ наиболѣе уединенныхъ улицъ торонливо ковыляла женская фигура, съ столь неясными разграниченіями талии отъ прочихъ частей, незамѣтно сливающихся другъ съ другомъ, что въ общемъ, благодаря еще надѣтому на ней лисьему солопу, являлось совершенное подобіе шара. Ночь была лунная, свѣтлая какъ день: на улицѣ, по которой шла шарообразная женщина, царствовали полнѣйшее безмолвіе и тишина, что не мѣшало однако ковыляющей фигурѣ со страхомъ оглядываться по сторонамъ и назадъ, всякій разъ ожидая, что на нее кто-нибудь выскочитъ изъ-за угла или схватитъ ее, подкравшись, сзади. Ничего такого однако не случилось и, подгоняемая страхомъ, шарообразная женщина благополучно достигла доцѣли своего путешествія, небольшого деревяннаго флигелька, ставни котораго были плотно заперты. Оставалось только перейти улицу и, намѣреваясь это сдѣлать, задышавшая отъ быстрой ходьбы, женщина остановилась противъ флигелька, чтобы перевести духъ.

Она стояла тяжело дыша, около забора, утыканнаго бойкими остріями вверхъ, гвоздями, изъ-за которыхъ торчали голыя вѣтви деревьевъ, стояла съ пріятностью помышляя о скоромъ отдыхѣ въ тенѣ и на мягкомъ, имѣя въ перспективѣ пріятную бесѣду, чай, ужинъ и спанье. какъ вдругъ, совершенно неожиданнымъ и внезапнымъ образомъ была испугана до такой степени, что почувствовала полнѣйшую неспособность двинуться съ мѣста. слабость въ ногахъ, заставившую ее въ ужасѣ опуститься на тротуарный столбикъ. За мгновеніе ея мысли были

далеки отъ чего-нибудь способнаго причинить ей страхъ; воръ, напавшій на нее въ виду домика, противъ котораго она находилась, не лишилъ-бы ее голоса и она ужъ конечно закричала-бы благимъ матомъ, призывая на помощь, въ ожиданіи которой дерзнула-бы вступить даже въ борьбу съ грабителемъ. Но тутъ... она безъ голоса опустилась на тротуарный столбикъ, блѣднымъ лицомъ своимъ смотря на освѣщенный луною заборъ, около котораго приостановилась, чтобы перевести духъ, шепча поблѣвшими губами:

— Господи, спаси и помилуй!

Ей показалось, что прямо противъ того мѣста, у котораго она остановилась, кто-то застучалъ съ такой силой къ забору, что онъ потрясся, а затѣмъ мусоръ посыпался съ неимоверною продолжительностью. Точно тамъ, за этимъ заборомъ, какимъ-нибудь ломомъ долбили или проламывали каменную стѣну. Въ такомъ-то мѣстѣ! И вторично въ ужасѣ старушка прошептала:

— Господи, спаси и помилуй!

Стукъ за заборомъ смолкъ. Въ концѣ улицы показалось что-то темное, раздался скрипъ полозьевъ и поусыкиваніе лошаденки. Ёдуціе сани быстро приближались къ тому мѣсту, гдѣ все еще сидѣла напуганная путешественница, и наконецъ поровнялась съ нею и тихо миновала ее. Въ саняхъ сидѣли закутанные мужчина съ дамой, и на колѣняхъ у нихъ мальчикъ и дѣвочка. Мужчина съ дамой о чемъ-то разговаривали, но поровнявшись съ недвижно сидящею старухой, смолкли и только уже нѣсколько отѣхавъ, заговорили снова. Появленіе этихъ живыхъ существъ какъ-бы влило нѣкоторую бодрость въ испуганную женщину и возвратило ей силы. Она быстро поднялась со столбика и не оглядываясь назадъ, на страшный почему-то для нея заборъ, перебѣжала черезъ улицу и прильнувъ глазомъ къ щелочкѣ ставни одного изъ трехъ оконъ флигелька, черезъ которую видѣнь былъ свѣтъ, стремительно застучала.

Въ щель ей видѣлась часть небольшой комнатки съ окрашенными голубою масляною краскою стѣнами, съ огромными стѣнными часами съ желтымъ, какъ какой-нибудь татъ двигающимся взадъ и впередъ, мѣднымъ маятникомъ и пожелтѣвшимъ отъ времени циферблатомъ съ нарисованнымъ на немъ букетомъ брусничныхъ розъ и голубыхъ незабудокъ. Прямо противъ щели, спиною къ окнамъ, на какой-то подушкѣ, положенной на полъ, сидѣла женская фигура, смотря въ зеркало, освѣщенное двумя сильно нагорѣвшими салными свѣчами. Стукъ въ ставни повидимому не испугалъ смотрящую въ зеркало женщину, хотя былъ совершенно неожиданнымъ и раздался въ то время, когда вниманіе ея было устремлено

на разсматриваніе рисующихся утомленныхъ глазамъ туманно-облачныхъ пятенъ самой неопредѣленной формы, являющихся въ концѣ перспективы, многократно отраженныхъ двумя зеркалами свѣчей. При внезапномъ стукѣ гадающая не выронила зеркала изъ рукъ, тихо опустила его на колѣни и полуобернулась къ окну, прислушивалась. Ей стукнули снова и въ тоже самое время кто-то и что-то кричалъ ей съ улицы. Тогда она встала, подошла къ окну, стараясь черезъ щель разсмотрѣть стучащаго. До нея донеслись слова:

— Отоприте поскорѣе, голубушка!

— Ахъ, это Пелагея Карповна!..

Гадавшая, очень молодая особа, проворно выбѣжала въ маленькую переднюю, отперла дверь и въ одномъ платьѣ, ничего не накинувъ на себя, спустилась съ крылечка на дворъ, подбѣжала къ калиткѣ, загремѣвъ задвижкой, распахнула ее и приняла ту, которую называла Пелагеей Карповной. Послѣдняя, торопясь отъ какой-то опасности, не здороваясь съ дѣвушкой, спѣшила перевалиться своимъ грузнымъ тѣломъ черезъ порогъ, тяжело дыша.

— Ахъ, родная, какъ я испугалась.

— Чего?

Дѣвушка съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ необычайно нервнымъ оживленіемъ, высунувшись въ калитку, смотрѣла по сторонамъ безлюдной и тихой улицы, освѣщенной луной и искрящейся снѣжинками. Если-бы не надѣтое на ней теменькое шерстяное платье, рѣзко выдѣляющееся своимъ цвѣтомъ на бѣломъ фонѣ зимней, лунной ночи, то бѣлокурая головка дѣвушки, бѣлизна ея лица, какъ нельзя болѣе подходили-бы ко всей этой обстановкѣ. Въ отвѣтъ на сдѣланный ею вопросъ, чего испугалась Пелагея Карповна, послѣдняя указала рукою на заборъ.

— Да вонъ.

Отсюда, съ противоположной стороны, видѣнь былъ не только заборъ, не только свѣшивающіеся черезъ этотъ послѣдній голые сучья деревьевъ, но поверхъ деревьевъ, высился верхній этажъ бѣлаго дома, тогда какъ нижній оставался скрытымъ. При лунномъ освѣщеніи можно было отлично разсмотрѣть, что домъ этотъ повидимому находился въ какомъ-то запустѣніи, былъ заброшенъ, необитаемъ. Штукатурка во многихъ мѣстахъ полопалась, обвалилась, открывая красный кирпичъ, какими-то присохшими пятнами крови выдѣлявшійся на бѣломъ фонѣ окраски; одиннадцать полукруглыхъ оконъ смотрѣли мрачно; въ нѣкоторыхъ были выбиты стекла; балконная дверь, несмотря на зимнее время, оставалась открытою и черезъ нее можно было усмотрѣть часть потолка той комнаты, въ которую она выходила, освѣщенную луннымъ свѣтомъ, съ движущимися по ней какими-то тѣнями. Въ одномъ изъ концовъ огораживающаго домъ забора видѣлся полуразрушенный подъездъ, повидимому посредствомъ корридора соединяющій улицу съ домомъ. Въ этомъ запустѣніи, тишинѣ и лунномъ освѣщеніи было дѣйствительно что-то таинственное. Дѣвушка съ любопытствомъ устремила свои блестящіе черные глаза на странный домъ, спрашивая Пелагею Карповну:

— Развѣ вы тамъ что видѣли?

Пелагея Карповна только что открыла было ротъ, чтобы объяснить своей слушательницѣ, что именно напугало ее, какъ вдругъ, темное облачко, нашедшее на луну, подернуло таинственный домъ темноватымъ покровомъ и одновременно съ этимъ повторился за заборомъ совершенно такой-же поразительный и странный стукъ, подобный которому напугалъ Пелагею Карповну. Она съ стремительностью отдернула отъ калитки дѣвушку, захлопнула дверцу, задвинула задвижку и на протестъ молодой особы, которую вся эта таинственность занимала, съ сердцемъ прикрикнула:

— Будетъ вамъ!.. И въ какомъ мѣстѣ, право, нашли панимать квартиру!

Когда Пелагея Карповна, войдя въ переднюю разлазилась, ея шарообразное очертаніе обрисовывалось съ полнѣйшею ясностью. Это была дама лѣтъ шестидесяти, съ нѣсколько горделивымъ выраженіемъ лица, съ вздернутымъ носомъ, оттопыренною нижней губой, короткой шеей и сплошною массою тѣла безъ всякихъ переходовъ одной части въ другую. На головѣ Пелагеи Карповны ничего не было, ибо свой чепецъ греческаго туалета, она, изъ боязни измять, носила, переходя изъ одного дома въ другой, тщательно завязаннымъ въ посовой платокъ. Голова украшалась сдѣнькими волосами свернутыми въ луковичеобразную косу, припиленную сзади ровнымъ гребнемъ, по величинѣ своей превосходящимъ размѣры косы по крайней мѣрѣ втрое. Гдѣ жила Пелагея Карповна, какъ-то терлось во мракѣ неизвѣстности и если даже она гдѣ и занимала постоянную квартиру, то надо думать, что являлась на этой послѣдней приходившей гостей, такъ сказать мимоходомъ, вращаясь въ остальное время по городу вслѣдъ за движеніемъ солнца изъ одного дома въ другой, отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ. Срокъ пребыванія Пелагеи Карповны въ каждомъ изъ домовъ, которые она посѣщала, былъ весьма различенъ и зависѣлъ отъ того, что будучи дамой взыскательной, требующей себѣ уваженія отъ людей даже высшаго ранга, Пелагея Карповна покидала тѣхъ или другихъ изъ своихъ знакомыхъ только тогда, когда усматривала въ отношеніи себя съ ихъ стороны какое нибудь невниманіе, холодность или, подчасъ, и насмѣшку. Тогда она складывала свои пожитки, начинала куда-то торопиться, дѣлалась холодна и сурова, при чемъ ея нижняя губа оттопыривалась обыкновенно болѣе обыкновеннаго и, прощаясь, на вопросъ, скоро ли зайдетъ вновь, обыкновенно отвѣчала отрицательно:

— Нѣтъ, скоро не соберусь. Ноги старыя, а вы живете далеко. Да и возни со мной старухой не мало.

Но, конечно, забывъ обиду, являлась черезъ нѣсколько времени. Въ сущности это было жалкое, одинокое существо, получающее самую ничтожную пенсію, существо переходящее изъ дома въ домъ и благодарное тому, кто выказывалъ хоть каплю расположенія. Впрочемъ не безъ нѣкоторой горделивости, что возвышало ее надъ приживалкой, и съ значительнымъ сознаніемъ собственного достоинства.

Проходя черезъ залъ, Пелагея Карповна низвела свой голосъ до шепота, изъ боязни потревожить остальныхъ обитателей флигелька.

Шепотомъ она освѣдомлялась:

— Паленька уснулъ?

— Да.

— И Сашенька!

Дѣвушка махнула рукою:

— Давно. Набѣгался: гору себѣ на дворѣ сдѣлалъ и катался цѣлый день.

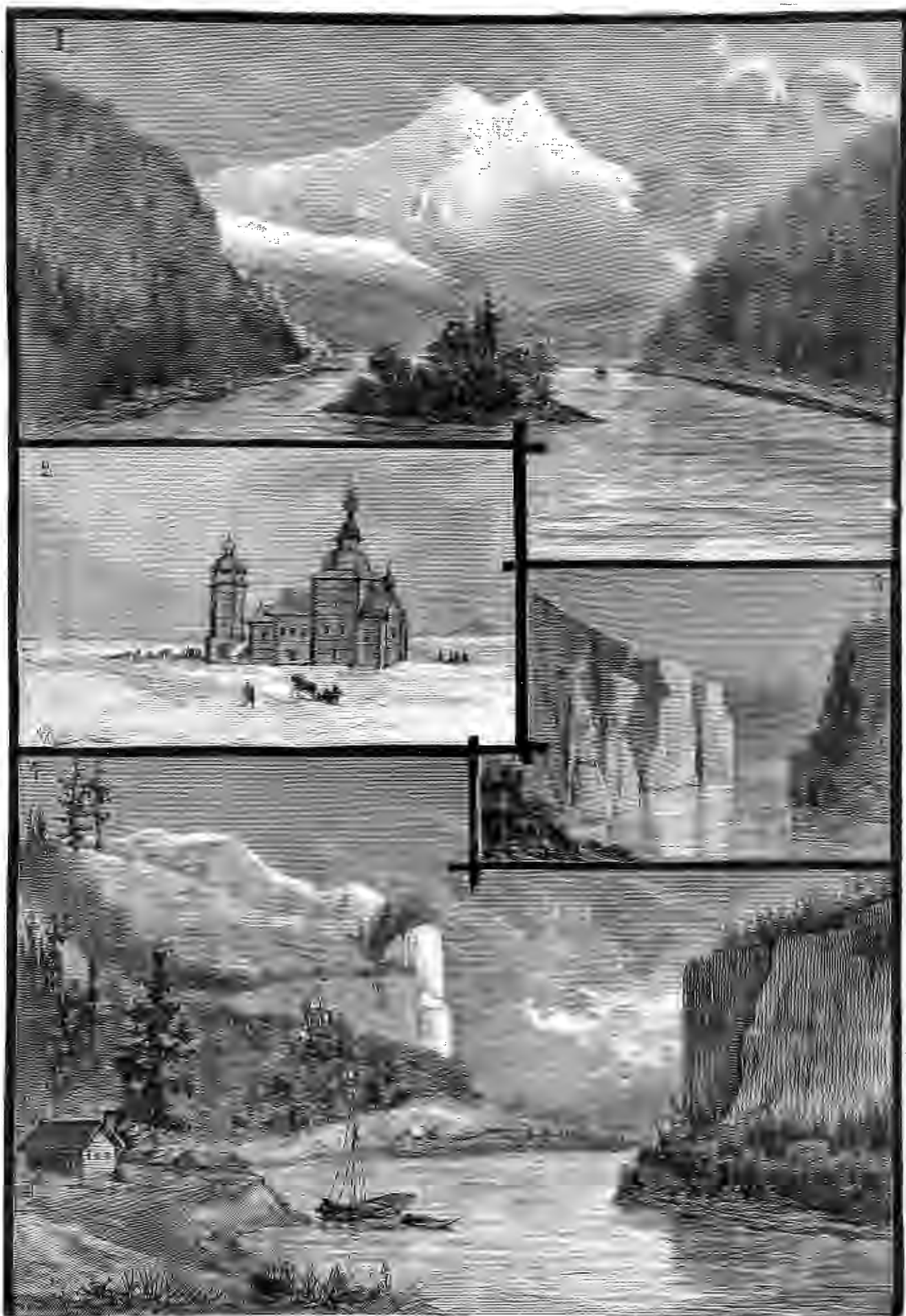
И, вслѣдъ за этими словами, вдругъ обняла гостью: Саша день деньской на дворѣ, напаша лежитъ, а я все одна. Отъ васъ хоть о людяхъ добрыхъ, что услышишь. Пройдемте туда.

Она указывала по направленію слѣдующей комнаты и ввела въ нее гостью, прикрывая свѣчу рукою и ступая кончиками носковъ. Въ маленькой комнаткѣ стояли двѣ кровати, было жарко и пахло лекарствами. Обернувшись въ байковое сѣрое одѣяло, лицомъ къ стѣнѣ, спалъ старикъ, выставивъ свою сѣдую, гладко остриженную голову. На другой, меньшей по размѣрамъ, кровати, сбивъ съ себя голыми, довольно полными ногами одѣяло, лежа на спинѣ, почивалъ бѣлокурый, похожій на молоденькую сестру мальчикъ, лѣтъ семи или восьми, съ прелестнымъ личикомъ, залитымъ яркою краской. Мальчикъ спалъ съ широко раскрытымъ ротикомъ, что придавало его лицу нѣсколько комичное выраженіе какого-то удивленія. Осторожно слѣдуя по пятамъ молодой дѣвушки, Пелагея Карповна шепнула:

1) Скалы на рѣкѣ Подчермѣ. 2) Видъ на рѣку Саблю. 3) Троицкій-Узльновъ монастырь. 4) Лѣсные завалы на рѣкѣ Сѣв. Мылѣ. 5) Ворота на рѣкѣ Щугорѣ
Въ Печорскомъ краѣ. По наброскамъ Н. Иваницкаго, рисоваль Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рапеевскій.
 Библиотека "Руниверс"

1) Видъ на гору Толпазъ. 2) Церковь въ селѣ Дереванскѣ на Вычегдѣ. 3) Скалы на р. Подчермѣ. 4) Соляская орусно-точильная гора.
Въ Печорскомъ краѣ. По наброскамъ Н. Иваницкаго, рисоваль Н. Н. Карзинъ, грав. М. Рашевскій.

— Молодой-то человекъ въ какомъ дезабилье.

И проходя, накинула на обнаженные попки мальчика простыню. Миновавъ комнату—спутницы очутились въ кухнѣ, уставленной лавками, и бѣлымъ некрашеннымъ столомъ и русскою печью, около которой возвышалась кровать, покрытая набраннымъ изъ ситцевыхъ лоскутковъ одѣяломъ. Въ кухнѣ, какъ и въ спальнѣ, было жарко натоплено. За столомъ, упиваясь чаемъ, воссѣдала пожилая, одѣтая въ синій сарафанъ и ярко розовую ситцевую рубаху, женщина, съ широкимъ, нѣсколько рябоватымъ, но весьма добродушнымъ лицомъ. При входѣ молодой дѣвушки и Пелагеи Карповны, эта женщина не благоразсудила встать, хотя лицо ея послало на встрѣчу входящимъ что-то въ родѣ улыбки. Усаживаясь на лавку около стола, Пелагея Карповна внушила:

— Поклониться-бы, Степанидушка, не мѣшало.

На что та, которую пазвали Степанидушкой, невозмутимо спокойно отозвалась:

— Ну, и поклонюсь. Что-жъ: голова не отвалится.

— Я думаю.

И когда Степанида встала и поклонилась, Пелагея Карповна благосклонно склонила свою голову:

— Здравствуй, Степанидушка. Здорова-ли?

— Ничего. Вы какъ?

— Твоими молитвами. Налейка мнѣ чайку. Не остыль?

— Зачѣмъ остыть. Чай хорошій, горячій.

Степанида торопливо начала мыть для гостя чашку. Дѣвушка, доставъ себѣ откуда-то стулъ, присѣла также къ столу, торопясь распробить гостью объ интересующемъ ее предметѣ.

— Милая, Пелагея Карповна,—спрашивала она,— что-жъ вы тамъ видѣли?

— Ничего, съ какой-то гордостью отвѣтила гостя, принимаясь за чай.

— Ну, слышали? вѣдь напугало же васъ что-то.

Въ разговоръ вмѣшалась Степанида:

— Гдѣ это? Не въ Языковскихъ-ли хоромахъ?

— Ну, да. Страхи тамъ, Степанидушка,—удовлетворила ея любопытство Пелагея Карповна.

Степанида безмятежно отпила изъ своей чашки и категорически ясно высказала свое мнѣніе:

— Нечистый.

— Вотъ,—торжественно, какъ-бы убѣждая невѣрующую, сдѣлала Пелагея Карповна жестъ рукою, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ,—къ ночи-то только не хотѣлось мнѣ поминать его черного.

Съ мгновенно заблеставшими глазами, и вспыхнувшими щеками молодая дѣвушка, прислушивалась къ краткому обмѣну словъ между Степанидой и Пелагеей Карповной. Видимо она вѣрила въ правдивость того о чемъ шла рѣчь и какъ-бы вся ушла въ бесѣду этихъ женщинъ, чуть-ли не въ сотый разъ ощущая трепетное биеіе сердца, вызываемое въ пей разговоромъ сверхъестественнаго содержанія. Съ разгорѣвшимися глазами она допрашивала Пелагею Карповну:

— Что это за домъ?

Ей почти разомъ отвѣтили объ собесѣдницы, мало впрочемъ удовлетворивъ ея любопытству.

— Франкмасоны тутъ жили,—сказала Пелагея Карповна съ важностью.

— Баютъ, что барыня Языкова тутъ померла нехорошей смертью,—болѣе просто объяснила Степанида.

— Ну?

— Хоромы-то съ тѣхъ поръ и забросили, *онъ* и поселился въ барыниной-то спальнѣ.

Все это звучало такъ таинственно, такъ странно, такъ приковывало любопытство и возбуждало интересъ. Пристально смотря въ пламя свѣчи, бѣлокурая дѣвушка, медленно выговаривая слова, точно пѣдя ихъ, произнесла:

— И что-же, съ самой кончины этой Языковой въ домѣ никто и не жилъ?

Степанида съ положительностью отозвалась на это:

— Никто.

— Бойка, ты, дружокъ,—съ отгнѣномъ паставленія и нѣкоторой укоризной, внушила Степанидѣ Пелагея Карповна, вспотѣвшая послѣ выпитаго ею чая,—ани жили, да жить-то нельзя было.

— А что?—любопытствовала дѣвушка.

— Жили тутъ одинъ вахтеръ, дружокекъ, съ женой и дѣтми,—пояснила Пелагея Карповна,—для пристрастия за домомъ его поставили. Жили они въ комнатѣ, внизу, да трехъ дней не выжили.

— Почему-же?

— Видишь ты,—таинственно понизила голосъ Пелагея Карповна, отирая платкомъ выступившій на ея лбу крупными каплями потъ, *онъ* ужъ очень со своей свитой началъ беспокоить. На верху-то, фортопьяны стояли, такъ какъ ночь, такъ такая музыка и танцы начнутся, что страсть! Ну, это еще бы ничего на верху-то, но и внизъ *они* стали заглядывать. Чуть кто выйдетъ, понимаешь-ли, изъ комнаты, такъ сверху-то на него, что попола сыплютъ: кости какія то летятъ, камешки, не то перья изъ перины. И днемъ не унимались. Пойдетъ вахтеръ-то на верхъ, что жъ бы ты думала: мебель вся переверочена, соръ, бумага, а въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, слышать, какъ вѣникъ мететъ, стульями двигаютъ. Ну, ни дать, ни взять прислуга горницу убираетъ. А только войди: вѣникъ посреди комнаты валяется, стулья отодвинуты, на столѣ крыло, точно для того, что бы пылъ сметать. А сору-то, сору-то—ну какъ тутъ жить. Вахтеръ-то...

Рассказъ прервался. Черезъ отворенную въ спальную дверь послышался старческой голосъ, прерываемый кашлемъ.

— Пашенька... поди сюда.

Молодая дѣвушка проворно вскочила съ мѣста, оставивъ своихъ собесѣдницъ продолжать бесѣду вдвоемъ и убѣжала въ спальню къ зовущему ее больному отцу.

II.

Ночныя приключенія.

Какъ бы ни была примитивна душа, какъ бы ни былъ узокъ ея горизонтъ, какъ бы ни была тѣсна сфера и невѣжественно общество, среди которыхъ она живетъ, ей всегда доступны, хоть на самый краткій мигъ, паренія къ небесамъ, созерцаніе грандіозно величественныхъ явленій природы, которыхъ, правда, она не умѣетъ себѣ объяснить, но которыя тѣмъ не менѣе отвлекаютъ ее отъ обиденнаго и пошлаго, не давая погрузиться и задохнуться въ таковомъ совершенно. Малъ и глухъ былъ городъ, гдѣ родилась и выросла Пашенька, незатѣйливо протекала ея жизнь и несложныхъ понятій окружали ее люди,—но вѣдь и въ тюрьму, гдѣ окружающее еще однообразнѣе—одиночно заключенному свѣтитъ черезъ крошечное оконце солнце, виднѣтъ краешекъ небесъ, ночью блещутъ звѣзды и сияетъ луна, все такія возбуждающія мысль, такія дѣйствующія на воображеніе явленія.

Въ тѣсномъ кругѣ, въ которомъ заперта была Пашенька, она видѣла не одно только звѣздное небо, непонятное, это неизмѣющее предѣлѣтъ, неизмѣющее конца небо, она видѣла величественную рѣку, протекающую подъ горою, на которой стоялъ городъ, видѣла синѣющую даль, и открывающіяся тамъ, гдѣ рѣка дѣлала поворотъ, величавыя горы. Все это будило вопросы лучше всякой умной книги, но все это не находило отвѣта въ неопытномъ умѣ, возбуждая въ немъ юношески нечлѣпную, но милую сердцу мечту и вѣру въ чудесное, въ тайное и сверхъестественное, что въ самой непонятности своей, въ темномъ и залутомъ рѣшеніи вопроса, какъ бы отвѣчало на то, что тревожило и мучило, какъ бы разрѣшая сомнѣнія. Но это не былъ отвѣтъ. Неудача, постигающая умъ на этомъ пути, за-

ставляла его броситься въ область неизмѣющихся основъ мечтаній, просыпаясь отъ которыхъ душа жаждала подвиговъ, самопожертвованія, любви... Самыя грандіозныя препятствія устранялись съ чрезвычайною легкостью, какъ какія нибудь соломенки или пушинки, и понятія великодушія, доходящаго до самопожертвованія, богатства, силы—казались легко и просто осуществляемыми.

Созерцаніе величественныхъ картинъ природы изъ крохотнаго мірка, въ которомъ жила Пашенька, именно воспитало изъ нея мечтательницу, водворило въ ней вѣру въ таинственное и чудесное. Иногда въ лирическомъ порывѣ какой-то тоски, Пашенькѣ хотѣлось вырваться изъ тѣснаго кружка, въ которомъ она до сихъ поръ жила, хотѣлось испытать нѣчто захватывающее духъ и останавливающее біеніе сердца... Поэтому Пашенька просиживала цѣлые дни въ городскомъ саду, расположенномъ на крутомъ берегу, подъ которымъ протекала любимая ея рѣка. Она изучила эту рѣку до тонкостей. Она видѣла ее свѣтло-голубою и тихою, пріятно отгѣбяющуюся съ небесами яснаго дня...

За рѣкой видѣлась песчаная отмель, за которою вдаль разстилалась зеленая степь... Воздухъ былъ чистъ и спокоенъ. По рѣкѣ величаво плыли пароходы, за которыми какой-то недвижимой полосой тянулись медленно исчезающій въ тихомъ воздухѣ дымъ... Бѣлѣли паруса, косили „косовуши“ и грузно сидѣли въ водѣ роспины. Но вотъ наступалъ безлунный вечеръ: тамъ и сямъ на рѣкѣ зажигались огоньки; ѣхала лодочка, на которой повѣсили красный фонарь; плыль, нытя, пароходъ, выпуская изъ трубъ густой хвостъ искръ; гдѣ то звучала пѣсня, сперва ближе, а потомъ уходя куда-то вдаль, смолкая для Пашеньки, но начиная быть слышною для кого нибудь другаго... Рѣка вѣяла какой-то задумчивостью, погружала молодую дѣвушку въ грустный лиризмъ, но въ другіе моменты, возбуждала своей бурной стихіей, какъ бы возмѣщая для молодой дѣвушки то, чего недоставало ей слишкомъ пассивному образу жизни, заставляя ее мыслями участвовать въ борьбѣ, въ проявленіи своихъ силъ, волнуя ее...

Вылъ и гудѣлъ вѣтеръ и рѣка становилась бурлива и грозна... Скрипѣли барки, пароходныя пристани и купальни; лодки не отваживались пуститься въ путь... Лошались канаты, качались тяжелые пароходы, ломались мачты... Свинцовыя тучи бѣгали по небесному своду, бушевали песочно-мутныя волны, крутилась бѣлая пѣна... Эта бушующая рѣка—книга изъ немногихъ возвышающихся энергію книгъ, это лицезрѣніе подвига, лицезрѣніе всеокрушающей силы... Что такое человекъ, въ сравненіи съ этой бушующей стихіей!.. Глаза Пашеньки горѣли, губы раскрывались и что-то шептали... Боже мой!.. но вѣдь жить постоянно въ тиши, запертою въ ихъ стѣнахъ, погруженною въ томительную тоску—невозможно, нельзя!.. Вѣдь силы, замкнутыя въ тѣсный объемъ, просятся на просторъ, хотятъ движенія и жизни, хотятъ новаго неизвѣданнаго ощущенія, но сильнаго, неизмовѣрно сильнаго, захватывающаго духъ, останавливающаго біеніе сердца...

Увы, этотъ лучезарный міръ смѣняла окружающая молодую дѣвушку тишина патриархальныхъ нравовъ, гдѣ въ привязанностяхъ ближнихъ сердце ея находило себѣ отвѣтъ—но не умъ и пытливость... Время шло; молодія силы просили исхода и рвались наружу, требовали приложенія къ чему нибудь, хотѣли быть дѣйтельными... Становилось тяжело дышать и тѣсно жить...

Недѣльныя желанія проникнуть ту или другую тайну, рискуя своею безопасностью и жизнью, не принимая въ соображеніе бесплодности подобнаго рода экспериментовъ, приходили въ голову. Въ уединенно-живущихъ дѣвушкахъ непросвѣщеннаго ума, но одаренныхъ пытливостью—зрѣютъ Орлеанскія дѣвственницы, Шарлоты Корде, святыя Терезы, экстагическія мученицы за вѣру. Давно въ умѣ молодой дѣвушки и возникла мысль во что бы

то ни стало проникнуть въ тайны заброшеннаго дома. День ото дня эта мысль становилась сильнѣе и неотступнѣе требовала выполненія. Эта простая дѣвушка вѣрила въ чорта, вѣрила въ сверхъестественное, выходящее изъ границъ человеческого вѣдѣнія, а потому желаніе проникнуть въ таинственный домъ, проникнуть именно въ тотъ страшный часъ, когда предполагаемыя ею силы дѣйствуютъ съ наибольшою рельефностью, почти сжилось съ ея существомъ. Въ этомъ пробѣгающемъ при одной мысли о подобномъ предпріятіи по тѣлу холодѣ, въ мысли отираться въ таинственный домъ, ставшій сказкою цѣлаго города, отправиться одной, крылась какая-то таинственная прелесть.

И Пашенька рѣшилась.

Она сбиралась сдѣлать это давно, но болѣзнь отца удерживала ее отъ приведенія въ исполненіе подобнаго рѣшенія. Последнее время болѣзнь эта приняла болѣе ровное и спокойное теченіе и Пашенька хотѣла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Въ тотъ вечеръ, когда къ нимъ зашла Пелагея Карповна и своими разсказами возвысила интересъ къ таинственному дому, Пашенька рѣшилась привести желаніе въ исполненіе.

Долго сидѣла она на посланной ей въ залѣ постели и близость исполненія того, что она обдумала давно, казалось лишила ее сознанія, заставила на время какъ-то совершенно обезумѣть, чтобы потомъ какими-то обрывками, зачатками мыслей обнаружить нѣчто сознательное, kloпящееся къ извѣстной цѣли. Все закрылось въ ея сознаніи туманомъ, стихло и замерло, чтобы блеснуть опредѣленною мыслью: идти, идти туда! Она невольно побѣднѣла при этомъ и вдругъ, съ не постижимой для ея шестнадцати лѣтняго возраста силой, подавила страхъ, встала, посмотрѣла на мирно почивавшую на диванѣ Пелагею Карповну, задула свѣчу и осторожно ступая, вышла въ переднюю.

Здѣсь она легко отыскала шубку, накиннула на голову черный платокъ и приелушавшись и убѣдившись, что въ домѣ все тихо, отперла крюкъ, вышла на крыльцо и спустилась по ступенямъ на дворъ. Лунный свѣтъ облилъ ее съ головы до ногъ; снѣгъ хрустѣлъ подъ ея ногами. Станнымъ теченіемъ мыслей она не думала теперь о томъ, что ее ожидаетъ тамъ, и въ виду предпріятого ею опаснаго предпріятія, какъ бы прощалась съ прошлымъ и настоящимъ, припоминая о томъ, что вотъ тутъ она шла еще недавно съ Пелагеей Карповной, припоминая, какъ они сидѣли въ кухнѣ за чаемъ, потомъ ложились спать, припоминая отца и Сашу, прикрытаго одѣяломъ цѣломудренной рукой Пелагеи Карповны. Съ этими мыслями она отворила калитку, оглядѣлась по сторонамъ и какъ-то насильственно смѣло, какъ-то вызывающе глянула на таинственный домъ.

Какъ прежде онъ стоялъ освѣщенный луною съ своими бѣлыми стѣнами и кроватыми пятнами кирпичей. Она рѣшительно перешла улицу, направляясь къ подъѣзду, двери котораго были сломаны и подъѣздъ принрался какой-то взятой изъ другаго мѣста дверью.

Провнявшись съ подъездомъ, Пашенька однако не вошла въ него, только заглянула, повернулась назадъ и прошла медленно по длинѣ всего забора, потомъ снова поворотила къ подъѣзду и двинулась еще медленнѣе, направляясь къ нему. У входа она остановилась, пересчитала мысленно до трехъ, потомъ надбавила до десяти—и вдругъ съ напытомъ какой-то скорѣе трусости,—такъ смѣшанно было это чувство,—сдѣлала шагъ къ приотавленной двери, отодвинула ее и вошла.

Ей представился длинный корридоръ, темный въ началѣ и концѣ и только на самой серединѣ прерывающійся входящими съ боковъ двумя широкими, въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаются въ церквахъ—окнами. Ни единый звукъ не нарушалъ тишину этаго монастырскаго корридора и Пашенька, прислушавшись, пошла, держась одной изъ стѣнъ. Улавъ на одно изъ оконъ, лун-

ные лучи прорезали корридоръ въ косвенномъ направленіи и въ этомъ мѣстѣ было видно, что корридоръ выстроенъ съ полукруглымъ сводомъ, что, подобно дому, онъ оштукатуренъ и вѣроятно потомъ выбѣленъ, только все это обвалилось и стерлось... У дверей въ переднюю, гдѣ снова сдѣлалось темно, Пашенька чуть не упала на грудь какихъ-то камней, если бы не успѣла ухватиться за одинъ изъ косяковъ входной двери. Чтобы нащупать дверь,—она подняла глаза и окаменѣла въ ужасѣ. Сверху, изъ темноты, на нее смотрѣло лицо, бѣлое какъ мѣлъ, съ какими-то черными пятнами на щекахъ и вмѣсто глазъ...

Она всматривалась въ темноту, стараясь побѣдить овладѣвшій ею ужасъ и видѣла, что отъ самой головы спускалось внизъ туловище... Вдругъ она сообразила, что ухватившаяся за косякъ ея трепещущая рука, ощущаетъ камень, тогда какъ если бы это было существо, она ощущала бы теплоту и жизнь, не твердость камня, а упругость формъ. Мысль, что ее испугала статуя,—заставила ее успокоиться и съ возвратившеюся къ ней храбростію она отворила одну изъ дверей, въ которыхъ еще сохранились стекла и вошла въ таинственный домъ съ болѣе ровно бьющимся сердцемъ. Неожиданный страхъ лишилъ ее силъ повидимому лишь временно, чтобы потомъ возвысить падающую бодрость духа.

Двери отворились со скрипомъ и откуда-то подулъ вѣтеръ. Пашенька очутилась въ обширной прихожей, благодаря окнамъ довольно свѣтлой и оглядѣлась по сторонамъ. На право и на лѣво шли длинныя анфилады комнатъ, то тонущихъ въ мракѣ, то освѣщенныхъ серебристымъ покровомъ луннаго свѣта... Прямо противъ входа подымалась вверхъ широкая лѣстница съ обломанными перилами, вверху которой тоже было повидимому довольно свѣтло. Подумавъ, Пашенька рѣшила прежде подняться по лѣстницѣ и осмотрѣть верхній этажъ...

Были трудны первые шаги, страшно было рѣшиться, странно было переступить порогъ, но въ сравненіи съ этимъ—дальнѣйшее движеніе по таинственному дому казалось легкимъ. Страхъ конечно не исчезъ и всякая неожиданность пугала; но разгадка таинственной статуи у входныхъ дверей, сведеніе сложнаго сверхъестественнаго факта на простое и реальное, давало надежду и при повтореніи испуга приблизнуть къ подобному приему. Дѣвушка храбро поднялась по лѣстницѣ и со входной площадки повернула на право...

Она вошла въ обширный въ два свѣта, покой, высокіе своды котораго поддерживались двумя рядами колоннъ. Прямо противъ входа нѣсколько ступеней вели на какое-то возвышеніе, гдѣ отъ одной стѣны къ другой, были протянуты какъ-бы деревянные рамки ширмъ, совершенно пустыя и ободранныя. Дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и снова вздрогнула...

Въ одну изъ рамокъ глядѣла на нее освѣщенное луннымъ свѣтомъ, въ темной одеждѣ старческое лицо съ сѣдою, какъ у патриарха бороδοю. Въ то же самое время что-то зашевелилось невдалекѣ отъ молодой дѣвушки, поднялось и сотрясаясь, двинулось въ сторону... Вѣроятно напуганная этимъ явленіемъ черезъ весь этотъ покой пронеслась стая крысъ... Движущаяся животная масса какъ-бы вытянулась, согнулась и съ блестящими какъ огоньки глазами, сдѣлала прыжокъ... Пронзительный крысиный визгъ рѣшилъ загадку: это не былъ духъ, это была старая кошка... Старческая фигура вдали отнеслась къ этому массивно, не шелохнулась и осталась недвижимой... Вдругъ нѣсколько влѣво повыше этаго старца что-то блеснуло въ воздухѣ — и дѣвушка отличила вызолоченный крестъ...

Тогда Пашенька поняла все... Она стояла въ домашней церкви, гдѣ изъ рамокъ иконостаса повывѣзли образа и какият-то чудомъ уцѣлѣлъ одинъ Святитель и вызолоченный, надъ сломанными парскими вратами,

крестъ... Со вздохомъ, облегчившимъ душу, дѣвушка перекрестилась и оставила церковь. Теперь она шла почти спокойная и близкая къ разочарованію, что встрѣтила въ этомъ таинственномъ домѣ не то, что ожидала въ немъ встрѣтить.

Она проходила анфилады когда-то богатыхъ барскихъ покоевъ, мрачныя залы съ остатками лѣнныхъ украшеній и краски, пустыя и холодныя, но чуждыя какихъ либо таинственныхъ явленій, — галереи, которыя вѣроятно когда нибудь украшались семейными портретами, все это полуобвалившееся, населенное крысами и усыпанное соромъ. Ничто не нарушало тишины этаго необитаемаго дома, кромѣ собственныхъ шаговъ дѣвушки... Разочарованная, она уже подумывала о возвращеніи, не хотѣла обходить комнатъ нижняго этажа, когда вступивъ въ новыя, еще ею непройденныя, покон, обратила вниманіе на одинъ предметъ, заставившій ее вспомнить таинственный рассказъ только что ею слышанный... При входѣ въ комнату, она увидѣла стоящую, прислоненную къ стѣнѣ, метлу.

Тутъ очевидно кто-то дѣйствительно подметалъ, ибо на полу было несравненно чище, чѣмъ въ другихъ комнатахъ... Но зачѣмъ? Комната какъ и другія, кромѣ нѣкоторой чистоты, не носила на себѣ жилаго характера и была совершенно пуста. Только окна въ ней не были разбиты, а потому не продувало, какъ въ другихъ комнатахъ... Теряясь въ догадкахъ насчетъ того, кто-бы, и съ какою цѣлю могъ убирать эту комнату, Пашенька подошла къ затворенной дверцѣ, ведущей въ соседнюю комнату и отворила ее...

И отступила пораженная... Маленькая комната въ одно окно была освѣщена лампой, стоящей на столѣ, на которомъ валялись колбы, горѣла спиртовая лампочка, на пламени которой въ фарфоровой чашечкѣ кипятился растворъ какого-то вещества, въ большомъ беспорядкѣ навалены были металлическія сѣтки, разныхъ размѣровъ трубки и вообще, если не таинственные, то непонятные для Пашеньки приборы... Кромѣ этаго она успѣла рассмотреть стоящую въ углу желѣзную кровать съ брошеною на нее подушкой и саломой, прикрытой чѣмъ-то темнымъ... Но главное что привлекло ея вниманіе—было отверстіе въ полу, вѣроятно подвалъ, около котораго стоялъ окрашенный въ зеленый цвѣтъ газометръ, ни назначенія, ни названія котораго молодая дѣвушка не знала... Около этаго газометра, спиною къ Пашенькѣ, стоялъ небрежно одѣтый и еще небрежнѣе причесанный, мужчина, осторожно опускающій въ отверстіе подвала, на длинной пѣлочкѣ, что-то въ родѣ зажженной лампы... Вдругъ оглушительный трескъ послышался въ подвалѣ, что-то посыпалось и мужчина съ восклицаніемъ „опять сорвался!“ вытащилъ только что опущенную лампу изъ отверстія и повернулся къ застывшей отъ удивленія Пашенькѣ, наконецъ узрѣвшей въ необитаемомъ домѣ чорта.

Ей бросилось въ глаза худощавое лицо съ темной бородкой, какіе-то блуждающіе глаза, до сихъ поръ не обрашавшіе на нее вниманія. Губы что-то шептали и Пашенька подумала, что видитъ передъ собою сумасшедшаго... Онъ сдѣлалъ по направленію къ ней нѣсколько шаговъ, все смотря на качающуюся, въ его рукахъ лампу и вдругъ, поднявъ опущенную голову, въ удивленіи остановилъ на ней, неподвижно стоящей въ дверяхъ, свой взглядъ... Потомъ, какъ-бы не довѣряя себѣ, протеръ глаза рукою, еще разъ посмотрѣлъ на Пашеньку и желая удостовѣриться что это не видѣніе и не призракъ, схватилъ со стола лампу и подбѣжавъ къ молодой дѣвушкѣ, освѣтилъ ея до сихъ поръ остающуюся въ тѣни фигуру.

Тогда она пошевелилась и сдѣлала шагъ къ нему на встрѣчу.

(До слѣд. №).

Новый годъ. Рис. Вейс, грав. Э. Бруннъ.

Во время бури.

Романъ

М. Юкая.

I.

Старая гнѣзда.

Есть въ Божьемъ мѣрѣ страны, которыхъ чарующее дѣйствіе на челоѣка неотразимо, которыхъ великое прошлое ослѣнено ореоломъ неувядаемой славы. Если отъ Пресбурга мы направимся вверхъ—предъ нами раскинется прекрасная долина Ваага. Каждый шагъ этой восхитительной мѣстности открываетъ новыя и новыя чудесныя картины. Безконечными извилинами бѣжитъ рѣка, то покидающая, то вновь набѣгающая въ ложе, сдавленное съ обѣихъ сторонъ гористыми, покрытыми лѣсомъ, берегами. На этой рѣкѣ лежатъ древнѣйшіе города страны, во многомъ до сихъ поръ сохранявшіе отпечатокъ среднихъ вѣковъ, иные и теперь еще обнесены стѣнами; тамъ и сямъ, на горныхъ скалахъ, еще высятся гордые замки и бургы, во всеоружіи бойницъ, шпанцовъ и валовъ, готовые встрѣтить врага, а внутри—блещущіе всюю роскошью убранства въ стилѣ эпохи Возрожденія; вокругъ—прекрасныя парки, говорящія о громадныхъ богатствахъ и великолѣпнѣйшихъ прежнихъ знатныхъ магнатовъ, парки съ прудами, переполненными лебедями, съ гротами фей, съ цѣлыми стадами дикихъ оленей и ланей. Далѣе, по закутанному туманомъ вершинамъ горъ залегли громадныя развалины бурговъ; сквозь ниши зубчатыхъ стѣнъ видны еще итальянскія фрески, гербовыя щиты соединенныхъ фамилій; образовавшаяся въ крышѣ разсѣлина разбила на двое и щитъ, и герба, украшавшаго его; на мѣстѣ обрушившагося балкона остались художественно выполненные каріатиды; историческія стѣны все больше и больше, однако, утрачиваютъ теперь свою почтенную наружность, все больше и больше „сравниваются“. А между тѣмъ, исторія ихъ, этихъ безмолвныхъ стѣнъ, ихъ прошлое еще такъ близко къ намъ.

Вотъ—стѣны разваливагося бурга, въ величаго мрачныхъ залахъ котораго и донынѣ живетъ память о дивной красавицѣ Елизаветѣ Баторій. Преданіе говоритъ, что она была жестока. И теперь еще показываютъ одинъ изъ погребовъ замка, гдѣ, будто-бы, были, по ея приказанію, зарыты триста жертвъ. Неподалеку, напротивъ, виднѣются развалины сосѣдняго бурга, принадлежавшаго молодому рыцарю, въ угоду которому страшная сирена заботилась о своей красотѣ.

Рядомъ—опять развалины, еще болѣе ветхія, чѣмъ всѣ тѣ,—камя на камнѣ не осталось. Здѣсь было каменное гнѣздо, въ которомъ собирались дерзкіе заговорщики, хотѣвшіе захватить Леопольда I-го.

Разгнѣванный властитель приказалъ сражать съ землей замокъ, взятый приступомъ послѣ продолжительной осады. Гордый родъ прежнихъ властителей исчезъ, какъ и ихъ гнѣздо. Въ гербовыхъ залахъ чуждыхъ замковъ смотрятъ теперь на насъ со стѣнъ портреты Блюкураго, голуболазаго Петрѣши, которому принадлежалъ бургъ, и стройнаго Тѣкели, защищавшагося до послѣдней крайности.

На горномъ скалѣ противоположнаго берега возвышается, подобный громадному мавзолею, „Левенштейнъ“ (Львиный камень), а далѣе, изъ узкой ложбины, виднѣется знаменитый „Теметвени“, коренной родовой замокъ своевольныхъ, необузданныхъ Берчени.

Куда-бы, въ какую-бы сторону ни направилось капризное течение Ваага—отовсюду, навстрѣчу ему, одна за другою, встаютъ, поднимаются, наступаютъ горныя выси, увѣнчанныя развалинами замковъ.

Въ ясныя, свѣтлыя дни, владѣльцы замковъ указывали съ зубчатыхъ стѣнъ своихъ, въ сторону Вѣнской башни св. Стефана, дымчатой полоской виднѣвшейся на далекомъ горизонтѣ, и говорили: мы придемъ туда!

Но небо омрачилось и скрыло отъ взоровъ ихъ заманчивую картину; загремѣла, зарокотала политическая буря и смела всѣ эти стѣны и башни.

Бурги, разрушенныя этой бурей, превратились въ живописныя развалины, а тѣ, которые добровольно сдались—переданы были новымъ владѣтелямъ.

И новыя фамиліи поселились на пепелищахъ прежнихъ.

Но и ихъ господство длилось не долго. Все больше и больше, все чаще и чаще смѣнялись гербы на воротахъ бурговъ, ни одна изъ фамилій не удерживалась твердо на своемъ мѣстѣ. Эти владѣнныя, границъ которыхъ не видно было и съ высоты замковъ дающихъ имъ свое имя, не терпѣли новыхъ господъ. Страница эта отмѣчена какимъ-то особымъ характеромъ. Гордость Матѣя Чака, смѣлость Петрѣши, мужество Тѣкели, патриотизмъ Ракоція, страданія Илона Црини, неукротимый духъ Берчени, все это еще живетъ здѣсь.

Но, не одни гордые феодалы оставили здѣсь развалины памятниками до себѣ: и послѣ нищаго-монаха, смиреннаго схимника остались здѣсь руины, говорящія также о немъ, и развалины его обители такъ-же прекрасны, такъ-же живописны, какъ и руины княжескаго бурга. Остатки стѣнъ обрушившагося мо-

настыря отражаются въ зеркалѣ протекающей около нихъ рѣки; сохранилась пещера отшельника; статуи святыхъ, всѣ закутанныя густою порослью и ползучими растеніями, все еще стоятъ въ темной своей нишѣ. Народъ рассказываетъ, что это самая святой, превратившаяся тутъ, въ теченіе столѣтій, въ камень.

А далѣе, еще далѣе—точно титаны возвели свои гигантскія зданія, но Божья сила сокрушила ихъ дворцы и повергла ихъ въ развалинахъ. Вся страна—какъ-бы дивный музей фантастическихъ образовъ; башни, пирамиды, обелиски нагромождены рядами, одни надъ другими, одни за другими, то гордо возвышающіеся, то обрушившіеся въ обломки,—точно остатки гигантскаго столпотворенія. Все повержено, все „прешло“ въ этой странѣ. Мы стоимъ здѣсь точно на кладбищѣ великановъ.

И только два остались нетроутыми тутъ—дерево и челоѣкъ.

Такихъ громадныхъ деревьевъ, какія растутъ въ этой мѣстности—не встрѣтишь нигдѣ во всей странѣ. И съ ними связано столько воспоминаній. Могучій дубъ, скрывающій въ своей чащѣ Ровненскую церковку, напоминаетъ исторію Сусанны Лорандори; липы Ракоція шестелютъ поблѣклыми листьями о своемъ прежнемъ господинѣ, а тамъ, гдѣ уже кончилась улица, среди хлѣбнаго поля возвышается вѣтвистая липа, украшающая гербъ одного знаменитаго рода; здѣсь ерослись въ одинъ стволъ девять кленовъ, которые давно уже, еще въ первые годы Реформаціи, могучій феодалъ-рыцарь связалъ въ одинъ пучекъ. „Какъ этотъ пучекъ, въ землю посаженный, корень пуститъ, и живымъ древомъ взойдетъ,—сказалъ онъ приверженцамъ новой религіи,—такъ ваша вѣра распространится въ странѣ этой. Слабые ростки взойдутъ пышнымъ деревомъ.“

И народъ здѣшній пережилъ все это.

Удивительный народъ здѣшній, такой, какому равнаго не найти во всей Венгріи. Онъ слишкомъ бѣденъ и многочисленъ и не можетъ пропитаться только одной землей, которую получилъ въ надѣлъ, нужда заставляетъ его покидать родную сторону и пускаться по широкому свѣту, но идетъ онъ не за подаваемъ, какъ дровишъ и не въ наемники, какъ швейцарець, а идетъ на свободный трудъ, на промыселъ. Въ каждомъ большомъ городѣ, въ какой бы странѣ ни было, его сыновъ ждутъ готовыя мастерскія: улицы и площади, готовая корчмагостинница. Парижъ, какъ и Стамбулу, одинаково знакомы эти бродячія фигуры. Одинъ побывалъ въ Лондонѣ, другой въ Тегеранѣ, третій—въ Астрахани. А заработанныя и скопленные на чужой сторонѣ денежки они бережно припрятываютъ въ завѣтномъ углу подъ соломенной крышей, чтобы какъ нибудь облегчить непріятную жизнь свою. Въ своихъ дальнихъ паомничествахъ по міру широкому, каждый выучится или по англійски, или по французски, по нѣмецки, по турецки, по персидски, но ровно настолько, сколько необходимо, чтобы понять и дать понять себя. Это—наши словаки. Отцы ихъ бились за Ракоція до послѣдней битвы, а въ сорокъ восьмьютъ году, въ первомъ итурѣ Тамаша, первыми же они вскопали на шапцы. Они не умѣютъ говорить по венгерски, но умѣютъ горячо любить родину свою, умѣютъ еще отдавать за нее кровь свою, и даже больше—терпѣть для нея и трудиться. Они составляютъ особую народность, особую рассу, но совершенно сроднились, „ссплавились“ съ венгерскимъ дворянствомъ, которое, во всѣ времена, съ самаго начала и до сего дня, всегда и пребывало и пребываетъ вѣрнымъ отечеству и націи, и готовымъ для нихъ на всякія жертвы. Это тѣ самые, надъ провинціальнымъ выговоромъ которыхъ мы такъ часто подсмѣиваемся и подшучиваемъ, но которые, за то, нисколько на насъ не сердятся.

То—„Словацкая земля“, Словакія.

Ихъ картофельныя, хлѣбныя, льняныя поля, ихъ пашни, огороды, ихъ крытыя соломой избушки, образуютъ совершенно отдѣльную, своеобразную часть нашей ландшафты. Тутъ уже нѣтъ ни маисовыхъ полей, ни виноградниковъ; дорогія растенія южнаго климата составляютъ украшеніе только богатыхъ и важныхъ господъ, которые могутъ строить для нихъ стеклянныя дома; нѣтъ тутъ и пшеницы. Но, не смотря на все это—громко раздаются и звенятъ по полямъ и лугамъ веселыя пѣсни.

Нынче пролегла вдоль всей долины желѣзная дорога. И когда мы изъ окна мчащагося поѣзда глянемъ на восхитительную панораму—намъ покажется, будто то далекія горы, съ своей дремучей лѣсной одеждой, съ своими бургами и башнями сдвинулись всей толпой съ мѣста и ушли отсюда въ даль, туда, къ горизонту, а тутъ, вмѣсто нихъ предъ нами все шире и шире, спокойно и безмятежно, развертывается равнина, съ своими зеленѣющими лажитями и низами, среди которыхъ, подобно муравьямъ, разсыпанъ трудящійся народъ.

Отчего это такъ? И куда, и зачѣмъ убѣгаютъ тѣ лѣсистыя горы?

II.

Францъ Иллаван.

Въ первый разъ мы видимъ г. Франца Иллаван. Онъ сидитъ

передъ зеркаломъ. Нѣсколько странное занятіе для мужчины, не такъ ли? Оно и было бы такъ, если бы три причины не извиняли Иллаваи. Во первыхъ—онъ брился, чего, конечно, безъ зеркала нельзя сдѣлать, а тому, кто самъ привыкъ бриться—ежедневно приходится любоваться на свою физиономію, правится это ему, или нѣтъ. Во вторыхъ, Иллаваи съ сегодняшняго дня женихъ. Внизу, на дворѣ, его четырехмѣстная коляска, въ которой онъ поѣдетъ въ Дольнаваръ вѣнчаться съ своей нареченной. Понятно, что жениху простительно полюбоваться на себя нѣсколько дольше обыкновеннаго. Наконецъ, третья причина заключается въ самомъ зеркалѣ. Это не простое зеркало, какое мы привыкли видѣть чуть не каждый день, чуть ли не въ каждомъ домѣ и которое отражаетъ лицо такимъ красивымъ, каково оно на самомъ дѣлѣ. Оно—совсѣмъ нѣтъ. Это—злое зеркало, умѣющее только показывать одни рожи и гримасы; оно перекашиваетъ глаза, кривитъ ротъ, сдвигаетъ на сторону носъ, словомъ, развѣ тотъ только будетъ долго сидѣть передъ нимъ, кто наложилъ на себя за что нибудь эпитимію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зеркало это—вещь дорогая для Иллаваи. Генеалогія зеркала такова: Францъ Иллаваи получилъ его отъ матери, которая, въ свою очередь, получила его въ подарокъ отъ своего отца, приобретшаго эту драгоценность на рынкѣ въ Маагъ-Нейштадтѣ. Она получила его когда сдѣлалась невѣстой. Тогда только что вошли въ моду шкатулки съ придѣланными къ нимъ зеркалами. Добрякъ Матвѣй Опатовскій былъ очень доволенъ подаркомъ, приготовленнымъ для дочери, но за то, какъ только молодая дѣвушка взглянула въ зеркало, то увидѣвъ тамъ вмѣсто своего юнаго личика нѣчто исковерканное чуть не бросила отцовскій подарокъ на полъ, до того перепугалась! Дѣлать, однако, было нечего, вещь уже куплена и возвращать назадъ купцу было невозможно, потому что онъ былъ уже далеко. Отецъ успокоилъ дочку, уговоривъ ее, что по крайней мѣрѣ, это зеркало не станетъ лстыть ей, а будетъ нравивше, чѣмъ всякое другое.

— И какъ хорошо, прибавилъ Опатовскій, какъ хорошо человѣку имѣть всегда возлѣ себя истиннаго друга, который постоянно говоритъ ему въ лицо одну правду.

— Госпожа Варвара Опатовская прожила, до смерти своей, дружно и хорошо съ мужемъ, господиномъ Иваномъ Иллаваи, что прямо приписывала зеркалу.

Часто она говорила и сыну: „Уважай ты это зеркало. Я оставлю тебѣ его; оно избавило меня отъ многихъ опасностей. Когда, бывало, рассержусь—сейчасъ къ зеркалу и—одного взгляда довольно. Оно всегда говорило: „не ты ли сама виновата“? Повторяю, береги и почитай его, оно и тебѣ еще послужитъ службу. И Францъ-Иллаваи бережно охранялъ зеркало и никогда не брился передъ другимъ, хотя его средства позволяли ему выписать изъ Венеціи хоть цѣлое трюмо, въ которомъ можнъ видѣть себя съ головы до ногъ. Это зеркало было самымъ близкимъ его другомъ, чѣмъ-то въ родѣ ежедневнаго свѣтника и строгаго критика его дѣйствій.

И такъ, Францъ фонъ-Иллаваи сидѣлъ и брился, а зеркало держало къ нему слѣдующую рѣчь: „Ну, вотъ, ты теперь думаешь, что куда какъ красивъ, не правда-ли? Неужели-же ты, въ самомъ дѣлѣ, воображаешь, что мужчина съ такой широкой головой какъ твоя, можетъ нравиться какой нибудь дѣвушкѣ? Вѣдь у тебя нѣтъ почти шеи. А лобъ, лобъ-то этотъ? Эти широкиа густѣйшія брови, которыя такъ и лѣзутъ одна на другую? Развѣ ты не замѣчалъ до сихъ поръ, что отъ тебя прицутъ маленькія дѣти? Если-бы еще твою круглую физиономію можно было хоть сколько нибудь вытянуть въ длину. Въ твоей фигурѣ какъ-то странно соединились комическое съ чѣмъ-то страшнымъ, простота кака-то съ чѣмъ-то дикимъ, необузданнымъ. Теперь ты отправляешься вѣнчаться. Ты думаешь, что тебя любить, потому что самъ влюбленъ? Ну, будь-же, хоть разъ, откровененъ съ собой: вообрази себя на мѣстѣ хорошенькой невѣсты и подумай—напель-ли бы ты красивымъ лицомъ, которое теперь смотритъ на тебя? Что? смѣешься? Гляди, гляди—ты сталъ еще красивѣе.

Нѣмая рѣчь эта была прервана звукомъ трубы почтальона. Передъ домомъ остановился почтовый фургоны. Иллаваи, занимавшій должность окружнаго судьи, подумалъ, что, вѣроятно, привезли дѣловыя бумаги. Черезъ минуту, въ комнату вошелъ слуга съ пачкой писемъ въ рукахъ.

— Положи ихъ на столѣ, въ канцелярію.

Какое письмо могло помѣшать жениху завязать получше галстухъ всего за часъ до вѣнца. Кромѣ того, сегодня были и именины Франца.

Наконецъ, галстухъ завязанъ.

— Ну-ка, проговорилъ женихъ, — именинникъ, взглянемъ на поздравленія.

Онъ пошелъ на верхъ, въ канцелярію, гдѣ на его бюро лежала цѣлая куча писемъ разнообразной величины и формата.

Сердце сильно застучало въ груди Франца, какъ только онъ замѣтилъ самое маленькое изъ нихъ. То были, будто, не строчки, а бисеръ, ровными рядами насыпанный на бумагу. Что-же могла писать ему невѣста въ самый день вѣнчанія? Вѣдь сегодня-же она должна была стать женой его. Можетъ быть, она не могла уже дожидаться этой минуты и въ своемъ нетерпѣннѣ послала ему слово любви?

— Да... но, зачѣмъ, однако, писала она?..

Дрожащей рукою вскрылъ онъ конвертъ. Па раздушенной бумажкѣ былъ тотъ-же бисеръ, но что это такое, что это она пишетъ!..

„Милостивый Государь!..

„Я считаю себя обязанной сказать вамъ (время еще не ушло), что сердце мое не свободно. Если я причиняю вамъ досаду, или неудовольствіе этимъ признаніемъ, то пусть вся вина падетъ на меня, забудьте меня. Мое рѣшеніе неизмѣнно. Прощайте навсегда. Желаю вамъ счастья“.

Юлія.

Францъ безмолвно опустился въ кресло. Онъ спрятавъ лицо въ свои широкія руки и только по судорожнымъ движеніямъ могучей груди его можно было догадаться, что онъ плачетъ.

— Такъ вотъ какъ! Все, все... и нѣжный шепотъ любви, и свиданія, полныя ласкъ, долгія разставанія и жадное ожиданіе свидѣться вновь... мечты о будущемъ... эти, никѣмъ невидѣнные и непонятные разговоры, взгляды или пожатія рукъ... эти поцѣлуи украдкой... все, все это уже забыто!.. Такъ вотъ каковы женщины! Но тутъ, за этой женщиной, стоитъ мужчина. Вѣдь она написала ему: „Мое сердце болѣе не свободно“. А, такъ теперь подавай мнѣ его, того, который отнялъ у меня что принадлежало мнѣ! Гдѣ ты, выходи, я расправлюсь съ тобой!

Высоко поднялась могучая грудь, затрепалъ на широкіяхъ плечахъ красивый долманъ, украшенный серебряными пуговицами. Желтныя мускулы просились на свободу помѣриться силой!..

Одна за другою быстро полетѣли во всѣ стороны принадлежности праздничнаго туалета, но галстухъ все-таки пришлось развязать передъ зеркаломъ.

А оно уже ждало Франца съ готовымъ монологомъ. „Ну что? я не говорилъ-ли тебѣ, что ты обманутъ? Но знай, что ожурачилъ себя только ты самъ, самъ ты водилъ за носъ себя. Что, по твоему, привлекательнаго могла найтти въ тебѣ хорошенькая дѣвушка? Взгляни-же на себя онытъ! И почему это ты такъ разозлился? Потому что она полюбила другоаго и, вѣроятно, красиваго молодца? Разруби ты его хоть въ куски и то не станешь менѣе уродливъ. Напротивъ, поблагодари дѣвушку за то, что она еще во-время тебѣ откровенно сказала правду, что не поступила какъ поступаютъ многія, которыя одному отдають свою руку, а другому сердце. Она, конечно, могла выдти за тебя. Вѣдь окружныи судья—очень удобный мужъ, ибо постоянно въ разъѣздахъ. Да, смотри,—въ злѣбъ своей и позабылъ, что ты—окружныи судья, такъ и оставилъ нетронутую всю кипу писемъ, что получилъ; а прочесть ихъ ты долженъ сейчасъ-же; почему знать—можетъ быть есть что нибудь и важное по теперешнему безпокойному времени. Теперь—война, страна вся въ волненіи. Ну полно, довольно гримасничать, иди-ка въ канцелярію и читай свою почту“.

Онъ повиновался тайному голосу и принялся за письма. Одно изъ нихъ было отъ комиссара Венгріи подполковника Горомболи. Языкъ этого письма былъ не столько вѣжливъ, сколько рѣшителенъ.

„Гражданинъ судья!..

„Послѣзавтра утромъ прибуду съ моей бригадой. Приготовьте сорокъ тысячъ раціоновъ хлѣба, четыре тысячи раціоновъ сѣна, тысячу мѣръ овса и пятьдесятъ ведеръ водки. Всѣ мельницы должны быть приспособлены къ выдѣлкѣ пороха, а бумажныя фабрики—къ выдѣлкѣ сукна. Распорядитесь, чтобы желѣзные заводы были исключительно заняты отливкой 6-ти и 12-ти фунтовыхъ ядеръ и ничѣмъ инымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаю вамъ немедленно изловить всѣхъ шпионовъ, а также исправить дороги и мосты, дабы не проваливались и не портились при перевозкѣ тяжелыхъ орудій. Каждое изъ моихъ приказаній вы обязаны выполнить неукоснительно, въ противномъ случаѣ будете преданы военному суду и разстрѣляны.

Подполковникъ Горомболи“.

Не смотря на все горе свое, Иллаваи не могъ удержаться отъ громкаго смѣха.

Второе письмо было отъ помощника окружнаго начальника.

Изъ посланія бѣдняги было видно, что онъ перепуганъ чрезвычайнo. Оно начиналось словами: „Ради Милостиваго Бога... и ованчивалось словами:“ Вгляните что только пишетъ правительственный комиссаръ! Помогите намъ!“ Къ сему была приложена копія съ энергическаго приказа Горомболи.

— Вы, лѣптъй,—писалъ онъ,—если ко дню моего вступленія въ городъ, не закончите совершенно рекрутскій наборъ, порученный вамъ произвести еще въ прошломъ мѣсяцѣ, то всѣ будете преданы военному суду и разстрѣляны! и т. д.

Въ послѣднемъ жалобнаго письма этого чиновника стояло: „Къ тому-же я еще и заболѣлъ“.

— Я думаю, еще-бы, проговорилъ Иллаваи.

Третье письмо принадлежало перу высокоороднаго графа Теметени. Пришлось не мало потрудиться Иллаваи, чтобы изъ тяжелыхъ периодовъ и неясныхъ, сбивчивыхъ фразъ понять, что его сятельство былъ напуганъ тѣмъ-же г. правительственнымъ комиссаромъ, возмущавшимъ о своемъ прибытіи въ гости къ графу, а также и о томъ, что этотъ послѣдній, въ качествѣ

Крымскіе татары. Выставка невѣсты-татарки и ея приданого. Оригин. рис. для „Нивы“ профессора Зверины, грав. М. Рашевскій.

Байбурог. Кутузов. Коновалов. Гавриш. Толстой. Бенингска. Баркай де-Толли. Уваров. Дохтуров. Ермолов. **Военный советъ въ Филгяхъ, близь Москвы, 1 сентября 1812 г.** Съ картины Кившенко, грав. К. Ольшеский.

главного начальника Гароварской национальной гвардии, обязан был, разделив свой батальон на роты, подготовить его надлежащим образом, так, чтобы при вступлении войск, батальон этот присоединился к ним для следования на театр войны. В противном случае граф будет предан суду и расстрелян и т. д.

В письме наполненном орфографическими ошибками, на полковнику французском и на полковнику немецком, граф объяснял, что не имеет ни малейшего понятия об обязанностях начальника батальона и просил все того же Франца Иллаваи помочь ему.

Но граф Теметвени не ограничился только одним письмом, тут же лежало и другое. Из него можно было разобрать, что его сиятельству грозила еще одна опасность. Дело было в том, что граф Теметвени отправил из имения воз с шерстью; воз этот был захвачен отрядом правительственного комиссара, который велел шерсть взять для приготовления солдатского сукна. Обстоятельство это могло причинить величайшее несчастье фамилии Теметвени, какое и почему—этого в письме сказать было неудобно, а потому г. судья пригласился захватить „хоть на полчаса“, сегодня, непременно сегодня.

— Так-то так, проговорил Франц, но каким же образом я могу сразу попасть в семь мест? Однако—как все сложилось к лучшему. Поужай я на свадьбу, не прочитаю письмо, я или был-бы схвачен и пожалуй присужден к расстрелянию, или мне пришлось-бы бежать на край света и проследить измученным; прочти я их до свадьбы и уведомлю семейство моею невесты, что не могу приехать—они прославили бы меня нечестным человеком, бросившим девушку, отказавшимся от своего слова, и были-бы правы. Ну-с, а теперь—за дело.

Через несколько минут он уже составил себе весь план кампании.

До обеда должно уже начаться печение хлеба, в последующее время местные земские власти обязаны немедленно приступить к сбору рекрутов, которые должны быть освидетельствованы и направлены, затѣм, в город; вечером Франц ъдет в Гарго, к графу Теметвени, ночью подымет с постели дорожного смотрителя, заставит переменить балки на мостах и осмотреть дороги; а на следующую день будет ожидать подполковника Горомболи. И все это—в 24 часа.

Обдумав свой план, Франц посмотрел в зеркало.

— Ну вот, теперь ты мне нравишься,—ответило оно ему.

III.

Племянникъ.

Все утро Иллаваи провозился с разными сельскими властями, которым пришлось объяснить и втолковывать как и что надо делать. Затѣм пришлось потрудиться и надъ хлебом. Страна этимъ важнымъ продуктомъ не богата; но, все, что можно было достать—было добыто, появилось и хлебъ, а затѣм и рекруты.

Молодники судьи и многи други власти были призваны в ряды национальной гвардии, а потому Иллаваи пришлось взять на себя всю работу по приему рекрутов. Он сам записывал их в списки, пока окружный доктор освидетельствовал их там, на крыльце. Почти все были признаны годными, потому что в этой местности народъ, по большей части, здоровый; мало там кривых, хромоногих, золотушных и т. д. Охотно идут молодцы в солдаты, чтобы сразиться за свое отечество. „Ja som magyar!“ с восторженной гордостью восклицают, колотя себя рукой по широкой груди. Двор переполненъ женщинами, пришедшими провожать своих женихов, возлюбленных своих сыновей. Прошлются здѣсь родные с приятными на службу ребятами. Но рекруты еще не обмундированы, у них только и есть, что национальные кокарды на шапках; остальные принадлежности они получают в разное время и в различных местах: ментикъ, может быть, в Тирнавъ, долманъ—в Прессбургъ, пу, а уж ружье и штыкъ—там, гдѣ найдутъ неприятеля, у которого их отымутъ.

На улицѣ оборванные цыгане играют каную-то лихую национальную пѣсню; а несколько говведовъ—уштеръ-офицеровъ подбадривают молодежь и угощают их красным виномъ.

Работа идет так быстро, что Иллаваи еле видит в лицо, кого записывает и кому, послѣ освидетельствования, выдает на руки вперед по три настоящих, добрых цванцигера.

В этих хлопотах он и не замѣтил двѣ новыя фигуры, которыя, тѣсно прижавшись одна къ другой, старались протиснуться сквозь толпу, къ столику, за которым он сидѣлъ.

Первый былъ высокий, скорѣе длинный и худощавый юноша. Лѣтъ двадцати,—одно изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ въ старости сохраняется выражение дѣтской наивности, чего-то ребяческаго. Лицо это обыкновенно блѣдное, часто покрывалось густою краскою, свѣтло-голубые глаза, очень близко сидяще одинъ отъ другого, никогда не смотрѣли на того, къ кому обращались, изъ нескольких волосковъ надъ верхней губой, сильно намазанных венгерской помадой и потому торчавшихъ двумя иглами по сторонамъ рта, видимо никогда не выйдеть усовъ, а по наивному лицу видно, что обладатель его всего болѣе тру-

силъ, именно тогда, когда инягиса. Долговязая человекъ фигура эта, съ огромными выщипками долманъ, очевидно спитый на другого, меньшаго ростомъ,—молодой человекъ совсѣмъ, какъ говорится, вылезалъ изъ него. Голову его украшала шапка национальной гвардии. Второй, не отстававшій отъ товарища ни на шагъ, былъ такой-же юноша, и приблизительно тѣх-же лѣтъ, съ физиономіей, до такой степени густо заросшей черными бачеками и бородой, что сразу можно было замѣтить только два веселых, и не лишенныхъ выразительной хитрости глаза. Шапка его была вытертая, а онъ былъ одѣтъ въ бѣлый, далеко уже не новый, китель, на которомъ не доставало многихъ пуговицъ. Безцеремонно растолкавъ мужиковъ, они добрались до стула Иллаваи, или, лучше сказать, до спинки его; первый изъ двухъ нагнулся къ самому его уху и громко произнесъ:

— Пините—„Сома Анагвари“.

При звукѣ этого голоса Францъ поднялъ голову, и увидѣвъ подошедшихъ, бросилъ перо.

— Это что за новое дурачество? воскликнулъ онъ.

Долговязый юноша вытянулся во весь ростъ, принявъ геройскую позу и, затеребивъ тѣ нѣсколько волосковъ, которые называлъ своими усамъ, глянулъ черезъ голову судьи (а не въ лицо ему), какъ-бы обращаясь къ бутылкѣ съ чернилами въ углу.

— Это дурачество?! Вы трусь и измѣнникъ, если хотите мѣшать героической молодежи идти проливать кровь за отечество. Знаемъ мы васъ. Я напишу въ „Nepszava“ („Народный Голосъ“), что Петрѣшфальвскій окружный судья препятствуетъ становиться подъ знамена... я...

Тутъ его бродившій взглядъ случайно упалъ на Иллаваи и онъ, въ одну минуту, позабывъ все, что имѣлъ сказать еще.

— Взгляните на меня. Корнель, произнесъ этотъ послѣдній, уставившись въ него пристальнымъ, магнитическимъ взглядомъ кто и?

Пока длинный недоросль, будто повинная какой-то силѣ, повольно смотрѣлъ въ глаза судьи, онъ не былъ въ силахъ выговорить ни одного слова, но, освободившись изъ этого „пѣна“, и опять направивъ свой взглядъ на бутылку съ чернилами, онъ снова приободрился.

— Вы—больше не почитаете мнѣ! Отнынѣ я не подпишусь ни вамъ, ни комитату (т. е. провинціальному, комитатскому совету)—часъ свободы моею пробилъ. Ваша деспотическая власть надо мной прекратилась.

— Я васъ просилъ не объ этомъ; а желалъ только, чтобы вы мнѣ сказали, гдѣ я, по вашему, собственно состою судьей?

— Въ Петрѣшфальвѣ! И говорю это вамъ, чтобы вы напередъ знали; теперь итъ ни Пруссаки и никакихъ другихъ названій, кромѣ венгерскихъ. всякая деревня должна получить венгерское названіе, а каждый житель—венгерское имя.

— А, да! Такъ вотъ почему вы называете себя Анагвари.— Положимъ, это одно и то-же, что Олатовскій; но откуда это имя „Сома“? „Рожокъ“, что-ли?

— Г. окружный судья, прошу васъ не осирѣть, когда рѣчь идетъ о столь святомъ дѣлѣ, какъ отечество, а лучше перестаньте удерживать герцовъ отъ высокой цѣли!

— Хорошо, будь по вашему! Но скажите-ка мнѣ, вотъ,—побывали-ли уже герои у фельдшера, для осмотра.

— Это еще къ чему?

— Моя инструкция предписываетъ такъ—не угодно-ли вамъ отправиться къ фельдшеру и раздѣться.

— Ба-ахъ! Я, магнатъ, да чтобы раздѣвался предъ деревенщиной?

— Ну! Вы сами говорите,—мы вѣдъ теперь все равны, „сограждане“.

— Но!.. тотъ снова занулся.

— Угодно вамъ, или нѣтъ? У меня итъ времени разговаривать съ вами.

Молчаніе.

— А, подумайте, нельзя-ли это... завтра? вдругъ проговорилъ онъ въ полголоса.

— Нѣтъ, нельзя—я обязанъ еще сегодня-же вечеромъ отравить весь комплектъ повобранцевъ.

Сома обмѣнялся взглядомъ съ стоявшимъ за его спиной товарищемъ, и этотъ послѣдній сказалъ съ какою-то гримасой:

— Видите-ли, съ нами произошло маленькое несчастье—молодой баринъ затерялъ рубашку.

— Эй вы, полноте болтать вздоръ-то!..

Иллаваи сердито хлопнулъ рукой по столу.

— Э, чортъ возьми! Поиду и раздѣнусь! воскликнулъ Сома и бросился было къ выходу, но, сдѣлавъ два шага, опять остановился. Нѣтъ, не поиду!

Взглядъ его вдругъ упалъ на стоявшій передъ судьей ящикъ съ сигарами. Юношѣ пришла моментально благая мысль: онъ быстро схватилъ сигары, отсчиталъ себѣ нѣсколько штукъ и произнесъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, хорошо, я согласенъ идти, но только самымъ необходимымъ, когда отсутствать всѣхъ, а до тѣхъ поръ, пойдемъ брататься съ сосуживцами.

— Вы останетесь здѣсь! приказалъ Иллаваи спутнику Сома, обладавшему разительнымъ сходствомъ съ наивномъ.

(До слѣдующаго №).

Въ Печорскомъ краѣ.

(Рис. на стр. 4 и 5).

Печорскій край представляетъ одинъ изъ самыхъ глухихъ, уединенныхъ, обособленныхъ угловъ нашего отечества. Рѣчная область рѣки Печоры занимаетъ громадное пространство въ 7.850 кв. м. географич. и съ одной стороны примыкая къ горамъ Урала, съ другой къ Тиманскому хребту, онъ частью покрытъ дремучими лѣсами, частью едва проходимыми тундрами. Мало путей ведутъ въ этотъ глухой, уединенный край. Жителей мало (до 30,000) въ рѣдко разбросанныхъ селеніяхъ. Русскія поселенія расположены въ двухъ группахъ около Усть-Цильмы и Бѣлозерска. Судходство значительно вверхъ и внизъ по рѣкѣ, торговля составляетъ въ сложности оборотъ до милліона. Скотоводство, особенно оленеводство (между зырянками) достаточно развито. Одной замши вывозится болѣе чѣмъ на 100 т. рублей. Въ этотъ глухой лѣсистый и гористый край недавно ѣздилъ г. Иванчикъ, доставившій намъ свои путевыя замѣтки и наброски, пользуясь которыми Н. Н. Каразинъ сдѣлалъ прилагаемые рисунки.

На лѣвомъ рисункѣ сверху открывается величественный видъ съ рѣки Щугоры на Гору Толпозъ.

Высота этой вершины Урала должна быть весьма значительна, потому что за 90 верстъ, съ Печоры, Толпозъ видѣнъ отлично.

Съ рѣки Щугора видъ на него наилучшій. Онъ представляется двуглавымъ великаномъ темносиняго цвѣта, съ вершины котораго сбѣгаютъ по бокамъ серебряныя полосы—это снѣгъ, залегающій въ ущельяхъ горы и никогда вполнѣ не растаивающій.

Попастъ на Толпозъ трудно. Единственный путь къ нему—рѣка Щугора, по которой можно подняться до подножія горы въ 5—6 сутокъ, но съ огромными затрудненіями. Надо имѣть большую и широкую лодку, способную выстоять на страшныхъ быстринахъ а въ порогахъ Щугора и опытныхъ проводниковъ.

Слово Толпозъ—зырянское и значить „гнѣздо вѣтра“. У печорцевъ существуетъ повѣрье, что на Толпозъ никто не можетъ взобраться безнаказанно. Едва человѣкъ пройдетъ полосу лѣса, одѣвающего нижнюю часть горы и станетъ подниматься по камню, покрытому одними лишайниками, какъ съ вершины начинается дуть бурный вѣтеръ, карабкается на встрѣчу которому никто не въ состояніи.

Невдалекѣ отъ истоковъ Щугора беретъ свое начало и р. Подчеремъ, правый притокъ Печоры.

Вода этой рѣки отличается такою-же поразительною прозрачностью, какъ и вода Щугора. На двухсаженной глубинѣ вы можете ясно разглядѣть каждый камушекъ и каждую травку растущую на днѣ. Становится странно, когда глядишь съ лодки въ воду; лодка кажется висащею на воздухѣ, воды какъ будто нѣтъ.

Берега Подчерема чрезвычайно живописны; съ каждымъ поворотомъ рѣки открываются новыя картины, на которыя нельзя вдоволь налюбоваться.

Третій рисунокъ той же стр. представляетъ видъ рѣки протекающей между скалами горнаго известняка. Здѣсь направо видна отвѣсная скала; она какъ-будто поднялась вертикально со дна рѣки и стала передъ береговымъ лѣсомъ, напоминая нѣсколько театральную декорацию; влѣво скалы съ острыми ребрами, какъ-бы обшеченными рукою человѣка; за мысомъ праваго берега скрыты такія-же скалы, такъ что тутъ образуются ворота. Отвѣсная скала направо называется „ларусомъ“.

На первомъ рисункѣ правой страницы видно какъ на берегу рѣки возвышаются словно замки; такихъ замковъ шесть, ихъ тоже зовутъ парусами.

Стѣна отвѣсная, на р. Щугорѣ, состоящая изъ горнаго известняка, прорѣзанная рѣкою, образуетъ какъ-бы ворота, (рис. 5 на правой сторонѣ) черезъ которыя рѣка и проходитъ довольно медленно, а вовсе не стремится съ ужасающею быстротою, какъ рассказываетъ въ своей книгѣ одинъ путешественникъ, вѣроятно никогда и не видавшій Щугора. Вершина воротъ покрыта большимъ лѣсомъ и взойти на эту вершину весьма легко, обѣхавъ ворота и приставъ къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ берегъ поднимается къ вершинѣ воротъ пологимъ скатомъ. Отсюда, т. е. съ вершины, открывается прекрасный видъ на Уралъ.

Въ 300 слишкомъ верстахъ отъ Троицкаго погоста, внизъ по Печорѣ, впадаютъ въ эту рѣку съ лѣвой стороны двѣ небольшія рѣчки Солясъ и Вол. Вытекающая изъ болотъ, прилегающихъ къ Печорѣ и пройдя нѣсколько десятковъ верстъ дремучими лѣсами, рѣчки эти встрѣчаютъ на своемъ пути хребетъ горъ, состоящій изъ песчаника, прорѣзавъ который и образовавъ въ немъ живописныя ущелья, вливаются въ Печору на разстояніи 20 верстъ одна отъ другой.

Пригодность соляскаго песчаника для выдѣлки точилъ и брусевъ была признана съ древнихъ временъ. Еще царь Михайлъ Осодоровичъ въ лѣто отъ Р. Хр. 7146 предоставилъ ломку камня на Солясской Брусной горѣ крестьянамъ печорскаго и Устьенскаго (на Вычегдѣ) обществъ. Это жалованье мотиви-

ровалось недостаткомъ хлѣба и покосовъ на р. Печорѣ (дѣйствительно, мы знаемъ, что хлѣбъ на Печорѣ родится плохо, а ниже села Щугора и вовсе не родится).

Первоначально крестьяне сами занимались ломкою бруса, но потомъ отдали гору въ арендное содержаніе и отдають до сихъ поръ, получая весьма незначительный доходъ (по 4 р. 50 к. на человѣка), тогда какъ арендаторы наживаютъ огромныя деньги. Замѣчательно при этомъ то, что сами владѣльцы горы и нанимаются въ рабочіе къ арендатору на все лѣто опять таки за весьма скудную плату.

При устьѣ рѣчки Солясы стоитъ деревенька Усть-Солясъ. Отсюда можно попасть на гору или лѣшкомъ, пройдя 7 в. лѣсной тропой, или поднявшись по Солясу на лодкѣ (ок. 12 в.). Тропа идетъ веселымъ боровымъ мѣстомъ и часа черезъ полтора пути вы увидите изъ за лѣсу вершину Брусной горы, покрытую елями и огромными лиственницами. Выйдя на открытое мѣсто, т. е. на берегъ р. Солясы, я остановился, пораженный прекрасной картиной. Повятіе объ этой картинѣ дасть читателю прилагаемый рисунокъ, (4 на лѣвой сторонѣ) снятый тутъ же на мѣстѣ. Отвѣсныя стѣны Брусной горы поднимаются отъ береговъ рѣчки Солясы сажень на 60—70 въ вышину и представляютъ какъ-бы стѣны замка, сложенные изъ гигантскихъ плитъ. На лѣво впереди видна изба, занимаемая управляющимъ и служащими; правѣе по берегу рѣчки расположены хатки рабочіихъ; выше на уступѣ горы походная церковь, въ которой по временамъ совершается служба священникомъ, пріѣзжающимъ сюда изъ села Щугора.

Разрабатывается часть горы праваго берега; мѣсто работки не видно на рисункѣ; оно находится немного позади вершины и представляетъ котловину, края которой и разтираются постоянно выемкою каменныхъ глыбъ. Лѣвая половина еще не тронута.

Во время пребыванія г. Иванчика на горѣ (въ іюнѣ 1881) рабочіихъ было не болѣе ста человѣкъ (не считая женщинъ, занятіе которыхъ заключается въ шлифовкѣ брусевъ и точилъ); главная работа шла на Войской горѣ.

Рабочіе располагаются гдѣ кому удобнѣе на склонахъ котловины, откалываютъ ломами глыбы камня отъ общей массы и затѣмъ особаго рода топориками раздробляютъ эти глыбы и вытесываютъ изъ нихъ брусья и точила. Работа эта тяжелая и вредная для здоровья, такъ какъ при вытескѣ отъ камня отдѣляется тончайшая пыль, засоряющая глаза и проникающая въ легкія. Рабочіе встають и принимаются за работу въ 2—3 часа утра, а кончаютъ въ 4—5 вечера. Выдѣланные ими брусья и точила поступаютъ для окончательной отдѣлки (шлифовки) женщинамъ и затѣмъ до времени сдачи управляющему хранятся въ хаткахъ, о которыхъ упомянуто выше.

Принятіе брусевъ и точилъ начинается въ августѣ. Принятый грузъ помѣщается на особаго рода суда (каюки), которыя и поднимаются вверхъ по Печорѣ до Троицкаго погоста. Отсюда нѣкоторая часть груза идетъ печорскимъ волокомъ на Вычегду, а большая поднимается еще выше въ пермскую губернію до Якшинской пристани и здѣсь опять дѣлится: часть идетъ въ Сибирь, часть на Волгу, въ Нижній.

Въ этихъ пустыняхъ есть и прекрасный монастырь.

20 лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ монастыря (видъ котораго читатели найдутъ на 3 рис. съ права) стояла маленькая деревянная церковь и при ней три избушки. Это была Сласская Ульяновская пустынь, основанная въ концѣ XVI в. Стефаномъ Великопермскимъ, просвѣтителемъ зырянъ и упраздненная еще до 1764 г. До 1860 г. въ этой пустынѣ жилъ священникъ съ двумя причетниками. Они пользовались землею, пожалованною пустыни царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1671 г. въ количествѣ 215 слишкомъ десятинъ.

Тяжело было вначалѣ положеніе пришельцевъ въ глухомъ и дикомъ краю; они жили чуть не въ шалафѣ, ѣли съ доншиковъ, отбитыхъ отъ горшковъ, ложками, сдѣланными изъ бересты, но энергія и любовь къ труду на пользу братій сдѣлали то, что въ короткое время Ульяновскій монастырь сталъ на ряду съ лучшими монастырями на Русѣ.

Теперь монастырь этотъ—цѣлый городокъ. Соборъ отличается своей архитектурой, хорошей живописью и внутреннимъ устройствомъ.

По дорогѣ изъ Ульяновскаго монастыря въ Усть-Сысольскъ стоитъ на лѣвомъ берегу Вычегды село Деревянскъ, въ которомъ вниманію заслуживаетъ деревянная церковь, построекъ этого рода. Представляемый читателямъ „Нивы“ видъ этой церкви не требуетъ комментарій. Внутренняя отдѣлка церкви не представляетъ никакихъ особенностей—она уже обновлена и самую церковь въ непродолжительномъ времени предположено перенести ближе на берегъ и обшить тесомъ.

Къ рисункамъ.

Свадебные обряды крымских татаръ.

(Къ рисунку проф. Зверинъ, стр. 12).

Крымскіе Татары еще до сихъ поръ сохранили много своеобразныхъ и характерныхъ чертъ какъ въ обычаяхъ, такъ и въ образѣ жизни. завѣщанныхъ имъ глубокою, незапамятною стариною. Особенно выдаются по своей оригинальности ихъ свадебные обряды, въ которыхъ смиренный и расчетливый татаринъ дѣлается неузнаваемъ, выказывая совершенно необычныя ему свойства, какую-то воинственную удалъ, размахистость натуры, нѣкоторую расточительность и шумное, даже бѣшеное веселье. Такъ женихъ еще задолго до свадьбы долженъ приготовить къ очень значительнымъ расходамъ, чтобы имѣть возможность снабдить всемъ необходимымъ свою невесту, угощать до отъезда цѣлую недѣлю толпу гостей званыхъ и незваныхъ, удовлетворить подарками сватовъ и жепныхъ родственникововъ и наконецъ разсчитаться съ деревенскимъ муллою, всегда утѣшящаго пользоваться такимъ счастливымъ событіемъ, каимъ всегда бываетъ нѣжякъ, т. е. бракосочетаніе. Кромѣ того свадьба по незапамятно-древнему обычаю должна праздноваться всю недѣлю по извѣстному церемоніалу.

Въ первый день невеста обыкновенно купается, красить голову *кноу*, т. е. растительною красною краскою и покрывается надъ занавѣсомъ, подъ которымъ и пребываетъ до тѣхъ поръ, пока не поступаетъ въ полное распоряженіе мужа. Съ этого дня ее начинаютъ посѣщать гости, принося ей свадебные подарки. Въ послѣдній же день является мулла, чтобы при свидѣтеляхъ спросить о согласіи невесты. Невѣста обыкновенно ничего не отвѣчаетъ, а только заливаясь слезами—что считается пошлѣйшимъ ея согласіемъ. Кромѣ муллы, важную роль на свадьбѣ еще играетъ сваха (ала). Эта ала является между гостями съ подносомъ, на которомъ стоитъ чашка съ *кноу*, предназначенная для окрашиванія невесты. Свахѣ сопутствуютъ музыканты и толпа дѣтей съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Собравъ посылныя приношенія со всехъ присутствующихъ, ала идетъ къ невестѣ, украшиваетъ ей руки и ногти и стрижетъ ей волосы оставляя въ знакъ замужества по сторонамъ лба двѣ большія букли, называемыя *зелифами*. Между тѣмъ женихъ, во время этого туалета невесты, продолжаетъ веселиться и угощаться въ мужской компаніи, въ которой по этому случаю уничтожается громадное количество бузы и водки. Наконецъ послѣ сытнаго ужина повобратный отправляется въ опочивальную комнату, куда вслѣдъ за нимъ приводится съ связанными ногами и повобратная однимъ изъ своихъ родственникововъ. Тогда мужъ поднимается съ своего мѣста, развязываетъ ей ноги и совершаетъ выѣстъ съ нею *намазъ* или молитву. Въ это время все пирующіе на свадьбѣ выходятъ на улицу, съ музыкой, шумятъ, поютъ и плясуютъ.

Особенно интересенъ обрядъ смотринъ, представленный на прилагаемомъ нами рисункѣ и исполненный съ натуры извѣстнымъ художникомъ-этнографомъ проф. Звериню.

По словамъ проф. Зверинъ этотъ обрядъ происходитъ обыкновенно послѣ праздника Байрама и особенно ревностно соблюдается среди семей, считающихъ себя прямыми потомками Золотой Орды Чингизъ-Хана. Предметомъ для публичной выставки обыкновенно избирается дѣвушка безупречная какъ въ физическомъ такъ и въ нравственномъ отношеніи. Въ назначенный день, который называется здѣсь *джели*, она выставляется на показъ женихамъ этой мѣстности. при чемъ около нея раскладываются все ея приданое. Такимъ образомъ лишь подъ охраною почетной конной стражи (кумары), красавица остается до вечера предметомъ созерцанія исключительно мужчинъ, сохраняя во все это время самое упорное молчаніе. Женщинамъ имѣютъ право наблюдать за нею лишь въ самомъ почетномъ отдаленіи. Съ закатомъ солнца выставка прекращается и дѣвушка отправляется домой, сопровождаемая цѣлой свитой поклонниковъ. Такъ рассказываетъ проф. Зверинъ объ этомъ обычаѣ.

Литературный альбомъ. „Скупой Рыцарь“, А. С. Пушкина.

(Рисунокъ на стр. 17).

„Скупой рыцарь“ принадлежитъ къ ряду небольшихъ, но удивительно изящныхъ по формѣ и замѣчательныхъ по глубинѣ содержанія драмъ нашего славнаго поэта. Любопытно, что было еще нѣсколько ненапечатанныхъ драмъ, списокъ которыхъ найденъ въ бумагахъ поэта, напримѣръ: „Курбскій“, „Дмитрій и Марина“ и т. д. Затеряны ли онѣ потомъ или уничтожены Пушкинымъ—осталось неизвѣстнымъ. Въ первомъ изданіи „Скупого рыцаря“ драма эта приписана Ченстоу, автору разныхъ сценъ и идиллій, жившему въ прошломъ столѣтіи, хотя до сихъ поръ никто не нашелъ такого произведенія у Ченстова. Какія причины заставили Пушкина указать на этого именно автора неизвѣстно, ясно только одно, что въ „Скупомъ рыцарѣ“ сила, оригинальность, прелесть стиха такъ велики, что несомнѣнно у Ченстова, судя по извѣстнымъ его произведеніямъ, не могло

быть ничего приближающагося къ этому хотя сколько нибудь по достоинству.

Рисунокъ нашего художника относится къ знаменитой сценѣ драмы, извѣстной каждому грамотному русскому. Сцена начиналась словами „Какъ молодой повѣса идетъ свиданіа“, отличается гениальною законченностью и чисто Шекспировскою мощью. Рыцарь зажигаетъ свѣчи и жадно любуется блескомъ золота...

„Я царствую! какой волшебный блескъ!

Послушна мнѣ, сильна моя держава:

Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!

„Читай я гдѣ то“ (говоритъ оцъ дѣть)

„Что царь однажды воинамъ своимъ

Ведѣть снеси земли по горсти въ кучу

И гордый холмъ возвысился и царь

Могъ съ вышины, съ весельемъ озирять

И доль, покрытый бѣлыми шатрами

И море, гдѣ бѣжали корабли.

Такъ я, по горсти бѣдой принося,

Привычно дань мою сюда въ подвалъ,

Вознесъ мой холмъ и съ высоты его

Могу взирать на все, что мнѣ подвласт

Извѣстно содержаніе драмы. Сынъ, отважный царь, измученный скупостью и безсердечіемъ герцога, государя своего, вступится за него и старикомъ. Герцогъ исполняетъ его просьбу, но ходитъ только то, что молодой рыцарь, оскорбле ведливыми обвиненіями отца, у котораго страе поглощаетъ все болѣе благородныя чувства—перчатку. Герцогъ вступается, гнѣвно прекран по старикъ такъ потрясенъ этимъ, что падаетъ его послѣднее восклицаніе

Гдѣ ключи!

Ключи, ключи мои!

коментируется превосходно словами пораженъ „Умеръ! Боже! Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!“

Татаринъ-халатникъ.

(Рис. на стр. 18).

Казанскій татаринъ не чета татарину-крымцу, своему-собрату по вѣрѣ и происхожденію. Такъ, въ то время, какъ крымскій татаринъ стрижетъ своихъ овецъ и барановъ и холитъ свои виноградники, казанскій татаринъ промышляетъ то мыломъ, то халатами, то разными старьемъ, успѣшно конкурируя съ оборотливыми сынами Израиля. Смѣло входитъ онъ на каждый дворъ, съ огромнымъ мѣшкомъ за плечами, выкрикивая рѣзкимъ, горланымъ голосомъ: „халатъ! халатъ!“ и упорно смотритъ въ огонь особенно верхнихъ этажей. Онъ знаетъ по опыту, что халаты его теперь не въ модѣ, а потому онъ ихъ имѣетъ всегда въ самомъ ограниченномъ количествѣ, но кромѣ этого необходимаго атрибута восточной роскоши, у него найдется цѣлый ворохъ поношеннаго платья и старыхъ вещей, которыми онъ и ведетъ свою главную, прибыльную торговлю. Купивъ какую-нибудь носильную рухлядь за безцѣнокъ, татаринъ перепродаетъ ее другимъ маклакамъ; старье реставрируется, обновляется, снова продается въ удрученномъ видѣ въ темныхъ углахъ толнучаго рынка. А татаринъ—это пронырливая ищайка всего стараго и поношеннаго, снова беретъ свой мѣшокъ, и съ крикомъ: „халатъ! халатъ!“, внимательно устремитъ свои узкіе, хитрые глаза на окна четвертаго или нятаго этажа, гдѣ живетъ большая часть его постоянныхъ данщиковъ.

Военный Совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ.

(Картина Кившенко, стр. 13).

Эпоха отечественной войны—это борьба на смерть двухъ гигантскихъ соперниковъ, это побѣда русской монцы и патриотизма надъ всеми усиліями многочисленнаго и искуснаго врага, содержитъ въ себѣ такъ много высокихъ, чисто этическихъ подробностей и эпизодовъ, что невольно удивляешься тому равнодушію нашихъ художниковъ, съ какимъ относились они къ этой богатой темѣ до появленія въ свѣтъ извѣстнаго романа графа .І. Н. Толстого „Война и миръ“. Неожиданно эта книга своими высоко художественными красотами, своею картинностью и живостью изложенія, какъ бы воскресила давно забытую эпоху въ умахъ нашего современнаго общества и съ легкой руки нашего знаменитаго романиста, событія отечественной войны снова стали и предметомъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, и сюжетомъ художественныхъ произведеній.

Съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ, а именно съ талантливою картиною Кившенко „Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ“, мы и желаемъ на этотъ разъ познакомиться нашихъ читателей.

Въ то самое время, когда едва замолкли громы Бородинской битвы и когда еще обѣ арміи, непріятельская и наша, обезси-

(Продолженіе на стр. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24).

Литературный альбомъ. „Скупой рыцарь“ А. С. Пушкина. Оригин. рисун. И. Земцова, грав. Флюгель.

ленные страшными потерями, въ виду Москвы, въ перѣшности стояли другъ противъ друга, невольно возникалъ для русскихъ вождей роковой вопросъ: принять ли сраженіе, заложить грудью нервопрестольную столицу, или отступить, отдавъ ее на жертву непріятелю. Этотъ то несложный вопросъ и былъ рѣшенъ вечеромъ 1-го сентября 1812 года въ Филіяхъ, деревушкѣ отстоящей въ полуторахъ верстахъ отъ Дорогомилдовской заставы, на пути ведущемъ изъ Москвы въ Можайскъ. Здѣсь въ убогой, небольшой избѣ собралась блестящая толпа русскихъ генераловъ съ самимъ фельдмаршаломъ во главѣ и долго, долго шель здѣсь хотя и тихій но оживленный споръ, пока самая точная стратегическая вѣзда и доказательство не убѣдили большинство въ печальной необходимости — отдать Москву врагамъ безъ выстрѣла. Но къ этому рѣшенію пришли не безъ отчаянной борьбы; особенно долго защищалъ свой планъ сраженія на избранной имъ позиціи генералъ Беннигсенъ, старавшійся всегда идти наперекоръ Кутузову; но его словамъ необходимо было отважиться на битву и заложить собою Москву, потеря которой могла самымъ невыгоднымъ образомъ отразиться какъ на духѣ арміи, такъ и всего русскаго народа. Съ нимъ соглашались Дохтуровъ, Уваровъ, Коповницинъ и Ермоловъ, но Барклай де Толли возсталъ противъ такого односторонняго мнѣнія и энергически сталъ доказывать, что на предполагаемой позиціи наши войска будутъ разбиты навѣрное и что тогда мы останемся не только безъ Москвы но и безъ арміи. „Съ потерей Москвы, говорилъ онъ, еще не потеряна Россія“ и указывалъ на путь отступления къ Владимиру и Нижнему Новгороду. Его поддерживалъ храбрый Раевскій, прибывшій на совѣщаніе позже другихъ и съ откровенностью солдата прямо высказавшійся за уступку Москвы и за немедленное отступление.

Наконецъ послѣднимъ заговорилъ Кутузовъ, молча выслушавшій всѣ разнообразныя мнѣнія членовъ совѣта и ни однимъ словомъ не изболочивъ своего плана дѣйствій, уже давно созрѣвшаго въ его опытномъ умѣ. Маститый вождь уже созналъ печальную необходимость отдать Москву и не колеблясь готовъ былъ принести ее въ жертву для спасенія Россіи.

Типы нашихъ инородцевъ. Татаринъ-халатникъ.
Оригин. рисун. П. Панова, грав. Пуць.

— Знаю, сказалъ онъ, что отвѣтственность обрушится на меня, но я жертвую собою для блага отечества.

Сказавъ это, онъ поднялся со стула, прибавивъ: „Приказываю отступить“.

Восенний совѣтъ въ Филіяхъ, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, извѣстнаго нашего историка отечественной войны, продолжался очень долго. Лишь поздно вечеромъ отворились двери избы, занятой фельдмаршаломъ; одинъ за другимъ вышли оттуда генералы и мало по малу скрытно и шепотомъ начала распространяться страшная вѣсть объ уступкѣ Москвы непріятелю — вѣсть, поражающая всѣ сердца неожиданною и глубокою скорбью.

Конечно, нечего и говорить, что описаніе военнаго совѣта которое есть въ романѣ графа Толстого „Война и миръ“ отличается чрезвычайною живостью и художественностью.

Въ просторной избѣ крестьянина Андрея Севастьянова происходитъ военный совѣтъ, въ черной избѣ черезъ стѣны толпятся мужики, бабы и дѣти, а маленькая Маша, внучка хозяина, даже остается въ большой избѣ на печи и такимъ образомъ присутствуетъ нечаянно при историческомъ совѣщаніи. Любуется мундирами и регалиями генераловъ и съ любопытствомъ смотритъ на дѣдушку, т. е. на Кутузова, который сидитъ глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно покряхтываетъ и расправляетъ воротникъ сюртука, который хотя и расстегнутый, все какъ будто жаль что шевѣ. Какъ массивная фигура Кутузова, такъ и типы другихъ извѣстныхъ нашихъ генераловъ двѣнадцатаго года весьма удачно воспроизведены нашимъ художникомъ г. Кившенко, и вообще вся его картина, во всѣхъ ея подробностяхъ, передаетъ очень жизненно и правдиво одну изъ лучшихъ, высоко художественныхъ страницъ „Войны и мира“. Въ картинѣ много оживленія и вмѣстѣ простоты. На серьезныхъ лицахъ чувствуется великая важность переживаемой минуты. Ермоловъ даже всталъ, съ напряженнымъ вниманіемъ вслушиваясь въ слова Главнокомандующаго. Говоритъ Кутузовъ, и интересъ картины сосредоточивается около его личности. Картина эта была на выставкѣ прошлаго года въ Императорской Академіи Художествъ и обратила на себя вниманіе.

С М Ъ С Ъ .

Прививка оспы китайцами. Хотя ни одинъ портъ въ мірѣ не подверженъ такъ осенней эпидеміи какъ Гонконгъ, однако, она никогда тамъ не появляется. Почти всѣ китайцы носятъ слѣды оспы на рукѣ, и именно отъ прививки, которую совершаютъ туземные врачи госпиталю Тунгво, не только жителямъ Гонконга, но также поручаютъ врачамъ, ѣдущимъ съ этою цѣлью прививать оспу въ соѣдиненныхъ провинціяхъ китайскаго государства.

Еще средство противъ укушенія змѣи. Изъ Рио-Жанейро сообщаютъ, что въ физиологической лабораторіи мѣстнаго музея, противъ укушенія змѣи съ успѣхомъ употребляли марганце-кислый кали. Опыты производились надъ собакой, укушенной Кобра (Bothrops juraguaca), ей дѣлали подк жныя выскрѣиванія изъ марганце-кислаго кали въ количествѣ 2 граммъ.

Наши перелетныя птицы въ Африкѣ. Великій прѣлвжій изъ Европы въ Египетъ зимою, бываетъ приятно пораженъ видомъ знакомыхъ птицъ, прилетѣвшихъ сюда ранѣе его. Тысячи ласточекъ посятся въ прозрачномъ воздухѣ Каира; въ Дельтѣ и по Нилу красуются водяныя птицы, которыя встрѣчали насъ на нашихъ рѣкахъ. Птиголицы и скворцы, большими массами встрѣчаются отъ Нила до Онея, по берегу рѣки и въ деревняхъ большія стаи скворцовъ залетаютъ далеко въ пустыню. Наши пѣвчія птицы залетаютъ еще да

лѣе, въ глубь Африки. Перелетныя наши птицы чувствуютъ себя тамъ хорошо, никто не помышляетъ нанести имъ вредъ и даже горшунки ихъ не трогаютъ. Пугливая у насъ цыганка, въ Африкѣ садится часто на руки человѣку. Египтяне преслѣдуютъ только перелетовъ. Какъ только они появляются въ Саидѣ, Александріи и другихъ прибрежныхъ городахъ Нижняго Египта, тутъ для нихъ приготовлены стѣны, но опасность ихъ минуетъ, какъ только они достигнутъ Ливійской или Аравійской пустыни. Слѣдуетъ упомянуть, что арабы берегутъ всѣхъ безвредныхъ животныхъ. Если взять въ руки хамелеона, который часто встрѣчается въ аравійскихъ сѣдахъ Яффы, чтобы посмотреть на измѣненіе цвѣтовъ его кожи, то ближайшій арабъ попроситъ васъ вынустить животное на свободу, иначе оно умретъ, прибавляетъ онъ.

Къ анатоміи инфузорій. Эрэнбергъ приписывалъ инфузоріямъ такую организацію, которая могла равняться съ организаціей высшихъ животныхъ, Дюжарденъ, напротивъ, оспаривалъ это мнѣніе. Одинъ французскій естествоиспытатель недавно наблюдалъ инфузорій изъ группы флагеллатовъ, величина которыхъ была $\frac{1}{6}$ миллиметра, и на которыхъ простымъ глазомъ замѣтно было совершенное анатомическое строеніе. Выдѣленія указывали на присутствіе желудка и кишечнаго канала, а также можно было различать ротъ,

дале, оказалось, что покровы состояли из четырех слоев, лежащих один на другом. Животные обладали движущими и схватывающими органами, даже была видна мускульная система, с ясными волокнами мускулов.

Хотя прошло немного времени с открытия электрической дороги, но в устройстве ее уже сделаны значительные улучшения. Человек может безнаказанно переходить рельсы этой дороги, так как он не может встать зараз на оба рельса, но лошади — животные четвероногие, ставши зараз на оба рельса получают такой сильный удар, что падают мертвыми. Для устранения этого неудобства фирма Сименс и Гальске придумала в местах перехода за городом, один рельс сделать непроводящим электричество, и восстановить электрическое соединение между рельсами при помощи подземного кабеля. На электрических дорогах, внутри городов, движущая сила сообщается вагонам сверху, по обычной обыкновенной телеграфной проволоке и металлической веревке, оканчивающейся блоком, который приводится в движение вагоном. Так предполагается устроить дорогу в Сент-Готтардском туннеле, если Сименс и Гальске получат концессию на ее проведение.

Как купаются японцы. Как известно народы востока купаются гораздо чаще, чем народы запада. Особенною любовью к чистоте отличаются японцы. Даже самый бедный японец и тот считает необходимым принять ванну ежедневно, но не холодную или теплую, а непременно горячую с температурой в 35 и 45° Ц. Холодную ванну японцы причисляют к числу покаяний. Еще очень недавно женщины и мужчины купались вместе; под влиянием европейской культуры мужские купальни от женских стали отделять стѣнкой вышиною в 1½ аршина. Эти общественные купальни всегда переполнены; тут встречаются знакомые и проводить время в болтовне. В гостиницах также находятся ванны для приезжающих, которые тотчас по приезде, в легких купальных халатах, идут купаться. Первенство принадлежит самому знатному гостю, затем, по очереди, прочим гостям; а потом купаются уже хозяева и послѣ них прислуга. Не слѣдует особенно удивляться тому, что в одной и той же водѣ купается 30 и больше лиц, так как такая купанья происходят ежедневно и при этом не употребляется мыла. Больше странным кажется принятый обычай, за неизменною купальной комнатою, ставить ванны на дворѣ и даже на улицѣ, так что лица обоего пола принуждены купаться на глазах прохожих. В знатных домах устроены прекрасныя ванны, куда ведет комната для раздеванія; очень чистая ванна стоит на деревянной рѣшеткѣ, на маленьком столѣ поставленъ металлическій сосуд съ водою для умыванья, тут же стоит чашка съ рѣчной водою и фарфоровая чашечка съ поваренной солью для чистки зубов. Зубная щетка—это ивовая палочка, на одномъ концѣ которой сдѣланъ вырѣзъ. Вода въ ваннахъ нагревается трубою, проходящею въ узкомъ концѣ ванны и отапливаемою каменнымъ углемъ. Кроме того, у японцевъ въ обычай разминать тѣло и кости и это дѣлается по преимуществу стѣнными, которые по вечерамъ ходят по улицамъ съ длинными бамбуковыми тростями, играють на флейтахъ и выкрикивають *Аммаринг*, т. е. разминальщикъ.

Счастливые издатели — известные методистскіе проповѣдники Моуди и Савкей, молитвенники которыхъ разошлись больше чѣмъ въ 10 милліонахъ экземпляровъ.

Александръ Дюма заключилъ съ директоромъ театра Variétés контрактъ, по которому послѣдній обязался уплачивать Дюма 1,000 франковъ сверхъ гонорара, всакій разъ какъ ивеса его послѣ двадцати пяти представлений даетъ 60,000 франковъ сбора. Во время 25-го представления, во второмъ актѣ Дюма идетъ къ директору. — Безконечно сожалѣю, начинаеть тотъ, но я только что сосчитаю выручку, оказывается только 59,997 франковъ такъ что я не могу заплатить вамъ 1,000 франковъ сверхъ условленнаго гонорара — Дюма ничего не отвѣчаетъ, но отправляется въ кассу, покупаетъ билетъ за пять франковъ и снова идетъ къ директору. — Безконечно сожалѣю, говоритъ онъ, но вотъ билетъ, за который заплачено пять франковъ, такъ что выручка составляетъ 60,002 франка съязу-ли простить? — Тогда онъ получаетъ условленную сумму.

Розовая пчела и медовые муравьи. Одинъ естественннатель сообщилъ недавно о породѣ дикихъ пчелъ, которая по преимуществу водится на дюнахъ и около морскаго берега. Тутъ они строятъ себѣ въ расщелинахъ гнѣзда, которая выстилають розовыми лепестками. По объ этихъ интересныхъ пчелконыхъ извѣстнн также мало какъ и о медовыхъ муравьяхъ. Гнѣзда послѣднихъ находится на высокихъ и сухихъ мѣстахъ; рѣдко они заходятъ въ Новую Мексику, гдѣ за ними стали внимательно слѣдить. Медовые муравьи—животныя починны, дѣлають медъ изъ сока дубоваго черничнаго орѣха тѣхъ странъ. На вкусъ медъ немного горькій отъ содержанія дубильной кислоты, но мексиканцы и индѣйцы считаютъ его лакомствомъ. Тысяча муравьевъ собираеть около фунта меда.

Электричество и его будущность. Профессоръ Перри въ Лондонѣ читалъ недавно объ электричествѣ и будущемъ его развитіи. Между прочимъ онъ поставилъ вопросъ, можно-ли отвести силу электричества за нѣсколько тысячъ миль и на такомъ разстояніи воспользоваться ею для механическаго дѣйствія. До сихъ поръ отрицали такую возможность. Въ скоромъ времени думать устроить главныя электрическія станціи, если возможно въ глубинѣ угольныхъ копей; тамъ громадная паровая машина будетъ приводить въ движеніе такія-же громадныя электрическія машины; проволоки протянуть по улицамъ и въ дома, какъ теперь газопроводы, вози-

чество электричества, потребное въ каждомъ домѣ, вѣсуетъ въ сплосокъ, подобно учету ивѣнннхъ газометровъ. Электричество получится посредствомъ небольшихъ электрическихъ машинъ, которыя послужатъ для освѣщенія, вентиляціи и отопленія и замѣнятъ печи, лампы и многое другое.

Думали вообще, что для отвода силы Ниагарскаго водопада къ Нью-Йорку нуженъ мѣдный кабель огромной толщины, но профессоръ Айртонъ уже доказалъ, что можно-бы сдѣлать этотъ отводъ посредствомъ мѣдной тонкой проволоки, если-бы только эту проволоку можно было совершенно уединить. Единственное препятствіе для достиженія полной силы отвода состоитъ въ механическомъ треніи машинъ. Айртонъ и Перри пришли къ убѣжденію, что очень большія машины съ постояннымъ движеніемъ, отдѣльными возбудителями, магнито-электрическія машины будутъ посомнѣнно играть очень важную роль въ будущемъ. Съ помощію этихъ машинъ будетъ возможно, напр., отапливать всѣ дома въ Нью-Йоркѣ, вентилировать и освѣщать ихъ. Опыты Сименса доказали, что устройство электрическихъ желѣзныхъ дорогъ вопросъ только денежный.

Палка Гамбетты. Палка, которую Гамбетта ударилъ по столу, во время бурнаго засѣданія въ предмѣстьи Парижа—Бельвиллѣ, съ цѣлю добиться тишины, можетъ сдѣлаться исторической достопримѣчательностью. Палку эту Гамбетта взялъ у г. Рабани — члена муниципальнаго совѣта въ Бельвиллѣ. Рабани послалъ эту палку къ фабриканту для съетки зарубокъ, какія были сдѣланы на ней во время засѣданія. Фабрикантъ оказался изобрѣтательнымъ, онъ посвѣтывалъ Рабани продать палку съ аукціона — именно съ знаками, свидѣтельствующими о возбуденіи Гамбетты. Предложеніе было принято и *палка Гамбетты* была куплена съ аукціона за 3,652 франка извѣстнымъ въ Парижѣ собирателемъ рѣдкостей.

Пирамида гробовъ въ Лондонѣ. Естественно, что въ городѣ, гдѣ ежедневно умираеть срединнмъ числомъ до 220 лицъ въ день, часто не хватаетъ мѣста для погребенія людей. Нѣкто Вильсонъ предложилъ гигантскій проектъ, выполнение котораго произведеть переворотъ къ употребляемымъ до сего способамъ погребенія мертвыхъ и устранитъ на долгое время недостатки настоящаго устройства кладбищъ. Но выполнение этого проекта представляеть такія трудности, передъ которыми останавливаются даже предприимчивые англичане. Вильсонъ предлагаетъ построить пирамиду для гробовъ, которой хватить на нѣсколько столѣтій, такъ какъ будетъ вмѣщать пять милліоновъ труновъ. Площадь основанія этого новаго чуда свѣта, будетъ занимать 18 акровъ (акръ 889 саж.), высота-же будетъ вдвое больше башни церкви св. Павла, что замѣнитъ собою 1,000 акровъ теперешнихъ кладбищъ. Наружныя стѣны будутъ покрыты плитами, а четыре гигантскія лѣстницы будутъ вести на верхъ, гдѣ будетъ помѣщенъ обелискъ съ обсерваторіей. Входъ въ пирамиду образуетъ высокій египетскій порталъ, вдоль стѣны идутъ террасообразныя галлереи, въ каждомъ углу возвышается сторожевая башня и кругомъ воздвигнута стѣна, закрывающая еще нѣсколько акровъ земли частью для помѣщенія памятниковъ, частью для постройки необходимыхъ зданій, канцелли, регистратуры, и жилищъ для смотрителей, сторожей, духовенства и рабочихъ. Расходъ на пирамиду высчитанъ въ 2½ милліона фунтовъ (фунтъ стерл. 6 р. 28 к.), причеиъ по приблизительному разсчету въ продолженіи 100 лѣтъ окажется сбереженій отъ 13 до 14 милліоновъ фунтовъ. Планъ прекрасно исполненъ на бумагѣ и разсчетъ произведенъ очень подробный.

Сравненіе національныхъ богатствъ. Г. Коанъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о народныхъ богатствахъ. Хотя цифры и не совѣмъ точны, тѣмъ не менѣе представляютъ значительный интересъ. По его исчисленію столицы имѣють: Англійская (безъ колоній)—44,000 милліона долларовъ, Франціи—36,700 мил. дол., Соединенныхъ Штатовъ—36,000 мил. дол., Германіи—22,000 мил. дол. Россіи 15,000 мил. дол.; Нидерландовъ—11,150 мил. дол. Ежегодный доходъ на человека составляетъ въ Великобританіи и Ирландіи 165 долларовъ, столько же въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Нидерландахъ—130, во Франціи—125, въ британскихъ колоніяхъ—90, въ Германіи—85, Скандинавіи тоже 85 долларовъ. Ежегодный пррррррр богатствъ высчитанъ для Германіи въ 200 мил. дол., Великобританіи—325 мил. дол., Франціи—375 мил. дол., Соединенныхъ Штатовъ—825 мил. дол. Соединенные Штаты пррррррр ихъ народнаго богатства съ 1850 года могли-бы купить всю Германію съ ея деревнями, городами, банками, кораблями, фабриками и проч. Каждое десятилѣтіе народное богатство Соединенныхъ Штатовъ увеличивается на сумму большую чѣмъ та, какая составляетъ весь капиталъ Италіи и Испаніи: каждый же день національное богатство республики увеличивается на 4½ милліона рублей.

Столѣтній орелъ. Около Ракова на островѣ Лаалаудѣ убитъ недавно королевскій орелъ, имѣвший отъ конца одного крыла до другаго 6½ футовъ. На шеѣ у него была мѣдная цѣпочка, на которой была привѣшена жестянка, съ надписью на датскомъ языкѣ: „пойманъ и снова выпущенъ“ 1792 г. Н. и Е. Андерсея. Данія.

Добываніе Каучука въ южно-американскихъ лѣсахъ производится очень своеобразно и необычнымъ способомъ. Собиратели выкапываютъ у дерева яму, устранивъ раніше повашіея корни и убиваютъ землю по возможности плотнѣе, тогда въ корѣ дѣлають надрѣзъ въ формѣ *J*. Прежде всего течеть молочно бѣлый сокъ, затѣмъ чернѣеть и застываетъ и тогда его легко вынуть изъ ямы. Какъ только сокъ вытекаетъ, дерево срубается и надрѣзается еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Повитно что при этомъ истррррррр лѣсъ и каучуковыхъ деревьевъ скоро совсѣмъ не станетъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 90, помѣщенной въ № 48 за 1881 годъ.

Бѣлые	Черные
Съ № 14 на № 18	Съ № 21 на № 14
„ № 22 „ № 26	„ № 30 „ № 21
„ № 29 „ № 12	„ № 8 „ № 15
„ № 20 „ № 25	„ № 17 „ № 13
„ № 5 „ № 10	„ № 13 „ № 9
„ № 25 „ № 29	„ № 9 „ № 5
„ № 29 „ № 19	„ № 5 „ № 23
„ № 16 „ № 20	„ № 23 „ № 16
„ № 24 „ № 11	„ № 16 „ № 12
„ № 11 „ № 7	„ № 12 „ № 8
„ № 7 „ № 4	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Сиб.—Ситникова, Черно; Москва—Иутрецова, Архина, Ларионова, В.—ва: Воляровъ—Соколова, Горни—Кожушнина, Калуга—Волокова, Ломжа—Печникова, Муромъ—Васильева.

Рѣшеніе ребуса № 86.

Видна ворона по полю.

Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня № 89, помѣщено въ № 48 за 1881 г.

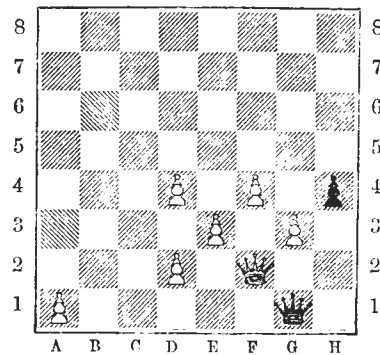
94	97	86	89				82	79	32	33								
91	88	93	96	85			78	30	31	34	80							
98	95	90	87	23	25	27	83	29	81	76	35							
	92	99	22	24	84	26	28	77	37	36								
		21	20	19	73	41	40	38	75									
			100	103	18	42	74	39										
				17	101	72	43											
					102	16	104	44	45	71								
						112	105	14	15	70	46	51	52					
							10	12	13	1	48	47	50	53	66	59		
							9	11	108	111	106	2	49	69	55	54	62	65
							109	8	5	4	3			56	63	60	67	58
								7	6	110	107				68	57	64	61

Настала осень золотая:
 Природа трепетна, блѣдна,
 Какъ жертва, пышно убрана.
 Вотъ съверь, тучи нагоняя,
 Дохнуль, завылъ, и вотъ сама
 Идетъ волшебница-зима.
 Пришла, рассыпалась; клоками
 Повисла на сукахъ дубовъ;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокругъ холмовъ;
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла пухлой пеленою;

Блеснулъ морозъ. II ряды мы Проказамъ матушки-зимы.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Сиб.—Чельмова, Поленицаго, Шерь, Утина, Стежипскаго, Матусевичъ, Мѣшкова, Поленковской; Москва—Л. К., Надеждина, Ильина, Воборен, Балашова, Юркевичъ, Коробанова, Терентьева; Бахчисарай—Тремдж; Бѣлостокъ—Вломертъ; Бѣльскъ—Дзвъ; Великие-Луки—Потылицына; Интомль—Грабовской; Иван.-Вознесенскъ—Коровина;

Шашечная задача № 1. К. Цѣхановича.

Бѣлые начинаютъ и запраютъ обв шаши черныхъ въ 17 ходовъ.

РЕБУСЪ задача № 2.

СОДЕРЖАНІЕ: На новый годъ (съ 2 рис.)—Подъ землею. Повѣсть Н. И. Лебедѣва (Н. Морснаго).—Во время бури. Романъ М. Юная.—Въ Печорскомъ краѣ (съ 2 рис.)—Свадебные обряды крымскихъ татаръ (съ рис.)—Литературный альбомъ „Синуй Рыцарь“, А. С. Пушкина (съ рис.)—Татаринъ-халатникъ (съ рис.)—Военный Совѣтъ въ деревнѣ Филахъ (съ рис.)—Смѣсь.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе задачи ходъ короля.—Шашечная задача.—Ребусъ.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСІИ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 27 чертѣжами выроекъ въ натуральную величину и 23 узора для малороссійскихъ постоемовъ, печатанныхъ двумя красками и также календарь на 1882 годъ, печатанный тоже двумя красками.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Печататель А. Ф. Марксъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

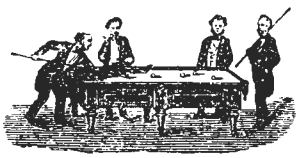
для ПРИДАНАГО и ХОЗЯЙСТВА хр. стали, столовой, чайной и металлической посуды, самыя умѣренныя цѣны.

САКСОНСКІЕ СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ на 100 рублей. въ Магазиѣ

Au bon Marché. Больш. Морская № 34. ШТАНГЕ. А. № 1839 1-1

ГИЛЬЗЫ

назъ настоящей мансовой (некрашенной) бумаги Носкополитъ въ Парижѣ, по достоинству и мягкости вкуса несравненно выше всей существующей: цѣна за тысячу въ бумагѣ 60 к. и 70 к. въ коробѣ съ приложеніемъ ваты и палочки, а бѣлая въ бумагѣ пюръ филь по 50 к. за тысячу. Эту бумагу можно получать въ книжкахъ и листахъ столами. Желающіе имѣть эти гильзы, въ городахъ, Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Гатчинѣ, Кронштадтѣ, Псковѣ, Ревелѣ и Новгородѣ, у всѣхъ известныхъ торговцевъ. Гг. торговцамъ дѣляется надлежащая скидка. Въ главномъ депо Рижскихъ сигаръ Невскій пр., домъ Казанскаго собора № 1—25, съ Спб. Пишма и деньги адресовать В. Е. Петрову. № 1842 1-1

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египет каго моста. № 1763 26-2

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАЙ.

ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ Въ просломъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзкомъ 30 р. съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Новы“ на 1881 г. дѣляется уступка 5 руб.

Вышло новое, третье, дополненное изданіе:

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Романы: Миновичъ. Потемкинъ на Дунаѣ, Бѣлые въ Поворосіи Воля, Новыя мѣста и Девятый валъ. Повѣсти и разсказы: Последніе Запорожцы, Каменка, Малляръ, Феничка, Бѣлый Лаврушка за границей, Семейная старина, Украинская охота, Сорокопановка Украинскія сказки и пр.

Цѣна за 4 тома 6 р., перес.—за 5 фунт. Обычная уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ. Складъ изданія: магазинъ М. Стасюлевича, Вас. остр., 2 линия, № 7. Лица, обращающіяся къ автору (Сиб., Невскій, д. 69, к. № 5), за пересылку не платятъ. № 1829

МЕЛЬНИЦЫ. ДѢЙСТВУЮЩА БЕЗЪ МЕЛЬНИКА.

Мукомольныя мельницы, которыя даютъ гоную и пыльную муку, тщательно ошущая и сортируя ее по трехразнымъ сортамъ въ ящикъ, который можетъ быть зажимомъ съ произвольностью до трехъ пудовъ въ часъ, для ручнаго или коннаго привода, выносятся на все желѣзнодорожныя станціи Россіи.

Моріцъ Вейль младш. Машиный заводъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Германия. Каталогъ-альбомъ съ 90 картинками высылается по полученіи 90 коп. 2-1 Ptr. № 1834

ПЕРВАЯ ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КУРТОКЪ

ТОРГОВОГО ДОМА Л. Э. Дмоховскій и Ко.

Адмиралтейская площадь, д. 10, издѣлія вой удостоены Почетныхъ дипломовъ 1) въ Вѣнѣ и 2) на Дерптовской промышленной выставкѣ 1881 г.

ВЫСЫЛАЕТЪ гг. иногороднымъ новыя швейсъ-куртки за приложеніе почтовой марки.

Заказы исполняются аккуратно.

Продажа по фабричнымъ цѣнамъ. Гг. торговцамъ уступка. К. № 1833

Издание А. Ф. Маркса в С.-Петербурге.

ВЪ НАМЫНАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе издание, съ 39 рисунками автора, большой томъ в 8-мъ—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И ГАРИКАТУРАМИ.

18-й годъ изданія

Въ 1882 году „Будильникъ“ будетъ выходить, на прежнихъ основаніяхъ, еженедѣльно (50 номеровъ въ годъ), тетради отъ 1½ до 2½ листовъ большого формата. Въ каждомъ номерѣ читателямъ найдутъ отъ 4 до 6-ти хромолитограрированныхъ, отпечатанныхъ на розовой бумагѣ, рисунковъ и отъ 15 до 20 столбцовъ текста, что составитъ въ годъ 4 а большие тома, содержащія не менѣе 250 хромолитограрій и до 1000 столбцовъ текста самого разнообразнаго содержанія.

Цѣлый рядъ газетныхъ, потребованныхъ на малыхъ трудахъ и затратъ, улучшеній, предпринятыхъ въ „Будильникѣ“ еще съ конца 1881 года, дасть, собственно говоря, право его редактору отказаться отъ подписки на подвѣснѣе такъ называемыхъ „диремій“; такъ не менѣе, желая сохранить обычай доброй старинѣ, она предлагается своимъ годоубольщикамъ въ слѣдующіе розовые подарки на ноябрь 1882 года:

1) Большую альбортонію (работы гг. Шереръ и Набоковъ, въ Москвѣ) съ попой картини В. Е. Маловскаго, специально для этого заказа воспроизведенной самимъ художникомъ.— „Дѣловое утро“.

2) Альбомъ рисунковъ И. Н. Чичагова: „Нашъ вѣкъ“—коллекція героевъ (типовъ) современной нѣмъ эпохи: 1) кассиръ,—2) кондессинеръ, 3) журналистъ,—4) сирота,—5) саврасъ безъ узды,—6) адеватъ,—7) подрядчикъ,—8) шиковая дама,—9) дов-Жуанъ,—10) розованикъ,—11) кулакъ-миродъ,—12) думецъ.

Альбомъ и альбортонія будутъ розсланы годовымъ подписчикамъ вмѣстѣ съ первымъ № „Будильника“ 1882 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ“:

въ Москвѣ безъ доставки, на годъ	7 р.	на полгода	4 р. — к.
съ доставкой на домъ	8 „	—	4 „ 50 „
съ пересылкою въ Петерб. и пров.	9 „	—	5 „ —

Лица, доплачивающія къ подписной суммѣ одинъ рубль, получаютъ Альманахъ „Будильника“ на 1882 годъ (IV-й г. изд.), въ который, между прочимъ, войдетъ ебусъ за разгадку котораго до 1 марта 1882 года редакция „Будильника“ объявляетъ денежную премию въ 400 рублей.

Контора редакціи покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ торопиться заявленіемъ своихъ требованій, во избежаніе задержки первыхъ № № журнала. Денежные наказы адресуются на имя А. Н. Утиной: Москва, Леонтьевскій пер., д. Мичинера, отдѣленіе конторы „Будильника“ находится при Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ Л. Метцъ въ Москвѣ, Петровка, домъ Солодовникова. Ц. № 18403—1

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1881 года,

Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева—„Сергій Горбатовъ“, большой романъ Юлая—„Червоное золото“; рассказы Австенко—„Мгновенье“, повѣсть П. Петрова—„Горные орлы“; рассказы Н. Каразина Н. Успенскаго, П. Гнѣдича и много другихъ повѣстей и рассказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естественному, зоологическому, астрономическому и проч. и дѣя оригинальнѣе акварельныя промин-картинки Придворнаго художника М. Зичи изъ повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“:

- 1) Свиданіе Андрия съ красавицей-полькой.
- 2) Встрѣча Тараса съ Андріемъ на полѣ битвы.

Цѣна этому большому тому:

Бронированн.	4 р. — к.	Въ каленко. пер.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою	5 „ — „	Съ пересылкою	7 „ — „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, В. Морская, томъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Издание А. Ф. Маркса в С.-Петербурге.

ВСТРАЯ ЖЕНА. Романъ Маршана. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Садовое заведеніе

И. Г. Карлсонъ

въ Воронежѣ,

высыластъ, по требованію, немедленно безплатно полныя иллюстрированныя, съ множествомъ картинъ въ текстѣ, прейсъ-куранты всякаго рода сѣмянамъ,

деревамъ, растеніямъ и пр. на 1882 годъ.

Постояннымъ покупателямъ они уже розсланы.

№ 1841

ОПТИКЪ И ПЕНОНЕ

ОПТИКЪ МЕХАНИКЪ

И.Я.УРЛАУБЪ Г.ШТРАУСА.

ПРИЕМЪ ПОЧИНКОВЪ

ОПТИКЪ

МЕХАНИКА

ОПТИКЪ

МЕХАНИКА

ОПТИКЪ

МЕХАНИКА

ОПТИКЪ МЕХАНИКА

ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ.

ОПТИКЪ И ПЕНОНЕ

OPTICIEN

J. JURLAUB

SUCCESSEUR

DE

G. STRAUSS

ПРИЕМЪ ПОЧИНКОВЪ

Невскій просп. № 44, С.-Петербургъ.

Иллюстрированныя Прейсъ-Куранты по востребованію высылаются во всѣ города Россійской Имперіи безплатно.

М. № 1841

НИВА

XIII годъ
№ 2

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта Подписка на 1882 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки
въ Петербургъ

4 р.

Съ доставкою
въ Петербургъ

5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское
отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н.
Печниковой, домъ Петровскихъ Торгов. линій.

5 р.

Съ пересылкою
въ Москву и др.
города Россіи . .

6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Николай Федоровичъ Щербина.

Поклоненіе классической красотѣ древней Эллады и восторженный призывъ давно исчезнувшихъ мифовъ и образовъ античнаго міра встрѣчаются у многихъ нашихъ поэтовъ, но ни у кого изъ нихъ это поэтическое увлеченіе не сопровождалось такъ и обиліемъ истинно-поэтическихъ произведеній, прелестныхъ по идеѣ и гармоническихъ по стиху, какъ у покойнаго нашего поэта Щербина. Въ стихахъ его видны не тяжелыя усилія воспринять и передать другимъ что-нибудь изъ жизни давно миноваго міра, но напротивъ того, поражаетъ васъ передача смысла и предмета какъ бы близкаго, знакомаго, роднаго. Дѣйствительно, классическая Эллада не была чужда Щербинѣ; онъ хорошо зналъ ея языкъ; изучилъ его основательно и увлекался безгранично, не переставая быть человекомъ и писателемъ своего народа и времени.

Николай Федоровичъ Щербина родился 2-го декабря 1821 года въ Харьковской губерніи, въ имѣніи своей матери, отстоящемъ въ 60-ти

Н. Ф. Щербина. Рис. и грав. А. Неймагъ.

верстахъ отъ Таганрога.

Съ восьмилѣтняго возраста Таганрогъ сдѣлался для него уже роднымъ городомъ; здѣсь онъ учился сначала въ училищѣ, а потомъ въ гимназіи издѣсь-же постоянно вращался среди грековъ, изучающихъ итѣни и преданія этого народа, съ которымъ онъ имѣлъ кровную связь. (Бабушка Щербина была гречанка изъ Морен). Съ этихъ-же поръ впечатлительный юноша сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Эллады и объ этомъ его живомъ времени увлеченія и восторга даже упоминается въ одномъ изъ его позднѣйшихъ прекрасныхъ стихотвореній:

„Все что меня въ младенчествѣ плѣняло,
Въ чемъ видѣлъ я родство
съ моею душой,
Гдѣ сердце послѣ буреи
жизнейскихъ отдыхало,
О, Греція, все связано съ
тобой!..“

По время шло и среди оживленныхъ бесѣдъ съ греками нужно было подумать и о требованіяхъ реальной жизни, о своей будущности, и вотъ шестнадцатилѣтній Щербина отправляется

спачала въ Москву, а потомъ въ Харьковъ, гдѣ и вступая въ число студентовъ университета. Въ 1840-же году онъ переселился въ Одессу, гдѣ и издаётъ свои „Греческія стихотворенія“, сразу замѣченныя публикой и послужившія основаніемъ его ранней литературной извѣстности.

Въ 1850 году Щербина поселяется въ Москвѣ; здѣсь онъ вступаетъ въ государственную службу—въ московское губернское правленіе, исполняя въ тоже время обязанности помощника редактора „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. По московская его дѣятельность продолжалась не долго и въ мартѣ 1858 года, мы видимъ Щербицу уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ опредѣлился въ министерство народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра князѣ П. А. Виземскомъ. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, Щербиной были изданы „Полное собраніе сочиненій“, „Сборникъ

русской поэзіи“ и „Пчела“, книга для народнаго чтенія.

Въ послѣдніе годы своей жизни поэтъ состоялъ на службѣ въ Главномъ управленіи по дѣламъ печати и несмотря на тяжелую, хроническую болѣзнь, не переставалъ заниматься литературой и интересоваться ея явленіями. Въ этомъ періодѣ онъ является талантливымъ сатирикомъ; его обличенія иногда болѣзненно раздражительны и рѣзки, но въ нихъ свѣтится всегда любовь къ правдѣ и родинѣ. Особенно ѣдко и безпощадно бичевалъ Щербина темныя стороны нашего литературнаго и журнальнаго міра. Щербина умеръ скоропостижно 10-го апрѣля 1869 года, сдѣлавшійся жертвою своего давнишняго недуга—хроническаго служебнаго горла. Его эпиграммы, мѣткія и злые, до сихъ поръ ходятъ по рукамъ въ обществѣ и пользуются извѣстностью. Говорятъ, предполагается вскорѣ ихъ издать отдѣльно.

Подъ землею,

новелль

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

III.

Потомокъ захудалаго рода.

Мысли, одна вслѣдъ за другой, быстро пробѣжали въ головѣ Пашеньки, когда она, сама хорошенько не отдавая себѣ отчета зачѣмъ такъ поступаетъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ молодому человѣку. Пашенька была убѣждена, что передъ нею находится такое-же существо съ плотью и кровью, какъ она сама, а не чортъ, что это существо отнюдь не злоумышленникъ какойнибудь, человѣкъ, повидимому преданный мирнымъ хотя для нее, неизвѣстнымъ занятіямъ,—но все это мало успокоило ее и, въ концѣ концовъ, она все таки была смущена одною пришедшею ей въ голову и весьма вѣроятною мыслью. Ея появленіе было необычно: въ пустомъ домѣ, о которомъ въ городѣ сложилась какая-то странная молва, ночью, точно съ небесъ сваливается неизвѣстная дѣвушка а, между тѣмъ какъ она отлично видѣла, это обстоятельство нисколько не удивило, не смѣтило непонятнаго ученаго; онъ и лампу-то взялъ какъ бы не столько изъ-за того, чтобы убѣдиться въ странномъ появленіи Пашеньки, сколько изъ-за того, чтобы посвѣтить ей. Онъ до такой степени странно, безъ малѣйшаго признака удивленія, отнесся къ ней, такъ мало показалъ какогонибудь интереса къ новому лицу, точно къ нему вошелъ ктонибудь живущій съ нимъ, входящій въ его комнату по нѣскольку разъ въ день. Онъ вскользь, тѣмъ взглядомъ, который выражаетъ поглощеніе одною мыслью, свѣтя, оглядѣвъ ее и торопливо поставивъ лампу на столъ, схватилъ въ руки странной формы металлическую вещь, и принялся дрожащими руками вертѣть въ ней какіе-то винтики, бросивъ Пашенькѣ вскользь:

— Все не удастся...

Она была убѣждена, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ и едва-ли, придя къ подобному заключенію, не болѣе испугалась, чѣмъ если-бы встрѣтила чорта. Не зная, что дѣлать, она стояла передъ нимъ въ крайнемъ смущеніи, ничего не произнося... Мимоходомъ, все не выпуская изъ одной руки металлической вещи, онъ, правою рукою, подвинулъ ей стулъ:

— Сядьте.

Пашенька въ прежнемъ смущеніи сѣла на стулъ, не зная, что сказать этому блѣдному, видимо плохо питающемуся человѣку, съ включенными темными волосами и жидкой бородкой, одѣтому въ старенькій пиджакъ, безъ галстука, въ резиновыхъ калошахъ вмѣсто сапоговъ. Вертя въ своихъ рукахъ металлическую вещь, онъ бормоталъ:

— Да, да, это такъ... Эти трубки не хорошо запамяны... И вотъ винтъ... Ахъ!

Онъ вдругъ, какъ-бы утомленный своимъ занятіемъ, или видя, что въ интересующей его вещи надо много, очень много исправить, что ее надо почти всю снова собрать,—поставилъ ее со в дохомъ на столъ и съ за-

думчивостью устремивъ на нее глаза, обратился къ безгласной, до сихъ поръ, Пашенькѣ.

— Вамъ понятно назначеніе?

О какомъ назначеніи онъ спрашивалъ ее, она рѣшительно не понимала и на его вопросъ не отвѣтила ничего. Онъ, впрочемъ и не нуждался въ отвѣтѣ и еслибы даже она поняла о чемъ онъ ее спрашиваетъ и знала бы смыслъ назначенія неизвѣстнаго ей предмета, онъ все таки подробно-бы разъяснилъ ей это.

— Видите-ли... Слышали вы когданибудь о рудникахъ?.. Да! — какъ-то торопясь заговорилъ онъ, по обычаю волнующихся чѣмъ либо людей, сбиваясь съ послѣдовательнаго и яснаго изложенія, прерывая нить, вставляя множество вводнаго, какъ-бы разомъ желая ввести ее въ то, что его поглощало, — слышали?.. Не слышали-ли вы, что тамъ, въ этихъ глубокихъ и темныхъ рудникахъ—газъ, воздухъ, знаете, такой особенный, часто выдѣляется... И понимаете, тамъ вѣдь темно, съ огнемъ надо работать, а этотъ-то газъ, о которомъ я вамъ говорю, горитъ... понятно?

Она кивнула головой. Онъ продолжалъ съ прежнею поспѣшностью:

— Представьте, что свѣча, или лампа.— этотъ газъ зажжется... Понимаете: вѣдь тогда взрывъ произойдетъ и масса рабочихъ погибнетъ... Это много разъ случалось, пока...

Онъ рассказалъ ей о незамысловатомъ, но глубоко-мысленномъ изобрѣтеніи англійскаго химика Дэви... Пламя охлаждается сѣткой—объяснялъ онъ — взрывы, маленькіе взрывы, происходятъ въ предѣлахъ сѣтки, а не мнѣ ее... Но это предохраняетъ только отчасти... Если ужъ очень много газа—взрывъ неизбеженъ и лампа не спасетъ.

Онъ не ожидалъ, чтобы она спросила его о чемънибудь, онъ самъ отводилъ душу, торопясь повѣдать ей то, что, видимо, до чрезвычайности занимало его.

— Можетъ я нѣсколько одностороненъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,—и родился и росъ въ суровой природѣ и среди печальныхъ людей... Я старше своихъ лѣтъ кажусь: вѣрите-ли, мнѣ только двадцать три года... Я долженъ посвятить васъ въ мою біографію...

Съ этаго момента, она смѣтно почувствовала, что все, что до сихъ поръ пугало въ немъ странностью, нѣсколько выясняется... Съ большимъ, нежели прежде, спокойствіемъ она слушала его.

— Мой отецъ родился здѣсь, въ этомъ домѣ и въ самой ранней молодости былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ онъ жилъ на поселеніи, тамъ женился и тамъ умеръ съ матерью... Мнѣ возвращены права при Коронаціи нынѣшняго государя... Этотъ домъ—принадлежитъ мнѣ.

Положительно—таинственность исчезала. Но онъ бросилъ рассказывать о своемъ происхожденіи и вернулся къ односторонности своего развитія и ума, о которыхъ началъ было говорить.

— Я много несчастія видѣлъ, — сказалъ онъ и углы его губъ нервно дрогнули, — и отсюда мой взглядъ на знаніе, на науку и искусство... Скажите: милліоны умираютъ въ невѣжествѣ, въ голодѣ, безъ свѣта, воздуха и тепла, а мы ищемъ въ такой степени очаровательныя картины, что тѣло-то, тѣло-то человѣческое вотъ только не дышетъ, цвѣты—только ароматы не даютъ... Вонъ я въ газетѣ читалъ, что въ Петербургѣ актриса какая-то, фамилію забылъ, такъ жизнь несчастной, дѣвушки изображаетъ, что слезами, настоящими слезами обливаешься, послѣ пьесы—въ разслабленіи, безъ чувствъ въ убогую относитъ ея... Но вѣдь это роскошь, излишество!.. Ахъ, я не хочу унижать искусство, но когда на землѣ много слезъ — зачѣмъ оно?... И наука, казалось мнѣ, — и повторяю, что все это легко можетъ стать односторонне и совсѣмъ не умно, лиризмомъ, зрѣлищемъ страданій и слезъ навѣяно, — но мнѣ казалось, что намъ, русскимъ особенно, преимущественно слѣдуетъ заниматься разработкою такой науки, которая имѣетъ приложеніе въ жизни, а не существуетъ ради науки самой... Вы слѣдили?

Она слушала то, что ей говорить этотъ мальчикъ не столько понимала о чемъ онъ говоритъ, сколько съ какимъ-то новымъ для нее любопытствомъ слѣдила за его изложеніемъ, котораго односторонности и узкости—она не могла отбѣнить. Она чувствовала только одно, что-то, что онъ говорилъ ей теперь—она слышала впервые и разговора въ такомъ направленіи и тонѣ—никто и никогда до сихъ поръ не велъ съ нею. Она напрягала всѣ усилія, чтобы понимать его, тогда какъ онъ, по привычкѣ всѣхъ интуитивовъ, всѣхъ людей слишномъ отдавшихся спеціальности, болѣе и болѣе увлекаясь, становился менѣе понятенъ, говорилъ не соображаясь съ ея знаніями. Увлекаясь, онъ даже пересталъ обращать на нее вниманіе, заслушался самаго себя. Его односторонность высказывалась болѣе и болѣе.

— Фуркруза, — сказалъ онъ, — какъ изслѣдователь общихъ законовъ химіи для меня менѣе имѣетъ значенія, чѣмъ тотъ-же самый ученый сиустивнѣйшій въ парижскіе подвалы и мастерскія съ цѣлью изученія условій жизни въ нихъ... Бертолье важенъ для прогресса не тѣмъ, что открылъ законы солей, а тѣмъ, что придумалъ способъ приготовленія пороха изъ естественныхъ продуктовъ Франціи, окруженной отовсюду враждебными націями, препятствующими подвозу пороха извнѣ...

Она перестала его понимать и уловивъ мгновеніе молчанія съ его стороны, спросила:

— Вы провели, какъ говорите, свое дѣтство и молодость въ Сибирѣ? Вы учились тамъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ:

— Потому я былъ въ Петербургѣ... Я техникъ...

И потеревъ рукою лобъ, какъ-бы припоминая на чемъ остановился, вспомнилъ и вернулся къ изображаемой имъ лампѣ:

— Вотъ она, — онъ взялъ со стола приборъ, который держалъ въ рукахъ, — вотъ моя лампа. Ахъ, какъ трудно, что либудь изобрѣсть!.. Вы не повѣрите какихъ тревожныхъ мученій стоило мнѣ это дѣло и какъ оно дорого и мило мнѣ, точно вправду дитя, живое существо... Вѣдь это я съ перваго курса все задумалъ... Да и задумалъ-то развѣ разомъ! Нѣтъ: сперва все что-то смутное такое рисовалось въ воображеніи, но не ясно сознаннымъ, недостаточно продуманнымъ и уносило куда-то вдалѣ, оставляя въ головѣ одну усталость и пустоту, въ сердцѣ—тоску. Потому цѣль-то задачи выяснилась... ахъ, но вѣдь это была неосуществленная, безплодная мысль!.. Впрочемъ, это все прошло!..

Онъ махнулъ свободной рукою и вдругъ оживился, любовно смотря на изобрѣтенную имъ лампу.

— Вы видите, — указывалъ онъ ей на непонятный для нее механизмъ, — видите эти трубочки различной толщины... Пройдя подъ сѣтъ лампы — газъ, нагрѣтый

пламенемъ, пойдетъ по этимъ трубочкамъ и даетъ музыкальный тонъ известной высоты, то низкій, то высокій, смотря по количеству газа въ рудникѣ... Этотъ тонъ, свистокъ, звукъ и долженъ служить предостереженіемъ рабочему: чѣмъ выше тонъ, тѣмъ газа больше въ рудникѣ, тѣмъ значительнѣе опасность...

Она какъ бы начинала понимать и полюбопытствовала:

— А этотъ газъ?.. гдѣ же вы берете его здѣсь?..

— Видите—я добываю его изъ уксуса или точнѣе изъ вещества въ родѣ уксуса и изъ извести... этой полныя комнаты... Добывъ, сохраняю газъ вотъ тутъ, — онъ указалъ на газометръ, — а отсюда, когда надо испытать лампу, — на ея пламя и пускаю по трубочкѣ изъ газометра газъ... поняли?

Онъ вдругъ какъ-то оскѣся и его лицо приняло необычайно сконфуженное выраженіе. До сихъ поръ поглощенный своей мыслью—онъ какъ-бы началъ приходить въ себя и удѣлилъ вниманіе окружающему. Точно пробуждаясь отъ сна, онъ только теперь поразился мыслью какимъ образомъ эта молодая женщина, точно свалившись съ неба, стоитъ тутъ передъ нимъ, въ домѣ, который пользовался въ городѣ дурной репутаціей, стоитъ, — онъ сообразилъ время, — въ такой часъ... Не чудо-ли это! но онъ не вѣрилъ въ чудеса и со смущеніемъ предложилъ ей вопросъ:

— Откуда вы?

Нашенька отвѣтила:

— Я живу напротивъ...

— Зачѣмъ вы здѣсь?

Пришла ея очередь сконфузиться, но она создала чистосердечно, хотя съ краскою на лицѣ:

— О нашемъ домѣ рассказывали чудеса и я этому вѣрила. Что-то даже о чортѣ говорили и всѣмъ этимъ возбудили мое любопытство до того, что я тихонько ушла ночью изъ дома и рѣшилась убѣдиться во всемъ сама...

Онъ съ отеческой покровительственностью посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Разному вздору вѣрить не слѣдуетъ... Въ этомъ домѣ живутъ только мыши, голуби, да я...

А потомъ съ кроткой улыбкой, взявъ со стола лампу, предложилъ ей:

— Вѣроятнѣе вамъ время домой, васъ могутъ хватить... Я провожу васъ съ огнемъ до выхода...

Она молча наклонила голову и двинулась въ сопровожденіи его по комнатамъ, которыя еще такъ недавно проходила одна, съ такимъ трепетомъ и бѣшеніемъ сердца...

IV.

Бедламъ.

Все, что мы рассказываемъ, было уже довольно давно и объ этомъ въ свое время въ городѣ N было много толковъ. Незадолго до того дня, въ который Нашенька рѣшилась предпринять—и дѣйствительно предприняла—свое почное путешествіе въ „Языковскія палаты“, гдѣ думала встрѣтить чорта, но гдѣ на самомъ дѣлѣ увидѣла повидимому самое безобидное существо, — въ N прибылъ новый губернаторъ. Уже самое назначеніе новаго губернатора было принято съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, а когда онъ дѣйствительно прибылъ въ N, когда „высшее“ N—ское общество и ознакомилось съ нимъ—тогда неудовольствіе перешло въ положительную неприязнь. Предшественникъ новаго начальника края велъ образъ жизни открытый, что „оживляло“ N. Ни именемъ, ни открытымъ образомъ жизни новый губернаторъ не могъ пощеголить. Титула у него никакого не было и носилъ онъ фамилію очень незвучную—Капустинъ. Слухи шли объ немъ, что онъ очень. Даже и неприятный чловѣкъ. Дурное впечатлѣніе на общество произвелъ образъ жизни и обстановка Капустина. Онъ оказался чловѣкомъ дѣловымъ, большимъ формалистомъ, ушедшимъ по уши въ канцелярскіе распорядки, вслѣдствіе своего продолжительнаго пребыванія въ одномъ изъ петербург-

Въ Нормандіи. Ловля Креветокъ. Съ картины А. Д. Кившенко рисов. на деревѣ самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.

ских департаментовъ, по человѣкомъ въ обществѣ мало занимательнымъ и даже скучнымъ. Съ дамами новый губернаторъ оказался способнымъ вести только разговоры о погодѣ и освѣдомляться объ ихъ здоровьи, а съ мужчинами и въ частныхъ сношеніяхъ велъ постоянно разговоры дѣловые и въ карты не игралъ. Относительно этаго послѣдняго обстоятельства на первыхъ порахъ по пріѣздѣ губернатора—предсѣдатель губернской земской управы высказалъ легкомысленное слово, что дескать „поживеть—научимъ“; по времени шло, губернаторъ корнѣль надъ дѣлами, выходилъ аккуратно въ одну часть изъ дома на прогулку, дѣлалъ иногда визиты, объѣзжалъ разные учрежденія, и выучился играть въ карты желанія не обнаруживать.

Но ужъ кто дѣйствительно возмутилъ N—ское общество и сдѣлался мишенью для насмѣшекъ N—скихъ дамъ—такъ это сунруга пачальника края. Это была дама пожилыхъ лѣтъ, по происхожденію чухонка, весьма добродушная, но держащаяся до наивности просто, что совершенно не шло къ ея положенію. Это послѣднее обстоятельство стало для всѣхъ очевиднымъ съ самаго перваго посѣщенія Христиной Карловной Капустинной N—скихъ дамъ и еще болѣе подтвердилось, когда N—скія дамы въ свою очередь отдали Христинѣ Карловнѣ визитъ и посмотрѣли ее въ домашней обстановкѣ. Если при первомъ визитѣ губернаторша не понравилась тусалствомъ, безвкуснымъ и какъ-бы передѣланнымъ самою, экономическаго цвѣта шелковымъ платьемъ и очень ужъ простой шляпой, то при второмъ свиданіи, когда Христину Карловну застали по домашнему, N—скія дамы воспылали благодарнымъ негодованіемъ. Въ той самой гостиной, гдѣ еще такъ недавно бывшая губернаторша княгиня Алатырская, влезла на креселѣ, ошарашивала N—скихъ дамъ изыщною болтовнею на французскомъ діалектѣ, теперь взвѣдала Христина Карловна, одѣтая поразительно чисто въ сѣреное свѣтлое платье, съ кожаными перчатъ около талии, на которомъ висѣли ключи, съ четырехугольнымъ чернаго кружева на послѣднихъ волосахъ, сидѣла занятая срисовываньемъ какой-то выкройки съ узора, на которомъ эти выкройки были нарисованы въ миниатюрѣ. Христина Карловна приняла пріѣхавшихъ дамъ очень радушно, занявъ свое оставила, засуетилась, все просила на диванъ, а потомъ, когда наконецъ всѣ кое-какъ усадились, изволновалась угощеніемъ, предлагая сначала кофею или чаю. Дамы отказались, но тѣмъ не менѣе не отдѣлались отъ Христины Карловны. Она такъ пристала съ вареньемъ—(утромъ-то варенье!), что неволь заставила пріѣхавшихъ дамъ, между которыми находилась роскошная N—ская предводительница, согласиться попробовать. Стараясь занять, она болтала безъ умолку. Варенье подали въ простоватой стеклянной вазѣ и оно оказалось свареннымъ изъ клюквы. Накладывая на блюдечки довольно миниатюрныя порціи, Христина Карловна извинялась за незатѣливую угощенія.

— Хозяйства не завели, сказала она при этомъ, гдѣ же въ зимнее время?... Лѣтомъ здѣсь, говорятъ, много ягодъ и дешево. Къ будущей зимѣ наварю разнаго варенья.

Послѣднія слова Христина Карловна произнесла съ гордостью, совершенно не подходящею къ смыслу сказанной ею фразы. Дамы переглянулись между собою. Въ гостиной, гдѣ еще недавно княгиня Алатырская получала своихъ собесѣдницъ самымъ изыщѣннымъ *odeurs de Paris*, суетилась теперь эта кухарка съ клюквеннымъ вареньемъ, которое въ добавленіе всѣхъ эффектовъ варила сама!... Шокированная такимъ предметомъ, предводительница, скушавшая одну ложку изъ своей порціи, старалась перенести разговоръ въ болѣе приличныя сферы. Она заговорила о томъ, сколько лишней долженъ испытать столичный житель, переселяясь въ N—скую глушь. Губернаторша кажется не поняла,

о какихъ лишнейхъ говорить ей гостя, хотя выслушала ее съ добродушнѣйшей улыбкой. Предводительница вошла въ подробности.

— Теперь итальянская опера,—начала было она, но вынуждена была остановиться, ибо Христина Карловна прервала ее съ заблеставшими глазами:

— Ахъ, что за опера въ Петербургѣ! воскликнула она.—И такъ ее люблю!

— Но странно дорого,—обрадовалась предводительница тому, что пашла приличную тему разговора,—ложка рублей 25—30. Костюмъ.

— О, пѣтъ, — съ горячностью защитила дешевизну итальянской оперы губернаторша, зачѣмъ-же вы такъ дѣлаете? И была абширована по пятницамъ въ балконѣ, на первой лавкѣ. Это дешево и костюма тутъ не нужно.

— Да? закусил губы предводительница, и видя, что получила поражение на этомъ пути, еще разъ рѣшилась переменить разговоръ. Указывая глазами на листы развернутаго моднаго журнала, свѣтская дама любезно освѣдомилась: однако мы отвлекли васъ отъ занятія?

— Ничего, отвѣтила Христина Карловна, усмѣю. Выкройку корсажа для пелѣты своей сшила.

— У васъ есть дочь? спросила одна изъ дамъ.

— Пѣтъ; намъ съ Иваномъ Федоровичемъ,—глубоко вздохнула губернаторша,—Богъ дѣло не далъ. У насъ живетъ племянница моего мужа вмѣсто дочери.

— Взрослая? освѣдомилась предводительница.

— О, да! Ей девятнадцать лѣтъ.

Не столько изъ желанія, сколько изъ любопытства посмотрѣть, какая еще такая тамъ племянница, дамы въ одинъ почти голосъ воскликнули:

— Было-бы пріятно познакомиться! на что, къ удивленію всѣхъ, Христина Карловна, съ одной стороны видимо польщенная выраженнымъ дамами желаніемъ, дала чрезвычайно рѣшительный, какъ-бы даже робкій отвѣтъ, причемъ даже понизила голосъ, точно боясь, что ее кто-нибудь услышитъ:

— Она занята кажется. Я спрошу.

И съ этими словами поднялась съ кресла и осторожно ступая, приблизилась къ затворенной двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, тихо открыла ее и вошла. Какъ ни былъ кратокъ моментъ, пока дверь оставалась полуоткрытою, зоркіе глаза N—скихъ дамъ, успѣли усмотрѣть сидящую за мольбертомъ молодую дѣвушку, одѣтую въ черное платье съ широкимъ бѣлымъ воротничкомъ, съ распущенными по плечамъ золотистыми волосами, съ правильно-строгими чертами лица, украшеннаго чрезвычайно выразительными глазами темно-синяго цвѣта. Дѣвушка рисовала стоящую подъ развѣсистымъ деревомъ одѣтую въ бѣлое женщину, въ молитвенномъ экстазѣ поднявшую къ небесамъ глаза. Христина Карловна тихо затворила за собою дверь и слышно было, какъ зашептала что-то племянницѣ, въ отвѣтъ на это произнесшей тономъ нежелающаго оторваться отъ дѣла чловѣка:

— Не интересуюсь.

— Bitte... умоляла Христина Карловна шепотомъ.

Молчаніе, а затѣмъ снова шепотъ Христины Карловны, въ отвѣтъ на который ужъ положительное раздраженіе со стороны молодой особы:

— Это невыносимо! Вѣдь я-же не мѣшаю вашимъ занятіямъ. Почему вы не дадите мнѣ дѣлать своего?

— Still! боязливый шепотъ со стороны Христины Карловны, затѣмъ пауза молчанія, послѣ которой въ гостиную, гдѣ многозначительно переглядывались другъ съ другомъ дамы, по прежнему неслышно вошла губернаторша, нѣсколько смущенная.

— Цивилите, сконфуженно улыбнулась она дамамъ, она нездорова... не можетъ...

Дамы притворно пожалѣли:

— Очень жалѣю!

— Я васъ познаваюлю съ нею потому, съ тою-же пе- идущею къ дѣлу гордостью, съ какою еще недавно со- биралась наварить разнаго варенья на будущій годъ. сказала Христина Карловна и прибавила: незнакомлю непремѣнно... О, это прелестная дѣвушка!...

Усѣвшись съ одной изъ дамъ въ карету и стѣбзжая отъ губернаторскаго дома, предводительна желчно воскликнула:

— Но это ни на что не похоже. Утромъ угощаетъ вареньемъ!.. Въ ситцевомъ платьѣ!.. Варенье изъ клюк- вы!.. Сама кроить и шить!..

Собесѣдница напомнила:

— А какъ вамъ правится отношеніе тетюшки къ пле- мянницѣ? Неправда-ли, мило?

Предводительна привскочила на подушкахъ при этомъ напоминаніи и ядовито характеризовала домъ:

— Это—Бедламъ!

V.

Племянница.

Въ этомъ „Бедламѣ“ было до невѣроятности тихо, что не совѣмъ согласовалось съ названіемъ знаменитаго лон- донскаго убійца для душевно-больныхъ. Дни прохо- дили за днями среди поразительной тишины. Иванъ Фе- доровичъ возсѣдалъ въ своемъ кабинетѣ, погружившись въ дѣло, принималъ просителей въ приемной и объѣз- жалъ городъ; Христина Карловна выѣзжала по воскресе- ньямъ съ молитвенникомъ въ ругахъ въ церковь, въ будни, какова-бы ни была погода, гуляла по одной и той-же улицѣ; старательно подобрала отъ грязи, сѣбѣ или нилы юбки, хозяйничала, перешивала что-то, или дѣлала для благотворительныхъ лоттерей совершенно безполезныя вещи изъ бисера и перети, въ родѣ туши- локъ для лампъ, сонетокъ, чехолковъ для зубочистокъ и пр. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что какъ правитель губер- наторской канцеляріи, такъ и чиновники особыхъ порученій почти ежедневно являвшіеся въ губернаторскій домъ, оставались чужды семьѣ начальника, никогда не при- глашались къ семейному столу, ограничиваясь только, кабинетомъ и приемной. Съ Христиной Карловной только раскланивались. А племянницу губернатора видѣли какъ-то мелькомъ и издали. То она проходила гулять, за- крытая довольно густымъ креновымъ, совершенно тра- урнымъ вуалемъ, то за какою нибудь надобностью, сѣ- лшю пробѣгала черезъ приемную въ кабинетъ дядюшки, столь-же посибшно возвращаясь оттуда. Мелькомъ мно- гимъ удалось разсмотрѣть, что губернаторская племян- ница—особа молодая, не только интересная, но поло- жительно привлекательная. Желая въ этомъ отношеніи возможно болѣе углубиться въ предметъ, что-бы узнать кой какия подробности о молодой особѣ, отчетливо ясно очертить эту послѣднюю въ различныхъ болѣе или ме- нѣе извѣстныхъ губернскихъ салонахъ, чиновники осо- быхъ порученій во время своихъ просиживаній посвя- щали въ приемной немалое время тому, чтобы разу- знать о ней что нибудь, по тщетно.

Но вотъ однажды, когда молодой правовѣдъ Засѣ- кинъ, любимецъ княгини Алатырской, самый пріятный собесѣдникъ А-скихъ гостинныхъ, усѣвшись на клеен- чатый диванчикъ губернаторской приемной, вознамѣрился было вздремнуть, пока не призветъ его начальникъ, въ кабинетѣ губернаторской племянницы раздались на столько громкіе голоса, что молодой человекъ счелъ за полезное наострить уши и прислушаться. Время было поелѣобѣденное и приемная оставалась пустой. Всякая по срединѣ потолка лампа освѣщала комнату на столько мало, что оставила въ полусвѣтѣ углы. Все это въ сое- диненіи съ мѣрнымъ чиканьемъ стѣнныхъ часовъ, по- казывающихъ половину седьмого, дѣйствительно призы- вало ко сну, когда вдругъ за дверью—ухо г-на Засѣ- кина отличило голоса: одинъ повидимому принадлежав- шій Христинѣ Карловнѣ, убѣждалъ, другой, вѣроятно голосъ племянницы,—на что-то повидимому сердившейся.

Г-нъ Засѣкинъ въ этомъ спорѣ уловилъ нѣкоторую нить. Голосъ Христины Карловны говорилъ:

— Но это прелестно! Prachtvoll!...

— Ахъ,—съ положительнымъ раздраженіемъ возра- жала другой голосъ, вы не понимаете меня. Можетъ и вѣрна вашему Шиллеру, но не вѣрна правдѣ.

— Правдѣ? почему-жъ? съ важностью спрашивала Христина Карловна;—Шиллеръ не лгалъ.

— Потому... начала было молодая дѣвушка, но вдругъ какъ-бы ослѣдась, нашла, что споромъ не убѣдитъ свою противницу, что даромъ терять времени не стоить, а потому перешла къ другому и съ очевиднымъ раздра- жеишемъ воскликнула: ахъ, что здѣсь за духота! Ды- нать печѣмъ!

И приблизившись къ двери, выходящей въ приемную, гдѣ находился г-нъ Засѣкинъ, съ силою толкнула ее ногою и отворила. Видимо взволнованная, она стояла на порогѣ, не замѣчая присутствія посторонняго лица, съ глазами ушедшими въ самую себя, и вздымающею грудью и пылающими щеками. Засѣкинъ приподнялся съ дивана и отвѣсилъ почтительный поклонъ молодой дѣвушкѣ. Тогда она замѣтила его, въ испугѣ отступила было назадъ, но вдругъ, подъ влияніемъ какого-то вне- занно пришедшаго ей въ голову намѣренія, блеснула своими задумчивыми глазами, вышла на половину прием- ной, точно въ какомъ то забытти твердя:

— Это пристрастіе, родственное чувство. Это него- дится никому. Вотъ посторонній человекъ: судите, права- ли я?

И не давъ ономниться молодому человѣку, схватила его за руку и повела въ только что покинутый ею ка- бинетъ. Слѣдуя за дѣвушкой,—Засѣкинъ припомнилъ слова предводительни, которую за отсутствіемъ княгини Алатырской привыкъ считать первою дамою въ городѣ, сказавшей относительно губернаторской семьи, что это— сумасшедшій домъ,—Бедламъ. Дѣвушка втащила молодого человека въ свой кабинетъ, поставила его передъ картиной, на которой изображена была женщина въ бѣломъ и безъ всякихъ предварительныхъ поясненій, съ занальчивостью заговорила, не выпуская его руки изъ своей:

— Будьте справедливы: скажите—неужели это воз- можно? Эта нѣжная женщина съ такими прелестными руками работала въ полѣ, пахала, разбивала земляные комки, жала, пасла скоть! Руки-то, руки посмотрите! И обратитѣ вниманіе на нѣжность кожи: загартъ-то, влияніе солнца, какъ тутъ приняты во вниманіе. А вѣдь она настуника, вѣдь она болѣе живетъ въ полѣ, чѣмъ дома. Нѣтъ, что значитъ увлечься идеей, и не продумать, не прочувствовать ее. Смотрите: у меня вышла нѣжная барышня, уже которая понятно солнца никогда не знала, выходила гулять по вечерамъ, на холодку, и по сол- нышку гуляла не иначе, какъ подъ зонтикомъ. И ужъ глупа же я была, право!

Она вдругъ бросила руку Засѣкина, сѣла на диванъ и въ мечтательномъ раздумьи прислопилась къ спинкѣ, какъ-бы совершенно позабывъ о присутствующихъ. Хри- стина Карловна, которой нарисованная племянницей картина въ сущности нравилась, по которой въ виду молчанія со стороны г. Засѣкина и энергическихъ до- водовъ племянницы относительно того, что картина ни- куда негодится, нѣсколько сбавила тонъ и обращаясь къ Засѣкину довольно нерѣшительно пригласила его вы- сказаться:

— Право, это не такъ дурно? неправда-ли?

Засѣкинъ не успѣлъ открыть рта, чтобы сказать, слова, какъ молодая дѣвушка быстро поднялась съ дивана, схватила толстую кисть, обмакнула ее въ растворъ ка- кой-то сѣрой краски и неожиданно для всѣхъ, съ разъя- реннымъ видомъ, провела по пѣжнему лицу нарисован- ной женщины, въ бѣломъ, нѣсколько широкихъ носостъ, совершенно испортившихъ картину. Христина Карловна и Засѣкинъ воскликнули въ одинъ голосъ:

— Ахъ, зачѣмъ-же?!

Но она не слушала ихъ и продолжала замазывать сърою краской картину, уничтожая пробѣлы между проведенными ею первоначально полосами. Она дѣлала это какъ-то первически быстро и скоро вся картина завѣсилась сѣрымъ однотоннымъ покровомъ. Дѣвушка какъ бы сердилась на свое произведение и только уже совершенно уничтоживъ его, отошла отъ гнѣва, стихла, какъ-бы потускнѣла и завяла. Она имѣла теперь утомленный видъ и зѣвнула.

— Какая скука! воскликнула она и вдругъ обратилась къ Засѣкину: послушайте—скажите мнѣ, что у васъ здѣсь интереснаго въ городѣ? Развлеките меня чѣмънибудь?

Засѣкинъ затруднился:

— Есть театръ, но это такъ плохо, что не стоитъ смотрѣть....

Она махнула рукой, отклоняя такое развлечение. Христина Карловна предложила съ своей стороны въ утѣшеніе:

— Можно вечеръ сдѣлать.... танцы.

Молодая дѣвушка снова отмахнулась:

— Ахъ, тетя, но вѣдь еслибы это было и дѣйствительно весело, то нельзя-же этаго сдѣлать сейчасъ.

И опять, обращаясь къ Засѣкину, просила его продолжать далѣе перечисленіе н—скихъ развлеченій. Тогда онъ сдѣлалъ попытку развернуться въ остроуміи и тѣмъ упрочить положеніе свое въ губернаторскомъ домѣ.

— Наши дамы,—сказалъ онъ,—развлекаются довольно своеобразно. Прежде всего онѣ конечно отдаютъ значительную дань судамъ и пересудамъ другъ о другѣ. Затѣмъ играютъ въ карты и по большой, но такъ какъ все это, не исключая и ходбы по гостиному двору и моднымъ магазинамъ, не восполняетъ всего ихъ свободнаго времени, то онѣ прибѣгаютъ еще къ двумъ формамъ развлечения.

— Именно?

— Къ гаданьямъ въ карты и богомолью....

Онъ неожиданно осѣлся, остановленный нетерпѣливымъ движеніемъ руки молодой дѣвушки....

— Вы остроумничаете. Это скучно.

Христина Карловна бросила на племянницу испуганно-укоризненный взглядъ, какъ бы говорящій, что нельзя высказывать подобныя вещи въ глаза незнакомому человѣку:

— Ахъ, Миньона!

— Ничего, тетя,—успокоила та, которую тетка назвала такимъ поэтическимъ именемъ и которая на самомъ дѣлѣ звалась Эрминіей,—онъ не обидится.

Онъ дѣйствительно, какъ ни неприятно было ему то, что его остроуміе не имѣло успѣха, при неожиданной его остановкѣ со стороны Эрминіи, наружно не выдалъ чувства возникшаго въ его душѣ, принялъ покорный видъ и стоялъ передъ нею, какъ провинившійся школьникъ. А она, какъ-то мелькомъ обращая на все это вниманіе, но въ тоже самое время инстинктомъ понимая, что находящійся передъ нею человѣкъ изъ той занимательной породы покладистыхъ и на все готовыхъ людей, составившихъ свою специальность изъ того, что-бы быть на всѣ руки, чтобы подажливаться, приспосабливаясь, найти надлежащій тонъ въ отношеніи нужныхъ людей, и все это сдѣлать безъ какого либо особеннаго съ своей стороны низкопоклонства, а такъ подъ видомъ простоты, безцеремонности,—понимая это, она совѣтовала ему:

— Придумайте чтонибудь позанимательнѣе.

Ея задумчивые глаза остановились въ это время случайно на піанино, на которомъ никто никогда не игралъ, но которое осталось вмѣстѣ съ прочею обстановкой губернаторскаго дома. Она спросила:

— Можете вы играть?

Вмѣсто отвѣта онъ молча, съ покорностію взялъ стулъ,

подвинулъ къ піанино, открылъ его и приготовился играть. Съ своего мѣста на диванѣ, Эрминія послала молодому человѣку одобреніе:

— Да вы просто кладъ... Скажите: даже играетъ!

Готовясь слушать, она безъ всякой церемоніи прилегла, на диванъ и приказала молодому человѣку:

— Ну-съ... Начинайте... Я—скупающій Саулъ, а вы развлекайте меня звуками Давида.

Онъ все еще медлилъ, обдумывая что бы начать. Удобнѣе укладываясь, Эрминія послала ему:

— Слушаю-съ: извольте бречать... На что сконфуженная Христина Карловна еще разъ кинула испуганно укоризненный взглядъ на нее и возгласъ:

— Миньона!

Повелѣвая добродушною теткой, племянница относилась по временамъ къ ней съ тою шутивою нѣжностью, съ которою взрослые относятся къ дѣтямъ. Такъ и теперь она послала ей въ отвѣтъ на ея укоризненный возгласъ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, крикнувъ съ дивана:

— Милая, мнѣ лѣнь вставать, чтобы чмокнуть васъ, милое дитя... Ничего: онъ не обидится...

И во второй разъ напомнила ему:

— Слушаю-съ: извольте начинать.

Засѣкинъ игралъ очень мило и съ чувствомъ. Онъ началъ какою-то салонною пьесой, мало оригинальною и сообразивъ, что продолжая ее, рискуетъ пожалуй быть остановленнымъ и на этомъ пути, какъ былъ остановленъ въ своемъ остроуміи, незамѣтнымъ образомъ переимѣнилъ пьесу и перешелъ въ изищно пѣвучій ноктюрнъ Фильда... Какая-то простая и трогательная пѣсенка, довольно однообразная, но съ каждымъ тактомъ, съ каждымъ оборотомъ дѣлающаяся все печальнѣе и печальнѣе, почти исходящая слезами, составляла содержание пьесы... То была какая-то молитва, которую слушали ночныя небеса и яркія звѣзды, свидѣтели человѣческаго горя, молитва не для людей, а для самаго себя, въ присутствіи молчаливо-кроткихъ небесъ. Самъ исполнитель, какъ онъ ни тяготѣлъ къ землѣ, увлекся пьесой, ушелъ въ ея исполненіе, позабывъ о своихъ успѣхахъ браваурными вальсами въ салонѣ княгини Алатырской. Вдругъ раздавшіеся назадъ рыданія, совершенно неожиданно, повидимому, вырвавшіеся изъ груди молодой дѣвушки, заставили Засѣкина оборвать на полутактѣ пьесу и вскочить со стула... Эрминія рыдала на диванѣ, успокоиваемая теткой, глядящей ее нѣжно рукою по волосамъ и въ тоже самое время старающейся почему-то смягчить этотъ неожиданный припадокъ передъ постороннимъ молодымъ человекомъ.

— На нее музыка всегда такъ дѣйствуетъ... Вы такъ прекрасно играли... Ничего, это пройдетъ...

Дѣйствительно рыданія Эрминіи быстро стихли и ея орошенное слезами лицо улыбулось молодому человѣку. Взявъ принятый ею въ обхожденіи съ нимъ тонъ, она поблагодарила его:

— Благодарствуйте... Вы очень мило бречите...

Тетка подавала ей стаканъ, изъ котораго она отпила немного воды и положительно успокоилась, сказавъ молодому человѣку:

— Мнѣ стало легче, когда я проплакалась... Ну-съ, придумайте еще чтонибудь, чтобы развлечь меня эконо-чательно... Музыки больше не хочу, хотя вы играете очень мило... Мнѣ скучно, понимаете, со мной тоска!.. Вотъ это меня разстроило... Она кивнула на замаранное сѣрою краскою полотно... Эта дѣвственница должна быть ипою... какой, я не знаю именно, но непременно другою... Конечно, огонь въ глазахъ долженъ горѣть особенный, но... впрочемъ не объ этомъ... Ну-съ, придумывайте, развлекайте меня. Ну, фокусъ какойнибудь покажите, ну расскажите мнѣ чтонибудь занимательное... Ну-съ!

Она положительно находилась въ какомъ-то не-

Литературный альбомъ. Деспо, стихотвореніе А. Н. Майкова. Ориг. рис. П. Каразина, грав. Барановскій.

обычайномъ нервномъ волненіи, теребила, почти рвала свой носовой платокъ, смотря на Засѣкина блестящими, лихорадочными глазами. Послѣдній какъ бы въ нѣкоторомъ отчаяніи развелъ руками:

— Но что-жь я придумаю?

— Чтонибудь, только очень интересное...

Онъ минуту находился въ крайнемъ затрудненіи, но именно минуту, ибо этотъ изобрѣтательный молодой человѣкъ задумываться не привыкъ. Онъ вдругъ ударилъ себя по лбу, схватилъ отъ пианино стулъ, пододвинулъ его къ дивану, на которомъ продолжала покоиться молодая дѣвушка, тогда какъ Христина Карлова усѣлась на оставленное было ею мѣсто и снова принялась за свое вязанье. Вѣроятно стараясь болѣе заинтересовать свою слушательницу, Засѣкинъ заговорилъ какъ-то таинственно:

— Здѣсь есть одинъ домъ...

— Ну?

— Онъ брошенъ, въ немъ никто давно не живетъ и народная молва говоритъ, что въ немъ водится нечистая сила...

— Старо!—махнула было рукой Эрминія, но на этотъ разъ Засѣкинъ не перемѣнилъ немедленно предмета, а съ нѣкоторой смѣлостью настоялъ на продолженіи бесѣды:

— Но вы извольте выслушать сперва весь рассказъ и ужъ потомъ скажите занимателенъ онъ или нѣтъ... О домовыхъ и чертяхъ я распространяться не буду...

Она позволила:

— Говорите.

— Извольте видѣть: сегодня утромъ ко мнѣ является одинъ молодой человѣкъ, худой и блѣдный, который, какъ оказывается изъ его словъ, болѣе трехъ мѣсяцевъ одинъ одишеникъ проживаетъ въ этомъ заброшенномъ домѣ, съ выбитыми рамами, съ мусоромъ, съ обвалившимися потолками и сломанными лѣстницами.

Кажется рассказъ заинтересовывалъ.

— Что же это,—бѣдный какой-нибудь?

— Вѣроятно, хотя кажется этотъ молодой человѣкъ поселился въ разрушенномъ домѣ не столько изъ за бѣдности, сколько вслѣдствіе другихъ причинъ...

— Именно?

— Это—энтузіастъ специальности. Онъ техникъ... учился и жилъ въ Петербургѣ уроками, задумалъ одно техническое изобрѣтеніе и пріѣхалъ сюда.

— Но зачѣмъ же сюда?

— Вотъ по этому-то онъ и являлся ко мнѣ: у насъ есть общіе знакомые въ Петербургѣ, которые направили его ко мнѣ. Видите-ли: домъ, въ которомъ онъ живетъ, принадлежитъ собственно ему, хотя это надо еще оформить, что не совсѣмъ легко...

— Принадлежитъ ему? Это интересно. Вы слушаете, тети?

— Да. Я слушаю.

(До слѣд. №)

Во время бури.

Романъ

М. Гокая.

(Продолженіе).

Иллаван всталъ, послѣ ухода воинственнаго Сома и отвелъ лица его за собою къ окну.

— Какую глупость вы еще выдумали? Такъ-то вы смотрите за тѣмъ, къ кому приставлены?

— Да, что-же, помилюйте, я-то тутъ могу сдѣлать? отвѣчалъ маленькій человѣчекъ съ подобострастной улыбкой. Не умнѣе-же я всего комитета. Комитатъ рѣшилъ, что юнкеръ Корнель, какъ признанный идиотомъ, будетъ находиться подъ вѣчнымъ попечительствомъ; а чтобы отнять у него всякій поводъ къ сумасброднымъ выходкамъ, его послали въ Дебречинъ, чтобы ходилъ тамъ въ школу и приучался-бы къ обществу. Помѣстили его на полное содержаніе къ профессору, человѣку умнѣйшему и опредѣлили меня къ нему въ качествѣ товарища его, или жертвы его, а по моему лучше правду сказать,—такъ для того развѣ, чтобы вмѣсто одного дурака—была ихъ пара. На дѣлѣ-то, въ Дебречинѣ ничему хорошему онъ не могъ научиться. Да и что тутъ было дѣлать, когда вдругъ началось это возстаніе, всѣ ушли въ гонведы, да и школу-то пришлось закрыть?

— Все это я знаю; но я вѣдь тогда немедленно-же послалъ деньги профессору, для того, чтобы онъ отправилъ Корнеля домой.

— Да, а профессоръ сказалъ г. Корнелю, что честь обязываетъ его падѣть красную кокарду національнаго гвардейца и слѣпить въ лагерь въ Наги-Банью, и сунулъ намъ путевыя деньги, чтобы сами дорогу нашли. Ну, и нечего сказать, вдвоемъ-то мы изобразили не очень умнаго четвероногого.

— Да вѣдь все это случилось въ Августѣ; а потомъ-то, дальше что-же было. Неужели, съ тѣхъ поръ вы все и путешествуете?

— Вотъ что было потомъ. Отдохнувъ, мы снова выступили въ походъ и направились въ Коморнъ. Тамъ ждало насъ страшное извѣстіе о приближеніи Елачича.

— Но вѣдь онъ шель по другому берегу!

— Но онъ могъ переправиться съ того берега и на нашъ? Мы благоразумно отступили опять назадъ въ Пештъ; и вотъ тутъ-то и познакомились съ учрежденіями...

— Съ игорными домами!

— Вы, г. судья, удивительно догадливы,—какъ по печатному читаете.

— И закончили тамъ катастрофою: проиграли все, до послѣдняго гроша!

— Не только всѣ гроши, но и свои дорожныя шинели. А не то мы и до сихъ поръ были-бы тамъ. Въ одной кофейнѣ кто-то сжалился надъ Корнелемъ и далъ ему лакированный карузь. Это и навело его на блестящую мысль поступить въ солдаты.

— Да вѣдь это просто сумасшествіе! Вы хорошо знаете мало, знаете, что онъ вовсе не годится въ солдаты: голова у него плоха и сложеніе слабое. Развѣ вы не могли отговорить его?

— Мало я уговаривалъ его! А онъ взялъ да и отколотилъ меня.

— Кликните малаго сюда!

Корнель-Сома явился съ дымящейся сигарой во рту.

— Чего еще надо?

— Прежде всего, извольте вотъ тамъ взять ключъ отъ моего шкафа и идите въ другую комнату; тамъ найдете платье для себя.

— Съ ума что-ли я сошелъ, чтобы нарядиться въ платье, которое сшито на вашу фигуру!

— Я былъ увѣренъ, что вы возвратитесь домой не иначе, какъ въ живописныхъ лохмотьяхъ, и приготовилъ вамъ приличную одежду. Я выписалъ платье для васъ изъ Пешта, отъ Форманека, у котораго вы экипировались въ послѣдній разъ.

Слова эти обезоружили молодого человѣка, онъ взялъ ключъ и гордо поступью направился переодеваться въ указанную ему комнату. Нѣсколько минутъ спустя онъ вышелъ оттуда на стоящимъ дѣнди.

— Я иду въ гусары! объявилъ внезапно Сома.

— Куда хотите! Но начните съ того, чтобы васъ освидѣтельствовали.

На этотъ разъ Корнель уже не сопротивлялся. Во время осмотра, какъ ни старался долговязый юноша выпячивать впередъ грудь свою, докторъ нашелъ, что грудь черезъ-чуръ узка, за что, конечно, свидѣтельствуемый назвалъ его „измѣнникомъ“; затѣмъ, когда докторъ объявилъ, что и руки рекрута очень слабы, этотъ послѣдній крикнулъ во все горло: „Какъ! Что! Будто я этой рукой не умѣю фехтовать?“ и съ этими словами онъ неожиданно выхватилъ у близъ стоявшаго фельдфебеля тесака и началъ отчаянно махать имъ передъ докторомъ. Тотъ, перепугавшись за свой носъ и уши, немедленно провозгласилъ: „годенъ!“

Новый рекрутъ высокомернымъ жестомъ бросилъ на столъ судьи удостовѣреніе годности.

— Вотъ оно вамъ! Ну—малюйте тамъ мое имя: Сома Апавари.

— Пожалуй, такъ будетъ и лучше, пробормоталъ Иллаван,—по крайней мѣрѣ, если дезертируетъ, такъ не будутъ искать подъ настоящей фамиліей.

— Но это ложь! „Онъ“ не будетъ дезертировать! вскричалъ крикнулъ юноша,—онъ будетъ драться какъ левъ! Онъ не будетъ дезертировать, а возвратится съ войны героемъ, украшенный орденомъ Маріи-Терезин! На боевомъ кошѣ! Да! Ну дайте-же мнѣ теперь денегъ.

Иллаван отсчиталъ ему три цванцигера.

— У моего отца было сорокъ лошадей на копушнѣ! А я долженъ идти какъ рядовой! И меня осматриваютъ!

Корнель вынулъ въ сентиментальное настроеніе. Глаза покраснѣли, губы задрожали. Сейчасъ можно было ожидать парок-

сизма: онъ или могъ заплакать, или забушевать, разбивая и уничтожая все, что ему попадетъ подъ руку, пока его не свяжутъ. Иллаваи хорошо знала его натуру: онъ былъ дядей ему и назначенъ опекуномъ юнаго сумасброда. Французъ обыкновенно сдерживалъ его своей спокойной и твердой манерой. И на этотъ разъ онъ успѣшилъ предупредить взрывъ.

— Послушайте, милый Корнель, пѣжно обратился онъ къ племяннику, вашъ отецъ могъ позволить себѣ такую роскошь—имѣть сорокъ лошадей на конюшнѣ, потому что зналъ, что у него есть умный сынъ, который съумѣетъ привести въ порядокъ его хозяйство; но у васъ вѣдь еще нѣтъ такого сына.

Юноша снова былъ обезоруженъ; онъ улыбнулся словамъ родственника.

— Глухой вы,—право, совсемъ глухой, я вижу, произнесъ онъ, уже совсемъ смягченный,—но, однако, поговоримъ-же серьезно, милый дядя...

— Хорошо, хорошо, мой мальчикъ! Но, если вы желаете переговорить серьезно, то прошу предоставить мнѣ слово. Вы имѣете большую склонность къ военному дѣлу,—я не буду мѣшать вамъ. Но на мнѣ лежитъ обязанность наблюдать за вами, оберегать васъ и тамъ. Я озабочусь, чтобы вы были прилично одѣваны, вооружены и чтобы у васъ была хорошая лошадь и, во все время вашей службы, буду снабжать васъ всѣмъ необходимымъ. Все это я сдѣлаю. Только знайте одно: денегъ я вамъ въ руки не дамъ, потому что тогда не будетъ у васъ ни коня, ни мундира. Завтра я вручу потребную сумму вашему маюру, и онъ уже справитъ все, что надо.

— Какъ? Вы не доверите мнѣ денегъ? Такъ вы не считаете меня честнымъ человѣкомъ? Развѣ кто-нибудь смѣетъ сомнѣваться въ моемъ честномъ словѣ? Тому, кто позволить себѣ это, я скажу, что онъ...

Иллаваи, боявшийся, чтобы Корнель не посылалъ, въ шутку, какими-нибудь отборными выражениями, и не началъ-бы свою военную карьеру съ гаунтвахты, внезапно и неожиданно оборвалъ его на словѣ, крикнувъ могучимъ своимъ голосомъ:

— Направо кругомъ, марш!

Энергичная команда подѣйствовала—Соба смѣшался и замолчалъ.

Кацуръ потащилъ его за дверь.

Забранныя сигары надо было, однако, куда-нибудь положить. Въ карманѣ новаго сюртука оказался портъ-сигаръ: по нечистой подумалъ и объ этомъ. Заботливость его шла и еще дальше: когда юный герой открылъ портъ-сигаръ, въ одномъ изъ его отдѣленій весело блеснула нѣсколько штукъ золотыхъ.

При видѣ такого богатства, Корнель вырвался изъ рукъ своего спутника, вкѣпѣлъ назадъ въ канцелярью судьи и, бросившись, безъ дальнѣйшихъ прелюдій, на шею своему тирану, покрывъ его лицо горячими поцѣлуями.

— Милый, добрый дядя! Скажите,—вѣдь вы не сердитесь на меня, нѣтъ? Простите меня! Дай Богъ вамъ всего хорошаго! Если только когда-либо вамъ будетъ угрожать какаа-нибудь опасность, скажите слово, одно, слово—и я прилечу, чтобы избавить васъ! Ну—впередъ ребята!

Само собою понимается, что золотой фондъ былъ проинтъ въ ту-же ночь его новыми товарищами.

IV.

Видѣніе.

Иллаваи окончилъ свои занятія только поздно вечеромъ, а затѣмъ обратился къ графу Теметвени, въ Гарговарскій замокъ. Видѣніе это съ незапамятныхъ временъ не переходило въ другія руки. Теметвени постоянно были вѣрны троица, жили въ Вѣнѣ и сюда прѣзжали только на охоты. Замокъ пользовался общою извѣстностью во всей странѣ пышнымъ убранствомъ своихъ безчисленныхъ комнатъ, которыми, однако, открывались не болѣе двухъ, трехъ разъ въ году, для пріема знатныхъ гостей, прѣзжавшихъ къ графу. Вокругъ гордаго зданія, какъ обыкновенно, идетъ глубокой ровъ, хотя уже давно лишенный воды; но, зато, подземный мостъ продолжался, по прежнему, поднимать на ночь и опускать, по звуку трубы, при появленіи запоздалаго гостя. У подножія массивныхъ воротъ, точно сторожевые вѣрные псы, лежатъ двѣ пушки безъ лафетовъ, отбитыя въ старое время у турокъ.

На главномъ дворѣ повсюду пробилась трава, изъ трубы фонтана, украшающаго фонтанъ, вода уже не бьетъ. По всему видно, что графская семья прѣехала неожиданно и некогда было выколотъ траву и поправить фонтанъ. Да и не время было заниматься этимъ, приходилось теперь думать о вещахъ болѣе важныхъ.

Иллаваи провели въ одну изъ красивыхъ комнатъ въ парадной части дома. Здѣсь камердинеръ сказалъ ему, что графиня Пальма желаетъ переговорить съ нимъ, прежде чѣмъ онъ увидится съ самимъ графомъ; и едва слуга удалился, какъ открылась другая боковая дверь и вошла молодая графиня.

Она была одна. Французъ показалось, что прежде чѣмъ затворить дверь, она удостовѣрилась, не подслушиваютъ-ли ихъ кто-нибудь.

Ея продолговатое лицо блѣдно, какъ бѣлый снѣгъ и какъ отъ снѣга, вѣетъ отъ этого лица холодомъ; густые, бѣлокурые, точно лезъ, волосы составляютъ разительней контрастъ съ черной

дугой бровей, изъ-подъ которыхъ гордо и спокойно смотрятъ большіе глаза, не то черные, не то темносиніе. Ея стройную, высокую фигуру красиво облегаютъ бѣлое платье строгой формы, придавая ей какой-то обликъ, какое-то сходство со статуей. Это было что-то въ родѣ прекраснаго видѣнія, безумно отдѣлянаго отъ потемнѣвшаго фона стѣнъ стариннаго салона.

Графиня Пальма протянула гостю свою узкую, аристократическую и холодную ручку.

— Извините, сказала она, указавъ Иллаваи на кресло, извините, что я остановила васъ на подорожѣ, но мнѣ необходимо переговорить съ вами, прежде чѣмъ вы увидите моего отца. Вы, конечно, знаете его?

— Я видѣлъ графа только одинъ разъ, когда онъ прѣехалъ въ свое имѣніе—было дѣло...

— Въ такомъ случаѣ вы не можете его знать такъ, какъ тѣ немногіе, кто уже изучилъ его. Отецъ мой очень сдержанный и осторожный человѣкъ. Виною тому—замкнутый узкій кругъ, въ которомъ онъ постоянно живетъ. Тамъ всякій привыкъ взвѣшивать малѣйшее свое слово и запоминать слова, произнесенныя другими, привыкъ не высказывать всего, что знаетъ. Это уже обыкновенное, законъ. Но въ теперешнемъ нашемъ положеніи, изліянная неоткровенность могла-бы повредить намъ. Отецъ писалъ вамъ?

— Я получилъ отъ него два письма.

— Онъ, конечно, писалъ вамъ, что не въ состояніи выполнить требованій комиссара временнаго правительства, что вовсе не приготовленъ къ тому, чтобы принять у себя и накормить четыре тысячи гостей и еще меньше—къ тому, чтобы принять начальство надъ батальономъ Гарговарской національной гвардіи, онъ никогда не служилъ въ военной службѣ и... и еще чувствуетъ себя нездоровымъ.

— Да, онъ писалъ мнѣ въ этомъ родѣ.

— Ну, вотъ, видите-ли, это его привычка. Онъ высказалъ вамъ только часть своихъ затрудненій, и кто захотѣлъ-бы помочь ему, не имѣлъ-бы возможности сдѣлать этого какъ слѣдуетъ. И если-бы вы были такъ добры обавать ему содѣлать въ томъ только, что онъ проситъ и намѣреніе ваше увѣчалось-бы полнымъ успѣхомъ, то вышло-бы то, что комиссаръ сказалъ-бы: „хорошо, если графъ не можетъ прокормить четыре тысячи человѣкъ, то я поставлю къ нему четириста; а разъ они явились-бы сюда, то объявили-бы моему отцу, что онъ можетъ не вести самъ Гарговарскую національную гвардію въ лагерь, и будетъ совершенно достаточно, если онъ вооружитъ ее, дастъ ей вышитое у насъ въ замкѣ знамя и скажетъ имъ патристическую рѣчь. И скажите сами—какъ-же было-бы можно отказать имъ въ этомъ?“

— Конечно, нельзя-бы было.

— А именно этого-то отецъ и боится больше всего. Онъ вовсе не боится и легко могъ-бы вынести всякое физическое напряженіе. Но—не хочетъ! Сдѣлать это ему невозможно, но онъ ни за что не сознается вамъ въ томъ. Ни за что не скажетъ онъ вамъ, что не желаетъ принимать участія въ пылѣвшихъ волненіяхъ ни за ту, ни за другую сторону; вѣдь мы по этой-то причинѣ и выѣхали изъ Вѣны. При первыхъ-же признакахъ возмущенія и какъ только ммувидали изъ своихъ оконъ сконина бунтовавшаго народа, сейчасъ-же тайно оставили столицу чтобы укрыться въ нашемъ родовомъ гнѣздѣ, въ этомъ тихомъ уголку Венгрии, надѣясь спокойно переждать здѣсь пока пройдетъ гроза. Намъ и мысль не приходила, что и здѣсь насъ ждетъ тоже самое, что и здѣсь намъ придется отбѣгать на тотъ-же вопросъ: къ какому лагерю принадлежите вы? Вотъ, что смущаетъ моего отца, и чего онъ не можетъ рѣшиться откровенно высказать кому-нибудь. Но за то я рѣшаюсь и говорю вамъ прямо все. Для насъ было-бы одинаково вредно—принесеть къ намъ комиссаръ съ четырьмя тысячами или только съ сорока солдатами, и для моего отца мысль о томъ, что онъ былъ-бы вынужденъ со знаменемъ въ рукѣ, броситься въ сраженіе,—нисколько не страшнѣе, нежели перспектива узать, что его имя примѣнено къ какому-нибудь эпизоду восстанія. Поэтому я прошу васъ не ограничиваться только письмами его, а сдѣлать больше чѣмъ онъ самъ требуетъ; убѣдите, пожалуйста, комиссара избавить насъ отъ великой чести видѣть его въ нашемъ домѣ и, вообще оставить насъ въ покоѣ.

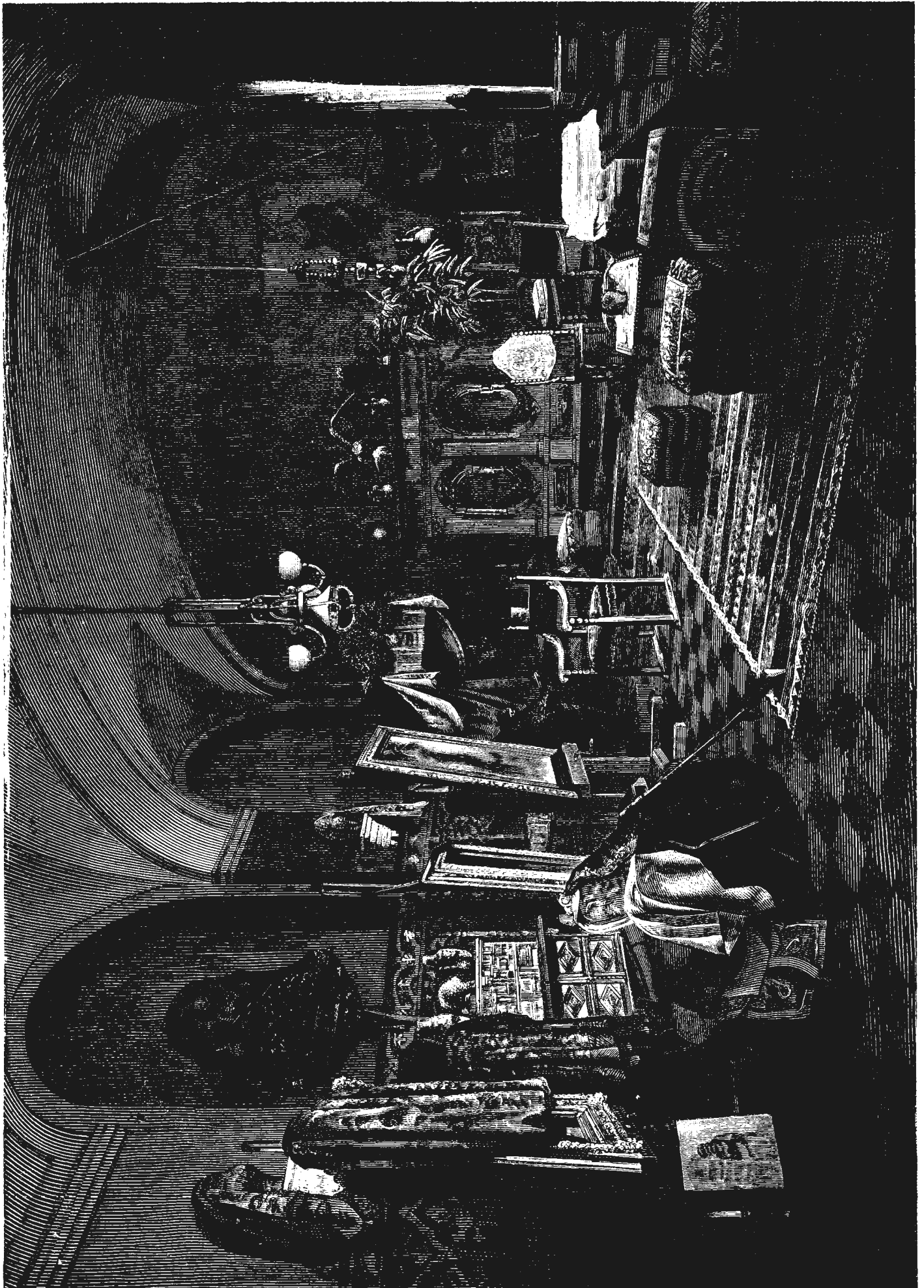
Иллаваи, вмѣсто отвѣта, покачалъ головой.

Графиня Пальма замѣтила это.

— Если вамъ не удастся сдѣлать то, что я прошу, то могу заранѣе сказать, какъ все произойдетъ: отецъ не станетъ дожидаться здѣсь комиссара, а если его захотятъ принудить выѣхать между той или другой партіей, то онъ уйдетъ отсюда въ Бадень; а я не хочу, чтобы онъ переходилъ въ лагерь, враждебный Венгрии.

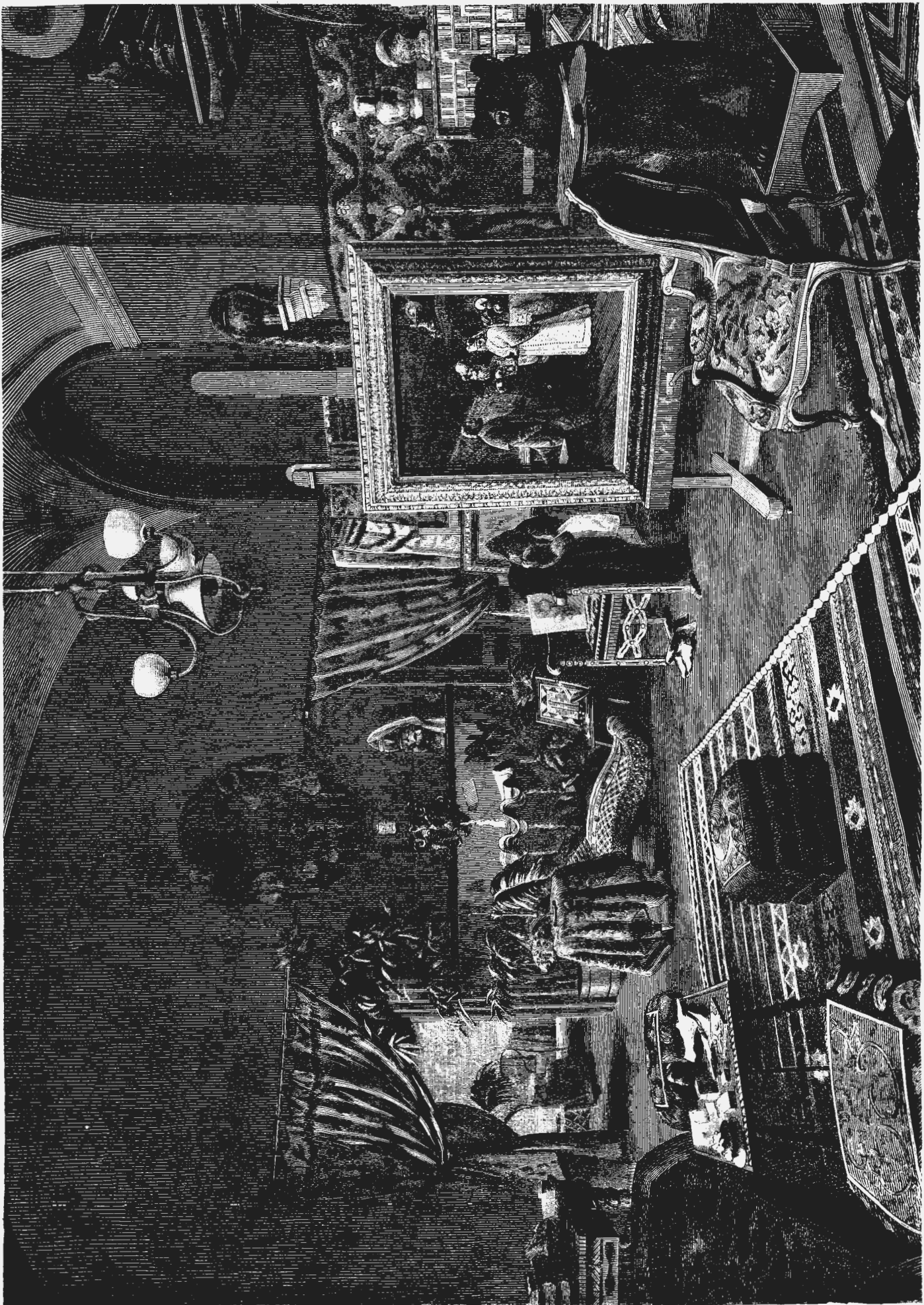
Иллаваи пристально глянулъ въ лицо молодой дѣвушки; она начала интересоваться его. Но въ этомъ лицѣ онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго проблеска чувства. И она тотчасъ-же поспѣшила убѣдить его, что онъ понималъ ее вовсе не такъ, какъ она хотѣла, на прелестныхъ устахъ красавицы мелькнула холодная улыбка.

— Только пожалуйста, не пишите въ моихъ словахъ никакого неумѣстнаго патристизма. Я вовсе не проинкнута „идею“, а говорю вамъ изъ простаго эгоизма: я не желаю, чтобы мой

Видъ новой мастерской профессора Слб. Академіи Художествъ В. И. Якобія, отъ входа. Съ фотогр. Вишнякова, грав. М. Галевскій.

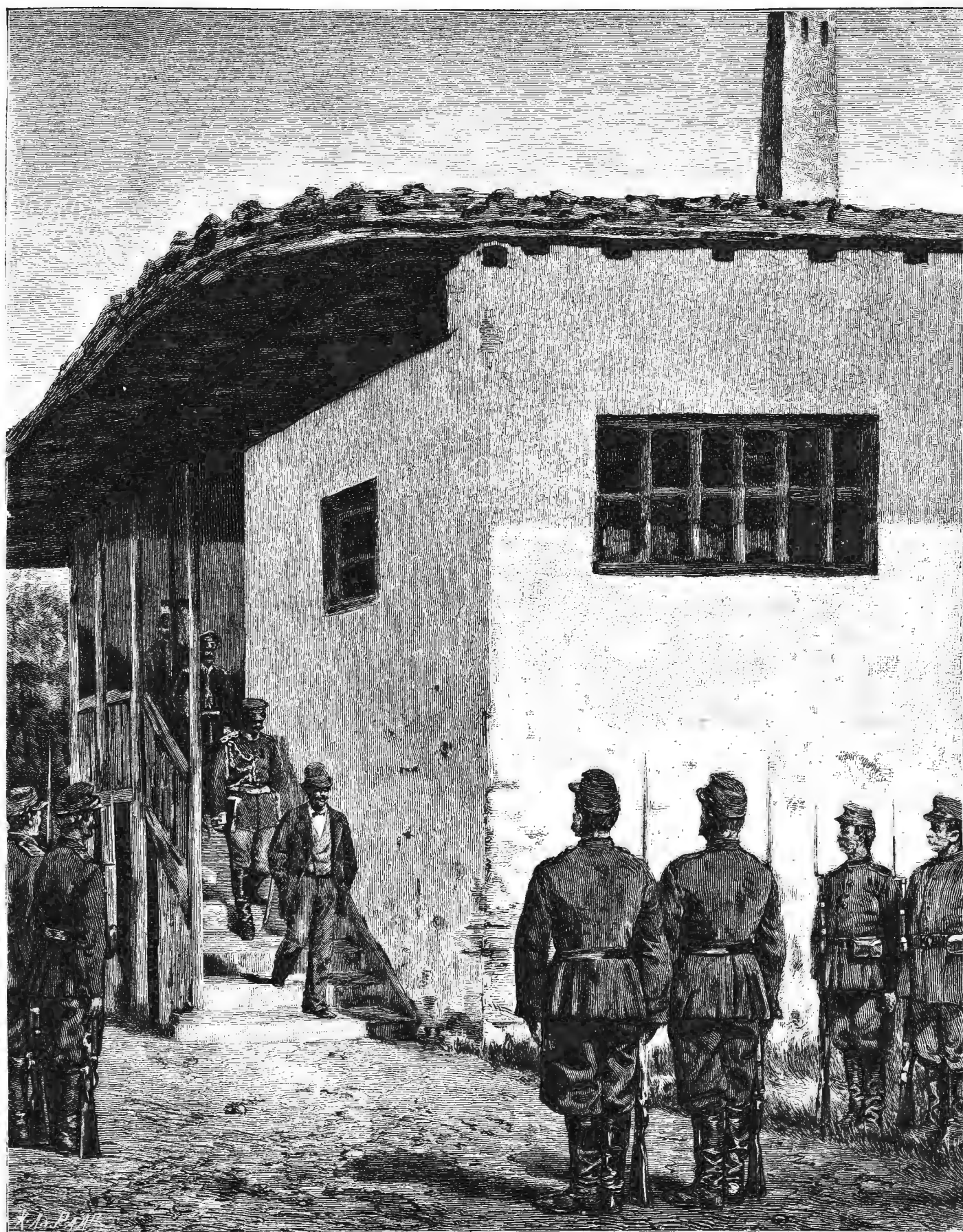

Видъ новой мастерской профессора Слб. Академіи Художествъ В. И. Якобіа, къ сторонѣ входа. Съ фотогр. Выпякова, грав. М. Рашевскій.

Шпіонъ. Съ картины В. В. Верещагина, грав. Пааръ.

отнесли сдержаннѣе, но успѣхъ сопровождается обыкновенно всюду энергическаго и талантливаго В. В. Верещагина.

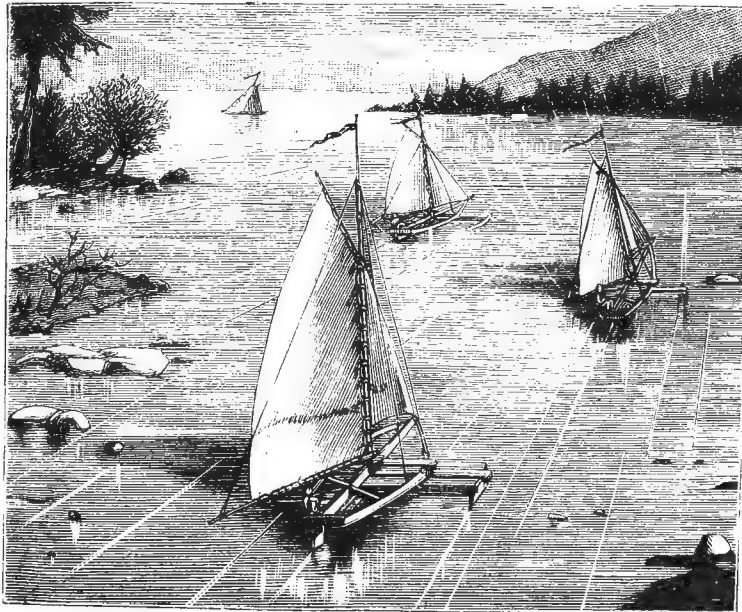
Въ Петербургѣ выставка этихъ же картинъ, какъ конечно помнятъ наши читатели, надѣлала много шуму въ мартѣ 1880 года. Тогда же мы помѣстили портретъ В. В. и свѣдѣнія о его жизни. Живость и яркость изображенія, глубокая правдивость, и оригинальность — отличительныя черты этихъ произведеній В. В., который самъ участвовалъ въ экспедиціяхъ на Дунай съ нашими молодцами и даже разпечъ тамъ (8 іюля, на шлюпкѣ Скрыдлова).

Здѣсь мы представляемъ одну изъ самыхъ драматическихъ, интересныхъ по сюжету картинъ В. В. а именно картина „Шіонъ“. Турецкій шіонъ схваченъ на линіи и приговоренъ къ смерти. Кто онъ? грекъ, еврей? Богъ знаетъ, какія темныя личности берутся за эти вещи, — ненависть-ли къ врагу побуждала его или просто соблазнило его золото — все равно, онъ идетъ туда, гдѣ уже ничего ему не будетъ нужно. Заложивъ руки въ карманы пиджака, съ дѣланной аффектаціей спокойствія, идетъ онъ съ высокой каменной лѣстницы на встрѣчу смерти. Офицеръ, опустивъ голову, прижимая къ себѣ нервно портфель, торопливо спускается вслѣдъ за нимъ. Недвижный строй солдатъ съ ружьемъ у ногъ придаетъ особенную мрачную торжественность сценѣ. Рѣдко случается видѣть картину, которая бы производила такое глубокое, сильное впечатлѣніе своей безлощадной правдой и реальностью изображенія.

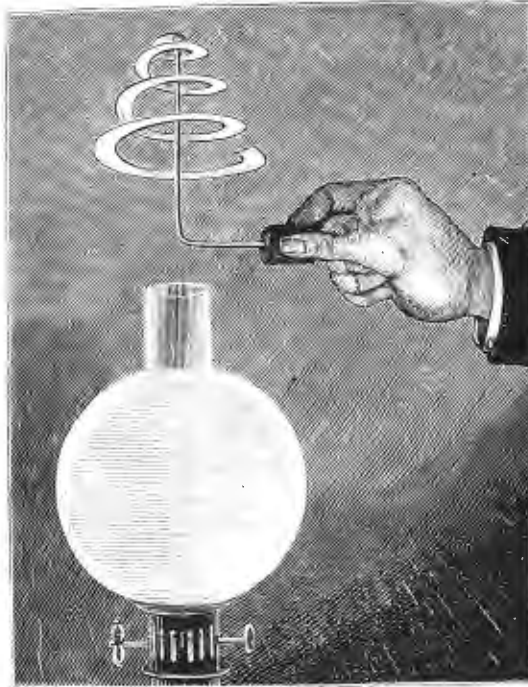
Сани-Яхта.

(Рис. на стр. 42).

Зимой любители катанья въ Америкѣ строятъ такъ наз. яхты для льду (ice yacht). Это большая рама, положенная на два деревянные полоза, которыхъ оконечности снабжены продолговатыми подрѣзками. Эти яхты имѣютъ еще третій пологъ сзади, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ. Этотъ родъ спорта практиковался съ огромнымъ успѣ-

Американскіе буеры, употребляемые нынѣ въ С.-Петербургскомъ Яхтъ-Клубѣ.

Опытъ со спиралью изъ бумаги.

хотъ въ 1879 г. на льду Гудсоновой рѣки и на озерахъ Канады. Американцы увѣряютъ что эти яхты при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, подъ парусами, могутъ поспорить въ скорости съ курьерскимъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Парусъ поставленъ впереди всей рамы и управляющій имъ лодманъ можетъ свободно давать ему направленіе.

Яхта, которая представлена на нашемъ рисункѣ, построена А. Иннесомъ въ Соединенныхъ штатахъ. Киль имѣетъ длину около 8 метровъ, мачта 7 метровъ вышины. Прочія части соотвѣтственны этому размѣру. Въ морскомъ музеѣ въ Соутъ-Кенсингтонѣ, въ Лондонѣ, есть модели финскихъ яхтъ на полозьяхъ съ двумя и однимъ парусомъ. Американскіе спортсмены употребляютъ только одинъ парусъ. Они утверждаютъ, что яхта на льду, разъ пущенная въ ходъ, идетъ съ быстротою вѣтра, который ее двигаетъ по льду.

Физическій опытъ.

(Рис. на стр. 42).

Опытъ изображенный на нашемъ рисункѣ внизу этой странички, указываетъ волнообразное теченіе нагрѣтаго воздуха и его можно варьировать различнымъ образомъ. Вырѣзаютъ изъ обыкновенной игральной карты спираль, которую растягиваютъ вверху и укрѣпляютъ верхнимъ концомъ на проволочномъ стержнѣ. Если эту спираль ввести въ струю нагрѣтаго воздуха, такую напр. какую даетъ пламя изъ ламповаго стекла, то спираль эта начинаетъ быстро вертѣться. Спираль изъ бумаги можетъ быть также помѣщена надъ горячею печкой и будетъ вертѣться также быстро. Опытъ этотъ указываетъ что воздухъ можетъ производить механическія дѣйствія когда теченіе его сильно. Такъ, если постоянно и сильно дуть въ большую рюмку, въ которую положено яйцо, то можно яйцо это привести въ такое положеніе, что оно, постепенно поднимаясь, наконецъ вывалится изъ рюмки.

Всѣ такіе опыты не требуютъ никакихъ аппаратовъ.

Глухонѣмота.

Очеркъ.

Теперь уже можно считать вполне рѣшеннымъ положеніе, что большинство глухонѣмыхъ людей не говорятъ только потому, что они глухи. Ребенокъ, лишенный слуха, — не говоритъ, какъ-бы богато ни былъ онъ одаренъ отъ природы умственными способностями. Мало того, ребенокъ, который не говорилъ до двухлѣтняго возраста и потомъ оглохъ, начинаетъ утрачивать съ этого момента даже уже развившуюся способность рѣчи.

Даръ слова, которымъ такъ гордится человѣкъ, рѣчь, которую считаютъ исключительною и отличительною принадлежностью человѣка, — результатъ воспитанія. Даръ слова вовсе не есть врожденная способность; онъ не развивается самъ по себѣ, но мѣрѣ того, какъ человѣкъ растетъ: звуки и слова заучиваются мало по малу вслѣдствіе продолжительнаго упражненія.

Несмотря на наследственность, дѣйствующую въ безчисленномъ множествѣ поколѣній, владѣвшихъ словомъ — ребенокъ не заговоритъ самъ по себѣ; нужно, чтобы онъ научился говорить. Способность рѣчи не представляетъ собою, слѣдовательно, чего-

либо наследственно переходящаго, это есть личное приобрѣтеніе, начала котораго передаются традиціонно. Не для одного человѣка звуковыя знаки являются личнымъ приобрѣтеніемъ; у животныхъ они также передаются путемъ подражанія и утрачиваются отъ недостатка упражненія.

Собаки, оставленныя одиѣ на пустынныхъ островахъ, теряютъ способность лаять. Недавно были привезены въ Англію не лающія собаки съ рѣки Мэккензи и самая молодая изъ нихъ научилась лаять лишь среди англійскихъ собакъ.

Чтобы ребенокъ могъ научиться говорить — необходимо, чтобы онъ слышалъ. Оттого всѣ ушныя болѣзни, кончающіяся разрушеніемъ слуховаго нерва, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ глухоту и нѣмоту. Излеченіе этихъ болѣзней хоть настолько, что еще сохраняется нѣкоторая способность слышать, — только такое излеченіе и можетъ спасти ребенка отъ страшнаго недуга, который называется *глухонѣмотой*.

Недавнія изслѣдованія французскаго ученаго г. Бушерона

подают надежду на возможность излечения дѣтей, пораженных глухотой, если только лечение начато во время, а именно въ возрастѣ приблизительно отъ одного до двухъ лѣтъ и раньше.

Излечение глухонѣмыхъ вообще долгое время считалось невозможнымъ. Всѣ средства, употребленные для уничтоженія дѣтской глухоты—остались безъ всякихъ результатовъ. По мнѣнію Бюшерона, иначе и быть не могло, такъ какъ лечение начинали слишкомъ поздно. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ четыре года послѣ нѣкоторыхъ болѣзней, окончившихся глухотой,—слуховой нервъ безвозвратно разрушается: онъ превращается въ нить соединительной ткани и чувство слуха утрачивается навсегда.

Во время преній, происходившихъ во французской академіи наукъ въ 1853 году, почти всѣ выражали мнѣніе о невозможности излечения глухонѣмыхъ. Только нѣкто Жюль Геренъ сказалъ, что прежде всего нужно установить извѣстныя категории между глухими и глухонѣмыми и что нѣкоторые случаи, по всей вѣроятности, излечимы. Но это мнѣніе не имѣло послѣдователей и глухонѣмота стала считаться положительно неизлечимой. Въ этомъ мнѣніи образовались слѣдующія поколѣнія медиковъ, а новыхъ изслѣдованій между тѣмъ не производилось.

Принималось, что глухонѣмота есть слѣдствие неправильнаго образованія уха, приостановки развитія этого органа или, наконецъ, слѣдствие серьезныхъ поврежденій черепа или мозга т. д.

О врожденной глухотѣ, также какъ о врожденной слѣпотѣ, и не упоминали—считая ихъ вполне безнадежными.

Но новѣйшія изслѣдованія глазныхъ болѣзней показали, что настоящая природная слѣпота, какъ результатъ неправильнаго образованія глаза,—встрѣчается чрезвычайно рѣдко; что случаи слѣпоты, происходящей отъ поврежденій мозга или черепа въ дѣтствѣ, также очень рѣдки, ибо мало дѣтей, которые бы пережили подобныя поврежденія.

Съ другой стороны найдено, что большая часть дѣтей, считающихся слѣпорожденными, и одаренныхъ нормальными умственными способностями, сдѣлались слѣпыми лишь вслѣдствіе нѣкоторыхъ глазныхъ болѣзней (чаще всего вслѣдствіе гнойнаго воспаленія глазъ), начавшихся въ первые дни жизни; а это значительно уменьшаетъ число случаевъ врожденной слѣпоты.

Большіе успѣхи, сдѣланные въ области леченія глазныхъ болѣзней, не остались безъ вліянія на цѣленіе ушныхъ недуговъ.

Неправильныя образованія и недостатки въ развитіи уха—такъ же рѣдки, какъ и въ глазъ.

Глухота дѣтей, происходящая отъ воспаленія мозговой оболочки или мозга или отъ другихъ мозговыхъ болѣзней, точно также встрѣчается чрезвычайно рѣдко, ибо весьма немногіе больные переживаютъ ихъ и, притомъ, изъ этихъ немногихъ у большей части умственныхъ способности бываютъ поражены.

Глухонѣмота чаще всего встрѣчается въ дѣтяхъ съ нормальными умственными способностями, и это даетъ возможность учить ихъ объясняться посредствомъ знаковъ. Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что такая глухонѣмота, почитаемая врожденной, есть, на самомъ дѣлѣ, только слѣдствие болѣзни, начавшейся съ первыхъ дней жизни? Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Бюшерона. Дѣти, которыхъ онъ излечивалъ отъ глухонѣмоты, обладали нормальными умственными способностями; ни мозгъ ихъ ни уши не представляли собою какого-либо неправильнаго образованія или недостатковъ въ развитіи, а родители ихъ никогда не замѣчали никакихъ вѣдшихъ признаковъ болѣзни мозга.

Г. Бюшеронъ нашелъ, что глухонѣмота чаще всего происходитъ отъ болѣзни, обнаруживающейся въ упорномъ давленіи на слуховой нервъ, что влечетъ за собою полное разрушеніе нерва и глухоту; излечить глухота въ этомъ случаѣ, можно только тогда когда еще не произошло разумѣется полнаго разрушенія слуховаго нерва.

Чтобы уяснить себѣ, какъ происходитъ это давленіе на слуховой нервъ и какъ излечить глухонѣмоту, припомнимъ устройство человѣческаго слуховаго органа.

Наше ухо устроено такимъ образомъ, что звуковыя колебанія воздуха проникаютъ, по слуховому проходу, до такъ называемой барабанной перепонки, которая сама приходитъ отъ этого въ колебаніе. Черезъ посредство цѣли прикрѣпленныхъ къ ней слуховыхъ косточекъ, барабанная перепонка передаетъ свои колебанія внутреннему уху, или „лабиринту“, съ полостью котораго соприкасаются эти косточки. Всѣ движенія барабанной перепонки передаются ими другой перепонкѣ, которая закрывается собою овальное отверстіе лабиринта. Самый „лабиринтъ“ представляетъ собою трубку, наполненную жидкостью,

въ которой погружены тончайшія нити слуховаго нерва. Одинъ изъ концовъ этой трубки называется овальнымъ отверстиемъ: онъ закрывается *стремемъ*,—одной изъ слуховыхъ косточекъ. Другое круглое отверстіе закрывается небольшою упругой перепонкой. Движенія стремени сообщаются жидкости, находящейся въ лабиринтѣ; вмѣстѣ съ этою жидкостью приводятся въ колебаніе нити слуховаго нерва, погруженные въ ней. Такъ получаются слуховыя впечатлѣнія. Самое-же стремя приходитъ въ движеніе отъ колебанія барабанной перепонки, подъ давленіемъ воздуха.

Необходимымъ условіемъ для образованія слуховаго ощущенія служитъ присутствіе воздуха по обѣимъ сторонамъ барабанной перепонки, такъ какъ безъ этого она не можетъ придти въ колебаніе. Воздухъ этотъ проникаетъ по Евстахіевой трубѣ въ полость, находящуюся тотчасъ за барабанной перепонкой.

И вотъ, если, вслѣдствіе какого-либо поврежденія Евстахіевой трубы (это случается при нѣкоторыхъ болѣзняхъ), воздухъ перестанетъ проникать за барабанную перепонку и содержащаяся за нею, по крайней мѣрѣ, кислородъ будетъ поглощенъ,—то за барабанной перепонкой не будетъ уже противовѣса вѣдшему атмосферному давленію—перепонка вдается, вслѣдствіе этого, внутрь и вгонитъ туда цѣль слуховыхъ косточекъ, изъ которыхъ послѣдняя, стремя, проникнетъ въ самый лабиринтъ. Въ этомъ случаѣ, слуховой нервъ подвергается давленію и слуховое отправление нарушается. По прошествіи нѣкотораго времени, при продолжающемся давленіи, вѣдший нервъ разрушается окончательно и наступаетъ глухота, переходящая потомъ въ глухонѣмоту у дѣтей. Если-же прекратитъ давленіе во-время, какимъ-либо способомъ, то не произойдетъ этихъ страшныхъ послѣдствій: все придетъ въ нормальное состояніе и чувство слуха возвращается.

Очевидно, что прекратить давленіе можетъ только вдунаніе, по Евстахіевой трубѣ, воздуха въ полость, находящуюся за барабанной перепонкой. Въ этомъ случаѣ явится противовѣсъ вѣдшему атмосферному давленію и прекратится давленіе на нервъ вогнанныхъ внутрь частей слуховаго органа.

Не входя въ подробности, скажемъ, что такова система, которою усильно пользуется Бюшеронъ для излеченія глухонѣмоты. Возвративъ больному ребенку слухъ, онъ возвращаетъ ему и способность рѣчи, которая представляетъ собою, какъ уже сказано, результатъ привычки, воспитанія и можетъ быть приобретена путемъ упражненія.

Глухонѣмыхъ много—нельзя не признать большой заслуги за Бюшерономъ, и нельзя не пожелать успѣха его леченію.

Когда глухота оказывается неизлечимой,—необходимо облегчить до возможной степени положеніе больного. Это дѣлается посредствомъ различныхъ акустическихъ инструментовъ, изъ которыхъ самымъ лучшимъ и въ высшей степени оригинальнымъ нужно признать *аудифонъ*, изобрѣтенный Родесомъ, въ Америкѣ.

Извѣстно, что многіе глухіе не слышатъ хода часовъ, приставленныхъ къ уху, но слышатъ, приставивъ ихъ къ зубамъ. Узнавъ это, Родесъ задумалъ устроить такой аппаратъ, который давалъ-бы возможность глухимъ слышать посредствомъ зубовъ.

Это ему удалось и придуманный имъ аппаратъ названъ „аудифономъ“. Аппаратъ очень несложенъ. Аудифонъ Родеса представляетъ собою пластинку изъ твердаго каучука, съ ручкой. согнутой посредствомъ нѣсколькихъ снуговъ.

Глухой беретъ аудифонъ за эту ручку и, приставивъ къ зубамъ верхнюю часть инструмента, получаетъ способность слышать весьма ясно разнообразныя звуки, а въ томъ числѣ чело-вѣческой голосъ и музыку.

Легко можно представить себѣ, какое благодѣтельное значеніе имѣетъ аудифонъ для глухихъ, какую радость и удовольствіе ощущаютъ они, вступивъ, благодаря аудифону, въ прерванное сношеніе съ вѣдшимъ міромъ посредствомъ чувства слуха.

Что-же касается до странной способности зубовъ передавать звуки, то она объясняется очень просто. Дѣло въ томъ, что зубные нервы находятся въ сообщеніи со слуховымъ нервомъ. Изъ этого объясненія естественно слѣдуетъ, что только тѣ глухіе могутъ пользоваться аудифономъ, у которыхъ слуховой нервъ еще цѣль. Очевидно, что глухимъ отъ рожденія инструментъ этотъ не можетъ оказать никакой помощи. Но такихъ, какъ мы уже говорили, мало а потому для большей части больныхъ аудифонъ является изобрѣтеніемъ, въ высшей степени благодѣтельнымъ.

Стихотворенія.

Тебя онъ въ шутку звалъ старушкой,
Тобою жилъ для добрыхъ дѣлъ,
Тобой былъ веселъ за пирушкой,
Тобой былъ честенъ, гордъ и смѣлъ!

* * *

Въ него глаза твои свѣтили...
Такъ лучъ, въ мракъ свѣта зароненъ,

Идетъ по длинной лентѣ пыли
Играетъ по листамъ у иконъ.

* * *

Погасла ты и лучъ затмился
Мракъ челоука обуялъ,
И не повѣритъ что свѣтился
Въ той тѣмѣ крошечной—идеаль...

II.

Точно как лебеди бѣлые
Дремлютъ и очи сомкнули,
Тихо качаясь надъ озеромъ,
Такъ твои чувства заснули!

* * *

Точно какъ лотосы блѣдные,
Лица сокрывъ восковые

Подъ серебристыми листьями -
Грезы твои молодыя!

* * *

Вы просыпайтесь лебеди,
Троньте струю голубую!
Вы раскрывайте же лотосы
Вашу красу восковую...

Н. Случевскій.

Политическое обозрѣніе.

Суэзскій каналъ. — На Балканскомъ полуостровѣ. — Ирландія. — Вост. Румелия. — Тунисъ.

Новый годъ наступилъ среди затрудненій и усложненій, о которыхъ мы отчасти говорили въ прошломъ обозрѣніи. Англія и Франція предложили египетскому хедиву охранять порядокъ въ его государствѣ. Испуганное правительство обнаружало ноту этихъ державъ и нота эта была встрѣчена въ Египтѣ, понятно, съ негодованіемъ. Англичане сильно стараются подготовить въ Египтѣ дѣла такъ, чтобы возможное былъ захватъ Суэзскаго канала подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Всѣ державы однако заинтересованы этимъ, чтобы каналъ не сдѣлался исключительно достояніемъ Англіи. Во Франціи общественное мнѣніе не считаетъ серьезною угрозу Англіи и видитъ въ ней только желаніе пугнуть французское правительство и заставить его возобновить торговый договоръ. Англія недавно пугала Францію своимъ вѣдѣтельствомъ въ тунисскія дѣла, теперь пугаетъ захватомъ Египта, хотя и предлагаетъ Франціи дѣйствовать сообща.

Французское правительство, какъ извѣстно, имѣетъ намѣреніе предложить вмѣстѣ съ избирательной реформой сената, и подачу голосовъ по спискамъ для избранія депутатовъ. Палата депутатовъ будетъ избираться всеобщемою подачею голосовъ по спискамъ, на условіяхъ, которая будутъ выработаны избирательнымъ закономъ. Предполагается, что въ принципѣ это будетъ принято теперь-же, но примѣненіе новаго закона, такъ какъ оно представитъ значительныя затрудненія, отложится до конца законодательной сессіи.

Затрудненія въ Южной Далмаціи и Герцеговинѣ все усиливаются и говорятъ что фельдцейхмейстеръ Филиповичъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ войсками въ Босніи. Черногорія повидимому не хочетъ отказаться отъ притязаній на Герцеговину, которую черногорцы отвоевали кровью еще до Берлинскаго конгресса. Черногорскому правительству невозможно строго поступать съ инсургентами, инсургентами въ Черногоріи. Недавно въ Вѣнѣ происходило совѣщаніе относительно мѣръ, которая слѣдуетъ принять для подавленія возстаній въ Борѣ Катарской. Рѣшено распространить во что бы то ни стало законъ о воинской повинности на Боснію и Герцеговину. Всѣ расположенныя въ Далмаціи части приводятся въ усиленный составъ. Ассигновано два милліона на покрытие военныхъ расходовъ.

Мусульманское населеніе Герцеговины рѣшительно противится подчиниться новому закону о воинской повинности. Нѣсколько тысячъ семействъ пожелали даже выселиться въ Турцію лишь бы избавиться отъ этой повинности. Нѣкоторые же мусульмане присоединились къ шайкамъ повстанцевъ, составленнымъ изъ православныхъ. Болѣе умѣренные признаютъ обязательнымъ служить въ австрійскихъ войскахъ, но только лицами, которые родились по занятіи Австріей Босніи и Герцеговины.

Что сдѣлано въ Англіи по роковому и безконечному Ирландскому вопросу? Какъ прежде такъ и настоящее министерство Гладстона дѣйствительно старались сдѣлать что то серьезное, но усилія его были парализованы парламентомъ и даже палатою Общинъ. Правительственное большинство въ Англіи не составляетъ одно-

роднаго тѣла а составное. При составленіи своихъ проектовъ Гладстонъ долженъ былъ имѣть въ виду, что необходимо удовлетворить болѣе или менѣе каждую изъ составныхъ частей парламентарнаго большинства и проекты его вышли крайне сложными и нерѣшительными. Онъ дѣлалъ значительныя уступки и той и другой сторонѣ и ни та и ни другая сторона не удовлетворилась. Между тѣмъ положеніе дѣлъ крайне печальное для страны. Всѣ путешественники французскіе, нѣмецкіе и англійскіе въ одинъ голосъ говорятъ что такого страшнаго пищенства нѣтъ нигдѣ въ Европѣ какъ въ Ирландіи. Положеніе дѣлъ все тамъ обостряется и столкновенія безпрестанныя.

Вслѣдствіе обнаруженія безпорядковъ въ финансовомъ управленіи Восточной Румелии многіе депутаты выразили желаніе, чтобы завѣдующій финансами Румелии Стросскій былъ удаленъ. Смѣна его требовалась весьма настоятельно, хотя лично въ злоупотребленіяхъ онъ не виноватъ. Кандидатомъ на открывающуюся должность былъ выставленъ Каравеловъ, извѣстный дѣятель Болгаріи. Прибывъ въ Восточную Румелию послѣ понесеннаго имъ въ Болгаріи пораженія, онъ сумѣлъ приобрести себѣ симпатіи и какъ лицо уже завѣдывавшее финансами Болгаріи и обладающее опытомъ былъ выставленъ и здѣсь кандидатомъ на эту должность. Но Румелийское правительство не можетъ не стѣсняться его отношеніями къ Болгаріи, хотя друзья этого пресловутаго дѣятеля сильно за него хлопочутъ.

До турецкихъ властей дошло извѣстіе, что въ Афонскомъ монастырѣ сохраняются склады оружія.

Вслѣдствіи полученныхъ свѣдѣній посланы были для изслѣдованія дѣла турецкіе чиновники. Осмотръ монастырей и опросъ греческихъ монаховъ, дѣйствительно подтвердилъ справедливость полученныхъ Портою свѣдѣній. Значительное число оружія было отобрано и на будущее время установленъ надзоръ и строгія правила чтобы вырѣдъ ничего подобнаго не повторялось. Нѣкоторые изъ грековъ-монаховъ были арестованы: они говорили что не могутъ не сочувствовать движенію своихъ братьевъ въ Греціи. Большой переполохъ произвело это событіе на Афонѣ.

Тайные запасы оружія въ Македоніи, оказалось, сдѣланы греками. Нѣкоторые, болѣе скомпрометированные, сгорѣли и разсыпались.

Въ Тунисѣ колонна Ложеро уже окончила усмиреніе возставшихъ на югѣ Арада. Дивизія Ложеро пришлось много процуствовать въ Тунису. Будучи почти вся составлена изъ войскъ, прибывшихъ изъ Франціи, она выказала дѣйствительно цѣнныя качества въ исполненіи данной ей программы. Уже прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ нѣкоторые батальоны, составляющіе ея, находятся постоянно въ дорогѣ, снѣтъ на bivуакахъ и питаются нищею, подвозимою подводами отряда. Сверхъ того, сопротивленіе возмущившихся племенъ было гораздо серьезнѣе въ тѣхъ территорияхъ, по которымъ проходила эта дивизія, нежели въ юго-западной части регентава, гдѣ дѣйствовала дивизія Форжемоля. Нѣсколько разъ континенты миттеиниковъ сначала изъявляли покорность, а затѣмъ снова волевыми противъ насъ. Генералу Ложеро приходилось со своими солдатами возвращаться въ тѣ мѣста, которые они уже прежде занимали.

С М Ъ С Ъ.

Въ зрительномъ залѣ театра Валгалла въ Берлинѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ директоровъ театровъ и другихъ приглашенныхъ лицъ, происходили опыты сжиганія матерій пропитанныхъ составомъ, изобрѣтеннымъ Кюльвейномъ. Инженеръ Кюльвейнъ изобрѣлъ составъ, который въ такой мѣрѣ предохраняетъ отъ сгорания всякую матерію, что она горитъ только въ этомъ мѣстѣ, гдѣ къ ней непосредственно прикасается пламя, не передавая огонь на другія мѣста. Пропитывая этимъ составомъ можно платья и даже легчайшія газовыя матеріи, такъ какъ онъ не измѣняетъ ни цвѣта, ни мягкости ихъ. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ продолжительность дѣйствія состава неограничена. Произведенные опыты указываютъ на прекрасныя качества состава. Спиртовая лампа въ 25 сантиметровъ вышины была поставлена у вертикальной занавѣски изъ легкаго тюля; пламя лампы прожгло только часть занавѣски, соответствующую формѣ лампы— все же остальное не было тронуто огнемъ. Затѣмъ, пламя держали у зубца вырѣзанной декорации; зубецъ хотя и обуглился, но пламя не распространилось далѣе. Точно также было и съ кускомъ большой декорации, подверженной дѣйствію огня.

Къ куколѣ, одѣтой въ балетный костюмъ изъ газа, была поднесена лампа; пропитанная составомъ матерія, лежащая одна поверхъ другой задушила сразу пламя. Затѣмъ, на проволоку были навѣшаны газовые костюмы пропитанные составомъ, въ перемежку съ костюмами не пропитанными и все вмѣстѣ зажжено. Все не пропитанное составомъ сгорѣло, а остальная матерія обуглилась только тамъ, гдѣ къ ней прикасалось пламя. Доступъ воздуха благоприятенъ для состава. Не менѣе удачны были и опыты съ газовымъ пламенемъ. Связанный квадратный метръ газовой и тюлевой матеріи пропитанной составомъ, былъ положенъ на горячій газовый рожокъ, который тотчасъ погасъ и пламя не проникло черезъ матерію. Прекрасное изобрѣтеніе инженера Кюльвейна имѣетъ богатую будущность.

Почитаніе собакъ. Книга Зароастра, повѣствующая о многихъ любопытныхъ вещахъ, отводитъ собакѣ исключительное мѣсто въ обществѣ. По Зендавестѣ, собака въ прямой линіи происходитъ отъ Правителя міра, и заслуживаетъ почитанія вѣрующаго. Въ книгѣ перечисляются и подробно описываются многочисленныя

XIII годъ
№ 3

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИНСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод., рис.) и
Выданъ 16 Января 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна стаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

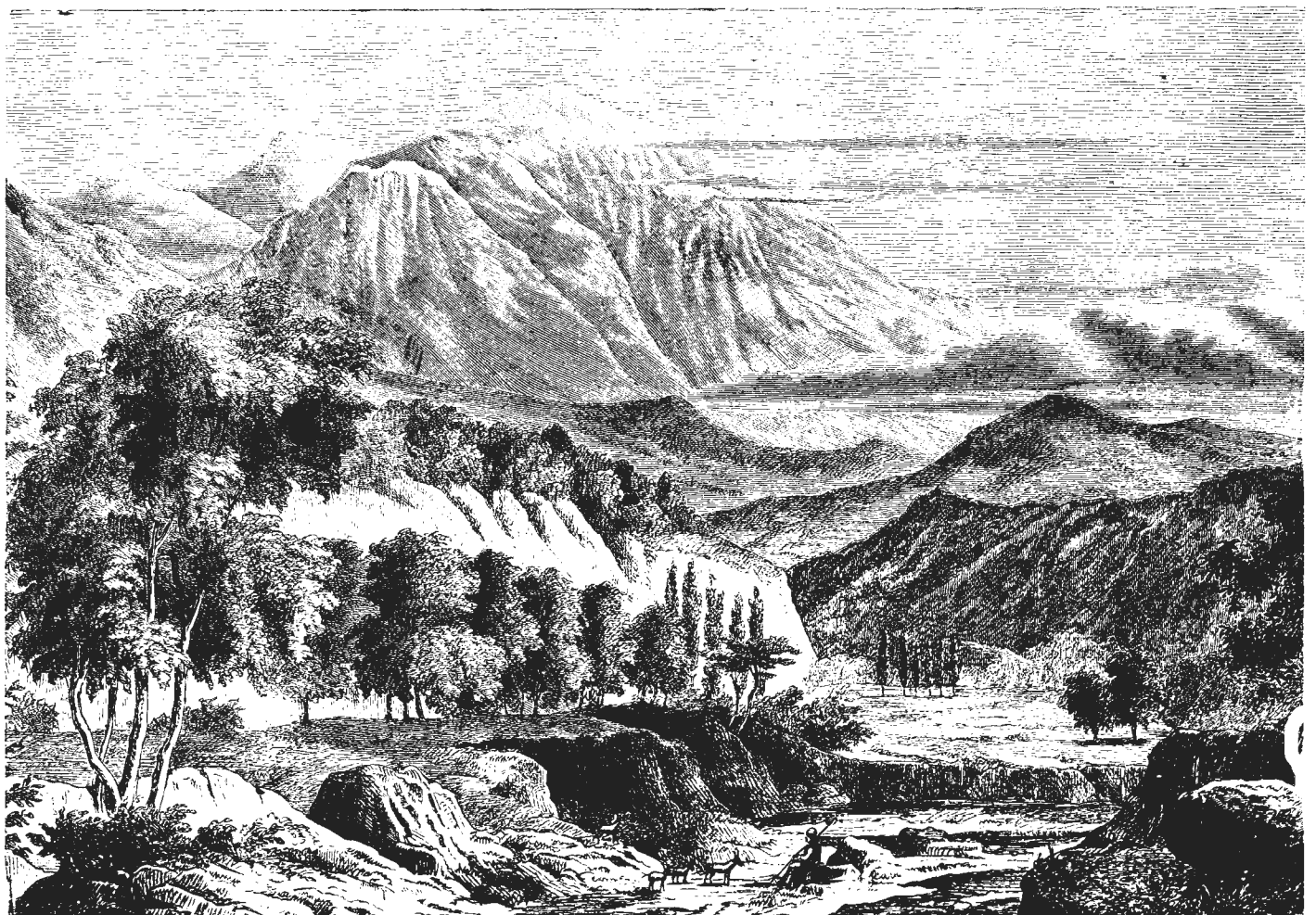
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	6 р.
--------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Видъ горы Олимпъ въ Греціи (въ Фессалии). Рис. Теокапп, грав. Медъ.

Гора Олимпъ въ Фессалии.

Вершины высокихъ горъ, часто покрыты облаками какъ бы таинственно завѣсою, всегда возбуждали въ первобытномъ человѣкѣ какой то необъяснимый ужасъ и благоговѣнiе; здѣсь онъ обыкновенно помѣщалъ жилище своихъ боговъ; отсюда слышались ему вѣщiе голоса, то милостивые, то грозные и сіяли яркiй свѣтъ надежды и утѣшенiя въ минуты отчаянiя или горя. Такой культъ горъ существовалъ и у первоначальныхъ обитателей Греціи, которые считали вершину Олимпа мѣстомъ пребыванiя какъ самого Юпитера, такъ и всего подвластнаго ему божественнаго арсонага.

Этотъ Олимпъ, — дѣйствительно самая высокая гора во всей Греціи—лежитъ на границѣ сѣверной Фессалии и Македонiи, въ 3-хъ верстахъ отъ Фермопильскаго залива, возвышается она болѣе чѣмъ на 9000 футовъ и образуетъ совершенно особую, выдающуюся по своей формѣ возвышенность среди цѣни другихъ горъ, и между прочимъ Оссъ и Пеліона, часто упоминаемыхъ у Гомера на ряду съ Олимпомъ. Такъ въ Одиссеѣ разсказывается, что Гиганты, сыны Земли, угрожая богамъ, старались взвалить Осу на Олимпъ а Пеліонъ на Осу, чтобы такимъ образомъ добраться до небожителей. Но кромѣ значенiя религіознаго, Олимпъ по самому своему положенiю на порогѣ Греціи, имѣлъ еще важное значеніе стратегическое; такъ во время первыхъ переселенiй дикихъ племенъ на почву Эллады всѣ они проишли этимъ горнымъ путемъ; здѣсь же встрѣтили они первый отпоръ кореннаго населенiя и отдыхали послѣ долгой и утомительной дороги. Затѣмъ Олимпъ приобрѣлъ громкую историческую извѣстность въ эпоху могущества Македонiи, служа главной ареной ея борьбы противъ Грековъ и особенно противъ Римлянъ.

Въ среднiе вѣка снова пролагаютъ здѣсь себѣ путь новые переселяющіеся народы, но затѣмъ Олимпъ очень долго не играетъ никакой роли во всемирной исторiи; лишь въ болѣе

близкое къ намъ время, въ эпоху отчаянной борьбы Грековъ съ Турками, онъ снова дѣлается извѣстнымъ какъ послѣдній оплотъ побѣжденнаго народа, гдѣ по словамъ новогреческихъ пѣсенъ врагъ около каждаго куста встрѣчалъ страшнаго для него Клефты.

Теперь кругомъ Олимпа все тихо и покоино и у его подножiя мирно процвѣтаютъ множество мелкихъ греческихъ селенiй, а нѣсколько выше раскинулся небольшой монастырь во имя св. Діонисiя. Что же касается до верхней части горы то она совершенно пустыня; здѣсь встрѣчаются лишь одни громадныя, горизонтальные пласты сѣраго мрамора, образующіе иногда то остроконачные выступы то глубокія впадины, въ которыхъ сохраняется свѣтъ почти въ продолженiи цѣлаго года. Рисункомъ нантъ очень вѣрно изображаетъ видъ горы съ южной стороны.

На самой вершинѣ Олимпа построена теперь небольшая часовня во имя пророка Іліи, въ которой лишь разъ въ годъ совершается божественная служба. Въ древности здѣсь возвышался жертвенникъ Юпитеру Олимпійскому и жрецъ дважды въ годъ приходилъ сюда, чтобы принести ему торжественную жертву. Впрочемъ впоследствии, когда греческія племена значительно разселились, Олимпъ уже утратилъ свое первенствующее религіозное значеніе; каждое племя хотѣло имѣть свой собственный Олимпъ и четырнадцать горъ Греціи удостоились этого священнаго названiя. Теперь Олимпъ конечно грекамъ не внушаетъ ни прежняго благоговѣнiя, ни ужаса, но суевѣрный Клефты все таки признаетъ за нимъ разныя чудодѣйственныя свойства; по его убѣжденiю, воздухъ этой горы сообщаетъ бодрость тѣлу, излѣчиваетъ опасныя равы и придаетъ силы для новой битвы. Даже въ заговорахъ не забываетъ древнiй грекъ упомянуть объ Олимпѣ, на вершинѣ котораго, по его вѣрованiю, таинственно была сокрыта судьба каждаго человѣка.

Подъ землею.

ПОВѢСТЬ.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

Христина Карловна дѣйствительно отложила свою работу въ сторону и слѣдила за разсказомъ Засѣкина со вниманiемъ. Ободренный вниманiемъ дамъ, онъ продолжалъ съ болшей увѣренностью:

— Домъ этотъ принадлежалъ его дѣду, сосланному на поселеніе въ Сибирь за что-то. Его отецъ, родившійся въ годъ ссылки дѣда—жилъ и умеръ въ Сибири. Онъ тоже родился тамъ и могъ вернуться только тогда, когда при восшествiи на престолъ Императора были прощены ссылки. Вы понимаете, сколько прошло лѣтъ—и его утвердить въ правахъ наследства не легко...

— Слѣдовательно онъ и пріѣхалъ сюда за этимъ и объ этомъ совѣтовался съ вами?

— Не совѣмъ... Онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы въ уединенiи и тишинѣ лучше отдаться своей работѣ. Неудобствъ для него не существуетъ. Онъ энтузиастъ, онъ фанатикъ...

— Что-жь, онъ сдѣлалъ свое открытіе?

— Да... И вотъ теперь-то именно онъ и желалъ бы продать этотъ домъ, что бы съ помощью вырученныхъ отъ продажи денегъ имѣть возможность дать своему открытію ходъ.

— Что-жь вы посоветовали ему?

— Я посоветовалъ бросить это дѣло. Въ правахъ наследства ему, по моему мнѣнiю, нечего утвержаться: родовыя имѣнiя пошли за долги, остался только этотъ домъ, а это—руины. Онъ больше заплатитъ разнымъ ходатаямъ, чѣмъ выручитъ за продажу дома, ибо въ нашемъ городѣ цѣны на дома невысокія... Онъ ушелъ отъ меня,—заклочилъ Засѣкинъ свой разсказъ,—до такой степени ошаренный моими словами, что чуть не плакалъ... Вѣрно надежда на продажу дома была сильна.

— Была сильна... какъ-то задумчиво повторила Эрминія за молодымъ человѣкомъ, устремивъ глаза на слегка вздрагивающее пламя лампы, а затѣмъ, все не сводя своихъ прелестныхъ глазъ съ пламени—вспомнила: да, вы не сказали въ чемъ заключается изобрѣтеніе этого молодаго человѣка?

И одинаково съ теткой была удивлена, когда Засѣкинъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

— Онъ изобрѣлъ поющую лампу.

— Поющую лампу? удивленно раскрыла глаза Эрминія, тогда какъ Христина Карловна еще разъ, заинтересованная разсказомъ, отложила на время работу.

— Именно... Лампа—ужь не умѣю вамъ сказать какимъ образомъ это у него устроено—высокою свистка даетъ знать о приближенiи опасности отъ чрезмѣрнаго накопленiя въ шахтѣ рудничнаго газа... Болѣе въ этомъ отношенiи—ничего не могу вамъ сообщить... Открытіе кажется могло бы имѣть будущее и въ особенности не у насъ, а за границей. Эти господа, они вѣчно придумаютъ что нибудь неподходящее...

Эрминія перестала какъ бы его слушать, снова задумалась, такъ что на время въ комнатѣ воцарилось молчаніе, которое нарушила Христина Карловна. Принимаясь за оставленное вязанье—она сентенціозно и съ важностью произнесла.

— Да, молодымъ и даровитымъ людямъ трудно подвизаться на поприщѣ науки.

Эрминія встрепенулась и смѣющимися глазами посмотрѣла на тетку, спиходительно ободряя ее:

— Почти невозможно, но...

И недосказавъ, приложила палецъ къ губамъ, какъ бы призывая себя къ молчанію, а затѣмъ повернувшись къ Засѣкину и весело сказала:

— Вы мастеръ развлекать—моя скука прошла... Но знаете: вы должны еще для меня сдѣлать кое что...

— Что-же именно? отозвался онъ съ полиѣйшею готовностью.

— Познакомьте меня съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Побѣжайте къ нему и привезите его сюда... Я этого хочу.

Засѣкинъ задумался:

— А если онъ не поѣдетъ?.. Тогда что?

— Тогда,—Эрминія встала съ дивана и рѣшительно блеснула глазами:—тогда я поѣду къ нему сама... А

теперь,—шутливо закончила она.—я васъ отпускаю, вы мнѣ болѣе не нужны, мерси... Привезите же ко мнѣ вашего ученаго и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Откланиваясь, Засѣкинъ спросилъ:

— Если онъ поѣдетъ, за что не ручаюсь, въ какое время дня удобнѣе привезти его?

— Отъ девяти часовъ утра до двѣнадцати ночи... Устройте же это, голубчикъ... Вы кажется мастеръ на всѣ руки... Прощайте.

Очугившись снова въ приемной, Засѣкинъ припомнилъ всѣ обстоятельства сопровождающія ново-приобрѣтенное имъ знакомство съ губернаторской племянницей, нѣкоторую эксцентричность послѣдней, безцеремонность ея обращенія, слезы во время его игры и припомнивъ все это, невольно пришелъ къ заключенію, что въ пущенной по городу характеристикѣ губернаторскаго дома какъ Бедлама, если не всецѣло заключалась истина, то ужъ извѣстная доля истины несомнѣнно имѣлась. Остроумная предводительша права!

VI.

Сирота.

Первоначальнымъ намѣреніемъ Пашеньки было, если бы ей удалось благополучно вернуться изъ своего опаснаго ночнаго визита въ заброшенный домъ, утромъ, когда всѣ проснутся, подробнѣйшимъ образомъ изложить свое путешествіе, всѣ ужасы и страсти, которые ей довелось во все время испытать. Едва-ли даже перспектива подобнаго заманивагого разказа не представляла самаго пріятнаго во всемъ предиріятіи; но къ удивленію своему Пашенька такого удовольствія себѣ не доставила а когда въ слѣдующее за ночнымъ визитомъ утро, сошла съ своими домашними, то не сказала ни слова о томъ, что добровольно испытала въ эту ночь. Почему это такъ случилось, Пашенька сама хорошенько не знала и не умѣла себѣ объяснить. Заранѣе создавъ въ головѣ какой-то неясный контуръ разказа, заключающаго въ своемъ основаніи нѣчто совершенно иное нежели то, что случилось на самомъ дѣлѣ, Пашенька непонятно почему чувствовала себя стѣсненною въ передачѣ новыхъ чертъ, совершенно измѣняющихъ основное содержаніе разказа, а потому и не передала такового своимъ собесѣдникамъ. Свидѣтелей же ея ухода и возвращенія не было никого, ибо какъ она вышла изъ дому и какъ вернулась—не видѣлъ никто.

Но если Пашенька не расширила свѣдѣній своихъ ближнихъ о таинственномъ домѣ, то въ ближайшее утро это удалось сдѣлать проникательной Пелагеѣ Карповнѣ. Окончивъ утренній чай, почтенная дама чрезвычайно удобно устроилась въ залѣ у одного изъ выходящихъ на улицу оконъ съ вязаньемъ, нѣсколько сдвинувъ цвѣточные горшки въ сторону, чтобы растенія не могли препятствовать смотрѣть на прохожихъ. Пелагея Карповна подсадовала только на то, что противъ-то высятся какая-то необитаемая развалина, а не благородный домъ, на окна котораго ужъ конечно было бы интереснѣе смотрѣть, чѣмъ на окружающій языковскія палаты заборъ. Оставалось надѣяться на прохожихъ, но ихъ въ довольно глухой улицѣ было не много и отъ десяти почти до часу—изъ интересныхъ прошелъ только священникъ, съ попадѣй въ лиловомъ атласномъ салонѣ старомоднаго фасона и больше никого.

Но въ началѣ втораго Пелагея Карповна была до такой степени поражена и изумлена неожиданнымъ событіемъ, что положительно не могла усадѣть на мѣстѣ, вскочила на ноги, сдернула съ носа большіе въ серебряной оправѣ очки, въ которыхъ по старческой дальновзоркости, имѣла обыкновеніе работать, протерла глаза и вся уставилась въ окно. Какъ бы не довѣряя собственному зрѣнію, она на мгновеніе оглянулась вокругъ, но видя что въ комнатѣ нѣкого кромѣ ея нѣтъ, посиѣдила прильнуть къ стеклу. прошептала:

— Господи, да что-же это?!

Дѣйствительно было чему удивиться. Къ дому, въ которомъ никто не жилъ, подкатили парныя сани, оставившіяся у полуразрушеннаго подъѣзда. Изъ саней, какъ отлично разсмотрѣла Пелагея Карповна, выскочилъ молодой человекъ, прекрасно одѣтый, и выскочивъ помогъ выйти молодой женщинѣ, одѣтой во все черное, главное совершенно незнакомой Пелагеѣ Карповнѣ, ужъ конечно отлично знавшей всѣхъ ѣздящихъ на парныхъ саняхъ. Затѣмъ молодой человекъ сказалъ что-то кучеру, повернувшему лошадей и очевидно оставшемуся ждать,—и вмѣстѣ съ молодой женщиной скрылся за сломанными дверями подъѣзда, ведущаго, какъ положительно было извѣстно Пелагеѣ Карповнѣ, въ жилище чорта. Что все это значило, Пелагея Карповна понять не могла и только глубоко вздохнула, рѣшившись въ виду интересныхъ наблюденій ни за какія коврижки не покидать своего поста. Вдругъ она услышала позади себя:

— Чтой-то ты, мать, въ окно-то влѣзла?. не продави стекло лбомъ-то.

Она оглянулась и увидѣла простодушную прислужницу, вооруженную тряпкой, которою она стирала съ мебели пылъ. Въ другое время Пелагея Карповна привела бы за столь нецеремонное обращеніе неотесанную прислужницу въ достоюжные границы, но теперь было не до того. Точно боясь, что занимательное зрѣлище исчезнетъ, если она скажетъ громко, Пелагея Карповна заговорила шепотомъ:

— Посмотри, голубушка! ужъ право не знаю, что и подумать.

Не оставляя тряпичи, прислужница подошла къ окну и посмотрѣла на улицу. Парныя сани не удивили ее нисколько.

— Ну, что-жь?

— Да вѣдь, знаешь-ли, двое пріѣхало.

— Ну, и двое. Что-жь?

— Муштина съ дамой и вошли... туда! съ какимъ-то ужасомъ указала Пелагея Карповна на таинственный подъѣздъ.

— Что-ты? Врешь?!

— Сама видѣла: пріѣхали и вошли.

— Ой!

Прислужница подерла рукой, вооруженной грязной тряпичей, въ раздумьи щеку и вдругъ, что-то придумавъ, быстро отперла у самаго носа Пелагеи Карповны форточку и высунувъ лицо, крикнула кучеру:

— Чьи будете?

На этотъ окрикъ, толстый кучеръ въ темносинемъ кафтанѣ и малиновой бархатной шапкѣ даже не оглянулся и отвѣтилъ молчаніемъ. Прислужница нѣсколько опѣшенная такой нелюбезностью, оторвалась отъ форточки и обернувшись къ Пелагеѣ Карповнѣ, донесла:

— Молчать.

На что та посоветовала:

— Сироти еще: можетъ тугъ на ухо... муштина въ лѣтахъ.

Тогда прислужница громче прежняго крикнула.

— Чьи будете?

Кучеръ вторично отвѣтилъ молчаніемъ, только слегка повелъ глазомъ въ сторону докучливой вопрошательницы. Тогда эта послѣдняя, объятая внезапнымъ ужасомъ, быстро захлопнула форточку и еле переводя духъ, произнесла:

— Господи!

— Что ты?

— Глазь-отъ черный...

— Ну, что-же?

— Ахъ, испугалась какъ онъ на меня глянулъ. Глазь-отъ черный такой.

— Что-жь, что черный?

— Да, може, барыня, это и впрямь оборотень какой... я его сирашиваю...

Красавица. Рис. Ф. Лейтонъ, грав. С. Робертъ

И объ оглянулись назадъ. Поглощенные интересомъ зрѣлища, объ какъ-то разомъ уразумѣли, что кто-то давно ихъ зоветъ. Въ дверяхъ спальни стояла Пашенька блѣдная и испуганная, съ очевиднымъ раздраженіемъ и почти слезами кричавшая имъ:

— Да, что вы оглохли что-ли? Зову, не дозовусь. Съ паненькой нехорошо. Подите, Бога ради!

VII.

Г о р е .

Отецъ Пашеньки, отставной чиновникъ, болѣлъ уже много лѣтъ, такъ что съ его болѣзnią свыклись и въ концѣ концовъ даже перестали его лѣчить, ибо приглашать докторовъ было не по средствамъ. Къ тому же болѣзнь была странная, тихая, съ какими-то чрезвычайно неясно выраженными признаками, что вводило въ заблужденіе и заставляло относиться къ этому чрезвычайно легко. Конечно капля долбила камень и всѣ эти легкія, летучія боли, всѣ эти постоянныя колебанія температуры тѣла, жаръ и ознобъ, въ концѣ концовъ дѣлали свое дѣло, подтачивали организмъ до такой степени, что недѣли за двѣ до посѣщенія Пашенькою языковского дома больной слегъ въ постель и ослабѣлъ до такой степени, что уже не вставалъ безъ посторонней помощи. Но и тутъ болѣзнь не проявила какихъ-нибудь острыхъ и рѣшительныхъ симптомовъ: ночь больной спалъ довольно сносно, а днемъ то зябъ, то чувствовалъ жаръ въ легкой степени, оставаясь все время въ полнѣйшей памяти, чувствуя только все усиливающуюся и усиливающуюся слабость.

Въ то время, когда Пелагея Карповна занималась интересными наблюдениями, больной, какъ это съ нимъ часто случалось съ тѣхъ поръ, какъ онъ не покидалъ постели, позвалъ Пашеньку, чтобы переменить бѣлье, которое совершенно смокло отъ чрезвычайно сильнаго пота, постѣ чего, все чувствуя въ своемъ тѣлѣ жаръ, сбросивъ одѣяло, больной на ощупь представлялъ такую низкую температуру, что было возможно предположить въ немъ чрезвычайный ознобъ, а ужъ никоимъ образомъ не жаръ. Объ этомъ можно было заключить даже не прикладывая ко лбу его руки, а просто глазомъ: больной имѣлъ какой-то мертвенный видъ, до невѣроятія блѣдный, какъ-бы съ какими-то желтоватыми палетами, мѣстами переходящими въ синеву мертвеннаго лица. Затаивъ вызванный этимъ видомъ испугъ, Пашенька спросила отца:

— Вамъ не холодно, панаша?

Онъ какъ-бы испугался ея вопроса:

— Нѣтъ, а что?

— Зябнете вы, какъ вентѣете.

Онъ почему-то осердился, какъ это случается съ людьми находящимися подъ вліяніемъ гнетущей ихъ страхомъ мысли, когда въ полусловъ или намекъ другаго лица, они усматриваютъ подтвержденіе того, что ихъ страшитъ и что они желали бы отъ себя прогнать.

— Зябъ, зябъ! Иногда я, сударыня, не зябъ, привычки этой не составилъ-съ.

Она замолчала, не желая его раздражать, но въ душѣ своей страшась за него, рѣшила остаться около его постели, оставивъ на время свои хозяйственныя занятія. Это отступленіе отъ обыденныхъ правилъ не укрылось отъ его подозрительнаго взгляда и онъ не безъ изумленія замѣтилъ дочери:

— Что-жь ты остаешься-здѣсь... Иди: умирать буду—позову.

Она молча встала и не говоря ни слова пошла изъ комнаты, но онъ остановилъ ее. Какъ-бы чувствуя окоченѣніе въ пальцахъ, онъ теръ ихъ другъ объ друга. На его зовъ Пашенька остановилась. Онъ заговорилъ на этотъ разъ какъ-то нерѣшительно, какъ бы ожидая опроверженія и подтвержденія съ ея стороны:

— Пальцы нѣжнѣють... Что это?

Она поняла волнующее его чувство боязни и успокоила: — Это отъ того, что вы сильно вспотѣли... Это пройдетъ.

— Я думаю, что пройдетъ,—какъ-то тихо и уже совершенно безъ признаковъ прежняго раздраженія проговорилъ онъ. Она посовѣтовала:

— Вы постарайтесь о чемъ-нибудь другомъ думать, развлекитесь... Все и пройдетъ.

Больной сталъ послушенъ, какъ ребенокъ и въ состояніи овладѣвшей имъ боязни, не зная что дѣлать самому, очевидно отдался руководству дочери, болѣе не довѣряя собственнымъ силамъ. Онъ сдѣлалъ попытку отвѣчаться отъ одолавающихъ его мыслей.

— Гдѣ Саша?

Пашенька услыхавъ около кровати отца и онъ болѣе не думалъ ее отсылать.

— На дворѣ. Гору тамъ сдѣлалъ съ хозяйскимъ мальчикомъ и катаются съ утра до ночи.

— Гору? большую?

— Да, большую...

Пашенька по глазамъ видѣла, какъ мало интересуется отца то, о чемъ онъ говоритъ и какъ какія-то другія мысли неотвизно лѣзутъ ему въ голову, повидимому занимая собою всѣ сознательныя способности его души и освобождая безсознательныя, подъ рефлексивнымъ пагубнымъ направленіемъ, больной располагалъ все въ опредѣленномъ направленіи, клонящемся къ какому-то единому и неизбѣжному выводу. Все занятый поглощающимъ его страхомъ, онъ спросилъ Пашеньку между прочимъ:

— Давно ты мой мундиръ смотрѣла?... какъ бы его не съѣла моль.

— Давно. Весной мы сундукъ перебираемъ и проверяемъ платье.

Тогда онъ снова вернулся къ Сашѣ:

— Сашу-то бы позвать не мѣшало...

— Зачѣмъ?... пусть пока бѣгаетъ... Обѣдать станемъ—позовемъ.

— Ну, пусть бѣгаетъ... и то!

Потомъ, какъ бы забывшись нѣсколько, старался припомнить:

— Кто у насъ былъ?

— Пелагея Карповна...

— Какъ это я забылъ: конечно Пелагея Карповна: утромъ видать... Гдѣ вы, Пелагея Карповна?... Пожалуй-те сюда, сударыня.

Но въ этотъ моментъ Пелагея Карповна вела оживленную бесѣду съ прислузницей, которую такъ наругалъ своимъ взглядомъ кучеръ на парныхъ саняхъ. Почтенная дама не слышала обращенныхъ къ ней словъ больного.

— Не слышите: или она туга на ухо стала, или я тихо говорю... Тихо я говорю, Паша?

— Какъ всегда.

— И я думаю, какъ всегда. Съ чего же, Пашенька, говорить-то мнѣ тихо?! Пстой... Ты куда же?..

Она не двигалась съ мѣста и тихо, наклоняясь къ его лицу, сказала:

— Я никуда не иду.

— Вижу... На глаза у меня все какое-то облако находитъ... Вотъ теперь прошло...

И вдругъ, какъ бы испугавшись чего-то, схватилъ Пашеньку за руку и со страхомъ оглядѣлся по сторонамъ.

— Что вы, панаша?

— Не знаю... Странное что-то померещилось... Темное что-то, ужъ не умѣю сказать что... И знаешь: свѣжей землей запахло...

На его глазахъ вдругъ выступили слезы и онъ сказалъ дочери:

— Всю жизнь я боялся... сначала родителей, царство имъ небесное, потомъ начальниковъ, какъ поступилъ на службу... Матери твоей покойной—ужъ, какъ боялся.. А теперь, Паша... смерти боюсь.

Она обняла его и успокоила:

— Что это вы, папаша!

Онъ положительно захлебывался отъ слезъ, какъ малый ребенокъ.

— Не возвращалась бы, Паша.

— Что не возвращалась?

— Да дурнота-то эта...

Но при этомъ позабывъ о своихъ слезахъ, улыбнулся Пашенькѣ и какъ бы возвращаясь къ оставленному имъ предмету бесѣды, о томъ, какъ онъ всегда кого-нибудь болталъ, посоветовалъ ей:

— Ты не бойся, не бойся никого...

И вдругъ, вытянувшись на постели и поблѣднѣвъ, взглянулъ на дочь совершенно безмысленно и со словами: „мундиръ-то вынь и почисти“ закрылъ глаза и остался недвижимъ и безгласенъ.

Прибѣжавшій на испуганный крикъ Пашеньки Пелагея Карповна и прислужница застали его мертвымъ и почти ооченѣвшимъ.

VIII.

Свиданіе.

Вечеромъ того же дня простодушная прислужница осиротѣвшей столь неожиданно, хотя и совершенно естественно, Пашеньки, умаявшись всѣми тревогами дня, вышла за калитку подышать свѣжимъ воздухомъ, да кстати и закрыть ставни. Она почти не чувствовала подъ собою ногъ, такъ много бѣготни выпало на ея долю въ этотъ день. Ей, почти одной, пришлось съ помощію знакомаго водовоза обряжать его въ тотъ самый мундиръ, о которомъ онъ такъ заботился, затѣмъ все прибрать какъ должно, сбѣгать къ доктору, который когда-то лѣчилъ покойнаго, сбѣгать къ гробовщику и священнику. Можно сказать, что почти всѣ хлопоты, включая сюда и заботы о томъ, чтобы чѣмъ нибудь накормить Пелагею Карповну и Сашу, выпали на долю этой женщины, ибо Пелагеѣ Карповнѣ было не до того, такъ какъ эта почтенная дама была растрогана кончиной своего стариннаго знакомаго въ самой высшей степени, выразившейся тѣмъ, что она такъ ослабѣла, что не вставала съ кресель и при всякомъ появленіи прислужницы слабымъ голосомъ просила подать или принести ей то одно, то другое, извиняясь слабостью. Что же касается до Пашеньки, то ужъ на ея помощь, особенно въ первые, послѣдовавшіе за кончиной, часы рассчитывать было трудно.

Стоя у калитки, прислужница зѣвнула разъ другой, почесалась, посмотрѣла на небо, и затѣмъ уже думала приступить къ закрыванію ставней, когда увидѣла, что справа идетъ поспѣшной походкой какой-то прохожій. Она рѣшила дать ему миновать ихъ флигелекъ, чтобы затѣмъ уже приступить къ выполнению своего намѣренія, какъ вдругъ усмотрѣла, что поравнявшійся съ окнами флигелька прохожій, замедливъ почти до остановки шагъ, нѣсколько наклонился къ стекламъ, и затѣмъ, замѣтивъ ее, спѣшно подошелъ къ ней и съ отѣнкомъ удивленія, совершенно непонятнаго со стороны незнакомаго человѣка, спросилъ:

— Покойникъ?

Трезвое пониманіе внушило прислужницѣ мысль о странности тона, которымъ былъ предложенъ вопросъ, что она и дала замѣтить въ данномъ ею отвѣтѣ:

— Покойникъ... Что-жъ? мрутъ вѣдь люди-то... не вѣчно жить...

Прохожій не обратилъ никакого вниманія на тонкую иронию этого отвѣта и съ немалымъ удивленіемъ не жели прежде спрашивалъ:

— Да когда же онъ умеръ?

— Сегодня померши...

— Былъ боленъ?..

— Нѣтъ, вотъ такъ, здорово-живешь, взялъ да и померъ... Знамо былъ боленъ...

— Странно.

Прислужница поинтересовалась:

— А вы знали его что-ли, господинъ?

Прохожій, одѣтый не смотря на зимнее время, въ легкое драповое пальто, всталъ въ задумчивость и не отвѣтилъ на вопросъ. Прислужница объяснила тѣмъ, что онъ не слышалъ ея словъ.

— Знакомые вы ихъ, что-ли?

Тогда онъ какъ бы пробудился отъ сна, взглянулъ на нее разсѣянно и въ свою очередь спросилъ:

— Чей?

— Барина-то нашего.

Онъ отрицательно покачалъ головой:

— Даже никогда и не видалъ... Иду мимо и вижу, что старикъ какой-то умеръ, свѣчи горять и онъ лежить на столѣ...

И не давъ прислужницѣ сообразить всю чрезвычайную странность предложенныхъ имъ съ такимъ интересомъ и удивленіемъ вопросовъ, прибавилъ какъ бы мимоходомъ:

— Я барышню вашу знаю, ту вонъ,—указалъ онъ глазами на окно, что около покойника стоять...

И не объяснивъ, какъ онъ знаетъ барышню, которая нигдѣ не бываетъ, почти нигуда кромѣ церкви не ходить и въ то же самое время не знаетъ ея скончавшагося отца, съ нѣкоторою робостью осведомился у своей собесѣдницы:

— Послушайте... Можно туда войти?..

Прислужница осмотрѣла съ головы до ногъ прохожаго, какъ бы желая удостовѣриться не мошенникъ ли это какой, чего впрочемъ при бѣгломъ осмотрѣ не поняла, хотя сообразила, что съ такимъ щедрымъ человекомъ въ случаѣ какого-либо буйства съ его стороны—отличнѣйшимъ образомъ справится одна. Тѣмъ не менѣе прежде чѣмъ рѣшиться высказать согласіе на то, чтобы онъ вошелъ, она спросила:

— Поклониться покойничку желаете?.. Можетъ понъ будетъ, обѣщались...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—я съ барышней вашей повидаться бы желалъ...

Все еще съ нерѣшительностью прислужница отодвинулась отъ калитки и какъ-то робко со вздохомъ, точно ни въѣтъ что дѣлаетъ такое, разрѣшила:

— Что-жъ, войдите коли желаете...

Тогда онъ вошелъ на дворъ поспѣшно, какъ бы боясь, чтобы выустившая его прислужница не измѣнила своего рѣшенія и не остановила его. Она кричала ему вслѣдъ:

— Съ передняго крыльца пожалуйста... Дверь-отъ отперта...

Онъ взбѣжалъ на крыльцо, отворилъ дверь и не снимая пальто, черезъ темненькую прихожую вошелъ въ залъ.

Онъ вошелъ тихо и остановился у дверей. Онъ видѣлъ, какъ надъ покойникомъ, сбѣденнымъ старичкомъ, одѣтымъ въ чиновничій мундиръ, читаетъ дьячекъ, что въ большомъ креслѣ, въ углу простовато убраннаго зала, безмятежно спитъ толстая старуха, слегка повреженамъ похрапывая. Онъ видѣлъ все это, но остановился на молодой дѣвушкѣ, одѣтой въ черное, съ бѣлымъ горошкомъ, ситцевое платье и смотрѣлъ на нее. Она стояла къ нему бокомъ, на колѣняхъ, не плача и не молясь, какъ бы окаменѣвъ и застывъ своимъ милониднымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ... Ея бѣлокурые волосы свѣсились нѣсколькими мелкими и короткими вьющимися прядями на лобъ и пали тѣнью на опущенныя вѣки. Только легкое движеніе груди и колебаніе густыхъ рѣсницъ выдавало жизнь въ этомъ застывшемъ и какъ бы погружившемся въ самую себя существѣ... Вдругъ изъ сосѣдней комнаты мелкими шажками выбѣжалъ прелестный мальчикъ, съ такой же бѣлокурою головкой, какъ и у застывшей на колѣняхъ дѣвушки, съ вьющимися въ мелкіе колеч-

ки волосами, розовый и пухленький, одѣтый въ самого яркаго цвѣта красную рубашку. Мальчикъ подбѣжалъ къ дѣвушкѣ, сталъ рядомъ съ нею на колѣни, перекрестился трижды и затѣмъ какъ-то изподлобья посмотрѣлъ на нее, что дескать она дѣлаетъ, потомъ набожно закланялся земно и закрестился, а затѣмъ, уставъ стоять на колѣняхъ, присѣлъ на согнутыхъ ножкахъ, какъ-то зарумянился и сморщился въ самый аппетитный зѣвокъ. Его близость разбудила молодую дѣвушку, вывела ее изъ забытья. Она медленно встала съ преклоненныхъ колѣнъ, съ какимъ-то серьезнымъ, даже нахмуреннымъ лицомъ, подняла съ полу мальчика и повернулась съ нимъ, ведя его въ сосѣдную комнату. То не былъ вчерашній робкій ребенокъ, съ такимъ вниманіемъ и какъ бы страхомъ слушающій объясненія устройства непонятнаго механизма, несложившійся и хрупкій организмъ развивающейся женщины — нѣтъ; нѣсколько часовъ, какіе нибудь сутки измѣнили его, состарили, наложили на это нѣжное лицо складочки заботы, запечатлѣли его опытомъ тяжелаго горя!. Вчера это было опекаемое чей-то заботой существо, вырвавшееся на волю изъ пустой прихоти, нынче на немъ лежали свои собственные заботы, свои обязанности, неотложныя ни для какого горя. Съ этаго дня сирота становилась матерью, опорой и руководительницею ребенка, котораго теперь отводила спать...

Съ этой смертью она какъ бы даже выросла и повидимому всѣ, кто окружалъ молодую дѣвушку,—этотъ мальчикъ, эта простодушная прислужница,—съ этаго дня стали какъ-то иначе относиться къ ней... Всѣ какъ-бы почувствовали въ ней главу, почтили незпытымъ умомъ тѣ обязанности, которыя смерть старика-хозяина, какъ бы налапались на молодую дѣвушку. Прислужница взяла отъ нея мальчика, выслушала что она ей сказала и удалилась изъ зала. Тогда молодая дѣвушка вернулась къ покойнику и уже готовая встать снова на колѣни, случайно встрѣтилась своимъ задумчивымъ взглядомъ съ остановившимся у косяка двери молодымъ человекомъ.

Она тотчасъ-же узнала своего вчерашняго знакомаго и медленно направилась къ нему.

— Вотъ какъ встрѣчаемся мы вторично,—грустно улыбнулась она,—вотъ какое горе посѣтило меня...

И указывая глазами на покойника, сказала:

— Это мой отецъ?

Потомъ, готовясь отойти отъ молчаливо выслушивающаго слова молодого человека, подала ему руку и поблагодарила съ трогательною простотой:

— Благодарствуйте, что пришли. Безъ панаши я вотъ осталась съ мальчикомъ братомъ—одна. На мнѣ лежатъ обязанности воспитать дитя... Какъ я это выполняю—не знаю, но конечно выполняю, хоть и не имѣю ничего, хоть и бѣдна... Совѣтъ добраго и знающаго человека для меня необходимъ...

Еще разъ пожавъ его руку, она простилась съ нимъ:

— Заходите.

И заняла оставленное мѣсто около покойника

IX.

Жертва вечерня.

Христина Карловна, зная о посѣщеніи Эрминіей Языкова, рѣшительно отказавшагося поѣхать съ Засѣкинымъ въ губернаторскій домъ, съ самаго возвращенія племянницы домой замѣтила въ ней какую-то новую особенность. Въ самомъ дѣлѣ Эрминія обнаружилла чрезвычайную, лихорадочную дѣятельность, повидимому изощрила свою способность на придумываніе разныхъ способовъ времяпрепровожденія, имѣющихъ единственную цѣль чѣмъ-нибудь убить праздное время, ибо съ прекращеніемъ рисованія картины—Эрминія проводила дни въ полнѣйшемъ бездѣльи. На слѣдующій-же день она объявила теткѣ, что намѣрена сдѣлать съ нею визиты ко всѣмъ главнѣйшимъ и именитѣйшимъ дамамъ города

и надо сказать, что при выполненіи этаго намѣренія,—тою лихорадочною живостью, съ которою поддерживала разговоръ, Эрминія стяжала среди N—скихъ дамъ несравненно большій успѣхъ, чѣмъ ее тетюшка. Эрминию встрѣчали съ холодной учтивостью, но съ теченіемъ визита поддавались ей, дѣлались съ нею необыкновенно любезны, и проводивъ, отзывались о ней какъ объ очень, очень милой дѣвушкѣ за ея достоинства, нѣсколько даже простивъ прегрѣшенія тетки. Сдѣлавъ визиты, Эрминія стала таскать тетку на различные вечера, общую монотонность и скуку которыхъ въ значительной степени оживила своей веселостью, такъ что вечеръ, на которомъ заранее было извѣстно, что ее не будетъ, считался не стоящимъ посѣщенія и на него не ѣздили. Эрминія посѣщала балы, ѣздила въ театры и вдругъ, въ самый разгаръ своихъ успѣховъ среди N—скаго общества, возвращаясь съ теткою въ каретѣ съ одного бала, сѣвъ и отъѣхавъ отъ освѣщеннаго подъѣзда, заявила своей спутницѣ:

— Довольно!

Дремлющая Христина Карловна поинтересовалась узнать о чѣмъ говорить ей непостоянная племянница, что послѣдняя и выяснила ей:

— Теперь не скоро увидать меня на какомъ-нибудь балѣ.

И оборвала свои выѣзды въ свѣтъ. Тщетно N—скія дамы посылали ей записки, приглашая ее на вечера, напрасно заѣзжали повидаться съ нею, онѣ заставляли, какъ въ былыя времена, въ гостинной одну Христину Карловну съ ея неизмѣннымъ вязаньемъ, съ ея выкройками и, на вопросъ объ Эрминіи получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ:

— Не совсѣмъ здорова.

Эрминія спрятала свои нарядныя платья, вывезенныя изъ Петербурга, облеклась въ неизмѣнный черный шерстяной костюмъ съ бѣлымъ воротничкомъ, подобрала свои роскошные волосы въ скромную прическу и съ какимъ-то благочестивымъ видомъ однажды появилась передъ теткой, надѣвая безъ зеркала шляпу. Тетка освѣдомилась:

— Куда ты, Миньона?

— Ко всеобщей, тетя, отвѣтила она скромно, завтра у насъ большой праздникъ.

Какъ ни привыкла тетка къ различнымъ эксцентричностямъ племянницы, такая неожиданная благочестивость показала ей несовсѣмъ обыкновенной. Она съ оттѣпкомъ упрека воскликнула:

— Ахъ, Миньона. Опять новая выдумка!

На что Миньона съ совершенно серьезнымъ видомъ и со скромностью, сентенціозно замѣтила:

— Надо, надо, тетя, молиться Богу, а я Его забыла...

Въ чѣмъ Христина Карловна нѣсколько усомнилась, вздохнуть:

— Ахъ, когда-бы такъ, Миньона.

Тогда Миньона заѣздила по церквамъ, становясь въ толпѣ, горячо молясь, не подымая опущенныхъ глазъ. Съ смиреннымъ видомъ шла она къ образамъ, клала передъ ними поклоны и ставила свѣчи. Однажды, совершенно неожиданно, во время обхода сторожемъ съ кружкой и просфиркей съ тарелочкой церкви, она взяла у изумленной просфирни тарелочку и пошла между рядами молящихся съ низкими поклонами, выпрашивая на украшеніе храма, чѣмъ несказанно удивила собравшихся, никогда ничего подобнаго не видѣвшихъ. И вотъ, именно послѣ этаго раза, когда ея благочестіе достигло своего апогея, возвратившись домой и проходя черезъ пріемную съ громадною просфорой въ рукахъ, эта смиренница съ поникшею долу головой, скромно отвѣтивъ на поклонъ г-на Засѣкина, спросила:

— Сегодня есть маскарадъ?

Въ N разъ пять-шесть въ зиму давались маскарады въ немѣдномъ клубѣ и дворянскомъ собраніи: первые

Литературный альбомъ. Порченая („Причинна“) Т. Г. Шевченко. Ориг. рисунокъ М. Зиновьева, грав. Флюгель.

бывали многочисленны, но на них ѣздили, по выражению N—ских дамъ, „сапожники и портники“; вторые, обыкновенно малолюдные, посѣщались и аристократической публикой. Въ этотъ день назначалась маскарадъ въ нѣмецкомъ клубѣ, что и было доложено шепотомъ Эрминіи ея поклонникомъ и повѣреннымъ. На это обстоятельство Эрминія не обратила ни малѣйшаго вниманія.

— Слушайте, шептала она, вы освободитесь вечеромъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вы должны проводить меня. Но это подѣ величайшимъ секретомъ, чтобы никто, понимаете: никто! не зналъ. Меня тутъ именно прельщаетъ тайна. Дядя не занимается нами, а тетюшка ужъ конечно не въ силахъ меня въ чемъ-нибудь остановить. Но, понимаете, я хочу тайны. Желаю тайны.

Онъ возразилъ:

— Но маскарады въ нѣмецкомъ клубѣ здѣсь не посѣщаются дамами...

Она махнула рукой:

— Это мнѣ все равно. Ровно въ одиннадцать вы будете меня ждать у стараго собора, я приду и мы съедемъ на извожика.

— Это мило! Но что-же я по вашему мнѣнію въ этомъ вицъ-мундирѣ поѣду въ маскарадъ?

— Это почему?

— Я только освобожусь къ одиннадцати. Когда-же я успѣю съѣздить домой, переодѣться и доѣхать до собора? На это потребуются не менѣе часа.

Она все быстро сообразила и рѣшила въ умѣ своемъ.

— Хорошо-съ. Это можно устроить иначе. Вы пошлете домой къ себѣ какого-нибудь лакея за фраккомъ и освободясь здѣсь, сойдете внизъ и переодѣнетесь въ швейцарской...

— Положимъ.

— Нѣтъ, не „положимъ“, а вы дѣйствительно сдѣлаете такъ. А потомъ выйдете, наймите извожика и дождайтесь у собора...

Передъ ея находчивостью и упорствомъ, съ которымъ она настаивала на этой поѣздкѣ, могущей сдѣлать ее достояніемъ городской сплетни, онъ только развелъ руками:

— Да зачѣмъ, зачѣмъ все это?

— Зачѣмъ? Она давно перестала стѣсняться съ этимъ молодымъ человѣкомъ, котораго покорила себѣ до такой степени, что онъ отступилъ для нея отъ своей обычной болтливости и сплетничая обо всѣхъ N—скихъ дамахъ, для одной Эрминіи дѣлалъ исключеніе и что-бы

она не сказала ему—сохранялъ въ глубокой тайнѣ. Отвѣтивъ на его вопросъ въ свою очередь вопросомъ, она не пошла далѣе, и сохранила молчаніе.

— Неужели, приставалъ Засѣкинъ, только прелесть тайны? Это неправда. И закончилъ стихомъ изъ Марионъ де-Лормъ:—„интрига? шалость новая? Любовь?“

— Положимъ.

— Но въ такомъ случаѣ,—прикинулся онъ огорченнымъ, — неужели вы думаете, что навязываемое вами мнѣ положеніе, можетъ быть пріятно?..

Смѣясь, она сдѣлала движеніе удалиться отъ него, сказавъ съ увѣренностью:

— Такъ устройте-же, голубчикъ, какъ я хочу.

Но онъ настаивалъ съ прежнимъ обиженнымъ видомъ:

— Стараться для другаго!.. Неужели дѣло идетъ опять объ этомъ чудакѣ, который былъ столь любезенъ, что на ваше приглашеніе отвѣтилъ отказомъ: пусть, дескать, если ужъ такъ желаетъ со мной познакомиться, сама ѣдетъ ко мнѣ; я не поѣду. Ну, вѣдь, съѣздили, видѣли, насладились... Довольно-бы...

Она съ живостью вскричала:

— Онъ интересенъ!

— Не нахожу.

— Оригиналенъ!..

— Такъ вы ѣдете въ маскарадъ для него?

— О, нѣтъ, — съ лукавой усмѣшкой опровергла она это предложеніе,—можно-ли это думать?.. Неужели онъ согласится пріѣхать на свиданіе въ маскарадъ?.. Похоже-ли это на него?

— Ну, такъ, я не понимаю, зачѣмъ вы ѣдете,—развелъ Засѣкинъ руками.—Она въ усиленной степени повторила это движеніе, передразнивая его, и сказала съ таинственнымъ видомъ:

— Чтобы испытать прелесть тайны.

— Но какал-же, покрайней-мѣрѣ, награда меня ожидаетъ за то, что я приму участіе въ доставленіи вамъ случая испытать подобную прелесть тайны?

— Награда?.. — Ей надо было разстаться съ нимъ, ибо она слышала приближающіеся шаги Христіны Карловны, возвратившейся изъ кирки и она поспѣшила: — награда?.. Вотъ, батюшка, за ваше здравіе вынимала: кушайте на здоровье...

И съ этими словами, сунувъ въ руки, не успѣваго что-либо сказать, Засѣкина, громадную просфору, ментально юркнула въ сосѣднюю комнату и скрылась за опущенной портьерой.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іоаня.

(Продолженіе).

VI.

Партія шерсти.

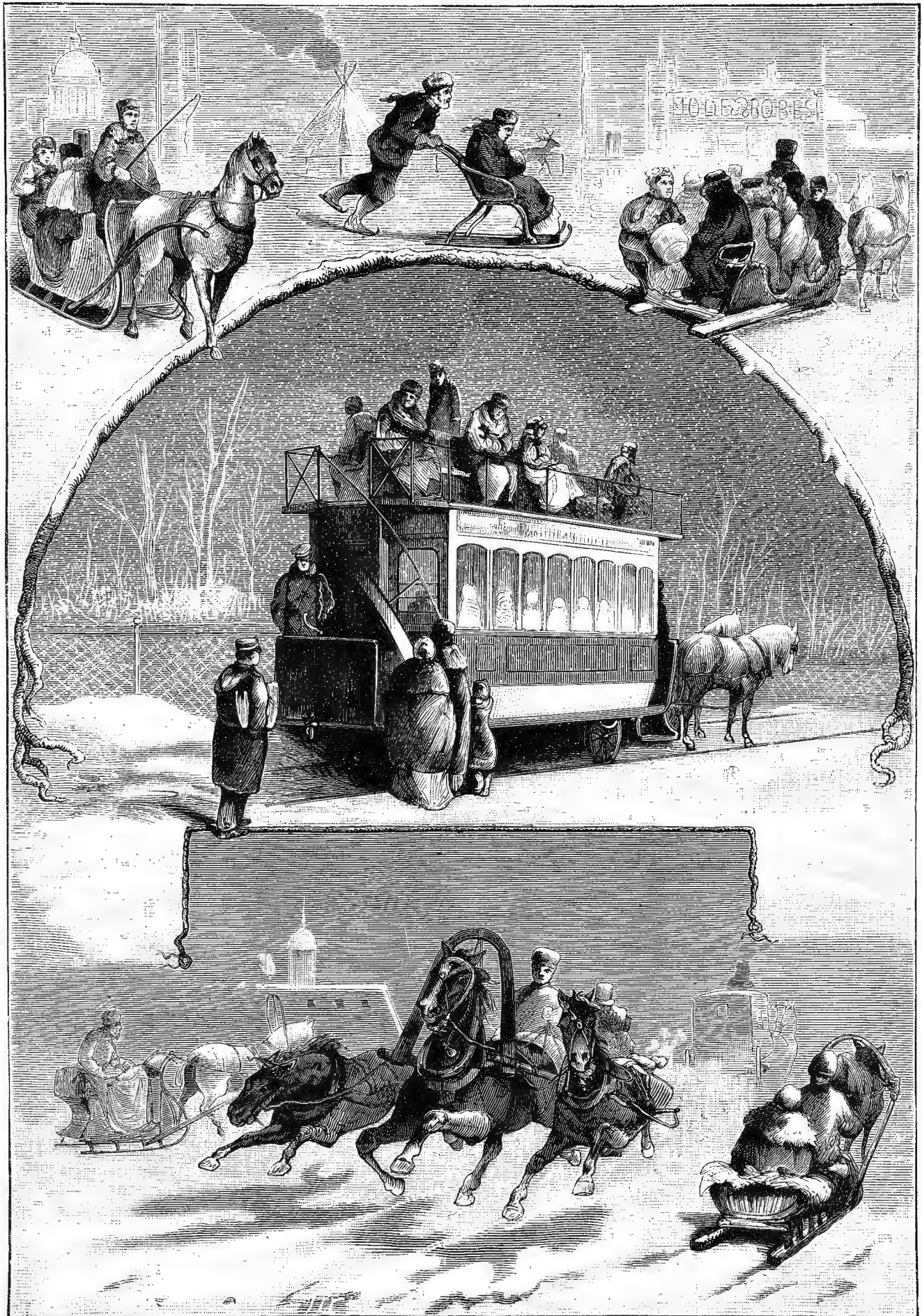
Вопреки распоряженіямъ Иллаваи, дорожный комиссаръ отозвался выполнить приказаніе—приступить немедленно къ исправленію мостовъ и дорогъ. Комиссаръ этотъ объявилъ, что онъ—не сова и не летучая мышь, чтобы выходить изъ дому по ночамъ, что завтрашняго дня достаточно будетъ и безъ того. Францъ, хоть и разсердился, но принявъ во вниманіе что это чиновникъ уже пожилой, и страдалъ одышкой, что онъ, дѣйствительно, въ осеннюю ночь и простудиться могъ бы, взялъ на себя и эту часть. Быстро собравъ человѣкъ шестнадцать рабочихъ, снабдивъ ихъ кирками, судья отправлялъ ихъ въ телегъ, поправлять дорогу, по которой ожидали Горомболи съ отрядомъ. Иллавай поѣхалъ и самъ наблюдать за ходомъ работы. Дорога пролегла по горной мѣстности и шла то подышаясь, то спускалась; да иначе и не могло быть въ такой холмистой сторонѣ.

Комитатская дорога дѣлитъ Киранскую равнину на двѣ части и дѣлитъ такъ, что съ одной стороны къ ней примыкаютъ имѣнія графовъ Теметвени, и къ другой—Опатовскихъ, третьяго господскаго имѣнія не встрѣчается здѣсь на цѣлый день пути. Граница владѣній Теметвени обозначена чулунной рѣшеткою

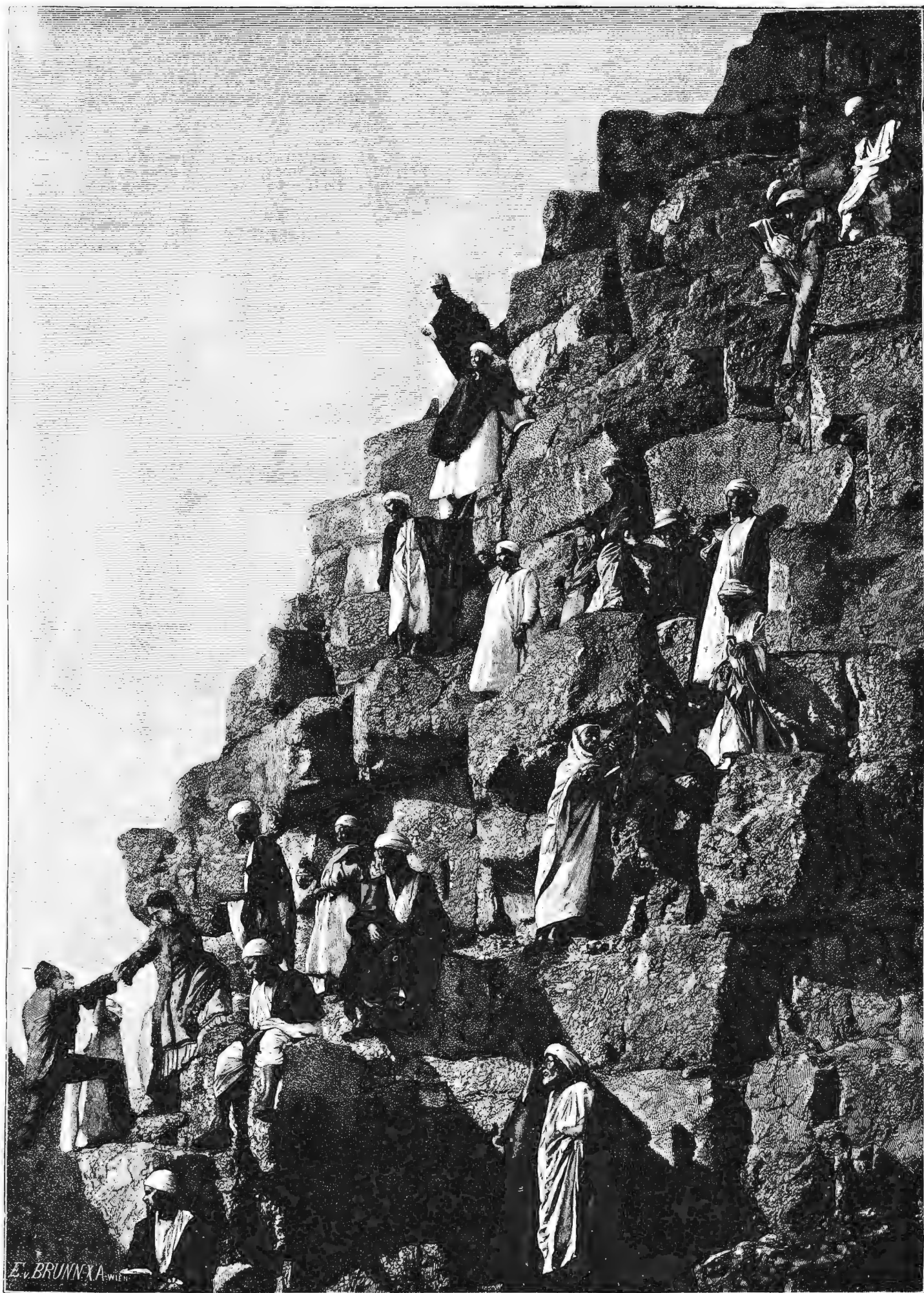
гигантскаго графскаго парка, а большая лѣсистая гора насупротивъ указываетъ пограничную черту владѣній Опатовскихъ. Охотничій паркъ этихъ послѣднихъ былъ уже упраздненъ, и теперь не было больше тамъ ни кабановъ, ни дикихъ оленей, изъ за которыхъ старому Опатовскому приходилось, ежегодно, за потравы хлѣбныхъ полей своихъ крѣпостныхъ, выплачивать отъ сорока до пятидесяти тысячъ гульденовъ. Дорогое то было жаркое! Теперь здѣсь лѣсопилни неустанно перебивали могучіе стволы, а поташные заводы освѣщали пламенемъ непродимыя лѣсныя щати; а въ низменныхъ частяхъ имѣнія мѣсто кабановъ заняли мирныя свиньи, а мѣсто оленей и дикихъ козъ—стада барановъ. Всѣ эти перемѣны введены въ хозяйство Опатовскихъ Францемъ Иллавай.

Мѣсяцъ ярко освѣщала лѣсистую возвышенность. Кругомъ все было безмолвно. Хороша была эта лунная осенняя ночь... Осмотрѣвъ мосты, въ сопровожденіи верховыхъ пандуровъ, которые вели съ собою связаннаго шпіона Горомболи, бѣлаго каторжника—ѣхалъ Иллавай по комитатской дорогѣ, въ погоню за фургонномъ съ шерстью. Онъ задремалъ въ своемъ тарантасѣ. Ему казалось, что онъ пріѣхалъ въ Дальнаваръ. Домъ уже былъ переполненъ гостями, которые дружелюбно привѣтствовали женюху. Но—гдѣ-же невѣста? Ему отвѣтили, что она одѣвается и сейчасъ выйдетъ. Такъ хочется ему увидѣть ее! Вотъ отво-

Зимняя ъзда въ С.-Петербургѣ. Ориг. рисун. П. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Восхождение на пирамиду въ Египтѣ. Съ фотогр. грав. Е. Брунъ.
Библиотека "Руниверс"

Изъ средневѣковой жизни. Брачный союзъ по политическимъ соображеніямъ.
Съ картины И. Митчеля, грав. М. Рашевскій.

Карла VII Екатерину. Обручение было совершено съ большою торжественностью, но маленькая невеста, привезенная на воспитание въ Бургундію, своею раннею смертію разстроила всѣ политическія соображенія тогдашнихъ дипломатовъ. Впрочемъ, послѣдніе иногда уже черезъ чуръ рано дѣлали ребенка орудіемъ своихъ плановъ и случалось просватывали его чуть не въ колыбели. Такъ, напримеръ, по Арасскому договору, заключенному 23 декабря 1482 года двухлѣтняя дочь Максимиліана, Маргарита, обязывалась отправиться во Францію, получить тамъ воспитание и впоследствии сдѣлаться женою дофина Карла, сына Людовика XI.

Само собой разумѣется, что подобныя браки дѣтей ставши частыми среди государей, были въ то-же время въ обычаѣ и у ихъ вассаловъ и вообще у знати, гдѣ порождали ихъ тѣ-же родовые, эгоистичныя расчеты, которымъ часто приносилось въ жертву будущее счастье юныхъ супруговъ. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ а именно бракосочетаніе малолѣтнихъ и изображаетъ прекрасная картина извѣстнаго англійскаго художника Митчелля. Сцена производитъ полукомическое, полугрустное впечатлѣніе. Косю-

мы и аксесуары, представленныя художникомъ, указываютъ, что дѣло происходитъ въ концѣ средневѣковой эпохи. Изъ широкихъ дверей храма, надъ которыми виситъ изображеніе родовыхъ гербовъ жениха и невесты, выходитъ блестящая процессія, направляясь мимо длиннаго ряда монаховъ, освѣщающихъ ей путь факелами и распѣвающихъ торжественныя гимны. Налѣво, впереди колѣнопреклоненной толпы народа, стоитъ вытянувшись эффектная фигура высокаго герольда съ алебардою въ рукѣ, въ раззолоченной короткой туникѣ, украшенной на груди тремя вышитыми леопардами. На первомъ планѣ маленькіе новобрачные, сопровождаемые блестящей и многочисленной свитой. Крошка-супруга въ своемъ роскошномъ платьѣ и съ короной на головѣ, похожа на разодѣтую куколку; мило-смущенно и недоумѣло выступаетъ она подлѣ своего маленькаго жениха, который имѣетъ также словно обиженный и тоже смущенный видъ. На его личикѣ есть однако серьезность, требуемая какъ этикетомъ, такъ и торжественностью обряда, заставившими безпечнаго мальчика какъ-бы призадуматься надъ важностью и исключительностью своего новаго сана и положенія.

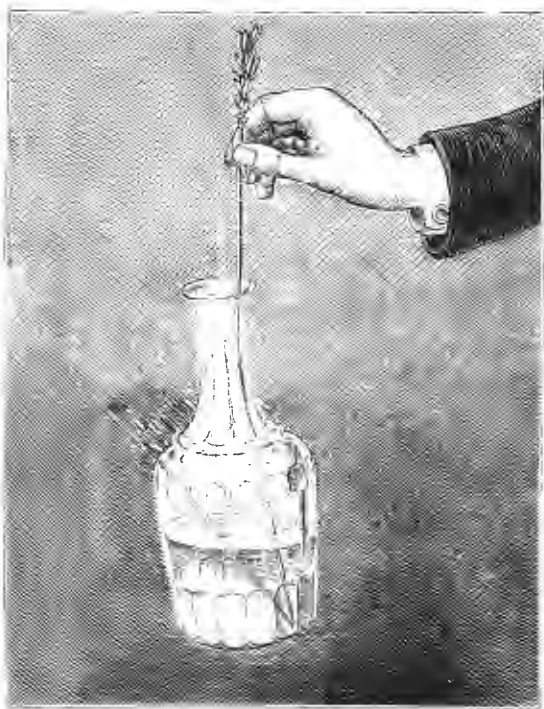
Къ рисункамъ.

Красавица.

(Рис. на стр. 52 и 53).

Типъ англійской красоты отмѣчается особеннымъ изяществомъ, спокойствіемъ, достоинствомъ и „породистостью“. На-

стоящая причина ея душевной тревоги и страданія, какъ тѣнь бродитъ она по ночамъ, всюду отыскивая своего милаго, безчувственная ко всему окружающему, даже къ бурѣ и непогодѣ. Такъ она и изображена нашимъ художникомъ. Вотъ идетъ она все впередъ какъ бы увлекаемая какой нибудь сверхъестествен-

Физическіе опыты. Поднятіе графина, наполненнаго до половины водой, посредствомъ соломинки.

Физическіе опыты. Плавка олова на картѣ.

смѣшливый Гейне, имѣя въ виду небольшіе короткіе носики англійчанокъ, называлъ ихъ прекрасными статуями съ отбитыми носами. Если это замѣчаніе и имѣетъ за собою въ общемъ нѣкоторую злую мѣткость, то тѣмъ не менѣе среди типовъ красоты, отличающихъ Европу, англійчанка-красавица занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Кому случалось много путешествовать по Европѣ, тому случалось и встрѣчать вездѣ семьи англійчанъ, всюду гдѣ только есть воды, галереи. Полныя достоинства, проходятъ они, внимательно останавливаясь и замѣчая все встрѣчающееся. Тутъ нельзя часто не любоваться миловидностью и воспитанностью англійскихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, особенно послѣднихъ. Въ картинѣ своей Лейтонъ изобразилъ одну изъ такихъ своихъ предѣстныхъ соотечественницъ.

Порченая (Причинна) Т. Г. Шевченко.

(Рисунокъ на стр. 57).

Въ прекрасномъ и мрачномъ, но обыкновенію, стихотвореніи Шевченки „Порченая“ столь удачно переведенномъ на русскій языкъ Вс. В. Крестовскимъ, передается грустная деревенская исторія; это рассказъ объ одной малороссійской дѣвушкѣ, которая сходитъ съ ума въ тиетномъ ожиданіи своего милаго—казака, покинувшаго ее не надолго и пропавшаго безъ вѣсти. Среди поселенъ она слышитъ за порченую, такъ какъ имъ непонятна настоя-

ной силой; кругомъ глухая ночь и безлудье и лишь шумъ волнъ Днѣпра нарушаетъ общую, мертвенную тишину. Дѣвушка идетъ все дальше и дальше; въ дремучемъ лѣсу встрѣчается ей высокій дубъ и она взбирается на него, чтобы посмотреть въ ярко освѣщенную луною даль—не ѣдетъ ли по дорогѣ ея милый. Но все тихо и безлюдно; только лишь юныя русалки плещутся въ волнахъ рѣки, расчесывая свои густыя, зеленныя косы. По вотъ они замѣтили сидящую на дубу красавицу.

Захотали зубосалки;
Лѣсъ отозвался; рыкъ и вой...
Какъ сумасшедшія, русалки
Подъ дубъ выдаютъ толпой.

Окинувъ всю окрестность своимъ туманнымъ, блуждающимъ взоромъ, дѣвушка спускается съ дерева, но тутъ русалки окружаютъ ее и бросаются на нее какъ на давно ожидаемую, беззащитную жертву:

„Покрещенныя вокругъ дуба
Молча поджидали
Подхватили молодую
И зашекотали...“

Уже давно утро а красавица все спитъ; спитъ она сномъ непробуднымъ у дуба, на краю дороги; не слышитъ она топотъ

ноя, на которомъ ѣдетъ ея милый, возвращающійся къ ней послѣ долгой разлуки.

„Притомился конь ретивый,
Шагъ и спотыкнуется...
А вокругъ сердца удалого
Дума змѣемъ вѣтсы,
Вотъ и опъ, тотъ дубъ вудравый...
Боже! Катерина!
Задремала, поджидая
Друга, сиротина!
Кинуль поводъ и къ желанной
„Боже ты мой, Боже!“
Клячетъ милую, цѣлуетъ...
Не помочь... За что же,
Охъ, за что же разлучили
Нась они тобою?”

Стихотвореніе оканчивается трогательнымъ эпилогомъ; кощы находятъ подъ дубомъ два трупа: казака и дѣвушки. Рядомъ хоронятъ они ихъ, оплакиваютъ ихъ раннюю, таинственную кончину и надъ ихъ могилками сажаютъ кусты любимыхъ народныхъ растений: калины, рябины и явора.

Средства зимняго сообщенія въ Петербургъ.

(Рис. на стр. 60).

Такой зимы какъ настоящая не запомнятъ въ Петербургъ за много, много лѣтъ. Это какаля-то карриатура зимы—ни свѣгу, ни морозу, ни на саняхъ, ни на дрожкахъ. Чуть выпадетъ хоть немного свѣгу—появляются сани, а на другой уже день—свѣгу нѣтъ! Опять др жки. То дождь, то буря и высокая вода на Невѣ—все осеннія удовольствія, а зимы нѣтъ какъ нѣтъ! А между тѣмъ все еще ѣздятъ на саняхъ, не смотря на то что на улицахъ вмѣсто свѣгу какое-то грязное мѣсиво.

Произведенная въ половинѣ минувшаго декабря однодневная перепись Петербурга даетъ намъ въ скоромъ времени приближительную цифру народонаселенія громадной сѣверной столицы. По всѣмъ вѣроятіямъ, цифра эта превосходитъ милліонъ,—такъ какъ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ народонаселеніе увеличилось почти вдвое.—Сравнительно малолюдный лѣтомъ—зимой онъ переполненъ жителями, жизнь кипитъ по всѣмъ улицамъ, и трудно не только провинціалу, но даже москвичу представить себѣ грандіозную картину,—ну хотя бы Невского проспекта въ солнечный зимній день, между двумя и пятью часами.

Вся масса жителей центра города, острововъ и окраинъ нуждается въ постоянныхъ, удобныхъ и недорогихъ средствахъ сообщенія. Конечно, наиболѣе удобнымъ и простымъ средствомъ сообщенія надо назвать легковаго извозчика, въ маленькихъ двухъѣстныхъ санкахъ съ полостью, котораго изобразилъ художникъ на нижнемъ рисункѣ сѣтла. Сравнительно извозчики въ Петербургѣ недороги, и значительное количество ихъ не допускаетъ чрезмѣрной платы, тѣмъ болѣе, что такса, которую пробовали нѣсколько разъ учреждать, рѣшительно не прививается къ нашей столицѣ. Кареты—двухъѣстные и четырехъѣстные—второй типъ извозничьихъ экипажей. Каретами Петербургъ славится: онѣ чрезвычайно дешевы, и въ большинствѣ случаевъ содержатся въ большемъ порядкѣ. На хорошихъ биржахъ можно всегда достать превосходные (особенно двухъѣстные) экипажи.

Но конечно для массы недостаточнаго населенія ни легковые извозчики, ни кареты недоступны: бѣдному люду приходится довольствоваться общественными санями (см. рисунокъ наверху справа) и главнѣйшимъ образомъ—вагонами конножелѣзныхъ дорогъ.

За послѣднее время сѣтъ конножелѣзныхъ дорогъ значительно расширилась, и представляетъ въ общей сложности линію длиною около ста верстъ. Сотни вагоновъ, съ самаго ранняго утра расползаются по всѣмъ направлениамъ, доставляя наидешевѣйшее средство сообщенія окраинъ съ центрами. Конно-желѣзныхъ обществъ въ Петербургѣ два,—изъ нихъ первое, эксплуатирующее лучшими улицами столицы, имѣетъ большой доходъ, и отличается порядкомъ, быстротою ѣзды и чистотою вагоновъ. Второе общество несетъ съ самаго основанія большіе убытки,—и вѣроятно этимъ можно объяснить ихъ сравнительно худшее состояніе. Нѣкоторые линіи приобрѣли за послѣднее время паровыхъ двигателей—и прижитеніе маленькихъ локомотивовъ къ передвиженію по улицамъ оказалось болѣе чѣмъ удачнымъ.

Весьма оригиналенъ типъ шестиѣстныхъ санокъ (верхній рисунокъ сѣтла), совершавшихъ рейсы отъ адмиралтейства на Васильевскій островъ. Наконецъ къ общественнымъ же экипажамъ слѣдуетъ причислить и кресла, на которыхъ возятъ черезъ Неву по льду конькобѣжцы,—тѣ самые, которые лѣтомъ служатъ перевозчиками. Сообщение совершается съ быстротою захватывающею духъ—и за перѣѣздъ черезъ рѣку (саженъ 300) берутъ шесть копѣекъ съ одного, или десять съ двоихъ.

Въ видѣ особаго исключенія на масляной пѣтлѣ позволяютъ появляться въ Петербургѣ возницамъ совершенно особаго типа:—окрестнымъ чухнамъ, приѣзжающимъ въ столицу на маленькихъ сытыхъ лошадахъ съ бубенцами, на низенькихъ крохот-

ныхъ саночкахъ. Рисунокъ такого экипажа видѣтъ внизу справа, возлѣ самаго дорогаго и самаго лучшаго типа петербургскихъ закладокъ—трюпки. Имъ поддерживается сообщеніе съ загородными ресторанами, которыхъ за послѣднее время расплодилось подъ Петербургомъ достаточное количество.

Восхожденіе на пирамиду.

(Рис. на стр. 61).

„Все боится времени кромѣ пирамидъ“, говоритъ арабская пословица и дѣйствительно эти колоссальные зданія египетскаго искусства возвышаются гордо и непоколебимо, не смотря на то, что надъ ними пронеслось уже нѣсколько тысячелѣтій. Все измѣнилось вокругъ этихъ памятниковъ, подъ тѣнью ихъ прошли и исчезли въ исторической дали самыя разнообразныя племена и народы; давно уже представители высокой египетской культуры смѣнились бѣдными арабскими... Однѣ пирамиды остались неизмѣнными. Да неизмѣнима окружающая ихъ пустыня, да извилистый Ниль, омывающій ихъ подножія.

Но—кругомъ все тихо; уже не слышно здѣсь шума и движенія жизни; невидно здѣсь ни пышнаго шествія фараоновъ, сопровождаемыхъ блестящей свитой, ни длинныхъ рядовъ направляющихся къ храму жрецовъ, ни многочисленной какъ муравьи густой толпы народа и рабовъ—этихъ послушныхъ тружениковъ и скромныхъ строителей колоссальныхъ обелисковъ и пирамидъ.

Теперь здѣсь все пусто и беззвучно; лишь только изрѣдка гарцуетъ здѣсь бедуинъ, да появляются толпы любопытныхъ туристовъ, чтобы съ помощью мускулистыхъ арабовъ взобраться на вершину пирамиды. Какимъ образомъ это дѣлается—это видно наглядно на нашемъ рисункѣ, видно также, какъ огромны уступы пирамидъ.

Впрочемъ годъ отъ году эти посѣщенія пирамидъ Европейцами дѣлаются все людиѣе и чаще: иные приходятъ сюда изъ пустаго любопытства, иные же, люди мыслящіе, невольно задумываются надъ этими памятниками давно минувшаго времени. На нихъ пирамиды производятъ глубокое, непередаваемое словами впечатлѣніе; особенно поразительна по своей грандіозности такъ называемая пирамида Хеопса, имѣвшая по своей постройкѣ 450 футовъ высоты и 700 футовъ ширины у основания. Теперь она нѣсколько ниже, такъ какъ вершина ея разрушена мусульманами, но это поврежденіе почти незамѣтно снизу; грандіозность и грандіозность пирамиды нисколько отъ этого не пострадала и теперь еще, изъ строительнаго матеріала пирамиды Хеопса, по вычисленію ученыхъ, можно вывести стѣну въ 6 футовъ вышины, а дліною въ 1,000 лье.

„Зрѣніе,“—говоритъ французскій путешественникъ Жюкмаръ,—даетъ самое неполное понятіе о громадности этого гигантскаго сооруженія; лишь мыслью можно какъ слѣдуетъ понять ея ужасающіе размѣры. При видѣ этихъ громадныхъ глыбъ камня, нагроможденныхъ другъ на друга и при прикосновеніи къ нимъ, невольно поражаютъ каждаго загадочные вопросы: какая могучая, почти сверхестественная сила могла поднять на такую высоту и поставить на мѣсто эти громадные камни? кака масса людей должна была трудиться надъ сооруженіемъ подобнаго колосса; сколько времени они употребили на этотъ страшный трудъ и какими орудіями могли они довести его до успѣшнаго окончанія?

Занимательные физическіе опыты.

(Рис. на стр. 66).

Опыты механической физики могутъ представить много интереснаго. Такъ, здѣсь помѣщено изображеніе какъ можно поднять графинъ, до половины наполненный водою, посредствомъ простой соломинки. Складываютъ соломинку, ирежде чѣмъ погрузить ее въ графинъ, такимъ образомъ, что выгнувшаяся часть стебля соломинки представляетъ сильное сопротивленіе своимъ изогнутымъ. Рисунокъ очень наглядно показываетъ какъ производится опытъ. Нужно чтобы соломинки были свѣжія, цѣлыя, безъ малѣйшихъ заломовъ снаружи и внутри и тогда, если опытъ не удался, можно его производить нѣсколько разъ, перемѣняя соломинки, пока графинъ не будетъ держаться на такомъ привѣсѣ.

Что касается опытовъ съ дѣйствіемъ теплоты, то ихъ можно производить не имѣя никакихъ сложныхъ приборовъ. Чтобы наглядно видѣть какими сильными проводниками теплоты являются металлы, кладутъ легкую тонкую пластинку муслина на кружокъ полированного металла, такъ чтобы они непосредственно соприкасались; на муслинъ накладываютъ раскаленный уголь, котораго горѣніе поддерживаютъ дуновеніемъ. Муслинъ при этомъ не сгараетъ, жаръ весь уходитъ въ одинъ металл, который его принимаетъ съвоя матерію, поглощая его въ своей массѣ. Нашъ рисунокъ на стр. 66 представляетъ аналогическій опытъ. Кладутъ оловянную пластинку на обыкновенную игральную карту, которую держатъ надъ спиртовой лампой. Можно расплавить металлъ не сожигая карты. Но надо осторожно держать карту надъ огнемъ и главное именно тѣми частями, которые соприкасаются съ оловянной пластинкой, поглощающей исключительно весь жаръ.

Политическое обозрѣніе.

Китайцы на нашей границѣ.—Изы за Каспія.—Болгарія.—Австро-Венгрія.—Германія.—Франція.—Египетъ.—Посланики султана въ Вѣнѣ и Берлигѣ.—Испанія и Португалія.

Наши сосѣди на дальномъ востоку, китайцы, вѣроятно, предполагая, что въ будущемъ они не разъ еще подадутъ поводъ къ столкновенію съ Россіей, стараются всѣми мѣрами обезпечить себя успѣхъ на границѣ съ нами. Правительство богдыхана, прежде всего, придвинуло къ границамъ возможно большее число населенія, которое снабжаетъ землей и всѣмъ необходимымъ: такъ согласно предложенію гиринскаго тзянь-тэюня (губернатора), ассигнована довольно значительная сумма для распашки 100,000 десятинъ пустопорожной земли между нашей пограничной чертой и Сянь-Синюмъ въ двухстахъ верстахъ отъ первой, и влѣдъ за симъ мѣстность эта была заселена; независимо отъ этого, китайцы энергически занялись усиленіемъ средствъ обороны сѣверной части Манчжуріи; за Кульджу китайцы начали уже платить намъ: недавно первая часть уплаты внесена переводомъ на лондонскій банкирскій домъ Перинга.—Что касается нашихъ дѣлъ въ закаспійскомъ отдѣлѣ, то изъ англійскихъ источниковъ мы узнаемъ, что нашъ гарнизонъ въ Асхабадѣ доведенъ до 3000 ч. всѣхъ родовъ оружія, а именно: въ этотъ городъ прибылъ русскій отрядъ изъ 2500 ч. пѣхоты, 500 ч. кавалеріи, 16 пушекъ и 400 артиллерійскихъ лошадей, вмѣстѣ съ большимъ транспортомъ боевыхъ снарядовъ, затѣмъ небольшой русскій отрядъ двинулся впередъ на 16 верстъ къ востоку отъ крайняго передоваго поста, находящагося въ 24 миляхъ отъ Асхабада по дорогѣ въ Мервъ; часть праваго берега, Атрека, до 35 верстъ отъ ручья Муганмадъ, занята казаками. Повидимому, обращаясь постоянно къ англійскимъ источникамъ, мы можемъ смѣло дать нашимъ читателямъ общія сообщенія имъ во всей подробности, о томъ, что происходитъ въ Асхабадѣ или на такой то верстѣ отъ того города, въ ту или другую сторону: англичане не упускаютъ изъ виду ни одного движенія, ни одного шага нашего тамъ, и каждое движеніе, каждый шагъ имъ совершенно извѣстенъ. Интересно было бы знать—откуда это они все такъ хорошо видятъ?

Въ иностранныхъ газетахъ сообщается странное извѣстіе, будто-бы столица Болгарскаго княжества, Софія подождена въ разныхъ пунктахъ пугиллистами. Извѣстіе это передано, между прочимъ, австрійскому прессою, въ которой слышны намеки на необходимость послать князю Болгарскому войска Императора Франца-Иосифа для усмиренія мятежа. По обыкновенію, мы не будемъ свѣдѣть выводами, не будемъ торопиться и вѣрить всему, что передается вѣнской прессой. Одно изъ двухъ: тутъ или легкомысленно подхваченный и искаженный слухъ, или же нѣчто болѣе значительное... Между тѣмъ, 31 декабря, въ той-же Софіи обнаружованъ княжескій указъ объ открытіи засѣданій болгарскаго государственнаго совѣта, въ составъ котораго входятъ министры, а также назначенные синодомъ епископы, четыре члена по назначенію отъ короны и восемь выборныхъ членовъ; болышая часть членовъ совѣта консерваторы, либераловъ всего четыре; президентомъ избранъ Икономовъ, вице-президентомъ—Грековъ; въ тотъ-же день министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ, вмѣсто бывшаго подполковника русской службы Релелинга, болгаринъ Ночевичъ, жившій въ Вѣнѣ до освобожденія его отечества.

Австро-Венгрія наводняетъ войсками свои славянскія про-

винціи, въ которыхъ обнаружались волненія; въ Далмаціи уже 12 тысячъ, въ Герцеговину и Боснію двинуто отъ 7 до 9 тысячъ, къ которымъ въ февралѣ предполагаютъ присоединить еще отъ 5 до 7 тысячъ; но—мало того: измѣется въ виду сосредоточить, на всякій случай (!), въ видѣ резерва, двинутыя на югъ войска, корпусъ въ 35 тысячъ человекъ.

Неужели австрійцамъ необходимо такое огромное количество войскъ для того, чтобы справиться съ еле-вооруженными ничтожными отрядами возставшихъ славянъ, сильныхъ только своею геройскою любовью къ родинѣ? Или уже Австрія обезпечила себя полную возможность приступить къ осуществленію своихъ плановъ? Едва-ли, но—къ чему эта масса войскъ?

Въ тронной рѣчи Германскаго Императора узакано, между прочимъ, значительное улучшение финансовъ государства: избытокъ доходовъ надъ расходами достигъ 29 милліоновъ марокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рѣчи сказано, что установившіяся дружественныя отношенія съ папой дозволяютъ Германской имперіи возобновить дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ.

Гамбетта намѣренъ примѣнить во Франціи проектъ князя Бисмарка относительно учрежденія страховыхъ обществъ для рабочихъ, но еще настоячивѣе первый министръ стоитъ за свой проектъ закона (о новой системѣ выборовъ по общимъ спискамъ), проектъ, который, говорятъ, имѣетъ мало сторонниковъ; увѣряютъ даже по этому поводу, что Гамбетта хочеть выйти въ отставку, если ему не удастся добиться своего. Недавно, по поводу годовщины смерти Бланки, была произведена крайними радикалами шумная демонстрація, послѣдствіемъ чего было вмешательство полиціи и арестъ многихъ изъ участниковъ, которые уже преданы суду и приговорены къ разнымъ наказаніямъ. Всѣ социалистическія фракціи, конечно, въ страппѣйшемъ неудовольствіи на министерство.

Франція и Англія, повидимому, все еще продолжаютъ считать національное движеніе въ Египтѣ какимъ-то едва ли не возстаніемъ и недавно отправили хедиву тожественныя ноты, въ которыхъ предлагаютъ ему матеріальную помощь на случай нарушенія порядка въ его вице-королевствѣ. Хедивъ очень хорошо понялъ, что помощь эта ни болѣе, ни менѣе, какъ оккупация и, конечно, встрѣтилъ „дружественное“ предложеніе съ полнымъ неудовольствіемъ, а Порта прямо высказалась, по поводу этихъ нотъ, за свои верховныя права надъ хедиватомъ. Можно думать, что Германія и Австро-Венгрія поддерживаютъ и султана, и хедива.

Что касается султана, то въ этомъ едва ли можно и сомнѣваться. Его чрезвычайныя посланники—Али-Низами-Паша и Рещидъ-бей, побывавъ въ Берлигѣ, гдѣ удостоились самаго ласковаго пріема (вплѣсншій поводъ ихъ прѣзда въ столицу Пруссіи состоялся въ врученіи императору ордена Османіа), отправились затѣмъ, по совѣту, данному имъ тамъ,—въ Вѣну, гдѣ были встрѣчены не менѣе радушно. Результатомъ этого объѣзда, какъ говорить, послѣдовало соглашеніе, въ силу котораго, будто бы, Германія и Австро-Венгрія гарантировали Турціи status quo на востоку, а Порта приглашаетъ къ себѣ чиновниковъ и офицеровъ изъ Германіи.

Союзъ Испаніи и Португаліи укрѣпляется все болѣе и болѣе; между королями обоихъ государствъ завязываются дружественныя отношенія.

Умъ и языкъ слоновъ.

Много писано уже о понятливости слоновъ, но очень мало лицами наблюдавшими слоновъ; а потому сообщенія этихъ послѣднихъ должны интересовать cadaго. Сообщенія эти подтверждаютъ именно то предположеніе ученыхъ, что слонъ на столько выше прочихъ животныхъ, на сколько человекъ выше его.

Жаколіо говоритъ, что онъ долгіе годы провелъ въ Индіи и на Цейлонѣ и видѣлъ такіе примѣры понятливости, чувства, благодарности, памяти и силы воли слоновъ, что составляетъ гораздо болѣе, чѣмъ простой инстинктъ. Онъ передаетъ только то, въ чемъ дѣйствительно убѣдился лично, вмѣстѣ съ свидѣтелями европейцами и что могутъ подтвердить многія англійскія семейства, жившія долго въ Индіи.

Слонъ—это домашнее животное, но не плѣнникъ, убѣгающій при первой возможности. Всякій, жившій на востокѣ и видѣвшій слона, свободно двигающагося, въ качествахъ слуги, слугника и защитника человека, удивляется такому несомнѣтельному предположенію. Стоитъ видѣть слона на берегахъ Гаудуры и Каллао. Онъ живетъ въ лѣсахъ Каттограма или въ ушельяхъ Бадуллы, не опасаясь нападенія. Вдругъ онъ встрѣчаетъ толпу слоновъ, которые бродятъ повидимому безъ цѣли. Неосторожный присоединяется къ нимъ и вмѣстѣ собратія его схватываютъ и вяжутъ его; теперь только въ принадлежъ безсильной злобы, слонъ видитъ впервые человека, который высылаетъ товарищей его на эту охоту, и другомъ котораго онъ вскорѣ стаплетъ и самъ. Вскорѣ затѣмъ слонъ этотъ встрѣчается въ Каллао уже какъ собственность кунца, торгующаго кокосо-

выми орѣхами, посудой, рисомъ и конченой рыбой. Каждую недѣлю слонъ идетъ въ Кальтуру, Негомбо, Коломбо и несетъ покупателямъ товары своего хозяина, въ началѣ подъ надзоромъ корняка, затѣмъ мальчика, а въ концѣ одинъ, не ошибаясь ни дорогой и не минуя ни одной двери. Спустя два или три дня, послѣ раздачи товаровъ, онъ возвращается обратно и ждетъ для слѣдующаго недѣльнаго путешествія. Между тѣмъ, въ свободное время, онъ ходитъ въ лѣсъ и приноситъ дрова и плоды для семьи и траву для домашнихъ животныхъ; вечеромъ онъ набирается воды изъ колодець и поливаетъ ею, въ продолженіи часа или двухъ, рисовыя поля и поля бетеля.

Какая же сила удерживаетъ его? онъ не бываетъ привязанъ и никакая цѣль даже не въ состояніи его удержатъ. Ничто не препятствуетъ ему уйти къ своимъ дикимъ сотоварищамъ.

Въ продолженіи долгой своей жизни, онъ часто мѣняетъ хозяевъ и каждому изъ нихъ служитъ съ одинаковою преданностью и добродушіемъ, то какъ носитель тяжестей или дровоноса, то какъ охотникъ или собирающій пожертвованіе на пагоду, то сражаясь съ тиграми и носорогами.

Въ Котмальскихъ горахъ, на Цейлонѣ, Жаколіо видѣлъ слоновъ, которые на непрестуныхъ высотахъ рубили большими топорами гигантскія деревья, стволы которыхъ предначались для постройки кораблей; стволы эти они очищали отъ вѣтвей и на себѣ переносили въ гавань Коломбо, гдѣ другіе слоны принимали ихъ и очень искусно укладывали. Жаколіо говоритъ, что справедливость этого удостовѣряетъ всѣ кашитаны

Рѣшеніе алгебраической задачи № 91. (Помѣщ. въ № 50 1881 г.)

- 1-е число = x;
- 2-е " = y;
- 3-е " = z;
- 4-е " = u;
- 5-е " = f;
- 6-е " = t;
- 7-е " = s;
- 8-е " = q;
- 9-е " = r;
- 10-е " = g;
- 11-е " = m;
- 12-е " = p;
- 13-е " = k;
- 14-е " = n;
- 15-е " = h;
- 16-е " = d;
- 17-е " = e;
- 18-е " = l;

- I) $2x=y+z;$
- II) $y+u+l-g=2s+k;$
- III) $3f=2q-m;$
- IV) $t+p=20;$
- V) $q+l=2y;$
- VI) $3t-g=50;$
- VII) $q-r+(m-p)=y-1;$
- VIII) $p+n=l+4;$
- IX) $h+d=2u;$
- X) $3x=4f;$
- XI) $s+n=z;$
- XII) $5n+2h=100;$
- XIII) $r:e=3:5;$
- XIV) $x+m=e;$
- XV) $h-p=t;$
- XVI) $g+k=7;$
- XVII) $3y=u-t;$
- XVIII) $q-s=10;$

Изъ ур. VIII им. $n = 4p;$
 XII) $5n + 2h = 100;$
 $10p + h = 50;$
 XV) $h - p = t;$
 $11p + t = 50$
 IV) $-t + p = -20$
 $10p = 30$
 $p = 3.$

- $x = 20 = y$
- $y = 13 = m$
- $z = 27 = t$
- $u = 22 = x$
- $f = 15 = o$
- $t = 17 = p$
- $s = 15 = o$
- $q = 25 = ш$
- $r = 15 = o$
- $g = 1 = a$
- $m = 5 = д$
- $p = 3 = в$
- $l = 1 = a$
- $n = 12 = л$
- $h = 20 = y$
- $d = 24 = ч$
- $e = 25 = ш$
- $k = 6 = e$

Умъ—хорошо, а два—лучше.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Слб. — Судакова, Тарновскаго, Лебедева, Доброхотова, Х. Боронина; Москва—Коварскаго, В. Е. Е., Асгарханова, Смаринова, Дарионова; Бакчисарай—Дремдан; Вологда—Степанова; Дертль—Пома; Епифань—Урадова; Ив.-Вознес.—Кранина; Керчь—Дервилье; Коломна—Шевлягина; Кроштадтъ — Ишменскаго; Курскъ—Ш.—ш.—ш.; Ловичъ — Романенко; Мальце-Бродово — Терентьева; Медвѣдево — Лейцигеръ; Могилевъ — Когонъ; Новочернаскъ—

Подякова; Полтава — Флейтеръ; Самара — Журавлева; Саратовъ — Флеровскаго; Серпуховъ — Плотникова; Смоленскъ — Максимова; Ставрополь — Остапенко; Уфа — Тимашева; Ярославль — Трескина; Астрахань — Цѣхановича.

Рѣшеніе ребуса № 91, помѣщенного въ № 50 1881 г.

„Весна, выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа и стукъ колеса“.

Рѣшеніе ребуса № 95, помѣщенного въ № 52 1881 г.

„Поздравляемъ нашихъ читателей съ праздниками и съ Новымъ годомъ.“

Разгадку этого послѣдняго ребуса мы получили отъ весьма многихъ подписчиковъ, которые, благодаря намъ за поздравленіе съ праздникомъ, отвѣчаютъ намъ также поздравленіемъ и также въ видѣ ребусовъ. По ихъ многочисленности имена ихъ мы не можемъ здѣсь помѣстить и благодаримъ за поздравленія.

Рѣшеніе шашечной задачи № 93,

Бѣлые		Черные	
Съ № 22 на № 27		Съ № 23 на № 30	
.. № 10 .. № 13		.. № 32 .. № 1	
.. № 31 .. № 27		.. № 30 .. № 23	
.. № 18 .. № 31		.. № 25 .. № 9	
.. № 12 .. № 15		.. № 20 .. № 11	
.. № 8 .. № 19		.. № 23 .. № 14	
.. № 17 .. № 10		.. № 14 .. № 5	
.. № 3 .. № 6		.. № 11 .. № 2	
.. № 31 .. № 24		.. № 2 .. № 6	
.. № 24 .. № 2			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва—Лохина, Дарионова, Васильева; Горы—Кожукина, Налуга—Волокова, Липица—Медведникова, Муромъ—Васильева, Голубева, Просняны Поляны—Шелоумова.

СОДЕРЖАНІЕ: Гора Олимпъ въ Фессаліи (съ рис.)—Подъ землею. Повѣсть Н. Н. Лебедева (Н. Морскаго). (Продолженіе).—Во время бури. Романъ М. Юная. (Продолженіе).—Империа на анціяхъ. Очеркъ.—Брань дѣтей въ средніе вѣка (съ рис.)—Красавица (съ рис.)—Порченая (Причина) Т. Г. Шевченко (съ рис.)—Средства зимняго сообщенія въ Петербургѣ (съ рис.)—Восхожденіе на пирамиду (съ рис.)—Занимательные физическіе опыты (съ 2 рис.)—Политическое обозрѣніе.—Умъ и языкъ слоновъ.—Смѣсь.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—Рѣшенія ребусовъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—О подпискѣ на „Ниву“ 1882 года.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Открыта подписка на „Ниву“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на будущій годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ мы назовемъ только нѣкоторые, именно—романъ **Вс. С. Соловьева** „Волтерьянецъ“, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергій Горбатовъ“—тѣ же лица являются уже дѣятелями новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны—большая повѣсть **П. П. Гнѣдича** „Въ Южной глуши“, разсказъ **В. Г. Авсѣенко** „Испанскій дворянинъ“, разсказъ **Н. Успенскаго** „Нѣтъ худа безъ добра“, разсказъ **С. В. Максимова** „Барышники“, разсказъ **К. К. Случевскаго** „Маньякъ“, разсказъ **Н. Босва** „На озертъ“, очерки **Вс. В. Крестовскаго**; рядъ разсказовъ **А. Я. Максимова** изъ жизни на крайнемъ Востокѣ и рядъ разсказовъ талантливаго **Н. Н. Каразина** изъ жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.

Какъ премія на 1882 годъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана новая, очень большая картина профессора **В. И. Якобія**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходить все прежнія премія „Нивы“ (82½ сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналъ картины **рядомъ съ копіей**, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналъ, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокомъ достоинствѣ исполненія копій съ этой превосходной картины. Вскорѣ копія эти будутъ выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Высылка премій будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ зего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно для годовыхъ подписчиковъ**.

Подробнее объявленіе о цѣнахъ можно видѣть на 1-й страницѣ № подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться просятъ обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“** (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9).

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всеми приложеніями.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ**.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ХІІІ годъ
№ 4

годъ ХІІІ
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаѣт 23 Января 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ **4 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **5 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій. **5 р.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . **6 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8 руб.**

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Л. А. Стрепетова.

Недавно поступившая на петербургскую драматическую сцену г-жа Стрепетова, — портретъ которой мы даемъ въ этомъ номерѣ, — уже нѣсколько лѣтъ пользуется, какъ въ обихѣ столицахъ, такъ и въ провинціи, обширною и вполне заслуженною извѣстностью высоко-даровитой драматической актрисы. Въ Москвѣ, подвизаясь съ успѣхомъ на общедоступномъ театрѣ, г-жа Стрепетова приобрѣла любовь и расположеніе публики; въ провинціи о ней сложилось мнѣніе, какъ объ артисткѣ стоящей выше критики; въ Петербургѣ — мнѣнія раздѣлились: одни изъ критиковъ утверждали, что г-жа Стрепетова являетъ своимъ дарованіемъ нѣчто до такой степени необычайное, что далеко оставляетъ позади себя лучшихъ предстательницъ современнаго драматическаго искусства въ Европѣ, какъ напр. Круазеттъ и Сара Бернаръ; другіе, охлаждая такой восторженный критическій приѣмъ, говорили, что г-жа Стрепетова имѣетъ слишкомъ ограниченный репертуаръ, что у нея че-

тыре-пять ролей дѣйствительно отдѣльныхъ и вполне удачныхъ, въ которыхъ артистку будто бы ожидаетъ полнѣйшее фіаско. Будущему предстоитъ рѣшить, какое мѣсто займетъ г-жа Стрепетова въ исторіи русской драматической сцены. Репертуаръ этой артистки, повидимому, дѣйствительно не великъ; но это еще ничего не говоритъ въ пользу того мнѣнія, что дарованіе г-жи Стрепетовой мало. В. В. Самойловъ сыгралъ съ успѣхомъ въ теченіи сорока лѣтъ 500 ролей; Мартыновъ въ одинъ и тотъ же вечеръ являлся въ пяти различныхъ роляхъ; но весь репертуаръ Тапмы ограничивался 30-ю ролями, Рашели — 25-ю. Изъ этого примѣра видно, что величина таланта не измѣряется разнообразіемъ амбула. Г-жа Стрепетова, насколько намъ кажется, играетъ вдохновенно, но не школой. Тамъ, гдѣ она увлекается, гдѣ забываетъ, что она играетъ, находится на сценѣ, ею овладѣваетъ какой-то артистическій экстазъ — и это тотъ моментъ, когда она покоряетъ самаго

Артистка С.П. Императорскихъ Театровъ. П. А. Стрепетова.
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Ю. Барановскій.

предубежденнаго противъ нея зрителя, заставляетъ его переживать съ собою всё страданія и радости, которыя артистка переживаетъ на сценѣ сама. Ея первое лицо при этомъ вполне отвѣчаетъ душевнымъ движеніямъ, выражая всё отълики страстей; голосъ модулируетъ съ удивительной правдивостью, переходя отъ оживленнаго смѣха къ истерическому рыданію. Это моменты большой артистки и дарованіе заурядное ихъ не въ силахъ проявить не только въ 5—6 роляхъ, а даже и въ одной. Но вотъ артистическій порывъ миновалъ, регистръ изъ высокаго перешелъ въ средній и г-жа Стрететова преобразается: она *играетъ*, играетъ вилло, потому что ей недостаетъ школы.

Таково наше безпристрастное мнѣніе о новоапжированной въ петербургскую драматическую труппу артисткѣ. Мы не скрывали правды потому, что находимъ, что талантъ г-жи Стрететовой не нуждается въ прирасахъ. Истинную школу дарованію г-жи Стрететовой получить было не легко, какъ можно заключить изъ біографическихъ данныхъ, которыя мы имѣемъ объ артисткѣ. Полина Антисъевна Стрететова—дѣтя провинціи и на сценѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, такъ что не смотря на свои еще молодые годы—она упражняется въ драматическомъ искусствѣ болѣе двадцати лѣтъ. П. А. воспитанница провинціальной актрисы Стрететовой, давшей нашей артисткѣ фамилію; по мужу—фамилія г-жи Стрететовой—Писарева, такъ какъ Полина Антисъевна вышла замужъ за безбизвѣстнаго въ провинціи актѣра Писарева. Большую часть своей артистической карьеры, Полина Антисъевна провела въ провинціи, гдѣ, какъ мы говорили, заслужила общую любовь. Появ-

ляясь въ самыхъ разнообразныхъ амбула, артистка выработала здѣсь и отбѣдала съ чрезвычайною тщательностью небольшое число ролей, каковы роли: Лизаветы въ „Горькой судьбинѣ“, Катерины въ „Грозѣ“, Марьи Андреевны въ „Вѣдной невѣстѣ“, Маріи Стюартъ—въ трагедіи Шиллера и Маріи—во французской мелодрамѣ „Материнское благословеніе“. Въ переѣздахъ изъ мѣста въ мѣсто, въ различныхъ неудобствахъ, съ которыми сопряжена жизнь провинціальной актрисы—находится объясненіе того, что репертуаръ г-жи Стрететовой малъ, а равно, въ этой кочевой жизни,—лежитъ, быть можетъ, зародышъ того болѣзненнаго состоянія, въ которомъ мы находимъ артистку въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ какой затраты силъ требовалось отъ г-жи Стрететовой, чтобы достигъ сперва частной московской сцены, а затѣмъ—Императорскаго театра въ Петербургѣ. Артистка перенесла все, достигла цѣли, но достигла до таковой болѣзней. По отзывамъ очевидцевъ, во время исполненія роли Лизаветы въ „Горькой судьбинѣ“ зимою 1881 г. не частной сценѣ, по окончаніи каждаго акта, артистка падала за кулисами на диванъ и недвижно лежала, полускрывъ глаза. Бывшій на этомъ спектаклѣ С. П. Боткинъ нѣсколько разъ навѣщалъ болѣзную. Раздавался колокольчикъ, дѣйствіе начиналось и г-жа Стрететова шла на сцену.

Таковъ общій обликъ артистки, съ которой мы имѣемъ дѣло, высокодаровитой артистки. Г-жа Стрететова еще молода; если ея здоровье улучшится—отъ нея несомнѣнно можно будетъ ожидать и расширенія ея репертуара и большаго совершенства школы.

Подъ землею.

ПОВѢСТЬ.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

Х. Т а й н а.

„Тайна“ была соблюдена замѣчательно. Эрминія проспала съ теткою, зашедшею къ ней передъ тѣмъ какъ ложиться спать и заставшею ее за чтеніемъ,—въ половинѣ одиннадцатаго и какъ только Христина Карловна удалась, немедленно приступила къ совершенію своего маскараднаго туалета. Надѣвъ черное шелковое платье и паскоро сметанное изъ тюля домино, Эрминія достала перчатки, накинула шубку и платокъ на голову и безъ особенныхъ предосторожностей оставила свою спальню, чтобы пройти на улицу чернымъ ходомъ. „Тайна“ была кажется болѣе на словахъ, ибо Эрминія особенныхъ мѣръ никакихъ къ тому, чтобы пройти никѣмъ незамѣченною не предпринимала: никто-бы изъ прислуги не посмѣлъ остановить ее. Заперевъ на ключъ свою комнату, Эрминія благополучно добралась до ведущей на черную лѣстницу прихожей, гдѣ никого изъ прислуги не было, но гдѣ еще горѣлъ огонь, несмотря на то, что въ домѣ ложились всѣ рано,—и вышла на темную лѣстницу. Ощупью она стала спускаться съ лѣстницы и опять-таки не встрѣтивъ никого, вышла на дворъ и пошла къ воротамъ. Здѣсь у отворенной калитки караулили сторожъ, что-то мурлыкавшій себѣ подъ носъ. Закрывъ лицо платкомъ, Эрминія юркнула мимо его на улицу; онъ не узналъ ее, принявъ за одну изъ горничныхъ и лукаво подшутить на счетъ ея поздняго выхода.

— Освѣжитесь вышли?

Не отвѣчая, она пробѣжала до угла дома и повернула за него. Губернаторскій домъ стоялъ на улицѣ, примыкающею къ площади, на которой около, такъ называемаго, Старога Собора, по условію, ждалъ Эрминію Засѣкинъ.

Ему пришлось ждать недолго. Онъ только что успѣлъ подъѣхать къ собору, какъ въ бѣгущей по напѣвленію отъ губернаторскаго дома фигурѣ узналъ Эрминію. Онъ хотѣлъ вылѣзть, чтобы помочь ей сѣсть въ сани, но остановивъ извозчика, она сама отстегнула полость и вскочила къ нему, что было не легко сдѣлать, ибо одной рукой она подбирала шлейфъ, другой держала маску которую боялась измять.

Она торопила ѣхать, въ то-же время наскоро передавая Засѣкину подробности своего ухода изъ дома. Нѣмецкій клубъ, помѣщавшійся въ одномъ частномъ домѣ, внизу котораго находились лавки, былъ довольно ярко

освѣщенъ и черезъ двойныя рамы слышалась музыка, но у подъѣзда не видно было ни одного экипажа, ни одного извозчика. Это бросилось Эрминіи въ глаза:

— Вѣроятно, мы будемъ вдвоемъ? спросила она своего спутника, или здѣсь собираются поздне?

— Не беспокойтесь, отвѣтилъ онъ, помогая ей вылѣзть, бьесь объ закладъ, что биткомъ набито. Отсутствие экипажей объясняется просто на просто тѣмъ, что члены, люди скромные вообще, приходятъ сюда и расходятся отсюда пѣшечкомъ.

Онъ былъ правъ. Въ комнатѣ, гдѣ раздѣваются, всѣ вѣшалки были увѣнчаны различными пальто и салочками; сверху вмѣстѣ съ звуками кадрили доносился до низу пискъ масокъ. Очевидно, было полнехонько. Оправившись передъ зеркаломъ и надѣвъ маску, Эрминія подъ руку съ Засѣкинымъ поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ и вошла въ залъ.

Помѣщеніе оказалось не обширнымъ; комнаты строились не для клуба, а для частной квартиры и хотя были не малы, но для большаго стеченія людей тѣсноваты. Поэтому духота была невообразимая, что однако не препятствовало собравшейся публикѣ веселиться и съ большимъ оживленіемъ танцовать. Большинство посѣтителей оказалось замаскированнымъ, но не въ домино, а въ чрезвычайно разнообразныя костюмы, иногда совершенно фантастическіе, придуманные повидимому дома и сдѣланные изъ того, что нашлось подъ руками. Господствовала кисья разнообразныхъ окрасокъ, буйф-муселинъ, золотая и серебряная бумага, разноцвѣтная фольга и снятые для маскарада со шляпъ цвѣты. Домино встрѣчалось преимущественно у мужчинъ и сдѣлано было изъ шалей, принадлежащихъ вѣроятно жеманъ и матерямъ: оно дополнялось обыкновенно цилиндрической шляпой, съ повязанною вокругъ таковой яркаго цвѣта лентой. Вся эта пестрая толпа являла необыкновенное одушевленіе, переходящее съ веселящейся молодежи на прішедшихъ посмотришь на таковую старичковъ, конечно не замаскированныхъ. Плоховатый оркестръ старался изо всей силы, взвизгивая скрипками, гремя барабаномъ; надъ танцующею толпою стояло тонкое облако пыли, вслѣдствіе духоты повисшее недвижимо навѣсомъ; изъ буфета появлялись пунцовыя, улыбающіяся лица; доносился стукъ биллиардныхъ шаровъ и запахъ кухни; керосиновыя лампы обливали желтоватымъ свѣтомъ дви-

жущуюся массу людей, между которыми шныряло нѣсколько дѣтей.

Только по окончаніи кадрили, когда скучившаяся въ залѣ толпа разошлась по разнымъ комнатамъ, Эрминія съ своимъ кавалеромъ имѣла возможность пройти, хотя самымъ медленнымъ шагомъ, по комнатамъ. Какъ это часто случалось, отъ оживленія Эрминія перешла, понавъ въ толпу, къ сукѣ, выразившейся въ ней нѣкоторой даже раздражительностью. Напрасно ея находчивый кавалеръ старался развлечь ее тѣмъ, что обращалъ ея вниманіе на что-либо смѣшное, на серьезную физиономію какого-нибудь сапожника или на смѣшной костюмъ какой-нибудь содержательницы прачешнаго или красильнаго заведенія, Эрминія почти не смотрѣла ни на что, а разъ или два даже осердилась и обрѣзала своего спутника.

— Мой Богъ, воскликнула она послѣ одной изъ его наиболее удачныхъ остротъ, когда вы бросите этотъ глупѣйшій обычай выказывать себя?

Онъ замолчалъ и надулся и нѣкоторое время они шли въ молчаніи, какъ вдругъ, въ одной изъ гостиныхъ, съ рѣдкою непослѣдовательностью, Эрминія обратила его вниманіе на то, противъ чего только что сама возставала.

— Ахъ, вскричала она, посмотрите, что за смѣшная госпожа съ трехъ-этажнымъ подбородкомъ! Да смотрите-же, будетъ вамъ дуться!

Онъ не видѣлъ особы, на которую она ему указывала. Ихъ раздѣляла толпа.

— Пойдите, торопилась она, пройдемъ между этими толстыми господами. Ну-съ, вы впередъ.

Онъ повиновался и, протискавшись дѣйствительно между чрезвычайно объемистыми господами, очутился въ какомъ-то водоворотѣ женскихъ шлейфовъ, чтобы не оборвать которые, требовалось съ его стороны большой ловкости и вниманія. Готовясь показать эти блестящія свойства, изощренный въ немъ при разныхъ губернаторшахъ, онъ усмѣхнулся и пошутилъ:

— Тутъ не до того, чтобы смотрѣть по сторонамъ, тутъ нужно все свое вниманіе устремить подъ ноги. Неправда-ли?

Онъ оглянулся на свою спутницу и каково-же было его удивленіе, когда увидѣлъ себя одинокимъ съ согнутою для того чтобы вести даму рукою. Эрминія выскользнула незамѣтно и осторожно, выскользнула въ то время, когда онъ протискавался между двоими толстыми господами, уловила этотъ короткій, но удобный для своего исчезновенія, моментъ. Но гдѣ-жъ она?.. Въ это время въ залѣ заиграли ритурнель кадрили и толпа непрерывною лентой потянулась туда изъ гостиныхъ и буфета... Засѣкинъ напрасно вытягивалъ голову, чтобы усмотрѣть Эрминію: ее не видно было нигдѣ... Къ тому-же его затолкали, такъ какъ онъ стоялъ на дорогѣ и вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ отодвинуться къ стѣнѣ... Только уже, когда толпа стала полегче, Засѣкинъ могъ обойти ставшія свободными комнаты, но Эрминіи не было видно нигдѣ... Онъ напрасно обыскалъ всѣ уголки, зашелъ даже въ биллиардную и буфетъ, куда не заходили дамы, но своей спутницы не видѣлъ. Проходя мимо дамской уборной, онъ освѣдомился у горничной — нѣтъ-ли тамъ дамы въ черномъ домино и такъ какъ въ такомъ костюмѣ во всемъ маскарадѣ была одна Эрминія, то получилъ на вопросъ довольно обстоятельный отвѣтъ:

— Проходили мимо-съ, въ залъ.

Въ залѣ.. Но въ это время тамъ только что началась кадрили-монстръ, привлекая къ танцующимъ почти все клубное общество, образовавшее около нихъ непроницаемый кругъ... Быть можетъ Эрминія была тамъ среди этаго круга зрителей, но чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдовало ждать конца кадрили... Тогда Засѣкинъ вернулся въ буфетъ и безцѣльно бродя, пошелъ черезъ какой-то узкій корридоръ и вышелъ на парадную лѣст-

ницу... Онъ былъ убѣжденъ, что Эрминія ждетъ его гдѣ нибудь и на всякій случай спустился съ лѣстницы, чтобы посмотрѣть—не дожидается-ли она его тамъ, гдѣ они оставили платье... Но тамъ не было никого... Сторожъ, усмотрѣвъ Засѣкина и узнавъ его, предупредительно снялъ его пальто съ вѣшалки, готовясь набросить ему на плечи съ ловкостью опытнаго швейцара, но Засѣкинъ остановилъ его:

— Нѣтъ, я еще не ѣду...

Тогда сѣдоусый унтеръ, вѣшая снова на вѣшалку пальто Засѣкина, счелъ за нужное объяснить свою предупредительность:

— Я думалъ, ваше высочорodie, что и вы желаете уѣхать, такъ какъ дама ваша уѣхала.

— Уѣхала? — воскликнулъ Засѣкинъ, начиная что-то подозрѣвать.

— Да-съ. — отрапортовалъ унтеръ, съ господиномъ какимъ-то только-что вышли... И имъ дверь отворялъ, взяли извозчика и поѣхали...

Засѣкинъ стоялъ, какъ оглушенный громомъ...

XI.

Свиданіе.

Въ первомъ часу ночи N. совершенно безлюденъ и большинство жителей спитъ. Бодрствуютъ только одни клубы, даже гостиницы и тѣ запираются въ двѣнадцать, ибо посѣщающіе ихъ купцы и чиновники къ этому времени расходятся по домамъ. За мѣсяцъ или полтора до маскарада, на главной улицѣ города, противъ городского театра, открылась кондитерская, въ которой, кромѣ магазина, находилось двѣ комнаты, гдѣ можно было кушать чай, шеколадъ и кофе, гдѣ имѣлись ликеры, легкія закуски—и за все это брались чрезвычайно высокія цѣны. Послѣднія опредѣлили достоинства посѣтителей заведенія: купцы и чиновники конечно не заглядывали въ кондитерскую; но именно по этому мѣстные аристократы N—скіе посѣщали ее какъ всетаки общественное мѣсто, въ которомъ можно было кое съ кѣмъ встрѣтиться и убить праздное время. Это значительно поддерживало торговлю и утромъ въ кондитерской почти постоянно толпился народъ. За то вечеромъ комнаты при кондитерской оставались пусты, а между тѣмъ, желая превзойти всѣ прочія заведенія, кондитерская не закрывалась до двухъ часовъ. Это была ошибка: посѣщавшіе по утрамъ кондитерскую гости — вечеромъ стремились въ клубы и такимъ образомъ заведеніе оставалось пусто. Тѣмъ не менѣе оно упорно продолжало освѣщаться и оставалось отпертымъ до двухъ часовъ. Кондитерской завѣдывала и устроила ее одна старушка-чиновница, вдова, лишившаяся единственнаго сына, поддерживавшаго ее старость. Это было добродушнѣйшее существо, какимъ-то непостижимымъ образомъ превратившееся изъ хозяйки небольшой семьи въ содержательницу заведенія, требующаго для своего успѣшнаго процвѣтанія — нѣкоторой предприимчивости. Марья Тихоновна умѣла угодить всѣмъ и держала свою кондитерскую весьма прилично. Никакихъ скандаловъ, никакого шума у нее никогда не случалось и заведеніе процвѣтало, хотя и оставалось пусто по вечерамъ.

Сидя за прилавкомъ освѣщеннаго магазина и клоня посомъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь двухъ часовъ, Марья Тихоновна услышала, какъ къ крыльцу подѣхали сани, раздались веселый женскій смѣхъ и вслѣдъ затѣмъ отворилась, съ оглушительнымъ звономъ колокольчика, ведущая въ магазинъ стеклянная дверь. Мгновенно отгнавъ свою дремоту Марья Тихоновна поднялась изъ-за прилавка и съ любезною улыбкой встрѣтила вошедшую въ магазинъ молодую дѣвицу, въ которой немедленно признала губернаторскую племянницу. Она была не одна: ее сопровождалъ молодой господинъ, какъ показалось Марьѣ Тихоновнѣ, съ нѣсколько сумасшедшими глазами, худой и блѣдный, съ темной бородкой, одѣтый

Контрабандистъ на русско-галиційской границѣ. О Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

плоховато, видимо бѣдный. Марья Тихоновна не могла объяснить себѣ странности этого поздняго посѣщенія ея заведенія дамою, имѣющею извѣстное положеніе въ городѣ, и выразила ясно на своемъ старушечьемъ лицѣ нѣкоторое недоумѣніе. Эрминія, замѣтивъ это, посѣщила ее успокоить на счетъ благонамѣренности своего поздняго посѣщенія.

— Не бойтесь: вы не отвѣтите за меня ни передъ моимъ дядей, ни передъ теткой, сказала молодая дѣвушка, — не только имъ обоймъ, но всѣмъ — вы можете рассказывать, что я была здѣсь въ сопровожденіи этого господина. Это не секретъ... Но дѣло вотъ въ чемъ, — мѣшали мнѣ, намъ надо переговорить объ одномъ дѣлѣ.

Марья Тихоновна улыбалась „проказницѣ“, какъ назвала Эрминію въ умѣ своемъ.

— Ничего не прикажете?

— Дайте чаю.

— Съ лимономъ?

— Хотя съ лимономъ, а главное проведите насъ, гдѣ бы мы могли переговорить.

Марья Тихоновна указала стеклянную дверь направо:

— Пожалуйте туда-съ.

Прибывшіе вошли въ прилично и чисто убранную комнату. Эрминія сбрасывала съ себя пальто и покрывающую ея голову шаль, тогда какъ молодой человекъ, сопровождающій ее, не снимая верхняго платья, усѣлся въ кресло и погрузился въ сосредоточенное разсмотрѣніе образуемаго на потолокъ пламенемъ лампы свѣтлаго круга. Освободившись отъ верхняго платья и оставшись въ домино, Эрминія сѣла въ кресло противъ своего спутника и молча устремила на него пристальный взглядъ. Потомъ, какъ бы осторожно пробуждая его отъ сна, прошептала:

— Послушайте.

Онъ до такой степени былъ углубленъ въ разсмотрѣніе свѣтлаго круга на потолокъ, что не слышалъ ея обращенія къ нему. Тогда она сказала громче:

— Неужели я затѣмъ вызвала васъ, чтобы молчать... Послушайте, вы спите?

Онъ дѣйствительно, какъ будто проснулся, какъ-то испуганно посмотрѣвъ на нее:

— Что?

— Вы кажетесь мнѣ сумасшедшимъ.

— Нѣтъ, — совершенно спокойно отвѣтилъ онъ, — я не сумасшедшій: я думаю.

Ее какъ-бы что-то укололо и раздражило. Краска бросилась ей въ лицо и окрасила ея щеки яркимъ румянцемъ. Съ пылающимъ негодованіемъ взглядомъ, Эрминія излила поднявшуюся въ ней желчь дѣлымъ потокомъ взволнованнаго краснорѣчія.

— Такого существованія, — сказала она, — я не понимаю. Знаю, что есть люди до того преданные идеѣ, что внѣ ея міра какъ-бы не существуетъ для нихъ. Только одна цѣль, къ которой стремятся они — свѣтить имъ яркой путеводной звѣздой, остальное, всѣ чуждые интересующаго ихъ умъ предмета краски и звуки — распыляются для нихъ въ какой-то безформенный туманъ, задерживаются на ихъ глазахъ какой-то темнотою безъ просвѣта, безъ луча... Но вѣдь въ такомъ случаѣ какова должна быть идея, какъ громадны должны быть ея размѣры, какъ силенъ свѣтъ, которымъ она призвана освѣтить міръ, чтобы забыть все остальное!..

Онъ, казалось полувнимательно относившійся къ ея словамъ, удѣлил ей вниманіе и спокойно остановилъ бурный потокъ ея словъ:

— Вы говорите это на мой счетъ?

Она не смутилась вопросомъ:

— Положимъ...

— Вы правы: — я не великій. О, великіе очень рѣдки!.. Міръ требуетъ свѣта не только отъ нихъ.. Вѣрьте, что всякая крупица принесенная для человѣческаго счастья приметъ въ расчетъ...

— Можетъ я слишкомъ была рѣзка, поправилась она, я судила по женски... При первомъ свиданіи я заинтересовалась вами именно въ силу вашей преданности извѣстной идеѣ. Это выдвигало васъ изъ ряда другихъ и дѣлало оригинальнымъ; но... но потомъ такое достоинство обратилось въ орудіе, направленное противъ васъ...

— Почему?

— Потому что біеніе жизни, теплоты и движеніе, — являлись у васъ именно только тогда, когда вы говорили о вашей лампѣ; внѣ этого — вы казались мнѣ трупомъ.

— Можетъ быть.

— Не „можетъ быть“, а да... Она остановилась, какъ бы затрудняясь продолжать, точно то, что ей слѣдовало говорить, касалось какихъ-нибудь интимныхъ чувствъ, открывать которыя ей было неудобно — и, понизивъ голосъ, съ какой-то робостью ограничилась замѣчаніемъ: вотъ сегодня, умоляя васъ запиской прійхать на этотъ маскарадъ — я не была увѣрена въ томъ, что вы исполните мою просьбу.

Онъ молча всмотрѣлся въ ея глаза и какъ-бы пораженный какою-то мыслью, вдругъ смутился и слегка покраснѣлъ. Въ это время Марья Тихоновна внесла въ комнату изящно сервированный чай. Эрминія спросила ее, чтобы что-нибудь сказать:

— Мы можемъ оставаться у васъ до двухъ?

— Сколько вамъ угодно, — отвѣтила съ любезной улыбкой кондитерша и въ недоумѣніи поставивъ чай, немедленно удалилась.

Молодые люди остались снова вдвоемъ и оба нѣкоторое время молчали. Языковъ не смотрѣлъ теперь на свѣтлый кругъ на потолокъ, и сидѣлъ, опустивъ голову. Эрминія находилась въ какомъ-то волненіи, ощущая въ себѣ съ одной стороны желаніе вернуться къ только что прерванному разговору, съ другой — боязнь его возобновить. Она прервала молчаніе помимо своего желанія не такъ, какъ хотѣла. Она заговорила объ его лампѣ.

— Вы мнѣ сказали въ маскарадѣ, — начала она, мѣшая ложечкой чай, что сегодня день рожденія вашей лампы, что наконецъ вы изобрѣли ее?

— Да.

— Чтожь теперь?

— Теперь слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, отвѣтилъ онъ, — заказать ее тамъ какому-нибудь опытному технику, показать ея устройство въ техническомъ обществѣ, а затѣмъ...

— Затѣмъ?

— Затѣмъ — поѣхать за границу, ознакомить съ ея устройствомъ и дѣйствіемъ тамъ специалистовъ и взять привилегію, т. е. права на принадлежность этого открытія мнѣ, — пустить ее въ ходъ...

— На все это нужны деньги?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И вы ихъ думаете достать?

Съ нѣкоторою неувѣренностью въ тонѣ, онъ отвѣтилъ:

— Да.

Эрминія замолчала и думала, что разговоръ снова оборвется, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для нея, онъ, точно собираясь сказать что-то необыкновенно для него трудное, слегка откашлянулъ и произнесъ:

— Все это надо привести къ концу. Это открытіе дастъ вѣрныя деньги, которыя въ настоящее время мнѣ нужны болѣе чѣмъ когда либо...

Она вопросительно подняла на него глаза. Совершенно покраснѣвъ и съ великимъ трудомъ онъ сдѣлалъ попытку объяснить своей собесѣдницѣ, почему въ настоящее время ему болѣе чѣмъ когда либо нужны деньги.

— Видите ли, заговорилъ онъ, путаясь и торопясь, вы такая милая и добрая дѣвушка, что ужъ я скажу вамъ непременно все... Видите ли: теперь мнѣ нужнѣе чѣмъ когда либо устроиться и обезпечить себя... Деньги нужны не одному мнѣ, но и ей...

Она не поняла о комъ онъ говорить и спросила:

— У васъ есть родные, сестра?

— О, нѣтъ. — съ живостью отвѣтилъ онъ, — она мнѣ чужая... Но вы не можете себѣ представить, какъ ей трудно жить!.. Представьте: ни радостей, никакихъ удовольствій интересовъ, шестнадцать лѣтъ и нужда... И на рукахъ мальчикъ братъ!.. Вѣдь польза жить въ одномъ постоянномъ сознаніи того житейскаго правила бѣдности, что перемелется такъ дескать мука выйдеть... Но вѣдь ужасно утратить первоначальную форму зерна, — почти вскричалъ онъ, вѣдь это значитъ потерять образъ Божій!..

Она прислушалась къ тому, о чемъ онъ говорить съ такимъ невиданнымъ ею волненіемъ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ... Да, о комъ-же, о комъ-же онъ говорить?! что-то вскрикнуло въ ней и нагнало бѣдность на ея лицо... Почти дѣлая нечеловѣческое усилие не обнаружить передъ нимъ своего волненія, она тихо спросила его:

— О комъ вы говорите? Я не понимаю васъ.

Онъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за обѣ руки и вскричалъ:

— Боже мой! вѣдь я не рассказалъ вамъ кто для меня эта дѣвушка... не сказалъ вамъ, что люблю ее...

И не выпуская ея руки изъ своихъ, рассказавъ, какъ въ одну изъ минутъ горькаго разозарованія въ своемъ трудѣ, къ нему, въ заброшенный уголокъ разрушеннаго дома, явился тихій ангелъ, котораго вскорѣ онъ увидѣлъ въ горѣ, моментально выросшею изъ ребенка въ женщину и мать. Эрминія слушала его разсказъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, на которомъ мелькала стоящая ей неимоверныхъ усилий улыбка снисходительной матери, смотрящей на кающагося сына... Такъ вотъ какъ!.. Она вдругъ ощутила въ себѣ какой-то холодъ одиночества, хотя отлично поняла, что не въ правѣ упрекать его за то, что онъ обманулъ ея надежды... Ей нѣтъ мѣста на пиру взаимности и любви!.. Пусть... пусть такъ... Съ барабаннымъ невыносимымъ для первовъ боемъ — она схоронить никому не повѣданное чувство: оно заглохнетъ, умретъ для всѣхъ тайною навсегда! Въ ней волновался какой-то благородный порывъ... О, она споетъ по умершемъ въ самомъ развѣтѣ чувствъ достойную панихиду! Улыбнувшись на его патетическій разсказъ о любви бѣдною улыбкою, она сжала его руки и заговорила съ нимъ съ особенно рѣшительною твердостью:

— Благодарю за откровенность... Я добилаъ своего, я знаю, что вы не трепь... Но я желаю еще одного отъ васъ...

— Чего?

— Чтобы вы считали меня сестрой, чтобы вы, какъ отъ сестры, приняли отъ меня одно предложеніе...

— Какое?

— Видите... У меня есть небольшой капиталъ, котораго вамъ будетъ достаточно на то, чтобы дать ходъ вашему открытію... Если вы дѣйствительно мнѣ другъ и братъ — возьмите у меня его взаимы... Возьмете?

Онъ съ жаромъ воскликнулъ:

— О, конечно, я не стѣснюсь взять отъ васъ!

Тогда она вдругъ встала, положила руки на его плечи, всмотрѣлась въ его глаза съ какимъ-то мучительнымъ чувствомъ, а затѣмъ взяла его голову и совершенно неожиданно для него поцѣловала его въ лобъ.

— Передайте этотъ поцѣлуй отъ меня вашей милой невѣстѣ. Скажите ей... она какъ-бы проглотила подступавшія къ ея горлу слезы, скажите ей, что съ этихъ поръ я не буду отнимать васъ у нея глубыми просьбами прѣхать въ маскарадъ. Вѣдь я отняла васъ у нея на сегодняшний вечеръ? Ну, пусть простить, впередъ этого не будетъ.

Она одѣлась, какъ-бы торопясь уйдти и во всей ея фигурѣ было что-то жалкое, какъ-бы упавшее духомъ и пришибленное. Чувствъ, волнующихъ эту великодушную дѣвушку, онъ не въ силахъ былъ понять и остался къ нимъ слѣпъ за собственнымъ счастіемъ. Въ Петербургъ,

за границу! кричало въ немъ что-то. Вѣдь это два толкаго шага, которые онъ теперь совершитъ несомнѣнно съ успѣхомъ! Онъ вспомнилъ, что въ его карманѣ было двадцать пять рублей, весь капиталъ, оставшіеся отъ его сбереженій. Онъ пожелалъ ознаменовать свою радость какимъ-нибудь подаркомъ Нашепокѣ, и выбѣжавъ въ магазинъ, купилъ тамъ нарядную бонбоньерку, заплативъ за нее очень дорого. Въ эгоизмѣ счастья, онъ терзалъ сердце своей спутницы. Съ восхищеннымъ видомъ онъ показывалъ ей бонбоньерку, спрашивая:

— Какъ вы находите: вѣдь хорошо? Это я ей купилъ.

О, скорѣе-бы, скорѣе уйдти! Но готовясь отворить ей дверь на улицу, онъ съ необычнымъ добродушіемъ воскликнулъ:

— Ахъ, а Сашѣ-то вѣдь я не купилъ ничего. Надо бы порадовать ребенка!

Наконецъ они вышли на безлюдную улицу. Извозчиковъ по близости не оказалось и они пошли вѣникомъ, надѣясь пайдти по дорогѣ. Чьи-то медленно идущіе сани обогнали ихъ и свѣтъ ближняго фонаря освѣтилъ фигуру сидящаго въ саняхъ господина.

— Засѣкинъ! узнала и крикнула Эрминія своего кавалера. Постояйте: доведите меня!

Засѣкинъ остановилъ извозчика и замѣтивъ, что Эрминія была не одна, злясь на нее, что она бросила его въ маскарадѣ, встрѣтилъ ее гробовымъ молчаніемъ. Эрминія торопливо простилась съ Языковымъ, вскочила въ сани и крикнула извозчику:

— Поѣзжай!

Извозчикъ пустилъ лошадей. Видя, что Засѣкинъ молчать, догадываясь, что онъ дуется на нее, Эрминія заговорила:

— Да что же это, что вы сидите, какъ столбъ какой! Развлеките меня: вы великій мастеръ на малыхъ дѣла. Не дуйте. Теперь не время на меня сердиться, потому что я убита, уничтожена, потому что нечѣмъ мнѣ дышать и темно вокругъ. Воздуха мнѣ больше, воздуха и свѣта!

XII.

Наперстникъ.

Когда извозчики сани, въ которыхъ усѣлась Эрминія, скрылись, съ оставшимся одинокомъ на пустынной улицѣ Языковымъ произошло нѣчто странное. Все его существо прониклось какою-то особою теплотою, какъ-бы онянвившею его, заставившею болѣе чѣмъ когда-либо стать непослѣдовательнымъ, болѣе чѣмъ когда-либо отбросить всѣ нити сколько-нибудь логическаго образа мышленія, — погружившею его въ какой-то радужный хаосъ образовъ и представлений, силою проникнутыхъ самою пылкою симпатіей ко всѣмъ, съ кѣмъ жизнь приводила его до сихъ поръ въ соприкосновение. Сердце его усиленно билось, въ вискахъ стучало. То былъ какой-то приливъ блаженства и счастья, волнами котораго онъ готовъ былъ подѣлиться со всякимъ встрѣчнымъ. Онъ ощущалъ въ глубинѣ души страстную благодарность и почти любовь къ дѣвушкѣ, съ такой сердечной искренностью предложившей ему средства для осуществленія его проэкта, давшей ему возможность сдѣлать извѣстнымъ и пустить въ ходъ сдѣланное имъ открытіе. Кабинетное, доведенное до страсти и до маниа занятія, сдѣлало его положительнымъ невѣждою въ дѣлѣ людскихъ отношеній и ни на одну минуту онъ не остановился на обсужденіи всѣхъ мелочей, сопровождающихъ свиданіе съ Эрминіей, ни на минуту не задумался о томъ интересѣ, который возбуждала его личность въ ней. Все случившееся безъ малѣйшаго признака разьясненій, казалось ему естественнымъ и до невѣроятія простымъ. Онъ шелъ даже далѣе, захватывалъ рѣшительнѣе. Въ его умѣ остался образъ милой дѣвушки, столь непостижимо и внезапно появившейся передъ нимъ

почью въ пустомъ и заброшенномъ домѣ. Онъ видѣлъ ее потомъ молящеюся у гроба отца, затѣмъ заходилъ къ ней раза три-четыре, просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ молчаніи, прерывая потомъ разговоромъ о специально его интересующемъ дѣлѣ и ни о чемъ другомъ. Она, занятая какимъ-нибудь питьемъ, выслушивала его со вниманіемъ, спрашивала, чего не понимала, привыкла къ его обществу, пріучила къ таковому и его. Но никогда она не сказала ему, что любитъ его, что въ ней возникла къ нему какая-нибудь привязанность; не говорила и онъ ей ничего подобнаго. Но въ умѣ своемъ онъ какъ-то вдругъ рѣшилъ, что любовь есть и что она непременно взаимна—и теперь бѣжалъ къ Пашенькѣ, не смотря на поздній часъ, бѣжалъ глубоко убѣжденный, что его удача столь-же близка ей, какъ и ему, бѣжалъ что-то окончательно устроитъ, сказать послѣднее и рѣшительное слово тамъ, гдѣ ни малѣйшимъ намекомъ, подсловомъ или мимолетнымъ выраженіемъ не было положено начало того конца, который онъ хотѣлъ теперь сдѣлать.

Онъ бѣжалъ, прижавъ къ своей груди, купленные имъ у Сѣмечкиной коробки, шатаясь и спотыкаясь почти на каждомъ шагѣ. Ему пришлось пройти не мало. Пашенька, схоронивъ отца, въ видахъ экономическихъ, переселилась на новую квартиру, на самомъ краю города. Оставшись единою и полною хозяйкой и распорядительницею тѣхъ миниатюрныхъ средствъ, которыя оставилъ ей и маленькому Сапѣ покойный—Пашенька совершенно забыла и оставила свою склонность къ мечтательности, незамѣтно для самой себя впала въ экономически-дѣловое направленіе. Какъ ни была дешева въ N жизнь,—двухсотеннаго пенсіона конечно не доставало и первую заботою Пашеньки было по возможности уменьшить расходъ и хоть сколько-нибудь увеличить доходъ. Переменяя квартиру на болѣе дешевую, Пашенька, какъ ей ни было этого жаль, рѣшила отпустить Степаниду, на что добродушная женщина навела сама, сказавъ своей молодой госпожѣ по переѣздѣ на новую квартиру:

— Вы-бы, барышня, меня отпустили...

— Жаль, Степанида, привыкла къ тебѣ.

— Такъ-то такъ, задумчиво отозвалась на это Степанида, и мнѣ васъ очень жалко... да гдѣ-же вамъ съ малымъ ребенкомъ—еще меня кормить.

И прибавила въ утѣшеніе:

— Знакомы будемъ.

Все это конечно удешевило содержание, но Пашенька пошла далѣе. Какъ ни были малы тѣ познанія, которыми она обладала, она рѣшила пустить ихъ въ ходъ. Пелагея Карповна отыскала ей трехъ ученицъ, дочерей мелкихъ чиновниковъ, которыхъ ввѣрили молодой дѣвушкѣ для обученія грамотѣ и рукодѣльямъ. Это принесло рублей пять въ мѣсяцъ, кромѣ которыхъ Пашенька стала получать, весьма впрочемъ нерегулярно, трехъ и шести рублевыхъ суммъ за вышиванье гладью, въ которомъ была опытна, разныхъ юбокъ и простины въ приданое купеческимъ невѣстамъ, знаемымъ Пелагеею

Карповной наперечетъ. Конечно, все это были крохи, но этими крохами, достигающимися съ величайшимъ трудомъ, все-же сколько-нибудь оживлялся приходъ, а главное воспитывалась энергія и дѣятельность молодой дѣвушки.

Когда обезумѣвшій отъ счастья Языковъ добѣжалъ наконецъ до маленькаго флигелька, въ которомъ Пашенька занимала съ братомъ двѣ крошечныхъ комнатки у одной вдовой просфирни, его вдругъ поразила мысль, что всѣ ужъ спятъ. Флигелькъ былъ закрытъ ставнями. Но, обойдя его, Языковъ усмотрѣлъ, что Пашенька еще не спитъ, ибо изъ щели ставни, закрывающаго ее пріемную—видѣлся свѣтъ. Тогда, какъ это дѣлалось обыкновенно, чтобы не будить хозяйку, онъ стукнулъ легонько въ ставень и направился къ калиткѣ. Вскорѣ за заборомъ послышались шаги и Пашенькинъ голосъ спросилъ:

— Неужели это вы?

— Я... Отворите, пожалуйста.

— Цраво, вы съ ума сошли... Почти три часа и я собираюсь спать... простите: я васъ не пущу.

Онъ ничего не хотѣлъ слушать:

— Ничего. Я войду всего на нѣсколько минутъ.

— Станный вы человекъ,—засмѣялась, все не отпирая калитки, Пашенька,—поймите, что это просто неприлично. Что это ночью я буду впускать васъ!.. Приходите завтра.

Онъ настаивалъ на своемъ:

— Нѣтъ, ужъ я не уйду... Какъ хотите—впустите меня... Всего на нѣсколько минутъ...

Она упорствовала на отказѣ:

— Невозможно.

— А я еще вамъ гостинецъ принесъ,—какъ-то по дѣтски упрекнулъ онъ ее за то, что она не впускала его: — Сама спать. Не будить-же его?

Онъ нѣсколько растерялся и пріунылъ отъ ея непоколебимости и на мгновеніе замолчалъ, разочарованный тѣмъ, что обманулся въ своихъ надеждахъ. Потомъ вдругъ, схватившись за внезапно озарившую его мысль:

— Послушайте,—сказалъ онъ,—мнѣ надо, мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ... Хорошо; если невозможно не впускайте меня въ комнаты, но сдѣлайте такъ: отворите калитку, я войду на дворъ и въ десять, пять минутъ передамъ все... А потомъ уйду...

Она все еще медлила.

— Ради Бога,—почти умолялъ онъ.

Тогда она отворила калитку, съ удивленіемъ смотря на него, думая не рехнулся ли онъ окончательно. Они стояли другъ противъ друга подъ сѣрымъ безъ звѣздъ небомъ, съ котораго падалъ легкій снѣжокъ, онъ по прежнему возбужденный, съ блестящими глазами, съ какимъ то страннымъ волненіемъ на блѣдномъ лицѣ, она, удивленная его поведеніемъ, закрывшаяся наброшенной въ торопяхъ на голову шалью, въ одномъ платьѣ и легкихъ башмакахъ.

— Что вамъ? прервала она молчаніе.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Юная.

(Продолженіе).

Иллаваи тотчасъ же отправился въ Гарго,—и хорошо сдѣлалъ, что поторопился. Графъ Теметвени не спалъ всю ночь изъ страха, чтобы окружной судья не обманулъ его. Онъ вовсе и не ложился, а все время, одѣтый по дорожному, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, изрѣдка подходя къ окну и поглядывая въ даль. Снаружи, на всѣхъ болѣе высокихъ холмахъ близъ замка, были разставлены люди, съ приказаніемъ дать огнями знатъ о приближеніи экипажа или всадниковъ. На дворѣ стоялъ запряженный экипажъ, готовый, во всякую данную минуту; не прѣзжай Иллаваи—Теметвени не легъ бы спать и слѣдующую ночь, но, къ вечеру, т. е. не прошло еще и двадцати четырехъ часовъ—а пунктуальный судья уже былъ въ

замкѣ. Всѣ страшныя опасности, висѣвшія надъ обитателями Гарго и такъ безпокоившія ихъ,—Иллаваи устранилъ: комиссаръ временнаго правительства не будетъ сюда, ни одинъ, ни съ четырьмя тысячами солдатъ, и графу Теметвени не придется вести на войну Гарговарскаго батальона національной гвардіи. Войска двинуты по совершенно другому направленію и кровь будетъ окрашивать волны Дуная и Тиссы,—ни одной капли не упадетъ въ Ваагъ.

Но, кромѣ того и дорогая шкатулка на своемъ мѣстѣ. Вотъ она—передъ графомъ, на его письменномъ столѣ.

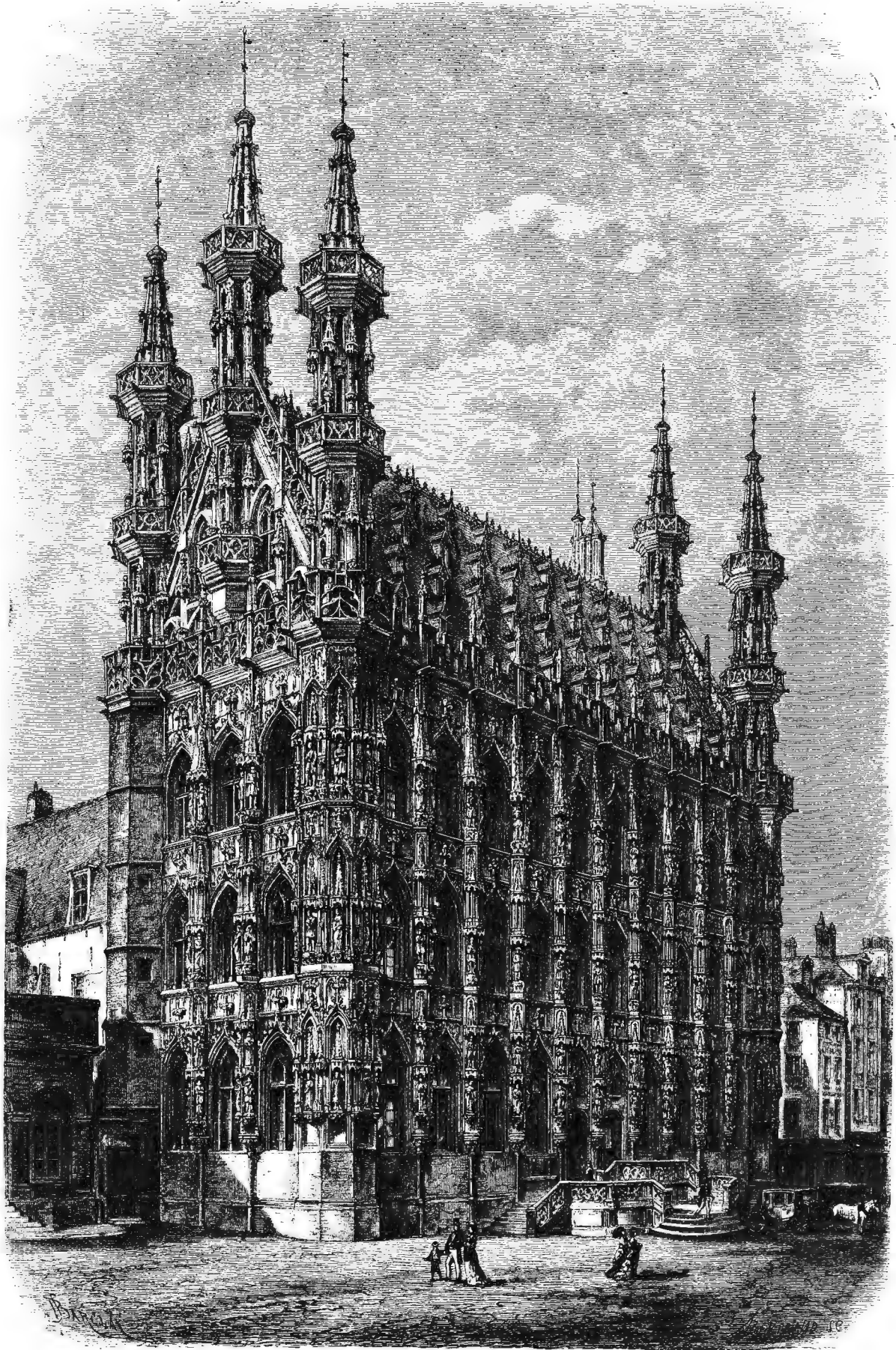
Графиня Пальма была тоже тутъ, въ графской библиотекѣ. Молодая дѣвушка пришла сюда не случайно, она ждала здѣсь

Св. Сергий благословляет Великого Князя Дмитрия Иоанновича Донского передь Куликовской битвой
Картина Новооскольцева, (первая золотая медаль програм.) съ фотогр. Вишнякова, грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

Бельгія. Видъ Ратуши въ Лувенъ. Рис. Барклай, грав. Бертранъ.

Бельгія. Брабантсній крестьянинъ дома. Рис. К. Менье, грав. Гильдебрандъ.

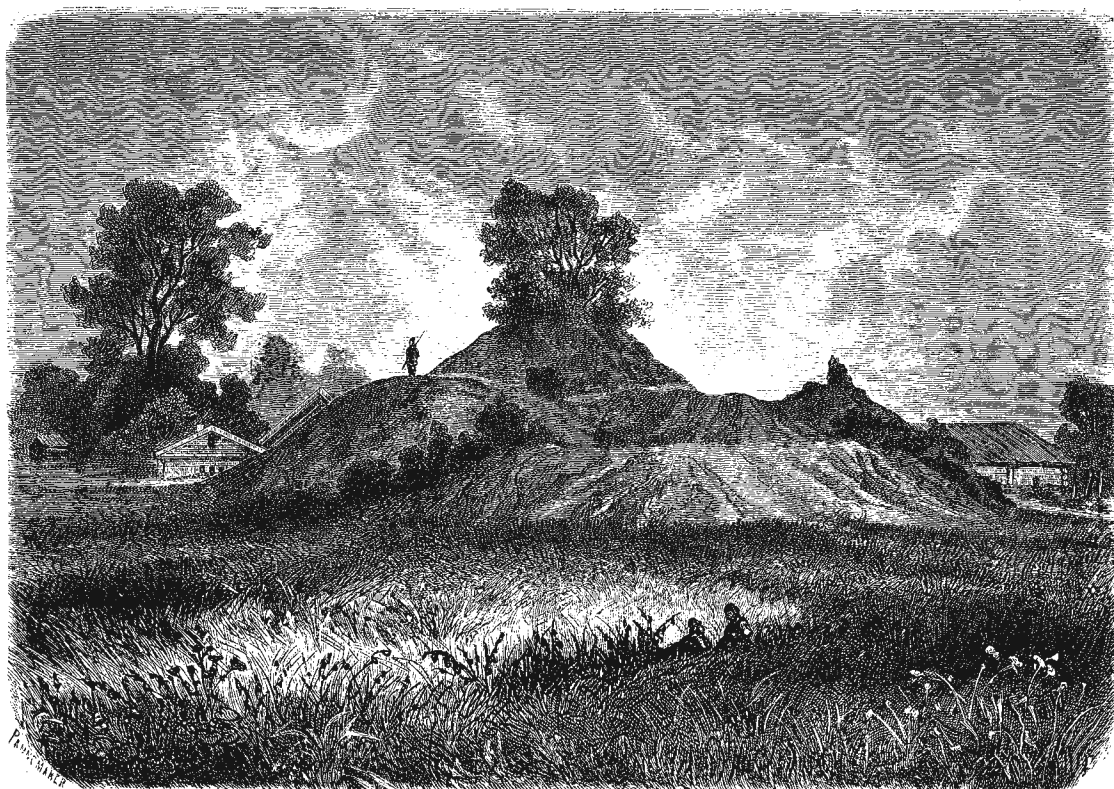

Жена Египтянина-Феллаха. Ориг. рис. Н. Зихеля, грав. Бренд'Амурь.

имѣютъ видъ самый жалкій, нищенскій; налетитъ команда объѣздчиковъ съ повальнымъ обыскомъ, — только и найдутъ, что вязку баранокъ да десять паръ вязаныхъ туфель, а межъ тѣмъ изъ потаенныхъ складовъ этихъ гнѣздъ мошенничества создаются и идутъ гулять по свѣту цѣлые миллионы; изъ вонючихъ Шмукель и Ицекъ, преобразуются бароны, хотя и сохраняющие по гробъ чесночный запахъ.

Вотъ онъ самъ лично, одинъ изъ такихъ будущихъ бароновъ и двигателей мировыхъ событий. Пока его кличка не громкая, просто Бердко. Пробирается Бердко цѣликомъ, лѣсною трющобю, безъ дороги, безъ всякой тропинки даже; знаетъ онъ хорошо всю эту лѣсную сторону, знаетъ ее и его тощая кобыла; оба въ темную, глухую ночь не собьются, отыщутъ дорогу. Сидитъ Бердко верхомъ на маленькихъ савочкахъ, — поверхъ тюка съ контрабандою, а саночки запряжены безъ задка, безъ хомута, безъ дуги и оглобеля; просто двѣ веревочки, къ шлейкѣ подвязаны, застрянутъ гдѣ санки, въ виду погони, ножемъ обрѣзать одно мгновение, можно и ударить верхомъ отъ стражниковъ. Въ рукахъ у Бердки ружье старое, двухствольное, и владѣть онъ этимъ оружіемъ не хуже стрѣлка тирольскаго. Бердко трусъ отчаянный, но пустить пулю изъ-за куста въ своего врага не прочь, не задумается и пальнуть, когда погоня уже слишкомъ близко насадеть... Но за себя, за свою собственную голову ему не страшно, лишь-бы тѣ проценты, что получить ему слѣдуетъ изъ главнаго склада контрабанды за свой товаръ, были-бы въ цѣлости... И вотъ изъ-за этихъ процен-

походъ, чтобы отстоять своею грудью русскую землю отъ натиска невѣрныхъ, просить совѣта и благословенія и получаетъ ихъ отъ Св. подвижника Сергія, тогдашняго игумена Троицкой пустыни. Картины на эту тему уже исполнены и были выставлены учениками академіи, изъ коихъ удостоилось первой золотой медали произведеніе молодого художника Новоскольцева; рисунокъ его мы представляемъ въ этомъ номерѣ. Св. Сергій, высокочтимый всѣмъ народомъ русскимъ, являлся здѣсь какъ опытный и мудрый совѣтникъ и его рѣшительное слово имѣло громадное влияние на пробужденіе энергіи и мужества въ Великомъ Князѣ и въ его сподвижникахъ. Дѣйствительно, Сергій былъ человекъ въ высшей степени чтимый современниками; всѣ знали его высокую жизнь, объ ней ходило множество легендъ и рассказовъ. Эта жизнь на самомъ дѣлѣ была въ высшей степени замѣчательной. Вареломей, сынъ богатаго боярина, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, удалился въ дремучіе лѣса, чтобы посвятить себя подвигамъ душевнаго спасенія; здѣсь онъ построилъ себѣ келью и при ней маленькую деревянную церковь, которая и была освящена во имя Св. Живоначальной Троицы. На 24-мъ году юный пустыльникъ былъ постриженъ и названъ въ монашество Сергіемъ и вслѣдъ затѣмъ ушелъ и три года жилъ совершенно одинъ среди пустыни. Мало по малу окружающая пустыня началась заселяться другими подвижниками, жаждавшими жить по примѣру и подъ надзоромъ строгаго и благочестиваго Сергія, который былъ возведенъ въ 1354 году въ санъ священника и вмѣстѣ съ тѣмъ игумена новосозданной имъ оби-

Черная могила въ Черниговѣ. Рис. Пановъ, грав. Пашнемакеръ.

товъ и барышей, онъ готовъ на все, и героически выносить опасности ремесла: голодъ, холодъ, — безконечныя, полныя лихорадочной тревоги, безсонныя ночи.

А руководить этимъ Бердко — другіе Бердки, отработавшіе уже на своемъ вѣку низшую работу контрабанднаго ремесла и теперь уже хозяева „стодаловъ“ въ пограничныхъ мѣстечкахъ, а тѣмъ руководить третьи Бердки, сидящіе по городамъ, — въ своихъ водочныхъ складахъ, а этими — опять четвертые Бердки, уже важные тузы-коммерсанты въ столичныхъ конторахъ и банкахъ, и въ свою очередь они почитательно сдаютъ отчеты и получаютъ инструкціи отъ самыхъ важныхъ бароновъ, и такихъ важныхъ, что только по шабашамъ, и то подъ строгимъ домашнимъ секретомъ, вспоминающихъ свое первоначальное происхожденіе.

Св. Сергій и Димитрій Донской передъ Куликовской битвой.

(Рис. на стр. 90).

На нынѣшній годъ въ Императорской Академіи художествъ ученикамъ предложена была прекрасная тема — именно высокознаменательный и рѣшительный моментъ нашей исторіи, когда Великій Князь московскій, Димитрій Ивановичъ, отправлялся въ

тели. Въ это время Сергій уже пользовался обширною извѣстностью и его высокія качества дѣлали его участникомъ даже политическихъ событий; такъ Великій Князь Московскій послалъ его въ 1365 году въ Нижній, затѣмъ въ Рязань, гдѣ онъ склонилъ буйнаго Олега заключить вѣчный миръ съ Княземъ московскимъ. Вообще, какъ человекъ святой жизни и вмѣстѣ пламенный патріотъ, онъ не могъ не горѣть всѣми силами своей души за смѣлый планъ Димитрія Ивановича — возстать противъ удручающаго Русь татарскаго ига. Готовясь къ рѣшительной битвѣ Великому Князю необходимо было видѣться съ Святымъ мужемъ и принять отъ него благословеніе. И вотъ въ августѣ 1380 года онъ отправился въ Троицкую обитель.

Принявъ Князя съ подобающею честью, Преподобный устроилъ трапезу какъ для него такъ и для сопровождавшихъ его близкихъ людей и послѣ продолжительнаго разговора съ Великимъ Княземъ, благословилъ его и даже рѣшился помочь ему въ ратныхъ приготовленіяхъ. Онъ послалъ съ нимъ, но его просьбѣ двухъ монаховъ — Пересвѣта и Ослябя — богатырей по силѣ и сложенію, бывшихъ ратниками до своего иночества. Св. Сергій исполнившись вдохновенія, пророчески произнесъ: „Господи Богъ будеть тебѣ помощникъ и заступникъ; онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя“.

О преміи „НИВЫ“ на 1882 годъ.

Желая познакомить нашихъ подписчиковъ заранее съ главной преміей „Нивы“ на 1882 годъ—большой картиной профессора Императорской Академіи Художествъ **В. И. ЯКОБІА** подъ названіемъ

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“,

которая имъ будетъ выдана въ 1882 году (общая высылка послѣдуетъ въ серединѣ октября, такъ какъ по громадному количеству экземпляровъ и при технической трудности исполненія—нѣтъ возможности изготовить всего количества ранѣе этого срока). Получивъ первые экземпляры означенной картины, мы разослали ихъ нижеупомянутымъ библиотекамъ для чтенія и книгопродавцамъ, у которыхъ и можно видѣть эту картину—премію „Нивы“ за 1882 годъ.

Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ въ теченіи около шести недѣль (въ Декабрѣ и Январѣ) былъ выставленъ оригиналъ картины профессора В. И. Якобіа „Дорогой гость“ рядомъ съ олеографической копіей его, въ одинаковыхъ рамкахъ и съ одинаковымъ освѣщеніемъ. Нѣсколько тысячъ лишь видѣли обѣ картины, но большинство не могло различить которая изъ нихъ копія, которая—оригиналъ.

Такое совершенство техники при воспроизведеніи этой олеографіи—говоритъ само за себя и слѣдовательно публика сама можетъ судить о ея достоинствахъ. Мы вполне увѣрены, что публика признаетъ громадныя жертвы, принесенныя нами при выдачѣ такой преміи, стоющей намъ вдвое больше чѣмъ преміи прошедшихъ годовъ.

Копіи картины „Дорогой гость“ профессора Якобіа выставлены:

- Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и у книгопродавцевъ: М. О. Вольфа, Я. А. Исакова, Сонрата Исакова, Ф. А. Битепана, Анисимова, Глазунова, Цинзерлинга, Мартынова, Тузова, Нарла Риккера, Курбатовыхъ, Эггерса и Комп., Цвилева, Эринсонъ, Дейбнера, Шмиддорфа, въ книжн. маг. „Новаго Времени“, „Новости“, Фену и Комп., Гартъ въ конт. объявл. В. Вацлика, Матисенъ, въ Центральной конт. объявл. и въ эстампныхъ магазинахъ: Бегрова, Фельтена, Дацаро.
- „ Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской въ Петровскихъ линияхъ, у книгопродавцевъ: Живарева, М. О. Вольфа, Лангъ, Васильева, Поста, Мамонтова. Шапошникова и Деяткина и въ бумажномъ магазинѣ Попова, у Иверской часовни, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ.
- „ Астрахани, у Рослякова.
- „ Бердянскѣ, у М. Гаврилицы.
- „ Варшавѣ, у Истомина и въ Русской книжной торговлѣ.
- „ Вильнѣ, у С. П. Янубовича и Сыркина.
- „ Владикавказѣ, у Е. Ф. Червинской.
- „ Вологдѣ, у Н. В. Дорохова.
- „ Воронежѣ, у М. П. Севастьянова, М. Селмигъ и Н. Рушинова.
- „ Вяткѣ, у А. И. Залѣсской.
- „ Гродно, „Народная Польза“.
- „ Екатеринбургѣ, у Печенкина и Комп. и у Е. М. Лагутяевой.
- „ Екатеринодарѣ, у П. Ф. Галладніанцъ.
- „ Екатеринославѣ, у Р. Ульманъ и Комп., и Голубовскаго.
- „ Елисаветградѣ, у Ю. Ободовской и Н. К. Менчица.

- Въ Ельцѣ, у Е. С. Рушинова.
- „ Житомирѣ, у Кириченко.
- „ Иркутскѣ, у Н. Н. Симицына.
- „ Назани, у Н. П. Алехѣева, А. А. Дубровина, въ „Восточной лирѣ“ и З. Рязанова.
- „ Налугѣ, у Ф. В. Тихѣевой.
- „ Каменецъ-Подольскѣ, у А. С. Бугаева.
- „ Кишиневѣ, у М. О. Шаха.
- „ Кіевѣ, у Гюнтера и Малецаго. Б. Корейво.
- „ Кіевѣ, у Оглоблина, Л. Идзиковскаго и Югансона.
- „ Ковно, въ обществѣ любителей чтенія и у І. Кавана.
- „ Козловѣ, у С. Ф. Муравьева.
- „ Костромѣ, у Бененева.
- „ Кременчугѣ, у Ф. Н. Колачевскаго.
- „ Кронштадтѣ, у Куликова.
- „ Курскѣ, у А. В. Переплетенко и М. Н. Дружинина.
- „ Минскѣ, у С. Ф. Савицкой.
- „ Могилевѣ, у Сыркина.
- „ Мценскѣ, у М. П. Поповой.
- „ Ниж. Новгородѣ, въ „1-й Нижегород. арт.“
- „ Николаевѣ, у И. С. Гаха.
- „ Новочеркасскѣ, у Ф. А. Апаньева и Ф. Н. Траилина.
- „ Одессѣ: у Суворова, Е. Д. Пушкина, Распопова, П. И. Пётровскаго и въ Южн. агентствѣ журн. и газетъ.
- „ Омскѣ, у В. М. Орлова.
- „ Оренбургѣ, у Н. П. Кудрина.
- „ Орлѣ, у Л. Потанина, В. Д. Кашкина и Г. А. Шемаева.
- „ Острогонскѣ, у Н. Е. Новгородова.
- „ Пензѣ, у Н. А. Магницкаго и А. С. Иванова.
- „ Петрозаводскѣ, въ „Алехѣевской общественной библиотекѣ“.

- Въ Перми, у В. А. Наумова.
- „ Плоцкѣ, у И. Вассермана.
- „ Полтавѣ, у Евтушевскаго, Боговяленскаго и Комп.
- „ Псковѣ, у Ю. Вольфрана.
- „ Ревель, у Клуге и Штремъ.
- „ Ригѣ, у Модель и Пааль и І. Дейбнера.
- „ Ростовѣ-на-Дону, у Фронштейна и И. А. Теръ-Абрамана.
- „ Рыбинскѣ, у Е. Ф. Мусничей.
- „ Самарѣ, у Грау.
- „ Саратовѣ, у Печенкина и Комп., В. Летошинскаго.
- „ Саратовѣ, у М. Шлейера и П. А. Хворова.
- „ Севастополѣ, у О. Л. Протоповой.
- „ Симбирскѣ, у Юргенса.
- „ Симферополѣ, у С. Спири.
- „ Смоленскѣ, въ конт. „Смоленскаго Вѣстника“ у В. Ф. Лаврова.
- „ Ставрополѣ губ. у М. Т. Тимофѣева.
- „ Стѣлецѣ, у О. О. Ходыничнаго.
- „ Таганрогѣ, у М. Майнапара и Бѣлоновскаго.
- „ Тамбовѣ, у Зотова.
- „ Ташкентѣ, у Ю. В. Шварца.
- „ Твери, у Л. Д. Кашкина.
- „ Тифлисѣ, у Вартанова, Г. Беренштама и В. Шавердова.
- „ Томскѣ, у Михайлова и Манушина.
- „ Туль, у П. Н. Аносова и Пузыревскаго.
- „ Уфѣ, у Н. К. Блохина.
- „ Харьковѣ, у В. А. Сыхра, Постриганева и А. И. Куюлевскаго.
- „ Херсонѣ, у М. О. Шаха.
- „ Черниговѣ, у Данюшевскаго.
- „ Ярославлѣ, у Кокуева (И. Н. Соболевъ).

Изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ наблюденій Шмедлеръ выводитъ заключеніе, что въ началѣ всѣ растенія содержали въ себѣ лишь одно красящее вещество—хлорофилъ, которое только въ послѣдствіи подъ вліяніемъ различныхъ условий приняло тѣ разнообразныя тона и цвѣта, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на насъ своею яркостью и красотой въ многочисленныхъ произведеніяхъ растительнаго царства.

Дѣтская преданность. Известный англійскій политикъ Робертъ Пиль въ дѣтствѣ былъ очень друженъ съ лордомъ Байрономъ. Оба они посѣщали лицей въ Гарровѣ. Одинъ изъ старшихъ учениковъ потребовалъ какъ-то отъ Пиль услуги, которую тотъ не желалъ сдѣлать. Но сопротивленіе его раздражило старшаго ученика, который вознамѣрился наказатъ Пиль, именно онъ сталъ бить его кулакомъ по мускуламъ руки, и чтобы увеличить еще боль, руку эту онъ выгнулъ. Юноша Пиль громко стоналъ и жаловался. Маленькій Байронъ присутствовалъ при этомъ изгязаніи и сочувствовалъ страданіямъ своего друга: и хотя онъ зналъ, что еще слишкомъ малъ и слабъ и не въ состояніи заставить большаго ученика прекратить наказаніе, тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ къ нему съ разгнѣваннымъ лицомъ и голосомъ дрожащимъ отъ волненія спросилъ его, сколько ударовъ тотъ намѣренъ дать еще его другу?—Тобѣ, какое до этого дѣло, мальчикъ, отвѣтилъ ученикъ, зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ? Затѣмъ, что я хочу принять половину ударовъ, отвѣтилъ

Байронъ, подставляя въ тоже время свою обнаженную руку. Томасъ Мооръ, биографъ Байрона, рассказавшій этотъ случай, прибавляетъ: черта эта доказываетъ возвышенную смѣсь невинности и великодушія, и какъ бы мы ни трунили надъ дружбою дѣтей, слѣдуетъ сознаться, что взрослые люди рѣдко способны и на половину такой жертвы.

Въ древности также случались театральныя катастрофы, какъ свидѣтельствуемъ слѣдующее мѣсто изъ Тацита: Во время консульства Липинія и Кальпуція (627 г. во Р. X.) случилось великое непредвидѣнное несчастье, во время котораго потери были ужасно большія. Нѣкто Атилло изъ вольноотпущенныхъ, построилъ амфитеатръ для фехтованія: но фундаментъ зданія былъ плохо уложенъ и стѣны не плотно скрѣплены. Построивъ эту онъ предпринялъ только ради наживы. Идущие до подобныхъ зрѣлищъ римляне, лишеныя увеселеній во время царствованія Тиверія, во множествѣ усредились въ амфитеатръ. Переполненное зданіе, во время представленія, рушилось и погребло массу людей. Было много убитыхъ и изувѣченныхъ, число которыхъ простиралось до 15.000. Вслѣдъ за этимъ несчастьемъ было издано постановленіе сената, запрещавшее устройство зрѣлищъ безъ предварительной уплаты 400.000 сестерій (около 10.000 рублей). Атилло былъ сожженъ. Послѣ катастрофы, дома знатныхъ гражданъ стояли открытыя: туда приносили раненныхъ, которые находили тамъ уходъ и врачей.

Выставка в залѣ сиб. городской думы проектовъ церкви на мѣстѣ катастрофы 1 марта 1881 года. Проектъ выставлено всего 28 подъ девизами, безъ именъ авторовъ, потому шикъ до присужденія премій назвать ихъ не имѣемъ права. Кромѣ петербургскихъ архитекторовъ, которымъ принадлежатъ названные композиціи, нѣсколько проектовъ прислано изъ Москвы и изъ-за границъ. Кромѣ дами, приславшей проектъ храма черченный чернилами безъ достаточнаго знакомства со строительнымъ дѣломъ, отрицательными качествами отличается проектъ раскрашенный очень ярко и присланный изъ Лондона, какъ видно по тону объясненія, лицомъ считавшимся долгомъ благоволенно почтить память нашего въ Болѣ почившаго Государя. Всѣ остальные композиціи вышлись не только людьми специальными, но въ большинствѣ, проявившими въ композиціяхъ своихъ много вкуса и дарованія при болѣе или менѣе строгомъ слѣдованіи условіямъ задачи.

Изъ лучшихъ темъ проектовъ, каждый въ свою очередь обладаетъ своеобразными достоинствами. Болѣе другихъ поражаетъ изъ нихъ мастерскою выработкою плана и изящнымъ трактованіемъ деталей, въ романо-византійскомъ вкусѣ, проектъ съ девизомъ „Первое марта“. Онъ представляетъ церковь съ колокольнею, всего ближе напоминающую храмъ Св. Вигалія въ Равеннѣ, только съ измѣненіемъ купола и выступомъ передней части — на самомъ мѣстѣ пропешествія, съ оградой полукругомъ, необыкновенно изящно сочиненными и красиво и богато орнаментированными. Въ этомъ-же стилѣ и характерѣ но безъ ограды и еще ближе напоминала равеннскую базилику, есть другой проектъ, имѣющій также большія достоинства. Пятиугольный храмъ въ стилѣ графа Растрелли, отличается необыкновеннымъ искусствомъ орнаментации въ стилѣ нашего знаменитаго зодчаго Зимнаго дворца; проектъ въ характерѣ болѣе напоминающей идею надгробнаго памятника, а по формѣ уже храмъ съ колокольнею и колоннами, съ сидящею бѣло-мраморною фигурою покойнаго Императора, передъ церковью, на мѣстѣ ужасной катастрофы — имѣетъ много достоинствъ, но при болѣе или сдѣл въ исполненія дѣлать чувствовать бѣдность и недостаточную выработанность формы. А пятая изъ среды лучшихъ композицій, въ русскомъ или еще точнѣе въ московскомъ стилѣ, при выдержанности характера отличается тоже большимъ величіемъ и грандіозностью.

Дамскія скачки. Какъ известно англо-саксонскіе жители сѣверной половины Новаго Свѣта, такъ-называемые янки отличаются всевозможными эксцентричностями. Къ послѣднимъ принадлежатъ

прочесавшія недавно дамскія скачки, которая возбуждила болѣе вниманіе даже въ Америкѣ. 3 сентября прошлаго года въ маленькомъ городѣ Консиль Блюфъ въ штатѣ Юта, стали съезжаться со всѣхъ концовъ десятки тысячъ зрителей. Миссъ Пинко изъ Колорадо, во многихъ округахъ была известна какъ прекрасная наездница, а мистрисъ Бурке хотя и не уступала ей въ искусствѣ, но никогда не выходила на состязаніе. Теперь-же премія составляла 5,000 долларовъ и дистанція для бѣга назначена была 10 англійскихъ миль, или 16 километровъ. Можно представить себѣ каково должно было быть физическое напряженіе, если припомнимъ, что самая длинная дистанція принято назначать въ 5 версты, т. е. не болѣе 5 — 6 километровъ. Утренняя для бѣга дорога была въ прекрасномъ состояніи. Для каждой изъ наездницъ было приготовлено по пяти лошадей, которыхъ они должны были сѣзнять каждую милю. Вся масса зрителей раздѣлилась на двѣ партіи, изъ которыхъ большая часть держала пари за миссъ Пинко. Передъ самымъ началомъ скачки, отецъ миссъ Пинко объявилъ, что дочь его Минни нездорова и скакать не можетъ, но мѣсто ея занять ей сестра Люція. Что побудило старика и его дочь поступить такимъ образомъ непонятно, но несмотря на недовольство и настоянія публики миссъ Минни не появилась. Скачка была признана несоостоявшейся, наконецъ мистрисъ Бурке, послѣ долгаго колебанія рѣшилась скакать съ миссъ Люціей. По первому знаку обѣ всадились вогнали лошадей и первую милю проскакали вмѣстѣ. Теперь слѣдовало пересѣсть на свѣжихъ лошадей. Спустилось восемь секундъ мистрисъ Бурке была уже въ сѣдлѣ, между тѣмъ какъ соперница ея, которой досталась безовойшая лошадь потеряла двѣ секунды. Эта первая потеря времени была роковою, такъ какъ при второй перемѣнѣ лошадей мистрисъ Бурке была въ сѣдлѣ черезъ шесть съ 1/4 секундъ и разстояніе между соперницами еще увеличивалось. Одна изъ лошадей миссъ Люція заартачилась и для успокоенія ея потребовалось известное время. Побѣда мистрисъ Бурке становилась очевидной. Наконецъ на девятой милѣ ударившись копытомъ, миссъ Люція вырвала отцу желаніе откататься отъ скачки. „Умри, во скачки“ приказалъ этотъ нѣжный отецъ, и миссъ Люція бѣдная и поначувшись на сѣдлѣ продолжала скакать. Но уже не было болѣе сомнѣній кто побѣдитъ. Радостный крикъ толпы, встрѣтили мистрисъ Бурке, проскакавшую пространство въ 21 минуту и 49 секундъ, въ то время какъ соперница ея употребила на скачку 23 минуты и 40 секундъ.

Задачи и игры.

Задача — ходъ короля и коня № 5.

Первую половину ходовъ дѣлаетъ король, а вторую конь.

кры	тъя					и	же						
ромъ	вѣт	я	бра	Первую половину ходовъ дѣлаетъ король, а вторую конь.				ству	бѣдъ	го	пе		
ла	пол	стро	дья	ло					гре	по	му	римъ	мно
ла	ный	па	ла	смѣ	бе	емъ	го	сто	рѣ				
		об	бы	русь	но	на	е	про	спо				
				мой	бѣ	въ	ро	вомъ	съ				
				на	ны	го	ней	но	по				
		вол	гутъ	пра	зыбъ	о	лю	не	мъ				
		надъ	ле	вишь	я	мишь	шу	чер	ди	мы	на		
нетъ	зны	ремъ	на	теръ					ночь	и	нѣя	бу	ше
мо	титъ	въ	по					ря	день	мо	бу		
крѣп	сколь									детъ	ре		

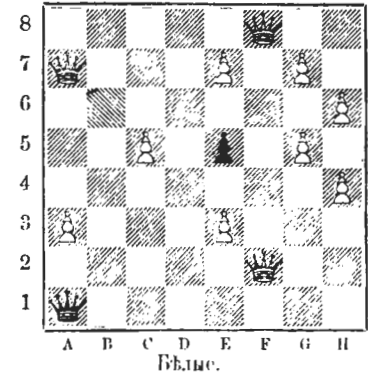
Алгебраическая задача № 6.

Название одного города въ Россіи состоитъ изъ 9 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соответствующими алфавиту, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Разность между седьмымъ и пятымъ числами равна 1.
- 2) Разность между четвертымъ и первымъ числами равна 2.
- 3) Разность между вторымъ и пятымъ числами равна 3.
- 4) Разность между восьмымъ и шестымъ числами равна 1.
- 5) Разность между седьмымъ и четвертымъ числами равна 5.

- 6) Сумма третьяго и пятаго чиселъ равна 10.
  - 7) Сумма четвертаго и седьмаго чиселъ равна 15.
  - 8) Сумма перваго и восьмаго чиселъ равна 20.
  - 9) Сумма перваго и девятаго чиселъ равна 30.
- Узнать названіе этого города.

Шашечная задача № 7.
Черные.

Бѣлые начинаютъ и забираютъ дамку черныхъ въ 11 ходовъ.
РЕБУСЪ, задача № 8.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: П. А. Стрелетова (съ портр.)—Подъ землею. Повесть Н. К. Лебедева (Н. Морского). (Продолженіе).—Во время бури. Романъ М. Юлая. (Продолженіе).—амлятая депеша. Рассказъ П. Бердо контрабандистъ (съ рис.)—Св. Сергій и Димитрій Донской передъ Нуликовской битвой (съ рис.)—Въ Брабантѣ. Дувенъ (съ рис.)—Жена египтянина-Феллаха (съ рис.)—Черная могила въ Черниговѣ (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—О преміи „Нивы“.—1882 годъ.—Задача—ходъ короля и коня.—Алгебраическая задача.—Шахматная задача.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.
 для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) мовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, ширины страницъ для городскихъ по 4 р.
КОНТОРА журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 8 час. вечера.

НОВОУ! НОВОУ! НОВОУ!
БУКЪ.
 Необходимо для всякаго картоннаго стола, устраиваетъ усталость и ошибки при сдаваніи картъ, сохраняетъ карты и служитъ пеналомъ и престономъ для картъ.
 Цена 5 р., для иногородныхъ съ почтовыми надбавками 6 р.
 Склады и розничная торговля для всей Россіи въ складахъ перчатокъ и носокъ, Казанская ул., № 4. М. 1881

А. Дейбнеръ.
 магизинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, Невскій пр. д. 10. напротивъ Мал. Морской въ С.-Петербурѣ. Каталогъ книгъ и журналовъ бесплатно К. № 1879

Открыта подписка на 1882 годъ (изданіи годъ второй)

БИБЛИОТЕКА

историческихъ и уголовныхъ РОМАНОВЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Москвѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой и перес. 8 р. 50 коп. На полгода подписка не принимается. Члены нашей редакціи въ рубли получаютъ журналы съ разсрочкой платежа помѣсечно.

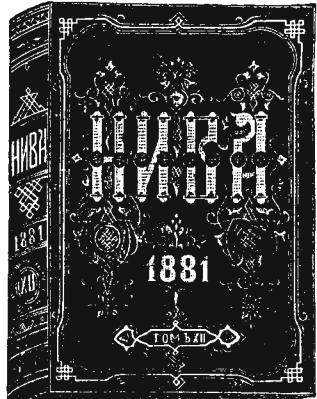
Всѣ подписчики на 1882 годъ получаютъ между октября и декабря отъ 17 до 25 даровыхъ приложений, въ числѣ которыхъ будутъ ДВѢ ХОРОШИЯ ОТЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТЫ.

Иногородные должны адресоваться исключительно: въ Москву, въ контору редакціи журнала „БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКИХЪ И УГОЛОВНЫХЪ РОМАНОВЪ“, бывш. Большой Никитской, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. № 292.

Всѣхъ книгъ въ годъ выходитъ двѣнадцать. № 1884

Библиотечка на 1881 годъ разослана въ 1881 г. и въ продажѣ будетъ по извѣстн.

ДАЧА прод. въ Финляндіи, за отъѣздомъ очень дешево. О подробн. узнать въ конторѣ де-Мале, Невскій, д. 58, кв. 13. № 1880

КНИГИ протр., фоку, и притр., на конспектѣ въ Казани кн. маг.
 Александра Николаевича Овчинникова, съ учительск. древн. ладъ Выдаются библиотек. редности. Общ. ст. торг. почти постоянно публик. уз. националистъ для прически докъ. Избываютъ 10 руб. въ Казани. газетахъ и мног. друг. работъ, буклн, шпобоны. Большая Садовая, изданіяхъ. № 188 4—1.

ПАРИКМАХЕРЪ
ИЛЬЯ ВАРЛАМОВЪ
 рационалистъ для прически докъ. Избываютъ противъ Юсупова сада. № 47. № 1886 2—1

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.
 ПОЭМА Джона Милльтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дора. Въ простомъ календор. перел. 25 р. съ перес. въ ящикъ 30 р. въ красивомъ календор. перел. съ золот. обрѣзомъ 30 р. съ пересылкою въ ящикъ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1881 г. дѣлается уступка 5 руб.

и иностр. детей и педагоговъ, журналъ въ 1882 г. (XII годъ изданія) подл. н. съ дост. и перес. Полный же. (оба отъѣда) 12 р. или отъѣздно:
 1) Иллюстр. отд. для дѣтей (12 №№) 10 р. 2) Учебно-воспит. отдѣлъ съ педагогич. Хроникой (10 №№ ж. и 40 №№ Пед. Хр.) 5 р. Агросъ свѣтъ: въ контору журнала „Семья и Школа“ (адресъ поштату извѣстенъ). № 1846 5—3

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖА Н Г А Д А.
 Разсказъ Жюля Верна.

Помѣщенъ въ первой книжкѣ „Собранія Романовъ“. Тамъ же помѣщено: Пилюли Эсфири Ридъ, разсказъ Джонни Людло (исповѣдникъ мистръсисъ Генри Удъ). О вѣиной душой говядины на семейное счастье. Первые плоды. Петорія духовнаго завѣщанія. Всѣ статьи закончены. Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ книжками большого формата отъ 20 до 30 листовъ. Седьмая книга премія изъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Цена 3 р. 50 к., съ доставкой 5 р., для иногородныхъ 6 р. Каждая книга, состоящая изъ отдѣльного цѣлого, всегда съ законченными статьями, продается въ редакціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ по 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к. Подписка принимается исключительно на имя Елизаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади, въ С.-Петербурѣ. № 1885 1—1

ЖИВОПИСНЫЙ ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1882 г. съ ПРЕМІЮ и съ безплатнымъ приложеніемъ **СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.**
 Изданіе М. Янобсона. Вышелъ въ свѣтъ и продается во всѣхъ извѣстныхъ книжк. и бумажн. магаз. Россійской Имп. Изданъ по изданю, печатанъ на розовой бумагѣ, съ худож. исполн. рисунками. Въ объемѣ болѣе 80 стр. Содержаніе: Свѣдѣнія церк., астрон., генеалог. географо-статистич., истор., почтов., телегр., жел.-дорон., коммер., медицинск., хозяйств., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворен., оранулъ, портреты, виды, каррикатуры, загадки, совершенно новая обществ. игра и проч. Цена вмѣстѣ со „Стѣннымъ календаремъ“ 30 коп., за пер. 10 к. 6—6

Складъ Жив. Обих. Кал. находится у ЭМИЛЯ ГАРТЪЕ, Невскій пр. № 27, въ С.-Петербурѣ.

Многія тысячи въ дѣйстви.

Легко доступны для очистки.
 Большое сбереженіе топлива.

Господамъ заводчикамъ предлагаемъ какъ специальность, поставку съ ручательствомъ трубчатые паровые котлы системы Г. Паукуша въ Ландсбергѣ на Вартѣ. трубчатые паровые котлы различныхъ размѣровъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ въ моихъ складахъ здѣсь и въ провинціи. Паровые котлы другихъ конструкцій доставляются въ самые непродолжительные сроки.

С. Г. Конфелъдъ.
 Главный представитель иностраннаго завода Г. Паукуша въ Ландсбергѣ, и Вартѣ. С.-Петербургъ, Большая Московская, № 6. № 1883 3 1

Подписка на 1882 годъ на **„МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.** (Девятый годъ). „Медицинское Обозр.“ будетъ издаваться въ 1882 г. по прежней программѣ. Годовая цѣна, съ пересылкою или доставкою, ДЕСЯТЬ руб. Иногородные обращаются исключительно въ редакцію (Москва, редакція „Медицинскаго Обозрѣнія“; Тверская бульваръ, домъ Эфросъ. Ц. № 1709 10—7 Редакторъ-издатель Спримонъ.

Необходимо каждому!
 Композіція для заливанія резиновыхъ клановъ. Каждый, завѣсившій однимъ флакономъ этой композіціи, обезпеченъ на 10 лѣтъ резиновыми кланонами. Каждый можетъ самъ, безъ помощи инструментовъ, починить разорванные резиновые кланоны. При каждомъ флаконѣ приложено наставленіе къ употребленію этой композіціи. Цена флакону 2 рубля, полуфлаконъ 1 р. 25 к. съ пересылкою, вмѣщающей 5 фл. получить 6-й безпл. Адресъ: въ гор. Вагу, Подольск. губ.
 № 1867 2—2 Самунлу Марковичу Винеру.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 5

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 30 Января 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое издание „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	6 р.
--------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------------	--	-------------	---	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера со всеми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльное приложение съ 26 чертеж. выкоекъ въ натуральную величину и съ 38 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Назначеніе Князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова на высокій постъ Главно-начальствующаго гражданскою частью, и военными силами Кавказа, является выраженіемъ Монаршаго довѣрія къ одному изъ энергическихъ и полезныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, и справедливымъ воздаяніемъ его заслугъ кавказскому краю, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей молодости.

На Кавказѣ Князю Александру Михайловичу привелось дѣйствовать и какъ воину и какъ администратору; ему была полная возможность изучить этотъ край во всѣхъ отношеніяхъ и онъ принималъ къ сердцу его интересы съ тою же горячностью и неутомимостью, какими отличалась вообще его дѣятельность и на Дону, и въ Болгаріи и на Западѣ и на Югѣ Россіи.

Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ по происхожденію изъ дворянъ Псковской Губерніи; родился 12 сентября

Князь Дондуковъ-Корсаковъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

1820 года, получилъ высшее образованіе въ Сиб. Университетѣ по юридическому факультету и по окончаніи курса былъ удостоенъ степени кандидата. Въ 1841 году Князь вступилъ на дѣйствительную службу на правахъ волноопредѣляющагося въ Лейбъ-Кирасирскій Его Высочества Настѣдника Цесаревича полкъ, въ которомъ и пробылъ съ небольшимъ годъ, дослужившись до чина корнета. Съ 1844 года начинается уже его кавказская дѣятельность, такъ какъ въ это время онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ тогдашнему командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, Генералу Нейдгардту. Въ этомъ званіи онъ оставался недолго, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году получилъ назначеніе состоять при Главнокомандующемъ Кавказскимъ корпусомъ князѣмъ Воронцовѣ, который вскорѣ офинилъ способности молодого офицера и постоянно показывалъ ему свое вниманіе, давая время отъ времени весьма важ-

ныя порученія. Въ 1850 году Князь Доцукъ Корсакову было напр. поручено встрѣтить въ Крыму Настѣдника Цесаревича и сопровождать во все время путешествія по Кавказу и Грузіи. Князь Александръ Михайловичъ считался во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ служакою; его храбрость и военные таланты были извѣстны всѣмъ тогдашнимъ кавказцамъ, такъ какъ онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ значительныхъ экспедиціяхъ въ Кабардѣ, Чечнѣ и Дагестанѣ. За это отличіе по службѣ онъ былъ переведенъ въ Лейбъ Гвардіи Гусарскій полкъ тѣмъ же чиномъ, оставаясь впрочемъ по прежнему на Кавказѣ. Съ открытіемъ же турецкой компаніи онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашихъ военныхъ операціяхъ въ Малой Азіи, также въ осадахъ и взятіи Карса. Въ 1855 году Князь былъ назначенъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, во главѣ котораго онъ снова сражался противъ горцевъ до окончательнаго усмиренія мтекинцевъ а въ 1859 году перешелъ на службу въ донское войско. Здѣсь онъ выполнялъ обязанности войскаго начальника штаба, затѣмъ Пазванскаго Атамана, и кромѣ того принималъ самое горячее участіе въ введеніи на Дону крестьянской реформы.

Пеносильная дѣятельность разстроила наконецъ здоровье князя, значительно ослабленное ранами, полученными на Кавказѣ, и онъ въ 1863 году принужденъ былъ выйти въ отставку. За этотъ промежутокъ князь предавался земской дѣятельности какъ губернской гласный, членъ управы и почетный мировой судья. Въ 1868 году мы его видимъ снова на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, занятаго работами первой важности. Такъ, ему было поручено участіе въ комисіи по сокращенію процентнаго сбора въ западныхъ губерніяхъ, а также въ пересмотрѣ дѣйствовавшихъ постановленій по вопросу переселенія крестьянъ. Въ этомъ-же году князь былъ снова зачисленъ въ 16-й драгунскій король Виртембергскаго полка, съ оставленіемъ при министерствѣ, и въ то-же время назначенъ председателемъ комисіи по составленію проекта объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ.

Въ 1869 году, князь получивъ высшее назначеніе: сдѣланъ былъ кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Всеміюшествомъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Дѣятельность его, какъ генералъ-губернатора, продолжалась до 1877 года, когда въ виду военныхъ приготовленій къ борьбѣ съ Турціей, онъ принялъ на себя командованіе кievскимъ военнымъ округомъ. По объявленіи-же войны, князь былъ назначенъ командиромъ 13-го армейскаго корпуса, а въ 1878 году, по случаю отъѣзда съ театра военныхъ дѣйствій Настѣдника Цесаревича, привьялъ главное начальство надъ Восточнымъ отрядомъ дѣйствующей арміи. Въ этомъ-же достопамятномъ году князь Доцукъ-Корсаковъ былъ произведенъ за отличіе въ генералы отъ кавалеріи и назначенъ императорскимъ российскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, а въ слѣдующемъ, т. е. 1879 году, командующимъ тамошнимъ окупаціоннымъ корпусомъ.

Дѣятельность князя въ Болгаріи приобрѣла ему общее сочувствіе и глубокую благодарность народа только что освобожденнаго. Здѣсь онъ всегда дѣйствовалъ въ духѣ примиренія, постоянно оставаясь на почвѣ строгой законности: объявленіе независимости княжества и открытіе народнаго собранія—вотъ тѣ высокіе знаменательные эпизоды его пребыванія среди болгаръ, которые никогда не будутъ забыты исторіей.

Какъ вышеназванная царская награда его трудовъ и усилій по введенію въ Болгаріи гражданскаго управленія, былъ данъ ему по окончаніи мисіи, Высочайшій рескриптъ, весьма лестный и милостивый, съ назначеніемъ его Членомъ Государственнаго Совѣта и съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ 1880-же году, когда для обузданія подпольной крамолы требовались энергическіе дѣятели, князь Александръ Михайловичъ былъ сдѣланъ командующимъ войсками и временнымъ генералъ-губернаторомъ сначала въ Харьковѣ, а потомъ въ Одессѣ.

Послѣднее назначеніе его главно-начальствующимъ гражданской частью на Кавказѣ и командующимъ кавказскою арміею состоялось, по Высочайшему указу, 1 января текущаго года.

Подъ землю.

повѣсть.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

Въ его головѣ такъ много было чего ей сообщить, что желая все это разомъ высказать, онъ почувствовалъ полнѣйшую невозможность сдѣлать это скольконибудь послѣдовательно и началъ ужъ совсѣмъ не ясно.

— Знаете: у меня есть другъ,—заговорилъ онъ скоро, торопясь, начиная и не досказывая, бросаясь съ одного предмета на другой, говоря необычайно туманно и сбивчиво.—Ахъ, да не объ этомъ надо говорить... Вотъ вспомните...

Онъ совалъ ей въ руки бошоньерку.

— Это вамъ, а это Сангъ отдайте... И знаете: положите ему на постель, чтобы когда проснется—понимаете, какъ только проснется—онъ увидѣтъ... Отъ сновъ-то золотыхъ, дѣтскихъ, чистыхъ, чистыхъ сновъ—къ гостинцу... Понимаете?

Ничего она не понимала и машинально брала то, что онъ совалъ ей въ руки, удивленно смотря на его лице и стараясь разсмотрѣть въ темнотѣ что такое съ нимъ. Онъ вдругъ схватилъ ея руки, въ которыхъ она держала коробки:

— Послушайте,—приблизилъ онъ свое лице къ ея,—скажите: вы меня любите?.. Вѣдь да?.. вѣдь я не ошибаюсь?

Онъ ласково-просяще заглядывалъ въ ея глаза, выраженіемъ всей своей фізіономіи какъ бы говоря: пощадите меня... не бейте. Его лице, какъ ни было мало свѣта,—она отличала отчетливо ясно, благодаря близости разстояній. Она не думала, что въ его вопросѣ такъ просто, съ такой откровенною прямою предложеномъ, рѣчь идетъ о любовномъ признаніи и съ спускательной улыбкой смотря на этаго безумца, къ которому, какъ къ почти единственному своему собесѣднику со смерти отца привыкла, отвѣтила съ небольшою простотой:

— Да, я люблю васъ.

— Ну, вотъ!..

Онъ положительно сіялъ, видя что все покончено

такъ, какъ онъ желалъ и сжавъ ея руки, выпустилъ изъ своихъ и вдругъ страшно заволновался и обезпокоился тѣмъ, что держитъ ее на холоду.

— Ну, вотъ, и все, все, что мнѣ нужно было узнать. Вѣдь я за этимъ только и приходилъ... А теперь прощайте, идите, спите съ Богомъ.

И намѣревался выбѣжать въ балитку, сдѣлавъ уже шагъ, остановился и въ невообразимомъ волненіи воскликнулъ:

— За этимъ только! да вѣдь только, только въ *этомъ одномъ*—все мое существованіе заключается... Ахъ, ахъ... нѣтъ, вы просто не можете себя представить до какой степени я васъ люблю... такъ люблю, такъ люблю... прощайте!

Онъ перешагнулъ за порогъ, но все еще не уходилъ. Отъ необыкновеннаго одушевленія, отъ чрезмѣрнаго прилива счастья, онъ испытывалъ теперь какой-то гнетъ. Казалось его счастливое настроеніе начинало переходить въ страданіе. Онъ вдругъ съ везанымъ упоромъ силъ и съ примѣсно легкихъ нотъ чего-то похожаго на стоны, схватилъ себя за голову.

— Нѣтъ, я кажется безумствъ какихънибудь надѣлаю!.. А впрочемъ... впрочемъ я все таки счастливъ... А вы?..

Онъ черезъ порогъ снова сжалъ ея руки... Она смотрѣла на него болѣе обыкновеннаго блѣдная, но съ какимъ-то любовнытствомъ... Тутъ, подъ этимъ покровомъ сѣренькой ночи, осыпаемый рѣдкими свѣжинками и тотъ человекъ проведенный съ нею вдвоемъ не мало вечеромъ, постоянно молчаливый, изрѣдка заговаривавшій о своей лампѣ, этотъ техникъ-огнелюбникъ, въ тишинѣ ночи возившійся со своими винтами, колесами, трубками и ретортами—въ эту ночь высказался съ иной стороны, высказался, не какъ живой мертвецъ, ушедшій по уши въ свою химію и технологию, бравирующій всякое другое знаніе, относящійся къ иной сферѣ мышленія варварски,—но какъ человекъ не убившій въ себѣ сердца,

доступный сожалѣнію, сочувствію, согрѣтый любовью! А она считала его за трунь... И никогда вопроса себѣ не задавала о томъ, любить-ли онъ ее, и ничего, положительнаго ничего относящагося до такого рода отношений—ни въ немъ, ни въ себѣ не слѣдила... И вдругъ!... Въ продолженіи немногихъ минутъ, выслушивая его слова въ молчаніи, она переживала различныя душевныя состоянія, являющіяся сознательными процессами того неяснаго, глухо таящагося гдѣ-то въ глубинѣ души чувства симпатіи къ нему, чувства, которое легко и естественно возникло въ молодой дѣвушкѣ къ единственному человѣку, скольконибудь способному вызвать къ себѣ расположеніе и заслужить любовь. При первыхъ словахъ, изъ которыхъ она поняла о какой любви говоритъ онъ, въ ней пробудилась къ нему какая-то жалость, не потому что она отказывала или думала отказать ему въ отвѣтъ на его признаніе, а потому, что въ самомъ способѣ, которымъ онъ выразилъ это признаніе, выговорилъ первыя слова любви, мелькнуло ей что-то дѣтское, что-то безпомощное въ житейскихъ отношеніяхъ, быть можетъ сильное въ области своей специальности, но во всякомъ случаѣ—дѣтски не смыслищее, наивное и простодушное во всемъ, что выходило изъ границъ специальности... Но это на моментъ: чувство жалости какъ-то моментально перешло у нея въ такого рода расположеніе и даже шѣпкость, какое мать испытываетъ къ своему ребенку, какое она сама питала къ своему маленькому брату... Отдавшись своимъ мыслямъ—она почти перестала его слушать, какъ вдругъ ухо ея уловило предложенный имъ вопросъ, счастлива-ли она? Тогда, задумчиво отвѣчая на его пожатіе руки, она тихо отвѣтила:

— Да, я счастлива.

— Ну, вотъ,—снова оживился онъ,—я такъ, именно такъ и думалъ... Знаете: мы вдвоемъ сдѣлаемъ счастливыми всѣхъ... Увѣрю васъ такъ... Тутъ вѣдь не деньги нужны, хотя они у насъ и будутъ, а сердце, сочувствіе, ласки и слезы потребны... Ахъ, любовью и кротостію можно сдѣлать многое... постойте, о чемъ я хотѣлъ еще сказать?... Да... прощайте... Объ остальномъ завтра...

И вдругъ, опять такъ просто, такъ естественно наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ, засмѣялся чему-то и затѣмъ пустился почти бѣгомъ по скудно освѣщенной беросиновыми фонарями улицѣ и вскорѣ исчезъ въ темнотѣ.

Нашенька посмотрѣла за нимъ нѣкоторое время встѣдъ, потомъ вздохнула, затворила калитку, и направляясь къ крыльцу, взглянула на небо. Снѣгъ прекратился; однообразно сѣрая облака въ одномъ мѣстѣ раздвинулись и между ними блеснула маленькая, мерцающая слабымъ желтоватымъ свѣтомъ звѣздочка... На этомъ безграничномъ сѣромъ фонѣ—она казалась какъ-то дѣтски слабой съ своимъ умирительно кроткимъ мерцаніемъ... Нашенька невольно улыбнулась этой нѣмой свидѣтельница перваго полученнаго ею поцѣлуя и прошептала:

— Это—звѣзда нашей любви.

ХІІІ.

Визитъ.

Какъ ни была Христина Карловна покорна волѣ своей племянницы тѣмъ не менѣе, когда на слѣдующее за свиданіемъ съ Языковымъ утро, Эрминія, съ самымъ смиреннѣйшимъ видомъ, вошла въ комнату тети и объявила ей, что такъ и такъ, ѣдетъ дескать на почту и проситъ тетку достать спрятанные у ней пяти-процентныя билеты на пять тысячъ, Христина Карловна выдала таковыя не безирекословно, а предчувствуя нѣчто новое со стороны племянницы, воскликнула въ какой-то тоскѣ:

— Ахъ, Миньона! Ты чтонибудь новое задумала?

— Новое, дитя мое,—съ необычайною кротостію подняла Эрминія на тетку скромно потупленные глаза,—

новое, вы правы. Вы очень проникательны, тетя и отъ васъ ничего не скроешь... Что дѣлать; приходится сказать. Я хочу употребить свой капиталъ на добрыя дѣла.

— Именно?

— Я отсылаю его, тетя, въ общество Краснаго Креста... Вотъ затѣмъ и безпокою васъ...

— Ахъ, Миньона,—попробовала убѣдить племянницу тетка,—положимъ, это хорошо, очень хорошо, мой другъ, но ты забыла, что это все, что у тебя есть...

— Я это отлично помню, тетя.

— Представь, что сохрани Господи, и я, и твой дядя—померемъ... Ты, мой другъ, останешься безъ ничего...

— Безъ ничего, тетя.

— Какъ-же ты отдаешь, Миньона, послѣднее? подумай: я не въ правѣ удерживать эти деньги, ибо онѣ—твоя, отъ твоей мамы тебѣ достались; но подумай, Миньона, осторожно-ли, не слишкомъ ли опрометчиво ты поступишь, отославъ ихъ на доброе дѣло?..

— Я все обдумала, тетя... Позвольте получить.

Христина Карловна представила было еще два-три довода въ пользу того, что денегъ не слѣдуетъ отдавать, но получивъ на каждый смиреннѣйшій отвѣтъ, въ родѣ: совершенно справедливо, тетя; такъ-съ,—и затѣмъ вслѣдъ за прибавленіемъ: позвольте получить, тетя—измѣнила рѣшеніе убѣдить племянницу и стала торговаться съ нею на четверть, потомъ на половину и наконецъ на двѣ трети выдачи капитала на благотворительное пожертвованіе. Племянница не уступила ни копейки. Видя такое упорство, Христина Карловна притворилась чрезмѣрно холодною и вынулъ наконецъ деньги и отдавая ихъ Эрминіи, съ суровостію произнесла:

— Возьмите, Миньона, ваши деньги, но, если когданибудь раскаетесь, что съ такою щедростію бросили ихъ, не пеняйте на меня...

Эрминія преспокойно вложила деньги въ маленькую сумочку, носимую въ рукахъ, и отвѣтила теткѣ:

— Не буду пенять, дитя мое... Знаю, что буду одна и виновата.

Затѣмъ съ материнскою шѣпкостью поцѣловала тетку.

— Прощайте, дитя мое... На что, Христина Карловна, стараясь удержатъ на своемъ лицѣ холодность, все таки прорвалась улыбкой, укоризненно вздохнувъ въ слѣдъ удаляющейся племянницы:

— Ахъ, Миньона, Миньона! И слишкомъ слаба, что бы руководить вами...

Ужъ конечно Миньона ни на какую почту не поѣхала, а взявъ извозчика, приказала себя вести на квартиру Засѣкина. Послѣдній жилъ какъ разъ противу дома предводительши, которая могла легко увидѣть изъ своихъ оконъ Эрминію и, осудивъ легкомысленность пощенія дѣвушкой квартиры молодого и холостаго человѣка, сдѣлать подобное пощеніе самымъ животрепещущимъ достояніемъ городской молвы,—это впрочемъ было совершенно безразлично для Эрминіи. Она пріѣхала такъ рано, что застала Засѣкина за чаемъ, одѣтаго по утреннему. Онъ бросился было при ея появленіи, въ другую комнату, но она остановила его съ дѣловымъ и озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ:

— Пожалуйста, не безпокойтесь... Пріѣхала по дѣламъ, а не любоваться на васъ... Садитесь, прошу васъ.

Эрминія сѣла въ кресло, указавъ ему сдѣлать тоже самое, взглянула на своего собесѣдника съ панускою важностію и спросила его:

— Ну, какъ: странна я вамъ показалась вчера? Не правда-ли?

И не давъ еще успѣть ему отвѣтить на предложенный вопросъ, сама поспѣшила изяснить причины своей вчерашней странности:

— Это безуміе, голубчикъ, но можете себѣ представить—отъ чего дѣлать, положительно только отъ нечего дѣлать—ибо чѣмъ же я занята—вѣдь я было влюбилась...

Маленькая шалунья. Съ картины М. Мал, грав. Лерай.

Онъ такъ привыкъ шутить, что относясь къ угадываемой имъ склонности Эрминии къ Языкову, въ глупости души непрязненно и съ нѣкоторой примѣсью зависти оскорбленнаго въ немъ самомъ чувства—на дѣлѣ все таки съ комическимъ ужасомъ выслушать ея признаніе въ томъ, о чемъ подозрѣвалъ. Сквозь дѣловой видъ,—она улыбнулась на его жестъ, сказавъ:

— Вы—трезвый умъ: мнѣ отлично извѣстно, что я вамъ нравлюсь и что не совѣмъ пріятно вамъ слушать мои откровенности на счетъ этой моей любви, а вы все таки шутите. Но не объ этомъ... Теперь видите-ли—и успокойтесь, это увлеченіе кончается... Онъ влюбленъ въ другую, мечтаетъ на ней жениться, мнѣ слѣдовательно тутъ рѣшительно нечего дѣлать. Вчера, конечно, я разстроилась,—оно и понятно... Само собою разумѣется, что легкомысленно было рассчитывать на взаимность... Думала: сидитъ тамъ со своей лампадкой, никого не видеть,—ну и растаетъ при первомъ шагѣ къ сближенію съ нимъ женщины... Такие люди, какъ онъ, сами-то этихъ первыхъ шаговъ ужъ конечно никогда не сдѣлаютъ, но той, которая подойдетъ къ нимъ,—легко взять ихъ въ охапку... Права-ли я?

— Совершенно.

— Вы, молодой человекъ, другое дѣло; у васъ если не шпы, такъ хоть самыя крохотныя иголочки найдутся, о которыя все таки можно уколоться... Ну, а онъ, тотъ-то, именно таковъ, какъ я его вамъ обрисовывала—и что я не могла взять его, такъ это только потому, что поздно пришла, другая опередила. Вѣдь въ концѣ-то концовъ у такой добродушной трухи, голубчикъ, все же на первомъ планѣ его лампадка, а женщины—это только на тотъ случай, когда съ лампадкой-то что не сладится.. Но—довольно объ этомъ. Я вѣдь собственно пріѣхала не затѣмъ, чтобы въ lamentаціяхъ распространяться... У меня до васъ просьба.

— Съ удовольствіемъ готовъ служить...

— Знаю, что съ удовольствіемъ, иначе бы не пріѣхала просить.—Она отомкнула замочекъ сумки и достала оттуда полученныя ею отъ тетки деньги. Видите-ли: эту сумму, возможно скорѣе, вы должны отвезти въ запечатанномъ конвертѣ, отъ моего имени, г. Языкову. Я даю ему это въ долгъ, но никакихъ росписокъ, никакихъ документовъ—не надо. Такие люди не обманываютъ и ужъ, конечно, при первыхъ же деньгахъ онъ выплатитъ мнѣ все сполна. Но главное, голубчикъ, что бы все это между нами. Понимаете?

— И только?

— О, гѣтъ... Это не все. На нѣсколько дней, на два, на три, пока онъ здѣсь,—а онъ скоро уѣдетъ,—я прошу васъ нѣсколько сойтись съ нимъ. Онъ почти ребенокъ и вы посовѣтуйте ему, что найдете полезнымъ... Обо всемъ этомъ—вы будете мнѣ доносить. Можно?

— Можно.

— Проводите его въ дорогу... Посмотрите—достаточно ли онъ тепло одѣнется...

— Боже мой, вы доводите свой интересъ къ этому чудаку до такихъ предѣловъ, до такихъ предѣловъ...

— До какихъ?

— До такихъ, что невольна рождается вопросъ:—не продолжаете ли вы все еще нигать къ нему того чувства, съ которымъ по нашимъ словамъ вы окончили?

— Нѣтъ,—встала Эрминія съ своего мѣста, собираясь уѣхать,—нѣтъ не потому.

И прямо взглянувъ въ глаза своему собесѣднику, смущенно улыбнулась:

— Просто мнѣ нечего дѣлать, потому и интересуюсь. Такъ поѣзжайте-же, голубчикъ, буду ждать васъ съ отчетомъ. Благодарствуйте: не провожайте.

IX.

Женихъ.

Засѣкинъ въ точности исполнилъ желаніе Эрминии. Два дня, проведенные Языковымъ въ городѣ, по полученіи

имъ денегъ—Засѣкинъ видѣлся съ нимъ три раза: въ первый—когда ѣздилъ передать отъ Эрминии деньги, во второй—самъ Языковъ зашелъ къ нему, и наконецъ въ третій—когда провожали Языкова въ дорогу. Послѣ каждаго свиданія Засѣкинъ доставлялъ самый подробный, стенографически-точный отчетъ о томъ, что ему удавалось видѣть и слышать. Онъ не безъ комизма передалъ послѣ перваго свиданія съ Языковымъ, какъ этотъ послѣдній отнесся къ привезенной ему отъ Эрминии денежной суммѣ. По словамъ Засѣкина, Языковъ, занятый чисткою какихъ-то винтиковъ, все время очевидно поглощенный посторонними мыслями, взявъ изъ рукъ Засѣкина деньги и не посмотрѣвъ на нихъ, не сказавъ ни слова, сунулъ ихъ въ карманъ, не оставивъ своей работы. Засѣкину стоило большаго труда добиться отъ своего собесѣдника слова. На предлагаемые имъ вопросы онъ отвѣчалъ не сразу, сперва молча смотрѣлъ въ глаза своего гостя, точно по глазамъ думалъ угадать недослышанный вопросъ и видя, что это ни къ чему не ведетъ, наконецъ переспрашивалъ:

— Вы что спрашиваете?

Засѣкинъ повторялъ вопросъ и ужъ послѣ этого получалъ отвѣтъ. Сбираясь покинуть Языкова, его вдругъ поразила одна мысль—не потерялъ-бы онъ, Языковъ, сунутыя имъ небрежно въ карманъ деньги. Онъ напомнилъ объ этомъ своему собесѣднику, прощаясь:

— Не потеряйте переданный мною пакетъ: вы кажется плохо его спрятали?..

Онъ замѣтилъ, что карманъ, въ который Языковъ положилъ пакетъ—былъ изорванъ. Языковъ, какъ-бы не понялъ о чемъ его спрашиваютъ, удивленно взглянул на Засѣкина и спросилъ:

— Какой пакетъ?

— Да, я-то вамъ который передалъ...

Тогда Языковъ вспомнилъ и не заботясь о судьбѣ пакета, спокойно отвѣтилъ Засѣкину:

— Нѣтъ, не потеряю.

На этомъ и разстались; но на слѣдующее утро, когда Засѣкинъ раздумывалъ не безъ скуки о предстоящемъ ему посѣщеніи Языкова, этотъ послѣдній вошелъ неожиданно къ нему въ комнату, нѣсколько смущенный и сконфуженный. Поздоровавшись, онъ ушелъ на предложенное ему хозяиномъ кресло и прежде чѣмъ что-либо сказать до такой степени покраснѣлъ, что на него жалко было смотрѣть. Его смущеніе видимымъ образомъ передавалось даже и хозяину, человеку не теряющемуся ни въ какомъ обществѣ. Оба сидѣли, не зная, что сказать другъ другу, пока Засѣкинъ первый не нашелся спросить:

— Что скажете?

Языковъ какъ-то заѣдливъ по студу и съ трудомъ, точно языкъ его прилипалъ къ гортани, выговорилъ:

— Да, вотъ вчера-то, когда она мнѣ эти деньги прислала, мнѣ пришло въ голову: желалъ-бы повидаться съ ней и поблагодарить ее.

— Вы когда ѣдете? вмѣсто отвѣта спросилъ Засѣкинъ.

— Да, должно быть сегодня вечеромъ. До Москвы съ однимъ попутчикомъ ѣду, знакомая дама одна, Пелагея Карповна мнѣ его нашла... А тамъ ужъ одинъ на желѣзной дорогѣ-то...

— Ну, едва-ли вамъ придется повидаться съ ней... Она теперь занята, да и времени-то до вечера немного. Впрочемъ скажу ей и дамъ вамъ отвѣтъ.

Эрминія отклонилась, къ немалому удовольствію Засѣкина, это свиданіе, просила передать Языкову отъ нея пожеланіе всего лучшаго, что и было сдѣлано молодымъ человекомъ при проводахъ. Уѣзжали Языковъ и попутчикъ его, купецъ Иволгинъ изъ дома этого послѣдняго, куда и собрались провожающіе. Засѣкинъ передалъ Эрминии обстоятельно всѣ подробности этихъ проводовъ.

— Я пріѣхалъ рано,—разсказывалъ онъ, и добрыхъ часа полтора долженъ былъ просидѣть съ дочкой купца

Иволгина, ибо родители входили только на минуту, а то все вращались съ какими-то узелками между своей спальней и повозкой, подкаченной къ заднему крыльцу. Дѣвица сидѣла со мной видимо чисто по обязанности хозяйки, толстая и сонная такая и вдобавокъ при каждомъ моемъ вопросѣ—до того краснѣющая, что мнѣ становилось жалко спрашивать ее. Маменька...

Эрминія прервала рассказчика съ видимымъ нетерпѣніемъ:

— Ахъ, пожалуйста, безъ остроумія, переходите къ дѣлу...

Онъ покорно согласился:

— Перехожу-съ... Ждали, ждали, — просто терпѣніе всякое истощилось... Уже ни слова другъ съ другомъ не говоримъ, а просто въ окно глядимъ: она—въ одно, я—въ другое. Вдобавокъ, дверь-то въ прихожей, вѣдствіе постоянныхъ таскацій все время отворена была, такъ такого холода напустили, что я дрожу весь, какъ въ лихорадкѣ... Наконецъ и укладыванье окончилось, и папенька съ маменькой замѣтили дочку, а попутчикъ все не идетъ...

— Да, перестаньте вы о папенькѣ съ маменькой, — остановила снова Эрминія. Къ дѣлу, прямо къ дѣлу...

— Ну, къ дѣлу, такъ къ дѣлу, — согласился онъ. Пришли. Онъ, васъ интересующій молодой человѣкъ, на рукахъ у него виситъ мальчикъ...

— Мальчикъ?

— Ну, да — и очень хорошенькій... А затѣмъ она...

Эрминія заинтересовалась:

— Ну, какая-же она? Умна? Красива? Красивѣ меня? Засѣкинъ, какъ-бы сравнивая Эрминію съ впервые встрѣченной имъ дѣвушкой, посмотрѣлъ на свою собесѣдницу:

— Красивѣ-то она васъ не то, что красивѣ, а показалось мнѣ...

— Что?

— Разсудительнѣ... Особа очень молодая, но основательная...

— Это хорошо.

— Такъ прекрасно себя держать... Онъ-то, знаете, готовъ нюни распустить, а она ему то одно, то другое напомнить, то, дескать, здѣсь положено, это—тамъ, оттуда и отсюда напнши...

— Ну, ему такая и нужна!

— Вотъ и я тоже думаю... Но послушайте-же однако. Какъ надо было ѣхать, сѣли сперва всѣ, потомъ встали, закрестились на образа и стали прощаться... Вотъ тутъ, по моему мнѣнію, она ему основательное слово сказала. Стала она, какъ помолилась, какъ-то особенно серьезна и строга даже... И молодая-то такая, какъ пожилая женщина, какъ мать, взяла и благословила его: дай Богъ, говорить успѣха въ дѣлахъ. А онъ, успокоить что-ли ее хотѣлъ, такъ легкомысленно ей на это: послѣдній, говорить, шагъ—и все сдѣлано!.. на что она по прежнему, безъ улыбки, замѣтила: но вѣдь этотъ послѣдній шагъ не сдѣланъ?.. Это основательное замѣчаніе, не правда-ли?

— Что-же онъ?

— Онъ ее успокоивалъ: трудное, говоритъ, позади... Остается вздоръ...

— Ну?

— Она ничего на это не сказала, промолчала, и потомъ посмотрѣла на образъ, какъ-бы призывая благословеніе... Но лицу ея трудно было догадаться, что она думаетъ о послѣднемъ, остающемся ему легкомъ шагѣ... Это молчаніе навело его на мысль о томъ — не сомнѣвается-ли она въ успѣхѣ, о чемъ онъ и спросилъ ее... Она отвѣтила ему, не сдерживая прилива нѣжности своей къ этому взрослому ребенку и упавъ на его грудь головой: я не сомнѣваюсь только въ одномъ, что останусь къ вамъ неизмѣнно прежнею, достигнете-ли вы или нѣтъ успѣха...

Оба замолчали на нѣкоторое время и сидѣли въ полутемной гостинной, ибо огня еще не подавали, хотя былъ седьмая часть. Вдругъ Эрминія тряхнула головой, какъ-бы прогоняя неотвязныя мысли и совершенно неожиданно обратилась къ Засѣкину:

— Ну-съ, довольно объ этомъ... Идемте обѣдать... Вы еще не обѣдали, не правда-ли? Мы ждали васъ.

Положимъ онъ дѣйствительно не обѣдалъ, но приглашеніе, сдѣланное Эрминіей, чрезвычайно его удивило. Уже нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія новаго губернатора въ городѣ не приучили его къ этому. Впервые Эрминія приглашала его и зная ея эксцентричности, его первую мыслью было—не такъ-ли ей это взбрело въ голову и довольны-ли этимъ будутъ ея дядюшка и тетушка? Онъ попробовалъ было отклонить приглашеніе:

— Нѣтъ, ужъ извините меня... Началъ было онъ, но Эрминія не дала ему окончить начатаго, схватила его за руку и потащила къ дверямъ столовой:

— Никакихъ извиненій... Дядя и тетка будутъ очень рады видѣть васъ...

И отворила съ этими словами дверь въ столовую, куда одновременно съ ними входилъ изъ противоположныхъ дверей Иванъ Федоровичъ. Христина Карловна хлопотала около накрытаго на четыре прибора стола и увидѣвъ гостя, встрѣтила его съ самою любезною улыбкой:

— Милости просимъ... Очень рады...

Иванъ Федоровичъ, сооривъ на своемъ сухощавомъ, чиновничьемъ лицѣ нѣчто въ родѣ улыбки, шелъ на встрѣчу гостю, руки котораго Эрминія не выпускала изъ своей и вышло такъ, что какъ-бы подвела Засѣкина къ дядѣ, какъ-бы представляя его ему,—произошло что-то странное. Иванъ Федоровичъ пріостановился съ сложившейся на его сухощавомъ лицѣ улыбкой, смотря на Эрминію и точно ожидая отъ нея услышать о чемъ-то; Христина Карловна повернулась спиною къ столу, тоже по видимому ожидая услышать что-то чрезвычайное; наконецъ самъ Засѣкинъ, чувствуя устремленные на него и его даму взгляды, съ нѣкоторымъ смущеніемъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

Она подвела его къ дядѣ и къ удивленію всѣхъ отрекомендовала:

— Мой лучший другъ и женихъ...

Всѣ смутились этою неожиданностью и оставались нѣкоторое время въ молчаніи, которая нарушила первую Христина Карловна:

— Ахъ, Миньона, Миньона!..

XIV.

Поющая лампа.

Проводивъ своего жениха, хотя о свадьбѣ ничего не было условлено, въ Петербургъ. Пашенька взяла съ него слово, что онъ будетъ ей писать и будетъ дѣлать это аккуратно: по проходили дни за днями и считались недѣльями, а потомъ и мѣсяцами, а отъ Языкова не получалось ни строчки. То были тоскливые дни для Пашеньки, дни по прежнему полные самаго неблагоприятнаго труда, но омраченные молчаніемъ человѣка, котораго Пашенька никогда не вызывала на любовь, который самъ, съ чисто дѣтскою наивностью признался ей въ любви, признался для того, какъ думалъ онъ, чтобы уѣхавъ въ другой городъ, немедленно выбросить ее изъ головы. Это равнодушное молчаніе оскорбляло и не могло быть извинено ничѣмъ. Пашенька отлично знала разсѣянность того, кто самъ предложилъ ей себя въ женихи, но подобной разсѣянности ставила извѣстный предѣлъ, требовала обузданія ее въ определенной мѣрѣ. Она была далека отъ помысленія ревновать своего жениха въ его страстной склонности къ специальности, но въ тоже самое время мысль, что подобная склонность совершенно можетъ поглотить собою человѣка, отвергала, ибо признавъ ее, можно было дойти до очевидныхъ нелѣпостей, при которыхъ ужъ невозможно было допустить любви, какъ сколько-нибудь

прочного чувства. Все это только разстроило Пашеньку, она похудѣла и сдѣлалась какъ-то раздражательна.

Многіе дни она думала объ этомъ и все ждала письма. Такимъ образомъ прошло мѣсяца полтора и Пашенька рѣшила выкинуть изъ головы и постараться забыть этого страннаго человѣка, такъ кратковременно и можно сказать необычайно съ ней сблизившагося и только разъ рѣшившагося высказать ей свои чувства. Но вотъ въ это-то самое время заглушая было отчасти боль оскорбленнаго чувства—растравилось новымъ и совершенно случайнымъ образомъ. Пашенька отправилась къ вечернѣ въ архіерейскую церковь, гдѣ служба совершалась особенно долго, такъ что, когда окончилась, такъ ужъ значительно стемнѣло. Народу было не мало, но Пашенька, вообще богомольная, не слишкомъ смотрѣла по сторонамъ, такъ что чрезвычайно была удивлена, когда передъ самымъ окончаніемъ службы совершенно неожиданно услышала около себя женскій голосъ, повидимому обращавшійся къ ней:

— Извините...

Пашенька подняла глаза. Передъ нею стояла молодая, чрезвычайно бойкая дѣвица съ румянымъ, мѣщанскаго склада, лицомъ, узкими заплывшими отъ сна глазами и пуговицеобразнымъ вздернутымъ носикомъ на широкой и плоской физиономіи. Пашенька вопросительно посмотрѣла на эту незнакомую ей особу, которая съ самой любезною улыбкой поспѣшила отрекомендоваться:

— Если не ошибаюсь—мы знакомы. Ваня, кажется, сродственникъ уѣзжали съ моимъ папенькой. Вы провожали ихъ отъ насъ. Иволгины-съ.

Пашенька припомнила мелькомъ видѣнную ею въ день отъѣзда Языкова дочь кушца Иволгина, въ обществѣ которой Засѣкинъ провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Оказалось, что дѣвица Иволгина обратилась къ Пашенькѣ въ настоящее время зная, что онѣ обѣ живутъ по сосѣдству и боясь въ темноту ходить одна, звала теперь Пашеньку въ спутницы для болѣе безопаснаго возвращенія домой. Конечно Пашенька изъявила на это полнѣйшее согласіе и по окончаніи службы спутницы отправились домой вмѣстѣ. Дѣвица Иволгина почти съ первыхъ шаговъ заболтала:

— Мы папеньку дожидаемъ на будущей недѣлѣ.

Пашенька не столько изъ интереса сколько изъ учтивости спросила:

— Что-жъ онъ окончилъ въ Москвѣ дѣла-то?

— Ужъ онъ и въ Петербургѣ побывалъ, какъ-бы прихвастнула быстротой папенькиныхъ дѣйствій дѣвица Иволгина. До Москвы-то они съ вашимъ сродственникомъ доѣхали, а потомъ вашъ сродственникъ одинъ уѣхали въ

Петербургъ, а папенька цѣлый мѣсяцъ въ Москвѣ пробыли и недѣлю въ Петербургѣ...

— Что-же,—невольна спросила Пашенька, хотя и не хотѣла спрашивать,—что-же, скажите пожалуйста, этотъ господинъ... онъ вовсе мнѣ не родни, просто хорошій знакомый, — здоровъ онъ.

Дѣвица Иволгина сконфузилась:

— Ахъ, извините, пожалуйста... Я думала, что они вамъ сродственники... Да-съ, они должны быть здоровы... А вы не въ перепискѣ-съ?

— Нѣтъ.

— Они хорошо въ Москву доѣхали, только по ухабамъ-то ихъ закачало... Папенька еще тогда писали, что всю дорогу, почитай до Москвы, все спали-съ...

Спать! съ горечью подумала Пашенька, но не сказала ни слова. Дѣвица Иволгина рада была сообщать все, что знала объ Языковѣ.

— Папенька ихъ и въ Петербургѣ видѣли, возобновила она свой рассказъ,—случайно, пишутъ, на улицѣ столкнулись... Папенька ихъ сами окликнули, они-бы не узнали...

Это на него похоже! — подумала Пашенька, вслушиваясь съ усиленнымъ вниманіемъ въ то, что рассказывала дѣвица Иволгина.

— Они говорили папенькѣ, что дѣла ихъ хорошо идутъ... Такіе веселые и нарядные...

Веселье и наряденъ!.. этого не доставало!.. Пашенька не въ силахъ была долѣе слушать свою спутницу и, слава Богу, что въ скоромъ времени обѣ онѣ достигли дома Иволгиныхъ, у воротъ котораго и разстались съ взаимными любезностями. Пашенька побѣжала одна. Значительно стемнѣло и съ сѣрыхъ небесъ шла какая-то рѣдкая крупа съ мелкимъ дождемъ; грязный снѣгъ на улицѣ, затворенные ставни дома и пустота всюду... Пустота, холодъ и на сердцѣ, а въ головѣ неотвязныя мысли: всю дорогу спать! наряденъ и веселье!.. А о ней, о ней-то позабылъ... Что-жъ онъ ребенкомъ-то такимъ прикидывался—и вызвалъ въ ней къ себѣ, если не любовь, то ужъ во всякомъ случаѣ расположеніе... Такъ нельзя, не хорошо поступать... И вотъ въ этотъ моментъ, ей показалось, что что-то положительно оборвалось въ ея сердцѣ и какой-то свѣтлый лучъ—освѣщавшій ея однообразно сѣренькую жизнь—погасъ. Кругомъ воцарилась безразсвѣтная темнота, холодъ и тоска...

Съ этимъ тоскливымъ ощущеніемъ на сердцѣ вошла Пашенька къ себѣ и лишь только-что переступила порогъ, какъ маленькій Саша, держа что-то въ рукахъ высоко надъ головою, бросился ей на встрѣчу:

— Письмо! письмо!..

(Окончаніе въ слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Юка я.

(Продолженіе).

Санхо-Панса—Кацуръ—который вмѣстѣ съ Корпелемъ былъ зачисленъ въ кавалерійскій полкъ, оказался теперь уже въ мундирѣ пѣхотинца.

— Что-же это—лошадей-то вы своихъ сѣли?

— Нѣтъ,—пропили; да уже это давно было, еще въ Пештѣ. Юнкеръ Сома объявилъ, что не можетъ ѣздить верхомъ, что у него отъ этого сдѣлаются кривыя ноги и перешелъ въ пѣхоту, а нынче состою при немъ денщикомъ.

— Ну, а въ пѣхотѣ его ногамъ лучше стало?

— Конечно, потому что онъ, обыкновенно, въ походѣ усаживается въ фургоны. Но, одинъ разъ, командиръ сдѣлалъ распоряженіе, что тотъ, кто осмѣлится сѣсть въ фургонъ или на возъ, получитъ немедленно-же 25 розогъ.

— Ну и безъ сомнѣнія, мой племянникъ первымъ-же заслужилъ и получилъ ихъ.

— Заслужилъ-то онъ, а получилъ я. Рѣшено было наказать обоихъ насъ, но такъ какъ мой баринъ заявилъ, что онъ боленъ, то мнѣ отсчитали и его порцію.

— Ну и оба остались довольны?

— Я удовольствовался, а баринъ поднялъ цѣлую исторію—какъ смѣли такъ поступать съ Сомой Опатовскимъ? вызвалъ

командира на дуэль. Его сейчасъ-же заковали и подъ арестъ. Теперь ждутъ, когда выдастся свободный денекъ, чтобы судить его и разстрѣлять.

Подумавъ немного, Илаванъ вдругъ сдѣлалъ Кацуру слѣдующій странный вопросъ:

— Какая любимая пѣсенка Сомы (у него была страсть къ разнымъ пѣсенкамъ).

— А вотъ эта: „Счастливы часъ, когда впервые я увидѣлъ васъ“.

— Есть здѣсь цыгане?

— Есть, и отличный хоръ.

— Наймите ихъ и чтобы явились, какъ только потребую, надо ихъ имѣть подъ рукой. Онъ далъ деньги Кацуру. Затѣмъ онъ отправился къ бригадному командиру. То былъ серьезный, молчаливый человѣкъ. Какъ только Францъ назвалъ имя Сомы Опатовскаго, командиръ отвѣтилъ:

— Завтра утромъ его судить.

— Но вѣдь его не разстрѣляютъ?

— Нѣтъ—повѣсятъ.

— Его повѣсятъ! До свиданія.

И онъ захлопнулъ дверь передъ самымъ носомъ посѣтителя. Разговаривать было нечего.

Принцесса Уэльская и ея дочери. Рис. Гель, грав. Цаарь.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ „Судъ Божій“ баллада В. А. Жуковского.
Ориг. рис. П. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Въ горахъ Албани. Ориг. рис. Профессора Зверины, грав. Спидкин. Библиотека "Руниверс"

диль за дѣятельностью дождевыхъ червей въ своемъ имѣннѣ около Лондона и наблюдалъ за ихъ физическими и умственными способностями. Наблюдения эти привели къ замѣчательнымъ результатамъ. Въ послѣднее время въ Германіи появились также сочиненія о червяхъ; Дарвинъ въ особенности упоминаетъ о трудахъ Гофмейера и Гензена. Кромѣ уясненія многочисленныхъ отдѣльныхъ пунктовъ, Дарвинъ послѣ многихъ опытовъ и наблюдений, опредѣлить геологическую дѣятельность червей. Для ближайшаго ознакомленія со способностями червей, Дарвинъ держалъ ихъ въ цѣвѣчныхъ горшкахъ съ землею въ своемъ кабинетѣ, такъ что удобно могъ наблюдать ихъ почтовую работу. Вскорѣ оказалось, что животныя эти соблюдаютъ строгій порядокъ въ своемъ образѣ жизни; и хотя горшки были прикрыты, такъ что червямъ было темно, но долгое время они выходили изъ порокъ только ночью, точно также какъ и на свободѣ и постоянно въ одно время, точно какъ и въ часы. У червей очень много враговъ на землѣ, а потому то изъ предосторожности они и выходятъ только ночью.

Черви очень осторожны, и если они хотятъ изслѣдовать мѣсто около ихъ норки или посягать опавшихъ листьевъ, то хвостъ свой они оставляютъ въ норкѣ и прячутся при малѣйшей опасности. Только послѣ сильныхъ дождей они дѣлаютъ большіе ночные переходы и поселяются на новыхъ мѣстахъ; тогда поутру на влажной почвѣ можно видѣть скрепящуюся по всемъ направленіямъ слѣды ихъ. Весною и осенью, время ихъ главной дѣятельности, они по утрамъ лежатъ у входа своихъ порокъ и въ эту пору во множествѣ поѣдаются дроздами.

Хотя у нихъ нѣтъ и слѣда глазъ, но они также хорошо ощущаютъ искусственный свѣтъ какъ свѣтъ солнца, но только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствуетъ на ихъ губной конецъ, т. е. на ту часть тѣла, гдѣ лежатъ ихъ главные нервные узлы или маленькіе мозги, находящіеся въ первомъ кольцѣ окружающемъ ротъ. Тогда они двигаются этимъ переднимъ концомъ въ знакъ того, что вниманіе ихъ возбуждено и входятъ въ норку то медленно, то скоро, а иногда съ быстротою молніи. Если же губной конецъ затѣненъ или остается въ норкѣ, то все тѣло можетъ быть освѣщено и животное не прячется. Если же при помощи линзы сгустить свѣтъ на ихъ переднемъ концѣ, то въ большинствѣ случаевъ они поспѣшно прячутся, но иногда не обращаютъ вниманія на это усиленное раздраженіе и именно въ то время, когда заняты жѣдой листка или втягиваніемъ его въ норку. Поэтому поводу Дарвинъ замѣчаетъ, что черви, какъ и высшія животныя, способны такъ углубиться въ известное занятіе, что не обращаютъ вниманія даже на помѣху.

Червь повидимому совсѣмъ не имѣетъ слуха. Ни рѣзкіе звуки трубы, ни громкій говоръ, ни игра на фортепьяно вблизи ихъ не прекращали ихъ подземной дѣятельности; но за то они очень чувствительны къ сотрясенію твердыхъ тѣлъ, такъ напримѣръ, если ставили горшокъ на фортепьяно, то послѣ перваго же звука черви поспѣшно исчезали съ поверхности.

Это способствуетъ тому, что иногда они уходятъ отъ кротовъ и тысячножекъ, преслѣдующихъ ихъ подъ землею и отъ другихъ враговъ, угрожающихъ имъ извнѣ. Всякіе запахи, за исключеніемъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ раздражительно на ихъ не открытое тѣло, какъ напр. уксусъ и нашатырь, они ощущаютъ мало, однако скоро умѣютъ находить всякіе листочки, спрятанные въ горшкѣ. Вкусъ у нихъ очень разборчивый, кусочки моркови и луканицы поѣдаются ими прежде кусковъ калуеты и рѣпы. Нѣкоторые листья съ острыми запахомъ, какъ то, тимьянъ, шалфей, чернотыльникъ и пр. вѣроятно имъ противны, такъ какъ такіе листья всегда остаются нетронутыми.

Замѣчательныя наблюденія Дарвина надъ способомъ ихъ втягивать опавшіе листья и другіе предметы. Прохаживаясь поздней осенью утромъ по саду мы видимъ массу опавшихъ листьевъ, корешковъ, соновыхъ илгъ и соломонокъ, которые торчатъ изъ порокъ. Послѣ многотысячныхъ наблюдений Дарвинъ убѣдился, что въ этихъ случаяхъ черви дѣйствуютъ такъ, какъ дѣйствовалъ бы человекъ при втаскиваніи какого нибудь предмета въ узкое отверстіе. Если листъ уже къ сторонѣ корешка, то дождевой червь, тянетъ его къ себѣ этимъ узкимъ концомъ, и наоборотъ, если листъ уже со стороны крайней, какъ напримѣръ у липы, то червь тянетъ его въ норку крайнимъ концомъ. Различныя виды илгъ, соединенныя по двѣ, втягиваются червями отъ пункта ихъ соединенія. Круглые листья, не имѣющіе суженной стороны, если они довольно мягки, захватываются посрединѣ и тогда уже тянутся въ норку.

Однимъ словомъ приходится сознать, что дождевые черви, не смотря на недостающіе органы, на столько развиты, что могутъ судить о формѣ предметовъ и цѣлесообразно поступать съ ними. Также какъ и съ листьями, черви поступали и съ треугольниками бумаги, которые, для предохраненія ихъ отъ размочанія ночью отъ росы, были напитываемы жиромъ. Самые узкіе были втягиваемы за кончикъ, болѣе широкіе схватывались посрединѣ и втягивались по мѣрѣ того, какъ они складывались.

Втянутые въ отверстія предметы служатъ червямъ въ пищу, а также для выкладки порокъ и забиванія входа, для предохраненія порокъ отъ холода и отъ дождя. Если же они не находятъ листьевъ или корешковъ, то съ этой же цѣлью, они притягиваютъ маленькіе камни къ отверстиямъ порокъ, или

укладываютъ ими стѣнки болѣе широкаго конца норки, куда черви уходятъ во время сильныхъ зимнихъ морозовъ или во время лѣтней засухи, вѣроятно съ цѣлью предохранить себя отъ соприсношенія съ холодною землею. Листья, служащіе имъ въ пищу, они смачиваютъ щелочнымъ веществомъ, способствующимъ скорѣйшему увяданію листьевъ и дѣлающимъ ихъ болѣе удобоваримыми. У дождевыхъ червей нѣтъ твердыхъ челюстей, но за то есть желудокъ съ сильными поперечными мускулами; въ немъ постоянно находятся камни, которые служатъ для размельченія твердыхъ веществъ. Такъ какъ перегной и разлагающіеся листья, которые поѣдаютъ черви, кислы сами по себѣ, то въ желудкѣ червей не происходитъ обычнаго пищеваренія, какъ въ желудкѣ высшихъ животныхъ, но пищеварительный сокъ ихъ, какъ во рту такъ и въ желудочной желѣзѣ обладаетъ щелочными свойствами, которыя усиливаются еще двумя желѣзами, вытѣляющимися въ пищеварительный каналъ большое количество углекислой извести.

Въ то время, когда листья не падаютъ, черви проглатываютъ большое количество земли, вытягивая изъ нея пищу въ формѣ перегной, личекъ наскомокъ, грибныхъ споръ и пр., все это они измельчаютъ и смѣшавъ со своими животными выделениями, извергаютъ у входа порокъ въ видѣ доменныхъ, нитеобразныхъ массъ на подобіе кучекъ червячковъ. За частую они проглатываютъ землю только для того, чтобы проложить себѣ путь далѣе. На всаженныхъ пространствахъ черви легко пролагаютъ себѣ дорогу, причемъ переднюю часть тѣла они отбрасываютъ землю на обѣ стороны, но въ болѣе плотной почвѣ, они положительно должны проѣхать себѣ путь, и тогда изверженія ихъ, смотря по почвѣ, состоятъ или изъ чистой углекислой извести, или желтаго или краснаго кирпича, очень мелко истертаго и притомъ всегда пропитаннаго животной жирностью, хотя и не въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ даже и безплодную почву они постепенно превращаютъ въ плодородную, какъ только находятъ возможность втаскивать листья и жить тамъ! Гензель видѣлъ, какъ благодаря дѣятельности двухъ дождевыхъ червей, поверхность бѣлаго песку, положеннаго въ котелъ въ 18 дюймовъ въ поперечникѣ и посыпаннаго листьями, черезъ полтора мѣсяца покрылась слоемъ темной пахатной земли, толщиной въ сантиметръ. Кромѣ того, черви вводятъ въ землю массу разбросанныхъ органическихъ вещей, какъ то: листьевъ, личекъ наскомокъ, скорлупу улитокъ, кости и т. п., взаменъ чего покрываютъ землю своими червеобразными кучками, и смена растений благодаря этому обмѣну попадаютъ въ землю и произрастаютъ. Корни отчасти находятъ себѣ мѣсто въ ходахъ червей, ходы эти удобрены уже животными выделениями, такимъ образомъ корни повсюду находятъ приготовленную почву.

Производительная способность червей относительно той массы земли, которую они приносятъ изъ внутри на поверхность, точно не опредѣлено, такъ какъ никто не занялся тщательнымъ взвѣшиваніемъ ихъ изверженій; Гензель считаетъ что число червей на $\frac{1}{2}$ десятины земли доходитъ до 133,000 штукъ; находясь у порокъ изверженія различны въ вѣсѣ отъ $\frac{1}{2}$ унціи до 4 и до $\frac{1}{4}$ фунта. Одинъ видъ дождевыхъ червей, происходящій по всей вѣроятности изъ Остъ-Индіи и занесенные на сѣверный берегъ Средиземнаго моря, строятъ тамъ надъ своими норками родъ башенокъ, вышиною въ два дюйма и въ поперечникѣ дюймъ; башенки эти состоятъ изъ земляныхъ изверженій и представляютъ своеобразный видъ. На Цейлонѣ существуютъ черви длиною въ два дюйма и толщиной въ $\frac{1}{2}$ дюйма; изверженія ихъ гораздо больше по количеству. Въ Англіи считаютъ массу вынесенной на поверхность земли въ 10 тоннъ на одну десятину земли. Но Дарвинъ находитъ мѣстности, гдѣ количество это возрастало до 18 тоннъ.

Для археолога составляетъ не малый интересъ прослѣдить какъ подъ этой равномерной массой земли сохраняются не только камни, но и другіе потерянные предметы, какъ напр. монеты, украшенія, оружіе, разныя издѣлія изъ камня и бронзы. Въ этомъ отношеніи археологи и изслѣдователи сбязаны червямъ не менѣе землепашцевъ а также и архитекторы, которые сохраняеміе многихъ старыхъ памятниковъ и художественныхъ каменныхъ остатковъ обязаны единственно работѣ червей.

При помощи своихъ сыновей, Дарвинъ провѣрилъ это предположеніе на многихъ старыхъ аббатахъ и сохранившихся полахъ старыхъ римскихъ виллъ. Дождевые черви, подтачивая стѣны, заставляютъ ихъ опускаться, что можно замѣтить на стѣнахъ съ плохими фундаментами. Но такъ какъ черви не идутъ глубже 5—6 футовъ внизъ, то стѣны съ хорошимъ фундаментомъ не подтачиваются червями, поэтому то многіе поды болѣею частью болѣе погнуты въ серединѣ, такъ какъ черви менѣе истачиваютъ землю вокругъ стѣны.

Въ заключеніе остается упомянуть о важной геологической дѣятельности дождевыхъ червей. Изверженія ихъ на равнинахъ, покрытыхъ растеніями и въ сырыхъ полосахъ, составляютъ единственное подвижное почвенное вещество, которое размельченное можетъ быть унесено вѣтромъ или смыто дождями. Если даже маленькая частичка этой тонкой земли, достигающей до 0, 2 дюйма, которую ежегодно приносятъ въ Англіи черви на поверхность, будетъ свосится вѣтромъ и

смываться дождями, то конечно съ течениемъ тысячелѣтн масса этой земли достигнетъ значительныхъ размѣровъ, вотъ почему Дарвинъ не преувеличиваетъ, когда говоритъ, что мягкость и округленность формъ, которая представляетъ горы и холмы въ плодородныхъ странахъ, и которая радуетъ глаза, все это отчасти дѣло дождейвыхъ червей. Въ то же время, разрыхляя верхнй слой земли, они тѣмъ самымъ препятствуютъ слишкомъ большому накопленю мягкой земли на скалистомъ

почвѣ, а это важно въ томъ отношенш, что поверхности скаль дѣлаются болѣе доступными дѣйствию иобныхъ плесель и дождевымъ червямъ. Такимъ образомъ постоянно разлагаются новья массы скаль, постоянно приносятся новыя слои земли, составъ которой постоянно пополняется новыми минеральными частями. И такъ презрѣнная животная, не способная на ихъ значительность, по мысли англйскаго естествоиспытателя, стоять въ ряду полезнѣйшихъ работниковъ земнаго шара.

Часъ въ сказочномъ мрѣ.

(Рисунокъ на стр. 113).

На вѣсехъ рисункѣ помѣщенномъ въ этомъ № изображенъ видъ электрической выставки въ Солиномъ городѣ, о которой мы уже говорили въ предыдущемъ номерѣ. Слева, внизу— видъ комнаты такъ-называемой „телефонной“ и затѣмъ общй видъ всей этой любопытной выставки.

Въ воскресенье, въ часъ съ половиною дня, какъ мы уже говорили, состоялось открытй выставки. Множество публики ее посѣщаетъ. Распорядители очень любезно отвѣчаютъ на вопросы зрителей и объясняютъ устройство различныхъ машинъ. Для приданя еще большаго интереса выставкѣ, гг. Булгеровъ, Хвольсонъ, Бергманъ и Егоровъ (о чемъ мы уже говорили) будутъ читать лекцш четыре раза въ недѣлю. По такимъ днямъ плата будетъ взиматься по рублю, въ остальные-же дни по пятидесяти коп.

Во время лекцш будутъ производиться опыты по гальванопластикѣ, фотографш и проч. Зайдемъ-же на выставку въ одинъ изъ обыкновенныхъ вечеровъ.

Первое, что поражаетъ при входѣ—это прекрасное, яркое и прятное для глазъ освѣщенй. Если присмотрѣться къ отдѣльнымъ лампамъ, то въ свѣтъ ихъ замѣчается громадная разница: лампы, висящя у входа, устроенныя по системѣ Сименса, даютъ бѣлый, чистый, ровный, такъ сказать, холодный свѣтъ, который смѣло можно сравнить съ солнечнымъ свѣтомъ. И такъ какъ эти лампы горятъ не только свѣтло, но и безъ всякаго шума, то они могли-бы считаться лучшимъ электрическимъ освѣщенемъ для театровъ и концертныхъ залъ, если-бы устройство ихъ не было сопряжено со многими неудобствами. Регуляторы ихъ слишкомъ сложны. Это лампы общества „Электротехникъ“, во главѣ котораго, стоитъ г. Чиколевъ. Затѣмъ слѣдуютъ лампы системы Яблочкова, которая при первомъ взглядѣ кажется какъ-бы гораздо хуже первыхъ: онѣ горятъ красноватымъ, неровнымъ свѣтомъ, шумятъ при горѣнш, часто мелькаютъ и мѣняютъ цвета, но за то устройство ихъ очень просто и лампы эти болѣе всего годятся для освѣщеня улицъ. Но обѣ системы конечно могутъ быть еще усовершенствованы. Отдѣльныя части и модели каждой системы выставлены тутъ-же. У маленькой будки, находящейся у входа на выставку и служащей абонементамъ контророй, для журнала „Электричество“, висятъ двѣ малыя, стѣнные лампочки, въ величину обыкновенной грюши. Въ этихъ изобрѣтенныхъ Ладигинымъ лампочекъ, горятъ очень тонкш, въ видѣ буквы М, уголь изъ бамбуковыхъ волоконъ, который не подвергается скорому разрушенш, такъ какъ изъ стеколъ удаленъ воздухъ. Уголь въ нихъ можетъ служить въ продолженш полугоду. Лампы Эдисона, которыхъ въ Менло-Паркѣ ежедневно готовится болѣе двухъ тысячъ штукъ, двойной величины: силою въ 8 и 16 свѣчей.

Перейдемъ теперь въ телеграфное отдѣленйе. Здѣсь помѣщены 4 портрета: Якоби, барона Шиллинга, Давида Гутеса и Самуила Морзе, умершаго въ 1872 г. Въ этомъ отдѣленш выставлено много аппаратовъ, между ними заслуживаетъ особенное вниманйе, бывший на парижской выставкѣ „телекаль“ русскаго инженера, полковника Якоби. Телекаль—это передатка телефона для передачи денешъ по слуху. Въ маленькомъ замкнутомъ ящикѣ, находится колокольчикъ, который при помощи клавишей, находящихся наверху крышки, можетъ издавать звуки, которыми денеша принимается по слуху. Знаки соответствуютъ азбукѣ Морзе, т. е. соединеня точекъ и тире. Звуки передаются также, какъ въ обыкновенномъ телефонѣ: аппаратъ очень простъ, удобенъ для переноски и установки въ любомъ мѣстѣ, можетъ быть включенъ въ любую линш, не требуя разобщеня дѣйствующаго станцшннато аппарата, всѣтъ отъ 10 до 15 фунтовъ, не требуетъ батарей и дѣйствуетъ на разстоянш 1.800

верствъ, не утрачивая ясности и силы звука. При водочныхъ условшхъ аппаратъ этотъ имѣетъ богатую будущность.

Посвятимъ немного времени гальванопластикѣ. Прекрасныя, никелированныя работы Экспедицш заготовленя государственныхъ бумагъ и полковника Кувако, начиная отъ посеребренныхъ пальмовыхъ листьевъ до электрогравюръ, извѣсны уже по выставкѣ прошлаго года.

Затѣмъ мы переходимъ въ машинное отдѣленйе, гдѣ два локомотива въ 12 и 20 лошаинныхъ силъ, приводятъ въ движенй дѣлный рядъ динамо-электрическихъ машинъ. Тутъ находится та таинственная, безымянная сила, которую мы видимъ въ различныхъ примѣненшхъ, можемъ переслать на тысячи верствъ и получить въ любомъ количествѣ, по существу которой и пылъ мы знаемъ также мало, какъ и во времена Ампера, Гальвани, Юмбля, Меллонн, Якоби и проч. Еще недавно самой практической машиной считалась машина Грамма, теперь-же считается машина Сименса, а быть можетъ векорѣ будетъ признаана машина Эдисона: каждый день приносятъ новыя измѣненя, новыя усовершенствованя. Примѣненя этой силы мы видимъ тутъ въ печатномъ прессѣ и насосѣ, а также въ маленькой желѣзной дорогѣ.

Вокзѣ этого отдѣленя стоитъ восьмиугольный оловянный поставецъ, около $\frac{3}{4}$ арш. вышины и $\frac{1}{4}$ арш. ширины по сторонамъ. На каждой сторонѣ помѣщено по 6 углей, длиною въ $\frac{1}{4}$ арш. каждый, соединенныхъ попарно. Это электрическая печь, которая вводится въ главный токъ. Токъ, находя въ угляхъ значительное сопротивление, при прохожденш развиваетъ высокую температуру. Дальнѣйшее приженйе электрической теплоты, мы выходимъ въ электрическихъ чайникахъ— шарообразныхъ стеклянныхъ сосудахъ, черезъ крышку которыхъ проходятъ три платиновые проводки, нагреваемые до красна токомъ и которые доводятъ воду до степени кипѣнш. Затѣмъ проходитъ далѣе, мы видимъ аппаратъ Давидова, автоматически производшй выстрѣлы изъ корабельныхъ орудш: максимальный и минимальный термометръ, опредѣляющй высоту температуры на значительномъ разстоянш; вибрацшнный телефонъ Якоби, состоящй изъ телефона и соединеннаго съ нимъ пневматическаго будильника; далѣе микро-микрофонъ, который заводитъ микро-метрическимъ винтомъ, имѣетъ отдѣльную батарею и на которомъ производится всевозможныя соединеня метала съ углемъ.

Наконецъ мы попадаемъ въ свою очередь, вместе со многими, въ телефонный кабинетъ, украшенный цвѣтами и статуями. По стѣнамъ его помѣщены доски, на которыхъ находятся телефонныя проводки. Около двери стоитъ особенный ящикъ: это микрофонъ, соединенный съ Большимъ театромъ. Мы становимся около стѣны, приставляемъ къ ушамъ двѣ телефонныя проволоки. Совершается шчто изумительное. Оркестръ гремитъ тутъ, передъ нами, въ непосредственной близости. Удивленные, мы отнимаемъ телефонъ и ничего не слышимъ; но снова приставляемъ его и снова слышимъ каждый звукъ, во всей его полнотѣ и мелодичности, точно присутствуемъ сами въ Большомъ театрѣ. Вдругъ раздались аплодисменты. Мы невольно увлекаемся и кажется видимъ трацшнныя на танцовщицъ. Но вотъ раздается слова: „господа, ваши три минуты прошлы!“ И мы, хотя неохотно, возвращаемся къ действительности...

Одно уже это стоитъ, чтобы посѣтить выставку и публика повидимому обшнала усиля распорядителей выставки, ибо народу тамъ постоянно толпится много, въ особенности интересующся телефоннымъ кабинетомъ и терпѣливо дожидается своей очереди, своихъ трехъ минутъ, съ ихъ страннымъ, необычнымъ впечатлѣншмъ дѣвствя какой-то изумительной, вѣвдомой силы иного мра.

Къ рисункамъ.

Маленькая шалунья.

(Рис. на стр. 100 и 101).

Утро маленькой, прелестной баловницы только что начинается. После ея чистыхъ, золотыхъ грезь, после прѣлкаго мирнаго дѣтскаго сна, подняла ее няня и уговариваетъ хорошеняко докончить туалетъ, помолиться, пить чай и все что должна продѣлать умная дѣвочка смиренно и тихо. Такъ уговариваетъ ее ея молодая, милосивдая няня. Но балованная дѣвочка смѣется, плещется и говорить, что не хочетъ быть умной и смирой и не даетъ себя отвѣать, прыгаетъ и шалить. Она такъ мила и прелестна даже

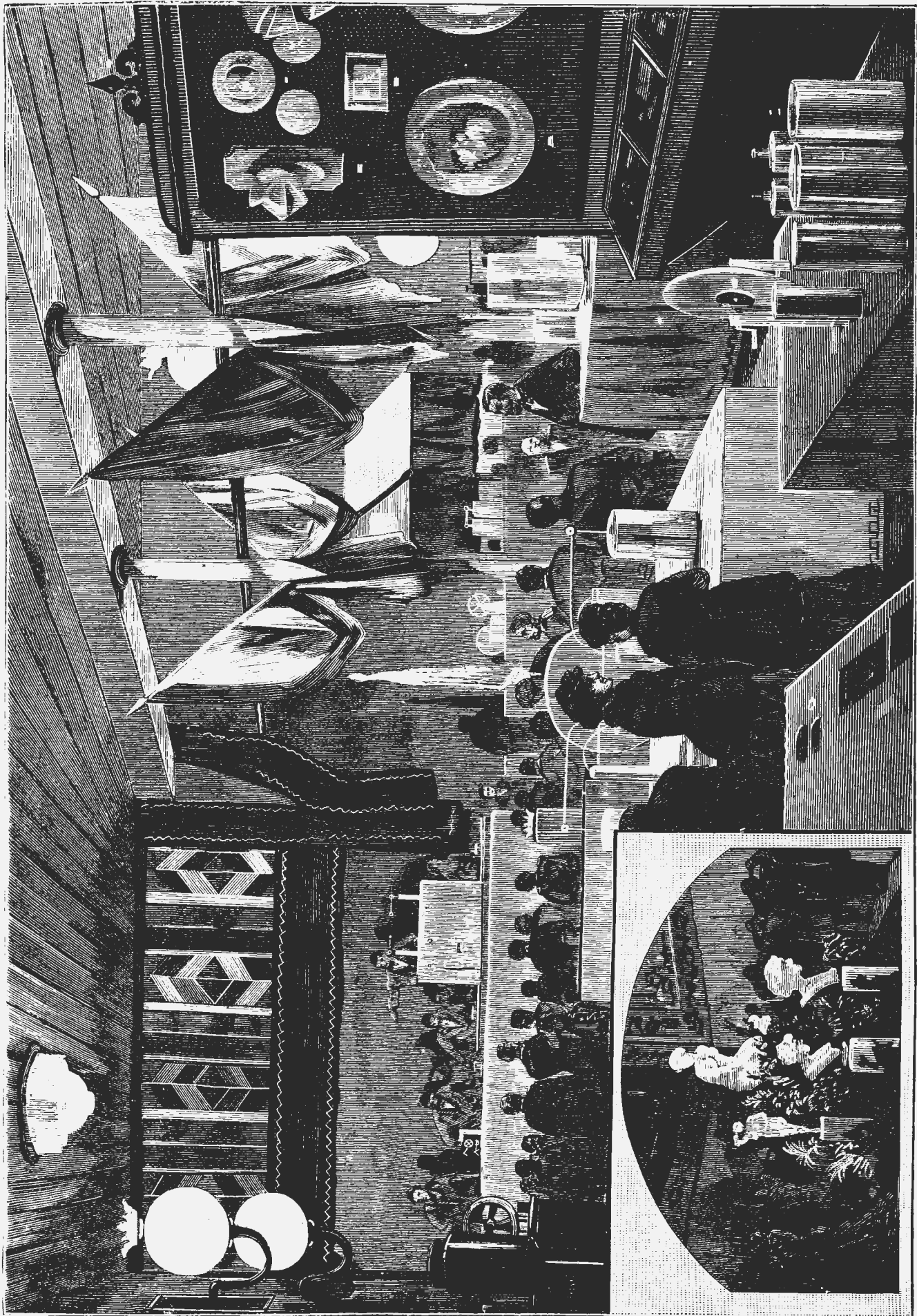
въ своихъ шалостяхъ, что хотя няня и старается быть серьезной, уговаривая свою питомицу, но не можетъ быть строгой—она ее такъ любитъ, что и сама не прочь побавоватъ эту обную любимицу и ни за что не рѣшится быть съ ней строгой.

Принцесса Узльская и ея дочери.

(Рис. на стр. 105).

Прелестную группу представляетъ та красавица-мать, любующаяся играми своихъ юныхъ дочерей. Эта истинная, милая картина семейнаго счастья. Особенное значенйе и высокй интересъ по-

(Продолжене на стр. 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119 и 120.)

Телефонный кабинет, изъятый сообщеніе съ Болышииъ и Мариинскимъ театрами

Электрическая выставка въ СПБургѣ въ Соляномъ Городкѣ. Ориг. рис. И. Н. Каразина. грав. М. Рашевскій.

лучаетъ эта картина, когда мы узнаемъ, что это супруга наследника англійскаго престола, принцесса Уэльская, съ дочерьми. Принцесса Александра Уэльская, старшая дочь нынѣ царствующаго короля Даніи, Христіана IX и его супруги, Луизы, родная сестра нашей Государыни Императрицы, родилась 1-го декабря 1844 года и 10-го марта 1863 года вступила въ супружество съ старшимъ сыномъ королевы англійской Викторіи, наследникомъ престола Англии принцемъ Альбертомъ Эдуардомъ Уэльскимъ, род. 9 ноября 1841 года. Принцесса не только отличается красотою наружною, но и высокими качествами и прекраснымъ образованіемъ. Въ Англии она пользуется общею любовью и очень часто имѣетъ случаи видѣть своихъ будущихъ подданныхъ, такъ какъ королева Викторія, со времени своего вдовства, часто представляетъ своему старшему сыну и его супругѣ вступать въ мѣсто на общественныхъ празднествахъ и т. п., требующихъ присутствія королевскаго дома. Но и за пределами Англии принцесса Уэльская заслужила глубокое уваженіе своимъ участіемъ во всѣхъ начинаніяхъ, клонящихся къ поднятію и развитію женскихъ ремеселъ и работъ. У принцессы Уэльской пять человекъ дѣтей: два принца: Альбертъ Викторъ (род. 8 января 1864 г.) и Георгъ (род. 3 июня 1865 г.) и три принцессы: Луиза (род. 20 февраля 1867 г.), Викторія (род. 6 июля 1868 г.) и Маудъ (род. 26 февраля 1869 г.).

Оба принца служатъ въ англійскомъ флотѣ и въ настоящее время находятся въ кругосвѣтномъ плаваніи. Три юныя принцессы воспитываются подъ наблюденіемъ родителей; гѣмъ онѣ проводятъ время въ Сатрингамѣ—дѣтней резиденціи принца и принцессы Уэльскихъ. Нашъ рисунокъ переноситъ насъ въ уголокъ сада этаго именно дворца; принцессы, подымаясь отдохномъ отъ уроковъ, играютъ на свободѣ, а августѣйшая мать радостно смотритъ на ихъ забавы.

„Судъ Божій“, баллада В. А. Жуковскаго.

(Рис. на стр. 108).

Цѣлый рядъ писателей съ XVIII вѣка вводятъ въ поэзію балладу—въ Англии (Борнсъ и Соути) и въ Германіи (Бюргеръ и друг.). Жуковскій сдѣлалъ и у насъ ее популярною. Мрачныя эти произведенія въ его превосходномъ переводѣ пользовались и у насъ большимъ успѣхомъ. Подробнѣе мы говорили объ этомъ въ прошломъ году, помѣщая рисунки къ произведеніямъ Жуковскаго.

Къ одной изъ такихъ балладъ „Судъ Божій надъ епископомъ“ взятой поэтомъ изъ Соути и известной каждому даже по хрестоматіямъ, нашъ талантливый художникъ, Н. Н. Каравинъ, сдѣлалъ эффектный рисунокъ, зѣбѣ помѣщаемый.

Были и дѣто и осень дождливъ
Были потоплены пажити, нивы,
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ
Сдѣлался голодь, народъ умереть...

Такъ начинается баллада. Но среди общаго бѣдствія у одного

епископа Гаттона на Рейнѣ огромные запасы и склады хлѣба. Бѣдствующее населеніе прибѣгаетъ къ нему съ мольбами о помощи. Но Гаттонъ скупъ и жестокъ—въ тѣ угрожныя времена жестокость и произволь были явленіемъ довольно обычнымъ. Гаттону надобны эти крики и мольбы и онъ затѣваетъ странное дѣло: объявляетъ что будетъ раздавать хлѣбъ, нуждающихся созываетъ къ себѣ, запираетъ въ пустой амбаръ и тамъ ихъ сожигаетъ. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, хохочеть, говоря: „я избавилъ страну отъ голодныхъ крысъ“.

По воть до него доходятъ страннича и дикія вѣсти. Богъ караетъ его за ужасное дѣло. Всѣ округъ полощъ мышами, въ житницахъ Гаттона онѣ сѣли весь хлѣбъ, и наконецъ страшною тучей осаждаютъ замокъ—Гаттонъ бѣжитъ отъ нихъ спастись въ Рейнской башнѣ, ему принадлежащей. Онъ садится въ легкую лодку, ѣдетъ туда, причетъся въ башнѣ, но тихо!

Мыши плывутъ!

Ближе и ближе... доплыли... ползуть...

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ

Слышно какъ лѣзутъ съ ропаньемъ и пискомъ...

Гаттонъ въ ужасѣ. Онъ молится, рыдаетъ въ отчаяніи—ничто не помогаетъ. Мыши тучами лѣзутъ въ окно, обѣзпляютъ его, грызутъ, рвутъ тѣло на части. „Такъ былъ наказанъ Гаттонъ“, заключаетъ поэтъ. Описаніе замка, приступа крысъ и трагической гибели Гаттона, какъ известно, превосходно, что выкупаешь нѣкоторую наивность содержанія, переносящаго насъ сосѣмъ въ инія времена, совсѣмъ къ иной жизни.

Въ горахъ Албаніи.

(Рис. на стр. 109).

Помѣщая въ прошломъ году въ № 43 большой прекрасный рисунокъ извѣстнаго вѣнскаго художника, профессора Зверини „Черная башня“, мы уже говорили, съ какими трудностями и опасностями, въ одеждѣ францисканскаго монаха, художникъ этотъ совершалъ свои путешествія въ дикихъ горахъ Албаніи, гдѣ среди суровыхъ и воинственныхъ обитателей не разъ приходилось ему быть свидѣтелемъ и кровавыхъ сценъ. Побывавъ въ разныхъ мѣстностяхъ Албаніи, доплѣлъ непосѣщенныя никѣмъ изъ путешественниковъ, Зверина перенесъ въ свой альбомъ многое изъ видѣннаго имъ. Мы уже не разъ помѣщали рисунки этаго талантливаго художника. На этотъ разъ мы представляемъ прекрасный оригинальный видъ одного изъ горныхъ поселеній, этихъ гнѣздъ удалыхъ горныхъ орловъ Албаніи, гнѣздъ, которыхъ такъ много въ ихъ горахъ. Вотъ передъ нами высятся эти глиняныя строения со всѣми ихъ приспособками, которыя придаютъ такой живописный, разнообразный видъ всему сооруженію. Это первобытныя жилища прежнихъ бойцовъ албанскихъ и отважныхъ бойцевъ теперешней „лиги“, которая такъ борется за свою жизнь и хищически нападаетъ изъ этихъ притонѣвъ на своихъ сосѣдей.

С У М Е Р К И.

Вся закутана чадрую,
Ты стоишь передо мной,
Какъ полночное видѣнье,
Озаренное луной...

Ужъ давно пробили зорю,
Вѣчный сумрака сигнать,
И мулла свою молитву
Съ минарета прокричалъ...

Поздно, поздно. Сны летаютъ,
Гаснутъ въ городѣ огни,
И лепечуть что-то съ вѣтромъ,
Тихо тоноли они...

Полны нѣги ночи душной
Льются чары и дары...
Для кого-жъ блещутъ зарницы
Этихъ глазъ изъ подъ чадры?

Аккъ-Мечети.

П. Гнѣдичъ.

Политическое обозрѣніе.

Закаспійскій отдѣлъ.—Движеніе въ Герцеговинѣ и Босніи.—Болгарія и Румелия.—Князь Бисмаркъ.—Гамбетта.

Наша недавняя новал побѣда въ Азіи начинается уже приносить плоды. По свѣдѣніямъ газеты „Кавказъ“, въ Закаспійской области нынѣ царствуетъ совершенное спокойствіе. Русскіе офицеры, съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ человекъ, безпрепятственно проѣзжаютъ по всей странѣ и сосѣднимъ владѣніямъ, какъ у себя дома. Отъ конца Закаспійской желѣзной дороги, въ Кизиль-Арватѣ, до Асхабада, на пространствѣ 216 в., русскіе солдаты, часто, въ одиночку, слѣдуютъ съ четверкою лошадей, почув на нѣкоторыхъ перегонахъ въ текинскихъ линіяхъ. Надо надѣяться, что власти озаботятся устройствомъ почтовой гонимы. Предпологавшася въ Асхабадѣ обширная крѣпость въ окончательномъ проектѣ сокращена въ размѣрахъ значительно и нынѣ служитъ для города какъ бы цитадель, прикрывая госпиталь, казначейство, походную церковь и т. д. Внѣшній видъ Асхабада, какъ и надо, конечно, ожидать, пока не поражаешь великолѣпиемъ: 300 съ чѣмъ-то домиковъ, выстроенныхъ офицерами и чиновниками, сложены изъ кирпича и потому полны на глинноблѣнные постройки.

Текинцы-гомуръ, т. е. осѣдлые, возвратились уже на свои мѣста и принимаются за обычныя свои работы, чорва же, т. е. кочевники, ушли на зиму въ пески, къ колодцамъ (число ихъ еще не приведено въ извѣстность). Все извѣстное населеніе Закаспійской области, съ Мангичлакомъ, доходитъ до 100 тысячъ чел. обоого пола; въ текинскихъ селеніяхъ уже начинается устанавливаться торговля на правильныхъ основаніяхъ, т. е., заводятся лавки и Тымма-Сердаръ, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ Вами, выстроилъ себѣ небольшой домъ на манеръ русскаго. Словомъ, для этой „буйной окраины“ какъ выразился генералъ Скобелевъ, наступаетъ безповоротно новал эра—переходная ступень отъ анархіи къ порядку и мирному развитію. Говоря о Закаспійскомъ отдѣлѣ, нельзя, конечно, обйти молчаніемъ генерала Скобелева. На дняхъ праздновалась годовщина взятія Геокъ-Теле, по случаю которой молодой военачальникъ произнесъ рѣчь, главнымъ образомъ посвященную, конечно, воспоминаніямъ о боевомъ подвигѣ, совершеномъ нашими войсками въ январѣ прош аго года, но, въ этой рѣчи генералъ не забылъ и тѣхъ братьевъ великой славянской семьи, для которыхъ русской мечь—лучшая надежда въ будущемъ. Съ глубокимъ чув-

Игры и задачи.

Японско-китайская игра Го.

Г. Корнелиусъ, живущій въ Токио въ Японіи издалъ подробное, поясненное таблицами, описание игры, которая хотя и не имѣетъ сходства съ шахматной игрою, но которая по своему культурно-историческому значенію представляетъ столько родственнаго съ нашимъ шахматнымъ искусствомъ, такъ аналогична съ нею по историческому развитію и общественному значенію, что сравненіе этихъ двухъ древнихъ умственныхъ занятій приводитъ къ самымъ поучительнымъ выводамъ.

Въ Го играютъ два игрока на доскѣ, раздѣленной параллельными линіями на квадраты. Въ мѣстахъ соединенія линій устанавливаются кости (не фигуры). Число костей соответствуетъ числу точекъ соприкосновенія линій, именно 19—19—361, изъ которыхъ половина бѣлыхъ и половина черныхъ костей. Игроки попеременно ставятъ одну изъ своихъ костей на свободную точку. Цѣль игры сводится къ тому, чтобы изъ разставленныхъ на доскѣ костей образовать постепенно цѣпь, которая-бы окружала какъ можно болѣе пустаго мѣста. По окончаніи игры считаются точки соединенія замкнутыя цѣпи, и у кого болѣе этихъ точекъ—тотъ выигрываетъ.

Въ Японіи съ давнихъ временъ существовало двѣ игры на доскахъ. Одна, по имени Соги,—родъ шахматной игры, но только менѣе усовершенствованная, чѣмъ эта послѣдняя. Въ Соги, кромѣ пѣшекъ и короля, есть шесть родовъ офицеровъ, но впрочемъ имѣющихъ мало ходовъ. Въ Японіи игра въ Соги очень распространена, въ нее играютъ всѣ, вѣроятно потому, что карточная игра строго воспрещена. Но Соги никогда не была систематически изложена, клубовъ Соги никогда не существовало, а также и не было никакихъ книгъ объ ней.

Совершенно въ другомъ положеніи находится другая японская игра на доскѣ—Го. Въ продолженіи 11 столѣтій, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ эта игра была занесена изъ Китая, японцы очень усердно занимались ею. Они даже превзошли въ искусствѣ китайцевъ и считаютъ Го своей народной игрою. Какое значеніе придаютъ Японцы Го, видно уже изъ того, что во время послѣднихъ трехъ-сотъ лѣтъ, усовершенствованіе и изученіе этой игры, было дѣломъ государственнымъ. Въ это время образовалась академія—Го; лучшіе игроки были правительственные чиновники съ хорошимъ содержаніемъ и на ихъ обязанности лежало изученіе и развитіе этой игры. Академія, которая въ 1868 году рушилась вмѣстѣ съ другими учрежденіями въ Баку-фу, хорошо исполняла свою задачу. Она создала богатую литературу объ Го и довела игру до такого совершенства, что она можетъ быть сравнена съ нашей шахматной игрою. По систематическаго изложенія игры, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ шахматныхъ книгахъ, не существуетъ въ книгахъ объ игрѣ Го. Въ нихъ помѣщены только собранія примѣровъ съ немногими и короткими помѣтками, въ которыхъ говорится, что такой-то ходъ хорошъ или дуренъ.

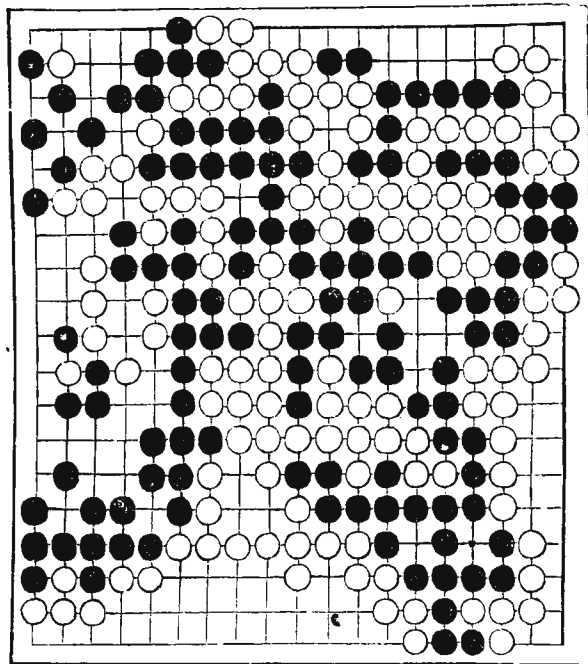
Послѣ 1603 г. Тайкунъ основалъ академію игры Го. Гонимбо Санса, лучшій игрокъ Японіи, былъ назначенъ директоромъ этого учрежденія. Прочіе хорошіе игроки были определены профессорами съ значительнымъ содержаніемъ. Директоръ Гонимбо ежегодно получалъ 350 тубо земли и 200 коку риса. Лучшіе игроки академіи разъ въ годъ являлись къ Тайкуну и играли передъ нимъ. Но чтобы церемонія эта, названная Го-цен—го, не затягивалась долго, партіи были впередъ заучены. Обычай этотъ сохранился до устраненія Тайкуната (1868 г.); онъ прекратился вмѣстѣ съ разрушеніемъ академіи Го.

При основаніи Академіи Гонимбо Санса издалъ постановленіе, которое исполняется еще и теперь. Онъ давалъ игрокамъ Го степени. Достигавшій известной силы въ игрѣ получалъ титулъ Со-дана, или первую степень. Самая высшая степень была девятая или Ку-данъ. Со времени установленія степеней, т. е. почти въ продолженіи трехъ столѣтій только девять человекъ были удостоены девятой степени. Въ настоящее время въ Японіи находится только одинъ игрокъ, имѣющій седьмую степень и 200 человекъ, имѣющихъ первую степень.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ древне-народная игра эта снова въ большомъ употребленіи. Молодежь, обязанная изучать иностранные языки и науки, почти не играетъ, но тѣмъ усерднѣе ведется эта игра чиновниками. Большинство высокопоставленныхъ государственныхъ чиновниковъ большіе любители игры и луч-

шимъ игрокомъ считается министръ Ивакура. Въ войскѣ и въ особенности во флотѣ также много играютъ.

Ежемесячно лучшіе игроки собираются подъ управленіемъ Мурази и играютъ по одной партіи, которая безъ перерыва продолжается иногда цѣлые сутки. Затѣмъ Мурази публикуетъ о результатахъ игры съ приложеніемъ краткихъ критическихъ замѣчаній.

Рѣшеніе шашечной задачи № 94, помѣщенной въ № 52 1881 г.

Бѣлые.		Черные.	
G 3 — H 4	A 3 — B 2		
A 5 — C 3	B 2 — D 4		
F 4 — E 5	D 4 — F 6		
H 4 — G 5	F 6 — H 4		
H 6 — E 3	H 4 — G 3		
E 3 — F 2	G 3 — H 2		
F 2 — G 1			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Москва—Ларионова, М. В.—Егд., Бѣлоостокъ—Вязомбергъ, Калуга—Волокова, Иструсъ—Самарина, Медвѣдово—Лейшигеръ, Николо-Раменье—Смирнова, Просьяны-Поляны—Шеломова, Харьковъ—Веранса.

Рѣшеніе шашечной задачи № 1,

Бѣлые		Черные	
1) D 4 — E 5	G 1 — H 2		
2) E 5 — F 6	H 2 — G 1		
3) F 6 — G 7	G 1 — H 2		
4) G 7 — F 8 D	H 2 — G 1		
5) D 2 — C 3	G 1 — H 2		
6) C 3 — D 4	H 2 — G 1		
7) D 4 — E 5	G 1 — H 2		
8) E 5 — F 6	H 2 — G 1		
9) F 6 — E 7	G 1 — H 2		
10) E 7 — D 8 D	H 2 — G 1		
11) A 1 — B 2	G 1 — H 2		
12) F 8 — H 6	H 2 — G 1		
13) D 8 — G 5	H 4 — F 6		
14) F 2 — E 1	G 1 — A 1		
15) F 4 — E 5	F 6 — D 4		
16) E 1 — C 3	D 4 — B 2		
17) H 6 — C 1			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Москва—Васильева, Ларионова, Калуга—Волокова, Харьковъ—Веранса.

Рѣшеніе ребуса № 2.

Цѣна на все подымается, макаки ликують, а бѣдные плачуть.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Коптора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Нязь А. М. Дундуновъ-Норсаковъ (съ портр.)—Подъ землею. Повесть Н. М. Лебедева (Н. Морскаго). (Продолженіе).—Во время бури. Романъ М. Юкая. (Продолженіе).—Домдевые черви. Очеркъ.—Частъ въ сказочномъ мірѣ (съ рис.)—Маленькая шалунья (съ рис.)—Принцесса Уэльская и ея дочери (съ рис.)—Въ горахъ Албаніи (съ рис.)—„Судъ Божій“, баллада В. А. Жуковскаго (съ рис.)—Сумерки. Стихотвореніе П. Гнѣдича.—Политическое обозрѣніе.—Сибирь.—Японская игра Го.—Рѣшенія шашечныхъ задачъ.—О перемѣнѣ адреса.—О подпискѣ на „Ниву“. 1882 года.—Объявленія.—При этомъ № прилагается „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 26 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 38 рисунками румодѣльныхъ работъ.

Открыта подписка на „Ниву“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на 1882 годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ мы назовемъ только нѣкоторые, именно—романъ Вс. С. Соловьева „Волтерьянецъ“, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергій Горбатовъ“—тѣ же лица являются уже дѣятелями новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны—большая повѣсть П. П. Гнѣдича „Въ Южной глуши“, разсказъ В. Г. Авсеенко „Испанскій дворянинъ“, разсказъ Н. Успенскаго „Нѣтъ худа безъ добра“, разсказъ С. В. Максимова „Барышники“, разсказъ К. К. Случевского „Маньякъ“, разсказъ Н. Боева „На озерѣ“, очерки Вс. В. Крестовскаго; рядъ разсказовъ А. Я. Максимова изъ жизни на крайнемъ Востокѣ и рядъ разсказовъ талантливаго Н. Н. Каразина изъ жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.

Какъ премія на 1882 годъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана новая, очень большая картина профессора В. И. Якобія

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходить всѣ прежнія премія „Нивы“ (82½ сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналъ картины рядомъ съ копіей, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналъ, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокому достоинствѣ исполненія копіи съ этой превосходной картины. Теперь первые полученные экземпляры копій выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Общая высылка премій будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ сего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **бесплатно** для годовыхъ подписчиковъ.

Подробное объявленіе о дѣлахъ можно видѣть на 1-й страницѣ № подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться просятъ обращаться въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9).

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложениями.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэмы Джона Мильтона

Большое изданіе in folio съ 50 большими превосходными картинами
Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полными подстрочными англійскими толкованіями.
ИЗДАНИЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЪ.

Цена въ хорошемъ календарномъ переплетѣ 25 р., съ перес. 30 р. Для подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. 20 р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полушпательномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 30 р. съ перес. 35 р. Для подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. 25 р. съ перес. 30 р.

По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ“ въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась на днѣхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное достоинство соединилось съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.“

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскаго изданія подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фолиантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ бібліотеки или столы ихъ гостинныхъ ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные, отзывы были помѣщены также во многихъ журналахъ.

Одна изъ 50 картинъ Густава Дорэ, помѣщенныхъ въ изданіи „Потерянный и возвращенный Рай“ (уменьшена около 7 разъ).

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 6

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 6 Февраля. 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое издание „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	6 р.
--------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------------	--	-------------	---	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Греческіе монастыри. Угощеніе кофе. Рис. Коль, грав. Гильдебрантъ.

Греческіе монастыри „Метеоры“.

(Рис. на стр. 121, 124, 125 и 128).

Въ Европейской и Азіатской Турціи есть нѣсколько греческихъ монастырей чрезвычайно оригинальныхъ по своему устройству и расположенію на высокихъ скалахъ и интересныхъ по своимъ обычаямъ и историческимъ воспоминаніямъ съ ними соединеннымъ. Главнѣйшіе изъ нихъ носятъ названіе „метеоровъ“.

Названіе это истолковываютъ различно. Одни производятъ его отъ греческаго „метеоросъ“ — высокій, высоко поднявшійся въ воздухъ, что и соответствуетъ ихъ возвышенному мѣстоположенію. Другіе придаютъ этому значеніе возвышеннаго религіознаго настроенія, мысли витающей вѣдь земныхъ предѣловъ, обращенной къ божественному. О происхожденіи этихъ монастырей узнали подробности только благодаря древнимъ рукописямъ, открытымъ въ бібліотекѣ одного изъ такихъ монастырей нѣсколько лѣтъ тому назадъ. По этимъ документамъ построение метеоровъ относится къ XIV в., и въ 1367г. игуменомъ монастыря былъ Нилъ а епископомъ Метеоры близъ Трикалы пресвященный Висаріонъ. Чтобы добраться до монастырей „Метеоры“ въ Албанию, изъ Салоникъ отправляются въ Трикалу и затѣмъ въ Калабаку. Привычныя лошади бойко выступаютъ по каменистой дорогѣ. Калабака расположена на краю ущелья, образованнаго теченіемъ рѣки Пеней, между двухъ крутыхъ горъ. Когда приближаешься въ Калабаку и видишь уже домики ея, глазъ поражается удивительнымъ зрѣлищемъ: то цѣлый лѣсъ скалъ, разбросанныхъ неправильными группами по всей равнинѣ, скалъ самыхъ разнообразныхъ формъ. То видишь грандіозныя колонны, вздымающіяся вверхъ, или огромные утесы, наклонно повисшія и кажется ежеминутно готовые рухнуть. Вѣдь эти скалы и утесы разделены между собою разщелинами и природными галлереями самаго причудливаго вида. На вершинахъ этихъ-то скалъ греческіе монахи воздвигли свои монастырки, теперь большею частью заброшенныя и полуразрушенныя. Это уже конечно такія ужасныя, какихъ можетъ только желать человѣкъ виолнѣ удаляющейся отъ міра, разрывающей съ нимъ вѣдь связи и посвятившей свои молитвы и созерцанію. Прекрасный видъ этихъ скалъ и вѣщающихъ ихъ монастырей представленъ на рисункѣ на стр. 124.

Это религіозное глубокое настроеніе конечно главнымъ образомъ и побуждало къ построенію такихъ уединенныхъ обителей гдѣ кромѣ того было такъ надежно, неприступно и спокойно среди вѣчныхъ неурядицъ и войнъ тѣхъ странъ и нападений разбойничьихъ шаекъ. И до сихъ поръ бѣдная братія принуждена принимать всевозможныя предосторожности противъ нападений грабителей, лстяя ихъ на ихъ скудные достатки. Метеоры — монастыри раскинуты на вершинахъ неприступныхъ скалъ въ пещерахъ и ущельяхъ и природныхъ галлереяхъ представляли къ защитѣ вѣдь удобства. Теперь въ семи уцѣлѣвшихъ монастыряхъ Метеорахъ близъ Трикалы живутъ не болѣе 70—100 человѣкъ братіи. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ монастыряхъ только и есть признаки жизни, въ остальныхъ-же развалинахъ царитъ глубокая торжественная непробудная тишина. Монастыри вообще заброшены и оцѣлѣли вслѣдствіе того что у нихъ отобраны ихъ земли во времена частыхъ здѣсь политическихъ переворотовъ: главные монастыри здѣсь Метеоръ, Св. Варлаама, и Св. Стефана. Скала Метеора подымается отвѣсно на огромную высоту

надъ долиной. Обыкновенно даютъ знать о прибытіи путниковъ крикомъ или свисткомъ. Тогда медленно тянется внизъ со скалы большая корзина на канатѣ, въ которой спускается какой-нибудь монахъ. Онъ спрашиваетъ есть-ли пропускъ и затѣмъ пріѣхали. Затѣмъ поднимается, чтобы показать пропускъ игумену и потомъ уже корзина поднимаетъ путника. Висѣтъ надъ пропастью на такой вышинѣ—возбуждаетъ въ непривычномъ человѣкѣ чувство ужаса и головокруженіе. Поднятіе этой корзины превосходно изображено Барбаномъ на стр. 128. Наверху встрѣчаетъ путника монахъ и ведетъ къ игумену, который обыкновенно привѣтливо принимаетъ странника, монахи показываютъ древнія развалины, обдѣланные храмы свои и свои маленькія смиренныя кельи, угощаютъ турецкимъ, крѣпкимъ и чернымъ кофе безъ сахара въ маленькихъ чашечкахъ и трубкой съ длиннымъ чубукомъ. Извѣстно что обычай этотъ—куренье—очень распространенъ и не считается грѣхомъ среди православнаго духовенства. Такое питье кофе въ тѣни скалы на циновкахъ и коврикахъ и представлено на нашемъ рисункѣ на стр. 121.

Въ Малой Азій, въ Анаголіи, около Брусы есть также такіе монастыри. Видъ одного изъ нихъ, самаго оригинальнаго, въ горахъ Мурадъ-Дага, мы представляемъ на нашемъ рисункѣ на стр. 125. Пріѣхавъ изъ Брусы, съ проводниками, верхомъ, въ Алунтахъ, вы сворачиваете на боковую тропинку вправо къ монастырю. Дороги въ Малой Азій непрободны большею частью для повозокъ и верховая ѣзда—главный здѣсь способъ сообщенія. Мѣстами тропинка такъ узка, что лошади не могутъ идти двѣ въ рядъ. Изъ Алунтахъ уже тропинка все подымается вверхъ, идетъ ущельями, среди скалъ, по берегамъ шумныхъ небольшихъ потоковъ и вдругъ за однимъ изъ поворотовъ открывается монастырь. Могущая скала вздымается передъ вами и издали кажется какою-то стѣною громаднаго циклопическаго сооруженія. На высотѣ 70—90 фут. образовались разнообразныя пещеры, виадны и галереи, и здѣсь-то немногочисленная братія нашла себѣ надежный, неприступный пріютъ. Сношенія съ вѣдшимъ міромъ производятся также единственно лишь посредствомъ корзины на канатѣ, поднимающей вверхъ посетителя.

На рисункѣ очень ясно видно, какъ эта корзина подымается къ высѣченной въ скалѣ широкой лѣстницѣ въ семь ступеней, съ лѣвой стороны которой висѣтъ небольшая колоколеска. Послѣ обычныхъ опросовъ и освидѣтельствванія пропуска, путникъ вводится въ келью и небольшой бѣдныя церкви, устроенныя въ природныхъ глубокихъ пещерахъ, въ которыхъ искусно извѣчны жилья. Среди этихъ галлерей и переходовъ устроены небольшія деревянныя часовенки и кельйки. Все это уютно и трогательно мало и производитъ въ высшей степени оригинальное впечатлѣніе. Здѣсь вы увидите и темную, освѣщенную лампадами, небольшую бібліотеку монастырка. На широкихъ выступкахъ скалы нѣсколько человѣкъ братіи, здѣсь обитающей, развели огородики и цвѣтники. Дѣйствительно есть что-то наводящее глубокое раздумье и чувство уваженія среди этихъ пожилыхъ людей въ уединеніи и молитвѣ, отрешившихся отъ всего мірскаго и пропитавшихъ своимъ обязаныхъ единственно своимъ постояннымъ трудомъ воздѣлыванія земли.

Подъ землею,

повѣсть

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Окончаніе).

Ея ноги задрожали и сердце забилося усиленно. Неснимая пальто, она схватила изъ рукъ Саши въ полутьмѣ неосвѣщенной комнаты письмо, подбѣжала къ окну и при слабомъ мерцаніи чего-то похожаго на свѣтъ, отличила его руку... Въ волненіи, котораго она никогда не испытывала, она спрашивала, бросаясь по комнатѣ отъ стола къ окну:

— Спички?... Гдѣ-же Саша, спички?... Ты вѣрно ими палилъ?... Сколько разъ я просила этого не дѣлать... Ахъ, вотъ онъ...

Она ширкала спичкой о стѣну и наконецъ зажегши свѣчу, распечатала и прочла письмо. Да, это писалъ онъ... Строки расплывались передъ ея глазами въ какой-то туманъ и прочтя все письмо,—она почти въ отчаяніи, чувствуя, что волненіе мѣшаетъ ей понять и уяснить смыслъ прочитаннаго, опустила руки на колѣна. Саша приставалъ къ ней:

— Это отъ дяди?

— Да, мой другъ.

— Что-жъ онъ пишетъ?... Скоро вернется?

Она, къ вящему недоумѣнію ребенка, созналась откровенно:

— Ахъ, Саша, я сама не знаю, что онъ пишетъ!..

Вдругъ эти неясныя литеры, слова и расплывающіяся въ ея глазахъ строки — теперь, когда она сидѣла, не смотря на письмо,—какъ-бы мѣстами стали яснѣть въ ея представленіи, принимать свойственное имъ начертаніе и цвѣтъ. Отрывками началъ и окончаній фразъ въ ея головѣ возникло представленіе, туманное еще и расплывчатое, но уже заключающее въ себѣ нѣчто понятное и возможное для соображенія. Сердце ея радостно забилося: не забылъ, любить и... что-же? Зоветь, какое зоветь,—просить, умоляетъ пріѣхать... Она подняла письмо и перечла снова, на этотъ разъ уяснивъ все его содержаніе.

Языковъ являлся передъ нею въ письмѣ, какъ живой... Мысли у него бѣжали впереди словъ и желая сказать многое, начиная объ одномъ и отвлекаясь къ другому,

онъ затемнял то, что возможно было изложить въ немногих словахъ съ достаточной ясностью. О томъ, что своимъ молчаніемъ онъ могъ нагнать на нее какое-либо безпокойство, онъ повидимому совершенно позабылъ; но за то онъ мучился, волновался и горѣлъ—тамъ, гдѣ писалъ объ успѣхѣ своего открытія... По словамъ письма все шло отлично... Какъ легко, писалъ онъ, — достичь того, чего желаешь... Только и нужно для этого—одно: страстное желаніе... Ужь конечно оно желаніе-то, страстное, никогда особнякомъ не стоитъ: оно порождаетъ непремѣнно энергію и упорство въ достиженіи цѣли“. Опьяненный успѣхомъ — онъ бравировалъ трудности, почти отрицалъ ихъ, и счастливый ходомъ своихъ дѣлъ какъ-то свысока смотрѣлъ на тѣхъ, кому не удавалось достичь того, къ чему они стремились... Да, его лампа сдѣлана: весь сложный механизмъ научнаго примѣненія пройденъ и зданіе увѣнчано... Онъ описывалъ ей свой дебютъ въ техническомъ обществѣ, весь интересъ засѣданія котораго — сконцентрировался на его сообщеніи... Газеты дали подробный и лестный отчетъ объ его рефератѣ. Онъ прилагалъ при письмѣ вырѣзки изъ газетъ. Его лампа достигла успѣха... Оставалось, какъ совѣтывало ему одно компетентное лицо, принявшее въ немъ большое участіе, ознакомить со сдѣланнымъ имъ открытіемъ — западно-европейскихъ ученыхъ. Къ этому представлялся весьма удобный моментъ, ибо въ это время—въ одномъ изъ саксонскихъ или баварскихъ городовъ собирався съѣздъ германскихъ ученыхъ и техниковъ. Слѣдовало въ ихъ присутствіи реферировать устройство новой лампы и гдѣ-нибудь тамъ, въ саксонскихъ или баварскихъ рудникахъ—испытать ее какъ должно, испытать не въ кабинетно-лабораторной обстановкѣ, а въ условіяхъ, являемыхъ самой природой, въ борьбѣ съ тѣмъ врагомъ человѣческой безопасности — къ побѣдѣ котораго открытіе предназначалось... Получивъ уже въ этомъ ученое собраніи одобреніе, лампѣ обезпечивалась извѣстность и дальнѣйшій ходъ. Въ письмѣ сообщалось далѣе, что, имѣя возможность на свои средства отправиться за границу—Языковъ, благодаря ходатайству принявшаго въ немъ большое участіе упомянутого компетентнаго лица, получилъ командировку и что такимъ образомъ все сложилось такъ, какъ онъ даже не ожидалъ.

„Но мнѣ скучно безъ васъ,—писалъ онъ далѣе, и отъ разлуки съ вами мое счастье не полно“. Тутъ онъ снова дѣлалъ отступленіе, снова вдавался въ мечты о томъ, какъ заговорятъ объ его лампѣ въ Западной Европѣ, какъ онъ помѣститъ ея описанія во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, какъ выгодно продастъ привилегію на изготовленіе ея какому-нибудь англійскому или американскому механическому заводу и написавъ объ этомъ почти цѣлую страницу — дѣлалъ опять скачекъ и возвращался къ тому, о чемъ было начать писать. „Вы сказали, писалъ далѣе онъ,—что вы не оставите меня во всю жизнь и будете для меня подрукою. Вы, знаете, что если я силенъ въ кабинетномъ, научномъ трудѣ—я ничтоженъ, я невѣжда въ самыхъ простыхъ житейскихъ вещахъ... Теперь, когда *все* окончено, когда средствъ достаточно для всѣхъ насъ, зачѣмъ еще ждать и чего... Я вышлю вамъ на этихъ дняхъ деньги и вы ужь немедленно пріѣзжайте сюда съ Сашей. Пожалуйста, пріѣзжайте... И ужь не разстанемся съ этихъ поръ и на всю жизнь“...

Она наконецъ поняла письмо и сложила его, болѣе чѣмъ когда-либо задумчивая... Все не говоря ни слова Сашѣ о томъ, что она прочла, она подошла къ окну и въ молчаніи устремила свои глаза на темное небо... Вдругъ слезы навернулись на ея глаза и она тихо прошептала:

— Ахъ, я не вѣрю, что все достигнуто... Можетъ теперь-то именно и начинается то, чего я съ такой боязнью ждала... Но теперь-то именно и надо быть около этого взрослого ребенка...

Она отерла слезы и обернулась къ Сашѣ.

— Ну, Сашенька, желалъ ты знать, что пишетъ дядя... Къ себѣ зоветъ, скучаетъ безъ насъ... И мы поѣдемъ съ тобой скоро — далеко, далеко, сперва въ Петербургъ, а потомъ далѣе, въ такія страны, дружокъ, гдѣ не говорить по русски... Къ нѣмцамъ...

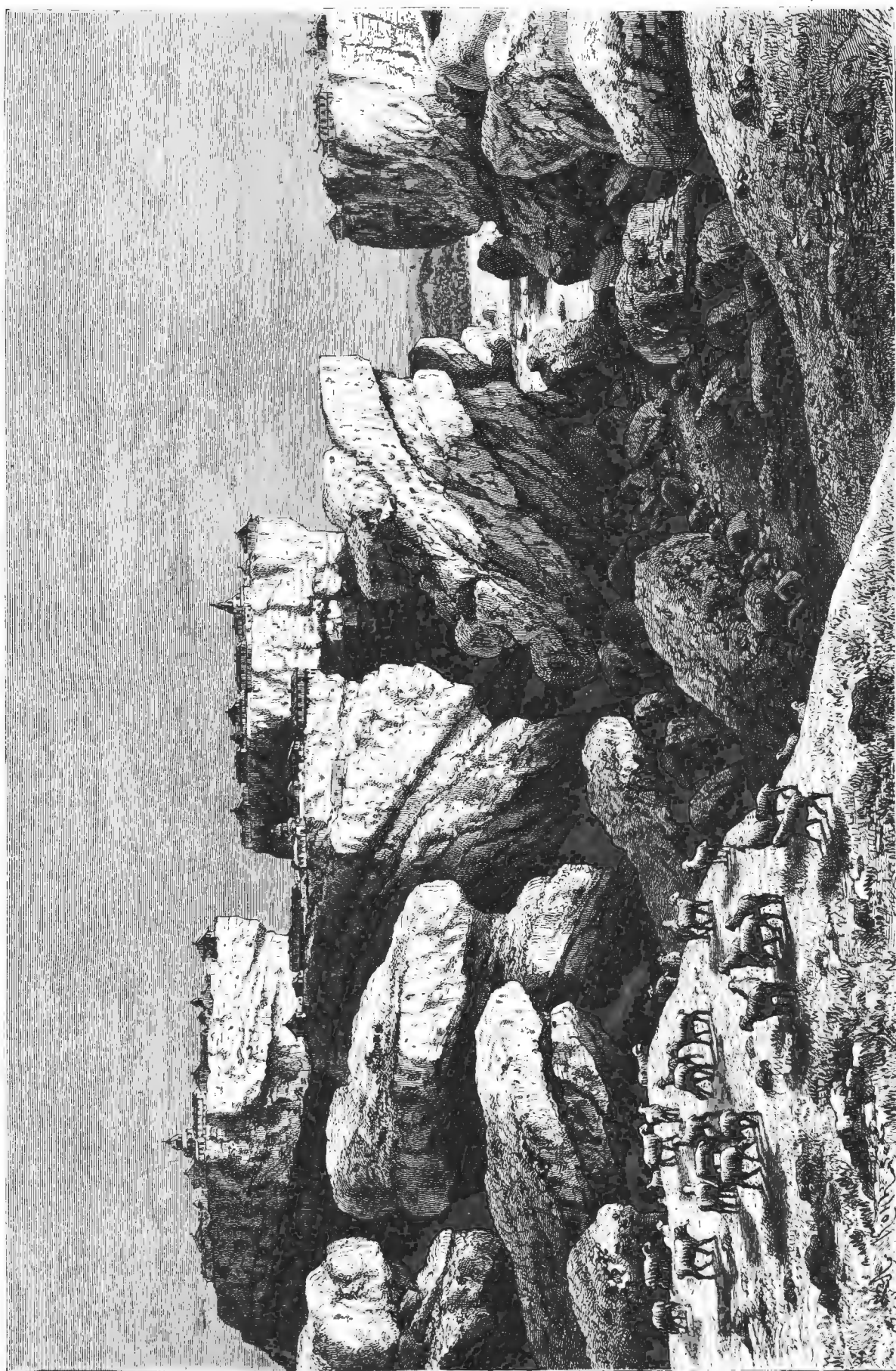
XI.

Въ Петербургѣ.

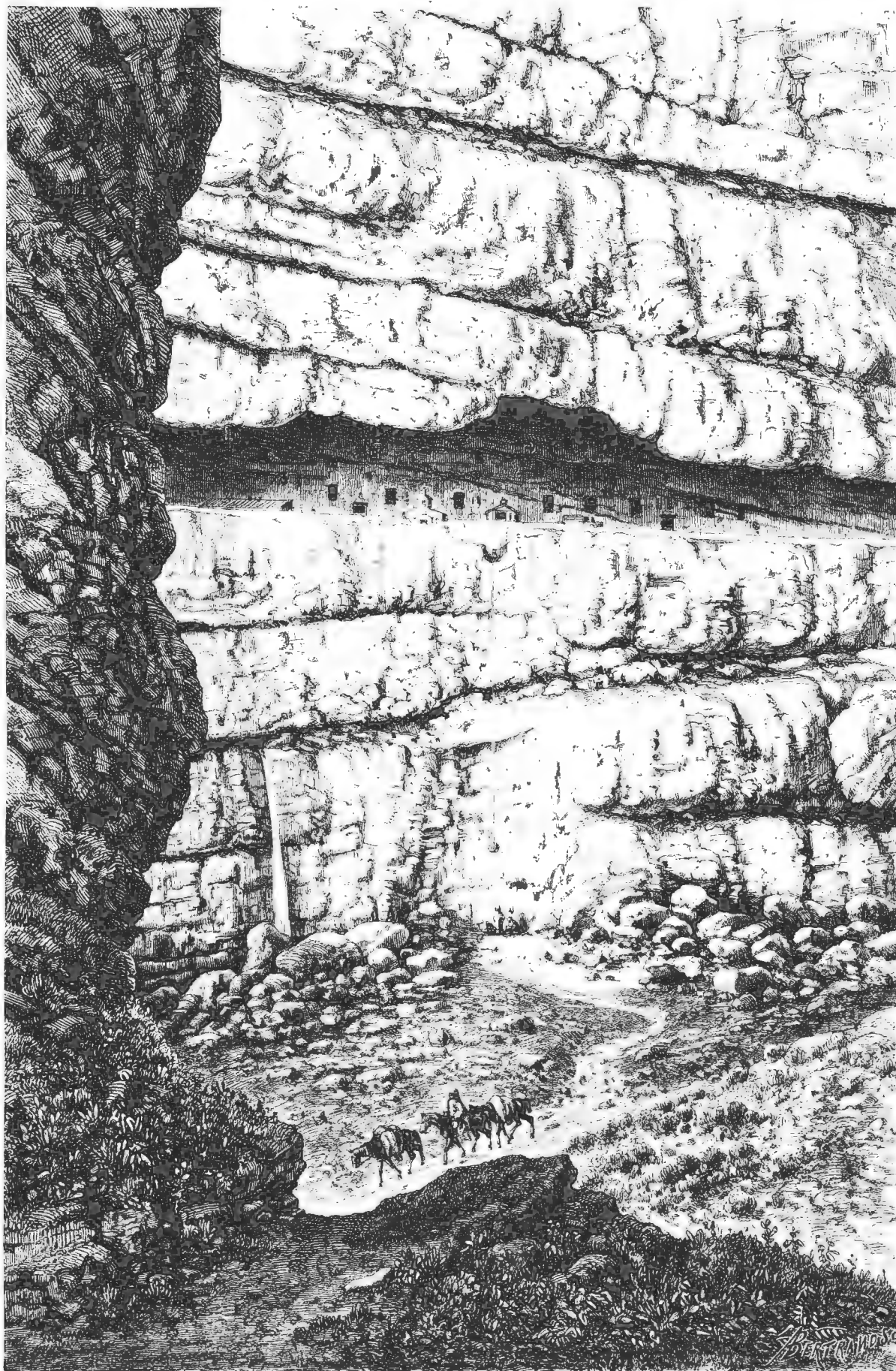
Пашенькѣ не легко было покинуть тихій городокъ, гдѣ она родилась и выросла, гдѣ прожила лучшіе свои годы, правда, не избалованная судьбою, но тѣмъ не менѣе подаренная многими свѣтлыми днями. Долго собираться ей было нечего. Она распродала имѣющуюся у ней кой какую мебель, распростилась со своими учениками и ученицами, запаслась на дорогу необходимымъ и въ концѣ четвертой недѣли, получивъ отъ Языкова деньги, выѣхала на перекладныхъ. Проводы были немногочисленные: пришла, еще наканунѣ, Пелагея Карповна; въ день-же отѣздала, за какой-нибудь часъ до него, пріѣзжала Степанида, нашедшая себѣ пріютъ у кушца Размазова, гдѣ, кромѣ большой семьи, ей пришлось готовить еще на десятирехъ приказчиковъ и работниковъ. Пришла проводить отѣзжающую, наконецъ, хозяйка Пашеньки—просфирня, при чемъ каждая изъ провожавшихъ принесла что-нибудь на дорогу. Профирня, какъ подобало ея занятію, вынула заздравную просфору, Степанида испекла старательно пирожокъ съ малиновымъ вареньемъ, а Пелагея Карповна благословила отѣзжающихъ маленькими образками, когда-то и кѣмъ-то ей привезенными изъ Кіева. Проводили конечно только за калитку и всѣ три долго стояли подгорюнившись, смотря вслѣдъ за удаляющеюся кибиткой, стояли въ молчаніи, а затѣмъ, вздохнувъ, какъ слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая вернулась къ своимъ дѣламъ: Степанида убѣждала, чтобы ее не „заругали“ за продолжительное отсутствіе; просфирня пошла ставить тѣсто для просфоръ, а Пелагея Карповна заковыляла по улицѣ, размышляя къ кому-бы ей направить свои стопы.

Скученъ зимній путь. Сколько разъ Пашенька мечтала объ этихъ длинныхъ поѣздкахъ въ Москву и Петербургъ, о которыхъ доводилось ей слышать различные рассказы, мечтала, какъ-бы ей съѣздить хоть куда-нибудь, посмотреть на эти поля, на разсѣянные тамъ и сямъ деревни и села, побывать въ какихъ-нибудь другихъ городахъ. Предположенія всегда лучше дѣйствительности и мечта не сообразуется съ временемъ и обстоятельствами. Пашенькѣ представлялись эти поля, о которыхъ она думала, зелеными, пестряющимися цвѣтами, съ ароматомъ скошеннаго сѣна, а пришлося увидѣть ихъ покрытыми снѣгомъ, несравненно болѣе чистымъ, чѣмъ въ городѣ, гдѣ онъ уже сильно таялъ. Деревни встрѣчались, но все такія плохенькія, какія-то темныя, мало разнообразія безконечно уходящую въ даль равнину. Города тоже мало оживляли ландшафтъ и къ тому-же замѣчательно походили другъ на друга. Все было не такъ, какъ рисовалось въ рассказахъ другихъ и особенно въ собственномъ воображеніи—и Пашенька перестала интересоваться тѣмъ, что встрѣчалось ей по пути—и начала думать.

Какъ невѣренъ міръ въ представленіи человѣка! Пашенька вспомнила, какъ разочаровалась въ чортѣ — и улыбнулась. Можетъ и все такъ? Рассказываютъ, что отдаленныя страны хороши. Она читала „Шильонскій замокъ“—таковъ-ли онъ? Можетъ это только такъ поэтъ его изобразилъ, можетъ онъ какой-нибудь гробъ, вросшій въ землю, а фантазія его разукрасила. Вотъ ѣдетъ и разочаровывается въ томъ, о чемъ мечтала и представляла въ такихъ яркихъ краскахъ. Она незамѣтно ходомъ своей мысли, подошла къ своему жениху. Ужь если мы ошибаемся, подумала она, если мы многое представляемъ себѣ невѣрно, то хуже, то лучше, чѣмъ есть,

Греческіе монастыри. Видъ монастыря Метеоры въ Албаніи, близъ Трикалы. Рис. Барбаггъ, грав. Кольн.

Греческіе монастири. Монастырь въ Анатолиі (Малая Азія) близь Алунтаха. Рис. Бертранъ, грав. Гильдебрандъ.

такъ онъ-то какое, я думаю, вѣрное понятіе имѣеть о томъ, среди чего живетъ? Человѣку открыть такой крохотный мірокъ, гдѣ онъ болѣе или менѣе судить и дѣйствовать безошибочно и вѣрно, а остальное пожалуй все заблужденіе, иллюзія, мечта. Села стали парадізе и города оживленіе: они подвѣзжали къ Москвѣ. Пашенька бросила свои мысли и стала снова смотрѣть на дорогу.

Въ Москвѣ они только переночевали и на слѣдующее утро поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Тутъ восторгамъ Саши не было конца. Пышній локомотивъ, длинный поѣздъ, свистки и быстрое движеніе довели его до крайней стени оживленія. Сѣвъ въ вагонъ, онъ только и зналъ, что бросался отъ окна къ окну, хотя какъ съ одной, такъ и съ другой стороны видѣлось почти одно и тоже, потомъ сѣлся на диванъ и, хлопая руками по обивкѣ, считалъ въ тактъ поѣзда—разъ два, разъ два! На продолжительныхъ остановкахъ онъ и не думалъ объ дѣлѣ, а тащилъ сестру къ локомотиву, который интересовалъ его болѣе всего, спрашивалъ ее, какъ и что, чего она не умѣла конечно объяснить, утѣшая:

— Въ Петербургѣ дядя все разскажетъ.

Дядя! Пашенька долго его искала въ толпѣ, паводнящей дебаркадеръ Николаевского вокзала и не находя, рѣшила, что его нѣтъ, что онъ забылъ ихъ встрѣтить, какъ вдругъ радостное восклицаніе Саши, заставило ее оглянуться. Саша повисъ на шеѣ Языкова, въ тоже самое время приставая къ нему:

— Объясните мнѣ локомотивъ. Видите...

Онъ тащилъ его къ локомотиву. Языковъ кажется забылъ о Пашенькѣ и отвѣчая Сашѣ, двинулся было за нимъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя знакомый голосъ:

— Да поздоровайтесь-же со мной. Вы положительно неисправимы. Ну, выдаю-ль, чтобъ женихъ когда-нибудь такъ встрѣчалъ невесту? Право, я кажется откажу вамъ.

Она говорила смѣясь, а онъ смотря на нее съ видомъ провинившагося ребенка, бросился цѣловать ея руки и когда, по окончаніи этихъ привѣтствій, онъ снова вернулся къ Сашѣ и идя съ нимъ, болталъ въ неимовѣрномъ оживленіи, видимо весь ушедши въ бесѣду съ ребенкомъ; она идя за ними обоими, улыбулась:

— Это мои дѣти.

За чаемъ въ гостиницѣ Языковъ говорилъ безъ умолку—слушая его, Пашенькѣ казалось, что она слушаетъ ребенка. Какъ прежде, когда онъ работалъ надъ лампою, онъ казался молчаливымъ и сосредоточеннымъ, отрывался отъ работы съ видомъ пробуждающагося отъ сна, такъ теперь, когда его изобрѣтеніе получило нѣкоторый ходъ, когда ему пророчили успѣхъ, онъ какъ-то весь изливался наружу, весь дрожалъ отъ волненія и радостнаго чувства, сѣвшилъ, начиная одно, и не окончивая другаго, сталъ почти непонятливъ, но только радостенъ и до необыкновеннаго оживленъ. Отъ потока его рѣчей кружилась голова и Пашенька сдѣлала попытку заставить его послѣдовательнѣе и яснѣе говорить. Она заговорила съ нимъ объ его открытіи.

— Открыть что-нибудь,—сказала она,—вообще новое что-нибудь сказать—это такъ трудно.

Онъ въ молчаніи смотрѣлъ на нее, съ торжествомъ побдителя, преодолевшаго эту трудность.

— И будто вы знаете,—допрашивала она,—что никто, никогда и нигдѣ—не сдѣлалъ такой точно лампы?

Онъ удивился.

— Я изучилъ вопросъ. Наконецъ, здѣсь все согласны со мной.

— Здѣсь? Она какъ будто припоминала: — не знаю, читала я гдѣ, или кто-то говорилъ, что мы русскіе — народъ менѣе способный къ наукѣ. Я народъ нашъ люблю, но вѣдь любить не значитъ закрывать глаза передъ слабостями и недостатками. Кто знаетъ, можетъ-дѣльные ученые и не судьи въ вашей специальности; къ тому-же

ваша лампа даже болѣе предназначена къ тому, что процвѣтаетъ не у насъ. Ахъ, вы вѣчный мечтатель, для чего вы не взяли за что-либо болѣе примѣнимое въ Россіи?..

XII.

За границей.

Такъ какъ Языковъ сѣвшилъ къ сѣзду техниковъ и естествоиспытателей, происходившему въ то время въ одномъ изъ небольшихъ баварскихъ городковъ, то Пашенькѣ съ Сашей пришлось недолго прогостить въ Петербургѣ—и, едва ознакомившись съ нашей столицей, пуститься въ дальнія и уже совершенно чуждыя страны. Они сѣвшили необыкновенно и останавливались въ Берлинѣ на одинъ день, въ Мюнхенѣ пробыли всего нѣсколько часовъ, ожидая поѣзда, долженствовавшего отвезти ихъ до мѣста. Впечатлѣніе смѣлялось впечатлѣніемъ, и засыпая, въ головѣ Пашеньки рисовался какой-то нестройный водоворотъ картинъ, подробности которыхъ она не имѣла возможности сознать, но которыя своей нестройностью и быстрою смѣной — утомляли мозгъ, пока она не впадала въ глубокой сонъ. Пашенька отдохнула, прѣхавъ на мѣсто и поселившись въ тихой и удобной гостиницѣ, изъ оконъ которой передъ нею разстилался великолѣпный видъ на средне-пѣмелкіе Альпы, въ эту раннюю пору года почти сплошь покрытые снѣгомъ. У подножія впрочемъ уже достаточно было зелени: трава одѣла бархатомъ землю, илющъ пушкелью молодые побѣги, усѣянные свѣтлозелеными листочками, цвѣли ранніе цвѣты.

Языковъ сдѣлалъ визитъ къ тѣмъ изъ лицъ ученаго сѣзда, къ которымъ ему дали въ Россіи рекомендаціи—и сталъ посѣщать засѣданія. Этихъ засѣданій было назначено десять или двѣнадцать, но такъ какъ ученыхъ сѣхалось со всей Германіи масса, желающихъ дѣлать сообщенія явилось множество, то предсѣдатель, тѣзвій изъ кожи, чтобы умѣстить всѣхъ желающихъ реферировать въ эти десять засѣданій, выслушавъ Языкова, пришеднаго съ тѣмъ-же,—только пожалъ плечами:

— Почти невозможно.

Языковъ протестовалъ:

— Но я прѣхалъ изъ Россіи съ единственною цѣлью реферировать объ устроенной мною лампѣ ученому сѣзду. Моя лампа имѣетъ будущность, наконецъ, болѣе у васъ, въ западной Европѣ, чѣмъ у насъ.

Предсѣдатель поддакивалъ тому, что говорилъ ему русскій техникъ, но когда онъ окончилъ все-таки пожалъ плечами.

— Но что-же дѣлать? войдите въ наше положеніе: осталось десять засѣданій. Мы сидимъ съ десяти до четырехъ—должѣ невозможно, ибо это цѣлыхъ семь часовъ. Засѣданій десять—слѣдовательно на всѣ рефераты остается 70 часовъ, а рефератовъ сколько вы думаете?

— Сколько?

— 910. Слѣдовательно на каждое сообщеніе мы можемъ отвѣсти не болѣе четырехъ съ половиною минутъ! Гдѣ-же мы найдемъ время для васъ? Наконецъ, мы не имѣемъ права включить васъ, потому что отказали ужъ многимъ.

Языковъ онечалился.

— Можно попробовать вотъ что устроить для васъ,—потеръ рукою лобъ предсѣдатель.—вотъ что. Конечно вы ѣхали изъ Россіи, такая даль... Вотъ что предложу вамъ: ученые будутъ экскурсировать и между прочимъ посѣтятъ Зальцбургъ. Вы знаете что такое Зальцбургъ?

Языковъ отрицательно покачалъ головой.

— Это гора около Зальцбурга, между городомъ и Берхтесгаденомъ. Тамъ разрабатывалась соль, но, за истощеніемъ ея, разработка оставлена. Въ этихъ превосходно устроенныхъ копяхъ, въ одномъ мѣстѣ выходитъ изъ земли рудничный газъ. Случай совершенно подходящій для васъ. Покажите вашу лампу—не въ лабораторіи,

а въ доставленной самой природою обстановкѣ. Что вы на это скажете? Это даже лучше для васъ, чѣмъ рефератъ въ лабораторіи?

Пришлось согласиться. Языковъ посѣщалъ собранія ученыхъ, слушалъ безчисленное множество сообщений и скучалъ. Упорный въ кабинетномъ достиженіи цѣли — онъ какъ-то ослабѣвалъ при первомъ представляющемся ему на пути, внѣ кабинетныхъ исканій, препятствіи. Пустить въ ходъ свое изобрѣтеніе ему было труднѣе, чѣмъ сдѣлать его. Поѣздка къ Зальдбергу какъ-то все откладывалась; ѣздили въ горы, осматривали различные водопады, осматривали зальцбургскія древности, посетили небольшой серебряный рудникъ между Киндсбахемъ и С. Юганномъ въ Тиролѣ, а о Зальдбергѣ какъ будто все позабыли. Съѣздъ приближался къ концу и Языковъ гнѣвно напомнилъ председателю объ его обѣщаніи, на что тотъ успокоительно отвѣтилъ:

— О, какъ вы торопитесь. Будетъ, все еще будетъ.

Онъ былъ правъ. Закрывая осьмое засѣданіе, онъ объявилъ во всеуслышаніе:

— Завтра, многоуважаемые сотоварищи, по случаю воскресенья, засѣданіе не будетъ имѣть мѣста, а предлагается для желающихъ осмотрѣть Зальдберга, во время котораго русскій ученый г. Языковъ покажетъ устройство изобрѣтенной имъ, въ предохраненіе отъ вреднаго дѣйствія на рабочихъ рудничнаго газа, лампы. Последняя изобрѣтателемъ названа „поющей“.

Засѣданіе закрылось при общихъ рукоплесканіяхъ.

XIII.

Подъ землею.

Въ этотъ достопамятный день Языковъ такъ долго возился со своей лампой, чистилъ ее, прихоранивалъ, что вслѣдствіе этого къ назначенному часу конечно опоздалъ, долженъ былъ догонять членовъ съѣзда и нагнать ихъ, поджидающими его въ небольшомъ ресторанѣ, помѣщавшемся у самой горы. Можетъ отъ того, что съѣздъ подходилъ къ концу, или отъ того, что былъ воскресный день и многіе ученые предпочли осмотру Зальдберга какія либо другія развлеченія, только народу собралось очень мало. Языковъ засталъ въ ресторанѣ всего на всего двоихъ профессоровъ, нѣсколькихъ техниковъ и старичка управляющаго однимъ заводомъ въ Саксоніи; этотъ послѣдній явился съ какой-то толстою книгой подъ мышкой и встрѣтилъ Языкова изъ подъ полей своей шляпы взглядомъ выражающимъ какую-то особую торжественность... Все время пока другіе смѣялись и шутили между собою — старичокъ управляющій то и дѣло заглядывалъ въ книгу, что-то припоминалъ и чертилъ на поляхъ какіе-то механизмы, изрѣдка взглядывая на Языкова, причемъ его тошкыя губы какъ-бы готовы были сложиться во что-то похожее на саркастическую улыбку.

По приходѣ Языкова немногочисленная компанія членовъ съѣзда немедленно двинулась въ сопровожденіи проводниковъ, одѣтыхъ въ костюмы чернорабочихъ, подъ землю. Ряды извилистыхъ галлерей съ полукруглыми сводами открылись передъ учеными и по мѣрѣ своего удаленія отъ входа, гдѣ на незначительное пространство еще брезжило свѣтъ, ихъ обняла темнота, въ которой слабо мерцали зажженные въ ихъ рукахъ фонарики, — обняла сырость и могильный холодъ. Шаги ихъ гулко раздавались подъ сводами галлерей, съ потолка въ которыхъ падали капли; глазъ уставалъ слѣдить за изгибами корридоровъ, ходовъ и переходовъ то идущихъ прямо, то вращающихся самыми разнообразными изгибами, идущихъ на право, и на лѣво, обозначающихся только своими началами и совершенно теряющихся продолженіями. Вдругъ находящаяся надъ ихъ головами каменный сводъ — спустился отвѣсной стѣной внизъ и съ перваго раза казалось, что корридоръ не имѣетъ продолженія и болѣе некуда идти. На самомъ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ корридоръ вдругъ спускался

внизъ, переходя при этомъ въ ровъ такого рода высоты, при которой человѣкъ могъ двигаться только въ согнутомъ положеніи. Спускъ этотъ имѣлъ видъ наклонной плоскости, по длинѣ которой былъ положенъ гладко обточенный толстый брусъ, на который вся компанія, имѣя во главѣ проводника, усялась верхомъ, нѣсколько приподнявъ отъ земли ноги. Держась одѣтыми въ кожаную рукавицу руками за протянутую по правую сторону рва веревку, ученые стремглавъ полетѣли внизъ и очутившись въ сидячемъ положеніи на толстомъ слое песка обширнаго и глубокаго подземелья. Грандіозное и по истинѣ волшебное зрѣлище открылось собравшимся на испытаніе лампы. То было громадное подземелье съ высоко уходящими сводами, обгнѣвленными галлерейми, съ большимъ, совершенно круглымъ, отвѣтвляющимъ темнымъ зеркаломъ, озеромъ, берега котораго были усеяны мелкими керосиновыми лампочками, свѣтящимися на подобіе какихъ-то желтыхъ звѣздочекъ, среди окружающей ихъ темноты не могущихъ побѣдить своимъ свѣтомъ густаго подземнаго мрака. По этому озеру плыла узкая и длинная лодка съ гробцомъ, напоминающимъ своимъ фантастическимъ костюмомъ Харона; дѣлаемые весломъ веселски волнъ звучали здѣсь подъ землею какимъ-то металлическимъ звукомъ; широкополая шляпа гробца казалась чѣмъ-то зловѣщимъ и вся совокупность этой эффектной обстановки — эта темнота и холодъ, эта куполообразная подземная зала съ рядами идущихъ по ея стѣнамъ галлерей, наконецъ это озеро съ движущимся по его зеркальной поверхности узкимъ челномъ, — навела на собравшуюся компанію какую-то особую тишину и серьезность... Челнокъ, съ прежними металлическими веселами волнъ, близился къ стоявшей въ ожиданіи его группѣ.

Тамъ за этимъ темнымъ зеркаломъ воды блистала сдѣланный изъ окрашенныхъ разными минеральными пригнѣсами соли, горящій на подобіе транспаранта гротъ, среди котораго струился фонтанъ соленой воды... Его серебрястыя брызги рельефно выдѣлялись металлически голубоватымъ блескомъ на свѣтло-розовыхъ стѣнахъ этого сказочнаго грота. Гротъ, освѣщенный лампами сіялъ и искрился отъ многократнаго дробленія лучей въ кристаллахъ соли, изъ которыхъ были составлены его стѣны. Среди этой темноты онъ блеснулъ Языкову, прижавшему къ своей груди свое дѣтище, свою лампу, чѣмъ-то радостнымъ, тѣмъ предѣломъ, до котораго такъ неустанно и долго шелъ онъ и дойдя до котораго — онъ сдѣлаетъ твердою стопую тотъ послѣдній шагъ, послѣ котораго съ спокойной свѣтлостью труженника, достигшаго лавроваго вѣнка за свои труды — можетъ вздохнуть облегченною грудью... Этотъ вздохъ облегченія, этотъ послѣдній моментъ на продолжительномъ пути, представился ему такъ ясно, что онъ какъ бы пережилъ его, какъ бы тутъ еще, стоя на берегу и ожидая приближенія челнока, ощутилъ его всею существомъ своимъ, встрѣтилъ съ радостно боющимся сердцемъ и свѣтлою улыбкой своего блѣднаго лица. Вотъ она, вотъ, эта желанная цѣль! За этимъ гротомъ, какъ говорили ему раньше, есть та пропасть, какой-то темный и бездонный провалъ, отъ расщелинъ котораго струится газъ, который призвана побѣдить, сразить на смерть, его лампа... Образъ женщины, не смотря на молодые годы рѣшившейся предпринять ради его длинный и неизвѣстный путь, бросить тотъ уголокъ, въ которомъ она прожила восемнадцать лѣтъ, съ почвой котораго была связана корнями, чтобы ввѣрить ему свою будущность и будущность оставшагося на ея рукахъ ребенка, — мелькнулъ ему въ это мгновеніе, мелькнулъ въ той мирной обстановкѣ живописнаго уголка тамъ надъ землею и влилъ въ него новый притокъ бодрости... О, для нихъ, для этихъ милыхъ существъ — онъ все превозможетъ и, конечно, сдѣлаетъ ихъ счастливыми!.. Да и чего превозмогать!..

Въ это время они переѣзжали на челнокъ озеро и приближаясь къ противоположному берегу—свѣтъ ярко блестящаго грота освѣтилъ ихъ лица. Ученые, что-то заговорили громко и Языковъ взглянулъ на нихъ, освѣщенныхъ среди этой темноты розоватымъ отблескомъ грота. Всѣ лица были оживлены, всѣ чему-то радовались, только старичекъ управляющій саксонскимъ заводомъ былъ сосредоточенъ и старчески угрюмъ. Онъ какъ бы задумался о чемъ-то и сидѣлъ, устремивъ глаза на темную поверхность озера. Только его губы въ уголкахъ рта по временамъ странно вздрагивали, будто онъ готовъ былъ улыбнуться злой улыбкой... Не зная самъ почему, Языковъ приковался къ этому сморщенному лицу и не отрывался отъ него до тѣхъ поръ пока лодка не причалила къ разноцвѣтному гроту и приподымаясь со скамьи, чтобы сойти на берегъ, старичекъ не столкнулся своимъ взглядомъ съ устремленными и задумчиво на него смотрящими глазами Языкова. Тогда уголки его рта дѣйствительно, дрогнувъ разъ—другой, расширились въ какую-то недобрую, насмѣшливую улыбку, сопровождаемую загадочными словами съ которыми онъ обратился къ Языкову:

— Вотъ и конецъ вашего странствованія...

У Языкова мелькнула мысль, почему-же это конецъ только *его* странствованія, вѣдь странствовали-то всѣ они, не одинъ онъ. До сихъ поръ его радостно бьющееся сердце, полная увѣренность въ побѣдѣ, въ признаніи среди этихъ специалистовъ его изобрѣтенія, при видѣ этой улыбки, этаго старческаго лица, теперь явившагося ему въ иномъ свѣтѣ, при этомъ загадочномъ обращеніи къ нему на счетъ окончанія почему-то его странствованія, колебались въ немъ и упали... Онъ ощутилъ какое-то странное волненіе, нѣчто въ родѣ того, которое чувствуетъ школьникъ, усердно готовившійся къ экзамену, знающій предметъ, изъ котораго слѣдуетъ ему экзаменоваться, но тѣмъ не менѣе, передъ самымъ вызовомъ его, увѣряющій себя въ глубинѣ души, что онъ срубжется, что все, что казалось ему еще за минуту возможнымъ, теперь оказывается мечтой, вздоромъ, что онъ не знаетъ ничего... Увѣренность пропала и когда приблизились къ находящемуся за гротомъ провалу, ее не осталось и слѣда; только слабое „авось!“ шевелилось въ глубинѣ души этаго специалиста... Въ его вискахъ стучало, ноги и руки какъ-то тряслись. Не зная, начинать или подождать кого, онъ услышалъ чей-то голосъ:

— Ну-съ, начинайте... Покажите намъ вашу лампу. На него смотрѣли всѣ собравшіеся, на время прекра-

тивъ свои шутки, перекидываясь теперь между собою болѣе или менѣе приличествующими случаю замѣчаниями... Проваль, около котораго всѣ размѣстились, представлялъ вопреки общему благоустройству этихъ когда-то богатыхъ мѣстонахожденій каменной соли, теперь оставленныхъ и поддерживаемыхъ единственно для любознательности туристовъ, нѣчто необдѣланное, наполненное какими то обломками и довольно глубокое. Слѣдовало спуститься на дно этаго провала, гдѣ между положенными дощечками зияла глубокая разсѣлина, изъ которой, какъ оказалось незадолго передъ этимъ, выходилъ вѣроятно смѣшанный съ какими либо другими

примѣсами — рудничныи газъ. Когда Языкову сказали, чтобы онъ начиналъ, онъ вынулъ изъ футляра лампу, долго дрожащими руками поправлялъ въ ней винты и передвигалъ трубки, долженствующія въ случаѣ присутствія въ провалѣ рудничнаго газа возвѣстять о болѣе или менѣе значительномъ количествѣ такового посредствомъ музыкальнаго тона той или другой высоты, — а затѣмъ, все это кое какъ устроивъ, началъ шарить по карманамъ спичку съ цѣлью засвѣтить лампу. Кто то помогъ ему, ширкнувъ спичкой и зажгли лампу... Тогда установивъ на надлежащей высотѣ пламя, Языковъ, среди воцарившагося между его компаньонами серьезнаго молчанія, держа высоко передъ собою лампу, быстро началъ спускаться на дно провала. Ему закричали, оставшіеся на верху:

— Осторожнѣе... Не сломайте ногъ!

Онъ не слышалъ... Вперишь свой взглядъ на зияющее какой-то могилой темное отверстіе между положенными на днѣ провала дощечками — онъ спѣшилъ, къ нему, не помня ничего, ничего не соображая. Съ своей лампой въ рукѣ, блѣднѣйшій, со сбившеюся на бокъ шляпой и всклокоченной бородой, — онъ, склонившись для удобства изслѣдованія передъ темнымъ отверстіемъ на колѣна, опустилъ руку съ лампой между досками и за-

мерь... Среди мертвой тишины опущенная и ставшая теперь для стоящихъ на верху невидимую лампа, возвѣстила яснымъ продолжительнымъ звукомъ средней высоты—о присутствіи въ расщелинѣ вреднаго газа.

— Что-же вы не апплодируете, господа? что-то радостно вскрикнуло въ глубинѣ души Языкова и не вынимая лампы, не вставая съ колѣнъ, онъ поднялъ свое торжествующее лицо вверхъ и смотрѣлъ на оставшихся тамъ экспертовъ. Апплодируйте-же!.. Почтите труды ученаго техника, который много, много лѣтъ посвятилъ на изобрѣтеніе этой чудной лампы... Апплодируйте, да апплодируйте-же наконецъ, господа!.. Люди науки признайте

Греческіе монастыри. Подъемъ на веревкѣ въ монастырь Метеоры въ Албаніи.

Малороссіянкѣ. Оригин. рисун. М. Зиньвѣва, грав. Ю. Барановскій.

заслуги вашего собрата!.. Нѣмцы что-то говорили между собою въ полголоса и никто изъ нихъ не дѣлалъ ни малѣйшей попытки чего нибудь похожаго на радующій сердце апплодировантъ... Они повидимому совѣщались, убѣждали въ чемъ-то другъ друга и какъ-бы позабыли о склонившемся тамъ на днѣ провала ученомъ-техникѣ, смотрящемъ на нихъ снизу и ожидающемъ отъ нихъ приговора... Вдругъ до него явственно донеслись слова, какъ-то болѣзненно отзывающіяся въ его сердцѣ, слова, сказанныя тѣмъ самымъ старичкомъ, который незадолго передъ этимъ сказалъ ему, что вотъ, дескать теперь его странствование и окончено:

— Лампа, которую вы показываете намъ, какъ новизну, демонстрировалась на последнемъ съѣздѣ въ Майнцѣ... Вы можете о ней прочесть... и видѣть ея устройство...

Губы Языкова сдѣлали какое-то легкое движеніе, но остались безгласны... Самъ не зная что дѣлаетъ—онъ нагнулся ниже надъ темнымъ отверстіемъ, рука его нервно дрогнула и кинула лампу, которая полетѣла внизъ, посылая изъ глубины жалобно свистящій тонъ... Что-же это такое?!

XIV.

Д о м а.

Пашенькѣ пришлось въ этотъ день не скоро дождаться своего спутника и жениха. Въ гостинницѣ, гдѣ они остановились, уже улеглись спать, лампы въ корридорѣ потушили, двери заперли. Рѣшившійся было ждать возвращенія Языкова Саша, векорѣ задремалъ въ креслѣ, а потомъ и не замедливъ заснуть; наскучивъ работой, Пашенька сложила ее и подошла къ окну, выходящему на узкую, застроенную многоэтажными домиками, улицу. легла на подоконникъ руками и стала смотрѣть на усыпанное звѣздами темное небо. Звѣзды горѣли ярко, но между ихъ блестящими ореолами не видно было той свѣтящей желтоватымъ свѣтомъ звѣздочки, блеснувшей Пашенькѣ среди покрытыхъ тучами небесъ ея роднаго города, когда она услышала первое признаніе со стороны своего теперешняго жениха. Ожидая этаго послѣдняго, Пашенька искала знакомую звѣздочку и не могла найти: звѣздочка пропала и среди массы блестящихъ свѣтитъ нечезла и потонула безслѣдно. Въ тишномъ ожиданіи Пашенька не замѣчала, какъ проходило время и почти вздрогнула отъ неожиданности, когда стоящія на каминѣ часы пробили одиннадцать. Не повѣривъ ушамъ, молодая дѣвушка оглянулась на часы и невольно вскрикнула. Изъ-за неслышно отворенной въ корридорѣ двери глядѣло на нее, кажущееся еще болѣе блѣднымъ противъ обыкновеннаго, лицо ея жениха. Она не могла разсмотрѣть выраженія этаго лица и мгновенно оправившись отъ испуга, сама не давая себѣ отчета въ томъ, какъ опрометчивы ея слова, съ улыбкой пошла ему на встрѣчу:

— Все окончили? Ну, поздравляю.

Она сжимала его руку; онъ какъ-то криво ей улыбнулся и въ его головѣ мелькнула жестокая и эгоистичная мысль: ахъ, лучше, лучше, если-бы я былъ одинъ! Какъ вольная птица летать-бы и никому, ни въ чемъ не давая отчета. Въ немъ заронилась мелкій чувства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ сталъ подозрителенъ и ничего еще не сообщивъ Пашенькѣ о своей неудачѣ, въ поздравленіи ея усмотрѣлъ намекъ, пропію на счетъ его полнѣйшей негодности. Не снимая шляпы, онъ вошелъ въ комнату, сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

— Съ чѣмъ-же поздравлять? Или это насмѣшка?

Ее поразили этотъ тонъ. Пашенька знала своего жениха вѣчно волнующимся, вѣчно сбѣгивающимъ куда-то, знала его экспансивнымъ, но казалось ей—великодушнымъ. *Такъ* онъ никогда съ нею не говорилъ. Онъ какъ бы отчуждалъ ее отъ себя, признавалъ постороннее не имѣющее права высказать сочувствіе постигшей его неудачѣ. Онъ своимъ рѣзкимъ тономъ, какъ-бы говорилъ:

къ чему твои вопросы? какое право ты имѣешь задавать ихъ? Она поблѣднѣла, и понявъ все, не сказавъ ему ни слова, отошла къ покинутому ею незадолго до его прихода мѣсту и на этотъ разъ, полная тревоги и горечи, стала снова смотрѣть въ окно на темное, звѣздное небо.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Ни онъ, ни она не промолвили ни слова, и раздраженные думали одинъ о другомъ. Каждый, какъ это случается въ раздраженіи, предполагалъ въ другомъ, въ томъ, кого любить всѣми силами души, все несправедливое и обидное относительно самаго себя. Казалось въ Языковѣ мысль объ его неудачѣ отошла на задній планъ, затѣнная тѣми предположеніями насчетъ пренебреженія къ нему Пашеньки, которыя онъ сложилъ въ своей головѣ, сложилъ совершенно неосновательно и произвольно. О своей лампѣ онъ точно позабылъ, но волновался негодованіемъ противъ зародившагося будто-бы въ его невѣстѣ чувства недовольства имъ. Въ свою очередь Пашенька, обиженная его тономъ, какъ-бы впервые узнавала его, опрометчиво судя по неосторожно сказанному имъ въ раздраженіи слову. Она убѣдилась, что онъ ребенокъ въ снѣзальности, но не упала отъ этаго духомъ: ребенокъ можетъ научиться,—и у ея жениха была усидчивость и прилежаніе,—слѣдовательно ему предстояла и будущность. Она казнила Языкова не за постигнутое имъ неудачу, а за тотъ тонъ, съ которымъ онъ отнесся теперь къ ней, къ своему другу, къ своей невѣстѣ. Мѣрно чикающіе часы нарушали тишину и увлеченная овладѣвшимъ ею негодованіемъ, Пашенька смотрѣла на звѣзды, на этотъ разъ незнавая ими, а поглощенная своей собственной думой. Что жалѣть? она не связана съ Языковымъ, не жена его и ей легко все покончить съ нимъ. Вдругъ что-то привлекло ея вниманіе на темномъ небѣ. Неподалеку отъ созвѣздія Большой Медвѣдницы ей блеснула крошечная звѣздочка желтоватаго цвѣта, знакомая звѣздочка! Пашенька вздохнула и отерла набѣжавшія слезы. Все-бы, все,—подумала она,—я простила ему, но зачѣмъ онъ несправедливъ? Она порывисто обернулась отъ окна: передъ нею стоялъ съ смущенной улыбкой Языковъ.

— Простите меня.

Изъ глазъ Пашеньки полились слезы и будучи не въ силахъ произнести ни слова, она съ рыданіемъ упала на его грудь. Съ раскаяніемъ и мукою Языковъ цѣловалъ ея голову.

— Неужели я ни на что не способенъ? такъ-таки ни на что, ни на что?

Она перестала плакать, отерла слезы и оторвавшись отъ его груди, стала передъ нимъ, сосредоточенная и серьезная. Она понимала, что онъ ждетъ отъ нея утѣшенія и надежды, которой ему не доставало.

— Знаете что?—кротко заговорила она,—я дѣвушка простая, почти невоспитанная—и вамъ можетъ показаться смѣшнымъ то, что я скажу... но это меня не оставитъ... и я все-таки скажу... знаете что? Въ несчастіяхъ, въ такихъ разочарованіяхъ, какъ съ вами,—помогаетъ молитва... Вы молитесь?

Онъ покачалъ отрицательно и грустно головой. Она, какъ показалось ему, строго посмотрѣла на него:

— О, какъ это ужасно!! Въ такомъ случаѣ вамъ не утѣшиться никогда!

Потомъ посмотрѣла съ мольбою на звѣздное небо и медленно выговаривая слова, убѣжденно произнесла:

— Я научу васъ молиться—вы увидите, какъ это будетъ облегчать печальную жизнь въ трудныя минуты...

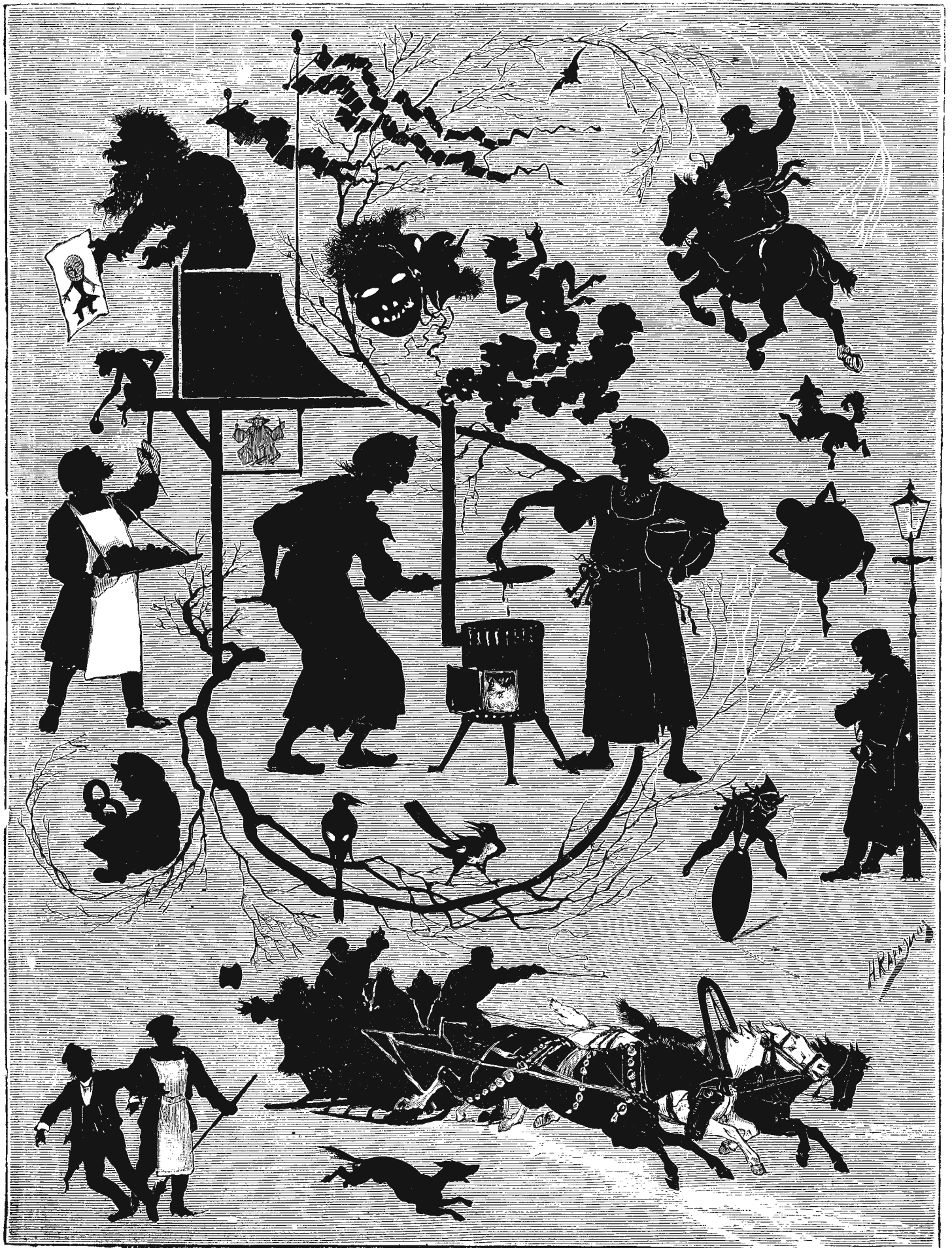
Она улыбнулась и пожала ему руку:

— А остальнаго—съ вашей любовью къ труду,—вы всею еще успеете достигнуть. Жизнь велика и еще много времени впереди.

И звѣздочка, ихъ звѣздочка, съ высокаго неба видѣла счастье человека, утѣшеннаго, примиреннаго съ жизнью . . . . .

К О Н Е Ц Ъ .

Масляница. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ.

Великий постъ. Силуэты П. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Башня Сумбеки въ Казани.

(Рис. на стр. 136 и 137).

Въ исторіи Казани, въ эпоху борьбы ея со все болѣе и болѣе возрастающимъ могуществомъ московскаго царства, встрѣчается замѣчательная женская личность, которая одно время играла довольно видную роль въ судьбѣ своей родины. Это—Сумбека, татарская царица, объ которой до сихъ поръ среди татаръ ходятъ различные легендарные рассказы, приукрашивающіе довольно сухія и отрывочныя свѣдѣнія, сохранившіяся объ ней въ хроникахъ того времени. Но послѣднимъ оказывается

цанія Сумбеки съ народомъ у Карамзина. „Не укоряя ни вельможъ, ни гражданъ, говоритъ онъ, Сумбека жаловалась только на судьбу, въ отчаяніи лобызала гробъ Сафи-Гирея и завидовала его спокойствію. Народъ безмолствовалъ; вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ, что многіе цари мусульманскіе служатъ ему; что онъ избересть ей достойнаго между ними супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато украшенная ладья.

Казань. Башня нягини Сумбеки въ Кремль. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

что Сумбека или правильнѣе Су-юмбека, была дочерью ногайскаго князя Юсуфа, вышедшая въ самой ранней молодости за несовершеннолѣтняго казанскаго царевича Еналея. Еналей впрочемъ царствовалъ недолго; буйные и своевольные казанскіе вельможи убили его и пригласили снова на престолъ, бывшаго уже у нихъ прежде царемъ, Сафу-Гирея. Сафу-Гирей плѣненный красотой Сумбеки, тотчасъ же женился на ней и жилъ съ ней довольно счастливо, имѣлъ отъ нея сына, но въ 1549 году внезапно скончался, ударившись въ нетрезвомъ видѣ объ поставецъ и разбивъ себя голову. Оплакавъ любимаго супруга, Сумбека неожиданно сдѣлалась правительницей государства, такъ какъ малолѣтній сынъ ея Утемишъ-Гирей былъ назначенъ царемъ и конечно не могъ обойтись безъ ея надзора и руководства. Но молодая и неопытная Сумбека вскорѣ подпала подъ вредное вліяніе одного татарина Кошакъ, который подговорилъ ее къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ московскаго правительства. Кошакъ былъ взятъ въ плѣнъ въ первой-же стычкѣ съ русскими и какъ измѣнникъ казненъ въ Москвѣ; не довольствуясь этимъ, Царь Московскій погребовалъ еще у казанцевъ выдачи Сумбеки вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ, желая тѣмъ положить конецъ кознямъ и интригамъ крымской династіи. Царь предожилъ въ то время Казани новаго царя въ лицѣ Шигъ-Алея, брата Еналеева, и съ нимъ общался даровать и миръ и спокойствіе.

Съ Царемъ спорить было конечно не подъ силу и вотъ граждане рѣшились пожертвовать Сумбекой ради общаго блага; это былъ самый драматическій моментъ въ жизни Сумбеки—когда она покидала родимый городъ, чтобы отправиться въ невѣдомую страну плѣнницей сильнаго и можетъ быть жестокаго врага. Особенно увлекательно описана эта сцена про-

Сумбека тихо ѣхала въ колесницѣ; ибѣстны несли сына ея. Блѣдная, слабая, она едва могла себѣ на пристань и входя въ ладью, съ умиленьемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастья бывшей своей царицѣ“.

Такъ печально отбѣжала Сумбека изъ роднаго города: ее страшилъ неизвестность ея будущности, но этотъ страхъ былъ несомнѣтеленъ; князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву, гдѣ Царь принялъ ее очень милостиво и одарилъ довольно щедро и даже царственная книга упоминаетъ, что „1551 года сентября 5 дня привозили царя и царицу казанскихъ къ Государю въ Москву, далъ Богъ здраво“. Тогда-же на мѣсто малолѣтняго Утемишъ-Гирея былъ назначенъ царемъ въ Казань Шигъ-Алей, который вскорѣ по волю Государя сдѣлался мужемъ Сумбеки.

Шигъ-Алей былъ безобразный толстякъ, трусъ и интриганъ и есть свѣдѣнія, что Сумбека не любила его, сдѣлавшись его женой лишь по волю Царя московскаго.

Даже существованіе разсказъ, что

молодая супруга пыталась съ помощью преступленія отбѣгнуться отъ нелюбимаго мужа; такъ разъ она ему поднесла кушанье съ ядомъ и наколдованную рубашку, но предупрежденный Шигъ-Алей далъ кушанье собакамъ а рубашку приказалъ надѣть на приговореннаго къ казни преступника и будто бы смерть какъ одну, такъ и другаго поразила мгновенно. Послѣ этого Шигъ-Алей, добавляеть преданіе, отослалъ Царицу съ сыномъ снова въ Москву. Что же касается до достовѣрной исторіи, то она упорно молчитъ объ дальнейшей судьбѣ Сумбеки и даже время ея кончины осталось для насъ неизвѣстнымъ. Сынъ же ея Утемишъ-Гирей, былъ крещенъ въ 1553 г., нареченъ Александромъ и послѣ смерти, послѣдовавшей въ 1566 г., погребенъ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

(Продолженіе на стр. 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143 и 144).

Въ Казани до сихъ поръ еще сохранился памятникъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Сумбекиной башни, изображенный на стр. 136. Это довольно высокое зданіе (около 35 саж.) находится въ Кремлѣ и состоитъ изъ основанія, представляющаго собою правильный четырехугольникъ и изъ семи ярусовъ. Изъ этихъ ярусовъ первые три четырехугольные а остальные — осмиугольные; кругомъ же ихъ идутъ узкія террасы. Башня оканчивается шпиремъ, который украшенъ двухглавымъ орломъ и подъ нимъ прикрѣпленъ ярко сияющій вызолоченный шаръ. Объ этомъ шарѣ долго ходили между Татарами таинственные слухи, что будто въ немъ скрыты какія то важныя и секретныя бумаги, но когда въ 1830 по распоряженію мѣстныхъ властей шаръ былъ снятъ и вскрытъ, то оказался совершенно пустымъ и сдѣланнымъ просто изъ латуни. Есть преданіе, будто Сумбека бросилась съ этой башни, узнавъ о взятіи Казани. Но изъ вышесказаннаго уже извѣстна ея судьба. Относительно времени постройки башни существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія; одни относятъ ея сооруженіе къ эпохѣ татарскаго владычества; другіе къ царствованію Алексѣя Михайловича; иные же думаютъ что она построена при Акиѣ Иоанновичѣ. Впрочемъ въ послед-

Снимокъ съ древней картины. Царица Сумбена и ея семья. Съ фотогр. грав. Флюгель.

будь стариннымъ русскимъ художникомъ, который хотѣлъ въ ней представить Сумбеку, героиню древней Казанской исторіи.

ннее время большинство нашихъ ученыхъ археологовъ думаютъ что она составляла одну изъ тѣхъ многочисленныхъ мечетей, которыя упоминаются въ разказѣ князя Курбскаго объ осадѣ и взятіи Казани. Примающая же къ Сумбекиной башнѣ дворцовая церковь была первоначально такъ же мечетью и обращена въ христіанскій храмъ лишь по завоеваніи города. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія церковь эта была упразднена и обращена даже въ пороховой складъ но въ 50-хъ годахъ снова возобновлена и въ этомъ видѣ существовать до нашего времени.

Другой нашъ рисунокъ, изображающій Сумбеку съ мужемъ, Сафи Гиреемъ, и мальчикомъ сыномъ Утемишемъ — снимокъ съ картины, бывшей въ 1877 году на выставкѣ въ Казани во время четвертаго археологическаго съѣзда. Картина эта очевидно старинная и рѣдка, но конечно писана не татарскою кистью такъ какъ заниматься живописью вообще и портретами въ особенности — дѣло грѣховное и запретное для каждаго благочестиваго мусульманина. Вѣроятно же всего, что картина писана какимъ ни-

Къ рисункамъ.

Малороссіянка.

(Рис. на стр. 129).

Кто-бы изъ художниковъ ни посѣтилъ прекрасный югъ нашъ, кто-бы ни побывалъ подъ благословеннымъ небомъ Украйны — каждый уноситъ чарующее впечатлѣніе ея задумчивыхъ, мелодическихъ пѣсней, ея чудныхъ ночей, стройныхъ тополей и степи. И тишь построекъ, и тополь, и агасты, и волны, и раздолье безконечной степи — все невольно поражаетъ сѣверянина. Низенькія чистовыбѣланныя стѣны мазанокъ тонутъ въ зелени; мальвы, тюльпаны, подсолнечники обступаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но особенно прелестно поражаетъ, вдругъ мелькнувъ гдѣ-нибудь, личико молодое, смуглое, прелестное — украинской красавицы — и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ воображеніи художника и въ его портфель появляются массы прелестныхъ милыхъ женскихъ головокъ, улыбающихся или задумчивыхъ подъ своими свѣжими вѣнками цвѣтовъ.

Одно такое прелестное личико нарисовалъ нашъ талантливый сотрудникъ М. А. Зинovieвъ и рисунокъ его мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ.

Масляница и Великій постъ.

(Силуэты Н. Каразина стр. 132 и 133).

Какъ мѣтко схвачены нашимъ художникомъ эти два жизненныхъ контраста, единственные въ году! Вотъ „прощальное Воскресенье“ и „чистый Понедѣльникъ“. Налѣво, нагануть, еще полный масляничный разгулъ, развѣваются флаги балагановъ, „дѣдко“ кричитъ съ балкона что то къ народу, потряхивая своей пеньковой бородой, скачетъ мужикъ верхомъ съ полуштофомъ въ рукѣ и смѣясь ловить за хвостъ саешникъ обезьяну. А въ серединѣ рисунка двѣ вѣдьмы пекутъ блины и съ дымомъ изъ трубы вылетаютъ веселые масляничные чортики. На масляничныи разгулъ задумчиво, сложивъ руки, поглядываетъ старый утерь —

городовой; внизу, вѣтвь, дворникъ тащить гуляку „проходи, моль, проходи! чего безобразить?“ — и лхкая тройка мчитъ за городъ загулявшую комнату... музыка, пѣсни, хохотъ и общее стремление повеселиться. Масляница — наиболее у насъ, что называется „народный праздникъ“. Это желаніе повеселиться до одури какъ разъ накануне великихъ дней покаянія — создали о венеціанскій и римскій карнавалъ и нашу широкую великороссійскую масляницу.

Но какъ картина мѣняется въ „чистый понедельник“! Вытанутыя, опухшія, точно еще несовсѣмъ проснувшіяся лица. Все входитъ въ обычную колею будничной жизни. Раздаются звуки великопостнаго колокола, впрыво видны церковныя свѣчи и просфора. Начинаятся обычныя сцены: вонъ дворникъ тащить дрова, чиновникъ идетъ въ баню съ вѣшникомъ, повезли чухны ледъ съ Невы, кухарка, запасшись уже великопостными припасами — пьетъ утромъ чай и Васька смотритъ не перенадетъ-ли ему рыбки. Въ общественныхъ саваяхъ потянулся по разнымъ направленьямъ занятый людъ по своимъ дѣламъ и хлопотамъ, свозить съ улицъ кучи мерзлой грязи и снѣгу. А въ церквахъ раздастся строгая эктенья и высокая молитва о „смиреномудрїи, терпѣнїи и любви“ призываетъ всѣхъ къ покаянію, напоминаетъ, что всему есть конецъ и границы и скорѣе всего разгуду....

Стоянь Ковачевичъ.

(Рис. на стр. 138).

Мы уже не разъ говорили въ Политическомъ Обзорѣни о все болѣе разгорающемся движенїи въ Герцеговинѣ и о причинахъ его. Движенїе противъ австрїйцевъ распространилось повсюду. Инсургенты вербуютъ по деревнямъ всѣхъ способныхъ носить оружіе; австрїйцы сосредоточиваютъ тамъ значительныя военныя силы. Такъ называемыя „четы“ подъ предводительствомъ избранныхъ или вождей разсылаются повсюду.

Извѣстнѣйшїи и дѣятельнѣйшїи изъ предводителей четь—Стоянь Ковачевичъ, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ. Жизнь его прошла въ непрестанной борьбѣ съ турками и его молодечество дало ему прозвище „юнака“ (т. е. молодца, богатыря). Ковачевичъ родился въ Автокавѣ, бѣдномъ и маленькомъ мѣстечкѣ, здѣсь есть одно только что можно назвать строемъ—это турецкая казарма, гдѣ во время безпорядковъ прежде помѣщался турецкій батальонъ.

Ковачевичу теперь 56—58 лѣтъ, это крѣпкій сильный и бодрый человекъ съ суровымъ и непривѣтливомъ лицомъ, полный жизни, несмотря на раны, полученныя въ многочисленныхъ стычкахъ съ турками, только его лѣвая рука повреждена и окостенѣла отъ глубокой раны, нанесенной ему ятаганомъ за пятъ лѣтъ двадцать назадъ. „Стоянь“, какъ сокращенно называютъ его юнаки, въ теченїи своей тревожной жизни успѣлъ устроить себѣ однако домикъ съ садикомъ въ Здреницѣ близъ Гацко, гдѣ живетъ его жена и двое сыновей, старшему изъ которыхъ 19 лѣтъ. Обаяніе, которое теперь окружаетъ въ глазахъ герцеговинцевъ имя Ковачевича велико и объ его прежней боевой, тревожной жизни ходятъ цѣлыя легенды, въ которыхъ разсказываются о его стычкахъ и подвѣдахъ съ пандурами. Это тѣ же турецкіе заплѣтн, которые приняты на службу австро-венгерскимъ правительствомъ и составляютъ въ этой странѣ корпусъ жандармовъ: они боятся тронуть Ковачевича, зная что за впечатлѣніе произведетъ это на его соотечичей и не желая вызвать общаго безпомятаго мщенїя. Въ началѣ настоящаго движенїя чета Ковачевича состояла всего изъ 60—80 человекъ дѣйствовавшая близъ Гацкаго поля на Черногорской границѣ, но вѣрнѣйшимъ же извѣстїямъ въ него годъ рукой теперь уже болѣе 1000

Стоянь Ковачевичъ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

человекъ инсургентовъ, большая часть которыхъ расположена въ южной Герцеговинѣ.

Два исчезнувшихъ города.

Очеркъ.

Между величественными явленїями, о которыхъ намъ повѣствуетъ исторїя древности, жизнь двухъ мировыхъ городовъ—Вавилона и Ниневїи—занимаетъ первое мѣсто. Уже двѣ тысячи лѣтъ лежатъ они въ развалинахъ; но и самыя поразительныя созданїя рукъ человѣческихъ послѣдующихъ временъ, не умаляютъ то впечатлѣніе, какое производятъ на насъ эти грандіозныя массы построекъ, хотя глазамъ нашимъ теперь онѣ являются только развалинами и обломками.

Одна окружность этихъ обоихъ городовъ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ настоящее время. Вавилонъ занималъ пространство въ 490 квадратныхъ километровъ, т. е. въ четыре раза большую площадь земли, чѣмъ теперешнїй Лондонъ, а Ниневїя, надъ постройкой, которой, въ продолженїи восьми лѣтъ, работало постоянно 140.000 человекъ, имѣла въ окружности 104 километра (около 100 в.). Оба города были наполнены своеобразными величественными зданїями, изъ которыхъ нѣкоторыя и нынѣ считаются чудесами міра.

Описанїя оставленныя бытописателями того времени, въ соединенїи съ данными и изслѣдованїями, добытыми раскопками, достаточно знакомятъ насъ съ этими гигантскими мировыми городами и ихъ главнѣйшими достопримѣчательностями.

Вавилонъ былъ столицей древней страны того-же имени и лежалъ въ обширной долинѣ Синяра на нижнемъ Евфратѣ, по обѣимъ берегамъ этой рѣки, въ 15 миляхъ отъ Багдада, 40 миляхъ отъ Персидскаго залива и 130 миляхъ отъ Иерусалима. Время и подробности его основанїя теряются во мракѣ доисторическихъ временъ. Предполагають, что городъ существовалъ уже во время перваго Вавилонскаго государства, быть можетъ, около 2000 лѣтъ до Р. X.; но самый цвѣтущій его періодъ начинается съ ваденїемъ Ассирійскаго царства, во времена царя Набополассара и сына его Навуходоносора. Послѣднїй, на расширение и украшенїе города потратилъ несмѣтныя суммы. Вавилонъ, въ то время, т. е. въ шестомъ столѣтїи до Р. X., считывалъ два милліона жителей, о которыхъ дошли до

насъ свѣдѣнїя какъ о людяхъ извѣщенныхъ, любящихъ наслажденїя и безвѣстности. Громадный этотъ городъ, имѣвшїй форму четырехугольника, былъ окруженъ стѣною, вышиною въ 10 сажень и шириною въ 7 сажень. По ней свободно могло ѣхать въ рядъ нѣсколько колесницъ, сотни мѣдныхъ воротъ замыкали входы въ городъ и на стѣнахъ высились 200 сторожевыхъ башенъ. Кромѣ стѣны наружной была еще средняя и внутренняя городскія стѣны. Великолѣпный, построенный изъ цинтика, мостъ соединялъ обѣ части города, раздѣленныя Евфратомъ. Городъ былъ построенъ очень правильно, съ широкими и прямыми улицами. Вблизи упомянутаго моста, по обѣимъ берегамъ рѣки, возвышался Акрополь (Царскія ворота), состоявшїй изъ двухъ гигантскихъ дворцовъ, окруженныхъ тройною стѣною. Здѣсь жилъ Навуходоносоръ, а впоследствии Александръ Великій. Зданїя Акрополя были необыкновенной, рѣдкой красоты и убраны и отдѣланы со всевозможной роскошью. Въ городѣ было еще много другихъ дворцовъ, между которыми, какъ чудо строительнаго искусства, извѣстенъ великолѣпный дворецъ Семирамиды.

Эта царица устроила также всякіе сады, которые находились недалеко отъ Акрополя на восточной сторонѣ Евфрата и составляли одну изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Вавилона. То былъ рядъ дворцовыхъ построекъ, возведенныхъ террасами на колоннахъ и аркадахъ; на свинцовомъ полу террасы было наложено столько земли, сколько нужно было для деревьевъ съ самыми глубокими корнями. Помощью насосовъ вода изъ Евфрата была проведена по всѣмъ направленїямъ сада. Каждая терраса была вышиною въ 60 футовъ, такъ что верхушки деревьевъ нижней террасы приходились у ногъ зрителя и вмѣстѣ съ тѣмъ не закрывали вида въ даль. Широкія великолѣпныя лѣстницы вели на верхнїя террасы; на самой-же верхней изъ нихъ, кромѣ фонтановъ, было еще нѣсколько роскошныхъ царскихъ навилюновъ, изъ которыхъ открывался великолѣпный видъ на окрестности.

Самая значительная достопримечательность Вавилона находилась в западной части города: посреди местности, посвященной богу Баллу, возвышалась громадная башня, которую еще до разрушения Иерусалима (588 года) Навуходоносор велел построить на томъ самомъ мѣстѣ и на томъ самомъ основаніи, гдѣ стояла старая вавилонская башня, о которой говорится въ Библии. Башня имѣла въ высоту 96 сажень и возвышалась на квадратномъ пирамидальномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ террасовидномъ основаніи въ 98 саж. вышины и 12 саж. ширины. Она состояла изъ восьми разноцвѣтныхъ этажей. Большая витая лѣстница тянулась вокругъ этой удивительной постройки, считавшейся священной, а на вершинѣ ея находился храмъ. Въ то же время башня была астрономической обсерваторией. Въ нижнемъ помѣщеніи башни хранилась разная драгоценная утварь, массивныя золотыя статуи и изображенія боговъ; стоимость всего этого опредѣлена въ 13½ миллионъ рублей. Сѣверная часть города заканчивалась колоссальной пирамидой, составившей одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ города, такъ какъ она была и самой древней постройкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ гробницей бога Балла, и мѣстонахожденіемъ оракула. Александръ Великій, который при вступленіи своемъ въ городъ въ 330 г. обѣщалъ вавилонянамъ отстроить разрушенную гробницу Балла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не могъ даже успѣть очистить пирамиду отъ осыпавшихся камней, несмотря на то, что все это время пасть этимъ трудилось 10.000 рабочихъ. Дальнѣйшему исполненію его обѣщанія помѣшала смерть, застигшая его во дворѣ Навуходоносора.

Къ этой гигантской постройкѣ примыкали еще и другія, какъ напр. храмъ Нициба, Содана, Ао и тройная святыня — храмъ богини Нама, — зданія весьма замѣчательныя по величественности стиля. Собственно жилая часть города лежала на югѣ отъ Акрополя; весь юго-восточный уголъ квадрата былъ занятъ воздѣланными полями, недалеко отъ которыхъ находилась извѣстная по исторіи пророка Даниила равнина Даура, называющаяся такъ и донынѣ; на ней стояла громадная колонна Мукатанъ, остатки которой и теперь еще возбуждаютъ удивленіе.

Время съ 2240 до 2050 г. до Р. X. считается первой цвѣтущей эпохой Вавилона, какъ величайшаго города міра и какъ столицы Древней Вавилоніи — перваго царства, основаннаго Нимродомъ. И во время ассирійскаго владычества (отъ 2050 до 625 до Р. X.) Вавилонъ спорилъ въ первенствѣ съ Ниневіей. Но самое блестящее для Вавилона время было отъ 625 до 538 гг. до Р. X. когда онъ былъ столицей ново-авилонскаго государства. О его тогдашнемъ великолѣпнн говорятъ и книги Ветхаго Завета.

Послѣ завоеванія Вавилона персидскимъ Киромъ начинается упадокъ города. Александръ Великій хотѣлъ сдѣлать его снова центромъ своей имперіи, но предположеніе это не осуществилось за его смертью. Во время владычества селевкидовъ городъ пустѣетъ все болѣе и въ первое столѣтіе христіанскаго лѣтосчисленія представляетъ только груды развалинъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ на шесть миль. Со времени арабскаго владычества имя Вавилона совершенно исчезаетъ изъ исторіи. Маленькая деревенка того-же имени, выстроенная почти на томъ-же самомъ мѣстѣ, только и напоминаетъ о древнемъ великомъ городѣ.

Лишь съ XIX столѣтія развалины эти сдѣлались предметомъ строго научныхъ изслѣдованій, доставившихъ много любопытныхъ свѣдѣній объ устройствѣ громаднаго города. Развалины эти лежатъ въ пустынѣ Евфрата, южнѣ Багдада, и образуютъ цѣлыя горы обломковъ. Изъ нихъ выступаютъ шесть возвышеній, составляющихъ остатки вышеупомянутыхъ построекъ. Въ безчисленныхъ развалинахъ прежнихъ дворцовъ и храмовъ, покрывавшихъ улицы и площади Вавилона теперь водятся только лбы, волки, гиены, шакалы... На мѣстѣ цвѣтущихъ всѣхнхъ садовъ тянется безконечный тростникъ и ивнякъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. во дворѣ Навуходоносора и въ башняхъ произведены раскопки и найдены остатки статуи, утвари и украшеній. Особенно цѣнную находку въ историческомъ отношеніи составляютъ кирпичи съ гвоздеобразными надписями. Въ башнѣ подрыто основаніе, но часть стѣнъ которыхъ этажей еще сохранилась и подымается на 36 саж.

Также сохранилась часть внутренней городской стѣны. Сотни лѣтъ уже груды камней этого поля развалинъ доставляютъ строительный матеріалъ для другихъ городовъ. И нынѣ еще внизъ и вверхъ по Евфрату ходятъ корабли, нагруженные камнемъ изъ бывшей міровой столицы, а для многихъ каменщиковъ и проводниковъ развалины эти составляютъ единственный заработокъ.

Подобная-же участь постигла Ниневію, древнюю столицу ассирійскаго государства, лежащую на Тигрѣ и открытую только недавно. По сообщенію греческаго писателя Ктезіаса (жившаго при персидскомъ дворѣ въ качествѣ врача въ 400 г. до Р. X.) она была основана Ниномъ (въ 2100 году до Р. X.), послѣ завоеванія Вавилоніи и Мидіи, онъ рѣшилъ выстроить городъ, который размѣрами своими превосходилъ-бы всѣ города, бывшіе до него и имѣвшіе быть послѣ него. Стѣна, окружавшая городъ, была такъ широка, что по ней въ рядъ могло ѣхать четыре колесницы; она была вышиною около 17 сажень, украшена 1,500 башнями, каждая въ 30 саж. вышины. Очертаніе стѣны отчасти сохранилось до сихъ поръ, но цифры эти Ктезіасъ признаетъ преувеличенными. Будучи въ продолженіи столѣтій столицей ассирійскаго царства и резиденціей королей, Ниневія нѣсколько разъ была завоевана и опустошена и въ 606 г. до Р. X. совершенно разрушена мидянскимъ Синасаромъ и вавилоняниномъ Набопаласаромъ. Съ тѣхъ поръ она болѣе не возобновлялась; ея мѣсто занялъ Вавилонъ; разрушенная и забытая резиденція ассирійскихъ царей лежала въ развалинахъ и даже историки Александра Великаго не упоминаютъ о ней, хотя битва при Гаугамелѣ происходила недалеко отъ развалинъ ея. Въ продолженіи столѣтій сомнѣвались даже гдѣ именно находилась Ниневія, сѣвернѣе или южнѣе, восточнѣе или западнѣе Тигра. Только раскопки нашего столѣтія привели въ извѣстность ея настоящее мѣстоположеніе. Въ 1880 году, когда послѣ дождей обнажилась алебастровая плита съ надписями и изображеніями, англійскій консулъ Рихъ приказалъ копать въ этомъ мѣстѣ, причѣмъ были открыты и другія плиты. Еще больше успѣха имѣли французъ Ботта и англичанинъ Лейрдъ, которымъ удалось открыть цѣлыя фундаменты дворцовъ и массу скульптурныхъ и другихъ остатковъ. Были открыты дворцы Нимрода и Сенахериба съ цѣлымъ рядомъ комнатъ и залъ, изъ которыхъ многія были до 30 саж. длины и великолѣпно украшены. Тогда-же было найдено много драгоценныхъ картинъ, статуй людей и животныхъ, оружія, мѣдной, слоновой, мраморной, алебастровой и стеклянной посуды и утвари, а также безчисленное множество надписей. У входовъ во дворцы часто встрѣчаются въ 9 и 10 аршинъ вышины крылатыя фигуры львовъ съ человѣческими лицами и нерѣдко изображеніе могучаго Нимрода; на стѣнахъ картины домашняго быта ассирійцевъ. Украшенія и драгоценности носятъ отпечатокъ своеобразнаго высоко-развитаго искусства. Особенно часто попадаются изображенія завоеваній этого гордаго, могущественнаго народа. Такъ напримѣръ: осады города, уводъ плѣнныхъ и побѣжденныхъ, записываніе рубленныхъ человѣческихъ головъ, въздъ царя на великолѣпной колесницѣ, окруженнаго свитой. Изображены также и охоты, въ которыхъ принимали участіе женщины, верхомъ на лошадяхъ гнавшіеся за львами и пантерами съ копьями въ рукахъ. Все это согласно съ описаніями древнихъ историковъ. Если-же высокие повелители не хотѣли выходить въ лѣсъ и горы, то они могли охотиться въ паркахъ, прилегающихъ къ дворцамъ. Объ этомъ между прочимъ говорится въ исторіи Данила. Въ паркахъ въ особенныхъ клѣткахъ держали львовъ; въ клѣткахъ примыкала арена, входъ въ которую оберегался солдатами, державшими въ правой рукѣ копьа, а въ лѣвой большихъ собакъ на цѣпи. Около клѣтокъ стоялъ ящикъ — изображеніе котораго откопано въ Ниневіи, — въ ящикѣ этомъ помѣщался человѣкъ, открывавшій двери калитки, когда нужно было выпустить животное на арену.

Такимъ образомъ найденныя скульптурныя произведенія знамятъ съ обычаями той эпохи и съ комфортомъ ассирійскихъ дворцовъ, а многочисленныя гвоздеобразныя надписи, уже отчасти разобранныя, даютъ такой богатый историческій матеріалъ, что труды и затраты по раскопкамъ вознаграждены съ избыткомъ.

Политическое обозрѣніе.

Договоръ между Россіей и Персіей. — Австро-Венгрія. — Черногорія. — Болгарія. — Франція. — Египеть.

Въ прошломъ декабрѣ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и шахскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ подписана конвенція, опредѣляющая новую пограничную черту Закавказской области. Послѣ присоединенія къ Россіи текинскаго оазиса потребовалось точное опредѣленіе нашей границы съ Персіей и для этого начаты были минувшею осенью переговоры посредствомъ правительствомъ Персіи при этомъ не было сообщено требованія объ уступкѣ Россіи всего праваго берега Атрека. Новая граница, принятая обѣими договаривающимися сторонами отстываетъ отъ Атрека у укрѣпленія Чата и идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по хребтамъ горъ и теченію р. Сумбара. Россія удовлетворялась удержаніемъ за собою

самаго оазиса и склоновъ горъ, обезпечивающихъ оазисъ съ юга, такъ что граница отъ Сумбара проходитъ главнымъ образомъ, по вершинамъ хребтовъ, оставляя за Персіей округъ Фирuze. Достигнувъ же долины ручья Баба-Дурмазъ, граница направляется на сѣверъ и пересѣкаетъ дорогу изъ Гяурса въ Люфтабадъ, а затѣмъ терется на сѣверъ въ пескахъ, оставляя Атрекъ вѣдъ русской границы.

Недавно, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки давалъ въ засѣданіи австрійской делегаціи разъясненія по герцеговино-боснійскому возстанію, разъясненія интересныя, какъ выраженіе официальнаго, такъ сказать, взгляда австрійскаго правительства на происходившее въ Босніи и Герцеговинѣ движеніе. Главная выгода общаго положенія дѣлъ заключается въ томъ, сказалъ министръ, что мы имѣ-

ель дѣло съ чисто внутреннимъ вопросомъ. Когда мы возставимъ, какъ имѣемъ на то право, порядокъ тамъ, то ни одно иностранное государство не возбудитъ по этому предмету вопроса, какъ до сихъ поръ не возбуждало." Вотъ точка зрѣнія австрійскаго правительства, старающагося прежде всего изолировать "своихъ" боснійцевъ и герцеговинцевъ отъ всякаго отношенія къ славянскому, къ восточному вопросу. Въ случаѣ же—и кажется съ нѣкоторыхъ сторонъ дѣлаются усилія въ этомъ направленіи—(продолжалъ графъ Калькоки), если возникнетъ какое-нибудь столкновение между нами и Сербіей или Черногоріей, то тогда конечно положеніе существенно усложнится". Въ комитетѣ венгерской делегаціи министръ, какъ-бы дополнилъ свои разсужденія, указавъ на отношеніе различныхъ державъ къ "внутреннему" движенію въ Австріи: "По отношенію ко всѣмъ правительствамъ, императорское правительство приобрьло убѣжденіе, что дѣло это ими считается чисто внутреннимъ дѣломъ Австро-Венгрии и что они вовсе и не думаютъ о вмешательствѣ. Въ особенности такое убѣжденіе я питаю въ отношеніи Россіи, правительство которой, какъ мнѣ хорошо извѣстно, держится совершенно нейтрально относительно возстанія. Все, что разсказываютъ о русскихъ агентахъ,—не вѣрно. То-же можно сказать и о Сербіи, гдѣ агитація въ пользу инсurreкціи не является опасною. Важнѣе всего положеніе Черногоріи. Что касается до черногорскаго правительства, и поведения князя безъ всякихъ со стороны Австро-Венгрии запросовъ, онъ далъ положительнѣйшее завѣреніе въ томъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы удержать населеніе Черногоріи отъ участія въ возстаніи". Затѣмъ, министръ дѣлаетъ такое замѣчаніе, къ которому надо отнестись съ величайшимъ вниманіемъ. Окажется-ли князь Николай въ состояніи выполнить всѣ данныя имъ обѣщанія, въ этомъ имперское правительство не могло еще убѣдиться... но если-бы князь черногорскій былъ поставленъ въ необходимость заявить, что онъ не въ состояніи гарантировать, то Австро-Венгрия оказалась-бы въ необходимости сама вмѣшаться, при случаѣ, въ дѣло, а такое положеніе правительства создалъ себѣ не желало-бы, такъ какъ оно полагаетъ, что справится съ возстаніемъ, не затрогивая Черногоріи. Оно пострадаетъ, во что-бы то ни стало, избѣгать международныхъ соглашеній, такъ какъ въ такомъ случаѣ нельзя предсказать, какой оборотъ могутъ принять событія. Министръ Калькоки не вѣритъ слухамъ "о русскихъ агентахъ". Въ Галиціи въ настоящее время полиція получила строгое предписаніе (секретный циркуляръ) слѣдить за тѣмъ, не получаютъ-ли изъ Россіи и Чехии

словацкимъ духовенствомъ, учителями народныхъ школъ и другими словаками, книги и брошюры; по вѣдѣ за циркуляромъ начались и аресты русскихъ, заподозрѣнныхъ австрійскими властями въ сношеніи съ русскими "панславистами"; арестовано уже не мало, и даже по этому поводу намѣстникъ Галиціи уѣхалъ недавно въ Вѣну.

Изъ Вѣны сообщено извѣстіе, будто на жизнь князя Че, погорскаго было произведено покушеніе: нѣкто, Теодороничъ выстрѣлилъ въ князя, но, къ счастью, промахнулся, однако, извѣстіе это не подтвердилось еще. Изъ Софіи идутъ снова какіе то странные слухи о неблагопріятномъ настроеніи въ княжествѣ и о томъ будто бы нашъ генеральный консулъ созвалъ всѣхъ русскихъ консуловъ и нѣкоторыхъ изъ русскихъ офицеровъ въ столицу княжества для инструкцій.

Германскій императоръ отправляетъ особое посольство, съ генералъ-адъютантомъ княземъ Радзивилломъ во главѣ, къ султану Абд-уль-Гамиду, для поднесенія его величеству ордена чернаго орла. Порты просятъ новый контингентъ нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ въ свою службу.

Въ германской либеральной прессѣ приветствуется нападѣніе Гамбетты, какъ признакъ хорошей для утвержденія мира.

Зато министерство Фрейсине не будетъ устранять сторонниковъ мира. Недавно, Фрейсине прочелъ въ палатѣ депутатовъ заявленіе новаго кабинета, въ которомъ только и склоняется одно слово "миръ", почти замѣняющее собою все другія, такъ часто оно повторяется. "При выполнении возложенныхъ на насъ обязанностей, мы, главнымъ образомъ, проинкинуты желаніемъ оберегать миръ: миръ въ странѣ, миръ въ общественномъ настроеніи, въ дѣлахъ, миръ внутри и въ вѣнскихъ сношеніяхъ"—затѣмъ, идутъ обѣщанія либеральныхъ реформъ, но вопросъ о пересмотрѣ конституціи откладывается до конца текущего законодательнаго періода. Въ отношеніи египетскаго вопроса, повидимому Франція и Англія пришли къ убѣжденію что рѣшить его только вдвоемъ онѣ не могутъ, а рѣшеніе его будетъ зависѣть отъ общаго согласія всѣхъ державъ.

Въ Египтѣ военная партія, вліяющая на палату депутатовъ, заставила министерство Шерифа-Паши выйти въ отставку и уступить свое мѣсто новому министерству, въ которомъ постъ перваго министра принадлежитъ Махмуду-Баруди, а военнаго министра главѣ военной партіи Араби-Бею.

Гитто—убійца президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Гарфильда—приговоренъ къ смертной казни.

С М Ъ С Ъ.

Самые вѣрные предсказатели погоды. Кромѣ барометра существуетъ еще много способовъ узнавать погоду. Когда послѣ продолжительныхъ ясныхъ дней на небѣ образуются тонкія облака, заостренными концами обращенныя къ юго-западу, то это обозначаетъ, что въ верху тянется южный вѣтеръ — предвѣстникъ дождя, содержащій въ себѣ пары. Пока облака эти еще тонки и нѣжны и различной формы, дождя еще не будетъ, но какъ только нижніе слои насытятся парами, облака становятся гуще и заволакиваютъ небо. Если преобладаетъ вѣтеръ южный, то облака надвигаются еще ниже и начинается дождь; напротивъ, вѣтеръ сѣверный разгоняетъ облака.

Если солнце при восходѣ или закатѣ заливаютъ облако желтымъ опеннымъ блескомъ, или если утренній туманъ опускается, то атмосфера еще не вполне насыщена парами и свѣтлые дни могутъ еще продолжиться. Также обильная ночная роса предвѣщаетъ свѣтлый день. Но если утренній туманъ значителенъ, облака, поднимавшіяся днемъ отъ сырой земли спускаются, когда лѣса и луга кажутся дымящимися и дымъ изъ трубъ опускается къ землѣ, а стѣны и камни потѣютъ, все это признаки насыщенія атмосферы парами— признаки приближающагося дождя.

Нѣкоторыя животныя движеніями своими также служатъ предвѣстниками переменъ погоды. Иногда даже и люди, въ особенности больные, чувствуютъ эту перемену. Если обыкновенный наукъ высевываетъ изъ своего угодка головку и переднія ланки, а крестовый наукъ усердно работаетъ и въ продолженіи ночи сдѣлаетъ новую таванъ, лягушки прыгаютъ въ травѣ, ласточки высоко летаютъ и жуки ищутъ прохладныхъ, сырыхъ мѣстъ.—это признаки солнечныхъ дней. Если-же обыкновенный наукъ поворачиваетъ головой къ стѣнѣ, наукъ-крестовикъ прячетъ мало или вовсе не прячетъ и прячется въ укромное мѣстечко, жуки вползаютъ на камни и деревья, если насѣкомыя прячутся, а ласточки летаютъ низко, когда рыбы выскакиваютъ изъ воды и ловятъ собравшихся надъ водою насѣкомыхъ, когда сверчки прячутся подъ листьями и въ деревьяхъ и пчелы роютъ летать въ улей, въ этихъ случаяхъ идетъ дождь и сырая погода продолжается нѣсколько времени.

Если производить сравнительныя наблюденія погоды въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, то замѣчается удивительная общность закона въ измененіяхъ погоды. Замѣчается, что средняя теплота и количество дождей на всей землѣ остается постоянно одно и то-же и что раздѣленіе теплоты и дождей на извѣстной части земли подвержено постоянному общенію. Послѣ значительнаго возвышенія температуры слѣдуетъ ея охлажденіе. Въ тѣ годы, когда май очень теплый, прохладные дни начинаются позже. За теплымъ началомъ зимы слѣдуютъ

холода и наоборотъ. Сильное пониженіе средней годовой температуры въ одной части земли, вызываетъ тѣмъ большее возвышеніе въ другой части. Если напримѣръ въ Европѣ суровая зима, то въ Америкѣ и въ другихъ мѣстахъ земнаго шара оно теплѣе и наоборотъ. Эта общность законовъ при различномъ ихъ примѣненіи, эта неизмѣнность порядка при всевозможномъ разнообразіи отношеній температуры обусловливаетъ богатство жизни на землѣ.

Къ свѣдѣніямъ о бѣшенствѣ. Недавно разрѣшенъ Маврикемъ Рено вопросъ о приличности бѣшенства и о передачѣ болѣзни помощью прививанія отъ человѣка животнымъ и другому человѣку.

Уже ранѣе того Гальтье доказалъ, что немного слюны, взятой отъ бѣшеной собаки и привитой кролику, черезъ очень недолгое время сообщало ему эту страшную болѣзнь. Оставалось только узнать можно-ли передать кролику бѣшенство человѣка.

10-го прошлаго октября въ госпиталь Ли-Рибоазьеръ, состоящій въ вѣдѣніи Рено, былъ помѣщенъ человѣкъ, укушенный двѣ недѣли тому назадъ бѣшеной собакой въ верхнюю губу. Укушенный, рапы котораго спустя часа два были прижжены лансомъ, благодаря этой предосторожности, считалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ слѣдствій. Но потомъ ранки начали чесаться, и 19 октября у него сдѣлалось воспаленіе горла (фарингитизмъ), такъ что онъ не могъ глотать даже ничего жидкаго. На слѣдующій день уже проявилась водобоязнь, а затѣмъ бредъ. Больной, спустя три дня, умеръ отъ удума.

Несчастный этотъ чувствовалъ себя безвозвратно погибшимъ и говорилъ объ этомъ. Въ день смерти, въ одинъ изъ спокойныхъ моментовъ, онъ позволилъ взять немного крови и слюны. Кровь дала отрицательные результаты. Оравленный ею кроликъ остался здоровъ. Такіе-же результаты получены были при опытахъ и съ кровью бѣшенныхъ животныхъ. Но за то слюна дала результаты положительныя. Оравленный 11 числа кроликъ, уже 15 числа выказывалъ признаки бѣшенства и у него шла слюна и пѣна. Въ слѣдующую ночь онъ окозлѣлъ. Другой кроликъ, зараженный кускомъ правой слюнной железы перваго кролика, издохъ также черезъ два дня. Такимъ образомъ оказывается, что слюна бѣшенаго человѣка ядовита и бѣшенство его можетъ быть сообщено кролику.

Изъ этого слѣдуетъ первый практическій выводъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ необходимо прививать слюну кролику. И, такъ какъ у этого животнаго признаки обнаруживаются очень скоро, то это даетъ возможность узнать, что заподозрѣнный человѣкъ или животное дѣйствительно страдаетъ бѣшенствомъ. И второй практическій выводъ: такъ какъ слюна болѣзнаго бѣшенствомъ человѣка признака

ядовитою для кролика, следовательно она ядовита и для другого человека. А потому следует остерегаться органов и продуктов выделения слюны не только во время болезни бешеных, но также и постъ смерти ихъ, во время надзора за ними.

Священный огонь въ Баку. Едва-ли кто не слышал о знаменитомъ храмѣ огнепоклонниковъ около Баку, на Кавказѣ. Теперь храмъ этотъ пришелъ въ упадокъ. Вотъ, между прочимъ, что пишетъ одинъ нѣмецкій зоологъ, недавно посѣтившій эту окрестность Закавказья. „Въ минувшемъ году, говоритъ онъ, я совершилъ ученую поѣздку въ Сѣверную Персію, причемъ, по пути туда и обратно, заѣхалъ въ Баку. Въ первый разъ, пробывъ тамъ цѣлую недѣлю, я употребилъ время на то, чтобы осмотрѣть, по возможности, все, могущее интересовать путешественника и вообще, удовлетворить любознательности. По моему надежда увидѣть знаменитыхъ баккинскихъ огнепоклонниковъ, о которыхъ я такъ много слышалъ,—не сбылась: меня положительно убѣдили въ Баку, что вся исторія о живущихъ еще тамъ огнепоклонникахъ не болѣе какъ басня, распространенная легковѣриными путешественниками. Самый храмъ, нѣкогда обновленный проживавшимъ тамъ богатымъ индѣйскимъ купцомъ, въ настоящее время, уже почти совершенно развалился. Индѣецъ вынесъ съ родины нѣсколько ихъ бѣдинокъ, нарядилъ ихъ въ бѣлую одежду и приставилъ въ храмъ — оберегать священный огонь. Теперь, говорить, ничего отъ этого не осталось, а можно, развѣ, найти только изобрѣтательныхъ аферистовъ своего рода, эксплуатирующихъ любопытство посѣтителей и ихъ легковѣріе: взявъ съ нихъ плату за сопровожденіе и за развалинамъ индѣйской святыни, эти чичероне, затѣмъ, продаютъ имъ напитки, являющіеся часто необходимою постъ утомительнаго осмотра руинъ въ жаркій день. Впрочемъ, нынѣ настала тамъ пора другихъ „промышленниковъ“ — около огня этого, близъ Баку (индѣйскій храмъ расположенъ нѣсколько дальше) уже хлопочутъ люди, имѣющие мало общаго съ поклонниками догматовъ Зороастрова ученія и устроившихъ не мало заводовъ для извлеченія и разработки нефти. Велѣдствіе этого значительно возвысилась и стоимость земли, десятина которой дошла уже до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей.

Жизненная мудрость. Александръ Дюма, между прочимъ, высказалъ нѣсколько слѣдующихъ основныхъ житейскихъ правилъ: ежедневно употребляй два часа на прогулку и спи не болѣе семи часовъ. Утромъ вставай тотчасъ-же какъ проснулся. Говори только тогда и тамъ, гдѣ надо, и при этомъ высказывай только половину того, что думаешь. Не пиши того, чего не можешь подписать. Деньгамъ не поклоняйся, но и не презирай ихъ: онѣ — хорошій слуга и дурной господинъ.

Необыкновенное множество сельдей появилось у береговъ Норвегіи у Лангезунда: самая маленькія бухты положительно набиты этой рыбой, такъ что даже тамошніе старожилы не запомнятъ ничего подобнаго. Постоянно прибываютъ новыя массы, которыя, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, зорко стерегутся появившимися китами. Сельдей такъ много, что ихъ просто черпаютъ въ лодки корзинами и они такого хорошаго достоинства, какого бывають обыкновенно только въ концѣ марта. Велѣдствіе такого ранняго появленія сельдей, къ лодкѣ ихъ не были подготовлены, не хватало соли, а также бочекъ и работниковъ для соленія улова. Повсюду были разсланы телеграммы, съ требованіемъ присылки рабочихъ и посуды и въ настоящее время не только заняты соленіемъ, но и разсылкой свѣжаго товара за границу. По всей вѣроятности раннее появленіе сельдей вызвано необыкновенно мягкою зимою этого года. На югѣ Россіи показались уже бекасы и другія перелетныя птицы, которыя также появляются обыкновенно не ранее середины или конца марта.

Для охлажденія комнатъ больныхъ, одинъ французскій докторъ предлагаетъ очень хорошій способъ. Открытое настежь окно онъ совѣтуетъ занавѣшивать мокрымъ полотномъ. Вода, переходя изъ жидкаго состоянія въ паръ, поглощаетъ теплоту, что и вызываетъ пониженіе температуры на 4—5 градусовъ, между тѣмъ, одновременно съ этимъ распространяющаяся въ комнату сырость облегчаетъ дыханіе. Этимъ способомъ даже въ самые жаркіе дни комнаты больныхъ можно охладить до той температуры, какая бываетъ постъ сильной грозы.

Игры и задачи

Задача буквъ № 9.

103 буквы (15а, 4б, 2в, г, д, 4е, 2з, 10и, 1й, 6к, 2л, 9м, 7н, 5о, п, 9р, 2с, 2т, у, 2ц, 3ч, 3ш, 5ъ, 2ы, ф, э, я), составляютъ 22 слова, имѣющія слѣдующія значенія:

1. Не печь и не очагъ а вагрѣваетъ комнату.
2. Мужское имя.
3. Предсѣдатель муниципальнаго совѣта.
4. Узданный городъ, монашескій санъ.
5. Одинъ изъ главныхъ отдѣловъ театральнаго искусства.
6. Птица съ длиннымъ клювомъ.
7. Итальянскій городъ, принадлежащій французамъ (морек. куп.)
8. Анатомическій терминъ, знакомый портнымъ и модисткамъ.
9. Снарядъ для мытья половъ.
10. Паукъ, весьма опасный для рогагаго скота.
11. Необходимая принадлежность костюма восточныхъ женщинъ.
12. Музыкальное произведеніе.
13. Лѣсной сторожъ.
14. Имя девяти римскихъ папъ.
15. Рѣчное гребное судно.
16. Сельскохозяйств. зданіе, дача.
17. Зерна, употребляемыя въ медицинѣ, кондиторами и для приготовления горячительнаго, но питательнаго напитка.
18. Партія въ карточной игрѣ, рѣшающая состязаніе.
19. Бобовое растеніе.
20. Военно-административное подраздѣленіе.
21. Городъ, родина Бетховена.
22. Буква русской азбуки.

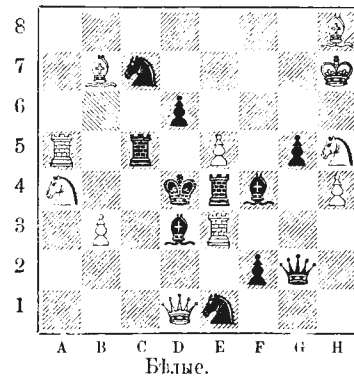
14	14	17	11	5	2	12	4
17	14						
17	2	16		4	18	8	
7	13	5	20		9	15	
7							
19	7					15	
9	5	22	10	12	21	8	
4		6	7	1	19		
22	4						
4	6	1	1	4	16	11	
3							
19	7	3			18	20	13
3	13	16					
19	18	3	6	5	17	6	13
3	19	18					
14	3						
14	4	2	13	2	9	10	20
18	4	1	5	11	21	15	12
18	4	1	5	11	21	15	12
3	22	18	4	1	5	11	21
3	22	18	4	1	5	11	21

Предлагается: буквы найденныхъ словъ размѣстить по клеткамъ фигуры на мѣста цифръ, показывающихъ номера словъ по порядку, но такъ, чтобы въ горизонтальныхъ строкахъ слѣва направо, получились имена или фамиліи дѣйствующихъ лицъ — „герои“ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ одного изъ даровитѣйшихъ поэтовъ второй четверти текущаго столѣтія.

Цифры крупнымъ шрифтомъ означаютъ начальныя буквы именъ или фамилій. Буква ѣ въ концѣ словъ необязательна и удержана лишь въ пяти словахъ.

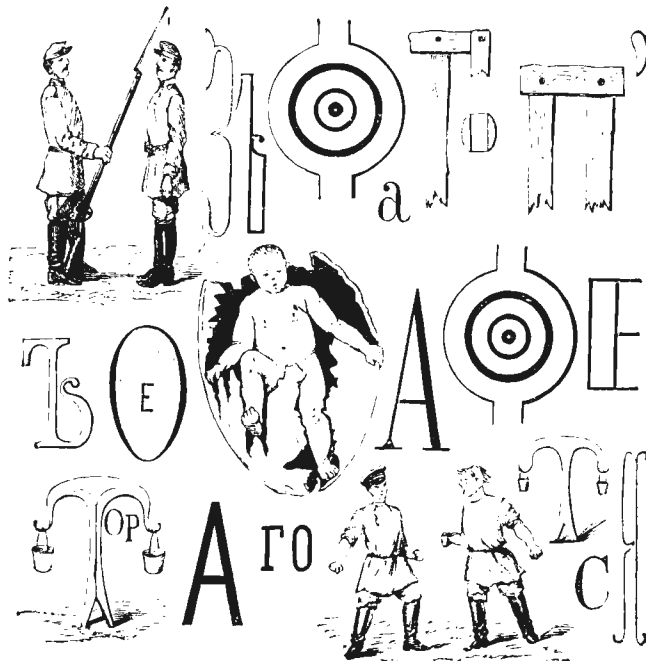
Шахматная задача № 10.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

РЕБУСЪ. Задача № 11.

Открыта подписка на „Ниву“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на 1882 годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній. Изъ концъ мы назовемъ только нѣкоторые, именно—романъ **Вс. С. Соловьева** „Волтерьянецъ“, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергій Горбатовъ“—тѣ же лица являются уже дѣятелими новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны—большая повѣсть **П. П. Гнѣдича** „Въ Южной глуши“, разсказъ **В. Г. Австенко** „Испанскій дворянинъ“, разсказъ **Н. Успенскаго** „Нѣтъ худа безъ добра“, разсказъ **С. В. Максимова** „Барышники“, разсказъ **К. К. Случевского** „Маньякъ“, разсказъ **Н. Боева** „На озерѣ“, очерки **Вс. В. Крестовскаго**; рядъ разсказовъ **А. Я. Максимова** изъ жизни на крайнемъ Востокѣ и рядъ разсказовъ талантливаго **Н. Н. Каразина** изъ жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.

Какъ премія на 1882 годъ (промѣ большого стѣннаго календаря, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана новая, очень большая картина профессора **В. И. Якобія**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходить всѣ прежнія преміи „Нивы“ (82 1/2 сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналъ картины рядомъ съ копіей, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналъ, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокому достоинствѣ исполненія копіи съ этой превосходной картины. Теперь первые полученные экземпляры копій выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Общая высылка преміи будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ сего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно бесплатно для годовыхъ подписчиковъ.

Подробное объявленіе о цѣнахъ можно видѣть на 1-й страницѣ № подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться просимъ обращаться въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9).

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложениями.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать **28 коп.** почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Греческіе монастыри „Метеоры“ (съ 4 рис.)—Подъ землею. Повѣсть **Н. Н. Лебедева** (Н. Морскаго). (Окончаніе).—Во время бури. Романъ **М. Ю. Мая.** (Продолженіе).—Башня Сумбени въ Казани (съ 2 рис.)—Малороссіянка (съ рис.)—Масляница и Великій постъ (съ 2 рис.)—Стояній Новачевичъ (съ портр.)—Два изчезнувшихъ города. Очеркъ.—Политическое обозрѣніе. — Сибирь.—Задача буквы.—Шахматная задача.—Ребусъ.—О подпискѣ на „Ниву“ 1882 года.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ | **ПРИЛОЖЕНІЯ.**
 для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для заглав. за строку ноябрьрейль (въ 1/4 ширины страницъ.)
 Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РЪЗЦЫ
 Для снятія
ВЫКРОЕКЪ.
 Цѣна съ дерев. футляромъ 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к. Можно получить въ Конторѣ редакціи „Нивы“, въ С.-Петербургѣ, В. Морская № 9.

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ
 ИЗЪ
ЗОЛОТА И СЕРЕБРА
 какъ-то: старинныхъ золотыхъ эмальированныхъ табакеронъ, вазы, кубки и бокалы изъ топаза или каменной въ золотой оправѣ, старинныя серебряныя вещи, какъ-то: кружки, бокалы, кубки, группы и фигуры, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII стол., кромѣ монетъ.
 Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.
 Л. № 1910 6—1

ПЕЧИ ДАВЫДОВА.
 Печи переносныя; кафельныя, въ желѣзныхъ оболочкахъ и кухонныя отъ гн., различныхъ видовъ и величинъ, пріуроченныя ко всякимъ растительнымъ и минеральнымъ топливамъ, можно получить въ совершенно готовомъ видѣ, съ пересылкою по Россіи и за границу, въ единственной фабрикѣ печей самого изобрѣтателя **О. Д. Давыдова** С.-Петербурга, уголь 7-й ул., и Греческаго просп., Несковъ д. № 31—2. № 1768 10—9

КОМЕТЫ
 Доцента **С. П. ГЛАЗЕНАПА.**
 Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.
 Въ современномъ книжномъ магазинѣ. Пушквинская, № 4, С.-Петербургѣ. № 1915
ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ **Маршмита.** Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЫ“ 1881 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ АКАДЕМІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА НОНЕННЕИМ.
 Лѣтній семестръ начинается съ среды 12-го апрѣля с. г. Объявленія, указатели лекцій и программы занятій рассылаются по требованію безвозмездно.
 Гогенгеймъ. Январь 1882 г. Дирекція Королевской Академіи.
 д. № 1921 2—1 За директора профессоръ **Д-ръ Е. Вольфъ**

ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ,
 ЗАМѢНЯЮЩІЙ ВАТЕРЛОЗЕТЪ,
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ РЕТИРАДНИКЪ,
 не портящийся отъ мороза.
 Цѣна ретирадника 12 руб., бумага для ретирадника 2 руб. за 1,000. За укладку для дороги въ ящикъ 1 р. 25 к. за штуку, въсь съ укупошкой—два пуда.
 Заказы принимаютъ: англійскій магазинъ **В. ЧИДСОНЪ** у Базанскаго моста, и въ мастерской, по Семеновскому пер., домъ № 8, кв. № 22.
 Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ мастерскую на имя **Барулина**, въ С.-Петербургѣ.
 Иллюстрированныя описанія мастерская высылаетъ бесплатно. № 1919

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Иллюстр. дѣтскій и педагогич. журналъ въ 1882 г. (XII годъ изданія) подл. и съ дост. и перес. **Полный же.** (оба отдѣла) 12 р. или отдѣльно: 1) Иллюстр. отд. для дѣтей (12 №№) 10 р. 2) Учебно-воспит. отдѣлъ съ Педагогич. Хроникою (19 №№ ж. и 40 №№ Пед. Хр.) 5 р. Адресовать: въ контору журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ). № 1846 5—3

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ.

СЕРЕБРЯНЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ,

заводящиеся безъ ключа (въ ручку). Алмазные, закрытые на 15 камней 30 и 35 руб. Такие же 1-го сорта 40 и 45 руб. Тоже высшего сорта 50, 55 и 60 р.

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23. (противъ большой Коюшешной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго дворянина (рядомъ съ Барельефомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ. Подробные прейсъ-курранты высылаются по требованію бесплатно. № 1606 10-9

СТРАХОВАНИЕ билетовъ по 50 коп. съ пересылкой квитанцій

въ конторѣ П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ. (Москва, Тверская, домъ Полякова).

Условія продажи выигрышныхъ билетовъ, съ разсрочкой платежа изъ 8-и годовыхъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются бесплатно. П. 1912 3-1

ЖЕЛАЮЩИХЪ

купить, продать или заложить имѣнія, дома и антики просить обращаться въ Москву, на Арбатъ, Колошинскій пер. д. Волковъ, кв. № 8, къ Л. А. Горленко.

Лечение отъ Солитера и золотушныя Лечебница, Владимірска, ул. 15 СПб.

Булочн. передъ за боѣзью. Годов. обор. 20 т. р. доходъ 40% на руб. узла въ конт. де-Маке. Невскій № 58, тутъ же прод. домъ и дача на выг. услов. № 1916

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редаціи „НИВЫ“ и во всѣхъ известныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками И С. Панова

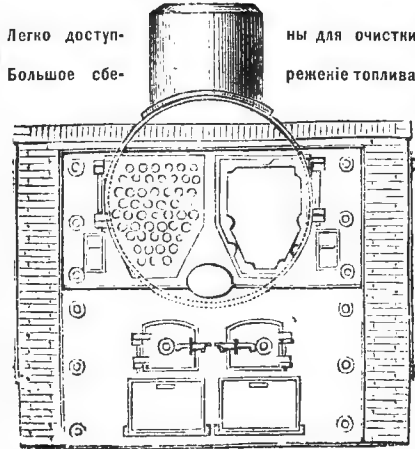
Второе изданіе

большой томъ в 8-мъ—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса по больш. Морской д. № 9. Цѣна 2 рубл., съ пересылкою 2 рубл. 50 к.

Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ.

3-2

Многія тысячи въ дѣйстви.

Легко доступны для очистки. Большое сбереженіе топлива.

Господамъ заводчикамъ предлагаю какъ специальность, поставку съ ручательствомъ

трубчатые паровые котлы системы Г. Паунша въ Ландсбергъ на Варгѣ.

трубчатые паровые котлы разныхъ размѣровъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ въ моихъ складахъ здѣсь и въ провинціи.

Паровые котлы другихъ конструкцій доставляются въ самые непродолжительные сроки.

С. Г. Конфельдъ.

Главный представитель

машинностроительнаго завода Г. Паунша въ Ландсбергѣ, и Варгѣ. С.-Петербургъ, Большая Московскія, № 6.

№ 1883 3 3 № 1648

!!! НОВОЕ ПЕРО !!! которое при постоянномъ писаніи четыре дня сохраняетъ въ себѣ чернила и при особенномъ устройствѣ болѣе не даетъ изъ себя чернилъ, чѣмъ для писанія надо. Перо формы карманнаго карандаша, имѣетъ особую пружину, которая не даетъ вытекать черниламъ, такъ что можно его въ карманѣ носить.

Главный агентъ для Россіи

Константинъ Малымъ,

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ Товар. Россійск. Америк. Резинов. Мануфакт. Большая Морская № 36.

Пересылка съ почтовыми расходами 3 руб. Продавцамъ дѣлаютъ скидки. По воскресеньямъ складъ открытъ. № 1858 4-3

П. № 1903 12-3

НОВОСТИ! НОВОСТИ! НОВОСТИ!

Рѣчи и аппаратъ для петель. На всѣхъ матеріяхъ и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ пересылкою. Журналъ и Выкройки Деморестъ изъ Парижа

И ВАКОНЪ.

Главный Агентъ на всю Россію.

Гороховая, домъ Лембе, № 9, кварт. № 8. № 1883 3 3 № 1648 Въ С.-Петербургѣ. 7 1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ.

В. Морская, № 17, СПб.

Лечение зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передача старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренны. № 1908

С-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ВАЗЕЛИНЪ предохраняетъ замѣняетъ во всѣхъ случаяхъ употребленіе жирныхъ веществъ и вліянію температуры не подвергается. ПОМАДА ВАЗЕЛИНЪ превосходнѣе чѣмъ всякія известныя средства, придаетъ волосамъ мягкость и блескъ и соде жить голову въ чистотѣ и свѣжести. КОЛЬДЪ КРЕМЪ ВАЗЕЛИНЪ отличается особенною нѣжностью. дѣйствуя на кожу благоприятно и освежительно, придаетъ ей мягкость и бѣлизну.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ.

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, близки подполющихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

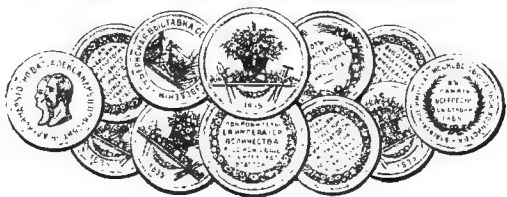
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви. 2) Невскій проспектъ, у Алчкова моста, № 66. 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18-54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ. № 1923

Садовое заведеніе И. Г. КАРЛСОНЪ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

высылаютъ по требованію немедленно бесплатно полныя иллюстрированныя, со многими политипажей въ текстѣ, прейсъ-курранты всякаго рода съемкамъ, деревьямъ, работамъ и пр. на 1882 годъ. № 1917

Дозволено цензурою. СПб. 4 февраля 1881 г.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПбургѣ.

Тит. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

1-го ФЕВРАЛЯ ВЫШЕЛЪ И РАЗОСЛАНЪ № 2.

Содержаніе: Орлиная дума М. Н. Богданова (съ карт. Н. Н. Каразина). Два чсловѣка (оконч.) М. Б. Чистякова. Двѣтскіе годы Моцарта. Разсказъ В. П. Авенариуса. Пьянушка дурачекъ. Сказка въ стихахъ А. В. Круглова (съ 25 сизуэтами Н. Н. Каразина). Народный учитель. Повѣсть И. В. Малияревскаго. Ихтиозавъ и Пелсіозавръ (къ картинкѣ). Наше житіе: волость, станъ В. М. Соронина. Смѣсь. Загадка.

Подписка на 1882 г. продолжается.

Цѣна въ годъ съ дост. и пер. 5 р., съ приложеніемъ педагогич. сборн. „Восп. и Обуч.“ (3 книжки) 6 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Спаская ул., д. № 3. № 1924

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкіи проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26-5

КЪ СВѢДѢНІЮ! 5-1

Для прекращенія существующихъ въ публикѣ недоразумѣній относительно многочисленныхъ объявленій, публикуемыхъ въ газетахъ фабрикантами и изобрѣтателями различныхъ средствъ и составовъ, которымъ нашъ магазинъ служитъ только комиссіоннымъ складомъ, а отнюдь не гарантіею за описываемыя въ публикаціяхъ качества, какъ это публикою часто понимается,—мы покорнѣе просимъ дѣлать должное различіе между означенными публикаціями и нашими собственными, съ подписью нашей фирмы объявленіями.

Большая часть, публикуемыхъ другими фабрикантами и изобрѣтателями, средствъ намъ неизвѣстна, ни по составу, ни по качествамъ ихъ; по несмотря на это, такой магазинъ какъ нашъ—долженъ имѣть всѣ публикуемыя къъ-бы то ни было и требуемыя публикою произведенія.

Р. Керлеръ и Копп.

Выходить еженедельными №№ в три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложеніемъ „Парижскихъ модъ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаѣтъ 13 Февраля. 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта Подписка на 1882 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ **4 р.** Съ доставкою въ Петербургѣ **5 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій. **5 р.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **6 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8 руб.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Марчелла Зембрихъ.

Недавно талантливая примадонна нашей итальянской оперы М. Зембрихъ дала замѣчательный концертъ, имѣвшій громадный успѣхъ, причемъ выказала удивительное разнообразіе талантовъ. Послѣ мастерскаго пѣнія она поразила всѣхъ прелестною игрою на скрилкѣ и на рояли и наконецъ аккомпанировала сама себѣ. Примѣръ небывалый. Выручка съ этого концерта (болѣе 5600 р.) пожертвована пѣвицей въ пользу нашей учащейся молодежи.

Марчелла Зембрихъ по происхожденію поляка; она родилась въ 1858 году въ Львовѣ гдѣ отецъ ея, по фамиліи Кохановскій, былъ учителемъ музыки. Послѣднее обстоятельство дало ей возможность изучить музыку въ самомъ раннемъ возрастѣ и еще ребенкомъ уже артистически играть какъ на фортепiano, такъ и на скрилкѣ. Семнадцати лѣтъ Кохановская отправилась въ Вѣну для окончанія своего музыкальнаго образованія по вѣдѣ наставленія ея из-

Марчелла Зембрихъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

мѣнились; по совѣту профессора Эпштейна, оцѣнившего первыми качества ея голоса, она начала заниматься изученіемъ теоріи пѣнія и готовится въ оперныя пѣвицы. Пользуясь уроками извѣстныхъ наставниковъ въ томъ числѣ Рокитанскаго и Ламперта.

На сцену Зембрихъ выступила въ первый разъ въ Аоннахъ и имѣла значительный успѣхъ, который сопровождалъ ее и въ слѣдующихъ ея дебютахъ въ Миланѣ, Варшавѣ и Дрезденѣ. Но лавры, добытыя ею на маленькихъ сценахъ, не могли дать ей громкой извѣстности, которая начинается для нея лишь съ того времени какъ она вступила на подмостки лондонскаго коventгарденскаго театра. Здѣсь публика пришла въ восторгъ отъ этого необыкновенно свѣжаго и сильнаго голоса, пресса осыпала пѣвицу похвалами и директоръ театра поспѣшилъ заключить съ ней условіе—обязывающее ее пѣть въ Лондонѣ. Это условіе сопр-

вожделемое выгодным вознагражденіемъ, заставило молодую вѣвину окончателно отказаться отъ своего первоначальнаго плана — ѣхать въ Петербургъ и поступить на нашу маринскую сцену.

Въ послѣдніе годы Марчелла Зембрихъ, кромѣ обязательнаго пѣнія въ Лондонѣ совершала еще артистическія поѣздки въ Варшаву и Дрезденъ, гдѣ часто въ концертахъ поражала публику разнообразіемъ своего музыкальнаго дарованія — превосходно исполня въ одинъ и тотъ-же вечеръ и трудныя вокальныя партіи и различныя пьесы на фортепиано и скрипкѣ.

Въ концѣ 1880 года а именно 6-го декабря, въ роли Лучія Зембрихъ дебютировала въ Петербургѣ, на сценѣ нашей итальянской оперы и тотчасъ-же обратила на себя вниманіе публики какъ пѣвица дѣйствительно замѣчательная, причемъ музыкальная критика отнеслась объ ней какъ о перворазрядной испол-

нительницѣ съ диапазономъ голоса чуть-ли не больше Падги, легко справляющейся со всѣми трудностями любой партіи и исполнѣ обладающей какъ красотой тембра такъ и выразительностью и изяществомъ исполненія.

Репертуаръ г-жи Зембрихъ пока не великъ; Лучія, Травиата, Сомиамбула, Севильскій Цирюльникъ, Волшебная флейта, Дипнора, Риголетто, вотъ почти всѣ тѣ оперы, въ которыхъ она до сихъ поръ проявляетъ свои дарованія, но эта бѣдность репертуара легко объясняется, если принять во вниманіе какъ ея молодость и кратковременность ея сценической карьеры, такъ и ту добросовѣтность, съ которою она изучаетъ и совершенствуетъ каждую новую, порученную ей роль, исполняя ее исполнѣ художественно какъ въ музыкальномъ такъ и въ драматическомъ отношеніи.

Испанскій дворянинъ.

Разсказъ

В. Г. Авѣенно.

Отчего человекъ можетъ иногда обозлиться и точно съума сойти?

Но поводу этого вопроса, какимъ-то случаемъ проскользнувшаго въ бесѣдѣ, одинъ изъ присутствующихъ разсказалъ цѣлую исторію, которая все впрочемъ заключается почти въ одномъ лицѣ. Лицо очень не важное и не крупное, въ чемъ разсказчикъ впередъ извинился передъ нами. „Однако прибавилъ онъ—мнѣ лично человекъ этотъ показался занимательнымъ и представляющимъ нѣчто даже типическое, въ чемъ пожалуй выразилась одна изъ сторонъ нашей русской натуры. Всякая національность производитъ такъ называемыхъ пронашихъ людей, но всегда на свой складъ и ладъ; а у этого человѣчка, про котораго и вамъ разскажу, складъ вышелъ совсѣмъ русскій. Впрочемъ, судите сами“.

И онъ началъ разсказывать, а я передамъ здѣсь все слышанное, собственными его словами.

I.

Встрѣтился я съ нимъ въ первый разъ давно, лѣтомъ 55-го года. Пришлось мнѣ ѣхать изъ Петербурга въ Вильну по такъ называемому тогда бѣлорусскому тракту, на пчеловыхъ. Путешествіе вышло самое непріятное: по случаю войны разгонъ былъ страшный, по дорогѣ тянулись нескончаемые обозы, на станціяхъ приходилось не то что по часамъ, а по суткамъ ожидать лошадей. Даже подорожная „по казенной надобности“ не производила ни малѣйшаго эффекта. На грѣхъ, время пришлось еще какъ разъ такое, когда въ кадетскихъ корпусѣхъ произвели усиленный выпускъ въ дѣйствующую армію, и безусые прапорщики, поварно, на перекладныхъ, то и дѣло обгоняли меня, стремясь въ Севастополь. Имъ, разумеется, давали лошадей раньше чѣмъ мнѣ, никому ненужному обывателю, облеченному въ партикулярнѣйшую шинель и въ пуховую шляпу. А оттуда, изъ Севастополя, навстрѣчу ескакали фельдъегеря и штабные, съ почернѣлыми и нахмуренными лицами, и вѣсти шли скверныя, такъ что на душѣ дѣлалось еще хуже.

Гдѣ-то за Оючкой мнѣ пришлось заночевать. Бѣлорусское шоссе въ то время только что было приведено въ порядокъ, т. е. верстовые столбы были выграшены въ государственные цвѣта, станціи выстроены новыя, каменные, всѣ по одному рисунку и плану, въ извѣстномъ вкусѣ графа Клейнмихеля. Даже диваны въ такъ называемой комнатѣ для проѣзжающихъ вездѣ были одинаковые, обтянутые одной и той же темнозеленой кожей, и даже физиономіи станціонныхъ смотрителей, мнѣ казалось, были похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Тѣмъ не менѣе, въ опрятной комнатѣ, на чистомъ диванѣ, спать было бы удобно—еслибъ только у меня не сказались товарищи, тотъ самый важный человекъ, о которомъ мнѣ предстоитъ вамъ разсказать.

Я прѣехалъ вечеромъ, еще засвѣтло. Въ верстѣ находилось какое-то большое село, въ которомъ была ярмарка

и вотому подлѣ станціи толкалось много разнаго народа. На крыльцѣ стоялъ человекъ высокаго роста, русый, съ огромными мягкими усами и маленькими, голубыми, свѣтлыми глазами, глядѣвшими точно въ щелочку свозъ толстыя, красныя вѣки. Одѣтъ онъ былъ въ широкую чамарку со шнуромъ на груди, какія въ то время любили носить у себя дома небогатыя помѣщички. Заложивъ руки въ карманы широчайшихъ панталонъ, онъ покачивался и повертывался съ видомъ человека, которому въ настоящую минуту рѣшительно нечего съ собой сдѣлать, какъ развѣ только выругать или отдуть кого нибудь. И онъ дѣйствительно ругался, обращаясь къ какимъ-то чуйкамъ и къ ямничному старостѣ, слушавшимъ его съ самымъ безобиднымъ равнодушіемъ и какъ бы даже съ одобреніемъ.

— Мошеники, наложь на васъ мало... кидаль онъ имъ съ крыльца.—Ишь вѣдь, оброчные! по торговой части... по ярмаркамъ шатаются... не бось за пазухой въ сахарной бумагѣ однихъ красненькихъ что заворочено...

— Чего не заворочить, отозвалась, оскаливъ бѣлыя, какъ кинѣны зубы, одна изъ чучекъ.

— Это намъ не заказано.

— Я бы заказалъ, кабы меня спросили.

— Вотъ бѣда—не спрашиваютъ...

— То—то... а благородный человекъ, ѣдетъ кровь проливать за отечество, такъ у него на прогоны нѣтъ, продолжалъ господинъ въ чамаркѣ. А отъ твоей мощны кому какая прибыль? знаю я вашу братію... поровите еще какъ бы обворовать, сапоги съ приклееными подошвами ратникамъ поставить, да сухари гнилые... Въ Крыму солдаты дохнутъ черезъ васъ, проклятыхъ.

— Чего отъ насъ? мы въ это дѣло не вступаемъ, возразила чуйка.

— Пазуха видно не толста еще... Ты понимаешь ли, куда я ѣду и для чего? Кровь проливать... Ты мою душу знаешь, что ли? Можетъ быть ты тамъ такое увидѣлъ бы... А па-азвольте узнать—вдругъ обратился ругающийся господинъ ко мнѣ, въ ту минуту какъ я подымался мимо него на крыльцо—вы далеко ѣдете?

Я отвѣтилъ, что ѣду въ Вильну.

— Понутчики, объяснилъ онъ, и вошелъ вслѣдъ за мной въ пассажирскую комнату. Только лошадей до завтра не достанете, могу васъ поздравить.

II.

Онъ былъ правъ, смотритель на отрѣзъ объявилъ, что на конюшнѣ нѣтъ ни одной разгонной пары. Приходилось покориться, и уже не въ первый разъ. Я велѣлъ внести свои вещи и поставить самоваръ. Господинъ въ чамаркѣ швырнулъ на окно бѣлую полувоенной формы фуражку, болѣе впрочемъ, похожую на блинъ, и принялся скорыми шагами ходить изъ угла въ уголъ.

— Вотъ, что называется, стеченіе обстоятельствъ: пятый день уже болтаюсь здѣсь, тогда какъ тѣло и душа рвутся въ Севастополь, вдругъ заговорилъ онъ, разомъ

повернувшись на каблукахъ. Мое мѣсто на залитыхъ кровью бастионахъ, гдѣ пали Нахимовъ, Корниловъ... Позвольте рекомендовать: помѣщикъ здѣшней губерніи, Семенъ Александровичъ Хохловъ.

И въ свою очередь назвалъ себя, и мы пожали другъ другу руку. Отъ его пожатія у меня слиплись пальцы.

— Что же вамъ собственно мѣшаетъ ѣхать? спросилъ я.

— Стеченіе обстоятельствъ—не нахожу попутчика. Большею частью все ѣдутъ попарно, а у семейныхъ пассажировъ тоже нѣтъ мѣста.

Я догадался, что подъ попутникомъ онъ подразумеваетъ человѣка, который доведетъ бы его даромъ.

— Но вѣдь вы не военный? спросилъ я.

— Былъ, но въ отставкѣ, а теперь стремлюсь вновь послужить на полѣ чести, объяснилъ Хохловъ. Хотѣлъ было записаться въ ополченіе, но разсудилъ, что тамъ пожалуй и не придется ценить бранную чашу. Поэтому ѣду прямо въ Севастополь, и съ тѣмъ чтобъ на Малаховъ курганъ.

Станціонный сторожъ втащилъ самоваръ. Я пригласилъ „попутчика“ выпить чаю.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ онъ, и тотчасъ присѣлъ къ столу.

Тутъ рядомъ трактирчикъ есть, селянку недурно подавать, бросилъ онъ мимоходомъ.

Мнѣ показалось, что онъ голоденъ, и можетъ быть отъ этой мысли самому мнѣ какъ будто захотѣлось ѣсть.

— А что, не послать ли въ самозѣ дѣлѣ за селянкой? предложилъ я.

Хохловъ живо встрепенулся.

— Разумѣется послать; что-жъ пустой чай дуть! согласился онъ. Эй, какъ тебя, гримза станціонная! кликнулъ онъ сторожа: сѣдай въ одну минуту въ трактиръ, принеси двѣ порціи селянки, сборной, и чтобъ бѣлорыбница была. И хлѣба побольше пусть дадутъ! Да живо у меня!

И тѣмъ временемъ досталъ изъ погреба стаканъ и фляжку съ ромомъ. Хохловъ взглянулъ на все это одобрительно.

— Вотъ какъ судьба играетъ людьми, продолжалъ онъ. Видѣли, я на крыльцѣ съ канальями этими разговаривалъ? Вы думаете у меня отчего злость на нихъ? Вѣдь они, проклятые, не только кашей крови не жертвуютъ за отечество, а еще смѣются, что я тутъ сижу пятый день, не имѣю чѣмъ съ мѣста тронуться. А развѣ они понимаютъ меня, что у меня на душѣ? Развѣ они чувствуютъ, что можетъ быть черезъ недѣлю я буду лежать бездыханенъ, въ собственной крови? Эхъ, родина, стоишь ли ты еще того? Вотъ тутъ человѣкъ, который стремится лечь за тебя, а ты что для него сдѣлала? Чѣмъ ты его вспоила—вскормила?

Возвращеніе къ родинѣ показалось мнѣ довольно неожиданнымъ.

— Вы говорили, у васъ помѣстье въ этой губерніи? напомнилъ я, желая объяснить себѣ, какимъ образомъ помѣщикъ, собравшійся въ такой дальній путь, могъ очутиться вблизи своего имѣнія безъ копейки денегъ.

— Деревня, да... сто душъ... Эхъ было, времячко! отвѣтилъ Хохловъ и вдругъ озлобленно наморщилъ складки на лбу. Я, милостивый государь, недавно еще находился совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ вы меня видите. За большимъ не гнался, но пользовался достаткомъ, и могу сказать, при моей молодости чувствовалъ себя счастливымъ. То есть, если хотите меня понять, былъ я дуракъ совершеннѣйшій, и ничего рѣшительно представить себѣ въ его значеніи не умѣлъ.

— Вотъ именно когда вы такъ выражаетесь, я и не могу ничего понять, сказалъ я.

— Не понимаете? а выражаюсь я, кажется, какъ не можетъ быть проще, отвѣтилъ Хохловъ. Былъ я слѣпъ, и принималъ все сущее какъ оно представляется не-

просвѣтленному взгляду. Въ томъ и состояло истинное мое счастье. Но затѣмъ въ умѣ моемъ произошло просвѣтлѣніе, и я взглянулъ на себя и на другихъ людей иными очами, и тутъ ожесточился.

— Ожесточился?

— И въ ужасной степени. Такъ ожесточился, что подобно Перону—а можетъ быть кому другому, не припомню—желалъ, чтобы весь родъ человѣческой имѣлъ одну голову, которую однимъ ударомъ снести можно. Съ тѣхъ самыхъ поръ у меня совсѣмъ другія мысли стали, и самъ я другой человѣкъ сдѣлался.

— Какая-же собственно произошла въ васъ перемена? спросилъ я.

Хохловъ мрачно взглянулъ на меня изъ своихъ щелочекъ и потушился. Можетъ быть съ полминуты онъ не отвѣчалъ.

— Бусень сталъ, проговорилъ онъ наконецъ. Эхъ, что объ этомъ вспоминать! прервалъ онъ себя тотчасъ, дернувъ поочередно оба кончика усомъ. Самъ себя поджегъ съ четырехъ концовъ и прогорѣлъ какъ на рѣшеткѣ. Замертво выносили, вотъ какъ было. Однимъ словомъ, привелъ я себя къ такому состоянію, что omnia mea mecum—латинская поговорка. И такъ моя душа перегорѣла, что только кровью человѣческой могу залить ее. Поэтому мнѣ одна дорога—въ Севастополь; подставлюсь подъ первую пулю, и basta.

III.

И съ любопытствомъ взглянулъ на Хохлова. Не скажу, чтобъ мнѣ стало его жалко—мало-ли сколько прогорѣвшихъ людей шляется по свѣту—но въ голосѣ его слышалась глухая и почти наивная искренность, вмѣстѣ съ какою-то забавной притязательностью. Онъ искренничалъ, какъ будто не потому, чтобъ ему хотѣлось высказаться, а потому, что видѣлъ въ своей судьбѣ нѣчто общественное, о чемъ каждый долженъ знать.

На видъ ему было лѣтъ тридцать: лобъ высокій, бѣлый, можно было-бы подумать даже—умный лобъ; губы красивыя, красныя, голова крѣпко посаженная на широкія плечи, вся фигура складная и свѣжая—казалось-бы жить да поживать этому человѣку, да дѣло дѣлать.

Я перемѣнилъ ему уже третій стаканъ, доливая чуть не до половины ромомъ. Изъ трактира принесли селянку, Хохловъ съ жадностью принялся ѣсть, уносявая при этомъ такіе ломти хлѣба, что я подумалъ—не постился-ли онъ тутъ всѣ пять дней.

— А какъ-же вы сюда-то пріѣхали? спросилъ я.

— Подвезли. Я очень пьянъ былъ въ послѣднее время, отвѣтилъ совершенно просто Хохловъ. Должно быть хотѣли съ рукъ сбить.

Во фляжкѣ еще оставался ромъ. Хохловъ уже самъ выпилъ его себѣ въ стаканъ, бросилъ нѣсколько кусочковъ сахару и долилъ кипяткомъ.

— Отъ чаю не спится, объяснилъ онъ. Я однако усомнился, чтобъ онъ страдалъ безсонницей.

— А отчего-же собственно произошло у васъ, какъ вы выразились, просвѣтлѣніе ума? рѣшился я спросить.

Хохловъ какъ-то сморщился и поглядѣлъ въ стаканъ.

— Отъ любви, вдругъ сказалъ онъ.

— Отъ любви? повторилъ я. Это интересно. Расскажите.

Онъ, обжигаясь, выпилъ разомъ нѣсколько глотковъ.

— Дайте панироску. Или нѣтъ-ли хорошей сигары? спросилъ онъ.

Я раскрылъ портъ-сигаръ, гдѣ было то и другое. Хохловъ выбралъ самую толстую сигару, откусилъ кончикъ, зажегъ, и съ наслажденіемъ затянулся. Потомъ опять отхлебнулъ пуншу, и опять затянулся. Щелочка, изъ которыхъ глядѣли его глаза, почти закрылись. Такъ прошло минуты двѣ.

— Расскажите, повторилъ я.

Хохловъ внезапно насушился.

Табунъ во время снѣжнаго урагана въ Средне-азіатской степи. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— Какое вамъ дѣло? почти закричалъ онъ. Чего я стану душу свою всякому встрѣчному-поперечному выкладывать?

— Да вы не сердитесь, мнѣ только непонятно, какъ это отъ любви можетъ просвѣтлѣніе ума произойти, сказала я.

— Мало-ли что вамъ непонятно. Чего въ самомъ дѣлѣ пристали? Вы думаете, что если накормили да напоили человѣка, такъ и потѣшаться надъ нимъ можете? Въ душу къ нему залѣзть немытыми руками можете? кричалъ все больше Хохловъ, подымаясь и опираясь обѣими руками о столъ. Нѣтъ, врешь! Я вамъ не шутъ гороховый достался. Я къ себѣ въ душу съ грязными руками не пушу. У меня душа-то, можетъ быть... можетъ быть, такая... я ее за селянку не продамъ...

У него жилы натянулись на лбу, лицо было красно. Мнѣ и неловко, и неприятно стало, и я съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что придется провести ночь съ совершенно пьянымъ человѣкомъ—но вышло совсѣмъ иначе. Въ самую эту минуту послышался звонъ почтового колокольчика, и къ намъ вошелъ новый проѣзжий, изъ тѣхъ-же безусыхъ прапорщиковъ, которыми былъ наполненъ весь бѣлорусскій трактъ. Недуренькій собой, въ мундирѣ съ иголочки, онъ производилъ впечатлѣніе очень еще молодого шжона, старающагося приободрить себя и побѣдить природную застѣнчивость.

Смотритель вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— До утра подождать придется;—я васъ тутъ спокійненько устрою, а завтра чуть свѣтъ ужъ откуда ни есть достану лошадокъ. Къ ночи обратныхъ жду, такъ хоть вздохнуть маленько...

Прапорщикъ чуть-чуть надулъ щеки, какъ-бы собирався раскричаться, но неуверенный, выйдетъ-ли это у него, ограничился просьбой, чтобъ съ разсвѣтомъ лошади были непременно.

— Да ужъ будутъ, завѣрилъ смотритель. А васъ, сударь, я ужъ опять тамъ устрою, обратился онъ къ Хохлову, кивнувъ по направленію къ заднимъ комнатамъ: нельзя, двое проѣзжающихъ, да въ ночь еще могутъ быть—вамъ тутъ негодится.

Хохловъ, при появленіи одиноко ѣдущаго прапорщика, сдѣлался совсѣмъ тихъ, и только пожиралъ его глазами, какъ-бы испытывая воплощенную въ его лицѣ судьбу свою. Послѣдній взглянулъ на насъ обоихъ и на опороженную фляжку съ нѣкоторымъ недоверіемъ, однако присѣлъ къ столу и съ застѣнчивымъ видомъ спросилъ, можетъ-ли онъ тоже заварить чаю?

Съ нимъ оказался крошечный погребецъ, уставленный аккуратно пригнанными принадлежностями, между которыми я замѣтилъ даже стклянку съ одеколономъ. Мы немножко поговорили, причемъ я узналъ, что фамилія его Мейеръ, что онъ только что выпущенъ въ дѣйствительную армію, гдѣ надѣется честно исполнить свой долгъ, что папенька его былъ тоже военный, что онъ сирота, и что въ Черновѣ у него есть тетюшка Амалія Францовна, которая нарочно пріѣзжала въ Петербургъ снарядить его въ дорогу и проводила его до Пулкова.

IV.

Хохловъ слушалъ все это съ благоговѣніемъ, продолжая пожирать шжона загорѣвшимися восхищеніемъ глазами. Хмѣль кажется совсѣмъ соскочилъ съ него, или по крайней мѣрѣ далъ его мыслямъ и чувствамъ иное направленіе.

— Я васъ понимаю! Я васъ совершенно понимаю! произнесъ онъ, вставая и крѣпко обѣими руками жимающая руку прапорщика—такъ крѣпко, что пальцы у него побѣлѣли и кровь бросилась въ лицо. Вы, господинъ Мейеръ, благороднѣйшій молодой человѣкъ, и клянусь вамъ головой, что черезъ мѣсяцъ имя ваше будетъ открыто славой. Вы будете украшеніемъ русской арміи, клянусь головой стараго рубаки.

Мейеръ, озадаченный этимъ неожиданнымъ изліаніемъ, ужасно покраснѣлъ и смотрѣлъ на насъ обоихъ своимъ жалостливымъ взглядомъ. Онъ очевидно никакъ не могъ объяснить себѣ, что такое „понялъ“ въ немъ Хохловъ.

— Простите, я не успѣлъ вамъ отрекомендоваться—помѣщикъ здѣшней губерніи, отставной поручикъ Хохловъ—продолжалъ мой собесѣдникъ. Стремлюсь, подобно вамъ, въ окровавленный Севастополь, чтобъ отдать отечеству свое послѣднее дыханіе. Пригодится тамъ и моя боевая опытность, и зазубренная пашка стараго кавказца.

Онъ даже поискалъ подлѣ себя съ боку, какъ-бы вообразивъ, что у него въ самомъ дѣлѣ привѣшена пашка. Меня это окончательно убѣдило, что онъ не только никогда не былъ на Кавказѣ, но и вообще никакой пашки не носилъ, а развѣ пѣхотную полусаблю.

— Но вѣдь вы сами еще молодой человѣкъ! сказала Мейеръ, у котораго въ корпусѣ, за разговорами съ товарищами и за чтеніемъ Марлинскаго, сложилось совсѣмъ другое представленіе о кавказскихъ рубакахъ.

— Молодъ тѣломъ, но не душой и сердцемъ! возразилъ Хохловъ. Сердце мое перекипѣло въ такомъ горнилѣ страстей, о которомъ вы, молодой человѣкъ, не имѣете даже понятія... Но я сохранилъ сочувствіе къ молодости, я понимаю эти порывы, это беззаветное стремленіе туда, гдѣ свищутъ пули. Быть въ первый разъ въ боевомъ огнѣ—о, какое это ощущеніе. Знаете, я, надъ которымъ сто разъ была занесена черкесская пашка, я вамъ буду завидовать...

Мейеръ успѣлъ оправиться и даже получить нѣкоторый вкусъ къ тому, что говорилъ Хохловъ.

— Я очень радъ, что выпущенъ въ дѣйствующую армію, сказалъ онъ скромно. Я могу очень много выиграть. Конечно, могутъ также убитъ, или ранить... на примѣръ, въ ногу... это еще хуже.

— Ранить? Никогда! возразилъ тономъ глубочайшаго убѣжденія Хохловъ. Посмотрите на меня: ни одной царапины. Надо только быть всегда впереди и не думать—рѣшительно ни о чемъ не думать—и вы будете невредимы. Э, да вы еще ничего не понимаете въ боевыхъ дѣлахъ. Но я буду вмѣстѣ съ вами. Я поступлю въ одинъ и тотъ-же полкъ, на тотъ-же самый бастионъ. Душа моя, я тебя люблю... клянусь головою рубаки. Я отъ тебя ни на шагъ, и ты увидишь, что значить идти въ огонь рядомъ съ старымъ кавказцемъ. Поцѣлуемся, душа моя, и прости, что я такъ прямо... къ чорту эти церемоніи...

Онъ потянулся къ Мейеру, обнялъ его и поцѣловалъ. Шжонъ, совсѣмъ растерявшійся отъ внезапнаго натиска, краснѣлъ и видимо приходилъ въ волненіе.

— Прости, душа моя... ужъ у меня такая натура—весь на распашку, продолжалъ Хохловъ, не выпуская его изъ объятій. Ужъ коли люблю, такъ сразу, безъ оглядки—бери мою жизнь. У меня душа... ты не знаешь какая у меня душа. Тамъ, въ траншеяхъ, ты поймешь, кого тебѣ Богъ посылаетъ въ эту минуту. Въ первую вылазку вмѣстѣ, локоть къ локтю, въ ногу... или нѣтъ, пополземъ на брюхѣ, по-кавказски... Тамъ, братъ, наши пластуны есть, чудеса дѣлаютъ...

Онъ продолжалъ фантазировать, и хотя я готовъ былъ голову прозакладывать, что онъ отродясь ни въ какомъ сраженіи не былъ и даже ни одного пластуна не видалъ, но очевидно все, что онъ разсказывалъ, необычайно живо носилось въ его мозгу, и въ ту минуту составляло для него почти дѣйствительность. Мейеръ слушалъ уже съ видимымъ удовольствіемъ, и хотя рука его какъ-бы въ раздумьи щипала чуть обозначившіеся усики, но глаза и щеки начинали горѣть.

„Ну а всетаки шжонъ даромъ не повезетъ его“, подумалъ я, вставая и отправляясь устраивать себѣ ложе на одномъ изъ двухъ дивановъ.

Смотритель опять взглянулъ къ намъ и позвалъ Хохлова. Тотъ пробовалъ отдѣлаться.

— Итъ, пойдѣте, пойдѣте; нельзя вамъ здѣсь, это вѣдь комната для прѣзжающихъ, настаивалъ смотритель, и наконецъ увелъ его.

Мейеръ, наказавъ разбудить себя со свѣтомъ, аккуратнѣйшимъ образомъ постлалъ себѣ постель, раздѣлся и бережно сложилъ вещи.

— Отчего это смотритель все про прѣзжающихъ говорить? развѣ господинъ Хохловъ не прѣзжающій? вдругъ спросилъ онъ меня, задувая свѣчу.

И не зная, что ему отвѣтить, и пожелавъ спокойной ночи.

V.

Никогда еще не случалось мнѣ въ дорогѣ такъ хорошо заснуть какъ въ ту ночь: очень ужъ удобны были эти новые диваны, съ крѣпкими пружинами и запахомъ новой кожи! Проснулся я довольно поздно, и пижона ужъ не засталъ: онъ уѣхалъ съ разсвѣтомъ и какъ оказалось къ крайнему моему удивленію—увезъ съ собой Хохлова.

— Да какъ это устроилось? вѣдь Мейеръ съ него ни копѣйки за прогоны не получилъ, сказалъ я смотрителю. Тотъ засмѣялся.

— Еще вы посмотрѣли-бы какъ господинъ Хохловъ передъ ними куражился! отвѣтилъ онъ.—„Я, говорить, одолжаться не привыкъ, у меня душа гордая. Это, говорить, ничего что у меня теперь денегъ съ собой нѣтъ — я своей кровью заплачу“.

— Удивительно! произнесъ я, вспомнивъ и аккуратно прилаженный погребецъ пижона, и тетюшку Амалію Францовну, и расчеты его „много выиграть“ въ дѣйствующей арміи.

— И слава Богу! сказалъ смотритель, махнувъ рукою. Признаться, наскучилъ мнѣ этотъ господинъ Хохловъ. Пятый день вѣдь сидитъ... Такъ, ради только его ожесточенія держалъ.

— То-есть какъ это? не понималъ я.

— Ожесточенный вѣдь онъ.

Я всетаки не понималъ, что это за особенное званіе такое, и почему можно человѣка держать ради его ожесточенія.

— Вы его знали раньше? спросилъ я.

— Какъ-же, кто его тутъ не знаетъ, отвѣтилъ смотритель. Онъ вѣдь, какъ нашло на него это ожесточеніе, такія чудодѣйства производилъ, по всей губерніи прославился, испанскимъ дворяниномъ его врозвали.

— Это почему-же?

— По случаю гордости. Гордъ вѣдь онъ до чрезвычайности сталъ, и въ родѣ Донъ-Кихота дѣйствовалъ.

Въ эту минуту послышался новый звонъ колоколовъ. Смотритель высунулся въ окно.

— Исправникъ! вскрикнулъ онъ, вбѣгая.

Мнѣ было очень досадно, что такимъ образомъ прервался разговоръ, и что мнѣ можетъ быть не удастся узнать никакихъ подробностей о Хохловѣ. Но вышло напротивъ. Исправникъ, очень представительный мужчина, изъ военныхъ, распорядился тотчасъ принести изъ трактира завтракъ, а самъ растегнулъ мундиръ, прилегъ на диванъ и спросилъ:

— А что-же Хохловъ? Спустили его куда-нибудь?

— Только сегодня и спустилъ, отвѣтилъ смотритель... Офицеръ молоденькій изъ Петербурга вѣхалъ, взялъ его съ собою.

— Ну и чудесно это, молвилъ исправникъ, пропуская сквозь усы струю табачнаго дыма. Эхъ, погибъ человѣкъ, прибавилъ онъ, обращая на меня тотъ испытующій взглядъ, который, какъ я замѣтилъ, вырабатывается иногда у полицейскихъ чиновниковъ.

— Я съ нимъ вчера здѣсь познакомился, сказалъ я, очень довольный разговоромъ. Скажите, отчего это онъ погибъ, какъ вы выражаетесь?

— Съ ума сошелъ, отвѣтилъ коротко исправникъ. Да вы развѣ про него не слыхали?

— И не здѣшній...

— Ну, это цѣлая исторія. Пропалъ онъ, собственно, отъ любви, но мнѣ кажется у него давно уже тутъ не въ порядкѣ было.

И исправникъ показалъ на лобъ.

— Расскажите пожалуйста, это интересно, попросилъ я.

Станціонный смотритель разостлалъ на столѣ довольно чистую салфетку и поставилъ подносъ съ водкой, закуской и селянкой. Исправникъ любезно предложилъ мнѣ чокнуться, опрокинулъ въ ротъ большую рюмку водки и запихнулъ кусокъ совсѣмъ рыжаго балыка.

— Рассказать-то даже это трудно, молвилъ онъ, жуя.

Я однако не сомнѣвался что онъ расскажетъ.

И дѣйствительно, прожевавъ балыкъ и обмочивъ усы въ селянку, онъ началъ такимъ образомъ.

VI.

Знаютъ его здѣсь лѣтъ пять, собственно съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ въ отставку. Имѣніе у него было небольшое, однако сто душъ. Ну, съ этимъ можно жить. Онъ и основался, усадьбу перестроилъ, хозяйствомъ какъ слѣдуетъ занялся — однимъ словомъ зажилъ какъ всѣ мы, грѣшные, по своимъ медвѣжьимъ угламъ тутъ живемъ. Къ лошадямъ у него вкусъ есть — онъ и лошадокъ завелъ; охота тоже — не княжеская, а все было чѣмъ русака затравить. Принять, угостить сосѣда — это тоже все какъ быть должно. Ну и вообще человѣкомъ онъ себя показалъ смиреннымъ, общительнымъ, права можно сказать даже веселаго — вѣдь не сразу это оказывается, если у кого тутъ не въ порядкѣ (исправникъ опять дотронулся пальцемъ до лба). Я къ нему въ ту пору разъ по одному случаю заѣзжалъ — тутъ онъ сейчасъ водочки, закуски, самоваръ — все какъ слѣдуетъ по дворянски. Потомъ даже на своей тройкѣ прокатилъ — славная тройка, маленькая такая, однако рѣзвая.

Ну-съ, а въ прошедшемъ году вотъ это и началось у него. Надо вамъ сказать, что имѣнице-то его межа съ Краснымъ Верхомъ — изволите знать? Князя Воскурова, первое у насъ въ уѣздѣ. Тамъ ужъ порядки совсѣмъ другіе, понимаете. Старикъ — вельможа, да еще и чванный вдобавокъ, княгиня всю жизнь при дворѣ провела, а княжна первая красавица въ губерніи. Да что въ губерніи, я думаю и во всей Россіи развѣ еще одна такая сыщется. Княжна Мери Воскурова — не слыхали?

— Не слыхалъ, отозвался я.

— Помилуйте, извѣстность! продолжалъ исправникъ. Жила она передъ тѣмъ съ матерью все за границей, да въ Петербургѣ, а прошлымъ лѣтомъ поселилась въ Красномъ Верхѣ. Увидѣлъ ее Хохловъ, и напала на него эта блажь — влюбился. А она, надо вамъ знать, дѣвушка бойкая, въ обращеніи доступная, и насмѣшница какихъ свѣтъ не создавалъ. Кокетства этого тоже много — потому ей что? развѣ ей тутъ кто пара? Дѣлай что хочешь — деревня, медвѣжій уголь. Вотъ все равно какъ барыни не стыдятся передъ мужикомъ въ дезабилье ходить, потому что мужикъ развѣ мужчина? Замѣтила она, что Хохловъ гдѣ ни встрѣтится, глазъ съ нея не спускаетъ — и давай съ нимъ кокетничать. Такъ, пустяки самые, — а онъ нуще. Пригласила его бывать; тутъ вотъ и началось съ нимъ озлобленіе...

— Отчего-же озлобленіе? спросилъ я.

— Да все отъ любви. Напустилъ онъ это на себя, такъ сказать, очертилъ голову, не разсудивши напередъ, что изъ этого можетъ послѣдовать. Ему-бы поразмыслить, кто онъ, кто она, и какая, въ правду сказать, можетъ между ними любовь быть? Тогда можетъ быть блажь-то эта съ него и соскочила-бы. А онъ, вмѣсто того, возропталъ.

— Какъ-же это онъ возропталъ? перебилъ я разсказчика.

— Возропталъ, что отчего-моль онъ не такой какъ другіе, объяснилъ исправникъ. Бывалъ-то въ домѣ ви-

дѣлъ онъ какъ увивались около княжны разные приѣзжіе изъ Петербурга господа, ну и замѣтить, что княжна держала себя съ ними совѣмъ на другой ногѣ. Ему-бы догадаться, что не туда попалъ, да и стинуть въ свой медвѣжій уголь, а онъ возропталъ. И такая его вдругъ гордыня обуяла, повѣрить трудно. „Чѣмъ, говорить, я хуже другихъ? по какому такому случаю? Или почему, напримѣръ, у другаго тысяча душъ, а у меня сто? Почему, говорить, я по французски изъясняться не умѣю?“ И вотъ въ такомъ родѣ. Однимъ словомъ такое съ нимъ стало дѣлаться, что можно было за сумасшедшаго признать. Тамъ, у князя-то, онъ еще смирялся — боялся должно быть, какъ-бы не выгнали изъ дому, — а какъ вырвется оттуда, и давай кураселить. Лѣзетъ къ каждому—знай, молъ, я дворянинъ, а дворяне всѣ равные, только я свою дворянскую честь лучше всякаго другаго поддержать умѣю. По этому самому его испанскимъ дворяниномъ прозвали, а другіе еще звали абиссинскимъ маэстро. Это собственно вотъ по какому случаю вышло. Былъ у него лѣсокъ. Продалъ онъ его за три тысячи, и на эти деньги купилъ чудеснѣйшаго жеребца арабской крови, да и сталъ на немъ каждый день гарцовать

передъ княжеской усадьбой. Какъ только княжна выѣдетъ въ коляскѣ кататься, онъ рядомъ всю дорогу и скачетъ. А одѣваться онъ сталъ ни съ того ни съ сего въ черкесское платье, и папаху сталъ носить выше сахарной головы. Княжна съ гостями потѣшаются, а онъ знай себѣ гикаетъ, да гарцуетъ. Ну, тутъ припомнили что въ Петербургѣ былъ гдѣто господинъ Лазаревъ, прозванный абиссинскимъ маэстро, и что онъ точно также, влюбившись въ одну высокую особу, подкарауливалъ ея выѣздъ и гарцовалъ за ея экипажемъ по улицамъ. Только Хохлова больше все испанскимъ дворяниномъ звали. Это его сама княжна Мэри такъ прозвала. По правдѣ сказать, была и съ ея стороны вина: напрасно она такъ съ нимъ продолжала. Видимо человекъ съ ума сходить, такъ ужъ отвадить-бы его какъ-нибудь поскорѣй, вмѣсто того чтобы пуше дразнить да подъ бѣду подводить. Надо полагать, скучно ей очень съ непривычки въ деревнѣ стало, рада была что нашлась забава. Ну, да и что ей въ самомъ дѣлѣ жалѣть какого-то мелкопомѣстнаго соседа? Въ Петербургѣ, говорятъ, и не такими головами вертѣла. А по правдѣ, все таки можно было-бы пожалѣть.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Юкая.

(Продолженіе).

XV.

Идиллія.

Юноша отвѣчалъ не сразу, онъ не могъ вдругъ овладѣть языкомъ отъ страха. Убѣдившись, однако, что передъ нимъ стоитъ дядя и почувствовавъ свои руки свободными отъ веревокъ, онъ собрался съ силами и проговорилъ жалобнымъ, пласивымъ голосомъ:

— Я... я... думалъ, что онъ... тоже... изъ Сворности... Милый, добрый дядя, спасите меня, а то они повѣсятъ меня!

При этихъ словахъ, въ залѣ раздался прелестный, серебряный смѣхъ. Расхохоталась Пальма, которой Корнель показался такимъ смѣшнымъ!

Расхохотались и остальные присутствовавшіе, неожиданно замѣлся и самъ плѣнникъ. Среди общаго смѣха заговорили крестьяне, заговорилъ Корнель и изъ общихъ разсказовъ выискилось недоразумѣніе. Юнкеръ, убѣжавъ отъ дяди, направился домой, чтобы избавиться отъ воображаемаго преслѣдованія своего попечителя—вывернулъ наизнанку венгерку, конечно съ цѣлью замаскировать себя и не быть узнаннымъ. Дорогой храбрецъ наткнулся на мужиковъ изъ партіи Иллаваи и привявъ ихъ за часть отряда Крианскаго, еще издали крикнулъ имъ, что онъ—одинъ изъ предводителей „Сворности“. Тѣ немедленно же связали его и притащили въ замокъ. Онъ могъ благодарить теперь судьбу за то, что они не забыли его по пути на какомъ нибудь деревнѣ.

Иллаваи разсердился не на шутку и выгналъ изъ залы всѣхъ набравшихся сюда крестьянъ. „хорошъ вашъ первый визитъ!“ шеннулъ онъ на ухо Сомѣ.

На Пальму онъ не смѣлъ взглянуть. Молодая дѣвушка кусала палецъ, чтобы не расхохотаться снова.

— Господинъ управляющій!—кликнулъ Иллаваи.

— Кузень, кликнуть графъ!

— Велите, пожалуйста, дать моему племяннику другое платье.

— Распорядитесь, чтобы господину Опатовскому былъ поставленъ приборъ, приказалъ графъ. Вѣднй молодой человекъ, я думаю, очень голоденъ. Ему, прежде всего, надо закусить.

— Но вѣдь не можетъ-же онъ сѣсть за столъ въ этомъ нарядѣ, проворчалъ Иллаваи.

— Э—ничего, возразилъ графъ—Опатовскій, во всякомъ положеніи и во всякомъ нарядѣ, остается Опатовскимъ. Садитесь пожалуйста; мы очень рады чести видѣть васъ у себя.

Сомѣ предстояло выбирать одинъ изъ двухъ совѣтовъ. На столѣ были разставлены такіа вкусныя блюда, красовались бутылки, будто манившія его своими высокими горлышками! Ну, а переодѣваться, мыться, чиститься—вѣдь все это еще усѣется. Онъ последовалъ совѣту графа, усѣлся передъ блюдами и бутылками и тотчасъ-же принялся за все. Въ эту минуту онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому—посмѣивается или нѣтъ то прелестное личико, обрамленное бѣлокурыми волосами.

Иллаваи запомнилъ, однако, многозначительныя слова графа: — Опатовскій, во всякомъ положеніи и во всякомъ нарядѣ, все-же остается Опатовскимъ.

Послѣ такого пассажа юношу Опатовскому уже было неудоб-

но оставаться въ этой сторонѣ, гдѣ немедленно распространилась слава его. „Герою „Сворности“, какъ его прозвали, необходимо было, хотя на время, уѣхать куда-нибудь. Иллаваи отправилъ его въ Пресбургскую академію, въ которой студенты гораздо больше пили пиво, чѣмъ ходили на лекціи, что, однако, нисколько не смущало тамошнихъ профессоровъ.

Студенты скоро прознали о подвигахъ Опатовскаго. Его выдалъ чуть-ли не Кацуръ. И Корнелю дали кличку: „Партизанскій командиръ“.

Вскорѣ, однако, случилось пѣчто, что, отчасти, оправдывало эту кличку.

Пресбургъ былъ занятъ императорскими войсками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлался сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ венгерскихъ магнатовъ, которые были недовольны патриотическимъ движеніемъ мадьяръ.

Нѣсколько времени спустя, Иллаваи получилъ слѣдующее письмо отъ Кацура:

„Мы опять перемѣнили карьеру! Академія намъ надоѣла—и теперь служимъ уже волонтерами въ отрядѣ графа Ноля подъ нашимъ настоящимъ именемъ, Корнеля Опатовскаго. Ну и пусть же бережется нашъ дядюшка, не попадайся онъ къ намъ въ руки, такъ какъ если мы его не повѣсили какъ измѣнника отечеству своему, то повѣсимъ теперь, какъ бунтовщика“.

— Дуракъ дуракомъ и останется, проговорилъ Иллаваи. Ну, да ужъ удерете и сами оттуда какъ запахнете пороховомъ, прибавилъ онъ послѣ раздумья.

Только о дуракахъ напрасно онъ выразился съ такимъ пренебреженіемъ. Онъ забылъ, что дуракомъ счастье, забылъ онъ также, что и самъ чувствуетъ себя совѣмъ тупѣющимъ подъ яркимъ блескомъ двухъ чудныхъ глазъ!

Пальмѣ была уже извѣстна тайна такъ близко касавшаяся Иллаваи. Впрочемъ—то не было и тайной, потому что ее знали многіе, въ чемъ онъ могъ-бы тотчасъ-же убѣдиться, еслибы желалъ сдѣлать вопросъ первому-же хорошему знакомому. Но гордый человекъ не спрашивалъ.

Графинѣ хотѣлось ближе знать все, что касалось человека избраннаго ею. Она написала „кому-то“ и вскорѣ получила отъ вѣтъ. Почеркъ на этомъ отвѣтномъ письмѣ, написанномъ на нѣжной лиловой бумагѣ, былъ женскій.

— Графиня доставила мнѣ большую радость сообщеннымъ ею извѣстіемъ, говорило Пальмѣ.—Никто не можетъ желать „ему“ такъ много счастья, какъ я. Я утѣшаюсь при мысли, что онъ, потерянный для меня, оцѣнитъ по достоинству вами.

„Человекъ, о которомъ мы говоримъ теперь съ вами,—человекъ замѣчательный, необыкновенный и котораго надо знать слишкомъ хорошо, чтобы понять противорѣчія его характера“.

Далѣе шло самое подробное, подробное до мелочей, изображеніе всѣхъ свойствъ, всѣхъ качествъ Иллаваи, всѣхъ привычекъ его, антипатій и симпатій. Говорилось и то, что читатели уже успѣли сами видѣть во Францѣ до этой страницы разсказа, и также то, чего они еще не прочли. Иллаваи, этотъ простой, практическій человекъ, скрывалъ подъ маскою наружнаго холода, нѣжную, возвышенную, поэтическую натуру.

Бабушка и внучка. Ориг. рис. К. А. Трутовского, грав. Гельштейнъ.

Графиня не удовольствовалась однако только этими подробностями, она просила говорить ей еще и еще о немъ.

Снова не замедлил отвѣтъ. На этотъ разъ передавалась исторія зеркала.

Онъ имѣлъ привычку ежедневно заглядывать у себя, тогда онъ садился передъ зеркаломъ и разговариваетъ самъ съ собой, отвѣчая себѣ отъ имени зеркала.

Это какое-то помѣшательство; его мать была изъ фамиліи Опатовскихъ, къ которымъ, вѣроятно, перешла въ кровь каинъ безумія предка ихъ, воеводы Стибора. Но у него эти странныя діалоги имѣютъ свое особенное значеніе. Я иногда подслушивала... Это что-то въ родѣ борьбы въ немъ между духомъ зла и добра, иногда же—какъ будто происходитъ состязаніе тисславія съ самоуничиженіемъ. И всегда побѣдителемъ въ немъ выходитъ добро. Но—будьте осторожны и не давайте ему ни малѣйшаго повода подумать, что вамъ извѣстны его странности. Онъ отвернется-бы отъ васъ навсегда.“

Графиня Пальма думала. Она составила себѣ цѣлый планъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли Иллаваи не появлялся въ замкѣ. У него было на рукахъ не мало дѣла по округу. Между прочимъ, ему пришлось объясняться съ императорскимъ комендантомъ по поводу того, что военный отрядъ, имѣввій у себя императорскій штандартъ, былъ разбитъ и разбѣянъ—обстоятельство это было такого рода, что пожалуй можно бы было угодить и полъ военный судъ изъ за него! Въ эти двѣ недѣли онъ написалъ графу нѣсколько писемъ, въ которыхъ давалъ ему наставленія какъ поступить въ такихъ то и въ такихъ то случаяхъ. Пальма ждала его съ горячимъ нетерпѣніемъ и наконецъ, въ одно прекрасное утро, увидала всадника, быстро проскакавашаго, черезъ опущенный подъемный мостъ, во дворъ замка. Въ лицѣ его была какая-то перемена теперь, но графиня быстро подошедшая къ высокому окну, тотчасъ же узнала того, которого такъ долго ждала.

Перемѣну въ Иллаваи произвела небольшая борода, выросшая за эти четырнадцать дней и сдѣлавшая лицо его нѣсколько менѣе некрасивымъ. Правду, сказать, Францъ со времени объясненія съ Пальмой, не имѣлъ разговора съ своимъ очарованнымъ зеркаломъ, которое уже сказало ему, что онъ дурень, глупъ, что его никто не можетъ любить.

Пальма своимъ поцѣлуемъ сказала ему, что зеркало говорило неправду. Онъ любилъ ее и вѣрилъ ей.

Молодая дѣвушка посибила на встрѣчу къ нему. Ея черты свѣтились чуднымъ блескомъ радости и счастья. И какъ много мягкости, доброты выражало прелестное лицо въ эти минуты.

Францу, сердце котораго забилося отъ блаженства, казалось, что предъ нимъ стоитъ идеалъ его сокровенной, самой завѣтной его мечты. Какая-то слабость разлилась по всему тѣлу, онъ задрожалъ. Ему не вѣрилось, что она принадлежитъ ему, ему одному.

Но, въ такія минуты счастливецъ иногда любитъ и подразнить немного.

Пальма остановилась передъ нимъ съ притворно-серьезной миной и не протягивая ему своихъ рукъ.

— У меня есть жалоба на господина окружающаго судью.

Францъ пристально глянулъ ей въ лицо!

— Серьезная?

— Очень серьезная жалоба. Потокъ вышелъ изъ береговъ и сорвалъ все мосты, а г. окружный судья не распорядился поправить ихъ и потому мой женихъ не можетъ попасть къ мнѣ.

Францъ, съ улыбкой, гладилъ свою новорожденную бородку.

— Ну—если только сердце есть въ его груди такъ перепрыгнетъ черезъ все потоки, да прійдетъ.

И—опять, и снова—все отдано ему, и маленькія руки, и прелестныя губки.

Да, здѣсь будто уже все принадлежало ему, все было ему близко. И въ Гарго вовсе не скрывали, что его считаютъ своимъ. Въ замкѣ Теметвени, онъ у себя дома. И самъ графъ пользовался едва-ли не каждымъ поводомъ, чтобы дать ему понять, что смотритъ на него, какъ на будущаго члена своего семейства. Фердинандъ Теметвени обладалъ совершенно своеобразною манерою посвящать кого либо въ полное свое довѣріе, но зато она уже не оставляла никакихъ сомнѣній въ посвященномъ. Графъ, понемногу, ввелъ Иллаваи въ самую сокровенную глубь своихъ тайнъ. Въ каждое посѣщеніе онъ открывалъ ему какой нибудь изъ своихъ секретовъ. Дѣло шло то объ одномъ векселѣ, то о другомъ; векселя были самыхъ различныхъ размѣровъ, оно, впрочемъ, и извѣстно всѣмъ, что наука о векселяхъ самая богатая и разнообразная а у графа ихъ была цѣлая коллекція. Можетъ ли кандидатъ въ нарѣченные требовать отъ будущаго тестя болѣе интимнаго довѣрія, чѣмъ то, которое касается этой оргіи векселей, причемъ ему говорить: устрой какъ нибудь!

Графиня Пальма уже привыкла къ тому, что Францъ, тотчасъ же по пріѣздѣ, и послѣ краткаго рукопожатія, сѣвшилъ прямо къ ей отцу, который уже ждалъ его съ новымъ признаніемъ.

Съ какимъ длиннымъ лицомъ вышелъ бы изъ кабинета будущаго тестюшки другой женихъ, выслушавъ такія откровенія! Но Иллаваи, напротивъ, казался счастливымъ, довольнымъ. Пальма прочла на этомъ счастливымъ лицѣ скрытую мысль:

— Разстояніе между нами все болѣе и болѣе уменьшается; ты, день ото дня, становишься бѣднѣе, приближаешься ко мнѣ!

Служащіе графа убѣдились уже, что съ тѣхъ поръ, какъ его святельство сдѣлалъ въ своемъ хозяйствѣ указаніемъ и со- вѣтамъ Иллаваи, въ хозяйствѣ этомъ установилось болѣе порядка. Понятно, что въ замкѣ господствовало сильное волненіе въ тотъ день, когда туда пріѣхалъ Иллаваи, напрасно желали экономя и управляющіе, чтобы окружный судья, сломилъ себѣ гдѣ нибудь въ дорогѣ шею.

Но на этотъ разъ пріѣхалъ не судья, а—влюбленный. Онъ, правду сказать, былъ совершенно равнодушенъ въ этотъ день, ко всѣмъ счетамъ, какіе сочинялись и сводились.

Однажды графиня Пальма разговаривала въ уголовой гостиной съ Иллаваи.

— Я беру ваше сердце, говоритъ онъ. Я беру честное, чистое сердце. Рѣдко кому достается такое на долю. Я угадываю, я чувствую высокія достоинства вашего. Вы знаете, я не умѣю лгать, не умѣю говорить въ лицо такія вещи, которые заставляютъ бы перваго меня же покраснѣть. Но въ женщинѣ, которой я поклоняюсь, я вижу только лучезарный ореолъ, окружающій ее. Сквозь него я не могу разсмотрѣть никакихъ недостатковъ, въ его блескѣ исчезаютъ для меня и брильянты, и отрешья. Вы говорите, что разстояніе между нами уменьшается. Но однако къ чему вести разговоръ въ такомъ тонѣ и повода нѣтъ никакого—вы, все таки, останетесь владѣлицей Гарго. Этотъ миллионъ...

— Неужели вы думаете, что и я вѣрю въ этотъ фантастическій миллионъ, отъ котораго у отца голова кружится?

— Но это совершенно вѣрно и гарантія—честь венгерскаго народа.

— А вы думаете, что венгерскій народъ не погибнетъ въ этой борьбѣ?

— Онъ не погибнетъ! нилко воскликнулъ Иллаваи. Онъ побѣдитъ—я въ это вѣрю!

— Если не сладить съ нимъ одинъ врагъ, на него напустятъ другаго.

— Тогда мы все идемъ на бой. Если нашей молодежи не достанетъ, пойдемъ мы—старшіе, оставшіеся пока дома, чтобы не дать заложить роднымъ веходамъ. А надо будетъ—я стану во главѣ моихъ словаковъ и мы покажемъ, что и цѣны съумѣютъ справиться со штыкомъ!

И снова предъ Пальмой былъ другой Иллаваи, съ лицомъ горѣвшимъ отъ гнѣва и какою-то дикою, страстною энергіей.

Молодая дѣвушка съ восторгомъ глядѣла на это лицо. Только ей открывалась эта великая душа, только въ ея присутствіи загорался этотъ огонь, выходило наружу это пламя. Въдѣ вы- сказавшись такъ, какъ онъ сейчасъ это сдѣлалъ, Францъ выдвигалъ себя ей головой. Сказать: „я стану во главѣ моихъ словаковъ!“ сказать это ей, дочери графа Фердинанда Теметвени... Имѣтъ мужество открыть такую тайну дочери вѣнскаго придворнаго вельможи... и въ то самое время, когда повсюду кругомъ военные суды дѣлаютъ свое страшное дѣло. Въ глазахъ Пальмы блеснуло выраженіе гордости; этотъ человекъ подчинился ей какъ рабъ, проданный въ неволю.

— Такъ ты любишь меня, любишь, хоть и узналъ, что я нищая?

— А ты, любишь ли ты меня, если видишь, что я тѣломъ и душой принадлежу Венгріи, поднявшейся противъ твоихъ...

Больше имъ уже нечего было говорить другъ другу. Сердца были переполнены.

XV.

Ему грозитъ опасность!...

Съ наступленіемъ теплаго весенняго времени сразу все выступило изъ почвы наружу.

И не только травы и цвѣты, но и венгерскіе воины.

Все совершенно измѣнилось, наступала полая глава исторіи. Все эти скрывшіеся герои, изъ поручиковъ быстро превратившіеся въ генераловъ, возвратились побѣдоносными въ свое отечество. Произошли вѣщи невѣроятныя, неслыханныя.

Снова, изъ конца въ конецъ, прогремѣло имя Горомболи. Завтра онъ будетъ уже здѣсь! И онъ уже не майоръ, а генералъ. Совершенные имъ подвиги граничатъ съ чудеснымъ, съ баснословнымъ. О немъ шли самые разнорѣчивые слухи. Одни говорили, будто у него 30 тысячъ войска, другіе—что только 3000, а третьи—что всего 300, но что каждый изъ рядовыхъ—герой-богатырь. Увѣрили, наприимѣръ, что онъ среди бѣла дня взялъ штурмомъ цѣлый городъ, который былъ вооруженъ пушками и занятъ кавалеріей и артиллеріей. Гарнизонъ этотъ онъ разсѣялъ, пушки захватилъ, а штабъ, заставъ за обѣдомъ, весь вынулъ въ плѣнъ. Такого страха онъ напустилъ, что генералиссимусъ выслать цѣлую дивизію, чтобы остановить его побѣдоносное шествіе.

Вмѣстѣ съ штабомъ попались и офицеры партизанскаго отряда графа Ноля и въ томъ числѣ нашъ пріятель Корнель Опатовскій. Офицеровъ препроводили въ Пенствъ, правая береговая часть котораго была уже въ рукахъ венгровъ!

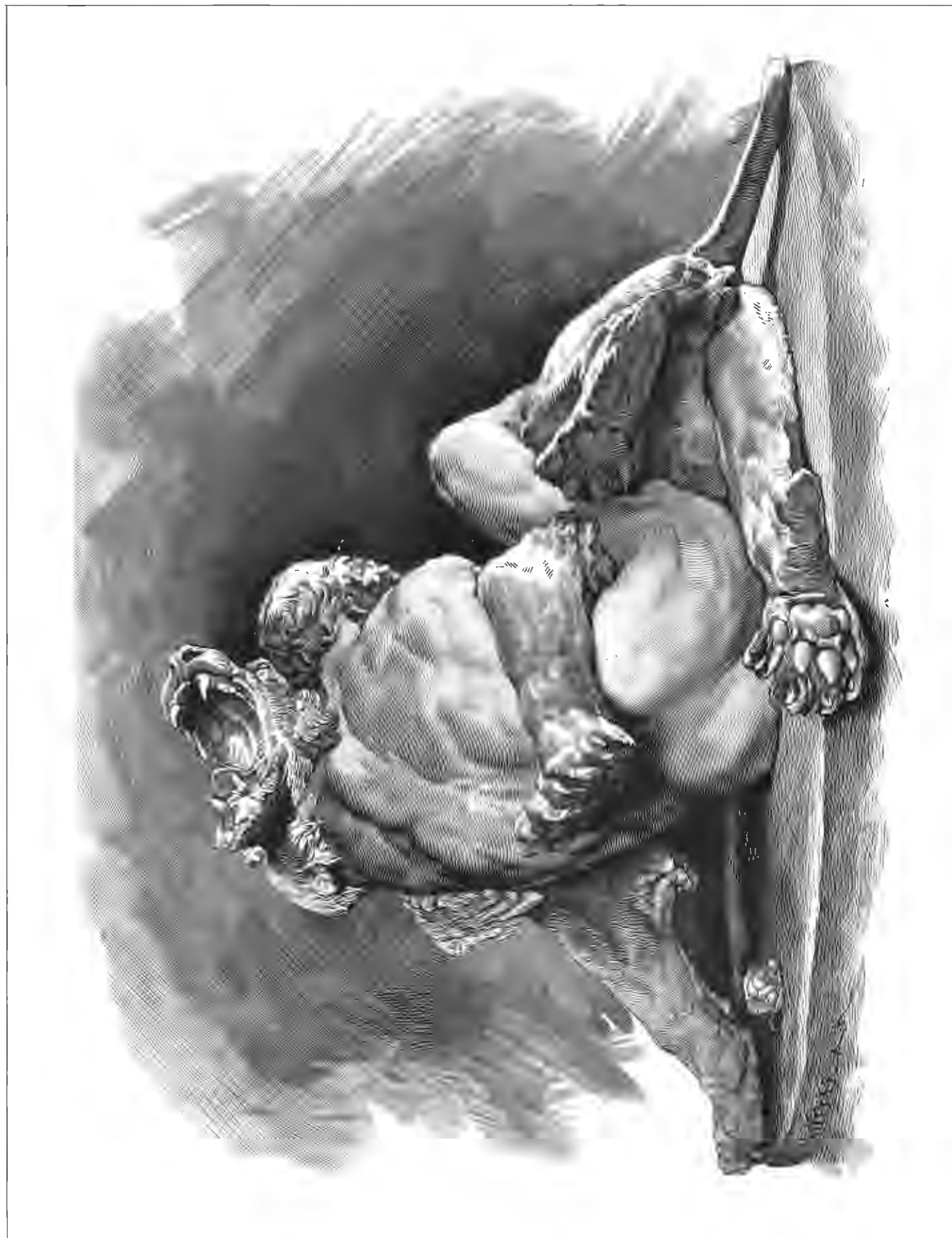
Плѣнные непріятельскіе офицеры всегда находили самый лучший пріемъ у венгерцевъ.

Такъ, наприимѣръ, для двухъ русскихъ офицеровъ, взятыхъ

Братъ и сестра. Рис. Л. Цорги, грав. Фаландеръ.

Борьба со львомъ въ Римскомъ циркѣ. Бронзовая группа Макса Клейна, грав. Веберъ.

Онъ, безъ сомнѣнія, пожалѣетъ, что самъ лично не слышалъ вашихъ словъ. Но, ему пришлось внезапно ухъзть въ Пештъ кажется изъ за племянника.

— Такъ и зналъ! Этотъ человѣкъ—истинный христiанинъ! Онъ хочетъ опять, во второй разъ спасти негодяя Только ужъ теперь—то, напрасно старается. Нѣтъ оправданiя измѣннику!

Пальма почувствовала жалость къ юношѣ, онъ былъ такой смѣшной, когда сидѣлъ здѣсь за столомъ въ своемъ вывороченномъ доломанѣ и уписывалъ кушанья. И его разстрѣляютъ!..

— Но, генераль, нельзя же допустить, чтобъ убили сумасшедшаго!

— Графиня,—теперь мы всѣ сумасшедшiе. Развѣ я не сумасшедшiй, когда становлюсь передъ пушками? Развѣ гонведъ, возвращающiйся домой съ одной только ногой, не сумасшедшiй? Мы сумасшедшiе и наши враги—не менѣе насъ. Но между нами всѣми, самый безумный—нашъ прiятель Иллаваи, желающiй освободить человѣка, служащаго только бременемъ для отечества и для всего человечества, и который, кромѣ того, ему самому—злѣйшiй недругъ. Исчезновение его принесетъ нѣкоторую пользу отчизнѣ и большую Францу.

— Можетъ быть именно по этой причинѣ онъ и желаетъ спасти его.

— Ну—повторяю, напрасно старается. Онъ можетъ себѣ хъзть въ Пештъ, тамъ и слухать его не стануть, а полетитъ въ Дебречинъ, такъ его схватятъ за воротъ и, на курьерскихъ ли, или на воздушномъ шарѣ, приплютутъ назадъ, сюда! ступай, другъ, обратно, на свой постъ, ты назначенъ Правительственнымъ Комисаромъ всей верхней Венгрии, скорѣе, скорѣе поѣзжай!

— Правительственнымъ комисаромъ? спросилъ графъ Фердинандъ Теметвени съ изумленiемъ. Пальма нагнулась къ отцу и шепнула ему что-то на ухо. Горомболи не замѣтилъ этого: когда онъ говорилъ, то обыкновенно уже ни на что не обращалъ вниманiя.

— Подобное назначенiе будетъ, пожалуй, не по силамъ такому обыкновенному человѣку, какъ Иллаваи, насколько я имѣю честь знать его, сказалъ графъ.

— Обыкновенный человѣкъ! Онъ, Иллаваи! О, какъ вы ошибаетесь! Иллаваи—это венгерскiй Каннингъ! Громадная способность и какiя глубокiя познанiя! Только онъ ими не хвастается. Когда, при немъ, какой-нибудь юный болтунъ высокопарно рассказываетъ о своихъ путешествiяхъ,—напримѣръ, отъ Пресбурга до Висбадена,—онъ молчитъ, о себѣ онъ никогда не говоритъ ни слова. Никто не знаетъ, что онъ, еще юношей, изучилъ на мѣстѣ и англiйскую администрацiю, и устройство полицiи Лондона, никому не извѣстно, что онъ прекрасно знакомъ съ англiйскимъ языкомъ. Онъ какъ профессоръ знаетъ государственныя науки, а людей, знающихъ, какъ онъ, практическую жизнь,—мало. Намъ пришлось портыться въ немъ, „открыть“ его, чтобы опѣнить достоинство его. Пусть онъ побудетъ только съ полгода Правительственнымъ комисаромъ, я бьюсь объ закладъ, что онъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Горомболи весь раскраснѣлся отъ горячности, съ которою высчитывалъ качества и дарованiя своего друга.

Слова эти сильно дѣйствовали на Пальму. Она хорошо знала богато-одаренную натуру своего Франца, натуру, которая ждала лишь толчка, чтобы выказаться во всемъ блескѣ, во всей мощи. Но, вспомнила она фразу: „берегите его!“ и задумалась надъ значенiемъ ея.

Молодая дѣвушка опять шепнула что-то отцу на ухо.

— Мы хорошо знаемъ Иллаваи, сказалъ графъ, и потому думаемъ, что ему, какъ человѣку, рожденному въ скромной средѣ, едва ли подойдутъ столь высокiя обязанности.

— Какая скромная среда! Не пройдетъ и недѣли и Иллаваи будетъ такъ же знатенъ, какъ ваше сiятельство, такъ же богатъ какъ и вы, потому что получить въ собственность огромное имѣнiе Анатварь.

— Да вѣдь оно принадлежитъ Корнелю Опатовскому, замѣтила Пальма, которой, наконецъ, надоѣло ограничиваться одними замѣчанiями на ухо отцу.

— Онъ ужъ болѣе не существуетъ.

— Но онъ живъ вѣдь еще.

— Если и живъ, такъ все равно, что нѣтъ его! Теперь, по нашимъ законамъ, имѣнiя его отошли къ государству и Иллаваи получить ихъ не какъ наслѣдство, а какъ даръ, какъ награду.

Графъ теперь понялъ мысль дочери и уже продолжалъ самъ безъ ея помощи.

— Но, подумайте, ваше превосходительство,—если Францъ сдѣлается обладателемъ имѣнiй Опатовскихъ, въ теперешнемъ положенiи ихъ и если еще ему будетъ ввѣрено управленiе внутренними дѣлами Венгрии, то какъ же справиться со всѣмъ этимъ, будь у него еще большiя способности.

— Я не понимаю что можетъ такъ затруднить его. Долги на имѣнiяхъ? но онъ получаетъ миллионъ ссуды и избавится отъ всѣхъ долговъ, да еще ему останется.

Графъ улыбнулся. Онъ понюхалъ изъ своей золотой табакерки.

— Да, но гдѣ же миллионъ?

— Гдѣ? Въ подвалахъ Дебречинской ратуши. Съ прошлой зимы четыре пресса только и дѣлаютъ, что печатаютъ миллионы; 100 миллионъ, въ очень красивыхъ бумажкахъ, уже готовы, за ними скоро послѣдуютъ остальные 50 миллионъ. Все это предназначено для ссуднаго фонда. Приготовлены пока только сотенныя. Вы еще не видали венгерскiя сотенныя бумажки, графъ?

Графъ покачалъ отрицательно головой.

— Я сейчасъ покажу вамъ. Со мной тутъ ихъ 200 штукъ.

Вынуть бумажникъ, онъ досталъ изъ пачки одинъ билетъ и подаль Теметвени, который принялся разсматривать сквозь лорнетъ сѣроватую бумажку съ серебрянымъ тисненiемъ.

— Да, это нѣчто дѣйствительное! Это—сотенная бумажка. Государство, осмѣливающееся выпускать сотенныя бумажки, имѣетъ право надѣяться, что не одно оно вѣритъ въ свою будущность, что вѣру эту раздѣляютъ и другiе.

— А если все опять переѣмнится къ худшему?

— Невозможно это!! страстно воскликнулъ молодой вождь.

Лицо его въ эту минуту напоминало Пальмѣ то выраженiе, которое всыхнуло въ чертахъ Иллаваи, когда она ему сдѣлала точно такой-же вопросъ.

— Будьте спокойны графъ, продолжалъ Горомболи, возбужденiе котораго смѣнилось вновь прежнею гордою увѣренностью—безъ основанiя я не стану увлекать кого-либо. Иллаваи—мой старинный другъ. Когда дѣла наши шли еще дурно, я не говорилъ ему: „иди съ нами“; а напротивъ сказалъ: сиди-ка ты, братъ, дома; въ окружныхъ судьяхъ нуждаются. Вся Европа за насъ. Правительство поручило мнѣ передать Иллаваи письменное назначенiе его. Я, главнымъ образомъ, и прибилъ сюда потому, что дорогой слышалъ, что скорѣе всего найду его здѣсь, въ Гарго.

— Гдѣ это вы слышали? спросила Пальма.

— Въ Дальнаварѣ, нѣсколько необдуманно отвѣчалъ Горомболи.

— А, вы были въ Дальнаварѣ?

Теперь уже Пальма понимала совершенно ясно и опредѣленно смыслъ коротенькой записки.

Между тѣмъ, въ пылу разговора, графъ Теметвени совсѣмъ забылъ объ опасномъ ушибѣ колѣна и даже почувствовалъ себя достаточно сильнымъ раздѣлить съ своими храбрыми гостями предложенное угощенiе. Его перенесли на кушеткѣ въ столовую.

Пиръ былъ на славу. Кромѣ шести или семи офицеровъ—гонведовъ, тутъ находился еще мѣстный священникъ, лютеранскiй пасторъ сосѣдняго села, управляющiй графа и дѣсь сколько значительныхъ лицъ изъ окрестныхъ мѣстностей, окружный докторъ, предводитель различныхъ депутатiй и многiе другiе.

Генераль Горомболи былъ привѣтствованъ какъ будущiй Наполеонъ предстоящаго похода. Тостъ былъ провозглашенъ самимъ хозяиномъ дома. Горомболи отвѣтилъ тостомъ, въ которомъ онъ назвалъ графа достойнымъ потомкомъ своихъ предковъ, а также несомнѣннымъ будущимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ независимаго Венгерскаго государства. Священникъ услыхалъ о назначенiи своемъ будущимъ княземъ-примасомъ, пасторъ былъ провозглашенъ первымъ суперинтендентомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ, въ верхней палатѣ, займетъ мѣсто среди прелатовъ римской церкви. Графиня Пальма, въ свою очередь, была признана второю Цецилею Родгони.

Подѣливъ между собою всѣ высшiя должности, присутствующiе вспомнили затѣмъ и объ отсутствовавшихъ и, прежде всего, о мужественномъ, окружномъ судѣѣ. Энергически подхватилъ тостъ католическiй священникъ, восторженно наименовавши Иллаваи освободителемъ Верхней Венгрии, привѣтствовавши его въ качествѣ главнаго правительственнаго комисара; къ этому онъ прибавилъ, что народъ такъ любитъ Иллаваи, что если вся Венгрия будетъ республикой, то—здѣшняя сторона превратится, именно для него, въ „Словацкое королевство“. Горомболи не далъ затуманить себѣ головы этимъ тостомъ и выпилъ за здоровье Иллаваи, какъ будущаго министра внутреннихъ дѣлъ. Ободренный общимъ увлеченiемъ, рѣшился предложить и управляющiй свой тостъ, который уже давно жегъ ему губы: поднявъ стаканъ, онъ провозгласилъ здоровье отсутствующаго, который вновь соединитъ, когда-то составивши одно цѣлое, и потомъ разъединенныя, владѣнiя Гарго и Анатварь! Смѣльшiй тостъ имѣлъ огромный успѣхъ. Графъ, скорчивъ сладенькую улыбку, произнесъ въ общiй тонъ, что „это тоже и его мечта“!

По учащенному звону чокавшихся стакановъ Пальма могла видѣть насколько была популярна эта мысль! Всѣ спѣшили чокнуться и съ нею. Францъ вошелъ въ большой фаворъ и среди служащихъ графа, съ тѣхъ поръ что отстранился отъ сче-товъ. И много выпили они за здоровье Иллаваи. А въ это самое время чествуемый герой сидѣлъ въ корчмѣ на проселочной дорогѣ, въ ожиданiи лошадей. Объ обѣдѣ, какой достался ему, можно было составить себѣ приблизительное понятiе уже изъ того, что тамъ за пять дней передъ тѣмъ прошли пѣхотная и кавалерiйская бригады.

Горомболи тоже просилъ графа побережъ себя.

— Мы не позволяемъ вашему сiятельству оставаться здѣсь долѣе, а съ батареями, которыя велѣли вы выставить намъ—

справимся уже сами. Не боялись мы бронзовых—не побоимся и стеклянных. Графиня Пальма, заставьте графа идти отдохнуть—вѣдь одного взгляда вашего достаточно, чтобы сдвинуть гору съ мѣста. Да и мнѣ-то необходимо переговорить съ графомъ, а для того намъ надо быть однимъ.

Доводъ подѣйствовать и Теметвени, поддерживаемый съ одной стороны Горомболи, съ другой—Кузеномъ и предшествующей дочерью, заковывалъ въ спальню.

Когда графа уложили, Кузень удалился. Горомболи вынулъ изъ внутренняго кармана венгерки конвертъ и положилъ его на столъ.

— Мнѣ приходится, графъ, просить васъ, — въ виду отсутствія моего друга, — принять отъ меня эту бумагу. Позволяю себѣ обратиться съ этою просьбою именно къ вамъ, потому что мнѣ извѣстно уже то положеніе, въ какомъ Иллаваи стоитъ къ вашему семейству; но кромѣ того, мнѣ поручено, на случай, если не буду имѣть возможности видѣть лично Иллаваи—конвертъ этотъ, заключающій въ себѣ не одно его назначеніе, а еще нѣкоторые другія важныя и секретныя бумаги—передать вашему сятельству и просить вручить его ему, немедленно по возвращеніи въ Гарто. Мнѣ нельзя долѣе оставаться тутъ, а

куда я направляюсь—это конечно моя тайна. Держать конвертъ при себѣ тоже не могу, такъ какъ не увѣренъ, что можетъ произойти со мною въ тотъ или другой день. И такъ, вы будете добры передать, по порученію правительства, конвертъ Иллаваи.

— Довѣрие это я считаю для себя честью, отвѣчалъ Теметвени, принимая пакетъ съ четырьмя печатями. Вполнѣ понимаю всю важность порученія. А теперь попрошу ваше превосходительство передать вашимъ боевымъ товарищамъ, что мой замокъ—къ ихъ услугамъ.

Сподвижники молодого вождя могли веселиться съ полной свободой. Апартаменты, въ которыхъ они находились, были настолько удалены отъ половины графа, что цыганскія хоровыя пѣсни и боевыя пѣсни сподвижниковъ Горомболи едва проникали сюда, въ укутанную коврами и драпировками спальню его сятельства.

Вино лилось тамъ рѣкой, весело звучала музыка. Отецъ и дочь сидѣли одни здѣсь, въ безмолвной комнатѣ.

Едва успѣлъ Горомболи удалиться, какъ графиня быстрымъ движеніемъ схватила ввѣренный ей отцу пакетъ, разорвала его и выпула бумагу....

(До слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Табунъ въ степи, во время бурана.

(Рис. на стр. 149).

Въ широкіхъ, безпредѣльныхъ степяхъ Центральной Азіи по бѣлымъ коврамъ роскошнаго ковыля, по пыльнымъ солонцамъ покрытымъ горькою полынью, а гдѣ и по песчанымъ пустынямъ, заросшимъ рѣдкою колючкою и джизганомъ бродятъ и день и ночь подъ открытымъ небомъ громадные косяки полудикихъ лошадей, бродятъ на волѣ, а все таки подъ зоркимъ присмотромъ и охраною косоглазыхъ номадовъ табунщикѣвъ. Эти малорослые, крѣпкіе кони, мохнатые, съ короткими, пухлыми ушами, съ огненнымъ бойкимъ взглядомъ, со стальными ногами, незнающими усталости и разстоянія, — истыя дѣти пустыни. Неприхотливые на кормъ, легко переносящіе продолжительныя голодовки и жажду, не боящіеся ни жара паличаго лѣтнаго солнца, ни рѣзкаго холода и непогодъ степной зимы, — эти кони не знаютъ теплыхъ загонѣвъ и конюшенъ, не знаютъ легкаго, заранѣе приготовленнаго запасливаго хозяйнаго корма, они родятся въ степи подъ открытымъ небомъ, переживаютъ трудныя мѣсяцы дѣтскаго возраста и страданія „мытомъ“ крѣпнуть выроста на волѣ, не легко дрессируются понавъ подъ арканъ челоуѣка, но за то всю жизнь вѣрно и честно служатъ своему хозяину.

Въ косякахъ лошади живутъ, хотя и подъ присмотромъ табунщикѣвъ, какъ я уже сказалъ, но живутъ своеобразно, своимъ разумомъ, они разбиваются на группы и въ каждой группѣ повинуются главному своему вожаку, старшему изъ жеребцовъ, который и беретъ на себя бдительный надзоръ за безопасностью довѣрившихся ему матокъ и жеребятъ. Пока тѣ мирно пасутся—жеребецъ-вожакъ зорко оглядываетъ степное пространство и во время замѣчаетъ малѣйшій признакъ опасности. Храбро, съ полнымъ самоотверженіемъ жеребецъ идетъ на встрѣчу врагу, въ какомъ-бы видѣ ни появился онъ изъ своей воровской засады... Похищеніе жеребятъ волками, бродящими въ степяхъ громадными стадами, явленіе почти небывалое. Степныя лошади выработали вѣковыми опытомъ даже способъ общей обороны, въ случаѣ если-бы волки вздумали атаковать ихъ массами. Они быстро собираются въ тѣсный кругъ головами внутрь, загоняютъ въ середину все молодое, слабое, а сторожевой жеребецъ богатыремъ прыгаетъ и носится внѣ этого круга, и горе несчастному голодному хищнику если только онъ не увернется изъ подъ его желѣзныхъ копытъ, изъ подъ безпощадной зубной хватки.

Зима, конечно, самое трудное время для степныхъ табунѣвъ. Уже съ октября мѣсяца начинаются въ степи постоянныя сѣверо-восточныя вѣтры — этотъ страшный бичъ всего живаго. Рѣзкій холодъ этихъ воздушныхъ періодическихъ теченій ledenитъ почву, вымораживаетъ быстро жалкіе остатки степной флоры, гонитъ кочевника къ его теплымъ зимовкамъ. Въ этотъ періодъ времени, особенно въ началѣ осени, рѣзкіе контрасты между жаромъ дня и холодомъ ночей вредно вліяютъ на здоровье молодыхъ, еще не окрѣпшихъ жеребятъ—въ это время приходится наибольшая цифра убитыи молодого конскаго поколенія. Въ концѣ ноября морозы усиливаются, выпадаетъ снѣгъ и сплошнымъ бѣлымъ покровомъ застилаетъ безпредѣльную степь. Мохнатые, понурившіе свои толстыя головы степняки, уныло бродятъ, добывая себѣ изъ-подъ снѣга корешки растеній; гложутъ высохшіе стебли, торчащіе изъ подъ снѣга, оглаживаютъ колючія вѣтви саксаула и джизгана—ихъ крѣпкіе зубы способны выносить эту работу, привычныя желудка способны переварить бурьянъ и хворостъ, стальныя копыта способны пробить толстую кору льда... Но это все еще ничего, это полъ горя, не настоящае горе. Настоящая бѣда приходитъ въ январѣ и первой половинѣ февраля, она налетаетъ съ того-же сѣверо-востока, вмѣстѣ съ чудовищными мятелями „пургомъ“ и „бура-

номъ“ по здѣшнему. Вотъ такой-то моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Застигнутый на открытомъ мѣстѣ, сбитый съ пути и толку, ошеломленный, одичалый табунъ несетъ зря, гонимый страшнымъ воемъ и ревомъ мятели; горе коню, выбившемуся изъ силъ и павшему на бѣгу, черезъ нѣсколько минутъ только громадный сугробъ обозначитъ мѣсто его могилы... Попадаетъ степная балка на пути этой бѣшеной скачки,—кони впадаютъ туда одинъ за другою, часто жестоко калѣчутся; все сильное выбирается къ затишью и изнеможенное, отдыхаетъ, сбившись въ плотныя кучи, слабое представляется своимъ собственнымъ силамъ, своему собственному счастью.

И долго еще, спустя сутки и болѣе послѣ улегшейся зимней непогоды, тамъ и сямъ въ степи чернѣются разбросанныя остатки косяка мало по малу сходясь опять въ общую массу.

Иныя зимы выпадаютъ счастливыя, малоснѣжныя, не буранныя, но за то случаются и такія, что каждый день да какая невзгода, и послѣ такихъ роковыхъ зимъ, когда проглянетъ яркое мартовское солнце, быстро стонитъ остатки снѣга и льда, вызоветъ изъ-подъ согрѣтой земли первые побѣги молодой зелени, въ отсѣвшихъ, еле двигающихся табунахъ владѣльцы ихъ находятъ много недочета, — леги костыми, за зиму отъ голода, мороза и всякаго калечья. Но дивная природа весенней степи быстро залечиваетъ раны, быстро насыщаетъ все голодное и также быстро пополняетъ недочетъ новымъ веселымъ, рѣзвымъ поколѣніемъ.

Бабушка и внучка.

(Рис. на стр. 153).

Не разъ мы помѣшали уже въ нашемъ журналѣ рисунки нашего талантливаго жанриста К. А. Трутовскаго, давно уже пользующагося извѣстностью, портретъ и биографія котораго были въ „Нивѣ“ 1880 г. № 31. Первые его картины появились въ Москвѣ въ 1857 году и имѣли сразу значительный успѣхъ. Многочисленныя его произведенія, имѣющія болѣею частью предметомъ мирныя, тихія сцены деревенской жизни, показываютъ ея глубокое изученіе и любовь къ ней. К. А. подолгу живетъ въ деревнѣ а въ послѣднее время и совсѣмъ переселился туда.

Настоящій рисунокъ изображаетъ также уголокъ этой деревенской, любимой художникомъ, жизни. Бабушка сидитъ—шьетъ, придетъ, чинитъ и около нея всегда ея любимая умница—внучка, которая такъ серьезно помогаетъ своей бабушкѣ вездѣ по дому, по хозяйству, не отходитъ отъ нея, слушаетъ ея наставленія и сказки долгими зимними вечерами. И будетъ расти эта умная дѣвочка—въ деревенской жизни дѣти рано развиваются—и будетъ хорошей, доброй матерью и хозяйкой въ дому.

Борьба со львомъ въ Римскомъ циркѣ.

(Рис. на стр. 157).

Отчаянная борьба челоуѣка съ разъяреннымъ дикимъ звѣремъ, представленная здѣсь такъ великолѣпно и рельефно художникомъ, выхвачена изъ жизни древняго, античнаго міра; изъ той эпохи суровыхъ и жестокихъ римскихъ Цезарей, когда игра челоуѣческаго жизнью для своей потѣхи болѣе дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Народныя массы тогда любили эти кровавыя зрѣлища, и каждый праздникъ, каждое особое торжество сопровождалось гибелью сотни людей въ борьбѣ другъ съ другомъ или съ дикими, голодными звѣрями. Для послѣдней цѣли существовали даже особаго рода гладиаторы, такъ называемые bestiarii. Это были преступники или рабы, которыхъ жизнь вполнѣ зависѣла отъ каприза буйной, кровожадной толпы. Лишь она могла пощадить

бойца, или отдать его на съедение животнымъ. Впрочемъ, жадность была не въ привычкахъ римской публики—напротивъ того, часто случалось, что даже не хватало жертвъ чтобы удовлетворить ея кровожадности; всё требовали новаго зрѣлища, новой крови и тогда самъ Цезарь уступалъ желаніямъ народа; такъ Калигула разъ приказалъ, за недостаткомъ другихъ жертвъ, схватить нѣсколько человекъ изъ черни и бросить ихъ на съеденіе звѣрямъ. Иногда-же въ такомъ случаѣ отдавали въ распоряженіе народа христіанскихъ мучениковъ. *Christianos ad leones!* раздавался тогда громкій крикъ толпы и этотъ крикъ сопровождали шумомъ на всѣхъ скамьяхъ обширнаго амфитеатра, смѣшиваясь съ рычаніемъ дикихъ звѣрей, которые, въ подземельи бѣшено мечутся взадъ и впередъ, мучимые голодомъ и жаждою крови.

Но вотъ загремѣли рога; въ толпѣ раздались громкіе крики восторга; дрогнуть воздухъ отъ рева львовъ и пантеръ. Съ гривами, стоящими дыбомъ, съ огненнымъ взглядомъ, исподлинскими скачками выскочили дикіе животные на арену. Затѣмъ началась ужасная, безчеловѣчная бойня. И эта бойня соэрадалась съ наслажденіемъ, на нее спѣшили со всѣхъ угловъ громаднаго города, оставляя дома лишь старыхъ, да малыхъ; особенно бѣсновалась толпа, если дѣйствующими лицами бойни являлись христіанскіе мученики, эти оскорбители вѣчныхъ боговъ и даже невѣрующіе божественности самого Цезаря. И дикіе звѣри рвали въ клочки этихъ безбожниковъ; не было пощады. Лишь одинъ человекъ возвышалъ свой слабый голосъ противъ кровожадности народныхъ зрѣлищъ; это былъ знаменитый философъ Сенека; онъ одинъ стоялъ за человека, утверждалъ, что человекъ,— это предметъ священный. *Non res Sæcra*; но его одинокій голосъ конечно не могъ преобразовать порочные нравы; нохи; для этого требовалась особая, высшая сила, которая и явилась въ лицѣ Христіанства.

Что касается превосходной бронзовой группы Клейна, изображенной на нашемъ рисункѣ, то это колоссальное произведеніе поражаело всѣхъ на Берлинской Выставкѣ 1878 г. Необычайно глубоко выражена здѣсь сосредоточенность силы, энергіи и ловкости человека и бѣшенства разъяреннаго звѣря. Макс Клейну, автору этого произведенія, оно разомъ сдѣлало большое имя. Клейнъ родился въ Генецѣ, маленькомъ венгерскомъ мѣстечкѣ; онъ сынъ сельскаго учителя. Послѣ смерти отца, 12-ти лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ ученикомъ къ часовщику и тутъ его преслѣдовала и тревожила загорѣвшаяся въ немъ страсть къ ваянію и онъ занимался имъ потихоньку. Лишь въ 1867 г. удалось ему въ Пештѣ попасть ученикомъ къ извѣстному скульптору Сцентецу и уже съ этой подготовкой онъ явился въ Берлинъ. Бѣдность и заботы не давали ему заняться спокойно ни въ Дрезденѣ, ни въ Римѣ, ни въ Мюнхенѣ. Съ величайшими усиліями и жертвами, среди мелочныхъ заботъ и долговъ, часто преслѣдующихъ артистовъ и поэтовъ, онъ могъ привести къ окончанію свою превосходную группу. Геркулесовская фигура „bestiarum“, схватившагося на потѣху римской публики со львомъ, поразительна. Едва-ли часто удается искусству такъ уловить этотъ моментъ высшаго напряженія борьбы, какъ это сдѣлано Клейномъ.

Братъ и сестра.

(Рис. на стр. 156).

Прелестный рисунокъ Цорна, шведскаго художника, съ работами котораго наши читатели уже знакомы, переноситъ насъ въ милый, чистый міръ дѣтской невинной жизни. Крошечный мальчуганъ обнялъ свою маленькую сестричку, скопфуженно

и любопытно глядя, какъ обыкновенно дѣтки смотрятъ на новое незнакомое лицо. Сестричка все же побольше и онъ инстинктивно жмется къ ней, ища въ ней опоры и защиты а она уже чувствуетъ маленькую гордость, что можетъ покровительствовать своему крошкѣ брату и не дать его обидѣть никому. Она знаетъ что онъ боится напрасно и улыбается его наивности и его напрасному страху.

Д. М. Леонова.

(Портретъ на стр. 160).

22 Января, въ пятницу, былъ концертъ и юбилей нашей, всѣмъ извѣстной, даровитой артистки Д. М. Леоновой. Рядъ овацій, вѣнки, депутаціи рѣчи и адреса—все говорило о высшей степени уваженія къ таланту пѣвицы и ея служенію искусству, со стороны общества, столько лѣтъ слушавшаго ея пѣніе.

Дарья Михайловна Леонова родилась въ 1835 г., въ Тверской губерніи въ Вышнемъ Волочкѣ. Четырехъ лѣтъ Д. М. была привезена въ Петербургъ и отдана въ патріотическую школу. Годъ черезъ два старикъ отецъ Леоновой получилъ мѣсто въ Нарвѣ—дорожнаго смотрителя—но вскорѣ остался безъ занятій. Бѣдной семьѣ пришлось опять перебраться въ Петербургъ. Здѣсь старый

ветеранъ устроился при сенатѣ въ архивѣ въ положенія маленькаго писца-чиновника съ жалованьемъ 10 р. въ мѣсяцъ и на эти скудные средства продолжалъ воспитаніе дочери. Маленькой Леоновой удалось побывать въ театрѣ на представленіи *Гамлета*, сцена сумасшествія Офелии произвела на ребенка чарующее впечатлѣніе. Всякій разъ, когда случалось ей быть въ театрѣ, она возвращалась домой подъ волнующимъ дѣйствіемъ театрального представленія и дома, устроивъ по своему сцену, повторяла на глазахъ семьи все видѣнное. Мало по малу у 10-лѣтней дѣвочки появился голосокъ. Друзья и знакомые обратили на это вниманіе и чтобы выручить семью изъ бѣдственнаго положенія, начали хлопотать, опредѣлить Д. М. въ театральнй хоръ. Директоръ театровъ О. М. Геденовъ, обратившій вниманіе на поразительный слухъ и красивый голосъ дѣвочки, приказалъ ее учить учительню пѣнія Быстрову, а ужъ затѣмъ она перешла въ классъ Н. Ф. Вителаро. Два года занималась Леонова пѣніемъ и 16-лѣтъ появилась въ первый

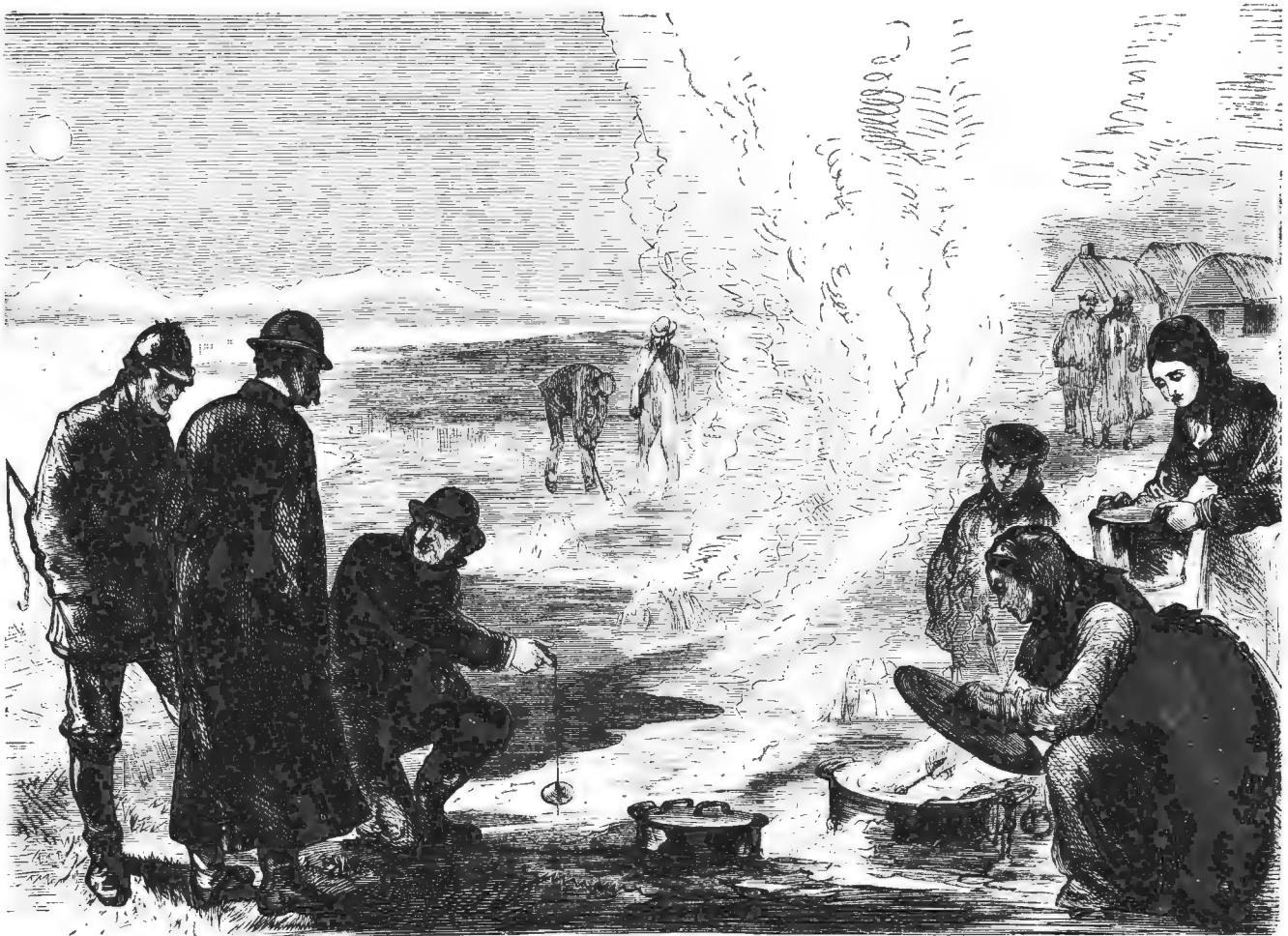
Д. М. Леонова. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

разъ на александринской сценѣ въ 1851 году въ „Жизни за Царя“, исполнивъ пѣсню Вани „Ахъ не мнѣ бѣдному“. Второй ея дебютъ былъ въ „Русской свадьбѣ“—гдѣ пѣніе Леоновой русскихъ пѣсень произвело фуроръ и обратило на нее особенное вниманіе публики. Леонову стали готовить къ исполненію всей оперы „Жизни за Царя“. Къ этому времени относится и знакомство Леоновой съ Глинкой; Глинка, поразившись ея голосомъ, взялся за обработку ея и сдѣлалъ ея безсмертнымъ учителемъ. Леонова была его *единственной* ученицей, которой онъ такъ сказалъ завѣщалъ свои традиціи. Съ появленія Леоновой въ „Жизни за Царя“—начинается ея оперная дѣятельность; она всецѣло принадлежала сценѣ русской оперы и несла на своихъ плечахъ, вмѣстѣ съ покойнымъ О. О. Петровымъ весь репертуаръ русскихъ и иностранныхъ оперъ. Съ первыхъ-же шаговъ на сценѣ Леонова дѣлается любимицей русской публики—ея безчисленные концертныя путешествія по Россіи способствуютъ популярности нашей драматической пѣвицы. Она справедливо можетъ назваться первою русской, національной пѣвицей-артисткой. Артистическая извѣстность ея не ограничивается сферою сценъ двухъ столицъ. Имя пѣвицы извѣстно въ Россіи повсюду.

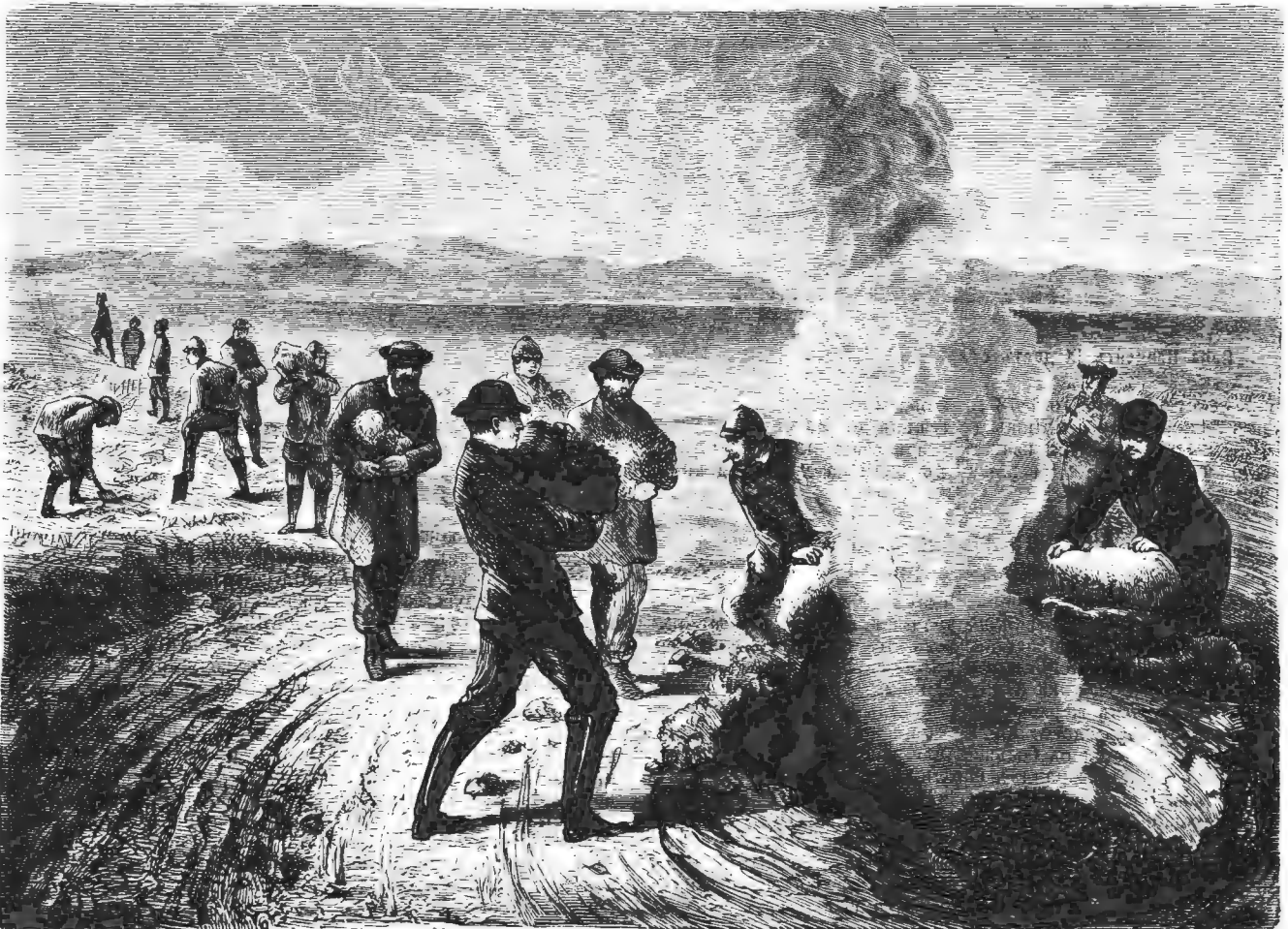
Поступивъ на сцену—Леонова получала 300 руб. въ годъ. Царскій Императоръ Николай Павловичъ, слышавшій Лео-

(Продолженіе на стр. 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, и 168).

Гейзеръ въ Исландіи. Приготовленіе кушанья въ источникѣ и вареніе яицъ.

Гейзеръ въ Исландіи. (Горячіе ключи). Бросаніе комлей земли въ жерло, чтобы вызвать изверженіе

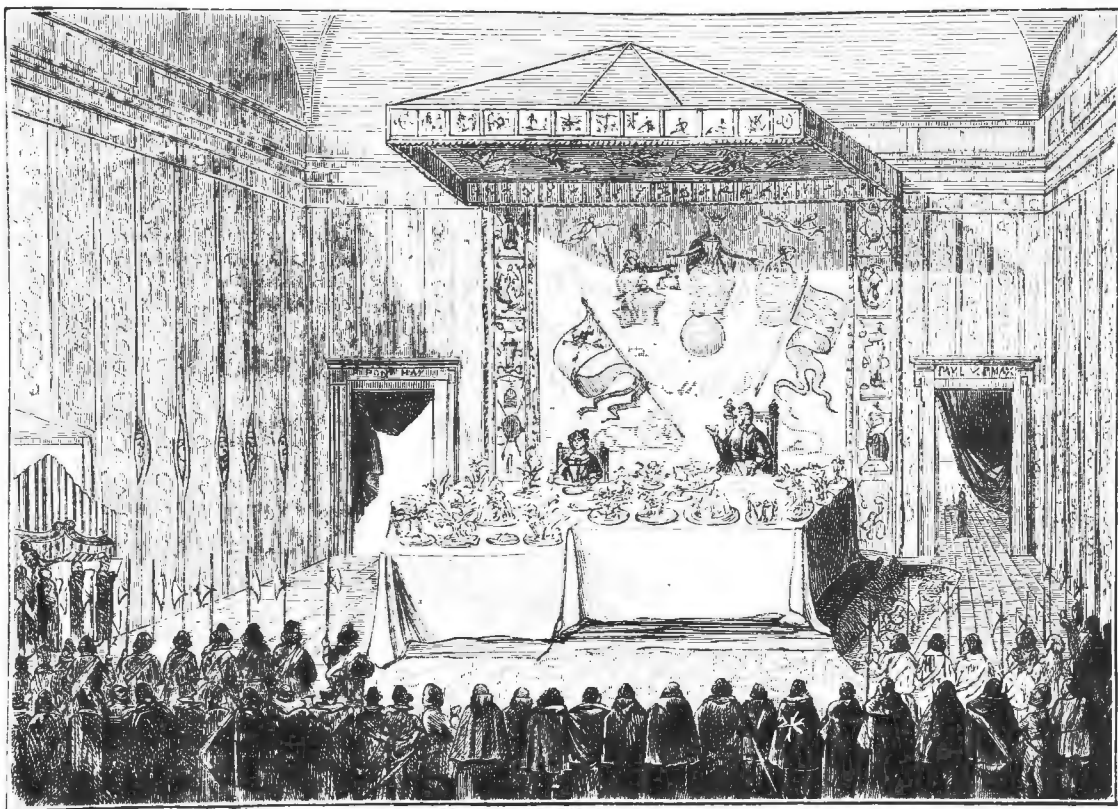
нову во дворцѣ гатчинскомъ и узнавшій что артистка служить за 300 руб. сказалъ: „А что получаетъ другая prima donna? Шестьсотъ! былъ отвѣтъ. „Сравнять! приказалъ Государь.

Въ 1857 г. Леонова отправилась за границу. Въ Берлинѣ встрѣчается съ гр. Кушелевымъ-Безбородко. Этотъ послѣдній ѣхалъ въ Петербургъ съ знаменитымъ А. Л. Дюма (père). Дюма слушаетъ пѣніе и предлагаетъ познакомиться Д. М. съ Мейерберомъ, бывшимъ тогда въ Берлинѣ, который и устроилъ Д. М. ангажементъ на весь дѣтній сезонъ, въ Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Висбаденѣ и Гамбургѣ. Въ первый разъ такимъ образомъ русская пѣвица погостъ въ концертахъ, даваемыхъ въ этихъ германскихъ городахъ. Осенью она, согласно условію съ Мейерберомъ, встрѣчается съ нимъ въ Парижѣ. Здѣсь Мейерберъ и Оберъ, ознакомившись съ драматическимъ характеромъ таланта русской пѣвицы—уговариваютъ ее нарушить контрактъ съ петербургской дирекціей и устроятъ ей дебютъ въ Grand Opera. Мейерберъ готовитъ съ ней роль Фидесъ въ „Пророкъ“. Но русская пѣвица остается неизмѣнна своимъ национальнымъ связямъ и возвращается въ Петербургъ. По возвращеніи въ Петербургъ наша дирекція, въ виду ея европейскаго артистическаго значенія, полученнаго въ Парижѣ, Брюсселѣ и вообще въ Германіи, даетъ наконецъ ей полный оладъ жалованья въ 1,143 руб. и посылаетъ въ Москву, чтобы поддержать совѣтъ унавшую

пѣй. Онъ находится на незначительномъ возвышеніи на пустомъ утесѣ или окаменѣлой массѣ. По высшей надъ Большимъ Гейзеромъ массѣ пара видишь гдѣ онъ еще издали. Форма его—форма блюдечка, и въ спокойномъ состояніи онъ совершенно тихъ и наполненъ горячею, чистою какъ хрусталь, водою, температура которой доходитъ до 209 градусовъ. Самый бассейнъ глубиною въ 4 фута имѣетъ по срединѣ круглое отверстіе, которое идетъ въ землю на подобіе колодца.

Вверху поперечникъ колодца равняется 167 ф. а ниже суживается до 10 футовъ. Эта труба гладка, кругла и пряма и идетъ внизъ отвѣсно на 65 фут. Когда же Гейзеръ находится въ дѣйствиі то дѣло принимается иной оборотъ. Каждое свое изверженіе Гейзеръ возмъшаетъ палубою, выстрѣлами—это подземные взрывы, которые предшествуютъ каждому изверженію. Нѣтъ словъ для описанія подобнаго зрѣлища. Высота водянаго столба достигаетъ 70—75 фут. Ужасный шумъ раздается съ такою силою, будто тысяча паровозовъ выпускаютъ свой паръ черезъ прудъ кипящей воды. Черезъ 8 много 10 минутъ, съдъ изверженія обыкновенно уменьшается, водяной столбъ становится ниже и еще черезъ 2—3 минуты, масса воды погружается въ трубу. Наибольшая высота, которой достигаетъ водяной столбъ большаго Гейзера, бываетъ 90—100 фут.

Другіе болѣе мелкіе источники, два изъ которыхъ представлены на нашемъ рисункѣ—именно большій и малый Стокръ—

Папа Климентъ IX даетъ обѣдъ Королевѣ шведской Христинѣ. (1667 г.). Со стариннаго рисунка Поля Севена, грав. Флюгель.

тамъ русскую оперу. До 1873 года она и служить украшеніемъ этой русской оперы и лишь дослуживъ до пенсіона сходить со сцены, достигнувъ той пѣвѣтности и уваженія, которыя такъ горячо и наглядно выразились въ знаменательный день ея юбилея.

Гейзеръ въ Исландіи.

(Рис. на стр. 161).

Большой Гейзеръ на островѣ Исландіи безъ сомнѣній знаменитѣйшій и величественнѣйшій горячій источникъ на земныхъ шарахъ. Наши рисунки представляютъ два интереснѣхъ момента—именно, одинъ когда готовятъ кушанье въ кипучей водѣ источника и варятъ яйца а другой когда, чтобы вызвать изверженіе, бросаютъ въ жерло источника глыбы земли, послѣ чего тотчасъ начинается клокотаніе, шумъ и поднимается вода и паръ, и затѣмъ начинается съ большою или меньшею силою изверженіе. Большая часть горячихъ источниковъ выходитъ изъ земли у холма, возвышеннаго почти на 300 футъ. Гейзеры лежатъ на почвѣ неровной и занимаютъ пространство болѣе чѣмъ въ 27 десятинъ. Число источниковъ болѣе ста, они представляютъ всевозможные виды, есть большіе и малые и почти безводные. Большой Гейзеръ издали привлекаетъ вниманіе—по своему необыкновенному объему, обилію воды, по величю и великолѣпью изверже-

также замѣчательны и интересны. Касательно всѣхъ гейзеровъ въ Исландіи существуетъ общее замѣчаніе, что чѣмъ они больше тѣмъ рѣже ихъ изверженія. Самыя сильныя изверженія большаго Гейзера происходятъ не болѣе одного раза въ день а меньшіе источники 2, 3 раза, иные производятъ изверженіе каждые 30—40 минутъ. Если бросить въ колодезь зерла дернъ или камни то можно довести источникъ до изверженія, что и представлено, какъ мы сказали выше, на нашемъ рисункѣ. На нѣкоторое время послѣ бросанія земли клокотаніе прекращается, затѣмъ вдругъ слѣдуетъ ужасный трескъ и столбъ грязной воды высоко взлетаетъ вверхъ. Вода кажется черною какъ чернила и вмѣстѣ съ собою выноситъ вверхъ и куски дерева. Все что попадетъ въ выброшенную воду тотчасъ сваривается.

Въ пятнадцати или двадцати шагахъ къ западу отъ Большаго Гейзера находится ущелье футовъ 40 глубиною, со стѣнами почти отвѣсными. Въ ущельи этомъ течетъ ручей горячій воды, берега ручья состоятъ изъ вулканическихъ веществъ и красной земли. Здѣсь у ручья, съ обѣихъ его сторонъ слышно постоянно сильное клокотаніе, струи пара выстаютъ часто изъ отверстія и вытекаютъ кипучій иль. Глина окрашена ярко и красиво кругомъ разными цвѣтами, похожа на стеклянную замазку и лежитъ слоями. Чаше всего попадаются красныя, голубыя и бѣлыя цвѣта. Такая глина особенностью горячихъ и точнѣе Исландіи.

Конечно, въ такой водѣ должны прекрасно вариться всякія припасы и можно готовить кушанье, что и дѣлають мѣстные жители. Яйцо, погруженное въ кипятокъ гейзера, варится тотчасъ и этотъ опытъ постоянно дѣлають туристы, что изображено на верхнемъ нашемъ рисункѣ.

Папа Климентъ IX и Христина Шведская.

(Рис. на 162).

Едва-ли въ продолженіе всего семнадцатаго вѣка найдется другая болѣе эксцентричная и загадочная по натурѣ историческая личность какъ была королева шведская Христина. Дочь героя Густава-Адольфа она уже съ юныхъ лѣтъ была подготовлена къ управленію обширнымъ и пользующимся высокимъ политическимъ значеніемъ государствомъ. Густавъ-Адольфъ хотѣлъ сдѣлать ее мужчиной по характеру и энергіи: по созданному имъ плану воспитанія она должна была изучить въ совершенствѣ какъ всѣ древніе языки такъ и другія науки, необходимо значеніемъ государству, но къ сожалѣнію Христина еще двухлѣтнимъ ребенкомъ лишилась руководителя своего, отца, убитаго, какъ известно, въ 1632 году въ битвѣ при Лютенѣ. Признанная королевой Швеціи, Христина росла подъ ближайшимъ присмотромъ знаменитаго канцлера Оксенштерна, но добродѣтельный старецъ конечно не могъ вліять на Христину какъ-бы ему хотѣлось, такъ какъ ему мѣшали другіе вельможи и члены правительственнаго совѣта. Юная королева отличалась необыкновенными способностями и обширными знаніями, въ тоже время во всѣхъ поступкахъ проявляла— гордую, своевольную и въ высшей степени эксцентричную натуру. Такъ она любила щеголять въ мужскомъ платьѣ, предаваться охотѣ и открыто осмѣивать освященныя стариной преданія и обычаи. Впрочемъ эти всѣ странности не мѣшали ей проявить высокія способности въ первые годы своего самостоятельнаго управленія народомъ. Она счастливо окончила войну съ Даніей, приобрѣла въ пользу Швеціи по договору въ Бромсебро нѣсколько провинцій. Другимъ ея политическимъ подвигомъ было умиротвореніе Германіи и заключеніе знаменитаго вестфальскаго договора. Но вскорѣ ея управленіе омрачилось ея слабостью къ разнымъ фаворитамъ и недостойнымъ любимцамъ и безумною страстью къ мотовству и роскоши, совершенно истощившею государственную казну. Христина увидѣла необходимость сложить съ себя бремя управленія и передать корону шведскому принцу Карлу-Густаву. Она мужественно выполнила этотъ обрядъ отреченія въ Упсалѣ 11 февраля 1654 года и съ этой поры рѣшилась посвятить свою жизнь исключительно наукамъ, искусствамъ и непрерывнымъ путешествіямъ. Вскорѣ же послѣ отреченія Христина совершила дѣяніе, которое навсегда отрѣшило ее отъ шведскаго народа; она приняла католичество и такимъ образомъ дочь самаго яраго защитника протеста-

ства сдѣлалась духовною дочерью папъ и ихъ послушнымъ орудіемъ. Сдѣлавшись католичкой, Христина почти совсѣмъ забыла свою родину; она блистала то при роскошномъ французскомъ дворѣ, то въ столицѣ папства и у римлянъ пользовалась чрезвычайнымъ почетомъ и уваженіемъ. Здѣсь она учредила академию и окружила себя литераторами и учеными; эксцентричныя дѣйствія здѣсь уже никого не удивляли; къ ней всѣ привыкли и считали все необходимымъ послѣдствіемъ ея необыкновеннаго ума. Но во Франціи надъ ней порядочно посмѣивались и кромѣ того обвиняли ее въ безчеловѣчии и жестокости по поводу трагической смерти ея близкаго придворнаго Мональдеви, котораго она приказала убить въ своемъ присутствіи. Между тѣмъ политическіе перевороты въ Швеціи ставили ее въ самое пеловкое положеніе; смерть Густава-Карла дала ей мысль снова завладѣть короной, но шведы встрѣтили ее такъ враждебно и недоброжелательно, что она волей неволей должна была поскорѣе бѣжать изъ негостеприимной своей родины. Съ этихъ поръ, забытая всѣми, она окончательно поселяется въ Римѣ, получая отъ Папы содержаніе въ 12,000 скудо. Особенно былъ благосклоненъ къ ней престарѣлый Папа Иннокентій IX (1667—1669) большой почитатель наукъ и искусствъ, часто проводившій свободное время въ пріятныхъ бесѣдахъ съ развѣдчанной и почитуемой всѣми королевой. Эта эпоха по справедливости была названа золотымъ вѣкомъ Рима, когда этотъ городъ являлся средоточіемъ наукъ и художествъ. Христина жила въ Римѣ до конца жизни и скончалась тамъ въ 1689 году 63 лѣтъ отъ роду оставивъ послѣ себя громадную коллекцію металовъ, художественныхъ произведеній, книгъ и рукописей.

Рисунокъ стариннаго французскаго художника Шера Поли Севена, котораго копію мы здѣсь помѣщаемъ, представляетъ замѣчательную рѣдкость. Онъ изображаетъ королеву Христину Шведскую на обѣдѣ у Папы Климента IX въ Монте Кавалло въ 1667 году.

Во время одного изъ своихъ путешествій въ Римъ, а именно въ 1667 году, королева Христина жила во дворѣ Фарнезе и часто посѣщала Святаго Отца. Климентъ IX не только самъ навѣщалъ въ ея покояхъ эту добровольную изгнанницу Упсалы, но и принималъ ее у себя. Одинъ изъ такихъ пріемовъ и изображенъ современникомъ-художникомъ на мѣстѣ съ натуры.

Въ центрѣ этого любопытнаго рисунка мы видимъ подъ сѣнью широкаго балдахина, Папу, сидящаго за столомъ, поставленнымъ нѣсколько выше стола королевы. Онъ изображенъ благословляющимъ трапезу. Ниже его нѣсколько и рядомъ съ нимъ, королева Христина совершенно заслонена множествомъ фигурныхъ сахарныхъ печеній, которыми такъ славилась итальянцы. Фонъ картины—огромный коверъ съ вытканными на немъ святыми изображеніями. На первомъ же планѣ два отряда алдербардистовъ стоятъ впереди ряда гостей, канцлиновъ, маллійскихъ рыцарей, придворныхъ и даже шутовъ. Влѣво видны щегольскія и пѣвчіе, новіе духовные гимны.

ЕВГЕНІЙ БОНТУ.

Очеркъ.

Не такъ давно необычайное, ужасное волненіе произвелъ крахъ парижакаго банка, и имѣлъ огромныя послѣдствія. Разрушеніе множества людей, самоубійства, прекращенія платежей — все это сдѣлалось ежедневнымъ явленіемъ.

Съ удивительной быстротой дѣйствуютъ французскіе суды: спустя три дня послѣ краха банка Union générale послѣдовало распоряженіе объ арестованіи предсѣдателя его Евгенія Бонту. Изъ засѣданія совѣта своего учрежденія Бонту былъ вызванъ и отведенъ прямо въ тюрьму. Чтобы измѣрить всю глубину паденія достаточно упомянуть, что двѣ недѣли тому назадъ Бонту былъ принятъ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, котораго завѣрялъ, что онъ употребитъ всѣ усилія для поднятія одного близкаго къ упадку торговаго города. Вся предшествовавшая дѣятельность Бонту, имѣвшаго въ некоторое время сильное вліяніе на весь финансовый міръ Европы, заслуживаетъ того, чтобы ознакомиться ближе съ характеромъ этого въ нѣкоторомъ отношеніи замѣчательнаго человѣка.

Евгеній Бонту родился въ 1824 году. Онъ воспитывался въ политехническомъ училищѣ въ Парижѣ и желѣзнодорожную практику приобрѣлъ на многихъ французскихъ дорогахъ. Въ своемъ отечествѣ онъ постоянно участвовалъ въ различныхъ смѣлыхъ спекуляціяхъ; но честолюбіе его нашло себѣ настоящую почву только тогда, когда онъ былъ призванъ въ Австрію къ управленію австрийской казенной дорогой и затѣмъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ южной дороги. Еще во Франціи онъ нѣсколько разъ приобреталъ большія состоянія и терять ихъ снова въ рискованныхъ предпріятіяхъ, но никогда не унывалъ. Онъ твердо вѣрилъ въ свою счастливую звезду.

Въ качествѣ главнаго директора южной дороги Бонту получалъ прекрасное содержаніе. Но что значили эти суммы въ сравненіи съ его широкими планами. Благодаря своему положенію, онъ подружился съ домомъ Ротшильдовъ и дружескія отношенія эти продолжались почти до оставленія имъ мѣста главнаго директора южной дороги. Какъ известно, дружба эта не принесла счастья южной дорогѣ, которую Ротшильдъ не-

однократно ссужалъ большими суммами подъ проценты и этотъ долгъ дороги мѣшалъ развитію предпріятія. Но Бонту пользовался связями съ первымъ банкиромъ въ домѣ въ мірѣ для своихъ личныхъ дѣлъ.

Бонту нукался не только въ одни биржевыя обороты. У него была слабость ко всякимъ производствомъ. Онъ постоянно составлялъ новые проекты и скоро приводилъ ихъ въ исполненіе. Онъ покупалъ рудники, строилъ дороги и заводилъ фабрики. Его не интересовала эксплуатация дѣла, по ознакомленіе, первое устройство, приращеніе капиталовъ и общеніе съ проектерами— это было его жизненной стихіей. Такъ онъ построилъ въ Венгріи линію Гатванъ-Мискольчъ, привелъ въ дѣйствіе такія фабрики Саградо въ Герціѣ и въ 1875 году завелъ на южной дорогѣ Грацскую фабрику желѣзнодорожныхъ матеріаловъ. Онъ устроилъ въ большихъ размѣрахъ вывозъ дровъ изъ Австріи во Францію. Во Франціи у него была фабрика шпатовъ, а также онъ участвовалъ во многихъ другихъ предпріятіяхъ. Одновременно съ этимъ онъ присоединился къ барону Гиришу, когда тотъ началъ строить восточную дорогу; онъ рекомендовалъ Гиришу многихъ служащихъ южной дороги, для которыхъ такимъ образомъ открылась широкая будущность.

Во время кризиса 1873 г. Бонту потерялъ значительную часть своего состоянія. Этотъ ударъ не сильно на него подѣйствовалъ; онъ постоянно думалъ о новыхъ дѣлахъ. Работалъ онъ всегда много, но это не была конторская сидячая дѣятельность; онъ получалъ и диктовалъ письма, набрасывалъ планы, распределялъ дѣло и пр. Въ 1873 году знакомымъ своимъ онъ сообщилъ проектъ большаго общества для разработки и плавки желѣза внутри Австріи. Слѣдствіемъ этого проекта и было основаніе желѣзныхъ фабрикъ въ Грацѣ.

Въ это время произошло событіе, имѣвшее вліяніе на его будущность. Онъ разошелся съ домомъ Ротшильда и барономъ Гиришемъ. Бонту человѣкъ живаго темперамента, злопамятный, гордый; причины отчужденія неважны, но, по всей вѣроятности, онѣ произошли отъ характера Бонту, которому приску-

чло работать на Ротшильдовъ въ качествѣ служащаго южной дороги. Бонту сталъ искать новаго поприща и нашелъ его въ политической дѣятельности. Онъ легитимистъ по воззрѣніямъ. Фуру, министр внутреннихъ дѣлъ, въ кабинетѣ герцога Брульи, его другъ дѣтства; Бонту друженъ также съ графомъ Шамборомъ. Онъ былъ избранъ въ палату, но избраніе это было признано недействительнымъ. Тогда-то онъ произнесъ извѣстные слова: „Всѣ двадцать лѣтъ я соблюдалъ въ Австріи французскіе интересы“. Вскорѣ послѣ того онъ принужденъ былъ оставить мѣсто главнаго директора южной дороги, но все еще остается тамъ въ качествѣ техника съ содержаніемъ въ 30.000 франковъ.

Служаще дороги были недовольны его выходомъ. И хотя въ обращеніи съ ними онъ былъ очень сдержанъ, но тѣмъ не менѣе заботился о ихъ участи. Несмотря на свои клерикальныя воззрѣнія, онъ привлекалъ къ себѣ на службу много евреевъ, отбывая ихъ находчивость въ дѣловыхъ затрудненіяхъ.

То, что случилось въ настоящее время, касается финансовой исторіи Европы. Послѣ вступленія Бонту въ управленіе Union générale, къ нему стали поступать вклады всѣхъ клерикаловъ. Акціи банка постоянно поднимались въ цѣнѣ. Состоянія легитимистскихъ семействъ были имъ удвоены, утроены. Получались баснословные биржевыя выигрыши. Акціи Union générale оцененныя въ 125 дошли до 3,200 франковъ.

Но счастье его казалось упрочилось только тогда, когда политическіе кружки Австріи доверились ему.

Тогда онъ началъ войну противъ Ротшильда; съ барономъ Гириемъ онъ пошелъ идя. Въ этой финансовой войнѣ Ротшильды проиграли. Но успѣхъ Бонту окружилъ ему голову. Онъ сталъ принимать всякій предложенный ему планъ и думалъ что вспомогательные его источники неисчерпаемы. Въ его приемной толпились прожектеры; онъ каждое выслушивалъ и начиналъ всякое даже самое рискованное дѣло.

Ко всему этому присоединилось еще то, что Бонту не былъ вовсе свѣдущъ въ банковомъ дѣлѣ. Онъ считалъ и просчитывалъ миллионы. Онъ былъ фанатикомъ въ предпріятіи и видѣлъ только предполагаемую прибыль. Если-же наступали потери, онъ выдумывалъ новые проекты, долженствовавшіе покрыть убытки.

Но всѣ предпріятія, въ которыхъ участвовалъ Бонту, были мелочи въ сравненіи съ его грандіознымъ планомъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ и его соучастникъ Рапортъ предложили венгерскому правительству постройку дороги отъ Вѣны на Раабъ и

Пешть; они получили концессию на линію Пешть-Землинъ; сербское правительство заключило съ ними условіе, по которому они обязывались провести дорогу отъ Бѣлграда до Ниша. Бонту снова вошелъ въ союзъ съ барономъ Гириемъ; онъ намѣревался закончить желѣзнодорожную сѣтъ: Вѣна, Пешть, Бѣлградъ, Константинополь и Салоникъ должны были войти въ прямое сообщеніе.

Между тѣмъ Бонту не переставалъ играть на биржѣ; онъ не былъ обманщикомъ, но только смѣлымъ игрокомъ. Настоящее разслѣдованіе дѣла покажетъ, какими путями онъ дошелъ до преступленія. Желая еще болѣе возвысить курсъ акцій своего банка онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы понизить цѣну Ліонскаго банка и кредита и попался самъ въ ловушку, которую подготавливалъ другимъ.

За все это время Бонту жилъ по княжески. Женатый на дочери французскаго генерала барона Блянжара, онъ въ началѣ велъ жизнь очень тихую. Жена его, потрясенная смертью своего единственнаго сына, умершаго на двадцатомъ году жизни, облачилась въ трауръ и сдѣлалась чрезвычайно релігіозной. Со смерти сына она страдаетъ нервнымъ разстройствомъ и друзья ея опасаются, что она не перенесетъ катастрофы, постигшей ея мужа. Въ противоположность своей женѣ, Бонту, за послѣдніе годы, велъ жизнь чрезвычайно расточительную.

Въ то время, когда дѣла Union générale начинали колебаться, друзья Бонту предполагали, что онъ еще оправится. Такъ думалъ и онъ, но все это время онъ былъ необыкновенно возбужденъ. Кто видѣлъ его послѣдній разъ въ Вѣнѣ, тотъ замѣчалъ, какъ сильно онъ былъ поглощенъ своими мыслями. Когда акціи Union générale унази, онъ постоянно телеграфировалъ своимъ агентамъ въ Парижъ: покупайте, покупайте! По всей вѣроятности, въ той надеждѣ, что дѣло обойдется, онъ на покрытіе биржевыхъ потерь употребилъ вклады своихъ доверителей.

Въ этомъ захватѣ чуждой собственности онъ и обвиняется. Говорятъ, что въ особенности много было вкладовъ англійскаго общества, доверившаго ему суммы на постройку сербскихъ дорогъ, растрата которыхъ обнаружилась при первомъ судебномъ допросѣ. И такъ какъ въ кассѣ Union générale кромѣ акцій банка не было болѣе никакихъ цѣнныхъ бумагъ, то преступленіе очевидно.

Бонту, кромѣ не дозволенной спекуляціи бумагами, обвиняется еще въ злоупотребленіи довѣремъ (abus de confiance) — преступленіи, которое строго карается во Франціи.

Политическое обозрѣніе.

Наша торговля въ Средней Азій.—Черногорія и Австрія.—Русскія.—Египетъ.—Иерусалимъ.—

Изъ средней Азій начинаютъ доходить вѣсти, благоприятныя для нашей торговли: произведенія наши открываютъ новую эру успѣшной конкуренціи съ англійскими. Недавно, одинъ изъ британскихъ агентовъ, комисаръ Элиасъ прислалъ въ Индію образчикъ русскаго полотна, бойко расходившагося въ Ярдандѣ, причемъ сообщаетъ, что оно лучше получаемаго съ англійскихъ мануфактуръ и что, вообще, матерія, приходящая изъ Пенджаба становится все хуже качествомъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ будутъ вытѣснены съ рынокъ средней Азій. Думаемъ, что о значительности этого факта нечего распространяться — всякій пойметъ всѣ послѣдствія нашего торговаго преобладанія въ средней Азій. Остается только желать, чтобы наши торговцы сумѣли поставить дѣло прочно: меньше спекуляціи и больше добросовѣстнаго отношенія къ задачѣ, имѣющей кромѣ промышленной, еще и великое государственное значеніе. Англичане все продолжаютъ бояться за Мерв; имъ уже даже вообразилось, что онъ взятъ русскими войсками, какъ сообщилъ калькутскій корреспондентъ „Times'a“.

Митинги о евреяхъ, кажется, не родили ничего, кромѣ мысли, чего и надо было ожидать. Но чего было трудно ждать, — это того, напримеръ, что одинъ изъ наиболѣе ярыхъ инициаторовъ движенія въ пользу евреевъ, баронъ Ротшильдъ сказалъ нашему посланнику въ Лондонѣ, „что онъ не сочувствуетъ агитаціи“; да и вообще сама агитація успокоивается. Гладстонъ, въ Палатѣ Общинъ сказалъ на одинъ изъ запросовъ, по еврейскому дѣлу, что это дѣло внутренняго управленія Россіи и вмѣшиваться въ него официально нельзя. Надо думать, что Россію оставить, наконецъ, въ покоѣ. Это, впрочемъ, было ясно и съ самаго начала. На этихъ дняхъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано было правительственное сообщеніе, въ которомъ категорически заявлено, что русское государство не потерпитъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ посторонняго вмѣшательства или совѣта, въ какой бы то ни было формѣ.

Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи разгорается, чему положительно уже можно вѣрить на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ корреспондентомъ „Правительственнаго Вѣстника“. Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе князя Черногорскаго становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Вотъ что пишутъ объ этомъ между прочимъ. Борьба происходитъ теперь у границы княжества. Не смотря на все желаніе князя Николая удерживать черногорцевъ въ строгомъ нейтралитетѣ, несмотря на кордонъ, раз-

ставленный княземъ около Кривошев, Билеча, Грахова и Баньи, возстаніе все сильнѣе и сильнѣе волнуетъ черногорскій народъ и горячіе юнаки открыто изъявляютъ готовность вступить въ войну съ Австріей: многие изъ нихъ уже находятся въ рядахъ усташей. Австрійцы это знаютъ и ихъ газеты, также открыто, предлагаютъ правительству занять княжество. Предложение это проповѣдуетъ до того раздражающее впечатлѣніе, наконецъ, на народъ и на самаго князя, что недавно, по его приказанію, въ оффиціозной газетѣ „Гласъ Черногорца“ была данъ отвѣтъ австрійской прессѣ въ самомъ рѣшительномъ тонѣ: „Совѣтовать Австріи занять Черногорію (сказано въ отвѣтній статьѣ), лишитъ насъ свободы, которую мы пять столѣтій оберегаемъ, мысль не дурная, но очень опасная; пусть Австрія вспомнитъ, что это не такъ легко, что черногорцы сумѣютъ защитить себя, что никогда никто не успѣвалъ занять Черногорію, что не только австрійскіе солдаты, но храбрые турки, имѣя во главѣ мужественнаго Судеймана, заплатили шестью тысячами труповъ за путь отъ Никшича до Суза, путь двухъ-часоваго разстоянія, пройдя который понадобилась недѣля! Пусть придутъ австрійцы — мы ихъ ждемъ! Въ Катаро состоится свиданіе между австрійскимъ резидентомъ при князѣ черногорскомъ, полковникомъ Темелемъ и главнокомандующимъ войсками въ Герцеговинѣ, генераломъ Јовановичемъ, для окончательнаго совѣщанія о мѣрахъ относительно Черногоріи. Какъ-бы то ни было, но, по мнѣнію Правительственнаго Вѣстника: „Австрійское правительство хорошо понимаетъ, конечно, что князь не располагаетъ такими силами, которыя дали-бы ему возможность совершенно закрыть границы Черногоріи и не потребуетъ отъ него того, чего онъ не можетъ выполнить. Притомъ-же и самой Австріи выгодноѣ имѣть мирнаго и дружественнаго сосѣда, тѣмъ создатъ на своемъ флангѣ дѣятельнаго врага“. Что-же касается Россіи, то „Правительственный Вѣстникъ“ замѣчаетъ, что „она неоднократно уже имѣла случай засвидѣтельствовать о своемъ твердомъ намѣреніи строго выполнять свои обязательства и не затривать ничьихъ интересовъ“. Вѣроятнѣе всего, движеніе славыи приведетъ къ европейскому конгрессу, объ этомъ уже говорятъ, прибавляя, что князь Бисмаркъ противится этому. Но здѣсь, кстати, скажемъ, что прошелъ страннй слухъ о томъ, будто фамильныя драгоцѣнности князя Николая, стоимостью въ нѣсколько миллионновъ, были переведены въ Антивари (зачѣмъ — неясно) и тамъ пропали. Пока этотъ слухъ передается безъ дальнѣйшихъ подробностей.

Австрія воздвигла цѣлое гоненіе на русскіхъ въ Галиціи.

Одна униатская волость—Гниличаны—заявила о своемъ желаніи обратиться въ православіе. Либеральныя польскія и австрійскія власти, громко провозглашающія принціпы релігіозной свободы, немедленно-же приняли свои мѣры и мѣры, вѣроятно, настолько сильныя, что гниличане, до сихъ поръ, еще не могли исполнить свои намѣренія. Въѣздъ съ тѣмъ, увидѣвъ въ этомъ фактѣ вліяніе русофиловъ, и русскія интриги, власти приняли за аресты — арестовано было сначала семнадцать человекъ въ Львовѣ, Каломѣ, Збарацѣ, Гниличахъ, въ Черновицахъ, а затѣмъ аресты продолжались чуть-ли не ежедневно, между прочимъ, такія лица, какъ профессоръ Жарскій, настоятель влахскаго православнаго монастыря и другіе, произведенъ рядъ обысковъ въ квартирахъ священниковъ, въ православной церкви св. Георгія въ Львовѣ, закрыты два кружка. Вѣнскія газеты сообщаютъ, что изъ задержанныхъ бумагъ и писемъ видны оживленные сношенія между галицкими и венгерскими русскими. Но 1875 годъ—годъ значительный въ исторіи славянства: некра тѣла подъ цепью а съ тѣхъ поръ она свернула наружу, и уже не затупить ея никому...

Съ выходомъ Гамбетты вопросъ о пересмотрѣ конституціи французской республики окончательно отложенъ на неопредѣленное время, о чемъ заявилъ Фрейсінгъ, сказавшій, что теперь большинство въ странѣ не высказывается за это предложеніе.

Библиографія.

Путешествіе Государя Императора въ іюль 1881 г. Прекрасно составленное описаніе известной поѣздки Государя Императора по Волгѣ конечно встрѣтится съ величайшимъ интересомъ всей Россіей, такъ восторженно привѣтствовавшей своего молодого Царя въ его первомъ путешествіи.

Министръ ром. Ж. Клареси, *Г-жа Бовари* г. Флобера, *Героиня* г. Мало, *Майоратъ* г. Раймунда. Сиб., 1882 г., изд. 3. Гартге. Все эти романы известнѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ изданы г. Гартге очень изящно и въ хорошемъ переводѣ; за что конечно ему будутъ весьма признательны любители чтенія. Хорошій переводъ въ такихъ изданіяхъ вовсе не такая обыкновенная вещь, чтобы на нее не обратитъ вниманія публики.

Источники русской агиографіи П. П. Барсукова. Сиб. 1882. „Агиографія“ значитъ исторія или „житія“ святыхъ. Въ трудѣ г. Барсукова, предпринятомъ имъ въ 1877 году по предлогу жюри предсѣдателя Общества Древней письменности, князя П. П. Вяземскаго, русскіе святые, канонизованные и неканонизованные, расположены въ алфавитномъ порядкѣ. За именемъ каждаго святаго въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ указаніе времени, когда онъ подвижился, когда почилъ, когда канонизованъ, и затѣмъ сообщаются все источники, печатные и рукописные, относящіяся къ жизни и трудамъ святаго. Самыхъ исторій святыхъ въ книгѣ г. Барсукова изложено немного, такъ какъ задачей автора было сообщить относительно ихъ только библиографическія данныя, при помощи которыхъ историкъ имѣлъ бы возможность ознакомиться съ жизнью того или другаго русскаго святаго. Для изучающаго исторію такой библиографическій трудъ имѣетъ громадное значеніе, ибо житія святыхъ служатъ не только „училищемъ благочестія“ для народа, но, какъ указалъ П. М. Строевъ, представляютъ неисчерпаемый источникъ для „исторіи общенія, мѣстной и повѣрвевъ прежней Руси“. Книга г. Барсукова составляетъ томъ въ 615 стр. и конечно будетъ встрѣчена специалистами съ высокою похвалою, которой она по замѣчательной тщательности выполненія справедливо заслуживаетъ.

Ничто о древности типа деревянныхъ построекъ и резьбы въ Важскомъ краѣ. Изданіе Общества Древней Письменности. съ 8-ю литографированными табличками, Сиб. 1882.

Еще папшъ ученый археологъ П. М. Строевъ указалъ на Двину и Поморье, какъ на классическія земли, въ которыхъ

Королева Викторія ѣдетъ на югъ Франціи.

Въ тронной рѣчи при открытіи парламента заявлено въ отношеніи Египта, что Англія, по соглашенію съ Франціею, обратитъ особое вниманіе на египетскія дѣла, причемъ будетъ исполнять международныя обязательства, позаботится объ интересахъ египетскаго народа и охранитъ неприкосновенность правъ султана; объ отношеніяхъ-же другихъ державъ къ египетскому вопросу ничего не сказано.

Между тѣмъ, новый египетскій премьеръ, Махмудъ-Буруци объявилъ въ своей программѣ, что право установленія бюджета принадлежитъ министерству и делегатамъ палаты потаблей; когда-же французскій и англійскій консулы обратились къ нему съ заявленіями, то онъ отвѣчалъ имъ, что совѣтъ египетскихъ министровъ не признаетъ за европейскими контролерами права вмѣшиваться въ внутренній египетскій дѣла.

Армянскіе патріархы въ Константинополѣ получили изъ Іерусалима депешу, извѣщающую, что 60 халдеевъ бросились на армянскій алтарь въ храмѣ Гроба Господня, разрушили какъ самый алтарь, такъ и вѣнчавшій передъ нимъ святые иконы, избили армянскаго діакона и ранили нѣсколькихъ армянъ, пытавшихся оказать сопротивленіе; іерусалимскому губернатору, прибывшему на мѣсто происшествія съ отрядомъ, съ трудомъ удалось возстановить порядокъ.

русскій историкъ найдетъ сохранившимся во всей неприкосновенности, пощаженымъ временемъ и нововведеніями неконвѣйный укладъ,—какъ онъ выражается, повгородскаго „самобытія“. Эта усиденная отъ принятыхъ вліяній страна, издавна была заселена искусными древодѣлами, отчего и сохранила во всей чистотѣ и неприкосновенности типъ древней русской постройки, часовни, церкви и въ особенности избы. Интересная брошюра, заглавіе которой мы вынесали, даетъ возможность возстановить типъ древне-русской избы: авторъ сообщаетъ при этомъ любопытный въ этнографическомъ отношеніи фактъ, что въ Важскомъ краѣ—заличному и столярному дѣлу обучаются между прочимъ и въ Соловкахъ, куда родители часто, но какому нибудь обшванію, посылаютъ своихъ первенцевъ „поработать на святое дѣло“. Отсюда въ важныхъ издѣліяхъ этого рода видно вліяніе узоровъ и резьбы соловецкихъ. Думаемъ, что брошюра найдетъ себѣ читателей не только между специалистами, но и вообще между интересующимися первобытною, чистую отъ постороннихъ вліяній, культурою древней Руси.

С. П. Глазенапа. Кометы и падающія звезды. Сиб. 1882. Кометы издавна служили источникомъ многочисленныхъ предразсудковъ. Въ появленіи ихъ съ самой глубокой древности искали какаго нибудь страшнаго предзнаменованія. Такъ съ кометою 1556 года связывали смерть папы Урбана IV-го, скончавшагося въ день исчезновенія этой кометы; та же самая комета сильно напугала Карла V, увидѣвшаго въ ней предсказаніе своей смерти. Современный Ньютонъ астрономъ Вистонъ объявлялъ даже всемірный потопъ приближеніемъ въ то время къ землѣ кометы и т. п. Кометы всегда привлекали вниманіе астрономовъ, изслѣдованія которыхъ расширили наше знакомство съ этими интересными тѣлами. Въ послѣднее время работы русскаго астронома О. А. Брелихина позволили даже по формѣ хвостовъ кометъ судить о самомъ ихъ химическомъ составѣ. Желаящіе подробнѣе ознакомиться съ кометами и одиородными съ ними падающими звѣздами могутъ обратиться къ интересной книгѣ г. Глазенапа, обстоятельно излагающей этотъ вопросъ. Смѣло рекомендуемъ разбираемую книгу нашимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что относительно кометъ существуетъ много недѣльныхъ представлений, разясненія которыхъ, особенно въ такой доступной всеѣмъ и интересной формѣ, несомнѣнно всегда полезно.

С М Ъ С Ъ.

Канцелярія совѣта с.-петербургскаго жепекаго патриотическаго общества заявляетъ, что главнѣйшіе выигрыши VII лот. въ пользу школы патриотическаго общества, разыгранной 3 января сего года, пади на слѣдующіе номера: первый выигрышъ въ 8,000 руб. на билетъ № 4045, принадлежащій повгородскому мѣщанину Кириллу Парентьеву Гольману, второй — на № 24715, с.-петербургскій мѣщанинъ Евдокій Михайловичъ Горбуновой и третій — на № 29353—сыну провизора Александру Павлову Гоше.

Ядовитыя свойства человеческой слюны. Французскій химикъ Готье представилъ недавно въ Парижскую медицинскую академію отчетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ ядовитыми качествами человеческой слюны. По этимъ наблюденіямъ оказывается, что ядовитость нашей слюны отличается отъ яда змѣи только слабой силой дѣйствія—и что известное мнѣніе объ опасности укушенія человекомъ имѣетъ долю основательности. При опытахъ Готье бралъ около 20 граммовъ человеческой слюны и послѣ ея щелоченія и очистки вводилъ ее въ видъ раствора подъ кожу яттики. Черезъ нѣсколько времени обнаруживались уже симптомы отравленія: птичка начинала дрожать, шаталась, падала на полъ и оставалась совер-

шенно неподвижной: смерть наступала иногда черезъ полчаса, а иногда и позже, смотря по дозѣ вводимого яда и силѣ животнаго. Все эти симптомы отравленія, столь родныя съ послѣдствіями укушенія змѣи, происходятъ, какъ думаютъ, главнымъ образомъ отъ особаго алколоида, входящаго въ составъ слюны и имѣющаго все свойства трипанаго яда. Замѣчательно, что еще у Рабле встрѣчается одна фраза, которая доказываетъ, что уже тогда была известна ядовитость человеческой слюны.

Выставка курительныхъ трубокъ. Выставленная недавно въ Лондонѣ богатая коллекція разнаго рода курительныхъ трубокъ, была одною изъ самыхъ интересныхъ.

Здѣсь собраны были трубки всеѣхъ странъ и эпохъ и даже самыя первобытныя, украшенныя глиняными изображеніями духовъ—покровителей табачнаго культа. Франція доставила сюда свои фарфоровыя трубки—произведенія знаменитой Севрской фабрики; Германія старинныя дрезденскія трубки и кромя того трубку громаднаго размѣра, которую обыкновенно курилъ одинъ изъ кельнскихъ гражданъ съажнаго роста во время торжественной процессіи тильдій. Голландія препрала большую коллекцію маленькихъ трубочекъ, въ

которых особенно выделяются по своей вышней отделке и украшениям из глиняных лепки, так называемые трубки новобрачного, так как последний курит из этой трубки лишь в день своей свадьбы, а потому бережно хранит на полке, дозволяя себе пользоваться ею лишь раз в год: в памятный для него день браки. Кроме того в коллекции красовались до 700 старинных английских трубки: скандинавские с рушическими надписями; сибирские, сделанные из дерева и мамонтовой кости, а также те дорогие, роскошные кальяны, которыми наслаждаются разные паны и восточные. Десятью шестью трубками служили образцами японского искусства и были сделаны из самого разнообразного материала—из слоновой кости, из редких пород дерева, из рога, горного хрусталя и агата, а их украшения представляли самые забавные сцены из домашней японской жизни. Одна-же трубка, которая прежде принадлежала Ёмото, молочному брату императора, была украшена государственными символами и внутри обложена золотом. Из японских трубочек некоторые чрезвычайно малы, так что в них поместится табаку лишь на одну затяжку и потому не удивительно, что японцы могут их выкуривать до полсотни в одно утро, как об этом рассказывает лорд Эджинг. Из Китая присланы были трубки для курения опиума—из графита, черпаншей кожи, серебра и эмали. Коллекцию дополнили индийские гудасы, трубки войны и мира диких племен Сьерры Америки, Атцекви и Караибов, называемые *табакко*; трубки дикарей внутренней Африки, из которых курят лишь при торжественных религиозных церемониях; трубки, выточенные из зуба кашалота, а также произведения этого рода туземцев Новой Гвиней и Каледонии.

Гильотина у римлянъ. Въ Люцернѣ (въ Швейцаріи) на одной изъ старинныхъ цестроекъ сохранилась средневековая живопись, изображающая мученія гельветскихъ христіанъ во времена языческихъ императоровъ Рима. На правой сторонѣ картины мучениковъ бросаютъ въ рѣку, на лѣвой-же, на видномъ мѣстѣ, возмущается гильотина, подъ которую лежить уже одинъ изъ христіанъ и тяжелый топоръ готовъ опуститься на его шею. Вкругомъ разбросано множество обезглавленныхъ тѣлъ а головы ихъ собраны въ кучу тутъ-же около гильотины. Вообще эта средневековая живопись очень любопытна своимъ содержаніемъ она ясно доказываетъ, что гильотина была извѣстна еще въ раннюю эпоху и что и идея этого орудія смерти не принадлежала всецѣло знаменитому доктору Гильотену, современнику первой французской революціи и члену національнаго собранія 1789 года.

Прогрессъ женскаго труда въ Америкѣ. Миссъ Мери Ли-верморъ рассказываетъ въ одномъ американскомъ журналѣ, что однажды вечеромъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, собравшись у нея дамское общество, интересуясь женскимъ вопросомъ, начало считать тѣ занятія, которыя были тогда доступны женщинамъ, и не могли, несмотря на все усилія, насчитать ихъ болѣе одиннадцати. Недавно эти-же дамы снова возобновили старый вопросъ и на этотъ разъ имъ удалось насчитать 287 занятій, въ которыхъ можетъ теперь быть участницей женщина.

Русская пѣвица за границей. М. А. Соловьева-Андреева родилась въ Москвѣ въ 1854 г. Еще ребенкомъ проявляла она способности къ музыкѣ, въ особенности къ пѣнію; она готовилась быть pianistкой подъ руководствомъ П. Г. Рубинштейна. 13 лѣтъ начала она учиться пѣнію въ консерваторіи у преподавательницы М. Вальзеки; черезъ годъ-же уѣхала со своимъ семействомъ въ Дрезденъ; тамъ представлена капельмейстеру королевскаго опернаго театра Ринцу, который предложилъ ей самое давать уроки gratis. Послѣ года серьезныхъ занятій, она была приглашена, чрезъ посредство своего учителя Ринца, въ Лейпцигъ для концертовъ въ Влангау—честь большая—бывшій подъ управленіемъ капельмейстера Рейнке и знаменитаго скрипача Давида. Уже 15 лѣтъ она въ концертѣ пѣла вариации Роде и дивилась легкостью своей вокализациі публику, и тогда-же ей пророчили блестящую будущность пѣвицы и даже хотѣли чтобы она поступила на сцену въ королевскую дрезденскую оперу; но ея молодости это не было исполнено и послѣ двухлѣтняго пребыванія заграничной пѣвицы снова вернулась въ Москву и 17 лѣтъ поступила на Императорскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ. Артистка, замѣтивши прекрасные задатки таланта юной пѣвицы, посоветовали ей отправиться за границу въ Италію. Покончивъ свои обязательства съ русской оперой, она уѣхала въ Пармѣ къ профессору Вартелю, а затѣмъ, для окончательнаго усовершенствованія въ Миланѣ и занималась цѣлый годъ подъ руководствомъ извѣстнаго Буцци. Дебютировала она въ первый разъ въ Миланѣ всѣмъ осеннимъ сезономъ съ успѣхомъ въ театрѣ Даль-Верме и была ангажирована въ Южную Америку, въ Рио-Жанейро и Монтевидео; вернувшись въ Европу снова приняла предложенный ей контрактъ въ Миланѣ въ Даль-Верме въ маѣ 1880 г. Въ юліи вызвали ее въ Венецію для гастролей въ театрѣ Малибранъ, тотчасъ-же потомъ на сентябрь и октябрь въ городъ Ровинго для ярмарки (Fiera) на ноябрь въ городъ Вигенно для спектаклей „галла“ по случаю открытія монумента короля Виктора-Эммануила гдѣ былъ весь итальянскій дворъ. Въ Европѣ цѣнять строгій стиль пѣвня нашей артистки, ея тонкій вкусъ, обширный и симпатичный голосъ. Быть можетъ и намъ приведется познакомиться съ ея талантомъ на сценѣ нашей Императорской оперы.

Мертвые Херонейцы. Недавно сдѣлана очень интересная археологическая находка, именно: въ пяти миляхъ отъ Хероней, нынѣшней Капраны въ Греціи найдены останки 300 ованцевъ, павшихъ въ битвѣ подъ Херонеей (4 августа 338 г. до Р. X.) противъ Фи-

липпа Македонскаго. Уже нѣсколько мѣсяцевъ пропадались тамъ раскопки и открыта была часть стѣны въ 25 метровъ длины, 10 ширины и 2 метра вышины. Въ образованномъ этою стѣною параллелограммѣ, на глубинѣ 4 метровъ, найдены останки 185 филинцевъ лежащими рядами; 40 тѣлъ, въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застигла смерть. Уже откопано семь рядовъ этихъ сланныхъ бойцовъ. Они лежатъ такъ, что головы втораго ряда покоятся на ногахъ перваго. На всѣхъ видны еще слѣды глубокихъ ранъ. У одного кошемъ пробиты обѣ ноги, у другаго раздроблена челюсть, у третьяго пробиты черепъ и т. д. Орудія не найдено, оно было отобрано у побѣжденных; но найдено много костяныхъ пуговицъ, пробитыхъ въ серединѣ и чашъ изъ terra-cotta съ двойными ручками. Раскопки продолжаются съ цѣлью отыскать недостающіе труны знаменитой ованской фаланги. Г. Стаматикеръ, руководитель раскопокъ, приготовляетъ подробный отчетъ объ этой исторической находкѣ, а также и рисунки положеній, въ какихъ были найдены павшіе герои.

Изъ Америки въ Европу по желѣзной дорогѣ. Для изобрѣтательнаго изи ни одинъ проектъ не кажется слишкомъ великимъ и несбыточнымъ. Все наше географическое знаніе ничто въ сравненіи со смѣлымъ замысломъ американскаго инженера Грегори, желающаго соединить желѣзною дорогомъ старый свѣтъ съ новымъ. Г. Грегори уже вырабатывалъ планъ на бумагѣ во всей его полнотѣ, достасть только капиталовъ для выполненія его. И хотя многіе капиталисты нерѣдко пускаютъ свои капиталы въ невѣрные предпріятія, однако проектъ г. Грегори кажется имъ слишкомъ рискованнымъ. А потому пройдетъ не мало времени до его осуществленія. По плану Грегори предполагается провести желѣзную дорогу изъ территоріи Вашингтона къ британскимъ владѣніямъ. Оттуда, говоритъ онъ, Англія могла-бы продолжить дорогу черезъ Нью-Георгію, вкось черезъ Аляску къ мысу Принца Валлійскаго на Беринговомъ проливѣ. Отсюда уже Россія, или-же общество „*большинство капиталистовъ міра*“, доведетъ дорогу до Петербурга. Пассажиры и грузы черезъ Беринговъ проливъ будутъ перевозиться съ мыса Принца Валлійскаго на мысъ Эсть (въ Азіи) лежащій въ 40 морскихъ миляхъ напротивъ перваго, и отсюда уже въ Европу, такъ что дорога изъ Америки въ Азію займетъ только два часа. И весь путь вокругъ свѣта по желѣзной дорогѣ, за исключеніемъ 40 миль, займетъ не болѣе 130 часовъ, т. е. 5½ дней, именно столько, сколько требуется на проѣздъ изъ Нью-Йорка въ Санъ-Франциско сухимъ путемъ. Но истинный планъ смѣлый!

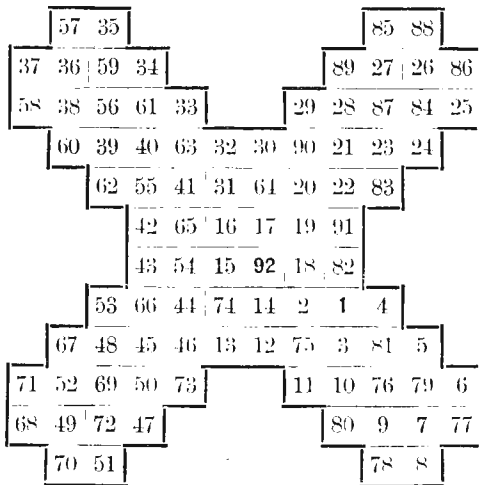
Историческіе часы. Наполеонъ I будучи еще бѣднѣмъ артиллерійскимъ лейтенантомъ разжился какъ-то деньгами, на которыхъ купилъ себѣ карманные часы. Часы эти не отличались ни особенной цѣнностью, ни работой, но Наполеонъ не разлучался съ ними даже и тогда когда сдѣлался владѣтелемъ почти цѣлой части свѣта. Императоръ взглянулъ какъ-то на часы въ присутствіи маршала Бертье; часы остановились уже пѣсколько времени и маршалъ сдѣлалъ по этому поводу какое-то замѣчаніе. Чего-же вы хотите отъ часовъ, отвѣтилъ смѣясь Наполеонъ, мы имѣемъ большее значеніе и то остановимся когда-нибудь. Во всѣхъ походахъ Императоръ носилъ эти часы и разстался съ ними только умирая, на островѣ Св. Елены. Впоследствии часы эти достались племяннику его Наполеону III, который носилъ ихъ, будучи пѣвнымъ, въ крѣпости Гамъ и послѣ во время своихъ странствій похождениямъ въ Страсбургѣ и Булони. Подражая во всемъ своему великому дядѣ онъ также не разставался съ часами во всю свою жизнь. Наполеонъ III какъ и I кончилъ жизнь въ изгнаніи и семейная драгоцѣнность наполеонидовъ перешла къ сыну и послѣднику сверженнаго Императора. Молодой принцъ, слѣдуя примѣру своихъ предковъ также носилъ часы постоянно, и отправился съ ними въ землю Кафроръ. Тутъ конь Зулуса положилъ конецъ молодой жизни; трунъ покойнаго былъ найденъ обезображеннымъ и ограбленнымъ, и вмѣстѣ съ прочими цѣнными вещами пропали также историческіе часы, выродожденіи цѣлаго столѣтія показывавшіе часы высочайшаго блеска, и глубокаго надеждя. Теперь часы эти служившіе двумъ Императорамъ, быть можетъ украшаютъ шею грязной кафрской женщины и быть можетъ будутъ найдены въ пальмовой хижинѣ дикаго негра и закончатъ свои странствованія въ какомъ-нибудь изъ еропейскихъ музеевъ.

Своеобразная гостиница. По дорогѣ отъ Санъ-Жозе до Санта-Крузъ въ Калифорніи находится самая замѣчательная гостиница въ мірѣ. Это пустой стволъ стараго дерева, имѣющаго въ окружности 21½ метра. Около него разбитъ маленький садикъ, въ которомъ вьющіеся растенія образовали бесѣдку, обращенную въ столовую. Девять другихъ, стоящихъ вблизи, пустыхъ деревьевъ обращены въ спальни и въ одномъ изъ нихъ устроена библиотека.

Физическій опытъ. Благодаря первоначальнымъ опытамъ Араго, извѣстно, что мѣдная пластинка, быстро вращающаяся вблизи магнитной стрѣлки, заставляетъ послѣднюю слѣдовать за нею. Профессоръ Эйтри недавно произвелъ подобный опытъ, снигающійся пога научной тайной. Онъ прифигиваетъ къ концу одного рычага вѣсовъ магнитную подкову, которая является какъ-бы противовѣсомъ, затѣмъ кладетъ въ горизонтальномъ положеніи подъ полюсомъ магнита мѣдную пластинку; ее легко можно привести въ вращательное движеніе. При этомъ движеніи видимо, что какая-то таинственная сила поднимаетъ магнитъ, между тѣмъ какъ другая чашка вѣсовъ опускается. Этотъ опытъ, разъ найденъ, будетъ ключъ къ разгадкѣ явленія, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на условія „поднятія тяжести“. Ясно, что подковообразный магнитъ, влѣдствіе вращательнаго движенія мѣдной пластинки, — сталъ легче.

Игры и задачи.

Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня № 5.

Нелюди наше море,
 День и ночь шумитъ оно,
 Въ роковомъ его просторѣ
 Много бѣдъ погрѣшено.
 Смяло братья, вѣтромъ полный
 Парусъ мой направилъ я,
 Подетитъ на скользяи волни
 Быстрокрылая ладья.
 Облака бѣгутъ надъ моремъ,
 Крѣпнеть вѣтеръ, зыбь чернѣй,
 Будетъ буря, мы поспоримъ
 И помужествуемъ съ ней.

Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб. — Зубанинъ, Проценко, Грехурова, Изъ ярова, Каракша, Забавина, Великанова, Матусевича, Грудова, Ш-

Рѣшеніе шахматной задачи № 4.

Бѣлые. Черные.
 Е 1 — Н 4 G 5 — Н 4
 Е 4 — Е 5 Куда угодно.
 В 6 D 4 D 8, E 3 + +

РЕБУСЪ. Задача № 11.

СОДЕРЖАНІЕ: Марчелла Зембрэхъ (съ портр.)—Испанскій дворянинъ. Рассказъ В. Г. Австенно.—Во время бури. Романъ М. Юнаа. (Продолженіе).—Табунъ въ степи, во время бурана (съ рис.)—Бабушка и Внучка (съ рис.)—Борьба со львомъ въ Римскомъ циркѣ (съ рис.)—Братъ и сестра (съ рис.)—Д. М. Леонова (съ портр.)—Гейзеръ въ Исландіи (съ 2 рис.)—Папа Климентъ IX и Христина Шведская (съ рис.)—Евгеній Бонту, Овергъ. Политич. обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Ребусъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1882 года.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всеми приложеніями.

ОБЪЯВЛЕНІЯ | **ПРИЛОЖЕНІЯ.**
 для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы.)
 Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для отъпеч. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РѢЗЦЫ
 Для снятія **ВЫКРОЕКЪ.**

Цѣна съ дерев. футляромъ 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к. Можно получить въ Конторѣ редакціи „Нивы“, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская № 9.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ АКАДЕМІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА НОНЕНHEIM.
 Мѣсяцъ семестръ начинается съ среды 12-го апрѣля с. г. Объясненія, указатели лекцій и программы занятій рассылаются по требованіямъ безвозмездно.
 Гогенгеймъ. Январь 1882 г. Дирекція Королевской Академіи.
 д. № 1921 2—2 За директора профессоръ Д-ръ Е. Вольфъ

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.
 ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА.
 Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленвор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленвор. перепл. съ золот. обрѣзкомъ 30 р. съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1882 г. дѣлается уступка 5 руб.

ВЪ КАМЫШАХЪ. повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8— всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. ВАУХЪ.
 Большая Морская, № 17, Спб.
 Лечение зубныхъ болѣз., пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и дѣлъхъ челюстей по американской методѣ; передача старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умеренны. № 1908

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1881 года,
 Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С. ПБ.
 Закрывающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева—„Сергій Горбатовъ“, большой романъ Юнаа—„Червонное золото“; рассказъ Австенно—„Мгновеніе“, повѣсть П. Петрова—„Горные орамы“; рассказы Н. Каразина, Н. Успенскаго, П. Гнѣдича и много другихъ повѣстей и рассказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварельныя преміа-картины Придворнаго художника М. Зичи изъ повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“:
 1) Свиданіе Андрія съ красавицей-полькой.
 2) Встрѣча Тараса съ Андріемъ на полѣ битвы.
 Цѣна этому большому тому:
 Брошюрованн. 4 р. к. | Въ каленко. пер. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою 5 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ — „
 Съ требованіями обращаетъ: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

КЪ СВѢДѢНІЮ!
„ЭЛЕОНАТЪ“
 БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА
 употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и служитъ признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи объявлены единственно „Элеонату“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногороднихъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногороднихъ:
 въ Главное Дѣпо „Элеоната“ Пассажи, Магазины № 52, въ С.-Петербургѣ.
 Пересылкаго больше чѣмъ на 1,500 верстъ отдѣленные города отъ С.-Петербурга одна объявлена болѣе паравозъ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовые расходы стѣбуютъ на счетъ покупателя. № 1908

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
 Выдавъ 20 Февраля. 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

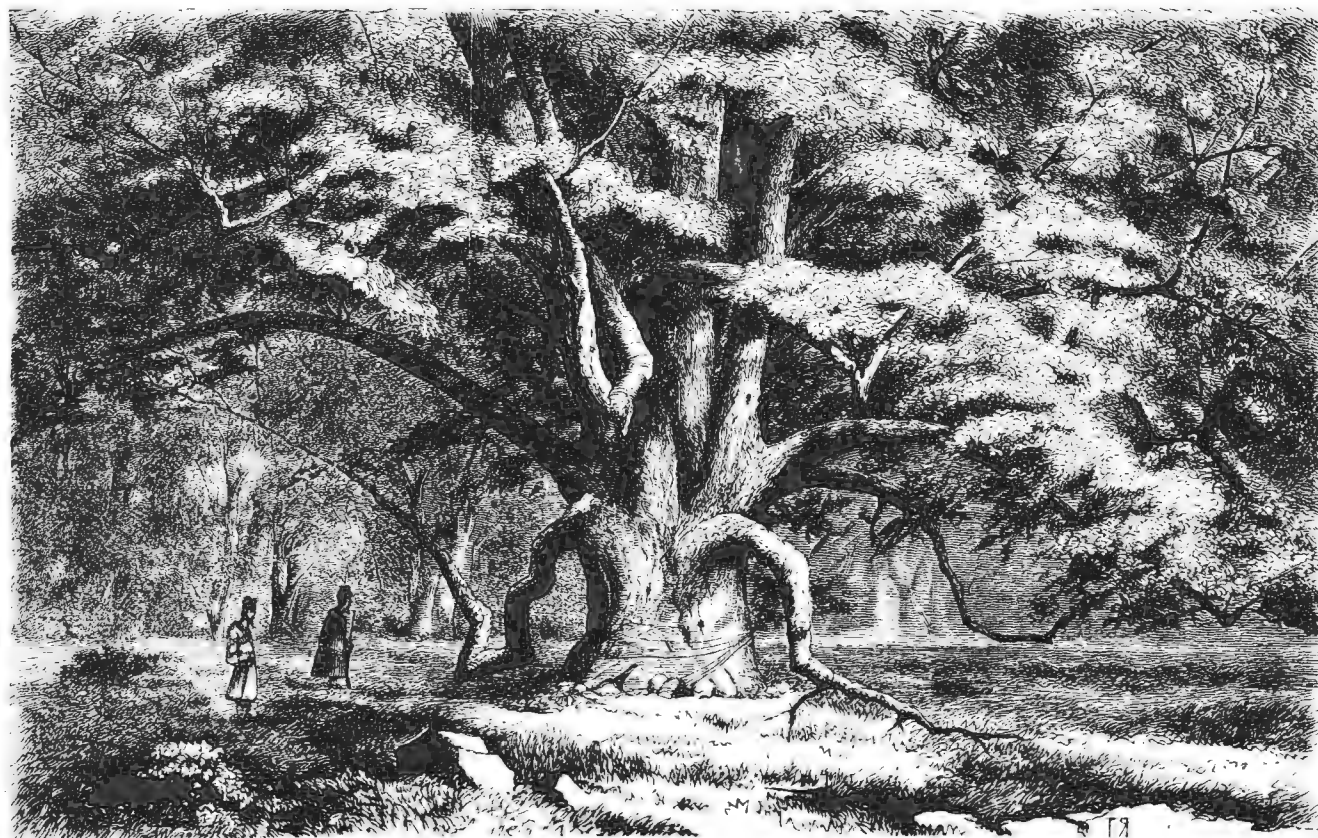
Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	6 р.
--------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------------	--	-------------	---	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Кавказъ. Священная липа въ Рконскомъ ущельѣ, въ Карталиинскихъ горахъ. Ориг. рис. Н. Ярцева, грав. М. Рашевскій.

СВЯЩЕННАЯ ЛИПА ВЪ РКОНСКОМЪ УЩЕЛЬѢ.

Много воспоминаний остается у того, кому пришлось побывать на Кавказѣ. И величественная прелесть природы, едва ли гдѣ либо въ Европѣ столь ярко развертывающаяся передъ глазами путника, и безчисленное множество памятниковъ, когда-то полной опасности, бурной боевой и вѣсть съ тѣмъ, релігиозной жизни обитавшаго здѣсь человека—множество развалинъ крѣпостей, замковъ, сторожевыхъ башенъ, церквей, остатковъ, видѣющихся на самыхъ недоступныхъ мѣстахъ—все это надолго запечатлѣвается въ памяти путника и онъ невольно благоговѣетъ передъ могуществомъ природы, и удивляется, какимъ образомъ обитавшій здѣсь человекъ могъ воздвигать на такихъ высочайшихъ и неприступнѣйшихъ мѣстахъ свои, нѣсколько вѣковъ сохранившіяся постройки.

Еще нѣльзѣ эти впечатлѣнія охватывать того, кому пришлось проникнуть южнѣ большихъ кавказскихъ горъ, въ ихъ южные отроги. Тамъ почти къ столь же громаднымъ каменнымъ массивамъ, какія поражаютъ на знаменитой Военно-грузинской дорогѣ, къ столь же мрачнымъ, тѣснымъ и глубокимъ ущельямъ, какъ Дарьялъ, присоединяется поразительно-роскошная растительность. Огромный букъ, черный кленъ и другія породы деревьевъ образуютъ лѣса, которые своею дикостью и массивностью производятъ неизгладимое впечатлѣніе. А кто могъ познать нѣсколько времени въ какомъ нибудь уголкѣ Кавказа, тотъ знаетъ, какое множество легендъ и преданій существуетъ тамъ; они еще болѣе придаютъ чарующей силы впечатлѣніямъ тѣхъ видовъ поморя, что и сами по себѣ приковываютъ вниманіе наблюдателя.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена „священная липа“ въ Карталинскихъ горахъ; она стоитъ въ лѣсу въ Рконскомъ ущельѣ, верстахъ въ 20-ти къ югу отъ станціи Грокали Потн-Тифлисской желѣзной дороги. Невольно останавливаешься передъ этой громадой, являющейся глазами въ столь причудливой и роскошной формѣ. А тутъ еще видишь, что проводники склоняютъ головы и молятся передъ этимъ произведеніемъ природы, какъ передъ какимъ-то священнымъ предметомъ.

— Вѣроятно это у васъ священное мѣсто, спрашиваете вы проводника-грузина.

Проводникъ грузинъ разскажетъ вамъ самую легенду о Св. Георгіѣ, который однажды охотился здѣсь въ Ркови и на горѣ стрѣлялъ въ оленя, но не попалъ а стрѣла вонзилась въ этомъ мѣстѣ въ землю и тутъ выросло дерево. Сюда прѣхалъ давно, давно однажды какой-то лезгинъ-князь, богатый, съ многочисленной свитой, и сѣвъ подъ деревомъ вѣлѣ себя побрить. Онъ поднялъ голову и видитъ церковь а изъ церкви выѣзжаетъ на бѣломъ конѣ Св. Евстафій (Эстате) и пустилъ въ князя стрѣлу, которая и попала ему въ горло. И князь умеръ на мѣстѣ. Выходить нельзя, не хорошо подъ этимъ деревомъ кушать или отдыхать, или бриться. Испуганные слуги бросились домой и объявили что Св. Эстате застрѣлил князя, за то что онъ здѣсь брился и что выходить дерево святое, зачурованное; и давно уже все считаютъ это дерево священнымъ и все приходятъ сюда молиться и грузины и лезгины и татары. Кругомъ дерева пеньки и камни и палки, которые богомольцы приносятъ съ собою и кладутъ здѣсь.

Испанскій дворянинъ.

Разсказъ

В. Г. Австенко.

(Окончаніе).

VII.

Исправникъ докончилъ селянку и вторую бутылку пива, вытеръ усы и крикнулъ къ смотрителю:

— Однако распорядитесь... Да и для нихъ тоже, добавилъ онъ, считая долгомъ оказать покровительство человеку, съ которымъ въ нѣкоторой степени познакомился.

Смотритель пообѣщавъ, что черезъ четверть часа лошади будутъ готовы.

— Чѣмъ-же кончилась исторія съ княжной? спросилъ я.

— Да вѣдь вы видѣли его, пропалъ человекъ, тѣмъ и кончилось, отвѣтилъ исправникъ. Произошло собственноручно, продолжалъ онъ, что вдругъ Хохловъ пропалъ неизвестно куда. Пропалъ и пѣть его. Наконецъ недѣлю черезъ три возвращается. Оказывается, что онъ ѣздилъ въ Петербургъ заложить имѣніице въ онсунскомъ совѣтѣ. И для чего-бы вы думали, ему понадобилось? Вообразилъ сдѣлать княжнѣ подарокъ, да такой, чтобы все ахнули только. И заказалъ онъ у лучшаго ювелира фермуаръ бриллиантовый, превосходный. Средняя штука величиной чуть не съ блюдечко, тоже изъ крупныхъ бриллиантовъ, и по срединѣ—какъ вамъ покажется—его собственный гербъ, эмалью выложенъ! Вѣдь какова затѣя-то, шельма онъ этакая (исправникъ слегка даже покраснѣлъ въ лицѣ). Взялъ онъ этотъ фермуаръ, разодѣлся въ лучшее платье, какое пошилъ въ Петербургѣ, и подноситъ княжнѣ. „Такъ и такъ, молъ, примите въ изъявленіе моихъ чувствъ“. Княжна на этотъ разъ не въ шутку обидѣлась, швырнула отъ себя подарокъ.

— Вы съума сошли! говоритъ.

Онъ поблѣднѣлъ, даже затрясся весь, однако въ ту минуту сдержалъ себя.

— Нѣтъ, говоритъ, я съума не сошелъ, а старался сдѣлать достойное вашей несравненной красоты и моей дворянской чести.

Тутъ княжна на него ножкой притоинула.

— Съ чего вы взяли чтобы я ваши бриллианты носить стала, да еще съ вашимъ гербомъ? Я вотъ не вѣлю васъ въ домъ пускать. Берите сейчасъ съ собой и уходите.

Хохловъ оцѣлъ себя сдержалъ, только глаза у него

какъ у дьявола засверкали. Поднялъ онъ фуляръ и положилъ въ карманъ.

— Хорошо-же, говоритъ, уйти я уйду, а только вотъ вамъ мое дворянское слово порукой, что вы не то что носить эти бриллианты, а спать въ нихъ будете.

И съ этимъ онъ уѣхалъ.

Однако чтожь бы вы думали, вѣдь вышло все таки такъ какъ онъ сказалъ!—продолжалъ исправникъ, пройдя къ сѣну и взглянувъ готовить-ли лошадей. Этакой отчаянный оказался человекъ, что и ожидать нельзя было. Представьте себѣ, что въ ту же ночь пробрался онъ въ садъ, въ который выходила комната княжны, влѣзъ въ окно, подкрался къ постели, и надѣлъ на нее сонную фермуаръ. По утру она просыпается—чуть съума не сошла. Ну, тутъ ужъ старый князь изъ себя вышелъ: призвалъ къ себѣ лѣсничаго—бравый такой мужчина, головой выше меня, на медвѣдя одинъ на одинъ хаживалъ—далъ ему этотъ фермуаръ, а на листочкѣ написалъ Хохлову нѣсколько строкъ: если, молъ, когда нибудь ваша нога въ мои владѣнія ступитъ, то я на томъ настою, чтобы васъ изъ губерніи выслать—и велѣлъ это отвезти къ Хохлову и изъ рукъ въ руки ему передать.

Осатанѣлъ нашъ Хохловъ, какъ явился къ нему лѣсничій, чуть было пашкой его не зарубилъ, однако тотъ, понимаете, тоже не испугался.

Вотъ, собственно тѣмъ и кончилось. Дворянинъ нашъ уѣхалъ въ тотъ-же день въ Петербургъ, и уже что онъ тамъ видѣлывалъ, я доподлинно вамъ разсказать не могу, а только должно быть бриллианты продать и накурилъ шишко, потому что мѣсяца черезъ три выпроводили его оттуда полицейскимъ манеромъ и водворили на мѣстѣ жительства. Съ тѣхъ поръ и до сегодняшняго дня онъ изъ безобразія не выходилъ. Пить сталъ шишко, буйствовалъ, словомъ всяческое творилъ. Непонятно мнѣ, какъ до сихъ поръ подъ уголовщину не угодилъ. По ярмаркамъ сталъ таскаться, притавать къ каждому—по какому молъ случаю ты ко мнѣ уваженія такого не имѣешь, какъ къ кому другому. Озлобленіе это такое, понимаете. Разъ даже изъ ружья выстрѣлилъ.

— А это-жь зачѣмъ? спросилъ я.

— Да такъ, ни съ того ни съ сего. Дворянамъ, говорятъ, представлено владѣть оружіемъ. Такія чудеса

выдѣлывалъ, не перескажешь. Въ началѣ-то, какъ вернулся изъ Петербурга, деньги у него были—ну и протиралъ-же онъ имъ глаза! Приѣдетъ на ярмарку, цыганокъ позоветъ, шампанскаго двѣ дюжины сразу выставитъ, пѣть заставитъ, потомъ сядетъ среди нихъ на полъ, да одну за другой изъ кармана радужныя на воздухъ выкидываетъ. А если только которая подойдет поговорить съ нимъ—не приведи Богъ! Осерчаетъ какъ звѣрь, вскочитъ и начнетъ чѣмъ попало швырять пока всѣхъ не разгонитъ. Повѣрите-ли, такую ненависть къ женскому полу получилъ, что отъ одного прикосновенія женщины въ изступленіе приходилъ. Ибени чтобъ ибѣли—это онъ любилъ, а ни за что ни одну даже за руку не возьметъ. Ну, а послѣ, какъ деньги всѣ разшвырялъ, сталъ онъ буйствовать. Въ опекунскій совѣтъ не внесъ, деревеньку его описали, не сегодня, завтра продавать будутъ. Дома-то, разумѣется, шить-ѣсть находилось—въ крайности свои-же мужики накормятъ—за то какъ попадетъ бывало на ярмарку, лошадей и повозку продастъ, а потомъ голодаетъ. Истинно вамъ доложу—голодать приходилось. Гордость вѣдь эта у него осталась—не попросить, развѣ только ужь очень ему человекъ понравится. А въ послѣднее время, слава Богу, надумался онъ въ военную службу поступить. Добрые люди нашлись, нѣсколько разъ денегъ ему предлагали на дорогу—не беретъ. Разъ, впрочемъ, взялъ, да въ два дня и протеръ. Послѣ того его привезли сюда на станцію, да такъ и бросили: кто-нибудь моль довезетъ. И вѣдь вышло-же что нашелся такой, взялъ его...

— А вы думаете доѣдетъ онъ до Севастополя? усумнился я.

— Доѣдетъ! отвѣтилъ съ полнымъ убѣжденіемъ исправникъ. Какъ не доѣхать, когда никакой другой дороги ему нѣтъ?

Лошади были наконецъ готовы. Я простился съ исправникомъ и уѣхалъ, не думая чтобъ мнѣ пришлось когда-нибудь опять встрѣтиться съ Хохловымъ.

VIII.

„Значить исторія еще не кончена“, подумалъ каждый изъ насъ.

Разсказчикъ продолжалъ.

— Много лѣтъ спустя, именно въ концѣ 60-хъ годовъ, мнѣ случилось недѣли двѣ прожить въ Баленѣ. Въ то время въ Германіи еще не подымали гоненія на рулетку и „водный сезонъ“ былъ въ полномъ разгарѣ. Иностранцевъ, и въ особенности русскихъ и англичаевъ, наѣхало множество. Разъ рано по утру, ко мнѣ постучались въ номеръ. Я пригласилъ войти. Появился господинъ высокаго роста, худой, съ красноватымъ лицомъ и сильною просѣдою, одѣтый въ довольно потертый пиджакъ и коротенькіе панталоны. Онъ съ поклономъ подалъ мнѣ Prospectus, въ которыхъ на французскомъ и русскомъ языкахъ было отпечатано, что нѣкто, постигшій способъ безпроигрышной игры въ рулетку, предлагаетъ ознакомить съ своею системою на очень выгодныхъ условіяхъ.

— Мнѣ не надо, сказалъ я по французски.

— Но я предлагаю вѣрный выигрышъ. Вы можете начать съ одного золотого, отвѣтилъ незнакомецъ по русски.

Это меня удивило: я никакъ не ожидалъ, чтобъ мои соотечественники обнаруживали за границей столько изобрѣтательности и въ такой специальной отрасли промышленности.

— Вы русскій? спросилъ я.

Незнакомецъ отвѣчалъ утвердительно. Я внимательно взглянулъ на него. Въ выраженіи его узенькихъ глазъ и въ особенности въ его усахъ, роскошныхъ не смотря на сильную просѣду, мнѣ какъ будто припомнилось что-то знакомое.

— Вы не можете ли сказать мнѣ вашу фамилію? спросилъ я.

— Дворянинъ Хохловъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Батюшки! Хохловъ! Ну, конечно, мы съ вами старые знакомые, вскричалъ я и припомнилъ ему нашу первую встрѣчу на почтовой станціи за Опочкой.

Хохловъ кажется совсѣмъ меня не помнилъ, но обрадовался несказанно: очевидно онъ былъ въ такомъ положеніи, когда всякій человекъ, соглашающійся признать знакомство, составляетъ находку.

— Скажите на милость! И вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ! Вотъ ужь правда—гора съ горой не сходится... восклицалъ онъ, бросаясь мнѣ на шею.— Представьте, фамилію вашу совсѣмъ забыть, но какъ только вошелъ, увидѣлъ васъ, сейчасъ это мнѣ все припомнилось... Станція, смотритель, прапорщикъ Мейеръ... Дай, думаю себѣ, смолчу, погляжу—узнаетъ ли меня?

Я видѣлъ по его разгорающимся глазкамъ, что онъ все вреть, и что въ сущности у него просто разгорѣлись спекулятивныя вождельнія на мой счетъ. Но онъ смотрѣлъ такимъ голоднымъ, захудалымъ, что я не прочь былъ по крайней мѣрѣ накормить его.

— А не хотите ли позавтракать вмѣстѣ? предлагалъ я.

Онъ тотчасъ согласился и пообѣщалъ провести меня въ какой-то мало кому вѣдомый ресторанчикъ, гдѣ будто подають такія свиныя котлеты и такое пиво, какихъ нигдѣ нѣтъ. Мы отправились и устроились въ такомъ крошечномъ кабинетикѣ, въ которомъ третій человекъ рѣшительно не могъ бы помѣститься. У разчетливаго баденскаго нѣмца очевидно все было въ обрѣзъ...

— Что жъ это вы тутъ за-границей дѣлаете? и какъ вы сюда попали? спросилъ я, пока намъ готовили свиныя котлеты.

— Да что, пропадаю я тутъ; мнѣ среди нѣмцевъ не житье... отвѣтилъ озабоченнымъ тономъ Хохловъ.— Тѣсно тутъ, куда ни повернешься—жмутъ... А у насъ-то? въ деревнѣ, въ провинціи... простору сколько... гостеприимство... друзей собаками травы, не отгонишь. У меня одна мечта—вернуться въ Россію.

— Но какъ вы попали? вѣдь вы тогда въ Севастополь ѣхали,.. Мейеръ-то довезъ васъ?

Хохловъ на секунду задумался, изъ чего я заключилъ что онъ непременно что-нибудь совретъ...

— Довезъ... отлично довезъ... отвѣтилъ онъ.— Этотъ Мейеръ, я вамъ скажу, золотая душа. Мы съ нимъ съ перваго дня подружились, и потомъ всю кампанію на одной кровати спали.

— Такъ вамъ удалось поступить въ военную службу? спросилъ я.

— Еще бы! Старога кавказскаго рубаку да не принять! Мы съ Мейеромъ на другой же день на Малаховомъ курганѣ помѣстились, и такъ и не разставались. Я его два раза отъ смерти спасалъ. Вотъ у меня нога ранена, замѣтили какъ я ее волочу?

Я въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ что онъ волочить лѣвую ногу, но рѣшительно не повѣрилъ, чтобъ это было отъ раны.

— Не ревматизмъ ли? сказалъ я.

— Нѣтъ, штыковая рана... при отбѣгѣ приступилъ... отвѣтилъ, не моргнувъ глазомъ, Хохловъ.— А на послѣднемъ то штурмѣ, какъ наскочили на насъ французы—семеро на одного—я его на рукахъ вынесъ...

— А здѣсь то, за-границей, вы давно?

— Пятый годъ. Вернуться бы поскорѣе домой, чертъ ихъ бери совсѣмъ...

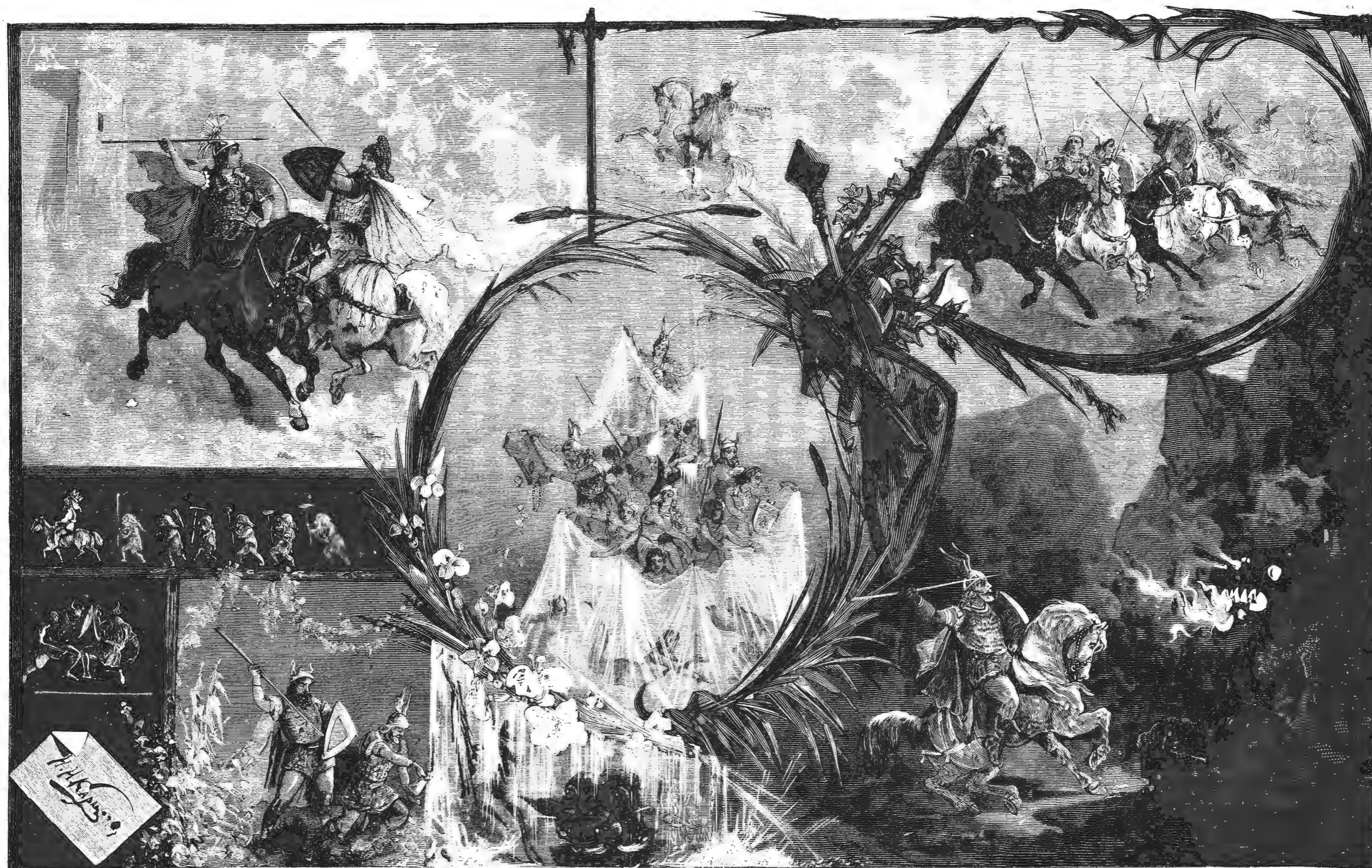
— Да какъ вы попали? привезъ васъ кто-нибудь?

— Купецъ одинъ. Онъ ни по французски, ни по нѣмецки не говоритъ, такъ меня взялъ съ собою.

— А вы говорите? спросилъ я.

Хохловъ сдѣлалъ безстрастное лицо.

— Ну, теперь научился немного... отвѣтилъ онъ.— Эй, *нохъ биръ!* закричалъ онъ кельнеру, желая вѣроятно представить мнѣ обращикъ своихъ знаній.

Циркъ Чинизели въ С.-Петербургъ. „Нибелунги“. Балетъ-пантомима. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

IX.

Я продолжалъ не безъ любопытства разсматривать моего Испанскаго дворянина. Ему теперь на видъ было лѣтъ сорокъ пять, можно было бы дать и больше. Онъ уже не походилъ на здороваго, крѣпкаго, задуривнаго съ жиру человѣка, которому жить бы да жить. Долгое шатанье впроголодь видимо растрясло его. Бѣлье съ отрезанными маншетами, потертый пиджакъ и въ особенности коротенькіе панталоны, изъ подъ которыхъ торчали стоптанные рыжіе сапоги, говорили краснорѣчиво. Но—странное дѣло—въ этомъ мало блестящемъ видѣ онъ, на мой взглядъ, еще больше походилъ на Испанскаго дворянина. Есть такія фигуры, которыя, именно какъ испанцы, сохраняютъ что-то гордое даже подъ лохмотьями. Одно только безнощадное лганье не совсѣмъ шло къ этой гордости.

— Скажите пожалуйста, чѣмъ вы тутъ существуете? неужели продажей секрета безпронгнришной игры? спросилъ я.

Хохловъ какъ бы обидѣлся.

— Вы вѣдь не знаете моей системы, такъ какъ же вы можете судить? возразилъ онъ. Вотъ когда услышите, что я десять разъ подрядъ банкъ сорвалъ, тогда и скажете.

— А вы надѣетесь?

Онъ всыхнулъ.

— До послѣдней минуты жизни! воскликнулъ онъ тономъ глубочайшаго убѣжденія.—Только здѣсь никто меня не знаетъ, прїѣзжіе не имѣютъ довѣрія, надо вернуться въ Россію, тамъ отыскать компаньона, и прїѣхать вмѣстѣ сюда, потомъ въ Гамбургъ, потомъ въ Монако, съ твердою цѣлью не отступать ни на шагъ отъ моей системы.

— Но вы до сихъ поръ не испробовали ее? спросилъ я.—Никто не вступалъ съ вами въ соглашенія?

— Нѣтъ, находились... отвѣтилъ, какъ будто не охотно Хохловъ.—Но что жъ вы будете дѣлать—тутъ нужно терпѣніе, хладнокровіе, упрямство, а они не выдерживаютъ. Эхъ, въ Россію-бы! заключилъ онъ со вздохомъ.

Я не спрашивалъ, что собственно мѣшало ему вернуться въ отечество: доказательства были на лицо. Но вмѣсто одного нескромнаго вопроса, я сдѣлалъ другой.

— А вы не встрѣчали потомъ эту княжну... въ которую были влюблены? спросилъ я.

Хохловъ всыхнулъ, морщины вокругъ глазъ у него какъ-то съжались, усы подвигались и точно повисли.

— А вы откуда знаете? бросилъ онъ мнѣ почти враждебнымъ тономъ.

— Да тогда же, на станціи мнѣ рассказали... исправникъ, профъжалъ, отвѣтилъ я.

— Исправникъ капалья! выпалилъ вмѣсто объясненія Хохловъ. И вдругъ, съ внезапнымъ ожесточеніемъ, онъ началъ рассказывать какую-то исторію, въ которой исправникъ былъ замѣшанъ съ неблаговидной стороны. Я не зналъ, избѣгаетъ ли Хохловъ прямого отвѣта на мой вопросъ, или съ нимъ произошло психическое явленіе, нервѣдкое послѣ большихъ нравственныхъ потрясеній, и сущность котораго заключается въ томъ, что человѣкъ сохраняетъ вѣчную боль воспоминанія, но самое воспоминаніе только мгновенно является въ мозгу и также мгновенно исчезаетъ.

Мы кончили нашъ завтракъ и Хохловъ, къ удивленію моему, вдругъ заторопился и не принявъ приглашенія пройтись по городу.

— Нѣтъ, не могу, тутъ одинъ нашъ соотечественникъ умеръ ночью, одинокій человѣкъ, такъ я надъ нимъ сижу... читаю... объяснилъ онъ.—А къ вамъ послѣ обѣда загляну на минутку.

Мы разстались, и я пошелъ по направленію къ курзалу.

Въ этотъ день судьба видимо благопріятствовала мо-

ему Испанскому дворянину. Не успѣлъ я сдѣлать сотню шаговъ, какъ на встрѣчу мнѣ попался одинъ петербургскій знакомый, лѣчившій тутъ жену отъ какой-то хитрой болѣзни.

— Представьте, жена хочеть завтра же непременно ѣхать назадъ. Здѣшнія воды ее хуже разстроили—обратился онъ ко мнѣ тономъ, въ которомъ чувствовалась гримаса.

— Ну такъ что же? наивно спросилъ я.

— Какъ же, помилуйте? Она больна, я не могу ее одну пустить съ ребенкомъ. Я долженъ тоже ѣхать, а между тѣмъ... мнѣ здѣшній воздухъ очень полезенъ, я только что началъ замѣчать это. Ради Бога, не знаете ли какогонибудь простенькаго соотечественника, чтобъ проводить ихъ? Издержки на мой счетъ, и если надо даже вознагражденіе...

„Хохловъ!“ сверкнуло у меня въ головѣ, и я тотчасъ отрекомсидовалъ его огорченному супругу. Онъ очень обрадовался.

— Но приличенъ ли вашъ индивиду скольконибудь? Женщины, вы знаете, судятъ прежде всего по внѣшности, освѣдомился онъ.

Вопросъ поставилъ меня въ затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, приличенъ ли Хохловъ? Надо было много доброй воли, чтобъ рѣшить утвердительно.

— Я къ вамъ приведу его, вы и посмотрите, главное то, что онъ можетъ завтра же ѣхать, а это не всегда найдется, отвѣчалъ я.

Хохловъ, когда я сообщилъ ему новость, даже затрился отъ радости, кинулся обнимать меня и просилъ сію же минуту сводить его къ моему знакомому.

— Позвольте, тутъ еще есть пренятствіе: если вы явитесь въ такомъ видѣ, вамъ вѣроятно откажутъ, предупредилъ я.

Испанскій дворянинъ задумался. Очевидно измѣнить „видъ“ составляло неразрѣшимую задачу.

— Ахъ, отлично! вдругъ вскричалъ онъ, срываясь и внезапно просіявъ.—Я сію минуту вернусь... въ хорошемъ фракѣ.

— Во фракѣ? это даже лишнее, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ужъ пускай, возразилъ Хохловъ, и почти бѣгомъ выскочилъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса онъ вернулся, облеченный дѣйствительно въ очень приличную фракную пару. Только все было сшито рѣшительно не на него. Кто могъ снабдить его? Мнѣ пришла въ голову дикая мысль.

— Послушайте, гдѣ вы взяли это платье? спросилъ я.

— Что? тревожно отозвался Хохловъ.

— Да такъ... у меня подозрѣніе, что вы сняли его съ того соотечественника... надъ которымъ читаете...

— Ахъ, какія глупости! воскликнулъ Хохловъ, ужасно покраснѣвъ. Я замѣтилъ, что усы у него слегка дрожали, какъ будто онъ боролся съ упорно выступавшей усмѣшкой.

„Никакого сомнѣнія!“ подумалъ я.

Въ нѣсколько минутъ судьба Хохлова была рѣшена, и на другой день его увезли изъ Баденъ-Бадена. Онъ зашелъ ко мнѣ проститься. Изъ-подъ какой-то странной шерстяной накидки на немъ видѣлись прежній потертый пиджакъ и коротенькіе панталоны. Фракная пара вѣроятно была добросовѣстно возвращена имъ по принадлежности...

X.

Рассказчикъ остановился.

— Это была ваша послѣдняя встрѣча съ Хохловымъ? спросили мы.

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Значитъ конецъ исторіи?

— Не совсѣмъ. Я никогда больше не видалъ моего Испанскаго дворянина, но лѣтъ пять назадъ, я встрѣтился съ Мейеромъ, продолжалъ рассказчикъ. Судьба такъ странно распорядилась, что опять свела моего ге-

роя съ бывшимъ прапорщикомъ, и уже въ послѣдній разъ, потому что то была послѣдняя глава изъ жизни Хохлова.

— Такъ онъ умеръ? спросилъ кто-то.

— О, нѣтъ, гораздо больше...

— Что-же можетъ быть больше, какъ умереть? удивились мы.

— А вотъ послушайте.

Я вамъ сказалъ уже, что встрѣтился съ Мейеромъ дѣтъ пять назадъ. Онъ былъ уже гвардейскій полковникъ, командовалъ баталіономъ и имѣлъ видъ совершенно свѣжаго, молодоваго и на военный ладъ щеголеватого штабъ-офицера. Молодые кушечки, я думаю, по немъ съема сходили. Мы узнали другъ друга и разумѣется вспомнили нашу первую встрѣчу.

— Ахъ, Хохловъ! воскликнулъ Мейеръ, разсмѣявшись. Но въ его смѣхѣ мнѣ почувствовался нѣкоторый злопаятный отблескъ. Вы не можете себя представить, что онъ мнѣ надѣлалъ.

— Доѣхалъ на вашъ счетъ до Севастополя? догадался я.

— Нѣтъ, какое, отвѣчалъ Мейеръ: мы съ нимъ пропутешествовали подалеже Гомеля, а тамъ онъ вздумалъ отравиться въ гостиницу и напиться. Я воспользовался случаемъ, и, признаюсь, поступилъ можетъ быть несовѣтмъ по-товарищески. Однакожъ, какой-же онъ мнѣ былъ товарищъ? Я за сутки совершенно въ немъ разочаровался и убѣдился, что это совѣтмъ пустой человѣкъ. Надоѣдалъ онъ мнѣ ужасно. Теперь, примите во вниманіе: денегъ у него не было ни копейки, приходилось его кормить изъ моихъ прапорничьихъ прогонувъ и подъемныхъ. Въ Гомель-же у меня нашелся попутчикъ, съ которымъ я могъ доѣхать на половинныхъ издержкахъ. Это вѣдь разниа, вы согласны? Я воспользовался тѣмъ, что Хохловъ застрѣлъ въ гостиницѣ, и уѣхалъ.

— Но въ Севастополь вы потомъ съ нимъ встрѣчались?

— Да нѣтъ-же, онъ никогда не былъ въ Севастополь. Я его увидѣлъ уже здѣсь, въ Петербургѣ, въ прошломъ году, за мѣсяць до моей свадьбы. Я теперь женатъ, добавилъ Мейеръ съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости.

Я, разумѣется, поздравилъ его.

— Вотъ я разскажу вамъ, какъ это было. Цѣлая исторія... продолжалъ Мейеръ. Надо вамъ знать, что у меня очень хорошая казенная квартира: я вообще удачно иду по службѣ... Шестъ большихъ комнатъ, это вѣдь слишкомъ много для холостяго офицера? И такъ какъ мое положеніе здѣсь упрочено, то я рѣшилъ жениться. Гвардейскому полковнику, вы знаете, очень легко найти невѣсту, въ особености, если онъ... если онъ немножко лучше чорта, какъ говорятъ по-русски—добавилъ Мейеръ съ скромной улыбкой. Я былъ всегда очень экономень, и у меня для этого случая были отложены найти небольшой деньги. Я ихъ употребилъ, чтобъ меблировать квартиру. Гостищюю я сдѣлалъ штофною, темно-красную—это очень хорошенькій цвѣтъ и прочный. Коверъ во всю комнату, на каминѣ зеркало и фарфоровые часы съ такими-же точно канделябрами—увѣрю васъ, это очень недурно. Наконецъ я купилъ рояль Шредера, почти совѣтмъ новый, и тоже поставилъ въ гостищюю. Для будуара теща сама покунала—тамъ все голубое, тоже очень прилично вышло. Вотъ вы увидите, если сдѣласте мнѣ честь, пожалуйте какъ-нибудь. Но, понимаете, въ ожиданіи свадьбы эти комнаты у меня были заперты, и я жилъ на своей холостой половинѣ, чтобъ понапрасну не топтать ковровъ и не захватывать мебель.

Разъ—это было скоро послѣ лагерей—мнѣ докладываютъ: Хохловъ. Какой Хохловъ? Я не могъ сразу вспомнить, но велѣлъ принять. Входитъ господинъ дѣтъ ця-

тидесяти, высокій, худой, сгорбленный, съ огромными сѣдыми усами и въ самомъ жалкомъ видѣ. Я разумѣется не узналъ, но онъ сейчасъ все напомнилъ. Вы понимаете, что я вовсе не очень обрадовался, но постарался быть любезенъ. Мнѣ даже жалко его стало. Онъ говорилъ съ такой одышкой и имѣлъ такой болѣзненный видъ, точно ему два часа до смерти оставалось. Сталъ онъ разумѣется разсказывать про свою несчастную судьбу, но у меня такое правило—пока я не обезпечу себя совершенно, я никому не помогаю деньгами. Вѣдь если я еще не обезпеченъ совершенно, значить я самъ могу нуждаться, не правда-ли? Онъ впрочемъ ничего не просилъ, и я предложилъ ему обѣдать у меня. Угостить человѣка въ такомъ положеніи—это совершенно другое дѣло. Но еслибъ я зналъ, чѣмъ это кончится, я-бы ни за что его не оставилъ. Представьте, черезъ нѣсколько минутъ послѣ обѣда—онъ вдругъ умеръ! Можетъ быть, оттого, что давно не ѣлъ—я не знаю. Сидѣлъ у меня на диванѣ, разсказывалъ про какую-то систему игры въ рулетку, съ которой въ концѣ концовъ каждый можетъ сорвать банкъ и вдругъ схватился за грудь, захрипѣлъ и умеръ. Можете себя представить мое положеніе!

XI.

Мейеръ приостановился, чтобъ дать мнѣ время войти въ его положеніе.

— Вѣдний Хохловъ, такъ онъ умеръ! сказалъ я, почувствовавъ искреннее сожалѣніе къ судьбѣ этого несчастнаго человѣка.

— Да, но онъ могъ умереть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, возразилъ какъ-бы даже обидчиво Мейеръ. Вѣдь это похоже, какъ будто онъ нарочно пришелъ, чтобъ поставить меня въ затруднительное положеніе. Сколько мнѣ помнится, я даже говорилъ ему, что собираюсь жениться, и что у меня отдѣлана квартира. Замѣьте, что вѣдь я вовсе не былъ близко знакомъ съ нимъ, и вообще съ какой-же стати!

— Однако что-жъ было дальше, спросилъ я.

— Разумѣется, я сейчасъ далъ знать въ полицію и требовалъ, чтобъ покойника увезли на его квартиру, продолжалъ Мейеръ. Но оказалось, что у него не было никакой квартиры, и что везти его некуда. Можете себя представить! Я просто съ ума сходить, не знаю, что дѣлать. Больше однако ничего не оставалось, какъ принять на себя все издержки и хлопоты. Вы понимаете, что я предполагалъ сдѣлать все самымъ экономнымъ образомъ, лишь-бы только не похоронить его на счетъ полиціи—это ужъ мнѣ какъ будто совѣтно показалось. Но, вопросъ: гдѣ его положить? Въ комнатахъ, которыя я самъ занималъ, рѣшительно не было мѣста, и потомъ свать чуть не рядомъ съ покойникомъ—это неприятно, знаете. Я рѣшился положить его въ гостищюю, но конечно ничего не говорить объ этомъ невѣстѣ, потому что все-таки впечатлѣніе какое-то неприятное... Моя жена отличается очень нѣжной организаціей, я считаю, что женщина непременно должна имѣть тонкіе нервы.

Распорядившись обо всемъ, я уже думалъ, что дѣло обойдется какой-нибудь сотней рублей, да тремя днями неприятныхъ хлопотъ, а вышло совѣтмъ другое. Подъ утро на вторюю ночь вдругъ слышу что меня будятъ. Въ просонкахъ вижу блѣдное отъ страха лицо деньщика, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую удрушительный запахъ дыма и гари.

Понятно, вскакиваю съ постели, спрашиваю: что такое?

— Пожаръ, ваше высокородіе, говоритъ деньщикъ.

— Гдѣ пожаръ?

— У насъ.

Я одѣваюсь во что попало, бѣгу—дымъ все гуще, запахъ гари слышнѣе. Оказывается, что загорѣлось въ гостищюю, гдѣ лежалъ Хохловъ, и горитъ уже давно, потому что представившаяся мнѣ картина имѣла просто

ужасный видъ. До сихъ поръ не знаю, какъ собственно все произошло; должно быть одна изъ свѣчей была плохо прилѣплена, упала на покровъ, отсюда все и пошло. Повѣрите-ли, покойникъ весь обгорѣлъ, странно вспомнить. Но главное, гостинная была наполовину уничтожена — мебель, коверъ, даже уголь рояля обгорѣлъ. Какъ вамъ это понравится? Все съ иглою, цѣнное — ни на одномъ креслѣ я даже не сидѣлъ, по коврику ступить боялся. Позвольте васъ спросить, съ кого я

могу все это взыскать? И почему, я васъ спрашиваю, долженъ быть я все это на себя принять? Что я такое Хохлову — родня, другъ что-ли? Чѣмъ я виноватъ?

Мейеръ, говоря это, даже покраснѣлъ, и глядѣлъ на меня такими злыми глазами, какъ будто я былъ причиною происшедшаго съ нимъ непріятнаго случая.

Я, къ сожалѣнію, не могъ ничего сказать ему въ утѣшеніе, и подумалъ: Бѣдный Хохловъ, только этаго и недоставало ему!

Во время бури.

Романъ

М. Гока.

(Продолженіе).

XVI

Бриллианты Теметвени.

— Пальма, что ты дѣлаешь? воскликнулъ графъ, поблѣднѣвъ какъ полотно, — ты открываешь „его“ письмо?

— Да, и буду открывать все письма, которыя попадутъ мнѣ въ руки. Это совершенно естественно.

— Но это государственная тайна.

— Тѣмъ болѣе. Я хочу знать, что вѣрится ему. Мы имѣемъ на то полное право.

— Странное право. Никогда не слыхалъ о такомъ правѣ.

— Можетъ быть; но я пользуюсь имъ.

Молодая дѣвушка принялась читать „предписаніе“ про себя. Бумага скоро задрожала въ ея рукахъ. Сначала на устахъ ея мелькнула улыбка, по лицу разлилось выраженіе удовольствія. Вѣроятно „его“ расхваливали, высказывали признательность за заслугу. Затѣмъ, вдругъ, Пальма поблѣднѣла, черты исказились, очевидно подъ вліяніемъ ужаса, губы полуоткрылись, какъ бы бессознательно и неслышимо повторяя написанное, глаза тревожно переходили съ одной строчки на другую, руки млади бумагу, переворачивая листы и окончивъ чтеніе, Пальма судорожно бросила бумагу на столъ.

— Ты, конечно, не передашь ему этого предписанія, произнесла она.

— Отчего?

— Я не хочу этого.

— Такъ что же мнѣ дѣлать съ этимъ?

— Запри въ столъ и никому не говори ни слова.

— Невозможно! Ему надо же какъ-нибудь отозваться на эту бумагу, на это назначеніе.

— Это уже мое дѣло какъ онъ отвѣтитъ.

— Да что тамъ написано такое? Ты, однако, обязана признаться, что я нѣсколько иначе понимаю „право“, чѣмъ ты и не договариваюсь до письма, которое адресовано не ко мнѣ.

— Да, да, я имѣю право поступить такъ, но только я одна, а никто другой. Поэтому и ты отъ меня не узнаешь что написано тамъ — могу сказать лишь, что тотъ кто приметъ на себя эти порученія — рискуетъ головой своей.

— Что жъ такое? Это — то я знаю и безъ бумаги. Конечно, онъ рискуетъ головой. Ему вѣрится постъ правительственнаго комисара надъ 12 комитатами, т. е. неограниченная власть надъ жизнью и смертью 4 миллионовъ человѣкъ. Онъ располагаетъ собственностью каждаго. Если онъ кому-нибудь скажетъ: „это принадлежитъ государству“ то „это“ и должно быть немедленно передано въ его распоряженіе, если онъ говоритъ кому-нибудь: „вставай и иди“ — тотъ обязанъ безпрекословно идти, куда онъ поведетъ! И эта власть распространяется одинаково и на знатныхъ, и на незнатныхъ. Если же Венгрія восторжествуетъ, то его наградою будутъ одна изъ высшихъ должностей въ государствѣ и имѣніе Анатваръ, сдѣлавшееся собственностью казны.

— А если венгры будутъ побѣждены?

— Тогда его расстрѣляютъ.

— И ты такъ говоришь объ этомъ!

— Да, вѣдь, это понятно. Mais c'est la guerre! И мы теперь какъ разъ въ войнѣ. Мужчины или возвращаются съ эпюлетами на плечахъ, или безъ головъ на плечахъ. Тутъ одно изъ двухъ: все, или ничего! Ему открытъ путь къ почестямъ, къ великимъ почестямъ, онъ можетъ сдѣлаться магнатомъ, министромъ, княземъ, или какъ тамъ, въ этихъ республикахъ называются аристократы „первымъ гражданиномъ“. Во всякомъ случаѣ онъ можетъ стать однимъ изъ самыхъ богатыхъ помещиковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получить одну изъ высшихъ должностей. Изъ за этого отчего же и не рискнуть головой! Я думаю можно!

— А если эта голова для меня дороже всякихъ почестей и всякихъ богатствъ въ мірѣ?!

— Ну, тогда я не знаю какъ ты можешь помѣшать этому. Пожалуй, если тебѣ угодно, я припрячу письмо это, хоть разорви его, — твой взглядъ, пожалуй, допускаетъ и это — но чрезъ

14 дней явится изъ Дебрецина другой комисаръ и передастъ ему тоже самое распоряженіе.

— Этихъ 14 дней для меня будетъ достаточно.

— Для чего?

— Чтобы привести въ дѣйствіе мой планъ.

— У тебя, развѣ, есть планъ?

— Я уже давно занята имъ. Именно, я боялась того, что случилось теперь. Какъ только Илаванъ возвратится — мы обвѣчаемся.

— Ты совсѣмъ рѣшила?

— Отецъ, вѣдь, ты-же не противился!

— Нѣтъ, напротивъ я вполне сочувствую этому браку. Моимъ видамъ нѣсколько не противорѣчатъ твой союзъ съ человекомъ, который будетъ пользоваться громаднымъ вліяніемъ въ странѣ, если только восторжествуютъ венгры.

— А, понимаю, — по твоему, если венгры будутъ побѣждены, то его расстрѣляютъ и намъ ничто не помѣшаетъ заключить новый брачный союзъ, съ кѣмъ тогда будетъ выгодноѣе.

— Ну, ты говоришь такъ рѣзко... Впрочемъ конечно нѣчто въ этомъ родѣ...

— Нѣтъ, ничего въ этомъ родѣ не будетъ. Я въ этой войнѣ ничего не понимаю — это не мое дѣло. Они проливаютъ кровь за свободу? Къ чему-же кровь изъ-за свободы? Кому нужна эта свобода для того есть Швейцарія, Америка. Я возьму его съ собою и уйду. Не отдамъ я кровь его этой свободѣ. И не надо умирать и убивать другихъ!

— Ты говоришь какія-то безразсудныя вещи. Съ такими сумасбродными намѣреніями ты разрушишь вѣковое зданіе, которое называется фамиліей графовъ Теметвени. Ты не понимаешь меня? Я дальновиднѣе, чѣмъ ты.

— О, напротивъ, хорошо понимаю. Бѣдная мать моя однажды объяснила что такое это гордое зданіе Теметвени. Я знаю, что оно нуждается въ новыхъ подпорахъ. А теперь, въ это демократическое время, гордая фамилія, хвастающаяся своими предками — воеводами, банами, князьями, маркграфами, должна позволить какому-то незначительному дворянину, „шляхтичу“ бросить взглядъ свой на послѣдній женскій отпрыскъ свой! И правда, онъ можетъ подняться самъ высоко, можетъ сдѣлаться министромъ, магнатомъ. И тогда, при его помощи возвысится и окрѣпнетъ наше зданіе. Если-же онъ падетъ, — мы оттолкнемъ его, какъ ненужную вещь и прищемъ себѣ другую подпору, въ рядѣхъ побѣдителей. Вѣрно-ли я поняла такъ?

— Совершенно.

— Ну такъ я желаю ипого. Я хочу жить по своему, или лучше умру и откажусь отъ всего.

— Пустыя слова!

— Да, но слова совершенно ясныя. Одно изъ двухъ: или я выйду за этого человѣка, котораго самъ ты охотно приняла-бы въ зятя, будь онъ богатъ и знатенъ, и раздѣлю судьбу его, или-же ты пошлешь меня назадъ въ монастырь.

— Другими словами: тебѣ все равно — что будетъ, что случится съ несущимся по волнамъ кораблемъ, корма котораго украшена гербомъ Теметвени. Хоть разбейся и потони онъ вмѣстѣ съ послѣднимъ штурманомъ. Ты заберешь съ корабля свое и съ единственнымъ оставшимся матросомъ отплывешь на ближайшій островъ. На деньги, которыя выручишь за бриллианты твоей матери, ты можешь купить себѣ небольшое имѣніе на Боденскомъ озерѣ, поселиться тамъ и жить, забывъ весь міръ, забывъ родной замокъ, отечество, родной народъ, отца!

— О нѣтъ, нѣтъ, дорогой! Никогда не оторвусь я отъ тебя, отъ родины! Не будетъ дня, въ который я не стала-бы молить Бога послать тебѣ долгую жизнь, а нашей бѣдной милой Венгріи лучшіе дни! Я буду любить васъ повсюду. Но ты, ты, значитъ, не любишь и не знаешь меня, если думаешь, что я жажду только эгоистическаго благополучія. Нѣтъ, меня ждетъ бѣдность. Я и его сдѣлаю нищимъ, потому что ему придется лишиться своего имѣнія, чтобы послѣдовать за мной. Мы будемъ жить трудомъ, тамъ, гдѣ трудъ не поворитъ людей. Бриллианты-же я оставляю тебѣ отецъ, оставляю дому Теметвени.

Графъ вскопчилъ какъ ужаленный.

Фея горь. Съ картины К. Дилица, грав. Кезсбергъ и Эргель.

поль-голоса прозвнесла молодая дѣвушка, въ глазахъ которой сверкнули крупныя слезы.

— Довольна-ли ты мной? спросилъ ее графъ, когда она возвратилась въ кабинетъ. Теперь онъ не будетъ ни комиссаромъ, ни министромъ, за то и не будетъ разстрѣлянъ. Пока онъ найдеть наши брилліанты, игра уже будетъ сыграна.

— А если онъ не пойдетъ эти брилліанты, то возвратитъ мнѣ самую большую драгоценность—самого себя.

Слова эти вырвались изъ самой глубины души графини Пальмы, этой очаровательной статуи Гарговарскаго замка. Она поспѣшила къ окну одной изъ башенъ и оттуда долго смотрѣла вълѣдъ отбѣзжающему....

Иллаван сбрить усы, загримировался и переоделся.

Въ Англии и Америкѣ мало кто носитъ усы.

Кругомъ лица борода а на верхней губѣ—ничего: съ эдакой физиономіей человѣкъ въ Америкѣ называется янки, въ Африкѣ обезьяной, а у насъ, въ Венгріи—и тѣмъ, и другимъ вмѣстѣ.

Когда Пальма и Францъ разстались, оба усиленно принялись писать письма другъ другу, онъ—изъ всѣхъ странъ свѣта, она во всѣ страны свѣта. Графиня передавала обо всѣхъ перипетіяхъ борьбы венгерцевъ съ Австріей, а Иллаван сообщалъ, какъ шѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ тотчасъ же и открылъ кое-что, какъ, по горячимъ слѣдамъ отправился въ Лондонъ и тутъ, при помощи искусныхъ сыщиковъ англійской полиціи, нашелъ часть брилліантовъ, которые отдалъ въ Австрійское посольство, но не доставало еще самыхъ лучшихъ украшеній: ожерелья изъ солитеровъ, стоимостью въ 100 тысячъ гульденовъ и стариннѣйшей фамильной діадемы, составленной изъ 100 брилліантовъ. Этихъ вещей воры еще не обнаружили въ Лондонѣ. По приѣздамъ—украшій былъ никто иной, какъ Бараничъ, разыскавшій роль отряднаго капеллана при бандѣ Криванскаго. Узнавъ что брилліанты уже никуть онъ прекратилъ ихъ продажу, перемѣнилъ „лицо“ и имя и уплылъ съ первымъ пароходомъ въ Америку. Францъ, однако, не удовольствовался достигнутымъ имъ до сихъ поръ успѣхомъ, и продолжалъ свое дѣло съ увлеченіемъ, со страстью. Онъ добылъ уже три пятыхъ украденнаго полумилліона, добудеть и остальные двѣ пятыхъ,—тутъ заинтересована честь Пальмы! Она такъ сказала! Съ слѣдующимъ же пароходомъ Иллаван поплылъ вълѣдъ за Бараничемъ въ Новый Свѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ сыщиковъ и имъ удалось быстро найти Баранича въ Нью-Йоркѣ. Но его арестовать оказалось чрезвычайно трудно и даже невозможно. Бараничъ сумѣлъ воспользоваться несообразностями американскаго законодательства. Придавъ всей исторіи характеръ политическаго преслѣдованія, Бараничъ поручилъ свое дѣло ловкому адвокату, который и отстоялъ его. Пришлось идти на мировую. Бараничъ, получивъ условленную сумму, поступилъ съ „добросовѣстностью“, превозшедшей всякія ожиданія: онъ не только возвратилъ ожерелье изъ солитеровъ, но и открылъ мѣсто, гдѣ находилась послѣдняя недостававшая вещь—диадема. То было странное открытіе, удивившее Иллаван! Диадема не была вывезена изъ Венгріи, она тамъ и теперь припрятана. Онъ расказалъ Францу гдѣ и какъ найти ее. Человѣкъ, въ рукахъ котораго она была—хорошій знакомый окружающаго судья! Какъ могъ онъ такъ глубоко ошибаться въ немъ? Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить Бараничу, но тотъ передалъ ему такія подробности, что пришлось повѣрить.

Да, то было странное открытіе.

На границѣ между Венгріей и Австріей существовала совершенно правильная воровская организація, гнѣздившаяся въ деревнѣ Церена, гдѣ, поголовно, до одинаго, всѣ жители, были или воры, или украватели. Въ этой маленькой деревнѣ, спокойно жившейся у подножія Бѣлыхъ Карпатовъ, сходились, какъ въ узлѣ, всѣ нити воровскихъ дѣлъ и предпріятій, совершавшихся въ средней Европѣ. Сюда же стекались, давно разсыкивавшіеся полиціей знаменитѣйшіе мошенники, „удинявшіеся“ въ „своемъ тихомъ уголку“, чтобы отдохнуть въ пріятной компаніи и составлять планы новыхъ кражъ. Когда же „предпріятіе“ удалось и если похищенныя драгоценности не могли быть немедленно превращены въ деньги, онѣ доставлялись въ Церену. Кому же пришло бы въ голову искать ихъ тамъ? Отуда же онѣ, маленькими частями, и съ большими предосторожностями, переправлялись на такіе рынки, гдѣ можно было продать ихъ уже совершенно безопасно. Едвали во всемъ мірѣ найдется банкирскій или торговый домъ, который обладалъ-бы болѣе обширнымъ рынкомъ, нежели воровская шайка деревенки Церены.

Покончивъ съ Бараничемъ, Иллаван собрался въ путь. Ему было пора узнать—что происходитъ въ его округѣ, въ его родномъ комитатѣ. Правда и то, что сдѣланное имъ открытіе одно уже стоило путешествія.

Это была настоящая саусе селѣбге, но которая тогда пропла только оттого малозамѣченной, что въ то время вниманіе всѣхъ было отвлечено болѣе значительными, болѣе крупными событіями. Объ этихъ событіяхъ, однако, Иллаван не зналъ ничего. Надо вспомнить, что тогда еще кабель не соединялъ, какъ теперь старый и новый свѣтъ и путешественникъ, находившійся въ Америкѣ, долго оставался въ неувѣстности относительно всего, происходившаго подъ его ногами, у антиподовъ, въ дру-

гомъ полушаріи; изъ Европы газета шла въ Америку не менѣе шести недѣль.

Письма Пальмы, изъ которыхъ онъ могъ узнать все достоверно, не доходили до него. Онѣ, вѣроятно, затерялись гдѣ-нибудь, въ Вѣнскомъ „черномъ кабинетѣ“, гдѣ распечатывались письма и даже можетъ быть встрѣтились тамъ съ письмами Франца.

Въ Триестѣ Францъ прибылъ уже осенью, уѣхалъ же онъ еще весной. Вернулся онъ все тѣмъ же янки-гориллой, но—за то въ его сакъ-войжѣ находились четыре лятыхъ брилліантовъ Пальмы и онъ зналъ, гдѣ найдеть остальную пятую. Въ Триестѣ онъ ни съ кѣмъ не обмолвился ни словечкомъ, не вынулъ въ руки ни одной газеты. Онъ былъ переполненъ одною мыслию, однимъ желаніемъ—скорѣе въ Церену!

Иллаван былъ хорошо извѣстенъ въ каждой деревнѣ на всемъ пути. Изъ Триеста до Вѣны онъ мчался на почтовыхъ, день и ночь, нигдѣ не останавливаясь. Въ Вѣнѣ онъ пробылъ ровно столько, сколько ему надо было, чтобы получить назадъ свой паспортъ; пока соблюдалась формальность, онъ не выходилъ изъ гостиницы, такъ какъ ему невозможно было стеречь брилліанты, которыхъ онъ ни за что не хотѣлъ доверить никому. А это, въ свою очередь, повело къ тому, что никого не видя, ни съ кѣмъ не разговаривая, онъ не могъ узнать никакихъ новостей, да и не старался справляться о нихъ. Францъ остановился въ гостиницѣ „Краснаго Быка“, гдѣ всегда можно было найти обратныхъ возчиковъ изъ венгерскихъ словаковъ. Себѣ онъ нанялъ крытую полотнянымъ навѣсомъ и запряженную четверкою кибитку одного изъ такихъ своихъ земляковъ и выѣхалъ изъ столицы рано утромъ, можно сказать порядкомъ и не выдавъ ей.

Въ ближайшей деревнѣ, за венгерской границей, ямщикъ перемѣнилъ лошадей. Такъ пошло и дальше—на каждой станціи мѣнялись ямщики и лошади.

Уже первый словакъ, везшій Иллаван, узналъ его, несмотря на гримировку, и на станціи, пока перемѣняли лошадей, слегка толкнулъ его локтемъ и многозначительно подмигнулъ. Иллаван призналъ земляка—это былъ одинъ изъ героевъ, помогавшихъ ему въ прошломъ году противъ банды Криванскаго. Онъ вышелъ за нимъ во дворъ.

Здѣсь крестьянинъ въ поль-голоса быстро проговорилъ:

— Мы готовы... Только свистните... Долго мы ждали васъ... Мы вамъ послужимъ... Какъ кликните: „ребята! выходите!“ мы сойдемъ...

Иллаван не разслышалъ бормотанья ямщика и совсѣмъ не понялъ его. Ему показалось, что тотъ на-веселѣ. Онъ скорѣе сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ дальше. Но мужичекъ опередилъ его, отправившись ближайшей дорогой черезъ горы. Колесъ ему не надо было подвизывать при спускахъ, такъ какъ онъ шель пшчкомъ.

Когда Францъ подѣхалъ къ слѣдующей станціи—то увидѣлъ 5 или 6 мужиковъ, собравшихся въ кучку у трактира; при видѣ его словаки сняли шляпы и отвѣсили низкій поклонъ, а затѣмъ немедленно подошли къ нему и, точно такъ-же таинственно забормotalи:

— Мы ужъ готовы... всѣ готовы... и ружья принасны...

Опять онъ ничего не понялъ.

На третей станціи, откуда большая дорога ведетъ въ Гарговаръ, а боковая спускается чрезъ глубокую лошину Карпатовъ, въ Церену, онъ встрѣтилъ уже болѣе многочисленное собраніе, среди котораго было и нѣсколько старшинъ изъ деревенки его округа. Съ ними ему уже нечего было скрывать. Но мужики не торопились показать ему, что узнали его.

— Павло, обратился Иллаван къ старшему изъ нихъ, не болтайте, что видѣли меня тутъ.

— Зачѣмъ болтать объ этомъ, пане, мы тоже вѣдь понимаемъ...

— Мнѣ надо здѣсь одно дѣло важное спросить, такъ исходить, чтобы поменьше толковали...

— Да мы ужъ знаемъ. Никому не скажемъ.

— Дѣло-то очень важное.

— Знаемъ, понимаемъ. Всѣ соберемся туда.

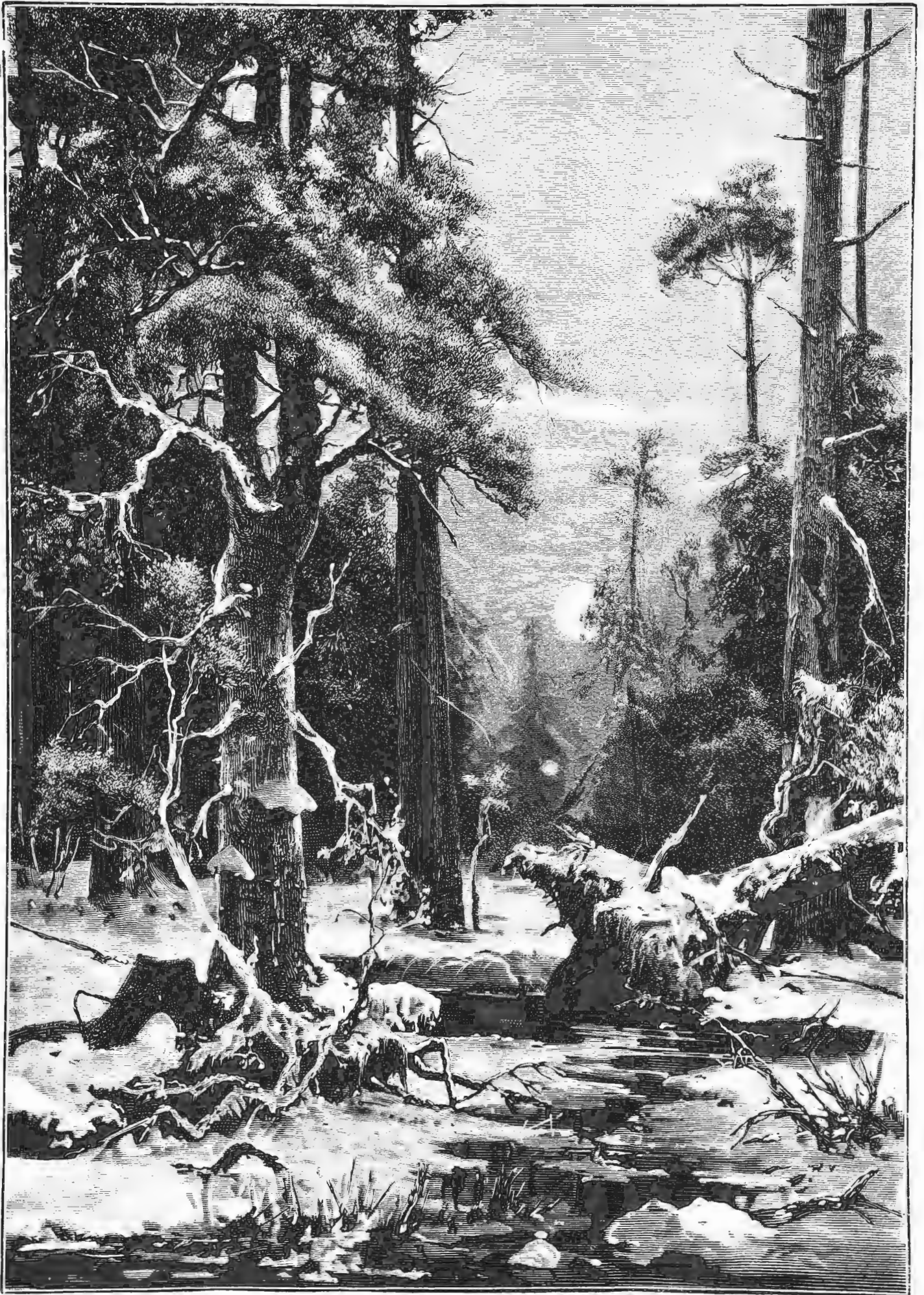
И они тотчасъ разошлись въ разныя стороны.

Иллаван продолжалъ не понимать, онъ не догадывался *кого* они видѣли въ немъ.

Была уже поздняя осень. Деревья съ оголенными вѣтвями и облетѣвшими листьями грустно качались по вѣтру.

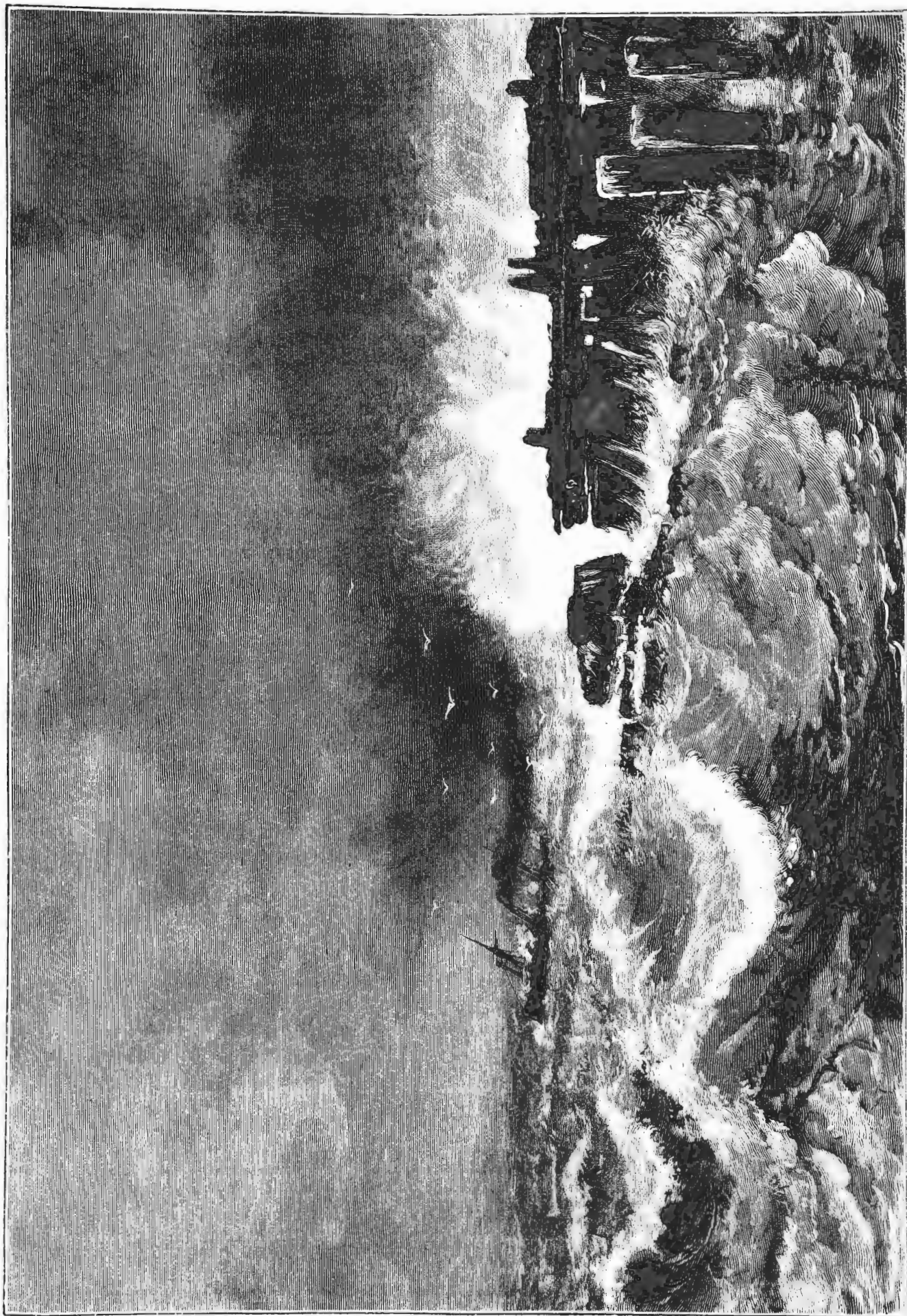
Добрые деревенскіе простаки были убѣждены, что Иллаван возвратился изъ-за границы, чтобы организовать народное возстаніе и какъ-бы ни увѣряли ихъ, что все уже кончено—„они знали лучше!“ Теперь въ помощь идетъ англичанинъ, французъ, турокъ уже подходитъ, и всѣ вмѣстѣ ударятъ на враговъ. Теперь только начнется настоящее дѣло а то до сихъ поръ были одни пустяки. Вотъ отчего панъ судья и усы сбрить себѣ.

По всѣмъ проселкамъ его встрѣчали съ одинаковою таинственностью, съ одинаковыми приемами какихъ-то заговорщиковъ, причемъ предосторожности, которыя онъ принималъ, его гримировка, пересдѣваніе—все это какъ разъ совпадало еъ быстро распространенными въ народѣ предположеніями. Даже и деньги, которыми онъ платилъ—то были франки—указывали,

Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судковскаго. „Лѣсная глушь“.

Картина Ю. Клевера, съ фотогр. грав. М. Рашевскій. Библиотека "Руниверс"

Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судковскаго. „Буря на морѣ“.
Картина Судковскаго, съ фотогр. грав. М. Рамецкій.

сь подожгительною достоверностью, что французы тутъ помогать!

А у Франца, между тѣмъ, была одна забота—какъ-бы не улзнуть куда-нибудь укыватель діадемы.

Но, кто могъ ожидать подобнаго поступка отъ этого человѣка?

XVIII.

Рокомоцерь.

Дорога въ Церену идетъ густыми дѣсами, въ которыхъ, тамъ и сямъ, разбросаны хижинны угольщикова; въ верхней части горнаго потока шумятъ колесами мельницы. И какое ихъ тутъ множество! Поневоля спрашиваешь себя—на что ихъ столько, потому что эта сторона небогата пахатной землей. Дома деревни бѣдны и грязны и почти нѣтъ слѣда садика или огорода ни при одномъ изъ нихъ.

Иллаван слѣзъ съ телѣги, и взявъ подъ мышку мѣшечекъ съ бриллиантами въ одну руку—а въ другую отличный американскій кастетъ, направился прямо къ дому своего знакомаго—еврея Рокомоцера!

Францъ, съ своей длинной бородой, въ шапкѣ, долгополомъ кафтанѣ особаго покроя и высокихъ сапогахъ, изъ-за голенищъ которыхъ виднѣлись длинные чулки—былъ нѣсколько похожъ на еврея, такъ что, въ первую минуту, когда онъ вошелъ къ Рокомоцери и остановился передъ нимъ, тотъ было не узналъ его и поздоровался на андовскомъ діалектѣ.

— Здравствуйте, отвѣчалъ Иллаван на томъ-же нарѣчій—развѣ вы не узнаете меня, Рокомоцерь?

Тотъ вздрогнулъ вѣсьмъ тѣломъ.

Чего-же вы такъ испугались? Мы вѣдь кажутся старые знакомые.

Еврей усѣлся уже собраться съ духомъ.

— И какъ-же не испугаться мнѣ, если я вижу васъ собственными моими глазами? А испугался я не за себя, а за васъ-же.

— Почему-же изъ за меня?

— Вы, господинъ Иллаван, были заграничней, вѣдь говорить это.

Да — было.

И вѣдь ядуть васъ, какъ еврей Мессію, ждуть васъ изъ Англии съ извѣстемъ, рѣшено-ли возстаніе начинать вновь! Какъ-же мнѣ было не испугаться, коли я вижу васъ здѣсь передо мной живымъ? Вонъ у васъ и усевъ нѣтъ.

Ну, въ этомъ вѣсь ошибаются а въ особенности вы. Быть-то я заграничней былъ, да не за политическими дѣлами а просто гонялся за воровской шайкой, которая украдала разныя бриллиантовыя венцы въ гарговарскомъ замкѣ. Я добѣжалъ до самой Америки.

— Да Америки—да это, пожалуй, въ другомъ ужь свѣтѣ?

Знавали-ли вы одного человѣка, по имени Бараничъ?

Рокомоцерь взглянулъ своими воспаленными, красноватыми глазами, въ верхъ, на потолокъ, потомъ куда-то въ сторону и развелъ руками.

— Какъ? Бараничъ?

Нѣтъ, нѣтъ—Бараничъ.

Бараника и Коравина я знаю, и то только по имени, но наслышкѣ, а о Бараничѣ никогда даже не слыхивалъ.

Онъ — одинъ изъ главныхъ почитителей бриллиантовъ.

Ого! Должно быть, ловкій мошенникъ!

— Да, только какъ ни ловокъ, а все-же нашли таки мы его.

А, поздравляю васъ съ такимъ усѣхомъ, ну, и что-же, повѣсили?

Нѣтъ еще—этого не сдѣлали: чтобы снасти себя, опъ признался во всемъ.

Вотъ и прискрасно.

— Ничего особенно прискраснаго нѣтъ. Вѣсь бриллианты найдены, не достаетъ только одной діадемы.

— Діадема? что это такое значить — діадема?

Остальные бриллианты вѣсь тутъ, со мной.

Иллаван началъ выкладывать что-то на столъ изъ своего сакъ-вожа.

— Вѣй, господинъ Иллаван, не выкладывайте, пожалуйста, брильянту тутъ! Еще какой-нибудь закатится куда въ щель и я тогда буду пропавшій человѣкъ.

— Что вы такъ встревожились? Я вовсе не брильянты хочу показать вамъ, а одну вещьцу — вотъ эту.

— Что это такое!! Ай, вай, пистолеть!!

— Пистолеть, изъ которого можно выстрѣлить подъ рядъ шесть разъ; это одно новое американское изобрѣтеніе.

— Ай вай-вай,—пожалуй и теперь онъ вдругъ начнетъ палить.

— Не бойтесь, самъ собой не будетъ онъ палить. Вы на него посмотрите хорошенько а потомъ отвѣтѣте — правду-ли тотъ Бараничъ сказалъ, что діадема спрятана у васъ.

Рокомоцерь захохоталъ и затрясъ головою, колотя себя почему-то въ грудь, но на лбу и на вискахъ у него выступили капли холоднаго пота!

— Боже ты мой! Эта бриллиантовая-то вещь, о которой вы говорили только что? И у мѣня? у меня? да все мое и богатство-то вся моя торговля трище да ветошки, а изъ бриллиантовъ-то я и видѣлъ во всю мою жизнь развѣ алмазъ у стекольщика.

— Эта вещь спрятана у васъ въ кухонной печи, подъ глиняной настилкой.

Смѣющеся лицо внезапно побѣлѣло какъ мѣлъ; хитрые глаза блеснули опаснымъ огонькомъ.

— Надо только снять слой глины, продолжать спокойно Францъ, подъ нею находится четырехугольный камень, имъ-то и прикрыта діадема, которую рѣшено разнять по частямъ, чтобы продать какъ только настанетъ удобное время.

Еврей глубоко вздохнулъ, лицо его приняло печальное выраженіе.

— Неужели, господинъ Иллаван, вы можете повѣрить подобной вещи обо мнѣ? Развѣ Рокомоцерь такой человѣкъ? Вѣдь вы сами, добрый господинъ мой, сколько разъ со мной посылали деньги въ городъ и не брали отъ меня никакой россіеки! И всегда говорили вы: Рокомоцери въ вѣрю. Можете-ли меня, бѣднаго человѣка, такъ обидѣть? Я, вѣдь, признаться, знаю хорошо этого Баранича. Мошенникъ онъ, воръ! А я не хотѣлъ водить компанію съ нимъ, вотъ онъ и хочетъ навлечь бѣду на меня. Вы говорите: въ моей кухонной печи!

— Да, вѣдь, мы можемъ сейчасъ-же и удостовѣриться. Стоитъ только снять глину и приподнять камень. Если діадемы тамъ нѣтъ, значить онъ меня обмацуетъ и ты правъ. Ну, такъ, пойдемъ, да и сдѣлаемъ все поскорѣе, чтобы уже покончить съ этимъ.

— Теперь это невозможно, господинъ судья. Печь полна мацами, которыхъ мы готовимъ къ празднику. Нельзя открыть.

— Ну, это неправда, мацы вы не печете въ это время, да и праздничковъ нѣтъ теперь у васъ. Открывай-ка печь.

— Какъ это вы изволите говорить: приказываете, чтобы я открылъ?

— Приказываю!

Вы изволите приказывать? А не знаете еще, что уже приказывать больше не можете? Вѣдь ваша милость — больше не судья! Видно, видно, что вы только что изъ Америки прѣехали и ничего-то не знаете. Старые порядки кончилися. Нѣтъ больше ни оберъ-гешпана, ни окружныхъ судей, ни пандуровъ. Выбѣто оберъ-гешпана у насъ теперь „окружный комисаръ“, и это — его сятельство графъ Теметвени; выбѣто окружнаго судьи—убѣдныи комисаръ назначенъ, какой-то дворянинъ изъ Чехии: а пандуровъ замѣнили жандармы. Да, теперь не вы уже изволите отдавать приказанія здѣсь!

— Ну, коли такъ, то бѣда не для меня, Рокомоцерь, а для васъ. Послушайте-ка меня хорошенько. Американскія судебныя власти не остановились только на томъ, что помогли мнѣ довести вора до признанія, но еще и сообщили, официальнымъ порядкомъ, обо всемъ австрійскому правительству. Нашъ общинъ пріятель, Бараничъ не только указалъ мѣсто, гдѣ спрятана діадема, но рассказывалъ кое-что еще—такія вещи, что и австрійская полиція пожалуетъ сюда или сегодня-же ночью, или, самое познее, завтра рано утромъ, да и не одна, а съ вооруженною помощью. Пошаритъ она въ каждомъ домѣ, даже въ трипкѣ, въ вѣтошкахъ, уложенныхъ уже въ мѣшки для отравленія! Доложитъ сдѣланный на всю шайку вапу. Я-же не дождался прибытія жандармовъ въ Церену а прѣехалъ раньше ихъ, потому, что, обыкновенно, когда полиція собирается въ Церену, то наши шпіоны предупреждаютъ васъ заранее. Конечно — у васъ концы въ воду и ничего не найдти тогда. Поэтому я желаю поспѣетствовать. Я останусь здѣсь и не тронусь до той минуты, пока не явятся жандармы. Вы будете сидѣть вонъ тамъ, за другимъ концомъ стола, противъ меня. Если вы только шелохнетесь, или какимъ-нибудь крикомъ подадите знакъ — я застрѣлю васъ нановаль. Будемте-же спокойно сидѣть и ждать жандармовъ если вамъ угодно.

(До слѣд. №).

Варвара Капитановичъ.

Рассказъ Ф. Огулича.

(Изъ быта Хорватовъ).

Варвара Капитановичъ слыла первой красавицей въ Загорьи, хотя и не была изъ тѣхъ, у которыхъ только и дѣла, что глядѣться въ зеркало, да хохлить свои руки; была она простая крестьянка, привычная къ простой жизни и труду, но крестьянка богатая, умѣла она и сама прифрантиться и принарядиться. Не хуже любой актрисы блистала и румянилась, и выводила себя брови, но это такой обычай въ нашей странѣ, перешелъ онъ къ намъ отъ близкихъ сосѣдей—турокъ, а обычай, вѣдь, не

передѣлалъ. Но Варвара вовсе и не нуждалась въ этихъ прикрасахъ. Она была такъ хороша, что когда, бывало, въ Воскресенье, идетъ къ обѣдѣ въ своемъ праздничномъ нарядѣ—въ белоснѣжной, вышитой шелками рубахѣ, короткой разноцвѣтной юбочкѣ, съ мѣховою кофточкой за плечами и монистами изъ коралловъ и дукатовъ на своей лебединой шеѣ—то солнце уже немремѣнно разгонитъ вѣсь облака и тучки на своемъ пути и выйдетъ, чтобы только полюбоваться на кра-

савицу, а потом сейчас же и спрячется, как только та исчезнет за массивной высокой дверью храма.

У ее мужа, богача Станки Капитановича, в голове было столько же толку сколько и у турки, что намалеван в вышесей табачной лавочки. От женщины уж этого не спрячешь—сейчас же подметит, а Варвара была преумная бабенка. Она управляла имъ такъ, что онъ ничего не замѣчалъ. Все было въ ея рукахъ, въ ея полномъ распоряженіи и домъ, и хозяйство, и работники, но она этимъ нисколько не гордилась, носу не задирала, а со всякимъ была пріятлива.

Загорянки тоже не промахъ, тоже умѣютъ и глазкомъ поглядеть, умѣютъ и поболтать, съ ними можно весело время провести. Но у Варвары Капитановичъ къ этому охоты не было, мужа своего она ни за что бы не обидѣла. Пока онъ былъ живъ, нигого она не подарила взглядомъ, а когда его похоронили—ровно изо дня въ день, цѣлый годъ справляла трауръ по немъ, какъ слѣдовало достаточной вдовѣ.

Въ новыхъ женяхъ недостатку не было, да Варвара и близко къ себѣ не подпускала, «не хочу себѣ больше господина имѣть» отвѣчала красавица, когда сосѣдки уговаривали выйти за того, или за другаго. По прежнему продолжала она хозяйничать, слѣдить за порядкомъ въ домѣ, въ садикѣ, шиненицу сбѣять и вино на погребъ; холодить. Такъ на томъ все и стало.

Тѣмъ временемъ, зимой, день тянулся за днемъ, одинъ какъ другой; дѣла было меньше и чаще собирались у очага, подолгу засиживались и много рассказывалось разныхъ исторій; такъ и развлекались. Всего больше разговоры шли объ удаломъ разбойникѣ Данилѣ Господичѣ, который о ту пору доставлялъ не мало развлечения народу въ Хорватіи.

Смѣлый онъ былъ, какъ самъ сатана и не менѣе его остеръ, и ловокъ. Сегодня, бывало, придетъ ему въ голову шутку пошутить съ жидкомъ онъ и вольетъ ему растопленной смолы въ горло, завтра—ятаганомъ распоретъ животъ кому, обрѣжетъ уши и носъ купцу, да такъ и пуститъ; однажды—это было зимой—Варвара Капитановичъ сидѣла, не въ духѣ, за веретеномъ у своего очага, какъ вдругъ въ комнату вбѣжала ея служанка Милада, съ извѣстіемъ, что Господичъ пойманъ и что ужъ завтра же и будутъ его вѣшать. Молодое прелестное лицо дѣвушки такъ и свѣтилось радостью, и сама Милада была не мало довольна. Въ тѣ времена казнь была праздникомъ народнымъ, да кромѣ того, въ городѣ тогда же шла ярмарка, такъ вотъ и сразу оказалось два развлечения, вмѣсто одного.

Народъ, населяющій эту узкую полосу между Венгріей и Турціей, и жившій въ ежедневной борьбѣ съ турками, которые его грабили и къ которымъ онъ самъ хаживалъ на грабежи,—народъ этотъ, съ теченіемъ столѣтій, загрубѣлъ, лица хорватовъ стали какъ желѣзные, а сердца ровно мѣдные. Для нихъ смерть была ничто, они проливали кровь какъ красное вино, причемъ, надо замѣтить, виномъ дорожили гораздо больше.

Обѣ женщины встали на другой день ранымъ раненько, такъ рано, что еще звѣзды стояли въ небѣ, обѣ разодѣлись какъ на праздникъ, надѣли свои большія бараньи шубы, сѣли въ маленькія сани и поѣхали въ городокъ. Варвара сама правила лошадами, которыя были такія кругленькія, чистенькія и блестящія, что похоже было, будто красавица-вдова запрягла солнце и луну, а не коней.

Вокругъ царствовалъ таинственный полумракъ, между небомъ и землею лежалъ какой-то сѣроватый пластъ, точно какое-то безформенное чудовище, волной ходившее изъ стороны въ сторону. Все больше, и больше разгоралась свѣтлая полоса на восточномъ краѣ неба, на сѣвѣ былъ точно кровавый отблескъ. Откуда-то появилась небольшая стая вороновъ, нѣсколько минутъ они кружились около саней и провожали ихъ до тѣхъ поръ, пока на небольшомъ холмѣ не показались городскія башни и вблизи ихъ—башенная висѣлица. При видѣ ея, они весело закаркали, услѣли на нее и принялись чистить носы о свои блестящія какъ сталь перья. Имъ тоже предстоялъ пиръ.

Казнь имѣла произойти незадолго до солнечнаго заката, вѣроятно для того, чтобы дать собравшейся на ярмарку толпѣ возможность побольше времени позабавиться и повеселиться. Послѣ того что каждый сдѣлаетъ все необходимыя закупки, осмотритъ восковыя фигуры, налюбуется властью и танцующими медвѣдями, и обезьянами, гагопирующими на пуделяхъ, и огромными змѣями, послѣ всего этого—на висѣлицѣ будетъ разиграна заключительная трагическая сцена.

Варвара Капитановичъ, оставивъ сани во дворѣ у знакомаго трактирщика, пошла на ярмарку, накупила что надо было, обошла, выстѣ съ любопытной и всему всегда съѣзжавшей Миладой, нѣсколько лавокъ и, затѣмъ, сытно закусивъ, отправилась на лобное мѣсто, за городомъ. Черный потокъ людей валилъ въ одно время съ ними и цѣлыя тысячи ждали уже на мѣстѣ появления страшнаго телѣга. Чтобы лучше видѣть, Варвара стала на развалившуюся, искрошенную и почернѣвшую отъ дыма стѣну дома, расположеннаго около, нѣкогда сожженнаго турками и уже не возобновленнаго съ тѣхъ поръ; Милада помѣстилась тутъ-же рядомъ, на кучѣ мусора, покрытой снѣгомъ.

Раздался погребальный звонъ, показались гусары, посреди ихъ палачъ верхомъ, и телѣга, въ которой сидѣлъ Господичъ, весь въ цвѣтахъ и съ своей трубчочкой въ зубахъ, и около него помѣщался монахъ. Въ толпѣ поднялся гулъ отъ общаго говора.

Господичъ сидѣлъ гордо, будто наша, вступавшій въ завоеванный городъ.

Варвара ни на минуту, не оторвала глазъ отъ него, ея грудь высоко поднималась подъ черной барашковой шубой, а когда его связали и надѣли ему на шею веревку, красавица,—съ выгнутой впередъ головой, съ широко открытымъ ртомъ, изъ котораго блестѣли бѣлые зубы—казалась разъяренной волчицей, готовой броситься на свою жертву. Она пришла въ себя только тогда, когда Господичъ уже висѣлъ и толпа разошлась. Глубокий вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Что съ тобой, господина? спросила дѣвушка, все время спокійно унысывавшая большой пряникъ.

— Ахъ, какъ мнѣ жалко его, отвѣчала та,—какъ молодецки онъ умеръ и какой онъ былъ красивый. Господи, прости мнѣ согрѣшеніе, — я не повѣсила-бы его.

Они пошли, висѣвъ за другими, назадъ въ городъ. Варвара Капитановичъ велѣла заложить сани, а пока онѣ принялись за широкі, заливая ихъ сладкимъ медомъ.

Висѣхали онѣ поздно вечеромъ; но было еще несовсѣмъ темно; несовсѣмъ темно было и отъ блага снѣга, и отъ ясныхъ звѣздъ въ небѣ, и отъ полнаго мѣсяца, показавшагося по другую сторону холма и сильно, въ ту минуту, смахивающаго на толстошекаго, красноволосаго деревенскаго парнишку, выглядывающаго изъ-за забора.

Городъ былъ теперь пустъ и безмолвенъ — ни человѣка на улицахъ, ни огонька въ окнахъ. Свѣтило только съ неба.

Вотъ и висѣлица. Господичъ неподвижно виситъ между небомъ и землей. Вороны, то сидятъ на перекладинахъ, то съ веселымъ карканьемъ, летаютъ и кружатся около.

Снова тяжело вздохнула Варвара Капитановичъ и, проѣхавъ шаговъ пятьдесятъ отъ лобнаго мѣста неволью остановила лошадей.

— Что это ты, господина? испуганно крикнула Милада, цусти-же лошадей, да удари ихъ хорошенько — скорѣе-бы намъ отъ этого мѣста уѣхать.

Красавица, не отвѣчая ни слова, соскочила съ саней и привязала лошадей къ ивѣ, стоявшей тутъ, у дороги.

— Господина, смилуйся!

— Чего пугаешься, возразила Варвара, сама подумай — не жаль, развѣ, такого человѣка оставлять на расклеваніе воронамъ?

— Да что-же это ты дѣлать хочешь?

— Снять его съ висѣлицы.

— Затѣмъ?

— Чтобы похоронить его, какъ надо.

— Иезусъ-Марія! да ты рехнулась, Варвара Капитановичъ! воскликнула Милада, крѣпко обхвативъ руками свою госпожу, не дѣлай этого, не дѣлай!

— А ну если онъ еще живой?

— Какъ можетъ повѣшенный быть живымъ?

— Разбойникъ Прагачъ былъ повѣшенъ три раза, а все таки умеръ отъ пули жандарма.

Она смѣло пошла къ лобному мѣсту, Милада послѣдовала за нею, дрожа всѣмъ тѣломъ. Около нихъ, нѣсколько въ сторонѣ, вдругъ показали два огненные глаза.

— Это что такое? спросилъ Милада,—большая собака и вѣрно злая.

— Собака? гдѣ? Варвара Капитановичъ, при первомъ-же взглядѣ, узнала, что то была не собака и крикнула съ громкимъ смѣхомъ: это—волкъ!

Она схватила камень и бросила его въ хищника, обратившагося немедленно въ бѣгство. Когда они подошли къ самой висѣлицѣ, то вороны подняли страшное карканье.

— Слышишь, замѣтила шутливо Варвара, они злятся на меня за то, что я огниаю у нихъ добычу. Эй вы—прочь отсюда!

Вороны—и тѣ имѣли уваженіе къ Варварѣ Капитановичъ, они поднялись, хотя и не безъ карканья, съ своихъ мѣстъ, немного покружились надъ головой красавицы и полетѣли по направлению къ городскимъ башнямъ.

Вдова протянула Миладѣ ножъ, который вынула изъ-за пояса, и велѣла дѣвушкѣ перерѣзать веревку повѣшеннаго.

— Всего, что хочешь требуй отъ меня, господина, только не этого.

— Я тебя подкажу, а тебѣ не трудно будетъ.

— Смилуйся—не могу.

Варвара Капитановичъ пожала плечами. Милада подсадила ее, она перерѣзала веревку и повѣшенный упалъ на снѣгъ.

— Какъ онъ хорошъ, произнесла вдова, разглядывая лицо казненнаго, котораго повернула на спину, обрѣзавъ ему и носъ.

— А если насъ увидитъ, поймаютъ?

— Я боюсь только одного Бога—больше никого.

— Господи! воскликнула вдругъ дѣвушка.

— Что такое?

— Сммотри, смотри онъ... онъ дышетъ... онъ живъ!

И въ самомъ дѣлѣ, грудь разбойника еле замѣтно приподнялась и изъ нея вылетѣлъ легкій вздохъ. Съ этой минуты между обѣими женщинами не было произнесено ни слова. Варвара подхватила Господича подъ руки, а Милада вяла его за ноги. Онѣ быстро донесли его до саней, уложили туда, укрыли соло-

мой и Варвара взяла в руки возки. Лошади помчались по сугубу, точно их обдѣлили племли. Тотчасъ-же по приѣздѣ домой Варвара усадила людей спать и какъ только всѣду стало, тихо, она съ Миладой внесла спасеннаго въ большую горницу.

Вскорѣ Господичъ пришелъ въ себя и частью самъ догадывшись, а частью узнавъ отъ женщины о томъ, что произошло, бросился въ ноги Варварѣ Капитановичъ и поцѣловалъ ее сапожки. Она, не медля ни минуты, обрѣзала ему волосы и бороду, тутъ-же велѣвъ одѣться въ платье ея покойнаго мужа, а то въ которомъ онъ былъ—кинула въ печь.

На другое утро прислугѣ, удивленной при видѣ новаго лица, было объявлено, что это—родетвѣнникъ господины, котораго она пригласила къ себѣ, чтобы имѣть около себя кого-нибудь изъ своихъ.

Господичъ скоро оправился совсѣмъ и однажды вечеромъ сказалъ такія слова своей снисходительницѣ: Ты меня спасла отъ смерти, господина, и я всю жизнь свою буду тебѣ за это благодаренъ. Призывай меня, когда тебѣ надо и приказывай; а теперь мнѣ пора изъ твоего дома уходить. Вѣдь пожалуй меня могли-бы открыть и тебя потребовать къ отвѣту.

— Нѣтъ, Господичъ, возразила красавица, — ужъ дѣлать что тебѣ дѣлать не въ половину, оставайся ты у меня, если это тебе любу. Но—требую я только одного—никогда чтобы ты не пробовалъ быть здѣсь у меня господиномъ.

— Какъ могу я и подумать о томъ, отвѣчалъ Господичъ— я буду доволенъ, если позволишь мнѣ быть твоимъ слугою.

Такъ и остался страшный разбойникъ въ домѣ богатой красавицы-вдовы, между тѣмъ, какъ во всей странѣ прошелъ слухъ, будто его съ вислицы снялъ самъ чертъ и унесъ къ себѣ съ волосами и кожей.

Господичъ, привыкшій повѣдывать, теперь, повидимому, совсѣмъ ждалъ забыть о томъ. Онъ сталъ тихъ, какъ овечка и послушенъ, какъ хорошо дрессированная собака. Работалъ онъ за двоихъ, доволенъ былъ всѣмъ и казался совершенно счастливымъ, когда господина, бывало, дружески изливаетъ на него, или потрепетъ по плечу, или поднесетъ стаканчикъ вина, который сама пригубитъ. А сама вдовушка становилась все ласковѣе и ласковѣе къ нему. Она охотно присаживалась съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ и болтала, зимой у очага, а когда пришла весна—то подъ развѣтвистой яблоней. И при этомъ они уже стали во временахъ обмѣниваться такими взглядами, какіе не совсѣмъ обычны между людьми. Она смотрѣла на него спокойнымъ взглядомъ, въ которомъ высказывалось глубокое чувство, и онъ иногда весь трепеталъ подъ блескомъ ея темныхъ очей, какъ трепещетъ раненный граничаръ подъ пожегомъ врага, и въ тѣ минуты, когда вглядывался въ ея гордое лицо или взглядомъ охватывалъ ея прелестную фигуру, онъ испытывалъ какое-то болѣзненное чувство.

Варвара Капитановичъ ежедневно находила на своемъ окнѣ цвѣты. Она хорошо знала, кто ихъ рвалъ, бережно связывала

ихъ и ставила въ воду; ея сапожки блестѣли теперь какъ звѣзды на небѣ и она знала, кто наводилъ на нихъ этотъ глянецъ, и знала также, кто наклеилъ на крышу ея ларя картинку, изображавшую св. Варвару.

Однажды, незаметно для всѣхъ домашнихъ, она ушла къ священнику и когда, возвратившись въ вечеру, глянула сквозь окно въ комнату, гдѣ теплившаяся предъ образомъ Богоматери лампада разливала вокругъ слабый свѣтъ, то увидела, что Господичъ стоитъ и смотритъ сквозь дверную скважину въ ея горницу.

— Ужъ теперь вотъ оно что съ тобой, птица моя, подумала она, — запуталась въ тепстахъ, бьешься, а улѣтъ не можешь отсюда, и на полныхъ гордыхъ устахъ ея заиграла улыбка, въ половину счастливая, въ половину насмѣшливая.

— Ну что, братъ Господичъ, произнесла она, былъ-ли ты прилежнѣе? усталъ, поить хочешь?

— Что прикажешь, что желаешь, отвѣчалъ онъ, оглядывая своими пронизывающими, свѣтлыми глазами, мягкія линіи ея стройной фигуры.

— Ты сегодня пахалъ, что-ли?

— Такъ, какъ велѣла—то большое поле, по ту сторону креста.

— Ну ладно, такъ теперь закусишь вмѣстѣ.

Она кликнула Миладу, велѣла накрыть столъ и усѣлась. Господичъ продолжалъ стоять среди комнаты, молча поглядывая на кончики своихъ сапоговъ, покручивалъ усы и отъ времени до времени вздыхалъ.

— Люди поужинали уже? спросила вдова Миладу.

— Благодаримъ, ужъ поѣли.

— Ну такъ подай намъ капусты, сала и кружку вина.

Милада побѣжала за провизіей, а Варвара Капитановичъ сдѣлала Господичу знакъ, чтобы сѣлъ возлѣ нея. Пока дѣвушка входила и выходила, оба молчали, не зная съ чего начать разговоръ и молча-же принялись за ѣду. Безмолвіе длилось довольно долго и только вино развизало языки. Началь Господичъ; онъ сталъ рассказывать про бывше свои подвиги, зная, что Варвара любила послушать, когда онъ говорилъ о нихъ. Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно веселъ и рассказывалъ о шуткѣ, которую пошутилъ съ однимъ богатымъ купцомъ изъ Дьяковара. Красавица такъ усердно приглядывалась къ вину, что щеки ея все больше и больше рдѣли и пылали и смѣялась при этомъ такъ громко, что дугаты мониста прыгали и звенѣли у нея на шеѣ.

— Ты такой удалой молодецъ, вдругъ сказала она, придвинувшись ближе къ нему—отчего-же это со мной ты робѣишь?

— Почему я знаю? произнесъ Господичъ, поймавъ плечами и глянувъ въ сторону.

Варвара Капитановичъ придвинулась еще ближе къ нему, совсѣмъ ужъ близко и вдругъ обхватила его бѣлыми руками за шею и поцѣловала.

(До слѣдующаго №).

Къ рисункамъ.

Циркъ Чинизелли въ С.Петербургѣ: „Нибелунги“, балетъ-пантомима.

(Рис. на стр. 172 и 173).

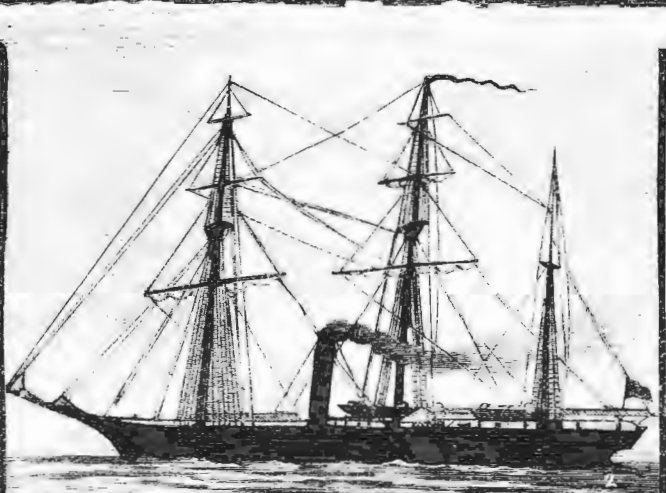
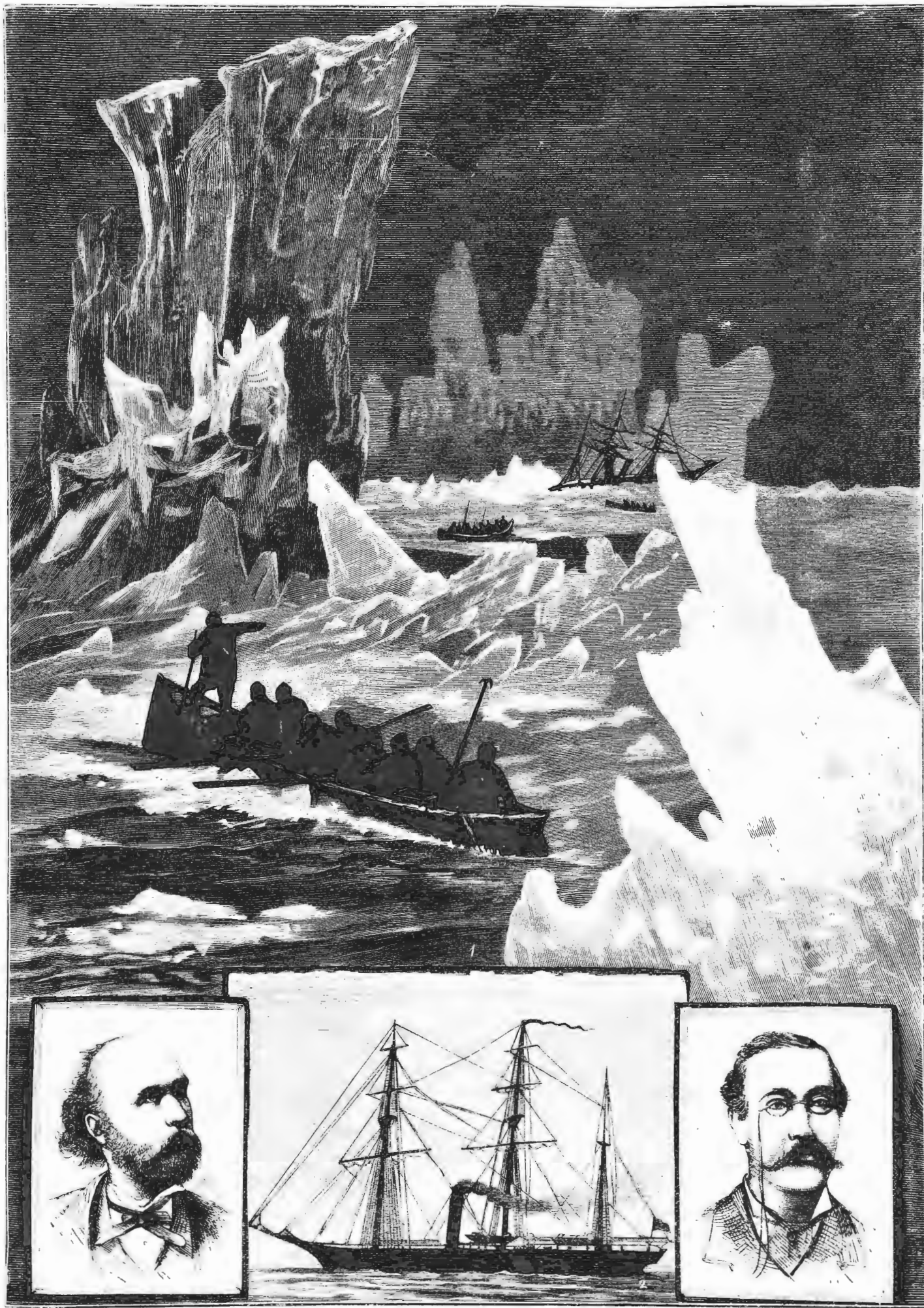
Въ № 47 „Иви“ за прошлый годъ мы помѣстили большой рисунокъ И. И. Каразина, изображающій прекрасную пантомиму „Крысоловъ“ поставленную въ циркѣ Чинизелли. Мы отдали должную справедливость ея прекрасной постановкѣ, но должны сказать, что она уступаетъ блестящей постановкѣ другой пантомимы, на которую съѣзжается теперь смотреть весь Петербургъ—и по значенію своему и по красотѣ картинъ, костюмовъ и дѣйствию она далеко оставляетъ за собою все прежнія.

Сюжетъ новой пантомимы взятъ изъ знаменитаго сказанія среднѣхъ вѣковъ „Пѣсни о Нибелунгахъ“.

Эта великая средневѣковая эпопея Германіи съ ея фантастическимъ, мифическимъ характеромъ, эти сказанія о легендарныхъ герояхъ, въ устахъ ранесовѣе обратившихся въ полубожества, въ гигантовъ въ борьбѣ съ злыми духами и стихіями природы—эта эпопея конечно могла дать много матеріалу для постановки фантастической пантомимы и нужно сказать, что завидываяшій постановкой сценъ г. Зимсъ показали большое знаніе дѣла, пониманіе условій такого представленія и несомнѣнный талантъ. Изъ четырнадцати отдѣловъ „Пѣсни о Нибелунгахъ“, одной изъ трехъ могучихъ отраслей покорѣнный герольвъ (Нибелунги, Гагелунги и Амелунги) взятъ эпизодъ о Зигфридѣ. У славнаго короля Зигмунда и сурруги его Зигединды есть сынъ Зигфридъ. Смолоду онъ высказываетъ силу и доблесть, такъ что родители радуются за него, но къ несчастью, онъ уже слишкомъ дикъ и неукротимъ. Отецъ посылаетъ его въ обученіе кузнечному ремеслу, но буйный юноша убиваетъ своего хозяина-мастера и когда вернувшись къ отцу и матери застаётъ ихъ огорченными и въ слезахъ о его дурномъ поступкѣ, слышитъ гнѣвные слова отца, вдругъ смиряется, раскаивается и совершенно перемѣняется и дѣлается достойнымъ имени героя по благодѣтельству, отвагѣ, великодушію и добротѣ. Въ первой сценѣ Зигфридъ прощается со своими, отъѣзжая на подвиги,

получаетъ мечъ и щитъ, его посвящаютъ въ рыцари. Здѣсь картина ширшества, турниръ суровыхъ воиновъ короля Зигмунда, поставлены великолѣпно и эффектно. Далѣе Зигфридъ проситъ руки прекрасной Хримгильды при дворѣ короля Бургундовъ Гунтера и получаетъ согласіе, но долженъ освободить принцессу, похищенную страшнымъ дракономъ. Энгель, король гномовъ, указываетъ Зигфриду пещеру и рыцарь смѣло вызывается чудовище на бой. Изъ пещеры выползаетъ весьма искусство сдѣланный ужасный драконъ, извергая изъ пасти пламя и пылая очами; Зигфридъ на своемъ прекрасномъ бѣломъ конѣ, покрытомъ серебряной сбруей, кидается на него, бьется съ нимъ и побѣждаетъ, валитъ его и изъ раны вмѣсто крови сыплется гучи искръ. Эффектное появленіе огромнаго чудовища, занимающаго чуть не три четверти арены цирка, всегда встрѣчается съ особеннымъ оживленіемъ въ верхнихъ мѣстахъ, гдѣ слѣдятъ за ходомъ дѣйствія съ напряженнымъ любопытствомъ; слышатся изумленные восклицанія свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ. Гунтеръ, король Бургундовъ, желаетъ сдѣлать предложеніе воиственной Брунегильдѣ: приѣзжаютъ къ ней и заставятъ ее на конѣ, занятую рыцарскими играми. Гордая царица объявляетъ, что только тотъ кто побѣдитъ ее на поединкѣ, можетъ получить ея руку. Зигфридъ, въ волшебномъ шлемѣ, выѣзжаетъ вмѣсто Гунтера на поединокъ и побѣждаетъ царицу. Идутъ блестящія празднества въ честь обрученія. Но тутъ во время разговора за столомъ обнаруживается, что Брунегильду побѣдилъ Зигфридъ а не Гунтеръ и царица рѣшается отомстить и обращается къ жестокому Гагену. На охотѣ, утомленный, Зигфридъ подходитъ къ ручью утолить жажду, когда изъ за скалы произлетаетъ его копье Гагена. Безутѣшная Хримгильда по смерти мужа велитъ перенести сокровища—кладъ Нибелунговъ въ Вормсъ. Но одинъ изъ богатѣйшій Гагена узналъ гдѣ кладъ Нибелунговъ, отбилъ его у стражей, разломалъ сокровищницу, овладѣлъ кладомъ и погрузилъ его въ Рейнъ. На прекрасномъ рисункѣ И. Каразина, слѣва, вверху, изображена борьба Зигфрида съ Брунегильдой. Подъ ними гномы съ ихъ королемъ Энгелемъ; ниже несчастная смерть Зигфрида отъ руки злога Гагена. Вправо, вверху, военныя упражненія амазонокъ а вни-

(Продолженіе на стр. 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191 и 192).

Георгъ Мельвилъ.

Оставление судна 23 июля 1881 г.
Пароходъ „Жанета“.

Лейтенантъ де-Тонгъ.

Съверная экспедиція парохода „Жанета“. Съ фотогр. гра. Библиотека „Руниверс“

зу бой Зигфрида съ дракономъ. Въ серединѣ картины погружение сокровища Нибелунговъ.

Картина погруженія сокровища Нибелунговъ въ Рейнъ одна изъ лучшихъ во всемъ представленіи и не уступаетъ грандіозному апофеозу, представляющему образъ Зигфрида, окруженнаго своими сподвижниками-богатырями; колесница съ группами апофеоза медленно удаляется, напутствуемая всегда самыми оживленными рукоплесканиями довольной публики. Поставлено все это, мы повторяемъ, прекрасно, съ талантомъ, костюмы свѣжи, красивы; группы, танцы, музыка—все соответствуетъ предмету. Мысль, для такихъ „народныхъ“ представленій взять сюжетъ изъ области старинныхъ сказаній, нельзя не назвать счастливою и мы думаемъ, что еще болѣе благодарный матеріалъ для такихъ сценъ могли бы дать намъ древнія былины, сказки. „Слово о полку Игоревомъ“ и т. п. Мы позволили себѣ сказать еще болѣе „благодарный“ потому, что это ближе было бы русской публикѣ и принималось бы ею какъ свое, русское, быть можетъ еще съ большимъ интересомъ, чѣмъ во всякомъ случаѣ вполнѣ безукоризненно поставленныя сцены изъ „Нибелунговъ“.

Фея горь.

(Рис. на стр. 177).

Когда человекъ въ первый разъ видитъ горы съ ихъ туманными разнообразными таинственными очертаніями, съ ихъ неопредѣленными переходящими видами, мѣняющимися съ измѣненіемъ освѣщенія, онъ невольно чувствуетъ что горы—это цѣлый міръ грѣзъ и не дивится что суетворное воображеніе горнаго жителя такъ глубоко проникается поэзією горъ и населить все эти роки, пустыни, скалы, пещеры, таинственными существами не здѣшняго міра. Вотъ заснул утомленный альпійскій молодой охотникъ и видитъ, что склоняясь падъ нимъ, воздушная, полупрозрачная, появляется волшебной красоты юная горная фея. Она такъ нѣжно и заманчиво глядитъ на него, она бросаетъ ему цвѣтокъ, ее легкіе покровы развѣваются по вѣтру—сердце его замираетъ отъ восторга, отъ страсти... Но пусть бережется молодой охотникъ, пусть не увлекается этой обманчивой, лживой красотой. Она пошеплетъ легкая, воздушная, прелестная и будетъ манить его за собой молящимъ, любящимъ взглядомъ. И бросится онъ за нею, увлекаемый безумною страстью, но поскользнется крѣпкая, привычная нога, посыплются мелкіе камешки въ бездонную пасть пропасти и только горные орлы будутъ рѣзать широкими кругами надъ трупомъ разбившагося бѣднаго охотника, завлеченнаго дивною нѣжностью коварной феи горь... Нашъ рисунокъ передаетъ картину Динца такъ, что даетъ полное, ясное представленіе объ этомъ превосходномъ произведеніи.

Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судковскаго.

(Рис. на стр. 180 и 181).

Въ прошломъ № мы уже сообщали объ открытіи весьма интересной выставки картинъ высоко-талантливаго пейзажиста Ю. Ю. Клевера и мариниста Р. Г. Судковскаго, въ залахъ Общества Выставокъ въ домѣ Гензена, на углу М. Конюшенной и Невскаго. Теперь эту выставку много посѣщаютъ, и мы находимъ нужнымъ поговорить объ ней подробнѣе.

Это первый примѣръ такой совмѣстной дружественной выставки; и обстоятельства сложились такъ, что дѣятельность обоихъ художниковъ постоянно шла, такъ сказать, параллельно, хотя мы не хотимъ этимъ сказать что они близки и по таланту.

Юлій Юльевичъ Клеверъ и Руфиэль Гавриловичъ Судковскій (род. въ Очаковѣ въ 1850 г.) въ одномъ году, въ 1868 поступили въ Академію и въ теченіи первыхъ-же трехъ мѣсяцевъ—чему не было примѣру—получили уже малую и большую серебряныя медали, будучи еще въ первомъ „головномъ“ классѣ. По различнымъ обстоятельствамъ, объясненіе которыхъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста, оба художника вышли изъ Академіи и не участвовали въ конкурсахъ на золотую медаль. Съ 1875 года художники начали ревностно самостоятельную работу—Клеверъ въ Петербургѣ, а Судковскій, удалившись на свою родину въ Очаковъ, гдѣ и дониндѣ живетъ постоянно и гдѣ такое неотразимое впечатлѣніе произвело на него великое родное ему море, что это и опредѣлило его призваніе. На развитіе таланта обоихъ много подѣйствовали ихъ заграничныя побѣды, изученіе образцовъ искусства занятія въ галлерейхъ и студіяхъ и разнообразіе вынесенныхъ изъ путешествія впечатлѣній.

Званіе художника первой степени Клеверъ получилъ въ 1876 году за прекрасную картину свою „Березовая роша“ послѣ 13 разъ повторенную и ставшую собственностью покойнаго Государя Императора. Судковскій-же въ слѣдующемъ году получилъ званіе художника 1 степени за картину „Ночь и буря“. Оба впрочемъ, еще до полученія званія, пользовались уже значительною извѣстностью и получили премии Общества поощренія художествъ. Картины Клевера, получившаго въ прошломъ году званіе профессора, покупались на расхватъ въ Петербургѣ. Судковскій-же въ это время работалъ въ Очаковѣ, не показываясь въ столицѣ и сдѣлавъ лишь двѣ выставки своихъ картинъ въ Одессѣ въ 1880 и 1881 гг., имѣвшихъ большой успѣхъ.

Выставленныхъ картинъ, эскизовъ и этюдовъ много—ихъ болѣе 60. Изъ нихъ мы помѣщаемъ здѣсь копія съ двухъ картинъ: „Лѣсная глушь“, болѣею по размѣру и эффектнѣйшей изъ картинъ Клевера и „Въ бурю близъ Одесскаго мала“—картины Судковскаго. Въ залахъ, влѣво отъ входа, на выставку помѣщены произведенія Ю. Ю. Клевера, и публика останавливается, пораженная поэтическимъ и глубокимъ проникновеніемъ природы въ большой картинѣ „Лѣсная глушь“, которую можно бы назвать въ лѣсу“. Художникъ удивительно освоился со все-

Зажиганіе фонаря на бакенѣ. Съ фотогр. Gr., грав. Гельштейнъ.

ми эффектами и прелестью всѣхъ нашихъ сѣверныхъ освѣщеній, особенно зимнихъ. Всдѣлавое удивленіе дѣсной прогалины не нарушается ни однимъ звукомъ, ни однимъ живымъ существомъ. Бываютъ такіе моменты въ лѣсу, когда онъ стоитъ, какъ зачарованный, подъ теплымъ свѣтомъ багроваго солнца, встаетъ-го въ туманѣ, и каждый звукъ тутъ, каждая фигура появляющаяся среди этой тишины, уже нарушаетъ очарованіе...

Въ этихъ-же залахъ можно ознакомиться и съ разнообразіемъ таланта нашего художника. Вотъ тихій, спокойный заливъ въ ясное утро, когда камни въ прозрачномъ воздухѣ кажутся какъ-бы вырѣзанными, и легкая рябь даже не трогаетъ залива. Вотъ зимній вечеръ. Заря окрашиваетъ прелестнымъ, блѣдно-пурпуровымъ свѣтомъ голые сучья и стволы березъ. Вотъ его превосходные этюды острова Наргена, котораго пустынная красота такъ поразила воображеніе художника своимъ нѣсколько угрюмымъ, оригинальнымъ сѣвернымъ характеромъ. (Копія была помѣщена въ „Нивѣ“ 1880 г. № 15). Вотъ тотъ этюдъ „Лѣсъ“, за который художникъ получилъ званіе профессора, въ которомъ впечатлѣніе сѣвернаго лѣса и его меланхолически-темная вѣчная зелень переданы съ такимъ мастерствомъ; вотъ его эффектная „Ночь“; вотъ еще прекрасный „Зимній вечеръ“ (принадл. князю С.-Донату); вотъ этюды дачъ Шувалова, острова Наргена и другіе, которые перечислять всѣ заняло бы здѣсь слишкомъ

много мѣста. Всѣмъ этимъ теперь любуется многочисленная публика.

Отъ затихша зеленыхъ лѣсовъ, отъ таинственно молчаливыхъ зимнихъ зорь, угренихъ и вечернихъ, отъ всей этой глубокой, наивѣвающей раздумье, поэзии природы, перейдемъ на правую сторону выставки въ область безконечной, могучей стихіи, поражающей и своей грозной тишиной и ужасами величаво-блѣшной бури. Талантливый маринист освоился съ моремъ, и изучилъ его. Или бурлитъ оно ужасно великими волнами подъ грозно нахмурившимся небомъ лѣтняго дня и чайки тревожно несутся надъ нимъ, какъ на огромной картинѣ (5 арш. дл. и 3 выш.), принадлежащей князю С. Донато. Это море около Одессы. Пароходъ, сильно нагренившись отчаянно борется съ волнами—его бросаетъ, какъ щепку. Осенью буря имѣетъ другой видъ—въ картинѣ „Буря осенью“ замѣчательна строгость рисунка и прозрачность наблѣгающей зеленоватой волны. Советъ профессоровъ, осуждавшій эту картину, призналъ ея достоинства и художникъ за нее получилъ званіе академика. Вотъ „Поддень“, на берегу близъ Очакова,—такъ и чувствуешь этотъ жаркій воздухъ, а волна какъ-бы ластится къ берегу; „Пустынь Бѣлое Озеро на Днѣпрѣ“—пустынное мѣсто, видно, что нога человѣческая не ступаетъ сюда и и оэтическое затихше моря также прелестно, какъ ужасно и красиво его грозное возстаіе.

Яхта морскаго клуба въ Одессѣ несетъ въ бурный полдень. Облака кое-гдѣ разорвались, пропуская тусклые лучи. Вдали видна Одесса. Но вотъ „Сумерки на берегу Чернаго моря“—теплый, мглистый вечеръ! Какая нѣга въ этомъ заллвѣ, окутанномъ наполненнымъ благоуханіями травъ и свѣжей волны, теплымъ, прозрачнымъ туманомъ!...

Есть интересныя этюды мѣстъ на Потемкинскомъ островѣ на Днѣпрѣ около Херсона, гдѣ помѣщалась знаменитая Сѣча Запорожская. Нѣтъ таму и нуму Сѣчи, ея удалой вольницы, нѣтъ ея шумныхъ сборищъ, разгульной жизни ея таборовъ. Все тихо, пустынно и заброшено...

И образъ моря послѣ этихъ картинъ остается ясный и памятный.

О море, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И вѣчно, вѣчно помню буду
Твой шумъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перещесу, тобою полны,
Твои скалы, твои заливы
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнь...

Съ лѣвой стороны, въ двухъ темныхъ залахъ, освѣщены лампы еще двѣ картины. Одна, Судковскаго, „Берегъ“ съ пѣнистою, наблѣгающею волною, другая—единственный на выставкѣ жанръ Семирадскаго „Пределы власти“, отличающаяся присущею этому художнику силою красокъ, и солнечнаго освѣщенія.

Участь парохода „Жанетты“ и ея экипажа.

(Рисунокъ на стр. 185).

Въ половинѣ 1879 года, въ Америкѣ возникла мысль о граплдіозномъ предпріятіи: известный Гордонъ Геннетъ, издатель газеты „New York Herald“ (на деньги котораго было принято знаменитое путешествіе Стэнди во внутреннюю Африку), задумалъ снарядить ученую экспедицію на сѣверный полюсъ. Вслѣдъ за идеей предпримчивый американецъ тотчасъ же принялся за выполненіе своего проекта; онъ купилъ англійскій пароходъ „Пандору“, который совершалъ дважды удачныя путешествія въ арктическія страны, заплотивъ за него 20,000 долларовъ и кромѣ того употребилъ не менѣе 60,000 долларовъ для снаряженія судна и укомплектованія его выборнымъ экипажемъ. Такъ матросы „Жанетты“ были набраны изъ людей крѣпкихъ и молодыхъ, имѣющихъ не менѣе 25 лѣтъ и не болѣе 35 и каждому изъ нихъ было назначено жалованье 25 долларовъ въ мѣсяць. 8-го іюля (п. с.) 1879 г. всѣ приготовленія были окончены и паровая яхта „Жанетта“ (бывшая Пандора) при громкихъ кликахъ восторга собравшейся публики, вышла въ море изъ С.-Франциско, съ экипажемъ, состоявшимъ изъ 41 человѣка, подъ начальствомъ американскаго морскаго офицера Де-Лонга и съ большимъ запасомъ разнаго рода жизненныхъ припасовъ и различныхъ инструментовъ для ученыхъ изслѣдованій. Цѣль, предначертанная экспедиціи была—изученіе сѣверной части Берингова пролива, а также материковъ Врангеля и Кенетта, причемъ предполагалось достигнуть возможно болѣе сѣверной широты.

Начало путешествія „Жанетты“ было довольно удачно; она время отъ времени заходила въ портъ Аляски и оттуда посылала о себѣ письменныя извѣстія: въ первыхъ же числахъ сентября нѣсколько китолововъ видѣли ее южнѣ Врангелевой земли, но съ этихъ норъ всѣ вѣсти о „Жанеттѣ“ прекращаются и судьба ея долго оставалась неизвѣстной, не смотря на всѣ розыски другихъ судовъ, посланныхъ ее отыскивать. Наконецъ лишь 20-го декабря прошлаго года депеша присланная въ Петербургъ изъ Иркутска извѣстила, что какъ самый корабль, такъ и его экипажъ постигла самая несчастная участь. Вотъ

какъ одинъ изъ спасшихся участниковъ экспедиціи, лейтенантъ Данненгауеръ передаетъ подробности этого печальнаго событія:

„Изъ Колочинной бухты, говоритъ онъ, мы отправились на Сѣверъ—розсмѣривать неизвѣстныя страны. Подожди къ Врангелевой землѣ встрѣтили ледъ, въ которомъ должны были пробиваться. 6-го сентября 1879 года невозможно уже было двигаться впередъ—ледъ былъ очень густъ. Мы были затерты льдами и въ такомъ положеніи провели 21 мѣсяць.

„12-го іюня 1881 года „Жанетта“ была разбита льдами, приблизительно въ 900 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ устья Лены. Мы пустились въ путь по льду, сначала—пѣнкомъ, потомъ—въ шлюнкахъ до острова Симановскаго.

12-го сентября 1881 года отправились мы въ трехъ шлюнкахъ: первую командовалъ Де-Лонгъ, при немъ было 13 матросовъ; вторую—лейтенантъ Чинишъ, съ семью матросами; третью—старшій механикъ Мельвилъ, съ десятью матросами. Въ ближайшую же ночь свирѣпствовала страшная буря. Мы скоро потеряли другъ друга изъ виду. Де-Лонгъ прибылъ къ устью Лены 17-го сентября. Такъ какъ, вслѣдствіе мелководья, невозможно было приблизиться къ землѣ, то онъ бросилъ шлюнку и всѣ отправились къ берегу пѣнкомъ. Де-Лонгъ отправилъ нѣсколько къ югу. Команда странно ослабѣла; вслѣдствіе полнѣйшаго недостатка провизіи, Де-Лонгъ послалъ двухъ матросовъ впередъ—искать людей, припасовъ. Они шли 15 дней, въ теченіе которыхъ питались кожей саноговъ, матеріею отъ одежды! Наконецъ 9-го октября, они нашли тухлую рыбу въ избушкахъ, покниутыхъ мѣстными промышленниками. Въ избушкахъ то и нашли этихъ матросовъ 27-го октября, три туруса, которые немедленно перевезли ихъ, совершенно уже ослабѣвшихъ, въ деревушку Булана.“

Этотъ краткій но краснорѣчивый разсказъ достаточно передаетъ тѣ ужасныя страданія, которые долженъ былъ пережить экипажъ „Жанетты“ блуждая почти три мѣсяца на шлюнкахъ, среди бурнаго, негостепримнаго моря, устѣпшаго ледяными глыбами, въ безпрерывной борьбѣ съ непогодой и густымъ, непроходимымъ туманомъ. Фактъ почти единственный въ лѣтописяхъ арктическихъ экспедицій!.. Теперь спасшаяся команда получила всевозможную помощь и кромѣ того приняты самыя энергическія мѣры для отысканія остальнаго экипажа. На поиски уже отправился лейтенантъ Мельвилъ и два корреспондента Джексонъ и Леренсъ, приславшыя Беннетомъ изъ Америки. Кромѣ того известный коммерсантъ и владѣлецъ парохода „Лена“ г. Сидоровъ, уступилъ съ полною готовностью свое судно для дальнѣйшихъ попытокъ папастъ на слѣдъ погибшей команды.

На рисункѣ нашемъ вверху мы видимъ мрачную картину затертой глыбами и разбитой „Жапеты“ въ уныломъ царствѣ льдовъ и несчастныхъ пассажировъ ея, оставляющихъ свое судно и идущихъ на вѣрную ужасную смерть 23 іюня 1881 г. Внизу—портретъ старшаго механика Мельвила и отважнаго лейтенанта де-Лонга.

Зажиганіе фонаря на пловучемъ маякѣ въ Англіи

(Рис. на стр. 186).

Въ Англіи, этой торговой и морской державѣ по преимуществу, содержаніе и освѣщеніе маяковъ, особенно у входа въ Темзу, всегда представлялось вопросомъ чрезвычайной важности. И дѣйствительно маяки доведены здѣсь до совершенства какъ въ отношеніи ихъ устройства, такъ и обилія свѣта, видимаго для судовъ даже на десять миль разстоянія.

Число такихъ маяковъ около Темзы простирается до десяти; иные изъ нихъ—крѣпкія, надводныя постройки, соединенныя съ берегомъ посредствомъ длиннаго и узкаго помоста; другіе-же устроены на пловучихъ судахъ неподвижно, укрѣпленныхъ нѣсколькими тяжелыми якорями. Для маяковъ существуетъ особая команда, на которой лежатъ трудная обязанность зажигать ихъ и смотрѣть за ихъ исправностью. Эта команда состоитъ обыкновенно изъ мастера, его помощника и нѣсколькихъ ламповниковъ и матросовъ, которые по очереди смѣняются и сѣзжаютъ отдохнуть на берегъ. Кромѣ того, особое военное судно совершаетъ правильные рейсы, поспѣвая всѣ маяки и снабжая ихъ жизненными припасами, свѣжей водой и всѣмъ необходимымъ и пополняя при этомъ убывающій иногда комплектъ маячной команды. Этотъ рейсъ обыкновенно продолжается три дня и затѣмъ команда пловучаго маяка снова остается одна среди волнь, въ борьбѣ съ бурей и непогодой, поддерживая свое мужество лишь сознаніемъ важности и необходимости своего подвига. Дѣйствительно, жизнь маячной команды проходитъ среди постоянныхъ лишеній и опасностей и потому служить въ ней могутъ лишь люди въ высшей степени мужественныя, энергичныя и физически крѣпкія, привыкшіе ко всѣмъ случайностямъ одинокой жизни, среди бурнаго моря. Лишь немногіе пловучіе маяки не имѣютъ постоянной команды; они освѣщаются газомъ, который горитъ на нихъ безпрерывно около мѣсяца. Въ извѣстные-же сроки къ нимъ подъѣзжаетъ судно, снабжающее ихъ освѣтительнымъ матеріаломъ и снова удаляется.

Мы видимъ на нашемъ рисункѣ, съ какими опасностями и затрудненіями, среди кипящихъ волнь, въ бурю, сопряжено такое простое, повидимому, дѣло какъ зажиганіе фонаря на маякахъ.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія въ Средней Азии. — Австрія. — Сербія и Болгарія. — Турція. — Франція. — Египеть. — Уэль Скобелева.

Англичане продолжают сильно беспокоиться по поводу нашего приобретения въ Закаспійскомъ краѣ и новой границѣ съ Персїей (съ которой мы уже сообщали читателямъ); изъ Индіи уже сообщалось, будто наши войска взяли Мервъ и, въ то же время, въ палатѣ общины однимъ изъ членовъ (Стенгопъ) сдѣлать заявленіе — предлагала-ли Англія, до заключенія русско-персидскаго трактата, чтобы, при проведеніи новой русско-персидской границы, присутствовала уполномоченный Великобританіи? на что товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Дилъкъ, отвѣтилъ, что такого предложенія великобританское правительство не дѣлало, но, что въ настоящее время происходитъ объѣздъ мѣстной касательно измѣненія части границы. Измѣненіе это, пожалуй, можетъ сдѣлаться значительнымъ, если мы уступимъ великобританскому „предложенію“, согласно которому повалъ пограничная черта проходить въ 150 миляхъ отъ персидскаго укрѣпленія Серакса, отъ котораго, пока, она проведена на гораздо меньшемъ разстояніи. Войска наши не только не завоевывали Мерва, но даже и не двинулись далѣе Асхабада; но, если вѣрить повѣстнымъ извѣстіямъ „Агентства Рейтера“, имъ, пожалуй, придется и двинуться: среди мервскихъ туркменъ возникло разногласіе, вследствие которыхъ они раздѣлились на вѣскольکو небольшихъ становъ; въ 12-ти миляхъ отъ Серакса появилось 2 тысячи хорошо вооруженныхъ туркменъ, слѣдовавшихъ въ южномъ направленіи и, повидному, готовившихся къ набѣгу.

Галицкіе крестьяне въ Галиціи приняли православіе и, какъ сообщилъ членъ галицкаго сейма Качала (которому было поручено изслѣдовать все на мѣстѣ), они поступили такъ по совѣту епископа изслѣдующаго полякамъ барона Делла-Скала, семейство котораго тоже перешло въ православіе. Австрійскія войска въ Герцеговинѣ и Босніи, двинутыя, было, по всей линіи въ наступленіе, приостановили движеніе, по причинѣ „дождливаго времени“. До сихъ поръ, въ официальныхъ сообщеніяхъ постоянно передавались извѣстія о побѣдахъ надъ устанами во вѣхъ стычкахъ, происходившихъ съ самаго начала, но, повидному, это несомнѣно вѣрно: корреспондентъ англійской газеты „Manchester Guardian“ телеграфировалъ изъ Зары о томъ, что австрійцы были разбиты въ сраженіи между Невесиньемъ и Жогою, причемъ устанамъ достался весь австрійскій транспортъ; кромѣ того въ той-же депешѣ сообщено весьма важное извѣстіе, что 35 человекъ изъ одного далматскаго полка (Weber regiment) перешли къ устанамъ и что созывъ далматскаго резерва приостановленъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ переходовъ. Другія депеши извѣщаютъ о захватѣ инсургентами стратегической позиціи между Сераевымъ и Мостаромъ и о новыхъ многихъ побѣдахъ изъ австрійской арміи. Чѣмъ-бы ни кончилась борьба горети славянъ съ подавляющею силою Австріи — борьба эта будетъ плодотворна не для Австріи. Насколько уже и теперь чувство говоритъ въ устанамъ, мы можемъ видѣть изъ того, что главнымъ вождемъ семи отрядовъ, теперь, — мусульманинъ бейъ Бекиръ-Бей. Вообще, австрійскія свѣдѣнія о враждебности мусульманъ къ движенію невѣрны, такъ какъ весьма часто встречаются четы смѣшанныя, изъ православныхъ и мусульманъ, а также и католиковъ, на которыхъ въ Вѣнѣ много надеялись и надеются. Значительнѣйшіе отряды устаней силою отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человекъ сосредоточены нынѣ въ трехъ главныхъ пунктахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣскольکو десятковъ верстъ; промежуточное пространство наполнено мелкими четами, задача которыхъ состоитъ, главнѣйше, въ нападеніи на небольшие австрійскіе отряды и транспорты, вербовки новыхъ добровольцевъ и поддержаніи сношеній между главными пунктами.

С М Ъ С Ъ.

Мосты изъ стекла. Въ Англіи теперь производится опыты устройства изъ стекла небольшихъ мостовъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ изобрѣтателя этого способа, г. Сименса, приготовляются изъ стекла низшаго сорта опредѣленной величины пласты, по указанному имъ способу. Опыты, производимые надъ прочностью этихъ стеклянныхъ досокъ, дали удивительные результаты. Пласты эти, прикрѣпленные на концахъ такимъ образомъ, что могли свободно висѣть на длинѣ около одного метра (1 арш. 6 1/2 вершк.), ломались только при напорѣ тяжести въ 5,000 килограммъ (312 1/2 пуд.) — на срединную часть доски. При равномерномъ распределенной тяжести, они выдерживали двойное количество груза. Затѣмъ испытывали прочность пластовъ по отношенію къ толчкамъ и ударамъ, на плоскости въ 500 кв. сантим. и 28 миллим. толщины. Для этой цѣли пласты помещались на песчаномъ грунтѣ. Затѣмъ сверху надала тяжесть въ 500 килогр. (около 33 пуд.) съ начальной вышины въ одинъ метръ. Такъ какъ стеклянные доски выдерживали эти удары безъ малѣйшаго измѣненія, то постепенно увеличивали высоту паденія. Только при паденіи этой тяжести съ высоты шести метровъ, они сломались, между тѣмъ какъ чугунные пласты,

изъ Сербіи и Болгаріи приходятъ вѣсти тревожныя. Въ Бѣлградѣ будто-бы открытъ заговоръ противъ князя Милана, котораго намѣревались свергнуть съ престола, въ дѣло замѣшаны многіе бѣлградцы и, между прочимъ, Ристичъ (?), успѣвшій бѣжать вмѣстѣ, съ большею частью другихъ заподозрѣнныхъ. Въ Болгаріи, говорятъ, тоже открытъ заговоръ подобнаго рода и тоже, будто бы, однимъ изъ главныхъ участниковъ былъ прежній первый министръ Цанковъ, который, по указу князя, арестованъ. Въ княжествѣ собираются сходки, требующія возстановленія конституціи, все это увѣряютъ вѣсныя газеты. Князь Александръ, согласно дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, вступить въ бракъ съ сестрою князя Милана.

Султанъ Абдуль-Гамидъ, при передачѣ ему княземъ Радзивиломъ звѣзды Чернаго Орла, сказалъ, между прочимъ: „Оказанная мнѣ честь служить новымъ залогомъ дружескихъ сношеній между Германіей и Турціей, которыя, надѣюсь, съ теченіемъ времени, будутъ становиться все болѣе и болѣе прочными“.

Изъ Парижа сообщаютъ слухъ, будто и тамъ открытъ заговоръ противъ Греви; слухъ этотъ, пока до того неопредѣленный, что болѣе печого и прибавить, развѣ только то, что онъ, можетъ быть, не болѣе какъ выдумка! Гамбетта, возвратившійся изъ своей недавней поѣздки на югъ (въ Италію, говорятъ, онъ видѣлся съ королемъ Гумбертомъ) оказывать дѣятельную поддержку Фрейсина. Франція и Англія обратились къ державамъ съ той, въ которой, говоря просто, просили о согласіи ихъ распорядиться въ Египтѣ по своему желанію, которое у этихъ двухъ великихъ свободолюбивыхъ цивилизованныхъ государствъ совершенно расходится съ стремленіемъ египетскаго народа добыть себѣ самостоятельность, началъ обновленнаго государственное существованіе. Желаютъ французы и англичане, эти послѣдніе великихъ человѣческихъ принциповъ просто на просто захватить въ свои торгашескія руки страну, которая рвется на свободу, которой хочется жить по своему, безъ ига и ферулы иноземцевъ. Ходятъ слухи, будто державы дали свое согласіе на то, чтобы Франція и Англія распорядились въ Египтѣ по своему усмотрѣнію, т. е. прислали бы броненосцевъ, войска и агентовъ, распустили бы египетскія власти и армію и, затѣмъ, устроили бы свой порядокъ, наиболѣе подходящий къ ихъ эксплуататорскимъ цѣлямъ. Впрочемъ говорить, что Фрейсина желаетъ активной политики въ отношеніи Египта. А пока, египетское правительство декретировало уничтоженіе рабства въ Египтѣ.

Газеты полны теперь разсужденіями по поводу рѣчи нашего храбраго генерала Скобелева въ Парижѣ. Въ Парижѣ, гдѣ генералъ былъ случайно, явилась къ нему депутація отъ сербскихъ студентовъ и она имъ сказала весьма рѣзкую рѣчь, смыслъ которой тотъ, что главные враги возрождающагося славянства — нѣмцы. Это возбудило цѣлую газетную бурю. Газеты нѣмецкія рѣзко укоряли генерала за возбужденіе національной вражды, за безтактность такого заявленія и придали повидному слишкомъ большое значеніе этому выраженію во всякомъ случаѣ личнаго мнѣнія, которое ни малѣйшаго вліянія не можетъ имѣть на политику никакого правительства. Высочайшая воля въ смыслѣ политики нисколько миролюбивой, посвященной прежде всего общественному и гражданскому развитію страны, такъ ясно выражена въ манифестѣ 29 апрѣля что странно думать что какая либо рѣчь могла-бы измѣнить такое рѣшеніе Высочайшей власти. Всѣ возражающіе и толкующіе объ этой рѣчи уже этимъ самымъ раздуваютъ ее и придаютъ ей такое значеніе какого она не имѣетъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и „Journal de St-Petersbourg“ точно такъ появились сообщенія рѣшительнымъ образомъ отвергающія всякое значеніе этой рѣчи кромѣ личнаго мнѣнія генерала Скобелева.

одинаковыхъ размѣровъ и крѣпости, не выдерживали и менѣе сильнаго паденія тяжести.

Въ настоящее время сдѣланы на полотнѣ желѣзной дороги у Стратфорда нѣскольکو мостовъ изъ подобнаго матеріала, длиною въ одинъ метръ. Рельсы помѣщаются въ особо приготовленныхъ желобахъ поверхъ этихъ досокъ. Для того, чтобы предупредить образованіе въ стеклѣ трещинъ и дыръ, могущихъ появиться отъ давленія на подобный мостъ рельсъ и тѣмъ уменьшитъ его крѣпости, подложены металлическія подстилки. Стоимость стеклянныхъ мостовъ менѣе чѣмъ деревянныхъ или желѣзныхъ; слѣдуетъ, кромѣ того, принять въ соображеніе, что стекло не подвергается ни гниенію, ни ржавчинѣ.

Будетъ-ли имѣть это открытіе практическое значеніе, — докажутъ дальнѣйшія изслѣдованія.

Электрическая лампа для локомотивовъ. Во время поѣздки крешпринца Рудольфа въ С. Михайль-Лосбенъ, въ ночь съ 19 на 20 прошлаго мѣсяца, въ видѣ пробы былъ пущенъ одинъ локомотивъ, съ котораго проѣзжаемый путь освѣщался электрическимъ свѣтомъ. Установленная на котлѣ электрическая лампа приводится въ дѣйствіе небольшою паровой машинкой, тоже помѣщаемой на

котлы и снабжающей выходящим из него паромъ. Электрическая лампа находится надъ дверцами дымовой коробки. По мѣрѣ надобности, машинистъ можетъ измѣнять ея положеніе, съ цѣлью распространенія свѣта въ ту или другую сторону. Всѣ производимые до сихъ поръ опыты были неудачны, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности подобной лампы, не выдерживающей толчковъ локомотива. Въ результатъ получался неровный и нестойчивый свѣтъ. Лампа, изобрѣтенная нынѣ телеграфистомъ Седецекомъ и приготовленная С. Шубертомъ въ Юрибергѣ, оказалась вполнѣ удовлетворительной на произведенной пробоѣ поѣздкѣ. Свѣтъ оставался равномернымъ, и путь могъ быть наблюдаемъ на протяженіи 400 — 500 метровъ. При передвиженіяхъ лампы, во время поворотовъ полотна желѣзной дороги, путь былъ видѣнъ на 200 метровъ. На пробѣмъ пути находящейся туннель доставилъ возможность вполнѣ оцѣнить этотъ способъ освѣщенія, особенно пригодный при изслѣдованіяхъ туннелей. Искость, съ которой можно было отличать на дальнемъ разстояніи сигнальные знаки и особенно ихъ цвѣта, была поразительна. Свѣтъ этотъ вызывалъ успокоительное чувство особенно при приближеніи къ станціи: каждое измѣненіе сигнала въ легко можно было видѣть. Результаты этого опыта могутъ считаться удачными во всѣхъ отношеніяхъ и было-бы желательнѣе, чтобы пользование этими лампами не встрѣтило препятствія со стороны стоимости и расходовъ на содержаніе ихъ: только при осуществленіи послѣдняго условія возможно рассчитывать на примѣненіе подобнаго способа освѣщенія въ большихъ размѣрахъ.

Сложные портреты. Путешественники, побывавшіе въ странахъ, населенныхъ дикими народами единогласно утверждаютъ, что между отдѣльными представителями ихъ существуютъ такіе черты различія и сходства, въ которыхъ бываетъ сначала съ непривычки весьма трудно примѣнить. Съ другой стороны, индѣйцы, напримѣръ, легко принимаютъ одного англичанина за другаго. Всѣмъ извѣстно, наконецъ, что члены одного и того же семейства носятъ въ чертахъ своего лица нѣчто общее, дающее возможность распознавать ихъ, не смотря на различія по возрасту и полу; всякій знаетъ, что эта общая черта называется фамильнымъ сходствомъ.

Нельзя-ли, въ такомъ случаѣ, схватить эти таинственные соотношенія и воспроизвести ихъ въ одномъ общемъ изображеніи, которое могло бы соединить въ себѣ одновременно всѣхъ представителей одного типа или, лучше сказать, самый этотъ типъ? Такой именно смыслъ имѣли недавнія попытки, произведенныя Гальтономъ.

Чтобы получить такое изображеніе, онъ беретъ нѣсколько различныхъ фотографическихъ карточекъ, снятыхъ въ одномъ и томъ же положеніи лицъ, положимъ, прямо, en face. Всѣ карточки эти должны быть одинаковой величины. Наложивъ таковыя одна на другую такъ, чтобы всѣ черты лица по возможности совпадали, онъ помещаетъ ихъ передъ объективомъ фотографическаго прибора.

Предположимъ, что у него десять портретовъ. Онъ фотографируетъ первый, положимъ, впродолженіи восьми секундъ, и закрываетъ аппаратъ; вынувъ снятую карточку, онъ получаетъ, затѣмъ, на той же самой пластинкѣ фотографическое изображеніе втораго портрета, впродолженіи также восьми секундъ; новый перерывъ. Фотографированіе третьяго портрета и такъ далѣе, пока не будутъ воспроизведены на одной и той же пластинкѣ всѣ десять. На послѣдней получается, такимъ образомъ, одно общее изображеніе всѣхъ десяти лицъ или то, что можно назвать сложнымъ портретомъ.

На этомъ изображеніи, черты, общія всѣмъ десяти портретамъ, являются особенно ясно воспроизведенными на пластинкѣ. Наоборотъ, черты, свойственныя, положимъ, только одному портрету оставили на ней едва замѣтные слѣды, ибо они воспроизводились всего впродолженіи восьми секундъ. Далѣе, черты, общія только нѣкоторымъ портретамъ, а не всѣмъ, представляются тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше число портретовъ, которымъ онѣ свойственны. Такимъ путемъ получается портретъ, изображающій одновременно десять первоначальныхъ лицъ или, говоря точнѣе, средній типъ этихъ десяти лицъ.

Безъ всякаго вреда для окончательнаго изображенія, можно снять послѣдовательно и мужчинъ и женщинъ, и стариковъ и дѣтей, и бордатыхъ и безбородыхъ. Морщины, волосы, бакенбарды, свойственные исключительно одному лицу, оставляютъ на изображеніи только легкую тѣнь, совершенно незамѣтную въ общемъ. Что можетъ быть любопытнѣе подобнаго изображенія, похожаго на весь міръ вообще и ни на кого въ частности? Въ немъ заключаются именно то неуловимое *фамильное сходство*, которое несомнѣнно существуетъ между чертами лица ребенка и морщинистымъ лицомъ старика.

Этотъ способъ можетъ, конечно, оказать большія услуги путеше-

ственнымъ, описанія которыхъ могутъ получить, благодаря ему, точность доселѣ недостижимую. Понятно, что общій портретъ народа красиваго типа будетъ лучше каждаго изъ его отдѣльныхъ представителей, потому что отдѣльныя неправильныя черты лягутъ въ немъ совершенно незамѣтными. Относительно народа безобразнаго должно наблюдаться, понятнѣе, обратное явленіе.

Сложный портретъ членовъ одного и того-же семейства дастъ результаты въ высшей степени интересныя. Гальтонъ дѣлаетъ чрезвычайно оригинальное примѣненіе своего способа, для опредѣленія черты лица ребенка, который долженъ родиться отъ извѣстнаго брака. Онъ беретъ для этого портреты отца, матери, другихъ дѣтей, если они есть, дяди, тетокъ и пр. Затѣмъ, приготовивъ по нимъ карточки одинаковой величины и расположивъ ихъ извѣстнымъ образомъ, помещаетъ въ фотографическій приборъ и снимаетъ поперемѣнно. Необходимо при этомъ, чтобы карточки отца, матери, братьевъ и сестеръ, по причинѣ большаго сходства ихъ съ будущимъ рисункомъ, находились вчетверо дальше подлѣ вліяніемъ свѣта, нежели карточки двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, дядей, тетокъ, бабушекъ и дѣдовъ. Такимъ образомъ получится изображеніе будущаго ребенка.

Такъ можно воспроизвести вѣрный портретъ лица по нѣсколькимъ его карточкамъ: если послѣднія похожи одна на другую, то въ сложномъ портретѣ сходныя черты останутся, а неправильности будутъ незамѣтны. Пользуясь медалями, Гальтонъ получалъ, такимъ путемъ, пріобрѣтительныя изображенія римскихъ императоровъ и греческихъ героевъ. Профиль очаровательной Клеопатры далъ сложное изображеніе, лучшее каждаго изъ его составляющихъ.

Съ помощію того же способа, Гальтонъ воспроизвелъ сложные портреты преступниковъ, осужденныхъ за убійство и другія преступленія. Получились два типа, значительно различившіеся одинъ отъ другаго. Можно было бы попытаться получить такимъ путемъ портреты математиковъ, музыкантовъ, поэтовъ, писателей, словомъ, людей болѣе или менѣе различныхъ умственныхъ занятій. Умаленные различныя роды, идиоты и пр. могли бы быть точно также сгруппированы съ пользою. Типы различныхъ родовъ животныхъ могли бы быть получаемы съ большимъ успѣхомъ такимъ путемъ. Но трудно пересчитать всѣ возможныя примѣненія остроумнаго способа Гальтона. Можно надѣяться, что сложные портреты пріобрѣтутъ немаловажное значеніе, особенно когда будутъ усовершенствованы.

Водобоязнь. Изъ всѣхъ болѣзней, происходящихъ отъ отравленія какимъ-либо ядомъ, нужно признать водобоязнь—это извѣстно со всею точностію: отъ укушенія бѣснаго плотояднаго животнаго, укушенія, приводящаго обыкновенно къ роковому концу, если ядъ привился. Но мы почти ничего не знаемъ ни о самомъ ядовитомъ веществѣ, ни объ анатомическихъ поврежденіяхъ, если зараженіе сопровождается таковыми. Что же касается до леченія, то мы знаемъ, можно сказать, только одно, а именно, что оно неэффективно. И въ виду такого характера болѣзни, ею занимались мало; статистика ея оставалась желать многого: между тѣмъ, отъ нея погибаетъ много людей. Вотъ нѣкоторыя небезынтересныя данныя статистики водобоязни относительно Франціи. Между 1850 и 1876 годами, водобоязнь здѣсь отъ водобоязни, среднимъ числомъ, 28 человѣкъ. Женщины составляли нѣсколько меньше одной трети всѣхъ случаевъ, дѣти еще меньше, что совершенно понятно, въ виду ихъ болѣе сидячаго образа жизни. Число укушенныхъ бѣшенымъ животнымъ почти вдвое больше числа подвергшихся дѣйствительному зараженію, частію вслѣдствіе того, что ядъ оставался на платьѣ, частію оттого, что самое укушеніе было неядовито.

Общее число укушеній въ этотъ періодъ времени было произведено 700 собаками, 38 волками, 23 кошками и одной лисцей.

Смерть настаивала, обыкновенно черезъ 3 или 4 дня; довольно часто, однако, случалось, что больной умиралъ и въ первый день; наконецъ, однажды, мученія болѣзны продолжались цѣлыхъ 15 дней.

Леченіе нѣкоторыми средствами оказывалось совершенно безплоднымъ. Такъ что самое лучшее, что нужно дѣлать въ такихъ случаяхъ, это смѣло прѣжгать раскаленнымъ желѣзомъ. Статистика показываетъ, что безъ прижиганія, смертность составляетъ 82 процента, т. е.: изъ 100 случаевъ укушенія—82 оканчиваются смертью; тогда какъ, при прижиганіи, она понижается на 36 процентовъ, то есть: изъ 100 случаевъ только 36 оканчиваются смертью. Такого значенія прижиганія.

Микроскопическія существа въ водѣ и въ воздухѣ. Извѣстно, что знаменитый французскій химикъ Пастеръ, открылъ присутствіе микроскопическихъ веществъ всюду, въ водѣ, которую мы

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Со слѣдующаго № 9 „Нивы“ начинается печатаніемъ обѣщанный нашимъ читателямъ большой историческій романъ „ВОЛЬТЕРЬЯ-НЕЦЪ“ Всеволода Соловьева, служащій продолженіемъ романа „Сергѣй Горбатовъ“, помѣщеннаго въ „Нивѣ“ 1881 г.

пьемъ, въ воздухѣ, которымъ дышемъ, въ пищу, которую потребляемъ. Чрезвычайно малая величина этихъ существъ, вследствие этого и названныхъ микроскопическими, дѣлаетъ не особенно легкимъ обнаруженіе ихъ посредствомъ увеличивающихъ оптическихъ инструментовъ. Дѣло въ томъ, что такъ называемыя инфузоріи, находящіяся въ водѣ,—гиганты въ сравненіи съ тѣми микроскопическими существами, которымъ принадлежитъ главная роль въ происхожденіи и развитіи эпидемическихъ заразныхъ болѣзней. Одинъ изъ ученыхъ, Сергъ, нашелъ средство, облегчающее открытіе въ водѣ микроскопическихъ существъ вообще малой величины. Онъ проливалъ въ изслѣдуемую воду чрезвычайно малое количество осмевой кислоты: поль-частины на 1000 частей воды. При этомъ, всѣ микроскопическія существа, находящіяся въ ней, умирали, безъ всякаго измѣненія формы и осѣдали на дно сосуда. Одновременно происходило окрашиваніе ихъ слегка въ черныя цвѣтъ.

Наименьшее количество различныхъ микроскопическихъ существъ, содержащихся въ воздухѣ, приходится, по изслѣдованіямъ г. Микеля, на долю такъ называемыхъ бактерий. Интересна слѣдующая особенность, которую они представляютъ сравнительно съ другими. Въмѣстѣ съ прочими онѣ подчиняются одинаково вышеприведенному вліянію времени года, но относительно сырости обнаруживаютъ обратное явленіе. Именно, бактерий гораздо меньше содержится въ воздухѣ во время сырой погоды, тогда какъ во время засухи число ихъ значительно увеличивается. Соответственно этому, онѣ замѣчаютъ уменьшеніе и увеличеніе смертныхъ случаевъ отъ эпидемическихъ болѣзней, разнородныхъ этими микроскопическими существами.

Гарунъ-Аль-Рашидъ и арабскія сказки. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не увлекался арабскими сказками и незнакомъ съ однимъ изъ ихъ героевъ—величавымъ и справедливымъ Калифомъ Гарунъ-

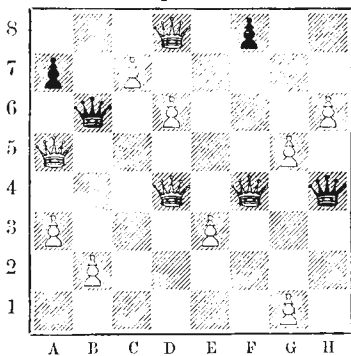
Аль-Рашидомъ. Пылкая восточная фантазія дѣйствительно облекла его въ самый обаятельный образъ; по восточнымъ разсказамъ онъ былъ образцовый правитель, часто инкогнито бродившій по улицамъ Багдада, чтобы заботиться лично о благосостояніи и безопасности своихъ подданныхъ. Но вотъ англичанинъ Пальмеръ недавно издалъ въ свѣтъ исторію Гарунъ-Аль-Рашида, основанную на несомнѣнныхъ документахъ и сказочный герой, справедливый и человѣчный калифъ оказывается очень обыкновеннымъ на старомъ востокѣ жестокимъ и вѣроломнымъ деспотомъ. Онъ дѣйствительно уважалъ поэтовъ и ученыхъ; самъ писалъ стихи и велъ безконечныя богословскіе споры съ улемами о коранѣ, но лаская и награждая какого-нибудь умника, онъ не задумывался при случаѣ отрубить ему и голову. Официальный исполнитель казней часто сопровождалъ калифа, чтобы по его знаку быть готовымъ.

Преступникъ. Не такъ давно въ итальянской литературѣ появилась книга г. Ломброзо *Nomo delinquente* (преступникъ), представляющая собою плодъ долгихъ, точныхъ и терпѣливыхъ изслѣдованій. Прежде нежели написать ее, авторъ собралъ настоящій музей, представляющій всѣ особенности жизни преступниковъ, начиная съ ихъ череповъ и фотографическихъ карточекъ и кончая образцами ихъ почерка. Въ своемъ трудѣ, г. Ломброзо точно раздѣляетъ нарушителей закона на совершавшихъ преступленія по побужденію (импульсу) и по состоянію. Преступникъ по побужденію дѣлается таковымъ подъ какимъ-либо внезапнымъ вліяніемъ безъ всякаго предшествующаго и безъ повторенія преступнаго дѣянія. Въ этомъ смыслѣ, каждый изъ насъ можетъ, понято, сдѣлаться преступникомъ. Наоборотъ, преступникъ по состоянію обладаетъ предрасположеніями къ преступленію, прочно утвердившимся и, такъ сказать, начертанными въ его организмѣ.

Игры и задачи.

Шашечная задача № 12.

Черные.

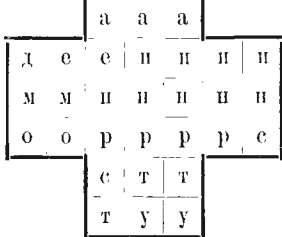

Бѣлые.

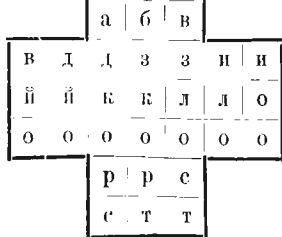
Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ въ 8 ходовъ.

Задачи магическихъ крестовъ.

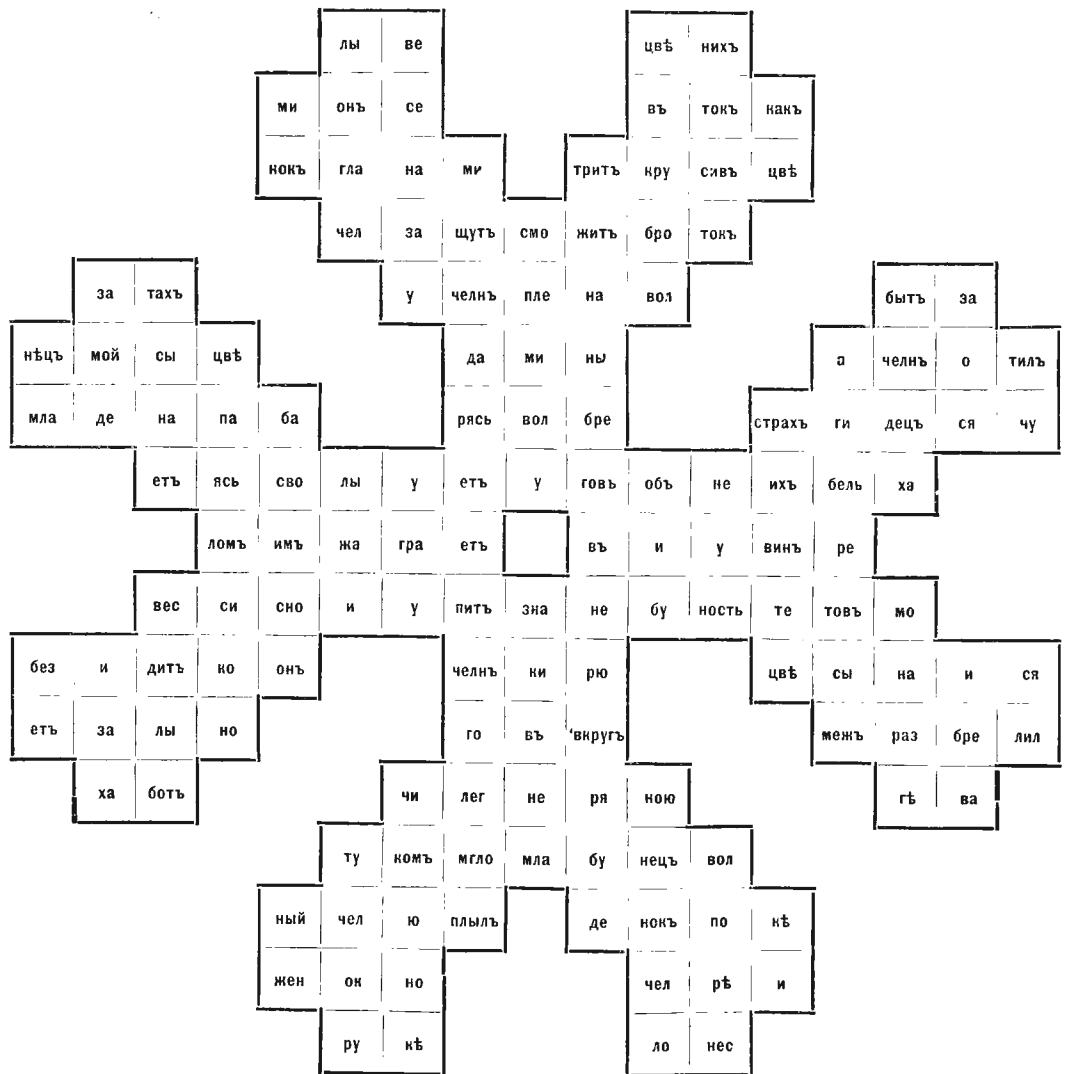
№ 14.

№ 15.

Задача ходъ короля № 13.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Священная липа въ Рюонскомъ ущельѣ (съ рис.) — Испанскій дворянинъ. Разсказъ В. Г. Австенко. (Окончаніе). — Во время бури. Романъ М. Юкаля. (Продолженіе). — Варвара Капитановичъ. Разсказъ Ф. Огудича. (Изъ быта Хорватовъ). — Циркъ Чинизелли въ С.-Петербургѣ. „Нибелунги“, балетъ-пантомима (съ рис.). — Фая горь (съ рис.). — Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судювскаго (съ рис.). — Участъ парохода „Наветты“ и ея экипажа (съ рис. и 2 портр.). — Зажиганіе фонаря на плувчьемъ маякѣ въ Англи (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Шашечная задача. — Задачи магическихъ крестовъ. — Задача ходъ короля. — О подпискѣ на „Ниву“. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на 1882 годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ мы назовемъ только нѣкоторыя, именно — романъ **Вс. С. Соловьева** „Волтерьянецъ“, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергій Горбатовъ“ — тѣ же лица являются уже дѣятелями новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны — большая повѣсть **П. П. Гнѣдича** „Въ Южной глуши“, разсказъ **Н. Успенскаго** „Нѣтъ худа безъ добра“, разсказъ **С. В. Максимова** „Барышники“, разсказъ **Н. К. Случевского** „Маньякъ“, разсказъ **Н. Боева** „На озерѣ“, рядъ разск. **А. Я. Максимова** изъ жизни на крайнемъ Востокѣ и рядъ разск. талантлив. **Н. Н. Каразина** изъ жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.

Какъ премія на 1882 годъ (кромя большаго стѣннаго календаря, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана новая, очень большая картина профессора **В. И. Янобія**

„Дорогой гость“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходить всѣ прежнія преміи „Нивы“ (82½ сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналь картины рядомъ съ копіей, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналь, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокомъ достоинствѣ исполненія копіи съ этой превосходной картины. Теперь первые полученные экземпляры копіи выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Общая высылка премій будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ сего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ — совершенно бесплатно для годовыхъ подписчик. Подробное объявленіе о цѣнахъ можно видѣть на 1-й стран. № подъ титуломъ. Желающихъ подписаться проситъ обрац. въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ (СПб, Бол. Морская, № 9).

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всеми приложениями.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редаціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА
 съ 21 рисунками И. С. Панова
Второе изданіе
 большой томъ в 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г.
 Изданіе **А. Ф. Маркса** по больш. Морской д. № 9. Цѣна 2 рубл.,
 съ пересылкою 2 рубл. 50 к.
 Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3—3

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ
 Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—

Только что отпечатана и поступила въ продажу въ Петербургѣ и Москвѣ
 НОВАЯ КНИГА **А. ЭСПИНАСА**

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

Опытъ сравнительной психологіи съ краткимъ очеркомъ социологіи. Переводъ **Ф. Паленкова.** Спб. 1882 г. 500 страницъ. Цѣна 2 р. 50 к. № 1940

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Группъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 для подпис. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к., съ перес. 1 р.

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикеткахъ.

Huste-Nicht

Gericht! geschützt!

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальвъ-Экстрактъ отъ **Д. Г. ПИШГЪ** и Комп. въ Бреславлѣ *).

Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начинающагося простого катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

Въ Москвѣ у **Н. Матвѣенка**; въ Варшавѣ у **Людвига Шибель** и Сина. № 1938

* Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у русск. общ. торговли аптекарск. товар. Казанская, 12, собственн. домъ.

Изданіе **А. Ф. Маркса** въ Слб.
ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ **Маршала.** Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подпис. „НИВЫ“ 1881 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

Первымъ мною приготовленная и введенная въ продажу

УКСУСНАЯ ЭССЕНЦІЯ

поддѣлывается многими. Позднѣйшія изслѣдованія мои обнаружилы во всѣхъ поддѣльныхъ эссенціяхъ или меньшую крѣпость или же другіе, болѣе несприятные, недостатки. Нежелающіе практически убѣдиться въ этомъ, найдутъ настоящую мою, подѣ моимъ форменнымъ ярлыкомъ, эссенцію какъ у меня, такъ и въ колоссальныхъ магазинахъ въ Москвѣ и повсемѣстно въ провинціи, начиная отъ Архангельска до Карса и отъ Варшавы до Самарканды и до Николаевска на Амурѣ. Ц. № 1866 5—2

Ц. № 1866 5—1

Р. Кёлеръ.

полный томъ

„НИВЫ“ 1881 года,

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева** — „Сергій Горбатовъ“, большой романъ **Юная** — „Червонное золото“, разсказъ **Австенко** — „Мгновеніе“, повѣсть **П. Петрова** — „Горные орды“, разсказы **Н. Каразина**, **Н. Успенскаго**, **П. Гнѣдича** и много другихъ повѣстей и разсказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварельныя преміи-картинки Придворнаго художника **М. Зичи** изъ повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“:

- 1) Свиданіе Андрия съ красавицей-полькой.
- 2) Встрѣча Тараса съ Андриемъ на полѣ битвы.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованы. 4 р. — к.	Въ каленко. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 — —	Съ пересылкою 7 — —

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

СТАРШІЙ ВРАЧЪ Дагестанской области Спроситъ оставшихъ врачей: **Александръ Доброва** и **Арсеній Вейса** сообщитъ о мѣстахъ ихъ жительства, адреса въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру. № 1942

НОВАЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ СЪЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ КАРЛА БЕРМАНА по 125 руб.
УНИВЕРСАЛЬНЫ СЪЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ СИСТЕМЫ ЭНЕРТА по 110 р.
 а также плуги, бороны и проч. земледѣльчскія орудія и машины
 ПРЕДЛАГАЕТЪ со склада
ТОВАРИЩЕСТВО БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
 С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
 Иллюстрированные каталоги по требованію № 1935 4—1

Новѣйшій иллюстрированный альбомъ **МАШИНЪ ВЕЙЛЯ**
 содержитъ болѣе 150 прекрасныхъ иллюстрацій и техническихъ описаній машинъ всякаго рода и высылается франко и рекомендованный за пересылкой 1 рубль.
Моритцъ Вейль младшій машинный заводъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Германия. Р. № 1902

Преданье стариннаго глубокой. **А. Пушкинъ.**
РАДОМІРЪ,
 поэма **Ивана Бочарова.** Цѣна одинъ рубль: съ пересылкою въ Россію — 1 руб. 25 коп., за границу — 1 р. 50 к. (Музыка **Н. П. Бринскаго**). Складъ изданія: близъ Николаевскаго вокзала, Набережная Лаговки, домъ 24, кв. 17, въ Спбурѣ. № 134

XIII годъ
№ 9

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис. и Выданъ 27 Февраля. 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ **4 р.** Съ доставкою въ Петербургѣ **5 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій. **5 р.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . **6 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8 руб.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Ея Императорское Высочество Великая Кн. Марія Павловна.

Уже не одну недѣлю наше столичное населеніе слѣдитъ съ душевной тревогой, съ замраченіемъ сердца за всѣми фазами тяжелой болѣзни Великой Княгини Маріи Павловны. Чуть не на расхватъ читались ежедневно бюллетени докторовъ и каждый съ тревогой слѣдилъ за всѣми симптомами улучшающимися или ухудшающимися состояніемъ Августѣйшей больной. И это всеобщее участіе, эта всеобщая тревога, вызывается не только высокимъ общественнымъ положеніемъ Великой Княгини, но и обществеными къ ней глубокими симпатіями и ея широкою благотворительною дѣятельностью, которая, какъ мы думаемъ, извѣстна каждому изъ жителей нашей столицы.

Великая Княгиня Марія Павловна по происхожденію Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, родилась въ Шверинѣ 2 (14) мая 1854 г. и при крещеніи была наречена Маріей, Александриной, Елизаветой, Элеонорой. Отецъ ея Великій Герцогъ Фридрихъ-Францъ II до нынѣ является представи-

телемъ одной изъ германскихъ царственныхъ династій, состоящей въ самыхъ близкихъ связяхъ съ нашимъ Императорскимъ домомъ. Такъ дѣдъ В. К. Маріи Павловны, Великій Герцогъ Фридрихъ Павелъ былъ сыномъ второй дочери Императора Павла I, Елены Павловны а бабука приходилась родною сестрою Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Первое августъ 1874 года было радостнымъ днемъ для нашей столицы: Высоконареченная невѣста В. К. Владиміра Александровича совершила свой торжественный вѣздъ въ Царское Село. Затѣмъ 16 августа слѣдовало бракосочетаніе августѣйшей четы. Празднества слѣдовали за празднествами и народъ ликовалъ, сочувствуя счастью и радости царственной семьи. Радость эта усугубилась еще и тѣмъ, что тогда же стало извѣстно что еще на своей родинѣ Великая Княгиня Марія Павловна отличалась глубокою религіозностью и самою широкою благотворительною дѣятельностью. Прощаніе ея съ населеніемъ

Е. И. В. Великая Кн. Марія Павловна. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

Шверина было самое трогательное, самое сердечное; бѣдники провожали свою добрую герцогиню молитвами и благими пожеланіями а высшее общество въ лицѣ нѣсколькихъ дамъ, поднесло Ея Высочеству старинную библію, въ голубомъ бархатномъ переплетѣ, съ серебрянымъ окладомъ.

Отрадное предчувствіе нашего общества дѣйствительно не было обмануто; Великая Княгиня и для насъ явилась въ томъ же обаяніи доброты и доступности и ея плодотворная дѣятельность блистательно отразилась на многихъ нашихъ общественныхъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ, которые состоятъ подъ ея высокимъ попечительствомъ и покровительствомъ.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергей Горбатовъ“

помѣщеннаго въ „Нивѣ“ 1881 года, *)

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

І.

Д б м а.

Съ нѣкотораго времени проходившіе и проѣзжавшіе по набережной Мойки, недалеко отъ Невскаго проспекта, замѣчали признаки особеннаго оживленія въ одномъ изъ роскошныхъ домовъ, который петербургскіе жители привыкли, въ теченіе восьми лѣтъ, видѣть всегда мрачнымъ и заколоченнымъ.

Домъ этотъ былъ построенъ еще въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Въ немъ когда-то жилось шумно и весело, потомъ онъ былъ покинутъ, запертъ и стоялъ такъ многое годы. Затѣмъ, и именно восемь лѣтъ тому назадъ, онъ снова оживился, былъ отдѣланъ заново, къ его парадному широкому подъѣзду то и дѣло подкатывали богатые экипажи...

Но эта жизнь длилась самое короткое время, всего нѣсколько мѣсяцевъ и опять старый домъ погрузился въ тишину и печально глядѣлъ своими темными, каменными стѣнами, своими огромными заколоченными окнами.

Петербуржцы знали что домъ этотъ принадлежитъ представителю одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ русскихъ фамилій. Слыхали они что владѣлецъ его, молодой вельможа, живетъ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ и уже восемь лѣтъ не возвращается на родину.

Смутно рассказывалось, если рѣчь заводилась о барскомъ заколоченномъ домѣ на Мойкѣ, будто владѣлецъ его пользовался большими милостями императрицы Екатерины, да видно сумѣлъ нажить себѣ враговъ сильныхъ и въ чужихъ краяхъ остается онъ невольной волею, — и хотѣлъ-бы, молъ, на родину, да возвращаться не приказано.

Сначала объ этомъ шли по городу толки, интересовались молодымъ вельможею. Но прмчался годъ, другой, третій, — говоръ стихалъ и теперь, черезъ восемь лѣтъ, никому не было дѣла до этого далекаго чело-вѣка—его совсѣмъ позабыли. Старый заколоченный домъ стоялъ какъ надгробный памятникъ, съ котораго совсѣмъ уже стерлась эпитафія, — онъ не возбуждалъ ничего любопытства...

И вдругъ въ этомъ домѣ движеніе, вдругъ заколоченныя окна стоятъ настежь и лучи солнца, пробираясь внутрь обширныхъ покоевъ, скользятъ по лѣннымъ потолкамъ, по золоченымъ рамамъ картинъ, по вазамъ, статуямъ и богатымъ штофнымъ драпировкамъ.

Прохожіе останавливаются и дивятся на эту выглядывающую роскошь барскихъ чертоговъ. А по вечерамъ, когда темень спустится на городъ и съ Мойки поднимется туманъ, сквозь который едва мигаютъ кое-гдѣ разставленные фонари набережной, еще изумительнѣе становится зрѣлище: мѣсто, которое всегда казалось какимъ-

Радость Царственной Семьи—рожденіе Велик. Кн. Елены Владиміровны—омрачена была тяжелою болѣзью Августѣйшей родительницы. Крозь Высочайшеюрожденной у Ея Высочества три сына: В. Кн. Кирилль Владиміровичъ род. 30 септ. 1876 г. В. Кн. Борисъ Владиміровичъ, род. 12 Ноября 1877 г. и В. Кн. Андрей Владиміровичъ, род. 2 мая 1879 г. Здоровье Ея Высочества теперь значительно улучшается. Родитель Великой Княгини Маріи Павловны, Велик. Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, въ настоящее время находится въ нашей столицѣ, удрученный тяжелою скорбью, вслѣдствіе смерти его младшей дочери, юной герцогини Анны, недавно скончавшейся въ Шверинѣ отъ воспаления легкихъ.

то проваломъ среди веселыхъ огней сосѣднихъ домовъ, теперь озаряется то меркнувшимъ, то вновь появляющимся свѣтомъ, огни то показываются, то исчезаютъ, въ домѣ по вѣзмъ покоемъ очевидно ходятъ со свѣчами...

— Горбатовскій домъ отперли! говорятъ въ городѣ. Проданъ онъ что-ли? Кто въ немъ жить будетъ?..

Старымъ позабытымъ мертвецомъ опять начинаютъ интересоваться и узнаютъ что домъ не проданъ, что его приготовляютъ къ пріѣзду владѣльца, который на этихъ дняхъ долженъ возвратиться изъ чужихъ краевъ.

И вотъ вспоминаютъ петербуржцы старый анекдотъ о томъ „какъ молодой вельможа пользовался милостями Государыни, да видно сумѣлъ себѣ нажить враговъ сильныхъ и восемь лѣтъ пробылъ гдѣ-то далеко, не имѣя возможности возвратиться на родину“...

Проходитъ еще нѣсколько дней. Парадный подъѣздъ стоитъ настежь. Внушительнаго вида швейцаръ съ огромной булавой то и дѣло показывается у высокихъ дверей, карнизъ которыхъ украшенъ старымъ гербомъ рода Горбатовыхъ. Владѣлецъ возвратился.

Ненастное петербургское утро озаряетъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ обширную комнату. Частый окладной сентябрьскій дождикъ стучитъ въ окна.

Въ комнатѣ, устланной мягкимъ ковромъ, заставленной массивной мебелью — большой безпорядокъ. По самой серединѣ, на коврѣ, стоятъ нѣсколько дорожныхъ ящиковъ. Они распакованы и изъ нихъ выглядываютъ корешки французскихъ и англійскихъ книгъ, старинные кожаные переплеты рѣдкихъ изданій. По комнатѣ взадъ и впередъ медленнымъ шагомъ бродитъ чело-вѣкъ небольшого роста, стройный и крѣпко сложенный, одѣтый въ черное траурное платье англійскаго покроя. Онъ еще молодъ, самое большее ему тридцать лѣтъ. Блѣдное тонко очерченное лицо его чрезвычайно красиво. На этомъ лицѣ лежитъ постоянно тѣнь не то тоски, не то скуки и придаетъ ему утомленное, разсѣянное выраженіе.

Этотъ молодой чело-вѣкъ и есть возвратившійся на родину изгнанникъ — Сергей Борисовичъ Горбатовъ.

Онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и, утомленный долгимъ путемъ, едва раздѣвшись, заснулъ какъ убитый.

Нѣсколько часовъ крѣпкаго сна какъ рукой сняли его усталость.

Онъ велѣлъ принести свой утренній завтракъ въ рабочую комнату, приказалъ никого не впускать къ себѣ и вотъ уже больше часу бродитъ между распакованными книгами не замѣчая времени. Завтракъ давно простылъ на столѣ, но онъ совсѣмъ и позабылъ о немъ...

Онъ опять здѣсь, въ своемъ петербургскомъ домѣ и кажется ему что все это было такъ недавно, когда онъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Парижъ, вошелъ въ послѣдній разъ въ эту комнату и заперъ на ключъ бюро.

*) Желаніе пріобрѣсти „Ниву“ 1881 г. могутъ ее получить въ конторѣ за объявленную цѣну (безъ дост. 4 р., съ перес. 5 р. 50 к.).

Вотъ этотъ ключъ, онъ не забудь его, привезь съ собою.

Онъ отперъ бюро. Всѣ бумаги на мѣстѣ, будто вчера уложили онъ ихъ,—а вѣдь это было лѣтомъ 1789 года. Онъ уѣзжалъ торопливо, радуясь своей неожиданной поѣздкѣ, о которой давно мечталъ, и въ то же время смущаясь нѣкоторыми обстоятельствами, вызвавшими эту поѣздку. Онъ уѣзжалъ розовымъ красавцемъ-юношей, едва окупившимся въ водоворотъ столичной жизни, едва испытывавшимъ и первые успѣхи, и первые разочарованія.

Онъ невольно переносился теперь мысленно къ тому времени, вспоминалъ свои занятія въ иностранной коллегіи у графа Безбородки, веселости блестящей петербургской молодежи, которая тщетно старалась совратить его и съ досады называла „монахомъ“. Вспоминалъ онъ оживленные вечера эрмитажа, неизмѣнное вниманіе и милости государыни къ нему, юному дипломату. Вспоминалъ аллеи и дорожки царскосельскаго сада, блѣдное и печальное лицо графа Мамонова, свою кратковременную дружбу съ нимъ; встрѣчу съ императрицей у царскосельскаго озера, въ тотъ жаркій лѣтній вечеръ, когда онъ мечталъ о своей невѣстѣ княжнѣ Танѣ Пересвѣтовой, которая все звала его въ деревню...

А вотъ и послѣдняя неожиданная аудіенція у государыни. Онъ какъ теперь слышитъ тихій, спокойный голосъ Екатерины:

„Я намѣрена возложить на васъ такое порученіе, какое могу дать только человѣку, въ способностяхъ коего, скромности и разумности вполне увѣрена. Я получила очень серьезныя депеши и письма отъ Симолина и мой отвѣтъ долженъ заключать въ себѣ подробную программу дальнѣйшаго способа нашихъ дѣйствій относительно Франціи. Мнѣ нуженъ вѣрный человѣкъ, который передалъ-бы Симолину письмо и нѣкоторые документы, и который-бы кромѣ того, зная мои взгляды, могъ быть ему полезнымъ помощникомъ въ такое трудное, шаткое время. Готовы ли вы служить мнѣ“?..

Она давала ему только одинъ день на приготовленіе къ отъѣзду. Онъ не имѣлъ возможности захватить въ деревню проститься со старухой матерью, проститься съ невѣстой. Онъ успѣлъ только съѣздить въ Гатчину, къ цесаревичу.

Цесаревичъ считалъ эту поѣздку очень полезной для молодаго человѣка, очень своевременной — и благословилъ его въ путь.

Еще одно послѣднее посѣщеніе царскосельскаго дворца, прощаніе съ императрицей:

„Съ Богомъ — и дорога пути, мой другъ“!:

Ея полушутливыя, полусерьезныя наставленія... ея грустный и ласковый взглядъ... А у двери кабинета нахальное красивое, женственное лицо молоденькаго дежурнаго офицера — Платона Зубова. Онъ какъ теперь его видитъ, этого мальчика, который такъ заискивалъ передъ нимъ, который казался такимъ пустымъ, ничтожнымъ, который взялъ у него деньги чтобы кинуть ихъ къ ногамъ пѣвицы цыганки, отъ которой съ такимъ дѣтскимъ ужасомъ бѣжалъ онъ, Горбатовъ...

И вдругъ этого мальчикъ въ одинъ день, въ одинъ часъ сталъ неузнаваемъ.

— Позвольте пожелать вамъ счастливаго пути, Сергѣй Борисовичъ! А должно-то забыли?! Вотъ-съ, получите при великой моей благодарности!..

— Вы ничего не должны мнѣ, господинъ Зубовъ, и денегъ отъ васъ я не приму....

Все это въ мельчайшихъ подробностяхъ припоминается Сергѣю Горбатову.

Но онъ не можетъ вспомнить съ какою злобою посмотрѣлъ ему вслѣдъ Платонъ Зубовъ, съ какимъ бѣшенствомъ прошепталъ онъ:

— Этого я тебѣ, голубчикъ, не забуду!

Онъ уѣхалъ со своимъ воспитателемъ, французомъ Рено, со старымъ преданнымъ другомъ — карликомъ Моськой. Онъ радъ былъ забыть весь этотъ шумъ, всѣ эти вол-

ненія, которыя послѣ тихой деревенской жизни сразу нахлынули на него и отуманили. Онъ радъ былъ окунуться въ другую жизнь, о которой съ дѣтства восторженно толковалъ ему воспитатель, онъ трепеталъ отъ восторга помышляя о томъ, что завѣтная мечта осуществляется, что онъ увидитъ Парижъ — эту обѣтованную землю мыслящаго человечества!

Наконецъ онъ въ Парижѣ, въ послѣдніе дни версальскаго двора, въ страшные дни разразившейся революціи. Воспитатель покидаетъ его, охваченный революціоннымъ потокомъ. Карликъ Моська чувствуетъ себя въ самомъ центрѣ ада, и съ ужасомъ ждетъ гибели своего дорогаго Сергѣя Борисыча. Но какое дѣло Сергѣю Борисычу до этихъ мученій стараго пѣстуна! Онъ живетъ новой жизнью — первая страсть безумно и мучительно охватила его; позабыто все прежнее, будто никогда его и не бывало. Позабыта далекая Таня!..

Онъ не видитъ еще и не предчувствуетъ, что его Мари, эта блестящая герцогиня д'Ориньи, одна изъ любимыхъ придворныхъ дамъ Маріи Антуанеты, уже натѣшила его пыломъ, уже скучаетъ его страстной и требовательной любовью, уже замышляетъ измѣну.

И вотъ все разомъ, со всѣхъ сторонъ,—внезапно на двинулись тучи... Гроза разразилась. Революція бушуетъ... Онъ — свидѣтель версальскихъ ужасовъ... Версаль не существуетъ болѣе. Каждый день приноситъ печальную новостъ.

И вмѣстѣ съ этой громадной общественной драмой въ сердцѣ Горбатова разыгрывается другая драма—его вѣра въ любимую женщину поколеблена, его любовь опозорена, онъ ужъ не можетъ сомнѣваться въ своемъ несчастьи.

А карликъ Моська торжествуетъ. Его загадочное письмо подѣйствовало — княжна Таня Пересвѣтова, этотъ вчерашній ребенокъ, превратившійся подъ вліяніемъ любви и опасности, грозящей этой любви, въ сильную рѣшительную женщину—въ Парижѣ со своей матерью. Она спасетъ его, своего дорогаго гибнущаго друга. Но спасти его трудно. Онъ околдованъ иными чарами и эти чары не могутъ сразу поддаться чистому и мечтательному чувству княжны Тани...

Вспоминается ему теперь его безобразная дурь съ шарлатаномъ итальянцемъ, оказавшимся его соперникомъ въ сердцѣ развращенной, жаждавшей и искавшей только разнообразія женщины. Онъ раненъ. Онъ тяжело боленъ. Таня ухаживаетъ за нимъ и дни и ночи... Наступаетъ выздоровленіе. Тишина и спокойствіе нисходятъ въ сердце Сергѣя. Онъ долженъ покинуть Парижъ — императрица рѣшила прекратить дипломатическія сношенія съ Франціей. Отъѣзды на родину, отъѣзды вмѣстѣ съ нею, Таней, и тихая, спокойная семейная жизнь вдаль отъ шума столицы и двора, въ уединеніи роднаго Горбатовскаго—все это рѣшено, все это должно осуществиться въ самомъ скоромъ времени.

Карликъ Моська торжествуетъ, его молитва услышана—„дите“ спасено и вдобавокъ еще проклятый французъ Рено остается въ этомъ дьявольскомъ Парижѣ...

Сергѣй Горбатовъ присѣлъ къ отпертому бюро и наклонился надъ бумагами, оставленными имъ въ немъ восемь лѣтъ тому назадъ, въ день отъѣзда. Его рука дрогнула когда онъ прикоснулся къ синему золотообрѣзному листку, исписанному твердымъ, нѣсколько крупнымъ почеркомъ—письму Тани. Это она тогда еще писала ему, звала его, ждала его прѣзда.

Онъ прочелъ и перечелъ это письмо и ему уже перестало казаться что это было такъ недавно. Теперь ему представлялось что не восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а прошла цѣлая вѣчность.

Какой довѣрчивой любовью дышали эти строки, какъ высказывалась въ нихъ чистая душа дѣвушки—ребенка, еще совѣмъ незнакомаго съ жизнью, но уже умѣющаго любить и испытывающаго и тяжелыя мысли, и глубокое нравственное страданіе.

Литературный альбомъ „Вій“, повѣсть Н. В. Гоголя. Ночь Хомы Брута. Ориг. рис. Н. Карзинна, грав. М. Рашевскій.

Сергѣй положилъ письмо, нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно и на блѣдномъ лицѣ его все яснѣе и яснѣе выступало выраженіе тоски и скуки.

— Зачѣмъ она ушла? думалъ онъ,—я былъ-бы счастливъ съ нею! Ее только одну и любилъ я въ жизни!

II.

Что было.

Но она ушла и именно тогда, когда онъ думалъ что уже больше не разлучится съ нею. Какъ произошло это?

О! онъ никогда не забудетъ этого дня! Онъ уже почти совсѣмъ оправился послѣ своей болѣзни. Докторъ объявилъ ему что черезъ нѣсколько дней онъ будетъ въ состояніи выходить изъ дому. Онъ дѣлалъ послѣднія распоряженія совершенно увѣренный что не можетъ быть никакихъ препятствій къ его отъѣзду изъ Парижа на родину вмѣстѣ съ посольствомъ, вмѣстѣ съ княгиней Пересвѣтовой и Таней.

О герцогинѣ д'Ориньи онъ не думалъ, она для него не существовала, онъ считалъ ее умершей, навсегда для себя умершей. Успокоительное, ободряющее присутствіе Тани и все что онъ вынесъ за послѣднее время видимому совсѣмъ вырвало изъ него эту безумную страсть, которая чуть было не стоила ему жизни.

А между тѣмъ герцогиня, такъ зло надъ нимъ насмѣявшаяся, такъ цинично его оттолкнувшая, вдругъ о немъ вспомнила. Исторія его дуэли не могла остаться для нея тайной. Она стала о немъ разузнавать и узнала что онъ былъ при смерти боленъ, что онъ выздоравливаетъ, что при немъ молодая дѣвушка, пріѣхавшая изъ Россіи, кто говоритъ — его родственница, кто говоритъ — невѣста.

Сергѣй Горбатовъ становился снова интересенъ для герцогини. Она захотѣла во чтобы то ни стало его увидѣть и увидѣть эту пріѣхавшую дѣвушку. Кто она и какія между ними отношенія? Если она его невѣста, если она думаетъ вырвать ее, герцогиню, изъ его сердца, то нужно показать ей что она жестоко ошибается.

„Развѣ онъ не моя собственность? думала герцогиня. Стоитъ только поманить его—и онъ вернется!“

Она послала ему коротенькую записку, въ которой освѣдомлялась объ его здоровьи, выражала свое сожалѣніе по поводу случившагося и заключала тѣмъ, что если онъ настолько еще непоправился чтобы пріѣхать къ ней, то она сама пріѣдетъ навѣстить его.

Записка эта попала въ руки карлика Моськи, который, не долго думая и безъ всякихъ угрызений совѣсти, распечаталъ ее, прочелъ не безъ затрудненій, понялъ, снесъ въ свою комнату, заперся, сжегъ записку въ каминѣ, а потомъ тщательно вымылъ себѣ руки какъ послѣ прикосновенія къ чему нибудь отвратительному и ядовитому.

— Ну ужь не бывать этому, ворчалъ онъ самъ съ собою. Оно конечно, Сергѣй Борисычъ и самъ бы сжегъ, да нечего ему и въ ручки давать такое поганство... Жди, матушка, жди отвѣта!..

Карликъ шепталъ это рѣшительнымъ и увѣреннымъ голосомъ и не замѣчалъ что все же видно у него есть какое нибудь сомнѣніе, если онъ такъ тщательно скрываетъ фактъ полученія записки. Поганство оно—это такъ, въ этомъ спору нѣту, да вѣдь вотъ—вымылъ онъ руки и ничего не пристало; не опоганился бы и Сергѣй Борисычъ. Напротивъ, было бы пріятно видѣть спокойное презрѣніе, съ которымъ бы онъ отнесся къ посланію герцогини—нѣтъ, видно тутъ не одна боязнь опоганить „дитя“, а что нибудь другое.

Еслибы Моськѣ кто сказалъ, что онъ сомнѣвается въ „дитѣ“, онъ накинулся бы на такого человѣка и сталъ бы просто кусаться. А между тѣмъ онъ все же, тамъ гдѣ то въ глубинѣ своего сознанія, сомнѣвался. Онъ молчалъ про записку, про свой поступокъ и цѣлыхъ три дня бродилъ по дому, высматривая и прислуши-

ваясь не будетъ ли другого посланца, другой записки. Наконецъ онъ себя успокоилъ.

„Ожглась, грибъ съѣла... въ другой разъ видю не полѣзеть!“

А герцогиня все ждала отвѣта. Прошло нѣсколько дней—о Горбатовѣ ни слуху, ни духу.

И вотъ, какъ нарочно въ то время какъ карликъ отлучился изъ дому, карета остановилась у подъѣзда дома, занимаемаго Сергѣемъ. Герцогиня д'Ориньи выпрыгнула на широкія ступени крыльца, сбросила закутывавшій ее плащъ на руки засуетившейся прислуги и, ни слова не говоря, своей неслышной легкой и граціозной походкой пошла черезъ анфиладу залъ въ кабинетъ Сергѣя.

Устройство дома ей было извѣстно. Она знала въ какой комнатѣ найти хозяина.

Сергѣй полулежалъ въ длинномъ удобномъ креслѣ, придвинутомъ къ камину, огонь котораго озарялъ его блѣдное, похудѣвшее и сильно измѣнившееся лицо. Однако на этомъ лицѣ, не смотря на всѣ слѣды недавнихъ страданій, уже начинали показываться первые признаки возвратившейся жизни, здоровья и спокойствія. Сергѣй былъ еще довольно слабъ, но глаза его свѣтились по прежнему и временами съ тихой лаской оставались на прелестномъ лицѣ Тани, сидѣвшей неподалеку отъ него за маленькимъ круглымъ столомъ и читавшей ему только что полученныя газеты.

Дверь едва слышно скрипнула, пріотворилась и на порогѣ комнаты показалась стройная женская фигура въ черномъ платьѣ, въ скромной прическѣ, замѣнившей теперъ прежнія башни и корабли на головахъ парижскихъ свѣтскихъ женщинъ.

Прошло нѣсколько мгновений прежде чѣмъ Сергѣй и Таня ее замѣтили. Она имѣла время сдѣлать свои наблюденія. По едва уловимымъ, но яснымъ для нея признакамъ она подмѣтила что эта красавица-дѣвушка, такая юная и свѣжая, съ такимъ энергичнымъ и въ то же время нѣжнымъ выраженіемъ въ лицѣ, не сестра, не сидѣлка. Эта дѣвушка можетъ быть ей соперницей и соперницей опасной.

„Я пришла во время“,—подумала герцогиня.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по мягкому ковру. Таня обернулась, едва слышно вскрикнула и глядѣла на нее неотрываясь—изумленіе незамѣтно переходило въ страхъ, ужасъ.

— Кто это?! почти безсознательно спросила она Сергѣя и въ тоже время хорошо понимала кто эта женщина, и сколько страшнаго въ ея появленіи.

Сергѣй вскочилъ на ноги и тотчасъ же пошатнулся, ухватился за спинку кресла. Онъ не могъ произнести ни слова, онъ, какъ и Таня, глядѣлъ будто околдованный на герцогиню.

Она приближалась къ нему съ протянутыми руками.

— Serge! проговорила она...

Одно только это слово и проговорила—но она вложила въ него всѣ чары, съ помощью которыхъ такъ еще недавно владѣла этимъ человѣкомъ.

Она улыбнулась ему. Онъ былъ еще слабъ, онъ могъ ожидать чего угодно, только не этого появленія. Онъ не могъ сообразить что это такое, гдѣ онъ и кто съ нимъ. Онъ только слышалъ голосъ, который сразу поднялъ въ немъ все счастье и муки недавняго прошлаго. Онъ только видѣлъ эту улыбку, отъ которой всегда сходилъ съума.

И это, совсѣмъ было позабытое, невыносимое видѣніе все ближе, ближе... Она сжала его холодную, трепетавшую руку.

Онъ на мгновеніе отстранился, будто хотѣлъ защититься, онъ озирался испуганно и беспомощно, будто ища то существо, которое одно только и могло спасти его. Но онъ уже не видѣлъ, не замѣчалъ Тани, онъ ничего не видѣлъ.

И вдругъ, съ крикомъ страсти, кинулся къ герцогинѣ и упалъ у ногъ ея, теряя сознание...

Что потомъ было—онъ не помнитъ. Когда онъ совсѣмъ очнулся онъ лежалъ въ своей спальнѣ—не было ни Тани, ни герцогини, только Моська за нимъ ухаживалъ. Потомъ появился докторъ.

Моська былъ мраченъ. На всѣ вопросы Сергѣя онъ упорно молчалъ, только сморщенное крошечное старое лицо его какъ то передергивалось и на глазахъ то и дѣло наворачивались слезы, которыя онъ смаргивалъ, или втихомолку вытиралъ дрожащимъ кулачкомъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Сергѣй снова чувствовалъ себя сильнѣе. Онъ съ ужасомъ вспомнилъ появленіе герцогини; но не понималъ что съ нимъ такое было.

Этотъ демонъ появился такъ неожиданно, этотъ демонъ могъ опять очаровать его на мгновение, но прежней силы уже не имѣеть надъ нимъ.

Нѣтъ, все конечно, возврата нѣтъ больше, онъ не любитъ ее—она ему ужасна... отвратительна...

— Гдѣ Таня!.. Таня!..

И онъ увидѣлъ Таню. Но Таня была не вчерашняя, не сегодняшняя... Таня была новая.

Онъ просилъ у нея прощенія за свою невольную вину передъ нею.

— Если бы я только могъ думать, говорилъ онъ,— что эта ужасная женщина рѣшится сюда явиться я бы приказалъ ее не впускать; но могъ ли я объ этомъ думать?! Я былъ въ такомъ ужасѣ...

Онъ пробовалъ защититься, онъ пробовалъ объяснить свой обморокъ неожиданностью и негодованіемъ. Но Таня только тихо качала головою и глядѣла на него какими то сухими, странными, но въ то же время спокойными глазами.

— Зачѣмъ, Сергѣй Борисычъ, не надо... тебѣ вовсе нечего извиняться передо мною!..

А между тѣмъ онъ все же чувствовалъ, что виновать и что врядъ ли получить прощеніе.

Онъ робко сталъ говорить объ ихъ отъѣздѣ. Таня тоже говорила объ отъѣздѣ. Но изъ словъ ея такъ выходило, что они, достигнувъ Россіи, разъѣдутся въ разныя стороны.

— Таня, какъ же это? едва слышно, едва ворочая языкомъ шепталъ Сергѣй.—Я думалъ что мы ужъ никогда не разстанемся съ тобою. Таня, зачѣмъ ты хочешь меня оставить, вѣдь это невозможно!.. или ты совсѣмъ разлюбила меня?! ты меня презираешь?!

Она подняла на него тихіе глаза и сказала:

— Презирать?! Боже мой, да за что же? Я все та же и тѣ же мои чувства. Но того, о чемъ ты думаешь, Сергѣй Борисычъ, никогда не можетъ статься. Ты не меня любишь... и я скорѣе умру чѣмъ стану твоей женою...

Что онъ могъ возразить ей? Развѣ она не провела здѣсь все это послѣднее время, развѣ мало оскорбленій нанесъ онъ ея чувству. Да и самъ онъ не понималъ себя: вмѣсто вчерашняго спокойствія въ немъ былъ опять хаосъ. Онъ сознавалъ что недавнее прошлое еще не забылось, не стерлось окончательно.

— Это твое послѣднее слово, Таня? уныло проговорилъ онъ.

— Да, послѣднее слово и довольно объ этомъ. Знай что я навсегда останусь твоей сестрой, твоимъ другомъ, но мы ужъ не женихъ и невѣста... давно не женихъ и невѣста. Это была ошибка, дѣтская фантазія. Забудемъ же... и поскорѣе... и навсегда, такъ чтобы мысль о ней, объ этой нашей ошибкѣ, не стояла между нами и не портила нашей дружбы... вотъ и все... и хорошо что такъ кончилось... и будемъ навсегда друзьями!

Она протянула ему руку, она улыбалась ему, казалась такой спокойной.

Онъ сидѣлъ совершенно растерянный, ненавидя себя и презирая.

Таня еще разъ ему ободрительно улыбнулась и вышла отъ него своей твердой, походкой. Она медленно прошла рядъ комнатъ, дошла до своей спальни, заперла дверь на ключъ и нѣсколько мгновений стояла неподвижно. Она была на себя не похожа—такимъ отчаяннымъ, такимъ страшнымъ казалось лицо ея. Наконецъ изъ широко раскрытыхъ, почти остановившихся глазъ брызнули слезы и полились онѣ неудержимо—тихія, неслышныя, горькія...

Старая поговорка—что бѣда не приходитъ одна, а приводитъ съ собою и другую—въ этотъ день оправдалась на Сергѣя.

У него оставалась одна надежда, одно утѣшеніе— время сдѣлаетъ свое дѣло, пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, ну хоть цѣлый годъ, и Таня наконецъ должна будетъ позабыть нанесенную ей обиду, должна будетъ убѣдиться, что онъ дѣйствительно ее любитъ и что ей незачемъ стать его женою. Все же они вмѣстѣ пойдутъ... и потомъ, въ Россіи, онъ не оставитъ ее. Зачѣмъ ему Петербургъ, зачѣмъ служба? Онъ уѣдетъ въ деревню, въ Горбатовское, чтобы быть какъ можно чаще съ Таней...

Вѣдь не могутъ же не отпустить его, не могутъ силой держать въ Петербургѣ.

А между тѣмъ въ этотъ же вечеръ ему доложили о пріѣздѣ старика Симолина. Онъ изумился. Посланникъ въ послѣднее время никуда не выѣзжалъ. Вѣрно что нибудь особенно важное.

Что было нѣчто важное—въ этомъ онъ долженъ былъ убѣдиться при первомъ же взглядѣ на своего гостя.

Добродушный и любезный старикъ держалъ себя какъ то странно, ему очевидно было неловко и наконецъ онъ вынулъ изъ кармана и подалъ Сергѣю какую то бумагу.

— Прочтите, сказалъ онъ,—только ради Бога не волнуйтесь, относитесь какъ можно спокойнѣе къ этому дѣлу,—это единственное что можно сдѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Сергѣй схватилъ бумагу, быстро пробѣжалъ и она выпала у него изъ рукъ. Онъ хотѣлъ говорить, но нѣсколько мгновений не могъ произнести ни звука.

— Что же это? наконецъ прошепталъ онъ совсѣмъ блѣдный и едва подавляя злону, внезапно подступившую къ его сердцу и начинавшую душить его. Вѣдь это уже не немилость, это изгнаніе!.. Я долженъ вернуться въ Россію! Я хотѣлъ тотчасъ же по пріѣздѣ подать въ отставку и удалиться въ деревню...

— Какъ видите, теперь нельзя объ этомъ и думать,—спокойно и ласково возразилъ ему Симолинъ,—обождите. О немилости пока и говорить нечего—вы видите какъ обставлено дѣло. Для васъ нѣтъ никакого пониженія по службѣ, напротивъ, скорѣе повышеніе. Я передамъ вамъ въ Лондонъ очень важныя бумаги, ваше положеніе въ Лондонскомъ посольствѣ будетъ прекрасно.

— Боже мой, я не могу, я не могу ѣхать въ Лондонъ, я долженъ вернуться въ Россію непременно. За что же такъ?!..

— Будьте благоразумны! все также спокойно и ласково настаивалъ Симолинъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я все разузнаю и напишу вамъ. Будьте увѣрены, что все это только временно и не надолго. Вѣроятно уже получено извѣстіе о вашей дуэли. Конечно кто нибудь повредилъ вамъ, сообщилъ невѣрныя свѣдѣнія. Но я самъ буду говорить съ императрицей, я постараюсь васъ выгородить—положитесь на меня, Сергѣй Борисычъ.

Горбатовъ благодарилъ стараго дипломата, но въ то же время мало рассчитывалъ на его помощь. Для него было ясно, что тутъ вовсе не исторія его дуэли и что если поднимутъ эту исторію, то она будетъ только предлогомъ. Онъ уже догадывался кто истинный врагъ его и кто теперь окончательно портитъ его жизнь, разрушаетъ его планы. Это онъ, тотъ ничтожный мальчишъ, который, какъ слышно, сталъ теперь всемогущимъ чело-вѣкомъ—это Платонъ Зубовъ.

И не прошло недѣли, какъ опустѣлъ роскошный домъ у церкви Магдалины. Сергѣй Горбатовъ съ депешами и письмами выѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ; княгиня и княжна Пересвѣтovy отправились въ Россію въ сопровожденіи карлика Моськи, безъ котораго ни за что не хотѣлъ отпустить ихъ Сергѣй. Карликъ долженъ былъ проводить ихъ и затѣмъ вернуться къ своему господину въ Лондонъ, въ этотъ новый, невѣдомый ему адъ, гдѣ опять вѣрно придется ему скорбѣть и дрожать со страху и оберегать „дитю“ отъ новыхъ погубей и козней вражескихъ, которыя вотъ теперь осилили и разрушили его благополучіе. А въ это благополучіе такъ вѣрился и такъ страстно ждалъ его бѣдный карликъ...

Симолинъ сдержалъ слово, онъ прислалъ Сергѣю письмо изъ Россіи, но ничего пріятнаго не заключалось въ письмѣ этомъ. Отставки его не желаютъ, возвращеніе его въ Петербургъ считаютъ несвоевременнымъ и вмѣстѣ съ этимъ о дипломатической его карьерѣ заботятся. Упрочиваютъ его положеніе при Лондонскомъ посольствѣ, шлютъ ему знаки отличія.

Горбатовъ такъ и ожидалъ—онъ изгнанныкъ. Но онъ еще не хотѣлъ примириться съ этой мыслью—какія-то вѣсти привезетъ карликъ Моська?

И карликъ вернулся съ двумя письмами: одно изъ нихъ было отъ Тани. Но лучше бы она и не писала. Она ли это? Такой сдержанностью, спокойствіемъ и холодомъ вѣяло отъ ея строчекъ. Онъ не смѣлъ жаловаться, не смѣлъ обвинять ее.

Другое письмо, и совсѣмъ уже неожиданное, было отъ цесаревича. Павелъ Петровичъ писалъ, что ему грустно было узнать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, о легкомысленномъ и недостойномъ серьезнаго человѣка поведеніи, котораго онъ никакъ не ожидалъ отъ Сергѣя.

„Очень не хорошо, писалъ онъ,—но на сей разъ извинить еще можно по молодости и свойственному юнымъ годамъ легкомыслію. Однако пора одуматься и стать человѣкомъ. Тебя не пускаютъ въ Россію и ты, я чаю, не мало на сіе сѣтуешь. Ничего, урокъ нуженъ, одумайся хорошенько и не заставляй меня измѣнять навсегда доброе о тебѣ мнѣніе. Жена на тебя тоже очень сердита“.

Письмо было строгое; но ужъ одно то, что цесаревичъ все же собственноручно написалъ, показало Сергѣю что онъ попрежнему расположенъ къ нему и заботится о судьбѣ его. Но вѣдь теперь онъ ничего не можетъ для него сдѣлать, онъ не въ силахъ помочь ему вернуться въ Россію, а вернуться необходимо.

Сергѣй сталъ отчаянно тосковать по родинѣ, ничто его не занимало. Онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку—онъ написалъ государынѣ, онъ страстно просилъ ее дозволить ему вернуться. Писалъ что чувствуетъ себя дурно, что Лондонскій климатъ послѣ болѣзни вредно на него дѣйствуетъ. Въ отвѣтъ на это письмо онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ отпускъ для излеченія болѣзни на цѣлебныя минеральныя воды въ Германіи. Приходилось покоряться. Сергѣй махнулъ на все рукой, никуда не поѣхалъ, остался въ Лондонѣ и впалъ въ долгую апатію.

О Танѣ нѣтъ никакого слуха. Она не въ деревнѣ, вѣроятно въ Петербургѣ, можетъ быть при дворѣ блистаетъ, окружена толпой поклонниковъ. Она такъ красива, молода, богата... женихи... можетъ быть уже и избрала кого нибудь, забыла его. Вѣдь она имѣетъ на это полное право. Первая дѣтская любовь пройдетъ сномъ и ничего отъ нея не останется.

Старуха мать пишетъ изъ деревни печальныя письма. Она уже помирилась съ мыслью жить въ разлукѣ, по цѣлымъ годамъ не видѣть сына. Она занята дочерью невѣстой, сложнымъ деревенскимъ хозяйствомъ. Она попрежнему каждую свободную минуту проводитъ на тихой могилѣ мужа, доживаетъ свой однообразный вѣкъ. И горячо хочется Сергѣю прильнуть къ ней, къ этой

нѣжной, простодушной матери, своимъ рано уставшимъ сердцемъ. И онъ пишетъ ей нѣжныя письма, утѣшаетъ, общается скорое свиданіе. Но онъ не можетъ ей повѣрить свою тоску, рассказать ей свою душу—ей трудно было бы понять его, да и жаль мучить бѣдную старуху.

Другъ и воспитатель Рено былъ бы теперь самымъ нужнымъ, самымъ дорогимъ человѣкомъ, но онъ остался въ Парижѣ и что съ нимъ—Сергѣй не знаетъ. Онъ опять пропалъ въ бушующемъ морѣ революціи. Живъ ли онъ, этотъ пламенный демагогъ-ораторъ, съ ужасомъ отшатнувшійся отъ дѣла рукъ своихъ и такъ же страстно кинувшійся защищать то, что недавно пресклиналъ?

Кто же остается? Одинъ карликъ Моська. И этотъ единственный, неизмѣнный другъ слышитъ не разъ прерывающіяся жалобы Сергѣя и утѣшаетъ его по своему, но плохое отъ него утѣшеніе. Онъ находитъ что „дите“ черезчуръ провинилось, черезчуръ нагрѣшило и Богъ послалъ справедливое наказаніе, а слѣдовательно нужно раскаиваться и молиться, и ждать Божьяго милосердія.

Между тѣмъ время идетъ, и хоть на душѣ и тоскливо и мрачно, а все же оно идетъ быстро. Время тревожное, страшное, историческое,—событія разыгрываются одно за другимъ...

Мало по малу Сергѣй примиряется со своимъ положеніемъ, уже не просится въ Россію, онъ привыкъ къ изгнанію—ко всему можно привыкнуть. Онъ все болѣе и болѣе интересуется дѣлами посольства, начинаетъ показываться въ высшемъ лондонскомъ обществѣ, ему, какъ и въ Парижѣ, здѣсь всюду широко открыты двери. Онъ красивъ, богатъ, знатенъ, на немъ останавливаются взгляды молодыхъ, изящныхъ женщинъ. Онъ ищетъ разсѣянія, ищетъ забвенія, съ его именемъ уже связаны двѣ три романическихъ интриги; но онъ далеко не страстный любовникъ: женщины скоро ему надоѣдаютъ, онъ отрывается отъ нихъ для книгъ. И часто въ то время какъ его ждутъ въ свѣтскомъ салонѣ—сидитъ онъ у письменнаго стола и читаетъ.

Опять на сценѣ старые друзья—философы-энциклопедисты. Теперь онъ уже яснѣе понимаетъ ихъ чѣмъ въ тѣ юные годы, когда Рено страстно комментировалъ ему каждую фразу. Теперь уже старикъ Вольтеръ не возбуждаетъ въ немъ прежняго поклоненія, онъ уже способенъ критически къ нему относиться. Но все же этотъ смѣлый, блестящій и циничный умъ имѣетъ на него вліяніе, все же софизмы и облитыя тонкимъ ядомъ насмѣшки фернейскаго отшельника иной разъ такъ гармонизируютъ съ раздражительнымъ настроеніемъ Сергѣя.

Однако и книги надоѣдаютъ. Скучно, скучно! въ жизни нѣтъ пѣли, нѣтъ захватывающаго интереса. Юность, горячая, восторженная, полная надеждъ и грезъ, исчезла. Давно ли такъ во все вѣрилось, давно ли было столько любви къ человѣчеству, такъ страстно думалось о судьбахъ его, объ его прогрессѣ?! теперь все это мертво. Снова жизнь даетъ отрезвляющіе уроки. Человѣчество безумствуетъ и, провозглашая что добивается счастья, свободы и равенства, творитъ только неправду, только насилие. Нѣтъ правды, нѣтъ счастья на свѣтѣ—одна вѣчная и ужасная борьба за существованіе!

Какому же дѣлу служить, чего добиваться? Вся эта работа политиковъ и дипломатовъ только игра, въ значеніе и результаты которой по большей части не вѣрятъ сами игроки.

Скучно! скучно!..

Проходятъ годы какъ тяжелый сонъ и все то же, только скука и скептическое отношеніе ко всему и ко всѣмъ становятся хроническими и неизлѣчимыми...

Наконецъ, послѣ восьмилѣтняго отсутствія, онъ снова на родинѣ.

Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей матери и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разрѣшеніе вернуться въ Россію. Онъ не сталъ медлить ни минуты и поѣхалъ, тос-

Діана. Статуя Г. Торнигрофта, грав. Жонаръ.

куя о своей утратѣ, вызывая передъ собою образъ доброй старушки, съ которой неудалось ему даже проститься, которая такъ и не дождалась любимого сына.

Но не смотря на тоску и горе, онъ все же чувствовалъ, что сердце его какъ то горячо и живо бьется, на него пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

И вотъ теперь, въ тишинѣ рабочей комнаты своего петербургскаго дома, онъ очнулся какъ бы отъ спячки.

„Да, это былъ сонъ, долгій и страшный сонъ!“ — подумалъ онъ.

Во время бури.

Романъ

М. Юная.

(Продолженіе).

XIX.

Открытія.

Рокомоцеръ судорожно рвануль себя за грудь, оторвавъ часть борта своего кафтана.

— Вей, вей мнѣ! Пойдемте ужъ! все равно, провалъ я!

— Молчать! безъ криковъ, слышишь! Ты хочешь, чтобы сбѣжались сосѣди—я ухлопаю каждаго, кто только посмѣетъ хоть носъ показать сюда!

— Да никто не придетъ, нѣтъ никакихъ сосѣдей, ни одного мужчины не осталось въ деревнѣ—вей на „ловъ“. И все мнѣ равно, пусть застрѣлятъ меня, лучше ужъ сегодня, чѣмъ ждать до завтра! Все расскажу, все. Отдамъ діадему. Она тутъ, у меня! Только теперь діло не въ діадемѣ, а я выдамъ всю шайку. Чортъ съ ними! Это—мерзавцы и злодѣи! Если уже они выдали меня, такъ выдамъ-же я ихъ. Расскажу вамъ всю правду, всю подноготную! Противъ гарговарскаго замка подготовленъ, устроенъ и слаженъ цѣлый заговоръ, который и привесту въ исполненіе не позже, какъ въ завтрашнюю-же ночь. Въ заговорѣ этомъ участвуетъ и господинъ Кузень и главный зачинщикъ-злодѣй онъ и есть. Настояще-то онъ зовется вовсе не Кузень а Рибо и онъ бѣглый каторжникъ, сосланъ былъ въ Тулонъ, на 20 лѣтъ, за грабежъ. Орель Криванскій старинный товарищъ его. Кражу брилліантовъ сострияли они оба. Только въ замкѣ еще много другихъ драгоценностей, золота и серебра. Еще тогда-же они сговорились-бы все это, если-бы не помѣшали имъ въ съ вашими мужиками. Теперь они и хотятъ исправить діло. Сорокъ отъявленныхъ мошенниковъ изъ Польши и Германіи соединились въ одну шайку, чтобы завтра въ ночь забратъ въ замокъ, да такіе сорокъ молодцовъ, что и ночью чорта не испугаются. Изъ окрестныхъ лѣсовъ (гдѣ они теперь попрятаны во всѣхъ ямахъ, въ кустахъ, гдѣ пошло) ночью, они соберутся у большаго ручья. Отсюда водопроводъ (невисокій корридоръ) ведетъ наверхъ въ замокъ. Этимъ корридоромъ можно пробраться въ погребъ замка. Теперь въ замкѣ двѣнадцать жандармовъ, составляющихъ стражу г. окружнаго комисара. Жандармовъ этихъ Кузень оинтъ дурманомъ, и заснуть они какъ хорьки: а затѣмъ Кузень самъ отворитъ въ большомъ погребѣ дверь въ винный погребъ, гдѣ собрана будетъ уже вся шайка и перебьютъ всю прислугу, жандармовъ, графа, но—пощадятъ графиню Пальму, потому что Кузень самъ влюбленъ въ нее. Онъ хочетъ взять ее съ собой въ Шварцвальдъ и тамъ обвѣнчаться съ ней по ихнему разбойничьему уставу.

— Что за сказки такія, Рокомоцеръ! Сказки? Ваша милость думаете, что это сказки? Ну—хорошо, я не скажу больше ни слова. Пойдемте, я отдамъ вамъ эту, эту—какъ вы ее называете—діад-му, что-ли?

Діадема нашлась въ указанномъ мѣстѣ. Брилліанты были цѣлы все до единаго.

— Ну, ваша милость, скажите мнѣ теперь—хорошій челювикъ Рокомоцеръ? развѣ нѣтъ?

— Странный вопросъ теперь!

— Да вѣдь вы довольны-же мною теперь? Неужели и то не заслуга, что я вамъ открылъ цѣлый воровскій планъ насчетъ Гарговарскаго замка?

— Сказки это, сказки! возразилъ нетерпѣливо Францъ.

Все еще не вѣрите мнѣ? Ну—такъ теперь повѣрите.

Рокомоцеръ досталъ съ полки большую, толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ и съ замкомъ: это была какая-то еврейская книга духовнаго содержанія, но, повидимому, приспособленная ея хозяиномъ и къ другимъ ділаамъ: въ духъ мѣстахъ листы оказались склеенными. Рокомоцеръ, вскрывъ ихъ, вынулъ оттуда нѣсколько писемъ, которыя и подалъ Иллавану.

Письма были написаны, въ различное время. Кузеномъ Рокомоцеру и притомъ на условномъ воровскомъ языкѣ, который Иллаванъ зналъ, какъ бывшій судья.

Въ первомъ говорилось объ одномъ большомъ ділѣ, для котораго требовались компаньоны.

Во второмъ письмѣ уже діло шло о дѣлѣхъ. Прибытіе Ил-

Ему захотѣлось жизни, движенія. Онъ созналъ наконецъ что все еще молодъ, что еще не все кончено, что впередъ для него что нибудь можетъ быть такое, о чемъ онъ уже разучился думать. Ему вспомнилось, что онъ пріѣхалъ не на веселье, не на радость—а на борьбу, на цѣлый рядъ неприятностей.

„Но что же такое?! Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! думалъ онъ,—все же это жизнь, а до сихъ поръ не было никакой жизни. А главное—я дома!“

(До слѣд. №).

лаванъ ожидается чрезъ нѣсколько дней. Сейчас-же послѣ „свадьбы“ Рокомоцеръ отпривится въ Вѣну развѣнять французскіе лундоры и англійскія гиней и девять процентовъ принадлежатъ ему, двадцать Орлу Криванскому, двадцать Кузёну, вмѣстѣ съ Пальмой. Въ цей Орель не имѣетъ доли...

Кровь ударила въ голову Иллаванъ, когда онъ прочелъ имя Пальмы. О, пусть берегутся негоди! Онъ имъ покажетъ!

Слѣдующее затѣмъ посланіе указывало на возникшее по этому именно поводу пререканіе. Оказывалось, что и Орель требовалъ себѣ Пальму. Кузень дѣлалъ предложеніе—чтобы, по окончаніи всего предпріятія, Пальмѣ предоставить выборъ, которому изъ двоихъ она пожелаетъ принадлежать.

Глаза Иллаванъ горѣли бѣшеннымъ огнемъ. Но падо было прочесть послѣднее письмо, въ которомъ былъ подробно изложенъ весь планъ ограбленія замка.

Иллаванъ уже прибылъ—сообщалось въ этомъ письмѣ,—звать больше нельзя, такъ какъ на слѣдующій-же день соберутся кредиторы, которые урвутъ значительный кусокъ. Поэтому чрезъ день по полученіи письма „шайка“ должна сойтись и спрятаться въ лѣсахъ, примыкающихъ къ Гарговарскому замку. На горномъ скатѣ, прямо противъ Гарго, есть небольшое каменное зданіе съ желѣзною дверью. Тутъ источникъ цистерны, откуда низкій подземный ходъ ведетъ вверхъ, въ замокъ. По этому ходу тянется водопроводная труба, заканчивающаяся въ погребѣ, помѣщаемомъ подъ самымъ замкомъ. Выше вода тоже не подымается собственной силой, а гонится въ верхній резервуаръ посредствомъ машины, приводимой въ движеніе лошадьми. Слѣдующею ночью честная компанія найдеть двери цистерны отворенными и по подземному ходу могутъ пробраться въ погребъ.

Ключъ у него въ рукахъ. Вечеромъ, при выдѣхъ жандармамъ винной порціи, Кузень подбавитъ туда опиума.

Спальня Пальмы находится въ апартаментахъ, расположенныхъ со стороны парка, далеко отъ службы и людей. Никакого шума она не услышитъ. Къ ея дверямъ ужъ приготовлены подѣльные ключи...

Иллаванъ не могъ читать дальше. Какъ безумный бросился онъ на Рокомоцеръ, схватилъ его за горло и, забывъ всякую осторожность, загремѣлъ могучимъ, въ эту минуту бѣшеннымъ, голосомъ: — Мерзавецъ! Ты знаешь все это и допустилъ-бы, если-бы я не пріѣхалъ!

При каждомъ словѣ онъ встряхивалъ еврея съ такою силою, что у того, казалось, голова, руки, ноги хотѣли оторваться прочь и разлетѣться въ разныя стороны.

— Ты допустилъ-бы, негоди! все это съ тою, которая, — ты знаешь это—дороже мнѣ всего на свѣтѣ!

И онъ со всего размаха „всадилъ“ его въ кресло. И хозяинъ и кресло едва не треснули. Но Рокомоцеръ былъ до такой степени доволенъ, что ему удалось убедить г. окружнаго судью, что, казалось, не чувствовалъ боли. Онъ даже улыбнулся.

— А, такъ значитъ, правъ я? Правъ?

— Чтобы ты околѣлъ съ твоей правдой, бестія ты эдакая!

— А все же было-бы хорошо, если-бы ваша милость поторопилась туда, чтобы помѣнать той вещи...

Францъ снова вѣднился въ жида.

— Развѣ ты не знаешь, бестія, что эта дѣвушка—моя невѣста? Не знаешь, что она принадлежитъ мнѣ? Не могъ заявить обо всемъ?

Иллаванъ выпустилъ Рокомоцера, вспомнивъ, что если отъ него хочешь получить отвѣтъ, то необходимо перестать такъ тискать его.

— Ваша милость, вѣдь вотъ подумаешь какой вы вѣрный челювикъ! Ужъ если кого любите—такъ не измѣните.

— Дѣло вовсе не въ томъ—вѣренъ ли-я, или невѣренъ, а въ томъ—почему ты не открылъ заговора этого?

— Ваша милость, я открою вамъ еще кое-что. Вѣрите мнѣ—я люблю васъ очень.

— Убирайся къ чорту съ своею любовью!

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, а я люблю вашу милость, люблю очень. Ежелибъ левъ захотѣлъ съѣсть васъ,—я сталъ бы передъ вами и сказалъ бы ему: „на, глотай сперва меня!“

Чудесный вы барин! Въ цѣломъ мѣрѣ только и нашелся такой, и шёл больше, больше шёл! и просто страхъ какъ это вы лоскавали тогда въ самую палубу, чтобы освободить того Опаровскаго! Я не могу пожелать вамъ на него; молодой баринъ завлачилъ мнѣ все, съ процентами, а отъ вашей милости и до сихъ поръ не получилъ ничего кромѣ снѣжковъ. А все-таки скажу, что вы—славный, отличный господинъ! Но—молодой юнкеръ Опаровскій! Я зналъ отца его; онъ не былъ хорошій, честный человекъ; но тотъ—еще худшій негодай и злодѣй, тѣмъ его отецъ!

— Молчи ты, что тебѣ за дѣло?

— Молчу, молчу, да. Я только хочу сказать... ваша милость ужъ пойметъ меня потому: пожайте лишь скорѣе въ Гарго. Потому—свѣтъ вверхъ ногами сталъ, а люди злы. Больше я не могу ничего сказать. И если ваша милость сюда назадъ прѣдете и скажете: „Рокомоцерь, я сердитъ на тебя!“ то сниму я тогда свою ермолку и отвѣчу: „бейте теперь вашей свицовой палкой, ваша милость!“

Отъ бѣшенства Иллаван былъ не въ силахъ говорить. Онъ только скомкалъ въ кулакѣ письма—живые свидѣтели того, что могло бы случиться съ Пальмой, затѣмъ, не произнеся ни слова, быстро вышелъ; Рокомоцерь проводилъ его на улицу, на порогѣ онъ повторилъ ему въ полголоса.

— Говорю вашей милости только одно: „Свѣтъ вверхъ ногами сталъ, а люди злы“. Вы ужъ поймете это потому!

Иллаван не обратилъ никакого вниманія на него и скоро уже скакалъ по той самой дорогѣ, по которой прѣхалъ.

XX.

Дама сердца.

Иллаван, теперь, на пути въ замокъ, уже не скрывался отъ крестьянъ, а напротивъ, остававшійся въ каждой деревнѣ, подзывать старшинъ и приказывать имъ направиться съ пародомъ на слѣдующій день въ Гарговаръ, но еще до вечера, и собираться на рыночной площади, подъ предлогомъ прѣзда на базаръ. Везти въ телегахъ оружіе, конечно хорошенько припританное—будетъ работа!

Его выслушивали какъ оракула.

Въ то время—время бури—кружились всѣ головы...

Вилы и кирки были у всѣхъ на готовѣ, и все ждало только человека, который крикнулъ бы: „Впередъ!“ Иллаван былъ такимъ человекомъ...

Передъ вечеромъ слѣдующаго дня онъ подъѣхалъ къ Гарговарскому замку. Дорогой Иллаван узналъ много подробностей обо всемъ, что произошло за время его отсутствия. Грустно сдѣлалось ему. Старинные добрые друзья, хорошие знакомые—все это исчезло. Новые, неизвѣстные люди заняли мѣста ихъ. Неприятно было ему узнать, что Фердинандъ Теметвени сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ въ этой сторонѣ. Какъ встрѣтятся они теперь?

Близъ мельницы онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ изъ тѣхъ преданныхъ ему крестьянъ, которые участвовали въ схваткѣ съ Орломъ Кривацкимъ. И они сообщили ему, что бывшій партизанъ снова въ этой мѣстности и что жандармы не берутъ его! Иллаван объяснилъ имъ гдѣ собраться въ слѣдующую ночь и куда сѣсть по условленному знаку и направился къ замку. Теперь туда не такъ легко можно было попасть, какъ прежде. На подъемномъ мосту расхаживалъ жандармъ съ ружьемъ. Онъ остановилъ прѣхавшихъ и далъ знать вахмистру, явившемуся для осмотра паспорта Франца. Но такъ какъ вахмистръ не понималъ по англійски, то побѣжалъ за господиномъ графскимъ секретаремъ Кузеномъ. Пришлось ждать секретаря. Наконецъ онъ явился.

— А, Monsieur! воскликнулъ Кузень (у него на воротникѣ красовалась одна звѣздочка) съ видомъ искренней радости,—добро пожаловать! Мы то ужъ думали, что больше и не увидимъ васъ.

— А вотъ я ужъ и прѣхалъ, отвѣчалъ Францъ, бросивъ на него взглядъ, полной ненависти, съ которой не могъ, въ первую минуту, совладать.

— Бриллианты то вѣдь вы пожелали и нашли?

Иллаван нахмурился значить, не смотря на просьбу его, Кузень было сообщено это.

— Какъ я радъ, и какъ графъ будетъ радъ тоже!

— Возмите, пожалуйста, этотъ сакъ и отнесите его наверхъ. Кузень нѣсколько обидѣлся—онъ вѣдь не лакей—здѣсь всѣ бриллианты и я не могу доверить ихъ никому другому. (Это уже было лестно и Кузень принялъ порученіе).

Иллаван, однако, отдалъ ему свой мѣшокъ только потому, что въ немъ находился также и револьверъ, а будь этотъ револьверъ найденъ при осмотрѣ багажа,—его не выпустили-бы въ замокъ до тѣхъ поръ, пока не былъ-бы поданъ о томъ рапортъ графу и не получилось-бы разрѣшеніе его сіятельства. А такъ какъ ничего этого не случилось, то Францъ, въ сопровожденіи жандарма, былъ черезъ нѣсколько минутъ у дверей графской половины: тутъ принялъ его дежурный лакей и провелъ дальше, къ кабинету, а здѣсь камердинеръ, попросивъ его обождать, пошелъ дожидать. Наконецъ, онъ былъ вступилъ къ его сіятельству.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ теперь сталъ совѣтъ другимъ человекомъ. И не только оттого, что на немъ надѣтъ мундиръ, при-

своенный его новой должности. Нѣтъ—вмѣсто прежняго трусливаго, нерѣшительнаго Теметвени, Иллаван увидѣлъ предъ собою внушительную фигуру человека, вполнѣ увѣреннаго въ себя, съ примѣсомъ чего-то официальнаго. Нѣтъ—то не былъ прежній Теметвени!

Впрочемъ, графъ сохранилъ прежнюю добродушную манеру обращенія.

— Хорошо сдѣлано, что назадъ прѣхали, сказалъ онъ, пожавъ руку Франца. Мы очень безпокоились о васъ. Одно время о васъ ничего и не слыхали. Гдѣ это вы были?

— Въ Америкѣ. Надо было найти остальную треть бриллиантовъ.

— Да вы-бы ужъ бросили, не стоило изъ-за нихъ такъ беспокоиться.

Вотъ ужъ какъ нынче—не стоитъ заботиться о какихъ-нибудь 200 тысячахъ гульденахъ! подумалъ Иллаван. Но я нашелъ и эти бриллианты: одну часть въ Америкѣ, а одну часть здѣсь.

Графъ разсѣялся въ похвалахъ и благодарности.—Ну, а теперь мы ужъ васъ не отпустимъ, вы останетесь у насъ, прибавилъ онъ.—Вы должны помогать мнѣ, служить со мной. вы—какъ будто солданы именно для того, что мнѣ надо. Я предлагаю вамъ одну изъ должностей въ комитатѣ, которымъ управляю.

Иллаван отступилъ на шагъ, изумленный этимъ предложеніемъ.

Графъ, между тѣмъ, принялся объяснять ему, что должность эта соответствуетъ прежнему вице-гешпану, но только съ бѣльшимъ жалованьемъ и значеніемъ.

— Ну, такъ что-же скажете?

— Благодарю васъ за сдѣланную мнѣ честь, но не знаю—буду-ли способенъ занять должность и притомъ я намѣренъ на нѣкоторое время удалиться въ частную жизнь.

— Напрасно, напрасно—грѣхъ оставлять втуцѣ такія способности, какъ ваши, не слѣдуетъ вамъ отказываться отъ дѣятельности.

— У меня довольно будетъ занятія съ имѣніемъ Апатаръ.

— Апатаръ? Нисколько—вы теперь избавлены отъ этой обузы. Впрочемъ, вѣроятно, вы еще и не знаете. Корнель Опаровскій, въ награду заслугъ, оказанныхъ имъ, освобожденъ отъ опеки и вводится во владѣніе своими имѣніями. Кромѣ того, онъ возведенъ въ баронское достоинство.

Иллаван стоялъ какъ пораженный громомъ,

Да! Это часто бываетъ такъ! Умнѣйшіе, даровитѣйшіе люди страны сгинутъ, а выиграетъ какой-нибудь идиотъ!

— Я очень радъ, что бремя это сняли съ меня, проговорилъ онъ,—но нисколько, однако, не сомнѣваюсь, что если Корнелю будетъ предоставлена полная свобода въ распоряженіи имѣніями, то онъ весьма скоро сдѣлается ничимъ.

Теметвени улыбнулся.

— Оставимъ его судьбѣ своей. Въ рукахъ умной жены онъ совершенно переимѣнится.

— Его хотѣтъ женить? крикнулъ Иллаван,—да неужели въ мѣрѣ найдется отецъ, способный выдать свою дочь за сумасшедшаго?

Теметвени засмѣялся.

— Милый другъ, не будьте такъ строги. Такой отецъ и такая дочь нашлись. Не угодно-ли взглянуть на портреты жениха и невесты.

Съ этими словами графъ, красивымъ жестомъ, указавъ Иллавану на стоявшій нѣсколько въ сторонѣ изящный молбертъ, на которомъ находился портретъ какой-то дамы въ красномъ платьѣ. Францъ сначала не обратилъ на него никакого вниманія. Теперь онъ взглянулъ и узналъ—портретъ графини Пальмы.

— Похожа? Не правда-ли?

При этомъ вопросѣ Францъ вспомнилъ слова укрывателя воровскихъ вещей въ деревнѣхъ Церенъ. Опять прихлынула кровь ему къ головѣ и онъ почувствовалъ безумное желаніе поцѣловать руку стараго укрывателя и слѣды своихъ пальцевъ съ его шеи перенести на шею этого магната.

Францъ глядѣлъ теперь на портретъ дамы въ красномъ платьѣ, какъ будто желая ее заставить отвѣчать на его нѣмой вопросъ. Ему вдругъ вспомнилось, что въ сущности Пальма и не была „объявлена“ его невестой, что онъ еще и не дѣлалъ формальнаго предложенія отцу ея. Онъ считалъ это излишнимъ; и безъ того все установилось само собой и обстоятельства сблизили ихъ.

— Похожа она? повторилъ свой вопросъ графъ.

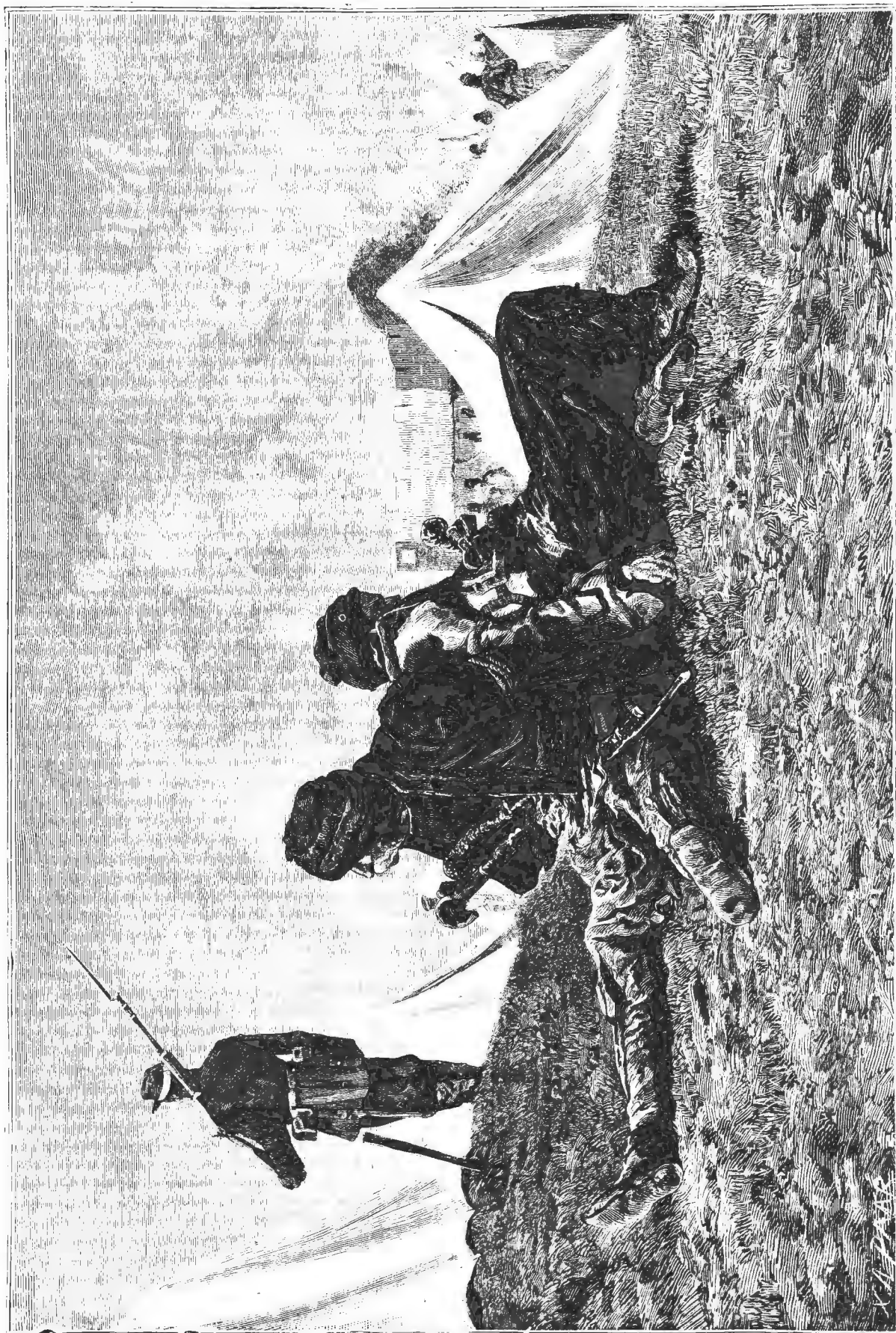
— Не знаю, я давно не видѣлъ графини, съ усиліемъ проговорилъ Францъ.

— Такъ зайдите къ пей, она у себя. Я уже велѣлъ увѣдомить ее, что вы прибыли. Еще разъ благодарю васъ за то, что такъ много потрудились для насъ и почту за особую честь для себя доказать вамъ мою признательность.

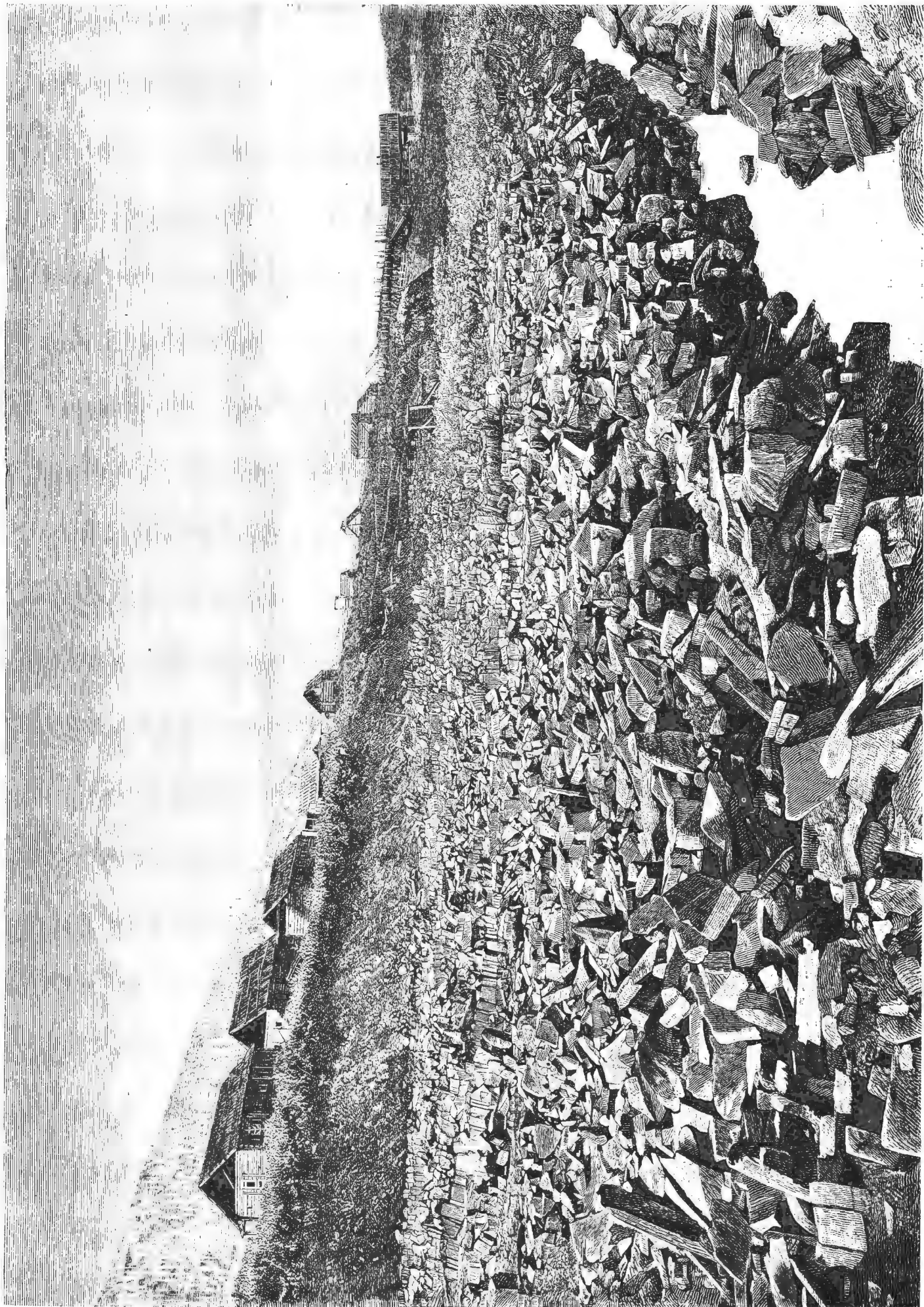
Иллаван пошелъ на половину графини Пальмы.

Въ салонѣ молодой графини сидѣли двѣ дамы. Пальма была теперь не одна, при пей состояла компаньонка, англійская мистъ, но Францъ не замѣтилъ ея, вниманіе его было слишкомъ поглощено другою.

„Другую“—не тою, которую онъ оставилъ уѣзжал, но тою,

Баши-Бузуки. Съ картици В. В. Верещагина, рис. Брейдвизеръ, грав. Пааръ.

Оставленное мѣсто на Собашниковскомъ золотомъ приискѣ, у р. Витима, (Вост. Сибирь). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

этот случай спасъ молодого парня. Въ ту же минуту красавица-дѣвушка показавшаяся на крыльцѣ съ фонаремъ въ рукахъ.

— Что тутъ такое? спросила она.

— Ничего, отвѣчалъ Господичъ, огирая колѣно, — по темно-гаго не достаю, чтобы я уколошилъ этого парня, съ розежъ, какъ яблоко и съ погами, какъ у зайца.

Красавица захохотала и чѣмъ больше залился Господичъ, тѣмъ громче она смѣялась и такъ уже се разобравъ смѣхъ, что отъ него она опустилась даже на землю.

— Ха ха ха!.. Охъ! бога заболѣли—да ты ревизеешь, голубчикъ, какъ вижу,—ну, значить, надо мнѣ видѣть за тебя за мужъ, а не то пришлось бы еще разъ видѣть, какъ тебя вѣшать стануть.

— Не смѣйся, вдругъ сказала Господичъ, — мнѣ кровь бьетъ въ голову... чего доброго, пожалуй, и могу забыть, вѣдь, что ты...

— Глухой, воскликнула Варвара Канитановичъ, вставъ на ноги, — ты чего это смѣшивъ со мной стать? Любовь-то у тебя все равноже събла. Ну ладно, поговоримъ толкомъ. Вижу, надо мнѣ тебя въ мужья брать, и хорошо, и съблаю это, но только если ты мнѣ поклонился, что не будешь хозяина птать здѣсь. Довольно я ужъ поодъ началомъ была, будеть съ меня.

— Клянусь тебѣ во всемъ, въ чемъ желаю, возразилъ Господичъ, если ты мнѣ обидишь, что никого больше къ себѣ пускать не будешь.

Ужъ не думаешь ли, что мнѣ есть какая нужда въ этихъ дураляхъ, что ли? Думаешь, развѣ?

— Не думаю.

— Ну такъ, пойдѣмъ, выпьемъ вмѣстѣ, — вино веселитъ, пойдѣмъ, голубчикъ.

Пемного времени спустя, въ домѣ богатой красавицы-дѣвушки все стало чинитись, прибираться, начали варить, жарить, печь—Варвара Канитановичъ праздновала свою свадьбу съ Данилой Господичемъ.

Проходило это дѣломъ, несладко до жатви.

Но еще не все свадебные пирогъ были съдѣны, а ужъ въ домѣ, къ общему удивленю, начали замѣчать, что Господичъ сталъ совсемъ не прежній, совсемъ другой, не удивлялась только одна Варвара.

— Знала я это напередъ, сказала она Миладѣ. Все мужичий одинаковы, потому то и я не хотѣла снова надѣвать обручальнаго кольца, жметъ ужъ оно очень, ну, да ужъ если до этого дошло, такъ надо его носить притъ йно.

Если до сихъ поръ Господичъ былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ работниковъ въ деревнѣ, то теперь онъ сталъ лѣнивы, какъ паша. Самое пустое занятіе было уже для него каинимъ-то пугаломъ. Но цѣлывъ динялъ онъ сидѣть ничего не дѣлая и если не вѣть и не пилъ, то покуривалъ трубочку. Наступила жатва, все пошли на работу въ поле, Варвара распрорядилась работницами, сама прикладывала руку то тамъ, то сямъ, сама жала колосья и вязала снопы, не отставала отъ другихъ, поодъ палящими лучами солнца, Господичъ остался дома, расположившись въ тѣни, а когда и выходилъ въ поле, то только для того, чтобы или подразнить жену, или покричать на работниковъ, обливавшихся потомъ надъ колосьями и надъ снопами.

Дома онъ все больше и больше началъ разыгрывать хозяина. Онъ сразу сталъ знать во всемъ толкъ лучше всякаго другаго, и теперь Варвара уже никакъ не могла угодить ему. То рубашка была дурно выстирана, то щи худо сварены: онъ приставалъ къ женѣ даже и за то, что будто бы она подливала ему воды въ вино. Въ началѣ она встрѣчала его выговоры съ гордымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ, потомъ стала сдержанно возражать, но однажды отвѣтила ему съ такою же заальчивостью, съ какою набросился онъ, и съ тѣхъ поръ, пошла безконечныя ссоры.

Пришла осень, началось собираіе винограда, снова Господичъ представилъ женѣ трудиться вволю, а какъ только молодое вино было разлито въ бочкахъ, онъ сиустился въ погребъ и напился тамъ до такой степени, что его пришлось втащить наверхъ какъ мѣшокъ.

Варвара не сказала ему ни слова, но заперла погребъ и когда онъ спросилъ у нея какой, отвѣтила ему такъ, что больше онъ уже не пробовалъ повторить требованія своего. За то онъ сталъ уходивъ въ шинокъ, откуда каждый вечеръ возвращался совершенно пьянымъ и обыкновенно кричалъ и шумѣлъ какъ сумасшедшій.

И оинякъ настала зима. Безъ всякаго причинъ Господичъ возненавидѣлъ Миладу: бѣдная дѣвушка трепетала при одномъ его взглядѣ. Онъ ругался когда она ставила миску на столъ, ругался, когда она подавала ему трубку, которую набивала для него, ругался, когда подавала кружку съ виномъ. Не проходило ни одного дня, чтобы онъ не жаловался на нее женѣ, такъ что бѣдняжка только и знала, что плакала у себя въ каморкѣ и все время ходила съ красными глазами, какъ кроликъ.

— Я доберусь до тебя, постой! кричалъ онъ — выгоню изъ дому вонъ!

— Не пойму, что такое у тебя съ Миладой выпло, кто тебѣ надо? спросила какъ-то разъ Варвара.

— Чего мнѣ надо? Да развѣ ты не видишь, какал она лѣни-

вая, недовкая, грубая? Развѣ она умѣетъ что-нибудь сдѣлать какъ надо?

— Я всегда была сю довольна.

— Ты—можетъ быть, а я—совершенно недоволенъ, отвѣчалъ Господичъ, если ты не выронишь ее, я что-нибудь да съблаю съ него, самъ не знаю — пожалуй еще убью ее!

Въ одно воскресенье, когда женщины были у обѣдин, Господичъ уже спозаранку забрался въ шинокъ, поодчивалъ тамъ какихъ-то двухъ отлученныхъ солдатъ, поговорилъ, нахвасталъ съ три корога, поодчивался самъ, возвратился домой пьянымъ и свалился на скамьѣ въ горнищѣ, въ ту самую минуту, когда его жена пришла тоже.

Она только молча взглянула на него и прошла къ себѣ въ комнату, чтобы переодѣться. На несчастіе въ горницу вошла Милада, еще въ своемъ праздничномъ нарядѣ, съ кораллами на шеѣ и кружевномъ платкѣ на головѣ, и стала накрывать на столъ.

— Ты не видишь развѣ, что трубка у меня чогаса? началъ Господичъ, Милада подала огня. Съ минуту онъ, повидному, курить спокойно, но, потомъ, вдругъ хлопнулъ по столу такъ, что глянцныя тарелки запрыгали.

— Что ты, смѣешься надо мною что-ли? ты — дѣлтайка? Не говориль я тебѣ, что трубка моя погасла?

Дѣвушка заалила другую лучину и, подойдя къ Господичу, опустилась на колѣни и старательно зажгла табакъ въ трубкѣ. Итъ, не курится трубка, что-же это такое? вѣрно ты заколдовалъ ее! крикнулъ онъ, рванувъ дѣвушку за кораллы, которые дробью посыпались по полу, урвввъ его точно кровавыми каплями. Милада начала плакать.

— Ты еще ревѣть у меня! довольно ужъ я этой музыки наслушался, — и онъ толкнулъ ее въ губы.

— Никто еще никогда не смѣлъ бить меня, всхлиывая проговорила Милада, — никто, кромѣ матери, а господина ни разу и пальцемъ не тронула, а вы...

— А я?... что?.. крикнулъ снова Господичъ, вспрыгнувъ съ своего мѣста, — я теперь надаю тебѣ пшенокъ, которыхъ ты сивкомъ мало получала до сихъ поръ!

— Иосувъ-Марія!

На — тебѣ, па — тебѣ! продолжая наносить удары бѣдной дѣвушкѣ, — иди, жалуйся, увидимъ, кто тутъ хозяинъ и господичъ — ты или я! Собирай-ка свои вещи, да убирайся отсюда сейчасъ-же вонъ, иди къ пцапамъ, тамъ тебѣ мѣсто. И онъ толкнулъ ее погой изъ комнаты какъ собаку.

Милада, вдоволь наплакавшись, связала свой узелокъ, надѣла овчинную шубку, выломала изъ частокола добрую палку и вошла въ горницу къ хозяйкѣ, чтобы съ нею попрощаться.

— Куда это ты собралась? спросила Варвара съ изумленіемъ.

— Хозяинъ прогналъ меня.

— Кто?

— Хозяинъ — твой мужъ.

А, вотъ какъ? а ты сейчасъ ужъ и уложилась, сказала Варвара, — но я тебя не отпускаю. Ты остаешься.

— Не могу, господина.

— А почему не можешь?

— Потому... потому, не въ моготу ужъ мнѣ это больше терпѣть.

— Да что такое терпѣть?

— Пока хозяинъ ругался только, да былъ недоволенъ вѣмъ, что я ни дѣлала — еще ничего, отвѣчала дѣвушка, но онъ началъ уже бить меня.

— Когда онъ билъ тебя?

— Вотъ только что.

— За что это онъ на тебя золь?

— Да падо-ли тебѣ это знать?..

— Надо.

— Золь онъ на меня за то, что я не хочу слушать его любовныхъ рѣчей; за это онъ золь па меня и только за это одно; да, вѣдь, не могу-же я сдѣлать того, что онъ хочеть. Развѣ ты не любишь свою жену, говорю я ему — самую, что ни на есть красавицу во всей нашей сторонѣ? А онъ смѣется въ отвѣтъ мнѣ. Она конечно хороша, сказала, да и ты мнѣ тоже нравишься. Будто у пѣтуха только всего одна курочка и есть? Онъ такъ и сказалъ, господина.

— Вѣрю тебѣ, Милада, и потому ты остаешься. Больше онъ тебя трогать не станеть, не бойся, это ужъ мое дѣло.

Милада вышла, сняла свою шубу, развязала узелокъ и поставила палку у частокола.

Когда Господичъ съ женой сѣли за обѣдъ и Милада вошла съ супомъ, онъ вскочилъ и громко крикнулъ, страшно сверкая глазами: Ты еще здѣсь! развѣ я не велѣлъ тебѣ убраться изъ моего дома?

— Этотъ домъ -- мой домъ, гордо возразила Варвара, а Милада — хорошая, честная слуга и останется у меня.

— Если я велѣлъ ей уйдти — она уйдеть! крикнулъ Господичъ, ударивъ по столу.

— Милада все таки останется здѣсь, возразила Варвара, потому-что я того желаю.

— Ну, это еще увидимъ, едва могъ выговорить Господичъ, котораго душилъ гнѣвъ.

— Не злись ты, сказала Варвара, — это могло-бы повредить тебѣ.

— Вонъ отсюда! заремѣлъ Господичъ и, схвативъ чубукъ, кинулся на Миладу.

— Не смѣй трогать ее, крикнула Варвара, — не смѣй, я запрещаю!

— Запрещать! мнѣ! Юбѣ не позволю командовать мною!

— А что ты мнѣ общаешь, въ чемъ клялся?

— А ты — мнѣ? Такъ это твоё послушаніе? Онѣ схватили Миладу за длинныя косы и начали безпощадно бить ее.

При первомъ-же ударѣ на бѣдной дѣвухѣ показались кровь; почти въ ту-же минуту ему подъ руку попалась жена; выпустивъ Миладу, онѣ взялись за Варвару, прижалъ ее къ стѣнѣ и принялся бить чубукомъ по чемъ попало. Красавица защищалась какъ могла, пока служанка не въцѣпилась въ Господича съзади; тогда она изо всѣхъ силъ толкнула его отъ себя. Онѣ покачнулись и едва устояли.

— Знаю, знаю—ты оттого бьешь ее, что она не хочетъ тебя, что она честная дѣвушка — я знаю все, черезъ силу проговорила Варвара.

Господичъ смѣшался, ему показалось будто крыша свалилась на его голову, онѣ испугано взглянулъ на ту, на другую и стремглавъ бросился бѣжать — прямо въ шинюк.

Нѣсколько минутъ Варвара молча стояла среди комнаты. Она наскоро смотала толстыя, темныя косы, распустившіяся во время свалки съ мужемъ и поправила рубашку, которую онѣ разорвала на ней. Бѣдная Милада тоже была неподвижна въ своемъ углу, только глаза ея боязливо уставились на холодное, мрачное лицо господина, стараясь что-либо прочесть въ немъ и какъ-бы безмолвно моля о защитѣ и покровительствѣ.

— Хорошо, хорошо-же, произнесла, наконецъ, Варвара, опустилась на скамейку у очага. Надо было ждать, что такъ случится, ну ужъ по крайней мѣрѣ теперь знаешь въ чемъ дѣло.

Слова эти были обращены къ Миладѣ, по та не имѣла силъ говорить, отвѣчать.

Варвара схватила кружку и выпила крѣпкого вина, но оно не повліяло на нее возбуждающимъ образомъ, а скорѣе успокоило. На, выней-ка, обратилась она къ дѣвухѣ, — отъ вина-то похрабрѣе будешь.

Милада отпила и поставила кружку на мѣсто.

— Что теперь дѣлать? проговорила она, пристально глядя на дѣвухку, будто желая въ ея лицѣ найти отвѣтъ на свой вопросъ.

Милада обтерла потъ рукавомъ. О—было-бы лучше, сказала она, еслибъ ты его оставила на висѣлицѣ. Варвара бросила на нее новый взглядъ — страшный взглядъ судьи, рѣшающаго вопросъ о жизни и смерти подсудимаго—и молча опустила глаза къ полу, задумалась.

Долго о чемъ-то думала она. Лицо ея сначала строгое, серьезное, потомъ озарилось выраженіемъ какой-то странной радости — радости звѣря, почуявшаго добычу.

Поздно уже было, когда Господичъ возвратился, поддерживаемый двумя собутыльниками; они съ громкимъ хохотомъ приставили его къ двери и тотчасъ-же ушли. Когда Варвара отворила мужъ, какъ снающъ повалился къ ея ногамъ; она втащила его, заперла дверь и бросила лежать, гдѣ онѣ былъ. Но скорѣе онѣ снова вошелъ, хотя и сильно пошатывался, въ горницу, держа въ рукѣ налку, которую Милада оставила у частокола.

— Гдѣ эти проклятыя бабы! гаркнулъ онѣ, качаясь изъ стороны въ сторону, поминутно теряя равновѣсѣ, — я ужъ ихъ выучу, кто здѣсь хозяинъ... а добрый вечеръ, женушка... небось теперь смирилась стала... что? теперь я тутъ хозяинъ, я, одинъ я. Повяла ты это? Аль желалась еще колотушекъ, сладкая голубка? Онѣ началъ бить налку вокругъ себя, упалъ на полъ, попробовалъ встать, но повозившись безплодно, заснулъ тутъ-же, подъ столомъ.

Варвара, окинувъ его довольнымъ взглядомъ, вышла на цыпочкахъ изъ горницы.

Люди были всѣ въ некарнѣ.

— Да гдѣ же хозяинъ? спокойнымъ тономъ спросила она, — не знаешь ли кто нибудь—гдѣ онѣ?

— Да гдѣ же ему быть, какъ не въ шинюкѣ, отвѣчала Милада, голосомъ полнымъ злости и ненависти.

— Идите вы всѣ да поищите его, распорядилась Варвара, — и чтобы никто назадъ не возвращался, прежде, чѣмъ не найдете его. Милада, ты останься со мной.

Всѣ немедленно же и безпрекословно повиновались, одѣлись, взяли съ собою фонари и смоляные факелы и вышли на поиски въ звѣздную, но холодную зимнюю ночь.

— А ты, иди-ка, достань мнѣ веревокъ, виологоса сказала Варвара, обращаясь къ Миладѣ.

— Какихъ веревокъ?

— Да тѣ, на которыхъ мы бѣлье сушимъ.

— Для чего?

— Нечего тутъ спрашивать.

Варвара возвратилась въ горницу, и сѣла на скамейку, не отрывая глазъ отъ Господича, будто боясь, чтобы онѣ не ушелъ отъ нея. Вдохъ облегченія вырвался у нея изъ груди, когда дѣвушка вошла съ веревками.

— Ладно, сказала она, вставала, — теперь помоги мнѣ связать его.

— Кого?

— Моего мужа.

Какъ велишь, господина.

— Ты вѣдь рада сдѣлать это?

— Бѣшь сердцемъ рада.

— Ну такъ, прошептала Варвара, ты вяжи ему ноги, а я—руки.

Онѣ наскоро на него и хотя Господичъ, въ полуснѣ заматался и зарычалъ, но они осилили его и въ нѣсколько секундъ связали ему ноги и скрутили за спину руки.

— Теперь... проговорила Варвара задыхаясь—онѣ намъ ужъ ничего не сдѣлаетъ.

Милада засмѣялась, она была такъ счастлива, такъ весела теперь, что даже пустилась было въ плясъ и поцѣловала господина въ плечо.

Варвара кивнула ей головой и обѣ поцѣпили въ конюшню.

— Что это ты задумала, господина? съ любопытствомъ спросила дѣвушка.

— Усвѣдѣшь еще узнать.

Она вывезла, при помощи Милады, во дворъ сани и нанюкала ихъ соломой, затѣмъ онѣ вывели лошадей и запрягли.

— Иди, одѣнься.

— Что же мнѣ надѣть?

— Да вѣдь видишь что мы поѣдемъ.

Милада бросила испуганный взглядъ на господина и побѣжала въ некарню, а Варвара пошла къ себѣ, надѣла шубу, навязавъ на голову платокъ; вышла скоро и Милада, тоже въ шубѣ и въ платкѣ, обѣ походили на турчанокъ; видны были только ихъ глаза, блестящіе будто изъ за гаремныхъ чадуръ.

— Что дальше будетъ? спросила дѣвушка.

— Ты ужъ черезчуръ много спрашиваешь, возразила Варвара, только помогай мнѣ, вотъ все, чего прошу у тебя.

— На меня полагайся въ чемъ хочешь, я люблю тебя, всегда буду тебѣ вѣрна и готова пролить всю кровь за тебя.

— Ну такъ ѣдемъ!

Больше онѣ не обмѣнялись ни однимъ словомъ, понизая другъ друга взглядомъ и кивкомъ. Онѣ схватили Господича, вытащили его во дворъ, бросили въ санки и навалили на него солому. Милада отворила ворота, затѣмъ онѣ ушли, Варвара взяла въ руки возжи и кнуть и—понеслись въ темноту окружающей ихъ ночи. Онѣ промчались деревней, сани летѣли по снѣгу, какъ вихорь, хижинны, будто освѣтивъ подъ сѣжними запасами, деревня, съ своими бѣлыми, растопыренными, какъ руки, вѣтвями, мелькала точно тѣни по сторонамъ. Близь лѣса показались было волки, которые однако тотчасъ же и скрылись.

Среди лѣса онѣ летѣли, будто среди какихъ-то каменныхъ великановъ, вытѣзанныхъ изъ своихъ трюбовъ; Варвара перекрестилась и дрожавшая всѣмъ тѣломъ дѣвушка принялась громко творить молитву. Онѣ безпрерывно доскакала до открытаго поля и до висѣлицы.

Небо было ясно и все усеяно звѣздами, при латовомъ освѣтѣ которыхъ блестяли снѣжныя поля, замерзшіе, обледѣлые кассиды, занидевшіе кустарники.

Варвара потащила своего мужа за ноги, Милада толкнула его изъ саней. Онѣ упали на снѣгъ и, приподнявъ голову, съ изумленіемъ осмотрѣлись кругомъ себя.

— Что за чортъ? произнесъ Господичъ,—гдѣ это я и кто связалъ меня?

— Я связала тебя, сказала Варвара.

— Ты?—а зачѣмъ это? Господичъ замѣтилъ висѣлицу и дрожъ ужаса пробѣжала по его тѣлу.

— А затѣмъ, что опять повѣшу тебя, голубчикъ, туда откуда сняла, отвѣчала Варвара.

— Шутить ты, что ли!

— Я не шучу. Милада—вѣдь можешь мнѣ?

— Его повѣсить? конечно, съ радостью.

Онѣ взяли за него, чтобы тащить на висѣлицу.

— Ради милосердаго Бога—жалобно заговорилъ Господичъ, пусти меня, развяжи, я уйду въ лѣсъ и никогда больше не покажусь тебѣ на глаза! я не хочу на висѣлицу! не хочу!

Но напрасно молил онѣ, напрасно грозилъ; онѣ втащили его подъ висѣлицу, и крѣпко привязали къ лѣсенкѣ, которую привезли съ собой. Варвара вскарабкалась ему на плечи, утвердила веревку на перекладины и наложила ему петлю на шею.

— Пощади! молил Господичъ,—все сдѣлаю, что желаешь, только не вѣдай!

— Нѣтъ будешь висѣть, отвѣчала Варвара. Она быстро соскочила, отвязала его отъ лѣсенки и выхватила ее изъ подънего. Господичъ завертѣлся въ воздухѣ.

— Что—развѣ и теперь на меня любовно смотришь? крикнула со смѣхомъ Милада.

— Лучше помолись за его бѣдную душу, сказала строго Варвара.

Обѣ вмѣстѣ прочли краткую молитву, перекрестились и оставили страшное мѣсто. Такъ совершилось это дикое дѣло...

Нѣсколько секундъ спустя сани уже мчались опять по гладкому, блестящему снѣгу.

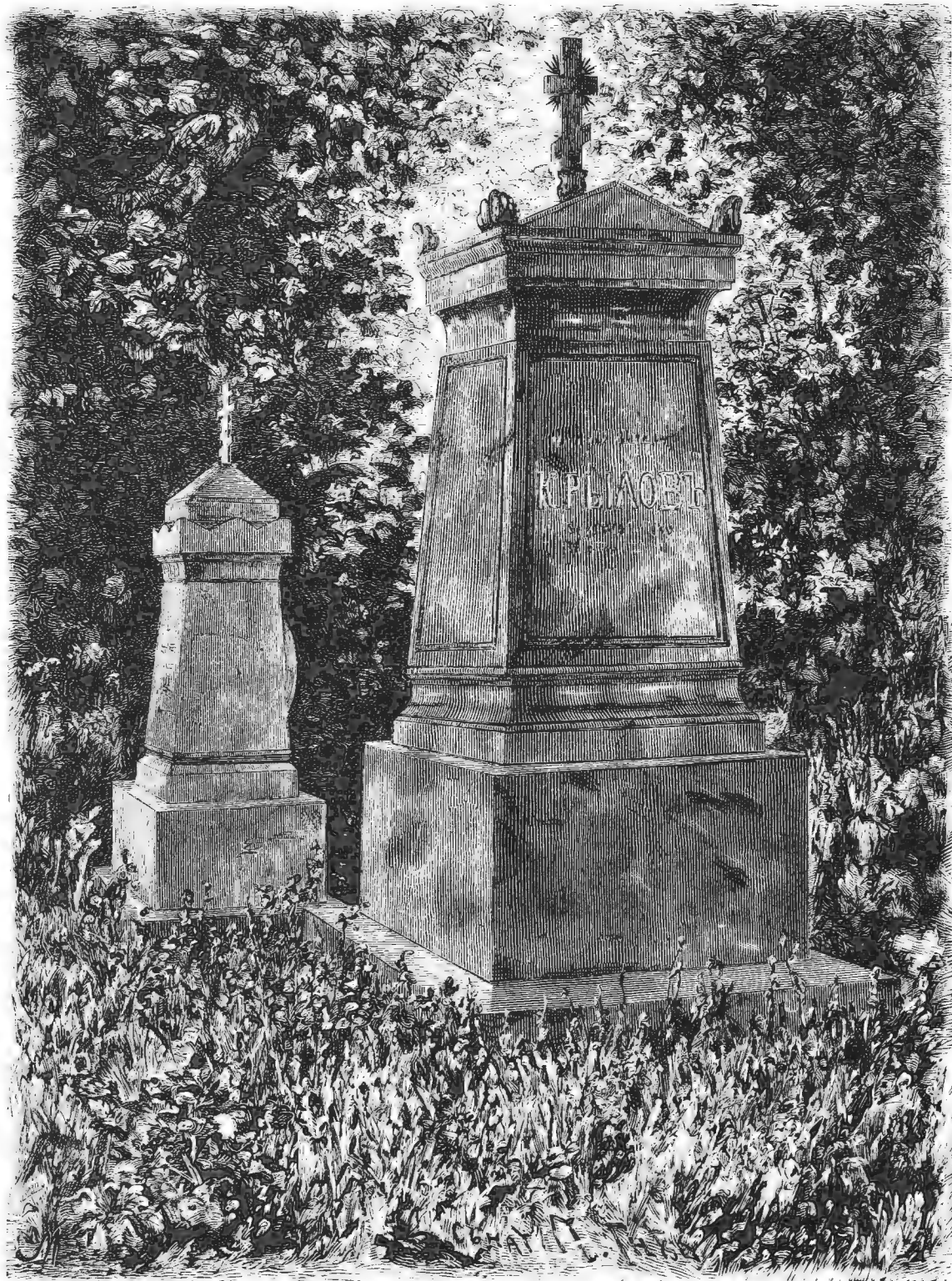
Загоряне, однако, были убѣждены, что и самому чорту Господичъ солонъ пришлось и тотъ принесъ его назадъ, къ великой радости вороновъ, которые уже потомъ вдоволь натѣшились имъ...

„Вій“, повѣсть Н. В. Гоголя.

(Рисунокъ Н. Каразина на стр. 196 и 197).

Кто не помнитъ трепетнаго и сильнаго ощущенія при чтеніи этой чудесной повѣсти, этихъ поэтическихъ, очаровательныхъ очерковъ Малороссіи? Какая глубина поэзіи, свѣжесть юмора, прелесть фантастическаго! Что за картины малороссійскихъ пра-

возстаніе красавицы, явленіе Вія—какія все это чудные эпизоды! Последняя сцена — ночь Хома — и вдохновила нашего талантливаго художника и мы не помнимъ чтобы кто-нибудь съ такимъ искусствомъ трактовалъ эту сцену. Рисунокъ совер-

Памятники Крылова и Гнѣдича въ Александро-Невской Лаврѣ въ СПБ. Рисов. съ природы П. Гнѣдичъ, грав. В. Матѣ.

вовъ, портреты бурсаки. Этотъ достолюбезный „философъ“ dominus Хома, который послѣ своей страшной ночи, на вопросъ о страстяхъ, отвѣчаетъ: „хнувь рукою: „а много на свѣтъ всякой дряни водится!“ и хоть половина головы у него посѣдѣла за эту ночь, а онъ все таки оттопыриваетъ трепака такъ, что добрые люди плюютъ и восклицаютъ: „вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ А этотъ казакъ сѣдоусый, который рыдаетъ что остался круглымъ сироткою... А чтеніе Хома у гроба.

шенно восстанавливаетъ впечатлѣніе мастераго разсказа.

„Вій“—это колоссальное созданіе народной фантазіи. Такимъ именемъ называется у малороссовъ глава „поганщины“, у котораго вѣки на глазахъ спускаются до самой земли. Вся повѣсть превосходно переработана знаменитымъ писателемъ изъ народнаго преданія.

Извѣстно содержаніе повѣсти. Три бурсака кievской семинаріи—богословъ Холява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тибериі

Горобець пошли на вакацію додому. Они заплуталися ночью въ степи и заночевали на небольшомъ степномъ хуторѣ, гдѣ старуха хозяйка, боясь незнакомыхъ путниковъ, положила ихъ спать врозь, въ разныхъ помѣщеніяхъ. Ночью философъ Хома увидѣлъ что дверь хлѣва его растворилась и старуха хозяйка вошла къ нему, страшно блестя глазами. „Вѣдьма!“ подумалъ онъ въ испугѣ и вкочилъ а старуха вспрыгнула ему на спину и невольно, съ странной силой и быстрою, онъ выбѣжалъ съ нею со двора и понесся по степи. Измученный, онъ началъ читать заклятыя и молитвы и высвободившись изъ подъ вѣдьмы самъ вкочилъ ей на спину и мчался на ней до тѣхъ поръ пока она въ изнеможеніи не упала на землю. Взглянувъ на нее онъ увидѣлъ, что вмѣсто старухи передъ нимъ въ травѣ лежитъ въ безчувствіи дивная красавица, разметавъ руки; онъ бросается бѣжать обратно въ Кіевъ и не можетъ долго уснокоиться.

Между тѣмъ дочь одного богатого сотника, у котораго былъ хуторъ въ степи, вернулась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, и въ ночь-же скончалась, завѣщавъ отцу, чтобы отходную и молитву по ней три дня читалъ философъ Хома. Сотникъ послалъ за Хомою казаковъ и ректоръ, не смотря на его сопротивление, отправилъ Хому на хуторъ. Описаніе пути его, жизни

хмѣль пропалъ, онъ началъ читать молитвы а между тѣмъ зазвенѣли стекла окошекъ, сорвались двери съ петель и несмѣтная сила „поганщины“ влетѣла въ церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и парашанье когтей... И слышитъ онъ что покойница глухимъ голосомъ восклицаетъ: „приведите Вія!“

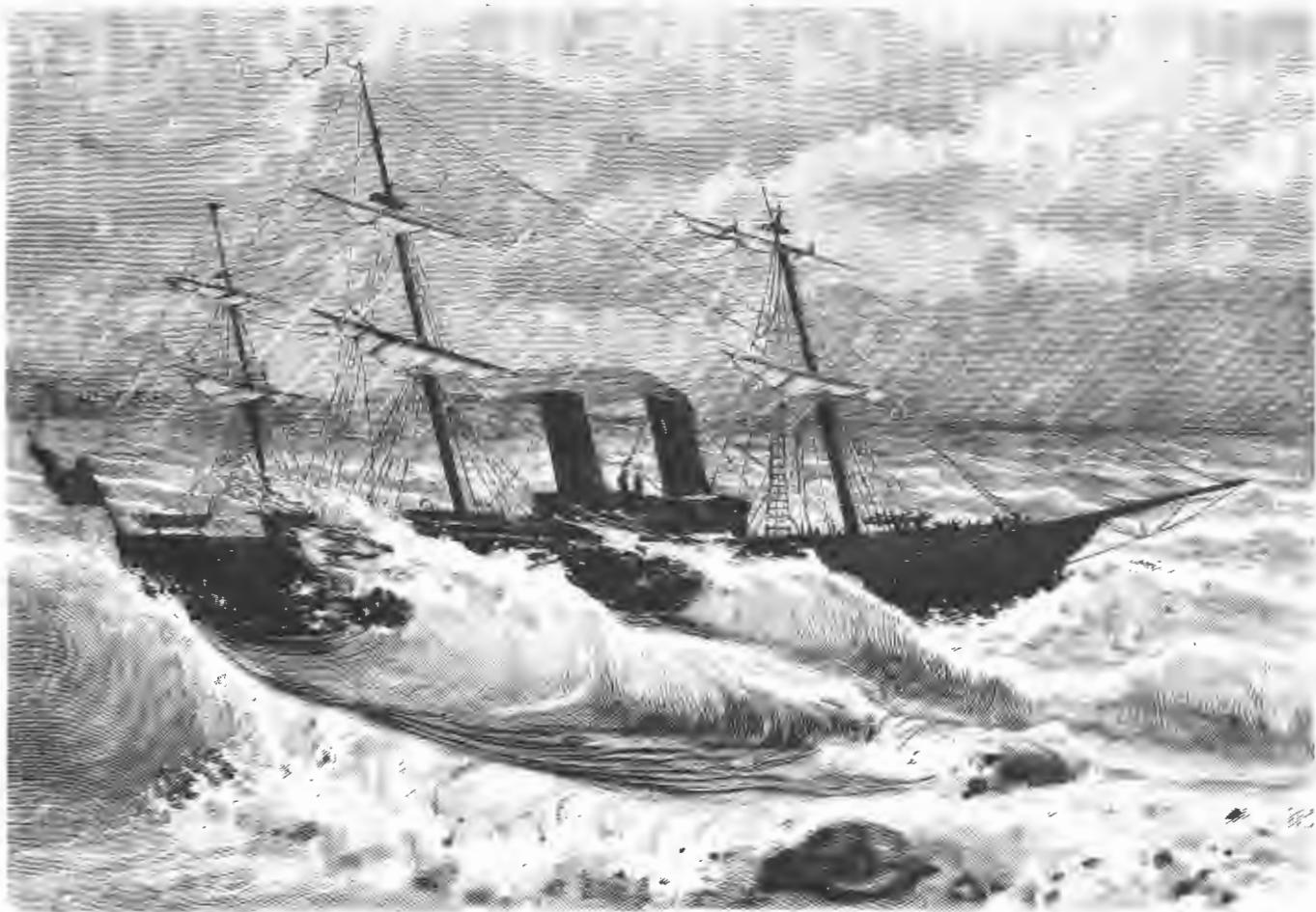
„И вдругъ настала тишина. Послышалось вдали волчье завыванье и раздались тяжелые шаги... Взглянувъ искоса увидѣлъ онъ что ведутъ какое-то огромное, дюжее, косолапое чудовище. Все оно въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни выдавались его, засыпанная землею, руки и ноги. Тяжело ступалъ онъ, длинныя вѣлки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома что лицо его было желѣзное. Его привели подъ руки и поставили къ тому мѣсту гдѣ былъ Хома.

— Подымите мнѣ вѣлки: не вижу! сказалъ подземнымъ голосомъ Вія и сонмище кинулось подымать его вѣлки.

— Вотъ онъ! прохрипѣлъ Вія и усталимъ на него желѣзнымъ палецъ и всѣ, сколько ихъ ни было, кинулись на философа.

Бездыханный грянулся онъ на землю... (Стр. 435, т. I).

Но тутъ раздается второй лѣтущій крикъ. Испуганные духи бросились какъ попало вонъ изъ церкви, но завязли въ дверяхъ и окнахъ... И уже на вѣлки, по преданію, осталась цер-

Библіографія. „Путешествіе по Востоку и Святой землѣ“. Д. А. Скалона. Шваль.

на хуторѣ, сцены въ кухнѣ—все это принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ мѣстамъ повѣсти. Когда покойницу отнесли въ церковь, въ кухнѣ начались рассказы о всякой чертовщинѣ и ужасахъ и настроенный всѣми этими рассказами Хома идетъ къ ночи въ церковь. Тамъ въ чудной, сверкающей красотой покойницѣ узнаетъ онъ вѣдьму, которую замучилъ въ стени. Все это усиливаетъ его ужасъ. Но вотъ покойница встаетъ изъ гроба и старается его поймать, а онъ молится и очерчиваетъ кругомъ себя кругъ, изъ-за котораго она его не можетъ видѣть и достать. На вторую ночь гробъ со свистомъ начинаетъ носиться по церкви. Хома въ ужасѣ послѣ этой ночи собирается бѣжать, но его ловятъ и не даютъ уклониться отъ послѣдней ночи. Чтобы быть смѣлѣе Хома выпилъ довольно горѣлки... И вдругъ

ковъ съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ и никто не нашелъ никогда къ ней дороги... Такъ и погибъ философъ Хома Брутъ.

— Слышалъ что случилось съ Хомою? спрашиваетъ Горобецъ своего товарища Халяву.

— Такъ уже Богъ ему далъ, философски замѣчаетъ тотъ, пойдѣмъ въ шинюкъ, помянемъ его душу!..

Сцена появленія Вія, рассказанная нами, изображена Н. Н. Карзиннымъ прекрасно. Таинственная мгла храма, чудовища-полупризраки и ужасный Вія, которому поднимаютъ вѣлки и закрывшія въ ужасѣ риторъ — все передано съ большимъ искусствомъ.

Къ рисункамъ.

Діана. Группа Торнигрофта.

(Рис. на стр. 201).

Діана, эта богиня—дѣвственница—особенно часто являлась

въ произведеніяхъ ваятелей древности. Ея многочисленныя изображенія до сихъ поръ попадаются при раскопкахъ и кромѣ того многіе музеи обладаютъ замѣчательными коллекціями этого рода какъ напр. музеи Лувра и Ватикана. Это обліе статуи

Дианы легко объясняется тѣмъ громаднымъ значеніемъ и широко-распространеннымъ культомъ, которымъ она пользовалась во многихъ странахъ древняго міра.

Она прелестна, но жестока и беспощадна. Диана пускаетъ смертоносныя стрѣлы въ дѣтей несчастной Шюбен и безжалостно обращаетъ въ оленя юношу Актеона, осмѣливагося бросить лишь одинъ нескромный взглядъ на ея божественныя прелести. Немудрено что такому жестокому, беспощадному божеству во многихъ мѣстахъ приносили даже человѣческія жертвы какъ напр. въ Тавридѣ, гдѣ умерщвляли въ честь Артемиды Дианы каждаго пловца, выброшеннаго бурей на берегъ.

Это тинъ богини-дѣвственницы. Дѣвственная красота формъ, по словамъ Вишкельмана, служить главнымъ, отличительнымъ признакомъ всѣхъ ея античныхъ изображеній. И въ статуѣ талантливаго шведскаго художника сохраненъ вполне этотъ тинъ. Это красота строгая, неподдающаяся чувственности; смѣло смотритъ богиня впередъ, какъ будто видитъ новую жертву для своей мѣткой стрѣлы и взоръ ея блещетъ отвагой и энергіей.

„Баши-Бузуки“ В. В. Верещагина.

(Рис. на стр. 204).

Мы уже помѣтили въ № 4 „Нивы“ одну изъ картинъ нашего высокодаровитаго художника В. В. Верещагина „Шпіопъ“ и говорили уже какой огромный успѣхъ имѣла выставка ихъ въ Вѣнѣ, затѣмъ нѣсколько холоднѣе были приняты онѣ въ Парижѣ и теперь въ Берлинѣ опять привлекаютъ общее вниманіе и многочисленную публику. Настѣдный Принцъ Германскій, посѣтившій выставку, лично отозвался художнику весьма лестно о его произведеніяхъ.

Къ картинѣ, здѣсь помѣщаемой нами „Баши-Бузуки“, самъ художникъ даетъ слѣдующее объясненіе: „изъ многихъ только двое этихъ остались въ живыхъ. Изображенные здѣсь баши-бузуки, вмѣстѣ со многими другими, были захвачены русскимъ авангардомъ въ Адрианополь. Жители обвиняли ихъ въ ужасныхъ разбояхъ, невѣроятныхъ истязаніяхъ женщинъ и дѣтей и убійствахъ“.

Итакъ мы видимъ ихъ, въ мастерскомъ изображеніи художника, двоихъ изъ этихъ разбойниковъ, появленіе которыхъ приводило ужасъ на цѣлыя населенія и которые и надъ нашими героями совершали такія поруганія и истязанія, что и турки регулярныхъ войскъ отзывались о нихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ и всегда отказывались отъ всякой солидарности съ этими звѣрями.

Золотые прииски на р. Витимѣ въ Вост. Сибири.

(Рисунокъ на стр. 205).

Восточная Сибирь—это обширный и богатый, по до сихъ поръ малоизвѣстный и малоислѣдованный край, орошается нѣсколькими большими судоходными рѣками, среди которыхъ Витимъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Выходитъ онъ за Байкаломъ, въ Верхнеудинскомъ округѣ, частью изъ ближайшихъ озеръ, частью изъ Яблоновскаго хребта и изъ горъ окружающую съ восточной стороны Байкалъ и встрѣчаясь съ Леной, впадаетъ въ нее тремя устьями.

Витимъ, не смотря на свои многочисленные мели и пороги, судоходенъ по всему теченію и еще въ 1638 году поднимался по этой рѣкѣ атаманъ Максимъ Перфильевъ съ цѣлью изслѣдовать теченіе рѣки Амура.

Съ тѣхъ поръ Витимъ мало измѣнился въ своей вѣдности; по прежнему онъ течетъ болѣею частью по пустынной, безлюдной странѣ и высокія горы, обрывающіяся съ берега, даютъ по прежнему очень мало простора для прибрежной колонизаціи. Но зато берега Витима теперь оживлены промыслами, лучившимися здѣсь значительное развитіе; такъ здѣсь добываютъ въ большомъ количествѣ слюду, бѣгутъ пушнаго звѣря, который здѣсь въ дѣсахъ водится въ изобиліи и даже разрабатываются золотые прииски, изъ которыхъ одинъ (уже оставленный) Сабашниковскій и представленъ на прилагаемомъ нами рисунокѣ.

Добываніе золота производится здѣсь старымъ несложнымъ способомъ, который давно принятъ и въ другихъ частяхъ Сибири—именно съ помощью глубокихъ рововъ прорытыхъ въ золотоносной почвѣ, которая потомъ промывается въ особаго рода машинахъ или просто чашкахъ и бочкахъ.

Началу такихъ работъ конечно предшествуетъ тщательное изслѣдованіе мѣстности, въ которой предполагается присутствіе золотоноснаго песка. Эти розыски вообще сопряжены съ большими трудностями и только счастливая находка золота можетъ заставить забыть все труды и лишения развѣдочной партіи. Богатство розыски вообще опредѣляется числомъ золотниковъ золота, добытыхъ изъ ста пудовъ песка и въ Сибири, если такая доля равна даже половинѣ или четверти золотника, то и тогда розыскъ считается годной для дальнѣйшей обработки.

При первоначальной развѣдкѣ золотоносной почвы рабочіе проводятъ ровъ, равный длиною и шириною предполагаемому золотоносному пласту или даже два рва, тянущіеся по одному и тому же направленію. Эти рвы такъ глубоки, что они обыкновенно прорѣзываютъ всю толщю верхняго слоя земли, такъ что на днѣ ихъ должна быть видна такъ называемая „постель“ росыпи.

На нашемъ рисунокѣ изображенъ оригинальный видъ взрытой поверхности земли на одномъ такомъ приискѣ (теперь заброшенномъ) на р. Витимѣ,—Собашниковскомъ. Теперь тутъ все тихо и пустынно и странный видъ имѣетъ это какъ бы взволнованное и окаменѣвшее русло...

Могилы Крылова и Гнѣдича.

(Рис. на стр. 209).

Если вы, войдя въ ограду Александро-Невской лавры, пройдете нѣсколько шаговъ по неширокому въѣзду, раздѣляющему пополамъ старое монастырское кладбище, и потомъ завернете вправо на первое мѣсто,—то первый монументъ, который вамъ бросится въ глаза своей призматической солидностью будетъ тотъ самый, что изображенъ на прилагаемомъ рисунокѣ. Золотая надпись блеститъ на черно-сѣромъ мраморѣ, надпись весьма лаконическая: „Иванъ Андреевичъ Крыловъ, родился 2 февраля 1762 года, умеръ 9 декабря 1844 года“.

Это могила одного изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей. Есть личности, которыя вѣчно будутъ жить въ памяти народа, если не своимъ литературнымъ значеніемъ, которое рано-ли поздно-ли устарѣетъ, то такимъ языкомъ, такимъ своеобразно созданными оборотами мысли, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ непосредственныхъ выраженій народнаго мудраго опыта—пословицъ. Крыловъ именно принадлежитъ къ числу такихъ людей.

Какъ-то ясное, чѣмъ многие его современники, выступаетъ Крыловъ передъ нами. Такъ живо и ярко рисуется его грузная, тяжелая натура, натура чисто русскаго чудака, талантливаго, удивительно апатичнаго, лѣнливаго. Ореоломъ самыхъ анекдотичныхъ сказаній окружается его личность. Рассказываютъ дѣлая легенды о его разсѣянности, при которой онъ забывалъ самыя обыкновенныя вещи, апатіи, лѣни, о его любви къ пожарнымъ зрѣлищамъ, дѣтямъ, голубямъ и т. п.

Въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ, поставленъ ему памятникъ. Скульпторъ П. Клодтъ, чрезвычайно удачно справился съ своей задачей. Крыловъ, слегка согорбившійся, грузно, массивно сидитъ на камнѣ, въ широкомъ, вольнымъ складками повиснушемъ сюртукѣ, съ открытой головой и лѣнливо перелистываетъ книгу, лежащую у него на колѣняхъ. Трудно представить себѣ болѣе талантливое, подходящее къ данному мотиву, выполненіе его фигуры, жизненное, реально-правдивое. Это чисто русскій писатель, въ то-же время чисто русскій человѣкъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Въ немъ какъ въ зеркалѣ отразилась вся русская натура, яснѣе чѣмъ въ другихъ его современникахъ.

Рядомъ съ могилой Крылова есть другая могила писателя, довольно значительной извѣстности, благодаря превосходному переводу гомеровою Иліады — Николая Ивановича Гнѣдича. Гнѣдичъ и Крыловъ — друзья при жизни — судьба не разлучила и послѣ смерти, положивъ ихъ рядомъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ общаго ихъ гостеприимнаго друга—А. Н. Оленина, въ домѣ котораго они проводили, въ средѣ литераторовъ и художниковъ, многое часы. Надъ могилой Н. И. стоитъ небольшой монументъ, съ барельефнымъ его портретомъ и надписью: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омара“. А нѣсколько ниже — стихъ изъ Иліады: „Рѣчи изъ усть его вѣдчихъ — сладчайшій меда лился“.

Гнѣдичъ, снискавшій себѣ извѣстность прекрасными переводами съ греческаго, особенно идиллей Теоокрита „Сиракузянки“ и Иліадою, чтимый въ кругу друзей и за свои оригинальныя стихотворенія, идилліи и поэмы,—отличался еще какъ декламаторъ, чтецъ, учитель драматическаго искусства. Мелодраматическая школа, съ „приподнятыми“ страстями и чувствами, царившая на русской сценѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, была въ значительной степени обязана ему своимъ существованіемъ, такъ какъ онъ былъ учителемъ глубоко талантливой Семеновою и В. А. Каратыгина.

Н. И. первый рѣшился писать у насъ гекзамеромъ и не насилывалъ гомеровскаго стиха неудобнымъ александрийскимъ размѣромъ съ неизбежной римой на концѣ. Пушкинъ (А. С.) въ посланіи къ Н. И. намекая на это, говоритъ, что Гнѣдичъ —

воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явить,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ.

Библиографія.

Путешествіе по Востоку и Св. Земль. Д. А. Скалона Сиб. 1882. Рѣдко издаются у насъ книги съ такою роскошью. Тутъ все, начиная съ инициаловъ и вышекъ, рисованныхъ Шарле-

манемъ и прекрасно гравированныхъ на деревѣ, рисунковъ съ натуры Макарова, до бумаги и печати—въ полномъ смыслѣ слова великолѣпно и представляетъ замѣчательный образчикъ работъ

Типографіи Экспедиціи Загот. Госуд. бумагъ.

Содержаніе книги представляет матеріалъ достойный хорошаго изданія. Интересныя путевыя письма Д. А. Скалона, печатавшіеся первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и составившіе настоящую книгу, еще тогда, при своемъ появленіи, обратили на себя вниманіе. Главное ихъ достоинство—это полная простота, точность и правдивость описаній, какъ бы даже боязнь сказать что нибудь лишнее, увлечься картиннымъ выраженіемъ, удобнымъ случаемъ краснорѣчиваго описанія, чтобы изъ за нихъ не потерялся правда изображенія и это придаетъ книгѣ какой то своеобразный и весьма для нея выгодный отбѣноскъ. Разумѣется одного этого было бы недостаточно чтобы сдѣлать книгу интересною а нуженъ тотъ талантъ и наблюдательность, которыя составляютъ отличіе автора книги. Кромѣ того г. Скалонъ въ поощреніяхъ имъ мѣстахъ имѣлъ полную возможность видѣть гораздо болѣе чѣмъ обыкновенный туристъ, ибо онъ совершилъ путешествіе, состоя въ Свѣтѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго въ 1872 году.

Пестрыя, интересныя и разнообразныя картины развертываются передъ читателемъ.

Всѣ эти мѣста, о которыхъ здѣсь говорится, многими были посѣщены и описаны, но авторъ умѣетъ въ своемъ разсказѣ дать

описанію свое освѣщеніе что заставляетъ относиться къ его разсказу съ особымъ интересомъ и довѣріемъ. Разсказъ этотъ вездѣ ровенъ, но нельзя не замѣтить особой теплоты и одушевленія въ описаніи тѣхъ мѣстъ, дорогихъ для великаго христіанина, мѣстъ гдѣ жилъ и страдалъ Божественный Учитель, Спаситель міра, гдѣ священный Иорданъ катитъ свои волны.

Понятно, что такого высокаго путешественника, какъ нашъ Великій Князь, всюду встрѣчали почтительно и торжественно. Описанія этихъ встрѣчъ и свиданій Его Высочества съ покойнымъ Султаномъ, Хедивомъ и т. п. представляютъ также особенный живой интересъ.

Чтобы представить образецъ изящества рисунковъ этой роскошной книги мы помещаемъ здѣсь изображеніе парохода, на которомъ слѣдовали путешественники во время бури 9 ноября, когда около двухъ часовъ дня налетѣлъ шквалъ и сломалъ верхушку фокъ-мачты. Отъ треска ея при паденіи на палубу всѣ встревожились.... На палубѣ закипѣла работа, подымали и крѣпили паруса, строились, разохдились, тянули веревки. Тогда разыгралась не на шутку; пароходъ такъ и кидало.

Нельзя не рекомендовать книгу съ такимъ интереснымъ содержаніемъ, и вдобавокъ, повторяемъ, изданную такъ какъ очевидно издаются книги у насъ.

Политическое обозрѣніе.

Покушеніе на жизнь Королевы Англій. — Австрія. — Сербія. — Болгарія. — Румынія. — Франція. — Египетъ.

Новое ужасное покушеніе! 18-го февраля (2 марта) когда Королева Викторія, прибывъ изъ Лондона, садилась въ карету, чтобы ѣхать въ виндзорскій дворецъ, нѣкто Родерикъ Маклеанъ выстрѣлилъ въ Ея Величество изъ пистолета. Никто не раненъ. Преступникъ схваченъ, онъ находился въ толпѣ, которая собралась, чтобы привѣтствовать Королеву при ея прїездѣ. Онъ стрѣлялъ въ то время, какъ Ея Величество садилась въ карету.

Вѣсти о положеніи дѣлъ въ Герцеговинѣ довольно разнородны, согласно однимъ—инсургенты имѣли нѣкоторый успѣхъ и придвинули свои позиціи къ Сераеву, но—по другимъ, въ общемъ, успѣхъ на сторонѣ австрійцевъ. Австрійцы, выдвинувшіе цѣлую пѣхотную дивизію съ артиллерією въ значительномъ количествѣ, успѣли занять плоскогорье Зимье, между среднею и верхнею Нарентою, а въ Кривошинъ—овладѣть фортомъ Лоденицею, близъ Ризано, къ сѣверо-западу отъ Бокки Катарской; но за то, какъ трудно австрійцамъ вести войну съ устахами, видно изъ того, что въ дѣлѣ у Лезеницы первые сражались (подъ командою товарища генерала Іовановича, генерала Винтергальтера), въ составѣ 6-ти стрѣлковыхъ батальоновъ, батарея горныхъ пушекъ, (а съ моря имъ помогалъ броненосный фрегатъ, корветъ и три канонерки), тогда какъ усталей было всего 600 человекъ, которые все-таки, не дали себя окружить и своевременно отступили къ Черногоріи.

Какъ въ 1876 г. въ Россіи, такъ теперь во всей Сербіи устраиваются подписки въ пользу герцеговинцевъ и происходитъ вербовка; изъ Ниша и Пирота недавно отправилось 250 добровольцевъ въ Боснію, при общемъ сочувствіи городскихъ жителей; въ нашей Одессѣ сформировался отрядъ изъ южныхъ славянъ... Изъ Вѣны сообщаютъ, что вмѣсто военнаго министра Лѣшанина назначенъ Николичъ, извѣстный за человека рѣшительнаго; вѣнскія газеты стараются придать этому назначенію тотъ смыслъ, что сербское правительство намѣрено перейти къ наступательной политикѣ противъ Австріи; и officialная газета венгерскаго правительства „Пештскій Ллойдъ“ прямо требуетъ, чтобы Австрія выступила рѣшительно противъ Сербіи и Черногоріи, не обращая вниманія ни на какія помысли (это ли не ясно?), такъ какъ княжество эти поддерживаютъ герцеговинское возстаніе и, главнымъ образомъ, препятствуютъ упроченію верховнаго владычества Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Привѣтствуемъ правительства княжество—лучшаго аттестата имъ нечего и желать!—По слухамъ, шиллин-

ный посланникъ сербскій въ Петербургѣ, полковникъ Хорватовичъ, одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ сербскихъ войскъ, возвращается въ Бѣлградъ, вѣроятно, къ своей специальной дѣятельности, что, конечно, и понятно... а на его мѣсто, говорить, будетъ присланъ г. Ристичъ, что тоже было бы совершенно понятно, если было бы вѣрно. Остается только желать... Въ Болгаріи, какъ оттуда сообщаютъ, не установился еще прочный порядокъ: между умѣренной и передовою партіями состоялось соглашеніе, имѣющее цѣлю возвратитъ княжеству прежнюю конституцію и говорятъ, будто Россія не прочь уступить этимъ требованіямъ, чтобы удержать свое вліяніе въ Болгаріи; однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ движеніи является Балабановъ, соединившійся съ Цанковимъ. Не сомнѣваясь въ добрыхъ намѣреніяхъ князя, они, однако, высказываютъ мнѣніе, что онъ слушается не надлежащихъ совѣтовъ и мало знакомъ съ страной. А между тѣмъ, и Берлинская пресса заботится о новомъ устройствѣ Балканскаго полуострова: „Національная Газета“ предлагаетъ соединитъ Сербію, Болгарію и Боснію въ одно большое, вассальное въ отношеніи Австріи, государство подъ управленіемъ австрійскаго эрцъ-герцога Іоанна-Сальватора. Приводимъ это откровенное предложеніе какъ отголосокъ мнѣній, господствующихъ тамъ и отчасти характеризующихъ настроеніе...

Изъ Бухареста сообщаютъ, что правленіе плоешты-прежвальской желѣзной дороги получило приказаніе весь подвижной составъ дороги держать наготовѣ для потребностей военнаго министерства; въ газетѣ „Moniteur“ напечатано объявленіе о приглашеніи къ поставкѣ фуража и лошадей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, военное турецкое министерство потребовало у Порты 40 милліоновъ франковъ для усиленія артиллеріи.

Во Франціи, отъ времени до времени, комунары напоминаютъ о себѣ; недавно въ Марсели рабочіе, подъ вліяніемъ рѣчей одного изъ социалистовъ, Фурнье, ходили по всѣмъ кварталамъ города, развернувъ красное знамя и приглашая товарищей къ прекращенію работъ; все это сопровождалось „Марсельезой“; они бросали камнями въ фабрики, продолжавшія работать, и въ нѣкоторыя врывались; власти потребовали войска.

Изъ Туниса получено извѣстіе о томъ, что будто на южной границѣ регентства произошло возстаніе нѣсколькихъ арабскихъ племенъ; инсургенты, заставивъ многія другія племена принять ихъ сторону, ограбили и разрушили городъ Каму, жители котораго не хотѣли присоединиться къ нимъ. Въ добавленіе къ этому сообщаютъ изъ Парижа, что войска не будутъ отозваны изъ Туниса, такъ какъ во всѣхъ частяхъ регентства вновь стали показываться значительныя отряды инсургентовъ.

С М Ъ С Ъ.

Истребленіе рыбъ посредствомъ динамита приняло столь громадныя размѣры въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, что обратило наконецъ на себя даже общественное вниманіе. Въслѣдствіе этого образовалась особая ассоціація покровительства рыбъ, которая всѣми мѣрами старается убѣдить правительство, положить предѣлы особымъ закономъ такому варварскому способу рыбной ловли.

Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ глубину рѣки или во впадинѣ ея береговъ погружаютъ торпеду съ динамитомъ, которую и взрываютъ съ помощью особой трубочки. Ударъ обыкновенно бываетъ такъ силенъ, что убиваетъ или оглушаетъ всѣхъ рыбъ въ пространствѣ семи и болѣе футовъ, въ тотъ моментъ когда рыба старается со дна выплыть на поверхность воды. Тогда большія рыбы навлекаютъ сѣтями а мелкія остаются гнить и заражать воздухъ.

Растеніе, замѣняющее ваксу, водится въ Южномъ Новомъ

Валлисѣ и называется *Hibiscus rosa sinensis*. Его багровыя цвѣты содержатъ въ себѣ густой сокъ, придающій прекрасный глянецъ кожѣ. Растеніе разводится очень легко на какой угодно почвѣ и его цвѣты имѣютъ большое примѣненіе какъ совершенно замѣняющее ваксу и сокомъ которыхъ можно сдѣлать блестящимъ любой сапогъ даже безъ пособія щетки.

Чувство слуха и его аномаліи. Какъ въ зрѣніи бываетъ иногда неспособность различать нѣкоторые цвѣта, такъ и въ чувствѣ слуха наблюдается подобное-же явленіе въ отношеніи нѣкоторыхъ звуковъ. Такъ нѣкто Лидеръ въ штатѣ Огіо никогда не можетъ уловить ухомъ даже того что отчетливо слышно всѣми другими какъ напр. пѣніе птицъ, если даже послѣднія поютъ въ самой небольшой комнатѣ. Равнымъ образомъ не слышитъ онъ и свиста произвольнаго человѣкомъ да и вообще отъ его уха ускользаютъ многіе звуки человѣческой рѣчи, которые онъ лишь дополняетъ по движенію губъ и

по знакамъ говорящаго. Еще замѣчательно что верхніи ноты музыкальныхъ инструментъ не достигаютъ до его слуха, но за то нижнія онъ слышитъ совершенно явственно. Такія аномаліи слуха, которыя встрѣчаются довольно часто въ врачебной практикѣ, вызвали интересный докладъ читанный докторомъ Турбуллемъ въ венскаванскомъ медицинскомъ обществѣ, о глухотѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ желѣзнодорожной прислуги, изъ которой лишь меньшая часть обладаетъ слухомъ необходимымъ по самому роду ихъ занятій. По словамъ докладчика необходимо, чтобы всѣ кандидаты, желающіе посвятить себя желѣзнодорожной службѣ, въ отношеніи нормальности слуха были тщательно изслѣдованы медикомъ; кромѣ того послѣдній обязанъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ глухоты доносить высшему начальству и чтобы такого служащаго не допускать болѣе къ управленію локомотивомъ или къ слѣбѣ по эксплуатаціи а употреблять его на другое дѣло.

Приданіе большей крѣпости вину.—Извѣстно, что если подвергнуть смѣсь воды и спирта достаточному охлажденію, то она частью замерзаетъ. Ледъ, образующійся при этомъ, состоитъ исключительно изъ воды; спиртъ же остается въ жидкомъ состояніи. И во Франціи нѣкоторые винные заводчики незамедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, для приданія большей крѣпости производимымъ ими винограднымъ винамъ. Въ самомъ дѣлѣ, при удаленіи льда, то же количество спирта остается въ меньшемъ количествѣ воды и смѣсь становится соответственно крѣпче. Такимъ образомъ, двѣнадцати-процентное содержаніе спирта возвышалось до восемнад-

цати процентовъ. Такое вино хорошо сохраняется, приобретаетъ болѣе яркую окраску и болѣе сильный ароматъ.

Нѣкто г. Рауль, ради практическихъ цѣлей винодѣлія, произвелъ изслѣдованіе относительно температуры, при которой происходитъ замерзаніе смѣсей съ различнымъ содержаніемъ спирта. Оказалось при этомъ, что температура замерзанія тѣмъ ниже, чѣмъ больше спирту содержится во всякой данной смѣси.

Интересно то, что, какъ показала г. Мельсенсъ, замороженные спиртные жидкости могутъ быть потребляемы не безъ пріятности и довольно удобно, не смотря на ихъ часто чрезвычайно-низкую температуру. Водка, доведенная до температуры въ 30 или 35 градусовъ (по Ц.) ниже нуля и получившая сырообразный видъ, оказалась превосходной знатокамъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ была она холоднѣе. Та-же водка, доведенная до температуры 40 и даже 50 градусовъ (по Ц.), казалась на языкъ все-таки теплѣе, чѣмъ, напримѣръ, обыкновенныя льдинки. Очень холодной казалась она только при 60 градусахъ.

Къ статистикѣ Рима. Городъ Римъ, включая такъ-называемое агро Romano, по послѣдней народной переписи считается 300,292 жителя. При этомъ замѣчается рѣдкое явленіе: въ числѣ этихъ жителей 167,327 мужчинъ и 132,965 женщинъ, такъ что въ вѣчномъ городѣ на 34,000 болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Десять лѣтъ тому назадъ во время переписи было то же самое. Въ 1871 г. въ Римѣ было 244,184 человека жителей и между ними 139,267 мужчинъ и 105,217 женщинъ т. е. около 34,000 менѣе чѣмъ мужчинъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

На „Ниву“ 1881 г. появилось теперь много требованій со стороны **новыхъ** подписчиковъ, которыхъ оказалось въ нынѣшнемъ 1882 г. до 12,000. Всѣ эти лица именно желаютъ имѣть романъ **Всеволода Соловьева „Сергѣй Горбатовъ“**, котораго продолженіемъ служитъ романъ **„Вольтерьянецъ“**; но такъ какъ остающійся запасъ „Нивы“ 1881 г. не будетъ достаточенъ для удовлетворенія всѣхъ требованій, то мы и приобрѣли отъ автора право на печатаніе **отдѣльнаго изданія романа „Сергѣй Горбатовъ“**, которое и выйдетъ въ свѣтъ **черезъ двѣ недѣли.**

Цѣна этаго романа, печатаннаго на лучшей веленовой бумагѣ, съ виньетками, будетъ **3 р.**, съ пересылк. иногородн. **3 р. 50 к.**—Но чтобы сдѣлать облегченіе въ приобрѣтеніи этаго романа, необходимаго при чтеніи **„Вольтерьянецъ“**—мы уступимъ эту большую книгу, имѣющую около 40 печатныхъ листовъ, для гг. **НОВЫХЪ** подписчиковъ—**ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТОЛЬКО ДЛЯ НИХЪ**—за **2 руб.** съ перес. **2 р. 50 к.**, т. е., почти за свою цѣну.

Извѣстный пловецъ капитанъ Бойтонъ, переплывшій рѣку Миссури по всей ея длинѣ, рассказываетъ объ этомъ плаваніи слѣдующее: „Большую частью путешествіе было очень однообразно. Звукъ собственного моего голоса пугалъ меня. Свистъ вѣтра и крики дикихъ гусей были единственными звуками доходившими до меня. Послѣ солнечнаго заката я взбирался на какую-нибудь песчаную косу и спалъ тутъ до пяти часовъ утра. Иногда я видѣлъ стада буйволловъ, антилопъ, оленей и горныхъ козъ. Однажды къ вечеру я наткнулся на старый стволъ дерева, изорвалъ свое одѣяніе и чуть было не утонулъ; исправивъ кое-какъ поврежденіе я отправился далѣе. Въ другой разъ къ вечеру я услышалъ шумъ. Взглянувъ въ сторону я увидѣлъ индѣйца цѣлившагося въ меня изъ ружья. Употребивъ всѣ усилія я всталъ въ водѣ и закричалъ на краснокожаго, который сильно испугался необыкновеннаго явленія и убѣжалъ со скоростью, которая бы сдѣлала честь любому скороходу. Вскорѣ послѣ того проплывавъ возлѣ форта Буфорда я услышалъ о смерти президента. Въ слѣдующую затѣмъ ночь, рѣка чуть меня не поглотила. Я попалъ на кучу наноснаго песка, который меня сталъ втягивать. Пришлось проработать два часа, чтобы освободиться отъ опасности. Приставъ разъ ночью къ берегу, я не могъ уснуть ни на минуту отъ раздававшася вокругъ меня волъ шакаловъ. Около Бертольдо — индѣйскаго агентства—индѣйцы приняли меня за волшебника, тѣмъ не менѣе на слѣдующій день разворовали половину моихъ вещей. Во время пути по Миссури, мнѣ болѣе всего приходилось заботиться о томъ, чтобы не сталкиваться со стволами деревьевъ, которые во множествѣ попадаютъ на этой рѣкѣ.“

Рѣшеніе алгебраической задачи № 6.

1-е число = x;
2-е „ = y;
3-е „ = z;
4-е „ = u;
5-е „ = v;
6-е „ = t;
7-е „ = s;
8-е „ = q;
9-е „ = r;

V) s — u = 5;
VI) u + s = 15;

2 s = 20;
v = 10;

I) s — v = 1;
II) u — x = 2;
III) y — v = 3;
IV) q — t = 4;
V) s — u = 5;
VI) z + v = 10;
VII) u + s = 15;
VIII) x + q = 20;
IX) x + r = 30;

x = 3 = В
y = 12 = Л
z = 1 = А
u = 5 = Д
v = 9 = И
t = 13 = М
s = 10 = 1
q = 17 = Р
r = 27 = Ъ

В л а д и м и р ь .

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб. — Трухачева, Зиборова, Хесина, Голубева, Бутаковой, Невскаго, Давыдовскаго, Коломійцева, Гибинетъ, Фейдингъ, Левтѣева, Лифляндъ, Кузминскаго, Швагина, Матвѣева, Гусакова, Погорѣлова, Луръи, Фусъ, А. М., Головинна, Федорова, Михайлова, Груздева, Воронина, Д. В. К., Кривоша, Трапезникова, Кольобасина; Москва — Гербертъ, Надеждина, Иванова, Стекольниковъ, Шведова, Дмитриева, Постникова, Константинова, Наз-

рова, Михалевича, Попова, Бабанина, Васильева, Завьялова, Николаева, Комитина, Никитина, Свѣтиского; Астрахань — Цихановича, Кузнецова; Бахчисарай — Дремди; Бейсагола — Атлас; Бобринец — Любанинського; Богородскъ — Гаршилова; Борзна — Александренко; Бѣлгородъ — Злобина; Бѣлье — Влодесельскаго; Варшава — Беневолескаго; Великие Луки — Михтетюринкова; Вилькомиръ — Гурница — Будина, Гаприлова, Хорошевскаго, Прик; Владимиръ — Орлова; Вологда — Попова; Воронежъ — Пелера; Жгатысь — Глушкова; Гомель — Бортевичка, Бачанова; Гостининъ — Сикорскаго; Гродно — Кашеева; Данковъ — Карѣева; Динабургъ — Ведлера; Елецъ — Попова; Епифань — Уралева; Журавка — Солодовникова; Зарайскъ — Терскаго; Назань — Шуструйскаго; Калуга — Кадыкина, Саницкаго, Волоковой; Камен-Подосуйскъ — Ядловской; Керчь — Дервись; Киевъ — Ливерг, Кутелескаго, Гаврилка, Болдуновской; Коломна — Боканенко; Кострома — Михайловскаго, Калининскаго; Крапивна — Вьюкова; Кроштадтъ — Маркова, Престина; Кузнецкъ — Орлова; Кѣльцы — Ивѣстна; Ливны — Яковлева; Ломжа — Печникова; Луганскій заводъ — Голякова; Лузь — Грибунина; Медведво — Лейдигер; Минскъ — Фишбейн, Столжингъ, Ледекъ, Цинкина, Максимовича; Могилевъ — Королько, Муромъ — Смольникова, Зверева, Уткина, Засухина; Нижний-Новгородъ — Золотилова, Ермолаева, Обухова; Новомосковскъ — Трифоновой; Нов. Осколь — Исаченкой; Одесса — Зусеманъ, Жуликова; Орель — Пожашлева; Оренбургъ — Рѣпина; Ошмяны — Першина; Павлова — Семенова; Пенза — Липушевскаго, Герке; Петергофъ — Демидова; Проскуровъ — Томиловской; Псковъ — Малаева, Стюжнова; Радзивиловъ — Гинзбургъ; Раненбургъ — Медвѣева; Ростовъ — Горлицина, Эрбергъ, — Попова; Рыбинскъ — Шубиной, Благовой; Рязань — Г—д—о—дъ, Гитцингратъ, Шумовыхъ; Самара — Полумординова, Выстрицака, В. С.; Севастополь — Скалова; Сестрорѣцкъ — Тимофѣева; Симферополь — Штейнбергъ, Мазумова; Скопинъ — Волкова; Слобимъ — Вейнбергъ; Смѣла — Красножитскаго; Старополь — Молокофдова, Котилескаго; Сумы — Грошеной; Сызрань — Волкова; Стѣно — Вильчикова; Тамбовъ — Сорочкина, Толмачева, Хвѣлескаго; Татарбунары — Вассерманъ; Тверь — Томилова; Тула — Берманъ; Херсонъ — Жолкеръ; Марголина, Лебедискаго; Череповецъ — Альшевскаго; Чугуевъ — Богословова; Шелонина — Кочерона; Ярославль — Мосягина, Трескина; (Болгарія) Шумла — Иванова; (Италія) Миланъ — Кавелиной.

Рѣшеніе ребуса № 3.

Изъ одной лѣсины, да разное выходитъ; и лонаты тешутъ и образа дѣлаютъ.

**E I N
GROSSES LOCAL
ist zu vermieten,**
geeignet für Bank-oder Assecuranz-Geschäfte, Clubs etc. etc.
am
Nevski-Prospect an der Polizeibrücke
Nähere Details
werden ertheilt auf briefliche Anfragen sub Chiffre W. S. abzugeben an die Redaction dieses Blattes.

**Н О В Ы Я П Р И В Л Е Г И Р О В А Н Н Ы Я
У Н И В Е Р С А Л Ь Н Ы Я С Ъ Я Л К И В Ъ Р А З Б Р О С Ъ
КАРЛА БЕРМАНА по 125 руб.**
УНИВЕРСАЛЬНЫЯ СЪЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЬ
СИСТЕМЫ ЭКЕРТА по 110 р.
а также плуги, бороны и проч. земледѣль-
ческаго орудія и машины
ПРЕДЛАГАЕТЪ СО СКЛАДА
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
С. -Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, № 10
и Москва, Ясновицкая, домъ Сытова.
Иллюстрированные каталоги по вос-
№ 1935 требованію 4—2

П Р Ъ Х А В Ш И

изъ города Варшавы,

я открытъ магазинъ на Невскомъ просп., въ д. Филипова, № 43, рядомъ съ гостиницей Палкина, съ разными новостями, которыя необходимы въсѣмъ и каждому, городскаимъ, какъ и иногороднымъ, а именно:

- „Новость пуговица“, котор. не требуетъ нитокъ, ни игловокъ и не прокалывается сумо, а прикрѣпляется чрезвычайно крѣпко посредствомъ винтика. Цена за дюж. — 60
- Порошокъ, котор. можно выводить чернильныя пятна изъ бумаги, дерева, полотна и т. п. — 25
- „Нильскій тростникъ“, замѣчательное средство для склейки разбит. фарфора, хрусталя, янтара, камня и т. п.; да доказательства точности своего дѣйствія, я повѣсивъ въ своемъ магазинѣ склеенную тарелку на ней гнѣзъть 1 1/2 пуда вѣса. Шт. 20 коп., а за 6 шт. — 1
- Золотой уголь для рѣзки стекла и хрусталя изъ разные узоры. Цена — 40
- Смола для уничтоженія въ короткое время мозолей, бородавокъ и всякихъ твердыхъ наростовъ, шт. для 1-го модела 20 коп., а за дюж. въ кор. — 1 50
- Мыло въ шарикахъ для вывода всякихъ пятенъ изъ одежды. — 20
- Стальные вѣшалки для дамскаго и мужскаго платья, кот. прикрѣпляются винтомъ и никогда не отрываются. — 20
- Волшебная перья безъ употребл. чернилъ, макать въ воду, шт. 5 коп., а за 6 шт. — 25
- Магическая чернила, только тотъ можетъ читать, кто узнаетъ секретъ, пѣна флак., 30 коп., побольше — 50
- Золотыя чернила; можно писать золотыми буквами, которыя такъ блестятъ, что можно прочесть въ темнотѣ, 20 коп. и. — 40
- Гуттаперчевая вакса употребляется безъ цетковъ, очень практична для обновки срубл., каретъ, резинов. гапашъ и т. п. — 50
- Машина для вырѣзванія итальянскихъ макаронъ изъ сырого картофельна, для украшения блюдъ, — очень интересна — 15
- Резиновый растворъ для склейки резинов. предметовъ — 25
- Английская мазь для точенія бритвъ и др. инструментовъ — 30

- „Чудо-поплавокъ“, горитъ на маслѣ безъ фитиля, за шт. 20 к., а за дюж. — 1
- По-ошось для посеребренія стертыхъ вещей, накладн. и мельхюр. вещей, а также можно серебр. мѣдь, томъкъ и т. п., за кор. 1 р., побольше — 2
- Спеціальн. мыло для чистки золота и серебра — 30
- Конторскій и домашній американскій перелетчикъ для брошюровки въ 1 минуту книгъ, журналовъ, газетъ и т. п. — 75
- Порошокъ для позолоты стертыхъ вещей на дерев. позолот. рамахъ и багетахъ, придаетъ настоящій цвѣтъ — 1
- Жидкая гумми-арабика для клѣйки бумаги — 30
- Порошки для чистки и полировки мѣдныхъ и томпаковыхъ вещей, коробка 50 коп. и. — 1
- Порошокъ для чистки стали, жѣлѣза отъ ржавчины и точенія ножей, 75 коп. и. — 1 50
- Чернила для мѣтки бѣлья, 40 к., а самаго прочнаго и изящнаго цвѣта, красная и черная. по. — 75
- Шаблоны для мѣтки бѣлья, за полную азбуку нѣмецкую 40 к., а русскую — 50
- Комнатные бенгалскіе огни безъ дыма и запаха, 4-хъ цвѣтовъ, коробка по — 25
- Свѣтъ магній (электрич. освѣщ.) арш. — 20
- Волшебныя звѣзды, за дюж. 15 к., съ бенгалскими огнемъ. — 20
- Голничныя колеса 25 к., а за дюж. 2 75
- Практичныя чернильницы автоматическія, сами закрываются и котор. можно опрокинуть, не проливая черн. — 1
- Вѣрное средство для уничтоженія клоповъ, разъ навсегда, порошокъ и жидкость 75 к. и. — 1 25
- Порошокъ для уничтоженія таракановъ, прусаковъ и мурашекъ 50 к. и — 1
- Невыдыхающій порошокъ для уничтоженія и предохраненія отъ молан, лучшее средство быть не можетъ. — 50

Товаръ высылается во всѣ мѣстности Россійской Имперіи аккуратно по требованію и немедленно, но не менѣе, какъ за 5 руб., съ прибавленіемъ на почтовые расходы 20 к. на рубль; высылающимъ свыше 10 руб. почтов. расходы за счетъ магазина. Торговцамъ дѣляется скидка 20%, при выписаніи не менѣе какъ за 25 руб. Адресовать: С.-Петербургъ, уголъ Невскаго просп. и Троицкаго пер., домъ Филипова, № 43, магазинъ М. Эйзенбергъ. № 1956

Рѣшеніе шашечной задачи № 7,

Бѣлые	Черные
1) E3 — D4	E5 — C3
2) A3 — B4	C3 — A5
3) F2 — E3	A1 — H8
4) A7 — B6	A5 — C7
5) C5 — D6	C7 — E5
6) G5 — F6	E5 — G7
7) E3 — G5	G7 — F6
8) H6 — G7	F6 — D8
9) G5 — F6	D8 — C7
10) F8 — C5	C7 — B6
11) C5 — E7	и дамка заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Папафидино, Москва—Тарнонова, Васильева, Калуга—Волохова, Славяносербскъ—Шиллера, Хвалынскъ—Пономаревой.

СОДЕРЖАНІЕ: Ея Императорское Высочество Великая Им. Марія Павловна (съ портр.)—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. В. Соловьева. Часть первая. — Во время бури. Романъ М. Юная. (Продолженіе).—Варвара Капитановичъ. Рассказъ Ф. Огулца. (Изъ быта Хорватовъ). (Окончаніе).—„Вій“, повѣсть Н. В. Гоголя (съ рис.)—Діана. Группя Торнигровта (съ рис.)—„Баши-Бузунъ“ В. В. Верещагина (съ рис.)—Золотые принси на р. Витимѣ въ Вост. Сибири (съ рис.)—Могилы Крылова и Гудича (съ рис.)—Библиографія.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Къ нашимъ читателямъ.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

**Ж Е Л А Ю Т Ъ К У П И Т Ъ
И М Ъ Н І Е ,**
не дороже 20 тыс. р. въ Центральныхъ или поволожскихъ губерніяхъ. Адресъ письменно: Московско-Ярославск. ж. дор., ст. Бараново, В. Н. Станчинскому. № 1941 2—2

Изданіе А. Ф. Маркса.
Спб. Б. Морская, № 9.
ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара-
взина, второе изданіе, съ 39 ри-
сунками автора, большой томъ
въ 8-— всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ
перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Ны-
вы“ за перес. не платятъ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ:
**Графа П. А. ВАЛУЕВА.
РОМАНЪ
ЛОРИНЪ.**
Въ 2-хъ частяхъ. 8'.
Цѣна 7 р., съ перес. 7 р. 75 к.
въ англійскомъ переплетѣ 8 р., съ пер. 9 р.
Придворный книжный маг. ШМИЦДОРФЪ
(Н. Ретгеръ). Р. № 1958 2—1

Вышло новое изданіе известной
книжки:
**ПИСЬМА
о современномъ состояніи
Россіи.**
1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
Придворный книжный магазинъ
ШМИЦДОРФЪ, и у всѣхъ книго-
продавцевъ. Р. № 1961 1—1

ФАБРИКА В. П. ГАНЕМАННЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.
Контора и складъ на Вознесенскомъ просп., уголъ Казанской ул., № 15—45.
Огнеупорный асфальтовый ровельный толь.
Приготовленный изъ лучшихъ шведск. матеріал., по новой системѣ, посредствомъ аме-
риканскихъ аппаратовъ.
Экстра-Патентъ, длину 19 1/2 арш. × шир. 1 арш. 6 1/2 верш. = 27 1/2 кв. арш. цѣна 5 р. —
Патентъ „ „ 19 1/2 „ „ 1 „ 6 1/2 „ „ = 27 1/2 „ „ „ 4 „ —
I сортъ „ „ 22 „ „ 1 „ 4 „ „ = 27 „ „ „ 3 „ 25 —
II сортъ „ „ 22 „ „ 1 „ — „ „ = 27 „ „ „ 2 „ 75 —
III сортъ „ „ 27 „ „ 1 „ — „ „ = 27 „ „ „ 3 „ —
Асфальтовья толевая полоса для колачковъ, длину 22 арш., шир. 2 верш. „ „ 50 —
Асфальтовый ровельный лакъ, въ бочкахъ, вѣсомъ около 15 пуд., за бочку „ „ 12 —
Асфальтовый составъ противъ сырости, въ бочк., вѣс. около 15 пуд., за бочку „ „ 15 —
АСФАЛЬТОВЫЙ ИЗОПИРЪ-КАРТОНЪ ДЛЯ ОБИВКИ СТѢНЪ И ПОДЪ КОВАРИМЪ
I сортъ длину 27 арш. × шириною 1 арш. = 27 кв. арш., цѣна . . . 3 р. —
Настоящій шведскій двойной картонъ для обивки стѣнъ и подъ коваримъ
пронитанный химическимъ составомъ, недопускающій разведенія пастокожихъ.
Патентъ, длину 27 1/2 арш. × шириною 1 1/2 арш. = 41 кв. арш., цѣна . 2 р. 30 к.
Патентъ „ „ 13 1/2 „ „ 1 1/2 „ „ = 20 1/2 „ „ „ 1 „ 50 —
I сортъ „ „ 27 „ „ 1 „ „ = 27 „ „ „ 1 „ 50 —
II сортъ „ „ 27 „ „ 1 „ „ = 27 „ „ „ 1 „ —
III сортъ „ „ 27 „ „ 1 „ „ = 27 „ „ „ — 80 —
Образцы и прейсъ-куртанты высылаются бесплатно. Торговцамъ и подрядчикамъ
дѣляется значительная уступка. А. № 1954

КЪ С В Ѣ Д Ѣ Н І Ю!

„ЭЛЕОНАТЪ“

БЕЗОПДОВНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВІЗЗОРА КИНУНЕНА

употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опытно признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для оставленія выпаденія и укрѣпленія корневъ волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣрjemъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеонату“ своими длинными красивыми волосами. Родители и воспитатели и друг. должн обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногородныхъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и неоплачивается немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногородныхъ:
въ Главное Дѣпо „Элеоната“ Пассажъ, Магазинъ № 52, въ С.-Петербургѣ.
Пересылка-же болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ отдаленные города отъ С.-Петербурга одна обойдется болѣе варанѣ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовыя расходы слѣдуютъ на счетъ покупателя. № 1906

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННЫЙ ДЕШЕВЫЙ МЕТРОНОМЪ.

№ 1-й цѣна 75 к., № 2-й, въ мѣд-
ной канюль 1 р. 50 коп., № 3-й
въ мѣдной канюль, лучшей ра-
боты 2 р., № 4-й, въ канюль, по-
ваго серебра 3 руб.

Метрономъ съ часов. механизм. 10 р.
тоже съ боемъ 12 р.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА.

10, Неглинный прѣздъ (уголъ Ку-
знечкаго моста) въ Москвѣ.

П. № 1949

ПОРОШКИ

для легкаго восстановленія истер-
тыхъ мѣстъ на висеребренныхъ
подсвѣчникахъ, столовыхъ прибо-
рахъ, пуговицахъ и проч. прода-
ются у

Р. КЕЛЕРЪ И К° въ Москвѣ.

Только что поступилъ въ продажу итерымъ,
значительно измененнымъ и дополненнымъ
изданіемъ

„ЮЖНО-РУССКІЙ ОРНАМЕНТЪ“
собранный А. ЛИСЕНКО, изданіе И. А.
РОЗОВА.

Роскошный альбомъ, напечатанный изданію
на отличной бумагѣ, вмѣщаетъ въ себя мно-
жество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ
узоровъ для вышиванія мужскихъ и жен-
скихъ рубахъ, фартуховъ, полотенецъ, ска-
терей, салфетокъ, и проч. Кроме значитель-
ныхъ измененій и добавленій, но 2-му из-
данію приложены алфавиты разныхъ видовъ
для вышиванія. Цѣна съ пересылкою
3 руб. Въ этомъ альбомѣ находится много
цвѣтовъ, розъ и растений разныхъ, чрезвычай-
но красивыхъ въ вышиваніи, что въ дру-
гихъ изданіяхъ отсутствующее. Высылается
въ день полученія денегъ. Упомяну въ
досяхъ. Адресъ: Киевъ, Малая Васильков-
ская, д. № 24 И. А. Розову. № 1959 1-1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
Москвы и Петербурга продается

„Фаустъ“

трагедія Гете, переводъ А. ФЕТА.
1 часть. Цѣна 1 р. П. № 1950

ПЕРГАМЕНТЪ для ди-
литавръ и барабановъ.

ЗАМША лосиновая, коровья
оленья, козловая и
барановая.

САФЬЯНЫ заграничныя и
здѣшнія.

МАШИННЫЕ РЕМНИ
и проч., и проч.

КОЖЕВЕННЫЕ ТОВАРЫ.

Большая Садовая, противъ Го-
сударственного Банка, мага-
зинъ № 1. № 1946

ФИРМА

МИХЪЕВА.

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ

для повѣрки часовъ во всѣхъ мѣстностяхъ
для показанія странъ свѣта, для снятія пла-
новъ съ натуры, для отвода участковъ съ
планою въ натурѣ и служащій какъ
ЧАСЫ въ солнечные дни, по своему
малому объему удобоносимъ въ
карманѣ жилета, съ печатными наставленіи-
емъ какъ употреблять: привилегированъ.
Съ перес. 3 р., большой 4 р., посеребр. 5 р.,
позолоч. 6 руб. Адресъ: г. Вытегра, Олон.
губ. І. Милевскому. № 1945

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ весьма освѣжительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій,
двойной, тройной, № 4 эскронтъ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ разбѣженный С.-Петербур. Врачебн. Управом.
оживляетъ и освѣжаетъ кожу своими аромати-
ческими составными частями, онъ также отличное средство для куренія въ комна-
тахъ, гдѣ находится большое и вообще въ мѣсткахъ, гдѣ воздухъ испорченъ, фл. 60 к.
Уксусъ Виолетъ де-Пармъ превосходный, Уксусъ карболовый анти-эпидемическій.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЯ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты принявъ названія фирмъ, бли-
зко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирую-
щие наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ предмета точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18-54, Шредера.

Объ изданіи ежемѣсячнаго журнала ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ

въ 1882 году (годъ 5-й)

Редакция журнала „Хозяйственный Строитель“ имѣетъ цѣлью оказывать помощь лицамъ
и учрежденіямъ, которыя, при недостаточномъ знакомствѣ со строительнымъ дѣломъ,
встрѣчаютъ надобность производить различныя сооруженія. Оградить эти лица и учре-
жденія отъ эксплуатаціи со стороны разныхъ подрядчиковъ и мастеровыхъ, принимаю-
щихъ на себя роль архитекторовъ и возводящихъ постройки слишкомъ дорого, непро-
чно, неудобно и некрасиво,—составляетъ главную задачу журнала.

Изяснивъ средства къ достиженію этой цѣли, редакция остановилась на мысли, не
только высылать подписчикамъ, за ниже объявленную подписную сумму, журналъ, но и
отвѣчающей своей программѣ, но еще служить и постояннымъ совѣтникомъ ихъ во
всѣхъ строительныхъ вопросахъ.

Въ этихъ видахъ редакция установила—почти съ самаго основанія журнала—особен-
ныя отношенія къ подписчикамъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) каждый подписчикъ
имѣетъ право обращаться въ редакцію за содѣлaniemъ въ составленію проектовъ не-
обходимыхъ ему построекъ; 2) редакція принимаетъ на себя безплатно посредничество
въ заказѣ проектовъ или сотрудничая своимъ или же инымъ специалистамъ дѣла, причемъ
всякая работа сотрудника обязательно подвергается разсмотрѣнію редакціоннаго со-
бранія и посылается заказчику не иначе, какъ по одобренію всеми специалистами-со-
трудниками; 3) редакція рекомендуетъ различнаго рода строителей и поставщиковъ мате-
риаловъ, и т. п., а также принимаетъ на себя, по порученію подписчиковъ, составленіе
смѣтъ къ проектамъ и повѣрку сдѣланныхъ кѣмъ-либо численій, за плату по согла-
денію; 4) если подписчикъ, встрѣваясь необходимостью заказатъ и получить изъ Пе-
тербурга какіе-либо предметы по строительной части, желаетъ произвести заказъ при
посредствѣ редакціи,—въ такомъ случаѣ редакція безвозмездно принимаетъ такое
посредничество на себя, и, наконецъ, 5) редакція исполняетъ безплатно всѣ порученія
по подпискѣ на журналы и газеты и покупкѣ всякаго рода книгъ.

Исчислить болѣе подробно все то, что редакція готова, съ своей стороны, предоста-
вить гг. подписчикамъ, затруднительно въ объявленіи, и потому желающимъ высылаютъ
немедленно и безплатно болѣе точныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ редакціи
„Хозяйственного Строителя“ къ ея подписчикамъ.

Вѣдъ такимъ образомъ журналъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, редакція получила о раз-
ныхъ нуждахъ подписчиковъ множество заявленій, изъ которыхъ она убѣдилась въ томъ,
что журналъ можетъ быть весьма не бесполезнымъ для сельско-хозяйственной архитек-
туры, какъ наиболѣе нуждающейся въ совѣтѣхъ специалистовъ дѣла, по отсутствію въ
большой части нашего бирнаго отечества вѣдѣній компетентныхъ техническихъ этого рода
на этомъ основаніи, съ 1882 года, редакція предполагаетъ уделить сельско-хозяй-
ственнымъ постройкамъ болѣе значительное мѣсто, полагая, что гг. подписчики не отка-
жутся изъ сообщенія ей всѣхъ своихъ нуждъ по этому рода вопросамъ, которые ни-
когда не останутся безъ должнаго и возможно скорого разрѣшенія въ редакціи.

Форматъ изданія in 4°. Въ каждый номеръ входятъ два проекта
построекъ и не менѣе двухъ листовъ текста, съ приложеніемъ со-
отвѣствующихъ чертежей и рисунковъ.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки—12 р., съ доставкой въ
С.-Петербургѣ—13 р., съ пересылкою по почтѣ: внутри Россіи—
14 р., съ доставкой за границу—20 р.

Желающимъ получить экземпляры этого журнала вышедшіе въ
1878, 1879, 1880 и 1881 гг., высылаетъ требованія по нижеозна-
ченному адресу въ редакцію.

Цѣна журнала за прошлые годы та же, какъ и за настоящій.

Отдѣльныхъ номеровъ журнала не продается.

Требованія относительно высылки журнала, должны быть, вмѣстѣ
съ подписными деньгами, присылать: въ С.-Петербургъ, въ
редакцію журнала „Хозяйственный Строитель“, Мойка, № 26.
№ 1955 Редакторъ-издатель П. Минуевъ.

ПОДПИСКА

НА
„ОБЗОРЪ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ“
НА 1882 ГОДЪ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

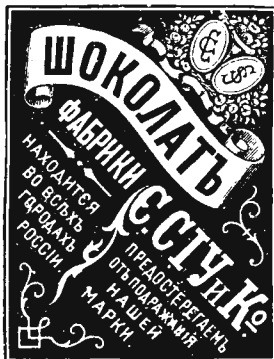
Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, т. е.
24 номера въ годъ, съ разными безплатны-
ми приложеніями.

Цѣна за годъ:

Безъ доставки . . . . . 4 руб.
Съ доставкой и пересылкою 5 „
Съ пересылкою за-границу 6 „

Редакція „Обзора Графическихъ Искусствъ“
помѣщается на Вознесенск. просп., д. № 53,
въ С.-Петербургѣ.

№№ 1-й и 2-й за 1882 г. журнала высылка-
ются желающимъ безвозмездно.

10% ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность
по своему общественному положенію ука-
зать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать
нижепоименованныя старинныя вещи, кото-
рыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ**:
богатый съверскій и саксонскій фарфоръ,
старинныя бронзовые часы, канделябры
и группы, золотыя эмальированныя таба-
керы, старинныя вещи изъ золота и се-
ребра прошедшихъ столѣтій, старинную
мебель съ богатыми бронзовыми укра-
шеніями и фарфоровыми инкрустаціями,
гобелены, вышитыя старинныя шелковыя
матеріи, старинныя курjewыя, фигуры и
группы изъ дерева, слоновой кости и се-
ребра и вообще всякаго рода старинныя
вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромя
монетъ.

Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на
продажу означенные предметы, могутъ
быть сообщены мнѣ лично или письменно
по адресу моему: въ Москву, г-ну ЛЮДО-
ВИКУ БЕКЪ, Петровка, домъ Пенскаго,
противъ петровской аллеи.

Выше упомянутое вознагражденіе въ 10%
мною выплачивается немедленно за каж-
дую сдѣланную покушку чрезъ рекоменда-
цію. 6-2 Л. № 1905

Альбертъ Салмонъ, Albert Sahlmon, БЕРЛИНЪ, W.

КАКЪ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

ПТИЧИИ КЛѢТКИ
изъ лакированнаго, покра-
скаго цинкова, и отличію
полированнаго дерева.
АНВАРИУМЫ и ТЕРРАРИУМЫ,
проверенныя бляхи и
прессы.

С. 1911 ИЩУТЬ АГЕНТОВЪ. 6-3

А. Дейбнеръ.
магазинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ,
Невскій пр., д. 10, напротивъ Мал. Мор-
ской въ С.-Петербургѣ. Каталоги книгъ и
журналовъ безплатно. № 1957

НОВОСТИ ДЛЯ ПРЕД- СТАЮЩАГО СЕЗОНА

ПОЛУЧИЛЪ
ПОРТНОЙ Ж. КЛЕММЕРЪ.

Москва, Неглинный прѣздъ, домъ
Товаровой,
противъ Малаго театра, гдѣ помѣщается
гостиница Европа. Ц. № 1948

Единственное доказательство подлинности,
если эта-же фабричная марка находится
на этикеткахъ.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальць-Экстрактъ отъ Л.
Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ *).

Признанъ за лучшее средство противъ
кашля, мокроты, охриплости, страданій гор-
ла и груди, начинающа съ простаго ната-
ра до чахотки и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ официальное благодарствен-
ное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Красна
Греста для вспоможенія больнымъ
и раненымъ воинамъ въ С.-Петер-
бургѣ.

Въ Москвѣ у Н. Матейкы; въ Варшавѣ
у Лудвига Шиньт и Сына. № 1938

* Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у
русск. общ. торговли аптекарск. товар. Ка-
занская, 12, Штоль и Шмидтъ, Малая
Морская, 11.

Карманные никелевые часы

заволающиеся безъ ключа (въ ручку).

Анжерные мужские открытые	14 р.
Такіе же закрытые	16 "
Малаго размаіра открытые	15 "
Такіе же закрытые	17 "

съ ручательствомъ на 1 года въ магазинѣхъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23. (противъ большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнечкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Вартедьсомъ).

Пересылка на счетъ магазинныхъ. Подробныя прейсъ-куранты высылаются по требованію бесплатно. № 1606 10-11

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ.

Малые ручныя отъ 1 р. 75 к. до 4 р. Малые заводныя по 5 р., 6 р., 10 р., 15 р. Большія заводныя по 20 р., 22 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 70 р. Также съ колокольчиками и барабаномъ по 100 р., 150 р., 175 р., 250 р. и многіе другіе новыя сорта съ цитрою, мандолиною и гитарою. Шарманки отъ 12 до 40 р. Итальяск. ручныя органы отъ 100 р. до 275 р. Новыя пѣяно съ клавиатурою и съ валъмъ 750 р. и разныя другіе новыя инструменты

РЕКОМЕНДУЕТЪ главное депо музыкальных инструментовъ

Юлія Генриха Циммермана, С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42. А. № 1952

ПОДПИСКА НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ въ редакціи (г. Енисейскградѣ, директ. земск. реальн. училища, М. Завадскому) въ годъ 20-ть №№. Цѣна 4 р. № 1944 3-1

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“ Больш. Морская, д. № 9, въ СПб. СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА: КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп. НАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVI вѣка. Всеволода Соловьева. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп. Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

РАЗРѢШЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ МЕДИЦИНСКИМЪ ФАКУЛЬТЕТОМЪ САЛИЦИЛОВЫЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМЪ въ Москвѣ. пріобрѣтшія большое примѣненіе, рекомендуются какъ лучшія гигиеническія средства для рта и зубовъ, предупреждающія кариозу, осажденіе слюннаго камня, другаго запаха въ рту и проч. Главное депо у зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМА, въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Соколова. Оптовая и розничная продажа во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, въ лучшияхъ косметическихъ и другіяхъ магазинахъ всей Россіи. Переподавцамъ соразмѣрная скидка. Ц. № 1947

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ историческая повѣсть въ двухъ частяхъ Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА съ 21 рисунками и С. Панова Второе изданіе большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса по больш. Морской д. № 9. Цѣна 2 рубл., съ пересылкою 2 рубл. 50 к. Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3-3

Въ „MAGASIN ETANGER“ иностранномъ магазинѣ, Б. Морская, 30. ПАРИЖСКІЯ ИГРУШКИ.

!!! ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ !!! Самое прелестное, изящное и роскошное, что только въ первѣйш. мастерск. фабрик. Парижа выдѣлывается, между прочимъ: ЧУДЕСНЫЯ КУКЛЫ Bébé incassable. въ красивыхъ нарядахъ, съ подвижн. туалетомъ и роскошнымъ приданымъ и подаркамъ. Цѣны неимовѣрны: отъ 3 руб. одѣт. отъ 10 р., съ придан. отъ 25 р., перес. за 2 ф., 5 ф. и 10 ф.

!! АВТОМАТЫ !! чудной конструкціи, разнаго движенія, куклы съ музыкал. ходячая, говорящія, скачущія, разныя животныя, лошади механическія, верблюды, слоны, собаки, лисушки, чудной красоты павлины и проч. Локомотивы и поезда желѣзной дор. также съ механизм., паромы съ механизм. ц. 5 р., 8 р., 10 руб. и 15 р., перес. отъ 2-хъ до 8 фунт. Плиты, кухни, чайныя и столовыя приборы, коробины, стадо, сказаны и проч. разставляющіяся.

! СОЛДАТИКИ ! въ коробкахъ отъ 40 к. до 20 руб., лагеръ, битва, парадъ и отряды, митралисты 1 р. 50 к. до 3 р., сабли отличной работы

! РУЖЬЕ МИРА ! безопасное ружье, стрѣл. пробкою, горохомъ и хлопчат. бумагомъ, или можно стрѣлять въ цѣль. Ц. 1 р., 75 к., ииог. съ пер. 2 р. 50 к. Пистолеты разнаго устройства.

! МЕТАЛЛОФОНЫ ! стальной гармон., на которыхъ играть дер. молоточками. Ц. 3 р., 5 и 8 руб. перес. за 3, 4 и 5 ф. ДѢТСКІЕ

ФОРТЕПИАНЧИКИ восхищеніе дѣточекъ. Цѣна 2 р. 50 к., 4 р. и 6 р., перес. за 5, 6 и 8 ф.

!ОРГАНИНО!

новость изъ Америки, очень пріятн. тона, играетъ этотъ чудный INSTR. вращеніемъ ручки и посредствомъ вырѣзанной бумаги, танцы, аріи и проч., очень уютныя 5 квадрат. верхн. цѣна съ 12-ю пѣснями 40 р., перес. за 15 ф. Трудно сдѣлать дѣтямъ пріятнѣе подарокъ. служ. какъ таперъ для веселья и пріятнаго развлеченія.

!! КАРМАННАЯ ФЛЕЙТА !! или дудочка-флейта, оч. прележна. устройство. Ц. 20 к. Пріятное провожд. врем. для немзыкальн. любителей музыки.

МЕХАНИЧ. ПТИЦКА.

совѣтъ. тов. крылышко поднимающееся, посредствомъ вращенія, на высоту до 300 аршинъ, подражаетъ полету птицъ, большое удовольствіе для мальчишекъ. Ц. 1 р., запасъ 6 крыльевъ 50 к., ииогор. съ пер. 2 р., безъ запаса, только съ двумя л. 50 к.

!! ЧУДО-СОЛОВЕЙ !! можно подражать чуднымъ звукамъ соловья и канарейки, безъ малѣйшаго затрудненія, слѣдуетъ дуть легко или сильно. Ц. 1 р., ииог. съ перес. 1 р. 50 к.

!ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИГРЫ!

бѣды 200 различныхъ, между бѣды интересныя. Шахматы, 1 р. 50 к., шахматы, доски 1 р., обѣ вещи съ перес. 3 р. Игра — осада крепости и. 2 р., ииог. съ пер. 3 р.

БИЛЛАРДЪ

маленькаго размаіра: 2 арш. Восхищеніе молодыхъ людей и пріятное развлеченіе для старшихъ; особ. рекомендуется его работаящ. сила, для которыхъ это лучш. гимнастика! Ц. 60 р., при немъ 5 шаровъ и пирамиды. Ииогор. за упаковку и доставку на станцію жел. дор. 4 р., плага за провозъ при полученіи на мѣстѣ.

БИКСЬ

и. 25 р. дубовый и 45 р. палисандроваго дерева.

ИГРА КРОКЕТЪ

съ мягкими шарами, для комнаты, ц. 10 р. и 18 р., доставка на желѣзн. дор. 1 р.

ИГРА „ПСКЪ“

оч. интересная игра въ карты, цѣна съ описаніемъ 2 р., ииогор. съ перес. 3 р.

!ЯЙЦА!

съ куклами и игрушками для мальчишекъ и дѣточекъ. Цѣна отъ 1 р. до 25 руб. и дорожк. ииогор. по мѣрѣ денегъ получать возможно! лучшее по указанію.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ.

- 1) Страхование на случай смерти (для обезпеченія семейства и пр.).
  - 2) Страхование на дожитіе (для обезпеченія старости, приданого и пр.).
  - 3) Страхование доходовъ (пенсіи на старость, вдовыи пенсіи).
- Ближайшія подробности въ трехъ различныхъ брошюрахъ страховаго общества „Россия“ (Большая Морская, д. № 13), по востребованію высылаемыхъ бесплатно. № 1937 3-2

Продолженіе отзывовъ частныхъ лицъ, больныхъ, полновъ и проч. (см. „Нива“ 1882 г. № 1). ОБЪ АМЕРИКАНСКОЙ ПРАЧЕШНОЙ МАШИНѢ М. Н. ЛОВЕЛЬ и К^о. (Продолж. будетъ).

Вѣдѣніе просьбъ, сообщая, что купленная мною въ главномъ складѣ Мануфактурной Компаніи „Девисъ“ американская прачешная машина „М. Н. Ловель и К^о“, при постоянномъ употребленіи ея въ дѣло въ теченіи трехъ почти лѣтъ, оказалась весьма практичною въ домашнемъ хозяйствѣ и обладаетъ слѣдующими качествами: 1) Бѣлья не рветъ. 2) При навѣвъ къ обращенію съ нею, моетъ чисто. 3) Устройство машины такое, что моется въ ней бѣлье самое тонкое и самыя толстыя ватныя одѣяла одинаково успѣшно. 4) Скорость мытья и опрятность при этомъ даютъ машинѣ полное преимущество передъ ручною работою. Выжиматель превосходный. С.-Петербургъ, Казармы мѣстныхъ войскъ. (Подп.) Каниганъ Норбановскій. „Прачешная машина сокращаетъ трудъ, а слѣдовательно и расходъ, употребляемые на стирку бѣлья, наибольшую пользу приноситъ выжиматель: онъ настолько полезенъ, что не только облегчаетъ тѣхъ, которые стираютъ бѣлье, но и предохраняетъ еще таковое отъ порчи, отъ рванія. Короче сказать: весьма выгодно и полезно имѣть въ хозяйствѣ обѣ эти машины“. С. Тарутино, Бессарабск. губ. (Подп.) К. Теуть. „Долгомъ считаю привлечь моею благодарностію избрѣтателю Американской прачешной машины „М. Н. Ловель и К^о“, при употребленіи въ дѣло, я увидѣлъ значительное уменьшеніе рабочей силы и оказалось бѣлье неслучайно лучше ручною стирки. Производи стирку на машинѣ въ теченіи 11 мѣсяцевъ, я вполнѣ убѣдился въ достоинствахъ ея, что и удостоиваю моею подписью“. Ст. Балыкеевск. Саратовск. губ. (Подп.) Гр. В. Спачковъ. (Донецкой Землевл. Бѣлицы). „Высшаяшая мнѣ прачешная машина оказалась удивительною для семейнаго употребленія... Выжиматель вполнѣ хорошъ“. Г. Владимировъ. (Подп.) Инженеръ-машинникъ Исаевъ. „Получивъ Вашу прачешную машину, я съ каждою стиркою бѣлья восхищаюсь ея достоинствами. — Скажу коротко: это благо во всѣхъ отношеніяхъ имѣть ее въ хозяйствѣ и въ бытѣ. Совершу немного со средствами — выпущу скоро и ватокъ. Ваша машина многими пріятна и кажется скоро послѣдуютъ требованія о ея высадкѣ. Остаюсь и т. д. Г. Тираполь. (Подп.) Анна Керлерь.

СКЛАДЪ МАШИНЪ М. Н. ЛОВЕЛЬ и К^о ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ мануфактурной компаніи „ДЕВИСЪ“ С.-Петербургъ, Гороховая ул., №№ 17, 56, у Краснаго моста. Цѣна 1 прачешной машинѣ Р. 10 - 1 выжимателя Р. 12 - 1 дубовой крашеной кадди Р. 3 Съ упаковкою, но безъ доставки Р. 25 Вѣсь съ упаковкою около трехъ пудовъ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 6 Марта 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

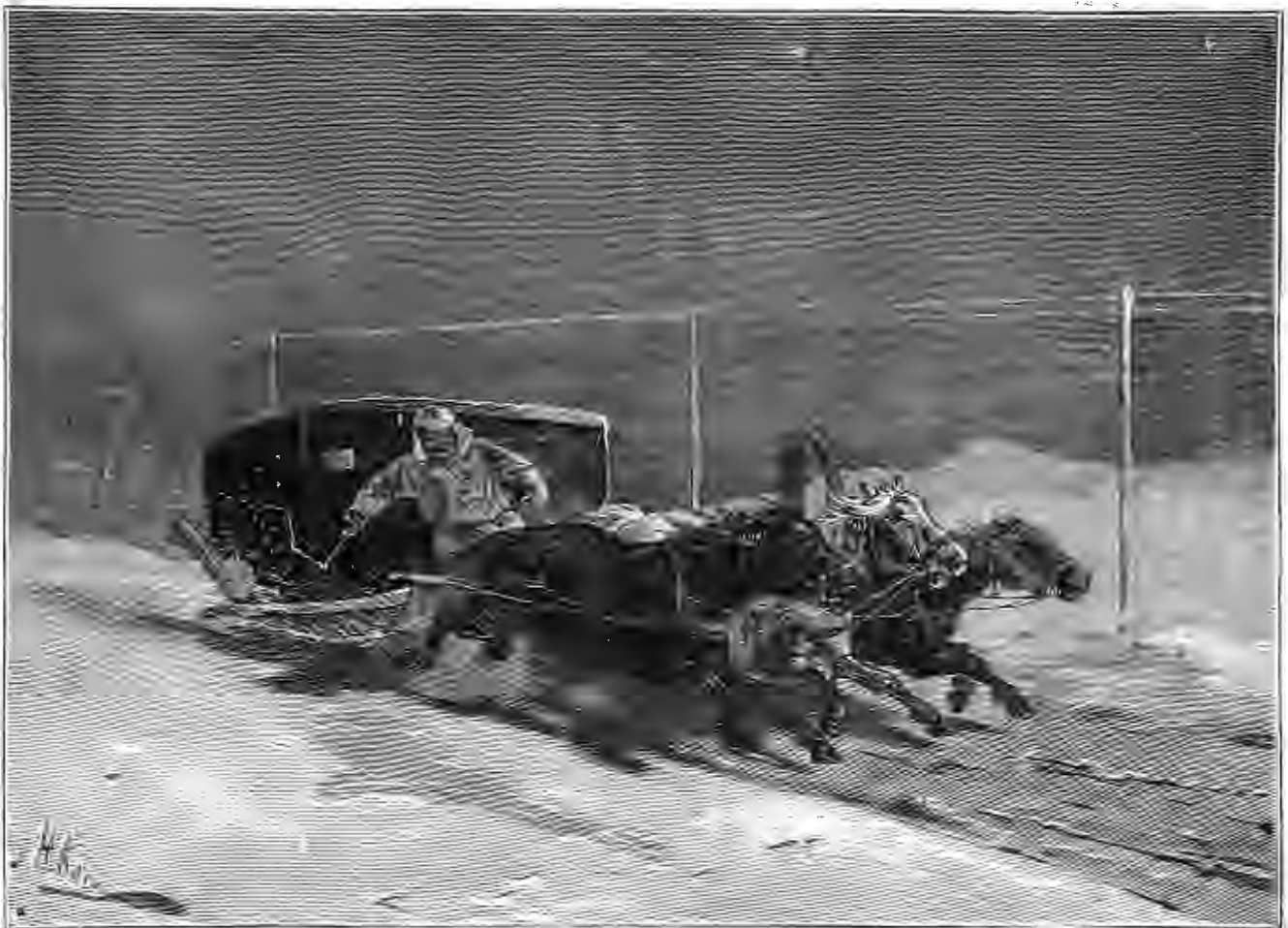
Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	6 р.
--------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------------	--	-------------	---	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1882 г. съ 24 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рисунками вышивальныхъ работъ.

На розыскахъ „Жанеты“. Возокъ корреспондента New York Herald въ Сибири. По наброску Gr., рис. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій. Библиотека "Руниверс"

На поискахъ экипажа „Жанеты“ въ Сибири.

Въ № 8 „Нивы“ мы помѣстили рассказъ объ судьбѣ несчастнаго парохода „Жанета“. Извѣстный Гордонъ Беннетъ, издатель New York Herald предпринялъ на свои средства отправить ученую экспедицію на сѣверный полюсъ. Мы уже сообщили подробности объ несчастной участи экипажа „Жанеты“ и ея командира лейтенанта де Лонга. Теперь спасшаяся команда получила всевозможную помощь и приняты мѣры къ отысканію остальнаго экипажа. Всѣ расходы по этому принялъ на себя Гордонъ Беннетъ. Кромѣ того со стороны нашего правительства ассигновано якутскому губернатору 12000 р. для розыска и отправления путешественниковъ изъ Иркутска въ Петербургъ. Якутскій губернаторъ составилъ изъ отважныхъ людей особую поисковую партію и далъ знать прибрежнымъ инородцамъ, чтобы они помогли въ розыскахъ. Сдѣлано распоряженіе принять телеграммы спасшихся, за границу, безъ предварительной оплаты—за первыя четыре телеграммы ихъ слѣдовало получить иркутской телеграфной станціи болѣе 500 руб. Инте-

ресень былъ ихъ адресъ: „Домъ Русскаго Кузмы на р. Ленѣ въ Сибири“. Извѣстный комерсантъ нашъ, владѣлецъ парохода „Лена“ г. Сидоровъ, уступилъ свое судно для розысковъ. 3 Декабря прибыли въ Якутскъ черезъ Верхоянскъ, лейтенантъ Даненгауеръ съ пятью матросами. Остальные спасшіеся шесть человекъ и капитанъ Мельвилъ прибыли также въ Якутскъ; кромѣ ихъ неотысканныхъ людей команды считаютъ погибшими. Въ поискахъ, кромѣ капитана Мельвила, участвовали два корреспондента New York Herald Джексонъ и Лауренсъ, присланные Беннетомъ изъ Санъ-Франциско. Для своихъ поѣздокъ по Сибири, экспедиція Беннета, въ виду суровой сибирской зимы, для нихъ непривычной, купили себѣ особый большой возокъ, помѣстительный и совсѣмъ закрытый, въ которомъ они съ комфортомъ переѣзжаютъ по дорогамъ Сибири на тамошнихъ крѣпкихъ и быстрыхъ лошадакахъ. Возокъ этотъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ, снятый съ наброска одного изъ корреспондентовъ Беннета—Лауренса.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

ІІІ.

Первыя вѣсти.

Ручка запертой двери зашевелилась, а потомъ послышалось нѣсколько легкихъ ударовъ.

— Кто тутъ? очнувшись спросилъ Сергѣй.

— Это я, батюшка, съ отвѣтомъ... Разслышалъ онъ визгливый знакомый голосъ.

Онъ отперъ двери и въ рабочей комнатѣ появилась крохотная фигурка Моисея Степаныча—карлика Моськи.

Полный еще своихъ мыслей и воспоминаній о пережитомъ времени, Сергѣй любовно взглянулъ на своего стараго пѣстуна.

— А вѣдь ты все тотъ же! Ты совсѣмъ не постарѣлъ, Степанычъ! тихо проговорилъ онъ, будто послѣ долгой разлуки всматриваясь въ сморщенное дѣтское лицо карлика. Помнишь какъ мы выбирались отсюда? Восемь лѣтъ прошло, и гдѣ эти года?! Ты вотъ не измѣнился, а я—хоть и быстро промелькнуло время—что стало со мною?!

Карликъ вздохнулъ и въ свою очередь внимательно и грустно поглядѣлъ на господина.

— Оно и впрямь, Сергѣй Борисычъ, шепнулъ онъ, сколько воды утекло, а вотъ мы опять тутъ, и словно не выѣзжали. Маменьки только больно жалко, не ждалъ я, и въ помышленіяхъ не было! Все мнѣ такъ и представлялось: приѣдемъ въ Горбатовское... увидимся... Маменьки то вотъ жалко, Сергѣй Борисычъ!..

Голосъ его задрожалъ, лицо совсѣмъ сморщилось. Онъ сдѣлалъ усиліе чтобы удержаться отъ слезъ, но не смогъ и всхлипнулъ, утирая глаза кулаченкомъ. Сергѣй стоялъ опутивъ голову, забывъ свою руку на плечѣ карлика. Онъ стиснулъ зубы и смаргивалъ набѣгавшія слезы.

— Да что ужъ, такова видна Господня воля—слезами то мы не поможемъ! оправляясь заговорилъ карликъ. Вотъ, батюшка, побывалъ я по твоему приказу у Льва Александровича, и писулька къ тебѣ отъ его милости. Дома онъ, ждетъ тебя...

Сергѣй быстро развернулъ и прочелъ записку Льва Александровича.

Нарышкинъ писалъ ему:

„Любезный племянникъ, по счастливой и рѣдкой случайности,—легкому моему нездоровью, сижу я нынѣ весь день дома. Послѣдніи. Сердечно радуюсь свидѣться съ тобою и хорошо коли до меня никого не увидишь“.

— Степанычъ, вели скорѣе подать карету! оживившись приказалъ Сергѣй.

Онъ быстро прошелъ въ уборную, dokonчилъ свой туалетъ и отправился къ Нарышкину.

Въ сильномъ возбужденіи, даже съ легкимъ румянцемъ, то появлявшимся то исчезающимъ на его блѣдныхъ щекахъ, онъ поднимался по широкимъ ступенямъ лѣстницы по прежнему всему Петербургу знакомаго дома знаменитаго „Левушки“. Онъ прошелъ вслѣдъ за указывавшимъ ему дорогу камердинеромъ цѣлый рядъ роскошныхъ залъ. И невольно припоминались ему веселые вечера, которые онъ когда-то проводилъ здѣсь, тотъ блестящій маскарадъ, во время котораго онъ впервые увидалъ цесаревича, гдѣ мелькало передъ нимъ столько разныхъ лицъ, изъ которыхъ многіе уже кончили свое земное странствіе, завершивъ такъ или иначе блестящую карьеру.

Но вотъ онъ въ тихой уютной комнатѣ, гдѣ произошелъ его первый знаменательный разговоръ съ цесаревичемъ. Передъ нимъ хозяинъ. Послѣ родственнаго и радостнаго привѣтствія, они разглядывали другъ друга.

— Дядюшка, какъ мало вы измѣнились! невольно сказалъ Сергѣй.

Нездоровье Льва Александровича очевидно было очень несерьезное; добродушное плутоватое лицо его все такъ и смѣялось. За эти восемь лѣтъ онъ только немного подался въ ширину, да можетъ быть появились двѣ, три лишніе морщины. Но отъ него все же дышало веселостью и здоровьемъ, въ немъ незамѣчалось еще никакихъ признаковъ подошедшей старости.

— Мало измѣнился, любезный другъ, да съ чего же мнѣ много-то и мѣняться?! А все же таки измѣнился—вотъ въ этомъ то и штука. Ну, а вотъ ты, я вижу, сильно измѣнился. Постой, погляди—молокососомъ уже называть не стану—да и красивъ же ты!.. еще лучше сталъ пожалуй! Да, это пустое... Радъ, дружокъ, что вижу тебя, сердечно радъ, потолкуемъ, благо досугъ есть. Скажи, положи руку на сердце, вѣдь, я чаю, сердиться ты на меня?

— За что же, дядюшка, мнѣ на васъ сердиться?!

— Вѣдь, я чаю, ты думаешь что я за тебя не хлопоталъ, не старался?!

— Я ничего такого не думаю, я увѣренъ, что если бы отъ васъ зависѣло, если бы вы могли что нибудь, то я давно бы былъ въ Россіи.

— Такъ, такъ, съ видимымъ удовольствіемъ и въ то же время очень серьезно повторялъ Нарышкинъ. Видитъ Богъ все сдѣлалъ и ничего не могъ добиться... и думалъ о тебѣ часто—вѣдь восемь лѣтъ шутка ли!

— Съ матерью не могъ проститься! невольно вырвалось у Сергѣя.

— Да, и вотъ какъ и въ первый разъ я вижу тебя послѣ такой потери—тогда отца схоронилъ, теперь мать!

— Но я былъ при кончинѣ отца! Да ужъ что говорить объ этомъ, я не жаловаться хочу вамъ, я хочу чтобы вы мнѣ глаза открыли на то, что здѣсь дѣлается, чего мнѣ ожидать, вѣдь я какъ въ лѣсу—что я знаю! Помните тогда мальчикомъ прѣхалъ, ничего не понималъ тоже, а теперь и того меньше. Насколько могъ сообразить отсюда, издаലെка, теперь тутъ все иное—научите!

— Веселаго отъ меня услышишь мало, сказалъ Нарышкинъ,—а объяснить тебѣ не только могу, но и долженъ. Ты вотъ сказалъ что я мало измѣнился—это можетъ быть, а другіе нѣтъ—другіе сильно постарѣли. Вотъ тебѣ и вся разгадка. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я зачастую отъ самой слышу: Стара я стала! И мы ужъ къ этому привыкли.—съ самой смерти Потемкина постарѣла.

Сергѣй печально усмѣхнулся.

— Да, но знаете, вѣдь я нахожусь въ самомъ невозможномъ, въ самомъ невыносимомъ положеніи. Вы вотъ говорите, что давно ко всему привыкли, оно понятно, время дѣйствуетъ. Перемѣны, происходящія изо дня въ день у васъ же на глазахъ, не такъ поражаютъ, а я былъ совсѣмъ ото всего этого оторванъ, я не въ силахъ примириться съ нѣкоторыми обстоятельствами, не могу смотрѣть на многое вашими глазами. Конечно я прежде всего буду говорить о Зубовѣ. Знаете ли что онъ такое для меня?!—ничтожный офицерикъ, несостоятельный мальчикъ, обуреваемый желаніемъ жить на широкую ногу, вкусить отъ всѣхъ удовольствій и потому подлизывающійся къ богатой молодежи, льнущій ко всѣмъ кто можетъ быть такъ или иначе ему полезенъ, увертливый низкопоклонный, нахальный когда это не можетъ повредить ему, однимъ словомъ сущая ничтожность и ничтожность противная. Такимъ я оставилъ его восемь лѣтъ тому назадъ, въ день моего отъѣзда изъ Петербурга. До этого дня онъ былъ совсѣмъ незамѣтенъ и если я его замѣтилъ, то единственно потому, что онъ случайно попался на моей дорогѣ. Онъ всячески ухаживалъ за мною, взялъ у меня деньги и потомъ, вдругъ преобразившись, почувствовавъ подъ собой почву, понявъ что я ему не нуженъ и не помѣха ему, онъ съ самымъ непристойнымъ, циничнымъ нахальствомъ хотѣлъ мнѣ вернуть эти деньги. Я сказалъ что не приму ихъ отъ него—и послѣ того мы не видались. Я знаю что я ему и одному ему обязанъ тѣмъ, что до сихъ поръ не могъ выбраться въ Россію. Но все же когда мнѣ приходилось поневолѣ о немъ думать, слушая почти невѣроятные рассказы о полученномъ имъ значеніи, я представлялъ и представляю его себѣ до сей минуты такимъ, какимъ онъ былъ тогда—онъ не могъ измѣниться. И вотъ этотъ человѣкъ, какъ мнѣ говорятъ, управляетъ всѣми дѣлами и наконецъ—вѣдь онъ мое высшее начальство! Безбородко уступилъ ему званіе президента коллегіи иностранныхъ дѣлъ! Послушайте, это сказка, это что то совсѣмъ невозможное!

Нарышкинъ добродушно улыбался и тихонько кивалъ головою.

А Сергѣй между тѣмъ разгорячался больше и больше.

— Да, мнѣ пришлось подумать объ этомъ ничтожномъ человѣкѣ. Онъ слоточный и мстительный какъ всякое ничтожество, какъ всѣ выскочки. Онъ зналъ что я не могу стать ему поперекъ дороги, я просилъ только свободы, просилъ позволенія вернуться въ деревню, я бы жилъ тамъ безвыѣздно—и я не могъ этого добиться. Ему очевидно нужно держать меня въ своей власти, доказать мнѣ что оцъ мой тюремщикъ. Онъ доказалъ мнѣ

это—но и того ему мало. Я все ждалъ что ему наконецъ надоѣстъ и онъ меня оставитъ въ покоѣ. Нѣтъ, я вижу, теперь ему нужно еще моего униженія. Получивъ извѣстіе о кончинѣ магушки, я опять просилъ отставки и опять получилъ отказъ. Я долженъ былъ прямо изъ Лондона явиться сюда. Я долженъ завтра же, послѣ завтра, однимъ словомъ на этихъ дняхъ представиться господину президенту иностранной коллегіи. Каково положеніе!! Какова роль!!

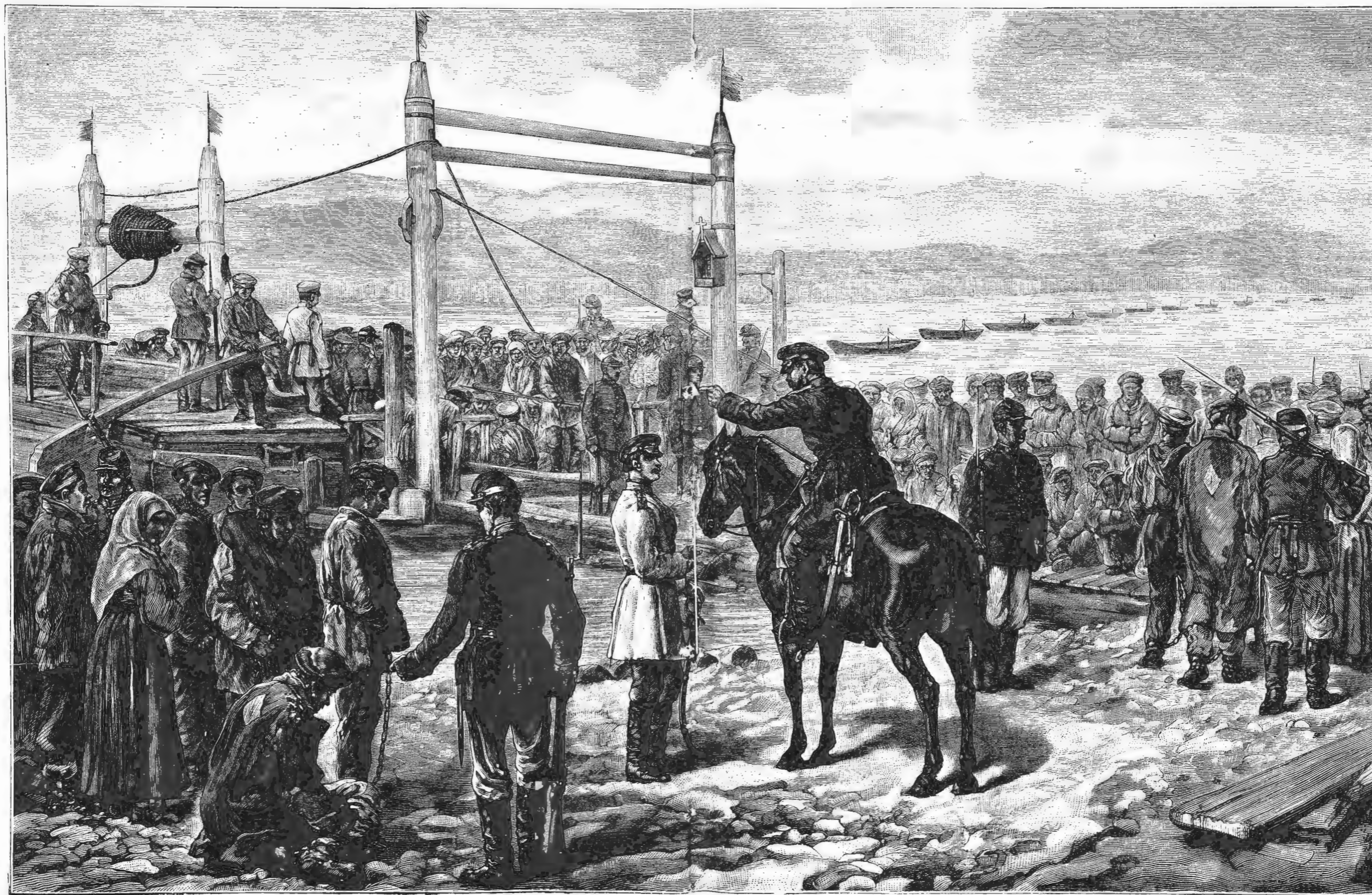
Нарышкинъ какъ-то полужакрылъ глаза, стиснулъ зубы, даже покраснѣлъ, пальцы его усиленно играли кистью халата. Волненіе Сергѣя очевидно сообщилось и ему, невозмутимому „Левушкѣ“. Но онъ все же молчалъ и только внимательно слушалъ.

Сергѣй продолжалъ:

— Знаете ли, дядюшка, въ первую минуту я уже было рѣшилъ не ѣхать въ Россію. Что же мнѣ—я опоздалъ, мать похоронена, денежные мои дѣла, заботы по имѣніямъ въ надежныхъ рукахъ. Я чувствовалъ себя неспособнымъ на эти встрѣчи, на эти сцены, на эту невозможную, жалкую роль. А между тѣмъ это была только минута, я выѣхалъ въ тотъ же день, и съ радостью, и съ наслажденіемъ. Я русский, я люблю Россію. Я будто проснулся, будто помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ дышу роднымъ воздухомъ. Но скажите мнѣ, неужели нѣтъ никакой возможности избавиться отъ этого униженія, неужели я не могу сейчасъ же, немедленно получить отставку и уѣхать въ Горбатовское? Вѣдь ваше положеніе неизмѣнилось, вѣдь вы по прежнему близки, попрежнему другъ государыни. Прону васъ, если не ради меня, то хоть ради памяти отца сдѣлать для меня это... Избавьте меня отъ униженія!!

Онъ замолчалъ и съ сильно бьющимся сердцемъ глядѣлъ на Нарышкина и ждалъ что тотъ ему отвѣтитъ.

— Милый мой, тихо и серьезно проговорилъ Левъ Александровичъ,—я ждалъ этого твоего ко мнѣ обращенія и обо всемъ подумалъ. Не всегда же я дурачусь и, повѣрь, твои чувства мнѣ понятны, я самъ возмущенъ, глубоко возмущенъ. Слушай что я скажу тебѣ. Отставки тебѣ не дадутъ, т. е. можетъ быть и дадутъ, но не сейчасъ. Ты долженъ показаться... по постой, не торопись, не волнуйся, твое положеніе вовсе не такъ дурно, какъ тебѣ оно можетъ казаться. Извѣстнаго господина ты описалъ вѣрно. Да, онъ ничтожный и мстительный, и весьма вѣроятно что онъ помышляетъ о твоёмъ униженіи; но повѣрь мнѣ, я знаю что говорю—не онъ отказалъ тебѣ въ отставкѣ, государыня мнѣ говорила, что хочетъ тебя видѣть и не дальше какъ дня три тому назадъ о тебѣ спрашивала. Вѣдь я ее знаю и понимаю также хорошо какъ и самого себя, и я тебѣ говорю: тебѣ нечего бояться встрѣчи съ нею. Не знаю какъ она къ тебѣ относилась и что о тебѣ думала прежде, но теперь, именно теперь она не желаетъ тебѣ ничего дурного—напротивъ. Успокойся же—и потомъ знай, что хотя мы всѣ, твои друзья и родные, и обезсилены, но на столько же у насъ есть силъ, чтобы защитить тебя. Пусть Зубовъ желаетъ тебя унижить; но вѣдь ты не изъ тѣхъ, которыхъ можно легко унижить—онъ торжествовать не будетъ! Да, конечно тебѣ придется пережить неприятный часъ; но вѣдь мнѣ не учить тебя, самъ выйдешь изъ тяжелаго положенія, будь только хладнокровенъ, не теряй головы, думай о каждомъ своемъ шагѣ, о каждомъ словѣ. Ты ничего не ищешь, тебѣ никто не нуженъ, для тебя вонъ величайшимъ благополучіемъ представляется отставка, возможность уѣхать и запереться въ деревнѣ, т. е. именно то, что всѣмъ здѣшнимъ людямъ представляется величайшимъ несчастіемъ. Такъ чего же тебѣ—никто тебя не унизитъ. Въ такомъ случаѣ твое положеніе прекрасно, оно бесконечно лучше положенія самого этого господина. Нѣтъ, дружокъ, напрасно только взволновался—это еще остатокъ юности. Подумай-ка, вѣдь я правъ?!

Транспортъ преступниковъ на переправѣ черезъ рѣку Енисей. По рисунку Гг., грав. Гельштейнъ.

Онъ ласково положилъ руку на колѣни Сергѣя и взглянулъ ему въ глаза.

Сергѣй нѣсколько мгновений сидѣлъ задумчиво, насушивъ брови, разбираясь въ быстро нахлынувшихъ мысляхъ и ощущеніяхъ.

— Да, пожалуй вы правы, проговорилъ онъ наконецъ.—и спасибо вамъ. Я такъ былъ возбужденъ и взволнованъ это время и, пожалуй, глядѣлъ односторонне. Да, вы конечно правы, вы указали мнѣ по крайней мѣрѣ соломенку, за которую я могу ухватиться...

— Я укажу тебѣ еще нѣчто другое, перебилъ его Нарышкинъ. Есть обстоятельство, которое должно тебя успокоить и заставить снисходительнѣе смотрѣть на многое. Скажи мнѣ, измѣнились ли твои чувства относительно того человѣка, съ которымъ, помнишь, ты бесѣдовалъ здѣсь, вотъ въ этой самой комнатѣ, во время маскарада?

Лицо Сергѣя внезапно оживилось.

— Я почитаю и люблю этого человѣка по прежнему, быстро проговорилъ онъ,—и если я до сихъ поръ не сказалъ вамъ о немъ ни слова, то это вовсе не потому, что я о немъ не думаю. Если бы вы знали съ какимъ нетерпѣніемъ я жду возможности его видѣть!

— Вотъ я въ этомъ и былъ увѣренъ, сказала Нарышкинъ,—этотъ человѣкъ тоже ждетъ тебя, тоже желаетъ тебя видѣть. „Я люблю его“—это онъ сказалъ мнѣ про тебя нѣсколько дней тому назадъ. Ну, другъ любезный, надѣюсь ты теперь не станешь доходить до отчаянія—вотъ тебѣ выходы. И если станеть очень тяжело, если ты увидишь пустоту и ничтожество глумящимися надъ тобою, вспомни только объ этомъ человѣкѣ.—и ты непремѣнно долженъ будешь успокоиться. Онъ подвергается тому же, чему ты боишься быть подвергнутымъ, онъ воистину подаетъ всѣмъ намъ великій примѣръ долготерпѣнія и христіанскаго смиренія и если этого не хотять видѣть, тѣмъ хуже только для тѣхъ кто не видятъ.

— Такъ, такъ, горячо проговорилъ Сергѣй. Но скажите мнѣ, неужели все идетъ совсѣмъ по прежнему, такъ какъ было тогда?

— Непрежнему! воскликнулъ Нарышкинъ. — Нѣтъ, не прежнему, а во сто кратъ хуже. Тогда онъ кому уступалъ? Человѣку большихъ и чудныхъ дарованій, человѣку работавшему для славы Россіи, возведшему ее на степень могущества и вліянія. Свѣтлѣйшій былъ часто несправедливъ къ нему, но онъ никогда не былъ мелочнымъ и злымъ человѣкомъ, во всякомъ случаѣ онъ соблюдалъ приличія. Теперь же о приличіяхъ не думаютъ, теперь раздуваяся тля унижаетъ и сноситъ это большой подвигъ. Мы всѣ возмущены, но чтó онъ долженъ былъ чувствовать, чтó чувствуетъ онъ теперь? Ты вотъ говорилъ о ничтожномъ мальчишкѣ!—когда этотъ ничтожный мальчишка пошелъ въ гору, всѣ полагали, что дѣло ограничится только виѣшнимъ почетомъ, что онъ какъ человѣкъ необразованный и невоспитанный, не получитъ никакого вліянія на дѣла, къ тому же былъ еще живъ Потемкинъ. Но всеобщіе расчеты оказались пустыми. Мальчишка сразу задралъ голову и вообразилъ себя государственнымъ мужемъ. Его недостатокъ, его неспособности не видѣли. Потемкина не было въ Петербургѣ. И знаю, что ему письменно рекомендовали полюбить господина Зубова и брата его Валеріана. „Милыя дѣти!“—для нихъ не было другого названія. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ передъ милыми дѣтьми всѣ преклонялись и ползали, а они задирали голову выше и выше. Мнѣ на своемъ вѣку не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ слѣпая фортуна не впопадъ сыпала дары свои на чью нибудь повернувшуюся случайно голову; но подобнаго зрѣлища я никогда еще невидывалъ. Рогъ изобилія внезапно выпался до дна на голову господина Зубова и удивляться надо какъ онъ не задохся подъ навалившейся на него

грудой благополучія!. Но онъ не задохся, а хотѣлъ еще большаго. Потемкинъ все же стоялъ ему поперегъ дороги. И вотъ ничтожный мальчишка, дѣстя, ухватывая, изыскивая только способы быть пріятнымъ и не перечесть, въ то же время копая яму великану и великанъ рухнулъ въ эту яму, выкопанную столь ничтожными руками. Свѣтлѣйшій умеръ, потому что ему нельзя было больше жить. Умеръ оттого, что сознавалъ это, оттого что могъ примириться со всѣмъ, но не съ забвеніемъ своихъ истинныхъ заслугъ, не съ неблагодарностью. О немъ плакали, даже заболѣли отъ печали, но это продолжалось не долго. „Какъ я буду жить безъ Потемкина, кто мнѣ его замѣнитъ?“—такъ говорили. А между тѣмъ замѣститель былъ налицо: едва Потемкинъ скончался, господинъ Платонъ Зубовъ былъ объявленъ государственнымъ мужемъ и забралъ въ свои руки верховное управленіе всѣми дѣлами государства. Мнѣ что, я никогда въ это не вмѣшивался и не терялъ ничего, но и стоя въ сторонѣ, и въ чужѣ было обидно смотрѣть. А ужъ что испытывали наши дѣльцы—самъ можешь легко себѣ представить. Но любимцу фортуны всего было мало—онъ хотѣлъ управлять Россіей—ему было это дано. Онъ хотѣлъ управлять виѣшними сношеніями—и Безбородко, самъ Безбородко, положеніе котораго казалось твердымъ и упроченнымъ, дарованія котораго всѣмъ были явны—долженъ былъ уступить ему свое мѣсто. Не каждый годъ, а каждый почти мѣсяць приносилъ намъ извѣстіе о новой милости, полученной счастливымъ юношей. Его грудь украшена всѣми знаками отличія, вѣдь еще съ 91 года онъ носитъ Александра Невскаго, Анну, Бѣлаго Орла и Станислава. Три года тому назадъ его отецъ, хищникъ и взяточникъ, о которомъ никто не могъ никогда обмолвиться добрымъ словомъ, былъ возведенъ со своими сыновьями въ графское достоинство Римской имперіи. Платону былъ тогда же пожалованъ Андрей Первозванный. Онъ носитъ теперь всѣ титула и всѣ званія, занимаетъ болѣе тридцати различныхъ должностей самыхъ разнородныхъ. Наконецъ ему пожалованъ портретъ императрицы, осыпанный брилліантами. Кажется желать больше нечего, но и на этомъ онъ не могъ остановиться. Его мелкую душевку мучило, что онъ носитъ одинъ общій титулъ съ братьями. И вотъ послѣ долгихъ хлопотъ удалось наконецъ исполнить его желаніе—онъ свѣтлѣйшій князь Римской имперіи! Да, любезный другъ, это сказка, но никому отъ этого вѣдь не легче!..

— Скажите покрайней мѣрѣ, дядюшка, одно, проговорилъ Сергѣй. — есть-ли хоть что-нибудь порядочное въ его свѣтлости, умѣетъ-ли онъ покрайности обращаться съ людьми? Я слыхалъ что онъ невыносимо дерзокъ?

— И тебя не обманули. Высокомѣрью его нѣтъ предѣла, онъ до такой степени невоспитанъ, онъ держитъ себя совершенно какъ глухой лакей, котораго назвали баринномъ.

— И всѣ это выносятъ?!

— Да, всѣ безъ исключенія. Вѣдь иначе что-же и дѣлать, выносить приходится поневолѣ, и наконецъ люди съ истиннымъ достоинствомъ не могутъ считать оскорбленными. Оскорбить тебя можетъ только ранний тебѣ, а онъ никому не равенъ. Кого ни возьми—онъ или безконечно выше этого человѣка или безконечно ниже.

— Дядюшка, я полагаю однако что это всеобщее долготерпѣніе не имѣетъ ничего общаго съ долготерпѣніемъ цесаревича. Оно указываетъ на всеобщее безсиліе, на нравственное ничтожество. Если цесаревичъ одинокъ и въ такомъ невозможномъ положеніи—это вина всѣхъ тѣхъ кто преклоняется передъ господиномъ Зубовымъ. Извините меня, я говорю прямо,—но положеніе этой новоявленной свѣтлости указываетъ на то, что всѣ, передъ нимъ преклоняющіеся, ничего иного недостойны.

Нарышкинъ усмѣхнулся.

— Не въ бровь а прямо въ глаза! Ну что-же, мой любезный, я и тутъ не стану съ тобой спорить, можетъ ты и правъ. Очень, очень быть можетъ что мы никуда не годны и насъ ничѣмъ не исправимъ — мы пасѣмъ передъ силой, каково-бы ни было ея происхождение. Мы помышляемъ только о самихъ себѣ, о нашихъ собственныхъ дѣлишкахъ и животишкахъ. И ради того чтобы получить какую-нибудь выгоду, чтобы добиться какой-нибудь удачи, ради того чтобы намъ кинули какую-нибудь подачку, — мы будемъ ползать и пресмыкаться передъ кѣмъ угодно. И все мы таковы, все безъ исключенія, мы таковы съ малолѣтства, такъ уже насъ воспитали, а добрыхъ примѣровъ откуда намъ взять?! Вонъ поэты воспѣваютъ на своихъ лирахъ всякія добродѣтели, клеймятъ пороки, смѣются надъ лестью — а посмотри на нихъ! Возьмемъ хоть нашего перваго поэта, Гаврилу Державина, — и онъ пресмыкается передъ всесильной свѣтлостью, и онъ воспѣваетъ его мнимыя доблести въ звучныхъ одахъ.

— Я никогда не видалъ Державина, сказалъ Сергѣй. — но я знаю и люблю его творенія, въ нихъ видѣнъ смѣлый умъ и рѣдкое дарованіе. То что вы говорите о немъ — очень грустно. Да, если такіе люди способны пресмыкаться передъ случайно возвеличеннымъ ничтожествомъ то чего-же ждать отъ другихъ!

Сергѣй улыбнулся своей тихой усталой улыбкой.

— Восемь лѣтъ тому назадъ если-бы вы рассказали мнѣ это про Державина, я-бы почувствовалъ себя просто несчастнымъ, а теперь, въ сущности, вы не сказали мнѣ ничего новаго — я ко всему привыкъ и всего навидался. Но все-же, чтобы намъ покончить съ господиномъ Zubovымъ, вы должны-же мнѣ указать на что-нибудь въ немъ доброе. Будьте безпристрастны, дядюшка, найдите въ немъ это доброе, — ну хоть что-нибудь, самую малость.

— Доброе! если-бы я цѣлый день объ этомъ продумалъ то я все-же ничего-бы не выдумалъ, ничего-бы не могъ найти, отвѣчалъ Нарышкинъ. Этотъ господинъ во истину не имѣетъ никакихъ достоинствъ и только одни пороки. За все эти восемь лѣтъ его могущества я не знаю ни одного добраго дѣла, которому бы онъ помогъ. Онъ ни разу еще не заступился за праваго и обиженнаго. Онъ способенъ только заступиться за неправое дѣло, сулящее ему выгоды. Онъ портитъ все, къ чему прикасается. Ну, вотъ ты хорошо знакомъ съ виѣшной политикой и можешь самъ посудить сколько надѣлано ошибокъ и какъ ослабленно вліяніе Россіи за эти восемь лѣтъ. Внутри государства царитъ несправедливость, хищеніе, разпущенность. Онъ пожелалъ между прочимъ распорядиться и войскомъ — и что онъ сдѣлалъ съ нимъ? Наше, еще недавно столь побѣдоносное воинство теперь въ самомъ жалкомъ видѣ. Посмотри что случилось съ гвардіей! Посмотри на офицеровъ, вѣдь они о своемъ дѣлѣ не имѣютъ понятія. Дисциплина уничтожена, офицеры расхаживаютъ въ партикулярномъ платьѣ, занимаются кутежами и всякими дебошами. Вотъ еще недавно мнѣ вѣрный человекъ рассказывалъ, что часто за офицера, который спитъ непробудно, солдатъ учить выходить его жена, переодѣваясь въ мужнину платье.

— Дядюшка, вы мнѣ рассказываете такія вещи, которые-бы я не повѣрилъ если-бы услышалъ ихъ отъ другаго. Я былъ приготовленъ услышать многое, но все-же такого не ждалъ. И теперь мнѣ ясно что такое положеніе не можетъ продолжаться, скоро долженъ настать этому конецъ.

— Какой конецъ? спросилъ Нарышкинъ.

— Ая почему знаю, но такъ или иначе все это должно измѣниться. Долго жить въ такомъ положеніи государство не можетъ. Что-же касается до меня — вы мнѣ оказали большую услугу — вы ободрили меня и теперь мнѣ уже не страшно подумать о представленіи его свѣтлости.

— А вѣдь только это и нужно было, другъ любезный! весело сказалъ Нарышкинъ.

Сергѣй простился съ „Левушкой“ и уѣхалъ къ себѣ разбираясь въ мысляхъ вызванныхъ этимъ разговоромъ.

IV.

„Дней гражданинъ золотыхъ“.

Послѣ цѣлой недѣли ненастья петербургское сентябрьское небо наконецъ прояснилось. Солнечное утро заглянуло въ полуспущенныя занавѣси одной изъ комнатъ Зимняго дворца.

Это была обширная комната, которой трудно было дать определенное наименованіе. Ее бы слѣдовало назвать спальней, но можно было назвать и уборной, и кабинетомъ, и приемной, и всемъ чѣмъ угодно. Самая разнообразная мебель и мало подходящіе другъ къ другу предметы наполняли ее. Въ глубинѣ, подъ дорогимъ штофнымъ балдахиномъ, видѣлась золоченая кровать; неподалеку отъ нея стоялъ туалетный столъ съ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ, уставленный всякими скляночками и баночками, гребешками и щетками, однимъ словомъ вещами, необходимыми скорѣе для женскаго, чѣмъ для мужскаго туалета. По стѣнамъ висѣло нѣсколько большихъ и малыхъ картинъ съ самыми разнообразными сюжетами, и между ними, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, превосходные портреты императрицы Екатерины. На всѣхъ этихъ портретахъ она была похожа и въ то же время необыкновенно красива и моложава.

Ближе къ окнамъ стоялъ большой письменный столъ заваленный бумагами; возлѣ него этажерка съ книгами. На другомъ столѣ лежали очевидно небрежно брошенные орденскія звѣзды и другіе знаки отличія. На нѣсколькихъ стульяхъ видѣлись различныя принадлежности богатаго мужскаго костюма. Рядомъ съ ночнымъ столикомъ, приставленнымъ къ кровати, былъ придвинутъ еще другой тяжелый вычурный столикъ богатой мозаичной работы и на немъ стояла перламутровая открытая шкатулка.

Шкатулка вся была полна драгоценными украшениями, по преимуществу табакерками и перстнями. И все это сверкала огромными бриллиантами чистойшей воды, превосходными рубинами, изумрудами и яхонтами.

Но несмотря на роскошныя драгоценныя вещи, разбросанныя повсюду, несмотря на золото, шелкъ и бархатъ — эта комната поражала своимъ безпорядкомъ, своей неряшливостью.

У ногъ кровати, на табуреткѣ прикрытой пушистымъ одѣяломъ спала свернувшись маленькая обезьяна. Она иногда вздрагивала, приподнимала свою безобразную и смѣшную мордочку, мигала большими черными глазами, нюхала воздухъ, зѣвала во весь огромный ротъ и чесала за ухомъ съ ужимками и манерами уже проснувагося, но желающаго еще полѣниться и понѣжиться человека. Почесавшись, поморгавъ и позѣвавъ, обезьянка повертывала мордочку по направленію къ кровати, заглядывала подъ занавѣску балдахина, прислушивалась и затѣмъ опять свертывалась въ клубочекъ и засыпала.

Все было тихо въ комнатѣ. Только изъ-за запертой двери доносился едва слышный шопотъ, прерывавшійся иногда такимъ-же тихимъ возгласомъ:

Ш-ш!

Но вотъ подъ балдахиномъ кто-то зѣвнулъ разъ другой. Небольшая мужская рука съ длинными розовыми ногтями отдернула занавѣсь, на пышныхъ подушкахъ обрисовался тонкій профиль еще молодаго красиваго лица.

Обезьянка проснулась, прислушалась, взвизгнула и въ одинъ прыжокъ очутилась на кровати.

— Пошла! пошла! крикнулъ, еще нѣсколько охрипшимъ съ просонья голосомъ, молодой человекъ отстраняя отъ себя обрадованное и назойливое животное.

Обезьянка стала лизать ему руки: но тутъ-же была схвачена за шиворотъ и, смѣшно перекувырнувшись въ воздухъ, полетѣла на коверъ.

Она поджала хвостъ, подползла подъ кровать и еже-

минутно выглядывала оттуда гримасничая самымъ умо- рительнымъ образомъ.

Молодой человекъ потянулся, еще разъ зѣвнулъ и спустил ноги съ кровати.

Теперь можно было хорошо рассмотреть всю его фигуру.

Онъ далеко уже не былъ юношей. Ему казалось на видъ лѣтъ тридцать, а можетъ и больше; небольшого роста, сухощавый, съ нѣжнымъ, почти женскимъ сложениемъ, онъ казался безсиленнымъ и хрупкимъ, онъ былъ блѣдень—матовой, нѣсколько желтоватой блѣдностью. На его лицѣ съ правильными тонкими чертами, съ большими темными глазами еще не успѣли показаться морщины, кожа была нѣжная и тонкая.

Но это безспорно замѣчательно красивое лицо пора- жало только въ первую минуту, а затѣмъ уже представ- лялось совсѣмъ незначительнымъ—ничтожнымъ. Онъ уже пережилъ тотъ возрастъ, когда его можно было принять за краснѣющую дѣвушку и когда это сходство говорило въ его пользу.

Теперь онъ былъ уже зрѣлымъ мужчиной, а между тѣмъ пичего твердаго, мужскаго не было замѣтно въ нѣжномъ, нѣсколько выпѣвшемъ и увядшемъ лицѣ его.

Онъ потянулся къ колокольчику и позвонилъ.

Въ то же самое мгновеніе маленькая дверца за кро- ватью открылась, появилась не слышно ступая по пар- кету фигура благообразнаго, вымуштрованного камерди- нера. Камердинеръ поставилъ на столикъ подносъ съ маленькимъ серебрянымъ умывальникомъ и полотенцемъ. Потомъ ловко обулъ молодого человека, подаль ему лег- кой восточный халатъ и также неслышно удалился.

Молодой человекъ, засучивъ рукава, вылилъ содержи- мое умывальника въ маленькую лоханку—это были гу- стые сливки. Онъ нѣсколько разъ окунулъ въ нихъ лицо, крѣпко зажмуривая глаза. Затѣмъ въ нихъ-же вымылъ руки и осторожно утерся полотенцемъ. Затѣмъ, пока оставшіяся жирныя и влажныя частицы высыхали на лицѣ, онъ опять прилежъ на кровать, свистнулъ обезьян- ку и играя съ нею, забавляясь ея гримасами и легкими прыжками, погрузился въ тихое раздумье.

Минуты проходили за минутами. Вокругъ было также все тихо, только по прежнему, за затворенной дверью, едва слышно раздавался не то шорохъ, не то шопотъ.

Мысли молодого человека перелѣтали отъ одного пред- мета на другой. Но собственно говоря о чемъ-бы онъ ни думалъ—онъ думалъ только о себѣ самомъ. Однако вотъ онъ остановился очевидно на очень для него важномъ, даже брови у него сдвинулись, даже глаза блеснули какъ-то особенно.

Онъ опять схватилъ за шиворотъ обезьянку и от- швырнулъ ее.

„Геній, геній! государственный умъ, великіе люди! ду- малъ онъ. Вонъ Потемкина въ великіе люди записали— а чѣмъ-же я хуже его?!—Я былъ неопытенъ, я былъ почти ребенокъ, а все-же съумѣлъ съ нимъ справиться, осилилъ его. Великій человекъ! Онъ думалъ удивить весь міръ своимъ греческимъ проектомъ и что-же вышло изъ его мечтаній, изъ его проекта?!—ничего, все разлетѣлось какъ дымъ, потому-что все это былъ вздоръ. Нѣтъ, я докажу имъ что я поумнѣе и подальновиднѣе Потемкина. Миѣ надоѣло наконецъ все это, зачѣмъ миѣ имъ глаза ко- лять! Сколько разъ она миѣ повторяла: „второго Потем- кина не будетъ“. Я докажу ей, я докажу всему міру! Развѣ мои мысли неосуществимы?! Вѣдь вонъ даже этотъ дерзкій сумасбродъ, этотъ кривляка Суворовъ ни- чего не могъ миѣ возразить! Да, не пройдетъ и года и все будетъ сдѣлано. Братъ Валеріанъ займетъ всѣ важ- ные торговые пункты отъ Персіи до Тибета, оставитъ тамъ наши гарнизоны, установитъ такимъ образомъ пра-

мое сообщеніе Россіи съ Индіей. Потомъ направится съ русской арміей къ Анатолиі, возьметъ Анапу и сразу пе- ресѣчетъ всѣ сношенія съ Константинополемъ. Между тѣмъ Суворовъ въ то же время двинется къ Констан- тинополю черезъ Балканы и Адрианополь. Я же съ им- ператрицей, находясь лично на флотѣ, осадимъ Кон- стантинополь съ моря. На долю брата Валеріана выпадетъ большая слава, опять онъ будетъ считать себя ге- роємъ и опять получить знатныя награды. А вѣдь какой онъ герой! Съ дѣтства былъ трусишкой и ногу-то поте- рялъ единственно по глупости, а ужъ никакъ не по ге- роюству. А вѣдь думаетъ-то о себѣ сколько! Я увѣренъ что онъ себя умнѣе меня почитаетъ—избаловали, осы- пали милостями, надавали всякихъ отличій и даже меня не спрашивались. Не стоитъ онъ совсѣмъ этого, ну да ужъ Богъ съ нимъ, все равно нужно будетъ сунуть его въ это дѣло, все лучше ему, чѣмъ кому-нибудь другому. Чего- бы онъ теперь ни надѣлалъ и какъ-бы его ни хвалили—все равно, ужъ онъ не можетъ быть для меня опасенъ. Суворовъ! но безъ Суворова ужъ никакъ обойтись невоз- можно. Да онъ теперь одумался, слушается, молчитъ, понялъ наконецъ глупый старикъ что не со мною ему тягаться. Что-же они миѣ возразить могутъ, вѣдь все это такъ исполнимо и все это непременно будетъ. Конечно дорого обойдется—пускай высчитываютъ. Да хоть-бы сот- ни миліоновъ, миѣ какое дѣло. Денегъ, говорятъ, мало, откуда взять? Нашли чѣмъ пугать. Я имъ прямо сказалъ вѣдь, что есть предпріятія, для которыхъ не можетъ быть недостачи въ деньгахъ, нужно добыть и—добудутъ. На- логи отягощеніе народа!—да миѣ-то какое дѣло?! Разъ что такая гениальная мысль пришла въ голову—необхо- димо тотчасъ-же осуществить ее, необходимо воспользо- ваться ею во что-бы то ни стало. Эта идея, которая ко- нечно будетъ исполнена, на вѣки меня прославитъ, обез- смертитъ. Какую оду въ честь мою напишетъ этотъ под- линала Державинъ!... какъ это онъ теперь сказалъ про меня:

Кто сей любитель согласья?
Скрытый виждитель-ли счастья?
Скромный смиритель-ли злыхъ?
Дней гражданнъ золотыхъ,
Истий любимецъ Астрей!

Какъ-же теперь-то онъ назоветъ меня? Въ божеское возведетъ достоинство, нарѣчетъ громовержцемъ Зевесомъ. Вся Европа ахнетъ, вся какъ есть! всѣ свои скверные языки прикусятъ, пусть лопаются съ досады и зависти, пусть всѣ видятъ, что меня поднялъ не случай, а мои таланты и... ужъ она не рѣшится говорить миѣ, что вто- рого Потемкина не будетъ“!..

И вдругъ онъ вспомнилъ что-то такое, что вдругъ заставило его вскочить съ кровати и даже нервно прой- тись по комнатѣ. Онъ усмѣхнулся злой и самодовольной улыбкой и прошепталъ:

— Я докажу ему, что онъ червякъ передо мною и что миѣ стоитъ только такъ вотъ приподнять ногу, а потомъ опустить—и отъ него ничего не останется!..

Кто-же такъ могъ взволновать этого человека, нахо- дящагося на верху земныхъ почестей, и какъ онъ полага- лъ, на верху земной славы? О комъ могъ вспомнить этотъ государственный человекъ, только-что помышляв- шій о своемъ грандіозномъ и, гениальномъ, какъ онъ былъ твердо увѣренъ, проектѣ? Былъ-ли это политиче- скій врагъ, какая-нибудь владѣтельная особа, какой- нибудь знаменитый министръ иностранной державы, съ которымъ ему приходилось бороться?

Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь Платонъ Зубовъ вдругъ вспо- мнилъ, что онъ приказалъ въ это утро явиться къ себѣ только-что прибывшему изъ Лондона дипломату Сергѣю Горбатову, который вѣроятно и дожидается его тамъ, въ приемной.

(До слѣд. №).

С.-Петербургская пожарная команда на пути къ мѣсту пожара. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ. Библиотека "Руниверс"

Во время бури.

Романъ

М. Юкая.

(Продолженіе).

XXI.

Развязка.

Францъ пристальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Пальму; ему хотѣлось знать, не падаетъ ли и на нее часть вины за то, что происходитъ теперь? А что если и внутренно она переѣбилась также, какъ переѣбилась наружно?

Пальма замѣтила его перѣбительность.

— Не давайте отвѣта теперь, сказала она ему, наклоняясь надъ шитьемъ—обдумайте хорошенько, останетесь сегодня у насъ. Завтра я выслушаю рѣшеніе ваше — въ присутствіи моего отца. Иллаванъ поднялся, за нимъ встала и молодая дѣвушка. Она проводила его до дверей.

— Не спѣшите, заиритесь въ вашей комнатѣ. У васъ есть хорошій другъ, который никогда не отказывается вамъ въ совѣтахъ, спросите его, переговорите съ нимъ.

Едва графиня произнесла эти слова, какъ лицо Иллаванъ приняло такое страшное выраженіе, что она отшатнулась. Его щеки запылали, въ глазахъ сверкнулъ огонь еле сдержаннаго бѣшенства.

Пальма проговорила, что знаетъ секретъ „волшебнаго“, зеркала.

Зачѣмъ проговорила она? Вѣдь, въ письмѣ ей именно совѣтовали не подавать ему даже вида, что ей извѣстна эта странность ея жениха?

Многіе имѣютъ глупую привычку, оставаясь наединѣ, говорить сами съ собой вслухъ. Свойственно это и умнымъ, и безумнымъ, но тотъ, кто замѣтилъ это и скажетъ имъ—возбудить противъ себя гнѣвъ одинаково и умнаго, и безумнаго.

Иллаванъ, вопреки своей обычной вѣжливости, быстро вышелъ, не взглянувъ на молодую дѣвушку.

Теперь имъ овладѣло вполне чувство свирѣпаго гнѣва, въ немъ забушевалъ какой-то хаосъ. Капля крови предка—воеводы Стибора—зажгла его кровь.

О чемъ это надо ему думать? О чемъ совѣтоваться съ самимъ собой? Да развѣ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе въ его отвѣтѣ? „Иди, отдавай себя этому идиоту, я тоже идиотъ! Тотъ, по крайней мѣрѣ, идиотъ робкій, а я звѣроподобный. Игра окончена—пока они видѣли себя въ положеніи людей, падающихъ въ бездну, а его—пдушимъ въ гору—они хватились за него. Теперь же, когда онъ пале, а ихъ звѣзда взшла высоко, они желаютъ забыть отъ него. И къ чему эта басня о 10-ти-лѣтнемъ заключеніи въ крѣпость? Вѣрнѣе она сама этому?

Развѣ она не знаетъ, что сама написала эту басню въ запискѣ, въ которой было сказано: „Освободите насъ отъ нашихъ друзей!“ Развѣ тѣ самые „друзья“ не обокрали ихъ. Можетъ ли быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что народъ прогналъ шайку воровъ а не отрядъ императорскихъ войскъ? Аудиторы вѣдь тоже люди; имъ можно выяснитъ все въ трехъ словахъ и тогда не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ 10-ти-лѣтнемъ заключеніи въ крѣпость. Назначеніе же свое комиссаромъ онъ никогда и въ глаза не видалъ и все время пробылъ за границей. Что же касается того, что онъ дѣлалъ тамъ, то все это можетъ быть удостовѣрено судами, посольствами, отѣтками на его паспортѣ. О тождествѣ его съ паспортомъ, опять таки, прекрасно извѣстно семейству Теметвени, такъ какъ они писали ему на это имя. Поэтому Пальма не имѣетъ никакихъ оснований бояться, что его предадутъ военному суду. Его, просто на просто, тотчасъ-же освободятъ.

Если она, дѣйствительно, его любитъ, то нѣтъ никакого основанія ей приносить себя въ жертву изъ-за этой причины.

Но любить-ли она его?

И вновь начало его терзать сомнѣніе. Какъ могъ ты думать, что она любитъ тебя? Надо тебѣ зеркало, которое обявлено бы тебѣ? О — да! Волшебное зеркало. Твой подслушанный, осмѣянный секретъ. Открыли и то, что ты сумасшедшій. Кровь кипѣла въ немъ и будто лавой переливалась въ жилахъ его. Не быть любимымъ — судьба обычная, но — быть осмѣяннымъ изъ-за любви своей! И чтобы это случилось два раза подъ рядъ въ его жизни! Дать одурачить себя опять! И снова выстрадать всю эту муку!

Окна комнаты Иллаванъ выходили въ паркъ. Оттуда внезапно донесся звукъ веселаго смѣха.

Этотъ прелестный, серебристый смѣхъ, смѣхъ Пальмы — онъ хорошо былъ знакомъ ему. Раздавался этотъ смѣхъ рѣдко, но всегда при немъ — она сама сказала ему: когда васъ нѣтъ со мной, никто не слышитъ моего смѣха.

Да, вотъ, и теперь, онъ тутъ, близко. Вѣролтно смѣются надъ нимъ, надъ этимъ смѣшнымъ чудакомъ, который бесѣдуетъ съ своимъ зеркаломъ, какъ только остается наединѣ. Онъ такъ боялся теперь, чтобы его опять не подслушивали или не подсматривали за нимъ, что поспѣшилъ къ двери убѣдиться, есть ли тамъ кто-нибудь.

А серебристый смѣхъ снова прозвенѣлъ въ воздухѣ, и на этотъ разъ, подъ самымъ его окномъ; какъ будто тутъ и оставились.

Чу — опять этотъ смѣхъ... Онъ не выдержалъ и, въ одну секунду, былъ уже у окна.

Пальма, стоя очень близко отъ окна, закуривала пахитосу о пахитосу своей компаньонки; ей это не удавалось и она заливалась веселымъ смѣхомъ.

Зачѣмъ дѣлала она это? Ей было извѣстно, что Францъ не могъ видѣть женщинъ, которыя курятъ!

Думы, бурныя, мучительныя, кипѣли, смѣняясь одна другою. Онъ ихъ потомъ не могъ вспомнить, но его хохотъ громко раздавался въ комнатѣ.

Это привело его снова въ себя.

Демонъ гнѣва и злобы снова пробудился въ немъ и снова бросилась ему въ лицо пылая кровь Стибора.

— Такъ пусть-же свершится надъ нею приговоръ судьбы. Тебѣ остается тоже только молчать. Теперь — ты уже „пичто“: пересталъ быть женихомъ здѣсь и судьбою въ комитатѣ. Какое тебѣ дѣло, что ночью на чей-то замокъ будетъ произведено нападеніе?

Ты уйдешь отсюда. И тогда—пусть ищетъ Опатовскій свою исчезнувшую невесту, а уѣздный комиссаръ убійцу графа Теметвени, его украденныя драгоценности, его миллионъ. Ты больше имъ не слуга. Они сами несли судьбу свою, сойдя съ ихъ дороги, не мѣшай. Тогда я успокоюсь.

Лицо, отражавшееся въ зеркалѣ, отвѣчало:

— Но будешь ли ты доволенъ собою послѣ всего, что произошло? будешь ли ты доволенъ собой при мысли, что могъ помѣшать страшному несчастію, но не отвратилъ его? Конечно, никто не можетъ обвинять тебя, никто—кромѣ вопъ того, тамъ, въ зеркалѣ! Теперь—они твои должники; если же ты уступилъ своему гнѣву, то сдѣлаешься ихъ вѣчнымъ должникомъ и долгъ твой былъ бы изъ неоплатныхъ. Можешь ли ты перенести, чтобы шайка Шиборака восторжествовала? Укрыватель Рокмоцерь и тотъ не захочетъ промѣнять совѣсти своей на твою ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Допустить ли ты, чтобы негоднй владѣлъ „этой“ дѣвушкой? и все это за то, что она не можетъ быть твоею? Забылъ ты ея первый поцѣлуй?

— Я останусь и спасу ее.

О глужее воспоминаніе поцѣлуя!.

Прежде, чѣмъ Иллаванъ снялъ свое американскую бороду — его добрый старый другъ, волшебное зеркало, выгнало изъ его сердца то неотразимо-прелестное видѣніе, которое царило тамъ, выгнало его совѣсть и навсегда и сталъ онъ презимъ энергическимъ, разумнымъ Иллаванъ, какимъ былъ прежде.

XXII.

Одинъ.

Прошло шесть часовъ и камердинеръ пришелъ доложить Францу, что его просятъ внизъ, обѣдать. Но гость отказался.

— Передайте графу, что прошу извинить меня, сказалъ Иллаванъ, я чувствую себя несовсѣмъ здоровымъ и желаю какъ можно скорѣе лечь въ постель. Пришлите мнѣ стаканъ рому.

Нѣсколько минутъ спустя вошелъ Кузентъ.

— Графиня Пальма поручила мнѣ навѣститъ васъ и передать этотъ пузырьекъ. Она очень жалѣетъ, что не увидитъ васъ за обѣдомъ. По ея приказанію будетъ сейчасъ послано въ городъ за докторомъ, а пока графиня проситъ васъ непремѣнно воспользоваться этими каплями. Онѣ приготовляются въ Пекинѣ и дѣйствіе ихъ удивительно.

Францъ, выслушивая „секретари“ графа, опровергалъ, про себя, каждое его слово. „Пальма не поручала тебѣ приходить сюда и никого не посылала въ городъ. Ей очень хорошо извѣстна причина нездоровья гостя. Капли эти приготовляются не въ Пекинѣ, а въ Берлинѣ. Онѣ составлены изъ спирта, глицерина, кокосоваго сока и, можетъ быть, чего-нибудь еще похуже“.

— Благодарю васъ и очень тронуть вниманіемъ графини. Прошу ее не беспокоиться обо мнѣ. Серьезнаго ничего нѣтъ, къ завтраму все пройдетъ.

— Средство это очень сильно, сказалъ Кузентъ, оно вамъ поможетъ.

Какъ ни умѣлъ владѣть собой Кузентъ, но, при этихъ словахъ, углы его рта незамѣтно дрогнули. Опытный глазъ Иллаванъ, уловилъ это нервное движеніе.

Кузентъ поставилъ пузырьекъ на столъ.

— Пузырекъ еще не открытъ. Прикажете откупорить его?

— Благодарю.

— Сначала надо снять каучуковую оболочку, а затѣмъ отвинтить головку; она служитъ, вмѣстѣ, и стаканчикомъ.

— Спасибо, спасибо, я знаю самъ, у меня ужъ такіе пузырьки бывали въ рукахъ.

Всегда относясь къ слугамъ дружелюбно, Иллаваи и теперь обращался съ Кузеномъ какъ съ ливрейнымъ лакеемъ. Но г. „секретарь“, мелькомъ покосившись на звѣздочку своего воротника, пожелалъ напомнить гостю ту разницу, которая теперь была между нимъ и прислугой замка.

— Не желаете-ли, чтобы я прислалъ вамъ слугу?

— Спасибо. Я хочу залереться и лечь, а ужъ разъ засну— меня не разбудить никакой шумъ.

— Графъ будетъ чрезвычайно жалѣть. Къ сегодняшнему дню онъ пригласилъ много гостей, но всѣ, подъ разными предлогами, отказались. Съ тѣхъ поръ, какъ его сіятельство получило свое вышшнее высокое назначеніе, никто изъ этихъ господъ не посѣщаетъ его.

Но Иллаваи не имѣлъ намѣренія заводить разговора на эту тему.

— Спокойной ночи. Кузень.

Заперевъ дверь тотчасъ послѣ выхода незваного гостя, Иллаваи открылъ люзирекъ, налилъ нѣсколько капель на клочекъ бумаги и положилъ ее на окно. Рой мухъ, слетѣвшійся полакомиться, чрезъ нѣсколько секундъ лежалъ тутъ-же мертвый. Францъ принялся за мѣры предосторожности: зарядилъ револьверъ, затѣмъ снялъ сапоги, чтобы сдѣлать неслышными свои шаги: вѣдь легко можетъ быть что кто-нибудь и подслушиваетъ у двери, или вѣнзу, въ комнатѣ, расположенной подъ нимъ. Въ замѣкъ понемногу начала водворяться тишина. Снизу, изъ деревни доносился протяжный звонъ вечерняго колокола. Въ корридорахъ и на подъѣздахъ замка засвѣтились фонари. Иллаваи вдругъ увидѣлъ на потемнѣвшемъ полу своей комнаты свѣтлѣеящее изображеніе звѣзды. Это повело его къ весьма важному открытію: въ верхней части двери передней была приделана маленькая сквозная, изъ мѣдной проволоки, дощечка въ формѣ звѣздочки, чрезъ которую можно было хорошо разглядѣть того, кто находился на другую сторону двери, оставаясь невидимымъ для него.

Пользуясь этимъ приспособленіемъ, Иллаваи могъ видѣть весь корридоръ вилоть до противоположной двери, которая вела въ угловую комнату. Корридоръ освѣщался большой висячей лампой. Вскорѣ послѣ того, какъ затихъ издавдалека долетавшій сюда шумъ обѣденнаго стола, Францъ услышалъ, что къ его двери приближаются тихіе шаги. Кто-то осторожно постукался.

Онъ подошелъ къ скважинѣ и, приложилъ глазъ. У двери стоялъ, съ подвѣшникомъ въ рукахъ, Кузень, съ нимъ—Пальма. Что ей надо здѣсь? Кузень два раза постукался, но безуспѣшно. Иллаваи не отворилъ. Обратившись къ графинѣ секретарь сдѣлалъ жестъ, ясно говорившій: „онъ ужъ спитъ!“

Молодая дѣвушка, съ рѣзко-досадливымъ движеніемъ, повернулась и пошла назадъ.

— Что хотѣла она еще сказать мнѣ? думалъ Францъ.

Кузень направился, было, за молодой графиней, но она, взявъ у него подвѣшникъ, знакомъ приказала не провожать ее и продолжала путь, даже не взглянувъ на него. Онъ остался, устремивъ ей вслѣдъ долгіи взглядъ. Страшенъ былъ взглядъ этотъ!..

Иллаваи возвратился въ спальню. Огня этой комнаты выходилъ въ паркъ и нѣсколько наискось противъ половины, которую занимала Пальма. Ночь уже наступила, теплая осенняя ночь. На средину темносиняго неба вышшла полная луна, обливая все своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

Въ этомъ году стояла прекрасная осень. Каптановыя деревья парка цвѣли во второй разъ; въ вечернемъ полусвѣтѣ онѣ принимали видъ громадныхъ канделябръ, съ несмѣтнымъ числомъ бѣлыхъ свѣчъ, кусты чайной розы были въ полномъ цвѣту; среди ковра розъ, красовались далѣи всевозможныхъ отбѣнковъ; неподалеку группа американскихъ лилій, съ гроздами своихъ нуріуровыхъ мажковъ, напоминала алтарь, въ его огненномъ уборѣ, вокругъ фіалокъ вились рои ночныхъ бабочекъ а въ тѣни кустовъ точно разсыпанные брилліанты, блестяли свѣтлѣеящіе весенніе жучки.

Воздухъ былъ напоенъ свѣжимъ, душистымъ ароматомъ цвѣтовъ. Кругомъ было тихо и безмолвіе нарушалось только журчаніемъ фонтана.

Эта ночь была изъ тѣхъ, въ которыя такъ хорошо сидѣть у открытаго окна и любоваться вилоть до бѣлаго утра. Вотъ, совершенно такъ какъ та дама, въ опушенной мѣхомъ мантиліи, спустившейся съ алебастроваго плеча. А въ одномъ изъ оконъ боковаго крыла замка, изъ-за приподнятаго жалюзи, кто-то жадно глядитъ на нее, будто не можетъ оторваться. Можетъ быть, дама узнаетъ, что на нее смотрятъ и ужъ что-нибудь да придумаетъ, чтобы избавиться отъ этого. Она закуриваетъ пахитосу. Красноватый огонекъ среди ея вѣжныхъ губокъ замерцалъ какъ соперникъ майскихъ жучковъ.

Иллаваи съ отвращеніемъ отошелъ отъ своего наблюдательнаго пункта. Да и пора стряхнуть съ себя это. Онъ здѣсь не для того, чтобы любоваться паркомъ и его нимфами. Ему предстоитъ новая борьба.

Отчего не сообщалъ онъ никому о готовившемся нападеніи? Боялся-ли онъ чьей-нибудь нескромности? или не довѣрялъ этимъ людямъ, съ которыми у него не было теперь ничего общаго? Нѣтъ—онъ хотѣлъ сдѣлать все одинъ и въ награду себѣ готовилъ только горькое сознаніе неблагодарности тѣхъ, кого спасалъ.

Одно изъ оконъ его комнаты выходило на четырех-угольный дворъ, посреди котораго возвышалась каменная статуя какого-то древняго короля Венгрии. Далѣе у воротъ стояла небольшая будка, близъ которой мѣрнымъ шагомъ ходилъ вездѣ и впередъ дежурный жандармъ. При лунномъ свѣтѣ ясно можно было видѣть, что шаги его съ каждой минутой становились менѣе и менѣе твердыми и увѣренными; отъ времени до времени онъ прислоняется къ стѣнѣ, потомъ, какъ-бы стряхивая съ себя непонятное опѣненіе, снова принимается шагать; чрезъ минуту онъ замѣтлтъ, что тотъ снова прислонился на этотъ разъ къ будкѣ, каска падаетъ съ головы, голову клонитъ на грудь; глаза, почему-то, слипаются. Вотъ, пробито 10 часовъ, пора уже смѣнить его, но—никто не приходитъ. Всѣ, подобно ему, отвѣдали опіума, всѣ спятъ; жандармъ пробуетъ крикнуть, но звукъ голоса его замираетъ; падаетъ изъ его рукъ ружье, падаетъ каска, падаетъ и онъ самъ... Онъ глубоко засыпаетъ...

Что будетъ дальше?

Иллаваи вошелъ въ спальню и снова приподнял жалюзи.

Пальма еще у своего окна, но всегнему съ пахитосой во рту.

Вдругъ безмолвіе, царившее въ этотъ ночной часъ, нарушено: гдѣ-то слабо зазвенѣлъ колокольчикъ, который, обыкновенно, предшествуетъ въ католическихъ странахъ священнику, несущему св. дары къ умирающимъ.

При этомъ печальномъ звукѣ, молодая графиня сложила руки для молитвы, устремивъ свой взоръ въ небо.

— Да, да, молись! колокольчикъ этотъ звонилъ для тебя!..

Колокольчикъ звонилъ по плану разбойниковъ: первый разъ онъ давалъ сигналъ занять цистерну. Затѣмъ, второй—сообщалъ, что всѣ уже въ погребѣ и что руководитель можетъ вытѣстить ихъ въ замокъ.

Пальма закрыла окно и опустила жалюзи. Колокольчикъ все еще звонилъ. Прежде, чѣмъ онъ перестанетъ звонить, ты ужъ будешь, вѣроятно, тоже спать, подумалъ Францъ. — Но, каковъ будетъ сонъ, каково будетъ пробужденіе?.. Спи... я здѣсь... я тебя охраняю...

Иллаваи сосредоточилъ теперь свои наблюденія надъ дворомъ и надъ корридоромъ. Его планъ шелъ рука объ руку съ планомъ воровской банды. Первый звонокъ колокольчика служилъ сигналомъ и для его людей, собранныхъ частью недалеко отъ замка, частью на базарной площади, у ихъ телѣтъ: они должны были начать осторожно и незамѣтно свое наступленіе. По второму-же звонку—они бросаются къ цистернѣ, хватаютъ воровъ, поставленныхъ на стражѣ и запираютъ желѣзными дверями.

А если-бы шайка выбѣжала чрезъ открытыя двери погреба, то попалась-бы здѣсь въ плѣнъ во всемъ своемъ составѣ.

Было уже около полуночи, когда колокольчикъ снова зазвенѣлъ, но на этотъ разъ менѣе продолжительно.

Въ ту-же минуту, на другомъ концѣ корридора зашевелилась какая-то тѣнь, которая невиданому уже давно притаилась въ оконной нишѣ. То былъ Кузень.

На немъ былъ наброшенъ короткій плащъ, изъ подъ котораго слабо свѣтились маленькій потайной фонарикъ, часто употребляемый ворами. Тихо, неслышно приблизился онъ къ лампѣ, обыкновенно горѣвшей въ корридорѣ всю ночь и потушилъ ее.

Иллаваи нацупилъ свой револьверъ. Кузень открылъ окно въ корридорѣ и выглянулъ во дворъ, который освѣщался фонаремъ, прирѣзленнымъ къ своду воротъ. Онъ могъ хорошо видѣть, что часовой спалъ.

Окно онъ оставилъ открытымъ и подойдя на цыпочкахъ къ двери Франца, попробовалъ отворить ее. Но дверь была заперта. Онъ постукался.

— Monsieur!

Сквозъ звѣздочку Францъ ясно разсмотрѣлъ, что въ правой рукѣ негодилъ держалъ широкій ножъ, къ длинной ручкѣ котораго были приделаны два небольшихъ пистолета.

— Monsieur, повторилъ Кузень, вставайте— случилось несчастье!

Никакого отвѣта. Онъ приложилъ къ звѣздообразной скважинѣ сначала ухо, а потомъ глазъ.

Я бы теперь отлично могъ уложить тебя, подумалъ Иллаваи. Но, это было-бы для тебя лучше, чѣмъ для меня. Иди-ка ты въ погребъ. Ты долженъ быть запертъ вмѣстѣ съ твоими товарищами, чтобы потомъ не могъ отказываться отъ дѣла своихъ рукъ.

Успокоившись насчетъ гостя, котораго считалъ теперь спящимъ подъ вліяніемъ капель, Кузень спряталъ оружіе подъ плащъ и удалился, освѣщая себѣ путь фонаремъ.

XXXIII.

Опасность.

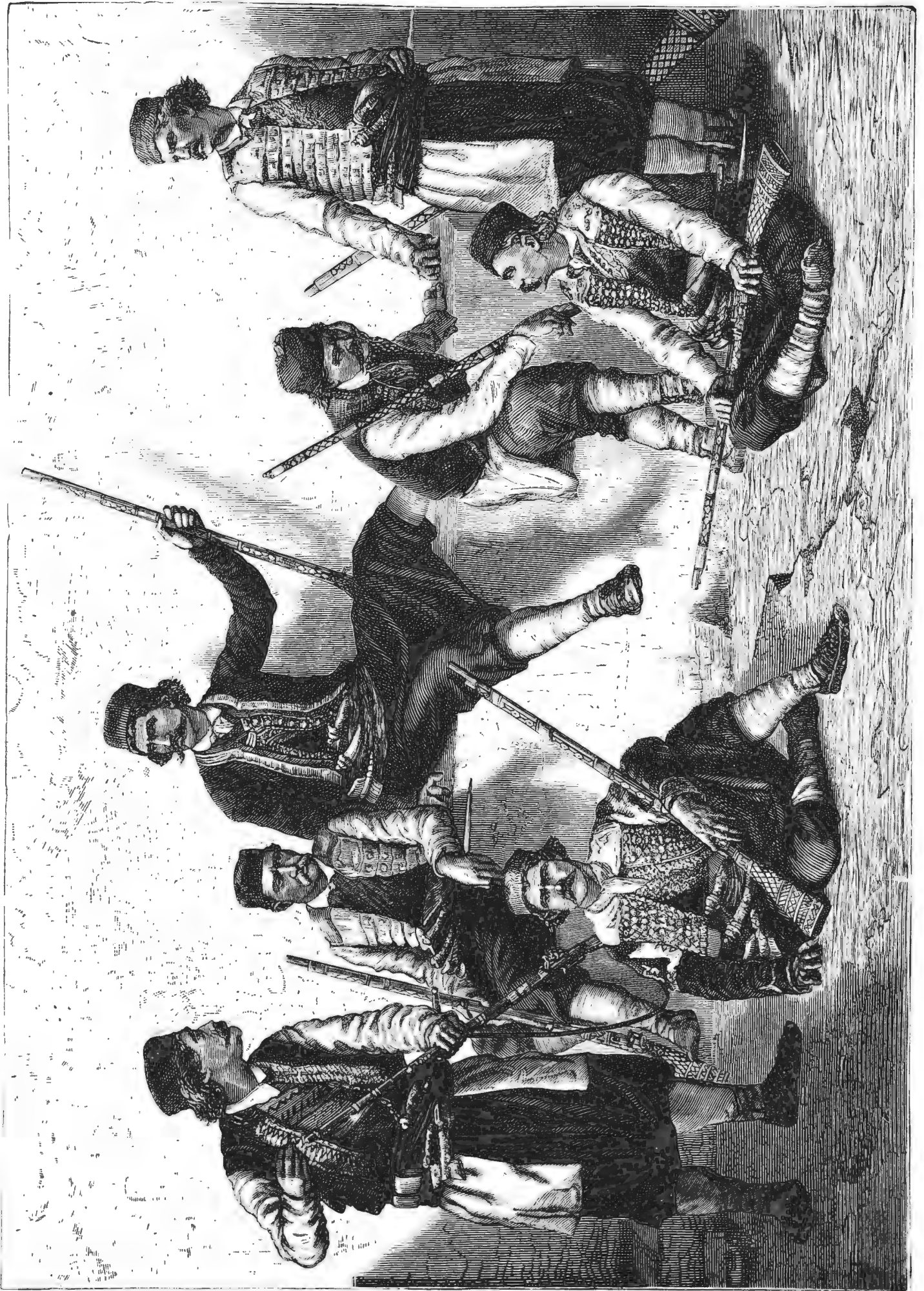
Иллаваи немедленно послѣдовалъ за нимъ. Въ замокъ вели три лѣстницы: парадная, людская и еще одна—круглая, соединявшая верхніе этажи съ нижнимъ. Всѣ эти лѣстницы запирались рѣшетчатыми желѣзными дверьми, ключи отъ которыхъ всегда хранились у Кузена, запиравшаго подъѣзды совершенно ручно на ночь. Теперь онъ спустился по витой лѣстницѣ. Это было очень удобно для Франца, такъ какъ онъ могъ идти за разбойникомъ, не будучи замѣченъ имъ. У рѣшетчатой двери Кузень закрылъ фонарь: ночь была очень свѣтлая.

Иллаваи осторожно скользнулъ тоже чрезъ дверь во дворъ и спрятался за статуей короля.

Юный Петръ I у корабельнаго мастера. Съ картиш П. Мисобдова, грав. Флягсль.

Типы славянских народовъ. Кривошане. Съ фотогр. грав. М. Рацевскій.

Вршній слуга графа Теметвени подошелъ къ спавшему жандарму и всыпалъ полную горсть песка въ лежавшее около него ружье. Погасивъ и тутъ фонарь, онъ направился къ дверямъ погреба, образуящимъ уголь съ воротами. Своды этихъ дверей были громадны, съвозъ ихъ могъ проѣхать большой возъ прямо въ переднюю половину погреба, гдѣ помѣщались виноградные прессы и откуда желѣзная дверь вела внизъ въ большой погребъ и къ резервуару. Передняя половина погреба была снабжена массивными двустворчатыми дубовыми дверями, которые были устроены такъ, что захлопывались сами собою.

Разбойникъ, поставивъ фонарикъ на землю, сталъ искать въ связкѣ ключей тотъ, который ему былъ нуженъ. Илаван тихо подкрался къ нему сзади.

Кузенъ отперъ дверь и, придерживая коѣнкомъ одну створу, искалъ теперь въ своей связкѣ ключъ къ входу, соединявшему малый погребъ съ большимъ.

Вотъ, онъ держитъ уже этотъ ключъ. Но въ то же мгновение рука его очутилась какъ будто въ желѣзныхъ тискахъ и какой-то голосъ съ силою шепнулъ ему въ ухо: „Рибо!“

Бѣглый каторжникъ былъ и самъ довокъ и сидень. Разсужденія и перетоворы были излишни. Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно. Свободной рукой онъ успѣлъ отбросить ключъ и фонарикъ и въ наступившемъ замѣмъ мракѣ рванулся вмѣстѣ съ своимъ противникомъ впередъ, оба стремглавъ полетѣли въ темную часть погреба. Тяжелая створа, съ грохотомъ, захлопнулась за ними и на дворѣ воцарилось прежнее безмолвіе...

Въ этотъ самый день Фердинандъ Теметвени чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ. Магнатъ былъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ въ этомъ лучшемъ изъ міровъ и въ особенности самимъ собою.

Серьезно убѣжденный въ томъ, что игралъ дѣятельную и выдающуюся роль въ совершившихся событіяхъ, онъ теперь считалъ себя замѣчательно тонкимъ дипломатомъ. Человѣкъ этотъ обладалъ завидною способностью увѣрить себя, что весь міръ ставитъ его такъ же высоко, какъ онъ самъ.

И, дѣйствительно, лично для себя онъ выигралъ все, чего жаждалъ въ самыхъ свѣтлыхъ мечтахъ своихъ. Изъ урбаріальнаго фонда онъ получилъ впередъ значительную сумму, давнюю ему возможность избавиться отъ наиболѣе обременительныхъ долговъ и, въ то же время, возстановить прежній блескъ имени Теметвени. По его предложенію молодой Опатовскій былъ освобожденъ отъ опеки и возведенъ въ баронское достоинство, причѣмъ „благодарный“ юноша сдѣлалъ немедленно предложеніе графинѣ Пальмѣ.

А Пальма? Она сначала твердо стояла „на своемъ“ и возвратилась Илавану еще изъ Англій тотчасъ послѣ того какъ напелъ первую часть украденныхъ брилліантовъ, на его сторонѣ было много данныхъ. Но послѣ продолжительнаго ожиданія, узнавъ что онъ отправился далѣе въ Америку за ея остальными драгоценностями, она искренно рассердилась. „Глупый!“ вырвалось у нея. Какъ это такъ на долго оставлять свою невѣсту.

Время и разстояніе сдѣлали свое. Дѣвушка „отвыкла“ отъ Франца и начала излечиваться отъ своего „безумія“. Помогло, можетъ быть, тутъ и еще чтонибудь другое. Случается дѣвушкамъ ея положенія посантиментальничать среди руинъ, помечтать о тихомъ, уединенномъ домикѣ, „шалашѣ и милый другъ“, по счастливый случай вдругъ приносить богатство, въ душѣ пробуждаются тогда нныя стремленія и страсти, а мечты разсѣялись какъ дымъ.

Встрѣча, какъ мы видѣли, сошла довольно гладко. Графъ Теметвени надѣялся на то, что „этотъ грубый человѣкъ вспылитъ и—навредитъ себѣ“. Но вѣтъ, сдержался. Значитъ—человѣкъ онъ разсудительный и хорошо понималъ, что возможное повода тому наваздъ сдѣлалось невозможнымъ теперь. Даже если бы у него на пальцѣ уже было обручальное кольцо—онъ былъ бы обязанъ возвратитъ его.

Что же касается Пальмы, то она получаетъ такого мужа, какому ей именно надо: пустую, безхарактерную куклу, которою умная жена съумѣетъ распорядиться по желанію. Женщины умѣютъ скрасить свою жизнь. Разумная женщина никогда не станетъ въ жалкое положеніе и всегда совладаетъ съ своимъ сердцемъ. И какъ хороши будутъ эти два портрета въ фамильной галлерей!

Графъ остановился передъ портретомъ дочери, вперивъ въ него долгій взглядъ.

Вдругъ изъ деревни донесся звонъ колокольчика. Теметвени невольно вздрогнулъ. Колокольчикъ продолжалъ звенѣть—долго, продолжительнымъ звономъ. Долго ли еще? Не перестаетъ!..

Наконецъ звонъ прекратился, но графъ все еще слышалъ его...

Теметвени былъ сильно взволнованъ. Ложась спать, обыкновенно, довольно поздно, онъ передъ сномъ, или когда нервы его находились не въ порядкѣ, развлекалъ себя какимънибудь затѣйливымъ пасьянсомъ. Но на этотъ разъ не помогалъ и пасьясъ.

Ему почудились наверху, въ комнатѣ надъ его кабинетомъ, чьи-то шаги, но вѣдь тамъ—археологическій музей! Что же это такое?

Внизу, въ деревнѣ, во всѣхъ домахъ страшно лаяли собаки.

Онъ отворилъ окно; на дворѣ стояла свѣтлая звѣздная ночь. Въ комнатѣ было холодно, каминъ погасъ. Странно—во весь вечеръ сюда ни зашелъ никто изъ прислуги! Графъ позволилъ, чтобы приказать раздѣть его и растопить каминъ.

Никто не пришелъ.

Онъ снова дернулъ за звонокъ и рванулъ такъ сильно, что шнуръ остался у него въ рукѣ. По прежнему никого.

Теметвени нетерпѣливо всталъ и пошелъ въ лакейскую. Здѣсь всѣ свѣчи уже догорѣли и неприятно мигали послѣдними вспышками пламени. На диванѣ лежалъ, со свѣсившейся головой, одинъ изъ камердинеровъ.

Графъ дотронулся до спящаго, но тотъ ничего не чувствовалъ. Онъ схватилъ его за плечи и началъ отчаянно трясти, кричаъ ему надъ самымъ ухомъ. Лакей продолжалъ спать.

Къ этой комнатѣ примыкали спальни людей. Тамъ вѣроятно былъ егеръ, постоянно сопровождавшій графа въ путешествіяхъ. Теметвени вошелъ въ его спальню, но тутъ едва не усталъ, наткнувшись на своего егеря, который спалъ на полу въ очень неудобной позѣ: ноги его остались на стулѣ, а остальная часть туловища лежала на полу. Ротъ и глаза его были открыты.

Графомъ началъ овладѣвать неясная, исповитный страхъ. Вѣрно произошло какое-нибудь несчастье. Онъ постыдился въ свою комнату и отворилъ потайной шкапъ, механизмъ котораго, если помнать читателю, приводилъ въ движеніе звонокъ въ дежурной лакейской, внизу. Тамъ помѣщались теперь шесть жандармовъ. Остальные шесть, подъ начальствомъ вахмистра, держали виѣшній караулъ.

Но и на этотъ звонокъ не отозвался никто.

А на дворѣ раздавался другой звонъ—опять колокольчикъ!..

То былъ второй сигналъ, быстрый, короткий.

Магнату показалось, что съ нимъ происходитъ галлюцинація. Что значить этотъ второй звонъ? Онъ прислушался.

Лаи деревенскихъ собакъ услышались. Въ замѣкѣ большіе часы заиграли свое обычную мрачную мелодію изъ „Черной Дамы“. Полночь уже миновала. Слова наступила тишина, безмолвная, глухая, которую нарушалъ только монотонный тикъ—такъ часового маятника. Вдругъ среди этого подавляющаго безмолвія раздался какой-то грохотъ, точно выстрѣлъ... То затворилась тяжелая дубовая дверь погреба, куда скатились Кузенъ и Илавану...

Графъ выбѣжалъ въ сѣни, гдѣ обыкновенно во всю ночь горѣла большая висячая лампа. Теперь тутъ царилъ непроницаемый мракъ. Кто-же загасилъ лампу?

Не слуги же,—они всѣ спятъ. Струя свѣжаго воздуха потянула въ открытое окно. Теметвени подошелъ къ нему. И на дворѣ тоже фонарь потушенъ!

— Жандармы! крикнулъ онъ.

Отвѣтомъ ему былъ громкій храпъ.

Ему сдѣлалось совсѣмъ страшно. Что тутъ такое происходитъ? Кто-нибудь да не спитъ же въ замѣкѣ. Народу довольно: 13 жандармовъ, 4 кучера, 6 рейткнехтовъ, 2 доѣзжачихъ, поваръ съ своими помощниками, садовники, портные, женская прислуга. Куда дѣвались они всѣ?

А Кузенъ, а гости?

Одну минуту графу пришло на мысль, что Илаван, со злобы отравилъ весь домъ. Его разстроеное воображеніе сразу повѣрило этому болѣзненному движенію растерявшейся мысли.

Да, такіе люди на все способны!

Если только не влюбятъ кого, такъ нѣтъ зла, котораго не сдѣлаютъ ему. Поэтому-то онъ и къ обѣду не пришелъ!

Комнаты Кузена находились по близости. Графъ возвратился къ себѣ и, взявъ съ собой свѣчу, пошелъ къ своему преданному слугѣ.

Дверь стояла отворенною.

Въ передней, къ удивленію, онъ увидать сакъ-вожжъ, совершенно приготовленный къ дорогѣ. Развѣ Кузенъ собирался уѣхать?

Въ гостиной было нѣчто еще болѣе краснорѣчивое. На письменномъ столѣ лежала какой-то бумага. Онъ подошелъ ближе—бумага оказалась паспортомъ.

Выдача паспортовъ производилась графомъ, какъ комиссаромъ комитета, печать и подписанные изъ бланкеты онъ отдавалъ на сохраненіе своему секретарю.

Первое, что поразило Теметвени въ паспортѣ—это, что онъ былъ выданъ на имя совершенно не извѣстнаго ему лица. Примѣты, однако, принадлежали Кузену: орлиный носъ, черные волосы, рубецъ съ правой стороны рта, въ разговорѣ звукъ „с“ произносится какъ „ш“; тутъ же и примѣты его жены. Кто же это можетъ быть? Вѣлокурные волосы, черныя брови, на самой серединѣ благаго лба родинка въ формѣ чечевичнаго зерна...

Что это, сонъ?! Вѣдь это пятнышко—родовой, фамильный знакъ женщинъ рода Теметвени!

Графъ съ лихорадочною поспѣшностью продолжалъ свои поиски. Выдвинувъ изъ стола ящикъ, онъ нашелъ въ немъ нѣсколько пуврыковъ съ опіумомъ. Но его еще больше перепугала лежавшая тутъ же пачка пахитосъ.

Сегодня въ Пальмы явился новый капризъ—курить пахитосы. Отецъ поручилъ Кузену передать ихъ дочери. Если она попробовала ихъ, значитъ теперь тоже спать, какъ всѣ.

Какъ безумный бросился онъ къ себѣ. Надъ его постелью

висѣлъ цѣлый арсеналъ шпигъ, сабель и пистолетовъ. Онъ спялъ оружіе со стѣны и положилъ предъ собой на столъ. На пистолетахъ капсулы оказались цѣлы.

Теперь было ясно, что въ замкѣ всё усилены. Какъ молнія блеснула у него въ головѣ мысль, что ему не дали сонныхъ капсулъ, для того, чтобы онъ указалъ, гдѣ спрятанъ миллионъ. Въ замкѣ, конечно, уже никого не разбудишь. Илаванъ вѣрно, также спитъ, какъ и другіе. Теметвени, однимъ толчкомъ, раскрывъ окно. Онъ хотѣлъ поднять тревогу въ деревнѣ. Когда народъ услышитъ, что въ замкѣ стрѣляютъ, то прибѣжитъ сюда. Это, добрый и преданный народъ.

Графъ высунулъ руку, вооруженную пистолетомъ и потянулъ вводу.

По его тѣлу пробѣжалъ трепетъ ужаса—пистолетъ не встрѣлилъ, и не этотъ одинъ, а всѣ, всѣ до одного. Снявъ пистоны, онъ увидѣлъ, что капсулы забиты надухо.

Въ пѣломъ, паническомъ ужасѣ стоялъ онъ передъ открытымъ окномъ, не смѣя шелохнуться. Еслибъ теперь кто-нибудь внезапно отворилъ дверь, онъ былъ бы способенъ броситься прямо, съ этой высоты, на дворъ.

Въ деревнѣ все стихло, и собаки уже перестали лаять.

Зато, снизу, понемногу, сталъ доходить сюда какой-то глухой шумъ. Вотъ онъ усиливается и становится яснѣе. Будто какіе-то подземные бойцы вступили въ отчаянную борьбу между собою. Вотъ, изъ за рѣшетчатыхъ люковъ погреба слышны уже теперь крики, ругательства, проклятія, и все громче, и все ужаснѣе.

Что происходитъ тамъ, подъ его ногами? Кто это такое?—Откуда они пришли? Вѣрно они явились за драгоцѣпностями? Тѣ же самые, которыхъ прогналъ Илаванъ!

И съ ними—этотъ негодий, этотъ проклятый, который не желаетъ удовольствоваться однимъ золотомъ и брилліантами, а хочетъ овладѣть и ею, Пальмой!

При этой мысли графомъ Теметвени овладѣло дикое отчаяніе. Онъ самъ теперь готовъ на все, готовъ на смерть, готовъ убивать!

Магнать вспомнилъ, что въ молодости славился своимъ искусствомъ въ фехтованіи. Онъ взялъ шпагу. Пусть идутъ сюда эти дьяволы, онъ будетъ защищать свою дочь, станетъ передъ ея дверью и даромъ не отдастъ. А если увидитъ, что не спасти ему ея, то лучше самъ убьетъ ее, чѣмъ видѣть опозоренною лакеемъ. И графъ послѣднимъ направился къ половинѣ молодой дѣвушки.

Тамъ, внизу, шумъ все увеличивался.

Съ высокоимъ канделябромъ пылающихъ свѣчъ въ одной рукѣ, съ обнаженной шпагой въ другой, шелъ онъ быстро по темному корридолу. Вокругъ него повсюду стоялъ непроницаемый мракъ. Повернувъ въ боковой корридолъ, онъ вдругъ увидѣлъ, что по

витой лѣстницѣ подымалась какая-то мужская фигура. Въ темнотѣ трудно было рассмотреть лицо.

— Кто тамъ? спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Илаванъ! слышалось въ отвѣтъ. И его могучая фигура предстала предъ графомъ.

— Что тутъ дѣлается въ домѣ?

— Сюда забралась разбойничья шайка.

— Гдѣ же разбойники?

— Заперты крѣпко на крѣпко въ погребѣ. Оттуда не вы-
браться имъ.

— Вы не видали Кузена?

— Только что.

— А онъ гдѣ?

— Тамъ, въ погребѣ, у двери.

— Что вы сдѣлали съ нимъ?

— Отобралъ у него оружіе и связалъ его.

Францъ показалъ графу страшный ножъ, приготовленный для него.

— Защищайся упорно и, надо сказать правду, предосторож-
ный каторжникъ.

— Какъ каторжникъ?

— Да, онъ бѣглый каторжникъ, по ногъ сдѣлаться зятемъ
вашего сятельства. Счастье переѣзичиво.

— Гдѣ Пальма?

— Вѣроятно у себя, спать.

— Я разбужу ее.

— Не къ чему, графъ, она спитъ очень крѣпко. Я это узналъ самымъ положительнымъ образомъ. Когда я совѣмъ скрутилъ вашего вѣрнаго слугу, негодий принялся смѣяться и сказалъ: „Какъ радъ, ужъ если я не могу никакой пользы имѣть отъ штуки, которую придумалъ, такъ попользуйся ты. Графиня покурила пахитосокъ съ опиумомъ и съ ней, пожалуй, можетъ мало ли что случиться. Пожалѣй ты ея жениха!

Теметвени заскрежеталъ зубами.

— Я ему не далъ продолжать и завязалъ ротъ.

Графъ, какъ-то сконфуженно, началъ бормотать слова благодарности, которыя трудно было разобрать. Слышно было что-то въ родѣ: „Богъ послалъ васъ сюда“...

Кровь опять было закипѣла въ Илаванъ.—Ты, ты смѣешь говорить о Богѣ, мелькнуло у него въ закружившейся головѣ,—о, ты стоилъ бы, чтобы я освободилъ шайку и напустилъ ее на тебя.

— Пойдемте графъ къ вамъ. Я вамъ расскажу что привело меня сюда. Теперь безпокойтесь и бойтесь уже нечего: шайка заперта и не можетъ выдти изъ погреба. Наши вооруженные крестьяне будутъ сторожить ее, пока жандармы не проснутся.

Онъ довелъ графа до его комнаты и затопилъ каминъ.

(До слѣдующаго №).

За кулисами.

(Н. В. Л — ой).

Боже мой, что за дорога!
Грязь и болото кругомъ...
Бѣдно, угрюмо, убого;
Это вѣдь только немного,
Что еще будетъ потомъ!..

* * *

Право, куда какъ не мило:
Разъ попадешь въ колею,
Выбраться пѣту ужъ силы,
Тамъ и тяни до могилы
Горькую долю свою!..

* * *

Грустно, боязно, неловко...
Будетъ-ли лучше въ концѣ?
Вашей-ли милой головѣ
Быть въ этой жалкой обивкѣ,
Въ этомъ терновомъ вѣнцѣ?

Славой на время потушишь
Грусть—и веселье найдешь;
Только вѣдь слезъ не осушишь,
Память въ себѣ не задушишь,
Чувства въ себѣ не убьешь!..

* * *

Шумный восторгъ видѣть сладко,
Лавры отрадно поситъ—
Но этихъ лавровъ подкладка,
Слетень, интригъ лихорадка,
Врядъ-ли васъ можетъ плѣнить!..

* * *

Вчуя обидно и больно...
Какъ я помочь быть-бы радъ
Бросить на вѣкъ, добровольно,
Весь этотъ омутъ подпольный,
Этотъ губительный адъ!..

С. Кречетовъ

Новыя раскопки въ Египтѣ.

(Рис. на стр. 232 и 233).

Понемногу мы, люди XIX столѣтія, становимся лицомъ къ лицу съ „людьми“, съ міромъ, существовавшимъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, едва ли не съ тѣми людьми, не съ тѣми міромъ, которые стояли не очень далеко отъ рубежа времени доисторическихъ. Изъ пѣдръ земли выходятъ дворцы Ниневіи, Вавилона, сокровища Приама, Херопейское поле битвы, наконецъ—саркофаги фараоновъ, ихъ муміи, ихъ лики... Странное ощущение овладѣваетъ человѣкомъ при такомъ „материальномъ“ знакомствѣ съ тѣмъ, что до сихъ поръ было отдѣлено отъ него „сорока вѣками“, о чемъ онъ лишь слышалъ. Читателямъ нашимъ отчасти извѣстна уже исторія замѣчательной находки въ Верхнемъ Египтѣ, профессора Масперо, вынѣшняго хранителя древностей Хедива и Эмиля Бругшъ,

смотрителя Булаккаго музея, открывшихъ въ прошломъ году усыпальницу фараоновъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ династіямъ (XIX, XX, XXI, XXVII, XXVIII), содержавшую въ себѣ 36 мумій царей египетскихъ, царицъ, принцессъ и такъ далѣе, кромѣ того множество свертковъ папируса, вазъ и другихъ предметовъ, всего до 6 тысячъ экземпляровъ. Вообще же предполагаютъ, что открытая усыпальница составляла фамильный склепъ царей-первоверховенниковъ XXI-й династіи. Династія эта основана Херъ-Коромъ, царемъ, верховнымъ жрецомъ Аммона, въ великомъ храмѣ Аммона въ Фивахъ, овладѣвшимъ силою или наслѣдовавшимъ тронъ при послѣднихъ царяхъ XX-й династіи, Рамессидяхъ, власть которыхъ была сильно поколеблена. Согласно однимъ источникамъ,

царица Нотем-Мотъ, принцесса изъ дома Ремессидовъ, была матерью Херъ-Кора, а по другимъ—его женой; ея имя всегда, гдѣ оно упоминается, окружено кружкомъ, знакомъ царской

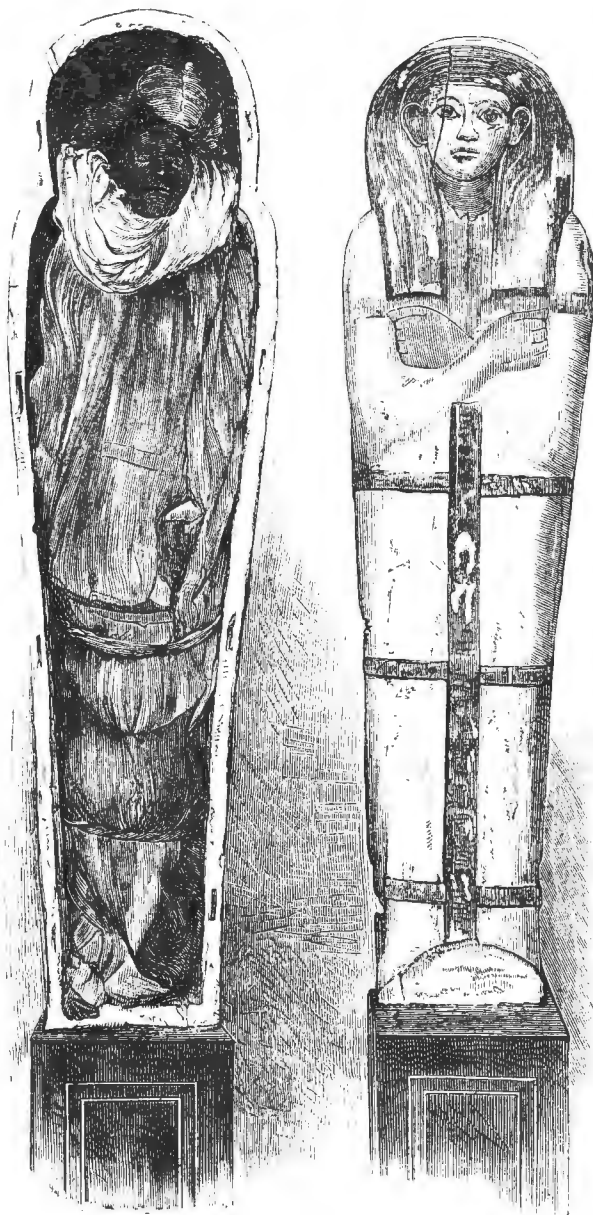
заморожено точно также, какъ египтяне бальзамируютъ тѣла людей, и помѣщено въ великолѣпно сдѣланную модель въ формѣ газели, вышугатуренную и разрисованную; одна часть модели разбита и сквозь отверстие видны связанные задніе ноги.

Рисунокъ № 3-й изображаетъ ящикъ съ жертвами, сдѣланный изъ листовъ папируса и бальзамированную ногу барана.

На 4-мъ рисункѣ изображены употреблявшіяся для возлияній вазы царицы Изид-Хебъ и лицикъ царицъ Макара и Мотъ-Эмъ-Хатъ (XXI династія). Эти четыре граціозной формы весьма распространенной въ ту эпоху, вазы, сдѣланы изъ бронзы и найдены въ той самой деревянной подставкѣ, которая видна на рисункѣ; онѣ принадлежали царицѣ Изид-Хебъ, женѣ царя Менхенерры, дочери старшаго брата царя, принца и великаго жреца Мазатирги. Въ Египтѣ обычай допускалъ бракъ между дядями и племянницами и даже между сестрами и братьями; для погребальныхъ возлияній обыкновенно употреблялось вино, молоко, пиво и вода и, легко можетъ быть, что эти четыре вазы предназначались для этихъ четырехъ видовъ напитковъ. Помѣщенный тутъ небольшой ящикъ заключаетъ въ себѣ значительное количество маленькихъ погребальныхъ статуэтокъ, называвшихся „шабти“, т. е. „дающіе отвѣтъ“ и выдѣлывавшихся въ формѣ мумій изъ глазированной фарфора; у нихъ руки скрещены на груди и держатъ земледѣльческія принадлежности, такъ какъ согласно СХ главѣ египетской „книги мертвыхъ“, умершіи обязаны пахать, сѣять и жать въ горнихъ селеніяхъ; текстъ этой главы, обыкновенно написанъ на синякахъ шабти, которыя „отвѣчаютъ“ отъ имени муміи, какъ бы изображаютъ личность ея, работаютъ за нее.

Кромѣ глазированной и иногда очень тонкаго фаянса, статуэтки выдѣлывались изъ твердаго грубаго вещества, изъ твердаго камня, но непременно полагались въ гробницу и самаго богатаго, и самаго бѣднаго египтянина. Ящикъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, раздѣленъ перегородкой и каждой изъ половинокъ соответствуетъ особая іероглифическая надпись; въ одной сказано о „божественной супругѣ Амена, Макара“, а въ другой — „о божественной супругѣ Амена, Мотъ-Эмъ-Хатъ“; однако, Мотъ-Эмъ-Хатъ была не супруга чья-либо, а дитя, дочь царицы Макары, умершей въ родахъ; мумія дитяти найдена въ саркофагѣ этой царицы.

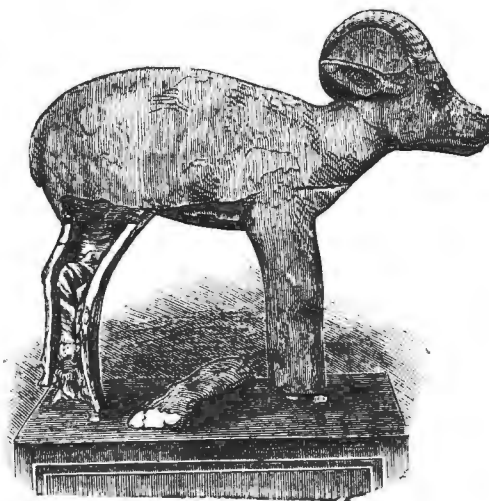
5-й рисунокъ — „погребальный папирусъ царицы Макары“ (XXI династія). Однимъ изъ важѣйшихъ писемъ въ глазахъ древняго египтянина была, несомнѣнно, „книга мертвыхъ“, заключающая въ себѣ 165 главъ—молитвы и воззваній, которыя умершіи обязаны были произносить во время прохождения черезъ всѣ соблазны и опасности для его души въ теченіи 3-хъ-тысячелѣтняго періода, по прошествіи котораго мумія, по понятіямъ египтянъ, воскресала вновь для тѣлесной жизни. Копія рукописи или нѣсколько главъ ея всегда влагались въ саркофагъ.

Фиг. 1. Мумія жреца Небсени.

На 1 рисункѣ мы видимъ открытую мумію жреца Небсени (въ періодъ XXI династія). Небсени, принадлежавшій къ благородной оиванской фамилии, сынъ оиванца Оири и его жены, Тэмозу, былъ въ свою очередь отцомъ царицы Гаторъ-Гонть-Тауи, мужемъ, какъ предполагаютъ, царицы Тентамены и дѣдомъ царя Пинотема II-го. Его саркофагъ принадлежитъ, по своему стилю, къ періоду XVIII династія, такъ что, вѣроятно, и онъ передоженъ изъ своего—въ другой саркофагъ. Лицо муміи открыто и носитъ на себѣ выраженіе глубокаго покоя; голова покрыта короткими вьющимися волосами; губы слегка раскрыты, отчего видны верхніе зубы; положеніе вѣкъ указываетъ на отсутствіе глазныхъ яблокъ; ноздри широко раздвинуты—это произошло вслѣдствіе способа египтянъ, при бальзамированіи, вынимать мозгъ, при посредствѣ особаго инструмента, пропускавшагося черезъ носъ. Но тѣмъ не менѣе, общій видъ муміи не имѣетъ ничего непріятнаго. Небсени очевидно умеръ еще молодымъ.

На 2-мъ рисункѣ изображена мумія газели; животное набаль-

Фиг. 2. Мумія газели.

заморожено точно также, какъ египтяне бальзамируютъ тѣла людей, и помѣщено въ великолѣпно сдѣланную модель въ формѣ газели, вышугатуренную и разрисованную; одна часть модели разбита и сквозь отверстие видны связанные задніе ноги.

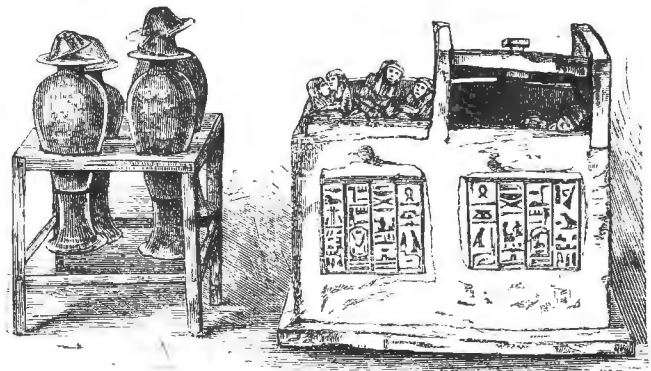
Къ рисункамъ,

Транспортъ ссыльно-каторжныхъ на переправѣ.

(Рис. на стр. 220 и 221).

Сибирь—этотъ край нестоимыхъ, естественныхъ богатствъ, дальнѣйшее развитіе котораго требуетъ все болѣе и болѣе трудолюбивыхъ и энергическихъ работниковъ, до сихъ поръ еще

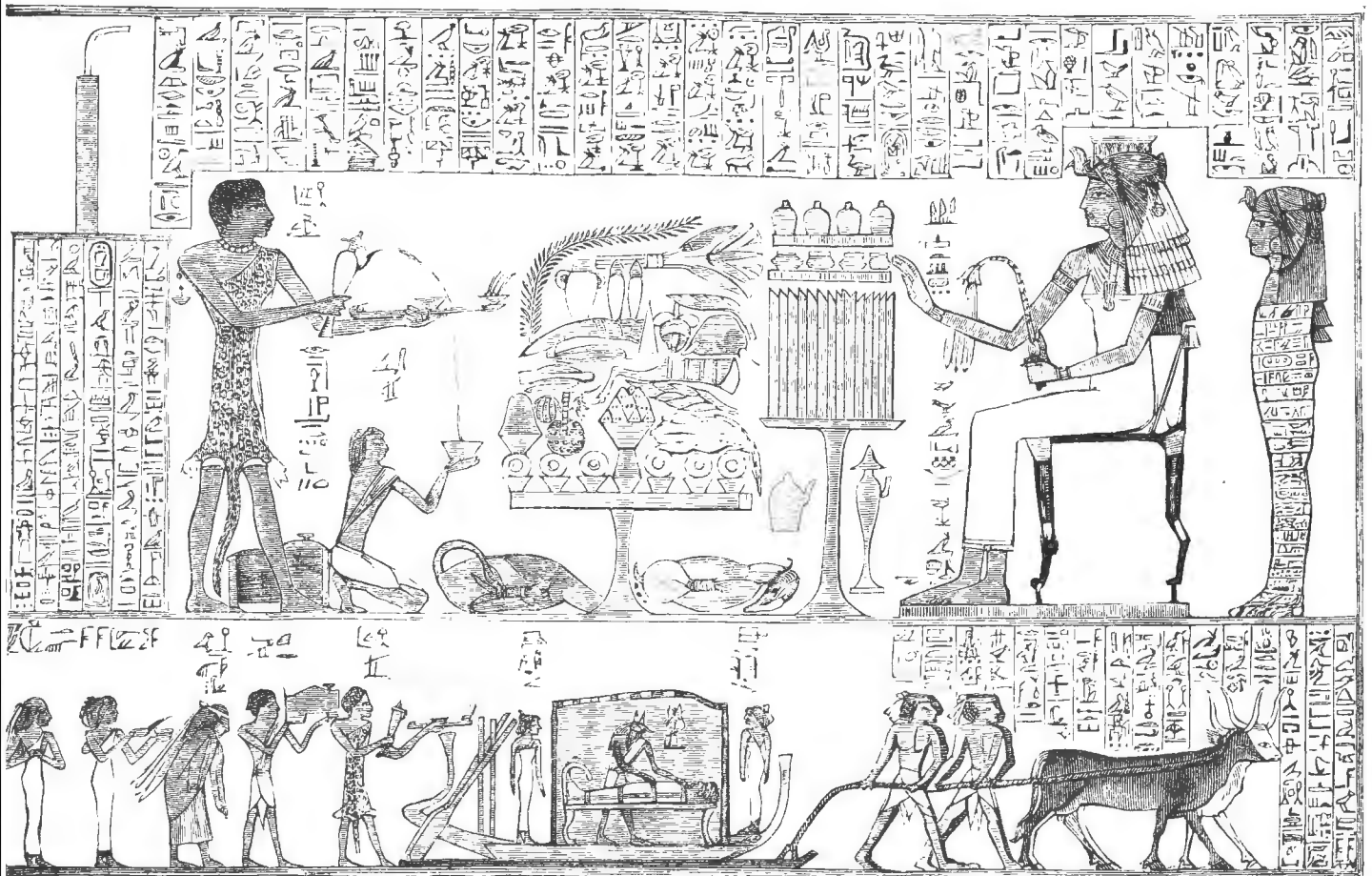
нѣтъ сомнѣній, что въ недалекомъ будущемъ, съ устройствомъ центральныхъ тюремъ, Сибирь мало по малу будетъ освобождаться отъ преступнаго и вреднаго элемента, отравляющаго съ сихъ поръ ея трудолюбивое и честное населеніе. Мѣстомъ ссылки Сибирь сдѣлалась еще издавна а именно въ XVII столѣтіи. Такъ сохранился указъ царя Алексѣя Михай-

Новыя раскопки въ Египтѣ.

Фиг. 3. Ящикъ съ жертвами. Балзамированная нога баранья.

Фиг. 4. Утварь царицъ XXI династіи.

Новыя раскопки въ Египтѣ. фиг. 5. Погребальный папирусъ царицы Мокары XXI династіи.

не можетъ освободиться отъ своего роковаго назначенія—быть мѣстомъ ссылки преступниковъ. Въ возрѣніи народа Сибирь стала синонимомъ какого-то дантова ада; какой-то отдаленной безотрадной страной, въ которой нѣтъ конца страданію и стону грѣшниковъ; для людей-же развитыхъ и знакомыхъ съ положеніемъ края давно стало яснымъ какое вредное, тормозящее вліяніе оказываетъ на его развитіе эта ссыльная колонизація, состоящая изъ массы людей порочныхъ и глубоко испорченныхъ. Это мнѣніе теперь раздѣляетъ и правительство и

ловича, по которому „денежнаго дѣла воры и мастера“ вмѣсто казни, по особой милости Государя, сосланы съ женами и дѣтьми на вѣчное житіе въ Сибирь, гдѣ и были устраиваемы на папшю, причемъ ссыльные пользовались полной свободой дѣйствій, такъ какъ правительство, поселивъ ихъ, уже не заботилось объ дальнѣйшей ихъ участи. При Петрѣ колонизаторскія стремленія уже отступили на второй планъ и преступники, въ виду грандіозныхъ предпріятіи и сооруженій великаго преобразователя, или уже не въ ссылку а на работы какъ даровая, рабочая сила,

съ помощью которой образованъ галерный флотъ, строились каменные сооружения, воздвигались крѣпостныя твердыни, добывалась соль и разрабатывались руды. Такимъ образомъ въ Сибирь шло мало народу, но за то въ слѣдующія царствования снова начали сюда прибывать массы этихъ отверженныхъ общества, такъ что въ началѣ настоящаго столѣтія Сибирь уже была полна голодными, бездомными бродягами, которые не хотѣли или не могли сдѣлаться хорошими и полезными осѣдлыми жителями края. По свидѣтельству очевидцевъ, нищета нѣкоторыхъ сибирскихъ поселенцевъ была ужасная и нерѣдко человекъ встрѣтившійся на дорогѣ, не видя на лицо сибирскихъ морозовъ, почти нагой, высохшій отъ голода, закоптѣлый, унылый, съ выраженіемъ отчаянія въ лицѣ былъ никто иной какъ „посыльщикъ“. Съ прїѣздомъ въ Сибирь Сперанскаго положеніе ссыльныхъ значительно улучшилось, такъ какъ вся его дѣятельность была направлена къ тому, чтобы каждого изъ нихъ какъ-нибудь пристроить и дать каждому какое-нибудь занятіе по его силамъ и способностямъ. Кромѣ того съ изданіемъ „Устава о ссыльныхъ“ кончился опять беззаботный произволъ, которымъ славилась сибирская администрація стараго времени.

До сихъ поръ ссыльные всѣхъ категорій распределяются по селеніямъ сторожиловъ, причемъ имъ предоставляется изыскивать пропитаніе какъ знаютъ и потому неудивительно что значительная часть такихъ поселенцевъ недолго удерживается на назначенномъ мѣстѣ; она разбѣгается, числится въ отлучкѣ или пропадаетъ безъ вѣсти. Особенно много ихъ исчезаетъ весной и лѣтомъ, когда становится легче ускользнуть отъ слабого и бессильнаго волостнаго надзора и скрываясь въ лѣсахъ, мало по малу пробирается на родину. Въ это время, въ рѣдкой деревнѣ, лежащей на пути слѣдованія бѣглыхъ, не слышно о частыхъ кражахъ а на дорогѣ то и дѣло поднимаютъ какое-нибудь мертвое тѣло. Голодный, отчаянный бродяга не задумывается ни передъ грабежомъ, ни передъ убійствомъ; за то и народъ не церемонится при его поимкѣ и самъ же судить и казнить, не отдавая никакого отчета начальству. Особенно безпощадными врагами бѣглыхъ являются буряты, для которыхъ подстрѣлить *горбача* (т. е. бѣлаго) дѣло очень обыкновенное. Но русское населеніе рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ жестокимъ, беспощаднымъ мѣрамъ; оно отчасти и жалѣетъ, отчасти и боится бродяги и потому во многихъ сибирскихъ деревняхъ существуютъ даже особыя пустыя избы, въ которыхъ бѣглецы часто проводятъ ночи и находятъ пищу и даже теплую одежду и обувь, необходимыя для дальнѣйшаго странствованія. Такимъ образомъ часто само населеніе потворствуетъ бѣглецамъ, отъ которыхъ они рады скорѣе избавиться и проводить ихъ подальше; впрочемъ каждой весной сибирскому старожилу приходится встрѣчать новыхъ партій, такъ какъ ссыльные тысячами ежегодно прибываютъ въ Сибирь и снова распределяются по мѣстнымъ селеніямъ. Путешествіе ихъ на мѣсто ссылки вообще совершается въ известномъ порядкѣ, такъ какъ они доходятъ до Тюмени, то существующій въ этомъ городѣ Приказъ о ссыльныхъ вноситъ ихъ въ свои списки и распределяетъ по категоріямъ. Затѣмъ Приказъ указываетъ для каждого ссыльнаго губернію или область, назначенную для его постоянного пребыванія, причемъ административные ссыльные назначаются въ Западную Сибирь а приговоренные судомъ—въ Восточную. Доставляются-же партіи ссыльныхъ на мѣста назначенія этапными, подъ прикрытіемъ конвой, причемъ входя въ каждую леиашую на пути деревню вся эта жалкая толпа заводитъ обычную, такъ называемую „милосердную“ лѣсню, вымаливая подаянія; водю же везутъ арестантовъ на особаго устройства большихъ баржахъ въ которыхъ ихъ и сплавляютъ по сибирскимъ рѣкамъ партіями человекъ въ 500 и болѣе. Одна изъ такихъ переправъ партій ссыльныхъ черезъ Енисей и представлена на прилагаемомъ нами рисункѣ. Грандіозный видъ разстилающейся громадной, пустынной рѣки и толпы этихъ отверженныхъ производитъ печальное и сильное впечатлѣніе.

Пожарная команда въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 225).

Уже давно Петербургъ не запомнитъ громадныхъ, губительныхъ пожаровъ. Не говоря уже о повтореніи ужасныхъ катастрофъ 1855 года, когда выгорѣлъ весь Измайловскій полкъ, и 1862 года, когда огонь уничтожилъ знаменитую „Толкучку“, даже сгоранія отдѣльныхъ каменныхъ зданій, теперь въ Петербургѣ величайшая рѣдкость. Развѣ искусственно-предназначенный поджогъ (какъ напр. Овсянниковской паровой мукомольни) и мѣры заранее предпринятыя съ цѣлью парализовать дѣятельность пожарныхъ командъ могутъ привести къ губительнымъ результатамъ. Въ то время какъ въ провинціи, не исключая даже такихъ городовъ какъ Москва, Кіевъ и Одесса, пожарное дѣло находится въ очень плачевномъ состояніи—Петербургъ довелъ его до самаго блестящаго положенія, и справедливо можетъ хвалиться своей командой, какъ одной изъ лучшихъ въ мірѣ.

Но это процвѣтаніе началось очень недавно.—всего съ 1866 г., когда вступилъ на должность оберъ-полицеймейстера генералъ Треповъ. Онъ, тотчасъ же сталъ хлопотать объ отпускѣ изъ страхового сбора единовременной суммы и объ увеличеніи ремонта, — выставляя на видъ крайнюю несостоятельность устрой-

ства пожарной части. Тогда, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, было приказано отпустить 50000 рублей единовременно, а потомъ еще около 20000; ремонтныя суммы тоже были увеличены. На эти суммы было дано полное переустройство обоза и инструмента. Пренія закладки съ дугой (до сихъ поръ практикуемая въ Москвѣ), какъ нефлесообразныя, исчезли. Въмѣсто нихъ появились красивыя закладки четверней въ дышло, съ линейками на лежащихъ рессорахъ и поворотнымъ кругомъ, выписаны были лучшія французскія трубы, бочки сдѣланы изъ дуба, мѣди и желѣза, всѣ экипажи были снабжены зимнимъ и лѣтнимъ ходами, и выкрашены: сани въ сѣрую краску,—а нижній ходъ въ ярко красную. Помимо этого были пріобрѣтены паровыя машины, могущія выбрасывать на высоту 15 сажень до 40 ведръ въ минуту, ступеніе паровъ въ которыхъ образовывалось въ теченіи 2½ минутъ. Для рѣчныхъ пожаровъ, пріобрѣтены: паровая баржа и пожарные пароходы, уже не разъ избавлявшіе во время пожара судовъ, цѣлые караваны отъ неминуемой гибели.—Для пожарныхъ пріобрѣтены дыхательныя снаряды, дающіе возможность дышать въ самомъ густомъ дымѣ.

Въ настоящее время Петербургъ раздѣленъ на четырнадцать частей: Адмиралтейскую, Казанскую, Спасскую, Коломенскую, Нарвскую, Московскую, Александрово-Невскую, Рождественскую, Литейную, Васильевскую, Петербургскую, Выборгскую, Охтенскую и Шлиссельбургскую. Каждая изъ нихъ имѣетъ обширное зданіе пожарнаго депо съ каланчехою, на которой выкидываются пожарные знаки: днемъ—черные шары, ночью—бѣлые фонари. На пожаръ съѣзжаются четыре ближайшихъ части. Въ случаѣ требованія остальныхъ частей—выкидывается на башнѣ днемъ—красный флагъ, ночью—красный фонарь. Въ случаѣ требованія резервовъ:—днемъ—бѣлый флагъ, ночью—зеленый фонарь. Впрочемъ части спешатъ другъ съ другомъ болѣе телеграфомъ, чѣмъ сигналами. По звонку, команда моментально появляется на улицѣ, и черезъ три—четыре минуты послѣ тревоги весь обозъ уже запряженъ—и солдаты на мѣстахъ. Красота, сила и вывѣдка нашихъ пожарныхъ лошадей поистинѣ изумительна. Порядокъ слѣдованія команды слѣдующій:

- 1) Фазовой,—(ночью со смолянымъ факеломъ).
- 2) Линейка на 20 человекъ, запряженная четверкой.
- 3) Труба,—при ней резиновый забирный рукавъ въ 6 аршинъ, и шесть подивныхъ рукавовъ отъ 5 до 10 сажень каждый, и нососъ съ клапаномъ.
- 4) Три пожарныя бочки по 50 ведръ.
- 5) Багровый ходъ съ трехкопѣнной лѣтницей.

Резервъ состоитъ изъ: трубы, насоса и бочки. Части, гдѣ только позволяетъ возможность, ѣздятъ съ головоломной быстротой. Скорость прїѣзда на пожаръ обусловлена, если не ошибаемся, штрафами. Петербургскія Страховыя общества принимаютъ большое участіе въ наградахъ, раздаваемыхъ пожарнымъ, и нерѣдко назначаютъ на раздачу весьма значительныя суммы,—чего они вполне заслуживаютъ, работая съ необычайнымъ мужествомъ, въ дымѣ и огнѣ, нерѣдко проваливаясь въгнѣтъ съ горящими потолками, зашибленные на смерть, колотоборѣлые, съ раздробленными руками и ногами. На рисункѣ нашемъ видна четырехкопѣнная линейка, несущаяся по улицѣ на своихъ сильныхъ коняхъ съ молодцами пожарными, на которыхъ всегда любитъ народъ.

Юный Петръ у корабельнаго мастера.

(Рис. на стр. 228).

При оцѣнкѣ заслугъ Петра Великаго часто высказывается то мнѣніе, что многія изъ его преобразованій были уже подготовлены предшествовавшими событіями и что даже безъ его геніальнаго содѣйствія и беспощадной ломки всего устарѣлаго и отжившаго, Россія мало по малу, мирно, безъ борьбы пришла бы сама къ разрѣшенію его высокихъ задачъ и цѣлей. Но такое мнѣніе едва-ли основательно. Петръ, по своей геніальности стоялъ совершенно особнякомъ среди русскихъ людей своего времени. Развитіе его шло быстро и кромѣ того этотъ здоровый умъ проявился въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. „Въ возрастѣ, и красенъ и крѣпокъ тѣломъ“ говоритъ о Петрѣ Крещининъ. Но чѣмъ-же старинцы развить эти необыкновенныя способности?... Да ничѣмъ особеннымъ, такъ какъ воспитаніе того времени всегда шло по известному масштабу. Вотъ учили грамотѣ; другихъ-же болѣе высокихъ знаній дать онъ былъ не въ состояніи; наглядное-же знакомство съ разными животными и вообще произведеніями природы любознательный ребенокъ могъ извлекать изъ такъ-называемыхъ фряжскихъ листовъ—этой живописной энциклопедіи XVII вѣка. Но онасясь изнѣжить ученія приближенныя бояре не жалѣли издержекъ, созданая для Петра цѣлый арсеналъ игрушекъ и кромѣ того стараясь потѣшать его самыми разнообразными способами. То они заказывали для него клавирорды, то димбалы, то возили въ маленькой каретѣ запряженной красивыми лошадками а съ четырехъ лѣтъ начали знакомить его съ *воинскими потѣшками*, для которыхъ набранъ былъ изъ его сверстниковъ особый отрядъ, носившій громкое названіе Петрова полка. Эти военныя потѣшки были дѣло не новое: ими забавлялись и другіе царевичи, но Петръ и здѣсь,

проявилъ оригинальность и силу своего ума, устраивая экзерциции на свой собственный ладъ, совершенно несходный съ воинскимъ артикуломъ того времени. Вообще Петръ еще ребенкомъ уже былъ поразительно уменъ и находчивъ и даже самъ Зотовъ при всей своей простотѣ не могъ не признать необычайныхъ способностей своего царственного ученика и по его словамъ „Егда сѣмъ благихъ учений вкоренилося въ сердцѣ юнаго отрока, то разжегся любовію, еже бы вся, предлагаемое въ ученіи, дѣйствіемъ исполнить; созидать грады, и также брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть и красная зданія созидать“. Такимъ образомъ въ Петрѣ съ раняго возраста уже пробудилась жажда практической дѣятельности, безотлагательнаго приложенія знанія къ дѣлу. Этому стремленію отчасти удовлетворяли воинскія экзерциціи, но вскорѣ въ юномъ царѣ пробудилась другая страсть, другое увлеченіе. Забава эта, увлекавшая юнаго Петра была — мореплаваніе, которая потомъ приняла болѣе широкіе размѣры, способствовала возникновенію русскаго флота.

Случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ эту новую охоту къ плаванію на судахъ и ихъ строенію. Въ маѣ мѣсяцѣ 1688 г. случилось ему разъ быть въ селѣ Измайловѣ гдѣ бродя около хоромовъ дѣла своего Никиты Ивановича Романова онъ зашелъ на льняной дворъ и случайно среди разнаго хлама увидѣлъ заброшенное здѣсь небольшое судно, какъ было замѣтно иностранной работы. Удивленный юноша конечно не могъ не обратитъ своего вниманія на такой новый для него и интересный предметъ. Что это за судно? спросилъ онъ у сопровождавшаго его Франца Тиммермана, преподававшаго ему фортификацію и геометрію. Это англійскій ботъ, отвѣчалъ Тиммерманъ и тутъ же прибавилъ, что онъ употребляется при корабляхъ для ѣзды и возки и кромѣ того имѣетъ то преимущество, передъ русскими судами, что можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру но и противъ вѣтра. Любопытный Петръ узнавъ такія неслыханныя вѣсти не могъ удержать своего восторга; тотчасъ же упросилъ Тиммермана сыскать мастера который бы могъ исправить ботъ и спустить его на воду. Тиммерманъ указалъ ему на Голландца Карштена Брандта, который и сдѣлался нервнымъ корабельнымъ мастеромъ Петра. Брандтъ починилъ ботъ, придѣлалъ къ нему мачту, поставилъ паруса и привелъ въ восхищеніе юнаго царя своими ловкими лавированіями по Дузѣ.

Съ этой поры Петръ всецѣло пристрастился къ морскому дѣлу; Дуза уже казалась тѣсна ему для плаванія; ботъ былъ перевезенъ на Переяславское а потомъ на Кубенское озеро. Въ то же время Брандтъ получилъ новый заказъ отъ царя: сдѣлать два малые фрегата и три яхты. Съ лихорадочнымъ нетерпѣньемъ слѣдилъ царь за своей работой, даже женитьба не могла удержать его въ столицѣ; могучая страсть такъ и влекла на Переяславское озеро и вотъ едва миновалъ медовый мѣсяцъ какъ Петръ уже носкакалъ на берега Трубежа, чтобы принять личное участіе въ работахъ по кораблестроенію, помогая Брандту и другому мастеру Корту. Работа шла быстро и удачно; корабли вышли по словамъ Петра „зѣло хороши“. Это были первые образцы, первые задатки будущаго русскаго флота. На картинѣ талантливаго Мясоѣдова представлено одно изъ посѣщеній юнымъ царемъ корабельнаго мастера Карштена Брандта. Картина эта на выставкѣ позапрошлаго года въ Академіи Художествъ обратила на себя вниманіе публики и критики.

Кривошане и ихъ борьба съ австрійцами.

(Рис. на стр. 229).

Броженіе, вызванное крутыми мѣрами австрійской администраціи среди славянскаго населенія южной Далмаціи, принимаетъ все болѣе и болѣе крупныя размѣры. Кривошане всегда представляли въ такихъ случаяхъ главную боевую силу но не думайте, чтобы эти силы были внушительны по своей численности; напротивъ, послѣднія очень невелики, такъ какъ во всемъ Кривошии насчитывается не болѣе десяти селъ, но зато эти селы разбросаны по скаламъ надъ обрывами и среди ущелій куда ведутъ лишь узкія, извилистыя тропинки. Немудрено, что замкнутый въ этихъ непросторныхъ горахъ кривошанинъ сохранилъ въ себѣ отвагу, но пока строй Сербіи и не разрился этою извѣженностью буржуазностью, характеръ какъ и жители прибрежныхъ равнинъ Далмаціи — Боккецы. Напротивъ того, кривошанинъ отличается особенною суровостью и замѣчательнымъ постоянствомъ какъ въ своей одеждѣ, такъ и нравахъ и обычаяхъ. Эти воинственные героическіе типы, какъ кажется, не подчиняются вліянію времени; вооруженіе ихъ остается старое, прадѣдовское; костюмъ же воплѣтъ

черногорскій, состоящій изъ низкой шапочки и бѣлаго короткаго кафтана, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. Образъ жизни кривошанъ самый патриархальный и никакая сила не заставитъ упрямаго горда измѣнить какъ своимъ старымъ обычаямъ, такъ и тому убѣжденію, что австріецъ врагъ его исконный и непримиримый. Кромѣ того, близость черногорцевъ и другихъ воинственныхъ славянскихъ племенъ всегда питаютъ въ кривошанахъ увѣренность, что родственные юнаки не оставятъ ихъ безъ быстрой помощи. Вотъ почему всякое давленіе со стороны австрійцевъ постоянно встрѣчаетъ здѣсь отчаянный отпоръ и единодушное сопротивление. Такъ уже не разъ австрійцы боролись съ кривошанами, желая фактически подчинить ихъ своей власти введеніемъ правильной воинской повинности и сбора возвышенныхъ податей и налоговъ. Но все эти поползованія австрійской администраціи разбились объ неприступныя скалы.

Кривошане-горцы заупрямились, а вся военная сила австрійцевъ не могла ихъ принудить къ покорности; напрасно солдаты ис-

кали доступа въ ихъ сокровенныя убѣжища; горцы дали имъ подойти поближе, сбрасывали на нихъ цѣлыя скалы или разстрѣливали ихъ по одиночѣ въ узкихъ горныхъ проходахъ и ущельяхъ. Такимъ образомъ, регулярная армія, можно сказать, ежеминутно таяла, а инсургенты терпѣли самую незначительную потерю. Послѣднія извѣстія доказываютъ до очевидности, какъ преждевременны все ожиданія быстрого и легкаго усмиренія возстанія и что въ то время, какъ австрійская армія едва успѣла занять кой-какіе незначительные пункты возмущившейся области, силы инсургентовъ все болѣе и болѣе увеличиваются присоединеніемъ къ нимъ другихъ сосѣднихъ горныхъ племенъ и съ утесовъ Черногоріи, то и дѣло спускаются толпы юнаковъ, чтобы снѣшить на помощь своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ.

Г. Германъ — профессоръ магіи.

(Портр. на стр. 235).

Въ настоящее время въ Петербургѣ гостятъ два очень ловкіе пресиджитатора: Казневъ и Германъ. Первый продѣлываетъ всевозможныя квази-спиритическіе фокусы, второй — все-

Г. Германъ — профессоръ магіи.

возможную магію. Германъ даетъ свои представленія на императорскомъ Маломъ Театрѣ и собираетъ ежедневно массу публики. Онъ старый знаменитый Петербурга и встрѣченъ имъ также радушно, какъ и дѣтъ тридцать назадъ, когда онъ впервые посѣтилъ сѣверную Пальмиру. Казнею ограничивается частными сеансами, и потому за послѣднее время о Германѣ говорятъ несравненно больше.

Дѣйствительно многіе его фокусы очень ловки. Одѣтый въ обыкновенный фракъ, худощавый старикъ, онъ вытаскиваетъ изъ-за пазухи четыре акваріума съ плескающимися въ нихъ рыбами, достаетъ оттуда четыре живыхъ утки, набираетъ изъ воздуха, волосъ, ушей, носовъ, шляпъ и муфтъ зритель безкопечное количество серебряныхъ денегъ, заставляетъ безслѣдно исчезать въ воздухѣ клѣтки съ живыми птицами и пр. и пр. И все это дѣлается съ необычайной серьезностью и въ то же время съ самымъ милымъ комизмомъ...

Германъ родился въ небогатомъ семействѣ вѣнскаго фокусника въ 1818 году. Составивъ себѣ своими безчисленными путешествіями большой капиталъ, онъ удалился на покой, но крахъ одного банка лишилъ его всего состоянія. Тогда онъ, на старости дѣтъ, снова взялся за фокусы, — и теперь опять его положеніе блестящее. Онъ славится своими благотворительными дѣлами: массу добра сдѣлалъ онъ во время войны 1870 года, онъ пожертвовалъ въ бытность свою въ Португаліи 200,000 франковъ въ пользу бѣдныхъ, въ Испаніи 90,000 — въ пользу раненныхъ; въ Америкѣ — около полумилліона!..

Изъ этого видно, какимъ громаднымъ доходомъ онъ владѣетъ... Онъ женатъ на французкѣ, талантливой пианисткѣ. Онъ объѣхалъ всю Европу и обѣ Америки, говоритъ на четырнадцати языкахъ, — французскимъ владѣетъ въ совершенствѣ и обыкновенно на немъ объясняется съ зрителями. Живою и веселой, онъ въ первые же дни своего приѣзда, завтракая у Дюссо съ представителями печати, показывалъ самыя удивительныя вещи, замѣняя бокалы шампанскаго сапогами, заставляя про-

надать яичницу и т. д. Вотъ наиримѣръ характерный анекдотъ о немъ.

Однажды вечеромъ Германъ гулялъ съ пріятелемъ по бросельскимъ улицамъ. Къ нему подходитъ нищій.

— Такой здоровый малый, какъ ты, не имѣешь права просить милостыню, замѣчаетъ ему Германъ.

— Но я безъ работы, — я прошу, потому что не ѣлъ ничего.

— Отчего же?..

— У меня нѣтъ ни гроша...

Германъ нахмурился. — Ты лжешь, — рѣзко сказалъ онъ. — У тебя вотъ въ этомъ карманѣ есть деньги... Вынимай!..

— Право, сударь!..

— Вынимай, тебѣ говорить!..

Испуганный его тономъ, несчастный опускаетъ машинально руку въ карманъ, — и лицо его застываетъ отъ изумленія: карманъ лопоитъ деньгами.

— Тамъ три, или четыре франка!..

— Видишь, еще болѣе сердито крикнулъ Германъ, — я зналъ, что ты меня надуваешь!..

На Босфорѣ Германъ закинулъ въ воду съ турецкаго кайка драгоцѣнные часы визиря, которые потомъ нашлись въ только что пойманной и взрѣзанной рыбѣ, при чемъ они конечно были сухи и не оставались. Султанъ Абдуль-Азизъ заплатилъ ему за этотъ фокусъ 25,000 франковъ. Показывая фокусы Императору Николаю I, онъ словно нечаянно разбилъ драгоцѣнный хрустальный бокалъ, и замѣтивъ недовольное лицо Государя, накрылъ осколки платкомъ и вытащилъ изъ подъ него бокалъ цѣлымъ.

Германъ положительно „царь фокусниковъ“, искусство его дѣйствительно профессионально, и выдуманное имъ же самимъ званіе „профессора магіи“ онъ носитъ съ честью. Не смотря на очень высокія цѣны, билеты на его представленія достать затруднительно и вѣроятно онъ увезетъ объ насъ недурное воспоминаніе.

Политическое обозрѣніе.

Наша новая граница съ Персїей. — Миланъ I, король Сербїи. — Устани. — Слухи о конгрессѣ. — Покушенїя: на королеву Викторїю, на Гамбетту. — Египетъ. — Греція. — Урагаи.

Новая русско-персидская граница продолжаетъ, конечно, интересовать англичанъ; такъ, недавно, въ началѣ общаго сѣръ Лидъля, отвѣчая на сдѣланный ему запросъ, высказалъ: „что линїя наступательнаго движенія Россїи въ Средней Азїи, а также и часть пограничной черты Россїи и Персїи, еще не вполне установленная недавнимъ договоромъ, составляетъ въ настоящее время, предметъ обмена мислей между правительствами русскимъ и англійскимъ“. Несмотря на это „ожиданное“, хотя и непрощенное вмѣшательство, будемъ надѣяться, что съумѣемъ уберечь наши интересы отъ гнета англійскихъ интересовъ.

Въ Бѣлградѣ, день 22-го февраля отмѣченъ знаменательнымъ событіемъ: князь Миланъ провозглашенъ скучинной королемъ Сербїи; вся скучина въ полномъ составѣ прибыла во дворецъ, чтобы передать князю Милану волю народа. Князь отвѣчалъ, что соглашается выполнять эту волю; затѣмъ послѣдовало торжественное объявленіе объ этомъ народу, при шумной пальбѣ. Понятно, что актъ этотъ совершился не по вдохновенію скучины, а былъ подготовленъ, какъ впрочемъ, можно было видѣть еще и до сего; едва-ли ошибочно было-бы предположеніе о томъ, что солдаты державъ уже получено заранѣе. Австрійскія газеты сочувственно отзываются о провозглашенїи князя Милана королемъ. Невольно вспоминаешь генерала Черняева!..

Князь Александръ Болгарскій приглашается къ участию въ дѣлахъ управления княжествомъ членомъ партїи консервативной и либеральной, изъ среды которыхъ и будутъ выбраны министры: радикальная фракція (и уже въ Болгарїи она успѣла сформироваться!..), конечно, оставлена въ сторонѣ. Въ Софіи заложенъ храмъ въ память Царя-Мученика, освободителя Болгарїи, которая, несомнѣнно, обязана всегда чтить это Великое Имя.

Отношенія между Румелїей и Портой, или точнѣе — между княземъ Вогоридесомъ и турецкими министрами весьма натянуты, генераль-губернаторъ вассальной Румелїи, съ каждымъ днемъ, становится самостоятельнѣе и едва-ли не открыто ведетъ въ этомъ направленїи борьбу съ Портой, которой не дастъ вмѣшиваться въ дѣла провинціи. Въ Турціи далмато-герцеговинское возстаніе, какъ видно, порождаетъ нѣкоторыя неясныя надежды на возможность чѣмъ-нибудь да воспользоваться въ удобную минуту; и, между прочимъ, Порты, будто-бы, уже предлагала свое содѣйствіе Австрїи, выговаривая себѣ за это право занять своими войсками балканскіе дефиле!..

Возстаніе въ славянскихъ областяхъ усиливается. Это подтверждается уже не корреспондентами, а — австрійскими официальными донесенїями, а именно приказомъ по арміи, изданнымъ главнокомандующимъ австрійскими войсками въ Герцеговинѣ, генераломъ Іовановичемъ; въ приказѣ своемъ генераль, сказалъ, что сѣверъ, востокъ и средняя часть Герцеговины, а также и вся Кривина находятъ въ возстанїи, объясняется, что раз-

хры, принятые движеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, малочисленность его отряда заставляють его прїостановить наступленіе до весны, т. е. до укрупненїи; поэтому онъ предпринимаетъ отдѣльнымъ частямъ ограничиться энергичною обороною занятыхъ пунктовъ, причѣмъ положительно запрещаетъ мелкимъ отрядамъ вступать въ бой съ устаними, такъ какъ отрядамъ этимъ трудно справиться съ врагомъ ловкимъ, хитрымъ и хорошо знакомымъ съ страной.

Устани-же пользуются удобствомъ своего положенія и постоянно отбиваютъ у австрійцевъ провіантъ. Недавно (какъ сообщаютъ одной изъ нашихъ газетъ) отряды Іоанна Мрава и Петра Тунгуза попали на провіантскую колонну, отняли ее и захватили весь провіантъ, навьюченный на 113 лошадей, а также и 8 плѣнныхъ (5 чеховъ, 2 славонца и 1 австріецъ), которые тотчасъ-же выразили желаніе вступить въ отрядъ Мрава; въ другомъ мѣстѣ отряды Гандрича и Топовича (вожди-мусульмане), въ числѣ 300 чел., отбили провіантъ на 42 лошадей. Австрійцы, конечно, умалчиваютъ объ этихъ „мелочахъ“, дѣятельно схватывая вѣсуду, гдѣ можно иностранныхъ корреспондентовъ, высылають за границу (Эвансъ, недавно былъ высланъ и взятъ нѣкто Гавриловичъ, назвавшійся русскимъ и корреспондентомъ газеты „Голосъ“, но, по австрійскому изслѣдованію, оказавшійся не русскимъ и не корреспондентомъ, а однимъ изъ дѣятелей движенія — его почти немедленно-же разстрѣляли) вообще австрійцы не стѣснялись въ отношенїи мѣрѣ: помощникъ Іовановича, Чиконъ казнилъ, разстрѣливалъ, вѣшалъ неустанно и довелъ населеніе до такого раздраженія, что главнокомандующій замѣнилъ его другимъ. По немногу, какъ мы сообщали, славянская семья начинаютъ присылать подмогу устанамъ, въ средѣ которыхъ находится теперь уже и до 100 гарibaldiйцевъ. Мусульмане принимаютъ дѣятельное участіе въ движенїи, и беги оказываютъ значительную матеріальную помощь устанамъ, иные изъ нихъ отдають все, чѣмъ владѣють. Не хотѣя они австрійскаго владычества. Много-ли Австрїя выиграетъ, опять повторимъ мы — если она побѣдитъ славянъ?

Изъ Лондона сообщаютъ, что кабинетъ Гладстона намѣренъ предложить европейскій конгрессъ для обсужденія вопроса объ окончательномъ устройствѣ Боснїи и Герцеговины; одна изъ статей (25) Берлинскаго трактата поручаетъ Австрїи оккупацию и временное управленіе, но не говорить о присоединенїи обѣихъ провинцій къ Австрїи; вѣдѣствіе этого высшей надзоръ за временнымъ управленіемъ принадлежитъ всегдъ великимъ державамъ сообща. Германія и Австрїя еще недавно отстаивали такъ же общее и совмѣстное право надзора за великими державами въ Египтѣ. Лишь бы это намѣреніе Гладстона было искренне и твердо, лишь бы оно нашло соотвѣтственную поддержку!

Съ нетодованіемъ въ прошломъ обозрѣнїи занесли мы въ нашу хронику извѣстіе о новомъ покушенїи на царственную особу: 18-го февраля, когда королева Викторїя, прибывъ изъ Лондона въ Виндзоръ (въ 35 верст. отъ Лондона) садилась въ карету, нѣкто Маклинъ выстрѣлилъ въ ее величество изъ револьвера,

къ счастью никого не ранивъ. Негодяй былъ схваченъ немедленно же полною, едва не раздѣлавшейся съ нимъ туть же, такъ что полиціи съ трудомъ удалось вырвать его изъ рукъ народа. Маклинъ—какъ до сихъ поръ извѣстно, припаддежить къ бѣдному классу, ничто въ родѣ приказчика, безъ запятій, человекъ дѣтъ тридцати съ небольшимъ. Велѣдъ за арестованіемъ онъ былъ освидѣтельствованъ докторомъ, заявившимъ, что злодѣй находится въ полномъ разсудкѣ, что, впрочемъ, призналъ и онъ самъ. Повидимому, онъ стрѣлялъ съ прямымъ намереніемъ попасть въ ея величество, что оказывается изъ направиленія, въ которомъ найдена пуля. Есть свѣдѣнія, будто

онъ находился уже въ сумасшедшемъ домѣ; песомѣнно, все скоро будетъ разъяснено. Королева отовсюду получаетъ привѣтственные, поздравительныя денешни; одною изъ первыхъ получена отъ Его Императорскаго Величества нашего Государя.

Въ Парижѣ недавно приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ Эмилъ Флоріонъ, явившійся въ Парижъ, въ октябрѣ прошлаго года, чтобы совершить покушеніе на Гамбетту, котораго онъ считаетъ „главою сытой буржуазіи“; не найдя бывшаго диктатора онъ рѣшилъ, вмѣсто него, „отомстить“ другому какому нибудь буржуа и выстрѣлилъ въ попавшаго ему диктатора Мейнара.

Библиографія.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Спб. 1882, 4 тома. Еще новое изданіе сочиненій нашего талантливаго романиста показываетъ какую популярность получили его произведенія въ средѣ читающей публики. Первые же его романы „Бѣгле въ Новоросіи“ и „Бѣгле воротились“—произвели при появленіи своемъ наилучшее впечатлѣніе. Свѣжесть картинъ, живость дѣйствія, интересъ интриги, оригинальность тиновъ—вотъ что сдѣлало сразу хорошее имя автору и до того уже впрочемъ пользовавшемуся извѣстностью. Главныя дѣйствующія лица этихъ романовъ именно „бѣгле“ люди, не живавшіеся съ прежнимъ укладомъ жизни, съ городомъ и вѣхавшіе на просторъ благодатной южной степи, на жизнь и дѣло тамъ. И этотъ нетронутый, цѣлѣнный югъ, эта благодатная Повороссія, припала ихъ гостеприимно. „Бѣглеми здѣсь земля стала“ говорить авторъ; бѣгле еще

отъ крѣпостнаго права, отъ стѣснительныхъ условій города—все это населило широкія степи. Тема была очень благодарная. Что касается затѣмъ уже дальнѣйшей дѣятельности автора, его романовъ историческихъ, то наибольшее впечатлѣніе изъ нихъ въ концѣ 1879 года произвелъ его романъ „Мировичъ“, читавшійся на расхватъ. Мрачная таинственная исторія несчастнаго принца узника разказана была блестяще и занимательно. Мастерски выдержанный языкъ того времени, интересъ самаго событія видѣли этотъ романъ очень замѣтно. „При Петрѣ на Индію“, „Потемкинъ на Дунай“ и проч. особенно прелестные его „Разказы прабабушки“ могли только прибавить извѣстности имени автора. Портретъ и биографія Г. П. были помѣщены въ „Нивѣ“ 1881 г. № 4. Въ новомъ, прекрасномъ изданіи помѣщены всѣ главнѣйшія произведенія автора „Мировича“.

С М Ъ С Ъ.

Ядовитая долина. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ гть Германіи мѣстностей, среди Альпъ, недалеко Гаштейна съ его теплыми цѣлительными ключами, лежитъ одинокая долина, называемая ядовитой и которую окрестные жители ненавидятъ и избѣгаютъ. Это долина Ротгильдъ, гдѣ съ большимъ трудомъ и усиліями добывается опасный ядъ—мышьякъ. Въ горахъ, окружающихъ эту долину, мышьякъ находится въ изобиліи и несмотря на всю трудность, добываніе его очень выгодно, такъ какъ цѣна его въ торговлѣ очень высока, благодаря его полезнымъ свойствамъ. Какъ извѣстно въ маленькихъ пріемахъ мышьякъ не вреденъ; лошадамъ онъ придаетъ здоровый видъ и въ медицинѣ употребляется противъ перемежающихся лихорадокъ, удушья, падучей болѣзни, пляски Св. Вита, бѣшенства, рака и проч.; зеленому цвѣту онъ сообщаетъ особенный блескъ, котораго нельзя достигнуть другими средствами, на стекляннхъ заводахъ употребляется для окраски стекла, предохраняетъ отъ порчи мѣха и другіе подобные препараты, употребляется на фабрикахъ дрови и наконецъ служитъ отравой для крысъ и мышей. Въ медицинѣ и животнои мышьякъ извѣстенъ былъ уже древнимъ народамъ, которые красно-желтый сѣрый мышьякъ называли разбойничкомъ-металломъ, потому что онъ при своей летучести легко уходитъ полезныя и благородныя металлы. Въ названной ядовитой долині, добываніемъ мышьяка ежегодно заняты 50 человекъ, которые въ годъ приблизительно добываютъ 100 центнеровъ его (1 центнеръ немного болѣе 3 пудовъ), стоимостью 14,000 марокъ.

Еще на далекомъ разстояніи отъ долины Ротгильдъ запахъ чесночный указываетъ на близость этой такъ называемой ядовитой долины. — это очень узкое ущелье. При выходѣ изъ долины дико шумящій ручей того-же имени соединяется съ Муромъ, текущимъ къ Штейрмарку, омывающимъ Грацъ и въ Кроаціи недалеко отъ Эссега впадающимъ въ Драву. Въ верхней долині появляются сѣрая, каменная строения, это фабрики для рафинированія, отдѣлки и промывки руды, а также и жилища. Вблизи этихъ построекъ, листья ольхи, кустарники и трава все пострадало, все окрашено въ темно-красный цвѣтъ и кажется увядшимъ.

Еще выше, на разстояніи получаса ходьбы находятся рудники. Отсюда по неудобнѣйшей дорогѣ мышьяковая руда доставляется внизъ и тутъ-же въ строенияхъ для разбивки и промывки, толчется прежде въ муку и затѣмъ промывается. Потомъ въ большихъ печкахъ обжигается и такимъ образомъ освобождается отъ сѣры, далѣе въ видѣ копоти собирается въ камерахъ уже ядовитой мукой и наконецъ въ большихъ рафинирныхъ котлахъ превращается въ снѣжно-блѣдую, стекловидную кору, толщиною въ дюймъ, которая очень похожа на фарфоръ. Въ этомъ видѣ или-же въ видѣ порошка мышьякъ поступаетъ въ продажу.

Добываніе этого ядовитаго продукта производится съ большими опасностями и неудобствами. Въ рудникахъ, гдѣ находятся богатая залежи, работники съ трудомъ привыкаютъ къ запаху. Вначалѣ всѣ жалуются на стѣсненіе въ груди, тошноту и катарръ, пока наконецъ здоровая и сильная натура не привыкнетъ къ яду. Раздраженіе кожи, острия раны, воспаленія глазъ, рта и горла, а также гастрическія припадки, все это постоянныя болѣзни рабочихъ. Рудники не подвергаются вовсе оравленію, при толченіи руды также не особенно опасно; но зато опасность увеличивается постепенно при обжиганіи, сборѣ и упаковкѣ ядовитой муки и въ особенности при рафинированіи. Изъ печныхъ трубъ выходитъ мышьяковая кислота, она заражаетъ воздухъ на полмили въ окружности и обез-

цвѣчиваетъ листья и цвѣты. Велѣдствіе этого производсто мышьяка совершается только глубокою зимою, когда все вокругъ покрыто снѣгомъ. Когда въ 1862 году, работы начались въ сентябрѣ, работники сильно заболѣвали и приписывали болѣзнь именно раннему открытію работъ.

Въ странномъ повидимому противорѣчій находится двойное свойство мышьяка, именно: убивать органы живые и сохранять органы мертвые. Это происходитъ отъ того, что мышьякъ какъ живыя такъ и мертвыя ткани не допускаетъ видоизмѣняться, претерпѣвать метаморфозы, а потому у живыхъ онъ отнимаетъ способность жизни, но за то мертвымъ сообщаетъ способность противостоять послѣдствіямъ смерти, т. е. разложенію.

Чума рогаго скота. Во всѣхъ странахъ, заболѣванія этого рода домашнихъ животныхъ справедливо признаются настоящимъ бичемъ для сельскаго хозяйства и крестьянскаго благосостоянія. Всякому извѣстно, насколько справедливо это относительно нашего отечества, въ которомъ чума собираетъ такіа большія жертвы.

Причины, порождающія чумное заболѣваніе скота—извѣстны: развитіе въ организмѣ микроскопическихъ существъ, проникающихъ въ кровь, производящихъ разложеніе послѣдней и отсюда, смерть животнаго. Первоначальное предположеніе относительно самопроизвольнаго зарожденія микроскопическихъ существъ (бактерій) и отсюда чумы—уже оставили. Заболѣванія происходятъ отъ бактерій уже существующихъ, какъ показалъ между прочимъ французскій химикъ Пастеръ, пещь, принимаемой животными.

Чаще всего, животное, сдѣлавшееся жертвой чумы, зарываютъ на небольшую глубину въ томъ же полѣ, гдѣ оно погибло. Когда трупъ приходитъ въ состояніе гніенія, бактеріи, не соприкасаясь съ вѣшнимъ воздухомъ, развиваются въ немъ чрезвычайно слабо и безвредно. По кровь, зараженная ими, выходитъ изъ организма черезъ естественныя отверстія или кожу и попадаетъ въ землю, окружающую трупъ. Здѣсь они уже въ лучшихъ условіяхъ для развитія. Соприкасаясь съ воздухомъ, находящимся между частицами земли, они преблагополучно растутъ, плодятся и множатся, не умирая въ землѣ впродолженіи настолько мѣсяцевъ, но даже цѣлыхъ годовъ. Это показали многочисленныя опыты.

Пастеръ нашелъ и тотъ путь, которымъ они достигаютъ поверхности земли и заражаютъ здоровыхъ животныхъ. Сами бактеріи не въ состояніи добраться до поверхности, тѣмъ болѣе, что вода, просачивающаяся черезъ почву, увлекаетъ ихъ еще глубже. Это дѣлаютъ земляные черви, являющіеся распространителями заразы. Они поглощаютъ землю вокругъ трупа, заключающую въ себѣ бактеріи, и затѣмъ выдѣляютъ ее, въ видѣ маленькихъ цилиндриковъ на поверхности почвы, куда они выносятся въ сырую погоду, послѣ грозы. Въ этихъ цилиндрикахъ и находятся бактеріи. Цилиндрики засыхаютъ и превращаются въ пыль, которая и осѣдаетъ на окружающія растенія. Понятно, что поглощая послѣднія, здоровыя животныя, насущіяся тутъ, сами заражаются. Такъ распространяются чумныя заболѣванія рогаго скота.

Нѣтъ болѣе порченыхъ продунтовъ. Прусскій препараторъ Виперстеймеръ сдѣлалъ три замѣчательныя изобрѣтенія. Первое изъ этихъ трехъ очень важныхъ изобрѣтеній, имѣетъ цѣлю предохранить всѣ сорта хлѣба отъ порчи, помощью прибавленія къ нимъ очень вкуснаго и здороваго состава. Испеченный такимъ образомъ хлѣбъ не только не плеснѣветъ, но и не черствѣетъ, сохраняя такую свѣжесть и мягкость какъ на второй день послѣ печенія.

Физическіе опыты. Шнуръ-сифонъ.

Интересные опыты гидростатики и опыты переизменения жидкостей можно производить посредством самых несложныхъ приемовъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ простѣйшихъ опытовъ. Именно, отрѣзываютъ полоску сукна или берутъ шерстяной шнуръ и погружаютъ оба конца его въ сосуды, стоящіе на различныхъ уровняхъ, одинъ выше другаго. Вода, наполняющая верхній сосудъ, не болѣе какъ въ часъ времени перельется вся въ ниже стоящій сосудъ. Полоска сукна будетъ такимъ образомъ служить въ этомъ случаѣ сифономъ.

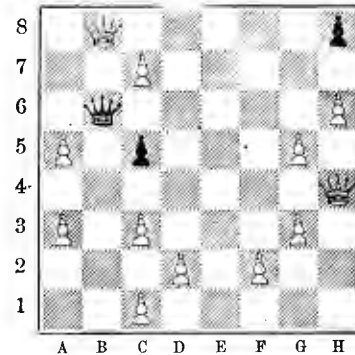
Алгебраическая задача № 16.

Фамилія одного писателя состоитъ изъ 11 буквъ; если-же эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получимъ слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Сумма второго и четвертаго чиселъ равна числу дней въ одной недѣлѣ.
  - 2) Сумма восьмага и десятаго чиселъ равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.
  - 3) Сумма перваго и седьмага чиселъ равна числу дней въ трехъ недѣляхъ.
  - 4) Сумма втораго, пятаго и одиннадцатаго чиселъ равна числу дней въ году.
  - 5) Разность между четвертымъ и вторымъ числами равна 5.
  - 6) Сумма третьяго и десятаго чиселъ равна 10.
  - 7) Сумма перваго и десятаго чиселъ равна 15.
  - 8) Сумма четвертаго и шестаго чиселъ равна 20.
  - 9) Сумма шестаго и восьмага чиселъ равна 25.
  - 10) Сумма двухъ послѣднихъ чиселъ равна 30.
  - 11) Сумма втораго, пятаго и девятаго чиселъ равна 40.
- Узнать фамилію этого писателя.

Шашечная задача № 17.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 9 ходовъ.

РЕБУСЪ. Задача № 18.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: На поискахъ экипажа „Шанеты“ въ Сибири (съ рис.)—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть первая. — Во время бури. Романъ М. Юная. (Продолженіе). — За кулисами. Стихотвореніе К. В. Л.-ой. С. Кречетовъ. — Новая раскопки въ Египтѣ (съ 5 рис.)—Транспортъ ссыльно-наторжныхъ на переправѣ (съ рис.)—Пожарная команда въ Петербургѣ (съ рис.)—Юный Петръ у корабельнаго мастера (съ рис.)—Кривошане и ихъ борьба съ австрійцами (съ рис.)—Г. Германъ—профессоръ магіи (съ портр.)—Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Смѣсь. — Игры и задачи: Физическіе опыты. Шнуръ-сифонъ. — Алгебраическая задача. — Шашечная задача. — Ребусъ. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются „Парижскія моды“ за Мартъ 1882 г. съ 24 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 25 чертж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рисунками выпильныхъ работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

АЛЬБОМЪ МАШИНЪ за 1 руб. посылается франко каждому на домъ; въ немъ болѣе 150 точныхъ изображеній и подробныхъ описаній новѣйшихъ машинъ. Просятъ адресовать къ знаменитой фирмѣ:

Морицъ Вейль младш. Франкфуртъ на Майнѣ.

Корреспонденція по русски.

Р. № 1980

ВЫПЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“

СОДЕРЖАНІЕ: Самоубійца-ли она? рассказъ А. А. Шкляревскаго. — Записки монахини. — Проблема сердца. — Стефанія. — Шопотъ въ лесу. Всѣ статьи закончены.

„Собраніе Романовъ“ въ 1882 г. выходитъ шесть разъ въ годъ и стоитъ четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ съ доставкой пять, съ пересылкой шесть. Каждая книга, составляющая отдѣльное цѣлое, всегда съ законченными статьями, продается въ Редакціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ по 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. Подписка принимается исключительно на имя Е. Н. Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. Въ первой книжкѣ помѣщенъ романъ Жюль Верна Жангада. № 1988

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1785 26 17

РАЗРѢШЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ МЕДИЦИНСКИМЪ ФАКУЛЬТЕТОМЪ САЛИЦИЛОВАЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА

зубнаго врача **Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМЪ** въ Москвѣ.

приобрѣтшія большое примѣненіе, рекомендуются какъ лучшія гигиеническія средства для рта и зубовъ, предупреждающія кариозу, осажденіе слюннаго камня, дурнаго запаха во рту и проч.

Главное депо у зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМА, въ Москвѣ,

Кузнецкій мостъ, домъ Соколова.

Оптовая и розничная продажа во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, въ лучшихъ косметическихъ и другихъ магазинахъ всей Россіи.

Перепродавцамъ соразмѣрная скидка. П. № 1947

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Диво-птица новая как настоящая 4 р., машинка жаворонокъ 50 к.; волчки съ музыкою 30 к. и 1 р.; тубная гармонія съ колокольчиками 2 р. 50 к.; танцующая кукла 3 р. 50 к.; заводная мышь 60 к.; волшебный фонарь съ картинами 3 р.; музыкальный ящикъ 3 р. 50 к. Цѣны назнач. съ пересыл., но меньше чѣмъ на 3 руб. не выслается. Магазины „Нюрнбергъ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Галетномъ пер., наискосъ церкви Успенія, д. Шаховскаго, напротивъ бриллиантника Сергушина. П. № 1973

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ:
Графа П. А. ВАЛУЕВА.

Моринъ.

Въ 2-хъ частяхъ. 8^о.
Цѣна 7 р., съ перес. 7 р. 75 к.

въ англійскомъ переплетѣ 8 р., съ пер. 9 р.
П. идворный книжный маг. ШМИЦДОРФЪ
(Н. Ретгеръ). Р. № 1958 2-2

СПЕЦИАЛЬНАЯ ШКОЛА КРОЙКИ И ШИТЬЯ О. А. СУВОРОВОЙ,

существовавшая съ 1865 года.
Преносятся уроки по вновь усовершенствованной методѣ, правильно снимать мѣрку и кроить, тутъ же принимаютъ скройку и сметку платяевъ и продаются всевозможныя выкройки.
Тверская, Мало-Гибздинскій пер., д. Мал. Кіеља въ Москвѣ. Ц. № 1963

ДЛЯ ПЧЕЛОВОДОВЪ.

Изобрѣтенъ новый снарядъ, ловящій матокъ при выходѣ роявъ и тѣмъ устраняющій побѣгъ ихъ изъ пастыи и лезаніе за ними по деревьямъ; при чемъ не будетъ необходимо имѣть лишнихъ людей въ роевую пору. Цѣна снаряда съ пересылкою и посылнымъ наставленіемъ ПЯТЬ рублей. Адресъ: Въ Нязинъ-Новгородѣ, Федору Ивановичу Богданову, Б. Анская улица домъ Башкирова № 12. П. № 1970

ГЕОРГИНЫ

сѣмяна 35 к. за за 100 зер., 1000 2 р. съ перес. С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 2, въ чулочную Марьяиной.

353 ПОУЧЕНІЯ

св. Иоанна Златоустаго. Ц. 3 р. 25 коп., съ перес. 4 руб.
О Христ. милосердіи ц. 30 к., съ пер. 40 к.
Брошюра: о милосердіи . . . . . ц. 6 к.
о клятвѣ . . . . . ц. 5 к.
Съ требованіемъ обращаться: Нозельскъ, Оптина пустынь, о. Стефану Дерябину.

Единственное доказательство подлинности, если эта же фабричная марка находится на этикеткахъ.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальвъ-Эстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Копп. въ Бреславѣ *).
Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій гортани и груди, начиная съ простаго катарра до ханотки и противъ блѣдной немочи.
Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ
Главнаго Управления Общества Краснаго Креста для вспомошествованія больнымъ и равнымъ образомъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. въ русск. общ. торговл. аптекарск. тонаръ. Казанская, 12, Штоль и Шиндтъ, Малая Морская, 11.
Въ Москвѣ у Н. Матейзевъ; въ Варшавѣ у Лудвига Шписъ и Смаа. № 1938

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ.

- 1) Страхование на случай смерти (для обезпеченія семейства и пр.).
- 2) Страхование на дожитіе (для обезпеченія старости, приданнаго и пр.).
- 3) Страхование доходовъ (пенсія на старость, вдовья пенсія).

Ближайшіе подробности въ трехъ различныхъ брошюрахъ страховаго общества „Россия“ (Большая Морская, д. № 13), по востребованію высылаемыхъ безплатно.
№ 1937 3-3

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ. ПОЭМА Дикона Мильтона.

Большое издание in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикъ 30 р. въ красномъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикъ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1882 г. дѣлается уступка 5 руб.

БАНКІРСКИЙ ДОМЪ Г. ВОЛНОВЪ СЪ СЫНОВЬЯМИ.

Невскій проспектъ, № 60, противъ Анничкова Дворца.
Покупаютъ и продаютъ % бумаги, акцій, а также подумпериалы, серебряные рубли, иностранн. монеты; по биржевой цѣнѣ.
Выдастъ ссуду подъ все % бумаги, котированныя на С.-Петербургской, Московской и другихъ биржахъ Россіи.
Выдастъ переводы, аккредитивы, производитъ телеграфныя платежи и принимаетъ векселя, для плученія на все важнѣйшіе города Россіи и за границу.
Плата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, закладнымъ листамъ, облигациямъ и другимъ % бумагамъ.
Учетъ несрочныхъ и разнѣмъ срочныхъ купоновъ.
Страхование выигрышн. билетовъ по 50 к. за билетъ.
Пріемъ на коммисію талоновъ, для полученія новыхъ купонныхъ листовъ.
№ 1964

1-го МАРТА ВЫШЕЛЪ и РАЗОСЛАНЪ № 2,

Содержаніе: Отъ бревенчатой хижини до бѣлаго дома. (Биографія Д. Гарфильда). Народный учитель. И. В. Маларевскаго. Дѣтямъ, стих. А. Михайлова. Гаврюша (очеркъ). Очерки изъ исторіи Россіи Н. Бѣлозерской. Дѣтскіе гимны Моцарта. В. П. Авенариуса. Наше житье: В. М. Сорокина. Смѣсь. Загадки.
Подписка на 1882 г. продолжается. Цѣна за годъ съ приложеніемъ педагог. сборн. „Восп. и Обуч.“ 6 руб. безъ приложенія—5 р. съ доставк. и пересылкою.
Адресъ редакціи: СПб. Спасская ул., № 1. Первая книжка сборника „Восп. и Обуч.“ печатается и будетъ разослана подписчикамъ въ мартѣ мѣсяцѣ.
№ 1976

НА ДНЯХЪ ВЫЙДЕТЬ ИЗЪ ПЕЧАТИ „ДАМСКІЙ СБОРНИКЪ“

(съ пояснительными рисунками).
СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКА: I Туалетъ и его тайны. Смягченіе кожи. Средство противъ морщинъ и пота. Умыванія для лица. Угри, прыщи, нечистый цвѣтъ лица, бородавки, наросты, мозоли, загаръ, веснушки, нечистоты лица, средства противъ нихъ. Близина лица и чистота кожи. Вѣдла и румяна. Подкрашиваніе губъ, подведеніе жидокъ и вѣкъ. Проявленіе бровей и рѣсницъ. Очищеніе лица. Волосы. Уничтоженіе перхоти. Средства отъ выпаденія волосъ, для роженія. Взлесь волосъ. Окраска. Средства для красоты зубовъ. Приданіе аромата дыханію. Уходъ за ногтями, полированіе ихъ. Причесываніе головы, безъ помощи парикмахера. II Гардеробъ. Искусство одѣваться къ лицу. Выборъ матерій, отдѣлокъ, фасоновъ и проч. Общія законы моды. Кройка и шитье. Стирка бѣлыя. Чистка и окраска матерій, дерчатокъ и перьевъ. Сохраненіе меховъ и проч. III. Руководія и художественныя работы. Вышиванія гладью и по канвъ. Вязанія крючкомъ и на спицахъ. Плетеніе всякаго рода. Искусственные цвѣты. Работы изъ соломы, воли и проч. Рисованіе на деревѣ, атласѣ, кожѣ, фарфорѣ и проч. IV. Музыка и пѣніе. Практическіе и теоретическіе совѣты при обученіи музыкѣ и пѣнію. V. Танцы. Позиціи ногъ. Балныя танцы. Фигуры балныхъ танцевъ. 15 новыхъ фигуръ котильона. Управленіе танцами. Съ приложеніемъ нотъ для фортепьяно: полька, мазурка, вальсъ, кадрили и лясель. VI Верхняя ѣзда. Выборъ лошади. Посада. Управленіе лошадыю. Ѣзда на кордѣ и мундштукѣ. Повороты, аллюры и проч. VII Домоводство. Квартира и устройство ея. Меблировка. Общія правила. Убранство комнатъ. Экономія и изящество. Чистка разныхъ вещей и подновленіе старыхъ. Подборъ мебели, картинъ и проч. Лошади упряжныя, экипажи и сбруя. Собаки, кошки, попуганъ, канарейки и проч. VIII. Цвѣтоводство. Уходъ за комнатными и садовыми цвѣтами. Акваariumъ и террариумъ. IX. Нухия и кладовая. Кухонная обстановка. Искусство сервировки. Выборъ и сохраненіе съѣстныхъ припасовъ. Больше 400 рецептовъ различныхъ кушаньевъ. X. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ. Уходъ за новорожденными. Ростъ ребенка и его развитіе. Дѣтскія болѣзни. Учене дома и въ школѣ. Учебныя пособия. Игры, забавы, игрушки и приготовленіе ихъ домашними средствами. Еда и ея принадлежности. Дѣтскіе спектакли и балы. XI Свѣтская жизнь. Пріемы и выѣзды. Вѣянты обыкновенныя, поздравительныя и проч. Вечера, обѣды, балы, пикники и проч. Театръ. Дачная жизнь. Свадьба, крестины и проч. Карточные игры (petits jeux). Домашніе спектакли, выборъ пьесы и постановка. Условный языкъ. значеніе цвѣтовъ. Гаданія. XII. Женщина-супруга и мать. Въ этой главѣ заключены фзіологическія и гигиеническія указанія и практическія совѣты, необходимыя каждой женщицѣ. Глава эта помѣщена въ концѣ книги для того, чтобы ее удобно можно было отнять отъ тѣхъ экземпляровъ, кои предназначаются для очень молодыхъ дѣвицъ.
Гр. иногороднимъ могутъ обращаться съ требованіемъ въ „Бюро Дамскихъ порученій для иногороднихъ“ Александры Константиновны Буринской. СПб. 9 Рождественская ул. д. 32. Цѣна книги въ бумажной оберткѣ—3 р. 50 коп., въ коленкорномъ переплетѣ—4 рублевъ 50 коп.
№ 1969

НОВЫЕ РОМАНСЫ Д. ВЕКШИНА.
Было время золотое 40 к.
Слышу-ли пѣсенки звуки 40 к.
Ни слова о другъ мой. 40 к.
Кудри (Съ радостіи веселья). 60 к.
Вальсъ „Характеристикъ“ для ф. п. 75 к.
Адресующіяся въ книжныя магазины В. Д. Нашина въ Ордъ и въ Твери, за пересылкою не прилагаютъ. № 1971

ИСТОРІЯ ОДНОГО РАЗВОДА.

РОМАНЪ
Ц. И. Северщина.
Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 10 к. Складъ изданія въ Петербургѣ, Спасская ул., д. № 1, кв. 13. № 1977

ГОЛУБУШКА.

Новый вальсъ соч. Пьяго. Цѣна 1 руб. Что хочешь, того просишь. Кадриль 75 к. Подъ хмѣльною. Полька 50 к. Дидерай, дидерау, дидералала. Кадриль 75 к. № 1976
рекомендуетъ Музыкальный маг. Н. Розе. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20. Пересылка во все города Россіи безплатна.

Еженедѣльная газета НЕДѢЛЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО
„Журнала Романовъ и Повѣстей“.

Въ вышедшихъ номерахъ „НЕДѢЛИ“ напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: Знамя либерализма.—Народная политика. Либерализмъ и народная политика.—Правовой порядокъ.—Народовѣдч. —Новый съездъ свѣдущихъ людей. —Виновики еврейскихъ бѣдъ.—Средній взглядъ на еврейскій вопросъ.—Мутители умовъ.—Литературный успѣхъ.—Откликъ на голосъ священника.—Двойственность русскаго сектанства.—Литературный феноменъ.—Неграмотный ревнелъ просвѣщенія. Барона Н. А. Корфа.—Письма Ѳ. М. Достоевскаго.—Внутренняя хроника.—Заграничная хроника.—Стихотворенія.—Критическіе очерки.—Литературно-южнейскія замѣтки.—Записки свѣдущаго человека. — Пятдесятъ-пять корреспонденцій изъ провинцій и проч.
Въ вышедшихъ книжкахъ „Журнала Романовъ и Повѣстей“ напечатано:
Исторія моего оскорбленія (съ запискою глагола). — Сагайдачій. Историческая повесть Д. Л. Мордовцева.—Царскіе кудри. Романъ мистрисъ Бреддонъ.—Вертепъ. Новый романъ Эмилія Зола.
Подписка на 1882 годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ все вышедшіе номера, начиная съ первыхъ.
Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ съ приложеніемъ „Журнала Романовъ и Повѣстей“ 8 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой.
Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 6. № 1975
Редакторъ-Издатель П. А. Гайдебуровъ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ въ 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКЕ
ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ
 заводящихся ключомъ.
 Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 45, 50 и 55 руб. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).
 Такіе же закрытые 55, 60 и 65 р.
 Такіе же 1-го сорта съ брегетовскими волоскомъ 75, 80, 85 и 100 руб.
 съ ручательствомъ на 1 года въ МАГАЗИНАХЪ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ

поставщица Высочайшаго Двора въ С.-Петербурѣ: на Невскомъ просп., д. № 23. (противъ большой Колодезной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).
 Пересылка на счетъ магазиновъ.
 Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 1606 10-2

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗЪ

ЗОЛОТА И СЕРЕБРА

какъ-то: старинныхъ золотыхъ эмальированныхъ табакеронъ, вазы, кубки и бокалы изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, старинныя серебряныя вещи, какъ-то: кружки, бокалы, кубки, группы и фигуры, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII стол., кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.
 Т. № 1910 6-3

EIN

GROSSES LOCAL

ist zu vermieten,

geeignet für Bank-oder Assecuranz-Geschäfte, Clubs etc. etc. am

Nevski-Prospect, dicht an der Polizeibrücke
Nähere Details werden ertheilt auf briefliche Anfragen sub Chiffre W. S. abzugeben an die Redaction dieses Blattes. 5-2

НОВАЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ СЪЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ **КАРЛА БЕРМАНА** по 125 руб.
УНИВЕРСАЛЬНЫЯ СЪЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ **СИСТЕМЫ ЭКЕРТА** по 110 р.

а также пуги, бороны и проч. земледѣльческія орудія и машины

ПРЕДЛАГАЕТЪ СО СЕЛАДА

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 динія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
Иллюстрированные каталогъ по во-с-требованію 4-3

АЛЬБЕРТЪ САЛМОНЪ,
Albert Sahlmon,
БЕРЛИНЪ, W.

КАКЪ СПЕЦІАЛЬНОСТИ
ПТИЧЬИ КЛѢТКИ изъ лакированного, покрашеннаго цинкомъ, и отдаленно лакированного дерева.
АНВАРИУМЫ и ТЕРРАРИУМЫ, просверленные бляхи и прессы.
 № 1931 НИМУТЬ АГЕНТОВЪ. 6-4

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“
 Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ.
 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА:
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
 Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА
 Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVI вѣка.
Всеволода Соловьева.
 Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
 Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

СУШИЛЬНЫЙ СОСТАВЪ КЕЛЕРА,

всегда съ успѣхомъ дѣйствующее и дешевое средство для просушиванія сырыхъ стѣнъ и помѣщеній и для предохраненія стенокъ отъ замерзанія продается у
 Ц. № 1889 **Р. КЕЛЕРЪ и Коми.** въ **МОСКВѢ.** 5-2

СЪМЕННОЕ ДЕПО

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Н. В. ЛИСИЦЫНА,

въ Москвѣ, на Петровкѣ, домъ Пенскаго.

Симъ имѣетъ честь увѣдомить гг. сельскихъ хозяевъ, что для осенняго посѣва получено большое количество сѣмянъ, продающихся по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ:

	За пудъ.
Клеверъ красный новаго урожая	7 руб. 50 коп.
Тимофеева трава	5 „
Вика или черная горошекъ	1 „ 50 „
Овесъ американскій	2 „
„ французскій	1 „ 50 „
Рожь яровая гессельбергъ	2 „ 50 „
„ озимая ванманская зѣбнаго урожая	2 „ 50 „
„ вышенная	6 „
Пшеница яровая галицкая	3 „ 50 „
Ячмень голый гималайскій	3 „
„ кентъ	2 „ 50 „
Греча сибирская	2 „ 50 „
Тень американскій	3 „
„ псковскій высокій	5 „

Гг. сельскимъ хозяевамъ и любителямъ садоводства по требованію высылаются почтою безплатно иллюстрированный прейсъ-курантъ Н. В. ЛИСИЦЫНА. М. № 1967

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками И С. Панова
Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г.
 Изданіе А. Ф. Маркса по больш. Морской д. № 9. Цѣна 2 рубл., съ пересылкою 2 рубл. 50 к.
 Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3-4

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Анти-Эпидемическія произведенія.

ФЕНОЛЬ для очищенія воздуха въ комнатахъ.

КАРБОЛОВЫЯ

Уксусъ Туалетный
 Уксусъ Курительный
 Мыло и Эликсиръ.

САЛИЦЛОВЫЯ

Зубной Эликсиръ и порошокъ
 Туалетное мыло
 Туалетная вода

Жидкость для уничтоженія

зловонія и миазмъ въ разныхъ посудахъ въ помойныхъ ямахъ и проч.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты принявше названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы: „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

КОНЦЕРТИНО

англійскія, швейцарскія фабрики Ламеналь въ Лондонѣ отъ 30 р. до 200 р.
Нѣмецкія концертино по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р.
 Самоучитель для нѣмцевъ концертино 75 к.
Бандионы по 20 р., 30 р., 35 р., 50 р.
 Школа и ноты для бандиона.
Нѣмецкія ручныя гармоніи отъ 2 р. 75 к. до 50 р.
 Новый самоучитель Соколова для гармоніи 1 руб., разныя ноты съ танцами пьесами и операми, тетради по 75 к.
 Гармонифлюты Бюссона въ Парижѣ по 40 р., 45., 60 р., 75 р., 90 р.
 рекомундуется:
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМ.
Юлія Генриха Циммермана.
 С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 1979 ской, № 42. 2-1

ПОДПИСКА НА
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
 въ редакціи г. Елсаветградъ, директ. земск. реальн. училища, М. Завадскому въ годъ 20-тъ №№. Цѣна 4 р. № 1944 3-2

№ 1936 На Казанской площади, уголъ Невскаго пр., д. № 18 27. 2-1

ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА И АВГУСТЪЙШАГО СЕМЕЙСТВА.

С. ВЕНКЕРЪ,

ПОМЪЩАЕТСЯ:

Выставка готовыхъ ролей и контора фабрики

Съ 1-го Января 1882 г.

XIII годъ

№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII

1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 13 Марта 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис. разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Открыта Подписка на 1882 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки
въ Петербургъ

4 р.

Съ доставкою
въ Петербургъ

5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское
отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н.
Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій.

5 р.

Съ пересылкою
въ Москву и др.
города Россіи . .

6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 7 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Въ Итали. Деревенская принцесса. Рис. П. Вагнера, граф. Бренд'Амуръ.

Въ Италіи. Деревенская принцесса.

Подъ чуднымъ голубымъ небомъ Италіи, гдѣ нибудь среди холмовъ, погонушая въ зелени итальянскихъ сосенъ, дубовъ, краснаго вереска и золотата дрока ютится мирная деревенка, гдѣ родилась эта миловидная дѣвочка. Люди здѣсь живутъ мирно и спокойно и мало заботятся о тревоженіяхъ міра сего. Все тихо въ этомъ уголкѣ, движенія мало. По несчаной дорогѣ, идущей между каштановыми и пишневими рошицами ходятъ только ослики дровосѣковъ да волы каменщиковъ. Въ этомъ мирномъ уголкѣ, въ достаточномъ богатомъ крестьянскомъ домѣ и выросла она—эта здоровая, веселая и ласковая дѣвочка. И она очень избалована, эта аристократка мѣстечка—ее такъ всѣ любятъ—не только родители, которые не могутъ ей отказать ни въ чемъ а и всѣ посторонніе, деревенскіе, всѣ ласкають ребенка и эту общую любимицу называютъ „лаша принцесса“.

Вотъ она лѣниво растянулась прислонясь къ колоннѣ, отставивъ корзину съ плодами и задумалась, радуясь своей молодой жизни, разцвѣтающей подъ ея родимымъ чуднымъ небомъ, въ виду южнаго голубаго моря, плещущаго въ чудные берега своими лазоревыми волнами. Теперь балованную дѣвочку занимаютъ только ея игры и забавы, дѣтское ея сердечко бьется любовью только къ своимъ родителямъ и сестрамъ, къ сосѣдямъ, потому что и они всѣ ее любятъ; но уже и въ ребяческомъ личикѣ малютки можно видѣть черты будущей роскошной красавицы-итальянки и не у одного деревенскаго юноши будутъ всыхивать смуглыя щеки и загораться глаза при встрѣчѣ съ нею, когда она, проходя мимо, граціозно и плавно съ граблями на плечѣхъ и стыдливо потупивъ прелестные глаза, поклонится степенно и скромно, эта балованная „деревенская принцесса“.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Зубовъ вспомнилъ далекое время, красиваго любезнаго юношу, богатаго и знатнаго, который только-что появился въ петербургскомъ свѣтѣ, за которымъ такъ ухаживали, которому сулили блестящую карьеру. Онъ вспомнилъ, какъ онъ, Платонъ Зубовъ, ничтожный офицерикъ всегда нуждавшійся въ деньгахъ, потому что скупой отецъ рѣдко высылалъ ихъ изъ деревни, какъ онъ стремился познакомиться съ этимъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, какъ онъ втерся къ нему въ домъ, обратилъ на себя его вниманіе услужливостью. Вспомнилъ вечеръ у цыганки, кошелекъ съ деньгами, выпрошенный имъ у Горбатова и потомъ... сцену въ Царскомъ Селѣ, передъ запертыми дверями покоевъ императрицы, у которыхъ онъ стоялъ дежурнымъ.

„Я хотѣлъ возвратитъ ему эти деньги, а онъ наотрѣвъ отъ нихъ отказался и не взглянулъ! какимъ тономъ говорилъ со мною! Онъ готовъ былъ съѣсть меня отъ зависти и злобы, онъ долженъ былъ понять, что наши роли измѣнились. Но какъ-же смѣлъ онъ такъ говорить со мною, какъ смѣлъ оскорблять меня! Такія вещи не забываются. Можетъ быть онъ и хотѣлъ позабыть, да я-то ему забыть не дамъ, я уже доказала, кажется, ему, что нельзя безнаказанно обижать Платона Зубова! Восемь лѣтъ прошло! Ну что-же съ нимъ стало за это время?! Я знаю, какъ ему хотѣлось вернуться. Я помню, какъ всѣ за него просили, но все-же я настоялъ на своемъ. Онъ не былъ для меня опасенъ даже и въ первое время. Еслибы ему желалось остаться за границей, я бы заставилъ его вернуться сюда, но онъ хотѣлъ непременно вернуться—и поэтому долженъ былъ тамъ оставаться. Что онъ получилъ въ это время, какую карьеру сдѣлалъ?! Его расхваливали и Симолинъ и Воронцовъ, хлопотали о повышеніяхъ, но онъ получилъ всего-на-всего двѣ-три ничтожныхъ награды по службѣ, онъ почти въ томъ-же положеніи какъ и уѣхалъ отсюда. Онъ знаетъ, конечно знаетъ кому онъ обязанъ этимъ. Онъ хорошо знаетъ, что такое теперь Платонъ Зубовъ. Не пусть увидитъ своими глазами. Мнѣ пріятно будетъ взглянуть на него, на одного изъ мелкихъ затертыхъ мною чиновниковъ, какъ-то онъ станетъ теперь передо мною хорохориться?! „Господинъ Зубовъ, я не приму отъ васъ денегъ!“ Господинъ Зубовъ! Нѣтъ, теперь ваша свѣтлость“!..

И онъ совсѣмъ позабылъ о своемъ знаменитомъ проектѣ, о многихъ государственныхъ дѣлахъ ждавшихъ его рѣшенія. Забылъ обо всемъ и думалъ только о совсѣмъ чуждомъ ему, никогда и ничѣмъ не повредившемъ ему человѣкѣ, которому онъ испортилъ восемь

лѣтъ жизни и котораго хотѣлъ довести до крайняго униженія. Но вѣдь онъ никогда ни о комъ не думалъ и не заботился!? если ему встрѣчались люди, которые, какъ казалось ему, могутъ въ чемъ-нибудь помѣшать, могутъ встать поперекъ дороги,—онъ отстранялъ ихъ легко и внезапно безъ всякаго труда съ своей стороны. Ему достаточно было навести разговоръ, приготовить подходящую фразу, пустить въ ходъ наизусть заученныя и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствующія уловки. Неудобный человѣкъ былъ устраненъ и затѣмъ ему не было до него никакого дѣла, онъ относился къ нему равнодушно. Онъ привыкъ теперь уже считать себя безконечно выше всѣхъ и всѣ казались ему такими ничтожными, мелкими. Государственные люди, люди знаменитые въ разныхъ сферахъ дѣятельности, преклонялись передъ нимъ, ловили его улыбку, его милостивый взглядъ, кланялись, ползали передъ нимъ. Такъ какъ-же ему было не считать себя великаномъ, а всѣхъ этихъ людей пигмеями!

Но въ такомъ случаѣ стояло-ли обращать вниманіе на незначительнаго человѣка, на неудавшагося дипломата, стояло-ли о немъ думать, мстить ему за какую-то давнюю обиду?!—видно стояло.

Платонъ Зубовъ во всѣ эти восемь лѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, да и вспоминалъ о Сергѣѣ Горбатовѣ и каждый разъ волновался при этихъ воспоминаніяхъ. Было что-то въ этомъ почти уничтоженномъ имъ человѣкѣ, что выводило его изъ себя, бѣсило. Онъ какъ-то непохожъ былъ на остальныхъ людей, на всѣхъ этихъ заслуженныхъ сановниковъ, увѣшанныхъ звѣздами и лентами, которыхъ свѣтлѣйшій князь считалъ мелкими мошками, и о которыхъ не было ему ни охоты ни досуга думать.

Наконецъ, Зубовъ взглянулъ на часы, позвонилъ камердинера и съ его помощью началъ умываться. Въ-стѣ съ камердинеромъ въ спальню вошелъ молодой человѣкъ тоже лѣтъ около тридцати. Господинъ этотъ держалъ подъ мышкой портфель. Онъ съ видимыми знаками глубочайшаго почтенія, но въ то-же время не безъ нѣкоторой фамильярности раскланялся съ Зубовымъ. Тотъ довольно привѣтливо кивнулъ ему головой и продолжалъ умываться.

Господинъ съ портфелемъ былъ Грибовскій, одинъ изъ очень немногихъ любимцевъ Зубова, его секретарь и секретарь государыни.

— Видѣлся нынче съ Морковымъ? спросилъ тщателью вытирая себѣ лицо и глядясь въ зеркало Зубовъ.

— Видѣлся, ваше свѣтлость! отвѣтилъ Грибовскій.

— Ну и что-же? говорилъ онъ съ королемъ, успѣлъ его урезнить?

— Да какъ вамъ сказать, ваша свѣтлость, — король хотѣ и мальчикъ еще совсѣмъ, а все-таки упрямъ изрядно, стоитъ на своемъ. Но, конечно, въ концѣ концовъ его вы уговорите. Графъ Морковъ кой-что придумалъ и сказалъ мнѣ, что сегодня изложить вашей свѣтлости свой планъ.

— Хорошо, я поговорю съ нимъ. Скажи, пожалуйста, много сегодня тамъ собралось народу у меня въ приемной?

— По обычаю, ваша свѣтлость, биткомъ набито.

— А не замѣтилъ ты, тамъ-ли прѣбывавшій изъ Лондона Горбатовъ, которому я вчера вечеромъ послалъ приказаніе явиться?

— Тамъ, ваша свѣтлость!

— Пойди, скажи, что я проснулся и выхожу, да скажи Горбатову, что онъ тоже можетъ войти.

Грибовскій съ изумленіемъ взглянулъ на Зубова.

Въ комнату, рядомъ со спальней, впускались только самцы высокопоставленныя и близкія князю лица—и вдругъ онъ разрѣшаетъ входъ въ это святилище мало-чиновному, бывшему такъ долго въ удаленіи челоѣку— что значить эта необычная милость? Но онъ, конечно, не выразилъ своего изумленія.

Зубовъ вытеръ руки, накинулъ халатъ.

— Дай мнѣ твои бумаги, сказалъ онъ Грибовскому.

Тотъ вынулъ бумаги изъ портфеля.

— Да скажи цирюльнику, чтобы шелъ меня причесывать... Отвори дверь!

Грибовскій кинулся впередъ, распахнулъ двери и князь, одной рукой придерживая полы халата, другой держа взятыя у секретаря бумаги, вышелъ въ соседнюю комнату. Обезьяна выскочила изъ подъ кровати и прыгая и кривляясь, послѣдовала за своимъ господиномъ.

V.

Пріемъ.

Комната, въ которую вошелъ Зубовъ, была также обширна, какъ и его спальня, также роскошна и только нѣсколько менѣе беспорядочно убрана.

Зубовъ развалился въ покойномъ креслѣ, придвинулъ столикъ, положилъ на него бумаги, часть ихъ взявъ въ руки и сдѣлалъ видъ, что углубленъ въ чтеніе. Дверь отворилась и въ комнату начали входить одинъ за другимъ важные сановники, люди пожилые и заслуженные, увѣнчанные знаками отличія, почти все представители старинныхъ русскихъ фамилій. Они были въ полной формѣ. Входя въ комнату всѣ отвѣщивали глубокой поклономъ хозяину и останавливались въ ожидательной и почтительной позѣ, недоходя нѣсколько шаговъ до его кресла. Онъ продолжалъ глядѣть въ бумаги незамѣчая поклоновъ, не поднимая глазъ.

Наконецъ, когда Грибовскій пропустилъ всѣхъ, кто имѣлъ право входа въ эту комнату, когда дверь затворилась, онъ положилъ бумаги на колѣни и обвелъ глазами присутствовавшихъ. Всѣ отвѣсили ему поклонъ зторично. Не приподнимаясь съ кресла, не измѣняя своей позы, онъ только слегка кивнулъ головою и разсѣянно проговорилъ:

— Здравствуйте!

Но въ то же время красивые глаза его, въ которыхъ блеснуло теперь какое-то непривычное выраженіе, скользнули и остановились на блѣдномъ лицѣ челоѣка, стоявшаго въ отдаленіи отъ всѣхъ.

— О! какъ онъ измѣнился! подумалъ Зубовъ, — какой блѣдный, видно жилось неособенно весело! А красивъ попрежнему, еще красивѣе!

Но при этомъ онъ вспомнилъ про свою собственную красоту, о которой такъ много трубили ему со всѣхъ сторонъ и успокоился. Онъ еще разъ взглянулъ на этого стоявшаго поодаль челоѣка, на Сергѣя Горбатова.

Тотъ тоже прямо и спокойно смотрѣлъ на него, не опустилъ глазъ отъ его взгляда. Горделивая и презри-

тельная усмѣшка блуждала на губахъ его. Онъ стоялъ среди всѣхъ передъ хозяиномъ, развалившимся въ креслѣ и едва кинувшимъ своимъ гостямъ „здравствуйте!“ Онъ стоялъ въ такой непринужденной, горделивой позѣ, что Зубова всего перевернуло, злоба подступила къ груди его, щеки вспыхнули.

— А такъ-то! все такой-же! думалъ онъ. Ну, стой, я смирю твою гордость, а пока посмотри, полюбуйся, что я теперь такое.

Онъ отвелъ отъ него глаза.

Кто-то изъ сановниковъ почтительно склонился передъ нимъ, говорилъ ему, докладывалъ ему что-то. Онъ сдѣлалъ видъ, что слушаетъ, раза два одобрително кивнулъ головою, промолвилъ:

— Такъ, такъ!

А потомъ, когда говорившій замолчалъ и отошелъ нѣсколько въ сторону, онъ будто-бы что-то вспомнилъ и позвалъ Грибовскаго.

— Пойди, пожалуйста, въ спальню, на кругленькомъ столикѣ увидишь маленькій футляръ—принеси!..

Грибовскій вышелъ изъ комнаты и вернулся съ футляромъ.

— Господишъ Милесино! протянулъ Зубовъ.

Старый, заслуженный генералъ, съ почтеннымъ, благообразнымъ лицомъ и военной выправкой, отдѣлился изъ кучки сановниковъ и приблизился къ креслу свѣтлѣйшаго князя.

— Что угодно, ваша свѣтлость? заискивающимъ тономъ проговорилъ онъ.

— Генералъ, я поздравляю васъ съ милостью государыни, она поручила мнѣ передать вамъ вотъ это...

Онъ протянулъ генералу принесенный Грибовскимъ футляръ.

Тотъ принялъ футляръ дрожащей рукою, открылъ его—въ немъ оказались орденскіе знаки Владимира первой степеніи.

Увидавъ красныя и черныя полосы ленты, о которой онъ такъ долго мечталъ, генералъ совершенно растерялся отъ восторга. Въ лицѣ его что-то дрогнуло, на глаза набѣжали слезы и, въ порывѣ благодарности, онъ кинулся къ Зубову, склонился передъ нимъ своимъ тучнымъ, старческимъ, но все еще крѣпко перетянутымъ тѣломъ и—звонко чмокнулъ у него руку.

— Я не нахожу словъ для благодарности, запинаясь, говорилъ онъ,—ваша свѣтлость... благодѣтели!

Зубовъ, ничуть не смущенный тѣмъ, что старый генералъ поцѣловалъ у него руку, отвѣчалъ ему милостиво и величаво:

— Что-же, вы заслужили эту награду и вполне достойны этой милости. Ахъ да, между прочимъ, мы и теперь на васъ рассчитываемъ — вы, большой мастеръ устраивать фейерверки и маневры. Теперь нужно будетъ блеснуть этимъ передъ нашимъ гостемъ, молодымъ шведскимъ королемъ, или нѣтъ, графомъ Гагою, ибо мы такъ должны называть его. Мы на васъ рассчитываемъ, и я надѣюсь, что вы сдѣлаете все возможное для доставленія удовольствія государынѣ!

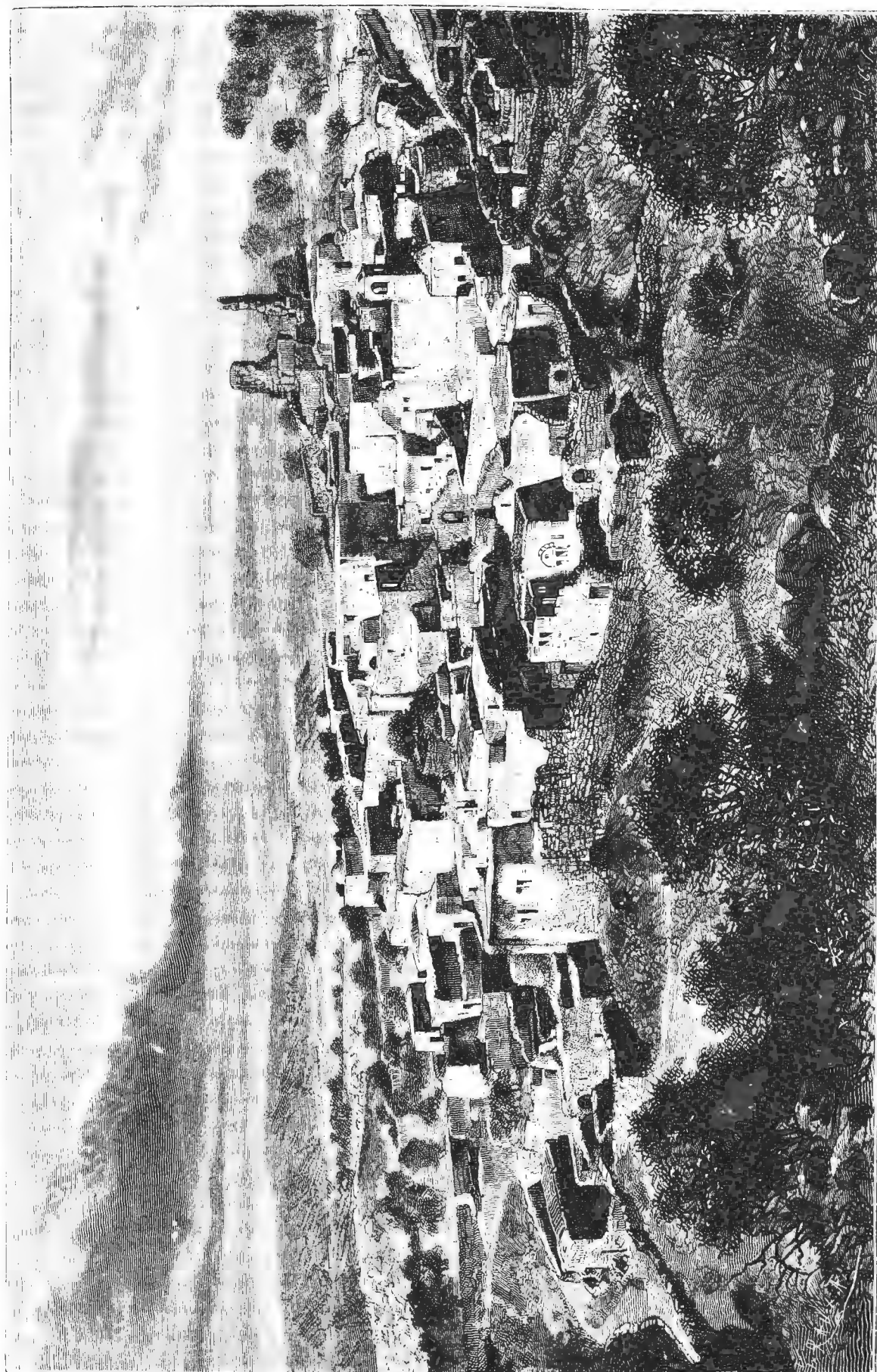
— Ваша свѣтлость, постраюсь, все что въ силахъ! лепеталъ старикъ, весь красный отъ счастья, то и дѣло поглядывая на широкую, темно-красную, съ черными полосами ленту, бывшую въ рукахъ у него.

Эта сцена, очевидно, не поразила никого изъ присутствовавшихъ. Всѣ обступили генерала, поздравляли его, жали ему руку. На нѣкоторыхъ лицахъ изображалась зависть, только одинъ Сергѣй Горбатовъ стоялъ не вѣря глазамъ своимъ.

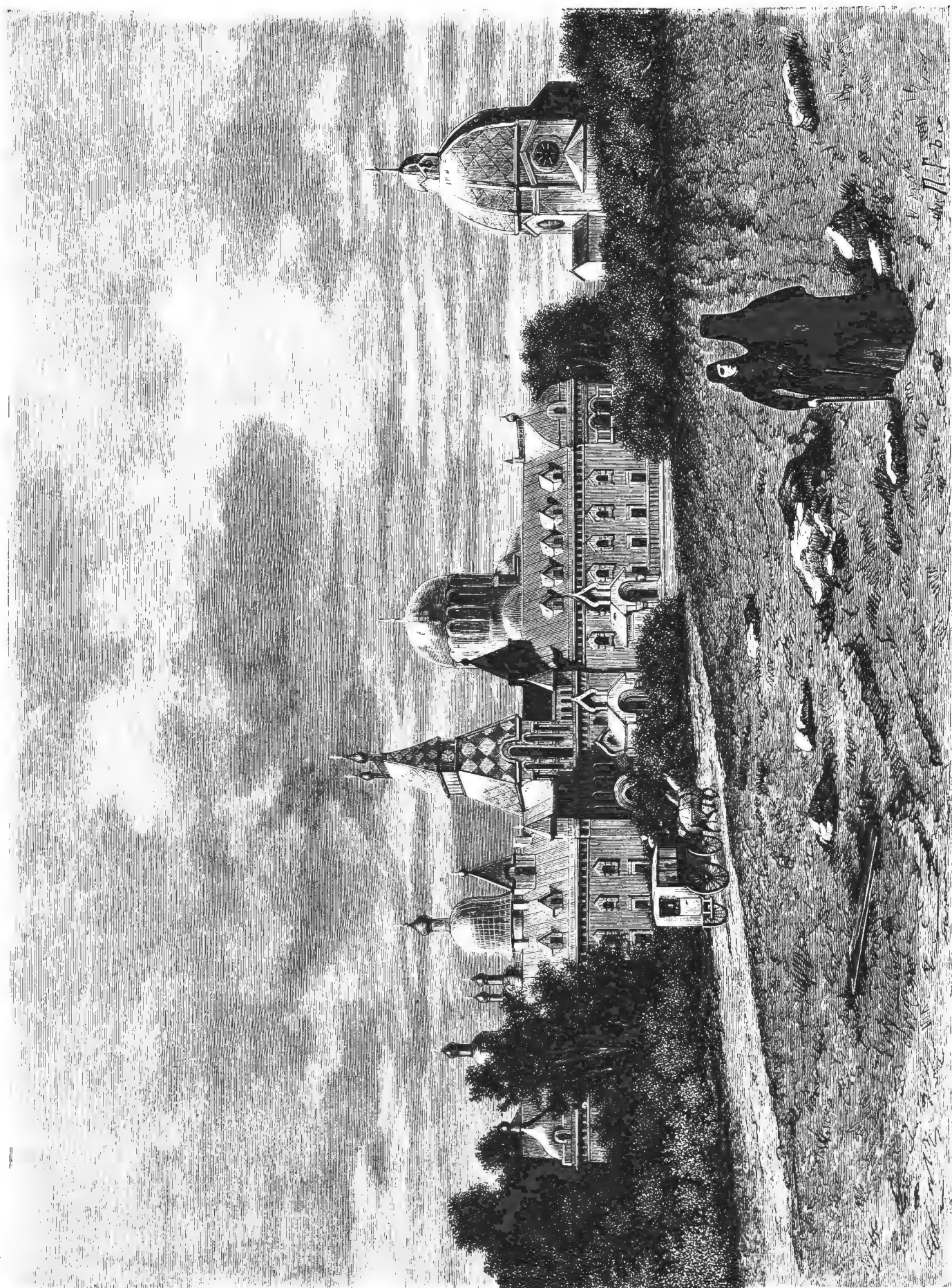
Онъ слышалъ многое, ожидалъ многого, но все-же не того, чего ему пришлось быть свидѣтелемъ.

А между тѣмъ, въ приемной комнатѣ свѣтлѣйшаго князя Зубова все шло своимъ чередомъ. Появился цирюльничекъ, сталъ причесывать князя. Тотъ подставивъ ему свою голову, опять взялся за бумаги и дѣлалъ

Видъ города Виснани. Съ фотогр. грав. Рау.

Сергієва пустынь близь Петербурга. Рис. П. П. Гнѣдичъ, грав. М. Рашевскій

видь, что читаетъ. Вельможи переговаривались между собою, иногда то тотъ, то другой, подходилъ къ хозяину и сообщалъ ему какое-нибудь интересное извѣстіе или замѣчаніе, которое считалось достойнымъ быть сообщеннымъ его свѣтлости.

Эти сообщенія начинались обыкновенно такою фразою: „Ваша свѣтлость, позвольте мнѣ имѣть счастье сообщить вамъ! Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость соизволить обратить вниманіе...“—и все въ этомъ родѣ.

— А? что такое? надменно произносилъ Зубовъ отрываясь отъ бумагъ, небрежно выслушивалъ то что ему говорили, цѣдилъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ и затѣмъ опять принимался за свои бумаги.

Въ комнатѣ было много креселъ, стульевъ, но никто не смѣлъ сѣсть и Зубовъ никого не приглашалъ садиться.

Сергѣй вспомнилъ вечера въ Эрмитажѣ, простоту и ласковость державной хозяйки, ту непринужденность, которую чувствовали ея гости.

„Что же это такое? изумленно спрашивалъ онъ себя, или я брежу?“

Но онъ не бредилъ. Цирюльникъ сдѣлалъ свое дѣло и съ глубокимъ поклономъ, на который Зубовъ не обратилъ никакого вниманія, удалился. Зубовъ положилъ на столъ свои бумаги, еще болѣе развалился въ креслѣ, взялъ въ ротъ зубочистку, свистнулъ обезьянку и началъ играть съ нею. Обезьянка совѣмъ разшалалась—завертѣлась, запрыгала, загримасничала, а потомъ вдругъ стала метаться изъ стороны въ сторону, прыгать то на того, то на другаго.

Вотъ она встала на спину къ пожилому господину, весьма почтеннаго и важнаго вида, и, въ мгновеніе ока, сдернула съ него парикъ, Зубовъ засмѣялся—стали улыбаться и все остальные.

Бѣдный старикъ, представлявшій теперь очень смѣшную фигуру, въ пышномъ мундирѣ и съ совершенно голой головою, старался выебодить парикъ изъ лапъ обезьянки, но она не давала. Она помчалась съ его парикомъ въ противоположный уголъ комнаты. Она волочила парикъ по ковру.

— Не бѣда, разсѣянно улыбаясь, проговорилъ Зубовъ. Грибовскій, крикну цирюльника, онъ вѣрно еще не ушелъ. Онъ сейчасъ приведетъ парикъ въ порядокъ!

Сергѣй Горбатовъ не могъ больше вынести, въ немъ клокотало негодованіе, злоба и презрѣніе. Оставаться въ этой комнатѣ, быть свидѣтелемъ этихъ невѣроятныхъ сценъ, стоять передъ этимъ развалившимся господиномъ—онъ рѣшительно не могъ этого. Онъ круто повернулся, вышелъ и заперъ за собою дверь.

Зубовъ тотчасъ же замѣтилъ это. Онъ даже приподнялся съ кресла и стиснулъ кулаки, но тутъ-же опять развалился и подумалъ.

„А! не нравится! Но за эту дерзость, тебѣ придется отвѣтить.“

VI.

Философъ-практикъ.

Первая приемная, въ которую вышелъ Сергѣй, была биткомъ набита народомъ. И здѣсь попадались важныя фигуры въ генеральскихъ мундирахъ, крупныхъ орденнахъ, но рядомъ съ ними можно было увидать и чиновнаго человѣка.

Въ эту первую приемную разрѣшено было входить каждому, кто могъ имѣть дѣло до князя. Но несмотря на это разрѣшеніе, все-же для того, чтобы добраться сюда, нужно было предварительно пройти черезъ разныя мытарства, необходимо было задобрить нѣсколько человѣкъ камердинеровъ, которые ежеминутно заглядывали и миновать которыхъ не представлялось никакой возможности.

Опытные люди хорошо знали это и, отправляясь въ апартаменты свѣтлѣйшаго князя, заранѣе раскладывали себѣ по карманамъ деньги, которыя нужно было сунуть въ руки всемогущимъ лакеямъ.

Лакей, получивъ по лячку, въ одно мгновеніе, очень ловко и привычно, даже не взглянувъ, оцѣнивалъ ея достоинство. Если подачка оказывалась достаточной, онъ съ покровительственнымъ видомъ кивалъ головою и пропускалъ посѣтителя дальше, сдавая его съ рукъ на руки слѣдовавшему за нимъ и уже внимательно поглядывавшему на посѣтительскій карманъ товарищу.

Если-же подачка казалась лакею недостаточной, то онъ безъ всякаго смущенія, презрительно и надменно качалъ головою и останавливалъ посѣтителя.

— Обождите! Да вы по какому дѣлу? Его свѣтлость и такъ жалуется, что въ приемной продохнуть нельзя, столько народу шляется и не вѣсть зачѣмъ. Нынче тамъ болше много набралось—другой разъ пожалуйте!

Приходилось опять раскошелиться, покуда алчность княжескихъ служителей не удовлетворялась.

Только люди уже очень хорошо извѣстные или получившіе, такъ сказать, именной приказъ явиться къ князю, невозбранно проходили мимо фаланги всегда готовыхъ на приступъ аргуевъ. Но и эти люди, если только они обладали благоразуміемъ, добивались лакейскихъ милостей и, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались убѣдить ихъ въ своей щедрости. Они хорошо знали, что въ рукахъ этихъ лакеевъ многое и что если всеми мѣрами нужно добиться благорасположенія господина Грибовскаго или иного близкаго къ князю человѣка, то не слѣдуетъ пренебрегать и этими сравнительно маленькими людьми.

Бывали примѣры большихъ неприяностей для посѣтителей, не успѣвшихъ снискать милости лакея. Случалось, въ первой приемной князя, что лакеи просто придирались не вѣсть къ чему и, сами заводя шумъ, выталкивали иныхъ посѣтителей въ зашеи и выталкиваемые княжескими лакеями люди были вовсе не какіе-нибудь попрошайки. Однимъ словомъ, существовала цѣлая наука, основательное изученіе которой оказывалось неизбѣжнымъ, если человѣкъ желалъ чего-нибудь добиться въ приемной Зубова.

Людей, изучавшихъ эту науку, было всегда много множество, потому что никому не удавалось обойти эти приемныя. Если у кого-нибудь и не было дѣла лично до князя, то вѣдь въ приемныхъ его собирались все сановники, все правительственныя лица. Здѣсь устраивались знакомства, здѣсь подавались прошенія, подвигались и рѣшались всевозможныя дѣла, достигались иногда очень важные результаты.

И иногда все это обдѣлывалось очень быстро, нужно было только не скупись, нужно было хорошенько тряхнуть мошною!

Въ безнадежномъ положеніи здѣсь оказывались одни бѣдняки; но бѣдняки никогда не заглядывали въ чертоги Зубова, они хорошо знали, что искать у него правды невозможно. Хорошо знали, что онъ не сдѣлалъ еще ни одного добраго дѣла, не выручилъ ни одного невинно обвиненнаго.

При Орловѣ и Потемкинѣ не то бывало, въ тѣ времена человѣкъ, котораго несправедливо засудили, у котораго кланузнымъ образомъ оттягали имѣніе, человѣкъ впавшій не по своей винѣ въ раззореніе и нужду, стремился въ Петербургъ и помышлялъ только о томъ, какъ бы ему добраться до всецельнаго вельможи, стоящаго у самаго кормила правленія. Часто онъ представлялъ это себѣ почти невозможнымъ и не мало изумлялся, когда оказывалось, что достигъ къ всецельному вельможѣ былъ вовсе не такъ труденъ.

А добется бывало бѣдный, обиженный человѣкъ свиданія съ „самимъ“, изложить ему свое дѣло, представить доказательства правоты своей и—не пройдетъ и нѣсколькихъ дней, какъ его дѣло строго-на-строго пересматривается, дѣянія хищниковъ и неправедныхъ судей выплываютъ наружу. Ихъ ожидаетъ заслуженная кара, а неправильно обвиненный человѣкъ оправдывается,

ему возвращается его собственносѣ, съ честнаго, загрязненнаго клеветою, имени снимается безчестіе. Однимъ словомъ, торжествуетъ справедливость и человѣкъ искавшій у всемогущаго вельможи правды и нашедшій ее, уже невольно считаетъ этого вельможу свѣтильникомъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей и всеобщимъ благодѣтелемъ.

„Да, разсуждаетъ онъ, — велики милости и щедроты имъ получаемыя, громады пожалованныя ему богатства, почести ему воздаваемыя, но вѣдь онъ заслуживаетъ все это своими добродѣтелями — онъ истинный сынъ Россіи, истинный слуга возвеличившей его государыни!“

Такъ разсуждаетъ сыскавшій свою правду у всеильнаго вельможи человѣкъ и подтверждаетъ свои разсужденія непреложными свидѣтельствами.

„Самъ видѣлъ! На себѣ испыталъ! вотъ, что слышалъ въ бытность свою у его свѣтлости!..“

И начинаются описанія образа жизни могучаго вельможи, его привычки, его особенности, иногда странности, передаются анекдоты, въ которыхъ образъ вельможи является въ орсолѣ могущества и въ то же время душевной доброты, простоты и ласковости.

Эти рассказы, анекдоты, наконецъ легенды, растутъ съ каждымъ днемъ, распространяются дальше и дальше, заносятся въ самые темные уголки и репутация, популярность возвеличеннаго человѣка упрочены. У него много враговъ и завистниковъ, но эти враги и завистники совершенно теряются въ общей массѣ народа всѣхъ сословій, которая относится къ нему отнюдь не враждебно и не съ завистью, а напротивъ съ почтеніемъ, считаетъ его достойнымъ того исключительнаго положенія въ которое онъ поставленъ.

Такъ было съ Григоріемъ Орловымъ, такъ было съ Григоріемъ Потемкинымъ, но не такъ было съ Платономъ Зубовымъ.

Восемь лѣтъ продолжалось его могущество и въ эти восемь лѣтъ окончательно создалась и упрочилась его репутация. Въ темныхъ и далекихъ уголкахъ Россіи жива была память о богатырѣ Орловѣ, о великанѣ Потемкинѣ, но тамъ не знали о существованіи пигмея Зубова. О немъ знали въ другихъ слояхъ общества, въ другихъ сферахъ и здѣсь заслужилъ онъ общую ненависть, общее презрѣніе. На него смотрѣли всюду какъ на неизбежное зло, съ которымъ нельзя бороться, какъ на зло противное, отталкивающее. Никому и въ голову не приходило искать у него защиты, пытаться черезъ его посредство довести до всегда справедливой и любящей правду государыни, какое-нибудь вопиющее дѣло. Въ первое время проваливались результаты оказывались всегда одинаковыми. Его система была — полнѣйшее презрѣніе къ чужимъ интересамъ и помыслимъ только о своихъ собственныхъ интересахъ. Онъ никогда не рѣшался беспокоить государыню дѣлами и нуждами подданныхъ. Онъ старался только о томъ, какъ бы лучше поддѣлаться подъ складъ ея мыслей и взглядовъ, поддакивать ей во всемъ, никогда не спорить, какъ спорилъ бывало съ нею Потемкинъ.

Если онъ говорилъ ей о комъ-либо, то единственно для того, чтобы оклеветать человѣка, лишить его милости государыни, подставить ему ногу.

И онъ былъ не одинъ. Онъ возвеличилъ вмѣстѣ съ собою всю семью свою, начиная со старика отца, который пользовался своимъ положеніемъ и вліяніемъ сына только для того, чтобы нажить самымъ возмутительнымъ образомъ.

Старикъ Зубовъ прославился какъ кляузникъ, какъ хитрикъ и грабитель чужихъ помѣстій. Не одну семью пустилъ онъ по міру.

Добиться чего-нибудь черезъ посредство Зубовыхъ можно было только угожденіями, подарками, грубой лестью, пресмыканіемъ.

Такъ было въ то жалкое время, по сказаніямъ всѣхъ современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. И въ этихъ многочисленныхъ сказаніяхъ не встрѣчается разногласія.

Что-же долженъ былъ чувствовать очутившійся въ пріемныхъ Зубова Сергѣй Горбатовъ, въ которомъ кипѣла гордая кровь благородныхъ предковъ, бывшихъ вѣтченіи вѣковъ истинными слугами престола и отчества?

Сергѣй почти задыхался отъ негодованія, приглядываясь къ окружающимъ его лицамъ, прислушиваясь къ отрывочнымъ разговорамъ, раздававшимся вокругъ него, къ этому боязливому шепоту. Все здѣсь какъ-то съживалось, поджималось. Горланы и краснобаи, храбрецы и хвастуны у себя дома или въ подходящемъ кругу, здѣсь превращались въ трусливыхъ зайцевъ и вздрагивали при каждомъ звукѣ, доносившемся изъ сосѣдней комнаты, при малѣйшемъ скрипѣ двери. Люди, помыкавшіе десятками собственныхъ лакеевъ, располагавшіе сотнями и тысячами крѣпостныхъ душъ, подобострастно заглядывали въ надутыя губы фізіономіи княжескихъ лакеевъ.

Среди этихъ людей было нѣсколько лицъ, знавшихъ Сергѣя Горбатова восемь лѣтъ тому назадъ. Они узнали его и теперь; но пока онъ со всѣми дождался въ первой пріемной пробужденія и выхода свѣтлѣйшаго князя, всѣ эти люди дѣлали видъ, что не узнаютъ его.

На какомъ основаніи онъ сюда явился? Каковы его шансы? Соображали разныя обстоятельства, относившіяся до его долгаго пребыванія за границей и единодушно, будто сговорившись, рѣшили, что еще раненко узнать его. Нужно сначала посмотреть пріемъ, который будетъ ему оказанъ княземъ.

И вотъ, онъ, вмѣстѣ съ знатными сановниками, приглашенъ во вторую пріемную.

Едва онъ показался изъ двери, какъ старые знакомцы кинулись къ нему съ распростертыми объятіями. Только почтеніе къ этимъ стѣнамъ и присутствіе въ сосѣдней комнатѣ свѣтлѣйшаго князя, мѣшали ихъ восторженнымъ восклицаніямъ. Всѣ говорили полушепотомъ, завладевъ рукою Сергѣя.

— Сергѣй Борисычъ, батюшка, вы-ли это?! А мы смотримъ, смотримъ, знакомое лицо, а признать не можемъ. Наконецъ-то къ намъ пожаловали, привелъ Господь свидѣться... все-ли въ добромъ здоровьи?

Сергѣй не зналъ кому отвѣчать.

— Ну что, Сергѣй Борисычъ, милостивъ былъ князь? Какъ онъ сегодня? продолжался таинственный шепотъ.

— Не знаю, какимъ онъ бываетъ, когда милостивъ и когда не милостивъ, я съ нимъ не бесѣдовалъ, — разсѣянно проговорилъ Сергѣй.

— Какъ-же вы вышли оттуда? какъ такъ?

— А вышелъ оттого, что тамъ черезчуръ весело — обезьяна на людей кидается, парики стаскиваетъ. Такъ я и не сталъ ждать, чтобы она и на меня прыгнула... Подобная забава мнѣ не по вкусу.

Онъ тутъ-же и раскаялся въ томъ, что сказалъ это:

„Къ чему я говорю и кому, развѣ стоить!“

Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и оцупился въ первое попавшееся кресло.

Но дѣйствіе, произведенное его словами, было замѣчательно. Всѣ эти старые знакомцы, обступивше было его и хватавшіе его руку, вдругъ отступили отъ него, какъ отъ зачумленнаго.

„Что онъ, сумасшедшій что-ли? Какова смѣлость, какова дерзость! И во всякомъ случаѣ онъ человѣкъ опасный. отъ него нужно подалеке, не то еще наживешь себѣ бѣды!..“

Въ толпѣ, обступившей было Сергѣя и потомъ мгновенно отъ него отхлынувшей, находился одинъ человѣкъ, который очевидно не призналъ его зачумленнымъ и опаснымъ, напротивъ, онъ все внимательнѣе, серьезнѣе и ласковѣе смотрѣлъ на него.

На видь этому человѣку казалось лѣтъ около пятидесяти, но онъ былъ еще очень бодръ и крѣпокъ; красотою не отличался: неправильныя черты, большой толстый носъ, крупный ротъ, небольшіе, но зоркіе и пріятныя глаза, на щекѣ бородавка. Одѣтъ онъ былъ скромно и держалъ себя просто и непринужденно. На кафтанѣ его видѣлась звѣзда, указывавшая на довольно видное во всякомъ случаѣ служебное положеніе.

Нельзя было сказать чтобы онъ производилъ своей фигурой, своимъ лицомъ особенно привлекательное впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ лицо это было изъ тѣхъ, на которыхъ нельзя не обратить вниманія. Несмотря на некрасивость оно поражало чѣмъ-то особеннымъ, оно рѣшительно выдѣлялось среди окружавшихъ его лицъ—но чѣмъ, это трудно было опредѣлить сразу.

Человѣкъ этотъ вошелъ въ приемную какъ разъ въ то время когда Сергѣй почти выбѣжалъ изъ запертыхъ дверей, сквозь которыя пропускались только избранные. Онъ услышалъ имя Горбатова, не проронилъ ни одного слова изъ разспросовъ, къ нему обращенныхъ и изъ даваемыхъ имъ отвѣтовъ.

И теперь, когда Сергѣй сидѣлъ одиноко въ своемъ креслѣ ни на кого не глядя, съ презрительной усмѣшкой то появлявшейся, то исчезающей на губахъ его, когда онъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, уже начиналъ себѣ задавать вопросы:

„Да что-же я тутъ дѣлаю? чего жду? — просто уйти безъ всякихъ объясненій!.. вѣдь не сошлютъ-же меня за это на каторгу!“.. — этотъ, внимательно глядѣвшій на него господинъ, тихонько подошелъ къ нему и усѣлся рядомъ съ нимъ на стулѣ.

— Вы вѣрно только-что изволили прибыть въ Петербургъ и еще незнакомы съ здѣшними порядками?—проговорилъ пожилой человѣкъ обращаясь къ Сергѣю.

Тотъ поднялъ глаза и изумленно взглянулъ на него.

Лицо незнакомое, но голосъ такой мягкой и въ немъ звучитъ участіе. Вотъ и улыбка искривила нѣсколько блѣдныя, крупныя губы—такая тонкая, саркастическая улыбка.

— Да, я только-что приѣхалъ и не знаю здѣшнихъ порядковъ, отвѣтилъ Сергѣй внимательно разглядывая нежданнаго своего собесѣдника.

— Оно и видно, продолжалъ тотъ понижая голосъ.

Но предосторожность эта была лишняя—ихъ все равно никто не слышалъ: они были вдвоемъ въ опустѣвшемъ углу обширной комнаты.

— Оно и видно, повторилъ онъ.—вотъ вѣдь какъ вы всѣхъ этихъ господъ напугали... Мы совсѣмъ не привыкли къ подобнымъ событіямъ, а это—событіе!.. быть допущеннымъ во вторую приемную его свѣтлости и уйти отсюда потому, что княжеская обезьяна не понравилась!.. Ахъ, Богъ мой, да вѣдь мы счастливыми себя почитаемъ если обезьянка на насъ кинется и пошалить съ нами—это обратить вниманіе его свѣтлости—онъ насъ замѣтитъ.

Сергѣй глядѣлъ вопросительно и изумленно. „Чего ему отъ меня нужно?“

Незнакомецъ очевидно понялъ его мысль.

— Васъ изумляетъ, что я поѣхалъ къ вамъ и заговорилъ съ вами, сказалъ онъ.—я сейчасъ объясню вамъ почему я это сдѣлалъ. Вотъ уже восемь лѣтъ какъ частенько бываю я въ этихъ апартаментахъ и имѣю даже честь быть допускаемымъ туда, откуда вы вышли. И повѣрите-ли, во все это время я ни разу не встрѣчалъ человѣка, который-бы бѣжалъ отъ обезьяны, который-бы говорилъ какъ вы и глядѣлъ какъ вы.

Лицо его оживилось, глаза блеснули.

— Я не могу удержаться чтобы не выразить вамъ своего удивленія и уваженія, хотя, конечно, что вамъ въ уваженіи незнакомцаго человѣка.

— Своимъ изумленіемъ вы изумляете меня въ свою очередь, отвѣчалъ Сергѣй, — и за что-же вамъ уважать меня — за то что я показался вамъ можетъ быть несо-

всѣмъ лакеемъ. Да, это правда, я не лакей, но что-же въ томъ достойнаго уваженія? Я родился не лакеемъ и не могу имъ быть.

— О, господинъ Горбатовъ, (я слышалъ какъ васъ называли), вы принадлежите къ знаменитому роду, предки ваши не разъ записывали свои имена на страницахъ русской исторіи: но взгляните, государь мой, и тамъ, (онъ указалъ на запертыя двери), и здѣсь вотъ вы найдете представителей родовъ столь-же славныхъ, какъ и вашъ, а между тѣмъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Тѣмъ хуже для нихъ, проговорилъ Сергѣй, — и если вамъ угодно знать мое мнѣніе, я скажу вамъ что не считаю ихъ потомками ихъ славныхъ предковъ. Благородство не въ имени ихъ, свое родовое благородство можно продать, растоптать, смѣшать съ грязью. Благороденъ только тотъ, кто умѣетъ сберечь полученное отъ предковъ достоинствѣ, то есть, ихъ прославленное имя!

— Да, такъ, такъ! но здѣсь, высказывая подобныя мнѣнія, вы будете пророкомъ въ пустынѣ. Здѣсь, понавъ въ нашу среду, вы съ каждымъ днемъ будете убѣждаться въ величайшей испорченности нравовъ, здѣсь униженіе не сознается. Взгляните—всѣ чувствуютъ себя правыми, туманъ какой-то стоитъ у всѣхъ передъ глазами.

— Но вѣдь вотъ если вы согласны со мною, перебилъ Сергѣй, — значитъ передъ вами нѣтъ этого тумана, значитъ вы сознаете окружающее, значитъ вы не можете имѣть ничего общаго съ этими людьми. Вы сказали мнѣ что восемь лѣтъ бываєте въ этихъ апартаментахъ, вѣроятно-же по обязанностямъ, по необходимости и конечно не станете цѣловать руку у Зубова какъ сейчасъ при мнѣ поцѣловалъ генераль Мелисимо.

— А онъ поцѣловалъ у него руку? съ живостью и любопытствомъ переспросилъ незнакомецъ.

— Да, поцѣловалъ за Владимірскую ленту и даже прослезился.

— Ну вотъ видите-ли—это порывъ, это увлеченіе!

— Ахъ что вы говорите, это просто лакейство, дошедшее до послѣдней степени. И вотъ вы-же, я спрашиваю, не станете-же у него цѣловать руку?

— Да руки цѣловать не стану, но тоже не убѣгу какъ вы убѣжали и пожалуй понграю съ обезьянкой... Приходилось играть.

Сергѣй пожалъ плечами.

— И все же я не далъ вамъ права презирать меня, продолжалъ незнакомецъ. Когда я отвлекаюсь отъ дѣйствительности, когда я уйду въ область мысли и чувства, я возвышаюсь душою, преклоняюсь передъ великимъ и прекраснымъ, ненавижу зло, презираю лесть. Все земное кажется мнѣ ничтожнымъ, я созерцаю величіе Божіе, сіяніе вѣчной правды. Но жизнь зоветъ меня. у жизни есть требованія, у человѣка есть обязанности. Связанныя съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ. Я чувствую, напримѣръ, себя не совсѣмъ бесполезнымъ человѣкомъ, не совсѣмъ безсильнымъ. Я обязанъ употребить всѣ мѣры, чтобы расширить кругъ моей дѣятельности, потому что чѣмъ шире этотъ кругъ, тѣмъ могу быть нужнѣе. тѣмъ больше могу принести пользы тѣмъ, кто во мнѣ нуждается. Я иду прямо гдѣ могу пройти, наклоняю голову и прохожу бочкомъ если иначе пройти невозможно. Я не могу бороться съ свѣтлѣйшимъ княземъ, если я стану пренебрегать имъ: одно его слово—и всѣ мои труды, всѣ долгіе годы моей службы, вся польза, которую я обязанъ принести, все это пойдетъ прахомъ. Свѣтлѣйшій князь для меня не человекъ—это случай, это обстоятельство, на которое я долженъ обратить вниманіе. Если на меня налетитъ гроза, я прячусь въ укромное мѣсто, если меня жжетъ слишкомъ солнце, я надѣваю шляпу. Не спрячусь я отъ грозы, меня убьетъ молніей, не накроюсь отъ солнца, я получу солнечный ударъ. Тутъ тоже стихійная сила, отъ которой я долженъ защищаться, я неизбежно обязанъ

У колодца. Картина Тускета, грав. Джіованні.

сдѣлать надъ собою усиліе, промолчать когда нужно, улыбнуться когда этого желаютъ. Иногда трудненько, иногда я не справляюсь съ собою и потомъ жестоко пеню на себя, сдѣлаю ошибку, а потомъ долженъ поправлять ее. Вотъ и теперь ошибка—что бесѣдую съ вами, не зная какъ принята ваша выходка. Вѣдь непременно доложить его свѣлости о нашей бесѣдѣ; но я не могу не доставить себѣ этого удовольствія.

— Вы странный человѣкъ, замѣтилъ Сергѣй,—и простите меня, мнѣ кажется вы совершенно не правы; по у васъ по крайней мѣрѣ все же есть какое нибудь оправданіе.

— Да, оправданіе, твердо проговорилъ незнакомецъ, и если бы вамъ была извѣстна моя дѣятельность, если бы вы знали сколько я воюю, какъ я бываю лютъ въ

правдѣ, вы бы меня пожалуй и не обвинили. Не почитайте меня за хвастуна. Богъ дастъ еще придется встрѣчаться съ вами, еще побесѣдуемъ, еще поспоримъ, а пока дозволите рекомендовать себя въ ваше благорасположеніе и надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ нашемъ знакомствѣ. До сердца вы меня тронули, государь мой!..

— Очень радъ познакомиться съ вами, улыбаясь сказалъ Сергѣй,—но вы вотъ знаете съ кѣмъ говорите, а я вашего имени не знаю!

— Ахъ, вѣдь и то, я позабылъ совѣмъ, прошу любить да жаловать—Гавріилъ Державинъ!

Но Сергѣй даже не успѣлъ выразить своего изумленія. Дверь распахнулась и на порогѣ показался князь Зубовъ.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Юкая.

(Продолженіе).

XXIV.

Д о м а.

Долго, пока не забрезжило утро, разказывалъ Иллаван и нелегко было графу выслушать разказъ его. Теперь онъ знаетъ, почему Кузень остался, а не печезъ велѣдъ за шайкой Криванскаго.

Не мало тяжелыхъ мыслей возбудило въ немъ все, что случилось. Холодный потъ выступилъ на лбу его, когда онъ подумалъ, что происшествіе въ Гарговарскомъ замкѣ подаетъ поводъ къ сенсационному уголовному процессу, въ которомъ будутъ названы имена графа и графини Теметвени, будетъ выведенъ на сцену замыселъ бѣлаго каторжника похитить Пальму и все это будетъ подхвачено газетами, которыя увѣковѣчатъ имя дочери его. Отчего Иллаван не убилъ этого разбойника! Но магната мучило еще и другое. Когда Пальма, изъ процесса, узнаетъ отъ какой опасности спасъ ее Францъ, явившійся какъ гелій избавитель—что будетъ тогда?

Иллаван разложилъ передъ нимъ письма, переданныя ему Рокмоцеромъ и разъяснилъ ихъ таинственный смыслъ. Эти письма—неопровержимыя доказательства. Иллаван не отдастъ ихъ. Въ его рукахъ это—драгоценность.

А волканъ все еще хлопочетъ тамъ, внизу, у нихъ подъ ногами, онъ слышитъ крики, до него доносится шумъ отъ удара въ чѣмъ-то тяжелымъ въ желѣзную дверь и рѣшетчатая окна, которыя разбойники снѣтся пробить. Но ихъ онъ уже не боится, онъ знаетъ, что этотъ человѣкъ сумѣлъ бы защитить его. Теперь онъ занятъ одною мыслью—какъ онъ обманетъ его? Онъ слишкомъ многимъ обязанъ ему и соразмѣрять будетъ и самый обманъ.

Когда Иллаван кончилъ свой отчетъ, графъ протянулъ ему руку и произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Чѣмъ могу отблагодарить васъ за ваши благодѣянія?

Но тотъ, подражая истому лжи, засунулъ свои руки въ карманы, и какъ только можно было глубже.

Графъ, нѣсколько удивленный, снова выставилъ впередъ руку и, перемѣнивъ редакцію фразы, повторилъ:

— Какую награду могу предложить вамъ за вашу геройскую услугу намъ?

Иллаван вынулъ руки, но—для того только, чтобы смахнуть съ своего платья остатки пыли, приставшей во время борьбы съ Рыбо, а затѣмъ сказалъ спокойнымъ, холоднымъ голосомъ:

— Въ награду за все это, ваше сіятельство, велите, согласно данной вамъ инструкціи, арестовать меня, какъ комиссара революціоннаго правительства и передать военному суду. Я въ вашей власти!

Теметвени вскочилъ съ своего мѣста.

Онъ подвергся одному изъ тягчайшихъ оскорбленій, и тѣмъ болѣе тяжелою, что оно было заслужено.

— Господинъ Иллаван! въ моей фамиліи никогда не было измѣнниковъ и предателей! Въ моемъ домѣ гость— выше короля.

— Извините, вы меня не поняли, я говорю, что вы можете велѣть арестовать меня въ моемъ домѣ.

— Вы ошибаетесь, вы меня мало знаете! Я—вѣрный подданный моего императора, я преданный слуга правительства и новаго порядка вещей, но, если-бы мнѣ велѣно было арестовать человѣка, котораго я люблю, то я бросилъ-бы свой патентъ и сказалъ-бы: прикажите посадить меня въ темницу, я далъ этому человѣку возможность бѣжать. Но васъ никто ни въ чемъ не обвиняетъ. Да и въ чемъ можно васъ обвинять? Въ томъ, что вы были главнымъ комиссаромъ національнаго правительства? Да, вѣдь, вы никогда и не получили письменнаго назначенія. Я получилъ его во время вашего отсутствія и уничтожилъ его,

когда дѣло возстанія было пропрано.

Это, однако, была неправда. Декретъ о назначеніи Иллаван преспокойно лежалъ и теперь еще въ столѣ у графа. Но онъ не желалъ отдавать его своему избавителю, потому что ему не хотѣлось произнести слова: — Пальма распечатала конвертъ, потому что, какъ ваша невѣста, имѣла право сдѣлать это". А отсюда, значить, приходилось-бы уже открыто признать, что его считали женихомъ, пока онъ былъ въ силѣ, а потомъ,—потомъ, когда положеніе его перемѣнилось къ худшему, — ему предпочли племянника. Къ тому-же, не мѣшало оставить эту бумагу у себя еще и для того, чтобы имѣть въ рукахъ хоть какую-нибудь узду на этого человѣка.

Иллаван проницательно улыбнулся.

— Кто-же лжетъ — отецъ или дочь?

Теметвени поймалъ таки его руку и крѣпко пожмая ее проговорилъ:

— Въ нашемъ собственномъ домѣ вы не можете быть такъ любимы, какъ вы любимы здѣсь. И будь у меня еще одна дочь—я-бы отдалъ вамъ ее.

Францъ вздохнулъ свободнѣе. Значить — лгалъ отецъ, а не дочь. Дѣвушка вѣрила сама тому, что говорила ему. Что-же касается отца, то онъ могъ сказать правду развѣ только по ошибкѣ.

— Я попрошу у васъ награды, графъ, сказалъ Иллаван.

— Согласенъ напередъ на все, что зависить отъ меня.

— Это зависить отъ одного васъ. Я желаю, чтобы графиня Пальма никогда не узнала ничего о томъ, что происходило сегодня ночью здѣсь.

— Какъ это!

— Теперь она спитъ подъ вліяніемъ опиума, а когда проснется — жандармы успѣютъ встать и, при помощи мужиковъ, перевязать шайку. Скажите вахмистру, чтобы онъ взялъ честь поимки разбойниковъ на себя. Обо мнѣ не должно быть произнесено ни слова. Я обязанъ побережъ человѣка, открывшаго мнѣ заговоръ, а потому, вотъ, бросаю всѣ эти письма въ огонь. Надо уничтожить всякій слѣдъ плана, придуманнаго тѣмъ негодяемъ. Имя графини Пальмы не должно быть призмѣшно къ этому процессу.

Графу Фердинанду пришлось сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы подавить теплое чувство, невельнувшееся въ немъ. Этотъ человѣкъ предуреждалъ его тайныя желанія, избавлялъ его отъ того, чего онъ такъ боялся!

Письма ярко вспыхнули и загорелись въ каминѣ. Великодушный человѣкъ! онъ хотѣлъ вырвать самую память о себѣ изъ сердца дѣвушки, которую любилъ.

— Ваше желаніе будетъ выполнено, даю вамъ торжественное обѣщаніе.

— Я не высказалъ еще всѣхъ моихъ желаній.

Графъ началъ беспокоиться.

— Такъ какъ Корнель Олатовскій—мой племянникъ и былъ питомцемъ моимъ, я желаю присутствовать при передачѣ его имѣній, чтобы имѣть возможность оберегать его интересы. И по этой-же самой причинѣ я желаю получить приглашеніе на всѣ свадебныя церемоніи, въ которыхъ буду участвовать какъ родственникъ жениха.

Графъ былъ чрезвычайно удивленъ. Что это значитъ?

Теперь Иллаван взялъ руку Теметвени.

— Еще желаю, я, графъ,—чтобы между нами не было никакихъ другихъ отношеній, кромѣ официальныхъ.

Во дворѣ внезапно раздался кавалерійскій сигналъ. Жандармскій горнистъ очнулся и началъ будить своихъ товарищей.

— Такъ до свиданія графъ!

Графиня Пальма проснулась очень поздно, жалуясь на силь-

ную головную боль. У компаньонки оказалась еще болѣе тяжелая мигрень. Обѣ пробыли въ постели до вечера.

Иллаван уже давно уѣхалъ. Пойманные воры, въ тотъ-же день, были отправлены, подъ сильнымъ прикрытiемъ въ Леопольдштадтъ.

Вечеромъ, Пальма, одѣвшись, поспѣшила къ отцу.

— Онъ говорилъ съ тобой? Что сказалъ онъ?

— Что онъ хочетъ присутствовать на твоей свадьбѣ какъ родственникъ, какъ посаженный отецъ Опатовскаго.

Глаза Пальмы сверкнули, но она не произнесла ни слова.

— Что ждетъ меня дома? проговорилъ Иллаван, завидѣвъ издали крышу зданiя, о которомъ онъ, иѣкогда сказалъ кому-то: „это — нашъ домъ“.

Подбѣжая къ границѣ своей земли, онъ уже могъ, отчасти, угадать и отвѣтъ на вопросъ, который сдѣлалъ самъ себѣ. Земля его осталась совершенно необработанною. Онъ соскочилъ съ брички и прошель садомъ, къ крыльцу. На дворѣ онъ не нашелъ никого; никого, повидимому, не было и во всемъ домѣ, всѣ двери были заперты наглухо. Конюшня и амбаръ стояли пустыя. На усиленный и многократный его зовъ, откуда-то съ земли поднялся, наконецъ молодой царень, идиотическаго вида. Всклоченные волосы его были всѣ въ снѣгъ.

— Гдѣ-же прислуга, Матвѣйко?

Иллаван держалъ у себя Матвѣйку изъ милости. Пользы отъ придурковатаго малаго не было никакой, такъ какъ пуще всего онъ боялся всякой работы. И поднять его съ мѣста можно было только пинками.

— Не знаю.

— Не знаешь? А гдѣ кухарка?

— Она страпааетъ.

— Гдѣ?

— У судьи, на кухнѣ.

Это было совершенно понятно. Ждала, ждала, своего господина, но не дождалась и ушла служить къ другому.

— А дворщикъ?

— Онъ ушелъ въ Туретчину.

— Зачѣмъ?

— Поступить хотѣлъ въ Пашу.

Тоже хорошо.

— А гайдукъ Иванъ?

— Въ жандармахъ.

Ну это естественно.

— А кучера, работники, тѣ гдѣ?

Кретинъ захохоталъ, раскрывъ свой огромный ротъ до самыхъ ушей.

— Нашо кучеровъ и работниковъ, коли нѣтъ лошадей и быковъ?

— А кто же увелъ лошадей и быковъ?

— А баринъ съ серебрянымъ воротникомъ, онъ написалъ объ этомъ бумагу и судьѣ ее отдалъ.

Иллаван поинялъ, что „баринъ съ серебрянымъ воротникомъ“ былъ какой-нибудь правительственный комиссаръ, взявшій лошадей и быковъ въ реквизицію, и передавшій объ этомъ судьѣ квитанцію.

— Ну, а гдѣ моя собака, Баро?

— Она поправилась капитану, что здѣсь у насъ стоялъ.

Значить, въ его отсутствiе въ его домѣ былъ отведенъ постой.

— И онъ увелъ мою собаку?

— Не увелъ, собака ушла на своихъ ногахъ.

Горькое чувство овладѣло Францемъ.

— Отчего-же ты не оставилъ меня?

— Оттого, что меня никто не взыалъ.

Францъ засмѣялся. Онъ обладалъ драгоценностью, которой никто у него не отобралъ, потому что никто не соблазнился. Но собаки ему было жаль. Неужели и собачья преданность исчезла на землѣ?

Одинокое и холодно было Иллавану, на этотъ разъ, на своемъ родномъ пепелищѣ. Нравственно и физически усталый легъ онъ въ свою постель.

XXX.

Женихъ.

Съ большой помпозностью былъ устроенъ въ Гарговарѣ приемъ юному владѣльцу Анатвару.

Корнель Опатовскій прѣзжаетъ въ замокъ графа Теметвени чтобы изъ рукъ его сiятельства получить ключи своего замка.

Къ услугамъ молодаго магната предоставленъ великолѣпный экипажъ графа.

Корнель ѣхалъ очень веселый. Улыбаясь каждому встрѣчному, онъ смѣялся надъ всеми делалами триумфальной встрѣчи. Около него, конечно, возсѣдаетъ неизмѣнный его другъ Кацуръ.

— Гляди-ка, гляди, вошь у этой мельницы я спрыгнулъ съ лошади, а оттуда—подралъ въ лѣсъ! Ха, ха, ха! Видишь того высокаго дурака съ знаменемъ въ рукахъ, это онъ сцаналъ меня. Постой, надо ему бросить цванцигеръ.

И молодой магнатъ, доставъ изъ дорожнаго мѣшка горсть мелкой монеты, бросилъ ее въ толпу. Его чрезвычайно заняла и позабыла завязавшаяся свалка.

— Ишь сколько эти дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ, мнѣ те-

перь цвѣтовъ-то въ коляску бросаютъ! А тогда-то, какъ меня здѣсь связаннаго проводили,—такъ онѣ меня забрасывали не цвѣтами, небось. Здравствуйте, здравствуйте Анефа, добрый день, Маринка! Ха, ха, ха! Смотри, смотри—даже триумфальную арку устроили и написано: „за тебя на жизнь и смерть“. Ха, ха, ха!

На минуту, однако, онъ сдѣлался серьезенъ: передъ коляской остановилась привѣтствующая депутация, во главѣ которой находился главный управляющій имѣнiемъ и священникъ. Ему надо было выслушать привѣтственные рѣчи.

Корнель старался изъ всѣхъ силъ имѣть видъ внимательный и серьезный, но это оказалось для него очень труднымъ, когда господа депутаты сняли шляпы. У управляющаго, поверхъ жиденькой бахромы волосъ, красовался на головѣ выцвѣтшій парикъ, бывший иѣкогда, вѣроятно, каштановаго цвѣта, но теперь принявшій едва ли не всѣ оттѣнки радуги.

Но еще комичнѣе была самая рѣчь. Это была напыщенная тирада, какой могъ удостоиться развѣ мировой теней или какойнибудь прославленный герой. Когда хвала уже достигла крайнихъ предѣловъ, Корнель не могъ выдержать и прыснулъ давно сдерживаемымъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха! Убирайтесь, старый болванъ!

И онъ сдернулъ парикъ съ оратора, голова котораго вдругъ явилась совершенно голая, подъ лучами этаго весенняго солнца, среди общаго взрыва хохота окружавшей толпы. Священникъ, не желая подвергнуться чему либо подобному, благодушно отказался отъ своей доли участiя въ привѣтствii. Корнель хоталъ во все горло, Кацуръ, стоя въ коляскѣ, замахалъ фуражкой и кричалъ „браво, браво!“ Такимъ веселымъ эпизодомъ закончился первый фазисъ встрѣчи.

Въ салонѣ магната собралось много народа и все—дворянство. Богъ знаетъ, откуда онъ только набралъ ихъ. Всѣмъ и каждому, по порядку, графъ подвелъ молодаго гостя.

Здѣсь же находилось еще одно лицо, съ которымъ знакомить Корнеля было бы излишне—то былъ Францъ Иллаван.

Когда Корнель, послѣ столькихъ незнакомыхъ и чуждыхъ ему физиономiй, вдругъ завидѣлъ лицо Иллавана, глаза его наполнились слезами. Юноша бросился къ нему и обнялъ, прижавшись съ громкими всхлипыванiями къ его груди.

— Вы... видите?... вѣдь... да? могъ онъ только вы говорить, самъ едва понимая смыслъ этихъ словъ.

Онъ, безъ сомнѣнiя, поцѣловалъ бы и его руку, еслибы только Иллаван позволилъ.

— Какъ, какъ я радъ, что вы тутъ тоже, милый дядя!

— Пока я живъ, вы найдете меня всюду, гдѣ будете нуждаться во мнѣ, спокойно и серьезно отвѣчалъ Францъ.

На другой день долженъ былъ Корнель получить изъ рукъ графа Теметвени ордѣнъ Леопольда и патентъ на соединенный съ орденомъ этимъ титулъ имперскаго барона, а отъ Иллавана—отчеты по завѣдыванiю, въ теченiи десяти лѣтъ, имѣнiями его. Но сегодня Корнель еще не баронъ и не вельможа а только женихъ.

Дамы появились лишь къ обѣду. Графиня Пальма была прелестно одѣта а на шеѣ блестяго знаменитое бриллиантовое ожерелье.

— Не хороша она сегодня, подумалъ Францъ.—Плате ли тутъ виновато, или прическа, можетъ быть ожерелье, но главное и вѣрнѣе всего—это совершенно новое выраженiе въ лицѣ. Такая перемѣна и изъ красавицы дѣлаетъ каррикатуру.

Пальма и Францъ имѣли видъ людей, не желающихъ встрѣчаться. Поклонъ съ одной стороны, холодный, еле замѣтный кивокъ съ другой, вотъ все, чѣмъ они обмѣнялись.

На лицѣ дѣвушки Францъ могъ прочесть ясный, хотя и иѣмой вопросъ: почему этотъ человекъ здѣсь? А ей какъ бы отвѣчало лицо Франца: „потому что онъ обязанъ здѣсь быть!“

— Неужели на него ничто не дѣйствуетъ, ничто не волнуется его? думала между тѣмъ графиня. Ему вонзаютъ въ сердце отравленный книжалъ, а онъ его вытаскиваетъ, съ спокойнымъ смѣхомъ, назадъ, ему не больно. Развѣ онъ хочетъ, чтобы книжалъ повернули ему въ ранѣ?

Вскоръ показался и Корнель. Онъ подошелъ къ невѣстѣ и поцѣловалъ ея руку, а затѣмъ протянулъ руку и англичанкѣ, дружеслюбно сказавъ ей: „Goddam, miss!“ утврнный, что это означало: „да благословитъ васъ Богъ!“

Графиня Пальма собрала всѣ свои силы, чтобы казаться веселой и довольной.

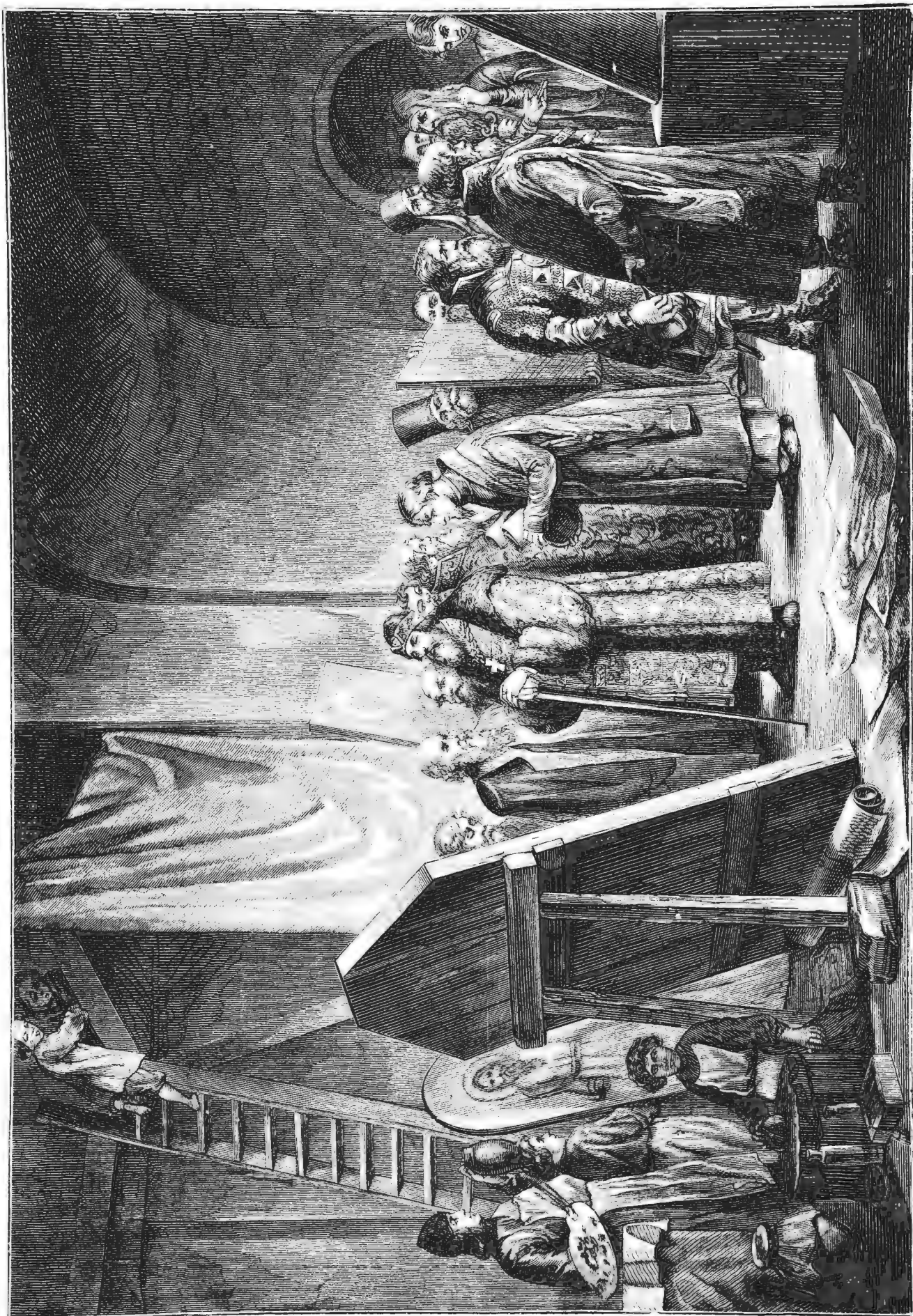
А юный Опатовскій, между тѣмъ, не оставлялъ безъ благожелательнаго вниманiя группу стакановъ и рюмокъ, стоящую передъ его приборомъ и ежеминутно наполняющуюся различными винами. Онъ дѣлательно осушалъ стаканы за стаканомъ и когда всталъ изъ-за стола, Пальма замѣтила, что женихъ выпилъ слишкомъ уже много.

Она вышла въ залу и сѣла за фортепьяно. Корнель послѣдовалъ за невѣстой. Раздались вдохновенные звуки Бетховенской сонаты. Но Опатовскій, очевидно, не былъ тронутъ произведенiемъ великаго композитора. Глаза его начали, по немногу, спать, голова опускаться все ниже, отсккивая опору. Увидѣвъ подобное дѣйствiе классической музыки на эту юную душу, она немедленно же перешла къ венгерскимъ національнымъ пѣснямъ.

Иисусъ въ домѣ Симона. Картина Лаусона, грав. Флюгель.

Великій Князь Московскій Симеонъ осматриваетъ работы иконописцевъ. Съ картона Васнецова, грав. Флюгелъ.

При первых же звуках сопливость Корнели пропала как по волшебству. Он поднял голову, глаза его заблестели, а когда Пальма заиграла его любимую пьеску, он вскочил и, выйдя плавными, венгерскими танцевальными шагами на середину салона, зашёл:

Какъ счастливаъ часть,
Когда впервые я увидѣлъ васъ!

Илаван хорошо звалъ, къ чему это поведеть. Онъ смотрѣлъ на проехавшее изъ отдаленнаго угла комнаты. Графиня взглянула въ его сторону.

Францъ сдѣлать головою знакъ, ясно говорившій: прекратите это!

Но Пальма не желала прекращать, о пѣть!

Она привилась за бѣшеннй чарданшъ.

Испустивъ дикий крикъ, Корнель засѣменилъ въ національномъ танцѣ. Сначала плясалъ онъ одинъ, но затѣмъ, увидавъ тутъ даму, подлетѣлъ къ ней и, схвативъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, сталъ очално вертѣть съ собой по зашъ. Бѣднжка еле вырвалась и безъ силъ упала въ кресло.

— Bravo, bravo! громко раздается голосъ Кацура. Илаван алится въ своемъ углу. Пальма увидала это разсерженное лицо и стала играть еще болѣе возбуждающе танцы. Корнель вышелъ уже совсемъ изъ себя. Не зная, въ своемъ экстазѣ, чтобы выкинуть еще, онъ вскакиваетъ на столъ и продолжаетъ тамъ свои изумительныя па.

— Bravo, bravo! слышится новое одобреніе Кацура. Графъ кусаетъ себѣ губы.

Одна часть гостей хохочетъ вслухъ, другая про себя. Францъ уходитъ изъ залы.

Пальма перестаетъ. Вѣрный Кацуръ бѣжитъ къ столу и спитаетъ оттуда Опатовскаго. Женнхъ ужасно блѣденъ.

Темновни сдѣлалъ знакъ лакеямъ, чтобы провели молодого барина въ его апартаменты.

— Вина были слишкомъ крѣпки, заштили магнать въ оправданіе Корнели.

— Молодость! поддѣржалъ его одинъ изъ гостей.

— У него огневая натура, добавилъ другой.

Пальма пошѣлила къ себѣ и тамъ бросилась на кушетку, стыдаясь своихъ слезъ.

— Онъ пришелъ, чтобы это видѣть. Онъ видѣлъ!

Корнель проспалъ вплоть до слѣдующаго утра, разбудить его раньше оказалось невозможнымъ. Проснувшись онъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ, можетъ быть не открылъ бы глазъ и до обѣда, еслибъ не его нанерничъ, хранѣвшій въ сосѣдней комнатѣ и внезапно проснувшійся подъ вліяніемъ года.

Илаван явился съ отчетами. Управленіе его привело имѣніа Опатовскаго въ блестящее положеніе. Большая часть долга была уже уплачена, остальное погашалось безъ всякаго обремененія изъ возстановленныхъ доходовъ имѣній. Кроме того, образовался значительный фондъ въ облигаціяхъ, приносящій 60 тысячъ флоринновъ годоваго дохода. Отчетъ свой Францъ заключилъ совѣтомъ Корнелю никогда, ни подъ какимъ видомъ не продавать этихъ облигацій, обезпечивавшихъ ему вѣрный доходъ. Вместе съ тѣмъ онъ отказался отъ всякой платы за свои десятилѣтніе труды.

Официальные делегаты, выслушавшіе отчетъ, единогласно высказали Корнелю, что онъ обязанъ вѣчною благодарностью бывшему опеуну своему.

Юнона бросился дядѣ на шею и осмылялъ его поцѣлуями. Онъ присталъ къ нему какъ ребенокъ, не отходя отъ него ни на шагъ. Отъ радости онъ не знаетъ что ему дѣлать. Дядя Францъ сталъ для него чрезвычайно дорогъ. Что бы подарить ему?

Въ корридорѣ, по которому онъ тащилъ Франца за руку, они встрѣтили графиню Пальму, разодѣтую еще пиинкѣ, чѣмъ накануне. Корнель бросился къ ней навстрѣчу.

— Ахъ, графиня! Я счастливѣйшій человекъ въ мѣрѣ. Мое состояніе совершенно упрочено и я опять буду имѣть свой замокъ, лошадей, экипажи, однимъ словомъ—все. Я богатъ и этимъ обязанъ моему милому, чудесному дядѣ! Вы, графиня, можете быть и не знаете что Францъ—мой дядя! Что за человекъ! Если бы вы его хорошенько узнали, графиня, навѣрное влюбилась бы въ него. Ну—дайте же ему поцѣловать руку. Поцѣлуйте его руку, Францъ поцѣлуйте руку моей невѣсты. Вы конечно вѣдь будете называть ее вашей „маленькой племянницей“. Вы будете часто приѣзжать къ намъ, въ Анатваръ. Пѣть, лучше живите съ нами вместе. Графиня поцѣловать васъ.

Первая дрожь пробѣжала по лицу молодой дѣвушки. Илаван, мелькомъ только взглянувъ на нее, опустилъ глаза. Ему стало жалко ее. Оба они хорошо знали другъ друга, оба думали, что угадываютъ мысли одинъ другаго и—ошибались.

Пальмаъ погзалось, что слова юнаго идиота очень понравились Францу и она со смѣхомъ протянула руку Францу, который сдѣлалъ видъ, что поцѣловать ее.

Теперьшняя Пальма сдѣлалась для него загадкой и онъ не умѣлъ разрѣшить эту загадку.

А между тѣмъ все объяснялось просто. Дѣвушка хотѣла, но что бы ни стало, оттолкнуть его, совершенно, безповоротно.

— Ужь если мы теперь хуже другъ другу, такъ лучше намъ не видаться больше никогда, никогда! рѣшила она. Францъ не попалъ ее. Угадй онъ, что происходило въ этой дѣвушкѣ, которая когда-то любила его, которая любила его и теперь, онъ не заставлялъ бы ее мучиться и терзаться при видѣ его наружнаго равнодушія, оно было невыносимо ей.

— Онъ хочетъ быть посаженнымъ отцомъ съ жениха! Хочетъ показать ей, что она забыта уже его желѣзнымъ сердцемъ!

Корнель пошелъ и оба его спутника послѣдовали за нимъ. Францъ довелъ Пальму подъ руку до самой двери гербовой залы, гдѣ уже собралось все общество. Прежде чѣмъ онъ отворилъ дверь, графиня спросила его:

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите быть посаженнымъ отцомъ на моей свадьбѣ?

— Да.

— Черезъ восемь дней будетъ обрученіе.

— И буду здѣсь.

И онъ отворилъ дверь, чтобы пропустить графиню.

Зала была полна гостей. Готовилась важная церемонія. Со всѣхъ окрестностей были приглашены дворяне, новые чиновники, духовныя лица, офицеры, сколько только можно было ихъ найдти. Всѣ были разодѣты по праздничному, лакеи стояли по мѣстамъ въ своихъ парадныхъ ливреяхъ. Самъ графъ въ муидирѣ своей должности,—на немъ зеленый фракъ съ золотымъ шитьемъ и бѣлые напаштоны съ золотымъ же ламинасомъ, подъ мышкой треуголка, съ боку блеститъ золоченный шфесъ тоненькой прямой шпаги.

Сегодня молодому владѣльцу Анатвара официально и торжественно будутъ вручены орденъ Леопольда и динломъ на баронское достоинство. Отнынѣ—онъ баронъ.

Онъ долго заставлялъ задать себя—это вѣдь въ обычаѣ у знатныхъ, у вельможъ.

Наконецъ юнона изволилъ показаться и удивилъ все высокое собраніе своимъ костюмомъ. Онъ былъ одѣтъ въ пиджакъ изъ какой-то матеріи, чрезвычайно нестраго рисунка, въ которомъ встрѣчались, сходились и соединялись зеленныя, коричневыя и красныя полосы, на ногахъ—высокіе, застегнутые выше колѣвъ, тамашы, въ рукахъ хлестъ со свиткомъ, вдѣланнмъ въ рукоятку.

Камердинеръ передавалъ ему что-то о какой-то „кавалерин“, изъ чего онъ заключилъ, что дѣло шло, вѣроятно, о карусели, или кавальбадѣ, а потому и избралъ, согласно указанію и совету Кацура, падежащій костюмъ.

Графъ перенугался при видѣ страннаго явленія. Пальма крѣпко прижала ко рту платокъ, чтобы скрыть смѣхъ.

Герой дня самъ догадался что что-то не ладно, но сегодня онъ не въ уступчивомъ настроеніи. Въ немъ проснулось его болѣзненное раздраженіе.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Видъ города Виоаніи.

(Рис. на стр. 244).

На юго-востокѣ отъ Иерусалима въ трехъ четвертяхъ часа пути отъ него расположена Виоанія по арабски Эль-Атарѣ. Маленькое, незначительное мѣстечко это, не болѣе какъ въ сорокъ домовъ, принадлежащихъ исключительно мусульманамъ, раскинулось на юго-восточномъ предгорьи Масличной горы и топетъ въ зелени масличныхъ деревьевъ и финиковыхъ пальмъ. Среди селенья находится могила воскресеннаго Христомъ Спасителемъ Лазаря, гдѣ усердствующіе поклонники воздвигли часовню. Древній входъ къ гробницѣ заслоненъ теперь зданіемъ мечети. Прямо отъ входа крутой спускъ въ 24 ступени ведетъ въ глубокую пещеру, гдѣ устроены простой каменный престолъ.

отсюда еще пять ступеней внизъ влѣво въ боковую пещеру—здѣсь и есть гробница Лазаря. Въ некоторомъ отдаленіи отъ этого мѣста, къ югу, по преданію, былъ домъ Марюи и Маріи, сестеръ Лазаря, а нѣсколько дальше холмъ, у котораго встрѣтила Христа Спасителя Марѣа, когда онъ шелъ въ Виоанію.

Во время пребыванія Спасителя въ Иерусалимѣ дорога изъ Иерусалима въ Виоанію была наиболее часто проходима Божественнымъ Искушнелемъ. Мѣсто это болѣе другихъ мѣстъ было для Него гостеприимнымъ кровомъ; тамъ обитало семейство Лазаря, Симонъ и многіе изъ Апостоловъ. Виоанія даже едва ли не была собственностью семейства Лазаря, на что указываетъ I стихъ XI главы Евангелія Св. Іоанна. Приближаясь къ Виоаніи, показываютъ мѣсто, гдѣ росла смоковница, отверженная Спасителемъ за неплотіе.

Сергиевская пустынь, близ С.-Петербурга.

(Рис. на стр. 245).

Сергиевская пустынь — первоначально мужской монастырь, делится на южном берегу Финского залива, или вблизи Кронштадтской бухты, составляющей переход от устья Невы к широкому простору залива. Как раз мимо его ворот проходит петербургское шоссе, и расстояние его от столицы считается всего только в восемнадцать верст. В двух верстах от монастыря, в несколько южнее, расположена станция Балтийской железной дороги, той же ветви, которая тянется к Ораниенбауму. Таким образом средство сообщения пустыни с столицей превосходно — и это-то и было причиной, что вокруг монастыря сгруппировалось множество дач, каждое лето переполненных жителями.

Местность нельзя сказать, чтобы была выдвояющаяся — обычный северный пейзаж, с песком, валунами и мощной растительностью, широко раскидывающейся во влажном, полном морскими испарениями воздухе. Но труд и время много помогли красоте пейзажа: на месте пустырей поднялись густые сады, прорылись каналы, поля зазеленли хлебом (впрочем урожай здесь бывает очень плоховат). Явилось множество построек. Старый храм построен в 1764 г., работы знаменитого Растрелли, отличается тем изысканным стилем рококо, который так великолепно умел выдерживать этот архитектор. Новые постройки, даже самый новейший храм византийского стиля, значительно ему уступают. Тот же фасад монастырских келий, который мы видим на рисунке — строен академиком Горюпаевым, и производит очень приятное впечатление своим строго-национальным стилем.

Уже сказано выше, что вокруг монастыря много дач, — но и кроме постоянных жителей, пустынь посещается петербуржцами очень усердно, причем зимой обыкновенно туда ездят на тройках. Летом усердные богомольцы ходят из города пешком; во время монастырского праздника, 5 июля, их набирается несколько тысяч.

Основана пустынь в 1726 г. Основатель пустыни архимандрит московской Троице-Сергиевой лавры Варлаам, управлявший пустыней до смерти своей в 1737 году. Член Св. Синода и духовник императрицы Анны Иоанновны, он, живя по долгу в Петербурге, пользовался особенным ее благоволением и получил в дар для обители загородную дачу на берегу Финского залива. Виден был вид пустыни при начале ее существования. „Две избы мѣрою по три сажени, к которым изямъ дворъ да погребы съ наногребидею двухъ сажень, да ограда худая“ говорится в данной на эту приморскую царицыну дачу. Новые деревянные церкви служили единственными украшениями обители, построены были до каменных строений и еще разныя деревянные здания. Деревянной земли при обители было „длинику тысяча, поперечнику сто сажень“ (т. е. 41 дес. 1,600 саж.). Дача эта поросла лесом — елн собиралось всего до 150 пуд. в лето. Но поличительный настоятель в разное время прикупал земли в частных семейных владѣльцевъ. В 1764 г. обитель отошла отъ зависимости московской лавры и причислена къ с.-петербургской епархii въ качествѣ второклассной и наконецъ возведена въ 1-й классъ въ 1836 году съ удѣленіемъ названія пустыни.

Въ пустыни четыре церкви: Живоначальная Троица, построенная въ 1758 году — здесь находится чудотворная икона Св. Сергія Радонежскаго — о которой мы упоминали; храмъ, подобнаго Сергія, оригинальное, можно сказать образцовое произведение даровитаго профессора архитектуры Горюпаева. Известный настоятель пустыни, не такъ давно скончавшійся, преосвященный Игнатій (Бринчаниновъ) своими замѣчаниями и предначертаниями участвовалъ много въ работѣ профессора. Самъ преосвященный былъ отлично знакомъ съ строительнымъ искусствомъ, которое специально изучилъ еще въ юности, какъ лучший въ свое время воспитанникъ инженернаго училища. Храмъ Апостола Іакова, освященный въ 1820 г. и Мученика Валеріана, при инвалидномъ домѣ, построенный въ 1806 году наследниками графа В. А. Зубова, который тутъ и погребенъ съ прочими родственниками, между ними и графиня Наталья Зубова, дочь нашего знаменитаго полководца Суворова.

Здѣсь въ послѣднее время похоронены Е. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, князь А. А. Суворовъ, Мезенцовъ и другіе.

У колодца.

(Рисунокъ на стр. 249).

Въ маленькой пустынной деревнѣ, затерянной въ горахъ, женщинамъ, больше дни занятымъ по хозяйству по дому, негдѣ собираться, негдѣ заняться толками и пересудами, до которыхъ и простая поселкиня такія же охотницы, какъ и женщины общества. И вотъ, по вечерамъ, ихъ любимое сборное мѣсто на выгдѣ узкой, кривой улицы — колодецъ, куда онѣ сходятся съ своими большими глиняными кувшинами, въ которыхъ звонкой струей льется чистая, холодная вода. По звончю воды звучатъ голоса деревенскихъ бабъ, которыя все переберутъ, что только ни дѣлается въ глухомъ гнѣздѣ ихъ и сборище у колодца — это ихъ деревенскій клубъ.

На нашемъ рисункѣ другое: тутъ молодыя женщины, которымъ не до болтовни и пересудовъ. Онѣ заняты и торопятся, одна поднимаетъ высокой кувшинъ, другая задумчиво смотритъ: какъ льется чистая струя въ широкое ведро.

Иисусъ въ домѣ Симона.

(Рис. на стр. 252).

Рисунокъ талантливаго англійскаго художника Лаусона изображаетъ знаменательный моментъ жизни Христа Спасителя наканунѣ дня, въ который Онъ былъ преданъ Іудой Искаріотомъ. Вечеръ этотъ Спаситель провелъ за трапезой въ домѣ Симона и именно въ Виваніи, видъ которой помѣщенъ на страницѣ 244. „И когда въ домѣ Симона возлежалъ Онъ, Марса, сестра Лазаря, служила у стола а Марія взяла алавастровый сосудъ съ драгоценнымъ муромъ и помазала имъ ноги Спасителя и отерла ихъ волосами своими. Комната наполнилась благоуханіемъ. Іуда сказалъ тогда: „Къ чему расточать муръ. Для чего не продать его и не раздать деньги нищимъ“. Что ты ее смущаешь, сказалъ Иисусъ, нищихъ вы всегда имѣете съ собою, Меня же не всегда будете имѣть. Она сдѣлала что могла: преварила помазать тѣло Мое къ погребенію“. Такъ передаетъ Св. Евангелистъ эти знаменательныя слова Христа Спасителя. На картинѣ видно, какъ припавъ къ стопамъ Его, Марія отираетъ ихъ своими разсыпавшимися роскошными косами. Видно какъ внимательно и задумчиво прислушивается все это, глубоко приверженное къ Божественному Учителю, собравшееся здѣсь общество, къ загадочнымъ и пророческимъ рѣчамъ Его.

Великій князь Симеонъ Гордый осматриваетъ работы иконописцевъ.

(Рис. на стр. 253).

Вліяніе Византіи, такъ сильно отразившееся на всемъ внутреннемъ бытѣ древней Руси, наложило свою печать и на развитіе у насъ изящныхъ искусствъ вообще и въ особенности живописи. Такъ уже въ раннюю эпоху по просвѣщеніи Руси христіанствомъ, Греція стала снабжать наше отечество иконами и эти образцы византийскаго искусства явились могучимъ средствомъ для укрѣпленія и распространенія религіознаго чувства, давая недавнимъ язычникамъ возможность понимать полнѣе и нагляднѣе главнѣйшія основы новаго высокаго ученія. Въ этомъ отношеніи иконопись имѣла дѣйствительно громадное вліяніе и потому греческое духовенство часто даже пользовалось ею при своей мисіонерской дѣятельности и даже при обращеніи въ христіанство князя Владиміра. Греки показывали ему картину изображавшую Страшный Судъ — картину произведенную на него, по словамъ летописи, сильное впечатлѣніе.

Съ распространеніемъ на Руси христіанства и съ уничтоженіемъ иредовъ, Греція стала снабжать насъ не только иконами, но и художниками. Такъ въ XI вѣкѣ прибыло въ Россію много греческихъ мастеровъ — росписывать Кіево-Печерскій храмъ и ихъ искусство не прошло безслѣднымъ для развитія у насъ иконописанія. Съ этого времени многие храмы стали украшаться стѣнною живописью и мозаикой и даже появились русскіе подражатели византийскому художеству, изъ которыхъ однимъ изъ первыхъ былъ Св. Алимпій, монахъ Печерской обители. Въ XII же вѣкѣ число русскихъ художниковъ было уже такъ велико, что представлялась даже возможность при украшеніи храмовъ обходиться безъ помощи иностранныхъ мастеровъ и поручать все живописныя работы исключительно русскимъ. Съ увеличеніемъ же могущества и политическаго значенія Москвы, послѣдняя сдѣлалась средоточіемъ художественныхъ силъ того времени: въ ней начали сооружаться величественныя храмы, для которыхъ московскіе великіе князья не жалѣли издержекъ. Такъ Симеонъ Гордый (1340 — 1353), всеми силами заботившійся объ политическомъ первенствѣ своего княжества, украшалъ ее столицу роскошными храмами и являлся однимъ изъ выдающихся покровителей тогдашнихъ художествъ, за усѣхами которыхъ онъ слѣдилъ самъ въ свободное время, среди борьбы съ удѣльными князьями, въ тяжелую эпоху татарскаго владычества. Летопись упоминаетъ, что въ 1343 году Великій Князь приказалъ росписать церковь Архангела Михаила нѣсколькимъ русскимъ художникамъ съ ихъ дружиной, т. е. помощниками и эта работа была кончена не скоро, по словамъ летописца „величества ради и мѣскаго инемъ“.

Это замедленіе вызывалось кроме того самымъ процессомъ тогдашней художественной работы, которая главнымъ образомъ состояла въ точномъ, до мелочей, воспроизведеніи греческихъ образцовъ. Фантазіи и творчеству художника тогда не представлялось произвола и каждое попятеніе на отклоненіе отъ образца считалось грѣхомъ и преступленіемъ для древняго нашего иконописца. Не смѣя „мудрствовать“ онъ писалъ все тѣ же строгія, серьезныя фигуры съ темными лицами, въ длинныхъ и узкихъ одеждахъ, не увѣчалась ни эффектами красокъ, ни блескомъ колорита, ни роскошью художественной фантазіи. Лишь эти суровыя, строгія, безстрастныя

фигуры, только эти образа считались истинными и непогрѣшимыми. Только они вполне подходили къ религиозному идеалу древняго религіознаго русскаго челоуѣка и онъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на издѣлія художественной фантазіи, но какъ на дѣйствительныя изображенія угодниковъ Божіихъ и созерцаніе ихъ наполняло его душу живой вѣрой и глубокимъ благоговѣніемъ. Это-то благочестивое отношеніе къ „истинному“ писью и выражается на серьезныхъ лицахъ Великаго Князя Симеона и его сопровождающихъ, изображенныхъ на картинѣ. Князь строго и неуклонно слѣдитъ, чтобы именно все было изображе-

Искупителя было дѣйствительно божественно, величаво и кротко; печать глубокой скорби и вмѣстѣ высокаго спокойствія лежала на немъ и поражала зрителя. Слишкомъ большое значеніе придавалось особымъ образомъ написаннымъ закрытымъ очамъ, которыя, по пристальному взгляду на нихъ, казалось, открывались. Большія достоинства картины были несомнѣнны. Теперь мы помѣщаемъ конію другой его картины: то прелестный ликъ Святой Елисаветы. Это одинъ изъ поэтичнѣйшихъ женскихъ образовъ житій католическихъ святыхъ. Святая Елисавета ландграфиня тюрингенская, была дочь короля Венгріи Авдрея

Св. Елисавета. Картина Гавриила Макса, грав. Пааръ.

но „истинно и благоугодно“ и покрывъ стѣны строимаго имъ храма, возбуждало бы надлежащее настроеніе.

Св. Елисавета, картина Макса.

Всѣмъ, еще памятно впечатлѣніе, произведенное во всей Европѣ превосходной картиной замѣчательно талантливаго чеха Гавриила Макса „Ликъ Христа Спасителя“. У насъ въ Петербургѣ картину перевидало множество людей, съ нея снимались фотографіи, коніи, рисунки. Выраженіе многострадальнаго лика

Пи родилась въ Пресбургѣ въ 1207 г. 14 лѣтъ отъ роду она была выдана замужъ за Людовика, ландграфа тюрингенскаго, и поселилась въ Вартбургѣ. Объ ея высокомъ благочестіи и добродѣтеляхъ сохранилось много преданій. Кто не знаетъ прелестной легенды о розахъ Св. Елисаветы, о томъ какъ она каждый вечеръ находила въ своей комнатѣ плащъ, послѣ того какъ отдавала свой какому-нибудь нищему. На картинѣ Макса Св. Елисавета представлена полурепенкомъ, въ тотъ періодъ какъ она впервые оставила родительскій замокъ—образъ возвышенно граціозный и поэтичный.

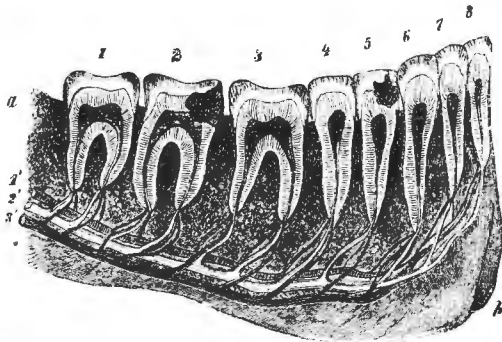
Лисьма о здоровьѣ.

Э. И. Н—скаго.

Зубы и слухъ.

Какъ ни справедлива старая испанская поговорка, что „зубъ дороже алмаза“, далеко не всё, даже люди образованные, усвоили себѣ эту истину. Весьма сравнительно немногіе заботятся надлежащимъ образомъ о сохраненіи 32 алмазовъ, называемыхъ зубами. Здоровые, бѣлые зубы украшаютъ и не- красивое лицо; дурные—безобразятъ даже прелестную улыбку. Плохо пережеванная пища дурно варится; а послѣдствія дурнаго пищеваенія отражаются какъ на физическихъ, такъ и на психическихъ отправленияхъ организма.

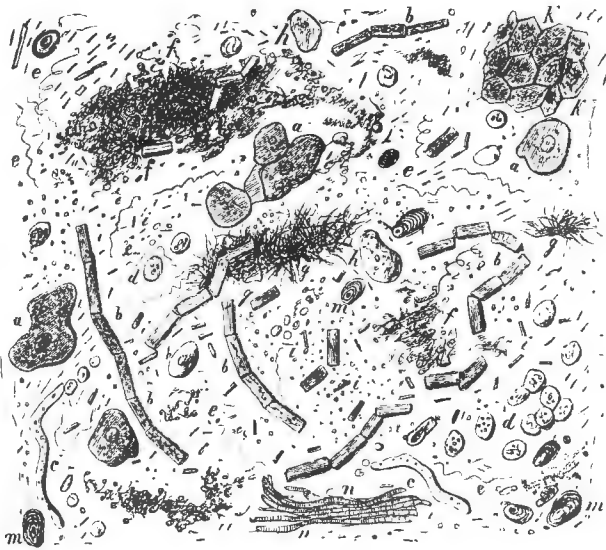
У всѣхъ почти племенъ и народовъ рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ считается однимъ изъ главныхъ украшеній лица человѣческаго; только весьма немногіе островитяне красятъ зу-

Фиг. I. Разрѣзъ черезъ зубы нижней челюсти. а—б. Челюстная кость. 1—8. Рядъ зубовъ въ продольномъ разрѣзѣ. 2 и 5. Больные зубы. 1' Челюстная артерія. 2' Нервы. 3' Вена.

бы въ черный или красный цвѣтъ. Нѣкоторыя дикія племена такъ высоко цѣнятъ зубы, что приносятъ ихъ въ жертву богамъ; поэты восхваляютъ эти благородные органы человѣческаго тѣла.

Въ былое время ошибочно считали зубы безжизненными, не имѣющими органовъ. Они, также какъ и другія части нашего

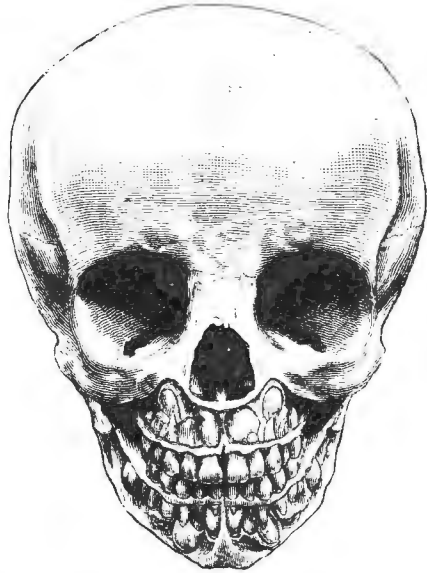
Фиг. III. Паразиты слюны рта, увелич. въ 500 разъ микроскоп. (250,000 разъ по плоскости) а) отдѣленные частички слизистой оболочки. б) Твердые грибки. в) Дрожжевые грибки. г) Зубная инфузорія. е) Зубная змѣйка—спиралля. ж) Микрококки. з) Гибѣда грибовъ въ полости рта. и) Инфузорія дольхъ зубовъ. к) Бактерія. л) Остатки пищи (салатъ). м) Остатки пищи (хлѣбъ). н) Остатки пищи (мясная пища).

тѣла живутъ, питаются, имѣютъ свою кровеносную и нервную систему.

Между 18 и 24 годами нормальный человѣческій ротъ вооруженъ 32 зубами, такъ какъ въ этотъ промежутокъ вырастаютъ такъ называемые „зубы мудрости“, которыми и завершается полное образованіе нашей челюсти. Каждый зубъ свободнымъ вѣшникомъ направленъ въ полость рта; шейки его, окруженные деснами, плотно ущемлены въ челюстной ячейкѣ, называемой „альвеолѣ“.

Зубы раздѣляются на рѣзцы, глазные или клыки, лишние и коренные. Фиг. I представляетъ разрѣзъ правой половины нижней челюсти взрослого человѣка съ вмѣщающимися въ ней зу-

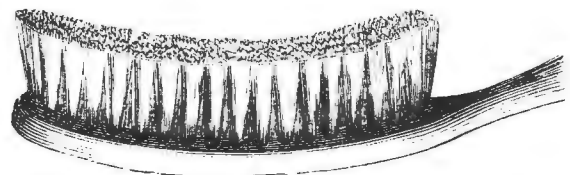
бами: № 1 зубъ мудрости, №№ 2 и 3—большіе коренные, №№ 4 и 5—малые коренные или лишние, № 6—глазной или клыкъ, №№ 7 и 8—рѣзцы. Упомянувъ о глазныхъ зубахъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что съ давнихъ поръ существующее мнѣніе, будто верхніе глазные зубы находятся въ близкой анато-

Фиг. II. Черепъ 6½ годовалаго ребенка. Молочные зубы и укрѣпленные въ челюсти, уже начинающіе образовываться, постоянные зубы.

мической связи съ глазами, такъ что болѣзни и выдергиваніе этихъ зубовъ могутъ вліять на зрѣніе—мнѣніе это не имѣетъ никакого основанія.

Изъ фиг. I усматривается, что каждый зубъ, отдѣльно взятый, состоитъ изъ различныхъ слоевъ. Вѣнчикъ покрытъ бѣлой массой, называемой эмалью и отличающейся твердостью и хрупкостью. По мѣрѣ приближенія къ шейкѣ зуба слой эмали истончается а у десны исчезаетъ вовсе. Подъ эмалью находится пористая съ мелкими канальцами субстанція—зубная кость, называемая дентиномъ. Она даетъ форму зубу и составляетъ основную его часть. Ея безчисленные канальцы наполнены мельчайшими шаровидными тѣльцами—глобулиномъ. На ножкѣ зуба корешокъ одѣтъ слоевъ, похожимъ на цементъ и по строенію своему близко подходящимъ къ строенію кости. Внутри каждого зуба находится полость, наполненная мягкой, рыхлой, красноватой массой—пульпой. Она состоитъ изъ сѣти тончайшихъ кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ; раздѣляется на столько частей, сколько зубъ имѣетъ корешковъ и тончайшими нитями связана съ вышеописанными канальцами; сосуды же и нервы направляются къ отверстиямъ корешковъ, съвозъ которые соединяются съ главными сосудами и нервами, лежащими, какъ видно на фиг. I (а—в), въ нижнечелюстномъ каналѣ. Канальць этотъ заключаетъ артерію, вену и тонкое нервное спле-

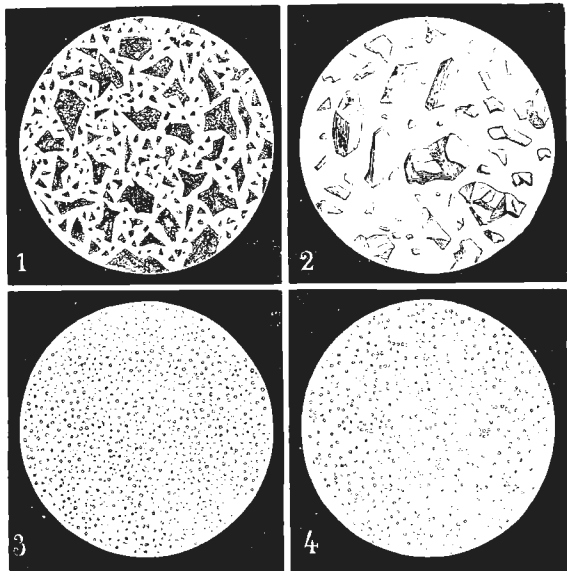

Фиг. IV. Настоящая форма зубной щетки.

тениѣ Кроме того тамъ же есть короткій нервный стволъ, проходящій съвозъ челюстную кость кнаружи; онъ служитъ соединеніемъ описаннаго сплетенія съ чувствительными нервами. Въ верхней челюсти происходитъ точно то же, только въ обратномъ направленіи, т. е. снизу вверхъ. Всѣ зубные нервы соединяются съ большимъ головнымъ нервомъ, называемымъ Trigemimus—тройничный. На фиг. I изображено, какъ въ каждый зубной корешокъ вступаютъ питающія и нервующія его: артерія 1', нервъ 2' и вена 3'.

Постоянные зубы человѣкъ получаетъ, какъ извѣстно, на седьмомъ году, при чемъ молочные выпадаютъ. Замѣчательно, что постоянные зубы находятся въ челюстной кости уже въ то время, когда молочные есть на лицо. Даже въ зачаточномъ состояніи въ мягкой челюстной кости можно прослѣдить какъ

молочные, так равно нарождающиеся постоянные зубы, заключенные в тонкие мышечки. Молочные зубы вырастают у ребенка обыкновенно между шестым и седьмым месяцами; а полное их развитие до второго коренного включительно заканчивается в промежутке между двадцатым и тридцатым месяцами. Не мало существует предразсудков по поводу трудного прорезывания зубов. Многие грудные, пищеварительные и нервные болѣзни относят на долю ни в чемъ не повинного прорезывания зубовъ. Последствия дурного ухода за ребенкомъ, случайно совпадающія съ прорезываніемъ зубовъ болѣзни, сваливаются кумушками, пиявочками, матерями на „зубы“, тогда

Фиг. V. Зубные порошки под микроскопомъ, увеличенные в 200 разъ по линіи и 40,000 разъ по плоскости. 1) Угольный порошокъ. 2) Порошокъ устричной раковины. 3) Мыльной порошокъ. 4) Зубное мыло.

какъ причины, вызвавшія эти болѣзни, совсѣмъ въ нихъ лежать условіяхъ. Такъ, напримѣръ, при неосторожномъ переходѣ отъ молочной пищи къ болѣе плотной всей пищевой каналъ весьма легко подвергается болѣе или менѣе острому катаральнымъ пораженьямъ, которыя всецѣло сваливаются на прорезываніе зубовъ.

Фиг. III представляет фотографическій снимокъ черепа ребенка, умершаго на шестомъ году жизни. Въ верхней и нижней челюстяхъ отчетливо переданы какъ готовые молочные зубы, такъ равно пады и подъ ними лежащія постоянные—въ полуразвитомъ состояніи. Съ началомъ седьмого года начинаютъ выпадать молочные зубы, а коренные вслѣдъ за ними вступаютъ въ оупствіе, такъ сказать, каналцы и черѣдно какъ бы выталкиваютъ своихъ предшественниковъ. Коль скоро эти послѣдніе начинаютъ шататься, ихъ слѣдуетъ удалить, потому что они могутъ отклонить въ сторону постоянные зубы, чему не мало способствуетъ невольная являющаяся у дѣтей привычка языкомъ надавливать шатающіеся зубы. Къ шестнадцатому году вырастаютъ одни за другимъ всѣ коренные зубы, за исключеніемъ зубовъ мудрости, которыми завершается зубная эволюція, болѣею частью между 17 и 24 годами, а въ рѣдкихъ случаяхъ и гораздо позже, чѣмъ и усиливается повѣрье о вторичномъ и третичномъ рядѣ зубовъ. Известны между прочимъ исключительные случаи выростанія зубовъ у стариковъ, потерявшихъ до этого всѣ прежніе; также точно были примѣры, что дѣти рождались съ вполне развитыми зубами.

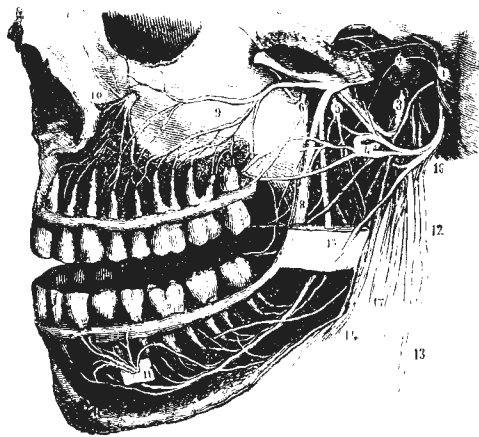
Черѣдно къ врачу обращаются съ вопросами, можно ли дѣлать или дергать болящія, порченые молочные зубы? Во всякомъ случаѣ не только можно но и должно! Если зубъ полный, то слабый растворъ карболовой кислоты введенный на кусочки ваты уничтожитъ боль; въ случаѣ воспаления подкостной ножки зуба слѣдуетъ выдернуть его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Внимательный и рациональный уходъ за постоянными зубами сохранять ихъ на всю жизнь; неряшливое содержаніе весьма скоро разрушаетъ эти столь важные вспомогательные органы. Нечистоты на зубахъ состоятъ не изъ однихъ, въ гниѣніе пришедшихъ, частицъ пищи, но еще изъ цѣлаго ряда микроскопическихъ организмовъ, гнѣздящихся на краяхъ зубовъ, за деснами, проронкающихъ до корешковъ. Грязнозеленые, желтобурые пятна, безобразія зубы, состоятъ изъ микроскопическихъ грибовъ,

инфузорій и мельчайшихъ частичекъ пищи, смѣшанныхъ съ разложившейся пищею. Фиг. III даетъ вѣрный образъ этихъ разнообразныхъ составныхъ частицъ при весьма сильномъ увеличеніи—это настоящій богатонаселенный аквариумъ, гдѣ среди страннаго вида растительности пресмыкаются чудовищныя твари. Быстро мигающія, шустрыя, кругловатая животныя скользятъ по полю микроскопа передъ ползающими инфузориями, толкая передъ собою змѣеобразныхъ червячковъ, впираясь въ частички пищи, служащей и для нихъ пропитаніемъ.

Нечего и доказывать необходимость возможно тщательнаго удаленія подобныхъ нечистотъ изъ полости рта, черезъ который поступаетъ весь контингентъ питания человеческого организма.

Лучшая метода удаленія сора состоитъ въ старательной чисткѣ зубовъ, помощью щетки и воды, къ чему слѣдуетъ приучать дѣтей съ трехмѣсячнаго возраста. Зубная щетка должна имѣть дугообразную форму, соответствующую направленію челюсти (фиг. IV). Дѣйствовать ею слѣдуетъ какъ въ горизонтальномъ такъ и въ вертикальномъ направленіи, т. е. проводить по зубамъ слѣва направо, сверху внизъ и обратно. Чистка зубовъ должна про-

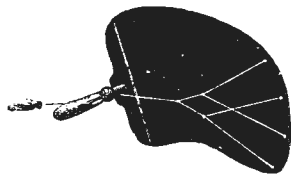

Фиг. VI. Зубные нервы.

изводиться послѣ каждой пищи, причемъ болѣе крупныя остатки застрявшей между зубами пищи предварительно удаляются помощью роговой или костяной зубочистки, отнюдь не прибѣгая къ металлическимъ иголкамъ, булавкамъ, спицамъ и т. д.

Изъ зубныхъ порошковъ годятся только такіе, которые, не имѣя химическаго дѣйствія на зубы, очищаютъ ихъ лишь механическимъ путемъ: мягкіе порошки, нейтральныя зубныя мыла, слегка вяжущія, ароматическія полосканія. Всѣ кислоты, хотя-бы въ разведенномъ видѣ, вещества разъѣдающія эмаль, должны быть изъяти изъ употребленія. Для удаленія дурнаго изо рта запаха, являющагося вслѣдствіе разложенія на фиг. III изображенныхъ паразитическихъ продуктовъ, весьма пригодны хлористая и марганцовыя соединенія, въ растворѣ, съ придачей какихъ-нибудь ароматическихъ пріятнаго запаха настоевъ. Такъ напр. 500 частей дистиллированной воды, 10 ч. Kali oxymuriatici (Бертолетовой соли) и 5 ч. мятного настоя; или 100 ч. воды 1 ч. Kali hypermanganici, на стаканъ воды 1 чайную ложку. Для приготовленія порошковъ лучшее средство мелко-толченый чистый мѣлъ, медицинское мыло или смѣсь этихъ двухъ веществъ въ видѣ гѣсты (Pasta) съ прибавленіемъ индифферентнаго красящаго начала краснаго цвѣта. Разнообразные, въ продажѣ встрѣчаемые, зубные порошки, составленные изъ угля, толченой устричной скорлупы, разрушая эмаль, весьма вредны для зубовъ. Уголь пригомъ, проникая между зубами и деснами, окрашиваетъ края этихъ послѣднихъ въ черносиній цвѣтъ остающійся навсегда. Точно то же должно сказать и о сигарной золѣ.

Какъ вредно дѣйствуетъ уголь, устричный порошокъ и другія подобныя вещества усматривается изъ рисунковъ фиг. 5, изображающихъ эмаль чищенную порошкомъ липоваго угля № 1; истолченной устричной скорлупы № 2; совсѣмъ иначе представляется эмаль, изъ подъ мѣла № 3 и медицинскаго мыла № 4. Микроскопическое увеличеніе одинаково для всѣхъ четы-

Фиг. VII. Лудифонъ.

Фиг. VIII. Конструкція лудифона.

рехъ объектовъ. Грубые, рѣзко угловатые края трещинъ и царапинъ первыхъ двухъ эмалей ясно указываютъ на разрушающее дѣйствіе угля и раковинъ въ противоположность съ мѣлами и мыломъ.

Всѣ тинктуры съ примѣсю кислотъ дѣйствуютъ не менѣе вредно путемъ химическимъ. Модная въ послѣднее время, салициловая кислота не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Какимъ путемъ ни произошла-бы трещина въ зубной эмали, она даетъ доступъ паразитамъ, кислотамъ и другимъ, случайно попадающимъ въ полость рта веществамъ, — въ существѣ зуба причиняютъ раздраженіе, воспаленіе наружныхъ и внутреннихъ частей его, равно какъ помощью химическаго разложенія нарушаютъ его цѣлость и ведутъ къ костоѣду. Зубъ № 5 на фиг. I изображаетъ полость не дошедшую еще до зубнаго перва. Тутъ еще нѣтъ боли. Идя дальше, костоѣда облегаетъ нервъ и тогда являются тѣ ужасныя боли, которыя доводятъ страждущихъ до изнеможенія, весьма трудно усмиряются лекарствами, и заставляютъ прибѣгать къ выдергиванію зуба.

Пломбированіе, къ которому такъ часто обращаются, также

Фиг. IX. Способъ употребленія аудифона.

устраняетъ на нѣкоторое время боль, предохраняя нервъ отъ вліянія попадающихъ въ полость зуба постороннихъ веществъ. Оно дѣлается помощью тѣста съ примѣсю ѣдкихъ, убивающихъ нервы веществъ, какъ мышьякъ, креозотъ и наркотиковъ, имѣющихъ свойство утѣлять боли какъ морфій, опиумъ, хлораль-гидратъ и другія. Пломба изъ листового золота дѣйствуетъ въ смыслѣ чисто предохранительномъ трудно вводится и требуетъ ловкости и навыка.

Мы хотѣли только указать въ общемъ самыя простыя средства, какими можно держать въ порядкѣ ротъ и зубы, такъ важныя для здоровья всего тѣла.

Новѣйшая хирургія доказала, что вынутые съ большими корнями зубы можно вставить обратно, очистивъ предварительно хорошенько корень. Вставленіе зубовъ было известно еще величайшему врачу древности, Гиппократу. Англійскій хирургъ Куперъ, чтобы доказать живучесть и возможность вросанія вырваннаго зуба, вѣзалъ зубъ въ гребень живаго пѣтуха и зубъ началъ питаться окружающими сосудами пѣтушьяго гребня, въ который и вросъ. При вынутіи больнаго зуба, для того чтобы вычистить и вставить вновь, должно снять напильникомъ верхушку корня; полость, въ которой находился зубъ, промываютъ чистой тепловатою водою, а самому вновь вставленному зубу даютъ то положеніе, въ какомъ онъ находился до вынутія.

Кто имѣлъ несчастіе потерять много или даже большую часть зубовъ, то не одно только тщеславіе, какъ многіе полагаютъ,

побуждаетъ вставлять искусственные зубы; это надо дѣлать тотчасъ, это обязанность самосохраненія. Вслѣдствіе недостаточности необходимыхъ орудій жеванія, пища недостаточно размельчается и вводится въ желудокъ въ видѣ слишкомъ большихъ кусковъ; начинаются желудочныя катарры, недостаточность питанія и вялость отправленія организма. Особенно должны это помнить старые люди, у которыхъ и безъ того уже желудокъ варитъ слабѣе. Послѣ выпаденія зубовъ должно тотчасъ-же позаботиться объ искусственныхъ, чтобы даже временно не нарушать правильности питанія.

Зубные нервы находятся въ прямой связи съ такъ называемымъ „тройничнымъ“ нервомъ. Отъ этого тройничнаго перва идетъ вѣтвь къ слуховому нерву, который передаетъ воспринимаемые ушною раковиною звуки мозгу, потомъ уже воспринимается ощущеніе. На фиг. VI нашего рисунка мы представили общій видъ нервныхъ развѣтвленій на черепѣ и связь слуховаго и зубныхъ нервовъ.

Значительное число нервныхъ стволочковъ, находящихся за ушною раковиною, входятъ въ черепную полость и достигаютъ мозга. Съ черепа (это представлено на нашемъ рисункѣ) съ большою осторожностью сняты всѣ мягкія части и оставлены одни нервы. Что кости головы хорошій проводникъ звука — вещь давно извѣстная; въ высшей степени вѣроятно, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ того и частицы головныхъ нервовъ, выведенныя звукомъ изъ состоянія покоя, вибрируютъ и такимъ образомъ передаютъ звуки отъ зубовъ въ богатое нервными сплетеніями внутреннее ухо. Есть люди, оглохшіе вслѣдствіе того что была запущена простуда или другая какая-нибудь болѣзнь и нѣкоторые части слуховаго аппарата или сдѣлались неспособными проводить звукъ или-же совершенно разрушились, напимѣръ лежащая между барабанной перепонкой и полостью, передающая звукъ, слуховая косточка. Но такимъ оглохшимъ можно, помимо уха, передавать звукъ слуховому нерву и мозгу при помощи зубовъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ костями черепа. На этомъ основаніи одинъ американецъ, Родесъ, самъ съ давнихъ поръ страдая глухотою,

Фиг. X. Деревянная пластинка для слушанія черезъ зубы.

придумалъ аппаратъ, изображенный у насъ на VII и VIII рисункахъ. Случайно взявъ онъ въ зубы свои карманные часы и тутъ совершенно явственно услышалъ ихъ ходъ. Это навело его на мысль привести въ соприкосновеніе съ зубами какую-нибудь отражающую поверхность, чтобы черезъ нее проходящій извнѣ звукъ усиливался и передавался-бы затѣмъ слуховому нерву. Собственно только при одномъ строго определенномъ родѣ глухоты можно съ успѣхомъ пользоваться такимъ аппаратомъ; именно когда собственно нервныя слуховыя сплетенія не повреждены; и лишь неглухорожденнымъ, лишь тѣмъ, которые прежде слышали, въ мозгу которыхъ существуетъ представленіе о звукѣ, лишь тѣмъ можетъ этотъ аппаратъ принести пользу. Отъ рожденія глухія дѣти не слышатъ ничего и при помощи этого аппарата.

Аппаратъ, изобрѣтенный Родесомъ, по формѣ на японскій вѣеръ — это тонкая пластинка изъ твердаго каучука (фиг. VII), которой можно придать любую кривизну, такъ что образуется отражающая плоскость для звуковыхъ волнъ. При болѣе или менѣе сильныхъ звукахъ согнутая пластинка (a, d) начинаетъ колебаться и передаетъ свои колебанія косвеннымъ путемъ слуховому нерву. Близъ пластинки (b фиг. VIII), находится кисть помощью которой можно регулировать напряженіе перепонки.

На фиг. IX представлено практическое примѣненіе этого аппарата при разговорѣ.

Глаза глухой особы устремлены на губы разговаривающего съ ней. По движению этихъ губъ узнаеть она согласныя, между тѣмъ какъ гласныя доходить до ея слуховыхъ нервовъ, передаваясь при посредствѣ зубовъ. Описанный нами инструментъ годенъ болѣе для передачи тоновъ, нежели словъ. Въ Европѣ этотъ аппаратъ значительно упростили. Профессоръ Калладонъ въ Женевѣ вмѣсто дорогой пластины изъ твердаго каучука употреблялъ престою лакированный бумажный картонъ; докторъ Флетшель въ Англіи, какъ лучшее средство для отраженія звука въ аудифонѣ, брать просто тонкую березовую пластинку, которой придавалъ выпуклую форму посредствомъ водяныхъ паровъ; къ пластинкѣ прикрѣплялъ одну рукоятку, какъ это изображено на фиг. X. На практикѣ этотъ простой аппаратъ оказывается также примѣнимымъ, какъ и аппаратъ Родеса.

Что можно слышать при посредствѣ зубовъ — это вовсе не ново. Уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ заведеніяхъ для глухонѣмыхъ соприкасали съ зубами тонко обструганныя куски дерева при объясненіяхъ съ учениками. Уже тогда было наблюдаемо, что только въ рѣдкихъ случаяхъ способъ этотъ дѣйствителенъ, между тѣмъ, какъ глухорожденнымъ и тѣмъ, у которыхъ слуховые нервы сдѣлались совершенно нечувствительными, это нисколько не помогаетъ слышать.

Многіе, совершенно повидимому глухіе, во которыхъ слухо-

вой аппаратъ не поврежденъ, отлично слышать игру на фортепиано, если только будутъ во время игры держать въ зубахъ палку, упирающуюся другимъ концомъ въ деку инструмента. Бегховенъ, оглохнувъ, пользовался этимъ способомъ, чтобы слышать исполненіе своихъ безсмертныхъ симфоній. Пинущій настоящія замѣтки имѣлъ случай производить опыты съ этимъ аппаратомъ съ глухонѣмыми дѣтьми и взрослыми и пришелъ къ убѣжденію, что глухонѣмые отъ рожденія или тѣ, которые въ очень молодыхъ годахъ потеряли слухъ, отлично ощущаютъ звуковыя колебанія, но не слышатъ ихъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда развитіе слухового аппарата не повреждено и глухота не врожденная, можно рекомендовать опыты при помощи одного изъ представленныхъ здѣсь аппаратовъ, которые легко самому сдѣлать можно, въ родѣ изображеннаго на фиг. X.

Судьба всѣхъ новыхъ открытій постигла и аудифонъ Родеса. Возбужденныя надежды на облегченіе такого невыносимаго уродства какъ глухота, побуждали многихъ приобрѣтать себѣ дорого стоящій американскій аппаратъ, и затѣмъ они роптали, жалуясь на обманъ. Авторитеты по ушнымъ болѣзнямъ единогласно рекомендуютъ аудифонъ, который теперь употребляется подъ именемъ дентофона. Онъ очень удобно складывается и носится въ карманѣ. Аппаратъ этотъ помогаетъ самымъ душно слышавшимъ людямъ. Правда, что слуховой рожокъ все-же остается лучшимъ средствомъ.

Библиографія.

Искусство Средней Азии Вып. 1 Спб. 1882. Изданіе Общ. Поощр. худож. Этотъ сборникъ Средне-азиатскаго орнамента будетъ выходить выпусками и на него открыта подписка. Цѣна возможно дешевая (50 р. за все изданіе въ 50 листовъ) за такое изданіе, съ которымъ въ сравненіи могутъ идти очень не многія. Искусные рисунки на большихъ листахъ члена бывшей Самарской экспедиціи г. Симакова, изображающіе предметы гончарнаго дѣла, ювелирнаго и чеканнаго искусства и т. п. превосходно отмечаны красками и золотомъ въ хромолитографии Ильина. Это обширный матеріалъ для фабрикантовъ, мастеровъ, художниковъ, архитекторовъ. Замѣчательные памятники зодчества временъ Тамерлана, предметы искусства Туркестана, Ташкента, Бухары, Хивы — все это въ высшей степени интересно по изяществу и оригинальности и заслуживаетъ самаго полнаго вниманія всѣхъ интересующихся искусствомъ.

Историческіе и критич. очерки Н. Страхова. Милль, Ре-

манъ, Штраусъ и др. Спб. 1882. Вопросъ о нашей самостоятельности и самостоятельности, вопросъ о томъ какъ отразилось въ Россіи просвѣщеніе Запада, перенесенное на нашу почву — все это самые жгучіе вопросы, о которыхъ въ послѣднее время поднялось столько толковъ, и всякое здравое и свѣтлое по этому предмету сужденіе имѣетъ большой и животрепещущій интересъ. Настоящая книга нашего извѣстнаго мыслителя и философа чрезвычайно мѣтко и глубоко указываетъ на тотъ опасный современный недугъ „острой мечтательности“ когда люди тратятъ силы и дѣятельность на погоно за воображаемымъ, что и есть именно результатъ подражательности, результатъ разрыва съ родною дѣятельностью. Очерки эти представляютъ въ такой степени большой интересъ, что мы не можемъ не указать на нихъ каждому, кто ищетъ яснаго, спокойнаго и глубокаго обсужденія затронутыхъ въ этой замѣчательной книгѣ вопросовъ.

Политическое обозрѣніе.

Сербія. — Австро-Венгрія. — Германія. — Франція. — Англія. — Китай.

Король сербскій Миланъ Обреновичъ 1-й признавъ и получилъ привѣтствія ото всѣхъ дворовъ Европы. Наше предположеніе о томъ, что провозглашеніе короля предшествовало переговорамъ съ державами подтверждается вѣнскими офиціозными газетами, которыя утверждаютъ будто Сербія, при этомъ, обязана оставаться въ дружественныхъ и союзныхъ отношеніяхъ къ Австро-Венгріи. Король, на привѣтствіе президента скупщины, отвѣчалъ: „Я съ особеннымъ удовольствіемъ, могу сообщить, что уже въ первыя сутки послѣ возведенія Сербіи на степенъ королевства, двѣ великія державы, которыя всегда выражали намъ свое благорасположеніе, извѣстили о своемъ признаніи совершившагося факта. Полагаю, что я только выполняю свою обязанность и обязанность Сербіи, если громко выражу признательность (такъ и кажется, что здѣсь говорится о Россіи) Императору Францу-Иосифу и Императору Вильгельму.“

Австро-венгерскій посланникъ, привѣтствуя короля Милана въ торжественной аудіенціи, высказалъ, что Австрія, съ удовольствіемъ, поспѣшила признать возвышеніе сосѣдняго государства; такая поспѣшность, прибавилъ онъ, является не только свѣдѣніемъ географическаго сосѣдства, а также объясняется уваженіемъ, съ которымъ Австрія всегда относится къ разумной политикѣ (?); король благодарилъ за привѣтъ и высказалъ, что Сербія будетъ держаться той-же политики (!), какъ наиболѣе выгодной для ея интересовъ. Газета „Times“ прямо говорить, что Австрія удовлетворила стремленію Сербіи къ возведенію въ королевство въ награду за послушаніе и съ тѣмъ условіемъ, чтобы это послушаніе и впредъ было руководящимъ принципомъ вѣнскій политики Сербіи.

Вѣнскія газеты до того уже увѣрены въ непоколебимой вѣрности Сербіи къ ея фактическому созерену, что начинаютъ разсказывать такія небывлицы, какъ напримѣръ, будто одинъ изъ сербскихъ министровъ, въ бытность свою въ Вѣнѣ, говорилъ, что въ случаѣ войны между Австріей и Россіей, Сербія примкнетъ къ первой. Послушаемъ теперь что говорятъ другія газеты. Нашъ „Journal de St.-Petersbourg“ заявляетъ, что русскій народъ горячо сочувствуетъ ликвидаціи долбестнаго сербскаго народа, такъ какъ и онъ принималъ свою долю участія въ борьбѣ, изъ которой вышла независимость Сербіи; онъ шлетъ самыя искреннія пожеланія сербскому народу и сербской династіи, онъ желаетъ имъ, въ особенности, мира и благоденствія,

умѣренности и благоразумія, дабы они могли занимать достойнымъ образомъ скромное, но почетное мѣсто, предоставленное Сербіи въ европейской семьѣ... Слова эти — можемъ положительно завѣрить нашихъ читателей, — взяты не изъ какой-нибудь иностранной (напримѣръ австрійской) газеты, а — изъ „Journal de St.-Petersbourg“. Весьма характеристична и „эта доля участія русскаго народа“ въ освобожденіи Сербіи, т. е. цѣлое столѣтіе борьбы! не менѣе значителенъ и совѣтъ умѣренности и благоразумія... Иначе на эту тему говоритъ органъ младо-чеховъ „Народные Листы“ (Narodni Listy); младо-чехи напоминаютъ новому королю и сербамъ о томъ, что хотя шесть лѣтъ тому назадъ Миланъ и отказался принять королевскую корону изъ русскихъ рукъ, они всетаки обязаны всѣмъ и, въ особенности, своею независимостью русскимъ а потому имъ не надобно увлекаться теоріею политической неблагодарности. Мадыарскіе государственные люди, помышлявшіе въ 1877 г. ударить въ тылъ русскимъ, конечно не заслуживаютъ себѣ признательности юнаго королевства. Далѣе, газета объявляетъ, что провозглашеніе Сербіи королевствомъ есть не болѣе какъ второстепенный эпизодъ въ современной исторіи славянства и того фазиса, который ожидается; когда-же настанетъ минута прибѣгнуть къ оружію для разрѣшенія вопроса — кому владѣть Балканскимъ полуостровомъ, то Сербія опять будетъ стоять на сторонѣ, указываемой ей ея исторіей, ея патріотическими чувствами и ея національными надеждами, т. е. на сторонѣ Россіи.

Славяне борются еще. но — имъ трудно. Іовановичъ перешелъ въ энергическое наступленіе и движеніе его имѣло, конечно, успѣхъ — оплотъ кривошанъ, крѣпостца Драганъ, взята его войсками. Устапи, числомъ отъ 900 до 1,000 чел., сражались нѣсколькими отдѣльными отрядами и партиями противъ 44 и 47 дивизій и, не смотря на такой перевѣсъ, успѣли подобрать всѣхъ своихъ раненыхъ и убитыхъ въ отступленіи; значить отступали, а не бѣжали, успѣвъ разрушить Драганъ; всѣ села и деревни опустѣли — жители ушли; устапи-же удалились въ Черногорію. Есть, однако, свѣдѣнія, что въ Кривошин не все закончено. При движеніи своемъ къ черногорской границѣ, австрійцы оставили у себя въ тылу нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые служатъ какъ-бы кадрами для возставшихъ славянъ и теперь сообщаютъ уже о появленіи новыхъ отрядовъ въ окрестностяхъ Главашичево и Кошицы, на сѣверѣ отъ только что очищеннаго австрійцами отъ усташей загорья, также и близъ Фочи; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ сѣверо-западнаго угла Герцеговины и изъ

Западной Боснии многочисленные и хорошо вооруженные отряды проникли в Среднюю Далмацию. Об этом, впрочем, из Вены не сообщается ничего.

Из Константинополя сообщают, что султанъ, бесѣдая съ главою чрезвычайной германской миссии, княземъ Радзивилломъ, высказалъ желаніе лично познакомиться съ императоромъ Вильгельмомъ и посѣтить Западную Европу. Члены германскаго посольства чувствуютъ всячески. Недавно отправился изъ Константинополя въ Брюссель на яхтѣ адмиралтейства, предоставленной въ ихъ распоряженіе: они проѣдутъ въ Дарданеллы, разсмотрятъ раскопки Трои Шлиманомъ, и также нѣсколько интересныхъ мѣстностей въ Мраморномъ морѣ, и затѣмъ послѣ аудіенціи, выѣдутъ въ Варну.

Прусская палата депутатовъ, вопреки голосамъ либеральной партіи, утвердила кредитъ, требуемый правительствомъ для учрежденія посольства при папскомъ дворѣ.

Въ Парижѣ офиціозныя газеты снова совѣтуютъ Франціи и Англіи принять энергическія мѣры въ Египтѣ для поддержанія власти хедива, который, прибавимъ отъ себя, вовсе и не проситъ о томъ, но крайней мѣрѣ—до сихъ поръ не было никакихъ слуховъ. На станціи (Броттю) одной изъ желѣзныхъ дорогъ недавно былъ произведенъ обыскъ багажа какого-то путешественника — и путешественникъ этотъ оказался офицеромъ германскаго генеральнаго штаба; при немъ найдены различные топографическіе инструменты, географическія карты и планы крѣпостей.

Гладстонъ, въ настоящее время, находится въ сильной оппозиціи съ палатою лордовъ, которая рѣшилась воспротивиться слабой уступкѣ, сдѣланной ирландскимъ фермерамъ, т. е. земельному акту, давшему очень небольшія облегченія тамошнимъ арендаторамъ: лорды пожелаю образовать особую комиссію для провѣрки примѣненія „акта“ на дѣлѣ; первый министръ, понимая хорошо цѣль комисіи, которая вѣроятно, состоитъ въ томъ, чтобы вывести заключенія не въ пользу недавняго закона и приостановить его дальнѣйшее примѣненіе—пошелъ противъ намѣренія пэровъ и, даже, говоритъ, рѣшился выйти въ отставку, но палата депутатовъ поддержала его, высказываясь противъ учрежденія комисіи.

Рѣшеніе задачи буквъ № 9.

- 1) Каминъ.
- 2) Эразмъ.
- 3) Меръ.
- 4) Игумень.
- 5) Мимики.
- 6) Анстъ.
- 7) Ницца.
- 8) Шов.
- 9) Швабра.
- 10) Чим.
- 11) Чадра.
- 12) Марш.
- 13) Лѣсникъ.
- 14) Пій.
- 15) Яликъ.
- 16) Мыза.
- 17) Какао.
- 18) Роббер.
- 19) Чина.
- 20) Рота.
- 21) Боннъ.
- 22) Бры.

Й	А	Ч	Н	Ъ	А	Ъ
І						В
К	Р	М		П	Р	О
Ц	Ф	М	Р		А	К
Н						Н
Н	В	И	М	К	М	Н
Ш						Ш
У						У
Р	С	Ц	Ц			Т
Г						А
Г	А	К	М	Е	Т	А
Н						Н
Н	А				Р	Ъ
Н						Ш
Р	А	М	Т	А	Н	Р
О						О
С	И	М	А	Ч		Ъ
П	Э	С	М	Б	О	И
Н						Н
Р	А	З	А	М	Р	Я
С						С
Е						Е
М	Б	М	А	К	Д	Б

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Спб.—Кузьмина, Гедда, Бѣляникова, Кононовой, Вишняковой, В. В., Голенничева, Нелл Р., Оснина, Ильина, Лагузы; Москва—Сokolовой, Володова, Галлфтеръ, Еремина; Астрахань—Цѣхловица; Варшава—Агафонова; Екатеринбург—П. Б.—ва; Казань—Билюковича, Степанова; Ковно—Гренкова, Кострома—Михайловскаго; Кронштадтъ—Уткина; Ревель—Федорова; Рязань—Шумовыхъ; Одесса—А. С.; Оренбургъ—Рѣшина; Пенза—Карез; Череповецъ—Михайлова; Черниговъ—Николаева.

2-й заемъ 1866 года.

32-й тиражъ 1-го Марта 1882 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.				
88	20	500	2504	49	25000	4971	14	500	7537	10	500	10128	6	500	13073	42	500	15256	7	500	17459	24	500	
103	48	1000	2593	27	500	5004	29	1000	7555	87	500	10233	21	500	13103	9	1000	15275	32	500	17695	43	500	
133	2	500	2589	40	500	5071	45	500	7616	22	500	10252	25	500	13129	12	500	15295	39	500	17698	39	500	
224	50	500	2658	10	500	5173	18	500	7649	42	500	10338	1	500	13151	28	500	15353	16	500	17722	27	500	
262	18	500	2673	45	500	5178	36	1000	7655	38	500	10385	38	500	13153	4	500	15361	47	500	17879	40	500	
266	4	8000	2673	48	500	5186	35	500	7995	16	10000	10533	12	500	13214	12	500	15412	45	500	17904	40	500	
339	10	500	2694	45	500	5193	43	500	8031	14	500	10554	17	500	13224	4	500	15435	7	500	17916	39	500	
515	42	500	2716	41	500	5236	46	500	8058	1	1000	10581	20	500	13248	14	500	15459	37	500	18041	15	500	
735	2	500	2747	28	500	5265	8	500	8121	18	500	10612	46	500	13317	38	500	15528	22	500	18060	32	500	
749	26	500	2832	7	500	5269	38	500	8165	22	500	10748	35	500	13454	45	500	15557	46	500	18101	6	500	
826	19	500	2889	14	500	5325	7	500	8183	10	500	10772	18	500	13639	31	500	15585	16	500	18141	1	500	
897	14	500	2924	32	1000	5394	32	500	8189	34	500	10805	1	500	13651	30	500	15682	47	500	18157	31	500	
927	12	500	2928	27	500	5414	37	500	8226	41	5000	10808	7	500	13805	24	500	15817	11	8000	18207	32	500	
929	21	500	2984	6	500	5419	11	1000	8264	41	500	10965	38	500	13992	9	500	15887	33	8000	18496	20	500	
982	31	500	2985	49	500	5447	9	500	8294	36	500	10970	3	500	14029	49	500	15951	5	500	18516	23	500	
1159	37	500	2987	42	500	5583	1	500	8365	23	500	11057	13	500	14059	49	500	16304	29	500	18586	11	500	
1190	26	8000	2990	31	500	5737	19	500	8371	33	500	11225	34	500	14108	46	500	16237	26	500	18613	6	500	
1255	87	1000	3028	10	500	5770	3	500	8457	24	1000	11308	33	500	14302	45	500	16341	19	500	18701	9	500	
1312	15	500	3081	30	500	5807	23	1000	8495	7	8000	11544	4	500	14315	14	500	16401	30	500	18708	1	1000	
1422	19	500	3107	28	500	6038	29	500	8523	37	500	11554	18	500	14386	29	500	16428	16	500	18798	20	500	
1476	5	500	3192	11	500	6040	40	500	8815	50	500	11891	32	500	14512	34	500	16450	23	500	18854	5	5000	
1501	34	75000	3243	29	500	6377	3	500	8878	10	1000	12094	50	500	14541	9	5000	16477	1	500	18861	29	500	
1574	26	500	3249	44	500	6380	15	500	9057	47	10000	12148	11	5000	14648	20	500	16560	43	500	18868	49	5000	
1575	34	500	3332	1	500	6420	1	500	9100	30	500	12158	13	500	14720	32	500	16614	21	500	18926	35	500	
1714	1	500	3193	38	500	6541	10	500	9204	45	500	12166	13	500	14739	44	500	16616	45	500	18943	1	500	
1761	7	500	3527	47	500	6709	45	500	9261	8	1000	12289	4	500	14811	22	500	16690	44	1000	19008	4	500	
1775	25	1000	3792	24	500	6735	18	500	9296	43	500	12808	36	500	14812	21	500	16700	37	500	19033	21	500	
1806	21	500	3877	23	500	6739	19	500	9326	20	500	12821	35	500	14845	1	500	16742	48	500	19057	31	500	
1817	11	5000	4025	17	500	6855	13	500	9368	7	500	12880	46	500	14906	26	500	16913	47	500	19187	5	5000	
1835	33	500	4147	28	500	7093	48	500	9405	30	1000	12436	27	500	14947	40	1000	16949	10	500	19198	25	500	
2052	47	500	4173	2	10000	7137	30	500	9568	45	500	12449	27	500	14979	22	500	17151	40	500	19232	20	5000	
2061	29	500	4179	32	1000	7171	4	500	9627	30	500	12725	12	500	14991	15	500	17217	31	500	19622	10	1000	
2066	11	500	4272	19	500	7201	17	20000	9686	17	500	12758	38	500	15135	28	500	17230	17	500	19796	32	500	
2223	49	500	4355	37	500	7217	8	500	9959	28	500	12804	40	500	15161	1	500	17293	25	500	19851	49	500	
2281	47	500	4550	39	500	7322	46	500	10031	43	500	12825	22	500	15217	15	500	17294	29	500	19876	32	500	
2296	48	500	4700	42	500	7332	34	500	10052	9	500	12901	19	500	15247	14	500	17819	17	1000	19935	9	500	
2459	26	500	4766	29	500	7422	8	500	10078	35	500	12932	43	500	15253	17	500	17840	32	500	19978	4	40000	
2502	31	500	4820	39	500	7427	26	500	10103	25	500													

№№ серий, выпедшихъ въ тиражъ.

227, 351, 1208, 1255, 2584, 2805, 3045, 3406, 3677, 3865, 4040, 4103, 4390, 4555, 4667, 5472, 5506, 5786, 6126, 6213, 6390, 6417, 6445, 6584, 6635, 6099, 7318, 7525, 7631, 8393, 8486, 8540, 8889, 9320, 9570, 9767, 9776, 10361, 10493, 11030, 11892, 12221, 12273, 12442, 12466, 12710, 12867, 13193, 13293, 13706, 13953, 14639, 15018, 15632, 16010, 17110, 17538, 1727, 18073, 18169, 18578, 18991, 19635, 19793, 19801, 19889.

ОТЪ КОНТОРЫ „НИВЫ“.

Въ виду предстоящихъ праздниковъ, по огромному количеству экземпляровъ (75,000), мы должны, во избѣжаніе задержки, начинать печатаніе слѣдующихъ №№ заблаговременно и поэтому покорнѣйше просимъ гг. желающихъ помѣщать объявленія въ праздникахъ, доставлять намъ ихъ для № 13 (выходящаго 26-го марта) не позже 17-го марта.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ Италіи. Деревенская принцесса (съ рисункомъ) — Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. **Вс. Соловьева.** Часть первая. — Во время бури. Романъ М. Юкал. (Продолженіе). — Видъ города Виванли (съ рис.) — Сергійевскія пустыни, близъ С.-Петербурга (съ рис.) — У колодца (съ рис.) — Исусъ въ домѣ Симона (съ рис.) — Великій князь Симеонъ Гордый осматриваетъ работы живописцевъ (съ рис.) — Святая Елисавета, картина Манса (съ рис.) — Письма о здоровьѣ (съ 10 рис.) Э. И. Н — снаго. — Видлография. — Политическое обозрѣніе. — Рѣшеніе задачи буквъ. — Тиражъ выигрешей Государственнаго Банка. — Отъ конторы „Нивы“. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложениа при „Нивѣ“ объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикеткахъ.

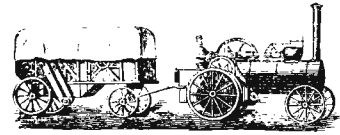
Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Кооп. въ Бреславль *)
Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій гортани и груди, начиная съ простаго кашля до чахотки и противъ блѣдной немочи

*) Цена: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у русск. общ. торговл. антикарем. товар. Казанская, 12, Штоль и Шмидтъ, Малая Морская, 11.
Въ Москвѣ у Н. Матейшев; въ Варшавѣ у Лудвига Шписъ и Сына. № 1938

Имѣются всевозможныя земледѣльческія машины въ большомъ выборѣ
ВЪ СЛАДЪ
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДІЙ И МАШИИЪ
МАЛЬЦОВСКАГО
П. Т. Товарищества
въ Москвѣ
у Красныхъ воротъ по Садовой собств. д.
Каталоги высылаются бесплатно.
№ 1849 4-2

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“
Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ.
и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ
Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
НАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА
Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка,
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА:
„СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ“.
Т. ФИЛИПОВА.
Содержаніе книги: Слово митрополиту Сергию Михаилу.—Переписка съ патриархомъ Григоріемъ VI.—Три разсужденія о греко-болгарской распрѣ.—Письмо къ профессору Нильскому.—Четыре чтенія „о нуждахъ единоверцевъ“.—Дополненія: о желт. управленіи, о Петрѣ Дамаскинѣ, о литургіи Св. Василия. Адресъ единоверцевъ патриарху Іоакиму III.
Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.
Иногородные обращаются къ Т. И. Филипову: Невскій, 75 или въ контору товарищества „Общественной Пользы“, Б. Подъячская, № 39.

**РАЗРѢШЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ МЕДИЦИНСКИМЪ ФАКУЛЬТЕТОМЪ
САЛИЦИЛОВЫЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА**
зубнаго врача **Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМЪ** въ Москвѣ.
приобрѣтшія большое примѣненіе, рекомендуются какъ лучшія гигиеническія средства для рта и зубовъ, предупреждающія кариозу, осажденіе слюянаго камня, дурнаго запаха во рту и проч.
Главное депо у зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМА, въ Москвѣ,
Кузнецкій мостъ, домъ Соколова.
Оптовая и розничная продажа во всѣхъ аптекахъ, антикаремскихъ магазинахъ, въ лучшихъ косметическихъ и другихъ магазинахъ всей Россіи.
Перепродавцамъ соразмѣрная скидка. Ц. № 1947

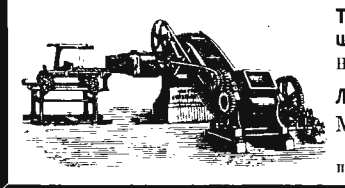
Новыя изданія книгопродавца Э. ГАРТЬЕ,
Невскій проспектъ, д. 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ,
БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.
Красивыя томы, изящно изданныя, въ 16°.
КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.
В. И. Немировича-Данченко. 2 тома. 2 р.
ДЕРЕВЕНСКАЯ НЕУРЯДИЦА. Глѣба Успенскаго. 3 тома. 3 р. 75 к.
БОЛЬШІЕ ЛЮДИ. Романъ А. И. Пальма. 2-е изд. Спб. 1882. 2 тома. 2 р. 50 к.
ВЪ СТРАНѢ СВОБОДЫ. П. Огородникова. 2-е изд. 2 тома. 2 р. 50 к.
ДАЛЬ. В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд. Спб. 1882. 1 томъ. 1 р. 25 к.
ВЪ ГОСТЯХЪ. В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд. Спб. 1882. 1 т., 1 р. 25 к.
За пересылку прилагается
15 к. на каждый томъ. № 1994

ПОДПИСКА НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ редакціи (г. Енисейскъ, директ. земск. реальн. училища, М. Завадскому) въ годъ 20-тъ №№. Цѣна 4 р. № 1944 3-3
КНИГИ прод., покуп. и прии. на комиссію въ Казани кн. маг. Александра Ильича Овчинникова, (б. учителя дровн. яз.) Выдаютъ библиогр. редности. Объявл. торг. почти постоянно публнк. уже 10 лѣтъ въ Казанск. газетахъ и мног. друг. изданіяхъ. № 188 4-3.

РУССКАЯ ТАМБОВСКАЯ КОПЧЕНАЯ ВЕТЧИНА
приготовленія Петра Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ, получившаго къ предстоящему празднику во всѣ главныя магазины Черепеникова на Литейномъ проспектѣ.
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

- 1) Каковы мы были бы безъ Христа. Съ французскаго. Ц. 15 к.
- 2) Евангельская женщина, облеченная въ грѣхъ людьми и оправданная Спасителемъ. Ц. 15 к.
- 3) Исповѣдь предъ духовникомъ—не лишнее ли дѣло? Ц. 40 к.
- 4) Последние дни жизни Пилата. Ц. 20 к.
- 5) Отче нашъ, какъ еси на небесахъ Съ пмвскаго Философо-религіознаго разсужденіи. Ц. 20 к.
- 6) Обращеніе изъ вѣрнія въ Христіанство. философа Августина. 15 к.

У автора по адресу:
въ г. Бѣлу Сѣдл. губ., протоіерею А. Новаляницкому. Можно выписывать марки; пересылка безплатна.
ПАСУЮТЬ
Другія средства предъ губительной силой **АНТИ-ПАРАЗИТЪ.**
Который истребляетъ всякомыхъ какъ то Клоповъ, Тарановъ блохъ, муравей, сверчковъ, и въ особенности лезающихъ противъ Моли и ея зародившей, дальѣйшая реклама о его замѣчательномъ свойствѣ и лишняя, дѣстанка отъ 30 коп. до 10 р. Иногородн. высылаются съ Апаратомъ не менѣе на 2 р., за лишь 40 к. Существуетъ подѣлка при покупке обратитъ вниманіе на этикетки. „Единственное депо для всей Россіи Капалагійск. Спб.“ помѣщается на углу Владимірской и Невскаго д. Палкина № 1-45.
МОЗОЛИ съ корнемъ и бороздками уничтожаетъ, жидкое Шмидта 35 коп., съ пересылкою 2 флакона 1 руб. 20 к., торговцамъ услуга, заказы исполняются немедленно.
№ 1993 1-1

Торфяныя и кирпичедѣлательныя машины и мѣшалки для растворовъ, новѣйш. конструкций, на складѣ у **Людвига Федоровича ШЛИКЭЙЗЕНЪ.** Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.
Прейсъ-куранты по востребованію безплатно. Ц. № 1996 3-1

**ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГАХЪ.
ПОХОЖДЕНІЯ ХОЛОСТЯКА.**

Юмористическій романъ въ стихахъ, текстъ Марала Герихонскаго, съ 156 рисунками **В. Буша**, изящное изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою.—Содержаніе книги: Памятная слеза; Старая дѣва; Черный пупучикъ; Профессорскій принципъ; Свиной хвостъ; Привольное затѣнье; Бормота; Отвергнутое гостепримство; Въ чужомъ шире пожить; Ожившая покойница; Неожиданное дезаблие; Платоническая любовь; Возвращеніе домой. Всего 13 главъ.

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ СЧАСТЛИВАГО БРАГА.

Продолженіе юмористическаго романа Похождения холостяка, въ стихахъ, текстъ Марала Герихонскаго, со 100 рисунками **В. Буша**.—Содержаніе книги: Сладость брачныхъ узъ; Супружескія забавы; Счастливыя минуты повображнаго; Терни супружеской жизни; Недоразумѣніе; Неблагоклонный приемъ послѣ кутежа; Громъ и молнія; Страшный переходъ и счастливое заключеніе. Всего 8 главъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкою.

ПЛУТОВКА НАДЯ.

Юмористическій романъ въ стихахъ и 168 рисункахъ изящнаго **Буша**. Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к. Второе изданіе **Содержаніе книги:** Въ деревню; Ночная сорочка; Кузень Поля; Ягушка; Любовное письмо; Безпокойная ночь; Дѣвочки развлеченія; Замужество; День свадьбы; Духеснасъительныя подвиги; Воровже; Ближенецъ; Невѣрный другъ; Спиритизмъ; Роковое покушеніе; Торжество темныхъ силъ; Эпизодъ. Всего 16 главъ. Изящное изданіе съ художественно сдѣланными полиглажами.
Иногородныхъ прошу выписывать означенныя книги исключительно изъ склада, находящагося въ Москвѣ близъ Тверскаго бульвара Сытинскій пер., домъ Мальдзиневича, у Юлія Эдуардовича Конденъ.
Ц. № 1995 1-1

Только что вышла изъ печати и продается въ книжн. магаз. **Н. РИККЕРА** и другихъ:

НОВАЯ КНИГА:
РЫБОВОДСТВО
Соч. Фонъ-Демъ-Борне.
Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ дополненіями д-ра **О. А. ГРИММА.** Съ 64-мя политглажамъ. Изданіе **В. А. Грейга.**
Цѣна 2 р. 50 к., иъ порсылкою 2 р. 75 к.
Книга эта представляетъ собою сводъ всѣхъ данныхъ, приобретенныхъ дондѣ практикою, и по искусственному разведенію рыбъ отличается краткостью изложенія, полнотою и практичностью. А. № 1987

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

НОВЫЯ ПРИОВЕДЕНІЯ:
ПОМАДЫ, ФИКСАТУАРЫ, МАСЛО ДЛЯ ВОЛОСЪ, УМЫВАНІЕ ДЛЯ ВОЛОСЪ ВІОЛЕТЬ.
Эссенціи: Эссенціи Виолетъ, Эссенціи Буно, Опопонакъ, Бриза де-лакъ-Пампасъ, Иланъ-Иланъ, Майлякъенъ (Ландишь), Бѣлый Геліотъ; другіе приготавливаются.
Шампуній для мытья головы (Мыльная эссенція).
Туалетная Вода, Кольдъ-Кремъ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты принявше названія фирмъ, близкое подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы: „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЯ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18-54, Шредера.

СКОПИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ. (ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.200.241 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6% въ годъ.
• одинъ, два и три года	6½% » »
• четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7% » »
• вѣчное время	7½% » »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основными и запасными капиталами 1.200,241 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъимянные, т. е. на предъявителя. *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учреждений на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотаріусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъимянные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая 1866 года и 30 ноября 1870 года.

Директоръ *Рыковъ.*

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого-то) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей), прошу принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя, (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ такое-то мѣсто. Число мѣсяцъ, годъ.

**СВОЕЙ ФАБРИКИ
ЗОЛОТЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ**

заводящиеся без ключа (въ ручку). Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 90. 100 и 110 руб. (смотри по куску золота въ корпусѣ). Такие же 1-го сорта съ бретерговскимъ волоскомъ отъ 125 до 165 руб. Тоже высшаго достоинства съ уравнительнымъ маятниковъ отъ 175 до 250 руб. съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщица Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23. (противъ большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартоломеемъ). Пересылка на счетъ магазиновъ. Подробныя прейсъ-курранты высылаются по требованію безплатно. № 1806 10-3

**НОВАЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ СЪЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ
КАРЛА БЕРМАНА по 125 руб.**

универсальныя съялки въ разбросъ системы Эберта по 110 р. и также пилы, бороны и проч. земледельческія орудія и машины

предлагаетъ со склада

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРНГАРТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.

Иллюстрированныя каталоги по востребованію 4-4

E I N

**GROSSES LOCAL
ist zu vermieten,**

geeignet für Bank-oder Assecuranz-Geschäfte, Clubs etc. etc.

am

Nevski-Prosp. dicht an der Polizeibrücke
**Nähere Details
werden ertheilt auf briefliche
Anfragen sub Chiffre W. S. abzu-
geben an die Redaction dieses
Blattes.** 5-3

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:
ТЕМНАЯ ВОДА.

Романъ въ 3 ч. П. Лѣтнева.
Ц. 1 р. 50 к. № 1985

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1-й выпускъ пьесъ для солдатскаго и народнаго театровъ, издаваемыхъ Я. У. Шинкю и 1-й выпускъ солдатскихъ и народныхъ пьесъ съ текстами, записанными и аранжированными на четыре голоса (С. Л. Т. Б.)
А. Д. ЛЕБЕДЕВЪМЪ.

Цѣна выпуску: книга и партитура вмѣстѣ 1 р. Отдѣльно: книга . . . 45 к. партитура . . . 75 к.

Выпущенные менѣе трехъ экземпляровъ на пересылку прилагаютъ за одинъ фунтъ. Выпущенные отъ 3 до 10 экземпляровъ за пересылку ничего не платятъ, отъ 10 до 20 экземпляровъ уступка 10% а, болѣе 20%.

Съ требованіями обращается: въ г. Сынцель, 66 пѣх. Бутырскій полкъ, штабъ-капитану **ЛЕБЕДЕВУ.** № 1986

**Продается во всѣхъ книжн. магаз. новая книга:
Д-ра Н. PLOSS,
РЕБЕНОКЪ ОТЪ КОЛЫБЕЛИ ДО ПЕРВАГО ШАГА.**

СПОСОБЫ УХОДА ЗА ДѢТЬМИ У РАЗНЫХЪ НАРОДНОСТЕЙ.
Переводъ съ нѣмецкаго, съ 122 рисунками въ текстѣ.
Содержаніе: I. Укладываніе ребенка. II. Ношеніе ребенка. III. Колыбель и качаніе. IV. Ухаживаніе и V. Первые шаги ребенка.
Цѣна на веленовой бумагѣ 1 р. 50 к., на слоновои 2 р.
Складъ изданія въ типографіи Д. Р. Манисса, Троицкій переулокъ, домъ № 38.

23-го МАЯ СЕГО 1882 ГОДА

**ПОСЛѢДУЕТЪ РОЗЫГРЫШЪ
XLIV ЛОТЕРЕИ
ВЪ ПОЛЬЗУ**

С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢТСКИХЪ ПРИУТОВЪ
для 5000 призваемыхъ ими дѣтей.
всего 600 ВЫИГРЫШЕЙ.

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ серебра 84 пробы, столовый и чайный сервизы въ 8,000 руб.
Четыре выигрыша по 1,000 рублей . . . . . 4,000 "
Два выигрыша по 500 рублей . . . . . 1,000 "
Остальные пятьсотъ-девяносто-три выигрыша состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и Высочайше пожалованныхъ цѣнностью на 14,000 "
**Билетовъ на лотерею назначено 50,000
ЦѢНА БИЛЕТУ 1 РУБЛЬ.**

Оставшіеся билеты, по одному рублю можно получить въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Сѣвѣта, по Казанской улицѣ, домъ № 5.

Сверхъ того билеты можно получать: Въ Москвѣ—въ значительнѣйшихъ магазинахъ. Иногородные же могутъ обращаться со своими требованіями въ С.-Петербургѣ, въ Канцелярію Сѣвѣта по упомянутому адресу, или же — для **БОЛЬШАГО УДОБСТВА**—съ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства дѣтскихъ приутовъ въ слѣдующихъ городахъ: Архангельскѣ, Астраханѣ, Кішиневѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Владимирѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Елабугѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринбургѣ, Ростова-на-Дону, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Калугѣ, Казани, Кіевѣ, Ковнѣ, Костромѣ, Курскѣ, Минскѣ, Новгородѣ, Николаевѣ-Новгородѣ, Новоуральскѣ, Петрозаводскѣ, Орлѣ, Оренбургѣ, Одессѣ, Остроговскѣ, Пензѣ, Пермѣ, Полтавѣ, Псковѣ, Торосѣ, Холмѣ, Рязани, Саратовѣ, Волскѣ, Смоленскѣ, Симферополѣ, Таганрогѣ, Тамбовѣ, Твери, Тобольскѣ, Троицкосавскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Старобильскѣ, Херсонѣ, Черниговѣ, Ярославлѣ, Угличѣ, Уфѣ, Якутскѣ и Читѣ, а также въ канцеляріяхъ губернаторовъ: въ Баку, Эривани, Ровелѣ, Ригѣ, Митавѣ и Каменецъ-Подольскѣ.
Таблицы выигрышей будутъ разосланы иногороднымъ при Трестельствѣни. Выигрыши неостребованные въ течение шести мѣсяцевъ со дня розыгрыша будутъ считаться пожертвованными въ пользу СПБ. дѣтскихъ приутовъ.
Выигрыши будутъ выдаваться лишь предъявлятелямъ подлинныхъ и цѣльныхъ билетовъ. Комитетъ 44 лотерей отвѣчаетъ за вѣрность только той таблицы выигрышей, на которой будетъ значиться: "Изданіе С.-Петербургскаго Сѣвѣта Дѣтскихъ Приутовъ".

ЛИМАНЪ И РИКСЪ.

16. ГОРОХОВАЯ УЛ., ВЛИЗЪ КРАСНАГО МОСТА 16.
ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНЫ ИЗЪ АНГЛІИ
**РЕЗИНОВЫЯ
СКАТЕРТИ**
СЪ ТЕМНЫМИ УЗОРАМИ.
Эти скатерти имѣются постоянно въ большомъ выборѣ и замѣчательны своими прекрасными рисунками и красками они вполне замѣняютъ даматныя или гобелиновыя скатерти. Каждое пятно легко смывается водою, почему эти скатерти имѣютъ предпочтеніе передъ всѣми другими.
**ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ У
ЛИМАНА И РИКСА.**
16. Гороховая ул., близъ Краснаго моста. 16.

КЪ СВѢДѢНІЮ!

„ЭЛЕОНАТЪ“

БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и ошготомъ признавъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлѣбнымъ средствомъ для оставаныванія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеонату“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногородныхъ заказчиковъ высылаются не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногородныхъ:
въ Главное Депо „Элеоната“ Пассаажъ, Магазины № 52, въ С.-Петербургѣ.
Пересылка же болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ отдаленныя города отъ С.-Петербурга одна обойдется почти паравѣ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовые расходы слѣдуютъ на счетъ покупателя. № 1906

**МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ЯЩИКИ.**

Малыя ручныя отъ 1 р. 75 к. до 4 р.
Малыя заводныя по 5 р., 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 70 р.
Тоже съ колокольчиками и барабаномъ по 100 р., 150 р., 175 р., 250 р. и многіе другіе новыя сорта съ штирою, мандолиною и гитарою.
Шарманки отъ 12 до 40 р.
Итальянск. ручныя органы отъ 100 р. до 275 р.
Новыя пѣанно съ клавиатурою и съ валомъ 750 р. и разныя другіе новыя инструменты
РЕКОМЕНДУЕТЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ
Юлія Генриха Циммермана,
С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42. А. № 1952

**ВЪ 10 УРОКОВЪ
по новой методѣ
Г-жи ШАВЕРНОВСКОЙ**

звучиваются свободно читать, писать и переводить по французск. Цѣна руководства 30 коп.; съ пересылкою 40 к. У книгопродавцевъ противъ Гостиннаго Двора: Фену, Попова, Маргинава, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и, съ уступкою 30 процент., въ кварт. № 14-й, въ домѣ № 8-й. въ Симбионскомъ переулокѣ. № 1982

**ПАРФЮМЕРНЫЙ
и
КОСМЕТИЧЕСКІЙ
МАГАЗИНЪ**
ТВЕРСКАЯ, д. ВАГНИНА.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПО ТРЕБОВАНІЮ.
А. СІУ И К.

**10%
ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ**

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владельцевъ, желающихъ продать нижеследующія старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ:** богатый сѣверскій и саексонскій фарфоръ, старинныя бронзовыя часы, канделяры и группы, золотыя эмалированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, еромѣ монетъ.

Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенныя предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЪ**, Петрова, домъ Ленскаго, противъ петровской вѣтки.
Вше упомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію. 6-3 Д. № 1905

**Альбертъ Салмонъ,
Albert Sahlmon,
БЕРЛИНЪ, W.**
какъ спеціальности
ПТИЧЬИ КЛѢТКИ
изъ лакированнаго покра-
таго цинкова, и отличнаго
полюрованнаго дерева.
АКВАРИУМЫ и ТЕРРАРИУМЫ,
просверленныя бляхи и
прессы.

1 ИЩУТЪ АГЕНТОВЪ. 6-5

ЖИВЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 12

годъ XIII
1882

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 20 Марта 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Живъ“ 15 к. съ перес. 20 к.

Отречение Св. Петра. Ориг. рисун. графа Гарраха, грав. Эргель.

ОТРЕЧЕНИЕ АПОСТОЛА ПЕТРА.

(Картина Графа Гарраха).

Этот, весьма талантливый, рисунок Гр. Гарраха представляет один из тех моментов земной жизни Спасителя, которые оставляют в нас глубокое и сильное впечатление. Этот момент — отречение Апостола Петра от своего Божественного Учителя еще за долго пророчески предвещавшего ему „что прежде нежели пропоет трикратно петух он отречется от Него три раза.“ Но Петръ никогда не могъ допустить и мысли, чтобы на немъ сбылись эти вѣщія, горькія слова, обращенныя къ нему его Великимъ Учителемъ. Онъ не въ силахъ былъ повѣрить, чтобы сердце его когда нибудь измѣнило столь долгой и горячей преданности, зародившейся въ немъ съ того самаго момента, когда Спаситель засталъ его за ловомъ рыбы и могучимъ словомъ увлекъ за собою. Но пророчество исполнилось и Петръ подъ вліяніемъ страха отрекся отъ своего Божественнаго Учителя въ самыя скорбныя часы, когда Богочеловѣкъ готовился уже испытать чашу своихъ великихъ страданій. И какъ ярко, какъ сознательно выразилась въ этомъ евангельскомъ разсказѣ слабость духа, присущая вообще человѣку... Давно ли Петръ еще вызвался встать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своего Божественнаго Наставника а теперь открыто отрекается отъ него изъ одной боязни чтобы его не сочли сообщникомъ взятаго подъ стражу и судимаго. Здѣсь на дворѣ Каіаффы, грѣясь у костра, среди слугъ и воиновъ

этотъ мужественный Апостоль Петръ, этотъ камень, предназначенный во основаніе Христіанства, трепещетъ отъ одной мысли быть узаннымъ какъ соучастникъ и единомышленникъ и трикратно увѣряетъ, что онъ не имѣетъ никакихъ отношеній къ этому человѣку“. Слабость человѣческая взяла верхъ даже надъ душою высокою и чистою, но у Петра эта слабость продолжается недолго; новый крикъ петуха снова напомнилъ ему его обязанности и онъ предался горькому раскаянію и рыдая упрекалъ себя въ своемъ поступкѣ. Этораскаяніе какъ говорить церковное преданіе, томилло Апостола до конца жизни и при каждомъ полночномъ возмась петуха онъ снова предавался слезамъ и молитвѣ.

На картинѣ Гарраха, моментъ отреченія Апостола Петра представлено въ высшей степени художественно и вполне оригинально, не смотря на то что этотъ сюжетъ уже не разъ повторялся многими замѣчательными художниками и даже встрѣчается въ классическихъ произведеніяхъ Карраваджіо, Гверчино, Ванъ Дейка и Тенъера. Вверху Спаситель, ведомый войномъ, съ видомъ грустнаго упрека оборачивается къ апостолу, который въ глубокомъ смущеніи и мучась, и какъ бы едва держась на ногахъ отъ волненія, отходитъ, чувствуя на себѣ насмѣшливые взгляды молодыхъ римскихъ легионеровъ, обратившихся къ нему съ вопросомъ.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Его свѣтлость въ духѣ.

Зубовъ уже не былъ въ халатѣ. Онъ успѣлъ переодѣться въ богатый мундиръ зашитый золотомъ и увѣшанный осыпанными брилліантами звѣздами, среди которыхъ выдѣлялся портретъ императрицы, такъ и сверкавшій крупнѣйшими солитерами.

Теперь, въ этомъ блестящемъ мундирѣ, плотно облегавшемъ его тонкій станъ, онъ казался еще меньше ростомъ, еще худощавѣе. Онъ старался придать себѣ величественный видъ, но этого никакъ ему не удавалось, онъ попрежнему походилъ на „петиметра“. Въ немъ оставалась прежняя суетливая, нервная манера, съ которой онъ, бывало, восемь лѣтъ тому назадъ, перебѣгалъ отъ одного къ другому, стараясь всѣмъ понравиться, всѣмъ подслужиться.

За нимъ показалась вся его важная свита, т. е. всѣ тѣ сановники, которые находились во второй пріемной и присутствовали при его туалетѣ и его государственныхъ занятіяхъ, т. е. перелистываніи бумагъ изъ портфеля Грибовскаго. Не доставало только обезьянки, она осталась во второй пріемной.

Увидя Зубова и замѣтивъ что всѣ находившіеся въ комнатѣ вытянулись въ струнку, образовавъ собою шпалеру, Сергій сообразилъ, что ему легко будетъ пробраться незамѣченнымъ къ выходу. Онъ уже и хотѣлъ было исполнить это, но затѣмъ подумалъ:

„Съ какой стати, вѣдь я здѣсь не по своей волѣ, а по обязанностямъ службы, я въ пріемной моего высшаго начальника, президента Иностранной Коллеги, и пока мнѣ не дана отставка, я не имѣю никакого даже права уйти отсюда. Изъ той комнаты я могъ, другое дѣло, ибо, какъ оказывается, туда попадаютъ вслѣдствіе особой милости и только очень важные сановники, по своему служебному положенію я не имѣю права входа туда. Я понимаю зачѣмъ онъ велѣлъ позвать меня, онъ желалъ показаться мнѣ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ не забылъ меня. Ну вотъ и показался онъ мнѣ, сдѣлалъ молчаливый вопросъ и я ему отвѣтилъ тѣмъ, что отказался отъ чести, мнѣ предложенной. Онъ конечно замѣтилъ это и

мы хорошо поняли другъ друга. Но тутъ я въ качествѣ прибывшаго изъ Лондонскаго посольства дипломатическаго чиновника. Тутъ я представляюсь ему какъ будто никогда не видалъ его прежде. Вотъ если онъ вздумаетъ лично оскорбить меня—ну тогда другое дѣло, но я увѣренъ, что онъ на это не рѣшится“.

Онъ оглядѣлся. Его страннаго и неожиданнаго собесѣдника уже не было возлѣ него.

Гавриилъ Романовичъ Державинъ протѣснился впередъ и сталъ на виду у Зубова, рядомъ съ другими. Но все же онъ не смѣшивался съ вытянувшейся въ струнку и подобрившейся толпою. Выраженіе лица его не измѣнилось, онъ бойко посматривалъ своими блестящими маленькими глазами и тонкая пріятная улыбка то и дѣло кривила его губы.

Очевидно онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого смущенія, былъ въ себѣ увѣренъ. А сосѣди его такъ и просились въ каррикатуру. Всѣ лица, и старыя, и пестарыя, и толстыя, и худыя, со своими разнородными очертаніями теперь удивительно походили другъ на друга. Всѣ они выражали благоговѣйный трепетъ, всѣ глаза глядѣли на одну точку и эта точка была сверкающая брилліантами фигурка Зубова, или вѣрнѣе ротъ его, отъ котораго ждали перваго слова.

Зубовъ находился очевидно въ хорошемъ настроеніи духа. Онъ довольно благосклонно кивнулъ всѣмъ головою и затѣмъ сталъ медленно подвигаться впередъ, останавливаясь на каждомъ шагѣ, удостоивая то того, то другаго какой нибудь незначащей фразой и выслушивая многочисленныя привѣтствія. Но никого не удостоилъ онъ пожатіемъ руки.

Всѣ эти люди были для него безразличны, а самъ онъ стоялъ такъ неизмѣримо выше ихъ.

Но среди этой толпы были и совсѣмъ незнакомыя ему лица: молодые чиновники, получившіе награды и всѣми правдами и неправдами добившіеся счастья представиться его свѣтлости и лично поблагодарить его. Затѣмъ слѣдовали люди неслужащія, закупившіе княжескихъ лакеевъ, явившіеся сюда со своими просьбами.

Замѣта подобнаго человѣка Зубовъ спрашивалъ:

— Вы кто такой?

И разслышавъ ничего не разъясняющую ему фамилию подозрительно оглядывалъ трепетно стоявшаго передъ нимъ просителя и цѣдилъ сквозь зубы:

— Что же вамъ отъ меня надо?

Проситель, запинаясь и заикаясь, излагалъ свое дѣло. Зубовъ иногда прерывалъ его однимъ словомъ:

„Короче... яснѣе“.

У него былъ навыкъ, онъ сразу соображалъ какое дѣло слѣдуетъ выслушать и какое оставить безъ вниманія.

Въ первомъ случаѣ онъ говорилъ:

— Къ нему обратитесь! и кивалъ на слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ Грибовскаго.

Грибовскій тутъ-же протягивалъ руку и принималъ прошенія.

Въ противномъ-же случаѣ, то есть когда его свѣтлость находилъ дѣло не стоящимъ, хотя часто оно именно стоило чтобы обратить на него вниманіе, онъ даже недослушивалъ до конца, даже ничего не отвѣчалъ, а просто проходилъ мимо.

Наконецъ онъ дошелъ до Державина; тотъ раскланялся почтительно, но безъ благоговѣйнаго трепета и не прекращая своей улыбки.

Зубовъ оказался необыкновенно благосклоннымъ къ поэту.

— А, Гаврила Романычъ! выговорилъ онъ, — давно ненавѣдывался, мудрите видно опять?!

— Какъ мудро, ваша свѣтлость, что такое?

— Не знаю что, а жалобы все на васъ, государыня опять говорила: „съ Державинимъ сладу нѣту“!

Гавриилъ Романовичъ смутился.

Но лицо Зубова не выражало гнѣва, а напротивъ, на немъ виднѣлись нѣкоторые признаки благорасположенія. Проницательные глаза Державина тотчасъ замѣтили это и онъ успокоился.

— Да, господинъ поэтъ, это не хорошо! Извольте-ка успокоиться и собраться съ духомъ—мы ждемъ вашего вдохновенія и рассчитываемъ на прекрасную оду въ честь радостнаго событія, которое должно совершиться.

— Моя муза готова воспѣть сіе событіе со всѣмъ жаромъ, на который еще способна, ибо сердце ей поможетъ своей искренней радостью! нѣсколько напыщеннымъ тономъ и уже окончательно успокоившись отвѣчалъ Державинъ.

Онъ видѣлъ что онъ еще нуженъ, что его задабриваютъ, ласкаютъ.

Видѣли это и окружающіе и съ тайной завистью смотрѣли на знаменитаго человѣка, значеніе котораго для многихъ было еще далеко неяснымъ.

Едва Зубовъ кивнулъ ему головою и отошелъ отъ него, какъ къ нему стали протискиваться чтобы шепнуть какую-нибудь любезность.

А Зубовъ въ это время замѣтилъ Сергѣя Горбатова.

Онъ все-же тутъ, подумалъ онъ, — негодная чванная фигура, того и жди новую дерзость сдѣлаетъ—отъ него всего ждать можно. Но нѣтъ, онъ ошибается, я не дамъ ему возможности сдѣлать мнѣ дерзость, я его доканаю такъ или иначе. А пока буду злить...“

И онъ вдругъ почувствовалъ наслажденіе кота, начинающаго заигрывать съ пойманной мышью.

Дойдя до Сергѣя онъ остановился и окинулъ его съ головы до ногъ. Онъ даже принялъ величественную и серьезную позу государственнаго мужа. Но поза не удалась и Сергѣй заставилъ его измѣнить ее раздраживъ своимъ холоднымъ спокойнымъ взглядомъ, своимъ официальнымъ, полнымъ достоинства поклономъ.

— Господинъ Горбатовъ изъ Лондона, мы вѣдь какъ жетса встрѣчались прежде?

— Встрѣчались... Сергѣй загнулся, но сдѣлалъ надъ собою усиліе и прибавилъ — ваша свѣтлость!

Онъ вложилъ въ эти слова что-то неуловимое, чего не

могли даже подмѣтить окружающіе, но что отлично понималъ Зубовъ, потому что губы его дрогнули и легкая краска мгновенно покрыла щеки.

— Долго въ Россіи не были... много перемѣнъ найдете, продолжалъ отрывисто Зубовъ. Бумаги ваши передайте въ канцелярію... если понадобится личное объясненіе я позову васъ. А засимъ, завтра извольте явиться на выходъ послѣ обѣдни.

Сергѣй былъ очень счастливъ что ему не приходилось даже отвѣчать. Онъ опять ограничился официальнымъ поклономъ.

Зубовъ былъ уже у дверей—онъ отправлялся къ государынѣ.

Едва скрылся онъ, въ приемной все оживилось. Собравшіеся люди, за нѣсколько минутъ поражавшіе такимъ удивительнымъ сходствомъ между собою, мало по малу начинали возвращаться къ своимъ личнымъ особенностямъ и даже напротивъ, теперь стало проявляться большее разнообразіе въ выраженіяхъ лицъ. Нѣкоторые были очень довольны, его свѣтлость обратилъ на нихъ вниманіе. Другіе казались озабоченными, смущенными, на нихъ или совсѣмъ не было обращено вниманія или очень мало. Иные стояли совсѣмъ какъ въ воду опущенные—это были просители, которыхъ Зубовъ недослушалъ, которые уже понимали что ждать имъ больше нечего и надѣяться не на что.

Другіе просители были счастливы, обступили Грибовскаго и увивались вокругъ него.

Большая группа образовалась тоже около Державина, который что-то горячо и весело, черезчуръ громко разсказывалъ.

Старые знакомцы Сергѣя снова рѣшились подойти къ нему.

Если послѣ такой выходки его все-же удостоили разговоромъ, если завтра ему приказано явиться на выходъ—значитъ дѣла его очень недурны и потому не слѣдуетъ пренебрегать имъ.

Но Сергѣй спѣшилъ скорѣе вонъ, онъ слишкомъ усталъ, онъ чувствовалъ себя черезчуръ раздраженнымъ да и наблюдать было уже нечего. Все стало ему совсѣмъ ясно и понятно.

VIII. Слѣды времени.

Слѣдующій день былъ—воскресенье. Около одиннадцати часовъ утра, Сергѣй, въ полномъ мундирѣ, вышелъ на подвѣздъ своего дома и, сядя въ карету, велѣлъ ѣхать во дворецъ.

Едва онъ завернулъ на Невскій проспектъ, какъ замѣтилъ огромное движеніе: всевозможные экипажи, парадная другъ друга, стремились въ одномъ и томъ же направленіи. Блестящія, вычурныя кареты новомоднаго фасона, старинныя, огромныя рыдваны, запряженные шестериками, съ форрейторами и гайдуками, открытыя коляски и наконецъ одноконныя дрожки, блестящія мундиры придворныхъ и разноцвѣтные наряды дамъ, помѣщавшихся въ экипажахъ, толпа глазѣвнаго люда на панеляхъ,—все это представляло такую пеструю и оригинальную картину, отъ которой Сергѣй давно уже отвыкъ. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ самыхъ людныхъ городахъ Европы, видѣлъ народныя сборища и всевозможныя процессіи на улицахъ Парижа и Лондона, но все это было совсѣмъ другое и производило иное впечатлѣніе. Здѣсь бросалась въ глаза совершенно своеобразная пестрота и роскошь—смѣсь Европы съ Азіей.

Площадь передъ дворцемъ была буквально запружена экипажами. Къ дворцовому подвѣзду приходилось уже подвигаться крайне медленно.

Но вотъ карета остановилась, лакей распахнулъ дверцы, Сергѣй очутился на знакомой лѣстницѣ.

Когда-то, полный надеждъ, смущенія и любопытства, онъ входилъ по этимъ ступенямъ, теперь ни надеждъ,

Снятіє со креста. Съ картини П. Леграна, грав. Шапонъ.

ни любопытства, ни смущения въ немъ не было, была одна скука, одно тоскливое чувство.

На лѣстницѣ, въ сѣняхъ и въ первыхъ комнатахъ происходила страшная толкотня и гудѣль несмолкаемый, глухой говоръ. Ливрейные лакеи стояли шпалерами съ верхнимъ платьемъ своихъ господъ; передъ зеркалами тѣснились дамы, поправляя прическу; всюду сновами расшитые мундиры кавалеровъ, всюду сверкали ордена, звѣзды и ленты.

Съ большимъ трудомъ удалось Сергѣю пройти въ дверь, но кое-какъ преодолевъ препятствіе, онъ наконецъ очутился въ большой залѣ, уже почти биткомъ набитой народомъ. Эта зала была рядомъ съ придворною церковью; двери туда стояли настежь и ощущался запахъ душистаго ладана, доносилось церковное пѣніе и возгласы священнослужителей.

Оказалось, что Сергѣй нѣсколько опоздалъ, обѣдня уже началась. Государыня съ членами императорской фамилии и свитой уже находилась въ церкви.

Сергѣй попытался было протиснуться впередъ, поближе къ широкимъ дверямъ, такъ чтобы можно было разглядѣть что нибудь. Ему вдругъ захотѣлось издала взглянуть на императрицу и на цесаревича, но онъ долженъ былъ отказать отъ своего намѣренія: оказывалось, что всѣмъ непопавшимъ въ церковь хотѣлось того же, чего и ему, — и поэтому у дверей нельзя было упасть и яблоку, поневолѣ приходилось остаться и удовольствоваться тѣми наблюденіями, которыя представляла окружающая толпа.

Сергѣй сталъ стыскивать знакомыя лица и скоро замѣтилъ ихъ среди блестящихъ мундировъ и пышныхъ дамскихъ туалетовъ. Онъ наблюдалъ измѣненія, произведенныя временемъ на этихъ лицахъ, вдругъ пришедшихъ ему на память, такъ ясно, въ такихъ подробностяхъ, какъ будто онъ вчера еще только разстался съ ними. Но времени прошло много—восемь лѣтъ не шутка. Люди, бывшіе тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, теперь уже начинали стариться, красивыя молодыя женщины поблекли, а главное все это какъ-то выцвѣло, какъ-то приняло общій блѣдный, однообразный оттѣнокъ, краски жизни потускнѣли и показалось Сергѣю, какъ и вчера въ приемной Зубова, что всѣ эти кавалеры и дамы, старцы и молодые—похожи другъ на друга, у всѣхъ у нихъ было общее, привычное, застывшее выраженіе. Но рядомъ со знакомыми постарѣвшими и выцвѣтшими лицами, которыхъ было очень немного, онъ увидѣлъ новыхъ людей. И этихъ новыхъ людей было несравненно больше. Все это появилось, все это устроилось послѣ него, во время его отсутствія. Да, много прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло.

Кругомъ шелъ тихій говоръ на всевозможныхъ языкахъ и это смѣшеніе языковъ производило тоже очень странное впечатлѣніе, отъ котораго такъ отвыкъ Сергѣй. И съ каждой минутой ему становилось все скучнѣе и все больше и больше казалось ему, что онъ здѣсь совсѣмъ чужой, совсѣмъ оторванный, не имѣющій ничего общаго съ этой толпою, живущей непонятными ему интересами.

Но вотъ разноязычный шопотъ смѣняется иными звуками: громче и громче доносится изъ церкви пѣніе двухъ хоровъ и въ этомъ звучномъ, могучемъ, за душу хватающемъ пѣніи, слышится Сергѣю что-то родное, совсѣмъ было позабытое. Давно не слышалъ онъ этаго пѣнія, совсѣмъ онъ отвыкъ отъ него и ему вспоминается дѣтство, вспоминается Горбатовская церковь, воскресная обѣдня; грузная большая фигура отца съ его орлинымъ профилемъ, благоговѣнно полузакрытыми глазами, красноватая рука размашисто кладетъ крестное знаменіе. Рядомъ съ отцемъ стоитъ мать, съ выраженіемъ доброты и не то робости, не то ласки, и она тоже горячо молится, ежеминутно опускаясь на колѣни. А вотъ и маленькая сестра, вотъ и Тая, которая изрѣдка

украдкой бросаетъ на него взгляды и улыбается ему своими живыми горящими глазами. Куда дѣвалось все это и что отъ этого всего осталось? Вотъ уже и матери нѣтъ на свѣтѣ, сестра—она замужемъ,—она еще недавно извѣстила о рожденіи втораго ребенка—но врядъ ли она и узнаетъ брата при встрѣчѣ. Онъ покинулъ ее дѣвочкой,—теперь она женщина—какая? что изъ нея вышло—онъ совсѣмъ не знаетъ.

А Тая? Гдѣ Тая? за границей онъ ничего не могъ узнать о ней, а теперь еще и некогда было навести справки. Сестра, будто нарочно, въ своихъ рѣдкихъ письмахъ, ничего никогда о ней не сказала, да онъ и не спрашивалъ. Тая, уѣзжая, обѣщала ему дружбу, но не сдержала этого обѣщанія. Она только извѣстила его тогда же, лѣтъ семь тому назадъ, что, вѣроятно, на всегда уѣзжаетъ съ матерью изъ деревни, что вѣроятно поселится въ Москвѣ. Такъ должно быть она и теперь въ Москвѣ, можетъ быть вышла замужъ: хотъ бы взглянуть на нее, хотъ бы услышать ея голосъ, чего бы ни стоило это свиданіе, какую бы тоску ни принесло оно!..

„Нѣтъ, скорѣй, скорѣй отсюда на свободу! Умолю государыню отпустить меня, думалъ Сергѣй, неужели она мнѣ откажетъ! Я долженъ сѣсть въ деревню, я долженъ быть черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Я отыщу Таню!..“

Обѣдня кончилась. Будто электрическая искра пробѣжала по залѣ, поднялось всеобщее движеніе. Напирая другъ на друга всѣ тѣснились впередъ; у дверей появился гофмаршалъ и объявилъ, что государыня выходитъ изъ церкви.

Мгновенно замолкъ разноязычный говоръ, всѣ будто застыли и только по временамъ слышалось однозвучное покашливанье. Всѣ лица были обращены къ выходу изъ церкви, всѣ шеи вытянулись, люди малаго роста становились на цыпочки, выглядывали изъ-за счастливецъ, которымъ удалось помѣститься въ первомъ ряду. Изъ дверей церкви появляются новыя лица и становятся тоже рядами—это послы, министры и уполномоченные иностранныхъ дворовъ, представители всевозможныхъ націй. Проходить еще двѣ, три минуты и изъ дверей парно показываются камеръ-юнкеры и камергеры, за ними слѣдуютъ министры. Сергѣй глядитъ на нихъ и замѣчаетъ прибавившіяся морщины, признаки старости и утомленія на ихъ лицахъ. Вотъ и знакомое ему, хитрое и веселое лицо графа Безбородки, которому онъ еще не имѣлъ времени представиться. Но и Безбородко уже постарѣлъ, и въ немъ замѣтно что-то новое.

Когда министры прошли, появился въ своемъ сверкающемъ мундирѣ, со своими брилліантами,—Зубовъ. Зала дрогнула. Зубовъ подвигался своей обычной нервой и нервной походкой, изрѣдка кивая то направо, то налево, головой.

— Ну, все обстоитъ благополучно—его свѣтлость, кажется, въ духѣ! разслышалъ Сергѣй чей-то шепотъ.

И дѣйствительно лицо у Зубова было довольное, улыбающееся, но Сергѣй сейчасъ же и отвелъ отъ него глаза: на порогѣ показалась императрица.

Что-то шевельнулось въ сердцѣ Сергѣя, какое-то позабытое чувство... Онъ вспомнилъ эту дивную и привлекательную женщину, вспомнилъ свои долги бесѣды съ нею и послѣднее свиданіе, вспомнилъ то благоговѣнно восторженное чувство, которое испытывалъ къ ней въ годы юности. Теперь къ остаткамъ этаго чувства примѣшивалась какая-то жалость. Онъ замѣтилъ что она измѣнилась болѣе другихъ, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ не прежняя Екатерина. Она сильно пополнила, такъ что даже на ходу нѣсколько качалась изъ стороны въ сторону. На ней былъ парадный, старинный русскій костюмъ, состоявшій изъ шелкового, блѣдно-голубаго сарафана, обшитаго золотымъ кружевомъ; поверхъ него была надѣта темно-синяя бархатная широкая безрукавка. Пышные кисейные рукава, собранныя въ мелкія

складочки у кисти, скрывали ея тучныя руки, поражающія прежде своей красотой. На головѣ помѣщалась высокая діадема, сверкавшая множествомъ драгоценныхъ камней, на шеѣ колье, отливавшее всѣми цвѣтами радуги. Грудь императрицы была украшена двумя лентами и двумя брилліантовыми звѣздами: андреевской и георгиевской. Лицо ея еще нѣсколько удлинилось, а подбородокъ еще болѣе выступилъ впередъ, такъ что ротъ углубился и придавалъ лицу старческое выраженіе, несмотря на все искусство, съ которымъ она была набѣлена и поддурманена. Но глаза ея оставались все еще прекрасными, все такъ же ясно и ласково блестѣли и попрежнему она улыбалась своей привычной, величественной и благосклонной улыбкой.

Выйдя изъ церкви, императрица остановилась на мгновение, а потомъ стала подходить то къ одному, то къ другому, разговаривая, и милостиво протягивая свою руку, которую цѣловали тѣ, къ кому она обращалась съ пріивѣтствіемъ. Но Сергѣй уже не могъ слѣдить за нею и вслушиваться въ слова ея: онъ видѣлъ другое лицо, появленіе котораго заставило дрогнуть его сердце: у дверей появился цесаревичъ.

Боже мой, онъ-ли это! Какъ онъ постарѣлъ, какъ измѣнился! Онъ казался такимъ мрачнымъ, такимъ раздраженнымъ. Презрительное выраженіе его оригинальнаго некрасиваго лица дѣлало его совсѣмъ недоступнымъ и объясняло новому человѣку его отчужденность. Но вѣдь Сергѣй не былъ новымъ человѣкомъ: онъ все зналъ и все понималъ и теперь онъ пытался проникнуть выше этой презрительной улыбки, этихъ расширенныхъ раздраженіемъ ноздрей, ему нужно было видѣть глаза цесаревича, эти полузакрытые, усталые глаза, въ которыхъ онъ всегда цѣликомъ выражался и которые только и могли отвѣтить на всѣ обращенные къ нему вопросы. И вотъ наконецъ поднялись эти синіе глаза и Сергѣй понялъ, что цесаревичъ все тотъ же, что онъ только еще больше утомленъ и измученъ тяжелой жизнью и трудной неустанной борьбой.

Сергѣй едва удержался, чтобы не броситься впередъ, ему на встрѣчу, едва осилилъ свое волненіе.

Рядомъ съ цесаревичемъ шла великая княгиня; вотъ она такъ почти не измѣнилась. Все такъ же молода и красива и такой же добротой и лаской сіяетъ нѣжное, прелестное лицо ея. А за нею кто же это—два стройныхъ юноши, изъ которыхъ одинъ совершенный красавецъ, въ лицѣ котораго соединяется и мужской умъ и нѣжная женственная прелесть. Другой далеко не такъ красивъ, но Сергѣю дорого это живое, поминутно измѣняющее свое выраженіе лицо, этотъ вздернутый носъ съ тонкими ноздрями. Дорого ему это лицо большимъ сходствомъ съ лицомъ цесаревича.

Они давно уже не дѣти, совсѣмъ взрослые люди, даже оба уже и женаты. Что-то случилось съ ними? Что изъ нихъ вышло?—И эти молодые, цвѣтущія лица отвѣтили ему, что дурного ничего не вышло.

За великими князьями шли ихъ сестры, одна другой красивѣе, и среди нихъ старшая, счастливая невѣста юнаго шведскаго короля, воспитывать бракосочетаніе которой приготавливалась лира Державина.

Но Сергѣй опять долженъ былъ оторваться отъ своихъ наблюдений: императрица была въ двухъ шагахъ отъ него и вдругъ онъ встрѣтился со взглядомъ ея голубыхъ глазъ.

— Господинъ Горбатовъ, проговорила она съ ласковой улыбкой и рука ея приподнялась по направленію къ нему.

Мгновенно все, что было вокругъ, что тѣснилось и давило другъ друга, отступило, пропуская Сергѣя впередъ. Онъ почтительно, чувствуя невольный трепетъ и что-то странное, что подступило къ груди его, поцѣловалъ руку императрицы и взглянулъ на нее еще разъ.

— Давно, давно не видались, сказала она. Я рада васъ видѣть и надѣюсь что не мало интереснаго отъ васъ услышу.

Онъ кланялся ища словъ; но словъ было ненужно—государыня уже прошла дальше.

Великая княгиня, отойдя отъ мужа, появлялась то здѣсь, то тамъ, для всѣхъ находила улыбку и пріивѣтствіе.

Цесаревичъ подвигался медленно, рѣдко кого удостоивая разговоромъ и вообще казался очень разсѣяннымъ.

Сергѣй пробрался впередъ и очутился передъ нимъ.

— А! сказалъ цесаревичъ, крѣпко стискивая ему руку. Пройди туда, ко мнѣ...

Сергѣй двинулся черезъ залу, вслѣдъ за толпою...

IX.

Загадка.

Въ залѣ великаго князя происходило опять тоже самое, т. е. всѣ тѣснились впередъ, всѣ старались попасть на глаза хозяйина. Однако здѣсь чувствовали себя очевидно не такъ стѣсненными, разговаривали нѣсколько громче.

Павель Петровичъ подходилъ почти къ каждому и, не отставая отъ него, слѣдовала великая княгиня, которая своею любезностью сглаживала впечатлѣніе, производимое мрачнымъ видомъ и односложными фразами великаго князя.

Молодые великіе князья держали себя очень сдержанно. Они были прекрасно воспитаны и уже умѣли, въ особенности старшій, Александръ, придавать значеніе каждому своему слову, каждому движенію и улыбкѣ.

Гофмаршалъ представилъ имъ Сергѣя Горбатова. Они оба любезно сказали ему, что не забыли его и даже напомнили нѣсколько эпизодовъ изъ прежняго времени.

Обойдя всѣхъ, великій князь вышелъ на середину залы и наклоненіемъ головы отпустилъ присутствовавшихъ. Толпа начала расходиться, зала опустѣла, но Сергѣй медлил. Онъ чувствовалъ, что уходитъ ему еще не время и онъ былъ правъ.

Когда уже почти никого не осталось въ залѣ, великій князь подошелъ къ нему и положилъ, какъ бывало, ему на плечо свою руку.

— Вотъ и ты здѣсь, Сергѣй Борисычъ, сказалъ онъ. Ну что, сударь, покажись-ка. Нехорошо... блѣдень... видно не красно жилось.

— Не красно, ваше высочество, да что толковать объ этомъ. Сегодня я счастливъ—я вижу васъ и все ваше августѣйшее семейство. Я изумляюсь и радуюсь, глядя на великихъ князей и княжень.

— Да, выросли, меня переросли. Ну а жена, какъ ее находишь?

Въ это время подошла великая княгиня и, какъ всегда, мило и просто заговорила съ Сергѣемъ, вспоминая прежнее время.

— Ваше высочество, имѣю-ли я право поздравить васъ съ семейною радостью? Я знаю что это еще не объявлено...

Великій князь нахмурился.

— Благодарю тебя, проговорилъ онъ. Да, конечно, это можетъ быть и радостью, но къ сожалѣнію я не такъ доврчивъ какъ другіе. Я совсѣмъ почти не знаю жениха моей дочери и вопросъ о томъ, будетъ-ли она счастлива—для меня остается вопросомъ пока безъ рѣшенія. Значитъ—радоваться еще рано... Онъ почти еще совсѣмъ ребенокъ, что изъ него выйдетъ?! Я всего три раза его видѣлъ, но хочу надѣяться, что онъ человѣкъ хорошей, всѣ его хвалятъ...

Великая княгиня улыбнулась своей милой и нѣсколько печальной улыбкой.

— А я знаю одно, сказала она, если мнѣ такъ же затруднительно будетъ выдавать замужъ всѣхъ моихъ дочерей, какъ эту дочь—я умру въ дорогѣ. Я почти каждый день пріѣзжаю сюда изъ Гатчины, чтобы видѣть ихъ. Я должна-же постараться узнать его, его

характеръ, убѣдиться въ искренности его чувства, иначе какъ-же я отпущу ее — у меня и дня спокойнаго не будетъ; вотъ и ѣзжу каждый день почти. Впрочемъ я къ эткъ поѣздкамъ привыкла...

Великій князь нервно повелъ плечами и нахмурился еще больше.

Сергѣй стоялъ печально опустивъ глаза и думалъ:

„Все то же самое! все неизмѣнно! да, дядя Левъ Александровичъ правъ—у нихъ нужно учиться терпѣнью“.

— Теперь о тебѣ поговоримъ, сударь, сказалъ Павелъ Петровичъ. Какъ видишь мы тебя не забыли, но стоишь ли ты этого? — я еще не знаю. Надѣюсь, однако, что образумился и сдѣлался серьезнымъ мужемъ, пора вѣдь ужъ — годы не малы.

— Я не знаю вашихъ обвиненій, ваше высочество, и потому не могу защищаться, да и во всякомъ случаѣ я защищаться не сталъ-бы, скажу только одно, что теперь, кажется, отъ меня — какимъ я былъ восемь лѣтъ тому назадъ — ничего ужъ больше не осталось.

Павелъ улыбнулся.

— Если ничего, такъ это плохо — напротивъ, многое должно было остаться, и если я увижу, что прежняго совсѣмъ нѣтъ больше, то тебя и знать не захочу. Ну и скажи мнѣ, прежде всего, помнишь ли ты что я говорилъ тебѣ, передъ твоимъ отъѣздомъ, о томъ адѣ, въ который ты долженъ былъ попасть и въ который ты, кажется, хорошо огунулся. Правъ я былъ или нѣтъ? Хороши оказались результаты этихъ общественныхъ движеній, какъ вы ихъ называли?

— Результаты ужасны, ваше высочество, и отвратительны, но можетъ быть эта гроза очистила воздухъ и послужитъ знаменательнымъ урокомъ для будущаго. Человѣчество не можетъ, не должно забывать подобныхъ уроковъ.

— Пустое, все забывается и никакого очищенія воздуха я не вижу—напротивъ, воздухъ зараженъ и слѣдуетъ принимать всѣ мѣры чтобы очищать его. А у насъ только говорятъ объ этихъ мѣрахъ и ничего не дѣлаютъ. Если всеобщая распущенность была отвратительна восемь лѣтъ тому назадъ, то теперь она еще отвратительнѣе. Я удивляюсь какъ мы всѣ еще не захохотали въ этой атмосферѣ. Ну да обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ съ тобою въ Гатчинѣ. Постарайся найти возможность заглянуть ко мнѣ, мнѣ нужно поразспросить тебя о многомъ, вѣдь не даромъ-же ты тамъ прожилъ столько времени, вѣдь, я чаю, многого навидался, такъ интересно будетъ послушать твоихъ разсказовъ. А теперь скажи мнѣ, что-же ты намѣренъ дѣлать? зачѣмъ сюда пожаловалъ?

— Вы знаете, ваше высочество, что въ теченіи восьми лѣтъ моей мечтой было вернуться въ Россію, и если только теперь я могъ осуществить эту мечту, то не мой въ томъ вина. Вы, можетъ быть слышали, что я лишился матери...

— Да, слышалъ и подумалъ о тебѣ...

— Такъ вотъ, ваше высочество, нужно было-бы мнѣ съѣздить въ деревню, многимъ распорядиться, окончательно раздѣлиться съ сестрою. Я хочу проситься въ отставку.

— Я думаю—выпустить, замѣтилъ Павелъ, только по времени немного, обожди... Не надумалъ-ли жениться? Можетъ быть съискалъ себѣ невѣсту? Или здѣсь поискать намѣренъ?

— Нѣтъ, ваше высочество, я о женитбѣ не думаю.

Павелъ опять положилъ свою руку на плечо Сергѣю, а другой рукой взялъ его за пуговицу. Это была его привычка, и онъ дѣлалъ такъ, когда бывалъ особенно чѣмъ-нибудь заинтересованъ или взволнованъ и когда собирался сообщить собесѣднику что-нибудь очень важное.

— Послушай, вѣдь, насколько я помню, тогда еще у тебя была невѣста, ты самъ однажды мнѣ про нее говорилъ.

— Была, смущенно отвѣтилъ Сергѣй.

— Гдѣ-же она? Что случилось съ нею? Какимъ образомъ разстроилось это дѣло?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете, ваше высочество? Мнѣ кажется, что вы и такъ все знаете.

— Ну хорошо... да, знаю... Но скажи ты мнѣ, сударь, какъ ты полагаешь, кто былъ причиной того, что твой бракъ не состоялся, — ты или твоя невѣста?

— Конечно я.

— Значитъ ты признаешь себя виноватымъ передъ нею?

— Признаю, и эта мысль до сихъ поръ отравляетъ многія минуты моей жизни.

— Значитъ ты сожалѣешь — говори правду.

— Глубоко сожалѣю, ваше высочество.

— И никто потомъ не замѣнилъ для тебя ее? Ты ни къ кому не привязался? Ты былъ-бы пожалуй счастливъ, если-бы снова встрѣтился съ нею, если-бы все прежнее забылось и вы могли-бы сойтись на всю жизнь?..

— О, это было-бы большое счастье, но я о немъ и не мечтаю, я не знаю даже гдѣ она находится въ настоящую минуту, свободна-ли она? Можетъ быть она уже замужемъ. Я еще часъ тому назадъ думалъ о томъ, что прежде всего долженъ разузнать про нее. Полагаю, что она въ Москвѣ.

— Ты все это говоришь серьезно?

— Развѣ я когда-нибудь иначе говорилъ съ вами, ваше высочество?

— Да Богъ-же тебя знаетъ — вѣдь самъ-же сейчасъ объявилъ, что ничего прежняго въ тебѣ не осталось,— а тутъ и оказывается все прежнее! улыбувшись сказалъ Павелъ. Такъ значитъ—правда, значитъ не позабылъ ты княжну Пересвѣтову, Татьяну Владиміровну— видишь я хорошо помню ея имя. Но ты слушай: узнавать о ней тебѣ нечего—я имѣю о ней самыя вѣрныя свѣдѣнія и сообщу ихъ тебѣ когда пріѣдешь ко мнѣ въ Гатчину... и пожалуйста посѣгни — мнѣ о многомъ нужно переговорить съ тобою. У меня даже есть для тебя подарокъ — но прежде его заслужить нужно и я долженъ убѣдиться достоинъ-ли ты этого подарка. Теперь-же некогда, прощай, до свиданья! Поди, простись съ женою...

Цесаревичъ опять стиснулъ ему руку и уже съ инымъ выраженіемъ въ лицѣ, не мрачнымъ, не раздраженнымъ, а довольнымъ вышелъ изъ залы.

(До слѣдующ. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іока.

(Продолженіе).

Хлопнувъ себя по гамашамъ своимъ хлыстомъ, Корнель развязно подошелъ къ Теметвени.

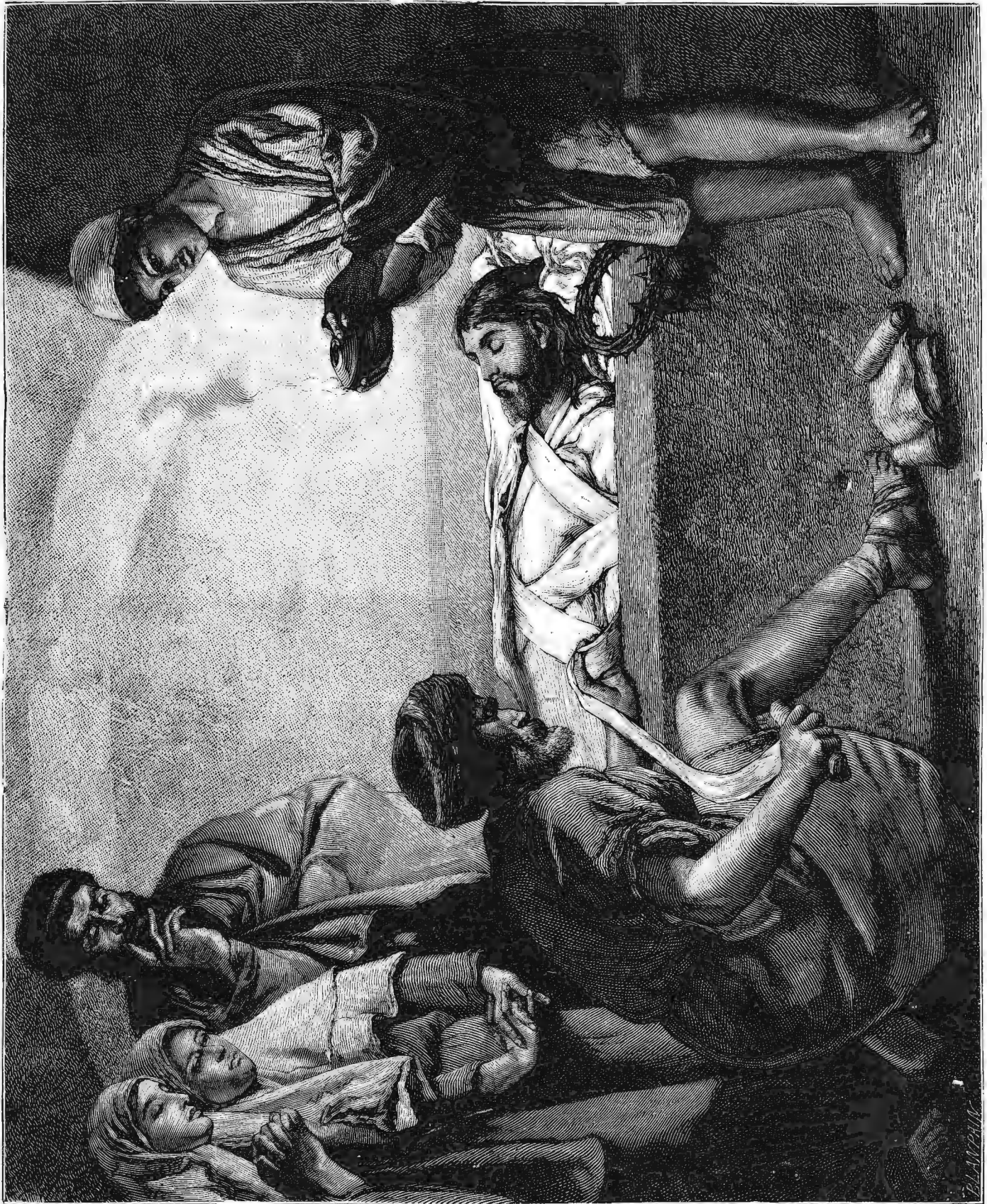
— Но, послушайте, милый Опатовскій, произнесъ тотъ съ явной досадою съ голосъ,—я велѣлъ сказать вамъ, чтобы вы переодѣлись.

— Я и переодѣлся, отвѣчалъ Корнель, указывая на свой полициеискій пиджакъ.

— Да вѣдь мы собираемся не на охоту, сейчасъ долженъ

состояться торжественный актъ передачи вамъ мною вашего ордена и диплома на титулъ. Для такого случая вы могли бы надѣть уланскій мундиръ, не могу же я повѣсить орденъ Леопольда на этотъ пудовской нарядъ.

Но съ малымъ трудомъ было теперь сговорится. Онъ остановился предъ магнатомъ въ грубо вызывающей позѣ, съ гордо закинутой головой, выставленной впередъ ногой и подбоченившись.

Положеніе во гробъ. Картина К. Верлага, грав. Блашленъ.

— Оpatовскій останется Оpatовскимъ во всякой одеждѣ про-
изнесъ онъ.

Графъ не сумѣлъ отвѣтить на выходку Корнеля, побившаго
его собственнымъ же его афоризмомъ, и боясь, не вышло бы
чегонибудь еще худшаго, онъ ограничился тѣмъ, что попро-
силъ будущаго зятя, по крайней мѣрѣ, не дотрогиваться до
своего свистка, пока онъ будетъ надѣвать ему орденъ.

Оpatовскій повиновался съ высокѣмъбренной снисходитель-
ностью.

Сегодня молодой баронъ уже не жметъ каждому руки, не
цѣлуетъ всѣхъ встрѣчныхъ, какъ въ день своего прѣзда. Нѣтъ,
онъ ни на кого не смотритъ и наступаятъ всѣмъ на ноги. Онъ
умѣетъ поддержать честь Оpatовскихъ, нечего его учить!

— Здравствуйте, г. Иллаваи.

Такъ привѣтствовалъ онъ „дядю Франца“, ведя мимо него
подъ руку свою невѣсту.

Пальма чрезвычайно довольна переменой, происшедшей въ
пленяниикъ въ отношеніи дяди. Въ благодарность за это, она
очаровательно мила къ своему жениху.

Ну, теперь можетъ быть Иллаваи не прѣдетъ на обру-
ченіе.

— До свиданія, графиня, до слѣдующей недѣли, чрезъ во-
семь дней, произнесъ Францъ, сдѣлавъ вѣзливый, глубокий по-
клонъ прелестной, гордой дѣвушкѣ, съ холоднымъ равнодуш-
емъ проходившей мимо него.

Баронъ Корнель успѣлъ, за эти восемь дней съѣздить въ
Вѣну, гдѣ—едва ли не слишкомъ поспѣшно—сошелся съ ка-
кимъ-то чрезвычайно изыщнымъ и франтоватымъ господиномъ,
котораго не преминувъ привезти съ собою. Для него непостоян-
ный владѣлецъ Анатвара отчасти пренебрегалъ теперь даже
вѣрнымъ своимъ Кацуromъ. Новый другъ носилъ странное, хо-
тя и „блестящее“ имя „г. Діадема“. Впрочемъ, не даромъ но-
силъ онъ такое имя—онъ былъ одною изъ „звѣздъ“ Вѣнской
биржи и самаго себя называлъ соперникомъ, антагонистомъ
Ротшильдовъ. Въ Вѣнѣ онъ то же самое, что въ Парижѣ—Пе-
рейра. Его всякій знаетъ? Кому же можетъ быть неизвѣ-
стенъ домъ Діадемы! „Онъ элегантъ“, онъ левъ—театральнаго
міра, знатокъ искусствъ и меценатъ.

И при всемъ томъ—онъ нисколько не гордъ, нисколько! вовсе не
корчить аристократа и всякому готовъ всегда услужить, уго-
дить. Когда баронъ Оpatовскій познакомилъ его съ Иллаваи,
биржевой левъ увѣрилъ этого послѣдняго, что очень хорошо
знаетъ его, сейчасъ же принявшись расхваливать ту нагрѣ-
хальную методу, при помощи которой онъ привелъ въ поря-
докъ имѣнія Оpatовскаго. Но метода эта хороша была только въ
доброе старое время. Теперь же настала другая эра для сель-
скохозяйственной дѣятельности, эра широкихъ предпріятій. Поч-
ва требуетъ большихъ капиталовъ и даетъ обильные плоды.
Биржевикъ рассказывалъ чудеса; Оpatовскій внималъ съ энту-
зіазмомъ. По планамъ, изложеннымъ Діадемой, имѣніе Анатваръ
будетъ приносить сотни тысячъ годоваго дохода.

Иллаваи устранился отъ всякаго спора, находя изыщнымъ
принимать даже участіе въ разговорѣ. Изъ словъ и намековъ
Корнеля онъ понялъ, что юный баронъ перезнакомился въ
Вѣнѣ съ различными важными лицами и семействами, обеща-
вшими прѣхать на его свадьбу, которая будетъ зимой. Послѣ
свадьбы онъ ѣдетъ съ женой въ Италію, а до его возвращенія
замокъ его будетъ приведенъ въ прежній блестящій видъ.

Главное завѣдываніе возложено на Кацура. Г. Діадема чрез-
вычайно восхищается Кацуromъ.

Иллаваи видѣлъ все, что готовилось.

Францъ не могъ больше оставаться въ замкѣ, видя какъ гра-
финя съ нимъ обращается. Найдя Теметвени, онъ подошелъ къ
нему.

— Графъ, моя задача окончена. Благодарю васъ—вы испол-
нили все, что обѣщали, вы скрыли отъ графини Пальмы все,
что произошло въ ту ночь.

Это было ясно, потому что знай молодая дѣвушка обо всемъ,
она отнеслась бы къ нему иначе.

— Я бы желалъ, продолжалъ Иллаваи, чтобы наши дороги разо-
шлись въ разные стороны. Оpatовскій далъ мнѣ понять, что же-
лалъ бы, вмѣсто меня, пригласить свидѣтелемъ на свадьбу какого-
то магната. Онъ имѣетъ право поступить такъ и, значитъ, во мнѣ
тутъ больше никто не нуждается. Но я считаю своею обязан-
ностью сказать вамъ еще кое-что. Я, вѣроятно, приобрѣту себѣ
еще одного врага, да и вы, пожалуй, не повѣрите мнѣ, но не
смотря на то, я не могу молчать, когда вижу опасность и по-
этому, графъ, говорю вамъ, берегитесь: вашъ новый другъ, г-нъ
Діадема, болѣе опасный плутъ, нежели вся банда Криванскаго,
вмѣстѣ съ Кузеномъ и если вы не выгоните этого человѣка,—
то отъ соединенныхъ имѣній Теметвени и Оpatовскихъ не
останется ничего.

Съ этими словами онъ оставилъ изумленнаго графа. Онъ по-
шелъ прямо, чрезъ горы, въ свой домикъ, который можно было
ясно видѣть издали.

XXVI.

Аталанта.

Графъ Фердинандъ Теметвени считалъ уже завершеною свою
Слѣдову работу возстановленія блеска своего дома. Онъ ду-

малъ, что взгромоздилъ уже всѣ камни зданія, до самой вер-
шины. Между тѣмъ, самъ не чувствуя, онъ задѣлъ ногой за
мелкій камешекъ, такой мелкій, что и замѣтить его было
трудно графу.

Этимъ ничтожнымъ камешкомъ былъ Кацуръ и вдругъ это
ничтожество оказалось опаснымъ. Въ тотъ день, когда Корнель
былъ провозглашенъ барономъ и все сѣвшило принести ему
поздравленія, графъ сказалъ ему въ полъ-голоса: „намъ надо
сдѣлать чтонибудь и для добрика Кацура; мы устроимъ ему
какоенибудь спокойное мѣстечко, только подалше отъ насъ,
гдѣ онъ отдохнетъ отъ продолжительной своей службы вамъ“.

Въ новомъ, блестящемъ положеніи своемъ, Теметвени же-
лалъ имѣть около себя поменьше этихъ шутовъ, съ него было
достаточно зятя, да и къ тому же Кацуръ—вовсе не украше-
ніе для порядочнаго общества, надо избавиться отъ него.

Но это была ошибка со стороны предусмотрительнаго графа
Фердинанда, Кацуръ не разстался съ Корнелемъ съ самаго
дѣтства, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ дѣ-
лать съ нимъ всѣ его сумасбродства, Корнель, съ своей сто-
роны, чрезвычайно любилъ Кацура; боясь всѣхъ и каждаго,
онъ довѣрялъ только ему одному, ему, котораго считалъ своею
собственностью. „Придворный дуракъ“ барона Оpatовскаго во-
все не былъ глупъ, но онъ скрывалъ умъ свой про себя.

Корнель, оставшись наединѣ съ другомъ, немедленно же, со
смѣхомъ, передалъ ему планъ графа. Кацуръ тоже засмѣялся,
но—и заскраскеталъ зубами. А! господа, такъ вы хотите выбро-
сить меня за окошко? Да—покуда мы были нужны я былъ хо-
рошъ, я годился только на то, чтобы получать колотушки, да
вызывать этого дурака на своей шинѣ, нынче мы стали важ-
ными господами, такъ, значитъ: убирайся, дуракъ, тебя больше
не надо! Ну, ибѣтъ-съ, извините! Я вѣдь, не Францъ Иллаваи!
Мы теперь посмотримъ еще—кто настоящій то дуракъ, кого
скорѣе прогонятъ-то?

Первымъ послѣдствіемъ этого тайнаго монолога была по-
ѣздка Корнеля съ Кацуromъ въ Вѣну и продажа облига-
ціоннаго фонда, приносившаго 60 тысячъ гульденовъ. И имен-
но Кацуръ и свелъ его, для этого финансоваго оборота, съ
банкиромъ Діадемой. Его намѣренія не соответствовали
окаменнѣй, серьезнѣй банкиръ, а именно биржевой жуиръ,
герой кулисъ и цирка, какимъ былъ Діадема, Кацуръ скоро
нашелъ, въ лицѣ его, человѣка, котораго ему было нужно.
Съ своей стороны и биржевикъ, съ перваго же раза, понялъ
съ кѣмъ имѣть дѣло. Иллаваи не ошибся: новый знакомый
Корнеля одинъ стоилъ всей шайки Криванскаго! Діадема и
Кацуръ сошлись тѣсно. Послѣ обрученія всѣ трое уѣхали въ
столицу. Тамъ, Корнель принялся за самыя безумныя покупки
для отдѣлки замка. И теперь еще рассказываютъ въ Вѣнѣ о
юномъ венгерскомъ помѣщикѣ, который, входя въ мебельный
магазинъ или магазинъ галантерейныхъ и всякихъ другихъ ве-
щей, спрашивалъ, „что стоитъ вся лавка, со всѣмъ, что тутъ
есть?“ Онъ не говорилъ—что ему нужно, а желалъ все сразу.
Милліонъ не давалъ покоя Корнелю. Онъ не зналъ что бы ему
предпринять, руки чесались.

Подъ руководствомъ Діадемы и Кацура закипѣла веселая,
разгульная жизнь, оба пріятели погрузили неопытнаго юношу
въ лучину кутежа и разврата. Цѣль ихъ состояла не только
въ томъ, чтобы разрушить здоровье Корнеля, имъ хотѣлось,
чтобы имѣнія его не достались Иллаваи, который снова при-
велъ бы все въ порядокъ, имъ желательно было обезславить
Оpatовскаго и они достигли этого. По всей Вѣнѣ сталъ извѣ-
стенъ венгерскій магнатъ, нанимавшій по два этажа въ оте-
ляхъ, единственно для того, чтобы не имѣть сосѣдей, разда-
вавшій сотни гульденовъ на чай, забавлявшійся тѣмъ, что кор-
милъ пощенчинами бѣдняковъ, которымъ платилъ за это удо-
вольствіе тысячами. Кацуръ, однажды, посоветовалъ барону,
вмѣсто того чтобы жить по отелямъ—лучше кушать себѣ
домъ, который онъ уже и нашелъ. Домъ былъ немедленно куп-
ленъ, за него просили 300 тысячъ гульденовъ, сто тысячъ были
запачены при покупкѣ, а остальные двѣсти—разрочены. Діа-
дема улучшилъ положеніе юнаго Оpatовскаго въ циркѣ, здѣсь
молодой человѣкъ былъ какъ дома. Онъ до такой степени
пристрастился къ цирку, что нерѣдко, загораясь желаніемъ
принять участіе въ какомъ-нибудь *steple—chass'ѣ*, на этой
аренѣ. Ухаживалъ юноша за всѣми паѣздняками, но все-таки
оставался вѣрнымъ своей Пальмѣ. Онъ нисколько не стѣснялся
рассказывать о ней этимъ женщинамъ, гордился ею, говорилъ
имъ, что у него есть прелестная невѣста съ огромными гла-
зами, густыми бровями, длинной косой и такой бѣлой кожей!—
Вы всѣ—дрянь въ сравненіи съ нею!

Но, въ столицѣ въ это время появилось чудо.

Чудо это было, какъ возвѣстили афиши, молодая испанка,
красавица Аталанта; еще за долго до прибытія ея афиши гремѣли
о ней, возбуждая всеобщее любопытство. Донна Аталанта, дочь
дона Мануэля де Пеларгоніо, настоящаго испанскаго гранда,
предки котораго бились еще съ сарацинами.

Впрочемъ, вопросъ о томъ сколько предки дома Пеларго-
ніо перебили сарацинъ, вовсе не настолько интересенъ, какъ
другой, а именно: въ чемъ искусство дочери? На чемъ пока-
зывается она свою ловкость—на лошади или на канатѣ? въ
водѣ или на воздухѣ? Ничего подобнаго! Она—героиня арены,

она женщина-атлет и вѣтъ такого мужчины, котораго она не поборола бы.

Съ перваго раза такая женщина представляется чѣмъ-то неуклюжимъ, полѣвымъ. Могущество женщины—не въ ея физической силѣ а въ ея красотѣ, въ ея прелести. Женщина, съ мускулами, развитыми какъ у мужчинъ,—составляетъ курьезъ, игру природы: но зритель остается холодеетъ предъ нею. Можетъ ли быть что-нибудь поэтическое, что либо эстетическое въ женскихъ, съ мускулистой фигурой, выходящей на бой.

Да, но вѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ, что она удивительно хороша собой. Она привела въ восторгъ Парижъ и Лондонъ. Въ городѣ повсюду продавались ея портреты. Реклама дѣйствительно работала.

„Грандъ“ отецъ и импресарио своей дочери, нанять на краю города маленькій домикъ, въ которомъ она будетъ жить совершенно одна. Начало было полно таинственности. Увѣрили, что „артистка“, всюду, куда приѣзжала, обыкновенно выбирала такіе уединенные домики. Обстоятельство это всегда толковалось на различные лады. По словамъ однихъ, въ этихъ домикахъ у красавицы разыгрывались какія-то чуть не эвклидовскія таинства, но другимъ—она вела аскетическую жизнь. Гидальго гордится своею старо-кастильскою честью и ревниво оберегаетъ дочь отъ ухаживателей.

Афины гремѣли, любопытство разжигалось и, наконецъ, когда оно достигло крайнихъ предѣловъ возмущенъ, былъ великій день—Аталанта должна была появиться въ циркѣ.

На этотъ разъ habitués не были допущены на репетицію. Вечеромъ же кавалеры, по обыкновенію своему, толкнувшись, было, въ гардеробную,—у входа наткнулись, каждый по очереди, на длинную фигуру съ бронзовымъ лицомъ, высокомерно и въ упоръ спрашивавшую „Que buscas?“ (Что тебѣ надо тутъ?), мало помогало и то, если любопытный называлъ свое имя: со словами „Quabesquiera sei!“ (Кто бы ты тамъ ни былъ!) долговизая фигура, безъ дальнѣйшихъ церемоній, отталкивала его отъ двери. При этомъ, длинные руки обнаруживали такую странную, будто механическую силу, что казалось то были не человѣчскія руки, а какіе-то рычаги, приводившіяся въ движеніе паровой машиной.

Наконецъ, программа исчерпана въ видѣ различныхъ „обрученъ“, скачковъ, неуловимыхъ для профановъ тонкостей „haute école“. На арену выбѣжали слуги и выровняли взбудораженный лошадиный песокъ. Оркестръ смолкъ, въ публикѣ возбужденное любопытство вылилось въ выкрикательный говоръ. Всѣ бинокли направлены на выходную дверь.

Снова заиграли оркестръ и вышелъ „прекрасный Ахиллъ“, который будетъ бороться съ непобѣдимой. Это былъ любимецъ публики, лучший акробатъ труппы. Одѣтый гладиаторомъ, онъ граціозно раскланивается, падается къ землѣ, и натеревъ руки пескомъ, останавливается въ красивой позѣ. Она выходить.

Ее ведетъ самъ отецъ—гидальго, въ своемъ національномъ, расшитомъ костюмѣ, въ какомъ видѣмъ торреадоровъ на картинкахъ. Она—вся закутана въ длинную мантилью, голову и плечи прикрываетъ черное кружево. На самой срединѣ арены, отецъ, быстрымъ движеніемъ, сбрасываетъ съ дѣвушки goboso и мантилью и она теперь стоитъ вся залитая свѣтомъ лампъ. Въ циркѣ пронеслось тысячеклапное „А!“ невольнo вырвавшееся у публики.

И, дѣйствительно, передъ нею стояла античная красавица. Это была не простая женщина, не акробатка, не наездница,—то была богиня, прямо спущившаяся съ Олимпа и надѣвшая на себя трико.

Въ ея дѣвственной, идеально сложенной фигурѣ не было ни малѣйшаго признака сильно развитой мускулатуры. Лицо ея, греческаго античнаго овала, слегка напоминало восточный типъ своими черными, нѣсколько рѣзко очерченными, густыми бровями, и черными же большими глазами; розовыя тонкія ноздри дрожали отъ внутренняго огня, улыбка, образуя ямочки на пѣкныхъ, не нарушенныхъ щекахъ, обнаруживала, въ то же время, рядъ жемчужинъ.

Красавица озирается, ищетъ противника; вотъ увидела его. Вынувъ изъ волосъ розу, она взяла себѣ въ ротъ, и потомъ откинувъ руки и слегка поцѣпивъ впередъ дѣвственною грудью, она будто бросила сопернику своеобразный вызовъ.

XXVII. Борьба.

Возбужденный звуками музыки и вызывающей позой атлетки, Ахиллъ устремляется на нее и—бой начался. То не было, однако, серьезное ратоборство. Зрители видѣли предъ собой рядъ классическихъ позъ, въ которыхъ каждый моментъ былъ верховъ эстетической красоты. То были дѣйствительныя мраморныя статуи. Обѣ идеально прекрасныя фигуры необыкновенно гармонировали другъ съ другомъ. Никогда изъ подъ рѣзца греческихъ скульпторовъ не выходило ничего болѣе чистаго, изящнаго. Аталанта, во все время борьбы, сохраняетъ всю прелесть женственности: каждое движеніе ея, каждый жестъ благородны, граціозны и, вѣстѣ, цѣломудренны. Вотъ рѣшительная минута, началось сейчасъ оба безобразной грудой упадутъ на землю, но—мраморная Аталанта, одною рукою, высвобождается изъ

объятій Ахилла, а сильнымъ движеніемъ другою—заставила его дотронуться колъвомъ до песка. Этихъ и завершилось ратоборство, такъ какъ тотъ, кто коснется земли спиною или колъвомъ, признается побѣжденнымъ.

Прекрасный Ахиллъ сдается, преклоняетъ свою голову, готовясь принять смертный ударъ (Аталанта, какъ намъ извѣстно, отсѣкала голову у побѣжденныхъ ею юношей). Побѣдоносная Амазонка обводитъ своими блестящими глазами амфитеатръ. Розанъ все еще закатъ кобальдовыми губами а руки скрещены на груди.

Гидальго послѣдно приближается къ ней и подаетъ платокъ, которымъ красавица отираетъ влажное лицо. Все видно—она не наѣлена и не наружена.

Публика громко и восторженно аплодируетъ. Донъ Пеларгоніо хочетъ уже навшутъ на нее мантилью, но она отстраняетъ его рукою. Ея зоркіи глазъ и ухо подѣтели кое-что. Одна часть публики „не аплодируетъ“. Изъ ея рядовъ слышится возгласъ „Керреръ!“

Въ одной изъ ложъ пожилой господинъ, съ бѣлой бородой что-то кричитъ, отчаянно жестикулируя.

— Что такое? спрашиваетъ своимъ взоромъ дѣвушка. Директоръ, переговоривъ съ бородатымъ зрителемъ, пользовавшимся, повидимому, большимъ значеніемъ въ циркѣ, возвращается къ Аталантѣ и знаками, кое-какъ, объясняетъ ей, что публика считала ея борьбу съ Ахилломъ простымъ подражаніемъ ратоборству, требуетъ, чтобы она одолѣла Керрера если можетъ. Кто этотъ Керреръ?

Донъ Мануэль де Пеларгоніо отступаетъ съ мантилей назадъ, донна Аталанта остается на своемъ мѣстѣ и ждетъ атаку Керрера.

Керреръ—американскій боксеръ. Онъ скоро появляется тоже въ костюмѣ гладиатора. Это геркулесъ, съ широкими плечами, могучими мускулистыми руками и ногами, похожими на два столба; волова голова и грубое, оттапливающее лицо, съ паромъ маленькихъ дерзкихъ глазъ—довершаютъ вѣщность геркулеса, „выпущеннаго“ противъ граціознаго дѣвушки.

Аталантѣ едва ли удастся оборонить это живое блестящее своихъ чудныхъ очей, которыми она побѣдила „прекраснаго Ахилла“.

Привѣтственный радостными кликами толпы, геркулесъ выходитъ на средину арены и останавливается тамъ, ожидая какъ примется за него Аталанта и что она можетъ съ нимъ сдѣлать?

И снова заиграла музыка, и снова публика затаила дыханіе.

Осторожно, какъ тигрица начала подходить, подкрадывается Аталанта и потомъ, вдругъ, какъ молнія, бросается на Керрера. Дѣвъ страшныя руки протянулись впередъ, чтобы схватить дѣвушку, но она ловко миновала опасность, устѣвъ напестри ударъ въ бокъ противника, который слегка покатнулся. Множество спусти она снова кидается на геркулеса, теперь, однако, онъ ждалъ ее и, поймавъ за руку и за одну ногу, приподнял какъ перышко и переброевъ черезъ свою голову. По Аталанта упала на ноги, и въ ту же минуту Керреръ получилъ такой толчекъ, что снова пошатнулся, коснувшись земли рукою.

Часть публики аплодируетъ; другая же кричитъ, что онъ не побѣжденъ, потому что не ужалъ соперника.

Аталанта сдѣлала жестъ рукою. Хорошо, она согласна начать съ начала. Она все еще держитъ во рту розу.

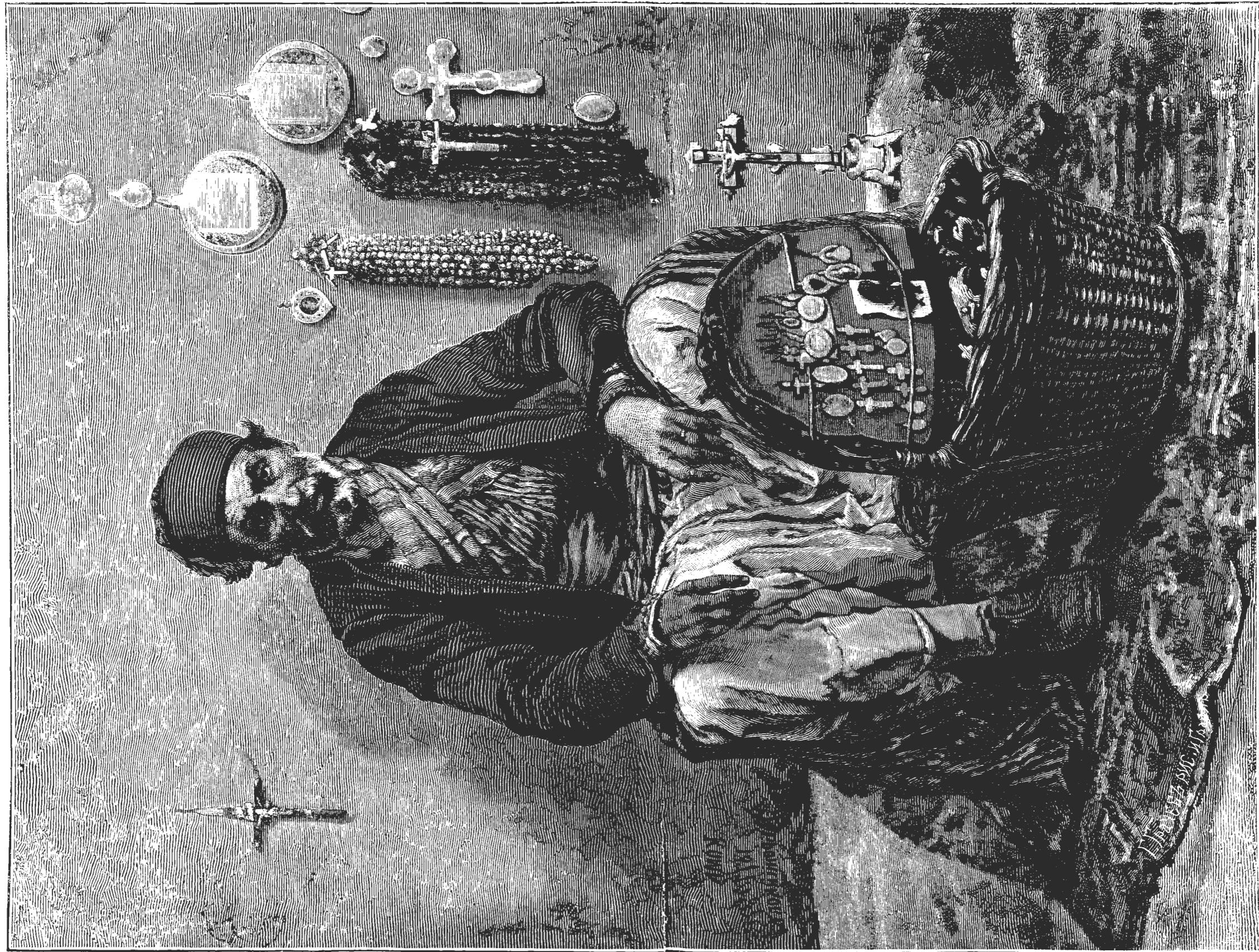
Геркулесъ нѣсколько раздраженъ. Бой возобновился. Опять дѣвушка нападаетъ, боксеръ защищается. Онъ ухватилъ ее за обѣ руки, поднялъ, какъ и тотъ разъ, и со всего размаха бросилъ о землю. Публика замерла въ ужасѣ. На этотъ разъ, дѣвушка, вѣрнѣе, разбилась въ дребезги! Истѣ—она снова на ногахъ и, какъ резиновый мячикъ отпрыгнула на нѣсколько шаговъ назадъ. Отъ этого движенія, ея черные, какъ смоль, густые волосы распустились до колъвъ, лицо пылаетъ, большіе глаза искрятся и горятъ какою-то звѣрскою страстью. Она вынула розу изъ рта, разорвала ее и разбросала лепестки вокругъ себя. Еще одинъ мигъ—Керреръ уже въ ея рукахъ, какъ добыча въ когтяхъ орла: схвативъ его за плечи, она, изъ вѣхъ силъ, тряхнула его и чрезъ свое колъно опрокинула на землю. Теперь онъ лежалъ на пескѣ пластомъ. Устѣвъ Аталанты былъ необычайный.

Вури рукоплесканій и дождь свѣтовъ привѣтствовали побѣдительно. Въ овамъ не было конца. Кавалеры изъ вѣхъ ложъ побѣждали за кулисы, чтобы видѣть ее поближе, на ноги въ ея уборную, чтобы уловить хоть взглядъ ея чудныхъ глазъ. Но Гидальго растолкалъ молодежь и быстро увелъ дочь.

Большее вѣхъ пришелъ въ восторгъ баронъ Корпелъ.

— Это—не дѣвушка а просто фея какая-то, сказала онъ своему другу Діанезѣ.

- Въ томъ-то и бѣда!
- Какъ-бы завоевать сердце ея?
- Ратоборствомъ, какъ видишь, трудно.
- Не шутъ, пожалуйста! мнѣ не до шутокъ.
- Тѣмъ хуже для тебя. Не мало народу сошло съума изъ за той дѣвушки. Не гляди ты больше на нее. Не для тебя она. Что такое? Развѣ я виципъ?

Грекъ—продавецъ образковъ. Съ картины Ф. Бронникова, рис. и грав. Грачевъ.

— Я тебе говорю не об этомъ. Да не въ томъ тутъ и дѣло. Здѣсь тебе не придется спросить: сколько стоитъ вся лавка? Я хорошо знаю донну Аталанту и уви — говорю по опыту. Она — богаче любого индѣйскаго набоба. Ей за предствленія ей платятъ баснословныя цѣны. Всѣмъ эта дѣвушка обязана только себѣ. Ну и бережетъ себя чрезвычайно, держитъ строгій régime. И напрасно будешь ты ждать ее у подъезда; твоя богиня выходитъ изъ цирка не раньше, какъ часа черезъ два. Сейчасъ-же, по возвращеніи съ арены ее завертываютъ въ мокрыя простыни, изъ нихъ она опускается въ холодную ванну, и уже, затѣмъ, переодѣвшись въ мужской костюмъ, отправляется домой, въшкомъ, но при этомъ идетъ такъ быстро, что ее и бѣгомъ не догонишь. Ужинаетъ почти сырымъ, съ кровью, мясомъ и ложится спать въ комнатѣ съ открытымъ окномъ, на простомъ волосномъ матрацѣ, завернутая въ влажныя простыни. Утромъ опять — холодная вода, гимнастическія упражненія, приготовленія къ вечернему спектаклю и т. д., въ промежуткахъ-же — болѣе чѣмъ утѣренный завтракъ. Ес, милый другъ, не приглашишь на ужинъ, какъ этихъ твоихъ танцовщицъ. Она — раба своего искусства.

— Э! полно, я этому не вѣрю!

— Дѣло твое.

— Ты такъ хорошо знаешь всѣ ея привычки, значить ты былъ съ нею близко знакомъ.

— Ни въ какой острый мальчишкѣ, а! вѣдь угадалъ! Да, конечно, я знаю ее ужь давно, не мало я побѣгалъ за ней и въ шерникахъ тоже недостатка не было; но толку не выходило.

— Я доберусь до нея. Не смѣйся. Будетъ по моему!

— Увидимъ. Но, какъ-же ты начнешь? Божественная Аталанта умѣетъ говорить только по англійски и по испански, а ты — ты знаешь все на свѣтѣ, кромѣ этихъ двухъ языковъ. Какимъ-же образомъ ты объяснишься съ нею? Я уже сказалъ тебе, что къ ней нельзя обратиться на языкъ денегъ.

— Стану учиться по англійски. Кацуръ! Сейчасъ-же приведи мнѣ учителя англійскаго языка. Въ восемь дней буду уже умѣть говорить!

И дѣйствительно, Корнель принялся за уроки. По на третій день они ему подошли. Но испански будетъ легче. Англійскій преподаватель былъ отиушенъ и замѣненъ испанскимъ. Кацуръ тоже долженъ былъ учиться. Но прошло два дня усиленныхъ занятій — надоело и это.

— Знаешь что! Я придумалъ одну штуку! крикнулъ на третій день Корнель, бросивъ на полъ грамматику — не надо мнѣ ни англійскаго, ни испанскаго!

— Мнѣ тоже не надо, поддакнулъ Кацуръ.

— Пойди и узнай — у какаго садовника Аталанта беретъ свои розы.

Кацуръ быстро доставилъ это свѣдѣніе.

Тогда Корнель сѣлъ, и съ величайшими усиліями, однако всетаки написалъ слѣдующую записку:

Богиня!

Уже чѣмъ-то дѣло я мучусь, чтобы выучиться языкамъ, на которыхъ говорите вы. Но, чѣмъ больше я учусь, тѣмъ меньше понимаю. Поэтому я обращаюсь теперь къ языку, который вы тоже знаете — къ языку цвѣтовъ. Эти цвѣты скажутъ вамъ, что я васъ обожаю. Если этимъ письмомъ я причиняю вамъ малѣйшую обиду — покажите его вашему отцу, пусть онъ убьетъ меня. Но, если вы желаете выслушать меня, то выучитесь по нѣмецки.

Баронъ Олатовскій.

— Геніально! воскликнулъ Кацуръ. Только Олатовскій въ состояніи изобрѣсти что-либо подобное.

Письмо это было поручено преподавателю переслать на испанскій языкъ.

Затѣмъ оба отправились въ цвѣточный магазинъ, въ которомъ Аталанта, обыкновенно, покупала розы.

— Сколько стоитъ вся лавка?

Заплативъ что запросилъ садовникъ, Корнель велѣлъ ему весь его запасъ цвѣтовъ доставить къ Аталантѣ и убрать ея квартиру, но только пока она будетъ на респетиціи, а записку вложить въ букетъ камелій.

Друзья ждали результатовъ.

Дни проходили за днями. Но Гидальго не являлся съ парой шага подъ мышками, чтобы драться съ Корнелемъ за Кастильскую честь своей дочери. Корнель съ Кацуромъ не пропускали ни одного изъ «блестящихъ» представленій въ циркѣ, гдѣ юный баронъ сорилъ деньгами, стараясь пробраться поближе къ уборной дивы, однако «грандъ» отгонялъ его оттуда одною грозною свирѣпыхъ глазъ. Репертуаръ Аталанты былъ чрезвычайно разнообразенъ; каждый разъ она поражала публику чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Никогда зрители не знали заранее какое новое ощущеніе она заставитъ ихъ испытать. Отъ того, все, что она представляла, казалось не заученнымъ, какъ у другихъ, а чѣмъ-то непосредственно естественнымъ, какимъ-то проявленнымъ своеобразной дикою натурой. Все въ ней было ново, неожиданно, прекрасно. Одинъ разъ она изобразила индѣйца, гонимаго въ степи за дикими конями. Съ изумительнымъ искусствомъ воспроизвела она, среди скакавшаго во всѣ стороны

табуна въ 50 лошадей, всѣ перипетіи борьбы дикаря съ необузданнымъ животнымъ, борьбы отчаянной, полной ежеминутной опасности, заставляя публику то цѣпенѣть отъ испуга, при видѣ ея, уже почти раздавленной свирѣпымъ конемъ, то трепетать отъ восторга, въ минуту неожиданнаго торжества побѣдителя.

Аталанта ловко соскочила съ укрощенной лошади и послала зрителямъ граціозный поцѣлуй.

Корнель успѣлъ забѣжать ей на встрѣчу по дорогѣ въ уборную. — Богиня! воскликнулъ онъ по нѣмецки, какъ вы нанукали насъ!

Артистка взглянула на него и улыбнулась. Выраженіе недавняго ужаса за нее, еще ясно нарисованное на лицѣ барона, казалось польстило ей.

— Я — Корнель Олатовскій.

Красавица слегка кивнула головой и исчезла.

— Ты, послушай, она меня уже знаетъ теперь! крикнулъ онъ Кацурѣ.

И больше не произнесъ ни слова. Дома онъ велѣлъ повару готовить для него сырые бифтексы, и камердинеру — завертывать его въ мокрыя простыни.

Однажды за кулисами, когда Гидальго подавалъ Аталантѣ мантилью, чтобы снова показаться передъ вызывавшей ее публикой, прежде чѣмъ выбѣжать туда, дѣвушка слегка обернула голову къ виному барону и произнесла по нѣмецки:

— Добрый вечеръ, снйборъ!

Юноша чуть съму не сошелъ и, еслибъ его не удержали — навѣрное бросился-бы на арену, за Аталантой.

— По нѣмецки!.. Она говоритъ по нѣмецки! выучилась! Въ восторгѣ онъ разцѣловалъ повнаваго ея подъ руку яйца и стеръ ему этимъ дружескимъ поцѣлуемъ съ лица бѣзья. Когда дѣвушка возвращалась назадъ, онъ сталъ ей поперегъ дороги.

Гидальго высунулся было впередъ, но Корнель ткнулъ его въ грудь, крикнувъ по венгерски: убирайся къ черту, а не то уничтожу!

— Вы говорите по нѣмецки! Еще одно слово, прошу васъ! Вокругъ никто не могъ понять — почему это его приводило въ такой восторгъ!

Красавица приложила къ лицу вѣеръ и шепнула такъ, что слышалъ только одинъ Олатовскій.

— Завтра... въ пять часовъ... у меня.

Баронъ едва помнилъ какъ онъ пріѣхалъ домой. Тотчасъ были созваны гости, съ которыми онъ хотѣлъ подѣлиться триумфомъ. Онъ не могъ молчать, ему надо было разказать всѣмъ. Радость его не имѣла предѣловъ. Дворецъ былъ освѣщенъ сверху до низу. За ужиномъ Корнель не могъ догнорутся ни до одного блюда.

— Божественная дѣвушка!

XXVIII.

Повелитель или рабъ?

Одноэтажный домикъ, въ которомъ жила Аталанта съ отцомъ, на концѣ города, у самыхъ укрѣпленій. Напрасно стали бы мы искать его теперь. Давно уже онъ исчезъ, пожертвованный, вмѣстѣ съ многими другими, дѣлу украшенія столицы.

Ровно въ пять часовъ экипажъ Олатовскаго остановился у массивныхъ воротъ дома. Это была всѣмъ тогда известная въ Вѣнѣ карета, выращенная въ оранжевую краску и запряженная парой самыхъ огромныхъ лошадей въ столицѣ. Ни у кого не было такихъ громадныхъ коней!

Корнель, и конечно, Кацуръ, выскочили изъ кареты и позвонили у воротъ.

— А затѣмъ ты пріѣхалъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь мнѣ назначено свиданіе, а не тебѣ, — сказалъ Корнель обращаясь къ своему факотуму.

— А чтобы отвлекать разговорами гидальго, пока благородный баронъ будетъ объясняться съ дочкой Аталантой.

— Да какъ же ты будешь разговаривать съ нимъ? вѣдь ты не знаешь по испански?

— Какъ не знаю? Развѣ я не учился вмѣстѣ съ вами? Взять семь уроковъ!

Ихъ впустили. Привратнику, отворившему калитку, Корнель сунулъ бумажку въ сто гульденовъ, горничная, снявшая съ него пальто, получила двѣсти гульденовъ.

Вотъ они въ салонѣ. Корнель, съ восклицаніемъ, увидѣлъ, что вся комната украшена присланными изъ двѣтаи, которые рассажены теперь въ дорогихъ вазахъ. Онъ уже и забылъ, что вѣдь заплатилъ и за вазы эти. Салонъ убранъ великолепно. Стѣны увѣшаны дорогими огромными серебряными блюдами, походившими скорѣе на щиты. А можетъ быть то и были древніе щиты, употребившіеся въ свое время на турнирахъ предкаи Аталанты. На каждомъ изъ этихъ блюдъ выбитъ 1235 годъ, гербъ и девизъ: тамъ же виситъ въ почеркѣ отъ времени рамкѣ генеалогическое дерево фамиліи Пеларгоніо. Словомъ — это настоящая приемная испанскаго гранда.

Въ одной изъ боковыхъ дверей показался и самъ грандъ съ дочерью. Дома онъ одѣтъ европейскимъ джентльменомъ, на ней же — обыкновенный туалетъ. Все театрально-испанское оставлено въ циркѣ. Гидальго ласково пожалъ руки гостямъ, донна, между тѣмъ, успѣла сдѣлать Олатовскому знакъ съета около нея.

Баронъ съ трудомъ могъ узнать Аталанту. Здѣсь это не богиня; въ ней что-то дѣтское и мудные глаза смотрятъ тихо и спокойно, въ нихъ нѣтъ и малѣйшаго отблеска того страстнаго огня, которымъ они горятъ въ пылу борьбы.

Кацуръ знаками попросилъ хозяйна разказать ему исторію фамилии и внимательно слушаетъ длиннѣйшее повѣствованіе разохотившагося гидальго.

— Баронъ, начала Аталанта, обращаясь къ Корнелю на нѣмецкомъ языкѣ, котораго отецъ ея не понималъ,—вы написали мнѣ письмо, которое поразило меня. Я еще никогда не получала такого. Въ другіе, обыкновенно, предлагали что нибудь: свое сердце, состояніе, жизнь свою. Вы не только ничего не предлагаете, но напротивъ требуете отъ меня жертвы, вы требуете, чтобы я выучилась языку, чтобы говорить съ вами. Это тронуло меня. Вотъ, подумала я—человѣкъ съ душой. А я еще никогда не видала человѣка съ душой и хочу видѣть.

Корнель впервые слышалъ такую лесть. У него закружилась голова и онъ не догадался даже спросить у дамы своего сердца—какимъ образомъ она, въ столь короткое время, могла выучиться такъ по нѣмецки.

— Богиня—какъ хорошо вы говорите по нѣмецки!

И они долго говорили. Съ большимъ тактомъ направляла она разговоръ на знакомыя юности темы, была нѣжна и сентиментальна. Корнель былъ въ полномъ восторгѣ.

— Приѣзжайте ко мнѣ, говорила она. Я буду рада видѣть васъ въ свободные дни, а когда они—вы можете узнавать изъ афинъ. И на релетиціи можете приѣзжать. Но прошу васъ больше не повторять, что вы отдаете мнѣ свою душу. Такъ можете говорить мнѣ только тотъ, кто возьметъ меня изъ цирка, или кто пойдетъ за мной на арену цирка.

Она поднялась. Взглядъ и движенія ея напомнили въ эту минуту Дану, въ тотъ моментъ, когда она превратила Актеона въ оленя.

Такъ вотъ что—или мой повелитель, или мой шутъ! Другими словами—или ты раздѣлишь со мной свою баронскую корону, и введешь меня въ Анаварскій замокъ, или надѣнешь такую же шутовскую шапку съ погрѣмушками, какую ношу я, и будешь переѣзжать со мной изъ цирка въ циркъ, будешь прыгать и кувряться, какъ и прочіе клоуны, твои будущіе милые товарищи.

Корнель понялъ. Выказано все было совершенно ясно. Но слабуемые люди хитры. Онъ сдѣлаетъ видъ, что согласенъ, пообѣщается. А тамъ!.. вѣдь отъ милліона-то осталось еще довольно.

Молодой человѣкъ почувствовалъ желаніе сдѣлать разговоръ менѣе серьезнымъ и подойдя къ открытому окну, спросилъ обращаясь къ Аталантѣ:

— Нравятся вамъ мои лошади?

— Они очень хороши. А! у нихъ гривы и хвосты выкрашены въ красный цвѣтъ—это была мода при дворѣ Польскихъ королей.

— А мой экипажъ?

— Показываетъ что у васъ много вкуса.

— Позвольте мнѣ подарить его вамъ.

Дѣвушка взглянула на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Пожалуй, если это вамъ нравится, сказала она, слегка пожавъ плечами.

Грандъ окончилъ, въ эту минуту, свои геральдическія разъясненія, которыя Кацуръ все время слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Въ семь уроковъ можно, вѣдь, хорошо выучиться молчать по испански.

Гости откланиались и вышли.

— Кацуръ—она приняла мой экипажъ въ подарокъ! Ты понимаешь что это значитъ?

— А то, что мы домой вернемся пѣшкомъ.

— Какъ ты, братецъ, глупъ! Ее увидитъ въ моей каретѣ и все будутъ думать, что я одержалъ побѣду.

Корнелю очень льстила такая перспектива.

Опатовскій спросилъ привратника, есть ли тутъ въ домѣ копыны и сарай.

— Есть.

— Отвори ворота и впусти во дворъ мой экипажъ, онъ останется здѣсь.

Привратникъ заговорилъ что-то, но бумажка въ 100 гульденовъ немедленно закрыла ему ротъ. Экипажъ въѣхалъ.

— Что ты получишь въ годъ? спросилъ Корнель кучера.

— 500 гульденовъ.

— Вотъ они. Съ сегодняшняго дня ты служишь доннѣ Аталантѣ. Если будешь вести себя хорошо, не постою за наградою. Лошадямъ надо сѣна и овса. На вотъ 200 гульденовъ. Хорошенько ходи за лошадьми.

Съ радости, въ клубѣ, Корнель страшно проигрался въ тарокъ.

Корнель всецѣло отдался теперь своей страсти къ Аталантѣ. Кромѣ нея и цирка онъ ни о чемъ и не хотѣлъ говорить. На релетиціи онъ являлся всегда первымъ и отбилъ у гидальго привилегію охранять мантію красавицы. Чрезвычайно гордился онъ и тѣмъ, что она не принимала подарковъ ни отъ кого, кромѣ него и умѣлъ выразить ей свою признательность: къ дню повторенія (по востребованію публики) „боя быковъ“, онъ поднесъ ей сафьянные сапожки, которые, вмѣсто шпуровъ, застегивались двѣнадцатью солитерами.

Отъ нея же онъ не получалъ ничего, кромѣ цвѣтка пеларгоніи, который она ежедневно сама вдѣвала въ его петлицу. Онъ не рѣшался даже поцѣловать маленькой ручки. Красавица отчасти была похожа въ этомъ на всемірную выставку: „Почтеннѣйшую публику просятъ ни до чего не дотрогиваться“.

Релетиціи разрѣшено было посѣщать и другимъ, кромѣ Корнеля и онъ встрѣчался здѣсь со многими модными львами, между прочимъ, съ Діадемой.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Снятіе со креста.

(Рис. на стр. 268 и 269).

Нѣтъ болѣе эффектнаго изображенія „Снятія со креста“ какъ картина Рубенса; его всесвѣтно извѣстная картина поражаетъ яркостью колорита, свѣжестью и блескомъ красокъ и прекрасною, красивою группировкою лицъ сцены: но произведеніе талантливаго фламандца отличается именно болѣе этими достоинствами и не углубляется въ ту сторону событія, которая такъ сильно потрясаетъ и трогаетъ сердце; фигуры въ его картинѣ болѣе частью холодны. Евангельскій разказъ, чрезвычайно кратокъ и простъ и именно такъ высокъ и трогателенъ въ этой простотѣ. Читая его, какъ бы видишь передъ собою Божественнаго Страдальца, изможденнаго страшными крестными мученіями, при видѣ которыхъ даже язычники не рѣшились приступить къ послѣдней операціи надъ казнимымъ—разбитію голени. Увѣрившись, что Иисусъ уже испустилъ духъ, они скоро приступили къ снятію Его со креста, такъ какъ еврейскій законъ запрещалъ оставить тѣло на висѣлицѣ до вечера, тѣмъ болѣе что въ этотъ вечеръ уже наступилъ великій праздникъ. Суббота, святость котораго не должна была быть омрачена такимъ зрѣлищемъ. Тѣло же, съ разрѣшенія Пилата, должно было быть передано Иосифу и Никодиму. Такимъ образомъ снятіе со креста было исполнено весьма поспѣшно и въ ночи, при чемъ никакъ не могла присутствовать такая пестрая, яркая и многочисленная толпа какъ изображена у Рубенса, ни воины въ картинныхъ позахъ спускающіе на полотнѣ Пречистое Тѣло Спасителя. Трогательная простота Евангельскаго разказа, какъ мы говорили, даетъ художнику и безъ того такъ много.

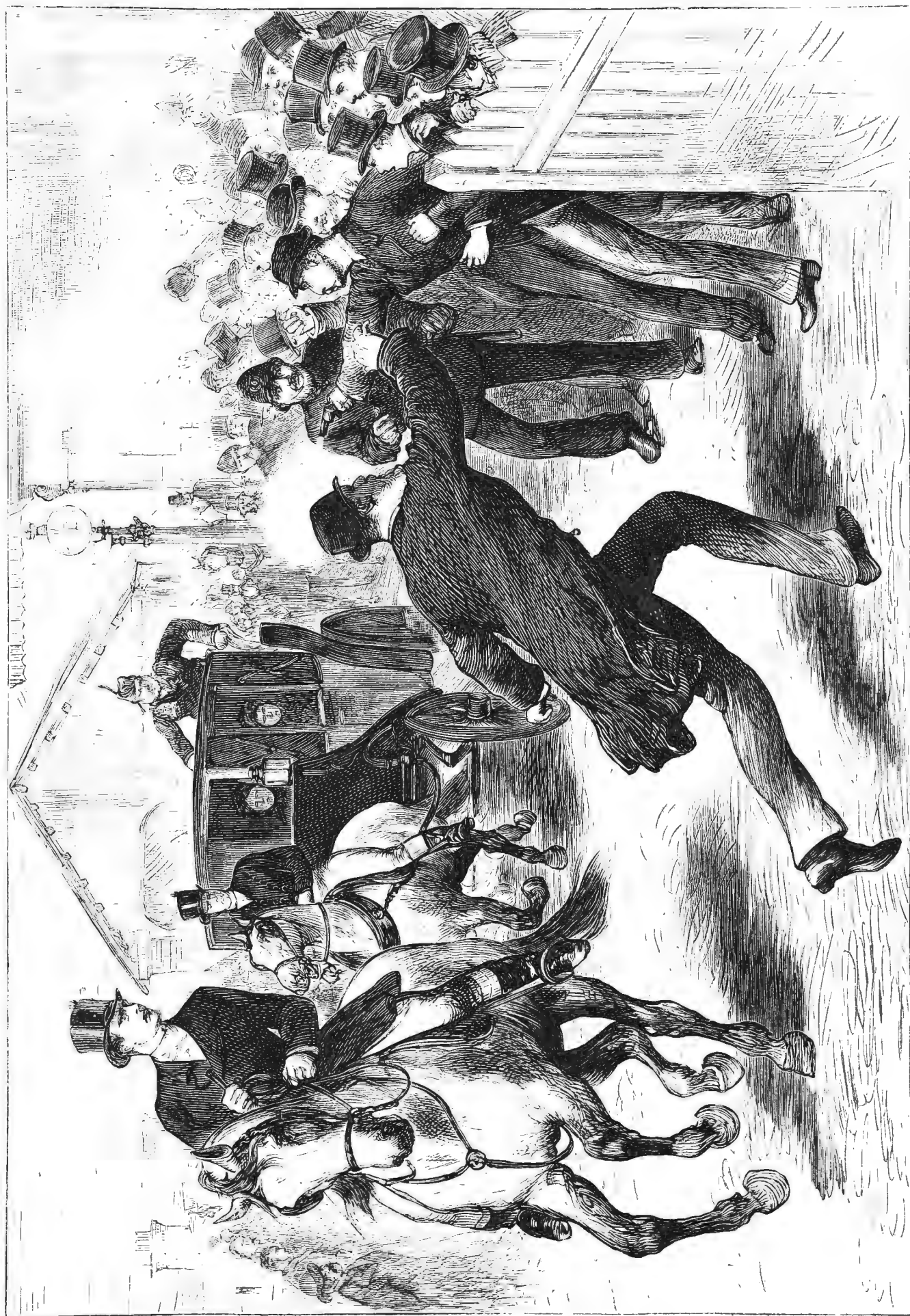
На картинѣ талантливаго Лепрана, копія съ которой здѣсь помѣщается, взять тотъ моментъ когда тѣло уже снято и Пречистая Матерь въ глубокомъ и отчаянномъ горѣ припала къ божественному челу. Въ сторонѣ, рыдая, стоитъ Марія и все это въ невѣрномъ свѣтѣ потухающаго дня производитъ впечатлѣніе, которое указываетъ на то, что художникъ проникся смыс-

ломъ и духомъ событія и не отклонялся отъ прямого указанія Св. Евангелиста.

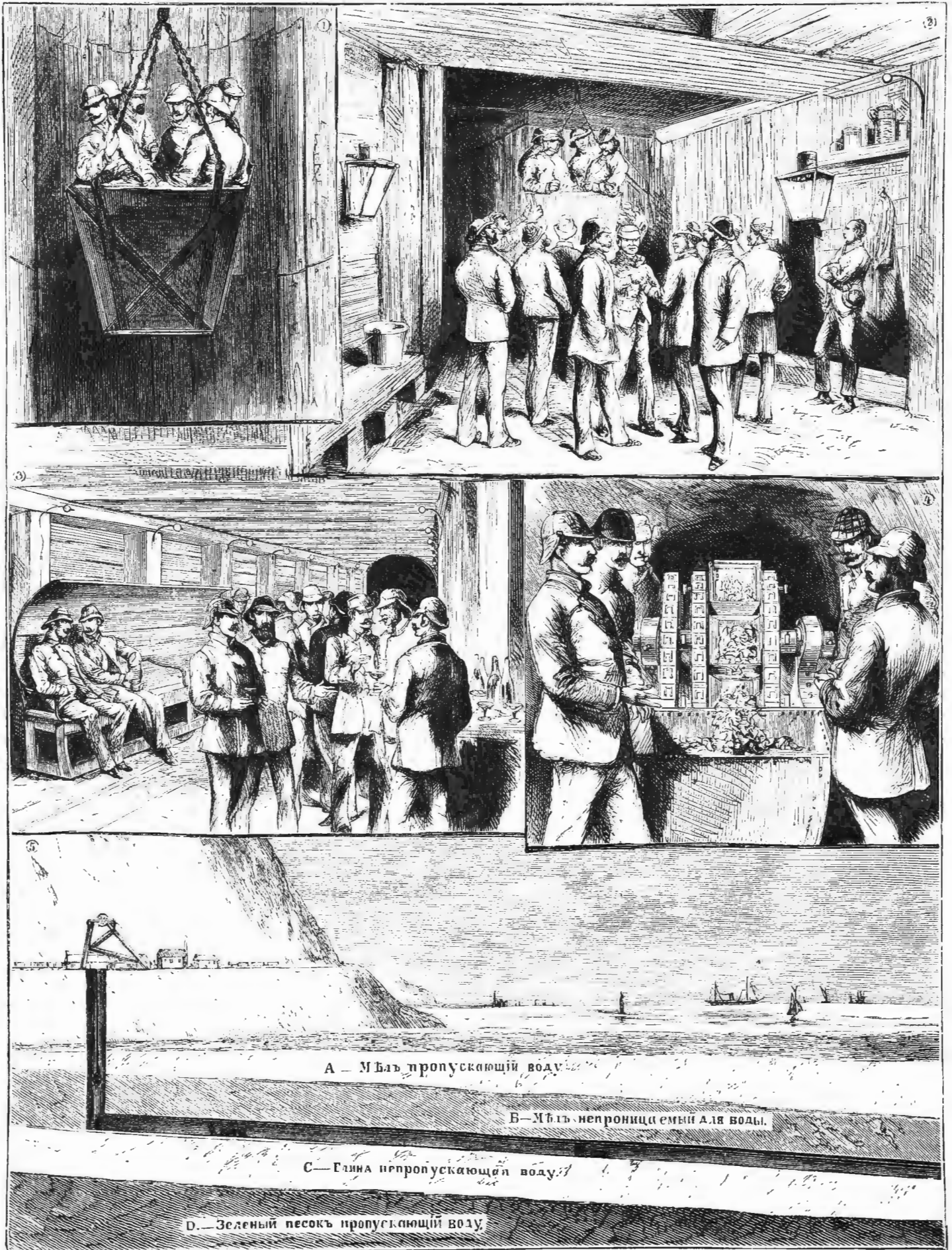
Положеніе Спасителя во гробъ.

(Рисунокъ на стр. 273).

Послѣдующимъ евангельскимъ эпизодомъ по снятіи Спасителя со креста, конечно, является погребеніе Его пречистаго тѣла. Это погребеніе, какъ извѣстно, было совершено на скорую руку, такъ какъ все приготовленія къ нему должны были окончиться до наступленія субботы—этаго высшаго, священнаго дня для каждаго Еврея. Но прежде нежели заботиться о погребеніи, вѣрнымъ ученикамъ и послѣдователямъ Божественнаго Учителя предстояла еще другая трудная и тяжелая задача—приобрѣсти тѣло Его въ свое распоряженіе и спасти Его отъ смертнаго поруганія, такъ какъ по римскому закону трупъ казненаго отдавался на добычу хищнымъ птицамъ, а по еврейскому обычаю—бросался до погребенія въ особое мѣсто, считавшееся позорнымъ и нечистымъ. Чтобы избѣжать того и другаго, тайные ученики Спасителя, Иосифъ Аримафскій и Никодимъ, люди вліятельные, члены синедрина, употребили все свои усилія, чтобы добыть отъ Пилата право, взять для погребенія тѣло своего наставника. Тѣло Спасителя сняли со креста, и распорядители казни поторопились очистить Голгофу, въ виду того что въ праздникъ все городское населеніе обыкновенно прогуливалось по высшимъ стѣнамъ города и по окрестнымъ холмамъ и зрѣлище орудіи казни съ висѣвшими на нихъ трупами не могло быть пріятно веселой, праздничной толпѣ. Къ этому было поторопиться, чтобы сдѣлать обычное, честное погребеніе Тому, Кто перенесъ на себѣ всю горечь насилія и позора. Погребеніемъ занялись Иосифъ и Никодимъ съ нѣкоторыми благочестивыми женами. Сначала они, по еврейскому обычаю, оросили тѣло Спасителя чистою водою, потомъ умастили его ароматами, въ составъ которыхъ главнымъ образомъ входили цѣнные миро и алоэ, и обернули въ большой, четырехугольный, широкій плащъ. Глава же и ливъ усопшаго были обвиты узкою пеленою (сударь), которая была плотно

Покушение на жизнь Королевы Англии Виктории. По рис. Гг., грав. Гельштейнъ.

1) Спускъ въ шахту.

3) Входъ въ галлерею.

5) Разрѣзъ почвы съ показаніемъ положенія туннеля.

2) Прибытіе въ первую галлерею.

4) Выемочная машина.

Пробныя работы въ Ламаншскомъ туннелѣ. По рисунку Гг. грав. Флюгеля.

Библиотека "Руниверс"

прикрѣплена шнурами. После этихъ приготовленій оставалось лишь отыскать подходящую гробницу и послѣдняя была вскорѣ найдена тутъ же, неподалеку отъ Голгофы, въ саду Никодима. По обычаю того времени, она состояла обыкновенно изъ небольшого узкаго покая, высѣченнаго въ скалѣ; въ концѣ котораго устраивалась невысокая плита для помѣщенія мертваго тѣла, прикрытая сводомъ. Дверь большею частью замыкалась огромнымъ камнемъ. Такого же устройства была и та гробница, въ которую Иосифъ и Никодимъ благоговѣнно внесли тѣло своего Божественнаго Учителя и положили на приготовленное мѣсто. Потому входъ былъ заваленъ камнемъ и все присутствующіе разошлись въ глубокой печали, намереваясь снова придти сюда черезъ день съ новыми благовоініями для довершенія погребальныхъ обрядовъ. Они и не подозревали, что еще до ихъ прихода совершится чудо Воскресенія и Сынъ Божій возстанетъ изъ мертвыхъ, чтобы явиться имъ въ ореолѣ вѣчной славы и безсмертія.

Грекъ, торгующій образками.

(Картина пр. Ф. А. Бронникова, стр. 276 и 277).

Наиболѣе известныя и дѣйствительно замѣчательныя произведенія Ф. А. Бронникова, постоянно привлекавшія на выставкахъ массу публики, писаны болѣе всего на разные историческія темы и отличаются вообще драматизмомъ и захватывающимъ интересомъ содержанія. Вспомнимъ только эффектныя его картины: „Мозаичисты передъ судомъ трехъ въ Венеціи“, „Утренняя молитва Пивагорейцевъ“, которыя въ свое время производили очень сильное впечатлѣніе на зрителей. Но помимо этихъ капитальныхъ работъ, у нашего художника являлись иногда небольшія картины, съ сюжетомъ взятымъ изъ народной жизни, иногда ускользавшія отъ вниманія публики, но тѣмъ не менѣе весьма талантливыя, какъ, напримѣръ, его „Грекъ торгующій образками“, синموкъ съ которой мы помѣщаемъ.

Это художественно выполненный типъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ „хитроумныхъ Одиссеевъ“, которыми снабжаетъ насъ далекій Востокъ и особенно Аеонъ, гдѣ какъ извѣстно производится обширная, оштовая торговля образками, крестиками, четками и другими вообще мелкими издѣліями иноковъ Святой Горы, бываемыми потомъ во все православныя страны и особенно въ наше отечество.

Вообще аеонскіе монахи въ рѣзбѣ болѣе искусники: они рѣжутъ изъ дерева и изъ кости единорога разной величины крестики и образки, иногда очень тонкой работы. Иногда впрочемъ все это они дѣлаютъ и болѣе легкимъ способомъ; такъ иные монахи, не желая утомлять себя копотливой и долгой работой, заказываютъ металлическія формы и размочивъ въ кипяткѣ кость единорога, отпечатываютъ на ней разныя священныя изображенія. Кромѣ того прибрежные жители собираютъ на берегу моря выкидываемыя волнами раковины, которыя наши зываются на проволоку и такимъ образомъ обращаются въ очень изящныя четки. Четки эти, впрочемъ, не особенно удобны для долгой, монашеской молитвы, такъ какъ отъ нихъ бо-

леть пальцы, но за то благодаря красотѣ и дешевизнѣ, они на расхватъ покупаются поклонниками.

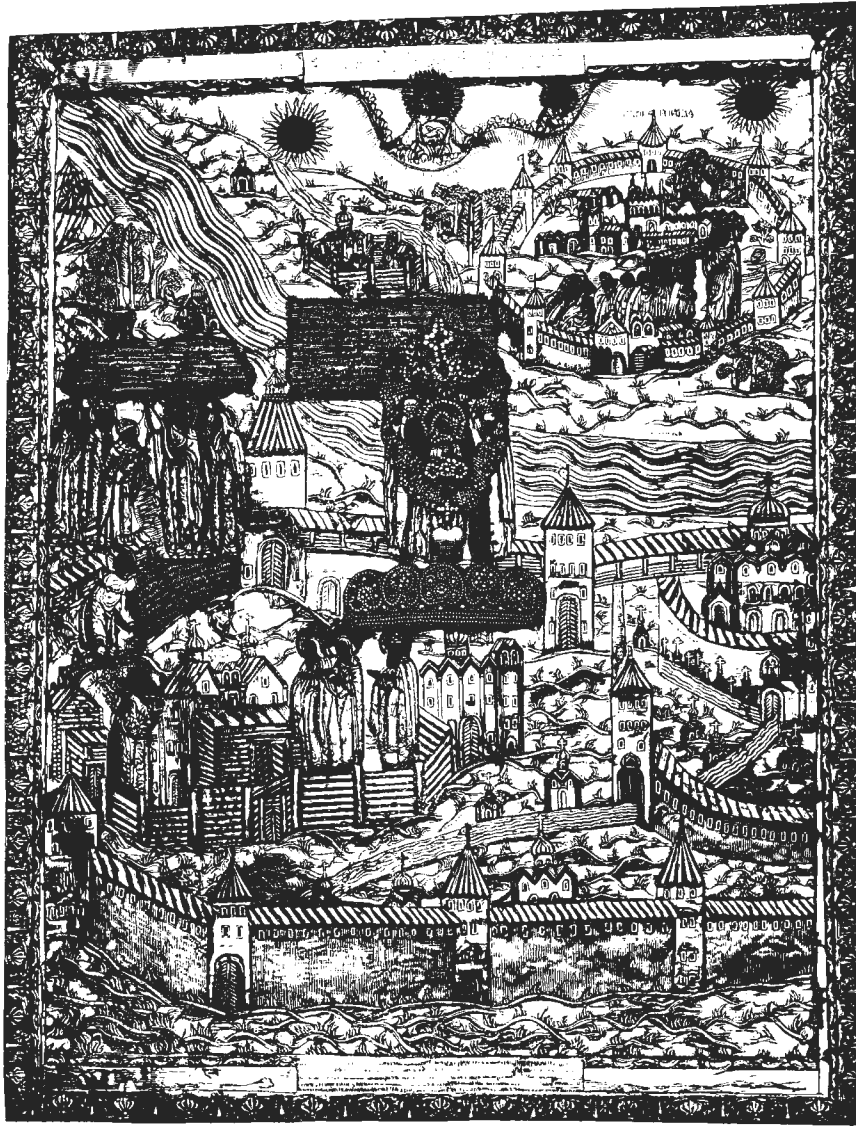
Оштовый сбытъ всехъ этихъ иноческихъ трудовъ производится въ небольшомъ городѣ, единственномъ торговомъ центрѣ Аеона Корѣѣ. Здѣсь въ извѣстныя дни, а именно по субботамъ, на главной улицѣ ставятся цѣлые ряды столовъ и на нихъ горами наваливаютъ иноки плоды своего терпѣнія и искусства—крести, четки, образки и т. п. Около каждого стола стоитъ импровизированный торговецъ—смиранный и угрюмый инокъ; стоятъ онъ опустивъ голову и терпѣливо и молча ждетъ. Отъ этихъ-то не думающихъ о барышѣ отшельниковъ переходятъ все эти продукты, болѣею частью въ руки уже торговцевъ по призванію, преимущественно грековъ, которые и распродаютъ ихъ по всему православному міру. Типъ одного изъ этихъ торговцевъ представленъ въ высшей степени правдиво на картинкѣ нашего талантливаго художника.

Покушеніе на жизнь королевы Викторіи.

(Рис. на стр. 280).

Мы уже говорили въ нашихъ „Политическихъ Обозрѣніяхъ“ объ этомъ новомъ покушеніи. 18 февраля вечеромъ весь Лондонъ узналъ странную вѣсть—жизнь королевы была въ опасности. Королева, какъ извѣстно, не живетъ въ Лондонѣ и рѣдко остается тамъ болѣе двухъ дней и по окончаніи прѣмовъ возвращается въ свое постоянное мѣстопробываніе, Виндзорскій замокъ, въ 35 верстахъ отъ столицы. 18 февраля въ Виндзорѣ ее поджидалъ злоумышленникъ Маклинъ, прикинувшись безъ мѣста, на станціи желѣзной дороги и когда королева, выйдя изъ дебаркадера, садилась въ карету, онъ выстрѣлилъ въ нее, какъ это изображено на нашемъ рисункѣ, но промахнулся и тутъ толпа бросилась на преступника и полиція съ трудомъ вырвала его изъ рукъ разъяренной публики. Онъ стрѣлялъ въ 30 шагахъ и несмотря на небольшой калибръ револьвера, могъ ранить королеву. Оказывается теперь, что уже это седьмое покушеніе на жизнь ея Величества. Разумѣется, какъ всегда въ этихъ слу-

чаяхъ, тотчасъ заговорили объ умопомѣшательствѣ, но тутъ-же засвидѣтельствовала была нормальность умственнаго состоянія преступника. И вотъ со всехъ сторонъ въ Виндзоръ стали приходить телеграммы, выражающія сочувствіе, негодованіе и радость по поводу избавленія отъ опасности. Одною изъ первыхъ пришла телеграмма нашего Государя Императора. Начались разговоры во всехъ газетахъ о ненормальности умственныхъ способностей Маклина. Наперерывъ сообщали онѣ свѣдѣнія о разныхъ случаяхъ его жизни, о его бѣдственномъ положеніи, которыя потомъ впрочемъ все опровергались. У преступника-же найдены записки, изъ которыхъ видно что онъ не чуждъ интернационалки и что у него были деньги накануне и нуждается онъ не могъ. Общая тревога охватила въ этотъ день населеніе столицы. Чтобы положить ей предѣлъ послѣдній принцъ Уэльскій появился въ тотъ вечеръ въ „Кюуртъ“ театрѣ. Громко извѣстили публику со сцены благополучномъ исходѣ покушенія. Публика, вставъ съ мѣста, разразилась криками „ура“ и былъ проиѣтъ національный гимнъ. Королева не показала никакихъ признаковъ особаго

Псковъ. Икона Псково-Покровской Божіей Матери. (Древній планъ Пскова).
Рис. Н. Пановъ, грав. Паниемакеръ.

волнения и не изменила своим привычкам, занималась и со-
вершила прогулки съ принцессой Беатрисой по обыкновенію.

Преступникъ (что весьма характеристично) справился въ
тюрьмѣ много-ли говорить о немъ газеты и на допросѣ дер-
жалъ себя спокойно и даже часто улыбался. Онъ преданъ суду
присяжныхъ по обвиненію за покушеніе на жизнь королевы, за
что англійскими законами полагается смертная казнь. Преступ-
никъ заявляетъ, что онъ только хотѣлъ обратить вниманіе на свое
несчастное положеніе и вовсе не имѣлъ въ виду повредить коро-
леви. Это позднѣйшее объясненіе, очевидно подсказанное ему
защитникомъ, быть можетъ присяжные и примутъ во вниманіе.
Тогда преступленіе будетъ подведено подъ законъ, по которому
„наибрѣненіе посредствомъ выстрѣла или другимъ какимъ ни-
будь образомъ, испугать Ея Величество“ составляетъ престу-
пленіе наказуемое 7-ми-лѣтними каторжными работами или пу-
бличнымъ ударомъ плетьюми „не свыше трехъ разъ“ по указанію
суда. Окончательное разбирательство дѣла назначено въ пер-
выхъ числахъ апрѣля.

Пробныя работы въ Ламаншскомъ туннелѣ.

(Рис. на стр. 281).

Мы уже не однажды сообщали о различныхъ проектахъ мо-
стовъ или туннелей черезъ проливъ Па-де-Кале, представляв-
шихъ разными французскими инженерами, особенно покой-
нымъ Т. де Гамоньомъ.

Проливъ между Кале и Дувромъ имѣетъ ширину въ 30 ки-
лометровъ (свыше 28 верстѣ) и болѣе углубленъ съ южной сто-
роны къ французскому берегу, положеніе его довольно ровно
и дно его состоитъ изъ глиняныхъ и мѣловыхъ пластовъ, оди-
наковаго характера съ тѣми, изъ которыхъ состоятъ утесистые
берега пролива. Исслѣдовавъ здѣсь вполне точно составъ и
характеръ морскаго дна, пришли къ заключенію, что туннель
слѣдуетъ предпочесть всякимъ мостовымъ сооруженіямъ. Обра-
зовалась цѣлая компанія французскихъ и англійскихъ инже-
неровъ и капиталистовъ съ цѣлію произвести пробныя работы
подъ проливомъ. Работы, начатыя нѣсколько лѣтъ назадъ, при-
станавливались, измѣняли направленіе, вслѣдствіе несогласій
между лицами самой компаніи и еще недавно послѣ сенса-
ціоннаго заявленія, которымъ англійскіе патріоты предостере-
гали соотечественниковъ отъ такого опаснаго сооруженія, ука-
зывая, что туннель этотъ можетъ послужить путемъ для втор-
женія континентальныхъ армій въ Англію. Однако на это не
могли взглянуть серьезно и англійскій парламентъ едва ли на
основаніи подобныхъ эксцентричныхъ заявленій можетъ отка-
зать въ дозволеніи сооруженія такого канала. Во всякомъ слу-
чѣ Англійчанине предполагають возвести такія надежныя вход-
ныя укрѣпленія, что всѣ подобныя опасенія не будутъ имѣть
мѣста. Упомянутая выше „Международная компанія подвод-
наго Ламаншскаго туннеля“ состоитъ изъ лицъ, стоявшихъ во
главѣ правленія южно-англійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Она
объявила, что будетъ продолжать какъ можно далѣе прорытіе
тѣхъ обпирныхъ галлерей, которыя уже имѣются подъ мор-
скимъ дномъ и затѣмъ уже приступить къ работамъ собственно
по туннелю. Направленіе туннеля, принятое компаніей, имен-
но то, которое съ давнихъ поръ считается самымъ удобнымъ.
Начальный пунктъ работъ въ мѣстности между Дувромъ и
Фолькстономъ а исходный—на французскомъ берегу между
Кале и Сангаттомъ. Слѣдуя по этой линіи, длиною въ 40 кило-
метровъ (болѣе 37 верстѣ) инженеры встрѣтили на пути срав-
нительно узкую полосу—плотный слой грубаго мѣловаго со-
става, безъ трещинъ и когда его просверлили на пространствѣ
почти 1500 метровъ (700 саж.) онъ оказался непроницающимъ
воду. Направленіе этого слоя, дѣлаетъ линію нѣсколько длин-
нѣе, но за то она надежнѣе. Сверленіе пробныхъ галлерей
производится съ обѣихъ береговъ пролива, галлерей эти идутъ
встрѣчно съ обѣихъ сторонъ до точки соединенія подъ се-
рединой дна Па-де-Кале.

18-го февраля глава компаніи, Эдвардъ Ваткинсъ, пригласилъ
цѣлое общество ученыхъ инженеровъ и частныхъ лицъ для
осмотра работъ по туннелю, со стороны англійскаго берега. По
открытіи шахты, черезъ которую проходятъ въ эти галлерей,
шесть человекъ помѣстились въ корзину, укрѣпленную на тол-
стомъ канатѣ, какъ видно на нашемъ рисункѣ. Спустившись

внизъ на глубину 50 метровъ (75 арш.), посетители прошли уз-
кимъ ходомъ въ галлерей, имѣющую видъ длиннаго обпирнаго
корридора, длиною до 700 саж. и шириною около сажени. Эта
галлерей была освѣщена электрическими лампами и дойдя до
конца ея приглашенные очутились какъ бы въ небольшой залѣ,
представлявшей образецъ вида будущаго туннеля. Здѣсь уже
ждали гостей завтракъ. Надъ ихъ головами шумѣло море и
былъ скалистый слой въ 40 аршинъ толщиною.

Прорытіе пробной галлерей дѣлается, какъ видно на нашемъ
рисункѣ, автоматически, болѣе посредствомъ выемочныхъ ма-
шинъ чѣмъ сверлильныхъ. Эти выемочныя машины изобрѣтеніе
англійскихъ инженеровъ Энглича и Бомона; онѣ дѣйствуютъ
посредствомъ сжатого воздуха и въ одно и то же время, про-
бивая слой, отбрасываютъ быстро назадъ осколки, части вы-
нутой земли и мѣлу въ особая бабьи, высыпающія содержимое
въ небольшіе вагончики стоящіе на рельсахъ. Одинъ рабочий
впереди машины и одинъ за нею могутъ дѣлать все что нужно
и болѣе людей не требуется. Сжатый воздухъ доставляется въ
резервуарѣ изъ твердаго толя, поставленномъ на рельсы. Если
бы сверлить туннель прежнимъ способомъ, понадобилось бы не
менѣе 20—30 лѣтъ для приведенія къ окончанію всего соору-
женія. Съ выемочной же машиной Бомона потребуются на это
менѣе 10 лѣтъ, такъ какъ машина, теперь работающая въ проб-
ной галлерей пробиваетъ 12 метровъ (17 арш.) въ 17 часовъ,
но опытъ показалъ, что дѣйствіе машины можно ускорить на-
столько, что она будетъ пробивать по 1 метру (1,4 арш.) въ
часъ. Если сверленіе будетъ вестись равномерно съ француз-
ской и съ англійской стороны, въ день будетъ прорываться до
34-хъ метровъ. Независимо отъ силы механической, которую
сообщаетъ выемочной машинѣ, сжатый воздухъ, вырывающійся
вслѣдствіе своего напора, разсѣвается по галлерей и образуетъ
токъ возобновленнаго воздуха, что и дѣлаетъ атмосферу
вполнѣ удобною для дыханія находящихся тамъ рабочихъ.

Икона Псково-Покровской Божіей Матери.

(Рис. на стр. 282).

Эта замѣчательная икона, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ свя-
тынь древняго Пскова, находится въ церкви *Покрова отъ Про-
лома* и представляетъ въ срединѣ изображеніе Богоматери, а
вокругъ событіе изъ временъ осады города Пскова польскимъ
королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Есть основаніе предпола-
гать, что она показана вскорѣ послѣ осады города, какъ сви-
дѣтельствуютъ о томъ памятные надписи на самой иконѣ.
Одна изъ нихъ гласитъ слѣдующее:

„Въ лѣто 7089 (1581) Августа въ 29 день при державѣ Бла-
говѣрнаго царя и Великаго князя Иоанна Васильевича всея
Россіи прииде подъ Псковъ-градъ Польскій Король Абатуръ
(т. е. Баторій) а людей съ нимъ сто тысячъ. Въ градъ же
Псковъ повелѣніемъ Царевымъ принесенъ былъ изъ обители
Печерскія чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы честнаго
и славнаго Ея Успенія въ житіи, по заступленіи града“.

Икона эта чрезвычайно важна и какъ памятникъ археоло-
гическій, такъ какъ здѣсь изображена „съ птичьяго полета“ зна-
чительная часть древняго Пскова. На первомъ планѣ самый
Кремль или *дѣтинiecъ* Псковскій, окруженный высокою и тол-
стой каменной стѣной, съ глухими и воротными башнями. Въ
самой срединѣ Кремля, на право отъ деревяннаго, бревенча-
таго забора, изображенъ Троицкій соборъ, главная святыня го-
рода. На лѣво отъ собора, заборъ окружаетъ, повидимому,
дворъ и палаты владыки. Правѣ собора, внутри самаго Крем-
ля, стѣны и башни внутреннихъ укрѣпленій. За стѣнами
Кремля, лентой, черезъ всю икону наискось, изображена рѣка
Великая. За рѣкою, часть города, именуемая за *Велицкымъ*,
существующая и теперь подъ тѣмъ же названіемъ. Видно, что
въ ту пору, и эта часть города была обнесена стѣнами и об-
строена башнями. На лѣво отъ *Васильчя*, отдѣленный отъ него
небольшимъ ручьемъ, знаменитый монастырь Мирожскій, съ кото-
рымъ мы уже ознакомили читателей „Нивы“ (см. № 51—1880 г.).

Около верхняго края иконы, обложеннаго древнимъ басмен-
нымъ окладомъ, въ доскѣ иконы видны двѣ круглыя пробинны,
по преданію оставшіяся отъ нуля, пробившихъ икону во время
однаго изъ вражескихъ нашествій.

Весною.

(П. П. Веймарну.)

Безконечный разливъ... И летать, и летать
Караваны кочующихъ птицъ,
И веселія первая пѣсни звучать,
И не видно конца верениць...

* * *

И на голосъ, взывающій голосъ весны,
Въ полномъ блескѣ проснувшихся силъ,

Отряхая минувшіе зимніе сны,
Всѣ цвѣты возстають изъ могилъ.

* * *

Возстають.— и съ улыбкою дѣтской глядятъ
На сіянье небесъ голубыхъ.
И на вѣнчикахъ капли росинокъ дрожать,
Словно перы въ вѣнцахъ золотыхъ...

П. Гнѣдичъ.

Политическое обозрѣніе.

Россия и Турція. — Славяне. — Черногорія. — Императоръ. Византизмъ. — Греція. — Египетъ.

Въ свое время мы сообщали уже нашимъ читателямъ свѣдѣнія о переговорахъ нашихъ съ Турціею относительно уплаты военной контрибуціи. Переговоры эти, конечно, и до сихъ поръ продолжаются, безъ особенныхъ результатовъ. Дѣло дошло и до того, что нашему посольству пришлось обратиться къ Портѣ съ особымъ заявленіемъ. Соглашеніе состоялось относительно гарантій въ выплатѣ ежегодныхъ взносовъ. Русское правительство выразило желаніе инсентивировать уплату лично и было условлено, что оттоманскій банкъ будетъ дѣлать взносы въ русскій государственный банкъ въ Петербургѣ. Но когда проектъ этотъ былъ отпривленъ изъ дворца въ Порту, первый министръ возсталъ противъ нѣкоторыхъ, уже утвержденныхъ пунктовъ и напелъ себя поддержку во многихъ членахъ. За проектъ стоитъ частный секретарь султана Рагъибъ-бей и пока еще неизвѣстно, чье мнѣніе окажетъ влияние на Абд-уль-Гамидъ, отъ котораго зависитъ рѣшеніе въ ту или другую сторону. Русскій посланникъ г. Новиковъ обратился съ слѣдующимъ заявленіемъ къ Портѣ (изъ него видно все положеніе и ходъ дѣлъ): 1-го (13-го) марта начинается свою дѣятельность административный совѣтъ, который обязанъ служить представителемъ владѣльцевъ турецкихъ облигацій при Портѣ и управлять присудженными имъ, согласно конвенціи, статьями доходовъ. Русскіе делегаты не переставали обращать вниманіе турецкаго правительства на то, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ упомянутой конвенціи заключаются статьи, противорѣчащія утвержденнымъ Берлинскимъ конгрессомъ принципамъ, и потому наносящія ущербъ интересамъ Россіи. Русское правительство обязано требовать уваженія къ своимъ интересамъ. Съ другой стороны Порты постоянно угрожаютъ, такъ какъ уплата Россіи военной контрибуціи такъ же солидно обезпечена, какъ интересы владѣльцевъ турецкихъ облигацій. Русскіе делегаты не сомнѣваются въ намѣреніяхъ Порты выполнить принятыя на себя обязательства по отношенію Россіи: но въ виду, однакожъ, того, что русскимъ делегатамъ пока еще ничего неизвѣстно въ точности въ чемъ, собственно, заключается окончательное рѣшеніе относительно вопроса о гарантій, а также, что предстоитъ еще соглашеніе по нѣкоторымъ другимъ пунктамъ, съ другой же стороны принямая во вниманіе предстоящую дѣятельность административнаго совѣта владѣльцевъ турецкихъ облигацій, русскіе делегаты считаютъ своею обязанностію формально отстаивать права своего правительства *въ отношеніи тѣхъ статей доходовъ Турціи, которыя не подлежали ниоткуда во время Берлинскаго конгресса, до которыхъ теперь присуждены владѣльцамъ турецкихъ облигацій*, судя по заключенной съ ними конвенціи. Въ то же время русскіе делегаты удерживаютъ за собою право обратиться съ такими же заявленіями къ заинтересованнымъ сторонамъ. Этому столкновенію предшествовало другое: въ Босфорѣ явилось русское судно „Москва“, нашего добровольнаго флота, на которомъ отпривлились новобранцы на островъ Саламинъ: турецкое правительство сочло себя въ правѣ объявить, что не пропуститъ его чрезъ Дарданеллы и обратился къ нашему съ заявленіемъ: дѣло конечно уладилось, но прецедентъ придирки готовъ и что же будетъ далѣе, если такіе случаи будутъ повторяться? Султанъ, говорятъ, желаетъ лично управлять государствомъ и ожидаютъ нѣкоторыя реформы, а именно — Порты, будто бы, будетъ совершенно упразднена, какъ и званіе и должность великаго визиря (высоторый разъ?), причемъ Абд-уль-Гамидъ будетъ управлять какъ диктаторъ и входить въ непосредственныя сношенія съ посланниками державъ. Въ возставшихъ славянскихъ провинціяхъ произошелъ случай столкновенія между австрійскими и турецкими войсками: первый перешли границу, и турки немедленно же встрѣтили ихъ выстрѣлами: австрійскій командиръ послалъ извиниться предъ турками. Восстаніе въ Аравіи не прекратилось, но, повидному, идетъ довольно вяло, вяло настолько, что и турецкія власти

не придаютъ ему значенія. Есть, однако, одно обстоятельство, которое не особенно нравится Портѣ: это слухъ о желаніи арабовъ провозгласить новаго калифа, чѣмъ, конечно, не мало былъ бы подорванъ авторитетъ султана въ мусульманскомъ мірѣ; увѣряютъ даже, что нашлось уже и лицо, готовое вступить въ роль главы ислама. Султанъ намѣренъ совершить путешествіе по западной Европѣ и, по слухамъ, скоро будто бы будетъ въ Петербургѣ.

Ничего новаго, болѣе или менѣе выдающагося изъ Босніи и Герцеговины еще не приходило пока, но ждать, конечно, надо. Судя по вѣстнымъ свѣдѣніямъ, болгары высказываютъ благодарности свою тѣмъ, кому они, въ извѣстной степени, обязаны первымъ, такъ сказать, толчкомъ къ великой борьбѣ, приведшей къ освобожденію пинѣиняго княжества, а также и Румелии: въ Болгаріи продолжаютъ формироваться отряды добровольцевъ для помощи герцеговинцамъ и боснякамъ. Пасленіе ева ли не всего кривошанскаго округа бѣжало въ Черногорію. Князь Николай отпривилъ въ Вѣну своего зятя, сенатора Пламенца съ порученіемъ ходатайствовать въ пользу кривошанскихъ и герцеговинскихъ семействъ, находящихся въ Княжествѣ. Король Миланъ, повидному, желаетъ сблизиться съ Ристичемъ. Недавно этотъ замѣчательный государственный человекъ имѣлъ разговоръ съ корреспондентомъ мадыарской газеты „Hispap“, которому и высказалъ съ полною откровенностію, между прочимъ, что Сербіи и необходимо, да и нельзя держаться иной державы, какъ только Россіи, а также и то, что сербское королевство никогда не откажется отъ Босніи.

Но, будто въ отвѣтъ на это мнѣніе Ристича — появился слухъ, что графъ Волленштейнъ, назначенный австрійскимъ посланникомъ въ Петербургъ, предварительно сбѣздилъ въ Берлинъ, къ Князю Бисмарку, у котораго выхлопоталъ согласіе на присоединеніе къ Босніи, и Герцеговинѣ къ Австріи. Что же тутъ невѣроятнаго?

Въ англійской „Сипей книгѣ“ помѣщенъ русско-персидскій трактатъ о новой границѣ: вотъ эта новая линия: направляясь по Атреку до Шата, она идетъ къ Ходжекъ-Катѣ чрезъ Сомбаръ, причемъ Кари-Када переходитъ къ Россіи, затѣмъ граница тянется по гребню горъ въ 20 миляхъ къ югу отъ Геокъ-Теле и въ семи миляхъ къ югу отъ Аскабада до деревни Багодармекъ, находящейся въ двадцати миляхъ къ востоку отъ Говера. Персія очищаетъ округа Гермокией и Киликилибекіей, причемъ Россія обязывается въ этой мѣстности укрѣпленій не строить (еще бы — тутъ ужъ, вѣроятно, „построены“ англійскіе интересы).

Какъ Россія, такъ и Персія обѣщаютъ пренятствовать продажѣ оружія туркменамъ.

Въ Греціи министерство Комундурова замѣнено министерствомъ Трикулиса (онъ же и министръ иностранныхъ дѣлъ): новый министръ, при чтеніи программы своего кабинета, высказалъ, что „восточныя дѣла грозятъ значительными опасностями, почему и надо готовиться къ возможнымъ переменамъ“. Слова эти, конечно, полны значенія, въ нихъ звучитъ не только увѣренность пророзорливаго государственнаго дѣятеля, но и то общее чувство, которое подсказываетъ, что будущее, и можетъ быть, вовсе не далекое — сулитъ грозу, грозу великую.

Придирки къ Египту безконечны: напримѣръ правительство хедива заикало въ Италиі недавно большое количество динамита, въ которомъ оно нуждается для очистки русла Нила у Каргума. Итальянское правительство, подозрѣвая, что египетское замышляетъ что-то противъ Суэзскаго канала (!), воспротивилось отпривкѣ динамита въ Египетъ: попытка приобрести это взрывчатое вещество въ Англии тоже не удалась: тогда египетское правительство приступило само къ изготовленію динамита: вотъ что значитъ слабую (сравнительно) желать себя самостоятельности, желать себя того, чѣмъ пользуется сильный. Желаемъ хедиву, Араби-Пашѣ, желаемъ Египту достигнуть своей цѣли.

С М Ъ С Ъ.

Водоуглеродная реторта Голланда (отопленіе и освѣщеніе посредствомъ водорода). Преимущество газообразнаго горячаго материала передъ твердымъ или жидкимъ уже признаны техникою. Въ Америкѣ вмѣстѣ съ Стронгомъ *) надъ осуществленіемъ этого положенія работалъ съ успѣхомъ еще д-ръ Голландъ въ Чикаго, и патенты, получивше Голландомъ съ 1877 года на его приборъ для разложенія перегрѣтаго пара посредствомъ углерода нефти, а также и успѣхъ примѣненія на практикѣ его способа сдѣлали имя Голланда весьма извѣстнымъ.

Одна нью-йоркская компанія которая приобрѣла привилегію на это изобрѣтеніе для цѣлой части Соединенныхъ Штатовъ, поставила себя задачей возможно широко примѣненіе принципа „водоуглеродной реторты“ Голланда съ тѣмъ, чтобы сдѣлать доступнымъ

публикѣ удобное и дешевое, отопленіе, освѣщеніе, а также паровой двигателъ.

Реторта эта, для кухонной печи, состоитъ изъ двухъ смежныхъ камеръ: въ одной изъ нихъ вода обращается въ паръ, который и разгорячается, а въ другой нефть обращается въ газъ, который проводится подъ самую реторту и тамъ зажигается. Притокъ воды и нефти къ обѣимъ камерамъ регулируется кранами на проводныхъ трубкахъ. Чтобы пустить въ ходъ приборъ, слѣдуетъ зажечь налитую въ сосудъ подъ ретортами нефть въ количествѣ около ложки, чѣмъ и вызывается разгоряченіе въ ретортахъ водянаго пара и нефти: тогда послѣдняя (въ видѣ газа) проходитъ черезъ трубку подъ середину дна обѣихъ ретортъ, въ то время какъ водяной паръ проходитъ черезъ трубку, окачивающуюся также подъ ретортами въ видѣ конуса, снабженнаго множествомъ узкихъ отверстій, изъ которыхъ выходящій паръ непосредственно сѣмивается съ пламе-

*) Стронгъ и Лоу изобрѣли печь, въ которой разложенію воды и нагреванію угля, воздуха и газа производится въ наружномъ отопленіемъ, а горѣніемъ сажанаго угля.

нею нефти. При этомъ водородъ воды соединяется съ частью углерода нефти, и это соединеніе потомъ старается съ кислородомъ воздуха, въ то время какъ кислородъ разложеннаго водянаго пара сжигаетъ другую часть углерода нефти, отчего образуется окись углерода. Возникающіе при этихъ измѣненіяхъ газы развиваютъ при горѣніи необыкновенный жаръ и не производятъ ни копоти, ни неприятнаго запаха.

Пригокъ воды и нефти можетъ быть усиленъ или уменьшенъ по произволу для произведенія большей или меньшей теплоты.

Для полученія свѣтлнанаго газа служитъ другой приборъ, который въ сущности имѣетъ тѣже черты. При этомъ реторты также нагреваются пламенемъ (нефтянаго газа), но въ нихъ, кромѣ газозъ, для отопленія добывается еще перегрѣтый водяной паръ и масляный газъ, которые соединяются въ одной трубкѣ, гдѣ они превращаются въ горячіе газы; отсюда они проводятся черезъ ящикъ съ желѣзными опилками и наконецъ переходятъ въ маленький котель, откуда потомъ обыкновеннымъ способомъ проводятся черезъ трубки къ лампамъ. Реторту Голланда также легко приспособить къ каминамъ.

Такъ какъ по наблюденіямъ Фавра и Зильбермана одна часть, по вѣсу водорода, развиваеетъ въ четверо болѣе теплоты, чѣмъ такая-же часть по вѣсу углерода, то выходитъ, что при способѣ Голланда получается въ пятеро болѣе тепла, чѣмъ если-бы горѣла одна нефть.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ и наиболѣе извѣстныхъ результатовъ, достигнутыхъ Голландомъ своей ретортой, была поѣздка по желѣзной дорогѣ Лонгъ-Айланда, причемъ паровой котель локомотива нагревался двумя ретортами. Высшее давленіе, котораго достигли, равнялось 125 фунт. на квадратный дюймъ, и машина пришла въ движеніе черезъ 40 минутъ послѣ введенія реторты, съ давленіемъ въ 60 футовъ. На протяженіи пути въ 6 миль было потрачено только 3 галлона (почти $\frac{3}{4}$ ведра) нефти, такъ что горячій матеріалъ на этомъ протяженіи стоилъ только 54 цента ($\frac{1}{2}$ доллара—80 к.). Въ послѣднее время по указаніямъ Голланда строится локомотивъ въ Патерсонѣ для желѣзной дороги между Филадельфійей и Жерасеемъ.

Судя по всѣмъ опытамъ, прибору Голланда предстоитъ блестящая будущность, такъ какъ способъ его отопленія въ высокой степени удовлетворяетъ всѣмъ теоретическимъ требованіямъ дешевой горячихъ матеріаловъ, наибольшей степени теплоты при наименьшемъ объемѣ горячаго матеріала, простотѣ прибора, отсутствіи копоти и запаха и проч.

Асфальтовый кровельный толь. Къ числу самыхъ главныхъ бѣдствій, подрывающихъ народное благосостояніе, можно причислить частые пожары, опустошающіе цѣлые города и села, приносящіе страшные убытки народонаселенію, убытки, которые въ короткий періодъ десятилѣтій доходятъ до милліоновъ рублей.

Въ послѣднее время въ особенности цѣлыя тысячи семействъ были разорены и лишены пристанища пожарами. Неудобная для построекъ мѣстность, самый родъ построекъ въ нашихъ селеніяхъ, не предохраняющихъ отъ опасности, служатъ главной причиною частыхъ пожаровъ и быстро распространенія огня, вслѣдствіе чего цѣлыя селенія, большіе города дѣлаются жертвою пламени. Спасити домъ, выстроенный изъ одного дерева, крытый досками, соломою или гонтомъ—почти невозможно, если вблизи его вспыхнетъ сильный пожаръ, особенно при тѣхъ первобытныхъ огнегасительныхъ способахъ и средствахъ, которыя преобладаютъ въ нашихъ селахъ и маленькихъ городахъ.

Преобразовать деревянный домъ въ прочную каменную постройку,

конечно не по средствамъ большинства нашихъ домовладѣльцевъ, но за то у нихъ подъ рукою средство предохранить свои дома отъ огня прочнымъ кровельнымъ матеріаломъ и для этого очень удобенъ по своей легкости, прочности и дешевизнѣ асфальтовый кровельный толь, который легко можно получить во всей Россіи. Довольно легко и неразрушаемо отъ огня асфальтового кровельнаго толя можетъ служить то, что всѣ русскія страховыя общества взимаютъ одинаковыя преміи за асфальтовые какъ за желѣзныя крыши. Въ отношеніи же легкости и дешевизны онъ превосходитъ всѣ остальные матеріалы. Кромѣ того крыши изъ толя очень прочны и требуютъ самаго незначительнаго ремонта.

Для металлическихъ и другихъ заводовъ онъ необходимъ, такъ какъ не портится отъ сѣрнаго газа какъ желѣзныя крыши и потому ихъ употребляютъ почти вездѣ. Для Россіи асфальтовый кровельный толь составляетъ еще почти новую вѣтвь промышленности, но и здѣсь съ году на годъ, онъ получаетъ большую извѣстность и входитъ въ употребленіе.

Заслуга распространенія во всей Россіи этой новой вѣтви промышленности, извѣстной до сихъ поръ только въ одной Варшавѣ, принадлежитъ А. Науману въ Петербургѣ.

Въ 1868 году онъ основалъ въ Петербургѣ первую асфальтовую кровельную фабрику, которая и до сихъ поръ снабжаетъ всю Россію лучшимъ кровельнымъ толемъ. Въ теченіе одного послѣдняго года, онъ, при помощи своихъ хорошо приученныхъ рабочихъ, покрылъ асфальтовымъ толемъ протяженіе крышъ на 25,000 квадр. сажень.

При употребленіи этого асфальтоваго толя вся суть заключается въ работѣ, и нужно обратить вниманіе на исполненіе ея, чтобы толь годами держался безъ особеннаго ремонта и удовлетворялъ вполне назначенію. Поэтому г. Науманъ имѣетъ къ услугамъ своихъ покупателей опытныхъ кровельщиковъ, которые исполняютъ всѣ эти работы. Если же вслѣдствіе разстоянія или другихъ причинъ, невозможно пользоваться ими, то необходимо строго придерживаться подробнаго описанія, снабженнаго иллюстраціями для большой ясности, которые контора г. Наумана прилагаетъ къ каждой отравкѣ кровельнаго толя.

Всѣмъ желательно чтобы эти строки послужили къ большому распространенію употребленія этого кровельнаго матеріала. Если онъ и не предохраняетъ зданіе отъ воспламененія, то все же препятствуетъ быстрому распространенію огня и уже этимъ приноситъ не малую пользу.

Маленькій ледникъ для домашняго обихода. Для избѣжанія устройства дорогихъ шкафовъ для льда и чтобы имѣть всегда ледъ подъ рукою, слѣдуетъ приобрести два боченка, изъ которыхъ одинъ на четверть аршина долженъ быть выше и шире другаго. На дно большаго насыпать слой угольнаго порошка или опилокъ, вставляютъ тогда въ него меньшій боченокъ и наполняютъ его какъ можно плотнѣе льдомъ. Пространство между стѣнками также закладываютъ толченымъ углемъ или опилками и затѣмъ боченки закрываются крышкой, сверху которой находится клеенка и подъ нею настилка изъ опилокъ, сѣчки, отрубей и пр. и наконецъ все покрывается войлокомъ, соломою или чѣмънибудь подобнымъ. Боченки ставятся на возвышеніи, въ днѣ пробурывается отверстіе до втораго боченка, которое закрывается пробкой и отъ времени до времени черезъ него выпускается таявшая вода. Въ такомъ приспособленіи ледъ сохраняется очень долго. Еще лучшіе результаты достигаются, если обернуть боченки соломеннымъ матомъ. Для сохраненія льда вмѣсто боченковъ можно употреблять и ящики.

Библиографія.

Виртуозы. Повѣсть К. К. Случевского Спб. 1882. Талантливый поэтъ, произведенія котораго такъ часто появляются въ разныхъ журналахъ въ послѣднее время, въ то же время и занимательный рассказчикъ. При простотѣ замысла повѣсть читается легко и съ большимъ интересомъ, который не ослабѣваетъ съ развитіемъ интриги, что у авторовъ бываетъ часто, когда они какъ-бы устаютъ и торопятся какъ-нибудь закончить завязанный рассказъ—этого недостатка нѣтъ въ новомъ произведеніи г. Случевского.

Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Н. Макарова. 1882. Спб. Въ „Современникѣ“ 1859 г. помѣщена была большая статья г. Макарова „Вздущевная исповѣдь“ написанная очень бойко и направленная преимущественно противъ одного извѣстнаго

лица. Въ ту эпоху всяческихъ обличеній, и это обличеніе имѣло извѣстнаго рода успѣхъ. Въ настоящей книгѣ разсказывается не мало интересныхъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія. У г. Макарова есть серьезныя заслуги: онъ извѣстенъ лексикографическими трудами. Кромѣ того этотъ разнообразный авторъ, какъ мы узнаемъ изъ исповѣди, и замѣчательный гитаристъ.

Скоромный и постный столъ О. Павловской. Съ рисунками Борси. 2 изд. 1882. Спб. Что книга эта выходитъ вторымъ изданіемъ—это составляетъ ей конечно рекомендацію. Здѣсь почти 3,000 наставленій. Кромѣ наставленій собственно приготовленій кушанья, предлагаются средства для сохраненія припасовъ и для исправленія попорченныхъ, и приложены очень недурные раскрашенные рисунки.

Продолжается подписка на 1882 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ 4 р. Съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы“ въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій. 5 р. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . . 6 р.

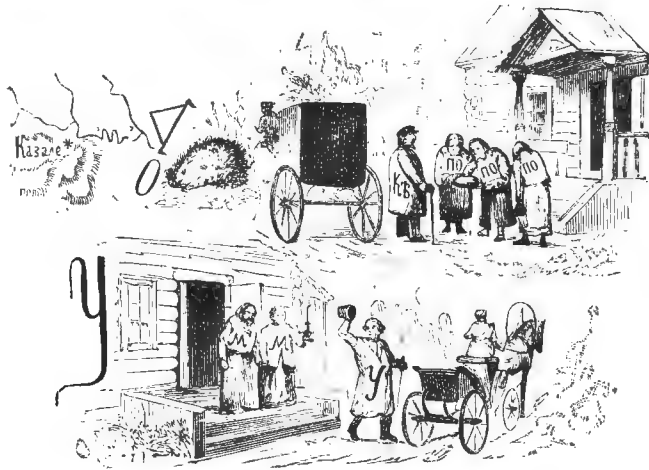
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

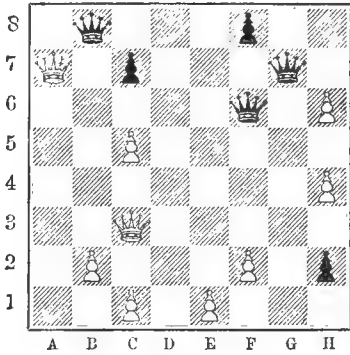

РЕБУСЪ. Задача № 19.

Шахматная задача № 20.

Цѣхановича.
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ въ 8 ходовъ.

Рѣшеніе ребуса загадка № 11.

Изъ цѣлаго первое родится, а цѣльное втораго боится.
(„Виноградъ“).

Геометрическая задача № 21.

Изображенный прямо-угольный четырехуголь-никъ раздѣлить на 9 равныхъ квадратовъ и 12 прямоугольныхъ трехъугольниковъ и изъ полученныхъ фигуръ со-ставить крестъ.

Задачи магическихъ Крестовъ.

№	а	а	а	22.		
	к	к	к			
к	к	к	л	м	м	о
о	о	о	о	о	о	о
о	о	п	п	п	п	с
	т	т	т			
	т	ч	ч			

№	а	а	а	23.		
	а	а	а			
а	а	б	б	е	г	д
д	н	н	к	к	л	н
н	п	о	о	о	о	о
	о	п	п			
	р	р	р			

Рѣшеніе шахматной задачи № 4.

Бѣлые.

- 1) N 5 — G 7
- 2) G 7 — F 5 ++
- 1) . . . . . A.
- 2) E 3 — E 4 ++
- 1) . . . . . B.
- 2) G 7 — F 5 ++
- 1) . . . . . C.
- 2) D 1 — A 1 ++

Черные.

- 1) E 4 — E 3
- 1) G 2 N 3 или G 4
- 1) D 4 — E 3
- 1) D 4 — E 5

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Астрахань—Косовскаго; Киш-невъ—Гольденвейзеръ.

СОДЕРЖАНІЕ: Отреченіе Апостола Петра (съ рис.) — Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть первая. — Во время бури. Романъ М. Юная. (Продолженіе). — Снятие со креста (съ рис.) — Положеніе Спасителя во гробъ (съ рис.) — Грехъ, торгующій образами (съ рис.) — Покушеніе на жизнь королевы Викторіи (съ рис.) — Пробныя работы въ Ламанскомъ туннелѣ (съ рис.) — Икона Псково-Покровской Божіей Матери (съ рис.) — Весною. Стихотвореніе П. Гнѣдича. — Политическое обозрѣніе. — Слѣбъ. — Библиографія. — О подиискѣ на „Нину“. — Ребусъ. — Шашечная задача. — Рѣшеніе ребуса. — Геометрическая задача. — Задача магическихъ крестовъ. — Рѣшенія шахматной задачи. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ | **ПРИЛОЖЕНІЯ.**
 для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfep. для загран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страници.)
 Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

АЛЬБЕРТЪ САЛМОНЪ,
Albert Sahlmon,
БЕРЛИНЪ, W.
 какъ специальности **ПТИЦЫ КЛѢТКИ** изъ лакированного вонертаго цинкомъ, и **одиночно** подираваннаго дерева. **АКВАРИУМЫ** и **ТЕРРАРИУМЫ**, просверленные бляхи и прессы.
 № 1931 | **ИЩУТЪ АГЕНТОВЪ.**

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ
 РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ
НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО.
 Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку 10 руб. — коп.
 Плащи съ крыльями " " " " " 13 " " "
 Капюшоны къ нимъ " " " " " 1 " 25 "
 Военныя пальто " " " " " 17 " " "
 Пальто дамскія съ рукавами " " " " " 13 " " "
 Дамскія тальми " " " " " 11 " " "
 Плащи для дѣтей " " " " " 10 " " "
 Пальто, съ рукавами всѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоємъ " " " " " 30 " " "
 Плащи съ брыльями такія же " " " " " 30 " " "
 Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоємъ " " " " " 22 " " "
 Плащи съ крыльями такія же " " " " " 22 " " "
 Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа) " " " " " 34 " " "
 Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина, — длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща — вся длина и объемъ шеи.

ДАМСКІЙ ПАРИКМАХЕРЪ
ЖОРО,
 БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, д. 17,
 новые ШИНЬОНЫ. Mt № 2008
 5—1 ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
СВѢТЪ
 Годъ 4 руб.
 1/2 г. 2 " "
 1/4 г. 1 " "
 Редакция: Гороховая, № 41.

Совершенно отличительнаго качества
далматская ромашка
 ОТЪ ВСѢХЪ НАСѢКОМЫХЪ
 у Р. КЕЛЕРЪ и №. въ Москвѣ
 Ц. № 1843 5—3

ПРОТИВЪ МОЛИ
 рекомендуемъ особенно для краденія мѣховыхъ вещей
РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,
 которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:
 Для хранения 1 шубы за мѣшокъ 5 руб. — коп.
 " " 2 шубъ " " 6 " 50 "
 " " 3—4 шубъ " " 8 " " "
 " " 4—5 шубъ " " 9 " 50 "
 " " 5—7 шубъ " " 11 " " "
 Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просятъ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ — 2 р.
 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
ЛИМАНА и РИКСА.
 16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица. 16.

Торфяныя и кирпичедѣлательныя машины и мѣшалки для растворовъ, новѣйш. конструкций, на складѣ у **Людвига Федоровича ШЛИНЗЭЙНЪ.** Москва, Мясницкая, д. Ермаковъхъ. Прейс-курранты по востребованію безплатно. Ц. № 1996 3—2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С. В. ВЕДЕРНИКОВЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, № 123.

ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА

ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ.

Манти, Пальто, Жакеты, Мантия и проч. изъ Велюръ, Эленгль, Птюшь, Солегла, Дра-де-суа, Муаръ, Дамассе, Сатинъ, Эскалье и другихъ модныхъ тканей.

ВЕСЕННИЕ КОСТЮМЫ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ и КОПИ.

ДѢТСКІЯ ВЯЗАНІЯ

для дѣвочекъ и мальчиковъ въ большомъ выборѣ.

№ 2003 3-1

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Маритта*. Перев. съ нѣм. П. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЪ“ 1881 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

Въ редакціи „Собранія Романовъ“

въ домѣ Дербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются съ большой уступкой прошлые года этого журнала. Въ каждомъ году отъ десяти до двѣнадцати романовъ и отъ тридцати до сорока повѣстей. Каталогъ съ названіями статей и обозначеніемъ цѣны высылается безплатно. № 1966

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ,

Разрѣшена С.-Петербургскою Врачебною Управою

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА прозрачныя и непрозрачныя.**БОЛЬШОЙ** выборъ хрустальныхъ и бронзовыхъ яицъ для подарковъ.**ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ**

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, близки подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы: „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, у Анныкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера. № 1997

Всѣ прочіе магазины и лавки, извѣщяющіе выѣски, сходныя съ нѣмецкою С.-Петербургскою Химич. Лабораторіей ей не принадлежатъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА**А. ФРЕЙБЕРГЪ**

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—8

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. II. *Картина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нива“ 1882 г. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.**Прекрасный подарокъ на Пасху.**

Одна изъ 50 картинъ Густава Дорэ, помѣщенныхъ въ изданіи „Потерянный и возвращенный Рай“ (уменьшена около 7 разъ).

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэмы Джона Мильтона

Большое изданіе in folio съ 50 больш. превосходн. картинами Густава Дорэ. Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕР. ВЕЛИЧ. ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ. Цѣна въ хорошемъ календарномъ переплетѣ 25 р., съ перес. 30 р. Для подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. 20 р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полушарепевомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 30 р. съ перес. 35 р. Для подписчиковъ Нивы 1882 г. 25 р. съ перес. 30 р.

По выхodu оно было встрѣчено прессой и живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ“ въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась надѣхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное достоинство соединяется съ рѣдкимъ въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполне удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.“

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскихъ изданій подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фолиантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библиотеки или столы ихъ гостиныхъ ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные, отзывы были помѣщены также во многихъ журналахъ.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ

заводящиеся безъ ключа (въ руку).
Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 75, 80 и 85 руб., сестры на вѣсу золота въ корпусѣ. Также же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 95, 100, 110 и 135 р.
Также высшего достоинства съ уравнительными маятникомъ отъ 165 до 275 руб.
съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ.

ПАВЛА БУРЕ

поставщица Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартедьсомъ).
Пересылка на счетъ магазиновъ.
Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-ра Ф. ЛЕНТИЛЯ.

Извѣстное туалетное умываніе, единственный пастозный, представляетъ въ этикетѣ **Березовое дерево**. Утверждѣнъ для фабрикантъ Марка, продается во всѣхъ извѣстныхъ Аптекарскихъ, Косметическихъ и Парфюмерныхъ магазинахъ.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ, № 25, Невскій просп., № 25.

Мастерская воздушныхъ и электрическихъ

ЗВОНКОВЪ

устройство и ремонтъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, съ ручательствомъ. Уголь Казанской ул. и Демидова пер., д. № 27-5. F. Freischmidt. № 2005

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗЪ

ЗОЛОТА И СЕРЕБРА

какъ-то: старинныхъ золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, вазы, кубки и бокалы изъ толстаго или каменной въ золотой оправѣ, старинныя серебряныя вещи, какъ-то: кружки, бокалы, кубки, группы и фигуры, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII стол., кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.
Л. № 1910 6-4

ДЛЯ РЫБОЛОВЛИ

полные приборы: одинъ въ 5 руб. для мелкихъ рыбъ (составное удилище, поплавокъ, дѣйка, крючки и проч.) а другой въ 10 руб. для мелкихъ и кружныхъ рыбъ. Цѣна назнач. съ перес., по почтѣ. Магазины „ЮРНБЕРГЪ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Галетномъ переулкѣ, наискосокъ церкви Успенія, домъ Шаховскаго, напротивъ бриллиантова Сергучина. П. № 2007

РУССКАЯ ТАМБОВСКАЯ КОПЧЕНАЯ ВЕТЧИНА

приготовленія Петра Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ, подучена къ предстоящему празднику во всѣ главные магазины Черепенинова на Литейномъ проспектѣ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ 2 объявленія: 1) отъ анціонернаго общества Ляльпопъ. Рау и Левенштейнъ въ Варшавѣ и 2) отъ шляпной фабрики Лемерсье въ Москвѣ (послѣднее за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою. СПБ. 18 марта 1882 г.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПетербургѣ.

Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.
Библиотека "Руниверс"

Вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Нивы“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЕРГЪЙ ГОРБАТОВЪ,

историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ,
Всеволода Соловьева.

Большой томъ in 8—болѣе 40 печатн. листовъ, (около 650 стр.) печатанный на лучшей веленовой бумагѣ, съ виньетками.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа **„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“**. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 коп., для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“ на 1882 годъ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Депо Американскихъ Швейныхъ Машинъ.

М. МОРГЕНСТЕРНА.

Переведено въ свѣдѣніи увеличеній дѣлѣ на Большую Морскую въ № 23 уголъ Гороховой ул., и рекомендуетъ по умѣреннымъ цѣнамъ громадный выборъ лучшихъ новыхъ и ручныхъ швейн. машинъ. Кромѣ того рекомендуются извѣстныя **Прачешныя машины системы ЛОВЕЛЬ**, съ выжималкой и съ каждой вмѣстѣ за 25 рублей. Матри для бѣлья по 30 рублей. Машины для складыванія писсе отъ 15 до 30 рублей. № 2009 1-1

ВАЖНО ДЛЯ ВСЯКАГО. КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ. РОССІЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ

В. А. ВАЦИЛА,
СПБ., Литейный просп., № 45—8, уголъ Семіоновскаго пер.
Принимаетъ всякаго рода объявленія для инапечатанія во всѣхъ газетахъ и журналахъ, по цѣнамъ редакцій и дѣлаетъ доставку отъ 6, 10, 15, до 20% смотри въ каталогъ и на сколько разъ будутъ помѣщаемы. Тутъ же принимаются **объявленія** и подписка на газету **„СВѢТЪ“**, самую распространенную въ Россіи (27,000 экземпляровъ).

Продается во всѣхъ книжн. магаз. новая книга:

Д-ра Н. PLOSS, РЕБЕНОКЪ ОТЪ КОЛЫБЕЛИ ДО ПЕРВАГО ШАГА.

СПОСОБЫ УХОДА ЗА ДѢТЬМИ У РАЗНЫХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

Переводъ съ нѣмецкаго, съ 122 рисунками въ текстѣ.
Содержаніе: I. Укладываніе ребенка, II. Поеліе ребенка, III. Колыбель и качаніе, IV. Усаживаніе и V. Первые шаги ребенка.
Цѣна на веленовой бумагѣ 1 р. 50 к., на слоеновой, въ папкѣ 2 р.
Складъ изданія въ типографіи Д. Ф. Малдеса, Троицкой переулочекъ, домъ № 38.

Вильгельмъ Карловичъ ЛАНГЕ (младшій).

Почетный членъ Парижской Академіи Мануфактуръ и торговли, имѣющій медаль за Парижскую выставку и единственно въ Россіи удостоенный почетнымъ похвальнымъ дипломомъ и большой серебряной медалью за духовыя музыкальныя инструменты, предлагаетъ свои мѣдные и деревянные инструменты, также сипциальныя трубы для желѣзныхъ дорогъ и починку всякаго рода. Покорнѣйше проситъ замѣтить свой нижеуказанный адресъ:
СПБургъ, у Кокушкина моста, д. Вомина, № 67. № 2006

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая новѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками И. С. Панова
Второе изданіе

большой томъ in 8— всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г.
Изданіе А. Ф. Маркса по больш. Морской д. № 9. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 рубл. 50 к.

Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3-3

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ НЕБОЛЬШОЙ ДОМЪ

въ центрѣ города или нанять большое помѣщеніе для типографіи безъ посредства коммисіонеровъ.
Просить обращаться письменно: въ редакцію журнала „НИВА“, Большая Морская, домъ № 9.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

РЕДАКТОРЪ
А. Пятковскій.

Годов. цѣна журнала (за 12 книгъ) 12 руб. Съезъ дост.; 13 р. съ дост. въ СПБ.; 14 р. съ перес. Главная контора: Поварской пер., № 5. Третья книга вышла 1 марта, № 4 выйдетъ 1 апрѣля. № 2004 3-1

СТРУНЫ

самыя лучшія падуанскія, пьемонтскія и вѣнскія для скрипки, виолончели, контрабаса, гитары и шитры, душлая канцфоль, камертоны, метрономы, деревянные и желѣзные складныя пиногры, рекомендуются
ГЛАВНОЕ ДѢЛО МУЗЫКАЛЬН. ИНСТР.
Юлія Генриха Циммермана.
СПБургъ, по Большой Морской, № 42.

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикеткахъ.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальць-Экстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ *).
Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго натара до чахотки и противъ блѣдной немочи.
Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ
Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб., у русск. общ. торговли аптекарск. товар. Казанская, 12, Штоль и Шмидтъ, Малая Морская, 11.

Въ Москвѣ у Н. Матейзенъ; въ Варшавѣ у Лудвига Шпиль и Сына. № 1938

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 13

годъ XIII
1882

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаеъ 27 Марта 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Mark. 20 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ 1/4
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ через кон- тору объявл. Н. Н. Печковской, Пе- тровская Торгов. линія	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленія отъ
торговцхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всеми приложениями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Казань. Входъ въ Кремль съ Воскресенской улицы. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Кремль въ Казани.

Русская Казань сооружена на развалинах татарскаго города и съ первой-же поры ея возникновенія она должна была сдѣлаться важнымъ оборонительнымъ пунктомъ. Это обусловилося тѣмъ, что хотя въ 1552 году татарская Казань и пала, но окрестная страна долго еще не могла быть вполне подчинена русскому владычеству. Татары не разъ серьезно угрожали русской Казани и послѣдняя внезапно сдѣлалась главнымъ оплотомъ нашего наступательнаго движенія на востокъ среди чуждаго и непріязненнаго намъ инородческаго населенія. Вотъ почему въ первые-же года по взятіи Казани Грозный уже дѣлаетъ заботливый распоряженія о сооруженіи каменнаго Кремля за казанскими стѣнами, не расширяя впрочемъ крѣпости, чтобы не увеличить линіи защиты. Такимъ образомъ возникло новое укрѣпленіе, построенное уже московскими каменщиками въ той-же мѣстности гдѣ стояла и старая татарская крѣпость, на горѣ, окруженная болотами. Постройка казанскаго Кремля была начата въ 1556 году и оны существуетъ и понынѣ, хотя подвергался иногда сильнымъ поврежденіямъ, какъ напримѣръ во время нападенія въ 1774 году на Казань Пугачева; въ то же время было уничтожено и нѣсколько башенъ съ воротами, такъ что донынѣ уцѣлѣли лишь двѣ такія башни. Одна изъ нихъ— Спасская— главный въѣздъ въ крѣпость съ Воскресенской улицы, изображенная на нашемъ рисункѣ, а другая Тайницкая— съ противоположной стороны отъ первой, при спускѣ изъ крѣпости къ рѣкѣ Казанкѣ. Остатки старой деревянной стѣны существовали до начала царствованія Анны Иоанновны, когда они были уничтожены по распоряженію тогдашняго казанскаго

губернатора, знаменитаго впоследствии по своей трагической судьбѣ Артемія Вольнскаго.

Особенно оригинальною красотою отличается Спасская башня по только по внѣшнему виду; внутри-же ея вы видите простую, грубую работу старинныхъ русскихъ мастеровъ, заботившихся болѣе всего не объ изяществѣ а объ прочности кладки. На этой башнѣ виситъ колоколъ въ сорокъ пудовъ вѣса и въ этотъ колоколъ, по древнему обычаю, до нынѣ бьютъ *сплошь* или набатъ во время пожара и его рѣзкій и сильный звукъ раздается тогда по всей Казани, такъ какъ Спасская башня составляетъ самый высокій пунктъ во всемъ городѣ. На лицевой юго-восточной сторонѣ Спасской башни, надъ воротами, поставленъ въ особой рамѣ, образъ Нерукотвореннаго Слеса очень большаго размѣра, точный снимокъ знаменитаго изображенія на знамени, которое сопровождало царя Ивана Васильевича при взятіи Казани а нынѣ хранится въ московской Оружейной палатѣ.

Зданія Кремля образуютъ отъ Спасскихъ воротъ къ Тайницкимъ длинную улицу, по правую сторону которой помѣщаются военная тюрьма, зданіе присутственныхъ мѣстъ, архіерейскій домъ, Благовѣщенскій соборъ; по лѣвую: спасо-преображенскій монастырь, церковь Кипріяна и Устинія, зданія юнкерскаго училища; за соборомъ-же открывается площадь передъ императорскимъ дворцомъ, построеннымъ въ 1847 году; отъ него направо, между площадью и спускомъ къ Тайницкимъ воротамъ, возвышается, уже известная нашимъ читателямъ, Сумбекина башня.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Х.

Ожиданіе.

Свиданіе съ цесаревичемъ подѣйствовало самымъ неожиданнымъ и благотворнымъ образомъ на Сергѣя, сразу оживило внутренній міръ его, разогнало его тоску и скуку. Столько лѣтъ ему было какъ-то холодно и непривѣтно въ жизни и эта жизнь, съ виду такая блестящая, представлялась ему тяжелымъ и неизбежнымъ бременемъ. И вдругъ, неожиданно и нежданно — тепло, вдругъ пахнуло чѣмъ-то роднымъ дорогимъ...

У Сергѣя друзей не было и почти единственнымъ близкимъ себѣ человекомъ считалъ онъ своего карлика Моську; но конечно этотъ другъ не могъ удовлетворять его.

Съ отсутствіемъ горячихъ привязанностей могутъ ужиться только очень холодные, себялюбивые и самодовольные люди, да и тѣмъ подчасъ становится невыносимо душевное одиночество, а Сергѣй вовсе не былъ ни холоденъ, ни себялюбивъ. Онъ нуждался въ сердечной привязанности, но судьба отнеслась къ нему жестоко, оторвала его на долгое время отъ всего, что было ему близко, отъ всѣхъ, кого любилъ онъ въ годы юности.

Его чувство къ цесаревичу восемь лѣтъ тому назадъ было восторженнымъ молодымъ чувствомъ. Въ долгой разлукѣ оно не исчезло, но естественно, должно было ослабнуть. Оно тѣснилось гдѣ-то тамъ, глубоко въ сердцѣ, и вспыхивало только тогда, когда подливалось въ него масло, когда какое-нибудь очень рѣдкое обстоятельство напоминало ему въ далекомъ Лондонѣ о цесаревичѣ. И во всякомъ случаѣ Павелъ Петровичъ превращался для него мало по малу въ воспоминаніе, уходилъ въ прошлое. Въ настоящемъ его не было, а о будущемъ Сергѣй старался не думать.

Но вотъ онъ здѣсь! Онъ снова его увидѣлъ и съ первыхъ же словъ его убѣдился, что прежняя связь не порвана, что цесаревичъ, не смотря на долгую разлуку, на тревоги и заботы своей нерадостной жизни, не забылъ

его и относится къ нему съ прежней, пока еще ничѣмъ незаслуженной имъ добротой.

Теперь въ Сергѣѣ уже не было восторженнаго ребяческаго чувства, оно видоизмѣнилось, оно осмыслилось.

Онъ сознавалъ, что глубоко преданъ этому человѣку, что готовъ пойти за него въ огонь и въ воду, потому что онъ стоитъ этого, но было и другое... Сергѣй инстинктивно, полусознательно чувствовалъ что такъ сноситься къ цесаревичу его долгъ, его священная обязанность. Это было что то традиціонное, что то родовое, наследованное отъ отца. Сергѣй такъ думалъ и чувствовалъ потому что онъ былъ сыномъ Бориса Горбатова. Какъ отецъ любилъ Петра III и служилъ ему, такъ сынъ теперь любилъ и готовъ былъ служить сыну Петра III.

Взгляды старика Горбатова, изъ за которыхъ онъ переня на всю жизнь въ деревнѣ, теперь вдругъ передались сыну. Восемь лѣтъ тому назадъ онъ недумалъ объ этомъ, но теперь все сложилось, все выяснилось и онъ смотрѣлъ на Павла не только какъ на человѣка, достойнаго привязанности, не только какъ на великаго князя, который выказываетъ ему особенные знаки милости, онъ глядѣлъ на него какъ на своего законнаго государя.

Да, тутъ было что то традиціонное, родовое. Тамъ, въ Гатчинѣ, его настоящее мѣсто, вѣдь онъ еще передъ отъѣздомъ за границу просилъ цесаревича принять его къ себѣ на службу. Тотъ отказалъ ему, любя его и думая объ его выгодахъ.

Восемь лѣтъ прошло! Долгіе, печальные восемь лѣтъ! Но теперь нужно наверстать потерянное, нужно наконецъ оказаться при своихъ законныхъ обязанностяхъ.

Отъ мысли о цесаревичѣ Сергѣй переходилъ къ другимъ мыслямъ.

Онъ не могъ незамѣтить особеннаго выраженія въ лицѣ Павла, когда тотъ спрашивалъ его про Таю... Онъ сообразилъ и еще одно обстоятельство:

„Вѣдь про нее тогда никакого разговора не было!.. онъ совсѣмъ не зналъ что я былъ женихомъ, а теперь сказалъ что ему это было черезъ меня извѣстно. Онъ хочеть сообщить мнѣ про Таню,—значить онъ заинтересованъ ею... Но откуда же онъ все знаетъ?!“

И вспомнилось ему, что вѣдь Моська, провожавшій Пересвѣтовыхъ въ Петербургъ, былъ тогда съ его письмомъ въ Гатчинѣ. Моська, вернувшись въ Лондонъ ничего ему не рассказывалъ, но старикъ вѣдь хитрый, навѣрное онъ все тогда рассказалъ великому князю!..

И вотъ, вернувшись домой изъ дворца, онъ позвалъ карлика и прямо спросилъ его—откуда цесаревичъ знаетъ Таню?

У Моськи глаза заблестѣли, сморщенное личикосдѣлалось такимъ счастливымъ, такимъ плутоватымъ. Но онъ упорно молчалъ и только усиленно сморкался, что обыкновенно дѣлалъ въ минуты смущенія.

— Что же ты молчишь, Степанычъ? развѣ не слышишь о чемъ я тебя спрашиваю? Говори мнѣ правду безъ всякой утайки, навѣрно всю мою подноготную цесаревичу выболталъ когда съ моимъ письмомъ являлся въ Гатчину?

— Эту старину вспомнилъ, батюшка Сергѣй Борисычъ! наконецъ проговорилъ Моська и въ то же время глаза его бѣгали съ предмета на предметъ и никакъ не могли остановиться на Сергѣѣ.

— Эту старину!.. повторялъ онъ, и все сморкался, и все краснѣлъ, очевидно еще не находя выхода изъ своего затруднительнаго положенія.

— Не верись, Степанычъ, не серди меня даромъ. Коли спрашиваю—значить надо, и ты долженъ отвѣчать мнѣ. Вѣдь я тогда отъ тебя путнаго слова не могъ добиться!.. Ну да время было такое, не до разспросовъ. Сказалъ ты мнѣ, я помню, что цесаревичъ самъ тебѣ свое отвѣтное письмо вынесъ, что пошутить съ тобою. А больше я ничего не помню, больше ты мнѣ ничего не рассказывалъ...

— Да и я тоже ничего не помню, золотой мой!

— Не верись... былъ разговоръ обо мнѣ и о княжнѣ Татьянѣ Владимировнѣ?

Карликъ почесалъ за ухомъ.

— А дай косъ вспомню! Было что то такое, точно,—было.

— Ты жаловался на меня конечно?

— Жаловался, батюшка, это помню теперь, сильно жаловался его высочеству.

— Ну и что же онъ?

— А вѣстимо что—не сталъ хвалить твою милость даже словомъ не хорошимъ обозвалъ.

— Какимъ словомъ?

— Словомъ то какимъ! Ну ужъ коли такъ тебѣ любезно—я тебѣ скажу какимъ: дуракомъ онъ тебя обозвалъ, вотъ что.

— Дальше!

— Дальше! пожалѣлъ онъ нашу княжну, сказалъ что ты ея недостойна и что онъ ей лучшаго жениха чѣмъ ты найдеть... Ну, вѣстимо—обидно мнѣ это было слушать, а слушалъ, потому что его высочество правду говорить изволилъ... И самъ я съ ними былъ во всемъ согласенъ.

— Степанычъ, о твоихъ согласіяхъ я вовсе не спрашиваю!

— А ужъ спрашиваешь, нѣтъ ли, а велѣлъ все припоминать—я и припоминаю.

„Лучшаго жениха сыщеть!.. не узнавать о ней не бывавъ въ Гатчинѣ!.. Подарокъ мнѣ приготовилъ, да хочеть знать стою ли я его!..“—быстро мелькало въ головѣ Сергѣя.

И вдругъ радостное предчувствіе поднялось въ его сердцѣ.

— Степанычъ, а не говорилъ онъ тебѣ что княжну хочеть видѣть?

Карликъ опять началъ сморкаться и опять глаза его забѣгали во всѣ стороны.

Наконецъ онъ оставилъ въ покоѣ свой носъ и съ отчаянной рѣшимостью развелъ руками.

— Этого, батюшка Сергѣй Борисычъ, хотъ убей—не помню!

А потомъ совсѣмъ пережѣнивъ тонъ и заглядывая въ глаза Сергѣя съ кошачьей ужимкой, онъ пропищалъ ему:

— А что, золотой мой, видѣлъ ты нынче цесаревича?

— Видѣлъ.

— Ну и что же онъ, нашъ милостивецъ, въ добромъ ли здоровьѣ?

— Ни на что не жаловался.

— А ну, а какъ онъ съ тобою то? какъ всегда что ли,—хорошъ былъ?

— Хорошъ.

— Въ Гатчину поѣдешь?

— Поѣду, Степанычъ, и даже вотъ когда—завтра рано утромъ поѣду! Завтрашній день еще урвать можно, а то боюсь какъ бы разныя дѣла не стали задер- живать.

— А меня то, сударь, возьмешь съ собой?

— Зачѣмъ?

— Да ужъ возьми, сдѣлай Божескую милость!

— Зачѣмъ не взять, только вѣдь въ Гатчинѣ порядки строгіе—пожалуй меня съ тобой не пропустятъ—что ты тогда будешь дѣлать?

— Пропустятъ, батюшка, меня и незамѣтитъ совсѣмъ, а коли замѣтитъ и стануть опрашивать—я прямо скажу что его высочество приказалъ мнѣ явиться... И не солгу, не солгу—какъ передъ Богомъ, пускай ихъ самихъ спросятъ—они припомнятъ. Такъ и сказалъ: „ежели когда будешь въ Петербургѣ навести меня“—это ихъ слова доподлинныя...

— Въ такомъ случаѣ поѣдемъ. Распорядись съ вечера.

Моська оживился и радостно вышелъ отъ своего господина.

Онъ былъ очевидно въ какомъ то особенномъ, возбужденномъ состояніи, онъ будто помолодѣлъ, такъ и сертѣлся, чуть не прыгалъ. Диву даже далась, глядя на него, многочисленная Горбатовская прислуга.

Сергѣй весь день куда не выѣзжалъ. Приводилъ въ порядокъ свои бумаги, разбирался. А мысли его становились все радостнѣе и радостнѣе, доброе предчувствіе усилилось. Ему казалось что онъ снова начинаетъ жить и эта новая жизнь сулила что то хорошее, что то счастливое.

XI.

Разгадка.

На слѣдующее утро раннимъ рано выѣхалъ Сергѣй съ карликомъ въ Гатчину.

Та же пустынная, однообразная дорога, тѣ же впечатлѣнія. Тѣ же впечатлѣнія и при вѣздѣ въ Гатчину: пропасть караульныхъ, вытянутыхъ въ струнку, всюду только фигуры солдатъ, чинность и порядокъ. Здѣсь время будто остановилось.

Бѣдный карликъ застрялъ въ дворцовыхъ сѣняхъ—дальше его не пустили. Но онъ шепнулъ Сергѣю:

— Пройду... такое слово знаю, дойду до самаго цесаревича, вотъ увидишь, батюшка.

Держурные пригласили Сергѣя въ приемную.

Тѣ же самыя маленькія, просто, почти бѣдно обставленныя комнаты съ низенькими потолками, та же монастырская печальная пустота.

Сергѣю пришлось дожидаться довольно долго—великій князь былъ занятъ гдѣ то внѣ дворца, да и изъ приближенныхъ его никого вѣроятно не было.

Сергѣй помѣстился на жесткомъ стулѣ и невольно ему взгрустнулось:

Развѣ такъ долженъ жить цесаревичъ? Развѣ такъ должна проходить его жизнь? По тому, что онъ успѣлъ

Воскресеніе Христова. Картина профессора В. Шюкюрста, грав. Кесбергъ и Эрстель.

уже увидѣть, ему начинала все яснѣе и яснѣе представляться ненормальность этой уединенной, странной жизни: дисциплина маленькаго войска, доведенная до необыкновеннаго совершенства, эти маленькіе смотры, маневры, ученья... и такъ годы, десятки лѣтъ—игра въ солдаты, которая не приноситъ никакихъ результатовъ, до сихъ поръ отъ этой игры не видно никакой пользы. Гатчинцы вымуштрованы, но надъ ними только смѣются, а петербургская гвардія, и вообще все русское войско, становится все болѣе и болѣе распущеннымъ. Въ этомъ маленькомъ, отдѣльномъ мірѣ чувствуется что-то душное и въ то же время фантастическое, даже нездоровое. Да, вредно жить въ подобной атмосферѣ—можно отвыкнуть отъ дѣйствительной жизни!

Но скоро Сергѣй отъ этихъ мыслей перешелъ къ другимъ—къ мыслямъ радостнымъ, къ ожиданію, которое не покидало его со вчерашняго дня и заставило такъ спѣшить сюда.

Однако минуты проходили, онъ все былъ одинъ и тихо было кругомъ него, только раздавался стукъ стараго маятника.

Неужели такъ таки никого и нѣтъ?

Онъ вышелъ изъ пріемной и, увидавъ дежурнаго офицера, сталъ спрашивать о своихъ здѣшнихъ знакомыхъ, о томъ, скоро ли вернется цесаревичъ. Но офицеръ не зналъ, гдѣ цесаревичъ, да и вообще не смѣлъ разговаривать. Сергѣй долженъ былъ отойти отъ него и опять вернуться въ пріемную. Однако скучать ему не пришлось—скоро къ нему вышелъ старшій знакомецъ, Кутайсовъ; они встрѣтились пріятелями.

Кутайсовъ очевидно теперь чувствовалъ себя еще лучше, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ раздобылъ нѣсколько, но мало состарѣлся и въ его пріемахъ и манерахъ сказывалось необыкновенное чувство собственного достоинства и въ то же время благодущная снисходительность. Глядя на него никакъ уже нельзя было сказать, что это бывшій плѣнный турченокъ-цирюльникъ: онъ держалъ себя если не хозяиномъ, то во всякомъ случаѣ близкимъ другомъ дома и, какъ другъ дома, онъ считъ своею обязанностью особенно обласкать Сергѣя.

Онъ сказалъ, что цесаревичъ будетъ здѣсь съ минуты на минуту, болталъ, переходя съ предмета на предметъ, занималъ гостя своимъ разговоромъ.

— Вотъ-съ, какъ видите, Сергѣй Борисычъ, говорилъ онъ, у насъ все то же, мы не двигаемся, да оно и хорошо—сами посудите, гдѣ движеніе, гдѣ перемѣны въ предметахъ, тамъ перемѣны и въ людяхъ, а у насъ все на своемъ мѣстѣ, и люди все тѣ же, и уже развѣ кто попалъ къ намъ, кого мы полюбили—такъ и остаемся... мы не измѣнчивы. Сколько времени вотъ съ вами не видались, а увидите: всѣ вамъ обрадуются... ну, а тамъ то, чай, вѣдь не такъ—тамъ забывчивы...

— Да, это истина, отвѣтилъ ему Сергѣй, только что же вы какъ будто оправдываетесь? Я вѣдь съ вами не спорилъ и ни въ чемъ не порицалъ здѣшнихъ порядковъ.

— Не сказали—такъ подумали! пріятно улыбаясь своими сочными губами и показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ проговорилъ Кутайсовъ.—Петербургцы все смѣются надъ нами, замороженными насъ называютъ... Живемъ-съ какъ можемъ—не по своей волѣ... Только вотъ-съ бѣда, скажу вамъ откровенно, цесаревичъ-то... охъ, какъ меня тревожить!...

— А что? Развѣ нездоровъ онъ?

— Не то-съ, нездоровья не видно, хотя вѣдь онъ, собственно говоря-съ, крѣпкимъ здоровьемъ никогда не отличался, но онъ такую жизнь ведетъ, что поддерживаетъ себя: какъ одинъ день, такъ и другой—никакихъ излишествъ, по прежнему чѣмъ свѣтъ на ногахъ, въ движеніи, закалялъ себя... а другое тутъ—грустить сталъ часто. Мраченъ иногда такъ бываетъ, что ни-

чѣмъ и не развлечешь его, пуще прежняго раздражителенъ сталъ. Доброту его вы знаете—добрѣе я человека не видывалъ—и терпѣніе тоже великое у него. Не будь терпѣнія, развѣ такую жизнь можно выносить?... но въ мелочахъ-то... въ мелочахъ все и сказывается. Вѣдь ужъ сколько лѣтъ я думалъ объ этомъ и такъ рѣшалъ всегда, что слѣдовало бы ему на чистый воздухъ вырваться, освѣжиться, проѣхаться... осмѣливался даже и докладывать объ этомъ... и что-жъ бы вы думали!—слышать не хочетъ! Ну-съ, а дѣло въ томъ, что все идетъ хуже и хуже и коли еще такъ долго будетъ, такъ я ужъ и не знаю...

Но Кутайсовъ не договорилъ, дверь открылась и въ пріемную, своей твердой военной походкой, въ высокихъ ботфортахъ, съ большой трехугольной шляпой подъ мышкой, вошелъ Павелъ.

— А, Горбатовъ!.. Ну, спасибо, сударь, что ждать не заставилъ. Не чаялъ я что ты сегодня будешь, спасибо, это хорошо!

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже и полдень скоро. Кутайсовъ, вели лишній приборъ къ обѣду поставить... проголодался чай, да и я тоже.

Кутайсовъ, уловивъ какую то мину на лицѣ Павла, вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй остался вдвоемъ съ цесаревичемъ. Тотъ положилъ ему на плечо руку.

— Ну что, никого со вчерашняго дня не видалъ? Ничего интереснаго не узналъ?

— Ничего, ваше высочество—вѣдь вы же приказали мнѣ не разузнавать и не дѣлать никакого шага не побывавъ у васъ.

— А, такъ по этому-то ты и явился такъ скоро, не терпѣлось!.. Обѣщалъ сообщить тебѣ интересное и до твоего предмета касающееся—и исполню обѣщанное, потерпи не много... Это послѣ обѣда. Когда голоденъ, я не люблю рассказывать... Только, сударь, ты не жди тутъ у меня веселья—одинъ я, жены нѣту, опять въ Петербургъ уѣхала.

— А Екатерина Ивановна? спросилъ Сергѣй.

— Екатерина Ивановна! тихо повторилъ Павелъ—и вдругъ его ноздри раздражительно раздулись, въ глазахъ что то вспыхнуло, но тутъ же и потухло—и ее нѣту... А ты и не зналъ о томъ, что уже нѣсколько лѣтъ какъ ее нѣтъ въ Гатчинѣ?

— Гдѣ же она? Надѣюсь она здорова, ваше высочество?

— Здорова... она въ Смольномъ. Довели до того, что отпросилась и уѣхала. Она навѣщаетъ насъ... не слишкомъ часто... Пріѣдетъ такъ все же становится какъ то веселѣе, какъ то тише... Да, во всю жизнь у насъ съ женой не было лучше друга... ну, и конечно нужно было насъ лишитъ этого друга.

— Кто же могъ это сдѣлать? Кому это было нужно? и зачѣмъ она согласилась уѣхать? невольно выговорилъ Сергѣй, но тутъ же и спохватился.—Извините, ради Бога, ваше высочество, сказалъ онъ,—я никакого права не имѣю спрашивать и даже говорить о такихъ дѣлахъ, но я такъ изумленъ... такъ мнѣ странно и такъ тяжело, что нѣтъ съ вами Екатерины Ивановны... Я именно рассчитывалъ видѣть ее сегодня. Хотя я и мало зналъ ее, но она произвела на меня такое впечатлѣніе, которое не забывается. Мнѣ она до сихъ поръ представляется исключительной, святой женщиной.

— Такая она и есть, мой другъ, сказалъ Павелъ, и тебѣ не въ чемъ извиняться—если ты искренно расположенъ ко мнѣ, то долженъ интересоваться моими дѣлами и я скажу тебѣ прямо и просто, эта исторія—старая исторія. Нелидова была лучшимъ нашимъ другомъ и, надѣюсь, навсегда имъ останется. Пока она жила съ нами, мнѣ было хорошо—въ ней дѣйствительно есть что-то особенное, что на меня дѣйствуетъ успокаи-

тельнымъ образомъ. Она всегда была моимъ врачомъ, я ей многимъ... многимъ обязанъ. И вотъ наши дружескія, близкія отношенія стали мозолить глаза людямъ, которые не понимаютъ подобныхъ отношеній; ее начали чернить, оклеветали... неробовали все средства, чтобы изъ за нея поссорить меня съ женой. Это не удалось, потому что жена цѣнитъ ее и любитъ также какъ и я и потому что она была равно какъ мнѣ такъ и ей полезна и необходима. Мы выносили пока могли; но клевета выросла до такой степени, что я почувствовалъ себя не вѣривъ держать дольше Пелидову въ Гатчинѣ— мнѣ нечѣмъ было оградить ее отъ этихъ злѣшнихъ жалъ. Намъ оставалось одно—разстаться, но конечно не въдѣлвте ссоры, доказать что наши отношенія не измѣнились, что о ссорѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. И вотъ Екатерина Ивановна въ Смольномъ...

— А она часто здѣсь бываетъ?

— Не очень часто... пѣтъ—это затруднительно, да и здоровье ея не крѣпкое, устаетъ очень всегда, хоть путешествіе и не Богъ вѣсть какое...

Сергѣй начиналъ возмущаться, по въ то же время въ немъ шевелилось уже новое, рождался протестъ противъ этого терпѣнія цесаревича—терпѣнія, которое граничило со слабостью. Но конечно онъ не высказалъ вслухъ своихъ мыслей.

Появился Кутайсовъ и доложилъ, что обѣдъ поданъ.

Павель взглянулъ на него, сдѣлалъ ему опять быстрый знакъ, тотъ отвѣчалъ подобнымъ же знакомъ. Улыбка мелькнула на лицѣ Павла.

— Пойдемъ, Сергѣй Борисычъ. Не думай все же, что я тебя совсѣмъ скучать заставляю, можетъ найдется у насъ и дамское общество: одна изъ фрейлинь моихъ жены замѣнить за обѣдомъ хозяйку, я тебя познакомлю, прекрасная и прелестная дѣвушка. Пойдемъ.

Сердце такъ и заходило, такъ и забилося въ груди Сергѣя.

Она, или не она? А вдругъ все это пустое... одна только фантазія! Вдругъ войдутъ они въ столовую—и тамъ... какое нибудь незнакомое лицо, ненужное, неинтересное...

Онъ не помнилъ какъ они дошли до столовой, у него рябило передъ глазами.

Вотъ накрытый, просто сервированный столъ, вотъ женская фигура, высокая, стройная... Она приподнялась на встрѣчу входившимъ.

Сергѣй чуть не вскрикнулъ—передъ нимъ была Таня, а за нею стояла улыбающаяся, сіяющая блаженствомъ крощенная фигура Моськи.

И Таня была приготовлена къ этой встрѣчѣ, и Сергѣй, почти навѣрное, ожидалъ ее, но все-же сюрпризъ, устроенный цесаревичемъ, оказался совершенно удачнымъ и онъ стоялъ потирая отъ удовольствія руки и улыбаясь глядѣлъ попеременно, то на Сергѣя, то на Таню. Въ лицѣ его не было и помину мрачнаго, презрительнаго и насмѣшливаго выраженія, а глаза такъ и сіяли, такъ и искрились. Никто въ эту минуту не называлъ-бы его некрасивымъ.

— Ну, сударь, проговорилъ онъ наконецъ, насладившись смущеніемъ молодыхъ людей, — представлять-ли тебя княжнѣ, или вы уже и такъ хорошо знакомы?

Таня протянула руку Сергѣю и онъ чувствовалъ какъ рука ея дрогнула, онъ видѣлъ, какъ яркая краска вспыхнула на щекахъ ея. Онъ ничего не могъ сказать, хотѣлъ говорить, но языкъ не слушался, онъ только изумлялся тому, совсѣмъ позабытому, счастью, которое вдругъ охватило его.

Гдѣ-же все это было? и что такое были эти семь лѣтъ?

XII.

Опять изъ прошлаго.

Такъ вотъ отчего Сергѣю пришлось такъ долго дожидаться въ приемной: карликъ Моська сказалъ „свое

слово“ и былъ тотчасъ-же проведенъ къ цесаревичу. Моська былъ совершенно увѣренъ, что слово его отворить ему двери хотя вотъ уже семь лѣтъ тому назадъ, передъ его отъѣздомъ въ Лондонъ, Павель приказалъ ему, когда-бы онъ ни пріѣхалъ обратно въ Россію со своимъ господиномъ, явиться тотчасъ-же. Карликъ не смутился тѣмъ, что прошло съ тѣхъ поръ столько времени, не боялся, что цесаревичъ, поглощенный своими заботами и хлопотами, позабылъ о немъ — и онъ былъ правъ: цесаревичъ ничего не забывалъ и время здѣсь остановилось. Тутъ все шло не такъ какъ вездѣ, тутъ приготовлялась развязка волшебной сказки, о которой столько лѣтъ мечталъ Моська и которую добрый и странный гатчинскій волшебникъ рѣшился устроить.

Моська молчалъ о своемъ посѣщеніи Гатчины по крѣпкому наказу цесаревича и Сергѣю не могло придти въ голову, что въ теченіи семи лѣтъ между его старымъ Степанычемъ и Гатчиною не порывается связь, что карликъ знаетъ пѣчто такое, чего не знаетъ онъ, Сергѣй, и что знать такъ ему всегда хотѣлось...

Пріѣхавъ тогда въ Петербургъ съ княгиней Пересѣвтовой и Таней карликъ сообразилъ, что прежде всего ему непременно надо побывать въ Гатчинѣ, повидаться съ цесаревичемъ и рассказать ему обстоятельно обо всѣхъ приключеніяхъ „дитяти“, повѣдать ему свое горькое горе и некая у него защиты и покровительства.

„На кого-же теперь и надежду имѣть какъ не на его высочество? Кто его защититъ, кто его пожуруетъ какъ не онъ?“

Моська свято хранилъ въ себѣ родовыя горбатовскія традиціи и даже не сталъ задумываться относительно возможности дурнаго приѣма со стороны цесаревича.

Онъ явился въ Гатчину; его не пропускали, ему прямо объявили, что великій князь его не приметъ, но онъ не унывалъ. Онъ пустилъ въ ходъ всю свою хитрость, все свои конячьи ужимки, не испугался страшныхъ солдатъ и гатчинскіе стражники мало по малу перешли на его сторону, на сторону забавлаго, потѣшнаго человѣчка.

Такимъ образомъ Моська хотя медленно, но все ближе и ближе подвигался къ своей цѣли. Вотъ ужъ онъ объясняется съ офицерами и офицеры рѣшаются наконецъ ему способствовать.

— Да какъ-же доложить о тебѣ?

— Какое такое дѣло можетъ быть у тебя?

— Коли письмо есть у тебя какое или прошеніе— передай, оно тотчасъ-же будетъ доставлено цесаревичу.

— Не могу я этого, твердо и рѣшительно отвѣчалъ карликъ,—говорю, я долженъ самъ видѣть его высочество и говорю вамъ, государи мои, что его высочество тотчасъ-же меня и приметъ какъ будетъ ему обо мнѣ доложено. Такъ и скажите—карликъ молъ отъ Сергѣя Борисыча Горбатова, изъ чужихъ краевъ, неужто трудно?.. чай вѣдъ языкъ не отвалится.

— Эхъ, глупая ты птица! замѣчали ему. Иной разъ и легкое дѣло труднымъ кажется — въ какую минуту попадешь, нынче его высочество сердитуется съутра, его осердили. Развѣ вотъ что—пойдемъ къ большому чело-вѣку, къ господину Кутайсову.

— Давно-бы такъ-то! пойдемте, радостно зашищали Моська.

Теперь онъ чувствовалъ, что добился своего и скоро очутится у желанной цѣли.

Кутайсовъ какъ услышалъ въ чемъ дѣло тотчасъ-же и сказалъ ему:

— Доложить о тебѣ, я доложу и думаю такъ, что теби примутъ, но только ты смотри не наболтай глупостей, держи ухо востро.

Карликъ закивалъ головою „ладно молъ, не ушто—самъ знаю“.

Кутайсовъ пошелъ докладывать.

Въ этотъ день Павель Петровичъ дѣйствительно былъ очень не въ духѣ, но умный Кутайсовъ, зная его ха-

рактёръ, разсудилъ, что пожалуй такой неожиданный, странный визитъ произведетъ хорошее впечатлѣніе.

Такъ оно и вышло.

Цесаревичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, окруженный книгами, ландкартами, планами. Онъ чертилъ что-то, дѣлалъ какія-то вычисленія, былъ углубленъ въ мечтанія относительно того, что должно быть и чего нѣту, но что когда-нибудь пожалуй и сбудется, коли будетъ на то милость Божія. За отсутствіемъ дѣйствительной, живой дѣятельности, онъ ушелъ въ дѣятельную фантастическую: это была бесплодная мучительная работа, которая наполняла многие часы унылыхъ дней его.

Увидѣвъ передъ собою Кутайсова, Павелъ оторвался отъ работы и сердито, крикливо спросилъ его:

— Еще что?.. Чего тебѣ надо?.. Какъ смѣешь ты являться, когда я занятъ?..

Но Кутайсовъ не смутился, онъ уже давнымъ давно привыкъ къ характеру своего благодѣтеля и къ его вспышкамъ.

— Ваше высочество, васъ карликъ спрашиваетъ.

— Карликъ?

— Да.

— Ты съума сошелъ, какой тамъ карликъ! Что ты, смѣешься что-ли надо мною?!

— Карликъ изъ чужихъ краевъ, отъ господина Горбатова.

Павелъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Зови этого карлика, проговорилъ онъ.

Кутайсовъ увидѣлъ, что бури не будетъ, что наступаетъ затишье.

„Вишь вѣдь какъ онъ любитъ этого Горбатова, подумалъ онъ. Ну да что-же, отчего и не любить хорошаго человѣка!“

Онъ торопливо ввелъ Моську въ кабинетъ цесаревича, а самъ вышелъ и заперъ двери.

Карликъ сталъ быстро раскланиваться со всѣми пріемами стараго царедворца, усвоенными имъ еще при дворѣ государыни Елисаветы Петровны, но вдругъ почувствовалъ приливъ душевнаго волненія и, забывая свои пріемы, просто, по русски, паль ницъ передъ великимъ княземъ и заплакалъ.

Комичная фигурка карлика, смѣшная манера, съ которой вошелъ онъ и потомъ этотъ внезапно явившійся порывъ произвели на Павла самое лучшее впечатлѣніе: недавняго его раздраженія какъ ни бывало, напротивъ того, что часто съ нимъ случалось, онъ теперь вдругъ сдѣлался спокоеенъ и ласковъ.

— Встань, крошка, сказалъ онъ мягкимъ голосомъ.

Моська всколыхнулъ, поднялъ на него свое заплаканное, растроганное лицо и шепталъ дрожащими губами:

— Батюшка ты нашъ... красное наше солнышко!.. привелось моимъ старымъ глазамъ тебя видѣть!..

Павелъ улыбнулся и протянулъ ему руку. Карликъ сталъ дѣловать ее, моча своими слезами.

Павелъ все улыбался не то грустно, не то радостно. Онъ дорожилъ такими искренними проявленіями чувства къ нему: не часто приходилось ему ихъ видѣть.

— Но какому дѣлу? наконецъ спросилъ онъ.

— А вотъ, государь, батюшка, вотъ, ваше императорское высочество, о Сергѣѣ Борисычѣ доложить нужно вашей милости...

— Такъ говори, что съ нимъ такое случилось...

Цесаревичъ сѣлъ къ столу и приготовился слушать карлика. Тому только этого и было нужно: какъ маленький, дребезжащій колокольчикъ полился потокъ его рѣчи. Онъ выложилъ передъ цесаревичемъ всю свою душу, передалъ ему всѣ свои страхи и ужасы, рассказалъ о мерзостяхъ содома, Парижѣмъ именуемаго, о грѣхѣ и погибели „дитяти“, о княгинѣ Татьянѣ Владиміровнѣ. Онъ говорилъ какъ старая нянька, явившаяся передъ отцомъ порученнаго ей ребенка, который надѣлалъ много

бѣдъ и долженъ былъ предстать передъ судомъ родительскимъ. Онъ и обвинялъ и оправдывалъ „дитю“, просилъ пожурить его хорошенько, наказать даже, по затѣмъ и помиловать, ибо дите неразумное попало въ когти дьяволу и больше не своей вольной волею, а навожденіемъ грѣхъ взяло на душу и провинилось.

Послѣ этой бесѣды, Павелъ почувствовалъ, что полюбилъ этого смѣшнаго карлика, будто зналъ его долгіе годы, почувствовалъ онъ также, что любить и „дитю“. Пуще всего заинтересовался онъ судьбою княжны Татьяны Пересѣтовой, образъ которой выступилъ во всей своей чистотѣ и прелести изъ довольно безпорядочныхъ, горячихъ рѣчей карлика.

Онъ сидѣлъ задумавшись, опершись объ руку головою и не замѣчалъ, что карликъ давно уже молчитъ и глядитъ на него вопросительно, съ волненіемъ и трепетомъ ожидая отъ него рѣшенія, приговора.

Наконецъ Моська не вытерпѣлъ:

— Какъ-же, ваше императорское высочество? проговорилъ онъ, заглядывая въ глаза цесаревичу. Какъ-же теперь быть намъ въ такихъ горькихъ бѣдахъ?

Павелъ очнулся.

— Такъ вотъ что, сказалъ онъ — не полагалъ я что за твоимъ господиномъ такія дѣла водятся, не ждалъ я отъ него этого, думалъ, онъ умнѣе. А коли таковъ онъ, такъ я и знать его не хочу, мнѣ такихъ не надобно.

Карликъ такъ весь и встрепенулся и замахалъ рученками.

— И, что вы, что вы, всемилостивый государь! Ради Создателя, не гнѣвайтесь! Божескую милость сдѣлайте простите! Оно точно, не ладно все это Сергѣѣ Борисычъ сдѣлалъ, да Богъ дастъ исправится и вотъ, какъ передъ Истиннымъ говорю, ужъ теперь-то онъ не таковъ, ужъ потерпѣлъ наказаніе... вѣдь жалко на него глядѣть было, какъ прощался съ княжною... Осталась-бы она — и все было-бы ладно, да съ ней тоже ничего не подѣлаешь, тоже вдругъ это гордость взялась у нея... угваривалъ я ее, — нѣтъ, и слушать не хочетъ!.. А чтобы за его вину, да ваше императорское высочество отъ него отступились, цѣтъ, это... это не ладно!..

— Это и вѣкъ грѣхъ будетъ! вдругъ крикнулъ карликъ внѣ себя. Нѣтъ, того быть не можетъ! Кабы знали вы, государь, какъ онъ любитъ васъ, какой онъ слуга вѣрный вамъ былъ и будетъ до скончанія дней своихъ!.. да нѣтъ, это вы такъ, вы изволили только поугать меня... не могу тому вѣры дать, не отступитесь вы отъ него!

Павелъ глядѣлъ на карлика и опять улыбался.

— Ну, коли не вѣришь, такъ и Богъ съ тобой, не вѣрь — оно и точно, отступитесь отъ него, я не отступлюсь, только Боже тебя сохрани и избави ему заикнуться о нашемъ разговорѣ. Я отпишу ему и пошлю письмо съ тобою, а покуда слушай: я хочу видѣть княжну, хочу познакомиться съ нею.

— Вотъ это самое лучшее, обрадованно взвизгнулъ карликъ. Когда-же прикажете... что прикаже сказать имъ?

Цесаревичъ задумался.

— Это я безъ тебя рѣшу и устрою, только какъ онѣ сюда ко мнѣ пойдутъ и ты будь съ ними.

— Слушаю-съ, ваше императорское высочество, да награждать васъ Богъ за доброту вашу. Камень тяжелый сняли вы съ меня, теперь не такъ ужъ мнѣ тошно будетъ возвращаться къ бусурманамъ — знать буду, что сердечное дѣло наше вы подъ свое покровительство взять изволили. Теперь ужъ дурнаго ничего быть не можетъ!..

— Надѣюсь и желаю, проговорилъ Павелъ. Добра имъ желаю и буду радъ ежели устрою ихъ соединеніе. Прощай, любезный, скорѣе еще увижусь съ тобой, къ тому времени и письмо твоему господину приготовлю.

И опять цесаревичъ милостиво допустилъ къ рукѣ своей карлика и ласково кивнулъ ему головою, когда тотъ уходилъ отъ него.

(До слѣд. №).

На Пасху. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. Фюгедь.

Во время бури.

Романъ

М. Юкая.

(Продолженіе).

XXXII.

Чья возьметъ.

Слухъ о подвигахъ Корнеля скоро достигъ и графа и Шлаванъ. Графъ былъ не мало озабоченъ. Онъ пошелъ къ дочери.

— Пальма, вамъ надо ѣхать въ Вѣну.

— Всю зиму мы провели здѣсь, а теперь, когда сезонъ въ Вѣнѣ уже оканчивается, мы поѣдемъ туда? Зачѣмъ?

— Последний придворный балъ еще не былъ.

Что же мнѣ-то до этого?

Пальма, отъ тебя не хочу скрывать опасности. Еслибы Олатовскій ограничивался только ухаживаніемъ за кордебалетомъ и т. п., то конечно, все это были бы пустяки, но онъ попалъ въ сѣти опасной интриганки, интриганки, которая ничѣмъ не одного только состоянія своихъ обожателей. Она жаждетъ больше—она отдастъ свою красоту только въ обмѣнъ на обручальное кольцо, и именно—обручальное кольцо твоего жениха. Женихина эта—пресловутая Аталанта.

— И изъ-за этого я должна ѣхать теперь въ Вѣну?

— Да.

Молодая дѣвушка горько засѣлась.

— Я виновата, знаю это, но не ожидала, что буду наказана такъ скоро и такъ жестоко! Я не думала, что мнѣ придется увидѣться до того, чтобы оспаривать своего жениха у канатной плясуньи! Никогда еще Теметвени не испытывали такого оскорбленія! я должна начать борьбу съ Аталантой! и яблоко раздора—Корнель Олатовскій! Боже мой!

— Да, ты права, но все же надо, надо ѣхать и вернуть Корнеля.

— Хорошо. Иду вашихъ приказаній: когда ѣхать намъ и какія вещи взять съ собой брилліанты и паряды! Я понимаю всю важность дѣла и буду слѣдовать вашимъ совѣтамъ. Я явлюсь на поединокъ во всеоружіи. Пусть рѣшатъ тогда—которая изъ насъ двухъ сильнѣе и искуснѣе.

Но графиня Пальма вышла на этотъ женскій турниръ не одна: у нея оказались многочисленные союзники. Баронъ Корнель не успѣлъ еще оправиться, какъ получилъ отъ командовавшаго войсками въ Богеміи длинную, предлинную бумагу, которую предписывалось ему немедленно же явиться въ полкъ, въ качествѣ резервнаго офицера. А съ этимъ ни спорить, ни шутить нельзя! Олатовскій подумалъ про себя, что вѣроятно дѣла въ арміи совѣтъ идти дурно, если ужъ и въ немъ нуждаются. Натянувъ опять свой уланскій мундиръ, онъ поѣхалъ прощаться съ Аталантой: при этомъ онъ увидѣлъ, какъ на мильхъ ему глазахъ заfroжали двѣ крупныя слезы. Молодые люди обѣщали прилежно писать другъ другу.

Поль Корнеля стоялъ въ Прагѣ. Однажды полковой командиръ, потребовавъ его къ себѣ, объявилъ ему, что на слѣдующей недѣлѣ въ императорскомъ дворцѣ будетъ балъ, на который отъ каждаго полка приглашены по два офицера. Баронъ Олатовскій ѣдетъ отъ своего полка и ему дается недѣля отпуска.

Корнель выѣхалъ въ ту же ночь. Всю дорогу онъ злился на то, что поѣздъ идетъ слишкомъ медленно и, съ каждой станицы, отъ скуки, телеграфировалъ Аталантѣ о своемъ прѣздѣ. Ему и въ голову не могло придти, что привратникъ, котораго изъ-за этихъ денегъ будили каждую ночь, съ досады клалъ ихъ себѣ подъ подушку и засыпалъ еще крѣпче. Наконецъ поѣздъ прогрохоталъ подъ сводами Вѣнскаго дебаркадера. Корнель выскочилъ въ окно, чтобы видѣть—ждетъ ли его кто нибудь.

Конечно его ждали.

Но не та, кого онъ хотѣлъ бы видѣть тамъ, а тотъ, о существованіи кого онъ совѣтъ уже позабылъ а именно милый, ласковый графъ Теметвени.

Они чрезвычайно обрадовались одинъ другому: обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались.

— Я прѣехалъ для придворнаго бала.

И мы тоже приглашены на этотъ балъ.

Ахъ, вѣдь это отлично! Долго пробудете здѣсь?

Недѣлю.

Что вы? Вѣдь и я тоже останусь недѣлю. Гдѣ вы остановились?

— Да гдѣ же иначе, какъ не въ своемъ домѣ? Развѣ вы не знаете отель Теметвени здѣсь?

— Ахъ, на, да, конечно! Pardon!

— Тамъ и для васъ приготовлено мѣсто: вамъ отведенъ отдѣльный флигель. Мы, вѣдь, не чужіе теперь.

Корнеля передернуло.

— Извините... но... у... меня есть тутъ свой отель. Кацуръ управляетъ имъ...

Графъ сдѣлалъ серьезную мину и пожалъ плечами.

— Какъ, милый Корнель, вы развѣ не знаете, что произошло съ вашимъ домомъ?

— Что такое? развѣ сгорѣлъ?

— Хуже! Вы пропустили второй срокъ взноса платы за домъ и онъ возвращенъ прежнему владѣльцу.

— Но вѣдь я заплатилъ 100 тысячъ гульденовъ.

— Они пропали—такъ было условлено въ договорѣ.

— Кацуръ ничего не писалъ мнѣ объ этомъ.

— Конечно вѣтъ, и не могъ писать, потому что его выслали изъ столицы какъ не имѣющаго занятій.

Корнель стоялъ какъ пораженный громомъ. Графъ ободриительно похлопалъ его по плечу.

— Ну, стоитъ вамъ огорчаться изъ-за какой нибудь сотни тысячъ гульденовъ, и съ другими, вѣдь, бываетъ это; только напередъ поручайте составлять ваши договоры людямъ болѣе надежнымъ. Выбросьте же себѣ изъ головы эти пустяки и поѣдете къ намъ. Пальма тоже здѣсь.

Никогда еще Олатовскій не чувствовалъ себя такъ плѣнникомъ, какъ теперь. Прощай, Аталанта!

Графъ взялъ его подъ руку и повелъ въ карету, украшенную гербами, усѣвшись самъ на край его шинели. Значить отсюда можно будетъ выйти не прежде, чѣмъ подѣхавъ къ дому Теметвени. Вотъ и домъ этотъ.

— Положимъ отсюда-то я удеру, подумалъ юный баронъ.

Но онъ скоро увидѣлъ, что ошибался.

Едва устроился онъ въ своемъ новомъ апартаментѣ, состоявшемъ изъ трехъ комфортабельно убранныхъ комнатъ, какъ къ нему вошелъ камердинеръ и подалъ на серебряномъ подносѣ цѣлый ворохъ писемъ. То были различныя приглашенія и приказы, на всю недѣлю. Вопервыхъ—предписаніе явиться по начальству, затѣмъ—приглашеніе отъ оберъ-гофмейстера на придворный балъ и отъ оберъ-штальмейстера на карусель и на репетицію; далѣе—общее предписаніе всѣмъ офицерамъ въ такой-то день, собраться для привѣтствованія прибывшаго въ Вѣну фельдмаршала Радецкаго, приглашеніе къ парадному пріему у новаго турецкаго посланника, циркулярное предписаніе офицерамъ всю недѣлю, съ вечера и до самаго утра, находиться дома, такъ какъ ожидается репетиція ночной тревоги; каждый долженъ заранѣе звать въ которую изъ казармъ долженъ будетъ идти. Засѣмъ, еще—приглашеніе на танцевальный вечеръ, съ концертомъ, къ англійскому посланнику, приглашеніе на лекцію, которую прочтетъ полковникъ баронъ Августинъ офицерамъ всѣхъ родовъ оружія и т. д. и т. д.

Какъ успѣть видѣть Аталанту? А тутъ еще у него сидятъ на шеѣ его родственники—Теметвени!

— Погодите! Я ужъ что-нибудь да изобрѣту, вырвусь—таки! думалъ Корнель.

Когда онъ одѣлся, ему подали одинъ изъ экипажей Теметвени, чтобы ѣхать явиться военному начальству.

— Ну -- вотъ теперь можно будетъ и удрать!

Но тутъ-то было. Ему, вдругъ, какъ-бы нечаянно, попался на дорогѣ товарищъ, офицеръ, молодой графъ, родственникъ Теметвени по женской линіи, который немедленно-же потащилъ его къ распорядителю каруселя; тамъ онъ записалъ его и выbralъ для него лошадь.

Дама у него уже была -- конечно, графиня Пальма. Потомъ, оказалось необходимымъ условиться съ Пальмой о костюмѣ.

Встрѣча была чрезвычайно дружелюбная, оба были очень рады свидѣться.

— Не будетъ вашъ дядя Шлаванъ?

— Пожалуй, еще не былъ-ли онъ влюбленъ въ васъ! Чѣмъ вы интересуетесь имъ?

— Мы были очень расположены другъ къ другу.

— Вотъ что!! Задамъ-же я ему!

— Очень дурно поступили-бы. Мы многимъ обязаны ему. Онъ избавилъ насъ отъ большой опасности, рискуя собственной жизнью. Вы, въ особенности, должны быть благодарны ему. Два раза спасъ онъ васъ отъ смерти.

Одушевленіе, съ которымъ Пальма говорила, подѣйствовало и на ее собесѣдника. Сердце Корнеля было мягко какъ воскъ и легко поддавалось всякому новому впечатлѣнію.

— Вы правы, милая Пальма, произнесъ онъ цѣлуя ея руку. Вы—мой добрый ангелъ. Видите, я вовсе не дурной человѣкъ. Позвольте мнѣ васъ очень, очень любить.

— Мы соединимся-же навсегда.

Графиня продолжала усѣбно играть роль нѣжной, любящей невесты и, понемногу, снова завладѣла своимъ безхарактернымъ женихомъ. Молодая дѣвушка пустила въ ходъ все, что могло производить на него впечатлѣніе. Она рѣшилась бороться съ солерницей—гербиной цирка—ея-же оружіемъ: на карусели она оказалась не только самой граціозной, но и самой лучшей нарядницей. Въ своемъ верховомъ костюмѣ Пальма казалась какинъ-то милымъ видѣніемъ.

Влюбившись теперь въ свою невесту, Корнель совершенно охладѣлъ къ Аталантѣ. За нимъ уже не надо было присматри-

вать, онъ самъ постоянно торчалъ дома. Прямо съ разводова, съ какихъ-нибудь смотровъ, онъ сбѣжалъ къ невѣстѣ, а на вечерахъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, подчинившись ей во всемъ какъ ребенокъ.

Пальма ясно видѣла свое полное торжество. А тамъ еще предстояло главное, *pièce de resistance*. Эффектъ, который она въ присутствіи Корнелия произведетъ на придворномъ балѣ!

Трудно на словахъ передать все великолѣпіе придворнаго бала въ вѣнскомъ императорскомъ замкѣ.

Вы видите предъ собою ярко освѣщенную, силовную массу въ три тысячи приглашенныхъ, изъ которыхъ каждое третье лицо — магнатъ, каждое десятое — генералъ, каждое пятидесятое — бывший, настоящій или будущій министръ и только каждый пятидесятый — вашъ знакомый.

Цѣлый калѣбоскошъ національныхъ костюмовъ, военныхъ и статскихъ шитыхъ мушкетровъ, среди которыхъ черныя фраки похожи на муху, повсюду въ сущь. Но мы не будемъ вдаваться въ область придворнаго хроникера.

Корнель въ восторгѣ. Съ нимъ такъ внимательны и любезны. Онъ опустился на табуретъ около невѣсты. Между дамами, сидѣвшими тутъ-же, начался разговоръ о карусели, о тѣхъ, кто принималъ участіе въ немъ.

Одной изъ разговаривавшихъ циркъ больше правится, чѣмъ карусели. Разъ заговорили о циркѣ — заговорили и объ Аталантиѣ. Другая дама нашла, что здѣсь неумѣстно и произносить подобное имя. Но третья взяла ее подъ свое покровительство. Но съ мнѣніемъ, Аталанта — артистка, а объ искусствѣ можно говорить всюду.

— Да, но о какомъ искусствѣ? возразила четвертая, все это до такой степени непристойно, что при Меттернихѣ, конечно, не было-бы даже дозволено!

Однакъ молодой офицеръ горячо принялъ сторону наѣздицы. Ея игра — идеально-прекрасна, и самая строгая чопорность не можетъ найти въ ней ни малѣйшей непристойности.

Всѣ дамы единодушно напустились на него. Атакованный офицеръ сдѣлалъ промахъ, началъ утверждать, что Аталанта — дѣвушка безупречнаго поведенія. Ну, ужъ это было слишкомъ.

Одна изъ атаковавшихъ объявила, что Аталанта была выслана изъ Петербурга. Объ этомъ, вѣроятно, извѣстно русскому посланнику! Но его нельзя было теперь нигдѣ найти.

Подъ руку попался одинъ изъ *attachés*. Онъ обязанъ разрѣшить вопросъ. Что ему извѣстно достовернаго объ Аталантиѣ? Она добродѣтельная дѣвушка или нѣтъ?

Attachés вывернулся чистю по дипломатически. Ему неизвѣстно — добродѣтельна-ли, или недобродѣтельна она, но онъ знаетъ навѣрное, что она — персидскій престольный юноша! Петербургъ ей пришлось оставить именно потому, что обстоятельство это открылось...

Во время этого разговора Пальма должна была сидѣть тутъ, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ и очень заинтересована перешептываньемъ съ своимъ женихомъ. Она шептала ему о томъ — какъ теперь, вѣроятно, уже хорошо тамъ, на Комо и въ той виллѣ, гдѣ они проведутъ весну; и ни одна черта ея лица не выдавала того мученія, какое испытывала она при мысли объ этомъ пребываніи на Комо съ Опаговскимъ. Корнелию было жарко. Пальма кокетливо протянула ему свой вѣеръ.

— А вы, графиня, не выдали еще этотъ феноменъ? вдругъ обратилась къ ней одна изъ дамъ.

Кого? спросила молодая дѣвушка, какъ-бы не понимая.

— Донну Аталанту.

— Нѣтъ еще, не случилось.

— А! непременно посмотрите! Это — демонъ а не женщина. Какъ разъ завтра она показывается „Португальскій бой быковъ“. Это — великолѣпное зрѣлище.

— Хорошо, я пойду. А вы, спросила она Корнелия, будете въ нашей ложкѣ?

— Не знаю. -- Именно завтра вечеромъ, баронъ Аугустинъ читаетъ намъ свою лекцію, на которой обязаны собраться всѣ офицеры.

Въ этомъ отвѣтѣ Корнель выказалъ столько такта и ума, сколько еще никогда ему не случалось въ жизни. Ему, ни подъ какимъ видомъ, не хотѣлось своимъ присутствіемъ указать Аталантиѣ — кто соперница ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлось этого нѣмало столкновенія между тою, которой онъ измѣнилъ и ея счастливою соперницею, какъ будто пріѣхавшею хвастаться передъ нею своимъ торжествомъ, насмѣяться надъ ея головоломнымъ искусствомъ.

Графиня Пальма охотно приняла-бы извиненіе Корнелия, но она почувствовала все коварство своихъ пріятельницъ. Она замѣтила скрытую улыбку и многозначительный взглядъ, которыми онѣ обмѣнялись и ей захотѣлось похвастаться своимъ торжествомъ. Въ побѣдѣ она была увѣрена заранее!

Вы можете съ лекціи пріѣхать въ циркъ. Аталанта выйдетъ подъ конецъ спектакля.

— Хорошо, я прійду.

Пріятельницы перестали улыбаться и заговорили о всемірной выставкѣ, но каждая рѣшила про себя непременно тоже быть въ циркѣ: вдвойнѣ будетъ интересно.

Никогда еще не собиралась такая блестящая публика любоваться Аталантией, появившейся, какъ было извѣстно, въ по-

слѣдній разъ. Пальма сидѣла въ ложкѣ съ своей теткой, княгиней Малиновой.

Раздалась музыка, и опять показалась дива подъ руку съ гитальдо. Ее привѣтствовали олушительными рукоплесканіями.

Не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, она продолжала, по своему обыкновенію, обходить арену, пристально разсматривая дамъ.

Чтобы лучше видѣть, графиня Пальма приподняла свою вуалетку. Первая дрожь пробѣжала въ ту же минуту, по всему тѣлу акробатки. Она узнала свою соперницу. Еще-бы не узнать! ей слишкомъ часто и много говорили объ этихъ блондурахъ локонкахъ, объ этомъ прекрасномъ, алебастровомъ лицѣ и черныхъ бровяхъ, изогнувшихся дугой надъ чудными глазами.

Аталанта гордо проходитъ мимо. Опаговскій успѣлъ около дамъ и между ними завязался оживленный разговоръ. Повидимому, у него есть много кое о чемъ порассказать. Бой быковъ несколько не интересенъ для него — вѣдь онъ такъ часто видѣлъ все это! Самая обыкновенная комедія, и больше ничего.

А Аталанта не можетъ оторваться отъ ихъ логи. Она взволнована, движенія ея не такъ быстры какъ всегда, они неуверенны; артистка даже дѣлаетъ ошибки. Уже одинъ разъ гитальдо пришлось оттолкнуть ее въ сторону, не то быкъ проткнулъ-бы ее своими рогами.

Пастушья сцена со шляпой и краснымъ плащомъ.

— Шш! Шш! Тише! крикнуло нѣсколько голосовъ изъ публики слишкомъ громко разговаривавшей ложкѣ.

Теперь не только не надо разговаривать, дохнуть нельзя!

Пальма, сдѣлавъ знакъ Корзелю, чтобы онъ молчалъ, взяла свой бинокль и направила его на Аталанту.

Акробатка почувствовала на себѣ этотъ взглядъ, онъ будто жегъ ея лицо. Вотъ скоро та минута, когда ей предстоитъ совершить обходъ вдоль ложкѣ.

Красный плащъ зависъ въ воздухѣ и былъ съ ревомъ кинутъ на престольнаго пикадора! Но, на этотъ разъ, Аталанта, вмѣсто того, чтобы бросить плащъ и пинагу и схватить животное за рога — быстро возила ему лезвіе въ шею. Быкъ повалился на песокъ, обливаясь кровью. Этого въ афишѣ не стояло. Зрители ахнули отъ отвращенія и испуга, наѣздицы, клоуны и акробаты подбѣжали къ мѣсту неожиданной катастрофы. А Аталанта, отсалютовавъ своей соперницѣ окраденною шляпою, медленно ушла съ арены, кутаясь въ плащъ.

Всегообщая сумятица. Дамы кричатъ, нѣкоторые попадали въ обморокъ, завязали дѣти; публика сбѣжала протѣсниться къ выходу. Никакихъ овацій, букеты остались брошенными: великій смутно угадывалъ, что произошла какая-то трагедія.

Пальма почувствовала себя дурно. Опаговскій едва довелъ или скорѣе донесъ ее до кареты. Сегодня они не будутъ пить чай вмѣстѣ.

Онъ пошелъ къ своему экипажу. Но, въ эту минуту, кто-то схватилъ его за плечо. Знакомое лицо — Кацуръ!

— Ты тоже здѣсь?

— Съ вашего милостиваго разрѣшенія, а нѣтъ — такъ и безъ него. Ну-съ, добрый господинъ мой — вы меня отлично пристроили.

— Да, тебя куда-то выслали...

— Дядемя меня выручилъ, по его ходатайству и вернулъ меня.

— На представленіи былъ ты?

— Да оно еще и теперь продолжается. Вы, развѣ, не понимаете, что сегодня бенефисъ вашъ?

— Слушай — можно мнѣ какъ-нибудь видѣть Аталанту, переговорить съ ней?

— Да проводите ее, какъ всегда, когда она возвращается слишкомъ домой.

— Останется со мной.

— Пока вамъ не будетъ угодно велѣть выпроводить меня?

— И тебя больше уже не отпускаю отъ себя, чтобы тамъ ни говорили они.

Увидимъ, увидимъ.

Въ этотъ вечеръ Аталанта вышла очень скоро. Сегодня она не завертывалась въ мокрый простыни; но, по обыкновенію, была одѣта въ мужской костюмъ, къ ней необыкновенно шедшій. Корнель претянулъ ей руку, пока Кацуръ остановилъ гитальдо.

— Что надо вамъ отъ меня? сверкнувъ глазами, спросила дѣвушка.

— Простите меня, богиня.

— Я должна простить вамъ, что вы унизили меня, что вы обманули меня? что вы отдали меня на посмѣище? или что вы разбили сердце мнѣ, что привели сюда вашу невѣсту; пусть вы итѣе свою побѣжденную соперницу и презираете ее? Вы видите, что я сдѣлала?

— Богиня — я все поправлю, я заплачу за все...

— Что такое?! Вы не понимаете что говорите! Я заколола моего бѣднаго любимца, моего гордость! моего единственнаго друга! Теперь — конечно! Я больше не комедиантка! Больше меня не увидитъ въ циркахъ. Я — такая-же дама, какъ и другія, такая-же графиня, какъ и она. И прошу помнитъ, что мои предки входили къ королямъ съ покрытой головой, въ то время, когда предки ея пасли свихъ лошадей въ Айн!

Безкровная жертва. Съ карт. И. Фукса, грав. Гильдебрандъ.

Мимоходомъ. Сценка изъ древне-греческой жизни. Э. Тиллендорфа, грав. Бренд'Амуръ.

— Выслушайте меня, Аталанта, погодите, не убгайте от меня, клянусь вамъ, что никого не люблю такъ, какъ васъ. Я безумно обожаю васъ. Я отдаю вамъ мою душу и не могу уже взять ее назадъ. Но поинте меня — отъ этой женитбы зависить вся будущность, вся карьера моя. Положеніе, состояніе все связано съ этимъ, и если я разорву эти цепи, то все они, кто теперь помогаетъ мнѣ возвыситься, все они соединятся, чтобы уничтожить меня!

Аталанта, какъ ни была взволнована, но все таки, замѣтила, что, за это короткое время, кто-то научилъ Корнеля благодарить.

— Такъ что-же вы быте сказать мнѣ еще, сеньоръ?

— Дѣлайте со мной, что хотите, я не могу сдѣлаться вашимъ повелителемъ, но буду хоть вашимъ шутомъ!

— Ха, ха, ха!

Они вошли на мостъ Фердинанда, соединившій Леопольдштадтъ съ главною частью города. Прохожихъ еще было много и имъ пришлось идти тутъ довольно медленно.

— Такъ вамъ, просто на просто, угодно одну взять себѣ въ жены, и другую—въ любовницю?

Корнель молчалъ.

— Остановитесь здѣсь. Мнѣ надо сказать вамъ кое-что.

Они были на самой серединѣ моста.

— Вы хотите стать ея господиномъ и быть моимъ шутомъ — хорошо и согласна. Женитесь на этой дѣвушкѣ, пусть она будетъ вашей женой. Но я—я отдаю вамъ только въ тотъ день, когда вы, на самомъ дѣлѣ покажете, что вы мой шутъ, когда, изъ любви ко мнѣ, вы надѣнете шутовской нарядъ, какъ я, и выйдете, подобно мнѣ, въ циркъ, при свѣтѣ огней, при всей публикѣ. Скажите—да, и можете идти со мной, если итъ—то возвращайтесь назадъ. Поторонитесь, я не могу долго ждать.

Опатовскій, неожиданно, при всѣхъ прохожихъ, охватилъ ее обѣими руками и страстно поцѣловалъ.

Дѣвушка, въ ужасѣ, вырвалась изъ его объятій.

— Есиль... другой... сдѣлалъ... это, дрожащимъ голосомъ проговорила она—я бы убила его, но это вы и, потому, я убью себя...

И, во мгновеніе ока, перескочивъ черезъ перила моста, она исчезла подъ темнѣвшей поверхностью рѣки. Прохожіе, бывшіе очевидцами этой сцены, раздраженной толпой обступили Опатовскаго: юноша инстинктивно опустилъ руки въ карманы, вынулъ банковые билеты и разбросалъ ихъ вокругъ себя. Нападающіе моментально присѣли на землю подбирать банкноты, а Опатовскій улизнулъ, черезъ переулокъ, въ свой экипажъ, и оттуда громко крикнулъ:

— Спасите ее—сто тысячъ гильденовъ тому, кто вытащитъ ее!

Кучеру онъ велѣлъ тихимъ шагомъ ѣхать вдоль берега, онъ видѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ отчалили лодки, чтобы искать утопленницу, какъ опускали багры въ воду и, наконецъ, какъ нашли ее и въ сопровожденіи большой толпы народа, понесли въ банятей флякъръ.

Опатовскій побѣгалъ вслѣдъ за двигающимся шагомъ, извозничкомъ, Красавицу внесли въ ея комнату.

Подѣхавъ къ дому Корнель остановился въ перѣшительности—войти, или итъ?..

Въ эту минуту вышель изъ дома Кацуръ.

— Жива еще она? сир силъ Корнель.

— Не знаю, сейчасъ прѣхалъ докторъ, спросите его. Она пробыва въ водѣ пять минутъ?

Я пойду наверхъ, къ ней.

Гидальго ухлоааетъ васъ.

— Иди, поговори съ нимъ, скажи ему, что онъ получить отъ меня пол-милліона.

Кацуръ пошелъ впередъ, Корнель—за нимъ.

Гидальго казался, дѣйствительно, возбужненнымъ и кричалъ во все горло, какъ изступленный. Извѣстно, что сильный испугъ творить иногда чудеса съ человѣкомъ. Быласть, что итъмъ начинаютъ говорить. Съ доноомъ Мануземъ произошло еще большее чудо: онъ неожиданно заговорилъ по итъмекки, прибирая самыя рѣзкія ругательства для убійцы своей дочери.

— Негодяй! поди сюда, взгляни на свое дѣло! Вотъ она! Убита тобой, моя дочь! постѣдняя изъ Пеларгоніевъ!

И онъ потащилъ Корнеля въ комнату Аталанты. Дѣвушка лежала на постели, обнаженная, съ распущенными волосами, съ которыхъ струилась вода. Около нея хлопотали два доктора.

— Оздому васъ—приведите ее въ чувство! воскликнулъ Корнель. Онъ опустился около дивной статуи, распростертой передъ нимъ, и началъ цѣловать ея ноги.

Гидальго, однако, поспѣшилъ оттащить молодого барона, а то невзначай, онъ могъ, какъ нибудь, поцѣлуемъ пошепотать розовую ямку. Аталанта, пожалуй, не выдержала бы, и тогда фокусъ не удался бы.

Одинъ изъ докторовъ поднесъ къ губамъ дѣвушки зеркала а другой осторожно приподнял голову.

Лицо перваго вскорѣ озарилось улыбкой: поверхность зеркала слегка запотѣло, второй приложилъ ухо къ груди: сердце слабо билось. Аталанта смасена. Вотъ, она открыла глаза.

— Жива! вырвалось у Корнеля. И онъ хотѣлъ, было, броситься къ ней. Но, желѣзная рука Гидальго схватила его опять и повлекла изъ комнаты.

— Итъ! Valga me Dios! Стой—если жива она, то вы должны умереть! Ты видѣлъ мою дочь обнаженной и постѣ того жить не можешь. Мы, испанцы, не шутимъ этимъ. Вотъ инаги—мы оба двоимъ, стыдъ этотъ смостея только кровью. Вотъ и сабли. Выбирай!

Но Корнель выбирать вовсе не имѣлъ желаній.

— Сеньоръ, проговорилъ онъ съ усилемъ, позвольте мнѣ только сказать одно слово Аталантѣ, а потомъ, если хотите—убейте меня, я и защищаться не стану.

Онъ шепнулъ на ухо Гидальго то слово, которое хотѣлъ сказать Аталантѣ.

— А, ну это дѣло другое, буркнулъ тотъ и повѣсилъ сабли назадъ на стѣну.

Корнель побѣжалъ къ Аталантѣ, которая теперь лежала закутанная въ шелковый плащъ. Онъ снова на коѣнкахъ передъ нею.

— Я хочу быть твоимъ повелителемъ! твоимъ повелителемъ!

Красавица, съ улыбкой, положила ему на голову свою прелестную ручку.

— Чья возьметъ? Ея взяла!

Но по улицѣ затрещали вдругъ барабаны: грянулъ генераль-маршъ—началась репетиція тревоги. Коиные горнисты скачутъ по всѣмъ направлениямъ, громко трубя сборъ. Къ оружію! къ оружію! Но—пусть бьютъ барабаны всѣхъ армій на свѣтѣ! Корнеля нитго уже отсюда не вытащить...

(Окончаніе въ слѣд. №1)

Фіалки и лунный свѣтъ.

Рассказъ Вента.

Женщинамъ говорить часто, что онѣ ангелы и часто также онѣ не прочь поддержать такую репутацію. Стараются инаи придать себѣ такой видъ, словно онѣ живутъ только задохомъ шифтовъ, соловьями и дуннымъ свѣтомъ. Къ такимъ принадлежала и Лотти, прелестная дочка однихъ богатыхъ родителей, жившихъ хорошо и открыто. Имъ это позволяли средства и кромѣ того они очень желали выдать какъ можно лучше замужъ свою выскательную, разборчивую дочку.

Къ прекрасному обѣду, данному родителями Лотти, была приглашена молодой сосѣдъ—помѣщикъ Ледловъ—имѣвшій сирь сные виды на хорошенькую Лотти. Но такъ какъ родители этого не подозрѣвали, то они усадили его довольно далеко отъ предмета его страсти, однакоже такъ, что молодые люди могли хорошо видѣть другъ друга. Съ лѣвой стороны Лотти помѣстился ея кузень, молодой Стенне, о которомъ говорили, что онъ ухаживаетъ за Лотти также съ серьезными намереніями. Это было дурное начало для Ледлова. Ему было крайне неприятно видѣть какъ соперникъ его ухаживалъ за дѣвушкой, и печаль свою онъ старался заглушить ѣдомъ и шифьемъ. Уничтожая вино и жареное, онъ то и дѣло поглядывалъ на молодую парочку и видѣлъ какъ кузень становился все оживленнѣе, а она—молчаливѣе, какъ тотъ постоянно ѣлъ, она же ни до чего не дотрогивалась—настоящая ангелъ!.. Наконецъ умолкъ и кузень и оба они въ замѣнительствѣ глядѣли въ тарелку.

Молодой Ледловъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ. Ну, подумалъ онъ, дѣло у нихъ слажено.

Послѣ обѣда онъ не могъ уснокоиться и отозвавъ своего со-

сѣда въ курильную комнату, началъ его спрашивать о молодой парѣ.

— Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, отвѣчали Ледлову, я сидѣлъ противъ нихъ и все слышалъ ясно.

У Ледлова сердце на минуту перестало совѣмъ биться отъ страха.

— Счастливецъ! сказалъ онъ, ему достается такая прелестная жена.

— Совѣмъ итъ, отвѣтилъ тотъ, она ему отказала.

Отказала! дѣйствительно ли отказала?

Да, отказала потому, что онъ много ѣсть, продолжалъ тотъ; Лотти не можетъ выносить мушницъ матеріалистовъ, она хочетъ имѣть такого-же поэтического мужа какъ она сама.

Ледловъ снова свалился на землю съ своего неба. Возволнованный и огорченный онъ ѣлъ гораздо болѣе Стенне, а все время она на него смотрѣла.

Сигара докурилась и опечаленный онъ умолкъ.

— И она ничего не ѣсть? спросилъ онъ наконецъ робко.

— По крайней мѣрѣ очень мало, она инается только благоуханіемъ фіалокъ и луннымъ свѣтомъ, отвѣтилъ смѣясь сосѣдъ.

Вечеромъ старики усѣлись за карточные столы: молодежь отправилась къ дамамъ.

Около Кютильды былъ пустой стулъ; при входѣ Ледлова она огианулась и ему по возлѣ пришлося сѣсть возлѣ нея.

— Обѣдъ вамъ показался вкуснымъ? были ея первая слова, съ которыми она, смѣясь, обратилась къ Ледлову.

Молодой человек был как ошаренный, но вдруг его озарила счастливая мысль.

— Ну иттъ, не могу сказать, ответил онъ.

— Какъ? У васъ былъ такой аппетитъ!

Ледловъ посмотрѣлъ вокругъ себя, точно желая убедиться не подслушивае ли его ктонибудь.

— Я ѣлъ только изъ вѣжливости, прошепталъ онъ.

— Изъ вѣжливости? но въ отношеніи кого-же эта вѣжливость?

Вашихъ уважаемыхъ родителей... Если гостямъ предлагаютъ такой прекрасный обѣдъ, какъ же огорчить хозяевъ, не дотрогиваясь до блюдъ.

Теперь дѣвушка посмотрѣла на него съ большимъ вниманіемъ: мужественная, красивая наружность его уже ранѣе нравилась ей.

— Значитъ вы обыкновенно не кушаете такъ много? спросила она.

— Совѣмъ ничего, то есть почти совѣмъ ничего.—только сколько нужно чтобы поддержать существованіе: чашку бульону, лѣтомъ пару рѣдисокъ, зимой какое нибудь англійское печенье и маленькая рюмка венгерскаго.

— И вы всегда здоровы?

— О постоянно! Послѣ сегодняшняго обѣда я буду болеть цѣлую недѣлю и лишню удовольствія видѣть васъ.

Къ вниманію теперь присоединилось уже сожалѣніе, а это, много значить въ любви. Такъ было и здѣсь: молодой Ледловъ сталъ бывать все чаще и ѣлъ все меньше, потому что передъ всякимъ обѣдомъ, на который его приглашали, онъ нахаживалъ дома. Молодые люди томо смотрѣли другъ другу въ глаза, вздыхали и наконецъ Ледловъ сдѣлалъ предложеніе и былъ ошарашенъ согласіемъ вѣжливой дѣвушки, а двоюродный братецъ Стенце, не отличавшійся мягкостью характера, злился и раздумывалъ о мщеніи.

Но такъ какъ ничто не подавало ему повода помѣшать предстоящему союзу, то бракъ совершился и эфирная супруга поспѣвала за своимъ не менѣе эфирнымъ мужемъ въ его имѣніе.

Здѣсь положеніе дѣлъ измѣнилось и природа стала заявлять свои права. И хотя это очень дурно, но переимѣнить этого нельзя. Молодая женщина, которая и прежде по секрету ѣла гораздо больше, чѣмъ старалась показать, отступила отъ своихъ ангельскихъ привычекъ, и стала проявлять человѣческія желанія.—словомъ сильно проголодалась—но не знала какъ удовлетворить голодъ.

Къ завтраку подавалась крошечная чашечка кофе съ маленькой булочкой, на обѣдъ—бульонъ и нѣсколько рѣдисокъ, а вечеромъ чай съ англійскимъ печеньемъ.

Дня два, и то съ большимъ трудомъ, еще можно было выдерживать такую жизнь, но дальше—силъ не было. Когда Лотти не въ состояніи была долѣе переносить голодъ, она стала пить и ѣсть втихомолку, при содѣйствіи своей горничной, которую посвятила въ тайну. Мужъ ея дѣлалъ тоже самое съ перваго же дня, посвятивъ въ тайну своего камердинера.

Лотти очистила въ буфетѣ маленькое мѣстечко, гдѣ стояли стаканы и рюмки и туда наложивъ разнаго кушанья, а сунувъ ея устроивъ маленькій потайной шпачикъ для кушанья у себя въ кабинетъ. Конечно приходилось довольствоваться холоднымъ кушаньемъ, но все же лучше чѣмъ ничего. Оба не мало про себя дивились обоюдному воздержанію.

— Она все также! думалъ молодой мужъ, невѣроятно, какъ человекъ можетъ такъ жить!

— Онъ дѣйствительно не ѣстъ ничего! размышляла молодая женщина, и при этомъ такъ здоровъ... это поразительно!

Такъ продолжалось цѣлую недѣлю. Вдругъ на восьмой день появился Стенце. Онъ не составилъ себѣ еще плана мщенія, но дома не находилъ покоя и думалъ: поѣду къ нимъ, тамъ навѣрное придумаю что нибудь.

Посѣщенія родственника были очень неиряжны молодымъ супругамъ, но не нравятся Стенце не было возможности. Однако завидя его Ледловъ подумалъ: погоди же, ты у меня не задержишься; или уѣдешь завтра же, или я проморю тебя голодомъ.

Прибывшій къ вечеру Стенце былъ встрѣченъ очень радушно. Ты навѣрное, дорогой братъ, проголодался, сказалъ Ледловъ послѣ первыхъ привѣтствій, позволь пригласить тебя въ столовую.

— Вотъ и прекрасно, отвѣтилъ Стенце, ѣхаль я восемь часовъ по желѣзной дорогѣ и полтора часа въ экипажѣ и апетитъ теперь у меня волчий.

Каково же было его удивленіе, когда онъ вошелъ въ столовую. На столѣ стоялъ только серебряный чайный приборъ, тарелочка съ печеньемъ, другая тарелочка съ рѣдисками, а въ серединѣ всего этого прелестная ваза съ цвѣтами, распространяющими нѣжный сильный запахъ.

— О противный чай! подумалъ про себя Стенце, ненавижу его! По вѣроятію послѣ подадутъ что нибудь мясное. Онъ выпилъ чашку чая и отказался отъ рѣдисики и печенья.

Но и послѣ не подавали ничего болѣе и несчастный Стенце легъ спать голоднымъ.

— Это несмысленная вещь! разсуждалъ онъ самъ съ собою въ отвѣденной ему комнатѣ, эти люди должно быть обѣдали очень поздно, и не обращаютъ вниманія, что другіе могутъ быть го-

лодны. Попробую поскорѣе уснуть—будетъ же утренній завтракъ. Въ деревнѣ завтракъ—вещь прекрасная!.. вмѣстѣ съ кофе тутъ всякая всячина... яйца... горячая ветчина... вино...

Съ приятными мыслями уснулъ онъ, но во снѣ слытывалъ муки Танталя: всю ночь онъ ѣлъ и все былъ голоденъ. Поутру, проснувшись, онъ моментально всталъ. Теперь онъ испытывалъ уже не только голодъ, но и судороги въ желудкѣ. Онъ одѣлся и пошелъ внизъ.

— Господа въ саду, сказалъ ему слуга. Дѣйствительно Стенце нашелъ ихъ тамъ.

Увидя его, любезные хозяева поспѣшили къ нему на встрѣчу. — Доброе утро, дорогой братъ! сказалъ Ледловъ, держа въ рукѣ цвѣтокъ; посмотри на этотъ прекрасный голубой гиацинтъ, онъ чуть было не завялъ, но я спасъ его.

— Онъ спасаетъ цвѣты, подумалъ Стенце, а меня морить голодомъ.

— Ты увидишь самъ какъ мы тутъ счастливы, продолжалъ Ледловъ, притягивая къ себѣ Лотти, посмотри на насъ, ты видишь передъ собою людей дѣйствительно любящихъ другъ друга. Когда любишь, дорогой братъ, то требуешь такъ мало; пробѣгающая тучка, журчаніе ручейка—все это наполняетъ сердце невыразимымъ блаженствомъ. Мы слышимъ нѣже соловья и отъ восторга у насъ выступаютъ слезы и съ рыданіемъ мы бросаемся другъ другу въ объятія.

— Чортъ знаетъ что такое! размышлялъ Стенце. Но все же я думаю, скоро будетъ завтракъ.

Молодая женщина во время рѣчи своего мужа тихо вздохнула.—Какой чудный человекъ мой мужъ! думала она... Это сама поэзія! О, если бы онъ зналъ, какая у него прозанческаая жена!

Во то же время Ледловъ со своей стороны думалъ: Боже, если бы она знала, что я ѣмъ какъ добрый дровосѣкъ и что даже теперь мнѣ страшно хочется ѣсть.

Но что испытывала Стенце!

— Вы вѣроятно встали очень рано и уже устали позавтракать? спросилъ онъ нерѣшительно.

— О нѣтъ еще, отвѣтилъ хозяинъ, но объ этомъ мы такъ мало думаемъ. И если бы ты не напомнилъ намъ, мы бы еще дальше наслаждались чуднымъ запахомъ цвѣтовъ. Однако пойдемте, уже пора, а то испортимъ себѣ обѣдъ.

— Ну вотъ, подумалъ Стенце, наконецъ-то будетъ что нибудь существенное.

По войдя въ столовую, онъ увидѣлъ китайскій кофейникъ, три крошечныя чашки, немногимъ болѣе наперстка и злополучную тарелку со вчерашнимъ англійскимъ печеньемъ. Послѣдняго ему не предложили, такъ что онъ получилъ только два глотка кофе.

Завтракъ тѣмъ и окончился и всѣ разошлись до обѣда.

— Когда же вы обѣдаете? спросилъ уходя Стенце.

— Въ два часа, но если это для тебя слишкомъ рано...

— Нѣтъ, о нѣтъ! прервалъ его Стенце.

— Но вы городские жители привыкли обѣдать такъ поздно.

— Нѣтъ, нѣтъ, я обѣдаю еще раньше!.. До того времени быть можетъ я еще выдержу, добавилъ онъ мысленно: кто ѣсть разъ въ день, вѣроятно ѣсть хорошо.

Въ два часа—горькое разочарованіе: но чашкѣ бульона, земляника со сливками и по крошечной рюмочкѣ сладкаго венгерскаго.

— Меня радуетъ, ты хорошо свыкаешься съ нашимъ скромнымъ образомъ жизни, сказалъ Ледловъ, не правда-ли? мы въ такомъ поэтическомъ настроеніи!

— Если это такъ, о, однако, продолжится, я умру до завтра, подумалъ Стенце, не отвѣчая на вопросъ.

Послѣ обѣда съ отчаянія онъ ушелъ гулять. На дорогѣ онъ встрѣчаетъ горничную. Послушай, милая, говоритъ она ей, я дамъ тебѣ золотой, но принеси мнѣ хоть кусокъ бифтекста.

Горничная пожала плечиками. Очень жаль, отвѣтила она, но у насъ бифтекстовъ не водится.

— Поѣду въ огородъ, подумалъ Стенцель и хотъ нарву моркови, у меня силъ нѣтъ ждать ужина, да и за ужиномъ вѣрно ничего тоже здѣсь не ѣдятъ.

Онъ увидѣлъ камердинера. Послушай, любезный, началъ снова Стенце, оставившая его, я дамъ тебѣ золотой за кусокъ хлѣба съ масломъ и сыромъ, но чтобы кусокъ былъ побольше.

— Прошу извиненія, отвѣтилъ тотъ, но хлѣба съ масломъ и сыромъ у насъ вовсе нѣтъ въ буфетѣ.

Стенце мысленно посылалъ всѣхъ въ очень недобрый мѣста.

— Иттъ, уѣду, рѣшилъ онъ, и тотчасъ. Недоставало еще умереть здѣсь съ голоду; поскорѣе прощусь и положу конецъ этимъ мукамъ.

Онъ быстро зашагалъ по корридорю, направляясь въ кабинетъ Ледлова; на порогѣ онъ остановился въ ошарашеніи.

Что онъ увидѣлъ? Ледловъ стоялъ въ кабинетѣ передъ открытымъ шкапикомъ, повернувшись спиною къ дверямъ и что-то усердно ѣлъ, наливая себѣ стаканъ отличнаго краснаго вина.

Пораженный Стенце повелъ носомъ. Боже—это бекасы! подумалъ онъ, отличные жаренные бекасы!

Мученія голода стали невыносимы.

— Несчастный! воскликнулъ онъ глухимъ голосомъ, очутившись въ одинъ прыжокъ около Ледлова и хватая его за горло, дай мнѣ бекасы, иначе я... задую тебя.

Ледловъ страшно передутался, но потомъ оттолкнулъ родственника и захопнулъ шкафъ.

— Не получишь ни кусочка! крикнулъ онъ, если-же ты меня выдашь женѣ, я прострѣлю тебѣ голову!

И съ угрожающимъ жестомъ, держа въ рукѣ крылышко бекаса, вышелъ изъ комнаты.

— Ну нѣтъ! подумалъ Стенце, я не боюсь твоихъ выстрѣловъ! Ага! мщеніе найдено?... Этотъ лицемѣрь попался мнѣ! и Лотти еще пожалуй разведется съ нимъ и выйдетъ за меня замужъ!

Тотчасъ Стенце направился на половину Лотти.

Но только-что онъ приподнялъ тяжелую портьеру, какъ остановился на порогѣ въ изумленіи. И было отчего! Молодая женщина, сипной къ двери, сидѣла въ большомъ креслѣ и съ апетитомъ кушала хлѣбъ и холодное жаркое.

При шорохѣ портьеры она обернулась и отъ страха поблѣднѣла какъ полотно.

— Кузнецъ, не выдавайте меня! зашептала она упавшимъ голосомъ. Но тотъ стоялъ не двигаясь. Къ чему было выдавать ее теперь? И мужу и женѣ не въ чемъ было упрекать другъ друга — слѣдовало только простить другъ другу обоюдную комедію.

Перепуганная кузина, все еще умоляюще смотрѣла на него а въ комнату какъ бомба влетѣлъ Ледловъ. Какъ только молодая женщина увидѣла его, она страшно вскрикнула и спрята-лась хлѣбъ съ масломъ въ карманъ своего лѣтнаго свѣтлаго платья.

Ледловъ, не замѣтившій этого, метнулъ молниеносный взглядъ на Стенце, точно желая сказать: а, такъ ты все-же меня выдашь? Несчастный, ты умрешь за это!

Лотти-же думая, что взглядъ этотъ относится къ ней, упала на колѣни и со сложенными руками потянулась къ мужу.

— Что это значитъ? спросилъ тотъ, я тебя не понимаю.

— Прости меня, милый! произнесла блѣдная женщина поблѣднѣвшими губами, о прости меня!

— Но въ чемъ, въ чемъ? что ты сдѣлала? Не тревляй меня-- говори скорѣе. Что это у тебя за нятя на карманѣ платья?

Лотти, сконфуженная, вытащила изъ кармана кусокъ хлѣба съ масломъ и держала его въ дрожащихъ рукахъ.

Ледловъ не вѣрнулъ глазамъ своимъ.

— Что? вскричалъ онъ, ты ѣшь?

Перепуганная Лотти кивнула робко головою.

— Съ тѣхъ... съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь?

Лотти подтвердила и это. Но вмѣсто того, чтобы бранить ее и Ледловъ упалъ передъ ней на колѣни.

— Прощаю тебѣ, сказалъ онъ, но прости ужъ и ты меня!

— Какъ? и ты, и ты также ѣлъ, проговорила она обрадованная.

И какъ много, если-бы ты знала! послѣдоваль конфузливый отвѣтъ, и пилъ также...

Мужъ и жена радостно обнялись.

— Арг! Лотти! О какъ хорошо мы заживемъ теперь, какъ будемъ счастливы! Кончилась эта глупая комедія!

Оба схватили Стенце за руки и привлекли его къ себѣ. Добрый Стенце! говорили они, ему мы обязаны своимъ счастьемъ. При этомъ они оба цѣловали его.

— Вотъ такъ штука! думалъ тотъ, я какъ разъ сдѣлалъ наоборотъ тому что хотѣлъ, нечего дѣлать!

— Послушайте! проговорилъ онъ громко, вы-то ѣли втихомолку а я ничего не ѣлъ и если черезъ нятя минутъ вы меня не накормите, со мною будетъ ударъ...

— Прости, сказалъ Ледловъ, я хотѣлъ тебя поморить голодомъ; но такъ какъ твой прѣздъ сдѣлалъ насъ счастливыми, то я велю разогрѣть бекасовъ и кушай себѣ на здоровье!

Спустя четверть часа всѣ трое ушли за столъ, счастливые и довольные.

Вода и соли.

Очеркъ.

Вѣдъмъ известно, что вода, взятая изъ различныхъ источниковъ, на цюющихъ ее дѣйствуетъ различно. Причина различнаго дѣйствія такой воды заключается въ соляхъ, которые содержатся въ ней, хотя и въ незначительныхъ количествахъ.

Если прибавить нѣсколько капель мыльнаго раствора къ дистиллированной (перегнанной) и не содержащей въ себѣ никакихъ солей) водѣ, то онѣ не произведутъ въ ней никакого измѣненія; при встряхиваніи этой дистиллированной воды, образуется обыкновенная мыльная пѣна въ большомъ количествѣ. Повторимъ этотъ-же опытъ съ водой, содержащей въ себѣ большее или меньшее количество извести, напримѣръ, съ колодезной. Отъ прибавленія мыльнаго раствора къ этой водѣ—тотчасъ же образуются въ ней бѣлые хлопья; при встряхиваніи пѣны не получается. Это значитъ, что известъ образовала съ жирной кислотой мыла нерастворимое соединеніе. Продолжая прибавлять мыльный растворъ, мы дойдемъ до такого момента, когда хлопья перестанутъ образовываться и, при встряхиваніи, получимъ, наконецъ, мыльную пѣну. Такой моментъ не наступитъ тѣмъ долѣе, чѣмъ больше извести содержится въ себѣ взятая вода. Такимъ именно способомъ опредѣляютъ *гидротиметрическую силу* воды.

Воды, гидротиметрическая сила которыхъ не превышаетъ 30° очень пригодны для стирки бѣлья; тѣ-же, гидротиметрическая степенъ которыхъ равна или больше 30 процентовъ,—не годятся для этой цѣли. Коль скоро для стирки бѣлья берутъ известковую воду, то, для полученія одного и того-же результата, нужно истратить тѣмъ больше мыла, чѣмъ больше содержится въ этой водѣ известковыхъ, сернокислыхъ или углекислыхъ солей.

Такимъ образомъ, потребление мыла находится въ прямой зависимости отъ *жесткости* воды. Понятно, что присутствіе известковыхъ солей значительно увеличиваетъ издержки производства, при нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и, наоборотъ, уменьшаетъ ихъ при другихъ.

Подобно жирнымъ кислотамъ мыла, нѣкоторые растительныя начала подвергаются дѣйствію известковыхъ солей. Такъ напримѣръ, *легуминъ* образуетъ съ сернокислой известью (гипсомъ) нерастворимое соединеніе. Это азотистое вещество, имѣющее большое сходство съ казеиномъ молока, содержится въ большомъ количествѣ въ горохѣ и бобахъ. Вслѣдствіе этого, если варить эти овощи въ водѣ, заключающей въ себѣ сернокислую известъ, то они только затвердѣваютъ отъ нея. Такъ точно, всѣ известковыя воды крайне неудобны для варенія овощей.

Тоже самое замѣчается относительно чая. Вѣдъмъ и уже давно известно, что крѣпость чая зависитъ отъ воды, въ которой завариваютъ его, что чай тѣмъ труднѣе расходуется, чѣмъ жестче вода. Найдено что вода, требующая 18 частицъ чая, при прибавленіи къ ней шавелевокислаго амміака, дѣйствующаго на содержащуюся въ ней известъ, довольствуется уже только 10 частицами чая. Найдено также что для приготовления чая извѣстной крѣпости, нужно настаивать его десять минутъ въ изве-

стковой жесткой водѣ и только пять съ половиной—въ мягкой.

Во всемъ этомъ для общественной гигиены заключается такой-же интересъ, какъ и для домашней экономіи. Возьмемъ два стакана, — одинъ съ дистиллированной (перегнанной) водой, а другой съ обыкновенной, и положимъ въ каждый изъ нихъ по свинцовой, тщательно-отчищенной, пластинкѣ. Черезъ полчаса или часъ, мы замѣтимъ, что въ стаканахъ произошли различныя явленія: въ дистиллированной водѣ образовался бѣлый порошокъ, несѣвшій на дно, обыкновенная же вода осталась прозрачной, причемъ пластинка оказывается покрытой черноватымъ налетомъ. Это значитъ, что водный углекислый свинецъ, образовавшійся въ послѣдней жидкости, такъ-же какъ и въ дистиллированной водѣ, осаждаетъ известковыми солями на поверхность самого свинца. Вслѣдствіе этого, на свинецъ образовалась нѣкоторымъ образомъ кора, защищающая его отъ дѣйствія воды. Ясно, поэтому, что свинцовыя трубы, по которымъ протекаетъ известковая вода, вполне безопасны.

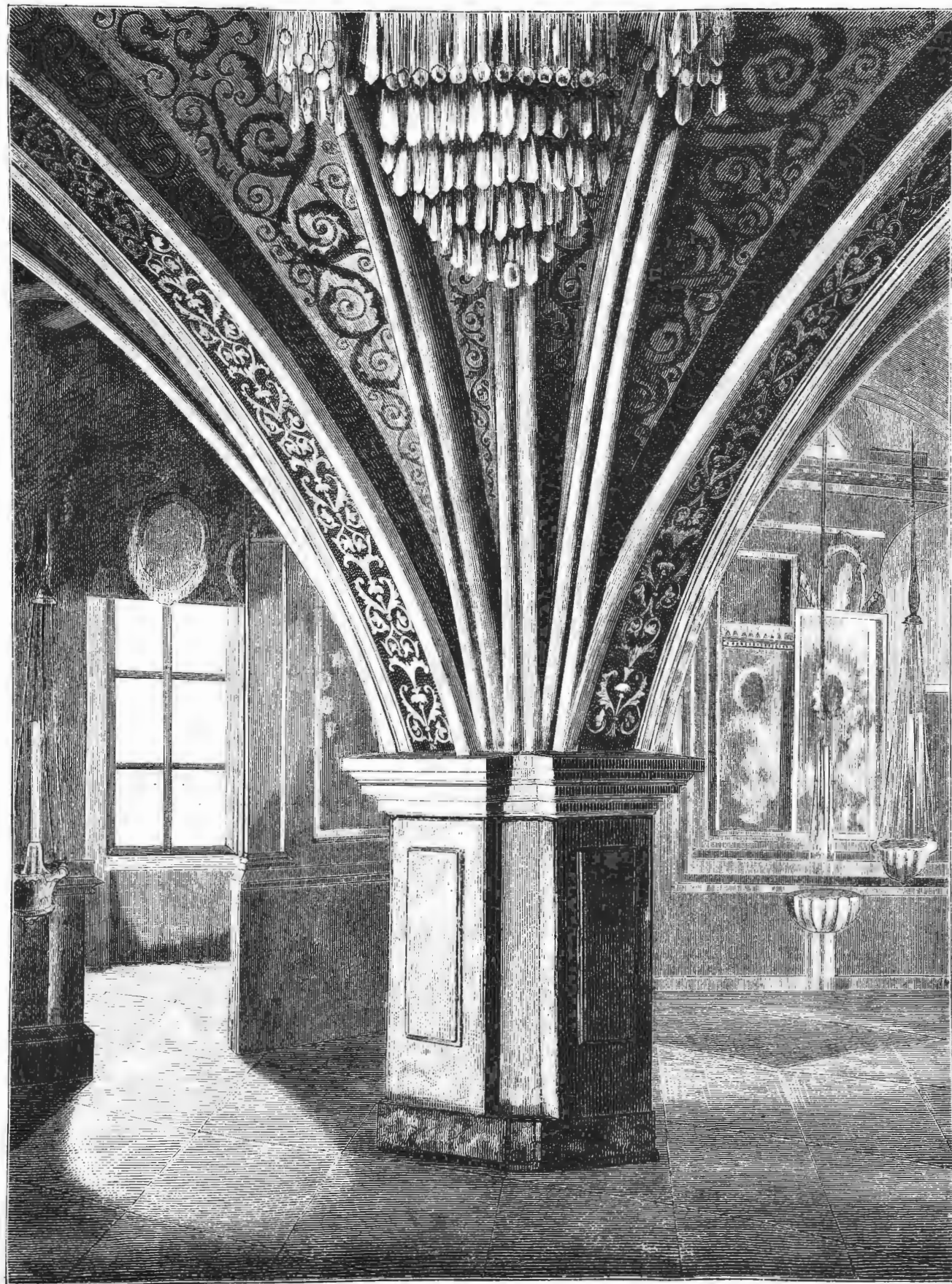
Въ водѣ, которую проводятъ въ дома по трубамъ, содержится свинецъ, но почти всегда въ незначительныхъ и потому безвредныхъ количествахъ. Одна часть образующихся солей остается въ трубахъ, другая разлагается, соприкасаясь съ воздухомъ, такъ что мы принимаемъ въ себя самыя незначительныя количества солей, оставшихся въ растворѣ.

Производя ученое послѣдованіе по этому предмету, Шлезингъ открылъ весьма много интересныхъ и важныхъ явленій, съ которыми мы и познакомимъ сейчасъ читателя.

Положимъ одинаковыя количества чернозема въ большіе стаканы,—одинъ съ дистиллированной водой, а другой съ обыкновенной. Сдѣлавъ это, мы увидимъ, что въ дистиллированной водѣ земля не осѣла на дно стакана, а такъ и осталась въ ней въ состояніи равновѣсія, тогда какъ въ обыкновенной она опустилась на дно, вслѣдствіе чего послѣдняя снова сдѣлалась черезъ нѣсколько времени совершенно прозрачной.

Теперь прильемъ въ стаканъ съ дистиллированной водой нѣсколько капель хлористаго кальція—тотчасъ же земля осѣдетъ на дно хлопьями, вода становится совершенно прозрачной, какъ и въ другомъ стаканѣ. Количество хлористаго кальція, необходимое для полученія такого результата, можетъ быть весьма незначительно. Впрочемъ, осажденіе чернозема происходитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше прилито хлористаго кальція.

Приведемъ другіе столь же любопытные опыты. Дистиллированная вода почти не проходитъ черезъ землю, лишенную известковыхъ солей; то же малое количество ея, которое проходитъ, становится совѣтъ мутнымъ. Въ то же время, черезъ эту самую землю можно прекрасно фильтровать обыкновенную воду, остающуюся совершенно прозрачной. Положимъ нѣкоторое количество земли, не содержащей въ себѣ известковыхъ солей, въ сосудъ съ дистиллированной водой, къ которой прилито нѣсколько капель амміака (нашатырнаго спирта). Взболтавъ ее, оставимъ все это спокойно стоять впродолженіи двадцати четырехъ часовъ. Къ концу этого времени въ сосудѣ образуется обильный осадокъ. Сольемъ теперь мутную жид-

Новгородъ. Храмъ св. Іоанна Архіепископа, бывшая Грановитая палата. Съ фотогр. Лядова, грав. М. Рашевскій.

кость въ другой такой-же сосудъ и оставимъ его простоять тоже двадцать четыре часа. Образуется новый осадокъ, состоящій изъ чрезвычайно тонкихъ частицъ, меншии по объему перваго. Снова сольемъ мутную жидкость и снова будемъ ждать образования осадка. Цѣлые мѣсяцы можно продолжать эти операціи, при которыхъ постоянно образуется осадокъ, состоящій изъ частицъ, дѣлающихся постепенно все мельче и мельче, и остается мутная жидкость. Черезъ пять или шесть мѣсяцевъ, осажденіе становится нечувствительнымъ, но вода такъ и остается мутноватой до безконечности. Но если прибавить къ ней небольшое количество азотной кислоты—точасъ же мутноватость исчезнетъ и образуются хлопья, которые осѣдаютъ на дно сосуда, дѣлая воду совершенно чистой и прозрачной. Хлопья эти, будучи высушены, даютъ въ остаткѣ бурое вещество, имѣющее большое сходство съ шубнымъ клеемъ, по своему внѣшнему виду и свойствамъ. Это водный кремнекислый алюминій.

Эта глина является цементомъ для пахатной земли, спаивающій между собою мельчайшія частицы песку, цементомъ, который разлагается дистиллированной водой и соединяется съ обыкновенной; послѣдней достаточно самое незначительное количество если спаиваемыя частицы очень мелки.

Итакъ въ известковой водѣ происходитъ осѣданіе нѣкоторыхъ растительныхъ началъ: мыла и, наконецъ глины. Послѣднее явленіе—самое интересное, такъ какъ имъ прекрасно объясняется много другихъ въ высшей степени важныхъ явленій.

Прежде всего является вопросъ: какимъ образомъ дождь падая на поля, не производитъ разложенія земли, подобно дистиллированной водѣ, и не уноситъ глину въ рѣки, оставляя на мѣстѣ только песокъ.

Въ дѣйствительности, дождевая вода имѣетъ большое отличие отъ дистиллированной; она содержитъ въ растворѣ небольшія количества солей, представляющихъ ей возможность дѣйствовать на почву, подобно обыкновенной водѣ. Въ ней находится амміакъ, хлористый натръ (поваренная соль); поваренная соль содержится въ дождевой водѣ въ различныхъ количествахъ, тѣмъ меньшихъ чѣмъ дальше отъ береговъ. Присутствіемъ солей дождевая вода обязана морскимъ брызгамъ, которые, будучи увлечены вѣтромъ, испаряются въ воздухѣ, оставляя по себѣ маленькія частички солей; дождевая вода, пересѣкая атмосферу, встрѣчается съ этими брызгами и растворяетъ ихъ.

Въ дождевой водѣ находятъ также сѣрникоислый натръ и сѣрникоислый кальцій.

Но упомянутыя соли содержатся въ дождевой водѣ въ самыхъ незначительныхъ количествахъ и не могли-бы помѣшать ей сами по себѣ производить на почву въ извѣстной степени разлагающее дѣйствіе. Между тѣмъ такого дѣйствія не наблюдается въ дѣйствительности. Слѣдовательно существуетъ кака-либо причина, препятствующая разложенію почвы дождевою водою. Такой причиной является присутствіе въ пахатной землѣ углекислотной соли и большой дозы угольной кислоты. Въ самомъ дѣлѣ, найдено, что вода, не содержащая углекислоты,—вовсе не растворяетъ углекислотную соль, тогда какъ вода, заключающая въ себѣ угольную кислоту, весьма быстро растворяетъ эту соль и въ количествахъ тѣмъ большихъ, чѣмъ больше въ ней угольной кислоты; она становится известковой и не можетъ разлагать песчано-глинистое соединеніе. Изъ этого слѣдуетъ что почва, лишенная известковыхъ солей, неудобна для обработки, хотя роль этихъ солей и ограничивается сказаннымъ. И это потому, что такая почва или очень скоро потеряла-бы свою глину или, при отсутствіи наклона, она не могла-бы освободиться отъ мутной воды, которая стояла-бы на ея поверхности.

Дождевая вода можетъ унести изъ такой почвы громадное количество известковой соли. Послѣдняя, попавъ въ рѣку, становится прекраснымъ водоочистительнымъ средствомъ,—мутная вода дѣлается прозрачной.

Замѣтимъ мимоходомъ что сильные и продолжительные дожди мало проходятъ черезъ почву; взмѣсивъ поверхность и сдѣлавъ почву непроницаемой, дождевая вода течетъ въ ручьи, не принявъ въ себя известковой соли.

Количество твердыхъ веществъ, содержащихся въ растворѣ въ водѣ, весьма значительно. Въ наибольшемъ количествѣ присутствуетъ въ водѣ углекислотная соль.

Много можно было-бы еще привести интересныхъ явленій, объясненныхъ опытами г. Шлезинга, но мы ограничимся послѣднимъ замѣчаніемъ. Если вода, текущая изъ горныхъ ледниковъ не вполне прозрачна, то очевидно—это происходитъ отъ отсутствія въ ней солей, присущихъ обыкновенной прозрачной водѣ. Если, наоборотъ ключевая вода бываетъ обыкновенно весьма прозрачна и чиста, то это происходитъ отъ того что она, проникая различные слои земли, насытилась углекислотной солью.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

М***

И для меня была пора,
И я, какъ ты, безъ друга,
На берегахъ крутыхъ Днѣпра
Блуждалъ подь солнцемъ юга...

* * *

И неба блескъ не веселилъ
Моей души разбитой,

И для нея могилой былъ
Садами Днѣпръ залитый,

* * *

И жаромъ смутнаго огня
Душа была палима.
И дальній сѣверъ влекъ мевя
Къ себѣ неотразимо...

—ъ.

ЖЪ РИСУНКАМЪ,

Воскресеніе Христово.

(Картина Б. Плоггорста, стр. 292 и 293).

Магдалина Марія и Иоанна и Марія, мать Иакова и другія съ ними, въ почъ погребенія къ полуночи, пришли, неся приготовленные ароматы, ко гробу Спасителя. И вотъ вдругъ сдѣлалось великое зсмлетреніе. Ангель Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ отвалилъ камень отъ двери гроба и сидѣлъ на немъ. Видъ его былъ какъ молнія и одежда бѣла какъ снѣгъ. Устрашившись его, стругущіе пришли въ трепетъ и стали какъ мертвые... Ангель-же рекъ женщинамъ: не бойтесь, знаю что вы ищете Иисуса Распятаго. Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ какъ сказалъ. Идите посмотрите мѣсто гдѣ Онъ лежалъ, идите скорѣе, скажите ученикамъ Его, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ и въ Галилеѣ Его еще увидите. И со страхомъ и радостью великою побѣжали возвѣстить. Такъ говорится въ гл. 28 стихъ 1—8 Евангелія Матвея. Радостная вѣсть введоу распространилась между учениками, произведя глубокое и восторженное волненіе. Петръ и другіе ученики побѣжали ко гробу вмѣстѣ, но другой ученикъ бѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ ко гробу первый. Наклонившись, увидѣлъ лежащія пелены. Встѣлъ за нимъ Симонъ Петръ входитъ въ гробъ и видитъ лишь пелены лежащія и платъ, что былъ на главѣ Его. Ученики возвратились къ себѣ. Послѣ нихъ стояла у гроба Марія и плакала: „Унесли Господа моего и не знаю гдѣ положили“. И видитъ вдругъ Иисуса стоящаго. „Что плачешь, кого ты ищешь, Марія! И съ горячимъ порывомъ вѣры и восторга, узнавъ Его, восклицаетъ она „Раввуні!“ и бѣжитъ возвѣстить о Его явленіи. Въ Евангеліи Матвея говорится еще, что стражи объявили въ городѣ дервосвященникамъ о случившемся и тѣ совѣщались съ ста-

рѣйшинами и довольно денегъ дали воинамъ чтобы тѣ сказали, что тѣло Господа вынуто учениками Его; тѣ сказали такъ и „пронеслось слово сіе между иудеями и до сего дни“ прибавляетъ Св. Евангелистъ.

Такъ разсказывается въ Писаніи эта радостная, тревожная ночь величайшаго событія христіанскаго міра. И доселѣ, вездѣ гдѣ проповѣдано Евангеліе, въ память этой Ночи Воскресенія, въ часъ возстанія Христа Спасителя изъ гроба, радостно и благоговѣнно собираются толпы христіанъ, братски соединяясь и лобызаясь въ радостной, торжественной молитвѣ и вездѣ, при невѣрномъ свѣтѣ занимающагося утра, звучитъ восторженный возгласъ „Христосъ Воскресе!“

На Пасху. Силуэты.

(Рис. на стр. 297).

Не правда ли какія знакомыя сцены? Вверху—чисто петербургское явленіе: эта длинная линія поздравителей, держащая домохозяйина и квартиранта въ осадномъ положеніи. Дворники, толстый кучеръ, повара, трубочистъ, почталыонъ, полотерь... Приходится раскошелиться—все это стоитъ съ такими праздничными лицами, съ волосами намазанными масломъ, съ красными яичками въ рукахъ. „Христосъ Воскресе!“—„Воистину воскресе!“—безъ нѣкоторой сумрачности отвѣчаетъ хозяинъ, роясь въ своемъ портмоне. Но вотъ онъ расплатился и несется съ визитами. Всѣхъ надо поѣтить, поздравить! Прибѣгаетъ: „Христосъ воскресе матушка!“—возглашаетъ онъ, лобызаясь трикратно съ хозяйкой дома а вправо маленькіе шалуны уже отставили столы въ „гостиной“ и завели на коврѣ такую возню, катая красивыя разноцвѣтныя яича по дубочку, что матери прихо-

дится и прикрикнуть: „да тише вы озорники—что это, право, за мученье! слова не дадут сказать! Развѣ нельзя играть тише!“ А ужъ на балаганахъ и подъ качелями идетъ говоръ и веселье. Вонъ влѣво, высоко залетая на воздухъ, подвылвившій мужичекъ уронилъ шапку. „Держи ее, держи!“ дружно и весело хохоча подхватываетъ толпа; а вонъ, погоняя деревянную лошадку карусели, мчится малый, которому бы ужъ это пожалуй и не поросту и не по лѣтамъ. А внизу, вставъ довольно поздно, отдохнувъ послѣ длинной заутрени и обѣдни, Сидоръ Кузьмичъ съ супругой иство и благословясь, садятся за обильную трапезу, за пасхальныя вкусныя яства и кухарка торжественно тащитъ свѣтлый, ярко отчищенный огромный самоваръ. Праздникъ въ разгарѣ! Въ серединѣ же рисунка пасхальное яичко наше съ христеующимися малютками—„Христосъ Воскресе!“

Безкровная жертва.

(Рис. на стр. 300).

По старинному итальянскому обычаю, по всей вѣроятности остатку языческихъ временъ, время древняго Рима, въ извѣстный праздничный день въ году (теперь напр. на Пасху) приносятся въ храмъ какъ жертва—голуби. Но жестокая старая времена давно прошли и голуби имѣютъ въ основаніи такъ спокойно сидѣть, воркуя, въ своей корзинкѣ, не боясь за свою жизнь. Прежде обѣдныхъ птицъ конечно убивали, приносили въ жертву какому нибудь изъ боговъ, теперь же эта жертва—безкровная. Вотъ молодая, красивая итальянка, которая сидитъ на церковной скамьѣ, терпѣливо ожидая своей очереди, тотчасъ граціозно поднесетъ свою корзинку и священнослужитель окропитъ голубей святою водою; затѣмъ дѣвушка отнесетъ ихъ домой и они опять будутъ летать по волѣ, въ синемъ небѣ, мелкая, своими бѣлыми, сверкающими на солнцѣ какъ серебро, крыльями.

Картина, копія съ которой помѣщена здѣсь, принадлежитъ И. Фуку, одному изъ талантливѣйшихъ вѣнскихъ художниковъ. Онъ составлялъ рисунки и планъ послѣдней блестящей Карусели въ Вѣнѣ и въ настоящее время завѣдуетъ художественною частью въ городскомъ вѣнскомъ театрѣ (Burgtheater). Талантъ его пользуется большимъ уваженіемъ.

Церковь Св. Архіепископа Іоанна въ Новгородѣ.

(Рис. на стр. 305).

Святой архіепископъ Іоаннъ особенно чествуется въ Новгородѣ какъ угодникъ Божій, много послужившій для пользы и славы своего отечества. Онъ родился въ Новгородѣ отъ богатыхъ и именитыхъ родителей и былъ рукоположенъ святителемъ Нифонтомъ въ 1144 году въ санъ священника въ церкви святаго Власія, что на Волосовой улицѣ. По кончинѣ же архіепископа Аркадія Новгородцы единодушно избрали себя владыкою смиреннаго священника Іоанна, принявшаго при постриженіи въ монашество имя Ілии. Вскорѣ по возведеніи Іоанна въ санъ Архіепископа настало для Новгорода трудное время: Великій Князь Суздальскій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій желая однимъ ударомъ сломить гордыню вольнаго города, послалъ многочисленное войско для его покоренія. Въ третью ночь осады, какъ говоритъ преданіе, Святитель Іоаннъ со слезами молился объ избавленіи роднаго города отъ угрожающей ему напасти и вдругъ услышалъ гласъ, повелѣвавшій ему идти

въ церковь Спаса, что на Ильинской улицѣ, взять тамъ икону Богоматери и отнести ее на городскія стѣны. Все это было исполнено; икону поставили прямо противъ осаждающихъ. Тучами посыпались стрѣлы на молящихся гражданъ и одна изъ нихъ даже вонзилась въ священное изображеніе Богоматери. Визанно икона обратилась лицомъ къ городу и слезы потекли изъ глазъ ея. Совершившееся чудо ободрило осажденныхъ и въ то же время привело въ ужасъ осаждающихъ. Суздальцы потерѣли страшное пораженіе и оставили въ рукахъ Новгородцевъ множество плѣнныхъ. Но не смотря на эту блестящую побѣду, смуты и междоусобія не прекращались въ Новгородѣ и благочестивому пастырю часто приходилось то усмирять народъ, то умилостивлять князей, оскорблявшихся непокорствомъ Вѣча. До конца жизни престарѣлый святитель заботился о благе роднаго города и только почувствовавъ приближеніе смерти, принялъ схиму и скорѣй потомъ скончался 7-го сентября 1186 г.

Изображенная на нашемъ рисункѣ церковь во имя святителя Іоанна построена въ 1822 году въ Кремлѣ, въ такъ называемомъ Іоанновскомъ корпусѣ архіерейскаго дома, гдѣ нѣкогда была келья святителя а потомъ помѣщалась Грановитая Палата. При входѣ въ эту Грановитую Палату невольно приходятъ на память два грозныхъ историческихъ эпизода, происшедшихъ подъ этими пестрыми, росписными сводами. Здѣсь объявлено было Псковитянамъ отъ имени великаго князя Василія Ивановича 6-го января 1510 года, что ихъ вѣче и вольность не должны болѣе существовать и здѣсь же 2-го февраля 1570 года архіепископъ Пимень угощалъ Іоанна IV и вдругъ за обѣдомъ „вскричалъ нарѣ громкимъ, грознымъ голосомъ обычнымъ царскимъ асакамъ“ и приказалъ схватить епископа, бояръ и слугъ, брать подъ стражу гражданъ. Это было предвѣстіемъ послѣдняго, страшнаго Новгородскаго погрома.

Въ притворѣ, при самомъ входѣ въ Грановитую Палату, на правой сторонѣ дверей, въ нишѣ, находится старинное изображеніе Спасителя, надпись надъ которымъ свидѣтельствуетъ, что передъ этимъ именно образомъ слезно молился Св. Архіепископъ Іоаннъ 24-го февраля 1170 года о помощи осажденному городу. Живопись же на стѣнахъ сѣней изображаетъ разные эпизоды этой осады, а также чудесное пораженіе Суздальцевъ.

Позади Іоанновой церкви находится келья св. Іоанна, состоящая изъ двухъ небольшихъ комнатъ и тутъ же указываютъ тѣсную моленную, куда часто уединялся святитель для благочестивыхъ размышленій и молитвы.

Мимоходомъ.

(Рис. на стр. 301).

Помѣщенный здѣсь рисунокъ изображаетъ граціозную сценку изъ домашней жизни геника богатого дома въ древней Греціи. Новѣйшія изслѣдованія уже дошли до той степени подробности, что съ значительною полнотою можно себѣ представить черты домашней жизни древнихъ грековъ. Одухотворенный мѣръ статуя и барельефовъ, стѣнной живописи и мозаики возстановляетъ передъ нами давно исчезнувшій мѣръ, изящный мѣръ классической красоты, граціи и величія.

На картинѣ мы видимъ молодую дѣвушку, которая, въ одномъ изъ переходовъ геника, неся рабочую корзинку съ клубками, приостановилась, любясь на крошечнаго бѣлаго котенка и забавляется, бросая ему клубокъ и улыбается его смѣшнымъ, граціознымъ прыжкамъ и его оживленію.

Политическое обозрѣніе.

Депеша Государя Императора къ Императору Вильгельму и отвѣтъ Его Величества. — Герцеговина. — Сербія. — Черногорія. — Австрія. — Турція. — Египетъ. — Англія. — Соединенные Штаты.

Государь Императоръ изволилъ адресовать Германскому Императору слѣдующую депешу по случаю дня рожденія Его Величества: Императрица и Я—Мы сердечно и мысленно присутствуемъ на празднествѣ дня рожденія Вашего. Къ выраженіямъ любви и уваженія, которыми Вы окружены, присоединяемъ и Наши. Да продлитъ Господь еще на многіе годы жизнь Вашу, столь преисполненную славными дѣяніями, для благоденствія Германіи, для мира Европы и для скрѣпленія узъ дружбы, связывающихъ Насъ и оба Наши государства. Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ: Примите вмѣстѣ съ Императрицей мою сердечную благодарность за добрыя пожеланія, высказанныя по случаю дня моего рожденія. Каждое Ваше слово нашло живой откликъ въ моемъ благодарномъ сердцѣ. Молю Всевышняго, да благословитъ Онъ ваше царствованіе на благо Вашего народа и для сохраненія мира Европы.

Въ Герцеговинѣ устали раздѣлились на мелкіе отряды, для того чтобы, пока, вести партизанскую войну. Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что коронаваніе сербскаго короля произойдетъ, вѣроятно, 15-го іюня, въ день несчастной битвы при Косовѣ—въ монастырѣ Тице-Кароновацѣ, гдѣ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ короновались сербскіе короли; въ то же время, какъ думаютъ, будетъ создана большая скупщина, на утвержденіе которой сообщены будутъ общанныя королю измѣненія въ конституціи; по этому же случаю учреждается новый орденъ,

который будетъ пожалованъ на первый разъ министрамъ и депутатамъ. Надо прибавить къ этому, что, по слухамъ, въ Вѣнѣ неожиданно оказалась, въ числѣ дворцовыхъ сокровищъ, древняя сербская корона; за этимъ слухомъ прошелъ другой—будто изъ Бѣлграда отправлено въ Вѣну особое посольство съ ходатайствомъ о возвращеніи этой короны; говорятъ однако, что все это не совсѣмъ вѣрно: такой же слухъ распространялся и о румынской коронѣ во время возведенія Румыніи въ королевство.

Черногорцы привѣтствуютъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ Сербское королевство: Для насъ, говоритъ „Гласъ Черногорца“ (органъ Черногорскаго правительства) Сербія—тоже, что и Черногорія, слава Сербіи составляетъ нашу славу, ея величіе—наше величіе. Все что выгодно для Сербіи—выгодно и для насъ... Сербія возстановляетъ пить своей древней государственной жизни и хотя сербское государство не можетъ быть возстановлено въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, но тѣмъ не менѣе оно приобрѣтаетъ обаяніе, вѣншій блескъ и титулъ своего древняго королевства“. Въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая политическая система, которою надо, необходимо славянамъ руководствоваться...

Въ Австріи парламентъ утвердилъ избирательную реформу, предложенную союзомъ славянскихъ депутатовъ и консерваторовъ. Члены родовой аристократіи въ Чехіи отстояли пять новыхъ парламентскихъ мѣстъ за владѣльцами майоратовъ, депутаты славянства понизили избирательный цензъ въ сельскихъ общинахъ (размѣры уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ) съ де-

сяти флориновъ до пяти. Говорятъ, что реформа упрочила министерство графа Таафе.

Султанъ прижился съ бывшимъ хедивомъ, Измаиломъ, которому, будто-бы, даже разрѣшилъ возвратиться въ Египетъ и снова занять свой престолъ. Между тѣмъ „Times“ говоритъ, что державы условились относительно политики, которой будутъ держаться въ Египтѣ, по словамъ газеты—окупация рѣшена въ принципѣ, и при этомъ выборъ державы, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, заняла бы Египетъ, имѣеть второстепенное значеніе (?); ни Англія, ни континентъ не относится враждебно къ мысли о свободномъ Египтѣ (неужели?), но (но—не допускаютъ ея на практикѣ) необходимо заставить его принять международныя обязательства (которыя и будутъ обязательны только для него и ни для кого иного).

С М Ъ С Ъ.

Солнце и земля. По изслѣдованіямъ профессора Гельмгольца первыя впечатлѣнія передаются со скоростью ста футовъ въ секунду. Такъ, напримеръ, если бы великанъ ростомъ въ 200 футовъ былъ укушенъ змѣею въ ногу, то прошло бы двѣ секунды пока онъ почувствовалъ бы боль. Представимъ себѣ новорожденного ребенка съ такой длинной рукой, которую бы онъ могъ достать до солнца и тамъ бы обжегся онъ умеръ бы старости—прежде чѣмъ почувствовалъ бы боль, такъ какъ боль эта достигла бы его мозга только черезъ полтора сто лѣтъ. Звукъ встрѣта съ солнцемъ достигъ бы земли черезъ четырнадцать лѣтъ, а пуля—при условіи сохраненія своей первоначальной скорости—черезъ девять лѣтъ. Если бы замѣнить силу притяженія солнца проволоками, посредствомъ которыхъ земля бы вращивалась вокругъ солнца, то для этого потребовалась бы проволока толщиной въ телеграфную, и покрывающая обратное къ солнцу полушаріе земли такъ часто, что на одномъ вращеніи двойнѣ помѣщалось бы по девяти рядовъ проволоки. Сила тяжести дѣйствуетъ моментально—явленіе оставшееся до сихъ поръ необъяснимымъ—въ то время, какъ сила притяженія, идущая отъ солнца и которая при помощи проволоки должна привести землю въ движеніе, почувствовалась бы на землѣ только черезъ триста дней. Тепло, издаваемое солнцемъ въ теченіи одной секунды, равняется теплу, получаемому въ то же время отъ сжиганія 16,436 милліоновъ тоннъ каменнаго угля.

Американская нефть въ восточной Азіи. Ничто такъ способствуетъ распространенію полезнаго матеріала какъ низкая на него цѣна; это наглядно доказано на нефти. Восемь, десять лѣтъ тому назадъ нефть доставлялось очень мало на востокъ и югъ Азіи; нынѣ потребление нефти тамъ быстро увеличивается. Въ 1872 году въ Японію не привозили вовсе нефти, въ 1876 году—туда уже было доставлено 2,550,000 галлоновъ (= 212,500 ведеръ). Въ Остѣ-Индіи и Китайѣ однанадцатъ лѣтъ тому назадъ Америка вывезла только 550,000 галлоновъ, въ 1875 году уже 6,600,000 галлоновъ.

Своеобразный китайскій обычай, препятствующій росту женской пошн, произошелъ, какъ г-воритъ преданіе, по слѣдующей причинѣ. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ Китаѣ царствовалъ императоръ Тшу-Кунгъ. Онъ былъ человекъ очень суровый, но жена его Та-Кіа была еще суровѣе и строже тѣмъ онъ. Она была красавица и единственное ея безобразіе были изуродованныя ноги. Чтобы скрыть этотъ недостатокъ, она обертывала ихъ разными повязками и надѣвала маленькіе башмачки. Придворныя дамы вскорѣ подслѣдовали примѣру своей повелительницы и такимъ образомъ установилась странная мода, удержавшаяся въ Китаѣ и доселѣ.

Много-ли рыбъ въ морѣ? Вопросъ идетъ собственно не о количествѣ отдѣльныхъ рыбъ, но о количествѣ различныхъ сортовъ. Большинство людей довольствуется анализомъ нѣсколькихъ названій рыбъ и рѣдко знаніе это простирается далѣе десятка, много двухъ названій. Но уже древній римскій историкъ Плиній называетъ около ста особей рыбъ. Великій шведскій естествоиспытатель Линней, исчислилъ все тогда извѣстныя породы рыбъ, которыхъ оказалось 478 видовъ, тогда какъ въ продолженіи XVII столѣтій, прошедшихъ отъ Плинія до Линнея, сдѣлались извѣстными неолныхъ 300 видовъ рыбъ. Поэтому должны казаться удивительными успѣхи въ Истѣологии (наука о рыбахъ), которыхъ достигли въ нашемъ столѣтіи. Экспедиціи съ цѣлью изслѣдованія морей и изслѣдованія ученыхъ: Кювье, Агассиса, Гюнтера и проч. открыли уже до 13,000 различныхъ видовъ рыбъ.

Гимнастическія упражненія. Гимнастика по послѣднимъ наблюденіямъ оказывается вредной, если ею занимается непрерывно болѣе трехъ мѣсяцевъ. Недавно во французской военной школѣ происходили официальные изслѣдованія физическаго вліянія гимнастики на воспитанниковъ. Шестимѣсячныя наблюденія дали слѣдующіе результаты: сила мускуловъ увеличивается на 15 и 17, а иногда даже отъ 25 до 30 процентовъ, и въ равной степени на обѣихъ половинахъ тѣла. Ширина груди увеличивается по меньшей мѣрѣ на одну шестую часть. Вѣсъ тѣла повышается на 5 и 7 и даже 10 и 15 процентовъ, въ то же время объемъ или масса тѣла уменьшается. Это доказываетъ полезное вліяніе гимнастики на мускульную систему. Но увеличеніе мускульной силы происходитъ всегда только въ первые три мѣсяца, въ послѣдующіе затѣмъ три мѣсяца наступаетъ убавленіе силы. Въ этомъ отношеніи динамометръ указывалъ ясно на необходимость приспособлявать время отъ времени

въ Англійскомъ парламентѣ разсматривается билль депутата Арнольда объ однообразномъ законѣ о выборахъ для всего соединеннаго королевства въ новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки численность арміи опредѣлена, по прежнему, въ 25 т. человекъ. Сенатъ недавно разсматривалъ предложеніе относительно внесенія бывшаго генерала Гранта въ списки арміи съ чиномъ и жалованіемъ генерала, отъ которыхъ онъ отказался для принятія президентства, и сенатъ постановилъ: въ воздаяніе важныхъ услугъ Улисса Гранта, бывшаго генерала арміи, назначить его въ армію съ чиномъ генерала и съ жалованіемъ.

Китай и Японія заказываютъ Крушну пушки и вооружаютъ свои флоты.

гимнастическія упражненія, что и дѣлаютъ все силы и клоуны, которыхъ мы видимъ въ циркахъ.

Источники англійскаго богатства. Часто было говорено, что источники неисчислимаго богатства англичанъ находятся въ Индіи. Справедливость этого подтверждается фактически, при перечисленіи громаднхъ доходовъ, полученныхъ англичанами въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ прошлаго и первыхъ двадцати лѣтъ настоящаго столѣтія въ Индіи, посредствомъ торговли, монополій, налоговъ и всевозможныхъ притѣсеній, черезъ отобраніе сокровищъ у мѣстныхъ князей и проч. Частное имущество служащихъ въ Остѣ-Индской компаніи, за все упомянутое время достигло до 68 милліоновъ 800,000 фунтовъ стерлинговъ; прибыль отъ торговли приблизительно до 46,709,000 фунт.; монополія торговли рисомъ, во время года въ Бенгаліи принесла ровно 6,000,000 фунтовъ; контрибуція во время войны съ Типо-Сагибомъ въ 1792 г. доставила 3,000,000 фунтовъ; отобранное въ 1794 г. имущество Рогитмеда простиралось до 1,000,000; имущество Типо-Сагиба, захваченное въ 1798 г. доставило злонной монеты 18,750,000 фунтовъ, брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней, а также словесъ, оружія и другихъ драгоценностей, по меньшей мѣрѣ на 56,250,000 фунтовъ стерлинговъ; имущество, набоба Карнати, захваченное въ 1801 году, равнялось 3,000,000 фунтовъ. Все это взятое вмѣстѣ, составитъ громадную сумму въ 203,500,000 фунтовъ стерлинговъ, а на наши деньги 2,000 милліоновъ рублей.

Въ области электрическаго освѣщенія заслуживаетъ вниманія изобрѣтеніе американца Голлава. Какъ извѣстно токъ въ электрическихъ лампахъ перескакиваетъ съ одной заостренной вершины угля на другую и при этомъ появляется свѣтъ. Но угли скоро сгораютъ при температурѣ въ 2,000 градусовъ по Цельзью, которую имѣеть электрическій токъ. Угли поэтому должны быть часто замѣняемы новыми, что и дорого и неудобно. Голландъ предлагаетъ замѣнить угли рѣдкимъ металломъ—иридемомъ, который хотя очень дорогъ, но за то переноситъ высокую температуру не сгорая.

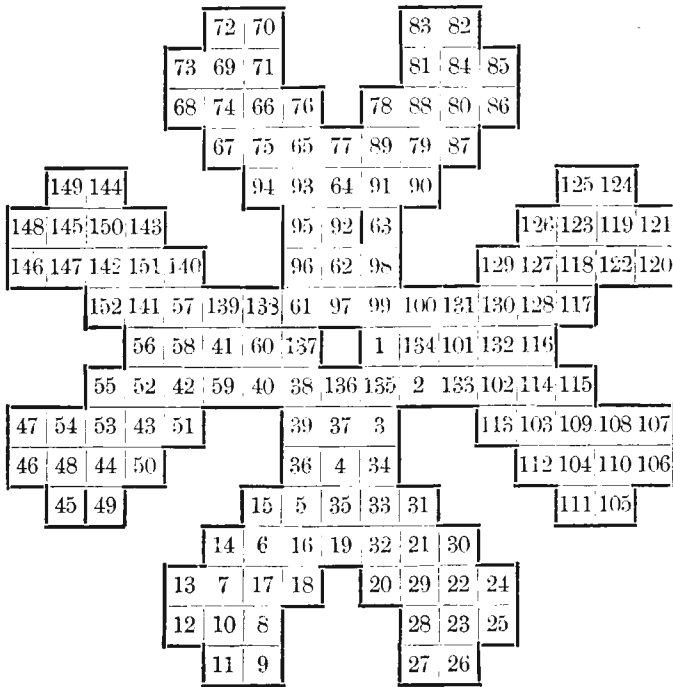
Европейскіе почтовые обороты въ послѣдніе 6 лѣтъ увеличились на 60,000,000 писемъ и повѣстокъ. Число пересланныхъ въ 1880 году писемъ, повѣстокъ, печатныхъ отписковъ и номеровъ газетъ равняется 5,834,000,000 шт., изъ нихъ 3,151,000,000 писемъ, 116,000,000 повѣстокъ, 884,000,000 печатныхъ отписковъ, образчиковъ товаровъ и пр. и 1,383,000,000 номеровъ газетъ. Такимъ образомъ на каждого жителя приходится 18,5 штукъ, изъ нихъ 11,3 писемъ и повѣстокъ и 7,2 печатныхъ отписковъ. На одного жителя въ Великобританіи и Ирландіи приходится 48,2 почтовыхъ отправокъ, Швейцаріи—16,1, Бельгіи—35,5, Франціи и Нидерландахъ по 29,5, въ Германіи—28,7, Даніи—26,6, Люксембургѣ—20,9, Австріи—16,0, Италіи—13,4, Швеціи—12,6, Норвегіи—12,1, Венгріи—7,6, Испаніи—7,1, Португаліи—5,4, Россіи—2,6, Греціи—2,3, Румыніи—1,6, Сербіи—0,7 и Болгаріи—0,3. Ежегодно въ Америкѣ обращается около 1,300 милліоновъ писемъ и повѣстокъ, въ Азіи 200 милліоновъ, въ Африкѣ 12 милліоновъ и въ Австраліи 40 милліоновъ. Если считать населеніе земнаго шара въ 1,400 милліоновъ людей, то среднимъ числомъ на каждого человека въ годъ придется около 3,6 писемъ и повѣстокъ.

Нашъ освѣтительный матерьяль. Ежедневно во всемъ свѣтѣ потребляется среднимъ числомъ 44,000 бочекъ нефти. Американскіе источники ежедневно доставляютъ 75,000 бочекъ и биржевые обороты нефтью достигаютъ тамъ баснословныхъ размѣровъ. Въ Нью-Йоркѣ иногда въ одинъ день поступаетъ запросъ на 3—4 милліона бочекъ. Въ общихъ торговыхъ оборотахъ наступили большія перемѣны. Брэдфордская область превзошла все прочія и конкуренція съ нею сдѣлалась немисляемой, такъ какъ въ ней нефть въ большомъ количествѣ выкаесть сама, тогда какъ въ низкихъ областяхъ, Паркинсъ, Бонсонъ и пр., т. е. почти во всей Пенсильваніи, работы производятся при помощи насосовъ и другихъ дорогихъ приспособленій. Поэтому-то пенсильванскіе источники совершенно опустѣли: дома, постройка которыхъ стоила 8000 долларовъ, продаются теперь за 1,000 долларовъ и все дѣло рушится.

Первый туннель. Въ 11 № „Нивы“ мы сообщали объ одномъ изъ величайшихъ современныхъ сооружеій—Таманскомъ туннелѣ—но туннели были извѣстны и въ древности. Страбонъ разсказываетъ, что въ Вавилонѣ царскій дворецъ былъ соединенъ подъ Евфратомъ съ храмомъ Белоса подземнымъ сводообразнымъ ходомъ, въ 15 футовъ ширины и 12 высоты; ширина же Евфрата равнялась

Рѣшеніе задачи—ходъ короля № 13.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
 Окруженный тучи мглою,
 Плылъ младенецъ по рѣкѣ
 И весло челнокъ волною.
 Буя вкругъ него кинить,
 Челнѣ ужасно колыхаетъ,
 Беззаботно онъ сидитъ
 И весломъ своимъ играетъ.
 Волны плещутъ на челнокъ,
 Онъ веселыми глазами
 Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
 Какъ цвѣтокъ кружить волнами.
 Челнѣ, ударясь у бреговъ
 Объ утесы—развалился...
 И на брегѣ, межъ цвѣтовъ,
 Мореходецъ очутился.
 Челнѣ забыть! А гибель? страхъ?
 Ихъ невниматель и не знаетъ:
 Улыбаясь на цвѣтахъ
 Мой младенецъ засыпаетъ.

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Турън, Соннина, Александровскаго, Барулина, Павлова, Бѣляскаго, Матѣевскаго, Попова, Оглоблятина, Цорнъ, Шадурскаго, Фуръ, Федоровичъ, Рагоза, Шеръ, Поваринной, Успенскаго; **Москва**—Завьялова, Сердова, Лыжина, Круничева, Лысенкова, Бѣлянкина, Бочарова, Котова, Лохина, Недыхтаевой; **Астрахань**—Цѣхановича; **Бѣлгородъ**—Дагаева; **Бѣлозельскаго**; **Варшава**—Трусовой, Лихтневскій, Блюмбергъ; **В. Луи**—Зотова; **Волога**—Поповой; **Воронежъ**—Соколова; **Гжатскъ**—Глушкова; **Гомель**—Бекіевскаго; **Горбатовъ**—Юрасова, Ратинова; **Городня**—Скоббеда; **Грязи**—Хамелева, Духовщина—Волонцевича; **Екатеринославъ**—Павловскаго; **Елецъ**—Алпатовой; **Елисаветградъ**—Баумгартенъ; **Еремино**—Жуковской; **Зарайскъ**—Донухина, Шюшина; **Земетчино**—Городковой; **Ив.-Вознесенскъ**—Куликова; **Казань**—Флоринскаго; **Калуга**—Ворошилова; **Калазинъ**—Малиновскаго; **Кіевъ**—Васильева, М. С. — Киндяки — Симонтовскаго; **Кирсановъ**—Велискаго; **Нишинецъ**—Маурмейстеръ; **Козловъ**—Мызниковъ; **Липканы**—Михальца; **Ломжа**—Куляко; **Мальце-Бродс.**—Терентьева; **Манарьевъ**—Т. К.; **Николаевка**—Каликинина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 12.

Бѣлыя	Черныя
1) D 8 — F 6	B 6 — D 8
2) G 1 — F 2	H 4 — E 1
3) B 2 — C 3	E 1 — E 7
4) D 4 — B 6	A 7 — C 5
5) F 4 — D 6	D 8 — C 7
6) A 5 — D 8	C 5 — D 4
7) E 3 — C 5	F 8 — G 7
8) H 6 — F 8	

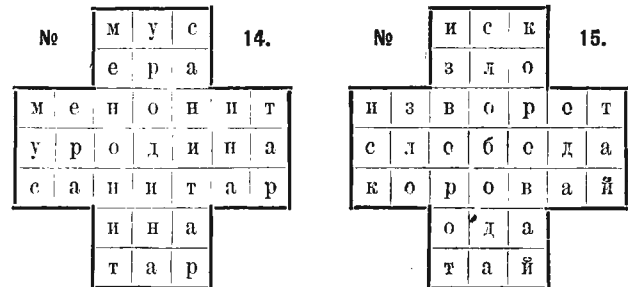
Вѣрна рѣшенія присланы отъ гг.: **Москва**—Ларионова, **Калуга**—Волкова, **Елецъ**—Волуйскаго.

ОПЕЧАТКА: Въ № 12 „Нивы“ слѣдуетъ читать вмѣсто Шахматная задача—Шашечная задача № 20.

Рѣшеніе ребуса № 11, помѣщеннаго въ № 7.

Пень не околица, а глупая рѣчь не поговорка.

Рѣшеніе магическихъ Крестовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Кремль въ Назани (съ рис.) — Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. В. С. Соловьева. Часть первая. — Во время бури. Романъ М. Юкава. (Продолженіе). — Вода и соли. Очеркъ.—Стихотвореніе.—ъ.—Воскресеніе Христова (съ рис.)—На Пасху. Силуэты (съ рис.)—Безиронная жертва (съ рис.)—Церковь Св. Архипископа Іоанна въ Новгородѣ (съ рис.)—Мимоходомъ (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Кипяченіе воды въ бумажной коробкѣ.—Рѣшеніе задачи—ходъ короля.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе магическихъ крестовъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

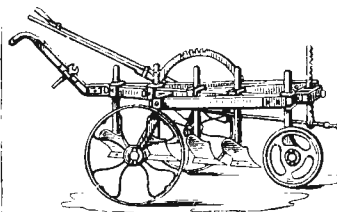
Издатель А. Ф. Марксъ.

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „Нивы“ и во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича Соловьева,
 съ 21 рисунк. И. С. Панова.
 Второе изданіе.

Большой томъ in 8—всего 310 страницъ. С.-Петербургъ. 1882 годъ. Изданіе А. Ф. Маркса, по Большой Морской, домъ № 9. Цѣна 2 рубля, съ перес. 2 рубля 50 коп. Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ.

4 лемешный отъ р. 37 доставляетъ
 3 лемешный " " 45
Морицъ Вейль мл. Франкфуртъ н/М.
 Корреспонденція по русски.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1882 г. дѣлается уступка 5 руб.

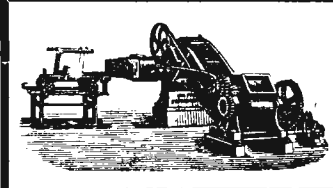
5-2 ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

СВѢТЪ
 Годъ 4 руб.
 1/2 г. 2 " "
 1/4 г. 1 " "
 Редакція:
 Гороховая,
 № 41.

А. Дейбнеръ.

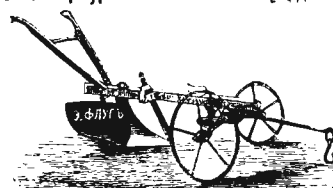
магазинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ,
 Невскій пр., д. 10, напротивъ Мал. Морской въ С.-Петербургѣ. Католики книгъ и журналовъ бесплатно. № 1957

Торфяныя и кирпичедѣлательныя машины и мѣшалки для разворотовъ, новѣйш. конструкций, на складѣ у **Людвига Федоровича ШЛИКЭЙЗЕНЪ.** Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Пресъ-курранты по востребованію бесплатно. П. № 1996 3—3

ДЕПО МАШИНЪ ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ: Вознесенск. пр., д. 11. Москва: у Красн. воротъ, д. Раузера. **ФЛУГЪ:** шведскіе 1 и 2 конные деревянныя, желѣзные, стальныя. Украинскіе съ перекладомъ, скоропашныя и поственные 2, 3 и 4-хъ лемешныя, подпочвенныя, олукины. Эксирпаторы, культиваторы. Борона: дерев. шотландскія, жел. зиг-загъ, жел. луговые, Валькуры, Драпачи, желѣзные кольцеобраз. нати. СБЯЛНИ: рупныя, полевныя и на тачкѣ, конныя въ разбросъ, рядовыя. Косилки и жнеи, кон. грабли, сѣноворотилки. Специальные каталоги тѣхъ, какъ и всѣхъ другихъ землед. машинъ и орудій, такъ и насосовъ, пожарныхъ трубъ, пульсометровъ и пр. высылаются бесплатно. № 2020

КЪ СВѢДѢНІЮ!
„ЭЛЕОНАТЪ“
 БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЪЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опытно признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корневъ волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеонату“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногороднихъ заказчиковъ высылаются не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногороднихъ:
 въ Главное Депо „Элеоната“ Пассажъ, Магазины № 52, въ С.-Петербургѣ.

Пересылка же болѣе чѣмъ на 1.500 верстъ отдаленные города отъ С.-Петербурга одна обойдется почти равнѣмъ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовые расходы слѣдуютъ на счетъ покупателя. № 1906

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦИЯ

ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и вѣсьмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во вѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб., и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб., и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.

№ 2013 25-1

ТРОИЦКОЕ

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУСТВЕН. МИНЕР. ВОДЪ

Троицкій пер. № 59. доставляетъ на домъ сифоны сельтерской или содовой воды по 10 к., 25 бут. за 1 руб. 13 к., 25 бут. лимонада 1 р. 75 к., превосходныя яблочныя и фруктовыя воды 25 бут. 2 р. 50 к. Залогъ за сиф. по 1 р., за бут. по 2 к. Гг. иногороднымъ высылается ящиками въ 100 бутылокъ. Тамъ же печенія и пряники свѣжіе, въ больш. выборѣ по умѣр. цѣнамъ. № 2016

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

РЕДАКТОРЪ

А. Патковскій.

Годов. цѣна журнала (за 12 книгъ) 12 руб. безъ дост.; 13 р. съ дост. въ СПБ.; 14 р. съ перес. Главная контора: Поварской пер., № 5. Третья книга вышла 1 марта, № 4 выйдетъ 1 апрѣля. № 2004 3-2

ВСЯКАГО РОДА ГРАВИРЬ НА ДЕРЕВЪ (КЛИШЕ)

К. РИХТЕРЪ, ЗАГОРОД. ПР. № 18 ВЪ С.ПБЪ. БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ Э. Вернера. Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р. 25 к. для подписч. „НИВЪ“ 1881 г. 75 к. съ перес. 1 р.

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ГОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1869 Г.

СКЛАДЪ ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА К^О

Асфальтъ въ мѣшкѣхъ и бочкахъ. Кровельный толь. Картонъ. Асфальтъ въ мѣшкѣхъ и бочкахъ. Кровельный толь. Картонъ. Асфальтъ въ мѣшкѣхъ и бочкахъ. Кровельный толь. Картонъ.

ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ. КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ Цѣна 1 р.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Самое лучшее изъ вѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается всякимъ ребенкомъ.

СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ Цѣна 75 к.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО въ Сиб. Канц. 3, у А. АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ также у Шголь и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во вѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ желанія, на которыхъ находится снѣй штемпель и подпись Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.

Р. № 2012 5-1

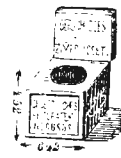
ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).

ВАЖНО ДЛЯ КАЖДАГО ХОЗЯЙСТВА.

Воздушные и переносные клеветы, ретрадики отъ 12 руб. ком. патные ледники, ванны и ванная печь. Печи для утюговъ, садовая мебель, донати, косы, серны и проч. рекомендуетъ

МЕХАНИЧЕСКІЙ И ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ В. ЦОЛЛИКОФЕРЪ.

Складъ: Гороховая улица, домъ № 20. № 2019

СКРИПКИ

старыхъ и новыхъ мастеровъ, виолончели, альты, контрабасы, рекомендуютъ въ громадномъ выборѣ, отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ сортовъ.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНГОВЪ Юлія Генриха Циммермана, С.-Петербургъ, по Большой Морской. № 42. А. № 2021

ГИТАРНЫЙ КЛУБЪ

въ Лейпцигѣ, утверждена Правительствомъ. При клубѣ международный союзъ гитаристовъ. Желающіе быть членами послѣдняго вносятъ ежегодно по мѣсяцѣ 3-хъ марокъ и получаютъ членскіи билетъ и уставъ клуба. Тамъ же можно заказывать въ 6, 8 и 12-хъ струнъ басъ, теноръ, терцъ, квинтъ и октавъ гитары, цѣною отъ 40 до 160 марокъ и баски — звучные продолжительностию звука, вслѣдствіи особаго механизма, устроеннаго внутри. Адресъ: Leipzig. Richard Lörne. Markt. 2.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго гавтора „Петербургскихъ Трущобъ“, 3-е изданіе II. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „НИВЪ“ 1881 г. 75 к. съ перес. 1 р.

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОНАЕМАЯ ПАЛТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за шугу 10 руб.	—	коп.
Плани съ крыльями	13	—
Капютоны къ нимъ	1	25
Военныя пальто	17	—
Пальто дамскія съ рукавами	13	—
Дамскія тальмы	11	—
Плани для дѣтей	10	—
Пальто, съ рукавами вѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоємъ	30	—
Плани съ крыльями такіе-же	30	—
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоємъ	22	—
Плани съ крыльями такія же	22	—
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа)	34	—
Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина,—длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща—вся длина и объемъ шеи.		

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для храненія мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:

Для храненія	1 шубы за мѣшокъ 5 руб.	—	коп.
-	2 шубы	6	50
-	3-4 шубы	8	—
-	4-5 шубы	9	50
-	5-7 шубы	11	—

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просятъ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ—2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА И РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица. 16.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“ Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ.

и во вѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія изданія А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 руб. 50 коп.

НАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка, Всеволода Соловьева. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 руб. 50 коп. Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

Первымъ мною приготовленная и введенная въ продажу

УРСУСНАЯ ЭССЕНЦИЯ

поддѣлывается многими. Позднѣйшія изслѣдованія мои обнаружили во вѣхъ поддѣльныхъ эссенціяхъ или меньшую крѣпость или же другіе, болѣе несприятные, недостатки. Нежеланіе практическіи убѣждаться въ этомъ, найдутъ настоящую мою, подѣ моимъ форменнымъ ярлыкомъ, эссенцію какъ у меня, такъ и въ кодоніальныхъ магазинахъ въ Москвѣ и повсемѣстно въ провинціи, начиная отъ Архангельска до Гарса и отъ Варшавы до Самарканда и до Николаевска на Амурѣ. Ц. № 1866 5-2

Р. Келеръ.

Ц. № 1866 5-2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С. В. ВЕДЕРНИКОВЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, № 123.

ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА

ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ.

Манто, Пальто, Жакеты, Манты и проч. изъ Велюръ, Эшпенга, Шюнь, Солелъ, Дра-де-суа, Муаръ, Дамассе, Сатинъ, Экалье и другихъ модныхъ тканей.

ВЕСЕННИЕ КОСТЮМЫ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ и КОПИ.

ДѢТСКІЯ ВѢЩА

для дѣвочекъ и мальчиковъ въ большомъ выборѣ.

№ 2003 2-2

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ

заходящія безъ ключа въ руку.
Аперные, закрытыя на 15 камняхъ 75, 80 и 85 руб. (смотри по вѣсу золота въ корпусѣ). Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ отъ 90 до 135 р.

Тоже высшаго достоинства съ сравнительнымъ мантинкомъ отъ 150 до 225 руб. съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ.

ПАВЛА БУРЕ

поставщица Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ. Подробные прейсъ-курранты высылаются по требованію бесплатно.

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Нивы“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЕРГѢЙ ГОРВАТОВЪ,

историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ.
Всеволода СОЛОВЬЕВА.

Большой томъ въ 8—всего 672 стр., печатанный на лучшей веленовой бумагѣ, съ вишнетками.

Романъ этотъ служить началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа «ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ», цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к., въ красномъ оригинал. полушугрен. переплетѣ 4 р. съ перес. 4 р. 50 к., для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“ на 1882 годъ цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ такомъ-же переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ

парового или коннаго дѣйствія, наилучшей конструкции, для большихъ и малыхъ производствъ. К. Цейсъ, СШБ., по Царскосельск. Ж. Д. на 5 верстѣ, собств. домъ. 2-1

10% ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижеоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ**: богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ, старинныя бронзовые часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенныя предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну ЛЮДОВИКУ БЕНЬ. Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.

Выше упомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію. 6-4 Д. № 1905

И. А. 1903 12

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится въ этикеткахъ.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Мед.-Травной Малой-Окстратъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Копп. въ Бреславлѣ *).

Принимая за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго натарра до чихотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія старикамъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

* Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у Русск. Общ. Торговли Ангеларен. Товар. Казанская, 12, въ Москвѣ у Н. Матвейскаго, въ Кіевѣ у Н. Нееза; въ Одессѣ у Ю. Лемме и въ Харьковѣ у Русск. Общ. Торгов. Ант. Тов., въ Саратовѣ у Н. Матвейскаго, въ Варшавѣ у Люд. Шпанъ и Сыновъ. № 1988

ВАЖНО ДЛН ВСЯКАГО КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ ДЛН ВСѢХЪ

РОССІЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ В. А. Вацлика.

СШБ., Литейный просп., № 45--8, уголъ Семіоновскаго пер.

Принимаетъ всякаго рода объявленія для напечатанія во всѣхъ газетахъ и журналахъ, по цѣнамъ редакцій и дѣлаетъ уступку отъ 5, 10, 15, до 20% смотри въ какія газеты и въ сколько разъ будутъ помѣщаемы. Тутъ же принимаются объявленія и подписка на газету „СВѢТЪ“, самую распространенную въ Россіи (27,000 экземпляровъ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИННАЯ ПОМАДА и ВОДА для уничтоженія перхотки на головѣ.
ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волею, употребленіе ея пригодно и освежительно.
ФИЛОДОРЪ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, прилагая названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмъ: „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

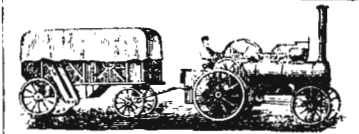
ЕДИНСТВЕННЫЯ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.

3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18-54, № 1997 Шредера.

Во всѣхъ прочихъ магазинахъ и лавкахъ, имѣющихъ вывески, сходныя съ вышесказанною СШБурской Хим. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

Имѣются всевозможныя земледѣльческія машины въ большомъ выборѣ

въ складѣ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДИЙ и МАШИИ
МАЛЬЦОВСКАГО

П. Т. Товарищества
въ Москвѣ

у Красныхъ воротъ по Садовой собств. д. Кагалогинъ высылаются бесплатно. № 1849 4-3

ЖИВЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 14

одъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМИ ДАРОВЫМИ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод., рис. и Выдавъ 3 Апрѣля 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загранич.) за строку непарный (въ 1/4 ширины страницы). КОНТОРА журнала открыта ежедневно (кроме Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія . . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всеми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

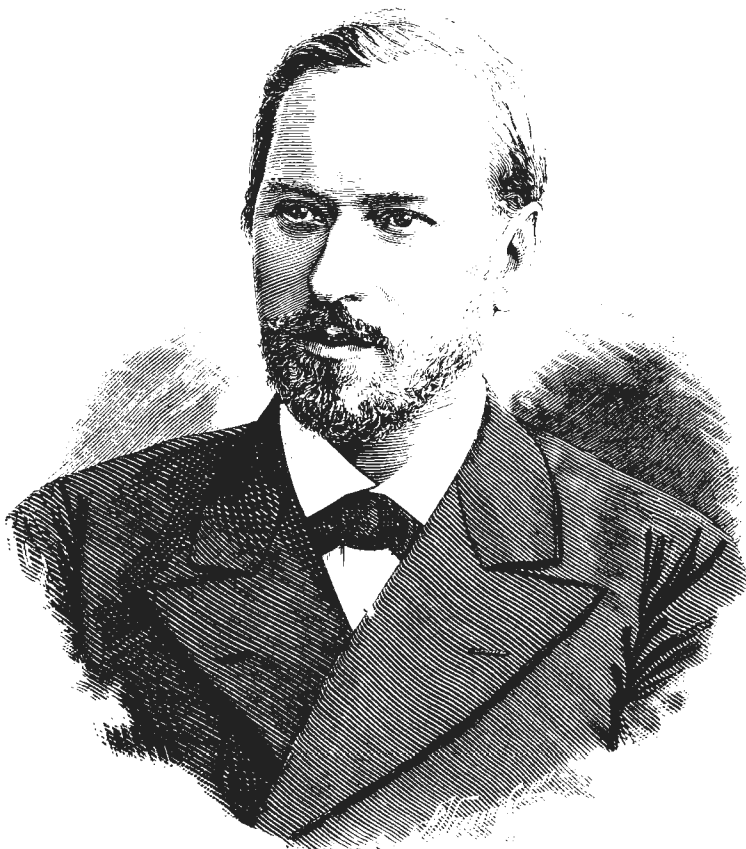
ПРИЛОЖЕНІЯ. Особая приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячами д. городскихъ по 4 р. РУКОПИСИ. Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1882 г. съ 22 рисунками и отдѣльное приложение съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 12 рукодѣльныхъ работъ.

Н. Я. Соловьевъ.

Пельзя сказать чтобы у насъ было велико число талантливыхъ людей въ области драматургіи. Хотя безпрестанно ставятся новыя пьесы и есть цѣлое, довольно большое, шество драматическихъ писателей, тѣмъ не менѣе людей выдѣлившись изъ ряда посредственностей немного. По прежнему самымъ крупнымъ драматическимъ писателемъ остается все тотъ-же А. Н. Островскій, хотя новыя его пьесы значительно уступаютъ по выдержкѣ первымъ, прославившимъ его имя, произведеніямъ.

Къ числу лицъ, выдѣлившись въ этой сферѣ несомнѣннымъ талантомъ, принадлежитъ молодой драматургъ Николай Яковлевичъ Соловьевъ, котораго первая-же пьеса „Женитьба Бѣлугина“ имѣла такой успѣхъ и де сихъ поръ не сходитъ съ респекта столбчатыхъ и провинціальныхъ сценъ. Послѣ этой пьесы нѣсколько слѣдующихъ писать онъ въ сотрудничествѣ съ А. Н. Островскимъ, который разумѣется не могъ не внести много въ эти пьесы съ его глубокимъ

Н. Я. Соловьевъ, драматургъ. Съ фотограф. Шаниро, грав. Ю. Барановскін.

знаніемъ сцены и высокимъ талантомъ.

Н. Я. Соловьевъ родился въ 1845 году въ Рязани. Отецъ его, архитекторъ, скончался, когда мальчику было всего семь лѣтъ и жизнь опредѣлилась для него тяжелой борьбой. По окончаніи курса въ гимназіи въ 1861 г., слушаніе лекцій въ московскомъ университетѣ года черезъ три онъ долженъ былъ прекратить по недостатку средствъ, и въ его тяжеломъ положеніи юноша находитъ единственную отраду, когда ему удавалось понасть въ театръ, гдѣ такіе исполнители какъ Садовскій, Шумскій, Самаринъ, не могли не оставить сильнаго впечатлѣнія въ этомъ талантливомъ юношѣ, который уже началъ слагать въ своемъ воображеніи комедіи, драмы — призваніе его тогда уже опредѣлилось. Онъ кое-что и писалъ, но принужденъ былъ, уѣхавъ изъ Москвы, взять мѣсто учителя, въ глуши, въ Калужской губерніи, и обязанности эти исполнять дѣтъ шесть, когда ему удалось встрѣтиться съ К. Н. Леонтьевымъ (портретъ и био-

графія котораго были помѣщены въ „Нивѣ“ № 20—1879 года). Этого въ высшей степени оригинальный, пекреннѣйшій человекъ, тонкій и изящный писатель-художникъ принялъ участіе въ молодомъ человекѣ и замѣтивъ въ немъ признаки несомнѣннаго дарованія, занялся имъ съ собственнымъ ему увлеченіемъ. Въ то время была написана П. Я. вчера комедія „Женитьба Бѣлугина“ и черезъ посредство К. Н. Леонтьева, по нѣкоторомъ исправленіи, была передана А. П. Островскому, отзывавшемуся радужно и тепло настолько, что выразилъ готовность способствовать молодому автору. Участіе такого человека конечно оживило П. Я. воскресило все его надежды, возбудило

энергію, и тутъ-же состоялось литературное сотрудничество, которое несомнѣнно много подвинуло все дѣло, имѣвшее за себя такое имя какъ имя творца „Бѣдность не порожекъ“. „Свои люди сочтемся“ и другихъ всей Россіи извѣстныхъ произведеній. Въ сотрудничествѣ съ А. П. Островскимъ г. Соловьевымъ написаны пьесы: „Счастливыи дѣнь“, „Женитьба Бѣлугина“, „Дикарка“ и драма „Свѣтитъ да не грѣбеть“; безъ этого же сотрудничества — „На порогѣ къ дѣду“, „Проставились“ и „Медовый мѣсяць“ драма въ 5 дѣйствіяхъ.

П. Я. Соловьевъ въ полномъ развитіи своего таланта и наша сцена можетъ еще многого ожидать отъ него.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

ХІІІ.

Добрый волшебникъ.

Москвѣ торжествовалъ и тотчасъ же, окрыленный новой надеждой, поспѣшилъ къ Танѣ, таинственно, и подъ великимъ секретомъ сообщилъ ей о своемъ посѣщеніи Гатчины, о разговорѣ съ цесаревичемъ и объявилъ какое приглашеніе ее ожидаетъ.

Таня все это время была такъ грустна и задумчива, что жаль было глядѣть на нее. Она твердо исполнила то, что считала себя обязанной исполнить, она не смотри на всю жалость наполнявшую ее, на всю свою любовь, оторвалась отъ Сергѣя, уѣхала отъ него, но теперь, когда трудное дѣло ей было сдѣлано, ей не захвѣло было крикнуться—вѣдь уже никто не уговорить ее вернуться туда, къ нему. Она тосковала и грустила по своей, едва разцвѣтшей и уже погубленной, юности, по честной любви, которая должна была теперь такъ безвозвратно погибнуть.

Она была увѣрена, что уже ничто и никогда не соединитъ ее съ Сергѣемъ, она думала, что навсегда порваны связывавшія ихъ нити и въ то же время она знала, что радости ея жизни покончены, что ничего она не полюбитъ больше и что никогда не разлюбитъ она его, хотя онъ и недостойнымъ оказался любви ея.

Дорогою о многомъ и о многомъ она передумала, помыслила даже и о монастырѣ—какая дѣвушка ей лѣтъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, о немъ не помыслить—но мысль уйти отъ міра не долго ее останавливала на себѣ. Въ ней было черезъ чуръ много жизни и безсознательно для нея эта жизнь заявляла свои права. Во всякомъ случаѣ не теперь еще рѣшать съ собою—теперь она еще нужна матери и не увидѣть отъ нея, а княгиня именно въ это время вдругъ почувствовала себя снова не совсемъ здоровой. Все эти передрыги, эта поѣздка, вопреки наставленіямъ и предсказаніямъ медиковъ, вовсе не имѣли на нее хорошаго дѣйствія, вовсе не укрѣпили ее, а напротивъ разстроили. При этомъ она мучилась мыслью о судьбѣ Тани, она страшно негодовала на Сергѣя, негодовала отчасти и на Таню, потому что видѣла, что могло все иначе кончиться, что стоило только Танѣ немного сдержатъ себя, позабыть свою гордость, свое оскорбленное чувство, простить ему и онъ конечно былъ бы самымъ лучшимъ мужемъ и старался бы загладить все прежніе свои проступки.

Вліять на Таню она конечно не могла и сознавала это, она не рѣшалась даже уговаривать ее, просить. Она считала своею обязанностью подчиняться во всемъ рѣшеніямъ своей дочери и вотъ теперь, утомленная и недовольная, она только спрашивала у дочери:

— Что же мы будемъ дѣлать? Куда мы отправимся? Здѣсь жить что ли останемся, въ Петербургѣ? Или въ

Москву? Или въ деревню—какъ ты рѣшила это, Таня? — Никакъ не рѣшила, матушка. Отдохни, родная, съ врачами еще нужно о тебѣ посоветоваться—что они скажутъ. Ты все нездорова.

— Ахъ, да не думай ты о моемъ нездоровьи, перебила ее княгиня. Вотъ какъ увижу тебя счастливою—и сама буду здорова—мое здоровье въ твоемъ счастьи.

Танѣ становилось еще тоскливѣе, но каково бы ни было ея душевное состояніе, она не могла равнодушно относиться къ извѣстію, принесенному Москвой. Навсегда разставшись съ Сергѣемъ, она все же еще не вышла изъ подъ его вліянія относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Она знала горячее чувство, которое онъ питалъ къ цесаревичу и уже по одному этому сама любила его, хотя никогда не видала. Она обрадовалась тому, что онъ пожелалъ увидѣть ихъ, что онъ позоветъ ихъ въ Гатчину.

И вотъ, на слѣдующій же день получила она съ матерью приглашеніе.

Княгинѣ доложили, что ее спрашиваетъ неизвѣстная дама.

— Кто бы это могъ быть? Сейчасъ выйду.

Ее дождалась маленькая, тощенькая фигурка съ какими то особенными маленькими, воздушными движеніями, съ нѣжнымъ, будто созданнымъ изъ тонкаго фарфора, лицомъ, съ глубокими, лучистыми глазами.

Эта нежданная посѣтельница далеко не могла называться красавицей, но вся она сіяла такой необычайной духовной красою, что княгиня съ волненіемъ и изумленіемъ на нее взглянула. Оказалось, что это была—Екатерина Ивановна Нелидова, фрейлина великой княгини Маріи Феодоровны.

Княгиня не успѣла и сообразить—какъ, что и почему, и уже узнала, что завтра утромъ ихъ ждутъ въ Гатчинѣ. Нелидова кажется и не объяснила причины, по которой цесаревичъ съ супругою пожелали ихъ представленія, она такъ ловко и мило обошла эту причину, она только совершенно обворожила княгиню. А когда вошла Таня, то взглянувъ другъ на друга, онѣ сразу и полюбили другъ друга, какъ будто были старыми, давнишними друзьями—такъ бываетъ иногда при встрѣчѣ двухъ очень хорошихъ женщинъ, въ особенности, если одна изъ нихъ обладаетъ такой „гениальностью сердца“, какою обладала Нелидова.

На слѣдующій день, въ назначенное время, онѣ были въ Гатчинскомъ дворцѣ. Тамъ ихъ встрѣтили самыя ласковый пріемъ, какого даже онѣ никогда не могли ожидать.

И мать и дочь были очарованы простотой и добротой красавицы великой княгини, Маріи Феодоровны, съ необыкновеннымъ умѣньемъ опытной хозяйки успѣла занять княгиню, которая въ сущности конечно была для нея довольно скучной гостьей.

Навель Петровна сосредоточилъ свое вниманіе на княжкѣ и съ первой же минуты влюбился въ нее.

Не смотря на свою неприязню къ обществу, Таня держала себя съ такимъ чувствомъ собственного достоинства, съ такимъ спокойствіемъ и умѣньемъ, что нужно было только удивляться, глядя на нее—откуда все это взялось въ семнадцать лѣтъ, послѣ деревенской замкнутой жизни? Или это душевное горе всему научило,—иногда такъ бываетъ.

Послѣ обѣда Навель шепнулъ великой княгинѣ.

— Мой другъ, былъ ли я правъ или нѣтъ? Стоитъ ли позаботиться о судьбѣ ея.

— Конечно да, отвѣчала великая княгиня,—это предостная дѣвушка и было бы очень горько, если бы она сдѣлалась несчастной.

— Eh bien, vous me donnez carte blanche?

Certainement, mon ami.

Тогда цесаревичъ устроилъ такимъ образомъ что остался вдвоемъ съ Таней. Въ первую минуту онъ даже испугалъ ее—такъ рѣзко приступилъ къ объясненію съ нею.

— Княжна, сказалъ онъ, я полюбилъ одного человека, который оказался недостойнымъ моего вниманія, я намѣренъ доказать ему это... вы понимаете, что я говорю о Сергѣѣ Горбатовѣ...

Таня все вслыхнула.

— Ваше высочество, чѣмъ же это?.. Чѣмъ онъ такъ провинился передъ вами? Я хорошо его знаю и... поверьте мнѣ... я ручаюсь вамъ, что онъ не могъ заслужить такой немилости... онъ, который такъ сердечно вамъ преданъ...

— А, и вы тоже! нусякая на себя сердитый видъ, воскликнула Навель.— Вотъ этотъ глупый карликъ тоже толкуетъ о его къ мнѣ привязанности. Хороша привязанность! Чѣмъ онъ ее можетъ доказать мнѣ?.. Единственно тѣмъ, что долженъ быть честнымъ, благороднымъ человекомъ, и какъ онъ поступилъ съ вами?.. Я знаю его не хочу послѣ этого!

Таня опустила глаза.

Зачѣмъ проговорился Степанъ? Вотъ ея тайна, тяжелая тайна, прикосновеніе къ которой, каждый разъ, такъ больно отзывалось въ ея сердцѣ, теперь въ рукахъ цесаревича—еще пожалуй она будетъ причиной неприятностей для Сергѣя—зачѣмъ это? Какъ это ужасно! И что теперь дѣлать?

— Ваше высочество, проговорила она, стараясь совладѣть со своимъ волненіемъ, вы все знаете... я не умѣю благодарить васъ за участіе, которое вы во мнѣ приняли. Но дозволите мнѣ сказать вамъ, что въ моемъ дѣлѣ вы не можете быть судьей. Я одна только имѣю право судить Сергѣя Борисыча—и я его давно оправдала.

— Vous êtes un ange de bonté, mais tant pis pour lui! съ чувствомъ сказала Навель.—Вы побѣдили меня и дадите мнѣ хороший урокъ. Да, вы правы—это ваше дѣло и вы въ немъ судья, но я буду просить васъ все же не считать меня совершенно постороннимъ человекомъ въ вашемъ дѣлѣ. Видите ли, я имѣю глупую слабость къ нему, къ этому недостойному васъ, Сергѣю, а познакомиться съ вами и не полюбить васъ, я тоже не могъ, ну и понятно, что мнѣ больно подумать о томъ, какъ этотъ глупый человекъ нанесъ вамъ обиду и самъ убѣжалъ отъ своего счастья. Я не могу успокоиться на этомъ, я долженъ вернуть васъ другъ другу, да, я ставлю это себѣ задачей. Я до тѣхъ поръ не успокоюсь... слышите не успокоюсь, пока васъ не повѣчаю.

— Ахъ, какъ вы добры, ваше высочество, съ напруженными слезами прошептала Таня,—но то, что вы говорите, невозможно, никогда этого не будетъ.

— Будетъ, не сердите меня, будетъ непременно, я вамъ за это ручаюсь, хотя конечно не сейчас, не скоро... нѣтъ—его проучить надо. Нужно, чтобы онъ про-

шелъ хорошую школу, чтобы онъ хорошенько, какъ слѣдуетъ, наконецъ понялъ всю гнусность вины своей передъ вами, чтобы онъ переродился и перерожденнымъ, истинно раскаявшимся грѣшникомъ явился передъ вами, да и тогда еще вы его испытаете, и тогда еще не сразу покажете ему возможность счастья, пусть онъ его заслужитъ хорошенько. Когда онъ вернется сюда я не знаю, можетъ быть пройдетъ годъ, другой, третій, все возможно, но знаете, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что онъ вернется именно такимъ, какимъ я желаю его видѣть. Онъ не можетъ забыть васъ, онъ не можетъ найти кого-нибудь другого на ваше мѣсто—такихъ какъ вы не забываютъ. Пусть онъ помучится хорошенько, а все же къ вамъ вернется. Пока же у меня до васъ большая просьба: мы съ женой сразу, съ первой минуты полюбили васъ какъ родную, какъ будто бы вы были нашей дочерью, видите, я говорю прямо и просто—я не умѣю иначе, когда мнѣ сердце подсказываетъ слова—оставайтесь у насъ, не покидайте насъ и ждите здѣсь съ нами вмѣстѣ возвращенія вашего Сергѣя. На этихъ дняхъ вы будете вѣроятно назначены фрейлиной великой княгини—согласны?

Таня поднялась растерзанная, растроганная, она уже не могла удерживать благодарныхъ слезъ и невольнымъ движеніемъ протянула руки къ великому князю.

— Ахъ, какъ вы добры, шептала она сквозь слезы.— Сергѣй много говорилъ мнѣ о добротѣ вашей, но то, что я вижу и слышу...

Она не могла договорить. Навель крѣпко сжалъ ея руки.

— Успокойтесь, дитя мое, сказалъ онъ ласково, нѣжнымъ, почти даже женскимъ голосомъ.

Когда Таня нѣсколько успокоилась, первая мысль, пришедшая ей въ голову, была о томъ, что все же ей невозможно воспользоваться добротой и милостями цесаревича и его супруги—а какъ же мать? Она не имѣетъ никакого права ее покинуть, да если бы и имѣла, она по чувству своему никогда не рѣшится на это. Она прямо и выразила все это цесаревичу.

— А вы полагаете, что объ этомъ не подумали и не поняли, отвѣтилъ онъ—конечно и княгиня должна тоже здѣсь остаться и не разлучаться съ вами и вотъ можетъ быть теперь, въ эту минуту, жена и говоритъ ей объ этомъ.

Возраженій никакихъ не оставалось: дальнейшая судьба Пересвѣтовыхъ была рѣшена—онѣ оказались жительницами Гатчины. Карликъ былъ отправленъ со всякими инструкціями, съ письмомъ отъ цесаревича къ Сергѣю и со строжайшимъ наказомъ чуть что не подѣ страхомъ смерти молчать обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Онъ долженъ былъ извѣщать княжну время отъ времени о себѣ и о своемъ господинѣ, ему обѣцано было, что и его не оставятъ безъ вѣстей—но Сергѣй долженъ былъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что Таня находится въ Гатчинѣ.

Добрый волшебникъ взялся все устроить ко всеобщему благополучію и употребилъ всѣ способы для того, чтобы все совершилось именно такъ, какъ онъ задумалъ. Когда должна была наступить развязка, черезъ годъ, черезъ два, черезъ три—это былъ самый дальній срокъ, какой только могъ представляться дѣйствующимъ лицамъ, а между тѣмъ время шло не принося ничего новаго; прошло нѣлыхъ семь лѣтъ. Вотъ уже три года, какъ умерла княгиня Пересвѣтова, вотъ уже три года какъ Таня совѣмъ одинока, но не чувствуетъ себя сиротою въ семьѣ цесаревича—къ ней всѣ такъ привыкли, ее всѣ такъ любятъ, время отъ времени Навель Петровичъ напоминаетъ ей объ обѣщанной развязкѣ. Великая княгиня, напротивъ, давно уже предлагаетъ ей разныхъ жениховъ, давно уже заботится о томъ, чтобы устроить судьбу ея—княжна Таня богатая, знатная невѣста—но усилія великой княгини не приводятъ ни къ

Изъ средневѣковой жизни. Ландскнехты. Картина Э. Гильдебранта, грав. Бренд'Амурь.

чему: въ Гатчинѣ мало жениховъ подходящихъ къ Таиѣ, но главное дѣло и не въ женихахъ—Таия никого знать не хочетъ, она вѣрна далекому человѣку, который не имѣетъ о ней, благодаря распоряженію цесаревича, никакихъ извѣстій, но о которомъ сама она, черезъ стараго друга Моську, знаетъ все, что ей знать нужно. Таия ждетъ и каждый разъ, когда добрый волшебникъ напоминаетъ ей, что цѣль невремѣнно будетъ достигнута, что счастливая развязка наступитъ, она снова ободряется и снова вѣрится доброму волшебнику, и ни она, ни этотъ добрый волшебникъ не замѣчаютъ, что время идетъ, хотя медленно, однообразно, но идетъ своей чередою, унося годъ за годомъ, унося жизнь и молодость, не замѣчаютъ они этого—вѣдь время оставилось въ Гатчинѣ...

XIV.

Сбудется ли?

Добрый волшебникъ былъ правъ. Вернувшись въ воскресенье изъ Петербурга, онъ тотчасъ же отправился въ помѣщеніе, которое занимала княжна Таия.

Она сидѣла за чтеніемъ—своимъ любимымъ и главнѣйшимъ занятіемъ среди тишины и однообразія гатчинскаго существованія.

Павель Петровичъ почти никогда не заглядывалъ въ ея комнату и потому она очень изумилась его появленію. Но взглянувъ на него она сейчасъ же догадалась, что случилось что нибудь важное и хорошее. Она давно уже научилась читать въ лицѣ цесаревича, знала всѣ его приемы, всѣ мины. Встрѣчаясь съ нимъ, она тотчасъ же видѣла въ какомъ онъ настроеніи, хорошо ли у него на душѣ, или дурно. Если онъ разсерженъ, если что нибудь томить его, мучаетъ—тогда не видно его глазъ, они будто чѣмъ-то подернуты—тогда онъ дуренъ. Если хорошо, если какое нибудь доброе чувство, какая нибудь надежда трепещутъ въ его сердцѣ—глаза сияютъ и искрятся и освѣщаютъ собою все это некрасивое странное лицо, онъ неузнаваемъ, будто другой человѣкъ, смотришь на него и не понимаешь, какъ это можно считать его некрасивымъ.

Вотъ и теперь взглянула Таия, онъ хорошъ—значитъ пришелъ съ хорошей вѣстью.

— А вы за книжкой, дитя мое, проговорилъ цесаревичъ, подсаживаясь къ ней—и пожимая ея руку. Мнѣ кажется вы слишкомъ много читаете, слишкомъ много видите, глаза себѣ только испортите. И что вы такое видите?

— Извлеченіе изъ каждой книги, которую я прочла, и которая меня заинтересовала, ваше высочество.

— Ну, и потомъ...

— Мои разсужденія по поводу этой книги.

— Вотъ какъ! Вы у насъ ученой дѣвицей стали, философъ пожалуй, а я и не зналъ объ этомъ. Ну, а эти тетрадки ваши, эти разсужденія, вы мнѣ дадите ихъ на просмотръ, на цензуру?

— Съ большимъ удовольствіемъ, ваше высочество, если это можетъ интересовать васъ.

— Очень даже интересуется, только не теперь, не сейчасъ—теперь я другимъ занятъ. Я пришелъ къ вамъ съ доброй вѣстью.

— Это я тотчасъ же и увидѣла. Я жду вашей вѣсти, но сама не посмѣла васъ спрашивать.

— И мысленно бранили меня за то, что я медлю?

— Еще бы не бранить, я просто обвиняю васъ въ жестокости—вѣдь уже не первый разъ я замѣчаю, что вы любите томить человѣка.

— Ну полно, полно, я не хочу съ вами ссориться и браниться—вотъ вамъ добрая вѣсть. Сегодня я видѣлъ одного знакомаго вамъ человѣка.

— Какого человѣка?

— Сами догадайтесь.

Таия вскинула.

— Неужли онъ наконецъ вернулся? Неужли онъ здѣсь? прошептала она.

— Да, онъ вернулся. Вѣдь нужно же было когда нибудь ему вернуться, вѣдь и такъ мы съ вами черезъ чуръ долго ждали, другъ мой.

Таия опустила голову и глубоко задумалась.

— Что же вы какъ будто печальны? Неужели я не обрадовалъ васъ моей вѣстью?.. Да, понимаю, того, что я сказалъ вамъ, мало... но успокойтесь же—вѣсть моя добрая не потому только, что онъ вернулся, а потому, что вернулся именно такимъ, какимъ мы съ вами его ждали. Я успѣлъ кое о чемъ разспросить его и доволенъ имъ. Онъ намѣренъ васъ разыскивать и никакого понятія не имѣетъ о томъ, что вы здѣсь: карликъ не проговорился.

— Я въ этомъ не могла и сомнѣваться.

— Ну, и вотъ на этихъ же дняхъ онъ здѣсь будетъ, сами увидите, каковъ онъ. И хотѣлъ предупредить васъ и при этомъ дать вамъ совѣтъ, какъ его встрѣтить.

— Какъ его встрѣтить, ваше высочество... какъ же иначе могу я его встрѣтить, если не какъ стараго друга?

— Да, конечно, но повѣрьте мнѣ, о дружбѣ не будетъ и рѣчи, онъ потребуетъ отъ васъ другаго и вотъ тутъ то вы должны быть осторожны, слышите-ли, сразу сдаться и не думайте—я вамъ это запрещаю! Вы должны будете не на словахъ только, а на дѣлѣ убѣдиться въ его раскаяніи, пусть онъ хорошенько заслужитъ свое прощеніе—иначе онъ васъ не получитъ, мы васъ не отдадимъ ему.

Таия слабо улыбнулась.

— А вѣдь вы еще меня видно мало знаете, ваше высочество,—мнѣ не нужно вашего запрета и вашего предупрежденія. Тогда я была совѣтъ ребенкомъ, а и тогда вѣдь справилась съ собою, теперь же... неужели вы полагаете, что я сдѣлаю рѣшительный шагъ, рѣшительный, неопоротный, не получивъ твердой увѣренности, что новой ошибки не будетъ. И нечего намъ больше говорить объ этомъ. Только скажите мнѣ, ваше высочество, какъ вы его нашли? Здоровъ ли онъ?.. измѣнился... каковъ сталъ онъ теперь?

— Да, онъ измѣнился, уже далеко не мальчикъ... впрочемъ вамъ, сударыня, вѣрно не того надобно, съ улыбкою прибавилъ Павель, вѣрно желаете знать, не подурнѣлъ ли вашъ Сергѣй Борисовичъ? Успокойтесь и въ этомъ не хуже сталъ чѣмъ былъ, на мой взглядъ даже лучше.

— Я о красотѣ его вовсе не думала, серьезно отвѣтила Таия, но вотъ вы заговорили о красотѣ и наводите меня на новую мысль. Я то съ тѣхъ поръ измѣнилась, мнѣ вѣдь ужъ двадцать пять лѣтъ—для дѣвушки это года большіе. Вы должны знать, ваше высочество, что я не много думаю о своей наружности—даже великая княгиня не разъ меня бранила за это—но я все же хорошо знакома съ зеркаломъ, и зеркало говоритъ мнѣ, что я очень измѣнилась и уже конечно не въ свою пользу.

Павель Петровичъ откинулся въ креслѣ и смѣрилъ Таию быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ.

— Да, вы измѣнились, проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—но только не смѣйте клеветать на себя—вы стали несравненно лучше, чѣмъ когда я узналъ васъ. Если бы я былъ моложе и считалъ это для себя дозволеннымъ, я наказывалъ бы вамъ много комплиментовъ, но моихъ комплиментовъ вамъ не надо и я не люблю ихъ. Я гляжу на васъ какъ старый другъ, почти какъ отецъ.

Таия доврѣчиво, благодарно протянула руки къ цесаревичу и посмотрѣла на него въ свою очередь съ искреннимъ, дочернимъ чувствомъ.

— Вотъ поэтому то, что вы меня немножко любите,

съ милой улыбкой произнесла она, я вамъ, можетъ быть, и кажуся лучше, чѣмъ въ дѣйствительности и вы не хотите видѣть тѣхъ перемены, которыя оставило на мнѣ время: къ тому же вы привыкли къ нимъ. Вамъ трудно и замѣчать ихъ—я всегда на глазахъ у васъ, но чело-вѣкъ, не видѣвшій меня семь лѣтъ, не то скажетъ. Онъ сразу увидитъ все эти перемены, неизбежныя, фатальныя перемены.

— Лжете, лжете! почти уже начиная сердиться, перебилъ ее Павелъ Петровичъ.—Да, очень можетъ быть, если бы эти семь лѣтъ вы иначе прожили... въ другомъ мѣстѣ, если бы вы жили въ Петербургѣ, тамошней вредной жизнью, въ тамошнемъ вредномъ воздухѣ, если бы превращали день въ ночь, а ночь въ день, утомлялись на разныхъ глупыхъ празднествахъ, очень можетъ быть, даже навѣрное, вы бы измѣнились и постарѣли, а здѣсь не то... Гатчинскій воздухъ не чета петербургскому—здѣсь деревня, никакой болотной сырости... Здѣсь вы ведете правильную жизнь, рано встаете, рано ложитесь, во всемъ мѣру знаете, никакихъ излишествъ. Я смѣю думать, что мы сохранили васъ и этотъ Сергѣй долженъ намъ сказать большое спасибо. Да и наконецъ, о какихъ пустякахъ мы съ вами толкуемъ... пусть бы вы даже измѣнились наружно, пусть бы вы подурнѣли—хорошо онъ будетъ, если обратитъ на это вниманіе! Если онъ любитъ не васъ, а только вашу свѣжесть и молодость—намъ его не надо, не такъ-ли?

— Такъ, ваше высочество, такъ, отвѣтила Таня, но все оставалась задумчивой.

Не смотря на всю свою серьезность и благоразуміе, на полное отсутствіе въ ней кокетства и желанія нравиться, она все же была женщиной, и больно было ей думать о томъ, что можетъ быть человѣкъ, котораго она столько любила, котораго забыть не была въ силахъ, который оставался ей первой и конечно уже послѣдней любовью, при встрѣчѣ найдетъ ее подурнѣвшей, постарѣвшей.

И не замѣчала она въ своей задумчивости, что цесаревичъ продолжаетъ глядѣть на нее и любоваться ею, не понимала, что для него ясно рѣшеніе этого вопроса и что про себя онъ шепчетъ: „Останется благодарень, что сохранили ее... Нужно глазъ не имѣть, чтобы не плѣниться такой красивой... Конечно она стала еще лучше, чѣмъ была прежде!“

И онъ былъ правъ. Таня рано было старѣться и здоровая, крупная натура, при скучной и однообразной, но правильной жизни, сдѣлала ее, именно теперь, въ двадцать пять лѣтъ, самой прелестной, самой роскошной женщиной, какую только можно себѣ представить.

Съ дѣтства живое и выразительное лицо ея теперь совсѣмъ осмыслилось; съ него сбѣжали излишнія юношескія краски, на немъ лежала прелесть чистой, разумно пережитой юности.

Таня поражала всякаго своей красотой и объ этой красотѣ говорили все, кто хоть разъ ее видѣлъ. Но она не знала этого, она никогда не подмѣчала изумленныхъ и восторженныхъ взглядовъ.

И вотъ когда, послѣ радостнаго свиданія съ Москвой, ободренная цесаревичемъ, она вышла въ столовую, гдѣ должна была встрѣтиться съ Сергѣемъ, она трепетно ждала этой первой минуты. Она позабыла свои страхи, не думала о своей наружности. И Сергѣй въ первую минуту не свѣтилъ лица ея, онъ ощущалъ только ея присутствіе, ея близость, онъ почувствовалъ только пожатіе руки ея, замѣтилъ невольную дрожь, пробѣжавшую по ея рукѣ. Этого съ него было довольно, онъ былъ счастливъ, онъ не смѣлъ даже поднять глазъ на нее.

Но первыя минуты прошли, онъ рѣшился, онъ взглянулъ и былъ ослѣвленъ ея красотой.

— Боже, какъ вы измѣнились, княжна! невольно выговорилъ онъ и растерянно и счастливо ее разглядывая.

Она испугалась, она все силы употребила, чтобы скрыть свое волненіе, сердце ея больно застучало.

„Ну вотъ, я измѣнилась, я такъ измѣнилась, что онъ сейчасъ же и скажетъ мнѣ это!“

— Подурнѣла, конечно? съ насмѣшливой улыбкой спросилъ цесаревичъ.

— Какъ подурнѣла?!

Сергѣй даже ничего не понималъ, онъ совсѣмъ растерялся.

— Я помню васъ другою... я такъ привыкъ съ дѣтства къ вашему лицу и я никогда не зналъ, что вы такая красавица... Простите мнѣ—я самъ не знаю, что говорю.

Цесаревичъ смѣялся.

— На сегодня должны тебѣ проститься все твои глупости. Ну, а теперь скажи мнѣ, сударь, какъ же ты съ отставкой.—будешь хлопотать, что ли? Намѣренъ уѣзжать въ деревню?

Сергѣй оглянулся. Добрый волшебникъ обо всемъ подумалъ: за столомъ кромѣ нихъ никого не было. Только карликъ Моска приткнулся къ синицѣ Танинаго кресла и радостно на всехъ поглядывалъ.

— Да, ваше высочество, сказалъ Сергѣй, я буду хлопотать объ отставкѣ, но не съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ деревню... Я рѣшаюсь опять, послѣ восьми лѣтъ, обратиться къ вамъ съ просьбой: возьмите меня, ради Бога, къ себѣ, дозвоьте мнѣ служить вамъ здѣсь, въ Гатчинѣ, найдите мнѣ какое нибудь занятіе—все равно какое—можетъ въ чемъ и пригожусь вамъ.

— Объ этомъ подумаемъ, серьезно отвѣчалъ цесаревичъ. Теперь пожалуй какъ нибудь это еще возможно устроить—терять тамъ тебѣ нечего, только послушай, сударь, я ненадежныхъ людей не принимаю, а ты ужь занесанъ въ ненадежные. Знаешь-ли, вчера я про тебя слышалъ... тебя называютъ вольтерьянцемъ.

— Вольтерьянцемъ? изумленно переспросилъ Сергѣй. Кто меня такъ называетъ?

— Да какъ сказать тебѣ... не пройдетъ и недѣли—все такъ величать стануть. Слово это произнесено княземъ Зубовымъ, а онъ считается великимъ знаткомъ людей и составляетъ свою задачею изгонять духъ вольтерьянства.

— Я долженъ былъ ожидать этого, замѣтилъ Сергѣй, но въ такомъ случаѣ мнѣ легче будетъ получить отставку. А вы, ваше высочество... вы не сочтете меня вольтерьянцемъ за то, что я въ юности зачитывался этимъ философомъ и своими глазами видѣлъ все то ужасное зло, которое произошло отъ того, что мечты писателей насильно вздумали проводить въ жизнь, не справившись о томъ, подготовлена ли почва, могутъ ли созрѣть и принести добрые плоды эти мечтанія?!

— Но все же Вольтеръ, по твоему, великій писатель?.. перебилъ Павелъ.

— Конечно, ваше высочество, и его творенія, смотря по тому кто и какъ ими пользуется, могутъ принести и огромную пользу и вредъ огромный. Не знаю удачно ли будетъ мое сравненіе, но я скажу, вспоминая недавній мой разговоръ съ однимъ знаменитымъ англійскимъ медикомъ, который дѣлаетъ наблюденія надъ ядовитыми веществами: Мышьякъ—страшный и могучій ядъ, но все зависить отъ того въ чьихъ онъ рукахъ и какъ имъ пользуются. Мышьякъ можетъ сразу убить человѣка, заставить его умереть въ страшныхъ мученіяхъ и въ то же время, судя по наблюденіямъ и опытамъ медика, о которомъ я говорю, этотъ же мышьякъ, принятый въ извѣстныхъ дозахъ и надлежащимъ образомъ, излѣчиваетъ многія болѣзни.

Цесаревичъ задумался.

— Да, пожалуй ты правъ и если ты дѣйствительно умѣешь обращаться съ господиномъ Вольтеромъ, то это

еще грѣхъ не большой. Но все же тебѣ отъ этого не легче: разъ убѣдять кого слѣдуетъ, что ты вольтерьянецъ—ты пропалъ. Отставить тебя отъ службы—это конечно и безъ всякихъ просьбъ твоихъ и хлопотъ отставить—но при этомъ тебя не пустятъ ни въ Гатчину, ни даже въ деревню пожалуй, а попросить тебя поселиться въ какомъ нибудь иномъ мѣстѣ, для тебя совѣтъ неудобномъ.

Таня невольно поблѣднѣла. Нѣкоторое безпокойство выразилось и на лицѣ Сергѣя.

— Зачѣмъ вы меня пугаете, ваше высочество, скажаль онъ. Я надѣюсь на защиту друзей моихъ, которые не дадутъ меня въ обиду. Я твердо рассчитываю на справедливость государыни, я докажу ей, что я вовсе не вольтерьянецъ въ томъ смыслѣ, который можетъ считаться предосудительнымъ.

— Только будь остороженъ, замѣтилъ цесаревичъ, и о твоихъ дѣлахъ нужно хорошенько теперь подумать. Я соображу кое что и потолкуемъ.

Скоро въ иныхъ разговорахъ, разспросавъ и Сергѣя и Таню, да и самъ цесаревичъ забыли объ опасныхъ предзнаменованіяхъ, вызванныхъ пущеннымъ метильнымъ Зубовымъ словомъ „вольтерьянецъ“.

Только Москва, продолжавшій неподвижно стоять за кресломъ Тани, не забылъ объ этомъ. Съ его лица сошло вдругъ блаженное выраженіе, онъ снова сморщился, нахмурился и что-то шепталъ про себя.

Наконецъ, улучивъ удобную минуту, онъ подкрался къ Сергѣю и пропичалъ ему на ухо:

— Вотъ, батюшка, еще въ Горбатовскомъ толковалъ я, никакого проку отъ вашего Вальтера не будетъ, такъ ты меня съ французомъ въ зашей гналъ! анъ и правду говорилъ я тогда, напакостить тебѣ господинъ Вальтеръ—что мы тогда сдѣлаемъ?!

— О чемъ это онъ шепчется? спросилъ цесаревичъ замѣтивъ карлика.

— О томъ же, ваше высочество, о Вальтерѣ... тоже пугаетъ.

— Такъ и ты, любезный, знакомъ съ этимъ господиномъ? съ улыбкой обратился Павелъ къ Москѣ.

— А то какъ же, ваше императорское высочество, записалъ карликъ, я книжки то его, сочиненія эти, самъ отъ доски до доски разъ десятокъ пересчитывалъ, только многого понять не могъ, потому—глупости, сущіе пустяки тамъ написаны... Пустой это человекъ, господинъ Вальтеръ, доложу я вашему императорскому высочеству, ужъ повѣрите, совсѣмъ пустяшный—французъ—одно слово!..

Цесаревичъ подозвалъ къ себѣ Москву и съ видимымъ удовольствіемъ началъ его разспрашивать.

Сергѣй и Таня были предоставлены самимъ себѣ, но разговоръ ихъ все какъ-то не вязался—они не могли еще сладить со своимъ волненіемъ и радостью.

(Дл. сѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Юкая.

(Окончаніе).

XXX.

Опять Иллаван.

— Вотъ вамъ моя благодарность за „маленькое, спокойное мѣстечко для меня, подальше отъ Корнели!“ произнесъ съ злораднымъ смѣхомъ Кацуръ, вложивъ (напечатанные золотыми буквами), приглашеніе въ конвертъ и надписывая адресъ: „его сіятельству, графу Фердинанду Теметвени. Приглашеніе на свадьбу Донны Аталанти Маріи Долоресъ и барона Корнели Опатовскаго.“

Это приглашеніе, впрочемъ, не было неожиданностью для Теметвени: однажды утромъ графиня Пальма нашла у себя на столѣ газету, въ которой была подробно разсказана вся исторія: прыжокъ въ воду, причина этого поступка, чудесное спасеніе и романическое заключеніе. Все остальное угадать было не трудно.

— Что же теперь дѣлать намъ? спросила она отца—бѣжать за нимъ въ Прагу?

— Не огорчайся, Пальма, я отплачу за это, клянусь! Но теперь дѣло не въ томъ, а намъ необходимо предупредить неприятое положеніе, въ которомъ мы могли бы очутиться. Намъ необходимо такъ вернуть все это, какъ будто мы прогнали его, а не онъ отказался. Скандаль, произведенный имъ, можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ разрыву отношеній и свѣтъ нойметъ и санкционируетъ это. Но твоя свадьба должна произойти прежде чѣмъ будетъ его.

— Моя свадьба? Можетъ быть, вы прикажете, чтобы я добыла себѣ жениха чрезъ контору брачныхъ дѣлъ?

— Ниши сейчасъ же Иллаван.

— Иллаван? Иллаван? Не должна ли я написать ему: шайка Гриванскаго опять здѣсь. Спѣшите на помощь къ намъ! Потѣжайте опять вокругъ свѣта и привезите мнѣ назадъ ту драгоценность, которой я лишилась—ваше сердце?

— Ты не лишилась его. Онъ еще любитъ тебя и не пересталъ думать о тебѣ.

— И въ награду за это я сдѣлаю ему честь объявить ему, что обезьяна убѣжала, клѣтка пуста, придите занять ея мѣсто?

— Ты не должна извращать моихъ словъ. Я искренно желаю его возвращенія и самъ бы написалъ ему, но онъ не повѣритъ мнѣ. А, между тѣмъ, могу поклясться предъ Богомъ, что призываю его, потому что безконечно его уважаю, потому что хорошо узналъ его и отказался отъ пустаго тщеславія, изъ за котораго разъединилъ васъ обоихъ. Объ этомъ я уже больше не думаю и желаю сдѣлать его почетнѣйшимъ членомъ нашей фамилии. Я открою ему путь къ блестящей карьерѣ и если онъ желаетъ—передамъ ему все состояніе мое, но онъ не повѣритъ мнѣ. А я искренно желаю этого.

— Такъ ты желаешь чтобы я написала Иллаван?

— Прошу, умоляю тебя.

— А знаешь ли что выйдетъ изъ этого?

— Я знаю только одно, что ты 16-го числа этого мѣсяца должна появиться въ свѣтъ какъ его жена.

— Скажу тебѣ напередъ—вотъ что будетъ. Я напишу Иллаван. И если онъ, послѣ всѣхъ оскорбленій, которыя вынесъ отъ насъ, отъ меня, пріѣдетъ вновь просить моей руки,—то я буду презирать этого человека, замужъ за него я выйду, но замучаю его до смерти. Но, если же онъ отвѣтитъ мнѣ, что имъ играть нельзя, что нельзя сегодня гнать его, а завтра призывать назадъ,—то я буду обожать его и умру отъ этого...

— Ниши, ниши! нетерпѣливо произнесъ въ отвѣтъ графъ, который, прежде всего, хотѣлъ избѣгнуть униженія дома Теметвени.

— Не знаю какъ начать.—Какъ я напишу ему—„Милостивый Государь!“—„Многоуважаемый!“ „Милый другъ!“—„Мой единственный, послѣдній другъ!“

— Да, такъ будетъ хорошо.

— Такъ въ этомъ тоиѣ. Помоги мнѣ, диктуй!

Графъ продиктовалъ:

— „Я оттолкнула идиота“...

Пальма написала говоря „пѣтъ, не такъ!“

— „Идиотъ оттолкнулъ меня“...

Она написала, она смирилась, она звала его опять...

Иллаван, въ то время, былъ уже адвокатомъ—у себя дома. Въ прежнее время, не то что теперь, адвокатское сословіе пользовалось общимъ почетомъ, котораго тогда исполнѣ и заслуживало.

Францъ былъ усердный, трудолюбивый человекъ, и дѣла его шли успѣшно. Одно только неудобство смущало его: въ его помѣстьи не было почтовой станции и потому, каждое болѣе важное письмо ему приходилось отсылать съ своимъ помощникомъ въ мѣстечко, гдѣ было почтовое отдѣленіе, откуда тотъ привозилъ ему квитанцію.

Когда пришло письмо Пальмы, онъ былъ одинъ въ своей канцеляріи.

И хорошо вышло, что никто не видѣлъ выраженія его лица въ ту минуту, когда онъ узналъ отъ кого письмо, открылъ его и прочелъ.

Торжествующій вкочилъ онъ съ своего мѣста, потрясая письмомъ надъ головой.

— И твое имя стоитъ здѣсь, графъ Фердинандъ Теметвени? „Читай!“ Ну, такъ, иди сюда, прочти и то письмо, которое ты написалъ мнѣ десять дней тому назадъ, читай оба сразу! „Въ нашемъ кругу это называется юношескими шалостями“ „...паяцъ промѣнялъ меня на канатную плясунью“—„наши чувства не перемѣнятся къ нему“. „Я—трупъ—презрительный смѣхъ свѣта служить мнѣ похороннымъ звономъ“.

Литературный альбомъ. „Мѣдный всадникъ“, поэма А. С. Пушкина. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— А! мнѣ открываютъ блестящую карьеру! Уже теперь не торьму больше? не военный судъ? Ты умѣешь держать обѣщаніе, графъ Фердинандъ Теметвени: будь у тебя еще одна дочь ты бы отдалъ ее мнѣ! Ну, вотъ, напелъ дочь и мнѣ отдаешь.

Еще разъ прочелъ онъ письмо Пальмы. Лицо его еще омрачилось. „Ужъ не шутка ли это? Не хотятъ ли они опять стиграть со мной что нибудь скверное? Отъ нихъ станется! Опять, пожалуй, хотять насмѣяться надо мною. Вѣрно держали съ кѣмъ нибудь пари.“

Но, въ эту минуту ему попало на глаза другое письмо. То было приглашеніе на свадьбу Аталанты и Корнеля.

— Вотъ какъ! Анатварское княжество соединяется съ княжествомъ Зафаринскимъ!

Францъ понялъ теперь, почему Теметвени снова обратились къ нему.

— А! вы тоже получили это приглашеніе и подь уничтожающимъ впечатлѣніемъ его, написали мнѣ ваше письмо! И онъ въ четвертый разъ принялся читать его, бросая, послѣ каждаго періода, взглядъ на золоченое шутовское приглашеніе. Графъ Фердинандъ Теметвени—и кавалеръ ордена Фламинго dos-à-dos!

— И у васъ хватило духу написать мнѣ это письмо, прелестная графиня! Неужели же я такъ жалокъ въ вашихъ глазахъ?

Иллаваи тотчасъ же сѣлъ къ столу и написалъ отвѣтъ, которымъ остался доволенъ. Все высказалъ онъ, спокойно и съ достоинствомъ. Изъ этого отвѣта они узнаютъ его еще лучше. Они его вполне заслушали! Ему захотѣлось отвезти свое письмо сейчасъ же самому.

Нѣсколько минутъ спустя онъ уже ѣхалъ по направленію къ мѣстечку, гдѣ было почтовое отдѣленіе.

Иллаваи подѣхалъ къ почтовому дому. Почтмейстеръ встрѣтилъ его у самаго крыльца. Къ нашему общему, съ читателями, удивленію, это былъ никто иное, какъ—Горомболи.

Остановившись, послѣ сдачи главныхъ венгерскихъ силъ, подь Коморно, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ избралъ эту скромную карьеру, такъ какъ она все же болѣе подходила венгерцу: приходится имѣть дѣло съ лошадьми.

Францъ передалъ ему свое письмо къ Пальмѣ.

— Ага! воскликнулъ Горомболи, ты пишешь графинѣ Пальмѣ! Отчего же самъ не ѣдешь? Она теперь одна въ Гарговарѣ и приметъ теперь тебя съ самой граціозной улыбкой.

— Туда я никогда больше не поѣду а женскихъ улыбокъ съ меня уже довольно.

— Пойдемъ, я внесу твое письмо въ реестръ.

Пока Горомболи перелистывалъ свою книгу, Иллаваи вдругъ пришло на память одно обстоятельство.

— Горомболи! помнишь ты свою знаменитую экспедицію, когда еще хотѣлъ разстрѣлять меня? На прощаньи мы заговорили съ тобой о той... Дальнаварской... Ты сказалъ мнѣ вотъ этими словами: „О, еслибы ты зналъ то, что знаю я!“

— Какъ же не помнить!

— Скажи же мнѣ—что ты такое зналъ тогда. Ты, вѣдь, былъ въ Дальнаварѣ. Видѣлъ ты ее?

Горомболи взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Да развѣ тебѣ ничего не извѣстно о ней?

— Да я и спрашивать то никогда не хотѣлъ, а теперь хотѣлось бы знать—за кого это она вышла?

— За кого? Да она совсѣмъ не выходила замужъ, милый другъ, и никогда не выйдетъ; за нѣсколько дней до вашей свадьбы бѣдняжка получила оспу, которая порядочно таки испортила лицо ей.

Иллаваи поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Какъ? Не оттого ли она написала мнѣ, что не любитъ меня а избрала другаго?

— Конечно оттого. Она знала, что ты изъ чувства чести возьмешь ее и боялась сдѣлать тебя несчастнымъ на всю жизнь.

Францъ не произнесъ ни слова. Онъ вынулъ записку, которую нѣкогда получилъ изъ Дальназара и съ которой онъ никогда не разставался.

Эту записку онъ теперь покрылъ поцѣлуйми. Въ глазахъ его были слезы.

— Вели закладывать.

— Куда же? въ Дальнаварѣ?

— Конечно!

И онъ поскакалъ въ Дальнаварѣ. Онъ былъ слишкомъ погруженъ въ мысли о той бѣдной дѣвушкѣ.

А она, дѣйствительно, много вынесла за эти два года, которые прошли со времени ея отказа Иллаваи. Ея братъ убитъ въ сраженіи, мать ея умерла съ горя и дѣвушка осталась почти совсѣмъ одна въ блѣдомъ свѣтѣ. Дальнаварѣ стоитъ угрюмый и молчаливый. Никто не появляется въ немъ, ни родные, ни знакомые. Да и къ чему теперь смотрѣть на нее, эту бѣдную страдальцу? Прелестное лицо покрыто-рябинами. И только благородныя очертанія классическаго профила, прекрасные, блестящіе глаза и пунцовые, какъ кораллы, губы напоминаютъ о ея прежней красотѣ.

Она знаетъ и срадается молча. Но не объ одной себѣ она горюетъ. Въ эти длинныя, бесконечно-длинныя и монотонныя

дни одиночества, дѣвушка часто думаетъ о томъ, кого такъ много и сильно любила и любить и теперь еще.

Какъ должна быть грустна и его жизнь! Это она писала Пальмѣ тѣ письма объ Иллаваи. И какъ она радовалась счастью, которое улыбалось ему! За то какъ горько было ей узнать, что все рушилось!

Тяжело, слишкомъ тяжело, если жизнь одинъ разъ отнимаетъ у человѣка его счастье—но—дважды!..

Какъ долженъ онъ теперь ненавидѣть весь міръ! Этотъ міръ, въ которомъ для него осталась только одна суровая, безконечная зима!..

Деревья и трава снова зеленѣютъ; имъ недолго ждать обновленія, но усталое сердце считаетъ: опять весна! Когда же для меня наступитъ послѣдняя осень?

Теперь весь ея міръ въ саду.

„Онъ“ помогъ ей разбить и насадить его еще въ то время, когда они были счастливы и принадлежали другъ другу. Тамъ—кустъ, здѣсь—дерево, всѣ они говорятъ ей о немъ. „Помнишь ли его?“

Вонъ та бесѣдка съ розанами. Здѣсь онъ училъ ее шахматной игрѣ. „Когда состаримся—будемъ играть въ шахматы.“

Съ тѣхъ поръ она каждый день послѣ обѣда прикалываетъ туда подать шахматы, подаренные имъ, и играетъ одна, воображая его партнеромъ. Онъ всегда выигрываетъ у нея.

Со времени смерти матери ея, къ ней переехала ея пожилая тетка, которая и завѣдывала всѣмъ домомъ. Молодая дѣвушка была слишкомъ погружена въ свое горе и слишкомъ безучастно относилась ко всему окружающему. Большую часть времени она проводила въ саду. Грустно ходить она вездѣ и впередъ по этому саду, у нея довольно времени считать миліоны минутъ, отдѣляющіе ее отъ могилы; каждая минута похожа на другую и шаги похожи одинъ на другой. Но все таки есть между шагами разница. Есть такіе, подь которыми дрожитъ земля и тогда дрожитъ тоже и ея сердце.

Это вѣрно сонъ: кто-то идетъ! Да. Нѣтъ, нѣтъ—не сонъ. Вотъ онъ, онъ, онъ!

Могучія руки уже охватили ея стройный станъ. Иллаваи покрываетъ поцѣлуйми ея лицо, руки!..

— Зачѣмъ ты поступила такъ жестоко со мной?

Дѣвушка отвѣтила ему только истерическими рыданіями.

— Я думала, могла она наконецъ проговорить, что ты перестанешь любить меня, если увидишь такую ужасную.

— Вѣдь это неправда, это ложь! Развѣ можно найдти гдѣ нибудь другіе такіе глаза, такія губки, такую талию! И онъ снова страстно цѣлуетъ ее. Ты, вѣдь, знаешь, конечно, что наша свадьба назначена на 10-е этаго мѣсяца, т. е. завтра.

— Да—была назначена—два года тому назадъ! съ глубокимъ вздохомъ произнесла она.

— Эти два года вычеркнуты изъ моей жизни. Три публикаціи о насъ были сдѣланы тогда еще и завтра мы вѣнчаемся. Матушка твоя?..

— Умерла она.

— А братъ?

— Убитъ на войнѣ.

— И ты мнѣ ничего не писала объ этомъ!

— Я боялась, чтобы ты не пріѣхалъ и не увидалъ меня.

— О, еслибы я раньше пріѣхалъ, сколько горя миновало бы насъ. Такъ неужели ты совсѣмъ одна тутъ?

— Со мной живетъ старая тетка. Пойдемъ, я познакомлю тебя съ нею. Еслибы ты зналъ, какъ много мы съ ней говорили о тебѣ.

Тетушка, увидѣвъ, что какой-то мужчина ведетъ Юлію, да чуть-ли не обнялъ за талию—всплеснула отъ удивленія руками и уронила свою работу на полъ. Само собою понимается, что она тотчасъ же и успокоилась—не долго пришлось объяснять ей, въ чемъ дѣло. Къ тому же, въ эту самую ночь ей приснилось, что Юлія выходитъ замужъ.

— Это не сонъ. Оно такъ и будетъ, возразилъ Иллаваи. Но вотъ я видѣлъ сонъ—что женюсь на дѣвушкѣ безъ сердца! О, какая ужасная будущность предстояла мнѣ! Знаешь ли ты, Юлія, что сдѣлала со мной?

— Не говори, не говори, если это что нибудь такое дурное.

— Но они сами наказали себя! Сегодня еще они снова зовутъ меня. Прочти это письмо! Тебѣ вѣдь знакомъ этотъ почеркъ, ты перенисывалась съ нею! Вѣдь это ты давала ей совѣты какъ ей поступать со мной, чтобы заставить полюбить себя. И ты же выдала ей одинъ мой секретъ!

Лицо молодой дѣвушки покрылось сильнымъ румянцемъ.

— Сегодня, однако, мнѣ надо разсчитаться съ нею. Прочти же ея письмо ко мнѣ, а потомъ—мой отвѣтъ.

Его письмо къ Пальмѣ поразило Юлію своею жестокостью.

— Неужели ты могъ написать такое письмо? Нѣтъ—это не ты!

— Я хотѣлъ излить передъ ней всю злобу, которая накопила во мнѣ!

— Но развѣ можетъ что нибудь довести тебя до такой злости? Прочти теперь свое письмо, ты самъ не узнаешь себя въ немъ!

Францъ виновался и, пробѣжавъ свое посланіе, протянулъ руку Юліи.

— Ты права—не хорошо это. Но въ ту минуту я былъ виѣ

себя! Мне хотелось заставить ее хорошенько поплакать, а теперь я уже и не знаю—зачѣмъ желалъ этого?

— Разорви его и напиши другое.

Онъ повиновался и написалъ:

„Графиня!

Письмо свое вы, несомнѣнно, написали противъ воли и, вѣроятно, уже жалѣете, что послали его. Чтобы васъ успокоить—возвращаю его вамъ. Если обратите вниманіе на число, отъ котораго я вамъ пишу, то увидите, что я снова вернулъ себѣ мое счастье. Желаю и вамъ счастья и пусть оно будетъ такъ же чистымъ и прочно какъ мое. Для себя, графиня, прощу у васъ только одного: прислать мнѣ тѣ письма на лиловой бумажкѣ, которыя вы никогда получили изъ Дальнаваръ. Письма эти—„монъ драгоцѣнности. Да хранить васъ Богъ.

Иллаванъ“.

На глазахъ дѣвушки показались слезы; она протянула ему руку и поцѣловала его.

— Вотъ это писалъ ты!

XXXI.

Въ Иллавѣ.

Пальма не жила съ той минуты, какъ отправила свое письмо. Она была одна въ Гарго и съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта.

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ этотъ—онъ принесетъ ей только дурное.

Ей приходилось выбирать одно изъ двухъ.

— Возвратится онъ ко мнѣ—я убью его; отвернется—онъ убьетъ меня; мнѣ остается умереть.

Мужчина, который способенъ забыть такія оскорбленія, заслуживаетъ одного презрѣнія и дѣвушка должна будетъ, во всю жизнь, давать ему чувствовать это презрѣніе. Женщина можетъ простить мужчинѣ все, кромѣ трусости—если бы даже эта трусость называлась ангельской добротой. Но когда мужчина гордо отталкиваетъ призывъ дѣвушки—она уничтожена, убита. Никто не можетъ запретить оскорбленному человѣку показывать всѣмъ и каждому, цѣлому свѣту, письмо прежней своей невесты, въ которомъ она молитъ его вернуться и это убиваетъ дѣвушку. Для высокопоставленной женщины стыдъ равняется смерти. Пальма одинаково страшилась и того исхода, и другого, или наоборотъ она ждала и того и другого.

Тяжела была для нея мысль, что еслибы прежній женихъ возвратился вновь,—ей пришлось бы повергнуть въ прахъ идола, предъ которымъ она, въ душѣ, преклонялась какъ предъ высшимъ идеаломъ (хотя это ниспроверженіе идола и льстило ей женскому тщеславію). Но, если не возвратится онъ, то ей остается одно жгучее страданіе раздавленного самолюбія и сознаніе, что въ жизни своей она встрѣтила человѣка,—мужчину въ полномъ смыслѣ этого слова,—высоко стоявшаго надъ всѣми другими, что человѣкъ этотъ любилъ ее искреннею, неподдѣльною любовью!

Ей было невыносимо оставаться въ замкѣ.

Въ первый же день своего приѣзда въ Гарго, она сдѣлала прогулку верхомъ къ развалинамъ. Тамъ, до самаго солнечнаго заката, просидѣла она у окна крытаго балкона старой башни, устремивъ взглядъ вдаль, туда, гдѣ видѣлась крыша одного, хорошо знакомаго ей дома.

Какъ быстро удалится онъ? Развѣ трудноѣ будетъ ему возвратиться. Развѣ тому, кто былъ выброшенъ съ „параднаго подѣзда“, надо совершить кругосвѣтное путешествіе, чтобы пройти назадъ „чернымъ ходомъ“? Она возвратилась въ замокъ только поздно вечеромъ, и тотчасъ же спросила—не было ли писемъ на ея имя.

Одно письмо пришло, но не то, котораго ждала она. Отецъ писалъ ей изъ Вѣны, сообщая о скоромъ прибытіи своемъ въ Гарго. Присутствіе его оказывалось необходимымъ дома, чѣмъ при дворѣ.

Терпѣніе Пальмы истощалось. Она отдала одному изъ рейткнехтъ приказаніе—въ тотъ же день, хотя бы даже ночью, узнать—у себя ли Иллаванъ.

Всю ночь на пролетъ, до возвращенія посланнаго, она не ложилась спать.

Рейткнехтъ передалъ, что Иллаванъ рано утромъ уѣхалъ, съ первой станціи отославъ свой экипажъ назадъ и поѣхалъ на почтовыхъ дальше, но неизвѣстно куда и когда приѣдетъ обратно.

Слѣдовательно, можетъ быть также, что онъ не получалъ писемъ ея. Значитъ, надо ждать пока онъ возвратится.

Ждать—но это ужасно!

И ждать ей придется долго! потому что „тѣмъ тамъ“ не до писемъ. Въ Дальнаварѣ нѣтъ почтоваго отдѣленія, да и въ тотъ день нѣтъ присутствія въ почтовой конторѣ Горомболн: онъ отправился на свадьбу Иллаванъ. Письмо передадутъ ему въ руки. Торопиться не для чего. Но для Пальмы этотъ день—день приговореннаго къ смертной казни—помилowanіе или смерть?

Она не въ силахъ больше оставаться дома. Съ утра она велѣла запереть и поѣхала по окрестностямъ. Дорогой молодая дѣвушка интересуется всѣмъ, что видитъ, каждой ручиной, каждымъ замкомъ, каждымъ обломкомъ старинны, каждымъ встрѣчающимся городомъ.

Вотъ какой-то хорошенькій городокъ. Надъ живописной группой домовъ высится старинное зданіе, напоминающее монастырь. Ей говорить, что это—„Иллава“.

Названіе поразило ее.

— Кто живетъ тамъ, въ этомъ замкѣ?

Въ замкѣ обитали весьма замѣчательныя особы, а именно—одни только злодѣи, приговоренные не менѣе какъ къ десятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, одни только извѣстѣйшіе разбойники, убійцы. То была государственная тюрьма „всемирная выставка“ отборныхъ преступниковъ, мѣстопробываніе дегіона чудовищъ.

Пальмѣ пришло страшное желаніе осмотрѣть этотъ домъ, видѣть людей, живо погребенныхъ закономъ, отверженныхъ человечествомъ, героевъ ада, первыхъ людей земли—съ противоположнаго конца.

Она подѣлала къ зданію и велѣла доложить о себѣ директору. Обыкновенный посетитель не былъ бы допущенъ безъ особаго разрѣшенія министра, но графинѣ Пальмѣ Теметвени достаточно было назвать себя—и тяжелые замки и запоры тюремнаго замка отворились а директоръ предложилъ свои услуги. Мрачное это мѣсто.

Графинѣ показывалъ рядъ мастерскихъ, кухню, спаленъ, госпиталь, школу. Всѣ за работой. Въ одной изъ залъ стоятъ музыкальные инструменты: между арестантами есть музыканты, и даже художники и скульпторы.

Все это Пальма можетъ видѣть сквозь густой вуаль, скрывающій лицо ея.

Посѣтителемъ дозволяется вступать въ разговоры съ заключенными, которые, въ свою очередь, обязаны отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы. Что сдѣлалъ онъ? за что осужденъ? кого убилъ? даже если убилъ отца или мать свою; отравилъ ли онъ кого, или зарѣзалъ, или поджегъ домъ? На всѣ вопросы эти онъ, обыкновенно, отвѣчаютъ съ нуктуальной точностью, какъ будто докладываютъ о заслугахъ своихъ. Вопросы они, съ своей стороны, предлагать не смѣютъ.

Графиня, между прочимъ, видитъ тутъ лица, которыя, какъ ей кажется, она уже гдѣ-то и когда-то встрѣчала. То, быть можетъ, былъ кто нибудь изъ шайки Шиборака, сживавшій за аристократическимъ обѣдомъ въ Гарговарѣ. О, да и самаго господина Орла Криванскаго нашла бы она здѣсь, еслибы потрудилась посмотрѣть машину для очистки шерсти; тамъ онъ вертитъ колесо, отличаясь прекраснымъ поведеніемъ и послушаніемъ. Но туда ее не повели.

Она хотѣла знать здѣсь все, все до мелочей. Дѣйствительно ли эти люди неправляются тутъ? Очищаются ли, облагораживаются ли ихъ души здѣсь? Не пытаются ли они бѣжать отсюда? Сильно ли говорить въ нихъ жажда свободы? Не могутъ ли они составить заговоръ и напасть на гарнизонъ. Какъ называютъ ихъ здѣсь за проступки?

Директоръ объяснялъ все до мельчайшихъ подробностей. Только строгой дисциплиной можно поддерживать порядокъ среди этихъ людей. Между ними есть весьма опасные экземпляры. Въ особенности одинъ изъ нихъ. Уже не разъ попадался въ подворахъ устроить подкопы, ломать замки, у часоваго сдва не отбить ружье. Въ наказаніе онъ теперь въ одиночномъ заключеніи и у него отобраны рабочіе инструменты.

— Какъ его зовутъ?

— Рыбо.

— Можно видѣть его?

— О, да.

Директоръ и Пальма взошли, въ сопровожденіи вооруженныхъ жандармовъ, по особой лестницѣ и остановились предъ дверью, запертою тремя различными замками; за дверью былъ узкій дворъ, по которому взадъ и впередъ шагала часовой, при каждомъ поворотѣ заглядывавшій въ окошко камеры. Окошко было снабжено двойной рѣшеткой. Дверь въ камеру отворилась и Пальма вошла, окруженная жандармами, директоромъ и смотрителемъ отдѣленія.

Арестантъ поднялся съ своего мѣста и повернулся къ вошедшимъ. Въ немъ не было однако ничего страшнаго. Пальма увидѣла предъ собою довольно красивое, вѣжливое, улыбающееся лицо, обладатель котораго при видѣ дамы отвѣсилъ граціозный поклонъ. Но она отступила въ ужасѣ: это былъ Кузенъ!

Со времени исчезновенія его изъ замка, она никогда не спрашивала ничего объ этомъ человѣкѣ, присутствіе котораго было ей всегда невыносимо.

Теперь его овладѣло какое-то непонятное любопытство. Ей захотѣлось спрашивать его. Вопросы свои она передала шепотомъ директору.

— Какъ ваше имя?

— Мое настоящее имя—Рыбо. Я—французъ, бѣглый каторжникъ, обычнымъ, машинальнымъ тономъ арестанта отвѣчалъ онъ, обращаясь къ дамѣ.

— За что вы приговорены къ содержанію здѣсь.

— Я сговорился съ шайкой Шиборака отобрать замокъ графа Теметвени и вступить въ погребъ 36 разбойниковъ. Мы хотѣли перебить всѣхъ тамъ, за исключеніемъ графини, которую я намѣревался взять себѣ въ любовницы.

Что-же помѣшало вамъ сдѣлать все это? прошептала дама.

Русские типы. Малороссийские лирникъ и кобзарь. Съ фотогр. Пжлускаго, грав. Ю. Барановскій.

Весною. Картина Бейшлага, изъ средневѣковой жизни, грав. Клезингъ.

— Всего только одинъ человекъ и помѣшалъ! Когда мнѣ уже удалось услышать всѣхъ слугъ и жандармовъ, соннымъ порошкомъ, а графиню — захитосами съ оцѣумомъ — этотъ человекъ одинъ не спалъ; онъ прослѣдилъ меня и началъ въ ту минуту, когда я открывалъ дверь погреба, чтобы выгнать товарищей Шиборака. Пожъ мой только ошарашалъ его и онъ повалился и связалъ меня. Вѣдь онъ былъ женихомъ графини — болванъ! Будь онъ проклятъ! Зовутъ его, вотъ, какъ эту тюрьму — Иллаванъ! Тутъ Рыбо влялъ въ бѣшенство.

Пальма выбѣжала изъ камеры, ей показалось, что она задыхается отъ тюремной атмосферы. А можетъ быть — тому была и совершенно иная причина?

Наскоро поблагодаривъ директора, она поспѣшила оставить это страшное мѣсто.

Съ ней сдѣлался обычный припадокъ лихорадки, вслѣдствіе испытаннаго ею волненія. Въ дорогѣ она уже вся тряслась отъ озноба.

Дома она нашла отца.

— Гдѣ это ты была?

— Въ Иллавѣ, рѣзко отвѣтила Пальма, на лицѣ которой теперь блѣдность смѣнилъ пылающій румянецъ. Тамъ я видѣла Кузена и онъ мнѣ разсказалъ за что осудили его; правда-ли все то, что онъ разсказалъ мнѣ?

— Да.

— Что Иллаванъ спасъ тебя отъ смерти, мня — отъ страшной будущности, которую готовилъ мнѣ Кузень.

— Да.

— Въ ночь того самого дня, въ который я оттолкнула и оскорбила его? Въ эту самую ночь онъ охранялъ меня. Отчего же ты не сказала мнѣ этого? Оттого, что ты былъ увѣренъ, что узнай я обо всемъ — я-бы оставила тебя съ твоими замками и дворцами и побѣжала-бы за нимъ на край свѣта или въ тюрьму, куда-бы ты заперталъ его!

— Онъ потребовалъ самъ, чтобы я никогда не говорилъ тебѣ о томъ.

— Онъ самъ! И я отвернулась отъ него, я отказалась отъ этого человека!

Молодая дѣвушка бросилась къ икavianю Богородицы и упала передъ нимъ на колѣни.

— О! пришли мнѣ его, молю Тебя, дай мнѣ возможность упрости его прощенія, возврати мнѣ его любовь. Онъ любилъ меня, но теперь уже этого нѣтъ! Я оттолкнула его!

Графъ подошелъ къ дочери, блѣдный, взволнованный.

— Дитя мое, успокойся, не огорчайся.

— Отецъ — мнѣ очень тяжело. Прежде я вѣдала себя убѣжище отъ него — я думала, что могу презирать, ненавидѣть его, если онъ возвратится ко мнѣ. Но теперь я молю, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ. Теперь мнѣ некуда уйти отъ него; имъ наполненъ весь міръ вокругъ меня, онъ — вездѣ, но только не тамъ, гдѣ я, не со мною!

— Онъ вернется къ тебѣ, повѣрь мнѣ.

— Я молюсь объ этомъ, хотя и не надѣюсь.

Письмо Иллаванъ было уже въ дорогѣ.

XXXII.

Траурное объявленіе.

На слѣдующій день, столь ожидаемое письмо пришло. Пальма

была увѣрена, что оно содержитъ въ себѣ полный, совершенный отказъ Иллаванъ. Послѣ того, что узнала она въ тюрьмѣ — у нея уже не могло быть никакихъ сомнѣній.

Но то, первое письмо, которое Франкъ изорвалъ по просьбѣ своей Юлии, не причинило-бы ей такого мучительнаго страданія, какъ это. То письмо было наполнено обидныхъ словъ, упрекотъ, которые могли-бы разсердить, возбудить досаду и показывали-бы интересъ къ ней. Но онъ лишылъ ее и этого. Онъ отнял у нея возможность ненавидѣть его, не хотѣлъ даже, чтобы ихъ соединило хотя и это чувство.

Собравъ все письма, полученныя ею изъ Дальнаваара, Пальма, затѣмъ, написала что-то на листкѣ бумаги и пошла къ отцу.

Она показала ему письмо Иллаванъ.

Теметвени безмолвно опустилъ голову.

— Отецъ, сказала Пальма, ты, неправда-ли, позволишь мнѣ распорядиться теперь своей судьбой?

Графъ сдѣлалъ знакъ согласія.

— У насъ въ Пресбургѣ есть старинный домъ, въ которомъ мы останавливаемся только проѣздомъ. Этотъ домъ (онъ, вѣдь, всегда стоитъ пустой) ты велишь переименовать на мое имя, чтобы никто никогда не могъ меня выгнать оттуда. Кроме того, ты помѣстишь въ пресбургскую сберегательную кассу капиталъ, процентовъ съ котораго будешь достаточно, чтобы обезпечить мнѣ приличное существованіе. Деньги эти — тоже будутъ предоставлены въ полное мое распоряженіе.

На все это графъ изъявлялъ согласіе молчаливымъ наклономъ головы.

— Вели напечатать и разослать это объявленіе нашимъ знакомымъ.

Объявленіе гласило слѣдующее:

„Графъ Фердинандъ Теметвени, съ глубокимъ прискорбіемъ, извѣщаетъ о послѣдовавшей, послѣ сильныхъ страданій, кончинѣ своей 22-лѣтней дочери, графини Пальмы“.

— Что это значитъ? воскликнулъ изумленный Теметвени.

— Это — траурное объявленіе, только безъ обычнаго прибавленія „миръ праху ея“! Я умираю для свѣта, для себя самой и еще буду жить долго. Тетки мои дожили до девяноста лѣтъ — я еще переживу ихъ. Но я хочу такъ незамѣтно уѣхать въ пресбургскій домъ, и тамъ я буду жить такъ тихо, что никто даже и не будетъ подозрѣвать о моемъ существованіи.

— Но, ради Бога, Пальма! Что это ты выдумала?! Я не могу дать согласія моего на такой ужасъ.

— Хорошо. Я предоставляю тебѣ обдумать до завтрашняго дня твоѣ рѣшеніе. Мое — неизмѣнно. Подпишемъ завтра это объявленіе — прекрасно, если-же нѣтъ, то послѣзавтра тебѣ останется прибавить къ нему недостающія слова: „миръ праху ея“! Я готова въ путь. Отъ тебя будетъ зависѣть рѣшить — куда?..

Съ этими словами она вышла отъ графа.

Траурное объявленіе было разослано безъ заключительныхъ словъ. Бываютъ такіе случаи смерти, въ которыхъ знакомые не разспрашиваютъ о подробностяхъ, изъ понятнаго чувства деликатности.

Только одинъ человекъ могъ догадаться кое о чемъ, получивъ почку писемъ, очень дорогихъ ему и доставленныхъ по почтѣ изъ Пресбурга.

К О Н Е Ц Ъ.

Роковой бракъ.

Разсказъ Л.

Уже дважды слышала я одно и тоже странное предсказаніе! И произошло это не только безъ всякаго съ моей стороны желанія во даже прямо противъ моего желанія. Старая, неспособная колдунья все попадалась мнѣ на встрѣчу: она какъ-то особенно приставала къ молодымъ деревенскимъ дѣвушкамъ. Насъ было четыре дѣвушки: мы учились и жили всѣ, на квартирѣ, въ одной общей комнатѣ, въ домѣ пастора бернвальскаго прихода. Въ сумерки, когда кончались занятія, любимый нашъ разговоръ былъ о всякихъ „страшныхъ“ вещахъ.

У самаго конца деревеньки близъ опушки лѣса, жила одинокая старуха, вдова Крамъ, которую деревенскіе мальчишки прозвали „колдуньей“. Правда, она была безобразна, вела себя какъ-то странно, гадала на картахъ, на кофейной гущѣ. Говорила она словно ворожа каркала.

— Боже мой! думала я всегда, состарился и мы всѣ, а въ старости ужъ что красивого и привлекательнаго. Кто знаетъ, чего не пережила, эта бѣдная старуха: надо пожалѣть ее.

Въ кружкѣ нашемъ были двѣ молоденькія дѣвушки, дочери богатыхъ родителей, большія шалуны. Послѣ обѣда мы всегда гуляли и какъ-то разъ, на обратномъ пути, Лена Тальвицъ, поровнявшись съ пѣзушкой колдуньи, воскликнула:

— Слушайте, дѣвушки! Пойдемте къ ней, пусть намъ погадаетъ!

Двѣ другихъ быстро побѣжали за ней, я-же, болѣе робкая и нерѣшительная, медленно вошла за ними.

Старуха встрѣтила насъ съ улыбкою, впрочемъ, болѣе похожею на гримасу. Лена тотчасъ-же просила погадать. Крамъ тотчасъ взяла ся руку. Каждая по очереди подходила и каж-

дой старуха предсказывала что-нибудь пріятное и лестное. Я съ недобрымъ отношеніемъ ко всему этому и признаваясь, вся эта грязная обстановка, уродливая старуха, ея огромный черный котъ, постоянно теревшійся около нашихъ ногъ, все это мнѣ не нравилось. Мнѣ и въ голову не пришло-бы просить-гадать, я не придаю ни малѣйшаго значенія всѣмъ этимъ предсказаніямъ. Но „колдунья“ такъ ласково попросила и мою руку, а подруги обступили меня.

— Ты то ужъ что-же? И ты вѣстѣ? со смѣхомъ воскликнула веселая Лена и потянула меня къ старухѣ.

Я подошла и протянула руку. Но когда грубая, костлявая рука коснулась моей, снова охватило меня брезгливое чувство и желаніе избавиться.

— Судьба вамъ хорошая, барышня, сказала она: вамъ предстоитъ что-то новое. Вы получите письмо, и кто напишетъ его будетъ вашимъ женихомъ. Но берегитесь, эта перекрестная линия — кровь...

Быстро вырвала я свою руку и пробормотавъ, что все это вздоръ, поспѣшно выбѣжала вонъ. Другія послѣдовали за мной и заливаясь звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, всю дорогу дразнили меня и поздравляли съ предстоящей свадьбой. Мнѣ было стыдно и досадно; слезы душили меня.

Дома, во время приготовленія уроковъ, мы поминутно возвращались къ разговорамъ на тему объ этомъ замужествѣ. Лена все старалась представить себѣ, каковъ тотъ рыцарь, что былъ мнѣ обещанъ.

Я вспоминала, что мѣсяцевъ девять тому назадъ, одна цыганка тоже предсказала мнѣ замужество до окончанія года. Вѣ-

тогда смѣялась надъ такимъ вздоромъ. Теперь предсказаніе повторилось, а мнѣ не было еще и шестнадцати лѣтъ. Разумѣется, я и теперь не придавала этому никакого значенія; но въ этотъ вечеръ мои мысли какъ-то невольно возвращались къ словамъ старухи.

Мы и не замѣтили, болтая, какъ совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли домой. Подруги мои шумѣли и болтали. Я сидѣла, удобно прислонившись къ стулу. Уроки и всѣ дневныя работы покончены. Подумавъ какъ пелъза болѣе гармонизировать съ моимъ настроеніемъ. Но отворилась дверь и показалась голова нашей хозяйки.

— Что вы сидите безъ огня! вскричала она, — милая Люси, принесите, пожалуйста. Я бы-желала поговорить съ вами кое о чемъ въ своей комнатѣ, обратилась она ко мнѣ. Я послѣдовала за ней. Пасторъ сидѣлъ у стола и читалъ. Присутствіе его стѣсняло меня. Приподнявъ голову, онъ слегка поклонился и снова погрузился въ прерванное чтеніе. Хозяйка-же подошла къ письменному столу и взявши что-то въ руки, серьезно обратилась ко мнѣ. Я вздрогнула, когда замѣтила, что въ рукѣ у ней было письмо съ черною каймою.

— Соберитесь съ духомъ, милая Усти, промолвила она, мнѣ приходится сообщить печальное извѣстіе...

— Мой отецъ боленъ?! вырвалось у меня. Кромѣ отца у меня не было никого, о комъ я могла-бы такъ беспокоиться: мать моя умерла, когда мнѣ минуло десять лѣтъ и съ той поры я жила въ этомъ домѣ въ Бернталѣ.

— Будьте готовы ко всему, моя милая, тихо продолжала хозяйка, я должна исполнить грустную обязанность: вашъ батюшка скончался.

Я вскрикнула... Несмотря на то, что я очень рѣдко видѣлась съ отцомъ, оставшимъ морскимъ капитаномъ, и что единственной связью между нами были его рѣдкія и законныя письма, я всегдѣ часто представляла себѣ, какъ будетъ хорошо, когда я опять возвращусь къ нему. Старушка бережно усадила меня въ кресло и продолжала рассказывать. Я узнала, что отецъ умеръ два мѣсяца тому назадъ. Незадолго до смерти онъ написалъ къ хозяйкѣ письмо, въ которомъ высказывалъ свое послѣднее желаніе. Воля эта заключалась въ томъ, что я должна была принять опеку надъ собой друга моего отца, Бремера.

— Тутъ есть также письмо и отъ самого г. Бремера—прибавила старушка, нѣсколько нерѣшительно, вручая мнѣ письмо. Письмо было на грубой желтой бумагѣ и написано такъ, какъ будто храбрый капитанъ дѣйствовалъ вѣсломъ вмѣсто пера. Не менѣе страннымъ показался мнѣ и способъ выраженія. Въ нѣсколькихъ словахъ передавалъ Бремеръ ходъ болѣзни отца; затѣмъ слѣдовало: какъ вы видите, другъ мой ея отецъ поручилъ моему попеченію своего ребенка. Когда его дѣла приведены будутъ въ порядокъ, то еще, навѣрно, ей достанется нѣкоторое имущество. До тѣхъ-же поръ я желаю, чтобы она жила у моей кузины—Вальтеръ. Она можетъ пріѣхать сейчасъ; прилагаю при семь денегъ на покупку чернаго платья и на дорогу.

Отъ горя я не могла говорить. Пасторъ сказалъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, и я, по знаку его жены, возвратилась въ классную комнату. Тутъ я залилась слезами и, Леа, обыкновенно легко ко всему относившаяся, выказала даже нѣкоторое волненіе. Какая грустная недѣля послѣдовала затѣмъ! Траурное платье было куплено, подруги окружили меня и мы всѣ заливались слезами.

— Считайте меня всегда своимъ другомъ; домъ мой во всякое время открытъ для васъ, и мы всегда окажемъ вамъ помощь, когда будете въ ней нуждаться, сказала пасторша, помогая мнѣ сѣсть въ карету.

Да, печальное было это прощаніе. Рыданія душили меня, мнѣ казалось, что сердце разрывается на части. Грустно уѣхала я въ углу кареты.

Быль вечеръ, когда я пріѣхала въ Гамбургъ. Скоро я нашла квартиру, указанную мнѣ въ письмѣ. Дверь отворила грязная служанка и ввела меня въ грязную, старомодную комнату, наполненную табачнымъ дымомъ. „Я пойду наверхъ, позову г-жу Вальтеръ“ сказала она. Вскорѣ затѣмъ въ комнату вошла толстая, красноносая женщина. Ея живые черные глаза удивленно остановились на мнѣ, она подошла ко мнѣ.

— Вы, вѣроятно Усти Ланге? спросила она покачивая головой.

— Да, я только что пріѣхала изъ Бернтала, отвѣтила я, капитанъ Бремеръ дома?

— Въ настоящую минуту онъ въ гавани, хлопочетъ о своемъ суднѣ, но, я думаю, скоро возвратится. Милости просимъ, располагайтесь.

— Не стоить пожалуй и раздѣваться,—возразила я нерѣшительно, съ отвращеніемъ озираясь въ этой грязной конурѣ.

— Какъ не стоить? съ удивленіемъ спросила она.

— Мы, вѣроятно, не долго здѣсь останемся — отвѣтила я, капитанъ Бремеръ вернется и проводить, вѣдь, меня въ свою квартиру?

— Капитанъ здѣсь живетъ, возразила она. Францъ Вальтеръ, мой мужъ, его двоюродный братъ.

Я испугалась.

— Значитъ вы г-жа Вальтеръ, о которой онъ писалъ?

— Разумѣется, кто-же я иначе? Не стѣсняйте.

Слова сказаны были довольно сурово: вѣроятно, мое удивленіе было ей не особенно пріятно. Она отворила мнѣ дверь въ маленькую спальню: и въ эту комнату проникъ запахъ табачнаго дыма и вива. О, какъ хотѣлось мнѣ возвратиться въ маленькую комнату въ миломъ домикѣ пастора?

Я сѣла на свой чемоданъ и съ полчаса оставалась въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Когда меня стало знобить, я вышла въ другую комнату и начала прислушиваться къ шуму, доходившему до меня съ улицы. Скоро возвратилась г-жа Вальтеръ: кажется, она сочла своей обязанностью занимать меня. Она разспрашивала меня о моей жизни у пастора и какъ мнѣ нравится свобода, на которую я ввралась наконецъ.

— Вы очень блѣдны, замѣтила она наконецъ—дорогой вы кушали что-нибудь?

Я дѣйствительно ничего не ѣла съ утра. Она принесла мнѣ чашку кофе.

— Капитанъ сказалъ, что если онъ не вернется къ восьми часамъ, чтобы вы не стѣснялись и легли спать, если вы желаете. Онъ увидится съ вами утромъ. Знаете-ли, капитанъ вѣдь не измѣетъ и понятія сколько вамъ лѣтъ, съ громкимъ смѣхомъ заключила она.

— Мнѣ почти шестнадцать, возразила я съ достоинствомъ.

— Охотно вѣрю. И какая вы высокая для вашихъ лѣтъ! Она оглянула меня съ ногъ до головы.

Вслѣдъ затѣмъ послышалась на лѣстницѣ чьи-то голоса и въ комнату вошелъ капитанъ Бремеръ.

— Вотъ и Усти Ланге! вскричала г-жа Вальтеръ, странно какъ-то подмигивая при этомъ.

Вшедшій сбросилъ свое тяжелое пальто и нерѣшительно протянулъ мнѣ свою руку.

— Боже! Неужели вы Усти?.. Конечно, я могъ-бы знать это, но я никакъ не предполагалъ встрѣтить такую большую. Ну тѣмъ лучше: садитесь, пожалуйста. Отъ души радъ васъ видѣть.

Онъ что-то шепнулъ г-жѣ Вальтеръ: она вышла, замѣтивъ, что пора приготовить ужинъ. Я глядѣла на капитана и почему-то мнѣ стало его жалъ, когда онъ пріѣхалъ на край стула и въ смущеніи потиралъ свои красныя руки. Теперь я вполнѣ могла рассмотреть его. Онъ былъ сильнаго и коренастаго сложенія, съ краснымъ лицомъ, съ живыми, въ глубокихъ орбитѣхъ, глазами и густыми, сдвинутыми бровями. Несмотря на свое смущеніе, онъ глядѣлъ на меня такъ проникательно, что я не могла перенести этого.

— Вашъ отецъ немного походилъ на васъ, началъ онъ послѣ небольшой паузы. Вы его не помните?

Я забросала его вопросами о подробностяхъ жизни отца. Я спрашивала, какъ онъ умеръ, заботясь вдали отъ родины. Капитанъ охотно отвѣчалъ мнѣ на все.

Вошла грязная служанка и стала накрывать на столъ. Никогда не забуду я этого ужина. Для меня онъ былъ началомъ испытаній...

Скверная комната, противный запахъ и грубые, необразованные люди,—все это неспроста такъ дѣйствовало на меня. Меня невольно тянуло обратно въ Бернталъ.

Но, старая истина—что голодъ лучший поваръ—и теперь получила новое подтвержденіе; я должна сознаться, что съ удовольствіемъ ѣла горячія, хотя и грубо приготовленные блюда.

Г-жа Вальтеръ одна вела разговоръ, капитанъ былъ смущенъ; что касается меня, то я считала себя самой несчастной дѣвушкой. Оба они принуждали меня пить, и когда я отказалась, то г-жа Вальтеръ замѣтила, что она выпьетъ и мою долю, а затѣмъ пойдеть провѣдать что дѣлается внизу мужъ.

Мы остались одни. Капитанъ закурилъ трубку, пуская огромные клубы дыма. Мнѣ очень хотѣлось уйдти, но я не имѣла смѣлости встать и осталась сидѣть, въ самомъ грустномъ настроеніи духа. Наконецъ онъ положилъ свою трубку, подошелъ ко мнѣ и, къ удивленію моему, протянулъ мнѣ руку.

— Мы будемъ хорошими друзьями, Усти, сказалъ онъ. Я представлялъ себѣ васъ еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой; я вижу передъ собою уже даму, это меня невольно поразило. Но, видигъ Богъ, какъ это мнѣ пріятно! Матушка ваша вышла замужъ, когда ей было еще меньше лѣтъ, чѣмъ вамъ теперь. Да, я, можетъ быть, нѣсколько суровъ и примодушенъ, по у насъ, моряковъ, такая ужъ манера. Вы скоро привыкнете къ нашему тону. Впрочемъ, что говорю! Вы, должно быть, устали съ дороги! Позвольте пожелать вамъ спокойной ночи, и... примите поцѣлуй, во имя начала нашей дружбы.

Къ моему удивленію и испугу, онъ вдругъ прижалъ меня къ своей груди и поцѣловалъ въ лобъ.

На слѣдующее утро я написала пасторшѣ и умоляла ее прислать за мною. Единственною моею мыслью было какъ можно скорѣе уѣхать отсюда. Когда я послѣ этого вошла съ письмомъ въ другую комнату, то застала капитана и г-жу Вальтеръ, громко и горячо спорящихъ.

Нѣсколько минутъ я испуганно прислушивалась. Они, не замѣчая моего присутствія, продолжали говорить.

— Говорю тебѣ, что было-бы нелзя съ моей стороны откладывать дѣло до слѣдующаго путешествія. Если разъ оно должно случиться, пусть будетъ теперь-же. Чего еще ждать...

Въ эту минуту они замѣтили меня и замолчали, многозначительно переглядываясь между собою.

Послѣ завтрака я съ нетерпѣніемъ ожидала г-жу Вальтеръ, и когда она, наконецъ, вошла въ комнату, я ей передала свою просьбу отправить письмо.

— Вотъ и хорошо, что вы обратились ко мнѣ, отвѣтила она оживленно, я иду сейчасъ на почту и возьму ваше письмо.

Мнѣ и въ голову не пришло не довѣрять ея словамъ. Незнакомая съ ложью и обманомъ, я считала что мое письмо въ вѣрныхъ рукахъ.

Въ этотъ вечеръ капитанъ вернулся изъ гавани раньше обыкновеннаго и очевидно находился въ отличномъ расположеніи духа.

Его корабль „Чайка“, какъ онъ самъ разсказалъ, ждалъ только попутнаго вѣтра, чтобы отправиться съ грузомъ въ Австралію.

Мы сѣли за столъ, но я не чувствовала ни малѣйшаго аппетита. Какое-то безпомощное чувство овладѣло мною; я нетерпѣливо считала часы, остающіеся до срока, когда могла получить отвѣтъ на мое письмо. У меня болитъ голова, сказала я, когда капитанъ закурилъ свою трубку.

На лицѣ его появилось выраженіе обманутой надежды. „Я бы охотно еще немного поболталъ съ вами. Ну, что дѣлать, идите съ Богомъ“.

И на слѣдующее утро еще не было отвѣта отъ г-жи Леберъ. Я сидѣла у окна, когда вошелъ капитанъ. Онъ, какъ замѣтно было, принарядился и имѣлъ очень веселый видъ.

— Я сегодня посѣщилъ окончить всѣ свои дѣла, сказалъ онъ. Вамъ конечно доставитъ удовольствіе осмотрѣть нашъ городъ. Собирайтесь, и я васъ немного ознакомлю съ нимъ.

Что сказали бы мои прежнія подруги, увидя меня, идущую подъ руку съ такимъ кавалеромъ! И что бы подумала про это жена пастора? О если бы только она скорѣй пріѣхала и увезла меня отсюда! простонала я въ душѣ. Капитанъ Бремеръ былъ веселъ и доволенъ. Онъ оживленно говорилъ со мною и гордился вниманіемъ, которое мы повсюду возбуждали.

Возвратясь домой, я чувствовала себя такой несчастной и усталой, что охотно бы удалилась послѣ ужина, ни говоря ни слова, но это было не въ моей власти. Капитанъ послѣ ужина не закурилъ трубки, противъ своего обыкновенія и спросилъ меня, отвѣчу-ли я откровенно на его вопросъ.

— Разумѣется.

— Ну, видите ли, вы должны быть моею женою, высказалъ онъ какъ то вдругъ, однимъ разомъ. Я вздрогнула и почувствовала, какъ вся кровь прилила къ сердцу.

— Нѣтъ нѣтъ никогда! воскликнула я, какъ только возвратилась ко мнѣ способность говорить.

— Я бы желалъ знать, почему нѣтъ, Усти? Вы не можете ничего лучше сдѣлать, какъ покориться тому, что уже суждено. Всѣ молодые дѣвушки дичатся, но все же охотно выходятъ замужъ. Впрочемъ, отецъ вашъ настоятельно желалъ этого, и вы, вѣроятно, не рѣшитесь поступить противъ его желанія.

И не вѣрю теперь чтобы отецъ мой могъ имѣть подобную мысль. Но тогда я не сомнѣвалась въ сказанномъ и безутѣшно плакала, а онъ, глядя меня по щекамъ, называлъ своей милой, молодой женою.

Остальную часть вечера я припоминаю какъ во снѣ. На слѣдующее утро я встала еще до разсвѣта, и первая моя мысль была бѣжать, бѣжать куда бы то ни было.

Мнѣ не пришло тогда въ голову, что вѣдь я въ чужомъ городѣ, безъ копѣйки денегъ. Кромѣ того я вскорѣ замѣтила что за мною строго слѣдятъ. Какъ только я хотѣла выйти изъ комнаты, то сейчасъ же показывались или г-жа Вальтеръ или грязная служанка. Даже капитанъ на этотъ разъ не выходилъ изъ дому.

Напрасно я старалась возбудить участіе къ себѣ въ г-жѣ Вальтеръ—она стояла на своемъ, увѣряя, что я самая счастливая на свѣтѣ дѣвушка.

— Вы подумайте только, какаѣ хорошая партія, вы вѣдь почти что ребенокъ!

— Но вѣдь вы должны же видѣть, что г. Бремеръ мнѣ не пара! возражала я; вѣдь онъ бы могъ быть мнѣ отцомъ!

— О Усти, какъ можете вы говорить объ отцѣ, когда именно хотите противиться его волѣ! съ упрекомъ сказала она. Желая этаго брака, онъ желалъ вамъ счастья. Подумайте, капитанъ какой хорошій человекъ!

Я не знаю, какъ прошли слѣдующіе дни; кажется я была больна. Въ одно утро г-жа Вальтеръ мнѣ принесла бѣлое платье, вуаль и миртовый вѣнокъ.

— Вотъ вашъ свадебный нарядъ,—сказала она.

— Одѣвайтесь, прибила она. Я вамъ помогу!

Я была такъ слаба, что не сумѣла даже противиться, какъ слабая жертва, влекомая на закланіе.

Г-жа Вальтеръ, все время разговаривая, помогла мнѣ надѣть свадебный уборъ и когда я была готова, повела меня въ другую комнату. Она надѣла нестрое шолковое платье. Капитанъ шелъ мнѣ на встрѣчу въ совершенно новомъ съ иголочки костюмѣ.

Подѣхала карета. Капитанъ подаль мнѣ руку, г-жа Вальтеръ и разряженная служанка слѣдовали за нами. Прохожіе съ любопытствомъ посматривали на насъ.

Послѣ недолгой ѣзды, мы достигли холодной, мрачной цер-

кви. Тутъ дожидались еще другія пары, и священникъ торопился исполненіемъ обряда. Не знаю и не могу себѣ представить, какъ я могла отвѣтить утвердительно на вопросъ священника. Вѣроятно, сознание жалкой безпомощности довело меня до помѣшательства. Дома даже сдѣлали попытку устроить брачный ужинъ. Все это казалось мнѣ страшнымъ сномъ.

— Мы должны выпить вина за здравіе моей жены, сказала капитанъ немного взволнованнымъ голосомъ, опрокидывая рюмку за рюмкой.

— За ваше здравіе, г-жа Бремеръ! язвительно произнесла хозяйка.

— Я долженъ теперь тебя оставить, милая Усти, сказала капитанъ вскорѣ послѣ ужина. Сегодня предстоитъ много работы на суднѣ. Если погода и вѣтеръ будутъ благоприятны, то завтра „Чайка“ выйдетъ въ море. Я велѣлъ приготовить тебѣ парадную каюту. Предстоитъ прекрасное, веселое путешествіе.

— И я должна тоже ѣхать? испуганно спросила я. Капитанъ засмѣялся. Такъ бы я и оставила здѣсь свою женку? Напротивъ, это будетъ наша свадебная поездка. Будь повеселѣй, женушка! Завтра пустимся въ бушующее море.

II.

На слѣдующее утро капитанъ привелъ меня въ гавань. Подойдя къ борту, онъ сурово взялъ меня за руку и съ омраченнымъ лицомъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Послушай Усти! Мнѣ все равно, какъ ты себя держишь относительно меня, но я требую, что бы въ присутствіи моихъ людей ты казалась счастливой женою. Они всѣ знаютъ, что мы только вчера повѣнчаны.

Люди стояли на палубѣ и съ громкимъ крикомъ „ура“, встрѣтили насъ. Мужъ, улыбаясь, кланялся; я также улыбаясь—въ первый разъ послѣ моего пріѣзда! Улыбалась я, подвигаемая страхомъ. Мнѣ принесли на палубу стулъ, закрыли меня одеялами и платками. Я сидѣла какъ во снѣ, смотря на мелькающіе мимо берега. До сихъ поръ я не видѣла моря ни разу: видъ его заставилъ меня на время забыть свое горе и несчастное положеніе. Капитанъ сталъ совершенно другимъ, какъ только подняли якорь. На своемъ суднѣ, въ морской формѣ, окруженный послушнымъ и почтительнымъ экипажемъ, онъ казался мнѣ въ болѣе выгодномъ для него свѣтѣ. Въ моей груди возникло нѣчто вродѣ уваженія къ нему, и теперь еще я припоминаю, что я стала съ нимъ ласковѣе. Онъ былъ этимъ очень доволенъ.

— Кажется ты назначена быть женою капитана, Усти, сказалъ онъ гордо.—Многіе не переносятъ моря или покрайней мѣрѣ, должны къ нему привыкнуть. Сынъ нашего хозяина уже лежитъ въ своей каютѣ и ужасно страдаетъ морской болѣзью.

Молча стояла я на краю корабля и слѣдила за игрою волнъ, а слезы медленно катились по щекамъ моимъ.

На слѣдующій день, когда я опять сидѣла на палубѣ, я замѣтила молодого человека, поднимающагося на палубу.

Лицо его было очень блѣдно, но въ немъ видно было человека хорошаго общества. Мой мужъ подошелъ къ нему, почтительно подаль ему руку и сказалъ:—„Какъ я радъ, что вы рискнули выйти на палубу, г-нъ Вильмаръ. Позвольте васъ представить моей женѣ. Милая Усти, это г-нъ Густавъ Вильмаръ, сынъ хозяина „Чайки“.“

Протягивая мнѣ руку, молодой человекъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Ему было на видъ года 23. Сѣрые кроткіе глаза, милая улыбка. Рѣдко я встрѣчала лицо болѣе привлекательное.

— Съ васъ я могу взять примѣръ г. Бремеръ, сказалъ онъ задумчиво улыбаясь. Вы въ состояніи дать морю крѣпкій отпоръ, а мнѣ все казалось что я былъ близокъ къ смерти, какъ покинулъ берегъ. Если бы я предвидѣлъ, что мнѣ придется перенести на морѣ, ни за что бы не поѣхалъ.

— Лучшее-ли вы себя теперь чувствуете? съ участіемъ спросила я.

— О да, и видъ вашъ придаетъ мнѣ бодрости. Я и не предвидѣлъ, что мы будемъ имѣть честь везти на своемъ кораблѣ даму, сказала онъ, обратясь къ моему мужу.

— Я долженъ былъ бы васъ извѣстить о своей женитбѣ, отвѣтилъ капитанъ немного смущенно, но я не имѣлъ случая этого сдѣлать. Смѣю надѣяться, что присутствіе моей жены не стѣснитъ васъ!

— Нисколько! отвѣтилъ Вильмаръ; напротивъ, для меня это весьма пріятная неожиданность.

Онъ быстро прервалъ рѣчь. Щеки его вдругъ зарумянились. Въослѣдствіи я узнала, что отецъ его, миллионеръ, изъ опасенія, чтобы его единственный сынъ не заболѣлъ чахоткою, послалъ его въ море, полагая, что продолжительное плаваніе и пребываніе въ болѣе тепломъ климатѣ подкрѣпятъ его слабое здравіе.

Однажды Вильмаръ пришелъ въ каютъ-компаинъ, неся съ собою книги, которыя положилъ на столъ.

— Я забылъ вамъ сказать, г-жа Бремеръ, говорилъ онъ, что у меня съ собою небольшая бібліотека; не пожелаете-ли вы воспользоваться ею.

— Какъ это меня радуетъ! воскликнула я. Опять могу я читать любимыхъ поэтовъ. Въ школѣ это было моею страстью.

— Если такъ, вы можете пользоваться этимъ.
Съ тѣхъ поръ мы иногда вмѣстѣ читали, то на палубѣ, то въ каютѣ при лампѣ. Мужъ мой сидѣлъ и курилъ трубку и спокойно сквозь облака дыма слѣдилъ за нами.

каюту. Эту ночь будетъ буря, Усти. Только ты не бойся. Не всегда же можешь быть хорошая погода. Сегодня не ожидай меня, я долженъ быть на палубѣ.

Я прислушивалась къ приближенію бури—море бушевало,

Вестминстерское аббатство. Галерея.

Вестминстерское аббатство. Западная башня.

Не хочу останавливаться слишкомъ долго на нашей поѣздкѣ. Педѣли проходили. Г-нъ Вильмаръ имѣлъ сильный припадокъ и я долго его не видѣла. Я изъявила желаніе ухаживать за нимъ, но мужъ не допустилъ этого.

Когда Вильмаръ опять пришелъ на верхъ, то хотя и имѣлъ веселый видъ, я не могла не замѣтить, что онъ сильно похудѣлъ и ослабъ. Мы опять стали читать вмѣстѣ, это мнѣ доставляло большое удовольствіе.

Послѣ только пришло мнѣ въ голову, что мы слишкомъ углублялись въ наше чтеніе и капитанъ Бремеръ, не понимая почти ничего, находилъ это неприличнымъ для своей жены. Но эта совѣсть не приходило мнѣ въ голову; у меня и мысли не являлось видѣть въ этомъ что нибудь дурное.

Нѣсколько дней былъ полный штиль. Нашъ корабль стоялъ неподвижно. Паруса слабо спускались по мачтамъ, и я начала уже желать какой-нибудь перемѣны.

— Перемѣна наступитъ скоро, сказала въ одинъ вечеръ серьезно мой мужъ, входя въ

корабль сильно погружался въ ярыя волны, и я могла слышать, какъ волны хлестали черезъ палубу; казалось, все должно было рухнуть; въ страхѣ я ухватилась за свой столъ.

Капитанъ заглянулъ еще разъ въ дверь.

— Не бойся, уговаривалъ онъ меня. Это еще только начало.

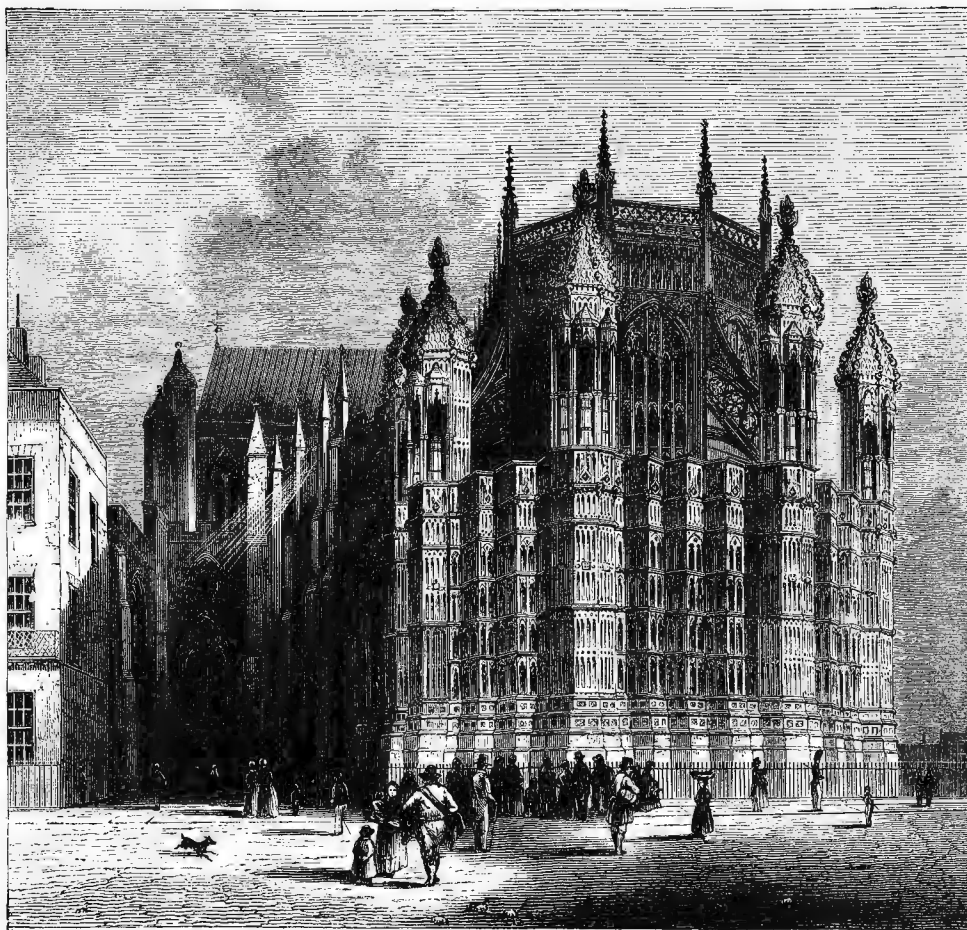
Придется закрыть люки. Гдѣ г-нъ Вильмаръ?

— Кажется, онъ пошелъ на палубу, отвѣтила я; мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось, что онъ поднимался по лѣстницѣ. Я держалась за столъ и видѣла какъ матросы покрывали окна просмоленной парусиной и съ шумомъ захлопывали люки.

Въ полномъ мракѣ и дрожа отъ страху я прислушивалась къ страшной бурѣ. Отъ времени до времени до меня доходилъ голосъ мужа, кричащаго въ рупоръ.

Не много погоды я замѣтила, что что-то шевелится въ каютѣ и чуть не вскрикнула отъ испуга, слыша что Густавъ Вильмаръ зоветъ меня по имени.

— Гдѣ вы, г-жа Бремеръ? прошепталъ онъ. Ахъ, какая страшная буря!

Вестминстерское аббатство. Часовня Генриха VII.

— Я думала, что вы на палубѣ, въ смущеніи отвѣтила я.
— Да, но я не могъ болѣе выдержать. Я слишкомъ слабъ, чтобы быть полезнымъ; они вѣдь не нуждаются въ моей помощи.

Голосъ его звучалъ глухо и слабо. Онъ подошелъ близко къ мѣсту, гдѣ я сидѣла. Мы оба судорожно схватились за желѣзные прутья и молча прислушивались къ шуму волнъ и бури надъ нашими головами. Всю ночь въ смертельномъ страхѣ сидѣли мы и съ каждой минутой ожидали что будемъ похоронены въ холодныхъ волнахъ.

Когда первые лучи разсвѣта проникли въ каюту, намъ еще страшнѣе стало при видѣ нашихъ блѣдныхъ, какъ у мертвецовъ лицъ.

Лицо Вильмара было пепельнаго цвѣта; онъ не могъ подняться. Я старалась его ободрить, разрѣзала апельсинъ и сокомъ смочила ему губы; затѣмъ принесла двѣ подушки, чтобы ему было удобнѣе отдохнуть.

— Кажется, я умираю, вздохнулъ онъ. Для меня нѣтъ больше спасенія. Два брата мои погибли отъ этой страшной болѣзни. Если вы когда встрѣтите мою мать или моего отца, то передайте имъ мой искренній привѣтъ. Я ожидаю этого отъ васъ и увѣренъ въ вашемъ благородствѣ.

Послѣ этого онъ, кажется, потерялъ сознание и молчалъ нѣкоторое время. Когда опять заговорилъ, то рѣчь его была несвязна.

Буря продолжалась цѣлыя сутки и всю слѣдующую ночь. На второе утро я услышала тяжелые шаги по лѣстницѣ и мужъ мой взшелъ въ каюту. Никогда я не забуду его вида! Шапка его была привязана къ головѣ; лицо его отъ работы и утомленія опухло. Онъ осматривалъ каюту. Взоръ его упалъ на г-на Вильмара, который лежалъ на подушкахъ, покрытый одеялами и уснѣвшій нѣсколько окрѣпнуть.

— Такъ я и предполагалъ! произнесъ капитанъ хриплымъ голосомъ. Открывъ шкафъ, онъ досталъ бутылку водки, приложилъ ее ко рту и сталъ пить.

— Ты убьешь этимъ себя! воскликнула я, подбѣгая и взявъ его за руку.

— Это мнѣ не вредитъ, отвѣтилъ онъ съ горечью, съ начала бури я ничего не ѣлъ.

— Г-нъ Вильмаръ, обратился онъ сурово къ нему, а желалъ бы посмотреть на карту, которая въ вашей каютѣ. Будете-ли такъ любезны мнѣ ее показать?

Блѣдный молодой человекъ съ усиліемъ поднялся и пошелъ въ маленькую боковую каюту. Я слышала какъ затворилась за ними дверь. Внезапное чувство страха овладѣло мною. Я подошла къ дверямъ, но они были крѣпко заперты; слышенъ былъ только голосъ капитана, свѣржно и дико кричащаго. Онъ выкрикивалъ мое имя и обвинялъ блѣднаго юношу Богъ знаетъ въ какихъ преступленіяхъ. Напрасно доказывалъ тотъ свою невинность, тщетно молилъ о пощадѣ. Мнѣ слышно было, что между ними происходитъ борьба. Вскорѣ наступила тишина.

Бремеръ вышелъ одинъ.

— Теперь ты можешь войти туда, проговорилъ онъ съ хриплымъ смѣхомъ! Твой любовникъ захотѣлъ лучше остаться съ тобою, вмѣсто того, чтобы находиться на палубѣ и исполнять свой долгъ, какъ подобаетъ мущинѣ. Ступай теперь къ нему. Взоръ его былъ какъ у помѣшаннаго. Съ страшными проклятіями поднялся онъ по лѣстницѣ на палубу. Я посмотрѣла въ боковую комнату—Густавъ блѣдный и неподвижный лежалъ на полу. По направленію къ двери отъ него текла струя крови.

Не знаю, что было дальше,—вѣроятно я потеряла сознание. Помню только, какъ капитанъ бѣгалъ и звалъ кого-то.

Дуль сильный вѣтеръ, хотя волненіе значительно уменьшилось. Немного времени спустя я услышала, какъ выломано было кѣмъ-то стекло въ окнѣ боковой комнаты: раздалось паденіе какого-то тяжелаго предмета въ воду. Вслѣдъ затѣмъ капитанъ вошелъ ко мнѣ и приказалъ мнѣ уничтожить слѣды кровяныхъ пятенъ, оставшихся на полу.

— Никогда я не сдѣлаю этого, быстро возразила я съ рѣшимостью. Никогда я не буду участницей такого гнуснаго преступленія. Пусть весь свѣтъ узнаетъ о твоёмъ поступкѣ.

— Какая сильная угроза капитану на его кораблѣ, презрительно возразилъ онъ. Свѣтъ никогда не узнаетъ ни о чемъ другомъ кромѣ того, что твой милый любовникъ утонулъ также, какъ и два матроса, люди болѣе достойные, чѣмъ онъ. А если ты не можешь молчать, такъ я съумѣю поставить на своемъ.

Съ этими словами онъ повлекъ меня въ другую крошечную каюту и заперъ за мною дверь. Я слышала, какъ онъ смывалъ пятна крови. Ужасъ оковалъ мои члены; я какъ бы оцѣпенѣла. Цѣлыми часами лежала я на полу и думала о назначенной мнѣ голодной смерти.

Когда уже стемнѣло и зажжены были лампы, капитанъ явился ко мнѣ. Онъ принесъ чаю и хлѣба. Совершенно истощенная я не могла отказать отъ пищи. Когда онъ вышелъ, я услышала слова его, обращенныя къ матросамъ:

— Буря ужасно подѣйствовала на мою жену: она совсѣмъ какъ помѣшанная. Ничего нѣтъ удивительнаго, она не привыкла къ бурѣ. Когда она узнала, что двухъ матросовъ и г-на

Густава Вильмара снесло волною съ палубы, то была такъ поражена, что безъ чувствъ упала на полъ. Я долженъ ее держать въ спокойствіи и въ ближайшей гавани обратиться за врачебной помощью.

Мнѣ казалось, что я должна выскочить и закричать: я не сошла съ ума, и Густавъ Вильмаръ не утонулъ. Но отъ страха у меня отнялся языкъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ я продолжала лежать. Прошло нѣсколько недѣль. Бремеръ ни слова не говорилъ со мной. Два, три раза въ день онъ приносилъ мнѣ вѣсть, едва глядя на меня—вся любовь его ко мнѣ перешла въ глубокую ненависть.

Огромный путь былъ слишкомъ продолжителенъ; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось.

Наконецъ послышалось приближеніе лодокъ къ нашему кораблю и бѣготня людей надъ моею головой.

Слабый лучъ свѣта проникъ въ мою каюту. Желая сейчасъ же узнать причину этого, я подошла къ двери и замѣтила, что замочная скважина не была прикрита. Посмотрѣвъ въ нее, я увидѣла человекъ, накрывавшаго на столъ.

Керберъ былъ честный человекъ, съ которымъ я иногда разговаривала; онъ былъ очень преданъ мнѣ.

Приложивъ губы къ скважинѣ, я тихо назвала его по имени.

— Керберъ, я должна съ вами говорить. Вы должны мнѣ помочь. Я не сошла съ ума. Я должна выйдти на берегъ и явиться къ г. Вильмару, владѣльцу этого корабля. Вы будете щедро награждены, когда сможете мнѣ.

Онъ медлил; потомъ пешнудъ, что посмотреть, нельзя-ли будетъ рѣшиться на что-нибудь.

Вскорѣ онъ вернулся и я разслышала, какъ онъ черезъ скважину тихо говорилъ мнѣ: я все обдумалъ и хочу вамъ помочь. Что могу для васъ сдѣлать?

— Доставьте мнѣ вашу одежду и помогите мнѣ бѣжать.

— Хорошо.

Вскорѣ я услышала какъ отворили мою дверь, кто-то протолкнулъ въ дверь узелъ съ платьями и бросилъ мнѣ ключъ отъ дверей.

Керберъ остановился на минуту. Отъ страха и волненія лицо его побавровѣло.

— Если меня найдутъ и узнаютъ, я погибъ; сказалъ онъ: завтра съ разсвѣтомъ будьте готовы, но ждите моего сигнала. Утромъ я долженъ ѣхать на берегъ за хлѣбомъ и вы пойдете вмѣсто меня.

Онъ убѣжалъ; и соскочила съ постели, заперла дверь и спрятала ключъ. Затѣмъ взяла ножницы и обрѣзала себѣ волосы.

Только успѣла я это сдѣлать, какъ дверь моя быстро отворилась и капитанъ вошелъ въ каюту съ какимъ-то господиномъ очень серьезнаго вида. Сдерживая дыханіе, лежала я на своихъ подушкахъ; лицо горѣло, глаза вѣроятно имѣли дикое выраженіе,—я такъ боялась быть открытой. Докторъ нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на меня, послушалъ мой пульсъ, и обратясь къ капитану, сказалъ: „пока жена ваша въ такомъ возбужденномъ состояніи, напрасно вы оставляете ей ножницы. Взгляните, что она сдѣлала!“

Я замѣтила, какъ изумился капитанъ при видѣ моихъ обрѣзанныхъ волосъ и волненія охватившаго меня. Можетъ быть, онъ дѣйствительно подумалъ, что я не въ своемъ умѣ, но ничего не отвѣтила. Когда они вышли изъ каюты, я слышала какъ докторъ сказалъ: не медля ни минуты, я дамъ вамъ свидѣтельство о ея помѣшательствѣ. Было-бы хорошо и для этой несчастной учредить надъ ней, какъ можно скорѣй, тщательный присмотръ.

— Хорошо, отвѣтилъ капитанъ, завтра утромъ мы ее пристроимъ.

Никогда не забуду я этого, безконечно тянувшагося дня. Иногда, казалось, я готова была и вправду сойдти съ ума.

Свѣтало, но еще мерцали звѣзды, когда подошелъ къ самой двери Керберъ и приказалъ быть готовой.

— Капитанъ спитъ, сказалъ онъ; шлюбка сейчасъ отвалитъ. Я одѣлась, дрожащей рукою отворила дверь и качаясь вышла изъ каюты. Ноги мои, послѣ долгаго заточенія, стали совсѣмъ неповоротливыми.

Керберъ ожидалъ у дверей и вручилъ мнѣ большую корзину.

— Вы поступайте такъ какъ будто это я, но говорите какъ можно меньше, а то васъ узнаютъ. Подымите корзину на голову.

И такъ и сдѣлала. При начинающемъ разсвѣтѣ я незамѣтно прошла мимо матросовъ и спустилась по лѣстницѣ; люди въ шлюбкѣ нетерпѣливо дожидались, снѣжна отплыть; слотыкаясь, спустилась я въ лодку.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Керберъ? сказалъ одинъ, ты опять приготовилъ свой грогъ слишкомъ крѣпко! Ты совсѣмъ заспаннѣй. Узнай только объ этомъ нашъ старикъ.

До берега было близко и какъ только причалила лодка, я взбѣжала по ступенькамъ вверхъ, бросила корзину въ воду и помчалась, забывая даже боль въ ногахъ. Не знаю, долго-ли я бѣжала; я остановилась только, когда силы совсѣмъ оставили меня.

На улицахъ начиналось обычное движеніе, каждый шелъ по своему дѣлу, но обращая на меня вниманія.

При мнѣ былъ адресъ г-на Вильмара и при томъ блѣдный Густавъ мнѣ такъ все подробно описалъ, что послѣ недолгихъ

розысковъ я была у его дома. Лакей, отворившій дверь на мой звонокъ, съ удивленіемъ и исповѣріемъ оглядѣлъ меня. Онъ, кажется, не хотѣлъ впускать, но когда онъ узналъ, о моемъ желаніи сообщить г-ну Вильмаръ важное извѣстіе о его сынѣ, тотчасъ же провелъ меня въ большую, мрачную комнату.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, я прислонилась къ столу. Увѣренность въ томъ, что я достигла наконецъ цѣли, сильно подѣйствовала на меня: я была близка къ обмороку. Вошелъ старикъ Вильмаръ.

Съ удивленіемъ оглядѣлъ онъ меня.

Матроская шапка лежала на полу, и онъ хорошо могъ разсмотрѣть что лицо мое—лицо женщины.

— Ради Бога выслушайте меня! вскричала я въ смертельномъ страхѣ. — Выслушайте меня! Я молю вашей защиты. Я не мужчина, я переродѣтая женщина, жена капитана Бремера, насильно женившася на мнѣ. Теперь онъ хочетъ засадить меня въ домъ умалишенныхъ, потому что я была свидѣтельницей его кровавой тайны. Не вѣрьте, что вашъ сынъ погибъ въ морѣ; нѣтъ,—мужъ мой убилъ его подлымъ образомъ, я видѣла кровь вашего сына.

Старикъ поблѣднѣлъ и поматнулъ.

До него успѣло уже дойти извѣстіе о смерти сына, и онъ былъ въ страшномъ горѣ.

— Успокойтесь, сударыня, проговорилъ онъ, я позову жену; она побудетъ съ вами, пока я разную подробнѣе объ стран-

номъ преступленіи, въ которомъ вы обвиняете своего мужа.

Вошла г-жа Вильмаръ, почтенная старушка; замѣтя мой разстроенный и взволнованный видъ, она усидила меня на диванъ и стала разспрашивать. Съ глазами, полными слезъ, повела она меня въ свою комнату и предложила передѣться. Едва успѣла я сдѣлать это, какъ подъѣхала карета и къ намъ вошелъ старикъ-хозяинъ. Съ выраженіемъ глубокой горести онъ опустился на стулъ и проговорилъ: „Только что передъ моимъ приходомъ на „Чайку“, злодѣй застрѣлился и предсталъ теперь передъ высшаго Судію“.

Такъ я отвѣтила. Преступленіе Бремера было некуплено смертью. Я сильно заботѣла, и г-жа Вильмаръ ухаживала за мной, какъ за своей дочерью.

Теперь я снова живу въ домикѣ пастора, въ Бирнгалѣ. Я получаю ежегодно по 800 талеровъ, въ счетъ процентовъ съ заведеннаго мнѣ отцомъ капитала. Моя жизнь, значить нѣсколько обезпечена.

Дрожь пробираетъ меня при одной мысли о прошломъ. Мнѣ еще нѣтъ и двадцати лѣтъ, а между тѣмъ въ моихъ короткихъ каштановыхъ волосахъ, виднѣются уже серебристыя нити. Когда я думаю о своемъ насильномъ замужествѣ и выпавшихъ на мою долю тяжелыхъ днѣхъ, мнѣ всегда съ болью въ сердцѣ вспоминается о всѣхъ дѣтяхъ, которые также безпомощны какъ была тогда я.

Стихотвореніе.

къ Г***.

Давно-ли сказкою докучной
Тебѣ казались мечты.
И шуму жизни однозвучной
Съ пѣмой тоской внимала ты?

Давно-ли снали подъ землею
Цвѣтовъ весеннихъ сѣмена?—
Но вотъ повѣяло весною,
И все возсталъ ото сна...

И эти силы, что таинсь
Среди снѣговъ погребены.
Внезапно къ жизни пробудилсь
При первомъ лепетѣ весны!..

Летятъ клубы цвѣточной пыли,
Несетъ любовь дары свои.—
И муки сердца заглушили
Волшебнымъ пѣніемъ соловьи...

П—ъ.

Къ рисункамъ.

Пирующіе ландскнехты.

(Рис. на стр. 132 и 133).

Величественные, заковананные въ латы рыцари—эти безстрашные палadini крестовыхъ походовъ и участники блестящихъ турнировъ уже въ XIII столѣтіи стали мало по малу терять свою родовую доблесть и страсть къ воинственнымъ приключеніямъ. Собирая ихъ для какого-нибудь крупнаго сраженія становилось все труднѣе и труднѣе; монополія военнаго дѣла незамѣтно уже переходила отъ нихъ въ другія руки и ихъ соперницею являлась другая, новая сила—пѣшіе воины—простолудины, грозные числомъ и болѣе подвижные и легкіе, нежели латники, прикованные къ своимъ громаднымъ конямъ. Такъ война съ Гуситами уже показала превосходство лѣснаго строя. Войско, составленное изъ мужиковъ, обратило въ бѣгство 100,000 рыцарей, отнявъ у нихъ громадный вагенбургъ съ восьмью тысячами повозокъ. Ясно было, что пушка другая болѣе свѣжая и живая сила—сила массъ, соединенныхъ дисциплиной и сознаніемъ долга и общаго дѣла. Первымъ увидать это Максимилианъ I, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени и по его почину, въ 1380 году уже образовалось въ Германіи новое постоянное войско—ландскнехтовъ.

Ландскнехты, т. е. земские слуги, были народъ вольный, наемный, собираемый изъ всѣхъ сословій, особаго рода вербовщиками, ходившими изъ селенія въ селеніе при звукѣ флейты и барабана. Но, поступивъ въ ландскнехты, каждый долженъ былъ подчиняться всѣмъ условіямъ военной дисциплины—условіямъ иногда очень тяжелымъ и даже жестокимъ, такъ какъ всякій важный проступокъ наказывался смертью и готовая висѣлица обыкновенно красовалась около каждаго военнаго лагеря.

Животно было шестіе ландскнехтовъ во время похода: вообразите себѣ массу людей, въ разнохарактерныхъ и яркыхъ, средневѣковыхъ нарядахъ, при чемъ нѣкоторые въ широкихъ шляпахъ съ перьями, другіе-же въ вычурныхъ головныхъ уборахъ. Вся эта толпа вооружена алебардами и пиками; надъ ней развѣваются разноцвѣтные знамена, съ боковъ плетутся женщины и дѣти, возуть повозки съ припасами, да гонять различныхъ домашнихъ животныхъ, захваченныхъ по дорогѣ. Особенно привольно жилое ландскнехту, когда онъ отдыхалъ въ лагерѣ послѣ какого-нибудь прибыльнаго и успѣшнаго похода. Скромные и благочестивые люди сторонились ландскнехта и считали его нехристианномъ, погубившимъ человѣкомъ. Шумными толпами бродили воинственные ландскнехты по городу, входили въ таверны и здѣсь-то разыгрывались сцены въ родѣ той, которая такъ превосходно изображена на нашей картинкѣ. За столомъ въ своихъ живописныхъ одеждахъ сидѣли воины. Одинъ изъ нихъ цѣлуетъ насильно хорошенькую прислужницу. „Стой!“ гремятъ

изъ-за стола молодой воинъ, „я тебѣ этого не позволю!“ Другіе двое, рядомъ сидящіе, добродушно и весело смѣются. „Цѣлуй, цѣлуй, да хорошенько! Нечего на нее смотрѣть!“—Я сорву съ тебя голову! продолжаетъ кричать, вскакивая съ сжатými кулаками и хватаясь за мечъ, молодой ревнивецъ. Двое болѣе пожилыхъ и серьезныхъ, сидящихъ по краямъ стола, уговариваютъ товарищей: „Ну, полно, будетъ вамъ—какъ вамъ не стыдно! Брось мечъ! Довольно съ васъ!“ Огромные кувшины вина, непрѣмѣнные спутники такихъ сценъ, стоятъ и на столѣ, и на полу. Средній молодецъ, смѣясь, поднимаетъ кружку за здоровье молодецкой Гебы. Громъ мечей, грубыя, воинственныя пѣсни опьяненныхъ воиновъ раздаются кругомъ...

Бейся я ней, и цѣлуй—обнимай—
Спуску вина и врагамъ не давай!
Смѣло иди и на женщинъ, и въ бой—
Жизнь коротка, ходитъ смерть за тобой!

Литерат. Альбомъ. „Мѣдный всадникъ“, Пушкина.

(Рисунокъ на стр. 321).

Чудесныя описанія Петербурга и его историческаго прошлаго не рѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ нашего гениальнаго поэта и въ нихъ онъ является порой даже восторженнымъ поклонникомъ пашей сѣверной столицы, этого величественнаго памятника великаго преобразователя.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье
Береговой ея гранитъ.
Твоихъ оградъ узоръ чугуный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный...

Такъ говоритъ поэтъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, произведеніи, въ которомъ съ такимъ художественнымъ совершенствомъ изобразилъ онъ одно изъ самыхъ печальныхъ и трагическихъ событій въ исторіи Петербурга—страшное наводненіе 1824 г. Впечатленія этого несчастья были тогда еще такъ недавни и свѣжи: объ немъ еще ходили изъ устъ въ уста таинственные а иногда даже странные рассказы и преданія а потому не мудрено, что одна изъ такихъ легендъ послужила канвою для „Мѣднаго Всадника“ непронужденнаго впрочемъ цензурой и появившагося въ свѣтъ лишь послѣ смерти поэта. Причина такого неодобренія цензуры заключалась въ томъ что Пушкинъ выводитъ здѣсь дѣйствующимъ лицомъ бронзовую статую Петра и какъ казалось тогда, оскорблялъ тѣмъ память Великаго Императора. Большинство публики да и весь оффиціозный міръ не допускали тогда и малѣйшаго намека на недостатки петровской

реформы и потому-то появление „Мѣднаго Всадника“ могло возбудить общественное негодованіе.

Но теперь „Мѣдный Всадник“ занялъ въ нашей литературѣ подобающее мѣсто и ни одинъ, даже самый строгій судья, не укоритъ по этому поводу поэта въ желаніи умалить заслуги Великаго Преобразователя и оскорбить его священную память. Герой разказа — это пѣкій Евгений, молодой человекъ, сошедшій съ ума отъ страшной потери своей возлюбленной, погибшей во время наводненія. Полный горя и отчаянія, въ рубищѣ, пронизываемый холоднымъ ноябрьскимъ вѣтромъ, бродитъ онъ по улицамъ города, сохранившимъ еще слѣды страшной катастрофы и вдругъ случайно попадаетъ на Петровскую площадь, гдѣ возвышается памятникъ Петра Великаго, воздвигнутый Екатериной. Здѣсь приходитъ ему на мысль, что никто иной какъ Петръ, единственный виновникъ его несчастья и имъ овладѣваетъ страшное бѣшенство. Но вотъ какъ сама поэтъ описываетъ эту сцену, въ которой такъ художественно и психологически вѣрно изображены признаки буйнаго, яростнаго умопомѣшательства:

Кругомъ подножія кумира
Возумень бѣдный обомель
И взоры дивіе наведъ
На ликъ державца полуміра,
Стѣснилась грудь его... Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ
Векнигла кровь...

И вдругъ стремглавъ
Вбѣжать пустился... Показалось
Ему, что грознаго Царя,
Мгновению гнѣвомъ возгоря,
Лице тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Вбѣжить и слышать за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжелозвонное сваканье
По потрясенной мостовой.
И озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышніе
За нимъ несется всадникъ мѣдный
На звонко—скачущемъ кофѣ
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стоны ни обращалъ
За нимъ повсюду „Всадникъ Мѣдный“
Съ тяжелымъ тономъ сваканья...

Это воображаемое преслѣдованіе, какъ разказываетъ въ концѣ поэтъ, окончательно стомило безумца и спасаясь отъ него, онъ бросился въ волны Невы, откуда его вытащили уже холоднымъ, безжизненнымъ трупомъ.

Кобзари и Лирники въ Малороссіи.

(Рис. на стр. 324).

Многіе еще помнятъ, безъ сомнѣнія, какую славою пользовался кобзарь Остапъ Вересай на третьемъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Интересно было образованнѣе въ то время на съѣздѣ ученыхъ мнѣніе, будто бы Вересай былъ уже *послѣдній Кобзарь* Украины. Можетъ быть относительно Украины это и такъ. Но въ нашей задѣлываемой Малороссіи иначе. Оригинальный рисунокъ съ натуры, сдѣланный въ г. Пѣкинѣ, изображаетъ именно такихъ современныхъ намъ лириковъ и кобзаря.

Эти слѣдныя пѣвцы давно прошедшихъ временъ Малороссіи и Украины, ходятъ по большей части вмѣстѣ, посѣщая особенно людныя пункты по городамъ и мѣстечкамъ Черниговской губерніи во время ярмарокъ. Они свѣдятъ, какъ извѣстно, обыкновенно среди площади, и далеко разносятся ихъ матерекое пѣніе, съ оригинальнымъ аккомпаниментомъ первобытной „лиры“ и бандуры, собирая вокругъ себя цѣлыя десятки и сотни народу, желающаго послушать старинныя былинныя, о Хмѣльницкомъ, двѣна цати пятницяхъ и т. п. Толпа, не шелохнется, не проронитъ ни единого слова, а пѣвцы съ одушевленіемъ, ровнымъ речитативомъ распѣваютъ.

За каждымъ речитативомъ слѣдуетъ дуть на лиру и бандуру подъ мотивъ пѣсни, которымъ обыкновенно она и заканчивается. Послѣ этого пѣвцы истово кладутъ крестное знаменіе; слушатели также крестятся. За тѣмъ въ шапки пѣвцовъ сыплются деньги отъ слушателей *на молитву*, и снова начинается новая пѣсня, новая былина въ поученіе православнымъ.

Случается, что собравшіеся слушатели сами заказываютъ пѣть извѣстную думу или пѣсню, и все съ такимъ чувствомъ внимаютъ, что иные начинаютъ даже плакать, въ особенности, когда заказная пѣсня бываетъ напр. „О блудномъ сынѣ“ и т. п.

Умираетъ онъ, несчастный, лежитъ онъ во гробу. Ему доля въ некли (аду) и.

Бѣжить грѣшникъ огнемъ—искомъ...
Узрѣвъ своего отца и матку.

Просить ратунку:

Ратуи мене, я чадо твое, отецъ—мати,
Докиль я буду въ сімъ огні сѣбно крычати.

Когда не бываетъ ярмарки или базара, наши лирники и кобзари, при помощи своихъ *поводаторовъ*—мальчиговъ, которые изображены на нашей картинкѣ, ходятъ по домамъ, прося милостыню, и когда ихъ просятъ, охотно начинаютъ пѣть.

Есть у нихъ и веселыя пѣсни: они умѣютъ наигрывать и пѣсни *підтанцюми*, т. е. танцевальныя; но чтобы заставить ихъ свѣтъ или сыграть эти пѣсни, нужно привести ихъ въ веселое настроеніе, или заставить въ своей компаніи, среди земляковъ, гдѣ они не стѣсняясь, чувствуютъ себя въ своей сферѣ, и готовы, какъ кобзарь Шевченко въ его „Гайдамакахъ“, и повеселить добрыхъ людей при случаѣ.

Долго ли еще подобныя лирники и бандуристы просуществовать въ Малороссіи? Едва ли. Тѣмъ болѣе дороги эти носители истинныхъ народныхъ образовъ и вѣрованій, во всей ихъ первобытной простотѣ и непосредственности.

Весною.

(Рис. на стр. 325).

О, какъ длинна и скучна казалась эта свѣжпая, суровая зима молодой затворницѣ гортаго замка! Какъ печально выла буря и полосами свѣгу била мятель въ узкія, стрѣльчатые, готическія окна! Мужъ ея поѣхалъ съ многочисленною свитой на своемъ могучемъ, тяжеломъ кофѣ, весь закованный въ желѣзо, куда-то—хотѣлъ скоро вернуться, а она съ дочкой все одна, сидитъ, постъ или вышиваетъ. И дѣвочка ея такъ проеитъ ее идти гулять въ лѣсъ. „Пора, говоритъ она, пора! Гляди, жаворонки ужъ прилетѣли!“

И вотъ дѣйствительно появились жаворонки—вѣстники весны. Распустились почки, изъ травы нѣжной, шелковистой, выглянули первые яркіе цвѣты. „Теперь пойдемъ, говоритъ она дѣвочкѣ, поидемъ“. И весенній вѣтеръ обдуваетъ тихо ея нѣжное лицо и молодая грудь свободно, и легко дышетъ чуднымъ воздухомъ весны.

Вестминстерское Аббатство.

(Рис. на стр. 329).

Аббатство это—одно изъ древнѣйшихъ зданій Англіи. Первымъ строителемъ его называютъ Св. Зиберта, короля восточныхъ саксовъ, или короля Эссекскаго (East saxons), въ 610 г. Разрушенное затѣмъ датчанами, оно было вновь выстроено королемъ Едгаромъ. Въ XI столѣтіи, когда церковь пришла въ упадокъ, король Эдуардъ Исповѣдникъ, въ 1055—65 гг., возобновилъ ее съ царскимъ великолѣбіемъ, пригласивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, монаховъ изъ Экстера; освященіе было совершено 28 декабря 1065 года. Папа Николай II постановилъ, чтобы аббатство служило мѣстомъ коронаванія англійскихъ королей, и съ тѣхъ поръ коронаваніе и происходило тамъ съ чрезвычайною пышностью. Если даже случалось, что церемонія эта бывала гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, то затѣмъ, считалось необходимымъ повторять ее въ Вестминстерѣ, въ присутствіи всѣхъ знатнѣйшихъ лицъ королевства. Въ минуту возложенія короны на главу короля, обыкновенно, производился изъ пушекъ королевскій салютъ. Генрихъ III, въ 1220—63, снова перестроилъ аббатство, еще съ большимъ великолѣбіемъ. Большія галлерей, главное монастырское зданіе и домъ настоятеля были возведены въ царствованіе Эдуарда II, Эдуарда III и Ричарда II. Западная часть и приделы перестроены между 1340 и 1483 гг. Названіе свое Вестминстеръ получилъ—согласно однимъ источникамъ—въслѣдствіе своего положенія на западъ (west) отъ собора св. Павла, или же—по другимъ—отъ того, что въ прежніе времена, на его мѣстѣ стоялъ монастырь, называвшійся „Истминстеръ“ (Eastminster). Зданіе аббатства такъ обширно и требуетъ такъ много постоянныхъ исправленій, что почти всегда найдешь тамъ искусныхъ мастеровъ, занятыхъ работой или мозаикой, или мраморомъ, или бронзой, или росписными окнами.

Величавое зданіе производитъ необыкновенное впечатлѣніе на зрителя. Вашингтона Ирвинга глубоко поразило мрачное великолѣбіе аббатства, когда онъ вошелъ туда и остановился среди гробницъ (аббатство, какъ извѣстно, служитъ усыпальницей королей и знаменитыхъ людей Англіи) „...Сокровищница уничиженія“, вырвалось у него.

Великолѣбіе и обширнѣе другихъ частей аббатства—часовни Генриха VII, галлерей которой изображены на нашемъ рисункѣ. Готическій порталъ, утвержденный на высокихъ сводахъ, покрытъ чудесной рѣзбой, состоящей изъ чрезвычайно богатаго сочетанія орнаментовъ. Въ этой часовнѣ, между прочимъ, происходило посвященіе кавалеровъ ордена Бани и теперь еще видны ихъ пышно орнаментированныя скамьи, надъ которыми развѣшано ихъ вооруженіе, знамена и выбиты девизы фамильныхъ гербовъ. Превосходная рѣзба украшаетъ гробницу основателя этой часовни, тутъ же видны и изображенія Генриха VII и королевы Елизаветы.

Политическое обозрѣніе.

Россія.—Австрія и Турція.—Франція.—Италія.—Испанія.—Китай.

Если свѣдѣнія иностранныхъ газетъ вѣрны, то между правительствомъ нашимъ и австрійскимъ идутъ переговоры о свиданіи Государя Императора съ Императоромъ Францемъ-Иосифомъ; говорятъ, что Его Императорское Высочество В. К. Владиміръ Александровичъ, по прибытіи въ Вѣну, вручилъ императору собственноручное письмо Государя, и всѣ эти слухи приводятъ тамъ къ убѣжденію въ томъ, что нынѣ отношенія обѣихъ державъ болѣе чѣмъ удовлетворительны. Зато—едва-ли удовлетвориться мы можемъ отношеніемъ къ намъ Турціи, примѣняющей къ вопросу соглашения съ нами относительно уплаты военной контрибуціи свое обычное правило *festina lente* (спѣши медленно); нашему посланнику при султанскомъ дворѣ снова пришлось обратиться къ Турецкому правительству съ нотой, въ которой заявила, что со времени послѣдняго обмѣна мѣтній по этому вопросу прошло двѣ недѣли, а между тѣмъ отъ Порты не получено еще никакого отвѣта относительно формы гарантированія взносовъ контрибуціи; почему г. Новиковъ и просилъ не медлить болѣе отвѣтомъ, отказываясь отъ обсужденія всего вопроса опять съизнова. Въ отвѣтъ-Порта сообщила, что она принимаетъ соглашение, выработанное при послѣднихъ переговорахъ, объ уплатѣ военной контрибуціи (сколько извѣстно—300 милліоновъ) но при этомъ: 1) оставить за собою право замѣнить, въ случаѣ надобности, условенныя гарантіи другими, равными съ ними и превышающими гарантируемыхъ налоговъ—назначеніе это будетъ поручено оттоманскому банку; когда г. Новиковъ сообщилъ, что готовъ принять всѣ предложенія за изытіемъ этого послѣдняго, то турецкое правительство вновь отвѣтило, что посланникъ не будетъ настаивать на томъ пунктѣ, почему оно считаетъ соглашеніе достигнутымъ.

Славяне продолжаютъ свою геройскую борьбу съ австрійцами, ихъ отдѣльные отряды медькаютъ то тамъ, то сямъ, извѣстия оттуда, однако, весьма рѣдки, такъ какъ, вѣроятно австрійское правительство приняло мѣры, чтобы кромѣ официальныхъ никакихъ другихъ не появлялось. вмѣстѣ съ тѣмъ, оно приступаетъ къ сбору новобранцевъ, намѣреваясь произвести наборъ самыхъ энергическимъ способомъ, пользуясь нравственнымъ, какъ оно думаетъ, впечатлѣніемъ побѣды его войскъ на мирное населеніе; но—число новобранцевъ едва ли будетъ многочисленно, такъ какъ сами австрійцы сообщаютъ, что изъ большинства мѣстностей мужское населеніе ушло.

Возстаніе въ Тунисѣ, повидимому, теперь оканчивается,

какъ сообщаютъ французы,—одинъ изъ главнѣйшихъ вождей, Али-бей-Калифъ, высказываетъ намѣреніе покориться; инсургенты южнаго Туниса, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія или частью перебираются или же покоряются. Въ Сенегалии также возмутилось одно изъ туземныхъ племенъ, которое блокировало французскій постъ Седиу (Sedion) но блокада уже снята и взбунтовавшіяся села заняты войсками. Въ Италіи происходилъ рядъ патриотическихъ празднествъ—юбилеевъ событій изъ исторіи италянскаго народа: въ Миланѣ праздновались „*quinque giornate*“, т. е. „пять дней“—когда въ 1848 году миланцы выгнали изъ своего города корпусъ въ 25 т. ч. генерала Радецаго; въ Пьемонтѣ, въ Ассиеттѣ, на границѣ Тироля—итальянцы праздновали блестящую побѣду, одержанную ими въ половинѣ прошлаго столѣтія здѣсь надъ французами и въ Палермо праздновалось 800-лѣтіе знаменитыхъ „сицилійскихъ вечерець“, этотъ праздникъ сильно беспокоилъ власти, такъ какъ боялись взрыва національнаго чувства противъ французовъ, но—все прошло благополучно, не смотря, или лучше сказать, благодаря прибытію Гарибальди. Но, во всякомъ случаѣ—всѣ эти праздники возбудили патриотизмъ, придали новой энергіи партии, „*Italia irridente*“, которая теперь предлагаетъ цѣлый планъ союза изъ нѣсколькихъ отдѣловъ—*Slavia irridente, Ungheria irridente, Grecia irridente, Romania irridente* и т. д. Итальянцы вообще высказываютъ большое сочувствіе славянамъ, совѣтуя, между прочимъ, Сербіи не сливаться съ Австріей, если она желаетъ играть на Балканскомъ полуостровѣ роль Пьемонта; совѣты эти даются и министерскими газетами; Австрійскіе императоръ и императрица обязаны сдѣлать визитъ королю и королеви итальянскимъ, недавно бывшимъ у нихъ въ Вѣнѣ, по Императоръ Францъ-Иосифъ желалъ бы отъѣхать визитъ не въ Римѣ, а гдѣ нибудь на границѣ, такъ какъ онъ во 1-хъ, не желаетъ поступить противъ Папы, являясь въ Римѣ гостемъ короля, во 2-хъ, ему не ловко—какъ-то и въ отношеніи супруги бывшаго короля неаполитанскаго, сестры Императрицы, а въ 3-хъ, онъ не увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ народа. Такъ объясняютъ то, что до сихъ поръ ихъ величества еще не были въ Италіи. Въ Испаніи, въ Барселонѣ, произошли волненія рабочихъ. Въ Ирландіи, если фермеры нѣсколько утихли, то теперь на сцену явились феніи, которые намѣреваясь отторгнуть Ирландію отъ Англіи, желаютъ достигнуть этого терроромъ при помощи динамита; недавно они взорвали въ Дублинѣ одно зданіе, къ счастью не причинивъ никому вреда.

Китайцы намѣрены взяться за репрессалии въ отношеніи Америки: они объявили, что если Соединенные Штаты будутъ настаивать на недопущеніи китайскихъ рабочихъ въ предѣлы Штатовъ, то для американцевъ будутъ закрыты порты Китая.

С М Ъ С Ъ.

Изобрѣтеніе сохраненія хлѣба отъ порчи. Военное германское министерство особенно интересуется этимъ изобрѣтеніемъ и вскорѣ будутъ произведены опыты въ императорской пекарнѣ. Второе изобрѣтеніе касается сохраненія мяса въ свѣжемъ видѣ, вмѣсто практиковавшагося до сихъ поръ, вреднаго для здоровья, соленія и копченія. Произведенныя въ лабораторіи зоологическаго музея въ Берлинѣ опыты надъ бараниной, карнами и куропатками дали удивительные результаты. Инфекціонная жидкость, которая спустя цѣлые мѣсяцы, во время варки мяса, сохраняетъ его свѣжимъ и приятнымъ на вкусъ, въ состояніи и уже испортившееся мясо сдѣлать годнымъ къ употребленію. Третье изобрѣтеніе касается пива. Черезъ прибавку извѣстнаго состава во время варки пива, оно прекрасно сохраняется и не поддается вліянію воздуха и тепла.

Перелетъ маленькихъ птицъ черезъ Средиземное море, по наблюденіямъ одного натуралиста, недавно обнаруженнымъ въ журналѣ „*Nature*“ представляется въ высшей степени интереснымъ. По его словамъ маленькія перелетныя птички, которыя не въ силахъ совершить перелетъ въ 350 миль черезъ Средиземное море, переправляются черезъ него на спинахъ журавлей. Такъ осенью видны цѣлыя стаи журавлей возвращающіяся съ сѣвера; они летятъ низко и оглашаютъ воздухъ страннымъ крикомъ, какъ-бы выражающимъ чувство страха даже и тогда когда они носятся надъ тихими, пахатными полями. Тогда-же можно видѣть и маленькія птицъ всякаго рода летящихъ высоко надъ журавлями а иногда-же комфортабельно сидящихъ на ихъ спинахъ и крикливое щебетанье которыхъ явственно слышно на большомъ пространствѣ. Такимъ образомъ благодаря инстинкту самохраненія маленькіе странники избѣгаютъ вѣрной смерти, такъ какъ оставшись на сѣверѣ они-бы непременно погибли всѣ безъ изытія, сдѣлавшись жертвою зимняго холода.

Домашняя собака. Какое бы мѣсто ни принадлежало этому животному въ ряду органическихъ существъ, оно, по всей справедливости, можетъ считаться наиболѣе привязаннымъ къ человѣку. Собака всюду сопровождаетъ человѣка, всегда съ нимъ. По словамъ древнѣйшей индійской книги *Зенда-Веста* „миръ много обязанъ собакамъ“, и въ этомъ заключается своя доля правды. Съ самыхъ

первыхъ періодовъ жизни человѣчества собака была вѣрной помощницей человѣка въ подчиненіи себѣ всего живущаго и всегда оставалась и остается его дѣятельнымъ, вѣрнымъ и надежнымъ другомъ.

Ея исторія до такой степени смѣшивается съ исторіей человѣчества, что въ вопросѣ о ея происхожденіи, естественныиспытатель сталкивается съ такими же трудностями, какъ и въ вопросѣ о происхожденіи человѣка. И этотъ вопросъ, возбуждавшій множество попытокъ къ разрѣшенію, такъ и остается неразрѣшеннымъ. Порода домашнихъ собакъ чрезвычайно много, но они такъ видоизмѣнились, что опредѣлить, произошли-ли они отъ одной или нѣсколькихъ различныхъ особей, въ высшей степени смутная задача. Прирученіе животнаго шло чрезвычайно сложнымъ путемъ и обуславливалось множествомъ разнообразныхъ обстоятельствъ.

Что собака чрезвычайно смышенное животное—это вѣдъ сомнѣнія. Въ обжитіи о ней выражаются, что она только что не говорить. Разказовъ о ея понятливости ходитъ, какъ извѣстно, множество.

Многіе наблюдатели утверждаютъ, что собака способна понимать членораздѣльную рѣчь. Брэмъ приводитъ въ примѣръ одну англійскую собаку, обнаруживавшую чрезвычайно ясное пониманіе разговора своего хозяина. Перевезенная во Францію, она выказала большое смущеніе и досаду, не понимая новаго языка; но скоро она освоилась и съ нимъ: „научилась по-французски“.

Еще болѣе поразительный примѣръ передаетъ Вальтеръ Скоттъ. Его собака была однажды наказана за то, что укусила булочника. Съ этихъ поръ она не могла равнодушно слышать разговора объ этой исторіи, но какъ бы пристыженная, при этомъ постоянно удалялась въ уголъ. „Она понимала, говоритъ ея знаменитый хозяинъ, о чемъ идетъ рѣчь, какимъ-бы тономъ ни велся разговоръ“.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Парижѣ жила старушка, чрезвычайно любившая собакъ. За это прозвали ее „благодѣтельной собакой“. Однажды она притворилась, что хочетъ продать своего любимаго пуделя. Самымъ спокойнымъ тономъ, не дѣлая ударенія ни надъ однимъ словомъ, она сослась въ цѣнѣ и сдѣлала видъ, что продажа—дѣло рѣшеное. Животное, о которомъ шла рѣчь, тотчасъ-же, съ жалобнымъ воемъ, начало кататься у ея ногъ...

РЕБУСЪ. Задача № 23.

О ПЕРЕМЪНЪ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Я. Соловьевъ (съ портр.)—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. В. Соловьева. Часть первая. (Продолженіе).—Во время бури. Романъ М. Юная. (Окончаніе).—Роковой бракъ. Разсказъ Л.—Стихотвореніе П.—Пирующіе ландшафты (съ рис.)—Литературный альбомъ „Мѣдный всадникъ“, Пушкина (съ рис.)—Кобзари и лирики въ Малороссіи (съ рис.)—Весною (съ рис.)—Взвѣстившее аббатство (съ 3 рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

НАСТОЯЩАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПАПИРОСНАЯ БУМАГА АБАДИ

въ листахъ и въ книжкахъ, въ С.- Петербургѣ, Гороховая, № 5, въ складѣ Генриха Кохъ, представителя фирмы Фридр. Кроне и К°, Одесса, единственнаго Депо въ Россіи фабрики Абади и К° въ Парижѣ. № 2024

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ Измайловскій полкъ. Троицкій просеель, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 6-9

„Похожденіе холостяка“.

Юмористическій романъ въ стихахъ, текстъ Маралы Герихонскаго, съ 156 рисунками В. Буша, изящное изданіе. Цѣна 1 р. 20 к. съ пересылкою.—Содержаніе книги: Памятная слеза. Старая дѣва. Черный попутчикъ. Профессорскій принципъ. Свяной хвостъ. Привольное затѣнье. Бормота. Отвергнутое гостепріимство. Въ чужомъ пиру похмѣлье. Ожишая покойница. Неожиданное дезабилье. Платоническая любовь. Возвращеніе домой. Всего 13 главъ.

„Супружескія тайны“.

Продолженіе юмористическаго романа Похожденіе холостяка, въ стихахъ, текстъ Маралы Герихонскаго, со 100 рисунками В. Буша.—Содержаніе книги: Сладость брачныхъ узъ. Супружескія забавы. Счастливыя минуты новобрачнаго. Терпінъ супружеской жизни. Недоразумѣніе. Неблагодарный пріемъ посель кутежа. Громъ и молнія. Страшный переходъ и счастливое заключеніе. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Плутовка Надя.

Юмористическій романъ въ стихахъ и 168 рисункахъ извѣстнаго Буша. Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к. Второе изданіе. Содержаніе книги: Въ деревню. Ночная сорочка. Кузень Польш. Лагушка. Любовное письмо. Безпокойная ночь. Дѣвочки развлеченія. Замужество. День свадьбы. Душевнасильные подвиги. Ворожея. Бизнесъ. Неверный другъ. Спиритизмъ. Роковое искушеніе. Торжество темныхъ силъ. Эпилогъ. Всего 16 главъ. Изящное изданіе. Складъ и продажа находится въ Москвѣ, близъ Тверскаго бульвара, Ситинскій пер., домъ Мальдивевича, у Юлія Эдуардовича Кондента.

Издавая вышеозначенныя книги, мы надѣемся доставить всѣмъ классамъ читающей публики истинное удовольствіе, такъ какъ рисунки извѣстнаго всей Европѣ каррикатуриста невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Ц. № 2026

1-го АПРѢЛЯ ВЫШЕЛЪ и РАЗОСЛАНЪ № 4,

Содержаніе: Каринкинъ родникъ. разсказъ профес. М. Н. Богданова. Дѣтскіе годы Моцарта (окончаніе). Былое, стих. А. Н. Плещеева. 2-е марта 1882 г. Д. Тихомирова. Отъ бревенчатой хижины до бѣлаго дома (продолженіе). Очерки изъ исторіи Россіи Н. Бѣлозерской. Смѣсь. Загадки.

Вышла и разсылается первая книжка приложенія къ „Роднику“ педагогическаго сборника „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“. Содержаніе: Высшее образованіе женщинъ. А. Михайлова. Дѣтскіе балы. М. Щербиной. О правдивости (съ англ.). Характеристики дѣвочки. И. Ельницкаго. О значеніи поэзии въ дѣлѣ воспитанія (съ польск.). Новая книга.

Подписка на 1882 г. продолжается. Цѣна въ годъ: съ приложеніемъ 6 р., безъ приложенія 5 р., съ дост. и перес. № 2029 Адресъ редакціи: СПб. Спасская ул., № 1.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО { Розовое въ оловянной оберткѣ Бѣлое высш. кач. для дамъ и дѣтѣ. Прозрачное, по разнымъ цѣнамъ. Букетъ Императорск.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

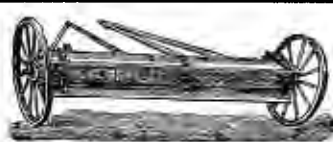
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Кавалерск. ул., домъ № 18—54, № 1997
Предера.
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою С.-Петербургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежать.

ПРАКТИЧНО! НОВО! ИЗЯЩНО!

ПОДАРКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ и ВЗРОСЛЫХЪ. Приборы для золоченія, серебренія, бронзироваанія и гравированія. Аппараты для рисованія безъ подготовленія. Камералары, намера-обскурны, пантографы, калиграфы по 1 р., съ перес. 2 р. Миражоскопы складные для рисованія съ натуры безъ умѣнія цѣна 7 р.—съ пересылкою 8 р. Домашніе фотографы, которымъ каждый можетъ отпечатать сколько угодно фотогр. портретъ и карточ. посредствомъ свѣта, ц. 2 руб. Съ прилож. для копиров. свѣтомъ гравюръ не вырывая ихъ изъ книгъ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Гелиоиниатора и хромофотографія для превращенія фотографій и иллюстрацій въ изящныя олеографіи по 5 р., съ перес. 6 р. Приборы для гальванопластики, телефоны, электрич. звонки по 5 и 10 р. за перес. 1 р. съ брошюрами и рисунками. Аппараты для выпилыванія 5 р., съ перес. 6 р. Живопись брызганіемъ, живопись на деревѣ, работа изъ стружекъ по 2 р., съ перес. 3 р. Дѣтя архитекторъ 2 р., съ перес. 3 р. Самосвѣтящіеся иририцы по 50 к., спичечницы и подсвѣчники по 5 к. 1 р. и 3 р., свѣтац. ирасна, цвѣты, статуи, дверныя доски по 50 к. 1 и 3 р., свѣтац. циферблаты 1 р., часы карман., стѣн. и столовыя 10 и 15 р. Пріемъ заказовъ на передѣлку обычныхъ фотографій въ свѣт. и на дверн. доски съ любовью надписью 3 р., карман. микроскопъ увеличивающ. въ 2,400 разъ 40 к. Америк. и момент. переплетчикъ 1 руб. Стѣнные портреты 1 р. 50 к. Ко всѣмъ товарамъ прилагается полное наставленіе. Выписывающіе товаръ на 15 р. за пересылку платятъ половину; на 25 р. и болѣе перес. безплатно въ Европ. Россіи. Каталогъ высылается безплатно. Адр.: Выставна новыя изобрѣтенія І. Зегмелла, Невскій, № 4, Спб. Прим. Всѣ товары объявленные другими фирмами и мною съ 1872 г. и по сіе время можно выписывать отъ меня не менѣе чѣмъ на 2 руб. съ пересылк. 2-1 № 2028

Сѣялки въ разбросъ отъ руб. 48 высылаетъ по письм. заказу

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій въ Франкфуртѣ н/М. Корреспонденція по русски.

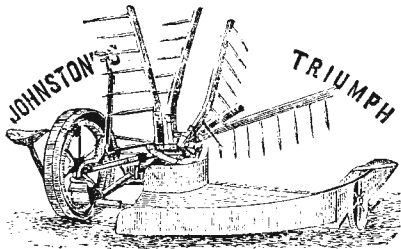
ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ТОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

Advertisement for August Naumann & Co. featuring a large illustration of a factory building with the text 'АВГУСТА НАУМАНА К°' and 'СКЛАДЪ ФАБРИКИ'. It includes various medals and logos, and lists products like 'ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ' and 'КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ'.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѣДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

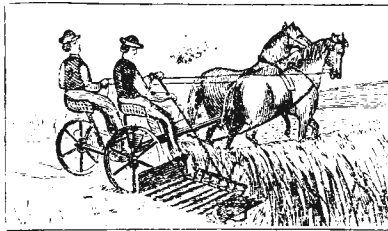
**ДЕПО МАШИНЪ, НАСОСОВЪ И ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ
ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.**

С.-Петербургъ: Вас. Остр. 1 линия, № 10. Москва: Мясницкая, домъ Сыгова, предлагаебъ:

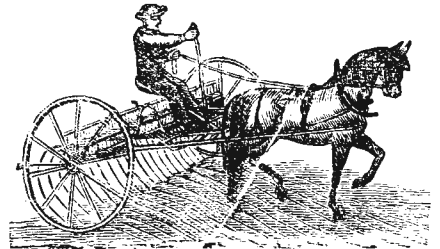
**ЗНАМЕНИТЫЯ
ЖАТВЕННЫЯ МАШИНЫ
САМУИЛЬ ДЖОНСТОНА.
„ТРИУМФЪ“.**

Самыя простыя, легкія и прочныя настоящаго времени—
всего 20 пуд. въсомъ, съ самодействующими граблями.
Цѣна 315 руб.

**ИЗВѢСТНЫЯ
СѢНОКОСИЛКИ
„ПАЛЬМГРАНЦА“.**

съ жатвеннымъ аппаратомъ, самыя легкія, простыя и
успѣшныя въ дѣйствіи, всего 17 пудовъ въсомъ,
по цѣнѣ
225 РУБЛЕЙ.

**ЗНАМЕНИТЫЯ
САМОДѢЙСТВУЮЩІЯ
АМЕРИКАНСКІЯ ГРАБЛИ
„ТИГЕРЬ“.**

по небывалой цѣнѣ,
т. е.,
75 РУБЛЕЙ.

Заказы просимъ присылать по возможности ранѣе, ибо вслѣдствіе большаго спроса на нихъ, мы только принимаемъ заказы до 1 Юня с. г.

КРОМѢ ТОГО

большой выборъ лучшихъ системъ пожарныхъ трубъ и насосовъ всякаго рода.

Требуйте иллюстрированныхъ каталоговъ.

Фирма основана въ 1870 .

№ 2033

**НОВАЯ КНИГА И. Ф. ВАЛИЦНАГО:
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СЧЕТОВОДСТВО,**

въ трехъ частяхъ (теоретической, практической и схематической): смѣтный вопросъ; бухгалтерія правленія и управляющаго дороною; матеріальная отчетность, отдѣльныя службы; станціонное счетоводство; контроль сборовъ; статистика; строительная контора и проч.—Цѣна 6 руб.—Продается въ книжныхъ магазинахъ Гартъ, Кехрибарджи, „Новаго Времени“, Карбасникова и проч., а также у автора, въ С.-тѣ Петербургѣ, Измайловскій Полкъ, первая рота, домъ № 22, кв. № 5, причемъ выписывающіе у автора за пересылку не платятъ. Для книжныхъ магазиновъ 20% уступки. № 2031 1—1

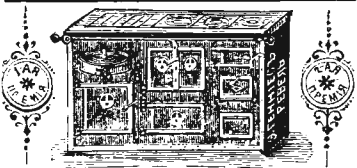
ПОРОШКИ

для легкаго возобновленія истертыхъ мѣстъ на высеребранныхъ подвѣщникахъ, столовыхъ приборахъ, пуговицахъ и проч. продаются у

Р. КЕЛЕРЪ и К^о въ Москвѣ.

БАСОННАЯ

ГАЛУННАЯ
ФАБРИКА и МАГАЗИНЪ
**СЕРГѢЯ ПАВЛОВИЧА
СУРАТОВА,**
на углу Большой Итальянской ул. и Екатерининскаго канала, домъ № 2—6. № 2032

Легко перемѣняема плиты, дающія въ тонкѣ 50% выгоды, съ гарантией поставлены фабрика Э. ГЕННИСЪ въ Ревель.
Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно. № 2033

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ трущобъ“), 3-е изданіе. П. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписки. „Нива“ 1881 г. 75 к., съ перес. 1 р.

ОТЪ ДОЖДА И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку	10 руб.	—	кон.
Плаци съ крыльями	13	—	—
Капюшоны къ нимъ	1	—	25
Военныя пальто	17	—	—
Пальто дамскія съ рукавами	13	—	—
Дамскія талии	11	—	—
Плаци для дѣтей	19	—	—
Пальто, съ рукавами всѣхъ цѣтвовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоємъ	30	—	—
Плаци съ крыльями такія же	30	—	—
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоємъ	22	—	—
Плаци съ крыльями такія же	22	—	—
Военныя пальто изъ сукна на скорой подкладкѣ (саржа)	34	—	—
Нужна мѣра: а) для пальто: вся длина, — длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща—вся длина и объемъ шеи.			

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для хранения мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:

Для хранения	1 мѣшокъ за мѣшокъ	5 руб.	—	кон.
"	2 мѣшка	6	—	50
"	3 — 4 мѣшка	8	—	"
"	4 — 5 мѣшка	9	—	50
"	5 — 7 мѣшка	11	—	"

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просить гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ—2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДЕЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, 16.

Три ДАЧИ въ цѣлебной мѣстности

отдаются на лѣто и рекомендуются преимущественно страдающимъ грудью.

По Курской желѣзн. дор., въ 7 верстахъ отъ станціи Молоди, въ селѣ Мещерскомъ, бывш. барона Бюде, 3 часа ѣзды отъ Москвы. Было нѣсколько поразительныхъ фактовъ, что страдавшіе грудными болѣзнями и бывшіе немощными, проживъ тамъ лѣто, безъ всякаго и прочаго леченія, уѣзжали совсѣмъ здоровыми.—Дачи эти построены обширно, удобно и вполне меблированы, при каждой особая хозяйственная служба; расположены на возвышенной мѣстности, окружены старымъ, вѣковымъ паркомъ, да еще молодой дѣсь и поля, волкъ рѣчка, съ чистой, вкусной водою, въ паркѣ домоваа церковь, деревня въ полуверстѣ. Необходимые жизненные предметы и лошадей можно имѣть за умѣренную плату. Цѣна на лѣто:

- 1-а) Каменный 2-хъ-этажный домъ 15 комнатъ 1,000 руб.
- 2-а) Деревянный одноэтажный домъ, 10 комнатъ, по устройству можно раздѣлить для 2-хъ семействъ, 500 рублей.
- 3-а) 2-хъ-этажный каменный флигель, 5 комнатъ, 250 руб.

При всѣхъ дачахъ есть террасы. За подробностями обращаться къ владѣльцу оныхъ **М. П. Сырейчикову**, въ городѣ Царское Село, уголъ Широкой и Бульварной, собствен. домъ. Или же на мѣсто нахождения дачъ, къ мѣстному священнику. № 2025

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

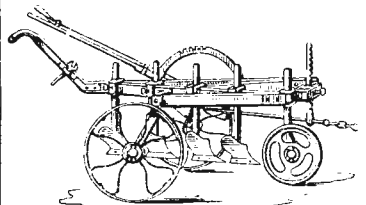
ИЗЪ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА

КАКЪ-ТО: старинныхъ золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, вазы, кубки и бокалы изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, старинныя серебряныя вещи, какъ-то: кружки, бокалы, кубки, группы и фигуры, вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII стол., кромѣ монеты.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.

Л. № 1910 6—5

4 лемешный отъ р. 37 | доставляютъ
3 лемешный " " 45 |

Морицъ Вейль мл. Франкфуртъ н М.

Корреспонденція по русски.

ПОРТРЕТЫ

Государя Императора въ парадной формѣ и Государыни Императрицы, литографировали и издали: Трошинъ и Космаковъ, цѣна за экз. 50 коп., перес. не менѣе 10 экз. Форматъ 17×13 верш. На лучшей азиатской бумагѣ, цѣна 1 руб. за экз., съ пер. 2 р. Иллюминированные аquarelлы, цѣна 5 руб. на экз. Адресъ: С.П.Б., Петерб. сторона, Бол. пр., Картинный магаз. А. В. Шипкина. № 4. № 2023

КНИЖКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Семь братьевъ и сестра“, Юность Розы и Подъ сиренями, соч. Л. Олькотъ пер. съ англ. О. Бутеневой. Въ книжн. магаз. Фену. у Другихъ извѣстн. книгопродавцевъ и у издательницы О. Н. Бутеневой, В. О. 15 лин. № 38. № 2027 1—1

КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ 5—3 ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

МАШИНЫ

пароваго или коннаго дѣйствія, наилучшей конструкціи, для большихъ и малыхъ производствъ. К. Цейсъ, С.П.Б., по Царскоесельск. Ж. Д. на 5 верстѣ, собствен. домъ. 2—2

СВѢТЪ

Годъ 4 руб.
1/2 г. 2 —
1/4 г. 1 —
Редакція:
Гороховая,
№ 41.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ЗОЛОТЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ

западающиеся без ключа (съ ручку).
Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 75, 80 и 85 руб. (смотри по вѣсу золота въ корпусѣ). Также же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ отъ 90 до 135 р.
Тотже высшаго достоинства съ уравнительнымъ маятникомъ отъ 150 до 225 руб.
съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Коюшешной). Въ Москвѣ: на Кушницкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-курранты высылаются по требованію бесплатно.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
Безподобное и вѣсьмъ доступное средство для сохранения и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во вѣсьмъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; вышесказаніе 6 фл. платитъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., вышесказ. 3 фл. платитъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гр. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.
№ 2013 25-2

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикеткахъ.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мазь-Экстрактъ отъ Д. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславль *).

Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ

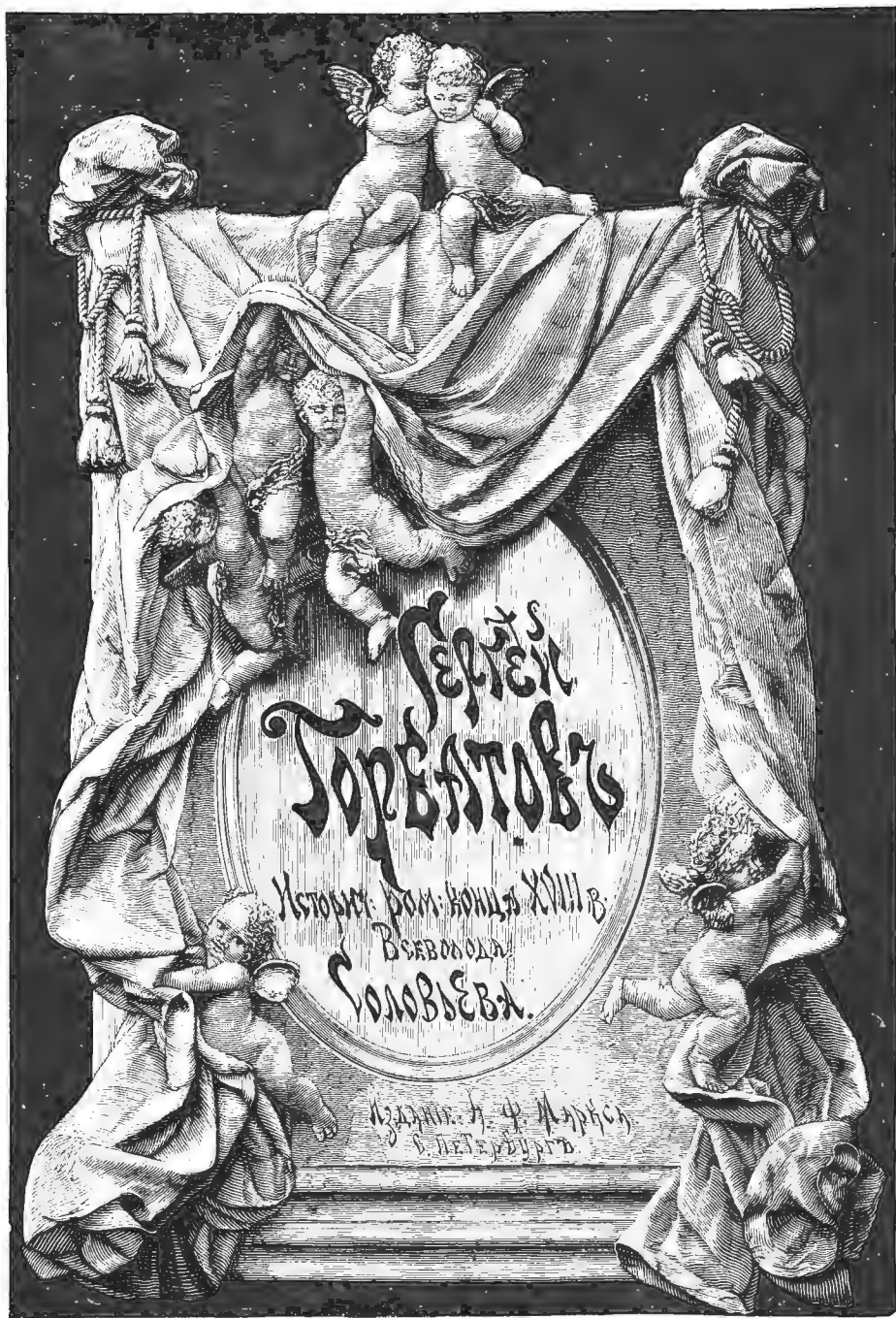
Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. упаковка и пересылка считаются отдельно. Русск. Общ. Торговли Аптекарек. Товарищ. Каландская 12, въ Москвѣ у Н. Маттеисена; въ Невѣ у Н. Неезе; въ Одессѣ у Ю. Лемме и Ко; въ Харьковѣ у Русск. Общ. Торгов. Апт. Тов.; въ Саратовѣ у Н. Маттеисена; въ Варшавѣ у Люд. Шинь и Сынъ. № 1988

КОРНЕТЫ А ПИСТОНЫ

лучшей парижской работы отъ 18 до 100 руб.
Альтгорны, баритоны, басы, тромбоны.
Флейты вѣнскія и парижскія отъ 3 до 125 руб.
Кларнеты вѣнск. и парижскія отъ 6 до 75 руб.
Николо-флейты, гобой, флажолеты, чаканы, рекомендуютъ въ больш. выборѣ.
Главное депо музыкальн. инстр.
ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.
С.-Петербург., по Большой Морской, № 42.
А. № 2022 1 1

Только что вышелъ въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редаціи „Нивы“ и у вѣсьхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатанный на лучшей веленовой бумагѣ съ вѣнкетками.
Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 50 к., въ красномъ каленкоромѣ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“ на 1882 годъ цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“
Больш. Морская, д. № 9, въ СПб.
и во вѣсьхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА
Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка.
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

ВСЯКАГО РОДА
ГРАВЮРЪ НА ДЕРЕВѢ (КЛИШЕ)
К. РИХТЕРЪ, ЗАГОРОД. ПР. № 18 ВЪ С.ПБ.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 15

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕНЕМЪСЯЧНЫМЪ ДВА ЛЮВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИНСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ. рис.) и
Выданъ 10 Апрѣля 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Марк. 20 Pfel. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскрес. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кон-
тору объявл. Н. Н. Печковской, Пе-
тровская Торгов. линія . . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложениями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленія отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 6 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя въ
печати авторамъ
не возвращаются.

Викторія, королева Англии.

Послѣднее покушеніе на жизнь англійской королевы Викторіи, вызвавшее во всей странѣ, послужило въ то же время краснорѣчивымъ доказательствомъ той привязанности, какую пользуется королева среди своего народа, умѣющая цѣнить ея личныя добродѣтели и заслуги ея долгаго царствованія, несмотря на шумныя разногласія различныхъ политическихъ партій. И дѣйствительно, она глубоко уважается въ Англии людьми самаго противоположнаго направленія и всѣ единодушно согласны въ томъ, что королева Викторія во всю свою жизнь всегда служила высокимъ нравственнымъ образцомъ для каждаго изъ своихъ подданныхъ.

Королева Викторія родилась 24 мая 1819 года и еще ребенкомъ лишилась отца, герцога Кентскаго, долженствовавшего наследовать престолъ послѣ бездѣтнаго брата своего Вильгельма IV. Такимъ образомъ, она неожиданно сдѣлалась наследницей англійской короны и согласно своему высокому назначе-

Королева Англии, Викторія. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

нію получила самое тщательное образованіе, сначала подъ надзоромъ герцогини Нортумберландской а потомъ подъ руководствомъ, извѣстнаго главы вигговъ, лорда Мельбурна, ознакомившаго ее съ политическими науками и съ конституционнымъ устройствомъ страны. Викторія вступила на престолъ 20-го іюня 1837 года т. е. послѣ смерти Вильгельма IV а въ слѣдующемъ году она уже торжественно короновалась въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Нечего и говорить, что юная, прелестная, высокообразованная королева сильной, могущественной страны конечно была блестящей партией и что многіе представители самыхъ первостепенныхъ царственныхъ домовъ Европы спѣшили просить руки ея; но она рѣшила выбрать себѣ въ супруги принца очень скромнаго въ политическомъ значеніи, но зато отличавшагося высокими умственными и нравственными качествами а именно принца Альберта Саксенъ-Кобурготскаго.

Бракосочетаніе происходило въ февралѣ 1840 г.

и несмотря на некоторое недоброежелательство, встрѣченное въ началѣ, принцъ Альбертъ своимъ тактомъ и достоинствами привлечь къ себѣ симпатіи чуждаго ему народа и даже удостоился отъ него особенныхъ отличій и почестей. Такъ онъ былъ назначенъ членомъ тайнаго совѣта; ему было присвоено законное право—давать совѣты своей вѣнценосной супругѣ. Последнимъ правомъ Альбертъ пользовался въ самомъ лучшемъ смыслѣ и его влияние на королеву было самое благотворное, вполне отражавшее въ себѣ его честную, высокую натуру. Кромѣ того принцъ Альбертъ былъ вѣрный супругъ и отличный семьянинъ и королева Викторія наслаждалась своими семейными радостями даже мало возмущалась безпрерывною борьбою вѣтовъ съ торіями продолжавшейся до 1846 года. Съ этого времени партія торіевъ восторжествовала и королева, уступивъ право управления страной парламенту, предоставила себѣ лишь выборъ государственныхъ людей, причемъ причесъ всегда руководилась преобладающимъ мнѣніемъ. Тихая семейная жизнь ея разнообразилась лишь небольшими путешествіями въ Бельгію, Германію и Францію и пріемомъ у себя различныхъ вѣнценосныхъ путешественниковъ. Изъ послѣднихъ особенно долго гостилъ въ Лондонѣ Наполеонъ III съ супругой Евгеніей, къ которой королева Викторія сохранила вѣрную, безкорыстную дружбу и послѣ паденія Наполеонидовъ.

Въ 1861 году королеву Викторію неожиданно поразило страшное горе. Она потеряла страстно любимаго супруга и подъ вліяніемъ этой потери вѣсколько лѣтъ не только чуждалась всякаго общества но и не появлялась даже въ парламентѣ. Только желанія народа, да настоянія министровъ снова вызвали ее въ Лондонъ изъ уединенныхъ убѣжищъ Виндзора и Осборна. Въ 1876 году, по совѣту Дизраели, Викторія приняла громкій, блестящій титулъ императрицы Индіи, но этотъ титулъ, навязанный Викторіи политическими соображеніями, не вызвалъ особеннаго одобренія націи и скромная, по прежнему, королева чаще и чаще уединяется въ послѣднее время, подалеже отъ Лондона, въ свои укромные загородные замки.

Замѣчательно, что кромѣ недавняго покушенія Маклина на жизнь королевы Викторіи покушались еще многіе злоумышленники, но къ счастью всѣ ихъ преступные замыслы оканчивались неудачно.

Королева пять разъ уже, въ теченіи своего долгаго царствованія, подвергалась покушеніямъ въ родѣ того, которое поразило теперь ужасомъ весь міръ. Первое произведено въ іюнѣ 1840 года, когда королева съ принцемъ супругомъ проѣзжала въ коляскѣ. Молодой человекъ, по имени Оксфордъ, два раза въ нее выстрѣлялъ, но далъ промахъ. Присудили его къ пожизненному заключенію въ домъ умалишенныхъ. 29 января 1842 г., съ того-же мѣста, гдѣ стрѣлялъ Оксфордъ, снова было произведено покушеніе на жизнь королевы. Она ѣхала съ принцемъ Альбертомъ, какъ изъ толпы направлень былъ противъ нея пистолетъ, который, однако, не выстрѣлялъ. Виновика задержать

не удалось. На другой день явился въ полицію мальчикъ, объявившій, что стоялъ рядомъ съ человекомъ, который цѣлился въ королевскую чегу, и послѣ проѣзда экипажа воскликнулъ: „Что я за дуракъ, что не выстрѣлил!“ Королева и принцъ были тѣмъ сильнѣе взволнованы, что имѣли поводъ опасаться повторенія покушенія со стороны этого человека. При всемъ томъ, рѣшено было выѣхать на другой день пополудни. „Я—писалъ принцъ къ отцу, вездѣ выискивалъ это проклятое лицо“. На обратномъ пути, близъ самаго дворца, въ яти шагахъ отъ экипажа, раздался выстрѣлъ, причемъ, однако, преступникъ промахнулся. Покушавшагося задержали. Онъ оказался 22-х-лѣтнимъ сыномъ театральнаго машиниста, Франисомъ. „Это не помѣщенный—говорилъ въ письмѣ принцъ—а отъявленный, продувной пегодѣй; ослѣпы его грубы и онъ насмѣхается надъ своими судьями“. Въ іюнѣ его судили и приговорили за государственную измѣну къ смертной казни. Когда приговоръ былъ ему объявленъ, онъ упалъ въ обморокъ. Королева пожелала, чтобы смертный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, и казнь была замѣнена пожизненною ссылкой. На другой день послѣ того, какъ постановлено было это рѣшеніе, 3-го іюля 1842 года, произведено третье покушеніе на жизнь королевы. Преступникъ, горбатый человекъ, по имени Бинъ, задержанный только вечеромъ, былъ аутекарскимъ помощникомъ и написалъ своему отцу, что „намѣренъ предпринять“ нѣчто, отчаянное. Королева узнала о покушеніи Бина только по возвращеніи своимъ въ бекингемскій дворецъ. Когда ей сообщили объ этомъ, она не обнарудила никакого волненія, а сказала, что была готова къ тому. У нея было съ нѣкоторыхъ поръ предчувствіе, что на нее снова будетъ произведено такое безумное покушеніе. Странно что преступленіе Бина подало парламенту поводъ измѣнить законъ. 12-го іюня былъ внесенъ билль о караніи покушеній, направленныхъ противъ главы государства, вмѣсто смертной казни *ссылкою на семь лѣтъ* и тюремнымъ заключеніемъ съ тяжелою работою или безъ нея, на срокъ *не более трехъ лѣтъ*. Когда Оксфордъ, содержавшійся въ домѣ умалишенныхъ, узналъ объ этихъ новыхъ покушеніяхъ, онъ сказалъ, что, еслибъ его повѣсили, въ королеву больше не стрѣляли-бы. Послѣ осужденія Бина прошло восемь лѣтъ. Въ іюнѣ 1850 г., съ величествомъ хотѣла ѣхать въ экипажѣ, когда „изъянныи джентльментъ“, по имени Робертъ Пэтъ, подошелъ къ ней и палкою нанесъ ей по лицу ударъ, сила котораго была ослаблена, правда, шляпой, но который всетаки оставилъ на лбу большой синякъ. Причина, вызвавшая это нападеніе, осталась невыясненной. Пэтъ, отказавшійся дать какия-нибудь показанія былъ присужденъ къ ссылкѣ на семь лѣтъ. Пятое покушеніе произошло двадцать два года послѣ этого, 29 февраля 1872 г. Виновикомъ его былъ молодой ирландецъ, по имени Артуръ О'Конноръ, всего 17-ти лѣтъ. Покушеніе Маклина, 2-го марта, 1882 г., является шестымъ въ царствованіе королевы Викторіи.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XV.

Иные интересы.

Возвращеніе Сергѣя Горбатова изъ-за границы на родину совпало съ самымъ шумнымъ и веселымъ для Петербурга временемъ. Уже нѣсколько лѣтъ петербургскіе жители не видали такихъ празднествъ, такого веселья.

Первою причиною этихъ празднествъ было взятіе Дербента, затѣмъ рожденіе великаго князя Николая Павловича и наконецъ близившееся осуществленіе горячаго желанія императрицы, а именно сватовство молодаго шведскаго короля на старшей дочери цесаревича, Александрѣ Павловнѣ.

Императрица давно уже мечтала объ этомъ, но такъ какъ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія, то дѣло все какъ-то затягивалось.

Князь Zubovъ однако поставилъ себѣ цѣлью непременно довести его до благополучнаго окончанія и этимъ обрадовать государыню. Дѣятельнымъ ему помощникомъ явился графъ Морковъ—дипломатъ новой школы, со-

перникъ Безбородко, успѣвшій снискать расположеніе Zubova и усиленно выдвигаемый имъ на первый планъ.

3-го августа въ городѣ узнали о пріѣздѣ давно ожидаемыхъ дорогихъ гостей. Восемнадцатилѣтній шведскій король Густавъ Адольфъ IV въ сопровожденіи своего дяди регента, Карла Зюдерманландскаго и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, поселился въ домѣ своего посланника Штедингга.

Король принялъ, такъ какъ считали необходимымъ поддерживать инкогнито, имя графа Гага; регентъ назвался графомъ Вазой.

Императрица, именно въ ожиданіи этого посѣщенія, очень рано переселилась изъ Царскаго Села въ тавричскій дворецъ, а теперь даже въ Эрмитажъ, дабы имѣть возможность встрѣтить юнаго короля съ достоюльнымъ почетомъ и давать въ честь его самые блестящіе празднества.

Что-же это были за люди, и почему императрица такъ дорожила дружескими отношеніями съ ними, такъ желала съ ними породниться?

Екатерина, несмотря на многія перемены, происшед-

шія съ нею, на наступающую старость и усталость, и признаки, неизбежнаго при этомъ, ослабленія нравственныхъ и умственныхъ силъ, все еще оставалась тонкимъ политикомъ, все еще крѣпко и твердо стояла на стражѣ интересовъ Россіи. При тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ Европы, прочный и постоянный союзъ съ Швеціей представлялся ей необходимымъ.

Побѣдительница Густава III, осыпавшая его насмѣлками и стрѣлами своего остроумія, она вдругъ измѣнила свои отношенія къ побѣжденному врагу. Причиной такого внезапнаго перехода была все та-же французская революція.

Пускай Швеція во враждѣ съ Россіей, но она еще въ большей враждѣ съ Франціей и потому нужно всѣми мѣрами постараться помириться со Швеціей, привлечь ее на свою сторону, тѣсно сплотиться съ нею для борьбы съ общимъ врагомъ.

Черезъ годъ послѣ заключенія позорнаго для Швеціи мира, результата успѣховъ русскаго оружія, Екатерина подписала новый трактатъ, который обезпечивалъ Густаву III большую денежную помощь петербургскаго кабинета подъ условіемъ, чтобы эта помощь была употреблена для рѣшительныхъ дѣйствій противъ французской революціи.

Густавъ дѣйствительно намѣревался раздавить „революціонную гидру“, рѣшился принять самыя энергичныя мѣры, но не сообразовался со своими силами, онъ не замѣчалъ, что эта гидра разрастается съ каждымъ часомъ, что ея развѣтвленія проникаютъ уже въ Швецію и его самого опутываютъ.

Густавъ неожиданно умеръ, смертельно раненый во время маскарада.

По его завѣщанію шведскій престолъ достался его малолѣтнему сыну, Густаву Адольфу, регентомъ онъ назначилъ брата своего, герцога Карла.

Если Густавъ III не отличался дарованіями, то братъ его Карлъ въ этомъ отношеніи былъ еще безнадежнѣе его, однако несмотря на бездарность, регентъ обладалъ большою хитростью. Онъ сознавалъ, что съ петербургскимъ дворомъ надобно ладить и поэтому послалъ къ императрицѣ генерала Клингскорра съ вѣстью о кончинѣ короля и съ полномочіемъ наемкнуть императрицѣ о желаніи покойнаго породниться съ русскимъ царствующимъ домомъ посредствомъ брака Густава Адольфа со старшей внучкой императрицы.

Императрица несказанно обрадовалась. Сама она изъ понятнаго самолюбія никогда-бы не занюхалась объ этомъ дѣлѣ, теперь-же разъ возникъ разговоръ не по ея инициативѣ, она ухватилась за этотъ планъ обѣими руками. Она оживилась, окружающіе давно не видѣли ее такой веселой, такой счастливой. Родственный союзъ со Швеціей! да вѣдь это уничтоженіе вліянія Турціи въ Стокгольмѣ, владычество русскаго флота на Балтійскомъ морѣ! Это крѣпкій союзъ противъ Франціи! Положимъ, жениху всего четырнадцать лѣтъ а невѣстѣ девять, но время такъ быстро идетъ и, наконецъ, нужно только окончательно и безповоротно рѣшить вопросъ, такъ чтобы уже не могло быть ни съ той, ни съ другой стороны отступленія—и тогда все равно: совершится уже бракъ или нѣтъ еще.

Несмотря однако на все желаніе императрицы, интересовавшій ее вопросъ подвигался весьма медленно и въ теченіи четырехъ лѣтъ не былъ еще рѣшенъ окончательно.

Виною тому оказался регентъ: самъ заговоривъ о бракѣ племянника и хорошо сознавая его выгоды, онъ тѣмъ не менѣе началъ хитрить и лукавить, играть въ двойную игру.

Тотчасъ послѣ смерти брата, онъ вызвалъ изгнаннаго барона Рейтергольма, фантазера, мистика, яраго приверженца Франціи.

Рейтергольмъ всячески вооружалъ его противъ союза

съ Россіей и напротивъ склонялъ его къ союзу съ Турціей и даже съ конвентомъ.

Регентъ писалъ Екатеринѣ любезныя, изысканныя письма, увѣрялъ ее въ своей преданности и въ то же время не дѣлалъ ни одного шага къ дѣйствительному сближенію съ Россіей.

Императрица при своей пронипательности, конечно тотчасъ-же замѣтила его игру. Она поручила русскому посланнику въ Стокгольмѣ, графу Стакельбергу, острожно выразить регенту ея неудовольствіе.

Онъ принужденъ былъ задуматься; онъ увидѣлъ, что любезными письмами трудно провести императрицу; онъ понялъ, что его игра грозитъ отказомъ въ субсидіяхъ, получаемыхъ изъ Россіи, которыя были крайне необходимы для истощенной шведской казны. И вотъ онъ опять началъ толковать и хлопотать о бракѣ племянника и въ то же время оттягивалъ и выигрывалъ время, склоняя Порту къ разрыву съ Россіей.

Онъ послалъ въ Петербургъ для переговоровъ о сватовствѣ барона Виталія, еврея, который не былъ даже членомъ дипломатическаго корпуса.

Императрица сама не приняла этого еврея и поручила объясниться съ нимъ князю Зубову.

Регентъ опять дѣлалъ свои предложенія, такъ сказать, частнымъ, келейнымъ образомъ. Императрица отвѣтила на нихъ официално, выразивъ свое удовольствіе.

Регентъ долженъ былъ понять, что шутить съ ней невозможно, что она отлично проникла во все его замыслы. И въ то же время Стакельбергъ сдѣлалъ, по приказанію государыни, представленіе шведскому кабинету о двусмысленныхъ дѣйствіяхъ Швеціи относительно Россіи.

Стакельбергъ выразился довольно рѣзко. Регентъ обидѣлся и просилъ у императрицы отозванія посла.

Екатерина тотчасъ же это исполнила, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратила выдачу субсидій Швеціи. Она мотивировала это, указывая на дѣйствія Швеціи въ Константинополѣ и на дружескія ея отношенія къ Франціи.

Многіе ждали окончательнаго разрыва и войны, но войны не послѣдовало. Екатерина была слишкомъ благообразна, а регентъ слишкомъ трусливъ. Нѣсколько времени между Швеціей и Россіей не существовало никакихъ отношеній.

Постъ русскаго посланника въ Стокгольмѣ оставался вакантнымъ, но вотъ, по случаю женитьбы великаго князя Александра Павловича, явился въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ регента графъ Штенбокъ и снова возобновилъ прерванные переговоры о бракѣ шведскаго короля.

Теперь Зубовъ взялся окончательно за это дѣло. Онъ требовалъ отъ имени императрицы, чтобы регентъ и король пріѣхали въ Петербургъ. Штенбокъ отвѣчалъ, что это невозможно, что это противно шведскимъ законамъ. Зубовъ объявилъ, что великая княжна не можетъ перемѣнить религію. Прямого отвѣта на это заявленіе не послѣдовало, однако Штенбокъ увѣрилъ Зубова, что врядъ ли тутъ встрѣтятся какія либо препятствія. Пока на этомъ и остановились переговоры; очевидно не было еще ничего рѣшеннаго, но въ Петербургѣ уже все толковали о помолвкѣ великой княжны.

Екатерина назначила посланникомъ въ Швецію графа Сергія Румянцева. Дружественныя сношенія возстановились, но судьба какъ будто противилась планамъ Екатерины. Дѣло, которое съ перваго взгляда казалось очень легкимъ, о которомъ равно должны были заботиться обѣ стороны, и въ особенности Швеція, получавшая не малыя выгоды, рѣшительно не ладилось: на каждомъ шагу вставали неожиданныя препятствія.

Шведскій баронъ Армфельдтъ, бывший въ очень близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ Густавомъ III, явился во главѣ большаго заговора, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе регента.

Нормандія, Возвращеніе рыбацкѣ съ ловли. Ориг. рис. А. Д. Кившенко грав. К. Ольшевскій.

Армфельдтъ былъ давно извѣстенъ императрицѣ, велъ даже съ ней переписку, отличался искренней преданностью къ Россіи. Заговоръ его былъ открытъ, онъ бѣжалъ и перебрался въ Россію.

Императрица приняла его, оказала ему много знаковъ вниманія, назначила ему большую пенсію и разрѣшила поселиться въ Калугѣ.

Регентъ вознегодовалъ — Армфельдтъ, государственный преступникъ, имѣніе его конфисковано, имя его прибито къ позорному столбу — и вдругъ императрица его такъ принимаетъ!

Регентъ написалъ Екатеринѣ письмо, въ которомъ обвинялъ ее въ нарушеніи международныхъ правъ.

Снова окончательный разрывъ казался неизбѣжнымъ, но ближайшій, неизмѣнный совѣтникъ регента, Рейтергольмъ, объяснилъ ему всѣ невыгоды подобнаго разрыва и вопросъ о бракѣ шведскаго короля съ русской великой княжной вступилъ въ новый фазисъ. Вести это дѣло было поручено шведскому посланнику въ Петербургѣ, Штедингу.

Швеція ставила три пункта: первый, о приданомъ невѣсты; второй, о переходѣ ея въ лютеранство; третій, о выдачѣ Армфельдта.

На первый и второй пункты Екатерина пока ничего не отвѣчала, на третій отвѣтила категорическимъ отказомъ, но не успѣла она еще хорошенько обдумать этихъ важныхъ вопросовъ, какъ вдругъ получила извѣстіе о томъ, что въ Стокгольмѣ объявлено официально о помолвкѣ короля съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою. 1-го Ноября 1795 года состоялось обрученіе и во всѣхъ стокгольмскихъ церквахъ служились молебны о здравіи будущей королевы.

Но вслѣдъ за этимъ неожиданнымъ и страннымъ извѣстіемъ пришло другое. Оказалось что регентъ дѣйствовалъ, не спросившись юнаго короля и вотъ король объявилъ ему, что вовсе не желаетъ жениться на принцессѣ макленбургъ-шверинской, что не чувствуетъ къ ней никакого влеченія, что она кажется ему непривлекательной въ высшей степени.

Екатерина успокоилась. Изъ Петербурга въ Стокгольмъ былъ посланъ Вудбергъ, который такъ успешно повелъ дѣло, что наконецъ Петербургъ увидѣлъ давножданнаго гостя и хитраго регента.

Подадивъ со шведскими законами, они явились лично просить руки великой княжны.

Императрица наконецъ торжествовала: вѣдь она съ самаго начала добивалась именно личнаго свиданія. Невѣстѣ всего тринадцать лѣтъ, но она уже достаточно развита физически и имѣетъ видъ совершенно взрослой дѣвушки. Она хороша какъ ангелъ, добра, привѣтлива, умна, это самая любимая внучка императрицы.

Стоить только юношѣ королю взглянуть на нее и онъ неизбѣжно долженъ будетъ страстно полюбить ее — чего не могли до сихъ поръ устроить дипломаты и государственные люди, то легко устроить „наша малютка“, какъ всегда называла любимую свою внучку императрица.

XVI.

Сказочный принцъ.

Графъ Гага, графъ Ваза и ихъ приближенные, какъ уже было сказано, остановились въ домѣ шведскаго посланника Штединга.

Юноша — король, конечно, имѣлъ самыя превратныя понятія о Россіи, но въ то же время онъ очень хорошо зналъ о могуществѣ императрицы, о необыкновенномъ богатствѣ и роскоши ея двора и очень желалъ породниться съ этимъ богатымъ, могущественнымъ домомъ. Имѣлъ онъ и миниатюрный портретъ великой княжны, своей будущей невѣсты, на которомъ она была изображена самымъ прелестнымъ ребенкомъ, но онъ не особенно заглядывался на этотъ портретъ, полагая, что въ немъ заключается больше рвенія художника, чѣмъ сход-

ства съ оригиналомъ. Вообще онъ мало еще пока думалъ о невѣстѣ и о своихъ будущихъ обязанностяхъ, хотя дорогою дядя-регентъ и толковалъ ему о томъ, какъ онъ долженъ вести себя, какъ долженъ стараться всѣмъ понравиться, не выказывать дурныхъ сторонъ своего характера.

Король пропускалъ мимо ушей эти наставленія, которыя ему давно уже сильно надоѣдали и успокивали себя тѣмъ, что скоро уже, очень скоро, онъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ этихъ наставленій и скучной опеки, ибо наступаетъ наконецъ его совершеннолѣтіе.

Густавъ Адольфъ въ это время уже превратился изъ ребенка въ юношу, онъ былъ высокъ и строенъ, очень красивъ собою. Сразу онъ долженъ былъ произвести пріятное впечатлѣніе, но и не особенно тонкій наблюдатель скоро замѣчалъ, что вишія, физическія достоинства юнаго короля вовсе не отвѣчаютъ внутреннимъ. Густавъ Адольфъ былъ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ юношей, которымъ судьба дала высокое назначеніе и не позаботилась ихъ къ нему приготовить. Но начать съ того, что въ сущности онъ даже не имѣлъ права занимать шведскій престолъ: ни для кого не было тайной, что преемникъ Густава III-го не былъ его сыномъ; отцомъ его считали графа Монка.

При шведскомъ дворѣ того времени, равно какъ и въ высшемъ шведскомъ обществѣ, господствовали легкомысленные нравы, проникнувшіе туда вмѣстѣ съ модами изъ Версаля.

Король Густавъ III-ій, большой поклонникъ веселья и женщинъ, былъ плохимъ мужемъ. Примѣръ его заразилъ и королеву; она стала подражать ему тѣмъ съ большею легкостью, что, какъ человѣкъ своего времени, онъ не считалъ себя вправѣ слѣдить за ея поведеніемъ. Онъ пользовался самъ полной свободой и предоставлялъ такую же свободу и королевѣ. Когда у нея родился сынъ, онъ даже очень обрадовался этому, не задумываясь признавъ его своимъ сыномъ, нѣжно къ нему относился, восхищался его красотой, его удивительными способностями, которыя ему чудились съ первыхъ дней жизни ребенка, и всѣхъ окружающихъ заставлялъ имъ восхищаться.

Мальчишкѣ подросталъ въ этой атмосферѣ всеобщаго поклоненія, притворныхъ похвалъ и лести. Онъ искренно считалъ себя существомъ особеннымъ, почти сверхъестественнымъ по красотѣ, уму и всевозможнымъ дарованиямъ, онъ привыкъ съ первыхъ лѣтъ своей жизни чувствовать себя на недосягаемомъ пьедесталѣ и съ этого пьедестала относиться ко всѣмъ людямъ, какъ къ ничтожному стаду, которое должно себя чувствовать счастливымъ отъ одного позволенія лицезрѣть его соприкоснуться.

Придворные каждый день видѣли самыя краснорѣчивыя доказательства высокомірія и своенравія этого возвышеннаго ребенка.

Семи лѣтъ отъ роду Густавъ Адольфъ получилъ званіе почетнаго члена Упсальскаго университета. Почтенные ученые являлись къ нему на поклонъ и не хуже царедворцевъ трубили ему въ уши о его достоинствахъ.

Послѣ трагической кончины отца своего, король-ребенокъ оказался куклой въ рукахъ дяди-регента. Для того, чтобы съ успѣхомъ пользоваться этой куклой и заставлять ее двигаться по своему желанію, хитрый регентъ понималъ, что нужно постоянно дѣйствовать на самолюбіе племянника, этимъ онъ держалъ его постоянно въ своей власти, избѣгалъ всякихъ непріятныхъ для себя столкновеній, творилъ свою волю во всемъ. За все время регентства только одинъ разъ король взбунтовался противъ дяди: это было по случаю помолвки его на принцессѣ макленбургъ-шверинской. Но и этотъ единственный случай доказывалъ только, что расчеты регента дѣйствовать на самолюбіе юноши были совершенно вѣрны; здѣсь хитрый правитель забылъ свое

правило и потерпѣлъ поражение: бракъ съ внучкою императрицы русской льстилъ юному самолюбію короля. вдобавокъ—принцесса мекленбургъ-шверинская была не хороша собой и произвела на маленькаго полубога непріятное впечатлѣніе.

Но разъ уже ошибка была сдѣлана, ее трудно было поправить.

Король вдругъ сталъ противорѣчить на каждомъ шагу регенту, объясняться съ нимъ раздраженнымъ и даже повелительнымъ тономъ. Тотъ, изумленный. не привыкшій къ подобному обращенію со стороны племянника, наконецъ замѣтилъ ему:

— Другъ мой, вы вѣрно забываете съ кѣмъ говорите!

— Совсѣмъ не забываю, я хорошо знаю, что вы мнѣ дядя и регентъ. но помните и вы, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я самъ буду королемъ!—ничуть не смущаясь отвѣтилъ юноша.

Этимъ же кончилось. Въ одинъ прекрасный день юный полубогъ объявилъ регенту:

— Прикажите сдѣлать необходимыя приготовленія и поѣдемте въ Петербургъ.

— Какъ въ Петербургъ? всполошился регентъ.—Это невозможно, это противно исконнымъ обычаямъ нашей страны, вы не можете ѣхать сами просить руки иностранной принцессы; для этого существуетъ дипломатическій корпусъ, уполномоченные.

— Мы съ вами поѣдемъ въ Петербургъ и я буду просить у императрицы руку ея внучки! рѣшительно повторилъ король.

На слѣдующій день онъ спросилъ сдѣланы ли необходимыя приготовленія, и узнавъ, что къ нимъ еще не приступали, сталъ рвать и метать. Объяснять ему, уговаривать было бесполезно. Регентъ понялъ это и такимъ образомъ была нежданно рѣшена повѣдка въ Россію.

— Но по крайней мѣрѣ, при этомъ дворѣ вы держите себя, какъ подобаешь вашему положенію, ни на минуту не забываете о своемъ достоинствѣ, спрашивалъ регентъ.

Король съ презрительной усмѣшкой взглядывалъ на дядю и даже не удостоивалъ его никакимъ отвѣтомъ.

„Учить меня вздумалъ, думалъ онъ, самъ можетъ съ меня примѣръ брать, я покажу имъ, этимъ русскимъ, каковъ долженъ быть настоящій король!“

И больше онъ не задумывался объ этомъ предметѣ. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что очаруетъ всѣхъ.

Познакомившись нѣсколько съ исторіей, онъ плѣнился Карломъ XII и пожелалъ взять его себѣ за образецъ. Онъ старательно изучалъ всѣ подробности его жизни, узналъ всѣ его привычки, манеры; онъ пересталъ смѣяться, рѣдко позволялъ себѣ доходить до раздражительности, потерялъ всякую искренность въ обращеніи, отъ него вѣяло холодомъ, къ нему нельзя было подступиться, онъ окончательно увѣровалъ, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ великая слава, подвиги завоевателя и весь родъ людской представлялся ему еще ничтожнѣе, еще презрѣннѣе.

„О, я покажу имъ, этимъ русскимъ, какіе бываютъ настоящіе короли!“—нѣсколько разъ повторялъ онъ себѣ, подѣзжая къ Петербургу, и дѣйствительно началъ съ того, что обворожилъ своею внѣшностью всѣхъ, начиная съ императрицы.

Екатерина, внушавшая при первомъ свиданіи невольный трепетъ государственнымъ людямъ и опытнымъ европейскимъ царедворцамъ и дипломатамъ, нисколько не смугила напыщеннаго юношу. Онъ увидѣлъ въ ней только полную, красивую старушку, съ которой нужно быть любезнымъ, которой нужно понравиться.

Съ нѣсколько размахистыми военными ухватками

подошелъ онъ къ рукѣ ея, когда былъ представленъ ей подъ именемъ графа Гага.

Императрица, ласково оглядывая красиваго юношу, отстранила свою руку, и, тонко улыбаясь, проговорила:

— Нѣтъ, я вижу, что не въ состояніи позабыть о томъ, что графъ Гага—король.

Графъ Гага улыбнулся въ свою очередь и отвѣчалъ:

— Если ваше величество не желаете дозволить мнѣ поцѣловать вашу руку какъ императрица, то по крайней мѣрѣ дозвольте какъ дама, которой я обязанъ почтеніемъ и удивленіемъ.

Послѣ перваго, непродолжительнаго свиданія, императрица осталась въ полномъ восхищеніи отъ своего гостя. Она была такъ весела, такъ радостна и поспѣшно передавала всѣмъ окружающимъ близкимъ ей людямъ свои впечатлѣнія:

— Я думала, что онъ польщенъ на портретахъ, говорила она,—нисколько. Никакой художникъ не въ силахъ передать его прелести. Красота его заключается не въ однихъ внѣшнихъ чертахъ, въ его лицѣ сияетъ его умъ, его душевныя качества. Ахъ, какъ онъ уменъ, какъ онъ находчивъ, какъ онъ умѣетъ держать себя! Я увѣрена, что его сердце должно быть прекрасно, малютка будетъ съ нимъ счастлива, я ручаюсь за это. Ахъ какой прелестный юноша, я сама просто влюблена въ него!..

И великая Екатерина, мудрый знатокъ человеческого сердца, окончательно превратилась въ добрую бабушку. Она такъ хотѣла счастья своей любимой внучки, и въ то же время этотъ бракъ такъ давно составлялъ любимую мечту ея—и вотъ она уже не задумывалась и не размышляла. Она видѣла только то, что хотѣла видѣть и спѣшила увѣрить близкихъ людей, что лучше молодаго короля шведскаго не можетъ и быть никого на свѣтѣ, спѣшила увѣрить, будто боясь, что кто нибудь станетъ разубѣждать ее, что кто нибудь попытается разрушить ея мечты. Но никто, конечно, не имѣлъ подобнаго намѣренія: ей поддакивали.

Императрица плѣнилась графомъ Гагой и весь дворъ тотчасъ же имъ плѣнился и рассказы о его достоинствахъ, о его необыкновенныхъ качествахъ, умѣ, талантахъ, красотѣ, быстро стали разноситься по городу. Всѣ радовались, ликовали, собирались веселиться, ждали необыкновенныхъ празднествъ. Предлогъ для всего этого былъ найденъ, о чемъ же задумываться? Нужно пользоваться этимъ предлогомъ. Но оставался одинъ важный вопросъ, какъ встрѣтятся женихъ съ невѣстой, какое впечатлѣніе произведутъ они другъ на друга?

Если король не успѣлъ еще подумать о невѣстѣ, если онъ, когда регентъ или кто нибудь говорилъ ему о ней, ограничивался только одною фразой: „я увѣренъ, что она во всякомъ случаѣ гораздо красивѣе и милѣе принцессы мекленбургъ-шверинской“,—то сама невѣста, великая княжна Александра Павловна, прелестный тринадцатилѣтній ребенокъ, живое воплощеніе самой граціозной, самой чистой мечты художника, давно уже думала и мечтала о своемъ суженомъ.

Она хорошо знала, что добрая бабушка задумывается о ея судьбѣ и готовить ей въ женихи короля шведскаго. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Екатерина подарила ей медальонъ съ его портретомъ; она подолгу и почасту засматривалась на портретъ этотъ, на которомъ онъ былъ изображенъ истымъ Адонисомъ.

Великая княжна имѣла живой и пылливый умъ, развивалась быстро, всѣмъ интересовалась, училась съ большою охотою и очень много знала для своихъ лѣтъ; въ ея отличной памяти хранился уже большой запасъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, но вотъ, въ послѣднее время, она, сама не замѣчая этого, сдѣлалась разсѣянной, училась уже не съ такой охотою. Ее иногда мо-

жно было замѣтить съ забытою въ рукѣ книгой, съ горящимъ, невѣдомо куда устремленнымъ взоромъ, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ.

Императрица не разъ заставляла ее въ такомъ положеніи. она пѣжно называла ее по имени, но великая княжна не слышала. Бабушка тихонько подходила, дѣловала ее.

— Дѣточка, что съ тобой? ты не слышишь, что я зову тебя!.. или ты нездорова?

Великая княжна вздрагивала, смущенно глядѣла на бабушку и кидалась обнимать ее.

— Нѣтъ, бабушка, милая, дорогая бабушка, я совсѣмъ здорова.

Екатерина улыбалась, отходила отъ нея, а сама думала:

„Ахъ, какъ она хорошеетъ. съ каждымъ днемъ хорошеетъ! Какая будетъ красавица!“

Но не останавливалась бабушка на той мысли, что не рано ли такъ хорошеетъ, такъ мечтать любимой внучкѣ? не старалась проникнуть въ тайну ея первыхъ мечтаній. А причину этихъ мечтаній, этого румянца, этого блеска глазъ, былъ портретъ подаренный бабушкой, были доносившіеся до чуткой дѣвочки толки о молодомъ королѣ шведскомъ, о его красотѣ, его достоинствахъ, о томъ, что лучшаго жениха для великой княжны и найти невозможно.

Она дѣлала видъ, что не слышитъ этихъ толковъ, не принимала никакого участія въ этихъ разговорахъ, даже будто уходила, будто занята была совсѣмъ другимъ дѣломъ, а между тѣмъ ни одно слово отъ нея не ускользало и потому, оставаясь одна, она долго, долго разбиралась въ каждомъ слышанномъ словѣ и каждое слово являлось для нея матерьяломъ, на основаніи котораго она рисовала себѣ широкую, прелестную картину.

И вотъ этотъ предметъ первыхъ полудѣтскихъ, полуженскихъ мечтаній наконецъ въявь предсталъ передъ нею...

Бабушка пришла въ комнаты внучки, сама, своимъ зоркимъ, привычнымъ глазомъ оглядѣла нарядъ ея, поправила своей маленькой пухлой рукой выбившіеся локонъ, и шепнула ей:

— Allons, ma petite, je veux te présenter quelqu'un.

Великая княжна поблѣднѣла, она навѣрное не знала, но уже догадывалась.

Она пошла за бабушкой, робко прижимаясь къ ней, испуганно и недоумѣвающе заглядывая въ свѣтлые, блестящіе глаза ея, въ которыхъ ей хотѣлось прочесть отвѣтъ на свой вопросъ, не смѣвшій сорваться съ языка.

Но глаза бабушки ласково сіяли—и только.

Она не видѣла куда ведутъ ее, не видѣла никого и очнулась тогда лишь, когда голосъ бабушки произнесъ имя графа Гага.

Она взглянула—передъ нею высокій, стройный юноша, красавецъ юноша, польщенный, но все же нѣсколько похожий портретъ котораго и теперь спрятанъ отъ всѣхъ взоровъ за корсажемъ ея платья, ушибко, вдругъ шибко такъ забившагося сердечка.

Она чуть не вскрикнула отъ какой то сладкой боли.

Красавецъ юноша въ изысканныхъ, напыщенныхъ выраженіяхъ ее привѣтствовалъ, она граціозно ему поклонилась. протянула руку, проговорила обычную фразу.

Ея рука нѣсколько мгновеній трепетала въ рукѣ его и это первое пожатіе рѣшило ея судьбу: она полюбила графа Гага той фантастической, волшебной, первой любовью, въ которой мало земного, но въ которой отражаются лучи небеснаго блаженства...

XVII.

Ясные дни.

Графъ Гага чувствовалъ себя совершенно довольнымъ и счастливымъ, онъ никогда такъ весело не проводилъ времени, какъ въ Петербургѣ. У себя въ Стокгольмѣ

онъ самъ долженъ былъ придумывать себѣ развлечения и забавы и онѣ, въ концѣ концовъ, отличались однообразиемъ и ему уже пріѣлись.

Все одно и то же, тѣ же лица, та же обстановка, одинъ день какъ другой!

Онъ часто скучалъ; лесть и поклоненіе придворныхъ принимались какъ должное, съ дѣтства привычное. Здѣсь же совсѣмъ иное. Здѣсь онъ не долженъ былъ придумывать какъ веселѣе провести день, просыпался утромъ и зналъ, что каждый новый часъ будетъ приносить ему что нибудь неожиданное, любопытное и веселое. Здѣсь, что ни часъ, новыя лица и та же лесть, то же всеобщее поклоненіе, но вѣдь это совсѣмъ не то, что поклоненіе ея придворныхъ.

Въ Стокгольмѣ никто не могъ относиться къ нему иначе: если бы и хотѣли—такъ не смѣли; здѣсь же онъ не властелинъ, здѣсь онъ гость. Чужой, блестящій, могущественный дворъ, великая, прославленная императрица, толпа важныхъ сановниковъ...

И вотъ и сама императрица, и всѣ члены ея семейства, и всѣ эти сановники преклоняются передъ нимъ, восхищаются имъ, объявляютъ его самымъ безукоризненнымъ, самымъ умнымъ и прелестнымъ существомъ въ мірѣ. Значить таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ! Не будь онъ таковъ, не стали бы такъ и принимать его. Вѣдь вотъ же дядя регентъ не разъ убѣждалъ его быть осмотрительнымъ, обдумывать каждое свое слово, каждый свой шагъ, именно для того, чтобы произвести хорошее впечатлѣніе и конечно боясь, что впечатлѣніе можетъ быть и не особенно хорошимъ. Но ему вовсе не пришлось дѣлать надъ собой усилій, обдумывать свои поступки,—онъ просто, съ первой минуты своего появления въ Петербургѣ, встрѣтилъ отъ всѣхъ самый лучшій пріемъ. Его сразу захвалили, залюбовались имъ и поэтому онъ оказался въ хорошемъ настроеніи духа. Онъ былъ веселъ, доволенъ, снисходителенъ, любезенъ со всѣми и его мнѣніе о себѣ съ каждымъ днемъ возрастало больше и больше.

Когда онъ ѣхалъ сюда въ немъ все время нѣтъ, нѣтъ—да и мелькнетъ почти безсознательная мысль:

„А что, если я отъ кого нибудь получу обиду? Что, если кто нибудь косо на меня взглянетъ?“

И когда подобная мысль приходила ему въ голову, онъ также почти безсознательно рѣшалъ, что въ такомъ случаѣ покажетъ себя, плюнетъ на все и на всѣхъ, все броситъ и вернется обратно въ Стокгольмъ.

Но возвращаться не приходилось: все шло какъ по маслу, да наконецъ явилось и неожиданное благополучіе—невѣста произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ никогда еще не видалъ такого прелестнаго созданія и въ то же время конечно сразу понялъ, что и она въ свою очередь плѣнена имъ. Его юное самолюбіе было удовлетворено какъ никогда, и немудрено, что онъ былъ самъ добрѣе и лучше чѣмъ обыкновенно.

Приближенные его, съ нимъ пріѣхавшіе, изумлялись на него глядя. Онъ даже сталъ менѣе пренебрежителенъ и съ ними, даже иногда шутилъ и почти ласково улыбался, чего прежде никогда не бывало, даже позабылъ играть свою всегдашнюю роль, подражать Карлу XII.

Онъ вставалъ рано, раньше чѣмъ въ Стокгольмѣ, и тотчасъ же начиналъ будить дядю регента.

— Вставайте, вставайте! говорилъ онъ—здѣсь не время спать, одѣнемся, позавтракаемъ и отправимся осматривать Петербургъ; я ужъ приказалъ экипажъ заложить. Право я никогда не думалъ, чтобы этотъ городъ былъ такъ интересенъ!..

Регентъ безпрекословно слушался племянника, торопился одѣться и отправлялся съ нимъ на осмотръ разныхъ достопримѣчательностей Петербурга и его окрестностей. И петербуржцы со всѣхъ сторонъ сбѣгались смотрѣть на дорогихъ гостей.

(До слѣд. №).

Патриціанна. Ориг. рис. П. Веле, грав. Пааръ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Драматическія сцены

К. К. Случевского.

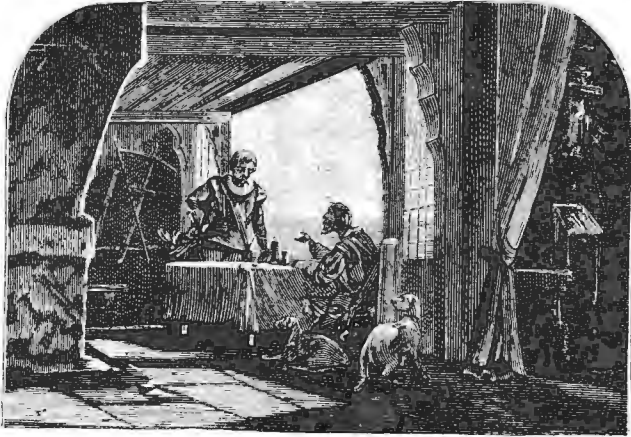
(посвящ. Н. Н. Караццу).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Резидентъ.
Дженевра.
Алонзо.
Роджіеро
Лида.
Телла.
Смотритель карантина.
Его помощникъ.
Пастухъ.
Дѣвочка.

Стражники, всадники, фанелоносцы, прислуга, народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1503 году, въ Южной Италіи, на берегу Средиземнаго моря, подлѣ карантина.

I.

Небольшое помѣщеніе въ домѣ смотрителя карантина, съ видомъ на море. Смотритель карантина и его помощникъ.

Смотритель.

Хоть оба мы съ тобою старики,
И въ службѣ нашей мелочной и скучной,
И въ жизни также, многое видали,
А все таки... ты резидента знаешь?

Помощникъ.

Нѣтъ, даже не видалъ.

Смотритель.

Ровесникъ мой...

Помощникъ.

Богатъ какъ Крезъ онъ, говорятъ, и знатенъ,
И любить жить и до сихъ поръ красивъ!

Смотритель.

Красивъ... богатъ... и любить жить! да, правда!
Все то чѣмъ никогда не отличался я.
Но, всякому свое! а дѣло вотъ въ чемъ:
Его встрѣчать я не хочу... нельзя!

Помощникъ.

Какъ? Резидента?!

Смотритель.

Да.

Помощникъ.

Край объѣзжаетъ,
И посланъ королевъ? Вотъ десять лѣтъ
Что власти къ намъ сюда не наѣзжали,

И, вдругъ, не встрѣтитъ! Резидента! полно!
Ты не въ своемъ умѣ.

Смотритель.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя!

Помощникъ.

Да почему же такъ?

Смотритель.

Не любопытствуй.

Помощникъ.

Однако же?

Смотритель.

На старости то лѣтъ
Да любопытствовать! и что же проку?
Ну, хорошо, узнаешь, а потомъ?
Не юноша ты чтобы взять примѣромъ;
А пересказомъ тѣшить любопытныхъ
Пустое дѣло, ни къ чему не служить!
Я Резидента видѣть не могу...

Помощникъ.

Однако, сторожамъ того не скажешь
Что мнѣ сказалъ? вѣдь это ужъ секретъ?

Смотритель.

Секретъ? совсѣмъ не то!.. бывое горе!

Помощникъ.

Какъ?! у смотрителя? а я-то думалъ
Что кромѣ счета кухонной посуды,
Исправности замковъ и палисадовъ,
И балахоновъ съ прорѣзями глазъ,
Да сотенъ двухъ нищалеи, что хранятся
Чтобъ пристрѣлить кого на случай бѣгства,—
У насъ съ тобою другой заботы нѣтъ?

Смотритель.

Не въ нашей власти всѣ перемѣненья
Страстей въ сердцахъ людскихъ! Сосудъ ничтожный,
Червь незамѣтный—человѣкъ пригоденъ
Не по статьямъ задачи исполнять...
Несешь пока способенъ! нѣтъ—сломаешь...

Помощникъ.

Ай-да смотритель! Отъ тебя не ждалъ
Такихъ рѣчей!

Смотритель.

Давно ужъ это было...
Студентами въ Болоньѣ были мы...

Помощникъ.

Ты былъ студентомъ?

Смотритель.

Онъ и я, мы оба.
Я—бѣденъ, онъ—богатъ. И я всѣмъ сердцемъ
Его любилъ! Затѣмъ женился я...
И, вслѣдъ за этимъ, не прошло и года,
Обманутъ былъ я!.. скрежетомъ зубовнымъ
Отвѣтилъ я! Жена ушла! Малютка
Осталась дочь... Совсѣмъ иное время,
Иное мѣсто насъ свело опять!
Пятнадцать лѣтъ спустя я порывался
Убить его...

Помощникъ.

Все за нее?! За дочь!

Смотритель.

Богатый, сытый, счастливый повсюду,
Онъ услышалъ о ней! услышавъ—видѣлъ...
Онъ зналъ что между нимъ и между ею
Есть гнѣвъ отца... онъ жениха послалъ!
Клевретъ безстыдный принялъ исполненъ;
Красавецъ писанный ся опуталъ,
Сманилъ ее; въ день самой свадьбы отдалъ...
Его Алонзо звали... Имя злое...
Онъ какъ теперь передо мной...

Помощникъ.

Ну, дальше!?

Смотритель.

То ночь была осенняя! Ночь крови,
Могла бы быть, когда бы не судьба!
Я въ пышный садъ прокрался. На балконѣ
Сидѣлъ онъ съ дочерью и балагурилъ;
Алонзо имъ прислуживалъ обоимъ!
Подкрался... слушаю... Ступени вижу
Передъ собой... согнувшись дальше крадусь
И ножъ держу у груди... ближе... близко...
Уже могу рукой одежду коснуться...
Дочь—противъ! видно мнѣ ея лицо!
Когда бы, только, дочка не смѣялась?
Когда-бы только не игра каменьевъ
На ней... Не знаю что со мной случилось...
Приникъ... застылъ... смотрю! Глаза-ли блескомъ
Своимъ кошачьимъ выдали меня...
Дочь, поблѣднѣвъ, откинулась назадъ,
Взглянулъ онъ въ сторону ко мнѣ, вскочилъ...
Алонзо подбѣжалъ... Затѣмъ не помню...
Я связанъ былъ... и былъ потомъ отпущенъ!

Помощникъ.

И не встрѣчались вы потомъ ни разу?

Смотритель.

Ни разу... Долго я затѣмъ скитался...
Двойной обидѣ какъ-то легче стало
Со временемъ. Кто могъ убійцей стать
И-сдѣлалъ все чтобъ быть убійцей, только
Случайно, какъ нибудь, былъ остановленъ,—
Тотъ вразумленъ! Меня урокъ великій
Преобразилъ. Въ Святую Землю къ Гробу
Господню я ходилъ; у зачумленныхъ
Служилъ; и принялъ я тогда рѣшенъе
Святое дѣло продолжать. Случайно
Жену я повстрѣчалъ... Совсѣмъ больную...
Я взялъ ее къ себѣ! Чужсе имя
Ношу... Я этимъ дальше отъ позора...
Жена, ты знаешь, умерла. Лежитъ
Здѣсь, подлѣ насъ, недалеко въ могилѣ...
Конечно Резидентъ меня забылъ!
Увидѣвъ—онъ узнаеть. Не желаю...

Помощникъ.

Но какъ-же быть?

Смотритель.

Да это очень просто.
Онъ, говорятъ, по близости теперь;
У насъ, ты знаешь, судно въ карантинѣ;
За частоколь я перейду. Ты скажешь:
Смотритель тамъ, чтобъ дѣло наблюсти.
Пожалуй не замѣтитъ онъ и вовсе!
Но, если-бы... отвѣтъ какъ я сказалъ...
Согласенъ ли съ моимъ предположеньемъ?

Помощникъ.

Конечно да!

Смотритель.

Онъ быстро промелькнетъ.

II.

Красивая, гористая, но совершенно голая мѣстность на берегу моря. При дорогѣ, на скалѣ развалина. Подлѣ сидитъ старый пастухъ. Головой на его колѣняхъ лежитъ засыпающая дѣвочка. Кругомъ разлегшееся на ночь стадо. Поздний вечеръ. Порою прорѣзывается луна.

Пастухъ (напѣваетъ пѣсню).

Встрѣчу ночьюки
Сомни оченъки,
Помолись голубка,
Спи дитя!

Дѣвочка (засыпая).

Ave Maria!

Пастухъ.

Заснула! Спать! какой хорошій сонъ...
Кажись не сыро тутъ, а все прикрою,
Туманъ болѣзнью дышетъ!

(Осторожно встаетъ, покрываетъ ее овечьей шкурою и замѣчаетъ за скалою яркій, красноватый свѣтъ)

Что за свѣтъ!?

Ужъ не пожаръ-ли? Точно столбъ румяный
Поднялся въ ночь? Жилыя тамъ вовсе нѣтъ!
Жилы тамъ было: людная деревня;
Сожгли до тла въ послѣднюю войну...
Огни Сентъ-Эльма можетъ быть? видѣнье!?

(Взбирается на вершину).

Нѣтъ! всадники! и сколько ихъ! безъ счёту!
Везутъ кого-то... Факелы пылаютъ,
И стукъ и смѣхъ... убрать-бы мнѣ дѣвчонку
Невѣсть какіе люди...

(Возвращается къ дѣвочкѣ, но не успѣваетъ дойти до нея, какъ под-скакиваютъ два всадника).

1-й Всадникъ.

Эй! мохнатый!

2-й Всадникъ.

Далеко-ли до карантина, сѣрый!

Пастухъ.

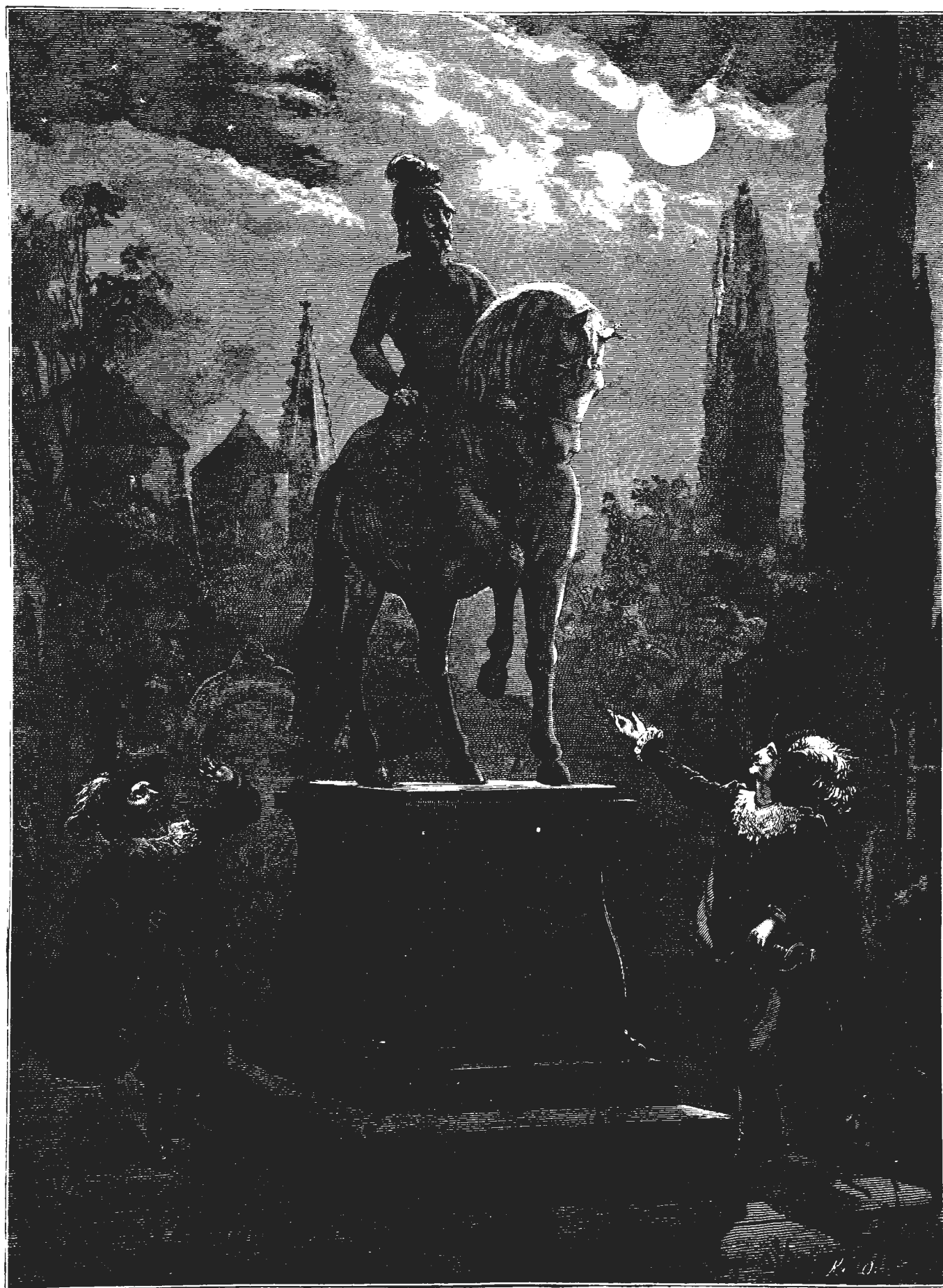
Близехонько честные господа!
Близехонько!

1-й Всадникъ.

Такъ! чортово отродь!
Вишь, шубищу одѣлъ, хлыстомъ и не проймешь!
(Ударивъ пастуха хлыстомъ, продолжаетъ путь дальше).

Средневѣковой католическій монахъ на охотѣ. Съ карт. Карстенса, грав. Кезебергъ и Эртель.

Литературный альбомъ. „Каменный гость“ А. С. Пушкина. Ориг. рис. Земцова, грав. К. Ольшевскій.

Пастухъ (кланяясь вслѣдъ).

По гайдукамъ спасибо господину!
Что-бъ вамъ, господчикамъ, на противнѣ шишѣтъ
У сатаны! Потянуть васъ къ отвѣту!
Однако дѣвочку-бы мнѣ прибрать!
И стадо взбаломутятъ: разбѣжится!
По утру собирай — не соберешь,
А имъ и не въ догадъ! улетѣтнутъ
На новыя безчинства—чѣмъ не воля!

(Съ вершины горы спускаются два конныхъ факелоносца; за ними другіе. Въ каретѣ, украшенной живописью и позолотой, Резидентъ съ Дженоврой; подлѣ, на конѣ, Алонзо. Карета, съѣхавъ съ вершины, останавливается. За нею еще кареты и всадники).

Резидентъ (выходя изъ кареты вслѣдъ за Дженоврой).

Ну вотъ и хорошо! здѣсь обождемъ!
Видъ на море, утесы! мысль прелестна!
Расположиться ужинать въ горахъ!
Ба! и развалина!

Дженовра.

И стадо подлѣ!

Многіе.

Луны, луны давайте! вотъ луна!

(Луна вырѣзывается въ полной силѣ. Прислужники разбиваютъ шатеръ; лошадей привязываютъ по сторонамъ; разводять огни. Стадо отходить въ сторону).

Дженовра (подойдя къ дѣвочкѣ).

Ахъ! дѣвочка! и какъ глубоко спать?

Резидентъ.

Красавица моя, коварная Дженовра!
Все дышетъ сказкой здѣсь, вокругъ тебя!
Пусть сказка съ дѣвочкой случится; хочешь?
Озолотимъ ее? счастливой будетъ...
Твоя она, пастухъ?

Пастухъ.

Пріемышь! Птичка

Полей! Господня дочь!

Резидентъ.

Поэзія кака!

Въ словахъ: Господня дочь? да, всѣ мы боги!..
Отъ человѣчества какъ торжество любви
Здѣсь на развалинахъ погаснувшаго Рима...
Алонзо!

Алонзо.

Резидентъ!

Резидентъ.

За мандолину!

Импровизацію на тему: „лучъ луны“!

Алонзо игралъ на мандолинѣ, поетъ).

Вышелъ мѣсяцъ надъ горою
И на дѣвочку глядитъ!
Отвори свое сердечко,
Свѣтлый мѣсяцъ говорить!

* * *

Дай погрѣться надъ тобою
Гостю лунному лучу
Такъ тебя я успокою,
Какъ надъ сердцемъ посвѣчу!

* * *

Озарю твои желанья,
Страхъ ночной заговорю,
Всѣ мечты и ожиданья,
Даже сны посеребрю!

Резидентъ.

Брависсимо! Дженовра, ты въ восторгѣ!

А что-же дѣвочка? забыли про нее?

(бросаетъ на овчину кошелекъ).

Тутъ много больше чѣмъ ей нужно будетъ,
Во очію пусть совершится сказка...
А ты, Алонзо, мастеръ сердце трогать;
Ты, что ни говори, вполне поэтъ!
Я помню Аретинъ въ тебѣ провидѣль
Большую силу, не ошибся онъ...
Всѣмъ возрастамъ дана своя отрада!
А что-же ужинъ нашъ? Роджіеро?

Роджіеро.

Резидентъ?!

Резидентъ.

Костры пылаютъ; трапеза готова-ль?

Роджіеро.

Мы захватили рыбаковъ. Они
Уже за дѣломъ; сѣти подтащили...

Резидентъ.

А дамы гдѣ?

Роджіеро.

Въ шатрѣ собрались, ждутъ!

Резидентъ (отозвавъ Роджіеро въ сторону).

Сегодня, или завтра, какъ случится,
Съ Алонзо кончить можешь подъ шумокъ!
Но только такъ чтобъ всѣ концы запрятать...
(Направляются къ шатру).

III.

Всадники, факелоносцы. Роскошно увѣшанный и обложенный коврами шатеръ. Богато сервированный ужинъ. Резидентъ, Дженовра, Алонзо Роджіеро, Лида и другіе слушники.

Резидентъ (прочтя только что полученное письмо).

Я бѣдному Орсини говорилъ:
Святѣйшій Борджіа заткнетъ за поясъ
Васъ всѣхъ! и что-же? бѣдный поплатился!
Отравленъ! ты, Алонзо, зналъ его?
И ты, Роджіеро, тоже? Любопытно:
Кого-то папой выберетъ конклавъ
Чуть Александръ глаза свои закроетъ?
Кинжаломъ и отравою прочищенъ
Конклавъ за Цезаря, онъ папой будетъ...
Но, слышно, боленъ при смерти и Цезарь!
(Задумывается).

Играетъ въ прятки иногда судьба...
Но, если-бы природа не мѣшалась
Въ дѣла людскія, in extremi fures,
Вдругъ не вѣщала своего: „довольно“,—
Перестановокъ вдругъ не совершала,—
Въ людскихъ расчетахъ не вела своихъ;
Своей фантазіей фантазіи нашихъ
Не покрывала — чѣмъ-бы стали мы?!

(Сжигаетъ письмо).

А есть восторгъ и въ самомъ преступленьи...
И мнѣ понятны Борджии вполнѣ...
Назойливость упрековъ, какъ помѣху,
Разъ навсегда спокойно отклонить!..
Сознавъ себя — счастье мѣръ за обстановку...
Быть центромъ культа жизни... взять свой день!..

(Оглядывая собесѣдниковъ).

На чемъ остановились мы? да, помню!
Тебя, Алонзо, мы вѣнчать хотѣли!
Дантъ, правда, вѣнчанъ не былъ! онъ хотѣлъ
Самъ увѣнчать себя! но мы не Данты...
За то тебѣ на долю выпадаетъ
При жизни быть увѣнчаннымъ отъ насъ!

Телла (входитъ съ вѣнкомъ въ рукѣ).

Вотъ и вѣнокъ! сплела я какъ умѣла;
Но лавровъ подлѣ нѣтъ, есть только плющъ одинъ.

Алонзо.

Онъ мнѣ къ лицу! вѣнчайте поскорѣе.

Дженевра.

Плющемъ?

Алонзо.

Плющемъ! Обрызганный ро-
сой,

Изъ милыхъ рукъ онъ будетъ лучше лавра!
Созрѣла пѣсня, искрится вино...

Роджеро.

А ну-ка пѣсню!

Алонзо (поетъ, играя на мавдолинѣ).

Блеститъ вино! трепещутъ грезы!
Ахъ! что за грезы у вина!
Имъ власть дана развѣять грозы,
Имъ власть волшебная дана.

* * *

Да, есть въ винѣ душа живая,
Она съ лучами низопла,
И, отстоявшись, вновь играя,
Горитъ и блещетъ со стола!

* * *

Мы душу пьемъ! мы возвращаемъ
Свободу жизни тѣмъ лучамъ,
И солнце чувства зажигаемъ
Свѣтитъ таинственнымъ ночамъ!

* * *

Да! жизнь сладка и преступленьемъ!
Сладка намъ мука людскихъ слеза!
Но, слаще, чья смерть, съ презрѣньемъ
Ей кинуть вызовъ свой въ глаза!

Резидентъ.

Поэтъ, поэтъ! вѣнчать его скорѣй!

Роджеро.

Вѣнчать! вѣнчать! кому-же честь вѣнчанья?

Лида.

Я, я хочу вѣнчать!

Телла.

А отчего-жь не мнѣ?

Резидентъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Дженевра! пусть она вѣнчается!
Что-жь?

Дженевра (встаетъ отъ стола и идетъ
въ столовую).

Отчего-же нѣтъ!

Алонзо.

Дженевра!

Дженевра (возлагая на Алонзо вѣ-
нокъ).

Мой поэтъ!

На жизнь и смерть Алонзо я вѣнчаю!

(Слѣдуетъ общее молчаніе; слыш-
на пѣсенка пастуха и звонъ бу-
бенчиковъ стада).

Пастухъ.

Ты засни, дитя, засни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани,
Только-бъ ширя шумъ и гамъ
Не мѣшалъ счастливымъ снамъ!

Роджеро.

Что если-бъ кликнуть пастуха въ шатеръ?
Для полноты живаго впечатлѣнья
Его послушать?!

Резидентъ.

Кликнуть пѣсню спѣть,
А нѣтъ такъ рассказать какую сказку,

Роджеро (уходитъ).

Рожденную въ горахъ, у стада, въ полѣ!
Да! пастуха!

Многіе.

Счастливейшая мысль!

Роджеро (приведя пастуха).

Ты пѣсню пѣль, такъ спой намъ что-нибудь,
А нѣтъ — такъ расскажи...

Резидентъ.

Да, что-нибудь такое
Чтобъ тутъ была луна, коварство, чародѣй...
Такое что-нибудь что выросло сказаньемъ
Въ полуночной росѣ, и въ блѣдныи овецъ,
Въ лучѣ звѣзды, скатившемся на струйку,
Въ отбавѣ юности, иль старческомъ раздумьи...
Такое что-нибудь — не правду, и не ложь,
А — музыку... волнующее нѣчто,
Но чтобы трогало...

Пастухъ.

Нѣтъ, господинъ!

Многіе.

Пой что-нибудь...

Пастухъ.

Мои унылы пѣсни!

Роджеро.

Намъ это-то и нужно, потому
Что веселы мы все!..

Пастухъ.

Что-жь я могу?

Здѣсь, по ночамъ, развалина порою
Поетъ! Въ ней духъ какой-то гордый плачетъ...

Резидентъ.

Вотъ тутъ? въ развалинѣ?

(Откидываетъ пологъ шатра и
смотритъ на развалину, ярко освѣ-
щенную луною).

Роджеро.

Да это любопытно;

А чей-же это духъ?

Пастухъ.

Не знаемъ, господинъ!
Онъ гордый духъ, себя не называетъ...

Резидентъ.

А ну, старикъ! послушаемъ — узнаемъ —
Кто этотъ гордый духъ!

Пастухъ (говоритъ на расивъ).

Духъ развалины забытой
Я давно витаю здѣсь,
На горѣ, въ степи открытой...
Охраняю берегъ весь
И въ ночи всегда скрываюсь,
И меня не отыскать.
Какъ кукушка забираюсь
Къ птицамъ въ гнѣзда куковать...

(Раздается подземный ударъ,
бокалы на столѣ шевелятся и
звенять).

Резидентъ.

Землетрясенье!

Алонзо.

Земля играетъ! таже мандолина!

Резидентъ.

Одна струна—да очень ужъ густа!
Однако дальше...

(Новый подземный ударъ, го-
раздо ближе перваго; бокалы опро-
кидываются; нѣкоторые изъ себе-
сѣдниковъ поднимаются съ мѣсто).

Резидентъ (сидя).

Къ новому куплету!

Что поблѣднѣли? стыдно господа?
А гордость гдѣ? гдѣ смѣлость человѣка?
Повелѣвающая міромъ власть ума?
Еще вина сюда! еще бокаловъ!

Алонзо.

Пируемъ мы! За тосты, за вино...

(Ширъ продолжается. Пастухъ,
получивъ монеты, уходитъ. Луна
въ полномъ блескѣ. Глухіе удары).

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ,

Нормандскія рыбаки.

(Рис. на стр. 340 и 341).

Въ № 2 „Пивы“ настоящаго года мы уже помѣтили одинъ изъ прекрасныхъ рисунковъ, присланныхъ намъ А. Д. Кившенко изъ Нормандіи, гдѣ онъ жилъ довольно долго близъ Діелла на западномъ берегу Франціи, въ маленькомъ городкѣ Сантъ-Валери. Коренное населеніе этого городка по преимуществу рыбаки. Въ лѣтнее время въ Сантъ-Валери мало мужскаго элемента. „Рыбакъ“, говоритъ въ своемъ письмѣ г. Кившенко, отправляется въ море ранней весной и возвращаясь поздней осенью—оставляетъ весь домъ, семью и всѣ работы по прокормленію ея всецѣло на женщинъ—жену, сестру, мать. Здоровья, сильнаго сложения женщины ходятъ на отмели въ море для ловли рыбы. Нужно для этого крѣпкое здоровье, потому что часто онѣ находятся въ водѣ по два по три часа, вынося на себѣ все время удары прибойныхъ волнъ, которыя сильны даже въ тихую погоду. Настоящій рисунокъ представляетъ рыбацекъ, нагруженныхъ своей добычей, возвращающихся домой. Рыбу послѣ улова слегка просаливаютъ а сельдей тщательно укупориваютъ въ боченки и продаютъ тотчасъ же свѣжую рыбу скупицамъ, которые уловъ напр. креветокъ немедленно отправляютъ весь въ ближайшіе большіе города Франціи. Это поле камней, обрывы Ламанскаго берега,—живописный и величественный видъ—представлены художникомъ весьма удачно.

Патриціанка.

(Рисунокъ на стр. 345).

Многочисленный высшій классъ патриціевъ или побилей, въ цвѣтущее время итальянскихъ республикъ пользовался громадною политическою властью и значеніемъ. Особенно долго и ревностно сохранялась эта власть въ Венеціи. Здѣсь патриціи исключительно занимали всѣ высокія государственныя должности и то блескомъ и величіемъ, то таинственнымъ терроромъ подчиняли себѣ народныя массы. Время это было временемъ блеска и силы Царицы морей; блестящіе праздники слѣдовали одни за другими; безопасно было упоеніе пестраго, веселаго карнавала и каналы и площадь Св. Марка постоянно нестройно шумной, праздничной толпой. На этихъ-то непрерывныхъ праздникахъ женщина-патриціанка играла главную, выдающуюся роль; здѣсь то она усѣвала заглушать иногда даже свирѣпыя лорывы политической ненависти. Повсюду видны были эти роскошно одѣтыя женщины, безопасно катающіяся въ гондолахъ или весело толкующія съ молодыми людьми на рѣзныхъ балконахъ своихъ палатокъ и прислушиваясь къ звонкому смѣху и говору невольно забывались и темныя стороны знаменитой республики. Кромѣ того, обаятельная въ обыденной жизни, венеціанка являлась еще обаятельнѣе во время карнавала, подѣ маской. Здѣсь тайна давала ей еще болыше средствъ прельщать и очаровывать и если она начинала какуюнибудь интригу, то она велась такъ же таинственно и осторожно, какъ какаянибудь политическая интрига во дворцѣ дожей. Лишь тогда когда влюбленные короче узнавали другъ друга, когда между ними устанавливалась взаимность чувства, венеціанка сбрасывала ненужную маску и являлась опять во всеоружіи красоты и обаятельности, такою напри- мѣръ, какою она изображена на прилагаемомъ нами рисункѣ талантливаго художника.

Средневѣковый монахъ на охотѣ.

(Рис. на стр. 348).

Типъ католическаго монаха воина и монаха охотника, какъ извѣстно, не былъ исключительнымъ, рѣдкимъ явленіемъ въ сред-

невѣковую эпоху и смѣрныя инокъ того времени часто вдругъ преобразались въ вооруженные отряды, не уступавшіе никому въ воинственныхъ наклонностяхъ и ужьвнѣе владѣть оружіемъ лучше всякаго присяжнаго воина. Въ этомъ случаѣ въ монахѣ проявлялись тѣ же страсти, которыя увлекали его въ свѣтской жизни; онъ становился снова или прежнимъ рыцаремъ или отчаяннымъ искателемъ приключеній и страстнымъ охотникомъ, но дѣльмъ днѣмъ не выпускающимъ изъ рукъ своего арбалета. И эта страсть вкоренилась такъ глубоко въ большинство духовной и монашескую братію, что стоило большаго труда разнымъ соборамъ и каноническимъ предписаніямъ убѣждать и поучать, что такое занятіе для служителей алтаря и грѣховно и неприлично. Но за то въ то же время свѣтскіе писатели восторженно относились объ охотѣ какъ о забавѣ чрезвычайно приятной и даже высоко нравственной, съ помощью которой избѣгали грѣха, такъ какъ она отвлекала отъ праздноствія—этой главной причины всевозможныхъ пороковъ. Монахъ конечно помнилъ и зналъ эти краснорѣчивые трактаты, посвященные охотѣ и потому становился въ затрудненіе какъ согласовать увѣщанія духовной власти съ глубоко вкоренившимся убѣжденіемъ того времени, что лучшее занятіе для благороднаго человѣка это охота. Монахъ, который былъ въ мѣрѣ страстнымъ охотникомъ, конечно не оставлялъ этой забавы и въ монастырѣ и благодаря обилію тогдашнихъ лѣсовъ и многочисленности въ нихъ звѣрей охотился по прежнему за дичью съ арбалетомъ въ рукѣ, какъ это изображено на прилагаемой нами картинкѣ.

Литературный альбомъ. „Каменный гость“ Пушкина.

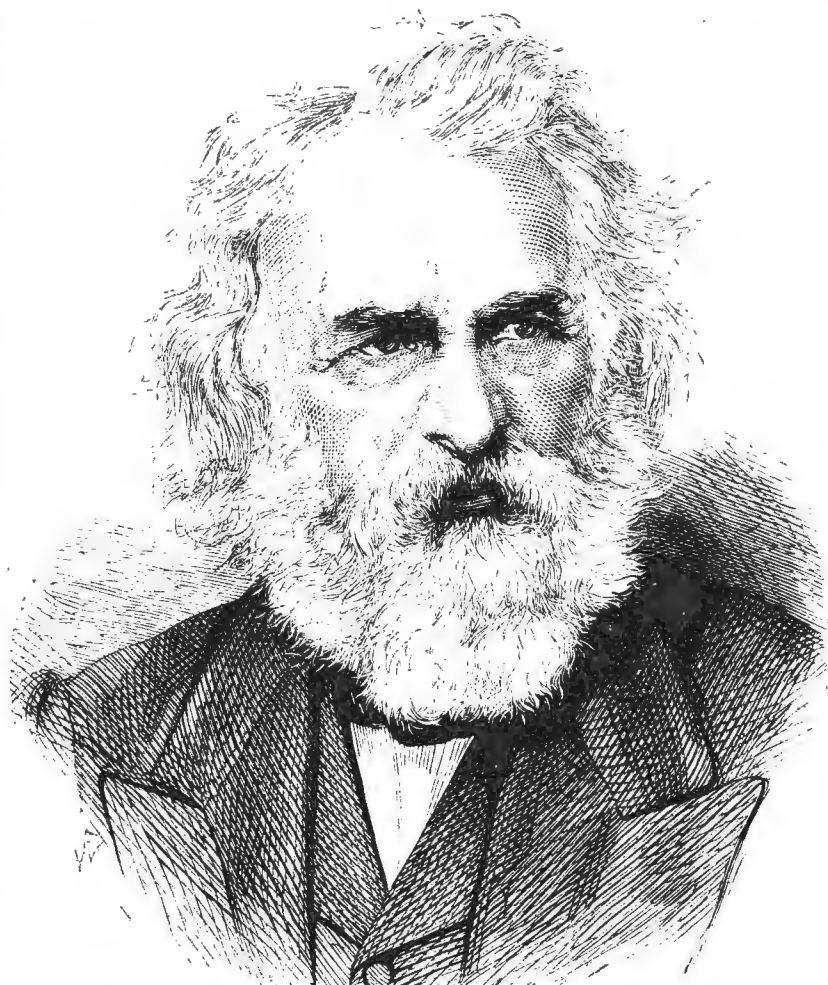
(Рисунокъ на стр. 349).

Какъ Фаустъ — типъ пытливаго, глубокаго ученаго, продававшаго аду душу, чтобы добыть болѣе знанія и мудрости—явился продуктомъ философской, серьезной Германіи, такъ живой, увлекательный типъ Донъ-Жуана является произведеніемъ пылкаго, страстнаго юга. Здѣсь герой народной легенды губить себя не изъ-за жажды знанія а изъ-за страстнаго желанія жить во всю ширь, испытать все доступное человѣку, всецѣло наслаждаться настоящимъ днемъ. Неудивительно что такой типъ явился прежде всего въ Испаніи — этой классической странѣ почныхъ свиданій, серенадъ, страсти къ приключеніямъ и нашедъ себѣ воплощеніе въ народной легендѣ, основаніемъ которой послужило истинное происшествіе, рассказанное въ одной изъ старинныхъ севильскихъ хроникъ. По словамъ этой хроники Донъ-Жуанъ Теноріо, молодой кавалеръ знатной фамиліи, однажды ночью похитилъ дочь командора Уллоа и при этомъ убилъ ея отца. Тѣло несчастнаго командора похоронили въ монастырѣ св. Франциска, въ особомъ склепѣ и надъ гробомъ поставили его величественное каменное изображеніе. Между тѣмъ Донъ-Жуанъ, пользуясь знатностью своего имени, продолжалъ безчиствовать, такъ что многочисленные враги его порѣшили кончить съ нимъ тайнымъ образомъ. Для этой цѣли они заманили его обманомъ въ монастырь и тамъ умертвили, распустивъ слухъ, что его увлекла въ адъ статую командора, которую онъ осмѣлился оскорбить дерзкимъ кощунствомъ. Эта-то, какъ видимъ, очень простая тема послужила канвою для множества литературныхъ произведеній, явившихся сначала въ Испаніи, потомъ и въ остальной Европѣ. Но особенно популярнымъ сдѣлала Донъ-Жуана знаменитая опера Моцарта, въ которой легенда передана чудной, неподражаемой музыкой.

Въ „Каменномъ гостѣ“ нашъ знаменитый поэтъ высокохудожественно и драматично изобразилъ въ удивительныхъ сценахъ легендарнаго похождения Донъ-Жуана. Въ этихъ сценахъ Пушкинъ представилъ своего героя какъ и Моцартъ, т. е. человѣ-

комъ блестящимъ, обратившимъ всё свои богатые дары именно, такъ сказать, на беззаветное наслаждение жизнью. Въ чудномъ типѣ, созданномъ Пушкинымъ, нѣтъ и тѣни того безстыднаго кощунства, которымъ старались украсить Тирсоди Молено и Мольеръ и безъ того уже рельефный типъ Донъ-Жуана. Напротивъ того, у Пушкина, съ первой сцены, является весь этотъ увлекательный герой приключеній, искатель сильныхъ ощущенийъ, который бѣжитъ опять въ свое отечество изъ ссылки, — гдѣ онъ напелъ невыносимо-туманнымъ небо и невыносимо-холодными, разсудительными же и щипцы. Теперь онъ опять въ Испаніи со своимъ вѣрнымъ Лепорелло и, не смотря на опасность, первая мысль его — продолжать прежніе подвиги. Весело и откровенно болтая о своихъ похожденияхъ онъ приходитъ на кладбище, лежащее какъ разъ на его пути къ Мадригу. Здѣсь, оказывается, погребены убитый Донъ-Жуаномъ командоръ, Де Сильва, на могилу котораго приходитъ ежедневно неотлучная его вдова, престарелая донна Анна. Увлеченный красотою доп-

Лонгфелло, Генри Ведсвортъ. † 25 Март . Съ фотогр. грав. Пель.

ны Анны, Донъ-Жуанъ, во чтобы то ни стало, хочетъ овладѣть ея сердцемъ и вотъ, въ третьей сценѣ, мы его видимъ уже подъ расою монаха, чтобы удобнѣе обольстить строгую, недоступную красавицу. И дѣйствительно, вкрадчивая, нѣжная рѣчь мнимаго монаха произвела свое дѣйствіе; вдова колеблется, чувствуя все болѣе и болѣе чарующую силу своего собесѣдника, у нея невольное, наконецъ, вырывается сознание своей слабости, когда она, уходя, говоритъ Донъ-Жуану:

„Нѣтъ, видно, мнѣ уйти...
Къ тому-жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы
развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ
нихъ ужъ ухо
Мое давно отвыкло. —
Загра

Я васъ приму...“

Вымоливъ свиданіе, Донъ-Жуанъ виѣ себя отъ восторга; въ безумномъ увлеченіи онъ громко приглашаетъ статую командора придти съ нимъ вмѣстѣ въ назначенный часъ. Донъ-Жуанъ въ ужасѣ видитъ что статуя киваетъ ему головою въ знакъ согласія. Эта именно сцена и изображена на нашемъ рисункѣ. Но Донъ-Жуанъ не суевѣренъ и

Старый соборъ въ Саратовѣ. По фотогр. Пятницкаго, грав. Гельштейнъ.

потому спокойно отправляется на свидание. Между тѣмъ статуя командора сдерживаетъ свое слово и въ тотъ самый моментъ, когда Донъ-Жуанъ срывается съ устъ донны Анны первый нѣжный поцѣлуй, онъ является. „Я на зовъ явился“, говоритъ статуя, приближаясь къ Донъ-Жуану, въ то время какъ Донна Анна падаетъ безъ чувствъ на полъ.

Донъ-Жуанъ. О, Боже! Донна Анна!
Статуя. Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ.
Донъ-Жуанъ. Я? нѣтъ! Я звалъ тебя и радъ что вижу.
Статуя. Дай руку!
Донъ-Жуанъ. Вотъ она... О, тяжело
Покажь этой каменной деснице!
Оставь меня, пусть мнѣ руку!..
Я гибну—кончено—о, Донна Анна!

Старый соборъ въ Саратовѣ.

За своетрехсотлѣтнее существованіе Саратовъ часто подвергался грабежамъ и набѣгамъ безпощадной новолжской вольницы, въ рядѣ которыхъ конечно первое мѣсто занимаетъ осада и взятіе города Пугачевымъ. Кроме того Саратовъ часто опустошался пожарами, и такими повальными болѣзнями какъ моровая язва и холера. Все эти несчастія долго не давали городу собраться съ силами чтобы развиться и обстроиться, такъ какъ большинство населенія и имущества гнбло въ этой борьбѣ съ видимыми и невидимыми врагами. Этими объясняется бѣдность въ Саратовѣ капиталныхъ, старыхъ зданій и даже церквей—эти памятники народнаго религиознаго чувства только въ послѣднее столѣтіе начали воздвигаться съ должнымъ благолѣіемъ, напримѣръ Новый соборъ, построенный здѣсь въ 1814 году и дѣйствительно служившій украшеніемъ города. Старый же соборъ, до сихъ поръ удѣлѣнный на старинной и довольно оживленной Михайловской улицѣ, самой простой архитектуры, хотя и замѣчательнѣе какъ древнѣйшій историческій памятникъ, вмѣщающій въ себя много драгоценностей и между прочимъ Чудотворную икону Всемилостивѣйшаго Спаса, высокоотитую народомъ и драгоценную ризницу, пожертвованную Императоромъ Александромъ Первымъ въ память прекрасной тужи, опустошившей Саратовъ въ 1807 году. Въ первоначальное же время существованія Саратова, въ немъ былъ соборъ деревянный во имя Живоначальной Троицы. Три раза онъ горѣлъ и наконецъ въ 1697 году по волю царей Юліана и Петра Алексѣевичей было приступлено къ постройкѣ каменнаго двухэтажнаго собора. Сооруженіе это продолжалось очень долго, такъ что когда въ 1722 году Петръ Великій посетилъ Саратовъ то нашелъ оконченную лишь нижнюю часть церкви во имя Успенія Божьей Матери; верхняя же, во имя Живоначальной Троицы еще была обставлена лѣсами. Между тѣмъ же въ концѣ прошлаго столѣтія явилась потребность въ Новомъ соборѣ на сооруженіе котораго Императрица Екатерина II и пожертвовала въ 1786 году пятнадцать тысячъ рублей; впрочемъ постройка новаго собора затянулась а старый соборъ ветшалъ все болѣе и болѣе и наконецъ даже былъ закрытъ для богослуженія. Въ 1804 году онъ былъ исправленъ, но въ 1813 г. снова освидѣтельствованъ, найденъ сомнительнымъ и во второй разъ запертъ. Послѣ этого вѣдѣно было починить его фундаментальнымъ образомъ: сдѣлать контрфорсы снаружи и прилично украсить внутри. Въ этомъ обновленномъ видѣ Саратовскій старый соборъ существуетъ и до нашего времени.

Лонгфелло.

(Портр. на стр. 353).

Марта 25 скончался Лонгфелло, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей нашего времени, чрезвычайно популярный въ Америкѣ и Англій американскій поэтъ и беллетристъ, Лонгфелло, сынъ Портлендскаго нотаріуса, въ Штатѣ Мэнъ, родился 27 февраля 1807 г. и воспитаніе получилъ въ Бодвинской коллегіи, куда вступилъ на четырнадцатомъ году отъ роду. Литературную дѣятельность свою онъ началъ очень рано—еще въ коллегіи онъ сдѣлался сотрудникомъ „Литературнаго журнала Соединенныхъ Штатовъ“, гдѣ его стихотворенія обратили вниманіе на его поэтическое дарованіе. Окончивъ курсъ, молодой Лонг-

фелло принялся за практическое занятіе законовѣденіемъ въ нотаріальной конторѣ отца, но ему тогда же была предложена кафедра новѣйшихъ языковъ въ Бодвинской коллегіи. Прежде чѣмъ принять кафедру, онъ объѣздилъ почти всю Европу, въ 1829 г. онъ возвратился въ Брюксель (гдѣ коллегія находилась), гдѣ и принялся за свои обязанности. Извѣстность его началась съ романа „На берегу моря“ и въ 1835 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ той же кафедры въ первомъ высшемъ учебномъ заведеніи Штатовъ, Гарварскомъ университетѣ, въ Кембриджѣ, въ штатѣ Массачусетъ. Желая вполнѣ основательно изучить языки сѣверной Европы, Лонгфелло вновь предпринялъ путешествіе въ Европу и провелъ болѣе года въ Даніи, Швеціи, Германіи, а также Швейцаріи, затѣмъ, по возвращеніи онъ, въ 1842 г., временно оставилъ кафедру и совершилъ новое путешествіе въ Англій и Францію, а въ 1854 г. вынелъ въ отставку и удалился въ частную жизнь; въ 1869 г.—Лонгфелло снова въ Европѣ; въ Англій ему былъ оказанъ горячій пріемъ и торжественно поднесенъ дипломъ доктора правъ оксфордскаго университета.

Изъ его произведеній наибольшую славою пользуются: „Гай-авата“, изъ быта индійцевъ сѣверной Америки. „Евангелина“, „Эконея“—пѣснь, отличающаяся звучными стихами (написана гекзаметрами), „Гемерионъ“, художественный романъ, написанный подъ влияніемъ продолжительнаго пребыванія поэта въ Германіи; „Золотая Легенда“, которую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сравниваютъ даже съ „Фаустомъ“ Гете; „Ночные голоса“ (voices of the night 1840), Баллады и нѣны поэмы (Ballads and other poems 1841). „Испанскій Студентъ“, „Пѣсни о невольничествѣ“.

Во всѣхъ его произведеніяхъ видѣны свѣтлый и честный умъ, глубокое христіанское чувство и любовь къ человѣчеству. Англичане, ставя Лонгфелло на ряду съ Уодвортомъ, Теннисономъ, увѣряютъ, что онъ еще болѣе популяренъ у нихъ въ Англій, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ Англій Лонгфелло—въ полномъ смыслѣ слова народный поэтъ, нигу котораго нѣтъ среди самой разнообразной публики, куда ни Теннисонъ, ни Броддингъ еще ни проникали, между тѣмъ какъ въ Америкѣ онъ считается художникомъ, поэтомъ, доступнымъ только для людей съ образованнымъ вкусомъ. Лонгфелло—въ одно и то же время, обладалъ способностью говорить воображенію, сердцу и облекать свое поэтическое вдохновеніе въ прекрасныя формы. Все что онъ писалъ было прямо, искренно, съ полнымъ чувствомъ одушевленія обращаясь къ сердцу читателя.

Среди американцевъ и англичанъ очень популярна, между прочимъ, его пѣса „Деревенскій кузнецъ“, не обладавъ высшими поэтическими достоинствами, пѣса эта, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе типичныхъ образчиковъ народныхъ пѣсней—поэмъ Лонгфелло, производящихъ глубокое впечатлѣніе, удерживающихся въ воображеніи, въ памяти. Да и кому не симпатиченъ этотъ кузнецъ? Мы видимъ его непреклонно стоящимъ у своей наковальни „недѣлю за недѣлей, отъ утра и до ночи“, онъ неустанно бьетъ своимъ молотомъ по наковальнѣ, среди неумолчнаго грохота, среди пламени и огненныхъ брызговъ,—чтобы заработать свой хлѣбъ.

Его чело подернуто тѣнью заботы
Онъ зарабатываетъ въ потѣ лица хлѣбъ свой
И прямо смотритъ въ лицо всему свѣту:
Онъ никому ничѣмъ не обязан!

Мы его видимъ въ воскресенье, въ церковной галлерей, съ его мальчиками; онъ благоговѣнно внимаетъ службѣ и проповѣди пастора“, но, въ то же время слушаетъ, какъ поетъ его дочка—„своимъ голосомъ напоминающая голосъ ея матери“ и грубая, мозолистая рука кузнеца смахиваетъ съ честныхъ глазъ навернувшуюся слезу.

Большую извѣстностью пользуется также другая его лирическая пѣса „Мостъ въ полночь“, оригинальная по своей формѣ.

На русскій языкъ пѣсмы Лонгфелло переводились довольно часто. Первый съ ними познакомилъ русскую публику извѣстный поэтъ-переводчикъ М. Л. Михайловъ, занявшись, впрочемъ, специально „Пѣснями о невольничествѣ“. Затѣмъ В. Костомаровъ, Плещеевъ и другіе. Въ слѣдующемъ же № мы приведемъ нѣсколько пѣсней Лонгфелло въ удачномъ переводѣ г. Садовникова.

Что стоило у насъ издать книгу въ 1649 году.

Очеркъ.

Пѣтомъ 1648 года, царь Алексѣй Михайловичъ постановилъ издать знаменитое „Уложеніе“—этотъ замѣчательный по объему и полнотѣ памятникъ русскаго законодательства. Были собраны всѣ указы и постановленія изданные ранѣе, два Судебника и дополнительные указы. Составителями были пять лицъ Охоевскій, Прозоровскій, Волковскій и два дьяка. Они занялись собраніемъ и просмотромъ матеріала, во всемъ что касалось преступленія противъ церковнаго устройства они поочередно опредѣляли изъ правъ Св. Отца и Апостоловъ а также византійскаго и древне-римскаго права. Для принятія и утвер-

жденія законопроектовъ были вызваны выборные со всего государства. Черезъ три мѣсяца составители уже окончили свой трудъ. Съ октября 1648 г. до января 1649 г. происходили чтенія текста законовъ передъ выборными, утвержденіе законовъ и перепіска на бл. 29 января 1649 года было утверждено новое „Уложеніе“ и можно уже было приступить къ его печатанію.

Оригиналъ этой книги, писанный на полосѣ бумаги (столбцѣ) длиною въ 434 аршина, какъ извѣстно, прекрасно сохранился. Въ печати эта книга появилась въ 1649 году въ трехъ изда-

нихъ, а впоследствии перепечатывалась еще тринадцать разъ; были также и переводы ея на латинскомъ, вѣтскомъ и французскомъ языкахъ. Вѣсу въ столбцѣ безъ оберточной бумаги и безъ завязки 11 фунтовъ 79 золотниковъ. Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича оригиналъ хранится въ красномъ суконномъ мѣшкѣ. Екатерина II приказала изготовить для него серебряный вызолоченный ковчегъ, въ которомъ онъ сохраняется и донныѣ въ Оружейной Палатѣ.

Недавно въ московскомъ архивѣ найденъ интересный документъ, въ которомъ говорится о расходахъ по изданію „Уложения“ въ 1649 году. Это подробный счетъ всѣхъ материаловъ, употребленныхъ при печатаніи книги, а также счетъ платы рабочимъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что книга занимаетъ 160 столбцовъ, т. е. почти 20 печатныхъ листовъ или около 300 страницъ въ 8-ю долю листа. Первое изданіе было напечатано въ 1,200 экземплярахъ. Весь расходъ по изданію составлялъ 952 рубля. Изъ нихъ болѣе половины, именно 506 руб. употреблено на бумагу; рабочимъ, наборщикамъ, переплетчикамъ и пр. было уплачено 320 руб., и на всѣ остальные расходы пошло около 120 рублей.

Послѣдній отдѣлъ расходовъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія: онъ указываетъ на степень развитія книгопечатанія въ то время. Теперь всѣ типографіи находятъ въ торговлѣ уже готовую черную краску, которая въ большомъ количествѣ изготовляется на фабрикахъ, въ половинѣ же семнадцатаго столѣтія типографіи въ Москвѣ для составленія необходимой краски должны были покупать всѣ составные материалы отдѣльно. Въ документѣ находится слѣдующій счетъ: 16 фунтовъ киповари, 70 кружекъ краски для чернилъ, 2 фунта бѣлой краски, 1 кусокъ резины, нѣсколько кусковъ красокъ, 2 мѣры золы для щелока и пр.

Щетки также изготовлялись въ типографіи, на что указываетъ такой счетъ: 7 фунтовъ щетины „для щетокъ“, 6 фунтовъ смолы „для щетокъ“ и пр.

Есть много данныхъ, указывающихъ на то, что весь нужный материалъ не получался готовымъ, а потому ранѣе чѣмъ приступить къ печатанію нужно было сдѣлать всѣ подготовительныя работы. Такъ напримѣръ, сказанное подтверждается слѣдующимъ счетомъ: 3,600 гвоздей, 1 пудъ 30 фунт. коровьяго масла для намазыванія листовъ и прессы, 267 аршинъ полотна, 1/2 мѣры муки для клею, мѣшокъ углей, 4 полосы жѣлѣза, 20 связокъ лыка, 13 веревокъ и проч. Къ сожалѣнію неизвѣстно сколько работало рабочихъ, но печатаніе книги продолжалось „полъ мѣсяца и два дня“. Время это кажется очень короткимъ. При всемъ несовершенствѣ техники того времени, такая объемистая книга была напечатана такъ скоро, потому что очень торопились изданіемъ новыхъ законовъ. И вѣроятно число платившихъ рабочихъ было велико. Сумма въ 300 руб. израсходованная на рабочихъ, кажется очень значительной, принимая во вниманіе болѣе высокую денежную единицу того времени. Во всякомъ случаѣ, есть примѣры, что въ то время, когда обыкновенная работа оплачивалась мало, трудъ наборщиковъ, переплет-

чиковъ и др. оплачивался очень хорошо. Однако расходъ въ 300 рублей все-же кажется значительнымъ, тѣмъ болѣе что въ счетъ значится, что „справщики, корректора и писаря“ получили 1 р. 25 к. Это обстоятельство и даетъ поводъ предположить, что рабочихъ при печатаніи книги было много.

Не всѣ расходы именованы отдѣльно. Въ концѣ счета стоитъ общая замѣтка: „кроме того на дрова, уголь и свинецъ, на мелочи, бумагу и чернила, жѣлѣзо и мѣдь, починки“, роскошные переплеты для экземпляровъ, предназначенныхъ для Государя и Патриарха, на калачи для рабочихъ, плата духовенству, на востокъ и салынья свѣчи и пр. израсходовано 24 р. 91 1/2 к.

Должно бы послѣ окончанія печатанія были розданы калачи рабочимъ и происходило молебствіе. Изъ счета узнаемъ, что книга печаталась не безъ поправокъ. Уже послѣ отпечатанія, почти пятую часть книги пришлось перепечатать. Причина перепечатокъ неизвѣстна.

Замѣлъ было послано 6 книгъ царю „золотообрубныхъ“ и 3 книги въ простомъ переплетѣ. 2 золотообрубныхъ и 1 простой экземпляръ патриарху; о переплетѣ 5 экземпляровъ, отданныхъ корректорамъ (справщикамъ) ничего не говорится.

Прежде чѣмъ приступить къ печатанію было высчитано, что расходъ будетъ составлять 828 р. и каждый экземпляръ обойдется въ 69 коп. Но такъ какъ на перепечатку израсходовано еще 124 р., то цѣна каждого экземпляра увеличилась на 20 к., такъ что каждый экземпляръ обошелся въ 79 1/2 к. Неизвѣстно по какой цѣнѣ книга продавалась публикѣ, но по всей вѣроятности не менѣе одного рубля.

Высока или низка такая цѣна? Слѣдуетъ составить себѣ понятіе о стоимости рубля въ то время и о величинѣ денежной единицы того времени.

Во время царствованія Алексѣя Михайловича серебряный рубль содержалъ въ себѣ въ два и три раза болѣе серебра, чѣмъ серебряный рубль настоящаго времени, такъ что одинъ рубль 1649 года будетъ равняться 4—5 нашимъ рублямъ. Принимая мѣриломъ стоимость денегъ, чтобы имѣть понятіе о цѣнности денегъ того времени, слѣдуетъ ихъ умножить 4 и 5 разъ. Но и этого недостаточо для яснаго пониманія стоимости рубля два съ половиною вѣка тому назадъ. Для болѣе точности слѣдуетъ ознакомиться съ цѣною необходимыхъ предметовъ того времени.

Изъ оставшихся прежнихъ расходныхъ книгъ бывшихъ предметомъ хозяйственно-историческихъ изслѣдованій мы узнаемъ: четверть ржи стоила 40 к., балка въ 25 футовъ длины—1 1/2 к., пудъ свинины—11 коп., курица—3—4 к., 10 яицъ—1 к. и пр. Въ счетѣ типографіи фунтъ коровьяго масла значится по 2 к.

По этимъ даннымъ о жизненныхъ припасахъ легче можно судить о расходѣ по изданію книги.

Чтобы приобрести одинъ экземпляръ „Уложения“ нужно было истратить столько, сколько стоило 20, 30 фунтовъ масла, или 2—3 четверти ржи, или же 1,000 яицъ. Однимъ словомъ книга въ 300 страницъ была такъ дорога, что если принять во вниманіе цѣны на необходимые предметы въ наше время, то стоимость такой книги теперь равнялась-бы 20—30 рублямъ.

St. P. Z.

Политическое обозрѣніе.

Мерва.—Россия и Турція.—Австро-Венгрія и Сербія.—Румынія и Дунай.—Англія.

Наши отношенія съ текинцами Мерва, повидимому, крѣпнуть и развиваются; изъ Мешхеда сообщаютъ (опять таки англичанамъ), что недавно, подъ предводительствомъ русскаго офицера и трехъ армянъ, прибылъ въ Мервъ русскій караванъ для производства мѣны; отсюда же сообщаютъ также, что текертурхмены раздѣлились на четыре группы, изъ которыхъ двѣ подчинились русскимъ, одна перешла на персидскую территорию, съ цѣлью поселиться близъ Серакса, а остальные ведутъ переговоры съ русскими, изъявляя готовность вступить въ подданство Россіи, съ условіемъ освобожденія отъ податей въ теченіе 30 лѣтъ. Вотъ и другое свѣдѣніе изъ Асхабада: туда явились трое иностранныхъ путешественниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и англійскій правительственный агентъ, говорятъ—членъ посольства; каждый оказался ученымъ, а ученою ихъ цѣлью было осмотрѣть Текинскій оазисъ, но ихъ попросили уѣхать. Порты, какъ мы говорили, противилась проходу нашихъ судовъ чрезъ Дарданельскій проливъ; для непосвященныхъ мы сообщаемъ текстъ статей Лондонскаго договора 1 марта 1871 г.; ст. 1 гласитъ, между прочимъ, что въ мирное время е. в. султану предоставляется открывать доступъ въ проливы военнымъ судамъ, принадлежащимъ дружественнымъ и союзнымъ державамъ, въ случаѣ если Ближняя Порту считать это необходимымъ для того, чтобы обезпечить выполнение парижскаго договора 30 марта 1856 г., основною принципъ котораго—закрытіе Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ остается въ силѣ; а въ ст. 3 сказано, что Черное море открыто, по прежнему, купеческимъ судамъ всѣхъ государствъ. Изъ этого уже можно видѣть, что Порты не имѣла основанія не пропускать нашихъ судовъ добровольнаго флота. Нашъ посланникъ въ Константинополь, г. Новиковъ, продолжаетъ настаивать относительно военной контрибуціи, необходимости пере-

доставленія русскому посольству контроля надъ ходомъ улаженія вопроса о контрибуціи.

Нѣкоторыя данныя указываютъ на возможность предположенія, что возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ—дѣло Турціи, которая едва ли можетъ быть довольно тѣмъ, что оккупация почти превратилась въ присоединеніе; многіе изъ боснійскихъ и герцеговинскихъ беговъ приглашались въ Константинополь, имъ объяснялось, что австрійцы, поддерживая католическую пропаганду, хотѣтъ обратить мусульманъ въ христіанство; отсюда же имъ доставлено было въ изобиліи оружіе; бегъ, пона, не всѣ примкнули къ устахамъ, но австрійцы, какъ говорятъ, ждутъ возобновленія волненій съ наступленіемъ теплаго весенняго времени, причемъ ожидаютъ поддержки мусульманскаго элемента.

Бѣградская газета „Народное Освобожденіе“ передаетъ какіе-то совершенно невѣроятные слухи, будто между Австро-Венгріей и Сербіей заключена военная конвенція, въ силу которой взаимно уступки Сербіи пространства между Дриновъ и Босною—*Австро-Венгрія предоставляетъ право держать артиллерию въ Бѣградѣ и Нишѣ и императору Францу-Иосифу предоставляется верховное начальство надъ сербскою арміею и право назначенія на офицерскія должности...* Мы думаемъ необходимо было привести этотъ курьезъ. Пока всего этого не случилось—въ Бѣградѣ учреждена должность австрійскаго военнаго агента...

Румынія, по прежнему, твердо противится гегемоніи Дуная, отвергая „добрыя услуги“ Франціи къ улаженію этого вопроса между обоими союзниками; венгерцы конечно требуютъ снова „энергичныхъ“ мѣръ противъ Румыніи.

Въ настоящее время, какъ утверждаютъ, происходятъ переговоры относительно свиданія трехъ императоровъ, въ которомъ, можетъ быть примутъ участіе и король итальянскій, румынскій и сербскій.

Английская парламентская жизнь, или лучше сказать почти вся жизнь королевства, проходит теперь весьма важный фазис значительных реформ, задуманных и осуществляемых Гладстоном. Первый министр, испытавъ при проведении ирландскаго аграрнаго билля всю трудность борьбы, всё тѣ препятствія, которыя могутъ быть создаваемы въ интересахъ партій правительству королевы въ вопросахъ государственнаго значенія и блага—рѣшился измѣнить этотъ порядокъ и успѣлъ уже провести „билль о прекращеніи“ (closure bill), согласно которому пренія по тому или другому предмету могутъ быть прекращены, если того потребуетъ известное большинство; билль этотъ необходимъ Гладстону потому, что до сихъ поръ всякій членъ парламента могъ затягивать пренія безконечно, а если

съ этою цѣлью составлялась стачка, то и цѣль сессіи парламента могли дѣлаться непроизводительными. Вслѣдъ за этимъ нововведеніемъ, премьеръ предполагаетъ провести реформы: избирательную, съ предоставленіемъ голоса всѣмъ плательщикамъ податей на равныхъ основаніяхъ, судебную, т. е. замѣну неоплачиваемыхъ мировыхъ судей судьями, получившими специальное образованіе и служащими хотя и по выборамъ, но за жалованье городского самоуправления Лондона и приходскаго самоуправления въ остальныхъ городахъ и сельскихъ округахъ.

Постройка Ламанискаго туннеля приостановлена, по распоряженію Английскаго правительства, которое поручаетъ военной комисіи, назначенной парламентомъ, рассмотреть проектъ туннеля.

С М Ъ С Ъ.

Маякъ Тиллямокъ. Комисія по устройству маяковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ продолженіи прошлаго года окончила одинъ изъ важнѣйшихъ маяковъ Тихаго Океана, на скалѣ Тиллямокъ на берегу Орегона, 18 морскихъ миль южнѣе Рокумби. Маякъ этотъ въ то же время снабженъ туманными паровыми рожками и чрезвычайно важенъ для всѣхъ кораблей, идущихъ въ Портландъ и Асторію. Весь берегъ скалистъ, крутъ, окутанная часто мглою, базальтовая скала возвышается на 1,500 футовъ; скала Тиллямокъ удалена на цѣлую милю отъ материка и маякъ стоитъ на вѣршинѣ ея, выдающейся на 90 футовъ надъ моремъ. Маякъ былъ построенъ въ теченіе 1½ года, не смотря на страшныя трудности, сопровождавшія постройку. Ранѣе предполагалось построить маякъ наискось отъ Тиллямока, на скалѣ, составлявшей предгорье утеса, но впоследствии, въ 1878 г., рѣшено воздвигнуть маякъ на самомъ утесѣ. Для этого нужно было прежде всего измѣрить скалу, но море начало такъ сильно буйствовать и представляло столько трудностей для приближающихся кораблей, что къ измѣренію можно было приступить не ранѣе іюня 1879 года. Тогда то катеръ привелъ къ скалѣ лодку и съ большими затрудненіями вскарабкался на скалу двохъ людей. Но пока успѣли прикрѣпить лодку и вынуть приборы какъ началось приливъ, достигающій тутъ до 60 футовъ и оба челоѣка, предвидя въ то же время бурю, побросались въ море и съ трудомъ были спасены. Спусти три дня снова былъ подвезенъ къ скалѣ челоѣкъ, который наскоро сдѣлалъ измѣреніе, на основаніи котораго и построенъ маякъ.

Изъ этого измѣренія оказалось, что по снятіи верхушки скалы до 90 футовъ, выйдетъ площадь въ 3,600 квадратныхъ футовъ, которая можетъ служить основаніемъ для маяка. Въ іюль 1879 года проектъ былъ готовъ, но только въ сентябрѣ на скалу могъ быть доставленъ опытный строитель, именно англійскій архитекторъ Джонъ Тревагасъ, который долженъ былъ высказать свое мнѣніе объ удобности плана. Въ сопровожденіи матроса Тревагасъ достигъ скалы, но тутъ оборвался и не смотря на всѣ усилія матроса спасти его, онъ утонулъ. Это несчастье вызвало возраженія противъ постройки этого маяка и прошелъ еще мѣсяць, пока приступлено было къ новымъ попыткамъ. 12-го октября пароходъ „Корвинъ“ повезъ къ скалѣ рабочихъ, къ которымъ долгое время никого не допускали, чтобы не напугать ихъ сложившимися о скалѣ слухами и только 21-го числа можно было пристать къ скалѣ.

Утесъ выдавался одной стороною на 115 футовъ надъ моремъ и глубина воды вокругъ него была отъ 16 до 40 сажень. На южной сторонѣ скалы была трещина, куда вода заходила такъ высоко, что глина волкъ хватала до верхушки скалы. Поверхность скалы съ многочисленными базальтовыми острями равнялась 100 квадрат. фут. и вся была занята моржами, не хотѣвшими вовсе уходить. Рабочіе начали съ того, что устроили съ „Корвиномъ“ сообщеніе при помощи кабеля, прикрѣпленнаго за выступъ скалы на высотѣ 85 ф. надъ моремъ. По кабелю възвѣсился не только люди, но доставлялись и матерьялы. По прошествіи двухъ недѣль самой утомительной работы, люди на гладкомъ мѣстѣ скалы разбили палатки, укрѣпили ихъ и тогда приступлено было уже къ распланированію мѣстности.

Работа была трудная и чрезвычайно опасная; между тѣмъ люди оставались на скалѣ всю зиму, такъ какъ пароходъ не могъ къ ней приблизиться. Въ январѣ 1880 года поднялась страшная буря, сорвавшая и унесшая палатки и провизію. Въ срединѣ мая, по истеченіи семимѣсячной работы, планировка была окончена и можно было приступить къ постройкѣ башни, матерьялъ для которой заготовлялся въ Асторіи. Каждый камень препровождался на скалу при помощи кабеля; зачастую работы прекращались за непогодой и бурями.

Главная постройка имѣетъ въ длину 48 и въ ширину 45 футовъ, въ ней заключаются также помѣщенія для четырехъ сторожей. Надъ этой постройкой возвышается каменная башня въ 35½ футовъ вышины. Все пространство нужно было тщательно размѣрить, такъ какъ поверхность скалы длиною только въ 100 и шириною въ 45 футовъ; при этомъ слѣдовало оставить мѣсто для водоема, съ выстилицемъ на 13,000 галлоновъ воды для котла. 8-го іюля 1880 г. постройка была начата и окончена въ январѣ 1881 г. и 21-го этого же мѣсяца огонь былъ зажженъ въ первый разъ. Расходы по постройкѣ составляютъ 600,000 долларовъ, изъ которыхъ болѣе четверти было употреблено на доставку матерьяловъ. Въ скоромъ времени предполагаютъ соединить маякъ съ материковымъ посредствомъ телеграфа.

Московскій университетъ въ XVIII столѣтіи. Московскій университетъ, старѣйшее изъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, былъ основанъ „для борьбы съ сектанствомъ и подавленія онаго въ народѣ“, какъ говорится въ проектѣ, составленномъ графомъ Шуваловымъ и подписанномъ императрицею Елисаветою 12-го января 1755 года. На основаніе университета изъ средствъ казны и отъ частныхъ лицъ было собрано болѣе сорока тысячъ рублей. Вначалѣ былъ открытъ философскій факультетъ съ восемью кафедрами и медицинскій факультетъ съ одной кафедрой. Хорошіе профессора получали въ то время 500 руб. содержанія въ годъ. Во все время курса студенты были стипендиатами и получали по 100 р. въ годъ. Главною доходною статью университета были „Московскія Вѣдомости“, расходившіяся однако не болѣе какъ въ 500—600 экземплярахъ. Когда же въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія завѣдываніе этой газетой принялъ на себя знаменитый Н. П. Новиковъ, она быстро начала подниматься и скоро имѣла уже болѣе 4,000 подписчиковъ—цифра для того времени весьма значительная.

Преподаваніе на русскомъ языкѣ сдѣлалось обязательнымъ только въ семидесятыхъ годахъ, но еще долго латинскій языкъ не выходилъ изъ употребленія, пока наконецъ не убѣдились, что всѣ науки могутъ быть преподаваемы на русскомъ языкѣ.

Въ первую десятилѣтія не соблюдалось строгаго подраздѣленія наукъ. Профессоръ Роговъ, бывшій въ университетѣ съ 1768 до 1772 года былъ прежде учителемъ геометріи въ приготовительномъ пансіонѣ, въ университетѣ же онъ читалъ финансовое право и кромѣ того былъ смотрителемъ лаварта стипендиатовъ. Профессоръ Ростъ, преподававшій математику съ половины пятидесятыхъ годовъ до начала девятидесятыхъ годовъ, былъ въ то же время и главнымъ агентомъ Голландской компаніи, имѣя болѣе сотни русскихъ агентовъ и велъ значительную для своего времени хлѣбную торговлю. Профессоръ Барсовъ, состоявшій при университетѣ съ начала его основанія до начала 90 годовъ, былъ въ то же время корректоромъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и въ качествѣ послѣдняго былъ арестованъ за выравненіе ошибку въ титулѣ одного высокопоставленнаго лица.

Насколько иногда странно было положеніе профессоровъ того времени доказываетъ тотъ фактъ, что профессоръ анатоміи Эразмусъ принужденъ былъ разувѣрять Московское общество въ томъ, что анатомія не имѣетъ ничего общаго съ живодерствомъ. Но всѣ его усилія мало помогли и полиція насилу рѣшалась доставлять ему труны для анатомическаго кабинета.

Студенты жили всѣ вмѣстѣ въ устроенномъ для нихъ помѣщеніи; у нихъ была общая форма и всѣ они должны были тщательно пудрить волосы. Главной частью формы была шляпа, которую студентъ получалъ на первомъ по своемъ вступленіи актѣ. Самый прилежный и благонаправленный студентъ сажался въ камерѣ—такъ назывались помѣщенія студентовъ—на почетномъ мѣстѣ въ переднемъ углу подъ образами и назывался камеръ-студентъ. Также за обѣдомъ примѣрные студенты сидѣли отдѣльно и получали вкусныя кушанья, въ то время какъ лѣтнія сидѣли за такъ называемымъ ослинымъ столомъ и должны были довольствоваться одними шами. За дурное поведеніе студентовъ одѣвали на три дня въ крестьянское платье и сажали на хлѣбъ и на воду: изъ отпускаемыхъ 100 рублей вычиталась сумма на поѣмку Библии, которую студенты должны были читать по воскресеньямъ.

На Пасху для развлеченія студентовъ на университетскомъ дворѣ устраивались катанья. Съ наступленіемъ теплыхъ дней, кромѣ научныхъ лекцій начинались военныя упражненія на свободѣ. Во время прогулокъ съ этою цѣлью въ окрестностяхъ Москвы, студенты не смѣли выходить изъ рядовъ и затѣвать игры. Въ особенности строго запрещалось принимать участіе въ кулачныхъ бояхъ, любимой въ то время игрѣ московской молодежи.

Если же и случались провинившіеся, то они поступали на университетскій судъ, которымъ завѣдывали профессоръ юридическаго факультета, которые и обсуждали дѣло по латыни, что вело иногда къ забавнымъ сценамъ. Такъ въ кражѣ простыни замѣшанъ былъ квасоваръ, по поводу котораго поднялся диспутъ, поставившій профессоровъ въ затрудненіе, не знавшихъ какимъ именемъ называть квасовара, такъ какъ у Римлянъ этотъ напитокъ былъ неизвѣстенъ.

Начальство университета сильно заботилось о томъ, чтобы сту-

денты диспутировали и несколько сами студенты любили диспуты видно из того, что когда в 1768 году на медицинском факультете был только один студент, он хотел переманить факультет потому только, что ему не съ кѣмъ было диспутировать.

Крылатый воръ. Надъ каменными перилами главной башни Швейдницкой ратуши находилось прежде каменное изваяніе человека, о которомъ исторія говоритъ слѣдующее. Противъ ратуши жилъ иногда чрезвычайно скуной человекъ, любившій деньги больше всего на свѣтѣ. Скрыта сдѣлался членомъ ратуши. Онъ увидѣлъ, такимъ образомъ, что городскія деньги оставались на ночь разложенными на столѣ, въ полной сохранности. Это страшно возбудило жадность скунца. У него былъ ручной ученый воронъ, продѣлавшій различныя удивительныя вещи. И членъ ратуши воспользовался склонностью птицы брать блестящіе предметы, для того чтобы выкрасть деньги изъ ратуши. Въ одномъ изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками ратуши находилось отверстіе, чрезъ которое воронъ могъ свободно влетать и вылетать обратно. Скрыта отбиралъ деньги у птицы, когда она являлась съ ними, и побуждалъ ее къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ этомъ направленіи. Пропавші стали настолько замѣтны, что за воронъ учрежденъ былъ дозоръ и днемъ и ночью. Такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, воръ былъ обнаруженъ. Далѣе, съ цѣлю открыть настоящаго вора, бургомистръ приказалъ выложить на столѣ еще нѣсколько золотыхъ монетъ. Воронъ унесъ и ихъ. На слѣдующій день бургомистръ собралъ думу, которая рѣшила или сбросить вора, въ наказаніе, съ башни ратуши,

или уморить его голодомъ въ тюрьмѣ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ и скрѣпленъ подписями всѣхъ членовъ ратуши, въ томъ числѣ и хозяиномъ ворона, который подписалъ, такимъ образомъ, свой собственный смертный приговоръ. Въ это время явился служитель ратуши съ украденными червонцами и воропомъ. Послѣ непродолжительнаго заперательства, членъ ратуши сознался во всемъ, и такъ какъ смертный приговоръ былъ подписанъ имъ самимъ, то тотчасъ же и былъ приведенъ въ исполненіе, ибо въ тѣ суровыя времена съ приговорами не шутили. Статую же его поставили на башнѣ ратуши.

Въ числѣ множества игръ, занимательныхъ и небезполезныхъ не можемъ не отмѣтить появившейся къ празднику игры подъ названіемъ Добчинскій и Бобчинскій. Эта игра знакомитъ съ гоголевскими типами „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и поэтому не можетъ не интересоваться русскаго человѣка. Игра основана на правилахъ игры въ домино, и въ ней могутъ участвовать до девяти человѣкъ; ее разнообразить необходимость прикупки и уплаты штрафа за нѣкоторыя изъ фигуръ. Значеніе игры рассказано въ предисловіи гладкими стихами, и авторъ говоритъ не безъ основанія, что игра эта представляетъ „картину нашихъ дней“. Фигуры гоголевскихъ героевъ переданы весьма удачно и типично.

Плантаціи кофе на Цейлонѣ приносятъ громадные доходы. Обществу Ланко, купившее кофейный поля за шестьсотъ семьдесятъ пять тысячъ руб., имѣло въ прошломъ году чистой прибыли болѣе ста тысячъ рублей.

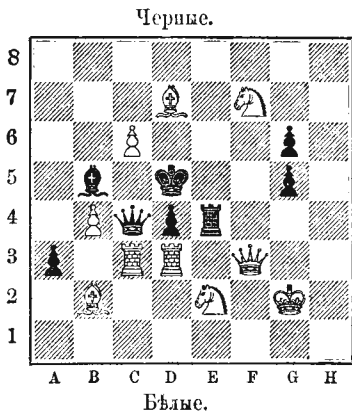
Задачи магическихъ квадратовъ № 25, 26 и 27.

а	а	а	а	а
а	б	б	б	в
в	з	к	к	к
л	л	л	о	о
о	о	о	о	р

а	а	б	б	д
д	д	д	з	з
к	к	к	л	о
о	о	о	о	о
р	х	м	м	ѣ

а	а	а	а	а	а
а	а	а	а	а	а
а	а	б	и	и	к
м	м	м	п	п	п
п	о	о	р	р	р
с	с	т	т	т	т

Шахматная задача № 24.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Рѣшеніе шашечной задачи № 17.

Бѣлыя	Черныя
Съ Г 3 на F 4	Съ В 6 на D 8
" H 4 " G 3	" D 8 " H 4
" G 3 " H 2	" H 4 " E 1
" H 6 " G 7	" H 8 " F 6
" F 4 " G 5	" F 6 " H 4
" В 8 " G 3	" H 4 " F 2
" А 3 " В 4	" С 5 " А 3
" H 2 " G 1	" А 3 " В 2
" С 1 " А 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Малуга—Волокова; Кронштадтъ—Житкова; Луг зав.—Голубева; Нижн. Новгородъ—Обухова; Орелъ—Александрова; Славяносербскъ—Шилдьеръ.

Алгебраическая задача № 28.

Фамиція одного русскаго писателя, состоитъ изъ 10 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Разность между первымъ и четвертымъ числами равна разности между вторымъ и пятымъ числами.
- 2) Второе число на 1 менѣе удвоеннаго третьяго числа.
- 3) Сумма шестаго и седьмаго чиселъ на 1 болѣе удвоеннаго втораго числа.
- 4) Сумма перваго и девятаго чиселъ равна разности между третьимъ и четвертымъ числами.
- 5) Отношеніе пятаго числа къ шестому=1: 2.
- 6) Разность между шестымъ и послѣднимъ числами втрое менѣе третьяго числа.
- 7) Удвоенное четвертое число на 1 менѣе седьмаго числа.
- 8) Третье число во столько разъ менѣе послѣдняго, во сколько седьмое число менѣе восьмаго.
- 9) Разность между пятымъ и третьимъ числами вдвое болѣе предпослѣдняго числа.

10) Сумма перваго, восьмаго и девятаго чиселъ равна суммѣ втораго и седьмаго чиселъ.

Узнать фамилію этого писателя.

Рѣшеніе ребуса № 18.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 16.

1-е число = x	I) y + u = 7	x = 12 = л
2-е " = y	II) g + n = 14	y = 1 = а
3-е " = z	III) x + s = 21	z = 7 = ж
4-е " = u	IV) y + v + m = 52	u = 6 = е
5-е " = v	V) u - y = 5	v = 24 = ч
6-е " = t	VI) z + n = 10	t = 14 = н
7-е " = s	VII) x + n = 15	s = 9 = и
8-е " = g	VIII) u + t = 20	g = 11 = к
9-е " = p	IX) t + g = 25	p = 15 = о
10-е " = n	X) n + m = 30	n = 3 = в
11-е " = m	XI) y + v + p = 40	m = 27 = ѣ

Л А Ж Е Ч Н И К О В Ъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Спб.—Матисевъ, М-ской, Балкаты, А. А. Т. Картаева, Нестерова, Дороховой, Колобакино, Гиббенетъ, Шубартъ, Е. М., Короблева, Погорѣлова, Вишневецкаго, Гринчакъ, А. И. З., Ванштейдтъ, Глама, Боронина, Петаничъ, Матусевичъ, Забавина, Ротштейнъ, Матвѣевъ, Хесинъ, Ненастига, Соимова, Деммени, Н. В. Ш., Вошнина, Лифляндъ, Висленева, Фусъ, Ненастига, В. Д., Грибовскаго, Рагоза, Дьяконова, Гоголева, Лентъевъ, Фогелдингъ, О. А. Д., Вицъ, Лагусъ, Богдановъ; Москва—Костарева, Новикова, Лаврентьева, Доманова, Воеводскаго, Юхнова, Зотова, Смирнова, Покровскаго, Флаге, Тойбахертъ, Никифорова, Андреева; Копитина, Михалева, Назарова, Кальингъ, Данилова, Лебедева, Антоновскаго, Лисенкова, Илютинова, Миланова, Булгаковичъ, Тушина, Бычкова, Еремина, Шведова, Мечева, Селивановскаго, В. Е., Кафтанчиковъ, Карасева, Ларионова;—Алатырь—Боговаляскаго; Астрахань—Цѣхановича; Банчи-сарай—Бобель, Бахмутъ—Гавжеева, Березна—Розновскаго, Боризна—Александренко; Бѣжецъ—Прибыльскаго; Бѣлгородъ—Красницкаго, Артемьева, Злобина; Бѣлевъ—Воскова; Бѣлое—Бѣлосельскаго; Варшава—Никитина, Ерефъ, Пашеннаго, Лихтенкеръ, Борнио; Вильно—Акулова, Ярошенко; Вологда—Попова, Бѣлева, Сухошова; Воронежъ—Курицына; Гатчино—Т.; Гомель—Дуранова; Даниновъ—Карникова; Динабургъ—Маковской, Смирнова; Вавилова; Единцы—Бышаря; Елецъ—Попова, Валуйскаго; Житомиръ—Наказной; Муравна—Солодовникова; Зарайскъ—Лопухина; Зеленовъ—Григорьевъ; Ивенецъ—Бергеръ; Налуга—Кадмина; Каменецъ—Колпакичъ; Керчь—Дерявскій; Невъ—Евреинова, Сорокина, Ливеръ Волосиновской, Шюттъ, Гаврицъ, Алехина, Кушнеръ, Сикаръ; Нишинецъ—Гершензонъ; Новно—Блюменталь; Коломна—Ишаканина, Шевлягина; Коровино—Терскаго; Нострома—Федосьева, Михайловскаго; Крапивно—Вьюкова; Кромъ—Мавскакова; Кронштадтъ—Усова, Уткина; Кузнецъ—Орлова; Курскъ—Никольскаго, Палкова; Лиавская—Михайлова; Ливны—Брандтъ; Лодзь—Рундбергъ; Луг зав.—Голыкова; М. Вишера—Генриха, Баркова; Мальце-Бродово—И. П. Т.; Медвѣдово—Лейцигеръ; Минскъ Цыкина, Филбишевъ; Могилевъ—Одлакъ; Мошаны—Бистрепина; Муромъ—Засулина, Звѣрева, Смольянинова; Нахичевань—Кечержева; Нижн. Новгородъ—Ермолова, Соболева; Николаевъ—Тихоновой; Нововоронцова—Левченко; Новгородъ—Рождественскаго; Новомосковскъ—Рождественской; Новочеркаскъ—Осова, Иванова, Тенинова, Нарокина; Нов-Осколь—Исаевой; Одесса—Ковали, Жудикова, Зуемаль; Опочна—Подчекина; Ошмяны—Иершина; Подольскъ—Будикова; Полтава—Челова; Присады—Полева; Пронскъ—Соколова; Псковъ—Дьякова; Радзивиловъ—Гинсбургъ; Раднинская—Цѣткова; Раменбургъ—Профранцова; Ревель—Отто-каго, Федорова; Ростовъ—Федосьева, Кочеткова, Васиной, Мельничкой; Рыбинскъ—Благовой, Каланской, Трусова, Левнинова, Савицкой; Рымльскъ—Аристархова; Рязань—Ваши, Смиткина; Самара—Малышевой, Цигиръ Вистригана. Гривъ—Саратовъ—Надеждина, Варфоломѣева; Севастополь—Жеребцова; Серпуховъ—Красноярникова; Симферополь—Джевардина, Штейнбергъ Халаризанцъ, Хруцова, Гламанъ; Скопинъ—Бѣляева, Волкова; Слобимъ—Вейсенбергъ; Смоленскъ—Львова; Старополь—Мологождова; Судогда—Трелина; Сѣдлецъ—Данилевскаго; Стѣно—Вильчикова; Сызрань—Нахтарина, Волкова; Тамбовъ—Бисаровой, Трескина, Лелиной, Сорокина; Татарбунары—Вассерманъ; Тирасполь—Русаква; Тифлисъ—Иванова; Торжокъ—Клюшина; Тула—Вытегорскаго, Муссеаіусъ; Харьковъ—Сивальскаго, Ковалевскаго; Череповецъ—Алванскаго, Пучкова; Шаля—Зальскаго; Шостка—Ходулина; Япославъ—Ферязъ, Нефѣдова, Мосягина, Трескина; Миланъ (Италія)—Кавелиной; Женева (Швейцарія) Стеккеръ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Медали: Вѣна 1873, Мюнхенъ 1876; Гентъ 1880 и т. д.

Какъ подарки случая я могу рекомендовать **ВЕЩИ ИЗЪ ФАРФОРА** съ **НАЖИГАЕМЫМИ** и **НЕСХОДЯЩИМИ ФОТОГРАФИЯМИ** выслаемыхъ картинъ, портретовъ, ландшафтовъ и т. п.

Овальные и квадратные подносы, чашки, столов. приборы, вазы, блюдечки, медальоны для брешь, пуговицы для манжетовъ, головки курительн. трубокъ и т. п. **Самое вѣрное сходство—гарантируется.** Иллюстр. преисъ-курранты—даромъ и франко. Фотографо-Артистическое заведеніе **А. Лейснера** въ **Вальденбургѣ** (Германія). **A. Leisner, in Waldenburg in Schlesien.** S. № 2040 1—1

Медали: Амстердамъ 1877; Бреславль 1878 и 1881; Телльнъ 1879 и т. д.

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ ЦѢНА 1 р.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.
Самое лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается всякими ребенкомъ.

СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ ЦѢНА 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО въ Спб. Ка-завск. 3, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**

также у Шголь и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ вещи, на которыхъ находится **синій штемпель** и подпись **Александра Венцеля**, **ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи.
P. № 2012 5—2 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ **Веве** (Швейцарія).

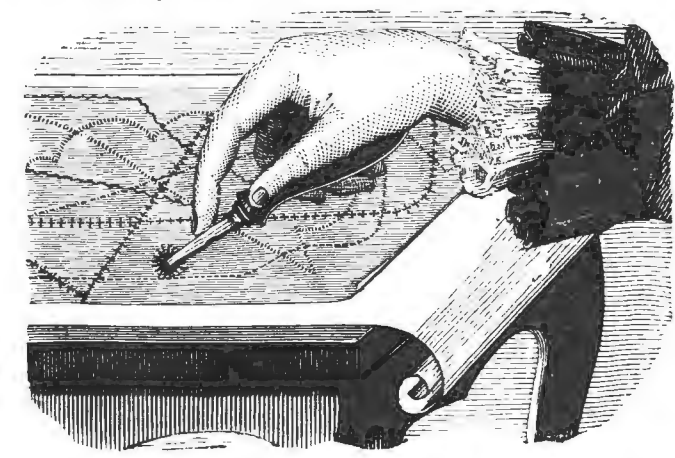
КЪ СВѢДѢНІЮ!

„ЭЛЕОНАТЪ“

БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА
употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опытно признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корневъ волосъ. Пользуется всеобщимъ до-вѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тисячи обязаны единственно „Элеонату“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногородныхъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногородныхъ:

въ **Главное Депо „Элеоната“ Пассажъ, Магазины № 62, въ С.-Петербургѣ.**
Пересылка же болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ отдаленные города отъ С.-Петербурга одна обойдется почти наравнѣ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовые расходы слѣдуютъ на счетъ покупателя. № 1906

РЪЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.

Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редаціи „НИВЫ“ въ Спббургѣ, В. Морская. № 9.

СОДЕРЖАНІЕ: Викторія, королева Англій (съ портр.)—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть первая. (Продолженіе).—Землетрясеніе. Драматическія сцены **Н. К. Случевского**. (съ 3-ми рисунками).—Нормандскія рыбацкія (съ рисункомъ).—Патрицианна (съ рис.)—Средневѣков. монахъ на охотѣ (съ рис.)—Литературный альбомъ. „Каменный гость“ **А. С. Пушкина** (съ рис.)—Лонгфелло (съ портр.)—Старый Соборъ въ Саратовѣ (съ рис.)—Что стоило у насъ издать книгу въ 1649 г. Очеркъ.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Игры и задачи: Шахматная задача.—Магическіе квадраты.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Алгебраическая задача.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Картинныя печатанныя масла, красками, собственнаго изданія, весьма дешево для **ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЪ, и ЭКСПОРТЕРОВЪ** Иллюстр. каталоги даромъ и **ФРАНКО!** **Berlin S. (Берлинъ S), Grimmstrasse 7.** (Карль Наулишъ) **Carl Kaulisch.** Хромо-литографич. заведеніе и печатня. S. № 2041 4—1

ГИТАРНЫЙ КЛУБЪ въ Лейпцигѣ утверждёнъ Правительствомъ. При клубѣ международный союзъ гитаристовъ. Желające быть членами послѣдняго вносятъ ежегодно не менѣе 3-хъ марокъ и получаютъ членскій билетъ и уставъ клуба. Тамъ же можно заказывать въ 6, 9 и 12-ть струнъ басы, теноры, терцы, квинты и октавы гитары, цѣною отъ 40 до 160 марокъ и басы—звучные и прочные. Инструменты отличаются продолжительностью звука, вѣдѣнныя особаго механизма, устроенаго внутри. № 2047 3—1
Адресъ: **Leipzig, Richard Lörrke, Markt. 2.**

СВѢТЪ

Годъ 4 руб.
1/2 г. 2 " "
1/4 г. 1 " "
Редакція: Горьковал, № 41.

Изданія **А. Ф. Маркса** въ Спб. **БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ.** Романъ **Э. Вернера.** Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р. 25 к. для подписч. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ перес. 1 р.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“ **Больш. Морская, д. № 9, въ Спб.**

и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія изданія **А. Ф. Маркса:**

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ **Всеволода Соловьева.**
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

НАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка, **Всеволода Соловьева.**
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

ПРИЕМЪ ДЕНЕЖНЫХЪ ВКЛАДОВЪ.

ГРЕБЕНЕВСКОЕ СУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи, принимаетъ вклады всякой величины отъ иногородныхъ постороннихъ лицъ и присланные по почтѣ, съ обязательствомъ возвращенія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ любого года. По вкладамъ этимъ Правленіе товарищества уплачиваетъ десять процентовъ годовыхъ. Проценты могутъ получаться вкладчиками лично или почтою помѣсячно, по истеченіи каждаго мѣсяца. При уплатѣ процентовъ никакихъ вычетовъ, кромѣ почтовыхъ расходовъ, не дѣлается. Товарищество обращаетъ свои капиталы въ предѣлахъ всего Опочецкаго уѣзда, удовлетворяя потребности населенія въ мелкомъ кредитѣ и на приобретеніе крестьянами въ личную собственность мелкихъ земельныхъ участковъ (отрѣзковъ отъ ихъ надѣловъ). Внесенные вклады обезпечиваются капиталомъ товарищества и всѣмъ имуществомъ членовъ товарищества. Товарищество основано въ 1872 году, имѣетъ собственныхъ капиталовъ 93783 рубля. Оборота операций товарищества въ 1881 году составляетъ сумму 969,091 рубль. Товарищество взимаетъ за ссуды съ членовъ-заемщиковъ двѣнадцать процентовъ годовыхъ. Высшій размѣръ ссуды, допускаемаго для каждаго члена, составляетъ сто рублей. Въ товариществѣ состоитъ 4867 членовъ, изъ нихъ 586 членовъ на полученную ссуду приобрѣли въ собственность землю, большую частью цѣлыми селеніями отрѣзы отъ ихъ надѣловъ. Отчетъ печатается ежемѣсячно и расматривается всѣми желающими безплатно. Адресъ: г. Опочка, Псковской губерніи, Правленію Гребеневакаго судо-сберегательнаго товарищества.
Распорядитель **П. Пленъ.**

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій иривіе частей тѣла, особенно же кожнхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. **Состоятъ изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.** Это-то качество и даетъ ему иривіе, которое надѣ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.
Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ иривіе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи **ваты, полонна или кисточки** нанести Гальманиномъ иривію части чтобы избѣгнуть неиривіи послѣдствій, какими подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.
Вполнѣ ручаясь за **дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина**, что подтверждаютъ многочисленные опыты **варшавскихъ врачей, прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.**
Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрочистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. **Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ.** Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп. **В. Карпинскій.**
Мансфр фармацин, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электральной, № 35.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ **Марлитта.** Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

10% ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

предлагаю лицам, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ:** богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ, старинныя бронзовые часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроме монетъ.

Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЬ**, Петровка, домъ Пискарева, противъ петровской аптеки.

Выше упомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую стѣланную покупку черезъ рекомендаціи. 6—5 А. № 1905

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикеткахъ.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной Мальца-Экстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Копп. въ Бреславль *).

Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста за вспомошествованіе больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. упаковка и пересылка считаются особо у Русск. Общ. Торговли Аптекарск. Товар. Казанская, 12, въ Москвѣ у Н. Маттеисенъ; въ Невѣ у Н. Неезе; въ Одессѣ у Ю. Лемме и Ко; въ Харьковѣ у Русск. Общ. Торгов. Апт. Тов., въ Саратовѣ у Н. Маттеисенъ; въ Варшавѣ у Люд. Шписъ и Сына. № 1938

Имѣются всевозможныя земледѣльскія машины въ большомъ выборѣ

ВЪ СКЛАДѢ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДІЙ И МАШИНЪ МАЛЬЦОВСКАГО

П. Т. Товарищества въ Москвѣ

у Красныхъ воротъ по Садовой собств. Д. КATALOGI высылаются бесплатно. № 1849 4—4

ТЕХНИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1882 г. съ приложеніемъ 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 70 к. Изданіе Н. Рикера въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. 14. А. № 2037 1—1

Усовершенствованные 2-хъ и 3-хъ-коленныя (Bicycles) **ВЕЛОСИПЕДЫ** (Tricycles)

постѣднаго типа и только извѣстѣйшихъ заводовъ.

Примѣняемые для дальнихъ путешествій.

Въ складѣ Американскихъ издѣлій Ж. Блокъ. Представитель для всей Россіи.

СПбурѣ—Невскій, 16. Москва—уг. Кузнецк. моста. Прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ТОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1869 г.

СКЛАДЪ ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА и К^о

ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ. КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.

№ 20. ГОРХОВАЯ ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ.

АСФАЛЬТОВЫЙ ТОЛЬ КРОВЕЛЬНЫЙ. АСФАЛЬТОВЫЙ ТОЛЬ КРОВЕЛЬНЫЙ. АСФАЛЬТОВЫЙ ТОЛЬ КРОВЕЛЬНЫЙ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВОСЪ СВЕДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСОЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

СУШИЛЬНЫЙ СОСТАВЪ КЕЛЕРА, всегда съ успѣхомъ дѣйствующее и дешевое средство для просушванія сырыхъ стѣнъ и помѣщеній и для предохраненія стенокъ отъ замерзанія продается у П. № 1889 **Р. КЕЛЕРЪ** и Копп. въ **МОСКВѢ.** 5—3

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ, придаетъ кожѣ нѣжный и особенно свѣжій видъ, заминяетъ всякую рисовую пудру и бѣлила.
ПУДРА ДОНГОЛА розовая, охлаждающая лицо.
КРЕМЪ ОРІЗА. Румяна и Бѣлила, сухія и жидкія.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявше названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы: **„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.**
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера. № 1997
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя съ вывескою Сибургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

ФИСТАРМОНИИ изъ лучшей париж. фабрики Бюссона рекомендуютъ въ большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ отъ 90 до 400 р., Главное депо музыкал. инструм. **ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.** Спб., по Большой Морской, № 42. А. № 2036 2—1

РАЗЛИЧНАГО РОДА ЛАМПЫ, Царскія свѣтлыи. двойныя свѣтлыи. Фонари для освѣщенія садовъ. Лампы, которые не поддаются влиянію вѣтра. горятъ въ свободной атмосферѣ и не тухнутъ, рекомендуютъ по фабричнымъ цѣнамъ. **Carl Imme jun.** **КАРЛЪ ИММЕ младшій.** Berlin S. W. (Берлинъ S. W.). Kommandantenstrasse 84. Иллюстрированныя книги съ образцами и цѣнами, № 2042, высылаются бесплатно. 6 1

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ
РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОКАЕМАЯ ПАЛТО.

Палто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку	10 руб.	—	100
Плащи съ крыльями	13	—	—
Капюшоны къ нимъ	1	—	25
Военныя пальто	17	—	—
Пальто дамскія съ рукавами	13	—	—
Дамскія талии	11	—	—
Плащи для дѣтей	10	—	—
Пальто, съ рукавами всѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоемъ	30	—	—
Плащи съ крыльями такіе-же	30	—	—
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоемъ	22	—	—
Плащи съ крыльями такія же	22	—	—
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа)	34	—	—

Нузна мѣрка: а) для пальто: вся длина,—длина рукавовъ, объемъ груди и т. д. б) для плаща—вся длина и объемъ мен.

ПРОТИВЪ МОЛИ
рекомендуемъ особенно для храненія мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по дешевымъ цѣнамъ:

Для храненія	1 шубы	за мѣшокъ	5 руб.	—	коп.
-	2 шубы	-	6	—	50
-	3—4 шубы	-	8	—	-
-	4—5 шубы	-	9	—	50
-	5—7 шубы	-	11	—	-

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просятъ гг. покупателей за доставку по почтѣ прибавлять на палто или мѣшокъ отъ 1000 верстъ 1 р., отъ 1000 верстъ—2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица. 163.

А. СІУ И К^о
ПАРФЮМЕРНЫЙ И КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
ТВЕРСКАЯ, Д. ВАРГИНА. МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА КОЛЛЕКЦИОНЕРСТВО
ДЛЯ СБОРА ПОЖЕРТВОВАН. НА ВОСПИТАНІЕ БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ
ПРИИМАЕТЪ ВСЯКІЯ ПОЖЕРТВОВАНІЯ, КОГДА-НИ СТАРІЯ И НЕГОДНЫЯ ВЕЩА.
При неудобствѣ присылки просить увѣдомить (Кабинетск., д. № 2) чтобы посланный Попечительствомъ артезианскій могъ получить ихъ съ выдачею квитанціи. № 2043

Съ разрѣшенія высшаго начальства и Попечителя Моск. учебн. Округа 1-го февраля открыто въ Москвѣ, Моховая, д. Свирцова, пр. Манежа, Бюро **спеціально** содѣйствуетъ родителямъ, земствамъ и учебнымъ заведениямъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО.

Преподавателя Приюта Цесаревны МАРИИ— бывшаго воспитателя Моск. Императорскаго Техн. училищ. Г. Подобы и К'.
Продается Типо-Литографированная Хрестоматія изд. Педагогическаго бюро. Ц. съ перес. 35 к.

№ 2044

ПАВЕЛЬ ПАВЛОВИЧЪ БУРЕ,
Офицеръ при Кабинетѣ Е. И. В. покупаетъ всякаго рода старинные и замѣчательные часы.
Заявленіи проситъ адресовать:
Въ С.-Петербургѣ: Невскій проспектъ, домъ № 23 (противъ Большой Конюшенной).
Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Тверскаго подворья (рядомъ съ Варьельскими).
№ 2038

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ для мытья головы.
Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
Безпородное и весьма доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.
Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главнй складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Лінде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписавъ 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.
№ 2013 25—3

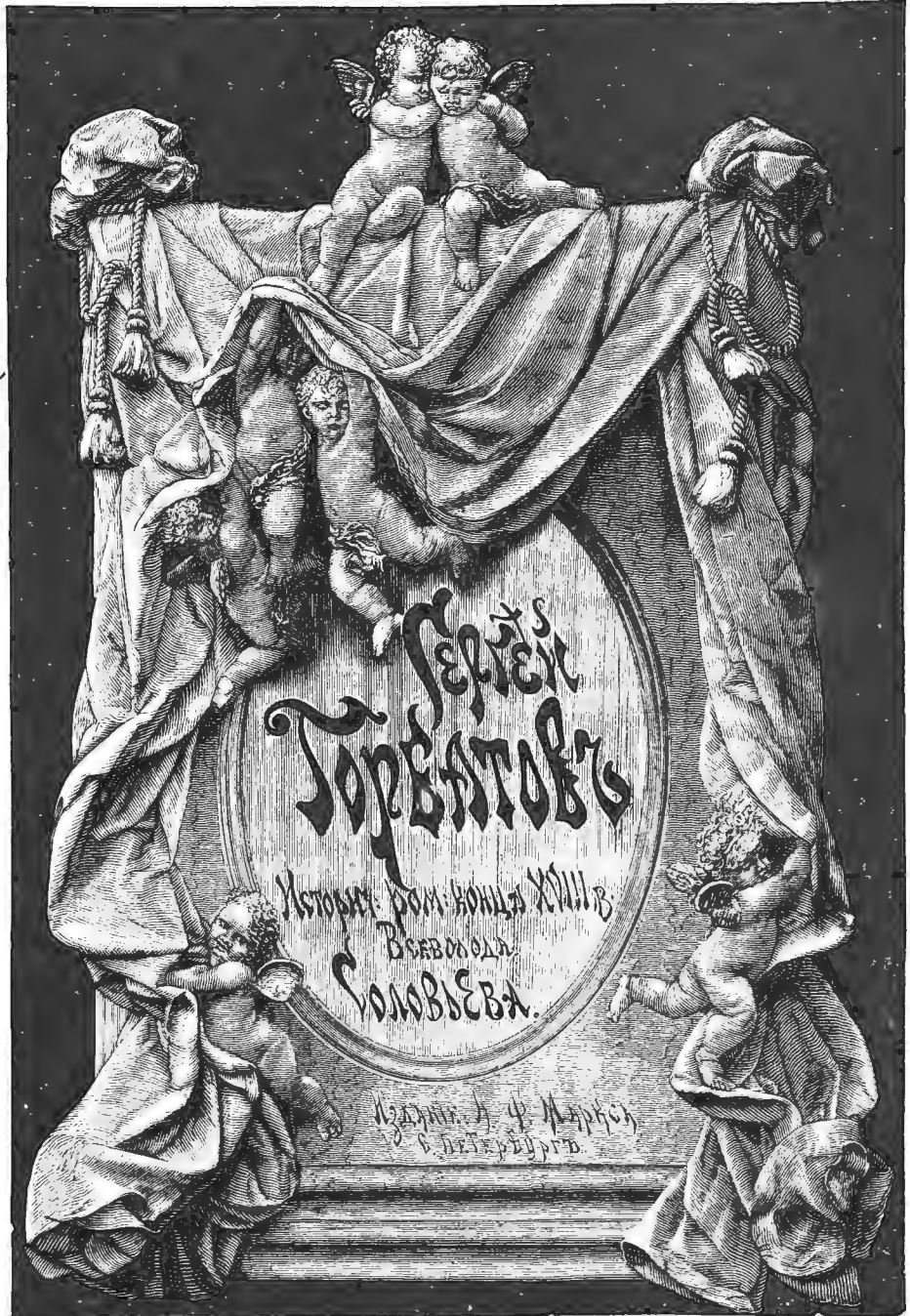
ПРАКТИЧНО! НОВО! ИЗЯЩНО! ПОДАРКИ
ДЛЯ ДѢТЕЙ и ВЗРОСЛЫХЪ.
Приборы для золоченія, серебренія, бронзировапія и гравированія. Аппараты для рисованія безъ подготовки. Камеранлары, камера-обскуры, пантографы, каллиграфы по 1 р., съ перес. 2 р.
Мираоскопы складные для рисованія съ натуры безъ умѣнія цѣна 7 р.—съ пересылкою 8 р.
Домашніе фотографы, которыми каждый можетъ отпечатать сколько угодно фотгр. портрет. и карточ. посредствомъ свѣта, ц. 2 руб. Съ прилож. для копиров. свѣтомъ гравюры не вырывае ихъ изъ книгъ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
Гелиоиниатора и хромофотографія для превращенія фотографій и иллюстрацій въ изящныя олеографіи по 5 р., съ перес. 6 р.
Приборы для гальванопластики, телефоны, электрич. звонки по 5 и 10 р. за перес. 1 р. съ брошюрами и рисунками.
Аппараты для выплыванія 5 р., съ перес. 6 р. Живопись брызгами, живопись на деревѣ, работа изъ стружекъ по 2 р., съ перес. 3 р. Дитя архитекторъ 2 р.
Самосвѣтящаяся нурица по 50 к., спичечницы и подсвѣчники по 5 к. 1 р. и 3 р., свѣтящ. красна, цвѣты, статуи, дверныя доски по 50 к. 1 и 3 р., свѣтящ. циферблаты 1 р., часы карман., стѣн. и столовые 10 и 15 р. Приемъ заказовъ на передѣлку обывков. фотографій въ свѣт. и на дверн. доски съ любовью надписью 3 р., карман. микроскопъ увеличив. въ 2,400 разъ 40 к.
Америк. и момент. переплетчикъ 1 руб. Стѣнные портреты 1 р. 50 к.
Ко всѣмъ товарамъ прилагается полное наставленіе.
Выписывающіе товаръ на 15 р. за пересылку платятъ половину; на 25 р. и болѣе перес. бесплатно въ Европ. Россіи.
Каталогъ высылается бесплатно. Адр.: Выставка новыхъ изобрѣтеній І. Зегимеля, Невскій, № 4, Спб.
Прим. *Всѣ товары* объявленные другими фирмами и мною съ 1872 г. и по сіе время можно выписывать отъ меня не менѣе чѣмъ на 2 руб. съ пересылк.
2—2 № 2028

Жоржъ Борманъ
КАРАМЕЛЬ
во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

Изданіе книжнаго магазина К. Ривкера въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 14.
ОБЩЕПОЯТНАЯ ГИГИЕНА
ОСНОВЫ ЗДРАВООХРАНЕНІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО И ЛИЧНАГО
съ указаніемъ на устройство и жизненныя отправления человѣческаго тѣла, происхождение и общее теченіе болѣзней и подачу первой помощи въ случаяхъ угрожающихъ жизни.
Доцента гигиены при Импер. Казанскомъ Университетѣ
Д-ра **Ир. СКВОРЦОВА.**
Съ 98 рисунками. 1881. Ц. 4 р., въ переплетѣ 4 р. 50 к. Сочиненіе удостоено большой преміи Императора Петра Великаго, при 5-мъ приговорѣ его въ 1879 г. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.
№ 2016 2-1

ВОЛЖСКО-КАМСКІЙ СКЛАДЪ
земледѣльческихъ машинъ, орудій и мельничныхъ принадлежностей
М. РАМЪ и Комп. въ КАЗАНИ
(Отдѣленіе въ Симбирскѣ).
Плуги 1, 2, 3 и 4 лемешные, борозы, сѣялки, сѣнокосилки, жатвенныя машины, молотилки, вѣялки, сортировки и зерносушилки, заводы: Эккерта, Велерта, Бертали, Липгарта и Комп., вальцовыя станки Галдъ и Вигманъ, французскіе жернова, швейцарскія шолковыя сита, мельничныя поставы, Локсмонбли и молотилки Рустанъ-Пронтиръ и Комп., паровыя машины, турбины, пожарныя трубы и проч., приблизительно по московскимъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты и каталоги по востребованію.
№ 2039

Только что вышелъ въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „Нивы“ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатанный на лучшей веленовой бумагѣ съ выѣтками. Романъ этотъ служить началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа „ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ“. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“ на 1882 годъ цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 16

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торгов. линія	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложениями. КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя печати авторамъ не возвращаются.

И. Д. Деляновъ.

Назначеніе д. т. сов. статскъ секретаря Ивана Давыдовича Делянова Министромъ Народнаго Просвѣщенія уже давно ожидалось и предвидѣлось въ послѣднее время большинствомъ нашего общества, которому хорошо извѣсна какъ долгая и полезная дѣятельность этого выдающагося нашего администратора такъ и его научные труды, посвященные интересамъ русской науки и просвѣщенія.

Иванъ Давыдовичъ родился въ Москвѣ 30 ноября 1818 года. По окончаніи курса наукъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета удостоенъ степени кандидата. Службу началъ во II Отдѣленіи Собственной Е. И. Канцеляріи 4 ноября 1838 года: съ 1845 года по 1858 годъ состоялъ при Главноуправляющемъ II Отдѣленіемъ Графѣ Блудовѣ. Во время службы во II Отдѣленіи Ив. Д. участвовалъ въ составленіи двухъ изданій свода законовъ а именно 1842 и 1857 годовъ и уложенія о наказаніяхъ 1845 года а также въ другихъ важныхъ законо-

И. Д. Деляновъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

дательныхъ работахъ того времени. Съ 1858 года начинается дѣятельность Ивана Давыдовича по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

18 Июля 1858 года онъ былъ назначенъ преподавателемъ слб. учебнаго округа, а 8-го ноября того-же года завѣдующимъ временною учебною частью въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ александровскомъ училищѣ а равно и въ слб. екатерининскомъ институтѣ. Эту послѣднюю обязанность онъ выполнялъ до возвращенія изъ-за границы бывшаго члена по учебной части въ этихъ учрежденіяхъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Норова. 18 января 1860 года Иванъ Давыдовичъ назначенъ членомъ Совѣта главноуправленія по дѣламъ печати а 4 августа 1861 года директоромъ д-та народнаго просвѣщенія. По назначеніи же барона Корфа главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. Канцеляріи Иванъ Давыдовичъ 6-го декабря 1861 года сдѣланъ директоромъ Императорской публичной би-

блотеки, и съ самаго своего вступленія въ эту должность обратилъ всѣ свои усилія на то чтобы все болѣе и болѣе обогащалъ наше книгохранилище капитальными пріобрѣтеніями такимъ образомъ поставить его въ уровень съ лучшими подобнаго рода учрежденіями Западной Европы. Но среди этихъ заботъ о прусыпьяніи Императорской Публичной Библиотеки Иванъ Давыдовичъ въ то же время не переставалъ выполнять важныя обязанности по Министерству Народнаго Просвѣщенія а въ послѣдствіи и по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Такъ онъ долгое время состоялъ въ должности попечителя Сиб. учебнаго округа; при Министрѣ Гр. Толстомъ былъ его товарищемъ а въ 1877 году по смерти Шторха назначень исполняющимъ, по IV Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Опекунскому Совѣту, обязанности опекуна, возложен-

ныя на него особымъ Государя Императора распоряженіемъ. Въ этомъ же высокомъ званіи Иванъ Давыдовичъ принялъ на себя должность Главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ, по кончинѣ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Кромѣ того, при обзорѣи долговременной и плодотворной служебной дѣятельности Ивана Давыдовича, нельзя не упомянуть объ его трудахъ какъ председателя по двумъ важнымъ коммиссіямъ—одной по пересмотру университетскаго устава, а другой по вопросу о служебныхъ правахъ воспитанниковъ нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Въ прошломъ году Ивану Давыдовичу было Высочайше довѣрено собирать матеріаловъ для исторіи Императора Николая Перваго— что лежало до того времени на обязанности князя С. П. Урусова.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Высокаго, красиваго юношу и маленькаго, сухого, пожилого человѣка всюду встрѣчали восторженно, не смотря на ихъ инкогнито. Богатѣйшіе сановники: Строгановъ, Остерманъ, Безбородко, Самойловъ, Нарышкинъ на своихъ загородныхъ дачахъ давали въ ихъ честь великолѣпнѣйшіе праздники, желая сдѣлать угодное императрицѣ, тратили баснословныя суммы.

Такой роскоши, такого великолѣпія графъ Гага никогда въ жизни своей не видывалъ. Даже петербургскій климатъ будто улыбался желанному гостю. Былъ конецъ августа, но погода по большей части стояла чудесная и загородные, вечерніе праздники удавались какъ нельзя лучше. На Невѣ и на островахъ сжигались гигантскіе фейерверки. Загородные дворцы вельможъ, окруженные густыми, прекрасными садами, являли великолѣпное зрѣлище: придетъ вечеръ и все горитъ, залитое огнями иллюминацій, раздаются несмолкаемые звуки музыки.

Графъ Гага послѣ интересно, разнообразно проведеннаго дня вступаетъ подъ покровъ темной осенней ночи, будто въ какой-то сказочный міръ и въ этомъ мірѣ волшебныхъ огней, музыки и великолѣпія онъ не случайный пришлецъ, онъ самый дорогой гость: весь этотъ міръ созданъ для него, его на рукахъ носятъ, передъ нимъ разсыплются въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ, всѣ стараются уловить довольный взглядъ его, каждое небрежно брошенное имъ слово принимается съ восторгомъ, повторяется, мгновенно обѣгаетъ весь городъ, измѣняется, дополняется, украшается и является перломъ остроумія и находчивости.

Самолюбіе юноши бьетъ радостную тревогу и вмѣстѣ съ этимъ самодовольнымъ чувствомъ растетъ другое чувство. Среди этаго волшебнаго міра, рядомъ съ нимъ маленькая прелестная фея. Ея свѣтлые глаза глядятъ на него съ дѣтски откровеннымъ восторгомъ, ея нѣжныя щеки вспыхиваютъ отъ каждаго его взгляда, и радостный, счастливый, въ сознаніи своего величія и превосходства, среди шумной, блестящей толпы, подъ несмолкаемые звуки оркестра, онъ тихонько пожимаетъ маленькую ручку и шепчетъ на ухо своей прелестной невѣстѣ нѣжныя слова, которыми, до сихъ поръ, еще никого не удостоивалъ.

Такъ проходитъ недѣля, другая, но вотъ графъ уже насытился всѣмъ этимъ блескомъ, всѣми этими праздниками, уже привыкъ ко всеобщему восторгу, вызванному его особой, ему уже начинаетъ доставать чего то.

„Одно и тоже! Одно и тоже! думаетъ онъ. Я танцую съ нею, прогуливаюсь съ ней подъ руку по освѣщеннымъ заламъ и аллеямъ, но вѣдь намъ нѣтъ возможно-

сти и поговорить какъ слѣдуетъ. Начнешь фразу—не кончишь, спросишь—она станетъ отвѣчать и не имѣетъ возможности договорить отвѣта. То тотъ подойдетъ, то другой, слѣдятъ за каждымъ шагомъ, ловятъ каждое слово—это скучно!“

Ему хотѣлось бы остаться вдвоомъ съ нею, хотѣлось бы, не смущаясь ничѣмъ присутствіемъ, высказать ей всю нѣжность, на какую онъ способенъ и услышать отъ нея такія слова, которыхъ она не могла ему прошептать при постороннихъ...

Во время бала, даннаго императрицей во дворцѣ 3-го сентября, всѣ вдругъ замѣтили, что графъ Гага не совсемъ веселъ и любезенъ, въ его лицѣ замѣтили что-то новое, признаки тоски и скуки. И прежде всѣхъ замѣтила это императрица. Она зорко стала слѣдить за нимъ и, уловивъ удобную минуту, когда танецъ былъ оконченъ и графъ Гага отошелъ отъ своей дамы, она приблизилась къ нему, взяла его подъ руку.

— Пройдемтесь немного, мой другъ, сказала она, и недолго задержу васъ, не долго заставлю скучать съ такой неинтересной дамой.

— Ахъ, ваше величество, помилуйте, я всегда такъ счастливъ быть съ вами! наклонясь къ ней и какъ-то бережно ведя ее, проговорилъ юноша.

— Я хочу о чемъ-то спросить васъ, ласково глядя на него, продолжала императрица. Я ужъ старуха и глаза мои начинаютъ плохо видѣть, но все же я еще не совсемъ ослѣпла и безъ очковъ замѣтила въ васъ сегодня нѣкоторую переменъ. Скажите же мнѣ откровенно, скажите какъ бабушкѣ, которая успѣла отъ всего сердца полюбить васъ, что съ вами? Мнѣ было бы очень грустно думать, что произошло что нибудь непріятное.

— Ничего непріятнаго, ваше величество, отвѣтилъ онъ, а только если вы замѣтили во мнѣ переменъ, то я долженъ откровенно сказать вамъ: да, мнѣ сегодня грустно.

— Отчего же? Ктѣ тому причиной? — надѣюсь не наша малютка? Или вы съ ней поспорили во время танцевъ?

— Нѣтъ, мы не поспорили, но вы угадали, ваше величество, великая княжна причиною моей грусти—вѣдь она моя невѣста, я женихъ ея и, надѣюсь, что уже теперь ничто не разстроитъ нашего брака. Я ѣхалъ сюда и не зналъ еще чѣмъ все это кончится, но она побѣдила меня на вѣки.

Императрица сжала его руку.

— И я надѣюсь, что она доставитъ вамъ прочное, истинное счастье. Такъ въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, ваше величество, что я долженъ по-

ближе узнать ее—вѣдь намъ о многомъ, о многомъ переговорить нужно другъ съ другомъ. А развѣ здѣсь это возможно? До сихъ поръ я встрѣчаю ее только среди толпы, мы едва успѣваемъ обмѣняться двумя тремя словами. Ваше величество, я покорнѣйше прошу васъ дозволить мнѣ иначе видѣться съ нею. Мнѣ хотѣлось бы, и я полагаю, что имѣю на это право, быть съ нею запросто, видѣть ее среди домашней обстановки.

Екатерина задумалась, потомъ улыбнулась.

— О, вы нетерпѣливы и вижу я, что вы дѣйствительно влюбленнымъ сдѣлались. Ну что-жь, если это единственная причина вашей грусти, то я считаю своей обязанностью помочь вамъ и хоть я старуха, но васъ понимаю. У меня хорошая память и я помню свою молодость, я знаю требованія молодости. Успокойтесь же, забудьте вашу грусть — къ вамъ такъ идетъ когда вы веселы и довольны. Не портите нашего общаго веселья и я вамъ обещаю, что на этихъ дняхъ вамъ данъ будетъ случай нѣсколько часовъ провести съ великой княжной, не среди публики, а именно какъ вы желаете—въ семейной обстановкѣ. Я устрою это, даю вамъ слово. А теперь благодарю, что провели меня, скорѣй возвращайтесь въ танцевальный залъ—тамъ уже навѣрное ждутъ васъ...

Графъ Гага разсыпался въ любезностяхъ и благодарностей и поспѣшилъ къ великой княжнѣ.

Екатерина раза два прошлась по комнатѣ и все добродушнѣе улыбалась и покачивала головою.

— Милыя дѣти! наконецъ прошептала она и замѣтивъ одного изъ придворныхъ кавалеровъ, который проходилъ черезъ комнату, приказала позвать къ себѣ графа Николая Ивановича Салтыкова.

Салтыковъ явился тотчасъ же.

— Что приказать изволите, ваше величество? спросилъ онъ, привычнымъ движеніемъ склоняя голову передъ императрицей.

— А вотъ что, любезный графъ, сказала ему Екатерина, дѣло касается дѣтокъ. Видите-ли, женихъ нашъ зарустилъ, что не можетъ хорошенько взглянуть на невѣсту и поговорить съ ней—вы всѣ, господа, ему мѣшаете. Ну такъ вотъ что: пожалуйста, сегодня напишите цесаревичу, напишите именно то, что я вамъ сейчасъ сказала и прибавьте, что я нахожу подобное свиданіе между королемъ и моей внучкой, — въ настоящее время, когда дѣло можно уже считать окончательно улаженнымъ,—вполнѣ пристойнымъ, но конечно, въ томъ только случаѣ, если таковое свиданіе произойдетъ въ присутствіи родителей великой княжны. Просите цесаревича, отъ моего имени, быть здѣсь непременно въ пятницу вмѣстѣ съ великой княгиней... да, постойте, я вспомнила, цесаревичъ говорилъ мнѣ, что до понедѣльника здѣсь не будетъ... ну все равно, попросите, можетъ быть и заблагодарсудить исполнить сію мою просьбу. Если же не пожелаетъ приѣхать, то дѣлать нечего, обойдемся и безъ него, только чтобы великая княгиня была неспремѣнно и пораньше. Будемъ обѣдать у великаго князя Александра Павловича, а послѣ обѣда великая княгиня всѣхъ пригласитъ въ свои покои, также и король съ регентомъ и до бала женихъ и невѣста будутъ имѣть возможность бесѣдовать запросто безъ всякаго стѣсненія. Пожалуйста, напишите.

— Непременно исполнить, ваше величество, отвѣчала Салтыковъ,—завтра пошлю нарочнаго въ Гатчину.

Императрица кивнула головою и вышла въ залъ взглянуть на танцующихъ.

XVIII.

Первое облако.

На другой день, получивъ письмо Салтыкова и прочтя его, цесаревичъ прошелъ въ покои великой княгини. Онъ засталъ ее съ княжной Пересвѣтовой и другою фрейлиной.

Взглянувъ на него великая княгиня, по сумрачному лицу его, сразу замѣтила, что онъ не въ хорошемъ расположеніи духа и имѣетъ что-то сообщить ей.

Она сдѣлала знакъ фрейлинамъ удалиться и обратилась къ нему.

— Что такое, мой другъ? Какое нибудь неприятное извѣстіе?

— Нисколько, отвѣчалъ цесаревичъ, подходя къ ней, здороваясь съ нею и нѣжно ее цѣлуя. Я вотъ сейчасъ получилъ письмо отъ Салтыкова, прочти пожалуй.

Она прочла и подняла на него свои свѣтлые, голубые глаза, молча и не зная что сказать.

Она вовсе не хотѣла раздражать его еще больше, потому что видѣла, что онъ уже раздраженъ. Она замѣчала, что въ этомъ сватовствѣ, котораго такъ всѣ желали, котораго и она въ свою очередь желала, ему что-то не нравится.

— Что же ты молчишь, Маша? наконецъ проговорилъ цесаревичъ, садясь рядомъ съ нею и закусывая губы.

— Мы поѣдемъ?! отвѣтила она не то вопросительно, не то утвердительно.

— Мы поѣдемъ, повторилъ онъ, онъ упирая на слово „мы“, да, ты опять поѣдешь, ты будешь ѣздить до тѣхъ поръ, пока не заболѣешь отъ этихъ поѣздокъ.

Онъ положилъ свою руку на ея руку.

— Но я, Маша... не поѣду—и безъ меня обойдется. Что-жь я то? я сторона въ этомъ дѣлѣ.

— Какъ сторона? печально выговорила великая княгиня.—развѣ отецъ можетъ быть стороною?

— Къ сожалѣнію—можетъ. Не я началъ это дѣло и я хочу снять съ себя всякую отвѣтственность!

— Да вѣдь ты, надѣюсь, ничего не имѣешь противъ брака малютки?

— Ничего не имѣю. Рано или поздно мы должны будемъ разстаться со всѣми нашими дочерьми, къ тому же вѣдь мы и всегда почти въ разлукѣ съ ними. Я ничего не имѣю противъ этого брака, но я не знаю жениха и не имѣю возможности узнать его. Онъ былъ здѣсь разъ, но по одному разу я не могъ составить себѣ о немъ никакого понятія.

— По этому-то мнѣ, другъ мой, и кажется, что тебѣ слѣдуетъ ѣхать, слѣдуетъ пользоваться всякою возможностью поближе разглядѣть и узнать его.

Павель усмѣхнулся.

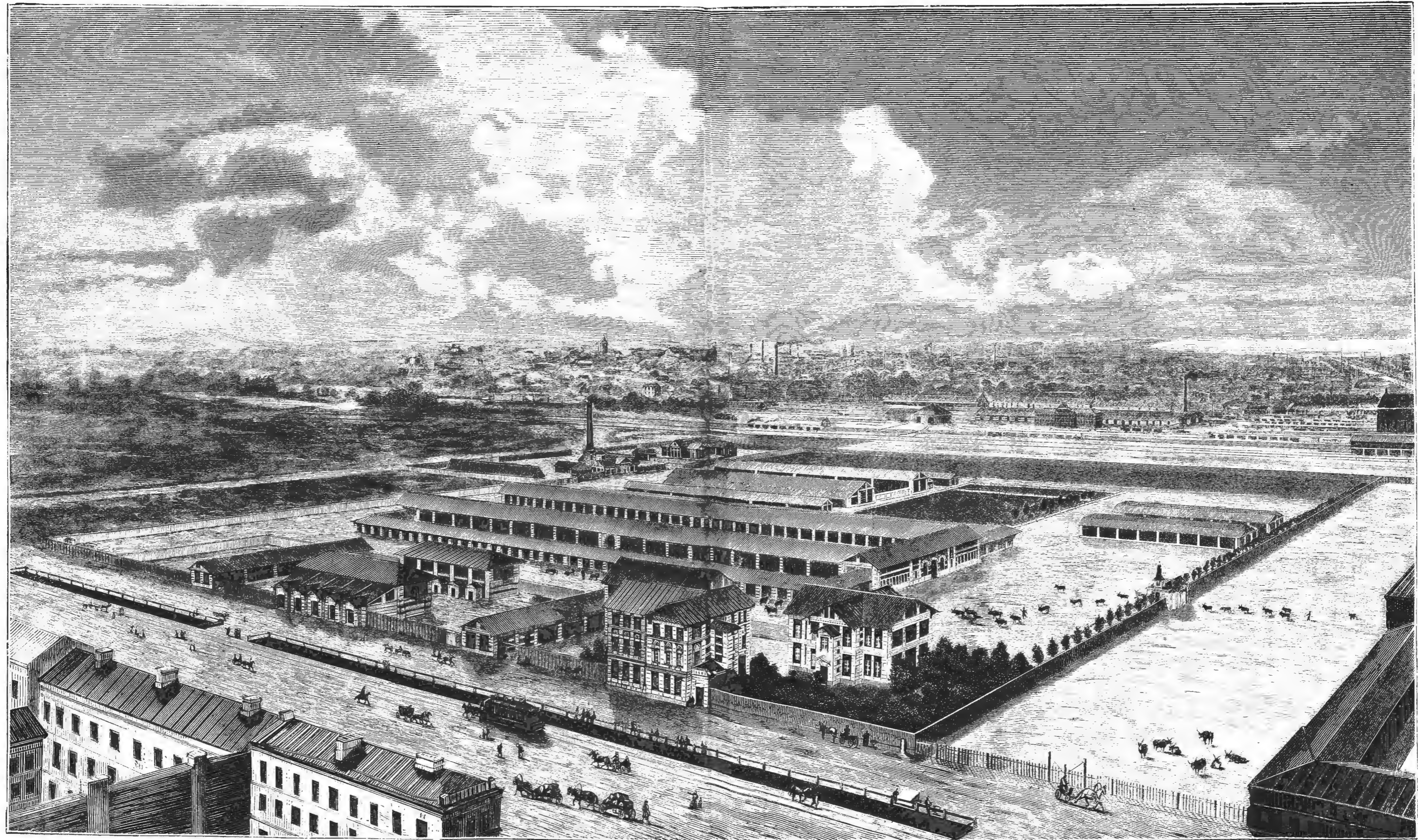
— Вѣдь это все устраивается для того, чтобы *имъ* быть вмѣстѣ, чтобы *имъ* узнавать другъ друга, чтобы *имъ* никто не мѣшалъ; такъ что же—я поѣду для того именно, чтобы мѣшать *имъ*? Нѣтъ, никакихъ наблюденій завтра я не буду имѣть возможности сдѣлать, да и потомъ, каковы бы ни были мои наблюденія, вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ. Ну, представь, что онъ мнѣ не понравится, что я замѣчу въ немъ такія свойства, какихъ не желалъ бы видѣть въ своемъ зятѣ... вѣдь придется только мучиться за дочь... нѣтъ, оставь меня, я не поѣду, я говорю тебѣ...

И голосъ его уже дрогнулъ и онъ началъ съ каждой секундой все больше и больше раздражаться.

— Я говорю тебѣ: не я затѣялъ это дѣло и не я буду отвѣтственъ въ послѣдствіяхъ. Если нашу дочь сдѣлаютъ несчастной, на моей совѣсти, по крайней мѣрѣ, грѣха не будетъ. Я ничему не могу помѣшать... дѣлайте какъ знаете... оставьте меня въ покоѣ!

Великая княгиня печально вздохнула.

— Ты меня право пугаешь, сказала она.—Вѣчно эти дурныя предчувствія. Конечно, своей судьбы заранѣе узнать невозможно: иногда семейная жизнь, начавшаяся при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, оканчивается ужасно, но вѣдь тутъ никто виноватъ быть не можетъ. А я, по истинѣ, не могу ничего имѣть противъ желанія императрицы, противъ этого жениха. Я мать и ты знаешь, какъ вопросъ этотъ меня тревожитъ и вол-

Навёсъ для челядь. Труносожигательная печь и машины. Устье Невы
 Ледники для сохраненія мяса. Бойни для рогат. скота, свиней. Мастерскія и платформы для пріежа скота Варшавск. ж. д.
 Казарни. Квартира смотрителя. Контора и кварт. служащих. Скотопригонный дворъ.
 Забалканскій просянцъ.

Видъ съ птичьего полета новыхъ городскихъ скотобоенъ въ Петербургъ близъ Варш. ж. д. Съ акварели архитектора Гефлера, гравир. М. Рашевскій.

пусть. Повѣрь, я наблюдаю и, кромѣ хорошаго, ничего не замѣтила въ королѣ... и къ тому же наша малютка совершенно плѣнена имъ.

Цесаревичъ поднялся съ мѣста и своимъ нервнымъ шагомъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Плѣнена... и ты говоришь это, Маша! но вѣдь она совсѣмъ ребенокъ, черезчуръ рано ей плѣниться!.. все это вредно и не хорошо! Ей вскружили голову, ее заставили думать о такихъ вещахъ, о которыхъ она еще не должна думать. Это отравя!

— Но вѣдь иначе нельзя, робко перебила его великая княгиня. Конечно ей слишкомъ рано думать о замужествѣ. но что же дѣлать когда такъ складываются обстоятельства?

— Что дѣлать! Что дѣлать! повторять онъ, возвышая голосъ.—Очень часто мы сами складываемъ обстоятельства и объявляемъ, что не причемъ, что обстоятельства сами собою складываются. Не поѣду я завтра!.. А ты поѣзжай и подробно сообщи мнѣ все, что тамъ произойдетъ.

— Но вѣдь матушка будетъ сердиться,—ты обидишь ее своимъ отказомъ присутствовать при этомъ свиданіи.

— Обижу... я ее обижу? Я никогда въ жизни не обижалъ ее. Мнѣ очень трудно добиться того, чтобы она была мною довольна и я уже отказался стараться объ этомъ... Маша, не раздражай меня! Вѣдь у меня ужъ почти вытѣзли и давно сдѣвотъ волосы, пора же наконецъ мнѣ имѣть свои взгляды и хоть въ чемъ нибудь поступать такъ, какъ я самъ считаю лучшимъ... А женихъ вашъ... я полагаю, что ему слѣдовало бы еще побывать въ Гатчинѣ!..

Проговоривъ это, онъ вышелъ изъ комнаты великой княгини и она слышала издали его раздраженный голосъ.

Она долго сидѣла задумавшись, неречитывая оставленное цесаревичемъ письмо Салтыкова. Она думала о дочери, объ этомъ женихѣ, который успѣлъ очаровать и ее вѣдь за другими.

„Неужели не будетъ счастлива моя дѣвочка? Нѣтъ, она должна быть счастлива! Онъ такъ молодъ, онъ самъ почти еще ребенокъ, они такъ подходятъ другъ къ другу. Зачѣмъ же смущать, зачѣмъ все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ, зачѣмъ только и себя и другихъ мучить?“

А между тѣмъ неясныя предчувствія цесаревича уже и на нее дѣйствовали. Въ послѣдніе дни она не разъ чувствовала припадокъ какой-то тоски, какихъ-то невѣдомо откуда бравшихся опасеній.

Вотъ и теперь ей сдѣлалось такъ тяжело, такъ грустно, она даже заплакала.

Но плакать, грустить, предаваться своимъ разнообразнымъ мыслямъ ей не пришлось долго — ей доложили о томъ, что въ Гатчину пріѣхали графъ Гага и графъ Ваза.

Она оживилась.

„Вотъ это хорошо, подумала она — авось теперь онъ нѣсколько успокоится. Хорошо, что именно сегодня они пріѣхали!“

Цесаревичъ принялъ юнаго короля съ той изысканной любезностью, на которую онъ былъ способенъ и которую умѣлъ выказывать даже и въ тѣ дни, когда чувствовала себя особенно раздраженнымъ.

Маленькій регентъ зорко поглядывалъ своими хитрыми глазами, всѣ силы употребляя, чтобы занять великую княгиню.

Цесаревичъ вступилъ въ продолжительную бесѣду съ юношей, наводилъ разговоръ на самые разнообразные предметы, очевидно разглядывалъ его, вывѣдывалъ его познанія и образъ мыслей.

Добрый часъ продолжалась эта бесѣда. И хотя цесаревичъ по прежнему любезно и ласково относился къ гостю, и гость по прежнему выказывалъ ему всѣ вѣднѣе знаки глубокаго почтенія, но посторонніи наблюдатели могъ бы легко замѣтить по ихъ лицамъ, что они далеко не были довольны другъ другомъ.

„Пустой мальчишк! думалъ цесаревичъ. — Плохо его учили, плохо воспитывали, мало знаетъ, много о себѣ думаетъ, ко всему легко относится. Молодъ еще очень — могъ бы исправиться, могъ бы наверстать потерянное время, да ужъ если до сихъ поръ некому было объ этомъ позаботиться, такъ теперь и того меньше. Добры ли онъ? Есть ли у него сердце? Хорошій ли мужъ будетъ? Какъ узнать это? Можетъ быть въ рукахъ разумной женщины и выщель бы изъ него прокъ, а ребенокъ что съ нимъ сдѣлаетъ!.. Политика, политическіе виды!.. чувствуетъ, чувствуетъ мое сердце, что дѣвочка будетъ несчастна!..“

Онъ навелъ разговоръ на свою дочь, на положеніе будущей шведской королевы и прямо высказалъ:

— Мнѣ было бы крайне тяжело, еслибы дочь моя встрѣтила религіозную нетерпимость. Она родилась православною, воспитана въ православіи и, на мой взглядъ, который раздѣляетъ и весь русскій народъ, она ни коимъ образомъ не можетъ переменить свою религію.

Юный король поморщился.

— Уже не въ первый разъ, ваше высочество, мнѣ говорятъ объ этомъ, къ этому вопросу то и дѣло возвращаются, но мнѣ кажется, что его нужно оставить. Конечно, я не стану ничѣмъ стѣснять великую княгиню.

— Такъ вы мнѣ общаете серьезно, что не будетъ никакихъ стѣсненій въ этомъ отношеніи?

— Общаю, съ удовольствіемъ общаю.

— Вы меня успокоиваете, проговорилъ цесаревичъ и предложилъ королю прійтись съ нимъ въ паркъ.

Король съ удовольствіемъ согласился, ему надоѣла эта бесѣда, въ которой онъ чувствовалъ себя какимъ-то ученикомъ, котораго выспрашиваютъ и экзаменуютъ. Ему неприятно было подъ зоркимъ, пенитующимъ взглядомъ своего будущаго тестя.

Онъ не хотѣлъ сегодня ѣхать въ Гатчину и только согласился послѣ усиленныхъ, настоятельныхъ убѣжденій регента.

Здѣсь такъ скучно, такъ мрачно, такъ мало общаго съ блестящей, ежеминутно измѣняющейся, сверкающей, и шумной петербургскою жизнью.

Прогулка состоялась. юный король очутился въ обществѣ великой княгини и двухъ красивыхъ, сопровождавшихъ ее фрейлинъ. Онъ оживился, былъ любезенъ, притворно восхищался старымъ гатчинскимъ паркомъ, описывалъ Стокгольмъ, свой дворецъ, королевскія забавы и увѣрялъ великую княгиню, что когда ее дочь сдѣлается шведской королевой, то скучать не будетъ.

А цесаревичъ въ это время бесѣдовалъ съ регентомъ. Слова короля, что онъ не станетъ принуждать Александру Павловну къ переменѣ религіи его мало успокоили. Онъ хотѣлъ выспросить на этотъ счетъ регента, но тотъ отвѣчалъ ему въ такомъ-же родѣ, какъ и племянникъ, тоже увѣрялъ, что великую княгиню никто принуждать не станетъ, но въ тоже время Павелъ Петровичъ видѣлъ, что хитрый графъ Ваза не все договариваетъ, обходитъ вопросъ и отвѣчаетъ на него не прямо.

„Не бывать моей дочери шведской королевой!“ быстро рѣшилъ онъ самъ съ собою“. Какъ всѣ они увѣрены, въ томъ, что это дѣло рѣшенное. И теперь вижу что рѣшеннаго еще очень мало. Вѣдь не могутъ-же они обходить такого вопроса, вѣдь должны-же они будутъ рѣшить всѣ подробности и все оформить. На такую уступку матушка не пойдетъ—это было-бы уже слишкомъ!..“

XIX.

За слѣпками камней.

Несмотря на всѣ просьбы Маріи Осодоровны, цесаревичъ все-же не поѣхалъ на слѣдующее утро въ Петербургъ.

— Если я имѣю почему нибудь серьезный резонъ поступить такъ, то нужно меня оставить въ покоѣ, мрачно проговорилъ онъ.

— Что-же мнѣ сказать императрицѣ?

— Скажи правду — я нездоровъ и притомъ считаю себя лишнимъ въ этомъ дѣлѣ, не я его задумалъ, не я началъ, пусть безъ меня оно и окончится.

Марія Феодоровна не стала больше возражать и поспѣшно собралась въ привычный ей путь.

Все обошлось благополучно, императрица не выразила никакого неудовольствія по поводу отсутствія сына, подробно разспрашивала о его здоровьи и вообще показалась великой княгинѣ очень ласково настроенной. Великую княгиню въ ней поразило только одно: видъ какой-то чрезмерной усталости, которой до сихъ поръ она не замѣчала, но несмотря на эту усталость, ея лицо все-же скоро оживилось, глаза опять блистали, когда она говорила о томъ, что дѣло идетъ на ладъ, о томъ что „малютка“ непременно будетъ счастлива, потому что очень любить своего жениха и онъ достоинъ этой любви.

День прошелъ наилучшимъ образомъ. Юный король достигъ своей цѣли: онъ имѣлъ возможность въ теченіи долгихъ часовъ бесѣдовать съ невѣстой среди интимной обстановки зимняго дворца.

Три раза въ этотъ день великая княгиня отрывалась отъ гостей своихъ и принималась писать подробные отчеты о всемъ происшедшемъ цесаревичу въ Гатчину.

Такимъ образомъ между главными дѣйствующими лицами установились постоянныя сношенія. Цесаревичъ въ Гатчинѣ нѣсколько разъ въ день получалъ присылаемые съ курьерами письма великой княгини.

Императрица, оставшаяся въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, также получала отъ нея записки и сама писала ей.

Великой княгинѣ пришлось остаться въ Петербургѣ и на слѣдующій день, и еще на одинъ день.

Екатерина торопилась, она ждала слишкомъ долго и теперь не хотѣла терять ни одной минуты. Возбужденъ былъ вопросъ объ обрученіи, объ обмѣнѣ колецъ женихомъ и невѣстой. Разъ это будетъ сдѣлано, тогда уже нечего опасаться, тогда пусть король уѣзжаетъ и готовится въ Стокгольмѣ встрѣчу своей нарѣченной. Но какъ устроить это обрученіе—въ церкви или компатъ?

Екатерина забыла все дѣла и только и думала объ этомъ. Она нашла въ исторіи примѣръ, что обѣщанія могутъ быть даны уполномоченнымъ: дочь дѣда Ивана Васильевича была обручена при посредствѣ уполномоченнаго съ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ. Обрядъ обрученія нужно обставить какъ можно торжественнѣе, въ немъ должны принять участіе митрополитъ и архіерей, но, во всякомъ случаѣ, еще разъ нужно серьезно переговорить съ молодымъ королемъ.

Екатерина сама не хотѣла уже лично объясняться съ нимъ и поручила это великой княгинѣ, взявъ съ нея обѣщаніе, что она тотчасъ-же извѣститъ ее письменно о результатахъ этого разговора.

Въ воскресенье, 7-го сентября, король почти цѣлый день провелъ въ зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ великой княгини.

Маріи Феодоровнѣ долго не удавалось такъ устроить, чтобы имѣть возможность переговорить съ нимъ безъ помѣхи, но вотъ наконецъ она достигла своей цѣли. Всѣ постороннія лица были удалены, она очутилась наединѣ съ женихомъ и невѣстой.

Молодые люди сѣдѣли въ небольшой, уютной комнатѣ у окошка и, тихонько переговариваясь между собой, дѣлали изъ воюку стѣнки камней.

Великая княгиня подошла къ нимъ, посмотрѣла ихъ работу, придвинула себѣ стулъ и сѣла рядомъ съ дочерью.

— Я очень недовольна вами обоими, заговорила она своимъ ласковымъ голосомъ. — у васъ такія печальныя лица, между тѣмъ этого никакъ не должно быть.

Лица у молодыхъ людей были дѣйствительно печальны и въ особенности у великой княжны.

— Чѣмъ-же мы виноваты? Если у насъ печальныя лица, значитъ есть тому причина! тихо, едва слышно прошептала „малютка“.

— Твою печаль я понимаю, сказала великая княгиня — ты грустнѣешь, потому что онъ не веселъ, значитъ главный виновникъ вы, monsieur Gustave!.. за что вы заставляете ее грустить, отчего не хотите ее успокоить? Сдѣлайте, ее веселой, — вы развеселитесь и она развеселится влѣдъ за вами.

— Я уже просилъ ее успокоиться, отвѣтилъ король. — я сказалъ ей, чтобы она не обращала вниманія на мою грусть—въ ней нѣтъ ничего серьезнаго и опаснаго.

— Ну, это плохое успокоеніе. Очень недостаточно сказать — успокойтесь, нужно объяснить причину, нужно быть откровеннымъ, вотъ въ чемъ дѣло, и я прошу васъ, monsieur Gustave, говорить со мной откровенно, какъ съ другомъ. Повѣдайте намъ дѣйствительную, настоящую причину вашей грусти, вѣдь еще нѣсколько дней тому назадъ вы были совсемъ другой.

— Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанетъ конецъ всемъ моимъ печалимъ, отвѣтилъ король, указывая глазами на великую княжну. Видите, я все-всѣмъ откровененъ съ вами и видите теперь, что причина моей грусти естественна, что иначе быть не можетъ и что, слѣдовательно, я не виновенъ. Я недавно узналъ ее, а между тѣмъ мнѣ кажется, что я всю жизнь ее знаю, я такъ къ ней привязался, я не могу себѣ представить какъ буду жить безъ нея. Знаете-ли, ваше высочество, мнѣ кажется, что теперь только я живу по настоящему и все это—благодаря вамъ, вашей добротѣ... а главное вамъ, вамъ!..

Онъ черезъ столъ протянулъ руку великой княгинѣ и склонился, чтобы поцѣловать ея маленькую, затрепетавшую руку.

— Я будто родился снова и какъ-же мнѣ не грустить, думая о томъ, что черезъ нѣсколько дней я съ вами разстанусь?! мнѣ невыносима мысль эта, я хотѣлъ-бы быть веселымъ, хотѣлъ-бы улыбаться, смѣяться, шутить, и не могу, — чѣмъ я виноватъ?

На лицѣ великой княгини мелькнула едва замѣтная улыбка.

„Я поймаю его на словѣ“, подумала она.

— Да, въ такомъ случаѣ вы правы, и я очень рада слышать, что вы такъ говорите, и я вамъ вѣрю, но что-же дѣлать? Нужно быть благоразумнымъ, вѣдь вы еще долго не будете видѣться. Вы взаимно любите другъ друга и конечно я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ, вы будете тревожиться другъ о другѣ. Послушайте, сосчитаемъ сколько мѣсяцевъ проведете вы въ разлукѣ?

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ король, вы и представить себѣ не можете какая это будетъ невыносимая, долгая разлука, какъ много разныхъ дѣлъ неизбѣжныхъ! Такъ много нужно будетъ мнѣ устроить и прежде всего я долженъ дожидаться своего совершеннолѣтія. Я уже не разъ считалъ и пересчитывалъ и вижу, что раньше восьми мѣсяцевъ не можетъ быть наша свадьба...

Его голосъ дрогнулъ и на глаза его набѣжали слезы.

— Это очень долго, тихонько проговорила великая княгиня.

Малютка сидѣла, опутивъ глаза и то и дѣло изподъ длинныхъ рѣсницъ ея капали одна за другой блестящія слезы.

— Долго, долго, безконечно долго! почти крикнулъ король.

— Въ такомъ случаѣ нужно хорошенько обдумать это дѣло, сказала великая княгиня; вы говорите, что все ваши печали окончатся когда она будетъ съ вами въ Стокгольмѣ, — постарайтесь-же ускорить эту минуту, не ссылайтесь на пренятствія, устранить которыя можетъ быть отъ васъ зависить.

— Если-бы я могъ что-нибудь сдѣлать, я-бы копечпо

сдѣлать, но къ несчастію это невозможно. Мы можемъ отпраздновать свадьбу только осенью или весной — зимою нельзя!

— Теперь осень, кто вамъ мѣшаетъ жениться теперь, немедля?

— По мѣй дворъ не въ полномъ сборѣ и аппартаменты не готовы.

— Если только въ этомъ всѣ затрудненія, серьезно замѣтила великая княгиня.—то я удивляюсь вамъ: что касается двора — его собрать недолго, а если кто кого любить, то не обращаетъ вниманія на аппартаменты. Женитесь здѣсь, „малютка“ поѣдетъ съ вами и дѣло съ концомъ, и вы не будете мучить другъ друга вашей печалью.

— Но какъ-же мы поѣдемъ? Море опасно теперь, а я скорѣй умру, чѣмъ подвергну ее опасности!

Великая княжна Александра подняла на него свои большіе, грустные глаза, въ которыхъ мгновенно засвѣтилась восторженная рѣшимость.

— Съ вами, проментала она, я буду вслѣдъ считать себя въ безопасности!

Онъ схватилъ ея руки, покрылъ ихъ поцѣлуями и съ обожаніемъ глядѣлъ на нее — въ его глазахъ стояли слезы.

— Довѣрьтесь мнѣ, monsieur Gustave, сказала великая княгиня, — вы говорите что желали-бы поскорѣй видѣть окончаніе дѣла?

— Очень-бы этого желалъ, но пока все еще зависитъ отъ герцога—регента.

— Въ такомъ случаѣ, если желаете, я поговорю съ императрицей. я возьму все на себя.

— О, благодарю васъ, но пожалуйста дѣлайте такъ, чтобы я былъ въ сторонѣ. Пусть императрица предложить регенту не отъ меня, а отъ себя.

— Непремѣнно. Такъ вотъ значитъ мы и договорились, значитъ теперь не о чемъ вамъ и печалиться, развеселитесь и развеселите „малютку“. Видите что нужно было начать съ откровенности.

— Да, вы правы, благодарю, благодарю васъ, говорилъ король, цѣлуя ея руку, но только пожалуйста, чтобы никто не зналъ о нашемъ этомъ разговорѣ, и я буду молчать, постарайтесь устроить это — вы сдѣлаете меня самымъ счастливымъ человѣкомъ.

Въ это время въ комнату вошла княгиня Ливенъ, воспитательница великой княжны. Разговоръ пресѣкъся. Молодые люди снова занялись лѣжкой камен.

Марія Феодоровна отошла отъ нихъ, присѣла къ другому столику и взяла свое выпиванье. Время отъ времени, разговаривая съ княгиней Ливенъ, она зорко взглядывала на жениха и невѣсту и мало по малу успокоивалась.

Теперь они уже не были грустны.

Онъ что-то оживленно говорилъ ей, она улыбалась. Вотъ раздался и его веселый смѣхъ, онъ всталъ съ своего мѣста, что-то показывалъ жестами. Онъ рассказывалъ ей о своихъ охотахъ, о приключеніяхъ, съ нимъ бывшихъ, въ которыхъ конечно онъ игралъ роль героя и выказывалъ чудеса храбрости.

И „малютка“ съ обожаніемъ глядѣла на героя, и не было границъ ея счастью. А между тѣмъ герой только что именно и выказалъ свою трусость и свое ребячество. Онъ не могъ даже скрыть отъ великой княгини своего страха передъ герцогомъ-регентомъ.

Откуда-же взялся этотъ страхъ? Да онъ и самъ не зналъ.

Регентъ, сговорившись съ посланникомъ Штединггомъ, рѣшилъ, что молодой король черезчуръ увлекся и что теперь онъ, того и жди, поступитъ неосторожно. Слѣпкомъ поспѣшитъ и, ради своей внезапной любви къ великой княжнѣ, сдѣлаетъ такія уступки, которыхъ допустить невозможно.

Вотъ уже три дня какъ оба они, и регентъ и Ште-

дингъ, пользовались каждой свободной минутой, чтобы внушить ему быть сдержаннѣе и осторожнѣе.

— Вы не можете быть судьей въ этомъ дѣлѣ, вы не можете сами теперь рѣшить, потому что будете пристрастны. Поручите это намъ; повѣрьте, что мы все сдѣлаемъ именно такъ, какъ слѣдуетъ, потому что отнесемся къ дѣлу спокойно. Подумайте, что дѣло черезчуръ важно, что отъ такого или иного рѣшенія этого дѣла зависитъ ваше будущее, интересы Швеции. Вы знаете, что государь не имѣетъ никакого права забывать объ интересахъ своего государства ради собственныхъ личныхъ интересовъ, что подобный образъ дѣйствій является преступнымъ передъ государствомъ и можетъ повлечь за собою страшныя послѣдствія.

Густавъ сначала едва слушалъ ихъ доводы, но и регентъ и Штедингъ, сговорившись, сумѣли наконецъ заставить себя слушать, сумѣли даже запугать юношу. И, самъ не сознавая этого, онъ вдругъ почувствовалъ себя будто чѣмъ-то связаннымъ, будто въ зависимости отъ кого-то и отъ чего-то.

Чтобы окончательно отвратить опасность какого-нибудь необдуманнаго поступка влюбленнаго юноши, регентъ затронулъ наконецъ самую слабую струну его, подѣйствовалъ, какъ всегда это дѣлалъ въ важныхъ случаяхъ, на его самолюбіе.

— Невѣста ваша существо прелестное, сказалъ онъ ему, и я очень понимаю ваше увлеченіе, но дѣло тутъ не въ ней, — всѣмъ извѣстно до какой степени умна и какой тонкій дипломатъ императрица Екатерина. Она очаровала васъ своею ласковостью и любезностью и въ то же время желаетъ забрать васъ въ руки, сдѣлать васъ простымъ орудіемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Вы слишкомъ молоды, вы объ этомъ не думали, но вѣдь вотъ, достигнете вы вашего совершеннолѣтія, еще немного дней и я сложу съ себя мое званіе регента, вы будете самостоятельнымъ государемъ—такъ пора-же вамъ объ этомъ подумать. Любите вашу невѣсту, но не заблуждайтесь на счетъ ея родныхъ, не поддавайтесь имъ, мнѣ кажется они и такъ считаютъ васъ слишкомъ большимъ простячкомъ и я вовсе не хочу чтобы надъ вами смѣялись.

Услышавъ эти слова, король вскочилъ съ мѣста, нахмурилъ брови и нѣсколько разъ нервно прошелся по комнатѣ.

— Я желалъ-бы посмотрѣть какъ это кто-нибудь будетъ смѣяться надо мною! Императрица конечно очень умна и знаменита, но напрасно она считаетъ меня дурачкомъ — я ей не поддамся!

И онъ, горделиво поднявъ голову, вышелъ изъ комнаты.

Регентъ съ удовольствіемъ потерялъ руки. Цѣль была достигнута.

И вотъ теперь король искренно говорилъ съ великой княгиней, былъ очень растроганъ, очень влюбленъ въ свою невѣсту, очень желалъ какъ можно скорѣе навѣки соединиться съ нею, но въ то же время онъ и побаивался регента, то есть собственно не его побаивался, а того, чтобы онъ не счелъ его слабымъ и обманутымъ. Не довѣрялъ онъ уже и императрицѣ; ласковая манера и прелестное лицо великой княгини на него дѣйствовали, но, черезъ полчаса послѣ разговора съ нею, онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ:

„А вдругъ это она только притворяется такой доброй и искренней, вдругъ она тоже хочетъ обмануть меня?!..“

Брови его сдвигались, на щекахъ вспыхивалъ румянецъ, онъ задумывался и сердился. Но вотъ опять слышалъ онъ почти у самого своего уха укоризненный, нѣжный голосъ, онъ взглядывалъ на невѣсту, забывалъ все и шепталъ ей:

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ весело, я счастливъ, и не буду больше хмуриться!..

(До слѣд. №).

Торговна. Съ картины академика Творожникова, рис. на деревъ Чистяковъ, грав. Вейерманъ,

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Драматическія сцены

К. К. Случевского.

(посвящ. Н. Н. Каразину).

(Объясненіе).

IV.

Окрестности карантинна. Помощникъ смотрителя и одинъ изъ стражниковъ. Яркій солнечный день.

Помощникъ.

Какъ смутны мысли у меня... Какъ грозно
Пугнувшее вчера землетрясенье...
И появленіе чумы изъ Яфы...
И Резидентъ по близости... и дочь
Смотрителя! Не знаю только такъ-ли
Я написалъ.

(Читаетъ письмо).

„Вчера, гуляя подлѣ вала въ полдень
„Она портретъ твой какъ-то увидала
„Въ окошко. Вынести его велѣла
„И смотреть на него, и тихо плачетъ...
„Я дочь твою призналъ въ ней тотъ-же часъ.
„Алонзо тоже въ свѣтѣ Резидента...

(Дочитавъ письмо сворачиваетъ его).

Ему объ этомъ не писать нельзя.

(Отдаетъ письмо стражнику).

Возьми!

Отдай наружной стражѣ, пусть доставятъ
Смотрителю!

(Стражникъ уходитъ).

Игривая судьба!

Зачѣмъ свела такъ близко ихъ обоихъ
И занесла чуму помѣхой встрѣчѣ?
Оно и хорошо, быть можетъ? случай!

(Увидѣвъ подходящую Дженевра).

Но вотъ и дочь опять... Ко мнѣ подходитъ!
Подругъ назадъ отправила... идти!

Дженевра (подойдя).

Скажи: давно-ль чума тамъ показалась?

Помощникъ.

Вчера! вотъ черный флагъ!

Дженевра.

Кто за оградой.

Тотъ сообщаться тамъ ужъ не можетъ?

Помощникъ.

Подъ страхомъ смерти, кто-бы ни былъ онъ —
Законъ суровъ!

Дженевра.

Но, развѣ, самъ смотритель
Его не можемъ преступить?

Помощникъ.

Не можетъ!

Дженевра.

И онъ туда на смерть прямую шель?

Помощникъ.

Примѣры были, вымирали люди!
Мы въ карантинъ входили—только трупы
Встрѣчали! иногда, и то бывало,
Спасались тотъ, да тотъ...

Дженевра.

Но, скажи:

Нельзя-ли такъ, чтобъ властью Резидента?

Помощникъ.

Самъ Резидентъ погибнетъ, коль пройдетъ,
И вздумаетъ вернуться...

Дженевра (послѣ раздумья).

Ну, такъ слушай:

Когда уѣдемъ мы, никакъ не раньше,
Вотъ это ты кольцо мое пошлешь
Смотрителю! Ему сказать ты долженъ,
Что много слезъ на томъ кольцѣ блестѣло,
И что вина—искуплена давно,
И что, скорѣй чѣмъ кажется, мы можемъ
Съ нимъ встрѣтиться опять... Гдѣ Резидентъ?

(Отдаетъ кольцо).

Помощникъ.

На поиски съ восходомъ солнца вышелъ!
Ближайшій холмъ на взморьѣ разрываетъ!
Уже нашли какія-то монеты.
Двухъ истукановъ и одну амфору...

Дженевра.

Гдѣ тутъ пройти поближе?

Помощникъ.

Вотъ тропинка,
Она къ холму ущельемъ приведетъ.

(Помощникъ уходитъ. Дженевра, Телла и Лидя направляются въ противоположную сторону и встрѣчаютъ Роджіеро).

Роджіеро.

Куда красавица? блѣднѣетъ полдень
Передъ твоей счастливой красотой?..
И эта свита! точно три богини!

Дженевра.

Но ты, Роджіеро, вовсе не Парисъ.

Роджіеро.

Конечно нѣтъ! Вѣнчанному поуту—
Не намъ—вашъ блескъ! мы жалки, мы смѣшны!
Вѣдь вы его всѣ три вѣнчать хотѣли?

Дженевра.

Но увѣнчала я!

Роджіеро.

Да, да! на жизнь, и смерти!
Всѣ это видѣли! всѣ этимъ восхищались!
И преклоняемся...

(Кланяется).

Дженевра (уходя съ Лидой и Теллой).

Вотъ такъ тебѣ... къ лицу!

Роджіеро (имъ вслѣдъ).

Съ зарею будетъ пиръ; не опоздайте!
Алонзо, думаю, давно въ горахъ,
Онъ бродитъ гдѣ нибудь, слагая пѣсни,
И къ ночи цѣлый ворохъ принесетъ!
Смотрите-же: хвалить не позабудьте!

V.

Поздній ясный вечеръ. Другое мѣсто наружной ограды. Часовой съ пищалью. Роджіеро и Алонзо.

Роджіеро.

Идемъ Алонзо! празднество готово!
Развалину огнями разсвѣтитъ
Приказано! то что въ холмѣ отрыли
Приказано на столъ поставить! землю
И ржавчину не обтирать отнюдь!
Пусть древность эта пиръ нашъ украшаетъ,
И нашу скатерть пылью пороситъ.
И съ запахомъ вина, мѣшаетъ запахъ тлѣнья...

Алонзо.

Мысль Резидента?

Роджіеро.

Такъ идемъ скорѣй!
Безъ насъ не справятся!

Алонзо.

А ночь какъ хороша!
Зачѣмъ, подумаешь, въ такомъ сянны
Гостить такая гостя какъ чума?
И близко какъ?! любовный лунный свѣтъ
Ласкается къ предметамъ зачумленнымъ?
Здѣсь пиръ у насъ! а тамъ, за этимъ валомъ...

Роджіеро.

Идемъ, идемъ!

Алонзо.

Сейчасъ иду! постой!
Мнѣ жаль уйти — разрушу ощущение!
Все пропадетъ — чуть съ мѣста! всѣ контрасты
Какъ краски поблѣднѣютъ, пропадутъ...
Чума... любовь... луна... и близость смерти...
И синева небесъ... и моря синь...
И даже, этотъ стражникъ холосатый
Весь залитый сяннемъ луны —
Все пропадетъ...

Роджіеро.

Poeta laureata!

Влюбленъ?!

Алонзо.

Влюбленъ... да, тысяча
смертей
За эту ночь волшебную, живую!
Въ воспоминаше врѣзалась она...

Роджіеро.

А развѣ?..

Алонзо.

Долго-ли, однако, Резидентъ
Намѣренъ тутъ остаться? по сосѣдству
Чума, — легко заразу перебросить!

Роджіеро.

Контрасты, милый мой, ему контрасты
Какъ и тебѣ по сердцу! но, конечно,
Опасность въ этомъ есть! мышь полевая
Перебѣжавъ сюда, насъ всѣхъ спровадитъ
Способна къ преддамъ!

Алонзо.

Тхатъ-бы скорѣй...

(Со стороны варагипа, между
мелкихъ кустовъ, замѣчается пол-
зущій человекъ. Часовой увидѣвъ
его, готовить пищаль).

Роджіеро.

Смотри, смотри!

Алонзо (часовому).

Стрѣлий въ него скорѣе...

Цль, нѣтъ, постой.

(Подбѣгаетъ къ часовому и бе-
реть у него пищаль).

Поддай-ка мнѣ пищаль!

А! язва азіатская! ползками!
Буравилъся какъ червь вдоль по землѣ!
Постой...

(Выстрѣль. Человекъ падаетъ
безъ движенія).

Вотъ хорошо!

Роджіеро.

Да, выстрѣль ловокъ...
Какъ грохнулся, и навзничъ повернулся.
И не шлохнется.

(Издали доносится возгласъ: Дже-
невра!).

Алонзо.

Ты слышалъ?

Роджіеро.

Резидентъ?!

(Сбѣгаютъ съ вала и осторожно
приближаются къ тѣлу).

Алонзо (вглядываясь).

Не онъ...

Часовой.

Смотритель это, нашъ смо-
тритель!

Роджіеро,

Чего-жъ онъ ползъ къ намъ?!

Алонзо.

Погоди:

Черты лица его мнѣ будто-бы знакомы...
Дженевру назваешь, вѣдь и ты слышалъ?

Роджіеро.

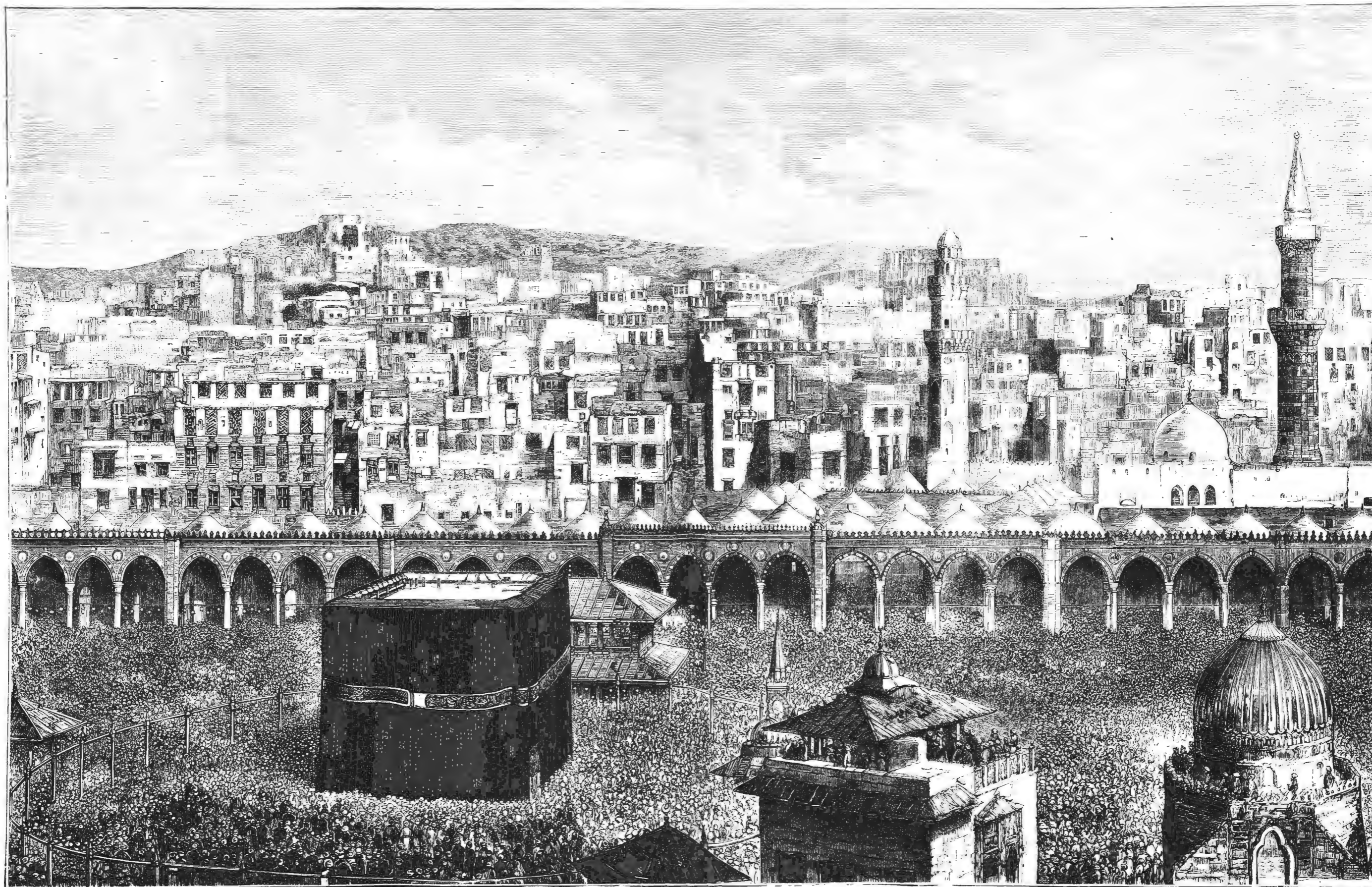
Слышалъ!

Алонзо.

При немъ кинжалъ... Изъ
подъ берета
Торчитъ письмо... (Хочетъ взять его)

Роджіеро (останавливая).

Да ты съ ума сошелъ!

Священное мѣсто Малекіа.

Сторона Каабы обращенная къ Іемени.

Уголь Каабы, гдѣ вѣзданъ чернй камень

Священное мѣсто Гараліе.

Свщ. мѣсто Ханбаліхъ.

Священное мѣсто Шепіехъ.

Улица Сангомъ.

Минареть Священной мечети.

Въ Меккѣ на богомольи. Общій видъ священнаго города мусульманъ, его святынь, Большой мечети и Каабы. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Алонзо (продолжая глядѣть на мерт-
ваго).

Съ ума сошелъ не я! съ ума сошла судьба!
Отецъ Дженевры!

Роджіеро.

Что?!

Алонзо.

И какъ-же мѣтко я
Памѣтилъ въ сердце? Точно по заказу!
Какъ будто во врага какого цѣлилъ?
Ни на волосъ ошибки! ни на проблескъ
Минутный жизни не осталось, что-бы
Сказать: куда онъ ползъ, зачѣмъ кинжалъ?

Роджіеро.

Убить, пожалуй, Резидента думалъ?

Алонзо.

А отъ чего-же не меша, не дочь?
Старикъ замолокъ въ надеждѣ совершенныя
Другими силами чего не довершить!
Хозяйничала тутъ не воли человѣка,
Не близорукой, мелкой нашъ разсѣять,
А что-то страшное...

Роджіеро.

И довершило!

Пойдемъ, однако-же!

Алонзо.

Теперь пойдемъ, согласенъ!
Слѣпое назначенье я исполнилъ...
И въ тотъ-же самый день, подумаешь... мнѣ тяжко...
Пойдемъ!

(Неожиданный, сильный порывъ
вѣтра предшествуетъ глухому под-
земному удару).

Роджіеро.

Насъ унести, не надобно
идти!

(Рѣзкій и могучій колебаніа
почвы).

Часовой (падая на колѣни).

Мать Богородица!

(Удары слѣдуютъ непрерывно
одинъ за другимъ; сѣрный запахъ).

Роджіеро.

Я такъ и ждалъ!

Бѣжимъ! не то задохнемся... Вонъ, щели
Чернѣя зазіяли... Кратеръ близко!
И дрогнула луна, все закачалось...

(Убѣгаетъ; на пути нѣсколько
разъ спотыкается, падаетъ и ис-
чезаетъ).

Алонзо (остаётся стоять на мѣстѣ,
глядитъ на тѣло смотрителя).

Какъ онъ спокоенъ по сравненію съ нами!
Все рушится кругомъ а онъ недвижимъ?
Прахъ человѣка выше человѣка...
Онъ такъ презрителенъ къ мученію природы!
Корабль вошелъ въ чуть дремлющій заливъ —
Всѣ бури назади! Да! властнуй разрушеніе!
Дженевра! гдѣ-то ты?

Часовой.

Владычица! спаси!

(Новые сильнѣйшіе удары и опу-
сканія почвы; карантинъ рушится;
мѣстность покрывается густымъ,
сѣрнымъ туманомъ. Ничего не-
видно: слышны крики).

VI.

Внутренность катакомбъ. Длинные ходы ихъ переломаны только-
то миновавшимся землетрясеніемъ. Резидентъ сидитъ передъ за-
жженнымъ фонаремъ.

Резидентъ.

Вотъ сколько времени, что я засыпалъ!
Кричалъ, кричалъ! Отвѣта нѣтъ...

(Кричить).

Го-ла!!

Разносится мой голосъ какъ-то глухо,
И будто возвращается въ меня...
И голоденъ-же я... Ослабнетъ голосъ
Когда не ѣмъ, пожалуй что два дня?
И тишина-же мертвая какая?
Глазъ утомился въ этихъ бурныхъ краскахъ...
И въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ...

(Беретъ лампу и осматриваетъ
ее).

Забавный случай! будто-бы нарочно
Для лампочки моей съискалось масло?
И много масла! мѣсяць пророгить!...

(Отставивъ лампу встаетъ).

Я помню, я вошелъ сюда подъ вечеръ
И заказалъ въ развалинѣ банкетъ...
Луна свѣтила ярко и Роджіеро
Мнѣ обѣщалъ съ Алонзо порѣшить...
Покончилъ-ли? Что сдѣлалось съ банкетомъ?
Я помню громъ и гулъ, и запахъ сѣрный!
Срывались своды, лампа потасала;
Я думалъ, что меня придавить сразу...
Ошибся! Вслѣдъ за этимъ тишина
Настала мертвая! Я обошелъ
Рядъ катакомбъ—повсюду разрушеніе...
Наткнулся на одну могилу... Эту
Плита безъ надписи; лампадка тлѣла
Передъ иконою, а подлѣ стѣнки
Сосудъ нашель и съ масломъ. Видно кто-то
Могилу посѣщалъ и приготавливалъ...
Не выпить-ли? брррр! не могу, противно!
А между тѣмъ плита...

Качается! отстала!

(Плита подается и падаетъ на
землю; видѣнъ гробъ и на доскѣ
надпись).

А! молчаливый компаньонъ! здорово!
Дай познакомимся съ тобой! кто ты?

(Подноситъ лампу и отпаты-
вается).

Лютеція Манчини! мать Дженевры!

Гей!.. есть-ли люди тамъ?! живьемъ похороненъ!

Обманываться не зачѣмъ!.. на вѣки!..

Но эта тишина смутитъ меня...

Мнѣ звуковъ надо, звуковъ...

Тихо! Что тамъ?

Хруститъ! совѣмъ не слышно, поддается!

Взглянуть хочу я на нее теперь?

Давно-ль, въ сѣньи солнца, холмъ мы рыли?

Продолжить поиски...

(Падаютъ крышка гроба. Видны скелеты въ истлѣвшихъ дохмотныхъ; на шеѣ золотое ожерелье).

Печальный обликъ!

Когда-то такъ тепло меня любила?

И ожерелье это мнѣ знакомо,

И годы юности какъ-бы горять съ него

Куда онъ всѣ дѣлнсь — эти феи?

(Владеть руку на черепъ).

Ты, черепъ, слышалъ-ли? Печально, мрачно!

Что-жъ? развѣ страшно такъ? Чего страшннться?

Прохладой свѣжей въ руку отдастъ...

И много юмору есть въ сочетаннн

Насъ двухъ подѣ растревоженной землей!

Я помню: точно такъ держалъ я руку

Когда она спала передо мной...

И, мой подарокъ, это ожерелье

Въ живомъ дыханнн двигалось волной...

Была прелестна! что за превращенье?!

Вотъ еслибы художника сюда!

Обидно: не придетъ сюда художникъ,

И красота мгновенно пропадетъ...

(Задумывается).

Однако нѣтъ-ли хлѣба тутъ? облачки?

Вѣдь въ гробъ кладутъ... да, кажется кладутъ?

Пыль! ветошь! мнѣ знакомый запахъ тлѣнн!

Но что-же я? Да будь-же самъ собой!

Не ждатель-же здѣсь услугъ голодной смерти?

Мнѣ ница издавна служила наслажденьемъ;

Мнѣ голода позывъ служилъ весельемъ!

И что-бъ я голоду осилить далъ себя?!

Не быть-же мнѣ засыпаннымъ землею —

Когда я землю рылъ, въ ея пахучихъ ранахъ

Лопатой ерзалъ, ломомъ оглушалъ!

Земля молчала все и вдругъ заговорила

Въ разгромѣ силъ, въ крушеннн безумномъ

Основъ незыблемыхъ — я слышу родники

Бѣгутъ и шепчутся! Во тьмѣ кромѣшной

Хлопочетъ жизнь... торопится занять

Мѣста открытыя для новыхъ наслоений...

И пламя и вода свой исполняютъ долгъ, —

Такъ развѣ мысль моя и сознанныя воли

Слабѣй безумнн клопочущихъ началъ?

Довольно жили мы и насладились...

(Внимаетъ книжалъ).

Го-ла! въ послѣднн разъ! есть кто—отвѣтъ?

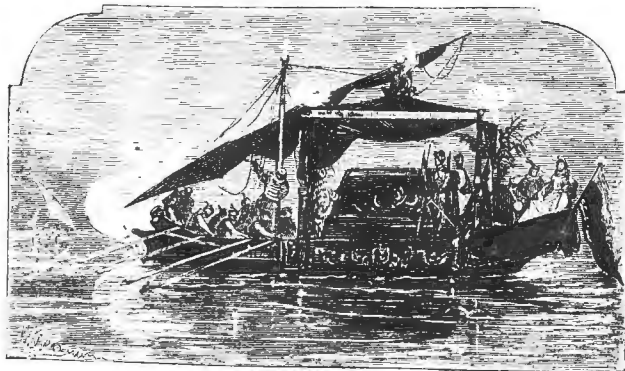
Земля отвѣтила... пошла ссыпаться...

Сводъ опускается... гулъ раздается...

Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! не вы, а я кончаю,

И этотъ-то исходъ есть у меня всегда!

(Заканчивается).

VII.

Ясный солнечный день. Карантинъ, почти разрушенный, оцѣлѣлъ стражниками. Судно, стоявшее въ карантинѣ, выброшено на берегъ. Въ сторонѣ, на берегу, толпится народъ, глядя на отходящую въ море траурную галеру съ тѣломъ Резидента, отысканнымъ въ развалинахъ. На галерѣ всѣ сопровождающн его, кромѣ Роджеро. Дженевра и Алоизо, отдѣльно отъ прочихъ сидятъ на кормѣ. На берегу, на возвышеннн, поодаль, пастухъ съ дѣвочкой, стерегущн стадо.

Пастухъ.

Ты помни, Лея, видишь-ли галеру?

Лея.

Какая черная!

Пастухъ.

А море-то какъ сине

Тамъ человѣка одного везуть,

Большаго человѣка! только тѣло—

Души ужъ нѣтъ! она теперь предѣ Богомъ!

Онъ добръ съ тобою былъ: богата будешь!

Лея.

Богата?

Пастухъ.

Это онъ тебѣ богатство далъ!

Мы за него помолимся-ка вмѣстѣ...

(Ставаются на колѣни и шепчуть молитву).

Дѣвочка.

А отъ чего-жъ онъ умеръ?

Пастухъ.

Былъ засыпанъ

Землетрясеньемъ! Помнишь какъ гудѣла

Земля и горы наши шевелились!

Дѣвочка.

А кто-же ѣдетъ съ нимъ? Вотъ эти.

Что тамъ, за гробомъ, высоко сидятъ?

Пастухъ.

Должно быть братъ съ сестрой!

Дѣвочка.

Онъ обнимаетъ

Ее! утѣшить хочеть? жаль сестры...

Пастухъ.

Пожалуй такъ! а, впрочемъ я не знаю...

Однако скоро какъ идетъ галера?

Вонъ лебедь бѣлый повернулъ отъ насъ...

За мертваго помолимся-ка вмѣстѣ!

Новыя Петербургскія скотобойни.

(Рис. на стр. 364 и 365).

Между Забалканскимъ проспектомъ и соединительной вѣтвью Варшавской желѣзной дороги находится громадная постройка—новая городская скотобойня, находящаяся въ непосредственномъ соединенн съ скотопригоннымъ дворомъ. Скотобойни занимаютъ площадь въ девять десятинъ земли. На рисункѣ справа прямо обозначена площадь, между скотопригоннымъ дворомъ и скотобойнями, куда пригоняютъ скотъ, доставленный по желѣзной дорогѣ и гдѣ онъ свидѣтельствуется ветеринарами и распродается. Скотъ, проданный и предназначенный на убой, а также и непроданный, загоняется черезъ другня ворота въ новыи дворъ, гдѣ и сортируется. Напротивъ этихъ воротъ, какъ

видно на рисункѣ, находятся ворота, ведущи въ длинныя зданн скотобоевъ, построенныхъ въ швейцарскомъ стилѣ со сводами и занимающихъ по фронту 15 сажель. У входа въ бойни стоятъ ветеринары, которые свидѣлствуютъ скотъ вторично. Отсюда мы снова попадаемъ на большую площадь, на которой скотъ распределяется по сортамъ и ведется на убой. Затѣмъ для рогатаго скота выстроено зданн, въ серединѣ котораго находится дворъ въ 82 сажени длины и 12 сажени ширины. По обѣимъ сторонамъ двора выстроено по два ряда загоновъ, раздѣленныхъ между собой узкимъ дворомъ; съ обѣихъ же сторонъ въ наружныя загоны вгоняется скотъ, въ ожиданн убоя

и оттуда через узкий дворъ ихъ уводятъ рѣзники собственно въ бойню. Въ бойнѣ этой 38 номеровъ, т. е. по 19-ти номеровъ, съ каждой стороны двора. У входа въ такой номеръ находится пространство, отдѣленное желѣзной задвижкой въ сажень вышины, тутъ рѣзникъ большимъ ножомъ, направленнымъ въ центръ нервной системы, моментально убиваетъ быка, который падаетъ на подвижную платформу на колесахъ. По истеченіи крови изъ туши, платформа вводится въ другую часть номера. Задвижки эти введены съ цѣлью скрыть отъ предназначенныхъ къ убою животныхъ судьбу ихъ предшественниковъ, что прежде вызывало всегда упорное, отчаянное сопротивление животныхъ во время шествія на убой, и заставляло рѣзниковъ прибѣгать къ различнымъ истязаніямъ, какъ напримеръ ломать хвосты у животныхъ, съ цѣлью заставить ихъ идти впередъ. Со введеніемъ заслонокъ все это прекратилось.

Затѣмъ туша отвозится въ отдѣленіе съ вертикальными желѣзными брусками, на которыхъ укрѣплены желѣзные рѣшетки, куда туши подвѣшиваются за ноги спиною внизъ. Въ этомъ положеніи туша очищается и потомъ при помощи особаго приспособленія на блокахъ поднимается вверхъ и вѣшается на крюкъ; приспособленіе это устроено на 20 быковъ, на 7,000 пудовъ мяса. Въ этомъ высшемъ положеніи мясо очищается окончательно и передвигается въ другой конецъ отдѣленія, откуда уже грузится на подводу. Каждый номеръ старательно вентилируется. Стѣны, отъ пола, на 2½ аршина вверхъ, покрыты сланцемъ, въ дюймъ толщины, въ виду того, что сланецъ не впитываетъ крови и воздухъ не портится. Кроме того повсюду проведена вода, смывающая всѣ нечистоты. Полъ въ бойнѣ асфальтовый; въ полу устроены скаты, по которымъ сбѣгаютъ нечистоты и выливаются отсюда, а также изъ другихъ боенъ по чугуннымъ трубамъ въ подвалы и проходятъ въ гигантскій резервуаръ, а оттуда паровыми насосами отводятся на семь верстъ далѣе по Обводному каналу въ Финскій заливъ. На противоположномъ такомъ же широкомъ дворѣ, какой построенъ для рогатаго скота, находятся загонъ для свиней и поросятъ. Загоновъ этихъ пять, съ прилегающими къ нимъ ледниками для мяса, видными на лѣвой сторонѣ рисунка и хлѣвами. По убою свиной туши ихъ подвѣшиваютъ надъ столомъ на потолокъ, на двигающемся по желѣзному полукругу крючьевъ на блокахъ. Подъ полукругомъ находится большой котелъ съ кипящей водой, куда погружаютъ туши: тамъ онѣ ошпариваются и освобождаются отъ шетины. Тутъ же помѣщаются столы для окончательной ихъ обработки. Въ санитарномъ отношеніи бойни эти устроены также, какъ и бойни рогатаго скота. Кроме того тутъ устроенъ кабинетъ для микроскопическихъ изслѣдованій, для производства анализа свиного мяса, чтобы узнать нѣтъ ли въ немъ трихинъ.

Брабантка. Съ картины Боденюллера, грав. Бренд'Амуръ.

При входѣ въ скотобойни, стоящія отдѣльно отъ нихъ, видны зданія—то небольшіе хлѣва, два загонъ съ лазаретомъ и небольшою казармой для рѣзниковъ и фельдшеровъ. Это бойни для скота сомнительнаго здоровья.

По прибытіи поѣздовъ скотъ во время высадки свидѣтельствуется ветеринарами. Если въ пригнанной партіи находится больной экземпляръ, то вся партія отводится въ лазаретъ и здѣсь или подвергается леченію, или же частію убивается и цѣликомъ сжигается въ громадныхъ печахъ, которыя видны вверху слѣва на рисункѣ. Это дѣлается для предупрежденія развитія миазмовъ. Тутъ же не вдалекѣ находится зданіе съ паровой машиной, съ крупными цилиндрами и насосами въ 3 и до 20 силъ для препровожденія собирающихся въ резервуарѣ нечистотъ на взморье. Рядомъ помѣщаются 4 большіе котла, изъ которыхъ 3 служатъ для приведенія въ дѣйствіе цилиндра, а четвертый накачиваетъ паръ для отапливанія. Здѣсь же стоятъ и трупосожигательная печь.

Отъ машиннаго зданія ко всѣмъ бойнямъ идетъ туннель-подвалъ, въ которомъ проходятъ трупы съ водой чистой, водой горячей, нечистотами и трупами паровья, выходящая въ калориферъ.

По Забалкапскому проспекту, какъ видно на рисункѣ, внизу по линіи забора, выстроены рядъ зданій съ садиками. Первое трехъ-этажное зданіе—это помѣщеніе для ветеринаровъ и для смотрителя. Затѣмъ идетъ двухъ-этажный домъ—контора скотобоенъ съ квартирами бухгалтеровъ и служащихъ, и еще зданіе въ два этажа, гдѣ помѣщаются казармы, квартиры рѣзниковъ съ прачешной, копушными и ледникомъ, влѣво по линіи забора.

Далѣе вдоль улицы влѣво выстроены лавки и ледники бойни. Лавокъ 5, въ глубинѣ ихъ находятся двери, ведущія въ холодныя помѣщенія—кладовыя, надъ которыми на желѣзныхъ стропилахъ и помостѣ

находится ледъ. Всѣ кладовыя съ двойными стѣнами и большими свѣсами крышъ, что служитъ предохраненіемъ погребовъ отъ дѣйствій лучей солнца.

Такія же два зданія находятся не вдалекѣ для запасовъ мяса. За этими слѣдуетъ небольшой дворикъ, помѣщаются телѣги боенъ, послѣднее влѣво зданіе, на рисункѣ нашемъ изображенное.

Всѣ постройки скотобоенъ обнесены частоколомъ въ 4 аршина вышины, который тянется на 500 сажень. Расходы по устройству скотобоенъ простираются до 1,200,000. Постройки начались въ маѣ 1880 года и окончились только къ январю 1882 года.

Прекрасный рисунокъ, помѣщенный здѣсь, исполненъ архитекторомъ г. Гефтверомъ, однимъ изъ участниковъ въ постройки этихъ новыхъ сооружений.

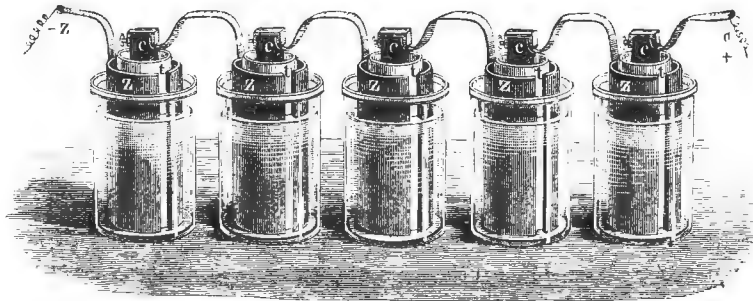
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВѢТЪ.

Очеркъ Н. Фогеля.

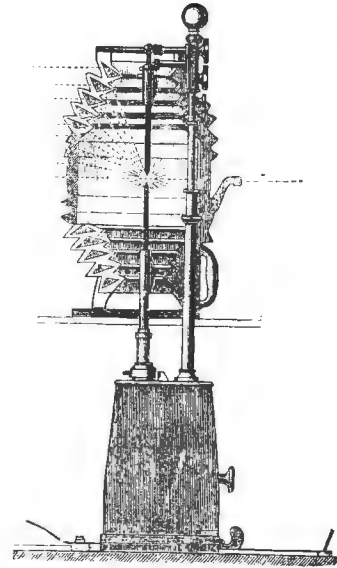
Лѣто и осень 1881 года ознаменовались многочисленными выставками, мѣстными, народными и международными, общими и специальными. Но ни одна изъ нихъ не обратила на себя такого общаго вниманія какъ электротехническая выставка въ Парижѣ.

Уже давно электричество сдѣлалось посредникомъ обмена мыслей, уже давно оно употребляется въ гальваношлесткахъ и служитъ помощникомъ художника и издавна занимаетъ въ те-

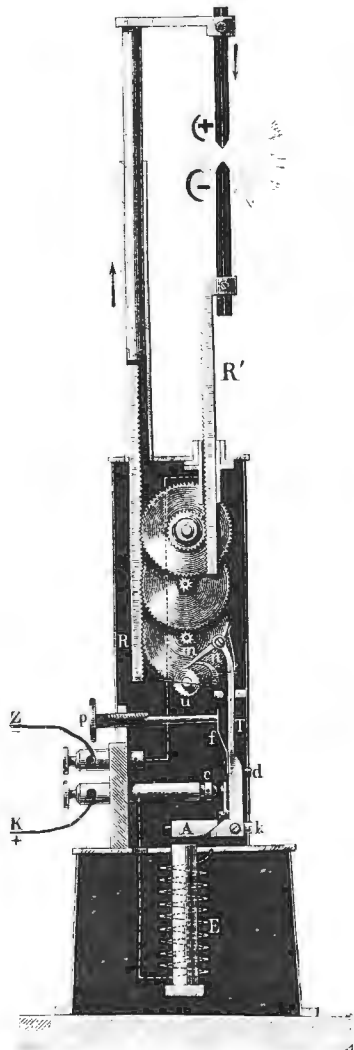
съ интересомъ всѣ вообще ожидали открытiя электрической выставки, надѣясь получить тамъ свѣдѣнiя объ успѣхахъ электрическаго освѣщенiя. И выставка оправдала ожиданiя публики. Чтобы показать дѣйствiе электрическаго освѣщенiя во всемъ блескѣ, выставка открыта была и ночью. На крышѣ находились два электрическихъ солнца старой системы, освѣщая пространство на далекое разстоянiе. Но еще ярче горѣли окна зданiя выставки, внутри котораго пылали тысячи электрическихъ

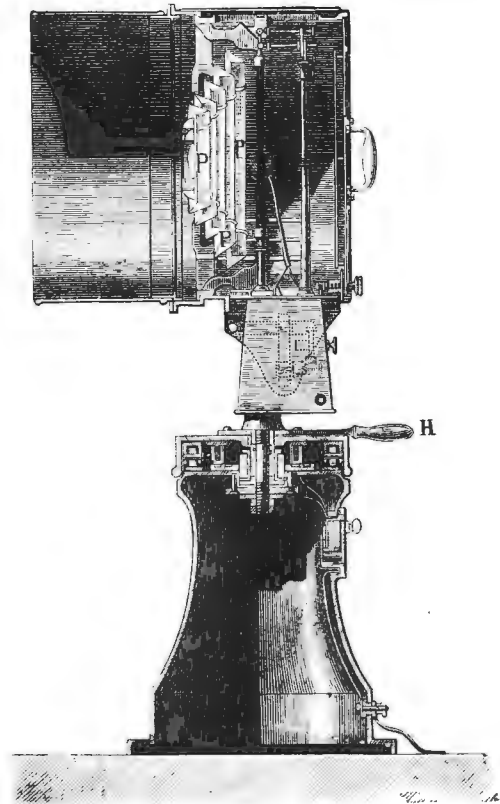
Фиг. I. Баттарея Бунзена.

Фиг. III. Фонарь освѣтительнаго маяка.

Фиг. II. Лампа-Регуляторъ Сименса.

Фиг. IV. Прожекторъ.

рапiи выдающееся мѣсто, но еще недавно стало оно примѣняться въ области электротехники: для телефоновъ и электрическаго освѣщенiя. Всѣ были изумлены когда во время выставки 1876 года, Яблочковъ представилъ прекрасныя электрическiя лампы, примѣнивъ къ нимъ практически то электричество, которое до этихъ поръ считалось рѣдкостью и употреблялось только для освѣжительныхъ электрическихъ солнцъ.

Теперь огромное значенiе электрическаго освѣщенiя сдѣлалось очевиднымъ и многiе электрики стали подражать Яблочкову или старались достигнуть той же цѣли другимъ путемъ.

огней, начиная съ самыхъ сильныхъ солнцъ, равняющихся 8000 свѣчей, до лампъ, силою свѣта не превышающихъ обыкновенную керосиновую лампу.

Какое разнообразiе въ свѣтѣ противъ выставки 1878 г., когда экспонентомъ являлся только одинъ Яблочковъ, какiя успѣхи въ продолженiи трехъ лѣтъ, въ сравненiи съ медленнымъ развитiемъ дѣла, со времени открытiя электрическаго свѣта Дэви въ 1813 году!

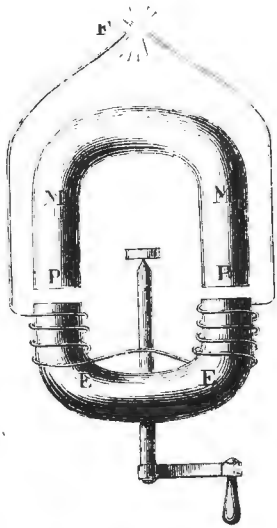
Еще въ 1878 г. когда успѣхъ Яблочкова былъ очевиденъ, В. Сименсъ объявилъ, что электрическое освѣщенiе роскошь,

такъ какъ при одинаковой силѣ свѣта, оно стоитъ въ четверо болѣе газоваго освѣщенія. Но теперь электрическій свѣтъ не заслужить болѣе подобнаго упрека. Отношеніе измѣнилось, и при рациональномъ устройствѣ онъ обходится ⁴/₅ менѣе того, что стоитъ газовый свѣтъ, не говоря уже о преимуществахъ его, т. е., о пріятномъ блѣдомъ свѣта, отсутствіи копоти и запаха и незначительномъ развитіи теплоты.

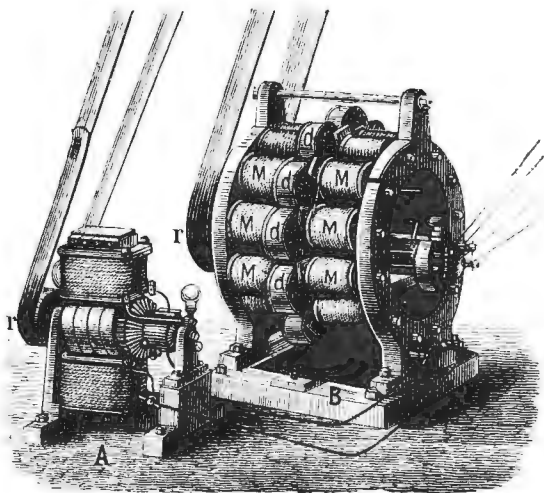
На успѣхъ вліяли различныя причины: дешевое добываніе электричества и целесообразное устройство такъ называемыхъ электрическихъ лампъ.

Прежде для произведенія электричества употребляли исключительно гальваническія батареи, устройство которыхъ разнообразно. Одна изъ самыхъ сильныхъ батарей—это батареи Бунзена (фиг. I).

Согнутыя цинковыя пластинки Z Z Z вставлены въ стеклянныя банки съ разжиженной сѣрной кислотой; посрединѣ банокъ вставляются цилиндры изъ пористой глины t t t, содержащіе въ себѣ угли и наполненные селитряной кислотой. Въ каждой такой банкѣ, отъ дѣйствія жидкостей на тѣла твердыя разви-

Фиг. V. Магнито-электрическая машина.

Фиг. VI. Машина съ переменнымъ токомъ Сименса.

вается та таинственная сила, которую мы зовемъ электричествомъ, и силу эту мы можемъ увеличить по произволу, соединяя нѣсколько банокъ или элементовъ, какъ показано на рисункѣ. Если затѣмъ на концѣ + C (съ положительнымъ) и - Z (съ отрицательнымъ электрич.) прикрѣпить длинныя проволоки и соединить ихъ между собою свободными концами, то присутствіе электричества обнаруживается искрой. Чѣмъ болѣе число элементовъ, тѣмъ ярче искра, а при 30—40 элементахъ она переходитъ въ прекрасный свѣтъ. Если заставить искру перепрыгивать между острыми углами, соединенныхъ между проволоками + C и - Z, то получится такъ назыв. электрическій уголовъ свѣтъ. При этомъ острія углей горятъ очень свѣтлымъ блѣдомъ свѣтомъ, невыносимымъ для глазъ, равняющимся нѣсколькимъ тысячамъ свѣчей.

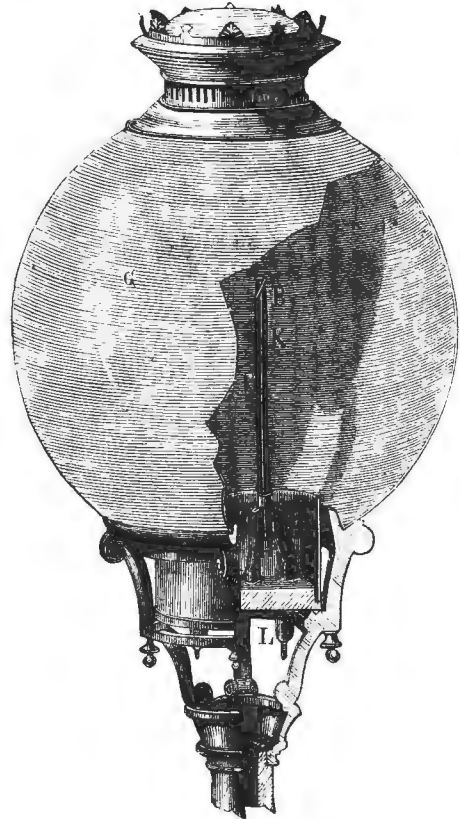
Но при горѣнн углей разрушаются; разстояніе между ними увеличивается, и послѣ увеличенія до извѣстной степени, свѣтъ гаснетъ.

Для избѣжанія этого, отъ времени до времени, по мѣрѣ уда-

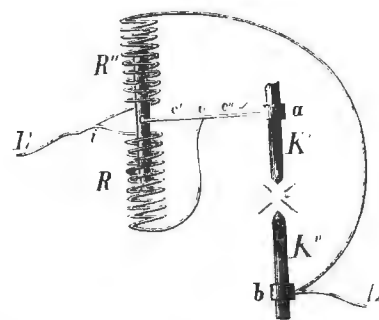
ленія концовъ углей, ихъ слѣдуетъ сближать. И такъ какъ дѣлать это руками неудобно и трудно, то пришлось озаботиться устройствомъ механизма для регулированія лампъ. Такимъ образомъ были придуманы регуляторы.

Устройство регуляторовъ очень разнообразно, ихъ насчитывается до 100 системъ. Для примѣра приведемъ одинъ изъ старѣйшихъ регуляторовъ системы Сименса (фиг. II).

Угли, между которыми образуется свѣтъ, C + и C -, сидятъ на зубчатыхъ пластинкахъ R и R', входящихъ въ систему колесъ. Если отъ тяжести лѣвая пластинка опустится, то правая поднимается; когда острія углей соприкасаются, то электрическій токъ, проводимый черезъ проволоки Z и K, замкнутъ. Токъ этотъ, прежде чѣмъ достигъ верхняго угла, проходитъ черезъ спираль, обернутую вокругъ желѣза E, и намагничиваетъ

Фиг. VII. Лампа Яблочкова.

Фиг. VIII. Устройство дифференціальной лампы.

ее. Вслѣдствіе этого желѣзная полоска A притягивается, черезъ что рычагъ съ винтомъ m поворачивается влѣво. Винтикъ входитъ въ колесо n, толкаетъ его влѣво, и это движеніе, которое въ то же время передается верхнимъ колесамъ, снова разъединяетъ угли C + и C -, такъ что между ними снова можетъ образоваться свѣтовая дуга. Если дуга эта слишкомъ длинна, то сила тока уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и магнитическая сила желѣза E. Желѣзная полоска A подается назадъ и рычагъ T, надавливаемый пластинкой f, подвигается въ право. Этимъ освобождается колесная система и верхній уголь, вслѣдствіе своей тяжести, подается къ низу до тѣхъ поръ, пока отъ сближенія углей, увеличенная сила тока не увеличитъ магнитной силы желѣза, и болѣе сильнымъ притяженіемъ желѣзной полоски A не произведетъ новаго движенія винта m.

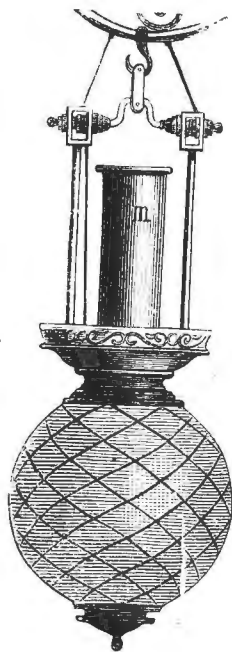
Необыкновенная сила свѣта, получаемая при помощи такихъ регуляторовъ, очень пригодна для нѣкоторыхъ театральнхъ свѣтовыхъ эффектовъ, а также для оптическихъ опытовъ и для маяковъ, т. е. для сигналовъ.

Слѣдующая фигура III представляет устройство электрическаго фонаря на маякѣ. Стекланная призма и линзы, составляющія стѣнки фонаря, расположены такъ, что всѣ лучи электрическаго свѣта выходятъ изъ фонаря горизонтально. На фиг. IV, изображено примѣненіе электрическаго свѣта къ такъ назыв. *пржекторамъ*, употребляемымъ преимущественно на военныхъ корабляхъ и при осадахъ крѣпостей, съ цѣлью сосредоточенія свѣта на известномъ пунктѣ въ отдаленіи. Здѣсь также какъ и въ фонарь для маяка употребляется цѣлый рядъ стекляннхъ призмъ рр, для того чтобы свѣтъ, выходящій изъ точки горѣнія электрической лампы, направить параллельными лучами по известному направленію.

Рукоятка Н служитъ для поворачиванія инструмента на перпендикулярной оси, кромѣ того онъ можетъ быть наклоненъ. Подобные инструменты неоднократно употреблялись французами для наблюденія за почными работами иѣмцевъ при осадѣ Парижа въ 1870 году. Въ настоящее время, со введеніемъ динамоэлектрическихъ машинъ инструменты эти значительно усовершенствованы.

Не смотря на дѣйствительныя преимущества, электрическій свѣтъ употребляется только въ исключительныхъ случаяхъ. Сохраненіе потребной для этаго батареи и дорого и сопряжено съ неудобствами, какъ то: развѣдающее дѣйствіе кислотъ и развитіе кислотныхъ паровъ. Въ 1860 году при постановкѣ электрической батареи въ складѣ веревокъ въ театрѣ Викторія въ

Фиг. IX. Дифференціальная лампа-регуляторъ, Сименса.

Берлинѣ, отъ дѣйствія кислотъ веревки были испорчены а желѣзные гвозди настолько перержавѣли, что строила грозили рушиться.

Начали прибѣгать поэтому къ другимъ источникамъ электричества и нашли такой въ магнитоэлектрической индукционной машинѣ.

Представимъ себѣ сильный магнитъ М (фиг. V), передъ полюсами котораго находится мягкій кусокъ желѣза ЕЕ обмотанный проволокой, который приводится въ вращательное движеніе ручкой или чѣмъ нибудь другимъ. При этомъ вращеніи образуется электрическій токъ, обнаруживающійся искрой при приближеніи къ свободнымъ концамъ проволоки. Точно также какъ и въ обыкновенной батареѣ съ цинкомъ и углемъ (фиг. I) является электричество различнаго вида, какъ то положительное (+) и отрицательное (-) и въ магнитоэлектрической машинѣ одинъ конецъ проволоки бываетъ положительный, а другой отрицательный. Но характеръ электричества измѣняется, смотря по тому удаляются ли или приближаются концы желѣза къ сѣверному или южному полюсу магнита. Положительное электричество переходитъ то на правый, то на лѣвый конецъ проволоки; такимъ образомъ токъ въ этой машинѣ постоянно мѣняетъ свое направленіе.

При одномъ магнитѣ получается токъ слабый, но при соединеніи цѣлаго ряда магнитовъ и при вращеніи ихъ помощью машины, получаютъ сильныя электрическія токи, очень пригодныя для питанія электрическихъ лампъ. Такія машины, въ шестидесятыхъ годахъ, употреблялись во Франціи и Англіи, для произведенія свѣта на маякахъ и такой свѣтъ вдвое дешевле чѣмъ равносильный свѣтъ, получаемый изъ батареи Бунзена.

Конечно для дѣйствія такихъ аппаратовъ требуется известныя двигатели, напримѣръ, паровая машина, что во всякомъ случаѣ дешевле, чѣмъ постановка батареи съ дорогими матерья-

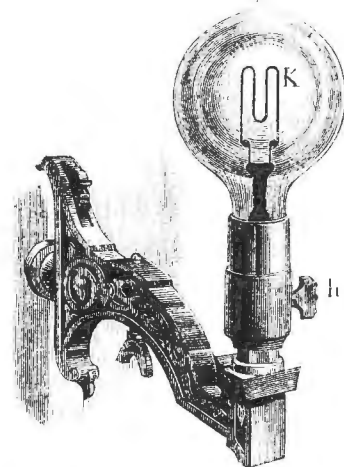
лами (цинкъ и кислоты). И такъ магнито-электрическія машины способствовали много успѣху электрическаго освѣщенія.

Недостатокъ ихъ однако заключался въ томъ, что онѣ требовали большихъ магнитовъ, сила которыхъ не была постоянной. Поэтому вмѣсто магнитовъ стали употреблять электромагниты, т. е. мягкіе куски желѣза (какъ на фиг. V E), обмотанные проволокой съ электрическимъ токомъ.

На фиг. VI изображена машина Сименса съ переменнымъ токомъ, употребляемая нынѣ при электрическомъ освѣщеніи. Она состоитъ изъ двухъ частей. А—это машины дающія прямыя токи, которые возбуждаютъ, находящіяся въ машинѣ В съ переменнымъ токомъ, электромагниты ММ, между которыми вращаются катушки съ проволокою d d. Вращеніе въ обѣихъ машинахъ производится ремнями. Машина Сименса стоитъ въ шесть разъ и вѣситъ въ десять разъ менѣе, а также даетъ въ 3/4 раза болѣе свѣта чѣмъ старая электромагнитная машина системы компаніи Альянсъ.

Распространенію динамоэлектрическаго свѣта не мало способствовала также маленькая газовая машина Отто изъ Дейтца. Она пригодна для постановки въ мѣстахъ, гдѣ нельзя располагать ни силой пара, ни силой воды и благодаря своимъ небольшимъ размѣрамъ можетъ быть установлена въ любомъ мѣстѣ. Маяки, театры и фотографическія мастерскія съ успѣхомъ пользовались этой машиной.

Электрическій свѣтъ былъ неприятенъ своимъ неестественнымъ, портящимъ глаза, блескомъ, что если и удобно для театровъ и малковъ, то негодится для обыкновеннаго употребленія на улицахъ, въ мастерскихъ и домахъ, производя слишкомъ яркій свѣтъ вблизи и слишкомъ слабый въ отдаленіи, такъ какъ сила свѣта уменьшается съ квадратами разстоянія. Существовавшіе до 1876 года регуляторы не допускали раздѣленія одного сильнаго свѣта на нѣсколько болѣе слабыхъ. Такія электрическія лампы съ болѣе слабымъ свѣтомъ были впервые изго-

Фиг. X. Электрическая лампа Максима.

товлены Яблочковымъ на новыхъ основаніяхъ. Онъ бралъ два угля КК (фиг. VII представляетъ лампу Яблочкова) и сплавлялъ ихъ параллельно гипсомъ или каолиномъ. Сверху онъ соединялъ кускомъ графита В и вставлялъ ихъ въ оправу h, i, по которой проходилъ электрическій токъ. Токъ изъ проволоки L идетъ въ правую оправу h, затѣмъ въ одинъ изъ углей, черезъ графитное соединеніе переходитъ въ другой и выходитъ черезъ i. Графитъ горитъ и этимъ образуетъ свѣтовую дугу. Угли стораютъ медленно, каолинъ между углями накаляется и испаряется. Въ горячемъ состояніи проводя токъ, онъ содѣйствуетъ саморегулированію, такъ что регулирующий механизмъ оказывается излишнимъ. Такимъ образомъ система электрическаго освѣщенія еще упростилась, при чемъ теперь въ одинъ токъ можно было включить вмѣсто одной четыре лампы. Вмѣсто сильнаго, ослѣпительнаго, въ 4,000 свѣчей свѣта, получило четыре отдѣльныхъ свѣта, каждый въ 200 свѣчей. Для уменьшенія силы блеска былъ устроенъ колпакъ G.

Однако при практическомъ примѣненіи лампъ Яблочкова обнаружались ихъ недостатки. Во первыхъ онѣ были дороги, да и те, угли горѣли не болѣе полутора часа, часто гасли и если гасла одна лампа, то гасли и остальные три.

На электрической выставкѣ въ Парижѣ появилось нѣсколько новыхъ лампъ, уже съ устраненными недостатками, между прочимъ лампы Вильде и Мамена, въ которыхъ угли не соединяются гипсомъ или каолиномъ, но раздѣлены воздухомъ. Угли наклонены другъ къ другу такъ, что соприкасаются, но при прохожденіи тока немного разъединяются и тогда образуется электрическая свѣтовая дуга.

Отдавъ должную дань удивленія лампамъ Яблочкова, снова вернулись къ системѣ регуляторовъ, но уже новыхъ. Старые регуляторы годятся не столько для включенія нѣсколькихъ лампъ въ одинъ и тотъ же электрическій токъ, сколько для

регулированія силы тока. Может случиться, что отдельные свѣтовые дуги различныхъ лампъ горятъ неровно, между тѣмъ сила тока остается одинаковой и уравнивание не состоится. При правильной системѣ освѣщенія каждая лампа должна регулироваться сама, не причиняя вреда другимъ и не подвергаясь влиянію случайныхъ колебаній тока.

Это достигается регуляторомъ поной такъ называемой дифференціальной лампы.

Фиг. VIII L' изображаетъ токъ, который раздѣляется при i и съ одной стороны идетъ въ толстую катушку K', а съ другой въ тонкую катушку K". Изъ толстой катушки токъ идетъ въ рычагъ с' с', который вращается вокругъ o и слѣва поддерживаетъ пластинку, входящую въ катушку, а справа удерживаетъ оправу для угля K'. K"—это нижній укрѣпленный уголь. При соприкосновеніи углей большая часть тока идетъ черезъ толстую катушку, черезъ угли и при b снова входитъ въ главный проводъ L". Этимъ токомъ катушка V намагничивается, притягиваетъ пластинку, а съ нея и лѣвую сторону укрѣпленного рычага с'. Правая же сторона его съ укрѣпленнымъ углемъ тогда поднимается, при этомъ угли разъединяются и происходитъ свѣтовая дуга. Какъ только длина ея при стараніи достигается известной мѣры, возрастаетъ сопротивленіе, которое токъ встрѣчаетъ при переходѣ съ одного полюса на другой, вслѣдствіе чего большая часть тока идетъ въ тонкую катушку K". Эта послѣдняя снова поднимаетъ желѣзную пластинку вмѣстѣ съ рычагомъ и этимъ снова сближаетъ угли. Наконецъ желѣзная пластинка останавливается въ томъ пунктѣ, гдѣ магнетизмъ верхней и нижней катушекъ уравниваются. Этотъ дифференціальный регуляторъ въ большомъ употребленіи при новой системѣ лампъ Сименса и Гальске въ Берлинѣ, Лонганъ въ Парижѣ и Бруна въ Нью-Йоркѣ, и который благодаря Ифнеру—Альтенку, электрику у Сименса, чрезвычайно усовершенствованъ.

На фиг. IX изображена дифференціальная лампа съ колпачкомъ Сименса. Механизмъ заключенъ въ металлическомъ цилиндрѣ m. Новыя лампы Сименса и Яблочкова силой свѣта равняются 150 свѣчамъ. Это не много въ сравненіи со старыми электрическими солнами, но много для освѣщенія не большихъ помѣщеній. Начались пробы изготовленія лампъ

еще съ меньшей силой свѣта. Если пропустить сильный токъ черезъ тонкую платиновую проволоку, то она загорается и даетъ довольно свѣта для обыкновенной лампы. Но къ сожалѣнію проволока легко плавится. Лучше брать тонкіе угли, которые накаляются при прохожденіи черезъ нихъ электрическаго тока; такія лампы были выставлены Ренье и Вердерманомъ въ Парижѣ. Ихъ также нѣсколько можетъ быть включено въ одинъ токъ. Толстый конецъ изъ мѣди помѣщается противъ острия угля, однимъ концомъ уголь прикасается къ мѣди, замыкаетъ токъ, накаляется и сгораетъ. По мѣрѣ сгорания угля, особымъ приспособленіемъ придвигается свѣжій уголь. Такия лампы силой свѣта равняются сорока свѣчамъ; но еще съ меньшей силой свѣта изготовлены лампы Свэнномъ, Эдиссономъ и Максимомъ. Они изготовляли тонкія угольные нити при помощи закаливанія волоконъ бамбука въ желѣзныхъ формахъ. Эти угольные нити накаляются электрическимъ токомъ, но сгораютъ въ воздухѣ, для предотвращенія чего изобрѣтатели замыкаютъ ихъ въ стеклянные шары, изъ которыхъ удаляется воздухъ. Съ наружнымъ воздухомъ концы углей сообщаются платиновыми проволоками, которыя при введеніи въ токъ моментально зажигаютъ лампу.

Фигура X изображаетъ такую лампу изобрѣтатели Максима въ Нью-Йоркѣ. Витъ h напоминаетъ газовый проводъ, но служитъ только для прекращенія тока или же соединенія угля K съ токомъ, заключеннымъ въ стѣнной прикрѣпѣ и проведеннымъ черезъ стѣну. У Эдиссона угли имѣютъ форму подковы. Стеклянный шаръ не больше кулака. Свѣтъ этой лампы отличается отъ электрическаго еще тѣмъ, что онъ горитъ не бѣлымъ а желтымъ цвѣтомъ, на подобіе обыкновенной лампы.

Лампы эти пригодны очень для домашняго обихода, въ особенности они употребительны на англійскихъ парусныхъ корабляхъ, при работахъ водолазовъ и въ горномъ дѣлѣ. Дальнѣйшее распространеніе электрическаго освѣщенія зависитъ отъ дешеваго производства электричества, т. е. отъ дешеваго изготовленія электромагнитныхъ машинъ. Есть довольно мѣтостей, гдѣ съ этой цѣлью можетъ быть употреблена сила воды, а также такихъ, гдѣ топливо для нагреванія котловъ дешево. Тогда электричество будетъ проведено въ дома по трубамъ, какъ это дѣлается теперь съ водою и газомъ и введеніе электрическаго освѣщенія не встрѣтитъ болѣе препятствій.

Къ рисункамъ,

Мусульманскіе пилигримы въ Меккѣ.

(Рис. на стр. 372 и 373).

Пилигримство предписывается благочестивому мусульманину самимъ кораномъ, въ которомъ цѣлая глава посвящена вопросу о религіозныхъ странствованіяхъ и объ ихъ важномъ и таинственномъ значеніи. Такимъ образомъ, повиная корану, каждый добрый мусульманинъ, при первой возможности, слѣдуетъ хоть разъ въ жизни, посѣтить разныя священныя мѣстности и предпочтительно передъ всѣми, города Медину и Мекку. Особенно много поклонниковъ собирается сюда, въ двѣнадцатый магометанскій мѣсяцъ Мохремъ; въ Меккѣ, мѣсторожденіи Магомета, въ это время стекается народу до 100000 и вся эта масса пилигримовъ идетъ сюда чтобы помолиться въ большой мечети Эль-Гарамъ и облобызать „черный камень“ сохраняемый въ Каабѣ.

Общій видъ святыхъ Мекки, представленный на нашемъ рисункѣ, сдѣланъ съ фотографіи, снятой однимъ изъ мусульманскихъ поклонниковъ, такъ какъ европейцу не всегда можно безопасно созерцать религіозныя обрядности и проникать въ святилища подозрительнаго и фанатическаго востока. Если же инымъ смѣлымъ туристамъ и удавалось побывать въ Меккѣ и Мединѣ то только подъ одеждой мусульманскихъ пилигримовъ строго соблюдая всѣ предписанія и установленія Корана. Однимъ изъ такихъ отважныхъ путешественниковъ былъ англичанинъ Джонъ-Кинъ, который и издавъ интересное описаніе своего шестимѣсячнаго пребыванія въ Меккѣ. По его словамъ Гарамъ священнаго города это широкая, четырехугольная площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ колоннадой въ 25 футовъ вышины украшенной тамъ и сямъ небольшими куполами. Отъ каждой изъ этихъ колоннъ идетъ рядъ плитъ, проложенныхъ черезъ весь песчаный дворъ по направленію къ главной святынѣ—Каабѣ. Кааба—это простое безъ всякихъ украшеній, массивное, совершенно закрытое продолговатое зданіе высотой до сорока и шириною до 38 футовъ. Вышняя его сторона покрыта толстою, черною матеріею, въ которой замѣтна значительная примѣсь шелка. Кругомъ же всего зданія, на разстояніи пяти футовъ отъ его основанія, идетъ широкая полоса шелковой ткани, на которой вышитъ золотомъ мусульманскій символъ вѣры—Калума. Въ самую Каабу ведутъ три входа, изъ которыхъ главный состоитъ изъ дверей, обитыхъ серебромъ, занавѣшанныхъ тяжелыми вышитыми занавѣсками. Въ одномъ углу зданія существуетъ круглое отверстіе около пяти футовъ въ окружности, въ которомъ вставленъ священный черный камень, обдѣланный со всѣхъ сторонъ серебромъ. Эта серебряная оправа оставляетъ открытой лишь такую частичку камня, какая необ-

ходима для добычанія его благочестивыми поклонниками. Размѣръ же всего камня равняется размѣру головы взрослого человека; это какая то черно-бурая стекловидная масса съ неровною и шероховатою поверхностью, которая по мнѣнію Кина, болѣе всего походитъ на агатъ. Легенды объ этомъ камнѣ очень разнообразны, но самая популярная та, которая передаетъ, что въ этотъ камень обращенъ ангелъ, приставленный стражемъ къ Эдему, въ то время какъ тамъ еще обитали Адамъ и Ева и своею оплошностью попустившей змію обольстить нашихъ прародителей и дать имъ отвѣдать запрещеннаго плода. Въ послѣдній день вселенной, по словамъ мусульманскаго сказанія, окаменѣвшій ангелъ приметъ опять свой прежній образъ поборителя. Кроме того въ юго-восточномъ углу Каабы находится еще другой небольшой и продолговатый гранитный камень, которому также усердно поклоняются пилигримы, обойдя семь разъ около священнаго зданія. Здѣсь же, по близости, возвышаются и другія постройки, важныя по своему религіозному значенію, какъ наиримѣръ куполообразное зданіе, воздвигнутое надъ священнымъ колодеземъ Земъ-Земъ, изъ котораго, по преданію, напояла Агаръ сына; святыня, вмѣщающая въ себя камень, на которомъ отпечатѣлся слѣдъ Авраама а также многочисленныя молебни разнообразныхъ сектъ. Каабу, какъ они утверждаютъ, мусульмане построили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Адамъ, по изгнаніи изъ рая, принесъ первую жертву Богу, въ особой свиніи, ниспосланной ему Богомъ. На этомъ же мѣстѣ построилъ себѣ жилище Сифъ а послѣ потопа Авраамъ. Здѣсь же идолопоклонники Арабы были научены Магометомъ истинной вѣрѣ и потому мусульманинъ, совершая молитву, обращаетъ лицо свое къ Меккѣ—гдѣ его предки творили свои первыя молитвы.

Мекка имѣетъ теперь до 45,000 жителей, находится въ арабской провинціи Хеджазъ, въ песчаной, безплодной равнинѣ, окруженной гольми возвышенностями и раздѣляется на Верхній и Нижній городъ съ предместьями. Улицы широкия и правильныя, дома трехъэтажны (отдаются въ наймы пилигримамъ) окна ихъ обращены на улицу, не такъ какъ въ другихъ мусульманскихъ городахъ. Единственная большая площадь запытая Большою Мечетью съ дворами, колоннадами и священными мѣстами, изображена на нашемъ рисункѣ. Надъ городомъ возвышается грѣбность. Главная мечеть имѣетъ 16 воротъ и семь минаретовъ—обширнѣйшее зданіе, испорченное позднѣйшими пристройками. Вода проведена отъ Арафата, за 7 часовъ пути отъ города.

Кромѣ Мекки, каждый правоверный считаетъ своею непремѣнною религіозною обязанностью посѣтить и Медину, гдѣ находится гробница Магомета. Здѣсь, въ большой мечети Эль-

Гарамъ, возвышается Хурія или мавзоль, увѣнчанный зеленымъ куполомъ. Внутренность этого мавзолея можетъ быть видима лишь черезъ небольшое отверстие, которое потому называется окномъ пророка. Около же самой гробницы висятъ тяжелые, яркіе ковры, которые и скрываютъ ее почти совершенно отъ взоровъ стекающихъ сюда многочисленныхъ поклонниковъ.

Торговка.

(Рис. на стр. 369).

Торгъ на рынкѣ въ полномъ разгарѣ. Шумъ, гамъ, говоровъ не унимаются; по „сѣбѣтнымъ“ рядамъ раннимъ утромъ ходятъ хозяйки, закупа я нужную провизію и въ углу, у стѣны, съ своимъ незатѣйливымъ товаромъ, расположилась наша торговка. Кругомъ нея разнообразныя произведенія подгорныхъ огородовъ— и красная морковь и свѣжая, крѣпкая, бѣлая репа и зеленые огурцы. Много ли барышей она выручитъ, а въ ватной кацавейкѣ, такой старой, сидѣть веселымъ холоднымъ утромъ такъ нелегко, продрогнешь, руки краснѣютъ какъ морковь отъ холоду и ноги замѣли. А дома ребятишки и мужъ мастеровой ждутъ результатовъ ея торговли, когда, облегченная отъ своей ноши, съ пустыми корзинами, вернется она по вечеру домой.

Политическое обозрѣніе.

Наши переговоры съ Портой. — Турція. — Болгарія. — Присоединеніе Босніи. — Герцеговина и Австрія. — Испанія. — Итальянская армія. — Египетъ.

Наши переговоры съ Портой относительно военной конгрессіи, по видимому, еще не вступили въ благоприятный фазисъ, но крайней мѣрѣ изъ Константинополя сообщаютъ, что русское посольство увѣдомило Порту, что г. Новиковъ и Тернеръ выѣдутъ чрезъ двѣ недѣли, такъ какъ русскіе уполномоченные убѣдились въ невозможности дальнѣйшихъ успѣшныхъ переговоровъ по тому вопросу. Затѣмъ отсюда же телеграфируютъ, что г. Новиковъ имѣлъ прошлую аудіенцію у султана. Въ настоящую минуту вліяніе въ Турціи или, лучше сказать, на султана принадлежитъ болѣе всего Германіи и Австро-Венгріи, что, какъ кажется, не очень нравится самимъ туркамъ, въ виду того, что вліяніе это очень сильно; ему не противятся ни Англія, ни Франція, ни Россія въ удивленію старотурокъ, въ родѣ Памыка-Паши, Махмута—Надимъ-Паши, Сафета-Паши; германскіе агенты, въ особенности, обнаруживаютъ много умѣнья— они сумѣли уже укрѣпить отношенія во всѣхъ слояхъ общества и даже съ мусульманскимъ духовенствомъ; ихъ очень много и они отлично дисциплинированы, подчиняясь безусловно и какъ машина велѣніямъ и указамъ изъ могучаго центра.

Возстаніе усиливается въ Босніи, въ центральной части, на сѣверъ отъ кривошанскаго округа и умиротворенной части Герцеговины; Вѣнскія газеты приписываютъ движеніе черногорскому вліянію. Такъ какъ изъ Кривошии жители ушли, то Австрійское правительство намѣрено колонизировать эту провинцію.

Румынія обращается къ Англіи за помощью противъ Австріи въ Дунайскомъ вопросѣ: на банкетѣ у лорда мэра румынскій посланникъ г. Пека произнесъ политическую рѣчь, въ которой высказалъ прямую надежду, что Англія будетъ поддерживать Румынію въ ея стремленіи отстоять свободу плаванія по Дунаю противъ всѣхъ австрійскихъ домогательствъ. Но кто же поддержитъ Болгарію: турецкій гарнизонъ находящейся на болгарской границѣ крѣпости Джумы—съ трехъ ротъ усилена до трехъ батальоновъ и кромѣ того замѣчено какое-то передвиженіе оттоманскихъ войскъ, имѣющее какъ бы цѣлью сосредоточеніе ихъ у этой границы; обо всемъ этомъ поручено болгарскому дипломатическому агенту потребовать отъ Порты объясненія. Недавно турки нарушили болгарскую границу: отрядъ ихъ войскъ расположился въ Корстендильскомъ округѣ: корстендильская дружина двинута ему на встрѣчу. Снова проследить слухъ о намѣреніи Турціи занять войсками горные проходы въ Балканахъ.

Что касается Босніи и Герцеговины, то едва ли уже не определено окончательно ихъ дальнѣйшее положеніе: президентъ

Типъ базарной торговли очень удачно передать академикомъ Творожниковымъ, въ его картинѣ, копію съ которой, рисовавшую г. Чистяковымъ, мы здѣсь помещаемъ.

Брабантка.

(Рис. на стр. 376).

Путешественникъ вездѣ поражается въ Бельгіи живописными мѣстностями, богатыми пастбищами, роскошною зеленью и прекрасной обработкой земли; поражается онъ и чистотою и мирною красотою деревенекъ и видимымъ довольствомъ жителей этой густо заселенной страны, гдѣ житель деревни самой глухой, въ часъ времени уже достигаетъ станицы желѣзной дороги. Зеленая брабантскія поля съ ихъ холмами и огородами и работающими на нихъ поселянами тянутся далеко и тутъ то нельзя не замѣтить спокойную красоту мѣстнаго женскаго типа, часто чрезвычайно симпатичнаго и привлекательнаго. Женщины и дѣвушки въ ихъ оригинальномъ нарядѣ верѣдко поражаютъ такою прелестью и осмысленностью выраженія лица, какою очевидно поразила и извѣстный германскій художникъ. Бодемюллеръ, изобразившій молодую брабантку на своей картинѣ.

австрійской делегаціи, при открытіи засѣданій, общалъ поддержку парламента къ присоединенію этихъ провинцій къ Австріи.

Въ Силезіи, среди сѣскаго населенія организуются сельскіе союзы имѣющие, несомнѣнно, кромѣ значенія экономическаго и значеніе политическое, которое, вѣроятно, дастъ и почувствовать себя во время парламентской борьбы.

Англійское правительство выпустило Паррела и онъ уже уѣхалъ на континентъ; отрядъ французскихъ войскъ разбилъ Бу-Амему, но африканскій вождь не попался въ плѣнъ.

Барселонскіе безпорядки возникли, главнымъ образомъ, изъ франко-испанскаго торговаго трактата; недавно происходила схода въ Мадридѣ, на которой депутація каталонскихъ рабочихъ и высказала свои неудовольствія по поводу трактата; остающаяся покровительственная пошлина, депутація заявила, что торговый трактатъ съ Франціей, если онъ будетъ утвержденъ кортесами, неминуемо разоритъ испанскую промышленность, для поддержанія которой правительство надлежало бы обложить иностранные товары высокими пошлинами; въ противномъ случаѣ испанскимъ мастерамъ и фабричнымъ рабочимъ придется дойти до крайняго разоренія и въ концѣ концовъ эмигрировать за границу; Испанія вывозитъ во Францію одно сырье, а привозитъ оттуда готовые уже издѣлія; при такихъ условіяхъ торговый трактатъ, заключенный правительствомъ съ Франціей, оказывается, съ точки зрѣнія испанскихъ національных интересовъ, очень невыгоднымъ. Едва ли кто и будетъ спорить противъ этихъ доводовъ, тѣмъ болѣе, что и сторонники фритредерской теоріи думаютъ, что покровительственная система еще необходима для Испаніи.

Итальянская армія преобразовывается, согласно министерскому биллю она будетъ состоять изъ 12 корпусовъ, въ 427 тысячъ человекъ, кромѣ 20 тысячъ альпійскихъ стрѣлковъ и 190 тысячъ подвижной милиціи; парламентская комісія, которой было поручено рассмотреть этотъ билль, проектировала и организавію земской милиціи; министерство испрашиваетъ 200 миллионъ лиръ.

Въ Каирѣ открытъ военный заговоръ, подготовлявшійся исподволь; причиною его—неудовольствіе среди египетскихъ офицеровъ, что Араби-Бей не въ состояніи былъ пока выполнить данныя офицерамъ обѣщанія болѣе быстро повышенія и увеличенія содержанія; 15 главныхъ зачинщиковъ, хотя, говорятъ, однимъ изъ главнѣйшихъ является Измаиль-Паша, желавшій возвратиться въ Египетъ, и также и Гамидъ-Паша, — внуку Али-Паши, основателя египетской династіи. Всѣ эти вотненія, однако же, не колеблютъ положенія партіи, желаніе которой формулируется тремя словами: „Египетъ— для египтянъ“.

С М Ъ С Б.

Замѣчательная колонія садоводовъ, по сообщенію органа садоводства во Флоренціи, находится вблизи Аназерина въ Калифорніи. Жители колоніи, въ точномъ смыслѣ слова вететарьянцы: они никогда не ѣдятъ говядины, рыбы, молока и яицъ, но питаются исключительно садовыми и огородными продуктами, дозрѣвшими на солнцѣ, но безъ всякаго искусственнаго приготовления. Они утверждаютъ, что огонь портитъ растенія отнимая у нихъ эфирныя и летучія составныя части, которыя очень полезны человеку, и говорятъ, что питаясь животной пищей человекъ самъ становится животнымъ. Одинъ англичанинъ, жившій долгое время между этими садовниками рассказываетъ, что они ѣли только огурцы, немного развѣренный мансъ, абрикосы, персики, яблоки, груши и виноградъ и при такой пищѣ онъ чувствовалъ себя очень бодримъ. Для старыхъ людей, не могущихъ жевать и кусать, изъ манса и сухихъ плодовъ готовится тертая масса, разведенная сокомъ земляники.

Сдѣлаться великимъ виртуозомъ совсѣмъ не легко. Таузингъ говарилъ, что долгіе годы онъ игралъ по восьми часовъ въ сутки; Гальбергъ достигнувъ возможнаго совершенства, не хотѣлъ носить даже дождеваго зонтика, чтобы не утруждать рукъ. Гансъ Бюловъ недавно высказалъ: „если я не играю одинъ день, то я чувствую уже это, если не играю два дня, это замѣчаютъ мои друзья, если же пропущу три дня, то это становится замѣтнымъ и публикѣ.“

Единственный газометръ въ Канадѣ вблизи Онтарио уже нѣсколько мѣсяцевъ обѣялъ пламенемъ. При бурвленіи того мѣста, на глубинѣ въ 600 футовъ наткнулись на нефтяной источникъ; отсюда поднялся газообразный воздухъ, который загорѣлся отъ факела рабочаго, стоявшаго въ тридцати шагахъ отъ этого мѣста. Огненный столбъ поднялся на 30 фт. въ выш.; отъ времени до времени поднимается сѣристая вода, придающая огню различныя цвѣта. Ночью на огонь слетается множество птицъ и большинство изъ нихъ гибнетъ въ пламени.

Отъ редакціи „Н И В Ы“.

Въ объявленіяхъ своихъ мы уже извѣщали нашихъ читателей, что приняли всѣ мѣры къ помѣщенію рисунковъ и статей обо всемъ, что будетъ выдающагося на предстоящей **Всероссійской Художественно-Промышленной Выставкѣ**. Въ Москву будутъ посланы отъ насъ специальный художникъ и корреспондентъ съ этою цѣлью. Появится рядъ сценъ, очерковъ, характеризующихъ жизнь первопрестольной столицы за это время, рисунки замѣчательныхъ предметовъ выставки, копіи картинъ и т. п.

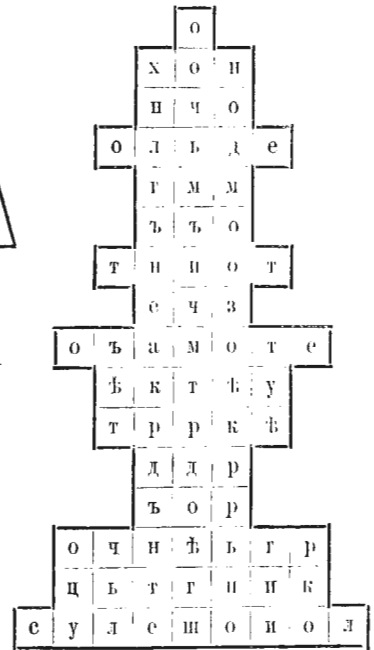
Нѣкоторые экспоненты, зная огромную распространенность нашего журнала (75,000 экз.) уже озаботились прислать къ намъ **фотографіи и рисунки** выставляемыхъ ими предметовъ для помѣщенія въ „Нивѣ“. Желающихъ еще помѣщать такіе рисунки и описанія къ намъ, мы просимъ поторопиться, чтобы успѣть заблаговременно ихъ гравировать и приготовить къ печати.

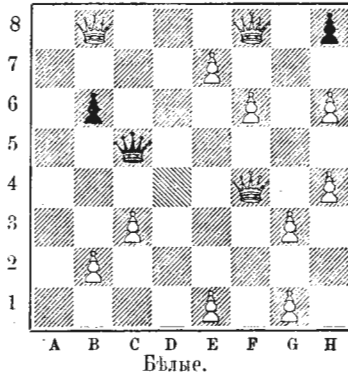
Задача № 29.

Въ данной фигурѣ разбѣсить нижеозначенныя 15 фигуръ; при этомъ затупованныя части этихъ фигуръ должны составить одно названіе, чистыя же части представляютъ пустое пространство въ буквахъ и промежутки между буквами.

Задача—ходъ коня № 31. (Аллегорическое парфеніе).

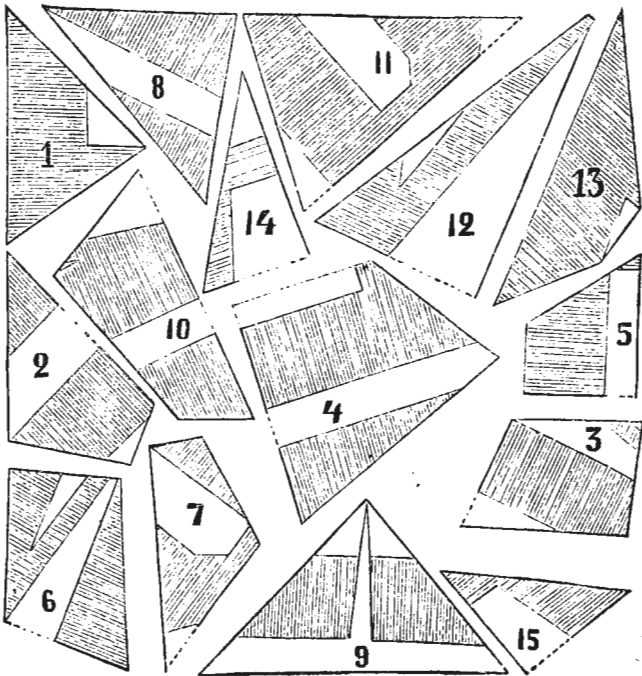
Шашечная задача № 30. К. О. Цѣхановича. Черные.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 7 ходовъ.

Рѣшеніе ребуса № 19.

По одеждѣ встрѣчаютъ — по уму провожаютъ.

СОДЕРЖАНІЕ: И. Д. Деляновъ (съ портр.) — **Вольтерьянецъ**. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергей Горбатовъ“. **Вс. Соловьева**. Часть первая. (Продолженіе). — **Землетрясеніе**. Драматическія сцены И. К. Случевского (съ 4-мя рис.). Окончаніе. — **Новыя Петербургскія спотобойни** (съ рис.). — **Электрическій свѣтъ** Очеркъ Н. Фогеля (съ 10 рис.). — **Мусульманскіе пилгримы въ Меккѣ** (съ рис.). — **Торговня** (съ рис.). — **Брабантя** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — **Смѣль**. — Отъ редакціи „Нивы“. — Задача. — Шашечная задача. — Задача — ходъ коня. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстныя своими свойствами предохраняющими прѣдъ частей шила, особенно же можныхъ пильницъ, **Гальманинъ** продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. **Главное дѣло** находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, мастера фармаціи **В. Карпинскаго**, улица Электральной, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. **Нужно остерегаться поддѣлокъ** и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объявленіе съ изображеніемъ на немъ медалей Парижской выставки 1878 г. **В. Карпинскій** мастеръ фармаціи.

Изданіе книжнаго магазина К. Риккера въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 14.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГИГИЕНА

ОСНОВЫ ЗАВРАЖИВАНІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО И ЛИЧНАГО

съ указаніемъ на устройство и жизненныя отравленія человеческого тѣла, происхожденіе и общее теченіе болѣзней и подачу первой помощи въ случаяхъ угрожающихъ жизни.

Доцента гигиены при Импер. Казанскомъ Университетѣ **Д-ра Ир. СКВОРЦОВА.**

Съ 98 рисунками. 1881. Ц. 4 р., въ переплетѣ 4 р. 50 к. Сочиненіе удостоено большой преміи Императора Петра Великаго, при 5-мъ присужденіи его въ 1879 г. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

№ 2046 2-2

Вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Н И В Ы“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. Большой томъ въ 8-мъ всего 672 стр., печатанъ на лучшей веленой бумагѣ, съ вышит. Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Н И В Ы“ романа „Вольтерьянецъ“, цена 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ календарномъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. для гг. новыхъ подписчиковъ „Н И В Ы“ на 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ для мытья ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія. **Безопасное и весьма доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.** Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи предлагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде. Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цена флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб., съ пересылкою. Замокъ эссенціи вымывается въ желатиныя флаконы двойной величины. Цена флакону съ пересылкою 2 руб., выписывъ 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гл. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2018 25-4

УРОКИ

англійскаго языка дають на дому. Невскій просп., д. Католической церкви, кв. 26, П. В. **Богъ въ Помощь!** Романъ Э. Вернера. Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р. 25 к. для подписки „Н И В Ы“ 1882 г. 75 к. съ перес. 1 р.

ГИТАРНЫЙ КЛУБЪ

въ Лейпцигѣ, утверждёнъ Правительствомъ. При клубѣ международный союзъ гитаристовъ. Желающіе быть членами послѣдняго вносятъ ежегодно не менѣе 3-хъ марокъ и получаютъ членскій билетъ и уставъ клуба. Такъ же можно заказывать въ 6, 9 и 12-ть струнъ басъ, теноръ, терцъ, квинтъ и октавъ гитары, цѣною отъ 40 до 160 марокъ и баски — звуковыя и прочныя. Инструменты отличаются продолжительностью звука, вѣдствіемъ особаго механизма, устройства внутри. № 2047 3-2
Адресъ: Leipzig, Richard Löbner, Markt, 2.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1882 ГОДА

начинается въ ПЯТИГОРСКЪ—1 мая; въ ЭССЕНТУКАХЪ—9 мая; въ ЖЕЛЕЗНОВОДСКЪ—19 мая; въ КИСЛОВОДСКЪ—10 июня.— Леченіе продолжается въ ПЯТИГОРСКЪ—до 1 октября; въ ЭССЕНТУКАХЪ, ЖЕЛЕЗНОВОДСКЪ и КИСЛОВОДСКЪ—до 15 сентября.

Удобное сообщеніе желѣзными дорогами до станціи „Минеральныя воды“ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, а оттуда шоссе и почтовые экипажи въ Пятигорскъ и на всѣ группы.

Въ ПЯТИГОРСКЪ находятся многочисленныя сѣрные ключи, разнообразныя по своему содержанию и дѣйствию, температурою отъ 24° до 37° Реомюра. — Въ ЖЕЛЕЗНОВОДСКЪ, 14 верста отъ Пятигорска, желѣзисто-холодные и горячіе, температурою отъ 13° до 41° Реомюра. — Въ ЭССЕНТУКАХЪ, 15 верста отъ ПЯТИГОРСКА, источники: солено-щелочной (№ 17), гидро-щелочной (№ 6), желѣзисто-щелочной (№ 18), щелочно-соляной (№ 4) и сѣрно-щелочные; температура источниковъ отъ 7°—11° Реомюра.— Въ 20 верстахъ отъ Эссентуковъ, въ КИСЛОВОДСКЪ, известный Нарзанъ, имѣющій 11° Реомюра и содержащій громадное количество углекислаго газа.

СѢРНЫЯ ВОДЫ ПЯТИГОРСКА — издавна приобрѣли известность приносимую ими пользу въ ревматизмъ и приходящихъ отъ него параличахъ, опухоляхъ и проч., при леченіи сифилисическихъ страданій, въ болѣзняхъ развивающихся отъ употребленія бонаго количества ртути и въ различныхъ назоныхъ болѣзняхъ.

ЖЕЛЕЗНЫЯ ВОДЫ (ЖЕЛЕЗНОВОДСКЪ) дѣлѣно дѣйствуютъ при малокровіи и общемъ истощеніи организма; при различныхъ черныхъ болѣзняхъ; при нецѣлительныхъ менструаціяхъ и другихъ женскихъ болѣзняхъ, сопровождающихся или вызываемыхъ малокровіемъ.

СОЛЕНО-ЩЕЛОЧНЫЯ ЭССЕНТУКСКІЯ ВОДЫ оказываютъ пользу при катаральныхъ страданіяхъ пищева- рительныхъ, дыхательныхъ и мочевыхъ органовъ; способствуютъ уменьшенію брышныхъ застоевъ, а также всасыванію скопленій различныхъ болѣзненныхъ продуктовъ и чрезмѣрныхъ отложений жира. — ЖЕЛЕЗНО-ЩЕЛОЧНАЯ Эссенту- кская вода употребляется внутрь съ большою пользою тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ щелочью необходимо дѣйствовать и желѣзомъ. — **ЮДСКО-ЩЕЛОЧНАЯ** Эссенту- кская вода оказы- ваетъ пользу въ такихъ-же страданіяхъ, какъ солено-щелочная, а особенно въ золотухѣ, опухоляхъ желѣза и т. п. — **СѢРНО-ЩЕЛОЧНЫЯ** Эссенту- кские источники употребляются лишь для ваннъ и въ тѣхъ-же болѣзненныхъ случаяхъ, какъ Пятигорскія сѣрныя воды.

КИСЛОВОДСКЪ съ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ, умеренно влажнымъ горнымъ воздухомъ, представляетъ весьма благоприятныя климатическія условія какъ убѣжище для слабо-трудныхъ, а также и для нуждающихся въ укрѣпленіи послѣ тяжелыхъ болѣзней. — Углекислый газъ изъ НАРЗАНА, при мѣстномъ употребленіи, благотворно дѣйствуетъ въ застарѣлыхъ катаррахъ, при эмфизѣ легкихъ, при некоторыхъ хроническихъ формахъ воспаленія матки и при атоническихъ извѣнныхъ процес- сахъ. — Вообще леченіе Нарзаномъ полезно тамъ, гдѣ имѣютъ въ виду дѣйствовать на организмъ возбуждающимъ образомъ.

Въ ЖЕЛЕЗНОВОДСКЪ и КИСЛОВОДСКЪ туземцы — съ открытіемъ лечебнаго сезона — устраиваютъ приготовленіе КУМЫСА, которымъ снабжаютъ нуждающихся въ немъ посѣлителей. — А въ КИСЛОВОДСКЪ имѣ- ютъ продажу МОЛОКО ГОРНЫХЪ КОЗЪ и СЫВОРОТКА, изъ этого молока приготовляемыхъ.

Кавказскія Минеральныя воды дѣйствуютъ съ большимъ успѣхомъ при излеченіи послѣдствій раненія и добытыхъ при боевой жизни простуды, ослабленія орга- низма, а также составляютъ прекрасное укрѣпляющее средство послѣ тифа и другихъ тяжелыхъ болѣзней.

Кавказскія Минеральныя воды, Эссенту- кскія лепешки и соли удостоены награды: на Московско-й Политехнической выставкѣ 1872 года; на Всемирной Парижской 1873 и на Бальнеологической во Франкфуртѣ на Майнѣ 1881 года.

Разливъ въ бутылки Эссенту- кскихъ и другихъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, выпарка солей, приготовленіе лепешекъ — производится подъ контролемъ Правительстаа. Кавказскія Минеральныя воды, изъ нихъ соли и Эссенту- кскія лепешки можно получать во всѣхъ Магазилахъ аптекарскихъ товаровъ и Аптека- хъ.

За спривками и необходимыми соопыніями слѣдуетъ обращаться: Пятигорскъ, въ Контору А. М. Вайкова. Обращающіеся письменно прилагаютъ на отвѣтъ марку; спрашивающіе по телеграфу платятъ за отвѣтъ.

№ 2048

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ
ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ
заводящіеся безъ ключа (въ ручку).
Анкерные, открытые на 15 камняхъ 60, 65 и 70 руб. (смотри по вѣсу золота въ корпусѣ). Также же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 85, 90, 100 и 125 р.
Тотже высшаго достоинства съ уравни- тельнымъ маятникомъ отъ 150 до 250 руб. съ ручательствомъ на 2 года въ магази- нахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ
поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большо-й Коно- шенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Баргельсомъ).
Пересылка на счетъ магазиновъ.
Подробные прейсъ-курранты высы- лаются по требованію бесплатно.

СТРАХОВАНИЕ ПЕНСИИ НА СТАРОСТЬ.
ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себя пенсію (доходъ) въ **1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО**, уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.
За это страхование слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“ до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждыя три мѣсяца.
Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

Страховаго Общества „Россія“, издаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5—1 № 2050

КОМПАНИЙСКАЯ
ГОСТИНИЦА
ВЪ ЭССЕНТУКАХЪ

на Кавказскихъ Минеральныхъ водахъ въ предстоящій лѣтній сезонъ сего 1882 года откроется 9 мая (въ воскресенье).

Въ теченіи пяти лѣтъ своего существо- ванія гостиница успѣла заслужить вниманіе публики посѣщающей Кавказскія Минеральныя воды; она надеется и въ предстоящій сезонъ вполне удовлетворить въ-вѣхъ требо- ваніямъ.

№ 2049

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ
ИЗЪ **ЗОЛОТА и СЕРЕБРА**
какъ-то: старинныхъ золотыхъ эмалированныхъ табакерокъ, вазы, кубки и бокалы изъ топаза или кам- ней въ золотой оправѣ, старинныя серебряныя вещи, какъ-то: кружки, бокалы, кубки, группы и фигуры, во- обще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII стол., кромя монетъ.

Письменно или лично обраща- тся въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.
Л. № 1910 6—6

Только что вышелъ изъ печати и продается въ кон- торѣ редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ книж- ныхъ магазинахъ.

„НАВОЖДЕНІЕ“
ГОМАНЪ
Всеволода Соловьева.
Большой томъ in 8—всего 272 стр., печатанный на луч- шей вѣленовой бумагѣ, съ виньетками. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. въ красивомъ коленкоровомъ пе- реплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Huste-Nicht
Gericht! geschützt!

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ отъ Д. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ *).

Признавъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій гор- ла до чахотки и противъ бѣлой немочи.

Мы имѣемъ официальное благодарствен- ное письмо отъ Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петер- бургѣ.

* Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. упаковка и пересылка считаются особо у Русск. Общ. Торговли Аптекарск. Товари- щества, 12, въ Москвѣ у Н. Маттеисенъ, въ Невѣ у Н. Попова; въ Одессѣ у Ю. Лем- же и Ко; въ Харьковѣ у Русск. Общ. Торгов- ли, Тов., въ Саратовѣ у Н. Маттеисенъ. Въ Варшавѣ у Люд. Шпильс и Сыновъ. № 1968

Картины печатанныя масля- ными красками, собственнаго изданія, весьма дешево для **ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЪ, и ЭКСПОРТЕРОВЪ** иллюстрир. каталоги даромъ! **ФРАНКО!** Berlin S. (Берлинъ S), Grimmstrasse 7. (Карль Наулишъ) Carl Kaulisch. Хромо-литографич. заведеніе и печатня. S. № 2041 4—2

5—5 **ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА**
СВѢТЪ
Годъ 4 руб. 1/2 г. 2 „ 1/4 г. 1 „ Редакція: Гороховая, № 41.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
ВАЗЕЛИНЪ предѣлительно замѣняется во всѣхъ случаяхъ употребленіе жир- ныхъ веществъ и вліянію температуры не подвергается.
ПОМАДА ВАЗЕЛИНЪ превосходитъ къ-с-вомъ всѣ извѣстныя средства, придаетъ волосамъ мягкость и блескъ и содержитъ голову въ чистотѣ и свѣжести.
КОЛЬДЪ КРЕМЪ ВАЗЕЛИНЪ отличается особенною нежностью, дѣй- ствуетъ на кожу благоприятно и освѣжительно, придаетъ ей мягкость и бѣлизну.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, бли- ко подходящихъ къ фирмъ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирую- щие наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы: **„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.**
ЕДИНСТВЕННЫЯ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, № 1997 Шредера.
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

политики и современной жизни.

XIII годъ
№ 17

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Зыданъ 24 Апрѣля 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark, 20 Rfep. для загранич.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія . . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложеніями. КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячами, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Н. К. Гирсъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 28-го марта, Государственный Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, согласно его желанію, уволенъ отъ лежащихъ на немъ обязанностей и управлявшій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ до сего времени, статсъ-секретарь Николай Карловичъ Гирсъ, назначенъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

По своимъ преклоннымъ лѣтамъ и разстроенному здоровью, князь Горчаковъ еще въ послѣдніе годы прошлаго царствованія фактически передалъ, съ Высочайшаго соизволенія, управленіе текущими дѣлами Н. К. Гирсу, который такимъ образомъ являлся въ глазахъ другихъ державъ съ характеромъ дѣятеля несомнѣтельно самостоятельнаго. Съ этой точки зрѣнія находить, что послѣдовавшая перемѣна имѣетъ очень важное значеніе, хотя конечно всѣмъ извѣстно, что верховное управленіе этими дѣлами всегда находилось и находится въ рукахъ Высочайшей власти.

Россія не забудетъ маститому крѣпкому черу А. М. Горчакову, его высо-

Н. К. Гирсъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.
По фотогр. Ясвойна, грав. Ю. Барановскій.

кихъ заслугъ; всѣ помнятъ съ какимъ достоинствомъ были поддержаны ея величіе и честь въ трудную минуту, когда мятежь пылала на окраинахъ государства и три европейскія державы, подъ предлогомъ человеколюбія, позволили было себѣ вмѣшаться въ дѣла нашей внутренней государственной жизни.

Н. К. Гирсъ имѣетъ за себя прошлое пятнадцатилѣтняго управленія министерствомъ. Его имя и его личный характеръ можно сказать, извѣстны съ благопріятной стороны Европѣ, которая въ призваніи его на этотъ высокій постъ видитъ обезпеченіе политики мира. Въ этомъ назначеніи видѣли опроверженіе всякихъ толковъ о воинствующемъ, будто бы, настроеніи Россіи. „Г. Гирсъ, говорятъ берлинскія газеты, слыветъ за защитника западныхъ традицій. Государь Императоръ, возложивъ на него управленіе высшими дѣлами, проявилъ этимъ разительное свое намѣреніе остаться въ мирѣ съ Европой. Это многозначительная гарантія со-

стороны Россіи. Назначеніе это разсѣять много опасеній, вознившихъ было съ небывалою силой“.

Такъ говорятъ газеты европейскія. Устраненіе возможности войны не можетъ не радовать всякаго, заботящагося о мирномъ преуспѣяніи своей родной страны.

Н. К. Гирсъ родился въ Финляндіи 9 мая 1820 года; родители его были шведы. Окончивъ блестяще курсъ въ Царскосельскомъ Имѣ. Лицеѣ, онъ въ 1838 году, безъ состоянія и протекціи, вступилъ на дипломатическое поприще, которое тогда, къ вездѣ такъ и у насъ, доступно было только богатымъ людямъ аристократическаго происхожденія. По вступленіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ былъ тотчасъ причисленъ къ департаменту азиатскихъ дѣлъ, и тутъ-то юный дипломатъ съ особеннымъ рвеніемъ началъ изучать восточные языки и исторію Востока, изслѣдуя при этомъ все находящіяся въ департаментѣ документы, касающіяся отношеній Россіи къ Востоку.

Во время венгерскаго похода (1848—1849), Гирсъ былъ причисленъ къ русской главной квартирѣ генерала Лидерса въ качествѣ дипломатическаго дѣятеля. Своею дѣятельностію въ Венгріи онъ приобрѣлъ уваженіе и благодарность друзей и недруговъ; уже тогда выяснились его миролюбивыя наклонности. Послѣ окончанія венгерской кампаніи Гирсъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Константинополь; во время крымской войны онъ

былъ начальникомъ канцеляріи главнаго комиссара въ Молдаво-Валахию, въ 1857 г.—въ Бессарабіи, гдѣ онъ познакомился съ семействомъ князей Кантакузенъ. Одна изъ дочерей князя вышла впоследствии замужъ за Н. К. Гирса. Въ 1858 г. Гирсъ, въ качествѣ генеральнаго консула, отправился въ Египетъ, на постъ въ то время очень трудный и важный, вслѣдствіе турецко-египетскихъ несогласій. Въ концѣ 1859 г., послѣ разрѣшенія египетскихъ затрудненій, Гирсъ уѣхалъ генеральнымъ консуломъ и дипломатическимъ агентомъ въ Дунайскія княжества, гдѣ своими тактичными и рѣшительными дѣйствіями способствовалъ много къ утвержденію вліянія Россіи. Въ 1863 г., въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и уполномоченнаго министра Гирсъ уѣхалъ въ Тегеранъ, гдѣ его встрѣтилъ рядъ неприятныхъ разочарованій, выступившихъ на сцену, благодаря англійскому вмѣшательству и сообщеніе которыхъ могло произвести въ Петербургѣ неприятное дѣйствіе. Намъ посоль не впасть въ ошибку и благодаря способностямъ и энергіи ему удалось во многомъ ослабить англійское вліяніе. Послѣ шестилѣтняго пребыванія при дворѣ Шаха, Гирсъ уѣхалъ посломъ въ Швейцарію и въ 1872 году въ Стокгольмъ, гдѣ послѣ краткаго пребыванія, сдѣлался любимымъ гостемъ короля въ Дротнинггольмѣ. Спусти три года Гирсъ былъ отозванъ въ Петербургъ и назначенъ помощникомъ министра иностранныхъ дѣлъ, о чемъ мы уже выше говорили.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XX.

Обвинитель.

Вниманіе государыни было поглощено исключительно однимъ дѣломъ и этимъ-же дѣломъ были заняты и всѣ члены ея семейства и всѣ близкіе ей люди. Въ послѣдніе дни будто и не существовало ничего иного кромѣ предполагаемой свадьбы великой княжны съ королемъ шведскимъ; все остальное отошло на второй планъ, почти даже забылось.

Князь Платонъ Зубовъ то и дѣло былъ призываемъ къ императрицѣ, имѣлъ съ нею совѣщанія, возвращаясь къ себѣ призывалъ Моркова, писалъ митрополиту, любезничалъ съ регентомъ и Штеддингемъ, успокаивалъ Екатерину, постоянно повторяя ей одну и ту же фразу:

„Ручаюсь, что не встрѣтится никакихъ препятствій. я все обдумалъ, пускай регентъ хитритъ какъ ему угодно — мы перехитримъ его.“

И Екатерина успокаивалась до какой-нибудь новой тревожной мысли.

Все, что соприкасалось съ придворною сферой, толковало о томъ-же. La grande question du jour была у всѣхъ, въ мысляхъ и на устахъ. Отъ благополучнаго рѣшенія этого вопроса почти для каждаго что-нибудь зависѣло: радость государыни, исполненіе ея желанія должны были отразиться въ щедрыхъ милостяхъ и наградахъ. Удовольствіе Зубова, пожелавшаго играть роль главнаго дѣятеля при рѣшеніи вопроса, должно было сдѣлать его болѣе ласковымъ, болѣе способнымъ на подачки.

Можетъ быть во всемъ Петербургѣ одинъ только человекъ, имѣвшій вѣншее соприкосновеніе съ этимъ волновавшимся придворнымъ міромъ, не думалъ и не толковалъ о „la grande question du jour“ и даже не замѣчалъ того, что „question“ раньше, чѣмъ кому либо, ему уже принесъ пользу — „question“ заставилъ забыть о немъ государыню а, главное, Платона Зубова. Человекъ этотъ былъ Сергій Горбатовъ. Въ теченіи цѣлой недѣли его никто не трогалъ, не вызывалъ, въ теченіи цѣлой недѣли онъ не видался ни съ Зубовымъ, ни съ государыней, которой, по ея-же словамъ, интересно было съ нимъ побесѣдовать.

Сергій радовался тому, что о немъ забыли и желалъ

только одного, чтобы это забвеніе продолжалось еще и еще — чѣмъ дольше, тѣмъ лучше.

Въ теченіи этой недѣли онъ четыре раза успѣлъ побывать въ Гатчинѣ и провести тамъ по нѣскольку часовъ съ Таней. Обстановка была самая благоприятная: великая княгиня въ Петербургѣ, слѣдовательно Таня свободна. Цесаревичъ все время поглощенъ своими обычными занятіями, а въ свободныя часы бродитъ одинъ по парку или опять запирается въ своей рабочей комнатѣ. Онъ мраченъ, чѣмъ-то недоволенъ, но сдерживаетъ свое раздраженіе, только избѣгаетъ встрѣчъ съ людьми. Сергью онъ сказалъ:

— Когда можешь, пріѣзжай, хоть каждый день, только ты не ко мнѣ теперь пріѣзжайешь, а къ княжнѣ и поэтому собственно отъ нея зависитъ разрѣшить тебѣ это—ее и спрашивай. А о дѣлахъ мы съ тобою потолковать успѣемъ, теперь мнѣ некогда, некогда...

Конечно Сергій не сталъ надобѣдать цесаревичу и не искалъ встрѣчъ съ нимъ и разговоромъ.

Таня его принимала, говорила ему „до свиданья“ и онъ возвращался при первой возможности. Но все-же онъ не могъ сказать себѣ послѣ этихъ четырехъ посѣщеній Гатчины, чтобы дѣла его находились въ блестящемъ положеніи: до сихъ поръ между нимъ и Таней не было еще рѣшительнаго объясненія — она не допускала его до такого объясненія. Но онъ не очень страдалъ отъ этого. Пока ему было достаточно и того, что ему давалось. Онъ видѣлъ Таню, слышалъ ея голосъ, она глядѣла на него своими прежними глазами, она относилась къ нему такъ довѣрчиво, съ такой дружбой. Имъ было чѣмъ наполнить эти часы свиданій. Они сами не знали какъ это сдѣлалось, а между тѣмъ они, будто подчиняясь извѣстной программѣ, переживали съизнова всю жизнь свою, начиная еще съ самаго отдаленнаго времени, они вспоминали въ мельчайшихъ подробностяхъ свое дѣтство, первые дни своей юности, они шли постоянно впередъ. И Сергій уже пересталъ выказывать нетерпѣніе, онъ не дѣлалъ уже быстрыхъ переходовъ, быстрыхъ скачковъ, они просто не касались еще того времени, подходя къ которому нужно было покончить объясненіемъ.

Но все же наконецъ они подошли къ этому времени.

Сергѣй видѣлъ по быстрому румянцу, то вспыхивавшему, то пропадавшему на щекахъ Тани, какое волненіе онъ возбудилъ въ ней двумя, тремя фразами объ обстоятельствахъ ихъ парижской встрѣчи. Она уже не перебивала его, не отводила его въ другую сторону, она, несмотря на все свое волненіе, прямо спросила про Рено.

— Къ несчастію, я ничего не могу вамъ сказать о немъ. отвѣтилъ Сергѣй,—какъ это ни странно, но я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Я получилъ отъ него въ Лондонѣ, въ первые три года, нѣсколько писемъ. Эти письма со мною, если хотите, я когда нибудь принесу вамъ ихъ. Онъ много страдалъ и душою и тѣломъ, вы помните, что онъ говорилъ намъ тогда, помните какъ онъ разочаровался въ своей революціи, помните, какъ онъ объяснялъ, что его обязанность по возможности исправить то зло, которому онъ легкомысленно способствовалъ. Конечно его усилія были каплей въ морѣ, но какъ бы то ни было онъ исполнилъ свою обязанность. Онъ работалъ сколько силъ хватало и всюду вносилъ свою жизнь, свое увлеченіе. Онъ подвергался большимъ опасностямъ и, хотя писалъ мнѣ всегда поторопо, какъ-то впоныхахъ, ничего не рассказывая, а только намекая, но должно быть его жизнь въ эти страшные годы была полна самыхъ разнообразныхъ приключеній. Я удивлялся, что онъ тогда остался живъ, что его не извели—а потомъ вдругъ онъ пропалъ.

— И неужели вы ничего, какъ есть ничего не могли узнать о немъ?

— Ничего. Я наводилъ постоянно справки... пропалъ... какъ въ воду кануль... Живъ-ли?!.. Вѣроятно все, что умеръ, можетъ быть убитъ... казненъ... я не знаю, что съ нимъ. Это меня сильно огорчало, но время... я уже привыкъ къ мысли, что Рено нѣту. А иной разъ вдругъ и придеть въ голову: „А можетъ быть онъ еще вернется! можетъ быть еще придется съ нимъ увидаться—живъ онъ“...

— Бѣдныя Рено! со вздохомъ проговорила Тania. Я тоже хочу думать и буду думать, что онъ еще живъ и что мы еще его увидимъ. Я не могу забыть, разлюбить его, я ему столькомъ обязана!

— Да, мы дѣйствительно ему многимъ обязаны, сказала Сергѣй, хоть онъ совсѣмъ не такой человекъ какимъ мы его считали въ наши юные годы. Я, да вѣдь и вы тоже, Тania, мы чуть не молились на него, мы считали его свѣтильникомъ разума—въ этомъ мы ошибались. Тѣхъ достоинствъ, которыя мы въ немъ видѣли, въ немъ вовсе нѣтъ, но если онъ потерялъ въ уваженіи, онъ еще болѣе выигралъ въ чувствѣ: переставъ по прежнему уважать его, мнѣ кажется, я полюбилъ его еще сильнѣе. Со всеми своими слабостями, ошибками, заблужденіями, нашъ Рено былъ хорошимъ человекомъ, честнымъ и искреннимъ безъ всякаго лукавства.

— И онъ любилъ насъ, добавила Тania.

— Да, онъ любилъ насъ, повторилъ Сергѣй и, вы знаете, что послѣднее желаніе его передъ разлукой съ нами было, чтобы окончилось наше недоразумѣніе.

Тania вспыхнула.

— Вотъ мы о немъ вспомнили, продолжалъ Сергѣй—и глаза его заблестали—мы о немъ вспомнили и будемъ же, въ память нашего милаго учителя, такъ-же искренни, такъ-же прямы, какъ онъ бывалъ всегда, не будемъ тянуть, не будемъ хитрить, подойдемъ прямо къ нашему вопросу и такъ или иначе рѣшимъ его. Тania, отвѣчайте мнѣ—случайно-ли теперь сошлись мы съ вами? Должны-ли опять разойтись навсегда? Или эта новая встрѣча, послѣ столькихъ лѣтъ, не случайная, но неизбежная и уже разойтись намъ не придется?

Тania сидѣла вдругъ совсѣмъ поблѣднѣвшая и молчала.

— Тania, да взгляните-же на меня, взгляните прямо, отвѣчайте...

Но она не поднимала на него глазъ своихъ. Пронло

нѣсколько мгновений, тяжелыхъ, показавшихся Сергѣю необычайно длинными. Онъ заговорилъ снова:

— Да, конечно, вы имѣете право не отвѣчать мнѣ... конечно я кругомъ виноватъ передъ вами и не смѣю, по настоящему, требовать отъ васъ отвѣта, не смѣю возвращаться къ прошлому...

Вдругъ что-то дрогнуло въ лицѣ Тани и по этому поблѣднѣвшему, будто застывшему лицу мелькнула тѣнь тоски и страданья.

— Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ вы требуете моего отвѣта, проговорила она, зачѣмъ вы возвращаетесь къ тому, что должны были считать оконченнымъ?

— Потому что я не могу иначе, страстно отвѣтилъ Сергѣй, потому что несмотря на все сознаніе моей вины передъ вами, я считаю эту вину искупленной долгими годами невыносимой жизни, даже и не жизни, потому что я не жилъ все это время. Повѣрите, я не преувеличиваю и не фантазирую, я серьезно говорю вамъ, что все эти годы—это было что-то страшное, отвратительное, это было какое-то чистилище и вдобавокъ безъ надежды на рай. Но теперь у меня явилась эта надежда, я васъ вижу и я не могу не спросить васъ: достаточно-ли было мое искупленіе, заслужилъ-ли я наконецъ то, что потерялъ по собственной винѣ, но уже искупленной?

— Я васъ не понимаю, проговорила Тania, о какомъ чистилищѣ вы говорите? Неужели дѣйствительно во все эти годы, что мы не видались, вы не были довольны вашей жизнью? Неужели вы захотите увѣрить меня, что все это время вы думали обо мнѣ и желали, чтобы я къ вамъ вернулась?

— Да, да, и именно это хочу сказать вамъ.

— Значитъ вы не были счастливы?!

Сергѣй печально, даже какъ-то зло усмѣхнулся.

— Ни одного мгновенья.

— Но считали вы, что между нами дѣйствительно все и навсегда кончено?

— Да, считали. На что-же мнѣ было надѣяться—послѣ вашихъ окончательныхъ рѣшеній я находился въ безвыходномъ положеніи... Вы знаете, что я былъ плѣнникомъ, изгнанникомъ, вы знаете, что никакія вѣсти о васъ до меня не доходили, я столько-же зналъ о васъ какъ теперь знаю о Рено. Живы вы, или нѣтъ, замужемъ вы или свободны—я ничего не зналъ. Сначала я спрашивалъ—мнѣ никто не давалъ отвѣта, я не понимаю какъ вы все это устроили.

Она не отвѣчала. Онъ продолжалъ.

— Такъ какъ-же я могъ надѣяться на встрѣчу съ вами? Я находился въ положеніи человека, потерявшаго, похоронившаго васъ. Вы были для меня только воспоминаніемъ. Но отъ этого воспоминанія я не могъ оторваться, я не могъ начать новой жизни. Меня все это время неизмѣнно и съ равной силой тянуло къ вашей могилѣ. А вы живы, вы свободны, я говорю съ вами, вы воскресли—такъ какъ-же мнѣ не спрашивать, какъ-же не ждать отъ васъ отвѣта, дѣйствительно-ли вы для меня воскресли!

Глаза Тани блеснули, застывшее было лицо оживилось снова, невольнымъ движеніемъ она подалась впередъ, будто хотѣла протянуть ему руки, но ея руки упали и она тихимъ, глухимъ голосомъ прошептала:

— А о моей жизни за это время вы не спрашиваете?

— О чемъ-же я и спрашиваю! вскричалъ Сергѣй. Скажите мнѣ какъ вы жили—это и будетъ отвѣтомъ на вопросъ мой.

— Какъ я жила? Обстоятельства этой моей жизни вамъ извѣстны. Вы знаете, что потерявъ мать я осталась одна, какъ есть одна на всемъ свѣтѣ. Меня приютили... Я должна была въ теченіи этихъ лѣтъ уѣздить въ истинной добротѣ цесаревича и великой княгини, въ добротѣ, которую знаютъ очень немногіе. Я предана имъ всей душой, я готова за нихъ въ огонь

На конской ярмаркѣ. Съ картины Н. Сверткова, по фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

и въ воду—и это не пустыя слова—но вы понимаете, что все же они мнѣ не отецъ и не мать и что не смотря на все ихъ ласки, на всю ихъ доброту, я все же одинока. Мои воспоминанія—вотъ все, чѣмъ я могла жить и чѣмъ жила. Къ чему мнѣ было поддерживать сношенія съ вами—если вы меня похоронили, то вѣдь и я васъ тоже похоронила. Можетъ быть и я часто приходила къ вашей могилѣ, но это не давало счастья. Я узнаю изъ словъ вашихъ, что вы провели тяжелые годы—я вѣрю вамъ конечно, но въ то же время изумляюсь. Я никакимъ образомъ не могла подумать, чтобы такъ было—хоть и изгнанникъ, хоть и пѣвникъ, какъ вы говорите, но все же вѣдь вы жили среди общества, у васъ были постоянно серьезныя занятія, вы могли найти себѣ цѣль, интересъ... У меня же, въ этомъ замкнутомъ кругѣ, въ этомъ уединеніи монастырскомъ всего было такъ мало, одинъ день какъ другой, тоска приходитъ—справляйся съ ней какъ знаешь, наполняй время чѣмъ умѣешь.

Что же вы дѣлали, Таня?

— Что дѣлала? Я училась, читала много, вотъ и все, но жизни все же не было. И въ этомъ у насъ оказалась общая доля—для меня тоже было чистилище безъ надежды на рай. Но вотъ вы сами сознаетесь, что вы виноваты были и должны были выкупить вину свою—я не сказала, чтобы вы были передо мной виноваты, вы сами считаете себя виновнымъ. То есть можетъ быть были минуты, давно, тогда, когда я была ребенкомъ почти, можетъ быть тогда и находила въ васъ вину, но эти минуты были такъ давно—я совѣмъ ихъ и позабыла, но все же вы сами считали себя виновнымъ и хоть въ этомъ то могли найти нѣкоторую долю успокоенія. У меня же и этого не было.

Сергѣй сидѣлъ опустивъ голову, внимательно, всемъ существомъ своимъ вслушиваясь въ слова Тани. Но вотъ онъ перебилъ ее.

— О, какъ вы горды, Таня! сказала онъ. Въ этомъ то и вина ваша. Вы испортили себѣ жизнь вашей гордостью.

Она взглянула на него изумленно и вопросительно.

— Гордостью? Въ чемъ же моя гордость?

— Развѣ не отъ гордости вы меня тогда оставили? Развѣ я не говорилъ вамъ, не умолялъ васъ? Вы не видѣли истины словъ моихъ и моихъ увѣреній, что та женщина, о которой я безъ ужаса не могу и теперь вспомнить, была спомъ, конемаромъ, дьявольскимъ наважденіемъ, что вамъ нечего было ее бояться. Вашей обязанностью было не покидать меня, спасти меня отъ этого наважденія. Вы это и хотѣли сдѣлать, да вы и спасли меня отъ нея, а потомъ будто сами испугались своего доброго дѣла и погнусли меня, и испортили и мнѣ и себѣ жизнь. Вотъ до чего мы договорились. Я началъ искреннимъ признаніемъ вины моей, но теперь въ первый разъ, втеченіи этихъ долгихъ лѣтъ, вижу, что ошибался, что кланялся на себя. Вотъ вы меня до чего довели! повторялъ онъ, волнуясь все больше и больше. Нѣтъ я не виноватъ передъ вами, а вы передо мной виновны! Виновна ваша ужасная гордость! Вы говорите—въ монастырскомъ уединеніи жили, учились, читали, думали. Чему же вы учились? что читали? О чемъ думали? Ну, тогда оставивъ меня въ самыя ужасныя минуты, удовлетворивъ вашу гордость, какъ потомъ-то... потомъ вы не побѣдили ее? Вѣдь вы знали, вы должны были знать, что вамъ стоитъ меня кликнуть и не смотря на все, я разорву мои цѣпи и буду у ногъ вашихъ, но гордость вамъ мѣшала. Ваша гордость не исчезала съ лѣтами, а росла въ этомъ уединеніи, вотъ вы предпочли и мнѣ и себѣ испортить жизнь. Таня, мы договорились: вы никогда не любили меня, потому что гдѣ есть любовь, тамъ не можетъ быть гордости.

Таня схватилась руками за голову и какъ то странно, недоумѣвающее, изумленно, отчаянно повторила:

— Я... не любила васъ...

Она хотѣла сказать еще что-то, но вдругъ замолчала и Сергѣй услышалъ горькое, вырвавшееся рыданіе.

Она плакала, закрывъ лице руками.

— Что съ вами? Зачѣмъ вы плачете, Таня? Ради Бога успокойтесь! Развѣ я оскорбилъ васъ? Клянусь я не хотѣлъ этого!

Онъ бросился передъ нею на колѣни, старался оторвать отъ лица ея руки. Но она все плакала, неустойчиво плакала, сквозь рыданія повторяя:

— Оставьте... это пройдетъ... я сейчасъ успокоюсь... Я сама не знаю, что со мною.

Онъ грустно отошелъ отъ нея и ждалъ.

Она дѣйствительно скоро совладѣла съ собой, отерла глаза, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, остановилась передъ нимъ и положила свою руку на плечо его.

— Serge, сказала она тихимъ, совѣмъ прежнимъ голосомъ, который такъ и отдался у него въ сердцѣ, оставьте меня теперь, умоляю васъ. Убѣжайте и вернитесь только тогда, когда я сама позову васъ. Вы явились мнѣ обвинителемъ и ваши обвиненія тяжки... Я должна одуматься, должна разобраться въ самой себѣ чтобы отвѣчать на эти обвиненія. Подождите, дайте мнѣ успокоиться, дайте мнѣ самой рѣшить много вопросовъ и тогда будемъ говорить. До свиданья, Serge. Ждите—я скоро позову васъ.

Онъ глядѣлъ на нее, стараясь прочесть въ ея лицѣ то, чего она не договаривала. Но ея прелестное лице, хранившее слѣды недавнихъ слезъ, было особенно непроницаемо. Онъ могъ въ немъ замѣтить только одно, что она приняла какое то рѣшеніе, одно изъ своихъ неизмѣнныхъ рѣшеній, противъ которыхъ нельзя было спорить. Къ тому же онъ самъ ясно видѣлъ, что теперь дѣйствительно говорить не о чемъ, нужно успокоиться.

Онъ не думалъ, что сегодняшнее свиданіе ихъ такъ кончится, онъ не думалъ, что станетъ обвинять ее, а между тѣмъ теперь онъ не намѣренъ былъ взять назад ни одного слова. Онъ былъ совершенно, какъ и всегда, небреженъ съ нею.

Да, пусть успокоится!

И быстро простившись съ Таней, онъ уѣхалъ изъ Гатчины.

XXI.

Тяжелые вопросы.

Но отъѣздъ Сергѣя Таня осталась крайне взволнованная и пораженная. Она предчувствовала уже въ этотъ день, что между ними произойдетъ наконецъ рѣшительное объясненіе, ждала этого объясненія съ невольнымъ восторгомъ и нетерпѣніемъ. Она знала, что не на долго хватитъ ея рѣшимости и сдержанности, рекомендованныхъ ей цесаревичемъ, знала, что томить дольше Сергѣя не будетъ въ силахъ и прямо наконецъ скажетъ ему истину, скажетъ что имъ только жила, его только и ждала въ теченіи долгихъ лѣтъ и что теперь уже не отпустить его отъ себя. А между тѣмъ вотъ вѣдь ничего этого не случилось: объясненіе произошло и результатъ его былъ совѣмъ неожиданный: изъ обвиняемаго и прощаемаго Сергѣй внезапно превратился въ обвинителя. И какія тяжкія обвиненія!..

Она сама виновата во всемъ, она испортила жизнь и себѣ и ему, отравила и его и свою молодость, во всѣхъ этихъ безплодныхъ, мучительныхъ годахъ она, и только она одна, была виновата...

Счастливая, полная жизнь возможна была давно и она уничтожила эту возможность, отказалась отъ этой жизни. Однообразное уединеніе, существованіе среди безтѣлесныхъ туманныхъ мечтаній, вѣчно ожиданіе апофеоза волшебной сказки, въ которой часто позволюсь не вѣрилось... всему этому она причиной и, мало того, Сер-

гбѣй пошелъ дальше, гораздо дальше, онъ произнесъ странныя, непонятныя, дикія слова, онъ ей сказалъ, что она поступала такъ, потому что не любила его...

Она его не любила! Что же лишило ее тепла и свѣта въ самые лучшіе, юные годы, что безслѣдно и безплодно унесло ее первую молодость, что чуть не съ дѣтства сдѣлалось ея сущью, преобладающимъ ея чувствомъ, какъ не эта любовь?—И онъ говоритъ, что она его не любила! О, какая неблагодарность! Какая клевета!

Зачѣмъ же она прямо не сказала ему, что онъ клеветникъ и неблагодарный? Зачѣмъ она не заставила его ужаснуться его собственныхъ словъ, отказаться отъ нихъ, просить за нихъ прощенья?

Она не сдѣлала этого потому, что онъ поразилъ ее какъ громомъ, потому что въ его словахъ, въ этомъ обвиненіи ей вдругъ послышалось что-то совѣмъ особенное и тѣмъ болѣе ужасное, что это что-то вовсе не походило на неблагодарность и клевету. Но вѣдь не могло же въ такомъ обвиненіи заключаться правды!

Ея сердце ныло, ея мысли путались, она чувствовала себя пораженной, ослабѣвшей, она должна была придти въ себя, очнуться, понять что такое случилось, что значили эти странныя слова его, что такое въ нихъ заключается кромѣ клеветы и неблагодарности.

Она уже не могла сказать ему теперь того, что сказать собиралась, она не могла, какъ еще недавно мечтала, на груди его, у его сердца выплакать всѣ свои слезы, рассказать ему всю тоску этихъ долгихъ лѣтъ, всѣ ожиданія, —она могла только попросить его удалиться...

Его нѣтъ—она одна. Что же такое все это?

Долго не могла Тania успокоиться, собраться съ мыслями; она рада была, что въ этотъ день, за отсутствіемъ великой княгини, у нея мало домашнихъ дѣлъ, что она можетъ сколько угодно оставаться въ своихъ комнатахъ, запереться, никого не видѣть.

Она такъ и сдѣлала, она бродила изъ угла въ уголъ по комнатамъ, потомъ принималась за книгу, бросала ее и опять начинала бродить. Потомъ наконецъ легла въ постель, закрыла глаза, но не спала, а долго лежала въ полубабытѣ, въ бездумьи, съ ощущеніемъ большого, давно уже незнакомаго ей утомленія. Ей тяжело было подняться, тяжело было пошевелинуться, тяжело было думать.

Мало по малу это полубабытѣ перешло въ сонъ.

Tania спала, какъ спитъ человѣкъ послѣ чрезмѣрной работы, чрезмѣрной усталости.

Этотъ сонъ укрѣпилъ ее, возстановилъ нарушенное равновѣсіе ея тѣлеснаго и духовнаго организма.

Когда она проснулась, были уже сумерки. Она не слышала въ своемъ крѣпкомъ снѣ какъ къ ней стучались, какъ ее звали къ обѣду, потомъ опять приходили и звали ее, и изумлялись что такое съ нею.

Она поднялась съ постели и сразу почувствовала, что сонъ освѣжилъ ее, что теперь она можетъ думать, можетъ рѣшить всѣ вставшіе передъ нею вопросы. Но дѣйствительность на этотъ разъ отвлекла ее, она должна была говорить съ людьми, объяснять имъ почему заперлась.

Она получила записку отъ великой княгини, поручавшей ей сдѣлать кой-какія распоряженія. Она аккуратно, какъ и всегда, исполнила все, что отъ нея требовалось, казалась даже совѣмъ спокойной и бодрой.

Такъ прошелъ вечеръ и она рада была, когда снова могла запереться въ своей спальнѣ, снова остаться одна и въ долгую, безсонную ночь поговорить сама съ собой. И она приступила къ этой рѣшительной бесѣдѣ, понимая, что подобная бесѣда несравненно важнѣе того объясненія съ Сергѣемъ, котораго она ожидала такъ трепетно...

Чѣмъ окончится эта бесѣда? Во всякомъ случаѣ отъ нея зависитъ теперь окончаніе волшебной сказки.

Среди ночной тишины и молчанія, нарушаемаго только рѣдкими, далекими окликами часовыхъ. Tania вспоминала и переживала каждый день своей жизни съ той самой минуты, когда она встрѣтилась съ Сергѣемъ въ бесѣдѣ деревенскаго парка.

Любила ли, любить-ли она его?

Она сходилась въ самые сокровенные тайники своего сердца, она твердо рѣшилась подвергнуть строгому, безпристрастному допросу свое чувство и на каждый вопросъ свой, на каждое воспоминаніе отвѣчала: „всегда любила и люблю его!“

Онъ былъ первый человѣкъ, первый мужчина, который заставилъ ее убѣдиться, что на свѣтѣ есть нѣчто, о существованіи чего она прежде не знала и никогда не думала, что среди любви къ близкимъ, окружающимъ ее людямъ, которой много она съ дѣтства въ себѣ чувствовала, есть особая привязанность, неизмѣющая ничего общаго съ остальными привязанностями, несравненно ихъ сильнѣйшая. Въ этой привязанности все ново и особенно въ ней мало спокойствія, много тревоги, волненій, сладости и боли. И это-то самое чувство, которое съ нежданной, внезапно прорвавшейся силою испытала она тогда, въ бесѣдѣ, когда руки Сергѣя сжимали ея руки, когда она въ первый разъ почувствовала его новый, не братскій поцѣлуй на губахъ своихъ, это самое чувство она испытывала въ теченіи всей своей жизни каждый разъ, когда сходилась съ Сергѣемъ, когда о немъ думала. Это самое чувство внезапно возникало въ ней и заслоняло собою всѣ другія чувства и помысленія, неудержимо влекло къ тому же Сергѣю и тогда, когда онъ былъ далеко, когда она даже думала, что онъ уже больше къ ней не вернется, что онъ на вѣки для нея потерянъ.

Однообразна была жизнь ея, но все же она встрѣчалась съ другими мужчинами и сознавала, что производить на нихъ сильное впечатлѣніе своей красотой, она сознавала и видѣла, что нѣкоторые изъ этихъ мужчинъ готовы будутъ при первомъ малѣйшемъ намекѣ съ ея стороны, при первомъ ея ласковомъ взглядѣ и словѣ, искать сблизенія съ нею, искать ея любви. Великая княгиня даже указывала ей на нѣкоторыхъ какъ на жениховъ. Но каждый разъ она возмущалась и каждый разъ, когда она видѣла что человѣкъ, который могъ бы быть женихомъ для нея, заглядывается на нее, начинаеть за ней ухаживать, она уходила сама въ себя, она, всегда одинаково простая и ласковая, превращалась въ неприступную, становилась горделива и отталкивала отъ себя холодностью человѣка, противъ котораго до сихъ поръ ничего не имѣла, который ей даже нравился, былъ приятенъ. Она вдругъ даже ожесточалась и въ то же время въ ней поднималось снова знакомое, томительное и сладкое чувство, и опять рисовался ей образъ далекаго, быть можетъ навсегда для нея потеряннаго Сергѣя, и она со слезами простирала руки къ этому неосязаемому образу, звала его.

Въ ея здоровой, могучей натурѣ было много огня и страсти, внутренний огонь жегъ ее, потушить его было невозможно, а заставить горѣть ровнымъ и благотворнымъ свѣтомъ могъ только одинъ человѣкъ—и человѣкъ этотъ былъ Сергѣй...

Только теперь Tania увидѣла то, къ чему до сихъ поръ относилась безсознательно, существованія чего не замѣчала.—она увидѣла всю ненормальность своей монашеской жизни, своего гатчинскаго затворничества. Ей вспоминались эти горячія, безсонныя ночи, когда она, вся въ огнѣ, почти въ бреду, призывала далекаго Сергѣя и шептала ему страстные рѣчи, и обнимала мечту, таинскую въ ея объятіяхъ. И часто возвращалась она къ этому призраку, вызывала его и такъ наконецъ сжилась съ нимъ, что уже почти позабывала о существованіи вещественнаго, живаго Сергѣя.

Что же, можетъ быть она любила только призракъ?..

Но вот предсказаніе волшебника исполнилось, живой Сергѣй явился передъ нею и все, что было въ ней страсти, проснулось съ новою силою, она едва владѣла собой, она готова была боготворить этого человѣка, она находила его неизмѣримо выше, дороже ей, милѣе и роднѣе прежняго Сергѣя, о которомъ осталось одно только воспоминаніе, и Сергѣя ея мечтаній, знакомаго ей призрака.

Рѣшивъ вопросъ, что она всегда любила только его, его одного, она рѣшила вмѣстѣ съ тѣмъ и другой вопросъ, что теперь она любить его горячѣе и больше, чѣмъ когда либо, что теперь она уже не выпуститъ его, не отдастъ его, готова за него бороться до смерти.

И такъ одно изъ страшныхъ обвиненій Сергѣя было устранено, Таня успокоилась. Но оставалось другое, не менѣе страшное—обвиненіе въ гордости, изъ за которой она будто-бы сама создала себѣ неестественную для нея, монашескую жизнь и испортила жизнь дорогаго и теперь обожаемаго ею человѣка.

Таня вернулась мыслями къ своей поѣздкѣ въ Парижъ, къ своему твердо принятому рѣшенію покинуть Сергѣя въ ту самую минуту, когда вѣчное соединеніе ихъ должно было совершиться. Она хорошо помнила какое подавляющее впечатлѣніе произвела эта ея рѣшимость тогда не только на Сергѣя, но и на всѣхъ близкихъ, окружавшихъ ее людей, на покойницу мать, Рено и карлика.

Каждый по своему старался всячески упротить ее переѣмнить гнѣвъ на милость, простить Сергѣя, не оставлять его. Мать даже плакала и все повторяла:

„Я чувствую что съ нимъ можетъ быть твое счастье; выйдешь за него—и я умру спокойно, буду знать что ты въ хорошую семью пошла, гдѣ тебя не обидятъ... А что молодой человѣкъ мнностей надѣлалъ—такъ мало ли что—вѣдь онъ тебя любитъ, посмотри ты на него... ты его несчастнымъ дѣлаешь“...

Карликъ, въ полномъ отчаяніи, считалъ Сергѣя особенно виноватымъ, былъ возмущенъ противъ него, но въ то же время убѣждалъ Таню только поугать, задать острастку, а потомъ простить:

„Не то что же это такое будетъ, золотая моя, говорилъ онъ плаксивымъ голосомъ, вѣдь ты, матушка, всѣмъ чертямъ его отдашь, спаси ты его душеньку“!

Рено говорилъ многословно и краснорѣчиво; Рено что то говорилъ ей о гордости (и онъ тоже о гордости!), но она не вслушивалась въ слова его, она была поглощена своимъ горемъ, своимъ рѣшеніемъ, никто теперь не могъ имѣть на нее вліянія.

А самъ Сергѣй? Онъ молчалъ, онъ ужъ подъ конецъ ни о чемъ и не просилъ ее, онъ былъ уничтоженъ, подавленъ и какъ преступникъ ждалъ рѣшенія своей участи. И она, чуть не крича отъ страданія, задыхаясь отъ душевныхъ ее слезъ, все же осталась непреклонной, простила съ нимъ холодно, обѣщала ему свою неизмѣнную дружбу, обращалась съ нимъ милостиво, съ полнымъ сознаніемъ своей высоты и его паденія—и покинула его.

Она думала, думала до послѣдняго времени, что ея поступокъ былъ чуть ли не самымъ лучшимъ, высокимъ поступкомъ въ ея жизни, она считала себя героиней, гордилась собой, своей рѣшимостью, своимъ страданіемъ, считала Сергѣя виноватымъ и наслаждалась мечтами о томъ, какъ она проститъ его, какъ она будетъ всегда велика передъ нимъ, какъ онъ будетъ чувствовать все ея великодушіе и всю свою вину передъ нею.

„Вѣдь ты самъ пришелъ ко мнѣ и общалъ мнѣ вѣчную любовь, потомъ измѣнилъ мнѣ для женщины недостойной, я спасла тебя, я тебя простила и повѣрила тебѣ снова и вдругъ явилась эта фурія, этотъ демонъ, и ты при мнѣ, спасшей тебя, любившей тебя, простившей, при мнѣ, на глазахъ моихъ кинулся къ ней, простиралъ къ ней руки, ты оскорбилъ меня такъ,

какъ только можно оскорбить женщину, я не имѣла права унижаться болѣе, я ушла и что же я сдѣлала? Вмѣсто того чтобы забыть тебя, вмѣсто того, чтобы по-любить другого и счастливо устроить свою жизнь съ человѣкомъ, который бы лучше быть можетъ оцѣнилъ меня,—я думала о тебѣ, непрестанно любила тебя все такъ же, ждала тебя, отдала этому ожиданію свою молодость, лучшіе свои годы и, когда ты пришелъ снова, не имѣя уже на меня ни тѣни права, я опять и опять прощаю тебѣ, и люблю тебя, и соглашаюсь быть твоею“!

Вотъ что мечтала она сказать ему и невольно представлялось ей какъ онъ упадетъ передъ ней на колѣни въ сознаніи ея безграничнаго великодушія, ея святости. А онъ пришелъ и говорить ей, что она виновата во всемъ, что она взяла на себя чуть ли не убійство и самоубійство, онъ не говоритъ ей о великодушіи и святости, о ея безиримѣрномъ геройствѣ, онъ обвиняетъ ее въ тяжкомъ грѣхѣ, въ гордости... Неблагодарный клеветникъ! хоть бы другой кто, а то кто же... онъ же въ этомъ обвиняетъ!.. неблагодарный клеветникъ!

Но вѣдь вотъ же она не посмѣла сказать ему этого, она только смутилась, ужаснулась, расплакалась и просила его удалиться, чтобы дать ей время очнуться. Эта клевета и неблагодарность сразили ее, но не оскорбленіемъ, а просто ужасомъ и въ этомъ ужасѣ съ первой минуты было сознаніе его правоты и своей грѣховности. Потому то она такъ и мучилась, такъ и томилась послѣ его отъѣзда. Но теперь, придя въ себя, она ясно видитъ, ясно чувствуетъ и понимаетъ, что онъ былъ правъ, что нѣтъ въ ней ни великодушія, ни святости, нѣтъ подвига и геройства, а есть страшная гордость, что дѣйствительно этой гордостью испортила она лучшіе годы и его и своей жизни.

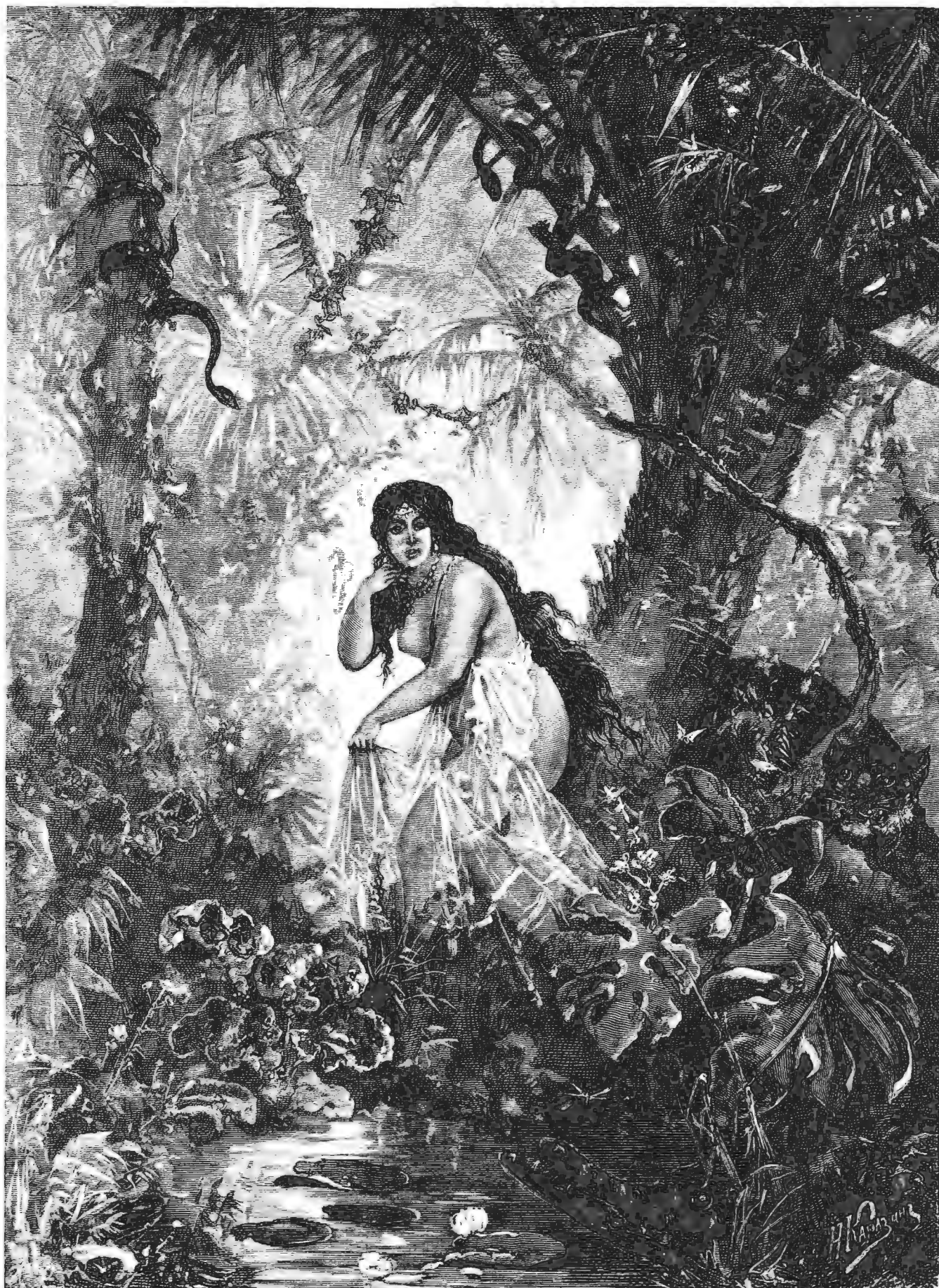
Она видитъ теперь сколько невозвратнаго времени потеряла въ ложныхъ мечтаніяхъ, видитъ, какъ она уходила все дальнѣе и дальнѣе отъ дѣйствительности, какъ эта дѣйствительность искажалась передъ нею.

Но теперь она наконецъ все понимаетъ.

Далекія тяжкія событія являютъся передъ нею уже въ новой окраскѣ и видитъ она какъ съ каждой минутой умалится и умалится вина передъ нею Сергѣя, какъ съ каждой минутой яснѣе и яснѣе выступаетъ необдуманность ея тогдашняго поступка и грѣхъ ея дальнѣйшей гордости...

Хоть и однообразная, хоть и мечтательная, уединенная жизнь началась для нея послѣ того времени, но все же эта жизнь прошла не даромъ; размысленія, разсужденія и серьезное чтеніе заставили ее понимать многое такое, чего она прежде, будучи еще почти ребенкомъ, не понимала—и видитъ она теперь, что этотъ демонъ, эта страшная женщина, никогда не могла стать навсегда между ней и Сергѣемъ, и видитъ она что правы были и ея покойная мать, и карликъ, и Рено. Должна она была ихъ послушаться, ихъ, ея лучшихъ друзей, болѣе ея опытныхъ, болѣе ея знавшихъ жизнь. Да и не то, не ихъ она должна была послушаться, должна она была послушаться своего сердца, которое страдало тогда, которое немолчно кричало ей, что она любитъ Сергѣя, что она не можетъ спокойно и счастливо жить безъ него и потому не должна уходить отъ него.

Вотъ онъ сказалъ ей, что она могла, когда хотѣла, вернуться къ нему, и не только вернуться, а просто кликнуть его, что она знала съ какимъ счастьемъ, съ какимъ восторгомъ онъ откликнется на этотъ зовъ. Знала ли она это? Да, конечно, она иногда это чувствовала, надѣялась на это—вѣдь этимъ и жила она; да, наконецъ, ей всегда была возможность убѣдиться: она обѣщала Сергѣю свою дружбу, и ни разу не написала ему, скрывала тщательно отъ него свою судьбу. Она вступила въ заговоръ противъ него, она слушалась совѣтовъ своего новаго друга, цесаревича—это онъ

Литературный альбомъ. „Наль и Дамаянти“, переводъ В. А. Жуновскаго. „Дамаянти въ лѣсу“.
Оригин. рисун. Н. Каразина, грав. К. Ольшевскій.

виновать во всем, онъ утверждалъ ее въ гордости, онъ толковалъ ей о томъ, что все придетъ въ свое время, что Сергѣя нужно подвергнуть испытанію, онъ повторять ей:

„Держитесь, не падайте духомъ, будьте сильны и сказка окончится благополучно“.

Онъ во всемъ виноватъ!

Но итъ, зачѣмъ она станетъ винить его? Онъ самый горячій мечтатель, какъ она въ эти послѣдніе годы, такъ и онъ всю жизнь жилъ въ области, созданной его воображеніемъ, онъ желалъ ей добра, но онъ не могъ понять чужаго ему дѣла, дѣла ея сердца. Зачѣмъ она слушалась его больше чѣмъ своего сердца, зачѣмъ она вѣрила чужимъ людямъ, когда должна была вѣрить только своему чувству, говорившему ей всегда правду?..

Ей уже некого было обвинять.

„Да, всему виною моя гордость, наконецъ прошептала она, окончательно сдаваясь. О, какъ я несчастна! О, какъ я преступна! Въ какомъ я была ослѣвленіи!“

Она схватила за голову и долго не шевелилась сидѣла на своей кровати, не мигая смотря въ одну точку и ничего не видя среди полумрака, окутавшаго ея скромную дѣвическую комнату и едва озаряемаго слабымъ свѣтомъ лампы, зажженной предъ иконами.

„О! какъ я виновата!“ отчаянно повторила она.

И вдругъ неудержимыя слезы полились изъ глазъ ея, и долго она плакала, и многое она оплакивала. Она

оплакивала каждый день этой сумрачной, бесполезно, какъ ей теперь казалось, прожитой ею жизни, проведенной въ этихъ тихихъ стѣнахъ, оплакивала каждый день, уносившій ея юность, ея свѣжесть. О! что дала бы она теперь если бы можно было воротить это потерянное, загубленное время—но его не воротишь! Какъ нужно теперь торопить счастье, пришедшее такъ поздно... но пришло ли оно?..

Этотъ новый, нежданный вопросъ заставилъ болезненно забиться ея сердце.

„Пришло ли, стою ли я этого счастья? Не наступаетъ ли теперь наказаніе за мою гордость? Вернулся ли онъ ко мнѣ? Увижу ли я его? Быть можетъ онъ вернулся только зачѣмъ, чтобы открыть мнѣ глаза, чтобы показать мнѣ всю мою вину и зачѣмъ уйти отъ меня навсегда, оставить меня для новаго тяжкаго наказания?!. Но вѣдь я уже наказана и такъ всеми этими годами, я наказана... А то, что я заставила его перенести?..“

Таня вздрогнула. Она молила Бога, молила судьбу скалиться надъ нею, она клялась всю жизнь свою посылать на то, чтобы заставить его забыть это тяжелое время. И вотъ ея отчаяніе мало по малу улеглось, снова явилась бодрость, надежда.

„Нѣтъ, онъ мой теперь, я не отдамъ его, я сдѣлаю его счастливымъ, я заставлю его забыть все, я ворочу потерянное время!..“

(До слѣдующаго №).

На жизнь и на смерть.

Разсказъ.

Курьерскій поѣздъ изъ Санъ-Франциско остановился у платформы станціи Омага. Я поспѣшилъ выйти съ своимъ саквояжемъ. Въ эту минуту кто-то ударилъ меня по плечу и вслѣдъ за тѣмъ раздалось восклицаніе: — Эй, Джэксъ! Пораженный, я оглянулся и узналъ своего стараго друга Бена; крѣпко и радостно пожалъ я ему руку.

— Откуда старій другъ? воскликнулъ онъ, не менѣе моего обрадованный случайной встрѣчей.

— Изъ Виргиніи въ Неваду. А ты что тутъ дѣлаешь въ Омагѣ?

— Я служу машинистомъ на желѣзной дорогѣ Чикаго — и Рокъ-Исландъ, живу въ Омагѣ, и надѣюсь ты останешься у меня на нѣсколько дней.

Я съ удовольствіемъ согласился. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бенъ Ватсонъ и я встрѣтились и подружился на золотыхъ и серебряныхъ приискахъ въ Калифорніи и Невадѣ. По смерти отца Бена, его вызвали въ его родной городъ Чикаго, гдѣ онъ женился и объ этомъ я узналъ изъ его письма ко мнѣ. Вслѣдствіе страшнаго пожара 8-го Октября 1871 г. опустошившаго большую часть города, Бенъ лишился всего своего имущества. Ему, какъ хорошему машинисту, удалось выхлопотать мѣсто себѣ при Чикаго-Рокъ-Исландской желѣзной дорогѣ. Онъ останавливался въ Омагѣ, конечной станціи этой желѣзной дороги, съ тѣхъ поръ какъ построены были мосты черезъ Миссури.

Все это онъ успѣлъ сообщить мнѣ по пути въ его квартиру, гдѣ я былъ встрѣченъ очень радушно. Его молодая жена знала меня только по моимъ письмамъ къ ея мужу. Отъѣздъ свой изъ Виргиніи я устроилъ такъ, что могъ свободно располагать дѣловую недѣлю передъ окончательнымъ возвращеніемъ въ Европу. Счастіе благопріятствовало мнѣ на приискахъ въ моемъ распоряженіи оказалась солидная сумма, позволившая весело провести съ недѣлкою въ Чикаго, Нью-Йоркѣ или гдѣ мнѣ вздумалось бы. Но все же я согласился на предложеніе моего друга и предпочелъ прожить у него эти свободные дни. Пароходъ „Синдзія“ долженъ быть отправиться изъ Джерсей-Сити въ Гамбургъ 6-го Марта, и у меня было уже взяты билеты. То что я разказываю происходило только 26-го февраля, и такъ какъ проѣхать изъ Омаги до Нью-Йорка можно въ 60 часовъ, то я распропагандѣлъ цѣлыми пятью днями. Я сдалъ на сохраненіе своей багажъ и возвратился къ Бену и его женѣ, желая воспоминаніями воскресить прошлое, осмотрѣть Омагу и ея окрестности, пользуясь отпускомъ Бена, который подучилъ его на нѣсколько дней. Скоро я близко сошелся съ этой семьей и узналъ отъ молодой женщины, что мужъ ея 3-го Марта будетъ праздновать день своего рожденія, также и о томъ, что у него въ Ункционѣ, третьей станціи отъ Омаги, живетъ нѣжно любимая имъ сестра. Какъ разъ третьяго Марта онъ долженъ будетъ ѣхать съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Чикаго до Ункциона, гдѣ можетъ пробить нѣсколько часовъ, въ ожиданіи прибытія курьерскаго поѣзда съ которымъ долженъ ѣхать дальше. Этотъ поѣздъ, идя мимо Клинтона и Фультона, переходитъ въ Ункционѣ на линію Чи-

каго и Рокъ-Исландъ и послѣ краткой остановки въ Чикаго, идетъ прямо въ Нью-Йоркъ по линіи Эри. Я предложилъ женѣ сдѣлать мужу ея въ Ункционѣ сюрпризъ, побуждая его сестру устроить на общій средства маленькое домашнее празднество, въ которомъ участвовали бы только она, съ ея трехлѣтнимъ ребенкомъ, да ея сестра. Молодая жена была очень довольна этимъ предложеніемъ. Памъ удалось извѣстить сестру его объ нашемъ разговорѣ и съ первою же почтою мы получили въ отвѣтъ ея согласіе.

Когда такимъ образомъ у насъ съ Г-жею Ватсонъ все было улажено, я занялся сборами къ своему отъѣзду съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Омаги 3-го Марта въ 9 ч. утра. Не встрѣчая никакихъ препятствій, я могъ бы прибыть въ Джерсей-Сити 6-го Марта въ 4 ч. утра, могъ бы съ полнѣйшимъ спокойствіемъ поѣхать въ Нью-Йоркъ, проститься съ нѣкоторыми знакомыми и уже тогда только пріѣхать къ 2 часамъ на пароходѣ „Силезія“, отходящемъ въ этотъ часъ въ Гамбургъ. Въ обществѣ друзей дни незамѣтно и быстро пролетѣли. Воспоминанія и обмѣны впечатлѣній преобладали въ нашихъ бесѣдахъ.

Наконецъ настало 3-е Марта, и мнѣ удалось провезти и посадить въ вагонъ Г-жу Ватсонъ съ ея ребенкомъ, незамѣтно отъ Бена, занятого своимъ локомотивомъ.

Помѣтивъ ее благополучно я подошелъ къ машинѣ и засталъ Бена за чистой мѣднаго котла и безъ того ярко блестящаго. Такъ какъ это было дѣло истонника, а не машиниста, то я спросилъ Бена о причинѣ такого усердія. Онъ отвѣтилъ, что истонникъ заболѣлъ и по несчастной случайности въ Омагѣ нѣтъ ни одного другаго, который могъ бы его замѣнить. Только въ Ункционѣ можно будетъ застать помощника. А что если бы я былъ твоимъ истонникомъ до тѣхъ поръ?“ спросилъ я его.

— Гей! если желаешь, входи сюда, у насъ всего 2 минуты времени“.

Въ одинъ мигъ я былъ на машинѣ, падѣлъ сверхъ своего дорожнаго пальто, рабочею, предложенное мнѣ Беномъ, и собрался звонить въ большой колоколъ локомотива.

Тонка была для меня не новостью, во время морской службы приходилось не разъ исполнять эту обязанность, кромѣ того въ Невадѣ я завѣдывалъ также и паровой машиной. Все это Бенъ зналъ. Не разъ у меня являлось желаніе носиться по безпредѣльнымъ степямъ на летучемъ локомотивѣ и наконецъ мое желаніе исполнилось!

Манометръ указывалъ только 75 фунтовъ давленія, я взялъ большую лопату, чтобы подбросить подъ котель центнеръ угля, такъ что когда мы отъѣжали отъ станціи, давленіе было 100 ф. на квадратный дюймъ.

Поѣздъ медленно подвигался по мосту черезъ Миссури, на это требовалось около шести минутъ. Затѣмъ мы прибыли на первую станцію нашего пути. Не успѣли мы проѣхать первую сторожевую будку, какъ я замѣтилъ челоука, держащаго красивый флагъ. Я спросилъ Бена что это значить и онъ мнѣ объявилъ, что челоукъ этотъ имѣетъ ему сообщить что нибудь

касающаяся службы. Затѣмъ онъ нагнулся нѣсколько и ловко подхватилъ обручъ отъ бочки, поданный ему рабочимъ. На этомъ обручѣ былъ сдѣланъ надрѣзъ и въ него вложена записка. Бень развернулъ бумажку; я зорко сталъ наблюдать за нимъ, такъ какъ мнѣ все это показалось сомнительнымъ. Если это касалось служебныхъ сообщений, то почему же служащіе на станціи не заявили намъ объ этомъ словесно?

Бень открылъ бумагу; по виду это была денеша Телеграфнаго Союза и я замѣтилъ, какъ сильно онъ поблѣднѣлъ. Вынувъ часы, онъ смотрѣлъ на манометръ, открылъ кранъ и мы помчались съ отчаянной быстротой. До меня дохотили слова, произнесенныя имъ въ волненіи: Этого не можетъ быть — это слишкомъ поздно.

— Что ты тамъ ворчишь про себя?

— Ничего; насыпай больше угля.

— Но, Бень...

— Угля, говорю тебѣ, угля! Слышишь?

Слова эти онъ произнесъ суровымъ тономъ, котораго прежде никогда у него не было.

Изумленный посмотрѣлъ я на него и выронилъ изъ рукъ лопатку. Лицо Бена страшно измѣнилось. Глаза были неподвижно устремлены на манометръ. Судорожно держалъ онъ рукоятку пароваго котла, какъ будто желяя еще болѣе его открыть.

Изъ груди его вылетали звуки, непохожіе на человѣческой голосъ. Я только могъ понять:

— На половину не хватаетъ силы! Не идетъ! Подбавь еще угля если жизнь тебѣ дорога, повелительно обратился онъ ко мнѣ.

Я бросалъ уголь, не понимая въ чемъ дѣло, хотя отъ непривычной работы и аскаго огня потъ лилъ съ меня, какъ вода. Мы должны были черезъ четверть часа прибыть въ городъ Миссури-Валлей, и встрѣтиться съ поѣздомъ Пацифика, идущимъ изъ Нью-Йорка. Я хотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло, такъ какъ серьезно опасался, не сошелъ-ли мой товарищъ съ ума. Но, что это? Вотъ, простое, бѣлое зданіе станціи Миссури-Валлей; служащіе стоятъ на платформѣ, но Бень и не думаетъ закрыть паровой кранъ и остановить поѣздъ. Итъ, локомотивъ мчитъ съ невѣроятной быстротой, и Бень все приказываетъ бросать уголь.

— Больше угля, чортъ возьми, больше угля!

Наконецъ объяснилъ я ему, что при такомъ давленіи котель неминуемо должно разорваться. Эти слова произвели на него успокоительное дѣйствіе, потому что не смотря на страшное волненіе, въ которомъ онъ находился, онъ все таки болѣе спокойно сказалъ:

— Взгляни-ка внизъ... Видишь-ли приблизительно миляхъ въ четырехъ отсюда, сдѣлана выемка. Въ этой выемкѣ проложенъ запасный путь, куда мы должны достигнуть въ двѣ минуты, что бы не столкнуться съ Пасификскимъ поѣздомъ! Понимаешь-ли ты теперь? Не спрашивай больше. Подбрось угля въ котель.

Я понялъ слишкомъ хорошо. Запасный путь былъ отъ насъ около одной англійской мили.

Если бы можно было во время свернуть, мы и весь поѣздъ были бы спасены, иначе столкновеніе поѣздовъ было неминуемо. Конечно опасность сойти съ рельсъ велика, — но за то опасность встрѣтиться съ другимъ поѣздомъ еще ужаснѣе; дѣло шло о жизни или смерти. Въ виду этого я исполнялъ приказанія Бена, ни слова не говоря. Я весь былъ въ поту, и признаюсь не только отъ сильного жару, но и отъ страху.

И наконецъ достигли мы цѣли: передъ нами запасныя рельсы; въ этотъ же мигъ показался блестящій локомотивъ курьерскаго поѣзда. Вдругъ наша машина получила такой толчекъ вправо,

что я упалъ. Мы были на запасныхъ рельсахъ; черезъ секунду по сильному напору воздуха, по раздирающему уши свисту и шуму можно было судить, что мимо промчался курьерскій поѣздъ. Мы были спасены, благодаря храброму выжиданію стрѣлочника, который какъ-бы руководимый какою-то высшею силою, съумѣлъ въ единственный вѣрный моментъ переставить стрѣлки! Бень медленно закрылъ регуляторъ, котораго прежде не выпускалъ и далъ паровику обыкновенный ходъ 40 миль въ часъ.

Скоро и манометръ сталъ показывать правильное давленіе въ 135 фунтовъ. между тѣмъ какъ раньше давленіе доходило выше 200 ф. на квадратный дюймъ.

Продолжая такимъ образомъ спокойно путь, я спросилъ Бена о причинѣ, заставившей его не ждать курьерскаго поѣзда, какъ всегда, на станціи Миссури-Валлей. Въмѣсто отвѣта онъ мнѣ показалъ денешу главнаго инспектора линіи Рокъ Исландъ, которую получилъ при отъѣздѣ. Въ ней было сказано: „Машина курьерскаго поѣзда изъ Чикаго долженъ отправиться безъ остановки въ Миссури-Валлей прямо въ Ункционъ, такъ какъ отъ вчерашняго дня курьерскій поѣздъ Атлантикъ у Клинтонъ сошелъ съ рельсъ и теперь только прибылъ въ Ункционъ, опоздавъ на 16 часовъ; поэтому сейчасъ же по приходѣ поѣзда должно ѣхать дальше.“ Нельзя судить объ этомъ случаѣ по масштабу европейскихъ порядковъ; узко и мысленно перенестись въ Америку, гдѣ жизнь человѣка немного цѣнится. Особенно на западныхъ одноколейныхъ линіяхъ, часто происходили случаи, совершенно ненормальные спокойному европейскому уму. Привыкшіи къ волненіямъ и даже требующиіи сильныхъ ощущеній американецъ, находить все это въ порядкѣ вещей.

Я прочиталъ эту денешу; мнѣ все стало ясно, но я также понималъ, что предполагаемое празднество не можетъ состояться, и потому лишнее было что либо скрывать отъ него, почему я и рассказалъ Бену о нашемъ планѣ съ его женою и сестрою. Впечатлѣніе, произведенное моими словами было громадно и совершенно непредвидѣнно мною. Бень, вытаращивъ глаза на меня, вслеснулъ руками, какъ бы подыскивая опору и упалъ на скамью.

Этого Бень, не задолго до этого, въ минуту страшной опасности не потерявшій присутствія духа — теперь узнавъ, что самое дорогое ему, его жена и ребенокъ — были въ такой опасности, при одной мысли объ этомъ совсѣмъ потерялъ сознаніе. Въ это время мы доѣхали до станціи Ункционъ и я остановилъ поѣздъ.

Тутъ только я могъ позаботиться о своемъ товарищѣ, который вскорѣ и оправился.

Мы вышли на платформу, гдѣ насъ встрѣтила г-жа Дженнингъ — сестра его, а изъ вагона вышла г-жа Ватсонъ съ ребенкомъ. Чувствуя себя окруженнымъ близкими сердцу, Бень въ волненіи пожалъ мнѣ руку, шепнувъ:

— Отъ души тебя благодарю, что ты не сказалъ мнѣ ранѣе о присутствіи на этомъ поѣздѣ моихъ дорогихъ; иначе я не въ состоянн бы былъ владѣть собой и дѣйствовать съ твердостью. Впрочемъ я сейчасъ донесу начальнику станціи, что черезъ чуръ утомленъ этой поѣздкой. Другой путь ѣдетъ съ поѣздомъ.

Для меня настала часъ разлуки; я такъ люблю этихъ людей, что было жалъ расставаться съ ними. Еще одно пожатіе руки, я сѣлъ въ вагонъ и безъ дальнѣйшихъ пренятствій уѣхалъ въ Чикаго.

Съ тѣхъ поръ мнѣ больше не пришлось исполнять обязанности истопника, но не разъ вспоминаю я эту бѣшеную ѣзду, ѣзду на жизнь и на смерть.

Куриное яйцо.

Очеркъ.

Куриное яйцо! Есть-ли на свѣтѣ что болѣе прозаичное и обыкновенное? И однако, смѣемъ утверждать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего столь загадочнаго и чудеснаго, ничего что бы сильнѣе могло занять ученѣйшаго изслѣдователя. Это именно то обыкновенное куриное яйцо, которое мы ѣдимъ почти ежедневно, безъ всякихъ философскихъ о немъ размышленій, и считаемъ созданнымъ природою пожалуй чуть-ли не преимущественно для изготовленія изъ него личицы.

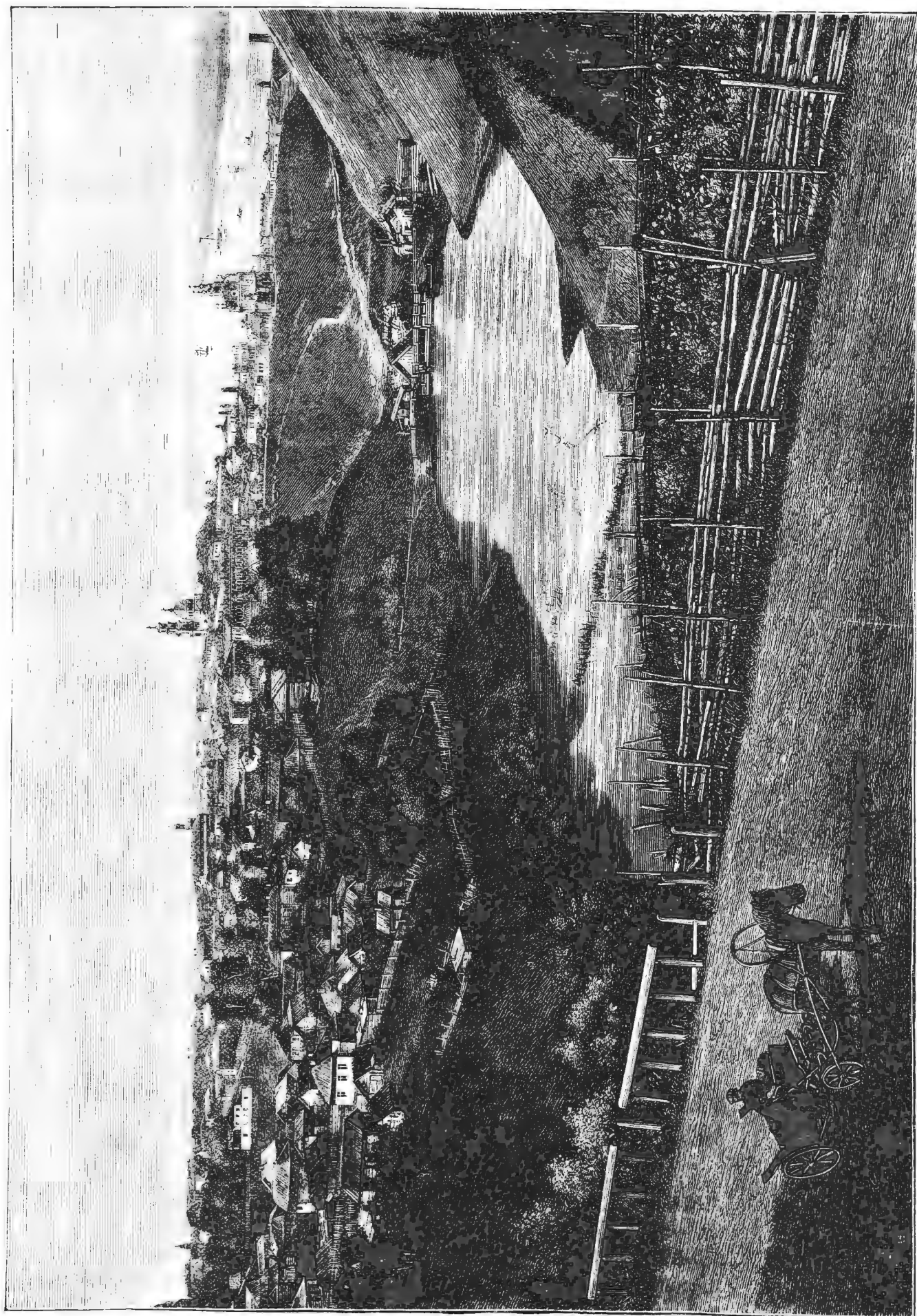
Присмотрѣвшись къ яйцу поближе, съ цѣлью разгадать загадочнѣйшій въ немъ загадки и чудеса, мы найдемъ въ немъ высокой интересъ. Уже одна свойственная яйцу продолговатая форма, тупая съ одного конца и острая съ другаго, оказывается, имѣеть вполне определенное назначеніе. Для насъ становится понятною необходимость такой формы яйца, если мы узнаемъ, что, клювъ цыпленка помѣстится на широкой сторонѣ и съ этой стороны именно будетъ итенецъ выдвигаться на свѣтъ Божій. Именно въ этомъ-то широкомъ концѣ куринаго яйца, между скорлупой и бѣлкомъ, находится небольшое, наполненное воздухомъ, пространство, имѣющее огромное значеніе для развивающагося цыпленка. Въ немъ, въ этомъ пространствѣ, производятъ итенецъ первые дыхательные опыты и издаетъ первый робкій пискъ.

Окружающая яйцо известковая оболочка, повидимому совершенно непроницаемая, снабжена, въ дѣйствительности, множе-

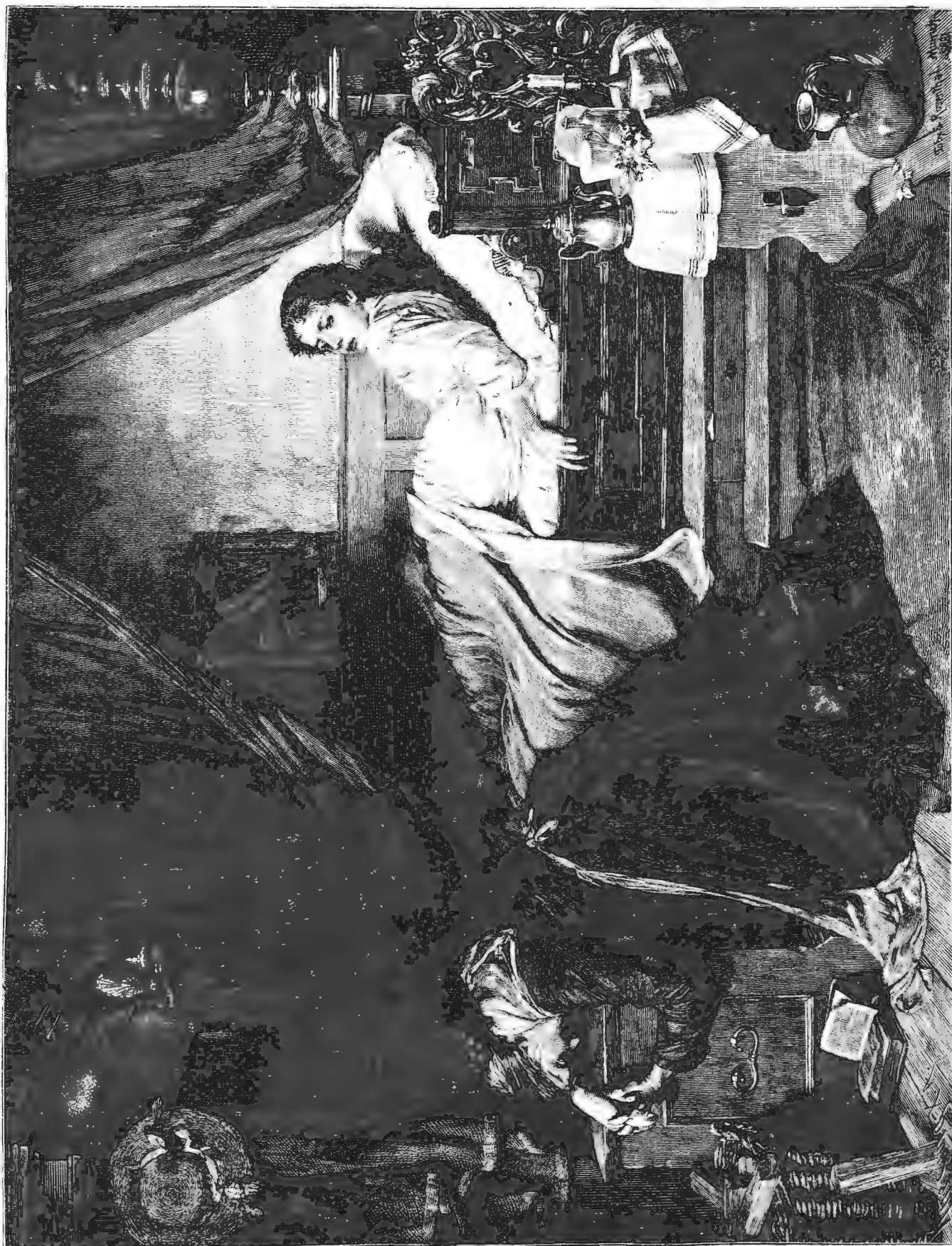
ствомъ норъ (отверстій), выпускающихъ и выпускающихъ воздухъ. Вслѣдствіе этого, въ яйцѣ находится вообще достаточно воздуха, болѣе, чѣмъ можно предполагать. Если опустить яйцо въ стаканъ воды и, помѣстивъ стаканъ подъ колоколь воздушнаго насоса, выкачивать воздухъ, находящійся въ немъ, то мы увидимъ, что изъ воды въ стаканѣ начинаютъ подыматься безчисленные пузырьки воздуха. Кажется тогда, что вода словно закипаетъ. Воздушные пузырьки образуются отъ воздуха, находящагося въ яйцѣ; воздухъ этотъ проникаетъ сквозь поры скорлупы, стремясь въ безвоздушное пространство подъ колоколомъ, вслѣдствіе дѣйствія воздушнаго насоса. Воздухъ этотъ имѣеть чрезвычайно важное значеніе для развивающагося итенца. Доказано, что въ непроницаемыхъ для воздуха, покрытыхъ напр. клеемъ, яйцахъ, при соблюденн въ нихъ прочихъ условий для развитія зародыша, высвѣживанія не происходитъ. Внутри, подъ скорлупой яйца, находится пленка, обазывающаяся, при внимательномъ изслѣдованн, состоящая изъ двухъ нѣжныхъ кожицъ. Одна изъ нихъ лежитъ непосредственно на скорлупѣ, тогда какъ другая окружаетъ бѣлокъ. Обѣ кожицы плотно прилегаютъ одна къ другой, и раздѣляются только въ области тупаго конца.

Бѣлокъ, находящійся подъ кожицей, вовсе не представляется однообразной массой, но оказывается, въ дѣйствительности, нѣжной кѣтъчаткой заключающей въ себѣ густую жидкость — то что

Общій видъ города Перми. Съ фотогр. Ф. Лохмайера, грав. М. Рапескій.

Молитва матери. Съ картины Т. Розенталя, грав. Кнезингъ.

называется собственно бѣлокъ. Кѣтъчатка прикреплена съ двухъ сторонъ къ желтку, ядру яйца, двумя плотными скрученными бѣлковыми нитями. Нити эти, покоящіяся на обѣихъ сторонахъ желтка, въ видѣ узелковъ, образуютъ такъ называемыя „глазки“.

Желтокъ точно также заключенъ въ нѣжной кожистой оболочкѣ, освобождающей, при разрывѣ, свое расплывающееся содержимое. Подъ микроскопомъ, желтокъ представляется какъ-бы кашней, состоящей изъ маленькихъ зернышекъ, между которыми опять-таки плаваютъ желтоватые шарики и капельки жира. Шарики оказываются вогнутыми и получаютъ свою окраску отъ желтаго жира, которымъ они наполнены. Если положить желтокъ передъ собой такъ, чтобы „глазки“ находились направо и надъ, и затѣмъ повертывать его, стараясь не разорвать оболочку, то можно замѣтить, какъ разъ между глазками, посерединѣ шара, темное пятнышко величиною съ приплюснутое горячее зерно. Это — зародышевое пятно, маленькій кружокъ, состоящій изъ двухъ кожницъ, наложенныхъ одна на другую на подобіе листочковъ. Зародышевый кружокъ лежитъ въ видѣ крышечки, надъ чашечкообразнымъ углубленіемъ желтка, выложеннымъ бѣловатой слизью; на двѣ этого углубленія приходится тонкій каналъ, какъ-бы заткнутый бѣлымъ зерномъ, и ведущій въ маленькую полость въ серединѣ желтка. Весь желтокъ, съ чашечкообразнымъ углубленіемъ и лежащимъ на немъ зародышевымъ кружкомъ, покрытъ особой оболочкой, черезъ которую и просвѣчивается зародышевое пятно. Отдѣливъ оболочку зародышеваго кружка и разсмотрѣвъ ихъ подъ микроскопомъ, мы не замѣтимъ на нихъ ничего особеннаго; верхній листочекъ оказывается, между тѣмъ, состоящимъ изъ маленькихъ нѣжныхъ шариковъ.

Зародышевое пятно имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ именно изъ него образуется цыпленокъ. Въ періодъ высиживания оно растетъ, измѣняется, расширяется во всѣ стороны, округляется, складывается и такъ далѣе до тѣхъ поръ пока не образуется изъ него настоящій цыпленокъ, съ головой, клювомъ, лапками и крыльями. При этомъ онъ поглощаетъ особеннымъ образомъ все предназначающееся для него яйцо, кромѣ скорлупы. Никому не могло-бы придти въ голову, при разсмотрѣніи этого незначительнаго пятнышка, что это зародышъ цыпленка; и себѣ наука не доказала этого самымъ неопровержимымъ образомъ, то, конечно, мы сочли бы сумасшедшимъ того, кто вздумалъ-бы это утверждать.

Но если зародышевое пятно предназначено сдѣлаться живымъ цыпленкомъ, черезъ поглощеніе остальнаго яйца, то въ яйцѣ должны заключаться, поэтому всѣ материалы, изъ которыхъ образуется впоследствии птенецъ. И дѣйствительно, химія показываетъ намъ, какія удивительныя вещи происходятъ въ яйцѣ. Кромѣ жира и винограднаго сахара, бѣлокъ содержитъ въ себѣ еще натрѣ, хлористый калий, обыкновенную поваренную соль и фосфорныя кислоты въ соединеніи съ нѣкоторыми химическими веществами. Желтокъ-же заключаетъ въ себѣ, кромѣ сырнаго вещества, особенныя жиры, какъ-то: маргаринъ, яланъ, келестринъ, съ еброй, желѣзомъ, известью и т. и. Короче сказать, мы видимъ въ яйцѣ дѣлую химическую лабораторію. Этихъ составныхъ частей достаточно при извѣстныхъ условіяхъ для развитія цыпленка изъ зародышеваго пятна. Именно, они содержатся въ яйцѣ какъ разъ въ такомъ количествѣ, изъ какаго могли-бы образоваться кровь, кости, мясо, мускулы, перья и т. д. Такимъ образомъ, когда высиженный цыпленокъ оставляетъ скорлупу, эти вещества оказываются всецѣло поглощенными. Для дѣлаго ряда измѣненій названныхъ веществъ и ихъ взаимнаго дѣйствія по образованію и развитію птенца необходима температура въ 30° Р.

Если такая температура сообщена яйцу, тогчасъ-же начинается процессъ его измѣненія. Подъ вліяніемъ теплоты, начинается *движеніе* матѣриальныхъ частицъ яйца, по направленію къ срединной части желтка, откуда требуемое вещество передается зародышевому пятну, черезъ вышеупомянутый тонкій каналъ. Уже по прошествіи шести часовъ, яйцо претерпѣваетъ значительное измѣненіе. Зародышевый кружокъ вырастаетъ въ порядочный кусочекъ. Онъ не лежитъ уже въ видѣ накрышки надъ углубленіемъ въ желткѣ, но опирается широкимъ краемъ на поверхность желтка. Однако, увеличивается только верхній листочекъ зародышеваго кружка; нижній-же листочекъ сохраняетъ пока свою величину. По съ верхнимъ произошло еще и другое измѣненіе. Передъ самымъ высиживаніемъ микроскопъ показывалъ въ зародышевомъ листѣ только шарики, теперь-же мы замѣчаемъ въ немъ маленькія прозрачныя кѣтъчки, то есть тонкіе пузырьки, образовавшіеся изъ нѣжной кожницы. Прекіе шарики умножились черезъ раздѣленіе на части, вслѣдствіе чего и образовались кѣтъчки. Незначителенъ этотъ процессъ въ глазахъ людей, незнакомыхъ съ наукою, но онъ чрезвычайно важенъ въ дѣйствительности. Этотъ процессъ является уже первымъ актомъ зарожденія живаго существа.

По прошествіи еще шести часовъ, измѣненіе становится еще значительнѣе. Теперь зародышевый кружокъ, именно верхняя его кожница, еще выше поднялась надъ желткомъ; количество кѣтъчекъ увеличилось и наконецъ, нижній листочекъ раздѣлился и сложился вновь, такъ что зародышевое пятно состоитъ уже изъ трехъ, наложенныхъ другъ на друга, листочковъ.

По прошествіи приблизительно пятнадцати часовъ высиживания, мы замѣчаемъ уже первые признаки образованія птенца. Посерединѣ верхняго зародышеваго листка, образуется легкая полоска, нѣсколько утолщенная съ одного конца. Это первое обозначеніе спинны, по которому мы можемъ судить о положеніи будущаго цыпленка. Но птенецъ не располагается всюю длиною своего тѣла по длинѣ яйца. Онъ лежитъ поперегъ яйца: если положить яйцо такъ, чтобы острый конецъ его находился на правой сторонѣ, то широкій конецъ спинной линіи — изъ котораго образуется потомъ голова цыпленка — окажется наверху, а тонкій (вслѣдствіи хвостъ) внизу.

Черезъ восемнадцать часовъ, зародышевый кружокъ оказывается значительно увеличеннымъ; оба верхніе зародышевые листки стали толще посерединѣ и, наконецъ, срослись у спинной линіи, вслѣдствіе чего образовалась продолговатая такъ называемая „осевая плоскость“.

Къ концу перваго дня высиживания, на верхнемъ зародышевомъ листѣ, по обѣимъ сторонамъ, вдоль срединной линіи, образуются два валика. Получается бороздка, которая оказывается глубже по направленію къ головѣ. Одновременно, по обѣимъ сторонамъ бороздки, появляются два бѣлыхъ пятнышка — зачатки костей. Оба валика постепенно все ближе и ближе наклоняются другъ къ другу, вмѣстѣ съ косточками, пока послѣднія не срастаются и не образуютъ трубочку, позвоночникъ, предназначающійся для вмѣщенія впоследствии спиннаго мозга. У перваго позвонка (имѣющаго сдѣлаться впоследствии головкою цыпленка) образуется пузырькообразная припухлость со стороны нижняго листка. При этомъ спинка все болѣе и болѣе сгибается, и будущій цыпленокъ располагается по желтку въ видѣ закрытаго членичка. Понятно, что о настоящей головѣ или спинѣ не можетъ еще быть пока и рѣчи, ибо все это еще не болѣе какъ сгибаніе и свертываніе зародышевыхъ листочковъ, лежащихъ въ вогнутомъ и въ вогнутомъ видѣ на зародышѣ. Брюшная полость и грудь образуются поздиѣе, черезъ замыканіе и размыканіе зародышевыхъ листочковъ.

На второй день продолжается образованіе позвоночника. Въ то же время зародышевый кружокъ разрастается настолько, что огибаетъ уже весь желтокъ, между тѣмъ какъ часть его, предназначенная для образованія цыпленка, подымается все выше и выше. Одновременно, въ области головы образуются четыре пузырькообразныя возвышенія, въ видѣ какъ-бы будущихъ головокъ; впоследствии, они оказываются частями мозга. Къ концу втораго дня показывается, дѣйствительно, и будущая головка цыпленка, отличающаяся быстротою роста и все глубже и глубже опускающаяся въ желткѣ на будущую грудь птенца. Тогда-же, на переднемъ пузырькѣ головы, замѣчаются два возвышенія — будущіе глаза маленькаго существа. Въ пустомъ доселѣ позвоночникѣ начинается уже образовываться спинной мозгъ. Тамъ-же, гдѣ подымается, на подобіе пузырька, съ зародышевой кожи, головка — средняя зародышевая кожница отдѣляется отъ верхней и такимъ образомъ получается мѣшечкообразное пространство — будущее сердце птенца.

До сихъ поръ птенецъ представлялся только какъ-бы наростомъ на желткѣ. На третій день онъ начинаетъ подбираться снизу и желтокъ уже оказывается привѣшеннымъ къ нему въ видѣ большаго пищеваго мѣшка. Мѣшкообразная полость, изъ которой образуется сердце, начинаетъ теперь сокращаться, прижимая кровь съ одной стороны и выгоняя ее съ другой: сердце начинаетъ биться. Одновременно полость головы складывается и изъ образующагося черезъ это крошечнаго отверстія развивается впоследствии ротъ птенца. Соответствующія складыванія внутри образующагося организма обозначаютъ начала будущей кишечной полости, а двѣ лопасти главной жилы сердца — будущую печень. Въ грудной полости обозначаются двѣ небольшія припухлости — будущія легкія, причѣмъ замѣчаются уже и зачатки дыхательной трубки. Сердце производитъ легкія движенія, подымаясь и опускаясь, и вообще безпрестанно измѣняя свое положеніе. Мозговые пузырьки все болѣе и болѣе приплюсциваются, превращаясь поздиѣе въ настоящую голову. Точно также представляются намъ, въ видѣ маленькихъ вѣтвей, отходящихъ отъ брюшной полости, и будущія крылья и лапки. На третій день, маленькое существо проявляетъ свои первыя движенія: оно поворачивается направо голову, вслѣдствіе чего сердце, находившееся до сихъ поръ въ срединной линіи, запираетъ свое настоящее мѣсто, въ лѣвой сторонѣ.

На четвертый и на пятый день размыканіе продолжается и брюшная полость все болѣе и болѣе суживается. Позвонки удлиняются, а быстро развивающагося шейка сгибается внизъ, вслѣдствіе чего туловище животнаго углубляется все болѣе и болѣе; между тѣмъ, конецъ хвоста загибается кверху, такъ что крайніе части животнаго почти касаются другъ друга. При этомъ бѣлокъ оказывается значительно меньше и плотнѣе противъ прежняго, между тѣмъ какъ желтокъ, наоборотъ — болѣе и жиже.

На третій день съ маленькимъ созданищемъ происходитъ новое многозначительное явленіе: оно начинаетъ дышать. Происходитъ это чуднымъ образомъ, черезъ посредство пузырькообразнаго мѣшечка, соединеннаго каналомъ, пуповиной, съ брюшной полостью и доходящаго вплоть до скорлупы. Кровь приливаетъ изъ сердца животнаго къ этому мѣшечку, дѣйствующе-

му какъ легкія, съ распространяющимся въ немъ тонкими кровяными сосудами, выдѣляетъ изъ себя черезъ известковую стѣнку скорлупы угольную кислоту: принимаетъ черезъ нее же новый запасъ кислорода и снова направляется въ сердце. Это своеобразное дыханіе, дѣйствіе котораго заключается въ сжатіи и расширеніи сердца, продолжается почти до самаго выдуления цыпленка, пока не начнется настоящая дѣятельность легкіхъ.

Между шестымъ и десятымъ днемъ цыпленокъ растетъ чрезвычайно быстро, особенно шейка, изгибающаяся снизу. Будущему птенчику становится тѣсно занимаемое пространство и онъ дѣлаетъ усилія расположиться по яйцу уже во всю длину. Прежде всего, онъ выдвигаетъ голову съ клювомъ, такъ чтобы клювъ могъ поглощать воздухъ, находящійся въ области тупаго конца яйца. Для этого ему приходится принять крайне неудобное положеніе, согнувъ шейку въ видѣ латинскаго S, положеніе, сохраняющееся у молоденькаго цыпленка еще и по прошествіи нѣкотораго времени по выдуленіи.

Особенно замѣчательно развитіе клюва и лапокъ животнаго. Клювъ считали сначала за зарождающуюся рыбу, жабры которой обнаруживались прежде всего. Только позднѣе принимали эти „жабры“ за то, что они есть на самомъ дѣлѣ, именно, за верхнюю и нижнюю челюсть будущаго клюва. Крылья и ножки представляются въ первое время незначительными отросточками, несколько не отличающимися другъ отъ друга. Только при дальнѣйшемъ развитіи, вырабатываются изъ нихъ различные органы. Ножки загнута впередъ, крылья отходятъ назадъ и въ то время какъ на ножкахъ развиваются ланки, на крыльяхъ появляются странная уродливая подобія рукъ, съ двумя длинными пальцами каждая. Это—первые зачатки будущихъ летательныхъ перьевъ.

Хотя легкія замѣчаются уже и въ первые дни, однако, вполнѣ развиваются они только къ концу періода высиживания. Въ этомъ обнаруживается вновь цѣлесообразность всѣхъ проявленій природы, ибо въ яйцѣ животное не могло бы сдѣлать изъ легкіхъ никакого употребленія. Оно дышетъ, какъ мы уже видѣли, черезъ посредство пуловины, своеобразнаго мѣшечка, лежащаго на скорлупѣ. Кровь течетъ отсюда не къ легкимъ, не смотря на то что для этого уже есть путь, но возвращается гораздо болѣе короткое обращеніе, попадая черезъ

особое уже имѣющееся отверстіе изъ одной части сердца въ другую. При первыхъ же вдыханіяхъ черезъ клювъ должно, очевидно, произойти измѣненіе въ кровообращеніи,—кровь должна оставить прежній путь и протекать уже черезъ легкія. Это происходитъ влѣдствіе закрыванія вышеупомянутаго отверстія особой кожистой заслонкой, которая въ извѣстные моменты закрываетъ это отверстіе и тѣмъ даетъ толчокъ развитію сердца.

Уже на восемнадцатый день желтокъ и бѣлокъ исчезаютъ почти совсѣмъ. Желточный мѣшокъ, все еще держачійся у пупка, но уже съ самымъ малымъ количествомъ жидкости, проскакиваетъ внутрь цыпленка черезъ его выдуливаніемъ. Съ двадцатаго дня начинаются первые дыхательные опыты животнаго съ помощію легкіхъ, причемъ оказываетъ свою полезность воздушное пространство въ области тупой стороны яйца. Съ этого момента прекращаются—и прежнее своеобразное дыханіе и прежнее кровообращеніе: то и другое нужно было только до полнаго развитія легкіхъ. Мѣшечекъ, служившій до тѣхъ поръ для дыханія, отсыхаетъ, а пуловина отодвигается при первыхъ движеніяхъ цыпленка туда, гдѣ остается у вполнѣ развитаго животнаго.

Цыпленокъ теперь смѣло начинаетъ проклевывать скорлупу и не усноконнается, пока не подается хотя бы малѣйшій кусочекъ скорлупы. Жадно поглощаетъ онъ ворвавшуюся въ отверстіе струю воздуха и особенно сильно начинаетъ опускать все неудобство своей темницы. Отверстіе въ скорлупѣ будетъ расширяться, пока не удастся маленькому созданыцу просунуть голову черезъ образовавшееся окошечко. Такъ, часто по цѣлымъ часамъ, оно лежитъ, съ любопытствомъ осматривая новый, открывающійся передъ нимъ, міръ, пока послѣднимъ сильнымъ движеніемъ не раздробитъ скорлупу и не выступитъ на свѣтъ Божій.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ переходъ зародыша къ полному бытію. Но какъ все это происходитъ? Вотъ вопросъ, невольно возникающій въ каждомъ изъ насъ и не разрѣшаемый никакой наукой. Мы видѣли только своими глазами что изъ той удивительной вещи, которую мы называемъ яйцомъ, развивается живое созданіе,—но наука останавливается въ изумленіи передъ таинственной Силою, дѣйствующей въ этомъ жизненномъ процессѣ. И куриное яйцо такъ и остается одной изъ чудныхъ загадокъ великой жизни Божьяго міра.

СТИХОТВОРЕНІЯ Г. В. Лонгфелло.

(Изъ книги „Нерелетныя птицы“)

I.

Свиданье.

Послѣ долгой тяжелой разлуки,
Мы съ тобой повстрѣчались опять—
Называть эту встрѣчу намъ счастьемъ,
Или мукой ее называть?
Покачилось дерево жизни;
Уцѣлѣли въ вершинѣ вѣтвей
Два-три яркихъ цвѣтка запоздалыхъ,
Кое кто изъ давнишнихъ друзей.
Этой встрѣчѣ мы были такъ рады,
Тотъ же прежній и искренній тонъ;
Мы подумали, но не сказали
Какъ былъ старъ удивительно онъ.
Говорили о встрѣчахъ веселыхъ,
Свѣтломъ праздникѣ прожитыхъ лѣтъ.
Но при этомъ въ душѣ мы невольно
Вспоминали о тѣхъ кого нѣтъ.
О судьбѣ мы друзей говорили
И по поводу дѣлъ ихъ и словъ—
Мертвецы на живыхъ походили,
А живые—на рядъ мертвецовъ.
Подъ конецъ мы едва различали
Кто же мертвый и кто же живой.
И подернуты мглою печали
Были самыя шутки порой.

II.

Строитель замковъ.

Мой милый малютка съ кудрявой головкой,
Люблю твой мечтательный, любящій взглядъ...
Изъ кубиковъ строишь ты замокъ высокій
И башни, которыя въ небо глядятъ.

Безстрашный бѣдокъ на отцовскомъ колѣнѣ,
Любитель послушать и няни разсказъ,
О томъ сколько чудныхъ, какъ сонъ, приключеній
Герой этихъ сказокъ извѣдалъ не разъ.

Иныя построишь современемъ зданья,
Иныхъ для себя приручишь ты коней,
Услышишь другія людскія преданья,
Которыя будутъ пестрыми и чудными --

Строй, милый, и стѣны и башни, и крыши,
До неба фантази ихъ воздвигай,
Внимай голосамъ раздающимся свыше
И дѣтскую вѣру свою не теряй.

III.

Голосъ моря.

Проснулася въ ночь морская глубина
И далеко по низкимъ берегамъ,
Шумя и разбѣгаясь по камнямъ,
Пошла прилива первая волна.

Тотъ голосъ шелъ изъ глубины морской,
Тотъ голосъ былъ таинственно могучъ,
Какъ водопадъ бѣгущій съ горныхъ кручъ,
Или въ тѣсу злобѣвшей бури вой.

Такъ къ намъ порой изъ глубины и тьмы
Севѣдомыхъ предѣловъ существа
Допосится приливъ душевныхъ силъ

И что зовемъ здѣсь вдохновеньемъ мы —
Предвидѣнье, намеки божества
Ча то, что умъ еще не разрѣшилъ.

IV.

У камня.

Сильнѣе дождь стучитъ въ окно.
А небо все мрачнѣй;
Игла барометра идетъ
Къ чертѣ ненастныхъ дней...

Тогда къ камню я сажусь
Бесѣдовать безъ словъ
Съ толпой своихъ любимыхъ книгъ
И сердцу милыхъ снова.

Читаю то, что о краяхъ
Далекихъ нѣтъ поэтъ
И вкрутъ меня тѣнятся дни
Давно минувшихъ лѣтъ.

И снова будто слышу я
Альпійскій водопадъ
И какъ въ Сьеррѣ на мулахъ
Бубенчики звенятъ;

Мелькают бѣлый монастырь
Изъ за густыхъ лѣсовъ;
Темнѣютъ замки на скалахъ,
Вдоль Рейнскихъ береговъ...

Здѣсь старый паркъ передо мной,
Тамъ полевой просторъ.
Съ огнями маковыхъ цвѣтовъ
И блестками озерь...

Куда бы за поѣтомъ мнѣ
Не привелось идти,
Ни утомленья не боюсь
Ни трудностейъ пути.

Пуускай другіе вдаль плывутъ
Отъ этихъ береговъ—
Я перелѣтываю мѣръ,
Читая томъ стиховъ,

Я отъ поѣтовъ узнаю
Про чуждые края
И въ этихъ чудныхъ строфахъ все
Лесѣ вижу я.

V.

Карль Великій.

(Рассказъ поэта).

Разъ Датчанинъ Ольгеръ и Деидерій,
Король Ломбардскій, съ башни наблюдалъ
За желтою равниной, что на сѣверъ
Вѣжала вилоть до бѣловерхихъ Альповъ,
Увидѣли безчисленное войско,
Занявшее собою всеъ дологи,
Что къ городу вели... И Деидерій
Спросилъ Ольгера, годы молодые
Проведшаго во Франціи придворнымъ
И властелина видѣвшаго часто:
„Не самъ ли Карль Великій съ этимъ войскомъ?“
И королю Ольгеръ отвѣтилъ: „Нѣтъ“.
А войско все расло и надвигалось
И шло... Тогда король опять воскликнулъ:
„Нѣтъ, это Карль, великій императоръ,
Средь сонмища блестящихъ меченосцевъ!“
Ему Ольгеръ отвѣтилъ: „Нѣтъ, не будетъ
Карль торопиться... „И король въ смущеньи

Спросилъ тогда: „Но что-жъ мы будемъ дѣлать
Когда придетъ онъ съ силой втрое большей?“
Ольгеръ ему отвѣтилъ! „Разъ придетъ онъ,
Увидишь ты что онъ за человекъ,
А съ нами что ужъ будетъ—я незнаю...“
Тутъ двинулись блестящихъ паладиновъ
Незнающія отдыха дружины
И Деидерій въ ужасѣ воскликнулъ:
„Вотъ Карль Великій ѣдетъ!“ Но какъ прежде
„Нѣтъ то не онъ!“ Ольгеръ ему отвѣтилъ.
Затѣмъ во всемъ сіяньи показались
Епископы, аббаты, духовенство
И въ золотыхъ своихъ доспѣхахъ графы.
Король, всѣмъ этимъ блескомъ пораженный,
Какъ малодушный, зарыдалъ и громко
Воскликнулъ: „Нѣтъ, уйдемъ въ земныя нѣдра,
Куда нибудь далеко, гдѣ не можетъ,
Настичъ насъ гнѣвъ ужаснаго владыки!
Тогда Ольгеръ сказалъ ему: „Послушай:
Когда колосья въ полѣ затрепещутъ,
Изъ береговъ повыступятъ все рѣки
И станутъ биться въ стѣны городскія,
Ты знай—то Карль пришелъ...“ Едва онъ кончилъ
На сѣверѣ вдругъ туча показалась,
Изъ нѣдръ ея оружіе сверкало,
Какъ молнія, на городъ трепетавшій—
Страшнѣ тьмы былъ этотъ блескъ зловѣщій
И показался Карль Желѣзный воинъ!
На немъ былъ шлемъ желѣзный и перчатки
Желѣзныя и латы изъ желѣза:
Желѣзное копье держалъ онъ лѣвой,
А правою рукою мечъ побѣднй,
Онъ на конѣ желѣзной силы фхалъ
И цвѣта стали. Свита подвигалась,
Закована въ доспѣхи и съ сердцами
Упорнѣй закаленного желѣза.
Поля, дороги залиты желѣзомъ,
На острияхъ горѣло ярко солнце
И въ ужасѣ приходило населенье.
Ольгеръ все это видѣлъ съ верху башни
И, задыхаясь, крикнулъ: „Деидерій!
„Смотри вотъ тотъ кого ты дождался
Съ такой болзнью...“ И сказавши это,
Упалъ къ ногамъ его онъ бездыханный...

Д. Садовниковъ.

На конской Ярмаркѣ.

(Къ картинѣ П. Сверчкова стр. 388 и 389).

Очерки С. В. Максимова.

Передъ нами ярморочная площадь. Вотъ, впереди, поднявшійся на дыбы великолѣпный жеребецъ, вправо идутъ за телѣгой еще два коня, слѣва „выгружаютъ“ изъ тарантаска степнаго землевладѣльца, страстнаго до коней охотника... Обычные сцены конской ярмарки... Въ ярморочномъ же трактирѣ кипитъ жизнь и вершится дѣла. Половые въ рубашкахъ съ поясами и въ смазныхъ скрипучихъ сапогахъ съ перекнутыми черезъ лѣвое плечо салфетками, бойкіе услужливые и словоохотливые ребята, привикшіе, согласно характеру носителей становиться съ гостями за лацфрата, прислушиваться и вмѣшиваться въ ихъ разговоры. Шумъ и говоръ.

Мы въ маленькомъ тамбовскомъ городкѣ Лебедяни, куда попали на ярмарку, и изъ всѣхъ трехъ годовыхъ именно на покровскую. Эта ярмарка сдѣлала ничтожный городокъ извѣстнымъ на всю Россію,—собственно потому, что конная. На нее стоняютъ лучшихъ степенныхъ лошадей, и преимущественно съ Дону. Грубосухой, крѣпкой низкій на мускулистыхъ ногахъ съ густымъ хвостомъ и гривой съ сильными и рѣшительными ходами вороной битюкъ—одинъ изъ видныхъ товаровъ на этой ярмаркѣ. Лошади иныхъ породъ также имѣются здѣсь во всемъ разнообразіи даже до рыженькихъ вятковъ, собранныхъ въ тройку. Торговля лошадьми—самое живое и большое мѣсто, прочіе виды торгова только, какъ придатокъ, а безъ краснаго и желѣзнаго, какъ извѣстно, не только порядочная ярмарка, но и плохой сельскій торжокъ на храмовой праздникъ не обходится. Изъ дня въ день въ трактирѣ все одни и тѣ же лица и однообразные громкіе, за чайными столами, разговоры. Кое-кто для насъ выдѣлился изъ многихъ десятковъ и опредѣлился, такъ, что можно его оцѣнить и описать.

Пьютъ магарычъ. Одинъ угощаетъ, остальные съ нѣкоторою церемоніею принимаютъ и выпиваютъ рюмки. Онъ черный съ просѣдыю, обрусѣлый цыганъ; называютъ его воронимъ; непоосѣдливъ на мѣстѣ и горячъ въ разговорахъ, а потому пьетъ шибко. Продавалъ лошадь—угощаетъ за поддержку и угостился рапшесъ другихъ. Къ вечеру онъ опять шумливъ и навеселѣ—значитъ опять въ барышахъ, потому что купилъ и угощаетъ за отсутствовавшее. Одинъ товарищъ его солиденъ и молчаливъ: иди сильно денеженъ или, какъ опытный ловецъ, въ покункѣ и продажѣ всегда счастливъ. Третій—новичекъ, по обычаю ча-

сто въ накладѣ, а потому предметъ обученія способомъ рѣзныхъ насѣшекъ; его и падувають, и зовутъ другомъ, и при неудачахъ и несчастіяхъ умѣютъ срывать съ него слитки.

— Парень-отъ во — какова коня кунилъ: окорока съ добраго борова!

— Такъ чего жъ лучше тебѣ,—значитъ купеческаго.

Хохочутъ.

— Я за него 20-ти не дамъ а онъ далъ 105.

— Сойдетъ на темнаго барина.

— Да вѣдь слѣпая и т. д.

Четвертый товарищъ—сѣдой („снвой“) дѣдушка: его боятся; отъ него въ разговорахъ прячется. Онъ выходитъ,—противъ него сѣпшатъ сговориться. Рѣчи свои онъ водить въ поучительномъ, приличномъ сѣдинамъ его, тоиѣ:

— Напа торговля, что въ карты игра, толкуетъ онъ.

— Деньгами коня, свать, не купишь,—философствуетъ другой. Купишь коня удачей.

И, не торопясь, объясняетъ:

— Свой глазъ—свой алмазъ. Сегодня ухну, хоть завтра и будутъ бока лухнуть. Сегодня я передамъ за лошадь 10 рублей лишнихъ, а завтра на другой 25 барыша возьму.

Въ товарищахъ слушаютъ его: „темный“, мало извѣстный, недавно прѣхалъ (по объясненію половаго); другой—непьющій да горячій. Съ нимъ ровны; третій—честный: передъ нимъ благоговѣютъ, обходятся очень ласково и нисколько не стѣсняются и не скрываются.

Мѣстомъ свиданія и сдѣлокъ ремонтеровъ съ барышниками служатъ въ нерѣдкихъ случаяхъ ярморочная площадь со всемъ разнообразіемъ самобытныхъ пріемовъ лошадинаго ремесла и торговли. На одномъ краю усадили нескладнаго мужичонку на гнѣдаго коня, и онъ болталъ длинными, обутыми въ лаптишки ногами, силится пустить лошадь въ скокъ и не успѣваетъ. Коня и всадника осыпаютъ насмѣлками. А тутъ же кругомъ шумятъ и торгуются ремонтеры барышники, покупишки и подсваты...

Подсваты и выводишки въ хозяйскіе трактиры не ходятъ: для нихъ имѣются погрязище, гдѣ они болтаютъ и высказываются другъ передъ другомъ, потому что и среди нихъ рука руку моетъ. Они съ благоговѣніемъ смотрятъ, и съ великимъ

почтеніемъ отзываются о главныхъ, около которыхъ и сами кормятся. Слѣбая мужичья лозовая и рабочая лошадица — предметъ ихъ промысла и покупки на себя. Это — мѣщане лебединскіе; главные изъ г. Вѣлева, Козлова и Тулы; наѣзжаютъ изъ Москвы и Петербурга. Самые счастливые — оренбургскіе, торгующіе краденными лошадьми и дешевыми степными. Самые любопытные — это тѣ, которые работаютъ исключительно на большихъ барышниковъ; сами лошадей не имѣютъ и ими не торгуютъ, а въ качествѣ знатоковъ и ловчаковъ, скитаются съ одной ярмарки на другую.

На обязанности этой же мелкоты-скупицниковъ, высмотрѣть вновь приведеннаго рысака, разцѣпить его и устроить такъ, чтобы онъ достался его покровителю. Въ отвѣтахъ и оцѣнкѣ онъ долженъ быть точенъ и строгъ къ себѣ.

— Плечо длинное и отлогое, плечевая кость коротка и подруга глубока, — хвастается онъ передъ покровителемъ.

— А цѣвка?

— Коротка и бабки

Профессоръ В. Л. Груберъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

недлинны и такъ хорошо пригнаны къ цѣвкѣ, словно бы припечатаны казеннымъ сургучемъ.

— А шея?

— Да тонкая, какъ быть надо и такъ хорошо выходитъ изъ плечъ кверху, какъ свѣча у дьякона, что носить передъ собой за всенощной.

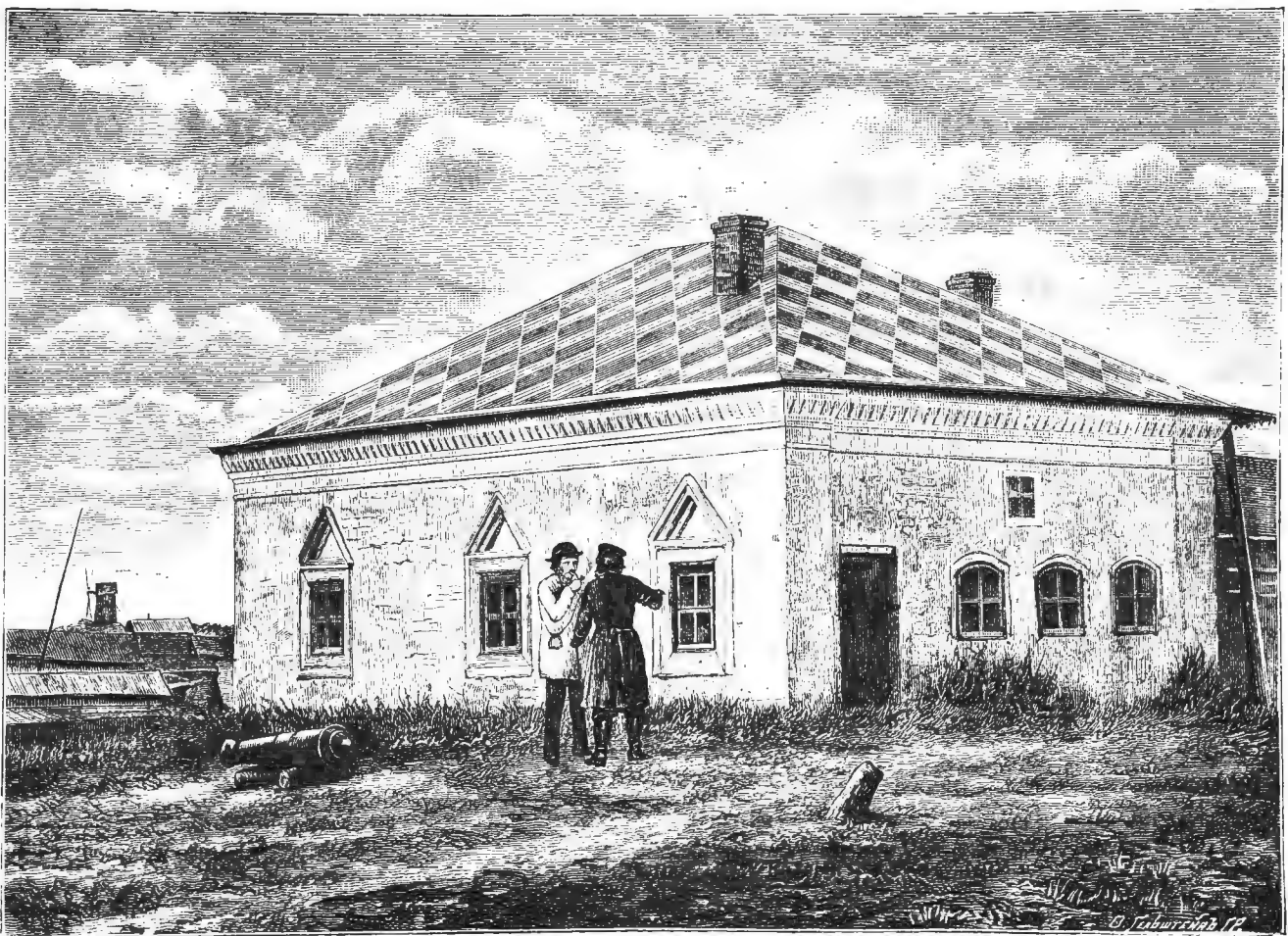
— Копыто, гляди, торцоватое-ли?

— Копыто — стаканъ, и на бабкахъ стоитъ не больно прямо.

— За то, поди, виснеть на бабкахъ-то?

— За кого-же ты меня принимаешь? Такихъ статей коня я тебѣ высмотрѣлъ, да развѣ я бы не доглядѣлъ пустяга такого? Вѣдь я съ хозяиномъ-то въ трактирѣ еще не сидѣлъ, а прямо къ тебѣ, со двора.

Въ отвѣтъ слышался общивость и упреси, на которые хозяинъ улыбулся. Въ улыбкѣ его мнѣ, свидѣтелю разговора, показалась та мягкая, поощрительная благосклонность, которую награждаетъ учитель въ школѣ любимаго ученика. На него онъ надѣется, въ знаніи его твердо увѣренъ, да пожелать, ради шутки, сбить. Я чувствовалъ

Домъ гдѣ жилъ Петръ I, въ городѣ Вологдѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

себя въ положеніи почетнаго нечестителя изъ неграмотныхъ купцовъ на публичномъ актѣ училища. Жертвовать я на этотъ разъ не капиталомъ, а только временемъ и досугомъ изъ любви къ отечеству и съ желаніемъ въ свою очередь понять хотя начальные азы мудреной науки лошадиного барышничества.

Нахваленнаго рисака барышникъ купилъ за ту цѣну, которую спросили и лишь на очистку совѣсти поторговался во старубляхъ. Передній ноги прямы и вѣсны въ заплатахъ, а поставъ заднихъ не очень согнутъ и несовершенно прямъ. Ребра длинныя, но не плоскія. Сухая голова съ широкими щеками и хорошо сходится съ шеей на затылкѣ. Вѣсьмъ это видно и понятно. Только хозяинъ какъ будто не совсемъ убѣдился въ достоинствахъ и, вспомнивъ что-то, подозвалъ подручнаго и велѣлъ ему снова осмотрѣть коня. Тотъ, вернувшись, отвѣчалъ рѣшительно и громко:

— Почки высокія.

И нескрываемая самодовольная улыбка освѣтила лицо продавца и подзадорила покупателя. О цѣнѣ на площади не торговались, но лошадь досталась офицеру, именно за ту сумму, которую спрашивалъ барышникъ. Изъ всего этого спектакля осталось въ памяти больше всего сосредоточенное молчаливое наслажденіе знатоковъ и любителей при видѣ благороднаго животнаго—этого перваго друга человѣка, едва ли не съ первыхъ дѣтъ его появленія на землѣ. Другихъ животныхъ уже ибѣтъ на свѣтѣ, которые ближе стояли бы и больше оказали человеку незамѣнимыхъ и великихъ услугъ. Лошадь—по русской пословицѣ—„человѣкъ крыльями“.

И какъ не любоваться на красивое животное, точно вылитое по заказу величайшимъ скульпторомъ! Гордую голову украшаетъ умный лобъ; блестящіе большіе глаза, въ которыхъ горитъ мужество и небольшие, постоянно сторожкіе уши. Во всемъ существѣ избытокъ жизненныхъ силъ при красотѣ и смѣлой упрямости движеній, въ которыхъ разомъ соединяется сила и гордость. „Подъ конитомъ земля пость и дрожить, изъ широкихъ ноздрей пышетъ пламя“,—разсказываютъ наши старшныя, богатые легенды.

При звонкихъ ударахъ копытъ о каменную почву, которые разомъ улаживаютъ и ухо и глазъ, несеть гордая лошадь хищника черкеса, бедина и курда въ пасть за добычей. Она же, при неудачѣ пабѣга, свисаетъ его отъ преслѣдованій и опасности; когда съ воздушною, волнообразною упрямостью движеній скачетъ черезъ глубокую пропасть съ накинутаю на глаза полюю бурки и ставитъ свою стальную ногу на твердое мѣсто противоположнаго берега бездны и ищетъ въ крикѣ горъ такія тропинки и проходы, которыя невозможно опредѣлить и памѣтить человѣческимъ глазомъ...

Какъ на всякой другой ярмаркѣ всякимъ нвымъ товаромъ, на конныхъ всегда неизмѣнное правило: продавцы жалуются, что ибѣтъ покупателей, а покупатели не находятъ достойныхъ лошадей. Нагрѣваютъ руки само-собой все тѣже барышники, въ особенности прилипающіе къ ремонтарамъ, въ виду того, что и коннозаводчики ихъ любятъ и ищутъ. Иной заводчикъ въ хорошей лошади дѣлаетъ уступку 5—10 проц., иная можетъ доставить золотую медаль во сто рублей, что дастъ шансъ на сбытъ лошадей, а самолюбивымъ—славу и извѣстность.

На этихъ конныхъ ярмаркахъ по этимъ причинамъ въ особенности суетлива работа мелкихъ барышниковъ, работающихъ

на большихъ въ своей наукѣ, понятъ которую для насъ совершенно невозможно по ея сложности и запутанности.

Купивши худую лошадь, барышникъ съумѣетъ, выдержавши ее въ темной конюшнѣ черезъ три дня сдѣлать привою. По-кормивши отрубями съ известкой, придастъ приятную глянецовитость шерсти, рѣче другихъ мастей выражающуюся на вороной. Добрую лошадь понимаютъ и предпочитаютъ, какой бы она ни была масти, и только очень свѣтлобѣлая (бѣлая) масть въ молодой лошади избѣгается всѣми, но при равныхъ достоинствахъ и цѣнѣ, вороную возьмутъ скорѣе, чѣмъ коня какой либо другой масти.

Дурная лошадь—понятное дѣло и притомъ дѣло въ крестьянскомъ быту непоправимое. Въ деревняхъ всѣ и давно знаютъ и толкуютъ „сытая лошадь меньше съѣсть“, и что надо на нее покунать не плетъ, а овесъ, который и возитъ. Не гладе ее рукой, а поспай мукой, потому что „бей съ одной рукой, а другой утирай слезы“. По этимъ примѣтамъ около крестьянской лошади столько сусѣдныхъ обычаевъ и пріемовъ, что ихъ и не перечтешь. Ибѣтъ друга больше, какъ коня, а продаватъ его надо, какъ только начнутъ появляться свѣжіе осенніе кормы, а потому лошади весеннимъ временемъ всегда дороже и стоятъ въ недоступной крестьянамъ высокой цѣнѣ. Полезное животное во многихъ случаяхъ сочли за воруга и постановили трудно исполнимое правило: къ собакамъ подходить сзади, а къ лошади спереди.

Однако лебединская конная ярмарка кончилась. Всѣ стали разбѣжаться. Поѣдемъ мы въ другую сторону отъ барышниковъ. Эти нажились около ремонтаровъ и для этой дѣли не щадили средствъ и силъ. Они даже прикидывались истинными ихъ друзьями и въ необходимыхъ случаяхъ не обманывали, соглашаясь на этотъ торговый пріемъ для частныхъ покупателей, изъ любителей.

Выводили прозвенные выводчики лошадь. Вскидывался на нихъ простосердечный ремонтаръ и спрашивалъ:

— Это что за лошадь?

— Эта лошадь не ваша! самымъ откровеннымъ и искреннимъ образомъ отвѣчалъ барышникъ.

— Съ порокомъ? спрашивалъ покупщикъ.

— Поставили мы ее, и едва разобрали что маслакъ събитъ. Надо вамъ другихъ поискать изъ подходящихъ.

Тѣмъ не менѣе барышникъ хорошо знаетъ и помнитъ, что, какъ только кончилась ярмарка и ремонтары погнали лошадей, ему надо ѣхать за ними до пріемной комиссіи, и по возможности почитать и днвать съ купленными лошадьми на однихъ и тѣхъ же постоянныхъ дворахъ. Барышнику нельзя выпускать изъ виду тѣхъ лошадей, которыя куплены бракованными: тѣхъ, которымъ не минуло 4 лѣтъ, недоросковъ до казенной мѣры, жеребыхъ кобылъ, жеребцовъ съ кабыками, мериновъ съ мясистыми ногами и т. п.

Весь этотъ бракъ барышники въ военной комисіи оставляютъ за собой, увѣренные заранѣе, что этихъ лошадей они непременно съумѣютъ всучить въ другомъ военномъ округѣ. Для этого стаутъ коней часто выводить (безъ вывода трудно узнать лошадь), перчику подсмѣливать когда надо, и т. д.

Но теперь за барышниками крупной и сильной руки мы дальше не пойдемъ. „Около лошадокъ“ ибѣются еще другіе интересные типы, допотопные „коновалы“ и современные „конокрады“.

Къ рисункамъ.

Литерат. альбомъ. „Наль и Дамаянти“ Жуковского.

(Рис. на стр. 393).

Наль и Дамаянти—прелестный эпизодъ изъ обширной индійской поэмы Магабгараты, переведенный Жуковскимъ, самими роскошными красками рисуетъ тотъ нравственный идеалъ, къ которому должна была стремиться по ученію браминовъ каждая женщина.

Въ обаятельномъ образѣ Дамаянти вы видите скромную, безгранично преданную жену, которую никакіе удары судьбы не могли отвратить отъ исполненія ея высокаго долга. Содержаніе всего разказа—это непрерывная борьба добродѣтельной Дамаянти съ духомъ зла, отнявшимъ у нея надолго ея покровителя и супруга—Нали. Но эта простая повидимому тема здѣсь разукрашена самыми причудливыми картинами восточной фантазіи. Поэма начинается характеристикой двухъ главныхъ дѣствующихъ лицъ Нали и Дамаянти. Наль—это добродѣтельный царь, прекрасной души и прекраснаго образа, у него есть и недостатокъ—это страсть къ игрѣ въ кости. Но Дамаянти—это соединеніе совершенства физическаго съ совершенствомъ нравственнымъ и по словамъ поэта:

„Въ дождѣ отца, окруженная роемъ подружекъ, какъ будто
Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла мѣдь нихъ Дамаянти какъ роза
Въ шиповой зелени листьевъ сіяетъ и въ этомъ собраньѣ
Дѣла сверкала какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни въ адышемъ
Свѣтъ, ни въ мѣрѣ безидотныхъ духовъ, ни въ странѣ, гдѣ святые
Боги живутъ, никогда подобой красы не видали.“

Но вотъ время приходить позаботиться о замужествѣ: отецъ Дамаянти царь Бима свиваетъ жениховъ изъ всѣхъ странъ об-

ширной Индіи, на его зовъ является много знатныхъ красавцевъ, ищущихъ руки прелестной дѣвушки и въ томъ числѣ даже свѣтлые боги: Индра, влатель воздуха, Агни повелитель огня, Варуна, двигатель воды и Ямо основатель земной тверди. Но Дамаянти давно уже отдала свое сердце Налу и рѣшеніе ея неизмѣнно. Боги не противятся этому союзу и Наль соединяется съ Дамаянти. Одинъ лишь злой богъ Кали недоволенъ счастьемъ повобрачныхъ; онъ самъ мѣтилъ быть избраннымъ знаменитой красавицей и изъ мести старается во что-бы то ни стало разлучить ее съ любимымъ супругомъ. Для этой цѣли онъ вселяется въ Нали и разжигаетъ въ немъ безумную страсть къ игрѣ въ кости. Адекій планъ его удается; Наль проигрываетъ все свое царство своему сводному брату Путкарѣ и жалкимъ, нищенствующимъ странникомъ, въ сопровожденіи лишь вѣрной своей Дамаянти, долженъ скитаться по свѣту, не имѣя постоянного пристанища. Стоически переноситъ онъ всѣ страданія какъ законную кару за свой грѣхъ, но что мучаетъ его и не даетъ ему покоя—это страданія ни въ чемъ неповинной жены. Подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ онъ наконецъ рѣшается бѣжать отъ нее, чтобы дать ей свободу и возможность возвратиться къ отцу; во время ея отрѣзываетъ у нея половину ея одежды и скрывается въ глубину дремучаго лѣса. Но вотъ Дамаянти прощается и гнетно начинаетъ звать мужа, ей наконецъ становится яснымъ, что онъ ее покинулъ одну на произволъ судьбы, но она, покорная и любящая, не упрекаетъ его за это: она проклинаетъ лишь того злаго духа, который разстроилъ ихъ супружеское счастье.

Такъ проклявши врага, но дикому лѣсу

Полному злыхъ духовъ и чудовищъ пошла Дамаянти

Медленным шагом куда глядели глаза и твердила

Грустной горлицей: „милый, возлюбленный где ты? И слезы Градомъ катились изъ глазъ и грудь разрывалась отъ вздоховъ.

Долго бродила такъ Дамаянти по лѣсамъ и пустынямъ, много перенесла горя и позора по ни разу не измѣнила своему долгу въ отношеніи богами даннаго ей Наля. Наконецъ судьба надъ ней сжалась; она была отыскана однимъ браминномъ и отвезена въ отчизну, къ отцу. Но и здѣсь сердце ея не могло успокоиться: она всегда думала о Налѣ и старалась всѣми силами пасть на его слѣды, но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ ей пришла счастливая мысль — огласить что она опять желаетъ выйти замужъ и потому приглашаетъ жениховъ для выбора. Снова царь-соперники начали стекаться во владѣнія Бими: въ числѣ ихъ прибѣжалъ и царь Ритувернъ, у котораго до сихъ поръ скрывался Налъ подъ безобразнымъ, жалкимъ образомъ придворнаго возничаго. Но неузнаваемый другими, Налъ былъ узнавъ чуткою душой Дамаянти и увѣрялъ въ ея вѣрности долгу и цѣломудрію, онъ снова принимаетъ своей прежній прекрасный видъ съ помощью волшебной чешушки, полученной имъ отъ змѣя Кертоги.

Соединившись съ Дамаянти, Налъ оставалась еще забота — вернуть себѣ царство. Въ этомъ помогаетъ ему царь Ритувернъ, который въ благодарность за наставленіе его въ искусствѣ управлять лошадьми, научаешь Наля — какъ съ помощью безошибочнаго счета всегда выигрывать въ кости и торжествовать надъ казнимъ игрокомъ. Заручившись такимъ искусствомъ, Налъ тотчасъ же ѣдетъ въ Нишадъ, въ свое прежнее владѣніе и снова приглашаетъ Путкару на игру, ставя условіемъ въ случаѣ проигрыша отдать жену — въ случаѣ же выигрыша получить назадъ царство. Путкара согласился на условіе: начинать играть и проигрываетъ. Тогда Налъ сталъ снова могучимъ царемъ и счастливымъ мужемъ и брачная жизнь добродѣтельныхъ супруговъ уже текла тихо и безмятежно, охраняемая свыше свѣтлыми вѣчными богами.

Городъ Пермь.

(Рис. на стр. 396).

Городъ Пермь одинъ изъ выдающихся пунктовъ по Большому Сибирскому почтовому тракту живописно раскинулся, совместно съ примыкающей къ нему деревней Давилехой, на лѣвомъ холмистомъ берегу многоводной рѣки Камы. Общій видъ города очень хорошъ, когда подъѣзжаешь къ пароходной пристани: прибрежье, занятое строениями, мѣстами поросъвается зелеными садами, которые какъ бы стараются прикрасить первыя; надъ всѣмъ этимъ тамъ и сямъ возвышаются колокольни церквей, разнообразной архитектуры.

Мѣстность, гдѣ расположенъ городъ, еще въ 1568 году была пожалована во владѣніе Якову Аникиевичу Строганову, который тогда же завелъ здѣсь поселеніе, известное подъ именемъ дер. Брухаловой. Въ 1723 г. около этой деревни были построены мѣдноплавильный заводъ, получившій отъ протекавшей небольшой рѣчки названіе Ягожнинскаго; строителемъ завода были канцеляр. Берментъ, взятый Петромъ I въ плѣнъ подъ Полтавою. Въ 1757 г. Ягожнинскій заводъ былъ пожалованъ Императрицею Елисаветою Петровнаю графу М. А. Воронцову, но въ 1780 г. опять приобретѣн казною, такъ какъ мѣстность его признана удобною для учрежденія города. При открытіи наместничества въ 1781 году, Ягожнинскій заводъ сдѣланъ главнымъ его городомъ съ переименованіемъ въ Пермь и съ того времени остается главнымъ здѣсь административнымъ пунктомъ. До 1830 года въ Перми находилось Горное Правленіе, въ вѣдѣніи котораго находились Уральскіе рудоплавильные заводы, переведенные отсюда въ Екатеринбургъ. Съ обращеніемъ завода въ городъ, Пермь быстро стала разрастаться, такъ что въ 1793 году въ ней было уже около девяносто домовъ и не менѣе двухъ тысячъ жителей. Развѣтне и постройка города сильно пострадали отъ опустошеній пожарами, бывшими въ 1759, 1842 и 1859 годахъ.

Въ настоящее время Пермь имѣетъ около 30,000 жителей обоего пола. Со дня послѣдняго пожара городъ украсился многочисленными новыми зданіями, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе обширный театръ на центральной городской площади. Теперь въ городѣ 12 церквей, обширный гостинный дворъ, гимназія мужская и женская, реальное училище, семинарія, духовное училище, публичная бібліотека и масса школъ съ начальнымъ преподаваніемъ.

Съ первымъ вѣяніемъ весны замѣчается особенное оживленіе въ городѣ: оживленіе начинаетъ проявляться замѣтнѣе на прибрежной окраинѣ города. Вскрывается Кама и тогда жизнь бьетъ ключомъ: дено и ноцно слышится неумолчная работа, какъ на самомъ берегу, такъ и на облѣвившихъ его баркахъ. Свѣтъ пароходовъ не умолкаетъ по цѣлымъ часамъ. Въ послѣдніе пять лѣтъ, со времени открытія Уральской горнозаводской желѣзной дороги, которая отъ Перми прошла до Екатеринбурга, городъ чрезвычайно разросся и оживился. Фабричная и заводская дѣятельность на сумму около милліона; съ этой значительной пристани идутъ въ Петербургъ и другія мѣста сало, металлы, воскъ, привозится сахаръ, матерія и т. п. и много товаровъ шли не такъ давно гужемъ, теперь конечно

скоро исчезнетъ и самая память о такомъ способѣ перевозки. Уѣздъ преимущественно занятъ лѣсными промыслами, есть даже золотыя россыпи, мѣдныя и чугуныя руды, платина, каменный уголь. Лѣса сбереглись преимущественно въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Не малымъ украшеніемъ города послужилъ и вокзалъ, съ цѣлымъ рядомъ примыкающихъ къ нему желѣзнодорожныхъ построекъ, возведенныхъ вблизи самой пароходной пристани.

Молитва матери.

(Рис. на стр. 397).

На прекрасной картинѣ Розенталя изображена цѣлая драма: безмятежно большая молодая дѣвушка, у постели которой поставлены на столѣхъ лекарства, съ ужасомъ приподымается, но отчаянному рыданію матери догадываясь о близости конца своихъ страданій. Думая что ея любимая бѣдная дочка уснула, старуха-мать начала было горячо молиться, но не выдержавъ, въ порывѣ безпрѣдельнаго горя, падаетъ, рошая молитвенникъ, сѣдой головою на кождь... Она молить Бога, съ заглушенными рыданіями, чтобы лучше онъ ее, старуху, прибралъ, лучше-бы ея многострадальная, долгая жизнь прекратилась, лишь-бы жило это прелестное, цвѣтущее молодое существо, составившее отъ раду всего мирнаго дома, оживлявшее его своею красотою и веселостью.

Въ картинѣ талантливаго художника столько чувства и движенія, что вся драма эта ясна съ перваго взгляда.

В. Л. Груберъ.

(Портретъ на стр. 401).

Въ воскресенье, 4 апрѣля, въ анатомическомъ театрѣ военно-медицинской академіи состоялся юбилейный праздникъ профессора Вячеслава Леопольдовича Грубера. Ровно въ 12 час. знаменитый профессоръ вошелъ изъ своего анатомическаго кабинета въ знакомую аудиторию, гдѣ и былъ встрѣченъ всею конференціей въ полномъ составѣ, депутатами отъ множества медицинскихъ обществъ и учреждений, массою студентовъ и пріивѣтствовали нескончаемыми горячими рукоплесканіями. Торжество началось съ прочтенія постановленія конференціи, что профессоръ В. Груберъ, согласно съ ходатайствомъ ея, утверждень въ профессурѣ военнымъ министромъ еще на пять лѣтъ. Взрывъ рукоплесканій пріивѣтствовалъ это извѣстіе. Потомъ были прочтаны пріивѣтствія отъ петербургскаго университета и отъ всѣхъ медицинскихъ факультетовъ Россіи. Сверхъ того, получено множество телеграммъ изъ Вѣны, Берлина и другихъ городовъ Европы, отъ университетовъ и медицинскихъ обществъ. Большинство изъ нихъ почтило В. Грубера избраніемъ въ число почетныхъ членовъ.

Юбилейный обѣдъ въ честь профессора состоялся 4-го апрѣля, въ ресторанѣ Борели. Въѣстимость залы оказалась несостоятельною, въ виду массы врачей, собравшихся побесѣдовать со своимъ учителемъ; во всѣхъ побочныхъ комнатахъ были накрыты столы; но и за ними едва хватало мѣста. Юбиларъ вошелъ въ залу подъ руку съ супругою профессора С. П. Боткина, а супруга знаменитаго юбиляра — съ профессоромъ С. П. Боткинымъ.

Первый тостъ былъ предложенъ профессоромъ С. П. Боткинымъ за здравіе Государа Императора — тостъ было горячо пріивѣтствованъ присутствовавшими, причѣмъ оркестръ лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка исполнилъ народный гимнъ; второй тостъ былъ предложенъ юбиляромъ — за здравіе военнаго министра и за процвѣтаніе академіи, третій тостъ за здоровье юбиляра. Началось чтеніе телеграммъ; профессора академіи вставали и читали пріивѣтствія. Не осталось въ Россіи уголка, въ которомъ не чествовалось бы имя Грубера.

Въ заключеніе обѣда, В. Л. Груберъ обошелъ всѣ столы, всѣмъ ученикамъ своимъ пожалъ руки, благодарилъ за пріемъ и многихъ называлъ по фамиліямъ, хотя не видалъ ихъ по 20 и болѣе лѣтъ. Отъѣздъ юбиляра и его супруги сопровождался также задушевными пожеланіями всего лучшаго дорогой четь Груберъ, а большинство присутствовавшихъ проводило ихъ до кареты.

Сверхъ почетныхъ дипломовъ и адресовъ юбиляру поднесены великодушный альбомъ съ карточками его учениковъ. Такъ какъ многіе медицинскіе журналы вышли съ портретомъ В. Грубера и его подписью, то первые оттиски этихъ журналовъ были поднесены сегодня юбиляру и пополнены воспоминаніями о его дѣятельности. Наконецъ, ко дню юбилея изданъ небольшой альбомъ видовъ комнатъ академіи и анатомическихъ залъ.

Исторія жизни В. Грубера интересна и поучительна. Онъ родился въ Чехіи, въ замкѣ Крюкашицъ, 24 сентября 1814 года. По окончаніи курса въ гимназіи, В. Л. Груберъ работалъ въ прагскомъ университетѣ, въ которомъ и получилъ степень доктора хирургіи въ 1842 году и доктора медицины въ 1844 году. Съ 1842 по 1847 годъ онъ состоялъ прозекторомъ по анатоміи при профессорѣ I. Гиртлѣ; въ это время былъ приглашенъ занять кафедру практической анатоміи въ петербургской медико-хирургической академіи, куда и прибылъ въ 1847 же году.

Съ этого времени онъ неустанно, въ теченіи 35-ти лѣтъ, тру-

дился въ стѣнахъ академіи по нынѣшній день и руководилъ практическими занятіями по анатоміи. По его настоятельному указанію и созданному имъ плану, устроенъ новый анатомическій институтъ; до прѣѣзда-же профессора Грубера, студентамъ вовсе не преподавалась практическая анатомія. Поставивъ лучшіе годы своей жизни преподаванію, профессоръ В. А. Груберъ не забывалъ, въ тоже время, задачъ науки и издалъ 475 монографій только по анатоміи! Всѣ эти изслѣдованія основаны на десяткахъ тысячъ произведенныхъ вскрытій труповъ.

Ученый міръ высоко уважаетъ работы маститаго труженника и въ настоящее время В. А. Груберъ состоитъ почетнымъ членомъ медико-хирургической академіи, всѣхъ петербургскихъ ученыхъ медицинскихъ обществъ, русскихъ и нѣмецкихъ, общества врачей въ Тифлисъ, Минскѣ и т. п., членомъ-корреспондентомъ здѣшней академіи наукъ, академіи въ Филадельфіи, въ Брюсселѣ, медицинскихъ обществъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, антропологическаго общества въ Берлинѣ, общества врачей въ Цепольдѣ и членомъ академіи естественныхъ наукъ Карла Леопольда.

Заслуги профессора Грубера относительно Россіи неисчислимы. Имъ создана цѣлая школа преподавателей анатоміи, не говоря уже о множествѣ его учениковъ-врачей. Изъ этой школы вышелъ профессоръ по анатоміи: Ландертъ, Геннеръ (уже умершій), Лесгафтъ, Ермолаевъ и Терлецкій; большинство нынѣшнихъ профессоровъ военно-медицинской академіи и многихъ университетовъ Россіи — ученики знаменитаго профессора по практической анатоміи. Отдавъ Россіи тридцать пять лучшихъ лѣтъ своей жизни, В. А. Груберъ доказалъ, что можно быть роднымъ отцомъ по наукѣ всякаго учащагося, желающаго работать. Профессоръ Груберъ сдѣлалъ болѣе 30000 вскрытій труповъ, напечаталъ 518 научныхъ медицинскихъ изслѣдованій, произвелъ 41000 экзаменовъ и приготовилъ для музея 11000 анатомическихъ препаратовъ.

Домъ, гдѣ жилъ въ Вологдѣ Императоръ Петръ I.

(Рисун. на стр. 401).

Петръ, какъ извѣстно, былъ въ Вологдѣ пять разъ, именно: въ 1692, 1693, 1694, 1702 и 1724 гг. Первое его посѣщеніе со-

единено было съ осмотромъ Кубенскаго озера; въ послѣдующихъ годахъ онъ посѣщалъ Вологду проездомъ въ Архангельскъ, гдѣ занимался устройствомъ торговаго порта и откуда въ 1702 году предпринялъ чрезъ Олонецкія дебри и болота свой знаменитый походъ на шведовъ, окончившійся занятіемъ Невы и основаніемъ Петербурга; наконецъ послѣдній разъ въ 1724 году Петръ былъ въ Вологдѣ на возвратномъ пути съ Марицальскихъ водъ (Олонецкой губерніи) въ Москву.

Представленный на прилагаемомъ рисункѣ домъ, гдѣ останавливался Петръ, принадлежалъ въ то время голландцу Гутману, проживавшему въ Вологдѣ по своимъ торговымъ дѣламъ. Изъ перенесенной книги г. Вологды 1711 и 1712 гг. видно, что домъ этотъ былъ каменный, о трехъ жильяхъ, со свѣтлицами, кладовыми и значительнымъ количествомъ на дворной постройки, при чемъ самый дворъ занималъ приблизительно около двухъ десятинъ. Теперь все бывшее тогда около дома конечно исчезло и изменилось. Въ семидесятыхъ годахъ онъ принадлежалъ вологодскому купцу Е. А. Витушеникову, отъ котораго, по случаю 200-лѣтней годовщины со дня рожденія Петра, домъ былъ купленъ на соединенныя средства земства, дворянства и городского общества, при чемъ второй деревянный этажъ дома былъ снятъ, а каменный низъ отдѣланъ снаружи, какъ показано на рисункѣ. Сначала земство предполагало устроить тутъ помѣщеніе для инвалидовъ, но въ 1875 году планъ этотъ оставленъ, а нынѣшній губернской предводитель дворянства Д. В. Волоцкой, предлагалъ устроить въ домѣ музей въ воспоминаніе великихъ реформъ и начинаній въ сѣверной части Россіи, что вѣроятно и осуществится не въ дальнемъ будущемъ.

Первое приобретѣніе будущаго музея составляетъ золоченая риза съ игоны Нерукотвореннаго Спаса изъ домика Петра Великаго въ Петербургѣ, присланная въ Вологду по ходатайству земства, дворянства и городского общества въ ноябрѣ 1875 г. г.-мъ министромъ Императорскаго Двора по Высочайшему повелѣнію.

Домъ стоитъ надъ самой рѣкой, на высококомъ берегу, въ 20 или 30 саж. отъ старинной церкви Федора Стратилата. Между домами и церковью поставлена высокая мачта, принадлежащая къ учрежденной въ Вологдѣ спасательной станціи. Кромѣ того около дома видна еще положенная тутъ старинная пушка.

Политическое обозрѣніе

Россія и Турція. — Вооруженія Германіи, Швейцаріи и Франціи. — Италія и Египетъ.

Изъ Вѣны сообщаютъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ вручилъ императорамъ австрійскому и германскому приглашенія присутствовать на коронаціи въ Москвѣ и что прѣйдутъ наслѣдніе принцы. Въ нашихъ переговорахъ съ Портой о военныхъ расходахъ произошла нѣкоторая перемена. повидимому г. Новиковъ согласился сдѣлать уступки въ вопросѣ о контролѣ за уплатой; но онъ всетаки уѣзжаетъ изъ Константинополя: его отъѣздъ въ столицу Турціи, и именно въ официальныхъ сферахъ, истолкованъ какъ-бы неодобреніемъ ему нашего правительства; по этому поводу „Journal de St.-Petersbourg“ высказался совершенно опредѣлительно: „никогда еще, говоритъ онъ, не оскорблялась истина такъ дерзко; въ Константинополѣ достоверно извѣстно, что г. Новиковъ съ точностью выполнилъ инструкціи своего правительства и что его образъ дѣйствій заслужилъ безусловное одобреніе; но на берегахъ Босфора наслаждались проволокками, достойными совсемъ иной эпохи и желаніе дать отъѣзду г. Новикова тотъ смыслъ, что его правительство слагаетъ съ себя всякую ответственность за его дѣйствія, принадлежитъ къ числу устарѣлыхъ пріемовъ, къ которымъ сочли целесообразнымъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ; дозвоительно думать, что блистательная Porta скоро сама признаетъ свое заблужденіе и согласится удовлетворить столь-же законныя, сколько умѣренныя требованія гг. Новикова и Тернера; по совершенно понятнo, что русское правительство желаетъ получить отъ русскаго посланника обстоятельныя устныя объясненія на счетъ пріемовъ, къ которымъ Porta обращалась съ нѣкотораго времени въ отношеніи Россіи“.

Оттуда-же, изъ Константинополя, а также и изъ Вѣны, сообщаютъ, что возстаніе въ Кривошанѣ вовсе не настолько умерено, какъ думали, а корреспондентъ нашего „Правительственнаго Вѣстника“ пишетъ, что славяне измѣнили тактику, раздѣлились на небольшіе отряды, которые тревожатъ австрійцевъ и при первой-же возможности, уходятъ въ горы. Между тѣмъ, австрійское правительство увѣряетъ всѣхъ, что славяне побуждены и, за одно ассигновываетъ новыя и новыя кредиты для продолженія своихъ побѣдъ, съ столь проблематическими результатами.

Porta обогащаетъ свой гражданскій и военный персоналъ чиновниками и офицерами изъ Германіи, недавно прибылъ туда свѣдѣй контингентъ военныхъ инструкторовъ. Впрочемъ явились пока всего 4 офицера на приглашеніе Султана. Генералъ Бердранъ предложилъ султану заградить Дарданеллы какими-то новозобрѣтенными минами, совершенно гарантирующими оборону этихъ проливовъ отъ флотовъ цѣлаго міра; устройство минъ было рассмотрѣно особой коммиссіей и предложеніе немедленно приято. Увидимъ, что это такое... Германія

тоже вооружается и, какъ извѣстно, уже давно, по — на этомъ пути она не останавливается, вѣроятно для того, чтобы дойти до совершенства; едва-ли она далека отъ совершенства; новыя фортификаціи Страсбурга, вмѣстѣ съ Мецомъ, Майнцемъ и Кельномъ, составляющія главную линію укрѣпленій западной границы Германіи, будутъ окончены нынѣшнею весною. Одиннадцать отдѣльныхъ фортовъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго на три или на пять миль, образуетъ окруженіе не только всего города съ двѣнадцатью эльзасскими деревнями и четырьмя баденскими, такъ какъ эти форты расположены и на правомъ берегу Рейна, но, кромѣ того, значительное пространство плодородной и воздѣланной страны.

Германія не довольствуется этимъ и вооружаетъ еще и Швейцарію для себя на случай войны съ Франціею; въ Швейцарію, съ этой цѣлью, уѣхалъ генералъ графъ Мольтке, дающій указанія и дирижирующій всѣмъ.

Вооружилась и вооружается и сама Франція. Въ сѣверо-восточныхъ и восточныхъ департаментахъ не только сооружено съ 1870 г. множество крѣпостей и отдѣльныхъ форговъ, но вся страна прииспоблена къ самому упорному и усѣбному сопротивленію непріятельскому вторженію.

Отъ Монмеди, на Бельгійской границѣ, до Бельфора, на Баденской и Швейцарской всѣ возвышенности обнажены отъ лѣса, такъ что при первомъ приказаніи можно немедленно увѣнчать ихъ укрѣпленіями (странно, что еще „множественно“, а не сдѣлано); въ лѣстностяхъ, измѣвшихъ облегчить движеніе непріятеля и нагромождены преграды, затрудняющія наступленіе; всѣ страны — въ стратегическихъ дорогахъ; центромъ оборонительной системы является крѣпость Туль; окруженная со всѣхъ сторонъ возвышенностями и расположенная на парижско-страсбургской дорогѣ, какъ нельзя лучше приспособлена къ роли обширнаго укрѣпленнаго лагеря и сборнаго пункта для оборонительныхъ и наступательныхъ движеній; шесть форговъ окружаютъ городъ; одинъ изъ нихъ, фортъ С. Мишель, расположенъ на той самой возвышенности, откуда въ 1870 г. пруссаки обстрѣливали городъ; Туль, со своими фортами, господствуетъ надъ долиною Мозеля и обезпечиваетъ свои сообщенія не только съ Парижемъ, но и находится въ сношеніи съ Верденомъ и съ системою обороны верхняго Мозеля, а также и съ сильными укрѣпленіями, строящимися у Фруара, гдѣ пересѣкаются страсбургская и мецкая дороги и у Бонъ С. Венсанъ, при впаденіи Мерты въ Мозель; Вердэнъ обороняется теперь двѣнадцатью фортами и не уступитъ Мецу.

Между Египтомъ и Италіей произошло недавно недоразумѣніе по поводу одного изъ приморскихъ пунктовъ египетскихъ, а именно Ассабекой бухты, гдѣ основались итальянскіе подданные, устроившіе тамъ пунктъ торговый свой, но недоразумѣніе это устранено и итальянцевъ не будутъ беззаконить.

С М Ъ С Ъ .

Полярная экспедиция 21 марта, австрийская полярная экспедиция, снаряженная графом Вильгельмом, на пароходе „Поль“ отправилась къ острову Янг-Майенъ. Такимъ образомъ проектъ Вейпрехта устроить вокругъ арктическаго полюса рядъ наблюдательныхъ станцій, начинается осуществляться. Въ экспедициі участвуетъ 14 лицъ, въ числѣ которыхъ состоитъ завѣдывающій Эмиль фонъ Вольгемутъ. Экспедиція снабжена запасами на два года и перваяго сентября 1883 года, корабль со всеми матеріалами и экипажемъ отплываетъ съ острова на родину. Островъ Янг-Майенъ, лежащій одиноко въ Гренландскомъ морѣ между 9° 4' и 7° 52' западной долготы отъ Гринвича и между 71° 5' и 70° 49' сѣверной широты, образовался изъ вулканическихъ горныхъ породъ. Длина его равняется 7 1/2, а ширина 2-мъ географическимъ милямъ. Въ срединѣ острова возвышается угасшій вулканъ вышиною около 5000 футовъ. Около острова нѣтъ ни залива, ни мѣста удобнаго для стоянки и подойти къ нему можно только въ совершенно тихую погоду. Растительность острова очень бѣдна; интересенъ документъ оставшійся съ 1633 года, въ которомъ говорится много о метеорологическихъ явленіяхъ на островѣ. Это дневникъ семи матросовъ, принадлежавшихъ къ голландскому флоту, вѣдвшему на ловлю китовъ. Эти матросы повидимому единственные люди, жившіе на островѣ Янг-Майенъ. Они провели тамъ восемь мѣсяцевъ и умерли отъ цынги. Нѣкоторыя постройки, которыя, въ видѣ опыта, предполагается поставить на островѣ, были заготовлены въ морскомъ арсеналѣ въ Польшѣ.

Для наблюденія за прохожденіемъ Венеры, 6 декабря этого года, дѣлаются уже приготовления. Для наблюденій имѣются въ виду слѣдующія мѣста: Германія вышлетъ двѣ экспедициі въ Соединенные Штаты, и кромѣ того по одной экспедициі къ Магелланову проливу и въ Аргентинскую республику. На миссъ Доброй Надежды Англія предполагаетъ устроить три обсерваторіи, кромѣ того послать астрономовъ на Ямайку, Барбадосъ и Бермудскіе острова, Новую Зеландію, Сидней, Мельбурнъ и Брисбанъ. Франція снаряжаетъ изслѣдователей въ Мартинику, во Флориду, Мексику, Чили и также въ Аргентинскую республику, гдѣ будетъ три обсерваторіи. Нидерланды и Данія посылаютъ на островъ Кирасо и Св. Фомы; Испанія на Кубу и Порторико; наконецъ Бразилія, Государь которой очень интересуется астрономіей, и сообщитъ Европѣ по телеграфу о появленіи прошлогодней кометы, высылаетъ экспедициі въ Рио-Жанейро, Пернамбуко и Итапева. Последнее мѣсто лежитъ на высотѣ 1800 метровъ а потому менѣе будетъ подвержено дѣйствию вѣтровъ чѣмъ другія. Наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры въ 1874 году не оправдали ожиданій, и такъ какъ слѣдующее появленіе Венеры ожидается въ 2001 году, то теперь принимаютъ всевозможныя мѣры къ болѣе точному вычисленію удаленія солнца отъ земли, что дастъ возможность вывести самыя безошибочныя результаты.

Ледяной орѣхъ. Провизоръ фармаціи, Кинуненъ, заявляетъ о новомъ весьма полезномъ лекарственномъ веществѣ растительнаго цѣства флоры сѣверныхъ губерній. Это растеніе пользуется уже

извѣстностью въ Швеціи и Норвегіи при леченіи заболѣвающей кожи. Тамъ, въ Швеціи, оно извѣстно подъ названіемъ „элеоната“, среди же населенія Архангельской и Олонецкой губерній подъ именемъ ледянаго орѣха, или „мохового“, и „шведскаго бальзама“. Моховой орѣхъ растетъ преимущественно между скалами во мху, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, по низменнымъ мѣстностямъ, по такъ называемымъ затопамъ. Въ иное лѣто, шведскаго бальзама собирается довольно много, но рыночная цѣна его стоитъ все же высоко. Докладчикъ привезъ мохъ орѣха изъ Швеціи и химическій анализъ элеоната показалъ, что онъ содержитъ въ себѣ много вяжущихъ началъ, по вкусу похожъ на каштанъ и весьма душистъ, вслѣдствіе большой примѣси эфирныхъ маселъ.

Г. Кинуненъ общается собрать возможно подробныя свѣдѣнія о моховомъ орѣхѣ—хочетъ также обратиться къ мѣстнымъ медикамъ специалистамъ по болѣзнямъ кожи, проситъ ихъ доставить подробныя наблюденія относительно физиологическаго дѣйствія новаго лекарства. Между прочимъ, провизоръ Кинуненъ въ ряду другихъ лекарственныхъ растеній имѣющихся въ предѣлахъ нашего отечества, выставитъ моховой орѣхъ на предстоящей московской выставкѣ.

Силуэтографія, изобрѣтенная въ началѣ текущаго года фотографомъ Е. Штумманомъ въ Лодзи, Петроковской губерніи. Кому не случалось любоваться черными картинками, такъ называемыми силуэтками, представляющими профиль лица или фигуры. Эти картинки, встрѣчающіяся въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, обрабаютъ на себя наше особенное вниманіе тѣмъ, что, не видя чертъ лица, мы однакожъ можемъ узнать выраженіе и характеръ лица. Улыбка и плачь, гнѣвъ и умиленіе, радость и печаль живо представляются.

Силуэтки были извѣстны еще въ прошломъ столѣтіи, и около 1757 года были въ Парижѣ очень въ модѣ; тогда то, по дѣшевищъ своей—въ сравненіи съ живописью—получили онѣ названіе свое, характеризуя тѣмъ тогдашняго министра финансовъ Etienne de Silhouette, имѣвшаго склонность устраивать все самымъ дешевымъ образомъ. Около 30 лѣтъ тому Вильгельмъ Миллеръ, Георгъ Шмидтъ и Карлъ Фрейлихъ, а въ особенности ученикъ послѣдняго, Павелъ Коневка, прославились своимъ талантомъ, искусно вырѣзывать характеристическія картинки изъ черной бумаги,—почему дано было имъ названіе: черныя художники (die schwarzen Künstler); но подобныя артисты очень рѣдки, и къ тому ихъ произведенія были взяты болѣе изъ области фантазіи, чѣмъ съ натуры. Мысль о изобрѣтеніи средства дѣлать силуэтки съ натуры фотографическимъ путемъ занимала г. Штуммана и послѣ многихъ опытовъ ему удалось достигнуть своей цѣли, тѣмъ фигуры означаются съ чрезвычайною математическою точностью, а поэтому и сходство выходитъ такое поразительное, что даже дѣти сейчасъ узнаютъ кого представляетъ силуэтка. Этому изобрѣтенію и дано названіе Силуэтографія.

Какъ новостъ и какъ оригинальная игрушка въ семейномъ кружкѣ Силуэтографія очень можетъ привлечь публику, въ особенности она можетъ служить сюрпризомъ въ разныхъ случаяхъ; и это изобрѣтеніе конечно современемъ очень распространится.

Рѣшеніе геометрической задачи № 21.

1	2	3	2	4
4	5	6	6	8
7	8	9	10	12
			9	11

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Бахчисарай—Дремдж; Гматскъ—С. Д. Г.; Елецъ—Поповъ; Калуга—Праймовскаго; Каменецъ-Подольскъ—Масленникова; Керчь—Дервись; Ностромъ—Михайловскаго; Крившадтъ—Чечулина; Курскъ—Пашкова; Рязань—Нечаева; Тамбовъ—Шавлова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 20.

Бѣлые:	Черные:
a 7 — b 6	c 7 — a 5
f 2 — g 3	h 2 — f 4
e 5 — d 6	b 8 — e 5
c 3 — d 2	e 5 — a 1
d 2 — e 7	f 8 — d 6
h 6 — b 4	a 5 — c 3
e 1 — b 2	c 3 — d 2
e 1 — c 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва—Дарионова, Елецъ—Волуйскаго, Ничоло-Гамень—Смирнова, Проясныя поляны—Шелашова, Тула—Боташева-Зыбина.

Рѣшеніе магическихъ крестовъ.

№ 22.

п	о	п				
о	к	о				
п	о	л	о	ч	к	а
о	к	о	с	т	о	к
п	о	ч	т	а	м	т
к	о	м				
а	к	т				

№ 23.

г	о	к				
а	б	а				
г	а	л	о	п	а	д
о	б	о	р	о	п	а
к	а	п	о	н	и	р
а	п	н				
д	а	р				

О близорукости. Научными изслѣдованіями дѣтскаго глаза доказали, что онъ обладаетъ короткою главною осью и посему склоняется болѣе къ дальнорукости, чѣмъ къ близорукости. Если во время учения въ школѣ глазъ принужденъ постоянно видѣть вблизи его находящіеся предметы, то отъ приспособленія зрѣнія къ этимъ требованіямъ вызывается понемногу удлинненіе глазной оси и слѣдствіемъ этого является близорукость. Особенно способствуетъ развитію близорукости образъ жизни дѣтей. Только что ребенокъ вернулся изъ школы онъ уже долженъ приняться за домашнія работы, чтобы выиграть время для другихъ занятій. Какъ совершаются эти занятія?

Обыкновенно дѣти сидятъ цѣлыми часами за работою, не давая ни минуты отдыха глазамъ и въ большинствѣ случаевъ при недостаточномъ свѣтѣ. Едва онѣ кончаютъ работу, какъ принимаются за какое либо имъ интересное чтеніе и этимъ еще болѣе раздражаютъ уставшій уже глазъ, или занимаются рисованіемъ и другими также утомляющими глазъ работами. Въ какой степени всѣ эти работы способствуютъ развитію близорукости, доказываютъ статистическія данныя доктора Сегсея. Онъ изслѣдовалъ глаза людей различнаго рода занятій и пришелъ къ слѣдующему результату: между земледѣльцами 2%, близорукыхъ, между рабочими 4%, между ремесленниками 9%, между купцами и ищцами 44%, между вольно-

опредѣляющимися въ военную службу 58% и между огончившими курсъ гимназій 63, 5%. Профессоръ Цесендеръ въ перечисленіи процента близорукыхъ въ отдѣльныхъ классахъ Ростокской гимназій, говоритъ: въ 1-мъ классѣ 10, 90%; въ 2-мъ 16%; въ 3-мъ 31, 03%; въ 4-мъ 35, 45%; въ 5-мъ 33, 33%; въ 6-мъ 40%; и въ 7-мъ 41, 38% и т. д. Зная главныя причины, которыми обусловливается развитіе у дѣтей близорукости, слѣдуетъ искать средства устранить ихъ. И это легко сдѣлать. Сперва слѣдуетъ позаботиться, чтобы глазъ не напрягался безъ отдыха слишкомъ долго, чтобы между каждымъ урокомъ былъ установленъ отдыхъ въ ¼ часа, — какъ это болѣею частью и дѣлается въ школахъ, — и чтобы и дома послѣ каждой работы дѣлался перерывъ для доставленія отдыха глазамъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣнить преобладающую въ учебныхъ книгахъ мелкую и неясную печать, болѣе крупною. Прежде же всего слѣдуетъ озаботиться чтобы было достаточно свѣта при работѣ и лучше даже если его много, чѣмъ мало. Было бы полезно, если бы дѣти могли играть всегда на вольномъ воздухѣ. Малочисленность близорукыхъ въ Англійи происходитъ говорить именно отъ того, что тамъ люди болѣе находятся на вольномъ воздухѣ, и въ этомъ много правды.

Было бы желательно, чтобы пришли къ принятію этихъ простыхъ мѣръ для уменьшенія въ будущемъ числа близорукыхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. К. Гирь (съ портр.) — *Вольтерьянецъ.* Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. В. Соловьева. Часть первая. (Продолженіе). — *На жизнь и на смерть.* Разсказъ. — *Нуриное видо.* Очеркъ. — Стихотворенія Г. В. Лонгфелло. Перев. Д. Садовникова. — *На конской ярмаркѣ.* Очеркъ С. В. Максимова (съ рис.) — *Литературный альбомъ.* „Налъ и Дамянти“ Жуковскаго (съ рис.). — *Городъ Пермь* (съ рис.). — *Молитва матери* (съ рис.). — В. Л. Груберъ (съ портр.) — *Домъ, гдѣ жилъ въ Вологдѣ Императоръ Петръ I* (съ рис.). — Политическ. обзорѣп. — Смѣсь. — Игры и задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ПАНСИОНЪ А. И. НАЗИМОВА.

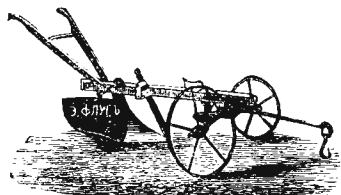
приготовляетъ въ Морское училище, коммерческое, гимназій и на вольноопредѣляющагося 2-го и 3-го разрядовъ. Практика во французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. При пансионѣ находится вечерній классъ для рететирования уроковъ съ учениками казенныхъ гимназій. Адр. уголъ Больш. Садовой и Подъяческой, д. № 62, кв. № 6. № 2055 2—2

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.

Съ 1-го мая, открывается XXV сезонъ на первомъ кумысо-лечебномъ заведеніи доктора медицины Н. В. Постникова. Подробныя свѣдѣнія о кумысѣ и заведеніи можно прочесть въ Московскій о кумысѣ д-ра Постникова, изходящейся въ Петербургъ у Вольфа, въ Москвитин у Вольфа, въ Самарѣ у автора по 1 руб. съ пересылкою.

Тамъ же и кромѣ того въ I Центральной конторѣ объявленій Матисена (у Казанскаго моста, д. № 28 — 21, въ С.-Петербургѣ) и у многихъ книгопродавцевъ Петербурга можно имѣть безплатную публикацію на XXV сезонъ съ обозначеніемъ цѣны и всѣхъ условій леченія, съ краткимъ описаніемъ пути до Самары и цѣны на всѣ предметы и проч. № 2065

Депю машинъ Эд. Ф. ЛУГЪ.

С.-Петербургъ:
Вознесенскій просп.
д. № 11.

Москва:
у Красныхъ воротъ
д. Раузера.

ПЛУГИ: шведскіе 1 и 2 коныя деревянные, желѣзные, стальныя. Украинскіе съ передками, скоропашные и постаные 2, 3 и 4-хъ лошадей, подпочвенные, оруднички. Экстраторы, культиваторы. **БОРОНЫ:** дерев. шотландскіе, жел. зигъ-загъ, жел. луговые **Вальцеры, Драпачи,** желѣзные кольцеобраз. натки. **СЪЯЛКИ:** ручныя, носовыя и на тачкѣ, конныя въ разборъ, рядовыя.

Несилки и жней. конныя грабли, сѣноносилки. Специальные каталоги тѣхъ, какъ и всѣхъ другихъ землед. машинъ и орудій, какъ молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ и проч., какъ и насосовъ, пожарныхъ и садовыхъ трубъ, пульзометровъ и пр. высылаются безплатно. № 2062

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ Цѣна 1 р.
для вскармленія грудныхъ дѣтей.
Самое лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается вскажемъ ребенкомъ.
СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ Цѣна 75 к.
ГЛАВНОЕ ДѢЛО въ Свѣ. Ка. А. ЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ
завск. 3, у

также у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Анткарскими Товарами и во всѣхъ москвитинскихъ торговляхъ и лавкахъ Россійской Имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Плѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отъвѣчаю только за тѣ желѣзныя, на которыхъ находится синій штемпель и подпись Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента для всей Россіи.
Р. № 2012 5—3 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я избралъ удачнейшій составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій прѣвѣ части тѣла, особенно же ногевыхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. *Свойна изъ вѣснствъ совершенно безвреднаго, оно не забуриваетъ памяти, не погашиваетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.* Эти-то качества и дали ему преимущественно надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣвѣ; по этому лицамъ, принужденнымъ мною ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ несколько дней при помощи бани, полота или вѣтряной матеріи Гальманиномъ прѣвѣ части члвковъ избавились отъ нестерпимыхъ постыдныхъ, кажимъ подверженыя лица, принужденныя до по ходити въ лѣтніе жаркіе дни.

Въплотъ рукавъ за дѣлательности изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаетъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, прѣвѣ публикѣ вѣснствѣмъ поддѣлокъ и погашиваетъ Гальманинъ только въ коробочкѣ, снабженномъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрѣвнствъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европѣ. Главное дѣло въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп. **В. Карпинскій.**

Мастеръ фармацин, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электротельная, № 35.

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку	10 руб.	—	коп.
Плани съ крыльями	12	—	—
Калюшни къ нимъ	1	—	25
Военныя пальто	17	—	—
Пальто дамскія съ рукавами	13	—	—
Дамскія тальмы	11	—	—
Плани для дѣтей	10	—	—
Пальто, съ рукавами въѣхъ цѣтвѣвъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоємъ	30	—	—
Плани съ крыльями такіе-же	30	—	—
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоємъ	22	—	—
Плани съ крыльями такія же	22	—	—
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (сержа)	34	—	—
Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина.—длина рукавовъ, объемъ груди и шеи			
б) для плаща—вся длина и объемъ шеи.			

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для хранения мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ, которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:

Для храненія	1 шубы за мѣшокъ	5 руб.	—	коп.
" "	2 шубы	6	—	50
" "	3 — 4 шубы	8	—	"
" "	4 — 5 шубы	9	—	50
" "	5 — 7 шубы	11	—	"

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и прѣвѣ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ — 2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДЕЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, 16.

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТИЕ И КРАСКУ ТОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1869 Г.

СКЛАДЪ ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА К^О

КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.

ШВЕДСКИЙ КАРДОНЪ.

ПРЕЙ-Ъ-ДУРАНТЬЯ ВЪСЪ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ДЛЯ РЫБОЛОВЛИ

полные приборы: одинъ въ 5 руб. для мелкихъ рыбъ (составное удище, воллаки, лѣски, крючки и проч.) а другой въ 10 руб. для мелкихъ и крупныхъ рыбъ. Цена назнач. съ перес. по почтѣ. Магазины "НЮРНБЕРГЪ" въ Москвѣ, въ Старомъ Галетномъ переулкѣ, наискось церкви Успенія, домъ Шаховскаго, напротивъ бриллиантника Сергунина. П. № 2007

Единственное доказательство полноты, если эта-же фабричная марка находится на этикеткахъ.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Малецъ-Экстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Номп. въ Бреславль.

Ирицанскъ за лучшее средство противъ кашли, моровити, охриплости, страданій горла и груди, начинающагося простого катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ Главнаго Управления Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цена: за бутылку 1 руб. и 2 руб. упаковка и пересылка стигаются себѣ, у Русск. Общ. Торговли Антекеровъ, Товар. Казанская, 12, въ Москвѣ у Н. Маттеисенъ; въ Кіевѣ у Н. Пееза; въ Одессѣ у Ю. Лемме и Ко; въ Харьковѣ у Русск. Общ. Торгов. Агт. Тов., въ Саратовѣ у Н. Маттеисенъ, въ Варшавѣ у Люд. Шинь и Сынъ. № 1938

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЪЗАМЪ

Д-ра Ф. ЛЕНЦЛА.

Извѣстное туалетное умяваніе, единственно настоящее, представляется на этикеткѣ березовое дерево; утверждено какъ фабричная марка для защиты отъ поддѣлки. Продается во всѣхъ аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Цена съ перес. 2 руб. за флаконъ.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
№ 25. Невскій проспектъ. № 25.

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСИИ НА СТАРОСТЬ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себя пенсїи (доходъ) въ **1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО**, уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхование слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“ до начала пенсїи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ.

Страховаго Общества „Россія“

видѣваемыхъ и выслаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5-2 № 2050

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

редакторъ А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

Годов. цѣна журнала (за 12 книгъ) 12 руб. безъ дост.; 13 р. съ дост. въ СПб.; 14 р. съ пер., 16 р. съ пер. за границу. Главн. контора: Поварской пер., № 5. Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца (по 1-январю четыре книги). № 2004 3 3

Продолжается подписка на журналъ **БИБЛІОТЕКА** историческихъ и уголовныхъ романовъ (изданія годъ второй).

Подписная цѣна съ перес. 8 р. 50 к. Подписка на полгода не принимается. Въ концѣ года бесплатно будетъ дано отъ 17 до 25 приложений, въ числѣ которыхъ будутъ два олеографія, картины.

Адресъ редакціи: Москва, Старый Галетный пер., д. № 292.

Всѣхъ книгъ въ годъ двѣнадцать. П. № 2058

Картины печатанныя масляи. красками, собственнаго изданія, весьма дешево для ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЪ И ЭКСПОРТЕРОВЪ

Иллюстрир. каталоги даромъ! ФРАНКО! Berlin S. (Берлинъ S.), Grimmstrasse 7. (Карлъ Наулишъ) Carl Kaulisch. Хромо-литографич. заведеніе и печатня. № 2041 4 3

Земледѣльческая химія и геодезія и физіологія растений и животныхъ.

О почвѣ и о способахъ къ распознаванію плодотворности ея, объ удобреніи, о транспорте, о вѣдѣніи заправки, объ орошеніи, о примѣненіи новаго, самодѣйствующаго вѣтрянаго двигателя для осушенія и орошенія полей, об образованіи почвенныхъ слоевъ и о перемѣнахъ въ почвѣ и для иныхъ цѣлей, о рыболовствѣ и пр.

Съ рисунками. Варшава, П. 2 р. Вышеуказанное прямо отъ издателя (В. Юзефовичъ, почтовая станція М. Бѣлоцерковна, Платвской губ.), за пересылку ничего не платитъ. № 2059

ЖЕЛАЮЩИХЪ

сунуть, продать или заготовить именной, дома и аптеки, проситъ обращаться въ Москву, Арабск. Колодезный пер.: домъ Волкова, кв. № 8, къ Л. А. Горленю. № 1913

РИ ПЕТРЪ, историч. повѣсть В. И. Кельсера съ рисунками *Николаи и Коварскаго*. Это интересное сочиненіе изобрѣдатель, въ формѣ повѣсти, Петровской войны и ея характеръ. П. 1 р., съ перес. 1 р. 25 ф. для поэтичекъ. „НВВ“ 75 в. съ перес. за 1 к.

Вильгельмъ Карловичъ ЛАНГЕ (старшій), Почетный членъ Парижской Академіи Мануфактуръ и торговли, имѣющій медаль за Парижскую выставку и единственно въ Россіи удостоенный почетнымъ похвальнымъ дипломомъ и большою серебряною медалью за духовые музыкальные инструменты, предлагаетъ свои мѣдные и деревянные инструменты, также сигнальные трубы для желѣзныхъ дорогъ и починку всякаго рода. Покорнѣйше проситъ замѣтить свой нижеслѣдующій адресъ:

СПБургъ, у Конушкина моста, д. Фомина, № 67. № 2006

КЪ СВѢДѢНІЮ!

„ЭЛЕОНАТЪ“

БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЪЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и охотно прилагается въ рубчикѣмъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тисячи объявленій единственно „Элеонату“ своимъ дѣйствіемъ хорошии волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосъ дѣтей. Предается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногороднихъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При выслѣкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногороднихъ:

въ Главное Дѣло „Элеоната“ Пассажи, Магазины № 52, въ С.-Петербургѣ.

Пересылка-же болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ отдаленныхъ городовъ отъ С.-Петербурга одна обойдется почти равнымъ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовую расходу слѣдуетъ на счетъ покупателя. № 1906

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКИ „С-СТУЖКЕ“

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ОТЪ ПОДЖАЖАНІЯ НАШЕЙ МАРКИ.

П. № 1903 12-3.

РАЗЛИЧНАГО РОДА ЛАМПЫ,

Царскія свѣтильни. двойныя свѣтильни. Фонари для освѣщенія садовъ, Лампы, которые не поддаются вліянію вѣтра, горятъ въ свободной атмосферѣ и не гаснутъ, рекомендуютъ на фабричныхъ цѣнахъ.

Carl Imme jun.

КАРЛЬ ИММЕ младшій.
Berlin S. W. (Берлинъ S. W.), Kommandantenstrasse 84.

Иллюстриров. книги съ образцами и цѣны S. № 2042 бесплатно. 6-2

Совершенно отличнаго качества

далматская ромашка

ОТЪ ВСѢХЪ НАСЪКОМЫХЪ

у Р. КЕЛЕРЪ и К^О. въ Москвѣ

П. № 1843 5-3

КУМЫСЪ

на дачѣ Едуллино въ 3^{1/2} вер. отъ г. Уфы и пристани, -квартира 25 р., за сезонъ, столъ 15 р., въ мѣс., кумысъ 15 к. бут. Адресъ: Стар. воен. Врачъ Дмит. Пав. Барсовъ; Уфа, д. Гирбасова. № 2064 1-1

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ.
СЕРЕБРЯНЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ,
 заволающиеся ключемъ.
 Анверше, закрыты на 15 каняхъ 22
 25 и 30 руб.
 Такие же 1-го сорта 35 и 40 руб.
 съ ругательствомъ на 2 года въ магази-
 нахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ
 поставщика Высочайшаго Двора въ
 С.-Петербурѣ: на Невскомъ просп.,
 д. № 23, (противъ Большой Коню-
 шенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ
 мосту, въ домъ Тверскаго подворья
 (рядомъ съ Бартельсомъ).
 Пересылка на счетъ магазиновъ.
 Подробные прейсъ-куранты выс-
 лаются по требованію безплатно.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для
 шитья игель на веленой
 матеріи и бѣльѣ. Цѣна
 3 р. съ перес.
№ 9. Гороховая ул.
домъ Лембе,
кварт. № 8,
въ С.-Петербурѣ.
 № 2060 2-1

Русскій огнетушитель
ТОВАРИЩЕСТВА
БУРГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

ДЛЯ ТУШЕНІЯ ПОЖАРОВЪ ВЪ
 ЗАМКАХЪ.

ДЛЯ ПОТЯЖКИ ПЯТОВЪ И
 РАСТЕНІЙ.

ЦѢНОЮ ВЪ 18 РУБЛЕЙ,
 а также пожарныя трубы, насосы и зем-
 лѣдѣльскія машины всякаго рода, имѣются
 № 2057 въ готовности. 2-1

СПБургъ, Вас. Остр., 1 линія, № 10
 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
 Трѣбуйте иллюстрированныя каталоги.

10% ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность
 по своему общественному положенію ука-
 зать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать
 нижепоименованныя старинныя вещи, ко-
 торныя я покупаю **по высокой цѣнѣ:**
 богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ,
 старинныя бронзовыя часы, манделябры
 и группы, золотыя эмальюванныя табак-
 керки, старинныя вещи изъ золота и се-
 ребра прошедшихъ столѣтій, старинную
 мебель съ богатыми бронзовыми укра-
 шеніями и фарфоровыми инкрустациями,
 гобелены, вышитыя старинныя шелковыя
 матеріи, старинныя кружева, фигуры и
 группы изъ дерева, слоновой кости и се-
 ребра и вообще всякаго рода старинныя
 вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кро-
 мѣ монетъ.
 Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на
 продажу означенныя предметы, могутъ
 быть сообщены мнѣ лично или письменно
 по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДО-
 ВИКУ БЕНЪ,** Петровка, домъ Пенскаго,
 противъ петровской аптеки.
 Выше упомянутое вознагражденіе въ 10%
 мною выплачивается немедленно за каж-
 дую сдѣланную покупку чрезъ рекоменда-
 цію. 6-6 А. № 1905

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Нивы“ и во
 всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ.
Всеволода СОЛОВЬЕВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Часть 1-я.
 I. Сто лѣтъ назадъ.—II. Въ бе-
 съдѣв.—III. Вогъ и случилось...
 —IV. Страшный день. V. — Бор-
 рисъ Горбатовъ.—VI. Рено.—
 VII. Воспитаніе.—VIII. Горе
 Тави.—IX. Письмо.—X. Вино-
 вать-ли?—XI. Передъ разлукой.
 —XII. Въ дорогу.—XIII. — За-
 бота карлика.—XIV. Левушка.
 —XV. Утро царницы.—XVI. Пер-
 вый шагъ.—XVII. У Безбородки.
 —XVIII. Служба.—XIX. Ново-
 селье.—XX. Фараонка. XXI.
 Маскарды.—XXII. Нежданнй
 другъ.—XXIII. Затихше. XXIV.
 Гатчинское утро.—XXV. Среди
 своихъ.—XXVI. Чѣмъ кончится?
 XXVII. Въ Царскомъ.—XXVIII.
 Рѣшеніе принято.—XXIX. Но-
 стигно. XXX. Судьба.—XXXI.
 Последний день.

Часть 2-я.
 I. Надъ кратеромъ.—II. Семья.
 —III. Провинція.—IV. Дворъ.—
 V. За хлѣбомъ.—VI. Въ Пале-
 Рояль.—VII. Королева.—VIII.
 Король.—IX. Мрачный вечеръ.
 —X. Во тьмѣ.—XI. 6-е Октяб-
 ря.—XII. Вдали.—XIII. Воз-
 рожденіе.—XIV. Смѣлый шагъ.—
 XV. Дни и часы.—XVI. Графъ
 Монтелуи.—XVII. Нежданная
 радость Москви.—XVIII. Гости.
 —XIX. Все сказано.—XX. Ста-
 рая исторія.—XXI. На улицѣ.
 —XXII. Якобинцы.—XXIII.
 Въ клубѣ.—XXIV. Вызовъ.—
 XXV. Передъ дуэлью.—XXVI.
 Судьба.

Большой томъ in 8— всего 672 стр., напечатанный на лучшей веленовой бумагѣ,
 съ виньетками.
 Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа
 „ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ“. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинал.
 каленкоревомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., для гг. новыхъ подписчиковъ
 „Нивы“ на 1882 годъ цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ такомъ-же переплетѣ
 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ превосходное средство для содержанія зубовъ, укрѣ-
 пленія десенъ и освѣженія рта.
Салициловый анти-эпидемическій эликсиръ.
ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ.
 Розовой, Салициловый, Бѣлый Дра-Міалъе.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
 къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, призвавъ названія фирмъ, бли-
 зко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копиру-
 ющихъ наружный видъ произведеній ея.
 Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на тожность фирмъ:
 „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
 ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54,
 Шредера. № 1997
 Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя съ
 вывескою С.-Петербургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежать.

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Сѣрно-соляныя источники (въ 16 унц. 139 гр. безводныхъ солей, въ томъ числѣ
 сравнительно много брома); **железистыя источники** (въ 16 унц., 0,5579 гр. двуокиси
 кислой закиси желѣза); **минеральная грязь** (гождественная по анализу профессора
 Шмидта съ гангальскими морскими грязями). **Настоящій степной кумысъ.**—**Лечебный**
сезонъ съ 25-го мая по 1-е августа. **Главные болѣзни:** ревматизмъ, золотуха, сифи-
 лисъ, наклонія болѣзни, болѣзни костей и суставовъ, увеличеніе печени и селезенки,
 геморрой, невралгіи, параличи; хроническія женскія болѣзни, малокровіе и зависящіе
 отъ него страданія.—Заведеніе находится въ Самарской губерніи, въ 50 верстахъ отъ
 с. Балакова (на рѣкѣ Волгѣ). Желающіе подробнѣе познакомиться съ химическимъ со-
 ставомъ водъ, съ обстановкою заведенія и условіями жизни на водахъ могутъ найти
 желаемыя свѣдѣнія въ брошюрѣ д-ра Ивенса „Краткое описаніе столыпинскихъ ми-
 неральныхъ водъ и грязей съ приложеніемъ плана заведенія и двухъ литографическихъ
 гравюръ“—выдается безплатно; обращаться къ д-ру К. В. Ивенсию въ г. Саратовъ.
 № 2156

Только что вышелъ изъ печати и продается въ кон-
 торѣ редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ книж-
 ныхъ магазинахъ.

„НАВОЖДЕНІЕ“

РОМАНЪ

Всеволода Соловьева.

Большой томъ in 8—всего 272 стр., печатанный на луч-
 шей веленовой бумагѣ, съ виньетками. Цѣна 2 руб.,
 съ перес. 2 р. 50 к., въ красивомъ колленкоревомъ пе-
 реплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КОНЦЕРТНО

англійскія, известной фабрики Лампалъ
 въ Лондонѣ отъ 30 р. до 200 р.
Нѣмецкія концертино по 3 р., 5 р., 7 р.,
 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р.
 Самоучитель для немецк. концертино 75 к.
Бардоніоны по 20 р., 30 р., 35 р., 50 р.
 Школа и ноты для бардоніона.
Нѣмецкія ручныя гармоніи отъ 2 р. 75 к.
 до 50 р.
 Новыя самоучитель Соколова для гармо-
 нии 1 руб., разныя ноты съ танцами
 пьесами и операми, тетрадь по 75 к.
 Гармонифлюты Виосона въ Парижѣ по
 40 р., 45., 60 р., 75 р., 90 р.
 рекомендуютъ:
Юлія Генриха Циммермана.
 С.-Петербурѣ, по Большой Мор-
 ской, № 1979 2-2

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петер-
 бурскаго Врачебнаго Управленія.
Безопасное и вѣсь доступное средство
для сохраненія и укрѣпленія волосъ.
 Подробное описаніе о свойствахъ и спосо-
 бѣ употребленія эссенціи прилагается при
 каждомъ флаконѣ. Главнй складъ въ С.-
 Петербургской Химической Лабораторіи Ф.
 Луиде, Невскій просп., № 23, въ бѣль-этажѣ,
 а также можно получить во всѣхъ значитель-
 ныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магази-
 нахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону
 50 к., съ пересылкою 1 руб.; вышесказаніе
 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб., съ пересы-
 лкою. Зимой эссенціи высылается въ
 жестяныхъ флаконахъ двойной величины.
 Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписки,
 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оп-
 товъ и покупателямъ обычная уступка.
 № 2013 25-5

Только-что отвѣчанами и поступили въ
 продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

Первоначальное правописаніе.

Барона Н. А. Корфа.
 Сорочкѣ диктовокъ съ указаніемъ грам-
 матическихъ правилъ. Учебная книжка для
 семьи и школы. Спб. 1882 г. Ц. 12 к.
300

Письменныхъ работъ

Барона Н. А. Корфа.
 Задачи для самостоятельныхъ упражненій
 въ письмѣхъ учениковъ начальной шко-
 лы. Спб. 1882 г. Цѣна 12 к.

ПЧЕЛКА.

Сборникъ стихотвореній, пословицъ и за-
 гадокъ Н. Блинова.
 Хрестоматія для дѣтей съ 75 рисунками
 въ текстѣ. Одобрена Ученымъ Комитетомъ
 Мин. Нар. Просвѣщенія. Третье пере-
 смотренное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 25 к.
 Книгопродавцы обращаются за этими
 книгами въ книжный магазинъ В. А. Цы-
 лова (Спб., Малая Садовая, 2), гдѣ на-
 ходится складъ всѣхъ изданій Ф. Пав-
 ленкова. М. № 2066

ГИТАРНЫЙ КЛУБЪ въ Лейпцигѣ,
 утверждёнъ

Иравительствомъ. При клубѣ международный
 союзъ гитаристовъ. Желающіе быть членами
 послѣдняго новель ежегодно не менѣе 3-хъ
 марокъ и получають членскій билетъ и уставъ
 клуба. Тамъ же можно заказывать въ 6, 9 и
 12-ть струвъ басъ, теноръ, терсъ, квинтъ
 и октавъ гитары, цѣною отъ 40 до 160 мар-
 кокъ и баски — звучныя и прочныя. Ин-
 струменты отличаются продолжительностью
 звука, вслѣдствіи особаго механизма, устро-
 еннаго внутри. М. № 2047 3-3
 Адресъ: Leipzig, Richard Lörke, Markt, 2.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдавъ 1 Мая 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Mark. 20 Pfen. для
загран.) за строку
монпарейль (въ 1/4
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (крошъ
Воскресн. и праздни-
дней) отъ 10 ч. утра
до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 4 руб.

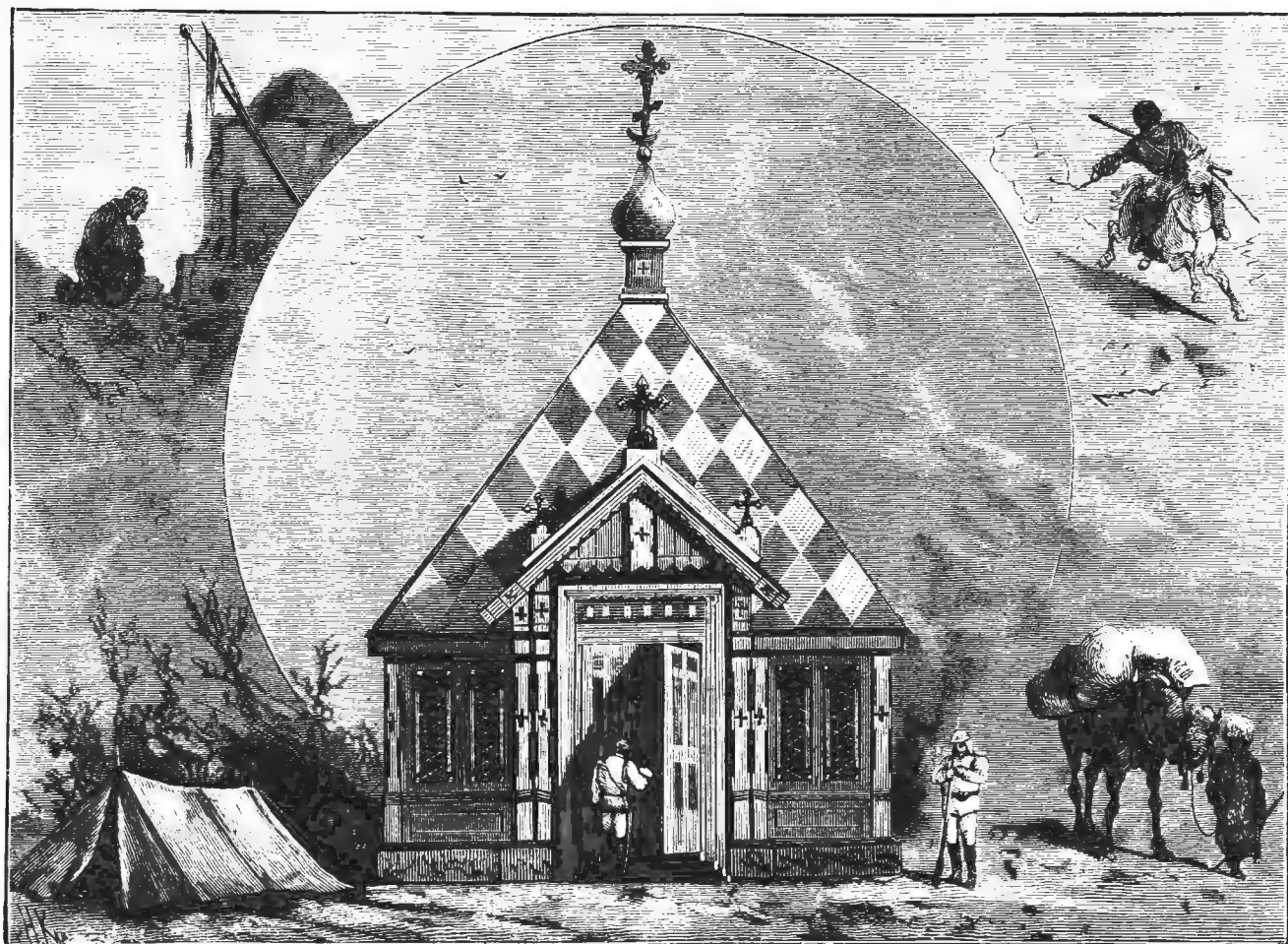
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кон-
тору объявл. Н. Н. Печковской, Пе-
тровская Торгов. линія . . . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особня приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленія отъ
торговцевъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
рукописи.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за МАЙ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 24 вы-
кройками и 25 рисунками руководѣльныхъ работъ и 8 различныхъ алфавитныхъ буквъ для вышиванія.

Занаспійскій край. Русская часовня въ укрѣпленіи Бола-Ишемъ. Рис. Н. Н. Карзинъ, грав. М. Рашевскій.
Библиотека „Руниверс“

Русская часовня въ Закаспійскомъ краѣ.

Событія въ Средней Азій въ періодъ 1880—1881 годовъ окончились какъ извѣстно штурмомъ, взятіемъ Текинскаго укрѣпленія Геокъ-Тэпе и покореніемъ враждебнаго намъ племени. Отрядъ, дѣйствовавшій въ Закаспійскомъ краѣ, былъ подъ начальствомъ генерала Скобелева. Экспедиція эта замѣчательна тѣмъ, что войскамъ приходилось дѣйствовать при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы привыкли представлять въ этомъ случаѣ.

Главный пунктъ Закаспійской области городъ Красноводскъ, расположенный на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Особенныхъ укрѣпленій этотъ городъ не имѣетъ, по этому понятно, что находившіеся тамъ гарнизоны, какъ до начала, такъ и во время дѣйствій экспедиціоннаго отряда, постоянно ожидали каждую минуту нападенія текинцевъ, которые свои набѣги, каждый разъ, производили отрядами въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Отряду генерала Скобелева, для того чтобы понасть подъ Геокъ-Тэпе, пришлось направиться изъ Красноводска на пароходахъ въ Михайловскій и Чикишларскій заливы и изъ этихъ двухъ пунктовъ походнымъ порядкомъ на Баши (укрѣпленіе, взятое нами въ первую экспедицію генерала Лазарева). Оба пути, т. е. отъ Чикишлара и Михайловскаго залива до Баши представляютъ собой сплошную песчаную степь, безъ всякой растительности, а второй путь (отъ Михайловскаго залива) крокъ того и безводный.

Самый трудный участокъ для постройки тамъ желѣзной до-

роги былъ отъ Михайловскаго залива до укрѣпленія Молла-Кары, на разстояніи 12 верстъ. Мѣстность чрезвычайно пересѣченная, покрыта сыпучими песками и груды этого песка, при вѣтрѣ, обращаются въ густыя облака пыли, обдающей все живое удивительнымъ дыханіемъ. Въ этихъ-то буряхъ, при 48 и болѣе градусахъ жару по Реномюру, подъ палящими, вертикальными лучами солнца, производилась нашими доблестными войсками эта постройка!

Съ началомъ Закаспійской экспедиціи пространство отъ Михайловскаго залива до Баши представляло, не говоря уже объ отсутствіи какого бы то ни было жилья, только сплошную массу песка, лишленную даже всякой растительности. По условіямъ экспедиціи лишь передовой отрядъ, находившіеся подъ стѣнами Геокъ-Тэпе, имѣлъ походную церковь, остальные затѣмъ, находившіеся въ тылу, довольствовались для исполненія религиозныхъ обрядовъ налаткой подъ открытымъ небомъ.

Для удовлетворенія естественнаго религиознаго чувства, по инициативѣ бывшаго командира 1-го резервнаго желѣзнодорожнаго баталіона полковника Бармина (нынѣ командиръ 85-го Выборгскаго полка) построена часовня, при личномъ участіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ баталіона—это и есть первый храмъ для молитвы въ этой мѣстности. Часовня эта находится въ укрѣпленіи Болла-Ишемъ по линіи Закаспійской военной желѣзной дороги. Полковникомъ Барминымъ, по возвращеніи его въ Россію, прислана въ эту часовню икона.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXII.

У порога.

Если слова, такъ нежданно и внезапно вырвавшіяся у Сергія, поразили Таню, заставили ее очнуться и понять свою ошибку, понять то, чего она такъ долго не понимала, то на самого Сергія они не произвели никакого впечатлѣнія, онъ высказалъ то, что ясно представилось ему въ минуту, когда онъ говорилъ, онъ увидѣлъ впечатлѣніе, произведенное на Таню, понималъ его и, когда она попросила его удалиться, дать ей время одуматься, онъ исполнилъ это безпрекословно, потому что нашелъ, что такъ и надо, иначе быть не можетъ и что все идетъ самымъ лучшимъ для него образомъ.

Онъ возвращался изъ Гатчины въ Петербургъ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа, всѣ его сомнѣнія, всѣ опасенія теперь разлетѣлись, онъ зналъ, что Таня непременно скоро позоветъ его и сама уже скажетъ ему, чтобы онъ не покидалъ ее теперь никогда.

Онъ обвинуилъ ее въ гордости, которая заставила его такъ страдать, онъ сказалъ ей, что она его не любила, но по впечатлѣнію, произведенному на нее его словами, да и наконецъ по каждой минутѣ ихъ свиданій, съ самой встрѣчи, онъ убѣдился, что теперь то ужъ она его любитъ.

Если бы не любила, не такова бы была ихъ встрѣча, не таковы бы были ихъ свиданія... этихъ свиданій со-вѣтъ бы не было. Она его любитъ, она теперь плачетъ и мучится... Пускай плачетъ, пускай помучится и пойметъ какъ не хорошо было томить его и себя въ теченіи этихъ безконечныхъ лѣтъ. Но теперь то ужъ не на долго слезы и мученія, теперь все кончено, старое прошло невозвратно, оно забудется очень скоро и не придется даже вспоминать о немъ.

Старое прошло—началось новое и въ этомъ сознаніи для Сергія заключалось столько счастья, что онъ не способенъ былъ оглядываться, вспоминать, упрекать и терзаться...

Увидѣвъ Таню послѣ многолѣтней разлуки, услышавъ

ея голосъ и почувствовавъ пожатіе ея руки, онъ понималъ, просто и ясно, до какой степени она близка и дорога ему, до какой степени она нужна для счастья его жизни, и если сама она любитъ его, въ чемъ онъ теперь уже не сомнѣвался, то о чемъ думать, зачѣмъ копаться въ старыхъ ранахъ? Теперь онъ навсегда закрылся...

Да, онъ снова живетъ, онъ веселъ и доволенъ, чувствуетъ такой приливъ силы и радости, такъ все кругомъ него прекрасно и мило, такъ онъ все любитъ, такъ всѣмъ наслаждается... чего еще больше?

Бывало цѣлые дни проходили въ тупой тоскѣ, въ отвращеніи къ жизни, все было противно и казалось ненужнымъ, надѣдливымъ—теперь все нужно, все дорого. Вотъ онъ ѣдетъ по знакомой дорогѣ и каждая минута приноситъ ему новыя наслажденія: онъ любитъ и свою удобную, новую карету, въ которой такъ уютно ему сидѣть, рессоры которой такъ нѣжно и приятно его подбрасываютъ; онъ любитъ и своего кучера на козлахъ, и этого четверика кровныхъ лошадей; онъ интересуется каждымъ встрѣчнымъ человекомъ, каждымъ деревомъ и камнемъ, попадающимся на дорогѣ. Все это такъ весело, такъ хорошо, такъ интересно.

„О, какъ славно жить на свѣтѣ!“ думается ему, а вѣдь уже давно этого не думалось, напротивъ—постоянно думалось другое: „Какъ невыносимо, какъ тяжело жить на свѣтѣ!“

И это радостное настроеніе не проходило, а все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ Сергій подъѣзжалъ къ Петербургу.

Вернувшись къ себѣ домой, онъ такъ и сіялъ. Онъ позвалъ карлика. Тотъ, какъ взглянулъ на него, такъ и понималъ что случилось что нибудь хорошее, а что это хорошее, онъ отлично зналъ, онъ зналъ зачѣмъ Сергій Борисычъ почитай каждый день ѣздитъ въ Гатчину, кого онъ тамъ видитъ.

„Слава тебѣ, Господи! мысленно повторялъ карликъ. Наконецъ-то, наконецъ-то дождался, окончились наши мытарства! Слава тебѣ, Господи милосердый, что довелъ меня дожить до такой радости!“

— Что прикажешь, батюшка Сергѣй Борисычъ? пропущалъ Моська, лукаво поглядывая на своего господина.

— А вотъ что, Степанычъ, вѣдь я за хлопотами своими до сегодня и дома то нашего не обошелъ какъ слѣдуетъ, все въ этихъ вотъ комнатахъ толкался; пойдемъ-ка, посмотримъ—все ли на мѣстѣ, сохранно-ли?

— Что же, пойдешь, коли твоей милости угодно, изумленно отвѣтилъ карликъ, да я и такъ могу доложить тебѣ, что все въ исправности, я то вѣдь ужъ каждую вещь осмотрѣлъ, все на своемъ мѣстѣ, какъ передъ отъѣздомъ нашимъ было, такъ и осталось, да, батюшка, какъ же бы ему иначе и быть — вѣдь не чужихъ, а своихъ людей оставили, такъ они за барскимъ добромъ должны были наблюдать. Да и что это ты, погляжу я на тебя, Сергѣй Борисычъ, просто нытъ не узнать тебя! Гдѣ это видано, что тебѣ до твоего добра дѣло есть? Вотъ сколько лѣтъ живу съ тобою, знаю вѣдь ужъ тебя—ну скажи, сударь-батюшка, какъ передъ Богомъ, скажи правду: я такъ полагаю, что ты, къ примѣру вотъ, до сей поры не вѣдаешь сколько у насъ тамъ въ Лондонѣ комнатъ было, какія вещи. Чтѣ мы привезли съ собой, чтѣ оставили... Такъ я полагаю, что обобрали бы, обворовали тебя до чиста, такъ ты какъ есть ничево непримѣтилъ бы!..

Сергѣй улыбнулся.

— Правда, Степанычъ, правда, ничего не помню, убей Богъ—не могу себѣ представить моего лондонскаго дома!.. Кабинетъ вотъ помню, залу, гостиную, желтую гостиную, еще помню спальню мою, ну а что тамъ дальше... да я тамъ и не бывалъ никогда. Сколько тамъ у насъ было комнатъ?

— Серокъ покоевъ, сударь, у насъ было. Да я это къ тому, что теперь то какъ это тебѣ вздумалось?

— А такъ, Степанычъ, тамъ все чужое было, въ чужомъ мѣстѣ, ну а этотъ домъ мой, мой собственный, отцовскій, все мое, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ доставшееся, ну вотъ и хочу осмотрѣть... Дома я, Степанычъ, вотъ что!

— Вѣстимо теперича мы дома, радостно повторилъ карликъ. Пойдемъ, батюшка, по всѣмъ уголкамъ проведу тебя...

И весь день, до самаго вечера, Сергѣй занимался осмотромъ своего дома, въ первый разъ въ жизни находя въ этомъ занятіи интересъ и прелесть.

Петербургскій домъ Горбатова былъ полною чашею, много въ немъ было собрано дорогихъ родовыхъ вещей, и теперь каждый предметъ получилъ для Сергѣя интересъ и значеніе, онъ любовался каждой вещью, вспоминалъ ее, старался догадаться о ея происхожденіи. Теперь онъ въ первый разъ понималъ значеніе своей родной, родовой обстановки, своего гнѣзда и несколько урывками мечталъ о томъ, какъ хорошо будетъ устроитъ это богатое, теплое гнѣздо, въ которомъ наконецъ начнется его семейная жизнь съ дорогой хозяйкой.

И карликъ, хотя и ни о чемъ его не разспрашивалъ, отлично понималъ его мысли и ощущенія.

— Пришло наше время, думалъ онъ, оперился наконецъ Сергѣй Борисычъ, вить гнѣздышко собирается.

XXIII.

Ловушка.

Хотя въ эти послѣдніе дни императрица и была занята исключительно своими семейными дѣлами, но вѣдь въ основѣ этихъ дѣлъ лежала политика, международныя отношенія, а потому она, естественно, отрываясь отъ переписки съ великой княгиней, отъ мыслей о судьбѣ „малютки“, обращалась къ дипломатическимъ сношеніямъ съ западно-европейскими дворами.

Она внимательно выслушивала доклады президента иностранной коллегіи, князя Зубова, доклады, составлявшіеся графомъ Морковымъ и, по большей части, плохо подготовленные Зубовымъ.

Императрица давно уже привыкла къ легкомыслию, а подчасъ и полной безтолковости созданнаго ею государственнаго человѣка. Она и не замѣчала этого легкомыслия и безтолковости, потому что сама все сразу схватывала на лету, усваивала; такимъ образомъ весьма нерѣдко не Зубовъ былъ ея докладчикомъ, а она сама докладывала ему дѣло и объясняла.

Во время одного изъ подобныхъ докладовъ, когда вопросъ коснулся Англии, Екатерина вспомнила о пріѣздѣ Горбатова.

— Ахъ, Богъ мой, сказала она, какъ я становлюсь разсѣянна и безпамятна! Я совсѣмъ было забыла, что хотѣла пріять Горбатова и поговорить съ нимъ. Пожалуйста извѣстите его, что я его жду къ себѣ завтра утромъ часовъ въ десять, думаю, что это будетъ для меня самое удобное время!

Зубовъ поморщился. Онъ съумѣлъ заставить императрицу быть невольной пособницей его мелочнаго мщенія; съумѣлъ представить ей въ самыхъ черныхъ краскахъ поведение Горбатова за границей, его дуэль, которая, по его увѣреніямъ, оказывалась чуть ли не государственнымъ преступленіемъ. Онъ съумѣлъ въ теченіи восьми лѣтъ не пускать его въ Россію, и былъ совершенно уже увѣренъ, что отъ прежняго благорасположенія къ нему не осталось и слѣда, что императрица отнесется къ нему теперь безразлично и холодно, какъ къ человѣку ненужному и ничтожному, съ которымъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

А между тѣмъ онъ видѣлъ, вотъ уже третій разъ, что она черезъ чуръ внимательно относится къ этому человѣку. Онъ ужъ окрестилъ Сергѣя многозначительнымъ въ то время именемъ „вольтерьянца“ и теперь рѣшился своевременно и разъ навсегда уничтожить его въ глазахъ императрицы.

— Мнѣ трудно понять, сказалъ онъ вызывая презрительную усмѣшку на губахъ своихъ,—какой интересъ ваше величество можете извлечь изъ разговора съ этимъ человѣкомъ?!

Екатерина съ изумленіемъ подняла на него глаза.

— Какъ, какой интересъ?! Горбатовъ не глупъ, онъ столько времени прожилъ въ Англии, враждался постоянно тамъ въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ и конечно сообщитъ мнѣ такія подробности, которыхъ недостаетъ въ получаемыхъ нами официальныхъ донесеніяхъ—живой человѣкъ всегда лучше бумаги.

— Далеко не всегда, смотря потому каковъ человѣкъ и какова бумага. Я позволю себѣ замѣтить что ваше величество, какъ мнѣ кажется, ошибается въ этомъ человѣкѣ.

— Я... ошибаюсь?... но почему же? Да и наконецъ, мой другъ, я даже своего мнѣнія о немъ еще не высказала воишь. Что онъ не глупъ, это говорятъ всѣ, кто его знаетъ, объ этомъ свидѣлствуютъ и его начальники. Я знаю что вы его не долюбиваете, между вами когда то, давно, была какая то ссора, но оба вы тогда были почти дѣти, пора забыть это... И пожалуйста не огорчайте меня—при вашей добротѣ и благородствѣ вашего характера вы должны стоять выше какихъ нибудь мелочныхъ счетовъ.

На цѣкахъ Зубова вспыхнулъ легкій румянецъ.

— У меня нѣтъ никакихъ счетовъ съ господиномъ Горбатовымъ!—проговорилъ онъ.—Да селибы и были—я о себѣ не думаю; но я обязанъ постоянно и неизмѣнно помышлять о томъ, чтобы вы, государыня, по излишней добротѣ вашего сердца и довѣрчивости, не были обмануты недостойными людьми; отъ этого вѣдь могутъ иногда пострадать даже государственные интересы.

Онъ произнесъ слова эти съ напыщенной важностью. Екатерина усмѣхнулась.

— Государственные интересы! повторила она,—я что то не понимаю этого. Да и вообще излишней доброты и излишней довѣрчивости во мнѣ нѣту; но вы

Фанданго. Ориг. рис Раффеля, грав. Пааръ.

начинаете говорить так загадочно, что я прошу васъ объяснитьсь. Развѣ вы узнали что нибудь особенное про Горбатова? Навѣрно какая нибудь сплетня, которой не слѣдуетъ придавать значенія!

— Вовсе не сплетня! Дѣло въ томъ, что если я рѣшился взять на себя какую нибудь обязанность, то считаю своимъ первымъ долгомъ заботиться о томъ, чтобы исполнять ее какъ слѣдуетъ. Я президентъ иностранной коллегіи, а потому имѣю точныя свѣдѣнія о всѣхъ дипломатическихъ чиновникахъ, слѣжу за ихъ дѣятельностью. Члены жадато изъ нашихъ посольствъ мнѣ болѣе или менѣе извѣстны. Я стараюсь не утруждать ваше величество всякими мелкими дѣлами, и потому, конечно, не сообщаю многого что можетъ быть легко улажено. Поэтому до сей поры не сообщилъ я вамъ и того, что господинъ Горбатовъ, хотя и не занимая особенно важнаго мѣста въ лондонскомъ нашемъ посольствѣ, по имѣя большія средства, завелъ связи въ лондонскомъ обществѣ. Тутъ, конечно, нѣтъ еще ничего предсудительнаго, и, напротивъ, для нашихъ интересовъ могла быть и выгода; но онъ пользовался своими связями никакъ не въ нашу пользу, а напротивъ, во вредъ намъ. Поэтому то я и былъ доволенъ его возвращенію въ Россію.

— Горбатовъ старался намъ вредить?! изумленно проговорила Екатерина,—да чѣмъ же? И право это на него не похоже, я его хорошо знала восемь лѣтъ тому назадъ—онъ былъ такимъ благороднымъ молодымъ человѣкомъ...

— Восемь лѣтъ много времени! Въ восемь лѣтъ человѣкъ можетъ измѣниться! Я не знаю подъ вліяніемъ какихъ людей находился онъ по выѣздѣ изъ Россіи; но какъ бы то ни было, это опасный мечтатель, проповѣдникъ разрушенія... волтерьянецъ!

— Горбатовъ—волтерьянецъ?!

— Къ несчастію—да! Мои свѣдѣнія идутъ изъ вѣрнаго источника. И согласитесь, ваше величество, что подобные люди не къ мѣсту на русской службѣ.

— Вы не обманываетесь? Въ васъ говоритъ не раздраженіе?

— Во всякомъ случаѣ это раздраженіе заговорило только съ той минуты, когда я окончательно убѣдился въ недостойномъ и вредномъ направленіи этого господина. Вотъ почему я и нахожу что ничего интереснаго ваше величество не извлечете изъ разговора съ нимъ.

— Да, если такъ, раздумчиво проговорила Екатерина,—это очень, очень жаль! Горбатовъ,—волтерьянецъ! не ожидала я... и во всякомъ случаѣ это нужно еще провѣрить. Можетъ быть у него есть враги, которые его оклеветали передъ вами. Я полагала что увлеченія его юности прошли, полагала что онъ какъ человѣкъ способный, будетъ намъ теперь полезенъ... Да нѣтъ же, право мнѣ трудно повѣрить, нужно спросить хорошенько людей, которые ближе чѣмъ мы съ вами знаютъ его.

— Кого же спрашивать? его родственниковъ, Льва Александровича Нарышкина? Родственники выдавать его не стануть, да и наконецъ онъ такъ долго отсутствовалъ что его здѣсь не знаютъ; онъ, вѣроятно, остороженъ и не станетъ проговариваться въ Петербургѣ даже и передъ родственниками. Я доставлю вашему величеству самая убѣдительныя доказательства истины словъ моихъ, доставлю въ скоромъ времени, а пока прошу васъ, государыня, быть съ этимъ человѣкомъ осторожнѣе.

Екатерина сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Я сама знаю какъ мнѣ нужно быть съ нимъ и теперь вижу, что мнѣ необходимо скорѣе съ нимъ увидѣться и разглядѣть его. Передайте же ему, что я его жду завтра въ десять часовъ.

Екатерина перешла къ другому разговору и повидимому совершенно забыла о Горбатовѣ. Но по уходѣ Зубова она нѣсколько минутъ сидѣла въ раздумчивости.

Ей вспоминался юноша, съ которымъ она когда то любила бесѣдовать, который поразилъ ее своей дѣтской чистотою и въ то же время возвышенностью мыслей, своею образованностью и серьезностью, которыя она такъ рѣдко встрѣчала среди свѣтской молодежи. И этотъ человѣкъ поддавался вреднымъ вліяніямъ, этотъ человѣкъ, если вѣрить Зубову (а она такъ привыкла ему вѣрить), питаетъ враждебныя замыслы!.. Но кто же виновать въ этомъ, однако?!

Она не стала останавливаться на этомъ вопросѣ, се ждали другія дѣла, другія заботы—и она отдалась имъ.

XXIV.

Неожиданность.

Къ вечеру того-же дня Сергѣй получилъ повѣстку, извѣщающую, что государыня приметъ его въ десять часовъ на слѣдующее утро.

Совершенно поглощенный мыслями о своемъ новомъ благополучіи, въ близкомъ осуществленіи котораго для него не оставалось никакого сомнѣнія, онъ собирался на эту аудіенцію хладнокровно, глядѣлъ на нее только какъ на неизбѣжную формальность.

А между тѣмъ уже входя въ покои, которые занимала императрица въ таврическомъ дворцѣ, онъ почувствовалъ нѣкоторое волненіе. Онъ отошелъ отъ своей внутренней, сердечной жизни и на него снова нахлынули тѣ разнообразныя ощущенія, которыя онъ испытывалъ въ самые первые дни своего возвращенія въ Петербургъ, во время разговора съ Нарышкинымъ, въ пріемныхъ Зубова и во время воскреснаго выхода изъ дворцѣ.

Екатерина приняла его въ своей небольшой рабочей комнатѣ безо всякихъ формальностей. Она была одна и когда онъ вошелъ въ комнату то увидѣлъ ее сидѣвшей въ креслѣ у письменнаго столика; на ней былъ неизмѣнный утренній капотъ, въ рукѣ она вертѣла табакерку, памятную ему табакерку съ портретомъ Петра Великаго.

Яркій свѣтъ, падавшій изъ окошка, вблизи котораго помѣщался письменный столикъ, озарилъ лицо Екатерины. Сергѣй невольно вздрогнулъ разглядѣвъ лицо это. Ужъ и на выходѣ она показалась ему очень постарѣвшей и измѣнившейся, теперь-же черемѣна оказывалась гораздо еще болѣе значительной. Это было совсѣмъ увядшее, старое лицо, даже свѣтлые глаза, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, въ безпокойныхъ мысляхъ, казались потухшими. Она сидѣла нѣсколько сгорбившись съ выраженіемъ не то усталости, не то сильнаго нездоровья.

— Здравствуйте! проговорита она и протянула Сергѣю для поцѣлуя руку.

Онъ бережно взялъ эту руку и приложился къ ней почти съ тѣмъ ощущеніемъ, съ какимъ прикадываются къ рукѣ покойника—въ этомъ чувствѣ было и благоговѣніе, и жалость, и нѣчто тяжелое...

— Садитесь, сказала Екатерина тихимъ голосомъ, указывая ему на стулъ,—побесѣдуемъ. Я давно собиралась повидаться съ вами, да столько дѣлъ... не могла вотъ все удосужиться.

Она пристально взглянула на него, и вотъ въ ея утомленныхъ глазахъ вдругъ мелькнула прежняя живость и прежняя пронизательность. Она тоже поразила перемѣной, происшедшей въ Сергѣѣ.

Она опять, какъ и вчера послѣ разговора съ Зубовымъ, вспомнила свѣжаго, ежеминутно краснѣвшаго юношу, на руку котораго она когда-то опиралась возвращаясь въ тихій вечеръ съ прогулки по замолкнувшимъ аллеямъ царскосельскаго сада. Теперь отъ этого юноши ничего не осталось; передъ нею былъ окончательно сложившійся человѣкъ и блѣдное, красивое лицо его, съ двумя тремя преждевременными морщинами на высокомъ лбу, говорило ей о невесело проведенной молодости.

Но на этомъ красиво, тонкомъ лицѣ, сохранявшемъ родовыя черты длиннаго ряда предковъ, почти всегда являвшихся, среди различныхъ событій русской исторіи, съ признаками благороднаго и нѣсколько горделиваго характера, Екатерина напрасно искала того, что думала найти въ немъ послѣ разговора съ Зубовымъ. Ея проницательный взглядъ рѣшительно не могъ въ немъ подмѣтить никакой враждебности, никакого смущенія, никакой фальши.

Екатерина чувствовала какъ въ ней воскресаютъ прежнія симпатіи и прежнее довѣріе къ этому человѣку. Она безсознательно улыбнулась ему тихой старческой улыбкой и, потомъ оживившись, стала его разспрашивать о томъ что ее интересовало и на что онъ могъ ей отвѣтить какъ живой свидѣтель.

Сергѣй мгновенно позабылъ эту поразившую его въ ней перемену. Онъ видѣлъ передъ собою умную и тонкую женщину, неограничивавшуюся разспросами, но вставлявшую то и дѣло свои замѣчанія, въ которыхъ всегда сквозило большое пониманіе предмета, критическій умъ, ясность мысли и блестящее остроуміе.

Скоро онъ самъ оживился, всякое смущеніе и неловкость были позабыты, онъ говорилъ много, онъ рисовалъ ей смѣлыми красками жизнь англійскаго двора и высшего общества, представлялъ характеристики тѣхъ политическихъ дѣятелей, которыми она интересовалась. Она слушала все съ возростающимъ вниманіемъ, повидимому совершенно довольная своимъ собесѣдникомъ, и оба они не замѣчали какъ шло время.

Но вотъ предметъ бесѣды началъ истощаться, оживленіе государыни проходило. Сергѣй видѣлъ въ ней уже не просто умную собесѣдницу, а свою государыню; онъ сдерживался и обдумывалъ каждое слово.

— Благодарю васъ, сказала Екатерина, — вы сообщили мнѣ много интереснаго и я очень рада что многія мои предположенія оправдываются или, по крайней мѣрѣ, подтверждаются вашими личными наблюденіями.

И въ то же время она думала:

„Онъ уменъ, наблюдателенъ... и тотъ-же прежній благородный образъ мыслей!.. неужели онъ лукавитъ?.. вѣдь ни разу не проговорился“!..

Она и увлеченіемъ разговоромъ слѣдила за нимъ, за его тономъ, за малѣйшими оттѣнками, которые онъ придавалъ словамъ своимъ—и ровно ничего не указывало ей на то, что передъ нею волтерьянецъ, человѣкъ съ вреднымъ образомъ мыслей, человѣкъ враждебный интересамъ Россіи, какъ она ихъ понимала.

— Теперь скажите вы мнѣ о себѣ, продолжала она, — каковы ваши личные планы? Желаете вы вернуться въ Англію или остаетесь въ Россіи?

Грустная и нѣсколько насмѣшливая усмѣшка неволью скользнула по губамъ Сергѣя.

— Ваше величество, сказалъ онъ, — въ теченіи семи лѣтъ моей завѣтной мечтою было вернуться въ Россію и ужъ никакъ не для того чтобы ее снова покинуть...

Екатерина замѣтила эту усмѣшку и немного поморщилась. Незачѣмъ было возвращаться назадъ, это повело бы только къ ненужнымъ длиннымъ объясненіямъ, онъ могъ самъ хорошо понять это...

— Если вы желаете остаться въ Россіи, проговорила она, — то, я полагаю, къ этому не можетъ предвидѣться никакихъ затрудненій: дѣло вамъ и здѣсь найдется, мнѣ нужны способные люди. Или можетъ быть вы желаете перемѣнить службу? Скажите мнѣ прямо, мы это обсудимъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ Сергѣй, — относительно службы у меня нѣтъ никакихъ желаній. Я вовсе не высококачественнаго мнѣнія о своихъ способностяхъ и ни на что не рассчитываю. Въ отвѣтъ на милостивыя слова ваши я въ настоящее время могу только просить васъ дозволить мнѣ хоть временно освободиться отъ какихъ-бы то ни было служебныхъ обязанностей. Мнѣ необходимо подумать о своихъ личныхъ дѣлахъ, оглядѣться...

— Что-же, развѣ вы хотите совсѣмъ выйти въ отставку? Зачѣмъ-же это? Я понимаю что у васъ могутъ быть по возвращеніи въ Россію послѣ столь долгаго отсутствія различныя семейныя дѣла и тому подобное. Пожалуйста устраняйте ихъ, вамъ будетъ данъ отпускъ на какое хотите время.

И вдругъ она что-то вспомнила, сообразила, и снова внимательно взглянула на него, а на губахъ ея появилась улыбка, тонкая привлекательная улыбка прежняго времени.

— Я не спросила васъ еще объ одномъ: вѣдь вы единственный представитель вашего рода, вамъ пора думать о томъ чтобы родъ этотъ не угасъ, пора думать о женитбѣ.

Сергѣй смутился, онъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса.

Во время разговора Екатерина нѣсколько разъ, несмотря на всю свою внимательность къ нему и милостивое обращеніе, придавалъ своимъ словамъ нѣкоторый оттѣнокъ холодности. А въ этомъ вопросѣ и въ тонѣ, которымъ онъ былъ сдѣланъ уже не было холодности, напротивъ сказывалось такое отношеніе къ нему императрицы, на которое онъ никакъ не рассчитывалъ. Она-же съ своей стороны сдѣлала этотъ вопросъ совсѣмъ неожиданно для себя, она была такъ занята сама все это время брачнымъ вопросомъ... Все это вышло неволью, просто и естественно. Во всякомъ случаѣ нужно было отвѣчать.

— До сихъ поръ мнѣ не было никакой возможности жениться, проговорилъ Сергѣй, — теперь-же, ваше величество, придется подумать объ этомъ.

— Да, подумайте, вамъ пора жениться.

Но тутъ она окончательно позабыла разговоръ съ Зубовымъ, всѣ сомнѣнія, которыя родились въ ней относительно Сергѣя. Она все вспоминала прежнее, совсѣмъ было забытое ею время. И эти воспоминанія заставили ее принять съ Сергѣемъ совсѣмъ уже новый, милый тонъ, который такъ шелъ къ ней, при которомъ окончательно забывалась величественная императрица и оставалась только женщина.

Съ каждой секундой она все болѣе и болѣе отдалялась отъ настоящаго и уходила въ прошлое.

Вотъ вспомнилась ей во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ ея прогулка подъ руку съ Сергѣемъ по береговой дорожкѣ царскосельскаго озера; вспоминалась тогдашняя ея тоска, сердечная тревога и молодое мечтательное лицо ея спутника.

Понималъ-ли онъ въ тотъ вечеръ ея состояніе, ея мысли и чувства?

Ее что-то кольнуло въ сердце, ей захотѣлось въ чемъ-то оправдаться—не то передъ нимъ, не то передъ самой собою.

— А вѣдь давно таки мы не видались?! сказала она задушевнымъ тономъ, который въ ея устахъ былъ памятенъ Сергѣю и который когда-то возбуждалъ въ немъ къ ней чувство благоговѣйнаго юнаго обожанія. Давно не видались, я вотъ совсѣмъ состарилась, да и вы теперь уже далеко не юноша. Опять повторяю: пора вамъ жениться. И, знаете, что я вспомнила? одну изъ послѣднихъ бесѣдъ нашихъ восемь лѣтъ тому назадъ. Да, такъ... Это восемь лѣтъ тому назадъ было! вспомните — я была нездорова и вышла пройтись вечеромъ въ садъ, думала освѣжиться; думала что никто не помѣшаетъ моей прогулкѣ... и вдругъ столкнулась съ вами; но вы мнѣ нисколько не помѣшали, напротивъ, я такъ утомилась — вы мнѣ помогли тогда дойти. Право вы были совсѣмъ ребенокъ, вы мечтали подъ соловьиныя пѣсни и я заставила васъ проговориться. Видите, я клеплю на себя—у меня все еще хорошая память! Я узнала отъ васъ, что вы влюблены, что у васъ гдѣ-то тамъ въ деревнѣ невѣста. Можетъ быть это очень нескромно съ моей стороны, но я старуха—старость, какъ

и юность, бываетъ любопытна. Однако я не изъ простаго любопытства спрашиваю, а изъ участія къ вамъ... Куда дѣлась эта ваша невѣста и ваша любовь къ ней?

Сергѣй былъ изумленъ. Онъ могъ ожидать чего угодно, только не этого.

Екатерина замѣтила его изумленіе. Однако онъ долженъ былъ отвѣчать, а правду ему отвѣчать не хотѣлось.

— Ваше величество, наконецъ проговорилъ онъ, — меня глубоко трогаютъ слова ваши, я и надѣяться не смѣлъ на такое съ вашей стороны милостивое участіе. Но мнѣ трудно отвѣчать на вопросъ вашъ — съ тѣхъ поръ столько прошло жизни...

Онъ не зналъ какъ кончить начатую фразу.

Екатерина сама помогла ему.

— Столько прошло жизни, перебила она его, — столько встрѣчалось женщинъ, что та юная любовь давно забыта... Конечно я должна была сама догадаться объ этомъ... Теперь вы встрѣтите здѣсь прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя безъ васъ выросли. Вамъ будетъ изъ кого выбрать и когда выберете которую нибудь — скажите мнѣ: я буду вашей посаженной матерью. Какъ старая бабушка я ужасно люблю свадьбы!

— Я не нахожу словъ благодарить ваше величество, пробормоталъ Сергѣй все продолжая изумляться.

— До свиданья-же! сказала Екатерина протягивая ему руку.

Выходя онъ думалъ:

„О! какъ она измѣнилась. И зачѣмъ она такъ говорила со мною?“

Ему было тяжело. Этотъ тонъ, это милостивое вниманіе возвращали его къ прежнему времени. А между тѣмъ онъ не могъ забыть восемь лѣтъ безрадостной жизни вдали отъ родины; не могъ забыть и Гатчины, гдѣ его ждали, можетъ быть, въ настоящую минуту.

Въ сосѣдней комнатѣ Сергѣй чуть не столкнулся съ

Зубовымъ, но тотъ шелъ быстрыми шагами, опустивъ голову и глядя себѣ подъ ноги. Онъ сдѣлалъ видъ что совсѣмъ не замѣчаетъ Сергѣя. Онъ боялся, что если тотъ и поклонится ему, то во всякомъ случаѣ не такимъ поклономъ, къ какимъ онъ уже давно привыкъ. И онъ далъ Сергѣю возможность ему совсѣмъ не поклониться.

Только что Зубовъ вошелъ къ императрицѣ она живо заговорила:

— Вотъ вы и оказались неправы, я долго бесѣдовала съ Горбатовымъ и сама убѣдилась что вы неправы. Теперь для меня не можетъ быть сомнѣнія, что все ваши извѣстія ложны и выдуманы его врагами. Онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго и, увѣряю васъ, онъ воиной порядочный человекъ, неспособный на измѣну — вольнодумства въ немъ тоже никакого не замѣтила.

Лицо Зубова перекосилось.

Неужели ему приходится бороться съ этимъ Горбатовымъ какъ съ равнымъ себѣ?!

— А онъ не сообщалъ вашему величеству, проговорилъ Зубовъ дѣлая удареніе на каждомъ словѣ, — не сообщалъ онъ о томъ какъ весело проводить теперь время въ Гатчинѣ?

— Въ Гатчинѣ?

— Да, каждый день съ ранняго утра туда ѣздитъ.

— Что ему дѣлать въ Гатчинѣ?.. Что общаго?

— Не знаю, но вѣроятно общаго много. И ужъ эти мои свѣдѣнія, я надѣюсь, вы не заподозрите въ невѣрности... Это-то вѣдь ужъ легко провѣрить.

— Да, конечно легко, я спрошу великую княгиню...

Какая-то тѣнь мелькнула по лицу Екатерины. Она поморщилась и рѣзко спросила его:

— Есть-ли у васъ какія-нибудь новости по нашему дѣлу? Видѣли вы вчера вечеромъ короля?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ расскажите пожалуйста!

(До слѣд. №).

По домашнимъ обстоятельствамъ.

(Изъ давно прошедшаго).

Рассказъ П. П. Гнѣдича.

— Изъ васъ, Кривцовъ, ничего не выйдетъ путнаго; великую истину сказалъ вашъ народъ: „горбатаго одна могила исправитъ“.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, блондурый, коротко стриженный, съ одутловатымъ блѣднымъ лицомъ и полусонными глазами, не то насмѣшливо, не то печально посмотрѣлъ на нѣмца-гувернера, говорившаго это, и ничего не отвѣтилъ.

— Наказанія васъ не исправляютъ, — продолжалъ тотъ, — господинъ директоръ не знаетъ, что съ вами дѣлать, — кончится тѣмъ, что васъ исключать. Такихъ какъ вы держать нельзя: это позоръ для всего учебнаго заведенія, особенно такого какъ наше, составившаго себѣ такую блестящую репутацію... Не могу же я не донести господину директору о томъ, что вы творите...

Мальчикъ перевелъ глаза съ очковъ гувернера на его жилетъ — синій съ золотыми пуговицами и массивной цѣпочкой, какъ-то конфузливо болтавшейся на его засаленномъ фонѣ. Посмотрѣлъ на орловъ, которые сидѣли на пуговицахъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: который бокомъ, который внизъ головой; посмотрѣлъ на скверно-накрахмаленную, пузырившуюся рубашку и опять уставился на очки гувернера.

— Да что же я такое дѣлаю, — тихо сказалъ онъ, — что бы меня исключать... Я шалю не больше другихъ.

— Все ваши шутки злонамѣренны, онъ не дѣтски, не наивны... Вы воръ!

Мальчикъ вспыхнулъ и потупился. — Я не воръ, — сквозь зубы пробормоталъ онъ, невольно сжимая въ кулаки свои руки.

— Да это что же? Гувернеръ махнулъ передъ его носомъ папирской, которую все время мялъ въ пальцахъ. — Это папирса краденая... А разъ она краденая, значитъ ея владѣлецъ — воръ. Наконецъ, ваше поведеніе въ классахъ.

— Я въ классахъ всегда веду себя смиренно, герръ Штольцъ, спросите учителей...

— А во время рекреации? Эти дикія забавы — выжимать масло, рисовать на доскахъ, ласквильи... Я, признаюсь, такихъ феноменовъ не долюбиваю. Вы принадлежите къ той породѣ овецъ, которая все стадо портитъ — и я даю вамъ слово, что или меня, или васъ здѣсь не будетъ...

Герръ Штольцъ сердито повернулся, и сердито пошелъ черезъ рекреационную залу, раскачиваясь на ходу всей своей сухой какъ щелка фигурой и потряхивая головой.

— Факельщикъ! раздалось ему вслѣдъ.

Онъ оглянулся.

— Поступайте, Кривцовъ, задыхаясь крикнулъ онъ, — вы переходите всякія границы...

— Чѣмъ-съ? хладнокровно, словно нѣсколько изумленный, спросилъ мальчикъ.

— Что вы сейчасъ сказали?

— Я сказалъ Ковылинну, — онъ показалъ на товарища, стоявшаго возлѣ, — что факельщикъ по улицѣ пропелъ, вотъ и онъ видѣлъ, да вы сами посмотрите...

Нѣмецъ мелькомъ взглянулъ и на Ковылина и въ окошко, и стиснувъ зубы вышелъ изъ залы.

— Факельщикъ, — раздалось ему вслѣдъ, — у директора пятки лижешь...

— Охота тебѣ съ нимъ связываться, замѣтилъ Ковылинъ. — Только время попусту тратить...

— Что ему надо отъ меня, — злобно возразилъ Кривцовъ. — Что онъ пристасть ко мнѣ постоянно... Ну, и закачу же я ему сегодня ночью бенедиктъ! Будетъ онъ меня помнить...

— Въ субботу опять тебя не отпустить...

— Ахъ, это хуже всего... Я десять разъ готовъ въ карцеръ и классъ сидѣть — только бы домой пускали...

— Экъ тебя домой тянетъ всегда...

— Потянетъ!.. Хорошо тебѣ говорить — ты приходищій, а поживи-ка здѣсь. Начнешь съ голоду резинку жевать.

Въ дверяхъ снова показался Штольцъ.

— Что же вы въ классъ, господа! крикнулъ онъ. — Господа учителя уже прошли въ классы, а вы все еще неидете... Какъ вамъ не стыдно, Ковылинъ, — первый ученикъ — и что вамъ за охота связываться съ этой... съ этимъ дѣтяемъ.

Ковылинъ сконфузился и пошелъ нѣсколько въ сторону отъ Кривцова.

— Да не забудьте, Кривцовъ, — крикнулъ имъ въ догонку Штольцъ, — если я еще разъ застаю васъ за списываніемъ задачъ — все будетъ передано господину преподавателю... А если вы, Ковылинъ, будете давать списывать, хоть вы и первый ученикъ, а подвергнетесь наказанію...

— Факельщикъ! крикнулъ ему издали Кривцовъ.

Геркулесь поражающій гидру. Картина Н. Пуссева, Ілафонъ Большой галлерей Лувра, грав. Желъ.

Въ классъ, куда направились оба мальчика, только что вошелъ передъ ними учитель, и сѣлъ на кафедру; это была толстая фигура съ жирной, досищенной физиономіей, большимъ животомъ, крупнымъ носомъ и маленькими сѣрыми глазами. При входѣ запоздавшихъ, онъ спорхнулъ увлеченную мину и потянулъ луковницу изъ кармана.

— Опоздали! торжественно проговорилъ онъ и отмѣтилъ въ соответствующей графѣ журнала: „Кривцовъ опоздалъ полминуты, Ковылинъ опоздалъ полминуты“, а такъ какъ Кривцовъ опоздалъ и накануне, то, по совокупности преступлений, ему была поставлена „точка въ поведеніи“; двѣ точки равнялись *nota bene*; двѣ потабене—единицѣ въ поведеніи...

Въ классѣ воцарилась мертвенная тишина, тягостная, удручающая, только изъ она слышалось воркованье голубей да отдаленное дребезжанье прожекъ. Учитель любилъ это гробовое затишье,—онъ создалъ въ немъ свою силу, свое вліяніе на учениковъ. Порядокъ, полный дисциплинарный порядокъ былъ его идеаломъ. У него самого всегда все въ порядкѣ, и видундиръ, и прическа, и перушко, и книги, но такого же порядка онъ требовалъ и отъ мальчиковъ. Тетрадка должна обяательно имѣть поля въ три пальца ширины, кусокъ клеек-папира въ форматѣ тетради, и два узаконенныхъ оберточныхъ листа. Каждый ученикъ долженъ сохранять абсолютное молчаніе, не шумѣть и „вести себя не какъ огромный быкъ, а какъ маленький ибтумошъ“. Въ случаѣ наденія пера на полъ, о таковомъ несчастьи надо было вѣнепремѣнно доложить преподавателю и поднять оною токмо съ его разрѣшенія, если таковое восполздетъ. Выражаться надо было ясно и точно. При перемѣнѣ старой, исписанной тетради на новую, нельзя было сказать: „у меня вышла тетрадь“, ибо на это слышалось изумленное восклицаніе: „куда она вышла?“ на поясненіе „она исписалась“,—возражали: „сама исписалась?“ и только на опредѣленную фразу: „я исписалъ мою тетрадь“—слѣдовало разрѣшеніе обмѣнить ее на другую. Самый обмѣнъ — была очень сложная процедура съ перенесеніемъ, хожденіями изъ одного этажа въ другой и пр. Выходить изъ класса было разрѣшаемо только по предъявленіи „соответствующаго узаконеннаго свидѣтельства врача“, а такъ какъ таковыхъ свидѣтельствъ, разумѣется, ни у кого не было, то и выходить воспрещалось. Запинаясь у него всегда плохо,—по крайней мѣрѣ если вѣрять журнальнымъ отмѣткамъ, то три четверти класса были ужаснѣйшіе дѣтяти. Большинство сидѣло съ двойками, „полторащечками“, единицами—и даже „колечками“. „Колечко“ часто чередовалось съ единицей, и преподаватель остроумно замѣчалъ: „налочкой подвятишь колечко—оно и покатится!“... Впрочемъ „колечки“ составляли принадлежность преимущественно перваго класса, второй и третій продовольствовались единицами.

Преподаватель что-то такое писалъ у себя въ книжечкѣ, графилъ, сосредоточенно хмурился. Ученики—кто уткнулся носомъ въ тетрадь, кто зазубривалъ что-то въ грамматику, кто изподлбья смотрѣлъ на учителя. Грузно воздымалась въ тишинѣ его крупная фигура, сидѣвшая прямо, какъ палка, на высокой кафедрѣ; грозно и мрачно смотрѣли стоявшіи на возвышеніи по бокамъ кафедры доски, изъ которыхъ одна была плохо вытерта и на ней клочками торчали цифры какихъ-то пропорцій. Безомовно висѣла грязная, выпачканная чернилами карта Африки. Высокая, бллая изразцова печка играла на солнечныя лучахъ, пробивавшихся косыми столбами изъ въ классъ, а за окнами видѣлся широкій дворъ и молодая, весенняя зелень соседняго сада.

Кривцовъ, возбужденный разговоромъ съ Штольцемъ, перво покусывалъ губы, машинально поглаживая рукой книгу. Его раздражали съ утра, ему такъ хотѣлось наругить кому нибудь, сорвать на комъ нибудь злость,—онъ даже не чувствовалъ, что сидитъ въ классѣ страшнѣйшаго изъ преподавателей, что передъ нимъ не лежатъ перо и тетрадь, обязательныя классныя принадлежности. Онъ не чувствовалъ, что переключка кончилась, что опять водворилось ужасное молчаніе; онъ не чувствовалъ даже, что его назвали по фамилии.

— Кривцовъ,—повторилъ учитель,—что вы—сните?

Кривцовъ всталъ, посмотрѣлъ на него, хотя по глазамъ видно было, что онъ какъ-то механически отозвался на зовъ.

— Пожалуйте сюда, ко мнѣ. Книгу оставьте на мѣстѣ. Господинъ Рыбчинскій!

Рыбчинскій—длинный, щедушный мальчикъ, медленно двинулся къ кафедрѣ.

— Вы къ доскѣ, и вы къ доскѣ,—предложилъ обоимъ учитель. Мальчики, стараясь не стучать каблуками, взошли по ступенькамъ къ доскамъ.

— Мѣлъ не трогайте. Обратитесь лицомъ ко мнѣ. Не угодно ли вамъ начинать colloquium.

По классу прошелъ сдержанный хохотъ. Дѣло въ томъ, что къ этому дню было задано выучить наизусть изъ грамматики Кюнера шуточный разоворъ,—„О вставаньи“—*De surgendo*. Но никто не ожидалъ, что преподаватель устроитъ спектакль: заставить отвѣчать не подрядъ, а чередоваться для полной иллюзій разговора.

— Начинайте, Рыбчинскій.

— Эй, эй, Карлъ, проснись! заг ворилъ по латыни тошень-

кимъ, надтреснутымъ со страха голосомъ Рыбчинскій,—проснись, пора вставать. Ты слышишь!

— Не слышу! долженъ быть отвѣтить сонный Карлъ на призывъ товарища. Классъ замеръ отъ восторга, предвкушая заранѣе всю прелесть отвѣта.

— Я такъ не могу,—вдругъ прервалъ молчаніе Кривцовъ. Я подрихъ прочту, а такъ, Алексѣй Васильевичъ, я не могу... Вы не задавали...

Алексѣй Васильевичъ поднялъ брови и посмотрѣлъ въ записной журналъ.—Тутъ написано, торжественно сказалъ онъ, вода пальцемъ по книгѣ—выучить наизусть „*De surgendo*“.

— Да я выучилъ.

— Такъ отвѣчайте.

Опять молчаніе. Чернильное пятно близъ острова Мадагаскара рѣзко чернѣется и бьетъ прямо въ глаза. Алексѣй Васильевичъ идетъ терпѣливо.

— Пожалуйте сюда, еще торжественнѣе пригласилъ онъ. Кривцовъ поднялся на кафедру; его такъ и обдало запахомъ камфоры отъ учительскаго видундира.—Здѣсь въ журналѣ написано,—и бѣлый палецъ съ треугольнымъ ногтемъ прошелся подъ блѣдно-написанной строкой,—здѣсь написано: выучить наизусть „*De surgendo*“.—Палецъ остановился и щелкнулъ погтемъ по бумагѣ...

— Я знаю, Алексѣй Васильевичъ, а только...

— Что отвѣчаетъ Карлошъ?

— Онъ... онъ отвѣчаетъ... „Не слышу“.

— Такъ-съ. Продолжайте, Рыбчинскій.

— Гдѣ же ты имѣешь уши?“—быстро отработовалъ Рыбчинскій.

Минутное молчаніе. Алексѣй Васильевичъ трясетъ бородой и смотритъ неопредѣленно въ пространство. Гдѣ-то муха жужжитъ и бьетъ въ стекло. Онъ берется за перо и медленно макаетъ въ чернильницу. Еще медленнѣе рука переносится къ журналу, отыскиваетъ клѣтку. Вотъ кончикъ пера коснулся верха графы.

— „Въ постелѣ!“ внезапно произнесъ требуемую фразу Кривцовъ.

Перо отходитъ отъ журнала и опять ложится въ перегибъ книги.

— „Я это вижу“,—продолжаетъ Рыбчинскій,—по что ты дѣлаешь до сихъ поръ въ постелѣ?“...

Снова пауза.—Экій проклятый у него носъ, думаетъ Кривцовъ, и смотритъ на завитокъ уха учителя, круглый, мясистый, на его рыжеватую клиномъ бороду и свинные глазки. Вѣдь вотъ и у Штольца носъ такой же противный, думаетъ онъ, только у него онъ тоньше. Онъ переводитъ глаза на потолокъ, картинѣ безучастно смотритъ на него. Лама виситъ и слегка покачивается; вѣроятно въ перемѣну ее качнуло кто нибудь. Весь классъ замеръ, всѣ на него смотрятъ, одинъ Ковылинъ весь погружился въ зубренье. А муха все жужжитъ—ей и горя мало...

— Одинъ баллъ! деревянно произноситъ Алексѣй Васильевичъ. Опять перушко въ роковой графѣ; тоненькая-тоненькая палочка съ носомъ (чтобы въ четыре нельзя было переправить), и такая же палочка въ его записной книжкѣ.—Единица! значить въ субботу во всякомъ случаѣ отгулка не дадутъ...

— Садитесь!

Кривцовъ также механически повернулся, пошелъ на свое мѣсто и механически опутился на скамью, возлѣ слегка посторонившагося Ковылина.

Все точно ушло изъ его глазъ, затянулось дымкой и голова учителя, и доски, и Мадагаскаръ, и чернильное пятно и печка. Въ субботу то отгусятъ... Не могу же я не довести до свидѣнія господина директора,—звучала въ его ушахъ фраза Штольца. Одинъ баллъ! говорилъ голосъ Алексѣя Васильевича... не выучилъ „*De surgendo*“...

— „...Но что же ты дѣлаешь до сихъ поръ въ постелѣ“, слышится голосъ Рыбчинскаго.

— „Что дѣлаю?“—сплю“,—мѣрвымъ басомъ отвѣчаетъ Соколовъ.

— „Спишь, и въ то же время говоришь со мной?“

— Что они ко мнѣ привязываются? думалъ Кривцовъ, ловя ухомъ звуки рѣчи, и не вникая въ смыслъ знакомыхъ фразъ.—Что я сдѣлалъ такое, за что меня исключитъ? Завернулъ въ простыню, вымазалъ сажкой физиономію да съ двухъ первоклассниковъ сдернулъ одѣяла... Бурить хотѣлось какъ... какъ собаку, подыскалъ онъ нелѣпое сравненіе,—такъ зрялъ у Штольца три напироски... и табакъ-то прескверный... На рѣхъ сегодня одна изъ кармана на глазахъ у него выпала... вор! Какъ онъ смѣетъ это говорить, какое у него на это право...

Слезы подступали къ горлу и душили его.

— Кривцовъ,—раздался снова голосъ учителя.—Неудобно-ли вамъ выучить къ концу класса „*De surgendo*“.

Онъ молча раскрылъ Кюнера, и сталъ читать разговоръ, буквально не понимая того, что читаетъ... Странно,—думалъ онъ: пока я занимался дома—учился вь егда отлично, получалъ пятерки—какъ поступишь сюда—все единицы и двойки... Пока я одинъ учился.—я какъ надо готовилъ уроки, а здѣсь я никогда ничего не знаю...

— „Гдѣ-же у тебя уши?“ въ шестой разъ звучала знакомая фраза.

— „Въ постелѣ!“

Въ рекреацию (или по просту въ переѣздѣ), ученикъ седьмого класса Ахлестышевъ, поймалъ за рукавъ бѣгущаго мимо Кривцова.

— Ты это видишь,—сказалъ онъ развертывая передъ нимъ толстую книгу, всю испещренную цифрами. Знаешь, что это такое?

— Нѣтъ.

— Это логарифмы... Святая книга. Поцѣлуй! И онъ сунулъ ему книгу прямо въ носъ; тотъ увернулся.

— Ты чего рыло воротилъ! Цѣлуй, когда тебѣ говорятъ.— Онъ больно захватилъ его за выхоръ, что росъ на самомъ темени.—Цѣлуй, а то волчка стучу.

Кривцовъ поцѣловалъ,—вихоръ былъ выпущенъ на волю.— Най-мальчикъ,—сказалъ Ахлестышевъ, смазавъ его всюю пятерней по головѣ и лицу.—Въ другой разъ цѣлуй сразу...

Онъ повернулся и пошелъ.—Дуракъ! пустилъ ему вѣдѣть вполголоса Кривцовъ, и когда тотъ отошелъ подалеже, еще разъ крикнулъ:—дуракъ!..

Ахлестышевъ улыбался и повернулся, Кривцовъ хотѣлъ „задать дерга“, но врагъ живо настигъ его.

— Ты что сказалъ? улыбаюсь говорилъ онъ, глядя на испуганное лицо мальчика, невольно поднявшаго вверхъ руки.— Кто дуракъ? Я?... Вотъ тебѣ за это волчекъ, вотъ тебѣ!

„Волчокъ спустить“ на гимназическомъ жаргонѣ значило—большимъ потемъ правой руки и костяшкой указательнаго пальца очень больно не то сверлить, не то цинать голову наказуемаго.

Послѣ трехъ волчковъ у Кривцова брызнули слезы.

— Пустите, крикнулъ онъ... Я факельщику скажу...

— Что? Ты фискалить...

— Скажу, скажу факельщику...

— Что? факельщику?.. Пойдемъ къ Петг Штольцу... Петг Штольцъ,—пожалуйте сюда.

Петг Штольцъ подошелъ на зовъ старшаго воспитанника.

— Вотъ онъ весь факельщикомъ зоветъ,—я ему говорю, что это богохульство...

— А онъ дерется, волчки спускаетъ...

— Петг Штольцъ,—это я вашу честь защищалъ,—какъ-же онъ смѣетъ васъ звать факельщикомъ... Вы развѣ похожи на факельщика?... У васъ нѣтъ ни шляпы, ни фонаря.

— Идите, Ахлестышевъ, своей дорогой, не трогайте младшихъ,—не вы призваны наказывать ихъ. Это наше дѣло...

— Помилуйте, Петг Штольцъ,—онъ не уважаетъ не только васъ, но даже науку,—даже руководство барона Вега,—(онъ показалъ на книгу) не хочетъ признавать логарифмическихъ величинъ синусовъ и тангенсовъ... Это ужасно...

— Смотрите лучше за собой: сами вы, Ахлестышевъ, не уважаете науки: я видѣлъ какъ вы сегодня на урокѣ физики играли въ шекель...

— Петг Штольцъ—ей Богу я въ шекель не умѣю играть...

— Уходите, уходите... Слышите—звонокъ; сейчасъ придетъ господинъ преподаватель...

— За васъ мы умереть готовы, ехидно улыбаясь замѣтилъ Ахлестышевъ, и грозя Кривцову пальцемъ прибавилъ: помни, всегда надо почитать старшихъ: Петг Штольца и меня.

И вѣжливо поклонившись гувернеру, онъ пошелъ внизъ, гдѣ помѣщались старшіе классы.

— А съ вами я раздѣлаюсь,—скрипя зубами говорилъ Штольцъ, васъ посадятъ въ карцеръ и въ субботу вы останетесь безъ отпуска. Господинъ директоръ еще сегодня о васъ справлялся... Васъ вообще надо выкинуть отсюда, какъ выкидываютъ на улицу негодную старую подошву... Идите въ классъ...

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ классной комнатѣ, откуда неся ужаснѣйшій содомъ: въ одномъ углу „жали масло“, то есть на скамейкѣ, вмѣшавшей четверыхъ, сидѣло человѣкъ пятнадцать и всѣми силами напирала другъ на друга, такъ что пошатнувшись въ середину было куда какъ жутко; по срединѣ класса дрались на кулачкахъ, при чемъ дерущіеся сидѣли верхами на своихъ товарищахъ, которые, изображая лошадей, старались въ свой чередъ лягнуть другъ друга;—кто-то гдѣ-то жалобно, но кошачьи кричалъ:—и все это покрывалось звонкимъ хоромъ человѣкъ въ тридцать, во всю глотку пѣвшимъ „Настасью...“ При появлении Штольца все моментально смолкло. Онъ постоялъ на порогѣ, посмотрѣлъ на всѣхъ черезъ очки.

— Что такое у васъ,—спросилъ онъ.

Красный какъ ракъ Соколовъ, весело посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Слава Богу, всѣ живы, никто не умеръ...

— Умеръ?... изумился пѣмецъ.

— Вы о погребеніи изволите спрашивать?

Весь классъ покотился со смѣха.—Факельщикъ! раздалось со всѣхъ концовъ.

— Уличные скверные мальчишки,—заскрежетали про себя Штольцъ, выходя изъ класса.

— Ребята,—вали „Акулину“! отчаянно крикнулъ Кривцовъ,

едва гувернеръ переступилъ порогъ,—и мгновенно хоръ голосовъ грянулъ:

„Акулина—повернись“,

„Душа радость—повернись“...

И даже старый солдатъ, стравившій съ доски, прозванный „дѣдка“, ухмыльнулся на забористый пригѣвъ, и перекинувъ черезъ плечо трипку съ радостной grimасой похвалилъ:

— Черти, право черти!..

— Выбросить какъ старую подошву? за что?... За то, что захотѣлось поугатъ ребятъ, за то что взявъ у факельщика три скверныхъ напироски,—да я ему тридцать яшиковъ напиросъ изъ дома принесу. Ну ходилъ завернутый въ простыню, ходилъ!.. Такъ за что-же выбрасывать?..

— Это что? раздался громкій голосъ, и господинъ директоръ вошелъ скорыми шагами въ классъ. Штольцъ завязъ въ двѣряхъ.

Всѣ встали. Маленькая, круглая фигурка начальника метала молнии, руки судорожно обдергивали жилетъ.

— Что это такое? Что это за кабаки! продолжалъ. Вы, кажется, забываете, гдѣ вы находитесь... Это школа!.. Это не кабаки... Развѣ кабаки это? Я съ вами говорю,—отвѣчайте: да—или нѣтъ!.. Опустя руку,—крикнулъ онъ на Ковылина.—Отвѣчайте: кабаки это?

— Нѣтъ, чуть слышно прошепталъ Ковылинъ.

— Нѣтъ?... директоръ удивленно развелъ руками.— Нѣтъ—это кабаки. Это пьяные мужики... Это уличный сбродъ. Кто изъ васъ пьетъ? Отвѣчайте, кто пьетъ?

Всѣ молчали.—Директоръ строго возвысилъ голосъ.—Ну-съ, никто не отвѣчаетъ? Эй, солдатъ,—кто пьетъ?

— Я не знаю, ваше превосходительство.

— Какъ не знаешь? ты былъ здѣсь...

— Кто ихъ разберетъ—всѣ орутъ... и съ доски стираю, почему мнѣ знать...

Дѣдко ухмыляясь направился къ дверн, шлепая своими туфлями по полу.

— Такъ никто не сознается?

— Это Кривцовъ пьетъ,—вставилъ свое слово Штольцъ,—я слышалъ его голосъ.

— Кривцовъ? Директоръ шагнулъ по направленію того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ.

— Ты что? Онъ обдалъ его съ головы до ногъ строго холоднымъ взглядомъ.—Я, братъ, про тебя слышу такія вещи... Берегись!.. Ты не учишься, ничего не дѣлаешь, собираешься по два года въ классахъ сидѣть, по ночамъ маскарады устраиваешь, гувернерамъ грубишь... Ты что?..

— Я...

— Молчать! Не смѣй перебивать, когда я съ тобой говорю... Ты пьетъ сейчасъ?

— Всѣ пѣли.

— Я про всѣхъ не говорю, я про тебя спрашиваю.

— Я... я пѣлъ...

Директоръ такого сознанія никакъ не ожидалъ, и опять развелъ руками...

— Что же, ты мѣста другаго не найдешь? Что это классъ пѣнія? Тѣ пѣни, что ты поешь, пьяный саножникъ пѣтъ не будетъ... Сегодня ты будешь въ карцерѣ... Кто еще пьетъ?

— Я не знаю.

— Кто пьетъ,—обратился онъ къ Ковылину.

— Не знаю-съ...

— Въ карцеръ!

— Соколовъ пьетъ,—внезапно объявилъ перепугавшійся Ковылинъ.

„Меравецъ,—прошипѣлъ про себя Кривцовъ,—выдаетъ товарищѣй“.

Въ дверяхъ показался преподаватель географіи.

— Вы потрудитесь, обратился къ Штольцу директоръ,—отправить послѣ классовъ этого мальчишку въ карцеръ, а остальныхъ продержите часъ въ запертомъ классѣ.

Во время класса географіи слѣдующая записка, написанная рукою Кривцова, обошла всѣхъ учениковъ.

„Дѣдка не выдать. Предлагаю ему собрать на чай ото всего класса. Деньги присылайте на первую скамейку.—А Ковылина вадуть за фискальство“.

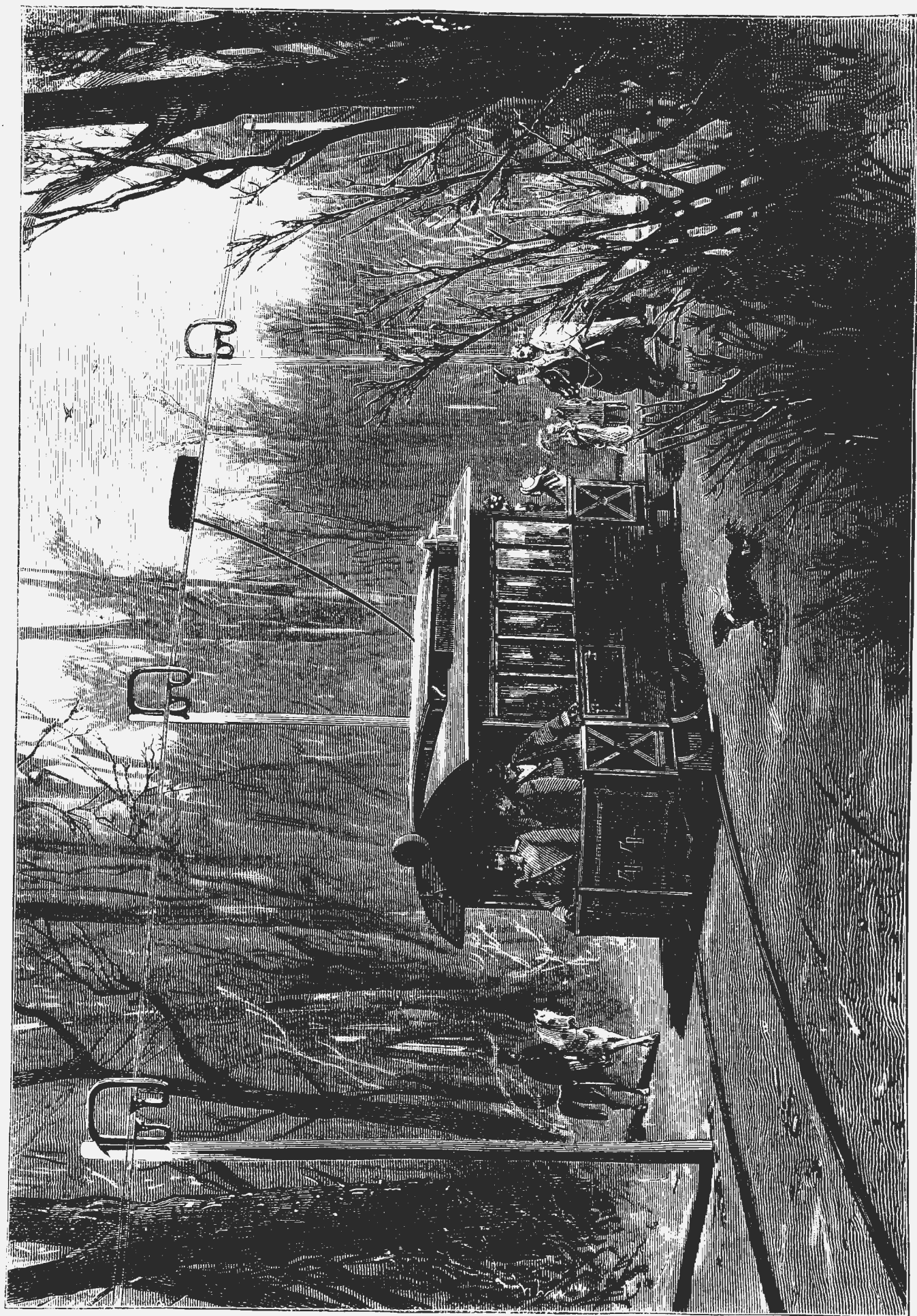
На преподавателя географіи обращали очень мало вниманія, кто рисовалъ лошадокъ, кто дѣлалъ бумажные стрѣлки, кто рѣшалъ задачи къ завтрашнему дню... Вызванные ученики паугадъ тыкали грязными пальцами въ неизслѣдованную внутренность Африки и несли ужаснѣйшую дребедень.

— Мози-ка-Тунія,—говорилъ учитель.—Какъ вы не можете говорить... Мози-ка-Тунія,—это очень звучно.

— Господа,—Ковылина вадуть! громко, на весь классъ предложилъ Кривцовъ, очевидно обуреваемый рядомъ возмущавшихъ его мыслей.

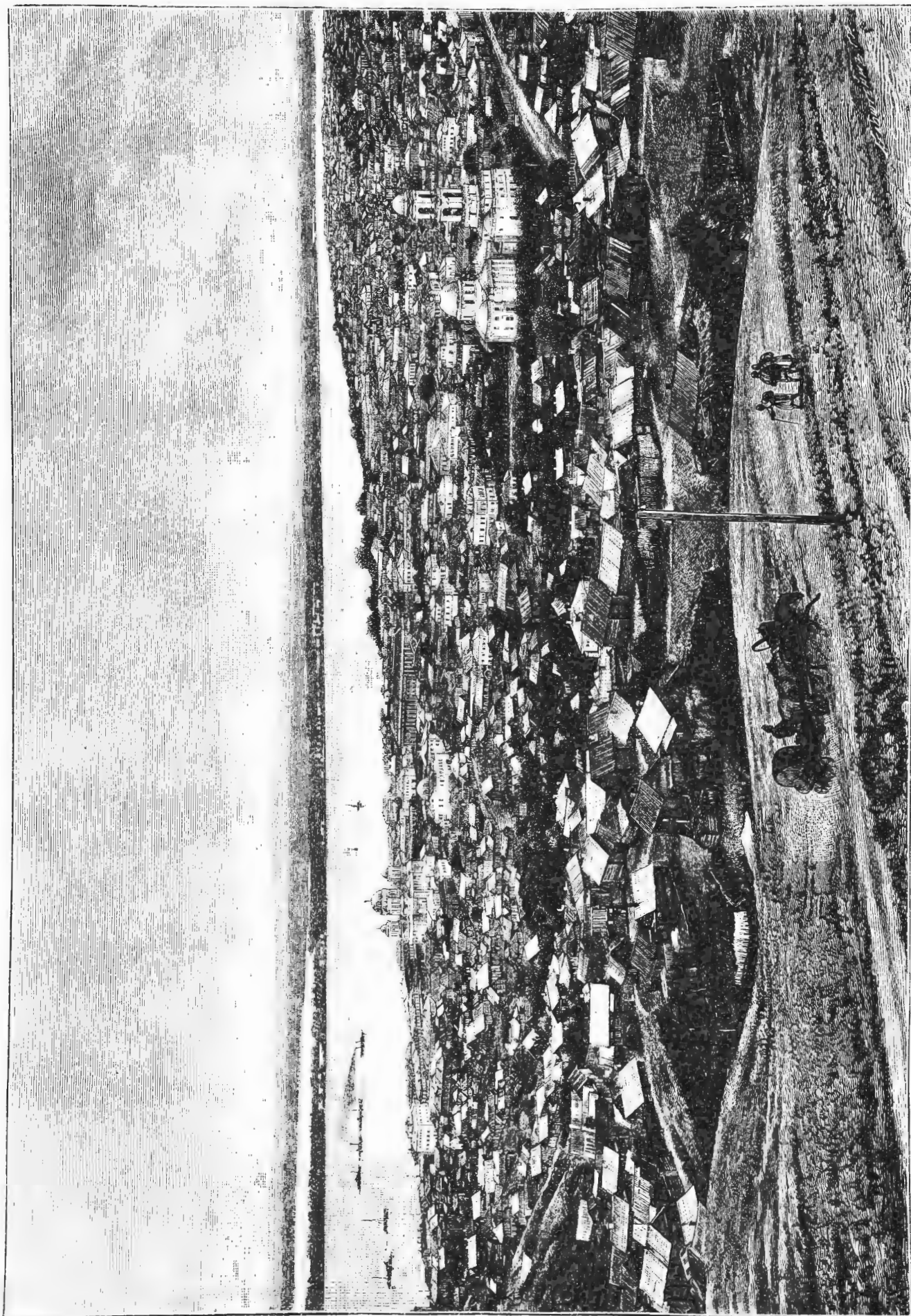
— Вадумъ, отозвалось сочувственно нѣсколько голосовъ.

Скорчился Ковылинъ, съежился и весь ушелъ въ учебникъ Смирнова, чувствуя, что не мѣшкать ему послѣ классовъ товарищеской потасовки.

Новая электрическая желѣзная дорога въ Берлинѣ съ передаточн. электр. ток. Сименса.
Рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Видъ города Вольска, Саратовской губерніи. Съ фотогр. Дятлицкаго, грав. М. Рашевскія.

— Господа,—тише! усевѣщавалъ преподаватель, опираясь ладонью въ восточный берегъ Африки и сердито глядя на буйныхъ мальчишекъ.

— Миѣ никто еще никогда не говорилъ дома—выбросить какъ подошву, думалъ Кривцовъ...

— Мози-ка-Туина,—говорилъ преподаватель, выпячивая губы... Мози-ка-Туина...

Передъ самымъ отводомъ Кривцова въ карцеръ, выпло маленькое недоразумѣніе: оказалось, что по случаю недавняго пожара, карцеръ обгорѣлъ, и теперь тамъ или ремонтныя работы. Штольцъ пошелъ съ докладомъ къ господину директору.

Директоръ очень разсердился, что ему помѣшали читать „Голосъ“, хотя, правду говоря, онъ держалъ его кверху ногами, весь уйдя въ глубокое мягкое кресло, и вытянувъ скрещенныя ножки на великолѣпной шурѣ блага медвѣдя.

— Кривцовъ усугубилъ свою вину,—началъ Штольцъ:—сейчасъ была въ классѣ ужаснѣйшая свалка: били бѣднаго Ковылина, вѣроятно за то, что онъ называлъ вальз фамилію поощаго. Бѣ счастью я подошелъ во время: онъ весь въ синякахъ и фонаряхъ, и отвелъ его въ лазаретъ. Кривцовъ въ этомъ пообщѣ исполняетъ активную роль.

— Ну,—теперь пускай исполнитъ пассивную: на три дня его на хлѣбъ и на воду.

— Въ карцерѣ работы...

— Ну, заprite его куда нибудь въ другое мѣсто... Неужели нельзя найти чулана для одного?.. Теперь не зима, вездѣ тепло, хоть на чердакъ сажайте.

— Потому Ахлестышевъ, онъ въ классѣ въ шкель играетъ.

— Ну что-же я могу сдѣлать съ Ахлестышевымъ,—ученикъ въ вынужденномъ классѣ, учится прекрасно, вдобавокъ протежѣ Сѣрно-Собакевичу! Съ нимъ отецъ ничего не можетъ сдѣлать—такъ что-же ужъ мы... Скоро онъ кончитъ и мы съ нимъ разведемся: перекрестуемъ обѣими руками,—чортъ его побери!

— Онъ очень грубый...

— Ну поѣзжайте къ Сѣрно-Собакевичу, жалуйтесь: а я умываю руки.

Онъ перевернулъ „Голосъ“ какъ надо и погрузился, или сдѣлалъ видъ что погружается въ московскій фелстонъ.

Штольцу оставалось только уйти.

Помѣщеніе нашлось и довольно просторное. Это была длинная комната, слабо освѣщавшаяся сверху грязнымъ, нѣсколько лѣтъ не мытымъ окномъ, на которомъ паукъ привольно раскинулъ свои тенета. Здѣсь прежде, очевидно, лежали дрова: по крайней мѣрѣ скрученные обрывки бересты и множество мелкихъ щепочекъ ясно говорили объ этомъ: да и деревомъ сильно пахло. У стѣны—два грязныхъ табурета, вода, хлѣбъ—и даже никакой подстилки на полу, собачьей подстилки, чтобы лечь... Неужели не принесть и къ ночи?..

Ключъ щелкнулъ. Наши сторожа и Штольца удалились. Хлопнула еще дверь, и все смолкло. Кривцовъ постоялъ. Тихо. Слышно, какъ сердце бьется. Въ виски кровь стучитъ, слезы подступаютъ. Онъ подошелъ къ табурету—сѣлъ. Не сидится. Всталъ—опять прошлепалъ. Какой тяжелый, неприятный воздухъ. Сыро здѣсь зимой должно быть. Кривцовъ въ первый разъ попалъ въ карцеръ.

За что онъ попалъ сюда, этого онъ никакъ не могъ понять. Положимъ, что дерзкіе, шаловливые мальчики страшно раздражали гувернера и учителей. Положимъ, что нельзя было не наказывать—но почему же Кривцовъ одинъ несетъ за всѣхъ отвѣтственность? Правду говоря, большинство дѣтей получили самое несчастное домашнее воспитаніе: отъ излишней-ли распушенности и игры въ бабки на дворѣ съ уличными ребятишками, отъ чисто-ли семейныхъ условий и отсутствія порядочныхъ прѣмѣровъ передъ глазами,—но только мелкіе гаденькіе пороки глубоко гнѣздились въ этихъ молодыхъ натурахъ. Украсть перо, карандашъ, книгу—было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Надувъ кого нибудь, продавши грошевую вещь за рубль—это своего рода геройство. Избить новичка, изцѣпять его, облить чернилами, выпачкать мѣломъ—это обязательно. Устроить на кафедрѣ особый, иногда очень хитрый механизмъ, чтобы старикъ учитель свалился со стула, или провалился сквозь сидѣнье: это значить „задать бенефисъ“. Исполняя сторона досокъ, кафедра, стѣны—все это было исписано самыми цензурными надписями, а на географическихъ картахъ были прибавлены чернилами такіа названья городовъ, что страшно становилось за бѣдныхъ дѣтей... И замѣчательно, что все это практиковалось въ первыхъ двухъ—трехъ классахъ: даже число учениковъ начинало рѣдѣть—изъ шестидесяти человѣкъ оставалось двадцать, много тридцать,—а въ седьмомъ классѣ перѣдко пятнадцать-восемнадцать, весь ненужный, сорный балластъ выбрасывался, оставался отборный сокъ учениковъ, крѣпкія слова исчезали, и въ результатѣ получался очень порядочно учившійся классъ, иравшій, правда, въ шкель во время уроковъ, но все же кой чему научившійся—хотя бы правильно писать по русски.

Но чтобы достигнуть до четвертаго, пятаго класса, сколько мятарствъ надо пережить, особенно для пацѣонера, мальчика оторваннаго отъ семьи, шаловливаго, выросшаго на волѣ, съ радостью ринувагося въ заведеніе, и сразу оглушеннаго, при-

давленнаго съ первыхъ же шаговъ. Его лишаютъ свободы. Въ первый-же день поступленія въ гимназію Кривцовъ, печально брякнувъ въ карманѣ дешигами, нарушивъ тѣмъ тишину класса Алексѣя Васильевича, Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ выговоръ и дешиги отобралъ. Потомъ у него отобразили часы и возвратили съ условіемъ: не носить въ классѣ. Когда на него въ первый разъ налетѣлъ товарищъ, и съ размаху далъ ему такого пинка въ спину, что онъ пресобольно ударился лбомъ о печку, его разбранилъ гувернеръ, зачѣмъ онъ ходитъ съ желвакомъ на лбу. Въ другой разъ онъ погнался за ударившимъ его изъ-подъ тѣшки мальчикомъ и, поймавъ его въ коридорѣ, сталъ тужить,—на грѣхъ подвернулся Штольцъ, и ему сразу сбавили изъ поведенія. Онъ никакъ не могъ привыкнуть, что надо всегда быть насторожѣ. Не то налетитъ кто нибудь, дастъ „подножку“, уронить, схватитъ за ногу, протачить всего по паркету. И ходить онъ потомъ весь желтый, въ мастиль. Инспекторъ ругаетъ за неряшливость. И не виноватъ—меня по полу валяли!..—Кто весь валяетъ? —„Я не могу выдать“.—Ну, такъ вотъ и останься на субботу безъ отпуска...

Голодный, послѣ вкусныхъ домашнихъ обѣдовъ, привыкшій никогда не ложиться безъ ужина, завтракать мясное,—онъ принужденъ былъ довольствоваться говядиной, походившей вкусомъ на пробку, какой-то бурдой вмѣсто супа, и чѣмъ-то небообразнымъ вмѣсто чая.—Раннее, бездѣльное встананье, драки въ умывальной, грубые дядьки, еще болѣе грубые гувернеры—начинали день. Затѣмъ являлись учителя: глухіе старики, у которыхъ въ классахъ звонили въ колокольчики, которыхъ прывызывали къ стульямъ и ругали вслухъ—или педанты, подобные Алексѣю Васильевичу, которые высчитывали 1/2 минуты, ставили точки въ поведеніи. Исключеніе составляли учитель математики, правда, грубоватый полякъ, но превосходно преподававшій, умѣвшій всегда заставить заниматься... Въ рекреацию начинались пообща, старіе мучили младшихъ. За завтракомъ его сажали за черныи столъ, за обѣдомъ отнимали изъ трехъ блюдовъ одно. Потомъ онъ, голодный, подъ тычки, щипки и волчки, садился за готовленіе уроковъ, окруженный атмосферой, пропитанной запахомъ ламповаго масла, пота, всякой мерзости и грязи. Вокругъ ругались, дрались, билась, готовы были загрызть другъ друга за лишній кусокъ мяса... Кривцовъ нечувствительно вытягивался въ эту жизнь, начиналъ выть съ волками по волчки, также просить приходящихъ принести „поѣсть“, и также съ яростью накидывался на обрывокъ несчастной пшошки, вынутой изъ сумки товарища.—Даромъ никогда никто никому ничего,— это былъ школьный девизъ.—„Подскажи“.—А дашь поѣсть?...—„Дай задачу списать“.—А поѣсть принесешь? —„Хочешь, рисунокъ подарю: лошадь съ индѣйцемъ“?—„Хочу!“—„А что дашь“?—Поѣсть принесу.—„Сайку съ колбасой или шкору“?—Ладно.—„Ну, бери картину, а падуешь, — возду“!

Въ старшихъ классахъ этой „борьбы за существованіе“ не было, — оттого-ли, что юноши были больше и умнѣе; оттого-ли, что они были поставлены въ лучшія условія, пользовались больше свободой, — вѣроятно отъ того и другаго вмѣстѣ. Каждый вечеръ они могли уходить куда угодно, и даже находись въ стѣнахъ училища могли пріятно проводить время, играя съ гувернерами въ шахматы, или отираваясь въ садъ на свиданіе съ дочкой эконома, Амаліей Оедоровной, перерѣлой дѣвой, одинаково благоволившей ко всѣмъ воспитанникамъ старшаго возраста, и щедро вознаграждавшей ихъ за ту проголодь, которую они постоянно чувствовали, благодаря хозяйничанью ея отца. Да и требовалось то въ старшихъ классахъ меньше, и учили-то лучше, — преподаватели были отборнѣе, не рѣшались говорить двадцатилѣтнимъ юношамъ того, что говорили тринадцатилѣтнимъ... Многие были съ учениками въ дружественныхъ отношеніяхъ, и съ удовольствіемъ слушали анекдотки, въ свою очередь и отъ себя подбавляя такой инкантиности, которая отнюдь не мѣшала процвѣтать наукѣ въ дружескомъ кружкѣ молодежи...

Отчего дома Кривцовъ съ такимъ наслажденіемъ занимался иными предметами, географіей, наиримѣръ; отчего здѣсь она ничего не внушаетъ ему, кромѣ отвращенія? Отчего онъ сталъ забывать французскій и нѣмецкій языки, отчего?..

Отчего дома онъ вставалъ не въ седьмомъ часу, а въ десятомъ, всегда хорошо выпавшійся, безъ головной боли, отчего онъ такъ скоро выучивалъ уроки? Ему никто не мѣшалъ? Пѣть, — да онъ обыкновенно тамъ и садился за работу, гдѣ было больше народа, больше говора, смѣха; подъ этотъ-то смѣхъ и говоръ и учился. Онъ сытъ былъ всегда, здоровъ — а вѣдь известно—in corpore sano—mens sana *); а здѣсь директоръ другую поговорку приводитъ: сытое брюхо къ ученью глухо... Всѣ знанія, полученныя дома отъ учителей, укладывались такъ прочно въ голову, а тутъ — и прѣжнее забылось, и новаго ничего не прибавилось...

Ему всѣ начальствующіе здѣсь говорятъ, что онъ несмысленъ... Отчего-же дома ему говорили, что онъ малушъ—и только?.. Его никто не звалъ потеряннимъ мальчикомъ, напротивъ, находили развитымъ не по лѣтамъ, умнымъ, бойкимъ... Здѣсь онъ вдругъ оказывается тупымъ. Ему въ пріямѣ ставитъ Ковылина, — его зовутъ подошвой, собираются вышвырнуть за

* Здорово тѣло — в духъ бодръ.

оно... Неужели-жь онъ ни на что не годенъ, такъ-таки рѣшительно ни на что?.. На его способности никто не хочетъ обращать вниманія, его бьютъ товарищи, запираютъ въ карцеръ,— за что?..

А годъ назадъ въ это время? Онъ выходитъ на крыльцо у себя, въ деревнѣ. Весенній, душистый воздухъ льется легкими волнами вокругъ. На немъ не этотъ потасканный, витертыи по лвамъ мундирчикъ, — а легкая сѣренькая курточка. Коноухъ Василий держитъ подъ уздцы двухъ бойкихъ лошадокъ: „Дружка“ и „Мышку“. Онъ садится на „Дружка“. „Дружокъ“ сердито встряхиваетъ косматою головою, хватаясь его зубами за стремя, за что удостоивается удара носкомъ въ морду, и недобольно начинаетъ скрести копытомъ по травѣ; онъ ждетъ не дожидается пока сядетъ барышня на свою поджарую сухенькую казацкую „Мышку“... Разъ, два! Подняли съ мѣста галономъ. Простучала плетина, и вотъ они въ полѣ. „Держи ихъ!“ Слышится веселый голосъ свади: это дядя на своемъ рыжеметъ догоняетъ ихъ... Не допнать! Варя хохочетъ, разгорѣлась, вѣтеръ бьетъ ей въ лицо... Путька палѣво въ березовую рощу! Марш-марш!.. Лужа... Неужто обѣзжать? Тррахъ! „Дружокъ“ окатилъ грязью всю амазонку Варю... Шляпка ея съѣзжается... Богъ съ ней... больше, больше,—свалилась,—ничего, здѣсь сухо: дядя подниметъ. Варя подстегиваетъ моего „Дружка“, — я хлысть дома позабьлъ... Плетень,—пу черезъ него! Баць... подируга лопается и Варя летитъ на землю... Дядя въ перепугѣ, а она-то заливается—хохочетъ!

Эти теплыя, пронизанныя солнцемъ опушки владимѣрскихъ лѣсовъ, грибныхъ рощицъ, малинниковъ, просѣкъ. Шуршитъ надъ головою зеленая сѣтка золотистой листвы, какъ по паркету скользятъ опилопированный мохомъ саногъ по лѣснымъ тропинкамъ. Шумъ, тамъ!.. Медвѣди боятся, — говорить медвѣдь объявила гдѣ-то недалеко... Да какой медвѣдь не убѣжитъ отъ этого гама...

А зимою, здѣсь, въ городѣ? Имянные обѣды: длинный столъ уставленный хрусталемъ, лампами, цвѣтами... Гости, музыка... Вечеромъ — блестящая зала въ театрѣ, громадная матовая люстра, яркій занавѣсъ, блескъ костюмовъ...

А здѣсь... грязныя грязныя стѣны, игра въ городки, въ че-

харду... На дняхъ проломилъ голову инспекторскому сыну, а Попандоуло вывихнулъ себѣ позвоноки... Грязь, гадость, куда бѣжать, куда?.. Голубое небо, лѣсъ, „Дружокъ“.

Онъ поднялъ мокрое отъ слезъ лицо и оглядѣлся... Темнѣетъ. Ужели вечеръ? Онъ началъ жевать черствый хлѣбъ... Ысть не хочется... Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, чувствовалъ, что если онъ захочетъ, онъ уйдетъ отсюда — какимъ-бы то ни было путемъ уйдетъ... Вонъ труба какая-то — водопроводная что-ли — ведетъ наверхъ... Возлѣ нея саженьяхъ въ двухъ высоты — какое-то черное отверстие, куда оно ведетъ?

Онъ на минуту задумался. О чемъ онъ думалъ?.. Онъ обхватилъ трубу обѣими руками, обнявъ ногами, протянулся на рукахъ... Эге, не даромъ я занимался гимнастикой... Двухъ сажень какъ не бывало,—оно.—Ва! да это чердакъ.

Одинъ прыжокъ и онъ на чердакѣ. Кошка съ исцугомъ шарахнулась изъ-подъ его ногъ. Пахнеть кирпичами, известью, пылью. Красные кирпичи сводомъ нависли со всѣхъ сторонъ, чрезъ слуховое окно видѣнъ ключекъ яснаго вечерняго неба, трубы сосѣдняго дома... Хорошо теперь въ деревнѣ!

— Надо выучить colloquium... Какая скука!.. Вотъ рамы столѣ—у кого-то ужъ выставили окна. Сундукъ чей-то. Что внутри? Пустой. Бѣлье мокрое сушится,—юбки... жены Штольца—это у нея такіа прошивки—оборванные старья, вотъ ей еще... благо полжикъ есть... Она, говорятъ, вѣдьма, до того скупа, что сама помы мостъ... Такъ вотъ ей...

Кошка трусливо пробѣжала мимо съ мышью въ зубахъ. Гдѣ-то стукъ, открываютъ двери. Гдѣ окно? Гдѣ-то въ темномъ закоулкѣ, — то окно, что въ карцеръ ведетъ. Это вошелъ дядька Папиратій и прачка съ корзинками. Они будутъ сейчасъ развѣшивать бѣлье... Куда дѣваться?

Вылѣзть развѣ на крышу... Кажется можно?..

Чаша терпѣнія была исчерпана. Побѣтъ изъ карцера — да еще на крышу—это ужъ совсѣмъ недѣтское преступленіе. Совѣтъ единогласно постановилъ: неслучить...

По директоръ, былъ добѣйшій старикъ,—и дѣло окончилось тѣмъ, что Кривцовъ оставилъ заведеніе согласно прошенію отца по домашнимъ обстоятельствамъ.

Къ рисункамъ.

Фанданго.

(Рис. на стр. 412 и 413).

Ни въ одной странѣ міра такъ не любятъ танцы какъ въ испанскомъ югѣ, на Иберійскомъ полуостровѣ. Страсть испанцевъ къ танцамъ была извѣстна еще въ древности и еще во времена римлянъ славились гадитанскія (кадикскія) танцовщицы и кордульскіе (кордовскіе) музыканты. И уже Баски, эти древнѣйшіе обитатели Иберіи, извѣстны были въ глубокой древности какъ страстные и искусные танцовщики. Знаменитѣйшій изъ испанскихъ танцевъ и наиболее любимый въ народѣ конечно „Фанданго“. Испанка въ немъ поражаетъ прелестью и граціею движеній, и пламенною живостью, его отличающею. Одинъ испанскій поэтъ говоритъ о дѣвушкѣ танцующей „Фанданго“: „о, она стоитъ того чтобы ее поставили въ храмѣ Венеры въ Патосѣ. Каждое ея чудное движеніе, какъ молнія, поражаетъ сердце: всѣ и старые и молодые, всѣ какъ-бы пробуждаются, оживляются, какъ только выступаютъ танцующіе: одни прищелкиваютъ пальцами, другіе трещатъ кастаньетами. И эта яркая, смѣлая, чудная музыка поддерживаетъ танцующихъ, они живо и граціозно идутъ въ тактъ ея“...

Есть еще много другихъ танцевъ въ Испаніи. Въ то время какъ другіе народы довольствуются какимъ нибудь однимъ своимъ танцемъ національнымъ, заимствуя еще два-три у другихъ—испанцы обладаютъ цѣлымъ разнообразнымъ лексикономъ названій однихъ своихъ національныхъ танцевъ. Сюда относятся также танцы, оставшіеся отъ древнихъ временъ. Нѣкоторые опять перешли въ балетъ на сцену, какъ болеро—или изъ нихъ выкроили разные салонные современные танцы. Къ стариннымъ танцамъ принадлежатъ: полло, жиро, бицаро и много другихъ, въ Андалузіи любятъ и донныи преимущественно цанатепо, пайзана, гальарда и друг. Во время празднествъ народныхъ порядокъ танцевъ распределяется заранѣе, и всѣ они въ такой степени отличаются отъ нашихъ что видишь несомнѣнно ихъ національное происхожденіе. Такія программы обыкновенно только заключаютъ въ себѣ названія танцевъ на примѣръ: 1) сегедильосъ, 2) болеро, 3) юта, 4) бито, 5) контрабандиста и т. д. и этотъ порядокъ непремѣнно исполняется строго и болѣе любимыхъ номеровъ всѣ окружающіе танцующихъ ждуть съ нетерпѣніемъ.

Геркулесъ поражающій Гидру.

(Рис. на стр. 417).

Николай Пуссенъ считается по праву однимъ изъ великихъ французскихъ мастеровъ XVIII вѣка. картины котораго, разбросанныя по всѣмъ главнымъ музеямъ Европы, до сихъ поръ при-

влекаютъ знатоковъ силою и строгою трезвостью художественной фантазіи. Какъ историческій живописецъ Пуссенъ всегда отличался большимъ изученіемъ данной эпохи и его громадная эрудиція проявляется даже въ самомъ незначительномъ изъ его произведеній, не смотря на то что онъ былъ художникъ чрезвычайно плодовитый, написавшій болѣе чѣмъ 350 картинъ въ продолженіи своей довольно долгой жизни (1594—1665). Особенно много своихъ работъ оставилъ онъ въ Римѣ—сдѣлавшемся его второй родиной послѣ того какъ онъ окончательно распространился съ Франціей. Въ Парижѣ онъ жилъ недолго, такъ какъ не могъ выносить зависти и интригъ своихъ собратій по искусству, старавшихся всѣми силами повредить Пуссену въ глазахъ Людовика XIII и Герцога Ришелье, высоко цѣнившихъ его талантъ и нарочно вызвавшихъ его въ Парижъ для живописныхъ работъ въ Луврѣ. Одна изъ такихъ композицій „Геркулесъ, поражающій Гидру“, предназначенная художникомъ для плафона въ Луврѣ и представлена на нашемъ рисункѣ въ прекрасной гравюрѣ Жела.

Въ этой композиціи какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ Пуссенъ обнаруживаетъ то же строгое и добросовѣстное изученіе антиковъ и вся фигура Геркулеса—этого знаменитаго героя греческой мифологии, дышетъ необычайной энергіей и отвагой, вызванными отчаянною борьбою съ гигантскимъ и ужаснымъ чудовищемъ. По мифическому сказанію Лернейская гидра была порожденіемъ двухъ злыхъ существъ Тифона и Эхидны и представляла собою громаднаго дракона съ девятью головами. Это чудовище являлось бичемъ всей страны, истребляла стада и жатву и заражала самый воздухъ своимъ ядовитымъ, смертоноснымъ дыханіемъ. Геркулесъ, вызвавъ гидру изъ ея уединеннаго убѣжища, смѣло вступилъ съ ней въ борьбу, но побороть ее окончательно оказалось трудомъ нелегкимъ, такъ какъ вмѣсто каждой отсѣваемой головы тотчасъ же выростала другая. Только напрягши всѣ свои силы Геркулесу удалось сбить своею дубиною всѣ головы чудовища и такимъ образомъ одержать надъ нимъ рѣшительную побѣду. Этотъ то ожесточенный, рѣшительный періодъ борьбы и представленъ на рисункѣ Пуссена.

Электрическая ж. д. близъ Берлина.

(Рис. на стр. 420).

Первая электрическая желѣзная дорога была открыта во время Берлинской выставки въ 1879 году и объ ней подробно говорилось въ „Нивѣ“ того года № 36, гдѣ былъ помещенъ и ея рисунокъ. Новое открытіе получило осуществленіе тогда въ Линтерфельдской желѣзной дорогѣ. Эта дорога послѣ первыхъ же опытовъ была устроена фирмою Сименса и Гальске. Эта же

фирма построила недалеко от Берлина еще одну такую же дорогу с некоторыми усовершенствованиями, рисунок которой, здесь помещенный, по наброску сдѣлалъ Н. Н. Карзинъ. Общество желѣзно-конной дороги между Берлиномъ и Шарлоттенбургомъ до Шпандаускаго подъема рѣшило на свои 2½ версты принять электрическую силу двигателемъ. Нужно сказать что изъ всѣхъ желѣзно-конныхъ дорогъ Берлина эта имѣетъ наиболее крутой подъемъ (1: 30) и по ней могли ходить только небольшіе вагоны безъ имперіальныхъ мѣсть и кромѣ того всегда при вѣздѣ на гору придргались лошади. Фирма Сименса и Гальске взялась устроить движеніе посредствомъ электрической силы. Приспособленія по устройству такой дороги оказались почти такія же какъ и для устройства Лихтерфельдской электрической желѣзной дороги. Здѣсь какъ и тамъ, есть машина, которой дѣйствіе вызывается электрическимъ токомъ, и передается колесамъ вагона и которая помещена въ полу вагона между колесами и спрятана такъ что ее не видно. Но передача тока изъ динамо-электрической машины производится не такъ какъ на Лихтерфельдской дорогѣ, не посредствомъ рельсовъ. Токъ передаваемый рельсами слишкомъ подверженъ вѣтвнымъ вліяніямъ напр. дождя и снѣга. На этой Шарлоттенбургъ-Шпандауской дорогѣ сдѣлали иное остроумное приспособленіе, изображенное наглядно на нашемъ рисункѣ. Вблизи дороги поставленъ рядъ столбовъ, въ родѣ телеграфныхъ и на нихъ на особыхъ желѣзныхъ упорахъ натянуты двѣ параллельныя проволоки на высотѣ 4—5 метровъ отъ земли и изолированы. По этимъ проволокамъ, какъ по рельсамъ, катится передаточный снарядъ, которому дана форма маленькаго вагончика на колесцахъ. Этотъ снарядъ и получаетъ электрической токъ и передаетъ его посредствомъ проволоки, проведенной отъ него къ пассажирскому вагону. Электрической токъ идетъ, такимъ образомъ, съ ближайшей станціи отправления (въ Липовой аллеѣ, Вестендѣ) изъ электрической машины по проволокамъ передается колесцамъ маленькаго вагончика, а отъ него уже по соединительной проволокѣ, машинѣ, помещенной въ полу пассажирскаго вагона а изъ этой послѣдней уже колесамъ вагона пассажирскаго. При движеніи пассажирскаго вагона маленькій вагончикъ постоянно идетъ за нимъ, передавая токъ. Пассажирскій вагонъ на видъ не имѣетъ ничего особеннаго, такъ какъ машина, помещенная въ полу его, невидима для глазъ. Онъ трогается въ путь и останавливается посредствомъ рукоятки, которою управляетъ кондукторъ. Удивительно видѣть какъ такой, наполненный публикой, вагонъ несетъ безъ всякихъ видимыхъ машинъ, дыму и шуму, какъ бы самъ собою. Очень интересный опытъ былъ произведенъ Сименсомъ—именно движеніе одновременно двухъ вагоновъ вмѣстѣ. Два вагона двигались совершенно также мѣрно и быстро какъ и одинъ вагонъ и разница въ движеніи была незамѣтна даже и тогда когда одинъ изъ вагоновъ былъ отцѣпленъ. Эти опыты вполне доказываютъ цѣлесообразность и полную возможность движенія посредствомъ электрической силы пассажирскихъ вагоновъ и на большія разстоянія, что конечно также не замедлитъ.

Городъ Вольскъ и его основатель, Злобинъ.

(Рис. на стр. 421 и 424).

Судьба города Вольска, живописно раскинутого на правомъ берегу Волги, въ 135 верстахъ отъ Саратова, тѣсно связана съ судьбою одного изъ именитыхъ гражданъ—Василія Алексѣевича Злобина. До 1780 года на этомъ мѣстѣ находилось лишь небольшое село Малыковка, когда-то бывшее во владѣніи князя Але-

ксандра Даниловича Меньшикова а послѣ его ссылки поступившее въ казенную собственность. Въ этомъ-то селѣ около 1760 года у бѣднаго волостнаго писаря Алексѣя Половина, прозваннаго народомъ за свой буйный, задронный характеръ Злобинымъ, родился сынъ Василій—будущій знаменитый коммерсантъ и благодѣтель Вольска. Смѣтливый, способный мальчикъ самъ кое-какъ выучился грамотѣ и сталъ выполнять обязанности подпаса у мѣстнаго пастуха а послѣ смерти отца занялъ мѣсто волостнаго писаря. Здѣсь вскорѣ, благодаря уму, ему удалось не только приобрести большое вліяніе среди своихъ земляковъ, но даже сдѣлаться извѣстнымъ одному изъ любимцевъ императрицы генераль-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, владѣвшему обширными помѣстьями неподалеку отъ Малыковки.

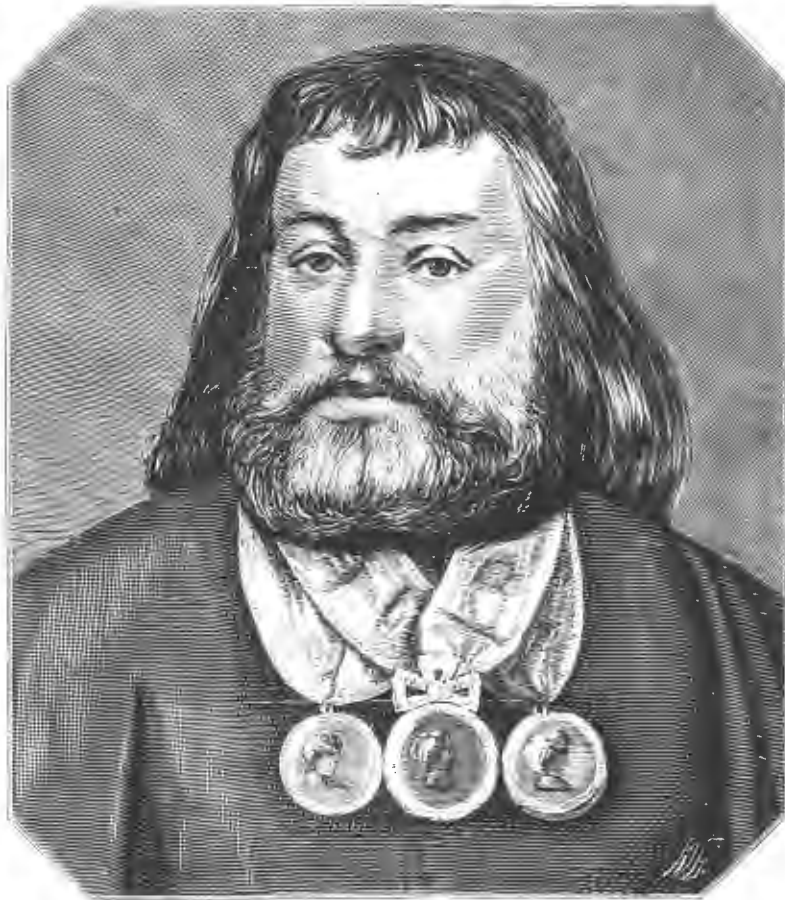
Убдившись въ способностяхъ Злобина, князь началъ сперва давать ему различныя порученія по своимъ имѣніямъ и потомъ даже не задумался поручить ему громадное откупное дѣло предоставивъ ему и свои капиталы и свою протекцію. Такимъ образомъ выдвинутый княземъ Вяземскимъ, Злобинъ взялъ вынужденный откупа въ нѣсколькихъ губерніяхъ и повелѣ дѣло такъ ловко и умѣло, что въ короткое время составилъ себѣ громад-

ное состояніе а казвѣ далъ около ста милліоновъ дохода. Начавъ такъ удачно, Злобинъ смѣло уже брался за самыя крупныя торговыя предпріятія; онъ занимался не только питетейными откупами но держалъ еще на откупѣ соль и игралъшия карты. Состояніе его было милліонное; лично извѣстный Екатерины, Павлу и Александру Первому и щедро награжденный ими по заслугамъ, Злобинъ жилъ роскошно и открыто; враждалъ въ обществѣ вельможъ, но не забывалъ и бѣднаго народа, являясь его постояннымъ благодѣтелемъ. Особенно была близка его сердцу его родина—Малыковка, переименованная въ 1780 г. въ гор. Вольскъ. Избранный здѣсь городскимъ головою Злобинъ употреблялъ всѣ усилія чтобы поднять благосостояніе вновь созданнаго города и его усилія дѣйствительно были не напрасны. При немъ Вольскъ украсился многими хорошими каменными зданіями и церквями; въ немъ явились крупныя торговыя фирмы и жители быстро богатѣли, состоя участниками различныхъ обширныхъ коммерческихъ предпріятій. Злобина.

Дѣла Злобина подъ конецъ его жизни значительно разстроились, такъ что послѣ его смерти въ 1814 г. оказались даже за нимъ громадныя казенныя недоимки—на покрытіе которыхъ пошло не только все его состояніе но и состояніе многихъ богатыхъ коммерсантовъ Вольска. Портретъ этого основателя города—копія съ стариннаго, ему современнаго портрета и помещенъ здѣсь.

Теперь Вольскъ занимаетъ довольно скромное мѣсто среди городовъ поволжья, хотя въ немъ считается болѣе 30,000 жителей и между ними много богатыхъ купцовъ, торгующихъ преимущественно хлѣбомъ и пшеницей. Кромѣ того жители занимаются рыбною ловлею и садоводствомъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Особенно оживляется Вольскъ тѣмъ, когда сюда собирается до 20,000 рабочаго народа, стекающагося со всѣхъ сторонъ Россіи на Волгу для уборки хлѣба.

Главная и лучшая часть города, съ обширною площадью, соборомъ и каменнымъ гостинымъ дворомъ, примыкаетъ къ Волгѣ, откуда открывается прелестный видъ на эти холмы, покрытые строениями и утопающіе въ свѣжей зелени многочисленныхъ садовъ. Жаль только, что почти на всѣхъ улицахъ встрѣчаются слѣды запустѣнія и виднѣются хорошіе каменные дома пустые и заколоченные, какъ-бы свидѣтельствующіе, что въ жизни Вольска были когда то болѣе счастливые, и благодатные дни—дни богатства и роскоши.

В. А. Злобинъ, основатель г. Вольска. Съ фотогр. Пятицкаго, грав. Ю. Барановскій.

Фабрика шведскихъ спичекъ въ Йенкёпингѣ,

Нужны особенныя рекомендаціи чтобы получить разрѣшеніе осмотрѣть эту извѣстную въ мірѣ фабрику. Даютъ это разрѣ-

шеніе, не прежде какъ по завѣреніи, что посѣтитель не техникъ и не можетъ изслѣдовать устройство машинъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи директора — техника фабрики посѣтитель обходитъ все и получаетъ надлежащія поясненія.

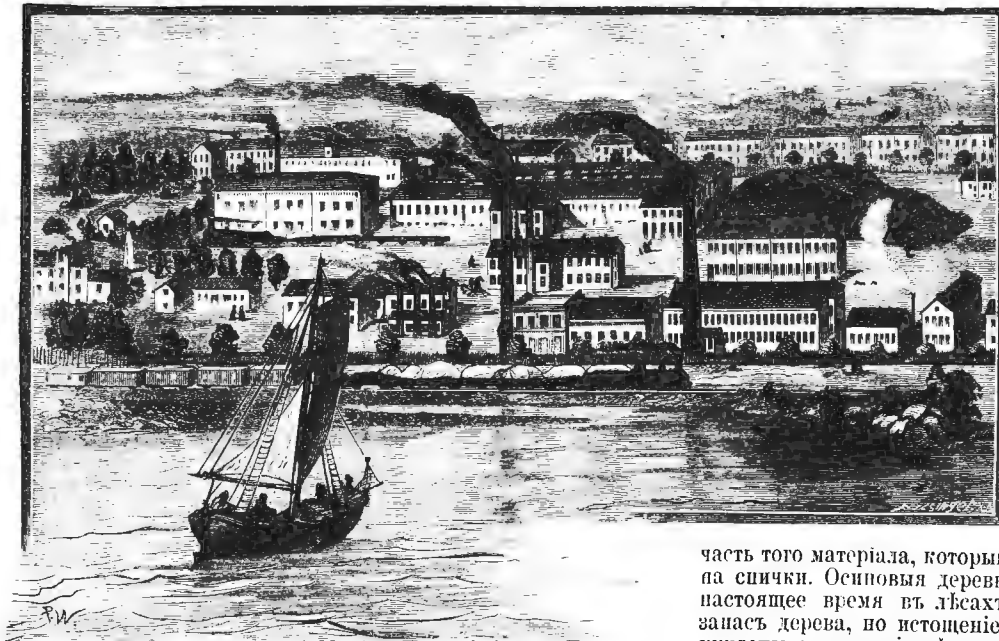
Фабрика, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, помѣщалась въ одномъ деревянномъ строеніи, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, а теперь занимаетъ со всеми машинными зданіями, пристройками, складами и пр., четверть города. Кромѣ многочисленныхъ инженеровъ, техниковъ, служащихъ и пр. получающихъ значительное вознагражденіе, здѣсь до 6,000 человекъ рабочихъ, а потому неудивительно, что незначительный городокъ Йенкёпингъ, сдѣлался теперь богатымъ торговымъ пунктомъ Швеціи.

Пройдя запертые постоянно ворота, попадаешь на первый дворъ, гдѣ сложены массы осинового дерева; съ удивленіемъ узнаешь, что это только десятая

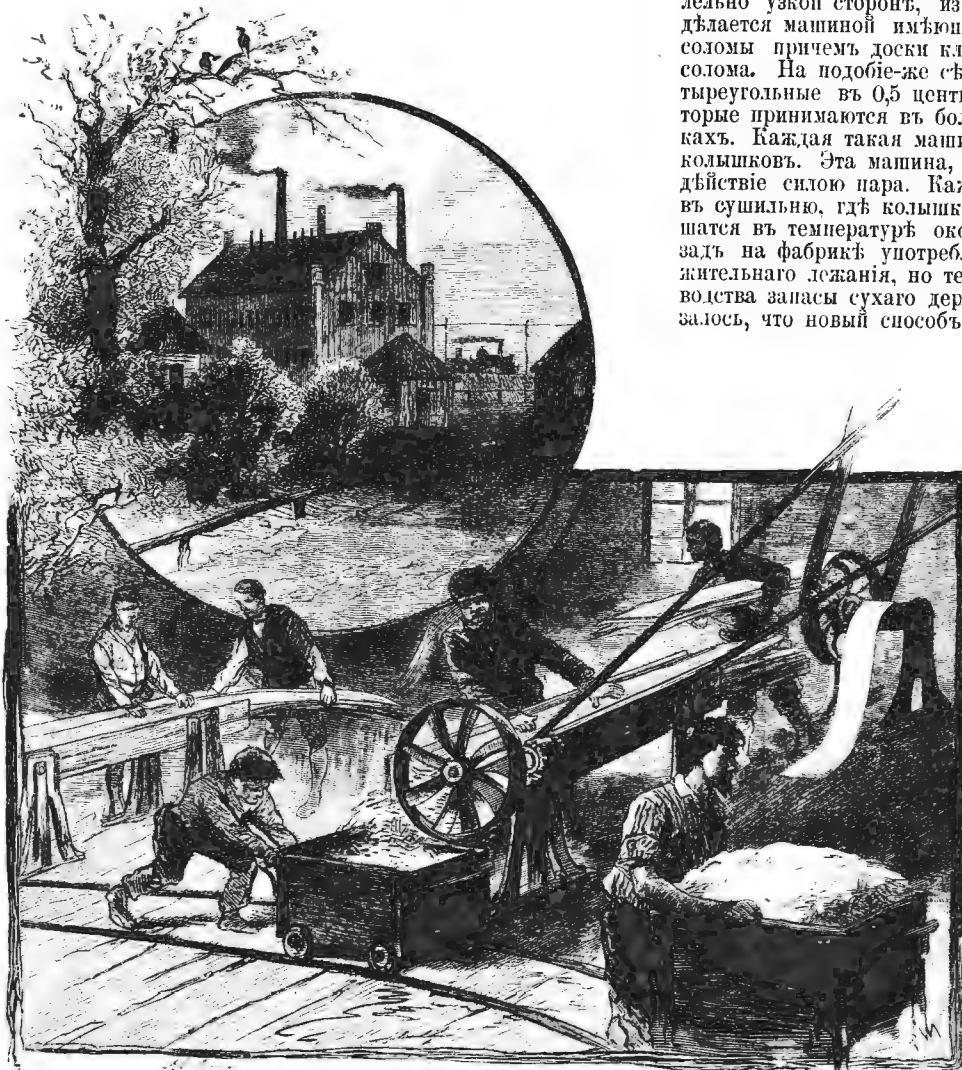
часть того матеріала, который потребляется въ продолженіи года на спички. Осиновыя деревья рубятся вблизи Йенкёпинга. Въ настоящее время въ лѣсахъ фабрики находится еще большой запасъ дерева, но истощеніе его уже предвидѣно а потому закуплены еще другія лѣса въ разныхъ мѣстностяхъ.

Въ первой мастерской деревья разрубаются на колоды вышиною въ $\frac{1}{2}$ дюйма и затѣмъ при помощи машины съ нихъ снимается кора и они разрубаются на доски въ 0,25 центиметровъ толщины. Изъ этихъ досокъ, волокна которыхъ идутъ параллельно узкой сторонѣ, изготовляется дерево для спичекъ; это дѣлается машиной имѣющей сходство съ машиной для сѣлки соломы причѣмъ доски кладутся такимъ-же образомъ какъ и солома. На подобіе-же сѣлки здѣсь попадаютъ маленькіе четырехугольные въ 0,5 центим. длины деревянные колышки, которые принимаются въ большой ящикъ поставленный на колесахъ. Каждая такая машина рѣжетъ въ минуту 15,000 штукъ колышковъ. Эта машина, какъ и всѣ прочія, приводится въ дѣйствіе силою пара. Каждый наполненный ящикъ отвозится въ сушильню, гдѣ колышки, въ продолженіи 4 — 6 часовъ сушатся въ температурѣ около 75° Ц. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на фабрикѣ употреблялось дерево высохшее отъ продолжительнаго лежанія, но теперь вслѣдствіе усилившагося производства запасы сухаго дерева уже истощены, и кромѣ того оказалось, что новый способъ просушки дерева даетъ болѣе дешевый и болѣе прочный матеріалъ.

Высушенные колышки должны быть немного отполированы, что производится въ такъ называемыхъ шлифовальныхъ барабанахъ. Эти барабаны въ 2 аршина въ поперечникѣ, вертятся на оси. Въ нихъ то всыпаются колышки и въ продолженіи двухъ-часоваго верченія они выглаживаются другъ о друга. Изъ барабановъ колышки высыпаются въ беспорядкѣ, и для дальнѣйшей обработки должны быть уложены параллельными рядами. Это дѣлается помощью приспособленія, изъ двухъ наложенныхъ одна на другую деревянныхъ рамъ, длиною около аршина, $\frac{3}{4}$ арш. ширины и $\frac{1}{2}$ дюйма вышины: верхняя рама задернута крѣпкой проволоочной рѣшеткой извѣстной величины, и проходящія черезъ отверстія ея колышки, непременно должны принять опредѣленное положеніе въ отдѣленіяхъ нижней рамы. Но теперь, хотя колышки и сложены въ порядкѣ, для дальнѣйшей обработки ихъ нужно утвердить еще на листахъ въ самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Для этой цѣли есть деревянныя доски обшитыя жестью и въ каждой изъ нихъ находится по 1.000 вороноккооб-

Спичечная фабрика йённепингская въ настоящее время.

Видъ фабрики 12 лѣтъ назадъ. Производство спичечнаго дерева.

разных отверстій. На доски эти ставится рама съ прямостоящими колышками и встряхивается, колышки выпадают и защемяются тисками. Колышки выдаются надъ доскою на $\frac{3}{4}$ своей длины и такой листъ имѣетъ сходство со щеткой. Каждые 50 листовъ укладываются въ шкафообразныя тѣлѣжки на колесахъ и отвозятся въ слѣдующія мастерскія.

Затѣмъ слѣдуетъ *парафинированіе* колышковъ. Парафинъ находится въ плоскомъ жестяномъ ящикѣ и держится постоянно въ расплавленномъ состояніи. Возлѣ жестянаго ящика помѣщается нагрѣтая желѣзная пластинка, на которую рабочій нажимаетъ листъ съ колышками, вынутый изъ тѣлѣжки. Поры колышковъ расширяются и дѣлаются способными къ принятію парафина. Послѣ чего колышки погружаются въ расплавленный парафинъ и затѣмъ въ тѣхъ-же тѣлѣжкахъ отвозятся далѣе для наложенія уже на нихъ зажигательнаго материала. Этотъ послѣдній состоитъ изъ тягучей, тѣстообразной смѣси краснаго хромокислаго кали, порошка изъ стекла, хлористокислаго кали, сѣры и раствора резины. Пропорціи этого состава держатся фабрикою въ тайнѣ. Смѣшиваніе этихъ составныхъ частей производится въ аппаратѣ, устройствомъ своимъ напоминающемъ аппаратъ шоколадныхъ фабрикъ для растиранія массы. Готовая зажигательная масса накладывается на вальцы, похожіе снаружи на типографскіе и затѣмъ вальцы эти вкладываются въ машину, составными частями напоминающую печатную машину. Листъ съ колышками подкладывается подъ вальцы и такимъ образомъ колышки получаютъ головки изъ зажигательной массы. Изъ машины выходитъ листъ уже съ готовыми спичками и снова укладывается рабочими въ тѣлѣжки.

Готовыя спички въ продолженіи получаса просушиваются въ сушильняхъ и затѣмъ уже ихъ стряхаютъ съ листовъ и задрѣвываютъ въ коробки. Спички переводятся въ рамы и устанавливаются въ вертикально.

При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что упавшія спички не поднимаются съ полу даже тогда, когда онѣ представляютъ извѣстную цѣнность. Посѣтителю объяснить что производительность фабричныхъ машинъ такъ значительно, что время употребленное на собираніе упавшаго гораздо дороже для фабрики, чѣмъ самая потеря товара. По этому уже можно заключить о размѣрахъ производства.

Коробочки для укладыванія спичекъ изготавляются машиной чрезвычайно своеобразнаго и остроумнаго устройства. Въ машину эту, кромѣ клея, бумаги и проч., вкладываются тонкія деревянные полоски въ 1,30 сантиметра ширины и около 4 центим. длины, которыя передъ глазами зрителя рѣжутся, фальцуются, гнутся и черезъ нѣсколько секундъ выходятъ готовыми извѣстными намъ коробочками съ ящичкомъ и бумажнымъ чехломъ. Кромѣ того въ этой же машинѣ коробочки обклеиваются синей бумагой, снабжаются желтымъ этикетомъ и въ порядкѣ выдвигаются на подставку.

Машины эти, замѣчательныя по устройству, будутъ вскорѣ замѣнены еще болѣе усовершенствованными. Всѣ машины замѣнены новыми и лучшими, не смотря на то что представляютъ цѣнность въ сотни тысячъ, складываются въ кладовыя, гдѣ и сохраняютъ тайну ихъ устройства. Бывши въ употребленіи хотя и нѣсколько лѣтъ, онѣ уже вознаградили затраченныя на нихъ деньги.

И такъ передъ нами находятся и готовыя спички и готовыя коробки, остается ихъ только наполнить. Еще недавно это производилось ручной работой, но теперь уже машиной. Въ нуж-

номъ количествѣ въ особыя гнѣзда вкладываются и спички и коробки; затѣмъ машина уже сама открываетъ одну коробку за другою и наполняетъ ихъ спичками. Наполненныя коробки сильно встряхиваются и спички укладываются плотно. Наконецъ обѣ боковыя стороны коробокъ намазываются аморфнымъ фосфоромъ и уже закрытыя коробочки правильными рядами сдвигаются въ тѣлѣжку на колесахъ. Далѣе для задрѣвыванія коробокъ по 10 штукъ въ пачки и затѣмъ пачекъ этихъ въ деревянные и жестяные ящики для отправокъ по назначенію, для всего этого также есть машины.

Чтобы составить себѣ общее понятіе о размѣрахъ производства фабрики не лишне будетъ привести еще нѣсколько статистическихъ данныхъ. Фабрика теперь принадлежитъ товариществу изъ пяти лицъ, изъ которыхъ каждый ежегодно получаетъ среднимъ числомъ около 240,000 шведскихъ кронъ чистой прибыли. Это не покажется преувеличеннымъ, если мы узнаемъ, что ежегодно изготавляется 15 миллиардовъ спичекъ, каждыя 500 штукъ которыхъ по фабричнымъ цѣнамъ стоятъ въ продажѣ 10 эръ (5 $\frac{1}{2}$ копейки). Въ настоящее время на фабрикѣ исполняется заказъ въ 50 милліоновъ штукъ для Китая и Японіи и ведутся переговоры о поставкѣ спичекъ для Сѣверной Америки. Ежедневно пять нагруженныхъ поѣздовъ выходятъ съ фабрики по соединительной желѣзнодорожной вѣтви и направляются въ близъ-лежащіе порты.

На фабрикѣ изготавляются всѣ нужныя машины, аппараты, инструменты и пр., она непосредственно сообщается со всѣми

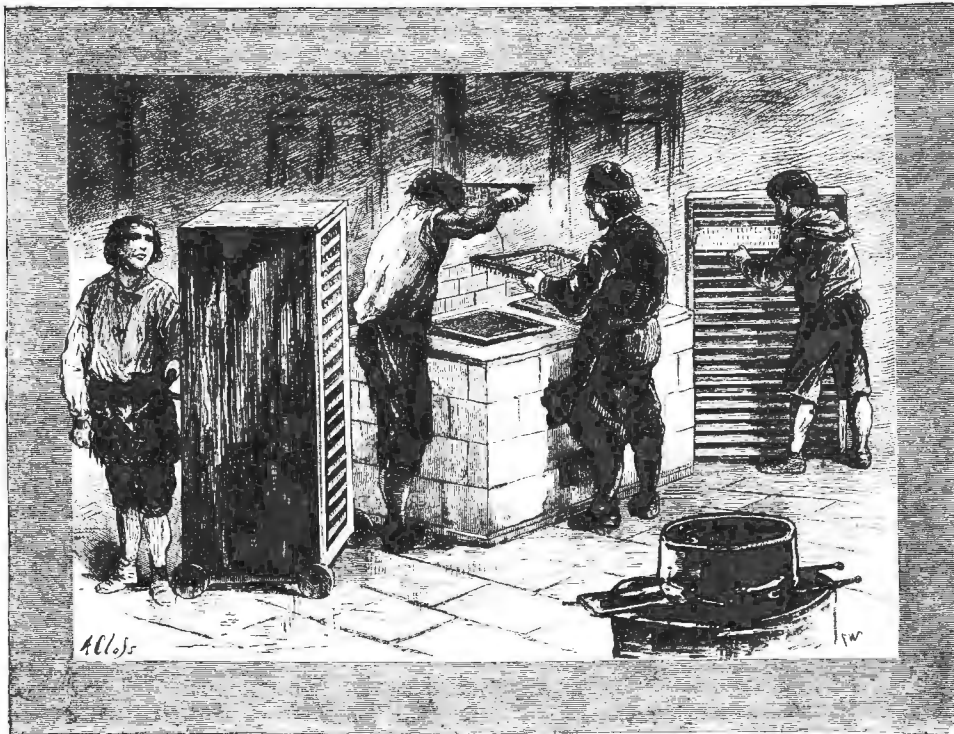
болшими машинами и горнозаводскими фабриками. Собственная литографія фабрики, кромѣ печатанія счетныхъ книгъ, счетовъ, объявленій, бланковъ и проч. изготавляетъ еще желтые этикетки, на что расходуетъ ежегодно 36.000 кронъ.

Совершенство, съ какимъ устройствомъ и ведется все дѣло, обязано постоянному стремленію къ улучшенію. Какъ сказано выше, всепрежнее постоянно замѣняется болѣе усовершенствованнымъ, выдержавшимъ установленное испытаніе. Идя постоянно по этому пути, фабрика пользуется услугами одного очень талантливаго инженера, которому назначено 15,000 кронъ содержанія; задача его состоитъ въ томъ,

чтобы всѣ свои новыя изобрѣтенія и усовершенствованія сообщать фабрикѣ, не выдавая тайны ихъ другимъ; понятно, что за каждую его работу фабрика щедро платитъ еще и отдѣльно.

Заботливость фабрики о бытѣ ея рабочихъ достойна подражанія. На фабрикѣ есть больница съ аптекой и медицинскимъ персоналомъ, богадѣльня. Увѣчные и осиротѣлыя рабочіе и дѣти получаютъ средства къ дальнѣйшему существованію. Въ отдѣльной столовой за баснословно низкую плату рабочіе получаютъ столъ. Въ чайной, за 3 эра (около 2 коп.) даютъ стаканъ чаю съ сахаромъ, — напитокъ очень здѣсь любимый — и низкая цѣна зависитъ отъ того, что чай выписывается прямо изъ Китая.

При той удивительной скорости съ какою производится превосходнаго качества товаръ, что ни одна подобная фабрика въ мірѣ не можетъ конкурировать съ этой, и хотя во многихъ странахъ и существуютъ фабрики шведскихъ спичекъ — но онѣ едва покрываютъ свои расходы. Успѣхъ фабрики Ленкенинга, побудилъ одно акціонерное общество основать тамъ-же другую спичечную фабрику, при чемъ рѣшено было принять этикетки, напоминающія видомъ этикетки старой фабрики. Но такъ какъ это сдѣлано было безъ надежнаго разрѣшенія, то фабрика предъявила искъ къ новому обществу и выиграла дѣло.

Парафинированіе спичекъ.

Утро послѣ дождя.

Вставай, вставай! Веселый день
Занялся надъ землею,
Угрюмой тьмы ночная тѣнь
Побѣждена зарею.

* * *
Вчера стада свиновыхъ тучъ
Суровыя блуждали,

Но ихъ спугнулъ веселый лучъ
И вдалѣ они бѣжали...

* * *
Вѣгуть,—ихъ солнце золотитъ
Багряной пеленою,
И плащъ ихъ траурный блеститъ
Рубиномъ съ бирюзкою...

п.

Политическое обозрѣніе.

Миролюбіе русской политики.—Германія.—Австрія.—Сербія.—Египетъ.

Недавно прошелъ слухъ о созваніи, будто бы, въ Петербургѣ русскихъ посланниковъ при дворахъ великихъ державъ для получения инструкцій отъ своего новаго начальника; опровергая этотъ слухъ „Journal de St.-Petersbourg“ заявилъ, что назначеніе г. Гирса министромъ иностранныхъ дѣлъ не произведетъ никакихъ перемѣнъ во внѣшней политикѣ императорскаго правительства. Вообще же назначеніе г. Гирса встрѣчено за границею весьма сочувственно, такъ какъ оно принято за признакъ желанія Россіи слѣдовать миролюбивой политикѣ.

Миролюбіемъ пахнуло; всѣ желаютъ, во что бы ни стало, мира. Въ тронной рѣчи при открытіи германскаго рейхстага, говорится, что въ области внѣшней политики отношенія германской имперіи ко всѣмъ прочимъ державамъ внушаютъ полную увѣренность въ прочности дружественнаго ихъ характера, на который указывалось еще въ предшествовавшей полброкской тронной рѣчи. Въ настоящее время Германское правительство занято разработкой важной мѣры—сокращеніемъ земскихъ налоговъ (Landes-und Communal-Steuern); но такъ какъ необходимо будетъ пополнить казну, то увеличится, въ соответственной степени другой источникъ—косвенные налоги, причемъ согласно мнѣнію большинства союзныхъ правительствъ, цѣль эта можетъ быть всего удобнѣе достигнута введеніемъ табачной монополіи. Въ Мюнхенѣ произошла весьма загадочная исторія; вотъ какъ о ней рассказываютъ: власти арестовали въ столицѣ Баваріи троихъ мужчинъ и женщину, такъ какъ успѣли собрать доказательства замышляемой ими государственной измѣны; главнымъ виновникомъ оказался проживавшій тамъ нѣкоторое время французскій офицеръ, баронъ Гралье, которому, какъ онъ утверждалъ, его правительство поручило развѣдать важныя военныя тайны; соучастниками его называютъ швейцарскаго подданнаго Бруннера и какого-то баварскаго офицера, фамилію котораго еще держатъ въ секретѣ; открылось все вслѣдствіе того, что Гралье предложилъ другому офицеру баварской службы 30,000 марокъ; согласившись для вида, офицеръ этотъ немедленно же далъ знать о томъ своему начальству. Официальнаго опроверженія со стороны французскаго правительства еще не сдѣлано, а изъ частныхъ извѣстій изъ Парижа видно, что во французской арміи нѣтъ офицера съ фамиліей Гралье, что онъ—бельгійскій подданный.

Едва ли Австро-Венгерія не слишкомъ рано отпраздновала

побѣду надъ герцеговинцами и далматинцами, главные центры возстанія хотя и осилены, но, взаимно, образовалось множество мелкихъ центровъ и теперь австрійскія войска выбиваются изъ силъ, гоняясь за незначительными отрядами усталей, слишкомъ хорошо знающихъ свою страну и умѣющихъ пользоваться этимъ въ неустанной борьбѣ съ арміей императора Франца; вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяется самый театръ возстанія; несмотря на то, что, очевидно, главнымъ толчкомъ (это не причина, такъ какъ причина находится, конечно, гораздо глубже) возстанія служила и служить свирѣпая система управленія въ возставшихъ областяхъ, не смотря на всю очевидность этого—нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ членовъ австро-венгерскаго правительства, и именно, между прочимъ, министръ финансовъ Слави и военный министръ генералъ Биландтъ настаиваютъ на необходимости поддержать эту систему гнета и гоненій. Биландтъ при этомъ требовалъ ассигнованія 27.733.000 гульденовъ для содержанія, въ тѣхъ областяхъ почти стотысячной арміи, сооруженія крѣпостей и проведенія стратегическихъ дорогъ. Такими средствами эти министры думаютъ удержать въ повиновеніи славянъ; можетъ быть и удержать, но—желательны ли эти средства въ видахъ самой Австріи; это—ли настоящая государственная мѣра? не намъ, русскимъ, конечно, отговѣтывать Австріи подобныя мѣры съ славянами, и понятно почему, но—близки намъ страданія нашихъ единоплеменниковъ... Графъ Андраши возсталъ противъ системы, желаемой Слави и Биландтомъ, противъ управленія Босніей и Герцеговиной, противъ распространенія всеобщей воинской повинности, требуя отложить примѣненія ея до болѣе благопріятнаго времени. Делегати примкнули къ мнѣнію графа Андраши и согласились на ассигнованіе, гораздо менѣе значительное, что сочтено парламентскимъ пораженіемъ правительства; Слави подалъ въ отставку, но императоръ еще не принялъ ея. Давленіе на Сербію, конечно, идетъ своимъ чередомъ; изъ Бѣлграда пишутъ, что все настойчивѣе и настойчивѣе повторяются слухи о сербо-австрійской военной конвенціи; кромѣ того, королевство Сербское вступаетъ въ таможенный союзъ съ Австріею...

Въ Египтѣ арестованные офицеры (по большей части черкесы) признались, что ихъ заговоръ имѣлъ цѣлью убійство Араби-Паши, низложеніе Тевфика-Паши и возведеніе Измаила-Паши на вице-королевскій тронъ.

Библиографія.

Стрѣлки Императорской Фамиліи. Истор. очеркъ Е. Богдановича. Спб. 1882. Извѣстно что во время крымской компаніи въ 1854 году развитіе военныхъ силъ потребовалось громадное и въ помощь регулярнымъ войскамъ прибѣгли къ ополченію. Дворянство повсемѣстно руководило образованіемъ дружинъ и само становилось въ ряды, когда въ октябрѣ и изъ удѣльныхъ крестьянъ Государь повелѣлъ выставить полкъ, назвавъ его Стрѣлковымъ Императорской фамиліи полкомъ. Съ тѣхъ поръ стрѣлки показали себя достойными своего происхожденія. Дѣйствія ихъ въ Польшѣ во время мятежа 1863 г. и въ послѣднюю войну извѣстны. Разсказъ Е. В. Богдановича очень живъ и интересенъ, изданіе роскошное.

Родъ Шереметевыхъ. Кн. II Александра Барсукова. Спб. 1882. Мы уже говорили о первомъ томѣ этого замѣчательнаго труда и отдавали справедливость талантливости и мастерству изложенія автора. Теперь вышелъ II томъ, обнимающій время отъ вступленія на престолъ Теодора Іоанновича, послѣдняго царя Рюриковой династіи, по 1619 годъ. Тревожное и грозное время лихолѣтъя и московской разрухи живо и ярко рисуется передъ читателемъ, что особенно замѣчательно въ виду тѣсныхъ границъ, въ которыхъ находится авторъ, держась согласно задачѣ своей только того, что имѣется какое либо отношеніе къ роду Шереметевыхъ. Особенно замѣтно выдѣляется увлекательное описаніе смутнаго времени, какъ живая возстаетъ стародавняя Русь въ это ея многострадальное время. Изданіе въ высшей степени роскошное, образцовое съ великолѣпными приложеніями, лучшее изъ когда либо бывшихъ въ Россіи такого рода изданій.

Энциклопедическій всенаучный словарь сост. подъ редакціей В. Ключникова III т. Изд. Х. К. Небе. Спб. 1882. Вышли два послѣдніе тома прекраснаго изданія Х. К. Небе, временно задержавшагося по независимымъ отъ издателя причинамъ. Наша справочная литература обладаетъ многими трудами, къ сожалѣнію болѣею частью неоконченными. Словарь Толя уже не имѣется въ продажѣ и во многихъ частяхъ нѣсколько устарѣлъ. Настоящее изданіе отличается еще доступною цѣною—за 3 тома всего 12 руб. Словарь г. Небе сжатый, компактный, прекрасно составленный и весьма удобный для подручныхъ справокъ, конечно найдетъ много желающихъ имъ пользоваться. По числу объясненныхъ словъ словарь этотъ полнѣе другихъ русскихъ изданій такого рода. Число экземпляровъ этого изданія весьма ограничено, такъ что желающіе имѣть этотъ словарь должны поторопиться воспользоваться случаемъ приобрести его, на это обстоятельство мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей.

Русскій среди американцевъ. М. Владимірова съ картой Соед. Шт. и рисунками Спб. 1882. Безусловное благоговѣніе передъ жизнью и порядками великой Заатлантической республики, представленіе ея въ видѣ какаго то рая, образа, которому должны мы во всемъ подражать, повидимому все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто именно спокойному отношенію именно благодаря подробнымъ и болѣе или менѣе правдивымъ характеристикамъ и описаніямъ этой жизни, появляющимся въ нашей литературѣ. Г. Владиміровъ четыре года провелъ въ Америкѣ и многое въ его книгѣ представляетъ поучительный интересъ и заслуживаетъ вниманія. Разсказъ оживленъ и занимателенъ.

С М Ъ С Ь.

Нефть и мѣста ея находенія. Во всѣхъ хозяйствахъ нефть признана самымъ дешевымъ освѣтительнымъ матеріаломъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ существуютъ газопроводы, дорогой газъ не въ состояніи вытѣснить своего болѣе дешеваго конкурента.

Нефть находится во всѣхъ частяхъ свѣта, въ Южной Австраліи и въ Новозеландіи, въ Индіи, Китаѣ и Южной Америкѣ. Что нефть есть въ Центральной Африкѣ это доказано знаменитымъ Ливингстономъ. Но изъ всѣхъ этихъ странъ, а также и многихъ другихъ нѣтъ вовсе вывоза нефти. Значительное исключеніе составляютъ Сѣверная Америка и Россія.

Американскіе индѣйцы знали о существованіи нефти и употребляли ее при церемоніяхъ во время празднествъ и съ цѣлями лечебными, но въ хозяйствахъ не примѣняли. Первые бѣлые поселенцы, тоже знали о нефти; на одной изъ картъ Сѣверной Америки, помѣченной 1670 годомъ значится: „фонтанъ нефти“. Въ началѣ этого столѣтія полведра нефти въ Филадельфій стоили на наши деньги около тридцати рублей; способъ добыванія былъ первобытный: обыкновенно обмакивали куски шерстяныхъ матерій, съ которыми потомъ нефть и стекла гли-же зачерпывали обыкновенными черпальнями. Въ 1859 году Георгъ Биффель началъ бурить землю и на глубинѣ 70 футовъ нашелъ источникъ, который сталъ доставлять болѣе четырехъ тысячъ бутылокъ ежедневно. Вскорѣ предпримчивые американцы образовали компанію для разработки нефти. Теперь американская нефть вывозится во всѣ части свѣта.

Нефтяная область Пенсильваніи занимаетъ въ окружности тринадцать миль; мѣста-же дѣйствительно доставляющія нефть представляютъ область въ сотню квадратныхъ верстъ. Большею частью керосинъ попадаетъ въ пористыхъ песчаныхъ каменныхъ образованияхъ. Каждый колодезь среднимъ числомъ дѣйствуетъ въ продолженіи трехъ лѣтъ; на 200 буровленій 70 изъ нихъ, т. е. до 14,7 процентовъ остаются безъ результата. Такъ называемый первый масляный слой песку лежитъ обыкновенно на 200 футовъ подъ землею и даетъ болѣею частью только смазочное масло; второй слой маслянаго песку лежитъ на 115 футовъ ниже и третій самый обильный и чистый еще на 100 футовъ ниже. Американское неочищенное масло содержитъ среднимъ числомъ 85 процентовъ углерода и 15 процентовъ водорода. Нефть выходитъ въ большемъ количествѣ; такъ напр. ньютонскій источникъ при Титусвиллѣ доставляетъ ежедневно около 40 милліоновъ кубическихъ футовъ. Присутствіе отдѣльныхъ источниковъ узнается послѣ полчасоваго буровленія, по появленію пузырей и затѣмъ масляной струи высотой до сотни футовъ, бьющей въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Замѣчательно, что нефтяная область идетъ параллельно съ цѣнью Аллеганскихъ горъ.

Въ Россіи нефть въ громадныхъ размѣрахъ разрабатывается на южномъ склонѣ Кавказа, т. е. на Кавказѣ и въ Баку. Вѣчные или священные огни въ Баку, известны уже съ 920 г. послѣ Р. X. до сихъ поръ чтятся огнепоклонниками. Вся мѣстность примыкающая къ Каспійскому морю богата нефтью и источниками землянаго масла; очень возможно, что нефтяные источники Малой Азіи (Мосуль), Персіи и Туркестана, находятся въ связи съ русской нефтяной подземной областью на протяженіи болѣе 400 миль. Въ Бакинскомъ округѣ получается около двадцати четырехъ милліоновъ пудовъ нефти, а при болѣе предпримчивости и лучшихъ средствахъ перевозки количество это могло-бы удесатериться. Источникъ въ Тамани, открытый въ 1866 году доставляетъ нефти на девять милліоновъ рублей ежегодно. Англійскій консулъ Чорчилль, занимавшійся буровленіемъ, сообщаетъ, что артезианскій колодезь въ 126 футовъ глубины близъ Балахамъ выбрасывалъ ежедневно около 10,000 центнеровъ масла; далѣе онъ сообщаетъ, что въ близости этого колодца было найдено озеро въ 12 футовъ глубины и 2 версты въ окружности, наполненное милліонами пудовъ нефти, которую никто не пользовался. Колодезь на Апшеронскомъ полуостровѣ доставлялъ въ день болѣе 180,000 пудовъ нефти, которая ляла по землѣ, образовала цѣлыя озера, и ступилась испаряясь подъ вліяніемъ солнца. Количество нефти въ Россіи такъ велико, что быть можетъ превосходить даже Америку, и только недостатокъ въ средствахъ сообщенія виною тому, что наша нефть не идетъ далѣе Персіи и Россіи.

Въ западной и восточной Галиціи дѣйствуетъ около четырехсотъ масляныхъ шахтъ, дающихъ болѣе трехъ милліоновъ пудовъ масла. Самые обильные колодцы даютъ ежедневно до 1,800 пуд. Масляная область Галиціи занимаетъ около 240 квадратныхъ миль. Буровленія достигаютъ болѣе тысячъ футовъ глубины и привели къ заключенію что большія количества нефти, смѣшанной съ землянымъ масломъ и смолой, находятся еще ниже. Примыкающіе къ галиційскимъ румынскимъ нефтянымъ источникамъ даютъ ежегодно около 700,000 пуд. нефти, которой значительная часть вывозится въ Австрію и Турцію.

Въ Германіи и Австрійской Галиціи нефтяные источники известны уже болѣе 500 лѣтъ и нѣкоторыя мѣстности напр. Нахельбронъ въ Эльзасѣ; получили свое названіе отъ горнаго масла или смолы „Resch“. Находеніе нефти замѣчается во многихъ мѣстахъ, верхней Баваріи, Виртемберга, Вестфалии и Саксоніи, но правильнымъ производствомъ занимаются только въ Брауншвейгѣ, на югѣ и юго-востокѣ Ганновера и въ Нижнемъ Эльзасѣ. Ежегодно тамъ получается до 75,000 пудовъ нефти.

Изъ жизни животныхъ. Одинъ ученый рассказываетъ случай изъ жизни утокъ, который заставилъ его относиться съ большимъ вниманіемъ къ этимъ неуклюжимъ, непріятно кричащимъ

пернатымъ. На небольшомъ, прекрасно отѣпленномъ деревьями прудѣ въ своемъ имѣніи онъ разводилъ лебедей и утокъ. Между послѣдними, въ числѣ прочихъ, находятся также двѣ обыкновенныя сѣрыя утки. Утки эти съ маленькими утятами плавали у берега, но ихъ часто безпокоили два бѣлыхъ лебеда, которые съ вытянутыми шеями, шия, подплывали къ уткамъ, стараясь отбить отъ нихъ малютокъ. Утки приноровились плавать одна впереди утятъ, а другая позади, оберегая свое сокровище. Въ одно утро помѣщикъ былъ заинтересованъ страшнымъ крикомъ и шумѣніемъ, подойдя къ окну онъ увидѣлъ, что лебеди загнали утокъ въ уголокъ пруда и одинъ изъ лебедей, поднявъ крылья, бросился на утятъ и схватилъ одну крошку. Въ первую минуту утки были ошеломлены, но жалобный искъ малютокъ въ клювъ лебеда заставилъ ихъ опомниться. Съ необыкновенною ловкостью и быстротою, какую даже трудно предполагать въ неуклюжихъ уткахъ, онъ бросился на своихъ враговъ и такъ удачно дѣйствовалъ, что всякій разъ попадали въ цѣль, вырывая бѣлыхъ перья у своихъ противниковъ и въ то же время ловко избѣгая ударовъ сильныхъ крыльевъ. Одна изъ утокъ выринула на спину къ лебеду и тутъ вибрировала клювомъ въ его длинную шею. Уже давно схваченный утенокъ былъ выпущенъ, но утки продолжали бой до тѣхъ поръ, пока лебеди съ крикомъ не оставили мѣсто боя, преслѣдуемые утками еще далеко. Подойдя къ берегу, ученый увидѣлъ, что вода сплошь была покрыта перьями, но не сѣрыми, а только одними бѣлыми. Вернувшись съ преслѣдованія, утки собрали своихъ дѣтеней, а также и раненая малютка, плававшая съ трудомъ, была бережно вытолкнута матерью на солнышко на берегъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ побѣды раненый утенокъ былъ здоровъ и рѣвился вмѣстѣ съ прочими. Съ этихъ поръ лебеди болѣе не безпокоили утокъ и даже не подilyвали къ нимъ близко.

Врожденіе народа во Франціи. Уже 80 лѣтъ во Франціи замѣчается вырожденіе народа; казни, войны и ссылки похитили людей сильныхъ и въ особенности франкскій элементъ. Ученый докторъ Вильерме первый обратилъ на это вниманіе, замѣчая въ годъ въ годъ измѣльчаніе расы при рекрутскихъ наборахъ. Изъ его наблюденій сдѣлалось известнымъ, что ростъ людей въ войскахъ уменьшается постепенно. Такъ до революціи въ гренадеры поступали люди ростомъ не менѣе 1, 70 метра, во время республики ростъ въ 1, 66 метр. считался обязательнымъ, затѣмъ во время первой имперіи уже довольствовались ростомъ въ 1, 63 мет. и во время реставраціи ростомъ въ 1, 62 метра. Затѣмъ въ последующее время для пополненія войскъ принуждены были не обращать строгаго вниманія на ростъ.

Кромѣ войнъ и политическихъ буръ вырожденіе зависитъ и отъ другихъ причинъ. По докладу доктора Бертольмана, читанному недавно въ антропологической школѣ, съ 1800—1810 г. насчитывалось среднимъ числомъ 33 рожденія на 1000 жителей; въ послѣдующія семь столѣтій число это уменьшается до 31, 17; 3 6, 6; 28, 7; 27, 3; 26, 7 и 25, 8. За это же время число браковъ увеличилось. Въ то время какъ въ Англии 1000 замужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ рожаютъ среднимъ числомъ 248 дѣтей, въ Пруссіи 275 и въ Бельгіи 279, во Франціи на то же число женщинъ приходится только 173 ребенка, между тѣмъ изъ всѣхъ упомянутыхъ странъ, во Франціи наиболѣе замужнихъ женщинъ, именно 140 и 1000 жителей, тогда какъ въ Бельгіи только 106, въ Пруссіи 120 и въ Англии 133.

Дальнѣйшая причина вырожденія та, что законъ освобождалъ отъ военной службы нѣкоторые классы женатыхъ людей, слѣдствиемъ чего было то, что молодые люди, для избѣжанія службы, торопились жениться на дѣвушкахъ слабаго здоровья или же старше себя годами. Дѣти отъ такихъ браковъ были слабы и нерѣдко уродливы. Это обнаружилось при наборахъ въ тридцатыхъ годахъ, послѣ уничтоженія упомянутаго закона. Число неспособныхъ къ службѣ значительно увеличилось противъ прежняго времени. Подобные же результаты замѣчались въ годы революціи. Нужда и голодъ сильно вліяли на дѣтей того времени. Замѣчательнъ случай бывшій въ 1815 году: для Англійскаго отряда, находившагося въ то время во Франціи, были заказаны каски у французскихъ поставщиковъ, которые въ этомъ случаѣ руководствовались предписаніемъ французскаго военнаго министерства. По доставленіи касокъ, поставщики къ ужасу своему узнали, что двѣ трети касокъ не гдѣлись вовсе, такъ какъ были малы, и что каски сдѣланы по наибольшей французской мѣркѣ приходились на самую небольшую англійскую голову; между тѣмъ англійское войско еще не такъ высоко какъ напр. германское или венгерское. Въ деревняхъ народъ здоровѣе, хотя городскіе жители выше ростомъ; во время переходовъ французскіе солдаты, набранные изъ деревень, гораздо выносливѣе, несмотря на свой меньшій ростъ въ сравненіи съ городскими.

Средства, предохраняющія продукты отъ порчи. Въ послѣднемъ засѣданіи общества наукъ и художествъ въ Лондонѣ профессоръ Барфъ производилъ опыты съ предметами подверженными порчѣ, которые отъ прибавленія этого средства не теряли вкуса. Профессору Барфу удалось составить смѣсь, которая примѣнима для всѣхъ продуктовъ и имѣетъ въ преимуществе, что не измѣняетъ ни цвѣта ихъ, ни вкуса. Это соединеніе глицерина съ кислотой. Глицеринъ нагрѣвается очень сильно и затѣмъ туда прибавляется столько кислоты, сколько въ немъ можетъ распуститься. Составилась смѣсь въ 92 части глицерина и 62 части кислоты; этимъ способомъ изъ глицерина были

Сокращенный прейс-курнтъ перчатокъ
на двѣ пуговицы—за дюжину:
Лайковыя дамскія и мужскія . . . руб. 8
Шведскія 6
Защемляя желтыя и сѣрыя 14
 . . . . . офицерскія бѣлыя 18
За отправку по почтѣ 50 коп. съ дюжины.
Требованія, деньги адресовать:
Торговый Домъ „Commerce Russe“ въ
Варшавѣ.
Требуются надежные агенты.
№ 2077 10—1

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Кре-
стовскаго (автора „Петербургскихъ Тру-
щобъ“), 3-е издание Ц. 1 р. 25 к. съ перес.
1 р. 50 к., для подписч. „НИВЫ“ 1882 г.,
75 к. съ перес. 1 р.

**Картины печатанныя масля-
ными красками,**
собственнаго изданія,
весьма дешево для
ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦ. и ЭКСПОРТЕРОВЪ
Иллюстрир. каталог даромъ! ФРАНКО!
Berlin S. (Берлинъ S), Grimmstrasse 7.
(Карль Наумишъ) Carl Kaulisch.
Хромо-литографич. заведеніе и печатня.
S. № 2041 4—4

Вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Нивы“ и
во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ, историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьева.

Большой томъ in 8—болѣе 40 печатн. листовъ, (около 650 стр.)
печатанный на лучшей веленовой бумагѣ, съ виньетками.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа
„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“, цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 коп., въ красив.

каленк. перепл. 4 руб., съ перес. 4 р. 50 к. для гг. новыхъ под-
писчиковъ „Нивы“ на 1882 годъ, цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ
такомъ же перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ
по 50 коп. въ конторѣ
П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.
Москва, Тверская, 31.

Условія продажи билетовъ съ за-
даткомъ въ 15 р. высылаются без-
платно. П. № 2072. 8—1.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара-
зина, второе изданіе, съ 59 ри-
сунками автора, большой томъ
in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ
перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Ни-
вы“ за перес. не платятъ.

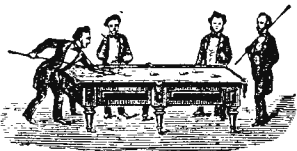
Въ виду новизны предмета и дороговизны
изданія.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО. (Карта).
рода человѣческаго, всѣхъ животныхъ и
растеній, отъ появленія первой жизни на
землѣ и до нашихъ временъ,
Печатается только въ количествѣ 100 экз.
поэтому прошу гг. желающихъ имѣть это
любознательное изданіе, послѣдить со своими
требованіями. Цѣна экземпляра 4 р. съ пе-
резилкой. Адресъ: Курскъ, Фабіану Ивано-
вичу Струтинскому. № 2071

!!! НѢТЬ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!

Новоизобрѣтенный патентованный
ручной пожарный насосъ.

Дѣйствуетъ вездѣ и всегда. Выбрасы-
ваетъ воду на 40 футовъ и никогда не
портится. Съ приборомъ для спасенія лю-
дей и вещей, устройствомъ предохра-
няющимъ отъ сильной жары во время туше-
нія, сосудомъ для воды и металлическимъ
пожарнымъ шлемомъ. Цѣна 30 р. на мѣ-
стѣ въ Варшавѣ. Укупорка 1 рубль. Дени-
съ-требованія адресовать:
Торговый Домъ „Commerce Russe“ въ
Варшавѣ.
Требуются надежные агенты.
№ 2078 10—1

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкій про-
спектъ, собственн. домъ № 13, близъ
Египетскаго моста. № 1765 26—11

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“
Больш. Морская, д. № 9, въ СПб. и во всѣхъ извѣстныхъ книж-
ныхъ магазинахъ, **СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:**

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп., въ красивомъ каленк.
перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка,
Всеволода Соловьева.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп., въ красивомъ каленк.-
коровомъ перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предохраняющими прѣче частей тѣла, особенно
же ножныхъ пальцевъ, Гальманинъ продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ
значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главные депо
находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца патента, маистра фармаціи
В. Карпинскаго, улица Электротральная, № 35. Большая коробочка Гальманина
стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. Пужно остерегаться поддѣлокъ
и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ
на немъ медали Парижской выставки 1878 г. В. Карпинскій маистръ фармаціи.

Первымъ мною приготовленная и введенная въ продажу

УКСУСНАЯ ЭССЕНЦІЯ

поддѣляется многими. Позднѣйшія изслѣдованія мои обнару-
жили во всѣхъ поддѣльныхъ эссенціяхъ или меньшую крѣпость
или же другіе, болѣе неприятыя, недостатки. Нежелающие прак-
тически убѣдиться въ этомъ, найдутъ настоящую мою, подѣ-
мичъ форменнымъ ярлыкомъ, эссенцію какъ у меня, такъ и въ ко-
лоніальныхъ магазинахъ въ Москвѣ и повсемѣстно въ провин-
ціи, начиная отъ Архангельска до Карса и отъ Варшавы до
Самарканда и до Николаевска на Амурѣ. Ц. № 1866 5—3

Р. Кёлеръ.

Ц. № 1866 5—2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ.

Для сбереженія на лѣтнее время шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч., призна-
на по 20-ти лѣтнему опыту однимъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для ис-
требленія моли.

Употребляется тоже для очищенія воздуха въ комнатахъ. Цѣна флакону 30 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близ-
ко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирую-
щіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ
вывѣскою С.-Петербургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

Только что вышелъ изъ печати и продается въ кон-
торѣ редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ книж-
ныхъ магазинахъ.

„НАВОЖДЕНІЕ“

Романъ Всеволода Соловьева.

Большой томъ in 8—всего 272 стр., печатанный на луч-
шей веленовой бумагѣ, съ виньетками. Цѣна 2 руб.,
съ перес. 2 р. 50 к. въ красивомъ каленкоровомъ пе-
реплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“ и во
всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками И. С. Панова

Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г.
Изданіе А. Ф. Маркса по больш. Морской д. № 9. Цѣна 2 рубл.,
съ перес. 2 р. 50 к. въ красив. каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3—8

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСІИ НА СТАРОСТЬ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и
продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“
до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждыя три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрѣхъ

Страховаго Общества „Россія“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію бесплатно Правленіемъ въ
С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5—3 № 2050

Любители и знатоки хорошаго ЧАЯ

СИМЪ ИЗВѢЩАЮТСЯ
ЧТО

въ склады извѣстнѣйшаго по своей торговлѣ и превосходному вы-
бору чаевъ Московскаго Торговаго Дома

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО

ТОЛЬКО ЧТО ДОСТАВЛЕНЫ И ПОСТУПИЛИ
въ Оптовую и Розничную продажу
СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ

ГЛАВНЫЙ
ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ
СКЛАДЪ
НАХТИНСКИХЪ
ПЕРВОСБОРНЫХЪ
ЧАЕВЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
ОЛЬГИ
КОРЕЩЕНКО
находитсЯ
на Кузнецкомъ мосту, въ
домѣ Торлецкаго, въ
Москвѣ.

ЖЕЛАЮЩІЕ
воспользоваться все-
ми выгодами покупки
ЧАЕВЪ
ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУБЪ
На условіяхъ сего
прейсъ-куранта,
съ требованіями сво-
ими благоволятъ от-
носиться по нижеслѣ-
дующему адресу.

огромныя партіи свѣжихъ первосборныхъ чаевъ необыкновенно высокаго достоинства, въ особенности же рекомендуются Гг. любителямъ слѣдующія серия: подъ № 4 Императорскій „Отборный“ черный чай по 1 р. 80 коп. за фунтъ; подъ № 5 необыкновенно пріятнѣйшаго вкуса и аромата, съ сильнымъ букетомъ, „Рѣдкостный Ханскій“ черный чай „Царскій Букетъ“ по 2 руб. за фунтъ; подъ № 6 чрезвычайно пріятнѣйшаго нѣжнаго вкуса и аромата „Ханскій Розанистый“ черный чай „Царская Роза“ по 2 р. 30 коп.; подъ № 7 необычайно высокаго достоинства весьма рѣдкостный „Ханскій нѣжно-ароматный“ черный чай „Индійская Роза“ по 2 р. 60 коп. за фунтъ; подъ № 66 „Новый сортъ“ чернаго чая, впервые вывезенный изъ Китая, рекомендуется какъ рѣдкость изъ рѣдкостей, „Особый сортъ“ по 2 р. 75 коп. за фунтъ; изъ цвѣточныхъ и лянсиныхъ чаевъ весьма хороши подъ №№ 13, 14, 15 и въ особенности подъ №№ 16, 17 и 18. Прочіе же лянсины высокіе, а равно чаи Желтые и Зеленые отменно высокаго достоинства.

Прейсъ-курантъ свѣжимъ первосборнымъ чаемъ
СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ И ВЫБОРА.

МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА **ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.**

ЧЕРНЫЕ ДУШИСТЫЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	ЧЕРНЫЕ ХАНСКІЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	ЦВѢТОЧНЫЕ ЛЯНСИНЫ:	Цѣна за фунтъ.
№ 2. Ароматный душистый „Нахзо-Пеха“	1 40	№ 7. Превосходнѣйшаго достоинства, весьма рѣдкостный, черный Ханскій, нѣжно-ароматный чай, нашей собственной выписки и выбора, „Индійская Роза“	2 60	№ 15. „Букетный Лянсинъ“	2 70
№ 3. Императорскій высшій сортъ „Фучефу“	1 60	№ 66. Новый сортъ чернаго чая никогда еще небывалый здѣсь въ продажѣ, изъ рѣдкостей рѣдкость „Особый сортъ“	2 75	№ 16. „Букетъ Розы“	3 —
№ 4. Императорскій отборный, пріятнѣйшаго вкуса и аромата, „Букетъ Фучана“	1 80			№ 17. „Китайской Императрицы“	3 20
№ 5. Ханскіе ароматные чай, необыкновенно пріятнѣйшаго вкуса и аромата, нашей собственной выписки и выбора, душистый, съ сильнымъ букетомъ рѣдкостный ханскій черный чай „Царскій букетъ“	2 —			№ 18. „Шилунга“	3 50
№ 6. Чуднаго, необыкновенно нѣжнаго и пріятнаго вкуса и аромата нашей выписки и выбора „Ханскій розанистый“ черный чай „Царская Роза“	2 30	ЧАИ ЦВѢТОЧНЫЕ:		а также имѣются въ продажѣ Лянсины бѣлые по 4 р., 5 р., 6 р., 7 р. и 10 р. за фунтъ.	
		№ 13. Цвѣточный „Отборный“	2 25	Зеленые чай въ 3 р., 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р. за фунтъ.	
		№ 14. Лянсинъ Мьютоль-Нонджимъ-Пеха.	2 50	Желтые чай въ 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., и 10 рублей за фунтъ.	

Выписывающіе и покупающіе чай одновременно на 50 руб., кромѣ 5% уступки получаютъ **бесплатно** по своему выбору **одинъ** изъ нижеслѣдующихъ предметовъ чайнаго сервиза:

- 1) Новоизобрѣтенный высшаго достоинства бретонскаго металла чайникъ.
- 2) Ларчикъ съ замкомъ, на 1 фунтъ чай.
- 3) Серебряный вызолоченный сопочень для засыпки чая.
- 4) Серебряная 84 пробы ситка для чая.
- 5) Серебряные 84 пробы щипцы для сахара.
- 6) Два римскіе подстананчина накладнаго серебра.
- 7) Три серебряныя вызолоченныя 84 пробы чайныя ложки новаго фасона съ рисунками.
- 8) Сахарница бретонскаго металла.
- 9) Сливочникъ бретонскаго металла.
- 10) Серебряная вызолоченная 84 пробы десертная дѣтская ложна съ рельефнымъ рисункомъ.
- 11) Серебряная вызолоченная 84 пробы столовая ложка новаго фасона съ рисункомъ.
- 12) Два подсвѣчника съ гасильниками изъ мельхиора.
- 13) Серебряный вызолоченный 84 пробы дѣтскій стананчикъ.
- 14) Серебряная вызолоченная 84 пробы солонка.

Гг. иногородные желающіе

выписывать чай, съ требованіями своими благоволятъ относиться **въ МОСКВУ**, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, въ Главную Контору Торговаго дома Ольги Арсеньевны **КОРЕЩЕНКО**.
Требованія исполняются немедленно.

ПЕРЕСЫЛКУ ЧАЕВЪ ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ

контора принимаетъ на свой счетъ и сверхъ того дѣлаетъ уступку 5% съ рубля всѣмъ выписывающимъ извѣстныхъ сортовъ чая на 25 руб., а выписывающимъ на 50 руб. высылается кромѣ уступки бесплатно одинъ изъ предметовъ чайнаго сервиза, по выбору и назначенію покупателя, или же чай на 3 руб.

ПРИМѢЧАНІЕ. Чай цѣною въ 1 р. 40 к. высылается отъ Москвы до 1000 верстъ; чай цѣною въ 1 р. 60 к. и 1 р. 80 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 2000 верстъ. Затѣмъ выписывающіе въ отдаленные города чай отъ 2 р. и выше пользуются уступкой и преміей.

ПАВЕЛЬ ПАВЛОВИЧЪ БУРЕ,

Оцѣщикъ при Кабинетѣ Е. И. В. поучаетъ всякаго рода старинныя и замѣчательныя часы.
Завѣщанія просить адресовать:
Въ С.-Петербургѣ: Невскій проспектъ, домъ № 23 (противъ Большой Конюшенной).
Въ Москву: Кузнецкій мостъ, д. Тверскаго подворья (рядомъ съ Барятинскимъ). № 2038

СЛАВЯНСКАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА.

Курсъ леченія начинается 10 Мая и продолжается до 20 Августа. Воды употребляются отъ золотухи, англійской болѣзни, ревматизма, сифилиса, женскихъ болѣзней, хроническаго воспаления суставовъ, накожныхъ болѣзней и нервныхъ расстройствъ. На время сезона для консультацій приглашаются профессоръ Харьковскаго Университета спеціалисты по внутреннимъ, хирургическимъ и женскимъ болѣзнямъ. Сообщенія съ Славянскою — по Курскю - Харьковско - Лозовскю желѣз. дорогѣ до ст. "Славянскъ", гдѣ имѣются наводни съ платой по таксу. Желающимъ имѣть удобныя квартиры просить адресоваться въ контору заведенія. Врачезъ заведенія состоятъ: Ванданнъ Николайевичъ Косовскій.

Поступила въ продажу брошюра: "Минеральная Вода въ Славянскѣ" врача Шуплева. Ц. съ пер. 50 к. Складъ въ книжн. ма. А. В. Мандрикина въ Славянскѣ. № 2075.

Русскій огнетушитель ТОВАРИЩЕСТВА БУРГГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

ЦѢНОЮ ВЪ 18 РУБЛЕЙ, а также пожарныя трубы, насосы и земледѣльскія машины всякаго рода, имѣются № 2057 въ готовності.
СПБургъ, Вас. Остр., 1 линия, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Требуется иллюстрированныя каталоги.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ для мытья головы.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія. Безопасное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ. Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ боль-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; вышесказанно 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., вышесказ. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовикамъ покупателямъ обычная уступка. № 2013 25 6

Дозволено цензурою. СПБ. 29 апрѣля 1882 г.

Энциклопедическій словарь,

составленный подъ редакціею В. Ключникова, въ 3-хъ томахъ цѣна за 3 тома 12 р. безъ пересылки.

ИЗДАНИЕ Х. К. НЕБЕ.

Складъ изданія въ кладовой К. и Х. Небе, внутри Гостиннаго Двора, № 139,

ДВА НОВО-ПАТЕНТОВАННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ПРАКТИЧНЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.
Неподражаемой доброты Ванса для обуви, сохраняющая кожу и дающая превосходный и прочный блескъ 50 полуфунтовыхъ или 25 фунтовыхъ жестянокъ 7 р. 50 к.
Замѣчательная помада для чистки и полировки въ ¼ минуты: металловъ, самоваровъ, кухонной жѣдной посуды, утвари и проч. 50 меньшихъ или 25 большихъ жестянокъ 3 р. 75 коп.

Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказахъ не менѣе ста руб. 10% скидки. При заказахъ свыше 300 р. 10% скидки и провозъ не считается. Требования — деньги адресомъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „COMMERCE RUSSE“ ВЪ ВАРШАВѢ. № 2079 10—1
Исключительная продажа на всю Европу. Требуется надежные агенты.

СТРУНЫ

самыя лучшія падуанскія, нѣмецкія и вѣнскія, для скрипки, виолончели, контрабаса, гитары и цитры, лучшая каньфоль, камертоны, метрономы, деревянные и желѣзные складныя пиюитры, рекомендовать
ГЛАВНОЕ ДѢЛО МУЗЫКАЛЫН. ИНСТР. Юлія Генриха Циммермана.
СПБургъ, по Большой Морской, № 42.

АНТИПАРАЗИТЪ

противъ клоповъ, таракановъ, блохъ. Дѣло химической лабораторіи. Троицкій пер., № 3. А. Краусъ. Продавцамъ значительная уступка. М. № 2074.

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ГОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

Складъ фабрики **АВГУСТА НАУМАНА и К^о**

№ 20. ГОРОХОВАЯ УЛИЦА, Д. ЛЕЖБЕ, КВАРТ. № 8. № 9.

ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ. КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.

АСФАЛЬТЪ, РЫМЪ КРОВЕЛЬНЫЙ, ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ, АСФАЛЬТЪ, РЫМЪ КРОВЕЛЬНЫЙ, АВГУСТЪ НАУМАНЪ и К^о, ТОЛЬ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Выкройки Деморестъ изъ Парижа 1882 г.

для дамъ, дѣвотекъ, мальчиковъ отъ 15, 30, 50, 65 до 80 к.
Иллюстрированный каталогъ 500 новыхъ модныхъ граверовъ 75 коп., съ пересылкою 1 р.
№ 9. И. ВАКОНЪ, Гороховая улица, д. Лежбе, кварт. № 8. № 9. въ С.-Петербургѣ. № 2067 2-1

ОТЪ ДОЖДА И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕНЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ
НЕПРОМОКАЕМАЯ ПАЛТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку	10 руб. — коп.
Плащи съ крыльями	13 " "
Капюшоны съ нимъ	1 " 25 "
Военныя пальто	17 " "
Пальто дамскія съ рукавами	13 " "
Дамскія тальмы	11 " "
Плащи для дѣтей	10 " "
Пальто, съ рукавами всѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоемъ	30 " "
Плащи съ крыльями также же	30 " "
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незаметнымъ резиновымъ слоемъ	22 " "
Плащи съ крыльями также же	22 " "
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа)	34 " "

н) для плаща—вся длина и объемъ шеп.

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для хранения мѣховыхъ вещей
РЕЗИНОВЫЕ МЪШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закрыемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:
Для хранения 1 шубы за мѣшокъ 5 руб. — коп.
" " 2 шубы " " 6 " 50 "
" " 3—4 шубы " " 8 " " "
" " 4—5 шубы " " 9 " 50 "
" " 5—7 шубы " " 11 " "

Въ провинцію заказамъ исполняются немедленно и продаютъ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ — 2 р.

ГЛАВНЫЙ СКАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, 16.

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммисіонерство
„РАБОТНИКЪ“.
Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соляной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.
Въ Москвѣ: Поддвинская, № 11.
Въ Новѣ: Уголь Белогонской и Жиллинской улицъ.

Имѣетъ на своихъ складахъ постоянно большой выборъ земледѣльческихъ машинъ и орудій новейшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также молочную посуду, приборы по садоводству и для домашнего хозяйства. Заказы на локомобили, паровыя молотилки, мельницы и иныя вторяя машины, направляемія съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммисіонерствомъ по заводскимъ цѣнамъ безъ надбавки коммисіи. Коммисіонерство состоитъ агентами лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Шулльворта, Рансома, Леда и Джеферга, Говарда, Джонстона и Н. Пеннеа, Энкерта, Беннера и др. Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются бесплатно. № 2069 10—1

РАЗЛИЧНАГО РОДА ЛАМПЫ,

Царскія свѣтильни. Двойныя свѣтильни. Фонари для освѣщенія садовъ, Лампы, котые не поддаются вліянію вѣтра, горятъ въ свободной атмосферѣ и не гухнутъ, рекомендуютъ по фабричнымъ цѣнамъ.

Carl Imme jun. КАРЛЪ ИММЕ младшій. Berlin S. W. (Берлинъ S. W.). Kommandantenstrasse 84.

Иллюстриров. книги съ образцами и цѣны S. № 2042 бесплатно. 6—3

Поступила въ продажу новая книга; ДУМЫ и ПѢСНИ

Н. А. Павова. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою. Во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ и на Гончарной, въ д. № 24, кв. 12. № 2073. 2-1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 19

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаѣть 8 Мая 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Mark. 20 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ 1/4
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресн. и праздни-
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ все уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всеми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

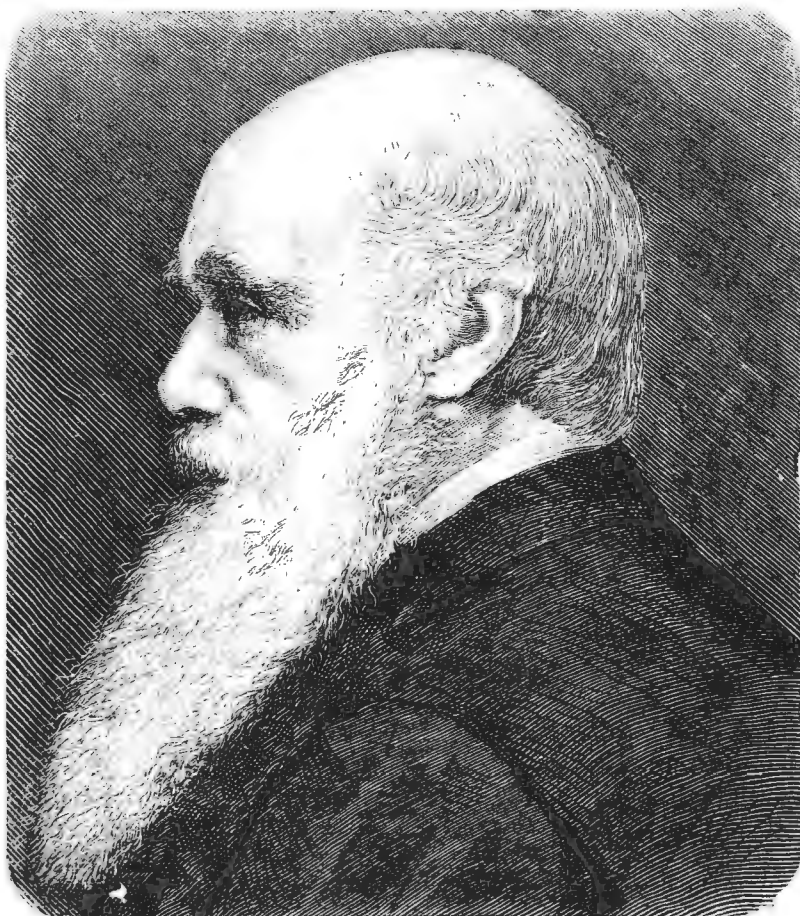
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кон-
тору объявл. Н. Н. Печковской, Пе-
тровская Торгов. линія . . . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленіи отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Чарльзъ-Робертъ Дарвинъ.

Одинъ изъ знамени-
тѣйшихъ современныхъ
ученыхъ, надѣлавшій на
своемъ вѣку много шу-
ма своими смѣлыми те-
оріями и изслѣдованіа-
ми, знаменитый есте-
ствовиспытатель Чарльзъ-
Робертъ Дарвинъ, сконча-
лся 7-го (19-го) апрѣ-
ля въ Лондонѣ. Онъ
былъ внукомъ англий-
скаго врача и поэта Эраз-
ма Дарвина, умершаго
въ 1802 г., котораго по-
эмы „Храмъ природы
или происхождение Об-
щества“ и „Ботаниче-
скій садъ“ пользовались
въ свое время большою
извѣстностью.

Чарльзъ Дарвинъ ро-
дился въ маленькомъ го-
родѣ Шрьюсбюри, 12-го
февраля 1809 г. Первое
образованіе онъ полу-
чилъ въ этомъ его род-
номъ городкѣ, гдѣ, въ
теченіи 7 лѣтъ, посѣ-
щалъ городскую школу.
На 17 году онъ посту-
пилъ въ эдинбургскій
университетъ и черезъ
два года перешелъ въ
камбриджскій. Здѣсь
онъ сошелся съ профес-
соромъ Генслау, кото-
рый покровительство-
валъ его наклонности
къ изученію естествен-
ной исторіи. Вліяніе Ген-
слау на Дарвина было

Ч. Р. Дарвинъ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

самое сильное и плодотворное. Оно оставило въ немъ на всю жизнь благодарное теплое воспоминаніе. Въ 1831 году Дарвинъ выдержалъ въ Кембриджѣ экзаменъ на степень бакалавра искусствъ, а затѣмъ приобрѣлъ, въ томъ-же университетѣ, степень магистра искусствъ.

Получивъ степень магистра, Дарвинъ посвятилъ свое свободное время изученію безпозвоночныхъ организмовъ, занявшись практически этимъ предметомъ у д-ра Гранта, тогда частнаго преподавателя (затѣмъ профессора въ лондонскомъ университетѣ). Здѣсь Дарвинъ сдѣлалъ свое первое научное открытіе. Онъ первый увидѣлъ мшанокъ (Vryozoa) въ подвижномъ состояніи плавающихъ гусеницъ.

Въ томъ-же году, воспользовавшись представившимся ему случаемъ, онъ, въ качествѣ натуралиста, отправился въ дальнее путешествіе, предпринятое съ научною цѣлью капитаномъ Фицъ-Рой на кораблѣ „Beagle“. Путешествіе это, продолжавшееся болѣе пяти лѣтъ, имѣло

большое влияние на дальнейшую деятельность Чарльза Дарвина. Он посетил Бразилию, Магеллановъ проливъ, западное побережье Южной Америки, многие острова Тихаго океана и возвратился въ Англию только 2-го октября 1836 года.

Возвратясь изъ путешествія, Дарвинъ прожилъ три года въ Лондонѣ, приводя въ порядокъ свои богатія коллекціи, обрабатывая свои путевыя замѣтки и трудясь какъ дѣятельный сотрудникъ геологическаго общества, которое избрало его въ почетные секретари. Затѣмъ онъ отправился въ Маръ-Галль, къ своему дядѣ, сыну извѣстнаго химика Зариха Уэддвуда. Здѣсь, въ 1839 году, онъ женился на своей двоюродной сестрѣ, миссъ Уэджвудъ. Отъ этого брака у нихъ родилось пять сыновей и двѣ дочери.

Въ продолженіи путешествія Дарвину удалось собрать множество драгоценныхъ научныхъ наблюденій. Заручившись сотрудничествомъ Оуэна и нѣкоторыхъ другихъ естественныхъ ученыхъ, Дарвинъ въ 1840 году издалъ въ свѣтъ первый томъ обширнаго сочиненія: „Zoology of the voyage of Her Majesty's ship Beagle“ (5 томовъ). Въ этомъ сочиненіи онъ впервые высказалъ взгляды, совокупность которыхъ получила впоследствии названіе „дарвинизма“. Его наблюденія надъ животными Южной Америки убѣдили его въ неудовлетворительности классификаціи, которой держались въ то время зоологи. Постепенно онъ пришелъ къ заключенію, что какъ животные, такъ и растенія происходятъ отъ небольшого числа первобытныхъ видовъ, быть можетъ даже отъ одного, и что всѣ ихъ послѣдующія видоизмѣненія зависятъ отъ постояннаго закона преобразования, отъ правильнаго выбора расъ и индивидуумовъ, наиболѣе подходящихъ къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Идея эти излагаются и въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ. Дарвинъ пропагандировалъ также въ издаваемомъ имъ „Журналѣ“ изслѣдованій по части естественной исторіи, геологіи и т. д.

Съ 1840 года, до тѣхъ поръ крѣпкое, здоровье Дарвина, подорванное долгими, утомительными путешествіями и постоянными трудами, начало измѣняться ему. Вскорѣ послѣ женитьбы, въ 1842 г., онъ долженъ былъ отказаться отъ общества и удалиться въ Доунъ, небольшую деревеньку съ 500 жителей, лежащую въ Кентѣ, между городками Бэкенгэномъ и Бромлэ. Здѣсь, почти безвыѣздно, онъ провелъ съ своимъ семействомъ около 38 лѣтъ, отчасти обрабатывая наблюденія, собранныя во время путешествія, отчасти отдаваясь своей любимой идеѣ развитія всѣхъ растеній и животныхъ изъ весьма немногихъ первоначальныхъ типовъ. Эта идея зародилась въ первый разъ на берегахъ Патагоніи и съ 1833 года преслѣдовала его неотступно. Съ 1842 года, длинный рядъ годовъ былъ отданъ Дарвиномъ наблюденіямъ и опытамъ надъ воспитаніемъ и разведеніемъ домашнихъ животныхъ, съ цѣлью выяснитъ и подтвердить свою теорію.

Эта теорія изложена Дарвиномъ съ замѣчательною ясностью въ знаменитомъ сочиненіи „Происхожденіе видовъ“ (Лондонъ, 1859 года).

Появленіе этого сочиненія, которое, немного спустя послѣ выхода его въ свѣтъ, было переведено почти на всѣ европейскіе языки, произвело давно невиданное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Не только ученые, но даже простые смертные раздѣлились на два враждебныхъ другъ другу лагеря, возгорѣлась ожесточенная полемика, продолжавшаяся до сихъ поръ, при чемъ не только теорія Дарвина, но даже личность его сдѣлалась предметомъ, съ одной стороны, почти фанатическаго удивленія и обожанія, съ другой—глумленія и рѣзкихъ нападокъ.

Въ 1872 и 1873 годахъ предложена была кандидатура Дарвину въ члены-корреспонденты французской академіи наукъ по отдѣлу зоологіи; но, послѣ жаркихъ споровъ его забаллотировали.

Дарвину же принадлежатъ прекрасное, систематическое изложеніе явленія, которое имъ было названо „борьбою за существованіе“. Замѣчательною ясностью изложенія отличается такъ же появившееся въ 1862 г. въ Лондонѣ сочиненіе Дарвина: „Объ оплодотвореніи растеній“. Затѣмъ вышелъ рядъ замѣчательныхъ сочиненій Дарвина; болѣе другихъ извѣстны русской публикѣ: „Измѣненіе животныхъ и растеній подъ влияніемъ челоуѣка“ (1868 года). „Происхожденіе челоуѣка“. „Коралловые рифы“ (1878) и мн. др. Сверхъ того, Дарвинъ сотрудничалъ во многихъ научныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ журналѣ лондонскаго геологическаго общества. Последнее изъ сочиненій Дарвина, вышедшее въ нынѣшнемъ году, имѣло предметомъ изслѣдованіе роли дождевыхъ червей въ образованіи чернозема, изслѣдованіе, съ которымъ мы познакомили читателей „Нивы“ въ № 5, нынѣшняго года.

Каждая его книга являлась исходнымъ пунктомъ, побужденіемъ для новыхъ изслѣдованій, каждая книга порождала новую литературу по вопросамъ, которые онъ давалъ одинъ за другимъ для разработки ученому міру.

Доунъ, маленькое мѣстечко въ Кентѣ, гдѣ жилъ и работалъ изслѣдователь, та лабораторія, изъ которой являлись къ намъ, одинъ за другимъ, цѣлый рядъ блестящихъ открытій, всѣмъ извѣстна. Сѣдой, высокой старикъ, съ длинною сѣдою бородою, съ добродушнымъ видомъ, онъ любезно встрѣчалъ посѣтителя. Оригинальное лицо его поражало своимъ выраженіемъ. Это ученый, оставившій глубокій слѣдъ въ исторіи своего времени и смерть его громадная потеря для науки.

Среди трогательныхъ заявленій глубокаго общаго уваженія къ памяти знаменитаго ученаго, происходило торжественное погребеніе Чарльза-Роберта Дарвина въ Уэстминстерскомъ Аббатствѣ 16 Апрѣля (28). Книги у траурнаго балдахина держали: герцоги Девонширскій и Арджайлскій, американскій посолъ Лоуэль, лордъ Дерби, сэръ Джозефъ Гукеръ, сэръ Джонъ Леббокъ, каноникъ Ферраръ, Спортвудъ, Уэллесъ и профессоръ Гексли. Въ похоронной процессіи слѣдовало за гробомъ Дарвина множество высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ маркизъ Гаррингтонъ, спикеръ палаты общинъ, баронесса Буттесъ и многие другіе.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXV.

Тонкій дипломатъ.

Герцогъ Карлъ Эюдерманландскій съ очевидными признаками волненія ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету въ домѣ Шведскаго посольства.

Если петербургскіе жители, восторженно встрѣчавшіе дорогихъ гостей, бывали поражены ничуть не величественнымъ, а скорѣе ничтожнымъ видомъ герцога, то теперь, взглянувъ на него, врядъ ли бы кто могъ удержаться отъ улыбки. Чувствуя устремленные на него взгляды толпы, герцогъ все же придавалъ себѣ нѣкоторую важность, подъ пышнымъ нарядомъ старался скрыть недостатки своей фигуры. Теперь же, у себя, наединѣ съ самимъ собою, ему нечего было заботиться о своей внѣшности. Домашній костюмъ безъ всякихъ знаковъ отличія выставлялъ всю угловатость этого маленькаго, болѣе чѣмъ некрасиваго челоуѣка. Къ тому же теперь на подвижномъ лицѣ его, которому онъ въ обществѣ умѣлъ по желанію придавать всевозможныя выраженія, отпечатлѣвались волновавшія его мысли и чув-

ства. Онъ то какъ бы въ недоумѣніи моргалъ глазами и приподнималъ плечи, то потиралъ себѣ лобъ указательнымъ пальцемъ и вертѣлъ передъ собой рукою, то очень комично сжималъ губы, то хитро улыбался, то пригорюнивался.

Онъ чрезвычайно походилъ на обезьяну, на хитрую обезьяну, поставленную въ затруднительное положеніе и искавшую изъ него выхода.

Онъ дѣйствительно былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и долженъ былъ все осмотрительно обдумать, чтобы выпутаться изъ непріятныхъ для него обстоятельствъ и уяснить себѣ свои дальнѣйшіе ходы.

Для него наступило такое время, когда нужно было держать ухо очень остро, чтобы не очутиться на мели, чтобы не потерять всего что было имъ приобрѣтено отчасти случаемъ, отчасти мелкой, дешевой хитростью.

Пройдетъ нѣсколько недѣль и своенравный мальчикъ потребуетъ отъ него уступки всѣхъ правъ, всего значенія, какимъ онъ до сихъ поръ пользовался. И онъ знаетъ заранѣе, что этотъ своенравный и холодный мальчикъ

не выразить ему благодарности за годы его регентства, что онъ просто на просто спихнетъ его съ занимаемаго имъ мѣста и затѣмъ, если и не будетъ стараться вредить ему, то, во всякомъ случаѣ, никогда не позаботится объ его интересахъ...

— Да ибѣтъ, конечно и вредить будетъ!

А по какому праву?! вдругъ разводя руками, выпрямляясь и чуть не становясь на цыпочки прошепталъ герцогъ.—По какому праву онъ столкнетъ меня и сядетъ на тронъ шведскій? Этотъ тронъ моя законная собственность, а не его, потому что онъ не сынъ моего брата!.. И вотъ я долженъ уступить Швецію этому безправному ребенку только потому, что брату угодно было, неизвестно по какимъ соображеніямъ, признать его своимъ сыномъ. Да, я вижу хорошо теперь, что слѣдовало выяснить истину тотчасъ же послѣ кончины брата, а теперь это ужъ трудно, неловко, чрезвычайъ рискованно!

И онъ предался позднимъ сожалѣніямъ.

Дѣло было въ томъ, что мысль о разоблаченіи истины уже не въ первый разъ приходила ему въ голову; напротивъ, она приходила именно тогда, когда, какъ онъ рѣшилъ сейчасъ, было самое время поднять вопросъ о законности происхожденія Густава IV, то есть, немедленно послѣ трагической смерти короля.

О! онъ тогда въ первую минуту готовъ уже былъ рѣшиться на это; но затѣмъ тотчасъ же одумался. Его остановили не уваженіе къ королевѣ, не любовь къ мальчику, остановила его трусость. Густавъ III былъ измѣнически убитъ во время маскарада. Герцогъ Карлъ боялся королевскаго титула, ему показалось безопаснѣе прикрыться за малолѣтнимъ королемъ — менѣе отвѣтственности, а власти столько же. Къ тому же этотъ мальчикъ былъ мягкимъ воскомъ въ рукахъ его и ему казалось, что онъ могъ вылѣпить его въ какую угодно форму и не бояться даже времени его совершеннѣйшаго, — оно ни въ чемъ не должно было измѣнить ихъ отношеній.

А между тѣмъ теперь онъ ясно видѣлъ, что сильно ошибся въ этихъ расчетахъ. Мальчикъ вышелъ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ желалъ его видѣть, — мальчикъ становился ему поперегъ дороги.

Что же предпринять? На чемъ же остановиться, чтобы обезопасить свое будущее, для того чтобы въ одинъ прекрасный день, по капризу вбалмочнаго ребенка, не оказаться въ безвыходномъ положеніи?

Въ теченіи своего регентства герцогъ достигъ одного — онъ обезпечилъ себя матеріальными средствами, успѣлъ скопить очень даже значительную сумму.

Онъ былъ неразборчивъ, не щекотливъ и, какъ разсказывали тогда люди, которымъ недовѣрять не было основанія, принялъ, на примѣръ, четыре милліона отъ французской директоріи. Онъ во все время своего регентства только и думалъ о томъ, какъ бы дороже, какъ бы выгоднѣе продать свои ненадежныя услуги.

Этими расчетами объяснялся и его странный образъ дѣйствій съ Екатериной по поводу сватовства племянника. Но всѣ его хитрости все же завершились тѣмъ, что онъ помимо своей воли, по капризу племянника, очутился въ Петербургѣ и теперь долженъ былъ окончательно рѣшить вопросъ о бракѣ короля съ великой княжной.

И онъ видѣлъ, что нечего ему было возставать противъ этого брака, вооружать противъ себя императрицу, напротивъ, хорошо что дѣло такъ повернулось — племянникъ, не подозревая этого, оказалъ ему важную услугу.

Екатерина повидимому позабыла всѣ прежнія педоразумѣнія, она убѣждена что все зависитъ отъ него, герцога, поэтому его такъ и ласкаютъ. Онъ можетъ воспользоваться обстоятельствами, приготовить себѣ здѣсь отступленіе въ случаѣ невзгоды. Онъ можетъ заручиться благодарностью русскаго Двора.

„Да, пужно женить ихъ непремѣнно, это будетъ самое лучшее, — рѣшилъ наконецъ герцогъ. Мальчикъ, какъ жется, влюблеть, но на его страсть нельзя полагаться. Теперь я внушилъ ему чтобы онъ не поддавался на ласки, чтобы онъ не дѣлалъ большихъ уступокъ — и вотъ уже онъ начинаетъ ломаться, привередничать. Это хорошо! Извлечемъ какъ можно больше выгодъ изъ этого брака, благо что его здѣсь такъ желаютъ. Дѣло поставлено такъ, что насъ не могутъ выгнать, слѣдовательно нужно воспользоваться этимъ. Пусть Штедингъ съ компаніей требуютъ какъ можно больше для Швеціи. А я... я буду требовать какъ можно больше для себя. Но этотъ бракъ необходимъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія!“

И только что герцогъ рѣшилъ это, какъ въ дверь его кабинета тихонько постучали. Онъ отперъ — ему доложили о пріѣздѣ князя Зубова.

— Просить, просить! оживленно, крикливымъ голосомъ приказалъ герцогъ.

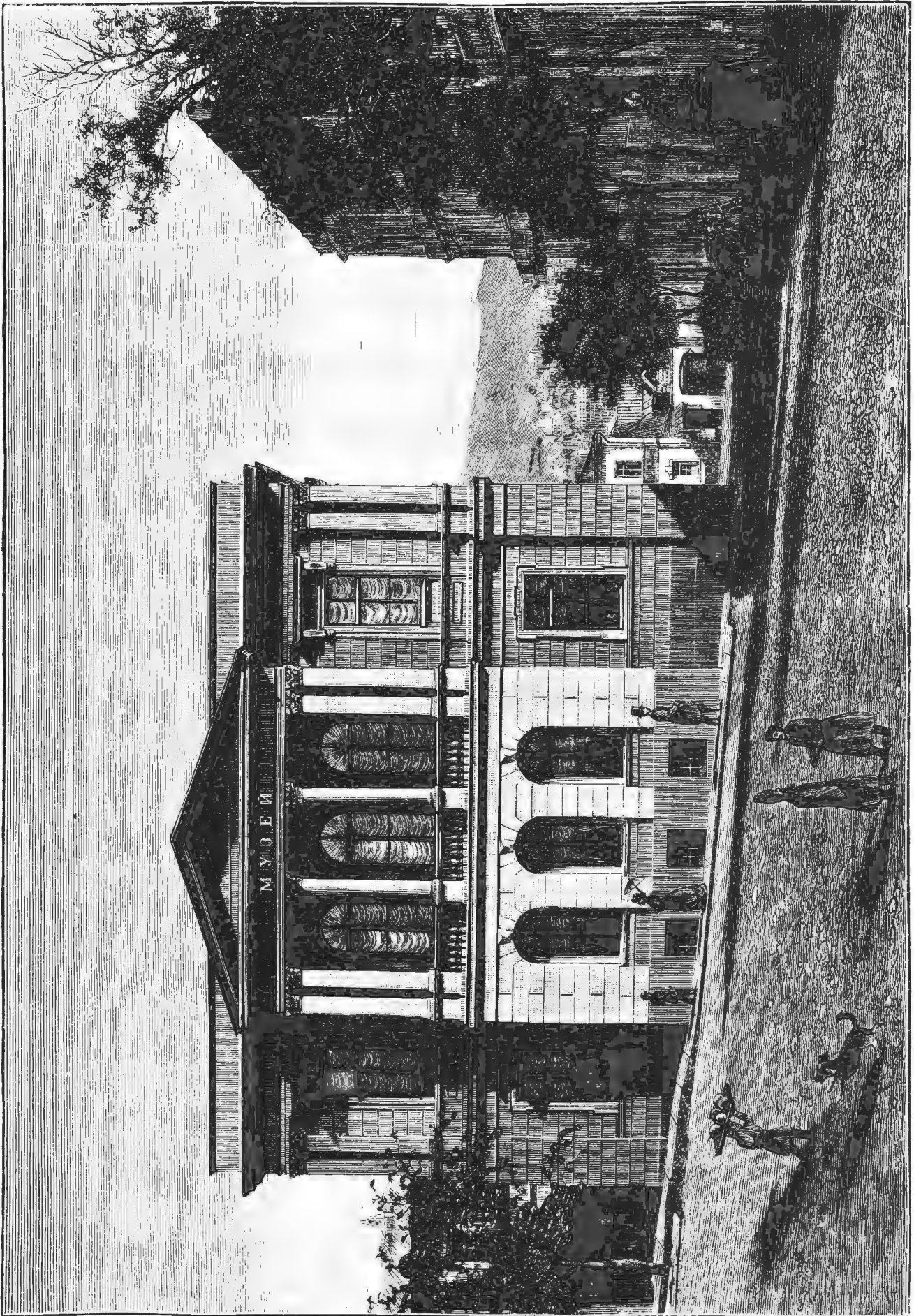
Вошелъ Зубовъ во всемъ блескѣ своей красоты и расшитаго мундира.

Она стала извиняться въ томъ, что потревожилъ герцога, но объяснялъ свой визитъ необходимостью окончательно установить нѣкоторые пункты въ дѣлѣ, которое ихъ такъ занимаетъ.

Герцогъ разсыпался въ любезностяхъ и принялъ на себя добродушный видъ.

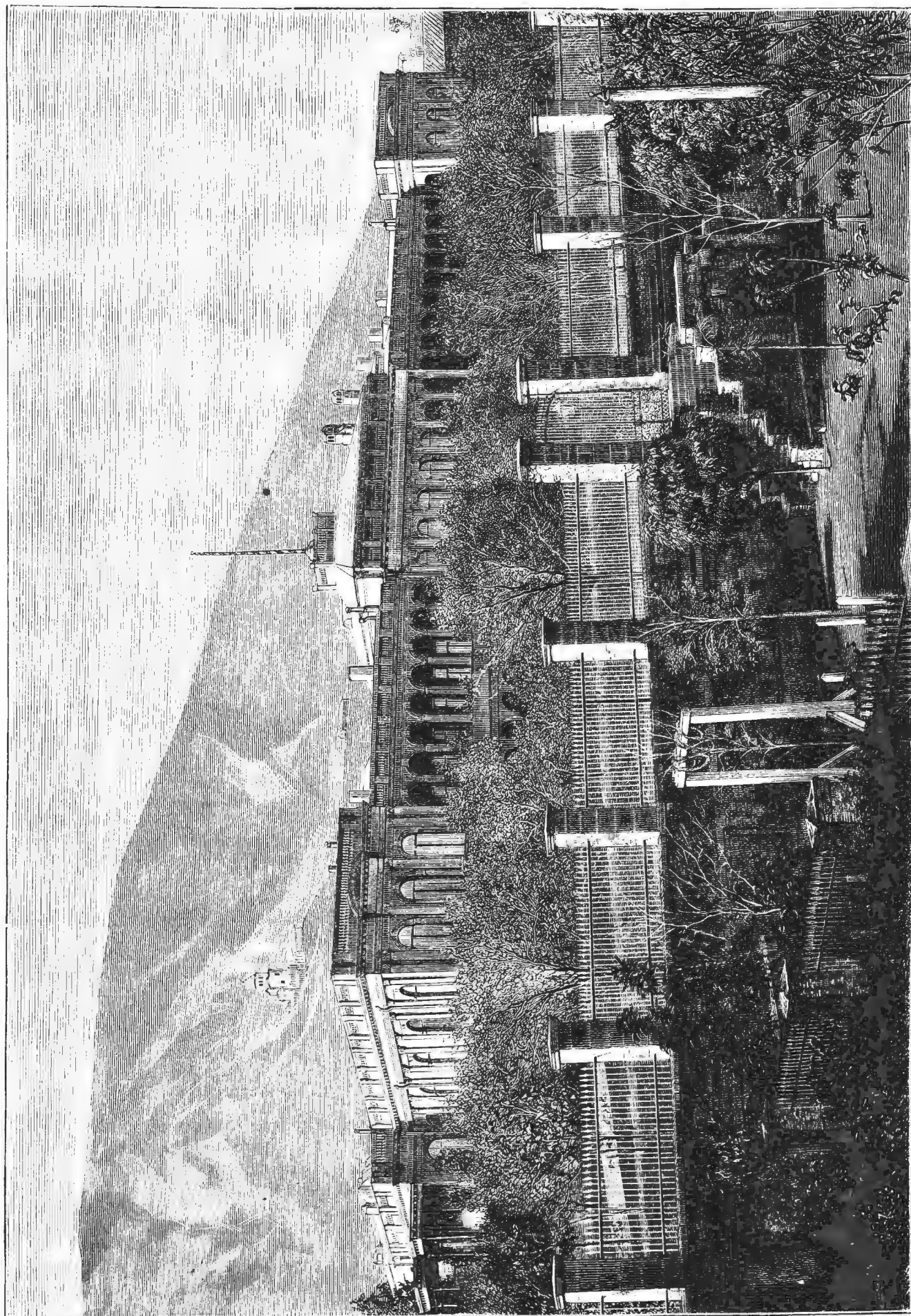
— Ахъ, Боже мой, говорилъ онъ, — да неужели вы до сихъ поръ не видите, что этотъ бракъ составляетъ мою мечту, мое самое горячее желаніе. Если у меня прежде и могли быть какія нибудь сомнѣнія, то теперь этихъ сомнѣній не можетъ быть съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ удовольствіе, имѣлъ счастье лично познакомиться съ императрицей и другими членами ея августѣйшаго семейства. Да и наконецъ помимо моихъ человѣческихъ чувствъ я хорошо знаю, что родственный союзъ съ Россіей нуженъ для Швеціи. Мнѣ кажется я уже ясно высказалъ все это какъ императрицѣ, такъ и вамъ, князь, и повторяю еще разъ только потому, что мнѣ кажется, будто вы не вполне довѣряете моей искренности.

— О, ваше высочество, я вполне довѣрю ей, иначе и быть не можетъ. Но согласитесь, не смотря на всеобщее наше желаніе устроить какъ можно скорѣе это дѣло, мы до сихъ поръ еще не рѣшили его окончательно. А между тѣмъ пора — вы сами знаете что пора. Ея величество не любитъ проволочекъ, она, какъ вамъ конечно и самимъ извѣстно, воплощеніе рѣшительности, энергіи. Она такъ все ясно видитъ и, разъ рѣшивъ вопросъ въ своемъ умѣ, любить тотчасъ же и приступить къ исполненію его на дѣлѣ. Вы могли убѣдиться въ искренности ея чувствъ и въ ея твердомъ желаніи способствовать всѣми мѣрами къ тому, чтобы Швеція считала себя совершенно удовлетворенной. До сихъ поръ ея величество не отказала вамъ ни въ одномъ вашемъ требованіи, она согласна принять на себя всѣ обязательства, которыя вы выставили. Такимъ образомъ остается только одинъ вопросъ, повидимому незначительный, но которому вы однако придаете первостепенное значеніе. Я говорю опять о томъ же, о чемъ говорилъ съ вашимъ высочествомъ въ послѣдній разъ — о вѣроисповѣданіи великой княжны и теперь мы должны окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Съ нашей стороны тутъ не можетъ быть уступки, этому не было примѣра, великая княжна не можетъ и не должна отказаться отъ вѣроисповѣданія, въ которомъ родилась и въ которое крещена. Въ теченіи этой недѣли необходимо назначить обрученіе; но вѣдь вы хорошо знаете, что обрученіе можетъ быть только тогда, когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ въ окончательной формѣ. И такъ, ваше высочество, а жду вашего прямого отвѣта для того, чтобы передать его моей государынѣ!

Тифлисъ. Новое здание Кавказскаго музея. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Тифлисъ. Видъ дворца Намѣстника изъ сада Кавказскаго музея. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Глаза герцога такъ и забѣгали. Онъ пожевалъ губами, поморгалъ глазами и наконецъ отвѣтилъ.

— Вы сейчасъ сказали, князь, что вопросъ незначительный и что это я его выставляю на первый планъ. Мнѣ кажется вы немного ошибаетесь. Если его кто выставляетъ на первый планъ—то это не я, а вы—на мой взглядъ онъ не болѣе какъ второстепенность. Вы хотите вписать этотъ вопросъ огненными буквами въ брачный контрактъ и въ этомъ-то заключается, какъ мнѣ кажется, ошибка. Если его нельзя обойти, то не слѣдовало бы выставлять его на первый планъ, тогда все обошлось бы безо всякой помѣхи. Никто въ Стокгольмѣ и не сталъ бы упрекать великую княжну за то, что она молится по обрядамъ своего вѣроисповѣданія, отъ нея имѣли бы только право требовать, чтобы она не относилась съ пренебреженіемъ къ нашимъ религіознымъ обрядамъ и обычаямъ. Конечно, она не стала бы этаго дѣлать и никакихъ недоразумѣній не могло бы произойти. Но вы непремѣнно желаете, чтобы прежде всего на вѣроисповѣданіе невѣсты—будущей королевы Швеціи, было исключительно обращено вниманіе какъ вашего, такъ и нашего народа. Такимъ образомъ мы сталкиваемся съ народными воззрѣніями...

— Иначе и быть не можетъ, перебилъ его Зубовъ,—если бы вы больше знали Россію, то убѣдились бы сами, что иначе быть не можетъ. Да и наконецъ, какъ изъ вашихъ же словъ оказывается, и шведскій народъ вовсе не индеферентенъ въ этомъ отношеніи. Однимъ словомъ, ваше высочество, разсуждать и спорить намъ тутъ нечего, нужно рѣшить—да или нѣтъ!

Герцогъ развелъ руками.

— Все, что въ нашей власти, будетъ исполнено.

— А въ вашей власти—все! сказали Зубовъ. Это дѣло зависитъ отъ короля, а вы, его уважаемый дядя и регентъ, имѣете на него такое вліяніе!..

— О! вы въ этомъ очень и очень ошибаетесь, крикнулъ регентъ,—прежде, можетъ быть, и имѣлъ на него вліяніе, когда онъ былъ ребенкомъ, теперь же онъ совсѣмъ отъ рукъ отбился. И мнѣ даже очень грустно, если императрица находится въ такомъ заблужденіи относительно моихъ отношеній къ племяннику. Если бы я имѣлъ болѣе на него вліянія, то намъ бы теперь не о чемъ было бы разсуждать, все было бы исполнено по желанію ея величества. А въ этомъ то и дѣло что тутъ не я, а онъ и отъ меня вовсе не все зависитъ, какъ вы говорите.

— Такъ постарайтесь, ваше высочество, и главное не теряйте времени, потому что въ нашемъ распоряженіи дня два, три—не больше. Неужели это дѣло, которое теперь такъ далеко уже подвинуто и въ необходимости котораго мы всѣ такъ увѣрены, не состоится?

— О, это было бы ужасно! съ пафосомъ воскликнулъ герцогъ.

— Да, это было бы ужасно! повторилъ Зубовъ,—потому то вы должны рѣшительно повліять на вашего племянника, если до сихъ поръ не сдѣлали этого. Вотъ вы говорили мнѣ, ваше высочество, о томъ впечатлѣніи, которое произвела на васъ императрица и ея семейство, и съ своей стороны могу вамъ засвидѣтельствовать, что впечатлѣніе это взаимно, что вы можете разсчитывать на искреннюю дружбу государыни, которую она никогда не откажется доказать вамъ самымъ очевиднымъ образомъ. Вамъ извѣстно, что я пользуюсь довѣріемъ государыни, она часто откровенно бесѣдуетъ со мной и то что я теперь говорю вамъ—не фразы, а вещь очень серьезная. Но позвольте мнѣ, ваше высочество, позволюте отойти отъ интересующаго насъ вопроса, позволюте мнѣ не въ качествѣ лица официальнаго, а въ качествѣ частнаго человѣка, искренно вамъ преданнаго, высказать нѣкоторые мои соображенія?

— Ахъ, князь, я такъ радъ буду выслушать все что вы мнѣ скажете!.. Повѣрьте, я такъ цѣню и уважаю

васъ! любезно говорилъ герцогъ Карлъ пожимая крѣпко Зубову руки.

Зубовъ едва сдержалъ презрительную усмѣшку; почти даже брезгливо отвѣчалъ на рукопожатіе герцога и заговорилъ довольно неумѣло, дѣлая ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, но очевидно пропигнутый сознаниемъ своей тонкости, своихъ дипломатическихъ способностей.

— Я возьму на себя смѣлость указать вашему высочеству, что настоящій вашъ пріѣздъ въ Петербургъ можетъ и для васъ лично доставить немало выгодъ въ виду тѣхъ отношеній, которыя установились между вами и государыней и которыя, надѣюсь, не будутъ нарушены. Мы живемъ въ тревожное время и вы знаете это лучше чѣмъ мы, потому что только Россія гарантирована отъ смуты, происходящихъ почти во всей Европѣ. Швеція уже отчасти попала въ водоворотъ, вы испытали слѣдствія этого. Чувствуете ли вы, увѣрены ли вы что и впродолженіе не можетъ повториться то, что было? Да и наконецъ, я уже не стану говорить о политической безопасности, о политическихъ несприятностяхъ, которымъ вы можете подвергнуться. Увѣрены ли вы что у васъ не можетъ быть несприятностей другаго рода, какихъ нибудь столкновеній съ вашимъ племянникомъ?

Герцогъ широко раскрылъ свои глаза, но тотчасъ же почти совсѣмъ закрылъ ихъ и приготовился жадно ловить каждое слово Зубова.

Между тѣмъ Зубовъ остановился на нѣсколько мгновений—онъ припоминалъ урокъ, данный ему Екатериной, припоминалъ все, что онъ долженъ былъ сказать герцогу чтобы окончательно заворожить его.

— Вотъ вы изволили упомянуть о томъ что молодой король началъ выходить изъ подъ вашего благотворнаго вліянія... вспомнивъ началъ онъ.

— Да, это правда, прошепталъ герцогъ.

— Слѣдовательно необходимо вамъ быть вполне обезпеченнымъ отъ разнаго рода случайностей, отъ разныхъ недоразумѣній. Бракъ великой княжны съ королемъ представляетъ въ этомъ отношеніи уже значительныя гарантіи, ибо ея вліяніе на супруга всегда будетъ въ вашу пользу. Она, подобно своей августѣйшей бабѣ и своимъ родителямъ, окажется вамъ самой преданной родственницей. Да, и наконецъ, я позволю себѣ говорить совсѣмъ откровенно, вслучаѣ какихъ нибудь временныхъ недоразумѣній вы всегда найдете здѣсь, въ Россіи, въ Петербургѣ, въ лицѣ государыни и ея семейства самыхъ преданныхъ друзей. Да и наконецъ вы можете сблизиться съ Россіей еще болѣе!

Зубовъ остановился и наблюдалъ за впечатлѣніемъ, которое произвели его послѣднія слова.

Герцогъ слушалъ его очень внимательно, наклонившись впередъ и то и дѣло моргая глазами, а при послѣднемъ словѣ даже привскочилъ на своемъ креслѣ.

— Какимъ образомъ? невольно проговорилъ онъ.

— Мнѣ кажется, конечно это только мое мнѣніе, протянулъ Зубовъ, мнѣ кажется, что титулъ вашего высочества нисколько не будетъ униженъ если къ нему будетъ прибавленъ титулъ великаго герцога Курляндскаго?!

Герцогъ Карлъ вторично привскочилъ на своемъ креслѣ.

Объ этомъ онъ еще не думалъ, этого онъ не ожидалъ, Зубовъ открывалъ ему новые горизонты.

Конечно онъ говоритъ неспроста. Такъ вотъ та награда, которая его ожидаетъ. Благопріятныя обстоятельства сами идутъ ему навстрѣчу. Вѣдь вотъ только что передъ пріѣздомъ Зубова онъ самъ все рѣшилъ и теперь оказывается что онъ правъ, болѣе чѣмъ правъ. Да развѣ онъ когда нибудь ошибается? Онъ такъ хитеръ, дальновиденъ, такъ уменъ!

Да, нужно устроить этотъ бракъ непремѣнно. Да, онъ уѣдетъ изъ Россіи вполне успокоенный насчетъ будущаго.

— Ну, мой дорогой князь, проговорилъ онъ принимаемая равнодушный тонъ,—то что вы сейчасъ сказали—это фантазія, я объ этомъ никогда не думалъ. Передайте же къ нашему дѣлу. Передайте ея величеству что я не имѣю ни минуты покойной пока все благополучно не кончится. Я сегодня же переговорю съ племянникомъ и всѣ мѣры употреблю чтобы заставить его на все согласиться. Сегодня вечеромъ или, самое позднее, завтра утромъ я напишу вамъ. Да, въ теченіи этой недѣли необходимо обручить ихъ. Будьте спокойны, я увѣренъ что никакихъ новыхъ усложненій и недоразумѣній уже не будетъ.

Онъ говорилъ теперь такимъ увѣреннымъ, рѣшительнымъ тономъ. И даже не подозрѣвалъ этотъ хитрый, дальновидный человѣкъ что съ головою выдаетъ себя Зубову.

Въ началѣ разговора оказывалось что онъ ничего не можетъ, что все зависитъ отъ короля, а король вышелъ изъ подъ его вліянія, теперь же онъ увѣрялъ что никакихъ недоразумѣній больше не будетъ.

Еслибы Зубовъ былъ поумнѣе и повнимательнѣе онъ бы потомъ могъ вспомнить эту внезапную перемену, всѣ подробности этого разговора; но онъ ни о чемъ не задумывался, онъ снѣшилъ только теперь извѣстить государыню, что дѣло улажено, что магическія слова возымѣли свое дѣйствіе.

Онъ простился съ герцогомъ и помчался въ Тавричскій дворецъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала его Екатерина.

XXVI.

Опасный соперникъ.

Зубовъ такъ снѣшилъ, что даже не замѣтилъ, отъѣзжая, какъ съ нимъ повстрѣчалась карета, изъ которой на него выглянуло хорошо знакомое ему лицо и тотчасъ же скрылось, очевидно не желая бытیمъ замѣченнымъ.

Карета остановилась у подъезда шведскаго посольства и черезъ минуту герцогу Карлу докладывали объ англійскомъ посланникѣ лордѣ Чарльзѣ Витвортѣ.

Герцогъ поморщился.

„Чего ему отъ меня нужно? Почти каждый день сталъ являться... и главное мнѣ-то онъ ужъ совсѣмъ теперь не нуженъ... Все рѣшено и отступать отъ рѣшеннаго было бы глупо.“

А между тѣмъ не принять лорда было неловко. Витвортъ пользовался въ Петербургѣ большимъ почетомъ. Онъ былъ принятъ при дворѣ самымъ лучшимъ образомъ, успѣлъ обворожить всю петербургскую знать, находится съ Зубовымъ въ дружескихъ отношеніяхъ, угождалъ ему когда было нужно.

Витвортъ пользовался давно установившеюся репутаціей очень ловкаго дипломата и до сихъ поръ всегда отлично устраивалъ свои дѣла.

По пріѣздѣ молодого шведскаго короля и регента въ Петербургъ, онъ, еще прежде знавшій герцога Карла, тотчасъ же явился, успѣлъ оказать шведамъ нѣсколько пріятныхъ услугъ, да и самъ герцогъ Карлъ счелъ необходимымъ обласкать его, такъ какъ съ Англійей все же необходимо было поддерживать добрыя отношенія, въ особенности вслучаѣ непріятнаго оборота дѣла съ Россіей. Теперь герцогъ Карлъ полагалъ, что обстоятельства измѣнились, но, не смотря на свое нерасположеніе, онъ все же счелъ необходимымъ немедленно принять посланника.

Онъ встрѣтилъ англичанина совсѣмъ не въ такомъ настроеніи духа въ какомъ встрѣчалъ передъ тѣмъ Зубова. Теперь маленькій герцогъ былъ оживленъ, сіялъ удовольствіемъ, глазки его то и дѣло самодовольно и лукаво щурились.

— Очень радъ, любезный лордъ, видѣть васъ. Что новаго?.. Не сообщите ли мнѣ какое нибудь интересное извѣстіе? Садитесь пожалуйста... вотъ сюда, тутъ вамъ будетъ удобнѣе.

Онъ указалъ ему на покойное кресло.

Лордъ Витвортъ былъ человѣкъ еще далеко не старый, прекрасно сохранившійся, имѣвшій всегда такой видъ какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ холодной ванны. Отъ него дышало свѣжестью, здоровьемъ. Сухое, мало подвижное лицо его было всегда розоваго цвѣта, свѣтлые глаза ясно и холодно блестѣли, губы были сложены въ неопредѣленную легкую улыбку. Движенія его были плавны, медленны и только иногда казалось, что онъ чувствуетъ какъ будто нѣкоторое затрудненіе сгибать руки и ноги и поворачивать туловище. Впрочемъ въ немъ не было никакой угловатости и рѣзкости, вообще онъ производилъ пріятное впечатлѣніе и правился многимъ женщинамъ.

Лордъ опустился въ указанное ему кресло, подогнулъ одну ногу, принялъ свою обычную позу, которой никогда не измѣнялъ и откинувъ голову въ сторону и съ улыбкой глядя на герцога проговорилъ нѣсколько густымъ, хотя звучнымъ голосомъ.

— О, ваше высочество, какія же у меня новости! Я къ вамъ явился за новостями, такъ какъ теперь всѣ здѣшнія новости сосредоточены въ рукахъ вашихъ. Не сообщите-ли мнѣ что нибудь? Какъ идутъ дѣла, улаживаются ли недоразумѣнія, о которыхъ вы изволили говорить мнѣ въ послѣдній разъ?

Герцогъ рѣшилъ, что скрывать ему особенно нечего, да и потомъ захотѣлъ посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведутъ слова его на англичанина.

— Конечно каждый день приближаетъ насъ къ окончательной развязкѣ, сказалъ онъ.

— Благополучной? прощѣдилъ Витвортъ.

— Надѣюсь. Вѣдь если мы сюда пріѣхали, то разумѣется не съ цѣлью ухатъ, не рѣшивъ въ утвердительномъ смыслѣ того, зачѣмъ пріѣхали. Эта поѣздка была сопряжена съ большими затрудненіями—мы ихъ преодолѣли. Затрудненія встрѣтились и здѣсь—и ихъ преодолѣть необходимо... необходимо рѣшиться на нѣкоторыя уступки... Какое же дѣло можетъ устроиться безъ взаимныхъ уступокъ!

— По судя по словамъ вашимъ, замѣтилъ Витвортъ, я полагаю, что вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей королевѣ шведской не такая уступка, на которую легко рѣшиться. Это дѣйствительно вопросъ первой важности: такое или иное рѣшеніе его можетъ повести къ значительнымъ послѣдствіямъ. Я полагаю, что во всякомъ случаѣ придется уступить императрицѣ, а между тѣмъ не далѣе какъ вчера еще князь Зубовъ говорилъ мнѣ, что въ этомъ смыслѣ съ русской стороны уступокъ быть не можетъ. Такъ неужели вы рѣшились, ваше высочество?.. Это крайне важно и интересно.

— Приходится рѣшиться, сказалъ герцогъ пожимая плечами.

— И Зубовъ уже получилъ вашъ окончательный отвѣтъ? на мгновеніе оживившись, но тотчасъ же снова и застывая, спросилъ англичанинъ.

— То есть... вѣдь это же не отъ меня одного зависитъ. Рѣшить долженъ король... я обѣщала Зубову... я постараюсь... Тянуть съ этимъ долѣе нельзя, такъ какъ дня черезъ три, четыре должно совершиться обрученіе.

И говоря это герцогъ думалъ:

— А, любезный другъ, тебя все это сильно затрогиваетъ за живое! И понимаю я какъ тебѣ должно быть это непріятно. Но все твое краснорѣчіе пропадетъ даромъ—вѣдь изъ за того, что Швеція породнится съ Россіей не можетъ же Англія объявить намъ войну!

Витвортъ нѣсколько мгновеній сидѣлъ въ задумчивости. Но вотъ глаза его засвѣтились, на губахъ показалась и исчезла улыбка. Онъ успѣлъ въ нѣсколько свиданій и разговоровъ хорошо разглядѣть герцога Карла, онъ видѣлъ что съ этимъ человѣкомъ нечего особенно церемониться. Онъ понялъ, что регентъ съ удовольствіемъ

емъ продать и Швецію и своего племянника тому, кто больше за это предложитъ. Онъ рѣшился нецеремониться и говорить прямо.

„Съ этимъ человѣкомъ незачѣмъ даже хитрить, съ нимъ не нужно быть умнымъ!“ презрительно подумалъ онъ.

А въ то же время лицо его выражало добродушную любезность.

— Я отъ души желаю, сказалъ онъ, чтобы всѣ ваши начинанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, чтобы важныя уступки, на которыя вы теперь рѣшились, оказались дѣйствительно полезными, но откровенно говоря я не могу избавиться отъ чувства нѣкотораго недовѣрія къ тому, что эта уступка такъ неизбѣжна.

— Помилуйте, отвѣчалъ герцогъ, я сдѣлалъ все, что могъ, но теперь наконецъ вижу, что уступить необходимо, потому что въ противномъ случаѣ бракъ не можетъ состояться. А если мы уѣдемъ не устроивъ этого дѣла, то намъ грозитъ разрывъ съ Россіей.

— Врядъ ли! Императрица очень осмотрительна и теперь ей крайне невыгодно начинать военныя дѣйствія съ кѣмъ бы то ни было изъ западныхъ сосѣдей — ея взоры устремлены на востокъ. Она упорно мечтаетъ объ Азій. Я понимаю, что лично вамъ, ваше высочество, не слѣдуетъ спориться съ здѣшнимъ дворомъ, но вѣдь вы не отвѣчаете за короля — онъ наканунѣ совершеннолѣтія. Вы сами сейчасъ сказали, что можете только просить его, а дѣло отъ него зависитъ, — представьте себѣ такой случай, что не смотря на всѣ ваши увѣщанія король не согласится на уступку и дѣло разстроится.

— Нѣтъ, я не могу допустить этого, даже съ нѣкоторымъ испугомъ проговорилъ герцогъ. Если бы такъ случилось, меня во всемъ бы обвинили и все обрушилось бы на меня. Мое положеніе вообще очень затруднительно, мое будущее не обезпечено и, прямо говорю вамъ, я долженъ заручиться дружбой императрицы, къ которой со своей стороны питаю большое уваженіе.

— Благодарю васъ, что вы такъ откровенно говорите со мною, сказалъ англичанинъ, благодарю васъ за довѣріе — оно и мнѣ даетъ возможность прямо высказать мои мысли.

Витвортъ, истый дипломатъ, слѣдовалъ по пути Зубова. Человѣкъ дальнорукій и человѣкъ легкомысленный оба увидѣли, что къ герцогу Карлу нѣтъ другаго пути.

— Я понимаю, говорилъ Витвортъ, что положеніе вашего высочества заставляетъ васъ думать о будущемъ, но какія же гарантіи можетъ вамъ представить Россія?

Какія гарантіи!

Онъ отлично зналъ — какія, потому что не далѣе какъ вчера вечеромъ, въ дружеской бесѣдѣ, Зубовъ проговорился ему, что намѣренъ плѣнить регента обѣщаніемъ великаго герцога вѣв Курляндскаго. Онъ отлично понималъ, что объ этомъ именно былъ передъ этимъ разговоръ между регентомъ и Зубовымъ, а сіяющее лицо Зубова, слышавшаго изъ шведскаго посольства въ Таврической дворецъ, сказалъ ему, что обѣщаніе произвело надлежащее дѣйствіе.

— Какія гарантіи? повторилъ онъ. О, ваше высочество, я знаю здѣшнихъ людей лучше чѣмъ вы, я къ нимъ присмотрѣлся. Здѣсь имѣютъ обычай обѣщать что угодно, но очень скоро забываютъ свои обѣщанія, повѣрьте — надежно только то, что въ рукахъ. Разберемте дѣло: я надѣюсь, что вамъ никогда не придется лично для себя прибѣгнуть къ помощи Россіи, но если бы такое несчастіе случилось, что вы здѣсь найдете? Я говорю прямо — вы очутитесь въ фальшивомъ положеніи и слишкомъ поздно убѣдитесь, что значатъ здѣшнія обѣщанія. Да и наконецъ хоть императрица и крѣпка еще, но все таки годы ея не малыя, мало ли что можетъ случиться; вдругъ ея не станетъ — что тогда?.. ужъ тогда ничего не останется отъ ея обѣщаній.

Слова англичанина начинали дѣйствовать на герцога Карла. Онъ почувствовалъ нѣкоторое безпокойство.

„А вѣдь онъ правъ! Только то вѣрно, что въ рукахъ и гарантировать себя будетъ очень трудно!“

Мысль о возможности скорой кончины императрицы до сихъ поръ не приходила герцогу въ голову, теперь Витвортъ навелъ его на эту мысль и передъ нимъ предсталъ образъ Павла.

Павель предупредителенъ съ нимъ и любезенъ, онъ повидимому ничего не имѣетъ противъ этого брака. Великая княгиня не менѣе императрицы желаетъ этого брака, но вѣдь Павель — какъ говорятъ всѣ здѣсь — измѣнчивъ, очень трудно предугадать заранѣе какъ поступитъ онъ въ томъ или въ другомъ случаѣ... Только вѣдь другаго пути все же нѣтъ... Если не увѣренность, то здѣсь по крайней мѣрѣ все же остается надежда... а больше надежды, больше увѣренности вѣдь не дастъ никто... не дастъ и этотъ Витвортъ.

Между тѣмъ англичанинъ поналъ его мысль и отвѣчалъ:

— Повѣрьте, ваше высочество, что не одинъ русскій дворъ искренно расположенъ къ вамъ лично, не одинъ русскій дворъ желаетъ представить вамъ доказательство этого. Я могу вамъ сказать одно: рассчитывайте на Англію. Если не смотря на ваше желаніе и на ваши усилія король вдругъ оказался бы неуступчивымъ и дѣло о бракѣ разстроилось бы, вы можете рассчитывать, что Англія не останется безучастной. Въ виду возможнаго недоразумѣнія между Россіей и Швеціей, въ виду личнаго затрудненія вашего высочества, вы можете тотчасъ же получить отъ насъ поддержку.

— Поддержку! Какую же? наивно спросилъ герцогъ.

— Англія можетъ поддерживать своихъ друзей только деньгами. Видите, я говорю прямо, если паче чаянія брачный контрактъ не будетъ заключенъ и обрученіе короля съ великой княгиней не состоится, въ тотъ же часъ ваше высочество можете получить черезъ меня значительную сумму, которая находится въ моемъ распоряженіи. Размѣръ ея вы сами опредѣлите — слава Богу наши фонды въ исправности и за лишній милліонъ мы не постоимъ, чтобы доказать вамъ наше истинное расположеніе и участіе, чтобы облегчить вамъ затрудненія, которыя могли бы возникнуть у васъ съ Россіей.

Герцогъ Карлъ сидѣлъ совсѣмъ растерянный, въ немъ заговорила вся его природная жадность. Онъ не ожидалъ этого предложенія: оно было чрезчуръ соблазнительно. То, что за часъ до этого, во время разговора съ Зубовымъ казалось ему величайшимъ для него благополучіемъ, то теперь уже являлось въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

Тамъ обѣщанія, положимъ и заманчивыя обѣщанія, а здѣсь — прямо деньги въ руки и большія деньги!

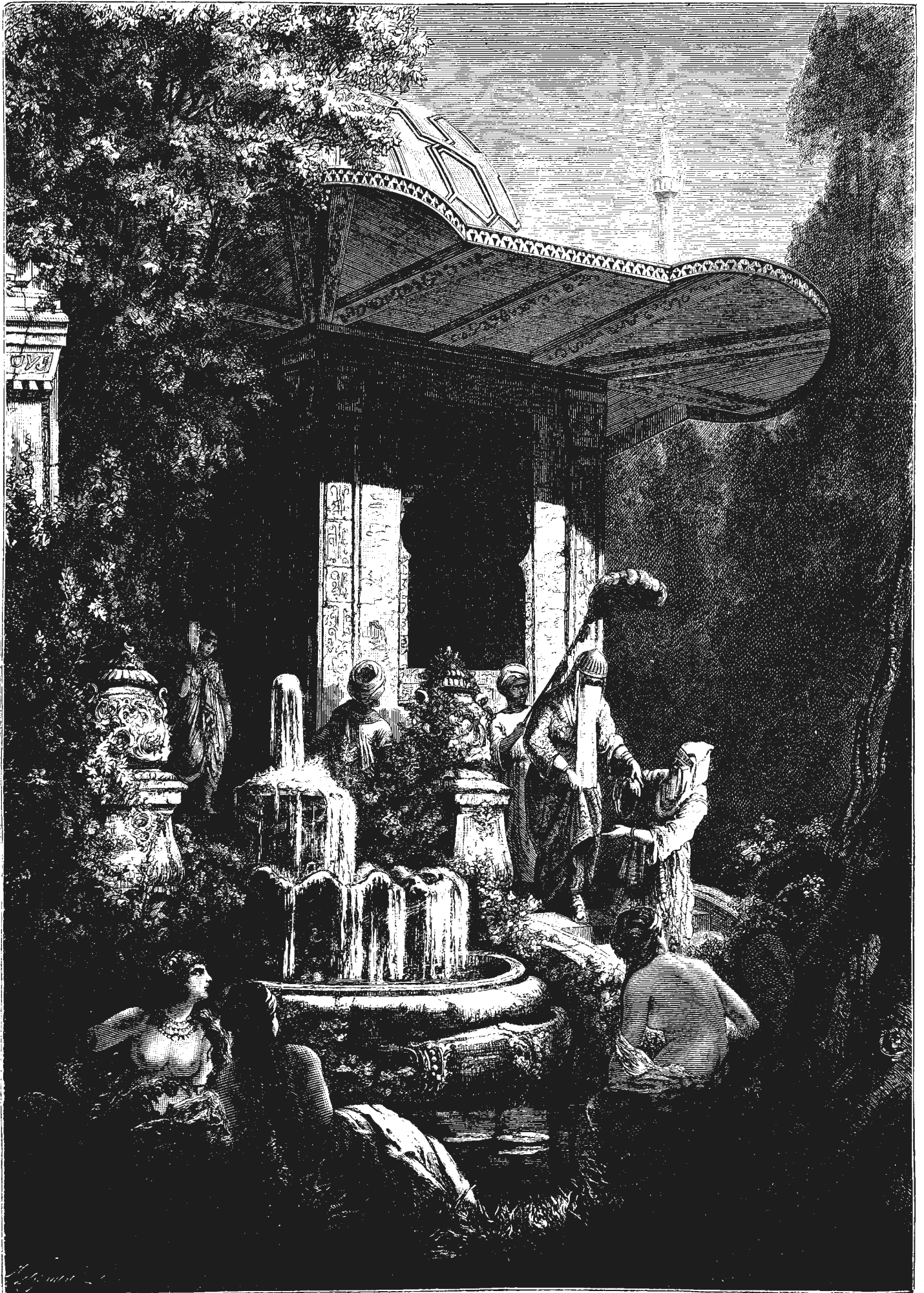
Деньги ему очень нужны. Онъ собралъ ихъ достаточно, но вѣдь вотъ представляется возможность можетъ быть почти удвоить свой капиталъ. Вѣдь это успокоеніе отъ всѣхъ заботъ и тревогъ! Пусть совершится самое худшее, пусть онъ совсѣмъ разоидется съ племянникомъ и долженъ будетъ покинуть Швецію — деньги въ карманѣ. Европа велика, гдѣ угодно найдется прекрасный уголокъ... можно будетъ прожить въ свое удовольствіе.

Но все же эта картина мирной жизни его не удовлетворяла, у него была другая еще страсть — честолюбіе. Онъ уже привыкъ къ власти, къ значенію. Англія ничего этого не можетъ дать ему.

— Ваше доброе, дружеское предложеніе меня сердечно трогаетъ, проговорилъ онъ. Я всегда питалъ и питаю глубокія симпатіи къ вашему королю и правительству. Но разрывъ съ Россіей!.. Мысль о томъ, что мои личныя отношенія къ императрицѣ и ея семейству будутъ навсегда испорчены — тяжела мнѣ.

„Рассчиталъ и взвѣсилъ, подумалъ Витвортъ, и обѣщанія Зубова все же перегибаваютъ!“

— Я рѣшительно не могу понять, сказалъ онъ, чего вы опасаетесь, ваше высочество. Я понимаю, что ваши

Литературный альбомъ. „Бахчисарайскій фонтанъ“. Поэма А. С. Пушкина.

Ориг. рис. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

личные отношенія къ здѣшнему двору могли бы испортиться, если бы вы высказались противъ брака, если бы вы убѣждали вашего племянника быть неуступчивымъ—но вѣдь тутъ совѣтъ на оборотъ: вы желаете этого брака, вы его уговариваете, вы дѣлаете все, что отъ васъ зависитъ и если ваши совѣты, убѣжденія, настоянія не дѣйствуютъ на молодого короля, кто же можетъ васъ обвинять въ этомъ?

— А между тѣмъ обвинять, обвинять непремѣнно!

— Да, обвинять, если заподозрить неискренность съ вашей стороны—но вѣдь отъ васъ зависитъ, чтобы этого не заподозрили. Молодой король произвелъ здѣсь въ Петербургѣ сразу сильное впечатлѣніе. Съ перваго же дня я всюду слышалъ несквернаемыя похвалы ему. Начиная съ императрицы онъ представляется всемъ безъ исключенія чудомъ совершенства человѣческаго—теперь въ эти послѣдніе дни его восхваляютъ все также, но между тѣмъ среди этого восхваленія я подмѣчаю новыя ноты. Его совершенства оказываются относительно, у него уже находятъ недостатки: онъ своенравенъ, упрямъ... „Своенравенъ и упрямъ“ это слова императрицы. Вчера Зубовъ прямо сказалъ мнѣ, что онъ боится его своенравія и упрямства. Видите, они сами находятъ это, такъ чѣмъ же вы будете виноваты, если опасенія ихъ оправдаются?

Герцогъ Карлъ не могъ усидѣть на своемъ креслѣ. Онъ вскочилъ и нѣсколько разъ нервно прошелся по комнатѣ. Витвортъ открывалъ ему новые горизонты.

Вѣдь онъ уменъ, этотъ англичанинъ, и онъ опять правъ, онъ понимаетъ дѣло. Нужно только осмотрительно дѣйствовать и можно одновременно получить и англійскія деньги и сохранить русское расположеніе. Да, обо всемъ этомъ надо хорошенько подумать.

Герцогъ ощутилъ въ себѣ вдругъ большой приливъ энергій; онъ не думалъ, что такъ сложатся обстоятельства. Онъ находился все время въ удрученномъ состояніи духа и вотъ въ одинъ часъ какой нибудь все измѣнилось.

Да, Витвортъ открываетъ новые горизонты!

— Тяжелые дни, жалобно заговорилъ онъ, просто

Местъ Синая.

Разсказъ.

Сэръ Ричардъ Паульсонъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ знатныхъ англійскихъ фамилій, вскорѣ послѣ усмиренія Синаевъ посѣтилъ Остѣндію и пробылъ нѣсколько недѣль въ Калькуттѣ у своего друга полковника Гамильтона. Погода ему казалась такою жаркою, что онъ рѣшился выходить изъ дома только вечеромъ и тогда, покуривая сигару, онъ бродилъ по улицамъ, задумчиво разглядывая темныхъ туземцевъ, которые казались вовсе не ощущали дѣйствія солнечныхъ лучей.

Въ одинъ изъ вечеровъ онъ пришелъ въ мѣстечко Байхъ, лежащее въ трехъ англійскихъ миляхъ отъ Калькутты и гдѣ большою частью живутъ европейцы. Вниманіе его вдругъ было привлечено двумя женщинами, показывавшими фокусы. Одна изъ нихъ была стара, а другая молода и необыкновенно красива. Ея черные глаза, роскошныя волосы, прелестное личико и совершенныя формы поразили бы всякаго художника. Сэръ Ричардъ остановился и сталъ смотрѣть фокусы, состоявшіе большою частью въ бросаніи колецъ и шаровъ, при чемъ изъ первыхъ составлялись различныя фигуры, между тѣмъ какъ послѣдніе то появлялись, то исчезали; незнакомый съ индійскими фокусами сэръ Ричардъ находилъ это непостижимымъ.

Замѣтя его удивленіе, молодая дѣвушка подошла къ нему и протянула руку, прося денегъ. Онъ положилъ очень крупную золотую монету, такъ что дѣвушка поблагодарила его самымъ изысканнымъ восточнымъ жестомъ. Сэръ Ричардъ былъ въ восторгѣ не только отъ красоты дѣвушки, но также и отъ ея обращенія, а потому началъ съ нею разговаривать; но хотя ей и было это повидному приятно, она тѣмъ не менѣе не понимала ни слова. Между тѣмъ стоя около черноглазой красавицы сэръ Ричардъ услышалъ звукъ похожій на шипѣніе змѣи, обернувшись онъ увидѣлъ свирѣпаго вида синая, подкрадывавшагося къ нему съ ножомъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ сэръ Ричардъ, невольно подавшись назадъ.

Синая проговорилъ что-то на своемъ языкѣ и подступилъ къ англичанину съ сверкающими глазами. Повидному это былъ

страшно и подумать о томъ, какъ придется вывернуться изъ всехъ этихъ затрудненій. И вся отвѣтственность на меня падаетъ а я, говоря откровенно, болѣе чѣмъ когда либо неувѣренъ въ племянникѣ. Ужь если здѣсь эти слѣпые люди подмѣтили въ немъ упрямство и своенравіе, то что же мнѣ то сказать! Я знаю его со дня его рожденія, я слѣдилъ за нимъ. Вы думаете, мало усилій употребилъ я для того, чтобы воспитать его какъ слѣдуетъ, но есть натуры, съ которыми никакое воспитаніе ничего не сдѣлаетъ. По дружбѣ скажу вамъ откровенно: мой племянникъ приводитъ меня въ отчаяніе, я ни въ чемъ не могу на него положиться... И вотъ я говорилъ вамъ, что надѣюсь на устройство нашего дѣла, а вѣдь въ сущности я самъ себя обманываю—я ни на что не надѣюсь. Я буду хлопотать, но состоится ли обреченіе или нѣтъ—Богъ знаетъ, дня черезъ три-четыре вы увидите это.

— Если не состоится, то я прошу только ваше высочество не забывать того, что я сказалъ вамъ. Мы горячо примемъ къ сердцу эту вашу неприятность.

— Еще разъ благодарю васъ! проговорилъ герцогъ, протягивая руку Витворту.

Тотъ всталъ такой же свѣжій, розовый, съ блестящими глазами, съ неопредѣленной улыбкой и, откланявшись герцогу, вышелъ изъ его кабинета своей мѣрной тихой походкой.

Оставшись наединѣ съ самимъ собою Карлъ Зюдерманландскій опять превратился въ обезьяну, какъ-то нелѣпо подпрыгнувъ, заметался неровными шагами по комнатѣ, потирая себѣ руки. Глаза его моргали, ротъ кривился.

Нѣтъ, это непремѣнно нужно будетъ устроить, это неожиданный и лучший выходъ. И отчего же не устроить? О, я проведу ихъ всехъ, начиная съ этой прославленной, мудрой императрицы! Меня никто не называетъ ни мудрымъ, ни великимъ, но дѣло не въ названіи... О, я оберну ихъ всехъ вокругъ пальца!

И онъ опять съ удовольствіемъ потеръ себѣ руки. Онъ былъ очень доволенъ собою.

(До слѣд. №).

мужъ молодой женщины, красота которой такъ поразила англичанина и обуреваемый ревностью онъ намѣревался зарѣзать его.

Сэръ Ричардъ, кромѣ налки не имѣлъ при себѣ другаго оружія, но онъ былъ ловкій боксеръ, а потому замахнувшись налкой онъ такъ ударилъ по рукѣ Синая, что ножъ у того отлетѣлъ на далекое разстояніе, вдобавокъ онъ ударилъ его еще разъ самаго, такъ что синая принужденъ былъ убѣжать.

Взволнованный направился сэръ Ричардъ домой, при чемъ замѣтилъ, что обѣ женщины тоже убѣжали.

Когда онъ разсказалъ полковнику Гамильтону свое приключеніе, тотъ рассмѣялся и прибавилъ: берегитесь однако этаго синая; онъ можетъ изъ-за угла всадить вамъ въ сердце ножъ; онъ не усвоится до тѣхъ поръ, пока не отомститъ вамъ.

— Пусть только попробуетъ! отвѣтилъ сэръ Ричардъ. Онъ сегодняшняго дня я стану носить свой револьверъ и сохалѣю очень, что его не было нынче со мною, я бы угостилъ его.

— Это злая собака; мы это испытали въ только что оконченной войнѣ.

Этимъ разговоръ окончился. На другой день вечеромъ оба товарища вышли вмѣстѣ погулять. Къ нимъ подошелъ индѣецъ въ европейскомъ костюмѣ и низко поклонился.

— Хотите ли англійскій господинъ быть добрымъ и дать мнѣ свою карточку? сказалъ онъ ломаннымъ англійскимъ языкомъ сэру Ричарду.

Слѣдя первому побужденію тотъ подалъ ему карточку. Что вамъ угодно? послѣдовалъ затѣмъ вопросъ англичанина, кто вы? дайте мнѣ свою!

Но вопрошаемый еще разъ низко поклонился и вскорѣ исчезъ въ толпѣ.

— Непонятный постоупокъ, сказалъ удивленный англичанинъ. Что нужно было этому человѣку?

— Гмъ, я думаю, что вчерашній Синая рѣшился мстить вамъ и сдѣлалъ уже къ этому первый шагъ, запасшись вашимъ адресомъ. Онъ что нибудь да замышляетъ.

Случай этотъ такъ рассердилъ сэра Ричарда, что онъ возна-

мѣрился сократить время своего пребыванія въ Индіи, и спустя нѣсколько дней отплылъ въ Англію.

Не имѣя причины опасаться чего-бы то ни было на родинѣ, современемъ воспоминаніе о случаѣ въ Остѣ-Индіи совершенно изгладилось изъ памяти сэра Ричарда, а если иногда онъ и вспоминалъ объ немъ, то все-же не безъ нѣкотораго ужаса.

Однажды возвратившись домой онъ узналъ что ему пришли посылку въ видѣ ящика прекрасной работы. Адресъ былъ написанъ настоящими индѣйскими чернилами, тутъ-же былъ припечатанъ странный ключъ и написано приглашеніе дружески принять присланное.

Удивленный посылкою отъ неизвѣстнаго друга, сэръ Ричардъ повернулъ ключъ, замокъ поддакъ и выигъ крышка высоко отскочила на пружинѣ.

Но, о ужасъ! Одновременно съ крышкой поднялась плоская голова гигантской змѣи и толстая гладкая шея вытянулась рѣше чѣмъ онъ успѣлъ снова захлопнуть крышку.

Не сознавая самъ, въ первую минуту замѣшательства, что онъ дѣлаетъ, обѣими руками онъ схватилъ шею змѣи, которая между тѣмъ продолжала ползти изъ сундука пока наконецъ на полу не вытянулась въ пятнадцать футовъ длины.

Сэръ Ричардъ былъ очень силенъ, и держалъ шею чудовища—настоящаго удава—въ желѣзныхъ тискахъ. Но онъ не могъ помянуть змѣю обернуться вокругъ его ногъ и сжимать ихъ съ возрастающей силой. Но пока еще на его сторонѣ было преимущество, и если только у него хватить силъ, онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой ужасной борьбы. Однако онъ боялся что конечности будутъ изломаны и взяты удавомъ.

Онъ все продолжалъ сжимать шею змѣи, которая вдругъ развернулась и своимъ длиннымъ тѣломъ стала швырять и бить все находящееся въ комнатѣ, мебель, зеркала и прочее, а потомъ снова обвилась вокругъ ногъ сэра Ричарда и отъ боли онъ чуть не лишился чувствъ.

Съ большимъ и болѣющимъ напряженіемъ мускуловъ онъ да-

вилъ шею змѣи, такъ что наконецъ подъ пальцами онъ началъ чувствовать шейные позвонки. При этомъ онъ ни на минуту не отводилъ глазъ отъ блестящихъ и угрожающихъ глазъ удава.

Змѣя также какъ и человекъ не можетъ жить безъ процесса дыханія, а потому удушеніе начинало дѣйствовать. Усилія змѣи ослабли, повороты ея замедлились и наконецъ она осталась безъ движенія. Сэръ Ричардъ разжалъ пальцы и шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

По истеченіи получаса онъ вернулся съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей пожелавшихъ увидѣть это странное зрѣлище. Осторожно, вооруженные револьверами они открыли дверь. Большимъ кольцомъ легла змѣя на коврѣ безъ движенія. Она была мертва. Измѣрив змѣю оказалось, что она немногимъ была меньше пятнадцати футовъ. Одинъ изъ товарищей хозяина, свѣдущій въ естественныхъ наукахъ, объяснилъ, что судя по свѣрѣности животное должно было находиться долгое время безъ пищи. Въ сундукѣ было найдено много маленькихъ отверстій для притока воздуха.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ сэръ Ричардъ узналъ, что какой-то индѣецъ приѣхалъ въ Англію на купеческомъ суднѣ съ подобнымъ сундукомъ. Въ Лондонѣ индѣйцу было не трудно узнать адресъ сэра Ричарда и какъ узнали впоследствии индѣецъ самъ принесъ сундукъ.

Не могло быть болѣе сомнѣнія, что это тотъ сипай, который смертельно былъ оскорбленъ англійскимъ аристократомъ и который избралъ странный способъ мести.

Сэръ Ричардъ изъ змѣи велѣлъ сдѣлать чучело въ воспоминаніе своего остѣ-индскаго приключенія и покушенія на его жизнь, о которомъ онъ и не помыслилъ.

О своемъ врагѣ онъ ничего съ тѣхъ поръ болѣе не слышалъ. Пужно предполагать, что тотъ снова вернулся на родину, будучи увѣренъ въ неминуемой смерти сэра Ричарда или-же опасаясь преслѣдованій англійской полиціи.

Русскій театръ въ ХУІІ вѣкѣ.

Историческій очеркъ С. Свѣтлова.

Театральныя зрѣлища на Руси начинаются при царѣ Алексѣ Михайловичѣ, въ 1673 году, со времени прибытія въ Москву первой труппы нѣмецкихъ актеровъ. Впрочемъ нѣкоторые историки русскаго театра утверждаютъ, что боище давали любительскіе спектакли и ранѣе 1673 г. Въ подтвержденіе приводятъ слѣдующіе факты: 25 января 1671 г. въ кремлевской палатѣ была поставлена и исполнена боярами „Баба-та косяная нога“, комедія съ плясками, пѣснями и хороводами. Затѣмъ, въ іюні того же года, была поставлена комедія „Туръ съ тѣнами, плясками козакскими, уральскими, польскими танцами и ирищами разны“, а въ іюль—комедія „Праздникъ Лада“.

Однако достовѣрныя, такъ сказать документальныя или официальные извѣстія о русскомъ театрѣ, имѣются только съ 1673 года, когда Готфридъ Яганъ прибылъ въ Москву съ небольшою труппой нѣмецкихъ кочующихъ актеровъ *); а слѣдовательно и начало театральныхъ представленій въ Россіи слѣдуетъ считать съ названнаго года.

Подобно всѣмъ иностранцамъ, попадавшимъ въ то время въ столицу Руси, Яганъ поспѣшилъ представиться просвѣщеннѣйшему русскому человеку второй половины ХУІІ в., боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, и предложимъ ему свои услуги для увеселенія и развлеченія царя. Матвѣевъ, сочувственно относившійся къ западу и его цивилизаціи, принялъ въ заѣзжемъ иностранномъ артистѣ участіе и не замедлилъ передать предложеніе Ягана царю. Разрѣшеніе послѣдовало, и 21 октября, въ то время какъ царь ужиналъ со своими придворными въ потѣшныхъ хоромахъ, нѣмецкій оркестръ, состоявшій изъ трубъ, литавръ и органа, впервые выступилъ передъ русскою публикой. Царь остался нѣмцами очень доволенъ и разрѣшилъ имъ приходить по праздникамъ во дворецъ и увеселить дворъ музыкою.

Но Яганъ не удовольствовался этими придворными концертами и обратился съ просьбою о разрѣшеніи устроить ему „rodium“, чтобы публично „изобразить комедіи въ лицедѣйствіяхъ“. Царю Алексѣю Михайловичу предложеніе Ягана пришло по душѣ; тѣмъ не менѣе онъ колебался изъяснить свое согласіе, такъ какъ боялся нарушить постановленія церкви, смотрѣвшей на разнаго рода игрища, а тѣмъ болѣе чужеземныя, отнюдь не благосклонно.

Не зная на что рѣшиться, царь приказалъ своему толмачу, Водонійцѣ, распросить нѣмцевъ о характерѣ ихъ представленій, и когда узналъ, что нѣмецкія лицедѣйства ничего предосудительнаго и противу-религіознаго въ себѣ не заключають, обратился за совѣтомъ къ духовнику. Послѣдній, выслушавъ царя, сказалъ:

„Если бы таковыя позорища были богомерзки и правамъ вѣдныи весьма, то хриголюбивые государи иныхъ земель и у себя бы ихъ не дозволяли. Но всякое веселіе и пляска доз-

волительны въ дни воскресные, и примѣры есть, что и при вѣчно-блаженныи памяти императорахъ Палеологахъ таковыи игрища церковнои возбраняемы не были и въ потѣху свѣтлыхъ очей царственныхъ въ царьградскихъ палатахъ исполнялися“.

Заручившись такимъ одобреніемъ духовнаго лица, царь разрѣшилъ Ягану дать первое представленіе въ с. Преображенскомъ. На этомъ спектаклѣ, состоявшемся 2 ноября, присутствовали, по приглашенію царя, всѣ придворные чины. Нѣмцы исполнили комедію: „какъ Юднѣеъ дарица царю Олоферцу голлову отѣвѣла“, и имѣли такой успѣхъ, что спустя нѣсколько времени дали новое представленіе о томъ, „какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по дарицину челоубію и Мардохенну наущенію“. Кромѣ поименованныхъ пѣснь вносѣдствіи были представляемы еще: „Ассуръ и Эсфиръ“, „Адамъ и Ева“, „Странствіе и бракъ молодого Товія, сына Товитова“ и т. п.

Въ 1675 году, въ субботу сырной недѣли, Яганъ далъ блистательное балетное представленіе, о которомъ сохранились довольно подробныя и весьма интересныя свѣдѣнія. Спектакль происходилъ въ Преображенскомъ и начался въ часъ полудни. Царь, войдя въ театръ, поклонился на четыре стороны и занялъ свое мѣсто, возвышавшееся на нѣсколько ступеней, покрытыхъ алымъ сукномъ. По лѣвую руку царя стали главные переводчики его: Гроцій и Виній. Близъ царскаго мѣста, на лавкахъ, размѣстились боище: Парышкинъ, Долгорукій, Матвѣевъ, Одоевскій, Ромодановскій и Дохтуровъ. Остальные зрители размѣстились по боковымъ сторонамъ театра. Когда оркестръ, состоявшій на этотъ разъ изъ ручнаго органа, скрипки, двухъ флейтъ и барабана, окончилъ играть, то на сцену вышелъ въ костюмѣ Орфея актеръ, сопровождаемый двумя яркосвѣщенными ширамидами съ іероглифическими надписями и транспарантами. Поклонившись три раза царю, Орфей началъ пѣть, въ честь его, куплеты, которые переводились на русскій языкъ толмачами. Въ куплетахъ обращаются сперва къ царю, радуясь что насталъ наконецъ день, въ который могутъ дерзнуть увеселить его зрѣлищами, восхваляютъ царя, желаютъ ему здравья и долголѣтствія.

Въ послѣднемъ куплетѣ Орфей приглашаетъ ширамиды протанцовать что нибудь и начинаютъ всѣ танцовать; затѣмъ на сцену вышли въ роскошныхъ костюмахъ всѣ актеры, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ забавляли зрителей разными плясками и танцами.

Такимъ образомъ театральное дѣло пустило въ Россіи довольно значительныя корни. Спектакли, иногда весьма продолжительныя *), стали даваться при дворѣ каждый праздникъ, причемъ въ репертуаръ ихъ входили преимущественно пѣсы релігіозно-правственнаго содержанія. Иногда, какъ-бы для разнообразія, представлялись балеты и показывались фокусы. Сценическое искусство такъ полюбилось нашимъ предкамъ, что кромѣ извѣстнаго уже намъ театра въ Преображенскомъ, былъ

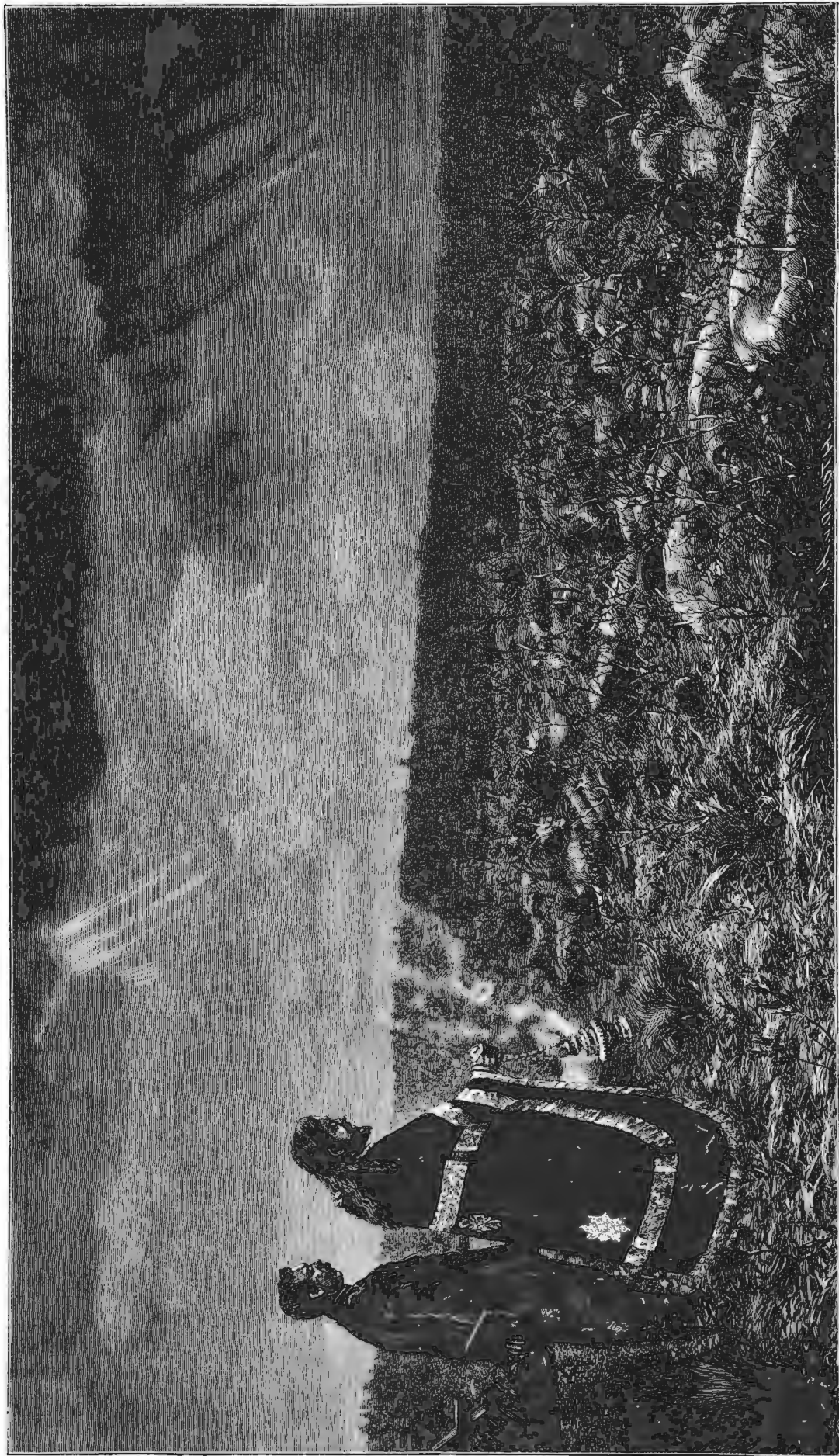
*) По свѣдѣніямъ, нѣмцами въ русской дворѣ галлицкой четверти. По другимъ извѣстіямъ Яганъ приѣхалъ въ Москву въ 1671 году.

*) 21 февраля 1675 года одна комедія началась въ пятомъ часу вечера и кончилась за три часа до разсвѣта.

Креуза. Оригин. рисун. Якобиде, грав. Кнезингъ.

Павшіе на полѣ чести. Съ картины В. В. Верещагина, грав. О. Рогъ.

выстроены в Москвѣ новый театр, или, какъ тогда говорили— „палаты для комедійнаго дѣйства“. Театръ этотъ имѣлъ видъ полукружия; сцена находилась на возвышенномъ помостѣ, украшенномъ скамьями и краснымъ сукномъ. Передъ нею стояло обитое алмазъ-же сукномъ царское мѣсто, а за нимъ находилась закрытая рѣшетчатая галерея для царицы и царской семьи. Около галереи были разставлены полукружьемъ лавки для сановниковъ, а по бокамъ — для остальныхъ зрителей; во время представленій театръ освѣщался салными свѣчами. Употреблялись-ли въ то время декорации, съ точностью сказать нельзя, однако намъ извѣстно, что въ трунѣ Ягана находился мастеръ „перспективнаго письма“, т. е. декораторъ. Что касается костюмовъ, то они были роскошны и шились на царскій счетъ, причѣмъ на нихъ расходовались довольно значительныя денежные суммы.

Съ появленіемъ на Руси театра, не замедлили появиться и русскіе актеры, для образованія которыхъ Ягану были даны на выучку 27 мѣщанскихъ мальчиковъ, срокомъ на три мѣсяца. Положеніе этихъ первыхъ русскихъ жрецовъ сценическаго искусства было, по всей вѣроятности, весьма незавидно, такъ какъ не только въ обществѣ, но даже и въ собственной ихъ семьѣ на нихъ смотрѣли съ пренебреженіемъ, какъ на шутовъ, скотороховъ и людей погибшихъ; экономическое-же положеніе ихъ мы можемъ видѣть изъ словъ слѣдующей челобитной, поданной ими царю: „учаясь у него (т. е. у Ягана) платишникомъ поободрались и самозванками нообносились, а ѣсть-пить нечего и помираемъ мы, холоны твои, голодною смертію“. Государь Алексѣй Михайловичъ приказалъ выдать имъ жалованье по двѣ копейки въ день на человѣка. Сколько получали жалованья нѣмецкіе актеры—неизвѣстно.

Со смертью Алексѣя Михайловича и удаленіемъ завѣдывающаго театрами боярина Матвѣева отъ двора, нѣмецкій театръ прекратился и трунна разсѣялась. Но взамѣнъ его, при дворѣ царевны Софьи Алексѣевны, началъ развиваться театръ уже чисто русскій. Царевна любила сценическое искусство и собрала около себя кружокъ любителей изъ бояръ, съ которыми разыгрывала различныя пьесы. Изъ числа этихъ любителей особенно отличалась Т. И. Арсеньева, пробабка знаменитаго драматическаго писателя и знатока театральнаго дѣла, князя А. А. Шаховскаго. Она, по преданію, замѣчательно хорошо исполняла роль Екатерины въ стихотворной драмѣ царевны Софьи „Екатерина-Великомученица“. Имена остальныхъ артистовъ извѣстны изъ дошедшаго до нашего времени распределенія ролей въ комедіи Мольера „Лекаръ принужденный“ (*Le medecin malgré lui*), исполненной 17 сентября 1678 года: Створель дровосѣкъ—кн. Ю. А. Долгорукій; Мароа, его жена—княгиня А. И. Хованская; Робертъ, сосѣдъ его—кн. В. В. Голицынъ; болринъ Геронъ—кн. Я. Н. Одоевскій; Луцинда, его дочь—кн. П. П. Барятинская; Валерьянъ, дворецкій—кн. Д. П. Щербатовъ; Лука, слуга Герона—подковникъ С. О. Грибоѣдовъ; Акулина, его жена—А. Б. Шереметева; Фибошъ, мужичокъ—кн. М. Я. Черкасовъ; Перинъ, сынъ его—кн. Г. А. Козловскій; Леандеръ, суженый Луцинды—кн. К. О. Щербатовъ. Иногда въ спектакляхъ принимала участіе даже сама царевна Софья.

Къ сожалѣнію какъ о театрѣ царевны такъ и о домашнихъ театрахъ Матвѣева, Милославскаго, Шереметева и Долгорукова, до насъ дошло очень немного свѣдѣній, да и тѣ, которыя имѣются, основаны скорѣе на преданіи, чѣмъ на историческихъ памятникахъ.

Что касается репертуара описываемой нами эпохи, то онъ, какъ было сказано выше, состоялъ главнымъ образомъ изъ пьесъ религиозно-нравственнаго содержанія, причѣмъ сюжеты брались либо изъ Ветхаго, либо изъ Новаго Заветъа. Затѣмъ были въ большомъ ходу пьесы фантастическаго и сатирическаго содер-

жанія, напримѣръ: „Дѣля Муромецъ и Соловей Разбойникъ“, „Мечъ-Кладенецъ“, „Баба-Яга костяная нога“, „Кикимора или ночное пугалище“, „Шемякинъ судъ“ и т. п. Историческихъ пьесъ, въ родѣ „Убіенія Ярополка братомъ Володиміромъ“, ставилось сравнительно немного.

Для образчика языка тогдашнихъ пьесъ мы приведемъ два отрывка, одинъ драматическаго характера (изъ мистеріи „Алексѣй Божій человекъ“), а другой съ отбѣнкомъ комическимъ (изъ комедіи „Навуходоносоръ, Мемухонъ, Моавъ, Амманъ, Песманъ, Корей, Таппоодъ, четыре протазаника, четыре спальника“). Изъ первой пьесы возьмемъ тотъ моментъ, когда невѣста Алексѣя, покинутая своимъ женихомъ, плачется на свою судьбу. Вотъ ея монологъ:

„Алексѣева же естемъ, не таюся, облюбеница, але признаюся... отъ Алексѣя же есмь посрамлена и оставлена. Намславнѣйшими мезь намиаи всѣми, и наичастливѣйша была, колибъ въ Римѣ, бо здѣ естемъ царека урожона, тенерь згожона. Сенаторскіе не только сынове, але жертвеніи славны панове, абы мя собѣ за невѣсту мѣли, сердечно хотѣли, але всѣмъ тымъ сталеся отмовна, бо мысль моя была къ нимъ не любовна; до Алексѣя сердце мя склонило“...

Тенерь представимъ образчикъ комическаго языка. Разговариваютъ два воина, Сусякимъ и Сомвасъ:

Сусякимъ. Ходи, брате, печальныя сія думы да въ винной бочкѣ погребемъ; пойдѣ со мною на завтракъ, азъ ти пару колбасъ ужарити велю.

Сомвасъ. Ха, ха, ха! смѣюся тому: всегда онасался еси, что свиными жаринами и колбасами не удовольишися; и видѣ же что, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишися.

Сусякимъ. Ни, брате, не хочу свиноею быти, шако бо возмогъ бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатися. Пойдѣ, брате, до сего дня возвеселимся“...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о драматическихъ писателяхъ XVII вѣка, большинство которыхъ принадлежало къ монашескому званію. Такое явленіе объясняется, во первыхъ тѣмъ, что духовенство и преимущественно черное, составляло въ то время въ Россіи самый образованный элементъ общества и во вторыхъ, существовавшимъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ обычаемъ, согласно которому учили, въ свободное время, должны были разыгрывать комедіи, „что зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіе есть честной смѣлости“. Для этихъ ученическихъ спектаклей учителя Академіи (въ огромномъ большинствѣ случаевъ монахи) сочиняли различныя драмы и мистеріи, которыя, конечно, не оставались въ стѣнахъ академическихъ, но попадали въ общество и на сцену свѣтскихъ театровъ.

Изъ сказаннаго будетъ понятно, почему въ числѣ главнѣйшихъ драматическихъ писателей XVII в. мы встрѣчаемъ имена такихъ лицъ, которыя, повидимому, къ театру никакого отношенія не имѣють. Сюда, напримѣръ, относятся: Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Георгій Конисскій, архимандритъ батуринскій Ѳеофилъ и т. д.

Изъ свѣтскихъ же писателей замѣчательна только царевна Софья, которая написала драму „Екатерина Великомученица“ и комедію „Русалки или словенскіе вымыслы“.

По мнѣнію Карамзина, чтавнаго драму „Екатерина Великомученица“ въ подлинникѣ, драма эта могла бы равняться съ произведеніями лучшихъ писателей всѣхъ временъ, если бы авторомъ руководилъ болѣе просвѣщенный вкусъ. Ни въ одномъ изъ каталоговъ нашихъ рукописныхъ собраний она не поименована и, по всей вѣроятности, погибла, какъ погибли многіе другіе памятники нашей отечественной старины.

Изъ Тэннисона.

Лордъ Ббрлей.

Шенеть ей онъ: „Если сердцемъ
Не обмануть я своимъ—
Мнѣ сдастся, дорогая,
Что и я тобой любимъ...“

Родилась она въ деревнѣ:
Онъ—бѣднякъ-простодушнѣ...
И отвѣтъ ей онъ слышитъ:
„Милъ мнѣ только ты одинъ.“

Ихъ вѣнчаютъ въ сельскомъ храмѣ
А затѣмъ, изъ подъ вѣнца
Онъ домой ее уводитъ
Отъ любимаго отца.

„Подаритъ жену мнѣ печѣмъ,
Да, голубка, бѣденъ я;
Но тебя люблю я больше
Жизни, милая моя!“

Вотъ идутъ они дорогой,
Видятъ замковъ пышный рядъ;

Нарковъ гордая вершинны,
Козыхаяся, шумять...

И, подумавъ, говорить онъ
Молодой женѣ своей:
„Дай посмотримъ на жилища
Этихъ лордовъ богачей!“

Всѣмъ и деть она за мужемъ,
По пути любуясь съ нимъ
Блескомъ оконъ замковъ гордыхъ,
Ихъ убранствомъ дорогимъ:

Тѣню буковъ и каштановъ,
Вереницей пышныхъ дачъ,
Что себѣ настроятъ всюду
Именитый лордъ-богачъ.

Все ей кажется чудесно...
Вотъ ужъ впитаетъ ей домъ
Гдѣ они, любя другъ друга,
Заживутъ себѣ вдвоемъ.

Ахъ, любить она какъ будетъ!
И какъ только въ домъ войдетъ—
Все по своему уставишь.
Свой порядокъ заведешь.

Сердце весело такъ бьется
Въ этихъ сладостныхъ мечтахъ;
Вотъ проходить подъ ворота,
Видѣнь гербъ на воротахъ.

Этотъ домъ еще богаче
Прежде видѣнныхъ въ пути;
У дверей толпятся сауги,
Приглашая ихъ войти.

На вопросы отвѣчаютъ
Всѣ съ почтеньемъ; онъ идетъ
Рядомъ залъ; его встрѣчаютъ
Уваженъ и почетъ.

И пока она дивится,
Озираясь кругомъ;
Онъ съ улыбкой говоритъ ей:
„Дорогая—вотъ нашъ домъ!“

Въ этомъ замкѣ онъ хозяинъ,
Независимъ, смѣлъ и тордъ,
Лордъ Борлей, извѣстный всюду,
Именитый, знатный лордъ.

Ей лице румянецъ яркій
Покрываетъ смущена,
Вдругъ безъ чувствъ, блѣдна, на кресло
Опускается она.

Какъ за милою женою,
Онъ ухаживалъ за ней;
Что ни день онъ становился
Все вѣжливѣе и вѣжливѣй.

И привыкла поемногу,
Присмотрѣлася она
Въ сану новому, въ который
Имъ была облечена.

И была она любима
Всей окрестною страной,
Стала леди благородной
И примѣрною женой.

Но тревожно было сердце
И давила словно гнетъ
Все мечта о прежнемъ милымъ...
Что богатство и почетъ!!

Все хирѣла, все шептала:
„Ахъ когда-бъ остался онъ
Тѣмъ простымъ и добрымъ мальчмъ,
Что въ меня былъ такъ влюбленъ!“

Незамѣтно увядая,
Съ нимъ жила она года:
Трехъ оставила малютокъ
И скончалась молода.

Лордъ Борлей безумно плакалъ,
Ранней смертью пораженъ,
И роскошный замокъ лорда
Весь былъ въ трауръ облеченъ.

Лордъ сказалъ, на вѣкъ прощаясь
Съ кроткимъ мертвеннымъ лицомъ:
„Въ то ее одѣньте платье,
Какъ стояла подъ вѣщомъ!“

Свой простой нарядъ вѣнчалъ
Въ тѣсный гробъ она взяла:
Въ немъ была она любима.
Въ немъ была она счастливою была...

Д. Садовниковъ.

Кавказскій музей въ Тифлисѣ.

Очеркъ.

Директора музея донт. Раде.

(Рис. на стр. 436).

Въ Тифлисѣ имѣется теперь прекрасный Кавказскій музей, который по полнотѣ и богатству коллекцій и устройству своему заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Пятому археологическому конгрессу, состоявшему по почину графа Уварова и мѣстнаго комитета въ сентябрѣ этого года, обязанъ этотъ музей своимъ блестящимъ развитіемъ. До сихъ поръ въ Тифлисѣ не происходило ученыхъ конгрессовъ и о послѣднемъ конгрессѣ внутренняя и заграничная пресса отзывалась съ большою похвалою. Въ значительной мѣрѣ научнымъ успѣхомъ конгрессъ обязанъ Кавказскому музею; въ немъ старательно собранъ и подраздѣленъ богатый матеріалъ не только сокровищъ Кавказа и народовъ тамъ обитающихъ, но также историческіе памятники прошлаго, оставленные его жителями на землѣ и въ нѣдрахъ ея.

Начиная отъ каменныхъ топоровъ, которые, какъ извѣстно, свидѣтельствуютъ о людяхъ каменнаго періода, жившихъ въ странѣ Аргонавтовъ, топоровъ, которые найдены въ бассейнѣ Ріона—до Скифо-Эллинскихъ древностей въ нижней Кубани и Анапѣ, великолѣпной утвари арабскаго происхожденія—изъ области Каспія и изъ Дагестана и даже древнихъ ассирійскихъ рельефовъ и неразобранныхъ гвоздеобразныхъ письменъ,—все это собрано въ музей и напоминаетъ посетителю давно минувшія времена. Не безъинтересно будетъ ознакомиться ближе, какъ образовалось это учрежденіе.

Чтобы дать понятіе о первомъ началѣ Кавказскаго музея, приходится упомянуть о князѣ М. С. Воронцовѣ, и о Кавказскомъ Отдѣленіи Императорскаго географическаго общества и считать днемъ рожденія музея 10-е мая 1852 года. Но въ тѣ безпокойныя времена, когда горцы въ Дагестанѣ безпрестанно требовали бдительности и энергіи съ нашей стороны, устройство научнаго музея на Кавказѣ было очень неудобно и идея этого устройства сама по себѣ преждевременна. На это указываетъ и дальнѣйшее развитіе музея, которое не подвигалось въ продолженіи 15-ти лѣтъ. Наконецъ музей былъ совершенно забытъ. Многіе изъ вліятельныхъ людей, которымъ музей обязанъ своимъ существованіемъ, уже умерли, другіе были далеко отъ Кавказа. Но между тѣмъ времена перемѣнились. Шамилъ жилъ въ Калугѣ, легионы сложили оружіе, Западный Кавказъ былъ покоренъ и большинство черкесъ выселились. Миръ былъ возстановленъ на Кавказѣ. Теперь настало время подумать объ устройствѣ центра, въ которомъ можно было бы сохранять различные сокровища страны.

По волѣ великаго князя Михаила Николаевича весною 1864 года мнѣ было поручено биологическо-географическое изслѣдованіе Кавказа и работы свои я началъ въ дикой вольной Сванетинѣ—области, лежащей высоко въ горахъ по Ингуру,

странѣ малодоступной и малоизвѣстной и гдѣ съ научной цѣлью побывало не болѣе двухъ-трехъ европейцевъ. Оттуда я вывезъ богатый матеріалъ; но въ то же время возникъ вопросъ что дѣлать съ этимъ собраніемъ, которое съ каждой такой экспедиціей должно было увеличиваться. Въ Кавказскомъ отдѣленіи Императорскаго географическаго общества, обладавшего нѣкоторыми этнографическими предметами, нѣсколькими надписями и очень драгоценными вещами, подаренными княземъ Воронцовымъ, я увидѣлъ первое начало музея. Мысль эта была одобрена Великимъ Княземъ и въ Январѣ 1867 года состоялось открытіе музея въ присутствіи Его Высочества. Вскорѣ отведеннаго мѣста сдѣлалось недостаточно для музея. Напротивъ дворца Намѣстника находилась незаинята строеніемъ прекрасная площадь, на южной сторонѣ которой князь Юрій Гагаринъ началъ нѣкогда оригинальную постройку въ мавританскомъ стилѣ. Теперь это были развалины, къ которымъ примыкали другія съ массивными и крѣпкими сводами, гдѣ прежде находился клубъ съ садомъ и бассейномъ и гдѣ давались балы княземъ Воронцовымъ. Эта площадь была куплена правительствомъ и предназначена подъ музей.

На перенемъ планѣ площади по угламъ было предложено построить по одноэтажному зданію въ персидскомъ стилѣ—одно собственно для музея, другое для публичной бібліотеки и оба зданія соединить галлерей на сводахъ. Передъ зданіемъ предполагалось устроить скверъ, а надъ галлерей, по срединѣ, возвести надстройку съ большимъ заломъ для концертовъ, за сѣданимъ ученыхъ обществъ и пр. Остальное свободное пространство предназначалось для сада съ лѣтками для птицъ, фонтанами и помѣщеніями для большихъ дикихъ животныхъ стравы. Все это мало по малу разрѣшалось правительствомъ. Въ 1869 году новое зданіе музея было окончено и въ слѣдующемъ приступлено къ окончанію бібліотеки; за неизмѣнимъ средствъ постройка галлерей и большого зала приостановилась. Она и въполнствѣ не была окончена, такъ какъ въ 1873 году вышло распоряженіе снести галлерей, сравнить мѣсто и на сѣверо-восточной сторонѣ зданія, выстроить женскую гимназію. Подъ садъ музея было оставлено только узкое пространство, идущее вдоль всего зданія.

Въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ музей снова переполнился. Изъ каждой своей побѣдки я привозилъ новыя сокровища.

Стремленія мои соединить въ одномъ мѣстѣ въ Тифлисѣ всѣ имѣющіяся кавказскія коллекціи, не остались безъ успѣха, и что въ этомъ отношеніи не было сдѣлано добровольно, къ тому принудили обстоятельство и время. Когда въ 1878 г. въ Тифлисѣ находился графъ Уваровъ, заслуженный русскій архео-

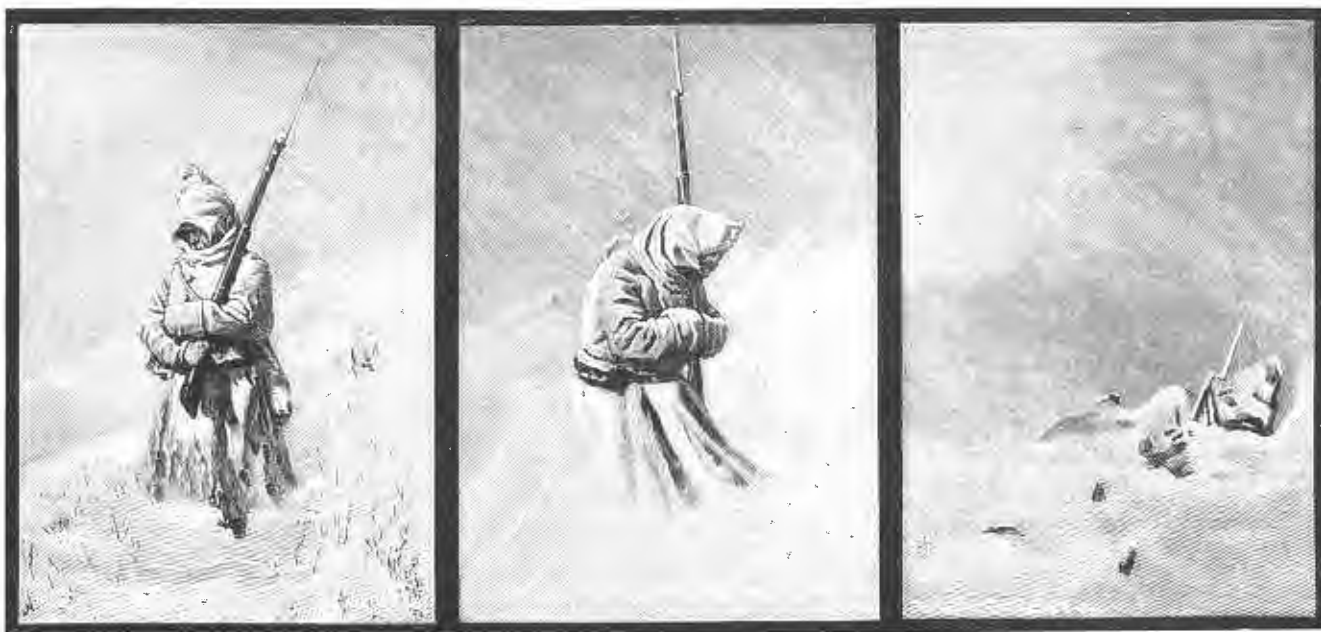
логъ, съ цѣлью подготовить пятый археологическій конгрессъ, я воспользовался его пребываніемъ въ интересахъ музея. Я выставилъ на видъ, что въ Тифлисѣ впервые будетъ происходить конгрессъ и что музей не уйдетъ отъ его критики. Возникнетъ вопросъ, что сдѣлала для науки Россія, владѣющая 80 лѣтъ Кавказомъ, въ странѣ богато одаренной природой и исторія которой такъ разнообразна. Мысль была поддержана Великимъ Княземъ и его старшимъ сыномъ Николаемъ Михайловичемъ. Въ продолженіи одного года, при усиленной работѣ была окончена надстройка и расширение Кавказскаго музея. Въ 1881 году начались работы внутри зданія. Въ верхнемъ этажѣ былъ устроенъ обширный этнографическій отдѣлъ, за которымъ въ двухъ залахъ помѣщались ботанической и энтомологическій отдѣлы; низъ зданія былъ оставленъ для геологій и зоологій. Здѣсь въ центральномъ главномъ залѣ выставлены только большія четвероногія и птицы, позади находится комната для рыбъ и пресмыкающихся, другая—для меньшихъ млекопитающихъ и для остеологическихъ собраній. Съ площадки, высокія стѣны которой украшены великолѣпными фресками, ведетъ витая лѣстница въ отдѣленіе для древностей, размѣщенныхъ въ шести комнатахъ. Такое значительное развитіе музея измѣняетъ совершенно не только его хозяйственныя потребности, но также и научныя отъ него требованія. Для удовлетворенія этихъ требованій необходимо изданіе иллюстрированнаго каталога, что вполнѣ осуществимо, такъ какъ въ настоящее время большая часть собраній приводится въ порядокъ многими специалистами какъ русскими, такъ и иностранными.

зальтовыя контуры сосѣднихъ строеній. Высокій итальянскій тростникъ насаженъ группами вмѣстѣ съ лавровой вишней и Японской акаціей. Всѣ стѣны и заборы покрыты различными сортами плюща, вьющимися розами и дикимъ виноградомъ.

Въ самой глубинѣ сада находится уютное, тихое мѣстечко. Тутъ за искусственнымъ возвышеніемъ, обсаженнымъ фіалками и мѣстными напоротниками поставленъ прекрасный надгробный памятникъ съ кладбища въ Джульфи и скамейка для отдыха. Все вокругъ покрыто роскошной зеленью. Надгробный камень этотъ свидѣтельствуетъ о богатствѣ и вкусѣ Армянъ изъ Джульфи, а также напоминаетъ о могуществѣ суроваго шаха Аббаса, по приказанію котораго жители большаго города на Араксѣ были переселены насильно въ окрестности Испагани. Въ своемъ отечествѣ они оставили только свои кладбища съ нѣсколькими тысячами прекрасныхъ монументовъ изъ краснаго песчаника.

Какъ и вообще на всемъ югѣ, весна—самое благоприятное время года для сада музея. Тогда то гряды и клумбы его покрываются пестрыми цвѣтами, которыхъ въ самомъ край насчитывается множество разнообразныхъ видовъ. Рядомъ съ мерендерой растутъ бѣлыя фіалки, за ними слѣдуютъ разные сорта сирени. Тутъ же въ саду растутъ—рѣдкость въ Тифлисѣ—три сосны, которыя хотя и часто встрѣчаются въ лѣсахъ западнаго и центрального Кавказа, но очень трудно сохраняются въ самомъ Тифлисѣ, благодаря необыкновенной жарѣ лѣтомъ.

Собраніе живыхъ птицъ должно было также быть соразмѣрено съ небольшимъ пространствомъ сада. Пить сомнѣнія, что

На Шипкѣ. Съ картины В. В. Верещагина, грав. О. Ротъ.

Чудная мѣстность видна изъ небольшого сада музея. Гора Давида, съ приподнятыми и разбросанными слоями графита и сланца круто спускается къ Курѣ. Ея обнаженная вершина много столѣтій подвергается дѣйствію вѣтровъ, а дождевые воды смываютъ глину съ графитныхъ слоевъ. Въ этомъ геологическомъ образованіи слѣдуетъ искать главную причину что улицы Тифлиса такъ грязны. Грязь эту не можетъ устранить самая тщательная заботливость о чистотѣ. Тутъ нѣтъ ни гранита, ни песка. Пузырчатая, базальтовая глыба хрупка какъ стекло, а глинистый низкій слой земли не пропускаетъ воду.

Отъ дворца къ низу, пройдя широкую дворцовую площадку, начинается крутой спускъ, превращенный въ террасу, которая поддерживается каменной стѣной и обнесена желѣзной рѣшеткой. Въ концѣ террасы, на лѣво, Публичная Библиотека, присоединенная къ музею; въ ней насчитывается болѣе 30,000 томовъ книгъ. За исключеніемъ праздниковъ, она бываетъ открыта ежедневно зимою отъ 12—до 5 и лѣтомъ отъ 2—до 6 часовъ дня. Съ правой стороны рѣшетки террасы находится собственно музей со своимъ садомъ, въ который ведетъ желѣзная лѣстница. Роскошные вѣчно зеленые кусты розъ спускался шпалерами, отбѣгаютъ ступени, на которыхъ въ кадкахъ поставлены розы и другія листовныя растенія. Лѣтомъ здѣсь стоятъ въ тѣни бегоніи и другія нѣжныя растенія, не переносящія горячаго южнаго солнца. Небольшое пространство сада занято вѣчно зелеными кустарниками, засажено различными сортами туй, изъ которыхъ особенно хорошо растетъ „сопратса“. Высотія плаучія ивы, сохраняющія зелень весь ноябрь и возобновляющія ее уже въ мартѣ, отчасти скрываютъ острия ба-

въ Тифлисѣ изъ животныхъ страны и ея пернатыхъ обитателей можно было-бы составить богатый зоологическій садъ, но, какъ уже сказано, не хватаетъ мѣста. На Кавказѣ водятся большія четвероногія животныя, какъ то: тигры, пантеры, рыси, дикія кошки, гіены, волки, лисицы, шакалы, степныя лисицы (*Canis melanotus*) и пр.; все это легко достать. Кромѣ того единственно тутъ водятся прекрасные горные, такъ называемые каменные козлы, дикія овцы и серны, олени, козы и антилопы. Не менѣе разнообразенъ и отдѣлъ птицъ, между которыми есть нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ, какъ напримѣръ двѣ породы *Megaloperdix* съ кавказскихъ высотъ и множество водяныхъ птицъ какъ то: цапли, утки, чайки, и пр. Но перейдемъ къ обитателямъ клѣтокъ сада. Въ первой изъ нихъ, не особенно большой (1½ куб. сажени) вмѣстѣ съ фазанами и горлицами, сидитъ рѣдная птица—это *Megaloperdix saucasica* или горная индѣйка. Она уже прожила въ неволѣ два жаркихъ лѣта и это служитъ ручательствомъ, что можетъ прожить и больше. Красная эта птица водится только у подножія глетчеровъ кавказскихъ горъ, на высотѣ отъ 10 до 13,000 футовъ надъ моремъ; она очень пуглива и привыкла только къ шуму падающихъ камней и треску лопающихся глетчеровъ. Вторая клѣтка наполнена маленькими соколами и сороками и не представляетъ ничего особеннаго. Затѣмъ слѣдуетъ длинная просторная клѣтка, отбѣненная виноградомъ. Тутъ въ особыхъ отдѣленіяхъ живутъ кобчики, курятники, малые орлы и три коршуна, изъ которыхъ самый старый подражаетъ голосу всѣхъ сосѣднихъ птицъ, а иногда мяукаетъ кошкой. Все что ему даютъ онъ тащить въ уголокъ своего домика, куда прячетъ и остающійся

кормь. Въ слѣдующемъ большомъ отдѣленіи живутъ бѣлая цапля, аисты, лысухи (водяныя куры), очень много рѣдкихъ утокъ и красногорлый гусь, который не встрѣчается нигдѣ болѣе въ зоологическихъ садахъ. Здѣсь уже два года живетъ 3 экземпляра этой рѣдкой птицы. На сибирскихъ тундрахъ, лѣтомъ она высиживаетъ яйца, а зимою большими стаями летитъ къ юго-западу и залетаетъ даже къ Волгѣ. Въ концѣ послѣдняго крайняго отдѣленія сидятъ филины и съ ними чернахи, уходящія на зиму въ землю. Совершенно отдѣльно, занимая всю узкую часть сада, стоитъ высокая въ 20 куб. саж. клѣтка для коршуновъ и орловъ, и съ приспособленными сидѣньями для дикихъ птицъ. Эта клѣтка всегда занята и любой зоологическій садъ можетъ позавидовать такой коллекціи. Тутъ есть великолѣпный ягнятникъ, снизу совершенно почти бѣлый, молодые и старыя королевскіе орлы, морскіе орлы и проч. Дикія эти птицы, въ особенности ягнятники, очень любятъ купаться, по преимуществу въ полдень, послѣ чего про-

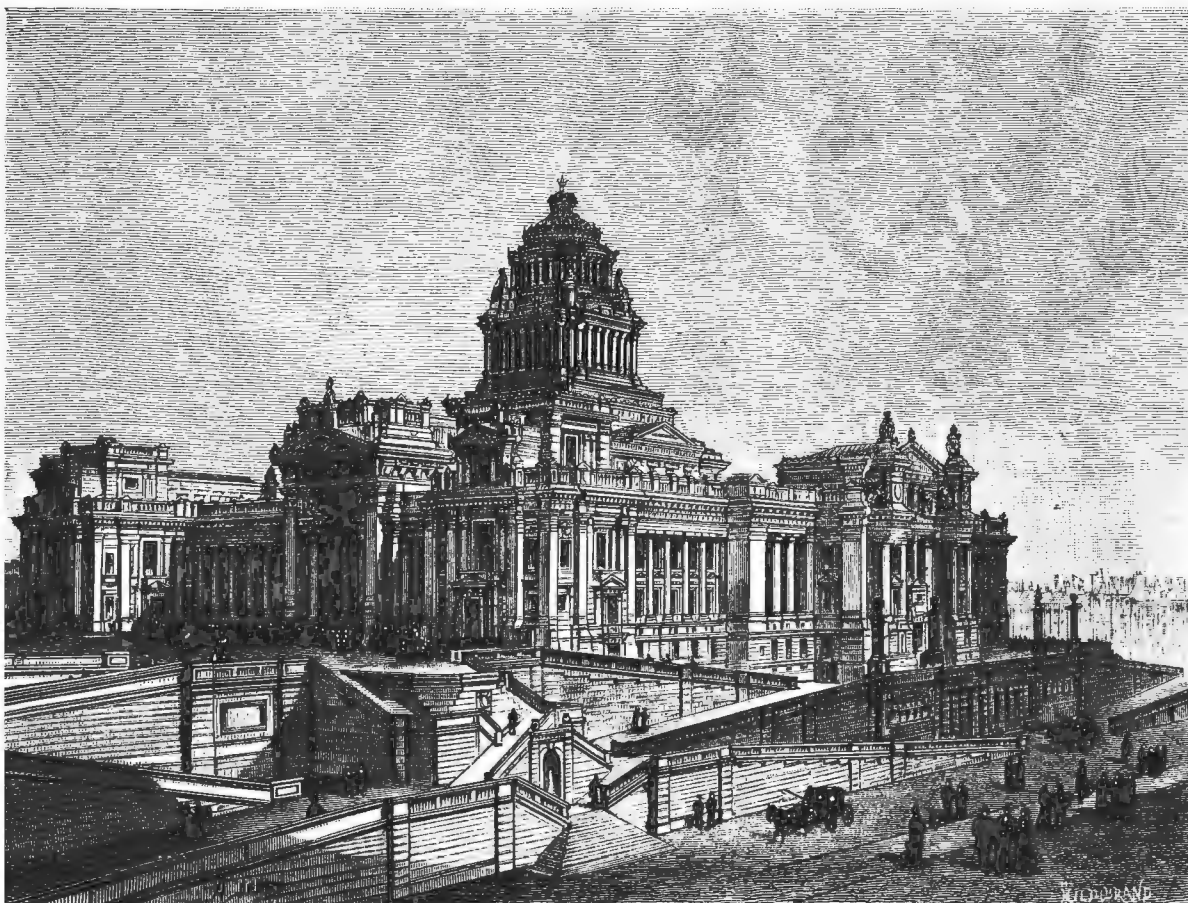
Профессоръ С. П. Боткинъ. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю Барановскій.

сушиваютъ свои крылья на солнцѣ.

Вѣчно зеленый садъ музея, простирающійся по сѣверной сторонѣ его, со своими обитателями представляетъ спокойное мѣсто посреди шумнаго Тифлиса.

С. П. Боткинъ.

Вскорѣ послѣ чествованія нашего ученаго В. Л. Грубера естественно возникло общее желаніе отпраздновать возможно торжественно день 25 лѣтняго юбилея другаго нашего русскаго ученаго, знаменитаго клинициста Сергѣя Петровича Боткина—день этотъ пришелся на 27 Апрѣля и отпразднованъ достойнымъ образомъ. За обѣдомъ въ честь юбиляра сказано было нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей и со всей Россіи читались привѣтственные телеграммы. Въ виду настоящаго юбилея ученаго, которымъ по справедливости могла бы гордиться всякая страна, мы напомнимъ здѣсь его значеніе и нѣкоторыя о немъ подробности. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ не одно русское имя стало уже достояніемъ всемірной науки и искусства, но въ об-

Новое зданіе суда въ Брюсселѣ. Рис. Деруа, грав. Гильдебрандтъ.

ласти медицины таких имен наиболее. Пылливый ум нашего ученаго съ первых шаговъ профессуры его сумѣлъ вдохнуть и въ учениковъ и въ товарищей жажду иди путемъ опыта и наблюдѣнія. Клиника Боткина стала центромъ такого стремленія къ самостоятельной научной дѣятельности; ближайшіе ученики его сами заняли почетныя мѣста профессоровъ русскихъ университетовъ. Кромѣ чисто научнаго дѣла и въ прикладной медицинѣ Боткинъ былъ главою русской школы. Его строго-научное, разумное отношеніе къ дѣлу слишкомъ извѣстно. Сколько тысячамъ больныхъ сохранена жизнь и здоровье благодаря его искусству, знанію, вѣрности взгляда, даровитости, кто не скажетъ что юбилей этотъ нашъ русскій праздникъ. С. П. родился въ Москвѣ въ 1832 г. и принадлежитъ къ столь извѣстному семейству Боткиныхъ; онъ братъ автора превосходныхъ „Писемъ объ Испаніи“, и всегда люди науки и литературы были близки въ этомъ домѣ. Первоначальное образованіе получилъ С. П. въ пансіонѣ, изъ котораго перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, и въ 1855 году, въ самый разгаръ крымской войны, окончилъ курсъ. Въ это время покойный знаменитый хирургъ нашъ П. И. Пироговъ образовалъ лазаретъ въ Бахчисараѣ и въ числѣ другихъ молодыхъ людей отряда Пирогова отправился и Боткинъ. Разумѣется въ данномъ случаѣ не могъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на молодого врача такой высоко замѣчательный практикъ какъ Пироговъ. Послѣ крымской компаніи С. П. отправился за границу гдѣ съ величайшимъ вниманіемъ и трудолюбіемъ знакомясь съ дѣятельностью знаменитыхъ европейскихъ медиковъ. Наиболее сильное вліяніе имѣли на него Клодъ—Бер-

наръ, Траубе и Вирховъ. По возвращеніи изъ заграничи С. П. пригласили занять мѣсто адъюнкта профессора Шинюлинскаго, который завѣдывалъ терапевтическою клинкою и къ концу года умеръ а Боткинъ получилъ званіе ординарнаго профессора и сталъ завѣдующимъ клинкою. Превосходное, ясное, точное и блестящее изложеніе, которымъ отличались лекціи С. П. привлекали въ его аудиторію множество слушателей. Помимо лекцій и личной практики Боткинскихъ были учреждены при клиникѣ лабораторія и приемная, куда стекались со всѣхъ концовъ Россіи. Въ 1870 году С. П. сдѣланъ лейбъ-медикомъ и имѣлъ счастье и заслугу передъ Россіей излечить отъ тяжелой болѣзни Паслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора а въ 1872 г. въ Крыму Государыню Императрицу Марію Александровну, за что удостоенъ былъ высшей награды, Владимірскаго звѣзды. Затѣмъ онъ сопровождалъ въ Бозѣ почившую Государыню Императрицу въ ея послѣднюю побѣдку и имѣлъ печальную возможность оказать послѣднюю помощь Царственному Страдалцу въ послѣднія минуты жизни Его въ скорбный для Россіи день 1 Марта минувшаго года. Недавно (10 Апрѣля) происходили въ конференціи военно-медицинской академіи выборы С. П. на новое пятилѣтіе службы въ качествѣ профессора терапевтической клиники. Надо ли добавлять что выборы эти сопровождался полнѣйшимъ сочувствіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, прошли съ рѣдкимъ единодушіемъ и дали академіи еще пять лѣтъ дѣятельности знаменитаго учителя? Сверхъ того С. П. многими присутствовавшими на конференціи предложенъ въ число почетныхъ членовъ военно-медицинской академіи, при чемъ баллотировка снова показала полное единогласіе.

Къ рисункамъ.

Дворецъ намѣстника въ Тифлисѣ.

(Рис. на стр. 437).

Обогащеніе Тифлиса изящными постройками европейскаго образца началось сравнительно весьма недавно и конечно лишь съ водвореніемъ здѣсь русскаго владычества. До того же времени, т. е. до 1801 года Тифлисъ былъ городъ чисто восточный, дома его походили на землянки съ плоскими крышами; улицы же, узкія и кривыя, переулки и закоулки завалены всякимъ соромъ и нечистотами. Одни лишь его храмы съ высокими вызолоченными куполами придавали христіанскій характеръ городу и своею величественною вышнностью выкунали нѣсколько неприглядность общей картины. Но уже при кн. Цициановѣ на сѣверной сторонѣ Тифлиса возникли дома чисто европейской архитектуры, около которыхъ образовались обширныя, правильныя площади. Впрочемъ до 1845 года фizioномія города мало измѣнилась и только сѣверная его часть обстраивалась все болѣе и болѣе. Такъ прежде всего возникъ здѣсь домъ главнокомандующаго—нынѣшній дворецъ Намѣстника, представленный на нашемъ рисункѣ, а около него сгруппировались разновременно: музей, гимназія, арсеналъ, ординансъ-гаузъ, главный штабъ и другія казенныя зданія. Величественный дворецъ намѣстника служитъ однимъ изъ главныхъ украшеній Головинскаго проспекта—этой лучшей улицы Тифлиса, усаженной деревьями еще во время кн. Воронцова. Кромѣ того при дворцѣ обширный, тѣнистый садъ, расположенный террасами, что придаетъ ему очень оригинальный характеръ. Извилистыя аллеи покрыты здѣсь сводомъ вьющихся растений, а клумбы такъ богаты цвѣтами, что ароматическій ихъ запахъ разносится далеко за стѣны сада. Обширный бассейнъ съ лебедями и небольшой звѣринецъ и птичникъ также есть въ саду. Что же касается до архитектурной вышности дворца, то на нашемъ рисункѣ выбранъ очень удачный пунктъ со стороны ботаническаго сада, откуда виденъ весь его величественный фасадъ, а вдаль въ горахъ на высотѣ виденъ монастырь Св. Давида.

Здѣсь въ продолженіи шестнадцати лѣтъ жилъ Великій князь Михаилъ Николаевичъ. Постройка временъ Ермолова, зданіе это въ 1864—65 году было расширено и перестроено во вкусѣ Возрожденія. Въ саду съ тѣнистыми липами, платанами, орѣховыми деревьями и красивыми кониферами; благодаря заботливости садовника Егорова, есть многіе экземпляры пальмъ, и въ ноябрѣ уже цвѣтутъ фіалки а въ февралѣ перѣдко распускаются прекрасныя цвѣты магнолій. Позади сада, поднимаясь на гору, идутъ параллельныя улицы; здѣсь находится институтъ благородныхъ дѣвицъ и воспитательный домъ Св. Нины. Еще выше, дома становятся бѣднѣе и рѣже, а надъ ними высятся темная, обнаженная вершина горы Давида. Высоко надъ Тифлисомъ, среди пустынныхъ скалъ, возвышается монастырь Св. Давида. Тутъ поконитъ прахъ безсмертнаго автора „Горя отъ ума“. Надъ монастыремъ, въ воздухѣ кружатся орлы, и декабрьское солнце, о которомъ на сѣверѣ не имѣютъ и понятія, озаряетъ гору. Тифлисъ бывасть иногда необыкновенно красивъ.

Литерат. альб.: „Бахчисарайскій фонтанъ“, Пушкина.

(Рис. на стр. 441).

Очаровательная, роскошная природа Крыма, которую такъ восторженно воспѣлъ Мицкевичъ въ своихъ крымскихъ сонетахъ,

не могла не дѣйствовать на Пушкина вдохновляющимъ образомъ. И дѣйствительно, нашъ поэтъ здѣсь нашелъ богатый матерьялъ для своего поэтическаго творчества. Такъ одно изъ крымскихъ народныхъ преданій послужило ему темой для небольшой но прелестной поэмы „Бахчисарайскій фонтанъ“, удивлявшей современниковъ поэта неслыханной дотогѣ гармоніей языка и роскошью стиховъ и описаній. Лишь самъ поэтъ не былъ ею доволенъ и подмѣчалъ въ ней нѣкоторую отрывчатость и анекдотичность содержанія. „Радуюсь, нѣбаль онъ изъ Одессы, что мой фонтанъ шумитъ; недостатокъ плана не моя вина. Я суетливо перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины“. Такимъ образомъ на „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ съ одной стороны отразилось вліяніе устнаго разказа, съ другой стороны старое вліяніе Байрона, которымъ Пушкинъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ буквально зачитывался. Но подражаніе у Пушкина никогда не было рабскимъ и поэма полна красотъ присущихъ лишь нашему гениальному поэту и вполне оригинальныхъ. Кто, напримѣръ, не помнитъ ея высокохудожественнаго начала, въ которомъ такими блестящими стихами описано чисто восточная сцена во дворцѣ грознаго и полновластнаго хана:

Гирей сидѣлъ потуя взоръ,
Лютаръ въ устахъ его дымился,
Безмолвно раболѣбный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣвился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ,
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпливой
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ...

Вельможы и народъ не узнаютъ своего прежняго хана; забывъ онъ бранную славу, охладѣлъ къ своему гарему, лишился сна и покоя:

„И ночи хладныя часы
Проводитъ мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ какъ польская княжна,
Въ его гаремъ заключена.

Эта плѣнница, завладѣвшая сердцемъ грознаго Гирея, была полька—Марія Потоцкая, которая пошла въ руки татаръ во время быстрого, опустошительнаго набѣга на Польшу и какъ красавица доставлена въ гаремъ хана. Здѣсь ее помѣстили въ отдѣльномъ зданіи, чтобы не мѣшать ей плакать и молиться, самъ ханъ уважаетъ невинность затворницы и терпѣливо ждетъ, когда она удостоитъ его ласковаго и благосклоннаго взгляда. Но среди гарема есть одно существо, которое невидитъ Марію—это грузинка Зарема, прежняя любимая жена Гирея, теперь же имя оставленная, забытая. Эту перемену въ любви Гирея она приписываетъ Маріи и не смотря на близость плѣнницы Маріи, гдѣ умоляетъ ее отъѣхать назадъ сердце Гирея, и грозитъ мщеніемъ. Выполнила ли Зарема свою угрозу осталось неизвѣстнымъ, только Марія скончалась внезапно и неожиданно и горестный ханъ, оплакивая ея потерю, снова умчался въ вихрь хищнаго, опустошительнаго набѣга.

„Забитый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зрѣть его лица...
Стенаютъ жены. Между ними
Давно грузинки пѣтъ; она
Гарема стражаами пѣтymi
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье...
Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Послѣ набѣга ханъ возвратился въ свою столицу Бахчисарай уже болѣе спокойнымъ и тогда-то онъ воздвигъ въ память Марин фонтанъ, прозванный въ народѣ „фонтаномъ слезъ“. Такъ кончаетъ Пушкинъ свою поэму, мы же съ своей стороны считаемъ нужнымъ добавить, что этотъ фонтанъ существуетъ до сихъ поръ и указываетъ каждому посетителю ханскихъ чертоговъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ собравшихся, въ саду гарема, жень грознаго Гирей.

Креуза.

(Рисунокъ на стр. 444)

Сюжетъ картины заимствованъ художникомъ изъ довольно известнаго греческаго мѣстнаго сказанія, облеченнаго въ первый разъ Еврипидомъ въ драматическую форму. По этому сказанію Язонъ, во главѣ другихъ аргонавтовъ, прѣзжаетъ въ Колхиду съ дѣлью добыть во что бы то ни стало заветное золотое руно. Это ему дѣйствительно удастся при помощи дочери тамошняго царя Медеи, страстно полюбившей Язона и готовой для него на какую угодно жертву. Она не задумывается покинуть для него и отчій домъ и родину. Но вотъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливой жизни съ Медеей, Язонъ отправляется въ Коринтъ къ царю Креону. Здѣсь прельщаетъ его красота юной дочери Креона Креузы и вскорѣ онъ добивается согласія отца отдать ему ее въ супруги. Медея — этотъ вѣщностный демонъ какъ въ страстной любви такъ и въ ненависти, узнавъ объ этомъ брачномъ договорѣ, конечно тотчасъ-же составляетъ адскій планъ какъ-бы погубить свою соперницу.

Искусная въ чарахъ, съ помощью которыхъ удалось ей добыть и золотое руно, она тотчасъ-же придумала средство ужаснаго мщенія—средство, которое во все время и у всѣхъ народовъ наичаще употреблялось оскорбленной страстью и ревностью. Смертоноснымъ ядомъ налитываетъ она роскошную одежду и золотую діадему и посылаетъ то и другое юной невѣстѣ какъ свадебный подарокъ съ увѣреніемъ, что она болѣе не противится этому браку и охотно уступаетъ Креузѣ своего мужа. Невѣста, ничего не подозревая, облеклась въ роскошное платье и возложила діадему на свою голову. Губительное дѣйствіе яда тотчасъ-же обнаружилось; невѣста почувствовала невыразимыя боли и страданія, платье жгло тѣло какъ огнемъ; діадема-же давила голову какъ-бы раскаленнымъ желѣзомъ и не было силъ освободиться жертвѣ отъ этихъ адскихъ, ужасныхъ украшеній. Безъ чувствъ упала наконецъ царица и отецъ ея, извѣщенный объ этомъ несчастіи, не могъ уже ничѣмъ побороть своей несчастной дочери и ему привелось лишь плакать смотря на ея страшныя, предсмертныя мученія.

Картина Якобиды ни въ чемъ не отстаетъ отъ этого мѣстнаго сказанія и потому не требуетъ дальнѣйшихъ комментариевъ при объясненіи его содержанія. Что-же касается до художественнаго достоинства то послѣднее было высоко оценено какъ посетителями послѣдней берлинской выставки такъ и всѣми органами нѣмецкой періодической печати. Кроме того мюнхенская академія наградила художника большою серебряною медалью. Якобидъ родомъ грекъ, уроженецъ Лесбоса, поселившійся теперь въ Мюнхенѣ.

Картины В. В. Верещагина.

(Рис. на стр. 445 и 448).

Мы продолжаемъ помѣщать серію превосходныхъ копій съ картинъ нашего талантливаго художника В. В. Верещагина, которая теперь на европейскихъ выставкахъ дѣлаютъ такой фуроръ. На этотъ разъ мы даемъ двѣ изъ его коллекціи сценъ послѣдней русско-турецкой войны. Всѣмъ еще памяты тѣ споры, которые вызвали эти картины въ средѣ нашего общества и печати, когда одни, преувеличенно восхваляя даровитаго художника, ставили ему въ особое достоинство не только реализмъ и правду его изображеній а именно такое отношеніе къ нашей войнѣ, за которое горячо укоряла художника противная сторона, говоря что ни въ одной странѣ ни одинъ художникъ не позволилъ-бы себѣ выставлять картины, гдѣ его соотечествен-

ники-герои представлены въ такіе моменты и еще относить эти явленія къ своей войнѣ исключительно—явленія присутія каждой войнѣ въ мірѣ. Но не возвращаясь къ этому спору, мы остановимся только на несомнѣнномъ мастерствѣ и оригинальности, на которую обращено вниманіе заграничней всѣми знатоками искусства, восхвалявшими нашего соотечественника. Оригинальность и сила таланта В. В. несомнѣнно велика и это нельзя не признать помимо всякихъ постороннихъ соображеній.

Картины, копій съ которыхъ представлены нами, относятся къ двумъ доблестнѣйшимъ и кровавымъ эпизодамъ грандіозной плебейской эпохи. Художникъ, самъ присутствовавшій при погребеніи нашихъ героевъ и подписавшій протоколъ объ невѣрномъ видѣ въ какомъ были труны найдены, потрясенный зрѣлищемъ, съ ужасающею правдою перенесъ сцену на полотно.

16 октября наша армія подъ Плевной имѣла чрезвычайно важный успѣхъ. Въ этотъ день взяты были Телишъ, лежащій на самомъ шоссе верстахъ въ 10 позади Горнаго Дубняка. Участвовали 4 гвардейскихъ полка и кавказская казачья бригада. Дѣло было страшное и кровавое, наши войска вели себя такъ, что это всегда будетъ гордостью каждаго русскаго. На другой день по взятіи Телиша, 19 утромъ, приняли команды лейбъ-егерей съ офицерами отдать послѣдній долгъ павшимъ на полѣ чести товарищамъ. Въ картинѣ нашего художника эта важная „подробность“ однако опущена и почему-то поставленъ только одинъ священникъ съ утѣрою, исполняющимъ обязанности причетника. Труны нашихъ героевъ оказались сложены въ небольшіе ряды, слегка засыпаны землею и страшно изуродованы, о чемъ и составленъ извѣстный протоколъ... Картина производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Три небольшіе эскиза „на Шиникѣ“ изображаютъ постепенность честной, ужасной смерти на своемъ посту нашего часоваго. Сильные вихри и мятели и глубокіе снѣга въ началѣ ноября 1877 года дожимали нашихъ на южномъ фронтѣ противъ горы Св. Николая, на Шиникскомъ перевалѣ. Густые туманы, холодные вѣтры, облака плававшіе ниже нашихъ позицій, вѣчная перестрѣлка, вѣчное ожиданіе атаки, полусонъ—полубудствованіе, ужасныя лишенія, нерѣдкіе случаи замерзаній—тяжелое положеніе! Но не вырвали у героевъ Шиникскаго перевала!

Невольно наиваются такіе мысли при воспоминаніи объ этихъ скорбныхъ и славныхъ дняхъ великаго боя...

Мысль художника—показать въ поражающихъ образахъ все ужасы, все мрачныя и отталкивающія стороны войны.

Новое зданіе судебныхъ мѣстъ въ Брюсселѣ.

(Рис. на стр. 449).

Богатая и щеголоватая столица Бельгіи уже не разъ была описана на страницахъ нашего журнала какъ въ общихъ очеркахъ такъ и въ частныхъ ея подробностяхъ. Теперь мы помѣщаемъ видъ роскошнаго зданія судебныхъ мѣстъ (Palais de Justice) воздвигнутое въ Брюсселѣ въ замѣнъ обветшавшей и неуклюжей прежней постройки. Весь этотъ районъ вѣкогда занималъ старинный монастырь Іезуитовъ, котораго величественная церковь, построенная по рисункамъ извѣстнаго зодчаго Жака Франкре, еще была цѣла въ началѣ настоящаго столѣтія. Для любознательнаго туриста посѣщеніе зданія суда можетъ доставить не малое эстетическое наслажденіе, такъ какъ здѣсь въ главной залѣ кассационной палаты красуются двѣ прекрасныя, большія картины, изображающія замѣчательные моменты въ исторіи Нидерландовъ. Одна, кисти Луи Галеи, представляетъ отреченіе отъ престола Карла V а другая Вифа, „Совѣщаніе вождей оппозиціи въ 1566 году“. Обѣ эти картины замѣчательны по искусной группировкѣ многочисленныхъ фигуръ и по ихъ исторической вѣрности въ отношеніи сходства лицъ и другихъ аксессуаровъ. Кроме этого въ зданіи суда хранятся и главныя государственныя архивы, въ которыхъ хранятся все правительственные акты, явившіеся до 1794 года. Особенно обширную коллекцію составляютъ отчеты счетной палаты, протоколы засѣданій государственнаго совѣта, различныя документы, касающіеся внѣшнихъ сношеній и военныхъ дѣйствій а также различныя хартіи и манускрипты, относящіяся какъ къ монастырямъ Іезуитовъ такъ и къ другимъ монашескимъ конгрегациямъ. Все эти богатые архивы ежедневно открыты для публики и каждый изслѣдователь старинныя записки извѣстной рекомендаціей, можетъ рыться здѣсь сколько ему угодно не только въ бумагахъ, имѣющихъ частный интересъ но даже въ документахъ первостепенной государственной важности. Внѣшній видъ новаго зданія судебныхъ мѣстъ красивъ и величественъ.

Политическое обозрѣніе.

Кульджа.—Наши переговоры съ Турціей.—Румынія. Новый великій визирь. Убитіе лорда Кавондиша и Борса.

Кульджа окончательна сдава китайцамъ; главный начальникъ край Дзянь-Дзинь-Цзинь прибылъ уже туда съ главными управленіемъ и войсками; все произошло въ совершенномъ спокой-

ствіи; лишь бы новые властители не принялись за обычныя свои жестокости въ отношеніи оставшагося въ Или населенія. Что же касается тѣхъ, которые не захотѣли оставаться въ числѣ „счастливыхъ“ подданныхъ Средней Имперіи, и перешедшихъ къ намъ (ихъ до 5,000 дворовъ), въ предѣлы Туркестан-

скаго генералъ-губернаторства, то они устроились въ Семирѣчской области, гдѣ имъ отведены земли и теперь они произвели уже посѣвы, провели каналы и т. д., думаемъ, что и мы кое что выиграемъ отъ этого трудолюбиваго и мирнаго населенія; оно все увеличивается, такъ что движеніе кульдженцевъ къ намъ продолжается въ значительныхъ размѣрахъ.

Наши переговоры съ Турціей какъ будто бы и обѣщаютъ хорошее: недавно обнаруженъ султанскій прадъ, которымъ повелѣвается Оттоманскому банку принять въ свой составъ русскаго делегата; нашъ посланникъ г. Повиковъ и уполномоченный для переговоровъ о военныхъ расходахъ г. Тернеръ отложили свой отъѣздъ и остаются въ Константинополь для подписанія особой конвенціи по этому предмету.

Румыніа геройски борется за свои естественные интересы въ Дунайскомъ вопросѣ, борется уже не противъ одной Австріи, а чуть ли не противъ цѣлаго союза, такъ какъ Франція и Англія вмѣшались въ вопросъ, предложивъ свое „посредничество“, но вѣроятнѣе съ явнымъ отъѣикомъ добродетельства къ Австро-Венгріи, что Румыніа не соглашается на эти „добрыя услуги“ (bons offices на дипломатическомъ языкѣ); предложенъ и французскій проектъ разрѣшенія вопроса о судоходствѣ по Дунаю, названный по имени его составителя, проектомъ Баррера, но Румыніа отклонила и его, по крайней мѣрѣ отклоняетъ до сихъ поръ. Какъ мы относимся ко всему этому,—можно видѣть легкое указаніе въ слѣдующемъ: „Агентство Гавастъ“ сообщило будто и Россія приняла въ принципѣ предложеніе Франціи, но „Journal de St.-Petersbourg“, заявивъ, что проектъ Баррера былъ недавно переданъ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ, прибавилъ, что сообщеніе Агентства о согласіи нашего правительства „слишкомъ рискованное“. Искательно бы, и очень, видѣть въ этихъ словахъ какъ можно болѣе надеждъ для румынъ. Вскорѣ въ международной комисіи по Дунайскому судоходству будутъ разсматриваться три вопроса: о расширеніи сферы вѣдомства европейской комисіи отъ Галаца до Бранлова (Англія подъ этимъ только условіемъ соглашается одобрить Барреровскій проектъ); о назначеніи смѣшанной комисіи и протеніи полномочій европейской комисіи.

Вернемся на минуточку въ Турцію, чтобы сказать, что тамъ переименъ великій визирь: вмѣсто Саида-Паши назначенъ

бывшій багдадскій губернаторъ Абдурахманъ-Паша; въ этомъ назначеніи видятъ желаніе султана приступить къ реформамъ. Турецкій посланникъ въ Берлинѣ спросилъ, конфиденціально, мнѣнія германскаго правительства относительно вооруженнаго вмѣшательства Турціи въ египетскія дѣла; но князь Бисмаркъ отвѣчалъ неодобрительно, замѣтивъ только, что оно поведетъ къ безцѣльному усложненію египетскаго кризиса.

Съ глубочайшимъ негодованіемъ заносимъ мы въ наше обзорѣніе извѣстіе объ отвратительномъ злодѣяннѣ, совершенномъ ирландскими феніями, или ихъ „крайними“. Правительство, т. е. министерство Гладстона, желая по возможности успокоить Ирландію и войти въ какое нибудь соглашеніе съ тѣми, кто предполагался во главѣ „всего“ движенія, рѣшился смѣнить Форстера, министра по ирландскимъ дѣламъ, не заслужившаго симпатіи въ Ирландіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было освободить и всѣхъ вождей движенія. На мѣсто Форстера былъ назначенъ лордъ Франсисъ Кэвендишъ (младшій братъ лорда Гартингтона). 24-го апрѣля вечеромъ Кэвендишъ и товарищъ его по министерству (младшій статсъ-секретарь) Боркъ прогуливались въ Фениксъ-Паркъ (въ Дублинѣ), когда къ нимъ подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго выскочили двое злоумышленниковъ; они нанесли Кэвендишу и Борку нѣсколько ранъ въ шею и грудь и, успѣвъ покончить съ своими жертвами, бѣжать скрылись и не найдены до сихъ поръ; несчастный министръ и его товарищъ были найдены уже мертвыми и страшно изуродованными, такъ какъ, повидимому, они отчаянно защищались. Излишне говорить о томъ впечатлѣніи, которое произведено этимъ убійствомъ, которое считаютъ отвѣтомъ крайнихъ феніевъ на примирительную политику Парселла; что касается этого ирландскаго вождя и его друзей—то они открыто выразили свое негодованіе; проживающіе въ Лондонѣ ирландцы собрали митингъ въ Гайдъ-Паркъ, чтобы заявить и съ своей стороны о томъ, что они не желаютъ имѣть ничего общаго съ негодящими убійцами Кэвендиша и Борка. Одно время полагали, что министерство Гладстона не устоитъ, но консерваторы поддерживаютъ его, такъ какъ понимаютъ, что теперь не время мѣнять министерство, тѣмъ болѣе, что это министерство привило рѣшеніе во что бы то ни стало установить порядокъ въ Ирландіи.

С М Ъ С Ъ.

Храбрый машинистъ, по имени Ирвингъ подвергъ свою жизнь опасности для спасенія другихъ. На желѣзнодорожной станціи Вайнесборо въ Америкѣ одиннадцать товарныхъ поѣздовъ ожидали прибытія нѣсколькихъ запоздавшихъ пассажирскихъ поѣздовъ. По прибытіи послѣднихъ и по удаленіи ихъ со станціи, въ западномъ направленіи стоявшій первымъ на очереди товарный поѣздъ пустился въ путь. Онъ долженъ былъ подняться на значительное возвышеніе и такъ какъ поѣздъ не былъ въ состояніи подвигаться, то машинистъ слѣдующаго поѣзда, молодой Ирвингъ, отцѣпилъ свой локомотивъ и поспѣшилъ на помощь первому поѣзду. Въѣхавъ на возвышеніе товарный поѣздъ вошелъ въ туннель, а Ирвингъ вернулся къ своему поѣзду. Но по прибытію къ мѣсту онъ къ ужасу своему увидѣлъ, что тринадцать нагруженныхъ вагоновъ, отцѣпились отъ перваго товарнаго поѣзда и катились обратно; они уже подходили къ спуску возвышенія. Черезъ нѣсколько минутъ должно было послѣдовать страшное столкновеніе съ поездами, стоящими на станціи, причемъ должно было погибнуть много людей и огромное количество товара. Молодой машинистъ рѣшился дѣйствовать; не забывая о самомъ себѣ, онъ на всѣхъ паркахъ пустился снова съ локомотивомъ на встрѣчу вагоновъ, катящихся съ увеличивающеюся скоростью. Столкновеніе было ужасное. Передній вагонъ положительно поднялся на локомотивъ и разбился, но прочіе вагоны были остановлены. Храбрый машинистъ былъ вытасненъ изъ-подъ осколковъ, но къ счастью съ незначительными ранами.

Вѣскій доводъ. Въ Лондонѣ дѣятельно занимаются операціями надъ живыми животными для опытовъ. Вотъ что рассказываетъ въ журналѣ „Природа“. Извѣстный ученый описываетъ тамъ свою встрѣчу съ ярой непріятелиней винисекціи миссъ Коббе. Она посѣтила его съ цѣлю заставить прекратить это жестокое занятіе. Но такъ какъ у миссъ на шляпѣ было страусовое перо, на муфтѣ прелестный колѣбри, а ручка ея зонтика была изъ слоновой кости, то ученый отвѣтилъ ей слѣдующей рѣчью:

„Сударыня, всякъ воленъ дѣлать что ему угодно. Но когда вы не будете болѣе носить страусовыхъ перьевъ, которыя вырываются въ живой птицѣ, что причиняетъ ей немовѣрную боль, когда вы откажетесь отъ колѣбри, изъ которыхъ, для сохраненія красоты перьевъ, внутренности вынимаются при жизни, и когда вы не будете болѣе употреблять слоновой кости, такъ какъ вѣлки изъ поторыхъ она дѣлается, вырываются у умирающаго слона, тогда приходите и браните меня за мою жестокость. Разница между нами та, что я причиняю боль въ видахъ науки и желая принести пользу людямъ, между тѣмъ какъ вы жестоки въ видахъ украшенія только своей личности“.

Замѣчательныя явленія на Циркницкомъ озерѣ. Правильная зима страшно повліяла на Циркницкое озеро. Оно ушло въ подземныя отверстія. Побережные жители получили возможность собрать въ руслѣ озера сѣно, они также дѣятельно за-

нимались охотой на дикихъ утокъ. Въ началѣ дождей озеро быстро начало наполняться, декабрь выдался очень хорошей и вода—иротивъ обыкновенія—стала снова стекать въ подземные бассейны черезъ отверстія. Въ это-же время озеро начало замерзать и въ нѣсколько дней образовался довольно толстый слой льду. Но и подо льдомъ вода не переставала убывать и стекла вся въ самыя глубокія мѣста озера. Тогда началась дѣятельная рыбная ловля около всасывающихъ отверстій, куда стекала вода и уходила рыба. Кому-то вздумалось зажечь на берегу въ нижней деревнѣ сухой верескъ и водяныя растенія и видъ этого освѣщеннаго льда казался волшебнымъ.

Шестнадцать мѣсяцевъ на необитаемомъ островѣ. Американскій Корветъ „*Marion*“ прибылъ 20 февраля къ Канштату и привезъ съ острова Герда 33 человѣка, оставшихся послѣ крушенія въ октябрѣ 1880 г. американскаго барка Тримфи у названнаго острова. Канштатъ Тримфи, Джонъ Вильямсъ, 1 июня 1880 г. отправился изъ Новаго Лондона на ловлю моржей и китовъ въ Южномъ Океанѣ и 2 октября присталъ къ острову Герду. Барка стала на якорь у верхней стороны необитаемаго острова, находящагося подъ 53 градусомъ южной широты и 73° восточной долготы. До 17 октября, все было благополучно, но въ этотъ день, въ бурю, барка стала погружаться. Принужденны были спастъ якорь и для спасенія экипажа подойти возможно ближе къ берегу. Было очень холодно и пока выходили на берегъ, семь матросовъ поотморожили себѣ руки и ноги. Въ ту же ночь барка была угнана въ открытое море и съ тѣхъ поръ о ней ничего не было извѣстно. Къ счастью, людямъ удалось захватить съ собою пищу на три мѣсяца, которую они разнообразили мясомъ и яйцами пингвиновъ. На островѣ, потерѣвшіе крушеніе нашли хижины, которыя, по всей вѣроятности были выстроены людьми, прѣѣзжавшими сюда для ловли китовъ. Въ хижинахъ этихъ они размѣстились. Виродолженіи 16 мѣсяцевъ своего заключенія матросы охотились на морскихъ слоновъ. Большую часть года матросы сильно страдали отъ холода; 30 января 1881 года два матроса замерзли при переходѣ черезъ глетчеръ. 15 февраля этого года, въ 5 часовъ вечера вдали показался корабль. При помощи нарусовъ былъ поданъ сигналъ, что примѣтилъ парходъ Маріонъ и направилъ путь къ острову. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ, потерѣвшіе крушеніе были уже на парходѣ. Островъ Гердъ вулканическаго образованія, имѣетъ 30 миль въ длину и 3 въ ширину.

Большой дѣтскій праздникъ. Маркизь Батъ, одинъ изъ богачей католической Англіи, очень любящій дѣтей, по случаю рожденія сына, устроилъ въ Кардифѣ (въ Валлисѣ) большой дѣтскій праздникъ; на праздникѣ было 20000 дѣтей, которыхъ угощали чаемъ и пирогами. Ряды столовъ занимали пять англійскихъ миль, а такъ какъ вмѣстѣ съ дѣтьми прибыло 50000 взрослыхъ, то было сѣдено 600 пудовъ широкровъ.

Поддѣлка сигарь. Одна нью-йоркская бумажная фабрика постоянно получала, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, значительные заказы на чрезвычайно тонкую бумагу, не зная, какое назначеніе дается ея произведенію. Только недавно стало извѣстно, что бумага эта шла въ Гаванну и предназначалась для поддѣлки сигарь. Вымочивъ эту бумагу въ отварѣ остатковъ табака, ее высушивали, затѣмъ помѣщали подъ прессъ и придавали видъ табачныхъ листьевъ; самый опытный глазъ не могъ-бы замѣтить обмана — такъ искусно продѣлывалось это. И вотъ, такіе-то листья превращались въ настоящіе гаванскія сигары, которыми наслаждались любители.

Телефонъ и правосудіе. Въ Нью-Йоркѣ воспользовались те-

лефономъ для подслушанія разговоровъ въ тюрьмѣ между арестантами. Микрофонъ, служащій, какъ извѣстно, для передачи звуковыхъ колебаній настоящему телефону, позволяетъ различать всѣ звуки, раздающіеся въ комнатѣ, внутри ея. Это подало американцамъ мысль прикладывать микрофонъ къ стѣнѣ тюремной камеры, тщательно прикрывая отверстие микрофона-передателя тонкой бумажкой, пробитой едва видимыми отверстиями. Въ камеру впускаютъ, положимъ, соучастниковъ или родственниковъ арестанта, оставивъ ихъ, затѣмъ, однихъ. И вотъ, представляется возможность слушать ихъ разговоръ, не возбуждая подозрѣній. Такъ практикуется это въ Американской республикѣ.

Англійская игра въ мячъ на лугу (Lawn-tennis).

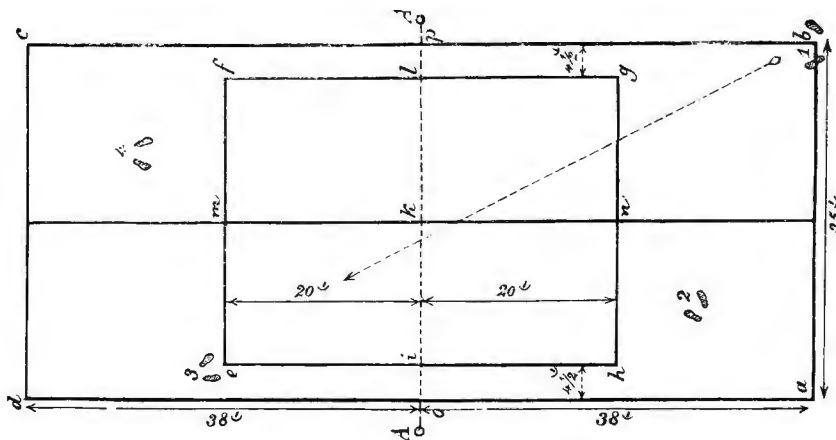
Игры и зрѣлища занимали всегда въ жизни человѣка важное мѣсто. Греки такъ высоко ставили свои игры, что побѣдителямъ въ нихъ давались не только лавровые вѣянкі, но и воздвигались имъ статуи. По играмъ велось даже лѣтосчисленіе. Древніе народы знали что игры имѣютъ большое вліяніе на тѣлесное развитіе человѣка.

Въ Англійи чрезвычайно употребительна игра въ мячъ на лугу — Lawn tennis. Для игры этой требуется мѣсто на лугу въ 80 футовъ длины и 40 ширины, которое должно быть совершенно горизонтальное, — это составляетъ непремѣнное условіе игры. Все это пространство раздѣляется такъ, какъ показано на рисункѣ бѣлыми полосками, которыя проводятъ кнестю съ известью или же бѣлыми шнурами, которые укрѣпляются на лугу проволокой, загнутой шпильками.

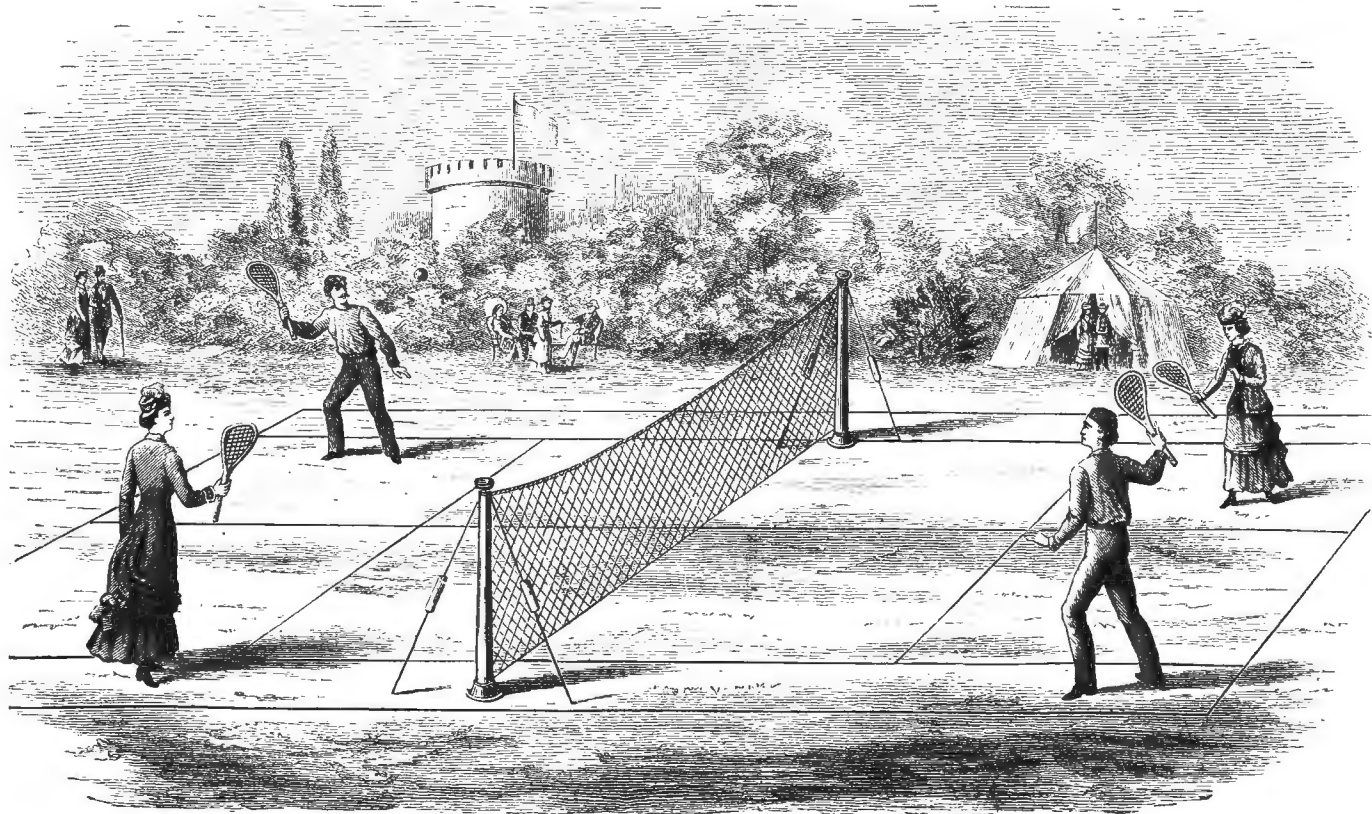
Для ударовъ по мячу употребляются такъ называемыя ракеты, которыя дѣлаются изъ крѣпкой, нѣсколько выгнутой въ видѣ груши, деревянной рамы, съ переплетомъ изъ толстой римской струны. Мячи берутся резиновые, пустые внутри, въ 2 1/2 дюйма въ поперечникѣ; они обтягиваются козлиной кожей.

Одежда должна быть также приспособлена для быстрыхъ движеній, въ особенности сапоги употребляютъ съ резиновыми подошвами, которыя не скользятъ по травѣ и не испачкуютъ ее сильно, на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ болѣе всего приходится стоять. Въ игрѣ могутъ участвовать два, три и четыре лица. Здѣсь изображена игра для четырехъ лицъ, игра же вдвоемъ и втроемъ послѣ этого уже будетъ сама собою понятна.

Четыре игрока занимаютъ свои мѣста, какъ обозначено на рисункѣ. Игроки, стоящіе рядомъ по одну сторону сѣтки, должны помогать и поддерживать другъ друга. Игра начинается слѣдующимъ образомъ: игрокъ стоящій у цифры 1, лѣвой ру-

Англійская игра въ мячъ на лугу. Планъ игры.

Англійская игра въ мячъ на лугу (Lawn-tennis). Разстановка партнеровъ.

На линіи А А укрѣплена сѣтка, которая у столбцеовъ вышиною въ 4 фута и посрединѣ въ 3 фута; нижнимъ же концомъ она прикасается къ травѣ.

кою легко подбрасываетъ мячикъ, ударомъ ракеты посылаетъ его черезъ сѣтку такъ, чтобы мячъ коснулся земли въ противоположномъ концѣ е, i, k, m, лежащимъ по діагонали; у цифры 3

стоит противник, задача которого состоит в том, чтобы одним ударом по мячу перебросить его ракетой через сетку назад; мяч не должен непременно коснуться земли в противоположном каре по диагонали, но не должен выйти за пределы обоих неприятельских каре а, в, о, р. При вторичном возвращении мяча, каждый из партнеров может отбить его и для того чтобы огнариовать мяч, где он упадет — занимают места на переднем плане и на заднем.

Счет игры ведется так:
Игра проиграна 1) если начинающей сбьласть двѣ ошибки, т. е. если посылая мяч онъ не перебросит его через сетку или же если мяч упадет за черту каре противниковъ (напр. при началѣ отъ 1, за черту е, і, к. т.); 2) если какая нибудь сторона не успеетъ отослать обратно мячъ через сетку, или же мячъ упадетъ за границы каре противниковъ.

3) Если мячъ будетъ отбитъ раньше, нежели онъ коснется земли;
4) Если мячъ коснется платья играющаго или если будетъ ударенъ ракетомъ болѣе нежели одинъ разъ.

5) Если мячъ огнариованъ раньше, нежели онъ пройдетъ сетку, теряется одинъ мячъ, а противная сторона выигрываетъ его.

Забѣмъ идетъ счетъ: при выигрышѣ перваго мяча считаютъ пятнадцать, при второмъ — тридцать, при четвертомъ — сорокъ,

при пятомъ — пятьдесятъ и партія выигрывается. Исключение составляетъ только тогда, если обѣ стороны дошли до сорока, т. е. выиграли по три мяча, тогда говорится „игра стоитъ“ и не достаточно выиграть четвертый мячъ, а сбьдусть подъ рядъ выиграть два мяча. Если же выигрываетъ одинъ мячъ — четвертый и противная сторона тоже выигрываетъ одинъ мячъ, то снова игра уравнивается и для окончанія необходимо взять два мяча подъ рядъ.

Партнеръ начавшій игру, т. е. кидаящій мячъ, бросаетъ его во все продолженіе партіи до пятидесяти, причемъ при всякомъ потерянномъ или выигранномъ мячѣ онъ можетъ мѣняться мѣстами со своимъ партнеромъ. Такъ напр. № 1 кидаетъ разъ мячъ № 3-му, а другой № 4-му. По окончаніи каждой игры киданіе мяча предоставляется игроку противной стороны, до тѣхъ поръ пока всѣ четверо не перекидають мяча. Если три игры выиграю на одной сторонѣ, то считается что сторона выиграла всю партію. Если же каждая сторона выигрываетъ по двѣ игры, то мячъ начинаютъ бросать снова первый игрокъ и вся партія рѣшается пятою игрою.

Если начинающій (№ 1) сбьласть ошибку, то принимающій мячъ (№ 3) долженъ выкрикивать ошибки, если же онъ отсылаетъ назадъ мячъ, то ошибка не считается, если даже она и была сбьлана.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 28.

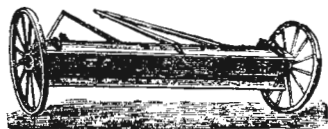
1) a	a - d = b - e	a = 4 = Г
2) b	b + 1 = 2c	b = 17 = Р
3) c	f + g = 2b + 1	c = 9 = И
4) d	a + y = c - d	d = 2 = В
5) e	e : f = 1 : 2	e = 15 = О
6) f	f - z = $\frac{c}{3}$	f = 30 = Ъ
7) g	2d + 1 = g	g = 5 = Д
8) x	c : z = g : x	x = 15 = О
9) y	e - c = 2y	y = 3 = В
10) z	a + x + y = b + g	z = 27 = Ъ

Г Р И Б О Ъ Д О В Ъ .

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб. — Шульца, Лагузь, Борорина, Пестерова, Кузьмина, Колобакина, Ней, В. Дн., Хухрина, Веле, Вильсонъ, Величко, Зальманъ, Фамусова, Катламо; Москва — Яковъ, Покровскаго, Зотова, Флаге, Шустова, Иванова, Тульскаго, Лисенкова, Ларионова, Зелькина, Еремина, Березкина; Бакисарай — Дремби; Бѣлгородъ — Артемьева; Бѣлевъ — Воскова; Вильно — Гайжевскаго; Вологда — Попова, Бѣляева; Гатчина — Рейлингъ; Геническъ — Литягиной; Данковъ — Карыбева; Дертъ — Шутенбахъ; Ив. — Вознес. — Яковсонъ; Калуга — Шмакова, Каменецъ — Колмакчи; Кашинъ — Жданова; Коломна — Горева, Бѣлколдскаго, Охотскаго; Коровино — Терскаго; Кострома — Михайловскаго; Кременчугъ — Андреева, Брука; Крутое — Огорокова; Кузнецкъ — Орлова; Курскъ — Ишлина, Паикова; Лебединъ — Ясинской; Ловичъ — Ф — аго; Люцинъ — Стоболинскаго; Мальце-Бродово — П. Н. Т.; Марковичи — Саковичи; Медвѣдево — Лебичи; Нахичеванъ — Кеchedжия; Нижн. — Новг. — Тюленева, Бузь, Вихирева; Николаевъ — Крастелева; Одесса — Подгорнаго; Оренбургъ — Калачева; Рененбургъ — Профрансера; Ревель — Отонкаго; Ростовъ — Гернова, Данилова; Рыбинскъ — Трусова, Сокской, Левина; Рылскъ — Аристарховой; Самара — Парбулата, Ринкова; Саратовъ — Крафтъ; Сасово — Соколова; Симферополь — Дженарданъ, Глазмаль; Смоленъ — Волкова; Софійская — Драматенова; Сѣдлецъ — Данилевскаго; Сызранъ — Волкова; Торжокъ — Кляшнина; Тула — Малицаго; Хмельницъ — Красниковой; Череповецъ — Пушкова; Шостна — Ходулина, Кудченко; Ярославль — Нефедьева.

Рѣшеніе ребуса № 23.

Языкъ голову кормить, онъ же и до побоевъ доводитъ.

Сѣяли въ разборъ отъ руб. 48 высылается по письм. заказу

МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій
въ Франкфуртѣ и М.

Корреспонденція по русски.

ВСЯКАГО РОДА
ГРАВЮРЪ НА ДЕРЕВЪ (КЛИШЕ)
К. РИХТЕРЪ, ЗАГОРОД. ПР. № 18 ВЪ С. ПЕТЪ.

РАЗЛИЧНАГО РОДА ЛАМПЫ,

Царскія свѣтильни, двойныя свѣтильни. Фонари для освѣщенія садовъ, лампы, которые не поддаются влажной вѣтрѣ, горятъ въ свободной атмосферѣ и не тухнутъ, рекомендуютъ по фабричнымъ цѣнамъ.

Carl Imme jun.
КАРЛЬ ИММЕ младшій.
Berlin S. W. (Берлинъ S. W.).
Kommandantenstrasse 84.

Н. Илюстриров. книги съ образцами и цѣны № 2042 бесплатно. 6-4

Единственный самый лучший въ Имперіи источникъ для покупки перчатокъ **СОКРАЩЕННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** на двѣ пуговицы за дюжину лакированныхъ дамскія и мужскія 8 руб. Шведскія 9 р. Замшевыя желтыя и сѣрыя 14 руб. Замшевыя офицерскія бѣлыя 18 руб. За отправку по почтѣ 50 к. Требуваній и денегъ адресовать. **Торговый Домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.** № 2083 5-1

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!!
Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб. Насосы дѣйствующіе чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, бантановъ, и чистки растений отъ насекомыхъ 12 руб. 50 коп.
Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требуванія, деньги направлять по адресу. **Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ.** № 2081 5-1

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ! Романъ Э. Вернера. Поступила въ продажу новая книга; Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р. 25 к. для подл. „НИВЪ“ 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

ДУМЫ И ПЬСНИ
Н. А. Панова.
Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою.
Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и на Гончарной, въ д. № 24, кв. 12.
№ 2073. 2-2.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦИЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С. Петербургскаго Врачебнаго Управленія. **Безподобное и вѣсьмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.**
Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главной складъ въ С. Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бѣль-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающие 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконѣхъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гл. отъ покупателямъ обычная уступка.
№ 2013 25-7

КЪ СВѢДѢНІЮ!
„ЭЛЕОПАТЪ“
БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА
употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опитомъ признаетъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеопатъ“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногороднихъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высказкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вѣтъ этотъ адресъ для иногородныхъ:
въ Главное Депо „Элеопатъ“ Пассажи, Магазины № 52, въ С. Петербургѣ.
Пересылка же болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ отдаленные города отъ С. Петербурга одна обойдется почти наравнѣ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовые расходы слѣдуютъ на счетъ покупателя.
№ 1906

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ.

Для сбереженія на лѣтнее время шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч., призна- на по 20-ти лѣтнему опыту однимъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для ис- трѣбленія моли.

Употребляется тоже для ошмиванія воздуха въ комнатахъ. Цѣна флакону 30 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, припавшіе названія фирмъ, близо- подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирую- щие наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, № 2070 2—2 Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою С.-Петербургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

ВЫШЕЛЪ и РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

МАЙСКИЙ № 53-й ЖУРНАЛА

„ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ“.

Содержаніе вышедшихъ номеровъ (49, 50, 51, 52 и 53).

ПРОЕКТЫ: Хранильца для фруктовъ, городского дома въ двѣ квартиры, птичника, металлическихъ рѣшетокъ и ограды, маслобояни, школы, земскаго дома, саманной постройки, овина и печи для сушки сноповъ и дачи. **СТАТЬИ:** объ устройствѣ строилъ, о водопроводныхъ бакахъ въ домахъ, о дешевыхъ и прочныхъ краскахъ для деревянныхъ построекъ, объ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музее, усадьбъ и ихъ расположеніе, временныя и переносныя дороги для сельскаго и лѣснаго хозяйства, по поводу статьи „Императорскій сельско-хозяйственный музей“ и американскіе вѣтряные двигатели. Сверхъ того въ каждомъ номерѣ: корреспонденція, отвѣты редакціи, біографія, смѣсь и объявленія.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки—12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ—13 р., съ пересылкою внутри Россіи по почтѣ 14 р.

Подписка на 1882 годъ продолжается.

Требованія о высылкѣ журнала, вмѣстѣ съ подписными деньгами, должны быть адре- сованы, въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала „Хозяйственный Строитель“, Мойка, № 26. См. объявленіе въ № 9 „Нивы“.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я избралъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предохраняющій прѣныя части тѣла, особенно же мягкія пальцы. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. Составъ изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но способствуетъ его и прерыванію въ мелкіе микроэкономическіе каналы. Это—то качество и дало ему преимущество надъ средними, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ, осуждая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣны; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ ока- зать величайшую услугу. Довольно разъ въ несколько дней при помощи ваты, по- лонки или кисючки матерью Гальманиномъ прѣныя части тѣла избиваютъ несправными послѣдствіями, какими подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

Внимательно изучая за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Галь- манинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дистрибутовъ въ зна- чительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Боль- шая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп.

В. Карпинскій.

Маистръ фармацевціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электральной, № 35.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ КУРЬСО-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВРАЧА ЧЕБУЛАТОВА, за смертію арендатора Свѣчина, перешедшее къ г-жѣ Чебулатовой; Самарской губ. въ 35 верстахъ отъ станціи Безенчукъ Оренбургской дороги.

Лечебный сезонъ съ 1-го мая по 1-е сентября. При заведеніи опытный врачъ и аку- шеръ г. Воланскій; медицинскіе совѣты безплатно. Лечение сгущеннымъ воздухомъ. Ме- бированныя квартиры, расположенныя въ саду—наркѣ, по берегу большого пруда, отъ 12 до 70 руб. въ мѣсяцъ; столъ изъ 4-хъ блюдъ 20—22 р., кумысъ 25 к. бутылка, кру- жомъ заведенія кофейная стѣла, для чаепіевъ кобылицъ. Аптека, билъярдъ, бібліотека, журналы, газеты, почта 2 раза въ недѣлю; для казанья экипажи, верховы лошади.

На ст. Безенчукъ для проѣзда на заведеніе покойные, крытые тарантасы, лошади по таксу. За справками обращаться на ст. Безенчукъ къ буфетчику; въ Самарѣ: гостини- ца Краснова къ агенту заведенія. Почтовый адресъ: Марьевская станція Самарской губерніи Варварѣ Александровѣ Чебулатовой. № 2093 1—1

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ ЦѢНА 1 р.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Самое лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенихъ средствъ, замѣ- няющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается всякимъ ребенкомъ.

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ ЦѢНА 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО въ Слб. Ка- АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ запис. 3, у

также у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарьскими Товара- ми и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имя чести довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ же- ства, на которыхъ находится снѣгъ швейцель и подпись Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.

Р. № 2012 5—4

ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).

ВЫШЛА МАЙСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Тайна мистера Сильвестера, Анны Катарини Гринъ.—Непонятное исчезновеніе, Джонни Людо.—Кривляющийся жо- нихъ.—Сватъ.—Отчего я не сдѣлался врачомъ, Я. Васильева. Всѣ статьи закончены.

Въ первой книгѣ помѣщенъ рассказъ Жюль Верна Жавгада. Пиллюа Эсфири Ридъ. О вліяніи душевной говядины на семейное счастье. Первые плоды. Исторія духовнаго завѣщанія. Во второй: Самоубійца ли она? рассказъ А. А. Шкляревскаго. Записки мона- хини. Проблема сердца. Стефанія. Шопотъ въ лѣсу.

„Собраніе Романовъ“ выходитъ шесть разъ въ годъ и стоитъ четыре рубля пятьдесятъ коп., съ доставкой пять, съ пересылк. шесть рублей. Каждая книга, составляющая отдѣльное цѣлое, всегда съ законченными статьями, продается въ Редакціи и у всѣхъ извѣст- ныхъ книгопродавцевъ по 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к. Подписка принимается исключительно на имя Е. Н. Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Для присутственныхъ мѣстъ, Земскихъ управъ, Волостныхъ прав- леній, Мировыхъ Судей и училищъ.

ПОРТРЕТЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА III,

ИМПЕРАТОРА ВСЕРЕССИЙСКАГО.

Олеографическій поясній въ натуральную величину 17×13 1/2 вершк., цѣна 4 руб. съ перес. Портретъ не отличающійся отъ пи- санныхъ масляными красками на полотнѣ. Продается въ книж- ной и картинной торговлѣ Т. Ф. Кузина, внутри двора графа Апраксина, № 120, по Большой линіи, въ С.-Петербургѣ. № 2087

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОКАЕМАЯ ПАЛЬТО.

Пальто съ рукавами	изъ черной резиновой матеріи за штуку 10 руб. — коп.
Плащи съ крыльями	" " " " " 13 " — "
Капюшоны къ нимъ	" " " " " 1 " 25 " — "
Военныя пальто	" " " " " 17 " — "
Пальто дамскія съ рукавами	" " " " " 13 " — "
Дамскія тальмы	" " " " " 11 " — "
Плащи для дѣтей	" " " " " 10 " — "
Пальто, съ рукавами всѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англій- ской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незамѣтнымъ резино- вымъ слоемъ	" " " " " 30 " — "
Плащи съ крыльями такіе-же	" " " " " 30 " — "
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной под- кладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	" " " " " 22 " — "
Плащи съ крыльями такіе же	" " " " " 22 " — "
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа)	" " " " " 34 " — "
Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина, — длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща—вся длина и объемъ шеи.	

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для храненія мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МЪШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ

Дешевымъ цѣнамъ:	
Для храненія	1 шубы за мѣшокъ 5 руб. — коп.
" " "	2 шубъ " " 6 " 50 "
" " "	3—4 шубъ " " 8 " — "
" " "	4—5 шубъ " " 9 " 50 "
" " "	5—7 шубъ " " 11 " — "

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просятъ гг. покупателей за пере- сылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ—2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, 16.

1-го МАЯ ВЫШЕЛЪ и РАЗОСЛАНЪ № 5,

Содержаніе: I. Тысяча лѣтъ назадъ (по случаю юбилея Кіева) Д. Мордовцева. II. Богатство Кіевское. В. Авенаріуса. III. Древне-Кіевская бы- лина. IV. Отъ бременчатой хижини до Бѣлаго дома (продолж.). V. Абиссинія. VI. Доброе дѣло (очеркъ). VII. Для самыхъ маленькихъ дѣтей: Пятдесятъ ку- коль (рассказъ). VIII. Смѣсь. IX. Загадки.

Подписка на 1882 г. продолжается Цѣна въ годъ съ дост. и перес. (12 книгъ жур- нала и 3 книги педагогическаго сборника) 6 руб., безъ приложенія 5 руб.

Адресъ редакціи: Спб., Спасская ул., № 1. При конторѣ „Роднина“ продаются слѣдующія

- 1) Исторія маленькой дѣвочки. Соч. Е. Сысоевой, 2 т. въ колѣк. переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
  - 2) Спенсеръ. Воспитаніе умственно, нравствен- ное и физическое, перев. Е. Сысоевой. Ц. 85 к. съ перес. 1 р. 10 к.
  - 3) Брунсъ. Астрономическій атласъ. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Подписк. на „Роднинъ“ пользуются 20% устужки.

Карманные никелевые часы

заводящиеся безъ ключа (въ рѣчку).
 Анкерные мужские открытые 14 руб.
 Такіе же закрытые 16 "
 Малаго размѣра открытые 15 "
 Такіе же закрытые 17 "

СЪ РУЧАТЕЛЬНОСТВЪ НА ДВА ГОДА, ВЪ МАГАЗИНАХЪ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Коношениной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартелсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ. Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

НОВОСТЬ!

Рѣзчикъ и аппаратъ для шитья пестель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.

№ 9. Гороховая ул., домъ Лембе, кварт. № 8, въ С.-Петербургѣ. № 2060 2-2

ДАЧА

близъ Выборга на берегу озера въ здоровой, предместной мѣстности, съ мебелью, продается дешево и отдается на дѣло. Мыльскъ Большая Морская, д. № 39 до 12 час. утра и 6-8 час. вечера. № 2085 4-1

ПОРОШКИ

для легкаго возобновленія истертыхъ мѣсть на висеребренныхъ подсвѣчникахъ, столовыхъ приборахъ, пуговицахъ и проч. продаются у

Р. КЕЛЕРЪ и К° въ Москвѣ.

ТОНИЧЕСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

Вм. І. Трудъ первый, единственный въ этомъ родѣ къ лучшему языку и самому языку. Г. Тверь, Чирьева улица, д. № 62, у составителя Яценскаго. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ книжн. магазинъ „Новое Время“ Суворина. Цѣна 1 р. 60 к., пересылка за 1 фунтъ. На напечатаніе прилагаются денгами и почтовыми марками на 2 руб. 86 к. Приглашенный повѣренный Кол. Советникъ Иванъ Семеновичъ Яценскій. Г. Тверь, Чирьева улица, соб. домъ № 62. № 2084 1-1

А. СІУ И К.
ПАРФЮМЕРНЫЙ И КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
 ТВЕРСКАЯ, Д. ВАРГИНА. МОСКВА.
 ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

Жоржъ Борманъ
КАРАМЕЛЬ
 ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „ИИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in-8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленовой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „ИИВЫ“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
ПЯВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Пацова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „ИИВЫ“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Два новопатентованныхъ американскихъ практичныхъ изобрѣтеній. Неподражаемой доброты вакса для обуви сохраняющая кожу и дающая превосходный и прочный блескъ, 50 полуфунтовъ, или 25 фунтовъ жестянокъ . . . . . 7 руб. 50 коп.
 Замѣчательная помада для чистки и полировки въ ¼ минуты: металловъ, самоваровъ, кухонной мѣдной посуды, утвари и проч. 50 меньшихъ или 25 большихъ жестянокъ . . . . . 3 руб. 75 коп.
 Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказахъ не менѣе ста руб. 10% скидки. При заказѣ свыше 300 руб. 10% скидки и провозъ не считается. Требования, деньги, адресоваты:

Торговый домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.
 Исключительная продажа на всю Европу. № 2082 5-1
 Требуются надежные агенты.

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.
 Съ 1-го мая, открывается XXV сезонъ на первомъ кумыснo-лечебномъ заведеніи доктора медицины Н. В. Постникова. Подробныя свѣдѣнія о кумысѣ и заведеніи можно прочесть въ монографіи о кумысѣ д-ра Постникова, измѣющейся въ Петербургѣ у Вольфа, въ Москвѣ у Вольфа, въ Самарѣ у автора по 1 руб. съ пересылкою.
 Тамъ же и кромѣ того въ I Центральной конторѣ объявленій Матисена (у Казанскаго моста, д. № 28-21, въ С.-Петербургѣ) и у многихъ книгопродавцевъ Петербурга можно имѣть безплатную публикацію на XXV сезонъ съ обозначеніемъ цѣнъ и всѣхъ условій леченія, съ краткимъ описаніемъ пути до Самары и цѣнъ на всѣ предметы и проч. № 2065 4-2

Болѣе 200 медалей **перваго класса.** Ежедневное производство болѣе 10,000 машинъ.
НОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ
 (ВЪ НЬЮ-ІОРКЪ).
 Ввозъ въ Россію и продажа производится исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго,
Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.
 Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.
 Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. № 2090 2-1

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСИИ НА СТАРОСТЬ.
 ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себя пенсію (доходъ) въ **1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО,** уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.
 За это страхование слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“ до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. черезъ каждые три мѣсяца.
 Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ
Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5-4 № 2050

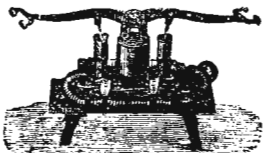
СКРИПКИ

старыхъ и новыхъ мастеровъ, виолончели, альты, контрабасы, рекомендовать въ громадномъ выборѣ, отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ сортовъ,
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНГОВЪ
Юлія Генриха Циммермана,
 С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42. А. № 2021

УРОКИ

англійскаго языка даютъ въ городѣ и въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Невскій просп., д. Католической церкви, кв. 26, П. В.

!!! НѢТЬ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!
 Въездъ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.
 Составитъ изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощію даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.
 1. Механическіе носилки для спас. вещей.
 1. Средства для спасанія людей.
 1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія позволяющаго подойти къ самому огню.
 1. Резервуара для воды.
 1. Патентованнаго ио.арнаго ведра.
 1. Пояса кожанаго.
 1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
 1. Металлическаго англійскаго шлема.
 2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.
 1. Стальнаго пожарнаго топора.
 Укупорка 5 рублей. Требования и деньги адресоваты: **Генриху Барыцкому** Вадильцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ. № 2080 10-1

Русская пожарная труба
ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ,
ЛУЧШАЯ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,
 съ мѣдными цилиндрами и танками же клпаннами, выбрасывающая въ часъ около 480 ведеръ воды на растояніи 12 до 14 саж. со всѣми рукавами, бравденотомъ и клятами, цѣною въ 115 р. либѣтся постоянно въ наличности въ большомъ количествѣ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 1 линія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Ситова.
 Требуйте иллюстр. каталоги. 2086 3-1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
 во всѣхъ книжныхъ магазинахъ изданный журналомъ **„СТРЕКОЗА“** стихотворный сборникъ - книскъ **„РОСИНКИ“**
 съ цвѣтовъ всемірной поэзіи **ОРИГИНАЛЬНЫЯ И ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ** издаше миниатюрное. Стр. 150.
 Цѣна въ художеств. обложкѣ 40 к. С. № 2088 пере.. 50 к. 6-1

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммиссіонерство
„РАБОТНИКЪ“.
 Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Солной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.
 Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.
 Въ Кіевѣ: Уголъ Безаковской и Жиланской улицъ.
 Имѣеть на своихъ складахъ постоянно большой выборъ земледѣльческихъ машинъ и орудій новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также **молочную посуду, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.**
 Заказы на локомобили, паровыя молотилки, мельницы и нѣкоторыя другія машины, направляемые съ заводомъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммиссіонерствомъ по **заводскимъ цѣнамъ** безъ надбавки коммисіи. Коммиссіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: **Клейтона и Шугльворта, Рансома, Леда и Джеферса, Годарда, Джонстона и К', Пеннея, Энкерта, Бенкера и др.** Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10-3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 20

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 15 Мая 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:	
Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.	8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линия . . . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложениями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Гавриль Максъ.

Мы уже говорили въ № 11, при помѣщеніи копии съ картины „Св. Елисавета“, о томъ, что Петербургу не чуждо имя художника, соотечественника нашего, Макса. Чудный, величавый божественный ликъ Искупителя міра дѣйствительно производилъ глубокое, незабываемое впечатлѣніе и доселѣ у насъ можно видѣть во многихъ домахъ большія фотографіи съ этой превосходной картины, высоко оцененной во всей Европѣ. Гавриль Максъ, ученикъ знаменитаго Пилоти, занялъ быстро высокое, почетное мѣсто среди современныхъ художниковъ. Талантъ его совершенно особаго, оригинальнаго свойства и каждое его произведеніе всегда представляетъ шагъ впередъ, всегда вызываетъ оживленные толки, производитъ шумъ. Критики утверждаютъ что артистъ пока стоитъ на распутии и не опредѣлилъ свою дорогу. Каждое новое его произведеніе является какъ бы совершенною неожиданностью, что особенно заинтересовываетъ публику и знатоковъ ис-

Гавриль Максъ. Съ fotogr. грав. О. Ротъ.

куства. Въ то время какъ другой знаменитый ученикъ Пилоти, Гансъ Макартъ, можно сказать всегда изображаетъ плотское, чувственное, внѣшній блескъ и жизнь и часто образамъ его недостаетъ именно духовной, внутренней жизни—то парижъ его, Максъ, занятъ исключительно міромъ сверхчувственнаго, міромъ духовной жизни и приверженцы реалистической школы нападаютъ на него за это. Произведенія обоихъ художниковъ останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя, но дѣйствуютъ совершенно различными сторонами; глубже и серьезнѣе впечатлѣніе произведеній Макса, по пріятію—Макарта, который тѣшитъ воображеніе и поражаетъ жизнью и блескомъ красокъ. Максъ мужественно избралъ путь, который въ нашъ вѣкъ нельзя назвать очень благодарнымъ. Однако картины его постоянно имѣютъ успѣхъ. Но художникъ не приноситъ въ жертву своей задачѣ и условій современнаго искусства. Онъ превосходный техникъ, который его свѣжъ, замысль широка и свободна.

Гавриилъ Максъ, сынъ талантливаго ваятеля Юсифа Макса, родился въ Августѣ 1840 года въ Прагѣ и началъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ отца. Затѣмъ онъ поступилъ въ Пражскую академію художествъ и перешелъ изъ нея въ Вѣнскую, гдѣ пробылъ съ 1858—61 годъ. Въ 1862 году появились его фантастическія картины къ различнымъ музыкальнымъ произведеніямъ, картины эти произвели фуроръ. Въ

слѣдующемъ году художникъ переѣхалъ въ Мюнхенъ и до 1869 г. занимался у Пилоти. Непосредственно одно за другимъ стали появляться слѣдующія его произведенія: „Св. Юліана“, „Весеннее адажіо“, „Весенняя грѣза“, „Монахиня“, „Людмила“, „Юлія Капулетти“, „Невѣста льва“ и многія другія. Въ послѣднее же время знаменитый „Інокъ Спасителя“ и образъ „Св. Елисаветы“, копія съ этой послѣдней помѣщена въ „Пивѣ“, настоящаго года № 11.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXVII.

Регентъ дѣйствуетъ.

Императрица успокоилась, ей казалось что всѣ затрудненія наконецъ улажены. Изъ разговора великой княгини съ Густавомъ она должна была убѣдиться, что молодой король, влюбленный и естественно желающій скорѣйшаго соединенія съ предметомъ любви своей, не можетъ выставить никакихъ препятствій, если не будетъ къ тому вынужденъ настояніями своего дяди. Значить нужно было хорошенько поладить съ регентомъ— и вотъ это исполнено.

Торжествующій и самодовольный Зубовъ объявилъ, что регентъ сдался, что онъ одержалъ надъ нимъ полную побѣду, благодаря своему дипломатическому искусству.

Подтвержденіе этому не замедлило:

Шведскій посланникъ, Штедингъ, просилъ особой аудіенціи у императрицы и сдѣлалъ формальное предложеніе, заявивъ при этомъ, что отъ великой княжны не потребуется отреченіе отъ ея вѣроисповѣданія.

Императрица, едва скрывая свою радость, удовлетворялась этой фразой.

Обрученіе было назначено на 11-е сентября.

Это было въ понедѣльникъ 8-го сентября. Во дворцѣ былъ небольшой танцевальный вечеръ, на которомъ присутствовали всѣ члены императорской семьи, за исключеніемъ цесаревича, уже нѣсколько дней не приѣзжавшаго изъ Гатчины.

Вечеръ казался необыкновенно оживленнымъ, на всѣхъ лицахъ выражалось удовольствіе, чувствовалось, что тучи, начавшія было какъ будто собираться въ послѣдніе дни, совсѣмъ разсѣялись.

Молодой король почти не отходилъ отъ своей невѣсты, танцевалъ съ нею безпрестанно, шутилъ и смѣялся. Она сіяла счастьемъ и дѣтской, ясной красотой.

Императрица, чувствовавшая себя все время очень хорошо, внезапно оживилась, казалась такой бодрой, нѣсколько разъ въ теченіи вечера призывала „малютку“, цѣловала ее, говорила ей, что не будетъ теперь уже видѣть ея грустнаго личика.

„Малютка“ улыбалась, благодарила бабушку, ласкалась къ ней и опять спѣшила къ ожидавшему ее жениху.

Не меньше дочери чувствовала себя счастливой и великая княгиня, всѣ эти дни находившаяся въ Петербургѣ и переживавшая большое волненіе. Узнавъ о томъ, что обрученіе назначено черезъ три дня, она поспѣшно было собралась въ Гатчину къ цесаревичу, чтобы успокоить его и обрадовать этой новостью. Но императрица задержала ее, сказавъ, что она должна переночевать здѣсь съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день утромъ присутствовать на завтракъ, къ которому будетъ приглашенъ и молодой король для свиданія съ невѣстой въ семейной обстановкѣ.

Марія Феодоровна подчинилась этому требованію и такъ какъ танцы кончились на этотъ разъ рано и король уже уѣхалъ, простилась съ императрицей и отпра-

вилась устраивать себѣ ночлегъ. Она уже привыкла къ этой бивуачной жизни,—ей приходилось ночевать то здѣсь, то тамъ.

На этотъ разъ она попросила великаго князя Александра Павловича уступить ей свою комнату. Она чувствовала себя утомленной; но прежде чѣмъ уснуть, ей предстояло еще исполнить одно дѣло. Она не могла оставить цесаревича безъ извѣстія. Она присѣла къ письменному столу и принялась писать съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же отправить письмо свое.—такимъ образомъ оно застанетъ цесаревича при раннемъ его пробужденіи.

Вотъ что она писала:

„Добрый и дорогой другъ мой, благословимъ Господа: обѣщаніе обѣщаній назначенъ въ понедѣльникъ вечеромъ въ брильянтовой комнатѣ. Онъ будетъ происходить въ присутствіи нашемъ, при дѣтяхъ, при посланникѣ, будутъ еще Эссенъ, Рейтергольмъ, Остерманъ, Зубовъ, Салтыковъ и генеральша Ливенъ. Свидѣтелемъ обѣщаній будетъ митрополитъ. Все это рѣшилось достаточное время спустя послѣ ужина. Обручальныя кольца будутъ золотыя съ ихъ вензелями. Послѣ обрученія назначенъ балъ въ тронной залѣ. Ея величество поручила мнѣ все это вамъ передать, любезный другъ, и прибавила, что затѣмъ обрученные могутъ придти къ намъ ужинать. Она мнѣ сказала: „Будетъ-ли вамъ достаточно времени, чтобы пріѣхать?“ Я отвѣчала, что, конечно, будетъ, такъ какъ намъ надобно всего пять часовъ на переѣздъ изъ Гатчины“...

Великая княгиня положила перо, откинулась на спинку кресла и закрыла свои утомленные глаза.

„Ничто такъ не раздражаетъ его какъ эти постоянные переѣзды, думала она,—но теперь онъ не станетъ раздражаться; онъ больше всего боялся, что, не смотря на всѣ эти хлопоты и мученія, дѣло не уладится... онъ боялся униженія... Пусть же успокоится—съ нашей стороны не было и быть не можетъ никакого униженія, никакихъ излишнихъ уступокъ... мы настояли на своемъ... О, онъ будетъ радъ, будетъ счастливъ такъ же какъ и я“...

Она снова взялась за перо и продолжала письмо свое:

„И такъ, благодаря Бога, первая половина дѣла сдѣлана. Король ни мало не затрудняется присутствіемъ митрополита. Покончивъ съ этимъ, императрица, немного спустя, подошла ко мнѣ и приказала почевать здѣсь, а завтра пригласить короля на завтракъ, чтобы онъ могъ увидѣться съ малюткой. Тотчасъ послѣ завтрака я сяду въ карету и отправлюсь прямо въ Гатчину. Они явятся ко мнѣ между 10 и 11 часами и останутся до часу. Я прикажу взять въ карету холодную говядину, чтобы не останавливаться въ дорогѣ для обѣда и поскорѣе свидѣться, съ вами, мой дорогой другъ. Въ часъ я, безъ сомнѣнія буду въ каретѣ, а въ пять—надѣюсь быть уже въ Гатчинѣ. Король и регентъ въ среду пріѣдутъ къ намъ въ Гатчину. Штедингъ все ждалъ васъ, чтобы имѣть честь вамъ это сообщить. Они выйдутъ въ восемь часовъ утра и, вѣроятно, пріѣдутъ

около часа пополудни. Надѣюсь, мой милый другъ, все это доставить вамъ удовольствіе; я очень рада, сообщая вамъ эти добрыя вѣсти“...

Ея глаза слезались, она едва водила перомъ. Эти постоянныя тревоги, хлопоты, все что она испытала въ послѣдніе дни—все это довело ее до большаго утомленія. Вся жизнь вышла такая тревожная — не то, такъ другое. Всегда что-нибудь улаживать, стараться примирить непримиримое, всегда куда-нибудь торопиться... Прекрасное здоровье, кроткій характеръ, доброе сердце спасали ее. Но все-же время дѣлало свое дѣло—видно силы уже не тѣ, что прежде! давно не испытывала она такого утомленія, такого желанія отдохнуть, забыться, поѣвиться немного...

Но какой ужъ теперь отдыхъ! — четыре-пять часовъ сна, а потомъ опять за дѣло,—нужно быть бодрой, осмотрительной, наблюдательной, нужно взвѣшивать каждое свое слово, каждый шагъ свой!..

„Конечно, мой дорогой другъ, писала дальше великая княгиня, — вы не будете противъ того, чтобъ я здѣсь почесала, такъ какъ это приказаніе есть свидѣствіе счастливаго устройства дѣла, о которомъ я говорила выше, за что нельзя достаточно возблагодарить Бога. Признаюсь вамъ по совѣсти, что я очень устала сегодня вечеромъ и чуть не заснула на балу. Знаете-ли, любезный другъ, что у меня здѣсь нѣтъ ничего. Александръ уступилъ мнѣ свою постель, генеральша (Ливень) дала ночной чепчикъ и гдѣ-то нашлась для меня ночная кофта. Я приказала моимъ камеръ-юнкерамъ, которая всѣ въ Павловскѣ, не прѣзжать сюда, а отправиться въ Гатчину. Довольствуюсь Прасковей, а за Бренной пошлю завтра утромъ“...

Нѣтъ, она рѣшительно не въ силахъ больше писать, хотя и хотѣлось-бы еще поговорить съ нимъ... Онъ тамъ одинъ... всегда одинъ! онъ говорить, что такъ любить ея письма!..

Ей представилось такъ часто мрачное и скорбное лицо мужа, этого человѣка, плохо понимаемаго и цѣнимаго, въ которомъ почти всѣ видѣли только недостатки, и не хотѣли видѣть добрыхъ качествъ. Но вѣдь она-то знала его, она умѣла глядѣть на него совѣмъ иначе. Въ ея сердцѣ дрогнуло нѣжное и грустное чувство, слезы навернулись ей на глаза.

„Доброй ночи, любезный другъ, донисывала она,—спите хорошо; желала-бы, чтобъ уже настало завтрашнее утро для того, чтобъ имѣть извѣстія о васъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу васъ хотя немного думать о вашей Машѣ“.

Въ то время какъ великая княгиня писала это письмо, въ которомъ выражалась вся нѣжная душа прекрасной женщины, въ домѣ шведскаго посольства тоже еще не спали.

Молодой король и дядя регентъ вели между собою бесѣду. Густавъ, еще въ бальномъ костюмѣ, котораго онъ не успѣлъ снять по прѣздѣ изъ дворца, ходилъ большими шагами по комнатѣ.

Маленькій герцогъ съежился въ креслѣ и не спускалъ глазъ съ племянника.

— И такъ, мой другъ, васъ наконецъ можно поздравить окончательно?! говорилъ онъ. Вы счастливы, всѣ ваши желанія исполнены. У васъ будетъ прелестная жена, въ которую вы, кажется, влюблены безъ памяти, до самозабвенія, до ослѣпленія...

— Влюбленъ! пересбилъ юноша вдругъ высоко поднимая голову и принимая тотъ неестественный, напыщенный видъ, который, по его мнѣнію, дѣлалъ его какъ дѣвѣ канли воды похожимъ на Карла XII. — Влюбленъ! повторилъ онъ,—я не знаю что значитъ это слово. Оно довольно глупо и я полагаю что на влюбленность я не способенъ. Великая княжна прелестна — думаю вы согласны съ этимъ? Конечно болѣе милой невесты мнѣ

не найти во всей Европѣ; но ея красота свести съ ума меня не можетъ. И вы меня оскорбляете, дядя, говоря, что я ослѣпленъ.

Герцогъ лукаво усмѣхнулся.

— Оскорбляю! — зачѣмъ такъ играть словами, дорогой мой? Вы не хотите сознаться, вамъ непріятно слышать правду, а это не хорошо. Конечно ослѣплены какъ и всякій молодой человекъ въ вашихъ обстоятельствахъ и я сейчасъ докажу это. Насколько мнѣ помнится вы увѣрили меня что не дадите себя дурачить, что не сдѣлаете никакихъ уступокъ въ ущербъ вашему достоинству и достоинству вашего государства. А между тѣмъ, мой другъ, эти уступки уже сдѣланы.

— Что за пустяки, какія уступки, что такое?! перебивая его, крикнулъ Густавъ.

— Вопросъ о вѣроисповѣданіи вашей невесты рѣшенъ такъ какъ желала императрица, а не такъ какъ вы желали и должны были желать. И вотъ, какъ я предполагалъ такъ и случилось, — мы пойманы, насъ испугали тѣмъ, что если мы не уступимъ, то можемъ вернуться въ Швецію безъ великой княжны. Но мы объ этомъ и подумать не можемъ! Берите все, на все согласны, подавайте только нашу дорогую невесту! А что скажетъ вся Швеція — о томъ мы забываемъ, мы забываемъ нашу отечественную исторію, которую, кажется, хорошо изучали; наши обычаи, освященные вѣками, укоренившіеся въ народномъ понятіи! Какъ взглянетъ народъ на то, что на шведскомъ престолѣ будетъ королева, исповѣдующая чуждую религію? До этого нѣтъ намъ никакого дѣла. Пусть говорятъ всѣ что внука русской императрицы спихнула до насъ; но что она все-же презираетъ страну, на тронъ которой восходить, не хочетъ быть шведкой, остается русской...

Яркая краска вспыхнула на щекахъ Густава. Онъ зашпугалъ еще скорѣе.

— Какой вздоръ! какой вздоръ! почти кричалъ онъ. Зачѣмъ вы это говорите? Вѣдь вы сами хорошо знаете, что это не такъ. Я желалъ-бы посмотрѣть какъ это насъ презираютъ и снисходятъ до насъ! Мы кажется видѣли противное и вы сами очень хорошо знаете, что скорѣе мы снисходимъ, насъ желаютъ!

— Я ничего этого не знаю, невозмутимымъ и твердымъ голосомъ сказалъ герцогъ, — я знаю только, что мы уже нарушили всѣ обычаи прѣзхавши сюда. Здѣсь, для достиженія нашей цѣли, мы соглашаемся на все—и народъ будетъ имѣть полное право разсуждать такъ какъ я говорилъ сейчасъ.

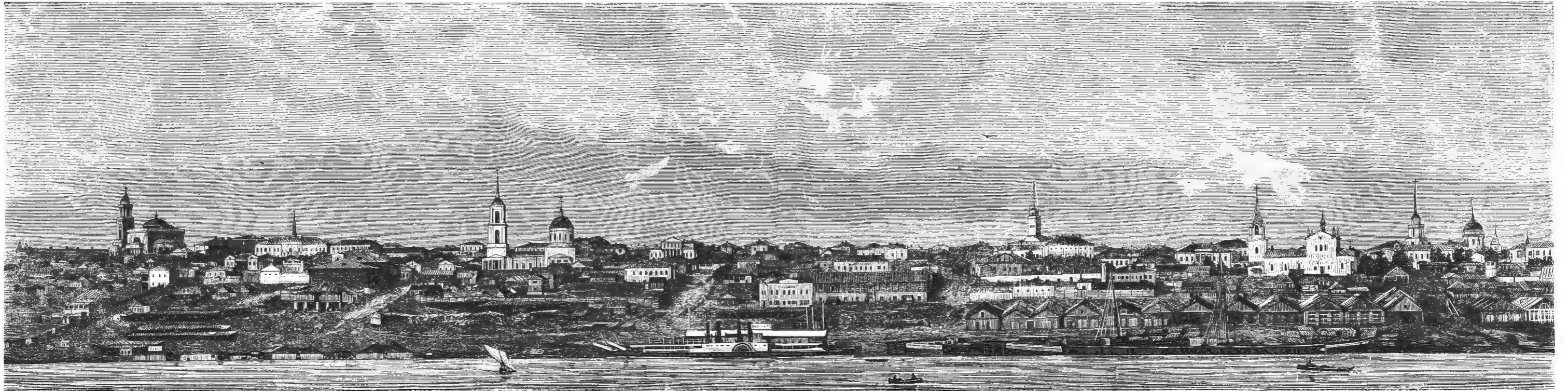
— Совѣмъ нѣтъ. Народъ не будетъ даже и знать къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ она. Мы обойдемъ этотъ вопросъ, вотъ и все. Она никогда не захочетъ, а если и захотѣла бы, то не посмѣетъ выказать презрѣнія къ нашей религіи. О! за это я вамъ отвѣчаю! И, наконецъ, вы говорите о моемъ ослѣпленіи, вы полагаете, что я способенъ унижаться, что я ни о чемъ не думаю кромѣ какъ о красотѣ ея—и вы жестоко ошибаетесь. Не далѣе еще какъ сегодня во время бала я имѣлъ съ нею разговоръ относительно религіи. Когда она будетъ моей женою, увѣрю васъ что она перемѣнитъ вѣроисповѣданіе. Моя воля будетъ для нея закономъ.

— Вы фантазируете, мой другъ, ее отпустить именно съ тѣмъ уговоромъ, чтобы не принуждать къ перемѣнѣ религіи и если вы думаете это потомъ сдѣлать, то возникнутъ большія непріятности, которыхъ допустить невозможно.

— Это вы такъ думаете, дядя, а я думаю совѣмъ иначе. Никакихъ непріятностей не будетъ, все обойдется тихо. Я сказалъ ей, что она во время коронаціи должна будетъ приобщиться вмѣстѣ со мною.

— А, вы сказали ей это?! Что же она вамъ отвѣтила?

— Она отвѣтила что съ удовольствіемъ исполнитъ мое желаніе.

Общій видъ города Саратова съ Волги. Съ фотографіи Пятницкаго, грав. М. Рашевскій.

Коттабось (игра). Сцена изъ древне-греческой жизни. Съ картины А. Сципіона, грав. Э. Меоль.

— Въ самомъ дѣлѣ?! такъ и отвѣтила?.. и ничего не прибавила при этомъ? приподнимаясь со своего кресла и зорко глядя въ глаза племянника, спросилъ герцогъ.

Густавъ нѣсколько смутился.

— Ну, положимъ, она прибавила: „если бабушка на это согласится,“.

Герцогъ, начинавшій нѣсколько смущаться, внезапно успокоился.

— Вотъ видите! а „бабушка“ никогда на это не согласится...

— Да, но поймите же,—вѣдь это теперь говорится такъ потому, что она еще ребенокъ, потому что у нея не было до сихъ поръ иного авторитета кромѣ „бабушки“.

— Я очень вѣрю, что вы окажетесь скоро высшимъ для нея авторитетомъ, но дѣло не въ томъ. Очень можетъ быть что она будетъ страстно хотѣть исполнить ваше желаніе, но она будетъ связана обязательствами и если вы станете заставлять ее нарушать эти обязательства и станете сами нарушать ихъ, то васъ обвинятъ въ неблагородномъ образѣ дѣйствій, въ обманѣ и вы не будете имѣть никакой возможности оправдаться.

Но Густавъ не смущался.

— Какія обязательства? Что вы мнѣ все говорите объ обязательствахъ! повторялъ онъ, тутъ только слова... слова—и ничего больше. Мы обходимъ этотъ вопросъ. И что мы общаемъ? Общаемъ что не будетъ никакого насилія и никто не станетъ принуждать великую княжну—и такъ оно и будетъ. Принуждать ее я и не подумаю конечно.

— Ну а если въ брачный контрактъ будетъ прямо включено это условіе?

Густавъ остановился и сверкнулъ глазами.

— Они никогда этого не сдѣлаютъ, они должны хорошо понимать, что это невозможно.

— Имъ тутъ понимать нечего, съ ихъ стороны высказывается требованіе — мы на него соглашаемся. Пунктъ такого рода очень льститъ самолюбію Россіи и очень унижаетъ Швецію! конечно они включаютъ этотъ пунктъ въ контрактъ—я почти не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Я бы имъ этого не посоветовалъ!

— А что же вы сдѣлаете? Или униженіе Швеціи и ваше собственное униженіе,—или вамъ придется отказаться отъ невѣсты! Вотъ какъ поставлено теперь дѣло.

— Я и откажусь!

— Другъ мой, какъ вы обманываетесь—это вамъ теперь, въ разговорѣ со мною, кажется легкимъ, а дойдеть до дѣла—и вы пожертвуете всѣмъ, чтобы только не разстаться съ великой княжной.

Юноша опять весь вспыхнулъ; но вдругъ выпрямился во весь ростъ, закинулъ голову и проговорилъ обиженно:

— Я вижу что вы мало меня знаете, дядя, а кажется могли бы знать; но теперь говорить объ этомъ нечего. Я очень усталъ и мнѣ спать хочется... прощайте!

Онъ пожалъ руку герцогу и вышелъ изъ комнаты.

Регентъ долго смотрѣлъ ему во слѣдъ съ радостной улыбкой.

„Не знаю я тебя! еще бы, гдѣ же мнѣ тебя знать! это такъ трудно, а я такъ простъ!.. Но, по крайней мѣрѣ, я знаю теперь, что мнѣ надо дѣлать. Да, теперь все ясно и ошибки кажется быть не можетъ“!..

XXVIII.

Грезы и дѣйствительность.

Великая княжна проснулась рано, вся еще полная ночныхъ грезъ, волшебнаго тумана, среди котораго она заснула, послѣ вечера проведеннаго съ женихомъ.

Она подумала что уже пора вставать, такъ какъ зна-

ла, что король и герцогъ пріѣдутъ не позже какъ въ часамъ десяти; но сквозь спущенныя занавѣси едва пробивался свѣтъ, солнце еще не всходило.

Великая княжна тихонько зажгла свѣчку, взглянула на часы, прислушалась—все было тихо. Она задула свѣчку и легла снова, но заснуть уже не могла.

Какой тутъ сонъ! Сердце такъ шибко бьется, мысли одна за другою стучатся въ голову. Есть о чемъ подумать, не до сна теперь.

Разомъ вставали и повторялись передъ нею всѣ эти дни, несладные, странные, мучительные и блаженные дни, въ которые все такъ быстро измѣнилось въ ней и вокругъ нея. То, что было до этихъ дней, до пріѣзда короля, казалось ей такимъ далекимъ, все это она едва помнила. Теперь она была совсѣмъ другая, жила новой жизнью, горячей лихорадочной жизнью, среди которой некогда было очнуться, некогда было спокойно подумать, уяснить себѣ свое положеніе.

А между тѣмъ несмотря на то, что великая княжна была почти еще ребенкомъ, она уже умѣла думать и обдумывать, она чувствовала потребность въ этомъ.

„Я невѣста, думала она,—теперь уже кончено, бабушка сама сказала: послѣ завтра обрученіе! Я невѣста—какое счастье! Я скоро буду его женою и уже никогда, никогда мы не разлучимся съ нимъ—всегда вмѣстѣ... вмѣстѣ!.. Милый! какое счастье! О! не будетъ онъ уже больше хмуриться, а нахмурится—я его поцѣлую и онъ улыбнется. Я ни въ чемъ никогда не буду ему перечить, онъ будетъ доволенъ мною. Да и развѣ могутъ у меня быть теперь какія нибудь желанія, кромѣ его желаній. Мнѣ кажется я скоро научусь угадывать всѣ его мысли, я ужъ теперь очень часто знаю, только взглянувъ на него, о чемъ онъ думаетъ, чего желаетъ,—онъ самъ мнѣ еще вчера сказалъ это“.

„Милый!..“ почти вслухъ пролепетала она, тихо, блаженно улыбувшись и даже протягивая впередъ свои тонкія, будто изъ мрамора выточенныя руки.

Ей казалось что она видитъ его передъ собою. И она манила его къ себѣ, она мысленно прижимала его къ груди своей, въ которой горячо билось ея счастливое сердце.

„Милый! навсегда съ тобою, тамъ въ новой, чудной странѣ... въ твоей странѣ! О! какъ тамъ должно быть все хорошо, какъ хочется мнѣ скорѣе туда!“...

Но вдругъ ея нѣжный шепотъ прервался, но прелестному лицу ея скользнула легкая тѣнь.

„Я счастлива, подумала она,—но вотъ мнѣ и грустно! Неужели на свѣтѣ нѣтъ полнаго счастья?! Да, я должна грустить, я не смѣю быть такой счастливой, вѣдь я уѣзжаю на долго, быть можетъ на всегда, я расстаюсь со всѣми!“...

Она начинала упрегать себя въ холодности, въ эгоизмѣ. Ее всѣ такъ любили, и родители, и бабушка, и сестры, и братья. Ее съ тѣхъ поръ какъ она себя помнитъ окружаютъ ласки, всѣ желанія ея исполняются. Положимъ, она никогда не желала ничего неисполнимаго, она всегда старалась быть доброй и ласковой со всѣми, всѣхъ любила, всѣхъ жалѣла... Такъ что же это теперь съ нею? Неужели она, полюбивъ одного, новаго, едва появившагося передъ нею человѣка, вдругъ разлюбила всѣхъ, кого всегда знала, кто былъ ей всегда дорогъ, кто заботился о ней и ласкалъ ее. Неужели это правда, неужели у нея такое злое сердце?!

„Нѣтъ, нѣтъ не правда, я люблю ихъ, я вѣрно буду очень тосковать по нимъ. Это только такъ теперь... сама не знаю что со мною! Вѣрно такъ всегда бываетъ!.. Нѣтъ я люблю ихъ, я не злая!“.

Но вдругъ она позабыла опять всѣхъ, она опять только думала о немъ одномъ. Ей начинала представляться ея будущая жизнь съ нимъ, тамъ далеко въ иной землѣ, среди иной обстановки, среди иныхъ людей, которыхъ она не знала

„Будутъ ли тамъ любить меня? Что меня ожидаетъ?!“

И она серьезно задумалась, пристально глядя въ полутьму своими большими свѣтлыми глазами, будто старалась разглядѣть таинственное будущее.

„О! я знаю, о многомъ, о многомъ мнѣ нужно подумать... Мнѣ нужно постоянно думать о томъ какъ жить и что дѣлать... Я буду молиться Богу, горячо буду молиться, чтобы Онъ вразумилъ меня... чтобы я могла исполнять свои обязанности... а у меня много этихъ обязанностей“...

И вспомнились ей разговоры, которыхъ часто она была свидѣтельницей въ комнатѣ бабушки, вспомнились ей бабушкины слова о томъ что первую заботою правителей должно быть—благо ихъ подданныхъ.

Вотъ она станетъ королевой, значитъ она должна будетъ хорошенько познакомиться съ этой новой страной, которая сдѣлается ея второй родиной. Она должна узнать все: какъ тамъ живутъ люди, чѣмъ они занимаются, чего имъ надо. Она должна будетъ узнавать не можетъ ли помочь кому нибудь. Ея щеки разгорались, глаза блестѣли, грудь высоко поднималась.

„О, она конечно будетъ много работать, она всѣ силы употребитъ для того чтобы сдѣлаться достойной всеобщей любви, она заставитъ любить себя, а главное его, милаго дорогого Густава! Она сдѣлаетъ такъ, что вокругъ нихъ не будетъ горя, нужды и отчаянія. Никто не уйдетъ отъ нея безъ помощи, она будетъ все узнавать тихонько, осторожно; она придумаетъ какъ это устроить. Ея помощь будетъ приходиться неожиданно и бѣдные, добрые люди не узнаютъ даже откуда пришла эта помощь. И конечно онъ, ея милый Густавъ, во всемъ будетъ помогать ей. Какъ счастлива такая жизнь и какъ она должна благодарить Бога за то, что онъ даетъ ей возможность дѣлать добро, много добра“.

И она мечтала, не замѣчая времени, не замѣчая какъ мало по малу въ комнату прорывался утренній свѣтъ, какъ уже начинали раздаваться дневные звуки. Она мечтала съ блаженной улыбкой и ей почти казалось что у нея вырастаютъ крылья и что на этихъ крыльяхъ, незримая и счастливая, она летаетъ всюду гдѣ человѣческая нужда, горе и слезы ждуть ее.

Она никогда не видала ни горя, ни слезъ, ни нужды; но она хорошо знала что онъ есть на свѣтѣ, объ нихъ ей говорили. Говорила и бабушка такъ хорошо, горячо говорила о нуждѣ человѣческой, какъ будто сама ее испытала.

„Да, счастливая будетъ жизнь и будутъ меня любить люди, потому что я сама стану любить ихъ, стану для нихъ дѣлать все что только въ моей власти. Нужно будетъ поговорить объ этомъ съ Густавомъ, мы еще объ этомъ никогда не говорили. Онъ навѣрное думаетъ также какъ и я, и навѣрно будетъ радъ, что я такъ думаю“.

— *Chère enfant, levez-vous,—il est bien temps!* раздался ласковый голосъ.

Великая княжна очнулась отъ своихъ мечтаній. Передъ нею стояла ея воспитательница, госпожа Ливень.

И вотъ великая княжна позабыла въ мигъ всѣ свои думы, всѣ волновавшія ее ощущенія, при звукахъ этого давно знакомаго голоса, при видѣ нѣсколько чепорной и строгой фигуры воспитательницы, которую она изрядно побаивалась въ тѣ минуты, когда чувствовала себя въ чемъ нибудь провинившеюся.

— *Pardon, pardon, je serai prête a l'instant!* испуганно проговорила она и быстро начала одѣваться съ помощью подоспѣвшей камеръ-медхень.

Одѣвшись она знакомъ удалила дѣвушку и, оставшись одна, стала горяче молиться передъ образами. На сердцѣ у нея сдѣлалось спокойно и ясно, на губахъ заиграла дѣтская, счастливая улыбка и, свѣжая и прелестная, она поспѣшила къ матери.

Великая княгиня уже была готова. Но на ея лицѣ можно было различить признаки утомленія. Ей немного пришлось поспать въ эту ночь, да и сонъ былъ тревожный. Она, то и дѣло просыпаясь, принималась думать свои думы, а ужъ какъ придутъ онѣ—отъ нихъ трудно отдѣлаться, забыться, и заснуть снова...

Король и регентъ не заставили себя ждать, минута въ минуту явились къ назначенному времени.

Великая княжна такъ и впиалась глазами въ Густава, въ то время какъ онъ, здороваясь съ нею, цѣловалъ ея руку.

— Здоровы ли вы? тревожно спросила она.

Ей показалось что лицо его не совсѣмъ такое какимъ было вчера вечеромъ.

Великая княгиня подмѣтила взглядъ дочери и тревожный тонъ ея вопроса.

— На этотъ разъ вы можете не отвѣчать ей, Густавъ, улыбаясь проговорила она,—ваше лицо за васъ отвѣчаетъ! Развѣ съ такимъ сияющимъ лицомъ можно быть нездоровымъ? обратилась она къ „малюткѣ“.

Но „малютка“ глядѣла на жениха еще тревожнѣе и опять спрашивала:

— Здоровы ли вы, что съ вами?

Несмотря на этотъ сияющій видъ она ясно замѣчала въ молодомъ королѣ уже понятные ей и изученные ею признаки чего то такого, что ее очень смущало и чего никакъ не должно было быть въ немъ сегодня, когда всѣ заботы и недоразумѣнія были окончены.

— Разумѣется я чувствую себя очень хорошо, отвѣчалъ король еще разъ дѣлуя ея руку.—Я только заспался и очень спѣшилъ, боялся опоздать.

Онъ говорилъ правду. Онъ спалъ какъ убитый послѣ своего поздняго разговора съ дядей. Никакія мечтанія не нарушили сна его и не грезился ему даже прелестный образъ невѣсты. Ея красота, обаяніе ея дѣтской чистоты и кротости дѣйствовали на него когда онъ былъ съ нею; но едва она исчезала, исчезало и ея обаяніе, онъ погружался въ восхищеніе самимъ собою, въ самообожаніе.

Скоро всѣ, кто долженъ былъ принять участіе въ этомъ семейномъ завтракѣ, оказались въ сборѣ: братья и сестры невѣсты, нѣкоторые изъ самыхъ приближенныхъ лицъ. Всѣ были довольны,—веселы. Великая княгиня, со свойственной ей простотой и граціей, исполняла обязанности хозяйки. Велась оживленная, но не шумная бесѣда, время отъ времени прерываемая звонкими голосами и смѣхомъ младшихъ членовъ царскаго семейства.

Даже король, сидѣвшій рядомъ съ невѣстой и уже начинавшій поддаваться ея обаянію, оживился и мало по малу перешелъ къ любимой темѣ своихъ разговоровъ—къ своимъ охотничьимъ похождениямъ.

Великая княжна внимательно и съ восхищеніемъ вслушивалась въ каждое его слово; но впрочемъ онъ говорилъ теперь не для нея, ему хотѣлось главнымъ образомъ поразить этими рассказами молодыхъ великихъ князей, Александра и Константина, показать имъ какъ они должны быть счастливы приобрѣтая въ его лицѣ такого родственника. Они должны преклониться передъ его достоинствами и почувствовать его превосходство.

Великій князь Александръ слушалъ его съ любезнымъ вниманіемъ; но напрасно-бы юный король сталъ искать на лицѣ его признаковъ удивленія и восторга—женственно-прекрасное и мечтательное лицо великаго князя не выдавало его ощущеній.

Разскащикъ отвелъ глаза въ другую сторону—и вдругъ недоговоренное слово замерло на губахъ его, онъ вспыхнулъ и съ недовольнымъ взглядомъ рѣзко оборвалъ разсказъ, склонился къ невѣстѣ и сталъ что-то не въ попадь у нея спрашивать. Дѣло въ томъ, что его глаза встрѣтились съ другими глазами, въ которыхъ слишкомъ ясно искрилась самая задирательная насмѣшка.

Это были глаза великаго князя Константина, который въ началѣ завтрака сидѣлъ насупившись, почти не принимая участія въ разговорѣ.

Живой, порывистый, здоровый, всегда придумывавшій какую-нибудь новую шалость, иногда непослушный и черезчуръ рѣзкій на словахъ.— великій князь Константинъ доставлялъ не мало заботъ какъ бабушкѣ, такъ и отцу съ матерью.

Вотъ и теперь, послѣ новой какой-то шалости, имъ были недовольны и не далѣе еще какъ вчера онъ долженъ былъ объясняться съ бабушкой и матерью.

Онъ сознавалъ свою вину, искренно и со слезами обѣщалъ матери исправиться. Великая княгиня сказала ему одну фразу, которая его глубоко тронула.

„Хоть-бы теперь ты пожалѣлъ меня! у меня столько заботъ, тревогъ, я такъ устала за это время, а ты еще меня мучаешь!.. Ты доказываешь этимъ, что совсѣмъ меня не любишь“!..

Но онъ любилъ ее и эти слова глубоко отозвались въ его сердцѣ.

Онъ чувствовалъ себя такимъ виноватымъ, униженнымъ въ собственныхъ глазахъ; онъ провелъ плохую ночь и проснулся съ угрызениями совѣсти. Ему было теперь неловко и стыдно глядѣть на мать. Поэтому онъ сидѣлъ хмурый и молчаливый.

Но вотъ молодой король началъ свои хвастливые рассказы—и природная насмѣшливость поднялась въ великомъ князѣ. Онъ несовсѣмъ довѣрялъ этой храбрости и мужеству, его возмущалъ этотъ напыщенный тонъ и отѣнокъ какого-то даже пренебреженія, съ которымъ женихъ сестры относился къ нему и его брату.

Въ его головѣ уже складывались язвительныя и насмѣшливыя фразы, которыми онъ могъ-бы отвѣтить сомнительному герою. Въ другое время онъ не сталъ-бы стѣсняться, но теперь чувствовалъ, что долженъ сдерживать себя, долженъ молчать. И все, что рвалось у него съ языка, онъ выразилъ въ своемъ насмѣшливомъ взглядѣ, который такъ смутилъ Густава.

„Ага! поплять, любезный другъ! подумалъ онъ, — понялъ что не всѣхъ удастся морочить!.. замолчалъ! — ну и хорошо, только это и нужно“!..

И онъ перенесъ свои насмѣшливыя наблюденія на маленькаго регента, который разсыпался въ любезностяхъ передъ великой княгиней. Регентъ въ это утро игралъ роль счастливейшаго изъ смертныхъ, онъ шепталъ великой княгинѣ, что это одинъ изъ лучшихъ дней его жизни, что такъ какъ соединеніе молодыхъ людей наконецъ рѣшено безповоротно—всѣ самыя горячія желанія его исполнены.

Великая княгиня ему вѣрила,—теперь уже не въ чемъ было сомнѣваться.

Завтракъ былъ конченъ. Всеобщее оживленіе усиливалось. Юная невѣста оказалась въ нѣкоторомъ отдаленіи, рядомъ съ женихомъ. Ея тихій, нѣжный голосокъ нашептывалъ ему о тѣхъ мечтаніяхъ, которымъ она предавалась рано утромъ.

Она рисовала ему фантастическую картину блажен-

ной жизни, исполненной добра и радости, она вся горѣла отъ волненія и восторга и въ этомъ восторгѣ не замѣчала даже, что онъ относится къ ея мечтаніямъ во все не такъ, какъ-бы долженъ былъ относиться, какъ она того желала.

Онъ глядѣлъ на нее, любясь ея красотой, блескомъ ея глазъ, ея доброй, счастливой улыбкой; но то, что она говорила, казалось ему неинтереснымъ и онъ пропускалъ мимо ушей слова ея, не придавая имъ значенія.

Все это были только грезы, воплощеніе которыхъ почти невозможно въ жизни; но это были грезы молодой, благородной души, стремившейся къ добру и свѣту. Эти грезы наполняли ее, составляли весь ея нравственный образъ. Но онъ конечно не могъ понять этого, онъ казался ему милой дѣтской болтовней—и только.

Его сердце на нихъ не откликнулось. И хоть онъ былъ юноша, едва вступавшій въ жизнь, но въ немъ уже ничего не было юнаго кромѣ самонадѣянности, ему никогда не суждено было жить сердцемъ и понять счастье и муку такой жизни...

А великая княжна все говорила и только время отъ времени, прерывая потокъ своей восторженной рѣчи и обдавая жениха ласкающимъ взглядомъ, спрашивала его:

— Вѣдь да? вѣдь я права?.. вы согласны со мною, Густавъ?!

— Конечно согласенъ, конечно вы правы, всегда правы! разсѣянно отвѣчалъ онъ.

Онъ начиналъ уже скучать и былъ доволенъ когда въ комнатѣ показалось новое лицо. Вошелъ князь Зубовъ прямо отъ императрицы.

Къ его манерѣ и тону давно уже всѣ привыкли и никого не поражало, что онъ держитъ себя вовсе не такъ какъ-бы слѣдовало; онъ вовсе не намѣренъ былъ выказывать особую почтительность. Онъ развязно подошелъ къ герцогу, взялъ его подъ руку и увелъ въ сосѣдную комнату.

— Вотъ все и улажено, сказалъ онъ; — императрица очень довольна; она только что выразила мнѣ чувства самаго искренняго родственнаго расположенія къ вашему высочеству... И такъ, послѣзавтра вечеромъ обрученіе!

— А брачный договоръ? спросилъ регентъ; — вы его уже составляете?

— Да, императрица поручила составленіе его Моркову. Онъ будетъ готовъ завтра.

— Зачѣмъ-же ужъ такъ торопиться! сказалъ регентъ. Лишь-бы онъ поспѣлъ послѣзавтра къ вечеру. Король можетъ подписать его передъ самымъ обрученіемъ! Только пожалуйста не забудьте чего-нибудь. Каждый пунктъ долженъ быть выраженъ подробно и ясно.

— Объ этомъ не тревожьтесь, ваше высочество! отвѣтилъ Зубовъ,—Морковъ человекъ осмотрительный и прекрасно пишетъ.

„Увидимъ много-ли выйдеть изъ его писанія“! подумалъ регентъ.

Они вернулись въ комнату, гдѣ находилась великая княгиня.

(Др. слѣд. №).

Персидскій посолъ.

(Эпизодъ изъ жизни Людовика XIV).

По мѣрѣ того, какъ Людовикъ XIV старѣлся, при дворѣ его становилось все монотоннѣе и скучнѣе. Минували блестящія празднества, бывшія насущною потребностью короля, прекратились охоты, придворныя увеселенія и игрыца! Дряхлый король одинъ сохранялъ свое величіе. Г-жа Ментенонъ, утомленная ролью, вынавшею на ея долю, постоянными интригами при дворѣ и образомъ жизни, который она вела, уже потеряла талантъ занимать и развлекать своего высокаго покровителя.

Въ это грустное время, когда въ Луврѣ и Тюльери царилъ съ незначительными перерывами торжественная тишина, когда Версаль и Фонтенбло, сравнительно съ прежнимъ оживленіемъ, казались вымершими, образовалась группа ловкихъ придвор-

ныхъ, старавшихся пышными парадами и хорошо поставленными зрѣлищами воскресить въ старѣющемъ королѣ его прежнюю подвижность. Рипелье рассказываетъ, въ своихъ мемуарахъ, разныя вещи, имѣвшія мѣсто въ это время, различныя зрѣлища и приключенія, устраиваемыя съ цѣлью позабавить Людовика XIV и вывести его изъ одолѣвающей его умственной усталости. Въ Фонтенбло, гдѣ въ послѣднее время своей жизни пребывалъ часто король, устраивались нерѣдко религіозно-фантастическія представленія, при прямомъ или косвенномъ участіи г-жи Ментенонъ.

Особенное оживленіе и интересъ какъ въ королѣ, такъ и въ народѣ возбудилъ пріѣздъ персидскаго посла.

Мѣсяцевъ за 7 до смерти короля внезапно распространился

Весна. Оригин. рисун. К. Големблевскаго, грав. Ю. Бараповскій.

слухъ, будто шахъ персидскій, султанъ Гуссейнъ, посылаетъ въ „Святую Францію“ своего посла.

Молва о величїи и славѣ Людовика XIV достигла стѣнъ Испани и побудила „владыку солнца“ засвидѣтельствовать черезъ уполномоченнаго свое почтеніе могучему властелину. Узнавъ о прибытіи персидскаго посла Магомета Риза-Бей, король приказалъ немедленно приготовить все къ торжественному приему. На встрѣчу посла въ Марсель послали камергера графа С.-Олонъ.

Въ двухъ миляхъ отъ Парижа церемоніймейстеръ, баронъ Бретейль и маршалъ Матиньонъ должны были его привѣтствовать.

Когда Бретейль вошелъ въ комнату посла, то нашелъ его сидящимъ съ поджатыми подъ себя ногами предъ каминомъ, на разостланномъ коврѣ и положенномъ сверху ковра матрацѣ. „Признаюсь“, пишетъ Бретейль въ своихъ запискахъ, вышедшихъ въ 1798 г., „что въ первый моментъ онъ показался мнѣ просто обезьяной. Но я полагаю, что если персіянинъ впервые увидитъ европейца сидящимъ на стулѣ, то и ему это должно казаться смѣшнымъ“. Посоль жестомъ пригласилъ барона сѣсть и послѣдній началъ рѣчь, составленную въ восточномъ духѣ.

Въ началѣ посоль держалъ себя весьма вѣжливо и скромно, что Бретейль приписывалъ его восточному воспитанію. Когда же рѣчь коснулась предстоящихъ празднествъ, персъ сталъ несговорчивъ. Онъ требовалъ себѣ, послу „царя солнца“, больше почестей, чѣмъ было предназначено. Прежде всего онъ настаивалъ на томъ, чтобы министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Де-Торси, котораго по чину онъ считалъ равнымъ великому визирю, прїѣхалъ за нимъ въ Шарантонъ. До этого пункта онъ согласенъ былъ ѣхать въ королевской каретѣ, но затѣмъ непремѣнно на конѣ, такъ какъ неподходящее для него было дѣло сидѣть съ невѣрнымъ въ одной каретѣ. Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы въѣздъ его въ Парижъ назначенъ былъ послѣ революціи, для избѣжанія „несчастныхъ дней“. На эти странныя требованія Бретейль объявлялъ, что Торси и прочіе министры — не визиря, а просто „секретари“ короля, которымъ его величество отдаетъ приказанія. Бретейль, дѣлая такіе объясненія, вѣроятно, рассчитывалъ лучше устроить дѣло.

Тѣмъ не менѣе, все министерство, узнавъ объ этомъ, пришло въ сильное негодованіе на барона, за его мысль отождествлять министровъ съ обыкновенными секретарями. Не малаго труда стоило уговорить обиженныхъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ справокъ въ календарѣ, 7-е февраля было выбрано какъ „счастливыи день“ для въѣзда. Но когда Бретейль, Матиньонъ и прочіе кавалеры пришли за посломъ, то представились новыя затрудненія. Магомедъ-Риза-Бей рѣшительно отказывался встать съ своего матраца въ присутствіи христіанъ. Это была просто дерзость и потому Бретейль не замедлилъ отплатить тѣмъ же. Онъ объявилъ слишкомъ гордому послу, что если онъ не сумѣетъ держать себя съ большею вѣжливостью, то ему не разрѣшатъ въѣзда въ Парижъ и не дадутъ аудіенціи короля. Они оставили восточнаго человѣка сидѣть на своемъ матрацѣ и удалились. Только что успѣли они дойти до двора, какъ замѣтили слѣдившаго вслѣдъ за ними посла, бѣшено жестикулирующаго. Онъ вскочилъ на заранѣе приготовленную лошадь и направился къ въѣзнымъ воротамъ. Произошло еще большее смятеніе. Бретейль бросился — такъ разсказываетъ онъ самъ — къ лошади, схватилъ ее подъ уздцы и потащилъ обратно. Между посломъ и барономъ завязался горячій споръ. Посоль хотѣлъ во что бы то ни стало одинъ и безъ помощи невѣрнаго вѣхаться во французскую столицу; баронъ доказывалъ въ неособоно лестныхъ выраженіяхъ всю невозможность подобнаго поведенія, нарушающаго всякія правила этикета. Възбѣшенный противорѣчіемъ, Магомедъ-Риза-Бей схватился за саблю, далъ лошади шпоры и рѣшился миновать кавалеровъ. Но не тутъ-то было! Бретейль успѣлъ уже приказать затворить ворота, и посоль, сдерживая бѣшенство, припужденъ былъ возвратиться въ свое помѣщеніе. Бретейль послѣдовалъ за нимъ. По знаку, данному посломъ, онъ былъ вдругъ окруженъ 6 персидскими воинами его свиты. Баронъ не потерялся: онъ приказалъ перевести посланнику, что стоитъ ему только свиснуть, какъ ляжетъ 6000 войска и докажутъ, какъ уважается воля великаго короля. Затѣмъ не стѣняясь Бретейль схватилъ несговорчиваго Магомедъ-Риза-Бей за пуговицу кафтана и заставилъ такимъ образомъ подняться съ матраца. Посоль наконецъ покорился. Онъ убѣдился въ невозможности иного образа дѣйствій и вскочилъ такъ проворно, что спшибъ съ ногъ трехъ свидѣтелей ссоры. Поспѣшивъ къ каретѣ, онъ уѣхалъ въ самый отдаленный уголъ. Маршалъ Матиньонъ и Бретейль также сѣли въ карету, но Риза-Бей повернулся къ нимъ спиной. Такимъ образомъ торжественно вѣхалась въ Парижъ эта оригинальная компанія. На ихъ счастье, посоль далѣе ни въ чемъ не упорствовалъ.

Въ Парижѣ онъ сталъ нѣсколько обходительнѣе. Первымъ ему представили министра де-Торси, какъ представителя короля; Риза-Бей былъ съ нимъ вѣжливъ и учтивъ и поднесъ ему альдесивъ въ знакъ почтенія и дружескаго расположенія. Онъ убѣдительно просилъ отложить аудіенцію у короля до 13-го февраля, ссылаясь на тѣ же „несчастливыи дни“.

Послѣ долгихъ споровъ 11-е февраля принято за дѣнь не столь несчастливый и назначили аудіенцію у короля. Въ слѣ-

дующіе дни посоль ѣздилъ верхомъ по улицамъ со своимъ знаменемъ, свитой и четырьмя лошадьми, которыхъ вели за нимъ пажы. Въ посольскомъ домѣ онъ часто и съ удовольствіемъ принималъ придворныхъ дамъ, которыя очень желали видѣть такого рѣдкаго гостя. Посла смущало только, что онъ не могъ никакъ привыкнуть къ свободному обращенію съ дамами и что при его разговорахъ съ ними присутствовали и другіе мужчины.

Дамъ онъ встрѣчалъ вѣжливо, но не вставая съ мѣста и не переставая курить трубку. Угощалъ ихъ чаемъ и кофе, иногда велѣлъ приходить придворному оркестру чтобы имѣть удовольствіе видѣть танцы своихъ гостей. Магомедъ-Риза-Бей всю мебель приказалъ вынести и устроилъ помѣщеніе по своему, при помощи привезенныхъ имъ ковровъ и богатыхъ подушекъ. Одна только мягкая постель ему понравилась, такъ что онъ оставилъ ее.

Онъ серьезно и строго исполнялъ все обряды, предписываемые его религіей; ѣлъ только приготовляемое имъ привезеннымъ поваромъ. Его столъ былъ весьма простъ и умѣренъ. На полъ разстилалась вышитая золотомъ скатерть, на которую и ставили блюда, вовсе не соблазнительныя для европейскаго вкуса. Риза-Бей ѣлъ по персидски. Онъ неаппетитно бралъ съ блюда руками рисъ.

Въ день аудіенціи свита посла съ его знаменемъ долженъ былъ ожидать его у подѣзда Версальскаго двора. Въ концѣ большой галереи возсѣдалъ на тронѣ король Людовикъ окруженный придворными, облеченными въ парадныя наряды. Опасались, чтобы причудливый посоль опять не сдѣлалъ чего нибудь, но все обошлось благополучно.

Малолѣтній дофинъ, герцоги Орлеанскіе, Шартрскіе и Бурбонскіе и графъ Шароле встрѣтили посла и подвели его къ трону, гдѣ король привѣтствовалъ его съ непокрытой головой. Это произвело впечатлѣніе на Магомеда-Риза. Скрестивъ на груди руки, онъ отдалъ королю низкій и почтительный поклонъ, поднялся на возвышеніе и передалъ монарху свою кредитивную грамоту. Этимъ закончилась аудіенція. Это зрѣлище развлекло короля. Онъ рѣшилъ во время пребыванія посла въ Парижѣ въ честь его устроить нѣсколько празднествъ и дать ему блистательную прощальную аудіенцію. Но до этого не дошло. Самые разнообразныя слухи ходили о личности персидскаго посла. Никто не зналъ, имѣютъ-ли эти слухи какое-либо основаніе; тѣмъ не менѣе они проникли во дворецъ и волновали дворъ. Сперва говорили, будто-бы Магомедъ-Риза-Бей былъ осужденный преступникъ, бѣжавшій, съ помощью французскаго посланника, изъ Константинополя. Подарки его, которыхъ онъ донхитъ не преподносилъ королю и которые всегда при церемоніяхъ велѣлъ нести передъ собою въ разныхъ ящикахъ и тюкахъ, состояли всего изъ 106 маленькихъ настоящихъ бусъ и 180 тюркуазъ, стоимостью въ 1,000 таллеровъ, и изъ нѣсколькихъ боченковъ гумми. Другіе говорили что это просто какой-то авантюристъ, нанятый разыграть комедію для развлеченія короля. Но Бретейль, чаще всего съ нимъ сходящійся и болѣе другихъ знающій его, горячо опровергалъ эти слухи въ своихъ „рукописныхъ замѣткахъ“ также какъ и историки Флассанъ и Бюлау въ своихъ „тайныхъ исторіяхъ“. По ихъ словамъ Магомедъ-Риза-Бей былъ дѣйствительный посоль.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ французскій консулъ въ Алешо заключилъ съ Персіей договоръ, преимущественно касающійся облегченія положенія французскихъ торговцевъ и миссіонеровъ во владѣніяхъ Шаха. Ревностно интриговали армянскіе гушцы, подстрекаемые на это, какъ полагаютъ, англичанами и голландцами, пока наконецъ маркизъ Дезальеръ, въ то время французскій посоль при Высокой Портѣ, не вступился и не рѣшилъ скрѣпить отношенія Персіи со своей страной формальнымъ актомъ. Тогда персидскій дворъ, — вызванный на это общаніями маркиза и его единомышленниковъ, — рѣшилъ для подтвержденія дружественнаго расположенія къ Франціи, послать чрезвычайнаго посла въ Парижъ.

По порученію Великаго Визиря, назначили для этой миссіи Магомеда-Риза-Бей. Въ мартѣ 1714 года выѣхалъ посоль и въ концѣ апрѣля прибылъ въ Смирну. Залодорѣвъ въ лицѣ его шпіона, турецкія власти не хотѣли его пустить на корабль для отплытія въ Марсель, и Магомедъ-Риза принужденъ былъ бѣжать въ Константинополь, чтобы стать подъ защиту маркиза Дезальера. По прибытіи его немедленно арестовали, но благодаря французскому посланнику опять освободили, такъ что онъ могъ безостановочно продолжать свой путь въ Марсель, но переодѣтый.

Ришелье разсказываетъ, что посоль, въ дѣйствительность полномочій котораго самъ онъ не вѣрилъ, въ самомъ дѣлѣ заключилъ торговый трактатъ съ Франціей. Главная причина такого недовѣрчиваго отношенія при дворѣ къ личности посла основана была на томъ, что въ послѣднее время часто разыгрывались всевозможныя комедіи для развлеченія короля. Если-бы это была правда, то устранивъ эти придалы-бы болѣе пышности всей церемоніи. Мнѣніе это скоро было оставлено; незначительная наружность, сомнительныя манеры и весьма ограниченныя средства Магомеда-Риза сдѣлали то, что въ глазахъ общества онъ былъ просто лежець и хвастунъ.

Долго до того, что и король сталъ иначе относиться къ посланнику и находилъ его образъ дѣйствій непристойнымъ для величія и достоинства французскаго престола.

Магометъ-Риза потерялъ популярность и ему въѣжливо дали понять, что онъ можетъ выѣхать изъ Парижа. Но Людовикъ всетаки не дешево отдѣлался; онъ долженъ былъ уплатить всѣ долги посла, что составляло сумму огромную и кромѣ того принять на себя путевыя издержки въ предѣлахъ французской территоріи.

Издѣдка потомъ доносились до двора кое-какіе слухи объ оригинальномъ послѣ. Рассказывали, будто онъ появлялся еще въ Россіи, Шведіи, Даніи и Германіи, въ послѣдній разъ его видѣли въ Берлинѣ и Гамбургѣ. Затѣмъ онъ совершенно исчезъ, и рассказы объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ мало по малу прекратились.

Въ странѣ „Янки“.

Очеркъ.

Кто знаетъ, какъ иностранныя имена странно коверкаются американцами, въ особенности на ихъ народномъ, уличномъ нарѣчій, тотъ сочтетъ совершенно естественнымъ, что тоже самое произошло и съ ихъ прозвищемъ. Выраженіе *янки*, подъ которымъ европейцы подразумеваютъ сѣвероамериканца, въ Америкѣ обозначаетъ именно жителя новыхъ англійскихъ штатовъ; именемъ этимъ, во время войны за освобожденіе негровъ, называли сѣвероамериканцевъ въ отличіе отъ южанъ, которыхъ звали „бунтовщиками“ (Johnny Reb), „янки“ испорченное индійское слово, передѣланное вѣроятно изъ слова „Anglais“—англичане. Жители громадной трансатлантической республики отличаются иногда поступками, посящими на себѣ печать странности и своеобразности. Но и оригинальные янки попадаются теперь, въ наше все уравнивающее время, все рѣже и рѣже, подобно бизонамъ большихъ равнинъ и дикимъ цесаркамъ американскихъ лѣсовъ. Неограниченная свобода охоты сдѣлала то, что вблизи городовъ весьма трудно отыскать, напримѣръ, зайца, а основное республиканское правило этого скучнаго уравниенія всего безъ коща и всеобщаго однообразія, повело къ постепенному исчезновенію оригинальныхъ чертъ въ жизни американцевъ. И такъ дни янки сочтены—янки высокога, худого, одареннаго практическимъ умомъ, который бывало въ своемъ высокомъ цилиндрѣ, изношенномъ фракѣ и съ своей козлиной бороδοю встрѣчался на всемъ западѣ. Дѣти уже болѣе не янки; быть можетъ они наследовали пороки, но потеряли природную логику своихъ отцовъ, способность къ мѣткой наблюдательности, необыкновенной выносливости и терпѣнію, ихъ живости и находчивости, которыми всегда отличался настоящій янки.

Какъ вездѣ и всегда, купецъ можетъ быть въ общемъ смѣлѣй честный человѣкъ, но все же онъ доволенъ, если ему удается такъ или иначе обойти покупателя. Такъ и янки—тертый калачъ и каждый покушающій у него что нибудь долженъ быть остороженъ. Болѣзненное стремленіе къ возможно скорѣйшему обогащенію, наживѣ, заставляетъ его прибѣгать къ такимъ продѣлкамъ, которыя въ другомъ мѣстѣ считались бы обманомъ, но американская совѣсть покладлива. Если бы напримѣръ какой нибудь подрядчикъ, принимая на себя постройку общественнаго зданія, подавалъ счета дѣйствительные расходы, а не набивалъ бы при этомъ себѣ карманъ, то янки нашель бы, что въ немъ нѣтъ дѣловой сметки. Ежегодно въ порты Западной Европы изъ Америки приходятъ корабли съ жизненными припасами; между тысячами нерессылаемыхъ окороковъ находится множество искусно поддѣланныхъ изъ дерева, такъ что прѣмичикъ не можетъ при быстротѣ провѣрки отличить ихъ отъ настоящихъ. А мускатные орѣхи, поставляемые янки, и точно также выточенные изъ дерева, вошли даже въ поговорку.

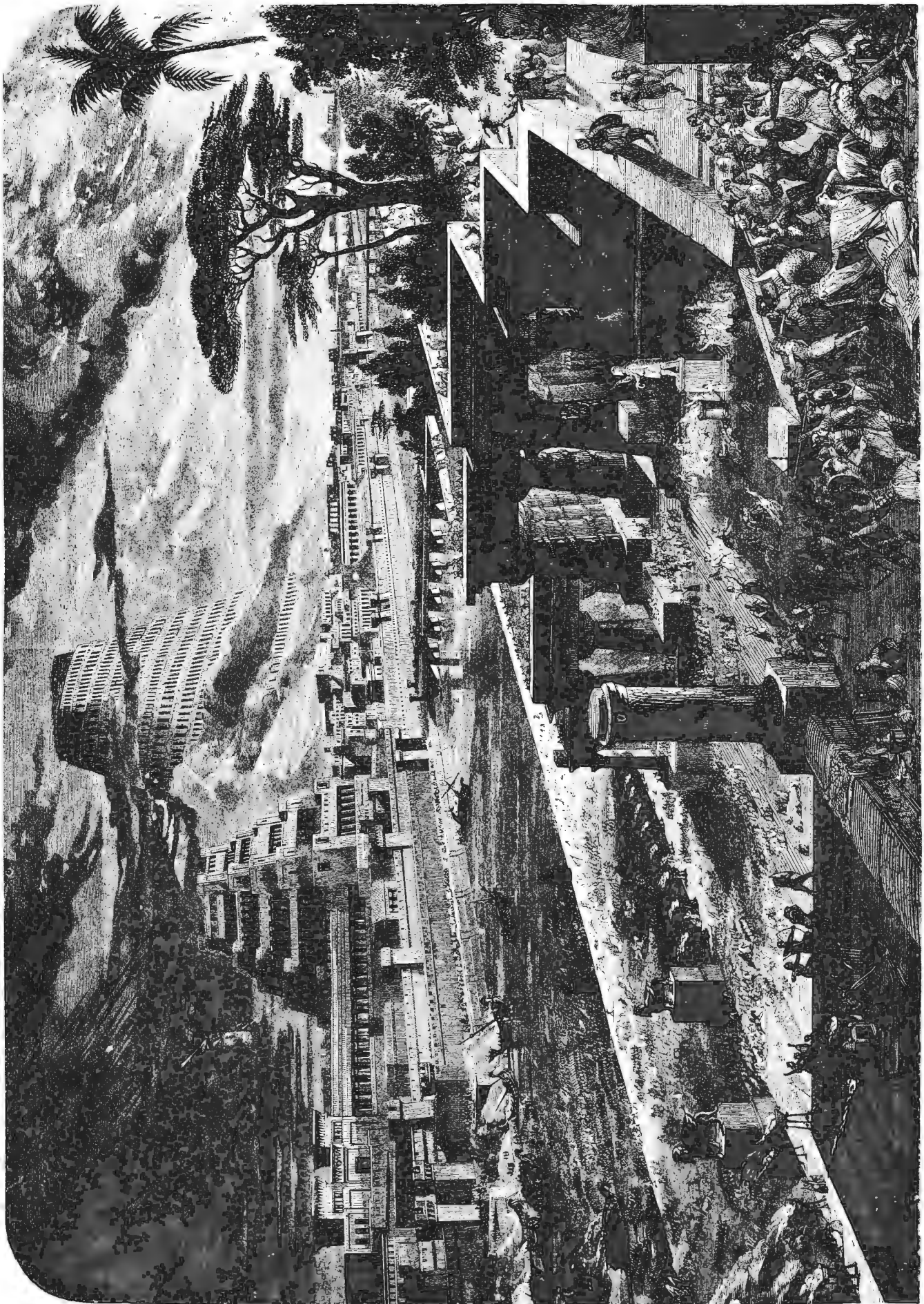
Но случается также, что и янки ошибается въ своихъ расчетахъ. Такъ напримѣръ одинъ предприимчивый янки задумалъ получить хорошій заработокъ; онъ купилъ нѣсколько тысячъ громоотводовъ и съ большими расходами отправилъ ихъ въ Калифорнію, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Надежды его однако не оправдались, такъ какъ въ „странѣ золота“ почти никогда не бываетъ грозы. Барнумъ—образецъ американской изобрѣтательности, показывалъ у себя въ музеѣ акварій съ тюленями, которыми онъ искусно придѣлалъ какіе-то фантастическіе хвосты, объявивъ, что открылъ „сирень“. Публика скоро разгадала эту удловку, но всѣ смѣялись и интересовались ловкой продѣлкой янки и шли въ музей просто посмотреть какъ онъ это сдѣлалъ. Перехитрить Барнума стало цѣлью желанія многихъ. На насъ европейцевъ американскія остроу не производятъ впечатлѣній, иногда мы даже несомжемъ понять, надъ чѣмъ смѣются, но для американца подобная штука его соотечественника—естинное, величайшее наслажденіе. Одинъ янки держалъ, напримѣръ, пари, что перехитритъ Барнума, но долго не находилъ къ этому удобнаго случая. Наконецъ ему удалось поддѣлать, что Барнумъ ежедневно передъ релетичей въ своемъ театрѣ заходитъ къ парикмахеру и очень торопится. Онъ также началъ ежедневно нѣсколькими секундами ранѣе Барнума захѣдить бриться и тотъ принужденъ былъ ждать. Однажды Барнумъ особенно торопился, но незнакомецъ уже ранѣе его занялъ стулъ. Я улпачу за васъ, если вы уступите мнѣ мѣсто, сказалъ Барнумъ, который не могъ болѣе ждать. Незнакомецъ всталъ со стула. Выходя Барнумъ сказалъ: я плачу за этого господина. Тогда оставшійся велѣлъ себя побрить, постричь, помыть, принявъ ванну, выбралъ нѣсколько ящичковъ сигаръ, дожицу бутылокъ кельнской воды, мыла и духовъ и такъ какъ Барнумъ сказалъ при свидѣтеляхъ, что уплатитъ, то и попла-

тилса тридцатью долларами. Эта „практическая“ американская продѣлка была съ восторгомъ привѣтствуема мелкими газетами.

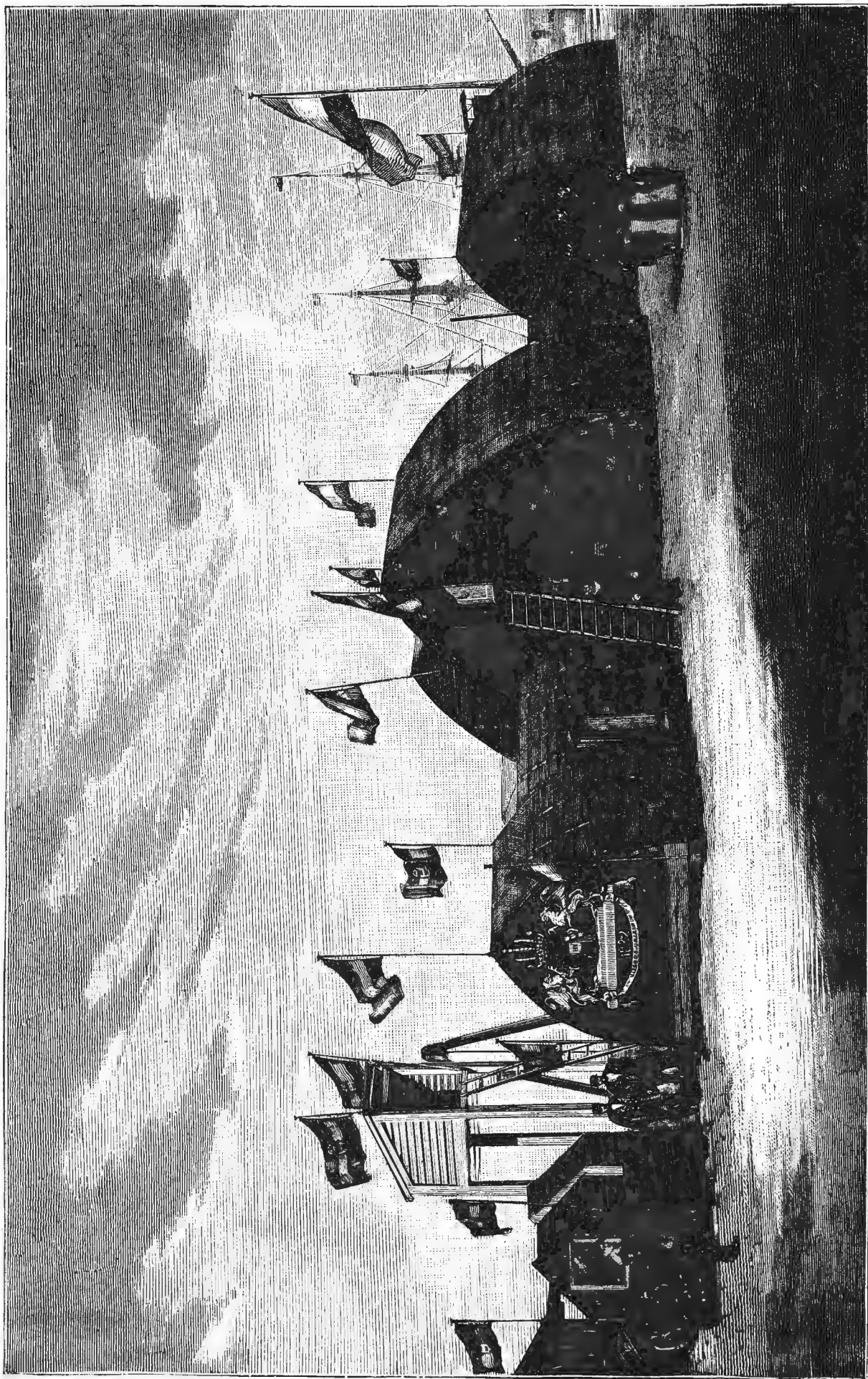
Даже церковныя кафедры не избавлены отъ рекламы и гешефта. Извѣстный проповѣдникъ Генрихъ Вардъ-Бехеръ взошелъ однажды на кафедру лѣтомъ въ очень жаркій день и послѣ молитвы вдругъ произнесъ слова: „Чертовски жарко сегодня!“ и началъ вытирать платкомъ лобъ. Всеобщее удивленіе! Слова эти въ „порядочномъ“ американскомъ обществѣ совсѣмъ не употребляются, слышать же ихъ отъ проповѣдника на кафедрѣ—было нѣчто невѣроятное! Слушатели остодбенѣли, но Бехеръ, улыбаясь, продолжалъ: „такъ говорятъ безбожники!“ и затѣмъ произнесъ сильную филиппику противъ всякой болбы и клятвы. Услѣхъ этой выходки былъ колоссальный и на слѣдующее воскресенье церковь уже была полна народомъ. Пресса также съ цѣлью гешефта прибѣгаетъ безпрестанно къ разнымъ продѣлкамъ. Нью-Йоркская газета „Герольдъ“ выпустила цѣлый листъ съ сообщеніемъ, что хищныя животныя выбѣжали, вырвавшись изъ клѣтокъ центрального городского парка; пантера напала на одного проповѣдника, волкъ на верховнаго судью, аллигаторъ на доктора такого-то; сосѣдніе дома подвергаются опасности: когда семейство одного генерала садилось за ужинъ, въ окнѣ показалась анаконда длиною въ 20 футовъ. Ужасное положеніе лицъ, на которыхъ напали хищныя животныя, было описано живыми красками и только въ концѣ слѣдовала короткая пометка, что это—сонъ одного изъ репортеровъ газеты. Многіе однако сильно обезпокоились, а газета спокойно перенесла общее порицаніе, она достигла своей цѣли: обратила на себя общее вниманіе.

Конечно было бы ошибочно заключать изъ всего сказаннаго, что американскіе купцы непремѣнно все обманщики. Напротивъ, за небольшими исключеніями, торговля ихъ ведется на прочныхъ основаніяхъ, всюду установлены цѣны и солидный торговый домъ считается оскорбленіемъ, если въ его лавкѣ торгуются. Но изобрѣтательный янки находитъ много случаевъ пустить въ ходъ свою хитрость, составить какое нибудь акціонерное общество и залодучить барыши. Это не считается обманомъ. Одинъ изъ самыхъ характерныхъ случаевъ въ такомъ родѣ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Два янки, обладающіе нѣкоторыми средствами, предприняли путешествіе въ степи Арионы и вернулись оттуда съ найденными ими брилльянтами, оказавшимися дѣйствительными и представлявшими стоимость въ 1,000 долларовъ. Путешественники эти стали утверждать, что въ той мѣстности, которую они намѣрены изслѣдовать, находятся большія залежи драгоцѣнныхъ камней. Брилльянты!—Слово это было заманчивѣе золота! Публика однако отнесилась скептически къ необыкновенной находкѣ, но недоброе было побуждено. Эти ловкіе люди снарядили гораздо большую экспедицію въ страшную, недоступную пустыню, и взяли съ собой знатоковъ благородныхъ камней. Ступя нѣсколько мѣсяцевъ экспедиція вернулась, привезя съ собой камней на сумму болѣе 20,000 долларовъ. Если бы не недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ—такъ говорили участники экспедиціи—то они остались бы долѣе и набрали бы гораздо болѣе драгоцѣнностей. Многими овладѣла „брильянтова лихорадка“; тотчасъ было основано акціонерное общество, акціи котораго, восхваляемыя подкупленной прессой, сильно поднимались въ цѣнѣ. Оба главные зачинщика, посвятившіе вѣроятно въ свою тайну еще кого нибудь изъ членовъ экспедиціи, покупили тысячи акцій и перепродавали ихъ съ небывалымъ барышемъ. Былъ составленъ большой караванъ для отправки въ страну брилльянтовъ; между тѣмъ геологи и естествоиспытатели, щедро вознагражденные, писали блестящія статьи о форманціи почвы и причинѣ происхожденія брильянтовъ въ этой пустынѣ. Караванъ отправился въ путь, а главные актеры, составивъ себѣ колоссальное состояніе, исчезли безслѣдно. Конечно караванъ не нашелъ никакихъ брильянтовъ, такъ какъ найденные ранѣе были просто положены на извѣстныхъ мѣстахъ ловкими зачинщиками всего этого дѣла.

Худощавые янки, со своими острыми угловатыми профилями не представляють красивой расы; всѣ они обладаютъ наклонностью къ необыкновенному и эксцентричному, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ этого могутъ извлечь пользу. Купецъ сидитъ за конторкой и размышляетъ, нѣтъ ли еще гдѣ нибудь страны или острова, гдѣ бы онъ могъ выгодно сбывать товаръ; онъ выдумываетъ новый способъ объявленій, которыми расписываются даже скалы, чтобы пассажиры несущихся мимо поѣздовъ читали объявленія; чтобы обратить на себя вниманіе янки красятъ свой домъ всевозможными цвѣтами; высылаетъ цестре экипажи со звонками, покрытые объявленіями и людей

Паденіе Вавилона. Рис. Леметъ, грав. Поль.

Австрийская полярная экспедиция. Складные дома наблюдательной станции. Съ фотогр. грав. Брунъ.

одѣтыхъ арлекинами, для разбрасыванія объявленій. Въ одномъ городѣ было брошено въ ящикъ письмо, марка отъ котораго по всей вѣроятности отклеилась. Въ Америкѣ письма безъ марокъ не посылаются. На слѣдующій день отправитель получилъ запечатанное письмо отъ Джона Симонса, торговца сѣномъ, соломою и пр. въ которомъ онъ ему сообщалъ, что наклеилъ марку на его письмо, посланное безъ марки и вмѣстѣ предлагалъ ему свой товаръ. Оказывается, что г. Симонсъ постоянно бываетъ на почтѣ, гдѣ требуетъ письма безъ марокъ, оплачиваетъ ихъ марками и затѣмъ прочитавъ на конвертѣ адресъ отправителя (какъ было и въ этомъ случаѣ), пересылаетъ ему свое заявленіе. Такъ онъ соединяетъ любезность съ практической пользой. Янки—машинистъ, сельскій хозяинъ, морякъ—все они думаютъ какъ бы изобрѣсти что нибудь новое, какой нибудь рычагъ, замокъ и т. п. Механическія способности янки безграничны; наши ученые изыскиваютъ прежде теоретически

и уже затѣмъ приступаютъ къ практическому примѣненію изысканія, янки же пробуютъ и пробуютъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ какого нибудь именно практическаго примѣненія и затѣмъ уже приступаетъ къ теоріи. Морзи и Эддисонъ именно типы такихъ изобрѣтателей-янки.

Богатый янки передъ смертью устраняетъ еще продѣлку со своимъ семействомъ. Онъ лишаетъ сыновей большей части своего состоянія и оставляетъ его на церкви, школы и нужды своего отечества. И тутъ сказывается стремленіе къ необычному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическая идея. Янки соображаетъ такъ: если я оставлю все деньги моему сыну, онъ станетъ лѣнтяемъ; онъ будетъ думать, что родившись съ золотой ложкой во рту, не нужно ничего дѣлать, не нужно работать и создавать и такимъ образомъ сдѣлается бесполезнымъ членомъ общества. А потому пусть сынъ получаетъ только извѣстную, ограниченную сумму, ибо долженъ полагаться только на свои силы.

Къ рисункамъ.

Саратовъ.

(Рис. на стр. 460 и 461).

Саратовъ принадлежитъ къ сравнительно молодымъ городамъ нашего отечества, такъ какъ существуетъ съ небольшимъ два столѣтія. Кромѣ того онъ не можетъ похвалиться богатствомъ и разнообразіемъ своей исторической жизни, такъ какъ никогда не игралъ важной роли въ ростѣ и развитіи государства, а стоялъ всегда особнякомъ, на его окраинѣ. Самое его основаніе было вызвано чисто вѣдшими потребностями; нужно было обезопасить границу отъ набѣговъ татаръ и поволжской волыницы и вотъ въ царствованіе государя Феодора Ивановича, около 1591 или 1592 года, было положено начало пограничному укрѣпленію на лѣвомъ берегу Волги, близъ устья рѣки Саратовки. Окруженная со всѣхъ сторонъ татарскимъ населеніемъ, эта крѣпостца получила даже чисто татарское названіе: Саратовъ, т. е. Саратау, желтая гора, и довольно часто была тревожима своими близкими, хищными сосѣдями. Оставленный наконецъ въ покоѣ татарами, Саратовъ сдѣлался цѣлѣю набѣговъ разныхъ разбойничьихъ шаекъ, такъ долго оустоявшихъ Новолжье. Особенно памятенъ для Саратова вторженіи Стеньки Разина и Пугачева, отличавшіяся, какъ извѣстно, безогляднымъ грабелемъ и страшными жестокостями. До сихъ поръ въ здѣшнемъ краѣ ходитъ много народныхъ преданій объ осадѣ и взятіи Саратова Пугачевымъ и объ его здѣсь пребываніи. Такъ въ числѣ сохранившихся старинныхъ зданій указываютъ на одинъ домъ, въ которомъ, по преданію, жилъ самозванецъ три дня по взятіи Саратова и этотъ домъ до настоящаго времени извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ „Царскаго“.

Самый древній архитектурный памятникъ Саратова—это его старій соборъ, едва ли не совершенный основанію города, т. е. перенесенію его въ концѣ XVII вѣка съ лѣвой дуговой стороны Волги на правый нагорный. Кромѣ того въ Саратовѣ есть еще другія старинныя церкви—Спасопрображенская, Вознесенская, Введенская и Крестовоздвиженская. Изъ храмовъ же новѣйшаго времени самый замѣчательный—это кафедральный Александро-Невскій соборъ, построенный въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ память освобожденія Россіи отъ нашествія полчищъ Наполеона.

Вѣдний видъ Саратова вообще очень красивъ; начиная съ берега Волги, покрытаго глубокимъ и сынучимъ пескомъ, онъ поднимается амфитеатромъ по склону крутой возвышенности. Кромѣ того значительная часть города раскинута на плоскости, завершающей эту возвышенность и прилегающей къ ряду другихъ сосѣднихъ горъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательна высокая и остроконечная, такъ называемая Соколова гора, съ которой Пугачевъ во время осады обстрѣлывалъ городъ. Отъ этой горы Саратовъ тянется по берегу Волги верста на семь. Расположенъ городъ довольно правильно; улицы его прямы и широки и хорошо обстроены. Самая главная и старинная улица—Московская, которая на половинѣ пересѣкается обширною площадью, называемою то Хлѣбною, то Театральною. На ней по одну сторону тянутся торговые ряды и хлѣбныя магазины, по другую—новый Гостинный дворъ, а на серединѣ площади возвышается театр—большое деревянное зданіе довольно хорошей архитектуры. Лѣтомъ особеннымъ движеніемъ отличается пристань Саратова, основанная еще въ XVII вѣкѣ, въ эпоху совмѣстнаго управленія Іоанна и Петра Алексѣевичей. На этой пристани ежегодно грузятся до 500 судовъ и видя эту шумную, суетливую дѣятельность и груды нагруженнаго товара невольно сознаешь, какое важное торговое значеніе имѣетъ Саратовъ для всего Поволжья и какіе богатые задатки имѣетъ онъ для будущаго своего развитія и процвѣтанія.

„Коттабось“.

(Рис. на стр. 460 и 461).

На античныхъ вазахъ и амфорахъ часто встрѣчаются изображенія древнегреческой игры, о которой упоминаютъ древнѣйшіе греческіе писатели и которая съ давнихъ временъ была въ

употребленіи въ Афинахъ. Названіе свое „Коттабось“ игра получила вѣроятно отъ греческаго слова плескать, толкать; она состояла въ томъ, что остатки недопитаго вина съ ловкостью выплескивались на металлическую небольшую чашку, поставленную въ отдаленіи на короткой подпоркѣ надъ большимъ сосудомъ, причемъ чашечка опрокидывалась и со звономъ падала въ сосудъ. Большой сосудъ, надъ которымъ возвышалась балансирующая чашечка, по обыкновенію былъ подпожіемъ свѣтланина, который укрался при этомъ всегда гирицами изъ розъ, такъ какъ игра коттабось имѣла и эротическое значеніе и служила для молодыхъ людей оракуломъ любви. Коттабось называлась не только игра, но также чаша, изъ которой выплескивали вино, цѣль и прицѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ игра коттабось служила для состязаній въ ловкости и призами назначались пестрыя ленты, вѣтки, яйца, пирошки, лакомства, а также и поцѣлуй. Такъ одинъ древній писатель, упоминая объ игрѣ коттабось по поводу назначенія имени десятидневному малюткѣ, говоритъ: „и такъ, женщины, теперь всю ночь вы будете весело танцовать на именинахъ малютки; побѣдителю въ игрѣ коттабось я назначаю три ленты, пять яблокъ и девять поцѣлуевъ“.

Возніавіе въ честь боговъ предшествовало пиршеству, играже коттабось, съ ловко пролитыми каплями вина въ честь любимой женщины, закачивала трапезу. Предзнаменованія, выводяшіяся изъ игры, служили предметомъ оживленныхъ разговоровъ среди молодежи; такъ напримеръ если вино было выплеснуто на чашечку удачно и она ударилась звономъ, то это было хорошимъ признакомъ—постоянства въ любви; если же вино не попадало на чашечку, то вѣрность въ любви была сомнительна а неудачный игрокъ подвергался насмѣшкамъ и поддразниваніямъ веселаго общества.

Нашъ рисунокъ переноситъ насъ къ концу трапезы молодыхъ людей: живѣе чѣмъ прежде наполняются кубки изъ принесенныхъ рабами большихъ вазъ, а возлежащія дѣвушки съ напряженіемъ слѣдятъ за юношей, который подъ гармоническіе звуки двойной флейты приступаетъ къ игрѣ. Увѣренный въ побѣдѣ, онъ вытянулъ правую руку съ чашкой, зацѣпивъ ее по праву, указательнымъ пальцемъ за одно ушко, приговариваясь выплеснуть остатки вина, между тѣмъ какъ возлюбленная его, которую онъ держитъ за руку, несмотря на всю свою увѣренность въ его любви, все-же смотритъ съ нѣкоторой тревогой. Если ударъ будетъ вѣренъ, то конечно его награждать и вѣнкомъ и поцѣлуемъ, въ противномъ-же случаѣ, не избѣжать ему насмѣшекъ.

Игра коттабось требовала много ловкости и упражненія, такъ какъ изогнувъ руку пужно было вино выплеснуть такъ ловко и сильно, чтобы оно образовало дугу и упало прямо на цѣль, причемъ ни одна капля не должна была пролиться. Золотая молодежь древнихъ Аѳонъ очень гордилась своею ловкостью въ этой игрѣ, и это ставилось такъ-же высоко какъ и ловкость въ метаніи копій.

Фей весны (изъ Ленау).

(Рис. на стр. 465).

Ленестковъ быстрѣй летучихъ,
И легки, пестры какъ сны,
Мчатся съ утренней зарею
Фей свѣтлыя весны.

* * *

И въ лучахъ веселыхъ солнца,
И въ туманахъ вешнихъ росъ,
Ихъ несутъ стезей воздушной
Стан легкія стрекозы.

* * *

Вслѣдъ имъ жаворонковъ пѣнье
Летаетъ въ синій неба сводъ,
Встрѣчу имъ жуужанье, стрекотъ,
Шумъ и жизнь весны встаетъ...

Паденіе Вавилона.

(Рис. на стр. 468).

Оригинальная, грациозная сцена изображена на нашем рисунке. Эти колоссальные здания древняго города, достигающія до облаковъ, толпы сражающихся, рѣка покрытая оснапешными судами, каменные идола давно исчезнуваго съ лица земли народа, все это невольно овладѣваетъ воображеніемъ и переноситъ мысль въ мракъ отдаленныхъ вѣковъ—въ древній Вавилонъ.

Вавилоняне, какъ и ассиріяне, семитическаго происхожденія. Вавилонская каста жрецовъ, какъ и египетская, отличалась высокими образованіемъ. Послѣ того какъ Вавилонъ овладѣлъ Египтомъ, Іудеей и Финикіей, самъ онъ былъ покоренъ персидскимъ царемъ Киромъ. Послѣ паденія царства персидскаго Вавилонъ достался Александру Великому, умершему въ Вавилонѣ въ 323 году, затѣмъ онъ подпалъ поочередно то подъ власть сирійцевъ, то парфянъ, римлянъ, арабскихъ калифовъ и наконецъ въ 1638 году, турокъ, которые эту страну владѣютъ и донынѣ.

Древняя столица эта была, какъ извѣстно, однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ своего времени. (Подробная статья о древнемъ Вавилонѣ помѣщена въ № 6 „Нивы“ за этотъ годъ). Въ западной части города, у юговосточной стороны стѣны, была расположенъ, отложившійся отъ Вавилона еще со временъ Дарія, городъ Форзиша, и въ немъ-то была, описанная Геродотомъ, восьмизатная башня, выстроенная Навуходоносоромъ на томъ-же мѣстѣ гдѣ, по библейскому сказанію, была знаменитая башня Вавилонская. Теперь развалины эти называются Биретъ-Нимрудъ.

Въ библіи, въ „Книгѣ Моисея“ I говорится: „на всей землѣ говорили только однимъ языкомъ. Послѣ потопа, сыновья Ноя пошли въ Месопотамскую долину, и задумали построить тамъ городъ и посреди его башню, которая вершиной своей достигла бы неба. Но Іегова наказалъ ихъ дерзкій замыселъ. Онъ смѣшалъ языки строителей, такъ что они не понимали другъ друга и разсѣялъ ихъ по всей землѣ“. Городъ поэтому и былъ названъ Вавель т. е. смѣшаніе. Разсказъ этотъ указываетъ на древне-историческій фактъ, именно на основаніе города Вавилона, который неоспоримо считается мѣстомъ древнѣйшей культурной обшлости людей. Весь городъ со всеми его несметными сокровищами и великолѣпными постройками, взятъ былъ персидскимъ царемъ Киромъ весной 538 года.

По описанію Корвина, вавилоняне не опасались осады города; у нихъ было достаточно съѣстныхъ припасовъ а широкіе и глубокіе рвы защищали доступъ къ высокимъ городскимъ стѣнамъ, до которыхъ не могли достигать стрѣлы. Мудрый Киръ сообразилъ всѣ эти трудности; онъ началъ изучать мѣстность и нашелъ возможнымъ проникнуть въ городъ, отвѣдя въ одномъ мѣстѣ рѣку. Приготовленія и работы должны были вестись такъ, чтобы вавилоняне ничего незамѣтили, иначе, если-бы не удалось отвести воду рѣки скоро, то задуманный планъ не удался-бы.

Для выполненія смѣлаго предпріятія Киръ выбралъ почъ, въ которую вавилоняне веселились по случаю праздника, когда они почти и не думали о Кирѣ, который въ послѣднее время ихъ не тревожилъ. Они небрежнѣе вслѣдствіе этого оберегали мѣста, хорошо защищенныя рѣкою. Киръ узналъ, что ворота, ведущія къ рѣкѣ, почью не будутъ заперты. И вотъ въ почъ, пока вавилоняне плясали и иршествовали, Киръ привелъ въ исполненіе свой планъ. Рѣка была спущена и когда вода уже стала достигать только до колѣнъ, отборная часть войска проникла въ городъ. Вавилонъ былъ взятъ, прежде чѣмъ вѣсть о постигшемъ несчастіи достигла центра города.

„Книга Данила“ называетъ царемъ Вавилона Валтасара, сына Навуходоносора и говоритъ что городъ былъ осажденъ не Киромъ а Даріемъ. Валтасаръ давалъ большіе пиры. Вдругъ на стѣнѣ появилась надпись, которую мудрецы не могли прочесть. Тогда былъ призванъ Даниилъ, объяснявшій уже прежде сны Навуходоносора; онъ-то и разобралъ таинственные слова: мани, фекель, фаресъ (сочтено, взвѣшено, раздѣлено) что обозначало, что дни царствованія Валтасара сочтены, что сердце его взвѣшено и найдено слишкомъ легкимъ и что царство его будетъ раздѣлено между мидянами и персами. Въ ту же почъ царь Валтасаръ былъ убитъ, и мидяннн захватили царство.

Послѣ завосанія Киромъ вавилонскаго царства, ильнне іудеи въ Вавилонѣ получили отъ Кира разрѣшеніе вернуться на родину, въ Палестину. Но этимъ разрѣшеніемъ воспользовались только ильнне колѣна Левина и Вениаминова; остальные десять колѣнъ совершенно исчезаютъ изъ исторіи со времени изгнанія. По всей вѣроятности они такъ смѣшались съ родственными имъ вавилонскимъ народамъ, что даже воспоминаніе о племенной родинѣ у нихъ исчезло.

Наблюдательныя станціи австрійской полярной экспедиціи.

(Рис. на стр. 469).

Первая мысль объ основаніи въ полярныхъ странахъ особыхъ станцій для астрономическихъ, магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій принадлежала извѣстному изслѣдователю арктической природы и путешественнику, лейтенанту австрійской

службы, Карлу Вейпрехту, который еще въ 1879 г. на гамбургской полярной конференціи представилъ обширный докладъ о пользѣ и цѣляхъ предлагаемыхъ имъ станцій. Въ этомъ замѣчательномъ докладѣ онъ развивалъ ту мысль, что добывать знанія о полярныхъ странахъ путемъ опасныхъ и трудныхъ экспедицій, стоившихъ жизни столькихъ людей, напрасный трудъ, не могущій привести ни къ какому полезному результату и что удовлетворитъ вполне научнымъ цѣлямъ можно лишь цѣлымъ рядомъ одновременныхъ экспедицій, предназначенныхъ для устройства въ различныхъ пунктахъ полярныхъ странъ особыхъ наблюдательныхъ станцій. При этомъ главнымъ условіемъ для успешности дѣла онъ ставилъ, чтобы наблюденія всѣхъ этихъ станцій происходили при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, въ одно и то же время, при инструментахъ одинаковой точности и при одинаковомъ методѣ наблюденія.

Къ сожалѣнію Вейпрехтъ скончался въ мартѣ 1881 года и не могъ осуществить самъ своей любимой идеи, но тѣмъ не менѣе его проектъ принятъ былъ сочувственно во всей Европѣ и на послѣднихъ полярныхъ конференціяхъ было уже рѣшено, на какихъ пунктахъ должны быть устроены различными государствами наблюдательныя станціи. Всѣхъ этихъ станцій предполагается до сорока, причемъ, насколько это выяснилось до настоящаго времени, такія станціи будутъ основаны: русскими на Новой Землѣ и въ устьяхъ Лены, Данией по западному берегу Гренландіи, Норвегіей — въ Босконѣ, въ Финмаркенѣ, Голландіей—въ портѣ Диксонъ, Англіей около Гудзонава залива, Швеціей на Шницбергенѣ, Франціей на мысѣ Горпъ, Америкой на мысѣ Горпъ и въ заливѣ Лэди Франклинъ и Австро-Венгріей на островѣ Янтъ-Майенъ въ Гренландскомъ морѣ. Открытіе наблюдательной станціи на послѣднемъ пунктѣ уже близко къ своему осуществленію, благодаря щедрости графа Вильгельма, который ассигновалъ на снаряженіе австрійской полярной экспедиціи довольно значительную сумму. Кроме того по послѣднимъ извѣстіямъ не только уже снаряжено окончательно большаго размѣра первое транспортное судно, предназначенное для перевозки участниковъ экспедиціи на островъ Янтъ-Майенъ, но даже готовы и всѣ постройки будущей наблюдательной станціи, которыя, будучи разобраны на составныя части, легко могутъ быть перевезены и опять собраны на мѣстѣ. Эти постройки, какъ можно видѣть по прилагаемому нами рисунку, имѣютъ полукруглую форму, дающую имъ возможность выдерживать давленіе большой массы снѣга. Кроме того высоко поднятыя двери облегчаютъ выходъ жильцамъ такого дома даже и тогда когда все кругомъ, на значительной высотѣ, занесено глубокимъ снѣгомъ. Внутренность этихъ построекъ обита пробковымъ деревомъ и фланелью, что служитъ прекрасной защитой какъ отъ холода такъ и отъ сырости. Каждое такое жилое помѣщеніе имѣетъ до 20 метровъ въ окружности и 15 метровъ вышины; на сѣверномъ-же концѣ этихъ, идущихъ вгнзгагами построекъ устроена обширная кладовая, изобильно снабженная всевозможными жизненными припасами, такъ какъ хорошее питаніе играетъ главную, выдающуюся роль при борьбѣ съ постояннымъ быемъ полярныхъ экспедицій — цингой. Тутъ-же около кухни приспособлена обширная баня. Населеніе станціи будетъ состоять изъ начальника, человѣка опытнаго и энергическаго, капитана Эмиля Фонъ-Вольгемута, четырехъ офицеровъ, врача и двѣнадцати матросовъ. Пребываніе этого маленькаго отряда на пустынномъ, покрытомъ болѣею частью вѣчными снѣгомъ островѣ Янтъ-Майенѣ, отдѣленномъ отъ материка глубокимъ моремъ, продолжится цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ. Только по истеченіи этого срока будетъ снова послано паровое судно для доставленія отважныхъ тружениковъ науки на родину.

Фридрихъ Фребель.

(Портр. на стр. 472).

9 (21) Апрѣля исполнилось и празднуется вездѣ и у насъ столѣтіе годовщины дня рожденія Фридриха Фребеля, извѣстнаго германскаго педагога, основателя новой системы воспитанія, которая имѣетъ такую популярность въ Европѣ и которую по склонности перенести все изъ Европы, стараются теперь и не безуспѣшно привить у насъ. Главною заслугою почтеннаго педагога считаютъ то, что онъ ввелъ въ свою систему воспитанія и тотъ возрастъ, который до того времени не подлежалъ никакой системѣ; дѣтей воспитываютъ какъ воспитываютъ растенія, заботливо, наблюдая за постепеннымъ ходомъ его развитія. Система первоначальнаго воспитанія въ дѣтскихъ садахъ основана на естественныхъ законахъ человѣческаго развитія, состоитъ въ упражненіи членовъ ребенка, развитіи и укрѣпленіи вѣншихъ чувствъ, возбужденіи способностей помощью цѣлесообразныхъ игръ. Воспитательная система эта стремится къ гармоническому развитію различныхъ сторонъ человѣческой природы. Фридрихъ Фребель, портретъ котораго помѣщается въ этомъ №, родился въ Обервейсбахѣ въ 1782 г. (въ Шварцбург-рудольштадтѣ). Окончивъ курсъ въ Йенскомъ университетѣ на камеральномъ факультетѣ, въ 1808 г. по смерти отца, онъ отправился въ Ивердонъ, гдѣ вступилъ въ близкія отношенія съ Песталоцци, затѣмъ продолжалъ занятія въ Геттингенѣ и Берлинѣ, въ 1811 году былъ учителемъ въ школѣ профессора Памана и въ кампанію 1813—14 гг. вступилъ въ военную

службу, состоя въ корпусѣ Лютцова. По выходѣ въ отставку получилъ мѣсто старшаго инспектора Берлинскаго минералогическаго музея, но оставилъ и это занятіе въ 1876 году, основавъ въ Грисгеймѣ первое свое воспитательное заведеніе. Въ слѣдующемъ году онъ, въ компаніи съ Миддендорфомъ, значительно его расширилъ и перевелъ въ Кильгау. Свою педагогическую систему онъ изложилъ въ извѣстномъ сочиненіи „Воспитаніе человѣка“ (Кильгау 1826 г.). Тутъ онъ выражаетъ свое твердое убѣжденіе, что при воспитаніи человѣка никогда не надо усиленно преслѣдовать развитіе одной какой либо способности въ немъ а стремиться къ ихъ совмѣстному гармоническому развитію. Такимъ образомъ школа не должна собою представлять нѣчто оторванное отъ жизни, но должна быть въ самой тѣсной связи съ нею. Въ своихъ сочиненіяхъ Фребель вовсе не задавался популярнымъ изложеніемъ, практическое же осуществленіе его идей, по которому можно-бы было судить насколько они примѣнимы, онъ предоставлялъ наблюдать въ открытыхъ имъ воспитательныхъ заведеніяхъ, такъ назыв. „садахъ“, куда собираются маленькія дѣти и гдѣ начинаются первыя заботы объ ихъ развитіи. Первый „дѣтскій садъ“ былъ открытъ Фребелемъ въ Бланкенбургѣ, въ Тюрингенвалдѣ. Въ 1851 году однако дѣйствія Фребеля встрѣтили значительное препятствіе. 7 августа появился циркуляръ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ закрывались всѣ школы, основанныя Фребелемъ въ предѣлахъ прусскаго королевства, на томъ основаніи, что такія школы, какъ школа Карла Фребеля напр. исключали изъ воспитанія элементъ религіозный и способствовали распространенію атеизма. Хотя Фридрихъ Фребель тогда-же заявилъ, что его система не имѣетъ ничего общаго съ системою его однофамильца Карла Фребеля, ибо онъ въ основу своего воспитанія принимаетъ именно христіанство, однако запрещеніе, наложенное циркуляромъ, не только осталось въ своей силѣ, но и въ Саксоніи былъ изданъ такой-же циркуляръ. Эти циркуляры вызвали общее собраніе педагоговъ и „садовницъ“ состоявшееся въ Либенштейнѣ, для обсужденія принциповъ фребелевой системы. Одни превозносили ее, другіе рѣзко порицали. Истина однако между этими крайними мѣтніями. Заслуги Фребеля какъ педагога значительны, но христіанство онъ дѣйствительно принимаетъ, быть можетъ, слишкомъ поверхностно и отвлеченно, для дѣтей такого возраста, какими наполняютъ дѣтскіе сады.

9 апрѣля, столѣтіе годовщины дня рожденія Фридриха Фребеля, было отпраздновано у насъ фребелевскимъ обществомъ, которымъ по случаю его устроено трехдневное празднество. Въ первый день этого празднества въ большой аудиторіи Солянаго Городка состоялось общее собраніе членовъ названнаго общества, посвященное памяти Фребеля. Въ залѣ засѣданія посрединѣ стѣны, вдоль которой была расположена выставка фребелевскихъ работъ, исполненныхъ дѣтми дѣтскихъ садовъ, красовался небольшой, изящно задрапированный бюстъ Фребеля; по сторонамъ его находились гирлянды изъ зелени, съ надписями золотыми буквами на одной: „Посвятимъ нашу жизнь дѣтямъ“, а на другой: „Дѣти будутъ нашими судьями“. Еще довольно задалго до начала торжества, залъ засѣданія переполнился публикою, главную массу которой составляли дамы. 10 апрѣля въ помѣщеніи Солянаго Городка былъ также праздникъ для дѣтей, обучающихся въ пріютахъ и начальныхъ школахъ. Программа празднества состояла въ различныхъ дѣтскихъ играхъ и онъ закончился опытомъ наполненія двухъ небольшихъ

воздушныхъ шаровъ нагрѣтымъ воздухомъ, которые, послѣ объясненія причинъ поднятія воздушныхъ шаровъ, совершили въ аудиторіи полетъ.

Въ Россіи, въ настоящее время существуетъ 31 дѣтскій садъ, изъ которыхъ 21 открыты въ послѣднее десятилѣтіе. Въ нашей столицѣ находится 10 садовъ, въ Москвѣ — 2, въ Гельсингфорсѣ—7, въ Ригѣ—3, въ Ораніенбаумѣ—1. Кроме того сады находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Россіи. Первый дѣтскій садъ былъ открытъ 23 года тому назадъ въ Гельсингфорсѣ; учрежденію для дѣтскихъ садовъ въ Петербургѣ было положено начало въ 1863 г. Всѣ сады содержатся на частныя средства. Число воспитывающихся въ каждомъ изъ нихъ дѣтей, за исключеніемъ сада для дѣтей рабочихъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ оно достигаетъ до 100, колеблется между 20 и 50, а въ общей сложности число всѣхъ дѣтей въ дѣтскихъ садахъ простирается до 1,000.

Телефонъ въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 473).

Шесть лѣтъ тому назадъ, американскому физику Белю уда-

лось сдѣлать практический аппаратъ, при помощи котораго можно было передавать на довольно далекое разстояніе человѣческой голосъ. Это телефонъ (о которомъ въ „Нивѣ“ не разъ говорилось) который въ началѣ считался чѣмъ то въ родѣ научной игрушки и хотя возбуждалъ общее любопытство, но ему не придавалось особенной цѣны, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ онъ не могъ соперничать съ электрическимъ телеграфомъ. Для небольшихъ разстояній въ гостиницахъ и большихъ заведеніяхъ оказывались достаточными обыкновенные рупоры, а частому члену телефону сообщеніе съ нѣсколькими коммерсантами, жившими въ отдаленіи, стоило бы чрезвычайно дорого. Но зато государственное почтовое управленіе Германіи воспользовалось телефонами для телеграфныхъ сообщеній и для замѣны дорого стоящихъ аппаратовъ Морзи, требующихъ ученыхъ телеграфистовъ, и уже въ октябрѣ 1880 года въ Германіи было около тысячи телефонныхъ станцій.

Въ Америкѣ пошли въ этомъ отношеніи еще дальше. Тамъ сразу оцѣнили важное значеніе телефоновъ, и постарались какъ можно болѣе упростить телефонное сообщеніе при помощи такъ

называемаго передаточнаго телефона. Для этого устроили одну центральную телефонную станцію, куда провели проволоки отъ всѣхъ лицъ, желающихъ пользоваться телефонами. Каждая проволока имѣетъ свой особый номеръ и каждый участникъ подучаетъ списокъ прочихъ участниковъ, съ обозначеніемъ номеровъ ихъ проволокъ. При такомъ устройствѣ сообщеніе очень легко. Если на примѣръ № 1 М. желаетъ говорить съ № 89 г. Р., то онъ объ этомъ даетъ знать по телефону центральной станціи говоря: № 1 желаетъ говорить съ № 89. Служащій на центральной станціи соединяетъ немедленно проволоки № 1 и № 89 и гг. М и Р. могутъ свободно переговариваться, при чемъ служащій не слышитъ ни слова изъ ихъ разговора. Условный сигналъ поставляетъ служащаго центральной станціи въ извѣстность о прекращеніи разговора и тогда онъ разъединяетъ проволоки.

Такимъ образомъ упрощается телефонное сообщеніе, которое своимъ быстрымъ развитіемъ въ Европѣ и въ Америкѣ обязано лишь гениальному изобрѣтенію практическаго Американца. Только передаточныя станціи сдѣлали возможнымъ повсемѣстное введеніе телефоновъ—этого чуда послѣдняго десятилѣтія,

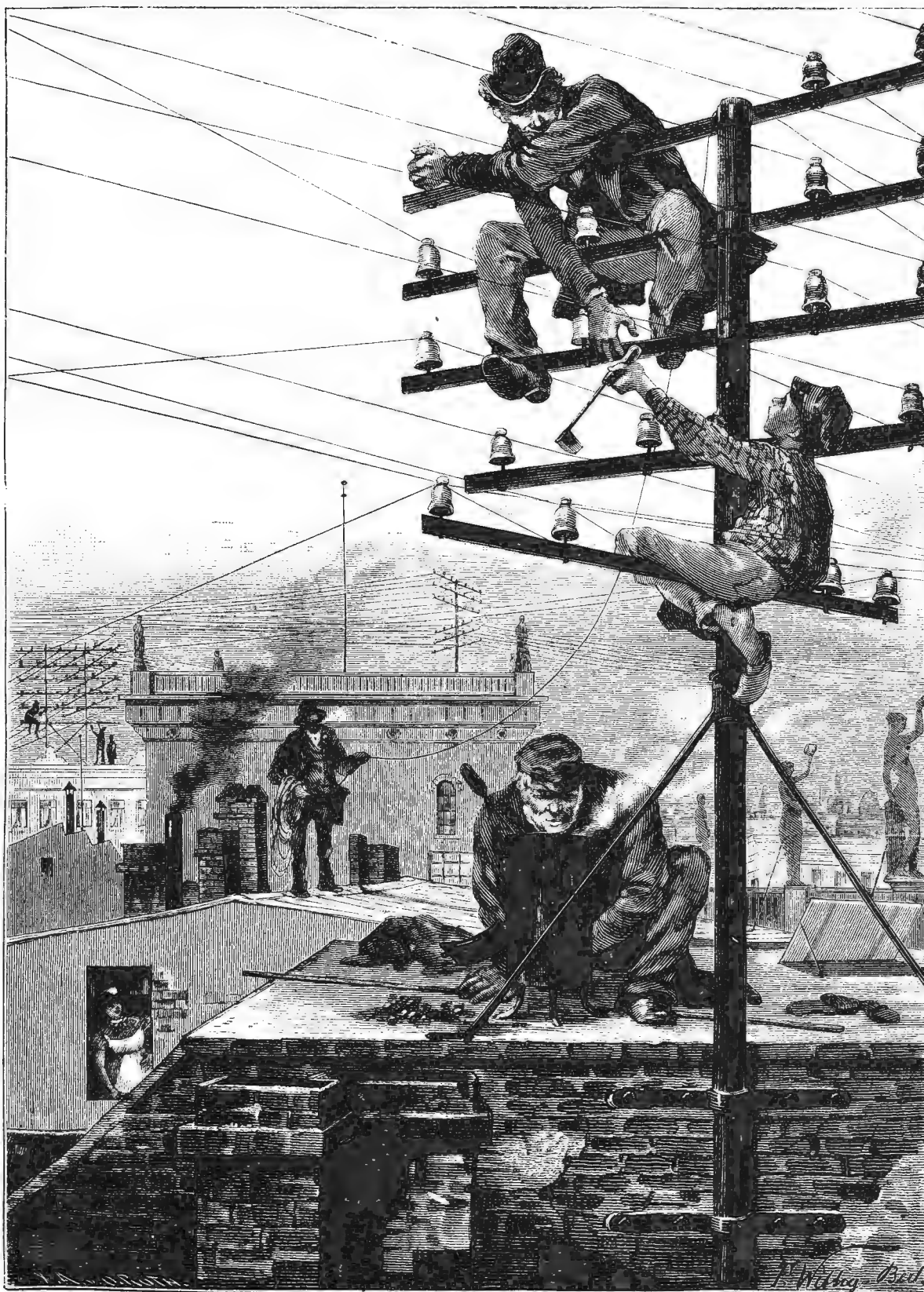
Фр. Фребель. Съ фотогр. грав. Р. Бончъ.

только онъ способствовали тому, что телефонъ сдѣлался важнѣйшимъ средствомъ сообщенія во многихъ городахъ.

Въ Парижѣ телефонныя проволоки проведены черезъ высокіе и большіе подземные каналы, въ Америкѣ, Англии и Германіи, онѣ проведены надъ крышами домовъ и перекинуты черезъ улицы.

Вскорѣ такое телефонное сообщеніе будетъ введено и у насъ

странство въ 81 кв. ф. Вводимые у насъ телефоны системы Бэля-Блэка, коммутаторы Жилинда изъ Индианополиса (Индіана, соединенные штаты сѣверной Америки). Международное телефонное общество Бэля въ Нью-Йоркѣ взяло на себя устройство здѣшнихъ телефоновъ. Главная контора для европейскаго континента находится въ Антверпенѣ. Общество это

Закрѣпленіе телефонныхъ проводовъ на крышахъ.

въ Петербургѣ и дополнить собою городской телеграфъ и почту. Многие проходящіе вѣроятно уже замѣтили надстройку на крышѣ дома Ганзена на углу Невскаго и Малой Конюшенной. Это и есть центральная станція, откуда будутъ проведены надъ крышами проволоки во всѣ стороны столицы. Эта красивая надстройка окружена желѣзной рѣшеткой и занимаетъ про-

эксплуатируетъ телефонную сѣть въ 29 самыхъ большихъ городахъ Европы. Для каждаго участника въ телефонномъ сообщеніи общество назначило плату по 250 р. въ годъ, что много будетъ тормозить развитіе этого практическаго изобрѣтенія. Теперь общество уже хлопочетъ въ телеграфномъ департаментѣ о разрѣшеніи понизить назначенную плату. За право введенія

телефоновъ въ Россіи и ихъ эксплуатированіе общество уплачиваетъ правительству ежегодно извѣстный процентъ съ доходовъ, во всякомъ случаѣ не менѣе 5000 р., внося при этомъ деньги впередъ. По истеченіи 20 лѣтъ все устройство переходитъ въ собственность государства. Служба на центральной станціи находится подъ строжайшимъ контролемъ государственныхъ телеграфныхъ чиновниковъ. Абоненты могутъ пользоваться проводами только для личныхъ цѣлей, не имѣя права передавать свои телефоны въ пользованіе другихъ, будь это даромъ или за деньги. Правительство оставило за собою право, запереть цѣлыя станціи или отдѣльныя пространства на неопредѣленное время, а также запрещать нѣкоторымъ абонентамъ пользоваться телефоннымъ устройствомъ. Всѣ поврежденія и

неисправности, должны быть немедленно починяемы, также общество должно возмѣщать убытки домовладѣльцевъ, причиненные проведеніемъ проволоки. Директоръ телеграфнаго департамента имѣетъ право увольнять служащихъ центральной станціи. Назначенные правительствомъ телеграфные чиновники, могутъ во всякое время дня и ночи обрѣзывать телефонную станцію. Уже по прошествіи 7 лѣтъ со дня открытія станціи, правительство можетъ взять телефоны въ свое управленіе. Устройство здѣшней станціи и проведеніемъ проволоки завѣдуетъ молодой американскій инженеръ-спеціалистъ г. Джонъ Крафффордъ. До сихъ поръ записалось уже 100 абонентовъ, между ними банки, присутственныя мѣста и пр. До 1-го іюля, станція будетъ въ состояніи удовлетворить 200 абонентовъ.

Ядро и кора земнаго шара.

Очеркъ.

Самая глубокая шахта, когда либо вырытая человекомъ, находится въ свинцовыхъ коняхъ Чехіи, въ Прибрамѣ. Она идетъ въ глубь земли на 1000 метровъ (около 470 сажень). Нѣсколько еще длиннѣе ея буровая шахта въ соляномъ слои Шнеренберга въ Браденбургскомъ маркграфствѣ. Она достигаетъ глубины 1200 метровъ (около 562 саж.) Но эта дѣйствительно значительная глубина—ничтожна въ сравненіи съ разстояніемъ отъ земной поверхности до центра земли: эта глубина не составляетъ даже двухъ десяти тысячныхъ долей такого разстоянія.

Мы не можемъ, значитъ, изслѣдовать свойства внутренняго строенія земли путемъ прямого наблюденія; это невозможно теперь и, конечно, никогда не будетъ возможно. И все, что мы знаемъ или думаемъ что знаемъ, о свойствахъ таинственнаго земнаго ядра, основывается единственно на гипотезахъ и вѣроятныхъ предположеніяхъ.

Геология, наука, занимающаяся изученіемъ земной коры,—утверждаетъ, что ядро нашей планеты состоитъ изъ огненно-жидкой массы. Знаменитѣйшіе современные астрономы также дѣлаютъ согласныя съ этимъ предположенія объ общемъ происхожденіи нашей солнечной системы. Нѣкогда, въ самомъ центрѣ нынѣшней планетной системы, говорятъ они—тамъ, гдѣ теперь солнце,—было безконечно громадныхъ размѣровъ раскаленное мировое тѣло, огромный газовый шаръ, быстро вращавшійся вокругъ самаго себя. Отъ этого тѣла, подъ какимъ либо вліяніемъ, отдѣлились большія или меньшія части и ставъ шарообразными планетами, начали вращаться вокругъ центрального тѣла. Планеты затѣмъ постепенно болѣе или менѣе охлаждались. Солнце находится до сихъ поръ въ раскаленномъ состояніи, на планетахъ же образовалась, вокругъ огненно-жидкаго ядра, твердая кора. На корѣ этой, что мы видимъ по крайней мѣрѣ на нашей планетѣ, развилась полная и сложная органическая жизнь. То же думаютъ и о происхожденіи лунъ, которыя, въ свою очередь, отдѣлились отъ раскаленной, вращающейся центральной планетной массы и сдѣлались ея спутниками.

Что ядро земли огненно-жидкое мы можемъ видѣть и изъ весьма замѣтнаго возвышенія температуры, по мѣрѣ углубленія внутрь земли. На днѣ самой глубокой изъ вышеупомянутыхъ шахтъ, температура оказывается, по термометру Реомюра, на 24 градуса выше нежели вверху, при входѣ въ шахту. На то-же самое указываютъ и горячіе ключи, которыхъ такъ много въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности. Такъ, знаменитые карлсбадскіе ключи имѣютъ температуру до 60° Р. Главнымъ же образомъ свидѣтельствуютъ объ такомъ составѣ земнаго ядра вулканическія изверженія.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что будто внутри этой жидкой массы, гдѣ господствуетъ жаръ, пресходящій всякое воображеніе, существуетъ еще болѣе внутреннее твердое ядро, какъ думаютъ нѣкоторые геологи, или что будто вся внутренность земли находится именно въ такомъ состояніи. Очень понятно насколько представляется для насъ интереса вопросъ о толщинѣ земной коры, на которой развилась такая разнообразная органическая жизнь. Если принять постоянное увеличеніе температуры, по мѣрѣ углубленія въ два градуса Реомюра на каждые 100 метровъ (около 47 саж.), то температура, необходимая для расплавленія напр. базальта (базальтами называются скалы *огненно-образованія*, то есть вытекшія изъ нѣдръ земли въ жидкомъ состояніи и покрывающія долины и скаты горъ) находится приблизительно, на глубинѣ почти шести миль. На глубинѣ же средней величины толщину коры въ 6 миль можетъ представить, приблизительно, толщина наклеенной на глобусъ бумаги. Но и это предположеніе мало вѣроятно. Астрономическія же вычисленія опредѣляютъ толщину твердой земной коры, по крайней мѣрѣ, въ 200 миль.

Но какова-бы ни была толщина оболочки, въ которой заключены раскаленные массы, все еще находящіяся въ первобытномъ состояніи,—онѣ до сихъ поръ стремятся, во временахъ, прорваться наружу. Прошли, между тѣмъ, миллионы лѣтъ. Доказательства же огненно-жидкаго состоянія внутренняго состава земли, въ видѣ землетрясеній и вулканическихъ изверженій слишкомъ ясны. Кромѣ того, блестящее подтвержденіе такихъ доказательствъ есть и въ высшей степени интересныхъ теоріяхъ о происхожденіи горныхъ образованій.

Проявленія же вулканической дѣятельности, гораздо многочисленнѣе и распространеннѣе, нежели думаютъ. Число нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ 270. Изъ данныхъ историческихъ извѣстны еще 400 дѣйствовавшихъ вулкановъ; общее-же число вулкановъ, которое можно вывести на основаніи состава горныхъ породъ потухшихъ „огнедышащихъ горъ“, будетъ въ двадцать разъ больше.

Вулканы обыкновенно находятся вблизи морей, ни одинъ дѣйствующій вулканъ не удаленъ отъ берега далѣе чѣмъ на 30 миль, большая же ихъ часть расположена на островахъ,—это проливаетъ любопытный свѣтъ на причины вулканическихъ явленій. И именно предполагаютъ, что, при такихъ условіяхъ, морская вода соприкасается съ раскаленною внутреннею частью земнаго шара, черезъ пронасти и разсѣлы своего дна и превращается, такимъ образомъ, въ паръ; сила пара этого разрываетъ мѣстами земную кору по своему стремленію къ расширенію т. е. именно дѣйствуетъ та сила, которая приводитъ въ движеніе наши паровыя машины—такимъ образомъ сила эта открываетъ внутренней огненно-жидкой массѣ путь на поверхность земли.

Весьма близкими къ собственно вулканическимъ явленіямъ представляются Газовые ключи (сольфатары), это тѣ же вулканическія явленія уже ослабѣвшей дѣятельности. Сольфатаромъ называется вообще всякій кратеръ, который выдѣляетъ лишь водяные пары и сѣрнисто-водородный газъ. О такъ называемыхъ „грязныхъ“ вулканахъ теперь думаютъ, что они дѣйствуютъ именно вслѣдствіе давленія горныхъ, горизонтальныхъ пластовъ на грязную массу. Но уже болѣе вулканическими явленіями представляются горячіе ключи, изъ которыхъ пользуетъ, напримѣръ, всемирной извѣстностью исландскій Гейзеръ выбрасываетъ во временахъ на высоту 20—30 метровъ (около 10—15 саж.) кипящую струю воды весьма значительнаго объема.

Вулканическія изверженія неизменно сопровождаются колебаніями земной поверхности. Однако, всѣ безъ исключенія землетрясенія нельзя относить лишь къ вулканическимъ явленіямъ. Нѣкоторые землетрясенія происходятъ отъ осѣданій и обваловъ огромныхъ пустыхъ пространствъ, пропастей и разсѣлинъ, и тогда совершаются перемѣщенія горныхъ слоевъ. Въ этомъ отчасти убѣждаетъ и то, что въ странахъ, гдѣ нѣкогда часто бывали землетрясенія и теперь нѣтъ уже вулканическихъ явленій, есть уже довольно много соляныхъ ключей, извергающихъ изъ года въ годъ значительныя массы горныхъ породъ. Большинство же землетрясеній, во всякомъ случаѣ, объясняется вліяніемъ кипѣнія огненно-жидкаго ядра на оболочку нашего земнаго шара.

Уже и въ наше время мы были свидѣтелями цѣлаго ряда страшныхъ, грозныхъ землетрясеній. Катастрофы въ Аграмѣ, въ Венгріи, разрушительныя землетрясенія на греческомъ островѣ Хіосѣ и итальянскомъ островѣ Искія—во-очію указываютъ какъ безсильнѣе человекъ передъ страшными явленіями природы. Но землетрясенія прежняго времени были еще ужаснѣе и губительнѣе. При страшной катастрофѣ, когда разрушенъ былъ въ 1755 году весь Лиссабонъ, погубило больше 60,000 человекъ.

Наука различаетъ два рода землетрясеній. Во-первыхъ, удары, идущіе прямо изъ нѣдръ земли и приводящіе ея поверхность въ сотрясеніе въ перпендикулярномъ направленіи, вторыхъ—волнообразныя движенія почвы. Землетрясенія перваго рода самыя сильныя и опасныя. Для людей, погибающихъ часто въ большомъ числѣ, опасность заключается, конечно, не въ самыхъ сотрясеніяхъ, а въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которые они влекутъ за собою: распадающіяся зданія погребаютъ подъ обломками своихъ обитателей; отъ паденія печныхъ балокъ возникаютъ пожары, принимающіе страшные размѣры; въ общемъ страхъ и суматохѣ никто не заботится о ихъ прекращеніи. Особенно же губельны наводненія, нерѣдко сопровождающія землетрясенія: вслѣдствіе пониженія и повышенія почвы, рѣка или даже море выходятъ изъ береговъ и производятъ опустошенія. Волненіе, сообщаемое при этомъ морю, принимаетъ иногда грандіознѣйшіе размѣры: волны достигаютъ 70 метровъ вышины (до 34 саж.). Во время лиссабонскаго землетрясенія, колебанія морскихъ волнъ отъ португальскихъ береговъ простирались до восточнаго берега Америки.

Вулканическая дѣятельность, собственно говоря, заключена, такимъ образомъ, въ совершенно опредѣленные границы и, какъ было упомянуто, связана съ мѣстными условиями, какъ напримѣръ близость моря. Ни одна часть земной поверхности не можетъ почитаться навсегда вполне обезпеченной отъ землетрясеній, которыя чаще происходятъ въ тропическихъ странахъ и гораздо рѣже въ другихъ, ибо землетрясенія чрезвычайно рѣдко переходятъ свои границы и если переходятъ то въ слабыхъ размѣрахъ. Къ благоприятнымъ въ этомъ отношеніи мѣстностямъ принадлежатъ, напримѣръ, сѣверно-европейскія области и большая часть сѣверно-азиатскихъ, именно отъ сѣверо-германскихъ низменностей, черезъ европейскую Россію и Сибирь, до Байкальскаго озера.

Новѣйшее объясненіе происхожденія землетрясеній принадлежитъ астроному Фальбу. Большинство землетрясеній совпадаетъ съ періодомъ наибольшей близости луны къ нашей планетѣ; морскіе приливы и отливы объясняются притягательной силой луны (и отчасти также солнца), и согласно теоріи Фальбы огненно-жидкое содержимое земли такъ же приходитъ подъ тѣмъ же вліяніемъ въ движеніе, имѣющее свойства прилива. Движеніе это становится еще сильнѣе, когда наибольшая близость луны къ землѣ совпадаетъ съ близостью къ землѣ солнца. Понятно отсюда, какимъ образомъ вздымающаяся жидкая масса можетъ дѣйствовать на земную кору. Теорія Фальбы требуетъ еще подтвержденія. Впрочемъ ему удалось нѣсколько разъ совершенно вѣрно опредѣлить время и мѣсто сотрясеній земли, на основаніи взаимнаго положенія земли и луны.

Вліяніемъ же внутреннихъ переворотовъ земли на поверхность слѣдуетъ объяснять повышенія и пониженія суши. Дѣль сто тому назадъ предполагали еще, что неровности на земной поверхности образовались единственно отъ дѣйствія воды. Позднѣе явилось предположеніе, что большинство горъ образовалось отъ внезапныхъ проявленій вулканической дѣятельности и что поэтому горы—древнѣйшія части суши. Новѣйшая геологія признаетъ, что нѣкоторые горные хребты и возвышенія почвы могли образоваться подъ вліяніемъ вулканическихъ силъ, рассматриваетъ однако эти явленія, строго ограничивая ихъ извѣстными районами. Измѣненія земной поверхности продолжаютъ и доселѣ и геологія называетъ ихъ „процессомъ сморщиванія“—т. е. вслѣдствіе сильнаго охлажденія земной коры, происходитъ сжиманіе земнаго шара. Когда эта кора, вслѣдствіе дальнѣйшаго постояннаго охлажденія, слишкомъ измѣняется и давить массу ядра—тогда происходитъ сжатіе ея; за первымъ сгибомъ слѣдуетъ второй, третій, отдѣльные изгибы перемѣшиваются между собою и такимъ образомъ, при общемъ пониженіи верхняго уровня коры, являются одиночныя возвышенія почвы, называемыя горами, плоскогорьями и т. п. Вслѣдствіе этого континенты имѣютъ болѣе древнее происхожденіе нежели горы. И это вполне согласуется съ тѣмъ логическимъ заключеніемъ, что каждая гора, съ окончательнаго момента своего поднятія, начинаетъ медленно но постоянно понижаться вслѣдствіе естественнаго процесса вывѣтриванія, подъ вліяніемъ воды и воздуха. Такимъ путемъ, съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезаютъ самыя древнія горныя образованія. Въ настоящее время всюду признается именно эта теорія образова-

нія горъ. Вычислено, что уже пониженіе температуры внутренней земли на 400 градусовъ Реомюра могло бы произвести укороченіе половиннаго диаметра на 50,000 метровъ (почти на 45 версты) и объяснить, такимъ образомъ, всѣ горныя образованія. Повышенія и пониженія почвы—извѣстныя намъ изъ исторіи и тѣмъ болѣе поразительныя, что они происходятъ въ сравнительно короткое время—всюду неоспоримо произошли подъ вліяніемъ вулканическихъ причинъ. Въ вулканическихъ странахъ не разъ наблюдалось измѣненіе уровня небольшой полосы отъ 20 до 30 футовъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней; небольшой островъ Фердинанда, возвышавшійся въ 1831 и позднѣе въ 1863 г. надъ Средиземнымъ моремъ, къ югу отъ Сициліи, скоро исчезъ безъ всякаго слѣда.

Слѣдуетъ отличать, однако, эти повышенія и пониженія почвы, происходящія подъ вліяніемъ вулканическихъ причинъ, отъ другихъ замѣчательныхъ явленій, сходныхъ съ ними, именно, погруженія въ море береговъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, наоборотъ, постепенное поднятіе ихъ въ другихъ. Такимъ образомъ берегъ Швеціи возвышается уже цѣлыя столѣтія на одинъ метръ (почти 22½ вершка) въ каждые сто лѣтъ; съ берегами Сѣверной Германіи, Голландіи и Бельгіи происходитъ, между тѣмъ, медленное но постоянное движеніе къ обратному направленію. Такимъ образомъ, далѣе, Сибирь подвигается отъ устья Лены къ сѣверу по направленію къ Берингову проливу, тогда какъ въ Индійскомъ и Тихомъ океанѣ, гдѣ скрылись уже подъ водой цѣлые континенты, постоянно замѣчается убыль береговъ, которые погружаются въ море. Это медленное возвышеніе и пониженіе суши не имѣетъ, однако, вполне вулканическаго происхожденія; оно составляетъ послѣдствіе охлажденія внутренней земли и соединенныхъ съ охлажденіемъ сморщиванія и изгибанія поверхности нашей планеты. Измѣненія уровня, достигающія одного метра, положимъ, въ исторически-измѣримые промежутки времени представляютъ собою первичныя ступени горныхъ образованій. Эти, съ трудомъ наблюдаемыя теперь повышенія или пониженія почвы, образуютъ (въ продолженіи тысячъ, сотенъ тысячъ лѣтъ, съ которыми имѣетъ дѣло геологъ) огромныя горныя кряжи, пропасти, долины и покатоки. А эти послѣднія, въ свою очередь, вновь покрываются корой, видоизмѣняются и перерабатываются подъ вліяніемъ жидительныхъ силъ природы—воды и воздуха. Но пониженія европейскаго континента на 200 метровъ (почти на 94 саж.) достаточно было бы для погруженія въ море всей сѣверной европейской равнины, Россіи, и для образованія пролива между Сѣвернымъ и Средиземнымъ морями... Можно поэтому составить представленіе о размѣрѣ силы, производящей доселѣ незамѣтныя измѣненія земной поверхности.

На основаніи всего вышесказаннаго, пріобрѣтенія современной науки заключаются въ томъ, что въ разумнѣйшихъ переворотовъ прошедшаго геологъ не руководится болѣе представленіями фантастическими, но опирается на вѣчные законы природы говоря объ этомъ медленномъ развитіи, соединявшемся по временамъ съ мѣстными переворотами. Это именно и есть истинный путь знанія. Такимъ образомъ гипотезы, на которыхъ построены теперь воззрѣнія на этотъ предметъ, будутъ получать все большую и большую доказательность и точность, насколько то въ предѣлахъ человѣческой возможности.

Политическое обозрѣніе.

Наши соглашенія съ Турціею.—Болгарія.—Австро-Венгрія.—Египетъ.

Мы, наконецъ, договорились съ Портой; по крайней мѣрѣ, согласно частнымъ свѣдѣніямъ, проектъ условія относительно уплаты Турціею намъ военныхъ расходовъ совершенно уже редактурированъ и даже подписанъ; на основаніи этого соглашенія Турція уплачиваетъ Россіи ежегодно 350 тысячъ турецкихъ лиръ, при чемъ платежи этотъ обезпеченъ налогомъ на овенъ и десятиной съ четырехъ малоазіатскихъ провинцій: Конья, Костамуни, Адана и Сивасъ; сборы эти будутъ поступать въ Оттоманскій банкъ, который, въ свою очередь, будетъ переводить ихъ въ русскій государственный банкъ.

Читатели, вѣроятно, помнятъ тревожныя извѣстія изъ Болгаріи (распространявшіяся несомнѣнно не безъ цѣли) объ агитаціяхъ противъ князя; о шаткости его положенія и т. д. Теперь пишутъ изъ Софіи, что извѣстія эти ни на чемъ не основаны, дѣла тамъ текутъ самымъ мирнымъ порядкомъ и не требуютъ осаднаго положенія; оппозиціонная, т. е. либеральная партія весьма невелика и иностранныя газеты съ намѣреніемъ преувеличиваютъ ея значеніе; объ отреченіи князя Александра отъ болгарскаго престола не можетъ быть и рѣчи послѣ принятія имъ на себя чрезвычайныхъ полномочій. Осенью, въ обыкновенное время созывается народное собраніе, которому будетъ предложено рассмотреть бюджетъ и всѣ законопроекты, выработанные державнымъ совѣтомъ; русскіе офицеры, за самими незначительными изытціями, заслужили общее одобреніе и находятся въ лучшихъ отношеніяхъ съ княземъ Александромъ.

А герцеговинцы продолжаютъ свою борьбу и недавно происходила новое сраженіе, о которомъ передаютъ слѣдующія подробности. Въ районѣ возстанія, и именно въ томъ, гдѣ угломъ сходятся границы Черногоріи, Герцеговины и Кривошии, возвы-

шается почти неприступное плоскогорье „Вучій Зубъ“; устали неожиданно для австрійцевъ заняли это плоскогорье. Генераль Іовановичъ отдалъ приказъ выбить ихъ оттуда, такъ какъ изъ этой позиціи они угрожали одновременно Герцеговинѣ и Кривошии и могли содѣйствовать возобновленію возстанія въ этихъ провинціяхъ; съ этою цѣлью, изъ Зубцовъ, въ Герцеговину и изъ Кривошии выступили два отряда, выдѣленные изъ состава 16 и 22 пѣхотныхъ полковъ; атакованные съ двухъ сторонъ, инсургенты, тѣмъ не менѣе, сопротивлялись цѣлыхъ 24 часа и когда австрійцамъ удалось овладѣть позиціею, устали быстро отступили, не давъ себя окружить; думаютъ, что австрійцы возведутъ на Вучьемъ Зубѣ укрѣпленіе. Въ Австріи предполагаются военныя преобразованія съ цѣлью увеличить численность арміи и ускорить ходъ мобилизаціи. Согласно наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ есть два проекта; одинъ изъ нихъ состоитъ въ сформированіи особаго корпуса постоянно квартирующаго въ Босніи и Герцеговинѣ и пополняемаго на общихъ основаніяхъ вербовкой, но болѣе шансовъ имѣетъ другой проектъ преобразованія резервныхъ пѣхотныхъ полковъ въ активные; въ настоящее время австрійская пѣхота состоитъ изъ 50 дѣйствующихъ полковъ трехъ-батальоннаго состава и 80 резервныхъ—двухъ-батальоннаго. Эти послѣдніе мало удовлетворяютъ своему назначенію, такъ какъ, по финансовымъ соображеніямъ, численность ихъ ничтожна; вслѣдствіе того предполагается уравнять резервные батальоны съ дѣйствующими и, кромѣ того, сформировать въ каждомъ резервномъ полку еще по батальону, такъ что, вмѣсто нынѣшнихъ 80 получится 160 дѣйствующихъ пѣхотныхъ полковъ; для этого потребуются увеличеніе ежегоднаго континента до 40 тысячъ человѣкъ и въ мирное время численность австрійской арміи усилятся 120 тысячами и, если не больше,

такъ какъ увеличится кавалерія и артиллерія. Армія эта, въ такомъ случаѣ, сравнится, по числу полковъ, съ Россіей и превыситъ 62 полками Италію. Что же касается мобилизаціи, то въ этомъ отношеніи будетъ принята германская территориальная система; предполагается также сформированіе постоянныхъ дивизій и корпусовъ.

Въ Египтѣ, насколько видно изъ новѣйшихъ свѣдѣній, Араби-

Папа и его министерство приняли положеніе, враждебное Хеду; по инициативѣ перваго министра было создано собраніе нотаблей, у котораго Араби-Папа хлопоталъ о низложеніи Теворика-Папы и созведеніи его сына; но нотабли не согласились. Англія и Франція, въ виду ненормального хода дѣлъ въ Египтѣ, или придираясь къ этому, посылають къ берегамъ вице-королевства соединенную эскадру.

С М Ъ С Ъ.

О потребленіи табаку. Огромная распространенность потребленія табаку дѣлаетъ вопросъ о немъ, съ гигиенической точки зрѣнія, весьма важнымъ. Густавъ Ланьо говоритъ, что въ табакѣ находится одинъ изъ наиболѣе страшныхъ ядовъ, никотинъ, нѣсколькихъ капель котораго достаточно убить животное. Извѣстно довольно большое число и людей, сдѣлавшихся жертвою отравленія никотиномъ, черезъ табакъ. Въ нѣкоторыхъ сортахъ табаку, никотинъ содержится иногда въ количествѣ 7 процентовъ; впрочемъ, броженіе, претерпѣваемое табакомъ, а также нѣкоторыя обработки, которымъ онъ подвергается, удаляютъ изъ табака, особенно пухательнаго, значительную часть этого ядовитаго вещества. Тѣмъ не менѣе, никотинъ поглощается, однако, во время куренія, въ порядочномъ количествѣ.

Далѣе, Ланьо говоритъ, что ядовитыя начала табаку, растворившіяся въ слюнкѣ, или вдохнутыя въ видѣ дыма, производятъ несвареніе желудка и еще чаще разстройство кровообращенія, неправильности пульса, грудныя жабы и т. п.; точно также, они производятъ довольно часто головокруженія, ослабленіе памяти, умственныхъ способностей и зрѣнія, что доказано многочисленными наблюденіями. Болѣзни зубовъ точно также ведутъ свое происхожденіе отъ злоупотребленія табакомъ. Въ концѣ концовъ, Ланьо высказался, что признаетъ вреднымъ современное чрезмѣрное употребленіе табака.

Докторъ Герепъ добавляетъ, что, кромѣ вреднаго дѣйствія, табакъ производитъ на человѣка какое-то еще другое медленное вліяніе, требующее изслѣдованія на цѣломъ рядѣ явленій. По его мнѣнію, курильщики производятъ какое-то особенное впечатлѣніе своимъ физическимъ и нравственнымъ состояніемъ, выдающее вредную привычку, когорой они предаются. Вообще, вредное дѣйствіе табака не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Статистика астрономическихъ обсерваторій. Вотъ краткія свѣдѣнія о всѣхъ астрономическихъ обсерваторіяхъ, существующихъ съ характеромъ общественныхъ учреждений. 118 изъ этихъ обсерваторій находятся въ полномъ дѣйствіи: 84—въ Европѣ, 2—въ Азіи, 2—въ Африкѣ, 3—въ Австраліи и 27—въ Америкѣ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты насчитываютъ ихъ собственно 27; кромѣ того, въ Мексикѣ имѣются 2 обсерваторіи; точно также Бразилія, Чили, Колумбія, Эквадоръ, Аргентинская республика и Новая-Бретань имѣють каждая свои собственные.

Въ Европѣ, Пруссія—страна, имѣющая наибольшее число публичныхъ обсерваторій, а именно 29. Въ Англіи считается 14; въ

Россіи—19; въ Италіи—9; Австріи—8; Франціи—6; Швейцаріи—4; Швеціи—3; Нидерланды, Норвегія, Испанія и Португалія имѣють каждая по 2 обсерваторіи; Бельгія, Греція и Данія по одной.

Лейденская обсерваторія—самая старинная; она основана въ 1632 году. Копенгагенская обсерваторія основана нѣсколько позднѣе, именно въ 1637 году. А сорокъ лѣтъ спустя явилась Парижская. Знаменитая Гринвичская обсерваторія, въ Англіи, существуетъ съ 1675 года. 41 обсерваторія, основанныя въ прошломъ столѣтіи, существуютъ до сихъ поръ; изъ нихъ 3 основаны между 1700 и 1725 годами; 6—между 1725 и 1750; 9—между 1750 и 1775; 13—между 1775 и 1800. 19 обсерваторій существуютъ съ нынѣшняго столѣтія, будучи основаны между 1800 и 1825 годами; 17—между 1825 и 1850, и 39—между 1850 и 1880. Итальянскія обсерваторіи основаны во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Москва владѣетъ старѣйшей русской обсерваторіей, основанной въ 1750 году. Обсерваторіи Варшавы и Вильны существуютъ съ 1714 года; 9 другихъ—отъ восемнадцатаго столѣтія.

Изслѣдованіе подземныхъ звуковъ, съ помощью микрофона. Какъ извѣстно, микрофонъ, приборъ усиливающей звуки, дѣлающій слышными такіе изъ нихъ, которыя такъ слабы, что недоступны нашему слуху. Вотъ нѣсколько новыхъ примѣненій этого интереснѣйшаго прибора.

Изслѣдованія Росси показали, что взрывамъ рудничнаго газа предшествуютъ легкія колебанія почвы и подземный шумъ. Последній, обыкновенно не слышимый, становится слышимъ, черезъ посредство микрофона. Росси полагаетъ необходимымъ, къ этому, устройство, въ сосѣдствѣ съ каменноугольными копями, обсерваторій, снабженныхъ микрофонами, для узнанія присутствія воспламеняющагося газа въ нѣдрахъ земли. При такихъ условіяхъ, возможно было-бы своевременно узнавать о грознейшей опасности и принимать соответствующія мѣры. Извѣстно, какъ губительны бывають взрывы рудничнаго газа въ каменноугольныхъ копяхъ. Съ помощью микрофона, Росси предпринималъ также изслѣдованіе колебаній земли, которыя почти постоянны въ странахъ съ дѣйствующими вулканами, и изслѣдованіе вообще землетрясеній.

Графъ Энгенбергъ сдѣлалъ другое интересное примѣненіе микрофона въ своемъ имѣніи. Онъ воспользовался имъ, для отысканія водяныхъ ключей, погружая микрофоны въ почву на покатосяхъ холма и соединяя ихъ отдѣльно съ изолированнымъ телефономъ и гальваническимъ столбикомъ. Тогда ясно слышались шумъ подземныхъ ключей.

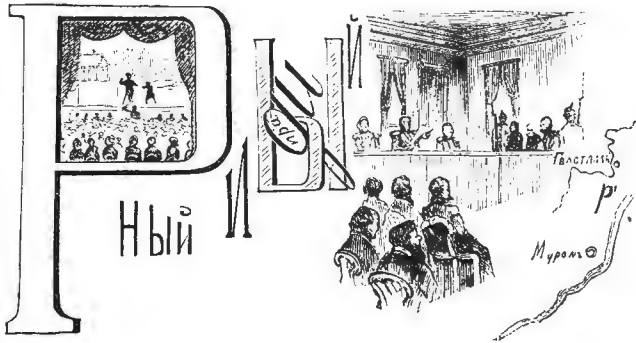
Физическіе опыты. Лейденская банка изъ станана съ дробью и ложки.

Лейденская банка изъ станана съ дробью и ложки.

Въ области электричества также можно производить нѣкоторые опыты, не имѣя для того никакихъ сложныхъ аппаратовъ. Напр. всякому извѣстно, что если кусочкомъ сукна потереть палку сургуча, то этотъ сургучъ получаетъ способность притягивать къ себѣ маленькіе кусочки бумаги, приближенный къ нимъ. Самыми простыми и подручными средствами каждый можетъ увеличить свой комплектъ электрическихъ приборовъ. Если на примѣр дѣло идетъ о томъ, чтобы устроить электрофоръ и понадобится Лейденская банка и получить электрическія искры болѣе чѣмъ въ сентиметръ длины, которыя на руку будутъ производить свое обычное, характеристическое ощущеніе—то всего этого можно достигнуть самыми простыми средствами. Берутъ обыкновенный желѣзный лакированный подносикъ сантиметровъ 30, 40 длины. Вырѣзываютъ четверугольникъ изъ плотной и толстой бумаги, такой величины, чтобы онъ умѣщался на плоскости подносика. Его прилѣпляютъ посредствомъ сургуча съ двухъ концовъ къ полоскамъ бумаги, такимъ образомъ чтобы бумажку можно было свободно поднять. Подносикъ кладется на двѣ рюмки, которыя и служатъ ему постаменами. Электрофоръ устроенъ. Посмотримъ какъ онъ будетъ дѣйствовать. Начинають согрѣвать четверугольникъ изъ бумаги надъ сильнымъ огнемъ спиртовой лампочки. Грѣть надо довольно долго, въ нѣсколько пріемовъ, чтобы бумага совершенно высохла и чтобы температура ея была на сколько возможно выше. Затѣмъ ее скорѣе кладутъ на столъ, пока еще она не остыла и трутъ сильно обыкновенной щеткой, твердой и сухой, кладутъ эту бумагу на подносикъ, дотрогиваются вальцемъ до подносика и поднимають бумагу за ея боковыя полоски. По приближеніи пальца къ подноснику получается электрическая искра. Тогда можно вновь положить бумажку на подносъ, коснуться ея, и отнять бумажку и опять получится электрическая искра и такъ каждый разъ.

Вот мы имеем теперь настоящую электрическую машину. Как теперь сделать Лейденскую банку? Ничего нетъ легче. Мы беремъ стеклянный стаканъ, насыпаемъ въ него охотничью дробь и ставимъ обыкновенную чайную ложку и если всѣ эти предметы совершенно сухи, у насъ уже составила прекрасная Лейденская банка. Чтобы ее зарядить мы будемъ дѣйствовать съ нашимъ электрофоромъ, какъ выше было указано. Пока одинъ дотрогивается до подноса и поднимаетъ бумагу, другой, поставивъ стаканъ на ладонь, приближаетъ его къ подносу, такъ чтобы искра коснулась рукоятки ложки. Лейденскую банку эту можно будетъ такимъ образомъ зарядить послѣдовательнымъ рядомъ искръ и получить небольшой запасъ электричества, или приближая стаканъ къ подносу.

РЕБУСЪ. Задача № 37.

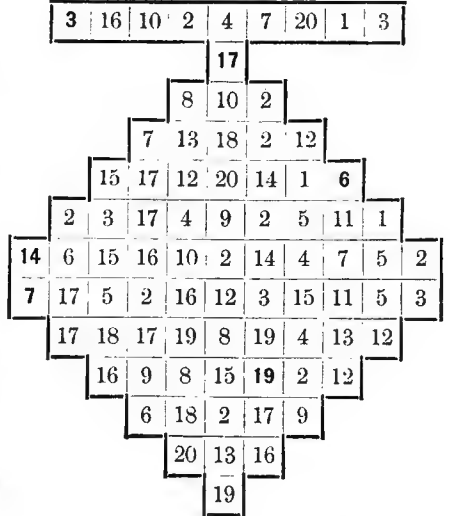
Задача буквъ № 38.

Изъ данныхъ буквъ составить 20 нижеслѣдующихъ словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соответственно цифрамъ размѣстить въ клеткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составила фамилія одного композитора и названія его пяти наиболѣе извѣстныхъ оперъ, причѣмъ цифры, напечатанныя бо-

лѣ крупнымъ шрифтомъ, соответствуютъ начальнымъ буквамъ фамилии и каждой изъ оперъ.

7а, 2б, 2в, 3г, 2д, 8е, 4и, 2й, 1і, 3к, 2л, 6з, 6о, 3п, 6р, 3с, 2т, 1у, 3ф, 1х, 1ц, 2ч, 1ш, 2ь, 1ь, 1ѣ, 6 я.

- 1) Кушанье.
- 2) Комната.
- 3) Военное званіе.
- 4) Рѣка въ Европѣ.
- 5) Атмосферическое явленіе.
- 6) Части головы.
- 7) Уродство.
- 8) Сферическое тѣло.
- 9) Обозначеніе времени.
- 10) Волшебница.
- 11) Вредное вещество.
- 12) Почва.
- 13) Весьма распространенное растеніе.
- 14) Спокойное состояніе.
- 15) Лице ухаживающее за дѣтьми.
- 16) Женское имя.
- 17) Птица.
- 18) Необходимая часть растенія.
- 19) Число.
- 20) Библейское имя.

СОДЕРЖАНІЕ: Гавриилъ Мансъ (съ портр.)—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть первая. (Продолженіе).—Персидскій посолъ. (Эпизодъ изъ жизни Людовика XIV).—Въ странѣ „Янки“. Очеркъ.—Саратовъ (съ рис.).—Неггабосъ (съ рис.)—Фея весны (изъ Ленау) (съ рис.).—Паденіе Вавилона (съ рис.).—Наблюдательная станція австрійской полярной экспедиціи (съ рис.).—Фридрихъ Фребель (съ портр.).—Телефонъ въ С.-Петербургѣ (съ рис.).—Ядро и кора земного шара. Очеркъ.—Полицейское обозрѣніе.—Смѣсь.—Игры и задачи (съ 2 рис.).—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

СУШИЛЬНЫЙ СОСТАВЪ КЕЛЕРА,

всегда съ успѣхомъ дѣйствующее и дешевое средство для просушивания сырыхъ стѣнъ и помѣщеній и для предохраненія стеколъ отъ замерзанія продается у
 П. КЕЛЕРЪ и Комп. въ МОСКВѢ.

НАТУРАЛЬН. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
 СВѢЖАГО 1882 РАЗЛИВА ПОЛУЧЕНЫ
 у РУЛЬКОВИУСЪ и ГОЛЬМЪ.

Уголь Большой Московской улицы и Кузнечнаго переулка, д. Владимірской церкви, М. № 2101 5-1
 въ АПТЕКѢ Амброзевича въ КОЛПИНО.

ГЛАВНОЕ ДЕПО
 НОВЫЙ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ
 РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ.

Вслѣдствіе весьма частыхъ споровъ на небольшіе огнегасительные аппараты, которые по цѣнѣ были бы доступны и людямъ съ небольшими средствами, предлагаемъ
 НОВЫЕ РУССКІЕ ОГНЕТУШИТЕЛИ.

Новый аппаратъ соединяетъ въ себѣ всѣ хорошія качества, которыя только можно требовать отъ подобнаго инструмента, онъ легокъ и удобенъ для переноски, руководство имъ нисколько не затруднительно, онъ дѣйствуетъ очень сильно и небольшой его размѣръ позволяетъ добраться съ нимъ до того самаго мѣста, гдѣ вспыхнулъ огонь, такъ что направляя струю туда, куда слѣдуетъ, предоставляется возможность затупить огонь при первомъ зачатіи.

Въ особенности же рекомендуемъ огнетушители земствамъ, волостнымъ правленіямъ, селамъ и деревнямъ, фабрикантамъ, заводчикамъ, содержателямъ гостинницъ, ресторановъ, постоялыхъ дворовъ, товарныхъ складовъ и проч., гдѣ они служатъ лучшимъ инструментомъ для тушенія пожара. Кромѣ того, что русскіе огнетушители отличаются при пожарныхъ случаяхъ превосходнымъ своимъ дѣйствіемъ, они для полей садовъ, огородовъ, улицъ и проч., не оставляютъ желать чего нибудь лучшаго.

Цѣна 18 рублей.

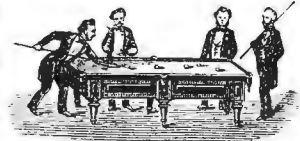
При заказѣ партій дѣлается уступка. За доставку на желѣзную дорогу и упаковку 2 руб. Въ С.-Петербургѣ. На углу Невскаго и Литейнаго просп., д. № 78-66.

И. И. МАРКОВУ.

№ 2096

Выкройки Деморестъ изъ Парижа 1882 г.

для дамъ, дѣвочекъ, мальчиковъ отъ 15, 30, 50, 65 до 80 к.
 Иллюстрированный каталогъ 500 новыхъ модныхъ гравюръ 75 коп., съ пересылкою 1 р.
 № 9. И. ВАКОНЪ Гороховая улица, д. Лембокъ, кварт. № 8. № 9. въ С.-Петербургѣ. № 2067 2-2

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
 А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ
 Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 '6-12

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!!

Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб.
 Насосы дѣйствующие чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для обрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растеній отъ насекомыхъ 12 руб. 50 коп.
 Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требованія, деньги направлять по адресу.
 Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ. № 2081 5-2

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.

Съ 1-го мая, открывается XXV сезонъ на первомъ кумысо-лечебномъ заведеніи доктора медицины Н. В. Постникова. Подробныя свѣдѣнія о кумысѣ и заведеніи можно прочесть въ монографіи о кумысѣ д-ра Постникова, имѣющейся въ Петербургѣ у Вольфа, въ Москвѣ у Вольфа, въ Самарѣ у автора по 1 руб. съ пересылкою.
 Тамъ же и кромѣ того въ I Центральной конторѣ объявленій Матисена (у Казанскаго моста, д. № 28-21, въ С.-Петербургѣ) и у многіхъ книгопродавцевъ Петербурга можно имѣть бесплатную публикацію на XXV сезонъ съ обозначеніемъ цѣны и всѣхъ условій леченія, съ краткимъ описаніемъ пути до Самары и цѣны на всѣ предметы и проч. № 2065 3-3

Первый призъ „Золотая медаль“ Порто Алерге 1881.

ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ

для носовыхъ платковъ, платяя, кружевовъ и т. п.
 Maigibckchen, Г. Лозе. | Néliotrope blanc Г. Лозе.
 Edelweiss Г. Лозе. | Königin der Nacht Г. Лозе.
 Bouquet Garmen Г. Лозе

въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замкнаниемъ.
 ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Поставщикъ Двора Е. В. Императрицы Германіи.
 фабрика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мылъ.

Мои спеціальности признаны наилучшаго качества и приобрѣли всеобщее одобреніе, прошу поэтому при закупкахъ обратить вниманіе на мою полную фирму, во избѣжаніе недоразумѣній.

2-1

СКОПИНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ. (ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.200.241 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½%	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7½%	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основными и запасными капиталами 1.200,241 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безыменные, т. е. на предъявителя. *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учреждений на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотариусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безыменные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая 1866 года и 30 ноября 1870 года.

Директоръ *Рыковъ.*

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого-то) объявленіе. Представля при семъ (столько-то рублей), прому принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя, (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число мѣсяцъ, годъ.*

Для гг. коннозаводчиковъ,
любителей скачек и бѣговъ, докторовъ,
артиллеристовъ, моряковъ, машинистовъ и
др. новаго устройства
КАРМАННЫЕ ЧАСЫ,
съ хронометромъ.

Анкерные заводящиеся безъ ключа (въ ручку).
въ никелевыхъ корпусахъ 32 руб.
въ серебряныхъ " 35 "

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ
С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп.,
д. № 23, (противъ Большой Коню-
шенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ
мосту, въ домѣ Тверскаго подворья
(рядомъ съ Баргельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.
Подробные прейсъ-куранты вы-
сылаются по требованію бесплатно.

СТРАХОВАНИЕ БИЛЕТОВЪ
по 50 коп. въ конторѣ

И. ВЪДРИНЪ и СЫНЪ.

Москва, Тверская, 31.

Условія продажи билетовъ съ за-
даткомъ въ 15 р. высылаются без-
платно. П. № 2072. 8-2.

НОВОСТЬ!

Весьма изящный и практичный бумажникъ,
заграничной патентованной работы, содер-
жащій

Правила игры въ „ВИНТЪ“

изящно отпечатаны въ двухъ краскахъ.
Продажа во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.
Единственный складъ для оптовой продажи
Саперная, № 10, кв. 1, у Я. СЕГАЛЬ.
При высылкѣ 3 руб. высылаются франко
обращикъ. № 2100

ВОЗДУШНЫЯ ФИГУРЫ.

Изъ прочной животной перепонки (reau
de baudouche) надутыя, чрезвычайно эф-
фектно поднимаются по тонкой ниткѣ въ
бумажныхъ змѣякъ; по своей большой ве-
личинѣ, красивой окраскѣ и замѣтель-
ной легкости служатъ весьма интересною
игрушкою для дѣтей. Фигуры представляю-
тъ звѣрей, китайцевъ, турокъ, перо и
проч. (пер. за 5 ф., упак. 30 к.) 14 и 15 р.

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕВЪ,

поднимающийся на обыкновенной тонкой
ниткѣ болѣе, чѣмъ на 1.000 фут., 40 к.
Дюжина (упак. 40 к., пер. за 8 ф.), 3 р.

ШЕЛКОВЫЙ ЯСТРЕВЪ,

въ коробѣ съ катушкою, нитками и об-
ясненіемъ 1 р. 60 к.

Предлагаетъ „С.-Петербургская мастер-
ская учебныхъ пособій и игръ“
Спб., Троицкій пер., д. 11-3.
А. № 2102

Изданія А. Ф. Маркса,

Больш. Морская, д. № 9.
ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара-
зина, *второе изданіе*, съ 39 ри-
сунками автора, большой томъ
въ 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ
пер. 2 р. 30 к. Подписчики „Ни-
вы“ за перес. не платятъ.

**ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В. Кре-
твичскаго** (автора „Петербург-
скихъ трущобъ“), 3-е изданіе,
Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.,
для подписч. „Нивы“ 1881 г. 75 к.,
съ перес. 1 р.

ВОЛЖСКО - КАМСКІЙ

СКЛАДЪ

земледѣльческихъ машинъ, орудій и мел-
ничныхъ принадлежностей
М. РАМЪ и С^ю въ Назани.
(Отдѣленіе въ Симбирскѣ).

Пуги 1, 2, 3 и 4 лемешныя, бороны, сѣ-
ялки, сѣнокосилки, жатвенныя машины, моло-
тки, вѣялки, сортировки и зерносушилки,
заводы: Экертга, Велерга, Гюарда Ли-
гарта и К^ю. Вальцовыя станки Ганцъ и Бер-
манъ, французскіе жернова, швейцарскія
шелковыя сита, мельничныя поставы. Локо-
мобили и молотилки Русгошъ Прокторъ и К^ю,
паровыя машины, турбины, джарныя трубы
и проч., приблизительно по московскимъ
цѣнамъ. Прейсъ-куранты и каталоги по тре-
бованію. № 2098 2-1

РЕКОМЕНДУЕМЪ
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
ЧЕРНЫЯ
РЕЗИНОВЫЯ
НЕПРОМОКАЕМЫЯ
ПАЛЬТО

по нижеслѣдующимъ цѣнамъ:

ТОЛЩЕ.		ТОЛЩЕ.			
Пальто съ рукавами	12 р. — к.	16 р.	Плаци для дѣтей	11 р. — к.	14 р.
Плаци съ крыльями	13 " — "	18 "	Пальто съ рукав. для дѣтей	10 " — "	13 "
Калошоны къ нимъ	1 " 50 "	22 "	Армяки кучерскіе	24 " — "	30 "
Военныя пальто формени	17 " — "	22 "	Пальто ливерейныя изъ бѣ-		
Пальто дамск. съ рукавами	13 " — "	18 "	лой матеріи для англій-		
Тальмы дамскія	12 " — "	15 "	свой упряжи	25 " — "	30 "

„НОВОСТЬ“ Изъ англійской прорезиненной шерстяной матеріи,
вполнѣ замѣняющія лѣтнія пальто.

Пальто съ рукавами	28 р. — к.	Пальто такія же на бумажной	20 р. — к.
Плаци такія же	30 " — "	подкладкѣ	22 " — "
Военныя формени	30 " — "	Плаци то же	22 " — "
и ма	30 " — "	Башмакъ въ нимъ	2 " 50 "

РЕЗИНОВЫЕ МЪШКИ

для сохраненія мѣховыхъ и прочихъ вещей отъ моли:

Для хранения	1 шубы за мѣшокъ	5 руб. — коп.
" "	2 " " "	6 " 50 "
" "	3-4 " " "	8 " — "
" "	4-5 " " "	9 " 50 "
" "	5-7 " " "	11 " — "

Мѣрка снимается: длина, кругомъ тали и груди, длина рукава.
За аккуратность и точность исполненія Депо ручается.

За пересылку гг. иногородные благоволятъ прилагать за каждое пальто или мѣшокъ
отъ моли 2 руб. сер.

Главное Депо Резиновыхъ Мануфактуръ
И. И. МАРКОВА.

Уголь Невскаго и Литейнаго пр., домъ № 79/в. С.-Петербургъ. № 2095

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала
„НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ
извѣстныхъ книгопродавцевъ

слѣдующія сочиненія

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка,
въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in-8, всего 672 стр., напеча-
тано на лучшей веленовой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г.
Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес.
4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ
пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес.
2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КНЯЗНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисун-
ками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.
2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ - хроника
XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.;
въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
БАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка.
Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл.
3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четы-
рехъ романовъ не платятъ.

СТРАХОВАНИЕ ПЕНСИИ НА СТАРОСТЬ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себя пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и
продолжается до его смерти.
За это страхование слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“
до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.
Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

Страховаго Общества „Россія“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію бесплатно Правленіемъ въ
С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5-5 № 2050

КОРНЕТЫ А ПИСТОНЪ

лучшей парижской работы отъ 18 до
100 руб.
Альтерны, баритоны, басы, тромбон.
Флейты вѣнскія и парижскія отъ 3 до
125 руб.
Кларнеты вѣнск. и парижскіе отъ 6 до
75 руб.
Николо-флейты, гобой, флажолеты, ча-
каны, рекомендуютъ въ больш. выборѣ.
Главное депо музыкальн. инстр.
ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.
С.-Петербург., по Большой Морской, № 42.
А. № 2022 2-2

ДАЧА

близъ Выборга на берегу озера въ здо-
ровой, прелестной мѣстности, съ ме-
белью, продается дешево и отдается на
лѣто. Милыя Большая Морская, д. № 39
до 12 час. утра и 6-8 час. вечера.
№ 2085 4-2

Произведенія рассмотрѣны и разрѣшены
Спб. Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонь придаетъ кожѣ
близну и прозрачность, предохраняетъ ее
отъ загара, красноты, прыщей и проч. Не-
обходима зимою противъ выхожныхъ тре-
щинъ и для освѣженія кожи разгоряченной
газмой и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно
лучшее средство отъ загара и воспаленія
вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш.
флак. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонь имѣетъ тѣ же
свойства какъ вода де Нинонь и рекомен-
дуется преимущественно лицамъ употребля-
ющимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ пре-
вышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 руб.
съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонь. Необходимое дополне-
ніе въ Водѣ или Кремѣ де Лисъ де Нинонь
и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 коп. съ пересылкою
1 руб.

Цѣна за коробку съ пуховкою 1 р. съ
пересылкою 1 р. 75 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:
На Невскомъ просп., въ Депо С.-Петер-
бургскаго Химической Лабораторіи, домъ Ка-
толической церкви, № 32, магаз. № 3 и у
Аничкова моста, домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Ка-
ваской ул., № 54-18, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовою въ
Конторѣ С.-Петербург. Химической Лаборато-
риі, по Екатерининскому каналу, у Воз-
несенскаго моста, № 80.—Описание и спосо-
бъ употребленія высылаются по желанію
бесплатно. № 1602 4-4

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петер-
бургскаго Врачебнаго Управленія.

Безопасное и весьма доступное средство
для сохраненія и укрѣпленія волосъ.
Подробное описаніе о свойствахъ и спосо-
бѣ употребленія эссенціи прилагается при
каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-
Петербургской Химической Лабораторіи Ф.
Линде, Невскій просп., № 23, въ бѣль-этажѣ,
а также можно получить во всѣхъ значитель-
ныхъ аптекарскихъ и косметическихъ мага-
зинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону
50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающе
6 флак. платятъ 4 руб. и 12 флак. 7 руб. съ пер-
есылкою. Зимой эссенція высылается въ
жестяныхъ флаконахъ двойной величины.
Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписавъ
3 флак. платятъ 4 руб. и 6 флак. 7 руб. Гг. оп-
товымъ покупателямъ обычная уступка.
№ 2013 25-8

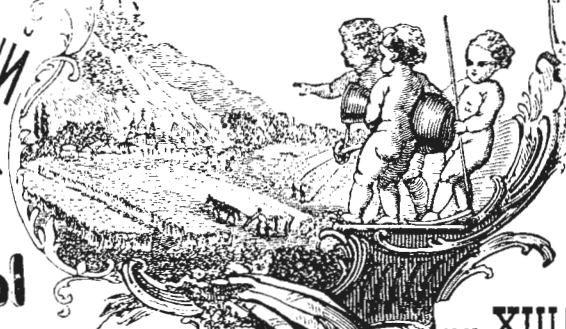
При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подп. (за исключен. московскихъ) объявленіе отъ Конторы нинни. склада Г. Т. Бриллиантова въ Москвѣ.
Дозволено цензурою. Спб. 13 мая 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ Спбурѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 21

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаѣтъ 22 Мая 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис., разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Mark. 20 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ ¼
шрифта страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кон- тору объявл. Н. Н. Печковской, Пе- тровская Торгов. линія	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.			

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложениями.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленія отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Карль Пилоти.

Наши читатели, какъ мы думаемъ, уже достаточно знакомы съ прекраснымъ талантомъ знаменитаго нѣмецкаго художника Карла Пилоти, такъ какъ снимки съ нѣсколькихъ его лучшихъ произведеній довольно часто появлялись на страницахъ нашего изданія (какъ напр. прекрасная большая премія 1875 года „Смерть Юлія Цезаря“ и друг.). На своей-же родинѣ Пилоти уже давно пользуется многими заслуженною славой и считается тамъ главнымъ представителемъ историческаго направленія въ живописи, образовавшимъ цѣлую массу учениковъ и подражателей. Пилоти — художникъ строго историческій; всѣ его картины почти исключительно изображаютъ разные замѣчательные эпизоды всемирной исторіи, причемъ онъ всегда отдаетъ предпочтеніе сценамъ полнымъ трагизма и ужаса. Кроме того всѣ его картины прекрасно задуманы, выполнены ярко, жизненно, колоритно и потому неуди-

Профессоръ Н. Пилоти. Рис. С. Вольбе, грав. Эртель.

вительно, что онъ всегда производитъ на зрителей глубокое и сильное впечатлѣніе. Карль Пилоти родился въ Мюнхенѣ въ 1826 году и первоначальное свое художественное образованіе получилъ отъ отца, пользовавшагося довольно большою извѣстностью какъ талантливый рисовальщикъ а вмѣстѣ съ тѣмъ основатель обширнаго литографическаго заведенія, существующаго до сихъ поръ и имѣющаго прекрасную репутацию во всей Германіи. Окончивъ свое образованіе въ мюнхенской академіи живописи, Карль Пилоти посѣтилъ Парижъ, Лондонъ и Брюссель и во время этого путешествія особенно изучалъ знаменитыхъ голландскихъ колористовъ и это изученіе оказало громадное вліяніе на развитіе его сильнаго, но не установившагося еще тогда, дарованія. По возвращеніи Пилоти на родину король Максимилианъ I заказалъ ему для музея большую историческую картину „Провозглашеніе католической лиги Электромъ Максимилианомъ I въ 1609 году“.

Эта картина окон-

Библиотека "Руниверс"

ченая въ 1854 году дала тотчасъ-же извѣстность молодому начинающему художнику, который, впрочемъ, не отдыхая на лаврахъ вслѣдъ затѣмъ написалъ другое замѣчательное произведение „Астрологъ Сени надъ трупомъ Валленштейна“ (См. „Нива“ 1879 г. № 23) за которую удостоился званія почетнаго члена мюнхенской академіи живописи и кромѣ того выбора въ профессоры этой академіи послѣ извѣстнаго Шорна.

Предавшись съ жаромъ и увлеченіемъ преподаванію любимаго искусства, Пилоти между уроками находилъ еще довольно времени, чтобы создать цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведенийъ. Въ длинномъ перечнѣ картинъ плодовитаго художника пользуются всемірною извѣстностью: „Сраженіе на Бѣлой горѣ близъ Праги“, „Смерть Валленштейна“, „Неронъ танцующій въ одеждѣ Гисперіона на развалинахъ римскаго пожарища“, „Гали-

лей въ темницѣ“, „Убіеніе Цезаря“, „Чтеніе смертнаго приговора Маріи Стюартъ“, „Гейнрихъ VIII и Анна Боллейнъ на балу“ и громадная картина „Открытіе Америки“ исполненная художникомъ для галлерей барона Шака. Кромѣ того Карлъ Пилоти украсилъ мюнхенскій максимиліанеумъ прекрасною стѣнною живописью и вообще какъ преподаватель и художникъ до сихъ поръ составляетъ гордость какъ своего роднаго города такъ и тамошней академіи живописи, которой онъ состоитъ уже директоромъ съ 1874 г. Множество учениковъ, со всѣхъ странъ свѣта стекаются теперь въ Мюнхенъ, чтобы слушать краснорѣчивыя, блестящія лекціи Пилоти объ искусствѣ и перенять у него хоть часть той изумительной техники, экспрессіи и колорита, которыми такъ богаты всѣ его многочисленныя произведения.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXIX.

Гдѣ тонко — тамъ и рвется.

Обрученіе должно было совершиться съ необыкновенной торжественностью и пышностью. Всѣ лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, получили приглашеніе. Въ числѣ этихъ лицъ находился и Сергій Горбатовъ.

Послѣ своей аудіенціи у императрицы онъ не выѣзжалъ изъ Петербурга, дожидаясь извѣстія отъ Тани и, несмотря на все свое нетерпѣніе, твердо рѣшившись не показывать малодушія, не явиться къ ней безъ ея зова. Онъ такъ уже былъ увѣренъ теперь въ своемъ благополучіи, онъ такъ хорошо зналъ, что пройдутъ еще дня два-три—и Таня непременно позоветъ его; онъ видѣлъ, что ихъ роли перемѣнились—и въ немъ заговорило какое-то любовное злорадство, какая-то любовная жестокость.

„Довольно ей мучить меня своей гордостью! блаженно думалъ онъ;—пускай сама теперь немного помучается, пускай переломитъ свою гордость! низачто не поѣду пока сама не позоветъ меня“...

И онъ, этотъ уставшій, разочарованный человѣкъ, превращался въ капризнаго ребенка, ощущалъ въ себѣ такой приливъ молодости, какого, пожалуй, не было въ немъ и восемь лѣтъ тому назадъ, во время перваго пребыванія его въ Петербургѣ.

Онъ за эти дни объѣздилъ всѣхъ своихъ родственниковъ, всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Будъ онъ въ иномъ настроеніи духа, ему пришлось-бы многимъ возмущаться, на многое негодовать; но теперь онъ не былъ способенъ на негодованіе. Онъ наблюдалъ проявленія людской пошлости, мелочности и дрянности совсѣмъ спокойно, съ легкой, даже болѣе добродушной чѣмъ на смѣшливой улыбкой.

Ему забавно было видѣть какъ многіе изъ его знакомцевъ и родственниковъ смущались при его появленіи, не зная какъ его встрѣтить: съ распростертыми-ли объятіями, или сдержанно и холодно. Его положеніе, его шансы на успѣхъ или неуспѣхъ, были пока еще для всѣхъ загадкой.

Императрица милостиво его встрѣтила и потомъ къ себѣ призывала — это отлично было извѣстно всѣмъ и каждому; но, съ другой стороны, было также извѣстно враждебное къ нему отношеніе весельнаго Зубова.

И вотъ знакомцы и родственники начинали играть очень трудную роль: въ одно и то же время и простирали къ нему свои объятія, и боялись его. Но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ слишкомъ богатъ, носилъ слишкомъ громкое имя, — и, покуда положеніе его не выяснилось окончательно, никто не рѣшался пренебрегать имъ. Всѣ поспѣшно, хоть и съ большой опаской, воз-

вратили ему визитъ. Сергій рѣшилъ, что требованіе приличій съ его стороны исполнено и положилъ какъ можно рѣже показываться въ обществѣ, ограничивая свое знакомство двумя-тремя домами, гдѣ ему былъ оказанъ дѣйствительно радушный пріемъ. Въ числѣ этихъ домовъ былъ, конечно, домъ Нарышкина.

Во дворецъ, на обрученіе, Сергій поѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ. Ему предстояло увидѣть тамъ цесаревича, великую княгиню, быть можетъ отъ кого-нибудь изъ нихъ услышать про Таню.

Въ седьмомъ часу вечера дворцовыя залы были уже наполнены разряженной толпой. Мужчины въ парадныхъ мундирахъ, дамы въ роскошныхъ туалетахъ, украшенные всѣми драгоценностями, какія только заключались въ фамильныхъ укладкахъ и шкапулахъ. Оживленный гулъ ходилъ по заламъ. Всѣ лица казались такими довольными, почти счастливыми. Всѣ хорошо понимали значеніе этого дня, этого событія, такъ долго ожидавшагося, послѣ столькихъ колебаній долженствовавшаго наконецъ совершиться.

Царское семейство не заставило себя ждать. Одновременно изъ внутреннихъ покоевъ появились — императрица, цесаревичъ, великая княгиня и всѣ ихъ дѣти.

Императрица была въ самомъ роскошномъ своемъ нарядѣ, въ которомъ показывалась весьма рѣдко. Она вся такъ и сіяла брилліантами.

„Игра сихъ драгоценныхъ камней теряется отъ блеска ея глазъ и ея улыбки!“—слова эти были сказаны державиннымъ и быстро облетѣли присутствовавшихъ.

Пѣвецъ Фелицы допустилъ конечно нѣкоторое поэтическое преувеличеніе; но все-же замѣчаніе его было вѣрно—давно, давно ниго не видалъ государыню съ такимъ сіяющимъ, лучезарнымъ лицомъ. Она будто помолодѣла, она забыла всѣ недуги послѣдняго времени, всѣ свои заботы и каждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ выражала горячую, сердечную радость.

Она вышла къ собравшимся придворнымъ, ведя подъ руку юную невѣсту, такую-же сіяющую какъ и она, прелестную болѣе чѣмъ когда-либо, стыдящуюся своего счастья и этихъ, со всѣхъ сторонъ устремленныхъ на нее, восторженныхъ взглядовъ.

Всѣ были довольны, даже лицо цесаревича не хмурилось. Онъ ласково здоровался направо и налево, ища глазами людей болѣе или менѣе ему симпатичныхъ и обращался къ нимъ съ милостивыми словами.

Прошло минутъ десять, толковали о томъ, что вотъ сейчасъ долженъ пріѣхать женихъ.

„Митрополитъ уже пріѣхалъ, въ брилліантовой комнатѣ все уже приготовлено... Сейчасъ, сейчасъ прибудетъ король!“ — говорили въ толпѣ.

Между тѣмъ минуты шли за минутами. Въ залѣ, гдѣ находилась императрица, показался Зубовъ. Онъ остановился не вдалекѣ отъ Сергѣя и тотъ невольно былъ пораженъ, взглянувъ на лицо его.

«Что это съ нимъ такое, онъ будто чѣмъ-то пораженъ, глядитъ какъ-то растерянно, смущенно?».

Императрица, очевидно искавшая его, подошла къ нему. Сергѣй былъ отъ нихъ такъ близко, что невольно, вовсе не желая быть нескромнымъ, разслышалъ слова ихъ разговора.

— Что это значитъ? сказала она, — вѣдь ужъ семь часовъ, даже больше, а его все еще нѣтъ?

— Я самъ не понимаю, отвѣчалъ Зубовъ — Морковъ отправился къ нему въ половинѣ шестого, какъ было условлено, для подписанія контракта и статей брачнаго условія.

— Что-же это значитъ? не случилось-ли чего-нибудь? уже съ тревогой въ голосѣ спросила императрица.

— Ничего не можетъ случиться, навѣрно онъ сейчасъ будетъ.

Но говоря это Зубовъ не могъ скрыть своего волненія и она отлично поняла, что онъ встревоженъ не менѣе ея.

— Сейчасъ-же поѣзжайте, скорѣй... я должна успокоиться!

Зубовъ даже ничего не отвѣтилъ и быстро исчезъ изъ залы.

Онъ почти выбѣжалъ на подъѣздъ, кликнувъ первую попавшуюся придворную карету, бросился въ нее и приказалъ кучеру, какъ можно скорѣе, ѣхать въ домъ шведскаго посольства.

Подъѣзжая онъ увидѣлъ нѣсколько дождавшихся тамъ экипажей и въ томъ числѣ экипажъ короля.

Значитъ онъ еще здѣсь, да и не могъ онъ проглядѣть его дорогой!

Войдя въ первыя комнаты онъ уже замѣтилъ что-то странное; тревожное предчувствіе тяготило его. Онъ быстрыми шагами шелъ дальше къ комнатамъ, которыя занималъ король.

Вотъ онъ передъ дверью его кабинета. Дверь закрыта, но до слуха его ясно донеслись громкіе рѣзкіе звуки раздраженнаго голоса. Онъ узналъ голосъ Густава и въ то же время дверь открылась — передъ Зубовымъ очутился Морковъ.

Этотъ дипломатъ новой школы, въ послѣднее время, благодаря расположенію къ нему Зубова, почти замѣнившій Безбородку, поражалъ противоположностью со своимъ предшественникомъ. Безбородко, толстый, неуклюжій, всегда неряшливо одѣтый, совѣмъ недумавшій о своихъ манерахъ и о впечатлѣніи, которое онъ производилъ, былъ похожъ на медвѣдя. Морковъ, красивый, тонкій, изящный, изучавшій каждый свой жестъ, каждое слово, представлялъ собою очень удачную копию съ французскаго маркиза дореволюціоннаго времени.

Но теперь, выйдя изъ кабинета короля, онъ очевидно позабылъ всю свою изящность, всю свою заученную грацію, лицо его было красно, ноздри раздувались, онъ сердито отплюнулся.

— Чортъ возьми, что же теперь дѣлать?! произнесъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

— Что такое, что случилось? испуганно спрашивалъ его Зубовъ, — контрактъ... статьи... подписаны?

— Вотъ контрактъ, вотъ статьи! почти задыхаясь говорилъ Морковъ, потрясая передъ собою портфелемъ, — и ничего не подписано!

— Какъ не подписано?! крикнулъ Зубовъ.

— Не хочеть подписывать, всѣ убѣждаютъ... заупрямился — не подпишу, — да и только.

— Господи, да вѣдь это невозможно! заломивъ руки протоналъ Зубовъ. Понимаешь, вѣдь четверть восьмага, всѣ въ сборѣ, давно ждутъ — что же это такое?!

— Я за вами хотѣлъ ѣхать, хорошо что вы здѣсь. Вотъ, пойдите, можетъ уговорите!

Зубовъ кинулся въ кабинетъ. Тамъ у письменнаго стола, развалился въ креслѣ, съ признаками сильнѣйшаго раздраженія, сидѣлъ молодой король, комкая въ рукѣ какую-то бумагу. Тутъ же былъ регентъ, Штедингъ, нѣкоторые члены шведскаго посольства.

При входѣ Зубова регентъ подбѣжалъ къ нему и отчаяннымъ голосомъ прошепталъ:

— Это просто припадокъ какой-то — онъ не хочеть подписывать!

— Ваше величество, что все это значитъ? спросилъ Зубовъ подходя къ королю и кланяясь ему. — Меня прислала императрица, она очень тревожится, все готово для обрученія... васъ давно ждутъ... ради Бога поспѣшите!!

Король горделиво поднялъ голову и смѣривъ Зубова вызывающимъ взглядомъ проговорилъ:

— Мнѣ очень жаль, если я заставляю ждать, но не моя въ этомъ вина — вина вапа, господа — я не ожидалъ такого поступка!

— Какого поступка, ваше величество?

— Вы хотѣли воспользоваться обстоятельствами и въ послѣднюю минуту заставить меня подписать такія обязательства, которыхъ я подписать не могу. Гдѣ контрактъ, гдѣ ваши статьи? Дайте мнѣ, — обратился онъ къ Моркову.

И когда тотъ подалъ ему бумаги, онъ быстро перелисталъ ихъ.

— Вотъ смотрите, что это такое тутъ сказано? Что у шведской королевы въ моемъ дворцѣ должна быть особая часовня и особый причтъ. Кромѣ того еще другое, совѣмъ для меня новое; но достаточно и этого. Скажите пожалуйста, развѣ я когданибудь договаривался съ императрицей объ этомъ, развѣ я обѣщаль чтонибудь подобное?

— Ваше величество, сказалъ Зубовъ, — едва сдерживая себя, едва заставляя себя говорить спокойнымъ голосомъ и въ приличныхъ выраженіяхъ, — да вѣдь именно въ этомъ заключалось главное затрудненіе и обрученіе было назначено только послѣ того, какъ вы изволили обѣщать не стѣснять совѣсти великой княжны.

— Да, я сказалъ это и теперь не отступаю отъ словъ своихъ. Конечно я не намѣренъ стѣснять ея совѣсти, конечно она можетъ исповѣдывать свою религію, но никогда я не обѣщаль дозволить ей имѣть въ моемъ дворцѣ часовню и причтъ. Напротивъ, я говорилъ, что въ публикѣ и во всѣхъ церемоніяхъ, она должна будетъ слѣдовать нашимъ религіознымъ обрядамъ. Ничего другого я и не могъ говорить и, скажите мнѣ наконецъ, отъ имени ли императрицы мнѣ докладываютъ эти бумаги? Она ли требуетъ моей подписи подъ ними?

— Конечно, прошепталъ Зубовъ.

— Въ такомъ случаѣ нужно передать ей, что она требуетъ отъ меня невозможнаго, я ни за что не подпишу такихъ условій!

Зубовъ совѣмъ растерялся. Онъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ начинаетъ колебаться и тщетно искалъ за что ухватиться. Ему все казалось легко, онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ умѣ, въ своей ловкости, онъ такъ былъ избалованъ своими, ничего не стоящими ему, успѣхами, что еще за минуту, не смотря даже на невольное безпокойство и какое-то предчувствіе, скимавшее его сердце, никакъ не предполагалъ возможности такого пораженія.

Со свойственной ему самонадѣянностью онъ постоянно увѣрялъ императрицу, что все обойдется, чтобы только она на него положилась..

«О, ему ничего не будетъ стоить уладить это дѣло, уговорить этихъ шведовъ!»...

Въ эти послѣдніе дни, послѣ официальнаго предложенія, когда императрица сказала ему, что обѣщаніе, данное королевѣ, во всякомъ случаѣ нужно оформить и включить въ брачный контрактъ. — онъ отвѣтилъ ей:

Московская промышленно-художественная Выставка. „Въ Монастырской Гостинницѣ“.

Картина А. Корзухина, гравироваль И. Шюблеръ.

„Конечно мы это сдѣлаемъ!“

Онъ даже ни минуты не задумался о томъ, что объ этихъ статьяxъ контракта во всякомъ случаѣ надо обстоятельно и во-время договориться съ королемъ. Когда Морковъ принесъ ему составленный имъ проектъ статей и прочтя ихъ замѣтилъ:

— А вдругъ король, который, кажется, очень упрямъ и самолюбивъ, выставитъ новыя затрудненія въ послѣднюю минуту?

Зубовъ, горделиво поднявъ голову и презрительно усмѣхаясь, проговорилъ:

„Очень можетъ быть—отъ него это станется; но мнѣ хотѣлось бы знать что онъ сдѣлаетъ въ послѣднюю минуту?! Ты поднесешь ему контрактъ для подписанія передъ самымъ обрученіемъ, во дворцѣ всѣ будутъ уже въ сборѣ, невѣста будетъ уже ждать жениха!.. Ахъ, Боже мой, да въ такихъ обстоятельствахъ онъ долженъ будетъ подписать все, что угодно, каково бы ни было его упрямство!.. Развѣ можетъ онъ когда нибудь осмѣлиться сдѣлать такую неслыханную дерзость?! Можетъ быть онъ станетъ просить объ измѣненіи того или другаго; но мы объявимъ, что измѣнить невозможно ни одного слова, что для этого уже нѣтъ времени—и онъ волей-неволей подпишетъ... Что онъ разсердится на насъ съ тобою—это вѣрно,—но вѣдь мы не смутимся! контрактъ будетъ подписанъ, ихъ обручатъ—и только вѣдь этого и нужно“...

Морковъ пожевалъ губами, потомъ сдѣлалъ глубоко-мысленную мину, потомъ тонко усмѣхнулся.

„Да, проговорилъ онъ,—это правда! мы его запремъ со всѣхъ сторонъ“.

„То-то же!“ самодовольно сказалъ Зубовъ.

Онъ заранѣе наслаждался дѣломъ рукъ своихъ, своей хитрой уловкой; заранѣе торжествовалъ побѣду. И вотъ все совершилось такъ какъ онъ желалъ: невѣста ждетъ жениха, король уже долженъ быть во дворцѣ, контрактъ и статьи передъ нимъ—и онъ не хочетъ ихъ подписывать. Все что можно было сказать—сказано, а онъ ничего не хочетъ слышать и твердить:

„Не подпишу!“

Въ его тонѣ чувствуется рѣшимость.

„Что же это такое?! Вѣдь это такой ужасъ, такой позоръ, о какомъ еще до сихъ поръ не слыхано! вѣдь это настоящее несчастье!“...

И Зубовъ вдругъ ослабѣлъ, вдругъ ощутилъ въ себѣ сознание полной беспомощности. Вся его самонадѣянность, весь апломбъ—исчезли. Онъ быстро, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и трясущимися губами, подошелъ къ Моркову и шепнулъ ему:

— Скорѣй, какъ можно скорѣй привези Безбородку! можетъ быть онъ уговоритъ, найдетъ резоны... Скорѣй, ради Бога, а я здѣсь останусь... Скорѣй... каждая минута дорога!..

Въ его голосѣ слышались мольба и отчаяніе.

Морковъ исчезъ изъ кабинета, а онъ снова подошелъ къ королю. Онъ былъ на себя непохожъ, онъ почти не понималъ что такое говорить.

— Ваше величество, ради Бога, успокойтесь!.. шепталъ онъ,—не гнѣвайтесь... войдите въ наше положеніе, мы никакъ не могли предвидѣть подобнаго недоразумѣнія, мы основались на словахъ вашихъ, офиціально переданныхъ императрицѣ господиномъ Штединггомъ...

— О чемъ это вы мнѣ говорите, князь?! запальчиво крикнулъ Густавъ,—я очень хорошо знаю, что я обѣщаль и что отъ моего имени было передано императрицѣ. Повторять мнѣ теперь все одно и то же нечего. Мнѣ никто не заявлялъ до этой минуты что я долженъ буду подписывать такія обязательства. Зачеркните эти статьи и я съ удовольствіемъ подпишу все остальное и ѣду во дворецъ—вы видите—я совсѣмъ одѣтъ.., совсѣмъ готовъ. Задержка происходитъ не отъ меня, а отъ васъ!

— Но развѣ я могу измѣнить что нибудь изъ того,

что утверждено и рѣшено императрицей? отчаянно проговорилъ Зубовъ.

— Такъ доложите ей!

— Какъ же можно теперь докладывать, она уже въ тронномъ залѣ, окруженная всѣмъ дворомъ. Митрополитъ давно ждетъ... Уже около часу какъ ваше величество должны быть тамъ... Ваша невѣста... подумайте же о ней, ваше величество!..

— Я о ней очень думаю, нахмуривъ брови, сказалъ король;—по и для нея я не могу сдѣлать невозможнаго.

— Да вѣдь это что же?! Это разрывъ... величайшее оскорбленіе, которое вы наносите императрицѣ, великой княжнѣ, ея родителямъ, равно какъ и всей Россіи!

Король сдѣлался совсѣмъ мрачнымъ и вдругъ поднялся со своего мѣста, выпрямился во весь ростъ, яркой краской заалѣли его щеки и бѣшенымъ голосомъ онъ крикнулъ.

— Оскорбленіе! что такое вы мнѣ говорите? Это мнѣ наносится величайшее оскорбленіе. Меня хотѣли поймать! Меня хотятъ силою принудить на унижительный для моего достоинства поступокъ, но я не поддамся вамъ, будьте въ этомъ увѣрены, князь Зубовъ!.. я докажу, что вы ошиблись въ расчетахъ!

И онъ, оттолкнувъ отъ себя ногой кресло, гнѣвно вышелъ изъ комнаты.

Зубовъ нѣсколько мгновеній стоялъ какъ окаменѣлый. Но вотъ онъ замѣтилъ регента, который совсѣмъ съѣжился въ своемъ креслѣ и смущенно поглядывалъ по сторонамъ.

— Ваше высочество, подбѣгая къ нему, проговорилъ Зубовъ,—вѣдь вы же меня увѣряли, вы мнѣ обѣщали... я больше всего на васъ рассчитывалъ... Да пойдите же, уговорите его!

Регентъ съѣжился еще больше.

— Что же я тутъ могу сдѣлать, глухо проговорилъ онъ разводя руками,—неужели вы думаете что я его не уговаривалъ... Но вы сами видите—съ нимъ нельзя сладить. Я могу просить, доказывать, убѣждать; но если ничего не дѣйствуетъ—я не могу силою его принудить.

— Такъ пойдите же... пойдите же, уговорите его! отчаянно повторялъ Зубовъ, почти силою поднимая регента съ кресла.—Пойдите, вѣдь вы понимаете положеніе... Ахъ, Боже мой, вы сами заинтересованы въ этомъ, прибавилъ онъ понижая голосъ.—Ваше высочество, все что угодно, всѣ ваши желанія будутъ исполнены, только уговорите его!

— Я пойду, я буду просить, я постараюсь его успокоить,—грустнымъ тономъ проговорилъ регентъ и пошелъ къ той двери, за которой скрылся племянникъ.

Зубовъ оглядѣлся. Въ кабинетѣ теперь находился только Штедингъ, который подошелъ къ столу и мрачно разглядывалъ разложенныя бумаги. Зубовъ хотѣлъ что то сказать, но не сказалъ ничего, только раздраженно махнулъ рукою и принялся быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

„Господи, хоть бы скорѣе Безбородку!“

Онъ взглянулъ на часы—былъ уже давно девятый часъ. Холодный потъ выступилъ на лбу его.

„Что тамъ теперь?! Что она думаетъ?! И если онъ не подпишетъ... если я не приведу его... О! нѣтъ, это невозможно!“

Безумное, безсильное бѣшенство запертаго въ клѣтку звѣря охватило его, онъ сжималъ кулаки, онъ уже совсѣмъ метался по комнатѣ.

А минуты шли за минутами и стрѣлка все ближе и ближе подвигалась къ девяти.

XXX.

Б ѣ д а.

Наконецъ въ кабинетѣ короля появилась неуклюжая фигура Безбородки. Онъ вошелъ переваливаясь и за-

ныхавшись. Пухлое, всегда веселое и беззаботное лицо его на этот раз было грустно.

— Графъ, наконецъ-то вы! кинувшись къ нему заговорилъ Zubovъ. Вѣдь девять часовъ... поймите—девять часовъ, а онъ не подписываетъ!

— Если ужъ вы не сумѣли уговорить его, ваша свѣтлость, медленно произнесъ Безбородко, то я тѣмъ болѣе не уговорю. Я только сейчасъ, дорогой сюда, узналъ отъ него,—онъ указалъ на сопровождавшаго его Моркова,—всѣ подробности. На мой взглядъ дѣло безнадежно...

И наклонясь къ Zubovu, онъ прошепталъ ему:

— Я полагаю что это не случайность, не внезапный капризъ, все это навѣрно подготовлено заранее.

— Вы думаете?! простоналъ Zubovъ, пораженный этой мыслью, еще не приходившей ему въ голову. Но кто-же могъ это сдѣлать, кого вы подозрѣваете?

— Я еще ничего не знаю, потому можно будетъ расслѣдовать, потому выяснится—а теперь что-же...

— Но вѣдь нельзя-же допустить такого несчастья... Постарайтесь, графъ, ради Бога, вы всегда такъ спокойны, такъ краснорѣчивы... можетъ вамъ удастся... на васъ только одна надежда!

И онъ, нелюбившій Безбородку, нанесшій ему не мало оскорбленій, всѣми мѣрами, хотя часто безуспѣшно, старавшійся стереть его съ лица земли, выставившій ему соперникомъ своего угодника Моркова,—онъ теперь заглядывалъ ему въ глаза, готовъ былъ ему льстить. Онъ говорилъ съ нимъ такимъ тономъ, какимъ до сихъ поръ никогда еще не говорилъ.

— Ради Бога, графъ, на васъ одна надежда, повторялъ онъ,—только вашъ умъ можетъ насъ выручить!

— Напрасно такъ просите, ваша свѣтлость, съ легкой саркастической усмѣшкой проговорилъ Безбородко.

„Ваша свѣтлость“ въ его устахъ, при его малороссійскомъ выговорѣ, звучало какъ-то особенно насмѣшливо.

— Напрасно просите, я для императрицы и Россіи буду стараться; но ни на что не надѣюсь. Я не причастенъ къ этому дѣлу и если-бы вы раньше захотѣли меня выслушать, то я никогда-бы не посовѣтовалъ такого риска.

Онъ отошелъ отъ Zubova и обратился къ Штедингу, прося доложить королю о томъ что онъ просить дозволенія переговорить съ нимъ.

Штедингъ вышелъ и черезъ минуту Густавъ появился въ кабинетѣ. Онъ очевидно нѣсколько успокоился, въ немъ уже незамѣтно было недавняго бѣшенства.

Zubovъ замѣтилъ это, у него явилась слабая надежда на то, что регентъ успѣлъ уговорить племянника.

— Что вамъ угодно, графъ? обратился онъ къ Безбородкѣ,—вы вѣрно отъ императрицы? Если она согласна вычеркнуть извѣстныя статьи, я тотчасъ-же подпишу и немедленно ѣду во дворецъ.

Но Безбородко не имѣлъ никакихъ полномочій, онъ даже не успѣлъ переговорить съ государыней, Морковъ увлекъ его безъ всякихъ объясненій.

Безбородко могъ только повторять королю то, что ему говорилъ Zubovъ, указывать на то, что теперь нѣтъ никакой возможности договариваться, что каждая минута промедленія есть прямое оскорбленіе со стороны короля императрицъ и ея семейству.

— Подумайте о послѣдствіяхъ, ваше величество, говорилъ Безбородко,—можетъ быть дѣйствительно произошло недоразумѣніе; но всякое недоразумѣніе въ послѣдствіи легко выяснится въ личномъ объясненіи вашего величества съ нашей государыней. Подумайте о послѣдствіяхъ!..

— Хорошо, перебилъ его король,—если это недоразумѣніе, которое, какъ вы говорите, легко можетъ быть объяснено и улажено, я готовъ сейчасъ же ѣхать во дворецъ, пусть насъ обручатъ. Я повѣрю вашему торжественному удостовѣренію въ томъ, что излишнія статьи будутъ вычеркнуты и завтра подпишу все что могу подписать.

— Какъ? обрученіе безъ подписи?! но вѣдь это совершенно невозможно! невольно крикнулъ Zubovъ.

— А, вы это находите невозможнымъ! снова быстро багровѣвъ проговорилъ король,—вы непременно хотите моего униженія... Я не подпишу!

Онъ театральнымъ жестомъ махнулъ рукою и сталъ быстро ходить по комнатѣ.

Zubovъ умоляюще глядѣлъ на регента.

Герцогъ Карлъ подошелъ къ племяннику и сталъ шепотомъ говорить ему:

— Мой другъ, положимъ вы правы и я очень понимаю ваше негодованіе, но сообразите: уже два часа какъ ждутъ васъ, вы ставите всѣхъ въ невѣроятное положеніе—подпишите!

И въ то же время регентъ думалъ:

„Еслибы я сталъ громко теперь доказывать что подписать невозможно и что я, какъ регентъ, не могу допустить этого—онъ бы подписалъ. Да, мнѣ стоитъ только указать ему на мое регентство, настаивать—и онъ подпишетъ. Но я прошу его подписать. Пусть всѣ видятъ, что я прошу его, что я самъ въ отчаяніи“.

— Подпишите, другъ мой, обстоятельства этого требуютъ, умолялъ онъ.

— А псевдскій народъ!? А мои обязанности какъ государя—вы о нихъ забываете?! повторилъ король недавнія слова дяди. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не могу, не подпишу! громко крикнулъ онъ.

Регентъ махнулъ рукою и отошелъ отъ него.

А между тѣмъ двери кабинета то и дѣло отворялись, изъ дворца одинъ за другимъ принимали русскіе сановники, къ нимъ присоединялись члены шведскаго посольства и королевской свиты.

Всѣ другъ передъ другомъ упрашивали короля подписать.

Часы показывали три четверти десятаго.

Съ каждой новой просьбой, съ каждымъ новымъ докладательствомъ кого либо изъ присутствовавшихъ о невозможности такого поступка, такого неслыханнаго оскорбленія,—король раздражался все больше и больше.

— Это все то же, все ясно, печего повторять! нѣсколько разъ проговорилъ онъ, продолжая мѣрить комнату большими шагами.

Вдругъ онъ остановился, топнулъ ногою и крикнулъ:

— Наконецъ это скучно! Что бы ни случилось я не имѣю право нарушать основныхъ законовъ моей страны и ничего не подпишу... Прощайте!

Онъ кивнулъ головою, вышелъ изъ комнаты и заперся въ своей спальнѣ.

Регентъ упалъ въ кресло со всѣми признаками отчаянія. Безбородко стоялъ насунившись, опустивъ голову, тяжело переводя дыханіе.

Zubovъ, раздраженно махнувъ рукою, выбѣжалъ изъ кабинета. Онъ стѣшилъ во дворецъ. Въ виски его стучало, въ головѣ путались мысли, онъ весь дрожалъ. Онъ понималъ что теперь все кончено—несчастье совершилось.

Между тѣмъ дворцовыя залы, ярко освѣщенные безчисленными лампами и кенкетами, пестрѣвшія разряженной толпой, представляли все то же праздничное и торжественное зрѣлище. Но стоило только попристальнѣе взглядѣться и вслушаться—и впечатлѣніе измѣнялось. Каждый изъ этой многолюдной толпы отлично сознавалъ, что совершается нѣчто неожиданное и крайне важное, что вотъ, вотъ разразится ударъ.

Сначала каждый оставлялъ при себѣ свои замѣчанія и предчувствія; но наконецъ уже перестали стѣсняться. По заламъ шель глухой говоръ—всѣ перешептывались.

Неизвѣстно откуда пронеслась вѣсть; всѣ уже хорошо знали въ чемъ дѣло, знали, что Zubovъ поѣхалъ къ королю, что туда же отправился и Безбородко, и Салтыковъ, и другіе.

„Король не хочет подписать контракта; обручения не будет... свадьба не состоится... Его всё уговаривают; но он ничего не хочет и слышать... он идет на разрыв!.. Что это такое будет? чѣмъ все разрѣшится?“ ...

„Да нѣтъ, не допустить!—разсуждали другіе.—Какъ же это возможно?!—онъ никогда не осмѣлится такъ оскорбить императрицу!.. Нѣтъ, уговорятъ конечно... ломаются, а все же подпишутъ!“ ...

А между тѣмъ время шло. Всѣ взоры искали государыню и членовъ ея семейства. Екатерина появлялась нѣсколько разъ, проходила по заламъ. Она крѣпилась сколько хватало силы, она все такъ же величественно несла свою красивую, старческую голову; на ея губахъ попрежнему блуждала благосклонная улыбка; она дѣлала видъ что спокойна, бросала нѣсколько словъ то тому, то другому...

Но нетрудно было замѣтить какъ дрожать ея руки, не трудно было замѣтить, даже сквозь бѣлила и румяна, покрывавшія ея щеки, какъ лицо ея то смертельно блѣднѣетъ, то дѣлается вдругъ багроваго цвѣта.

Великой княгини и невѣсты не видно. Онѣ удалились изъ залъ и ожидаютъ въ маленькой гостиной, куда не смѣютъ проникнуть посторонніе.

Великіе князья показываются то тамъ, то здѣсь, тоже стараются дѣлать видъ, что все благополучно, любезно разговариваютъ; но ихъ молодыя лица выдаютъ смущеніе.

Вотъ и цесаревичъ. Передъ нимъ разступаются; онъ идетъ очевидно никого не вида, мрачный какъ туча, съ нахмуренными бровями. Его ноздри нервно раздуваются; глаза потемнѣли и только изрѣдка вспыхиваютъ зловѣщимъ блескомъ. На щекахъ выступили красныя пятна.

Онъ идетъ, судорожно сжимая одной рукой эфесъ своей шпаги, въ то время какъ другая бессознательно, нервно перебираетъ пуговицы камзола.

Но вотъ онъ очнулся, оглядѣлся кругомъ и прямо передъ собою замѣтилъ Сергѣя Горбатова, замѣтилъ тревожный взглядъ его.

Цесаревичъ подошелъ къ нему, положилъ ему на плечо руку и порывисто проговорилъ:

— Здравствуй!

Они были нѣсколько поодаль отъ толпы, у глубокой амбразуры окна, почти прикрытые отъ постороннихъ взоровъ широкими складками бархатной драпировки.

Цесаревичъ еще разъ взглянулъ на Сергѣя, грустно и презрительно усмѣхнулся. Онъ забылъ свою руку на плечѣ этого преданнаго, всегда такъ симпатичнаго ему человѣка. Онъ почувствовалъ сильную потребность облегчить душу, высказаться.

Онъ заговорилъ:

— И ты здѣсь! Сейчасъ ты будешь свидѣтелемъ позора, которому мы подвергнемся... вотъ что мы себѣ приготовили! Мы получаемъ жесточайшій урокъ отъ своего нравнаго, безсердечнаго ребенка...

— Ваше высочество, прошепталъ Сергѣй,—неужели вы думаете, что здѣсь что нибудь кромѣ недоразумѣнія, которое должно разъясниться?

— Недоразумѣніе!.. Никакого недоразумѣнія тутъ нѣтъ! Его хотѣли поймать, застать въ расплохъ, заставить экспромптомъ принять всё условія... Вздумали хитрить, затѣяли скверную игру—и кто же?! Зубовъ! этотъ безнравственный дуракъ, считающій себя гениемъ!

Онъ оглядѣлся—никто не могъ его слышать.

Онъ продолжалъ:

— Она не привыкла къ этому, никогда, никто не осмѣлится бы такъ поступить съ ней... Ты видѣлъ ее... она на себя не похожа.. какъ она перенесетъ это?!.. Но кто же виноватъ!.. Я предчувствовалъ все заранѣе... онъ сразу не понравился мнѣ, этотъ мальчишка... и сразу передъ нимъ стали унижаться... На меня сердились за то,

что я держался въ сторонѣ, за то что я не восхищался какъ всѣ восхищались... Я говорю,—у меня было предчувствіе, я не хотѣлъ брать на себя ответственности... Теперь видно кто правъ—я или они...

Едва онъ успѣлъ договорить это, какъ мимо нихъ, почти шатаясь, прошелъ Зубовъ. Вся его фигура выражала какое-то неестественное утомленіе, не то отчаяніе, его блѣдное искаженное лицо было слишкомъ краснорѣчиво.

— Вотъ, проговорилъ цесаревичъ, смертельно блѣднѣя,—вотъ онъ—вѣстникъ нашего позора!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, за нимъ послѣдовалъ и Сергѣй.

На встрѣчу Зубову шла императрица.

— Что!? разслышалъ онъ ея слабый голосъ.

— Ничего нельзя сдѣлать, заикаясь, почти шепотомъ проговорилъ Зубовъ,—всѣ уговаривали... онъ не хочетъ подписать... заперся и никого не выпускаетъ... Надежды нѣтъ никакой...

Екатерина не произнесла ни слова. Нѣсколько мгновений она стояла неподвижно, съ остановившимися глазами, недоумѣніе выражалось на лицѣ ея.

Но вдругъ она вся вздрогнула.

— Позоръ... оскорбленіе!! прошептали ея поблѣвшія губы.

Еще мгновеніе—все лицо ея сдѣлалось багровымъ, глаза закатились, она покачнулася... Цесаревичъ и Сергѣй кинулись къ ней, подхватили ее подъ руки и кой какъ довели до перваго попавшагося кресла.

Ужасъ изображался на всѣхъ лицахъ. Всѣ невольно стали пятиться, не зная что дѣлать.

Зубовъ совсѣмъ растерялся. Цесаревичъ выхватилъ у него изъ рукъ пузырекъ со спиртомъ.

— Матушка! прошепталъ онъ поднося къ ея лицу пузырекъ.

Она открыла глаза, вдохнула спиртъ и потомъ черезъ нѣсколько мгновений провела рукой по лицу, тяжело вздохнула и приподнялась съ кресла. Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, прошла нѣсколько шаговъ впередъ и дрожащимъ голосомъ проговорила, обращаясь къ толпѣ перепуганныхъ и смущенныхъ гостей:

— Король заболѣлъ внезапно и не смотря на все свое желаніе—прибыть не можетъ.

Какъ ни тихо произнесла она слова эти, но въ залѣ стояло такое гробовое молчаніе, что каждый ихъ разслышалъ. Она обернулася, оперлась на руку цесаревича и едва передвигая ноги вышла съ нимъ изъ залы. Зубовъ поспѣшилъ за нею.

Она кой какъ дошла до гостиной, гдѣ находилась великая княгиня, безуспѣшно старавшаяся въ теченіи цѣлаго часа успокоить свою дочь.

Едва императрица показалась у порога, какъ великая княжна кинулася къ ней на встрѣчу и вдругъ, взглянувъ на лицо бабушки, она отшатнулась и всплеснула руками.

— Бабушка, дорогая, что случилось? ради Бога скажите! Что такое случилось? крикнула она, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

Но императрица не въ силахъ была проговорить ни слова. Тяжело дыша опустила она въ кресло.

Великая княжна въ своемъ нарядѣ счастливой невѣсты, вся усыпанная брилліантами и цвѣтами упала на колѣни передъ кресломъ бабушки, сжимая ея холодныя руки.

— Бабушка, да что же такое?! Не мучьте меня, скажите... Не то я умру!!

— Дитя мое, успокойся! прошептала наконецъ Екатерина. Большія непріятности, но все поправится... Его нѣтъ, онъ не можетъ пріѣхать... обрученіе не состоится сегодня... успокойся!..

Но великая княжна уже все поняла.

„Если бы была только непріятность, еслибы только

Идетъ поздравить. Ориг. рисун. К. Бекера, грав. Кезебергъ и Эртель.

обручение было отложено и должно было состояться не сегодня, а въ другой день, если бы возможно было поправить то, что совершилось, развѣ бабушка была бы такая!?"

— Онъ отказался отъ меня... онъ меня не любитъ! простонала великая княжна.

Отчаянные рыданія вырвались изъ груди ея. Она упала головой на колѣни бабушки и рыдала... рыдала неустойчиво.

„Онъ меня не любитъ! повторялось въ ея сердцѣ.— онъ ненавидитъ меня, если рѣшился нанести мнѣ такое оскорбленіе. Зачѣмъ же онъ не сказалъ мнѣ этого прежде! Зачѣмъ не сказалъ прямо. Чѣмъ я заслужила такую жестокость... что я ему сдѣлала?! Зачѣмъ онъ такъ обманывалъ меня все это время... Зачѣмъ увѣрялъ что меня любитъ!“...

Ей вспоминалась каждая минута ихъ свиданій. Ей вспоминались пожатія его руки... горячія пожатія, его украдкой сорванные поцѣлуи, которые каждый разъ сладоостно и больно отдавались въ ея сердцѣ.

„За что Богъ такъ наказалъ меня?! Чѣмъ я провинилась!“...

Онъ какъ живой стоялъ передъ нею. Она еще чувствовала его присутствіе, этотъ горячій трепеть, который каждый разъ сообщался ей, когда она его видѣла и о немъ думала.

„Онъ—воплощеніе всѣхъ совершенствъ человѣческихъ! Онъ—вѣдь выше его, благороднѣе... честнѣе она никогда не знала—развѣ онъ могъ поступить такъ... Развѣ онъ могъ лгать... обманывать ее, когда она ни

разу, ни однимъ словомъ, ни одной мыслью не обманула его. Что это такое?!“

Она ничего не понимала.

„Вѣдь этого быть не можетъ... онъ не въ состояніи поступить такъ!“

Она подняла голову, широко раскрыла свои заплаканные глаза. Сдерживая рыданія она взглянула на лицо бабушки, матери, отца. Эти три близкихъ лица не сказали ей ничего утѣшительнаго.

„Что же это, сонъ! ужасный сонъ!! Но нѣтъ, она не спитъ. Она не грезитъ—все это на яву. Это страшное несчастіе дѣйствительно случилось съ ней. Онъ обманулъ ее, онъ ее не любитъ!“...

Ей стало душно, ей казалось что она сходитъ съ ума. Она уже перестала совсѣмъ думать. Она чувствовала только, какъ замираетъ мучительной болью ея сердце. Тоска, страшная тоска ее охватила. И она опять уронила свою голову на колѣни бабушки и опять залилась слезами.

Все было тихо. Императрица сидѣла неподвижно, съ лицомъ будто окаменѣвшимъ, только грудь ея высоко и нервно поднималась. Великая княгиня тихо и горько плакала, закрывъ лицо руками. Цесаревичъ стоялъ за кресломъ матери—блѣдное съ трясущимися губами лицо его было страшно...

Но вотъ онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, провелъ рукою по лбу, будто отгоняя тяжелыя мысли. Онъ опустилъ глаза, склонилъ голову. Онъ нашелъ въ себѣ силы для молитвы, которая всегда подкрѣпила его въ трудныя минуты жизни....

(До слѣд. №)

ДИКІЯ.

Рассказъ изъ галиційской жизни

Захеръ-Мазоха.

Это было уже очень давно.

Въ галиційской деревнѣ Раковѣ, состоящей изъ маленькихъ глиняныхъ мазанокъ не видно огня; только у Юма Матеуша, сквозь верхнюю ставню пробивался свѣтъ, такой блѣдный и печальный какъ сіяніе лампадки, горящей въ головахъ мертвеца; а черезъ почернѣвшую соломенную крышу выходилъ дымокъ. Хижины этой деревни были построены безъ трубъ и оконныхъ стеколъ и дымъ выходилъ тамъ, гдѣ были щели.

Домъ этотъ былъ настоящимъ галиційскимъ крестьянскимъ домомъ того времени, когда гнетъ австрійцевъ былъ особенно великъ и словакъ считался полурабомъ. Его называли животнымъ и дѣйствительно Юмъ Матеушъ жилъ мало чѣмъ лучше животнаго. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ находился очагъ, гдѣ горѣлъ огонь, свинья съ четырьмя поросятами, жердь, на которой спали курица и пѣтухъ, красный, разрисованный цвѣтами сундукъ, набитый соломою мѣшокъ, замѣняющій кровать, другой такой же мѣшокъ съ подушкой и толстымъ одѣяломъ и грубо сдѣланный столъ, за которымъ помѣстились трое мужчинъ и молодая дѣвушка. Двѣ другія дѣвушки сидѣли возлѣ очага, а около нихъ помѣстились собака и кошка.

На столѣ горѣлъ салыный опарокъ, воткнутый въ выдолбленную картофельную, а возлѣ листа сѣрой бумаги стоялъ пресмѣнный письменный приборъ. Заплесневѣлыя чернила налиты были въ разбитую бутылочку, а пустая тыква служила песочницей.

Крестьянинъ владѣлецъ хижины, Юмъ Матеушъ, былъ единственное лицо въ деревнѣ, умѣвшее читать и писать; онъ служилъ солдатомъ и дослужился до капрала. Вотъ почему онъ сидѣлъ съ чувствомъ сознанія своего достоинства и съ видомъ ученаго; онъ никогда не забывалъ заложить за ухо перо, когда оно вовсе не было ему нужно. Отъ времени до времени онъ нюхалъ не безъ достоинства табакъ изъ маленькой табакерки и это послѣднее обстоятельство не мало возвышало его въ глазахъ крестьянъ.

Сидящая съ нимъ рядомъ дѣвушка была его старшая дочь Домаха; у нея были прекрасные, умные глаза, а черныя густыя брови, маленькій носъ, прелестно очерченный ротъ и круглый подбородокъ обличали большую энергію.

Два крестьянина, сидѣвшіе вмѣстѣ за столомъ и внимательно слушавшіе Матеуша, пришли къ нему изъ сосѣдней деревни за свѣтомъ. Дѣло въ томъ, что еврей изъ кабатчиковъ постоянно ихъ обижалъ и притѣснялъ. Матеушъ прочиталъ имъ грамоту Иосифа II, которой галиційскій народъ освобождался отъ польскаго рабства, объяснилъ имъ ихъ права и обязанности и наконецъ сочинилъ имъ большое прошеніе въ уѣздный судъ въ

Коломеа, при чемъ онъ, прибѣгая подъ сѣнь законовъ, уномянулъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать имя Господа, Богородицы, всѣхъ святыхъ мучениковъ, короля, королеву и нѣкоторыхъ эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь.

Только что оба крестьянина поставили по кресту вмѣсто подписи и послѣ того какъ подписался и Матеушъ, въ хижину вошла крестьянка, служившая во дворѣ у помѣщика.

— Дядя, начала она, я прибѣжала чтобы васъ предостеречь. Противъ васъ замышляютъ что-то недоброе. Управляющій прилетѣть за вами завтра.

— Зачѣмъ?

— Говорятъ что вы вооружаете крестьянъ противъ землевладѣльцевъ и пишете имъ жалобы, съ которыми они таскаются въ уѣздный судъ.

— Значитъ онъ на меня хочетъ жаловаться за жида, сказалъ Матеушъ и въ раздумьи понюхалъ табакъ.

— Нѣтъ, тамъ задумываютъ совсѣмъ другое.

— Ну что же?

— Васъ хотятъ сѣчь.

— Гмъ! Вѣрно ли ты это слышала?

— О да, я слышала даже какъ управляющій разговаривалъ объ этомъ съ кривымъ писаремъ.

— Награди тебя Богъ, проговорилъ Матеушъ, но теперь торопись обратно, чтобы не замѣтили, что ты ушла въ деревню, а то тебѣ придется тяжело поплатиться за это.

Матеушъ закрылъ лицо руками и задумался.

— Но ты не пойдешь, отецъ? начала Домаха.

— Что же мы этимъ выиграемъ, отвѣтилъ онъ, они сильнѣе, и могутъ насъ заставить если захотятъ.

— Жиды сильнѣе, сказала Домаха, потому что мы трусымъ. Но развѣ насъ крестьянъ не больше?

— Допустимъ, отвѣтилъ Матеушъ, но чтобы изъ этого вышло? Теперь насъ защищаютъ суды именемъ короля, а тогда?

— Но вы не позволяете себя сѣчь, замѣтилъ одинъ изъ стороннихъ крестьянъ.

— Я прослужилъ 16 лѣтъ королю, отвѣтилъ Матеушъ, не получивъ ни разу даже замѣчанія, Богъ не оставитъ меня на старости.

— Если вамъ нужна помощь, сказалъ другой крестьянинъ, пошлите къ намъ въ деревню, мы придемъ всѣ.

— Благодарю васъ, сказалъ Матеушъ, объ этомъ не слѣдуетъ даже и думать.

Когда крестьяне ушли, онъ глубоко вздохнулъ, потушилъ свѣчку и долго еще сидѣлъ за столомъ, пристально глядя въ тѣнющіе подъ очагомъ уголья.

На другой день, поутру, пришел гайдук и позвал Матеуша в дом. Старик явился в своем праздничном наряде, который состоял из сапог, полшубка поверх полотняной рубахи и баранковой шапки. Но он пришел не один; с ним была вся деревня. Много мужчин, стариков, женщин, дѣвушек и дѣтей пришли в избы и наполнили двор дома.

— Пресвятая Богородица, защити насъ, воскликнулъ одноглазый писарь, увидѣвъ всю массу народа; господиже Ливальдъ — всѣ въ сборѣ. Будьте осторожны хоть на этотъ разъ.

Управляющій австріецъ Ливальдъ былъ заклятый врагъ словаковъ. Не слушая писаря, онъ надѣлъ шапку, схватилъ на гайку и вышелъ; здѣсь его съ озабоченнымъ видомъ ожидали два гайдуга, казакъ и служитель. Одноглазый писарь послѣдовалъ за нимъ, но остановился на порогѣ.

— Гдѣ Юмъ Матеушъ? началъ нѣсколько встревоженный управляющій.

— Здѣсь.

— Теперь можешь идти, но завтра будешь наказанъ глѣсно. Послѣ обѣда пастухъ принесъ извѣстіе, что управляющій даль знать обо всемъ случившемся въ городѣ.

Матеушъ печально поникъ головою; онъ позвалъ свою дочь въ домъ и переговорилъ съ нею.

— Здѣсь уже намъ нечего дѣлать, продолжалъ старикъ, здѣсь вь деревнѣ насъ ждетъ позоръ и наказаніе, кромѣ того, австріецъ, поймавъ насъ, все равно отнимутъ отъ насъ домъ и землю, а потому я хочу съ вами уйти въ горы, туда куда уходитъ всѣ несчастные. Богъ не оставитъ насъ.

— Ты хочешь сдѣлаться бѣглымъ, отецъ? спросила его младшая дочь, Маруша.

— Итъ, отвѣтилъ онъ, мы и безъ того достанемъ что намъ нужно. А теперь собирайтесь, съ наступленіемъ ночи мы выйдемъ въ путь.

Они такъ и сдѣлали. Когда совсѣмъ стемнѣло и небо покрылось звѣздами, Матеушъ вышелъ съ двумя младшими дочерьми, взявъ съ собою все свое хозяйство. Они вели лошадей, единственную корову, свинью съ поросятами. Все же остальное имущество и куръ они несли въ корзинахъ. Собака также шла съ ними, только кошка, которую Маруша несла на рукахъ, вырвалась отъ нея и легкими прыжками вернулась въ покинутый домъ.

Когда они отошли немного, оставшаяся еще Домаха зажгла солому и хворостъ, которымъ наполнила хижину и поспѣшила за ушедшими. Когда они подошли къ кресту, стоявшему на горѣ надъ селомъ, хижина ихъ была уже вся въ пламени. Матеушъ со слезами на глазахъ смотрѣлъ на нее долго, затѣмъ тяжело вздохнувъ, онъ пошелъ далѣе въ Карпатскія горы.

Это было уже давно, когда славяне—смѣлые жители Карпатъ, которые отстаивали свою независимость даже во время нѣмецкаго гнета и не повиновались никому, жили со своими стадами на высокихъ горныхъ долинахъ, гдѣ они еще и доньятъ проводятъ обыкновенно время. Матеушъ хотѣлъ отыскать такое мѣсто, гдѣ еще не ступала человѣческая нога. Онъ не боялся что горные жители выдадутъ его, но онъ зналъ, что рука австрійскаго жандарма хватается далѣе, чѣмъ рука какого нибудь управляющаго и такъ какъ себя и дочь свою Домаху онъ считалъ виновными въ самовольномъ уходѣ, то и старался избѣжать той дороги, гдѣ всѣ ходили.

Послѣ утомительнаго, сопряженнаго съ опасностью жизни странствованія, по дѣсамъ, черезъ высокія скалы и глубокія пропасти, гдѣ шумѣли дикіе водопады, старикъ остановился въ ущельи, между двумя горизонтальными стѣнами. Сѣверная сторона ущелья закрывалась упавшими и сваленными бурей деревьями, а южная отъ вѣшняго міра отдѣлялась маленькимъ озеромъ. Здѣсь, гдѣ росли только высокія, черныя сосны, да исладскій мохъ, гдѣ орелъ кружился въ воздухѣ, а въ поросшихъ мохомъ пещерахъ водились медвѣди и волки, здѣсь бѣглецы построили хижину изъ стволловъ молодыхъ сосенъ, прикрыли ее хворостомъ и изъ камня устроили очагъ. При помощи застѣны и гвоздей они сдѣлали необходимыя приспособленія и такъ какъ корова давала молоко а куры несли яйца и у нихъ не было недостатка въ пищѣ, то вскорѣ они помрились съ судьбою.

Въ время какъ дѣвушки собирали грибы и разныя ягоды, водили корову и свинью на пашню, убирали по дому и страпали, старикъ, въ сопровожденіи собаки, ходилъ по окрестностямъ единственно съ цѣлью убить какое нибудь животное, пригодное въ пищу. Онъ ставилъ силки для птицъ и почти каждый день онъ ловилъ ихъ по нѣскольку; вскорѣ онъ увидѣлъ, что въ маленькомъ озерѣ водятся прекрасныя форели и для ловли ихъ силелъ сѣти.

Два раза дождь повреждалъ ихъ жилище, въ третій разъ ливень разрушилъ его почти совершенно, такъ что всѣ они были въ опасности. Только съ большими усилиями удалось имъ спастись на возвышенномъ уступѣ скалы и перевести туда свой скотъ; но и отсюда было унесено вѣтромъ два поросенка, которые утонули, а возвышающаяся постепенно вода ежеминутно угрожала потопить всѣхъ.

Въ минуту самой большой опасности, вода нашла себѣ выходъ и начала постепенно сбывать. Прошло однако нѣсколько

дней, пока земля высохла на столько, что можно было снова заняться отстранваніемъ хижины, и бѣглецы должны были много ночей провести подъ открытымъ небомъ. Но наконецъ явилась возможность сойти со скалы, гдѣ они пріютились и послѣ усиленной работы поврежденія были исправлены.

Въ одинъ изъ своихъ, нерѣдко многодневныхъ выходовъ, Юмъ Матеушъ дошелъ до границы владѣній Ракова. Въ то время какъ онъ сидѣлъ у ручья за кустомъ, по треску сучьевъ онъ услышалъ, что приближаются шаги и вскорѣ увидѣлъ управляющаго Ливальда, который съ ружьемъ и сумкой повидимому вышелъ на охоту. Матеушъ не успѣлъ удержать своего волкодава и тотъ съ громкимъ лаемъ бросился на приближающагося. Тотъ кинулъ въ собаку камнемъ, что еще болѣе ее раздражило и наконецъ чтобы отдѣлаться отъ нея, управляющій выстрѣлилъ въ нее. Выстрѣлъ не попалъ въ собаку, но за то она схватила Ливальда и повалила на землю. Въ эту минуту изъ-за куста показался Матеушъ.

— Богъ разсудилъ, сказалъ онъ, и отдай вашу жизнь въ мои руки.

— Что тебѣ нужно? спросилъ управляющій, дрожа и блѣдный отъ страха, ты хочешь меня убить?

Матеушъ взялъ ружье, лежавшее возле его врага, позвалъ собаку и пригласилъ Ливальда встать.

— Дайте мнѣ вашу сумку съ патронами, сказалъ онъ, я употреблю ее съ большей пользой.

Управляющій повиновался. Старикъ принялъ сумку и зарядилъ ружье.

— Ты хочешь застрѣлить меня? спросилъ управляющій, вотъ деньги, походи меня.

— Мнѣ не нужно вашихъ денегъ, отвѣтилъ Матеушъ, идите съ Богомъ и да проститъ вамъ небо зло, которое вы мнѣ дѣлали.

Управляющій поспѣшно спустился съ горы, а Матеушъ довольный добычей, вернулся домой.

Домаха злилась. Ну я не такая! Еслибы я встрѣтила его,—прибавила она,—отомстила бы ему за всѣхъ, кого онъ сдѣлалъ несчастными.

— Нехорошо дитя мое, отвѣтилъ старикъ, слѣдуетъ прощать, только одинъ Богъ можетъ наказывать. „Азъ Воздамъ!“ говоритъ Онъ.

Все лѣто и начало осени бѣглецы оставались въ своемъ убѣжищѣ. Теперь Матеушъ ходилъ на охоту уже съ ружьемъ, и такъ какъ онъ берегъ заряды, то всякій разъ какъ ему приходилось стрѣлять, онъ приносилъ домой какую нибудь дичь, серну, или по крайней мѣрѣ хорошаго зайца, и тогда семья была празднична.

Съ приближеніемъ зимы старикъ заявилъ, что оставаться долѣе въ ихъ хижинѣ и опасно, и положительо невозможно, такъ какъ они каждый часъ могутъ быть засыпаны снѣгомъ. Онъ убѣдился, что пастухи давно оставили луга и что болѣе прочныя жилища построенны или тамъ, оставались пустыми. Въ одномъ изъ такихъ домовъ онъ рѣшилъ перезимовать; и такъ несчастные безпріютные снова выступили въ путь со всѣмъ своимъ скарбомъ.

Въ этотъ разъ они шли не долго. Вскорѣ показалась плоская возвышенность и на ней большой домъ, окруженный крѣпкими заборомъ. Здѣсь они устроились на зиму. Дѣвушки насобирали можжевеловыхъ ягодъ, изъ которыхъ онѣ приготовили отличную водку, а старикъ старался убить оленя, чтобы изъ колчегана мяса сдѣлать запасъ на зиму.

Какъ разъ послѣ того какъ выпалъ первый снѣгъ, Матеушъ на охотѣ встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ, котораго онъ ранилъ, но самъ былъ сматъ медвѣдемъ и задушенъ. Это случилось не подалеку отъ дома. Дочери слышали выстрѣлъ и крикъ отца, онѣ поспѣшили на помощь, но было уже поздно. Имъ удалось, только спугнуть медвѣда и овладѣть труномъ отца.

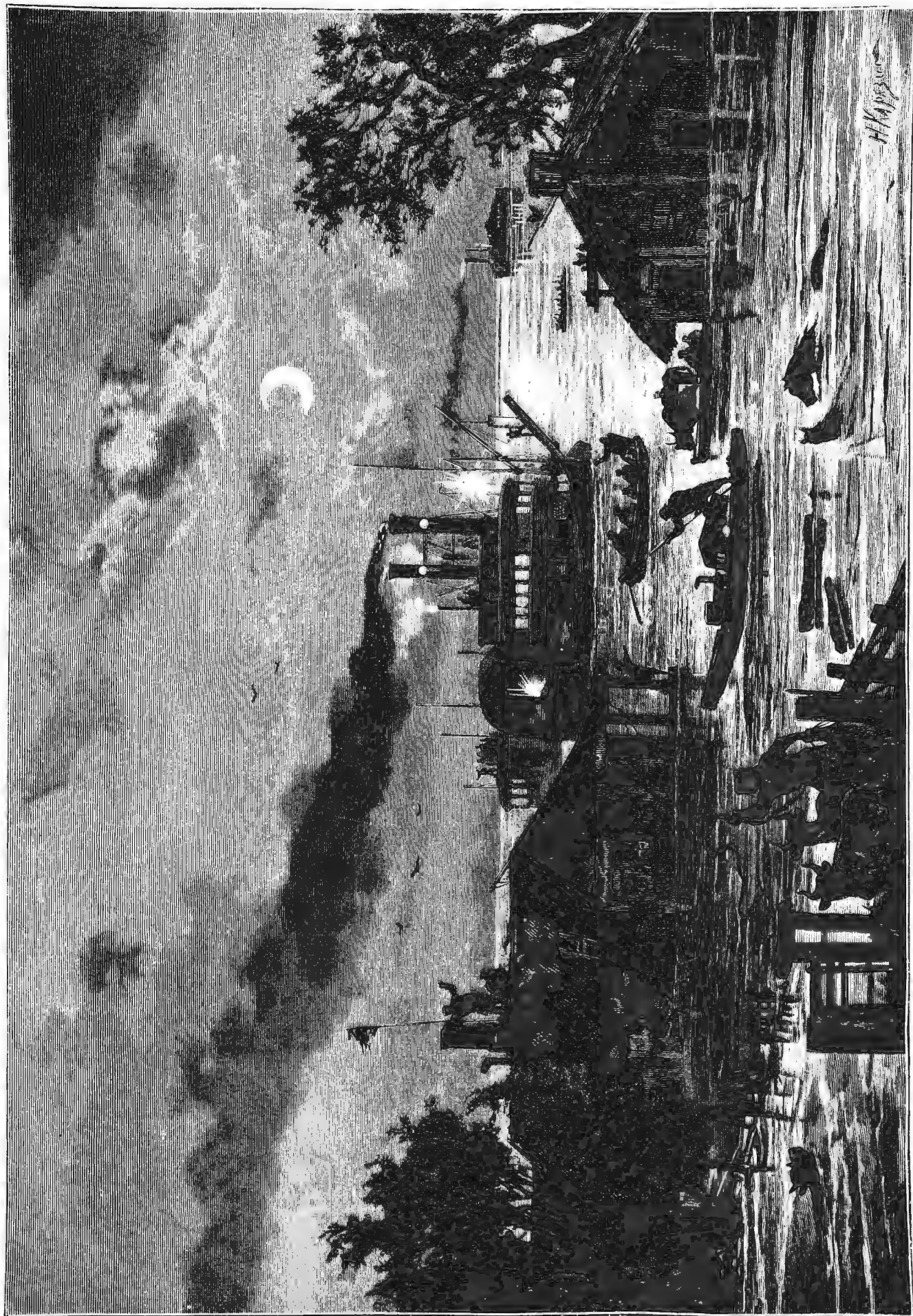
Домаха взяла ружье, а остальные два дѣвушки отнесли покойника въ домъ. Здѣсь онъ лежалъ два дня, на третій его похоронили и на могилѣ поставили деревянный крестъ.

Тотчасъ послѣ погребенія Домаха объявила сестрамъ, что одна изъ нихъ должна теперь стать главою семьи, а остальные должны ей повиноваться. Николи и Маруша отвѣтили въ одинъ голосъ, что только она и можетъ быть ихъ главою и онѣ охотно будутъ ее слушаться.

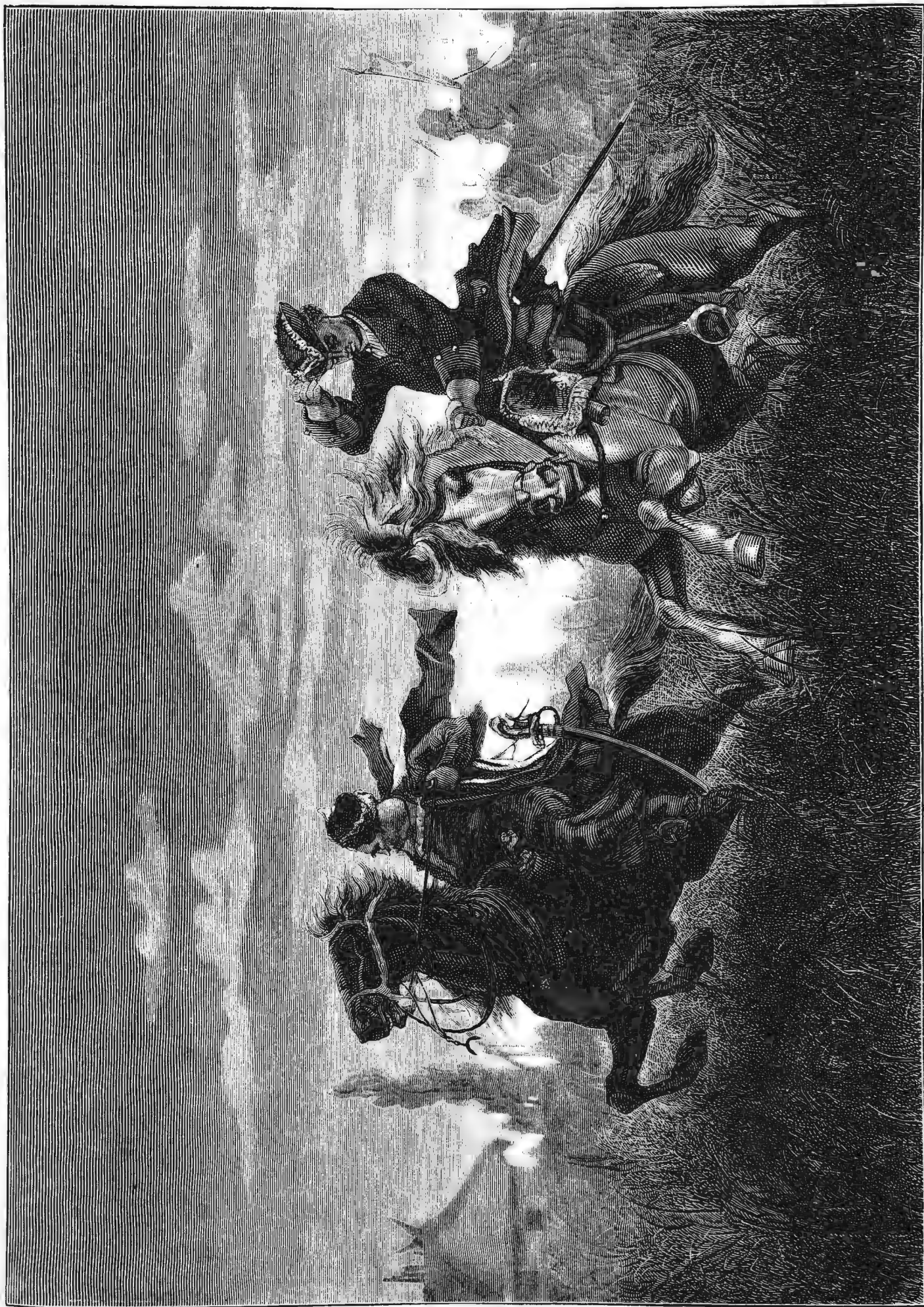
Домаха подошла къ кресту, заставила сестеръ положить на него руки и поклялась въ вѣрности и послушаніи. Послѣ этого онѣ пошли въ домъ и совершили поминки, при чемъ, по древнему славянскому обычаю, причитая, вспоминали всѣ добрыя качества и дѣла усопшаго. Затѣмъ Домаха встала и поглядела отомстить за отца; она сказала что не она будетъ если не убьетъ медвѣда, который сматъ ея отца, и накажетъ нѣмца-управляющаго, изгнавшаго ихъ изъ роднаго дома.

Уходя дѣвушки захватили съ собою крошльвицу, которая теперь висѣла у дверей. Вечеромъ послѣ похороновъ Домаха вырѣзала крестъ на нулѣ, и съ молитвой положила ее въ освещенную воду. На слѣдующее утро, перекрестившись она вынула пулю изъ крошльвицы, зарядила ею ружье, которое повѣсила черезъ плечо, привѣсила къ поясу длинный острый ножъ и обернувъ лѣвую руку толстымъ сукномъ, вышла изъ дому.

Вернулась она только вечеромъ, уставшая и серьезная, но довольная. Послѣ долгаго хожденія она отыскала слѣды мед-

Наводненія въ Америкѣ. Разливъ рѣки Миссисипи. По наброску Гр. рис. Н. Каразиль, грав. М. Гашевскій.

Литературный Альбомъ. „Полтава“ А. С. Пушкина. Бѣгство Карла XII и Мазепы. Ориг. рис. В. Штейна, грав. М. Гашевскій.

вѣдѣ, дошла по нимъ до скалы, гдѣ въ пещерѣ повидимому было его логовище. Она рѣшила разыскать его.

На слѣдующій день, еще до восхода солнца, она одѣлась по вчерашнему, простилась съ сестрами и ушла.

Шаговъ на сто отъ пещеры, гдѣ находилось страшное животное, стояли три большія сосны, окруженные молодымъ лѣсомъ. Здѣсь она стала поджидать медвѣдя.

Онъ не долго заставилъ себя ждать. Когда солнце поднялось надъ черными верхушками сосенъ, вѣсившихъ скалы и окрасило розоватымъ свѣтомъ снѣгъ, онъ вышелъ изъ пещеры и сталъ медленно приближаться.

Когда онъ подошелъ на десять шаговъ, Домаха вышла изъ за кустовъ и закричала. Медвѣдь навострилъ уши и привсталъ.

Смѣлая дѣвушка выстрѣлила и хотя ранила звѣря, но не смертельно.

Теперь то медвѣдь поднялся во всю величину и яростный, съ раскрытой пастью, пошелъ на дѣвушку. Домаха бросила ружье и ждала его. Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, она подбежала къ нему, вложила ему въ пасть лѣвую руку, обернутую сукномъ, а правой ударила пожесть въ сердце. Безъ звука звѣрь опустился на снѣгъ. Страшныя лапы, которыми онъ приготовился смять Домаху вырвали только клокъ шерсти изъ овечьей шкуры, которая была на ней накинута, она же сама не была ранена.

На выстрѣлъ, раздавшійся эхомъ по горамъ, приближались ея сестры. Онѣ въ удивленіи смотрѣли на убитое громадное животное, дивились храбрости Домахи, привезли маленькія санки и все вмѣстѣ торжественно повезли домой богатую добычу.

Тутъ онѣ раздѣлили медвѣдя. Окорока были повѣшены въ трубу, прекрасная мохнатая шкура была распялена, чтобы дать ей высохнуть, мясо послужило приманкой въ волчьихъ ямахъ, которые Домаха, чтобы обезопасить себя отъ многочисленныхъ хищныхъ звѣрей, вырыла вокругъ дома и прикрыла хворостомъ.

Въ короткое время онѣ поймали двухъ волговъ, пять лисичъ и одну рысь; и убили ихъ ударами топоровъ, чтобы не тратить пороха.

Одежда и овечья шкура, взятая ими изъ деревни скоро изнасились, и потому дѣвушки изъ мѣховъ убитыхъ звѣрей сдѣлали себѣ новое одѣяніе.

Въ немъ онѣ казались дикарками, но прекрасными какъ скифскія amazonки. Недоставало только колчана и стрѣлъ чтобы дополнить картину.

Домаха носила кожаные башмаки съ ремнями, до коленъ, короткую юбку, рюдь полушубка и медвѣжью шапку. Никоня была также одѣта въ волчью шкуру, а Марушка въ лисій мѣхъ. Теперь Домаха ходила на охоту, но она никогда не стрѣляла даромъ, и если возвращалась домой съ рязряженнымъ ружьемъ, то, значитъ, навѣрное гдѣ нибудь въ лѣсу лежалъ убитый олень или серна. Она приходила домой за сестрами, которая помогали ей отвезти добычу на санкахъ домой.

Никоня и Марушка занимались около дома. Онѣ мели и чистили, стряпали и шили, рубили мезодыя деревья и кололи дрова, кормили скотъ, доили корову.

Такъ однообразно, но не безъ дикихъ удовольствій охоты проходило время.

Но вотъ у нихъ стало недоставать то того, то другого; и хотя это были вещи очень незначительныя, тѣмъ не менѣе необходимыя. И вотъ онѣ начали съ большой осторожностью дѣлать экскурсіи въ сосѣднія деревни.

Онѣ выходили все вмѣстѣ въ лунныя ночи. Домаха съ ружьемъ, Никоня съ топоромъ, а Марушка съ бичемъ. Приходя въ деревню, онѣ прокрадывались вдоль домовъ, чтобы узнать, гдѣ жители собрались на такъ называемыя вечерницы, на которыхъ женщины и дѣвушки придутъ или чистятъ горохъ и бобы, а мужчины колютъ лучину и рѣжутъ изъ дерева трубки и ложки.

Узнавъ домъ, гдѣ собрались деревенскіе, онѣ могли быть увѣрены, что по близости никого не было дома. Двери открыты. И пока на лай собакъ приближались хозяева домовъ, онѣ всегда успѣвали взять что нужно. Кусокъ ли полотна, мотокъ нитокъ, нѣсколько кусковъ хлѣба, даже цѣлую овцу, которой связывали ноги и уносили съ собою. Но такъ какъ онѣ въ память отца не хотѣли занятать себя нечестнымъ поступкомъ, то за все взятое оставляли или деньги или шкуры.

Это заставило суевѣрныхъ горныхъ жителей увѣривать, что ихъ постигаютъ „дикія бабы“ *) которые согласно преданію, живутъ въ пещерахъ Карпатскихъ горъ и одѣтыя въ звѣринныя шкуры бродятъ во множествѣ по горамъ. Бѣда кто попадетъ къ нимъ въ руки, онѣ давливаютъ его своими длинными волосами. Онѣ также заходятъ въ деревни, берутъ себѣ все нужное и зато оставляютъ подарки. Иногда онѣ уносятъ дѣтей, оставляя на мѣсто ихъ своихъ подкидышей.

Повѣрье это распространилось еще болѣе, послѣ того, какъ въ поздній вечеръ, одна крестьянка, возвращаясь домой, услышала у себя въ избѣ голоса. Перепуганная до смерти, она посмотрѣла въ освѣщенное окно и увидала трехъ красивыхъ, одѣтыхъ въ звѣринныя шкуры женщинъ, которыя стояли у колыбели ребенка. Она не осмѣла войти, но перекрестилась и начала молиться, и только, какъ она рассказывала, благодаря ея молитвѣ, дикія бабы не унесли ея ребенка, а напротивъ поцѣловали его и оставили въ колыбели для него подарки.

Съ наступленіемъ весны, когда тающій снѣгъ началъ сбѣгать быстрыми ручьями съ горъ и вокругъ все зазеленѣло и деревья начали распускаться, одинъ охотникъ повстрѣчалъ дѣвушекъ. Онъ также принялъ ихъ за дикихъ бабъ. Сдѣлавъ крестное знаменіе, онъ пустился бѣжать.

Онѣ догадались почему онъ такъ страшно испугался и начали за нимъ бѣшено гнаться со смѣхомъ и криками. Бѣдный человекъ бѣжалъ точно травленое животное, прыгая по камнямъ и рывинамъ, а рѣзвыя дѣвушки гнались за нимъ такъ настойчиво, точно и въ самомъ дѣлѣ, хотѣли его поймать. Смертельный страхъ ускорилъ шаги несчастнаго, который чтобы лучше бѣжать бросилъ ружье, ягдташъ, пороховницу и мѣшокъ съ дробью. Онъ уже сильно опередилъ дѣвушекъ, но его все еще преслѣдовалъ звонкій смѣхъ красивыхъ дикихъ бабъ.

Онѣ почувствовали себя въ безопасности только когда достигли первыхъ домовъ сосѣдней деревни.

На обратномъ пути, дѣвушки долго не переставали шутить и смѣяться, больше всѣхъ смѣялась Никоня, она радовалась что наконецъ раздобыла ружье и ягдташъ; Домаха удовольствовалась пороховницей и мѣшкомъ съ дробью.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Московская Выставка. Картина Корзухина.

(Рис. на стр. 484—485).

Московская выставка торжественно открыта. Толпы народа повалили туда и величественныя стеклянныя навильоны, галереи и отдѣлы наводнили публикой, съѣхавшейся въ первопрестольную со всѣхъ концовъ Россіи. Переполненные вагоны то и дѣло прохорады по лѣвому шоссе. Разукрашенный флагами фасадъ виденъ издалека, зданіе выставки красиво громоздится своими, крытыми стеклянными рамами, галереями и навильонами, болѣею частью построенными на собственныхъ средствахъ эпонентовъ.

Пустынное Ходыцкое поле превратилось въ роскошный паркъ. Затѣйливныя, узорчатныя клумбы, симметрично расположенныя на газонѣ внутри центрального навильона, густо покрыты множествомъ лѣтнихъ цвѣтущихъ растений. Деревья, посажено множество, во всемъ паркѣ тѣнь, и воздухъ не такъ душенъ. Три четверти деревьевъ посажены были еще въ прошломъ году и большинство ихъ уже принялось и укоренилось, можно ожидать, что старанія садоводовъ не пропадутъ даромъ. Жаль, что по окончаніи выставки придется выкапывать всѣ деревья и кустарники, въ виду того, что выставочныя зданія повдуть на сломку.

Канцелярія выставки, въ теченіи всего дня, осаждается массою публики, являющейся сюда за различнаго рода справками. Благодаря энергической и неутомимой дѣятельности генеральнаго комисара выставки, А. В. Бѣра, который положительно весь отдѣлъ интересамъ выставки, всѣ вопросы, безъ дальнихъ проволочекъ, разрѣшаются на мѣстѣ и весьма быстро. Но чтобы удовлетворить всѣхъ просителей и разрѣшить всѣ предъявляемые вопросы, комисару приходится съ раннего утра и до ве-

чера дежурить на выставкѣ и по нѣскольку разъ въ день появляться во всѣхъ отдѣлахъ ея, которые разбросаны, какъ известно, на дистанціи огромнаго размѣра.

Охрана выставки поручена артезицкажъ и полиціи. Для помѣщенія артезицковъ устроены громадный баракъ, болѣе чѣмъ на двѣсти человекъ, застольная и кухня. Постройки эти недавно кончены и, во избѣжаніе пожара, находятся за чертою выставки, въ полѣ, на противоположномъ концѣ отъ главнаго входа. Для помѣщенія полиціи на выставкѣ устроенъ особый навильонъ. Вода постоянно паготовѣ въ необытайной величины багахъ фонтановъ. Всѣхъ фонтановъ на выставкѣ восемь, и девятый—бакъ очень значительной величины.

Генеральный комиссаръ выставки А. В. Бѣръ, вѣдаящая общою организаціей всего дѣла и является какъ-бы хозяиномъ всего дѣла. Онъ въ работахъ по выставкѣ, какъ по отдѣламъ такъ и въ ихъ, имѣеть рѣшающій голосъ, поэтому со всѣми болѣе важными вопросами и справками слѣдуетъ обращаться къ Алексѣю Борисовичу Бѣру, имѣющему въ зданіи выставки свой кабинетъ, открытый для всѣхъ нуждающихся въ генеральномъ комиссарѣ. Въ сложныхъ занятіяхъ А. В. Бѣра помогаютъ ему два постоянные товарища: Г. А. Гивартовскій по строительной части и Ф. С. Михайловъ по хозяйственной. Далѣе слѣдуютъ распорядители отдѣловъ, самыя ближайшія лица къ экспонентамъ, которые занимаютъ группировкой ихъ предметовъ и даютъ имъ всѣ частныя справки, относительно отведеннаго мѣста, нужныхъ бумагъ (фактуръ) и пр. Вся выставка

*) Остатки сказаній объ amazonкахъ, сказавій очень распространеныхъ между Славянами, въ особенности Чехами.

раздѣлена на 14 группъ. Распорядителемъ *первой* художественной группы состоитъ академикъ М. П. Боткинъ; *Вторая*, научно-педагогическая группа, имѣетъ своимъ распорядителемъ Д. В. Григоровича, нашего извѣстнаго писателя, знатока литературы и искусства и извѣстнаго дѣятеля Общества поощренія художества. *Третья* группа—одна изъ крупныхъ по своимъ специальнымъ отдѣленіямъ и устраивается департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ. Распорядителемъ этой группы состоитъ Н. М. Сольскій, который имѣетъ специальныхъ помощниковъ: по лѣсоводству профессора П. С. Шафрапова, по пчеловодству профессора Буглорова. Въ *четвертой* группѣ, горныхъ и соляныхъ промысловъ, распорядителемъ В. Е. Холостовъ. *Пятой* группой, производства шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, завѣдуетъ дѣльный комитетъ, предѣвателемъ котораго О. О. Рѣзановъ (онъ же и предѣватель совѣта управления выставки). Для устройства *шестой* группы, ювелирныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій, также избранъ комитетъ, предѣвателемъ котораго состоитъ М. И. Кузнецовъ. Въ *седьмой* группѣ, химическихъ издѣлій, спирту, табаку, сахару и т. п. распорядяется В. Н. Леневскій. Предѣвателемъ комитета *восьмой*, ковровыхъ, мебельныхъ, перилетныхъ и т. п. работъ, группы состоитъ И. А. Абрикосовъ. Въ *девятой*, машинной, группѣ распорядяется проф. А. К. Элимманъ и пом. ген. ком. М. С. Орловъ. По *десятой* группѣ (садоводства) работаетъ предѣватель общества садоводства В. И. Ахшарумовъ, Распорядителемъ *одиннадцатой* (домашній скотъ и птица) группы состоитъ директоръ Петровской академіи О. К. Арпольдъ. Кустарнымъ отдѣломъ (XII группа) завѣдуетъ особая коммисія. *XIII группа* министерствъ военнаго и морскаго и *XIV группа* Общества Краснаго Креста. Экспонентамъ будутъ присуждаемы экспертными коммисіями награды: почетные отзвыи, денежные преміи, медали: бронзовые, серебряныя и золотыя.

На Выставкѣ, во II группѣ, есть большой навильонъ „Нивы“ съ ея преміями, заданиями и т. п. Въ Москвѣ находятся наши постоянные, специальные корреспонденты, которые будутъ въ

республикахъ и очеркахъ сообщать подробно обо всемъ выдающемся, что можетъ интересовать нашихъ читателей.

Особенное вниманіе нашъ журналъ, по своему характеру, обратитъ на отдѣлъ художественный, гдѣ находится множество прекрасныхъ произведеній русской живописи.

На первый разъ изъ этихъ произведеній мы даемъ конію съ прекраснаго жанра А. И. Корзухина „Въ монастырской гостиницѣ“. Талантливый художникъ, съ картинами котораго уже знакомили наши читатели, мастерски справился тутъ съ своей задачей. Обширный, не очень изящный, померъ монастырской гостиницы живетъ самую хлопотливую жизнь. Уѣзжаетъ „благодѣтельница“ богатая, толстая молодая купчиха и всѣ праныи къ ней проститься и каждый ждетъ на прощанье получить еще что нибудь съ нея. Посѣтительница очевидно настолько почетная, что даже самъ отецъ-настоятель, еще молодой, красивый человекъ, пришелъ ее проводить и благословить на дорогу и переговаривается съ отъѣзжающей о какихъ нибудь постройкахъ, на которыя она пожертвовала деньги, узнавая ея желанія т. е. на что именно она жертвовала и представляя нужды обители. Чаю уже выпито столько, что воды не достаетъ и нагибаютъ самоваръ для послѣднихъ чашечекъ. Дѣти, равнодушныя къ окружающему, заняты своимъ чаемъ а купеческій братъ, стоя въ углу, опоражниваетъ, запрокинувъ, свою чашку, тотчасъ идетъ къ тарантасу. Тины поражаютъ своею мѣткостью и вѣрностью; какъ выражаются „только что не говорить“. Эта чрезвычайная вѣрность типовъ и добросовѣстность работы всегда, вмѣстѣ съ мастерствомъ исполненія, отличала выгодно г. Корзухина среди нашихъ художниковъ-реалистовъ. Надо ему поставить еще одно въ достоинство: у многихъ его товарищей, даже очень талантливыхъ, замѣчается какое-то тенденціозное, слишкомъ натянута-отрицательное отношеніе къ русской жизни, что мѣшаетъ полному художественному впечатлѣнію и чего нѣтъ у г. Корзухина. Его отношеніе къ сюжету всегда тепло и сердечно, юморъ добродушенъ и тонокъ, что способствуетъ всегда симпатичности и ясности впечатлѣній, которое зритель выноситъ отъ его прекрасныхъ жанровыхъ работъ.

Къ рисункамъ.

Карль XII и Мазепа.

(Рис. на стр. 493).

Поэма А. Пушкина — „Полтава“ принадлежитъ къ числу крупнейшихъ произведеній нашего поэта, и отличается мѣстами удивительной красотой стиховъ и могучествомъ образовъ. Вдохновенный поэмой Рылѣева „Войнаровский“, Пушкинъ написалъ „Полтаву“ всего на всего въ двѣ недѣли, осенью 1828 года.—Мощная фигура стараго гетмана Малороссіи, и непонятная страстная любовь къ нему его молоденькой крестницы Маріи (собственно Маріи) представляютъ, дѣйствительно, очень любопытную романтическую канву,—а историческій элементъ еще болѣе способствуетъ развитію интереса въ читатель.

Послѣ Полтавской битвы, на голову разбитый Петромъ Великимъ, Карль XII, какъ извѣстно, бѣжалъ въ Вендербъ, съ толпой своихъ приверженцевъ. Пушкинъ удачно воспользовался этимъ мотивомъ, заставивъ проскакать Мазепу мимо козубеевскаго хутора, откуда вѣкогда онъ похитилъ Марію, сошедшую потомъ съ ума при извѣстїи о смерти отца, казненнаго по приказу Гетмана...

Верхомъ, въ глуши стѣней нашихъ,
Король и гетманъ мчатся оба...
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ...
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю...
Онъ рвану тяжкую свою
Забывъ, поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,—
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ...
Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Стѣней широкий полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался,—
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Нѣзъ зтотъ опустѣлый дворъ.
И домъ и садъ уединены,
И въ поле открыта дверь
Какой нибудь рассказъ забвѣнный
Ему напомнили теперь!..

Этотъ-то моментъ и изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Фигура гетмана совершенно отвѣчаетъ данному положенію, безпокойный поворотъ головы и взглядъ изъ-подлобья удачно задуманы художникомъ. Не менѣе удачна по рисунку и поза его стѣннаго скакуна, бѣшено несущагося по стѣнѣ...

Пушкинъ значительно отступилъ отъ историческихъ фактовъ, окончивъ свою поэму романтическимъ сумасшествіемъ несча-

стной дѣвушки. Напротивъ того, Матрена Кочубей еще долго жила на Украинѣ послѣ Полтавскаго погрома. Что она переступовала за это время—насколько сосарили ее событія—все это становится понятнымъ, если вспомнить, что она мечтала быть королевой Малороссіи. Теряя Гетмана, она теряла въ немъ не только горячо любимаго супруга,—она теряла все будущее.—а прошедшее уже было ей самой уничтожено. Она видѣла, какъ Украина, по приказу Петра, предавала анафемѣ Мазепу, какъ его изображеніе было подвергнуто позорному обряду казни черезъ палача. Но время все излечиваетъ,—и Матрена вышла замужъ за Чуйкевича, потомки котораго живутъ въ Малороссіи и до сихъ поръ,— и потому прелестные стихи, которыми заканчиваетъ Пушкинъ свою поэму—

.....преданья
О ней молчать. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Цепронцаемою тѣмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій вѣсць,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана брѣвничъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говорить.

Стихи эти не согласуются съ изложенными нами свѣдѣніями, хотя о нихъ, конечно, могъ и не знать поэтъ.

Идетъ поздравить.

(Рис. на стр. 459).

Все въ домѣ въ праздничномъ настроеніи. Хозяйка дома именинникъ. Еще съ вечера заготовлены дѣльными стихами и басни, которыя они будутъ читать отцу, въ утро заказаны букеты и подарки и все должно производиться въ глубокомъ секретѣ а главное самъ именинникъ долженъ дѣлать видъ, что онъ не имѣетъ понятія объ этихъ приготовленияхъ. Онъ давно видитъ, какъ при его появленіи быстро закрываются пяльцы, въ которыхъ ему вышиваются что-то: какъ поиховку отъ него заучиваютъ двѣ малютки поздравительные стихи, завершивъ въ класной... И вотъ наступаетъ наконецъжданное утро и молодая хозяйка, веселая, сияющая, идетъ первая поздравить мужа и подарившись съ букетомъ къ двери его кабинета тихонько отворачиваетъ портьеру и смотритъ что дѣлаетъ мужъ и ждетъ его радостнаго отвѣта на ея сердечное поздравленіе.

Разливъ рѣки Миссисипи.

(Рис. на стр. 492).

Теченіе Миссисипи очень быстрое, особенно въ верхней части, задерживается громадными плавающими массами де-

ревеет, иногда образующими даже цѣлый островок или полуостровъ, измѣняющими ея теченіе и заставляющими ее прокладывать себѣ новые пути. Кроме того Миссисипи подвергается частымъ періодическимъ разливамъ, изъ которыхъ одни случаются вслѣдствіе осеннихъ дождей и продолжаютъ цѣлую зиму а другіе вызываются таяніемъ снѣга и достигаютъ своего максимума весной. Во время подобныхъ разливовъ воды Миссисипи выступаютъ изъ береговъ и покрываютъ собою огромныя пространства материка, особенно въ низменныхъ мѣстностяхъ, несмотря на устроенныя здѣсь высокія береговыя насыпи.

Пышнѣею весной, въ началѣ апрѣля „царь рѣкъ“, какъ называютъ Миссисипи, проявилъ въ ужасныхъ размѣрахъ свою разрушительную дѣятельность.

Небывалый разливъ нынѣшняго года разрушилъ и сдѣлалъ несчастными сотни тысячъ людей. Сильные продолжительные дожди подняли рѣку необычайно и южныя штаты сильно пострадали. Изъ Каиро на южной границѣ штата Иллинойса, гдѣ рѣка Огіо впадаетъ въ Миссисипи, до устья этой послѣдней у Мексиканскаго залива, на прострѣнствѣ болѣе 1,000 миль выступила рѣка изъ своего обычнаго русла на 2 и на 3 мили въ стороны, разрушая и переносясь черезъ плотины въ 20 и 40 футовъ вышиною. Мѣстами вода разливалась въ стороны отъ 70 до 300 англійск. миль, затопляя и разрушая по пути дома, фермы, поселенія, унося домашній скотъ, мебель, дрова, крыши и заборы. Посѣвы въ этой плодороднѣйшей странѣ по большей части совсѣмъ уничтожены и смыты. Тысячи и сотни тысячъ людей потеряли все что имѣли — жилище, пищу, одежду; особенно пострадало негрянское поселеніе въ плантаторскихъ штатахъ. Мансъ и хлопчатникъ, которая въ этой плодородной странѣ давали богатѣйшіе урожаи, вездѣ пропали и цѣна на хлопчатую бумагу уже сильно повысилась. Также сильно пострадали плантации сахарнаго тростника, размытые разливомъ на значительномъ прострѣнствѣ. Конгрессъ уже постановилъ выдать помощь пострадавшимъ въ количествѣ 300,000 долларовъ и на эти деньги уже закупаются комиссариатами необходимые припасы. Большія суда, шлюпки, лодки и пароходы дѣятельно объѣзжаютъ всѣ пострадавшія мѣста, одѣлая несчастныхъ пищей и платнемъ. Широкая частная благотворительность также идетъ на помощь правительству. Исправленіе и восстановленіе разрушенныхъ плотинъ обойдется не менѣе 20 милліоновъ долларовъ. Рисунокъ нашъ

избразжаетъ безпредѣльную даль разлившейся рѣки и огромный пароходъ, сплывающій на помощь пострадавшимъ, которыхъ такъ много теперь на опустѣвшихъ берегахъ Миссисипи.

Валаамъ и Коневецъ.

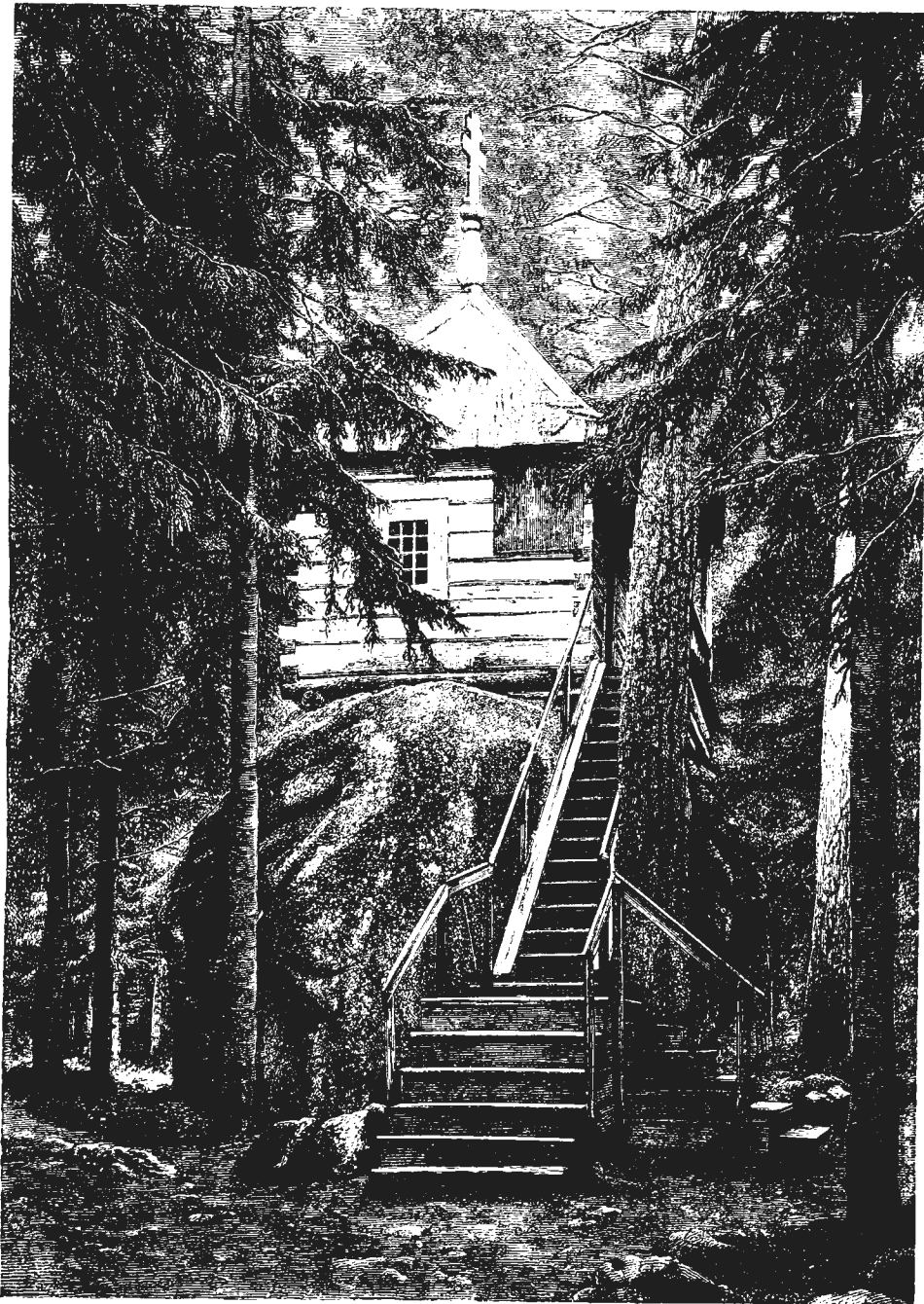
(Рис. на стр. 496 и 497).

Какъ разъ въ настоящее время, около недѣли Всѣхъ Святыхъ, на пристаняхъ Ладожскихъ пароходовъ, ежегодно замѣчается особенное движеніе, особенный наплывъ пассажировъ. Публика преимущественно „сѣрая“ — старушки, сѣрые странники, мелкіе кушцы, мѣщане, отставные унтеръ-офицеры, — кое гдѣ мелькнетъ росписная шаль необыятной купчихи, или полосатый плащъ художника-туриста. Это все сѣверные паломники, пилигримы, направляющіеся въ недѣлю всѣхъ святыхъ въ Коневецкій и Валаамскій монастыри, на поклоненіе святынямъ Ладожскаго озера.

Мы уже имѣли случай въ 30 и 31 №№ „Нивы“ 1878 года очертить состояніе ладожскихъ обителей и самый способъ сообщенія съ ними. Нынѣ, давая рядъ прекрасныхъ видовъ этихъ мѣстъ, мы хотимъ въ общихъ чертахъ напомнить читателямъ — какія чудныя картины даетъ намъ сѣверная природа на этихъ дикихъ островахъ.

Островъ Валаамъ по красотѣ своей можетъ быть причисленъ къ прелестнѣйшимъ въ мірѣ мѣстностямъ. Мощная, грандіозная природа развернулась здѣсь во всей мрачной, сѣверной красотѣ. Представляя собой архипелагъ въ сорокъ острововъ, онъ имѣетъ въ окружности всего какіхъ нибудь тридцать вер. Мрачными, гигантскими, отвѣсными стѣнами поднимаются изъ воды гранитные края, покрытые мохомъ, вѣнчаемые громаднымъ дикимъ лѣсомъ. Свѣтлая, прозрачная волна *Нево* (Ладожскаго озера) бьется о камни и приноситъ суда прямо къ берегу, такъ какъ глубина воды у самыхъ пристаней поразительна: 10—40 сажень, — а въ четверти версты отъ берега глубина достигаетъ уже ста сажень. Множество заливовъ представляютъ чудесныя гавани, защищенныя совершенно отъ озера и вѣтра, такъ что во время самыхъ сильныхъ буръ здѣсь бываетъ только легкая рябь...

Здѣсь на Валаамѣ преимущественно хвойный: сосна, ель; но конечно есть и береза, и рябина, и черемуха, и кленъ, и калина, и жимолость и можжевельникъ. За послѣднее время пре-

Конь-Камень на остр. Коневецъ на Ладожскомъ Озерѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

восходно принялись тамъ дубы и липы, а въ расадникахъ растутъ даже каштаны, лихты, кедры, бальзамическій и серебряный тополь, вязъ, лѣсной орѣхъ. Огороды процвѣтаютъ въ полномъ смыслѣ слова: овощей родится достаточно не только для монашествующей братіи, но и для раздачи окрестнымъ обывателямъ. Не ограничиваясь морковью, картофелемъ, огурцами, калустой и проч., монахи разводятъ даже дыни и арбузы.

Не забыты на островѣ и плодовые деревья: испанскія вишни, смородина, крыжовникъ, сливы, груши, дыни—все это здѣсь родится превосходно. Яблоки растутъ всевозможныхъ сортовъ и въ громадномъ количествѣ...

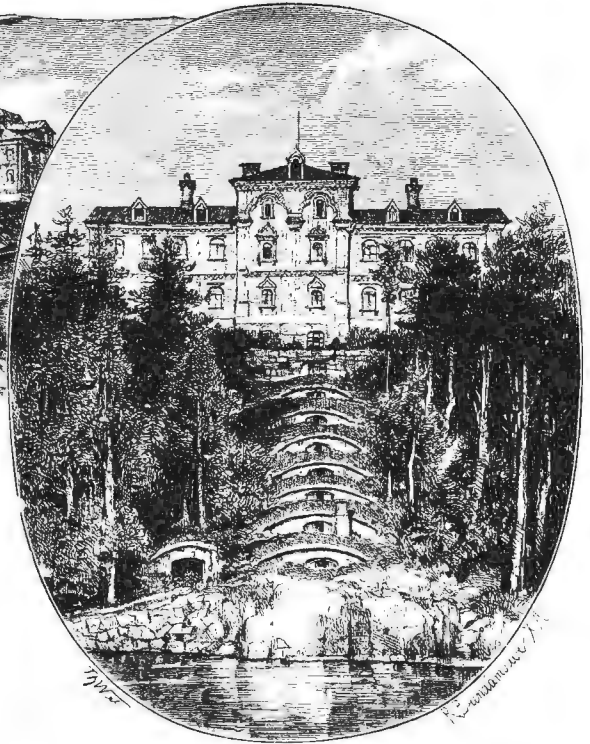
Весна здѣсь начинается только въ половинѣ апрѣля, хотя до середины мая встрѣчаются въ низкихъ мѣстахъ залежи снѣга. На озерѣ же льдины плаваютъ даже въ юнѣ. Зеленъ появляется только въ концѣ мая, за исключеніемъ конечно такихъ годовъ какъ нынѣшній, когда къ концу апрѣля все уже зеленѣло. Жары начинаются здѣсь съ іюля—и термометръ часто подымается въ тѣни на 25°, а къ ночи падаетъ на 10°. Снѣгъ начинаетъ падать съ первыхъ чиселъ октября,—съ этихъ поръ начинаются и морозы. Вода же замерзаетъ окончательно только къ половинѣ февраля—когда устанавливается прочное сообщеніе съ берегами.

Мы не будемъ касаться исторіи Валаамской обители,—мы уже говорили объ этомъ въ указанной выше статьѣ. Скажемъ только, что о Валаамѣ дошло до насъ много темныхъ преданій, и слава о немъ гремѣла еще въ глубокую старину. До сихъ поръ, говорить, тамъ встрѣчаются памятники номадовъ съ какими-то знаками, которые недоступны пониманію монаховъ. Но оставивъ въ сторонѣ такую древность, можно положительно сказать, что Валаамъ былъ во времена оны спорной областью между древними обитателями Руси и ея сѣверными врагами. Здѣсь былъ алтарь (капище) Велеса и Перуна, и къ нему стекались окрестные жители для жертвоприношеній: несомнѣнно, что красивая мѣстность привлекала сюда жрецовъ, старавшихся дѣйствовать на воображеніе язычниковъ. Потомъ преданіе указываетъ на то, будто бы апостолъ Андрей, бывшій въ предѣлахъ Новгородскихъ, добрался до Валаама, и благословивъ горы каменнымъ крестомъ, истребилъ языческія капища.

Собственно основателями валаамской обители считаются иноки Сергій и Германъ, мощи которыхъ, въ дорогихъ ракахъ, лежатъ въ монастырѣ и пользуются большимъ почетомъ въ средѣ богомольцевъ. Вообще же монастырь и иноки пользуются здѣсь особеннымъ уваженіемъ за свой строгій уставъ. Много замѣчательныхъ подвижниковъ вышло изъ него,—людей съ глубокой силой вѣры и убѣжденій, часто въ высшей степени ори-

Валаамъ. Хозяйств. постройки.

Валаамъ. Мастерскія и погреба.

Видъ монастыря.

Коневецкій Монастырь.

Валаамъ. Снѣтъ Св. Николая.

гинальныхъ. Такъ въ началѣ настоящаго столѣтiя жилъ тамъ иеромонахъ Евсеимiй изъ дворянъ, самоуничженiе котораго достигало того, что онъ земнымъ поклономъ привѣтствовалъ каждое встрѣчаемое, и не считалъ себя достойнымъ совершать литургию и причащаться въ алтарь. Въ пятидесятыхъ годахъ былъ въ монастырѣ инокъ Мельхиседекъ, который тридцать пять лѣтъ страдалъ ревматическими страшными болями, и когда ему присылали нужную мазь, говорилъ:

— Знаю, что очень полезно это лекарство,—я весьма болю, тѣло проситъ пособiя, но не дамъ ему, не дамъ: пусть терпитъ, пусть терпитъ,—пусть учится терпѣть...

Читатели найдутъ въ этомъ номерѣ рисунки разныхъ монастырскихъ зданiй и пристроекъ, начиная отъ главнаго общаго вида стараго зданiя монастыря и кончая маленькими побережными часовнями. Ничего особенно рѣзкаго и замѣчательнаго внутри ихъ нѣтъ, и они гораздо красивѣе снаружи, особенно часовня святителя Николая, помѣстившаяся на Крестовомъ островѣ, сдѣланная по чертежамъ покойнаго архитектора Горностаева... Вообще природа Валаама несомнѣнно привлекательнѣе зданiй, подчасъ очень неуклюжихъ. Идиллiя лѣсныхъ чащъ до сихъ поръ тамъ такова, что олени и лисицы, нисколько не стѣсняясь присутствiемъ человека, спокойно подпускаютъ его къ себѣ...

Но несравненно бѣднѣе природа Коновецкаго острова, служащаго станцiей пароходнаго сообщенiя между Петербургомъ и Валаамомъ. Видъ Рождественскаго монастыря, приложенный въ этомъ номерѣ — чуть ли не единственный красивый видъ на островѣ, все остальное — плоско, безцвѣтно, сѣро. Обитель несравненно бѣднѣе Валаамской. Бѣднѣе и растительность. Самой интересной прогулкой на Коновцѣ является посѣщенiе такъ называемаго „Конь-камня“, видъ котораго тоже помѣщенъ въ этомъ № „Нивы“, и появляется еще первый разъ въ печати. Это тотъ самый „Конь-камень“, отъ котораго пѣюгда островъ получилъ свое названiе. Преданiе говоритъ, что эта семисажженная гранитная глыба была когда-то мѣсто-пробыванiемъ злаго духа, который пожиралъ лошадей приносимыхъ ему въ жертву. Когда преподобный Арсеишъ поселился на островѣ, онъ рѣшился изгнать языческаго бога. Прочитавъ заклинанiе, онъ окропилъ валунъ св. водою, печистые духи вырвались съ крикомъ оттуда, въ видѣ вороновъ и полетѣли на сѣверъ, къ финляндскому берегу и опустились въ заливъ, который съ тѣхъ поръ называется Чертовой Лахтой. Другiе говорятъ, что названiе Конь-камня произошло просто оттого, что валунъ формой похожъ на лошадиный черепъ. Какъ бы то ни было, теперь на камнѣ воздвигнута часовня, и каждый туристъ считаетъ необходимымъ посѣтить ее. Съ одного боку гласитъ надпись, что великiй князь Константинъ Николаевичъ, въ бытность свою на Коновцѣ срисовалъ Конь-Камень себѣ на память. Видъ его среди густаго сосноваго лѣса дѣйствительно живописенъ.

Электрическая комнатная лампа.

Неутомимый Эдиссонъ по части электрическаго освѣщенiя рѣшилъ еще одну чрезвычайнo важную и трудную задачу. Онъ вводитъ электрическое освѣщенiе въ домашнее употребленiе. Новая лампа Эдиссона всецѣло переиссена и къ намъ, въ Петербургъ, „Обществомъ эдиссоновскаго электрическаго освѣщенiя“. Отъ петербургцевъ будетъ зависеть ея распространенiе, которое дѣлаютъ весьма желательнымъ усиленные опыты, производившiеся въ первыхъ числахъ сего апрѣля въ правленiи „общества страхованiя капиталовъ и доходовъ“, у Поцѣлуева моста. Общество это намерѣно устроить необходимыя приспособленiя и тогда желающiе будутъ въ состоянiи воспользоваться дешевымъ и удобнымъ во всѣхъ отношенiяхъ электрическимъ освѣщенiемъ. Каждая маленькая лампа будетъ стоить, по абонементной платѣ, 20 рублей въ годъ.

Всеобщее вниманiе обращала на себя, на прошлогодней парижской международной электрической выставкѣ, электрическая лампочка, предназначенная для примѣненiя этого освѣщенiя къ домашнимъ потребностямъ. Устройство ея весьма несложно.

Свѣтъ получается отъ раскалiванiя добѣла растительнаго проводника, по которому пробѣгаетъ электрическiй токъ. Долго производя опыты надъ различными проводниками, Эдиссонъ остановился именно на растительномъ проводникѣ, избравъ для этого тончайшiя волокна бамбука, обугленные особымъ способомъ. Волокнамъ этикъ онъ придавалъ, гибкая и сжимая сильнымъ прессомъ, видъ дугообразный. Каждая лампа состоитъ изъ согнутаго, такимъ образомъ обугленнаго бамбука, къ обоимъ концамъ котораго проведены платиновыя проволоки; по послѣднимъ проходитъ электрическiй токъ. Всѣ эти части лампы заключены въ стеклянномъ шарѣ, грушевидной формы. Нижнее отверстие шара плотно закупорено гипсовой втулкой, снабженной двумя мѣдными кольцами. Черезъ посредство этихъ колецъ, платиновыя проволоки собственно и сообщаются съ вышнимъ токомъ. Въ виду нѣкоторыхъ приспособленiй, сдѣланныхъ на нижней части лампы, она можетъ быть навинчиваема на предназначенные для нея постаменты. Горѣнiе и свѣтъ происходятъ въ безвоздушномъ пространствѣ.

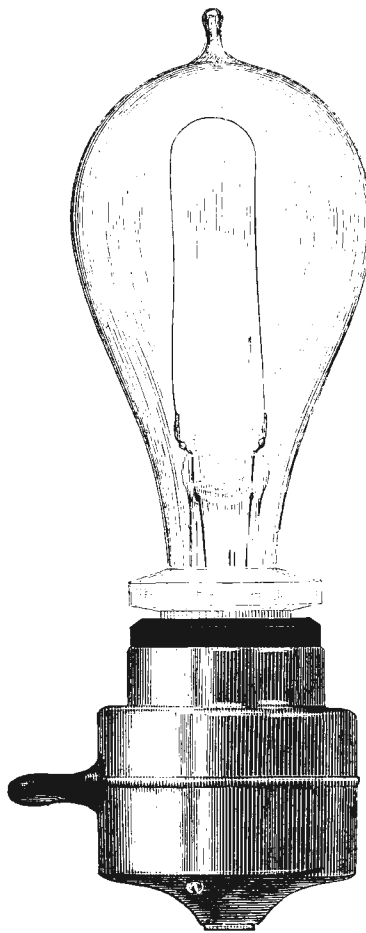
Самое пригтовленiе лампъ (по 1000 штукъ сразу, машиннымъ способомъ) весьма интересно. Шаръ наполняется ртутью, затѣмъ туда вставляется упругая дуга бамбуковаго угля и выпускаетъ ртуть мгновенно заключающую снизу стеклянный шаръ, отчего образуется въ немъ безвоздушное пространство. Такая лампа можетъ горѣть 1000 часовъ, но уже дѣлаются новыя примѣненiя довести ее до 2000 часовъ. На нашемъ рисункѣ лампа показана въ половину натуральной величины. Въ разныхъ заведенiяхъ Петербурга будутъ вскорѣ такiя лампы и зажиганiе пока, до правильной канализацiи, будетъ производиться посредствомъ переносныхъ электрическихъ резервуаровъ, смѣняемыхъ ежедневно. На дняхъ въ ресторанахъ Лежена (у Полиц. моста) будутъ поставлены такiя лампы.

Много, весьма неблагоприятнаго для пынѣшнихъ способовъ освѣщенiя вообще, было высказано на парижской выставкѣ. Искусно показывалъ ее, зажигалъ, гасилъ, усиливалъ и ослаблялъ свѣтъ, американецъ, агентъ Эдиссона. Собиравшаяся публика, описывала въ разговорѣ съ нимъ и между собою, всѣ неудобства масляныхъ, керосиновыхъ лампъ, свѣчей и проч. Тутъ и порча воздуха, и непостоянство свѣта, и опасность произвести пожаръ, и страхъ взрыва... Говорилось все это по поводу того, что электрическая лампа Эдиссона не представляетъ собою ни одного изъ этихъ неудобствъ и неприятностей.

Такъ какъ горѣнiе или накалiванiе добѣла бамбуковыхъ волоконъ происходитъ въ безвоздушномъ пространствѣ, внутри стекляннаго грушевиднаго сосуда, то порчи воздуха совсѣмъ произойти не можетъ. Появно, какую огромную важность это представляеть. Всюпомнимъ о рабочихъ, трудящихся въ душныхъ помѣщенiяхъ, воздухъ которыхъ крайне быстро и сильно портится, отъ газоваго напимѣръ, освѣщенiя. Электрическая лампа даетъ ровный, постоянный, желтоватый, прiятный для глазъ свѣтъ. Она не представляеть и опасности

пожара. Стекло шара нагрѣвается слабо и, потому не можетъ зажечь окружающiе предметы; проволоки также не въ состоянiи создать подобную опасность. Эдиссонова лампа не грозитъ и взрывомъ; въ случаѣ проникновенiя воздуха въ лампу, еслибъ разбилось стекло, она тотчасъ-же тухнетъ и, слѣдовательно, даже и тутъ не представляеть никакой опасности. Словомъ, новая лампа Эдиссона является такимъ изобрѣтенiемъ, возможно широкое распространенiе котораго, въ виду огромныхъ представляемыхъ ею преимуществъ, передъ всѣми остальными способами освѣщенiя, несомнѣнно.

Но безъ системы канализацiи она не могла-бы получить примѣненiе къ домашнимъ потребностямъ. Необходимы машины для производства электрическаго тока, необходимы проводочныя сѣти, которая проходила-бы по улицамъ и проникала въ дома лишь, желающихъ воспользоваться электрическимъ освѣщенiемъ. Изобрѣтательный американецъ сдѣлалъ въ этомъ отношенiи все, что нужно. На электрической выставкѣ въ Парижѣ можно было видѣть проэктируемый имъ способъ канализацiи, устраняющiй всѣ возможные неудобства. Проволоки проводятся такъ, что отъ частичнаго разрыва не прерывается общiй ходъ освѣщенiя. Далѣе, благодаря особому, изобрѣтенному

Комнатная лампа Эдиссона.

имъ, регулятору, проводники никогда не могутъ нагрѣваться до такой степени, чтобы зажигать окружающіе предметы. Кроме того, не удовольствовавшись той гарантіей противъ опасности, которую представляетъ этотъ регуляторъ, Эдиссонъ снабдилъ

всѣ приводы предохранительными свинцовыми проволоками; въ случаѣ сильнаго возвышенія температуры, послѣдніе расплавились-бы и токъ самъ собою тотчасъ-бы прервался, чѣмъ устраняется всякая опасность

Лисьма о здорovyи.

Оспа.

Очеркъ н.

Оспа — одна изъ тѣхъ распространенныхъ болѣзней, которая уносятъ въ мигну не мало жертвъ во всѣхъ странахъ. Наше отечество представляетъ собою, также обширное поле для ея опустошеній. Тяжелая сама по себѣ, часто оканчивающаяся смертью, болѣзнь эта всюду и легко свиваетъ себѣ гнѣздо.

Всякое зло можетъ быть устранено только тогда, когда съ нимъ, такъ сказать, коротко ознакомились, когда извѣстно, откуда и какъ оно начинается, какія условія благоприятствуютъ его развитію и какія можно ставить ему, болѣе или менѣе непреодолимые, преграды.

Займемся практическими вопросами — условіями распространенія этой болѣзни и мѣрами, которыя принимаются противъ нея.

Можно съ увѣренностію сказать, что оспа распространяется черезъ посредство зараженія. Отъ одного больного она переходитъ къ другому, отъ другаго къ третьему и такъ далѣе, захватывая иногда, такимъ образомъ, большое число людей. Страны, въ которыя не попадаетъ болѣзнь оспою, не знаютъ ея. Наоборотъ, города, деревни, мѣстечки, въ которыхъ свирѣпствуетъ эпидемія, получаютъ ее именно этимъ путемъ. Явился извѣстный оспенный больной и — зараза распространилась. Въ 1875 г. оспа свирѣпствовала въ Лионѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, унесла съ собою около пятисотъ жертвъ. Началась она съ такою силой, послѣ десяти мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ не было ни одного случая оспеннаго заболѣванія. Пришелъ изъ Макона въ Лионъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія, солдатъ, тотчасъ-же и заболѣвшій оспою. Очевидно, онъ заразился ею въ Маконѣ. Помѣщенный въ госпиталь, онъ умеръ, передавъ заразу двадцати пяти человѣкамъ болѣзничной прислуги и лицъ, находившихся здѣсь на излеченіи. Четверо изъ нихъ скоро умерли. Затѣмъ, оспа обнаружилась сначала въ сосѣднихъ съ госпиталемъ домахъ, а потомъ охватила всю эту часть. Виновиномъ, очевидно, былъ этотъ солдатъ, пришедшій изъ зараженной мѣстности и перенесшій болѣзнь въ Лионъ.

Такихъ примѣровъ множество и всѣ они доказываютъ что оспа переносится изъ одного мѣста въ другое, распространяется въ послѣднемъ изъ одного больного по всѣмъ направленіямъ. Въ данномъ случаѣ, болѣзнь не ограничилась госпиталемъ, въ который попалъ зараженный солдатъ, но охватила весь городъ, распространилась и за предѣлы его, по сосѣднимъ городамъ. Посѣтители больныхъ заражались сами и выносили заразу за предѣлы госпиталя.

Зараженіе оспою происходитъ очень легко; непосредственное прикосновеніе къ больному, пребываніе съ нимъ въ одной комнатѣ, сосѣдство больного въ школѣ или гдѣ-либо, — все это можетъ послужить къ передачѣ заразы. Бѣлье больного и всѣ тѣ предметы, къ которымъ онъ прикасался, точно также могутъ повлечь за собою заболѣваніе. Съ особенною-же легкостью происходитъ зараженіе отъ выздоравливающихъ оспенныхъ больныхъ. Извѣстно, что подобное явленіе замѣчается и со многими другими болѣзнями заразительнаго свойства.

Итакъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что оспа распространяется черезъ зараженіе, получаемое или отъ самого больного, или отъ предмета, къ которому онъ прикасался. Понятно вслѣдствіе этого, что есть полная возможность обезопасить себя отъ подобнаго страшнаго заболѣванія. И дѣйствительно, по словамъ французскаго доктора Лорена, «оспа — одна изъ тѣхъ болѣзней, которыхъ можно избѣгать, но которыя поддерживаются единственно безпечностію людей».

Условія распространенія болѣзни указываютъ уже и на способы борьбы съ нею. Оспенный больной долженъ быть, прежде всего, удаленъ отъ другихъ; комната, въ которой онъ жилъ, его платье и прочіе предметы, къ которымъ онъ прикасался, должны быть подвергнуты дезинфекціи (очищенію отъ заразы) извѣстными способами и средствами. Въ этихъ видахъ необходимо немедленное увѣдомленіе санитарныхъ властей о каждомъ заболѣваніи. Только при такихъ условіяхъ зараза можетъ прекратиться въ самомъ началѣ.

Переданный на попеченіе доктора больной долженъ быть удаленъ, уединенъ отъ другихъ. Общая больница не можетъ, понятно, послужить для такой цѣли. Зараза легко можетъ быть передана здѣсь другимъ больнымъ. Полнѣйшую безопасность въ этомъ отношеніи можетъ представить только специальная оспенная больница, находящаяся на значительномъ разстояніи отъ всякаго другаго жилья. Это признано въ настоящее время всѣми гигиенистами, причемъ разстояніе больницы отъ жилыхъ построекъ должно простираться, какъ думаютъ многіе, по крайней мѣрѣ, сажень на пятьдесятъ.

Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ имѣются подобныя специаль-

ныя больницы, дѣлающія невозможнымъ дальнѣйшее распространеніе заразительной болѣзни. Между городами, обладающими такими учрежденіями, можно назвать Нью-Йоркъ, котораго оспенная больница, такъ называемая Small-pox-hospital, расположена на пустынномъ островѣ Блэквелъ, Лондонъ, имѣющій не менѣе шести такихъ госпиталей, Глазгоу, Вѣну, Неаполь, Миланъ, Филадельфію, Чикаго и т. д. Необходимо прибавить къ этому, что собраніе большаго числа больныхъ въ одномъ мѣстѣ вовсе не увеличиваетъ цифры смертности между ними.

За неимѣніемъ специальныхъ больницъ, большую пользу могутъ принести, во время эпидеміи, временные бараки, сожигаемые тотчасъ по минованіи ея. Такъ дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, американцы.

Понятно, что для полного изолированія больного отъ здоровыхъ, въ больницу здоровыхъ долженъ быть запрещенъ. Такимъ образомъ, въ американскихъ и англійскихъ оспенныхъ госпиталяхъ, друзья и родственники больныхъ не допускаются далѣе швейцарской. Здѣсь ихъ извѣщаютъ о состояніи больныхъ, здѣсь оставляютъ и вещи, предназначенныя для нихъ. Выздоравливающіе выпускаются не раньше какъ спустя тридцать пять дней послѣ исчезновенія сыпи, и послѣ нѣсколькихъ продолжительныхъ ваннъ. Необходима строжайшая дезинфекція платья всѣхъ лицъ, выходящихъ изъ больницы. Такимъ образомъ, въ Чикаго, врачи, во избѣжаніе перенесенія заразы за предѣлы больницы, надѣваютъ, во время посѣщеній ея, поверхъ своего платья, еще длинное каучуковое платье.

Обыкновенный способъ очищенія отъ заразы, употребляемый въ Нью-Йоркѣ, весьма несложенъ. Двери, окна, каминъ дезинфицируемой комнаты плотно закупориваются; затѣмъ, здѣсь ставится котелокъ, содержащій въ себѣ извѣстное количество сѣры и подогрѣваемый снизу спиртовой лампой. Сѣрные пары, образующіеся при этомъ, окончательно уничтожаютъ заразу, по прошествіи шестнадцати часовъ, и комната становится вполне безопасной.

Полная безопасность противъ распространенія заразы достигается перенесеніемъ оспеннаго больного въ специальную больницу и дезинфекціей помѣщенія.

Какія-же мѣры должны быть принимаемы противъ распространенія заразы, которой впервые подвергся бы состоятельный человѣкъ, не имѣющій нужды въ болѣзничномъ уходѣ, но пользующійся домашнимъ?

Въ этомъ случаѣ, необходимо дать знать другимъ, что въ извѣстномъ домѣ находится заразный больной. Подобное увѣдомленіе можно сдѣлать простой запиской на дверяхъ: «оспа». Такъ дѣлается въ Швейцаріи, Амстердамѣ, Чикаго и даже въ Токио (въ Японіи). Обитатели этого дома должны прекратить всякія сношенія съ другими. Въ Афинахъ и другихъ греческихъ городахъ за этимъ устанавливается особое наблюденіе. Въ Женевѣ санитарныя правила предписываютъ строжайшее уединеніе обитателей дома, подвергшагося заразѣ. На дверяхъ его, какъ сказано, вывѣшивается соответствующая записка и жители только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ приходятъ въ сопркосновеніе съ другими. Дѣти перестаютъ посѣщать школу, взрослые прекращаютъ свои сторонніе занятія. И такъ до тѣхъ поръ, пока врачъ не удостовѣритъ, что больной не въ состояніи болѣе передать заразу другимъ.

Въ Нью-Йоркѣ, центральное санитарное бюро соединено телеграфными проволоками со всѣми частями города. Коль скоро гдѣ-либо оказался оспенный больной, онъ тотчасъ-же перевозится въ особой каретѣ въ бесѣдку на берегу Эста, откуда пароходъ доставляетъ его на островъ Блэквелъ, въ оспенный госпиталь, откуда его не выпускаютъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ всякая опасность передачи заразы. Платье его или сжигается или тщательно дезинфицируется, съ помощію сѣрнистой кислоты.

Нѣтъ надобности доказывать права общества подвергать подобному, пѣкоторымъ образомъ, насилію зараженнаго оспою человѣка. Гибельныя послѣдствія, могущія произойти въ противномъ случаѣ, даютъ такое право.

Въ Америкѣ дѣло это поставлено лучше нежели гдѣ-либо. Огромная важность его заставляетъ желать точно такой-же постановки его и во всѣхъ другихъ странахъ. Отсутствіе безпечности и — заразительная болѣзнь теряетъ свое гибельное значеніе.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ оспопрививаніи. Давно уже этой операціи приписывается свойство предотвращать оспенное зараженіе для человѣка, которому привита эта болѣзнь. Послѣдній считается безопаснымъ отъ оспы даже при

самомъ близкомъ соприкосновеніи съ больнымъ. И въ виду такого значенія, оспопрививаніе сдѣлано обязательнымъ во многихъ странахъ. Однако, разъ произведенное оспопрививаніе не навсегда дѣйствительно. Необходимо, какъ думаютъ многіе врачи, возобновлять его по временамъ, приблизительно, черезъ семь или десять лѣтъ, для полнаго обезопасенія себя противъ оспеннаго заболѣванія.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобная мѣра установилась не даромъ. Продолжительный опытъ привелъ къ ней и широко распространилъ. И мы такъ ежились съ нею, что не можемъ иначе какъ съ изумленіемъ относиться къ врачамъ, возстающимъ противъ оспопрививанія. Между тѣмъ, такіе врачи существуютъ и число ихъ постепенно все увеличивается. Нѣсколько мѣсяцевъ

тому назадъ, въ Германіи состоялся даже съѣздъ противниковъ оспопрививанія—настолько число ихъ увеличилось. Многіе, указывая на то, что черезъ оспопрививаніе распространяются нѣкоторыя другія страшныя заразительныя болѣзни, напримѣръ, сифилисъ, если матерія взята отъ зараженнаго больного, доказывали не дѣйствительность оспопрививанія, какъ мѣры противъ оспеннаго зараженія...

Трудно говорить, въ виду такого возраженія, противъ общепризнанной мѣры. Можно сказать только относительно перваго пункта возраженія, что оспенная матерія должна быть заимствуема осмотрительно, не прежде какъ по тщательномъ осмотрѣ лица, отъ котораго берутъ ее, и по удостовѣреніи въ его совершенно здоровомъ состояніи.

Политическое обозрѣніе.

Болгарія.—Порта и Египетъ.—Гладстонъ.—Гамбетта.—Разсказы о смерти Императорскаго принца.—Японія и Китай.

Какъ бы ни были хороши отношенія русскихъ офицеровъ въ Болгаріи лично къ князю Александру—тѣмъ не менѣе въ настоящую минуту тамъ что-то, въ ихъ сношеніяхъ съ остальнымъ болгарскимъ миромъ, ихъ окружающимъ, не совсемъ клеветя. Русскій генералъ Крыловъ, бывшій военный министръ княжества, вышелъ изъ болгарской службы и тотчасъ же, какъ сообщаютъ изъ Софіи, почти все русскіе офицеры выразили желаніе удалиться вслѣдъ за нимъ. Временный преемникъ Крылова, генералъ Лѣсовой издалъ приказъ, воспрещающій офицерамъ принимать участіе въ демонстраціяхъ и празднествахъ, имѣющихъ агитаціонный характеръ. Военнымъ министромъ Болгаріи назначенъ русскій генералъ, баронъ Каульбарсъ.

Герцеговинцы продолжаютъ свое дѣло; Любичичъ, глава одной изъ старѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій въ Босніи, присоединился къ инсургентамъ съ отрядомъ во 100 ч.; недавно онъ наналъ на австрійскій отрядъ, у котораго отбилъ провіантъ.

Порта въ хлопотахъ: англо-французскій флотъ уже прибылъ къ Александріи и турецкое правительство выступило немедленно же съ заявленіемъ противъ этого акта соединившихся державъ. Правительство султана настаиваетъ въ официальной нотѣ на верховныхъ правахъ Турціи на Египетъ; этихъ правъ никто не оспариваетъ, но англійскіе и французскіе броненосцы все-таки стоятъ въ „египетскихъ водахъ“; увѣряютъ, впрочемъ, будто Порта объявлено, что десанта не будетъ сдѣлано, а если понадобится бы войска, то обратились бы къ султану. Араби-Паша являлся уже къ хедиву съ своими товарищами и (съ цѣлованіемъ руки) выразили почтительную готовность служить его высочеству, но Тевфикъ-Паша, вспомнивъ вѣроятно что еще такъ недавно предъ тѣмъ эти же люди хотѣли низвести его съ трона, принялъ ихъ холодно, а чрезъ нѣсколько времени появилось извѣстіе о томъ, что Араби-Паша получилъ отпускъ въ Европу; это, кажется, совершенно совпадаетъ съ желаніемъ Англии и Франціи, которыя объявили, что явились для того только, чтобы укрѣпить власть хедива. Значить, не будетъ въ Египтѣ національнаго правленія...

Положеніе министерства Гладстона, вповѣ, говорятъ, не совсемъ прочно. И вотъ причина. Оказывается, что желая устроить какой нибудь порядокъ въ Ирландіи, оно вошло въ тайныя соглашенія съ Парнелемъ относительно уступокъ, на которыхъ можно было бы сойтись. Обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ и повело къ иреніямъ въ Палатѣ Общинъ. Первый министръ не отрицалъ, что освобожденію Парнеля, Диллона и О'Келли предшествовалъ нѣкоторый обмѣнъ мыслей, въ формѣ частной переписки, но въ то же время онъ утверждалъ, что

никакихъ обязательствъ между министерствомъ и ирландскими депутатами не существуетъ; отъ Гладстона потребовали, чтобы онъ прочелъ эту переписку, но онъ отказался; Парнель, находившійся въ засѣданіи, заявилъ, что по отношенію къ нему лично, все дѣло ограничилось письмомъ, которое онъ написалъ одному депутату и въ которомъ онъ излагалъ свои соображенія относительно способовъ къ устройству порядка въ Ирландіи; онъ и прочелъ это письмо, но—тутъ вмѣшался Форстеръ (бывшій министръ въ ирландскимъ дѣламъ) и спросилъ—прочтено ли это письмо безъ пропусковъ и когда Парнелль отвѣчалъ, что, можетъ быть, какіе нибудь пропуски и есть, такъ какъ онъ не помнитъ, не имѣя въ рукахъ оригинала,—то Форстеръ сообщилъ коню съ письма Парнелля, причѣмъ смыслъ фразы, вышущенной Парнеллемъ, былъ тотъ, что если бы министры приняли предложенія ирландскихъ депутатовъ, то они, въ свою очередь, помогли бы министерству въ проведеніи либеральныхъ реформъ. Форстеръ выказалъ тутъ себя противникомъ Гладстонскаго кабинета. Ирландскіе феніи, или та часть ихъ, которая солидарна съ убіеніемъ Кэвендиша и Борка, приговорили Парнеля къ смерти. Убійцы Кэвендиша и Борка не найдены и теперь едва ли надѣются найти ихъ.

Во Франціи пересматривается законъ о воинской повинности; предсѣдателемъ комиссіи парламентской, занимающейся этимъ вопросомъ, избранъ Гамбетта; проектовъ, собственно, два, изъ которыхъ одинъ—военнаго министра—поддерживаетъ разныя льготы отъ повинности, льготы, которыми могутъ воспользоваться немногіе, а другой, предложенный Гамбеттой, требуетъ совершеннаго равенства для всѣхъ и притомъ увеличиваетъ значительно и самую численность арміи, проектъ этотъ пользуется всеобщимъ сочувствіемъ, нельзя пройти молчаніемъ исторію, которую недавно рассказывали относительно смерти императорскаго принца: газ. „Weenly chronicle“ передаетъ, что одинъ изъ комунаровъ, недавно умершій, открылъ на своемъ смертномъ одрѣ тайну убіенія принца въ странѣ Зулусовъ: коммунистъ Филиппъ Барре бѣжалъ въ Лондонъ и вступилъ тамъ въ члены тайнаго общества, которое постановило убить принца; съ тремя товарищами, (въ числѣ которыхъ были Тоннелъ и Галусскій), Барре отправился въ экспедицію въ качествѣ художника; всѣ четверо познакомились съ приндомъ и во время одной изъ рекогносцировокъ застрѣлили его, кафра, который сопровождалъ комунаровъ, они тоже убили; Тоннелъ и Галусскій, нѣсколько недѣль спустя, были тоже убиты, а Барре умеръ въ С. Франциско. Вотъ, что передаетъ газета, но герцогъ Сассано утверждаетъ, что принцъ Луи убитъ Зулусами.

Между Японіей и Китаемъ снова недоразумѣнія, могущія повести къ войнѣ. Японія обратилась къ нашему посредничеству, мы посылаемъ суда въ Тихій океанъ.

С М Ъ С Ъ,

Цвѣты, найденные на муміяхъ. Обычай угражать цвѣтами тѣла умершихъ, какъ оказывается, чрезвычайно древній. Такъ при недавнемъ открытіи многихъ мумій египетскихъ царей XIX и XX династій (о чемъ говорилось въ „Нивѣ“ № 10) въ скалистыхъ подземельяхъ Дейри и Бихари, найдены въ гробницахъ гирлянды изъ листьевъ и цвѣтовъ, прекрасно сохранившіеся тамъ, благодаря отсутствію влажности и свѣта. Эта то сохранность какъ листьевъ такъ и цвѣтовъ дала возможность тотчасъ-же сдѣлать ихъ научное опредѣленіе; такъ гирлянды оказались болшею частью свѣтлыми изъ листьевъ египетской ивы; цвѣты-же, принадлежавшіе къ тѣмъ-же видамъ, которые до сихъ поръ красуются на равнинахъ Египта а также тропической и Сѣверной Африки какъ напр. *Delphinium orientale*, употребляющійся до сихъ поръ на всемъ востокѣ для различнаго рода украшеній. Извѣстный ученый путешественникъ Швейнфуртъ бережно собралъ изъ гробницъ Египта образчики древесноегипетской флоры и засушилъ ихъ, смочивъ предварительно алькоголемъ. Такимъ образомъ у него составилась въ высшей степени интересная гербарій изъ растений и цвѣтовъ, которые росли за тридцать лѣтъ вѣковъ до нашего времени т. е. въ эпоху болѣе даже отдаленную нежели осада Трои. Но что особенно замѣчательно, это то, что прорывъ столько столѣтій на грудахъ парскихъ мумій, эти листья и цвѣты сохранили вполнѣ свѣжесть кра-

сокъ; яркость ихъ не поблекла и они кажутся недавно сорванными на какомъ-нибудь полѣ современнаго намъ Египта.

Анекдотъ о Литтре. Нѣкоторые разсказы рисуютъ недавно умершаго французскаго ученаго какъ симпатичнаго человѣка. Такъ передаютъ, что одинъ другъ совѣтовалъ ему разъ отпустить старую, дряхлую служанку по той причинѣ что она уже не въ состояніи выполнять болѣе своей обязанности. „Дѣйствительно, она такъ стара, отвѣчалъ Литтре, что я легко могу обойтись безъ нея, но какъ-же она обойдется безъ меня, когда я теперь нуженъ ей болѣе нежели когда нибудь“? Во время господства коммуны, Литтре находился въ Версалѣ, гдѣ тогда происходили и засѣданія палаты. По окончаніи обязанностей въ Палатѣ у него не оставалось никакого дѣла такъ какъ его библиотека была въ Парижѣ а безъ ея помощи онъ не могъ приняться за какой-нибудь трудъ. Это невольное бездѣйствіе дѣлалось для привычнаго къ труду Литтре болѣе и болѣе невыносимымъ и онъ наконецъ рѣшился искать себѣ какихъ нибудь занятій. Литтре жилъ тогда у своего друга, типографщика Серфа и къ нему-то онъ обратился съ просьбою поручить ему какія-нибудь корректурныя работы и съ этого времени онъ каждое утро приходилъ въ типографію работать до поздней ночи наравнѣ съ другими корректорами. Вскорѣ всѣ типографскія работы уже шли черезъ его руки; онъ провѣрялъ и журналы засѣданій и пренія палаты и за-

коподательныя работы и конечно, нечего и говорить, что корректура Литтре была тщательная и образцовая.

Масло на морѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Вильямъ Чэмберсъ въ издаваемомъ имъ въ Единбургѣ еженедѣльномъ журналѣ „Chamber's Journal“ уже нѣсколько лѣтъ помѣщаетъ рядъ статей о дѣйствіи масла на волны морей. Вѣра въ это дѣйствіе существуетъ издавна и еще Франклинъ указывалъ на это.

Въ послѣднихъ нумерахъ журнала находится нѣсколько сообщений, заслуживающихъ ближайшаго съ ними ознакомленія. И во всякомъ случаѣ, въ отношеніи предохраненія судовъ отъ крушенія, дѣло настолько серьезно, что не лишнее было-бы произвести опыты.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ, я былъ задержанъ дѣлами на островѣ Св. Елены. Ловля китовъ еще дѣлательно велась америкашцами, я такъ какъ многіе корабли, занятые этой ловлей приставали у Св. Елены, то я имѣлъ возможность видѣть какіе именно корабли употреблялись для ловли китовъ. Въмѣсто новыхъ кораблей, какъ я ожидалъ, я видѣлъ все совершенно старыя, уже негодныя для другаго дѣла. Такъ напримѣръ одинъ изъ кораблей ушелъ къ Яметстоуну, свезъ туда 400 бочекъ ворвани, запасся провизіей и снова вышелъ на ловлю. Это былъ очень старый корабль, но матросы говорили, что онъ не боится волнъ. Отчего-же происходило это, ужъ не обладалъ-ли онъ чуднымъ даромъ усмирять самыя высокія волны? Причина та, что вываривая жиръ въ котлахъ и выбрасывая черезъ бортъ ненужныя куски жирнаго китоваго мяса, старый корабль, пропитавшись и самъ жиромъ, былъ защищенъ отъ ударовъ волнъ. Около 28 лѣтъ тому назадъ въ Робсонскомъ заливѣ присталъ небольшой пароходъ, прішедшій изъ Новаго Лондона въ Соединенные Штаты, тяжело нагруженный и кромѣ того, имѣвшій еще на палубѣ грузъ дерева. Судно это чрезвычайно заинтересовало всѣхъ своими небольшими размѣрами, тяжелымъ грузомъ и тѣмъ что оно совершило невредимо четырехмѣсячный путь, выдержавъ сильную бурю. Капитанъ корабля, человекъ опытный, запасся на дорогу масломъ, которое во время бури понемногу выливалось за бортъ. Самыя сильныя волны нагонили пароходъ но проскальзывали мимо, не нанеся ему вреда. И капитанъ завѣрялъ, что благополучнымъ прибытіемъ къ мѣсту судно обязано только тому, что на воду наливали масло.

Слѣдующее письмо капитана Аллисона съ парохода „Loch-Ame“ адресовано капитану Митчелю въ Дунди. „Во время гибели парохода „Loch-Ame“ (въ началѣ января) какъ ни мало мы надѣялись на спасеніе нашей жизни въ оставшейся намъ еще лодкѣ, тѣмъ не менѣе мы прішли въ голову захватить съ собою немного масла, что и было сдѣлано ранѣе чѣмъ спустить лодку. Оставивъ корабль и разфѣтвившись въ лодкѣ, насъ погнало вѣтромъ, и какъ только мы замѣчали приближающуюся волну, мы выливали за бортъ немного масла. Гребень волны сглаживался тотчасъ по достиженіи масла.“

Всякому кораблю, плывущему въ бурю, слѣдовало-бы выливать за бортъ немного масла или-же вывѣшивать крѣпкіе мѣшки, наполненные паклей и пропитанные масломъ, въ такомъ положеніи, чтобы они при надобности погружались въ воду, это помѣщаетъ волнамъ ударить на палубу и причинять серьезныя поврежденія. Я видѣлъ такіе мѣшки у малыхъ судовъ, ведущихъ торговлю рыбою между Ньюфаундлендомъ и Европой и всѣ рыбаки утверждаютъ, что масло употребляется для того, чтобы воспрепятствовать волнамъ разбиваться о судно. Известно, что на далекое разстояніе вокругъ мертваго кита или другоаго животнаго содержащаго въ себѣ жиръ, плавающего на водѣ, поверхность ея бываетъ совершенно гладкою, даже и тогда когда море бушуетъ.

Корреспондентъ изъ Марселя пишетъ: я только что прочелъ послѣднюю статью въ вашемъ журналѣ объ употребленіи масла на морѣ. Вы сообщаете, что водолазы въ Средиземномъ морѣ для урвенія волнъ, паливаютъ на воду масло и прибавляете, что это основано только на слухахъ. Интересуясь самъ этимъ вопросомъ особенно замъ достоверный фактъ. Провансалцы очень любятъ морскихъ ежей и считаютъ ихъ лакомствомъ. Многіе рыбаки занимаютъ ихъ ловлей и часто можно видѣть въ бухтахъ ихъ плоскія лодочки. Сидящій рыбакъ перегибается, держа въ рукѣ багоръ съ загнутыми зубьями, которыми онъ вытаскиваетъ ежей изъ подводныхъ скаль. Но чтобы увидѣть животное, поверхность воды должна быть совершенно спокойна. Если-же море рябитъ, то рыбакъ достигаетъ дѣли, наливая на воду нѣсколько капель масла, изъ висящей у носа лодки бутылки. Одна единственная капля дѣйствуетъ мгновенно, сглаживая поверхность на небольшое разстояніе. 7 ноября 1881 года тасманскій корабль прішедшій въ Гобартъ съ острова Маверикъ, выдержалъ страшную бурю и спасеніемъ своимъ обязанъ употребленію масла. Море вздымалось такъ высоко, что въ продолженіи двухъ дней нельзя было ничего варить и принуждены были закрыть всѣ отверстія, куда могла-бы провѣкнуть вода. Капитанъ Десли твердо убѣжденъ, что корабль спасся только потому, что для удержанія волнъ въ отдаленіи употребляли масло. Для этого въ маслѣ мочили швабры и привѣшывали ихъ по бокамъ корабля. Дѣйствіе масла было поразительно; увидя необыкновенной вышины волну, приближающуюся къ кораблю всѣ ожидали, что она его поглотитъ и затретъ, но какъ только она встрѣчала вокругъ корабля плавающее масло, она ослывала его не причиняя никакого вреда судну.

Въ Петербургѣ въ Шотландіи недавно были произведены любопытныя опыты. На бортъ судна вложи особаго устройства трубы наполненныя масломъ. Масло, нажимаемое насосами, выливается изъ трубы, поднимается на воду, образуя большую ровную

поверхность. Для опытовъ былъ выбранъ день когда вода была высока и когда по обыкновенію на мели было очень бурно. Нажатое насосами масло поднялось на поверхность и превратило ее изъ бурной въ волнообразную гладкую.

На западномъ берегу Шотландіи въ гавани Монтроузъ также производились опыты. Послѣ обѣда тридцатаго января, за часъ до прилива, нѣсколько человекъ вышло въ спасительной лодкѣ въ море. За мѣлю море было неспокойно, тогда была вылита бутылка масла и дѣйствіе его было мгновенно. Потомъ лодка направилась черезъ косу Анатъ, гдѣ море сильно волновалось и масло снова производило то же дѣйствіе, нѣсколько разъ были еще повторены опыты и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Рыболовы очень довольны открытіемъ и постановили на будущее время запасаться всегда масломъ выходя въ море.

Новый паровой вагонъ. Новый паровой вагонъ Камбіера доказываетъ, что паровыя машины представляютъ собою еще довольно обширную область для нововведеній. Онъ такъ легокъ, что два человека въ состояніи, безъ большаго труда, поднять вагонъ, который можетъ свободно и тихо везти шесть человекъ, управляемый даже неопытной рукою. Изобрѣтеніе Камбіера представляетъ собою тѣлѣжку съ поперечнымъ сидѣньемъ на четырехъ легкіхъ колесахъ небольшой окружности, настолько низкую, что въ нее можно подыматься безъ помощи подножекъ. Механизмъ, приводящій ее въ движеніе, весьма несложенъ. Двигательные цилиндры находятся по обѣимъ сторонамъ въ нижней части механизма, расположенные горизонтально, самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Колеса обернуты каучукомъ, чтобы на ходу вагонъ производилъ наименѣе шума. Особенно оригинальнымъ устройствомъ отличается паровикъ, въ видѣ цилиндра изъ красной мѣди, самыхъ небольшихъ размѣровъ. Вагонъ несетъ съ собою извѣстный запасъ воды и кокса. Здѣсь есть всѣ приспособленія, дающія возможность управлять, безъ малѣйшей опасности прѣмникомъ, въ которомъ получается довольно сильное давленіе паровъ. Труба выходитъ внизъ и невидима.

Электрическое освѣщеніе локомотивовъ. Этотъ новый родъ освѣщенія распространяется все шире и шире съ замѣчательною быстротою. Въ прошломъ году въ Австріи была произведена удачная попытка воспользоваться имъ уже для освѣщенія желѣзнодорожныхъ локомотивовъ.

Динамо-электрическая машина была помѣщена на паровой котелѣ, снабжавшій ее двигательной силой. Лампа расположена прі этомъ такъ, что машинистъ могъ, съ большимъ удобствомъ, управлять ею, превосходно освѣщая себѣ путь на большое разстояніе впередъ.

Презнтія попытки воспользоваться электрическимъ свѣтомъ для локомотивовъ не давали хорошихъ результатовъ, вслѣдствіе затруднительности получить правильный и постоянный свѣтъ при быстромъ движеніи локомотива. Лампа, устроенная г. Седлачекъ устранила всѣ эти затрудненія и разрѣшила задачу. Свѣтъ, даваемый ею, отличается большимъ постоянствомъ и такъ силенъ, что освѣщаетъ малѣйшія подробности пути на разстояніи 400 метровъ (почти 187 саж.), считая впередъ отъ локомотива; предостерегательныя знаки были также вполне ясно видимы издалика. Такіе результаты можно назвать въ высшей степени благоприятными.

Телеграфныя линіи земнаго шара. Къ концу 1880 года, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, телеграфныя линіи имѣли протяженіе на 272,164 километра (метръ равняется почти 2 1/2 вершкамъ на нашу мѣру длины; километръ равенъ одной тысячѣ метровъ, или 22,500 вершкамъ, или почти 469 саженьямъ); число пересылаемыхъ телеграммъ доходило до 33.155.901. Телеграфныя-же проволоки имѣли въ длину около 500,000 километровъ, не считая спеціальныхъ приводовъ, при желѣзныхъ дорогахъ. Изъ другихъ странъ, наибольшую длину телеграфнаго сообщенія представляли собою: Россія, имѣющая 89,872 километра; Германія—66,289; Франція—59,152; Австро-Венгерія—48,644; Австралія—49,947; Англія—35,449; англо-индійскія владѣнія—29,120; Турція—27,336; Италія—25,382. Всего длина телеграфныхъ линій этихъ странъ заключаетъ въ себѣ около одного милліона километровъ. Если прибавить къ этому менѣе длинныя телеграфныя сѣти Швейцаріи, Бельгіи, Португаліи, Дани, затѣмъ, многочисленныя сѣти, предназначающіяся исключительно для желѣзныхъ дорогъ, то это составитъ болѣе полтора милліона километровъ, то-есть: около сорока окружностей земнаго шара.

Сказанія о средоточіи земли. Въ средневѣковомъ христіанствѣ упорно держалось вѣрованіе, что средоточіе земли должно непременно быть въ Иерусалимѣ и дѣйствительно оно тамъ обозначалось особымъ камнемъ, лежавшимъ на Голгофѣ, какъ объ этомъ рассказываютъ старинныя западныя и наши паломники. Даже магнетане раздѣляли это убѣжденіе. Впрочемъ подобное-же представленіе отношеній различныхъ священныхъ мѣстностей мы встрѣчаемъ и у многихъ древнихъ народовъ, какъ напр. Асгардъ городъ боговъ у древнихъ скандинавовъ, гора Меру (Гималаи) у индусовъ, гора Борни на Кавказѣ у персовъ, гора Ригиень у тибетцевъ и Дельфа у античныхъ грековъ.

Паровыя машины во Франціи. Изъ отчета министра публичныхъ работъ, явствуетъ, что число паровыхъ котловъ, въ 1879 году, во Франціи, достигало до 5000. Число заведеній, пользовавшихся ими, во Франціи и Алжирѣ, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, увеличилось на 1600 противъ предыдущаго года, и превосходило 32,000. Нелишне замѣтить при этомъ, что 600 изъ нихъ примѣнены къ земледѣлію. Число двигательныхъ машинъ, употребляемыхъ на француз-

ских заводах, на желѣзных дорогах и на бортахъ судовъ, достигаетъ до 50,291 (изъ нихъ 7185 локомотивовъ), представляя номинальную силу въ 3.220,000 лошадиныхъ силъ.

Подземное телеграфное сообщеніе Германіи. Въ прошломъ году закончено сооруженіе подземной телеграфной сѣти въ Германіи. Последнія двѣ линіи соединяютъ Берлинъ со Штеттинъ и Кельнъ съ Аахеномъ. Подземныя телеграфныя линіи пересѣкаютъ, въ разныхъ мѣстахъ, всѣ большія рѣки Германіи, такъ-же какъ и значительное число небольшихъ рѣчекъ и водныхъ теченій. 220 городовъ сообщаются черезъ посредство подземной сѣти. Издержки по устройству ея простираются до 30.210,975 марокъ.

Языкъ насѣкомыхъ. Одинъ англійскій ученый сдѣлалъ поразительное открытіе. По его мнѣнію, мухи имѣютъ особый языкъ, неслышимый для человѣческаго уха, но совершенно ясный для насѣкомыхъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о жужжаніи, производимомъ насѣкомыми, которое мы слышимъ такъ часто и которое происходитъ отъ быстрого движенія ихъ крыльевъ, но объ особомъ звукѣ, составляющемъ языкъ, средство для взаимнаго пониманія.

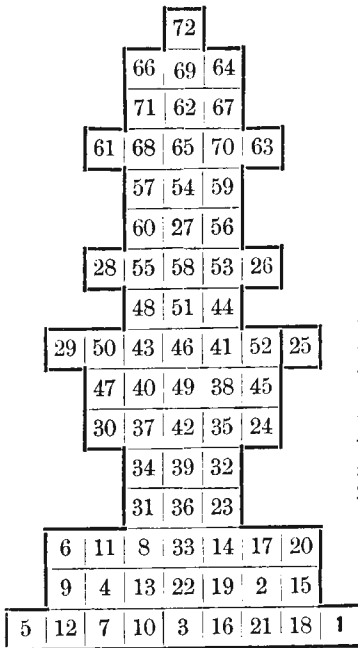
Открытіе это было сдѣлано съ помощью микрофона. Известно, что микрофонъ позволяетъ уху воспринимать самыя слабыя звуки,

усиливая ихъ, точно такъ-же какъ микроскопъ увеличиваетъ предметы для нашихъ глазъ. На доску аппарата сажаютъ муху. Тогда становятся ясно слышными разнообразныя звуки, совершенно отличныя отъ жужжанія крыльями, и иногда похожіе даже на отдаленное ржаніе лошади или лай собаки.

Прейсъ-курантъ дикихъ звѣрей. Недавно изданъ оригинальный прејсъ-курантъ живущимъ въ Марсели поставщикомъ дикихъ звѣрей для звѣринцевъ и зоологическихъ садовъ. Заимствуемъ изъ него слѣдующія любопытныя цифры: Индійскій слонъ стоитъ 12,500 франковъ (около 6000 рублей на наши деньги, по теперешнему курсу): королевскій тигръ — 7000 фр. (около 2,800 руб.). Цѣна обезьянъ измѣняется отъ 30 фр. (около 12 руб.), за самыхъ маленькихъ, до 260 фр. (около 104 руб.), за синецкаго павіана. Впрочемъ, хорошіе экземпляры послѣдняго рода обезьянъ продаются иногда за 3000 фр. (около 1200 руб.); это тѣ, которыя достигли уже полнаго развитія: такія бывають, обыкновенно, 4 футовъ росту и пріучаются носить ливрею. Наоборотъ, чрезвычайно высокія цѣны на нѣкоторыхъ травоядныхъ; такъ антилопы и зебры положительно недоступны; хорошій носорогъ стоитъ отъ 10,000 до 12,000 фр. (отъ 4000 до 4800 рублей, приблизительно).

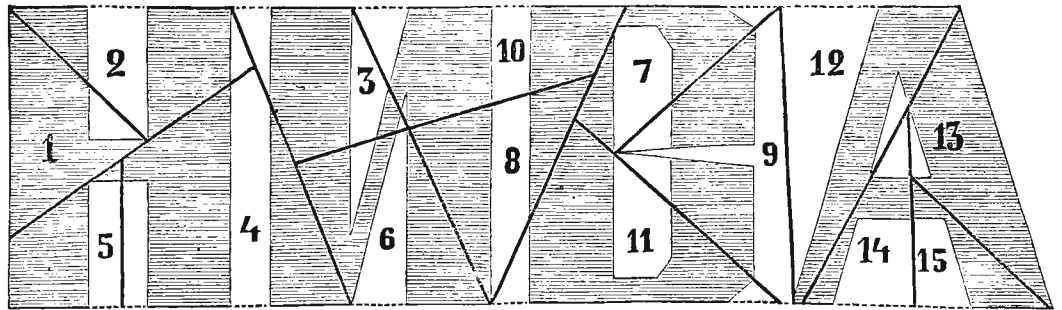
Рѣшеніе задачи — ходъ коня № 31.

Лишь солнце чуть кого пригрѣбѣтъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣтъ,
Что многимъ очень холодно.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва — Воборскі; Астрахань — Цѣхановича; Варшава — Лихтенбергъ; Симферополь — П. Д.

Рѣшеніе задачи № 29.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб. — Люхина, Кейдасъ, Бросниновскаго, Кузьмина, Брычева, Вестфаль, Хесинъ-Икунварт, Мери, Шадурскаго, Кирьянова-Бѣльскаго, Япсона, Погосскаго, Жаворонкова, Генингъ. Москва — Пѣтшакова, Волкова, Максимова, Журавлева, Ларионова Григорьева-Костерева, Яковъ, Еремипа, Выгодникова. Астрахань — Цѣхановича. Бачисарай — Дремджи, Бебешъ, Лаврецкаго, Прикъ. Балахна — Цаланова. Бѣжецкъ — Фаленкова. Бѣла — Выстрова. Лежнева. Бѣлгородъ — Элобина. Верро — Эйзенбаумъ. Вильномиръ — Турвичъ. Вологда — Назвожикова. Вольскъ — Селиванова. Гнатьскъ — Глушкова. Галичь — Храпцова, Гомель — Шалованова. Динабургъ — Вавилова, Маковского. Житомиръ — Евсикіева. Казань — Чертова, Налуга — Шумилиной, Ворошилова, Жданова. Калызинъ — Малиновскаго. Каменецъ — Масленикова. Керчь — Дервисье. Ковель — Смольникова. Козловъ — Ухова. Нострома — Михайловскаго. Красное-село — Веѣчагина. Кроштадтъ — Шпѣмскаго. Ломжа — Кулько. Лухъ — Ягнестовой. Люблинъ — Кирилова. Одесса — Діевскаго. Орель — Селихова, Подушова. Островъ — Королева, Базунова, Крылова. Печани — Арнеухова. Подольскъ — Молчанова. Покровское — Бѣлгородко. Ревель — Отоцкаго. Ростовъ на Дону — Запорожцевой, Чугаева, Заградиди. Рыбинскъ — Трусова. Рильскъ — Аристарховой. Рязань — Печавой. Самара — Громова. Саратовъ — № 52099. Севастополь — Жеребинова. Серпуховъ — Лузовлева, Костякова. Симферополь — Джаварджи. Сиопинъ — Волкова. Тамбовъ — Елагиной, Павлова. Тифлисъ — Архіепископова. Тула — Ченгеліева. Уманская — Кислява. Шадовъ — Тицалко. Шата — Полева. Вѣна (Австрія) — Руфъ.

Рѣшен. шашечн. задачи № 30.

Бѣлые.	Черные.
g 1 — f 2	c 5 — g 1
f 4 — c 7	b 6 — d 8
e 1 — f 2	g 1 — g 7
b 8 — f 4	d 8 — f 6
f 4 — g 5	f 6 — e 5
g 5 — f 6	e 5 — f 4
c 3 — e 5	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб. — Филдторъ, Нея, Воронихина; Москва — Гаврилова, Попова, Васильева, Елецъ — Волуйскаго. Налуга — Волокова,

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. петербургскихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Карлъ Пилоти (съ портр.) — Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергей Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть первая. (Продолженіе). — Динія. Разсказъ изъ галицкой жизни Захеръ Мазоха. — Московская выставка. Картина Корзухина (съ рис.). — Карлъ XII и Мазепа (съ рис.). — Идетъ поздравить (съ рис.). — Разливъ рѣки Миссисипи (съ рис.). — Валаамъ и Коневецъ (съ 2 рис.). — Электрическая комнатная лампа (съ рис.). — Путьма о здоровьи. Оспа. Н. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Игры и задачи (съ рис.). О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ весьма освежительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій, двойной, тройной, № 4 эстрактъ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ разрѣшенный С.-Петерб. Врачеби. Управою, оживляетъ и освежаетъ кожу своими ароматическими составными частями, онъ также отличное средство для куренія въ комнатахъ, гдѣ находятся больные и вообще въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ испорченъ, фл. 60 к.
Уксусъ Виолетъ де-Пармъ превосходный, Уксусъ нарболовый анти-эпидемическій.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близкаго подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точности фирмъ:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 13—54, № 2070 2—2 Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежать.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. П. Кельсиева, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1882 г. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

НАТУРАЛЬН. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

СВѢЖАГО 1882 РАЗЛИВА ПОЛУЧЕНЫ

У РУЛЬКОВІУСЪ И ГОЛЬМЪ.

Уголъ Большой Московской улицы и Кузнечнаго переулка, д. Владимірской церкви, М. № 2101 5—2
въ АПТЕКѢ Амброжевича въ КОЛПИНО.

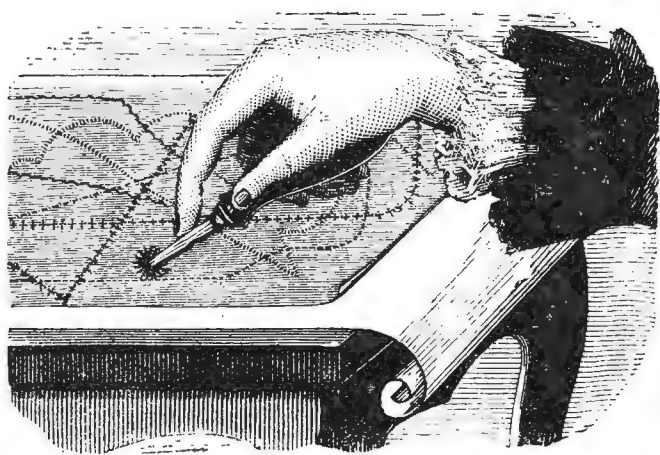
Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ВУНУОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. Н. Карзанина съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть В. П. Кельсиева съ рисунками Панова и Коверзевы. Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ формѣ повѣсти Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., для подписч. „Нивы“ 75 к. съ перес. за 1 ф.

РЪЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.

Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Б. Морская. № 9.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Маритта*. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ

для мытья головы.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и вѣсьм доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во вѣсьмъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. охотнымъ покупателямъ обычная уступка. № 2013 25-9

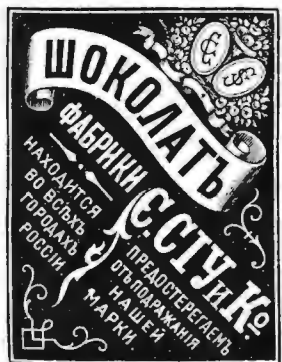
Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Комиссіонерство

„РАБОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соланой горюлокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.
Въ Невѣ: Уголь Безаковской и Жиланской улицъ.

Имѣть на своихъ складахъ постоянно большой выборъ земледѣльческихъ машинъ и орудій новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также молочную посуду, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства. Заказы на локомобили, паровыя молотилки, мельницы и нѣкоторыя другія машины, направляемыя съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются комиссіонерствомъ по заводскимъ цѣнамъ безъ надбавки комиссіи. Комиссіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Шутльворта, Рансома, Гада и Диеферса, Говарда, Дюнстона и К^ч, Пеннея, Энкерта, Бенкера и др. Заказы исполняются немедленно. КATALOGI выдаются и высылаются бесплатно. № 2069 10-6

И. №. 1908 12-4.

Единственный самый лучший въ Имперіи источникъ для покупки перчатокъ
СОКРАЩЕННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
на двѣ пугонцы за дюжину лайвовыхъ дамскія и мужскія 8 руб. Шведскія 9 р. Замшевыя желтыя и сѣрыя 14 руб. Замшевыя офицерскія бѣлыя 18 руб. За отправку по почтѣ 50 к. Требования и деньги адресовать: **Торговый Домъ „Compteur Russe“ въ Варшавѣ.** № 2083 5-2

ДАЧА
близъ Выборга на берегу озера въ здоровой, прелестной мѣстности, съ мебелью, продается дешево и отдается на лѣто. Милыя Большая Морская, д. № 39 до 12 час. утра и 6-8 час. вечера. № 2085 4-3

!!! Необходимо для вѣсьхъ!!! Для общаго блага !!!
Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб.
Насосы дѣйствующіе чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растеній отъ насѣкомыхъ 12 руб. 50 коп.
Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требования, деньги направлять по адресу.
Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ. № 2081 5-3

КЪ СВѢДѢНІЮ!
„ЭЛЕОПАТЪ“.
БЕЗОПДОВНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОБНОЗОРА КИНУНЕПА
употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и онытъмъ признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для оставанья выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тѣмъ же обязаны единственно „Элеопатъ“ своимъ длиннымъ хорошимъ волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во вѣсьмъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногороднихъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногороднихъ:
въ Главное Депо „Элеопата“ Пассажи, Магазины № 62, въ С.-Петербургѣ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій црпніе члстнй тѣла, особенно же ногъ и пальцевъ. Во короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. Составъ изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы. Эти-то кристаллы и даютъ ему црпніе и даютъ ему црпніе и даютъ ему црпніе, до сихъ поръ употребляемымъ въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ црпніе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мнѣ изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ во вѣсьмъ короткое время при помощи ваты, полотно или кисточки натереть Гальманиномъ црпючія части тѣла, чтобы избѣгнуть црпнлтъныхъ послѣдствій, каковы подвержены лица, принужденныя долго ходить во лтніе жаркіе дни.

Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкѣ, снабженнѣмъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во вѣсьмъ аптекахъ, а также у дрогистовъ во значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп.

В. Карпинскій.
Мастръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электральной, № 35.

Поступила въ продажу новая книга:
Методина аримететики для народныхъ школъ.
Курсъ первыхъ двухъ лѣтъ обученія малолѣтнихъ. Съ приложеніемъ стѣнной хромотогр. таблицъ и рисунковъ арифм. аидка. 160 стр. въ больш. 8 л. л. Сост. Владиславъ Исленъевъ. Одобрена Учен. Комитет. Мин. Народн. Провѣщ. Цѣна 75 к., съ перес. на счетъ покупателя.
Склады изданія въ Назани, книжн. магазинъ А. А. Дубровина, Гостиный дворъ. При выпискѣ изъ склада 100 экз.—уступки 20%
№ 2105

Жизнеспасающій громоотводъ
(карманный инструментъ), необходимый вѣсьмъ, всегда и вездѣ. Цѣна 1 р. съ „Обязаніемъ“ и пересылкою. Адр. Въ г. Петровъ, подполковнику Дульцеву. № 2106 1-1

РУКОВОДСТВО франц. языка Шаверновской высыл. по почтѣ только изъ книж. магазин. Петерб. Цѣна 40 к. № 2110 1-1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
во вѣсьмъ книжныхъ магазинахъ изданнй журналомъ
„СТРЕКОЗА“
стихотворный сборникъ - кипецъ
„РОСИНКИ“
съ цвѣтовъ всемірной поэзіи
ОРИГИНАЛЬНЫИ И ВЪ ПЕРЕВОДѢ
ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ
изданія миниатюрное. Стр. 150.
Цѣна въ художеств. обложкѣ 40 к. Съ № 2088 перес. 50 к. 6-3

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:
Дм. Бортыанскаго
35 ДУХОВНЫХЪ КОНЦЕРТОВЪ
для дисканта, альтъ, тенора и баса съ акком. фортепиано, изданное подъ редакціею П. Чайковскаго: Партитура въ 1 томѣ . . . 5 р.
Голоса въ 4 томахъ . . . 5 р.
Каждый голосъ въ 1 томѣ 1 р. 50 к.
Тѣже концерты въ отдѣльныхъ номерахъ:
партитура по . . . . . 25 к.
4 голоса . . . . . 20 к.
каждый голосъ отдѣльно . . . 5 к.
Фортепианное переложеніе можетъ, служить для фисгармоніи или гармоніума.
Принимается подписка на полное собраніе духовно-музыкальныхъ соч. Дм. Бортыанскаго, исправленныхъ и пересмотрѣнныхъ П. Чайковскимъ.
Фортепианное переложеніе слишкомъ 40 номеровъ сдѣланы вновь П. Чайковскимъ.
Цѣна полному изданію въ 10 томахъ:
партитуры . . . . . 10 р.
голосовъ . . . . . 10 р.
Вышли первые пять томовъ.
Москва, у ЮРГЕНСОНА, Неглинный проездъ № 10. С.-Петербургъ, у Г. Юргенсона, Большая Морская № 9. И. № 2108 1-1

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ
РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ
НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за плечу	10 руб. — коп.
Плащи съ крыльями	13 " — "
Капюшоны къ нимъ	1 " 25 "
Военныя пальто	17 " — "
Пальто дамскія съ рукавами	13 " — "
Дамскія тальмы	11 " — "
Плащи для дѣтей	10 " — "
Пальто, съ рукавами вѣсьмъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на шерстяной подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	30 " — "
Плащи съ крыльями такія же	30 " — "
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на бумажной подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	22 " — "
Плащи съ крыльями такія же	22 " — "
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржи)	34 " — "

Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина, — длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща — вся длина и объемъ шеи.

ПРОТИВЪ МОЛИ
рекомендуемъ особенно для храненія мѣховыхъ вещей
РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,
которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:
Для храненія 1 шубы за мѣшокъ 5 руб. — коп
" " 2 шубъ " " 6 " 50 "
" " 3-4 шубъ " " 8 " — "
" " 4-5 шубъ " " 9 " 50 "
" " 5-7 шубъ " " 11 " — "

Въ провинціи заказы исполняются немедленно и присылаютъ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р. болѣе 1000 верстъ — 2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
ЛИМАНА и РИКСА.
16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, 16.

Серебряные дамские часы

заходящиеся ключемъ.
Анкерные на 15 камней, открытые, 25 р. и 30 руб.
Также на 1-го сорта 35 и 40 р.
Ручательство на два года.
Фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Коюшениной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ. Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

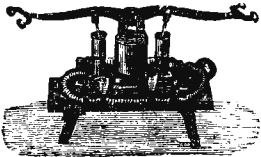
ВОЛЖСКО - КАМСКІЙ

СКЛАДЪ

земледѣльческихъ машинъ, орудій и мельничныхъ принадлежностей
М. РАМЪ и К^о въ Казани.

(Отдѣленіе въ Симбирскѣ).

Плуги 1, 2, 3 и 4 лемешные, бороны, сѣялки, сѣнокосилки, жатвенныя машины, молотилки, вѣялки, сортировки и зерносушилки, заводы: Эккерта, Велерта, Говарда, Липгарта и К^о. Вальцовые станы Ганца и Вегманъ, французскіе жернова, швейцарскія шелковыя сита, мельничные поставы. Локомобили и молотилки Рустона Проктора и К^о, паровыя машины, турбины, пожарныя трубы и проч., приблизительно по московскимъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты и каталоги по требованію. № 2098 2-2

Русская пожарная труба

ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ,
ЛУЧШАЯ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

съ мѣдными цилиндрами и такими же клананами, вырасынающая въ часъ около 480 ведеръ воды на разстояніи 12 до 14 саж. со всѣми рукавами, брандспойтомъ и ключами, цѣною въ 115 р. имѣется постоянно въ наличности въ большомъ количествѣ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 1 линія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
Требуйте иллюстр. каталоги. 2086 3-3

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!

Вездѣ примѣняемая полная пожарная команда за 75 рублей.
Состоитъ изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.
1. Механическ. носилки для спас. вещей.
1. Средства для спасанія людей.
1. Устройста предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія дозволяющаго подойти къ самому огню.
1. Резервоара для воды.
1. Патентованнаго цолярнаго ведра.
1. Пояса кожанаго.
1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
1. Металлическаго англійскаго шлема.
2. Большихъ пожарныхъ крючьевъ.
1. Стальнаго пожарнаго топора.
Укупорка 5 рублей. Требования и деньги адресовать: Генриху Барыцкому Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ. № 2080 10-3

Для Электрическаго Освѣщенія.

Продаются: Динамо-электрическая машина системы Сименса и Гальске, на восемь фонарей и 7 фонарей съ дифференціальными регуляторами Сименса и Гальске, коммутаторъ и изолированныя мѣдные проводники.
О цѣнѣ узнать въ типографіи А. Ф. Марксъ Англійскій проспектъ домъ № 10 С.-Петербургъ.

Два новопатентованныхъ американскихъ практичныхъ изобрѣтений.
Неподражаемой доброты ванса для обуви сохраняющаго кожу и дающаго превосходный и прочный блескъ, 50 полуфунтовъ, или 25 фунтовыхъ жестянокъ . . . . . 7 руб. 50 коп.
Замѣчательная помада для чистки и полировки въ 1/4 минуты: металловъ, самоваровъ, кухонной мѣдной посуды, утвари и проч. 50 меньшихъ или 25 большихъ жестянокъ . . . . . 3 руб. 75 коп.
Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказѣхъ не менѣе ста руб. 10% скидки. При заказѣ свыше 300 руб. 10% скидки и провозъ не считается.
Требованія, деньги, адресовать:
Торговый домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.
Исключительная продажа на всю Европу.
Требуются надежные агенты. № 2082 5-2

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ ЦѢНА 1 р.

для вскормленія грудныхъ дѣтей.
Самое лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается вслѣдствіемъ ребенка.

СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ ЦѢНА 75 к.

ГЛАВНОЕ ЦѢЛО въ Сиб. Ка-закск., 3, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ
также у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекаремнми Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится синий штампель и подпись Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
Р. № 2012 5-5 ГЕНИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГІЙ ГОРВАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in-8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленовой бумагѣ съ вышкетками. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Болѣе 200 медалей первого класса. Ежедневное производство болѣе 10,000 машинъ.

НОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

(ВЪ НЬЮ-ІОРКЪ).

Ввозъ въ Россію и продажа производится исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго

Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.

Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.
Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Р. № 2090 2-2

ФИСГАРМОНИИ

изъ лучшей париж. фабрики Бюссона рекомендуютъ въ больномъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ отъ 90 до 400 р.,
Главное депо музык. инструм.

ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.
Сиб., по Большой Морской, № 42.
А. № 2036 2-2

Космет. спермацетовые личные УТИРАЛЬНИКИ

косметика А. ЭНГЛУНДА,
приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей угрей и проч. При употребленіи сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою и нѣжною. Удобное средство для дороги гдѣ особенно подвержены вліянію солнца, пыли и вѣтра, они единственное вѣрное средство для предупрежденія загару, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и проч. ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія поддѣлки прошу требовать на каждой пачкѣ подписи А. ЭНГЛУНДЪ. Красныя чернила пачка 60 коп., съ перес. не менѣе 2 пачекъ 2 р., 4 пачки съ перес. 3 руб. Получать можно въ Русск. Общ. торг. агт. товаровъ, Казанская, № 12; Рязковіусъ и Гольмъ, Большая Московская ул., № 1; аптекарск. складъ бывшій Шишко и Позингъ, Казанская № 37 и во всѣхъ апт. нарф. торг. Пг. иногородныхъ прошу адресоваться: С.-Петербургъ, парфюмерный магазинъ А. Рузанова Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 40. № 2104

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.
Иполить Вагонъ.
Гороховая ул., домъ Лемоне, № 9, квартал. № 8, въ СПетербургѣ.
№ 2060 1-1

55 к.

машинки „патаукъ“ для рѣзанія стекла, точенія ножей и другихъ практическихъ употребленій; инструментъ „все въ одномъ“, содержащій 15 различныхъ инструментовъ 4 р.; сиченица-автоматъ 2 р.; спиченица свѣтящаяся въ темнотѣ 75 к.; 1 р. и 3 р.; также же подвѣсочки 2 и 3 р.; чудо мушкетера образующій картинку при куреніи 75 коп.; тушь же изъ

ПОДДѢЛЬНЫХЪ БРИЛЛАНТОВЪ

по игрѣ не уступающіе настоящимъ: серьги отъ 2 р. 50 к. до 9 руб., броши отъ 4 до 13 р., булавки отъ 2 до 5 р., кольца отъ 1 до 4 р., запонки грудная 4 р., 50 к., звѣзды (въ волосахъ носить) 10 р.

ЖАКЛАДНАГО ЗОЛОТА

цѣпочки мужскія и дамскія отъ 2 р. 50 к. до 12 р.; медальоны мужскіе и дамскіе отъ 2 до 5 р.; браслеты 5 и 7 р.;

ЛѢТНІЯ ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ.

Кронетъ (съ объясненіемъ правилъ игры) въ 8, 12 и 20 руб.; диво-птица, поющая какъ настоящая, съ движеніемъ хвоста и клюва 1 р. 50 к.; полныя рыболовные приборы 5 и 10 р.; фонари для иллюминацій отъ 5 к. до 1 р.; бенгалскій огонь.

Всѣ цѣны назначены съ пересылкою; медаль цѣны на 3 р. не выслать. Магазинъ „НЮРНБЕРГЪ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискось церкви Успенія, напротивъ бриллиантшика Сергунина. Тутъ же: Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ и зонтиковъ. П. № 2107

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ
№ 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис., разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загранич.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:	
Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.	
Наждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложениями.	

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложениія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячами, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 8.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ.

Въ лицѣ недавно скончавшагося (27-го Марта 1882 г.) С. Г. Строганова угасъ одинъ изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ представителей нашей старинной знати, игравшій въ продолженіи цѣлыхъ двухъ царствованій столь широкую и выдающуюся роль въ исторіи русскаго просвѣщенія и художественнаго развитія. Имя графа Строганова чуть ли не въ теченіе полу столѣтія связывалось съ самыми лучшими моментами нашей умственной жизни и вельможа, носившій это знаменитое имя, то являлся незабвеннымъ почитателемъ старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ, то воспитателемъ Наслѣдника престола, то щедрымъ покровителемъ отечественнаго искусства и археологій. Графъ Сергѣй Григорьевичъ родился въ Москвѣ въ 1794 году и получилъ высшее образованіе въ Институтѣ Корпуса Пугей Сообщенія. Отецъ его былъ баронъ, но Сергѣй Григорьевичъ, женившись на послѣдней представительницѣ рода графа Строганова, вмѣстѣ съ

Графъ С. Г. Строгановъ † 27 марта. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

тѣмъ получилъ графское достоинство. Прямо изъ корпуса, въ 1811 году, Строгановъ вступилъ въ военную службу и участвовалъ какъ въ походахъ отечественной войны, такъ и въ войнѣ 1828 года. По заключеніи мира съ Турціей, Сергѣй Григорьевичъ былъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для переустройства нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, главнымъ результатомъ дѣятельности котораго было составленіе проекта гимназій, введеннаго въ дѣйствіе 8-го декабря 1828 года. Въ 1831 году графъ былъ посланъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ заслужилъ общую признательность за свои успѣшныя дѣйствія противъ свирѣпствовавшей тогда холеры, а въ слѣдующемъ году управлялъ нѣсколько времени Минской губерніей. Въ 1835 году Сергѣй Григорьевичъ получилъ званіе генералъ-адъютанта и былъ назначенъ почитателемъ Московскаго учебнаго округа. Эта эпоха его служебной и общественной дѣятельности, обнимающая собою цѣлыя двѣ

вадцать лѣтъ, была самою плодотворною для интересовъ русской науки и просвѣщенія. Московскій университетъ подъ управленіемъ графа Строганова занялъ передовое мѣсто въ ряду другихъ нашихъ университетовъ, и въ стѣнахъ его представляли русской науки явились такіе замѣчательные профессора, какими были Грановскій, Бодянский, Крыловъ и Кудрявцевъ. Кромѣ того графъ на собственныя свои средства основалъ училище рисованія, извѣстное до сихъ поръ подъ именемъ Строгановскаго и оказавшее не малую услугу въ дѣлѣ развитія у насъ художественно-техническаго образованія. Въ то же время Сергѣемъ Григорьевичемъ было положено начало Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденному при Московскомъ университетѣ, а также особой археологической комисіи для изслѣдованія босфорскихъ и синопскихъ древностей.

Благодаря раскопкамъ этой комисіи нашъ Эрмитажъ обогатился въслѣдствіи такимъ богатымъ собраніемъ разныхъ рѣдкостей невѣдомаго до той поры скітскаго міра, какимъ не обладаетъ ни одинъ музей въ Европѣ. Отъ обязанности почитателя графъ Строгановъ былъ призванъ доврѣемъ

Государя къ выполненію еще болѣе важной обязанности, а именно назначенъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Но и среди трудовъ государственной важности графъ находилъ еще время заниматься своей любимой наукой—русской археологіей, посвящая ей всѣ свои досуги и предаваясь ей съ чисто юношескимъ увлеченіемъ. Такъ подъ его руководствомъ было издано роскошное описаніе древностей Россійскаго государства—изданіе капитальное по своему научному и художественному значенію. Кромѣ того на свой собственный счетъ графъ Строгановъ издалъ описаніе замѣчательнаго по древности Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, снабдивъ его прекрасными рисунками и строго-научнымъ текстомъ. Кромѣ того Сергѣй Григорьевичъ долгое время и до самой своей кончины состоялъ предѣтелемъ Археологической комисіи, трудъ которой подъ его руководствомъ приобрѣлъ самое широкое и плодотворное развитіе. Послѣ археологіи графъ болѣе всего любилъ издѣвныя искусства и щедро покровительствовалъ нашимъ начинающимъ художникамъ, а его домашняя картинная галлерей была самою цѣнною и лучшею во всемъ Петербургѣ.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXXI.

Печальные дни.

Не въ характерѣ Екатерины было поддаваться слабости. Она чувствовала себя совсѣмъ разбитой, больной, измученной; въ ея сердцѣ было много томительныхъ ощущеній, въ головѣ много печальныхъ и мучительныхъ мыслей; но никто изъ постороннихъ не долженъ былъ знать того, что она чувствуетъ, не долженъ былъ видѣть какъ она упала духомъ. Она и такъ не справилась съ собою въ первыя минуты, чего съ ней никогда не бывало; но довольно, впредь этого не будетъ!... Всѣ ея члены будто разбиты, она едва можетъ двигаться, голова будто налита свинцомъ, тяжело дышать.

Но она сдѣлала надъ собой усиліе, ласково поцѣловала рыдавшую внучку и обратилась къ великой княгинѣ:

— Да, полноте, дочь моя, сказала она ей,—успокойтесь и успокойте малютку,—что отложено,—то еще не потеряно!.. Я завтра же распутаю это дѣло и все обойдется... А теперь прощайте! Я устала... поѣду къ себѣ...

— Je vous prie de m'accompagner, mon ami! обратилась она къ цесаревичу.

Страданіе выразилось на лицѣ ея когда она поднялась съ кресла, но она ни однимъ звукомъ себя не выдала, выпрямилась на сколько могла и величественно вышла изъ комнаты, опираясь на руку сына.

Залы были еще полны народомъ. Балъ не былъ отмѣненъ. Веселые звуки музыки неслись съ эстрады, почти незримой за маскировавшими ее тропическими растеніями и цвѣтами.

Любопытные, встревоженные и недоумѣвающіе взоры встрѣчали и провожали императрицу и цесаревича.

Екатерина привычнымъ жестомъ кивала на право и на лѣво головой, она даже силилась улыбаться; но улыбка на этотъ разъ ей не удавалась...

По выходѣ императрицы великая княгиня кинулась къ дочери, но не нашла въ себѣ силъ ни самой успокоиться, ни ее успокоить. Она только крѣпко обняла ее и такъ онѣ долго вмѣстѣ плакали.

„Малютка“ хоронила свое внезапно пришедшее и еще внезапно исчезнувшее счастье. Великая княгиня страдала страданіями дочери и въ то же время жестоко себя упрекала:

„Онъ былъ правъ, думала она вспоминая слова це-

саревича,—его предчувствія не обманули. Не нужно было доврѣяться этому безсердечному, ужасному мальчику, не нужно было допускать между ними короткости! тогда разлука не была бы для нея такъ мучительна, а теперь она успѣла страстно къ нему привязаться. Но можно ли было это предвидѣть?! Можно ли было ожидать съ его стороны такого возмутительнаго поступка!?!“

„Да, нѣтъ, нѣтъ! дѣло уладится!“ успокоивала она себя и никакъ не могла успокоить.

Она уже не вѣрила ни во что хорошее...

Безсонную ночь провела она не отходя отъ постели великой княжны, которая совсѣмъ заболѣла: стонала и металась. Заснетъ на нѣсколько минутъ, а потомъ вдругъ вскопичитъ, зарыдаетъ, говоритъ несвязныя фразы...

На слѣдующій день было рожденіе великой княгини Анны Федоровны, супруги юнаго Константина Павловича. По этому случаю во дворцѣ долженъ былъ состояться балъ и отмѣнить его не было возможности, такъ какъ это возбудило бы излишніе толки.

Великая княжна не въ силахъ была подняться съ постели и сама Марія Федоровна чувствовала себя совсѣмъ больной.

Между тѣмъ изъ Таврическаго дворца, отъ императрицы, пришло извѣстіе что на балу всѣ непременно должны присутствовать, что сама она пріѣдетъ и что шведскій король также появится.

„Боже мой, да какъ же это возможно! съ отчаяніемъ подумала Марія Федоровна,—бѣдная дѣвочка не выдержитъ. Они не должны встрѣчаться. Да и я, хороша я буду на этомъ балу съ такимъ лицомъ!“

Она подошла къ зеркалу и взглянула на свои опухшіе отъ слезъ глаза.

„Нѣтъ, пусть сыновья съ женами отправляются, а я съ нею останусь!“

И она поспѣшно отравила императрицѣ такую записку:

„Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что у меня глаза опухли и красны; всѣ увидятъ, что я плакала, и станутъ глядѣть на меня. При этомъ я кашляю. Если бы мнѣ было позволено не выходить, то вы мнѣ оказали бы большію милость“.

По посланный вернулся изъ Таврическаго дворца съ клочкомъ бумаги, на которомъ рукой Екатерины было наскоро написано:

„О чемъ вы плачете? Что отложено, то еще не потеряно. Вытрите ваши глаза и уши льдомъ, примите бестужевскихъ капель... Никакого разрыва нѣтъ... Я вчера была больна—и только. Вы досадуете на замедленіе, вотъ и все. Изъ за этого ваша дочь больна; а впрочемъ, вашъ супругъ передастъ вамъ, что я ему писала.“

Съ этой запиской Марія Федоровна отправилась въ покои цесаревича, который на этотъ день остался въ Петербургѣ.

— Ты видишь въ какомъ я положеніи, сказала она ему, — а Alexandrine!.. пойди, самъ взгляни на нее! И матушка требуетъ чтобы мы присутствовали сегодня на балу! Вотъ прочтите!..

Цесаревичъ нахмурившись пробѣжалъ глазами записку императрицы.

— Да, она крѣпится, сказалъ онъ,—хочетъ выдерживать, все сгладить и поправить... сердится... Ну, что же, конечно нужно не подавать виду, соблюсти приличія... Будьте на балу!

— А о чемъ это матушка пишетъ, что вы должны сообщить мнѣ? спросила великая княгиня.

Цесаревичъ пожалъ плечами.

— Она увѣряетъ, что вся бѣда произошла оттого что въ статьѣ о вѣроисповѣданіи сказано: „православная, апостольская, греческая!..“ будто они всего на всего просили измѣнить такъ: „исповѣданіе, въ которомъ она родилась и воспитана“. Будто въ этомъ заключается все недоразумѣніе и, слѣдовательно, его легко разъяснить и уладить. Не понимаю зачѣмъ надо себя обманывать! Ясно дѣло, что этой свадьбѣ не бывать и нужно теперѣ только одно—чтобы онъ скорѣе уѣхалъ отсюда. Это такое испытаніе—встрѣчаться съ нимъ, быть съ нимъ любезнымъ!.. Я просто не могу ихъ видѣть, и главнымъ образомъ не его, а этого герцога. Я увѣренъ что все это его рукъ дѣло. Такъ я и матушкѣ сказалъ, и она кажется согласна со мною... Постарайтесь успокоиться, мой другъ, все это тяжело и возмутительно, но, кто знаетъ, можетъ быть и къ лучшему. Малютка наша навѣрно была бы съ нимъ несчастна, быть можетъ это Господне милосердіе!.. До свиданья, мой другъ, идите къ ней, постарайтесь внушить ей мысль, что Богъ устрояетъ все къ нашему благу, что часто думая, что теряемъ—мы только приобретаемъ.

Цесаревичъ поцѣловалъ руку жены и ласковымъ кивкомъ головы отпустилъ ее.

Великая княгиня вышла отъ него нѣсколько успокоенная. Она боялась большой бури съ его стороны; она боялась, что онъ не въ силахъ будетъ сдерживать себя. Но вотъ онъ оказывается спокойнѣе всѣхъ, онъ даже почти доволенъ, что дѣло не состоялось.

„Опять предчувствіе! она кончитъ тѣмъ, что будетъ вѣрить его предчувствіямъ безусловно—онъ такъ часто сбываются!..“

Однако успокоить малютку, внушить ей покорность волѣ Божіей было не легко. Въ ея года, при первомъ пробужденіи страстнаго чувства, о Богѣ думаютъ мало, а если и думаютъ, то въ этой мысли не находятъ того утѣшенія, которое является потомъ, въ иные годы, послѣ многихъ битвъ жизни...

Во всякомъ случаѣ въ великой княгинѣ и „малюткѣ“ пришлось послѣдовать совѣту императрицы: онъ вытерли себѣ глаза и уши льдомъ, приняли бестужевскихъ капель и появились на балу.

Это былъ очень печальный балъ: приглашенныхъ оказалось немного, оживленія никакого. Танцы совсѣмъ не клеились. Вотъ пріѣхалъ король, на него всѣ глядѣли съ негодованіемъ; но онъ ни на кого не обращалъ вниманія. На его тонкомъ, холодномъ лицѣ нельзя было прочесть никакого смущенія.

Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поздоровался съ великой княгиней, подошелъ къ великой княгинѣ съ

привѣтственной фразой. И не замѣтилъ онъ даже, что при его приближеніи она смертельно поблѣднѣла и едва удержалась на ногахъ.

— Мaman, мнѣ дурно, прошептала она великой княгинѣ,—ради Бога уведите меня!

Пришлось исполнить ея требованіе.

Появилась и императрица. Она уже за этотъ день окончательно справилась съ собою и даже внимательный наблюдатель не могъ бы замѣтить въ ней ничего особеннаго. Правда, она довольно холодно привѣтствовала короля, она мало кого удостоила своимъ разговоромъ и уѣхала очень скоро, сказавъ передъ отъѣздомъ великой княгинѣ:

— Поговорите съ нимъ, мнѣ любопытно, что онъ вамъ скажетъ. Извѣстите меня запиской.

Но ея отъѣздъ великая княгиня подошла къ Густаву.

— Объясните мнѣ, сказала она ему,—что все это значитъ? Какъ слѣдуетъ понимать вашъ поступокъ съ нами?, извините, я говорю прямо, я иначе не могу.— что вы сдѣлали съ моею дочерью? Еслибы кто нибудь мнѣ сказалъ, что вы способны поступить такъ, и бы назвала такого человѣка клеветникомъ. Неужели вы такъ безсердечны! Неужели вы ее совсѣмъ не любите?! Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было увѣрять, зачѣмъ было заставить всѣхъ насъ повѣрить?!

— Ваше высочество, отвѣчалъ король нѣсколько смущенный ея тономъ, замѣчая ея волненіе, слыша сдерживаемыя слезы въ ея голосѣ,—ваше высочество, упреки ваши несправедливы. Мнѣ очень тяжело все это, но я не могъ поступить иначе...

Онъ сталъ объяснять и оправдываться и закончилъ красивою фразою:

— Если мнѣ предстоитъ разбить свое сердце, я разобью его, но только исполняя свои обязанности короля Швеціи. Я не могу измѣнить этимъ обязанностямъ, хотя бы мнѣ пришлось умереть; но я надѣюсь что дѣло еще уладится! да, оно должно уладиться!

— Я бы хотѣла вѣрить этому, отвѣтила великая княгиня,—уладить это дѣло необходимо для вашего счастья. Но скажите мнѣ откровенно: дѣйствительно ли вы имѣете какую нибудь надежду?

— Я храню небольшой лучъ ея! проговорилъ онъ, замолчалъ и сталъ угрюмо глядѣть по сторонамъ.

Великая княгиня отошла отъ него и скрылась во внутренніе покои.

Король нѣсколько разъ прошелся по залѣ, особенно любезно раскланялся со всѣми и уѣхалъ. Это было его послѣднее появленіе передъ дворомъ Екатерины...

Прошло нѣсколько дней. Во дворцѣ не было ни баловъ, ни приемовъ. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ празднествъ наступило затишье. Со шведами шли переговоры, которые не вели ни къ чему. Регентъ употреблялъ всѣ усилія для того чтобы убѣдить императрицу и великую княгиню въ своей къ нимъ преданности и своемъ отчаяннѣи по поводу того, что случилось.

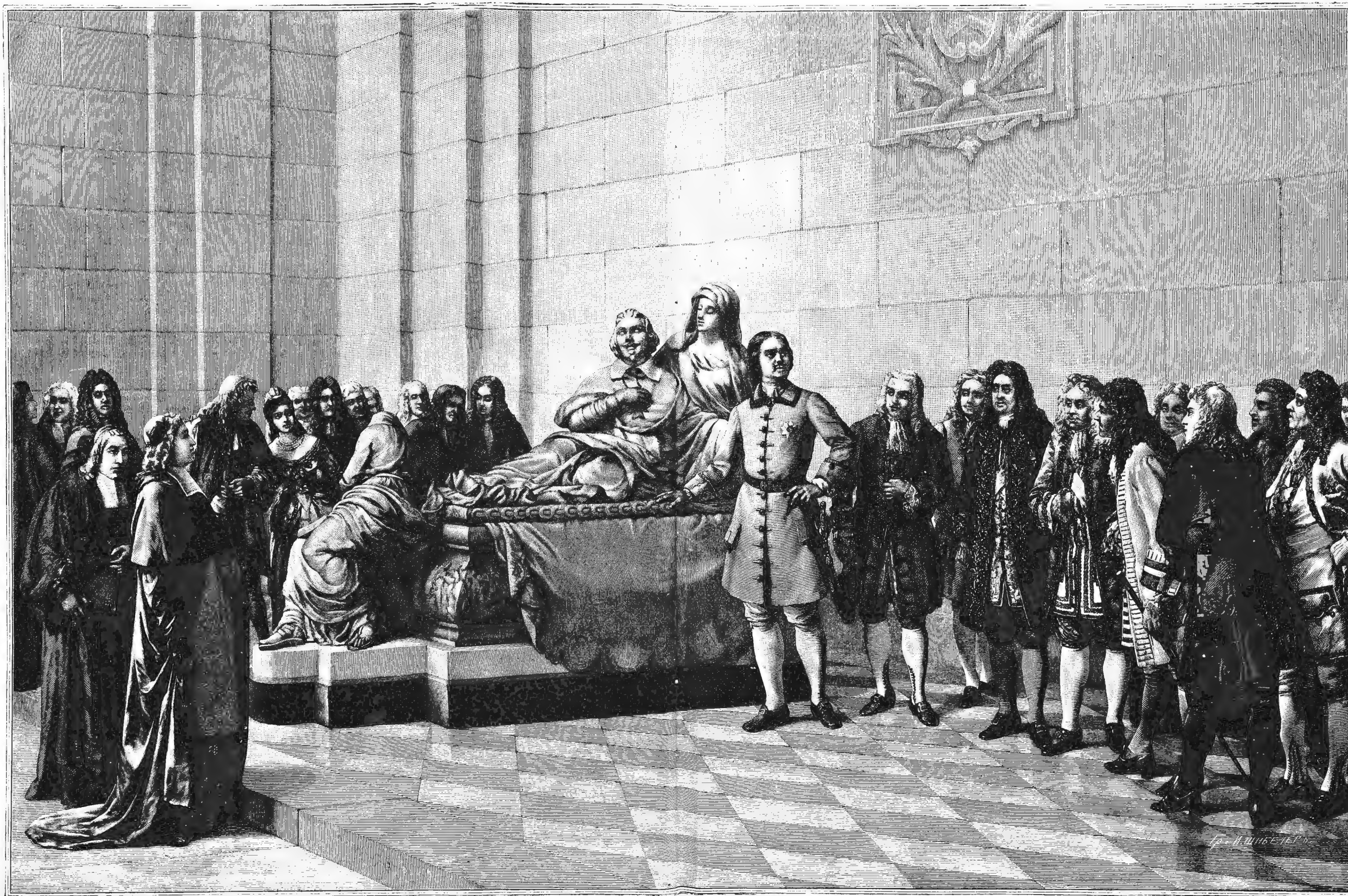
Густавъ выказывалъ необыкновенное упорство. Онъ то и дѣло повторялъ:

„Что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ, что сказалъ—то сказалъ и никогда не измѣню сдѣланнаго мною и сказаннаго!“

Наконецъ рѣшили на конференціи, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца, то есть, послѣ его совершеннолѣтія.

Императрица дала понять, что теперь дѣлать больше нечего и что она не задерживаетъ гостей своихъ въ Петербургѣ. Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ.

Такъ какъ прямого разрыва не было и всѣ еще толковали о томъ, что дѣло можетъ уладиться, то были соблюдены всякія любезности: обмѣнялись богатыми подарками. Однако и тутъ Густавъ сдѣлалъ непристойность.

Т. Турье, д'Аржансонъ. Дюкъ д'Антенъ. Дюкъ С. Симонъ М-те де Контъ. Киэль Долгоруковъ. Петръ I. Гр. Ягужинскій. Шафировъ. Ки. Куракинъ. д'Агессо (секр.). Сулпаторъ Куанево. Бурье. Енисеюъ Флери. Дюкъ Невиль. Гн Тохтоев. Маршалъ де Вилларъ. Махаровъ (кабин. секр.). Маршалъ Виллеруа. Марк. де Дрб.

Московская художественно-промышленная выставка. „Петръ I въ Сорбоннѣ передъ памятникомъ кардинала Ришелье (Юнь 1717 г.) въ Парижѣ“. Съ картины Бонча-Томашевского, грав. В. Шюблеръ.

Онъ не только не поѣхалъ лично въ Гатчину про-
ститься съ цесаревичемъ и великой княгиней, но даже
не послалъ имъ прощальнаго письма. Онъ только при-
казалъ секретарю шведскаго посольства Женнингу съѣз-
дить въ Гатчину и словесно передать его прощальныя
привѣтствія.

Ему отвѣтили тоже словесно.

Но регентъ написалъ цесаревичу и великой кня-
гинѣ самыя любезныя, лъстивыя и даже трогательныя
письма.

Цесаревичу онъ писалъ между прочимъ:

„Каковы бы ни были обстоятельства, я всегда пре-
буду вамъ преданъ и еще не отчаяваюсь имѣть счастье
обнять васъ какъ родственника вдвойнѣ дорогого и ува-
жаемаго.“

Въ письмѣ къ великой княгинѣ заключались такія
фразы:

„Какъ ни печальна для меня эта минута, я, однако,
не теряю надежды видѣть вскорѣ осуществленіе моихъ
желаній въ счастливомъ союзѣ, который упрочитъ сча-
стие двухъ націй; это будетъ предметомъ моихъ заботъ
и цѣлюю всѣхъ моихъ желаній. Благоволите сохранить
меня въ вашей памяти. Эта драгоценная надежда бу-
детъ единственной отрадой, которая одна можетъ смяг-
чить печаль, мною испытываемую въ минуту удаленія
отъ вашей августѣйшей особы.“

Ему отвѣтили очень любезно, но нѣсколько сдер-
жанно.

Не смотря на все его увѣренія его подозрѣвали въ
неискренности рѣшительно все, начиная съ самой им-
ператрицы.

Наконецъ шведы уѣхали. Великая княжна бродила
какъ тѣнь, на нее жалко было смотрѣть. Цесаревичъ
замкнулся въ Гатчинѣ. Императрица чувствовала себя
очень плохо и почти не выходила изъ своихъ ком-
натъ. Зубовъ былъ возбужденъ до крайнихъ предѣловъ.
Къ нему все это время никто не могъ подступиться.
Уже не говори о томъ, что онъ ошибся въ расчетахъ
такъ какъ, на слѣдующій день послѣ обрученія, дол-
женъ былъ получить званіе фельдмаршала,—онъ нае-
динѣ съ самимъ собою сознавалъ свою ошибку, чувство-
валъ себя униженнымъ этимъ неожиданнымъ фiasco, ко-
торое потерялъ его дипломатическій геній.

Онъ долженъ былъ во чтобы то ни стало свалить
свою вину на когонибудь. Долженъ былъ оправдать
себя въ глазахъ императрицы. И вотъ онъ вспомнилъ
слова Безбородки о томъ, что это дѣло навѣрно было
заранѣе подготовлено,—и занялся изслѣдованіями.

Онъ напалъ на слѣды сношеній регента съ Витвор-
томъ и вдругъ неожиданная для него мысль пришла ему
въ голову. Онъ вспомнилъ еще о чемъ то, или вѣрнѣе
о комъ то. Глаза его злобно блеснули. Онъ позвалъ
Грибовскаго и далъ ему какое то таинственное по-
рученіе.

Въ тотъ же день Грибовскій вернулся къ нему со
своими отмѣтками.

Зубовъ быстро прочелъ ихъ и усмѣхнулся.

— Ты ручаешься мнѣ, что эти свѣдѣнія вѣрны? спро-
силъ онъ Грибовскаго.

— Ручаюсь, ваша свѣтлость.

— Такъ онъ три раза былъ у Витворта? и именно
въ эти дни и часы? а Витвортъ заѣзжалъ къ нему
прямо отъ регента, изъ шведскаго посольства?

— Точно такъ, ваша свѣтлость!

— Хорошо!

Грибовскій удалился, а Зубовъ отправился къ импе-
ратрицѣ.

XXXII.

Богъ наказалъ.

Наконецъ Сергѣй получилъ извѣстіе отъ Тани изъ
Гатчины.

Это была маленькая записочка, заключавшая въ себѣ
всею на всею нѣсколько словъ:

„Serge, приѣзжайте завтра, я жду васъ.“

Таня“.

Больше ничего. Но развѣ какое нибудь длинное и
краснорѣчивое посланіе могло быть болѣе яснымъ, бо-
лѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ эта лаконическая фраза?

Она зоветъ, она ждетъ, она подписалась просто „Та-
ня!“ Недоговореннаго уже ничего не осталось.

Сергѣй ждалъ именно такой вѣсти. Она не сказала
ему ничего новаго. А между тѣмъ, онъ какъ юноша,
въ первый разъ въ жизни получившій любовную запис-
ку, перечиталъ разъ двадцать эти слова:

„Serge, приѣзжайте завтра, я жду васъ. Таня“.

На него нахлынулъ потокъ такого счастья, такого
восторга... ему казалось, что у него вырастаютъ крылья.

Это было вечеромъ.

„Отчего же завтра, отчего она не прислала раньше,
чтобы выѣхать тотчасъ же по полученіи записки?! Ждать
цѣлую ночь; но дѣлать нечего, нужно подчиниться не-
обходимости!“

Онъ прошелъ въ свою спальню и велѣлъ позвать къ
себѣ Моску.

Карликъ появился тотчасъ же, заперъ за собою дверь,
мелкими шажками подошелъ къ Сергѣю, заглянулъ въ
глаза ему.

Онъ все эти дни, послѣ послѣдней поѣздки Сергѣя
въ Гатчину, паходился въ возбужденномъ состояніи.
Онъ не понималъ что это значить:

„Сергѣй Борисычъ веселъ, доволенъ, очевидно дѣло
совсемъ наладилось, а между тѣмъ онъ не ѣдетъ въ
Гатчину и оттуда нѣтъ никакой присылки!“

Ему смертельно хотѣлось узнать въ чемъ дѣло, но
расширивать Сергѣя Борисыча онъ не рѣшался и толь-
ко ждалъ—авось самъ призоветъ да скажетъ. Онъ зналъ
теперь, что приѣхалъ изъ Гатчины посланецъ, привезъ
конвертикъ. Вотъ и его позвали... наконецъ-то!

— Что прикажешь, батюшка? проищаль онъ.

— Прочти, Степанычъ! тихо сказалъ Сергѣй, пода-
вая ему записку Тани.

Карликъ схватилъ записку, подбѣжалъ къ столу, вска-
рабался на кресло, поближе къ лампѣ, прочелъ и нѣ-
сколько мгновеній остался неподвиженъ.

Двѣ тихія, радостныя слезинки скатились по смор-
щеннымъ щекамъ его.

— Слава тебѣ Господи! прошепталъ онъ наконецъ и
перекрестился.

— Степанычъ, понимаешь, что это значить? спросилъ
Сергѣй.

— Понимаю, батюшка, понимаю, золотой мой, дож-
дался... Можно, значить, поздравить твою милость?

Онъ живо соскочилъ съ кресла и подбѣжалъ къ
Сергѣю.

Сергѣй наклонился, обнялъ его. Карликъ цѣловалъ
его руки и радостно всхлипывалъ.

— Господи, сколько то лѣтъ дождался я этого, пи-
щаль онъ сквозь слезы. Вотъ что значить—Богъ!.. ужъ
какъ же я и молился, кажинный день молился!.. Ма-
менька то какъ желала этого, вотъ бы теперь порадо-
валась, сердечная!..

Сергѣй любовно вслушивался въ слова карлика и все
крѣпче обнималъ его. Онъ понималъ въ эти тихія ми-
нуты, болѣе чѣмъ когда либо, какъ близко ему это кро-
шечное, старое существо; какое преданное, любящее и
золотое сердце бьется подъ галунами этого старомодна-
го кафтанчика.

— Спасибо, Степанычъ, проговорилъ онъ,—спасибо
что радуешься моему счастью. Богъ дастъ заживемъ
теперь. Пора, давно пора.

Онъ крѣпко поцѣловалъ карлика и выпустилъ его.

Москва мгновенно отеръ свои слезы. Лицо его вдругъ
стало серьезно и важно, онъ усѣлся на бархатную ска-

меечку передъ кресломъ и заговорилъ совѣмъ по-вымъ тономъ, котораго Сергѣй ужь никакъ не ожидалъ.

— Да, правда твоя, сударь батюшка, давно пора. Только вотъ скажи ты мнѣ отъ души, какъ передъ Богомъ, приготовленъ ли ты?

— Къ чему приготовленъ?! Какъ?! изумленно спросилъ Сергѣй.

— А вотъ приготовился ли, спрашиваю, къ новой то жизни, которая, по милости Божьей, тебя ожидаетъ? къ супружеской жизни?

— Что за странный вопросъ, Степанычъ?! улыбаясь сказалъ Сергѣй.

— Странный! ничего тутъ нѣтъ страннаго, даже обидѣвшись пропищалъ Моська. Дѣло первой важности... какая тутъ странность! Супруга давно тебѣ была приготовлена такая, что краше, добрѣе и милѣе ея на всемъ свѣтѣ сыскать нельзя и давно бы ты могъ получить ее, кабы приготовленъ былъ. Ну, а ты не былъ приготовленъ—и часъ твой отдался... Вотъ тогда то, въ Парижѣ, и я, грѣшный человѣкъ, ее запрашивалъ, чтобы не отбѣжала, чтобы не покидала тебя, а повѣнчалась съ тобою... И не понималъ я тогда, по глупости своей, что не она тутъ была причиной, не она тебя простить не хотѣла... И простила бы, такъ все же тогда ничего не вышло бы, Господь Богъ не могъ допустить, ибо ты не былъ приготовленъ въ чистотѣ сердечной вступить въ жизнь супружескую. Такъ вотъ и спрашиваю, теперь-то приготовленъ ли, чисто ли твое сердце, твои помысленія? достоинъ ли ты вести къ вѣнцу княжну нашу непорочную, Богомъ тебѣ назначенную?

Это былъ совѣмъ новый взглядъ на дѣло—и Сергѣю хотѣлось разсмѣяться. Но онъ все же удержался, боясь оскорбить карлика, который говорилъ такимъ убѣжденнымъ, такимъ серьезнымъ тономъ.

— Кажется приготовленъ, Степанычъ!

— А почему ты такъ полагаешь?!

— Потому что никакихъ дурныхъ мыслей во мнѣ нѣтъ и ничего кромѣ любви къ Танѣ я не испытываю...

— И можешь поручиться, что будешь ей достойнымъ супругомъ? Ни о комъ во всю жизнь не помыслишь, пребудешь ей въ неизмѣнной вѣрности до скончанія дней своихъ?!

Сергѣй едва удерживался отъ радостнаго смѣха.

— Должно быть „пребуду!“ проговорилъ онъ.—А поручиться все же не могу—вдругъ, неравенъ часъ, дьяволъ осилитъ и такой соблазнъ выставитъ, что никакъ нельзя будетъ удержаться! Что тогда, Степанычъ?!

Карликъ вскопчилъ со своей скамеечки какъ ужаленный и замахалъ руками.

— Что ты?! Что ты! опомнись, безбожникъ! Я ему дѣло, а онъ шутить вздумалъ, нашелъ чѣмъ шутить... нашелъ время... Смотри ты, Сергѣй Борисычъ!—и онъ пригрозилъ ему своей рученкой,—смотри, не шути такъ, не то опять накажетъ Господь!.. Ты думаешь—теперь уже все кончено—аиъ нѣтъ, вѣдь еще не повѣнчаны. Ты вотъ Богу помолился хорошенько, хоть теперь то вспомни о Богѣ—а то что же это! Вотъ и кіотъ съ образами, и лампаду я каждый день зажигаю, а ты, я чаю, и не взглянулъ ни разу на образа, и лобъ то не перекрестилъ!.. Ты думаешь, я не замѣчаю? Все, батюшка, вижу, знаю какой ты безбожникъ!.. Въ церкви то, въ церкви когда былъ?—ну ка скажи. А и былъ, такъ молился ли? Я вотъ кажинное утро, кажинный вечеръ дважды молюсь—за себя, и за тебя. Потому—знаю что ты и всталъ, и легъ безъ молитвы. Смотри ты, Сергѣй Борисычъ!.. А тутъ еще богопротивныя шутки вздумалъ въ такое время!..

Сергѣю становилось все веселѣе и веселѣе глядя на карлика.

— Я вовсе не шучу, Степанычъ, сказалъ онъ,—и ни-

чего богопротивнаго въ словахъ моихъ нѣтъ. А разбери самъ, развѣ человѣкъ можетъ за себя ручаться. Ну вдругъ дьявольское навожденіе! Чай знаешь—и угодники не выдерживали, а я грѣшный человѣкъ! вдругъ возьму, да и плѣнюсь какой нибудь златокудрой или черноокой!..

— Тѣфу! Тѣфу! Тѣфу! съ азартомъ заплевался Моська.—Кабы зналъ, не пришелъ бы на зовъ твой. Этакій день, этакій часъ въ конецъ испортилъ. Ну, сударь, не ждалъ я отъ тебя такой дурости. Право слово—бѣду накличешь!

Сергѣй совѣмъ превратился въ шаловливаго ребенка и громко смѣялся.

Карликъ пришелъ въ окончательное негодованіе.

— Въ такой день, передъ такимъ дѣломъ! повторялъ онъ.—Господи, да что же это такое?! Уйти поскорѣе... Прощай, сударь, засни, авось сномъ эта дурь пройдетъ въ тебѣ. Да Богу-то помолись, помолись хоть разъ въ жизни!..

Онъ снова погрозилъ Сергѣю рученкой и направился къ двери.

— Ну, прощай! крикнулъ ему вслѣдъ Сергѣй,—распорядись чтобы пораньше карета была готова. Ёдешь со мною что ли?

Карликъ остановился у двери и грозно взглянулъ на Сергѣя.

— Смотри, самъ то еще поѣдешь ли! Вотъ какъ накажетъ тебя опять Богъ, тогда и увидишь какъ грохотать да шутить непотребно... Плохія это шутки!..

И бормоча что-то себѣ подъ носъ, онъ вышелъ изъ спальни!..

Сергѣй спалъ крѣпко и спокойно, какъ счастливый человѣкъ, уже успѣвшій свыгнуться со своимъ, долго жданнымъ и наконецъ пришедшимъ счастьемъ. Но онъ все же проснулся очень рано, со свѣжей головой, съ ощущеніемъ полного довольства.

Онъ не спѣшилъ вставать и одѣваться, онъ зналъ что еще можетъ понѣжиться нѣсколько времени, такъ какъ карликъ непременно придетъ во время разбудить его. И онъ лежалъ потягиваясь и приятно позѣвывая, мечтая о томъ, какъ въ скоромъ времени сложится его жизнь.

Конечно онъ не станетъ откладывать свадьбу въ долгій ящикъ. Слава Богу, достаточное время пробылъ женихомъ—больше восьми лѣтъ! И конечно она сама ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы немного поторопиться. А если даже и заупрямится—онъ теперь съумѣетъ уговорить ее!..

Онъ не оставлялъ мысли о томъ, чтобы поступить на службу къ цесаревичу. Онъ во что бы то ни стало добьется этого; но поселиться окончательно въ Гатчинѣ врядъ ли будетъ удобно. Да и наконецъ, хотя этотъ годъ цесаревичъ и намѣренъ долго прожить тамъ, но все же зимой переѣдетъ въ Петербургъ.

„Придется часто ѣздить въ Гатчину—такъ что же, это не трудно, ужь если вотъ великая княгиня чуть ли не каждый день совершаетъ такія прогулки—такъ ему о чемъ же заботиться!.. И такъ, значитъ, онъ поселится съ Таней сдѣсь, въ своемъ домѣ. Необходимая мебелька нѣсколькихъ комнатъ не потребуетъ много времени—недѣли въ двѣ все можно будетъ сдѣлать“.

Онъ забылся на нѣсколько мгновеній въ дремотѣ; но внезапно очнулся и опять продолжалъ мечтать объ этой будущей, близкой жизни.

„Мы не станемъ жить открыто. Таня привыкла къ уединенію, она скучать не будетъ. Мы ограничимся небольшимъ кружкомъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, на расположеніе которыхъ я могу еще кое какъ положиться... Вотъ нужно будетъ завести знакомство съ Державиннымъ, онъ заинтересовалъ меня. Онъ умный и оригиналенъ... Онъ чуть ли не единственный живой человѣкъ, котораго я замѣтилъ въ здѣшнемъ обществѣ...“

„Какъ хорошо жить!“ кончилъ Сергѣй своей любимой теперь фразой, которую мысленно повторялъ по многу разъ въ эти дни. „Что же однако не идетъ Москва?“

Но Москва былъ легокъ на поминѣ. Только онъ вошелъ въ комнату не на цыпочкахъ, не осторожно, какъ всегда это дѣлалъ, а вкатился кубаремъ. Подбѣжалъ прямо къ кровати Сергѣя, быстро отдернулъ пологъ и завизжалъ что было въ немъ голосу:

— Сергѣй Борисычъ, вставай... бѣда приключилась.

Бѣда, слышь ты... вставай, ради Бога!..

Испугъ и тоска были въ его голосѣ.

Сергѣй вскочилъ и самъ испуганный.

— Что такое? Пожаръ что ли?.. Горимъ мы?

— Какой пожаръ—хуже... Одѣвайся-ка!

Зубы карлика стучали и руки такъ и тряслись когда онъ подавалъ Сергѣю одѣваться.

— Вѣдь говорилъ я тебѣ: не искушай ты Господа Бога!.. говорилъ—покараетъ Онъ тебя за твое богохульство!.. Такъ оно и случилось... какъ по писаному... Говорилъ: невѣдомо еще—поѣдемъ ли мы въ Гатчину... Ну и что же, батюшка... ну и не поѣдемъ!..

„Что это за горе такое!—никакъ бѣдный Степанычъ рехнулся?!“ подумалъ Сергѣй внимательно вглядываясь въ перепуганную и дрожащую фигуру Москвы.

— Степанычъ, голубчикъ, да приди ты въ себя, опомнись!.. Что за вздоръ ты болтаешь? Или ты не выпался, на яву грезить?!

— Ахъ, кабы вздоръ то былъ, сударь-батюшка! Ахъ кабы грезилъ я, али съ пьяна болталъ!.. Да нѣтъ, правду говорю,—не ѣдемъ мы въ Гатчину, а что дальше будетъ—ума не приложу!.. Творится такое, что никакъ понять невозможно... разумъ отшибло. Одѣвайся вотъ поскорѣе... Дай я тебѣ подамъ умыться... вотъ самъ посмотри что у насъ такое дѣется!..

Сергѣй разсердился.

— Да будешь ты, наконецъ, говорить по человѣчески?! крикнулъ онъ топнувъ ногой.

— Батюшка, какъ же мнѣ говорить еще—тутъ и говорить то нечего... Проснулся это я, одѣлся, умылся, Богу помолился... закладывать велѣлъ карету... Хотѣлъ на крыльцо выйти, посмотрѣть какова погода—тепло али холодно... какой плащъ велѣтъ подать тебѣ... Схожу съ лѣстницы... глядь... а въ большихъ то сѣняхъ у насъ два солдата на караулѣ поставлены... Иваныча, швейцара, спрашиваю: что такое?.. А онъ съ испуга и говорить не можетъ... отъ лакеевъ уже добился: постучались... вошли солдаты съ ружьями... во всей аммуниці и встали на караулъ... Съ ними офицеръ... а то чуть ли не генералъ... въ пріемной дожидается... и распоряженіе отдалъ никого не выпускать изъ дома...

Сергѣй не могъ придти въ себя отъ изумленія... Онъ ничего не понималъ.

— Что же ты, морочишь меня что-ли?!

Карликъ всплеснулъ руками,

— Пойди, батюшка, посмотри морочу ли я тебя!.. Этотъ самый офицеръ, не то генералъ разбудить тебя велѣлъ... я съ нимъ уже заговаривалъ... подошелъ да и говорю: Сергѣй Борисычъ, молъ, почиваютъ, а какъ встанутъ—тотчасъ же изъ дому выѣдутъ, и карету, молъ, ужъ велѣно закладывать... Такъ что же онъ мнѣ на это: „Ну, говорить, карету то отложить придется, куда твой баринъ не поѣдетъ, чучело ты гороховое!.. Обругалъ ни за что ни про что чучелой гороховымъ!..

Сомнѣваться въ правдивости рассказа карлика не было болѣе возможности. Сергѣй былъ внѣ себя отъ негодованія.

„Что-же это, арестовать его пришли что-ли? Конечно въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія... И вѣдь онъ долженъ былъ давно ужъ приготовиться къ этому. Государыня была съ нимъ милостива, но Зубовъ не дремалъ. Цесаревичъ предупреджалъ его, чтобъ онъ ожидалъ всякихъ неприяностей... Однако вѣдь есть-же всему пре-

дѣлъ и мѣра! Долженъ быть предѣлъ и власти этого безсовѣстнаго человѣка. Онъ могъ на него клеветать; но вѣдь для такого образа дѣйствія, для такого оскорбленія, для ареста въ его собственномъ домѣ нужно-же имѣть что нибудь въ рукахъ, какія нибудь доказательства. Какія-же доказательства могутъ быть? Онъ велъ себя осторожно, онъ ничѣмъ себя не скомпрометировалъ. Онъ во все это время не позволилъ себѣ лишняго слова, говорилъ откровенно и по душѣ только въ первые два, три дня по своемъ пріѣздѣ, когда еще не оглядѣлся. Да и съ кѣмъ говорилъ?—съ Нарышкинымъ. Вѣдь не станеть-же дядя выдавать его—не такой человѣкъ“!..

Какъ бы то ни было онъ успѣшно одѣлся и вышелъ къ ожидавшемуся его офицеру.

Ему на встрѣчу поднялась толстая, высокая фигура. Лицо было ему незнакомо; но онъ сразу понялъ что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ высшихъ представителей петербургской полиціи.

— Что вамъ угодно? спросилъ Сергѣй.

— Милостивый государь мой, съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ незванный гость,—прежде всего я долженъ объявить вамъ что вы арестованы и впредь до дальнѣйшаго распоряженія обязаны не выходить и не выѣзжать изъ дома, никого не принимать, ни съ кѣмъ не сноситься и не переписываться.

— Что такое? На какомъ основаніи? По чьему приказанію?

— По высочайшему повелѣнію! былъ отвѣтъ.

— Но въ такомъ случаѣ, потрудитесь объявить мнѣ мою вину.

— На это я не уполномоченъ. Я прошу васъ провести меня въ вапъ кабинетъ и передать мнѣ ваши бумаги.

Сергѣй поблѣднѣлъ отъ подступившей къ его сердцу злобы. Все это было такъ дико, возмутительно и неожиданно. Но несмотря на волновавшія его чувства онъ все-же нашелъ въ себѣ силы съ виду остаться спокойнымъ.

Онъ сообразилъ что разсуждать съ этлмъ господиномъ ему не приходится, что для него даже унижительно вступать въ какія-бы то ни было объясненія. Слѣдуетъ подчиниться всему этому безобразію.

Ну что-же, пускай роется въ бумагахъ! Что-же онъ найдетъ?!

Онъ припоминалъ, чтб именно могло находиться въ его бюро и письменномъ столѣ...

„Копіи интересныхъ дипломатическихъ бумагъ; но какъ чиновникъ иностранной коллегіи я имѣю право держать ихъ у себя. Затѣмъ что-же“?

Онъ вспомнилъ вдругъ, что между бумагами находится и его дневникъ, который по старой, съ дѣтства пріобрѣтенной стараніями Рено привычкѣ, онъ велъ до сихъ поръ, хотя и съ большими перерывами.

Что-же, пусть читаютъ, пусть читаетъ негодяй Зубовъ!..

Затѣмъ переписка: старыя и милыя письма Тани, два, три письма цесаревича, нѣсколько писемъ Нарышкина, Рено.

„Пусть все читаютъ, увидятъ какой я вольтерьянецъ, быть можетъ найдутъ многое для моего обвиненія... въ какія руки попадетъ все это“!..

— Сдѣлайте милость! проговорилъ онъ приглашая толстяка слѣдовать за собою.

Войдя въ кабинетъ, онъ отперъ бюро, письменный столъ, книжные шкафы.

— Распоряжайтесь! сказалъ онъ.

И присѣвъ къ камину онъ сталъ тоскливо слѣдить за тѣмъ, какъ этотъ неизвѣстный ему человѣкъ перебираетъ то, до чего еще не касалась посторонняя рука, всѣ эти тетради и листочки, въ которыхъ хранились слѣды его протекшей внутренней жизни.

Гдѣ дорога? Ориг. рисун. Н. Г. Богданова, грав. Флюгель.

„Таня, думаль онъ, — вотъ какъ я къ ней ѣду. Эхъ кабы онъ убрался поскорѣе!.. напишу ей, пошлю съ Степанычемъ. Навѣрно цесаревичъ поможетъ мнѣ въ бѣдѣ этой“!..

Онъ совсѣмъ позабылъ что ему только что было объявлено о запрещеніи съ кѣмъ-бы то ни было пересылаться или переписываться.

Между тѣмъ посѣтитель выбралъ изъ всѣхъ ящиковъ всѣ письма, всѣ рукописи и обратился къ Сергѣю:

— Нѣтъ-ли у васъ такого портфеля, или шкатулки, чтобы уложить все это?

— Вы такъ все и возьмете съ собой?

— Конечно!

— Послушайте, вѣдь тутъ есть многое такое, напримеръ, нѣкоторыя письма... ихъ отбирать у меня нѣтъ никакого основанія и мнѣ очень-бы хотѣлось чтобы они были оставлены!

— Это невозможно, я долженъ взять все.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ шкатулка, вотъ портфель, тамъ вотъ еще другой—выбирайте что угодно.

Толстякъ живо распорядился.

— Теперь я удаляюсь, сказалъ онъ. Такъ помните же, государь мой, все что я объяснилъ вамъ. Я надѣюсь, что вы не вздумаете нарушить предписаніе?

— Не тревожьтесь пожалуйста, я никуда не тронусь до тѣхъ поръ пока это странное недоразумѣніе не выяснится.

Толстякъ какъ-то повелъ плечами и вышелъ изъ кабинета.

По его уходѣ Сергѣй тотчасъ-же присѣлъ къ столу и написалъ записку Танѣ. Онъ обернулся, возлѣ него уже стоялъ Моська.

— Вотъ, Степанычъ, отвези княжнѣ, да скорѣй!

— Мигомъ, золотой мой, ни минутки медлить не стану.

Онъ тяжело вздохнулъ, сложилъ записку, сунулъ ее въ карманекъ камзола и вышелъ.

Минуть черезъ пять онъ, уже совсѣмъ одѣтый, спу-

скался съ лѣстницы во дворъ. Онъ хотѣлъ исчезнуть незамѣтно, не хотѣлъ, чтобы его видѣли солдаты, караулившіе въ парадныхъ сѣняхъ. Онъ поѣдетъ на почтовыхъ. Онъ уже спустился съ лѣстницы и хотѣлъ отворить дверь, какъ вдругъ чья-то крѣпкая рука схватила его.

Онъ поднялъ голову — передъ нимъ рослая фигура солдата.

— Куда, обезьяна? Назадъ, никого не выпускать приказано.

Карликъ взвизгнулъ отъ такой неожиданности.

„И здѣсь поставлены! весь домъ оцѣплент“!

— Пропусти, голубчикъ! Какъ это меня не выпускать приказано? Кто-же такой приказъ далъ? Я, батюшка, по своему дѣлу... я то что-же?..

Онъ не зналъ, что и говорить, онъ совсѣмъ спутался.

— Назадъ, слышь ты, назадъ! Нечего тутъ болтать по пусту. Не приказано никого выпускать, да и полно! Ну, направо кругомъ—марш!.. поворачивайся!..

Карликъ понялъ, что все пропало и что разсуждать съ этимъ солдатомъ ему дѣйствительно нечего. Онъ побрѣлъ назадъ, тяжело подымаясь по ступенямъ и въ отчаяніи думая:

„Такъ вотъ оно какъ! Вотъ какіе порядки завелись! чтобы такого большаго боярина, да въ собственномъ домѣ оцѣплить какъ медвѣдя въ берлогѣ. Гдѣ-же такое видано?.. У нехристей, у басурманъ поганыхъ, въ дьявольскомъ ихнемъ Парижѣ, всякихъ вотъ ужасовъ пришлось навидаться, такъ это имъ, окаяннымъ, въ пору... Вотъ думаль: „когда-бы домой?! Когда-бы домой добратся, у насъ не то, у насъ народъ христіанскій“—а тутъ это что-же такое?! А Таничка! Таничка!.. ждетъ, сердечная! Господи, вотъ такъ подлинно наказалъ Ты! И чего-же ждать теперь? Что дѣлать—ничего не придумаешь... Одно и осталось—ложиться да и помирать... одно и осталось“!..

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ДИКІЯ.

Разсказъ изъ галиційской жизни

Захеръ-Мазоха.

(Окончаніе).

Приближалось время, когда пастухи возвращались на Карпатскіе луга, въ свои хижины. Дѣвушки рѣшили покинуть домъ, въ которомъ они провели зиму и вернуться въ свое прежнее убѣжище въ горахъ.

По пути онѣ встрѣтились съ толпою людей, одѣтыхъ въ костюмъ горцевъ; нѣкоторые изъ нихъ были вооружены. Несмотря на это видѣ трехъ женщинъ въ звѣриныхъ шкурахъ, перепугалъ ихъ до смѣшнаго. Нѣкоторые повернулись и убѣжали, нѣкоторые повѣзали на деревья, другіе не успѣвшіе влѣзть попадали на землю и просили о помилованіи.

Дѣвушки громко начали смѣяться.

— За кого вы насъ принимаете? воскликнула Домаха, за какихъ бабъ что ли? Не бойтесь, мы такіе же бѣдные люди какъ и вы, я вижу—вы вѣдь гайдамаки.

— Да, это правда! отвѣтилъ предводитель толпы, рослый, сильный мужчина, съ сѣдыми волосами, единственный, который встрѣтилъ ихъ смѣло, кто вы, и откуда идете?

— Мы дочери крестьянина изъ Ракова, который бѣжалъ въ горы.

Ватажко (начальникъ) приложилъ къ губамъ тромбитъ (родъ охотничьяго рога), который носилъ на красномъ шнурѣ, и созвалъ разсыпавшихся своихъ товарищей. Скоро всѣ были снова въ сборѣ и съ удивленіемъ и удовольствіемъ смотрѣли на красивыхъ, смѣлыхъ, дѣвушекъ, потомъ расположились на бархатистомъ мху вокругъ ватажко и Домахи, которые усѣлись на упавшей соснѣ, и разсказывали о своей превратной судьбѣ и жизни полной приключеній въ горахъ.

— И вы не хотите больше вернуться къ себѣ въ деревню? спросилъ ватажко, когда Домаха кончила.

— Не можемъ, отвѣтила та, развѣ по суду я не преступница? Меня бы схватили и посадили въ тюрьму.

— Что же вы будете дѣлать въ горахъ, въ глуши, тутъ и жить то опасно! продолжалъ старикъ. Вы хоть и бойки а и вы скоро тутъ изведетесь. Послушайтесь-ка меня, идите вы съ нами. Даю вамъ слово—среди насъ вамъ будетъ также хорошо какъ дома.

— Спасибо! сказала Домаха. Только покойный отецъ не простилъ бы намъ, кабы мы дѣлали то же что вы.

— Вы считаете насъ разбойниками, отвѣтилъ ватажко съ достоинствомъ. Но мы бѣглецы, гайдамаки, а не убійцы, не разбойники. Мы противъ австріяковъ а не противъ добрыхъ людей. Къ намъ въ горы приходятъ всѣ бѣдные, которыхъ тѣснятъ гнѣмцы, разсказываютъ они намъ свои обиды и у насъ имъ и защита и помощь. Еще разъ говорю вамъ, идите-ка вы съ нами, болѣе не буду и звать васъ.

— Пожалуй! Хорошо! сказала Домаха, будемъ дѣлать съ вами горе и бѣду, если вы общаете мнѣ отомстить врагу моего отца, что довель его до смерти, отомстить такъ какъ я этого хочу.

— Вотъ тебѣ моя рука, сказалъ ватажко, отецъ твой будетъ отомщенъ.

— И вы общаете отдать мнѣ въ руки негодяя, австріяка вскричала Домаха, чтобы я могла наказать его!

— Коли мы только заполучимъ его живаго, сказалъ ватажко.

Такъ былъ заключенъ союзъ. Гайдамаки при радостныхъ крикахъ стрѣляли изъ своихъ ружей.

Когда ватажко подалъ тромбитомъ сигналъ выступать, всѣ выстроились и отрядъ двинулся въ путь. Впереди шли двое, чтобы въ случаѣ опасности предупреждать остальныхъ выстрѣлами или свистками, точно также по два человекъ было отряжено идти справа и съ лѣва на нѣкоторомъ разстояніи отъ колонны.

На пятьдесятъ шаговъ позади слѣдовалъ уже самый отрядъ. Прежде шло тридцать вооруженныхъ людей, затѣмъ ватажко съ дѣвушками, потомъ слѣдовалъ скотъ и пожитки и наконецъ болѣе двадцати гайдамаковъ. Пять человекъ замыкали тоже на известномъ отдаленіи шествіе и призывали тылъ отряда.

Такъ шли они много часовъ черезъ обрывы и ущелья, то поднимаясь на обыкновенную вышину по узкимъ тропинкамъ, то переходя по упавшимъ деревьямъ, образованнымъ естественные мосты надъ пропастями и водопадами, то наконецъ идя по первобытнымъ лѣсамъ или по цвѣтушамъ лугамъ. Отдохнувъ

съ часъ воалѣ ручья, они двинулись снова и передъ солнечнымъ закатомъ, пришли на плоское мѣсто между скалами. Сюда пролегла только съ одной стороны узкая тропинка—мѣсто это служило Гайдамакамъ и жилищемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было неприступной крѣпостью.

Здѣсь они выстроили изъ большихъ бревенъ обширный домъ, деревянная крыша котораго для защиты отъ бурь и снѣга была покрыта камнями; кромѣ того здѣсь у нихъ было еще нѣсколько жилищъ, кладовыхъ и проведено подъ скалами нѣсколько подземныхъ ходовъ.

Для присмотра за всѣмъ этимъ здѣсь оставалось четыре Гайдамака, которые встрѣтили ватажко ружейными выстрѣлами и звуками трюмбита, точно возвращающагося полководца.

Большой домъ ватажко предоставилъ пока дѣвушкамъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился постройкой для нихъ отдѣльнаго жилища, и не прошло недѣли, какъ напротивъ перваго, былъ поставленъ маленький домикъ, прислоненный къ скалѣ. Въ немъ былъ погребъ, куда можно было попадать прямо изъ кухни. Около же домика былъ приделанъ сарай, а передъ нимъ разбитъ даже садикъ.

Лучше и удобнѣе нельзя было устроиться между голыми скалами на высотѣ шестисотъ футовъ надъ поверхностью моря.

Дѣвушки привыкли скоро къ своему новому положенію и каждая изъ нихъ стала дѣлать, что болѣе подходило къ ея вкусамъ. Марушка стряпала и шла на всю банду, и смотрѣла за погребомъ и сараемъ, Никоня ходила на охоту, а Домаха участвовала въ экспедиціяхъ Гайдамаковъ.

Уже два раза имѣла она случай выказать свою ловкость и отвагу.

Однажды безъ оружія, съ сосновой палкой въ рукахъ пошла она на встрѣчу отряду солдатъ, которые завидя ее, съ криками „дикая баба“ бросились бѣжать назадъ и попали подъ перекрестный огонь гайдамаковъ, спрятавшихся по обѣимъ сторонамъ дороги между деревьями и скалами.

Въ другой разъ, она первая вошла въ имѣніе одного австрийца и пока товарищи ея вязали женщинъ и слугъ она прошла въ комнату, гдѣ хозяинъ читалъ газету и курилъ длинную трубку.

Перепуганный онъ вскочилъ и схватился за пистолетъ, вслѣдствіе на стѣнѣ.

— Стрѣлять въ женщину? воскликнула Домаха.

Австриецъ, бывший военный, опустил руку, а въ слѣдующее мгновеніе уже былъ ея плѣннымъ.

Ранѣе чѣмъ даже Домаха могла надѣяться, ватажко сдержалъ свое слово.

Одинъ изъ многочисленныхъ вѣстовщиковъ, которые были у гайдамаковъ всегда между крестьянами сообщалъ ватажко, что управляющій Ливальдъ ежедневно выѣзжаетъ послѣ обѣда въ поле и что тамъ всего легче его схватить, такъ какъ ни одинъ работникъ-словакъ не станетъ защищать этого человѣка.

Такіе набѣги въ долину, дерзкіе гайдамаки предпринимали всегда верхами. У нихъ были маленькія но сильныя и выносливыя горныя лошади; не подкованныя, днемъ и ночью, они съ одинаковою увѣренностью, даже безъ повода ходятъ по опаснымъ тропинкамъ.

Ватажко велѣлъ сдѣлать. Онъ самъ, Домаха, сгоравшая отъ нетерпѣнія мстить за отца и еще пятнадцать гайдамаковъ сѣли на лошадей и отправились въ опасное предпріятіе.

Солнце уже садилось когда они прибыли къ Ракову. Они поѣхали черезъ деревню, чтобы перерѣзать управляющему путь и въ то время какъ ватажко съ десятью гайдамаками расположились у входа въ имѣніе, Домаха съ остальными поскакала въ поле.

Ливальдъ готовился именно наказатъ одного словака—крестьянина, когда мстительница явилась. Не успѣвъ Ливальдъ опомниться, какъ почувствовалъ на шеѣ петлю, которую Домаха набросила ему съ ловкостью казака.

— Боже, Боже! вскрикнулъ онъ, спасите!

И это были послѣднія слова, произнесенныя имъ.

Никто не тронулся къ нему на помощь. До такихъ ужасовъ доведены были славяне своими иноземными угнетателями!

Управляющій хватился за шею, но Домаха погнала лошадь, стащила его съ сѣдла и поволокла за собою.

Случайно черезъ имѣніе Ракова проходило два отряда драгунъ, возвращавшихся съ обхода. Когда имъ дали знать о гайдамакахъ, они вооружились, взявъ съ собою гайдуковъ и лѣсничаго и пошли на встрѣчу гайдамакамъ.

Произошла свалка, въ которой были ранены одинъ гайдукъ и лѣсничій, но за то ватажко палъ мертвымъ отъ пули драгуна. Гайдамаки, разстроенные смертью своего предводителя, ударились въ бѣгство; драгуны преслѣдовали ихъ по пятамъ.

Тогда Домаха съ остальными гайдамаками бросилась къ бѣжавшимъ, остановила ихъ и начался бой. Она приняла начальство и всѣ какъ-то стали безрекословно ей повиноваться.

Домаха сшибла одного драгуна съ коня, ранила другого и погнала остальныхъ въ деревню, гдѣ они побросали оружіе и бѣжали.

Послѣ того какъ все болѣе цѣнное было унесено гайдамаками и навьючено на забранныхъ на дворъ Ливальда коней и когда крестьяне разграбили домъ и овины, Домаха приказала

зажечь строенія и привязавъ тѣло ватажко за своимъ сѣдломъ пустилась со всѣми въ обратный путь, въ горы.

Высоко, какъ на катафалкѣ, на дикомъ камнѣ лежалъ два дня подъ открытымъ небомъ мертвый предводитель гайдамаковъ. Двое стояли около него на стражѣ, надъ нимъ кружились орлы, а внизу въ ущельяхъ, точно съ горя по умершемъ, слышалось мрачное завываніе волковъ.

На третій день его похоронили въ скалахъ, сложили на могилѣ кучу изъ камней и поставили грубо срубленный грестъ. Затѣмъ всѣ собрались на поминки и послѣ этаго приступили къ выбору новаго ватажко.

Долго не могли рѣшить вопроса, наконецъ съ мѣста поднялся старшій, сѣдой гайдамакъ.

— Я думаю, такъ начать онъ. мы уже нашли предводителя. Домаха умѣетъ командовать и биться, она и должна начальствовать.

Многіе согласились съ нимъ, были однако и такіе, которые не хотѣли подчиняться женщинѣ.

— Однако женщинѣ повиноваться лучше чѣмъ мужчинамъ, заговорилъ старшій снова, мнѣ покрайней мѣрѣ трудно признать надъ собою старшинство человѣка, который ничѣмъ не лучше меня. А я не вижу стыда слушаться такой какъ Домаха.

Послышались горячія возраженія.

— Выслушайте-ка вы меня до конца, продолжалъ старшій, что Богъ сотворилъ прежде лучшее и затѣмъ худшее или наоборотъ? Прежде всего Богъ создалъ небо и землю, солнце, луну и звѣзды, камни и другія безжизненные вещи, затѣмъ растенія, животныхъ и мужчину и наконецъ женщину: мужчину онъ сдѣлалъ изъ земли, а женщину уже изъ ребра мужчины, и такъ выходитъ, что женщина сдѣлана почище насъ.

Начали соглашаться, смѣясь.

— И такъ Домаха пусть и командуетъ, заключилъ старшій. Въ этотъ разъ никто не противорѣчилъ и Домаха была сдѣлана атаманшей. Въ знакъ ея власти ей былъ отданъ украшенный золотомъ тоноръ умершаго ватажко. Она общалась управлять какъ можно лучше, затѣмъ всѣ клялись ей въ вѣрности и послушаніи.

Домаха вела теперь гайдамаковъ во время набѣговъ. Молодость всегда смѣлѣе и предпримчивѣе старости; за смѣлымъ всегда идетъ счастье и всѣ ея самыя несбывчивыя предложенія удавались и вскорѣ отрядъ ея сдѣлался грозой въ Карпатахъ.

Къ такимъ невозможнымъ дѣйствіямъ приведены были люди въ сущности хорошіе и добрые. Поступая такъ и владѣя на австрийцевъ, они были убѣждены что дѣлаютъ отличное дѣло и что это только война, самозащита.

Когда Домаха, одѣтая по обычаю женщинъ гуцуловъ, въ желтыхъ сапогахъ, красныхъ турецкихъ шароварахъ, въ короткой голубой юбкѣ и бѣлой кофтѣ отороченной куннымъ мѣхомъ, въ богато-вышитой сорочкѣ, съ десятью рядами коралловыхъ нитокъ и монетъ на шеѣ и съ краснымъ тюрбаномъ на темныхъ волосахъ, ѣхала во главѣ отряда, то выглядѣла очень красиво.

Эта странная, еще молодая и красивая женщина, казалось была воодушевлена однимъ только чувствомъ мести притѣснителямъ славянскаго народа, къ которому она принадлежала и сама. Никто изъ мужчинъ, приближавшихся къ ней, не осмѣливался поднять на нее глазъ, каждый почтительно склонялся передъ ея добродѣтелью и сильной волей. Гдѣ только раздавалась жалоба на австрийцевъ, гдѣ слышалась просьба о помощи, туда налетала она словно орелъ.

Постоянно возрастающая дерзость гайдамаковъ побудила австрийскія власти дѣйствовать энергичнѣе противъ бандъ, безконечныхъ Прикарпатскій край. Для дѣйствій выбрали лѣто, когда гуцулы со своимъ скотомъ находятся на пастбищахъ. Предположено было сдѣлать обширную облаву. Кромѣ гайдуковъ, и лѣсничихъ, посланы отряды съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; землевладѣльцы-австрийцы должны были выставить десятого человѣка, вооруженнаго косою или цѣпомъ.

Но вышло иначе. Всѣ словаки были за одно съ своими гайдамаками.

Вѣсть о предполагаемой облавѣ разнеслась съ быстротою молніи по странѣ.

Вначалѣ гайдамаки растерялись. Большинство было за то, чтобы уйти отъ опасности, перейдя границу Венгрии, гдѣ ихъ не могутъ уже болѣе преслѣдовать. Но вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что пограничные венгерскіе комитаты за одно съ галиційскими округами и снарядили своихъ пандуровъ занять кордоны и лишить гайдамаковъ возможности перейти границу.

Тогда во время всеобщаго отчаянія, Домаха стала объѣзжать горы и уговаривать отдѣльныя банды соединиться въ одну и сопротивляться австрийцамъ.

Уговорила она почти всѣхъ; главное затрудненіе было въ томъ, чтобы найти атамана, которому бы всѣ согласились подчиниться и который сумѣлъ бы защититъ естественную скалистую крѣпость Карпаты. На всѣхъ сходкахъ, на которыхъ присутствовала Домаха, постоянно упоминалось имя одного ватажко изъ Стаславекаго округа, который съ небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ отрядомъ, дѣлалъ смѣлые набѣги и заставлялъ говорить о себѣ.

Крестовый походъ дѣтей въ средніе вѣна. Ориг. рисун. Г. Мерте, грав. Кнезичъ.
Библиотека "Руниверс"

Ювь и его друзья. Съ картины М. Михаэли, грав. О. Ротъ.

къ нему то поѣхала Домаха съ нѣкоторыми изъ своихъ людей и съ предводителями другихъ отрядовъ.

Бойдакъ, такъ звался ватажко, принялъ ее въ своемъ станѣ, находящемся среди непроходимаго лѣса и окруженнаго землянымъ валомъ.

Онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ своими, одѣтыми какъ и онъ, по праздничному. На всѣхъ было живописное одѣяніе гуцуловъ. За поясомъ у нихъ были пистолеты и ножи, трубка, кремень и кистеть съ табакомъ. На головахъ широкія шляпы. У всѣхъ ружья и топоры.

Молодой красивый ватажко былъ одѣтъ въ красный сардакъ отороченный куннымъ мѣхомъ, а Домаха въ свѣтлозеленую кофту на собольемъ мѣху, коса ея была перевита монетами и казалась украшенною золотою короною.

Встрѣтившись они, по обычаю гуцуловъ, пожали другъ другу руку и обмѣнялись долгимъ взглядомъ, полнымъ взаимнаго, наивнаго восторга, нескрываемаго удовольствія. Затѣмъ поѣхали въ лагерь. При входѣ въ него молодая женщина была встрѣчена ружейными выстрѣлами, звуками тромбита и криками.

Въ большомъ шалашѣ было подано угощеніе.

Домаха говорила, а Бойдакъ внимательно слушалъ и каждое ея умное, смѣлое слово запечатлѣвалось въ его сердцѣ и все болѣе подчиняло его этой женщинѣ съ такими чудными глазами и пунцовыми губами, которыя одинаково казались созданы и для поцѣлуевъ и для повелѣній.

Ватажко соглашался на все, но въ началѣ изъ скромности не хотѣлъ принять командованія, онъ охотѣе-бы согласился стать подъ ея начало. Но наконецъ уступилъ и общалъ выйти съ нею вмѣстѣ и соединиться съ прочими на Черной Горѣ, которую прежде всего враги замыслили окѣпить.

Ни одинъ рыцарь временъ трубадуровъ, ни одинъ польскій магнатъ при дворѣ короля Станислава Августа не могъ быть болѣе вѣжливимъ въ отношеніи своей дамы какъ былъ ватажко въ отношеніи Домахи по пути изъ лагеря къ мѣсту общаго сбора. Никто не долженъ былъ къ ней приближаться, никому онъ не позволялъ ей услуживать и исполнять ея приказанія и все это принималъ на себя. Онъ помогалъ ей сѣсть на коня; когда они отдыхали, онъ самъ устраивалъ для нея изъ вѣтвей шалашъ, чтобы защитить ее отъ солнца, ходилъ къ ручью за водою, а когда она отдыхала, лежалъ у ея ногъ и прислушивался къ ея дыханію.

По дорогѣ съ ними соединилось еще нѣсколько бандъ, такъ что отрядъ ватажки состоялъ болѣе чѣмъ изъ 500 человекъ, когда они послѣ утомительнаго пути прибыли на Черную Гору. Здѣсь въ долинѣ было еще болѣе тысячи гайдамаковъ, которыми онъ былъ встрѣченъ громкими приветственными криками.

Бойдакъ тотчасъ вступилъ въ командованіе. И было уже нора. Пастухи, крестьяне и странствующие цыгане извѣщали, что непріятель подвигается. Бойдакъ для битвы избралъ западный склонъ Черной Горы.

Кругомъ онъ поставилъ конные форпосты и когда тѣ на другой день вечеромъ обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ австрійскими разбѣдами, отступили и зажгли условные огни, онъ ночью-же занялъ своими людьми всѣ скалы, возвышенности и проходы, ведущіе на Черную Гору.

Австрійцы не имѣли понятія о силѣ, которая имъ была противопоставлена; они думали что имъ придется имѣть дѣло хотя съ отчаянною но отдѣльною бандой, которая засѣла вблизи границы. По утру они стали подвигаться впередъ.

Но когда ихъ начали обстрѣливать отовсюду кругомъ, они слишкомъ поздно поняли на сколько дѣло серьезно. Выбѣство того, чтобы подвигаться впередъ, они принуждены были отступить въ болѣе безопасное мѣсто и оттуда уже защищаться.

Дѣло началось по всей линіи. Здѣсь происходило настоящее сраженіе.

Былъ полдень, когда начальники мѣстной стражи, чиновники, помѣщики и управляющіе составили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Прежде чѣмъ они успѣли придти въ какому нибудь заключенію, Домаха, во главѣ двухсотъ гайдамаковъ, зашла имъ съ тыла. Объятые паническимъ страхомъ, они заботились только какъ-бы не попасть въ руки гайдамаковъ.

Еще два дни и двѣ ночи банды оставались подъ начальствомъ Бойдака. На третій они разстались, давъ торжественное обѣщаніе помогать другъ другу въ нуждѣ и опасности и бороться до послѣдняго человека. Не прошло и двухъ недѣль со дня дѣла на Черной Горѣ, какъ въ станъ Домахи прибыли гайдамаки въ праздничныхъ одеждахъ — то были сваты отъ ватажки Бойдака.

Домаха приняла ихъ и угостила очень хорошо, но отклонила предложеніе Бойдака.

— Еслибы я хотѣла выйти замужъ, объяснила она съ достоинствомъ, я-бы не выбрала никого какъ вашего ватажки, только зачѣмъ мнѣ покоряться, коли я могу жить сама по себѣ?

Бойдакъ улыбнулся какъ услышалъ это отъ сватовъ.

— У насъ есть обычай красть невѣсту у родителей, сказалъ онъ, это вовсе не шутка. И мы сдѣлаемъ такъ. Украдемъ ее у нея-же.

Однажды Домаха съ сестрами вышла къ озеру съ сѣтями ловить рыбу. Только что успѣла она на поросшую мохомъ скалу, какъ изъ-кустовъ выскочилъ Бойдакъ съ двумя молод-

цами, обхватилъ своими мощными руками гордую красоту, поднялъ ее на коня и помчался. Вмигъ люди и сестры Домахи были на коняхъ и пустились вслѣдъ за смѣлымъ похитителемъ чтобы отнять у него дорогую добычу. Но Бойдакъ опередилъ всѣхъ—онъ былъ отличный наѣздникъ. Преслѣдуемый дикими криками, онъ доскакалъ къ пропасти, внизу которой шумѣлъ ручей.

На секунду онъ задержалъ коня; уже Никоня приближалась къ нему на своемъ ворономъ и, готова была набросить ему на шею предательскую петлю.

Но раздался крикъ Бойдака, отчаянный прыжокъ его коня, крикъ ужаса преслѣдователей и счастливый похититель и его добыча были уже въ безопасномъ мѣстѣ. Никто не посмѣлъ преслѣдовать его по такому пути—кони были не тѣ.

Съ удивленіемъ и нѣжностью глаза Домахи остановились на немъ. Она вдругъ обвила руками его шею и горячо поцѣловала его.

Бойдакъ счастливо довезъ ее до стана своего, гдѣ ихъ уже ждалъ священникъ, приведенный насильно гайдамаками для этой цѣли изъ сосѣдней деревни. Вѣнчаніе было совершено тотчасъ. Затѣмъ праздничное угощеніе, пляски и пѣсни до утра.

На другой день послѣ свадьбы Домаха вернулась къ своимъ. Ей не много труда стоило уговорить ихъ стать подъ начало ея мужа. Нѣсколько дней спустя обѣ банды соединились и разбили общій станъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы у Домахи родился сынъ. Теперь она вся предалась заботамъ о ребенкѣ; болѣе уже не сочувствовала мужу въ его наѣздахъ и ружье ея ржавѣло въ углу дома.

Во всякому возвращенію мужа, Домаха наряжалась какъ невѣста, въ золото и дорогіе мѣха. Когда она сидѣла съ ребенкомъ на колыскахъ, возлѣ своего мужа, тихое счастье и довольство царилъ въ этомъ разбойничьемъ притонѣ, точно въ мирной хижинѣ крестьянина. Но счастью этому не суждено было продолжаться долго.

Чтобы положить конецъ набѣгамъ гайдамаковъ, австрійцы образовали отряды такъ называемой „горной полиціи“, задача которыхъ была единственно постоянная борьба съ гайдамаками.

Завязалась отчаянная, безнадежная война. Въ Карпатскихъ горахъ открылся постоянный военный судъ, а потому не одинъ гайдамакъ послѣ непродолжительнаго слѣдствія, кончилъ на висѣлицѣ свою печальную жизнь.

Все сильнѣе гайдамаковъ тѣснили и преслѣдовали въ горахъ. И настало время когда отрядъ Бойдака, послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ стычекъ, долженъ былъ отступить въ свой станъ, который былъ осажденъ горной полиціей.

Но полиціи не удалось пробиться внутрь стана, а потому она заняла всѣ выходы и входы, чтобы голодомъ заставить осажденныхъ сдать. Но и голодъ не подѣйствовалъ на этихъ отчаянныхъ людей. Когда припасы вышли, они рѣшили умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Съ двухъ сторонъ они пробовали снастись. Часть ихъ съ Домахой, ея ребенкомъ и сестрами пробралась черезъ подземный ходъ, а другая часть съ Бойдакомъ во главѣ вдругъ бросилась на непріятеля.

На обоихъ пунктахъ гайдамаки успѣли напасть на австрійцевъ въ располхъ и отбросить ихъ назадъ. Часть всадниковъ прорвалась счастливо и повернула къ Венгрии, часть попала подъ перекрестный огонь. Бойдакъ былъ раненъ и покачнувшись въ сѣдлѣ, остальные, не желавшіе оставить своего атамана, вернулись обратно въ свой станъ.

Другая же часть, выпешая черезъ подземный ходъ, снасталась и бросилась черезъ скалы доступныя лишь сернамъ. Но когда Домаха увидѣла мужа падающимъ, она вернулась къ нему, перевязала его раны и понесла черезъ пробитыя въ скалахъ ходы въ пещеру, высоко на вершинѣ скалы и заложивъ въ нее ходъ.

Гайдамаки, число которыхъ значительно уменьшилось, защищались до послѣдней крайности. Только тогда, когда полетѣли всѣ австрійцы могли проникнуть въ ихъ гнѣздо, но и теперь они напрасно требовали сдачи Бойдака и его жены. Выстрѣлъ за выстрѣломъ слѣдовалъ съ неприступной скалы, выхватывая жертву за жертвой.

Тогда одинъ старикъ австріецъ вспомнилъ странную исторію изъ войнъ съ татарами, когда послѣдніе умерщвляли огнемъ бѣглецовъ, спрятавшихся въ скалахъ. И теперь также австрійцы обложили скалу, служащую убѣжищемъ гайдамаку и его женѣ, дровами и хворостомъ и зажгли ихъ.

Огонь поднимался все выше, дымъ проникъ въ пещеру; послѣдняя капля воды выпита, всѣ патроны вышли, у Бойдака не осталось надежды на спасеніе.

— Убей меня, угрюмо сказалъ онъ женѣ, и потомъ сдайся. Они пощадятъ тебя и ребенка.

— Нѣтъ, умирать такъ умремъ вмѣстѣ, отвѣтила та спокойно.

Онъ поцѣловалъ ребенка, жену; дымомъ наполнилась пещера и скоро пламя охватило все и задушило ихъ всѣхъ.

Много еще лѣтъ длилась отчаянная борьба славянъ и ихъ враговъ въ Карпатахъ и кончилась только въ 1848 году. Крестьянинъ бросилъ ружье и вернулся къ сохѣ. Съ этихъ поръ исчезла даже память гайдамаковъ.

Къ рисункамъ.

Моск. Выставка. Картина Бонча-Томашевского.

(Рис. на стр. 508 и 509).

Продолжая серію картинъ Московской выставки, въ настоящемъ № мы помещаемъ копию прекрасной картины извѣстнаго художника Бонча-Томашевского, котораго произведенія не разъ появлялись на академическихъ выставкахъ. Картина эта — „Петръ Великій въ Сорбоннѣ“. Великій преобразователь Россіи при второмъ своемъ путешествіи за границу, въ 1717 году, осматривая разныя достопримѣчательности Парижа, остановился передъ памятникомъ Кардинала Ришелье (знаменитымъ произведеніемъ Франциска Жирардена исполненнымъ по рисункамъ Лобрена), и воскликнулъ: „Вотъ, великій мужъ!“ къ этому преданію прибавляетъ будто Царь сказалъ еще: „Еслибы онъ жилъ быль, далъ бы я половину царства, дабы научился отъ него управлять другою“. Но это не вполне вѣроятно и не только несообразно съ характеромъ Петра I. Такихъ анекдотовъ о Петрѣ много и они часто имѣютъ характеръ недостоверный. На картинѣ изображены, составляющіе его свиту въ этомъ путешествіи: генералъ адъютантъ Ягужинскій, кабинетъ-секретарь Макаровъ, вице-капцлеръ Шафировъ, князь Куракинъ, Вилеруа и другіе, въ лѣвой половинѣ: епископъ Флѣри, наставникъ малолѣтняго короля Людовика XV, докторъ богословія при Сорбоннѣ Бурсе, составитель проекта соединенія Восточной и Западной церквей; въ этой группѣ ближе къ памятнику князь В. А. Долгоруковъ и гр. П. Толстой (носилъ при генеральныхъ штатахъ). По простотѣ замысла, по вѣрности портретовъ, помѣщенныхъ въ этой картинѣ и по художественной отдѣлкѣ подробностей картина составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній въ этомъ жанрѣ въ послѣдніе годы. Академикъ Бонча-Томашевскій (на всѣхъ картинахъ его лишь подписъ „Бончъ“) родился въ Петербургѣ въ 1830 году, получилъ воспитаніе въ Спб. Имп. Акад. Художествъ, въ 1858 г. за картину „Похищеніе Прозертины Плутономъ“ получилъ золотую медаль а въ 1860 году званіе академика; послѣдніе годы проживалъ въ Парижѣ, гдѣ написалъ множество картинъ, изъ которыхъ особенно извѣстны *Армія Марцелла*—за нее онъ удостоился званія академика. *Венера и Амуръ*. *Римлянка за туалетомъ*“. *Вѣздъ Людовика XI въ Парижѣ*“ (собствен. велик. князя Николая Константиновича) „*Три Великія эпохи Россіи*“ аллегорическое изображеніе—въ Зимнемъ дворцѣ, въ кабинетѣ въ Воѣ Почившаго Государя Александра Николаевича. *Тартюфъ* (сюжетъ изъ комедіи Мольера) и аллегорич. изображеніе „Роса“.

Гдѣ дорога?

(Рис. на стр. 513).

Еще съ утра ушли дѣвочки по грибы въ лѣсъ. А лѣсъ такой большой, глухой, съ путанными тропинками—но деревенскіе дѣти не трусятъ. Вѣдь это ихъ родной лѣсъ, имъ съ дѣтства знакомый и безсознательно ими любимый, влияющій своимъ чуднымъ воздухомъ здорово въ дѣтскія груди. И вотъ ходятъ двѣ сестренки, аугал тонкими голосками среди глубокаго безмолвія и тишины жаркаго полудня. Кругомъ летаютъ бабочки и зеленія мухи, сверкаютъ на солнцѣ; стрекоучь кузнечики а солнце все выше и выше и догадывается старшая дѣвочка что пора домой, что ихъ ждуть. Глядитъ на право, на лѣво и начинаетъ тревожиться: она запуталась въ тропинкахъ—гдѣ дорога? Младшая дѣвочка, не понимая затруднительности положенія, беззаботно поглядываетъ, ница грибовъ въ травѣ.

Симпатичная картина г. Богданова, изображающая описанную нами сценку, очень нравилась публикѣ на выставкѣ въ Академіи Художествъ.

Крестовый походъ дѣтей.

(Рис. на стр. 516).

Когда въ 1187 году, послѣ кровавой битвы, Саладинъ султанъ Сиріи и Египта, овладѣлъ Иерусалимомъ, христіанскій міръ поставилъ себя высокою цѣлью—вырвать этотъ священный для каждаго христіанина городъ изъ рукъ язычниковъ. Предпринятый для этой цѣли третій крестовый походъ остался безъ послѣдствій, благодаря вознившимъ послѣ смерти Фридриха Барбароссы недоразумѣніямъ между Филипомъ Августомъ французскимъ и Ричардомъ I английскимъ; въ четвертый же крестовый походъ войска даже не достигли священной страны и по наученію Венеціанцевъ удовольствовались разрушеніемъ Византійскаго царства. Не смотря на всѣ старанія папы Иннокентія III и его проповѣдниковъ воодушевить народъ, болѣе уже не составлялось обихихъ крестовыхъ походовъ. Однако находились еще лица, желавшія посвятить свою жизнь великой цѣли, но небольшія эти экспедиціи, выступавшія изъ того или другаго государства Европы на опасное предпріятіе также мало могли способствовать его осуществленію какъ и толпы отважныхъ дѣтей, одушевленныхъ этою идеей и собравшихся для такой же цѣли, въ извѣстный такъ называемый „крестовый походъ дѣтей“, эпизодъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ. Въ іюнь 1212 года въ одной деревнѣ во Франціи, около

Вандома появился красивый мальчикъ—настухъ, Стефанъ, который объявилъ, что онъ призванъ Господомъ предводительствовать собравшимися идти на завоеваніе Святой земли.

Онъ ходилъ всюду и всюду слова его принимались съ живѣйшимъ воодушевленіемъ; „устами дѣтей Господь глаголетъ“, говорили всѣ. Вскорѣ къ Стефану присоединились другіе мальчики, дѣйствовавшіе въ одномъ съ нимъ духѣ и приводившіе къ нему цѣлыя толпы сверстниковъ обоаго пола. Никакія запрещенія, ни даже указы короля Франціи, не могли удержать воспламененныхъ юношей; фантастическое юное войско крестоносцевъ все увеличивалось и наконецъ толпа, слѣдовавшая за Стефаномъ, (къ которому присоединились и многіе взрослые) достигла 30,000 человекъ. На рисунокѣ представлена именно передавая группа войска. Шествіе открываетъ юный Стефанъ, стоящій на повозкѣ съ хоругвью въ рукахъ и крестомъ на груди, идущіе врозь него молоденькіе воины составляли его стражу. Затѣмъ слѣдовали мальчики и дѣвочки, между которыми видны также и взрослые пилигримы и пилигримки; вся толпа шла падами и несла кресты и хоругви. Изъ Марселя это необыкновенное крестовое шествіе пыталось достигнуть Сиріи на семи корабляхъ; но два судна были разбиты около острова Сант-Пьетро, близъ Сардинскихъ острововъ, а остальные счастливо достигли Египта, но тутъ бѣдныя дѣти были схвачены и проданы въ рабство. Только немногіе изъ этихъ несчастныхъ были освобождены, послѣ заключенія мира Фридрихомъ II съ султаномъ Алькамплемъ въ 1229 г. Отвага французскихъ дѣтей повліяла также и на Германію. Здѣсь тоже на Нижнемъ Рейнѣ появился десятилѣтній мальчикъ, Николай, ревностный проповѣдникъ крестоваго похода, собравшій вкорѣ толпу въ 20,000 человекъ, съ которою онъ направился на югъ черезъ Альпы въ Святую землю. Конецъ этаго похода былъ также печаленъ какъ и французскаго. Большая часть дѣтей, не достигнувъ Италіи умерла отъ голоду, болѣзней и были перебиты разбойниками, другіе же, испугавшись страшныхъ затрудненій пути, вернулись обратно. Только нѣсколько тысячъ достигли Генуи и Бриндиза, но тутъ имъ, конечно, воспрепятствовали отперавиться далѣе. На обратномъ пути сотни изнеможенныхъ дѣтей умирали на улицахъ, другіе же попали въ рабство, и только не многіе вернулись па родину. Таковъ былъ печальный конецъ этаго фантастическаго похода, составляющаго одинъ изъ любопытѣйшихъ эпизодовъ исторіи освобожденія Святой земли.

Ювъ и его друзья.

(Рис. на стр. 517).

Трогательный библейскій разсказъ объ многострадальномъ Ювѣ, такъ образно представляющій всю тиету и непрочность человеческаго богатства и счастья, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ перловъ библейской, боговдохновенной поэзіи. Высокой и по, азительной является здѣсь эта фигура—добродѣтельнаго старца Юва, жителя Аравіи, сначала счастливаго отца семейства, владѣвшаго громадными богатствами, а потомъ влѣдствіе испытанія, посланнаго ему Богомъ, терпящаго и свою семью и своя богатства и обращающагося въ полуживаго страдальца, покрытаго язвами и отвратительнымъ рубищемъ. Но и среди этихъ ужасныхъ страданій, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ, Ювъ остается, какъ прежде, покорнымъ Господу. Потерявъ богатство и счастье онъ не сожалѣетъ ни о томъ ни о другомъ. „Нагъ пришелъ я въ міръ, нагъ и отъиду“, говоритъ онъ и чувствуя свою правоту, не доп. скажетъ мысли, чтобы правосудный Богъ отступился отъ него окончательно, хотя люди самые къ нему близкіе, его лучшіе друзья, часто поражали сомнѣніемъ его измученную душу. Изъ числа этихъ друзей въ разсказѣ поименованы только трое: Элифасъ, Бильдадъ и Софаръ. Въ они были Идумейцы и приплы къ Юву издалека, чтобы принести ему утѣшеніе и нравственную поддержку. Но увидѣвъ его, они не узнали своего стараго друга въ э омъ больномъ, чуть живомъ старикѣ, покрытомъ рубищемъ; они горя они испустили вопль и пролили слезы; въ отчаяніи они разорвали свои одежды и посыпали головы прахомъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ именно этотъ моментъ. Когда же они стали утѣшать его, то каждое ихъ слово было новымъ испытаніемъ для Юва, такъ какъ они также какъ и другіе люди, не могли не раздѣлять общаго тогда возрвнія—что наказаніе есть слѣдствіе грѣха, что потому Ювъ, наказанный Богомъ, долженъ быть песомнѣнно грѣшенъ. Долгій, горячій споръ завязался между друзьями и Ювомъ и перевѣсъ часто оказывался не на сторонѣ праведника, такъ какъ ученые и краснорѣчивые доводы уже начинали колебать даже непоколебимаго до сихъ поръ Юва. Но Богъ наконецъ сжалился надъ страдальцемъ. Онъ разсѣялъ сомнѣнія друзей и облегчилъ душу Юва совнаніемъ его правоты и невинности. Ювъ сталъ по прежнему богатымъ и счастливымъ; опять у него родились семь сыновей и семь дочерей, а безчисленныя его стада опять покрыли собою тучныя пастбища. Ювъ жилъ послѣ этаго искушенія, посланнаго ему Богомъ, еще много лѣтъ и видѣлъ свое потомство до четвертаго колѣна.

„Воздушный корабль“ г. Костовича.

Прошло уже почти пять летъ съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный своимъ удачными изобрѣтеніями капитанъ Костовичъ началъ исключительно заниматься аэронавтикой и вскорѣ овладѣлъ этимъ предметомъ. Уже въ концѣ 1879 года, г. Костовичъ выразилъ свой взглядъ на аэронавтику, и опытами и математическими вычислениями подтвердилъ правильность изысканій Гельмгольца и Бабинета, что сила мускуловъ человѣка недостаточна для того, чтобы онъ могъ приподнять вѣсъ своего тѣла, даже при помощи самаго остроумнаго механизма и что помощью силы собственныхъ мускуловъ, человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи подняться на воздухъ.

Кромѣ того г. Костовичъ подвергъ тщательному изученію и опытамъ всѣ существующія нынѣ машины и способы по отношенію къ аэронавтикѣ для динамическаго (чисто механическаго) полета, причемъ устроилъ три очень удачные, чисто механическіе, летательные аппарата: одну модель съ винтами, аэропланъ и модель съ крыльями. Первая модель съ абсолютнымъ вѣсомъ въ $\frac{1}{4}$ фунта, вторая въ $\frac{1}{2}$ ф. и третья въ одинъ фунтъ. Всѣ три аппарата при помощи механизма поднимаются съ земли и летятъ въ данномъ имъ рулемъ направленіи до тѣхъ поръ пока дѣйствуетъ механизмъ. Но при всѣхъ этихъ хотя и удачныхъ аппаратахъ, г. Костовичъ доказалъ, что еслибы сдѣлать ихъ въ большихъ размѣрахъ, при силѣ и вѣсѣ существующихъ машинъ, ни одинъ изъ этихъ аппаратовъ въ большихъ размѣрахъ не будетъ летать, такъ какъ отношеніе силы къ вѣсу будетъ недостаточно. Самыми точными математическими формулами онъ доказываетъ, что постройка большой летательной чисто механической машины представляетъ такіа трудности, преодолѣть которыя въ настоящее время мы и думать не можемъ, такъ какъ мы еще очень далеки даже отъ приблизительныхъ основныхъ правилъ изобрѣтенія такой большой и по своему вѣсу легкой силы. *) Это недостижимая комбинація колесъ, рычаговъ, эксцентриковъ и т. п., хотя бьется надъ этимъ не мало изобрѣтателей.

Что касается воздушныхъ шаровъ (аэростатовъ, баллоновъ), то г. Костовичъ выразился слѣдующимъ образомъ: воздушные шары предшественники настоящихъ воздушныхъ кораблей въ аэронавтикѣ, точно также какъ въ мореплаваніи парусныя суда были предшественниками нынѣшнихъ пароходовъ. Послѣ произведенія нѣкоторыхъ основательныхъ улучшеній и практическихъ измѣненій, аэростаты могутъ быть пригодны для астрономическихъ и метеорологическихъ цѣлей, для посланія выстрѣловъ въ осажденные крѣпости, (подобно тому, какъ употребляла австрійская армія во время осады Венеціи въ 49 году), при крушеніяхъ вблизи береговъ, гдѣ какъ извѣстно обыкновенно существуетъ сильное стремленіе вѣтра съ моря къ землѣ, а потому можетъ быть скоро подана помощь потерпѣвшимъ

крушенію, и наконецъ для небольшихъ свободныхъ позадокъ, пользуясь на разныхъ высотахъ различными направленіями вѣтра, по между тѣмъ достиженіе всѣхъ этихъ цѣлей всегда будетъ зависѣть отъ воли вѣтра точно также какъ парусный корабль зависить болѣе или менѣе отъ вѣтра.

Не смотря на все это г. Костовичъ изобрѣлъ вполне пригодный для практическихъ цѣлей воздухоплавательный аппаратъ, устройство котораго основано на совершенно новыхъ началахъ.

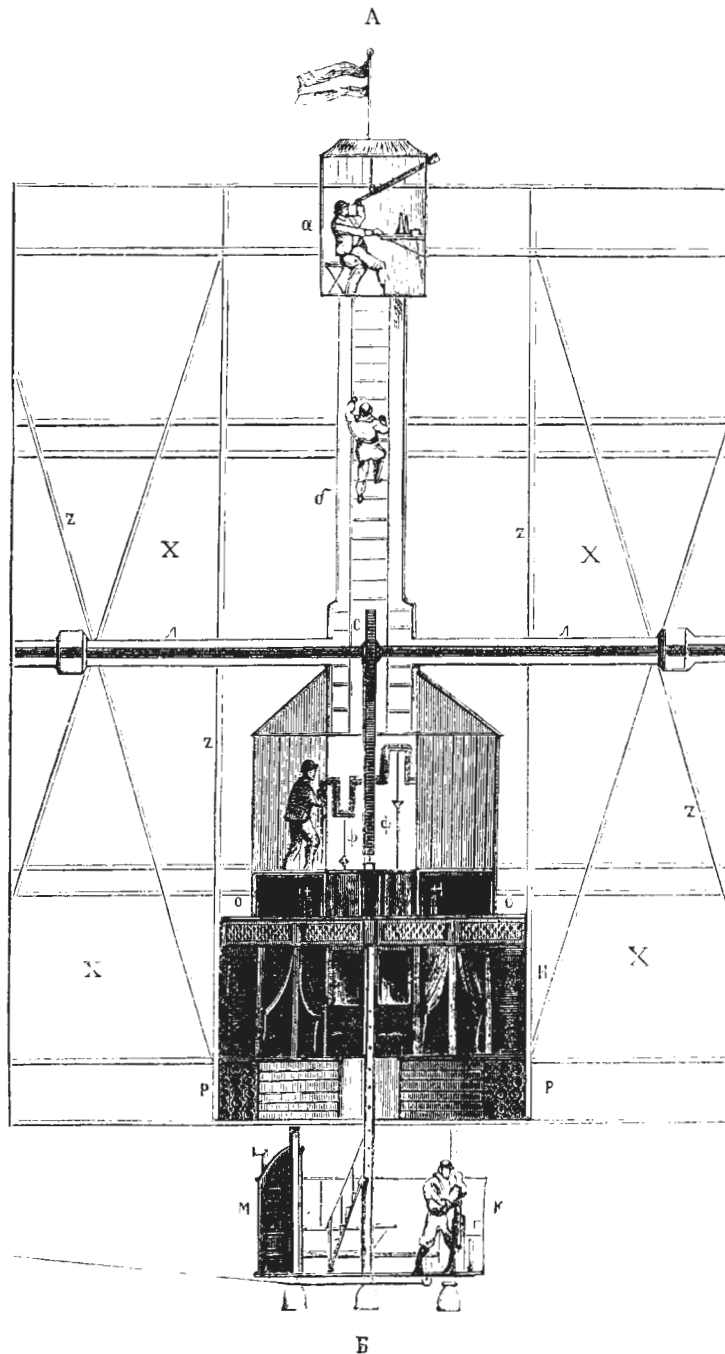
Г. Костовичъ дѣлаетъ не чисто механическій аппаратъ и не аэростатъ, легкій какъ облако, но совершенно новую легкую и сильную машину (двигатель), вѣсъ которой еще облегчается посредствомъ газа на столько, что весь аппаратъ съ механизмомъ, людьми и проч. можетъ свободно держаться въ воздухѣ на высотѣ между 50 и 100 футами (которую можно регулировать при помощи балласта), а потому абсолютный вѣсъ атаго аэростата съ людьми и прочимъ, на той высотѣ, гдѣ онъ стоитъ въ равновѣсіи, при помощи вытѣсненнаго имъ воздуха, будетъ = 0. Если аппаратъ находится въ равновѣсіи на высотѣ 100 футовъ и оттуда при помощи движущей машины мы поднимаемся выше, то въ высшихъ сферахъ встречаемъ болѣе разреженный воздухъ, а поэтому приобретаемъ абсолютный вѣсъ, который мы можемъ извѣстнымъ еще способомъ или увеличить или уменьшить и по мѣрѣ надобности утилизовать при полетѣ.

Посредствомъ облегченія вѣса машины до такой степени что она держится въ воздухѣ съ людьми и развиваетъ 50 индик. лошадиныхъ силъ, г. Костовичъ напелъ именно такую силу, которая въ состояніи не только поднять на любую высоту, но и легко вести корабль даже противъ вѣтра; понятно, что достигнувъ произвольнаго движенія, легко можно и управлять этими движеніями.

Еще труднѣйшую задачу представляло устройство прочной, сильной и при томъ легкой машины, которая бы соответствовала условіямъ атмосферическаго воздуха, въ которомъ приходится двигаться не какъ на водѣ, но будучи окруженнымъ это средою со всѣхъ сторонъ.

Г. Костовичъ сдѣлалъ модель въ 12 футовъ длины и 3 фута въ поперечникѣ, изобрѣтеннаго имъ воздушнаго корабля, которая удостоверяетъ правильность его теоретическихъ предположеній и математическихъ доводовъ. Недавно образовалось общество изъ лицъ высокопоставленныхъ и изъ міра финансоваго, съ цѣлью устройства перваго воздушнаго корабля по системѣ Костовича. Величина его—164 фута длины и 41 ф. въ поперечникѣ. Постройка его уже начата подъ руководствомъ самого изобрѣтателя; всѣ нужныя матерьялы приобретены на русскихъ фабрикахъ.

Помѣщенный рисунокъ представляетъ это воздухоплавательное судно. Корпусъ состоитъ изъ цилиндра съ двумя конусами спереди и сзади. Ось винта Л совпадаетъ съ осью цилиндра.

Планъ воздушнаго корабля капитана Костовича.

*) Двигатель съ остальн. механизм. 2 пиллограмма на 1 эффектив. лошад. силу.

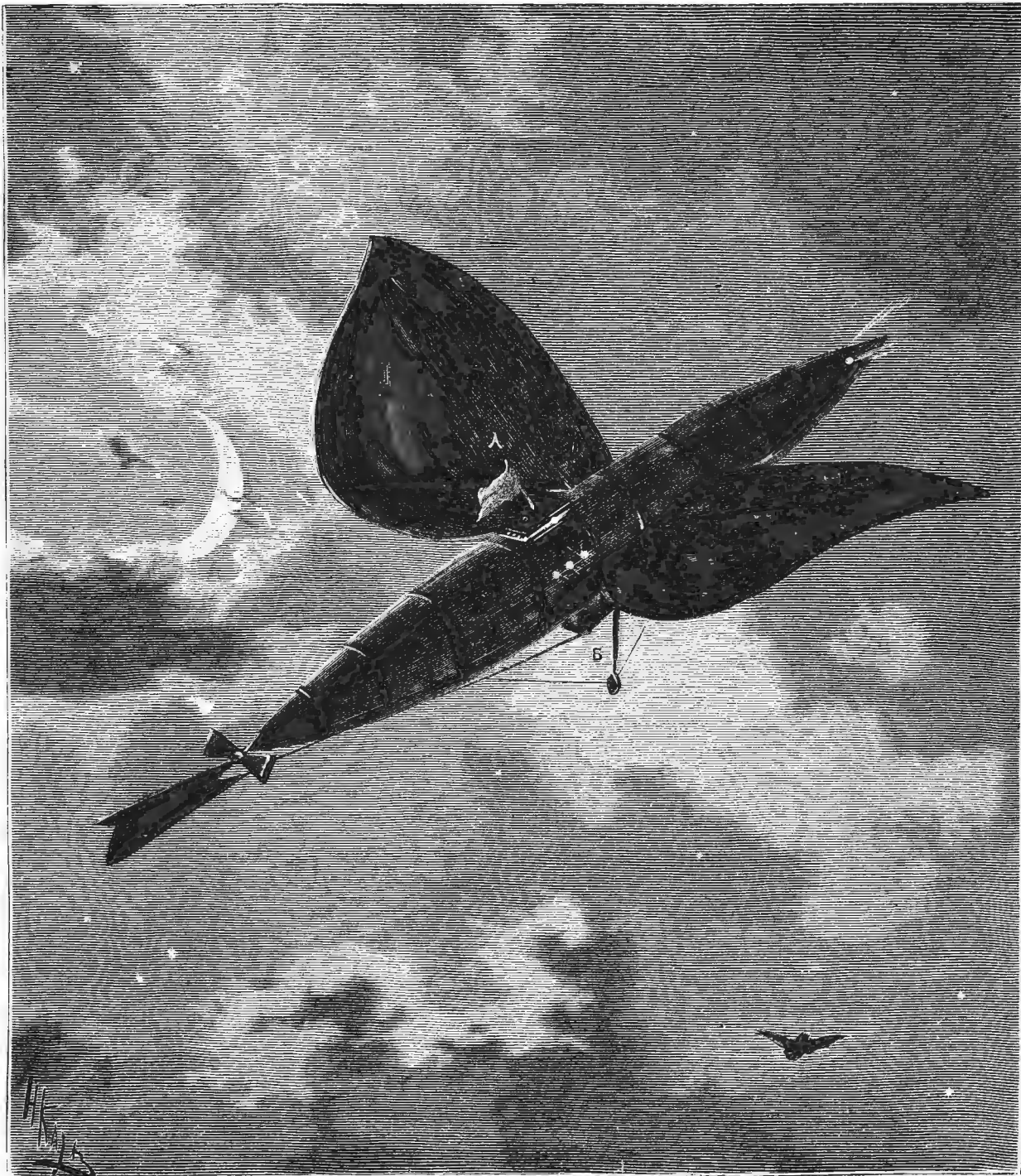
такъ что отъ дѣйствія винта корпусъ не мѣняетъ положенія, ибо треніе отъ движенія впередъ одинаково распределено вкругъ движущей силы.

Задній конецъ судна Костовича походитъ на стрѣлу т. е. состоитъ изъ двухъ площадей, одной горизонтальной, а другой вертикальной, вслѣдствіе чего корпусъ приобретаетъ большую устойчивость при движеніи, по линіи курса, ибо площади не столь легко допускаютъ уклоненія. Но если не смотря на то, по какому либо случаю, судно уклонится отъ линіи своего курса, то въ такомъ случаѣ контра-рычагомъ служитъ хвостъ

Всѣмъ механизмомъ, распоряжаются изъ башни коменданта, равно какъ и рулемъ (хвостомъ), который, находясь на универсальномъ шарнирѣ, да еще при особомъ механизмѣ, можетъ описывать кругъ, въ любой плоскости, и такимъ образомъ комендантъ имѣетъ возможность придать судну всякое желаемое направленіе мгновенно.

Двигателями для судна служатъ крылья и винтъ, которые приводятся въ движеніе машиною, равною 50-ти индикаторнымъ лошадинымъ силамъ.

При движеніи крыльцевъ *) вверхъ не встрѣчается сопротив-

Воздушный корабль „Россія“, строящийся нынѣ по системѣ капитана Костовича. Съ натуры рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

т. е. руль, который ему даетъ и сохраняетъ данное направленіе.

Управляемость воздушнаго судна объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оно не носитъ теченіемъ воздуха, а движется посредствомъ самостоятельной двигательной силы, заключающейся въ его механизмѣ. Такое самостоятельное движеніе обусловливаетъ большей или меньшей силы упоръ прорѣзываемого судномъ воздуха въ выставленную, подъ известнымъ къ судну угломъ, площадь рулевого весла (хвостъ), образующаго тѣмъ самымъ поворотный рычагъ, сила дѣйствія котораго и обусловливаетъ уклоненіе судна въ какую угодно сторону и подъ какимъ угодно угломъ.

ленія вслѣдствіе того, что поверхность крыльцевъ устроена въ видѣ клапановъ, открывающихся при движеніи вверхъ. Заостренный-же остовъ крыльцевъ представляетъ весьма незначительное сопротивленіе воздуху. При обратномъ движеніи клапаны закрываются и такимъ образомъ крылья, ударяя внизъ и нѣсколько къ заднему концу судна полною поверхностью, не только въ состояніи съ силою поднять въ воздухъ судно, но и сообщить ему движеніе впередъ.

Кромѣ крыльцевъ, мы видимъ на рисункѣ еще винтъ, который

*) Крылья показаны на прилагаемомъ рисункѣ нѣсколько иначе; настоящее устройство ихъ составляетъ секретъ изобрѣтателя.

при нормальномъ дѣйствіи дѣлаетъ 300 оборотовъ въ минуту, но эта скорость можетъ быть увеличена до 500 оборотовъ и изобрѣтатель полагаетъ, что если-бы этого оказалось недостаточнымъ, то она можетъ быть усилена еще и значительно болѣе, посредствомъ въ некоторыхъ незначительныхъ измѣненій въ механизмѣ винта, но специалисты не думаютъ, чтобы въ этомъ встрѣтилась необходимость, такъ какъ скорость въ 300 оборотовъ въ минуту достаточна будетъ, чтобы двигать судно съ значительною силою.

Что же касается до устойчивости корабля, то она вполне гарантируется положеніемъ центра тяжести ниже центра фигуры и кромѣ того тѣмъ, что къ судну прикрѣплена бамбуковая трость В, съ тяжелымъ желѣзнымъ шаромъ на концѣ, который служитъ контра-балансомъ при малѣйшемъ наклоненіи судна къ одному изъ бортовъ, но этотъ-же рычагъ даетъ свободу судну принимать любое направленіе относительно горизонта.

Перейдемъ теперь къ внутреннему устройству (X,X,X,X) воздушнаго корабля капитана Костовича.

Въ центрѣ находится обсерваторная рубка, со стеклянными стѣнками, возвышающаяся на 1' 2 фута надъ поверхностью судна. Въ этой же рубкѣ находятся и всѣ необходимые метеорологическіе и астрономическіе инструменты.

Изъ рубки можно спуститься по лѣстницѣ б во внутренность судна, въ довольно большое помѣщеніе, машиннаго отдѣленія Ф, О, Ю. Подъ этимъ отдѣленіемъ находится помѣстительный и комфортабельно устроенный салонъ Н равно какъ гостинная и столовая и вокругъ означеннаго салона удобно устроены спальня каюты. Подъ описанными помѣщеніями находится родъ магазина Р гдѣ отдѣльно складываются: багажъ, почта, провіантъ, вода и балластъ. Отсюда имѣется выходъ въ низъ судна.

Непосредственно подъ этимъ выходомъ помѣщается площадка съ перилами К. (банія коменданта) прикрѣпленная къ судну такъ, что она составляетъ одно тѣло съ нимъ. Площадка снабжена всѣми нужными приспособленіями, какъ то: сообщеніемъ съ рулемъ, компасомъ и прочими инструментами, слуховою трубою, проведенною во внутрь судна къ машинѣ и на небольшой части этой площади помѣщается кухня М.

Подъ вышеозначеннымъ магазиномъ по дну судна проложена труба, или вѣрнѣе, небольшой туннель. Въ этомъ туннелѣ помѣщается особаго устройства механизмъ, дѣйствующій автоматически, который при перемѣнѣ центра тяжести отъ передвиженія пассажировъ, восстанавливаетъ равновѣсіе, или вѣрнѣе предупреждаетъ его нарушеніе. Если судну умышленно, посредствомъ руля, дается косвенное положеніе, то автоматическій приборъ этотъ несколько такой эволюціи не прерываетъ.

Остальная часть внутренняго помѣщенія судна, х значительнѣйшая, *наполнена газомъ, тѣмъ котораго не есть поднятіе судна на высоту, а лишь облегченіе его вѣса, и именно на столько, чтобы при отсутствіи пассажировъ и багажа, и присутствіи соответственнаго количества балласта, судно могло бы достигнуть и удержаться на высотѣ 50—100 футовъ.*

Это обстоятельство уиодобляетъ положеніе воздушнаго судна такому же положенію судна на водѣ; т. е. на указанной высотѣ воздушное судно находится въ естественномъ положеніи, которое даетъ ему свободу движенія.

При утилизаціи вѣса, судно вытребуетъ противъ бури посредствомъ данной ему тяжести, какъ сказано выше, и наклоннаго

положенія, падаетъ и подымается вслѣдъ затѣмъ въ наклонной плоскости противъ бури.

Сама по себѣ тяжесть судна вслѣдствіе стремленія къ перпендикулярному наденію, такимъ образомъ нагнетается на наклонную плоскость, образуемую корпусомъ и крыльями судна, что превращается непосредственно въ силу, подвигающую впередъ, а косвенно—въ силу подъемную.

Воздухоплавающее судно Костовича, пользуясь своимъ вѣсомъ, можетъ ходить противъ сильнѣйшей бури и безъ особой потери времени продолжать путь. По приступить къ вышеозначеннымъ эволюціямъ очень рѣдко можетъ встрѣтиться надобность, такъ какъ уже сама по себѣ сила машины и двигателей по извѣстнымъ и испытаннымъ формуламъ законовъ сопротивленія и силы движенія, даетъ скорость полета до 40 географическихъ миль въ часъ въ тихомъ атмосферическомъ воздухѣ и терлется абсолютной скорости на столько, на сколько будетъ препятствовать вѣтеръ, но не болѣе какъ на половину отъ самаго сильнаго урагана.

Что касается до матеріала, изъ котораго будетъ построено судно, то скелетъ его, т. е. шпангоуты z, z, и связи ихъ z, z, сдѣланы изъ самаго крѣпкаго сорта дерева и другихъ матеріаловъ.

Постройка этого скелета разсчитана на правильное распредѣленіе тяжести по всѣмъ частямъ судна, такъ чтобы всѣ части напрягались равномерно, выноси однообразную тяжесть и напряженіе. Что же касается паружнаго матеріала корпуса, то матеріалъ составленъ г. Костовичемъ. Матерія почти непроницаемой плотности и при всемъ томъ отличается упругостью и чрезвычайною легкостью, такъ что его можетъ быть обтянуть снаружи весь корпусъ, тѣмъ придаетъ судну красивая, ровная и крѣпкая форма. Изъ этого же матеріала сдѣланы крылья и руль; части машины стальные и, вслѣдствіе особеннѣйшей выдѣлки, отличаются легкостью и, въ то же время, прочностью.

На воздушномъ кораблѣ встрѣтятся меньше опасности крушенія, нежели на морѣ и на желѣзныхъ дорогахъ, принявъ во вниманіе, что въ случаѣ поломки машины на любой высотѣ мы имѣемъ возможность извѣстнымъ способомъ мгновенно облегчить судно на столько, чтобы не только держаться на той высотѣ, на которой произошла катастрофа, но даже и подняться выше и тогда уже съ теченіемъ вѣтра и продолжать свой путь. Въ случаѣ поврежденія самаго корпуса (газового резервуара) имѣемъ механическую силу, чтобы даже продолжать путь и въ крайности безъ всякой опасности тихо спуститься внизъ. А въ случаѣ общей поломки образуется парашютъ, съ помощью котораго можно всетаки, безъ особенной опасности для людей, спуститься внизъ.

Воздушныя суда по системѣ Костовича могутъ быть устраиваемы въ различныхъ размѣрахъ, согласно ихъ назначенію.

Воздушный корабль „Россия“ теперь строящейся, съ удобствомъ помѣщаетъ 10 человекъ, изъ коихъ 6 — составляютъ команду, а остальные 4 пассажиры. На человека расчитано брать по 25 килограммовъ багажа, 25 кил. провизіи и 35 кил. воды, на 8 сутокъ; кромѣ того этотъ воздушный корабль принимаетъ 200 кил. гр. почты и, на всякій случай, соответственнаго баласта.

Г. Костовичъ утверждаетъ, что можно устроить нынѣ же судно на 50—60 человекъ съ соответствующимъ багажемъ, баластомъ и запасомъ провизіи.

Ирландія и Англія.

Очеркъ (портреты на стр. 523).

По поводу убійства Кэвендиша и Борка.

24-го Апрѣля совершилось ужасное, звѣрское политическое убійство въ Дублинѣ, возмущившее всю Англію, даже вождей ирландской лиги и вызвавшее строгія мѣры для подавленія возстанія, тотчасъ утвержденныя палатами. Убійство—лорды Кэвендишъ и Боркъ (портреты которыхъ помѣщены здѣсь) не успѣли еще ничѣмъ даже показать себя, ибо приѣхали въ Дублинъ только въ этотъ день.

Лордъ Кэвендишъ, младшій братъ лорда Гаррингтона, былъ извѣстенъ за человека очень добраго и благороднаго и по своимъ возрѣпямъ принадлежалъ къ партіи виговъ; выборъ Гладстона палъ на него именно въ виду того, что англійское правительство желало показать поворотъ къ болѣе мягкой политикѣ въ дѣлѣ Ирландіи, къ политикѣ примиренія. Но когда начинается „политика примиренія“ противная сторона всегда пользуется этимъ и поднимаетъ голову. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. 6-го мая (новаго стила) утромъ лордъ Кэвендишъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенный министромъ Ирландіи, прибылъ изъ Англіи, вмѣстѣ съ новымъ вице-королемъ, графомъ Спенсеромъ и высадился въ Кингстоунѣ; къ вечеру они вступили въ Дублинъ при громкихъ и восторженныхъ кликахъ народа. По выполненіи въ вице-королевскомъ дворцѣ нѣкоторыхъ формальностей, относившихся къ его должности и сдѣвъ присягу, лордъ Кэвендишъ отправился въ свою резиденцію въ экипажѣ. По дорогѣ ему встрѣтился его товарищъ, сэръ

Томасъ Боркъ; лордъ Кэвендишъ вынесъ изъ экипажа и пошелъ съ Боркомъ гулять по саду пѣшкомъ; вскорѣ къ нимъ приблизилась небольшая группа (четыре человека) другихъ гуляющихъ, которые—почти всѣ—имѣли на головахъ мягкія широкополая шляпы; сколько теперь извѣстно изъ разныхъ газетныхъ свѣдѣній, лордъ сказалъ Борку что-то въ родѣ вопроса о томъ, какал надобность этимъ людямъ до нихъ, но въ ту же минуту „эти люди“ бросились на несчастныхъ. О томъ, что произошло затѣмъ, можно судить по разсказамъ нѣкоторыхъ лицъ, видѣвшихъ все издали и принявшихъ сцену за простую драку пьяныхъ; немного спустя—двое изъ дравшихся лежали уже на землѣ, а остальные быстро удалились въ экипажѣ. Вскорѣ на мѣсто прибыли двое молодыхъ людей, катавшихся на велосипедахъ и увидѣли въ чемъ дѣло. Рань были ужасны. Кэвендишъ еще думалъ, но умеръ тутъ же, что же касается Борка, то его смерть послѣдовала вѣроятно моментально, такъ какъ у него голова была почти отрубана отъ туловища; у Кэвендиша оказалось 8, у Борка 11 ранъ, всѣ артеріи и вены—перерѣзанными; можно предполагать, что борьба была отчаянная. О томъ общемъ отвращеніи, которое возбудило это возмутительное убійство, нечего повторять—во всей Англіи, во всемъ мірѣ раздался одинъ крикъ негодованія и ужаса. Правительство объявило премію въ 100,000 р. за поимку негодяевъ, но не смотря на всѣ успѣхи полиціи и частныхъ лицъ, до сихъ поръ

не найдено еще и слѣда. Въ одну англійскую газету пришло письмо, будто бы отъ участника, рассказывающаго, что тотчасъ же послѣ преступленія, всѣ четверо уѣхали въ условленное заранее мѣсто и тамъ переоделись — одинъ матросомъ, другой лейтенантомъ флота, третій офицеромъ, а четвертый въ обыкновенный костюмъ. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ ничего еще неизвѣстно, хотя розыски энергичны и арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей.

Сэръ Томасъ Боркъ, покойный товарищъ министра по ирландскимъ дѣламъ, родился въ маѣ 1829 года. Отецъ его постоянно жилъ въ Брюггѣ и онъ самъ получилъ воспитаніе въ Бельгій и Германіи и былъ замѣчательнымъ лингвистомъ. Когда же сэръ Томасъ Реддингтонъ занялъ мѣсто младшаго секретаря въ Ирландіи, то онъ взялъ къ себѣ и Борка и подъ его руководствомъ молодой человекъ началъ свою дѣловую, государственную карьеру. Свои официальные обязанности въ составѣ главнаго управленія Ирландіи онъ продолжалъ и послѣ смерти Реддингтона при лордѣ Каранингфордѣ, при которомъ впоследствии онъ состоялъ частнымъ секретаремъ; ту же самую обязанность онъ выполнялъ при Робертѣ Пилѣ и лордѣ Гардингтонѣ. Во время всего своего служебнаго поприща онъ принадлежалъ къ либеральной партіи и строго и съ неизмѣнною вѣрностью и постоянствомъ держался воззрѣній и плановъ высшаго министерства.

Хотя не однажды мы возвращались къ ирландской смутѣ, но такъ какъ англійскіе порядки и англійское управленіе у насъ часто ставятъ въ какой-то примѣръ совершенства, то интересно припомнить историческія обстоятельства, приведшія къ такимъ крайнимъ дѣйствіямъ, къ которымъ теперь несомнѣнно присоединились уже и посторонніе, чисто революціонные элементы.

Болѣе 700 лѣтъ какъ англичане начали завоеваніе Ирландіи, но можно сказать, что они и до сихъ поръ не закончили его, что и до сихъ поръ имъ не удалось соединить, слить „Зеленый Эрнъ“ съ Англійей и сдѣлать его солидарнымъ съ Соединеннымъ Королевствомъ. До сихъ поръ Ирландію, ирландцы считаютъ „завоеванной“ страной, чувствуютъ себя завоеванными народомъ, не болѣе.

Фредерикъ Кэвэндишъ † 24 Апрѣля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Томасъ Боркъ † 24 Апрѣля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Первое столкновеніе Ирландіи и Англійи произошло въ 1169 году. Послѣ упорныхъ битвъ англичане укрѣпились въ восточной части острова; но этотъ успѣхъ былъ не болѣе какъ прологомъ къ продолжительной борьбѣ, которая завершилась все такъ тѣмъ, что въ 1603 году послѣдніе вожди побѣжденных ирландцевъ явились въ Вайтхолль призвать власть короля Англій Якова I-го. Но эта покорность такъ и осталась только покорностью внѣшнею. Завоеватели пожелали ввести въ завоеванномъ островѣ свою реформированную религію. Ирландцы воспротивились. Англичане, отобравъ отъ ирландскаго духовенства его имѣнія, ввели свою іерархію; прислали четырехъ архіепископовъ, восемнадцать епископовъ и множество священниковъ, но — всѣ они остались безъ прихожанъ. Когда возгорѣлась борьба между королемъ Карломъ I и парламентомъ, и протестанты-англичане приняли сторону парламента, то католики-ирландцы стали за короля; междуособіе дорого обошлось завоевателямъ: въ теченіе четырехъ дней пало до двадцати тысячъ англичанъ. Только въ 1650 г. справился Кромвелль съ ирландцами и принятія имъ мѣры хорошо характеризуютъ суроваго правителя; болѣе 80 тысячъ человекъ отправилъ онъ на Вестиндскіе острова, а большую часть католиковъ переселилъ въ Контаутъ и Клэръ, (на западѣ и юго-западѣ); сѣверъ и востокъ были заселены англійскими колонистами; при Карлѣ II положеніе ирландцевъ нѣсколько облегчилось, но его наслѣдникъ Яковъ II вовлекъ слова Ирландію въ междуособную войну, кончившуюся битвой при Бойнриверѣ, въ которой Яковъ былъ разбитъ своимъ противникомъ, Вильгельмомъ III.

Ирландцамъ были предоставлены нѣкоторыя льготы; Лимерикскимъ договоромъ Вильгельмъ даровалъ ирландскимъ католикамъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ они пользовались до него; они не были только допущены къ должностямъ. Однако, договоръ не выполнялся и остался на бумагѣ, а притязанія завоевателей все увеличивались. Католикъ не могъ приобретать недвижимаго имѣнія; протестантъ могъ всегда отобрать у него недвижимость; католикъ былъ обязанъ посѣщать англійскія церкви, не могъ владѣть даже дорогой лошадей, и всякій католикъ имѣлъ

всегда право насильно купить у него лошадь по определенной низкой таксе. В отношении поземельного владения англичане произвели в Ирландии реформу, безусловно отразившуюся на всей последующей судьбе страны: застав там, в большинстве случаев общинное владение, обезземельившее население, они уничтожили эту форму владения обезземельив народ, отобрали землю и передали ее английским владельцам—протестантам. Вместе с тем они уничтожили и торговлю Ирландии; так в видах пользы английских купцов, были воспрещены прямой отпуски из ирландских портов и колоний; воспрещены были также сбыты в Англию ирландского скота, масла и сыра; шерстяное производство, рыболовство, все было стеснено—опять таки в пользу английской конкуренции. В 1801 г. последовало соединение ирландского парламента с английским; нововведение это было, как выразился знаменитый О'Коннелль, осуществлено англичанами при помощи террора, пыток и насилий. Так, мало по малу накопилось чувство ненависти у ирландцев против англичан. О положении ирландского земледельца, мелкого фермера было уже не раз писано и поэтому мы не будем распространяться относительно этого предмета, а скажем только, что это ничто иное, как бедняк, владеющий небольшим куском земли на правах аренды—аренды, не закрепленной за ним, так, что владельец может или увеличить арендную плату, когда ему угодно, или согнать его с семейством, с его пенселица. Последствия понятны: в сущности эти невозможны аграрные отношения и служат главной подкладкой настоящих волнений. Но—у ирландцев слишком много счетов с англичанами; оскорбленные в своих национальных и религиозных чувствах, униженные, разоренные, они мечтают не только об улучшении аграрных отношений, но многие из них желают даже полного отделения от Англии, доведшей Ирландию до ныншнего ее состояния. Отсюда поземельная лига, голмуреры (автопомисты), фени и т. д. Правительство Гладстона, как

уже читателям известно, рѣшилось улучшить положение фермеров, но изданный в прошлом году парламентом „Ирландский поземельный акт“ не оказался вполне удовлетворительным, не смотря на свою благую и рациональную цель—установить более правильное процентное отношение между рентой арендатора и доходностью участка, а также обезпечение арендатора от произвола владельца. В настоящее время самым правдивым выразителем наиболее умѣренных требований ирландцев служит Парнелль, стоящий во главе „поземельной лиги“. Здесь, кстати, приведем цифры, указывающие распределение землевладения в Ирландии:

24 владѣльц. принад.	1800000 акров.	т. е.	9,5%	всего колич.
74 „ „ „	3110000 „	„	16%	„ „
110 „ „ „	3600000 „	„	23%	„ „
2000 „ „ „	13000000 „	„	66%	„ „

О непорядочности тутъ нечего и распространяться, если прибавить сюда, что остальное население обезземелено уже давно.

Земельная лига организована весьма солидно и до сих поръ 40000 войска и 12000 полицейскихъ не могутъ ничего сдѣлать, чтобы помѣшать исполненію тѣхъ мѣръ, какія она считаетъ необходимыми для достиженія своихъ цѣлей, ничѣмъ не могутъ воспрепятствовать ея націямъ. Но—последній актъ насилия, последнее отвратительное преступленіе, т. е. убійство лорда Кавендиша и Борка, тѣмъ не менѣе, какъ по всему видно—не дѣло „лиги“, которая и въ Ирландіи, и въ Америкѣ прямо выразило свое негодованіе по поводу подлога убійства. Есть предложеніе, что оно совершено тайнымъ обществомъ, существующимъ помимо „лиги“ и Фениевъ; оно, говорятъ, образовалось давно и не имѣетъ ни центра, ни іерархіи и потому легко ускользаетъ отъ преслѣдованій; члены его называются „Ribbon men“ это—террористы и изъ нихъ вербуются такъ называемые „moon-lighters“ (т. е. дѣйствующіе при лунномъ свѣтѣ) между прочимъ, они приговорили Парнелля тоже къ смерти.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Ты помнишь-ли невѣдомый приливъ
Таинственнаго, жгучаго желанья...
И первый къ жизни пламенный призывъ
И первой страсти первая лобзания?!

Ты помнишь-ли—солнливый говоръ струй...
И вѣжливый шепотъ дремлющей березы...
И тѣ, въ отвѣтъ на первый поцѣлуй—
Прелестныя, пылающія розы?!

И было такъ свѣтло кругомъ!.. На пиръ
Мы жизни шли, и пиръ тотъ былъ такъ сладокъ!
Опять открывалъ для насъ чудесный міръ
Волшебныхъ тайнъ, плѣнительныхъ загадокъ!..

Въ разцвѣтѣ той душевной красоты
Не вѣрила ты въ будущія слезы...
Бѣдняжка— какъ могла повѣрить ты
Въ грядущія, безжалостныя грозы!..

В. Н—въ.

Политическое обозрѣніе.

Конвенція съ Персїей.—Австро-Венгрія.—Румыніи.—Италіи и Франціи.—Египетъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ обнародована наша конвенція съ Персїей о разграниченіи къ востоку отъ Каспійскаго моря; новая граница съ Персїей идетъ отъ Чата на Атрекъ, по хребту Сагу-Дагъ, затѣмъ на сѣверо-востокъ и востокъ, черезъ русла рѣкъ Чандара и Сумбара до дороги на с. Дурумъ, далѣе продолжается по Капеть-Дагекому хребту, отдѣлявшему прежде Персїю отъ Ахаль-Теке, здѣсь въ наши предѣлы входятъ Джеральбекское уцелье и дороги на Кейрабатъ и Фирзу; въ долину ручья Баба-Дурмазъ граница поворачиваетъ на сѣверъ въ оазисъ и пересѣкаетъ его около селенія Баба-Дурмазъ черезъ дорогу изъ Глаурса въ Люфти-Абатъ.

О славянахъ эти дни дали мало свѣдѣній, стоящихъ вниманія. Интереснымъ мы нашли только слѣдующую характеристику отношенія австрійцевъ къ славянамъ Босніи и Герцеговины. Когда обезоруженные повстанцы (изъ Горныхъ Поборовъ) явились къ Черногорскому князю, онъ сталъ имъ говорить въ примирительномъ духѣ съ Австріей, о томъ, что имъ надо покориться императору Францу-Иосифу. „Государь, отвѣтили они,—ни подъ какимъ видомъ снова подъ австрійскую власть! Пошли насъ куда хочешь, убей насъ, а подъ Австрію мы не хотимъ больше быть!“—„Что же вамъ такъ невыносимо въ государствѣ моего друга и сосѣда?“ спросилъ князь.—„А вотъ что надоколю намъ: правительство австрійское стало посылать въ Езку-Катарскую какихъ-то фанатичныхъ чиновниковъ и учителей, которые намъ прямо заявляютъ, что мы не сербы, а если мы назовемъ себя сербами, они считаютъ насъ измѣнниками, скажемъ ли, наприимѣръ, въ судѣ или школѣ что мы сербы, насъ гонятъ вонъ и потомъ клеветуютъ на насъ предъ правительствомъ, вслѣдствіе чего мы попадаемъ въ подзрѣніе...“

Въ Румыніи замѣчается новый подъемъ патриотизма: партія „Неискупленной Румыніи“ (Romania irridente) издала воззваніе о борьбѣ, вмѣстѣ съ славянами, противъ всего иноземнаго.

Отношенія Италіи и Франціи все еще не могутъ установиться въ прежнемъ, миролюбивомъ смыслѣ; изъ Рима сообщаютъ, что тамъ господствуетъ сильное неудовольствіе на Францію, вслѣдствіе заявленій французскаго министерства о преимущественномъ значеніи въ Египтѣ французскихъ интересовъ. предъ интересами другихъ государствъ и этимъ настроеніемъ объясня-

ють то, что назначеніе итальянскаго посланника въ Парижѣ отлагается на нѣкоторое время.

Общее вниманіе сосредоточено теперь на египетскихъ дѣлахъ. Отношенія между хедивомъ, съ одной стороны и министрами (съ Араби-Пашей во главѣ), военной и національной партій, съ другой,—болѣе, чѣмъ натянуты.

По прибытіи союзной эскадры къ Египетскимъ берегамъ, министерство передало хедиву ноту слѣдующаго содержанія: Когда союзныя эскадры прибыли въ Александрію, ваша свѣтлость обратилась за инструкціями къ Портѣ и министерство ожидало ея отвѣта; затѣмъ вы объявили, что требованія Англии и Франціи вами приняты. Министерство, усматривая въ этомъ поступкѣ шагъ, несогласный съ взглядами министерства, шагъ, допускающій чужеземное вмѣшательство, слѣдовательно нарушающій верховныя права султана, подаетъ въ отставку. Хедивъ, слѣдуя совѣтамъ дипломатическихъ агентовъ западныхъ державъ, принялъ эту отставку и поручилъ составленіе новаго кабинета Шерифу-Пашѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ хедивъ объявилъ воззваніе ко всѣмъ провинціальнымъ властямъ, приказывая имъ оберегать порядокъ, заявляя, что эскадры прибыли съ дружественными намѣреніями и приказывая прекратить начатый по распоряженію Араби-Паши наборъ; въ другой прокламаціи хедивъ объявилъ, что принимаетъ на себя верховное начальство, надъ Египетскими войсками; Тевфикъ собралъ всѣхъ сановниковъ гражданскихъ и военныхъ и высшее духовенство и произнесъ энергическую рѣчь, гдѣ и заявилъ, между прочимъ, о томъ, что становится верховнымъ начальникомъ своей арміи, въ которой намѣренъ ввести строгую дисциплину; генералы и другіе офицеры, съ своей стороны, въ держкихъ (какъ передаетъ Международное Агентство) выраженіяхъ, высказали ему, что не согласны принять ультиматумъ западныхъ державъ, что они признаютъ право вмѣшательства только за Турціей и, затѣмъ—оставили дворецъ; нѣсколько времени спустя хедивъ получилъ депешу отъ командировъ Александрійскаго гарнизона, въ которой они отказываются признавать своимъ начальникомъ кого бы то ни было, кромѣ Араби-Паши, даютъ хедиву 12 часовъ на размышленіе и прибавляютъ, что не отвѣчаютъ, послѣ этого времени, за порядокъ. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, нотабли просили султана о низложеніи Тевфика-Паши.

С М Ъ С Ъ.

Объ искусственных зубахъ упоминается еще в 500 г до Р. X. въ старомъ римскомъ законѣ. Законъ этотъ говоритъ противъ роскоши при погребеніи; имъ запрещалось класть на мертвыхъ золото и въ приискѣ значилось даже и то золото, которымъ были укрѣплены зубы мертвыхъ. Законъ этотъ указываетъ на то, что искусственные зубы, укрѣпленные помощью золотой проволоки, были уже въ то время не рѣдкостью.

Дружба животныхъ. У одного помѣщика въ Англии была любимая охотничья собака. Какъ то разъ помѣщикъ замѣтилъ, что собака прокрадывалась изъ дому съ большимъ кускомъ хлѣба; желая узнать что она будетъ дѣлать, помѣщикъ прослѣдилъ за нею. Собака побѣжала въ кюшию и принесла хлѣбъ верховой лошади, съ которой она была дружна, такъ какъ постоянно проводила ночь въ ея стойлѣ. Помѣщикъ видѣлъ и слышалъ, какъ собака лаяла и какъ бы приглашала лошадь съѣсть принесенный хлѣбъ. Разспросивъ у людей хозяинъ узналъ, что они часто видѣли, какъ собака приносила лошади хлѣбъ и неоднократно было замѣчено, что новидимому была очень недовольна и жалобно выла, что лошадь не ѣла припасенныхъ костей.

Отравленіе трутомъ. Докторъ Мальгеръ, въ Нантѣ, имѣлъ однажды случай наблюдать свинцовое отравленіе, вслѣдствіе продолжительнаго употребленія трута для закуриванія папиросъ, который, какъ извѣстно, пропитанъ однимъ свинцовымъ соединеніемъ (именно, хромокислымъ свинцомъ). Случай этотъ обнаружилъ одинъ пожилой булочникъ, страдавшій нѣсколько лѣтъ кошками. Однажды страданія усилились до такой степени, что онъ потерялъ сознаніе, причемъ обнаружались все признаки свинцоваго отравленія. Нужно было открыть источникъ яда. Подвергнувъ послѣдованію воду, вино и т. д., докторъ нашелъ, что больной всегда пользовался, при куреніи, жолтымъ трутомъ, содержащимъ значительное количество хромокислаго свинца. Курить онъ пріятномъ весьма неумѣренно. Докторъ началъ лечить его отъ свинцоваго отравленія, и выздоровленіе незамедлительно послѣдовало въ скоромъ времени. Весьма вѣроятно, что такое-же происхожденіе имѣютъ и многіе другіе случаи свинцовыхъ коликъ.

Среди американскихъ индѣйцевъ. На всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, не считая Аляски (прежняя русская Америка), живятъ теперь не болѣе 256,000 индѣйцевъ. Изъ этого числа 78 тысячъ составляютъ округъ, именуемый индѣйской территоріей, къ западу отъ Миссисипи, причемъ большая часть, 60 тысячъ, значительно, частью нѣдавно, уже обевропеизована и меньшая (18 тыс.) до сихъ поръ находится еще въ прежнемъ состояніи, сохраняя строго свои вѣрованія и обычаи. Въ Нью-Йоркскомъ штатѣ считается еще около 50 тыс. индѣйцевъ,—это остатки древнихъ племенъ гурановъ и прокезцевъ, вослѣдствіемъ Фениморомъ Кунеромъ. Въ штатѣ Мичиганъ около 10 т. индѣйцевъ—чипевайсовъ.

Остальные индѣйцы, въ количествѣ 128 тысячъ разселены по территоріямъ запада, или въ штатахъ и территоріяхъ Тихаго океана. Изъ нихъ индѣйцы—сѣверныя и акимасы дѣлаютъ все большіе и большіе успѣхи въ обевропеизаціи. Изъ кочевниковъ они сдѣлались осѣдлыми, и обращаются постепенно изъ народа охотничьяго въ народъ пастушескій и земледѣльческій. Въ 1879 году они обработали около 200,000 акровъ земли; они были вознаграждены за трудъ обильной жатвой, манса, овса, ячменя и т. п., прі этомъ индѣйцы выкормили около 70,000 головъ рогатаго скота и 864,000 барановъ.

Краснокожіе индѣйской территоріи превзошли даже эти цифры, они давно уже зажили осѣдлою жизнью. Селятся они въ городкахъ, имѣютъ школы и различныя учрежденія, наконецъ, посылаютъ на конгрессы въ Вашингтонъ представителей своихъ интересовъ.

Въ 1880 году, посѣщало школы грамотности въ области индѣйской территоріи 7000 дѣтей. Число школъ простирается до 110 съ 300 учителей. Въ 1881 году число школъ было еще увеличено. Молодые краснокожіе часто обнаруживаютъ охоту къ чтенію, письму, счетоводству, причемъ родители не только не препятствуютъ подобнымъ стремленіямъ, но иногда даже поощряютъ ихъ.

Мате. Мате—настоя изъ листьевъ одного дерева, произрастающаго въ Южной Америкѣ. Онъ замѣняетъ собою чай, кофе и какао для жителей Бразиліи, Парагвая, Чили, Перу, Боливии. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ ввезенъ и во Францію, гдѣ успѣлъ получить нѣкоторую распространенность. Будучи возбуждающимъ средствомъ, вродѣ какао, мате составляетъ одновременно такъ сказать экономическое пивное вещество. Въ Бразиліи можно видѣть нѣрѣдко людей, остающихся безъ всякой пищи впродолженія нѣсколькихъ дней, кромѣ литя мате. Особенно женщины, иногда употребляютъ отъ десяти до двѣнадцати чашекъ въ день этого напитка. И все потребители мате соглашаются, что онъ обладаетъ пивными свойствами, въ большей степени, нежели, напримеръ, кофе. Въ то же время напитокъ этотъ цѣнностью гораздо дешевле кофе, и не дѣйствуетъ такъ сильно на нервную систему, какъ кофе. Уходъ за этимъ деревомъ весьма простъ и не требуетъ большихъ издержекъ.

Невольный кандидатъ на самоубійство. Недавно въ Парижѣ скончался учитель танцевъ Марковскій, натурализованный полякъ, игравшій извѣстную роль во время Имперіи, но кончившій жизнь въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ Парижѣ ходитъ много анекдотовъ о Марковскомъ; одинъ изъ нихъ мы и передаемъ.

Марковскій обладалъ даромъ дѣлать долги, но чтобы не платить ихъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ хитростямъ. Разыскать его квартиру было также трудно какъ найти *perpetuum mobile*. Однако портному его, одаренному какъ видно талантомъ слѣщика, удалось таки найти его квартиру, которая въ то время входила въ пятомъ этажѣ дома въ улицѣ Лениякъ. Портной поднялся, и такъ какъ Марковскій отворилъ на сильный стукъ, то портной не замедливъ войти и подать ему длинный счетъ. Конечно это было сдѣлано не особенно вѣжливо. Марковскій принималъ все мѣры успокоить своего кредитора, но напрасно. Тотъ сѣлъ на стулъ и сказалъ, что онъ просидитъ всю недѣлю, но не уйдетъ, не получивши денегъ. Наконецъ Марковскій что то придумалъ и тоже уѣхалъ у стола, взявъ нѣсколько листовъ бумаги и сталъ ихъ рѣзать на полоски дѣлая видъ, что готовить ихъ для заклейки свѣжизнѣ окопъ и дверей. Портной съ удивленіемъ слѣдилъ за этой работой и казался только немного обезпокоеннымъ, когда Марковскій сталъ накладывать въ каминъ дрова. Но однако онъ не сказалъ ни слова. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій Марковскій обмакнулъ лучинку въ чернила и на большомъ листѣ бумаги написалъ крупными буквами слѣдующее: „Не вините никого въ нашей смерти! Жизнь намъ надобна! и какъ два брата мы порѣшили умереть отъ угара“. Эту надпись Марковскій приклеилъ на стѣнѣ и затѣмъ зажгъ спичку приготовляясь ею разжечь наполненную углемъ жаровню. Портной добѣдлѣлъ и вскопчилъ со стула. Затѣмъ онъ вскрикнувъ, моментально открылъ дверь и повѣсившись на лѣстницѣ, убитая отъ должины, расплачивающагося такимъ страннымъ образомъ. Съ этихъ поръ Марковскій никогда его болѣе не видѣлъ.

Всѣмъ фальшивымъ монетчикамъ и другимъ поддѣльвателямъ жить становится все труднѣе и скорѣе наступитъ время, когда игра не будетъ стоить свѣчь. Послѣ того какъ долгое время занимались исключительно химическимъ составомъ печатной краски для денегъ теперь заняты изготовленіемъ бумаги совершенно разнающейся отъ бумаги обыкновенной, и которую поддѣлать тѣмъ труднѣе, что для изготовленія ея непременно требуются большія машины и много людей. Какъ извѣстно тайна, въ которую замѣшаны многіе, уже болѣе не тайна. Пехода изъ этой точки зрѣнія, государственная печать въ Берлинѣ купила патентъ на изготовленіе бумаги съ темными полосками, требующей непременно большой машины. Еще труднѣе поддѣлать патентованную бумагу Кюорра въ Хемницѣ и Ардта въ Ейзидельѣ. Для изготовленія этой бумаги, кромѣ бумажной фабрики требуется еще ткацкая фабрика съ совершенно особенными сложными станками.

Бумага состоитъ изъ своеобразной, ни для чего болѣе не годной ткани, которая вдавливается въ жидкую бумажную массу, такъ что объ становится неотдѣлимы. Ткань просвѣчиваетъ и черезъ нее легко различить настоящую бумагу. При этомъ послѣдняя становится плотнѣе и крѣпче.

Парижане ни въ чемъ не хотятъ отставать отъ другихъ городовъ. Въ настоящее время городскія власти заняты разсмотрѣніемъ двухъ проектовъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Сторонники одного проекта предполагаютъ провести сѣтъ подземныхъ дорогъ, на подобіе Лондонскихъ, которая должны быть заложены на десять метровъ ниже уровня мостовыхъ, подъ фундаментами зданій и канализаціей города. При этомъ однако возникаетъ не неудобство, что въ длинномъ въ 37000 метровъ туннелѣ воздухъ будетъ сырой и отъ дыма локомотивовъ слишкомъ смертный. Другой проектъ болѣе целесообразенъ. Здѣсь взяты за образецъ сообщенія Берлина и Нью-Йорка съ тою только разницею, что все вагоны безъ исключенія будутъ двигаться силою электричества. Дорога будетъ на желѣзныхъ столбахъ, причемъ не потребуются локомотивы.

Торжество артиста. Извѣстный американскій трагикъ Эдвинъ Ботъ разсказывалъ, что онъ былъ очень польщенъ отношеніемъ къ нему публики во время его игры въ роли *Иго*, въ Большомъ Булетѣ, въ то время недавно открытыя золотыхъ приискахъ. Зрители, невидавшіе давно никакихъ представлений, были такъ возмущены коварствомъ и изостью *Иго*, что въ третьемъ актѣ вынули револьверы и стали стрѣлять на сцену. При первомъ залпѣ, актеру игравшему *Отелло* отстрѣлили нечаянно кончикъ носа, а Ботъ-*Иго*, которому предназначался выстрѣлъ, спасся только тѣмъ, что ужалъ на полъ и убѣжалъ черезъ люкъ. Рѣчь режисера успокоила публику, но Ботъ посоветывали однако провести ночь въ театрѣ, такъ какъ нѣкоторые зрители сговорились поступить съ „негодяемъ“ по закону Линча.

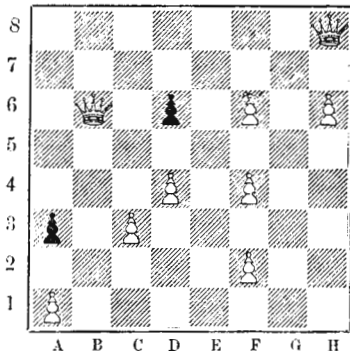
Страданія дипломатовъ. Роль, которую играли въ Константинополѣ европейскіе посланники въ XVII и XVIII столѣтій, была вовсе незавидна. Даже посоль короля Франціи Людовика XIV, силою выводился изъ залы засѣданій по приказанію султана, если онъ не покорялся надменности турецкихъ владыкъ. Такъ напримеръ посланникъ де-ля-Гэй былъ столкнутъ на полъ за то, что не довольно низко поклонился во время аудіенціи и затѣмъ по приказанію султана былъ выгнанъ тотчасъ каймакомомъ. Не смотря на это де-ля-Гэй долго оставался на своемъ посту. Заступившій мѣсто названнаго посла, угрожалъ великому визирю, что передъ Константинополемъ появится французскій флотъ, если визирь будетъ принимать его во время аудіенціи сидя, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Спустя нѣсколько дней ему предложили забыть происшедшее и просить новой аудіенціи, которая будетъ считаться первой.

Известная французская антриса Марсье, прекрасно сохранившаяся, не любила упоминать о своих годах. Когда в 1835 году ей была предложена роль бабушки в одной из пьес Скриба, то она отказалась играть говоря, что она слишком молода для этой роли. Тогда в одном журнале появилась заметка, где говорилось, что Марсье родилась 19-го декабря 1778 года, т. е. что ей только 56 лет, ровно на 20 лет меньше, чѣмъ это значится

въ ея паспортѣ. Кроме того было еще прибавлено, что сыну артистки уже 37 летъ и что съ нею можетъ случиться то же что съ одной изъ ея подругъ, которую Наполеонъ I спросилъ сколько ей летъ? Тридцать шесть, былъ отвѣтъ. А вамъ? спросилъ императоръ обращаясь къ сыну артистки. Тридцать семь, ваше величество. Вотъ какъ, засмѣялся Наполеонъ, только однимъ годомъ старше чѣмъ ваша мать!

Шашечная задача № 39.
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и закрываютъ пашку черныхъ въ 9 ходовъ.

Задачи магическихъ квадратовъ №№ 40 и 41.

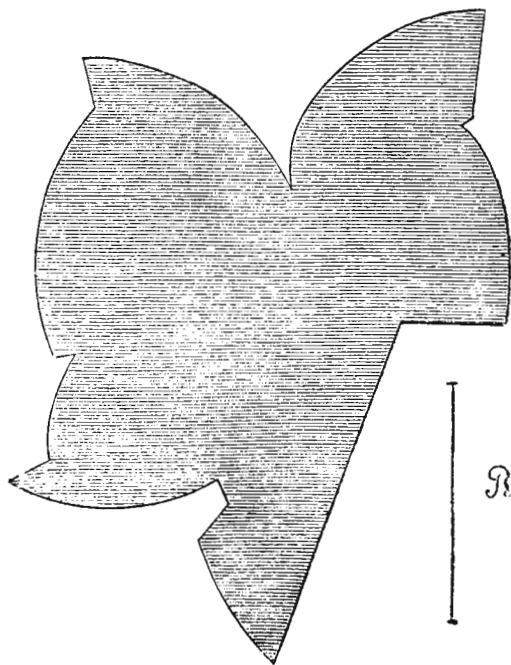
а	а	а	а	а
в	в	д	ж	ж
к	к	и	и	о
о	о	о	с	с
с	с	т	т	у

а	а	б	б	в
г	г	д	е	е
з	з	и	и	и
н	о	о	о	о
о	у	у	ч	ч

Геометрическая задача № 42.

А. Евпсихіева.

Раздѣлить эту фигуру прямыми линиями на семь частей, изъ которыхъ требуется составить правильную окружность съ радиусомъ=R.

Алгебраическая задача № 43.

Одна русская пословица состоитъ изъ 24 буквъ; если-же эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Сумма восьмого и девятого чиселъ вдвое болѣе пятнадцатаго числа.
- 2) Разность между двѣнадцатымъ и двадцать вторымъ числами равна девятнадцатому числу.

- 3) Третье число вдвое болѣе четвертаго.
  - 4) Сумма одиннадцатаго и двадцать перваго чиселъ вдвое болѣе шестнадцатаго числа.
  - 5) Шестое число равно разности между удвоеннымъ десятымъ и двадцатымъ числами.
  - 6) Отношеніе перваго числа къ четырнадцатому = 3 : 1.
  - 7) Сумма восемнадцатаго и двадцать четвертаго чиселъ равна 50.
  - 8) Четвертое число вдвое болѣе двадцатаго числа.
  - 9) Сумма втораго и тринадцатаго чиселъ равна шестнадцатому числу.
  - 10) Сумма утроеннаго послѣдняго и втораго чиселъ равна 100.
  - 11) Сумма перваго и третьяго чиселъ равна суммѣ четвертаго и пятаго чиселъ.
  - 12) Сумма седьмаго и семнадцатаго чиселъ вдвое болѣе девятнадцатаго числа.
  - 13) Разность между пятнадцатымъ и шестымъ числами равна второму числу.
  - 14) Сумма пятаго и двадцатаго чиселъ равна предпослѣднему числу.
  - 15) Сумма десятаго и одиннадцатаго чиселъ равна двѣнадцатому числу.
  - 16) Отношеніе втораго числа къ двадцатому = 1 : 3.
  - 17) Сумма четырнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ равна разности между двадцать четвертымъ и удвоеннымъ двадцать первымъ числами.
  - 18) Третье число на 2 менѣе предпослѣдняго числа.
  - 19) Отношеніе тринадцатаго числа къ четырнадцатому равно отношенію втораго къ двадцатому.
  - 20) Сумма восьмаго и десятаго чиселъ равна разности между послѣднимъ числомъ и суммою двадцатаго и двадцать перваго чиселъ.
  - 21) Пятое число на 1 менѣе удвоеннаго четвертаго числа.
  - 22) Удвоенное послѣднее число равно суммѣ утроеннаго восьмаго и шестнадцатаго чиселъ.
  - 23) Сумма трехъ первыхъ чиселъ вдвое болѣе десятаго числа.
  - 24) Сумма трехъ послѣднихъ чиселъ равна числу недѣль въ году.
- Узнать эту пословицу.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше просить тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ (съ портр.) — Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть первая. (Продолженіе). — Дня. Разсказъ изъ галицкой жизни Захеръ Мазоха. (Окончаніе). — Московская выставка. Картина Бонча-Томашевскаго (съ рис.). — Гдѣ дорога? (съ рис.). — Крестовый походъ дѣтей (съ рис.). — Товъ и его друзья (съ рис.). — „Воздушный корабль“ г. Ностовича (съ 2 рис.). — Ирландія и Англія. Очеркъ (съ 2 портр.). По поводу убійства Кавендиша и Борка. — Стихотвореніе. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Игры и задачи (съ рис.)
Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ
С.-Петербургъ
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собствен. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26-13

Вышелъ съ рисованіемъ лѣтняго движенія
Полный карманный путеводитель

для желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтовыхъ прямыхъ сообщеній въ Россіи и заграницею. Подробныя рисованія, 1.200 маршрутовъ прямого сообщенія и карта. Цѣна 40 коп., продается у книгопродавцевъ во всѣхъ городахъ Россіи.
№ 2116

EAU DE LYS DE LOHSE, Lohse's, Lilien-Milch, против ВЕСНУШЕКЪ, солнечного загара, красноты, прыщико́въ, желтыхъ пятенъ, укушенія насѣкомыхъ, также для утонченія кожи и для приданія свѣжести и бѣлизны лицу, почти 50 лѣтъ употребляемое лучшее средство для лица. Ежедневное употребленіе „Eau de Lys de Lohse“ дѣйствуетъ освѣжительно, дѣлаетъ лицо совершенно чистымъ и бѣлымъ и придаетъ ему дѣвственный здоровый видъ. Цѣна (въ флаконахъ съ фирмой дома) 1 р. 50 к. и 3 р.

LOHSE, МЫЛО — LILIENMILCH по чистотѣ и бѣлизнѣ одно изъ лучшихъ туалетныхъ мылъ, цѣна за кусокъ 60 к., à la rose de Turquie 1 р. 25 к.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, парфюмеръ въ Берлинѣ, JAEGERSTRASSE, № 46.
Поставщикъ двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи. Первый призъ золотая медаль Porto Allegre 1881.
Требовать у парфюмеровъ, парикмахеровъ и пр. „Eau de Lys de Lohse“.

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціи желѣзныхъ дорогъ весьма небезполезная справочная книга: **„СПУТНИКЪ-УКАЗАТЕЛЬ ПО ГЛАВНЫМЪ ГОРОДАМЪ РОССИИ“**, это сборникъ практическихъ свѣдѣній, указывающій ПУТЕШЕСТВЕННИКАМЪ лучш. гостиницы главныхъ гор. Россіи, пути съ сѣвера въ Крымъ, города на Крымскомъ полуостровѣ, ихъ достопримѣчательности, театры, дудинья, газетки и т. п. **БОЛЬНЫМЪ** — всѣ мѣстности Россіи, свѣдѣнія о здоровомъ, мягкомъ климатѣ, минеральными водами, грязями, морскими купаньями, леченіемъ бумажномъ, виноградомъ и пр., и пр., съ приложеніями: краткій географическій и статистическій очеркъ Россіи, карта русскіихъ желѣзныхъ дорогъ и пр. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Главный складъ въ нижнемъ магазинѣ **„НОВАГО ВРЕМЕНИ“**, въ С.-Петербургѣ. № 2115

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ по 50 коп. въ конторѣ **П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ**, Москва, Тверская, 31.
Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно. Ц. № 2072. 8-3.

А. Дейбнеръ, магазинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, Невскій пр., д. 10, напротивъ Мил. Морской, въ С.-Петербургѣ. Каталогъ книгъ и журналовъ безплатно. Ц. № 2122

Совершенно отличительнаго качества **далматская ромашка** отъ всѣхъ насѣкомыхъ у **Р. КЕЛЕРЪ и К^о** въ Москвѣ Ц. № 1813 5-4

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ. Имѣніе—дачу отъ 25 до 100 д. земли съ хорошо устроенной усадьбой, близъ рѣки и недалѣе 15 верстъ отъ ст. желѣз. дороги: въ одной изъ губерній: Курской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской или Землѣ Войска Донскаго, исключительно при рѣкѣ Донѣ. Описъ имѣнія и рѣшительную цѣну назначить, прошу адресовать: Екатеринославской губ. ст. Петровназовку Ивану Васильевичу Дилко-Парафиевскому. № 2127

Для Электрическаго Освѣщенія.
Продаются: Динамо-электрическая машина системы Сименса и Гальске, на восемь фонарей и 7 фонарей съ дифференціальными регуляторами Сименса и Гальске, коммутаторъ и изолированные мѣдные проводники.
О цѣнѣ узнать въ типографіи А. Ф. Марксъ Английскій проспектъ домъ № 10 С.-Петербургѣ.

НАТУРАЛЬН. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ СВѢЖАГО 1882 РАЗЛИВА ПОЛУЧЕНЫ у **РУЛЬКОВИУСЪ и ГОЛЬМЪ**. Уголь Большой Московской улицы и Кузнечнаго переулка, д. Владимірской церкви, М. № 2101 5-3 въ **АПТЕКѢ Амброжевича въ КОЛПИНО.**

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!!
Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб. Насосы дѣйствующие чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растений отъ насѣкомыхъ 12 руб. 50 коп.
Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требования, деньги направлять по адресу. Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ. № 2081 5-4

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Маритта*. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
НОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:
ПОМАДЫ, ФИКСАТУАРЫ, МАСЛО ДЛЯ ВОЛОСЪ, УМЫВАНІЕ ДЛЯ ВОЛОСЪ ВІОЛЕТЬ.
ДУХИ: Эссенъ Виолетъ, Эссенъ Буке, Олопонансъ, Брѣза де-ласъ-Пампасъ, Иланъ-Иланъ, Майлгенхенъ (Ландышь), Бѣлый Гелиотропъ; другіе приготовляются.
Шампуній для мытья головы (Мыльная эссенція). Туалетная Вода, Нольдъ-Кремъ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18-54, Шредера. № 2070 2-2

Первый призъ „Золотая медаль“ Порто Алегре 1881.
ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ
для носовыхъ платковъ, платья, кружевовъ и т. п.
Maiglöckchen, Г. Лозе. Héliotrope blanc Г. Лозе.
Edelweiss Г. Лозе. Königin der Nacht Г. Лозе.
Bouquet Garmen Г. Лозе
въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замканиемъ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.
Поставщикъ двора Е. В. Императрицы Германіи.
ф. брика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мыль.
Моя спеціальность признана наилучшаго качества и приобрѣли всеобщее одобреніе, прощу поэтому при закупкахъ обратить вниманіе на эту полную фирму, во избѣжаніе недоразумѣній. 2-2

ГАЛЬМАНИНЪ.
Извѣстный своими свойствами предохраняющими прѣдѣлы частей шила, особенно же ножницъ напильницъ, **Гальманинъ** продается въ аптекахъ, а также въ аптечномъ значительнейшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное дѣло находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, мастора фармации **В. Карпинскаго**, улица Электротральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. **Нужно остерегаться поддѣлокъ** и пріобрѣтать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. **В. Карпинскій** масторъ фармации.

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ
СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:
СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in-8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленовой бумагѣ съ вынѣтками. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КНЯЗНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ - хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

ПАТЕНТОВАННАЯ БЕНЗИНО-ГАЗОВАЯ КУХНИ съ РЕГУЛЯТОРЪМЪ ПЛАМЕНИ **ДИТРИХА и КЕЗЕВИЦА ВЪ ГАМБУРГѢ,** особенно пригодна для домашняго употребленія: горятъ безъ фитиля, безъ запаха и копоти и совершенно безопасны. Описание съ прейсъ-курантовъ безплатно.
Агентство для Россіи и складъ у **Р. НИЦЕ**.
Магазинъ химическихъ, фармацевтическихъ, техническихъ, физическихъ и другихъ научныхъ аппаратовъ и снарядовъ. С.-Петербургѣ, Демидовъ переулокъ, домъ 2 уголъ Мойки.
Кухни продаются и въ магазинахъ Крумбогеля на Большой Морской и Невскомъ проспектахъ. Ц. № 2118

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ
№ 23

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 5 Іюня 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Mark. 20 Pfen. для
загран.) за строку
непарель (въ 1/4
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроѣ
Воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

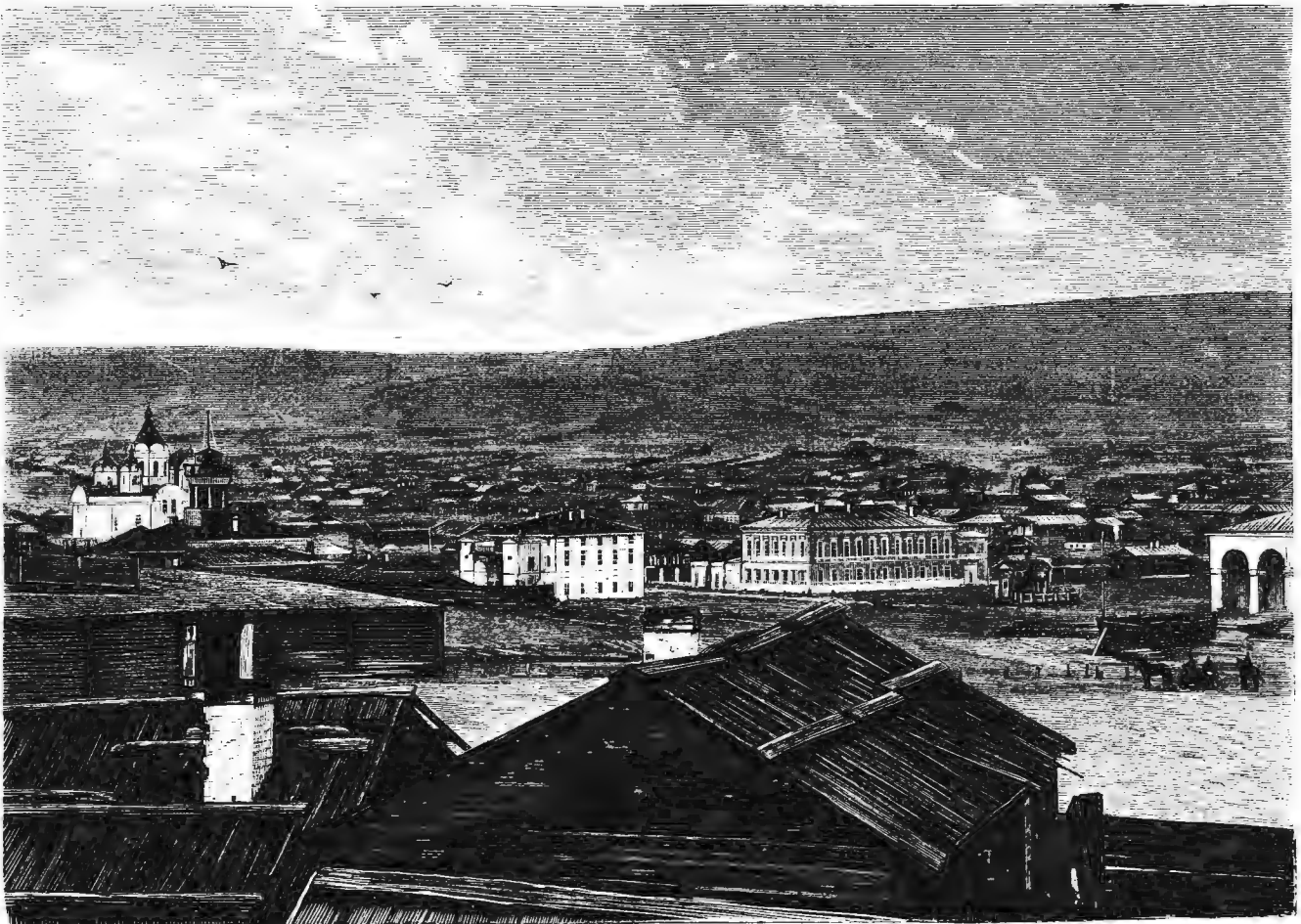
Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кон- тору объявл. Н. Н. Печковской, Пе- тровская Торгов. линія	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.			

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особня приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленій отъ
торговъхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя
печати авторамъ
не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1882 г. съ 15 рисунками и съ 27 выкройками, а на оборот-
ной сторонѣ 16 оригин. рисунками для вышиванія работъ изъ дерева.

Городъ Троицко-Савскъ въ Забайкальской области. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Городъ Троицко-Савскъ въ Забайкальской области.

Въ октябрѣ 1725 года, торжественно, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, въѣзжалъ въ Пекинъ русскій посолъ Савва Лукничъ Владиславичъ графъ Рагузинскій, лицо очень замѣчательное въ исторіи нашей дипломатіи, какъ дѣятельный и талантливый агентъ Петра Великаго въ его сношеніяхъ съ востокомъ. Цѣль посольства, отправленнаго въ Китай, состояла главнымъ образомъ въ восстановленіи согласія и свободы торговли между русскимъ и китайскимъ правительствами, а также въ назначеніи особыхъ комиссаровъ для пограничнаго размежеванія. Всѣ эти желанія нашего правительства были достигнуты, благодаря настойчивости и энергій нашего посла, который вѣдѣвъ за заключеніемъ договора, а именно въ 1727 году, недалеко отъ нашей китайской границы, положилъ начало небольшому укрѣпленію и назвалъ его Троицко-Савскомъ.

Нынѣ Троицко-Савскъ городъ Забайкальской области, Кяхтинскаго градоначальства, лежитъ въ 416 верстахъ отъ Иркутска и въ чetyрехъ отъ китайской границы. Расположенъ онъ около рѣчки Кяхты, въ узкой, песчаной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами, однимъ словомъ въ мѣстности очень неудобной для его правильнаго расширенія. Кромѣ того, дѣломъ рѣчка Кяхта нерѣдко высыхаетъ, вставляя жителей нуждаться въ водѣ; во время же дождей грозитъ другою бѣдою: выступаетъ изъ береговъ и разливаясь на большое пространство причиняетъ не мало убытковъ город-

скимъ обывателямъ. Впрочемъ помимо этихъ неудобствъ своего мѣстоположенія, Троицко-Савскъ можетъ быть названъ по справедливости довольно красивымъ и опрятнымъ городомъ. Такъ здѣсь на отлогомъ берегу рѣчки возвышаются большія каменные зданія пакгаузовъ и таможни; главная же улица, переѣзжающая весь городъ, обстроена порядочными домами, хотя почти исключительно деревянными. Кромѣ того въ Троицко-Савскѣ три церкви, изъ которыхъ одна каменная—соборъ, находящійся почти въ центрѣ города. Грунтъ земли здѣсь песчаный, такъ что на городскихъ улицахъ и-шеходы вязнуть въ песокъ, а экипажи поднимаютъ цѣлыя столбы ѣдкой, нестерпимой пыли. Дѣломъ же при большой господствующей здѣсь жарѣ, песчаная почва до такой степени накаляется, что пребываніе въ городѣ становится настоящей пыткой и всѣ болѣе или менѣе зажиточные жители спѣшатъ выселяться на живописные берега Чикоя—рѣчки протекающей въ 30-ти верстахъ отъ Троицко-Савска по направленію къ сѣверо-востоку. Вообще значеніе Троицко-Савска поддерживается теперь лишь торговою дѣятельностью Кяхты и всѣ интересы его двухъчлѣннаго населенія тѣсно связаны съ ходомъ и развитіемъ кяхтинскаго чайнаго рынка. Самостоятельная же торговля Троицко-Савска значительно упала съ 1861 г., когда таможня была переведена въ Кяхту, гдѣ такимъ образомъ не только сосредоточилась торговля чаемъ, но и отправка его во всѣ концы нашего обширнаго отечества.

„Зольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

I.

Спать виновата.

Прошло около недѣли съ тѣхъ поръ какъ Таня послала Сергѣю свою законическую и краснорѣчивую записку.

Весь первый день она съ трепетомъ ждала его, но онъ не пріѣхалъ. Значитъ пріѣдетъ завтра... значитъ задержало его что нибудь неотложное, что нибудь важное... Но прошелъ и слѣдующій день, а Сергѣя нѣтъ, и нѣтъ отъ него никакой вѣсти.

Таня стала тревожиться, не знала какъ объяснить такой поступокъ съ его стороны. Часъ проходилъ за часомъ, еще день кончился, прошелъ и другой. Таня не спала ночей, бродила какъ тѣнь, поблѣднѣла, похудѣла. Теперь одна тяжелая мысль не давала ей покою: она рѣшила, что случилось то, чего она вдругъ испугалась въ ту ночь, когда, послѣ послѣдняго свиданія съ нимъ, рѣшила внезапно вставше передъ нею вопросы.

„Да, такъ и есть—это наказаніе. Онъ вернулся только затѣмъ, чтобы обвинить ее, чтобы доказать ей что она сама—единственная причина своего несчастья... онъ вернулся чтобы отомстить ей... онъ ее не любитъ... Теперь она навсегда уже его потеряла!“

Она такъ боялась возможности этого, что вдругъ совершенно повѣрила въ такую несообразность. Она какъ будто сразу потеряла свой разумъ, она забыла, что не имѣетъ никакого права считать Сергѣя способнымъ на подобный поступокъ, что она оскорбляетъ его этимъ подозрѣніемъ. Если бы кто-нибудь изъ постороннихъ ей находился въ подобныхъ обстоятельствахъ, она конечно рассудила бы все какъ слѣдуетъ, она бы просто помялась надъ такимъ недѣльнымъ предположеніемъ, но въ своемъ собственномъ дѣлѣ она залуталась. Въ ней поднялись всѣ муки внезапно вспыхнувшей и всю ее охватившей страсти, вся тоска разлуки.

Таня негодовала на подобный поступокъ съ его стороны, чувствуя оскорбленіе, и въ то же время безнадежно опустивъ голову она шептала:

— Я заслужила это. Такъ мнѣ и слѣдуетъ... такъ и слѣдуетъ!

Прошелъ еще день, но она уже перестала и ждать Сергѣя. Она знала, что все кончено, ей даже не пришло на умъ, какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго раза, что съ Сергѣемъ случилось какое нибудь несчастье, что онъ можетъ быть серьезно болѣнъ, что однимъ словомъ у него нѣтъ физической возможности пріѣхать къ ней, извѣстить ее. Она упорно оставалась со своимъ объясненіемъ: все теперь было ясно, все кончено! Она жила какъ въ туманѣ и забочилась только объ одномъ, чтобы никто не замѣтилъ ея мучительнаго состоянія. Она ни съ кѣмъ не намѣрена дѣлиться своимъ горемъ. Она выдержитъ его одна.

Но между тѣмъ она такъ истомилась за это время, что ей измученный, больной видъ долженъ былъ обратитъ наконецъ на себя вниманіе.

Какъ-то утромъ великая княгиня позвала ее къ себѣ. Великая княгиня сама была измучена не менѣе ея. Она только что вернулась изъ Петербурга, она оставила императрицу мрачной и больной, оставила свою дочь хотя на ногахъ, повидимому усноковившеюся, но такой блѣдной, такой грустной.

Она была погружена въ свои мысли, въ свои собственные тревоги и страданія, но все же взглянуть на Таню тотчасъ же замѣтила происшедшую въ ней перемѣну.

— Милое дитя мое, что это съ вами? сказала она своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ. Посмотрите на меня... да вы больны! Что у васъ болитъ? Отчего вы не скажете? Нужно поговорить съ докторомъ... нельзя медлить... Развѣ возможно такъ пренебрегать своимъ здоровьемъ!

— Я вовсе не больна... я совсѣмъ здорова, ваше высочество, отвѣтила Таня.

— Какъ не больны, вы рѣшительно больны! Дайте вашу руку.

Она взяла руку Тани, рука была холодна. На лицѣ Тани выразалось такое утомленіе, даже ясные великолѣпные глаза ея какъ-то потухли.

— Сядьте сюда! указала великая княгиня на мѣсто рядомъ съ собою на маленькомъ диванчикѣ. — Смо-

трите прямо на меня и если вы не больны, то скажите, что такое случилось съ вами? Какое несчастье? Вѣдь есть же что нибудь, вѣдь не могло же у васъ сдѣлаться такое лицо безъ всякой причины. Я просто не узнаю васъ. Все это время мы рѣдко видѣлись, я почти здѣсь не бывала, я вся была въ своихъ заботахъ, но не думайте, моя милая, что я къ вамъ равнодушна, вы знаете, что я люблю васъ. Будьте откровенны со мною, говорите.

Она наклонила къ себѣ голову Тани и нѣжно ее поцѣловала.

— Говорите, еще тише, еще ласковѣе прошептала она.

Таня не была приучена къ подобнымъ ласкамъ—она видѣла ихъ очень рѣдко и поэтому онѣ не могли на нее не дѣйствовать, а теперь, когда ея нервы были такъ натянуты, когда она чувствовала себя такой несчастной, измученной, нѣжный поцѣлуй великой княгини, пожатіе ея руки, ея тихій голосъ произвели на нее почти потрясающее дѣйствіе. Она хотѣла что-то сказать, но не могла произнести ни звука и вдругъ громко, истерически зарыдала.

Великая княгиня перепугалась, стала ее успокаивать и когда наконецъ Таня совладѣла съ собою и перестала рыдать, она сказала ей:

— Послушайте, другъ мой, я вижу, что вы очень страдаете, но поэтому то и прошу васъ быть откровенной. Дайте мнѣ узнать въ чемъ дѣло и рѣшить самой: быть можетъ все совсѣмъ не такъ важно, какъ вамъ кажется. Я начинаю догадываться, но все же ничего не знаю. Я не знаю, что тутъ было во время моего отсутствія? Чѣмъ такъ огорчилъ васъ вашъ женихъ?

Женихъ!

Таня даже вздрогнула.

— Онъ вовсе не женихъ мнѣ, прошептала она.

Великая княгиня взяла ея руку одной своей рукой, а другою обняла ее за талью и привлекла къ себѣ.

— *Vous, ma chère*, почти на ухо прошептала она ей, будьте умница, расскажите все спокойно. Повѣрите, вамъ во всякомъ случаѣ станетъ легче когда вы выскажетесь.

Таня была совсѣмъ покорена и все рассказала какъ на исповѣди.

Внимательно ее выслушавъ и задумавшись на нѣсколько мгновений, Марія Федоровна подняла на нее свои свѣтлые глаза и сказала:

— Ну вотъ я и была права! Хорошо что вы мнѣ все рассказали—это слѣдовало бы сдѣлать раньше. И знаете, мой другъ, вы меня очень изумили, вы—такая разумная, такая разсудительная и вдругъ превратились совсѣмъ въ маленькую дурочку. Откуда взяли вы все это? Зачѣмъ вы такъ обижаете вашего жениха, это очень нехорошо съ вашей стороны! Я увѣрена, что онъ никогда бы не былъ способенъ заподозрить васъ въ томъ, въ чемъ вы его подозрѣваете. Развѣ порядочные люди такъ поступаютъ? мнѣ стыдно за васъ, я говорю серьезно, и пожалуйста никогда никому не говорите того, что вы мнѣ сказали—вамъ самимъ скоро будетъ стыдно за подобныя мысли.

Таня изумленно на нее глядѣла.

— Но, ваше высочество, да какое же другое объясненіе можетъ быть его поступку? Вѣдь вотъ цѣлая недѣля прошла, а его нѣтъ... Онъ даже не написалъ мнѣ, даже не прислалъ карлика.

— Конечно это очень важно, сказала великая княгиня—и конечно вы имѣете полное основаніе очень тревожиться. Я тоже начинаю тревожиться. Мнѣ кажется вамъ уже нѣсколько дней тому назадъ слѣдовало постараться узнать что съ нимъ.

Таня мало по малу начинала понимать свое безуміе.

Великая княгиня продолжала:

— Я полагаю, что съ нимъ случилось что нибудь не совсѣмъ обыкновенное. Что онъ живъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что иначе я бы услышала.

— Господи! Да что же могло случиться? крикнула Таня, хватаясь за сердце.

Ея мысли сразу прояснились и наконецъ пришло ей въ голову то, что должно было придти давнымъ давно.

— Въ этомъ весь вопросъ: что такое могло случиться? Это загадка, это очень странно и намъ нужно какъ можно скорѣй разрѣшить эту загадку. Можетъ быть цесаревичъ знаетъ, я спрошу его... Я сейчасъ пойду къ нему, подождите меня.

Великая княгиня ушла, но скоро вернулась и сказала Танѣ, что къ сожалѣнію цесаревича она не застала, что онъ уже два часа какъ выѣхалъ изъ дворца.

Я велѣла доложить мнѣ какъ только онъ вернется. Успокойтесь, мы сегодня же все узнаемъ и конечно ни минуты не промедлимъ.

Таня возвратилась въ свои комнаты совсѣмъ въ лихорадкѣ.

— Да что же это такое, отчаянно думала она, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума! Что я за несчастное, за дрянное существо — всегда поступаю именно такъ, какъ поступать не слѣдуетъ... во всю жизнь только дѣлаю глупости, а вѣдь я считала себя умной, я дура... дура... несчастная, сумасшедшая дура!

Она схватилась за голову, она себя ненавидѣла, презирала.

Можетъ быть съ нимъ Богъ знаетъ что случилось... у него враги... этотъ ужасный Зубовъ, мало ли что можетъ быть! Но что же, что можетъ быть съ нимъ?

Она не могла ничего придумать.

„Знаетъ ли цесаревичъ? А если знаетъ, зачѣмъ же онъ молчитъ? зачѣмъ онъ ничего не скажетъ? Онъ добрый... нѣтъ—какой онъ добрый! онъ жестокій, онъ мой мучитель... А если и онъ ничего не знаетъ?! Чего же мнѣ ждать—я должна ѣхать въ Петербургъ...“

Она остановилась на этой мысли и рѣшила только дожидаться возвращенія цесаревича, услышать что онъ скажетъ и немедленно же ѣхать.

Но объясненіе было гораздо ближе чѣмъ она думала.

Едва успѣла она рѣшить свою поѣздку, какъ ей доложили, что пріѣхалъ карликъ изъ Петербурга и просить принять его.

— Карликъ! Скорѣй, скорѣй!.. Гдѣ онъ?

Моська уже входилъ, запыхавшійся, мрачный.

— Степанычъ! Откуда ты? Гдѣ Сергѣй Борисычъ? Что у васъ такое случилось?

Моська поцѣловалъ ея руку и заницалъ:

— Дай только духъ перевести, золотая боярышня, все расскажу. Думалъ ужъ не доѣду, не увижу тебя. Охъ, дѣла то у васъ какія!..

— Какія дѣла?

Онъ развелъ руками.

Таня такъ и впилась въ него глазами, силясь прочесть на лицѣ его.

— Что же наконецъ такое случилось? Гдѣ Сергѣй Борисычъ? Живъ онъ, здоровъ? скажи ты мнѣ хоть это.

— Живъ... здоровъ, матушка.

— Говори правду. Ты меня не обманываешь? Ты ничего отъ меня не скрываешь?

— Для чего скрывать... стану я скрывать отъ тебя! Говорю—живъ, здоровъ... только отъ этого не легче. Такія дѣла! Таня дѣла!.. Ой, дай духъ перевести! Голова идетъ кругомъ.

Онъ вскарабкался на стулъ, выпулъ свой свернутый въ клубочекъ платокъ, вытеръ себѣ лицо и нѣсколько разъ тяжело перевелъ дыханіе.

— Вѣдь я какъ сюда поналъ, матушка, вѣдь я убѣгъ... изъ подъ караула... вѣдь можетъ теперь меня, какъ поймають, въ Сибирь сошлютъ.

— Степанычъ, ты хочешь свести меня съ ума! Неужто же ты никакъ не можешь сказать, въ чемъ дѣло... Потомъ все расскажешь подробно... Какой караулъ? Отчего Сергѣй Борисычъ до сихъ поръ не пріѣзжалъ? Гдѣ онъ?

Свержение ига татарского. Иоанн III и послы хана Ахмата. (1480). Ориг. рисун. Бухгольца, грав. Ю. Барановский.

— Въ Петербургѣ, матушка, золотая боярышня... въ Петербургѣ Сергѣй Борисычъ... въ домѣ своемъ.

— Такъ что же?!

— А отчего сюда не прїѣхаль, отчего ждать то тебя заставиль, да еще невѣдомо когда и выберетса, такъ я скажу тебѣ отчего,—отъ безбожія, матушка, отъ безбожія все!

Таня разсердилась не на шутку.

— Нѣтъ, это невыносимо! крикнула она. Я тебя, Степанычъ, за добраго человѣка всегда считала, я такъ полагала, что ты любишь насъ, а это что же, ты пришелъ издѣваться надо мною! Ты видишь, что я сама не своя и только томишь меня больше... занутивашь... Что я могу понять изъ словъ твоихъ!.. Да и слушать то я тебя не хочу. Я уже рѣшила, я ѣду въ Петербургъ—я должна видѣть Сергѣя Борисыча.

— Постой, золотая, не торонись... не сердись ты ради Бога, ваше сіятельство. Всему свое время будетъ... и въ Петербургъ захочешь поѣхать... и поѣдешь, а торопиться то такъ ужъ нечего. И за что ты это на меня такъ осердилась? Я тебѣ говорю то, что надо, что можно сказать и сама ты увидишь, что иного ничего и говорить я не могу. Какъ тутъ говорить, когда такія дѣла вышли... Одно слово—Божеское наказаніе!

Таня въ изнеможеніи упала въ кресло.

Ну что съ нимъ дѣлать!

— Да говори же ты, говори... сквозь слезы повторяла она.

— И говорю, и говорю, золотая, сама ты меня перебивашь. Вотъ посиди-ка смирененько, да послушай, все и узнаешь. Тогда и увидишь сама, что ничего другаго не могъ я и сказать тебѣ по первоначально. Вотъ какъ получилъ это Сергѣй Борисычъ твою записочку, призвалъ это онъ меня, велѣлъ распорядиться, чтобы пораньше утромъ карета была готова, что ѣдемъ мы, дескать, въ Гатчину. Такъ и рѣшили, да тутъ онъ... какъ тебѣ сказать... ну, нечистый его попуталъ, такого онъ наговорилъ... Я ему сказывалъ, что Богъ накажетъ—такъ и случилось! Утромъ—ѣхать намъ—анъ ѣхать то и нельзя! Въ сѣняхъ-то, вишь, часовые поставлены... въ своемъ-то собственномъ домѣ... и не пускаютъ насъ—ни его, ни меня, карегу отложить и пришло. Да вотъ съ той поры и сидимъ взаперти: ни насъ не пускаютъ, ни къ намъ никого, никуда цыдулки послать невозможно—перехватываютъ... подъ карауломъ мы.

— Да за что же, Степанычъ? Я все же таки ничего не понимаю.

— А ты думаешь, голубка, мы то много понимаемъ!.. Офицеры прїѣхали, потомъ высше петербургское начальство... самъ набольшій надъ всею полиціей—какъ его прозвище-то, вотъ запоминать—говорять вишь ты, по дарициному указу. Вишь ты въ чемъ-то Сергѣй Борисычъ провинился... Изъ Англии будто бумаги вывезъ какія то, да съ англичаниномъ съ петербургскимъ посломъ переговоры что-ли имѣлъ... Напелли и нивѣсть чего! Разобидѣли, осрамили, оклеветали Сергѣя Борисыча... будто изверга какого, будто преступника... срамъ такой что и не изживешь такого сраму... Плачу я, матушка, плачу, да слезами-то горю не поможешь.

И, говоря эти послѣднія слова, карликъ началъ всхлипывать.

Таня сидѣла пораженная, едва вѣря ушамъ своимъ.

— Да, вотъ дѣла какія! продолжалъ карликъ сквозь слезы. Весь кабинетъ Сергѣя Борисыча опечатали, въ бумагахъ его рылись, потомъ взяли нѣсколько пачекъ бумагъ, увезли, да вотъ съ той поры и сидимъ мы подъ карауломъ. Я не разъ просился: выпустите молъ—нѣтъ не пускаютъ—такъ полагаю, что и меня то приклепили—и я вѣдь въ Англию то былъ съ Сергѣемъ Борисычемъ, такъ можетъ тоже какія бумаги вывезъ... Ахъ Боже ты мой милостивый! И нашлись же такія гадины, что наклепали! И чѣмъ это кончится, какъ тутъ быть—ничего не понимаю.

— Какъ же ты наконецъ вырвался?

— Да какъ? Обманомъ. Въ первые-то дни ничего не дѣйствовало—сторожили насъ ровно звѣрей дикихъ. Я улепачать... я то, другое, ничего не помогаетъ... ну а сегодня вырвался. Еще вчера съ вечеромъ изъ погреба досталъ бутылочки... старыя бутылочки, все въ плѣсени, а вино въ нихъ такое... чудно дѣйствуетъ... Ну, известное дѣло, двоихъ чертей этихъ, прости Господи, что меня сторожили и угостили,—такую я даже исторію читалъ гдѣ-то, не помню, какъ изъ подъ караула убѣгаютъ напоивши стражниковъ. Такъ вотъ и я, матушка, сдѣлалъ, напоилъ ихъ да и убѣгъ. Только что со мной за это будетъ, этого ужъ я не знаю, развѣ вотъ его высочество, государь всемилостивый цесаревичъ за насъ вступится, на него только одного надѣжа. Авось Богъ милостивый и на сей разъ проститъ, не продолжитъ своего наказанія.

— Какое тутъ божеское наказаніе—что ты такое говоришь, Степанычъ?

— А то что не провинился бы Сергѣй Борисычъ, такъ Господь такой бѣды и не попустилъ бы.

— Въ чемъ онъ провинился?

— Ну ужъ я про то знаю. Лучше ты меня не спрашивай. А вотъ на-ка, ваше сіятельство, прочти, вотъ Сергѣй Борисычъ тебѣ пишетъ... а тутъ письмо къ цесаревичу... какъ бы это повидать его, похлопочи, матушка, слышалъ я—онъ въ Гатчинѣ... на него, говорю, только одна и надѣжа... спѣ, можетъ, выручить.

Таня схватила письмо Сергѣя.

— Что-жь ты, Степанычъ, креста на тебѣ нѣту! Да ты бы началъ съ того, что письмо мнѣ отдать.

Но ей некогда было бранить карлика, она жадно пробѣгала строки Сергѣя. Впрочемъ это письмо ничего новаго не сказало ей относительно обстоятельствъ неожиданнаго и страннаго ареста.

Сергѣй писалъ глубоко возмущенный, измученный и оскорбленный.

Зубовъ оговорилъ его передъ государыней, а въ чемъ—онъ и самъ хорошенько понять не можетъ, у него произведенъ обыскъ, взяты многія бумаги—конечно въ нихъ не найдется ровно ничего предсудительнаго. Но между тѣмъ дни проходятъ за днями, а онъ все подъ арестомъ, въ своемъ собственномъ домѣ, подъ унижительнымъ, невозможнымъ, строжайшимъ арестомъ, оторванный отъ сообщенія съ кѣмъ бы то ни было. Когда къ нему кто нибудь прїѣзжаетъ, объявляютъ что его нѣтъ дома, что его нѣтъ въ Петербургѣ.

„И все это должно было случиться именно тогда, когда я рвался къ вамъ, заканчивалъ Се гѣй свое письмо, когда я считалъ себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мирѣ. Что должны были вы думать! Я совѣмъ болѣе отъ этихъ мученій. Мнѣ кажется все это невѣроятное приключеніе какимъ-то сномъ. Когда же наконецъ все это разъяснится? Я пишу цесаревичу—авось онъ меня выручитъ! Но что можетъ быть ужаснѣе -- находиться въ рукахъ перваго клеветника и негодяя. Я право боюсь сойти съ ума!..“

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! торопливо шепнула Таня, схватила карлика за руку и почти побѣжала съ нимъ въ комнаты великой княгини.

II.

Разъясненіе.

Между тѣмъ великая княгиня уже успѣла переговорить съ возвратившимся цесаревичемъ и узнала отъ него, что ему неизвѣстна судьба, постигшая Сергѣя.

— Да и откуда-же мнѣ знать, сказалъ онъ, — я въ эти дни не выѣзжалъ изъ Гатчины. Ты была въ Петербургѣ и скорѣе могла-бы слышать. Конечно, это очень серьезно, прибавилъ онъ и дѣло это никакъ нельзя оставить. Напрасно княжна не сказала раньше... Вотъ мы такъ поглощены своими дѣлами, своими непріятностями, что забываемъ о другихъ. Я виноватъ, я даже

почти не видѣлъ княжны эти дни, не думалъ о ней и о Горбатовѣ... Нѣтъ, это немедленно-же нужно выяснитъ... Конечно я понимаю въ чемъ дѣло — это навѣрное шутка Зубова.

— Но что онъ могъ придумать?

— Э! да развѣ трудно погубить человѣка! Но Горбатова я не могу оставить, я завтра-же нарочно съѣзжу въ Петербургъ и все узнаю.

Онъ въ волненіи сталъ ходить по своему кабинету.

— Когда-же наконецъ окончится власть этого отвратительнаго человѣка! Когда на него откроются глаза! Успокой, Маша, нашу милую княжну, скажи ей, что мы не оставимъ ея дѣла. Я рѣшусь на все, чтобы устроить ихъ счастье—она и такъ черезчуръ долго ждала—я общалъ ей и исполню свое обѣщаніе.

Великая княгиня едва успѣла вернуться къ себѣ какъ къ ней вѣбжала Таниа въ сопровожденіи Моськи.

Запыхавшійся и перепуганный карликъ расшаркивался по правиламъ стараго этикета.

— Вотъ... вотъ, ваше высочество... говорила въ волненіи Таниа, вотъ онъ пріѣхалъ, привезъ письмо и все объяснилосъ. Вы были правы... по все это такъ дико, невѣроятно, возмутительно...

И она наскоро, почти изнемогая отъ волненія, передала все, что узнала отъ Моськи.

— Такъ пойдѣмъ сейчасъ-же къ нему, сказала Марія Ѳеодоровна. Онъ ничего не зналъ до сихъ поръ и очень огорченъ, ему нужно рассказать подробно. И ты, любезный, пойдѣмъ съ нами, ласково обратилась она къ карлику.

Цесаревичъ внимательно, насунивъ брови, выслушалъ рассказъ Тани, прерываемый поясненіями Моськи, прочелъ письмо Сергѣя, въ которомъ тотъ умолялъ его за него вступиться и вѣрить его полнѣйшей невинности во всѣхъ взводимыхъ на него преступленіяхъ, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

— Будьте покойны, мрачно проговорилъ цесаревичъ обращаясь къ Танѣ, завтра-же я буду въ Петербургѣ, узнаю всѣ подробности и сообщу вамъ что можно сдѣлать.

— Но я не могу ждать до завтра! уже не владѣя собою, уже не находя необходимости скрываться прошептала Таниа. Онъ въ отчаяніи, онъ такъ оскорбленъ, онъ пишетъ, что съ ума сходитъ — и есть отъ чего сойти съ ума... Я рѣшилась, ваше высочество... и сейчасъ ѣду, и должна быть съ нимъ, должна его успокоить.

— Пустое, сказалъ цесаревичъ. Къ чему такія экстравагантности! Это будетъ совѣтъ неприлично, сударыня.

— Ваше высочество, есть обстоятельства когда нельзя думать объ условныхъ приличіяхъ, твердо отвѣтила Таниа.

— Сегодня такихъ обстоятельствъ я еще не вижу. За одну ночь онъ не сойдетъ съ ума и ничего съ нимъ не случится. Да и наконецъ, какъ видно изъ объясненій этого героя (онъ указалъ на Моську), васъ и не пропустятъ. Вы сами виноваты: зачѣмъ вамъ было столько дней скрываться и ничего не предпринимать? Теперь можетъ быть уже все было-бы выяснено и онъ оказался бы на свободѣ. Сударыня, вы поступали очень неразумно и теперь желаете завершить вашъ способъ дѣйствій новымъ неразуміемъ, я запрещаю вамъ формально такой скандальный поступокъ. Не далѣе какъ черезъ сутки вы обо всемъ узнаете.

Но съ Таней невозможно было теперь уже сладить: у нея явилась своя логика.

— Тѣмъ болѣе если я виновата, если я по своей глупости пропустила столько времени, сказала она, то я должна быть съ нимъ и его успокоить.

Цесаревичъ пожалъ плечами и сердито отъ нея отвернулся.

— Ваше императорское высочество, благодѣтель вы нашъ, прошепталъ карликъ, а мнѣ то что теперь дѣлать? Надо-бы извѣстить Сергѣя Борисыча,—да какъ я вернусь? Меня схватятъ какъ бѣглаго... вѣдомъ-то не впу-

стятъ, а уискутъ куда ни на есть и пиютъ меня не сыщеть.

— Да, пока тебѣ нечего возвращаться. Оставайся-ка здѣсь да воть сторожи ее, чтобы она тоже какъ-нибудь не убѣжала—отъ нея станется!

Весь этотъ день великая княгиня и карликъ не покидали Таню, уговаривали ее успокоиться и терпѣливо дожидаться результата поѣздки цесаревича. Сначала она было хотѣла ѣхать во что-бы то ни стало, потомъ должна была сдаться на представляемые ей резоны.

Нѣсколько придя въ себя и собравшись съ мыслями она и сама поняла, что такая поѣздка очень неблагоприятна, а главное пожалуй не приведетъ ни къ какому результату. Но ей было такъ тяжело знать, что онъ одинъ, она чувствовала такую потребность быть теперь съ нимъ, сказать ему, что каждая минута ея жизни принадлежитъ ему, исповѣдать передъ нимъ свою новую тяжкую вину — это глупое, возмутительное подозрѣніе, которое закралось въ нее и превратилось даже въ увѣренность, изъ за котораго она нѣсколько дней оставляла его среди опасностей, среди оскорбленій. Теперь она, какъ ребенокъ, считала часы и минуты и только карликъ своими рассказами о житіи въ Лондонѣ нѣсколько сокращалъ ей время...

Цесаревичъ исполнилъ свое обѣщаніе: на слѣдующее утро очень рано выѣхалъ въ Петербургъ.

Сначала онъ хотѣлъ было отправиться прямо къ императрицѣ, но затѣмъ раздумалъ — сперва нужно было собрать кой-какія справки, узнать въ чемъ состоятъ обвиненія, взведенныя на Сергѣя.

Къ кому-же обратиться?

Онъ заѣхалъ къ Нарышкину, но тотъ изумленно выслушалъ его вопросъ о Горбатовѣ и сказалъ, что ничего о немъ не знаетъ, полагалъ, что онъ неожиданно выѣхалъ изъ Петербурга, а куда—не сказался.

Цесаревичъ не сталъ медлить ни минуты, велѣлъ везти себя въ Зимній дворецъ, спросилъ дома-ли великій князь Александръ Павловичъ и, узнавъ что дома, велѣлъ просить его.

Великій князь тоже ничего не слышалъ о Сергѣѣ.

— Здѣсь Ростопчинъ? спросилъ цесаревичъ.

— Должно быть здѣсь, я его видѣлъ съ полчаса тому назадъ, отвѣчалъ великій князь.

— Такъ вотъ что, мой милый, я тебя не задерживаю, только найди мнѣ Ростопчина и пришли его.

Черезъ нѣсколько минутъ къ цесаревичу входилъ молодой еще человѣкъ, оченьнекрасивый, съ неправильными грубыми чертами; но это почти безобразное лицо освѣщалось такими умными глазами, представляло такую игру физиономіи, что дурнота его скоро забывалась; оно начинало нравиться, дѣлалось пріятнымъ.

Изъ первыхъ-же фразъ, которыми обмѣнялись цесаревичъ съ Ростопчинымъ было видно, что между ними существуетъ значительная близость, было видно, что цесаревичъ очень жалуется этого человѣка.

— Какъ ты полагаешь, сударь, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, когда ѣхать вовсе не предполагалъ и какія мнѣ нужны справки? спросилъ цесаревичъ.

— Я полагаю, что вашему высочеству нужна справка относительно того, что случилось съ господиномъ Горбатовымъ, отвѣтилъ Ростопчинъ.

— Да, это вѣрно, и тебѣ не трудно было догадаться, такъ какъ конечно великій князь сказалъ тебѣ, что я его объ этомъ спрашивалъ. Но весь вопросъ въ томъ, можешь-ли ты мнѣ сообщить что нибудь? Знаешь-ли ты что нибудь въ этомъ дѣлѣ?

— Знаю, ваше высочество.

— Такъ говори все, что знаешь.

— Господинъ Горбатовъ подвергнутъ аресту у себя въ домѣ по настоянію князя Зубова. Его бумаги отображены и находятся на разсмотрѣніи князя. Дѣло держится въ большомъ секретѣ.

— Все это я и самъ знаю! раздражительно перебилъ его Павелъ. Мнѣ нужно знать въ чемъ его обвиняютъ.

— Обвиненія тяжки, его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ англійскимъ посольствомъ по поводу...

Ростопчинъ немного замаялся, но затѣмъ тотчасъ-же и докончилъ.

— По поводу шведскаго короля, или вѣрнѣе—герцога Зюдерманландскаго.

— Что? Что такое? изумленно переспросилъ цесаревичъ.

— Насколько я могъ узнать, продолжалъ Ростопчинъ, князь Зубовъ хочетъ доказать государынѣ, что господину Горбатову было дано секретное порученіе изъ Лондона, по поводу котораго онъ имѣлъ неоднократныя объясненія съ лордомъ Витвортомъ и будто слѣдствіемъ всего этого былъ извѣстный образъ дѣйствій герцога Зюдерманландскаго.

— Довольно! крикнулъ Павелъ. Спасибо, сударь—теперь я все понимаю. Я узналъ что мнѣ нужно. Хитро придумано, даже хитрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Оставайся здѣсь, я сейчасъ съѣзжу въ Таврическій дворецъ, а потомъ ты мнѣ можешь быть будешь нуженъ.

Сказавъ это Павелъ послѣпшно всталъ и поѣхалъ къ императрицѣ.

Екатерину уже болѣе недѣли не видѣлъ никто громѣ самыхъ приближенныхъ къ ней людей. Она не только не выѣзжала изъ Таврическаго дворца, но даже не выходила изъ своихъ комнатъ. Она не могла оправиться послѣ дурноты, случившейся съ ней 11-го сентября, чувствовала постоянную головную боль, у нея усилились припадки болѣзни, которою она страдала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ—ноги ея сильно опухли, на нихъ открылись раны.

Между немногими лицами, съ которыми она видѣлась въ это время, или разсужденія о томъ, что она находится въ очень мрачномъ настроеніи духа, что она постоянно озабочена, молчалива и выказываетъ признаки такого раздраженія, каковаго въ ней прежде никогда не замѣчалось.

Цесаревичъ зналъ обо всемъ этомъ отъ великой княгини и ему было очень трудно теперь рѣшиться на свиданіе съ императрицей, на объясненіе съ нею. Но это объясненіе онъ считалъ долгомъ своей совѣсти; у него не было другаго выхода.

Онъ велѣлъ доложить о себѣ государынѣ и о томъ, что онъ проситъ ее немедленно принять его.

Его не заставили ждать.

Онъ засталъ Екатерину въ маленькомъ кабинетѣ передъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, за которымъ она, мѣсяцъ тому назадъ, принимала Сергѣя Горбатова. Но если ужъ тогда она имѣла больной и утомленный видъ—теперь она казалась еще болѣе больной и утомленной.

— Очень рада васъ видѣть, мой другъ, проговорила она протягивая руку сыну, — я не ожидала васъ. Вы такъ рѣдко пріѣзжаете, — вѣрно какое нибудь особенное дѣло привело. Что вамъ угодно? Я слушаю.

— Вы правы, дорогая матушка, я по дѣлу, смущенно проговорилъ Павелъ, цѣлуя ея руку. Матушка, будьте снисходительны, дозвольте мнѣ узнать отъ васъ, что такое случилось съ Горбатовымъ? Почему онъ арестованъ? Въ чемъ его обвиняютъ?

Екатерина подняла брови съ видомъ изумленія.

— А, такъ вотъ дѣло, которое заставило васъ пріѣхать изъ Гатчины! А я и не знала, что вы принимаете въ Горбатовѣ такое участіе... впрочемъ — пѣтъ, мнѣ говорили, что онъ у васъ бываетъ... Но откуда-же эта близость? Что общаго между вами?

Цесаревичъ закусилъ губу. Онъ былъ готовъ вспыхнуть, но тотчасъ-же совладѣлъ съ собою и проговорилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ мнѣ всегда очень нра-

вился, я всегда чувствовалъ къ нему влеченіе. Онъ дѣйствительно былъ нѣсколько разъ въ Гатчинѣ, потому что онъ женихъ фрейлины моей жены, княжны Пересвѣтовой.

— Да?.. этого я никогда не слышала. Впрочемъ я совсѣмъ не знаю княжну Пересвѣтову — я видѣла ее всего кажется одинъ разъ. Очень красивая дѣвушка, но мнѣ говорили, что она какая-то странная, какая-то недотрога, невидимка. Впрочемъ дѣло не въ этомъ, мнѣ все равно, если она правится великой княгинѣ, если великая княгиня довольна ею, то больше ничего и не надо... Такъ Горбатовъ ея женихъ! Жаль!

— Почему-же жаль, матушка?

— Если она честная и хорошая дѣвушка, то мнѣ жаль, что она выбрала такого недостойнаго человѣка.

— Недостойнаго? Этотъ то вопросъ и нужно разрѣшить—дѣйствительно-ли онъ недостойный человѣкъ.

— Видите-ли, мой другъ, рѣзкимъ тономъ перебила его императрица, я сама считала Горбатова когда то прекраснымъ юношей, я готова была прощать ему многое... Онъ очень плохо велъ себя за границей, но я ему простила это, онъ остался на службѣ. Наконецъ и теперь, когда онъ вернулся сюда, я, уже имѣя нѣкоторыя основанія не совсѣмъ довѣрять его благонадежности, все же не хотѣла вѣрить ничему дурному, что мнѣ на его счетъ передавали. Я приняла его такъ какъ конечно онъ не заслуживалъ и что же—онъ оказывается измѣнникомъ.

— Измѣнникомъ? это неправда! горячо, рѣзко крикнулъ цесаревичъ весь багровѣя и вскакивая со стула.

— Неправда? значить я лгу?.. протянула Екатерина. Впрочемъ прошу тебя успокоиться, я понимаю, что тебѣ трудно этому повѣрять,—я сама съ трудомъ повѣрила, но обвиненія слишкомъ тяжки да наконецъ все легко и объяснить: онъ оказался человѣкомъ честолюбивымъ. Онъ былъ недоволенъ своею службой, своимъ начальствомъ, ему хотѣлось быстрыхъ повышеній... Онъ можетъ быть считалъ себя обиженнымъ, наконецъ можетъ быть онъ даже имѣлъ какое нибудь основаніе быть недовольнымъ...

Цесаревичъ хотѣлъ сказать что-то, но остановился. Екатерина замѣтила это.

— Что вы говорите? спросила она пристально взглянувъ на него.

— Ничего, матушка, я слушаю.

— Ну, и вотъ онъ вздумалъ намъ мстить. Онъ сошелся въ Лондонѣ съ людьми, враждебно относящимися къ моему правительству. Вы должны знать, что Англія теперь торжествуетъ послѣ неудавшагося сватовства шведскаго короля. Этотъ бракъ былъ вовсе не въ видахъ Англіи: она должна была постараться его разстроить. Теперь для меня все ясно: регентъ припялъ англійскія деньги—ему это не въ первый разъ! Онъ самымъ низкимъ, самымъ наглымъ образомъ обманулъ наше довѣріе, насмѣялся надъ всѣми нами, поставилъ насъ въ такое тяжелое положеніе... Вы видите—дѣло не шуточное... вы видите—тутъ не одна я, тутъ мы всѣ... Это также должно быть вамъ близко, какъ и мнѣ.

Лицо ея побагровѣло, глаза налились кровью. Въ волненіи она хотѣла было приподняться съ кресла, но тутъ же и опустилась опять съ тихимъ стономъ.

— Матушка, и вы считаете Горбатова замѣшаннымъ въ это скверное дѣло?

— Да. Черезъ него изъ Лондона переписались съ Витвортомъ... Онъ пріѣхалъ какъ разъ въ время для того, чтобы устроить все это. Вотъ кого я ласково встрѣтила! Вотъ кого я принимала на этомъ самомъ мѣстѣ! съ кѣмъ я бесѣдовала откровенно какъ съ человѣкомъ достойнымъ моей бесѣды! Какая же измѣна можетъ быть хуже этой? Какое преступленіе найдете вы отвратительнѣе? О, онъ достоинъ примѣрнаго наказанія! Я едва сдерживаю свое негодованіе. Я бы въ двадцать четыре часа заставила Витворта выѣхать изъ Петербурга, но у

Мостовая пошлина. Съ картины Роберта Вейшлага, грав. Кнезингъ.

насъ руки связаны. Мы не можем сдѣлать теперь разрыва съ Англіей... но нашихъ измѣнниковъ карать мы обязаны.

Цесаревичъ побѣднѣлъ.

— Ужасныя обвиненія, проговорилъ онъ, и если только есть въ нихъ хоть доля правды, не смотря на все свое расположеніе къ Горбатову, я первый готовъ явиться его обвинителемъ, но матушка... а если это чистая клевета его враговъ? если онъ какъ есть ни въ чемъ неповиненъ, а между тѣмъ обвиняется въ такомъ тяжкомъ преступленіи и долженъ понести за него наказаніе?!

Екатерина тяжело дышала.

— Развѣ я когда нибудь была кровожадной и свирѣлой? развѣ я на дѣлѣ не доказывала, что слѣдую моему правилу, что лучше оправдать нѣсколько виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго? Я безъ явныхъ доказательствъ обвинять и карать не стану.

— Гдѣ-же эти доказательства?

— Они въ рукахъ у князя Платона Александровича.

Цесаревичъ стиснулъ зубы.

— Вы ихъ видѣли?

— Нѣтъ еще. Платонъ Александровичъ представилъ мнѣ достаточно улики для того, чтобы имѣть право арестовать Горбатова и конфисковать его бумаги.

— Улики... въ чемъ же состоятъ эти улики?

— Получено нѣсколько писемъ изъ Лондона, удостоверяющія постоянныя сношенія, переговоры между Витвортомъ и Горбатовымъ въ послѣднее время до 11-го сентября. Есть нѣсколько свидѣтелей, которые утверждаютъ, что слышали со стороны Витворта и со стороны Горбатова очень двусмысленныя фразы.

Цесаревичъ едва сдерживалъ свое негодованіе.

— Все это недостаточныя улики для того, чтобы такъ поступить съ человекомъ, который никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать себя въ такомъ тяжкомъ преступленіи какъ измѣна. Если улики могутъ быть—то только въ бумагахъ Горбатова и эти бумаги нужно пересмотрѣть съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ предвзятой мысли...

— Такъ оно и дѣлается сказала Екатерина!

Цесаревичъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

Неужели онъ обманулся въ Горбатовѣ! Нѣтъ, этого быть не можетъ! Нѣтъ, стыдно останавливаться на этой мысли!

Но онъ видѣлъ, что Зубову пришелъ въ голову адскій планъ. Онъ нашелъ именно тотъ способъ, какимъ всего удобнѣе могъ погубить ненавистнаго ему человѣка. Пущенное имъ названіе „волтерьянецъ“ ему подѣйствовало, такъ онъ воспользовался обстоятельствами и обвиненія его были ужасны. Ко всему бы императрица отнеслась осторожно и хладнокровно, во всякомъ бы дѣлѣ была безпристрастна, но въ дѣлѣ, съ которымъ было соединено неудавшееся сватовство Густава, она не могла быть безпристрастной. Для того чтобы подвинуть ее на всякую несправедливость, для того чтобы заставить ее поступать такъ какъ она никогда не поступала, нужно было именно коснуться этой ея раны, которая заставляла ее претерпѣвать невыносимыя мученія—и Зубовъ сдѣлалъ это.

— Матушка, проговорилъ наконецъ Павелъ, останавливаясь передъ императрицей,—умоляю васъ исполнить одну мою просьбу.

— Что такое?

— Прикажите передать вамъ всѣ бумаги Горбатова и дозвольте мнѣ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ съ вами. Ради Бога не отказывайте мнѣ! Я чувствую, я увѣренъ, что тутъ, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе. Но если мы должны будемъ убѣдиться въ виновности этого человѣка, то чѣмъ больше я ему вѣрилъ, чѣмъ больше я былъ расположенъ къ нему, тѣмъ вина его будетъ для меня ужаснѣе. Это дѣло, какъ вы справедливо выразились—наше общее дѣло, и я могу быть защитникомъ Горбатова только до той минуты пока не увижу первого яснаго намека на вину его, а увижу—я превращусь въ его обвинителя. Матушка, исполните эту мою просьбу—вы мнѣ окажете этимъ большую милость!

Императрица подумала нѣсколько мгновений и потомъ уставшимъ голосомъ проговорила.

— Хорошо, я согласна, разсмотримъ вмѣстѣ его бумаги.

— Еще одно, матушка: могу я къ нему съѣздить—я хочу его видѣть.

— Дѣлайте что вамъ угодно, произнесла Екатерина.

Она едва владѣла собой, она чувствовала въ ногахъ такую страшную боль, что готова была кричать, но ей не хотѣлось показать своихъ страданій сыну.

Цесаревичъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ изъ комнаты.

(До слѣдующаго №).

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разказовъ о крайнемъ Востокѣ.

А. Я. Максимовъ.

I.

Первое знакомство.

До каторги, Митька Грѣшный былъ извѣстенъ подъ именемъ Дмитрія Лопухова, крестьянина Орловской губерніи. Прозвище „Грѣшный“ онъ получилъ уже на каторгѣ отъ товарищей „по несчастью“ за его постоянный, однообразно лаконическій отвѣтъ на всѣ вопросы начальства и любопытныхъ кандалниковъ относительно обстоятельствъ, вырвавшихъ Лопухова изъ роднаго Ольхина и оставившихъ его въ тяжелыхъ кандалахъ „по широкой, владимірской дорогѣ“ на безсрочную каторгу.

— За что попалъ ты въ каторгу? нерѣдко спрашивали по дорогѣ Лопухова разные чиновники и любопытные проѣзжіе кучки, пораженные открытымъ, честнымъ лицомъ каторжнаго, рѣзко выдѣлявшимся изъ цѣлой серіи звѣрскихъ лицъ.

— За грѣхи! угрюмо, рѣзко обрывалъ обыкновенно любопытныхъ Лопуховъ, глянувъ на нихъ своими черными, глубокими, блестящими глазами.

Любопытные отходили отъ Лопухова съ сознаниемъ неумѣстности своего щекоглядиваго вопроса и переходили къ другимъ „несчастнымъ“, отъ которыхъ выслушивали необыкновенно бойкіе, иногда даже въ высшей степени циничные отвѣты на свои беззабывчивые вопросы...

Каторжные, любящіе надѣлать другъ друга всевозможными прозвищами, не замедлили воспользоваться лаконическимъ, угрюмымъ отвѣтомъ Лопухова и стали звать его не иначе, какъ Митькой Грѣшнымъ. Прозвище это незамедлительно привилось къ Лопухову настолько сильно, что уже въ концѣ перваго года каторги онъ успѣлъ забыть свою настоящую фамилію и съ большою охотою сталъ откликаться на прозвище. Прошло еще

нѣсколько времени, и прозвище окончательно поглотило фамилію, поглотило до такой степени, что даже въ официальныхъ бумагахъ Лопуховъ началъ значиться не иначе, какъ подъ именемъ Дмитрія Грѣшнаго.

Сосланный на каторгу за убійство жены и ея любовника, Митька Грѣшный, раньше чѣмъ попасть на островъ Сахалинъ, побывалъ и въ Нерчинскомъ заводѣ, и на Нижне-Карійскихъ казенныхъ промыслахъ, и даже на частныхъ золотыхъ приискахъ, находящихся на рѣкѣ Зеѣ, въ глухой, непроходимой тайгѣ, почти въ тысячѣ верстахъ отъ жилаго мѣста. Митька Грѣшный переходилъ изъ одного мѣста въ другое не по своей охотѣ, а потому что его желали загнать въ такую труппу, изъ которой онъ не могъ бы уйти. Такое желаніе острожнаго начальства было вызвано необыкновенною, какою-то болѣзненною страстью Митьки къ бродяжничеству... Каждую весну, съ первой цѣспей кукушки, Митька дѣлался задумчивымъ, начиналъ тосковать, прятался отъ товарищей и отказывался отъ казеннаго хлѣба и острожныхъ щей...

Потоскуеть, потоскуеть Митька и вдругъ неожиданно для всѣхъ, не только для острожнаго начальства, но даже и для товарищей, скрывается изъ мѣста заключенія или работы, захватывая съ собой кое-какія пожитки и скопленную заранѣе въ хоронущкахъ *) провизію. Всѣ поиски, самые энергичные и быстрые, не приводили обыкновенно ни къ какимъ положительнымъ результатамъ словно Митька проваливался

*) Хоронущка—потайное мѣсто, устраниваемое обыкновенно въ подпольѣ, около печей, за печками, подъ половицами, въ стѣнахъ острога или каторжной казармы. На устройство таинственныхъ хоронущекъ обыкновенно расходуются вся необыкновенная изобрѣтательность каторжныхъ.

въ землю или заносился за облака. Онъ пропадалъ безъ слѣда и пропадалъ обыкновенно до глубокой осени, до полного спада листа. Съ первыми же холодными днями онъ такъ же неожиданно, какъ и бѣжалъ, являлся въ какой нибудь сибирскій острогъ съ повинной, являлся обыкновенно въ страшно оборванной, измызанной одеждѣ, съ исхудалымъ, испаряннымъ лицомъ, съ руками и ногами въ синякахъ и занозахъ, но тѣмъ не менѣе болѣе веселымъ и здоровымъ духомъ... Лѣтнее бродяжничество дѣйствовало на Митьку Грѣшного въ высшей степени благотворно... Молча выносилъ онъ положенное число ударовъ розгами или плетью и покорно возвращался къ мѣсту своихъ работъ, отъ котораго перѣдко уходилъ за тысячу верстъ и болѣе... Гдѣ пропадалъ Митька, что дѣлалъ во время своего шестимѣсячнаго бродяжничества, чѣмъ питался—оставалось тайною не только для острожнаго начальства, но даже и для его товарищей, несмотря на ихъ ловкое выпытываніе о таинственныхъ похищеніяхъ неутомимаго бѣглеца... Въ одномъ только всѣ были убѣждены, что Митька не жилъ въ наймахъ по займамъ, а прятался отъ людскаго глаза въ непроходимой тайгѣ, въ лѣсной, зановѣдной чащѣ и все лѣто проводилъ только въ томъ, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго, будь онъ такой же бродяга или поимчикъ—все равно. Самъ Митька обыкновенно упорно отмалчивался на всѣ вопросы товарищей, а тѣмъ болѣе своего начальства. Вообще онъ держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, особнякомъ, и старался даже избѣгать заводитъ съ товарищами по заключенію самые обыденные разговоры изъ боязни, чтобы тѣ не воскресили своими распросами бывшихъ страшныхъ воспоминаній... Митька Грѣшный никогда никому не рассказывалъ о подробностяхъ своего преступленія и вообще старался даже избѣгать намека на невыносимыя обстоятельства, вырвавшія его изъ семейной обстановки и бросившія въ жизнь безсрочнаго каторжника... Обыкновенно смиренный и скромный, Митька Грѣшный дѣлался звѣремъ, если кто нибудь позволялъ себѣ, въ шутку или серьезно, напомнить ему объ его преступленіи. Онъ дѣлался положительно неузнаваемымъ: небольшая тѣлесная фигура его словно внезапно выросла и принимала упругость стальной пружины; черные, обыкновенно тусклые, смотрящіе какъ бы внутрь, глаза загорались зловѣщимъ огнемъ и наливались кровью; на побѣдѣвшихъ губахъ Митьки появлялась кровавая пѣна; все его тѣло приходило въ какое-то страшное содроганіе, точно пронизывалось электрической искрой... Не проходило и минуты, какъ онъ съ дикимъ, нечеловѣческимъ ревомъ бросался на того, кто позволялъ себѣ разбередить его душевные раны... Въ этотъ моментъ Митька не отдавалъ себѣ отчета въ дѣйствіяхъ. У него вдругъ являлось непасытное желаніе утолить себя кровью того, кто осмѣлился растравить его раны... Подъ невыносимымъ впечатлѣніемъ воспоминаній Митька два раза бросался на должностныхъ лицъ и нѣсколько разъ на своихъ товарищей по заключенію... Только счастливый случай, благодаря которому у него не оказалось подъ рукою никакого оружія, спасъ чиновниковъ отъ смерти или увѣчья... За то изъ числа каторжныхъ, позволившихъ себѣ поглумиться надъ дѣломъ Митьки, одинъ былъ убитъ имъ наповалъ, а двое отдѣлались тяжкими увѣчьями...

Начальство взглянуло на выходки преступника настолько серьезно, что едва не передало его полевому суду; но, благодаря внимательству острожнаго врача, объяснившаго дѣйствія Митьки, какъ теперь принято, „аффектомъ“, послѣдній отдѣлялся за свои странныя вспышки жестокими плетями и тяжелой цѣпью, которую обыкновенно его приковывали или къ тачкѣ, или же къ стѣнѣ на болѣе или менѣе продолжительное время... Наказаніе плетью Митька выносилъ съ удивительнымъ стоицизмомъ...

Всю зиму обыкновенно Митька Грѣшный болѣлъ и лечивалъ рубцы отъ полученныхъ плетей... Съ первыми же теплыми днями онъ разомъ становился на ноги и не смотря на самое зоркое вниманіе острожнаго начальства, при первомъ же удобномъ случаѣ убѣгалъ и пропадалъ обыкновенно опять до глубокой осени. Положительно выбивались изъ силъ, какія предприняты бы мѣры противъ постоянныхъ, періодическихъ побѣговъ Митьки: ни цѣпи, ни запоры, ни плети не помогали. Съ наступленіемъ каждой весны всѣ мѣры обыкновенно оказывались неэффективными... Только что пахнетъ въ воздухѣ свѣжымъ, молодымъ, березовымъ листомъ, только что донесется до душнаго острога призывная пѣснь злодѣйки-кукушки, какъ Митька сбрасывалъ съ ногъ самые прочные кандалы, ухитрялся выскользнуть на свободу изъ подъ самыхъ крѣпкихъ заповровъ и безслѣдно исчезалъ въ невѣдомыхъ для всѣхъ мѣстахъ и трюсбахъ... Начальство теряло голову, переводило Митьку съ одного пріиска на другой, изъ одного завода въ другой, все дальше и дальше отъ роднаго Ольхина, и наконецъ иререводило его на самую отдаленную окраину безконечно раскинувшейся матушки Россіи, на уединенный, суровый Сахалинъ, съ котораго, казалось бы, бѣгство положительно было невозможно...

II.

Наступленіе весны.

Зима на исхдѣ... Величественный, многоводный Амуръ уже взломалъ свою ледяную броню и несетъ ее въ милліонахъ раз-

битыхъ, раздробленныхъ кусковъ на песчанья отмели острова Сахалина, ревниво заслонившаго устье великой рѣки, этой грандіозной столбовой дороги Восточной Сибири. Сильнымъ теченіемъ льдина нажимаетъ на льдину и сплошною массою дѣзутъ на отмели, уже загромаженные безобразными глыбами наноснаго льда, изнывающего подъ первыми теплыми лучами солнца, только что прошедшаго точку равноденствія...

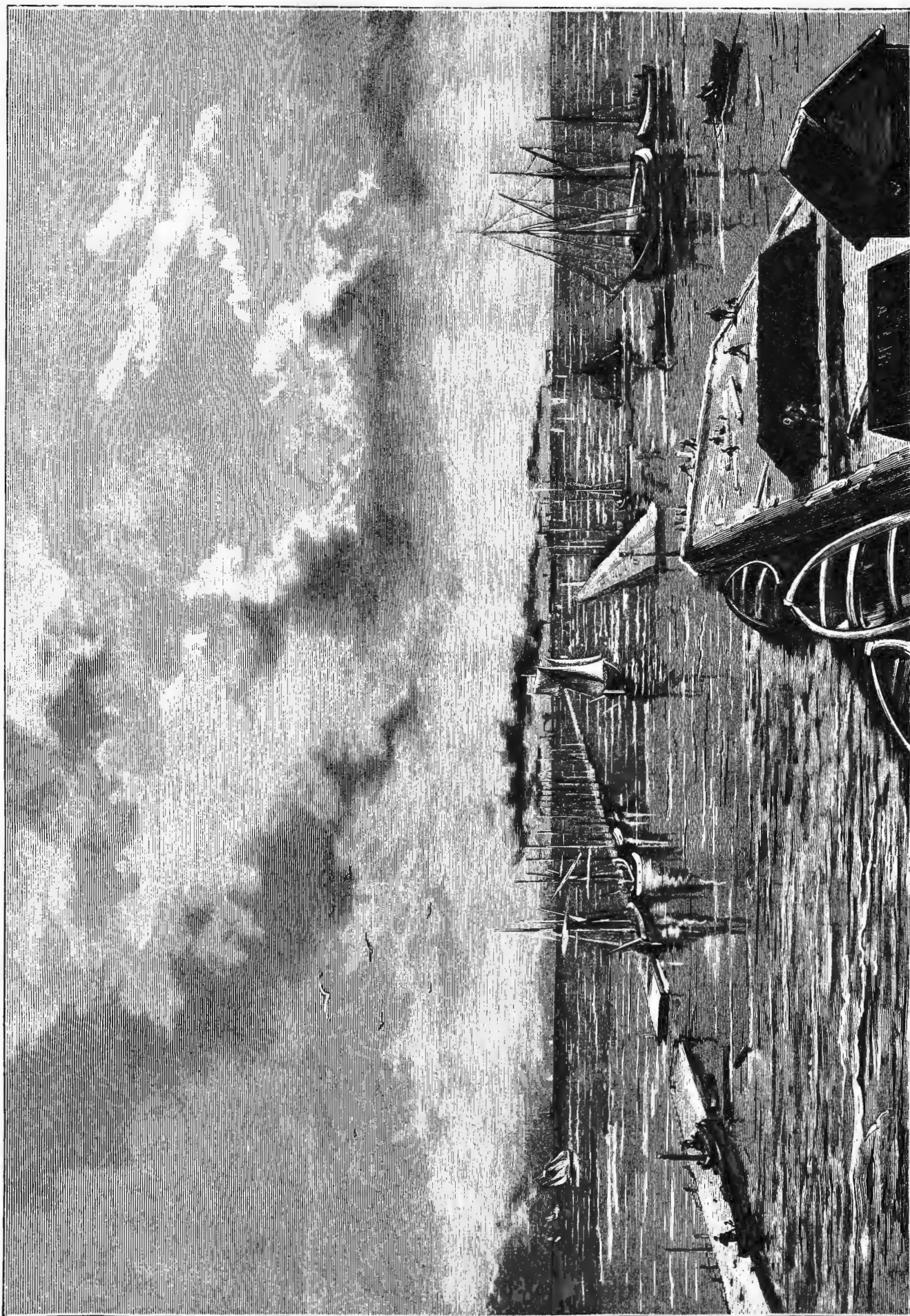
Вотъ подулъ легкій, южный вѣтеръ и принесъ съ собою густой, солоноватый туманъ—предвѣстникъ быстро приближающейся, давно ожидаемой весны... Сплошнымъ, непроницаемымъ покровомъ нахлѣдаетъ онъ на роскошныя, живописныя, базальтовые скалы, діориты и діоритовые порфиры, далеко выступившіе въ море, въ высшей степени грандіозными, фантастическими очертаніями скалъ, еще не сбросившихъ со своихъ голыхъ вершинъ блестящихъ, пышныхъ, сверкающихъ на солнцѣ свѣжнихъ шапокъ... Медленно, сплошной стѣной наступаетъ туманъ на отвѣсный берегъ угрюмаго, непривѣтливаго Сахалина, обнажившаго въ своихъ высокихъ обрывахъ неистощимыя залежи минеральнаго угля, со всеми ихъ уклененіями и перерывами... Туманъ упорно ползетъ все дальше и дальше, все выше и выше... Постепенно окутываетъ онъ хребтовья, лѣсныя тропы, спускается въ многочисленныя, таинственныя пади и стелется надъ потемнѣвшею уже поверхностью безчисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, несущихъ свои быстрыя, свѣтлыя воды на западъ и востокъ, въ Японское море и Тихій океанъ...

Солнце постепенно начинаетъ входить въ свои права и медленно, но безповоротно, разрушаетъ обаяніе продолжительной, суровой зимы... Чаше и чаще проглядываетъ оно на ясномъ небѣ и обдаетъ угрюмый, застывшій за зиму Сахалинъ своими теплыми, яркими, словно ласкающими лучами... Въ воздухѣ начинаетъ пахнуть весной... Быстро таютъ свѣжныя сугробы и пыльные, свѣбья шапки фантастическихъ „декуръ“, выдвинутыхъ съ морскаго дна вулканическою, могущественною силою... Многочисленныя рѣчки и ручьи быстро вздуваются и энергично рвутъ свои ледяные покровы... Всюду слышится то бурливый ропотъ, то веселое журчанье освобожденныхъ водъ... Изъ отвѣсной стѣны острова, изъ глубокихъ расщелинъ крутыхъ, разорванныхъ утесовъ ниспадаютъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ небольшіе, пѣнящіеся каскады, разсыпаясь въ воздухѣ на милліоны блестящихъ, радужныхъ брызгъ...

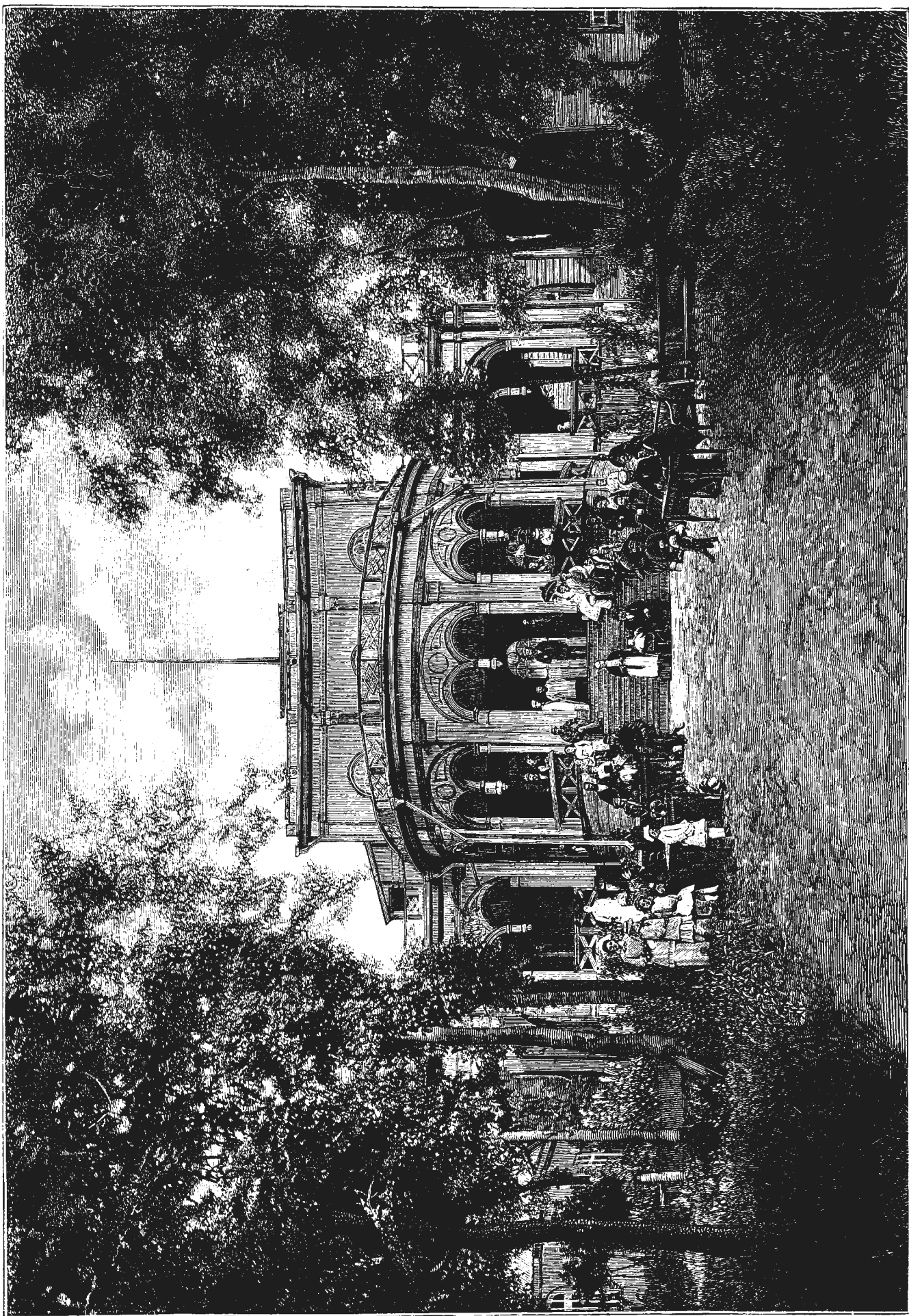
До сихъ поръ безмолвный, пустой лѣсъ оглашается рѣзкими криками первыхъ вѣстниковъ весны—грачей... Величественныя кедры и стройныя лиственницы, мохнатая ели и крѣпкіе, г рные вязы, ольха и береза постепенно сбрасываютъ съ себя фантастическія кружева, навѣшанныя на нихъ недавними морозами, и начинаютъ расправлять свои заколѣвшія вѣтви... Оттаивающіе корни усиленно втягиваютъ изъ отогрѣтой земли живительные соки и гонятъ ихъ къ вершинамъ деревьевъ, слегка покачиваемыхъ легкимъ, южнымъ вѣтеркомъ... Постепенно наливаются почки и лопаются подъ животворнымъ вліяніемъ тѣплаго, весенняго солнца... Въ воздухѣ слышится чудный, смолстый запахъ быстро распускающейся листвы... Хребты, пади, долины рѣчекъ и ручьевъ покрываются нѣжнымъ ковромъ ярко зеленыхъ побѣговъ молодой травы... Лѣса и рощи оживляются все болѣе и болѣе... Звонче и разнообразнѣе стануются голоса птицъ, вернувшихся изъ теплыхъ краевъ на родныя мѣста... Прошла еще недѣля, и весна въ полномъ разгарѣ; весна животворная, радостная, съ беззастѣнливымъ нетерпѣніемъ ожидаемая обитателями грязныхъ, душныхъ остроговъ и не менѣе грязныхъ арестантскихъ, каторжныхъ казармъ, разбросанныхъ здѣсь, въ самой дикой глуши необитаемой Сибири... Среди разнообразныхъ, веселыхъ звуковъ животной жизни, охватившей самыя зановѣдныя, таинственныя мѣста обновленной тайги, слышится въ лѣсной чащѣ призывный голосъ чародѣйки-кукушки... Звонко раздается онъ подъ душистымъ сводомъ молодой, только что распустившейся листвы и несется дальше и дальше, за крѣпкія стѣны и запоры, туда, гдѣ тысячи заключенниковъ трепетно ждуть призыва вѣщей птицы... Жадно вдушивается Митька въ звонкій, однообразный, тянущій за сердце, крикъ кукушки. Крѣпко прижалъ онъ свое побѣдѣвшее лицо, покрытое крупными каплями холоднаго пота, къ крѣпкой, желѣзной рѣшеткѣ и всматривается лихорадочными глазами въ темнѣющую вдаль лѣсную чашу, изъ которой несутся радостные, столько мѣсяцевъ ожидаемые звуки: „Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!“... И слышится ему въ этихъ холодныхъ, однообразныхъ звукахъ горячій призывъ. „Пора, пора!“ чудится Митькѣ въ пѣснѣ кукушки. „Сбрасывай кандалы, бѣги въ тайгу!.. Она не заморозитъ тебя... Тепло, хорошо въ тайгѣ!.. Она пропятаетъ тебя—не умрешь съ голода!.. Чего задумываться? Бѣги!“...

„Какъ проберусь я съ острова, куда пойду?“... тѣшатся въ воспаленной головѣ Митьки тревожные вопросы. „Все новыя мѣста, незнакомыя!“...

„Пора, пора! чудится ему опять въ однообразномъ кукуваніи затравившейся въ чащѣ птицы. Не задумывайся!.. Не ты первый, не ты послѣдній съ Сахалина! Бѣги! Тряхнутой стриженой головой Митька и отошелъ отъ окна, побрякивая тяжелыми кандалами... Забился въ самый отдаленный уголъ опустѣвшей казармы, присѣлъ на грязныя нары и всталъ въ тяжелое раздумье.

Общій видъ СПб. Морскаго канала съ Сѣверной дамбы. Оригин. рисун. Н. Н. Карзина, грав. М. Рашевскій.

Видъ курзала нумысо-лечебнаго заведенія Постникова близь гор. Самары. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Въ казармѣ необычная тишина... Почти всѣ ушли на работу въ угольные копи — остались только кто былъ избавленъ на время отъ работы по болѣзни...

Думы занесли Митьку далеко, въ таѣжныя, привольныя мѣста... Не замѣтилъ онъ, какъ подошелъ къ нему первый силачъ въ Дуэ, каторжникъ Бажинъ, по прозванью Майданщикъ *). Это былъ мужикъ необыкновенныхъ размѣровъ, съ воловьею, короткой шеей и большой, угловатой головой. Лицо Майданщика изрыто оспой; маленькіе, свинные глазки смотрятъ зорко, постоянно перебѣгая съ предмета на предметъ; выдаваясь впередъ нижняя челюсть съ крѣпкими, острыми зубами придавали лицу Майданщика какое-то неприятное, въ высшей степени хищное выраженіе. Бажинъ пользовался на Сахалинѣ репутацией звѣря, для котораго жизнь человѣческая — тринь трава.

Долго всматривался Бажинъ въ сильно исхудавшее, блѣдное лицо Митьки, словно стараясь отгадать его затаенныя мысли... — Ты что задумалъ? проговорилъ онъ наконецъ силнымъ, сильно испитымъ голосомъ.

Митька вздрогнулъ и поднялъ свои черные, глубоко впавшіе глаза на Майданщика...

— Сказывай безъ обману, продолжалъ послѣдній, подсаживаясь на нары, „ты что задумалъ: кукушку слушать **) или только простокнижки поѣсть ***)?.. Говори безъ обману: я не доносчикъ... Самъ съ тобой уйду, коли дѣло задумалъ, а не дурь какую“...

— Кукушку слушать пойду! твердо отвѣтилъ Митька. Уйду въ таѣжныя мѣста!.. Не въ тернежъ мнѣ стало!.. Уйти-бы только съ острова, а тамъ...

— Была-бы охота!.. проговорилъ Бажинъ весело. „На то и голова намъ въ плечи ввинчена, чтобы дорогу къ кукушкѣ сыскать“!..

— Слушай, другъ, продолжалъ Майданщикъ таинственнымъ голосомъ послѣ короткой паузы. „Полюбилъ ты мнѣ... Бѣжимъ вмѣстѣ!.. Ты бродяга опытный—мы не затеряемся... У тебя, укъ все должно припасено?.. У меня также въ хорошнѣхъ запасенъ есть, да змѣйка (пилка): живо ею ножные бруслеты перехватимъ“...

— Ладно, по рукамъ! согласился Митька, польщенный тѣмъ, что Бажинъ причислилъ его къ опытнымъ бродягамъ.

— Молодецъ! похвалилъ Майданщикъ товарища. Пойдемъ теперь хамло (водку) пить... У меня въ хорошнѣхъ припасено довольно... А тамъ и гайда къ Кукушкину на вѣсти!..

III.

Въ казармѣ.

Арестанты только что поужинали — съѣли по куску черного хлѣба съ кирничнымъ чаемъ безъ сахару... Въ каторжной казармѣ, едва освѣщенной чадными почниками, царитъ какое-то дикое оживленіе, граничащее съ вакхическимъ разгуломъ... Стономъ стонетъ казарма... Точно стараются всѣ какъ можно рѣзче выказать отвратительнѣйшія стороны человѣчества: здѣсь спорятъ, тамъ ругаются; дальше идетъ какая-то безобразная свалка изъ-за гроша или прогнившей олучи... Еще дальше съ десятокъ человѣкъ окружили майданъ и съ какою-то дикою страстью играютъ въ карты, до невозможности засаленныя и обмочаленныя. Ставка самая разнообразная: болѣе зажиточные пускаютъ въ игру на конъ пятаки, заработанные или краденные; другіе, за неимѣніемъ денегъ, ставятъ на карту казенную одежду, отъ куртки до олучи, паекъ до послѣдней крошки, хлѣбъ и даже соль... Если было-бы возможно, то приняли-бы на конъ и человѣческую душу!..

Въ одномъ углу казармы, несмотря на хаосъ и шумъ, поютъ хоромъ пѣсни, но, Боже, какъ поютъ!.. Это не пѣніе, а какой-то хриплый ревъ дикихъ звѣрей, старающихся переревѣть одинъ другаго, старающихся заглушить дикимъ воплемъ густую душу тишесть...

Бывало у соколика времячко:
Летать-то соколъ высокохонько,
Высокохонько летать по поднебесью!..
Ужъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, утокъ сѣрныхъ!..

ревутъ нѣсколько десятковъ арестантовъ, сидящихъ влить въ пѣснѣ тюремное горе...

Въ другомъ концѣ казармы идетъ пляска... Плясуны, гремя кандалами, стараются перенеголять одинъ другаго и съ какимъ-то дикимъ азартомъ отбиваютъ закованными ногами дробь по докельзя загаженному, загрязненному полу... Пляшутъ подъ аккомпаниментъ острожной пѣсни:

Что за шутова коляска
Показалась въ городу?

* В каждомъ острогѣ и арестантской казармѣ существуетъ такъ называемый „майданъ“. Это въ тѣсномъ смыслѣ ошчщенное на нарахъ мѣсто, на которомъ производится игра въ карты, кости и ободо котораго группируются всѣ игроки. Майданщикъ — отлучившійся майдана, обыкновенно наиболѣе зажиточный каторжникъ.

** Кукушку слушать — техническое выраженіе арестантовъ. Значитъ: „бѣжать на продолжительное время“.

*** Простокнижку (простоквашу) ѣсть — бѣжать на короткое время и вернуться въ тюрьму.

Коней пару запрягаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ,
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу:
Сажаетъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу...
Палачъ Федька разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня мальчишку
У траурнаго стола...!

бойко выводятъ каторжные своими хриплыми, испитыми головами. Каторжникъ Рошнвъ, по прозвищу Пырокъ, первый плясунъ на дуйской каторгѣ, отплясываетъ подъ звуки острожной пѣсни такой тренакъ, что любо-дорого. Грязный полъ стонетъ подъ бойко выбивающими дробь ногами; здоровенныя посвятиванья Пырка слышатся во всѣхъ концахъ обширной казармы... Подобравъ кандалы и заломивъ на гладко стриженный затылокъ сѣрую, арестантскую шапку, Рошнвъ ловко выкидываетъ ногами самыя замысловатыя, отчаянныя колѣнца, то ходитъ голымъ, то лихо кружится въ удалой пляскѣ...

Палачъ Федька разбѣжался—
Рубашенку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клалъ,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ...
Береть Федька кнутъ въ руки,
Закричалъ: „братъ берегись“!..
Онъ ударилъ въ первый разъ—
Полились слезы изъ глазъ!..

Гремятъ доморощенная пѣсня среди невообразимаго гама и крика остальныхъ каторжныхъ.

Толпа арестантовъ съ видимымъ удовольствіемъ любитъ лихимъ Пырокомъ и невольно семенитъ ногами, какъ бы желая сейчасъ пуститься съ нимъ въ присядку и выполнить веселые, деревенскіе хорыводы... Со всѣхъ сторонъ слышатся поощренія и одобренія...

— Ай, лихо, Пырокъ!.. Молодчина!.. Ишь, шельмецъ, какъ онъ того, ногами-то перебираетъ! слышится съ одной стороны.

— Прибавь жару! кричатъ съ другой... Валяй! Позванивай бойчѣе!

Какъ-то дико гудитъ среди хаотического шума, ругани и спора плясовая пѣсня, перебиваемая заунывнымъ воплемъ, несущимся съ другаго конца казармы:

А нояъ соколу время пѣту:
Сидитъ-то соколъ во понманн,
Въ той золотой клѣточкѣ,
На серебряномъ сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его пожевки въ опучочкахъ!..

Не слышитъ Пырокъ этого вопля и не хочетъ слышать!.. Лихо отбиваетъ онъ тренакъ въ тактъ гремящей вокругъ него плясовой пѣсни, поится вихремъ, а кругомъ все еще слышатся поощрительные возгласы: „Прибавь жару!.. Махни во всю удалую!.. Не жалѣй ногъ!.. Побрякивай бруслетами бойчѣе!..“

Въ самомъ отдаленномъ, темномъ углу казармы сидятъ на нарахъ наши знакомцы, Майданщикъ и Митька, намѣренно уединившіеся.

— Помни уговоръ, шепчетъ Майданщикъ Митькѣ. Какъ только наши уговорятся, я потушу почникъ, сбрасывая подпленные бруслеты на нары и ползи къ уголовному окну... Захвати свой маришрутъ (буракъ съ припасами) да жуликъ (ножъ)... Рѣшотку я уже поднимилъ, стоитъ нажать легонько... Только-бы подъ нулю не нарваться, прибавилъ онъ съ легкой тревогой.

— Ладно, самоувѣренно отвѣтилъ Митька, „не въ первой-то бѣгати!.. Я тебя выведу... Только помни: внизъ не прыгай, а то какъ разъ на штыкъ наткнешься, а лѣзь, какъ я сказалъ, по уголовному сруб-то вверхъ, на крышу... А тамъ выберемъ мѣстечко и спустимся: у меня и веревка есть... Скрутилъ я ее изъ суконныхъ полосъ — всю куртку казенную на полосы изрѣзалъ, да штаны“...

— Молодчина, я вижу, ты! похвалилъ Майданщикъ Митьку. Все-то ты видишь... Не даромъ я, видно, почувалъ въ тебѣ опытнаго...

— Бѣгалъ не разъ — не привыкать стать! самодовольно прошепталъ Митька, польщенный похвалой товарища... А теперь слушай: наши тамъ разыгались въ картишки, пожалуй всю ночь проиграютъ, намъ помѣшаютъ. Надо-бы ихъ пугнуть!..

— Какъ пугнешь-то? съ сомнѣніемъ спросилъ Майданщикъ.

— Эгой ты! Поди да и скажи имъ встать на стражу, а какъ заиграются—ты и крикни: „стрема“ (идуть!) Уговорятся!..

— И то правда! весело прошепталъ Майданщикъ... Ловкачье ты, доложу я тебѣ!..

— А ты думалъ что! съ самодовольствомъ проговорилъ Митька и направился къ своей койкѣ...

IV. Бѣгство.

Близко полуночи... Пѣсни, ругань, безобразный шумъ и крики въ казармѣ прекратились... Большинство арестантовъ утомившись послѣ тяжелой двѣнадцатичасовой работы и широко разметались они на грязныхъ, измызганныхъ блинахъ—тюфякахъ. Очень немногіе, несмотря на позднее время, сидятъ у майдана и играютъ въ карты...

Въ казармѣ, несмотря на настежь открытыя окна, ужасная духота и запахъ.

Ночь темная, непроглядная... Въ казармѣ, тускло освѣщенной дымными починками, распространяющимися вокругъ тѣдой чадь, царствуетъ полумракъ... У майдана нѣсколько свѣтѣль: вставленная въ бутылку салъная, сильно нагорѣвшая свѣча, бросаетъ на суровыя, разгорѣвшіяся отъ страсти лица игроковъ неровный, колеблющійся свѣтъ. Играютъ молча, лихорадочно; нрѣдка слышится сдержанный споръ изъ-за ставки и затѣмъ опять раздается только звонкій хлестъ засаленныхъ картъ...

— Стрѣла! неожиданно раздался оповѣщающій крикъ стоявшаго на стражѣ Майданщика.

Майданъ мигомъ исчезъ, и игроки разбѣжались по своимъ койкамъ... Майданщикъ быстро потушилъ ночники и въ казармѣ наступила непроглядная тьма...

Митька, все время не спавшій, безшумно сползъ съ своего тюфяка, оставивъ на немъ перешитые кандалы, ощупью добрался до своей хоронущи, досталъ изъ нея что надо и осторожно сталъ пробираться къ намѣченному имъ угловому окну.

Тамъ уже ждалъ его Майданщикъ, расшатывавшій своими богатырскими руками подпиленную рѣшетку.

— Ну что? едва слышно спросилъ Митька.

— Сейчасъ готово! тѣмъ-же шепотомъ отвѣтилъ Майданщикъ, палега на рѣшетку и безъ шума вытаскивая три подпиленные заранѣе желѣзные полосы...

Какъ кошка проползъ Митька въ образовавшееся въ рѣшеткѣ отверстіе, осторожно добрался до угловаго сруба и ловко полѣзъ по выдавшимся концамъ бревенъ на крышу... Майданщикъ не замедливъ последовать за товарищемъ... Черезъ минуту, оба бѣглеца были уже на крышѣ и безшумно ползли къ наименѣе охраняемой стѣнѣ казармы... Митька доползъ первымъ и чутко сталъ прислушиваться, стараясь уловить въ ночномъ воздухѣ малѣйшій подозрительный порохъ, который свидѣтельствовалъ бы о близкомъ присутствіи часоваго... Кругомъ таинственная, мертвая тишина... Повидимому, часовые сладко дремали въ своихъ полосатыхъ будкахъ и не подозрѣвали о бѣгствѣ изъ казармы двухъ каторжниковъ, притаившихся теперь на крутомъ скатѣ острожной, тесовой крыши... Митька быстро досталъ изъ своего узла свитую изъ суконныхъ полосъ веревку; одинъ конецъ ея онъ привязалъ къ ближайшей дымовой трубѣ, а другою — осторожно спустилъ съ крыши на землю... Въ этотъ моментъ раздался внизу, почти подъ ногами бѣглецовъ, глухой напелъ часоваго... Бѣглецы плотно прижались къ крышѣ и затали дыханіе... Черезъ минуту Митька, какъ болѣе смѣлый и рѣшительный, свѣсился съ крыши и зорко началъ всматриваться въ ночную тьму, въ надеждѣ опредѣлить точное положеніе часоваго. Напрасно наирягалъ Митька свои зоркіе глаза. Темъ была непроглядная, и онъ едва только разсмотрѣлъ верхній косякъ ближайшаго окна; всѣ предметы, расположенные ниже, были, казалось, прикрыты чернымъ сукномъ... Тѣмъ не менѣе Митька инстинктивно чувствовалъ, что часовой стоитъ на мѣстѣ и чѣмъ-то занятъ... Мало того, бродягъ вдругъ показалось, что въ ночной тѣмѣ засвѣтились упорно обращенные на него глаза. Митьку обдало холодомъ; сердце его замерло и, казалось, ушло куда-то отъ страха; жадно вперилъ онъ расширенные зрачки въ пространство и, какъ очарованный, не можетъ оторвать своихъ глазъ отъ глазъ невидимаго человека... Вотъ, онъ уже начинаетъ разглядывать, что упорно направленные на него страшные глаза принадлежатъ усатому, корявому лицу Корнева—самого твердаго солдата изъ всей дуйской команды... Митька отлично уже видитъ заломленную на затылокъ кепку, изъ подъ прямого козырька которой выглядываетъ Корневъ на

бѣглеца съ неумолимымъ выраженіемъ... Вотъ блеснулъ въ ночной тѣмѣ стволъ ружья... Видитъ Митька, ясно видитъ, что Корневъ приложился и направилъ дуло своего ружья прямо въ его свѣсившуюся съ крыши голову... Въ глазахъ его заходили красные круги... Едва, едва онъ не скакнулъ съ крыши кубаремъ и не смѣрилъ синюю высоту каторжной казармы... Съ трудомъ удержался бродяга на крышѣ своими обезсилѣвшими отъ страха руками и съ секунды на секунду ожидалъ смертельнаго выстрѣла... Прошло нѣсколько мгновений... Вдругъ Митька уловилъ въ ночной тишинѣ усиленное чирканье спички, совѣмъ въ другой сторонѣ отъ Корнева... Инстинктивно повернулъ онъ голову въ ту сторону и черезъ секунду увидѣлъ красноватое пламя зажженной спички, освѣтившее худое, безбородое лицо солдата Невѣрова, закуривающаго только что набитую подмоченной махоркой посогрѣйку... Митька быстро повернулъ голову на Корнева: послѣднего какъ не бывало... Отлегло у бродяги отъ сердца, и онъ почувствовалъ въ себѣ опять силы...

— Ишь ты, почудилось! подумалъ онъ и сталъ сдѣлать за Певтровымъ.

Послѣдній послѣдша закурилъ трубку, и черезъ секунду раздался въ ночной тишинѣ его мѣрные, спокойные шаги... Нѣсколько разъ блеснулъ во тѣмѣ всыхивающій огонекъ трубки и наконецъ скрылся за угломъ казармы... Шаги Невѣрова уже слышались въ отдаленіи и наконецъ замолкли...

— Спускайся! Живо! шепнулъ Митька притаившемуся у дымовой трубы Майданщику.

— Полѣзай первымъ! отвѣтилъ трусливый Майданщикъ.

Митька не заставилъ себя упрашивать. Не теряя времени, онъ ловко ухватился за самодѣльную веревку, быстро, безшумно спустился съ крыши на землю и сталъ пробираться къ ближайшимъ кустамъ...

Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ услышалъ позади себя глухой ударъ упавшаго съ высоты тѣла и затѣмъ сдержанный стонъ: повидимому, суконная веревка не выдержала груза Бажина и оборвалась... Митька не задумываясь, бросился назадъ — на выручку товарища... Взвалить на плечи ошеломленного паденіемъ Бажина—было ему дѣломъ одной секунды: страшная, смертельная опасность удесятерила его силы... Въ этотъ моментъ блеснула въ ночной тѣмѣ яркая молнія... Загрѣмѣлъ пушечный наугадъ выстрѣлъ часоваго и глухо разнесся по окрестнымъ холмамъ... Митька какъ бѣшеный, рванулся со своею тяжелою ношею къ кустамъ, спѣша скрыться отъ поднимающаго тревогу часоваго... Близкая опасность открыла его и придала ему нечеловѣческую мощь; бойко пагалъ онъ по кочковатой землѣ съ Бажинымъ на плечѣ, точно по хорошо убитой, шоссеиной дорогѣ... Но вотъ и кусты!.. Кланомъ врѣзался въ нихъ Митька и быстро сталъ пробираться въ самую чащу... Гибкія вѣтви калины и лещины хлестали по его глазамъ; колючая азалія и шиповникъ царапали лицо, шею, руки и въ клочья рвали арестантское, гнилое платье... Но онъ шелъ все дальше и дальше, точно вылитый изъ стали гигантъ, не чувствующій боли, усталости и изнеможения... Митька отлично слышалъ: ихъ уже ищутъ! Слышалъ позади себя громкій разговоръ, ругательства и споры сбѣжавшагося на выстрѣлъ караула, а онъ безъ усталости шелъ со своею тяжелою ношею все глубже и глубже въ кусты, дальше и дальше отъ суетящихся солдатъ... Сколько онъ прошелъ, Митька не могъ отдать себѣ отчета... Но вотъ голоса преслѣдующихъ смолкли и кругомъ опять мертвая тишина... Солдаты поискали въ ближайшихъ кустахъ и возвратились въ казарму съ увѣренностью, что бѣглецы далеко не уйдутъ...

Какъ только опасность миновала, Митька вдругъ почувствовалъ страшное изнеможеніе... Бажинъ лежалъ на его плечѣ ступидовой гирей и до нестерпимой боли ломилъ тонкую клясицу. Съ нечеловѣческимъ трудомъ Митька еще нѣсколько шаговъ и остановился: идти дальше стало уже не въ моготу... Только что онъ опустилъ Бажина на мягкую траву, какъ у него закружилась голова, въ глазахъ пошли огненные круги и безъ чувствъ грохнулся онъ рядомъ со своимъ товарищемъ...

(До слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Іоаннъ III и послы хана Ахмата.

(Рис. на стр. 532 и 533).

Въ XIII вѣкѣ невѣдомый, кочевой народъ грознымъ потокомъ хлынулъ изъ центральной Азіи на Европу. Потокъ этотъ, опрокидывая все на пути, перекинулся черезъ Волгу, Донъ, Днѣпръ, достигъ Вислы, ринулся на Польшу и Венгрію. Западъ дрогнулъ. Въ самомъ Парижѣ произошло смятеніе: страшное слово „татары!“ было у всѣхъ на умѣ. Предводитель орды послалъ къ Фридриху II, императору германскому, требованіе покорности, обѣщая за это важную должность при своемъ дворѣ.

При Лигницѣ произошла битва, въ которой было уничтожено почти все нѣмецкое войско, но которая настолько утратила монголовъ, что они болѣе не отваживались воевать съ „желѣзными людьми“. Они отступили къ востоку и вся тяжесть ихъ давленія обрушилась на Русь.

Двѣсти лѣтъ это страшное иго охватывало своими желѣзными тисками несчастную страну. Всякое развитіе ея должно было приостановиться. Монголы были полными властелинами въ землѣ: вырѣзая семьи, гоня ихъ въ полонъ, замучивая великихъ князей, спаливая города и селенія, они царили какъ истые азіатскіе варвары. Лучшіе центры русской торговли гибли: Кіевъ, Москва, Рязань, Коломна, Владиміръ, Тверь, Суздаль, Ярославль, Ростовъ, Юрьевъ—все это становилось жертвою ихъ произвола.

Были времена, когда казалось Орду наносится смертельный ударъ: такова была, напримѣръ, Куликовская битва. Но татары снова собирались съ силами, сплачивались, и снова наносили жестокіе удары Руси. Не было среди русскихъ князей единства, силы, тѣхъ традицій, которыми силеиъ былъ западъ—и могучаго отпора они дать не могли, пока на московскомъ престолѣ не сѣлъ Іоаннъ III.

Женившись на Софии Палеолог — племяннице последнего императора Византии, Иоанн провозгласил себя царем и принял в герб своего царства двуглавого византийского орла. Он окружил Кремль новыми огромными стенами, башнями, срубленными. Могучие громадные соборы, словно по маговому волшебному жезлу, поднялись из земли. Из-за моря были выписаны немецкие пушкеры, уставившие орудия на бойницах, войско сильно вооружено. Иоанн сознавал свою силу — и перестал посылать обычную дань в орду.

Хан Ахмат прислал послать в Москву, — тех послать, — один вид которых в прежние время заставлял трепетать князей. Смело и гордо, с сознанием своей мощи, вступили они в Грановитую палату, неся с собой басму — изображение хапа, пред которым должны были преклониться князья, как перед самим Ахматом. Они потребовали с угрозами дани. Но Иоанн схватил басму, швырнул ее на пол, растоптал и приказал казнить послать, кроме одного, которому велел рассказать хану, что он сделал с басмою и послами. „Скажи ему, — заключил он свою речь — что если он не оставит Русь в покое, то и с ним будет тоже“.

Это был первый смелый шаг к свержению пта. Окончательно обезсилил татар впуск Иоанна III — Иоанн IV, завоевавший царство Астраханское и Казанское. Татары совсем отодвинулись к югу, перешли на Таврический полуостров и раскинули свои роскошные дворцы в прелестных долинах Судака. Там они, окончательно обезоруженные, жили до конца пропалаго столетия, пока завоевания императрицы Екатерины не положили предъла династии „тиреев“.

Мостовая пошлина.

(Рис. на стр. 537).

Прекрасная картина Бейшлага изображает грациозную сцену в парке на мосту; действующие лица в костюмах XVII в. Молодые люди повидному хорошо знают друг друга. Он так смело и свободно останавливался, заграждая ей дорогу и требуя мостовой пошлины за проход по мосту — поцелуй — а она с таким лукавым смущением опустила голову, несколько кажется не сердясь на остановку, что суровый мостовой страж конечно подучит тотчас пошлину без особого сопротивления да и сопротивление будет, повидному, несомненно искреннее.

На Спб. Морском канале.

(Рис. на стр. 540).

Прошло почти два года с тех пор как мы с Н. Н. Карзинным объехали кругом грандиозное сооружение Петербургского Морского Канала и тогда же („Нива 1880 № 33“) были помешены его прекрасные рисунки канала и подробное описание, с разъяснением значения и важности порта и всего сооружения. С тех пор предпринятие это приведено почти к окончанию, и уже производится разгрузка в отпуском Путиловском порте.

В ясное весеннее утро тронулись мы уже в вагон Путиловской железной дороги с Варшавской станции. Дорога, описывая большой полукруг идет со станции Пущино — с которой видны на противоположном берегу речки мрачная, закопченная полукруглая здания огромного Путиловского завода — с этой станции на Афтово и к порту. Поезд наш, состоявший всего из одного пассажирского вагона и ряда платформ, нагруженных бревнами и досками для производящихся в порте построек, потянулся, загибаясь на поворотах как огромный змей. В дали засияло море, стройные линии дамб, бѣлая здания складов порта и отдаленный лѣсок Канонерского острова. Склады деревянные, весьма внушительных размеров уже высятся по отбитым камнем, высоким дамбам пристани, их еще достраивают, слышен стук топоров многочисленных рабочих. Этот порт будет отпуском и временно сѣлант привозным до открытия порта Канонерского острова. Чтобы указать размеры для напомним только, что товаров грузится в Петербург каждый рабочий день болѣе 1½ миллиона пудов.

На пристани насъ приняли къ себѣ на пароходъ очень любезно служащие и мы съ ними имѣли возможность объѣхать всѣ пункты сооружения до конечнаго пункта дамбъ. И вотъ мы вышли въ синее море, въ жерло канала гдѣ уже видно оживленное движение, идутъ пароходы и баржи; вотъ черный пароходъ съ толпою рабочихъ, сѣщащихъ къ обѣду, одновременно съ нами вышли и мы къ служебнымъ строениямъ сѣверной дамбы, съ вышки которой открывается оригинальный и широкій видъ. Угломъ выдается дамба въ море, гдѣ черѣвуютъ вдали работающія муть-помпы, парусныя и паровыя суда а вдали на горизонтѣ чуть видными дымками намѣчается Кронштадтъ. Этотъ-то видъ и набросанъ такъ талантливо Н. Карзиннымъ и его читатели встрѣтятъ въ нынѣшнемъ №. На муть-помпахъ идутъ оживленныя работы по углубленію канала; черныя чудовища, пыхта и гремя своими могучими механизмами и размахивая громадными лапами, выхватываютъ со дна моря разомъ по 400 пудовъ нѣжной, мягкой, прекрасной глины и вываливаютъ эти глыбы въ большія шаланды, которыя мѣняются раза три

въ день, увоза каждаго по 30,000 пудовъ итого до 100,000 пуд. въ день! И всею этою силою управляетъ мастеръ, сидящій въ сквозной будѣ и нажимающій то ту, то другую подножку или рукоятку. Громъ, шумъ и стукъ этотъ въ теченіи цѣлаго дня надо привычку выносить. Работы начинаются съ 4 часовъ утра а когда сѣшлили, то шли день и ночь, съ перемѣнными рабочими и освѣщались электрическимъ свѣтомъ, что ночью среди моря очень эффектно. Къ зимѣ всѣ эти машины и пароходы уводятся въ Черную рѣчку. Гутуевскій портъ откроется не ранѣ будущей весны. Каналь съ двухъ сторонъ огражденъ дамбами, которыя тянутся въ морѣ отъ Невы на 9½ верстъ. Загѣмъ по длинѣ 17 верстъ до Кронштадта мѣсто оставляется открытымъ. На 5 верстъ изъ Невы каналъ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна, собственно каналъ, идетъ въ Неву къ Гутуевскому порту, еще неоконченному. Этотъ портъ строится на средства казны на земляхъ бывшихъ Бенардаки; на береговой сторонѣ входной гавани Гутуевского острова расположенъ глубокий бассейнъ, берега котораго поднимаются; строятся пакгаузы, береговые склады, прокладываются рельсовые пути. Тутъ будетъ портъ для всей ввозной торговли. Другая вѣтвь идетъ на югъ къ барочному каналу. На развѣтвленіи же двухъ направлений этихъ и устроены 16 футовый бассейнъ, который предполагается еще углубить, и портъ Путиловскаго общества, для вывозныхъ товаровъ, хлѣба и т. п. Железная дорога Путиловскаго общества соединяетъ портъ этотъ со всѣми желѣзными дорогами столицы. Кронштадтъ обрабатывается исключительно въ военный портъ и каналъ будетъ имѣть огромное значеніе для движенія товарныхъ грузовъ. Съ подробностями же, повторяемъ, читатели могутъ ознакомиться изъ обстоятельной статьи № 33 „Нивы“ 1880 года.

Идя назадъ къ городу, мы видѣли оживленныя морскія работы Канонерскаго острова; вонъ красивая браунвахта, домъ конторы, лѣса и строительные материалы, на этомъ мѣстѣ, которому предназначено быть такимъ важнымъ пунктомъ всей привозной торговли столицы Имперіи.

Первое кумысолечебное заведеніе на Волгѣ.

(Рис. на стр. 541).

Кумысъ съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ между кочевыми племенами Средней Азии. Кочевникъ пристрастился къ кумысу и напитокъ этотъ тамъ сталъ совершенно домашнимъ, обыкновеннымъ напиткомъ — его цѣлебныя, драгоцѣнныя свойства уже окончательно признаны наукой и леченіе имъ уже вошло во всеобщее употребленіе. Дѣйствіе кумыса на человѣческой организмъ часто бываетъ поразительно. Но обыкновенно приступаютъ къ итгью кумыса съ нѣкоторымъ къ нему отвращеніемъ, вслѣдствіе предубѣжденія, что вкусъ его будто бы противенъ и т. п. Но хорошо сѣланный, подѣ надлежащимъ наблюденіемъ, кумысъ — очень пріятный, вкусный напитокъ, къ которому скоро привыкають и убѣждаются, что итъ болѣе питательнаго вещества, которое дѣйствовало бы такъ укрѣпительно и благотворно на истощенный унорными болѣзнями организмъ. Благодаря нѣкоторымъ изъ своихъ составныхъ частей, кумысъ сперва производитъ легкое ослѣпленіе, затѣмъ дремоту и крѣпкій, освѣжающій сонъ. Большой замѣтно поправляется, всѣ его увеличивается, онъ толстѣетъ, на лицѣ появляется румянецъ и т. п., измѣняется и расположеніе духа. Самое разительное — дѣйствіе на очищеніе крови, на желудокъ, и при чахоткѣ. Теперь по Волгѣ, особенно около Самары, основано нѣсколько большихъ кумысолечебныхъ заведеній, изъ коихъ своимъ хоронимъ и удобнымъ устройствомъ отличается заведеніе доктора Постникова, видъ фасада курзала котораго помѣщенъ въ этомъ №. Лѣтомъ еще 1857 года докторъ Постниковъ, замѣтивъ удивительное дѣйствіе кумыса на чахоточныхъ, арендовалъ землю для устройства заведенія и для пастбищъ и основалъ первое кумысолечебное заведеніе въ 1858 году. Мѣстность гдѣ оно находится, въ 6 верстахъ отъ Самары, вверхъ по Волгѣ, въ 1 верстѣ отъ берега рѣки, холмиста и красива, покрыта чернолѣсьемъ, и около 35 саж. выше уровня Волги, что избавляетъ отъ опасности схватить лихорадку и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ сухость воздуха. Съ балкона прямо видъ на Волгу, съ ея пароходами и парусами, вправо — Жигулевы горы, лѣвѣе — сосѣднія дачи, городъ и монастырь, сзади безконечная степь. Самая обширная постройка — курзалъ. Тутъ большой залъ въ два свѣта, направо дверь въ кумысную, другая дверь въ общую гостиную, съ цвѣтами, роялемъ, журналами и газетами. Девять домовъ по сосѣдству съ курзаломъ для помѣщенія больныхъ съ платою отъ 10 до 60 р. въ мѣсяцъ. Нѣкоторые квартиры — совершенно отдѣльныя дачи со всѣми принадлежностями. Въ 12 верстахъ отъ этого мѣста есть еще такъ наз. „Дальній кумысъ“ въ живописной и красивой мѣстности, окруженной лѣсными холмами, гдѣ устроено отдѣленіе для больныхъ, нуждающихся въ большемъ спокойствіи и уединеніи или желающихъ лечиться за дешѣвѣйшую цѣну. Лечебный сезонъ продолжается съ 1-го мая по 1-е сентября.

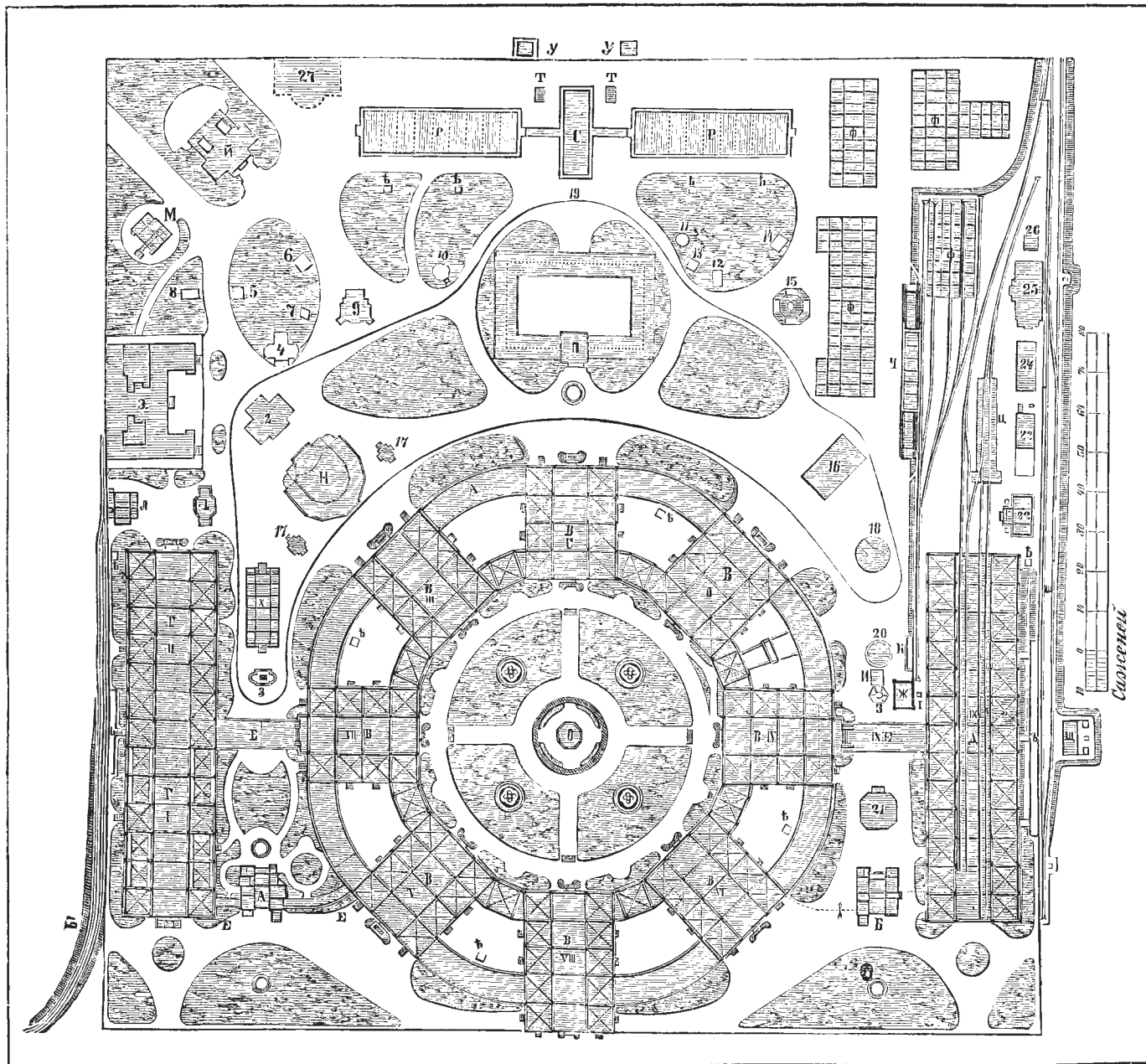
Кромѣ заведенія доктора Постникова, есть близъ Самары и другія такія заведенія напр. Чембулатова и друг. болѣе или менѣе подходящія или уступающія типу описаннаго нами заведенія для леченія этимъ въ высшей степени полезнымъ пить-

ПЛАНЪ

Всероссійской Художественно-Промышленной Выставки въ Москвѣ

1882 года.

- А. Павильонъ ЕГО ИМПЕРАТОРСК. ВЕЛИЧЕСТВА.
- Б. Павильонъ экспертовъ.
- В. Центральное зданіе выставки.
- Г. Павильонъ Художественнаго и Учебнаго отдѣловъ.
- Д. Павильонъ Машиннаго отдѣла.
- Е. Соединительная галлерей.
- Ж. Помѣщеніе пароваго котла.
- З. Водонапорная башня.
- И. Насосъ съ навѣсомъ.
- Г. Дымовая труба.
- К. Складъ для топлива.
- Л. Домъ Администраціи.
- М. Полицейская станція.
- Н. Музыкальная зала.
- О. Павильонъ для музыки.
- П. Зданіе для выставки Садоводства.
- Р. Зданіе для выставки животныхъ.
- С. Манежъ.
- Т. Ледники.
- У. Сѣновалы.
- Ф. Дополнительныя зданія для машинъ.
- Х. Дополнительн. зданіе для кустарн. промышленности.
- Ц. Навѣсъ для выставочныхъ вагоновъ.
- Ч. Крытая платформа для разгрузки товаровъ.
- Ш. Паровая желѣзная дорога.
- Щ. Желѣзно-дорожная пассажирская станція.
- Ъ. Пассажирскій перронъ паровой желѣзной дороги.
- Ы. Конно-желѣзная дорога.
- Ь. Платформа конно-желѣзной дороги.
- Ъ. Батеръ-кловезы.

- Э. Ресторанъ Лопашева.
- Л. Трактиръ Лопашева.

1. Зданіе Общества Краснаго Креста.
2. Зданіе общества спасенія на водахъ.
3. Выставка Гусарена.
4. Павильонъ Алексѣева.
5. " Богданова.
6. " Любовина.
7. " Брокера.
8. " Фармацевтическое общество.
9. Павильонъ Абрикосова синовъ
10. Павильонъ Рагозина.
11. Колокола Оловянищникова.
12. " Финляндскаго.
13. " Самгина.
14. Павильонъ Компаніони.
15. " Лангва.
16. " Варшавскаго металлическаго завода Дильполь-Рау и Лененштейнъ.
17. Павильонъ цементнаго завода Портъ-Кунда.
18. " механичск. завода Сименса и Гальске.
19. Электрическая дорога Сименса и Гальске.
20. Мѣсто испытанія пожарныхъ трубъ.
21. Зданіе военнаго вѣдомства.
22. Павильонъ С.-Петербургскаго металлическаго завода.
23. Лѣсопиельня Финляндскаго княжества.
24. Мельница Доброва и Наболюць.

- 25. Павильонъ Русско - Балтійскаго вагоннаго завода.
- 26. Колокола Рыжова.
- 27. Чельникъ Вольнаго Экономическаго Общества.

РАЗМѢЩЕНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ВЪ ГЛАВНЫХЪ ЗДАНІЯХЪ ВЫСТАВКИ.

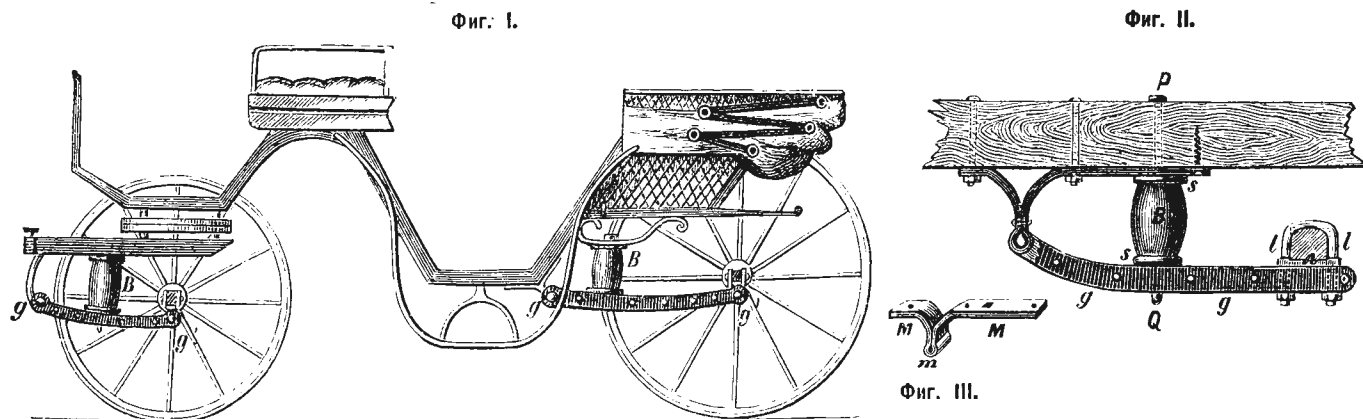
- I. Художественный отдѣлъ.
- II. Научно-Учебный отдѣлъ.
- III. Сельско-хозяйственный отдѣлъ.
- IV. Горный Отдѣлъ.
- V. Мануфактурный отдѣлъ.
- VI. Издѣлія изъ металловъ.
- VII. Произведенія заводской обработки.
- VIII. Фабричныя и ремесленныя издѣлія.
- IX. Машинный и инженерный отдѣлы.
- А. Кустарный отдѣлъ.
- Б. Выставка произведеній Кавказа и Туркестана.
- С. Выставка произведеній Финляндіи.
- Д. Выставка произведеній Привислянскихъ губ.

емь, слава которого растет. До устройства этого первого заведения, на кумысъ ѣздили большие къ башкирамъ на кочевки, гдѣ лишеныя всѣхъ удобствъ, которыми теперь такъ избалованъ современный туристъ, жили просто въ войлочныхъ палаткахъ. Теперь о такомъ первобытномъ леченіи исчезло кажется самое воспоминаніе. Разумѣется при своихъ планахъ леченія больные руководствуются соображеніемъ попасть въ такое заведеніе, въ которомъ было бы строгое и компетентное наблюденіе за леченіемъ и приготовленіемъ кумыса опытнаго врача.

Москов. Выставка. Каучуковые рессоры.

Въ галереѣ экипажей на московской промышленной выставкѣ обращаетъ на себя вниманіе публики чрезвычайно легкой и красивый деревенскій шарабанъ, выставленный А. П. Энгельгардъ-

задній конецъ рычага, а этотъ послѣдній, вращаясь около шарнирнаго болта *g*, сжимаетъ буферъ *B*; точка *g*, принадлежащая кузову, какъ центръ вращенія, остается неподвижною, а слѣдовательно и кузовъ остается неподвижнымъ, т. е. толчка не получаетъ. На фиг. I представленъ экипажъ, поставленный на каучуковыя рессоры; на фиг. II изображенъ общій видъ собранной рессоры съ рычагомъ и осью; на фиг. III отдѣльный видъ шарнирной скобы, загнутой изъ простаго полосоваго желѣза. Три такихъ скобы прикручиваются къ кузову рядомъ (двѣ по краямъ, третья посерединѣ) такъ, чтобы всѣ три шарнирныя отверстія *m* находились на одной прямой линіи. Рычагъ состоитъ изъ трехъ частей: двухъ щекъ *gg* (фиг. II) сдѣланныхъ изъ двухъ кусковъ полосоваго желѣза и деревянной подкладки, проложенной между ними. Передніе концы щекъ загнуты немного кверху; всѣ три части склепаны между собою длинными

томъ. Шарабанъ этотъ сдѣланъ изъ угловаго желѣза, матеріала весьма прочнаго и вездѣ легко находимаго въ продажѣ и поставленъ на каучуковыя рессоры системы Энгельгардта. Оригинальность самой системы и примѣненіе каучука выдѣляютъ этотъ экипажъ изъ ряда обыкновенныхъ каретъ и колясокъ, а простота конструкціи такова, что у самаго изобрѣтателя уже давно имѣется въ употребленіи коляска сдѣланная простымъ деревенскимъ кузнецомъ только изъ угловаго желѣза, имѣя каучуковыя рессоры.

Настоящее изобрѣтеніе представляетъ множество преимуществъ. Назначеніе всякой рессоры заключается въ смягченіи толчковъ, получаемыхъ экипажемъ во время движенія. Толчки передаются колесами осей, а эта послѣдняя передаетъ ихъ кузову, посредствомъ рессоръ, которыя, сжимаясь, принимаютъ большую часть удара на себя. Обыкновенныя рессоры прекрасно выполняютъ это назначеніе; но, будучи сдѣланы изъ стали, матеріала весьма капризнаго, непрочны и на дурныхъ дорогахъ часто ломаются. Этотъ недостатокъ стальныхъ рессоръ особенно ощутителенъ въ деревняхъ, гдѣ чинить ихъ очень трудно, а иногда и невозможно.

Каучуковыя рессоры имѣютъ передъ стальными то громадное преимущество, что сломать ихъ невозможно; ихъ можно испортить нарочно, можно рѣзать, жечь и т. п. но *невозможно испортить нельзя.*

Кромѣ этого главнаго преимущества, каучуковыя рессоры представляютъ еще слѣдующія выгоды:

1) Постановка ихъ можетъ быть сдѣлана каждымъ простымъ деревенскимъ кузнецомъ.

2) Замята одной рессоры другою можетъ быть сдѣлана кучеромъ.

3) Самыя рессоры гораздо легче и дешевле стальныхъ.

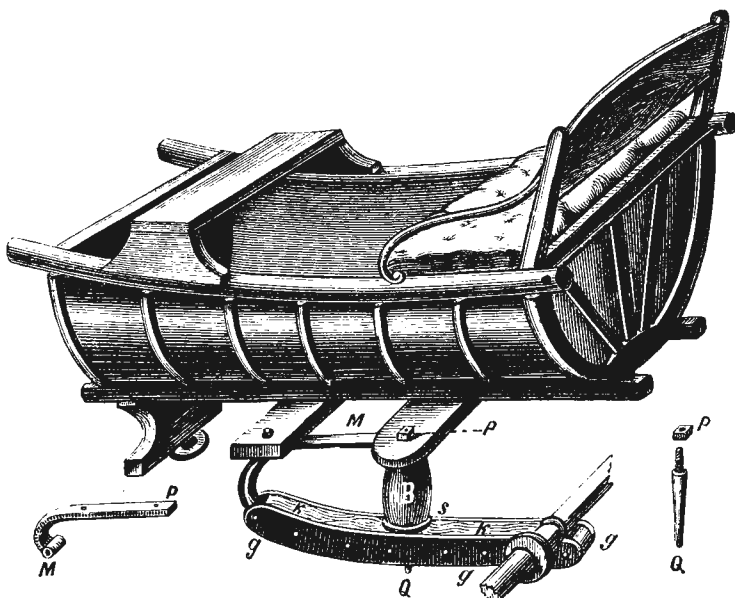
Устройство каучуковыхъ рессоръ очень просто: къ кузову прикрѣпляется на шарнирѣ *g* рычагъ *gg*, который однимъ концемъ скрѣпленъ (шарниромъ) съ кузовомъ, другимъ—съ осью. Между рычагомъ и кузовомъ помѣщается каучуковый буферъ *B*, (фиг. I) который и служитъ упрягою подкладкою между осью и кузовомъ. При толчкахъ, колесо, подпрыгивая, подбрасываетъ вверхъ ось, которая, въ свою очередь поднимаетъ

заклепками. Между выступающими передними концами *gg* (фиг. II) помѣщается продольная *m* (фиг. III) шарнирной скобы *M*, а въ отверстія щекъ *g* и продольную *m* проходитъ шарнирный болтъ. Въ деревянной подкладкѣ просверливается сквозное отверстіе для буфернаго болта *PQ*. Буферъ состоитъ изъ каучуковаго цилиндра *B* (фиг. I, II, IV) и двухъ круглыхъ чугунныхъ шайбъ *S* и *S'*; нижняя шайба *S'* имѣетъ внизу четырех-гранный приливъ (фиг. II) которымъ она врызана въ прокладку рычага.

Скрѣпленіе рычага съ осью дѣлается посредствомъ обоймы *ll*, которая обхватываетъ ось и притягиваетъ ее къ рычагу гайками. Между осью и рычагами прокладывается каучуковая прокладка *l*. Для простыхъ деревенскихъ телѣжекъ, вмѣсто шарнирныхъ скобъ *MM* (фиг. III) удобно отковывать дугообразныя оковки *MP*, какъ это представлено на фиг. IV. Въ простыхъ телѣгахъ подпрессоривается только задній ходъ. Приспособленіе это ясно представлено на фиг. IV.

Изобрѣтатель каучуковыхъ рессоръ въ Россіи, помѣщикъ Могилевской губерніи Александръ Петровичъ Энгельгардтъ. Выписывать рессоры и узнавать всѣ подробности можно: въ Петербургѣ, въ конторѣ Ф. П. Сазонова, Фонтанка, на углу Гороховой, № 67.

Фиг. IV.

Планъ всероссійской выставки.

(Рис. на стр. 545).

Начиная рядъ рисунковъ и сообщеній съ Московской выставки, прежде всего мы прилагаемъ планъ ея, по которому можно ясно видѣть расположеніе и устройство ея группъ и отдѣловъ.

Съ 21 мая, послѣ торжественнаго открытія выставки Е. В. Вел. Кн. Владиміромъ Александровичемъ, двери ея открылись для публики, которая и наполняетъ отдѣлы и навѣлоны. Публики и на первый разъ собралось много. Въ кассу поступило всего 3,254 руб. (на 2-й день 2,814, а на третій 6,188 руб., что для праздника тоже очень не много). Въ Воскресенье, 23 мая, по значительному наплыву посѣтителей, выставка уже представлялась достойно своихъ грандіозныхъ размѣровъ. Слѣдуетъ оговориться, что въ три предшествующіе дня, въ моментъ открытія выставки, въ павильонахъ было оwohl о пресорно, хотя число посѣтителей достигало около 3,000. Прошло чрезъ турникеты, частію по особымъ входнымъ билетамъ, во-

обще, посѣтителей, оплатъ вѣхъ свой входъ рублемъ, около 70 000. Если къ этой цифрѣ прибавить болѣе 2,000 лицъ, снабженныхъ билетами на второй концертъ музыкальнаго Общества, состоявшійся въ концертномъ павильонѣ выст. вки, подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна, и осожденныхъ отъ особой входной платы на выставку, а также принять во вниманіе массу экспонентовъ, обладающихъ постоянными билетами то въ результатѣ получится до 12,000. Какое же впечатлѣніе произведетъ эта въ полномъ смыслѣ слова *всероссійская* выставка? Достаточно даже бѣлаго обзора, чтобы почувствовать, что выставка удалась вполне. Удача чувствуется во всемъ—въ одобреніи посѣтителей, въ довольствѣ выставщиковъ (какъ уже начали въ Москвѣ порусски называть экспонентовъ), въ самомъ убранствѣ и нарядности выставки. Осужденій вы почти вовсе не услышите.

Несомнѣнно, что такой выставки еще не было въ Россіи. Политехническая 1872 года передъ настоящей кажется весьма незначительной. О ней вспоминаютъ только, чтобы указать на важность нивѣшней. Въ десять лѣтъ много воды утекло, но не даромъ—образовалась уже могучая рабочая сила. Уже самый размѣръ выставки, пространство ею занимаемое, ея зданія, все производятъ самое внушительное впечатлѣніе. Въ два часа даже слышно не обойти и половины выставки.

Какъ по величинѣ построекъ, такъ и по количеству экспонентовъ и цѣнности выставленныхъ предметовъ это первая въ свѣтѣ между мѣстныхъ народныхъ выставками. По обширности занимаемаго мѣста она болѣе первой Парижской Всемирной и только на четверть меньше послѣдней парижской. Не смотря на такую обширность она не въ состояніи вмѣстить всѣхъ экспонентовъ, подавшихъ заявленія. Мѣсто выставки почти квадратная площадь въ 50000 слѣшкомъ кв. саж. Окружность почти 1½ версты. Фасады главныхъ зданій, какъ видно на планѣ, обращены къ Петровскому парку. Главное центральное зданіе имѣетъ видъ правильнаго многоугольника и занимаетъ 12000 кв. саж. Площадь внутри кольца зданія представляетъ садъ, въ центрѣ его громадный аквариумъ. Въ передней части этаго зданія отдѣлы фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій; въ правую сторону—металлы, далѣе горный отдѣлъ, заводской промышленности и мап. фактурной. Съ центральнымъ зданіемъ, какъ видно на планѣ, галлереями соединяются: павильонъ Его Величества, зданіе художе твеннаго и научно-учебнаго отдѣловъ, находящееся я выравно (88 саж. дл. и 25 шир.) и слѣва такое же помѣщеніе для машиннаго и инженернаго отдѣловъ. Все остальное пространство также застроено различными зданіями и навильонами, которыя всѣ обозначены на планѣ и о которыхъ мы будемъ постепенно давать болѣе подробныя свѣденія.

Нельзя не удивиться множеству прекрасныхъ и изящныхъ предметовъ, обширности и важности многихъ произведенийъ и тому что у насъ появляются уже такіа издѣлія, о которыхъ прежде не было и слуху. Помимо значенія выставки въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, конкуренція и стараніе выставить въ е лучшее поведетъ къ высокому улучшенію и

удешевленію производства, кромѣ того развивается общественный вкусъ. Послѣ каждой выставки покупатель и потребитель становятся разборчивѣе и требовательнѣе что раньше сходило съ рукъ—будетъ оставаться уже на рукахъ. Развивая требовательность покупателя выставка двигаетъ промышленность, не даетъ ей застаиваться на мѣстѣ. Вотъ почему тѣ громадныя суммы, которыя требуются на устройство выставокъ нельзя назвать непроизводительными затратами или напрасно употребленными деньгами. Первая группа, чисто художественная, прекрасно размѣщенная и освѣщенная, благодаря распорядительности и умѣнью М. П. Боткина, производитъ невольное впечатлѣніе количествомъ и разнообразіемъ произведеній русской живописи, около 140 нумеровъ разныхъ болѣе или менѣе уже извѣстныхъ картинъ нашихъ болѣе талантливыхъ художниковъ. Здѣсь есть много произведеній, копій которыхъ уже помѣщались въ „Нивѣ“, и они уже знакомы нашимъ многочисленнымъ читателямъ. Поименуемъ пѣкоторыя изъ помѣщавшихся у насъ копій: *Е. Е. Маковского* „Масляница“ (1870 № 13). *В. Е. Маковского* „Псаломъѣвцы“ (1871 № 11). *Ю. Ю. Клевера* „Первый свѣтъ“ (1880 № 39). „Зимній вечеръ“ (1882 № 8). „Островъ Наргенъ“ (1880 № 15) *Р. Г. Судковскаго* „Буря“ (1882 № 8) Новосольцева „Дмитрій Донской“ (1882 № 4) *Е. Б. Венига* „Лжедмитрій“ (1880 № 17) *Г. Семарскаго* „Грѣшница“ (1874 № 15) *В. П. Верещагина* „Цѣль заключеннаго“ (1879 № 17) „Крещеніе св. Владиміра“ (1881 № 43) „Водвореніе Христіанства въ Кіевѣ“ (1881 № 25) *Н. Н. Ге* „Тайная вечеря“ (1881 № 14). *Н. Мясодова* „Лжедмитрій на литовскій границѣ“ (1882 № 47) *А. Д. Кившенко* „На морскомъ берегу въ Нормандіи“ (1882 № 15) „Военный свѣтъ въ Филлахъ въ 1812 г.“ (1882 № 1) *А. И. Корзухина* „Въ монастырской гостиницѣ“ (1882 № 21) и будтѣ помѣщены его же „Сцена изъ стрѣльческаго бунта“ и „Привалъ охотниковъ въ лѣсу“ *В. Д. Орловскаго*.

Во II, научно-учебномъ отдѣлѣ, находящемся въ распоряженіи нашего извѣстнаго писателя и знатога искусства Д. В. Григоревича, обращаютъ на себя невольное вниманіе работы учениковъ рисовальныхъ техническихъ и ремесленныхъ школъ. Большинство—учрежденія недавнія, молодыя, и значительные успѣхи ихъ не могутъ не радовать каждаго русскаго посѣтителя выставки. Желательное развитіе подобныхъ училищъ должно, кажется, состоять въ томъ чтобы они соответствовали именно насущнымъ потребностямъ русской промышленности и чтобы отвѣчали потребностямъ мѣстнымъ.

Повторяемъ, общее впечатлѣніе выставки—наилучшее, грандіозное впечатлѣніе. Кромѣ изящества и богатства вѣншей отдѣлки невольное на каждомъ шагѣ останавливаетъ вниманіе и замѣчательное совершенство техники и удовлетвореніе требованій современности и вкуса; съ разными отдѣльными производствами и болѣе выдающимися предметами Выставки мы и будемъ знакомить нашихъ читателей въ рядѣ рисунковъ и описаній нашихъ спеціальныхъ художниковъ и корреспондентовъ.

Воспитатель принца.

Въ книгѣ Виланда „Золотое зеркало“, отразившей въ себѣ возрѣнія мыслящихъ людей прошлаго столѣтія и имѣвшей въ свое время болѣе значеніе, есть много прекрасныхъ и глубокихъ мыслей. Приведемъ, какъ примѣръ, его сужденія „О воспитаніи и школѣ“.

„Ни самые совершенные законы, говоритъ авторъ, ни высокая истины религіи, ни цвѣтущее состояніе наукъ и искусствъ не могутъ способствовать правильному ходу жизни въ странѣ, разъ если пренебреженъ вопросъ о воспитаніи юношества. Никакая юриспруденція не сдѣлаетъ адвоката честнымъ, судью неподкупнымъ; никакія усилія не могутъ развить истинной религіозности; прекраснѣйшія полицейскія правила и мѣры окажутся неэффективными, если гражданину чужды понятія о любви къ отечеству, къ порядку, о воздержаніи, о честности и открытомъ образѣ дѣйствій; самые мудрые государственные законы не защитятъ порядка и стройности жизни среди слабохарактерныхъ и распушенныхъ людей. Когда-же и приступатъ къ образованію юношества какъ не въ такіе годы, когда душа такъ восприимчива ко всему и когда она такъ опасно и нерѣшительно колеблется между добродѣтелью и порокомъ? Душа въ эти годы также легко наполняется благородными помыслами, привыкаетъ къ твердымъ правиламъ и укрѣпляется въ добродѣтели какъ и предоставленная чувственнымъ стремленіямъ и страстямъ и соблазнительному примѣру, легко принимаетъ несчастныя привычки легкомыслія и порока. Благосостояніе государства, счастье народа зависятъ отъ его нравовъ. Законодательство, религія, полиція, науки, искусства могутъ уважать всѣ проявленія жизни и служить имъ защитой; но коль скоро въ основаніи испорчено воспитаніе и нравы, всѣ эти столбы жизни перестаютъ быть устойчивыми; потокъ распушенности прорываешь эти плотины, обезсиливаетъ законы; обезображиваетъ религію, парализуетъ развитіе каждой полезной науки и дѣлаетъ искусства рабами легкомыслія и разврата. Только строгое воспитаніе, одно, создаетъ нравы; при помощи его развивается стрем-

леніе къ изящному, привычка къ порядку. Нравственность должна развить любовь къ отечеству, національную гордость, прервеніе къ слабости, ко всему неестественному, любовь къ чистой простотѣ, всегда соединяющейся съ другими общественными и гражданскими добродѣтелями и овладѣвающей сердцемъ воспитаннаго юноши. Мужчины должны стать мужчинами, женщины женщинами, каждый отдѣльный классъ каждая группа государства должны быть тѣмъ, чѣмъ предназначены быть. Воспитаніе, это важнѣйшее и существеннѣйшее дѣло государства, достоинѣйшая и неотложная забота правителя! Все остальное легко достижимо, разъ общественное воспитаніе достигло высокой степени совершенства. Законы исполняются строго; религія, во всей величавой простотѣ, остается основой добродѣтели, науки станутъ неизсякаемымъ источникомъ дѣйствительныхъ пріобрѣтеній въ обыденной жизни. Искусства украсятъ жизнь, облагородятъ чувства; каждый гражданинъ украситъ вѣренъ своему назначенію; общія энергія въ связи съ умѣренностью жизни придастъ спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ. Съ того момента, какъ станутъ небрежно относиться къ мѣропріятіямъ, обуславливающимъ правильное воспитаніе, незамѣтнымъ образомъ приходятъ въ беспорядокъ и всѣ остальные отправления государственной жизни; упадокъ воспитанія влечетъ за собою деморализацію.

Если во время не открыть источника этого зла и не уничтожить его, неминуемо должны послѣдовать болѣшія усложненія и бѣды для страны“.

Эта именно книга—и именно это выписанное мѣсто книги были поводомъ для приглашенія автора ея стать воспитателемъ двухъ принцевъ. Виландъ—авторъ книги и мудрая герцогиня Анна Саксен-Веймарская оцѣнила его по достоинству и назначила Виланда воспитателемъ своихъ сыновей, однимъ изъ которыхъ былъ принцъ Карль-Августъ. Это было въ 1772 году и принцъ, впоследствии герцогъ, былъ знаменитый другъ геніальнаго Вольфганга Гёте.

Политическое обозрѣніе.

Алеко-Паша и Порты.—Египетскій вопросъ.—Князь Бисмаркъ.—Смерть Гарибальди.

У Порты никакъ, повидимому, не ладится отношенія съ Алеко-Пашей; недавно между ними пробѣжала кошка. Дѣло въ томъ, что на неоднократныя просьбы князя Вогоридеса о дозволеніи ему посѣтить Европу Порты отвѣчала ему отказомъ, разрѣшивъ ему только поѣздку въ Константинополь; на это генералъ-губернаторъ Восточной Румелии отвѣчалъ, что для пріѣзда въ Константинополь онъ въ предварительномъ разрѣшеніи Порты вовсе не нуждается, что для этого ему надо только увѣдомить Порту и что состояніе его здоровья требуетъ поѣздки въ Европу. Согласно органическому уставу генералъ-губернаторъ можетъ быть смѣщенъ въ случаѣ оставленія имъ своего поста безъ разрѣшенія Порты, но увѣряютъ, что не смотря на это, Алеко-Паша желаетъ выполнить свое намѣреніе. Впрочемъ, въ настоящее время, въ Турціи какъ и вообще въ Европѣ, на первомъ планѣ—египетскій вопросъ; Англія и Франція предложили Портѣ и великимъ державамъ, заинтересованнымъ прямо или косвенно, созвать въ Константинополь конференцію посланниковъ, причѣмъ предложенія, которыя будутъ разсматриваться на этой конференціи, сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ: обезпеченіе верховныхъ правъ султана и хедива, охраненіе вольностей, дарованныхъ турецкимъ фирманомъ и разъясненіе и развитіе инструкцій касательно Египта. Почти всѣ державы уже согласились, но Порты еще не изъявила своего согласія и поторонилась (какъ мы уже сообщали читателямъ) послать въ Египетъ двухъ комиссаровъ для улаженія тамъ всѣхъ затрудненій, командированы Дервишъ-Паша и Лебибъ-бей, вслѣдствіе чего турецкое правительство и отвѣтило, что не находитъ необходимости въ конференціи, если комиссары выполнятъ свое порученіе. Однако, въ принципѣ Турція не отвергаетъ европейскаго совѣщанія и, даже, говорятъ, будто у султана приготовленъ какой-то планъ; Абдуль-Гамидъ убѣжденъ, что какое-бы соглашеніе ни состоялось, оно состоится отъ его имени и въ рѣшительную минуту онъ намѣренъ выступить на сцену и возвратитъ халифату его прежнее обаяніе. Какъ это онъ сдѣлаетъ—то его секретъ, котораго уже, конечно, никто не проникнетъ. А между тѣмъ, у Александріи собралось уже 12 англійскихъ и французскихъ броненосцевъ, но громъ того, Франція и Англія готовятъ на островѣ Критѣ, въ Судской бухтѣ еще новый отрядъ судовъ; въ бухтѣ этой сосредоточено теперь 10 судовъ; Греція и Италія тоже посылаютъ свои корабли. Что касается Тенфика-Паши, то его положеніе не поколеблено въ Константинополь пока; а каково оно въ Каирѣ—трудно сказать съ опредѣлительностью: Араби-Паша, вліяніе котораго, повидимому, довольно сильно, колеблетъ его власть,—но, зато, вожды бедуиновъ недавно явились и выразили ему свою преданность, заявивъ, однако, при этомъ, свое неудовольствіе по поводу европейскаго вмѣшательства. О положеніи въ Каирѣ мы находимъ нѣкоторыя подробности въ интересной корреспонденціи, полученной одною изъ нашихъ газетъ: „Въ Европѣ, говоритъ корреспондентъ, повидимому считаютъ положеніе европейцевъ

въ Каирѣ отчаяннымъ,—все это преувеличенно, несомнѣнно что дѣла идутъ аномально, но опасности никакой нѣтъ. Англія играетъ здѣсь двойную игру и сама не прочь возбудить волненія (не найдется-ли въ этомъ объясненіе всему), чтобы имѣть возможность занять страну. Англичанъ ненавидятъ въ Каирѣ, по словамъ того-же корреспондента, такъ какъ разные англійскіе выходцы мазолятъ глаза египтянамъ, распорядясь дѣлами и наживаясь огромными окладами, достоящимися имъ безъ особаго труда. Несмотря на напряженное состояніе въ странѣ, хедивъ, министры и весь каирскій beau-monde катаются совершенно спокойно въ Шубрѣ—широкой аллеѣ за городомъ, ведущей къ Пилу. На дняхъ катался тамъ и Араби-Паша въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ 4-хъ коляскахъ. На другой день корреспондентъ познакомился съ Араби-Пашей. Онъ производитъ сильное впечатлѣніе; это высокій, плотный мужчина арабскаго типа съ усами, но безъ бороны; лицо его не красиво, но весьма выразительно; умный и энергичскій взглядъ говоритъ о твердой волѣ, но въ его лицѣ есть что-то звѣрско; президентъ совѣта министровъ, Махмудъ Буруди гораздо симпатичнѣе; Араби не го орнитъ ни слова по французски и съ нимъ немисливо объясняться безъ переводчика.

Какъ еще не такъ давно все валили на Наполеона III, такъ теперь и ичи а всего—Бисмаркъ; многие увѣрены совершенно, что онъ и въ египетскомъ вой осѣ тоже играетъ значительную роль. Пока эта роль еще не опредѣлилась, сообщимъ читателю, что князь пригласенъ быть однимъ изъ воспріемниковъ, при крещеніи ново ожденнаго сына принца Вильгельма; это—великое отличіе, такъ какъ согласно прусскому этикету воспріемниками при крещеніи королевскихъ принцевъ служили до сихъ поръ только особы, принадлежащія къ царственнымъ домамъ; само собою ясно, что эта честь оказывается великимъ заслугамъ, оказаннымъ канцлеромъ Германской имперіи. Братъ императора, принцъ Карлъ уналь въ Касселѣ съ лошади и сломалъ себѣ ногу; состояніе его здоровья внушаетъ опасенія.

Въ Австро-Венгріи на мѣсто Слави, министромъ финансовъ назъ аченъ состоявшій въ томъ министерствѣ Каллай.

Италія въ траурѣ. Гари альди умеръ; его смерть была и ожидавно тью; въ засѣданіи палаты депутатовъ 21 мая, т. е. въ день его кончины, министръ-президентъ Депретисъ заявилъ, что Гарибальди заболѣлъ бронхитомъ, но, что опасности не предвидится, нѣсколько часовъ спустя, пришло извѣстіе о кончинѣ народнаго героя, одного изъ тѣхъ основателей, такъ сказать, италіанскаго единства (т. е. Виктора-Эммануила, Кавура и Гарибальди). Почти во всѣхъ городахъ въ тотъ день были закрыты магазины и лавки.

Въ Испаніи, около Барселоны, появилось нѣ котко вооруженныхъ инс ргентскихъ ба дъ и замѣтна а италія в мѣстностяхъ, преданныхъ Донъ-Карлосу, войска посланы за инсургентами, и уже успѣли захватить въ плѣнъ многихъ изъ нихъ.

Библиографія.

Сочиненія С. М. Соловьева. Спб. 1882. Большой томъ, съ портретомъ автора и снимкомъ почерка. Ц. 3 р. Въ концѣ этой книги приложенъ списокъ сочиненій нашего знаменитаго историка,—и нельзя не подивиться сколько имъ помѣщено статей въ разныхъ газетахъ за сорокъ лѣтъ его дѣятельности, статей самаго серьезнаго значенія. Въ списокѣ около 140 названій; и это писалось, не прерывая его гигантскаго труда—29 томовъ исторіи. Настоящій томъ имѣетъ особый интересъ, такъ какъ здѣсь собраны всѣ тѣ сочиненія покойнаго историка, въ которыхъ выражаются его основныя взгляды и выводы. Въ особенности замѣчательны по законченности и блестящему изложенію „Чтенія о Петрѣ Великомъ“, сообщавшіяся покойнымъ историкомъ публично въ Москвѣ передъ 200-лѣтнимъ юбилеемъ великаго преобразователя. Изъ другихъ, здѣсь помѣщенныхъ изслѣдованій и статей, обращаетъ на себя вниманіе „Начала русской земли“, „Древняя Россія“, „Восточный вопросъ“, „Историческія письма“ и друг.

Полный карманный путеводитель (съ росписаніемъ мѣстнаго движенія) Спб. 1882. Вотъ чрезвычайно удобная по формату для путешественниковъ, очень дешевая (40 к.) изданіе изданная и тщательно и полно составленная книжка. Здѣсь свѣдѣнія о всѣхъ желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и прямыхъ почтовыхъ сообщеніяхъ въ Россіи и за границею. Тутъ есть и подробныя росписанія 1200 маршрутовъ прамого сообщенія и не дурно отпечатанная подробная карта.

Искусство Средней Азии. Сост. Н. Е. Сумяковъ. Спб. тетр. II. Мы уже говорили объ томъ небывало великолѣпномъ изданіи Общества Поощренія художествъ. Теперь вышла II тетрадь прекраснаго изанія.

О тульскомъ мечѣ и стальной блохѣ. Разсказъ Н. С. Лыскова. Спб. 1882. Извѣстная легенда о стальной блохѣ „специально оружейничья“ разработана авторомъ съ свойственнымъ ему талантомъ и остроуміемъ. Многие эпизоды этой легенды, изображающей борьбу нашихъ мастеровъ ружейнаго дѣла съ англійскими, изъ которой борьбы наши выходятъ побѣдоносно, разсказаны очень живо и весело и замѣчательно оригинально, хотя нѣкоторая, быть можетъ излишняя, вычурность языка мѣстами нѣсколько вредитъ цѣльности впечатлѣнія.

Спутникъ по главнымъ городамъ Россіи. Спб. 1882. Теперь путешествіе по Россіи стало не такою рѣдкостью какъ прежде и многіе предпочитаютъ поѣздки напр. по Волгѣ заграничнымъ путешествіямъ. Очень естественно это должно было вызвать необходимость изданія путеводителей, столь разнообразныхъ и многочисленныхъ за границей и имѣющихъ огромную извѣстность какъ путеводитель напр. Бедекера. Настоящее изданіе удовлетворяетъ въ значительной мѣрѣ этой цѣли. Здѣсь въ каждомъ большомъ городѣ указаны лучшія гостиницы, достопримѣчательности, мѣстныя періодическія изданія, указаны мѣстности извѣстныя здоровымъ климатомъ, цѣлительными водами, кумысомъ и т. п. Тутъ же приложена прекрасная карта желѣзныхъ дорогъ. Туристу очень будетъ полезно запастись такою книгой.

О дѣйстви массажа. Д-ра Заблудовскаго. Спб. 1882. Массажъ (арабск. ваять, мѣсить) механическое дѣйствіе, состоящее въ растираніи, разминаніи руками частей тѣла, чтобы возбудить жизнедѣятельность кожи, кровообращеніе и т. п. что нескон практикуется въ баняхъ восточныхъ и нашихъ и огромную пользу массажа авторъ доказываетъ весьма убѣдительно.

С М Ъ С Ъ.

Русскій огнетушитель Бургардтъ и Урлаубъ. Вслѣдствіе бывающихъ у насъ въ Россіи частыхъ пожаровъ, происходящихъ болѣею частью отъ самыхъ незначительныхъ причинъ, — дешевый, общедоступный пожарный аппаратъ, соединяющій въ себѣ простоту, легкость дѣйствія и удобство переноски, особенно нуженъ и будетъ встрѣченъ съ удовольствіемъ всѣми, въ особенности же земскими учреждениями, домовладѣльцами и помѣщиками. „Русскій Огнетушитель“, Урлауба и Бургарда удовлетворяетъ этимъ условіямъ и предлагается по весьма умѣренной цѣнѣ т. е. 18 рублей.

Огнетушитель этотъ — насосъ двойнаго дѣйствія съ воздушнымъ клапаномъ, укрѣпленнымъ въ жестяномъ сосудѣ, въ который и наливается вода. Одною рукою приводится въ дѣйствіе поршень, другою же направляютъ черезъ мундштукъ струю воды въ желаемое мѣсто. Въ дѣйствіи онъ до того легокъ, что даже 8-ми лѣтній мальчикъ можетъ свободно, въ случаѣ надобности, управлять имъ. Въ огнетушительѣ должна постоянно быть вода и тогда его можно хранить въ домахъ, въ жилой комнатѣ, конюшнѣ, сараѣ, амбарѣ, на чердакѣ, а также на пароходахъ, въ вагонахъ жел. дорогъ и тому под. Рисунокъ дѣйствія его мы помѣщаемъ на этой страницѣ.

Практическая химія. Значеніе химіи, ея сущность и понятіе о ней выражаются двумя словами: анализъ и синтезъ. Первое

искусственные продукты не только равняются естественнымъ, но даже превосходятъ ихъ болѣею концентраціей, силой и соразмѣрностью дѣйствія. Химическій синтезъ не составляетъ ни поддѣлки, ни подражанія, но есть дѣйствительное воспроизведеніе матеріи. Но синтетическій процессъ требуетъ такихъ затратъ, что только немногія тѣла, составленныя путемъ синтеза, могутъ соперничать съ продуктами естественными. Гдѣ вопросъ о затратахъ разрешенъ, тамъ искусственный продуктъ имѣетъ перевѣсъ надъ продуктомъ природнымъ. Уже много лѣтъ былъ извѣстенъ способъ приготовления индиго путемъ химическимъ, но до тѣхъ поръ изобрѣтеніе это было бесполезно, пока расходы по изготовленію его не сдѣлались ниже цѣны настоящаго индиго.

Для примѣра возьмемъ ваниль и искусственно приготовленный ванилинъ. Анализъ доказалъ, что стручокъ ванили содержитъ только два процента ванилина, т. е. той матеріи, которая составляетъ дорогой ароматъ; все остальное, т. е. 98 процентовъ, состоитъ изъ растительныхъ волоконъ, вмѣстѣ съ растительнымъ масломъ. Поэтому вначалѣ 2½ фунта искусственнаго ванилина стоили не менѣе 5,000 рублей — цѣна дѣлавшая изобрѣтеніе непригоднымъ для обращенія не смотря даже на то, что 2½ фунт. ванилина равны 150 фунтамъ ванили. Неудачные опыты привели къ такому упрощенію

Огнетушитель.

происходить отъ греческаго слова αναλυо — раствори, второе отъ слова συν-τίθημι — соедини. Анализъ — это разложеніе составнаго тѣла на его составныя части, синтезъ — напротивъ, это соединеніе составныхъ частей тѣла, сдѣлавшихся извѣстными черезъ анализъ въ такой пропорціи и при такихъ постороннихъ условіяхъ (напримѣръ, теплота, давленіе воздуха и проч.), чтобы искомое тѣло получилось какъ готовый результатъ. Такимъ образомъ анализъ можно уподобить разборкѣ зданія, а синтезъ — отстройкѣ зданія. Ясно, что анализъ сдѣлался извѣстнымъ ранѣе чѣмъ синтезъ; онъ сопряженъ также съ меньшими расходами. Прежде всего разлагали простыя вещества, изслѣдовали отношеніе ихъ первыхъ составныхъ частей, изучали свойства ихъ и опредѣляли особенности. На этомъ изученіи основывается важнѣйшая часть испытанія жизненныхъ припасовъ и предметовъ употребленія. Разлагаютъ молоко, вино, медицинскіе вещества и пр. на ихъ составныя части, испытываютъ ихъ особенности (цвѣтъ, густоту, специфическій вѣсъ и пр.) и поэтому становится возможнымъ опредѣлить всякое отступленіе отъ нормальныхъ условій, всякую примѣсь въ продуктѣ.

Если анализъ требуетъ много вниманія и большаго изученія, то синтезъ требуетъ всего этого несравненно болѣе; до сихъ поръ найдено средство составлять только нѣкоторыя вещества. Такъ напримѣръ составляютъ нѣсколько органическихъ кислотъ, мало примѣнимыхъ на практикѣ, также составляютъ дорогую краску крапъ и индиго, ароматическое масло изъ горчичныхъ зеренъ, цвѣтовъ геліотропа и стручковъ ванили и въ такой степени хорошо, что

и улучшенію искусственнаго приготовленія, что теперь 2½ фунта ванилина стоятъ отъ 600 до 650 р. и это условіе способствовало распространенію этого фабриката на всѣхъ шоколадныхъ фабрикахъ. Изъ вышесказаннаго выходитъ, что 20 граммъ ванилина замѣняютъ 2½ ф. ванили. Эти 20 граммъ стоятъ отъ 12 до 13 рублей; но такъ какъ настоящая ваниль гораздо дороже, то не удивительно, что ее замѣняютъ составленнымъ химически ванилиномъ. Такимъ то образомъ человекъ проникаетъ въ тайны природы, но конечно есть границы, за которыя онъ никогда не въ состояніи будетъ перейти.

Фотографіи съ птицъ во время ихъ полета. Французскому физиологу профессору Марей удалось фотографировать птицъ во время ихъ полета, причемъ каждое отдѣльное движеніе полета получается въ одну тысячную секунды. Изобрѣтеніе это интересно въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ не существовало точнаго представленія, изъ какихъ движеній составляется полетъ птицъ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, профессору Марей удалось въ подробностяхъ прослѣдить полетъ птицъ по фотографіямъ, воспроизведеннымъ помощью аппарата, снабженнаго револьвернымъ механизмомъ, имѣющимъ форму ружья и которымъ цѣлятся въ птицу. При помощи этого аппарата въ секунду получается двѣнадцать изображеній, изъ которыхъ каждое для воспроизведенія его требуетъ 1/1000 секунды. При употребленіи бромисто-серебряныхъ пластинокъ изъ желатина, время это (1/1000 секунды) вымѣренное хронографомъ, достаточно даже въ туманные дни; въ дни свѣтлые для воспроизведенія изображенія достаточно 1/1000 секунды.

Заявление.

Контора журнала „Нива“ покориѣше просить тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на получение преміи, большой картины Профессора В. И. Якубіа „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Троицко-Савскъ въ Забайкальской области (съ рис.).—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVII в. Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“. Вс. Соловьева. Часть вторая. (Продолженіе).—Обитатели острова Сахалина. Изъ рассказовъ о крайнемъ Востокѣ. А. Я. Мансимова.—Иоаннъ III и послы хана Акмата (съ рис.).—Мостовая пошлина (съ рис.).—На Спб. Морскомъ каналѣ (съ рис.).—Первое кумысолечебное заведеніе на Волгѣ (съ рис.).—Московская выставка. Научновыя рессоры (съ 3 рис.).—Планъ всероссійской выставки (съ рис.).—Воспитатель принца.—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь (съ рис.).—Игры и задачи.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за июнь 1882 г. съ 15 рис. и съ 27 выкройками, а на оборотной сторонѣ 16 оригин. рисунками для вышиванія работъ изъ дерева.

Редакторъ Ф. Бенгъ.

Издатель А. Ф. Марнсъ.

ФОТОГРАФІЯ

существующая много лѣтъ, передается по семейнымъ обстоятельствамъ. Пантелеймоновская № 25. П. № 2120 2—2

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ изданный журналомъ „СТРЕКОЗА“ стихотворный сборникъ — книжкѣ

„РОСНИКИ“

съ цвѣтовъ всемірной поэзіи ОРИГИНАЛЬНЫИ И ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ издание миниатюрное. Стр. 150. Цѣна въ художеств. обложкѣ 40 к. Съ № 2088 пера. 50 к.

Единственный самый лучший въ Имперіи источникъ для покупки перчатокъ **СОНРАЩЕННЫЙ ПРЕЙС-КУРАНТЬ** на двѣ пуговицы за дюжину лайвовыхъ дамскія и мужскія 8 руб. Шведскія 9 р. Замшевыя желтыя и сѣрыя 14 руб. Замшевыя офицерскія бѣлыя 18 руб. За отправку по почтѣ 50 к. Требованія и деньги адресовать: **Торговый Домъ „Commerce Russe“** въ Варшавѣ. № 2083 5—3

СОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ! Романъ Э. Вернера. Перев. съ нѣм. П. 1 съ перес. 1 р. 25 к. для подп. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

КОНЧИВШИХЪ

курсъ средне-учеб. завед. и учащихся готовить къ поступленію на Архитект. Отдѣл. Акад. Худ. въ Спб. и проч. городахъ. Адресъ: Офицерская, д. № 39, кв. 1. № 2128

БОЛЬШОЙ РЕСТОРАНЪ

по семейнымъ обстоятельствамъ передается дешево. Подр. въ С.-Петербур. Центральной Конторѣ Невскій № 11. П. № 2121 2—2

НАТУРАЛЬН. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ СВѢЖАГО 1882 РАЗЛИВА ПОЛУЧЕНЫ

у РУЛЬКОВИУСЪ и ГОЛЬМЪ.

Уголь Большой Московской улицы и Кузнечнаго переулка, д. Владимірской церкви, Мт. № 2101 5—4 въ АПТЕКѢ Амброжевича въ КОЛПИНО.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ЗАВОДСКАЯ КНИГА

рысистыхъ лошадей Хрѣновскаго государственнаго коннаго завода, служащая продолженіемъ и дополненіемъ всѣхъ прежнихъ изданій по генеалогіи хрѣновскихъ рысистыхъ лошадей. По порученію Главы Управленія Государст. Коннозаводства составилъ и издалъ Н. Лодыгинъ, бывшій редакторъ „Книги рысистыхъ лошадей въ Россіи съ опредѣленіемъ чистородности“, „Газеты коннозаводчиковъ“ и любитель лошадей“ и пр. Цѣна 3 руб. съ перес. Продается въ Москвѣ, у издателя Н. Д. Лодыгина, близъ Пречистенки, у д. Успенія на Могилахъ, д. свят. Ловина, и у книгопродавцевъ Н. Н. Мамонтова и М. О. Вольфа въ Москвѣ и С.-Петербурѣ. П. № 2127 1—1

Въ редакціи „Собранія Романовъ“

въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербурѣ, продаются съ большой уступкой прошлые года этого журнала. Въ КАЖДОМЪ году отъ десяти до двѣнадцати романовъ и отъ тридцати до сорока повѣстей. Каталогъ съ названіями статей и обозначеніемъ цѣнъ высылается безплатно. № 1966 10—2

Два новопатентованныхъ американскихъ практичныхъ изобрѣтеній.

Неподражаемой доброты ванса для обуви сохраняющая кожу и дающая превосходный и прочный блескъ, 50 полуфунтовъ или 25 фунтовыхъ жестянокъ 7 руб. 50 коп. Замѣчательная помада для чистки и полировки въ 4 минуты: металлловъ, самоваровъ, кухонной мѣдной посуды, утвари и проч. 3 руб. 75 коп. 50 меньшихъ или 25 большихъ жестянокъ 3 руб. Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказахъ не менѣе ста руб. 10% скидки. При заказѣ свыше 300 руб. 10% скидки и провозъ не считается. Требованія, деньги, адресовать: **Торговый домъ „Commerce Russe“** въ Варшавѣ. Исключительная продажа на всю Европу. Требуется надежные агенты. № 2082 5—3

6 первыхъ наградъ получили наши Р. № 2129 **СКРИПКИ.** 1—1 Самые лучшія и дешевыя новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 М., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 М. Альты, 1-юлончели, и контрабасы. Смычки 1 1/2—50 М. С Фугляры 3 1/2—40 М. Цитры 16—300 М. С Гитары 6—50 М. Отличныя струны. Всѣ струновыя инструм. Патентованная нѣмецкая скрипка для уграженія (собственное изобрѣтеніе) Мастерская для починокъ. Реком. Вынгельми, Саразате, Сорз, Зингеръ и т. д. Гарантія. Перепродаваемъ скидка. Прейскуранты безплатно. Братья Вольфъ, фабрика струнныхъ инструментовъ въ Крейцахѣ.

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммисіонерство

„РАБОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербурѣ: Фонтанка, Солоний городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.

Въ Кіевѣ: Уголь Безаковской и Жиланской улицъ.

Имѣеть на своихъ складахъ постоянно большой выборъ земледѣльческихъ машинъ и орудій новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также молочную посуду, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства. Заказъ на локомобили, паровыя молотилки, мельницы и некоторыя другія машины, направляемая съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммисіонерствомъ по заводскимъ цѣнамъ безъ надбавки коммисіи. Коммисіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Штульворта, Рансома, Гедд и Джеферса, Говарда, Джонстона и К°, Пеннея, Энкерта, Бенкера и др. Заказы исполняются немедленно. КATALOGИ выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10—8

!!! НЕТЬ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!! Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей. Состоитъ изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся. 1. Механическія носилки для спас. вещей. 1. Средства для спасанія людей. 1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія позволяющаго подойти къ самому огню. 1. Резервуара для воды. 1. Патентованнаго пожарнаго ведра. 1. Поса коннаго. 1. Сигнальнаго пожарнаго рожка. 1. Металлическаго англійскаго шлема. 2. Столшыхъ пожарныхъ крюковъ. 1. Большой пожарнаго топора. Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: Генриху Барыцкому Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ въ Ва шавѣ. № 2080 10—5

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ

Для мытья головы. Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія. Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ. Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главныи складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ боль-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2013 25—11

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій вредъ частой тѣла, особенно же чуждыхъ веществъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ по всему. Составъ его веществъ совершенно безвредныхъ, оно не раздражаетъ кожи, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы. Эти-то кристаллы и даютъ ему преимущество надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прыгкіе; по этому язвамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ несколько дней при помощи ваты, полотно или кисточки натереть Гальманиномъ прыщяныя части чтобы избѣгнуть неприятныхъ послѣдствій, какими подвержены лица, принужденныя долго ходить во лѣтніе жаркіе дни.

Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленныя опыты варіанскихъ врачей, прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмой.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительныхъ городахъ Европы. Главное дѣло въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп. В. Карпинскій.

Мастеръ фармациі, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электоральная, № 35.

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!! Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб. Насосы дѣйствующіе чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растений отъ насѣкомыхъ 12 руб. 50 коп. Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требованія, деньги направлять по адресу. Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ. № 2081 5—5

Первымъ мною приготовленная и введенная въ продажу **УКСУСНАЯ ЭССЕНЦІЯ** поддѣлывается многими. Позднѣйшія изслѣдованія мои обнаружели во всѣхъ поддѣльныхъ эссенціяхъ или меньшую крѣпость или же другіе, болѣе неприятыя, недостатки. Нежелающіе практически убѣдиться въ этомъ, найдутъ настоящую мою, подѣ имъ форменнымъ ярлыкомъ, эссенцію какъ у меня, такъ и въ колониальныхъ магазинахъ въ Москвѣ и повсемѣстно въ провинціи, начиная отъ Архангельска до Карса и отъ Варшавы до Самарканда и до Николаевска на Амурѣ. П. № 1866 5—4 **Р. Келеръ.** П. № 1866 5—2

Для гг. коннозаводчиковъ,
любителей скачекъ и бѣговъ, докторовъ,
артиллеристовъ, моряковъ, машинистовъ и
др. новаго устройства
КАРМАННЫЕ ЧАСЫ,
съ хронографомъ.

Анкерные заводящиеся безъ ключа (въ ручку).
въ никелевыхъ корпусахъ 32 руб.
въ серебряныхъ " 35 " " "
съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ
фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ
С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп.,
д. № 23, (противъ Большой Конюш-
енной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ
мосту, въ домѣ Тверскаго подворья
(рядомъ съ Бартельсомъ).
Пересылка на счетъ магазиновъ.
Подробные прейсъ-куранты высы-
лаются по требованію бесплатно.

СКЛАДЪ
Оптовый и Розничнй.
Г. О. ШТУРМЪ
УКУСНЫЙ ЗАВОДЪ.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
В. О., 14-я линія, № 73.
Невскій просп.,
№ 94—2.
10% уступки при покупкѣ на 100 руб.

КЪ СВѢДѢНІЮ!
„ЭЛЕОПАТЪ“.
БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ ВЪЛАЗЪМЪ ПРОВИЗОРЪ КИНУЕНА
употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опытомъ при-
знанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для
остававливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ до-
вѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеопату“
своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны
обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ
складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногороднихъ
заказчиковъ высылаются не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120
граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется не-
медленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необхо-
димо указать вотъ этотъ адресъ для иногороднихъ:
въ Главное Депо „Элеопата“ Пассажъ, Магазины № 52, въ С.-Петербургѣ.

ДАЧА
близъ Выборга на берегу озера въ здо-
ровой, предѣстной мѣстности, съ ме-
белью, продается дешево и отдается на
дѣто. Милыя Большая Морская, д. № 39
до 12 час. утра и 6—8 час. вечера.
№ 2085 4—4

НОВОСТЬ!
Рѣзецъ и аппаратъ для
шитья пеленъ на всякой
матеріи и бѣльѣ. Цѣна
3 р. съ перес.
Иполтъ Вакопъ.
Гороховая ул., домъ
Лембне, № 9, кварт.
№ 8., въ СПбургѣ.
№ 2060 3—3

Во всѣ главные магазины Петербурга, Москвы, губернскихъ городовъ и на Все-
россійскую выставку поступилъ въ продажу большаго формата въ 20 листовъ:
ВТОРОЙ НОВЫЙ АЛЬБОМЪ К. ДАЛМАТОВА
съ весьма интересными узорами и фигурами для вышиванія по канвѣ и подотну въ
русскомъ, малороссійскомъ и южно-славянскомъ вкусѣ. Альбомъ издавъ необыкно-
венно изящно и вполне отчетливо съ бесплатнымъ приложеніемъ листовъ послы-
щи. Цѣна альбому 2 р. 50 к., а съ пересылкою 3 рубля.
Первый альбомъ (24 листа) съ пересылкою 1 руб. 50 коп.
Узоры получили одобреніе Учебнаго Комитета Собственной ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярїи, и приняты какъ весьма изящное разнообразное
и полезное руководство для обученія по нимъ руководлю во всѣхъ женскихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ учрежденія ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.
Адресоваться К. Далматову, Обводный каналъ, бывшій д. Сивьова, № 105—4.

КОНДИТЕРСКАЯ И ПРЯНИЧНАЯ ФАБРИКА
М. В. КУБЫШНИНА.
ВЪ ОРЛѢ.
Карамель, мармеладъ, монпасъ, рокъ пастила: Печенье каврижки
пряники и проч. Прейсъ-курантъ по желанію бесплатно. П. 2126 2—1

ПАРФЮМЕРНЫЙ
И
КОСМЕТИЧЕСКІЙ
МАГАЗИНЪ
Тверская, д. Варгина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПО ТРЕБОВАНІЮ.

— КОНТОРА ТИПОГРАФІИ ПРИНИМАЕТЪ НА СЕБЯ СОСТАВЛЕНІЕ ОБЪЯВЛЕНІЙ, ФОРМЪ СЧЕТНЫХЪ КНИГЪ, НАКЛАДНЫХЪ, КВИТАНЦІЙ. —

ПАРОВАЯ
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ

ПЕЧАТАНИЕ газетъ, журна-
ловъ, книгъ,
прейсъ-куран-
товъ, брошюръ,
циркуляровъ,
этикетовъ, ар-
ликовъ.

РАЗНЫХЪ
пригласитель-
ныхъ и адрес-
ныхъ билетовъ,
объявленій,
визитныхъ кар-
точекъ и проч.,
и проч.

СТЕРЕОТИПНОЕ И ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
А. Ф. МАРКСЪ.
С.-Петербургъ.

Англійскій просп., ДОМЪ № 10.

СНАБЖЕННАЯ ШРИФТАМИ
САМЫХЪ НОВѢЙШИХЪ РИСУНКОВЪ,
ОРНАМЕНТАМИ И УКРАШЕНІЯМИ,
а также новыми усовершенствованными машинами, станками и всеми литографическими принадлежностями,
ДОВОДИТЬ ДО СВѢДѢНІЯ ГГ. ЗАКАЗЧИКОВЪ, ЧТО ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА ВСЕВОЗМОЖНЫЯ РАБОТЫ
ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.
ИСПОЛНЕНІЕ ИЗЯЩНОЕ И АККУРАТНОЕ.

Для большаго удобства гг. заказчиковъ Типо-Литографія принимаетъ работу и на своей бумагѣ, для чего при конторѣ Типографіи имѣется всегда
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПИСЧЕЙ И ПОЧТОВОЙ БУМАГИ
русскихъ и заграничныхъ фабрикъ, разныхъ сортовъ и цѣнъ.

Контора открыта ежедневно съ 7 ч. утра до 7 ч. веч., по воскресн. и праздничи. днямъ отъ 10 ч. утра до 4 ч. по полудни.
Иногородние благоволятъ адресовать свои требованія въ Контору Типо-Литографіи А. Ф. Марксъ. СПбургъ, Англійскій просп., № 10.

— ЗАПАСЪ КОНВЕРТОВЪ ДЛЯ НАПЕЧАТАНІЯ ФИРМЪ. —

НИВА

XIII годъ
№ 24

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис., разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „НИВУ“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark, 20 Pfen. для загранич.) за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линия	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особня приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячами, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложениями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Джузеппе Гарибальди.

† Мая 21-го вечеромъ скончался, на принадлежавшемъ ему островѣ Капрерѣ, одинъ изъ замѣтнѣйшихъ современныхъ историческихъ дѣятелей, генераль Джузеппе Гарибальди. При полученіи въ Римѣ извѣстія о кончинѣ маститаго итальянскаго героя, спектакли въ театрахъ были прерваны. Въ засѣданіи итальянской палаты депутатовъ президентъ на слѣдующій день увѣдомилъ о кончинѣ Гарибальди, засѣданія палаты приостановлены на 10 дней и наложенъ двухмѣсячный трауръ; на о. Капреру выѣхали депутаціи для погребенія, въ церемоніаль котораго будутъ участвовать всѣ члены палаты. Издержки погребенія принимаются на счетъ казны, въ залѣ палаты помѣщается памятная мраморная доска, будетъ поставленъ памятникъ герою Италіи и назначается пенсія въ 60,000 фр. семьѣ покойнаго. Лавки и магазины въ Палермо, Генуѣ, Неаполѣ, Веронѣ и другихъ городахъ были 21-го мая закрыты, а въ Римѣ, Неаполѣ и Генуѣ закрыты биржи и по-

Джузеппе Гарибальди. † 21 мая. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

всюду подняты траурные флаги. При гробѣ Гарибальди поставленъ почетный караулъ. Согласно завѣщанію покойнаго, трупъ его будетъ сожженъ.
Человѣкъ почтенный такими знаками вниманія и почтенія всей страны, былъ главнымъ дѣятелемъ объединенія своего разрозненнаго отечества и ему принадлежитъ завидная честь признанія заслугъ его при жизни. Джузеппе Гарибальди родился въ Ниццѣ въ 1807 году и въ ранней молодости началъ свою тревожную жизнь службою въ торговомъ флотѣ. Въ 1831 году Мадзини, первый началъ дѣятельность по объединенію родины, кончившуюся неудачей, причѣмъ и Гарибальди долженъ былъ ѣхать. Долго служилъ онъ на французскихъ судахъ, затѣмъ служилъ въ войскахъ южно-американскихъ республикъ, но въ апрѣлѣ 1848 г., при первыхъ слухахъ о движеніи умовъ въ Италіи, поспѣшилъ на родину, гдѣ между тѣмъ дѣла уже близились къ развязкѣ. Карлъ Альбертъ отказался отъ его услугъ.

Затѣмъ въ 1849 году онъ сражался противъ французовъ и австрійцевъ, былъ арестованъ, бѣжалъ въ Тунисъ, откуда снова переѣхалъ въ Америку, пустился тамъ въ спекуляціи, нажилъ деньги, на которыя въ 1854 году и купилъ остр. Капреру, гдѣ жилъ, занимаясь земледѣліемъ, пока въ 1859 г. событія не вызвали его на историческую сцену.

Гарибальди подучилъ начальство надъ альпійскими стрѣлками, съ которыми и открылъ дѣйствія противъ француско-итальянскихъ войскъ, и одержалъ побѣду при Варезе, взволновавшую всю Ломбардію. Послѣ битвы при Сольферино заключенъ былъ Вилла-Франкскій миръ. Тутъ Гарибальди вступилъ въ войска среднетальянскихъ государствъ и хотѣлъ перенести войну прямо въ папскія владѣнія, но Сардинія его до этого не допустила и онъ съ неудовольствіемъ удалился на Капреру. Между тѣмъ началось движеніе въ Сициліи. Съ 1.000 только человекъ приверженцевъ, на двухъ пароходахъ высадился онъ 11-го мая близъ Марсалы, 14-го мая сталъ диктаторомъ, на слѣдующій день одержалъ побѣду при Каталафими, послѣ нѣсколькихъ сраженій утромъ 27-го явился съ восточной стороны Палермо и занялъ островъ. Затѣмъ высадка къ Капо-дель-Арми, побѣда близъ Реджіо и вступленіе въ Неаполь. Послѣ перехода войскъ Гарибальди въ Калабрію, населеніе Неаполя привѣтствовало Виктора-Эммануила какъ короля Италіи; отъ диктатуры Гарибальди отказался и 9-го ноября вернулся на Капреру.

Ставъ членомъ Итальянскаго парламента, онъ не пользовался правами этого званія, а въ 1862 г., послѣ движенія въ Соренто, высадился въ Сициліи, чтобы начать дѣло завоеванія Рима, но это не удалось и не могло удасться. Генералъ завладѣлъ Катаніою, а 29-го августа въ сраженіи при Аспромонтѣ былъ тяжело раненъ. Признанный военнопленнымъ и заключенный въ Спецію, 5-го октября онъ былъ помилованъ и большой поселился на Капрерѣ, когда безпокойный духъ его, привыкшій къ волненію и тревожной жизни, увлекъ его въ новую побѣдку въ Англію въ 1864 году, памятную побѣдку, бывшую для ранеаго героя рядомъ овацій. Въ палатѣ депутатовъ въ Неаполѣ онъ произнесъ только одну незначительную рѣчь противъ присоединенія Ниццы къ Франціи. Въ событіяхъ 1866 года, завершившихся освобожденіемъ Венеціи, Гарибальди принималъ самое второстепенное участіе и неудачное. При Монте-Снелло онъ былъ раненъ 7-го іюня а 21-го іюня разбитъ на голову австрійскими войсками. Но онъ не успокоивался. Опять, уже противно великимъ соображеніямъ благоразумія, онъ затѣялъ вторженіе въ папскую область. Тутъ по распоряженію министера Ратации его арестовали и водворили на Капрерѣ, откуда онъ бѣжалъ во Флоренцію, опять возбуждая движеніе. Онъ собралъ отрядъ, разбилъ папскія войска и двинулся къ Риму, но при Ментанѣ понесъ поражение и былъ арестованъ и опять отосланъ на Капреру въ 1867 г.

Затѣмъ его дѣятельность болѣе обнаруживаетъ безпокойство духа героя, чѣмъ цѣлесообразность. Онъ все болѣе переходитъ на сторону республиканцевъ, шипеть прокламаціи противъ папы и послѣ Седанской катастрофы предлагаетъ чужому, французскому „правительству обороны“ свои услуги, высаживается въ Марсели, гдѣ республиканское правительство дѣлаетъ его корпуснымъ командиромъ, чѣмъ обидѣлись многіе французскіе генералы и вышли въ отставку. Дѣла, которыя Гарибальди имѣлъ съ прусскими войсками, были незначительны, а заключенное перемиріе заставило его кончить свои дѣйствія. Онъ сталъ представителемъ четырехъ департаментовъ чуждой страны. Въ палатѣ его встрѣтили холодно, какъ чужеземца и онъ отказался какъ отъ званія депутата, такъ и отъ командованія войсками.

Въ 1873 году Гарибальди очутился въ затруднительномъ положеніи и долженъ былъ заложить свой островъ Капреру. Въ палатѣ ему назначили пожизненную пенсію въ 50.000 фр., но Гарибальди письмомъ въ газетахъ отказался принять эту пенсію, по соображеніямъ имъ изложеннымъ. Онъ потомъ былъ депутатомъ отъ округовъ Рима, гдѣ ему по пріѣздѣ его устраивали манифестаціи. 28-го января онъ видѣлся съ Викторомъ-Эммануиломъ, и великодушный король-рыцарь, забывъ все весьма рѣзкія выходы стараго героя противъ его правительства и помня только его заслуги, объялъ его всенародно и ввелъ въ залу государственнаго совѣта. Однако и послѣ этого Гарибальди продолжалъ свою оппозицію. Онъ требовалъ въ публичной рѣчи восстановленія республики, однако въ 1876 г. при Депретисѣ объявилъ, что доволенъ дѣйствіями правительства и „соглашается принять“ національный даръ въ извѣстную сумму. Женатъ Гарибальди былъ два раза и отъ перваго брака у него сынъ Менотти и дочь Тереза, вышедшая за Медести замужъ; въ 1879 г. онъ хлопоталъ о разводѣ со второй женой, Раймонди, чтобы усыновить незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ имъ послѣ, но судъ отказалъ ему въ этомъ ходатайствѣ.

Въ концѣ прошлаго года Гарибальди опасно заболѣлъ и по совѣту врачей въ мартѣ шибѣшняго года переселился изъ Капреры въ Неаполь, гдѣ настолько поправился, что могъ съѣздить въ Палермо. Вездѣ престарѣлаго героя объединенія Италиі пародъ встрѣчалъ самымъ восторженнымъ образомъ. Эти восторженныя встрѣчи, оказалось, были какъ бы пропащными оваціями. Вернувшись на Капреру, Гарибальди снова заболѣлъ и на этотъ разъ смертельно.

Гарибальди въ свободное время предавался и литературной дѣятельности, но его романы „Волонтеръ Контони“, „Владычество монаха“ и „Тысяча“ показываютъ только, что это былъ совсѣмъ не его родъ дѣятельности. Ихъ слѣдуетъ назвать плохими.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

III.

Дорогіе гости.

Цесаревичъ вернулся къ себѣ значительно успокоенный. Онъ самъ, вслѣдствіе своей болѣзненной раздражительности, которая усиливалась въ немъ съ каждымъ годомъ, былъ способенъ на быстрое, необдуманное рѣшеніе, но стоило этой раздражительности утихнуть, стоило его гнѣву пройти (а гнѣвъ его проходилъ быстро), и онъ тотчасъ же сознавалъ ошибку и спѣшилъ ее исправить. Передъ нимъ всегда стоялъ идеалъ справедливости, которому онъ страстно поклонялся. Его сердце способно было чутко понимать такія тонкости, которыя были совсѣмъ недоступны для многихъ людей, всегда спокойныхъ, считающихся добрыми и справедливыми. При этомъ почти всю жизнь, чувствуя себя несчастливымъ, онъ пуще всего любилъ быть устройтеlemъ чужаго счастья. Внезапная радость на человѣческомъ лицѣ, за минуту передъ тѣмъ грустномъ и страдающемъ, радость, причиною которой былъ онъ, составляла его любимое зрѣлище и вотъ, когда ему предстояло доставить себѣ такое зрѣлище, онъ забывалъ все собственные тревоги и заботы, отгонялъ свои мрачныя мысли, входилъ

въ чужую жизнь и дѣятельно работалъ надъ благомъ ближняго.

Уединенная жизнь, почти полное отсутствіе живой дѣятельности, въ которой онъ не принималъ участія не по своей винѣ, развили въ немъ большую мечтательность; его нервность, его съ дѣтства пылкое и яркое воображеніе способствовали этому. Передъ нимъ постоянно носились красивыя картины блаженной жизни и поэтому онъ любилъ форму, любилъ эффекты... Но вѣдь эффекты нисколько не мѣшали благополучію близкихъ ему людей: они тѣшили его, ничего не отнимая отъ добраго дѣла, котораго онъ былъ устройтеlemъ.

Такъ и теперь онъ уже нарисовалъ себѣ яркую картину и тотчасъ же возвратясь въ Зимній дворецъ присѣлъ за письменный столъ и написалъ великой княгинѣ:

„Другъ мой, успокойте княжну и немедленно пріѣзжайте съ нею въ Петербургъ.“

Съ этой запиской былъ посланъ въ Гатчину нарочный.

Великая княгиня не заставила себя ждать. Она тотчасъ же пустилась въ путь въ сопровожденіи Тани и

карлика. Но записка цесаревича была доставлена часовъ въ шесть и, хотя сборы были недолги, все же они приѣхали только поздно вечеромъ.

Цесаревичъ встрѣтилъ ихъ очень довольный.

— Благодарю, сказалъ онъ великой княгинѣ, я не ожидалъ васъ ранѣе завтрашняго утра, хорошо сдѣлали, что не испугались поздняго времени. Карликъ съ вами? Нужно позвать его.

— Я не стану томить васъ, княжна, обратился онъ къ Танѣ,—у васъ слишкомъ усталое и блѣдное лицо, но мой рассказъ надѣюсь оживить васъ. Потомъ вы хорошенько выспитесь, на утро будете свѣжи и прекрасны какъ всегда и своимъ блескомъ озарите несчастнаго узника.

Таня ничего не спрашивала, она знала цесаревича и видѣла, что онъ сейчасъ самъ все расскажетъ.

Въ эту минуту вошелъ Моська. Онъ зорко всмотрѣлся въ лицо цесаревича и подумалъ весело:

— Ну, слава тебѣ Господи, авось вѣсти не дурныя!

Вѣсти дѣйствительно оказались не дурныя, а главное для Тани было то, что теперь явилась возможность увидать Сергѣя—покуда ей только это и было нужно.

Разъ она съ нимъ, она уже ничего не боится.

— А какъ же мнѣ то теперь быть? робко спросилъ Моська.

— Тебѣ какъ быть, сударь! шутливо обратился къ нему цесаревичъ,—а куда нону не показывать. Ты опять арестованъ... здѣсь у меня арестованъ и коли вздумаешь, какъ вчера, спаивать караульныхъ да замышлять побѣгъ, я съ тобой раздѣляюсь какъ слѣдуетъ. Тогда ужь не жди отъ меня пощады!

— Ваше императорское высочество, окажите боже-скую милость, засматривая ему въ глаза лепеталъ карликъ, успокойте мою душу, скажите—что-же теперь Сергѣю-то Борисычу? ничего не будетъ? Арестъ-то скоро снимутъ?

— Ну этого я не могу сказать тебѣ—я почему знаю! Можетъ ему что и будетъ—его еще допросить надо, а коли виноватъ такъ и казнить.

— Да кто же его допрашивать то будетъ? не зная пугаться или нѣтъ, спросилъ Моська.

— Я буду допрашивать.

Карликъ успокоился и съ глубочайшимъ старомоднымъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующее утро очень рано карета цесаревича подъѣхала къ дому Горбатова. Быстро распахнулись дверцы, быстро мелькнула мужская фигура въ треугольной шляпѣ и за нею фигура стройной женщины.

Большая зеркальная дверь отворилась, но караульные загородили входъ.

Цесаревичъ поднялъ голову, крикнулъ: „не узнаете?“ и, взявъ Таню подъ руку, прошелъ мимо изумленныхъ и вытянувшихся въ струнку солдатъ.

Въ домѣ было все тихо; прислуга бродила неслышно, испуганная, недоумѣвающая, пораженная странными обстоятельствами послѣднихъ дней. Все имѣло такой видъ какъ будто въ домѣ или тяжело больной, или покойникъ.

Такое же впечатлѣніе было произведено на Таню и у нея невольно сжалось сердце.

Цесаревичъ остановилъ перваго попавшагося ему лакея.

— Гдѣ Сергѣй Борисычъ? спросилъ онъ.

— Почивать изволятъ! отвѣчалъ совсѣмъ оторопѣвшій лакей.

— Ступай, доложи, что его ждутъ по важному дѣлу, что очень срѣшно и нужно. Только не смѣй говорить кто дожидается, а спросить—отвѣчай: „невѣдомо какой господинъ.“ Скажи—„генералъ“, слышишь? понимаешь?

— Слушаюсь-съ ва... ва... ва... отвѣчалъ лакей, имѣвшій случай прежде видѣть цесаревича и его узнавшій.

— Поздно встаетъ! замѣтилъ цесаревичъ Танѣ,—теперь туалетъ свой будетъ дѣлать, избаловался... *petit-maitre*... намъ дожидаться придется. Смотрите, вы отучите его отъ такой лѣлости, когда здѣсь хозяйкой будете.

Таня вся вспыхнула. Она теперь чувствовала себя совсѣмъ счастливой, она теперь знала, что онъ живъ и здоровъ, иначе вѣдь лакей сказалъ бы.

Цесаревичъ своимъ мѣрнымъ, военнымъ шагомъ прохаживался съ ней по большой роскошной залѣ, въ которой они остались.

— Я въ первый разъ въ этомъ домѣ, говорилъ онъ, хорошій домъ, обратите вниманіе, хозяйшана. Эхъ! да и вы тутъ избалуетесь въ такой роскоши, послѣ нашего гатчинскаго убожества!

— Не избалуюсь, прошептала Таня, едва слушая что говорить цесаревичъ.

Она вся была ожиданіе. Но ждать пришлось недолго.

Сергѣй уже давно всталъ и былъ готовъ, когда ему доложили, что неизвѣстный генералъ его спрашиваетъ по важному, срѣшному дѣлу.

Шевельнулась наконецъ тяжелая драпировка и на порогѣ залы показалась его стройная фигура.

Блѣдный, мрачный онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и съ невольнымъ крикомъ кинулся на встрѣчу подходившимъ къ нему цесаревичу и Танѣ.

— Таня! Ваше высочество!

Онъ совсѣмъ растерялся. Онъ крѣпко сжалъ руку Тани и въ невольномъ порывѣ прижалъ губами къ протянутой ему рукѣ цесаревича.

— Такъ вы явились спасти меня! шепталъ онъ, и ждалъ васъ... я предчувствовалъ это...

— Ну, сударь, теперь не до нѣжностей, принимая на себя суровый тонъ, сказалъ цесаревичъ,—проводи куда нибудь гдѣ сѣсть можно.

И пока Сергѣй показывалъ имъ дорогу онъ продолжалъ:

— Спасать тебя! Я не знаю еще удастся ли это и заслуживаете ли вы этого, сударь? Знаете-ли вы какія тяжкія на васъ обвиненія?

— Ничего не знаю, ваше высочество, я знаю отъ кого они происходятъ, кто авторъ этого нанесеннаго мнѣ оскорбленія—это я знаю, а остальное мнѣ неизвѣстно. Меня лишили свободы, у меня отобрали всѣ мои бумаги и только благодаря преданности моего вѣрнаго карлика, я могъ послать вѣсти въ Гатчину. Меня стерегутъ какъ звѣря, какъ висѣльщика.

— А вы чувствуете себя невиннымъ, такъ что-ли?

— Конечно, ваше высочество, никакой вины за собою не знаю.

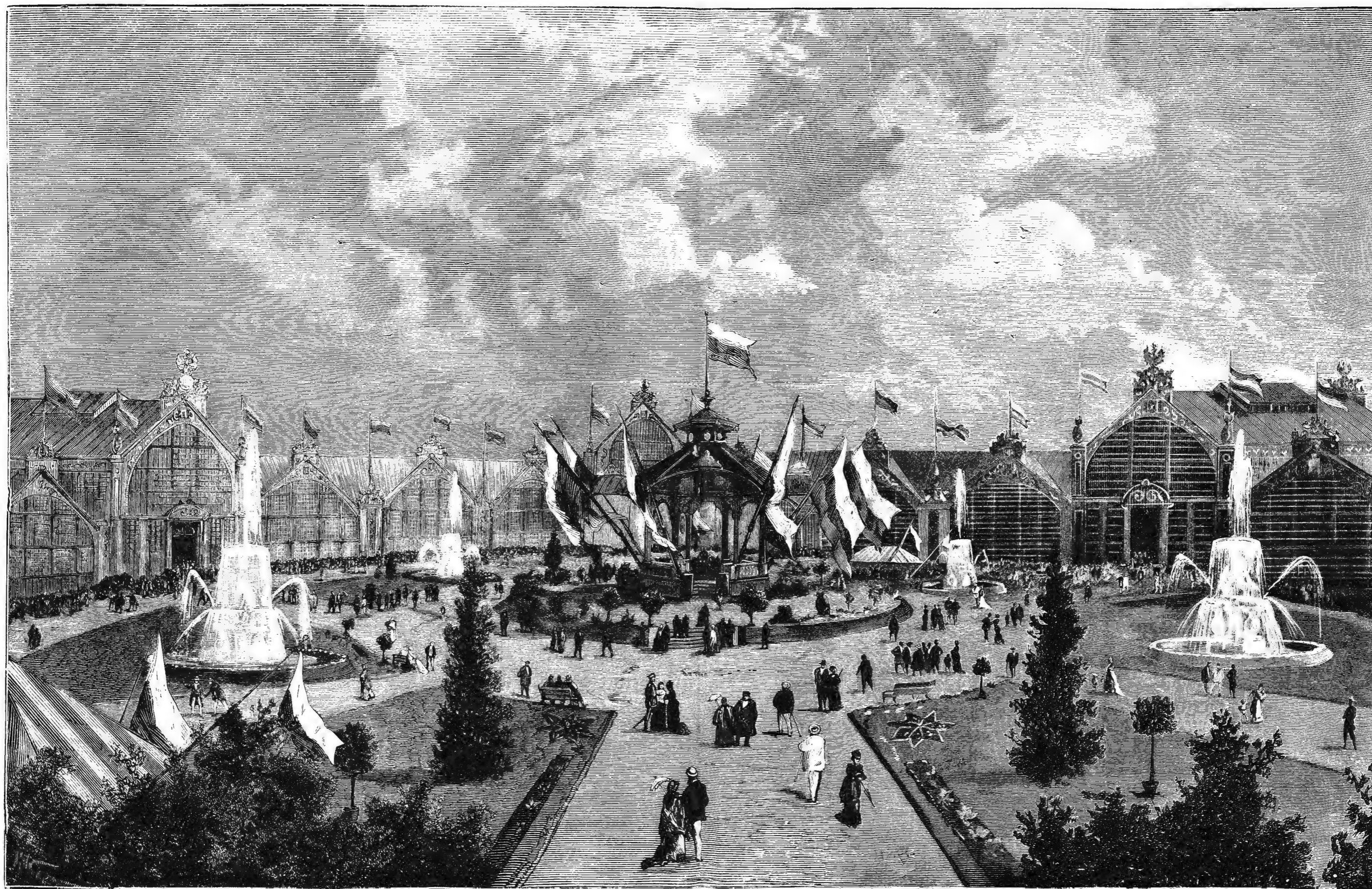
— Хочу вѣрить, что такъ, но вѣдь говорятъ: нѣтъ дыму безъ пламени, къ чему нибудь да прицѣпились. Помогите же мнѣ разъяснить вопросъ этотъ.

И цесаревичъ передалъ Сергѣю въ чемъ состоятъ возведенныя на него обвиненія.

Сергѣй слушалъ съ глубокимъ негодованіемъ. Онъ ожидалъ чего угодно, но не этого. Онъ думалъ, что на него взведена все та же басня о его волтерьянствѣ—волтерьянствѣ въ томъ смыслѣ, какой получило это слово въ послѣдніе годы въ Россіи. Онъ думалъ, что его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ дѣятелями французской революціи, съ якобинцами, что въ обвиненіяхъ этихъ фигурируетъ имя Рено—но такого обвиненія онъ не ждалъ и сразу понялъ всю злобу Зубова, всѣ его расчеты.

— Откуда же могло произойти это? спрашивалъ цесаревичъ.

— Откуда? Изъ того, что я дѣйствительно былъ три раза у лорда Витворта, которому привезъ изъ Лондона письма отъ его двоюроднаго брата, съ которымъ постоянно встрѣчался въ Лондонскомъ обществѣ. Лордъ

Московская художественно-промышленная выставка. Внутренний видъ главнаго круглаго зданія. Ориг. рис. нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Витвортъ, какъ вашему высочеству хорошо извѣстно, человѣкъ умный, интересный и я съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдовалъ. Я вѣроятно тоже представлялъ для него интересъ, такъ какъ долгое время прожилъ въ Лондонѣ и только что оттуда вернулся. Онъ мнѣ былъ благодаренъ за доставленные ему мною письма и посылки. Онъ возвратилъ мнѣ визитъ—вотъ и все.

— Да, конечно, проговорилъ цесаревичъ, много я и не думалъ. Все это очень естественно, но мнѣ нужно спросить тебя и отвѣчай мнѣ совсѣмъ искренно—отъ этого много зависитъ—что заключается въ отобранныхъ у тебя бумагахъ? увѣренъ ли ты, что въ нихъ не найдется ничего, что бы могло повредить тебѣ, тебя компрометировать?

Сергѣй задумался.

— Мнѣ очень тяжело, сказалъ онъ, что эти бумаги попали въ такія руки. Изъ этихъ бумагъ выяснится вся моя жизнь и все ихъ, отъ первой до послѣдней, я, безъ малѣйшаго колебанія, могъ бы отдать вашему высочеству... но онъ у Зубова. Между ними находится мой дневникъ, онъ не понравится Зубову—я всегда бесѣдовалъ съ собою откровенно.

— Твой дневникъ... дневникъ, нахмурившись повторилъ цесаревичъ, очень нужно было писать его! Этимъ, сударь, только дѣвицы отъ скуки занимаются, а у васъ слава Богу могли найтись и посерьознѣе занятія. Дневникъ... очень нужно было писать его! Богъ васъ знаетъ, сударь, что вы тамъ наболтали—вотъ теперь на себя и пеняйте! Какъ бы этотъ дневникъ не погубилъ васъ! Тому бывали примѣры...

Мысли его невольно вернулись ко времени его дѣтства, онъ вспомнилъ своего перваго воспитателя, молодого талантливаго Порошина, который былъ удаленъ отъ двора и преждевременно погибъ главнымъ образомъ потому, что имѣлъ обыкновеніе откровенно бесѣдовать съ собою каждый вечеръ.

— Я могу только повторить, сказалъ Сергѣй, замѣтивъ тревожный взглядъ Тани, что въ дневникѣ моемъ не найдется ничего преступнаго. Онъ можетъ только поднять желчь въ господинѣ Зубовѣ, только въ немъ одиномъ... но вѣдь онъ не станетъ отъ этого злое. Увеличить его злобу на меня ничто уже не можетъ.

Цесаревичъ всталъ со своего мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Ну заранѣе сказать трудно, тамъ будетъ видно.

Онъ подошелъ къ двери, ведшей изъ маленькой гостиной, гдѣ они находились, въ рабочій кабинетъ Сергѣя.

Онъ заглянулъ и увидѣлъ обширную комнату, заставленную книжными шкапами.

— Это что-же, твоя бібліотека, сударь? обернувшись спросилъ онъ Сергѣя.

— Да, ваше высочество, половина этихъ книгъ собрана мною еще прежде, привезена изъ деревни, затѣмъ много вывезено изъ-за границы.

Цесаревичъ поморщился.

— Воображаю сколько вздору тамъ теперь печатается! Навѣрное много сочиненій вредныхъ по своему духу.

— Не думаю, ваше высочество, я выбиралъ книги осмотрительно, да и наконецъ все что найдено предосудительнымъ—задержано. Три ящика съ книгами я такъ и не получилъ.

Павель взглянулъ на часы.

— Еще рано, сказалъ онъ, я даю вамъ четверть часа времени, побесѣдуйте! А я все-же самъ процензую твою бібліотеку. Давай ключи.

— Шкафы открыты, ваше высочество.

Павель прошелъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь. Сергѣй и Таня остались вдвоемъ, въ тишинѣ маленькой красивой гостиной.

Добрый волшебникъ не хотѣлъ мѣшать имъ своимъ присутствіемъ. Они это хорошо поняли.

— Таня! Таня! прошептала Сергѣй беря ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями,—вы здѣсь, у меня, наконецъ-то! Вы спасаете меня отъ отчаянія, которому я невольно сталъ предаваться. Судьба положительно смѣется надо мною, ужъ теперь-то я не ждалъ такой бѣды, я ждалъ чего угодно, только не ареста въ своемъ домѣ... и когда!—ну, какъ-же это не насмѣшка!—въ ту самую минуту когда я собрался ѣхать къ вамъ по вашему зову. Что вы должны были думать! Какъ объясняли вы себѣ мое отсутствіе, мое молчаніе? Впрочемъ нѣтъ—мнѣ не надо знать это, теперь это не интересно. Вы здѣсь—все объяснилось, вы здѣсь—и этимъ вы отвѣчаете мнѣ на все мои вопросы. Таня, наконецъ-то!.. Таня, вы забыли все? вы простили то, въ чемъ считали меня виноватымъ передъ вами? Мы вѣдь не разстанемся больше? Да? скажи мнѣ, моя дорогая!..

Она глядѣла на него совсѣмъ блѣдная, но несмотря на эту блѣдность отъ нея вѣяло счастьемъ, глаза ея блестяли, она жадно вслушивалась въ слова его.

— Да, да, шепнула она склоняясь надъ нимъ и улыбающимся ему съ такой лаской, съ такой страстью, что онъ привлечь ее къ себѣ и они долго не могли оторваться отъ жаркаго, столько лѣтъжданнаго поцѣлуя.

— Но постой, вдругъ сказала Таня отстраняясь отъ него, но не выпуская его рукъ и продолжая сжимать ихъ.—Постой, ты сказалъ сейчасъ, ты спросилъ меня, что думала я о твоёмъ молчаніи, о твоёмъ отсутствіи... Тебѣ это не интересно теперь, а все-же я должна сказать тебѣ, что думала, я должна признаться тебѣ въ своей новой винѣ передъ тобою!..

И она рассказала ему все, все свои глупыя мысли. Она безпощадно относилась къ себѣ, превратилась въ милосердную обвинительницу.

— Вотъ что я думала, вотъ въ чемъ я была увѣрена до самаго появленія Степаныча, вотъ до какого безумія, до какого оскорбленія тебѣ я дошла! Простишь-ли ты меня? И стою-ли я твоего прощенія?

Сергѣй укоризненно качалъ головою, а лицо его все улыбалось. Куда дѣвалась его блѣдность, его усталый видъ, его холодная усмѣшка. На щекахъ его вспыхнулъ румянецъ, онъ совсѣмъ преобразился, онъ помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Такъ вотъ какъ, Таня! Вотъ ты какого обо мнѣ мнѣнія! Да, это большая вина, это преступленіе и не слѣдуетъ прощать тебѣ! Но я глупъ—и прощаю отъ всего сердца, только съ однимъ условіемъ, Таня, чтобы больше такихъ недоразумѣній, такихъ ошибокъ никогда не было между нами.

Она прижалась головою къ груди его и шептала:

— Конечно не будетъ! Этотъ долгій, мучительный сонъ прошелъ безвозвратно.

Они замолчали на нѣсколько мгновений и эти мгновения молчанія были чуть-ли не самыми счастливыми въ ихъ жизни.

— Значить все рѣшено, все кончено, значить на зло судьбѣ мы все-же вмѣстѣ и вмѣстѣ ужъ навсегда? сказалъ Сергѣй.

— Навсегда, повторила Таня.

— Значить вычеркнемъ восемь лѣтъ изъ нашей жизни, я теперь вижу, что это возможно! Мнѣ кажется теперь, моя дорогая, что я заснулъ, тамъ, далеко, въ голубой бесѣдкѣ твоего знаменскаго парка, помнишь, въ тотъ ужасный и счастливый день, который начался нашимъ свиданіемъ и кончился для меня такъ страшно, неожиданной смертью отца моего? Да, мнѣ кажется, что я заснулъ тогда и что вотъ теперь только сейчасъ проснулся. Ты та же, ты также доверчиво на меня смотришь.

Онъ разглядывалъ ея прелестное лицо, онъ чувствовалъ какъ безконечно она дорога ему.

Но вдругъ какая то тѣнь мелькнула по лицу ея.

— Та же!.. грустно проговорила она,—нѣтъ, Сережа. И когда она произнесла его имя, мило невыго-

варивая букву р, ему дѣйствительно показалось, что онъ вернулся къ давно позабытому времени. Она точно такъ-же назвала его какъ тогда, въ бесѣдѣ, и онъ почему-то, какъ и тогда, обратилъ вниманіе на этотъ недостатокъ ея выговора.

— Та же! Та же! восторженно шепталь онъ.

— Нѣтъ, много прошло времени, перебила она догадывая свою мысль, а время никогда не проходитъ безслѣдно. Я постарѣла, я измѣнилась, я уже не та что была прежде.

— Ты постарѣла? Ты измѣнилась? изумленно и улыбаясь говорилъ онъ. Да, ты права — время не прошло безслѣдно, разница есть. Разница въ томъ, что ты несравненно красивѣе, лучше прежняго и что я горячѣе люблю тебя; мы уже не дѣти — вотъ въ чемъ разница.

Но имъ пора было нѣсколько отстраниться другъ отъ друга и принять болѣе сдержанный видъ—ручка двери изъ кабинета начала шевелиться, за дверью послышался громкій кашель. Охраняющій ихъ любовь волшебникъ предупредилъ ихъ о своемъ появленіи. Цесаревичъ вошелъ держа передъ собою часы и въ то же время окипувъ Сергѣя и Таню зоркимъ взглядомъ.

— Однако, пора! сказалъ онъ, я долго возился съ твоими книгами. У тебя есть нѣкоторыя изданія, съ которыми я незнакомъ, кое-что интересное — ты потомъ мнѣ дай эти книги для прочтенія.

— Поѣдемте, сударыня! обратился онъ къ Танѣ.

— Я готова, ваше высочество.

— Готовы? И что-же, ничего не забыли сказать ему? Если забыли—такъ припомните, потому что неизвѣстно теперь, когда увидите—онъ узникъ и до какихъ поръ будетъ продолжаться его заключеніе—я не знаю.

Сергѣй подошелъ къ цесаревичу.

— Ваше высочество, сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, довершите все ваши благодѣянія, благословите насъ какъ жениха и невѣсту.

— А! Порѣшили! Ну чтожь, хоть и не время и не мѣсто — Богъ съ вами! Будьте счастливы!

Онъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Таню, набожно перекрестилъ ее и Сергѣя, потомъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ.

— Будьте счастливы! повторилъ онъ, я радъ! Я всегда зналъ, что вы этимъ кончите, такъ должно было совершиться. Ну, теперь Богъ дастъ ждать вамъ недолго! Я буду у васъ посаженнымъ отцомъ на свадьбѣ. Но теперь толковать объ этомъ рано — прежде нужно освободить тебя, сударь. Пойдемте!

На глазахъ цесаревича стояли слезы, все лице его улыбалось.

IV.

Сорвалось.

Въ это-же самое утро Зубовъ явился со своими обычными докладами къ императрицѣ.

Исполненный печальныхъ мыслей о постигшей его неудачѣ, силившійся подобрать нити англійской интриги и никакъ не достигавшій этого, занятый погибелью ненавистнаго ему Сергѣя Горбатова болѣе чѣмъ государственными дѣлами, изливая свою злобу на приближенныхъ, Зубовъ не замѣчалъ въ это послѣднее время перемѣны, происшедшей въ Екатеринѣ. Каждый разъ входя къ ней онъ привычною фразой осведомлялся о ея здоровьѣ, и на отвѣты, что она не хорошо себя чувствуетъ, высказывалъ приличныя случаю сожалѣнія и утѣшенія—этимъ все ограничивалось.

Но въ это утро ея утомленный и страдальческій видъ не ускользнулъ даже и отъ его разсѣяннаго взгляда. Онъ вдругъ озабоченно взглянулъ на нее и уже не прежнимъ равнодушнымъ тономъ, а съ отфѣнкомъ испуга спросилъ ее: лучше-ли она себя чувствуетъ?

— Нисколько не лучше, отвѣтила она,—сегодня мнѣ совсѣмъ плохо — ноги замучили. Искусство Роджерсона

оказывается безсильнымъ. Онъ меня успокоиваетъ, но не приноситъ мнѣ никакого облегченія и я по лицу его вижу, что онъ озабоченъ.

Роджерсонъ такъ давно лечилъ императрицу, такъ давно находился въ числѣ близкихъ къ ней людей, которымъ она оказывала свое расположеніе, которымъ довѣряла, что Зубовъ не могъ его не ненавидѣть. Онъ счумѣлъ въ восемь лѣтъ своего вліянія отдалить отъ нея многихъ, но почтеннаго медика отдалить не могъ и это только усиливало его къ нему ненависть.

Онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы задѣть его, чтобы пустить на его счетъ язвительную фразу. Онъ все выжидалъ минуты когда можно будетъ пошатнуть довѣріе къ нему императрицы. Такая минута наконецъ наступила.

— Роджерсонъ! презрительно проговорилъ онъ, — я давно замѣчаю, что онъ гораздо ниже репутаціи, которую ему сдѣлали,—онъ вовсе ужъ не такой проникательный и искусный докторъ, какъ многіе полагаютъ.

— Во всякомъ случаѣ онъ хорошо знаетъ мою натуру, сказала Екатерина.

— Къ чему-же поведетъ его это знаніе если онъ не въ силахъ помочь вамъ, если онъ не можетъ даже облегчить ваши страданія.

— Ахъ Боже! человѣческому искусству и знанію положенъ предѣлъ. Видно подходитъ время когда уже никто и ничто помочь мнѣ не будетъ въ состояніи! печально замѣтила Екатерина.

— Зачѣмъ-же такія ужасныя мысли? Эти мысли слѣдствіе ошибки Роджерсона. У васъ такая крѣпкая организація, вы такъ сильны и бодры. Нужно найти только средство уничтожить эти временныя страданія, вмѣстѣ съ ними пройдутъ и печальныя мысли.

Екатерина грустно усмѣхнулась.

— Укажите мнѣ такія средства!

— Я указать не могу, я не занимался медициной; но я знаю человѣка, который смыслить навѣрное больше Роджерсона, который дѣлаетъ просто чудеса, излечиваетъ самыя сложныя и опасныя болѣзни.

— Кто-же этотъ чудодѣй? насмѣшливо спросила Екатерина.

— Я говорю очень серьезно, ваше величество, если я рѣшаюсь указать вамъ на этого человѣка, такъ потому что имѣю много доказательствъ его искусства.

— Назовите его!

— Это Ламбро-Качіони, грекъ, о которомъ вы вѣрно слышали.

— Онъ кажется участвовалъ въ послѣднюю войну противъ турокъ?

— Онъ самый, я хорошо его знаю и убѣжденъ, что онъ въ самомъ скоромъ времени поможетъ вамъ. Не дайте еще какъ вчера я призывалъ его и рассказывалъ ему признаки вашей болѣзни. Онъ увѣряетъ, что у него было много подобныхъ случаевъ и что онъ ручается въ скоромъ и полномъ выздоровленіи вашемъ, если вамъ угодно будетъ послѣдовать его совѣтамъ.

Екатерина задумалась. Она бодро выносила свои страданія, но мысль о серьезности и неизлѣчимости ея болѣзни, мысль о возможности близкой смерти начинала ее преслѣдовать, а она еще хотѣла жить. И чѣмъ чаще приходили мрачныя мысли, тѣмъ жажда жизни усиливалась въ ней больше и больше. Она съ ужасомъ замѣчала задумчивость Роджерсона. Она предчувствовала, что онъ не можетъ ее вылечить и готова была испробовать всякія средства, сулившія ей спасеніе.

И вотъ Зубовъ называетъ ей грека Ламбро-Качіони, такимъ увѣреннымъ тономъ говорить о его необыкновенномъ искусствѣ. Она уже слышала объ этомъ грекѣ.

— Если вы такъ въ немъ увѣрены, то призовите его ко мнѣ, я готова испробовать его леченіе. Только это нужно сдѣлать осторожно, мнѣ никакъ не хотѣлось бы обижать старика Роджерсона.

— Сегодня же Ламбро-Качиони здѣсь будетъ! сказалъ Зубовъ.

Онъ былъ очень доволенъ и рѣшился какъ можно скорѣе довести до свѣдѣнія Роджерсона о томъ, что грекъ будетъ лечить императрицу.

— Какія у васъ нынче дѣла? спросила Екатерина. Я хотя и больна, но все же не на столько, чтобы забывать о дѣлахъ. Дайте мнѣ ваши бумаги и принесите очки—вонъ я ихъ оставила на томъ столѣ.

Они принялись за работу; но на этотъ разъ дѣлъ было мало—скоро все было кончено.

Екатерина сняла очки, понохала табаку, приласкала завертѣвшуюся у ея ногъ собаченку. Зубовъ хотѣлъ уже удалиться; но она его остановила.

— Пойдите, скажите мнѣ, разобрали вы бумаги Горбатова?

— Нѣтъ еще, государыня, у меня столько дѣлъ...

— Такъ вотъ что, немедленно пришлите мнѣ ихъ, я сама займусь ими.

Зубова такъ и покорило.

— Зачѣмъ же?! Зачѣмъ вамъ беспокоиться?! Я взяла за это, я и исполню. Навѣрно въ этихъ бумагахъ много пустяковъ и вздору, который только затруднитъ васъ. Я сдѣлаю выборку и если найдется что нибудь интересное, если окажутся даже письменныя доказательства его виновности—я все это привезу.

— Ахъ, Богъ мой! Но если я хочу сама разобрать эти бумаги! Я говорю вамъ, пришлите мнѣ ихъ немедленно, всѣ безъ исключеній. Я совершенно свободна сегодня... не выйду весь день изъ этой комнаты... Мнѣ дѣлать нечего... я и займусь...

Зубовъ пожалъ плечами.

— Это капризъ больной, который слѣдуетъ исполнить, мой другъ! улыбаясь прибавила Екатерина.

Возражать было нечего.

— Желаніе вашего величества будетъ исполнено! стараясь любезно улыбнуться сказалъ Зубовъ.

Онъ былъ очень раздосадованъ. Онъ конечно уже хорошо ознакомился съ бумагами Сергѣя и не нашелъ въ нихъ никакихъ признаковъ его виновности въ томъ преступленіи, которое онъ взводилъ на него. Онъ не далѣе еще какъ сегодня утромъ принялся за чтеніе его дневника.

Онъ встрѣтилъ въ этомъ дневникѣ и свое имя, и свою характеристику, которая довела его до крайнихъ предѣловъ бѣшенства. Онъ глоталъ страницу за страницей, жадно ища какой нибудь черезчуръ рѣзкой фразы, какого нибудь непочтительнаго разсужденія объ императрицѣ и къ досадѣ своей не находилъ ничего подобнаго.

У него уже мелькала мысль: нельзя ли поддѣлаться подъ почеркъ Сергѣя, включить въ дневникъ кое что. Нельзя ли съ другой стороны вырвать нѣкоторыя страницы. Но это оказалось довольно трудно и во всякомъ случаѣ требовало много времени, требовало большого искусства и осторожности.

Переслать бумаги императрицѣ было необходимо, если она такъ настаиваетъ; но конечно дневникъ онъ оставить у себя, онъ не можетъ отдать его въ такомъ видѣ. Какъ ни былъ онъ увѣренъ въ своей силѣ и въ своемъ вліяніи, но все же тамъ было не мало такого, чего бы онъ ни за что въ мірѣ не могъ показать императрицѣ. Этотъ проклятый дневникъ можетъ навести ее на мысли, которыя заставятъ ее кой чѣмъ заинтересоваться.

„Нѣтъ, объ этомъ и говорить нечего, она не должна увидеть этого дневника. Нужно будетъ придумать какое нибудь новое доказательство виновности Горбатова.

Если же это окажется невозможнымъ, если не удастся окончательно погубить его, добиться его ссылки, то вѣдь во всякомъ случаѣ онъ изрядно отомстилъ ему. Онъ прошелъ черезъ всю его жизнь и испортилъ самое

лучшее время этой жизни! И теперь, теперь вѣдь развѣ это не мщеніе?! Онъ, этотъ гордый человекъ, чуть ли не единственный, который осмѣлился не признать его величія, который умѣлъ смущать его своимъ взглядомъ, онъ, представитель знаменитой старой фамилии, владѣтель огромнаго состоянія—онъ уже цѣлую недѣлю плѣнникъ въ своемъ собственномъ домѣ. И хотя, по настоянію императрицы, это дѣло не разглашается, все же конечно многіе о немъ знаютъ, а кто еще не знаетъ, узнаетъ въ скоромъ времени!..“

„Воображаю что съ нимъ дѣлается! думалъ Зубовъ и злорадная усмѣшка, вызываемая его мелочностью и жестокостью, показалась на губахъ его.—Можно себѣ представить, какъ онъ обливается желчью, въ сознаніи своего безсилія и вѣдь онъ отлично понимаетъ, кому онъ всѣмъ обязанъ!..“

„Кидай мнѣ свои презрительные взгляды, подымай передо мною голову, а все же я дѣлаю съ тобой все, что мнѣ угодно. Все же ты въ рукахъ моихъ! Все же я заставлю тебя вспомнить тотъ часъ, когда ты осмѣлился оскорбить меня! Ну, что же, пускай тебѣ возвратятъ свободу, не думаю чтобы ты ушелъ отъ меня... Одно не удастся, найду другое, отправлю каждый день твоей жизни. А теперь пусть она читаетъ твои бумаги, можетъ и найдется въ нихъ такое, что и не понравится. А дневникъ не дамъ. Дневникъ я сохранию для себя!..“

И онъ не понималъ, этотъ „дней гражданинъ золотыхъ“, что Горбатовъ будетъ только торжествовать, узнавъ, что нѣкоторыя страницы его дневника прочитаны и удержаны тѣмъ, о комъ въ нихъ говорится. Онъ не догадался, что ему пуще всего нужно скрыть отъ Горбатова свое знакомство съ дневникомъ его.

Какъ бы то ни было, бумаги Сергѣя были доставлены императрицѣ и она, вѣрная своему обѣщанію, извѣстила объ этомъ цесаревича, который тотчасъ же явился въ Таврической дворецъ.

И вотъ, что случилось рѣдко, Екатерина съ Павломъ за общей работой.

Они перебрали все. Екатерина внимательно прочла письма цесаревича къ Сергѣю и только проговорила:

— Не знала, не знала я, что вы такъ съ нимъ близки и такъ его любите!

— Надѣюсь, матушка, что въ этихъ письмахъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Я писалъ ему только то, что мнѣ диктовало желаніе принести ему нравственную пользу.

— Конечно, конечно! поспѣшно проговорила Екатерина.—А это какія письма?

Это были милыя, почти дѣтскія письма Тани.

Цесаревичъ вдругъ покраснѣлъ и нахмурился.

Императрица замѣтила это.

— Что съ вами? спросила она.

— Мнѣ пришло въ голову, что мы заняты не хорошимъ дѣломъ—это письма его невѣсты. Зачѣмъ намъ читать ихъ, надѣюсь не они заключаютъ въ себѣ доказательства виновности Горбатова.

— Я согласна съ вами, отложимъ ихъ въ сторону. Что дальше? Теперь пропускать не будемъ. Во всякомъ случаѣ, Горбатовъ долженъ простить намъ нашу нескромность. Мы нескромны для его же блага.

— Да, приходится удовольствоваться этимъ оправданіемъ.

Но какъ бы они ни желали быть придирчивыми (а они этого вовсе не желали), трудно было найти въ этихъ бумагахъ, въ этой перепискѣ, что либо предосудительное. Напротивъ, когда чтеніе было окончено, передъ ними выяснилось только нѣсколько интересныхъ фактовъ изъ жизни Сергѣя; изъ писемъ Рено, уже страстнаго дѣятеля контръ-революціи, обрисовывалось нѣсколько подробностей страшныхъ событій французской исторіи—и только.

Легкая ноша. Съ картины Р. Швенингера, грав. А. Паар. Библиотека "Руниверс"

— Матушка, былъ ли я правъ прося васъ быть осмотрительнѣе въ этомъ дѣлѣ и лично просмотрѣть его бумаги?

— Конечно, и я очень благодарна. Но что же все это значитъ? Откуда взялись эти тяжкія обвиненія?

Цесаревичъ передалъ то, что онъ слышалъ отъ Сергѣя по поводу его сношеній съ лордомъ Витвортомъ.

Екатерина была взволнована.

— Какъ же это... такой ошибки быть не можетъ! смущенно проговорила она, — я потребую объясненій отъ Платона Александровича.

Павель молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Да, я немедленно же потребую объясненій. Конечно все это произошло отъ излишняго усердія, но я, во всякомъ случаѣ, не могу оправдывать такую неосмотрительность. Вамъ, конечно, будетъ приятно сообщить Горбатову о томъ, что онъ свободенъ. Объясните ему, что тутъ произошло недоразумѣніе, о которомъ я искренно сожалею... Ограничьтесь этимъ—прошу васъ... Да, сегодня же онъ будетъ свободенъ!

Цесаревичъ задумался на мгновение, соображая что-то. Потомъ вдругъ рѣшился и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, что теперь ему будетъ неудобно оставаться на службѣ въ иностранной коллегіи... Матушка, вы ничего не будете имѣть противъ того, если я предложу ему какое нибудь занятіе при себѣ?

Екатерина нахмурила брови, неудовольствіе выразилось на лицѣ ея.

— Вы желаете, чтобы онъ перешелъ къ вамъ, недовольный мною? если и не въ иностранной коллегіи—ему найдется дѣятельность и я именно должна заглядеть свою невольную ошибку, уничтожить въ немъ всякое неудовольствіе... Я подумаю и найду ему назначеніе, которымъ онъ останется доволенъ...

— Но было бы жестоко въ настоящее время разлучать его съ невѣстой, а она у насъ!

— Я конечно не стану мѣшать ему проводить время съ невѣстой! сухо замѣтила Екатерина.

Павель уже сталъ прощаться; но вдругъ остановился.

— Ахъ, Богъ мой, я и забылъ совсѣмъ! проговорилъ онъ,—если эти бумаги не могли послужить къ обвиненію Горбатова, то есть еще кое что... и очень важное. Горбатовъ сказалъ мнѣ, что въ числѣ отобранныхъ отъ него бумагъ находятся нѣсколько тетрадей его дневника... Гдѣ же онѣ?!

Цесаревичъ вовсе не забылъ о дневникѣ, онъ сразу замѣтилъ, что его недостаетъ. Но сначала не хотѣлъ говорить объ этомъ, теперь же онъ былъ раздраженъ. Онъ сообразилъ, что дневникъ врядъ ли повредитъ Сергѣю, императрица очевидно къ нему расположена. А между тѣмъ то обстоятельство, что Зубовъ осмѣлился скрыть дневникъ и не прислать его вмѣстѣ съ другими бумагами было возмутительно и онъ рѣшился вывести это наружу.

— Дневникъ?! Какой дневникъ?! Вы увѣрены?.. Если былъ его дневникъ, то это конечно самое интересное въ смыслѣ оправданія или обвиненія. Вы увѣрены, что у него эти тетради отобраны?!

— Съ какой же стати ему было лгать?!

— Да, конечно! Вѣроятно Платонъ Александровичъ забылъ прислать его... Я спрошу... и тогда все вмѣстѣ нужно будетъ возвратить.

Цесаревичъ простился и вышелъ.

Екатерина долго сидѣла съ недовольнымъ и сердитымъ лицомъ. Она даже забыла свои страданія.

Какъ ни постарѣла она въ послѣднее время, какъ ни была слаба относительно Зубова, вліянію котораго бессознательно подчинялась, которому довѣряла безусловно, къ ней все же возвращалось иной разъ ея безпристрастіе, ея любовь къ справедливости и прямому образу дѣйствій. И она не могла не видѣть теперь, какъ много въ дѣлѣ Горбатова натяжки и фальши.

„Излишнее рвеніе! успокоивала она себя. Конечно, все это происходитъ и отъ легкомыслія... это не хо-рошо!“

Но внутренній голосъ твердилъ ей, что здѣсь вовсе нѣтъ излишняго рвенія, вовсе не одно легкомысліе. Здѣсь вражда, желаніе погубить человѣка, здѣсь обманъ и ложь.

И не въ первый разъ, не по поводу одного этаго дѣла говоритъ ея внутренній, обвиняющій голосъ, онъ часто указываетъ на самыя дурныя, всегда ненавистныя ей въ людяхъ, свойства человѣка, котораго она хотѣла считать безупречнымъ. И ей тяжело... ей горько...

Сколько разъ готово было у нея сорваться гнѣвное, обвиняющее слово и замирало невыговоренное и она молчала, скрывала свое негодованіе,—она, которая прежде никогда не молчала въ подобныхъ случаяхъ.

Но теперь она должна все высказать, онъ долженъ объяснить, долженъ оправдаться.

Она дрожащей рукой написала нѣсколько словъ Зубову, раздражительно позвонила и приказала какъ можно скорѣе отвезти эту записку свѣтлѣйшему князю.

Онъ не заставилъ себя ждать и явился очень скоро.

— Я уже переговорилъ съ Ламбро-Каліони, сегодня къ вечеру онъ здѣсь будетъ, если ваше величество найдете возможнымъ принять его! заговорилъ Зубовъ входя.

— Хорошо, объ этомъ послѣ, сухо сказала императрица.—Вы привезли съ собой дневникъ Горбатова, который забыли прислать съ этими бумагами?

— Дневникъ? Какой дневникъ?! растерянно прошепталъ неприготовленный къ подобному вопросу Зубовъ.

— Его дневникъ! развѣ онъ не былъ доставленъ?

— Я не видѣлъ никакого дневника... я не знаю.

— Не знаете, странно! Въ такомъ случаѣ призовите того, кто доставилъ вамъ бумаги и потребуйте отъ него объясненій. Я знаю, что дневникъ долженъ былъ находиться въ числѣ бумагъ... я навѣрное это знаю!..

Зубовъ пожалъ плечами.

— Вы понимаете... дневникъ!—это очень важно! Пожалуйста же скорѣе разъясните...

Екатерина упорно отгоняла отъ себя мысль о томъ, что онъ лжетъ передъ нею, что онъ скрылъ отъ нея дневникъ. И между тѣмъ ей любопытно было, зачѣмъ бы онъ это сдѣлалъ! Ей стало такъ тяжело, такъ неловко, ей трудно было взглянуть на него.

— Я должна имѣть этотъ дневникъ какъ можно скорѣе... слышите?!

— Неужели я стану скрывать его отъ васъ?! совсѣмъ уже невозмутимымъ и увѣреннымъ тономъ сказалъ Зубовъ. Только мнѣ невольно приходитъ мысль, что врядъ ли онъ существуетъ. Можетъ быть вамъ ложно сообщено о немъ. Если бы онъ существовалъ, какъ же бы осмѣлились мнѣ его не представить...

— Онъ существуетъ и взять вмѣстѣ съ остальнымъ, попрежнему несмотря на него сказала Екатерина. Теперь все дѣло въ этомъ дневникѣ, потому что если онъ такъ же невиненъ, какъ эти бумаги, которыя я тщательно просмотрѣла, то нужно немедленно извиниться передъ Горбатовымъ. Вы ошиблись и я очень сожалею объ этомъ... я очень огорчена, что возможна подобная ошибка.

— Эти бумаги мало имѣютъ значенія, горячо возразилъ Зубовъ,—и я позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что я ошибся. Что же такое, что въ его бумагахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ—это доказываетъ только его осторожность. Бумаги необходимо было просмотрѣть конечно, но я и не предполагалъ найти въ нихъ что нибудь особенное. Интрига велась очень тонко, я съ трудомъ собираю ея нити. Но дѣло поручено опытнымъ людямъ и я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть возможность доставить вамъ что нибудь серьезное...

— Что интрига существуетъ, что Витвортъ былъ въ

сношеніяхъ съ регентомъ—я въ этомъ почти увѣрена, но не нахожу никакихъ основаній подозрѣвать участіе Горбатова. Вы очень легкомысленно приплели его къ этому дѣлу... Я говорю, меня это огорчаетъ...

Зубовъ поблѣднѣлъ и едва себя сдерживалъ.

Императрица продолжала.

— Вы поступаете несправедливо, вы подозрѣваете человека безъ достаточныхъ доказательствъ, вы дѣлаете меня участницей въ нехорошемъ дѣлѣ—развѣ это не правда?

— Еслибы даже я и ошибался, то мнѣ есть оправданіе—при такихъ обстоятельствахъ подозрѣніе на кого нибудь не можетъ быть поставлено въ вину...

— Пустое! горячо произнесла императрица,—вы не навидите Горбатова, я уже слышала это...

— Я вынесу всякія обвиненія, потому что моя совесть чиста, я забочусь только объ интересахъ вашего величества, я себя забываю...

— Оставьте меня, я совсѣмъ больна, я попробую заснуть!.. упавшимъ голосомъ проговорила Екатерина, съ трудомъ поднялась съ кресла и тихо вышла изъ комнаты.

Зубовъ стоялъ блѣдный, его губы тряслись.

„Да что же это?! думалъ онъ,—колдунъ онъ, что ли, этотъ проклятый Горбатовъ! Нѣтъ, она дѣйствительно нездорова, она отъ этого и раздражена... завтра будетъ другая... она сама будетъ на себѣ досадовать за этотъ тонъ!..“

(До слѣдующаго №).

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разсказовъ о крайнемъ Востокѣ.

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

V.

Въ тайгѣ.

Солнце только что поднялось изъ-за горизонта, скользнуло своими мягкими, ласкающими лучами по зеркальной поверхности словно заснувшего океана и озолотило мохнатыя, щетинистыя вершины крутого, сахалинскаго, водораздѣльнаго хребта, дикаго, неизвѣднаго и таинственнаго... Въ глубокихъ долинахъ и завобѣдныхъ падахъ лежитъ еще темная тѣнь... Въ глухой, едва проходимо зарости только что распустившейся, душистой листвы таинственный полумракъ, среди котораго едва можно разглядѣть осторожно пробирающихся къ сѣверу бѣлыхъ Митьку и Бажина Майданчика. Вотъ уже пятый день бредутъ они по самымъ дикимъ, таѣжнымъ мѣстамъ, непролазными чащами, съ увала на уваль... Арестантскіе ихъ костюмы, синіе изъ сбраго, толстаго сукна, уже превратились въ жалкія лохмотья, сквозь которыя просвѣчиваетъ худое, изцарапанное колючимъ кустарникомъ тѣло... Ихъ избитыя, покрытыя кровавыми пузырями и ранами, ноги обуты въ какую-то неопредѣленную рвань, въ какую-то измочаленную смѣсь гнилой кожи, сбраго сукна и грязныхъ тряпокъ... Изцарапанныя лица и руки запачканы грязью и кровью...

За истекшіе четверо сутокъ бродяги вынесли много невзгодъ, испытали много лишеній, страха и страданій, и нравственныхъ и физическихъ... Пятый день пробираются они по самымъ завобѣднымъ таѣжнымъ мѣстамъ, по извилистымъ, звѣровымъ тропамъ, таясь отъ человѣческаго взора, избѣгая встрѣчи съ людьми и хищнымъ звѣремъ. Они знаютъ, что объ встрѣчи могутъ быть для нихъ одинаково гибельными... Нѣтъ, они даже предпочитаютъ встрѣчу съ медвѣдемъ, чѣмъ съ человѣкомъ. Первый, пожалуй, еще раздумаетъ ѣсть сухое, жилистое мясо измочаленныхъ каторжныхъ, но человѣкъ навѣрняка угодитъ бѣглецовъ свицовымъ орѣшкомъ... Особенно хоронятся бродяги отъ пнородцевъ, косоглазыхъ гиляковъ и грязныхъ ороchonъ, любящихъ поохотиться на горбачей (бѣглыхъ) въ надеждѣ пожизнить кое-какою рванью и ошметками...

„Худенькій бѣглый лучше доброй козы—съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ и три,“ говорятъ сибирскіе пнородцы, и, сообразуясь съ этою поговоркою, пользуются каждымъ случаемъ, подстрѣлить двуногаго звѣря—горбача и захватить его лонатину... Знаютъ это наши бѣглецы и берегутъ свою рвань, хоровятъ ее отъ зоркаго глаза пнородца и далеко обходятъ жалкія юрты гиляковъ и берестяные шалаши бродячихъ ороchonъ, обходя ихъ, чтобы вѣчно голодные собаки дикарей не почували бродягъ и навели на ихъ слѣдъ своихъ хозяевъ... Митька, какъ старый, болѣе опытный бродяга, служитъ проводникомъ Майданчику, какъ собака, покорно бредетъ по пятамъ своего неумоимаго товарища, едва волоча выдвинутую, сильно распухшую лѣвую ногу—ушибъ отъ неожиданнаго паденія съ остройной крыши. Съ каждымъ шагомъ Бажинъ морщитъ свое широкое, скуластое лицо и крѣпко стискиваетъ острые зубы... Невыносимая, острая боль въ ногѣ выжимаетъ изъ мощной груди глухой, съ трудомъ сдерживаемый стонъ... Крѣпится, бодрится Майданчикъ... Совѣстно ему выказать передъ хилымъ товарищемъ свою слабость, несомъ своего богатырскаго тѣла... Опираясь на свѣже вырѣзанный, березовый костыль, безропотно ковыляетъ онъ за опытнымъ вожакомъ и даже не думаетъ о томъ, скоро-ли кончится тяжелое шатанье по глухой тайгѣ... Да и зачѣмъ думать объ этомъ, когда свобода каторжника вся и заключается именно въ этомъ безцѣльномъ шатаніи по таѣжнымъ мѣстамъ, въ неизвѣстную даль, все впередъ и впередъ, пока онъ не сложитъ своей головы, отъ истощенія либо болѣзни, въ какой нибудь дикой, непросвѣтной трущобѣ, пока не попадетъ на острые зубы какого нибудь лѣснаго хищника или-же не провижетъ его мѣткая пуля встрѣчнаго дикаря....

Не обращая вниманія на свои избитыя ноги, Митька бойко шагаетъ по извилистой, звѣриной тропѣ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему пороху и шелесту, зорко всматриваясь своими черными глазами въ чащу. Грудь его дышетъ свободно и легко... Съ какимъ-то неизъяснимымъ блаженствомъ втягиваетъ онъ расширенными ноздрями душистый, смолистый запахъ недавно распустившейся листвы... Свобода преобразила Митьку до неузнаваемости... Его тщедушная, болѣзненная фигура словно выросла и даже дышетъ какою-то мощью... Въ его темныхъ, глубокихъ глазахъ горитъ неуловимый огонь влюбленнаго желанія бродяжничества во что бы то ни стало, каковы бы то ни было цѣною... Солнце поднимается выше и выше... Вотъ оно уже надъ самымъ островомъ и щедро обдаетъ его своими горячими, яркими лучами... Бѣглецы, въ особенности Майданчикъ, начинаютъ чувствовать большую усталость, а выѣсть съ тѣмъ и волчий аппетитъ....

— Не пора-ли отдохнуть? рѣшился напомнить Майданчикъ неумоимому товарищу.

— Отдохнемъ, коли замаялся, отвѣтилъ Митька, продолжая шагать по извилистой, истоптанной звѣремъ тропѣ.

— Поѣсть не мѣшало-бы, продолжалъ Майданчикъ нерѣшительно.

— Поѣсть? переспросилъ Митька. А развѣ не помнишь, что послѣдній кусокъ хлѣба слопали...

— Хотѣ-бы ягоди какой покушать... Животъ, вишь, свело, проговорилъ Майданчикъ.

— А гдѣ ее возьмешь, ягуду-ту эту! началъ Митька урезонивать товарища. „Время еще не приспѣло для ягодъ“ а вотъ погоди пемного, всего вдосталь будетъ.... Брусница, малина, болрка приспѣеть, а тамъ грибы разныя... А таперича окромя кореньевъ ничего не найдешь...

— Лонать-то голодному все равно что: ягоди либо коренья, согласился Майданчикъ, выходя вслѣдъ за товарищемъ на не большую лужайку, покрытую густою, ярко зеленою травою.

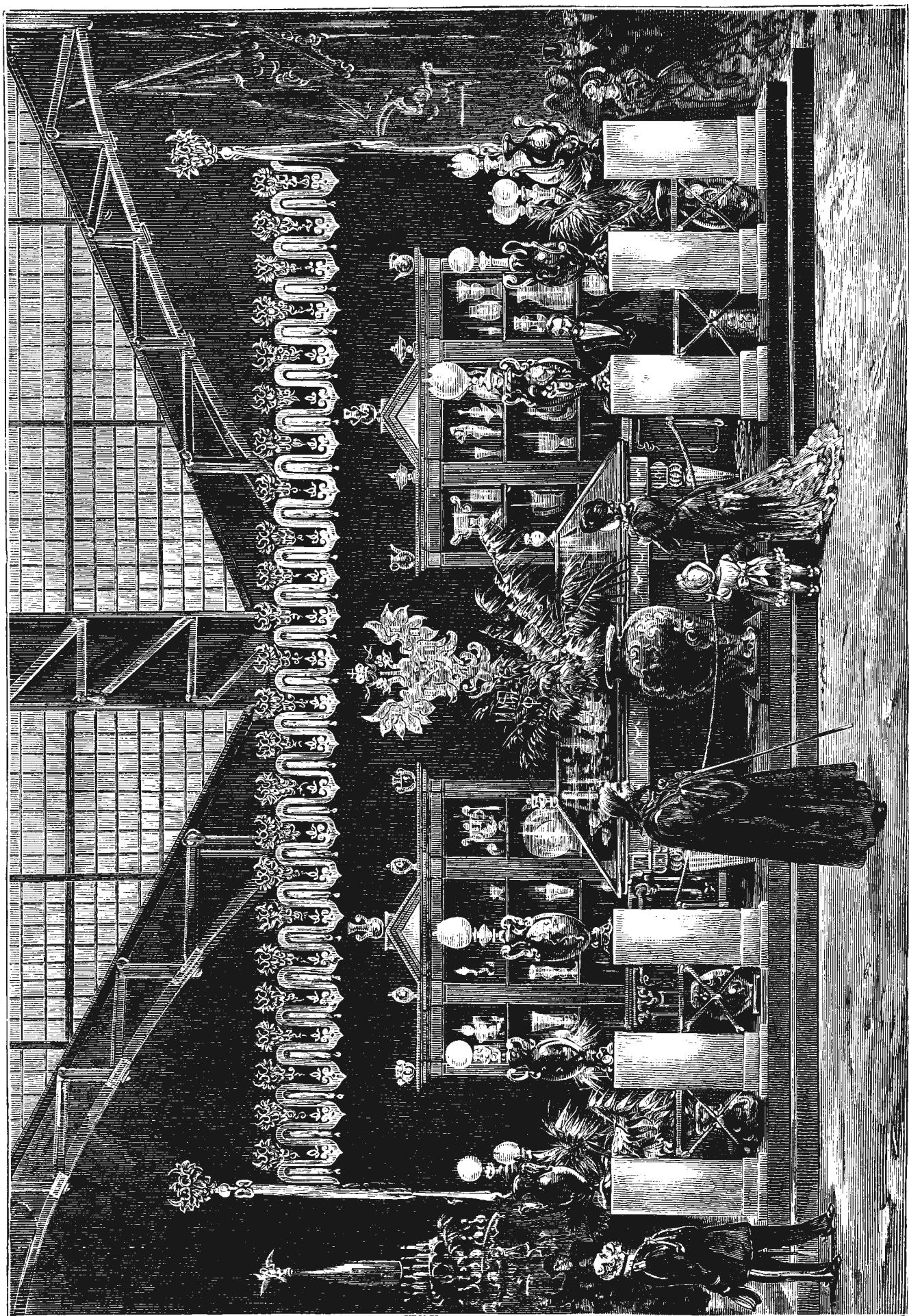
— Садись тутъ, а я попищу чего нибудь, проговорилъ Митька и юркнулъ въ чащу....

Майданчикъ тяжело опустился на мягкую, душистую траву, легъ на спину и съ наслажденіемъ вытянулъ свои сильно уставшія ноги.... Яркое, весеннее солнце бросало на лужайку снопы ласкающихъ лучей, обдавая бродягу ибжающимъ тепломъ.... Хорошо Майданчику, такъ хорошо, какъ никогда раньше не бывало.... Даже голодь его какъ будто успокоился, пересталъ желудокъ тосковать и требовать пищи.... Заложивъ руки за голову, смотреть бродяга въ глубокое, синее небо и слѣдить слегка прищуренными глазами за высоко бѣгущимъ, бѣлымъ облачкомъ.... Оно сверкаетъ на солнцѣ свѣжною бѣлизною и заставляетъ щурить глаза все больше и больше.... Нѣсколько секундъ онъ слѣдитъ еще за облачкомъ сквозь тѣнь опущенныхъ рѣсницъ.... Но вотъ глаза его невольно сомкнулись, и убаюкиваемый окружающею таинственною тишиною, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ сильно уставшаго человѣка...

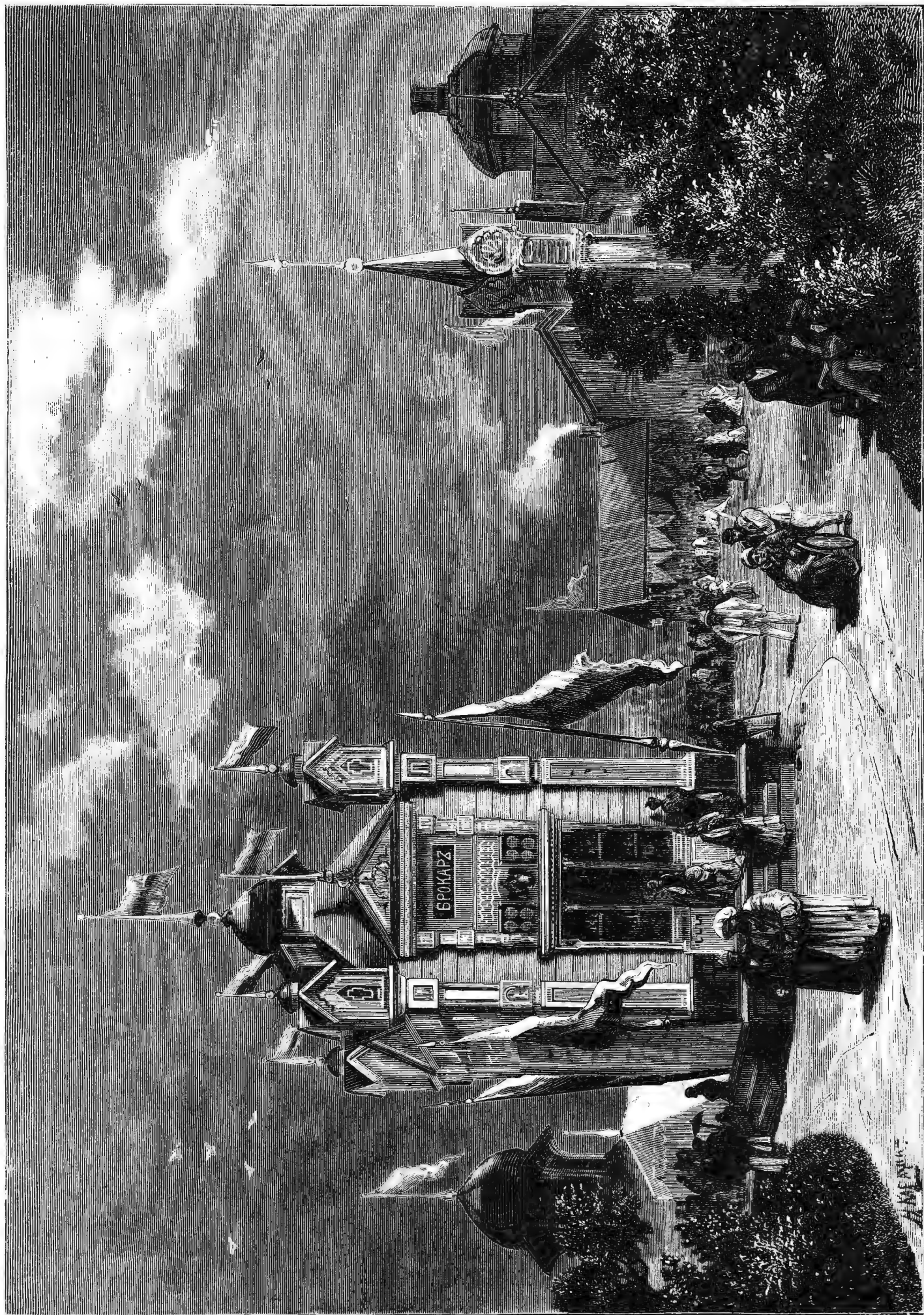
VI.

Погона.

Спитъ онъ и видитъ дивный сонъ... Блестящее облачко, уже коснувшееся однимъ краемъ вершинъ вздымающихся вдали холмовъ, вдругъ остановилось и быстро понеслось въ обратную сторону... Несется оно по синему, глубокому небу и вмѣстѣ съ тѣмъ спускается все ниже и ниже, словно хочетъ придавить собой распластавшагося на мягкой травѣ бѣлаго... Вотъ облако уже совсѣмъ близко... Чувствуетъ бродяга, какъ оно рѣжетъ ему глаза своимъ нестерпимымъ блескомъ и пышетъ на него пальчатымъ жаромъ... Облако спускается все ниже и ниже... Вдругъ оно превратилось изъ бѣлаго, блестящаго въ кроваво-красное, окутало бродягу съ ногъ до головы и вмѣстѣ съ нимъ

Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ Императорскаго фарфороваго завода.
 Ориг. рисунокъ нашего специальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. Флюгелъ.

Московск. промышленно-художественная выставка. Внутр. видъ выставки. Павильонъ Брокера и ресторана.
Ориг. рисунокъ нашего специального корреспондента въ Москвѣ П. П. Каразина, грав. М. Раппевскій.

медленно стало подыматься... И страшно ему, и хорошо!.. Поднялось облако высоко-высоко и повеслось в неизвестную даль, куда-то вперед, понеслось с такою быстротою что дух захватило... Повъяло прохладой... Облако постепенно начало терять свой кровавый цвет, бледнеть, рдѣть и наконец исчезло... Спящій очутился в чистой, просторной избѣ... На бѣломъ, выскобленномъ столѣ стоит большой горшокъ съ дымящимся, жирными ями. Рядомъ съ горшкомъ лежат толстые ломти только что испеченнаго хлѣба... Никого нѣтъ в избѣ, но все прибрано, приготовлено... И кажется ему что все это припасено для него, что онъ хозяинъ. Саповито распоясываетъ онъ кушакъ, сбрасываетъ на скамью новенькій, тонкаго сукна армякъ и важно усаживается за столъ... Дивится Майданчикъ, видя на себѣ еще немнутую, новую ситцевую рубашу, драповый жилетъ, плюсовые шаровары и блестящіе сапоги бутылками. По жилету ползет толстая, бронзовая цѣпочка... „Ишь и часы ужъ завелъ“, самодовольно подумалъ онъ... Хотѣлъ онъ было и часы сейчасъ-же разсмотрѣть, да раздумалъ: вѣтъ такъ захотѣлось, что не в терпѣнь.

Взялъ онъ со стола новенькую, деревянную, ярко росписанную ложку и глубоко запустилъ ее въ горшокъ со щами... Слюнки потекли у бродяги при видѣ жирныхъ, сочныхъ кусковъ мяса, ловко захваченныхъ развалистой, уѣмистой ложкой... Взялъ Майданчикъ лѣвой рукой самый большой ломоть хлѣба, подставилъ его подъ ложку, чтобы не закапать стола ями, и осторожно сталъ подносить ее ко рту... Только что онъ приблизилъ свои губы къ ложкѣ, какъ вдругъ дверь распахнулась и въ избу влетѣлъ какой-то здоровенный, свирѣпый мужичина... Подскочилъ мужичина къ столу, ложку изъ рукъ Майданчика вышибъ, ши опрокинулъ, хлѣбъ раскидалъ, да вдобавокъ началъ еще въ бока бродяги здоровенными кулачищами тыкать... Тычетъ мужичина кулаками, да приговариваетъ: „Ты что тутъ развалился?... Намель время, да мѣсто!... Вставай живо, да улетывай!“... Ошалѣлъ Майданчикъ—глазамъ своимъ не вѣрять... Протеръ ихъ хорошенько, посмотрѣлъ—склонился надъ нимъ Митька и что есть силы тычетъ въ его бока кулаками...

— Ишь разошелся!.. Пасилу добудился!.. Вставай живо, да духомъ въ самую чашу! кричалъ Митька, продолжая тысти еще не пришедшаго въ себя Майданчика. „Облава близко!“... При этой фразѣ Бажинъ вскопился, словно ужаленный, и съ какимъ-то безотчетнымъ ужасомъ, забывъ о своей вывихнутой ногѣ, бросился въ чашу... Цѣпкій кустарникъ рвалъ съ него послѣднія лохмотья, хлесталъ по глазамъ, царапалъ лицо ноголенно тѣло... Митька отъ товарища не отставалъ и ловко пользовался проторенной имъ въ чашѣ тропой...

Гдѣ-то вдали, въ одномъ мѣстѣ, слышались громкіе крики преслѣдующихъ и отрывистый собачій лай... Вотъ голоса раздѣлились, послышались сзади, справа и слѣва... Повидимому, преслѣдующіе напали на слѣдъ бѣглецовъ и старались схватить ихъ со всѣхъ сторонъ...

Бродяги съ какою-то дикою, отчаянною рѣшимостью пробрались въ самую чашу, густо разросшагося, снѣтшагося кустарника, стараясь уйти какъ можно дальше отъ неутомимыхъ преслѣдователей... Напрасно, съ каждой минутой голоса слышались все ближе и ближе... Кругъ преслѣдователей все суживался и суживался... Майданчикъ началъ замѣтно приставать... Вывихнутая нога отказывалась служить и причиняла невыносимыя страданія... Облава между тѣмъ была уже близко... Бродяги уже слышали позади трескъ раздвигаемыхъ кустовъ и тяжелые шаги преслѣдователей, рѣшившихся, повидимому, захватить бѣглыхъ вочто бы то ни стало... Майданчикъ и Митька бѣжали быстро, что было мочи, спотыкались, падали, подымались съ неестественною быстротою и бѣжали дальше, не обращая вниманія на то, что ихъ лица и тѣло были уже покрыты почти сплошными кровавыми ссадинами и глубокими царапи-

нами... Словно загнанные звѣри бросались они въ почти сплошную стѣпу густо разросшейся лѣтвы, пробивали дорогу головами, очищали себѣ путь къ спасенію руками и ногами, даже зубами... Напрасно! Съ каждой минутой преслѣдователи все ближе и ближе... Бѣжавшему позади Митькѣ казалось, что онъ уже слышитъ тяжелое, порывистое дыханіе, и шелканье собачьихъ зубовъ... И кажется ему, что вотъ вотъ эти зубы вонюются въ его икры... Еще минута, и онъ долженъ будетъ отдаться въ руки преслѣдователей... Ужасъ открыли Митьку, открыли и Майданчика... Это былъ послѣдній порывъ донельзя напряженныхъ нервовъ... Бродяги начали уже задыхаться отъ снѣжнаго бѣга, но преслѣдователи не отставали и продолжали гнать ихъ безъ усталы, настойчиво... Это была настоящая охота, трѣля!..

— Измаялся!.. Не могу дальше бѣжать!.. прохрипѣлъ Майданчикъ, едва переводя духъ.

— Подъ зай въ душло этого дуба и сиди въ немъ, пока не приду, быстро проговорилъ Митька, указывая на стоявшій впереди толстый, старый, душлистый дубъ.

Утопающій хватается за соломенку!.. Майданчикъ энергично сталъ пробивать себѣ дорогу къ спасительному дубу... Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже скрылся въ душлѣ, а Митька бросился дальше, увлекая за собой своихъ настойчивыхъ преслѣдователей... Вотъ постепенно кустарникъ началъ рдѣть, и черезъ минуту бродяга выбѣжалъ на болотистый берегъ небольшой рѣчки... Недолго размышляя, Митька бросился въ рѣчку, забрался по вязкому дну на ее середину и погрузился въ холодную воду по самый подбородокъ... Не прошло и двухъ минутъ, какъ на берегъ выскочили изъ чащи три солдата и зорко начали осматривать берега рѣчки... Митька быстро сироталъ голову въ воду... Черезъ минуту стало ему не вмоготу и онъ осторожно высунулъ голову, чтобы надышаться... Солдаты не было видно... Митька продолжалъ сидѣть въ водѣ и чутко прислушивался къ раздающимся въ разныхъ мѣстахъ крикамъ. При каждомъ подозрительномъ шорохѣ или шелестѣ онъ быстро погружалъ голову въ воду и сидѣлъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока хватало силы... Надышется немного и опять подъ воду!..

Прошло не мало времени, когда крики преслѣдователей заглохли въ отдаленіи... Солнце уже село, и на рѣчку легли темныя тѣни... Быстро темнѣло... Митька осторожно вылезъ изъ рѣчки... Его трясла лихорадка... Зубъ не понадалъ на зубъ... Нижняя челюсть прыгала такъ сильно, что бродягѣ каждую минуту казалось, что она выскочитъ изъ своего мѣста... Чтобы немного согрѣться, Митька сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ движеній, затѣмъ осторожно вошелъ опять въ чашу и направился къ дубу, въ душлѣ котораго притаился Майданчикъ...

До глубокой ночи пробродилъ бродяга по чашѣ, пока розыскалъ наизвѣстный, душлистый дубъ и розыскалъ-то онъ его только благодаря своему чутью, изощренному за время былыхъ долгихъ походовъ по таинственной тайгѣ...

— Майданчикъ, позвалъ Митька товарища, „выходи! Потеряли слѣдъ, угомонились“...

Никто не отозвался. Еще раза три позвалъ Митька товарища, громче и громче,—напрасно—отвѣта не было... Началъ онъ шарить въ душлѣ и наткнулся на полуголое тѣло Майданчика уже, холодное, неподвижное... Первый моментъ Митьку поразила мысль: „не мертвый-ли“?! Онъ быстро приблизилъ свою руку къ лицу Майданчика и почувствовалъ дыханіе...

— „Ишь-ты уснул“!.. подумалъ Митька съ облегченнымъ вздохомъ. „Славное мѣстечко указалъ я ему... Однако и для двоихъ, кажись, мѣста хватить... Другъ дружкѣ грѣть будетъ“...

И Митька, не долго думая, забрался въ широкое душло и расположился рядомъ со своимъ крѣпко спавшимъ товарищемъ... Черезъ нѣсколько минутъ бродяга забылъ холодъ и голодъ и уже спалъ мертвымъ сномъ человѣка, доцельзя измученнаго...

(Дѣ слѣд. №).

Изъ Шамиссо.

Лазурь твоихъ очей еще свѣтла, ярка,
Но взоръ какъ бездна моря мрачень,
И розы на щекахъ цвѣтуть еще пока,
Но ихъ чудесный слескъ утраченъ.

* * *

Такъ вьнетъ на стеблѣ, поломанномъ въ грозу,
Цвѣтокъ лиліи бѣлоснѣжной;
Утративъ аромать, тая въ себѣ слезу,
Онъ клонитъ низко вѣнчикъ вѣжливый.

Несчастное дитя, души болящей стонъ
Ты мнишь подъ смѣхомъ скрыть напрасно!
Прекрасный образъ твой злой мукой омраченъ,
Ес въ очяхъ я вижу ясно...

* * *

Такъ дикій плющъ, обвинивъ руинъ столѣтнихъ рядъ,
Виситъ гирляндой зеленой,
Онъ пыленъ и кудравъ, и свѣжъ еще на взглядъ,
Но онъ ужъ свить зимой студѣной.

П. Быковъ.

Старое и новое о кофе.

Очеркъ.

Употребленіе кофе наиболѣе значительно въ Аравіи; онъ играетъ тамъ ту же роль, что чай въ Китаѣ.

Ежедневное употребленіе очень крѣпкаго кофе дѣйствуетъ весьма вреднымъ образомъ на организмъ; умѣреннее же

крѣпкій кофе дѣйствуетъ хорошо, оживительно, и даже въ известной степени цѣлбно. Последнее обстоятельство подало мысль Просперу Альпину въ 1591 году ввести въ Венецію употребленіе кофейныхъ зеренъ въ видѣ лекарства. Однако кофе

так понравился евреям, что они стали употреблять его даже и в здоровом состоянии и наконец оно сдѣлалось обыкновенным и любимым напиткомъ.

Проходя въ настоящее время мимо множества прекрасныхъ кофеенъ по улицамъ Парижа, съ трудомъ вѣрится чтобы основателемъ этой отрасли торговли былъ армянинъ, который болѣе чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ на ярмаркѣ въ предмѣстьи Ст. Жерменскомъ продавалъ кофе въ невзрачной лавочкѣ.

Въ первое время ввозъ кофе въ Европу былъ очень затруднителенъ. До пятнадцатаго столѣтія кофе употреблялся только въ южной Абиссиніи—въ горной странѣ Кафа.

Затѣмъ позже, на востокѣ дerviши пили кофе, чтобы подкрѣпить и освѣжить себя во время продолжительныхъ молитвъ; но это было недолго, такъ какъ ввозъ кофе былъ строго воспрещенъ Каиръ-беємъ, а многие склады были даже истреблены.

Только въ 1870 году впервые былъ привезенъ кофе въ Вѣну, и тамъ выстроена кофейня. Затѣмъ Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Гамбургъ и Штутгартъ послѣдовали примѣру Вѣны.

Въ Берлинѣ первая кофейня была выстроена лишь спустя 51 годъ послѣ ввоза кофе въ Германію.

При Фридрихѣ II торговля кофе находилась въ рукахъ правительства. Въ особо устроенныхъ заведеніяхъ кофе жарили для народа; цѣна его была очень высока. Только духовныя лица, дворяне и сапожники пользовались разрѣшеніемъ жарить кофе дома.

Съ увеличеніемъ потребленія кофе, стали заботиться о его разведеніи, чѣмъ въ настоящее время по преимуществу занимаются во всѣхъ тропическихъ странахъ. Въ послѣдніи десятилѣтія потребленіе кофе въ Германіи очень возрасло, что подтверждается статистическими таможенными данными, по которымъ въ 1838—40 гг. приходилось по 2,3 фунта кофе на человека, нынѣ же по 4,35 фунта.

Кофейное дерево извѣстно въ ботаникѣ подъ именемъ „Coffea arabica“, сѣмена его составляютъ употребляемая нами кофейныя зерна. Послѣдніи сидятъ по два въ кругломъ мясистомъ плодѣ, который въ началѣ бываетъ зеленымъ, а потомъ становится яркочернымъ. Кромѣ того самыя сѣмена окружены оболочкой, которая на видъ очень похожа на желтый пергаментъ.

Между различными сортами кофе, самымъ лучшимъ считается абиссинскій, который почти не ввозится въ Европу, а отправляется на берегъ Сомали. Одинаковой доброты съ послѣднимъ вывозится кофе изъ горной страны Йемень, гдѣ онъ впервые былъ разведенъ. Въ продажѣ этотъ сортъ извѣстенъ подъ именемъ мокка; но къ сожалѣнію онъ цѣлкомъ идетъ въ Турцію, Персію и Египетъ, а у насъ подъ этимъ названіемъ продается яванскій кофе.

Затѣмъ существуютъ еще двѣ группы: остиндскій и американскій кофе.

Изъ остиндскихъ сортовъ кофе болѣе всего вывозится съ острова Целебеса, Явы и Цейлона. Прекрасный Манилла-кофе съ Филиппинскихъ острововъ не встрѣчается въ Европѣ. Изъ американскихъ сортовъ болѣе всего извѣстны: суринамскій кофе, затѣмъ острова Ямайки и изъ Гватемалы. Кофе-Доминго выдѣлываемый въ Гаити принадлежитъ къ низшимъ сортамъ, но по своей дешевизнѣ и крѣпости очень распространенъ въ продажѣ.

Въ наибольшихъ размѣрахъ кофе разводится теперь въ Бразиліи, такъ что половина всего потребляемаго кофе доставляется оттуда. Однако бразильскіе сорта отличаются не столько качествомъ какъ дешевизною.

При покупкѣ, очень трудно опредѣлить достоинство сырыхъ зеренъ. На это существуютъ извѣстныя данныя, между прочимъ главную роль играетъ мѣсто откуда вывезенъ кофе. Нужно замѣтить, что почва не всегда одинакова, способъ сбора и сохраненія не всегда удовлетворителенъ и урожай въ одномъ и томъ-же мѣстѣ не всегда одинъ и тотъ-же. Самый лучший и ароматичнѣйшій кофе разводится на тощей почвѣ въ возвышенныхъ мѣстностяхъ. Такъ наиримѣръ на островѣ Явѣ кофе разводится на высотѣ отъ 2,000—5,000 футовъ; на Суматрѣ кофейныя сады расположены на высотѣ 4,500 футовъ.

Вообще болѣе всего цѣнятъ сорта съ большими зернами. Дешевые сорта имѣютъ зерна перовныя и разныхъ цвѣтовъ. Хорошій товаръ долженъ быть старательно собранъ, совершенно зрѣлъ и хорошо рассортированъ.

Въ понеречномъ разрѣзѣ кофейное зерно подъ микроскопомъ представляется въ видѣ пестрыхъ, многоугольныхъ рыхлыхъ ячеекъ, принадлежащихъ къ роговымъ бѣлковымъ тѣламъ, изъ которыхъ болѣею частью состоятъ сѣмена. Стѣнки ячеекъ представляются разбухшими и узловатыми. Въ самыхъ ячеечкахъ находится, бѣлковина, жиръ и сахаръ, которые въ увеличенное стекло кажутся безцвѣтной массой въ комьяхъ. Французскій химикъ Пайэнъ нашелъ въ сырыхъ зернахъ слѣдующія вещества: растительную клетчатку, воду, жиръ, сахаръ, декстринъ, органическія кислоты, бѣлковину, дубильно-кислый кофеинъ кали, кофеинъ, азотъ, летучее масло, ароматическое эфирное масло и минеральныя части.

Оживляющее свойство кофе зависитъ по преимуществу отъ присутствія кофеина и летучаго ароматическаго жира. Количество кофеина доходитъ отъ 0,5 до 2,2 на 100 частей кофе. Съ

рымъ явскій кофе, лучший суринамскій, изъ Цейлона, Сантоса и Ямайки содержатъ наиболѣе кофеина, котораго въ яванскомъ кофе бываетъ 2,21%, а въ ямайскомъ 1,43%.

Извѣстно что для полученія вкуснаго напитка нужно жарить кофе осторожно. Кофе доведенный до свѣтлокоричневаго цвѣта считается прожареннымъ. При медленномъ и равномерномъ нагреваніи кофе въ металлическихъ закрытыхъ сосудахъ, первоначально выдѣляется вода, при усиленіи теpla дубильно-кислый кофеинъ кали окрашивается и зерно разбухаетъ. При этомъ часть кофеина испаряется немедленно—а остальная часть позже. Затѣмъ жирныя летучія масла распространяются въ разрыхленномъ зернѣ и окончательно выдѣляются при завариваніи кофе кипяткомъ.

Опыты доказали, что изжаренный кофе теряетъ въ вѣсѣ до 20%, но увеличивается въ объемѣ. Такъ докторъ Либихъ говорить что 100 зеренъ кофе, послѣ изжаренія имѣютъ объемъ 150—160 зеренъ.

Не мѣшаетъ мочить кофе минутъ 12 въ водѣ и затѣмъ уже жарить. Этотъ способъ способствуетъ болѣе равномерному доступу теpla, черезъ развитіе водяныхъ паровъ. Ошибочно существующее предположеніе, что кофе нужно жарить до тѣхъ поръ, пока онъ не покроется жиромъ. При этомъ испаряется большое количество кофеина отчего теряется достоинство кофе.

Извѣстно что жареный кофе очень скоро теряетъ ароматъ. Во избѣжаніе этого слѣдуетъ послѣ окончанія жаренія посыпать кофе мелкимъ сахаромъ и хоуошенко встряхнуть. Сахаръ таетъ на зернахъ и покрываетъ ихъ тонкой блестящей корой, которая не допускаетъ улетучиваться аромату.

Количество растворимыхъ частей черезъ обдаваніе кофе кипяткомъ бываетъ различно, смотря по сорту и по степени изжаренія. Можно предположить, что среднимъ числомъ это опредѣляется 25%.

Для хорошаго растворенія кофе нужно наблюдать чтобы послѣдній былъ очень мелко измолотъ, или истолченъ въ ступкѣ. Затѣмъ вода должна быть непременно горячая, такъ какъ охлажденная не въ состояніи растворить кофе.

На востокѣ не употребляютъ кофейныхъ мельницъ, а толкутъ кофе въ ступкахъ, затѣмъ обливаютъ холодной водой и кипятятъ. Когда кофе отстоится, то его наливаютъ. Въ южной Италіи, точно также готовятъ кофе. Дѣйствительно подобнымъ способомъ получаютъ прекрасный напитокъ. Въ Германіи прибавляютъ къ водѣ немного угольнокислаго натра, отъ чего получается болѣе крѣпкій кофе.

До сихъ поръ не удавалось изготовить кофейнаго экстракта, подобно мясному. Не подлежитъ сомнѣнію, что сытъ кофейнаго экстракта былъ-бы громаденъ, предполагая, что цѣна его была-бы недорого. Однако, если-бы удалось приготовить экстрактъ съ такимъ-же точно ароматомъ какъ и кофейныя зерна, то въ виду удобства готовить кофе такимъ способомъ и возвышенная цѣна не умалала-бы его сбыта.

Очень трудно опредѣлить составъ аромата, свойства котораго очень различны; самый тонкій ароматъ улетучивается скорѣе всего.

Поддѣлка кофе не практикуется въ такихъ размѣрахъ, какъ это бываетъ съ другими продуктами; тѣмъ болѣе что сырыя зерна поддѣлать довольно трудно. Иногда подмѣшиваютъ къ дорогимъ сортамъ болѣе дешевыя или подкрашиваютъ зерна.

Неоднократно въ торговлѣ попадался кофе, зерна котораго были сдѣланы изъ тѣста и такъ удачно, что положительно не отличались отъ настоящихъ. Докторъ Мюллеръ въ Цюрихѣ, также находилъ поддѣланный кофе изъ хлѣбнаго тѣста.

Въ Прагѣ и Вѣнѣ уже 10 лѣтъ какъ существуютъ фабрики, для приготовленія искусственнаго кофе, который смѣшивается съ настоящимъ и продается простодушнымъ покупателямъ.

Для поддѣлыванія употребляютъ также жареные жолуди и жито, ихъ мелютъ и готовятъ тѣсто, затѣмъ особенными формочками дѣлаютъ зерна. Удастся даже придать поддѣланнымъ зернамъ блескъ настоящихъ. Однажды въ продажѣ наши кофе попорченный морскою водою, подкрашенный охрою, который ничѣмъ не отличался отъ хорошаго кофе. Конечно самая усиленная поддѣлка производится въ мелочной торговлѣ, гдѣ продаютъ молотый кофе. Для этого берутъ, цекорій, ячмень, жолуди, миндаль и въ крайнемъ случаѣ даже песокъ.

По мнѣнію доктора Дитша въ Цюрихѣ три четверти жаренаго и молотаго кофе, находящагося въ торговлѣ, поддѣланы. Торговцы подмѣшиваютъ рожь, картофель, рѣпу и другія овощи.

Подъ микроскопомъ очень легко узнать поддѣланный кофе, такъ какъ кофе отличается отъ другихъ растений узловой тканью. Для неумѣющихъ обращаться съ микроскопомъ достаточно посыпать немного молотаго кофе въ стаканъ съ водою; настояшій кофе, какъ содержащій въ себѣ много жирныхъ частей, очень трудно вытѣкаетъ воду и медленно садится на дно, окрашивая воду въ свѣтложелтый цвѣтъ. Напротивъ, примѣшанный кофе опускается на дно и окрашивается въ темно-коричневый цвѣтъ.

Во всякомъ случаѣ было-бы желательно чтобы правительства болѣе строго относились къ торговцамъ и установили надлежащій контроль не только надъ продажей кофе но и надъ друими продуктами.

Къ рисункамъ.

Легкая ноша.

(Рисунокъ на стр. 561).

Съ такой предестной пошеи, молодой человекъ изображенный талантливымъ художникомъ, готовъ повидимому идти куда угодно. Влюбленные глаза устремлены на милое личико дѣвочки, сильные руки легко поднимаютъ ее и ни жаръ полуденныхъ лучей, ни томительная духота неподвижнаго зеленого лѣса—ничего этого онъ не чувствуетъ. Онъ ступаетъ твердо и смѣло въ воду, одушевленный мыслями, что несетъ свою возлюбленную, свое лучшее сокровище на землѣ; такъ доверчиво прижалась она къ нему и на ея лицѣ выражается то спокойное счастье, которое даетъ лишь молодость и чистота душевная.

Новости Спб. Зоологическаго Сада.

(Рис. на стр. 569).

Единственное можно сказать удобное мѣсто для семейнаго гулянья, твердо выдсрживающее этотъ характеръ въ продолженіи ряда лѣтъ, Зоологическій садъ, является теперь, въ такую чудесную весну, какими не часто даритъ петербургская природа, особенно посѣщаемымъ мѣстомъ. Каждый вечеръ множество народу, много семействъ съ дѣтьми, стремится въ садъ, ибо туда такъ близко и такъ удобно сообщеніе и администрація сада такъ заботливо собираетъ все, что можетъ служить къ развлеченію и увеселенію массы и такъ постоянно, каждый годъ, заинтересовываетъ новинками—вывезенными вновь экземплярами звѣрей, что публика это оцѣнила по достоинству и лучшая рекомендація учрежденію—это биткомъ набитое каждый вечеръ помѣщеніе сада. Содержатель г. Ростъ много заботился и въ этомъ году объ улучшеніи сада, объ обновленіи коллекцій звѣрей и пернатыхъ и доставленіи публикѣ самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Изъ новостей на открытой сценѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія укротитель львовъ Ю. Батти вѣдající по канату на велосипедѣ безъ контръ-баланса и Ф. Гайель. Укротитель Батти, входя въ клетку съ своею собакой, заставляетъ львовъ продѣлывать по истинѣ изумительныя вещи. Онъ заставляетъ ихъ ложиться, треплетъ ихъ по мордѣ, ложится рядомъ съ ними, стрѣляетъ, находясь между ними, заставляетъ ихъ прыгать черезъ обручи и наконецъ одну львицу даже тянуть зубами шнуръ для выстрѣла. Свирыпыя

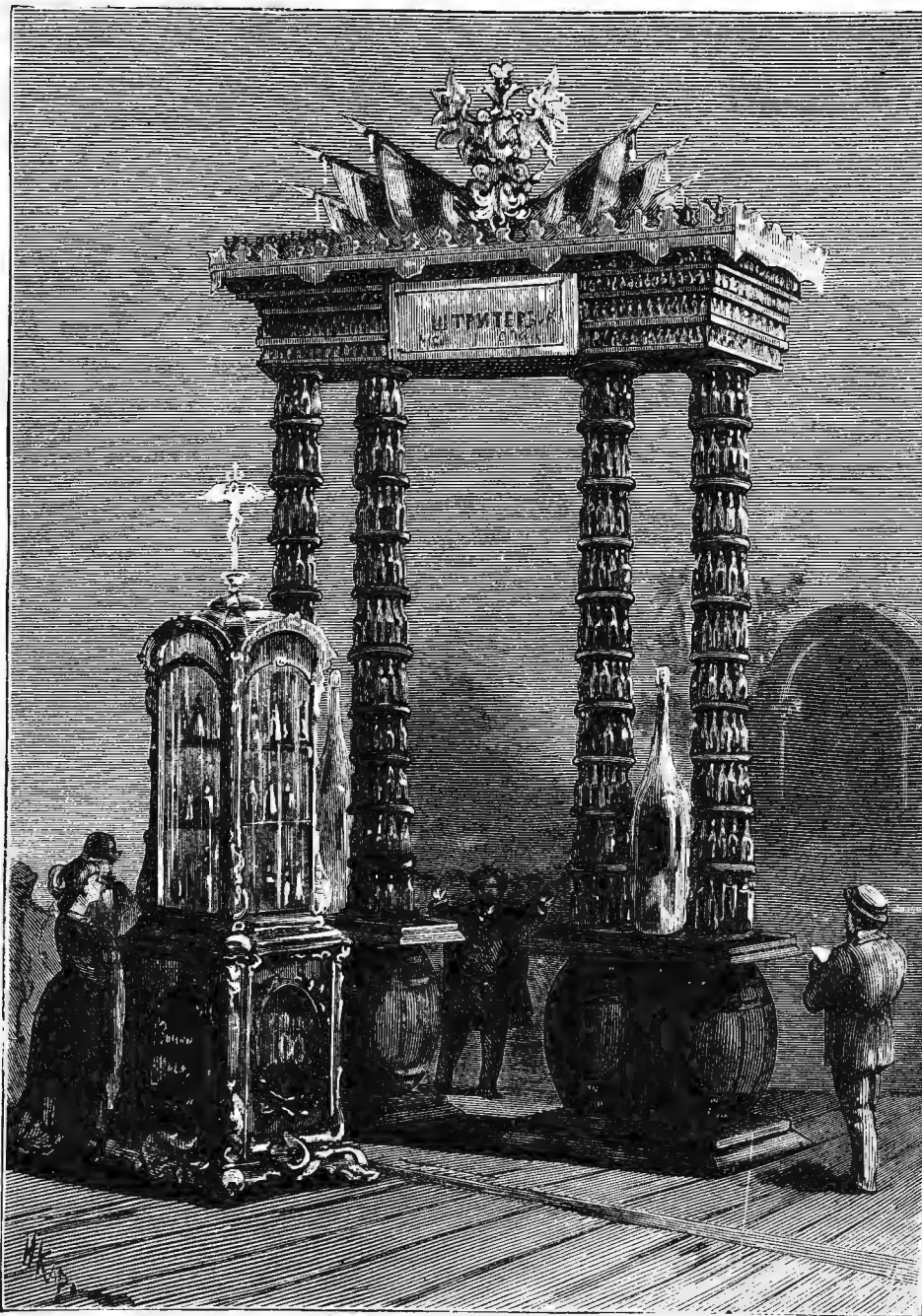
животныя, которыхъ г. Батти подстрекаетъ иногда и легкимъ ударомъ хлыста, послушно и быстро исполняютъ всѣ свои эволюціи и укротитель спокойно удаляется изъ клетки съ своею великолѣпною датскою собакою, наудачуемый рукоплесканіями публики.

Семья толстокожихъ обогатилась въ этомъ году маленькимъ слономъ, стоящимъ болѣе 3000 рублей. Въ отдѣльномъ новомъ домикѣ находится много крупныхъ экземпляровъ змѣй, помѣщенныхъ въ ящикахъ, нагрѣваемыхъ паромъ; въ каждомъ изъ ящиковъ находится бассейнъ съ водою.

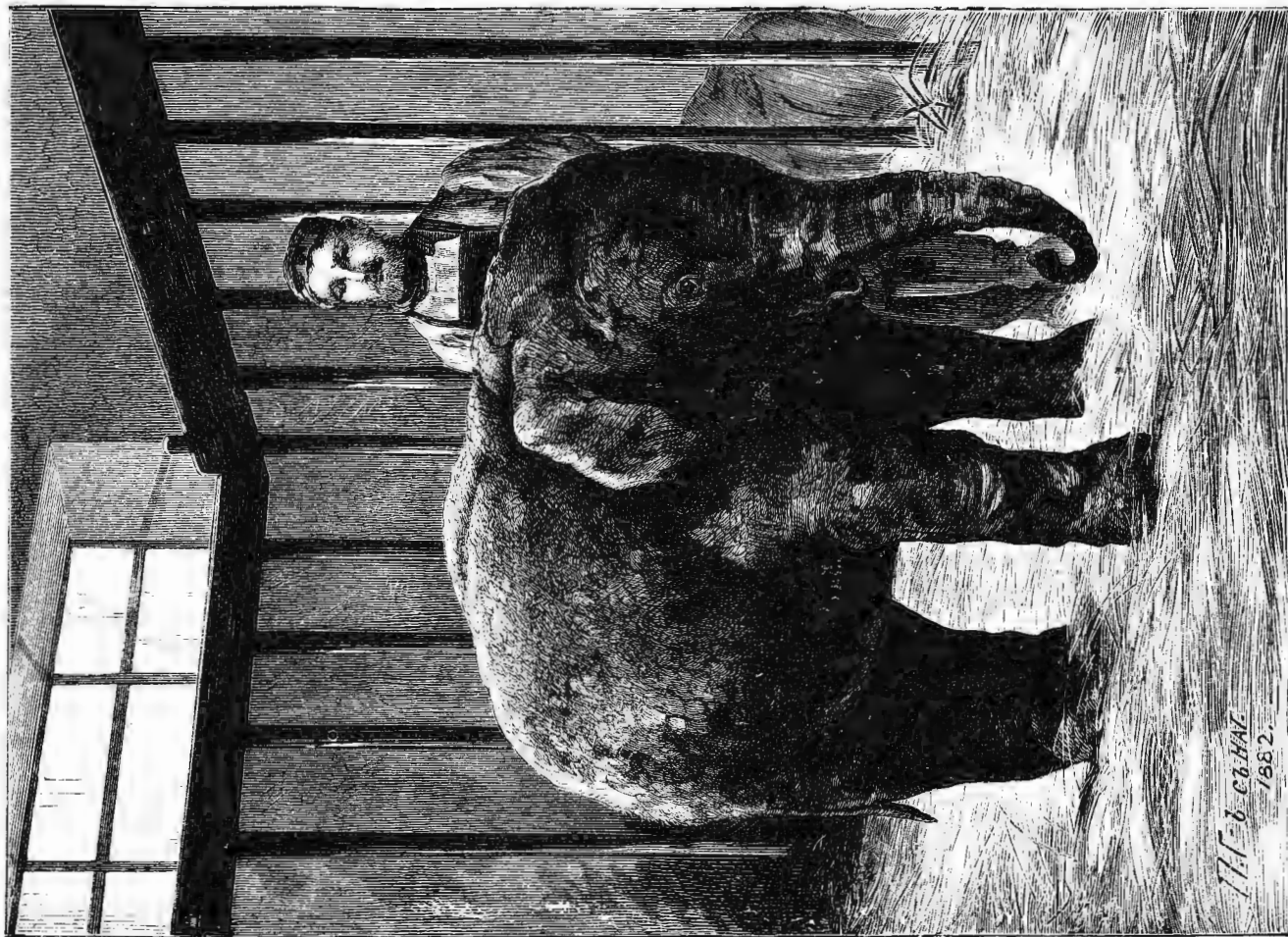
Маленькій слонъ—изображенный на нашемъ рисункѣ, прекрасный экземпляръ африканскаго слона, съ крупнымъ лбомъ и подвижными ушами. Онъ очень живъ и веселъ и часто рѣзко кричитъ. Это самая милая и забавная какъ бы модель большаго слона. Тѣло его еще довольно гибко. Онъ очень добродушенъ, иногда сердится, но и ворча все такъ быстро хватается съѣстное и скоро забываетъ свой гнѣвъ. Около него всегда тѣлится много народу. Змѣи изъ семи удавовъ, павильонъ которыхъ и изображенія представлены на нашемъ рисункѣ также очень интересные экземпляры. *Пифонъ* (*Pithon sebae*) на свободѣ живетъ обыкновенно въ болотистыхъ мѣстахъ и охотится за мелкими позвоночными. Впрочемъ иногда пифоны достигаютъ до 25 ф. длины. *Боа* (*Constrictor*) водящійся въ Америкѣ, съ хвостомъ приспособленнымъ къ схватыванію съ щиткомъ на головѣ и гладкими чешуями. Рисунокъ его шкуры очень красивъ съ правильными пятнами. Эта змѣя достигаетъ иногда 20 ф. дл. и болѣе рѣдко. Это ночной хищникъ. Онъ обиваетъ и душитъ животное. Обыкновенно на волѣ они ѣдятъ только ими убитую добычу, но не падаютъ, здѣсь же они при выкѣ бѣгутъ что дадутъ.

Анаконда или водяная змѣя, между удавами Новаго Свѣта достигаетъ наибольшей величины—есть въ 30 ф. длины. Обыкновенно на волѣ она живетъ въ водѣ и можетъ долго оставаться въ глубинѣ но часто выходитъ и на берегъ. Въ рѣкѣ ловитъ рыбу, подкарауливаетъ водяныхъ свиноекъ и т. п. Нападаетъ на челоуѣка рѣдко; кожу ея дубятъ и употребляютъ на разныя подѣлки. Павильонъ змѣй также очень посѣщается.

Украшенію сада много способствуетъ красивый фонтанъ напротивъ ресторана; площадь, нѣсколько лѣтъ занята мажежемъ, превращена теперь въ большой прудъ, гдѣ плаваютъ мно-

Московск. промышленно-художеств. выставка. Ворота изъ бутылокъ водочн. завода А. Штритера. Ориг. рис. нашего спеціальн. корреспонд. въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

СПБ. Зоологический садъ. Молодой слонъ. Ориг. рисуи. П. Гидяча, грав. М. Рашевскій.

СПБ. Зоологический садъ Павильонъ змѣй. 1) Пифонъ (*Pitton sebae*). 2) Боя (*Boa constrictor*). 3) Анаконда. (*Pit. Anasonda*). Ориг. рисуи. П. Гидяча, грав. Гельштейнъ.

го красивых лебедей; налго от помѣщенія медвѣдей сдѣланъ новый бассейнъ, гдѣ весело плещутся игривыя выдры, тутъ же вокругъ большой клумбы устроены прудики, гдѣ помѣщено нѣсколько сортовъ утокъ. Всѣ эти прудики и бассейны, во время такъ называемыхъ китайскихъ гетеровъ осенью придутъ красивый, фантастическій видъ саду.

Изъ знакомыхъ уже публикѣ звѣрей постоянно привлекаютъ общее вниманіе веселые и рѣзвые молодые богемоты, которые кунаются въ своей ваннѣ, плещутся, играютъ другъ съ другомъ, что при ихъ неуклюжемъ и выходящемъ собою забавно.

Въ концертномъ залѣ также весьма оживленно и разнообразно: тутъ фонографъ Фурмана, собирающій слова сказанныя въ немъ и потомъ ихъ отчетливо воспроизводящій, особенно поражаетъ публику. Пѣвица г-жа Л. Эрнестъ обладаетъ прекраснымъ контральто, семейство Шьетро-Арманини, въ составѣ

котораго есть два премиленькихъ мальчика, очъ нь хорошо исполняютъ пьесы на мацдолинахъ, а г. Гиндбургъ своимъ разнообразнымъ и осмысленномъ репертуаромъ сценъ и разсказовъ очень оживляетъ вечера концертныхъ залъ.

На сколько публики оцѣнила это полезное учрежденіе показываютъ цифры посѣтителей значительно превосходящія цифры посѣтителей даже великолѣпной Московской Выставки. Здѣсь бываетъ отъ 10—15 тысячъ среднимъ числомъ, до 20—22 тысячъ посѣтителей, по праздникамъ. Назовемъ многочисленнымъ стилистымъ подишечкамъ, такъ интересующимся этимъ прекраснымъ семейнымъ учрежденіемъ, мы будемъ постоянно сообщать о всѣхъ новинкахъ въ немъ появляющихся.

Можно съ увѣренностію сказать, что всѣ петербуржцы, осужденные жить лѣтомъ въ городѣ, съ удовольствіемъ будутъ какъ всегда посѣщать зоологическій садъ, доставляющій столько прекрасныхъ, разнообразныхъ новостей.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Рис. на стр. 556, 557, 564, 565 и 568.

Десять лѣтъ тому назадъ Россія достойно отпраздновала въ Москвѣ торжество своей мануфактурной промышленной дѣятельности. Я говорю про московскую политехническую выставку 1872 года, когда производительныя силы нашего отечества высказались въ такомъ блестящемъ видѣ, что являлась уже полная возможность конкурировать съ иностранно-производительностью, если не количественностью, то во всякомъ случаѣ качествомъ производимаго. Съ тѣхъ поръ минуло только десять лѣтъ и въ эти десять лѣтъ Богъ послалъ нашему отечеству рядъ тяжелыхъ испытаній, вовсе уже не способствующихъ мирному развитію государственной и народной жизни, а напротивъ могущихъ окончательно разрушить болѣе слабые организмы, или покрайней мѣрѣ надолго затормозить и подорвать ростъ и силу развитія.

Періодическіе неурожаи и эпидеміи, искусственно понижаясь на вражескихъ буржахъ курсы нашихъ бумагъ и денегъ, кровопролитная, долгая, тяжелая война на Балканскомъ полуостровѣ и, наконецъ, въ довершеніе бѣдствій роковаго десятилѣтія, страшный ударъ 1-го марта. Но могучій и полный силъ колоссъ выдержалъ и перенесъ все, и работалъ все это тяжелое время, не спалъ, не опускалъ въ малодушномъ безпліи своихъ орляныхъ крыльяхъ, втрепенувшись, явилъ вновь блестящее, неопровержимое доказательство мощи, способностей и силы духа русскаго народа. Въ эти десять лѣтъ Россія не разъ появлялась на европейскіхъ аренахъ мирнаго соревнованія и не оставалась позади другихъ, на выставкахъ Филадельфій, Парижа и Вѣны русская производительность выдержала блестяще это соревнованіе и теперь, собравъ силы, открыла у себя въ домѣ, въ самомъ центрѣ своей народной жизни такую выставку живыхъ силъ, такое блестящее собраніе образцовъ своей производительности, что всѣмъ любящимъ наше отечество, всѣмъ, даже самымъ закоснѣлымъ скептикамъ остается только осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и сказать: Слава въ вышнихъ Богу! Слава Царю русскому, слава народу могучему, слава землѣ кормилицѣ!.. Слава!.. Мы стоимъ на твердой, прямой и честной дорогѣ.

Вѣнныя періодическія выставки на развитіе промышленности народа неоспоримо; выставки эти даютъ возможность ориентироваться, оцѣнивать свои успѣхи, сравнивая ихъ наглядно съ успѣхами другихъ, также наглядно видѣть и ясно понимать ошибки прошлаго, намѣчать будущее. Безъ періодическихъ выставокъ быстрый ходъ успѣха промышленной жизни не мыслимъ и эта, давно признанная народами, истина, заставляющая не бояться крупныхъ затратъ на устройство выставокъ, зная впередъ, что затраты эти безусловно производительны.

Роскошь и ширь выставки, то что съ перваго взгляда якобы является излишнее безцѣлностью, тоже необходимо... Нельзя же работнику праздновать своей свѣтлой праздникъ въ царскомъ зинувѣ, нельзя въ такому дѣлу подходить съ грязными руками.

Настоящая выставка, о которой мы теперь пишемъ, въ дѣйствительности можетъ уподобиться священному алтарю духовной жизни русскаго народа, и вѣнныя ея видѣ вполне соответствуетъ ей содержанию.

Расположенная на широкомъ просторѣ такъ-называемого Ходынскаго поля за Тверскую заставою, она занимаетъ около пятидесяти тысячъ квадратныхъ сажень; одно только центральное, или, правильнѣе сказать, гладкое, круглое зданіе имѣетъ почти версту по своей окружности. въ чемъ читатель можетъ убѣдиться, измѣривъ ниткою эту окружность на планѣ; число экзпонентовъ, представившихъ на конкурсѣ образцы своихъ товаровъ, достигаетъ небывалой цифры пяти тысячъ фирмъ, дѣйствительность представленныхъ товаровъ въ образцахъ далеко уже переходитъ десятокъ милліоновъ. Занимая пространство, какъ я уже сказалъ — около пятидесяти тысячъ квадратныхъ сажень, и считая на сажень только двухъ человѣкъ, что конечно, особенной гѣноты не составитъ, помѣщеніе выставки можетъ сво-

бодно вмѣстить одновременно сто тысячъ человѣкъ (на паижской выставкѣ эта цифра была-бы немалымъ). Строеіе главныхъ навильоновъ выставки поражаетъ своею простотою и легкостью, соединенными съ изяществомъ линий и пропорцій, всѣ основы строеія сдѣланы изъ желѣза, остальное все стекло или тонкія доски; вѣнныя фасады прелестны и съ большимъ смысломъ орнаментированы живописною и дѣльными работами. Везде весело плещется въ тепломъ воздухѣ и красными, яркими пятнами вытесы двѣтные флаги; то покрывая говоръ народа, то покрываемые этимъ говоромъ сами, несутся, гулко отдаваясь подъ сводами, звуки музыки... Блескъ золота и красокъ, тѣнистыя переходы, необыкновенное разнообразіе предметовъ выставки, оживленная нестрай толпа, многоязычная молвь — все это сразу поражаетъ посѣтителя, не только заставляетъ его быть разбѣннымъ, однимъ словомъ, мѣшаетъ его благимъ намѣреніямъ—систематично и толково обозрѣвать выставку... Но это разбѣніе преходящее, стоитъ только внимательно изучить планъ, не разбрасываясь по сторонамъ, однимъ словомъ не увлекаться и ваши наблюденія пойдутъ спокойно, самою законною дорогою, развиваясь въ правильной системѣ.

Съ этого именно мы и начнемъ, свой первый очеркъ и поведемъ посѣдовательно благосклоннаго читателя, рѣшившись теперь-же за первымъ разомъ обойти всю выставку, ознакомиться съ ея общими, переходя къ интереснымъ частностямъ своевременно, когда на страницахъ нашего журнала станутъ появляться соответствующіе рисунки.

Благосклонный читатель, мы съ вами сидимъ, ну положимъ, хоть на возвышенномъ мѣстѣ имперіала желѣзно-коннаго вагона и пробхали уже линію дачъ за триумфальною аркою Тверскихъ воротъ. Передъ нами за громадною пыльною площадью, кишящею тысячами экипажей, пѣшеходовъ, конными жандармами и пр. тянется правый фасадъ выставки—лицевой фасадъ, съ царскимъ навильономъ, съ мачтами, флажками, съ хорошенькимъ садомъ, облесеннымъ легкою, изящною рѣшеткою—видимъ нами пока въ довольно сокращенной перспективѣ. Вагонъ поворачиваетъ влѣво и подходит вплотную къ подъѣзду съ платформою, гдѣ устроены турникеты-счетчики для публики платной и особая дверь для участвующихъ члѣмъ-либо въ дѣлѣ выставки, очевидно имѣющихъ право посѣщать ее безплатно. Пройди турникетъ, вы входите въ крайній уголъ втораго отдѣла. Это громадный навильонъ, почти въ пятьдесятъ сажень длины и двадцать пять ширины состоитъ изъ трехъ продольныхъ галерей, ровныхъ по своей ширинѣ. Здѣсь собраны образцы нашихъ научно-учебныхъ изобретеній, здѣсь мы видимъ представителей главнѣйшихъ изданій нашей прессы, образцы лито-и типографій, художественныя школы, оптические приборы, модели и машины для физическихъ кабинетовъ, фотографіи, наконецъ музыкальные инструменты и дѣтскія игрушки. Обойдя этотъ отдѣлъ вокругъ мы возвращаемся къ первоначальному нашему входу и поворачиваемъ уже направо въ отдѣлъ первый, исключительно художественный. Постройка этого отдѣла—это положительное чудо упрощенной архитектуры, навильонъ равенъ по своей величинѣ съ предъидущими, но значительно выше его и освѣщенъ сверху такъ, что разбѣшанныя по сторонамъ его лучшія произведенія нашихъ мастеровъ пользуются ровно самымъ выгоднымъ и приятнымъ для глазъ свѣтомъ. Размѣры этого навильона дозволили распорядителямъ расположить картины и самыя большія и даже самыя кр охотныя такъ, что зритель разматриваетъ ихъ свободно во всѣхъ деталяхъ, не мѣшая при этомъ себѣ заниматься такимъ-же дѣломъ... Это, между прочимъ сказать, первый на Руси художественная выставка, гдѣ условіе это соблюденно прекрасно. Предполагаютъ при окончаніи выставки навильонъ этотъ не предавать на сломъ а перенести въ Петербургъ и поставить въ академическомъ саду и сдѣлать его постоянно открытымъ для публики. Благая мысль! Не хватить разбѣровъ журнала перечислить все, что только собрано здѣсь лучшаго по русскому искус-

ству. Везде передь вашими глазами блещут крупныя, дорогия для насъ имена нашихъ любимыхъ мастеровъ, имена подписанныя на холстахъ произведенийъ, завоевавшихъ уже себѣ по праву почетное мѣсто въ исторіи роднаго искусства. Въ этомъ отдѣлѣ вы всегда найдете наибольшее число посѣтителей. Посрединѣ залы въ два ряда сѣнами другъ къ другу стоятъ покойныя диваны и стулья, вѣчно запыляемые любителями, а большіе любителями живописи и вазили. Изъ художественнаго отдѣла есть прямо выходъ въ лицевой садъ передняго фасада, но мы туда не пойдемъ, а повернемъ въ соединительную галлерею, которая проведетъ насъ прямо въ главное, кольцеобразное строеніе выставки. Половина этой соединительной галлерей наполнена еще предметами, продолжающими 2-й отдѣлъ, а другая половина уже содержитъ произведенія заводской обработки, составляющей содержаніе седьмаго отдѣла. Здѣсь сразу останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя роскошныя витрины Императорскихъ заводовъ фарфороваго и стекляннаго. Детальный рисунокъ одной изъ этихъ витринъ, именно фарфоровыхъ издѣлій изображенъ на нашемъ рисункѣ: задранированная малиновымъ бархатомъ стѣна этой витрины бордюрована роскошнымъ орнаментомъ изъ золота, даетъ чудный фонъ для дивныхъ произведеній завода; росписной, вызолоченный фарфоръ граціозно мѣшается съ красными декорациями изъ тропическихъ растений. Все это приподнято на платформѣ, на которую ведутъ двѣ ступени, а вокругъ, балюстрадаю, разставлены бѣлыя мраморныя тумбы съ вазами и вазами колоссальныхъ размѣровъ, украшенными превосходною миниатюрною живописью по фарфору. На самой эстрадѣ и у стѣны стоитъ закрытая стеклами витрина для мелкихъ вещей и публика можетъ разсматривать ихъ совершенно удобно, ибо входъ на эстраду не возбраняется. При витринѣ вы всегда найдете очень внимательнаго къ посѣтителямъ и толковаго объяснителя всего что видятъ вашъ глазъ, не устѣшаго давать отвѣты подъ перекрестнымъ огнемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. За Императорскими заводами и вѣло по соединительнымъ галлереямъ вѣнчаного и внутренняго круга—расположены тождественныя производства частныхъ фабрикъ и заводовъ, легко указывающія, насколько учрежденія Императорскихъ заводовъ, дорого конечно стоющихъ государству и, хотя не окулающихъ, какъ торговныя учрежденія, своихъ затратъ, имѣють, тѣмъ не менѣе, громадное влияние на успѣхъ частнаго предприниманія въ тѣхъ же отрасляхъ заводской производтельности. Лишь только вы миноете витрины стекла и фарфора, вы попадаете въ царство Бахуса. Тутъ производители вина и водокъ, словно въ бѣшеной скачѣ рваные другъ передъ другомъ чтобы блеснуть оригинальностью и вкусомъ своихъ вириновъ, чтобы дать понятіе объ этой оригинальности, мы представляемъ на страницахъ нашего журнала рисунокъ громадной триумфальной колоннады изъ бутылокъ, наполненныхъ разнообразными водками и ликерами извѣстнаго завода Шригера и Коми.—Что ни шагъ далѣе, то вы натываетесь на новые и новые сюрпризы въ этомъ же родѣ, но пока намъ нѣтъ времени подробно разобратъ въ масѣ этихъ сюрпризовъ, вѣдь мы пошли пока въ общій обходъ и общали пока не заниматься особенно частностями. Будемъ продолжать съ поворота направо, т. е. къ лицевому фасаду. Слѣдующій отдѣлъ центральнаго зданія это отдѣлъ 5-й, издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ (мануфактура). Эта отрасль нашей промышленности давно уже стоитъ на высокой степени развитія, давно уже съ успѣхомъ конкурируетъ съ иностранными издѣліями этого рода и даже вытѣняетъ ихъ изъ насиченныхъ рынковъ, какъ напримѣръ въ Авіи, гдѣ за послѣдніе 20 лѣтъ наши бумажныя ткани расширили свое распространеніе болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ къ югу, оттѣснивъ англійскій шертингъ до горъ Гималаевъ, несмотря даже на то, что наши цѣны значительно превышали англійскія—это фактъ уже свершившійся, провѣренный цифрами а потому болѣе не нуждающійся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Роскоши и красота витринъ этого отдѣла поистинѣ изумительна, тутъ вы идете улицами проложенными пожительно мимо храмовъ, вмѣщающихъ въ себѣ цѣлыя магазины, изяцно разложенныхъ и драпированныхъ тканей, начиная отъ дорогой кожаной парчи и бархата и кончая дешевыми кофѣчными ситцами и набивными платками нашихъ крестьянъ. Пятый отдѣлъ занимаетъ своими товарами оба соединительныя крыла далѣе, до отдѣла 5-го, гдѣ собраны ремесленныя издѣлія. Здѣсь вы чувствуете запахъ сыра, извѣстный типичный запахъ юфти смѣшивается запахомъ сырого картона и клеястера, здѣсь съ гигантскихъ свертковъ, съ цѣлыхъ стонъ заклеенныхъ образцами обоевъ, вы натываетесь на изящныя, вполнѣ собранные кабинеты, гостинныя и столовыя, чудной мебели, съ грунхъ сѣделъ и образцовъ упряжи, на стеклянныя, сквозныя со всѣхъ сторонъ витрины нашихъ модистокъ и мастерицъ дамскихъ нарядовъ, выставившихъ такія платья и костюмы, такія шляпки и бѣлье, что всѣ, или по крайней мѣрѣ, громадное большинство посѣтителей выставки подолгу останавливаютъ здѣсь вниманіе, забывая что еще впереди очень много интереснаго и что пожалуй скоро раздается протяжныя, унылыя звуки пароваго свистка, оповѣщающаго часъ закрытія и пригласающаго публичу къ выходу. Къ лицевому фасаду восьмой группы расположена витрина мѣховщиковъ и пренараторовъ, о которыхъ я буду говорить об-

стоятельно, сопровождая тексть рисунками съ натуры. Безъ рисунка слово блѣдно и недостаточно.

Изъ восьмой группы вы проходите въ шестую, гдѣ сразу окупаетесь въ совершенно противоположный міръ металловъ, ихъ добыванія и применія къ дѣлу. Сначала васъ слѣдуетъ масѣ художественныхъ произведенийъ изъ бронзы, серебра, цинка, мѣди и желѣза, но далѣе наша горнозаводская дѣятельность представляетъ вамъ уже колоссальные образцы металловъ въ ихъ только предварительно обработанномъ видѣ. Отсюда, послѣдовательно вы проходите въ отдѣлъ четвертый, отдѣлъ горной и сыльной промышленности. Придя сюда мы обошли только лицевую половину центральнаго зданія и отсюда ведетъ въ бокъ прямая, соединительная галлерея въ отдѣлы девятый и тринадцатый—машиный, военный и морской. Мы оставимъ ихъ пока въ покое и будемъ продолжать свой кругъ. За четвертымъ отдѣломъ слѣдуетъ отдѣлъ произведенийъ нашихъ западныхъ, такъ называемыхъ привислянскихъ губерній. Въ родѣ производтельности и промышленности этого края собраны важность и поэтому зритель опять натывается на предметы видѣнныхъ уже имъ отраслей. Отдѣлъ этотъ собранъ и составленъ довольно аккуратно и представляетъ собою наглядное доказательство высокаго уровня культуры края и его кипучей дѣятельности. За привислянскимъ отдѣломъ, означеннымъ на планѣ буквою С, слѣдуетъ отдѣлъ, занятый финляндцами, а отъ него отбрана узкая, довольно скромная полоска, предоставленная образцамъ кавказской и мѣстной туркестанской производтельности; эти представители, т. е. Туркестанъ и Кавказъ, очевидно или полѣнились, или по какимъ нибудь другимъ, болѣе уважительнымъ причинамъ—не могли познать нибудь нѣблизку съ истиннымъ уровнемъ своего промышленнаго развитія, который, во всякомъ случаѣ, несравненно выше всего выставленнаго. Совершенно противоположное представляетъ собою отдѣлъ финляндцевъ, выставившихъ не только образцы своей работы, но и этнографическія группы своихъ обитателей во всей красѣ ихъ скромной домашней обстановки.

Затѣмъ, пройдя отсюда отдѣломъ третьимъ, самымъ многочисленнымъ и пестрымъ, гдѣ помѣщаются сельско хозяйственные предметы и съѣстные припасы, вы замыкаете кругъ и изъ первой соединительной галлерей выходите подышать воздухомъ—какъ разъ противъ роскошной группы терракотовъ Гусарева, надъ которыми доминируетъ, съ желозомъ въ рукахъ, колоссальная статуя Россія. За терракотами идетъ отдѣльныя павильоны отдѣла двѣнадцатаго, производствъ кустарной промышленности, за нимъ красная цементная бесѣдка Нортъ-Кунда и прямо большой крытый концертный залъ, гдѣ раздаются звучныя аккорды А. Г. Рубинштейна, соловьиный голосъ нашихъ первоклассныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ и скоро волною польется родная наша русская пѣсня извѣстнаго Д. Славинскаго. Дѣлѣ этого павильона-театра, ближе къ конторѣ, стоитъ окруженныя войлочными кибитками и перевозочными лазаретными фургонами, павильоны Краснаго креста и военной медицины, а рядомъ—единственное черное пятно выставки, большой ресторанъ Лопашева, гдѣ кормятъ особенно скверно, но зато и особенно дорого. Тѣмъ не менѣе это самое бодрое и людное мѣсто, ибо проведя день на выставкѣ, въ безпрестанномъ движеніи, человѣкъ чувствуетъ жгучую потребность поѣсть и выпить, а эту законную вольнѣ и во всякомъ случаѣ, предвидѣнную потребность болѣе удовлетворить негдѣ, ибо ресторанъ почему-то оказался монопольнымъ. Но и на солидѣ есть пятно, а потому идемъ мимо сего печальнаго пункта и по широкимъ, гладко утрамбованнымъ аллеямъ сада, между клумбами цвѣтовъ и группами молодыхъ деревьевъ—направляемся далѣе. Справа и слѣва вашъ глазъ пріятно поражается разнообразіемъ и красотой отдѣльно разбросанныхъ въ зеленіи павильоновъ тѣхъ экзотическихъ, которые захотѣли и имѣли возможность устроиться на свой счетъ отдѣльно. Тутъ вы видите павильонъ парфюмера Броара, табачника Богданова, кондитерскую Абрикосова, павильонъ фирмы Алексѣева, гдѣ при васъ же производятъ съ помощью сложныхъ машинъ золотую гантель,—павильонъ каменноугольной промышленности, Любвиныхъ и пр. и пр. Въ углу вѣло видны еще трактиръ того же Лопашева, болѣе дешевой по цѣнамъ, для служащихъ, рабочихъ и болѣе бѣдныхъ посѣтителей выставки, а въ самомъ срединѣ сада громадный четверосторонній павильонъ садонства и огородничества, надъ которымъ возвышается красивый четырехсторонній же куполь доминирующій надъ всею этою, открытою частью выставки. Отдѣлана и приведена въ окончательный видъ только центральная часть павильона, а потому мы будемъ говорить о немъ въ свое время, а теперь проходимъ только его насквозь и попадаемъ въ отдѣлъ рогаго скота, заключающійся въ двухъ длинныхъ образцовыхъ загонкахъ, съ отдѣльными денниками и манежемъ по срединѣ. Сюда уже не долетаютъ звуки музыки, здѣсь парятъ другіе звуки, звуки поля и дуга, мычаніе коровъ и быковъ, блеяніе овецъ и какиихъ овецъ! изъ которыхъ каждая превышаетъ своею стоимостью общую стоимость нашего скромнаго деревенскаго стада. Правый задній уголъ выставочной площади, предназначенъ для сельско-хозяйственныхъ машинъ, онъ еще не въ полномъ порядкѣ, а отъ него по длинѣ всего лѣваго фасада тянутся сплошныя колоссальныя павильоны, заставленные локомотивами и вагонами, всѣхъ конструкцій и типовъ и все это на-

шей русской работы из наших же русских материалов—ба! это что за благовѣсть... точно вы попали въ маленькій городокъ, въ большой престольный праздникъ. Обогните павильонъ—плотничныхъ, цементныхъ и столярно-паркетныхъ издѣлій, означенный на планѣ римскою цифрою IX, вы увидите чрезвычайно миловидно раскинувшійся на зеленомъ газонѣ—рядъ изящныхъ навѣсовъ—колоколенъ съ образцами этой изстари славной русской производительности.

Здѣсь одна за другою идутъ колоколенки Оловяниппникова, Самгина, Финляндскаго и Рыжева—онѣ всѣ изображены на нашемъ рисункѣ, и нѣсколько поодаля, на площадкѣ, выстроенъ красивая круглая бесѣдка Ланина, гдѣ можно утолить жажду вкусными и холодными какъ ледь, фруктовыми водами этого извѣстнаго производителя. Отсюда вы проходите мимо павильона—машинъ и желѣзныхъ издѣлій Лиллипопа и Рау, видите оригинальную вѣтряную мельницу американскаго образца, механизмъ которъ и устроенъ такъ, что она сама, безъ помощи рукъ человѣка приводитъ себя подъ вѣтеръ и поацаетъ прямо въ самое печло дымной и кошотной заводской дѣятельности, пыхтѣнне паровиковъ, грохотъ и стукъ цѣпей и шестерней, плескъ воды, накачиваемой насосами, высотія заводскія трубы и черные клубы дыма переносятъ васъ совсѣмъ въ иной мѣръ, въ иную жизнь, рѣзко отличающуюся ото всего, что вы сейчасъ видѣли. Тутъ же возвышается—надо всей выставкой громадный чанъ, резервуаръ, поднятый на высоту двѣнадцати саженъ—почтенная высота—и вмѣщающій въ себя тысячи ведеръ воды—этотъ резервуаръ даетъ воду во всѣ фонтаны и пожарные краны выставки, которыми всѣ отдѣлы снабжены въ достаточномъ количествѣ. Мы, вмѣстѣ съ издателемъ „Нивы“, поднимались на верхнюю площадку этой башни и любовались чуднымъ видомъ, съ птичьяго полета всею роскошью, полною оригинальной прелести, донорамоу выставки и ея окрестностей. Совѣтъ ю и вамъ, читатель, если попадете на выставку, не миновать этого пункта и запастись рѣшимостью подняться по этимъ узенькимъ приставнымъ лѣстницамъ, рискуя впрочемъ перемараться въ грязи и копоти, с ойственной такимъ чернорабочимъ углямъ, гдѣ мы находимся въ данную минуту. Въ этомъ лѣвомъ лицевомъ углѣ, симметрично съ павильономъ художественнаго отдѣла, помѣщенъ отѣлъ машинъ и военно-морскаго дѣла. Описание всего этого мѣра техническихъ чудесъ мы представляемъ нашему уважаемому сотруднику артиллеристу Фондеръ Ховену, специалисту по своей части и официальному представителю военного отдѣла, а сами пройдемъ вновь соединительной галлерей и черезъ четвертый отдѣлъ, въ которомъ мы уже были, попадемъ въ центральный круглый садъ—большой рисунокъ котораго передъ вашими глазами, многоуважаемый читатель.

По срединѣ этого сада на полетомъ возвышеніи—украшенный колоссальными флагами стоитъ граціозный павильонъ для музыки, отъ него радусами идутъ широкія дорожки сада, обрамленные цвѣточными клумбами и деревьями въ замаскированныхъ кадкахъ—на четырехъ закругленныхъ газонахъ мечутъ водяныя струи четыре громадные, художественно задуманные и выполненные фонтаны. Въ этотъ садъ, который одинъ можетъ вмѣстить въ себя свободно до десяти тысячъ посѣтителей, можно попасть изъ каждаго отдѣла особымъ ходомъ; проходя этимъ же садомъ, на ярмыкѣ вы можете попасть изъ одного отдѣла въ другой, минуя необходимость кружнаго пути, что конечно представляеть не мало удобства и, глядя на все это, вспоминая, что до выставки—здѣсь тянулось одно пустое, гладкое поле, предназначенное для маневровъ войскъ, нельзя не подивиться генію человѣка, нельзя не сказать горячаго сна-

сибо этимъ тысячамъ скромнымъ рабочимъ, скромными, зако-рулыми руками которыхъ въ годъ времени создано такое колоссальное, грандіозное явленіе. Сердце сжимается невольно когда знаешь, что все это только временно, что все это нынѣшнее же осенью, спустя нѣсколько лѣтъ нибудь мѣсяцовъ предназначено къ слому и будетъ обращено въ груды мусора, а затѣмъ свезено съ мѣста и слѣда по себѣ не оставитъ; но все это не оставитъ слѣда только въ узкомъ, буквальныймъ значеніи этого слова, за то оно оставитъ въ другомъ значеніи, болѣе обширномъ, слѣдъ неизгладимый во вѣки вѣковъ, слѣдъ, который отзовется въ каждомъ производительномъ дѣлѣ, начная отъ миллионныхъ заводовъ и кончая хаткою бѣднаго ку-старя крестьянина, все это подниметь его духъ, дастъ ему знаніе и силу, а съ этою нравственною силою, съ этимъ знаніемъ ему ткроется все шире и шире, все дальше и дальше свѣтлый путь къ тому, что мы называемъ—истиннымъ, мирнымъ прогрессомъ.

Вотъ теперь мы съ вами, читатель, обошли всю выставку, теперь вы знакомы со всѣмъ ея расположеніемъ, вы знаете, гдѣ и какъ надо искать то частное, что васъ лично интересуетъ—и мы своевременно, съ перомъ и карандашемъ въ рукахъ, перейдемъ къ этому частному, отмѣтимъ все это, что дѣйствительно заслуживаетъ поощренія и вниманія. Ориентировались такъ какъ мы теперь ориентировались съ вами, насъ не собьютъ съ толку подробности, какъ бы мы не переносились неожиданно изъ отдѣла въ отдѣлъ, повинувся подъ часть обстоятельствъ не всегда отъ насъ зависящихъ.

Мы уже говорили выше, что на нашихъ рисункахъ изображены будутъ красивѣйшіе и болѣе замѣчательные пункты выставки. Теперь кромѣ вида внутренняго двора главнаго круглаго зданія, мы помѣтили еще видъ павильона превосходныхъ издѣлій Императорской фарфоровой фабрики. Въ № 47 1876 года у насъ былъ рядъ видовъ этого завода и обстоятельная статья о самомъ производствѣ. Императорскій фарфоровый заводъ на 10-й верстѣ по Шлиссельбургскому тракту, на берегу Невы и основанъ Императрицей Елисаветой Петровной. Производство преимущественно изъ матеріала добываемаго въ Россіи и главная дѣятельность завода—снабжение фарфоромъ всѣхъ Императорскихъ дворцовъ. Сбытъ на сторону, преимущественно брака, нельзя назвать значительнымъ. Фарфоровое производство этого завода въ послѣднее время достигло высшей степени развитія, при которой онъ смѣло соперничаетъ съ лучшими иностранными фабриками. Всѣ мастера на заводѣ—русскіе. При заводѣ двѣ школы для заводскихъ дѣтей. При окончаніи курса ученики распределяются по разнымъ частямъ завода. Лучшіе изъ нихъ продолжаютъ образование въ Академіи Художествъ. Произведенія теперь выставленныя въ витринахъ, поражаютъ своими качествами и высоко-художественнымъ исполненіемъ.

На второмъ рисункѣ представленъ эффектный павильонъ прекрасныхъ парфюмерныхъ издѣлій Брокера, изъ-за котораго видѣнъ ресторанъ, гдѣ усталые и проголодавшіеся посѣтители собираются во множествѣ, утоляя свой голодъ. Еще болѣе эффектное сооруженіе—колоннада изъ бутылокъ (производство извѣстнаго водочника А. Ѳ. Штритера, на Обводномъ каналѣ въ Петербургѣ и въ Красномъ селѣ подъ Москвою). Обороты заводовъ велики, именно болѣе 2½ миллионъ въ годъ. Весь матерьялъ эти заводы закупаютъ въ Россіи, сбываютъ же произведеній въ Россіи и за границею. Эта красивая, оригинальная колоннада часто останавливаетъ на себѣ вниманіе публики.

Н. Каразинъ.

Политическое обозрѣніе.

Китай и Россія. — Турція. — Египеть. — Германія. — Италія. — Испанія. — Швеція. — Австрія.

Китайское правительство показываетъ намъ, въ настоящую минуту, свое доброе расположеніе и какъ-бы намѣреніе установить съ нами дружественныя отношенія; признакъ такого поворота въ китайской политикѣ относительно Россіи видятъ въ томъ, что правительство богдыхана смѣнило управляющаго военнымъ министерствомъ Цзо-Цунгъ-Тенга (завоевателя Кашгара) бывшаго всегда величайшимъ нашимъ противникомъ и поставленнаго во главѣ военныхъ дѣлъ Китая во время готовившагося столкновенія съ нами; теперь онъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ обѣихъ Китайскихъ провинцій и главнымъ торговымъ надзирателемъ южныхъ портовъ Поднебесной имперіи; вообще-же нынѣшній главный правитель Китая, принцъ Кунгъ, держится миролюбивой политики. Изъ Тетерана англичане сообщаютъ, будто русскій офицеръ отравился въ сопряженіи нѣсколькихъ туркменъ, въ Герать, но былъ арестованъ въ Горіонѣ отрядомъ гератцевъ и, по распоряженію Абдула-Будустъ-Хана, конвоированъ ими до персидской границы, причемъ этому офицеру воспрещено возвращаться въ Герать; къ этому извѣстію прибавляется, что сношенія Мерва съ Асхабадомъ все болѣе и болѣе учащаются. Первое извѣстіе, вѣроятно, пріятнѣе англичанамъ, чѣмъ второе. Въ нашихъ газетахъ распространился слухъ, что будто-бы русскій посланникъ въ

Константинополѣ, г. Новиковъ, будетъ замѣненъ г. Зминовьевымъ, посланникомъ при Шахѣ.

Султанъ съ большою предупредительностью принялъ четырехъ германскихъ офицеровъ, прибывшихъ въ Турцію въ качествѣ инструкторовъ арміи; Абд-уль-Гамидъ произнесъ при этомъ небольшую привѣтственную рѣчь; выразивъ свою благодарность императору Вильгельму, согласившемуся выполнить его давнишнее желаніе, султанъ сказалъ затѣмъ, что надѣется, что они сослужатъ добрую службу турецкой арміи; „впрочемъ, за это, продолжалъ онъ, ручается превосходство прусской арміи, а равно и то, что офицеры, командированные въ Турцію, были лично выбраны императоромъ“; когда султанъ кончилъ, то полковникъ Келеръ передалъ ему поклонъ отъ императора и кронпринца и заявилъ, что офицеры сдѣлаютъ все возможное, чтобы выполнить возложенное на нихъ порученіе; султанъ еще долго говорилъ съ офицерами о вопросахъ реорганизации арміи и, затѣмъ, объявилъ имъ, что они всегда имѣютъ къ нему входъ безъ доклада и пользуются его особымъ покровительствомъ. Въ Египтѣ, и именно въ Александріи, дѣло дошло до открытаго возмущенія; согласно краткимъ извѣстіямъ, собравшейся толпѣ инсургентовъ было дано пять часовъ времени, а затѣмъ противъ нея двинута вооруженная сила (какая? египетская или европейская?), которая и разсѣяла бунтовщиковъ; далѣе сообщается, что во время безпорядковъ

ранено 80 европейцевъ и 28 арабовъ и убито 49 европейцевъ и 5 арабовъ; между прочимъ английскій консулъ тяжело раненъ; хорошо понять нельзя—какъ все произошло, можно только догадаться, что движеніе было направлено не противъ одного хедива, а и противъ европейцевъ, другомъ которыхъ арабы и считаютъ Тевфика-Пашу. Говорятъ, что будто хедивъ будетъ низложенъ.

Одно лицо, близко стоящее къ князю Бисмарку, недавно высказалось въ томъ смыслѣ, что германскій канцлеръ и вообще нѣмцы склонны признать за Англію преобладающее вліяніе въ Египтѣ, по что государственные люди Англіи не воспользовались этимъ своевременно; что же касается коллективнаго пресекатора двухъ западныхъ державъ, то его князь Бисмаркъ считаетъ абсурдомъ и теперь предоставляет Франціи и Англіи самимъ выпутываться изъ затрудненія, которое сами себѣ создали. Принцъ Вильгельмъ прусскій пригласилъ короля Гумберта крестнымъ отцомъ своего новорожденного сына; король принялъ приглашеніе и прислалъ за себя принца Аостенгаго, бывшего короля Испанскаго; новорожденный нареченъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Викторомъ.

По случаю кончины Гарибальди король Гумбертъ прислалъ его сыну слѣдующую депешу: „Прискорбіе, причиненное мнѣ кончиною вашего знаменитаго отца, не менѣе глубоко, чѣмъ и несчастье, которое поразило націю. Мой отецъ научилъ меня съ дѣтства чтить въ Гарибальди доблести гражданина и солдата. Будучи свидѣтелемъ его славныхъ подвиговъ, я питалъ къ

нему паглубочайшую привязанность, признательность и удивленіе. Эти чувства, какъ и воспоминаніе о тѣхъ, какія засвидѣтельствовали мнѣ и моему семейству отважнымъ генераломъ, заставляютъ меня вдвойнѣ сознавать важность этой невознаградимой потери. Присоединяясь къ скорби итальянскаго народа и къ трауру семейства покойнаго, я прошу васъ выразить, отъ моего имени, всѣмъ роднымъ живѣйшее соболезнованіе, которое я испытываю вмѣстѣ со всею націею“. Радикалы едва не склонили семейство Гарибальди съечь его трупъ, но правительству удалось отказать отъ этой мысли и тѣло генерала похоронено на о. Капрерѣ, при участіи членовъ сената и палаты депутатовъ и многихъ другихъ депутацій.

Въ Испаніи снова начинается агитація въ пользу возвращенія Гибралтара и вскорѣ ожидается, что въ Кортесахъ будутъ сдѣланы запросы по этому вопросу.

Въ Швеціи происходятъ празднества по случаю серебряной свадьбы шведскій королевской чета; празднества начались 25-го мая въ Стокгольмѣ торжественнымъ богослуженіемъ въ дворцовой церкви, а вслѣдъ затѣмъ у ихъ величества состоялся торжественный приемъ, для припята поздравленій; въ 7 часовъ вечера въ величійныхъ залахъ дворца былъ сервированъ обѣдъ; король и королева сдѣлали крупныя пожертвованія на разныя благотворительныя учрежденія.

Въ Австріи, въ Брюннѣ предполагается учредить чешскій университетъ.

Библиографія.

Бертенсонъ и Воронихинъ. Минеральныя воды, трези и морскія купанья, въ Россіи и заграничю. Спб. 1882 г. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту книгу, совершенно необходимую для того кто имѣетъ дѣло, или самъ, или въ семьѣ своей, съ леченіемъ водами. Эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, интересующія по данному вопросу. Свѣдѣнія о русскіхъ водахъ представляются новинкою; полнота ихъ и точность должны быть поставлены въ особенную заслугу авторамъ. Для читателей „Нивы“, для семьи, книга эта давно желаемая; мы не говоримъ уже о докторахъ, для которыхъ книга должна быть настольною, благодаря своимъ указаніямъ, какъ общимъ, такъ и цифровымъ; таблицы, которыхъ много, образецъ самой добросовѣстн. й разработки.

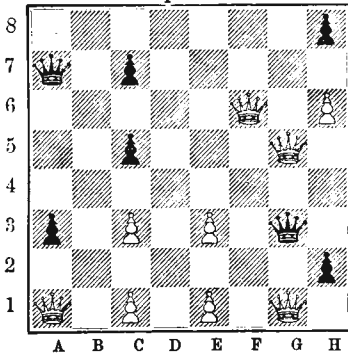
Исторія Турціи. Колласа. Спб. 1882 г. Переводъ этой книги повліяется очень своевременно, въ виду обстоятельствъ, обратившихъ общее вниманіе на событія въ оттоманской имперіи.

Многими ли хорошо извѣстны даже событія довольно близкія къ намъ напр. возстаніе Греціи, времена Махмуда и Мегмета-Али? У насъ же нѣтъ ни одного сочиненія, которое бы съжато и ясно, какъ въ этомъ очеркѣ, знакомило бы съ исторіей Турціи.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Историч. изслѣд. П. Кобеко. Спб. 1882 г. Чрезвычайно любопытное и прекрасное изслѣдованіе, очень ярко представляющее благородную личность Вел. Кн. Павла Петровича, обладавшаго многими высокими и блестящими качествами. Вообще теперь особенная чувствуется потребность въ возстановленіи въ истинномъ свѣтѣ разныхъ нашихъ историческихъ дѣятелей, о которыхъ существуютъ и утвердились смутныя, сбивчивыя и невѣрные представленія и пристрастныя сужденія, часто голословныя, между тѣмъ всѣми повторяемыя. Изслѣдованіе написано такъ живо и интересно, что и не спеціально занимающійся исторіей читатель прочтетъ его неотрываясь.

Шашечная задача № 45. Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ одну дамку и одну шапку черныхъ въ 9 ходовъ.

Задачи магическихъ квадратовъ №№ 46 и 47.

а	а	а	а	в
г	г	и	и	к
к	н	н	н	н
о	о	р	р	р
р	т	ы	ы	э

а	а	а	а	а
а	а	а	д	д
з	з	к	м	н
н	н	о	о	с
с	с	у	у	ч

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ выемка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на получение преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчицамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Джузеппе Гарибальди (съ портр.)—Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII в. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. В. Соловьева. Часть вторая. (Продолженіе).—Обитатели острова Сахалина. Изъ разсказовъ о крайнемъ Востокѣ. А. Я. Мансимова. (Продолженіе).—Изъ Шамиссо. Стихотвореніе П. Быкова.—Старое и новое о кофе. Очеркъ.—Легкая ноша (съ рис.)—Новости Спб. Зоологическаго сада (съ рис.)—Всероссійская промышленно-художественная выставка (съ 5 рис.)—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Игры и задачи.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіе.

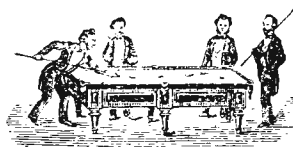
Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

НАТУРАЛЬН. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ СВѢЖАГО 1882 РАЗЛИВА ПОЛУЧЕНЫ У РУЛЬКОВІУСЪ И ГОЛЬМЪ.

Уголъ Большой Московской улицы и Кузнечнаго переулка, д. Владимирской церкви, Мт. № 2101 5—4
въ АПТЕКѢ Амброзевича въ КОЛПИНО.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. П. Каранна съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ. собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—14

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ

по 50 коп. въ конторѣ

П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

Москва, Тверская, 31.

Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно.

Изданія А. Ф. Маркса,

Больш. Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ в 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

EAU DE LYS DE LOHSE, Lohse's **ПРОТИВ ВЕСНУШЕКЪ**, естественнаго запаха, красноты, прыщиковъ, желтыхъ пятенъ, укушения насекомыхъ, также для утончения кожи и для придания свѣжести и бѣлизны лицу, почти 50 лѣтъ употребляемое лучшее средство для лица. Ежедневное употребление „Eau de Lys de Lohse“ дѣйствуетъ освѣжительно, дѣлаетъ лицо совершенно чистымъ и бѣлымъ и придаетъ ему цвѣтущій здоровый и свѣжій видъ. Цѣна (въ флаконахъ съ фирмой дома) 1 р. 50 к. и 3 р. по чистотѣ и бѣлизнѣ одно изъ лучшихъ туалетныхъ мылъ, цѣна за кусокъ 60 к., à la rose de Turquie 1 р. 25 к.

LOHSE, МЫЛО — LILLENMILCH
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, парфюмеръ въ Берлинѣ, JAEGERSTRASSE, № 46.
 Поставщикъ двора Ея Величества Императрицы Германской Империи. Первый призъ золотая медаль Porto Allegre 1881.
 Требовать у парфюмеровъ, парикмахеровъ и пр. „Eau de Lys de Lohse“.

1-го ЮНЯ ВЫШЕЛЪ № 6 „РОДНИКА“.
 Содержание: I. Засточки. Профессора М. Н. Богданова. II. Весной. Стих. С. Дрожжина. III. Отъ бревенчатой хижины до Блага Дома (продолжен.) IV. Добрая слава два вѣка живетъ. (Бюгр. Кулибина). E. Александровой. V. Богатство киевское (окош.) В. Авенариуса. VI. Охота (лѣтная игра). VII. Смѣсь. VIII. Загадки.
 Подписка на 1882 г. продолжается.
 Годовая цѣна, съ дост. и перес. (12 книгъ журнала и 3 книги педагогическаго сборника) 6 руб., безъ педаг. сборн. 5 руб.
 Адресъ редакци: СПб., Спасская ул., № 1.
 При конторѣ „Родника“ продаются слѣдующія книги: (см. объявленіе въ „Нивѣ“ № 19).
 4) Бриггэмъ. О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.
 5) Махъ. О звуковыхъ ощущеніяхъ. Ц. 75 к. съ перес. 1 р.
 6) А. В. Кругловъ. Иванъ Ивановичъ и К°. Повесть для дѣтей, съ картин. Панова и Каразина. Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 20 к.
 Подписч. на „Родникъ“ пользуются 20% уступки.

МУЗЫКА ДЛЯ ДАЧЪ:
 шарманки, органы, гармонифлюты съ органомъ, музыкальные ящики, концертно-гармони, корнеты а пистонъ, флейты, кларнеты, скрипки, гитары, цитры, мандолины, школы (самоучители) для всѣхъ инструментовъ.
 Фисгармони и гармонифлюты лѣтвнаго фабриканта Бюссонъ въ Парижѣ.
 Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по весьма дешевымъ цѣнамъ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Юлія Генриха Циммермана.
 С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42. А. № 2135 2-1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
AU BON-MARCHE,
 34. Магазины бывшій ШТАНГЕ, Большая Морская, 34.
ДЛЯ ДАЧИ:
 Столовые сервизы на 12 персонъ отъ 8 р. | Умывальникъ съ педалью . . . 6 р. — к.
 Чайный фарфоръ. " " " 3 р. | Дачная стулья дюжина . . . 6 р. 50 к.
 Хрустальн. гладк. " " " 10 р. | Самодѣйствующія мороженицы 4 " 50 к.
 Громадный выборъ по хозяйству и для приданого.

ОФИЦІАЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
Всероссійской Художественно-Промышленной Выставки въ Москвѣ, 1882 года.

Во второе и послѣдующія изданія Официальнаго Указателя Выставки каждое не менѣе 10,000 экз., открытъ приемъ публикацій.
 Для публикуемыхъ въ первомъ изданіи, — цѣна оставлена прежняя, а со вновь поступающихъ увеличена. Въ десять дней Указатель распечатанъ, болѣе чѣмъ въ 6,000 экз., остальные 4,000 распределяются въ весьма непродолжительное время, поэтому срокъ приема публикацій ограниченъ. Публикація будутъ помѣщены во всѣ экземпляры указателя, сколько бы таковыхъ во все время продолженія выставки ни вышло.
 Публикація принимаются въ зданіи выставки при продажѣ указателя въ группахъ I, II, VIII, IV и соединительной галлерей между III и VII.
 Въ Центральной конторѣ объявленіи Л. Метцль, Петровка, д. Солодовникова, и ея отдѣльно построенной навильонѣ на Выставкѣ, противъ ресторана Лопашева; у Невской въ Петровской Торговой линіи, и въ Сиб. у Оскперъ, Могиловская, № 4 и въ Центр. конт. объяв., Невскій пр., № 11, въ Варшавѣ контора Рейхманъ и Френдлеръ.
 Контрагентъ Управления Выставки по изданію оффиц. Указателя **Мартиновъ**.
 Москва, Тверская, д. Локотникова. Ц. № 2141

Первый призъ „Золотая медаль“ Порто Алегре 1881.
ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ
 для носовыхъ платковъ, платья, кружевовъ и т. п.
Maiglöckchen, Г. Лозе. Hélotrope blanc Г. Лозе.
Edelweiss Г. Лозе. Königin der Nacht Г. Лозе.
Bouquet Garmen Г. Лозе
 въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замканиемъ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.
 Поставщикъ Двора Е. В. Императрицы Германіи.
 фабрика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мылъ.
 Мои спеціальности признаны наилучшаго качества и приобрѣли всеобщее одобреніе, прочу поэтому при закупкахъ обратитъ вниманіе на мою полную фирму, во избѣжаніе недоразумѣній.
 2-2

ГАЛЬМАНИНЪ.
 Известный своими свойствами предохраняющимъ пріемъ частей тела, особенно же пожимыхъ на язву. Гальманинъ продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное депо находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, маистра фармацевта **В. Карпинскаго**, улица Электроральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. **Нужно остерегаться поддѣлокъ** и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. **В. Карпинскій маистръ фармацевта.**

СКЛАДЪ
 Оптовый и Розничній.
Г. О. ШТУРМЪ
УНСУСНЫЙ ЗАВОДЪ.
 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 В. О., 14-я линія, № 73.
 Невскій просп.,
 № 94-2.
 10% уступки при покупкѣ на 100 руб.

ПОКУПАЕТЪ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ
Ю. ЯКОВСОНЪ
 разные предметы изъ стариннаго серебра, золотыя, эмалевыя вещи и табакерки, старыя вещи изъ горнаго хрустала и другихъ камней въ золотой и серебряной оправѣ: вазы, группы, фигуры и посуду стариннаго фарфора; вещи изъ порфира, мрамора, темной и золоченой бронзы, кости и дерева; мебель съ бронзой, фарфоромъ, инкрустациями, наборнаго и рѣзнаго дерева; бронзовые часы, канделябры, стѣнники, старинныя кружева, вѣера и матеріи; картины, миниатюры и всякія художественныя вещи.
 Малая Морская, д. № 12, магазинъ рѣдкостей.
 А. № 2137 2-1

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ГОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1869 Г.

СКЛАДЪ ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА К^О

ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ.

КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.

№ 20. ГОРДСКАЯ ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ

АСФАЛЬТЪ ВЪМЪ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ

АСФАЛЬТЪ ВЪМЪ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Любители и знатоки хорошаго ЧАЯ

СИМЪ ИЗВѢЩАЮТСЯ
ЧТО

въ склады известнаго по своей торговлѣ и превосходному вы-
бору чаевъ Московскаго Торговаго Дома

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО

ТОЛЬКО ЧТО ДОСТАВЛЕНЫ И ПОСТУПИЛИ
въ Оптовую и Розничную продажу

СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ

**ГЛАВНЫЙ
ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ
СКЛАДЪ
КАХТИНСКИХЪ
ПЕРВОСБОРНЫХЪ
ЧАЕВЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
ОЛЬГИ
КОРЕЩЕНКО
НАХОДИТСЯ**
на Кузнецкомъ мосту, въ
домѣ Торлецкаго, въ
Москвѣ.

ЖЕЛАЮЩЕ
воспользоваться все-
ми выгодами покупки
ЧАЕВЪ
ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУКЪ
На условіяхъ сего
прейсъ-куранта,
съ ТРЕБОВАНИЯМИ СВО-
ИМИ БЛАГОВОЛЯТЬ ОТ-
НОСИТЬСЯ ПО НИЖЕСЛЕ-
ДУЮЩЕМУ АДРЕСУ.

огромныя партіи свѣжихъ первосборныхъ чаевъ необыкновенно высокаго достоинства, въ особенности же рекомендуются Гг. любителямъ слѣдующія серия: подъ № 4 Императорскій „Отборный“ черный чай по 1 р. 80 коп. за фунтъ; подъ № 5 необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата, съ сильнымъ букетомъ, „Рѣдкостный Ханскій“ черный чай „Царскій Букетъ“ по 2 руб. за фунтъ; подъ № 6 чрезвычайно пріятнаго и бѣжнаго вкуса и аромата „Ханскій Розанистый“ черный чай „Царская Роза“ по 2 р. 30 коп.; подъ № 7 необычайно высокаго достоинства весьма рѣдкостный „Ханскій нѣжно-ароматный“ черный чай „Индійская Роза“ по 2 р. 60 коп. за фунтъ; подъ № 66 „Новый сортъ“ чернаго чая, впервые вывезенный изъ Китая, рекомендуется какъ рѣдкость изъ рѣдкостей, „Особый сортъ“ по 2 р. 75 коп. за фунтъ; изъ цвѣточныхъ и лянсинныхъ чаевъ весьма хороши подъ №№ 13, 14, 15 и въ особенности подъ №№ 16, 17 и 18. Прочіе же лянсины высокіе, а равно чаи Желтые и Зеленые отменно высокаго достоинства.

Прейсъ-курантъ свѣжимъ первосборнымъ чаямъ
СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ И ВЫБОРА.

МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА **ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.**

ЧЕРНЫЕ ДУШИСТЫЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	ЧЕРНЫЕ ХАНСКІЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	ЦВѢТОЧНЫЕ ЛЯНСИНЫ:	Цѣна за фунтъ.
№ 2. Ароматный душистый „Нахэо-Пеха“	1 40	№ 7. Превосходнаго достоин-ства, весьма рѣдкостный, черный Ханскій, нѣжно-ароматный чай, нашей собственной выписки и вы-бора, „Индійская Роза“	2 60	№ 15. „Букетный Лянсинъ“	2 70
№ 3. Императорскій высшій сортъ „Фучефу“	1 60	№ 66. Новый сортъ чернаго чая никогда еще небывалый здѣсь въ продажѣ, изъ рѣдкостей рѣдкость „Особый сортъ“	2 75	№ 16. „Букетъ Розы“	3 —
№ 4. Императорскій отборный, пріятнаго вкуса и аромата, „Букетъ Фучана“	1 80			№ 17. „Китайской Императрицы“	3 20
№ 5. Ханскіе ароматные чаи, необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата, нашей собственной вы-писки и выбора, душистый, съ сильнымъ букетомъ рѣдкостный ханскій черный чай „Царскій бу-кетъ“	2 —	ЧАИ ЦВѢТОЧНЫЕ:		№ 18. „Шилунга“	3 50
№ 6. Чуднаго, необыкновенно бѣжнаго и пріятнаго вкуса и аро-мата нашей выписки и выбора „Ханскій розанистый“ черный чай „Царская Роза“	2 30	№ 13. Цвѣточный „Отборный“	2 25	а также имѣются въ продажѣ Лянсины бѣлые по 4 р., 5 р., 6 р., 7 р. и 10 р. за фунтъ.	
		№ 14. Лянсинъ Мьютонъ-Пон-джимъ-Пеха.	2 50	Зеленые чаи въ 3 р., 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р. за фунтъ.	
				Желтые чаи въ 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., и 10 рублей за фунтъ.	

Выписывающіе и покупающіе чай одновременно на 50 руб., кромѣ 5% уступки получаютъ **бесплатно** по своему выбору **одинъ** изъ нижеслѣдующихъ предметовъ чайнаго сервиза:

- 1) Новозобрѣтенный высшего достоинства бретонскаго металла чайникъ.
- 2) Ларчикъ съ замкомъ, на 1 фунтъ чая.
- 3) Серебряный вызолоченный **совочекъ** для засышки чая.
- 4) Серебряная 84 пробы **ситка** для чая.
- 5) Серебряные 84 пробы **щипцы** для сахара.
- 6) Два римскіе **подстананчика** накладнаго серебра.
- 7) Три серебряныя вызолоченныя 84 пробы **чайныя ложки** новаго фасона съ рисунками.
- 8) **Сахарница** бретонскаго металла.
- 9) **Сливочки** бретонскаго металла.
- 10) Серебряная вызолоченная 84 пробы десертная **дѣтская ложка** съ рельефнымъ рисункомъ.
- 11) Серебряная вызолоченная 84 пробы **столовая ложка** новаго фасона съ рисункомъ.
- 12) Два **подсвѣчника** съ гасильниками изъ мельхиора.
- 13) Серебряный вызолоченный 84 пробы **дѣтскій стананчикъ**.
- 14) Серебряная вызолоченная 84 пробы **солонка**.

Гг. иногородные желающіе

выписывать чай, съ требованіями своими благоволять относиться въ **МОСКВУ**, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, въ Главную Контору Торговаго дома Ольги Арсеньевны **КОРЕЩЕНКО**.

Требованія исполняются немедленно.

ПЕРЕСЫЛКУ ЧАЕВЪ ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ

контора принимаетъ на свой счетъ и сверхъ того дѣлаетъ уступку 5% съ рубля всѣмъ выписывающимъ известнаго сорта чай на 25 руб., а выписывающимъ на 50 руб., высылаются кромѣ уступки бесплатно одинъ изъ предметовъ чайнаго сервиза, по выбору и назначенію покупателя, или же чай на 3 руб.

ПРИМѢЧАНІЕ: Чай цѣною въ 1 р. 40 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 1000 верстъ; чай цѣною въ 1 р. 60 к. и 1 р. 80 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 2000 верстъ. Затѣмъ выписывающіе въ отдаленные города чай отъ 2 р. и выше пользуются уступкой и преміей.

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННЫЯ СПЕЦІАЛЬНЫЯ

ЛАМПЫ ДЛЯ ПІАНИНО И ДЛЯ РОЯЛЕЙ.

- № 1. Одиночныя лампы для піанино 18 руб.
  - 2. Парныя лампы съ рефлекторомъ для піанино 18 р. пара (ихъ вставляютъ въ под-свѣчники для свѣчей).
  - 3. Лампы съ концентрическимъ рефлекторомъ для рояли—13 и 14 руб., (пара 25 р.).
- За пересылку и упаковку особо, на № 1 за 11 фунтовъ, на № 2 и 3 за 6 ф.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

Н. ЮРГЕНСОНА,

коммисіонера Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и консерваторіи. **Москва, Неглинный Проѣздъ, 10.**
П. № 2131 1—1

Усовершенствованныя 2-хъ и 3-хъ колесные (Bicycles) **ВЕЛОСИПЕДЫ** (Tricycles)

послѣдняго типа и только известнѣйшихъ заводовъ. Примѣненныя для дальнихъ путешествій. Въ Складѣ американскихъ издѣлій Ж. Блокъ. Представитель для всей Россіи.

СПбурзь—Невскій, 16. Москва—уг. Кузнецк. моста. Прейс-курантъ высыл. безплатно.
Р. № 2142

ПОРОШКИ

для легкаго возстановленія истертыхъ мѣстъ на висересренныхъ подсвѣчникахъ, столовыхъ приборахъ, нуговщахъ и проч. продаются у

Р. КЕЛЕРЪ и К° въ Москвѣ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНО ГУБИТЕЛЬНАЯ СИЛА

АНТИ-ПАРАЗИТЪ

ИСТРЕБЛЯЮЩАЯ НАСѢННОВЫХЪ клоповъ, черн. таранановъ, пруссовъ, блохъ, муравей и въ особенности моль и ея зародки (особый) вызвала многочисленныя **ПОДАРАНІЯ И ПОДЪБЛІИ,**

далеко несоотвѣтствующія достоинству настоящаго анти-паразита. Во избѣжаніе недоразумѣній при покупкѣ необходимо обращать вниманіе на этикетъ, снабженный штемпелемъ „Единственное дѣло для всей Россіи Компаньонъ въ Сиб.“ угодъ Невскаго и Владимірскаго д. Палкина, жест. отъ 30 к. до 5 р. Иногородные адресуются въ дѣло, въ лимъ высылается съ аппаратомъ не менѣе на 2 р., для дальнѣйшихъ перес. въ ящ. 2 р. 40 к. **МОЗОЛИ** съ вороньимъ и бородавч. уничтожаетъ жидкостью Шмида 35 к., съ перес. 2 фл. 1 р. 20 к.

Торговцамъ проба анти-паразита высылается безплатно, заказы исполняются немедленно. Кромѣ дѣло анти-паразита въ продажѣ имѣются во всѣхъ главн. антиг. складахъ столицы: Русск. Общ., Штоль-Шмида, Морзова Липпе и друг.; въ Москвѣ у Феррерина, Никольская ул., на Нижегородской армаркѣ резин. магаз. Чистякова у театра, въ провинціи во многихъ аптекахъ. Дальнѣйшая реклама о его высокомъ достоинствѣ излишня. № 2133

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммисіонерство

„РАВОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соляной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.
Въ Кіевѣ: Угодъ Безаковской и Жиланской улицъ.

Имѣеть на своихъ складахъ постоянно большій выборъ **земледѣльческихъ машинъ и орудій** новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также **молочную посуду,** приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.

Заказы на **локомобили, паровыя молотилки, мельницы** и нѣкоторыя другія машины, направляемыя съ заводомъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммисіонерствомъ **по заводскимъ цѣнамъ** безъ надбавки коммисіи. Коммисіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: **Клейтона и Шугльворта, Рансома, Леда и Диеффера, Говарда, Джонстона и К°, Пеннея, Эмгерта, Беннера** и др. Заказы исполняются немедленно. КATALOGI выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10—9

Болѣе 200 медалей **Ежедневное производство** перваго класса. болѣе 10,000 машинъ.

ПОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

(въ Нью-Йоркѣ).

Ввозъ въ Россію и продажа производится исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго

Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.

Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.
Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Р. № 2099 2—1

56. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БРАТЪЕВЪ МОРИ, 56.

Невскій проспектъ, противъ памятника ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ.

Въ продолженіи многихъ лѣтъ зарекомендовалъ себя крайне дешевымъ и хорошаго качества товаромъ.

Предлагаетъ своимъ достопочтеннымъ покупателямъ огромный выборъ лѣтнихъ мужскихъ костюмовъ и пальто. Костюмовъ, очень элегантныхъ. Пара костюма состоитъ изъ пиджака или жакета, брюкъ и жилета изъ полотна, пике, англійскаго кутна, трико и французскаго шевіота, полный костюмъ 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 12 р., 14 р., 17 р., 20 р., 22 р., 25 р. до 30 руб.
Пальто и хавелекъ отличной кройки изъ полотна, альпага, англійскаго кутна, трико и шерстяной французской матеріи въ 6 р., 7 р., 8 р., 10 р., 12 р., 18 р., 20 р., 25 до 30 р.
Брюки изъ полотна, англійскаго кутна, пике, трико и французскаго шевіота въ 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р. и 12 руб.
Пиджаны изъ лоскута, альпага и кашемира въ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 6 р., 7 р. до 10 р.
Шляпы, большій выборъ, пасторовыя и соломенныя различныхъ новѣйшихъ фасоновъ, 2 р., 2 р. 50 к., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к., 4 р., 5 р. и 6 рублей.

5,000 дюжинъ мужскихъ галстуковъ шелковыхъ, черныхъ и цвѣтныхъ, послѣднихъ фасоновъ, 10 к., 15 к., 20 к., 25 к., 30 к., 40 к., 50 к., 60 к., 75 к. 1 р., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и 3 р.

Чулки и носки прочные, безъ шва, французскаго и англійскаго издѣлія по умѣреннымъ цѣнамъ.

Мужскія рубашки лучшей кройки, начиная отъ 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р. до 12 р.

Кальсоны изъ англійской кожи и очень прочнаго полотна, 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р.

Носовыя платки, высокаго качества полотна и батиста, отъ 2 р. 40 к., 3 р., 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р. до 25 р. за дюжину. Податки французскія и англійскія, бумажныя и шелковыя, съ прошивками и различными обшивками, въ 3 р., 3 р. 50 к., 4 р., 5 р. до 10 руб.

Дамскіе капоты, (Manteaux) кофта съ юбкою, отъ 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 12 р.

Дамскія платья 50 к., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 25 к., 3 р., 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р. № 2140

Парижскіе корсеты: 9 р. до 15 руб.
Большой выборъ дамскаго бѣлья по умѣреннымъ цѣнамъ. При торговомъ домѣ находится опытный французскій закройщикъ для мужскаго платья, получившій практику въ лучшихъ домахъ Парижа. Заказы исполняются аккуратно и въ короткій срокъ. Для гг. иногородныхъ исполняются немедленно.

ВНИМАНИЮ ХОЗЯЕКЪ! Постоянный, легкій и вѣрный контроль всѣхъ кошельковъ предоставляет **НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ:** на которое выдано свидѣтельство Департамента Торговли и Мануфактуръ отъ 17 апрѣля сего года: **КАРМАНН. ПРОВѢРОЧНЫЕ ВѢСЫ**

„ЛИЛИПУТЪ“

Весьма изящныя и такія маленькія и удобныя, что легко помѣщаются во всякомъ карманѣ, но даютъ возможность взвѣшивать отъ 1/4 до 10 русскихъ фунтовъ или отъ 100 граммовъ до 4 килограммовъ.

Цѣна съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 1 руб. 50 коп. Главн. и единственный агентъ для всей Россіи **Федоръ Федоровичъ Клопферъ,** С.-Петербургская Центральная конторъ объявленій, Невскій, № 11, на углу Малой Морской.

Отпоявая продава въ С.-Петербургѣ: у Александра Тергеня, кладовая № 51, въ Гостиномъ Дворѣ; въ Москвѣ—у Н. А. Шварцгофъ, у Нилнскихъ воротъ, домъ Кузнецкаго Банка первыя подъѣздъ со Старой площади.

Продажа въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Ригѣ и друг. город., во всѣхъ лучшихъ оптическихъ, желѣзно-инструментальныхъ, газантерейн., резныхъ, писчебумажныхъ и прочихъ магазинахъ и въ складахъ швейныхъ машинъ. Гг. торговцамъ соотвѣтственная скидка. Р. № 2138

Въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ розыгрышъ

VIII-я ЛОТЕРЕЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ШКОЛЬ

С.-Петербургскаго Женскаго Патриотическаго Общества.

Выигрышъ 600, которые состоятъ изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей на сумму 27,000 рублей, главный выигрышъ въ 8,000 р.

Цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцелярію Общества, по Казанской улицѣ, въ зданіи Опекунскаго Совѣта. № 2134 1—1

„КРАЙ“

Котора петербургской ежедневной политической газеты „КРАЙ“ открыта ежедневно съ 10 ч. у. до 3 н. Принимаетъ городскую и иногород. подписку и объявленія. Первый номеръ выйдетъ 1 июля.

Подписка въ Сиб. на 3 м. 2 р., на полг. 1 р., на годъ 8 р.; съ пер. по почт.: на 3 м. 2 р. 50 к., на полг. 5 р., на годъ 10 р. Объявленій по 15 к. за стр. печат. Ред. и конт. пош. на площ. Бол. театра, д. 10. № 2143 1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ изданный журналомъ

„СТРЕКОЗА“

стихотворный сборникъ — кинесвъ „РОСИНКИ“ съ цвѣтовъ всемірной поэзіи **ОРИГИНАЛЬНЫЯ И ВЪ ПЕРВОМЪ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ** издание миниатюрное. Стр. 150. Цѣна въ художеств. обложкѣ 40 к. съ П. № 2138 пере. 50 н. 4—5

!!! НѢТЬ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!

Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.

Состоитъ изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощю даже одного мальчишка. Насосы никогда не портятся.

- 1. Механическ. носилки для спас. вещей.
- 1. Снаряда для спасенія людей.
- 1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія дозволяющаго подойти къ самому огню.
- 1. Резервуара для воды.
- 1. Патентованнаго пожарнаго ведра.
- 1. Пояса кожанаго.
- 1. Сигнальнаго пожарнаго рожна.
- 1. Металлическаго англійскаго шлема.
- 2. Большіе пожарныхъ крючковъ.
- 1. Стальнаго пожарнаго топора.
- Укупорка 5рублей. Требованія и деньги адресовать: **Георію Барыцкому** Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ въ Ва шаств. № 2080 10—6

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Вѣчебнаго Управленія.

Безопасное и вѣсма доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главн. складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бѣль-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выисывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція выисывается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выисыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2013 25—12

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ № 25 1882

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и выдать 19 Юля 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОСЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цена этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Марк. 20 Рфен. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ 1/4
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 ц.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кон-
тору объяв. Н. Н. Печковской, Пе-
тровская Торгов. линія . . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложе-
нія при „НИВѣ“
объявленія отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя въ
печати авторамъ
не возвращаются.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Графъ Г. Кальноки.

Назначеніе Графа Кальноки на высокій постъ министра иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора состоялось 19 ноября 1881 года, послѣ смерти его предшественника Геймерле и этотъ удачный выборъ встрѣченъ былъ во всей странѣ общимъ сочувствіемъ. Сочувствіе это вызвалось не случайно; графъ Кальноки давно извѣстенъ какъ самый дѣльный и способный изъ молодыхъ австрійскихъ дипломатовъ, котораго заслуги всегда высоко цѣнились правительствомъ. Доказательствомъ послѣдняго могло бы служить то что не смотря на свои сравнительно молодые годы графъ Кальноки достигъ чина генерал-майора, и тайнаго совѣтника, удостоенъ званія камергера и въ то же время сдѣланъ почетнымъ кавалеромъ какъ малтійскаго ордена такъ и ордена святаго Леопольда и многихъ другихъ знаковъ отличія. Графъ Кальноки родился 29

Графъ Г. Кальноки. Австрійскій Министръ Иностр. дѣлъ. Съ фотогр. грав. О. Ротъ.

декабря 1832 года въ Летовицѣ и былъ вторымъ сыномъ венгерскаго магната, графа Густава Юсифа Кальноки отъ брака его съ Изабеллою, графинею Шраттенбахъ. Такимъ образомъ, принадлежа къ происхожденію къ старинной венгерской знати, графъ Кальноки, по обычаю, долженъ былъ избрать военную карьеру и поступилъ сначала въ гусарскій полкъ, въ которомъ дослужился только до ротмистра. Оставивъ полкъ, двадцати двухъ лѣтъ Кальноки вступилъ на дипломатическое поприще, начатое имъ весьма удачно; пробывъ лишь одинъ годъ при посольствѣ Мюнхена и Берлина въ качествѣ незначительнаго чиновника, онъ разомъ сдѣлалъ быструю карьеру, назначенный въ 1859 году секретаремъ посольства въ Лондонѣ. Въ 1868 году мы уже видимъ его совѣтникомъ посольства а въ апрѣлѣ 1871 года чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ при папскомъ дворѣ. Впрочемъ миссія его въ Римѣ была лишь временная и въ 1874 году онъ

былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномъ чиннымъ министромъ въ Копенгагенъ; послѣ уволениаго и сланика при русскомъ двоѣ, барона Лаугенау, отправился въ Петербургъ для временнаго управления посольскими дѣлами. Получивъ же въ июль 1879 года чинъ генераль-маіора, въ войскахъ резерва, гр. фв Кальвоки одновременно былъ пожалованъ и въ тайные совѣтники, и назначенъ дѣйствительнымъ посломъ при Императорскомъ, русскомъ дворѣ. Въ этомъ званіи онъ оставался до своего послѣдняго назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ и обладая блестящимъ умомъ и живымъ, бесельнымъ характеромъ приобрѣлъ общее уваженіе и симпатію тѣхъ лицъ

высшаго рускаго общества съ которыми имѣлъ какія либо отношенія; въ дипломатическихъ же кружкахъ Кальвоки оставилъ по себѣ воспоминаніе къ какъ объ опытномъ дѣльцѣ, владѣющемъ прекрасно перомъ, котораго всѣ бумаги отличались не только яснымъ и точнымъ но и блестящимъ, живымъ изложеньемъ. Въ концѣ ноября прошлаго года графъ Кальвоки былъ вызванъ Императоромъ Іосифомъ къ назначенію на новую должность; затѣмъ возвратился въ Петербургъ, чтобы откланяться нашему Государю Императору а 10 декабря снова уже былъ въ Вѣнѣ и приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей министра.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

У.

Освобожденіе.

На слѣдующее утро Сергій получилъ записку отъ цесаревича такого содержанія:

„Дѣло твое приведено къ окончанію благополучно, въ чемъ убѣдишься нынѣшній же день, когда тебѣ будетъ объявлена свобода. Государыня къ тебѣ милостива и сожалѣетъ о происшедшемъ недоразумѣніи. Сиѣшу въ Гатчину, гдѣ изъ за тебя оставилъ много дѣлъ неотложныхъ. А ты, сударь, какъ освободишься, приѣзжай къ намъ, ты найдешь у меня всѣхъ въ сборѣ“.

Послѣ свиданія съ Таней Сергій уже не могъ подаваться отчаянію. Онъ забылъ все, что его томилъ во дни этого нежданнаго, безобразнаго заключенія, забылъ оскорбленіе ему нанесенное и свое справедливое негодованіе. Но все же пока онъ чувствовалъ себя запертымъ въ своемъ домѣ, сознаніе неволи, никогда еще имъ не испытанное, дѣйствовало на него томительно.

„Когда же наконецъ это кончится!“ повторялъ онъ себѣ каждый часъ.

И вотъ записка эта извѣстила его о томъ, что испытаніе наконецъ прекратилось.

Онъ вздохнулъ полной грудью, оживился и сталъ ждать. Ждать пришлось недолго. Появился тотъ же толстякъ, который объявилъ ему объ его арестѣ и конфисковалъ его бумаги. Теперь этотъ толстякъ держалъ себя совсѣмъ иначе, раскланивался и расшаркивался, даже нѣкоторое подобострастіе было замѣтно въ его обращеніи.

Онъ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ объявилъ Сергію о томъ, что арестъ снятъ.

— А мои бумаги—развѣ вы не привезли ихъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, относительно бумагъ я не имѣю никакого порученія. Вѣроятно онѣ будутъ доставлены вамъ инымъ путемъ.

Сергій поклонился толстяку и тотъ вышелъ изъ комнаты.

— Что же это значитъ? Зачѣмъ удерживаютъ мои бумаги? Впрочемъ вѣроятно все объяснитъ мнѣ цесаревичъ.

Онъ сидѣлъ и обдумывалъ свое положеніе.

„Ну вотъ я и свободенъ, недоразумѣніе разъяснилось. А оскорбленіе все же нанесено, я подвергнутъ позору, о которомъ всѣ знаютъ конечно, о которомъ говорить... Э! да что объ этомъ думать! Пусть говорятъ что угодно!“

Онъ окончательно успокоился. Его мысли всецѣло перенеслись теперь въ Гатчину, къ Танѣ и къ цесаревичу, который завершилъ всѣ свои милости истиннымъ благодѣяніемъ, который сталъ его спасителемъ.

И не разслышалъ онъ, поглощенный этими мыслями, шаговъ въ сосѣдней комнатѣ и очнулся только тогда,

когда раздался знакомый голосъ. Передъ нимъ стоялъ Моська.

— Здравія желаю, золотой мой! радостно говорилъ карликъ. Нѣтъ солдатъ въ сѣняхъ... и вотъ и я освобожденъ изъ-подъ ареста... отпустилъ меня его императорское высочество, а ужъ какъ пугаль-то, говоритъ: Сергій Борисычъ будетъ свободенъ, а ты, за твой тяжкій проступокъ, за побѣгъ, за ослушаніе царскому указу, потерпишь наказаніе. Да вѣдь какъ говорилъ-то! Я сначала и не вѣрилъ, а потомъ, думаю: какъ же такъ, вѣдь оно и доподлинно ослушаніе царскому указу, что ни говори. И что же бы ты думалъ, батюшка, вѣдь довелъ онъ меня... такъ и ждалъ наказанія... а это онъ все шутки! Не забылъ и меня своею милостью, похлопоталъ видно и за меня. Самъ въ Гатчину уѣхалъ, а мнѣ объявлено: иди на всѣ четыре стороны, нигдѣ дороги ни заказаны. Вотъ я и тутъ!

Карликъ былъ окончательно счастливъ. Не смотря на свою старость, онъ какъ ребенокъ быстро переходилъ отъ отчаянія и горя къ радости. Онъ былъ какъ и въ прежніе годы бодръ и подвиженъ.

— А ты тутъ, батюшка, безъ меня, слышалъ я, дорогихъ гостей принималъ, продолжалъ онъ. Подивился я только: на мой взглядъ не стоишь ты такого пощещенія. Ну и скажи ты мнѣ хоть теперь то, вдругъ перемѣнила тонъ и строго взглядывая на Сергія шепнулъ онъ, хоть теперь-то будешь ты меня слушаться, перестанешь богохульствовать? Видишь теперь, что Господь Богъ не смотря на все свое милосердіе, за грѣхи и наказаніе посылаетъ, вѣдь явное было, явное указаніе... Ну чего ты молчишь, отвѣчай, батюшка, неужито не увѣрился?

Сергій улыбаясь глядѣлъ на него.

— Да успокойся, Степанычъ, что ты пристаешь! Конечно увѣрился... во всемъ увѣрился. Ишь вѣдь у тебя языкъ какой, словно мельница, заговорилъ ты меня совсѣмъ, не успѣлъ я тебѣ и спасибо сказать за то, что ты такъ ловко обдѣлалъ дѣло, не попался въ руки солдатамъ и доставилъ въ Гатчину мои писъма.

Моська даже обидѣлся.

— Вотъ нашель за что спасибо сказывать! Да нешто ты видѣлъ когда Сергій Борисычъ, чтобы я сплеховалъ зъ трудную минуту? Хоть я человекъ и темный и разума большаго Господь мнѣ не далъ, а все же смѣлка кое какая есть... да и люди глуны, Сергій Борисычъ, ой какъ легко провести ихъ—сами во всякую ловушку такъ и лѣзутъ. Чѣмъ больше живу на свѣтѣ, тѣмъ больше вижу глупость людскую. Мало умныхъ людей на свѣтѣ. Сергій Борисычъ, много негодныхъ, а глупымъ и счета нѣтъ!.

— Вѣрно, Степанычъ, и остановимся на этомъ, а те-

перь прикажи-ка скорѣй лошадей запрягать—ѣдемъ въ Гатчину.

— Это дѣло, сударь, такъ и его императорское высочество наказывать изволятъ.

Вечеромъ Сергѣй былъ въ Гатчинѣ и явился онъ туда совершенно обновленнымъ человѣкомъ.

Онъ прямо прошелъ къ Танѣ.

Но они еще не успѣли до сыта наговориться, какъ Танѣ доложили о цесаревичѣ.

Онъ появился въ самомъ веселомъ настроеніи духа и вслѣдъ за нимъ внесли и поставили шкатулку, заключающую въ себѣ отобранныя бумаги Сергѣя.

— Вотъ твое достояніе, сударь, сказалъ цесаревичъ съ удовольствіемъ выслушавъ выраженіе искренней благодарности Сергѣя. Вотъ и ключъ! сдѣлай милость немедля пересмотри все ли въ порядкѣ, все ли цѣло.

— Зачѣмъ же, ваше высочество, еще успѣю.

— Пересмотри, говорю.

Сергѣй исполнилъ его приказаніе, перебралъ бумаги.

— Не все цѣло, ваше высочество, я не нахожу того, что потерять мнѣ очень бы не хотѣлось: здѣсь нѣтъ моего дневника, о которомъ я говорилъ вамъ.

— И ты конечно полагаешь, что я изъ любопытства его оставилъ у себя, чтобы прочесть на свободѣ? Во первыхъ безъ твоего разрѣшенія я бы этого не сдѣлалъ, а во вторыхъ—его у меня нѣтъ. Его нѣтъ и у государыни, съ которой я вмѣстѣ переглядывалъ твои бумаги.

— Что же это значитъ?

— Догадывайся самъ. Клязь Зубовъ объявилъ, что никакого дневника у тебя не было отобрано.

— Такъ значитъ это онъ читаетъ на досугѣ! Мнѣ это очень досадно, но я нахожу что такой поступокъ, не говоря о другомъ, просто глупъ съ его стороны.

— Я нахожу тоже самое, отвѣчалъ цесаревичъ. Я этого не забуду и нужно будетъ постараться добыть твой дневникъ—но теперь оставимъ это дѣло! Довольствуйся тѣмъ, что ты на свободѣ, что ничего особенно неприятнаго тебѣ, какъ кажется, уже не предстоитъ. Чтобы ты служилъ мнѣ—этого пока не желаютъ, тебѣ готовить какое-то назначеніе, которое должно показать, что сожальютъ о случившемся и тебѣ попрежнему довѣряютъ. О томъ, что ты женихъ—уже извѣстно, ты можешь бывать здѣсь такъ часто, какъ тебѣ вздумается—полагаю на этомъ можно успокоиться покаместъ. Къ тому же, собственно говоря, вѣдь я былъ бы поставленъ въ затрудненіе пріискать тебѣ у себя какое нибудь подходящее занятіе. Осмотрись хорошенько здѣсь, тогда выяснится. Я всегда радъ тебя видѣть. Я уже распорядился относительно того, чтобы тебѣ было у меня постоянное помѣщеніе на случай если придется заночевать.

Сергѣю оставалось только опять благодарить.

Ему въ тотъ же день пришлось воспользоваться любезностью цесаревича и переночевать въ Гатчинѣ.

Великая княгиня, пожелавшая его видѣть, была добра по своему обыкновению, со слезами на глазахъ цѣловала Таню, поздравляла ее невѣстой и первая заговорила о томъ, когда будетъ свадьба.

Сергѣй конечно выразилъ свое желаніе устроить все какъ можно скорѣе. Таня ничего не возражала, но въ разговоръ вмѣшался цесаревичъ, который именно вошелъ въ это время къ великой княгинѣ.

— Конечно откладывать этого дѣла не слѣдуетъ, но и торопиться черезъ чуръ было бы смѣшно, сказалъ онъ. Вѣдь вѣроятно тебѣ, сударь, предстоятъ кое-какія передѣлки въ домѣ?

— Да, конечно, ваше высочество, но на это требуется немного времени: недѣли двѣ, самое большее—три.

— Возьми пять и помиримся на этомъ. Свадьбу будемъ справлять въ первыхъ числахъ ноября, а до тѣхъ поръ пріѣзжай чаще сюда, гости сколько душъ твоей угодно. Эти пять недѣль пройдутъ такъ быстро, что и

не замѣтишь ты ихъ, а потомъ, увѣряю тебя, ты еще будешь пенять мнѣ, зачѣмъ я не настаивалъ отложить свадьбу на дольшій срокъ...

— И не возражайте пожалуйста! прибавилъ онъ, замѣтивъ недовольную мину Сергѣя, я отъ своихъ словъ не отступлюсь: раньше первыхъ чиселъ ноября не бывать вашей свадьбѣ! Ахъ, Боже мой, да вѣдь это самое лучшее время въ жизни человѣка: на васъ обоихъ и глядѣть то завидно!

— Вѣдь такъ, вѣдь я правду говорю, Маша?! обратился онъ къ великой княгинѣ.

— Конечно, сказала она улыбаясь Сергѣю и ласково беря Таню за руку.

VI.

Новый пріятель.

Сергѣй скоро убѣдился, что цесаревичъ былъ правъ, настаивая, что со свадьбой нечего особенно торопиться. Время проходило совсѣмъ незамѣтно и къ тому же и передѣлки, задуманныя Сергѣемъ въ его домѣ, шли не такъ ужъ быстро какъ можно было ожидать.

Сергѣй почти все дни проводилъ въ Гатчинѣ, возвращаясь въ Петербургъ только на самое короткое время. Скоро ему предстояло убѣдиться и въ томъ, что императрица дѣйствительно желаетъ изгладить тяжелое впечатлѣніе, которое долженъ былъ въ немъ оставить его арестъ: онъ былъ пожалованъ званіемъ камергера. Но лично благодарить Екатерину ему пока не было возможности: она продолжала себя дурно чувствовать и не выходила изъ своихъ комнатъ.

Желаніе Зубова осуществилось: грекъ Ламбро-Качіони былъ принятъ государыней, съумѣлъ ее увѣрить, что отлично понимаетъ ея болѣзнь и что у него есть самое дѣйствительное средство для того, чтобы въ скоромъ времени избавить ее отъ всѣхъ ея страданій. Она согласилась подвергнуть себя его леченію.

Старикъ Роджерсонъ считалъ себя крайне оскорбленнымъ. Онъ не довѣрялъ знаніямъ Ламбро-Качіони, почиталъ его шарлатаномъ. Онъ пробовалъ было уговорить Екатерину быть осторожной, но она такъ утомилась страдать, такъ боялась смерти, такъ вдругъ повѣрила всѣмъ чудесамъ, которыя Зубовъ рассказывалъ про Ламбро-Качіони, что Роджерсонъ долженъ былъ замолчать.

Однако онъ говорилъ направо и налево о томъ, что дѣло плохо, что шарлатанъ-грекъ не только не излѣчитъ императрицу, а можетъ очень легко погубить ее.

— Онъ предписалъ ей ставить ноги въ соленую воду. Это страшный рискъ въ ея положеніи и я ничего хорошаго не предвижу, повторялъ Роджерсонъ.

Его слушатели пожимали плечами, но дни проходили, во дворцѣ начали поговаривать о томъ, что императрицѣ несравненно лучше, что Роджерсонъ устарѣлъ...

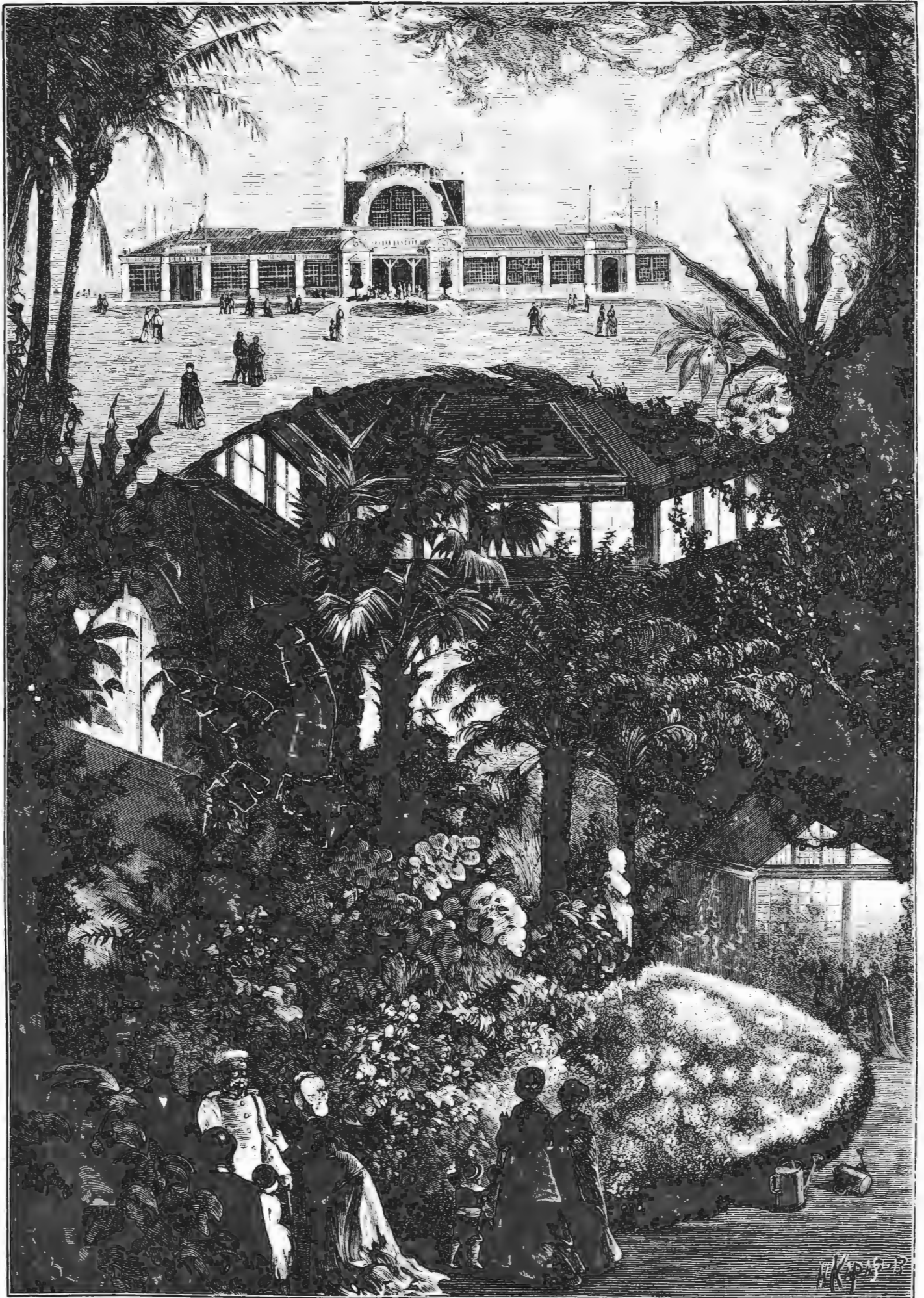
Сергѣй почти все время проводилъ въ Гатчинѣ. Пріѣдетъ на нѣсколько часовъ въ Петербургъ, иногда переночуетъ—и снова въ обратный путь. Теперь онъ окончательно уже началъ осваиваться съ гатчинской жизнью, мало по малу сближался со всѣми гатчинцами, которые конечно выказывали ему знаки особаго вниманія, видя милости къ нему цесаревича.

Сергѣю пришлось особенно сблизиться съ Ростовичнымъ, человѣкомъ его лѣтъ, съ которымъ онъ уже встрѣчался въ обществѣ до своего ареста.

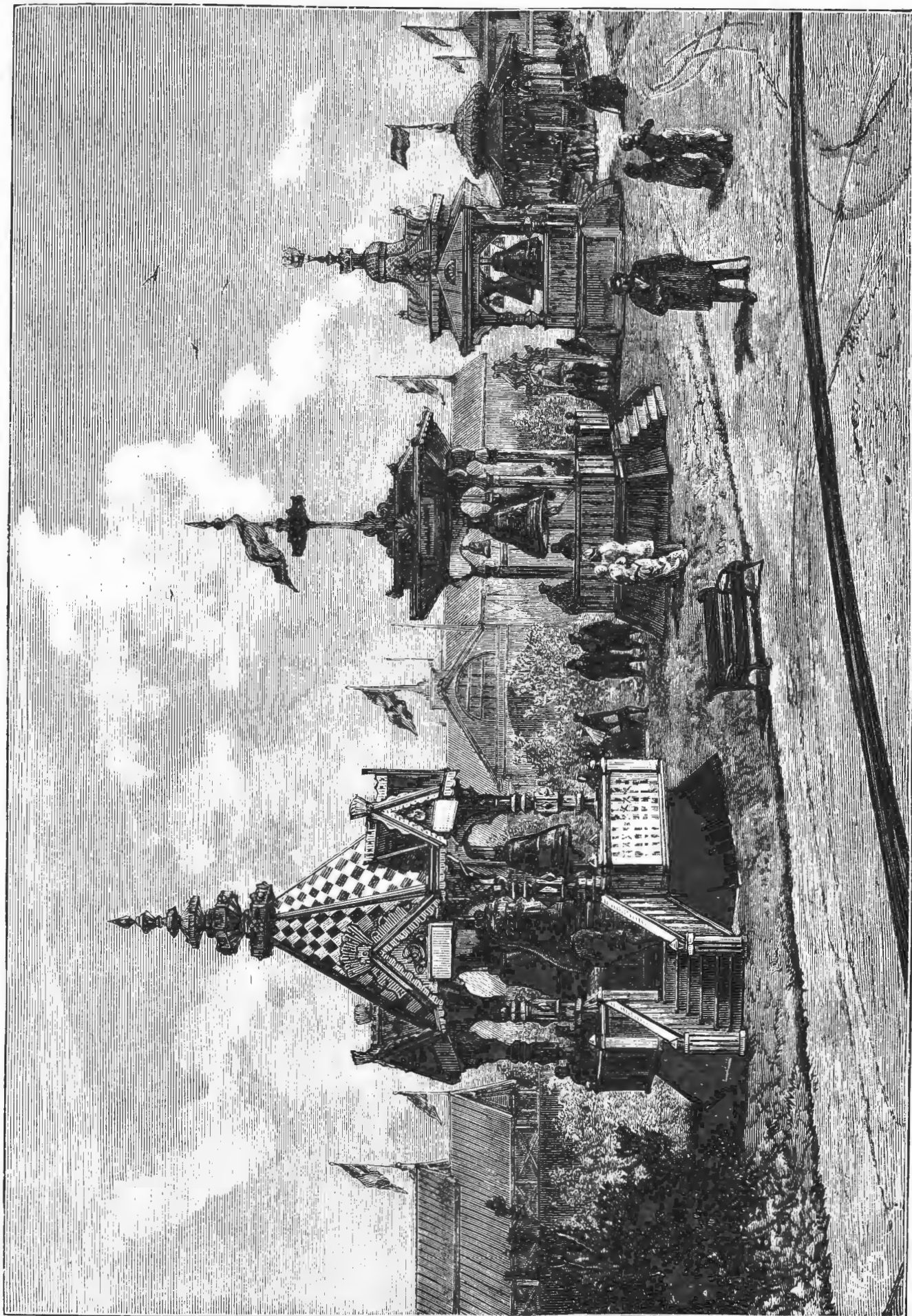
Ростовичинъ ему понравился. Живой, остроумный, образованный онъ былъ всегда душою общества, онъ умѣлъ оживить всякую бесѣду. Цесаревичъ повидимому очень любилъ его и какъ-то выразился о немъ, въ разговорѣ съ Сергѣемъ, что придетъ время, когда онъ окажетъ государству большія услуги.

— Иной разъ у него языкъ какъ бритва, но сердце золотое и въ его преданности ко мнѣ я увѣренъ.

Но и безъ рекомендаціи цесаревича Сергѣй очень за-

Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ выставки Садоводства. Передній фасадъ и внутренній видъ главной залы. Библиотека "Руниверс"
 Ориг. рисунокъ нашего спеціального корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Карзина, грав. М. Рашевскій.

Московская промышленно-художественная выставка. Колокольни-павильоны.
Ориг. рисунокъ нашего спеціального корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Карзина, грав. М. Рашевскій.

интересовался Ростопчинъ и нѣсколько разъ такъ устраивалъ, чтобы имъ вмѣстѣ возвращаться изъ Гатчины въ Петербургъ.

Ростопчинъ такъ-же какъ и онъ проводилъ время въ разъѣздахъ. Въ Петербургѣ у него была молодая жена, въ которую онъ былъ очевидно влюбленъ. Надъ этою любовью иногда добродушно подшучивали въ Гатчинѣ, называли Ростопчина „Отелло“ (въ этомъ названіи былъ намекъ и на его крайне некрасивое, но энергическое смуглое лицо съ блестящими глазами).

Какъ-то разъ, во время поѣздки изъ Гатчины, Сергѣй и Ростопчинъ между собою дружески разговорились... Ростопчинъ, проникательный, уже умѣвшій отлично понимать людей, съ перваго-же свиданія расположился къ Сергѣю.

„Не орелъ—никогда не сыграетъ большой роли, честолюбія нѣтъ никакого, но человѣкъ не безъ ума, а главное истинно благородный человѣкъ, не способный ни на какую интригу, человѣкъ съ чистымъ сердцемъ, независимый, гордый хорошей гордостью“. — Такъ онъ охарактеризовалъ Сергѣя въ разговорѣ съ ихъ общимъ пріятелемъ Кутайсовымъ и съ каждымъ днемъ пріятельскія отношенія между ними упрочивались.

Теперь, въ этотъ дождливый осенній вечеръ они весело и оживленно бесѣдовали въ удобной каретѣ Сергѣя, которая мягко подбрасывала ихъ на размытомъ дождемъ шоссе гатчинской дороги.

— Вы очень счастливый человѣкъ, говорилъ Ростопчинъ и я пожалуй завидоваль-бы вамъ, Сергѣй Борисовичъ, если-бы раньше познакомился съ вами, но теперь мнѣ нечего завидовать—я тоже счастливъ. И если вы станете доказывать мнѣ, что моя жена въ чемъ нибудь уступаетъ вашей прелестной невѣстѣ—я поссорюсь съ вами. Шутки въ сторону! Если вы прошли черезъ тяжелую школу, то вѣдь и это должно принести вамъ пользу. Какъ-бы то ни было ваша юность протекла не безслѣдно—вы набрались таки всякихъ впечатлѣній. У васъ много воспоминаній.

— Это такъ съ стороны кажется! отвѣтилъ Сергѣй. Если-бы только знали вы, Федоръ Васильевичъ, какъ томительно и однообразно до сихъ поръ проходило мое время, моя жизнь! Но теперь я не хочу и вспоминать объ этомъ. Я слишкомъ истомился этой скукой жизни, теперь ужъ я ее не испытываю.

— Я совсѣмъ не понимаю какъ можно скучать жизнью! перебилъ его Ростопчинъ,—я никогда не скучаю. Я всегда занятъ, меня интересуетъ все, но истинное благополучіе и счастье я испытываю только у себя дома, съ моей милой женою. Да, меня все интересуетъ, я принимаю дѣятельное участіе въ общей жизни, мнѣ нѣтъ времени скучать. Но иной разъ желчь вскипаетъ, ахъ, если-бы вы знали какъ иногда я бываю золъ. Впрочемъ теперь злосъ меньше, я рѣшилъ что злиться не стоитъ, нужно смѣяться надъ людскою глупостью. Ахъ, какъ глупы люди и какое курьезное зрѣлище представляетъ ихъ глупость! Ахъ, какъ глупы люди!

— Это-же самое мнѣ недавно доказывалъ мой карликъ Степанычъ, улыбаясь замѣтилъ Сергѣй.

— Онъ совершенно правъ. Онъ-то не глупъ, я сразу это увидѣлъ; онъ очень милое и интересное существо, вашъ карликъ. Вотъ императрица называетъ меня не иначе какъ „сумасшедшій Федька“, я нисколько не обижаюсь, но несогласенъ съ этимъ опредѣленіемъ и смѣю думать, что я во всякомъ случаѣ менѣ сумасшедшій, чѣмъ прочіе умники. Я покрайней мѣрѣ ясно вижу то, чего они не видятъ. Я отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что творится и *здесь* и *тамъ*, и во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что если гдѣ можно отдохнуть, то единственно въ Гатчинѣ — въ Петербургѣ теперь настоящая вакханалія. И главное—приходится удивляться, глядя на нѣкоторыхъ умниковъ, которые совершенно забываютъ самыя простыя истины. Никто

даже и не задумывается о томъ, что на свѣтѣ все измѣняется, что нельзя уподобиться птицамъ и не думать о завтрашнемъ днѣ; напротивъ, теперь болѣе чѣмъ когда либо о завтрашнемъ днѣ слѣдуетъ думать. Я теперь совсѣмъ почти не у дѣлъ, я только сумасшедшій Федька, но полагаю дожить до того времени, когда и отъ меня понадобится большая работа, значить нужно къ ней приготовиться.

— Въ Гатчинѣ кажется и готовятся къ будущей работѣ, замѣтилъ Сергѣй.

— Далекое не все и не такъ какъ слѣдуетъ, сказалъ Ростопчинъ. Вотъ приглядитесь побольше къ нашимъ людямъ и увидите, что многого и у насъ нельзя одобрить. Я всѣмъ моимъ сердцемъ преданъ цесаревичу, я понимаю всѣ прекрасныя его свойства, которыхъ большинство не хочетъ видѣть, но я вижу и его недостатки. Это человѣкъ порыва, увлеченія. Онъ иногда можетъ легко поддаться дурному вліянію и меня въ немъ поражаютъ одна черта: кажется ужъ его то жизнь должна была пріучить не легко довѣряться людямъ, а между тѣмъ онъ остался удивительнымъ идеалистомъ. Вотъ вы вѣроятно замѣтили, что я нахожусь въ числѣ, такъ сказать, его любимцевъ: онъ мнѣ довѣряетъ, хотя я полагаю, что можетъ легко придти день, когда вслѣдствіе какой нибудь моей неловкости, онъ на меня разгнѣвается...

— Съ нимъ этого легко можно опасаться. Теперь онъ долженъ видѣть, что я дѣйствительно ему преданъ, что могу принести ему кое-какую пользу, но знаете-ли вѣдь если-бы я былъ человѣкъ негодный, если-бы я желалъ только его обманывать, мнѣ это было-бы очень легко. Онъ продолжалъ-бы вѣрить моей преданности.

Я не знаю правы-ли вы, сказалъ Сергѣй, мнѣ приходилось нѣсколько разъ замѣчать въ цесаревичѣ большую прозорливость и пониманіе людей.

— Да, иной разъ, но далеко не всегда и я могу доказать вамъ это исторіей моего съ нимъ сближенія.

Онъ задумался, но вдругъ веселая улыбка скользнула по лицу его, онъ весело и довѣрчиво взглянулъ на Сергѣя.

— Да, я вамъ расскажу—это интересная исторія. Я увѣренъ, что все останется между нами, увѣренъ, что вы не заставите меня раскаиваться въ моей откровенности и въ то же время я докажу вамъ мое довѣріе, мое искреннее къ вамъ расположеніе, Сергѣй Борисовичъ. Вотъ послушайте, другъ мой, какъ было дѣло.

Этому уже нѣсколько лѣтъ — я, надо вамъ сказать, вовсе не родился для придворной жизни, покрайней мѣрѣ мало было къ тому задатковъ. Отецъ мой небогатъ, но спасибо ему—онъ постарался о моемъ воспитаніи, о моемъ образованіи. Я еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ службу, а лѣтъ двадцати уже имѣлъ чинъ поручика. Отецъ собралъ денегъ и отправилъ меня, оканчивая мое образованіе, заграницу. Изъѣздивъ я всю Германію, кое-чему научился... Хотя, признаться, учился я немного, но за то много веселился, по студенчески... Славное было время!

Прогостивъ изрядно по разнымъ городамъ нѣмецкимъ, поселился я наконецъ въ Берлинѣ, и тутъ пристрастился къ картежной игрѣ, да такъ пристрастился что теперь могу изумляться только какимъ образомъ удалось отвыкнуть. Игралъ я, нужно вамъ сказать, искусно, а главное счастливо, такъ что почти всегда былъ въ большомъ выигрышѣ.

Какъ-то собрались мы у одного знакомаго нѣмецкаго офицера, картежъ былъ такой что упаси Господи! Засѣлъ я съ прусскимъ старымъ майоромъ. Старикъ азартный, красный какъ ракъ, глаза налиты кровью, но добродушный малый, за картами все забываетъ, игрокъ однако плохой. Я сталъ выигрывать, онъ горячится и проигрываетъ все больше и больше. Часа въ три, въ четыре я въ пухъ и прахъ обыгралъ его, между тѣмъ

поздно... всё мы утомились. Я всталъ изъ-за стола и говорю:

„Довольно, господинъ майоръ, не угодно-ли расплатиться!“

Вижу старикъ мой сидитъ какъ истуканъ, покраснѣлъ еще больше, потомъ вдругъ такимъ сконфуженнымъ голосомъ обратился ко мнѣ и говоритъ:

„Херъ льётенантъ, ich habe kein Geld. Мнѣ вѣщамъ заплатить вамъ мой проигрышъ, но вы не беспокойтесь—я честный человѣкъ. Будьте такъ добры, пожалуйста завтра ко мнѣ, вотъ мой адресъ. Денегъ нѣтъ, да есть у меня нѣкоторыя интересныя вещи — можетъ быть онѣ вамъ понравятся и вы согласитесь принять ихъ за деньги“...

Я былъ раздосадованъ, деньги мнѣ были крайне нужны въ то время и я находилъ недобросовѣстнымъ со стороны этого майора садиться за игру не разотчя впередъ, можетъ-ли онъ заплатить свой проигрышъ. Но видъ у него былъ такой сконфуженный — и мнѣ оставалось только отвѣтить ему, что хорошо, приду завтра посмотрѣть его вещи.

Такъ я и сдѣлалъ, разыскалъ его. Онъ жилъ въ старинномъ домикѣ, квартирка у него была такая уютная, чистенькая, какая можетъ быть только у нѣмца. Встрѣтилъ онъ меня, извиняется, совѣмъ сконфуженный. Провелъ меня въ маленькую комнатку, а въ ней—по вѣщамъ стѣнамъ шкафы разставлены и въ этихъ шкафахъ за стеклами разложено, въ маленькомъ видѣ, всевозможное оружiе и воинское одѣяніе: латы, шлемы, щиты, мундиры, каски, шляпы, кивера, всевозможныя ружья, пистолеты, алебарды, ну словомъ наирѣдчайшая коллекція оружiя, воинскихъ доспѣховъ и костюмовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, начиная съ глубочайшей древности. У меня просто глаза разбѣжались—такъ все это было мило, разнообразно, съ такимъ вкусомъ разложено.

А майоръ говоритъ:

„Извольте смотрѣть дальше. Вотъ и воины въ полномъ вооруженiи! А затѣмъ обратите вниманiе на этотъ столъ“...

Онъ подвелъ меня къ столу, стоявшему по срединѣ комнаты.

На столѣ было разставлено цѣлое войско. Каждая фигурка была сдѣлана съ большимъ искусствомъ.

Майоръ тронулъ пружинку и маленькое войско принялось дѣлать правильныя построения и передвиженiя. Это была самая занимательная игрушка, какую только я когда либо видѣлъ, да и къ тому же игрушка со значенiемъ. А коллекція заняла бы видное мѣсто въ какомъ угодно музее.

„Вижу, херъ льётенантъ, сказалъ майоръ, что все это вамъ очень нравится—я такъ и полагалъ. Это наследство доставшееся мнѣ отъ моего покойнаго отца—большаго любителя военнаго дѣла. Онъ всю свою жизнь собиралъ эту коллекцію. Онъ самъ выдумалъ механизмъ, приводящiй въ движенiе маленькое войско. Примите все это въ уплату моего вчерашняго долга. Я честный человѣкъ, херъ льётенантъ, и не хочу чтобы русскiй офицеръ могъ упрекнуть меня въ неблаговидномъ поступкѣ,—возьмите пожалуйста“...

Я сталъ было отговариваться — мнѣ жалко было лишать добродушнаго нѣмца его сокровища, но съ другой стороны сокровище это меня плѣнило и наконецъ я разсудилъ: такъ вольно-же было ему играть не имѣя денегъ!

Однимъ словомъ хорошо-ли, дурно-ли я поступилъ, но я забралъ все съ собою, уложилъ въ ящики и по возвращенiи въ Петербургъ разставилъ и разложилъ все въ томъ порядкѣ въ какомъ оно было у майора.

Мою коллекцію и маленькое маневрировавшее войско приходили смотрѣть всѣ гвардейскiе офицеры: много забавлялись и восхищались.

Вотъ однажды докладываютъ мнѣ объ адъютантѣ цесаревича.

Онъ говоритъ мнѣ, что великiй князь слышалъ про мою коллекцію, очень желаетъ ее видѣть и для этого намѣренъ ко мнѣ прѣхать,

Само собою я поспѣшилъ отвѣчать, что его высочеству нечего беспокоиться; что я все самъ привезу къ нему. Привезъ, разставилъ и жду...

До этого времени я почти не зналъ великаго князя: онъ не обращалъ на меня никакого вниманiя.

Доложили ему, что все готово... выходитъ... я все показываю, объясняю, завелъ пружинку... Цесаревичъ въ полномъ восторгѣ, глаза блестятъ, разсматриваетъ каждую малѣйшую вещь, не можетъ нахвалиться... А маленькое войско такъ совѣмъ его разстрогало.

„Какъ правильно! Какъ правильно! повторялъ онъ, да по этой модели просто можно учить нашихъ солдатъ! Какимъ образомъ вы могли составить подобную коллекцію—вѣдь жизни человѣческой мало чтобы исполнить это!“

Ну-съ, Сергѣй Борисычъ, теперь я признаюсь вамъ какъ на духу въ грѣхѣ своемъ. То есть я то, нераскаянный грѣшникъ, и грѣхомъ сего не почитаю, а ужъ вы навѣрное почтете. Слушайте-ка, сударь мой, вы полагаете я разсказалъ цесаревичу всю исторiю?—Ничуть не бывало. Я опустилъ глаза, принялъ скромный видъ и съ чувствомъ проговорилъ:

„Ваше высочество, усердiе къ службѣ все превозмогаетъ: военная служба моя страсть.“

„Удивительно! воскликнулъ онъ. Вы, сударь, какъ я вижу, большою знатокъ военнаго дѣла, поздравляю васъ!“

Онъ слова принялъ разглядывать мою коллекцію и затѣмъ обратился ко мнѣ:

„Продайте мнѣ все это, сударь, я постараюсь выплатить вамъ такую сумму, какую вы сами назначите. Не стѣсняйтесь цифрой, я хорошо понимаю, что такiя вещи дешево не продаются!“

„Ваше высочество, отвѣтилъ я, продать эту коллекцію я не могу никакимъ образомъ—она не продажная“. Онъ нахмурилъ брови, покраснѣлъ, но я поспѣшно прибавилъ:

„Я почти для себя за великое счастье если вы позволите мнѣ поднести все это вашему высочеству“.

--- Цесаревичъ сконфузился, покраснѣлъ еще больше, но по его глазамъ я сразу замѣтилъ какое прiятное впечатлѣнiе произвели слова мои. Онъ горячо поблагодарилъ меня, обнялъ крѣпко, поцѣловалъ и вотъ, Сергѣй Борисычъ, съ тѣхъ поръ начались его ко мнѣ милости и уже вы не разубѣдите его въ томъ, что я знатокъ военнаго дѣла!...

Сергѣй внимательно слушалъ этотъ разсказъ и по выраженiю его лица Росточинъ могъ замѣтить, что онъ произвелъ на него не особенно прiятное впечатлѣнiе.

„И затѣмъ это я выбалтываю, подумалъ онъ. Конечно онъ меня не выдастъ, но вѣдь онъ такъ благороденъ... наввно и дѣтски благороденъ... У него такое фантастическое понятiе о жизни!“

Но не смотря на это размышленiе, онъ все же былъ доволенъ, что высказался. Онъ испытывалъ особенное наслажденiе отъ своей пиничной откровенности: въ немъ кипѣла желчь. Ему хотѣлось смѣяться, смѣяться надо всѣмъ и въ томъ числѣ и надъ самимъ собою.

— Такъ вотъ-съ какими способами очень часто ходятъ въ люди! заговорилъ онъ снова, видя что Сергѣй молчитъ и уныло смотритъ въ сторону. И повѣрьте, такъ всегда было, есть и будетъ и иначе быть не можетъ. Все дѣло случая, ловкой фразы, подходящей минуты... И если подобный случай выдвинетъ дѣйствительно достойнаго человѣка, съ достаточнымъ талантомъ и доброй волей, то это будетъ только опять таки случай и, къ несчастiю, очень рѣдкiй.

— Я надѣюсь, проговорилъ Сергѣй, что вашъ случай будетъ именно такимъ счастливымъ и рѣдкимъ слу-

чаемъ — но все же вы испортили мое веселое и радостное настроеніе.

— Что дѣлать! отвѣчала, пожимая плечами, Ростопчинъ. Я это понимаю, но я чувствую истинное къ вамъ расположеніе, мнѣ кажется, что намъ предстоитъ много соли съѣсть вмѣстѣ и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы на мой счетъ заблуждались. Полюбите, Сергѣй Борисычъ, насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ! Если начало моего сближенія съ цесаревичемъ не въ вашемъ вкусѣ, то я зато надѣюсь, вы не сдѣлаете мнѣ упрека въ томъ, что я злоупотреблялъ его довѣріемъ, что я недостойнъ этого довѣрія. Видитъ Богъ, какъ я искренно расположенъ къ нему и видитъ Богъ, какъ я теперь работаю, чтобы приготовить себя къ полезной дѣятельности! Въ дѣлѣ военномъ я не считаю себя знаткомъ—это не моя сфера—меня гораздо болѣе занимаютъ иные вопросы и надъ ними-то я работаю. Я стараюсь добросовѣстно слѣдить за всѣмъ, но, воля ваша, съ каждымъ днемъ я больше и больше убѣждаюсь, что нужно хитрить, что нужно быть ловкимъ эквилибристомъ, что нужно за хвостъ ловить каждую удобную минуту для того чтобы не оказаться не у дѣла, для того, чтобы не уступить свое мѣсто кому нибудь, кто будетъ совѣмъ ужъ недостойнъ занимать его.

— Да, что-жь... вы правы съ практической точки зрѣнія, сказалъ Сергѣй, я съ вами спорить не буду, но это очень печально во всякомъ случаѣ.

— Ахъ, это ужъ другой вопросъ, живо перебилъ Ростопчинъ, въ годы юности и я представлялъ себѣ счастливую Аркадію, но, по счастью для себя и можетъ быть для дѣла, я рано забылъ эти юныя грезы. Совѣтовалъ бы и вамъ, Сергѣй Борисычъ, отгонять ихъ какъ можно чаще. Жизнь имѣетъ свои права и выставляетъ свои требованія—мы забывать этого не можемъ если желаемъ сыграть свою роль въ жизни.

— Я хорошо знаю, что не сыграю никакой роли, сказалъ Сергѣй,—и, даю вамъ слово, не страдаю отъ такого сознанія. Въ жизни есть, быть можетъ, иные задачи и иное удовлетвореніе.

— Да, конечно, конечно! горячо повторилъ Ростопчинъ, но найти удовлетвореніе въ томъ, что васъ удовлетворяетъ—я не въ силахъ. Я не могу ограничиться семейными радостями, не могу ограничиться созерцаніемъ—у меня сердце кипитъ, меня желчь душитъ. Я долженъ усиленно двигаться, я долженъ работать, бороться. Я пропаду если окажусь въ уединеніи, вдали отъ этой толпы, которую презираю, надъ которой смѣюсь, по которая даетъ мнѣ тотъ воздухъ, которымъ дышу я... Они уже вѣзжали въ городъ.

VII.

Гатчинцы.

Горбатѣвъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ людей, которыхъ называютъ симпатичными. Онъ правился почти всѣмъ безъ исключенія съ перваго раза. Уже начать съ того, что самая его виѣшность, его мягкія непринужденныя манеры, его красивое изящно очерченное лицо, задумчивыя добрыя глаза, усталая и грустная улыбка говорили въ его пользу. Онъ умѣлъ ко всѣмъ относиться всегда съ равной внимательностью и ласковостью. Только при рѣдкихъ столкновеніяхъ съ такими людьми какъ Зубовъ въ немъ проявлялись признаки гордости и сознанія своего нравственнаго достоинства, Зубовъ не могъ выносить его вида, потому что съ нимъ Сергѣй былъ совѣмъ не тотъ, какимъ его знали остальные.

Ростопчинъ вѣрно охарактеризовалъ его и къ этой характеристикѣ можно было немного прибавить. Дѣйствительно онъ былъ не орелъ, но и не безъ ума, человѣкъ истинно благородный, въ широкомъ значеніи

этого слова, человѣкъ независимый, не способный ни на какія сдѣлки со своею совѣстью. Такихъ людей впоследствии стали называть идеалистами.

Онъ не былъ рожденъ для того, чтобы играть видную роль на сценѣ общественной жизни, онъ жилъ своею внутренней жизнью и вполне могъ удовлетворяться ею съ тѣхъ поръ какъ идеальная, всю жизнь преслѣдовавшая его, любовь къ Танѣ превратилась въ живое и счастливое чувство. Онъ хорошо понималъ все, что кругомъ него происходило; наблюденія его въ большинствѣ случаевъ были вѣрны.

Онъ всегда слѣдилъ за перипетіями совершавшейся передъ нимъ жизненной драмы съ большимъ интересомъ, но постоянно въ то же время чувствовалъ себя только заинтересованнымъ зрителемъ, а не актеромъ. Ему не доставало таланта, но натура его была натурой художника, задачи котораго выше земной повседневности.

Будь у него честолюбіе, онъ сталъ бы пасивовать свою природу, онъ сдѣлался бы мученикомъ и еслибы даже достигъ своихъ честолюбивыхъ цѣлей, еслибы даже оказался въ положеніи крупнаго дѣятеля, то не нашелъ бы себѣ никакого удовлетворенія, оказался бы только уставшимъ отъ скучной насильной работы. Но онъ никогда не ставилъ себѣ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей: онъ не любилъ обращать на себя вниманіе. Онъ думалъ только о томъ, чтобы не поставить себя въ такое положеніе, когда приходится бороться съ самимъ собою, когда приходится невольно не одобрять себя, доходить даже до презрѣнія къ себѣ.

Онъ чутко прислушивался къ тому, что творится внутри его и если былъ доволенъ собою, то ему уже никакого не было дѣла до того, будутъ ли имъ довольны другіе.

Иногда ему приходило въ голову:

„А вѣдь меня навѣрно считаютъ глупымъ—я не мечусь, не выскакиваю, я никогда не стараюсь изобразить изъ себя что нибудь особенное. Другіе говорятъ наслаждаясь собственнымъ краспорѣчіемъ, собственнымъ умомъ, лихорадочно слѣдя за производимымъ ими впечатлѣніемъ, а я молчу и слушаю и выражаю свое мнѣніе только отдѣльными фразами никого не поражающими. Что-же, можетъ быть я и дѣйствительно глупъ—но какое мнѣ до этого дѣло? Съ какой стати я стану стѣснять себя, стану учиться быть умнымъ, это такъ скучно!..“

И онъ уходилъ въ міръ своихъ мыслей, а иногда и фантазій. Онъ записался съ какой-нибудь интересной книгой и находилъ въ этомъ для себя большое наслажденіе.

Но всякій кто съ нимъ сходилъ, если считалъ его съ перваго раза недалекимъ вслѣдствіе его сдержанности, скромности и молчаливости, скоро замѣчалъ въ немъ его дѣйствительныя качества и въ концѣ концовъ невольно начиналъ уважать его, чувствуя въ немъ такую нравственную высоту, какую рѣдко можно было найти въ обществѣ.

Его положеніе, какъ человѣка принадлежавшаго къ знатному роду и обладавшему большимъ богатствомъ, тоже не могло вредить ему. Если къ нему привлекали не его личныя качества, то привлекало его знатное имя и богатство, которыми онъ никогда не кичился и которыя давали ему возможность быть пріятнымъ для многихъ.

„Онъ такъ богатъ! У него такія связи! И онъ никогда не отказываетъ ни въ какой услугѣ! Добрый, хорошій человѣкъ!“

Такъ говорила о немъ большая половина его знавшихъ.

(До слѣдующ. №).

Иванова нощъ въ Финляндіи. Ориг. рис. Колларца, грав. Рау.

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разказовъ о крайнемъ Востоку.

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

VII.

Бѣдствуютъ.

Уморная погоня странно измучила бѣглецовъ. Солнце стояло уже высоко въ небѣ, когда они проснулись и рѣшились вылезти изъ своего логовища... Наружность бродягъ за послѣднія сутки измѣнилась до неузнаваемости... Изможденные, изнуренные лица ихъ носили отпечатокъ крайняго истощенія; глубоко впавшіе глаза, окруженные синевой, горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Грязное, сильно изнурившее тѣло бродягъ едва было прикрыто какою-то рванью, безобразными клочьями холста и толстаго сукна. Отъ казенныхъ сапогъ остались одни только голенища, да и тѣ распознать уже по швамъ и издырявившимся.

Первымъ вылезъ изъ дупла Майдаицикъ и съ трудомъ началъ подниматься на затѣвній за ночь погн... Вздумалъ было онъ немного размяться, да не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ съ глухимъ стономъ повалился на траву...

Ползеть изъ дупла Митька и дивится, что случилось съ товарищемъ... Кажись, могъ бы отдохнуть за ночь!

Выползъ Митька и бойко вскопчилъ на ноги, хотѣлъ онъ показать передъ товарищемъ удалъ да молодчество... Хотѣлъ шагнуть Митька къ Майдаицику, да выското того только сморщился и быстро припалъ, словно кто ударилъ его по ногамъ здоровенной палкой...

„Эхъ-ма! дрянъ дѣло“... подумалъ онъ и молча, сосредоточенно началъ осматривать свои ноги, червившія изъ-подъ отрешенъ казенныхъ голенищъ... Смотритъ бродяга на ноги и глазъ не вѣрнуть... Ступни превратились въ какія-то безобразныя, толстыя, безформенныя копыта... Запекшаяся кровь, смѣшанная съ грязью залила пальцы, покрыла толстымъ слоемъ подошвы и пятки и придала ступнямъ бродяги подобіе слоповыхъ ногъ. Поскоблилъ Митька около пятки—словно пожегъ рѣзнуть... Началъ осторожно ощупывать сильно распухшіе пальцы—закололо въ ступнѣ такъ, что бродяга едва не застопалъ и тотчасъ же прекратилъ освидѣтельствованіе израненныхъ ногъ...

Взглянулъ Митька на притихшаго Майдаицика, да такъ и обмеръ... Передъ нимъ лежалъ на синій не красноречивый, плотный Вакнишъ, первый силачъ дуйской каторги, а какой то страшно исхудавшій, съ изможденнымъ, мертвенно блѣднымъ лицомъ. Глубоко впавшіе, обведенные черными кругами, глаза Майдаицика были закрыты, зубы крѣпко стиснуты, блѣдныя, безкровныя губы плотно сжаты, словно прикушены... Если бы не судорожное вздыманіе груди, то обезнамятѣвшаго бродягу можно было бы принять за человека, давно сведшаго всѣ счеты съ здѣшнимъ міромъ...

— Не по силѣ, видно, молодцу варнацкая воля! прошепталъ Митька, угрюмо поглядывая на расластавшагос товарища...

Черезъ нѣсколько минутъ Майдаицикъ открылъ глаза и простоналъ:

— Все нутро жжетъ... Дай водицы попить!..

Митька молча всталъ на четвереньки и поползъ къ знакомой рѣчкѣ, накалывая свои лацони и голыя колѣна обостренныя камни и колючки. До рѣчки было не болѣе ста саженъ, но эти сто саженъ показались Митькѣ длиннѣе сотни верстъ, до того онъ былъ мучительно и невыносимо. Онъ ползъ до рѣчки не менѣе часа... Онъ содралъ съ ближайшей березы бересту и мастерски сдѣлалъ огромный черенокъ... Добравшись до воды, Митька прежде всего осторожно обмылъ свои ноги и тогда только разсмотрѣлъ, отчего свершилось съ нимъ такое страшное, неожиданное превращеніе... Подошвы, пальцы и пятки были положительно разѣданы острыми камнями, во время безпорядочнаго, послѣдшаго бѣгства отъ настойчиво насѣдавшихъ солдатъ. Въ мягкихъ частяхъ оказалось до десятка глубоко вонзившихся занозъ, вокругъ которыхъ уже образовалась болѣзненная оухоль. Въ рану набился мелкій камень, грязь и песокъ... Вытащивъ занозы и употребивъ лохмотья на подвязки, Митька зачерпнулъ въ берестяной ковшъ воду и поползъ обратно, къ нетерпѣливо ожидавшему его товарищу...

Майдаицикъ, оставшись одинъ, предался самымъ чернымъ думамъ... Ему казалось, что Митька бросилъ его на произволъ судьбы... Въ его болѣзненно настроенномъ воображеніи начали рисоваться страшныя картины мучительной смерти въ тайгѣ, вдали отъ человѣческаго взора, картины смерти отъ голода и жажды. Онъ проклиналъ часъ, когда вздумалъ бѣжать съ каторги, начиналъ раскаиваться, что соблазнился этою водою, оказавшеюся страшнѣе самой ужасной, тяжелой каторги... Нѣсколько разъ онъ порывался бѣжать, ползти, самъ не зная куда, но не могъ и пошевеливаться... Страшно распухшая, вывихнутая нога приковала его къ мѣсту и при малѣйшемъ движеніи вызвала невыносимо-мучительную, острую боль... Прошелъ часъ, другой—Митька итѣтъ какъ вѣтъ... Майдаицикъ пришелъ уже къ убѣжденію, что онъ коварно брошенъ на произволъ судьбы и страшная, нечеловѣческая злоба охватила все его существо... Въ немъ проснулся во всей силѣ звѣрь... У него

явилося неутомимое желаніе, страсть растерзать своими острыми зубами вѣроломнаго товарища... Въ безсильной злобѣ онъ скрежеталъ зубами, метался по травѣ, рвалъ на себѣ волосы, одежду, кусалъ руки... Онъ уже начинать приходило въ дикое изступленіе, какъ вдругъ въ кустахъ раздался шорохъ, и черезъ минуту на лужайку выползло крайне утомленный, блѣдный Митька. Въ одной рукѣ онъ держалъ берестяной ковшъ съ водою, замѣтно убавившеюся за время перехода... Майдаицикъ разомъ успокоился и вперилъ въ товарища воспаленные глаза...

— А я ужъ думалъ, ты оставилъ меня издыхать какъ собаку, проговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія и страдающаго голосомъ.

— Напрасно!.. Вмѣстѣ бѣжали—вмѣстѣ и умремъ, коли смерть пана придетъ, отвѣтилъ Митька подползая съ водою къ Майдаицику.

Тотъ съ трудомъ приподнялся, схватилъ поданный берестяной ковшъ и жадно прильнулъ къ оживляющей влагѣ... Черезъ минуту ковшъ былъ уже пустъ...

— Эхъ-ма! укороженно проговорилъ Митька... А ноги-то твои чѣмъ обмыю?..

— Жрать хочу, простоналъ Майдаицикъ, опрокидываясь опять на спину. Хотѣ корешочекъ какой!..

— Припасены были корешки, да вишь, все вчера растеряли, отвѣтилъ Митька. Подожди, я поищу здѣсь—можетъ и розовищу черемну, либо сарану... И онъ, несмотря на утомленіе, поползъ опять въ чащу...

Черезъ часъ Митька вернулся, держа въ рукѣ пучекъ какихъ-то кореньевъ.

— Како-съ, покушай, проговорилъ онъ суя въ руки товарища принесенный пучекъ... Кушай, кушай!.. Я уже погрызъ, когда искалъ, добавилъ Митька, замѣтивъ, что Майдаицикъ желаетъ подѣлиться... Черемши и сараны я не нашель, а вотъ покушай два коренка мангиря (родъ дикаго чеснока), да козьяго звѣробоя (такъ называемый бѣлый корень)... Отдохну маленько—еще поинцу, да за водою схожу, чтобы было чѣмъ поить твои обмыты, а то гляди страсть какая!.. Съ такими ногами и шагу дальше не сдѣлать... Надо отдохнуть, да полечиться...

Майдаицикъ не слушалъ. Онъ съ жадностью грызъ принесенные сладкіе кореня мангиря и козьяго звѣробоя... Въ эту минуту онъ даже забылъ о недавно рисовавшихся въ его воображеніи мрачныхъ картинахъ и сталъ опять мечтать о варнацкой волѣ...

Между тѣмъ неутомимый Митька взялъ свой берестяной черпакъ и поползъ опять къ ручью за водою...

Солнце склонилось уже за окрестныя холмы, когда возвратился онъ къ дубу, измученный и донельзя обесиленный... Майдаицикъ, утолившій свой голодь кореньями, крѣпко спалъ, раскинувшись на душистой, пышной травѣ... Осторожно ступилъ Митька съ оухшихъ ногъ Майдаицика обрывки казенныхъ сапогъ и началъ обмывать израненныя, занозенныя ступни. Трудно было представить что нибудь ужаснѣе этихъ ногъ, сплошь покрытыхъ ранами и болѣзненными оухольями, образовавшимися вокругъ глубоко вонзившихся, едва видимыхъ полудюймовыхъ занозъ. Какъ ни осторожно обмывалъ Митька раны товарища, послѣдній при каждомъ прикосновеніи болѣзненно стоналъ и инстинктивно одергивалъ свои ноги. Повидимому, самое легкое прикосновеніе причиняла Майдаицику невыносимую, острую боль...

Обмывъ ноги, Митька приступилъ къ самой мучительной операціи—выдергиванію занозъ... Майдаицикъ проснулся съ глухимъ, болѣзненнымъ стономъ...

— Больно?.. заболливо спросилъ Митька, выдергивая самую болыную занозу,

— И не говори!.. простоналъ Майдаицикъ. Точно кто тунями ногами ноги рѣжетъ...

— Ну, потерпи малость!.. проговорилъ импровизированный операторъ. Вѣдь знаешь нашу острожную поговорку: хочешь варнакомъ быть—сдѣлайся звѣремъ, умѣй голодать, холодать, терпѣть муку—невзгоду, холодъ и погоду. Для варнака звѣрь не страшенъ, потому онъ самъ двуногий звѣрь, а страшнѣе человѣкъ... Со звѣремъ варнакъ скивается, либо сладитъ...

Слова Митьки придали Майдаицику бодрость... Онъ отдался въ полное распоряженіе опытнаго товарища и терпѣливо старался спосить мучительную операцію выдергиванія занозъ. Стоять ему стало совѣстно... За то вдвойни онъ морщился, когда Митька начиналъ слишкомъ неосторожно ковырять въ страшно наболѣвшихъ ранахъ...

Очистивъ тѣло Майдаицика отъ занозъ, Митька разодралъ остатки своей рубахи и сдѣлалъ необходимую перевязку, да съ такимъ искусствомъ, что ему могъ бы позавидовать любой фельдшеръ...

— Готово!.. торжественно проговорилъ Митька, сдѣлавъ послѣдній узелъ... А таперича ползи въ нашу избу на отдыхъ...

Придется пожить в ней, пока погь не залечимъ, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

Бродяги поволокли къ дубу, залезли въ обширное дуило, прижались одинъ къ другому, чтобы было теплѣе, и уже черезъ минуту опять спали мертвыми снами.

VIII.

На морѣ.

Бурная, темная, июньская ночь. Вѣшено гудитъ вѣтеръ въ живописной чащѣ столѣтнихъ, могучихъ кедровъ и сосенъ и съ какою то демонскою злобою качаетъ ихъ гордыя, пышныя вершины. Дико завываетъ онъ въ прибрежныхъ утесахъ и кекурахъ и приближаетъ до самой земли растущій изъ расщелинъ цѣнный вустариникъ... Стенеть, реветъ море... Неподога оживила его, вдунула въ него дикую, страшную, необузданную жизнь. Грозно ползетъ это стихійное чудовище на скалистое, неровное прибрежье материка и, встрѣчая непреодолимую преграду, съ яростнымъ ревомъ вздымается къ небу, словно силѣе преодо- лѣть пагромажденныя на дорогѣ громады камней... Массы вѣвнищей воды съ ужасающею быстротою бросаются на крутое прибрежье, вскидываются отвѣсно вверхъ на огромную высоту, и, обрушившись съ грохотомъ внизъ, съ бездальною злобою от- прыдываютъ назадъ... Яростно сталкиваются эти отброшенные волны со вновь приближающимися и, накопившись новыми, страшными громадами, опять обрушиваются на берегъ съ поражаю- щимъ грохотомъ и ревомъ... Море представляетъ картину са- маго грознаго волненія...

Тяжелыя, точно налитыя свинцомъ, тучи опускаются все ниже и ниже, словно хотятъ придавить своею поражающею гро- зодою двухъ отважныхъ, безумно смѣлыхъ бродягъ, крѣпко прильнувшихъ къ большой корчагѣ... Тяжело покачивается корчага среди шумящаго, клокочущаго моря и медленно ползетъ, подъ напоромъ волнъ и вѣтра, все ближе и ближе къ мрачно- му, темному берегу... Одна волна за другой, одна выше и злѣе другой, обрушиваются на корчагу съ какимъ-то злобнымъ шумомъ, обдавая заходѣвными, полуначихъ бродягъ массою искрящейся воды, и несутся дальше, бурча и клокоча, словно досадуя и сожалея, что слабыя жертвы выскользнули изъ ихъ хищническихъ, мертвенныхъ объятий, словно сераясь, что не удалось еще поглотить дерзкихъ бѣглецовъ, осмѣлившихся до- вѣриться прощаву измѣнчиваго моря...

Вотъ дуна бросила черезъ образовавшійся просвѣтъ свой бѣдный лучъ и на минуту освѣтила корчагу съ ея плываками... Трудно узнать въ этихъ донельзя изможденныхъ и исхудав- шихъ бѣглецахъ Майдашика и Митьку.

Трехънедельное прозябаніе въ тайгѣ, въ которой кровомъ имъ служилъ душистый дубъ, а пищей—коренья саромы, козыл- го звѣробоя и чаремша, да четырехъ-суточное мотанье впро- годю среди моря, положили на эти сильные натуры свою страшную, рѣвкую печать... Въ теченіи трехъ недѣль бродяги залечивали свои израненныя ноги, странно тощая на малопи- тательныхъ корняхъ... Несмотря на все невзгоды, имъ и въ голову не приходило вернуться. Молча переносили они физич- ская страданія, мечтали только, какъ бы добраться до ма- терика.

Прошло три недѣли... Бродяги поправились и рѣшились пу- ститься въ дальнѣйшій путь, рѣшились совершить невѣроятную переправу на материкъ. Предусмотрительный, опытный Митька прежде всего сдѣлалъ запасъ съѣдобныхъ кореньевъ, затѣмъ смастерилъ изъ остатковъ сѣраго сука и голенищъ что-то въ родѣ ошметокъ, какъ для себя, такъ и для своего товарища... Одно смущало бродягъ—это почти полное отсутствіе одежды, пополнить которую не представлялось возможности... Плечи Майдашика едва были прикрыты грязными, перелѣзшими клочьями холщевой рубахи, едва доходившей до коленъ. Этотъ костюмъ дополнялся берестяною, остроконечною шапкою соб- ственнаго издѣлія и ошметками. Митька былъ одѣтъ также. Спины, плечи и отчасти грудь Митьки защищала отъ непогоды рваная, арестантская куртка.

Бродяги, изготовившись въ дорогу, выбрались на западный берегъ Сахалина и берегомъ направились къ сѣверу, къ про- ливу Невельскому, отдѣляющему островъ отъ материка воднымъ пространствомъ не болѣе трехъ верстъ шириной. Этотъ пунктъ былъ удобнѣйшимъ для переправы на материкъ...

Розскавъ выброшенную Амуромъ на берегъ огромную корчагу, бродяги сдѣлали нѣчто въ родѣ весель, перекрестились, устѣли на свою допотопную, неуклюжую ладью и, пользуясь тихою погодою, пустились въ крайне опасный путь. Довѣряясь бурной стихіи, бродяги и не думали объ ожидавшихъ ихъ впе- редѣ опасностяхъ. Противуположный берегъ казался такъ близ- ко, что бѣглецы уже къ вечеру надѣялись быть на материкъ... Однако надежды ихъ далеко не оправдались... Тяжелая корчага, несмотря на дружныя усилія бродягъ, подвигалась впередъ невыносимо медленно. За то довольно сильное теченіе относи- ло ее къ югу, въ открытое море, дальше и дальше отъ узкаго пролива...

Только къ вечеру увидѣли плывцы всю безысходность свое- го положенія... Вернуться на островъ не было уже возможно- сти и они рѣшились отдаться на произволъ моря... Страшно обезсиленные почти полусуточною, непрерывною греблею и

томимые жаждою, бродяги съ ужасомъ смотрѣли, какъ относи- ло ихъ корчагу все дальше и дальше отъ берега...

Утромъ подулъ однако восточный вѣтеръ... Постепенно крѣп- чал, онъ достигъ послѣ полудня до стени умѣреннаго штур- ма... Забурнело, заволновалось море... Заходили пышныя вол- ны и каждую минуту начали окачивать бродягъ съ головы до ногъ... Тяжело запыгала корчага по поверхности разбушевав- шаго моря... Бродяги съ надеждою на спасеніе, съ радостью стали замѣчать, какъ постепенно стало приближать корчагу все ближе и ближе къ заветному берегу... Съ этой минуты они на- чали смотрѣть на бурю, какъ на единственную спасительницу въ ихъ отчаянномъ положеніи. Они молили Бога только о томъ, чтобы вѣтеръ не переѣхнулъ направленія или не стихъ... Прошли еще мучительныя сутки... Берегъ былъ недалеко, но все таки еще близко, чтобы можно было бытѣ увѣрен- нымъ въ спасеніе... Запасъ кореньевъ вышелъ. Начались му- чительныя страданія жажды. Пробовали бродяги пить морскую воду, но она жгла, вызывала рвоту, и въ результатѣ страданія отъ жажды все увеличивались и увеличивались... Обоихъ бро- дягъ трясла сильная лихорадка... Окоченѣлы, измученные и донельзя истощенные, они едва держались на корчагѣ и вос- паденными глазами позирали темный контуръ берега, на ко- торомъ они уже различали отдѣльныя группы деревьевъ и да- же морскихъ птицъ, вьющихся надъ песчанымъ побережьемъ... Надежда на спасеніе согревала ихъ и придавала имъ силу вы- нести страданія...

Прошли еще сутки... Къ страданіямъ жажды присоединились страданія голода... Берегъ былъ совсѣмъ близко, такъ близко, что бродягамъ казалось, что стоитъ сдѣлать хорошей прыжокъ и они будутъ на материкъ... Корчагу то несло еще ближе къ берегу, то отбрасывало въ море... Въ теченіи цѣлаго дня каж- дую минуту имъ казалось, что вотъ-вотъ корчагу выброситъ наконецъ на песчаное прибрежье; но между тѣмъ она только металась то впередъ, то назадъ и медленно ползла вдоль берега, словно выбирая болѣе удобное мѣсто для высадки измучен- ныхъ, изможденныхъ бѣглецовъ... Наконецъ наступила только что описанная ночь, страшная и мучительная...

IX.

Спасеніе.

Гудитъ и реветъ вѣтеръ, вздымается, гонитъ передъ собою цѣлныя горы искрящейся воды... Зловиде шумятъ гигантскія волны своими закрученными впередъ вершинами, и стройными рядами, словно грозная рать, бѣгутъ на приступъ скалистаго, мрачнаго берега. Волна за волной хлещутъ въ фантастическія, базальтовые скалы... Встрѣчая непреодолимую преграду, онѣ взлетаютъ къ небу и съ грохотомъ падаютъ на вновь прибли- жающіеся ряды водяныхъ громадъ... Каждую минуту слышится глухіе, громовые удачы, словно гдѣ-то вдали, подъ землею, раздаются могучіе залпы сотни орудій—это бьютъ волны въ глубокія фантастическія пещеры и гроты, созданныя неутоми- мымъ, грознымъ моремъ въ базальтовыхъ скалахъ...

Со страхомъ смотреть изможденные бродяги на темный, отвѣсный берегъ и возносятъ къ Богу отъ всей полноты размят- ченнаго страданіями сердца молитвы, чтобы валъ не разбилъ ихъ корчагу объ острые скалы... Молча, ждуть они или спасенія, или смерти... Они сознаютъ, что ихъ спасеніе слышномъ еще призрачно, а смерть уже смотритъ на нихъ своими гроз- ными глазами, уже протягиваетъ къ нимъ свои цѣпи, холо- дныя объятія... Съ тоской ждуть они разсвѣта и съ надеждою смотрятъ на постепенно проясняющійся востокъ, словно убѣ- дены, что первый лучъ благодѣтельнаго солнца принесетъ имъ страстно желаемое спасеніе...

Ночь кажется имъ безконечною. Окружающій непроницае- мый мракъ наводитъ уныніе...

По вотъ востокъ зарузынился и запылалъ... Цѣлый стоиъ яр- кихъ лучей разсыпался по просвѣтлѣвшему небу, скользнулъ по тѣнистой, изборожденной волнами, поверхности моря и запылалъ на смоченныхъ морскою водою прибрежныхъ скалахъ... Черезъ минуту показалась на горизонтѣ золотая макушка солнца... Все засіяло...

Обдало солнце бродягъ нѣжащими теплыми лучами, и ка- жется, что непогода смягчилась, море бурлить не такъ уже грозно и страшно...

Корчагу между тѣмъ несло вѣтромъ и волной все дальше и дальше вдоль отвѣснаго берега, покрытаго густою, мохнатою шапкою еловыхъ, сосновыхъ, кедровыхъ и дубовыхъ лѣсовъ... Ядно в-матривались бродяги въ мрачный берегъ... Вотъ онъ началъ постепенно понижаться и образовалъ въ скаженихъ стахъ дальше далеко выдающійся въ море низменный мысъ, прегра- дившій путь корчагѣ. По песчаному прибрежью ходили грозныя буруны... Море вокругъ мыса клокотало, какъ въ котлѣ, и зловѣще шумѣло... Волны, встрѣчая на мелкомъ мѣстѣ пре- граду своему поступательному движенію, вадувались и съ страш- ною быстротою неслись къ мысу въ видѣ крутыхъ, тѣнистыхъ горъ... Чѣмъ ближе прибывало корчагу къ этому опасному мѣ- сту, тѣмъ сильнѣе крутило ее, тѣмъ неистовѣе прыгала она съ одной волны на другую, трепетала и трещала... Съ отчаянною силою вѣхались бродяги въ дерево и съ трепетомъ ждали смерти или чудеснаго спасенія...

Вот корчага вздрогнула, словно задѣла за морское дно и исчезла въ страшномъ омутѣ пѣнящихся, рокочущихъ волнъ... Бродягамъ стало не по силамъ держаться на неистово прыгавшей въ бурунахъ корчагѣ, и они отдались на произволъ грозныхъ валовъ... Началась страшная борьба слабыхъ, изможденныхъ людей съ развирѣившей, могучей стихіей. Съ отчаянною энергіею пробиваются они къ спасительному мысу... Съ злобѣщимъ ревомъ крутятъ буруны изможденныхъ страдальцевъ и стремительно несутъ ихъ исхудалыя, измученныя тѣла на песчаное побережье...

Черезъ нѣсколько минутъ страшной, неравной борьбы, волны выбросили на берегъ безчувственныхъ, ошеломленныхъ бродягъ и съ глухимъ рокотомъ отхлынули назадъ.

Высоко поднялось солнце по прояснившемуся небу и сыплетъ на изможденные тѣла бродягъ снопы яркихъ, теплыхъ, лучей... Разметали бродяги свои исхудалыя руки по песку... Лежать — они не шелохнутся; словно угасла въ нихъ послѣдняя искра жизни... На ихъ обросшихъ, блѣдныхъ лицахъ печать невыразимыхъ страданій... Безкровныя губы крѣпко сжаты... Глубоко ввалившіеся глаза окружены синевою и

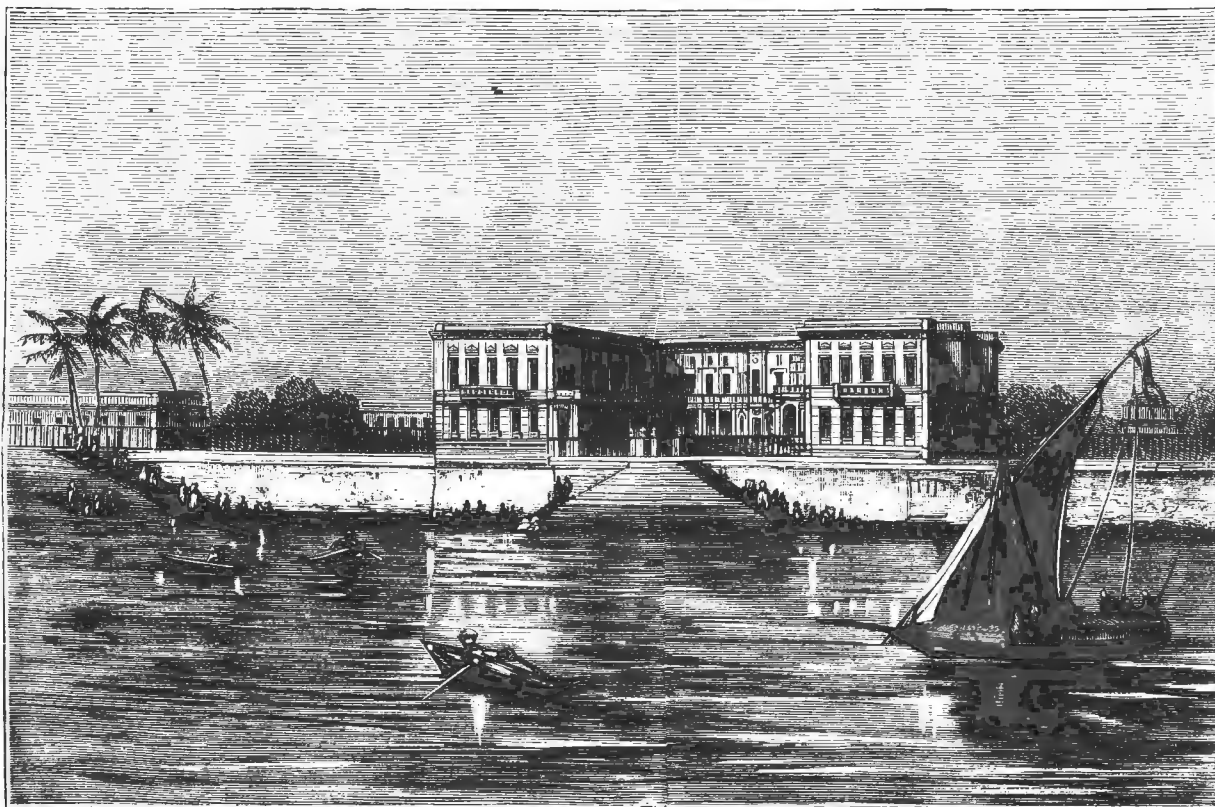
Событія въ Египтѣ. Военный министръ Ахмедъ Араби-Паша.
Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

рѣзкими, лучистыми морщинами...

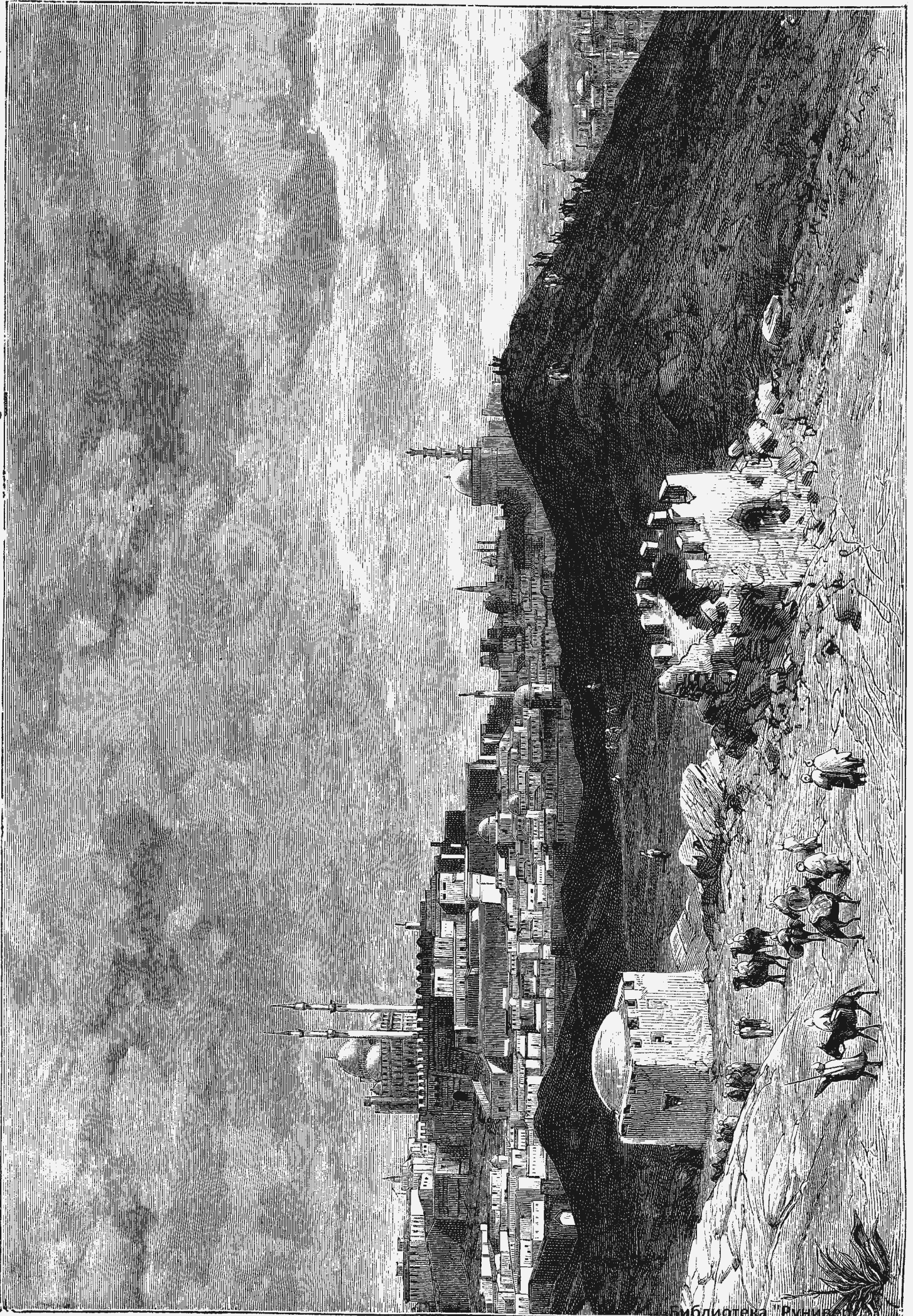
Волна за волной съ рокотомъ и злобѣщимъ шумомъ набѣгаютъ на мысъ и обезсиленные разсыплются почти у самыхъ ногъ изможденныхъ страдальцевъ... Вотъ идетъ съ моря гигантскій девятый валъ... Бѣшено въ гудсъ онъ на мелководьѣ и, завернувъ впередъ свою пѣнистую, злобѣще шумящую вершину, стремительно, грозно бѣжитъ на мысъ, словно желая вторично поглотить только что выброшенныхъ имъ отважныхъ бѣглецовъ...

Открылъ Майданчикъ свои воспаленные глаза и тупо смотреть на набѣгающую съ грознымъ ревомъ валъ... Близкая, страшная опасность возвратила ему самообладаніе и чувство самосохраненія... Собралъ послѣднія силы, поползъ онъ дальше отъ коварнаго моря, дальше отъ бѣшено набѣгающей волны... Въ этотъ моментъ взоръ его остановился на безчувственномъ тѣлѣ товарища... Еще моментъ и волна безвозвратно поглотитъ Митьку; съ отчаянною рѣшимостью поползъ Майданчикъ назадъ и схватилъ товарища за руку...

Съ глухимъ рокотомъ набѣжалъ на бродягъ грозный девятый валъ и покрылъ ихъ своимъ холоднымъ, мертвящимъ покровомъ... Судорожно вѣщился Майданчикъ въ

Событія въ Египтѣ. Дворецъ Хедива въ Каирѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Событія въ Египтѣ. Видъ города Каира. Съ фотографіи грав. Флюгелъ.

рыхлую почву побережья и смѣло встрѣтилъ послѣдній напоръ разсвирѣпѣваемаго моря... Набѣжала волна и отклонила назадъ... Майданщикъ поплылъ дальше отъ моря, волоча за собой безчувственное тѣло товарища...

Не успѣлъ Майданщикъ проползти и сотню шаговъ, какъ его слухъ поразило мелодичное, нѣжное журчанье ручейка... Бродяга востепенулся, и, словно пронизанный электрической искрой, вскопчилъ на ноги. Невыносимыя страданія жажды пробудились въ немъ съ новою, страшною силою... У бродяги позелѣло въ глазахъ и ему вдругъ показалось, что освѣжающая влага льется прямо на него широкою, блестящею, шумящею струею... Близость прѣсной воды едва не свела его съ ума; его глаза загорѣлись какимъ-то горячечнымъ огнемъ и онъ, шатаясь и скрипя зубами, побѣжалъ къ прыгающему съ камня на камень, съ уступа на уступъ, нѣжно журчащему ручью... На каждомъ шагѣ онъ спотыкался, падалъ, опять поднимался и съ какою-то дикою яростью бѣжалъ къ роскошному своду густой, древесной зелени, подъ которымъ быстрый ручей мелодично пѣлъ свою безконечную пѣснь... Подрубленнымъ деревомъ свалился Майданщикъ на пышный коверъ ярко зеленой травы, прямо лицомъ въ ручей, и, чуть не зарывшись въ него головою; жадно началъ глотать холодную, живительную влагу... Въ этотъ моментъ онъ забылъ всѣхъ и все на свѣтѣ... Подъ вліяніемъ благодѣтельной влаги, нестерпимая боль во всемъ его развитомъ тѣлѣ словно утихла, мысль сдѣлалась свѣтлѣе и въ немъ затихло то невыносимо тягостное чувство тупаго озлобленія, не покидавшее его въ теченіи двухъ послѣднихъ дней мучительнаго странствованія по коварному, бурному морю...

Майданщикъ пилъ не отрываясь и ему казалось, что онъ въ состояніи выпить весь ручей... Кругомъ его царилъ таинственная тишина... Густо разросшіеся жасминъ, сирень и колючая азалія склонили свои пышныя вершины надъ ручьемъ и, казалось, съ удивленіемъ смотрѣли на изможденнаго полуднаго страдальца, осмѣливагося нарушить покой таинственной заросли...

Вотъ въ чащѣ, на противоположномъ берегу ручья, раздался трескъ съ силою раздвигаемыхъ вѣтвей. Послышались чьи-то тяжелые, медленные шаги, сильный храпъ... и на берегъ ручья вышелъ громадный, черный медвѣдь. Увидѣвъ распластавшагося Майданщика, дѣсное чудовище остановилось въ нерѣшительности, подняло морду и, вытянувъ толстую, мохнатую шею, сильно началъ втягивать въ себя воздухъ... Майданщикъ услышавъ трескъ и храпъ, на минуту оторвался отъ оживляющей влаги, какъ-то апатично взглянулъ на стоящаго въ десяти шагахъ страшнаго звѣря и опять прильнулъ къ ручью. Подъ давленіемъ мучительной жажды, бродяга отнесся даже къ появленію чудовища равнодушно; въ тотъ моментъ онъ даже не со-

знавалъ всей опасности неожиданно-близкаго сосѣдства съ хищникомъ...

Медвѣдь, мучимый жаждою, также склонился, послѣ минутной нерѣшительности къ ручью и жадно началъ втягивать холодную влагу... Звѣрь и человекъ пили изъ одного ручья, не обращая одинъ на другаго вниманія; ихъ отдѣляло всего только нѣсколько шаговъ, но хищникъ не выказывалъ къ человеку враждебныхъ чувствъ, и человекъ, съ своей стороны, не пугался присутствія страшнаго хищника... Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ—утоленіемъ жажды...

Майданщикъ пилъ безъ мѣры... Его животъ раздулся, а онъ продолжалъ пить, пить безъ конца... Но вотъ ему стало уже не вмоготу... Глотка устала глотать холодную воду... Майданщикъ нехоти оторвался отъ ручья, лѣнливо поднялся, потянулся и, едва взглянувъ на утолявшаго жажду хищника, пошелъ отъ ручья въ чащу съ непреодолимымъ желаніемъ хорошо высидѣться на пышномъ коврѣ густой, ярко зеленой травы... Въ этотъ только моментъ онъ вдругъ вспомнилъ, что на берегу моря оставилъ почти бездыханное тѣло товарища, умирающаго отъ мучительной жажды. Майданщику сдѣлалось страшно совѣстно за свою странную забывчивость и онъ, не теряя ни минуты, бросился къ Миткѣ, безпомощно распластавшемуся на горячемъ пескѣ морскаго побережья. Осторожно приподнял онъ товарища и отнесъ къ ручью, гдѣ и положилъ на мягкую траву, подъ прохладную тѣнь густолиственныхъ деревьевъ...

Медвѣдя уже не было... Утоливъ жажду, онъ скрылся въ таинственной заросли...

Съ трудомъ раскрылъ Майданщикъ крѣпко стиснутые зубы Митки и прямо изъ ладони влилъ ему въ ротъ нѣсколько горстей холодной воды... Черезъ минуту Митка открылъ мутные глаза и бессознательно началъ осматриваться... Майданщикъ склонился надъ нимъ и принялся растирать ему грудь и смачивать голову водою... Постепенно Митка началъ приходить въ сознание... Въ мутныхъ глазахъ, обращенныхъ къ небу, мелькнулъ огонекъ; на губахъ заиграла слабая улыбка... Тяжело приподнял онъ правую руку и сотворилъ крестное знаменіе...

— Да, братъ, чуднымъ манеромъ добрались мы до земли, проговорилъ Майданщикъ. „Накосъ, испей теперь, а тамъ поищемъ чего нибудь поѣсть“, прибавилъ онъ, придвигая товарища къ ручью...

Митка не замедлилъ прильнуть къ оживляющей влагѣ... Тѣмъ временемъ Майданщикъ отправился на поиски за пищей... Тутъ-же на берегу онъ наткнулся на малиновыя перы черемши и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ цѣлымъ пучкомъ вкуснаго, питательнаго овоща... Утоливъ голодъ, бродяги забрались въ густую заросль, раскинулись на пышной травѣ и уснули мертвымъ сномъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

(Изъ А. Казанска),

I.

Въ полдень.

Небо и море,
Море и небо!..
Въ небѣ же—солнце,
Полное блеска...

* * *

Въ небѣ, что хлоня
Рыхлаго снѣга—
Рѣвныя стаи
Тучекъ прозрачныхъ!

* * *

Море и небо,
Небо и море!..
Въ морѣ же—гребни
Волнъ изумрудныхъ,

Бѣлой и легкой
Пѣной покрытыхъ,
Солнечнымъ свѣтомъ
Ярко залитыхъ!

II

Я отдаюсъ объятъямъ блѣдной ночи,
Смѣннѣвшей зной блистательнаго дня...
Лучистыхъ звѣздъ мерцающія очи
Съ привѣтомъ тихимъ смотрятъ на меня!

* * *

О эта ночь! Въдѣ лаской равнодушной
Не можетъ грусти тайной разогнать!..
Напрасно я стремлюсь въ просторъ воздушный,
Моей мечтой разсѣянной витать!

* * *

Ея вопросъ умолкнетъ безъ отвѣта:
И глухъ, и нѣмъ свѣтлѣй несмѣтныхъ рой,
И не отъ силъ невѣдомаго свѣта
Она отвѣтъ получить роковой!

В. М.

Лисьма о здоровьи.

III.

Вегетаризмъ.

Очеркъ.

Вегетаріанцами называются люди, воздерживающіеся отъ употребленія мяса, питающіеся растительной пищей. Нужно сказать, однако, что это не совсѣмъ точное и вѣрное названіе. Вегетаріанцы не питаются однако исключительно растительной пищей и за самыми рѣдкими исключеніями, постоянно присоединяютъ къ ней молоко, масло, яйца и сыръ, продукты животнаго происхожденія. Въ этомъ смыслѣ, вегетаріанцы издавна весьма многочисленны. Съ самой глубокой древности, индѣйцы, послѣдователи религіи браминовъ, воздерживались отъ употребленія

мяса какого-либо животнаго. Да и среди современныхъ народовъ есть масса людей, цѣлыя общественныя классы, волей неволей остающіеся безъ животной пищи, т. е. безъ мяса.

Нашъ русскій крестьянинъ и рабочій человекъ, какъ извѣстно, мяса почти не знаетъ, живя, большею частью, чисто растительной пищей, хлѣбомъ, чистымъ или даже съ примѣсями и овощами. Во Франціи, потребленіе мяса весьма значительное, вообще начинается все болѣе и болѣе распространяться, съ нѣкотораго времени, и среди рабочихъ классовъ. Наоборотъ, въ

странахъ, наиболѣе потребляющихъ мясо—въ Англии, Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи, обнаруживается противодѣйствіе мясной пищи. Въ этихъ трехъ странахъ образовались даже цѣлыя общества, уже довольно многочисленныя, члены которыхъ принимаютъ на себя обязательство—воздерживаться отъ употребленія мяса животныхъ.

Въ настоящее время въ Англии существуютъ три такихъ общества, имѣющія рестораны, въ которыхъ можно получать весьма дешево вкусный обѣдъ, въ составъ котораго совершенно не входитъ мясо. Одно изъ этихъ обществъ, находящееся въ Манчестерѣ, насчитываетъ въ своей средѣ три тысячи членовъ.

Англійскіе вегетарианцы образовали даже нѣкоторое подобіе секты съ нѣбольшимъ, сантиментальнымъ ученіемъ о томъ, что человекъ не имѣетъ права убивать животныхъ. На этомъ основаніи, каждый членъ общества принимаетъ на себя обязательство не ѣсть мяса. Любопытно что эта теорія, которая не могла бы казаться поправиться во всякомъ случаѣ практичнымъ французамъ—имѣла, хотя и чрезвычайно малый, успѣхъ между ними.

Мясо представляется крайне необходимымъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, напримеръ при анеміи или малокровіи. Больные этого рода нуждаются въ крови—нужно дать имъ ее, пользуясь для этого мясомъ. Такимъ больнымъ дѣлаютъ поэтому кровяной сиропъ, даютъ пить теющую кровь, наконецъ предписываютъ кровавыя ванны, хотя безусловно доказано, что кровь кожей не поглощается. Далѣе совѣтуютъ имъ обязательно потреблять небольшое вареное или жареное мясо, но даже сырое, приговаривая для нихъ эликсиры изъ мяса и спирта и пр. и пр. Въ виду многочисленности случаевъ подобной болѣзни во Франціи, подъ впечатлѣніемъ эпидемическаго ея распространенія, понятно, что вегетарианцы мало имѣли здѣсь почвы подъ собою; какъ разъ наоборотъ, должно было усиливаться потребленіе мяса, что дѣйствительно и произошло. Однако, возникшее уже злоупотребленіе мясомъ создало во Франціи новую не менѣе серьезную опасность—увеличились болѣзни подагры и ревматизма—эти слѣдствія постоянного употребленія хорошаго мяса.

И вотъ, три года тому назадъ, одинъ французскій докторъ, происходившій отъ отца и дѣда, страдавшихъ ревматизмомъ и самъ мучившійся этой болѣзью, г. Гюро де-Вилленевъ (небѣдливый между прочимъ своими трудами по воздухоплаванію) началъ борьбу противъ тираніи мяса. Онъ окончательно исключилъ мясо изъ своей пищи. Ревматизмъ его прошелъ, аппетитъ возстановился, здоровье превосходно укрѣпилось. Скоро онъ собралъ вокругъ себя порядочное число послѣдователей и, въ началѣ 1880 года, основалъ въ Парижѣ общество вегетарианцевъ, избравшее его своимъ президентомъ.

Это новое общество, прежде всего, отказалось пройти ту ступень, черезъ которую обязательно переступили аналогичныя общества, основанныя въ другихъ странахъ. Желая остаться на чисто научной почвѣ, оно рѣшилось не образовывать изъ своей среды какой-то секты. Такимъ образомъ, оно не требуетъ отъ своихъ членовъ никакихъ обѣщаній. Каждый изъ нихъ можетъ жить какъ ему угодно; общество не беретъ на себя трудъ—предписывать какое-либо исключительное питаніе. Въ этомъ состоитъ его отличіе отъ германскихъ и англійскихъ обществъ вегетарианцевъ.

Болѣзнь анеміи (малокровія) происходитъ не отъ недостатка мяса, а отъ недостатка движенія, вольнаго воздуха и солнечнаго свѣта. Крестьяне, потребляющіе гораздо меньше мяса, нежели городское населеніе, и даже почти незнающіе его, тѣмъ не менѣе, отличаются весьма крѣпкимъ здоровьемъ. Это потому что они предаются физическому труду на вольномъ воздухѣ, тогда какъ горожане дѣлаютъ весьма мало движенія и совсѣмъ отказываются отъ мускульной работы. Ручная же работа не есть трудъ, а представляетъ физиологическую необходимость для организма.

Для развитія какого-либо органа необходимо упражнять его.

Наша мускульная ткань ослабѣваетъ и исчезаетъ при отсутствіи мускульнаго труда, какъ-бы высокаго качества не употреблялось при этомъ мясо и наоборотъ, она быстро возстановляется при мускульной работѣ.

Есть-ли основаніе думать, что не потребляя мяса, нельзя выполнять работъ, требующихъ большой мускульной силы? Животныя, отвѣчаетъ онъ далѣе, долго переносящія усталость, питаются растительной пищей. Быкъ, лошадь, слонъ питаются исключительно растеніями, несмотря на то, что ихъ желудки, какъ показали опыты, отлично могутъ переработывать и мясную пищу. Постоянныя-же, какъ-то: левъ, тигръ и кошка, могутъ обнаруживать, правда, огромную силу но на короткое время и ихъ энергія непродолжительна; они проводятъ во снѣ большую часть своего существованія.

Большое число людей, извѣстныхъ своей нравственной энергіей и физической силой, слѣдовали наставленіямъ Платона, Платарха, Франклина, Монтига, достигшіе глубокой старости, вовсе не знали мяса. Президентъ Линкольнъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, огромной мускульной силой и непобѣдимой энергіей, былъ вегетарианецъ.

Съ другой стороны, указываютъ на опасности, соединенныя съ потребленіемъ мяса, именно на паразитовъ, попадающихъ съ нимъ въ нашъ желудокъ, трихину, глистовъ, наконецъ, на скорбутъ, происходящій отъ употребленія солонины. Далѣе, по его мнѣнію, единственно мясо животныхъ является причиной многихъ случаевъ чахотки, рака, подгры, ревматизма, сыпи, каменной болѣзни. Ничего подобнаго не влечетъ за собою потребленіе растительной пищи.

Животная пища, продолжаятъ онъ, можетъ еще не имѣть вышеупомянутыхъ послѣдствій для людей, занятыхъ сильной мускульной работой, но она вредна для тѣхъ, которые производятъ мало движенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, богатые люди, незнающіе физическаго труда, именно и ѣдятъ мясо. Любопытно то, что медики, предписывающіе нѣкоторымъ изъ своихъ больныхъ животную пищу для увеличенія красныхъ шариковъ въ ихъ крови, въ то же время посылаютъ пациентовъ на щелочныя минеральныя воды, имѣющія обратное дѣйствіе, въ смыслѣ уменьшенія этихъ шариковъ.

Вотъ ученіе вегетаризма. По припадкамъ распространенія его является затруднительность разнообразить растительныя блюда. Правда, парижскіе вегетарианцы задумали доказать противное, устроивъ однажды обѣдъ, состоявшій, конечно, изъ однихъ растительныхъ блюдъ и весьма вкусный, но расскажемъ по подобному доказательству, разумѣется, недостаточно практически убѣдительно. Простой народъ и вообще большинство людей не могли-бы, безъ сомнѣнія, воспользоваться тѣми средствами, которыми располагали богатые устроители этого обѣда, для приданія вкуса и разнообразія своимъ растительнымъ блюдамъ.

Въ пользу своихъ теорій вегетарианцы указываютъ на спартацевъ, питавшихся черной похлебкой и отличавшихся столь славной энергіей, храбростью; на греческихъ атлетовъ вообще, познавшихъ лавры за свою силу и ловкость на олимпійскихъ играхъ; наконецъ, на евреевъ, выбравшихъ изъ своей среды нѣсколько молодыхъ людей, предназначенныхъ стать сильными и храбрыми, изъ которыхъ вышелъ Самсонъ, несмотря на исключительное растительное питаніе.

Вегетарианцы могутъ, конечно, найти и еще нѣсколько подобныхъ фактовъ, но нельзя назвать эти доказательства справедливости ихъ ученія особенно убѣдительными. Мы не говоримъ уже о принципѣ, въ силу котораго они возстаютъ противъ мясной пищи, о томъ выводѣ изъ него, къ которому человекъ не имѣетъ права убивать животныхъ для своихъ нуждъ и пользы. Недаромъ-же, человекъ издавна стремится къ животной пищѣ, всегда потреблялъ и потребляеть ее; не даромъ-же, потребленіе этой пищи все болѣе и болѣе распространяется. Такъ велика, слѣдовательно, насущная, естественная въ немъ потребность.

Событія въ Египтѣ. Араби-Паша.

(Портр. и рисунки на стр. 588 и 589).

Какъ ни тревожно наиболѣе положеніе дѣлъ въ Европѣ, столь много обѣщающее для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, но въ настоящую минуту, общее вниманіе обращено не въ эту сторону.—оно сосредоточено, въ значительной степени, на Египтѣ. Волненія, брешеніе въ странѣ фараоновъ разгорается. Причину ихъ нечего искать далеко. Бывшій хедивъ „великоблшнній“ Измаиль-Паша, извѣстный своею расточительностью, сильно разстроилъ финансы своего государства; онъ втянулъ его въ неразрывныя отношенія съ европейскими спекуляторами, наложилъ на него путы европейскихъ кредиторовъ; его исторія и исторія долговъ, навязанныхъ имъ Египту, слишкомъ извѣстна, чтобы повторять ее здѣсь; скажемъ только, что однимъ изъ послѣдствій былъ чрезвычайный наплывъ европейцевъ, во всѣхъ видахъ: одни прибыли въ качествѣ контролеровъ, другіе явились для того, чтобы, въ ущербъ туземцамъ, занять самыя видныя должности, третьи—для того, чтобы, также въ ущербъ тѣмъ же туземцамъ, завладѣть естественными богатствами страны; въ результатъ—египтяне оказались у себя дома какими-то

посторонними зрителями того, какъ чужеземцы хозяйничаютъ на ихъ родинѣ, управляютъ ею, забираютъ себѣ все, что она можетъ дать, зрителями, не смѣющими раскрыть рта, пошевеливать.

Едва ли можно было ожидать, чтобы, наконецъ, египтяне не „пошевельнулись“, напротивъ, ожидать этого было надо. Такъ и случилось. Оскорбленное національное чувство, въ связи съ причинами и побужденіями, чисто экономическими, возбудили настоящее движеніе. Извѣстныя обстоятельства, извѣстные историческіе моменты выдвигаютъ часто и людей „минуты.“ Такимъ человекомъ для Египта и египтянъ явился бывшій полковникъ египетской службы Ахметъ-Араби-Бей. Онъ сумѣлъ стать, въ особенности въ самомъ началѣ движенія, выразителемъ національныхъ стремленій, сумѣлъ овладѣть этимъ движеніемъ, дѣлаться его главой. Едва-ли есть основаніе думать, что это простило честолюбцу, что въ свою дѣятельность онъ не вложилъ извѣстной доли искренности. Его прошлое, по крайней мѣрѣ, говоритъ въ пользу того, что онъ всегда относился не-

равнодушно къ тяжелому положенію своей родины; еще при Измаилъ-Пашѣ онъ смѣло выступилъ противъ систематическаго раззоренія страны, противъ злоупотребленій, которыя вели и привели его отечество въ настоящее положеніе, за это онъ и лишился должности и былъ уволенъ въ отставку, хотя въ послѣдствіи и былъ прощенъ. Теперь онъ выступилъ еще смѣлѣе. Понятно, что сразу онъ сдѣлался популяренъ и опирался на общее національное чувство массы, быстро достигъ власти и совершенно особаго, почти независимаго положенія въ хедиватѣ. Народъ привѣтствовалъ его восторженно, въ первое время, когда онъ показывался на улицахъ, его обступали, цѣловали ему руки, плащъ, край одежды. Значеніе хедива начало сильно па-

и введенію туда турецкихъ войскъ. Противъ втораго обвиненія онъ отвѣчалъ, что онъ не изувѣръ и смотритъ на всѣхъ людей добродѣтельныхъ и справедливыхъ, какъ на своихъ братьевъ, но думаетъ, что и они обязаны относиться точно такъ-же къ нему.

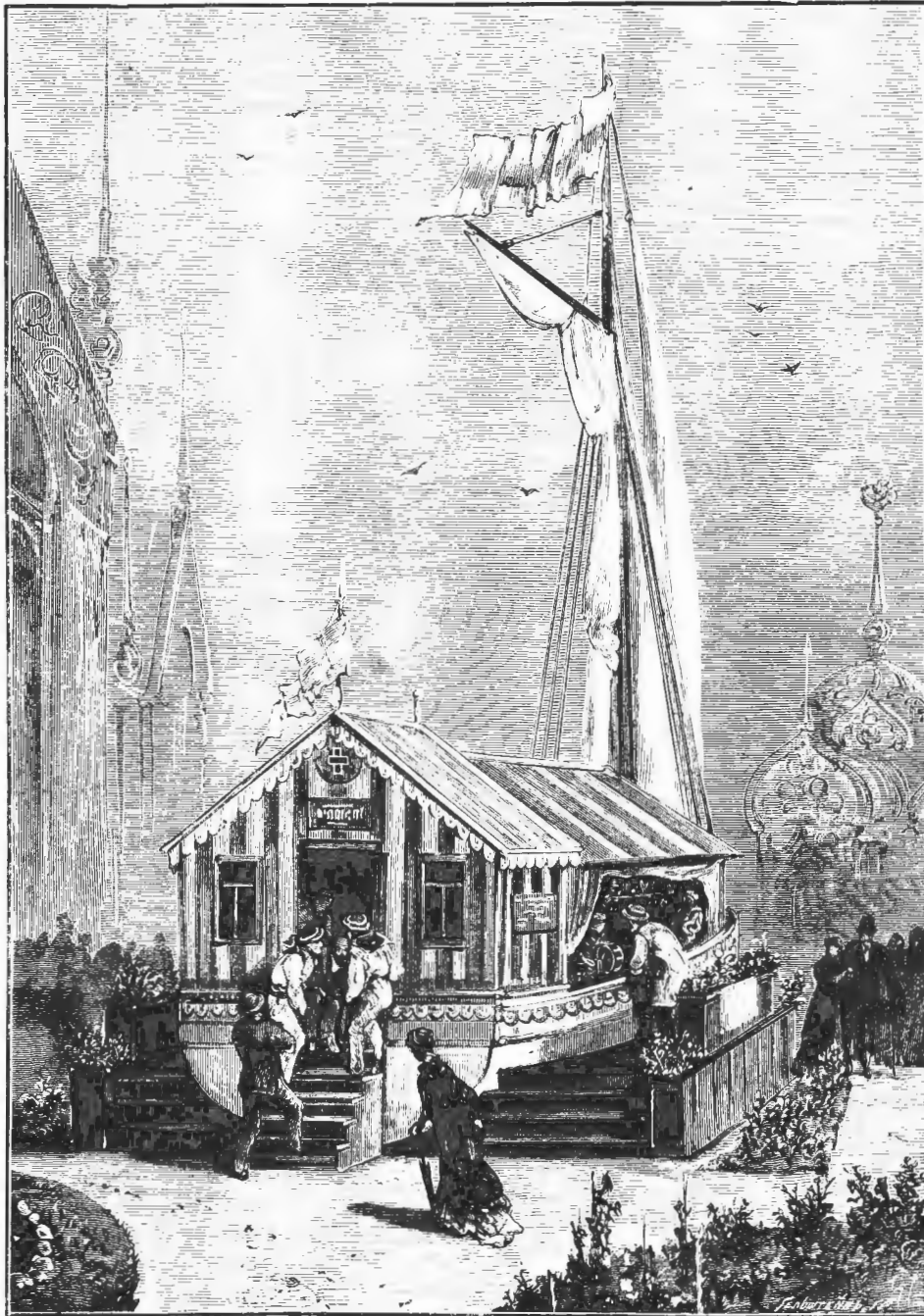
Въ послѣдовавшихъ событіяхъ однако, Араби-Паша, показавъ что не удовольствуется платоническою ролью чловека, воплощающаго въ себѣ національныя стремленія, честолюбецъ все-таки сказавшись въ немъ; онъ пошелъ противъ хедива, котораго совершенно заслонилъ собою. Есть предположеніе, что онъ задумалъ самъ стать хедивомъ. Мало по малу, желая опираться на поддержку арміи, онъ отчасти умалилъ самъ свое значеніе,

превратившись изъ вождя національнаго движенія, въ главу военной партіи, хотя и съ тѣмъ же національнымъ отбѣнкомъ.

Франція и Англія, болѣе дружныхъ державъ „заинтересованныя“ въ Египтѣ, прислали свои броненосцы въ Александрію и, чрезъ консуловъ, вручили хедиву торжественную ноту, смыслъ которой заключается, главнымъ образомъ въ томъ, что державы намѣрены поддержать верховныя права султана и права хедива, а также и европейскій контроль, т. е. status quo.

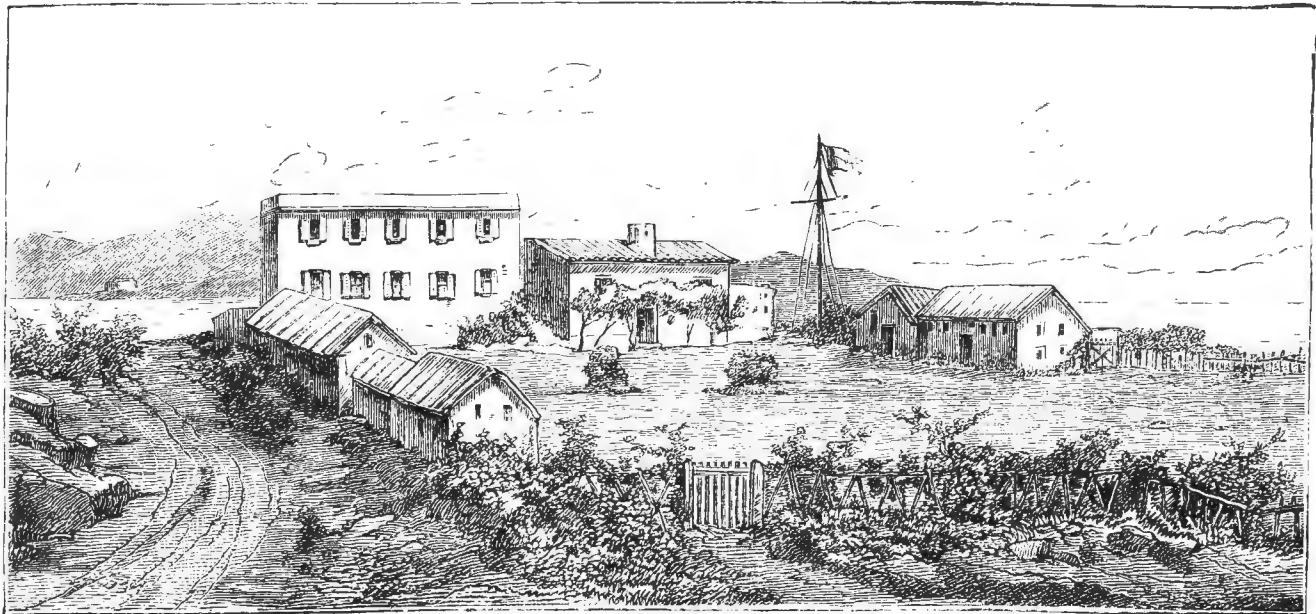
Вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено требованіе объ удаленіи Араби-Паша. Нѣсколько равнѣ, когда уже державы пригрозили—всѣ министры, въ томъ числѣ и Араби-Паша, явились къ Тевфику-Пашѣ и заявили ему о своей преданности, заявили съ цѣлованіемъ руки и одежды, чѣмъ, однако, мало тронули хедива, отступившаго ихъ довольно холодно; но, затѣмъ, когда хедивъ принялъ ноту — декорация перемѣнилась; Араби началъ агитировать среди своей, преданной ему, военной партіи, среди населенія, и не только сталъ въ явную вражду съ своимъ государемъ, но оказалъ ему неповиновеніе, несмотря

ни на консуловъ, ни на присутствіе эскадры: вопреки запрещенію Тевфика-Паша и требованію державъ, онъ возвелъ укрѣпленія у Александріи и объявилъ въ странѣ наборъ. Но этого было мало. Объявивъ, что признаетъ своимъ верховнымъ государемъ только султана, онъ обратился въ Константинополь съ предложеніемъ низложить Тевфика-Пашу и назначить на его мѣсто (принца-халима). Объявивъ хедиву, что онъ считаетъ несомнѣннымъ съ достоинствомъ страны фактъ принятія имъ ноты, министерство подало въ отставку, (убѣжденное, между прочимъ, въ томъ, что вице-королю не изъ кого будетъ составить новаго министерства). Хедивъ созвалъ пашей, желая сформировать ка-

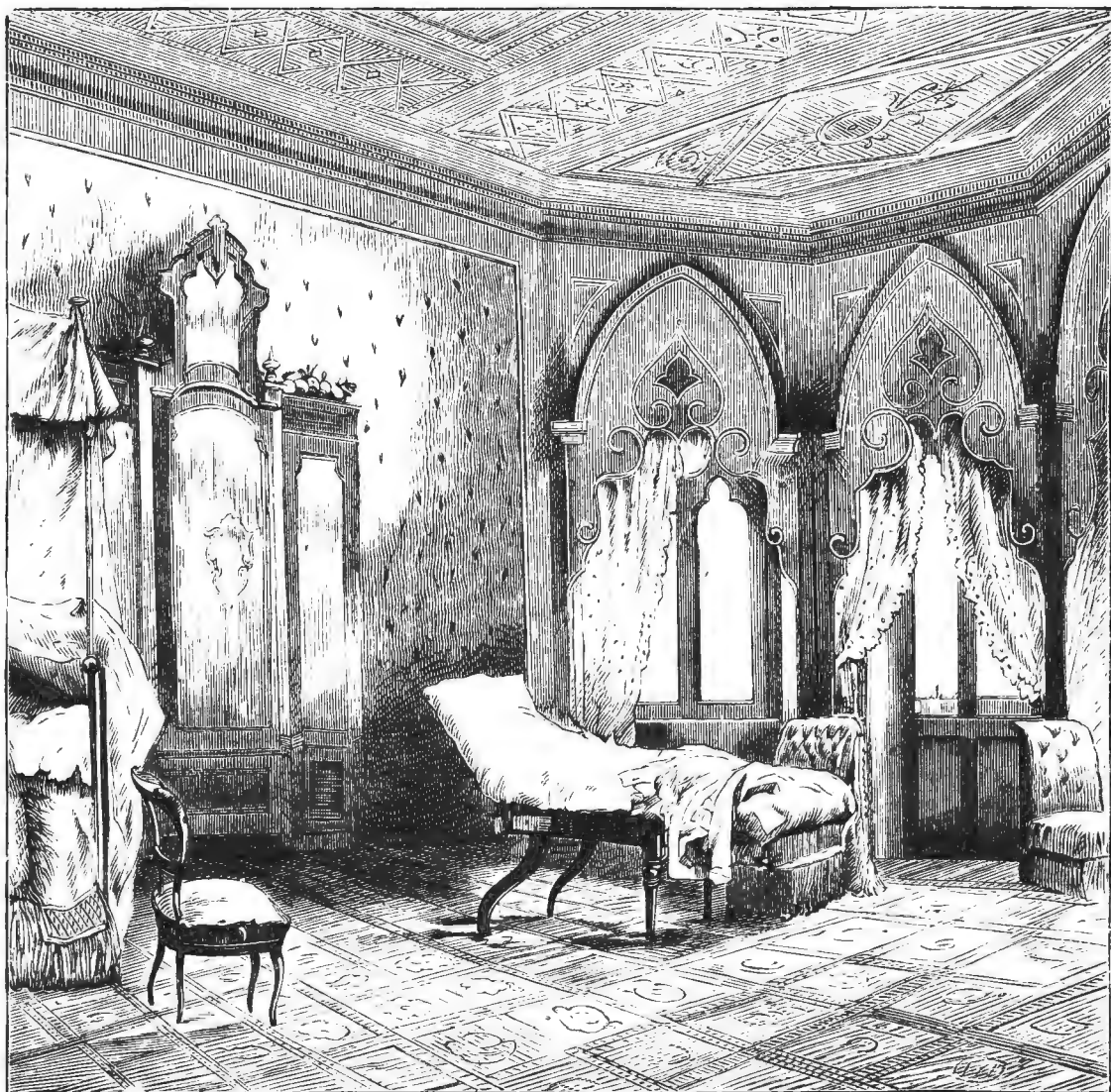

Московская промышленно-худ. выставка. Павильонъ-лодья общества спасенія на водахъ (для подаенія помощи заболѣвающимъ на Выставкѣ). Ориг. рис. нашего спеціального корреспондента Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ.

главенства арміи и что онъ намѣренъ удалить европейскихъ чиновниковъ изъ Египта и замѣнить ихъ туземцами. На первое Араби возразилъ на своемъ образномъ языкѣ, что онъ считаетъ султана своимъ повелителемъ, главою ислама; владѣнія султана подобны большому дворцу, въ которомъ каждая нація имѣетъ свою комнату, приоровленную къ ея нуждамъ и меблированную въ ея вкусъ; ввести постороннихъ въ эти комнаты, значило бы перевернуть вверхъ дномъ все ихъ устройство къ явной невыгодѣ ихъ владѣльцевъ, что было бы въ высшей степени несправедливымъ, поэтому онъ и рѣшился сопротивляться вмѣшательству султана въ управленіе Египтомъ

Видъ дома Гарибальди на остр. Капрера. Съ фот. грав. Гельштейнъ.

Кабинетъ въ домѣ Гарибальди. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

бинеть, но никто не принялъ предложения; тогда Тевфикъ-Паша потребовалъ къ себѣ всѣхъ потаблей, нашей, муллу, улемовъ и старшихъ офицеровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ надежду, что они помогутъ ему возстановить порядокъ; потабли и улемы отнеслись къ словамъ хедива довольно сочувственно, но офицеры дерзко потребовали, чтобы Тевфикъ возвратилъ поту консуламъ, и затѣмъ, не поклонившись хедиву, быстро вышли изъ дворца вице-короля.

Въ Каирѣ многие увѣрены, что если бы Тевфикъ-Паша не растерялся въ ту минуту и велѣлъ бы арестовать ослушниковъ и Араби — онъ, вѣроятно, овладѣлъ бы движеніемъ; но онъ этого не сдѣлалъ, что и придало Араби болѣе увѣренности. Потабли и улемы собрались у одного изъ значительнѣйшихъ жителей Каира, Султана-Паши, съ цѣлью добиться соглашения между хедивомъ и Араби-Пашею и здѣсь были мотивированы три предложения; потребовать: 1) удаленія союзной эскадры, 2) возстановленія Араби-Паши и 3) низложенія хедива; первыя два приняты были единогласно, но третье, за которое высказались военные, было отвергнуто потаблями и улемами. Послѣ этого засѣданія Араби-Паша послалъ хедиву ультиматумъ (!), въ которомъ требовалъ вновь назначить его министромъ, а въ противномъ случаѣ грозилъ демонстраціей. Тевфикъ-Паша, хотя и не поддержанный растерявшимися французскимъ и английскимъ консулами — отказалъ. Вечеромъ народъ собрался въ мечетяхъ, требуя назначенія Араби-Паши вновь къ власти, а затѣмъ, произошли безпорядки, о которыхъ разсказано уже читателямъ своевременно въ политическомъ обзорѣ нашего журнала.

Араби-Паша — человекъ высокаго роста, атлетическаго сложения; насколько видно изъ приложеннаго къ этому № портрета, выраженіе его лица строго и даже сурово; по отзыву очевидцевъ, онъ, съ перваго взгляда, кажется немножко тяжело-ватымъ, но когда оживаетъ, глаза его блещутъ, рѣчь энергична и понимающа; по арабски (онъ не говоритъ ни по французски ни по английски) утверждаютъ, что онъ отличается краснорѣчіемъ.

Всероссійская промышленно-худож. выставка.

(Рис. на стр. 580, 581 и 592).

Мы переходимъ къ десятой группѣ (отдѣлъ садоводства и огородничества и, Русское общество поданія помощи на водахъ). Когда выходите изъ павильона подъ буквою В. (къ свѣдѣнію читателя, нужно имѣть планъ выставки предъ своими глазами) во вѣнцій садъ то ваше вниманіе сейчасъ привлечетъ чрезвычайно изящный и оригинальный корабликъ, стройно поднимаящій свою мачту и распустившій бѣлые паруса, какъ бы на полномъ ходу: хотя подъ нимъ и не бунуютъ волны, а стелется ярко желтый песокъ садовыхъ дорожекъ, да красивый нестрий коврикъ цвѣточныхъ клумбъ. Этотъ корабликъ изображаетъ собою представителя одного изъ благотворительныхъ обществъ, именно общества спасенія на водахъ, основаннаго и существующаго въ г. Рузѣ. Размѣръ этого кораблика не превышаетъ размѣровъ обыкновеннаго лодманскаго бота. Павильонъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, задняго, гдѣ, въ довольно просторной каютѣ, входить въ которую идетъ съ кормы, но небольшою лѣстницѣй въ три ступеньки, помѣщается дежурный врачъ и всѣ необходимыя средства для поданія помощи, даже если бы медицинская помощь потребовалась бы и не на водахъ, а на сушѣ, какъ въ настоящее время на самой выставкѣ, а среднюю, болѣею часть, занимаетъ помѣщеніе для лотереи аллегии; и въ этомъ помѣщеніи, подойти къ которому можно съ обоихъ бортовъ, взойдя на устроенныя для сего платформы, крииво расположена группа вѣтвистыхъ выгрышей, а на стойкѣ известное колесо, около котораго постоянно дежуритъ дама благотворительница съ своимъ ассистентомъ, одѣтомъ въ матросское платье.

Оригинальная форма павильона, оставившая на себѣ вниманіе посѣтителей выставки, заставляетъ ихъ подойти поближе, подняться на эстраду и, само собою разумѣется, принести и свою лепту на доброе и полезное дѣло.

Сейчасъ же за павильономъ кораблика высятся грандіозный фронтонъ павильона садоводства и огородничества. Надъ среднею частью этого зданія высятся громадный куполъ съ четырьмя колоссальными полукруглыми окнами — отъ купола зданіе идетъ четырехугольнымъ, въ видѣ каре, въ которомъ лицеваля фронтальная часть заставлена произведениями тропической флоры и декоративными цвѣтущими и нецвѣтущими растеніями, а боковой и задній фасъ предназначены для выставки предметовъ нашего, уже дѣйствительно отечественнаго, садоводства и огородничества. О первомъ фасадѣ можно бы многое сказать по поводу его красоты и цвѣтовыхъ эффектовъ, но онъ въ дѣлѣ вовсе ничего не выражаетъ и даетъ понятіе только о томъ, что у насъ на Руси много хорошихъ оранжерей и теплицъ, гдѣ можно вырастить и выхолить такихъ будрявыхъ и красивыхъ дѣтей далекаго юга, а значить и много еще богатыхъ людей, могущихъ получать эти драгоценности для своихъ комнатъ — вотъ и все. Добавивъ къ этому, что растенія сгруппированы очень эффектно, изображая собою кусочекъ до нельзя перепутаннаго и смѣшаннаго тропическаго лѣса, съ чуднымъ нестримъ ковромъ цвѣтущихъ, что называется по всю, азалий и рододедроновъ, съ бюстомъ Государя Императора, въ главнѣйшемъ пунктѣ, въ самомъ центрѣ этого констигъ волшебнаго уголка — и болѣе уже

ничего говорить, предоставивъ читателю обратить вниманіе на самый рисунокъ, вѣрно передающій впечатлѣніе, производимое самою натурою. Боковые и задніе фасады зданія садоводства пока еще пустыютъ, дожидаясь своего болѣе поздняго времени, когда на грядахъ россійскихъ огородовъ дозрѣютъ представители этой обширной области нашей промышленно-хозяйственной жизни.

Третій нашъ рисунокъ въ этомъ № изображаетъ прекрасныя павильоны-колокольни Оловяшниковова, Самгина, Финляндскаго и Рыжова. Колокола отличаются тщательной работой, нѣкоторые своими размѣрами и гармоническимъ звукомъ. Здѣсь часто слышится ихъ перезвонъ.

Иванова ночь въ Финляндіи.

(Къ рис. на стр. 585).

Несмотря на всѣ успѣхи цивилизаціи XIX вѣка и водворенія повсемѣтнаго христіанства, въ народной жизни свято чтутся старыя языческія повѣрья. Слабымъ отголоскомъ давно забытыхъ мѣстеческихъ вѣковъ, той эпохи, когда глубоко поэтической фетишизмъ замѣнялъ человѣку понятіе о божествѣ, послѣднимъ слѣдомъ могучихъ, мрачныхъ картинъ до-исторической жизни человѣчества являются они — и искоренить ихъ изъ народныхъ правовъ невозможно, да и не зачѣмъ...

Къ числу самыхъ популярныхъ, чисто языческихъ праздниковъ принадлежитъ и „Купальная ночь“, которую съ переходомъ въ христіанство, несомнѣнно ловко связали съ памятью Иоанна Крестителя. Сдѣлавъ изъ Волоса, — *скотьева бога*, — св. Власія, покровителя стадъ, не затруднялись создать и Ивана Купала. Языческое чествованіе ночи осталось и до сей поры во всей силѣ. Очистительныя купальныя огни, черезъ которые надо прыгать, сожженіе чучелъ „Купалы“, погруженіе въ воду, — все это практикуется до сей поры на Украинѣ, да и въ остальной Россіи, не исключая Финляндіи. Эта суровая, горная страна съ своимъ оригинальнымъ чисто сѣвернымъ міровоззрѣніемъ, тоже отдаетъ должное старымъ преданьямъ и жжетъ смоляныя костры, бочки и пирамиды въ таинственную „Иванову ночь“.

Въ Финляндіи нѣтъ дикаго праздничнаго разгула. Все ограничивается хоровами подъ звуки монотонной, скучной пѣсни, бѣганьемъ съ горъ, да иногда стрѣльбою изъ ружей, какъ это изображено на прилагаемомъ рисункѣ.

Блѣдная, непомеркиная небеса, съ алыми лентами зари придаютъ особенную таинственную прелесть празднеству. Старухи набираютъ какіе-то травы, сушатъ ихъ, настаиваютъ, колдуютъ. Травы, набранныя въ эту ночь, имѣютъ особенную силу. И если въ ихъ ремеслѣ есть и шарлатанство, то вмѣстѣ съ тѣмъ есть много и такихъ знаній, которыми по справедливости могла-бы гордиться фармація.

Домъ Гарибальди на о. Капрерѣ.

(Рисунокъ на стр. 593).

Островъ Капрера принадлежитъ къ округу Темпіо, сардинской провинціи Сассари и къ небольшою группѣ острововъ на восточной сторонѣ пролива св. Бонифація, отдѣляющаго Корсику отъ Сардиніи. Мѣстность холмиста и красива, здѣсь водятся много дикихъ козъ, отъ которыхъ островокъ и получилъ свое названіе (островъ козъ — Капрера). Величина островка всего десятиль около 30 на нашу мѣру. Островъ прославился съ тѣхъ поръ какъ знаменитый Гарибальди (портретъ котораго мы дали въ № 24) нажившій себѣ деньги какими-то оборотами въ Южной Америкѣ, купилъ въ 1854 году этотъ островокъ и построилъ на немъ, занимаясь земледѣліемъ. Множество восторженныхъ почитателей переселяло у знаменитаго вождя, между прочимъ извѣстный писатель Н. В. Бергъ, очень интересно разсказавшій свою поѣздку (Русск. Вѣстн. 1855 г.) и нашъ знаменитый Пироговъ, съ которымъ совѣтовался о своемъ здоровьи Гарибальди. Всѣ видѣли тамъ его скромную трудовую жизнь, встрѣтили притѣ и радушіе. „Только здѣсь я нахожу спокойствіе, котораго такъ жаждетъ моя душа“, говорилъ, обыкновенно, Гарибальди о Капрерѣ. Этотъ живописный, блѣдный островокъ воздѣланъ теперь и на немъ есть довольно строеній. Самый домикъ, гдѣ жилъ удалившійся на покой воинъ, вначалѣ образецъ простоты, впоследствии украсился подарками множества восторженныхъ поклонниковъ Гарибальди; длинный и невысокій домъ увеличенъ пристройками и наполнился массою дорогихъ вещей. Внутренность комнаты его, кабинета, уже убранной болѣе чѣмъ прилично, даже роскошно, можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. Всегда качалось у пристани Капреры не мало яхтъ и лодокъ (тоже подарки почитателей): одна изъ нихъ, какъ извѣстно, прислана въ 1880 году изъ Монтевидео, тамъ она была построена и оттуда ее доставили Гарибальди трое безстрашныхъ итальянскихъ моряковъ, не побоявшихся переѣхать на ней Атлантическій океанъ. Въ главныхъ чертахъ, однако, Капрера, какъ „армитажъ“, какъ „убѣжище“ современнаго Циципата, вполне достойнаго носить это почетное имя, осталась такою, какою желалъ всегда его видѣть Гарибальди, такъ любившій жить на своемъ островѣ, среди своей семьи, своихъ родственниковъ и нѣсколькихъ друзей, оставшихся вѣрными ему и въ свѣтлые дни, и въ ненастные, и въ минуты торжества его, и въ дни страданій.

Царскосельская желѣзная дорога.

Прошло немногимъ болѣе 40 лѣтъ со времени открытія для движенія Царскосельской желѣзной дороги, и нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ періодѣ этой дороги не безынтересны.

Въ чьемъ вѣдѣніи, напримѣръ, находилась въ первое время эта первая русская желѣзная дорога, которая, до тѣхъ поръ пока она была *единственной*, въ печати называлась просто „желѣзная дорога“,—отгадывать пришлось бы очень долго. Завѣщаніе ею было поручено Третьему отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи. О всякомъ даже малѣйшемъ безпорядкѣ и случаѣ доносилось Бенкендорфу, а впоследствии князю Орлову; виновные отсылались въ Третье Отдѣленіе съ доказательствами виновности.

4-го апрѣля 1838 г. дорога была открыта для движенія, а 12-го апрѣля Императоръ Николай Павловичъ проѣхалъ по ней въ первый разъ въ обыкновенномъ пассажирскомъ поѣздѣ. Путь въ Царское Село продолжался 29 минутъ, обратный путь 28 минутъ. Государь, который и впоследствии никогда не бралъ экстреннаго поѣзда, а всегда ѣздилъ съ обыкновеннымъ пассажирскимъ, въ которомъ ему отводилось восьмимѣстное купе первого класса, былъ совершенно доволенъ и скоростью ѣзды и удобствомъ вагоновъ, за что благодарилъ строителя дороги. 13-го апрѣля Государь съ Императрицей и всѣмъ августѣйшимъ семействомъ снова поѣхалъ въ Царское Село. И въ этотъ разъ поѣздка совершилась вполне благополучно.

Спустя недѣлю послѣ открытія дороги, произошелъ первый несчастный случай, вызвавшій цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ. 11-го апрѣля нѣсколько камеръ-фурьеровъ отправились въ Царское Село съ посудой, серебромъ и проч. въ корзинахъ. Въ эти корзины были установлены на открытой платформѣ, на которой также помѣстились названные служители. Отъ искры, вылетавшей съ паровоза, загорѣлись нѣкоторыя вещи на платформѣ, огонь однако былъ скоро потушенъ. Но вдругъ ѣдущіе почувствовали жаръ подъ собою и увидѣли, что корзины и сундуки загорѣлись. Они стали кричать, чтобы машинистъ остановилъ поѣздъ, но такъ какъ платформа была прицѣплена послѣднею въ поѣздѣ, то голоса ихъ машинисту не были слышны. Тогда камеръ-фурьеры побросали горѣвшія корзины и сундуки, а сами перелѣзли на предыдущій вагонъ. Наконецъ имъ удалось обратить вниманіе машиниста на пожаръ, поѣздъ былъ остановленъ, а горящая платформа отцѣплена. Этотъ случай послужилъ первымъ поводомъ введенія въ употребленіе сигнальныхъ веревокъ, существующихъ и по нынѣ.

Вскорѣ послѣ открытія движенія былъ введенъ рядъ довольно оригинальныхъ мѣръ. Такъ какъ свистки локомотива пугали публику, то были замѣнены *музыкой*. Для этой цѣли у трубъ локомотивовъ были придѣланы, вынесенныя изъ различныхъ музыкальныхъ звуки. Верхніе ручки инструмента входило въ обязанность одного изъ служащихъ на поѣздѣ.

Была принята еще одна мѣра для предотвращенія несчастій съ пассажирами при столкновеніи поѣздовъ. Между тендеромъ и вагономъ въ поѣздѣ были три или два открытыхъ вагона, наполненныхъ соломою, чтобы ослабить силу удара въ случаѣ столкновенія поѣздовъ.

За время ея существованія многія извѣстныя лица ѣздили по Царскосельской дорогѣ; но случались и затрудненія на этой дорогѣ, какия при настоящемъ порядкѣ движенія конечно немалыми. Между прочимъ интересна поѣздка князя Бисмарка, бывшаго въ 1859 г. прусскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Разъ-казываютъ, что Бисмаркъ однажды былъ вызванъ въ Царское Село по весьма важному дѣлу. Въ ту минуту, когда посолъ подъѣзжалъ къ вокзалу, поѣздъ уже ушелъ въ Царское Село. Бисмаркъ требуетъ экстренный поѣздъ, но ему отказываютъ изъ боязни столкновенія, такъ какъ дорога была въ одинъ путь и ожидался поѣздъ изъ Царскаго Села. Послѣ долгихъ переговоровъ Бисмаркъ рѣшился ѣхать въ Царское Село на дрезинѣ. До Средней Рогатки все шло благополучно; тамъ смѣнили рабочихъ и нустились снова въ путь, когда вдругъ показался встречный поѣздъ. Въ виду поѣзда рабочіе въ испугѣ прыгнули, оставивъ Бисмарка на дрезинѣ, которую приходилось сдвинуть какъ можно скорѣе, чтобы пропустить поѣздъ. Остальная часть дороги была пройдена безъ приключеній. Въ Царское Село Бисмаркъ пріѣхалъ какъ разъ во время; начальнику движенія и рабочимъ князь далъ щедрые подарки.

Не смотря на то что управленіе Перекосеьскою дорогою находилось въ строгихъ рукахъ Третьяго Отдѣленія, тѣмъ не менѣе здѣсь случались довольно характерные эпизоды. Извѣстный трагикъ Каратыгинъ, говоря, держалъ пари на дюжину шампанскаго, что остановить поѣздъ. Близъ Тярлева Каратыгинъ, скрестивъ на груди руки, сталъ на рельсахъ и спокойно ожидалъ приближенія поѣзда, который дѣйствительно былъ остановленъ, такъ какъ машинистъ замѣтилъ, что кто-то стоитъ на дорогѣ. Но, какъ было сказано, „лишь въ виду заслугъ артиста и въ уваженіе къ его таланту“, постунокъ этотъ былъ оставленъ безъ послѣдствій. S. P. Z.

С М Ъ С Ъ .

Мемуары трупа.

(Разсказъ Эдгара Поэ).

..... Вслѣдствіе усиленныхъ занятій, со мной сдѣлалась первая горячка, которая быстро истощала мои силы. Но странная вещь! По мѣрѣ того какъ жизнь мало по малу покидала мое тѣло, мнѣ казалось, что она вся цѣлкомъ сосредоточивалась въ моихъ душевныхъ способностяхъ. Доведенный до послѣдней степени физической агоніи, никогда не чувствовалъ я прежде столько силы или крайней мѣрѣ столько моральнаго возбужденія.

Минута окончательнаго кризиса наступала. Я чувствовалъ, что меня какъ будто уноситъ какой-то свѣтлый вихрь, посреди котораго носились самыя фантастическія фигуры и въ то время какъ тѣло мое подвергалось конвульсивнымъ вздрагиваніямъ, въ моихъ ушахъ раздавались раскаты грома и свистъ ужасной бури.

Я всѣми силами старался удержать въ себѣ жизнь, пока наконецъ ощущенія мои не сдѣлались до того смутны, что я, притивъ воли, отдался этому состоянію, которое однакожъ было не безъ нѣкоторой доли пріятности, и потерялъ вскорѣ всякое самосознаніе.

Не знаю, сколько времени оставался я въ этомъ положеніи, какъ вдругъ пробудился въ страшной, поражающей тишинѣ. Но тѣло мое испытывало какія-то сладостныя ощущенія, и чувства мои также какъ и мои умственныя способности совершенно возвратились ко мнѣ.

Въ эту минуту докторъ подошелъ къ моей кровати и проговорилъ: „Все кончено!“ Затѣмъ нагнувъ простыню мнѣ на лицо и мнѣ слышались рыданія моихъ семейныхъ.

Я усиливался сдѣлать движеніе; но никакъ не могъ и тогда замѣтилъ, что языкъ мой недвижимъ и члены окаменѣли. Я предвидѣлъ рядъ мученій, которыя приводили меня мысленно въ ужасъ, — члены все-же отказывались мнѣ повиноваться—словесъ удерживаемые невидимыми путями, и я не могъ никакъ пошевелиться.

На другой день тѣло мое приготовляли къ погребенію и въ продолженіи трехъ дней я былъ выставленъ; ко мнѣ приходили друзья съ своимъ послѣднимъ цѣлованіемъ и многіе плакали и рыдали. Я слышалъ и понималъ все, что происходило вокругъ меня и съ минуты на минуту надѣялся, что роковое очарованіе, тиготѣвшее надо мною, сейчасъ прервется.

Утромъ, на четвертый день, меня передали на руки погребальщиковъ, которые обращались со мной съ самой возмутительной жестокостью, и когда одинъ изъ нихъ, укладывая меня въ сѣнкомъ

узкій гробъ, нажалъ колѣнкою на грудь, я ощутилъ такую жестокую боль, что возмимѣлъ надежду какимъ нибудь образомъ выразить свое страданіе. Но ничего не могъ сдѣлать! Я оставался пѣмъ, недвижимъ; чувствительность пережила во мнѣ все остальное, но не могла высказываться.

Гробъ закрыли крышкой и вскорѣ я услышалъ глухой звукъ вколачиванія гвоздей въ дерево.

Нѣтъ словъ выразить какой ужасъ, какое отчаяніе наполнили мою душу. Каждый ударъ молота болѣзненно отзывался въ моемъ сердцѣ, точно зовъ по усопшемъ; я видѣлъ назначенную мнѣ неизбѣжную участь. Если-бы я могъ еще закричать, даже хоть безъ всякой надежды быть услышаннымъ, если-бы я былъ въ состояніи испустить какой нибудь стонъ! Но нѣтъ! Когда грудь и плечи мои были сжаты въ тѣсномъ пространствѣ, когда мои нѣмыя члены терзали грубымъ прикосновеніемъ къ шероховатости гроба, я лежалъ недвижимъ и безъ голоса. Я никогда-бы не повѣрилъ, что сердце человѣческое въ состояніи перенести такую страшную тоску и ужасъ и не разорваться.

Вскорѣ меня подняли, поставили на погребальную колесницу, которая тронулась въ путь и по теченію нѣкотораго времени остановилась у кладбища. Въ эту-то минуту я хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе, но — напрасно. Я чувствовалъ какъ меня раскачивали надъ могилой, которая должна была поглотить меня, и въ то время когда меня медленно опускали, я слышалъ явственно какъ гробъ шуршалъ объ стѣны могилы.

Когда меня опустили на дно зіяющей пропасти, я услышалъ важный и торжественный голосъ моего лучшаго друга; онъ обращался ко мнѣ съ послѣднимъ дружескимъ пріѣтомъ, которое дошло до меня, какъ послѣдній отголосокъ звуковъ земной жизни, и вскорѣ страшный шумъ, который мало по малу сталъ уменьшаться, какъ отдаленные раскаты грома, далъ мнѣ понять, что меня зарыли. И такъ, теперь все кончено! Я на вѣки разлученъ съ міромъ живыхъ людей...

И какъ же умеръ я въ эту ужасную минуту—съ горя и отчаянія?.. Сколько долгихъ часовъ я такимъ образомъ оставался, я не знаю. Я надѣялся, что моя агонія будетъ непродолжительна и что быстрымъ асфиксію положить конецъ моимъ ощущеніямъ и моему ужасному бытію. Напрасная надежда! Тѣло въ состояніи катапелси не поддежитъ обыкновеннымъ условіямъ жизни.

Я не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, сердце мое не би-

лось, грудь не подымалась, а между тѣмъ я всетаки жьль, потому что мои собственные способности, какъ и моя память, ничуть не утратили своей энергій.

Вдругъ какой-то глухой шумъ прервалъ мои печальныя мысли и я ощутилъ неопредѣленную боязнь, полную безконечной тоски. Шумъ мало по малу приближался, сопровождаемый безостановочнымъ сотрясеніемъ, и я почувствовалъ какъ гробъ, въ которомъ заключалось мое тѣло, вытаски изъ вѣдръ земли. Его открыли, и я ощутилъ впечатлѣніе холода, которое мнѣ показалось восхитительнымъ: у меня мелькнулъ лучъ надежды.

Было темно; какіе-то черные люди подняли мой гробъ на плечи и понесли меня съ кладбища.

Они шли долго. Когда прибыли къ мѣсту назначенія, меня вынули изъ моей гробовой оболочки; потомъ довольно грубо бросили на каменный полъ, сырой и холодный.

Тогда я услышалъ вокругъ себя голоса; руки шупали меня по всемъ направленіямъ; одинъ глазъ мой случайно открылся и я увидѣлъ себя въ анатомическомъ театрѣ; меня окружало множество молодыхъ людей, между которыми я узналъ бывшихъ со товарищей шумныхъ пирушекъ. Не умѣю объяснить что во мнѣ было сильнѣе въ эту минуту, ужасъ или радость. Мое положеніе не было уже такъ безотрадно; легко могло случиться, что опыты, которыми стануть поддерживать меня, возвратятъ меня къ жизни или по крайней мѣрѣ сократятъ мою пытку, причинивъ быструю смерть.

Въ эту минуту я видѣлъ какъ дверь амфитеатра растворилась и вошли два человѣка; студенты, казалось, отстранялись отъ нихъ съ какимъ-то особымъ брезгливымъ чувствомъ.

И меня опять стали переносить куда-то и бросили на столъ. Одинъ мой глазъ, какъ я уже сказалъ, былъ раскрытъ; я имъ разсматривалъ вокругъ себя и старался дать себѣ отчетъ, чтобы это могъ быть за аппаратъ какого-то страннаго вида, что за машина, которую люди воздвигали среди комнаты, громко стуча молотками. Никогда въ Англіи я не видѣлъ подобной машины, — я старался сосредоточить все свои способности, чтобы объяснить себѣ какое отношеніе могъ имѣть ко мнѣ этотъ снарядъ.

Въ эту минуту одинъ изъ работниковъ вынулъ изъ ящика широкий и блестящій стальной треугольникъ. Я разслышалъ тогда вопросъ на французскомъ языкѣ: „все-ли готово для опыта г-на Самсона“?

При этомъ слишкомъ знакомомъ имени я понималъ все, и въ самомъ дѣлѣ сталъ припоминать какъ въ послѣдніе дни до моей болѣзни намъ объявили въ медицинскомъ училищѣ, что Самсонъ, палачъ французскаго суда, долженъ былъ показать опытъ надъ трупомъ и тогда англійское правительство должно рѣшить слѣдуетъ-ли принять ему машину доктора Гильотена.

Такъ я долженъ былъ служить препаратомъ для этого опыта!

Удары молота прекратились, ужасная минута наступила: я буду обезглавленъ!..

Я чувствовалъ какъ люди понесли меня на страшный помостъ, среди зловѣщаго молчанія ожидающей толпы; я сдѣлалъ наконецъ сверхъестественное усиліе и испустилъ крикъ—должно быть онъ былъ ужасенъ, ибо я услышалъ восклицанія присутствующихъ; я могъ только видѣть корзину съ древесными опилками, куда голова моя должна была скатиться. Душевное волненіе мое было слишкомъ сильно и я снова упалъ въ обморокъ.

Меня рѣшили съгальванизировать.

Снарядъ приготовленъ и, при первомъ выпускѣ тока, тысяча молній посыпалась передъ моими глазами, ужасное сотрясеніе поколебало все мое существо. Второй зарядъ былъ еще сильнѣй; я чувствовалъ какъ мои нервы потрясались словно струны арфы, а мое тѣло подымалось на ноги и потомъ сѣло, мускулы сократились, глаза открылись но были неподвижны. Я увидѣлъ передъ собою моихъ друзей, лица которыхъ выражали глубокое душевное волненіе и горе: они требовали настоятельно, чтобы положили конецъ этимъ отвратительнымъ экспериментамъ, такъ какъ потеряли всякую надежду возвратитъ меня къ жизни.

Тогда одинъ изъ профессоровъ подложилъ мнѣ подъ пятки раскаленное до бѣла желѣзо, и въ ту же самую минуту произошло во всемъ моемъ существѣ страшное потрясеніе: узы, сковывавшія меня, расторглись: я возвратился къ жизни!..“

Политическое обозрѣніе.

Египетъ. — Турція. — Германія. — Франція. — Италия. — Америка. — Афганистанъ.

Событія въ Египтѣ продолжаютъ составлять главный интересъ минуты и пока поглащаютъ общее вниманіе. Судя, однако, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Александріи установилось, по крайней мѣрѣ, относительно спокойствіе, если это только не затіеши передъ новой бурей. Европейцы продолжаютъ бѣжать изъ Египта массами и за это короткое время ихъ вышло 32 тысячи. Комисаръ Порты, Дервинъ-Паша высказался, что находить положеніе удовлетворительнымъ и что Араби-Паша выполняетъ приказанія хедива. Араби-Паша стоитъ во главѣ отряда въ 12 тысячъ человѣкъ и именно его-то отрядъ и разогналъ толпу, совершившую безпорядки. Кое-что о вышшемъ положеніи мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго разговора корреспондента одного французскаго журнала съ Араби-Пашей. „Войска, сказалъ онъ, всегда дѣйствовали честно, а потому Эфенди (вѣроятно — Хедивъ) можетъ довѣрчиво отнестись къ нимъ. Мы никому не угрожали, а отстаивали свою безопасность, которой часто угрожали; наше желаніе—чтобы падишахъ нашъ былъ свободенъ и не слушался дурныхъ совѣтовъ. Никого мы не боимся, пусть европеецъ остается дома—исламъ замкнутъ для него; торговля на рукахъ европейца—и довольствуйся онъ этимъ, но не вмѣшивайся въ нашу религію, политику и внутренніе вопросы, не будь его—мы бы давно ихъ разрѣшили. Въ Александрійскихъ безпорядкахъ виноваты европейцы. Дѣло началось съ убійства европейцами двухъ нашихъ, ни въ чемъ неповинныхъ и населеніе отометило за цѣвнино пролитую кровь. Армія нахрапомъ уважать права всѣхъ и каждаго; отъ ея имени я общалъ это въ присутствіи хедива, Дервинъ-Паши и многочисленнаго собранія. Мои братья присоединились ко мнѣ; я ничего не дѣлаю не посоветавшись съ ними; вамъ нечего бояться, но пусть остерегаются тѣ изъ васъ, кто замышляетъ дурное; къ европейцамъ, которые держатъ себя спокойно, мы относимся вполнѣ дружески и вамъ нечего бояться ни въ Каирѣ, ни въ Александріи, ни гдѣ. Но—армія не дозволила бы высадиться командѣ хотя бы только одного военнаго судна,—въ случаѣ чего либо подобнаго, ни одинъ не вернулся бы на бортъ живымъ; толпа ихъ сокрушила бы; на нашей священной землѣ тысяча мусульманъ способна дать отпоръ десяти тысячамъ чужеземцевъ; армія твердо рѣшилась выполнить свою обязанность; если англичанами сдѣланъ будетъ десантъ, вы увидите подъ моимъ начальствомъ сотню тысячъ борцовъ. Султанъ есть калифъ; онъ нашъ повелитель и никогда не двинетъ правовѣрныхъ противъ правовѣрныхъ; что же касается Дервинъ-Паши, то это человѣкъ благоразумный; онъ прибылъ сюда для производства слѣдствія и заставить другихъ отнестись съ уваженіемъ къ нашимъ правамъ; онъ—мусульманинъ, а потому не можетъ не держать нашу сторону, онъ солдатъ и потому не можетъ не внимать нашимъ жалобамъ; онъ далъ это понятъ консуламъ, которые отказались отъ своихъ притязаній; Дервинъ-Паша, какъ и мы, потребуемъ чтобы хедивъ

пользовался свободой и независимостью и не былъ обязанъ слушаться консуловъ, тогда мы будемъ имѣть государя, настоящаго представителя султана; прочемъ халифъ всегда одобрялъ нашъ образъ дѣйствій; въ Константинополѣ требованія наши были хорошо извѣстны; я—послушнѣйшій слуга пророка и до тѣхъ поръ, пока мои вѣрные друзья, вручившіе мнѣ знамя Ислама, не отнимутъ его отъ меня, Египетъ будетъ мусульманская страна, управляемая кровными мусульманами и гдѣ европейцами будетъ разрѣшено только пребываніе.“

Въ этихъ словахъ чувствуется не одно честолюбіе человѣка, желающаго добиться для себя высокаго положенія и власти, но въ нихъ звучитъ убѣжденіе, искренность. Порты, по прежнему, не желаетъ конференціи, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ что конференція соберется и уже теперь называютъ членомъ ея: отъ Австро-Венгріи—баронъ Каличе, отъ Германіи—завѣдывающій дѣлами германскаго посольства, г. Гирифельдъ, отъ Россіи—завѣдывающій дѣлами русскаго посольства, г. Ону, отъ Италиі—графъ Корти, отъ Франціи—маркизь де Ноайль и отъ Англіи—лордъ Дэфференъ.

Въ Турціи предполагается введеніе табачной монополіи, съ представленіемъ доходовъ отъ нея владѣльцамъ турецкихъ областей, объ этомъ проектѣ особенно хлопоталъ германскій делегатъ; Порты, однако, желаетъ предоставить владѣльцамъ облигацій четверть дохода, и остальные 3/4 дѣлить между ними и правительствомъ, на что согласна итальянская фракція собственниковъ турецкихъ бумагъ.

Князю Бисмарку не удалось провести свой проектъ табачной монополіи въ Германіи; онъ встрѣтилъ въ палатѣ гражданное большинство противъ себя и проектъ отвергнутъ; во время преній канцлеръ произнесъ большую и, какъ всегда, обстоятельную рѣчь; какъ и надо было ожидать, къ канцлеру обратились со всевозможными упреками и, между прочимъ,—съ упреками относительно чрезмѣрныхъ расходовъ по военному вѣдомству; въ отвѣтъ, князь сказалъ, что правительство германіи содержитъ многочисленную армію не для собственнаго удовольствія; оно вынуждено къ тому центральнымъ положеніемъ Германіи; затѣмъ онъ опровергалъ обвиненіе въ томъ, что не способенъ управлять конституціоннымъ образомъ, утверждая, при этомъ, что правительство партій въ Германіи не мыслимо; „найдетесь ли кто другой—спросилъ онъ—кто положилъ бы всю свою жизнь въ національную политику, кто рисковалъ бы изъ за нея войною, исходъ которой зависѣлъ не отъ человеческого усмотрѣнія“? Говоря за табачную монополію, онъ указывалъ на примѣръ Франціи, на покровительственный тарифъ въ Соединенныхъ Штатахъ. „Единеніе, сказалъ далѣе, канцлеръ, есть условіе sine qua non нашей независимости; вотъ почему остерегайтесь раздоровъ, страха предъ общественнымъ мнѣніемъ, византийскаго ухаживания за популярностью; огни мнѣ придется говорить предъ вами не часто, я чувствую себя усталымъ и мой интересъ къ тому также охлаждаетъ; но я не желаю бы сойтти со сцены, не напомнивъ вамъ, что необходимо вы-

З а я в л е н и е

Такъ какъ слѣдующимъ № 26 заканчивается полугодіе, то Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на получение премии, большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчнамъ.

ставлять предъ Европою національную идею; въ настоящую минуту она какъ-то померкла.“

Во Франціи египетскій вопросъ даетъ Гамбеттѣ средство къ нападкамъ на нынѣшнее министерство, его нерѣшительность и неумѣлость; въ свое время бывшій первый министръ прямо заявилъ, что Франція, вмѣстѣ съ Англіей, принимали активное участіе въ египетскихъ дѣлахъ, съ цѣлью поддержанія хедива и существующаго порядка вещей, что же касается Фрейсина то этотъ министръ рѣшительно отказался отъ всякаго участія въ египетскомъ вопросѣ. но затѣмъ,—нынѣ ему, все-таки пришлось вступить на тотъ путь, по которому шелъ Гамбетта.

Итальянское правительство намѣрено купить Капреру и соо-

рудить тамъ, въ память Гарибальди, огромную пирамиду, которая была бы видна въ морѣ со всѣхъ сторонъ.

Въ Америкѣ—громадная стачка желѣзныхъ заводчиковъ, вслѣдствіе того, что рабочіе просили прибавки заработной платы и теперь около 100 тысячъ рабочихъ—безъ занятій; эмиграція доставила заводчикамъ рабочія руки, но американскіе рабочіе взяли за оружіе: нѣсколько заводовъ осажены и тамъ происходить едва ли не настоящія сраженія; нѣкоторые изъ этихъ заводовъ превратились въ крѣпости.

Англичане затѣяли снова отношенія съ Афганистаномъ, куда недавно пріѣхалъ ихъ посланникъ; эмиръ встрѣтилъ его болѣе дружелюбно, чѣмъ жители Кабула.

Разныя извѣстія.

Выставка индійскихъ художественныхъ предметовъ въ Берлинскомъ музѣѣ. Большой залъ художественно-промышленнаго музея въ Берлинѣ, предназначенный для передвижныхъ выставокъ, со времени открытія зданія, вмѣщаетъ выставку, предметы которой, по распоряженію управления Музея, позаимствованы изъ Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ, а также коллекцій королевы Англіи, графа Литтона, герцога Эдинбургскаго и сэра Георга Бирд-воода.

Сказочное великолѣпіе поражаетъ входящаго; сокровища древней Индіи лежатъ передъ нами, свидѣтельствуя о прилежаніи индійскихъ рабочихъ и высокому развитію художества и культуры этой древней страны.

Во всѣ вообще древніе періоды исторіи, высшее культурное развитіе сосредоточивалось преимущественно около большихъ рѣкъ, такъ и древнее великолѣпіе индійскаго царства проявилось прежде всего въ священной доубѣ—области окаймленной рѣками Гангомъ и Джумной. Здѣсь въ XII столѣтіи до Р. Х. находились великолѣпныя резиденціи браманскихъ владыкъ, какъ то: Индрапраста, Гастинапура и Мадура. Ни одна тропическая страна не представляетъ столько чудесъ, великолѣпія и разнообразія какъ Индустанъ. Подъ палящимъ солнцемъ, богато орошенная земля покрывается необычайно растительностью, избавляя человѣка отъ непосильныхъ трудовъ.

Чудесная и могущественная природа должна была дѣйствовать и на душу человѣка, наполняя фантазію блестящими образами и представленіями. Искусство и религія въ Индіи были тѣсно связаны между собою; религіознымъ символизмомъ проникнуто все индійское искусство. Всѣ предметы предназначаются для религіознаго употребленія или по меньшей мѣрѣ по смыслу и значенію стоятъ въ близкомъ соотношеніи съ религіей.—Религіозныя постановленія опредѣляли даже матерьялъ и цвѣтъ различныхъ предметовъ; въ большинствѣ случаевъ въ формѣ и цвѣтѣ строго придерживались древнихъ образцовъ. Такъ напримѣръ, прекрасныя издѣлія индійскаго гончарнаго производства сохраняютъ и донынѣ тѣ же формы, какія представляютъ древне-буддистскіе рисунки и скульптура. При выдѣлкѣ посуды глазированной съ украшеніями, ея украшенія всегда извѣстной традиціонной формы; простой сельскій гончаръ выказываетъ при этомъ самое тонкое художественное чувство. Все индійское художественное производство поражаетъ красотой и гармоніей цвѣта. Какъ прекрасны примѣры могутъ служить предметы украшенные золотыми насѣчками: щиты и драгоцѣнныя курьерницы.

Изъ работъ эмалированныхъ особенно замѣчательны письменныя приборъ, принадлежавшій принцу Уэльскому (фиг. I). Онъ сдѣланъ, въ Бенаресѣ, въ видѣ индійской гондолы, изъ золота и великолѣпно разукрашенъ эмалью. Носъ кораблика представляетъ шавлина, эмалированный хвостъ котораго тянется почти во всю длину лодки.

Выставленное оружіе поразительно по великолѣпію; тутъ находятся мечи съ богатой насѣчкой, въ золотыхъ ножнахъ; рукоятки этихъ мечей блестятъ брилліантами и другими благородными камнями, прекрасная ружья съ украшеніями изъ золота и слоновой кости, тонкой работы шлемы, панцири и большая коллекція луковъ и стрѣлъ.

Велико разнообразіе туалетныхъ украшеній, начиная отъ первобытныхъ изъ золотой проволоки браслетъ, кушаковъ и пр. и кончая богатѣйшими и искуснѣйшими вещами изъ драгоцѣнныхъ камней.

Прекраснѣйшія эмалированныя, украшенныя дорогими камень-

ями драгоцѣнности вывезены изъ Кашмира и Пенджаба. Подвѣски для серегъ, браслеты сдѣланы изъ чернаго золота съ превосходной филигранной работой. Красивы также украшенія изъ цвѣтовъ акацій, которыя изготовляются въ Дели для индійцевъ. По этимъ послѣднимъ работамъ видно, что искусство финикійянъ сплавить золотыя зерна, въ Индіи никогда не выводелось, въ то время какъ въ Европѣ оно давно было забыто.

Необыкновенно тонко и изящно сработано одно серебряное ожерелье. Серебряная филиграновая работа имѣетъ тотъ же характеръ какъ тѣ-же работы на Мальтѣ, въ Генуѣ, Швеціи, Даніи и Греціи, которыя вѣроятно финикійцами были завезены на западъ, а Норманнами въ Скандинавію.

Очень своеобразны браслеты изъ золотыхъ слоновъ, нанцанныхъ на шнуръ и украшенія для носа, изъ Цейлона. Мозанка изъ дерева также доведена въ Индіи до возможнаго совершенства, чему примѣрами могутъ служить, оригиналы вывезенные изъ Бомбея. Драгоцѣнная рѣзьба на слоновой кости на спинкѣ для носилокъ, на которой представлена борьба слоновъ. Подобными работами въ Индіи и теперь украшаютъ всевозможную мебель и утварь. Выставленные ткани и шитье представляютъ такое совершенство, о которомъ Европейское производство не имѣетъ и понятія. Шитье золотомъ чапраны для лошадей и слоновъ, ковры и маты поражаютъ великолѣпіемъ и гармоніей красокъ. Узоры ситцевъ также очень хороши и своеобразны. По красотѣ рисунка ситцы эти не уступаютъ рисунку лучшихъ ковровъ нашихъ.

Цвѣтъ солнца. Одинъ американскій астрономъ, профессоръ Ланглей, дѣлаетъ слѣдующее предположеніе относительно цвѣта солнца. Со времени Ньютона, физики считаютъ, что свѣтъ, прорывающійся отъ солнца, *бѣлый*; американскій-же ученый утверждаетъ, что онъ *голубой*. По его мнѣнію, солнечный дискъ принимаетъ, по временамъ, то бѣлый, то желтый, то красный цвѣтъ, подъ вліяніемъ нашей атмосферы и измѣненій, въ ней происходящихъ. Профессоръ Ланглей считаетъ, что солнце такое-же голубое, какъ и электрическій свѣтъ, такъ что, если мы станемъ разсматривать послѣдній свѣтовой источникъ черезъ ту или другую атмосферу, желтую или сѣроватую, то замѣтимъ, что и электрическій свѣтъ принимаетъ различныя оттѣнки, подобно солнечному. Поэтому, нужно думать что солнечный дискъ показался-бы намъ совершенно бѣлымъ, еслибы мы могли видѣть его внѣ этихъ условий. Если это мнѣніе подтвердится, то теорія свѣта, преподаваемая въ школахъ, должна будетъ претерпѣть измѣненія.

Черный и песочный дождь. Въ сентябрѣ прошлаго года наблюдалось весьма интересное явленіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ департамента Нижней-Сены, во Франціи. Хозяйки не мало удивились однажды, увидѣвъ, что, поставленные ими подъ кровельные желоба, ведра и лоханки наполнились какой-то черноватой жидкостью, вмѣсто прозрачной воды. Нѣкоторые изъ нихъ подумали, что проливные дожди смыли грязь съ крыши и, такимъ образомъ, получила черная вода; теперь, подумали онѣ, крыши достаточно чисты и замѣнили эти ведра и лоханки новыми. Однако, прежнее явленіе повторилось и на этотъ разъ: значитъ, шелъ черный дождь. Впрочемъ, подобное явленіе наблюдалось здѣсь не впервые; оно было замѣчено, между прочимъ, въ 1879 году и въ Роллевиллѣ въ 1866 году. Выпаденіе чернаго дождя замѣчается, обыкновенно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ и должно быть приписано развитію сѣмечекъ грибовъ, весьма быстро происходящему на крышахъ домовъ. Утромъ 12-го апрѣля 1881 года, въ Катанѣ, въ Сициліи, выпалъ небольшой дождь желѣзистаго песку, продолжавшійся до слѣдующаго дня. Исслѣдованіе показало, что дождевая пыль состояла, главнымъ образомъ, изъ ма-

леньких частичек углекислого желѣза, покрытымъ тонкимъ слоемъ окиси. Частички эти имѣли неправильную форму, были то угловатыя, то круглыя, чрезвычайно малой, микроскопической величины.

До сихъ поръ не объяснено еще, съ надлежащей точностью, происхождение подобныхъ явленій. Одни предполагаютъ, что ихъ нужно приписать дѣйствию сильныхъ вѣтровъ, поднимающихъ песокъ съ пустынь, степей и береговъ и приносящихъ его черезъ верхніе слои атмосферы. Другіе-же, опираясь на почти полное сходство, по химическому составу, этой пыли съ пылью, падающей изъ атмосферы, и камнями (метеоритами), предполагаютъ, что песочный дождь имѣетъ одинаковое происхождение съ послѣдними.

Самая маленькая паровая машина въ свѣтѣ. Самая маленькая паровая машина въ свѣтѣ была устроена и подвергалась испытаніямъ въ Америкѣ, часовщикомъ Беккомъ. Это настоящее чудо ручнаго искусства. Вся машина, со своимъ паровымъ котломъ, регуляторомъ скорости и питательнымъ насосомъ, занимаетъ пространство равняющееся немногимъ болѣе, тремъ квадратнымъ сантиметрамъ. Достаточно трехъ капель воды для наполненія ея парового котелка. Всѣмъ эта машина только одинъ граммъ (22½ доли на русскія мѣры вѣса). Обыкновенный наперстокъ, употребляемый для питья, совершенно покрываетъ ее. И что всего поразительнѣе—дѣйствуетъ она такъ-же, какъ-бы и большая модель машины.

Новая электрическая бумага. Примѣненія электричества, изобрѣтенія и открытія, основанныя на немъ, слѣдуютъ одно за другимъ. Пьеръ Видеманъ изобрѣлъ, между прочимъ, электрическую бумагу.

Извѣстно, что писчая бумага, слегка нагрѣтая и потертая рукой или гребенкой, пріобрѣтаетъ электрическія свойства: она пристаётъ къ столу, на который положена, къ стѣнамъ и пр.: приведенная въ

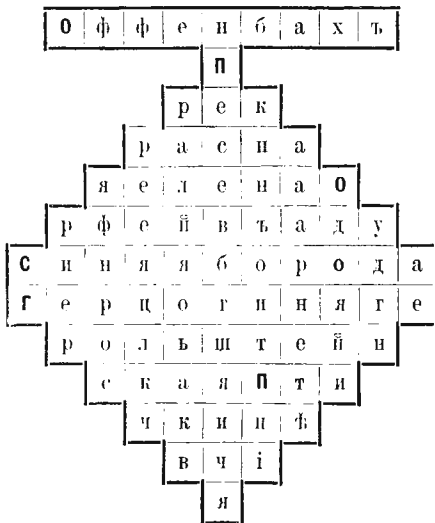
соприкосновеніе съ рукою, она даетъ, наконецъ, небольшія электрическія разряженія, видимыя въ темнотѣ. Но если взять, подобно г. Видеману, шведской бумаги, употребляемой для фильтрованія (процѣживания), или тонкой бумаги, какую обыкновенно кладутъ между листками ученическихъ тетрадей, для просушки чернилъ, то можно удостовѣриться въ электрическія свойства настолько, что изъ подобной бумаги можно будетъ извлекать искры значительной величины, видимыя въ темной комнатѣ. Съ этою цѣлью, достаточно погрузить бумагу въ смѣсь сѣрной и азотной кислотъ, взятыхъ въ равныхъ количествахъ, какъ это дѣлается для производства хлопчатобумажнаго пороха. Затѣмъ, нужно только слегка потереть ее, положивъ на навозенную пластинку, чтобы придать бумагѣ сильныя электрическія свойства. Съ широкимъ листомъ бумаги можно повторить всѣ опыты электричества: полученіе искры, разряженіе лейденской банки, сотрясенія и пр.

Разведеніе улитокъ. Во многихъ мѣстностяхъ въ Италіи, южной Швейцаріи и южной Германіи встрѣчаются сады единственно для разведенія улитокъ. Съ давнихъ поръ улитка считалась лакомымъ блюдомъ въ Италіи не только у простаго народа, но и самыми утонченными гастрономами времени Римской Имперіи чрезвычайно любили ихъ и теперь въ Римѣ ни одна трапеза не обходится безъ этого блюда. Для этой цѣли разводятся большая садовая улитка (*Helix pomatia*); въ католическихъ странахъ она составляетъ праздничное блюдо. Животныхъ кормятъ травой, листьями капусты и иногда отрубями; въ сырую погоду ихъ кормятъ два раза въ день. Отведенное для нихъ мѣсто очищается отъ деревьевъ и кустарниковъ и густо посыпаются словыми вѣтками и мягкимъ мохомъ, куда улитки прячутся во время сильной жары и холода. Сборъ улитокъ производится осенью, а пересылка—въ корзинахъ, наполненныхъ соломою. Самые большіе улитковые сады содержатъ отъ 15 до 20 тысячъ улитокъ, изъ которыхъ многія дѣлать погибаютъ. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ улитки собираются также для составленія цѣлебныхъ средствъ.

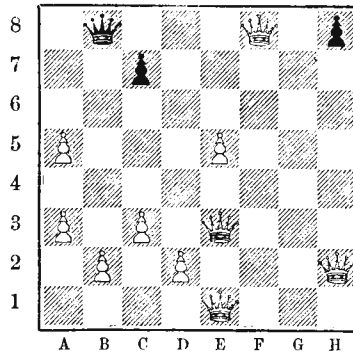
Рѣшеніе задачи буквъ № 38.

- 1) Уха.
- 2) Кабинетъ.
- 3) Офицеръ.
- 4) Рейнъ.
- 5) Градъ.
- 6) Оли.
- 7) Горбъ.
- 8) Шаръ.
- 9) Бѣл.
- 10) Фея.
- 11) Ядъ.
- 12) Глина.
- 13) Чай.
- 14) Совъ.
- 15) Няня.
- 16) Софія.
- 17) Перенелъ.
- 18) Сокъ.
- 19) Пять.
- 20) Ева.

Шашечная задача № 48.

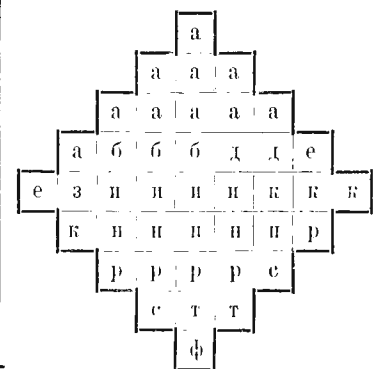
К. О. Цѣхановича.
Черные.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и одну шашку черн. въ 8 ходовъ.

Задача магическихъ крестовъ

№ 49.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ Кальноки (съ портр.)—„Вольтерьянецъ“, Историческій романъ конца XVIII вѣка. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“. **Всеволода Соловьева.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Обитатели острова Сахалина.** Изъ разсказовъ о крайнемъ Востоку. **А. Я. Максимова.** (Продолженіе).—Стихотворенія. (Изъ А. Казанца). **В. М.—Письма о здоровьи.** III. **Вегетарианъ.** Очеркъ.—**Событія въ Египтѣ.** Араби-паша. (съ портр. и 2 рис.).—**Всероссійская промышленно-художественная выставка** (съ 3 рис.).—**Иванова ночь въ Финляндіи** (съ рис.).—**Домъ Гарибальди на о. Капрерѣ** (съ 2 рис.).—**Царскоельская желѣзная дорога.**—Смѣль.—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Разныя новостія.—Игры и задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Рѣшеніе ребуса № 37.

Театръ вѣрный и правдивый судъ порока.

БРЕЗЕНТЫ

ИЗЪ НЕПРОМОКАЕМОЙ ПАРУСИНЫ
Н. Л. МИЛЛЕРА.

Заказы принимаются въ его Конторѣ, по Галерной ул., д. № 30-й, въ С.-Петербургѣ. № 2148 3-1

**ВСЯКАГО РОДА
ГРАВИРЬ НА ДЕРЕВѢ (КЛИШЕ)
К. РИХТЕРЪ, ЗАГОРОД. ПР. № 18 ВЪ С.ПЕБ.**

5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ.
съ даткомъ въ 15 р. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ продаетъ контора **П. ВЫДРИНЪ И СЫНЪ.** Москва, Тверская, № 31. Условія выслать безплатно. Страхованіе билетовъ по 50 к. съ пересылкой квитанціи. П. № 2144 5-1

Изданіе А. Ф. Маркса въ С-Петербургѣ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Маритта*. Перев. съ нѣм. П. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СУШИЛЬНЫЙ СОСТАВЪ КЕЛЕРА,

всегда съ успѣхомъ дѣйствующее и дешевое средство для просушванія сырыхъ стѣнъ и помѣщеній и для предохраненія стеколъ отъ замерзанія продается у

П. № 1889 **Р. КЕЛЕРЪ** и Комп. въ **МОСКВѢ.** 5-4

Два новозатентованныхъ американскихъ практическихъ изобрѣтенія. Неподрываемой доброты вакса для обуви сохраняющая кожу и дающая превосходный и прочный блескъ. 50 полуфунтовъ или 25 фунтовыхъ жестянокъ . . . . . 7 руб. 50 коп.
Замѣчательная помада для чистки и полировки въ 1 минуту: металловъ, самаго чистаго, кухонной мѣдной посуды, утвари и проч. 50 меньшихъ или 25 большихъ жестянокъ . . . . . 3 руб. 75 коп.
Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказахъ не менѣе ста руб. 10% скидки. При заказѣ свыше 300 руб. 10% скидки и провозъ по счѣту.
Требованія, деньги, адресовать:

Торговый домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.

Исключительная продажа на всю Европу.
Требуется надежные агенты.

№ 2082 5-3

ПРОСЬБА.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, покупающую мой Шведскій бальзамъ „ЭЛЕОПАТЪ“ для укрѣпленія волосъ и противъ перхоти кожи головы, требовать непремѣнно „ЭЛЕОПАТЪ“ Провизора Кинунена, такъ какъ въ продажѣ явились подражанія „ЭЛЕОПАТУ“, дающія поддѣльному бальзаму большое сходство съ моимъ препаратомъ. Адресъ мой: Главное Депо: „ЭЛЕОПАТА.“ Пассаажъ магаз. № 52, въ С.-Петербургѣ. № 2154.

ШВЕДСКІЙ БАЛЪЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена.

НВ. Не смѣшивать съ „ОЛЕОПАТОМЪ“.

„Элеопатъ“ употребляется противъ перхоти головы, и есть незамѣнимое, вѣрное средство для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ; пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которые употребляютъ это новое цѣлебное средство. Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для иногородныхъ заказчиковъ и покуш. высылается не менѣе 2 флак. за 4 р., содержащ. 240 грам. При выслѣ денегъ на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногородныхъ: пишите: Въ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“, ПАССААЖЪ, МАГ. № 52, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся хорошою репутациею подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше пръшу почтен. публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній, — настоящій мой препаратъ назывъется „ЭЛЕОПАТЪ“.

№ 2149

С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ,

Троицкій переулокъ, № 11—3.

Учебныя пособія, школьныя и письменныя принадлежности, дѣтскія книги и картины, — волшебные фонари и картины къ нимъ собственного производства, — занятія и забавы для дѣтей и взрослыхъ, игры и игрушки.

- Новое изданіе „Практическое руководство къ употребленію волшебнаго фонаря и принадлежностей къ нему“ 50 к., съ пересылкой 60 к.
- Справочный каталогъ мастерской высылается за почтова марки на 14 к.
- Новый объяснительный каталогъ мастерской, съ рисунками, цѣна 30 к., съ пересылкой марки 35 к.
- Специальный каталогъ волшебныхъ фонарей и картинъ къ нимъ, съ рисунками высылается за почтова марки на 14 к.
- Произведенія мастерской выставлены на Всероссийской Художественно-Промышленной выставкѣ въ Москвѣ, во II группѣ.

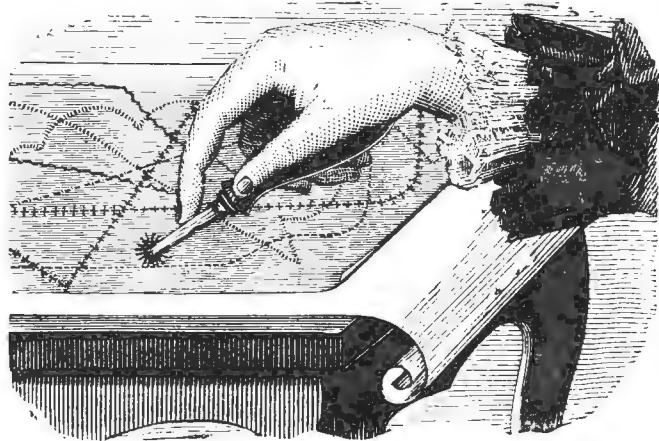
Троицкій переулокъ, № 11—3.

А. № 2153. 3—1

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!!

Пожарныя насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб. Насосы дѣйствующіе чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растений отъ насѣкомыхъ 12 руб. 50 коп. Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требования, деньги направлять по адресу. Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ. № 2081 5—5

РЪЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.

Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкровокъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ СПбургѣ, Б. Морская. № 9.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій ирвнѣ частей тѣла, особенно же волосъ и ногтей. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. Составъ изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, не погочащаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы. Эти-то качества и даютъ ему преимуществъ надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ ирвнѣ; по этому являю, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣненное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи ваннъ, подложка или кисточки патерны Гальманиномъ прѣвощающія части тѣла избавитъ неирвнннхъ послѣдствій, какими подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

Въ Вильнѣ ручаюсь за дѣйствительность изобрѣннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у брошюровъ въ знаменитѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Вршавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп.

В. Карпинскій.

Мастеръ фармаціи, владѣтель аптеки въ Варшавѣ, ул. Электральной, № 35.

Одна изъ 50 картинъ Густава Дорэ, помѣщенныхъ въ изданіи „Потерянный и возвращенный Рай“ (уменьшена около 7 разъ).

**ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.**

Поэмы Джона Мильтона

Большое изданіе in folio съ 50 больш. превосходн. картинами Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕР. ВЕЛИЧ. ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Цѣна въ хорошемъ каленковомъ переплетѣ 25 р., съ перес. 30 р. Для подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. 20 р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полушпиревономъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 30 р. съ перес. 35 р. Для подписчиковъ Нивы 1882 г. 25 р., съ перес. 30 р.

По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ“ въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась наднихъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.“

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскихъ изданій подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисункомъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлвшему науку иллюстрированной литературой книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ бібліотеки или столы ихъ гостинныхъ ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные отзывы были помѣщены также во многихъ журналахъ.

Учрежденное С.-Петербургским Собранием Сельских Хозяев Сельскохозяйственное Коммисонерство

„РАБОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Солной городокъ, въ здании Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.

Въ Кіевѣ: Уголь Безакоуской и Жилинской улицъ.

Имѣть на своихъ складахъ постоянно большой выборъ земледѣльческихъ машинъ и орудій новѣйшихъ системъ и лучшихъ сортовъ, а также молочную посуду, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.

Заказы на локомобили, паровыя молотилки, мельницы и пѣкторыя другія машины, направляемая съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммисонерствомъ по заводскимъ цѣнамъ безъ надбавки коммисіи. Коммисонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Шутльворта, Рансома, Гедда и Джеферса, Говарда, Джонстона и Н. Пеннея, Экерта, Бенкера и др. Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются бесплатно. № 2069 10—10

!!! НѢТЬ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!

Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.

Состоитъ изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.

1. Механическ. носилки для спас. вещей

1. Снаряда для спасенія людей.

1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія дозволяющаго подойти къ самому огню.

1. Резервуара для воды.

1. Патентованнаго пожарнаго ведра.

1. Пояса команда.

1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.

1. Металлическаго англійскаго шлема.

2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.

1. Стальной пожарной топора.

Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: Генриху Барыцкому Владѣльцу Торговаго Дома „Commerces Russe“ въ Варшавѣ. № 2080 10—7

КОНКУРСНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

по дѣламъ несостоятельнаго должника Ф. Шнапенбурга, торговашаго подъ фирмою „Ф. Шнапенбургъ и К°“, помѣщающагося Интефей части, 2 уч., по Знаменской ул., д. № 47, въ № 1, приглашаетъ гг. кредиторовъ несостоятельнаго должника представить въ конкурсъ къ 24 сентября сего года документы въ подтвержденіе заявленныхъ ими претензій, причемъ предваряетъ, что, въ случаѣ непредставленія документовъ, съ претензіями будетъ поступлено, согласно 1964 ст. 2 ч. XI т. № 2151

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ для мытья головы.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія. Безопасное и вѣсьмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главнй складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Лінде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выходящему 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенціи высылаются въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выходящи 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2018 25—13

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей велененой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖДА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСНОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА Ф. ЛЕНДИЛЯ

уничтожаетъ въ короткое время вѣснушки, угри, прыщи и морщины. Представляетъ на этикетѣ березовое дерево; утверждено какъ фабричная марка для защиты отъ поддѣлки.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

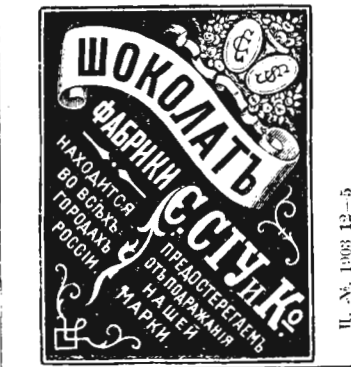
О-де-Напиль: посѣдѣвіе волосъ прина-мать своей первоначальной цвѣтъ, безвредно, очень приятно и чистолюбно при употребленіи, 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Орѣховый экстрактъ для окрашивания сѣдыхъ волосъ въ черной, коричневой и блондъ цвѣта 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Р-philator, для удаленія волосъ на лицѣ и другихъ частяхъ тѣла, 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ Невскій пр., № 25, С.-Петербургъ. № 2147

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ Невскій пр., № 25, С.-Петербургъ. № 2147

55 к.

машини „патаукъ“ для рѣзанія стекла, точенія ножей и другихъ практическихъ употребленій; инструментъ „все въ одномъ“, содержащій 15 различныхъ инструментовъ 4 р.; спичечница-автоматъ 2 р., спичечницы свѣтящіяся въ темнотѣ 75 к. 1 р. и 3 р.; такіе же подсвѣчники 2 и 3 р.; чудо мундштухъ образующій картинку при куреніи 75 коп.; Диво-птица поющая какъ настоящая съ движимею хвоста и языкомъ 1 р. 50 к.

ФОНАРИ для иллюминаціи 5 руб. за сито и дорожки; бенгалскій огонь въ палкахъ въ 25 и 35 к.

изъ ПОДДѢЛЬНЫХЪ БРИЛЛАНТОВЪ по ширѣ не уступающихъ настоящимъ: серьги отъ 2 р. 50 к. до 9 руб., броши отъ 4 до 13 р., булавки отъ 2 до 5 р., кольца отъ 1 до 4 р., запонки грудныхъ 4 р., 50 к., звѣзды (въ волосахъ носить) 10 р.

НАКЛАДНОГО ЗОЛОТА цѣпочки мужскія и дамскія отъ 2 р. 50 к. до 12 р.; медалионы мужскіе и дамскіе отъ 2 до 5 р.; браслеты 6 и 8 р.;

Всѣ цѣны назначены съ пересылкою; меньше чѣмъ на 3 р. не высылаютъ. Магазинъ „ЮРНЕРЪ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискосокъ деревнѣ Успенія, напротивъ бриллиантшика Сергунина. Тутъ же: Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

Распродажа заграничныхъ пальто, зонтовъ, зонтиковъ, и фотографическихъ альбомовъ. П № 2145

!! НѢТЬ БОЛѢ ПОЖАРОВЪ !!

ТОВАРИЩЕСТВО НА ВѢРЪ.

ИЗГОТОВЛЕНІЕ ОГНЕУПОРНЫХЪ СОСТАВОВЪ, ПОДЪ ФИРМОЮ „АНТИПИРЕМЪ“

(привиллегія испрошена 15 февраля 1882 г.)

Новый способъ обрабатывать всякаго рода предметы въ невоспламеняемыя.

Способъ былъ подвергнутъ испытанію 15 Января сего года экспертною коммиссіею созданною по предложенію С.В. Оберъ-Полицейстера, въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, подъ председательствомъ члена Совета Торговли и Мануфактуръ, изъ экспертовъ отъ городского и Обер

ЖИВА

XIII годъ
№ 26

годъ XIII
1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдавъ 26 Июня 1882 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложениями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѢ“
объявленія отъ
торговцевъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ
„НивѢ“ принима-
ются по 40 коп. (1
Марк. 20 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ 1/4
ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресн. и праздни-
довъ) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Графъ Д. А. Толстой.

Состоявшееся недавно назначеніе графа Дмитрія Андреевича Толстаго сначала президентомъ академіи наукъ, а въ слѣдъ затѣмъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ — назначеніе призывающее его на трудное и широкое поприще, конечно возбудило самыя оживленныя толки во всѣхъ слояхъ нашего общества. Но во всѣхъ этихъ толкахъ, личность графа, выдѣляется какъ личность человѣка энергическаго, стойкаго и непоколебимаго въ своихъ цѣляхъ и убѣжденіяхъ. Никто не можетъ не признать, что онъ всегда оставался вѣренъ своимъ принципамъ; что онъ всегда дѣйствовалъ прямо и смѣло, безъ нерѣшительности, двуличности и таинственности, искренно и открыто. Энергія его въ достиженіи разн. намѣченныхъ цѣлей извѣстна всякому и конечно всякій согласится, что въ настоящее время болѣе всего нужны энергичные и преданные своему дѣлу государственные дѣятели.

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой родился въ 1822 году и по окончаніи курса въ

Графъ Д. А. Толстой. Министръ Внутр. Дѣлъ. Съ фотогр. грав. Барановскій.

Царскосельскомъ Лицеѣ съ золотомъ медалью, поступилъ въ 1843 году на службу сначала въ канцелярію Государыни Императрицы, а въ 1847 перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ на него были возложены довольно важныя обязанности по департаменту Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; въ слѣдующемъ году ему же была поручена серьезная работа — составленіе исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Графъ Дмитрій Андреевичъ съ жаромъ и свойственною ему энергіею принялся за составленіе этого труда, тѣмъ болѣе что другой трудъ, не менѣе важный и серьезный, былъ имъ только что оконченъ, а именно „Исторія финансовыхъ учреждений въ Россіи“, остающаяся до сихъ поръ единственнымъ капитальнымъ сочиненіемъ по этому предмету. Въ 1853 году графъ Толстой былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства, гдѣ тотчасъ же проявилъ свою обычную дѣятельность, принявъ самое ревностное участіе въ составленіи хозяйствен-

наго устава морскаго министерства а также и новаго положенія объ управленіи министерствомъ. Въ 1861 году графу Толстому привелось въ первый разъ ознакомиться съ положеніемъ министерства Народнаго Просвѣщенія, которымъ ему пришлось управлять, впрочемъ очень короткое время. Призванный для присутствія въ Сенатѣ, графъ Дмитрій Андреевичъ съ 1863 по 1864 г. провелъ за границей, гдѣ и издалъ свой замѣчательный трудъ „Le Catholicisme romain en Russie“—трудъ оцѣненный по достоинству даже чужеземцами и за который авторъ удостоился получить отъ Лейпцигскаго университета ученую степень доктора. Конечно занимаясь исторіей иновѣрцевъ въ нашемъ отечествѣ, графъ Толстой, какъ добросовѣстный изслѣдователь, не могъ оставить безъ вниманія нѣкоторыхъ сторонъ русской религіозной жизни и такимъ образомъ подготовить себя къ изученію положенія и нуждъ нашей православной церкви и духовенства, интересы которыхъ всегда были близки его сердцу. Вотъ почему какъ нельзя болѣе кстати было его назначеніе въ 1865 году Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, которое дало ему наконецъ возможность провести нѣкоторыя важныя реформы въ духовномъ вѣдомствѣ, стараясь главнымъ образомъ возвысить умственный уровень духовенства преобразованиемъ мѣстъ ихъ воспитанія и окончательнымъ искорененіемъ духа рутинной, давно отжившей бурсы. Такъ во время управленія графа Толстого духовнымъ вѣдомствомъ были изданы новыя уставы для всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній и кромѣ того ихъ преподаватели получили всѣ преимущества общей учебной службы. Въ 1866 году состоялось новое назначеніе графа Дмитрія Андреевича на постъ первостепенной важности а именно министромъ Народнаго Просвѣщенія. Эту блестящую обязанность онъ выполнялъ дѣлать пятнадцать лѣтъ и нельзя не сознаться что въ это время въ дѣлахъ нашего просвѣщенія замѣчалась живая, необычная до того времени дѣятельность; вводились важныя реформы, преслѣдовались извѣстныя дѣла и проводилось извѣстное направленіе.

Это то направленіе, строго классическое, и подняло цѣлую бурю противъ министерской дѣятельности графа Толстого. Глубоко вѣрующій въ преимущество и пользу классической системы образованія, графъ Дмитрій Андреевичъ, не смотря на сильныя нападки на него печати и многочисленныхъ враговъ, спокойно, съ прежнею энергіею продолжалъ вводить именно эту, а не другую систему, оставшись вѣрнымъ до конца своему убѣжденію, что только она одна можетъ способствовать умственному и нравственному развитію Россіи. Конечно вопросъ о превосходствѣ классицизма надъ реализмомъ въ дѣлѣ воспитанія не можетъ быть предметомъ обсуждения въ нашемъ очеркѣ и такъ какъ система осталась и до сихъ поръ та же, то это было бы и излишнее. Графъ Толстой значительно увеличилъ бюджетъ народнаго просвѣщенія и потому тратилъ на школьныя потребности вдвое болѣе нежели его предшественники. Такъ при его вступленіи въ министерство народнаго просвѣщенія отпускалось лишь съ небольшимъ семь милліоновъ, а въ 1880 году цифра эта достигла уже до семнадцати. Учреждая массу новыхъ училищъ, графъ Толстой создалъ много учебныхъ заведеній совершенно новаго типа; такъ при немъ возникли учительскія семинаріи и институты, прогимназіи, женскія гимназіи и т. п. Кромѣ того во время управленія графа Дмитрія Андреевича составленъ былъ новый уставъ гимназій и прогимназій, уставъ реальныхъ и народныхъ училищъ и проектированъ новый уставъ университетовъ; открыты Варшавскій университетъ, историко-филологическій институтъ; созданъ новый учебный Оренбургскій округъ и предположено открытіе новаго университета въ Сибири. Всѣ эти факты конечно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ неумолимой дѣятельности графа Дмитрія Андреевича Толстого, и въ виду ихъ даже противники его системы, не соглашаясь съ нимъ въ направленіи, все таки не могли отказать ему въ энергіи, постоянствѣ убѣжденій и административномъ талантѣ.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца ХУІІІ вѣка.

Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Такой человекъ какъ Сергій являлся вовсе не лишнимъ въ средѣ гатчинцевъ и не мудрено, что въ Гатчинѣ у него не нашлось недоброжелателей, что напротивъ не одинъ Ростовчинъ, но и всѣ къ нему относились искренно и привѣтливо.

Никто не сталъ завидовать тому расположенію, которое оказывалъ ему цесаревичъ: новый любимецъ никому не становился поперекъ дороги. Каждый изъ гатчинцевъ рѣшилъ, что этотъ мѣшать не станетъ, ничего не отобьетъ, не будетъ высоко заноситься. Онъ не опасенъ, а человекъ милый, душевный... Жена вотъ у него будетъ красавица... большимъ домомъ заживетъ... Нѣтъ, къ нему надо поближе—не въ томъ, такъ въ другомъ пригодится!

Особенно любилъ его Кутайсовъ. Болѣе чѣмъ кто-либо человекъ случая, Иванъ Павловичъ очень чувствителенъ былъ къ своему прошлому, вступая въ сношенія съ новымъ человекомъ онъ тщательно въ него вглядывался, вслушивался въ каждое его слово; онъ боялся себя обиды, неприятныхъ для него напominаній и если замѣчалъ что либо подобное то считалъ себя глубоко оскорбленнымъ, дѣлался невольно врагомъ своего обидчика. И уже конечно по пуще всего слѣдилъ онъ за людьми родовитыми.

И вотъ знатный баринъ, Сергій Борисовичъ Горбатовъ, съ перваго своего появленія въ Гатчинѣ, еще тогда, восемь лѣтъ тому назадъ, не смотря на всю мнительность Ивана Павловича, ни разу не заставилъ его поморщиться, обидѣться. Онъ всегда держалъ себя съ нимъ какъ съ равнымъ, бесѣдовалъ съ нимъ просто и искренно, выказывалъ ему даже знаки уваженія. Иванъ Павловичъ ему нравился какъ человекъ хотя нѣсколько грубый, но бесспорно умный, а главное беззавѣтно преданный цесаревичу, котораго такъ почиталъ онъ. Словныхъ же предразсудковъ и чванства у Сергія, подъ влияніемъ его стараго воспитателя Рено и собственнаго житейскаго опыта, не было.

Иванъ Павловичъ въ послѣдніе дни особенно чувствовалъ себя расположеннымъ къ Сергію. И вотъ почему. Во время одной изъ откровенныхъ бесѣдъ онъ мимоходомъ высказалъ нѣкоторыя свои семейныя затрудненія, происшедшія отъ недостатка денегъ.

Цесаревичъ далъ бы, но Иванъ Павловичъ не смѣлъ и заикнуться ему объ этомъ, потому что знаетъ, что у него у самаго денегъ теперь совсѣмъ нѣту.

Сергій заинтересовался, распростилъ подробнѣе и со свойственной ему простотою и добродушіемъ предложилъ Кутайсову нужную сумму.

— Батюшка Сергій Борисычъ, только какъ же это—вѣдь раньше какъ года черезъ два, я вамъ не въ силахъ буду выплачивать.

— Хоть десять лѣтъ не выплачивайте, Иванъ Павлычъ, улыбаясь сказалъ Сергій, я слава Богу не бѣденъ, такая ничтожная сумма стѣснить меня нисколько не можетъ. Все равно деньги часто лежатъ у меня безъ всякаго употребленія и я сердечно доволенъ, что могу услужить вамъ.

— Ну, батюшка, въ такомъ разѣ большое вамъ спасибо! Истинное, можно сказать, благодѣяніе оказываете, изъ бѣды выручаете. Спасибо, сударь, во вѣкъ этой услуги не забуду, позвольте васъ, золотой мой, обнять да расцѣловать по просту, по русски.

Сергій расцѣловался съ Кутайсовымъ и оба они остались крайне довольными другъ другомъ.

Кутайсовъ не могъ нахвалиться.

— Душа человекъ! Золотое сердце! Вотъ бы такихъ людей намъ побольше! говорилъ онъ про Сергія.

Сергій нерѣдко, выходя отъ Тани, заходилъ къ Кутайсову, заставалъ его въ скромной обстановкѣ обыкновенно за чаемъ, до котораго Иванъ Павловичъ былъ большой охотникъ.

— Что, батюшка, невѣста то видно прогнала? ска-

заль онъ разъ Сергѣю, вставая ему на встрѣчу. А минутами пятью раньше бы пришли, не застали бы меня—самъ только что вернулся. Задалъ мнѣ нынче работы его высочество, ухъ какъ усталъ! Чайку вотъ пейте, нынче ромъ у меня первый сортъ! Взгляните-ка въ бутылочку, подарокъ это отъ пріятеля большого, да и вашего кажется тоже пріятеля, отъ Федора Васильевича Ростопчина. Не выпьете-ли чашечку съ ромкомъ, коли минутка есть свободная?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Иванъ Павлычъ, за тѣмъ и пришелъ, чтобы посидѣть съ вами. Татьяну Владимировну великая книгиня звать приказала, ну а одному что мнѣ тамъ дѣлать, вотъ и захотѣлось васъ провѣдать.

— Спасибо, сударь, что не забываете. Присядьте-ка сюда вотъ, къ печкѣ поближе, гутъ тепленько, Я знаете тепло люблю и ужъ двѣ недѣли какъ у меня топится—холода что-то рано начались нынче.

Они усѣлись и припились за чай.

Ромъ дѣйствительно оказался отличный и Иванъ Павловичъ то и дѣло похваливалъ.

— Спасибо Федору Васильичу, говорилъ онъ,—и въ каждомъ-то дѣлѣ знатокъ онъ. Умная голова, нечего сказать! И помните мое слово, придетъ время, покажетъ онъ себя. Большому кораблю большое и плаваніе.

— Да, онъ человѣкъ умный и съ богатыми способностями.

Кутайсовъ утвердительно кивалъ головою.

— Будетъ изъ него прокъ, будетъ! А и хитеръ онъ, ловокъ... Иной разъ смѣху съ нимъ сколько.

— А что? спросилъ Сергѣй.

— Шельмовать, охъ какъ шельмовать! Ну да что-же, оно ничего—простичкомъ-то зачѣмъ быть? А вы, батюшка, на шпагъ-то у него крестикъ анненскій замѣтили?

— Нѣтъ, не замѣтилъ. Какъ это анненскій крестикъ на шпагѣ?

— Тутъ цѣлая исторія, да и пренотѣшная, вотъ прислушайте-ка, а потомъ и рѣшайте сами: шельмовать онъ или нѣтъ? Конечно вамъ, сударь, вѣдомо, въ какомъ уваженіи у цесаревича орденъ святыя Анны.

— Ну да, это голштинскій орденъ и великій князь въ качествѣ герцога голштинскаго одинъ имѣеть право имъ жаловать.

— Такъ-то оно такъ, да не совсѣмъ. Грамоты подписываетъ великій князь, а жаловать, безъ дозволенія государыни, онъ не можетъ. И въ томъ все у насъ дѣло! Захочетъ великій князь пожаловать анненскимъ орденомъ кого нибудь, а государыня и неразрѣшаетъ. Такъ и со мной не разъ было, и по сію пору я безъ ордена. Ну извѣстно, оно и досадно великому князю. Съ полгода тому будетъ, вдругъ призываетъ какъ то онъ меня и приказываетъ заказать нѣсколько маленькихъ анненскихъ крестиковъ безъ колечка, а съ винтикомъ по срединѣ.

Я спрашиваю, зачѣмъ такіе крестики понадобились, а онъ даже разсердился.

„Не твое, говорить, дѣло“! Замолчалъ я и никакъ не могу сообразить, на что тѣ крестики будутъ навинчивать. Заказалъ, изготовили, принесъ я великому князю. Онъ принялъ, заперъ къ себѣ въ столъ. Только вотъ потомъ и открылось: призываетъ онъ Федора Васильевича Ростопчина, даетъ ему крестикъ съ винтикомъ и говорить:

Жалую тебя анненскимъ кавалеромъ! Привинти этотъ крестикъ къ шпагѣ, только на заднюю чашку, а то моль узнаетъ государыня и не разрѣшитъ тебѣ—она тебя не любитъ.

Ростопчинъ взялъ, поблагодарилъ въ приличныхъ выраженіяхъ, а самъ потомъ ко мнѣ. Рассказываетъ:

Такъ и такъ, говорить, что я теперь стану дѣлать? Узнаетъ императрица—большія мнѣ будутъ неприятности, а не исполнить приказа его высочества не могу—разгнѣвается.

— Ну ужъ, говорю ему, батюшка, самъ выпутывайся, а отъ милости, извѣстное дѣло, не отказываются.

— Чтожь бы вы думали, сударь, онъ сдѣлалъ? Протасова Анна Степановна ему сродни приходится, а у государыни она въ большой силѣ, такъ онъ прямо къ ней. Разказалъ ей, выставилъ свое трудное положеніе и просилъ ее доложить въ добрую минуту государынѣ, что онъ очень опасается носить орденъ, а между тѣмъ боится оскорбить цесаревича.

Такъ госпожа Протасова и сдѣлала, выбрала удобную минуту и шуткою все передала императрицѣ. Императрица выслушала, улыбнулась и говоритъ:

„Вотъ онъ какими игрушками занимается! Ну да пусть его тѣшится! Скажи ты Ростопчину, чтобы носилъ онъ свой орденъ, не боялся—я замѣчать не стану“.

Какъ узналъ объ этомъ Федоръ Васильевичъ, тотчасъ-же взялъ, привинтилъ свой крестъ, только не къ задней, а къ передней чашкѣ шпаги и въ такомъ видѣ является во дворецъ на выходъ.

Цесаревичъ какъ увидѣлъ его, взглянулъ на шпагу—а крестъ-то и на самомъ видномъ мѣстѣ, — подходитъ къ нему и говоритъ шопотомъ:

— Что ты дѣлаешь, сумасшедшій! Я тебѣ приказалъ задней чашкѣ, а ты привинтилъ къ передней... увидитъ государыня... вотъ сейчасъ пройдетъ и увидитъ, и тебѣ и мнѣ достанется.

А Федоръ-то Васильевичъ нашъ глаза, вытянулся въ струнку и говоритъ:

„Милость вашего высочества такъ мнѣ драгоценна, что и скрывать ее я не въ силахъ“.

„Да ты погубишь себя“!

„И погубить себя готовъ, но тѣмъ самымъ докажу свою преданность вашему высочеству“!

Вамъ, сударь, извѣстна чувствительность сердца цесаревича и его довѣрчивости: даже прослезился онъ, такъ его слова эти тронули. Это мнѣ самъ Федоръ Васильевичъ рассказывалъ. Ну, и носить онъ съ тѣхъ поръ крестъ на шпагѣ, а цесаревичъ за него опасается. А ужъ кабы зналъ всю истину, намылилъ-бы онъ ему голову! Да зачѣмъ ему знать? Мы выдавать не станемъ... Худаго тутъ ничего нѣтъ, а что шельмовать Федоръ Васильевичъ, это теперь, сударь, сами рѣшить можете.

— Я не могу оправдать такого поступка, сказалъ Сергѣй, и все это кажется мнѣ недостойнымъ.

— То-то вотъ кажется, батюшка, мало вы наглядѣлись! Потерните, вотъ поживете съ нами, такъ и сами увидите, что съ цесаревичемъ иной разъ трудно ладить,—поневоля на всякія хитрости пустишься. Добрый человѣкъ, ужъ такой добрый что и на всемъ свѣтѣ не сыщешь, а не такъ сказалъ, оплошалъ малость—и нивѣтъ какъ накинется. Чтѣ ни годъ — то хуже. Прежде еще туда сюда, а теперь,—у, какъ трудно съ нимъ ладить! Совсѣмъ его раздражили, совсѣмъ замучили! Иной разъ къ нему и притронуться невозможно, вотъ ровно къ человѣку, у котораго все болитъ... А Федора Васильевича вы не браните да шельмоватостью не упрекайте—оно смѣшно только, а онъ человѣкъ хорошій, доброжелательный.

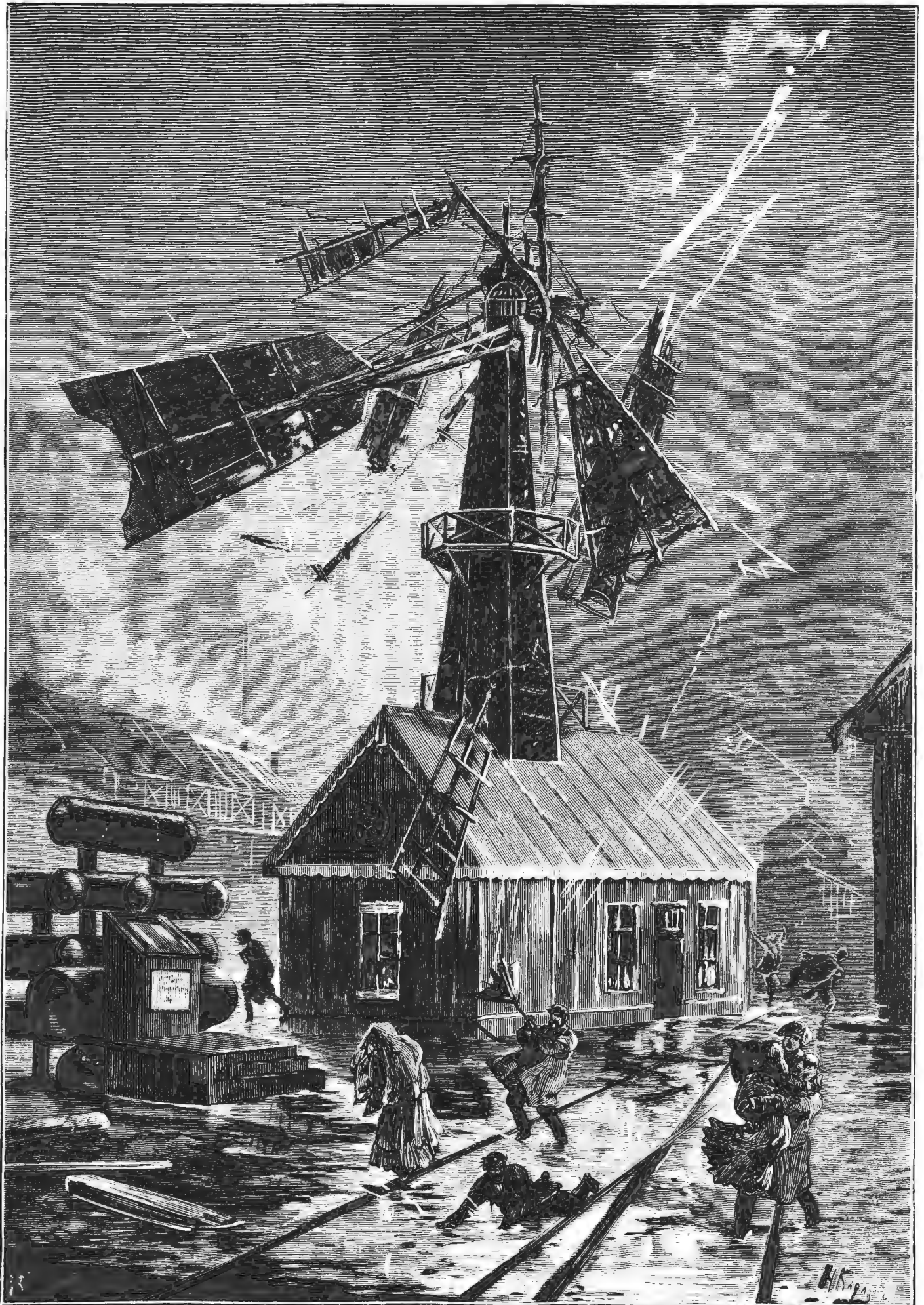
— Я въ этомъ не сомнѣваюсь сказалъ Сергѣй. Мнѣ Ростопчинъ самому очень нравится и я вмѣстѣ съ вами полагаю, что ему его хитрость простить еще можно, а вотъ я хотѣлъ васъ спросить по старому пріятельству нашему, что вы думаете о другомъ человѣкѣ, съ которымъ я здѣсь познакомился и который, какъ мнѣ кажется, въ большомъ довѣрїи у великаго князя.

— О комъ вы это, сударь?.. Ну да ужъ по лицу вашему вижу о комъ—объ Аракчеевѣ?

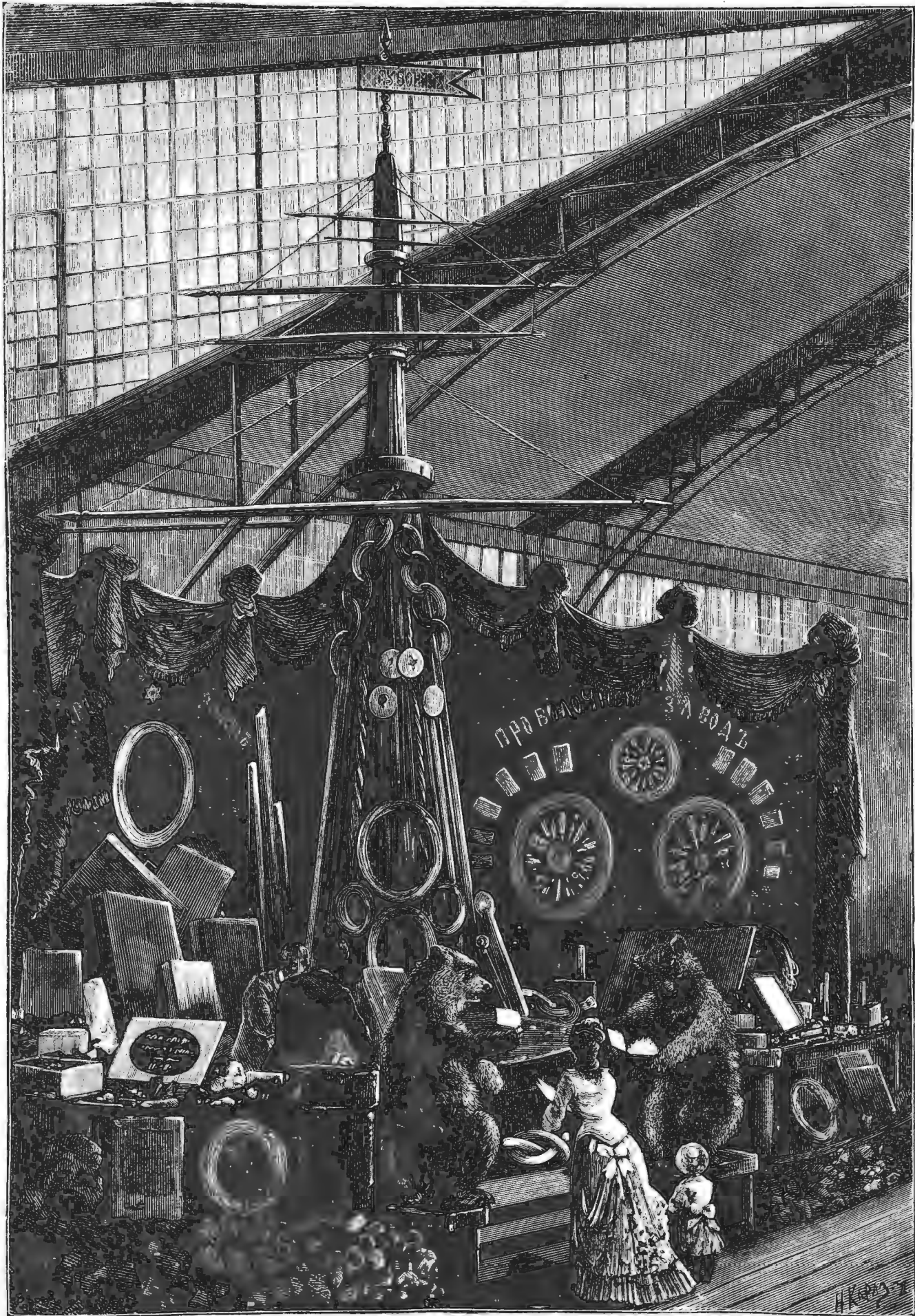
— Угадали! Но при чемъ тутъ лицо мое?

— Гримаску, батюшка, сдѣлали — не по праву вамъ нашъ Аракчеевъ. Я ужъ это не впервой замѣчаю.

— Я, видите-ли, мало знаю его, могу ошибаться, только дѣйствительно онъ какъ-то не внушаетъ къ себѣ особеннаго довѣрїя.

Московская промышленно-худож. выставка. Вѣтряная мельница г. Давыдова, во время урагана 30 мая.
 Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.
 Библиотека "Руниверс"

Московская промышленно-худож. выставка. Витрина желѣзодѣлательнаго завода П. Губонина и К^о.
 Ориг. рисунокъ нашего спеціального корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Кутайсовъ улыбался.

— Да, этотъ другого сорта, этого, признаться, и я не долбобливаю. И ужъ не знаю какъ сказать: достаточно-ли въ немъ качествъ, чтобы забыть о его дурныхъ свойствахъ. Только по праву онъ намъ, или не по праву, а этому человѣку тоже предстоитъ большая роля — цесаревичъ о немъ — ухъ, какого мѣнѣя! И ничѣмъ того мѣнѣя поколебать невозможно. А что такое Аракчеевъ — мужикъ, какъ есть мужикъ! Ума въ немъ нельзя сказать, чтобъ было много. Онъ вонъ хвастается — я молъ учился на мѣдные гроши, а лучше всякихъ ученыхъ да умниковъ свое дѣло знаю!.. и вретъ онъ, извините вы меня, и хвастаться тутъ нечего — я вотъ тоже на мѣдные гроши учился, такъ вижу, что ничѣмъ тутъ хвастаться, а напротивъ такъ полагаю что кабы вотъ времени у меня было теперь довольно, такъ снова за указку бы принялся. Ищешь какъ-бы что узнать полезное да съ умнымъ, ученымъ человѣкомъ потолковать, вотъ хоть бы съ вами Сергѣй Борисычъ! Узнать какъ, что и почему, какъ о томъ да о другомъ въ наукѣ сказано. А онъ, вишь ты — „наука вздоръ, одно усердіе нужно“! Ну и выѣзжаетъ этимъ усердіемъ. И такъ цесаревичъ полагаетъ, что усердѣе полковника Аракчеева никого и не пайди ему. Чѣмъ взять — ума не приложу! Медвѣдь неотесанный, ни кожи, ни рожи, только и знаетъ свою маршировку, а смотрите, онъ и инспекторъ здѣшной пѣхоты и губернаторъ гатчинскій. А ужъ людей-то какъ мучаетъ! Что слезъ изъ-за него пролилось! Солдаты-то еле живы — по двѣнадцати часовъ въ день на ученьи ихъ держитъ. Изъ силъ солдатъ выбьетъ — такъ его палкой! Аракчеевъ только и повторяетъ — „гдѣ ученье тамъ и палка!“ А потомъ и то замѣтите: ни до кого до насъ ему нѣтъ никакого дѣла, ни съ кѣмъ не сходитъ и все равно ему: любимъ мы его, али нѣтъ. „Я, говорить, свое дѣло знаю и больше знать ничего не хочу“.

— Да что-же, вѣдь въ этомъ онъ совершенно правъ, замѣтилъ Сергѣй. Это вѣдь, въ сущности, есть настоящее отношеніе къ службѣ.

— Такъ точно. Оно такъ, сударь, да вѣдь это слова только! Искренній онъ человѣкъ. Аракчеевъ! Ему солдаты все равно что кукла. Онъ жизнь человеческую ни въ грошъ не ставитъ: хоть перемри всѣ, лишь-бы его высочество сказалъ ему „спасибо“ — такъ ужъ это чтожъ! Это ужъ не служба... Это ужъ звѣрство называется.

— Ваша правда! Такъ вотъ значить я и не виноватъ, что гримаса у меня выходитъ когда думаю объ Аракчеевѣ. Значить вы согласны со мною?

— Какъ, батюшка, не согласиться! Да тутъ только ничего не подѣлаешь — не забывимся мы отъ этого лютаго звѣря и много еще онъ бѣдъ понадѣлаетъ, увидите.

Такъ сидѣли они и бесѣдовали.

Осеннія сумерки уже быстро набѣгали. Изъ оконъ слышались далекіе звуки военной команды; мѣрно постукивали маятники; сверчокъ чикалъ гдѣ-то за печкой.

Бесѣда вдругъ смолкла. Иванъ Павловичъ зѣвнулъ и отклонился на спинку кресла.

— Засните-ка, сказалъ Сергѣй, отдохните, а и мнѣ пора, чай ужъ меня поджидаютъ.

И съ горячо забившимся сердцемъ онъ поспѣшилъ въ комнату Тани, гдѣ его дѣйствительно ждали.

VIII.

Последняя встрѣча.

Ламбро-Кациони повидимому намѣревался оправдать рекомендацію Зубова, — покрайней мѣрѣ императрица объявила всѣмъ приближеннымъ, что чувствуетъ себя несравненно лучше.

Она переѣхала изъ Таврическаго въ Зимній дворецъ и хотя не показывалась передъ публикой, но продолжала вести свою обычную трудовую жизнь: каждое утро рано вставала, внимательно выслушивала доклады, писала, интересовалась самыми разнообразными дѣлами

и не покидала своей любимой мысли устроить таки въ концѣ концовъ бракосочетаніе короля Шведскаго съ Александрой Павловной.

По вечерамъ иногда собиралось въ Эрмитажѣ, какъ въ прежніе годы, ея интимное общество.

Она появлялась, повидимому, бодрая и свѣжая, шутила съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, садилась за карточный столъ съ Зубовымъ и Безбородко.

Дажь Морковъ, который подвергся было сильному съ ея стороны неудовольствію и долженъ былъ на одномъ собѣ выносить всѣ послѣдствія неудачи одиннадцатаго сентября, снова сталъ получать знаки ея вниманія. Она была съ нимъ любезна и ни однимъ намекомъ не возвращалась къ недавнимъ событіямъ. Она такъ держала себя будто ничего не случилось и, ободренные ею, всѣ мало-по-малу стали успокоиваться и возвращаться къ прежней жизни.

Одна только Марья Савишна Перекусихина, эта простодушная и скромная старуха, бывшая однако въ теченіи долгихъ лѣтъ чуть ли не самымъ близкимъ другомъ Екатерины и ея наперстницей, съ каждымъ днемъ все казалась задумчивѣе и печальнѣе. Иногда ее заставляли въ слезахъ; но на вопросы о томъ, что означаютъ эти слезы она упрямно молчала, поспѣшно вытирала глаза и заговаривала о чемъ нибудь постороннемъ.

Только она одна, по многимъ несомнѣннымъ для нея признакамъ, не довѣряла этому внезапному улучшенію въ здоровьи императрицы, этому нежданно вернувшемуся благоденствію.

Но на Марью Савишну, пока не требовалось прибѣгать къ ея добротѣ и всегдашней готовности услужить ближнему, обращали мало вниманія.

Къ концу октября стала зима, выпало много снѣгу, морозъ держался отъ трехъ до пяти градусовъ.

Екатерина объявила, что желаетъ выѣхать прокатиться въ санкахъ. Однако намѣренія этого она не исполнила.

Второго ноября утромъ она никого не принимала. По дворцу разнеслась вѣсть, что у императрицы всю ночь были сильныя колики такъ что она заснула только подъ самое утро.

Однако къ обѣду она вышла изъ спальни и на тревожные вопросы вичковъ и внучекъ отвѣчала, что чувствуетъ себя хорошо, что дѣйствительно были колики, но совсѣмъ прошли и что это пустое...

Въ эти дни у Сергѣя Горбатова было много хлопотъ. Всѣ приготовления къ принятію повой хозяйки были сдѣланы въ его домѣ. Онъ самъ все осматривалъ, совѣщался съ Моськой, закупалъ богатые подарки своей дорогой невѣстѣ.

Свадьбы теперь уже недолго осталось дожидаться, она должна была совершиться на дняхъ въ Гатчинѣ. Цесаревичъ и великая княгиня благословятъ жениха съ невѣсткой и послѣ вѣнца молодые отираются прямо въ Петербургъ.

Не такъ предполагалось сначала: свадьба должна была отпраздноваться со всею пышностью, но цесаревичъ вдругъ рѣшилъ, что будетъ такъ. И конечно ни Сергѣй, ни Тани не стали съ нимъ спорить.

Они были очень рады избѣжать въ такой торжественный для нихъ день пышности, присутствія людей совсѣмъ постороннихъ.

Четвертаго ноября Сергѣй совсѣмъ было собрался въ Гатчину, какъ вдругъ къ нему заѣхалъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

— Куда это ты, другъ любезный? спросилъ онъ входя и видя дорожныя приготовления Сергѣя, — опять въ путешествіе! Ну на сегодня моя будущая племянница тебя подождать должна, сегодня тебѣ въ Гатчину ѣхать никонимъ образомъ невозможно...

— Что же, я опять арестованъ что ли?! улыбаясь

сказать Сергѣй. Съ вами, дядюшка, съ полчаса побесѣдую если угодно, а ужь потомъ не задерживайте...

— Не поѣдешь ты нынче въ Гатчину. Слушай-ка, государыня пожелала тебя видѣть, вѣдь ты еще не представлялся ей послѣ твоего пожалованія въ камергеры?!

— Да вѣдь не было приемовъ, дядюшка!

— Знаю, знаю и не нужно тебѣ официального приѣма, государыня приглашаетъ тебя нынче вечеромъ въ Эрмитажъ... Понимаешь, вѣдь это такая милость, которую теперь кромѣ насъ стариковъ никого не удостоиваютъ. И представь ты себѣ какъ перекосить твоего друга свѣтлѣйшаго князя Платона Александровича, онъ ничего не знаетъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ сюрпризъ для него готовится. Мы съ тобой вмѣстѣ прѣдемъ—такъ приказано. Помнишь, какъ когда то, давно, когда я въ первый разъ представлялъ тебя?!

Какъ ни былъ теперь Сергѣй равнодушенъ ко всему, что не касалось до Тани, но все же онъ почувствовалъ нѣкоторое удовольствіе.

— Да, въ такомъ случаѣ поѣздку въ Гатчину дѣйствительно отложить придется... Поѣдетъ одинъ Степанычъ,—сказалъ онъ.

— Вотъ и хорошо, и невѣста не будетъ беспокоиться. А ты сегодня у меня пообѣдаешь и вмѣстѣ мы послѣ обѣда во дворецъ поѣдемъ... Ну что, племянникъ, не говорилъ ли я тебѣ что нечего кипятиться, ничего съ тобой неподѣлаетъ господинъ Зубовъ...

— Да, хорошо это говорить послѣ того какъ я больше недѣли просидѣлъ здѣсь въ качествѣ преступника и измѣнника...

— Кто старое помянетъ тому глазъ вонъ... Да и наконецъ это къ твоей же пользѣ послужило... о тебѣ заговорили съ самой выгодной стороны... Зубова за тебя бранятъ еще пуще прежняго... А она... сегодня она доказываетъ тебѣ какъ ей хочется загладить эту ошибку. Твоему положенію наши царедворцы только завидовать могутъ—государыня въ долгу у тебя и начинаетъ расплачиваться—чего же лучше...

Тихій свѣтъ лампъ прикрытыхъ абажурами озаряетъ нѣсколько строгую, но величественную обстановку одной изъ обширныхъ комнатъ Эрмитажа. Со стѣнъ глядятъ, выступая изъ за золотыхъ рамъ, произведенія кисти знаменитыхъ художниковъ.

Сцены религіознаго содержанія смѣняются сценами нѣги и наслажденій золотаго вѣка. То выступаетъ на темномъ фонѣ кроткій, одухотворенный ликъ Богоматери и загадочная улыбка божественнаго ребенка, то сверкаетъ, озаренная полосой рефлектора, классическая нагота греческой богини. Но всѣ эти разнородные образы, созданные въ минуты вдохновеннаго трепета, запечатлѣнные никому невѣдомыми муками и восторгомъ ихъ творцевъ, не обращаютъ на себя ничего вниманія...

Тихіе, сдержанные разговоры ведутся въ обширной комнатѣ. Партія только что окончена. Толстякъ Безбородко то и дѣло утираетъ платкомъ свое красное, лоснящееся лицо. Зубовъ съ небрежнымъ и случаемъ видомъ чертитъ что то мелкомъ на сукнѣ карточнаго столика!

Императрица отклонилась на спинку своего кресла, полузакрываетъ глаза и не то дремлетъ, не то погружена въ размышленія. Рѣзко обрисовывается глубокая складка между ея бровями, губы крѣпко сжаты, нижняя часть лица скрыта за кружевами, покрывающими ея высокую грудь, которая по временамъ колеблется отъ тяжелаго дыханія.

Вотъ звуки шаговъ достигаютъ ея слуха. Она открываетъ глаза и видитъ входящихъ Нарышкина и Горбатова.

Зубовъ не удержался, дернулъ свой стулъ и мѣлокъ сломался отъ нервнаго движенія руки его. Но Екате-

рина не замѣчаетъ этого. Она съ благосклонной улыбкой киваетъ головой входящимъ, она протягиваетъ имъ для подѣлуя свою руку, обмѣнивается нѣсколькими шутивыми фразами съ Нарышкинымъ и, сдѣлавъ ему почти незамѣтный знакъ, указываетъ Сергѣю на стулъ рядомъ съ собою.

Зубовъ внѣ себя; онъ даже и не скрываетъ своего бѣшенства. Онъ шумно встаетъ и быстрыми шагами выходитъ изъ комнаты.

Нарышкинъ вступаетъ въ разговоръ съ Безбородко, отводитъ его въ сторону. Сергѣй и императрица одни передъ карточнымъ столикомъ.

Сергѣй благодарилъ государыню за пожалованіе. Она улыбнулась ему еще ласковѣе.

— Я давно думала объ этомъ, сказала она. Но вѣдь это совѣтъ не та служба, которой мнѣ отъ васъ пужно: я все думаю о серьезной работѣ, которую бы хотѣла поручить вамъ, мой другъ. Время терпитъ конечно, я вовсе не желаю стѣснять васъ теперь... Но стойте! Вѣдь у насъ есть счеты, которые прежде всего надо кончить. Вы имѣете право на меня очень сердиться, но я прошу васъ, навсегда забудьте объ этомъ.

— Я такъ и сдѣлалъ, ваше величество.

— Знайте, что мнѣ очень грустно, что случилось такое печальное недоразумѣніе. Я можетъ быть менѣе виновата въ немъ чѣмъ вы полагаете, да и вообще, если разобрать хорошенько, то виноватыхъ пожалуй и не окажется. Случаются иногда очень странныя недоразумѣнія. А теперь довольно объ этомъ, тѣмъ болѣе, что вы сами нѣсколько виноваты передо мною, вы сами хитрили и скрытничали и обманули меня.

— Когда же? Въ чемъ, ваше величество? смущенно проговорилъ Сергѣй.

Но онъ уже понималъ въ чемъ дѣло.

— Я хотѣла вамъ сватать невѣсту, а вы скрыли отъ меня, что невѣста была уже у васъ готова и именно та особа, о которой я васъ спрашивала.

— Я это очень хорошо помню, ваше величество, но дѣло въ томъ, что въ тотъ день у меня не было невѣсты и я самъ не зналъ чѣмъ кончится это дѣло. Я боялся самъ обмануться и нисколько васъ не обманывалъ.

— Да, я понимаю. Конечно, я шучу... я хочу сказать вамъ, что очень за васъ рада. Я, признаюсь, имѣю мало свѣдѣній о вашей невѣстѣ, но то немногое, что я о ней знаю, очень говорить въ ея пользу. Recevez mes felicitations, mon cher, soyez heureux, je vous le souhaite de tout mon coeur.

— Отъ глубины души благодарю ваше величество, и смѣю надѣяться, что добрыя пожеланія ваши исполнятся.

— И я тоже надѣюсь. Скажите, когда ваша свадьба? Какъ вы намѣрены устроиться? Мнѣ это нужно знать именно въ виду мыслей о предстоящей вамъ новой службѣ, которую мнѣ хотѣлось бы поручить вамъ.

Сергѣй передалъ ей все, о чемъ она его спрашивала.

— Вотъ и прекрасно, это ничему не помѣшаетъ и во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что я не желаю стѣснять васъ. Я все нездорова,—хотя теперь мнѣ гораздо лучше,—по во всякомъ случаѣ я желаю, чтобы вы представили мнѣ вашу жену немедленно послѣ вашей свадьбы.

— Она почтетъ для себя величайшимъ счастьемъ эту милость вашего величества.

— Левъ Александровичъ, обратилась Екатерина къ проходившему въ эту минуту невдалекѣ отъ нихъ Нарышкину, что это ты прихрамываешь?

— Ревматизмъ одолѣлъ, матушка государыня.

— Смотри ты, совѣтъ старикомъ становишься, то и лжи умрешь. Я про тебя ужь и сонъ дурной видѣла.

— Ахъ, матушка, ради Создателя не страшайте, скорчивъ испуганную мину, аффективно крикнуть Нарышкинъ,—я смерти до смерти боюсь!

— Да ужъ боишься, либо нѣтъ, а она за тобою.—Я вотъ тоже было испугалась какъ прихворнула, такъ и думала—умирать приходится. Вонъ и гроза была въ концѣ сентября, а это рѣдкій вѣдь случай. Помнишь, когда такая поздняя гроза была?

— Не помню что-то, государыня, отвѣтилъ Нарышкинъ, который отлично помнилъ и который ужъ слышалъ отъ Марьи Савишны Перекусихиной, что Екатерина не разъ заговаривала о грозѣ этой.

— Не помнишь? Такъ у тебя знать память коротка, я то помню: въ годъ кончины тетушки, императрицы Елисаветы Петровны была такая гроза. Вотъ и я, старуха, перепугалась. Только нѣтъ, я еще не умру, а вотъ ты—другое дѣло, и гроза то эта можетъ быть къ тебѣ относиться.

— Чтобы сферы небесныя да о такихъ людешкахъ, какъ я, помышляли... И—и! Нѣтъ, матушка—они тамъ своими дѣлами заняты и не токмо, что насъ грѣшныя, а даже и ваше величество въ грошъ не ставятъ.

И такимъ образомъ переговариваясь и перешучиваясь съ „матушкой“, старый Левушка исполнялъ свою вѣчную должность шутника и забавника, а самъ не безъ грусти поглядывалъ на своего неизмѣннаго державнаго друга и отшучиваясь думалъ:

„Не ладно что-то: меня страшаетъ, а сама боится, уже и въ знаменія начинаетъ вѣрять; прежде этого не бывало. Да и глаза не хороши, совсѣмъ другая стала. Не вылечилъ ее грекъ мошенникъ.“

Зубовъ не возвращался.

Безбородко предложилъ было еще игру, но Екатерина отвѣтила, что на сегодня довольно, что у нея, еще до отхода ко сну, есть работа.

Съ помощью Левушки, она приподнялась съ кресла, простилась съ обществомъ, ласково улыбнулась Сергѣю и тяжелою, непрежней поступью, вышла изъ комнаты.

Сергѣю вдругъ стало почему то неловко и даже грустно, что-то сдавило сердце, будто духота и тягость чувствовались въ воздухѣ. Унылымъ свѣтомъ горѣли лампы, уныло и безжизненно глядѣли со стѣнъ грезы старинныхъ художниковъ.

Но онъ не сталъ предаваться этому внезапному чувству, онъ поговорилъ нѣсколько минутъ съ Безбородко и, въ сопровожденіи Нарышкина, вышелъ изъ Эрмитажа.

IX.

Обѣдъ на мельницѣ.

Сергѣй еще до разсвѣта выѣхалъ въ Гатчину. Погода стояла прелестная, день начинался ясный, вѣтру никакого. Небольшой морозецъ.

Въ гатчинцахъ было замѣтно особенное оживленіе. Цесаревичъ вышелъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, ничто его не раздражало, онъ всѣмъ былъ доволенъ и объявилъ, что въ такой день грѣшно сидѣть на мѣстѣ, что слѣдуетъ непременно прокатиться и, самое лучшее, пообѣдать на гатчинской мельницѣ.

До мельницы отъ дворца было всего верстъ пять.

Великая княгиня приказала сдѣлать нужныя распоряженія. Сергѣй конечно получилъ приглашеніе участвовать въ этой ратіе de plaisir и въ двѣнадцатомъ часу нѣсколько троекъ, въпряженныхъ въ широкія сани, выѣхали изъ дворца по сверкавшей на яркомъ, зимнемъ солнцѣ еще не наѣзженной дорогѣ.

Жениху и невѣстѣ оказывались всевозможные знаки вниманія и въ первыя четырехмѣстныя сани помѣстились цесаревичъ, великая княгиня, Сергѣй и Тania. Павелъ шутилъ всю дорогу, поддразнивалъ Сергѣя, увѣряя его, что свадьбу нужно еще отложить, такъ какъ онъ ни за что не отпуститъ княжну въ городъ, пока стоитъ такая прекрасная погода:—пусть она надышется на послѣдокъ чистымъ воздухомъ.

— Вы считаете себя очень счастливою, княжна, и ошибаетесь. Вы еще будете вспоминать Гатчину.

— Не придется, ваше высочество, отвѣчала Тania—мы часто сюда будемъ возвращаться.

— На это не рассчитывайте—посмотрите какимъ звѣремъ онъ взглянулъ сейчасъ. Всѣ они хороши пока еще не чувствуютъ своей власти, заберетъ онъ васъ въ руки и запретъ въ четырехъ стѣнахъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ пожелаю и вы должны будете явиться моимъ спасителемъ, ваше высочество.

— Извините! вы отъ насъ отказываетесь, вы намъ избѣгаете и намъ до васъ никакого не будетъ дѣла. Вы отдайтесь во власть его, помните это, время еще есть, одумайтесь... вотъ теперь я еще могу защитить васъ, хотите сейчасъ его изъ саней выброшу?

Но Тania этого не хотѣла. Они подѣзжали къ мельницѣ.

— Что-же, готово обѣдать? крикнулъ цесаревичъ, входя на крыльцо, мы проголодались, живо!

Ему доложили, что можно садиться за столъ, что все готово.

Веселое общество размѣстилось, цесаревичъ самъ разливалъ и подавалъ мужчинамъ водку въ маленькихъ рюмкахъ. Присутствовали Плещеевъ, Кушелевъ, графъ Вьельгорскій, камергеръ Бибииковъ и неизмѣнный Кутайсовъ. Все это были люди, считавшіеся въ Гатчинѣ своими. Недоставало только Аракчеева, который никогда не покидалъ своихъ служебныхъ обязанностей, да Ростопчина.

— Жаль недостаетъ нашего Федора Васильевича, проговорилъ вдругъ Павелъ, онъ-бы повеселилъ насъ, навѣрное рассказалъ-бы что нибудь смѣшное: всегда является съ пѣлымъ запасомъ. Скажи, Горбатовъ, не видалъ ли ты его вчера? Я такъ полагалъ, что онъ нынче утромъ пріѣдетъ.

— Какъ-же, ваше высочество, я съ нимъ встрѣтился вчера утромъ и онъ сказалъ мнѣ, что будетъ здѣсь завтра и на нѣсколько дней.

— Обидно! А я даже хотѣлъ спросить у него разъясненіе моего нынѣшняго сна—вѣдь онъ на всѣ руки мастеръ: и дѣло дѣлаетъ и сны разъясняетъ. Но шутки въ сторону, господа, я серьезно видѣлъ нынче ночью очень странный сонъ и почему-то этотъ сонъ не выходитъ у меня изъ головы.

Великая княгиня, говорившая въ это время что-то своему сосѣду Плещееву, вдругъ замолчала и стала прислушиваться.

Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, даже озабоченнымъ.

Между тѣмъ великій князь продолжалъ:

— Да собственно это и не сонъ, а какое-то странное необычайное ощущеніе: мнѣ казалось, что вдругъ будто меня разбудили и какая-то невѣдомая сила подхватила меня и понесла все выше и выше. Кругомъ будто сиянье, лазурь небесная, звѣзды со всѣхъ сторонъ яркія...

Великая княгиня слабо вскрикнула.

Но всѣ внимательно слушали и никто не обратилъ на это вниманія.

— Я проснулся, говорилъ Павелъ,—потомъ снова заснулъ и опять тотъ-же сонъ,—то же ощущеніе, опять невѣдомая сила подхватываетъ меня, поднимаетъ и опять безконечное небесное пространство и, повѣрите-ли мнѣ, господа—такъ было всю ночь. Нѣсколько разъ я просыпался, засыпалъ и опять видѣлъ то же самое. Неправда-ли, странно?

— Другъ мой, сказала взволнованно великая княгиня, вы изумитесь еще больше когда узнаете, что и я испытала то же самое. Я ничего не могу прибавить къ словамъ вашимъ, мнѣ придется только повторить ихъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ Павелъ, даже приподнимаясь съ своего мѣста. Какъ, и вы то же видѣли? Зачѣмъ-же вы мнѣ раньше этого не сказали?

— Я не хотѣла васъ безпокою понапрасну, я знаю

Передъ моднымъ магазиномъ. Съ картины Э. Урлауба, грав. Гельштейнъ.

какое вы придаете значеніе такимъ вещамъ, о которыхъ по моему убѣжденію слѣдуетъ какъ можно меньше думать... но сегодняшний случай дѣйствительно кажется мнѣ страннымъ.

Цесаревичъ не то насмѣлииво, не то печально улыбнулся.

— Вотъ видите, значитъ я не напрасно придаю значеніе подобнымъ вещамъ и очень естественно, что все таинственное, необъяснимое, выходящее изъ сферы нашей повседневнои жизни, остававливаетъ мое вниманіе, интересуется меня. Иначе быть не можетъ, я хорошо знаю, что въ каждомъ изъ насъ на ряду съ жизнью нашего тѣла есть иная, душевная жизнь. Есть въ душѣ нашей предчувствіе высшихъ законовъ, дѣйствующихъ въ иной высшей сферѣ, откуда мы явились и куда, рано или поздно, вернемся изъ нашего временнаго страствованія.

Онъ совсѣмъ измѣнился. Веселость исчезла съ лица его, глаза приняли задумчивое, мечтательное выраженіе.

— Рано или поздно... повторилъ онъ, глухимъ голосомъ, уходя въ свой внутренний, никому невѣдомый міръ. Мнѣ уже недолго ждать этого возвращенія, я увѣренъ, что мое странствованіе прекратится скоро.

— Покрайней мѣрѣ сегодняшний сонъ вашего высочества никакъ не указываетъ на это и, если придавать ему значеніе предзнаменованія, то онъ вѣроятно предвѣщаетъ величіе и блестящую жизнь, а не смерть! — невольно проговорилъ Сергѣй, вспоминая свои ощущенія въ Эрмитажѣ.

— Величіе, блестящая жизнь, отвѣчалъ ему Павелъ, развѣ дѣсь можетъ быть истинное величіе и истинный блескъ! Жизнь настоящая начинается только съ того мига, когда временная жизнь тѣла окончилась.

Всѣ какъ-то пріумолкли, шутки прекратились. Конецъ обѣда прошелъ вовсе неоживленно.

Сергѣй тихо бесѣдовалъ съ Таней: цесаревичъ молчалъ, и одна великая княгиня, борясь съ невольнымъ волненіемъ, въ которомъ даже не отдавала себѣ отчета, всѣми мѣрами, какъ и всегда, старалась поддерживать свою роль любезной хозяйки.

Послѣ обѣда рѣшено было тотчасъ же возвратиться въ Гатчину.

На польдорогѣ къ санямъ, въ которыхъ ѣхалъ цесаревичъ, подлетѣлъ на всемъ скаку гатчинскій гусарь, быстро осадилъ свою лошадь и объявилъ о томъ, что во дворецъ пріѣхалъ изъ Петербурга шталмейстеръ графъ Зубовъ съ какимъ-то очень важнымъ извѣстіемъ.

— Что такое? Что? тревожно спросилъ Павелъ.

— Не могу знать, ваше высочество, графъ Зубовъ не скажетъ. Мнѣ приказано только доложить, что очень важно.

— Пошелъ скорѣй! крикнулъ Павелъ кучеру.

— Что такое можетъ быть? обратился цесаревичъ къ Сергѣю. Ты вчера не слыхалъ ничего? вѣдь ты говорилъ, что былъ вечеромъ въ Эрмитажѣ?

— Ровно ничего особеннаго не знаю, ваше высочество.

— Государыня была здорова?

— Повидимому. Она сама изволила говорить мнѣ, что чувствуетъ себя несравненно лучше.

— Что же бы это могло быть? Que pensez-vous? обратился Павелъ къ великой княгинѣ.

— Не могу придумать, тревожно отвѣтила она, развѣ...

— Что развѣ?

— Быть можетъ получены извѣстія изъ Швеции.

— Да, пожалуй... конечно... можетъ онъ пришелъ въ себя и рѣшился наконецъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ... Да, вѣроятно! Такъ оно и есть!.. Скорѣй, скорѣй! насколько разъ повторилъ онъ.

Но кучеръ и такъ изъ всѣхъ силъ гналъ тройку.

Другіе далеко отстали, ихъ не было и видно.

По пріѣздѣ во дворецъ цесаревичъ тревожно спро-

силъ гдѣ дожидается графъ Зубовъ, велѣлъ звать его къ себѣ въ кабинетъ.

Графъ Николай Зубовъ, братъ Платона Александровича, былъ самымъ порядочнымъ членомъ этого семейства, онъ не отличался никакими способностями, но въ то же время и не воображалъ о себѣ очень много, держался болѣе или менѣе въ сторонѣ, никому не мѣшал, и цесаревичъ не чувствовалъ къ нему такого невольнаго отвращенія, какъ къ его братьямъ Платону и Валерьяну.

Графъ Зубовъ вошелъ въ кабинетъ цесаревича съ такимъ растеряннымъ, испуганнымъ видомъ, былъ такъ блѣденъ, что Павелъ сразу понялъ, что онъ принесъ ему какое-нибудь необычайное и въ то же время печальное извѣстіе.

— Что такое? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Ваше высочество, государынѣ худо.

— Какъ? Что?

Павелъ остановился неподвижно.

— Жива она? наконецъ прошепталъ онъ.

— Жива, ваше высочество, но надежды мало. Государыня чувствовала себя цѣлый день хорошо и нынче утромъ въ семь часовъ Марья Савишна вошла къ ея величеству, спросила каково она почивала, государыня изволила отвѣтить, что давно не проводила такой пріятной ночи...

— Ну, скорѣй, дальше!

— Затѣмъ государыня, вставъ съ постели, одѣлась, вышла кофе, прошла въ кабинетъ, затѣмъ...

Зубовъ занулся на мгновеніе, но потомъ продолжалъ: — ...Вышла въ гардеробъ и болѣе получаса не выходила оттуда... такъ полагали, что она изволила пойти погулять по Эрмитажу... Между тѣмъ встревожились...

— Ну?

— Нашли лежащую на полу въ гардеробѣ. Медки не могутъ привести въ чувство.

— Боже мой! прошепталъ Павелъ, хватаясь за голову. Скорѣй велите закладывать.

Онъ кинулся въ комнаты великой княгини.

— Маша, она умираетъ, можетъ быть ее ужъ нѣтъ на свѣтѣ... могъ только проговорить онъ. — Собирайся и ѣдемъ.

Великая княгиня вскрикнула и залилась слезами, а онъ, ничего не видя передъ собою, бросился опять къ себѣ и, пока подавали экипажъ, заставилъ Зубова разсказать всѣ подробности.

Оказалось что камердинеръ Зотовъ, видя что просе- ходитъ что-то неладное, рѣшился отворить дверь гардероба. Дверь была незаперта, но отворить ее почти не было возможности—мѣшало что-то. Это что-то было тѣло императрицы, лежавшее на полу въ самомъ неудобномъ положеніи. Мѣсто было узкое, дверь затворена. Она не могла упасть на полъ и почти сидѣла съ закинувшейся головой, съ подвернутой ногой. Пришлось позвать нѣсколько человѣкъ камердинеровъ, которые съ большимъ усиліемъ подняли императрицу и перенесли ее въ спальню; но она такъ была тяжела, что не могли ее поднять на кровать и уложили на полу на сафьянномъ матрацѣ.

— Господи! Да что же говорятъ медки? спрашивалъ цесаревичъ. Что сказала Роджерсонъ?

— Всѣ согласны въ томъ, что это ударъ въ голову и какъ я уже докладывалъ вашему высочеству, имѣютъ мало надежды, отвѣчалъ Зубовъ.

Въ это время доложили о томъ, что карета подана.

— Ѣдемъ, Ѣдемъ! Скорѣй! повторялъ Павелъ, обращаясь къ вошедшей въ комнату великой княгинѣ.

— Я готова.

Проходя корридоромъ, они столкнулись съ Сергѣемъ, который ужъ зналъ въ чемъ дѣло.

— За мной! сказалъ ему цесаревичъ.

(До слѣдующ. №).

Обитатели острова Сахалина.

Изъ рассказовъ о крайнемъ Востоке.

А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

Х.

Мошкира.

Солнце только что скрылось за мрачнымъ, неизвѣданнымъ хребтомъ Сихотъ Алина... Всюду дегли темныя, длинныя тѣни... Изъ падеи и съ низменныхъ мѣстъ потянуло сыростью и прохладой... Въ вечернемъ воздухѣ появились неизвѣстно гдѣ таившія весь день міриады мошекъ и комаровъ; безчисленными массами посятся они надъ низменными мѣстами, то суеливо сбиваясь въ подвижныя, терпящіяся въ выси, колонны, то разстилаясь почти надъ самую поверхность земли неправильными, волнующимися тучами... Безшумно носятся въ воздухѣ миллионы микроскопическихъ, но страшно злыхъ, насѣкомыхъ, зорко высматривающихъ жертву для утоления своихъ кровавыхъ инстинктовъ...

Смѣлость и дерзость этихъ миниатюрныхъ, кровавыхъ разбойниковъ тайги превышаютъ всякую мѣру. Съ безумною отвагою атакуютъ они каждое живое существо, осмѣливающееся появиться въ ихъ царствѣ, и одинаково обращаютъ въ позорное бѣгство и грознаго тигра и мохнатого, прикрытаго толстою шубой медвѣдя и быстроногую козулю и полевую мышь...

Долго волновались въ воздухѣ мошки и комары надъ крѣпко спящими бродягами и наконецъ стремительно опустились на нихъ... Черезъ минуту бродяги были обсыпаны такой массой кроваваго насѣкомыхъ, что не было на ихъ тѣлахъ живаго мѣста, въ которое не возилось-бы острое, жгучее жало. Первымъ вскопчилъ, словно обожженный, Майданчикъ и судорожно началъ скрести ногтями тѣло, стараясь избавиться отъ нестерпимаго, жгучаго зуда. Мошки и комары окружили бродягу сплошными тучами и съ какимъ-то озлобленіемъ атаквали его со всѣхъ сторонъ, забивались въ уши, носъ и ротъ, обсыпали силошшою массой спину, грудь, плечи, руки и ноги. Бродягѣ казалось, что его облили съ головы до ногъ какою-то горячею, жгучею массою... Нестерпимый зудъ распространился по всему тѣлу съ невѣроятною быстротою и приводилъ Майданчика въ бѣшенство и ожесточеніе. Съ остервенѣніемъ скребъ онъ себя обѣими руками, терся о дерево, валялся по травѣ и наконецъ, увидя бесполезность борьбы съ этими ядовитыми полчищами мошекъ и комаровъ, завылъ съ отчаянія дикимъ, неестественнымъ голосомъ...

Въ этотъ моментъ въ ближайшихъ кустахъ кто-то шаркнулся въ сторону... Послышался быстро удаляющіеся, тяжелые шаги, и черезъ минуту все смолкло...

Майданчикъ не обратилъ вниманія на этотъ подозрительный шорохъ и продолжалъ выть самымъ отчаяннымъ голосомъ... Болѣе терпкій и лучше прикрытый своими рубищами Митька проснулся только отъ дикаго воя своего товарища. Въ первый моментъ ему показалось, что Майданчикъ востъ подъ крѣпкими, всеразрушающими зубами какого нибудь лѣснаго хищника... Но черезъ секунду онъ догадался объ истинной причинѣ отчаяннаго воя своего товарища...

Не усѣвъ Митька вскопчати на ноги, какъ и самъ быть атакованъ мошками и комарами съ такимъ ожесточеніемъ, что мгновенно почувствовалъ во всемъ тѣлѣ нестерпимый зудъ...

— Ахъ, дьяволы растреклятые!.. Гнусы ненасытные!.. съ озлобленіемъ крикнулъ онъ и принялся скрестись съ неменьшею энергіею.

— Смерть моя, смерть моя!.. вопилъ Майданчикъ, видя полное свое безсиліе.

— Живо къ водѣ! крикнулъ болѣе опытный Митька и сталъ быстро пробираться изъ чащи къ морю.

Майданчикъ бросился вслѣдъ за товарищемъ... Міриады мошекъ и комаровъ назойливо преслѣдовали бѣглецовъ, тѣла которыхъ были уже покрыты крупными, жгучими, почти сплошными опухольями... Вой постепенно чаща стала рѣдѣть, и черезъ минуту бродяги выскочили, словно ошаренные, на берегъ моря, значительно уже усюконишаго послѣ послѣдней, жестокой бури... Дулъ ровный восточный вѣтеръ... Ясное, глубокое небо мерцало миллионами блестящихъ звѣздъ. Недавно народившаяся луна обдавала землю ровнымъ, блѣднымъ свѣтомъ, придававшимъ всѣмъ окружающимъ предметамъ и деревьямъ странный, фантастическій видъ... Волны съ шумомъ набѣгали на несчастное побережье, окаймляя его блѣсною пѣною и разсыпаясь на камняхъ на тысячи блестящихъ искръ—микроскопическія самосвѣтящіяся инфузоріи...

На берегу моря положеніе бродягъ значительно облегчилось... Мошки и комары постепенно оставили своихъ жертвъ и скрылись отъ пена истнаго морскаго вѣтра въ заповѣдную чащу. Только болѣе отважные, продолжали назойливо кружиться вокругъ бѣглецовъ, уловляя удобный моментъ, вопить свои острыя, жгучія жала. Впрочемъ и эти враги скорѣе прекратили свои ат-

таки: одни изъ нихъ присоединились къ своимъ отступившимъ въ чащу товарищамъ, другіе пали жертвой своей излишней смѣлости отъ рукъ остервенившихся бродягъ...

— А—ахъ, жалость какая! что при насъ спичекъ нѣтъ, проговорилъ Митька, въ изнеможеніи онускаясь на желтый, сырой песокъ... Развели-бы костеръ, такъ ни одинъ гнусъ не сушеда бы, да и отъ звѣр-бы схоранились... Да и тѣлѣ было-бы, добавилъ онъ, начиная чувствовать на сырость, морскомъ вѣтрѣ холодъ.

— Безъ одежды-то плохо бродяжить, да безъ хлѣба, началъ жаловаться Майданчикъ. Право, какое тутъ бродяжество, коли и холодно, и голодно, да еще и гнусъ поѣдомъ бѣдѣтъ...

— А по мѣ и одежы не будь, и хлѣба не будь—лишь бы жить на голѣ, резонерствовать Митька. Все вытерплю—лишь бы натаска на таѣжимъ, привольнымъ мѣстамъ... До холода самъ чертъ изъ тайги меня не выживетъ!

— Полюбился, братъ, ты мѣ и я останусь съ тобой въ тайгѣ до той же поры, какъ и ты... А что жаловаться сталъ опять, такъ все отъ гнуса проклятаго—вишь зудитъ шкура словно кто крапивою меня ожегъ! проговорилъ Майданчикъ.

XI.

Нападеніе.

Страшно томимый жаждою медвѣдь не обратилъ тѣмъ особеннаго вниманія на близкое сосѣдство человѣка; но какъ только жажда была утолена, въ хищникѣ проснулись его инстинкты. Притаившись въ чащѣ, медвѣдь зорко слѣдилъ за неожиданными пришельцами, нарушившими спокойствіе тайги, и ждалъ удобнаго момента. Папастъ засвѣтло—хищникъ не рѣшился... Солнечный блескъ отнималъ у него смѣлость... Овъ терпѣливо ждалъ ночи для нападенія на давно намѣченную жертву... Зарывшись въ траву и прошлогодніе листья, медвѣдь всталъ въ полудремоту... Изрѣдка поднималъ онъ тупую морду, раздувалъ ноздри и жадно втягивалъ въ себя струю воздуха. Осторожный звѣрь терпѣливо ждалъ. Спустилась ночь. Хищникъ осторожно вылезъ изъ подъ листьевъ и безшумно направился къ спящимъ бродягамъ... Черезъ каждыя три, четыре шага медвѣдь останавливался, вытягивалъ мохнатую шею и съ силою вливалъ въ себя сырой, ночной воздухъ. Въ ночной тьмѣ глаза его искрились зловѣщимъ блескомъ... Острые зубы хищника невольно скрипѣли и щелкали... Вой еще нѣсколько шаговъ и опять онъ прислушивается... Въ этотъ моментъ Майданчикъ, опять атакованный мошками и комарами, вскопчилъ, какъ ошаренный, и завылъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ... Хищникъ, испуганный этимъ неожиданнымъ, дикимъ крикомъ, шаркнулся въ сторону и бросился бѣжать во всѣ лопатки. Пробѣжавъ порядочное разстояніе, медвѣдь остановился и сталъ чутко прислушиваться... Вой прекратился и вокругъ господствовала опять невозмутимая тишина... Хищникъ сталъ опять пробираться къ намѣченному жертвалу, добравшись до того мѣста, на которомъ только что спали бродяги, хищникъ обнюхалъ помятую траву и пошелъ дальше...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на опушку чащи и остановился... Зоркіе глаза его тотчасъ-же замѣтили на желтомъ приборѣнномъ пескѣ темный безформенный предметъ, слегка освѣщенный блѣдными лучами мѣсяца. Медвѣдь рѣшительно направился къ неподвижному предмету... Безшумно, мягко ступалъ онъ по сырому и ясу, все ближе и ближе подходилъ къ крѣпко спящимъ, нечуяющимъ близкой опасности, бродягамъ... Искрищіеся зловѣщимъ огнемъ глаза хищника упрямно были направлены на спящихъ бродягъ... Отъ осторожнаго шага перешелъ онъ въ нетерпѣливую рысь и быстро сталъ приближаться къ жертвамъ... Черезъ минуту, раздался въ ночномъ воздухѣ пронзительный, страдальческій крикъ и затѣмъ страшное хрипѣнье и урчанье... Хищникъ зарылъ свою тупую морду въ запылокъ Майданчика и съ жадностью пилъ горячую кровь... Митька проснулся отъ страдальческаго крика товарища и съ безумнымъ ужасомъ ударился бѣжать, и самъ не зная куда, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что случилось... Во время бѣгства онъ почувствовалъ, что по его груди течетъ что-то горячее... Безсознательно приложилъ онъ къ шей руку, взглянулъ на ладонь и обмеръ: при лунномъ свѣтѣ онъ ясно разсмотрѣлъ, что ладонь была вычачкана тѣмъ-то темнымъ, похожимъ на кровь... Въ первый моментъ Митькѣ показалось, что кровь течетъ изъ раны на груди, но, ощущавъ себя, убѣдился что невредимъ... Ясно, что онъ омоchenъ кровью товарища, понавагося въ зубы кроваваго хищника...

Только тутъ Митька вспомнилъ, что, когда онъ вскопчилъ отъ пронзительнаго, страдальческаго крика товарища, то паткнулся съ просоной на какое-то громадное, мохнатое чудовище, сложившееся надъ хрипѣвшимъ Майданчикомъ. При этомъ воспоминаніи кровь застыла въ жилахъ его, волосы зашевелились на

Разрушеніе геркулана и Помпеи. Съ картины Э. Боля, грав. Кезебергъ и Эргель.

головѣ.. Невыразимо жалко сдѣлалось ему товарища.. Онъ остановился и началъ прислушиваться.. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина: ни звука, ни крика, ни шороха.. Только волны шумѣли у прибора.. да въ груди Митьки глухо, сильно стучало сердце.. Напрасно всматривался Митька въ темную даль, напрасно силился уловить стонъ, хрипѣніе или крикъ.. Видно все уже совершилось, Майдашникъ покончилъ свои счеты съ здѣшнимъ міромъ и избавился отъ всѣхъ дальнѣйшихъ случайностей жизни..

Долго стоялъ Митька на одномъ мѣстѣ, словно тупо, упорно глядя въ одну точку мутными глазами, потерявшими, повидному, жизнь и огонь.. Его трясла лихорадка.. Онъ чувствовалъ, что къ его груди подступаетъ что-то давно пѣвѣемое.. Давно зачерствѣвшее сердце его словно размякло и сбросило съ себя толстую кору, выросшую за время каторги.. Изъ воспаленныхъ глазъ Митьки выкатилась, крупная слеза и затерлась въ окровавленной, изорванной одеждѣ.. Что-то давно невѣдомое подступало все выше и выше, къ горлу.. Въ глазахъ Митьки пошли красные круги, онъ зашатался и, какъ подкошенный, упалъ на песокъ..

Нѣсколько секундъ лежалъ онъ въ какомъ-то неизъяснимомъ, страшномъ оцѣнѣніи и.. вдругъ разразился неожиданными рыданіями.. Казалось, многими годами накопившееся горе, тоска набобѣвшего сердца изливались въ этихъ нечеловѣческихъ рыданіяхъ—такъ были они отчаянны и это были даже не рыданія, а какой-то дикій вопль..

— Эхъ, Марфуша, Марфуша!.. И чего ты и меня и себя загубила?!.. вдругъ застоналъ Митька, прижимая горячее лицо къ сырому песку.

Мрачныя воспоминанія охватили Митьку. Отчетливо, съ указующею ясностью представились ему мельчайшія подробности совершеннаго преступленія.. Вотъ онъ возвращается поздно вечеромъ изъ города домой, возвращается совершенно неожиданно, не въ указанное время.. Подъѣзжаетъ къ своей избѣ—темно.. Торопится онъ осторожно открыть ворота, распрячь коня и подбросить ему охапку недавно скошенной травы, торопится скорѣй къ Марфушѣ, порадовать ее, неожиданнымъ пріѣздомъ.. Осторожно идетъ въ избу.. Вотъ, думаетъ, обрадуется-то Марфуша: небось тосковала, да ждала!.. Неуспѣвъ онъ войти въ сѣни, какъ вдругъ услышалъ въ избѣ тревожный, незнакомый шепотъ: „Никакъ Дмитрій пріѣхалъ!“ „Ахъ, бѣда!.. Бѣда!“ застонала Марфуша, охваченная безумнымъ ужасомъ.. Потомъ было у Дмитрія въ глазахъ, зашатался онъ. Рука нагнула топориче. Сжалъ онъ топориче рукой, съ безумнымъ крикомъ бросился въ горницю.. Передъ нимъ стояла, оцѣнѣвъ отъ ужаса, Марфуша и паренъ изъ сосѣдней деревни.. Взмахнувъ Дмитрій тяжелымъ топоромъ и все кончено!.. Вбѣжали въ избу сосѣди.. Его схватили..

Страшно сдѣлалось Митькѣ отъ этихъ воспоминаній. Волосы встали на его головѣ, по всему тѣлу выступилъ холодный потъ.. Съ безумнымъ ужасомъ вскочилъ онъ на ноги и вперилъ воспаленный взоръ въ темную даль.. И кажется ему, что съ самаго края потемнѣвшаго моря несутся къ нему два странныхъ, окровавленныхъ призрака.. Несутся они съ демонскою быстротою.. Вотъ они ближе, ближе, яснѣе и яснѣе.. Вотъ они уже протягиваютъ къ Митькѣ свои изрубленные руки, словно хотѣтъ схватить. Дико вскрикнувъ Митька и въ безумномъ ужасѣ бросился бѣжать..

XII.

Конецъ.

Ясный, теплый день.. Въ воздухѣ невозмутимая тишина. Зеркальная поверхность моря словно замерла подъ ласкающими лучами блестящаго солнца.. Пользуясь тихой погодой, медленно пробирается вдоль берега на неуклюжей лодкѣ *) гиллякская семья, прискакивая на мѣсто для рыбной ловли. Перегруженная лодка, заваленная сложенной юртой, рыболовными снарядами и разнымъ домашнимъ хламомъ, едва ползетъ, несмотря на дружную греблю младшихъ членовъ гиллякской семьи. На четырехъ короткихъ, лопатообразныхъ веслахъ сидятъ двѣ дѣвочки, не старше двѣнадцати лѣтъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати и пожилая, некрасивая гиллячка, повидному мать семейства. На кормѣ сидитъ и правитъ весломъ бородачъ: гиллякъ, отецъ семейства, съ маленькими глазами, одѣтый въ оригинальный, узорчатый костюмъ, сшитый изъ искусно выдѣланной рыбьей кожи. Это прямая, доходящая ниже коленъ, рубаха съ широкими рукавами и узкіе панталоны, схваченные у лодыжекъ ремешками. На головѣ гилляка коническая, берестяная шляпа, съ различными узорами; ноги обуты въ чарки, сшитыя изъ лосниной кожи. Изъ подъ берестяной шляпы ползетъ по широкой синій гилляка толстая коса.

Одежда остальныхъ членовъ гиллякской семьи, безъ различія пола, состояла изъ тѣхъ-же неизмѣнныхъ рубахъ изъ рыбьей кожи и коническихъ берестяныхъ шляпъ.. Лица лѣтей можно было бы назвать симпатичными, если-бы не портили ихъ воспаленные глаза.. Вообще среди гилляковъ трудно встрѣтить

*) Гиллякская лодка сколочивается деревянными гвоздями изъ четырехъ широкихъ досокъ: двѣ образуютъ борта, и двѣ—плоское дно.

здоровые глаза. Въѣ почти инородцы страдаютъ главною болѣзнию, которая перѣдко усложняется. Катарральное воспаленіе глазъ обуславливается особенностями быта дикарей. Проводя все время или въ дышней, чадной юртѣ, или сидя на постоянно необъятныхъ, сибирскихъ пустыни, гилляки портятъ свое зрѣніе такъ сильно, что перѣдко воспаленіе дѣлается положительно неизлечимымъ..

Медленно ползетъ лодка вдоль берега, слегка возмущая чистую, зеркальную поверхность моря. Зорко смотритъ старый гиллякъ впередъ и старается высмотрѣть удобное мѣсто для рыбной ловли.. Вотъ онъ замѣтилъ хорошо знакомую, бухточку, прикрытую съ моря двумя далеко выдающимися, песчаными мысами. Лучше этой бухточки трудно найти, и гиллякъ, лов о пребывая весломъ, направилъ лодку прямо въ берегъ, къ знакомому, широко-вѣстому дубу, склонившемуся надъ неблизкимъ, быстрымъ ключемъ.. Дно лодки заскрипѣло по мягкому песку, и она остановилась, упершись тупымъ носомъ въ песчанное, ровное побережье.. Первыми выскочили на берегъ, все время дремавшія на носу лодки, двѣ мохнатыя, остромордыя собаки, съ торчащими, остроконечными ушами, и съ громкимъ лаемъ забѣгли по побережью, словно обрадовавшись, что наконецъ-то спустились ихъ на берегъ, на которомъ онѣ могутъ размять свои затекшія ноги..

Вслѣдъ за собаками выскочила гиллякская семья и, дружно ухватившись за борта лодки, втащила ее на берегъ.. Старикъ осмотрѣлся и выбралъ мѣсто подъ юрту, подъ тѣнью развѣвистаго дуба, вблизи ключа.. Черезъ нѣсколько минутъ подъ дубомъ уже стоялъ конусообразный остовъ юрты, изъ толъ ихъ, крѣпкихъ жердей. Въ то время, когда младшіе члены семьи клали снаряженіе остова, кромкой на кромку, большія пластыни, состоящія изъ сшитыхъ оленьими жидами кусковъ бересты, старикъ устраивалъ внутри юрты мѣста, *) для размѣщенія семьи, и очагъ, на которомъ и развелъ огонь, которому дикари оказываютъ большое уваженіе.

Гилляки говорятъ: „когда огонь на очагѣ хорошъ, гиллякъ живетъ хорошо, когда-же огонь малъ—гиллякъ хвораетъ и умираетъ.. Но ихъ понятію, огню очага должно оказывать уваженіе. Напримѣръ, отъ этого огня нельзя зажигать свѣчу; около него нельзя просушивать олучи; каждый, закуривъ трубку отъ очага, не имѣетъ права выходить съ нею изъ юрты, а долженъ выкурить ее у того-же очага, въ котомъ выбрасывается обыкновенно пепелъ..“

Гиллякская семья работала молча, сосредоточенно, не разваскался разговорами.. Работа подходила уже къ концу, какъ вдругъ раздался гдѣ-то вдали бѣшеный, неистовый лай собакъ..

— Шайтанъ ихъ съѣлъ! сердито проворчалъ старикъ. „Чего они разлаялись“!?

— Ты вѣдь знаешь, что наши собаки даромъ не лаютъ, замѣтила старуха. „Вѣрно звѣрь какой, либо чужой челоѣкъ“.. Дѣти присмирѣли и стали прислушиваться къ бѣшенному яростному лаю собакъ.

— Можетъ абай? **) тихо спросила одна изъ дѣвочекъ, съ любопытствомъ выглядывая изъ юрты.

— Абай дичь не ползетъ, резонно замѣтилъ мальчикъ.. „Это вѣрно на падалъ какую нибудь лаютъ!“

— Ты-бы посмотрѣлъ, рѣшился замѣтить жена мужу. Старикъ молча взялъ старое кремневое ружье и вышелъ изъ юрты.. Не успѣвъ онъ сдѣлать по направлению дая и сотню шаговъ, какъ увидѣлъ своихъ собакъ, бѣшено бросающихся на какой-то висѣщій на деревѣ, скорченный предметъ.. Старикъ подошелъ ближе и остановился въ нерѣшительности.. На суку громаднаго дуба висѣлъ на суконой тѣсѣ, странно худой музыкантъ, судя по остаткамъ одежды, бѣлый каторжникъ.. Суку погнулся подъ тяжестью трупа и, казалось, повѣшенный стоитъ на коленяхъ, крѣпко сжавъ у груди дохляка испалы руки.. Голова его какъ-то естественнo склонилась на грудь; полуоткрытые, тусклые глаза сморгѣли въ землю съ какимъ-то страшнымъ выраженіемъ..

Молча оглядѣвъ трупъ гиллякъ, словно прикидывая стоитъ-ли снимать съ него лодатину.. Повидному, осмотръ привелъ старика къ отрицательному заключенію, и онъ, отозвавъ бѣшено лающихъ собакъ, направился къ юртѣ..

— На кого лаiali? съ любопытствомъ спросила старуха мужа.

— Горбачъ тамъ.. на деревѣ—видно съ голодухи, хладнокровно проговорилъ гиллякъ, присаживаясь къ очагу и набивая табакомъ свою трубочку.

— Что-жъ лодатину-то?

— Не стоитъ! Только клоныя остались, отвѣтилъ гиллякъ. Скоро гиллякская семья усѣлась за свѣй незагнѣившій обѣдъ, забывъ о несчастномъ. И будетъ онъ висѣть до тѣхъ норъ, пока не расклюютъ его вороны, не растащутъ его лѣсные хищники..

*) Мѣста въ юртѣ устраиваются вокругъ очага, на разстояніи двухъ или трехъ футовъ отъ него. Онѣ выложены обыкновенно травой, перемѣшанною съ мелкими древесными вѣтками, и покрываются зѣфирными шкурами.

**) Абай—медвѣдь.

Съ Московскоѣ Всероссійскоѣ выставкѣ.

(Рис. на стр. 604, 605 и 617).

I.

Ураганъ 30 мая.

Утро этого дня было превосходное, но только черезчуръ уже жаркое, воздухъ удушливый и наполненный мельчайшею пылью, туманомъ, стоявшимъ неподвижно надъ обширною площадью Ходынского поля. Безчисленные флаги на павильонахъ и мачтахъ выставки висѣли неподвижно въ воздухѣ, дубинка изнемогала отъ жары и духоты, не спасаясь даже подъ сѣнью колоссальныхъ сооруженийъ центрального зданія. И вся эта тишина разрѣшилась почти мгновенно страшнымъ ураганомъ, надѣлавшимъ не мало кутерьмы на выставкѣ, не мало нагнавшимъ страху даже панки на толпы ся посѣтителей. Сопровождавшійся частыми оглушительными ударами грома и яркимъ блескомъ молній, а вслѣдъ за симъ ливнемъ какъ изъ ведра—ураганъ налетѣлъ такъ неожиданно, что многие не успѣли добѣжать даже до крытыхъ помѣщеній;—резонансъ громоваго удара и гула вѣтра подъ сводами выставки былъ оглушительнъ;—трескъ ломающихся флагштоковъ и дребезгъ выбитыхъ вѣтромъ стеколъ и цѣлыхъ оконныхъ рамъ такъ напугалъ посѣтителей, что многие предпочитали лучше мокнуть на дождь чѣмъ доврять себя этимъ легкимъ и хрупкимъ на видъ сооружениямъ. Надо было быть специалистомъ чтобы понять, насколько прочны эти, повидимому ажурныя сооружения, чудо и веркъ строительнаго искусства, способные выдержать напоръ какого угодно урагана болѣе чѣмъ многие петербургскіе каменные дома современной постройки; но вѣдъ этихъ специалистовъ немного и большинству дубинки пришлось именно теперь только убедиться въ прочности строеній, по волѣ судебъ испытаннымъ, въ лицѣ этого урагана, самую строгую экспертизу.

Болѣе всего пострадала вѣтряная мельница г. Давыдова изъ Коломны, тоже убедительно доказавшая, что вѣтеръ и вѣтряная мельница не всегда могутъ жить въ ладу другъ съ другомъ. Довольно остроумный механизмъ этой мельницы заключается именно въ томъ, что ея маховыя крылья съ помощію громаднаго руля, въ видѣ хвоста у птицы сами собою автоматически примѣняются къ вѣтру, мѣняя съ переменною вѣтра и свое относительное положеніе. Мегалитическія шестерни, расположенныя на самомъ верху у точки вращенія крыльевъ передають это вращеніе внизъ самому молодому механизму, остается только подсыпать зерна и выгребать готовую муку. Вѣтряный видъ этой мельницы лепо показанъ на ланемъ рисункѣ... Но только вотъ бѣда, что ураганъ разрушилъ всѣ надежды экспонента, обломалъ крылья у его мельницы, испортилъ всю верхнюю часть механизма и теперь эта оригинальная мельница, такъ гордо возвышавшаяся надъ всѣмъ лѣвымъ угломъ выставки, представляетъ только очень живописную руину. Убытокъ насчитываемый экспонентомъ простирается до пяти тысячъ рублей, но надо ожидать, что благородная энергія г. Давыдова одолѣетъ первую неприятность и его приспособленіе всетаки выйдетъ съ побѣдою и славою хотя-бы къ концу выставки.

Громадные куски падающихъ съ громадною высоты крыльевъ, далеко отнесенные вѣтромъ, надѣлали не мало бѣдъ и между прочимъ, переломилъ, какъ говорятъ, плечо одному изъ инженеро-г-ну В—у.

II.

Горная и соляная промышленность.

Русскіе металлы, особенно русское желѣзо, это неисчерпаемое богатство нашихъ горъ, давно уже заслужили себѣ первенство своими чудными качествами; по выдѣлка этого матеріала долго еще оставляла желать лучшаго и значительно уступала выдѣлкѣ англійскаго и шведскаго желѣза, такъ что много и много дѣлъ существовало въ высшей степени ненормальное и невыгодное для насъ положеніе, въ которомъ наше же родное превосходное желѣзо, въ грубомъ видѣ, шло по дешевымъ цѣнамъ на иностранныя заводы и возвращалось къ намъ обратно уже дорогимъ и снабженнымъ англійскими и другими клеями. Убыточность такого хозяйства трудно опредѣлить даже—такъ она громадна; она выражается даже не въ миллионныхъ а въ миллиардныхъ цифрахъ. Но за послѣднее двадцатилѣтіе картина нашей горнозаводской промышленности быстро мѣняется. Россія тогда приступила къ постройкѣ своей колоссальной сѣти желѣзныхъ дорогъ, англійская компанія обязана была обратиться къ своимъ заводамъ и открывъ громадный спросъ, усиливъ этимъ производительность, подвинула впередъ и технику производства. Благодѣтельные результаты такого оборота дѣлъ не замедлили обнаружиться въ самомъ блестящемъ, превозмездшемъ всѣмъ ожиданіямъ видѣ. Русскіе рельсы, русское листовое и штучное желѣзо скоро не только стало вараивъ съ иностраннымъ, но даже значительно перещеголяло это иностранное и быстро вытѣснило его съ своихъ рынковъ. Выдѣланное русское желѣзо перешло предѣлы своего отечества, оно появилось на всѣхъ заграничныхъ выставкахъ стараго и новаго свѣта, оно заслужило тамъ пальму первенства, оно потребовалось тамъ уже не какъ сырой грубый матеріалъ, какъ прежде, а

уже обработаннымъ, выкованнымъ, получившимъ даже свое мѣсто и назначеніе, готовымъ предметомъ желѣзно-строительнаго дѣла.

Четвертый отдѣлъ—это отдѣлъ по истинѣ грандіознѣйшій и интереснѣйшій отдѣлъ всей выставки. Здѣсь собраны миллионы пудовъ чуднаго желѣза, во всѣхъ его видахъ и формахъ, здѣсь собрались главнѣйшія фирмы нашего горно-заводскаго дѣла и не пожалѣли своихъ трудовъ и матеріальныхъ затратъ чтобы, блеснуть другъ передъ другомъ, блеснуть на славу, сообна, богатствомъ и могучею ширью этого суроваго, титаническаго дѣла.

Витрина П. А. Губонина, этого, когда-то скромнаго мужичка-рабочаго, землекопа на нашихъ первыхъ рельсовыхъ путяхъ, теперь извѣстнаго дѣятеля на томъ же желѣзнодорожномъ поприщѣ, отличается отъ прочихъ своимъ оригинальнымъ видомъ. Она расположена въ углѣ и состоитъ изъ колоссальной мачты, поднимающейся до самаго свода павильона и укрѣпленной на возвышенной платформѣ, задранированной краснымъ сукномъ. Всѣ части этой мачты: флагштокъ съ флагомъ, стѣнги, сама мачта—ванты и реи, все это различныя образцы полосоваго, штучнаго, рельсоваго и прочаго желѣза, образцы проволочныхъ канатовъ; у подножья мачты расположены столы, установленныя образцами плитнаго желѣза, желѣзныхъ издѣлій мелкихъ, образцы рудъ въ ихъ первоначальныхъ и послѣдовательныхъ формахъ, наконецъ образцы угольныхъ издѣлій и пр.; входъ на платформу стережется двумя медвѣдами, стоящими на заднихъ лапахъ и сдѣланными съ замѣчательною точностью изъ однихъ иглолокъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ, предназначенныхъ для шитья батиста, до самыхъ крупныхъ обойныхъ.—каждая иглолка представляетъ собою щетинку звѣря и ихъ искусный подборъ даетъ полную иллюзію взерошенной шкурѣ разсерженнаго козлапаго мишки, ласково, впрочемъ, поглядывающаго на вѣчно смѣнные группы публики, толпящейся у этихъ курьезныхъ диковицъ. Въ этой витринѣ выставлена еще масса предметовъ, производствъ Истинскаго и Колинскаго заводо-въ П. Губонина въ Рязанской губерніи.

III.

Культура табака.

Культура табака давно уже заняла виднѣйшее мѣсто въ промышленной жизни всего южнаго края Россіи. Количество земли подъ плантаціями этого растенія, число рудъ, занятыхъ его обработкою, наконецъ число фабрикъ, изготовляющихъ уже готовые папирасы, растетъ не по днямъ, а по часамъ, обрачивается вокругъ себя десятки и сотни миллионныя рублей, даетъ дѣло, а съ дѣломъ и хлѣбъ миллионамъ работниковъ. Качества южно-русскихъ табаковъ, этихъ акклиматизированныхъ потомковъ Турціи и Ливана, Македоніи и Оссаліи—ни чуть не уступаютъ качествомъ своимъ прародителей и давно уже завоевали себѣ обширнѣйшіе рынки сбыта и внутри Россіи и вѣдъ, такъ какъ вывозъ табака въ лѣтахъ за границу съ каждымъ годомъ все усиливается и усиливается. Какъ на разительнѣйшій примѣръ прогресса нашего табаководія нельзя не указать на фирму М. Асмолова и Коми, которая въ какія нибудь 20 лѣтъ начавшая свои операціи всего съ суммы 3,000 р., быстро поднялась до много-миллионнаго предіріятія. Интересныя цифры, показывающія наглядно ростъ этой превосходной фирмы за послѣднія десять лѣтъ: въ 1873 году фабрика взяла бандеролей на 294,817 руб., а въ 1881 уже на сумму 800,021 рубль. Принимая въ расчетъ, что табачныхъ фабрикъ очень много, что между ними встрѣчаются такія популярныя фирмы какъ Бостанжоло, Богданова, Петрова, Лаферма и пр. и что общія доходность государства съ налога на табакъ простирается до 10 миллионныя, мы видимъ, что одна только фирма М. Асмолова и Коми, составляетъ цѣлую десятую часть всего дохода, занимая, значить, собою десятую часть всего табачнаго производства. Вотъ почему мы и остановили вниманіе именно на этой почтенной фирмѣ, какъ на главнѣйшей выразительницѣ всего табачнаго дѣла въ Россіи.

Своимъ успѣхомъ и ростомъ фирма, конечно прежде всего обязана личности В. И. Асмолова, сдѣланнаго твердо и упорно стоять на главнѣйшемъ основаніи успѣха всякаго дѣла: на добросовѣстности и честномъ отношеніи къ труду какъ къ своему личному такъ и тѣхъ другихъ, тѣхъ скромныхъ рабочихъ, связавшихъ свой трудъ въ одно цѣло подъ управленіемъ опытной руки своего патрона. Глава и основатель фирмы В. И. Асмоловъ скончался немного недождавшись двадцатилѣтія своего дѣла и пріемникъ его, родной его братъ, съ прежнимъ компаніонимъ и товарищемъ по фирмѣ г-мъ Шуминовымъ, энергично принявшись за оставленное имъ дѣло, конечно не поведутъ его къ упадку, а напротивъ, что уже и опредѣлилось совершенно ясно, увеличатъ еще болѣе сферу дѣйствій своей фирмы, сохраняя тотъ вполне заслуженный почетъ и вліяніе, которое имѣетъ фирма на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи.

Красивая и въ высшей степени оригинальная витрина этой фирмы на выставкѣ, изображенная на нашемъ рисункѣ, оста-

навливаются на себя внимание всех посетителей выставки, резко выделяясь в пестрых группах остальных витрин этого отдела. Витрина изображает собою грациозный арабский киоск, весь украшенный золотом и цветною орнаментацией. По углам карнизами стоят недурно сделанные фигуры турок и

горцев с табачными гирляндами в руках. Вечером, когда косые лучи заходящего солнца прямо бьют на эту витрину, она положительно кажется чѣм-то фантастическим, переносящим зрителя в страну далекого востока, в страну неги и кеифа, в чаду ароматных облаков кальянного дыма.

Разрушение Геркулана и Помпеи.

(Рис. на стр. 612 и 613).

Прошло почти две тысячи лет со времени разрушения в 79 г. по Р. X. от страшного землетрясения, двух глупых городов Кампаньи, Геркулана и Помпеи, но до сих пор нельзя без содрогания читать подробности этого ужасного, неслыхательного, безрассудного события. Недаром поэты, романисты и художники не раз избирали этот высоко драматический сюжет для своих произведений; кому неизвестен в литературе знаменитый роман Бульвера, а в живописи знаменитая картина нашего соотечественника, гениального К. Брюллова, имѣющая сюжетом разрушение Помпеи. Брюллов изобразил на громадном полотне общую, поразительную картину гибели несчастного города; его широкая, плодотворная фантазия вообще не любила узких рамок, тѣмъ болѣе что богатый сюжет давал достаточный простор яркой, роскошной кисти. Помѣщаемое нами произведение другого художника — Леру, изображающее сцену из разрушения Геркулана, довольно скромно по избранной темѣ: здѣсь представленъ лишь одинъ эпизодъ, но эпизодъ въ высшей степени трогательный и драматический, содержание котораго прекрасно передаетъ слѣдующій талантливый рассказъ Теодора Симонса, известнаго знатока и изслѣдователя античнаго быта.

„Быль полдень и божественное солнце высоко мчало свою огненную колесницу, бросая горячіе лучи на раскаленные луга счастливой Кампаньи. Геркуланъ, любимый городъ Афродиты, блисталъ въ морѣ свѣта, былъ полонъ радости и покоя и жители его такъ были безпечны, такъ увѣрены въ безконечности своего счастья, какъ будто на высокомъ Олимпѣ остались лишь одни свѣтлые, благосклонные боги и некому было отворить двери злему, безпощадному року. Богатый красотами природы и какъ бы неимѣющий въ этомъ соперника, лежалъ городъ у ногъ Везувія, роскошный и гордый, не предчувствуя близости страшной, безпощадной судьбы. Правда, что въ послѣдніе мѣсяцы и Геркуланъ и сосѣдніе съ нимъ города много разъ ощущали подъ собою тяжелые удары въ подземной кузницѣ Вулкана, но вѣтранные жители надѣлялись на защиту Афродиты и думали что она достаточно обезпечиваетъ ихъ отъ всѣхъ ударовъ гнѣвнаго бога, — и такъ попрежнему одинъ день смѣнялся другимъ, такимъ же веселымъ и обаятельнымъ, какъ и минувшій. Даже и тогда геркуланцы не предчувствовали для себя ничего дурнаго, когда его источники начали давать воду смѣшанную съ сѣрой и копотью, когда рыбы окопывали въ прудахъ, а съ неба падали мертвые птицы. Куры отказывались отъ пищи, голуби забивались въ недоступныя убожища, собаки страшно выли и всюду можно было замѣтить признаки страха необычайные.

„До сих поръ Везувій производилъ лишь глухой, kloкочущій шумъ въ своей внутренней лабораторіи и подобно жертвенному алтарю посылалъ къ небу лишь небольшіе клубы дыма, которые ни мало не беспокоили жителей Кампаньи. Даже утро рокового дня яснилось во всей красотѣ юга и даже сами Авгуръ при помощи всей своей высокой науки не могли предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ ничего необыкновеннаго.

„Но вотъ раздался страшный ударъ, дошедшій до жителей какъ бы изъ глубочайшихъ нѣдръ подземнаго пространства; пошатнулись городскія стѣны, башни и портики — потомъ все опять попрежнему затихло. Что это такое? спрашивали другъ друга жители, содрогаясь отъ ужаса. Всѣ устремились на улицы; всѣ заволновались, когда при второмъ ударѣ земля заколебалась подъ ногами; широко распахнулись всѣ ворота и двери и покачнулись даже толстыя стѣны. Но вотъ рухнули внизъ на мостовую кровли и крыши; уже на улицахъ попадались раненные и убитые, и къ храмамъ спѣшили и старые и малые, чтобы мольбою умиловить разгнѣванныхъ боговъ. Все сильнѣе и сильнѣе становились подземные удары и колебанія почвы, все болѣе и болѣе волновалось население и каждый чувствовалъ близость идущей на встрѣчу, но еще неизвѣстной опасности.

„Съ каждой минутой положеніе дѣлалось все болѣе ужаснымъ и наконецъ достигло своей крайней степени, когда солнце скрылось какъ бы облекшись чернымъ покрываломъ. Всѣ въ ужасѣ обратили свои взоры къверху: Везувій горитъ! разомъ раздался страшный крикъ изъ тысячи усть. „Гора пылаетъ! изъ ея груди сочатся огненные потоки!“

„И едва раздался этотъ крикъ, повесѣлся повсюду страшнымъ эхомъ, какъ началось самое безпорядочное, самое отчаянное бѣгство. Человѣческихъ голосовъ не было слышно, они заглушались ужаснымъ шумомъ, шипѣніемъ и грохотомъ, исходившимъ изъ вновь образовавшихся кратера Везувія, а небо то и дѣло освѣщалось яркими молніями, прорѣзывавшими воздухъ. Но вотъ скаты горы покрылись какъ бы сотнями раскаленныхъ очаговъ и изъ cadaго изъ нихъ вытекалъ потокъ лавы. Всѣ эти потоки, поглощая все на своемъ пути, медленно

направились къ злосчастному городу. Сѣрные пары и душливые газы поднимались отъ нихъ и заражали воздухъ; лава змѣйками разливалась по покатостямъ горы и спускалась въ равнину безжалостно обхватывая городъ своими огненными кольцами, отрѣзывая у несчастныхъ жителей единственный выходъ, единственный путь къ спасенію. Теперь только всякій столкнулся лицомъ къ лицу со смертью и всѣ поняли наконецъ всю важность постигнутого ихъ бѣдствія; стремлясь всѣ бросились бѣжать — и мужчины, и женщины и дѣти и даже домашнія животныя, чтобы спастись отъ преслѣдовавшаго ихъ огненного потока, который разливался все шире и шире, уже захватывалъ собою и улицы и площади.

Крики, стоны и мольбы, какихъ міръ еще ни разу не слышалъ, неслись къ небесамъ изъ пожираемаго огнемъ города, а между тѣмъ разрушеніе все продолжалось и не было границъ для расходившихся стихій, какъ казалось готовыхъ поглотить собою всю вселенную. Амфитеатръ на южной сторонѣ города походилъ уже на громадное, дымящееся огненное озеро и по его ступенямъ отчаянно карабкались люди и животныя, чтобы на его вершинѣ спастись отъ всепожирающаго огня. Но этихъ несчастныхъ грозило поглотить еще другое прожорливое чудовище — все растущая и идущая все впередъ лава. Вотъ уже

Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Высокопреосвященный Манар'.

† 10 июня 1882 г. Съ фотогр. грав. Б. Пуць.

трескаются мраморныя плиты, раскалываются колонны, разрушаются своды и фундаменты, стѣны распадаются, давъ трещины, дѣлныя обширныя зданія исчезаютъ въ раскаленной пучинѣ и все ихъ убранство исчезаетъ тамъ, какъ расплавляются мелкіе куски руды въ глиняномъ тиглѣ.

„Стая птицъ“, скрывавшіяся до того времени на вершинахъ горъ и въ лѣсахъ, поспѣшно теперь слетали въ долину и порхали между стадами овецъ и быковъ, которые въ смертельномъ страхѣ неслись сломя голову къ вѣрной гибели. Но вотъ на востокѣ заблесталъ рядъ яркихъ факеловъ; то вспыхнули склады масла и хлѣбные магазины, на западѣ же циркъ и театр; ярко горятъ дворцы и хижины, храмъ и торжнице; расхвядившіяся стихіи, такъ сказать, взаимно уничтожаютъ другъ друга; и нѣтъ болѣе сомнѣнія: пришелъ послѣдній часъ для Геркулана. Безсильными кажутся боги высокаго Олимпа, а мѣсто ихъ заняли фурии подземнаго міра.

„На колѣняхъ, склонивъ головы молятся юныя жрицы храма Изиды, находящагося на самомъ концѣ города, и котораго лѣвая часть примыкаетъ къ садамъ и террасамъ Серапеума; дѣвы при видѣ страшнаго зрѣлища слезно взываютъ къ милосердію боговъ главная жрица Истацидея въ гнѣсти разорвала свои одежды и обнимая ноги богини, кладетъ на ея алтарь, какъ умиловительную жертву свои длинныя роскошныя волосы. Напрасно! Подземный ударъ, похожій на раскаты грома, уже предвѣщаетъ близость землетрясенія.

„Удары слѣдуютъ одинъ за другимъ и каждый изъ нихъ разшатываетъ стройныя колонны святилища; мраморное изображеніе богини колеблется и стремглавъ падаетъ со своего пьедестала. Вотъ разрушается и мѣдная кровля преддверія и медленно падаетъ на землю; въ то же время стѣны трескаются и съ крикомъ ужаса убѣгаютъ дѣвы изъ своего священнаго убѣжища.

„Въ страхѣ и поспѣшности, онѣ захватываютъ съ собою, что понало, изъ священной утвари и почти насильно увлекая за собой свою начальницу, все еще лежавшую передъ алтаремъ, торопятся выдти изъ храма, который грозитъ похоронить ихъ подъ своими развалинами.

„Онѣ поднялись на террасу маленькаго холма, руководимыя лишь свѣтомъ горящаго Везувія; свою главную жрицу онѣ больше тащили нежели вели за собою а дойдя до вершины положили ее, полумертвую, на грудь камней. Идти далѣе онѣ были не въ состояніи: онѣ дрожали всемъ тѣломъ.

„Ужасно было зрѣлище, которое предстало теперь передъ ихъ взорами. Счастливая Кампанья, столь обильная всѣми дарами природы, казалась теперь имъ однимъ сплошнымъ, и мрачнымъ моремъ, надъ поверхностью котораго носились густыя, черныя облака дыма.

„Надъ Помпей, со сѣдой ея съ правой стороны, висѣли тѣмныя тучи, изъ которыхъ сыпался на городъ безконечный дождь пепла. Стабля же, лежащая по другую сторону, была, казалось, поглощена краснымъ потокомъ лавы. Самый же Геркуланъ, этотъ столь еще недавно богатый и цвѣтущій городъ знатныхъ римлянъ, походилъ на мрачный адъ, въ которомъ струились опасныя потоки лавы и на островахъ

котораго уцѣлѣвшія группы зданій казались какими то привидѣніями.

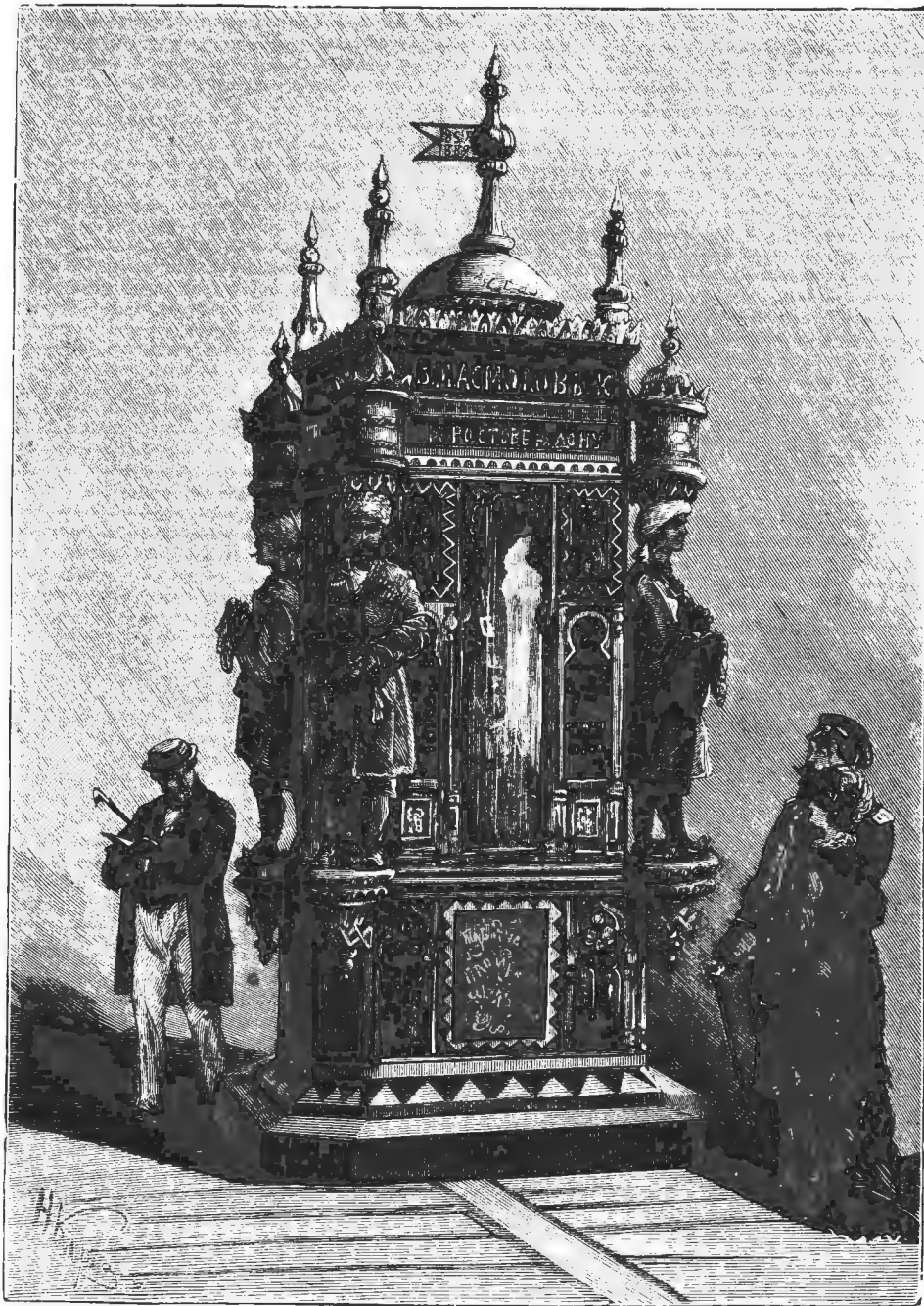
„Терраса Серапеума, на которой пріютились бѣдныя женщины, явилось среди этой внящей, огненной пучины какимъ-то спасительнымъ утесомъ среди бушующаго моря. Удушливый дымъ застилалъ все окрестности, еще недавно столь очаровательныя и казалось занималъ собою весь видимый горизонтъ.

„Но и сюда болѣе и болѣе приближалась злая судьба разрушенія. Никакого выхода, никакого убѣжища не оставалось для несчастныхъ жрицъ, почти обезумѣвшихъ отъ горя и ужаса; все тягостнѣе и невыносимѣе становился жаръ; дымъ уже захватывалъ дыханіе. Только иногда стремительный вихрь несущійся отъ близкаго моря, освѣжалъ нѣсколько раскаленный воздухъ и разгонялъ густыя облака удушливаго дыма.

„Силы Истацидеи истощились прежде всѣхъ. Еще послѣдній, грустный взглядъ бросила умирающая туда, на могилу любимаго города, на тѣ мѣста, гдѣ еще за нѣсколько часовъ гордо возвышался храмъ Изиды; но вотъ легкій вздохъ вылетѣлъ изъ ея трупещей груди и мертвою опустила съ

главную жрица на руки своей рыдающей прислужницы. За ея послѣднимъ дыханіемъ послѣдовалъ страшный ударъ, который казалось, поколебалъ землю въ самомъ ея основаніи и холмъ началъ колебаться.

„Широко разверзлись скалы—раздавшійся крикъ ужаса пронесся въ воздухъ—послѣдній крикъ, который былъ слышенъ въ этомъ невыразимомъ стихійномъ хаосѣ; терраса Серапеума исчезла въ зияющей, огненной безднѣ, увлекая за собою послѣднія человѣческія существа, нережившія всѣ ужасы этого роковаго дня смерти и разрушенія...“

Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ-кіоскъ Асмолова и №. (Табачная фабрика). Ориг. рисун. нашего спеціальн. корреспондента Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Передъ моднымъ магазиномъ.

(Рис. на стр. 609).

При первомъ взглядѣ на прекрасную картинку Урлауба видно, по удивленному и почти испуганному выраженію лицъ двухъ бабъ, что это бабы пѣзжія изъ глуши и въ первый разъ идущія по улицѣ столицы. Петербургскую, потерявшую въ столицѣ въ кухаркахъ, бабу не удивишь модными нарядами, она ихъ видѣла не мало, знаетъ даже всѣ ихъ названія, хотя конечно сильно ихъ перевираетъ.

— Ой, мать моя, какъ же это онѣ на себя надѣвають. Вѣдь поди сожмешь экое платье такъ—смерть! Господи ты Боже мой, чего только, подумаешь, барыни не носятъ, говоритъ она, разсматривая въ ярко освѣщенномъ онѣ моднаго магазина всѣ эти хитрыя современные подобранныя юбки, кружева, шляпки съ широчайшими полями, манто и т. и.

Картины Урлауба, художника отличающагося очень симпатичнымъ, разнообразнымъ талантомъ, на выставкахъ всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе своимъ осмысленнымъ и изящнымъ исполненіемъ.

Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

(Портр. на стр. 616).

10 іюня, въ 12¹/₂ часовъ ночи скончался высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій.

Покойному было еще только 65 лѣтъ, но слабый, болѣзненный съ дѣтства, утомлявшій себя непомѣрными трудами, онъ уже давно ввухалъ описаніе за свое здоровье. Высокій постъ митрополита онъ занималъ всего около трехъ лѣтъ, съ 8 апрѣля 1879 года.

Высокопреосвященный Макарій, въ міру Михаилъ, былъ сынъ бѣднаго священника Петра Булгакова, изъ села Суркова, Новооскольскаго уѣзда Курской губерніи, и дѣтство маленькаго Михаила было исполнено всяческихъ лишеній, особенно когда послѣ смерти отца онъ остался съ семьей на пенсію 12 руб. въ годъ. Отданный въ школу, сначала, болѣзненный ребенокъ учился плохо, но потомъ его способности развились, и перейдя въ курскую семинарію, онъ вскорѣ попалъ въ число лучшихъ учениковъ, снискавъ расположеніе не только ректора, но и архіепископа, бравшаго его къ себѣ на лѣто. Окончивъ въ 1837 году курсъ со званіемъ студента, онъ перешелъ въ Кіевскую академію. Здѣсь, на 25 году жизни, онъ рѣшился постричься въ мо-

нашество, и на другой же день по окончаніи курса, 29 іюня 1841 года, былъ посвященъ. Къ началу лекцій—въ августъ того же года,—онъ уже занялъ кафедру русской церковной и гражданской исторіи, а въ 1842 году былъ переведенъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ и занялъ должность инспектора. Быстро пройдя степени магистра и ординарнаго профессора, къ 1844 году онъ уже былъ цензоромъ церковныхъ книгъ и архимандритомъ.

Съ 1846 года начинается выходить его *Исторія Русской церкви*, доставившая ему громкую извѣстность въ ученномъ мірѣ, идущая въ параллель съ трудомъ покойнаго Соловьева—*Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Трудъ этотъ составлялъ величайшую заслугу пр. Макарія, и занималъ его всю жизнь. Последний XI-й томъ вышелъ не задолго до смерти, но сочиненіе осталось далеко не оконченнымъ. Занимаясь *Исторіей*, онъ въ то же время выпустилъ въ свѣтъ пятитомное „Догматическое богословіе“, удостоенное демидовскою преміей,—затѣмъ имъ была написана *Исторія русскаго раскола и Руководство къ изученію православнаго богословія*. Избранный за свои труды почетнымъ членомъ московскаго и харьковскаго университетовъ, получивши степень доктора исторіи, онъ съ 1855 года состоялъ академикомъ императорской академіи наукъ, и предѣлательствовалъ въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ. Назначенный харьковскимъ архіепископомъ, онъ пожертвовалъ капиталъ въ 120 тысячъ, на учрежденіе премии за лучшее богословское и свѣтское сочиненіе—такъ что послѣ его смерти проценты капитала передавались попеременно,—то Св. Синоду, то академіи наукъ. Учреждая множество другихъ стипендій, помогая бѣднѣйшимъ студентамъ, всюду покровительствуя наукамъ,—онъ снискалъ любовь всѣхъ окружающихъ, и несомнѣнно смерть его—огромная утрата. Въ немъ мы лишились прекраснаго пастыря церкви, ученаго, —и наконецъ человѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова. Смерть его послѣдовала отъ удара. О послѣднихъ часахъ его московскія газеты разсказываютъ такъ: „въ 12¹/₂ часовъ дня съ высокопреосвященнымъ, во время пріема ваины, сдѣлался ударъ. Его немедленно вынули изъ воды, и приглашенный докторъ принялъ мѣры къ приведенію его въ чувство. Окружающіе его до того потерялись, что не знали, что дѣлать, и если бы къ тому времени не былъ у него въ пріемной адъютантъ генералъ-губернатора А. Н. Вишневскій, то была бы упущена, вѣроятно, своевременная подача первой помощи.“

Мы повторяемъ портретъ пресвященнаго, помѣщенный нами въ 1879 году, въ виду того, что за послѣдніе три года у насъ прибавилось много тысячъ новыхъ подписчиковъ.

Фернандо и Инеса.

(Изъ Ириарта).

Съ кошельгъ Фернандо рѣдко,
Были звонкіе піастры,
Но взгляните на Фернандо —
Что за гордая осанка!
Черный плащъ мѣстами прорванъ,
Шляпа выцвѣла отъ солнца,
Но за то и плащъ и шляпу
Такъ какъ онъ никто не носитъ.
Да, теперь онъ не бѣднѣ,
Грандовъ города Мадрита:
Двадцать лѣтъ ему, онъ любитъ
Первой, чистою любовью.
Донъ Фернандо не видали
Въ полумракѣ узкихъ улицъ
Ни со шляпой обнаженной,
Ни съ пѣвучею гитарой:
Но никто во всемъ Мадритѣ,
Разъ увидѣвъ донъ Фернандо,
Не сказалъ бы, что боится
Обнажить свою онъ шляпу.
Много взоровъ мимолетныхъ
На него тайкомъ кидали
Изъ подъ вышитыхъ мантилій
Темноокія сеноры,
И подъ сводами собора,
Отъ молитвенника часто
Отрывались къ Фернандо
Ихъ задумчивыя очи.
Но Фернандо ихъ не видѣлъ,
Видѣлъ онъ одну Мадонну,
Чей прекрасный, чистый образъ
Возносился надъ толпою.
Подъ торжественные звуки
Величаваго органа
Чей то образъ пронеслся
Передъ нимъ, какъ сновидѣнье.
Да, теперь онъ не бѣднѣ,
Онъ богаче знатныхъ грандовъ,—

Разъ считаемъ мы за счастье
Полюбить и быть любимымъ.
Онъ нашелъ свою мадонну,
Божество, передъ которымъ
Вся любовь—одна молитва.
Съ той минуты, какъ онъ поднялъ
Черный вѣеръ, на которомъ
Прочиталъ: „Инеса Гамбра“,
Начались его тревоги;
Съ той минуты, какъ глазами
Чаще сталъ онъ съ ней встрѣчаться
И угадывать ихъ тайны—
Начались его восторги.
Да, теперь онъ ихъ богаче
Грандовъ города Мадрита—
Двадцать лѣтъ ему; онъ любитъ
Первой, чистою любовью;
Сердце проситъ первыхъ пѣсенъ,
И любви и счастья просить,
А рука беретъ гитару
И настраиваетъ струны.
Ночь подъ каменнымъ балкономъ,
Гдѣ мелькаетъ она, какъ призракъ...
Душный свѣтъ, ночныя тѣни
И ночная серенада...

* * *

„Пала ночи ароматной
„Серебристая завѣса,
„Покажись, мой ангелъ чистый,
„Покажись, моя Инеса!
„Посребренная луною,
„Спать волна Мансанареса.
„Снишь ли ты, мой свѣтлый ангель,
„Снишь ли ты, моя Инеса.
„Пѣснь моя летитъ какъ свѣжія
„Вдохъ каштановаго лѣса—
„Я люблю тебя, мой ангель,
„Я люблю тебя, Инеса!“

День проходит въ ожиданьи,
 Ночь въ молитвенномъ восторгѣ
 И конца не видно счастью
 Молодаго донъ Фернандо.
 Завтра тоже сповидѣвье,
 Также свѣтлая Инеса,
 Та Инеса, у которой
 Солнце руки не цѣлуешь.
 И Фернандо страстно хочеть
 Чтобы все слился ночи
 Въ ночь одну, съ луной на небѣ
 И съ Инесой на балконахъ!
 Но недолго счастье длится
 И близка его развязка:
 За Инесой смерть приходитъ...
 И Фернандо ищетъ смерти.
 Съ той минуты какъ узналъ онъ,
 Что Инеса нѣтъ на свѣтѣ,—
 Съ той минуты не видали
 Молодаго донъ Фернандо.
 Только ночью мѣсяцъ видѣлъ
 Ликъ его печальный, томный
 У подножя Мадонны,
 Слышала мѣсяцъ какъ молитвы

Съ блѣдныхъ устъ его лился.
 „Ни одной во всемъ Мадридѣ
 Пѣсни впредь не повторю я;
 Потому что нѣтъ въ Мадридѣ
 Ни одной, любви достойной!
 Красотѣ земной не надо
 Этихъ пѣсень вдохновенныхъ:
 Ей довольно поцѣлуевъ,
 Жаркихъ ласкъ съ нея довольно.
 Лишь тебѣ молось, Мадонна,
 Разставаясь съ этой жизнью,
 И молю успокоенья,
 Милосердыя и прощенья!“
 И на утро по Мадриду
 Вѣсть печальная носилась:
 Въ ночь глухую донъ Фернандо
 Смерть нашелъ въ Мансанарестъ...
 И для памяти потомковъ
 Лишь преданье сохранилось...
 Ихъ любовь и горе—слава
 Береговъ Мансанареса
 И лежать въ одной могилѣ
 Донъ Фернандо и Инеса...

Д. Садовниковъ.

Дикари и ихъ поговорки.

Очеркъ.

Въ прежнее время особенно было распространено мнѣнiе, что дикари вообще выродившiяся одичавшiя племена, остатки отличавшiяся высокимъ уровнемъ культуры древнихъ народовъ. Однако, такой взглядъ можно считать окончательно опровергнутымъ. Исслѣдователями первобытнаго состоянiя народовъ дознано теперь, что дикари стоятъ на такой ступени развитiя, на какой находились въ доисторическое время народы настоящей степени развитiя. Доказательствомъ этого служатъ множество чертъ, болѣе или менѣе ясныхъ, замѣчаемыхъ въ жизни намъ современной и присущихъ дикимъ народамъ. Черты эти носятъ и названiе „преемственныхъ“.

Съ другой стороны, новѣйшими исслѣдованiями опровергнуто многое, что приписывалось дикарямъ, болѣе досужей фантазiей путешественниковъ, чѣмъ дѣйствительными, точными и безпристрастными наблюденiями. Дикiе народы вовсе не стоятъ на такомъ низкомъ уровнѣ развитiя, какъ думали обыкновенно до недавняго времени. Было, наприм., убѣжденiе, что среди дикарей убiйство и нѣкоторыя другiя явно преступныя дѣланiя счтаются не преступленiями, а какъ бы доблестью, не наказуемой, а восхваляемой и поощряемой. Нужно ли говорить, что это—нелѣпная клевета. много разъ опровергнутая потомъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что со стороны многихъ благородныхъ и доблестныхъ качествъ дикари стоятъ гораздо выше своихъ извѣстныхъ и испорченныхъ утонченностями и привитыми потребностями „цивилизованныхъ“ сосѣдей.

Дикарямъ свойственны высокiя понятiя о божествѣ, отвергаемыя иными кичащимися своимъ развитiемъ людьми современной цивилизации. Имъ неужды точно также понятiя о сотворенiи мiра, сотворенiи людей, виновникомъ котораго является у нихъ Великiй Духъ, Божество. „Первоначально—говоритъ одно преданiе—мiръ представлялъ собою огромное, широкое море безъ всякаго живаго существа на немъ, кромѣ гигантскаго Духа, блескъ глазъ котораго производилъ молнiю, а удары крылiй—громъ“. Погружался въ море, Духъ этотъ выдвинулъ изъ него землю, а поверхность ея населилъ животными. Нѣкоторыя дикiя племена принимаютъ различныхъ Создателей мiра, мужчинъ и женщинъ, причемъ Творецъ первыхъ считается высшимъ существомъ, нежели виновникъ появленiя женщинъ. Вѣрованiе въ загробную жизнь до такой степени распространено между дикарями, что, по словамъ г. Фаррера, „гораздо труднѣе найти примѣры, гдѣ бы его не существовало“, нежели обратные примѣры. Любопытно то, что въ загробную жизнь дикари переносятъ и все земныя различiя, такъ что въ рай, напримѣръ, король остается королемъ, свободный человекъ—свободнымъ, рабъ—рабомъ, богатый—богатымъ и такъ далѣе. Что касается до равенства, которое нѣкогда соединяли въ понятiемъ о такъ называемомъ „естественномъ состоянiи“, въ которомъ находятся дикари, то, въ дѣйствительности, его тамъ не существуетъ вовсе. Различiе въ силѣ физической и въ нравственныхъ качествахъ всегда обуславливало собою различiе по общественному положенiю. Такимъ образомъ, въ первобытномъ состоянiи высокое положенiе прiобрѣталось личными заслугами. Поэтому и женщины не были лишены возможности возвышаться надъ уровнемъ массы, если онѣ обладали личными качествами, достаточными для такого возвышенiя. Этимъ объясняется, что въ одномъ африканскомъ королевствѣ, Дагомеѣ, господствуетъ полная равноправность женщинъ съ мужчинами. Наравнѣ съ послѣдними, первыя могутъ быть и королевами, и воинями, и важными сановниками. И вотъ, все эти земныя различiя, повторяемъ, дикари переносятъ и въ загробную жизнь.

Обладая зачатками религiозныхъ молитвъ и обрядовъ, раз-

вившихся вполне самостоятельно, безъ всякихъ внѣшнихъ влiянiй, дикари вообще относятся съ глубокимъ уваженiемъ къ множеству старыхъ несконныхъ обычаевъ, касающихся всехъ отраслей жизни. Чрезвычайно интересный взглядъ проводится, между прочимъ, г. Фарреромъ на многочисленные свадебные обычаи, господствующие среди дикарей и сохранившiеся въ весьма ясныхъ очертанiяхъ у народовъ „цивилизованныхъ“. У тѣхъ и у другихъ, вступленiе въ бракъ сопровождается, какъ извѣстно, разнообразными проявленiями стыдливости и нежеланiя сдѣлать этотъ шагъ со стороны дѣвушки. Такимъ образомъ, явились, какъ-бы по обычаю, чисто притворныя слезы, притворное бѣгство, притворное враждебное отношенiе къ жениху и посредникамъ брака, сватамъ, словомъ, множество обрядовъ такого рода. До сихъ поръ думали, что все эти обряды и обычаи—суть символы или воспоминанiя о томъ времени, якобы пережитомъ каждымъ народомъ, когда, вслѣдствiе численнаго неравенства между мужскимъ и женскимъ поломъ, преобладанiя перваго надъ вторымъ, существовало, дѣйствительно, насильственное умыканiе или похищенiе женщинъ на подобiе древнеримскаго „похищенiя сабинокъ“. Но Фарреръ принимаетъ иное объясненiе, вполне оригинальное и, повидимому, наиболѣе вѣрное. По его мнѣнiю, неохота и даже отвращенiе, обнаруживаемыя невестой, происходятъ въ силу естественной стыдливости, которую она ощущаетъ, вступая на новый брачный путь, а также вслѣдствiе страха передъ неизвѣстной будущiестью и нежеланiя измѣнить хорошее положенiе дѣвушки, у дикарей, на дурное положенiе жены.

Вообще, первобытная жизнь представляется чрезвычайно много интереснаго по отношенiю къ намъ, народамъ современнымъ. Многие изъ того, что господствуетъ среди насъ, оказывается несомнѣнно зародившимся во времена глубокой древности. Наслѣдiе родной старины свято хранится народомъ до сихъ поръ. Волшебства, колдовство, суевѣрiя, народныя поговорки, повѣрья и т. д. Пословицы и поговорки дикихъ народовъ особенно интересны въ этомъ отношенiи. Многiя и многiя изъ этихъ выраженiй вѣковой народной мудрости, употребляемыя нами нынѣ, имѣютъ, повидимому, чрезвычайно отдаленное происхожденiе. Въ этомъ убѣждаетъ поразительное сходство между тѣми и другими.

Среди дикаго племени, обитающаго въ южной Африкѣ, чикитосовъ, существуетъ повѣрье, что однажды гнался по небу за луной волки, которые, поймавъ, рвали ее на части, пока не были отогнаны индiйскими стрѣлами... Спрашивается, какъ смотрѣть, въ виду подобнаго преданiя, на общезвѣстную французскую поговорку „Dieu garde la lune des loups“, что, въ буквальномъ переводѣ означаетъ: „Богъ, сохрани луну отъ волковъ.“

Интересно сопоставить нѣкоторыя наши поговорки, поговорки народовъ цивилизованныхъ, съ поговорками дикихъ народовъ. У насъ, есть напр. поговорка—„старого воробья на мякини не проведешь.“ Такой же смыслъ имѣетъ и англiйская поговорка—„глупа рыба, пойманная два раза и одну и ту же приманку“ и нѣмецкая—„старую леницу не поймаешь два раза въ одну западню.“ И вотъ поговорка, найденная среди дикарей и имѣющая одинаковый смыслъ съ вышеприведеннымъ: „никто не бываетъ дважды дуракомъ.“ Сходство очевидно. Такое-же сходство обнаруживають, между прочимъ, поговорки, касающiяся женщинъ, клонящiяся далеко не въ пользу послѣднихъ. Особенно преслѣдуется дикарями „долгоязычiе“ прекраснаго пола. Такъ одна поговорка предлагаетъ желающему сдѣлать что-либо извѣстнымъ на рынкѣ—передать это подъ секретомъ женѣ.

Пословицы дикарей, чрезвычайно, нужно сказать, многочисленныя, обнаруживая большое сходство съ нашими, точно также поражают иногда глубиною своего содержания. „Прощающій, говоритъ одна изъ нихъ—выигрываетъ побѣду“ или „обижающій другого, обижаетъ самого себя.“ говоритъ другая. „Доброе имя даетъ спокойный сонъ.“ „прежде чѣмъ цѣлить другихъ, исцѣлился самъ.“ „обладающій терпѣннѣе обладаетъ

всѣмъ;“ „любишь медь, не бойся пчелъ.“ „двумъ крокодиламъ не ужиться въ одной ямѣ;“ „краденое добро нейдетъ впрокъ;“ „нитка идетъ за иглою;“ „надежда—столбъ, на которомъ мѣръ стоитъ.“ Уже въ виду, этихъ однихъ немногихъ примѣровъ пословицъ, дикари вовсе не являются стоящими на такомъ низкомъ умственномъ уровнѣ развитія.

Политическое обозрѣнiе.

Болгарія. — Сербія. — Австрія и славяне. — Египетскій вопросъ. — Англія. — Германія. — Испанія.

Князь Болгарскій возвратился въ свою столицу и на пути изъ Турнъ-Северина, его провождъ былъ рядомъ овалій со стороны крестьянъ, во множествѣ выходящихъ на встрѣчу его высочеству; при этомъ къ князю, будто бы, даже обращались съ просьбою править страной, не слушаясь ни либераловъ, ни консерваторовъ. Въ Видинѣ и Софій князь былъ встрѣченъ русскими консулами, министрами и другими лицами. Важнѣе всего въ передаваемомъ нами извѣстїи то, что, если вѣрить ему, — въ Софїи очень довольны результатами, достигнутыми поѣздкой князя въ Россію. Примѣръ Сербїи и Румынїи конечно не могъ не оказать своего вліянія и на Болгарію и тамъ теперь начинается агитація за провозглашеніе независимости княжества и возведеніе его на степень королевства; по словамъ Вѣнскихъ газетъ, въ странѣ ходятъ петиціи по этому предмету, а также и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — о возобновленїи конституціоннаго порядка. Въ Сербїи парламенсткїй кризисъ едва ли еще совершенно разрѣшился. Мы, въ свое время, говорили уже о томъ, что нынѣшнее министерство входило въ сношенія, главнымъ образомъ, для постройки желѣзныхъ дорогъ, а также и для займовъ, съ Бонту и его банкомъ „Union générale;“ банкротство Бонту и „Union générale“ невыгодно отразилось на финансахъ молодого королевства; и 60 депутатовъ оппозиціи скупштинны сдѣлаю министерству запросъ о выясненїи отношеній, въ которыхъ Сербїя находится къ „Union générale;“ но кабинетъ, по тѣмъ или другимъ, вѣроятно, личнымъ, причинамъ, можетъ быть, желая выждать время и выдти изъ своего затрудненія, — не далъ отвѣта и тогда тѣ 60 депутатовъ рѣшили выдти изъ скупштинны, желая возбудить общіе выборы и добиться этимъ отъ страны мнѣнія — одобряетъ ли она министерство и большинство скупштинны, имѣетъ ли желаніе знать — въ какое положеніе приведены финансы королевства сдѣлкой съ Бонту; но кабинетъ, вмѣсто общихъ выборовъ, къ которымъ былъ обязанъ по закону, назначилъ дополнительные т. е. избраніе замѣстителей только вышедшихъ скупштинтаровъ; выбраны были тѣ-же самыя лица, но они отказались оставаться безъ отвѣта правительства на ихъ запросъ: тогда же самъ король принялъ участіе въ столбовненїи; большинству онъ объявилъ, чтобы оно продолжало свои занятія, не обращая вниманія на оппозицію; но все-таки его величество выразилъ желаніе, чтобы между обѣими группами устроилось какое либо соглашеніе; принявъ депутацію отъ меньшинства, онъ спросилъ — на какихъ условїяхъ онъ можетъ придти къ этому соглашенію? Депутація отвѣтила, что главное условіе — въ общихъ выборахъ. На это король не согласился, но предложилъ имъ начать переговоры съ большинствомъ; переговоры эти, однако, не привели пока ни къ чему, а недавно телеграфъ возвѣстилъ, будто ми-

нистерство уже дало скупштинѣ увѣренїя въ томъ, что королевство не имѣло убытковъ отъ своихъ сдѣлокъ съ Бонту, насколько это вѣрно — вѣроятно близкое будущее покажетъ.

Изъ Вѣны сообщаютъ, что возстанїе въ славянскихъ провинціяхъ настолько утихло, что многіе вступили уже въ ряды австрійскихъ войскъ. Правда, это сообщеніе идетъ не изъ официальныхъ, а изъ офиціозныхъ источниковъ; офиціально же извѣстно, что въ Далмаціи военные суды оставлены еще на 6 мѣсяцевъ: очевидно первое извѣстїе не вяжется съ этимъ положенїемъ, а кромѣ того, изъ Цетинья увѣдомили о новомъ сраженїи, въ которомъ устали хотя и отступили, но успѣли нанести сильный уронъ австрійцамъ.

Конференція въ Константинополѣ по египетскимъ дѣламъ уже открыла свои засѣданія, хотя Порты продолжаетъ высказываться противъ нея; конференція, однако, первымъ же дѣломъ признала суверенитетъ Турціи надъ Египтомъ. Хедиву, наконецъ, удалось составить новое министерство съ Рахемомъ-пашей во главѣ и Араби-Пашей въ качествѣ военнаго министра, но въ этомъ случаѣ обнаружилось не полное согласіе между державами: оказывается, что новый кабинетъ образованъ согласно указанїямъ германскаго и австрійскаго консуловъ и, не признанъ ни Англіей, ни Франціей. Что ни конференція, ни переговоры инымъ путемъ — ничто еще пока не указываетъ на возможность улаженія египетскаго вопроса мирнымъ путемъ, видно изъ приготовленій Англіи, положительныхъ *приготовленій къ занятію Египта войсками*; адмиралу Сеймуру, начальнику англійской эскадры уже велѣно, при первомъ же необходимости, по его мнѣнію, слѣдуетъ высадить на берегъ солдатъ и матросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, англійское правительство сосредоточиваетъ войска на Мальтѣ, въ Аденѣ, снаряжаетъ военныя транспортныя суда для перевозки до 20,000 солдатъ, подъ командою генерала Вуда. Понятно — главная, или одна изъ главнѣйшихъ причинъ — Суэзскій каналъ. Съ своей стороны Араби-Паша объявилъ, что въ случаѣ намѣренія европейцевъ сдѣлать десантъ, онъ засоритъ Суэзскій каналъ и окажетъ самое энергичное сопротивленіе; египетская армія, хорошо дисциплинированная, вооруженная и экипированная, доведена до 18,000 человекъ. Едва ли все это скоро уладится...

Англійское правительство принимаетъ мѣры усиленной военной предосторожности въ Ирландїи. По слухамъ, въ Коркѣ схваченъ одинъ изъ убійцъ Кэвендиша и Борка.

Въ Германїи новая измѣна: какой-то военный инженеръ Мейлингъ, будто бы, продалъ одной великой державѣ (Россїи или Франціи) планы береговыхъ укрѣпленій.

Князь Бисмаркъ хлопочетъ о включенїи Испанїи въ число великихъ державъ, въ то же время Испанїя выразила желаніе также участвовать въ конференціи...

С М Ъ С Ъ .

Карманные вѣсы „Лиллипутъ“. Не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на чрезвычайно остроумное и удобное изобрѣтеніе — это весьма изящныя и такіе маленькіе вѣсы, что помещаются въ жалкомъ карманѣ. Однако они даютъ возможность взвѣшивать отъ 1/4 фунта до 10 фунтовъ, что для подручной работы представляетъ большія удобства, устраняя необходимость тяжелыхъ и громоздкихъ вѣсовъ. Цѣна-же ихъ очень дешева всего 1 р. 50 к.

Второй альбомъ узоровъ для вышиванія Далматова. Это весьма красиво изданная тетрадка, полная всевозможныхъ узоровъ, фигуръ, орнаментовъ, буквъ. Читатели „Нивы“ знакомы съ дарованїемъ г. Далматова по тѣмъ изящнымъ рисункамъ для вышивки, которые онъ даетъ въ модномъ приложенїи. Новое изданіе можетъ служить прекрасною моделью для вышиванія.

Выдѣленіе взрывчатого газа изъ озера. Однажды къ большому удовольствію конькобѣгцевъ, замерзло въ февралѣ озеро Кэнъ, въ Англіи. Однако, то тамъ то здѣсь, возлѣ самыхъ береговъ, вода сильно противилась дѣйствию мороза и покрывалась слоемъ льда, слишкомъ тонкимъ и опаснымъ для любителей катанья на конькахъ. Изъ этихъ частей озера выдѣлялся газъ. Когда образовался первый слой льда, кто-то обжегъ себѣ лицо, сдѣлавъ во льду небольшое отверстіе и приблизивъ зажженную свичку къ выдѣлявшемуся газу. Черезъ нѣсколько времени, газъ, казалось, потерялъ свою воспламеняемость и опять могъ быть повторенъ безнаказанно. И каждый разъ, какъ только дѣлали отверстіе во льду, получали большое пламя.

Освѣщеніе морскаго дна. Извѣстно, какими затрудненїями сопровождается работа на днѣ моря, для возведенія-ли каменныхъ

построекъ, для отысканія остатковъ кораблей или морскихъ произведеній. Затрудненія эти происходятъ для рабочихъ отъ тѣхъ способныхъ освѣщенія морскаго дна, которые употреблялись до сихъ поръ. Фонари, находившіеся при рабочихъ, были соединяемы съ поверхностью воды черезъ посредство воздушныхъ трубокъ, и давали свѣтъ крайне недостаточный. Вслѣдствіе этого, пришли къ мысли воспользоваться электрическимъ свѣтомъ, для преодоленія этихъ затрудненій, и опыты, сдѣланные въ этомъ направленїи въ Англіи, блистательно удалась.

Самовозгараніе. По недавно произведеннымъ опытамъ можно заключить, что нѣкоторые пожары, дающіе поводъ къ различнымъ предположенїямъ, объясняются очень просто. Опыты состояли въ слѣдующемъ: брали старую бумажную тряпку, смачивали ее деревяннмъ масломъ, наполняли ящикъ бумагой и тряпками и въ середину клали масляную тряпку. Ящикъ затѣмъ ставился въ безопасномъ отъ огня мѣстѣ. И хотя кладовая, гдѣ стоялъ ящикъ не была ни свѣтла, ни тепла, спустя недѣлю послышался такой запахъ гари, что сочли нужнымъ осмотрѣть ящикъ; масляная тряпка была совершенно обожжена. Затѣмъ взяли платъ маляра, пропитанное краской, свернули его, положивъ въ него горсть стружекъ и поставили на аврѣйское солнце. Не прошло недѣли, какъ платъ началъ горѣть. Во время жаркихъ дней въ августѣ, подъ крышей была повѣшена жестянка такъ, чтобы она подвергалась дѣйствию послѣ полуденнаго солнца; въ жестянкѣ была чистая бумажная тряпка и двѣ свички. Спусти четыре дня для содержимое жестянки совершенно истлѣло. Еще опаснѣе оказались тряпки, испачканныя бензиномъ.

З а я в л е н і е

Такъ какъ настоящимъ № 26 заканчивается полугодіе, то Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на получение премии, большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчамъ.

Жестяныя театральныя декораціи. Берлинскіе императорскіе театры постоянно занимаютъ техническимъ усовершенствованіемъ сцены. Тамъ испытываютъ все что только можетъ служить для обезпеченія театровъ отъ огня. Въ послѣднее время главное театральное управленіе предприняло цѣлый рядъ пробъ въ этомъ отношеніи, и если пробы эти удадутся, то вскорѣ вмѣсто декорацій изъ полотна, онѣ будутъ дѣлаться изъ жести. Жестъ выдѣлывается теперь тоньше бумаги, притомъ она эластичнѣе и прочнѣе и кромѣ того хорошо принимаетъ краски. Вѣроятно многимъ случалось видѣть очень изящныя визитныя карточки изъ жести, и быть можетъ скоро наступитъ время, когда будутъ введены жестяныя декораціи, которыя немногимъ будутъ дороже полотняныхъ, но зато совершенно безопасны.

Желѣзныя дамскія платья. Въ Ноттингамѣ, въ Англіи, сдѣланы очень удачныя опыты изготовленія лѣтней матеріи и кружевъ изъ тончайшей проволоки. Проволока на машинѣ обрабатывается до такой легкости какъ нитка изъ хлопчатой бумаги. Предполагаютъ, что эта новая отрасль производства найдетъ большое примѣненіе.

Нервность. Профессоръ Лейбъ, въ Лейпцигѣ, говоритъ что въ послѣднее время нервныя болѣзни, какъ физическія такъ и нравственныя (умопомѣшательство) достигли такихъ размѣровъ, что сдѣлалось необходимымъ выдѣлить „невропатологию“ изъ прочихъ клиническихъ наукъ. Причину этой устрашающей нервности онъ приписываетъ сильному скопленію людей въ городахъ, неумѣренности въ пищѣ и питвѣ, борьбѣ за существованіе, неумѣренному развитію честолюбія и корыстолюбія, раннему умственному напряженію дѣтей, а также извѣстнымъ ошибкамъ лечащихъ докторовъ. Главная причина во всякомъ случаѣ — въ чрезмѣрномъ приращеніи населенія и недостаткѣ простора и цѣлности жизни и отдыха.

Соединенные Штаты насчитываютъ теперь 52 милліона жителей, изъ нихъ 27 милліоновъ мужчинъ и 25 милліоновъ женщинъ. Число бѣлыхъ простирается до 44½ мил., черныхъ до 6½ милліоновъ, а остальная часть индѣйцы и китайцы.

Стоимость новѣйшихъ построекъ. Не лишено интереса сравненіе расхода по постройкамъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданій. Новая парижская опера стоила 16 милліоновъ рублей, Вѣнская опера 6 мил. Только что оконченное зданіе суда въ Лондонѣ обошлось 9 мил., новое зданіе суда въ Вѣнѣ—8 мил.; между тѣмъ какъ на постройку зданія суда въ Брюсселѣ потребовалось 16 мил., столица Голландіи довольствуется зданіемъ суда, стоимымъ только 680,000. Расходы по постройкѣ новой Парижской ратуши доходятъ до 16 милліоновъ, расходы по еще неоконченной Вѣнской ратушѣ опредѣляются въ 13 мил. Новый музей Викторіи въ Мельбурнѣ стоилъ 1 мил., новый музей въ Антверпенѣ 800,000, новое почтовое зданіе въ Парижѣ 12½ мил. Другое зданіе въ Парижѣ, консерваторія, стоила 3,200,000 р. Гораздо дешевле обошелся англійскій городской архивъ въ Лондонѣ (Record office); онъ стоилъ только 1,200,000 р., британское министерство иностранныхъ дѣлъ стоило 5,500,000. Изъ бельгійскихъ дворцовъ слѣдуетъ упомянуть: Maison du roi въ Брюсселѣ, стоимый 800,000, новая кавалерійскія казармы тамъ же—1,600,000, столько же брюссельскій монетный дворъ, дворецъ художествъ—1,250,000 и дворецъ въ Брюггѣ 800,000. Но болѣе всѣхъ стоилъ англійскій парламентъ, расходы по постройкѣ котораго простирались до 35 мил.; вмѣстѣ съ Кельнскимъ соборомъ это одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ мірѣ.

Безпріятельность Карла XII, короля Шведскаго. Историкъ и поэтъ пишутъ, что онъ ѣлъ черствый хлѣбъ и утрамъ чистилъ самъ себя обувь. На дѣлѣ однако это оказывается невѣрнымъ, какъ свидѣлствуютъ бумаги, найденныя недавно въ шведскомъ придворномъ архивѣ. Это счета годовъ 1708 и 1709, когда Карлъ стоялъ зимою на Украинѣ; счета эти показываютъ, что придворный штатъ короля въ походѣ состоялъ изъ придворнаго управляющаго, двухъ камергеровъ, доктора, трехъ камеръ-юнкеровъ, берейторовъ, епископа и двухъ проповѣдниковъ, двухъ тѣлохранителей, повара, кухоннаго писаря, завѣдывающаго погребомъ, мундшенка, пекаря, рѣзника, женщины для мытья серебра, судомойки и бухгалтера. Кромѣ того при дворѣ было нѣсколько евреевъ поставившихъ нашки и провизію. Счета этихъ людей не упоминаютъ о черствомъ хлѣбѣ, но о курахъ, рыбахъ, приправахъ, лимонахъ, зелени, яйцахъ, дичи и проч. Между прочимъ въ одной замѣткѣ говорится, что 26-го сентября 1708 г. по личному приказанію короля въ одномъ городкѣ откуда жители убивали, было для него убито двѣ овцы, восемь куръ и четыре утки, а на другой день три свиньи и одна овца.

О вредѣ плѣвковой кислоты. Одинъ изъ ассистентовъ хими-

ческой лабораторіи Парижскаго технологическаго института хотѣлъ свѣтъ глазурь съ куска фарфора, чтобы пробурить въ немъ дырочку, для чего употребилъ скребокъ намоченный въ плѣвковой кислотѣ. Замѣтивъ что на пальцы его попала кислота, онъ вымылъ руки, смазалъ ихъ жиромъ и продолжалъ работать въ теченіи 1½ часа. Пробуривъ фарфоръ въ 11 ч. утра, онъ снова началъ мыть руки прибавивъ къ водѣ немного нашатыря и соды, но вдругъ почувствовалъ сильную боль въ большомъ и указательномъ пальцахъ. Онъ сдѣлалъ примочку изъ масла и известковой воды, но боль не унималась, такъ что къ вечеру пришлось посоветоваться съ докторомъ. Пальцы сдѣлались совершенно твердыми и бѣлыми, страшная боль умѣрилась только холодными примочками и то на короткое время; ночью боль еще усилилась и только подъ утро, большой послѣ принятія 10 капель лаудана, впасть въ тревожный сонъ. На слѣдующій день боль унялась. Кислота проникла въ тѣло и сдѣлала его совершенно безчувственнымъ и твердымъ; прочіе пальцы припухли только немного, верхняя же сторона кисти была здорова, признавъ, что кислота не проникла въ кровь. Спусти только мѣсяць, большой началъ снова владѣть пальцами, но чувствительность къ нимъ не вполне вернулась.

Разведеніе волковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ существуютъ правила поощренія вообще скотоводства и разведенія животныхъ, такъ напримѣръ даже за доставленныхъ въ управленіе волковъ выдаются довольно большія преміи. Въ Висконсинѣ съ 11 апрѣля до 7 мая, т. е. въ теченіе 21 дня за волковъ было выплачено 2662 доллара. Охотники сдѣлали изъ этого ремесла; они берегутъ старыхъ волковъ и волчицъ и доставляютъ только молодыхъ волчатъ; затѣмъ приводятъ волковъ изъ штатовъ, гдѣ выдается меньшая премія, напримѣръ изъ Миннесоты, въ штаты гдѣ лучше платятъ за разведеніе животныхъ.

Своеобразный обычай. Когда въ Остъ-Индіи магараджа (князь) боленъ при смерти, то чтобы исполнѣ обезпечить себя въ будущемъ прощеніе за грѣхи въ будущей жизни, онъ передаетъ кому нибудь съ извѣстными церемоніями свои грѣхи, за что принявшій грѣхи получаетъ денежное вознагражденіе. Передача грѣховъ происходитъ по строгому церемониалу, послѣ чего принявшій грѣхи удаляется изъ страны, чтобы какимъ-нибудь образомъ не возвратитъ снова грѣховъ умирающему; ему подѣ страхомъ смерти воспрещается возвращаться когда либо на родину.

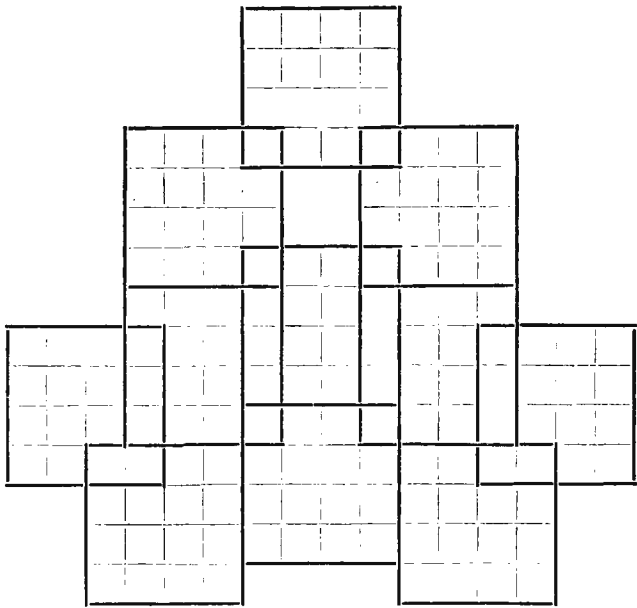
Фабричныя клейма существуютъ почти такъ же давно какъ и занятія людей разными производствами. Въ древнемъ Вавилонѣ были уже знаки собственности, а китайцы утверждаютъ, что у нихъ клейма существовали за 1000 лѣтъ до Р. Х. У Гуттенберга былъ процессъ изъ за собственнаго клейма, который онъ и выигралъ. Въ 1300 году англійскій парламентъ утвердилъ клейма и этому примѣру послѣдовали другія государства. Въ прежнія времена очень цѣнились клейма отдѣльныхъ рабочихъ, въ особенности оружейниковъ, такъ какъ усилѣхъ много зависѣлъ отъ качества оружія и клеймо обозначало сортъ его.

Сила проникновенія свѣта въ водѣ. На какую глубину проникаетъ свѣтъ въ водѣ до сихъ поръ собственно еще вопросъ не рѣшенный основательно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такую глубину для озера Ламанша профессоръ Форель опредѣлилъ въ 40 метровъ причѣмъ опыты производились посредствомъ альбуминизированной бумаги. Недавно подобныя-же опыты производилъ другой ученый, г. Асперъ на Цюрихскомъ озерѣ, но нѣсколько измѣнилъ методъ изслѣдованія. Для опытовъ онъ употреблялъ фотографическія пластинки, такъ называемыя эмульсированныя пластинки болѣе чувствительныя нежели альбуминизированная бумага и погружалъ ихъ на ночь, на глубину 40, 50, 60, 70, 80 и 90 метровъ. Когда-же онъ былъ вытасненъ, пролежавъ въ водѣ цѣлыя сутки, и подверженъ дѣйствию щевеловокислой соли желѣза то всѣ безъ исключенія обнаруживали на себѣ слабое вліяніе свѣта. Такимъ образомъ свѣтовые лучи, какъ оказывается по этимъ опытамъ, проникаютъ въ чистой водѣ, по крайней мѣрѣ на глубинѣ 90-ти метровъ.

Первое китайское броненосное судно было недавно спущено на верфи Штетинской кораблестроительной компаніи, близъ устья Одера. Судно это называется „Тингъ-Иенъ“ т. е. вѣчный миръ и представляетъ собою типъ башеннаго корвета, котораго двѣ башни защищены двѣнадцативершковой броней и вооружены каждая четырьмя стальными орудіями. Кромѣ того на палубѣ находится еще другія восемь орудій, вышедшія изъ мастерской Круппа въ Ессенѣ. Штетинская кораблестроительная компанія заключила контрактъ съ китайскимъ правительствомъ на постройку еще другаго броненоснаго корабля подобнаго же типа.

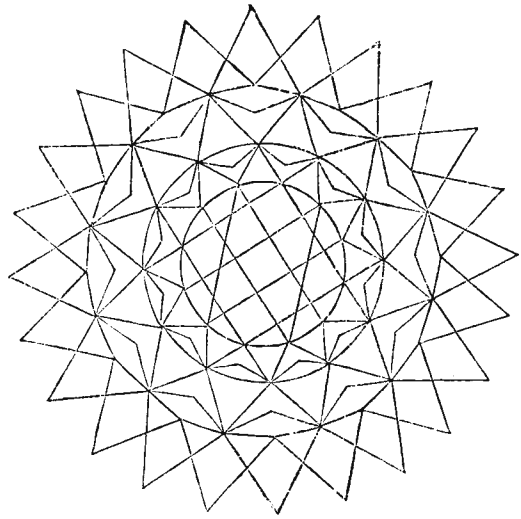
Задача магических квадратов № 49.

Въ клеткахъ данныхъ 11 квадр. вписать буквы такъ, чтобы изъ нижеслѣдующихъ 43 словъ образовалось 11 магич. квадрат.

Задача № 50.

Изображенную фигуру надо начертить однимъ почеркомъ. Это легко сдѣлать, если будетъ вѣрно взятъ начальный пунктъ чертежа.

СОДЕРЖАНИЕ: Графъ Д. А. Толстой (съ портр.)—„Вольтерьянецъ“. Исторический романъ конца XVIII вѣка. Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Advertisement for A. Deibner's bookshop, listing various titles and prices.

Advertisement for a pharmacy and doctor's office, mentioning various medical services.

Advertisement for a society or commission, mentioning various activities and meetings.

Advertisement for a workers' society, listing various services and members.

Advertisement for a music shop, listing various instruments and their prices.

Advertisement for a patent product, listing various items and their prices.

Advertisement for a magazine, listing various articles and their prices.

Advertisement for a workshop, listing various products and their prices.

Advertisement for a travel agency, listing various services and prices.

Advertisement for a book, listing various titles and their prices.

Advertisement for a product, listing various items and their prices.

Advertisement for a product, listing various items and their prices.

Large advertisement for Lohse's perfume and soap, listing various products and their prices.

СКОПИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ. (ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.200.241 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6% въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½% » »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7% » »
» вѣчное время	7½% » »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.200,241 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безыменные, т. е. на предъявителя. *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учреждений на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотаріусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безыменные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая 1866 года и 30 ноября 1870 года.

Директоръ *Рыковъ.*

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого-то) объявленіе Представляя при семь (столько-то рублей), прошу принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя, (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число мѣсяць, годъ.*

